

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ СXXXVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXVI.

1914

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Эртелевъ, 13

1914

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

АПРѢЛЬ 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. XXI—XXVI. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5
II. Записки графа Н. П. Игнатьева . IX. (Продолженіе).	50
III. Лѣсные братья. (Разсказъ). О. Козельскаго	86
IV. У гроба царя. (Страница изъ моихъ воспоминаній). Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго	98
V. Годъ по тюрьмамъ. Г. Черепкова	102
VI. Изъ литературныхъ воспоминаній. Я. Н. Колубовскаго	134
VII. Архіерейская встрѣча. Быль. (Изъ воспоминаній о преосвященномъ тобольскомъ Виталиі). Ш. В.	150
VIII. Памяти П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Г. Л. И.	155
IX. Самозванецъ Калугинъ. М. Казоханина	167
X. Въ смутные дни. (Очерки и наброски). I—V. Н. Н. Оглоблина	174
XI. Убійство П. А. Столыпина. (Окончаніе). Л. Гана	192
иллюстраціи: 1) Планъ кievскаго городского театра.— 2) П. А. Столыпинъ въ гробу.	
XII. О. К. Нотовичъ. (Некрологъ). Б. Г.	216
иллюстрація: Осипъ Константиновичъ Нотовичъ.	
XIII. Одинъ изъ статьи славныхъ (П. Г. Кузьминскій). А. М. Черняевой	222
XIV. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XX—XXIII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	225
XV. Селеніе Николаевское Бердянскаго уѣзда и посѣщеніе его покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1863 году. И. П. Дувина	265
иллюстрація: Часовня-памятникъ въ с. Николаевскомъ.	
XVI. Пушкинскій домъ въ Царскомъ Селѣ. Ф. Е. Зарина-Несвицкаго	269
иллюстраціи: 1) Фасадъ, видъ съ угла Кузьминской и Колпинской.— 2) Видъ дома съ Колпинской улицы.—3) Видъ дома съ Кузьминской улицы.	
XVII. Письмо камеръ-фурьера Бабкина къ сыну, написанное 23-го ноября 1825 года изъ Таганрога. Великаго князя Николая Михайловича	280
XVIII. Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I). Е. С. Шумигорскаго	283
XIX. Критика и библиографія.	292
1) Великій князь Николай Михайловичъ. «Русскій Провинціальный Некрополь». Томъ первый. Москва. 1914. Б. Модзалевскаго.— 2) «Историческая панорама Санктпетербурга и его окрестностей», ч. I, VI, VII и VIII. М. 1911—1913. М. Илчюва.— 3) Масонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ. Гр. С. Д. Толь, рожденная гр. Толстая. Съ иллю-	

(См. слѣд. стран.).

- страціями. Спб. 1914. Тирь Сооловской.— 4) Государи изъ дома Романовыхъ 1613—1913 гг. Жизнеописанія царствовавшихъ государей и очеркъ ихъ царствованій, подъ редакціею доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Два тома, съ 16-ю портретами державныхъ особъ и со множествомъ гравюръ въ текстъ. Москва. 1913. п. Майнова.— 5) Проф. В. Н. Перетцъ. Изъ лекцій по методологии исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Корректурное изданіе на правахъ рукописи. Кіевъ. 1914. и. Замотина.— 6) К. Р. Царь Іудейскій. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Спб. 1914. в. Данилова.— 7) Проф. В. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Спб. 1914. Р.— 8) Л. Дюшенъ. Исторія древней церкви. Т. I и II. М. 1914. п. Б.— 9) Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Бритическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Ч. I. Хозяйство и общество. Цѣна—цѣнность. М. 1913. в. Грибзаснаго.— 10) Салическа правда. Русскій переводъ Lex Salica Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева. Съ введеніемъ Н. П. Граціанскаго. Казань. 1913. я. Бирюмова.— 11) Ф. Кирхейзенъ. Наполеонъ Первый. Т. I. М. 1913. п. Б.— 12) Я. Н. Глазено, приватъ-доцентъ императорскаго петербургскаго университета и преподаватель императорскаго женскаго педагогическаго института. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ (съ хрестоматіей) для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. Спб. 1913. Влад. Книжнина.— 13) Н. Н. Шульговскій. Теорія и практика поэтическаго творчества. Технические начала стихосложенія. Спб. 1914. г. Гмиса.— 14) Юрій Озаровскій.— Музыка живого слова. Спб. 1914. Р.— 15) Вик.—Торниковъ. Повѣсть ненужнаго человѣка. «Мурадъ». Пѣсня о смерти. Спб. 1914. Вит. Тнчуна.— 16) Ф. Е. Заринъ-Несвицкій. Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть. Съ иллюстраціями художника Н. В. Симазова. Спб. 1914. Д. м.—но.— 17) Культурныя соборница Россіи. Вып. VII. Ю. и З. Шамурины. Калуга. Тверь. Тула. Торжокъ. М. л. л.— 18) В. Н. Сумцовъ. Арабчевцы на Уралъ. Экскурсіонный очеркъ. Съ 64 рисунками въ текстъ и схематической картой Средняго Урала. Нижній Новгородъ. 1913. м—о.
- XX. Новости исторіи. Обзоръніе журналовъ. А. А. Измайлова. 316
- XXI. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 325
- XXII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 330
- 1) Изъ воспоминаній о Жюль Вернѣ.— 2) Гете и баронесса фонъ-Штейнъ.— 3) Родоначальница современнаго феминизма.— 4) Парижъ въ 1814 году.— 5) Карлъ-Альбертъ.— 6) Санкюлотъ изъ бывшихъ дворянъ.— 7) Наполеонъ и Гете.— 8) Берлинскій дворъ.— 9) Революціонныя имена.
- XXIII. Смѣсь. 353
- 1) Годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.— 2) Въ академіи наукъ.— 3) Въ комиссіи по изученію старой Москвы при императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ.— 4) Чествованіе Н. П. Богданова-Бѣльскаго.— 5) Юбилей профессора А. В. Григорьева.— 6) Премія имени Д. И. Иловайскаго.— 7) Отъ временнаго комитета «фонда народнаго просвѣщенія».
- XXIV. Некрологи. 362
- 1) Гальпернъ, Я. М.— 2) Головачевъ, Д. М.— 3) Додоновъ, А. М.— 4) Евстафьевъ, П. В.— 5) Косинскій, Ю. Ф.— 6) Епископъ Никодимъ.— 7) Орловскій, В. Д.— 8) Уманскій, А. М.— 9) Хатисова, М. С.— 10) Шубинскій, П. П.
- XXV. Замѣтки и поправки. 369
- 1) I. По поводу рецензіи В. А. Алексѣева. А. Ермолова.— 2) II. Нѣскольکو словъ по поводу статьи Е. С. Шумигорскаго «Взятіе Парижа и его историческое значеніе». п. Исакова.— 3) III. Отвѣтъ П. Н. Исакову. Е. Шумигорскаго.— 4) IV. По поводу рецензіи г. Княжнина. А. Г. Фомина.— 5) V. По поводу отзыва о книгѣ «Кострома». г. Луномскаго.— 6) VI. Отвѣтъ Г. Лукомскому. Г.

Приложенія: 1) Портретъ Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанскаго.— 2) «Во дни Юліана Отступника», историческій романъ Дж. Эйскофа, въ переводѣ А. Б. Михайлова. (Окончаніе).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ СЕМЕНОВЪ-ТЯНЪ-ШАНСКІЙ.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ¹⁾.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXI.

Освящено твое окно.
Полна цвѣтовъ душистыхъ ваза,
И золотистѣе топаза
Играетъ въ хрусталь вино.

О, какъ идетъ къ тебѣ нарядъ!
Какъ мягко станъ рисуютъ складки,
И дразнить прелестью загадки
Рѣсницами прикрытый взглядъ...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

ИХАЛЪ Демьянычъ объ Ольгѣ не забылъ.

Ея кокетство задѣло его за живое. Ему до смерти захотѣлось не только снова встрѣтить ее, но и познакомиться, какъ слѣдуетъ быть.

Сопротивленія и даже просто нежеланія,—этого съ ея стороны онъ не допускалъ.

«Ахтеры и ахтерки все—люди торговые и разъ играютъ за деньги, должны и денежныхъ людей жаловать», говорилъ онъ себѣ, катясь на мягкихъ рессорахъ отдавать визитъ Пастухову. Цѣлый день онъ былъ разсѣянъ и слегка не въ духѣ, несмотря на ухаживанья старика Пастухова и его жены вовсе не раздѣлявшихъ предубѣжденій племянника противъ женскихъ ногъ колесомъ, когда на такомъ колесѣ вкатывались въ домъ мужа сто тысячъ чистоганомъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческіи Вѣстникъ», т. СХХХV, стр. 769.

Если глаза и уши Фетиши были всегда къ услугамъ Авдотьи Тарасовны, то при надобности и Михалъ Демьянычъ умѣлъ извлекать пользу изъ нихъ. Въ данномъ случаѣ дѣло касалось узнать, долго ли еще прогоститъ Ольга Львовна въ Колычевѣ.

Прямыхъ сношеній съ усадьбой не было, но существовали косвенные пути, Во-первыхъ, это былъ мѣстный клубъ—лавка на селѣ, во-вторыхъ, услужливые репортеры Фетиши: Капочка Мискина и старшая дочь дьяконицы, незамужняя дѣвица Поликсена Θεоктистовна. Первая могла узнать все черезъ Порфишу, докторскаго лакея, а вторая отъ Матрены, поставлявшей на поповку сливочное масло. И хотя шель Петровскій постъ и масло у дьякона не употребляли, но въ виду приближавшагося мясоѣда и прекращенія обѣдовъ изъ лука, капусты и кваса можно было возобновить сношенія съ Арефьихой и поразузнать, не нарушая приличій и не поступаясь собственнымъ достоинствомъ, какъ жить да поживаютъ вернувшіеся изъ-за границы хозяйки и ихъ гостя.

Свѣдѣнія, доставленныя незамужней дѣвицей, были весьма обстоятельны.

Во-первыхъ: Лизавета Ивановна уже встали съ постели и стояли вчера у окна въ бѣломъ вышитомъ капотѣ («Господи! тетка померла, а она себѣ черныи спать пожалѣла!»); во-вторыхъ: на четвергъ,—а сегодня вторникъ,—заказаны лошади, но такъ какъ у Арефія Климыча должны въ этотъ день двоить парь, то одну даетъ Агаеонъ, а другую пока ищутъ, и только коренникъ пойдетъ колычевскій; въ-третьихъ: Ольга Львовна подруга Лизаветы Ивановны еще по ученью въ Питерѣ и ѣдетъ сперва въ Москву, а потомъ въ разные города играть въ оперныхъ театрахъ, и голосъ у нея прекрасный, и рвутъ ее нарасхватъ. Только неизвѣстно, просто ли она разбѣжамшись съ мужемъ, или въ консисторскомъ разводѣ, и сынъ какъ разъ тамъ же за границей учится, гдѣ генеральша померла, и дѣдушка, значить, свекоръ ейный, миллионщикъ.

— Ну, ужъ это твоя незамужняя дѣвица отъ себя сбрендила,—перебилъ Фетишу хозяйинъ,—потому статочное ли дѣло, чтобы, скажемъ къ примѣру, я свою сноху, Данькину жену, въ ахтерки пустилъ?

— Тоже скажете,—обидѣлась изъ гостиной рядомъ очутившаяся вдругъ тамъ Авдотья Тарасовна (разговоръ происходилъ въ «кабинетѣ» глазъ на глазъ съ Фетишей, и когда онъ начался, ни въ передней, ни въ гостиной никого не было, въ чемъ убѣдилась Фетиша самолично),—Даничка и въ мысляхъ женитьбы не имѣетъ, а вы его на ахтеркѣ сватаете!

— Тѣфу!—сплюнулъ супругъ, выходя къ супругѣ, раскладывавшей карты на кругломъ столѣ,—лучше бы твоей Даничка о женитьбѣ мысли лелѣялъ, чѣмъ надъ книгами сохнуть. Чистый шкелеть за это лѣто сталъ. Гадала бы на картахъ поменьше, да на сына бы больше

вниманія обращала. Гдѣ онъ у тебя теперь снова? Отчего опять къ чаю не приходитъ?

— Господи! да дайте ребенку отдохнуть! Пусть погуляетъ... Зиму-то въ гимназіи корпѣль-корпѣль. Съ экзаменами извелся, а вы его, что ни часъ, къ отвѣту требуете!

— Дура стоеросовая!—отозвался супругъ:—о томъ и разговоръ, чтобы не смѣлъ онъ столько надъ книгами сохнуть. Ему пить и ѣсть за троихъ надо, силъ набираться, съ дѣвками похороводиться—тогда и поматерѣеть, а то дыхни—и пополамъ сломится. Вотъ поѣду въ Москву и его съ собой прихвачу, пусть на людей посмотреть да покутить. Не я буду, коли въ Мавриташку его не свезу!..

— Ну, да! Сами къ ахтеркамъ и его съ собою!—и Авдотья Тарасовна, боясь окончательно выдать себя, снялась съ дивана и, захвативъ свой бромъ, заперлась въ спальнѣ.

Супругъ хлопнулъ дверью и ушелъ на заводъ, а Фетиша понюхала воздухъ и пошла въ кладовую перевязывать банки съ вареньемъ.

«Сама не пойду!... пусть пришлетъ за мною,—рѣшила она относительно своей повелительницы. — Ишь тоже! подслушивать выучилась тихоня!..»

Сорвавшееся съ языка намѣреніе съѣздить въ Москву было приведено въ исполненіе какъ разъ въ четвергъ, но, конечно, не въ сопровожденіи долговязого сына. Этому способствовали и обстоятельства на заводѣ, гдѣ потребовалось перемѣнить гайки съ неподходящими нарѣзами, и надежда съѣхаться съ Ольгой на вокзалѣ.

Сидя въ буфетѣ перваго и втораго класса, за столикомъ съ пирамидой бутылокъ и канделябрами въ розовыхъ кисейныхъ чехлахъ, Михалъ Демьянычъ видѣлъ въ окно, какъ подѣхала старая колымага съ Ольгой, Марусей и Кирилловной. Лиза осталась дома подъ надзоромъ Маргариты Ивановны и на попеченіи Симы, оказавшейся живымъ сколкомъ съ Маревны, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ.

Маруся распухла отъ слезъ. Даже смерть бабушки, уже выстрадавшая и пережитая, не казалась ей теперь горемъ рядомъ съ отъѣздомъ Ольги. Въ первый разъ въ жизни замкнутая дѣтская душа распахнулась и согрѣлась отъ чужой ласки. Маруся привязалась всей душой къ подругѣ матери, потому что чувствовала совершенно безсознательно, что у Ольги какъ и у нея самой, хотя не было ни тѣхъ знаній, ни нравственныхъ совершенствъ, какъ у Лизы, зато она была снисходительнѣе, добрѣе, проще, съ ней легче жилось и дышалось.

Теперь ихъ связывало еще больше то, что Ольга сдержала свое слово и сообщила дѣвочкѣ все о прошломъ ея родителей.

Вскорѣ по прибытіи въ Колычево Кирилловна сама рассказала ей колычевскую недавнюю быль, и когда за день до отъѣзда онѣ обѣ съ Марусей улеглись, обнявшись, на зеленую оттоманку,

Нерадова посвятила въ семейную тайну и дѣвочку. Отнынѣ Маруся знала рѣшительно все, и если съ младенчества безпрекословно повиновалась матери, въ силу внушенія со стороны бабушки и Кирилловны, то теперь уже вполне сознательно жалѣла ее, и впредь могла увѣренно избѣгать всякихъ случайностей въ разговорѣ, чтобы неловкимъ вопросомъ или намекомъ не разбередить еще сильнѣе большую рану. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство сожалѣнія объ отцѣ нисколько не ослабло. Напротивъ, молясь за упокой бабушки, она горячо молилась и за отца, и ей было ужасно жутко, что никогда никто не служитъ за него панихиды, а вѣдь это для души покойника такъ важно и необходимо, такъ облегчаетъ тяжесть содѣянаго при жизни!..

Когда Ольга рассказала Кирилловнѣ про Фролова, умолчавъ о его столкновеніи съ Марусей, старуху такъ и взорвало.

— Живъ этотъ?! Вѣдь я его разъ своими глазами видала, когда онъ, негодай, осенью-то, послѣ перваго Лизанькина бала подваль осматривать пріѣзжалъ... еще чаемъ его поила... Помню... помню!.. И фершалъ Иванъ говорилъ потомъ, что это онъ всей ихней гадости затѣйникъ и былъ... И всегда такъ: кто хуже виноватъ—уцѣлѣеть, выкрутится, а другихъ въ бѣду втянетъ. Ну, да дастъ Богъ, и на него кара сыщется. Погулялъ всѣхъ дольше и помучается всѣхъ больше!

Провожая Ольгу, она тоже плакала. Она понимала, что теряетъ въ ней не только умнаго и сердечнаго человѣка, а что отнынѣ вся ихъ жизнь въ неустроенномъ Колычевѣ станетъ окончательно безотрадной и Богъ вѣсть, когда наладится.

Ольга пересиливала себя и сама отирала слезы припадавшей къ ея плечу Марусѣ.

— Ну, полно, дѣтка, перестань! Не на вѣкъ расстаемся. Во-первыхъ, ты мнѣ писать будешь, а во-вторыхъ—черезъ годъ, когда кончится мой контрактъ, и къ вамъ отдыхать въ Колычево пріѣду и Мику сюда выпишу, а для утѣшенія тебѣ и Лямкина... Да?..

Но Марусю никакія шутки, никакія обѣщанія въ будущемъ утѣшить не могли, и когда поѣздъ медленно отошелъ и скрылся за поворотомъ, у нея сдѣлался настоящій истерическій припадокъ. Немедленно около нихъ собралась цѣлая толпа. Въ первый разъ въ жизни Кирилловна растерялась. Она испугалась, что ихъ заберутъ въ полицію. Но на платформѣ оказался на счастье желѣзнодорожный врачъ, и дѣвочку перенесли въ дамскую комнату. Жена начальника станціи приняла тоже участіе, и черезъ часъ успокоенная Маруся, только изрѣдка по-дѣтски всхлипывая, уже сидѣла рядомъ съ Кирилловной въ старой коляскѣ, и разномастная и разносрелая тройка затрусила въ обратный путь по большаку.

Ольга въ своемъ купе, припавъ къ ручкѣ краснаго бархатнаго дивана, тоже плакала навзрыдъ, благо была единственной пасса-

жиркой перваго класса. Но вдругъ она услышала надъ собой знакомый голосъ:

— Позвольте... выйдите это, сударыня! попробуйте!..

Передъ ней съ дорожной флягой въ одной рукѣ и стаканчкомъ въ другой стоялъ Михаль Демьянычъ.

— Дайте!

Ольга машинально протянула руку и залпомъ выпила содержимое. Сразу все завертѣлось кругомъ. Нерадова испугалась. Ей вдругъ припомнились желѣзнодорожныя продѣлки надъ одинокими пассажирками.

— Батюшки! онъ меня опоилъ!—мелькнула мысль.

Но черезъ минуту голова перестала кружиться. По жиламъ разливалась бодрящая сила. Это было дѣйствіемъ еврафовской «утѣшительной», секрета которой Михаль Демьянычъ никому не открывалъ.

— Можно присѣсть?—обратился онъ къ Ольгѣ.

Та кивнула утвердительно и указала на мѣсто противъ себя.

Какъ ни антипатиченъ былъ этотъ человекъ, судя по рассказамъ Кирилловны, но она понимала, что, оттолкнувъ его, только еще хуже вооружить противъ колыескихъ обитательницъ, а потому, напротивъ, рѣшила обворожить и окончательно полонить его.

Ея практическая сметка подсказывала ей, что установись между усадьбой и заводомъ добрыя отношенія, жизнь Маруси и Лизы была бы во много разъ краше. Но она тоже знала, что ни ея подруга, ни Кирилловна никогда ни на какія уступки и сдѣлки съ совѣстью не пойдутъ и прошлаго Михалкѣ не простятъ. Поэтому ея собственная любезность должна была быть прямо спасительной, и она добросовѣстно кокетничала съ Михаль Демьянычемъ, незамѣтно для него выпытывая его взгляды на положеніе дѣлъ въ Колычевѣ.

Сойдя черезъ шесть часовъ въ Москвѣ, Ольга знала о хозяйствѣ Арефія гораздо больше, чѣмъ узнала бы, проведя шесть мѣсяцевъ въ заброшенной усадьбѣ. Ловко избѣгая всякихъ разговоровъ о себѣ лично, она все время заставляла говорить своего спутника.

А бывший перекупщикъ, послѣ шести часовъ, проведенныхъ наединѣ съ красивой женщиной, и самыхъ простыхъ и задушевныхъ съ нею разговоровъ ровно ничего о ней не узналъ, но только совершенно потерялъ и сердце, и голову. Забывъ свое богатство, онъ собственноручно стащилъ съ сѣтки ея багажъ и собирался проводить ее домой, что имъ было рѣшено еще въ Горскѣ, но на перронѣ ждала франтиха-горничная, карета была уже нанята заранѣе и, получивъ сундукъ, обѣ усѣлись въ экипажъ и покатали... куда? Онъ даже не зналъ, гдѣ она живетъ?...

Михаль Демьянычъ подозвалъ извозчика.

— Цалковый на чай, коль отъ той съ желтымъ сундукомъ не отстанешь,—пообѣщавъ онъ дребезжащему ванькѣ.

Какъ ни стегалъ тотъ своего одра изъ отставныхъ трубачей, какъ ни подпрыгивалъ вмѣстѣ съ сѣдокомъ на ухабахъ и булыжникахъ улицъ первопрестольной, но на одномъ изъ перекрестковъ карета скрылась изъ виду и въ концѣ концовъ вмѣсто «цалковаго» на чай ванька по крайней мѣрѣ на цѣлыхъ десять услышалъ самыхъ отборныхъ русскихъ словъ, которыя бы навѣрно привели въ недоумѣніе Марусю.

Одно узналъ, или, вѣрнѣе, почувствовалъ бывший перекупщикъ, что если Ольга и разведенная актерка, и поетъ за деньги, то прежде всего и барыня, недаромъ подруга Лизаветы Ивановны, и съ ней ни въ какія такія отношенія сразу не войдешь...

Вечеромъ, сидя въ «Мавританіи», онъ одиноко тянулъ свое пиво и уныло оглядывалъ пеструю толпу и сновавшихъ мимо людей.

«...Будь невѣста щепка, лишь была бѣ богата, а за деньги многимъ нравится и вата...» звучало съ эстрады.

Какъ ни горѣли разноцвѣтные огни, какъ ни заливались по соловьиному пѣвцу и хоры, какъ ни рисковали жизнью гимнасты на воздушныхъ трапеціяхъ, ничто не занимало его.

Каждая женская фигура, хоть издали напоминавшая Ольгу, заставляла вздрагивать его сердце подъ франтовскимъ, нарочно въ честь нея надѣтымъ жилетомъ. Въ его душѣ таился робкій лучъ надежды, что авось духота городской комнаты выгонитъ ее въ этотъ юньскій вечеръ на свѣжій воздухъ.

Но Ольгѣ было не до «Мавританіи» и «Омона». Ее ждали письма изъ Нижняго отъ антрепренера и отъ Мики изъ-за границы. Пребываніе въ Колычевѣ казалось уже давно пережитымъ событіемъ, и жизнь подступала и требовала ее въ совершенно иную обстановку, гдѣ личныя чувства и ощущенія въ полномъ подчиненіи у тѣхъ, которыя приходится изображать, гдѣ смѣются, плачутъ, любятъ и страдаютъ только по заказу, а не по велѣніямъ души и сердца.

Ольга Львовна Нѣрадова снова перерождалась въ пѣвицу Олину. Ея обѣ комнаты были сплошь завалены картонками съ костюмами и париками, бутафорскими принадлежностями и обувью, въ которыхъ умѣла разбираться одна ея вѣрная Любаша, уже вторую недѣлю поджидавшая свою барыню въ меблированныхъ комнатахъ на Лубянкѣ, гдѣ Ольга всегда оставалась проездомъ черезъ Москву. Субретка сразу посвятила свою барыню во всѣ свѣжія новости театральнаго мірка, съ которымъ считала себя чуть не ближе, чѣмъ сама Ольга.

Раскладывая заграничный желтый сундукъ, служившій сегодня маякомъ Михалкѣ, Любаша вытащила и Микинъ портретъ и, всматриваясь въ него, вдругъ объявила:

— А баринъ-то ужъ три раза навѣдывались.

— Какой баринъ?

— Да супругъ нашъ.

Ольга вспыхнула.

— Что же ты ему отвѣчала?

— Отвѣчала, что вы уѣхавши и неизвѣстно, когда будете.

— Что ему надо отъ меня?

— А шутъ его знаетъ! Только очень они понеча обтрепаннись. Коридорному швейцаръ потомъ сказывалъ, что всякій разъ ихъ женщина какая-то у дома напротивъ поджидала, все взадъ и впередъ по улицѣ гуляла.

У Ольги снова пошли было зеленые и красные круги въ глазахъ, но она справилась съ собою.

Слава Богу! Мика былъ далеко и въ вѣрныхъ рукахъ. Какъ ни непріятенъ ему домъ дѣда, все-таки онъ прежде всего огражденъ въ немъ отъ пьянаго и развратнаго отца, а что тотъ являлся къ ней за деньгами, разумѣется само собою. Вѣроятно, до свѣдѣнія Андрея Петровича дошли новые слухи о похожденіяхъ его сыночка, извѣстнаго во всѣхъ значныхъ мѣстахъ и трущобахъ обѣихъ столицъ Пешки Нерадова, и онъ сократилъ ему субсидію.

«Господи, какое счастье, что она не зависитъ ни отъ чьихъ милостей и щедротъ. Да, лучшее въ жизни это свобода.

«А во имя этой же свободы надо завтра же тронуться отсюда, не сказывая куда... Какъ кстати, что я перемѣнила свой театральнѣйшій репертуаръ и псевдонимъ!.. Хотя развѣ это не временная только гарантія?»

Она вытянулась на знакомой покрытой шалью кушеткѣ.

«Ничего! Богъ не выдастъ, и судьба не съѣстъ!»

Машинально взяла она со стола исписанную нотную тетрадку. Это была партія королевы Маргариты изъ «Гугенотовъ», въ которой она предполагала дебютировать. Знакомые крючки и шарики на пяти линейкахъ сразу воплотились въ звуки и слова. Ольга тихонько замурылкала и стала отбивать тактъ рукою. Она воображала себя въ бѣломъ атласномъ костюмѣ съ высокимъ зубчатымъ и жемчужномъ расшитымъ воротникомъ..

«Что говорить,—роль для дебюта выигрышная... Завтра же попробую голосъ. Интересно, неужели Валентину будетъ пѣть кубышка Липарская?»

Ея мысли уже были тамъ на сценѣ. Уже рисовалась фигура режиссера съ развѣвающимися на сквознякѣ волосами, его размахивающія руки и окрики на хористовъ... Въ суфлерской будкѣ виднѣлась опухшая физиономія Тишеньки, свирѣпо вращающаго бѣлками на переверанія тенора... а тамъ за нею огромный темный зѣвъ театральнаго зала съ бѣлыми ярусами ложъ и партеръ, гдѣ головы тянулись правильными рядами... точно кочаны капусты на грядкахъ... Но эти кочаны двигались и высказывали одобренія, и между ними мелькали, хлопая, бѣлыя перчатки...

Колычево, Кирилловна, Лиза, Маруся—это былъ другой берегъ, уже блѣднѣвшій въ туманной дали прожитого. Аромать старыхъ липъ выдохся... Пахло пудрой, румянами и гримомъ. Ярko горѣли рожки уборной, а за дверью ждали поклонники, и Любаша принимала букеты и опускала въ карманъ фартучка щедрую мзду за посредничество. Шутки, смѣхъ, флиртъ.

— Чаю!—крикнула она.

И, выпивъ залпомъ чашку, легла. Когда она укуталась въ свое шелковое одѣяло, ей показалось, что чьи-то руки мягко обвили ся шею...

За много веретъ Маруся на подушкахъ зеленой оттоманки, протягивая ихъ, безутѣшно рыдала. Эти тонкія дѣтскія руки искали въ пустомъ, сыроватомъ воздухѣ свою милую, незамѣнимую тетю Олю.

XXII.

Было это недавно?

Было это давно?

Мы сидѣли подъ маскою фавна,

Было тихо кругомъ и темно.

«Наша жизнь потечетъ неразлучно!»

— «Неразлучно!»—отвѣтилъ намъ гротъ.

Но сатиръ засмѣялся беззвучно,

Широко раскрывая свой ротъ...

(«Листы пожелтѣлы». М. К.)

Понемногу, шагъ за шагомъ Кирилловна съ помощью Симы и нанятаго въ городѣ казачка Павлушки приводила обветшалый домъ въ болѣе жилой видъ.

На окнахъ уже красовались занавѣски и шторы. Изъѣденную молью мебель одѣли свѣже стиранные, хотя и заплатанные чехлы. Старыя почернѣвшія картины и чьи-то никому невѣдомые портреты скрыли главныя пятна и трещины обоевъ, а по скрипучимъ поламъ побѣжали бѣлыя полоски веретя и легли пестрые узоры шитыхъ еще сѣнными дѣвками ковровъ.

Двери въ мезонинъ и въ бывшій кабинетъ Яшнева рядомъ съ передней старуха велѣла задвинуть наглухо шкапами. Она одна по прїѣздѣ побывала тамъ. Вещи въ былыхъ покояхъ молодыхъ наверху стояли всѣ по своимъ мѣстамъ, и сквозь щели ставней на нихъ ложились лѣсенками полосы солнца.

Кирилловна потрогала кресла, стряхнула чехлы, обмела паутину и пыль съ зеркальной шифоньерки и трюмо, оглянула широкую орѣховую постель и перекрестилась. Все сохранилось,—а счастье ушло... Она замкнула двери и спустилась по темной лѣстницѣ, держась за обтянутый краснымъ трипомъ толстый канатъ на бронзовыхъ кольцахъ, замѣнявшій перила. И канатъ еще цѣлъ, и кольца качаясь звенять, какъ звенѣли, вѣрно, когда онъ, Василій Игнатьевичъ, держался за него въ послѣдній разъ... Въ кабинетѣ было пусто. Только столъ письменный да порожняя библіотека стояли

на своихъ мѣстахъ. Мягкую мебель, пострадавшую при обыскѣ, съ распоротой, надрѣзанной обивкой и торчащимъ волосомъ и пружинами, она велѣла вынести тогда вонъ, и куда она дѣлась—Богъ вѣдаетъ.

Каждое утро она неукоснительно забѣгала на могилу Александры Николаевны и, припавъ лбомъ къ холоднымъ гранитнымъ ступенямъ, молила ее замолвить передъ Господнимъ престоломъ словечко «за насъ, грѣшныхъ сиротъ». Съ глубокимъ вздохомъ отрывалась она отъ могилы, обметала вѣточкой крестъ, бисерные и металлическіе привезенные изъ-за границы вѣнки и мелкой легкой походкой возвращалась въ кухню съ мѣшкомъ, полнымъ провизіи изъ лавки на селѣ.

Маруся въ это время сидѣла у матери и читала по ея требованію вслухъ для практики красныя съ золотомъ книжки «Bibliothèque rose». Но все эти «Soeur de Gribouille» и «Les deux Nigauds» не только не интересовали дѣвочку, но казались ей верхомъ нелѣпости. Лиза не понимала или, вѣрнѣе, проглядѣла, что ея дочь давно выросла изъ дѣтскихъ книгъ, и что эти французскія наставительныя повѣсти не имѣютъ для нея никакого воспитательнаго значенія.

Но Маруся читала ихъ и тщательно выговаривала и переводила слова, потому что сознавала,—матери ея пужно было хоть чѣмъ-нибудь наполнить день, и она въ этихъ чтеніяхъ дочери видѣла полезное, совершаемое ею дѣло.

Зато, когда послѣ ранняго обѣда Елизавета Ивановна, по требованію врача, ложилась на нѣсколько часовъ спать, Маруся уходила въ садъ сперва вмѣстѣ съ Анюткой, съ которой, какъ и со всею семьей Агаѳона, очень подружилась, а потомъ, когда начался сѣнокосъ и Анюткѣ было некогда, стала гулять и одна.

Съ дѣтской приспособляемостью къ жизни она примирилась понемногу и со старымъ домомъ и со всеѣмъ измѣненнымъ обиходомъ. Заграница съ ея комфортомъ и цивилизаціей отступала все дальше, точно уходила за кулисы свѣжихъ впечатлѣній. Полная свобода, возможность ходить и бѣгать безъ надзора, чувство постепеннаго сближенія со всеѣми этими высокими тѣнистыми деревьями и полевыми цвѣтами, мелькавшія въ листьѣ птицы и невиданные вблизи до сихъ поръ кузнечики и стрекозы словно открывали ей новый, еще неизвѣданный міръ. Дѣвочка понемногу приглядывалась и прислушивалась къ нему и все чаще мечтала возстановить былое.

«Вырасту, разбогатѣю,—какъ,—Маруся хорошенько не знала, но твердо вѣрила, что это непременно случится,—и устройю все, какъ было раньше, при прадѣдушкѣ Арсеніи, какъ бабушка рассказывала. Разспрошу хорошенько Кирилловну, она, вѣрно, помнитъ, и все все возобновлю»...

О выходѣ замужъ за Мику она уже не мечтала... Стихи ей тоже теперь не давались, хотя она и пробовала сочинять ихъ. Бя

душа накапливала новые и новые опыты, новыя впечатлѣнія, и они укладывались гдѣ-то на днѣ ея и еще не просились наружу. Маруся не понимала себя и сердилась:

«Какая я тутъ дура стала!»

Переписка съ Катей особенно уязвляла ее, потому что дѣвочка каждый разъ кончала: «Люби меня, какъ я тебя, и не забывай. А я помню все, все, все». И Маруся знала, что это относится къ ея стихамъ, и ей становилось все досаднѣе, что они у нея не выходятъ.

Какъ-то въ одинъ изъ такихъ дней Маруся попала въ самый глухой конецъ французскаго сада и, раздвинувъ чащу кустарниковъ, очутилась на расчищенной площадкѣ передъ аркой изъ большихъ кусковъ туфа. Дѣвочка съ любопытствомъ и со страхомъ заглянула подъ нее. Это былъ гротъ, тоже весь выложенный тѣмъ же поздраватымъ камнемъ. Ближе ко входу стояла красивая чугунная скамья со сломанной ручкою, вся точно сплетенная изъ виноградныхъ гроздей и листьевъ, а передъ нею, на трехъ ножкахъ съ копытцами, три бараньихъ головы поддерживали такого же рисунка круглый столъ. Въ глубинѣ у стѣны большая мраморная маска фавна, увитаго лозою, широко улыбалась, и изъ ея открытаго рта, тихо звеня, спадала по каплямъ вода въ громадную бѣлую раковину съ отбитыми краями. И старая скамья, и столъ, и фавнъ надъ раковиной не имѣли вовсе запущеннаго вида. Напротивъ, съ нихъ были счищены слѣды мха, который одѣвалъ зеленымъ бархатомъ туфовыя стѣны. Полъ въ гротѣ былъ тщательно подметенъ и даже усыпанъ свѣжимъ пескомъ.

Марусѣ стало еще страшнѣе. Очевидно, здѣсь былъ кто-нибудь и не такъ давно, если песокъ такой свѣжій... Она остановилась и прислушалась. Несмотря на зной, въ гротѣ было очень прохладно и удивительно тихо. Только звенѣли, падая, капли, да въ кустахъ горихвостка высвистывала свое однообразное фьюить, тщетно скликавшая давно оперившихся и разлетѣвшихся въ разныя стороны птенцовъ.

Дѣвочка сѣла на скамью и невольно поддавалась очарованію уединенія и тишины.

«Вотъ гдѣ хорошо стихи-то сочинять!—подумала она.—Непремѣнно надо будетъ приходиться сюда съ книжкой, читать и мечтать»...

Она откинулась на спинку и, протянувъ ноги, толкнула какой-то предметъ, нагнулась, подняла его,—это была записная книжка.

Ни имени, ни надписи, чья она, не было. Маруся раскрыла ее. Страницы были испещрены какими-то выписками и замѣтками, но кое-гдѣ ихъ прерывали чертежи и рисунки.

«Трудъ отецъ вещественнаго богатства, а земля его мать...»

«Трудъ производителемъ только тогда, когда онъ производитъ предметы, на которые существуетъ спросъ...»

«Наука вообще ничего не стоитъ капиталисту, однако это не препятствуетъ ему эксплуатировать ее. Капиталъ присваиваетъ чужую науку, какъ и чужой трудъ...»—прочла Маруся.

Дальше шли непонятныя буквы, цифры, знаки умноженія и сложенія... На одномъ листочкѣ былъ чертежъ сложной машины, а черезъ три страницы оказался набросанный карандашомъ пейзажъ рѣки съ тростникомъ и восходящимъ мѣсяцемъ, заслоненнымъ расщепленной, оголенной ракией. Несмотря на то, что рисунокъ былъ едва отдѣланъ, и дуплистое дерево, и отраженіе мѣсячнаго свѣта въ рѣкѣ такъ и жили на бумагѣ.

Маруся настолько углубилась въ разглядыванье рисунка, что не замѣтила, какъ раздвинулись кусты. Поднявъ глаза, она вскрикнула отъ испуга. Передъ ней стояла высокая фигура юноши въ блузѣ, свисавшей съ худыхъ и нѣсколько сутулыхъ плечъ, точно на огородномъ чучелѣ.

— Простите, я напугалъ васъ... я пришелъ поискать мою книжку.

Маруся, все еще трясаясь отъ страха, протянула ему свою находку.

— Вотъ эту?

— Да, благодарю васъ. Простите еще разъ. Я не ожидалъ, что тутъ есть кто-нибудь. Сюда никто никогда не заходитъ.

Они стояли и смотрѣли другъ на друга, недоумѣвая, кто другой? Маруся разглядѣла блѣдное, довольно правильное лицо. Веснушки широкой полосой легли черезъ носъ на обѣ щеки и очень портили его. Но волосы, зачесанные за уши, были красиваго каштановаго оттѣнка и слегка вились. Вообще онъ былъ похожъ на художника, или же Марусѣ это показалось изъ-за понравившагося ей рисунка.

Онъ тоже совсѣмъ безцеремонно разглядывалъ ее и, вдругъ замѣтивъ ея черное кретоновое платье, спросилъ:

— Вы не мадмуазель Колычева?

— Нѣтъ, я Маруся Яшнева.

— Ну, да! Я такъ и хотѣлъ сказать. Только я такой разсѣянный!

— А васъ какъ зовутъ?

— Меня?.. мое имя... оно такое неловкое.

— Почему неловкое?

— Меня зовутъ Даниломъ.

— Почему же это неловкое имя? Вѣдь былъ такой пророкъ. Онъ львовъ еще укрощалъ.

— Да, но имя все-таки несуразное...

— Послушайте,—Маруся запнулась, назвать его Даниломъ было, дѣйствительно, неудобно:—это ваши рисунки въ книжкѣ?

— Да, мои... а вы ихъ разсматривали?

— Только одинъ... Простите, на книжкѣ не написано, чья она, и я прочла тамъ о трудѣ, и потомъ посмотрѣла рисунокъ съ ивой. Неужели это вы рисовали? Какъ хорошо! Вы, значитъ, художникъ?

— Нѣтъ, я рисую такъ изъ головы, но я никогда не учился, не считая гимназіи... А этотъ вы видѣли?

Онъ перевернулъ другую страницу, гдѣ очень вѣрно и отчетливо былъ нарисованъ гротъ и изъ черной глубины смѣялась маска фавна.

— Еще бы! это вотъ эта самая бесѣдка?—улыбнулась дѣвочка.

— Гротъ,—поправилъ юноша:—знаете, вѣдь, въ вашемъ саду только и уцѣлѣлъ онъ одинъ въ неприкосновенности. Онъ стоитъ въ центрѣ лабиринта изъ концентрическихъ круговыхъ дорожекъ, соединенныхъ очень путанными ходами и обсаженныхъ акаціями. Это очень интересная была, должно быть, затѣя, и мнѣ хотѣлось совершенно возстановить ее, да одному трудно, а звать другихъ на помощь я не хотѣлъ. Вѣдь объ этомъ гротѣ ни одна человѣческая душа не знаетъ, сюда боится ходить, потому что кругомъ много папоротника, и всѣ думаютъ, подъ нимъ непременно должны водиться змѣи. Но это ерунда. Я тутъ занимаюсь изо-дня въ день уже второе лѣто, а еще ни одной не видалъ. Здѣсь очень хорошо,—нельзя разыскать, и я сижу сколько душѣ угодно, и никто мнѣ не мѣшаетъ.

— А чѣмъ вы занимаетесь?

— Я готовлюсь въ технологическій институтъ, но мнѣ тоже очень бы хотѣлось и учиться рисовать, и я какъ-нибудь буду урывать время отъ лекцій и посѣщать мастерскія художниковъ... Значитъ, вамъ понравились мои рисунки?

— Очень, очень!

Онъ весело улыбнулся и, вырвавъ оба, протянулъ ихъ Марусѣ.

— Вотъ, пожалуйста, возьмите ихъ... на память.

Маруся вспыхнула и взяла листки.

— А вамъ ихъ не жаль?

— О, нѣтъ! Я такъ радъ, что вы ихъ похвалили.

— Мерси... Данииль... какъ васъ по батюшкѣ?

— Михайловичъ...

— А ваша фамилія?

— Евграфовъ.

Маруся опѣшила.

— Евграфовъ?

— Ну, да! Я вѣдь сынъ правнука камердинера дяди вашей тетушки... ахъ, нѣтъ! вашей бабушки.

Дѣвочка нахмурила брови: это было очень сложно, но она поняла.

— Вы сынъ Михал...—она хотѣла сказать «Михалки», но ее собесѣдникъ подхватилъ:

— Михаль Демьяныча?—совершенно вѣрно...—и вдругъ оѣблся. Только что привѣтливое лицо Маруси стало надменнымъ. Она гордо выпрямилась и глядѣла не въ глаза ему, какъ до сихъ поръ, а' куда-то мимо.

Юноша сконфузился и весь такъ и съежился...

— Господи!.. мнѣ только сейчасъ приходитъ въ голову... вѣдь, я, въ сущности, у васъ... въ вашемъ паркѣ гуляю безъ спроса... Простите, Бога ради... но въ этой части никогда души не бывало... я и не подозрѣвалъ, что вы сюда заходите...

Маруся небрежно пожала плечами.

— Сдѣлайте одолженіе! Вы мнѣ не мѣшаете...—и остановилась. «Никакъ я съ ума сошла, — разрѣшаю гулять въ нашемъ саду Михалкину сыну».—Я во всякомъ случаѣ спрошу маму...

— Ахъ, пѣтъ, не беспокойтесь, я больше не приду... Я понимаю, что это было въ высшей степени неделикатно съ моей стороны, но я, право, не зналъ, что кто-нибудь знаетъ сюда ходъ... Я приходилъ и занимался, но, ей-ей, я ничего не портилъ... Напротивъ... Теперь я больше не приду... Я найду другое мѣсто. Бога ради извините меня.

И, неловко поклонившись, онъ скрылся за кустами.

Маруся едва кивнула ему головою и опустилась снова на скамью.

Нѣсколько времени въ кустахъ былъ слышенъ хрустъ, но вскорѣ смолкъ. Воцарилась прежняя тишина. Снова звенѣли только капли надъ раковиной, да вернулась горихвостка, повторяя свое фю-ить.

Дѣвочка разсматривала рисунки и думала о ихъ авторѣ.

«Некрасивый, а глаза хорошіе, и волосы, только къ чему веснушки? Онъ безъ нихъ былъ бы похожъ на Курта, но гораздо, гораздо его выше... Вѣроятно, онъ очень образованный, если готовится въ технологическій... Что это значить? Техно-ло-ги-че-скій ин-сти-тутъ?.. Я думала, есть институты для дѣвочекъ только... Куда же изъ мужскихъ выходятъ,—въ военные или въ статскіе?.. Какъ жаль, что онъ сынъ Михалки и нельзя съ нимъ быть знакомой!»

Она опустила глаза на картинки и вдругъ вспыхнула:

«А рисунок! Какъ же я взяла ихъ отъ него? Развѣ можно брать что-нибудь отъ врага? Отъ просто посторонняго, даже незнакомаго, можно было бы, но отъ врага принять хоть самый ничтожный подарокъ или услугу—подло. Надо сейчасъ же возратить ихъ этому Даніилу... Вѣдь его отецъ предалъ моего, донесъ на него... Пусть папа былъ виноватъ, очень виноватъ, но всѣ говорятъ, онъ былъ еще такой молодой... онъ могъ бы исправиться, а Михалка донесъ, и онъ умеръ изъ-за него въ Сибири, и мы жили за границей, и бабушка такъ и умерла, не дождавшись Колычева».

Дѣвочка вышла изъ грота.

— Monsieur!—хотѣла крикнуть она, но спохватилась:—«какой опъ мосье, онъ правнукъ нашего стараго лакея... просто Да-
«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

илка...»—Но крикнуть: Данилка! не хватило духа. Она обогнула гротъ и крикнула:

— Даниль Михайлович!

Отвѣта не было. Дѣвочка оглядѣлась. Куда, въ какую сторону онъ скрылся? Кусты акацій стояли недвижной зеленой стѣною, и она теперь не знала сама, какъ могла пробраться сквозь нихъ.

— Даниль Михайлович!—крикнула она снова, отойдя на нѣсколько шаговъ.

— Михайлович!—повторилъ чей-то голосъ.

Маруся обмерла: «Кто это?»

Она стояла какъ разъ напротивъ грота, и ей показалось, что это отвѣчаетъ бѣлый фавнъ.

— Даниль!—крикнула она снова.

— Даниль!—повторили въ гротѣ.

— Подождите меня!..

— Ждите меня!..—отвѣтилъ фавнъ.

Маруся отбѣжала въ сторону, крикнула,—никто не отозвался. Она сообразила, что это эхо, откликающееся на голосъ только при извѣстномъ положеніи кричащаго.

Дѣвочкѣ было и жутко, и забавно. Она продолжала выкрикивать слова, и эхо внятно повторяло четыре послѣднихъ слога, но Данило не возвращался, и кусты стояли все такъ же кругомъ, не шелестя ни вѣткой, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Она попробовала раздвинуть ихъ,—они не поддавались. Чуть не плача, Маруся заметалась по кругу и наконецъ нашла случайно выходъ. За нимъ начиналась тропинка, проложенная Данилой. Она то шла по одной изъ старыхъ дорожекъ, то вела сквозь вырубленные имъ собственноручно кусты, пересѣкая такія же дорожки, что было видно по остаткамъ попадавшихъ подъ ноги камней и кирпича, и выводила на послѣдній концентрической кругъ, а оттуда во французскій садъ и къ валу.

Маруся колебалась, куда свернуть,—вправо или влѣво? Вправо не видно было ничего за гущею кустовъ французскаго сада, слѣва стояли довольно рѣдкіе сѣро-лиловые стволы ольхъ, между которыми росли роскошные перистые папоротники, а въ глубинѣ тянулся дощатый заборъ. Маруся знала, что за нимъ начинаются владѣнія Михалки и, добѣжавъ, приложила глазъ къ щели между досками. Прямо передъ нею были какіе-то сараи и склады, но въ сторонѣ направо видѣлся очень красивый домъ съ двумя башнями и цвѣтникомъ, куда спускались ступени стеклянной веранды. Нигдѣ не было видно ни души, хотя цвѣтникъ такъ и блестѣлъ разноцвѣтными огоньками. Это горѣли на солнцѣ зеркальные шары на палкахъ, и ихъ было, казалось, больше, чѣмъ цвѣтовъ въ саду.

Дѣвочка долго стояла у забора. Никто не показывался, и она побрела домой, ломая голову, какъ бы переслать эти мучившіе ее листки по принадлежности.

Данило тоже возвращался домой не менѣе озабоченный и недовольный собою. Чего онъ такъ оробѣлъ передъ этой дѣвчонкой? Какое право, въ сущности, она имѣла запретить ему пользоваться гротомъ? Онъ такъ любилъ и такъ цѣнилъ этотъ уголокъ, а теперь надо отъ него отказаться, потому что какая-то дѣвчонка, явившаяся изъ-за границы, считается владѣлицей этого никогда сю не виданнаго куска русской земли.

«Да, правъ былъ Прудонъ, что всякое владѣніе—воровство, воровство тѣмъ большее, если пальца о палець не ударяешь ни для пріобрѣтенія, ни для сохраненія имущества. И Адамъ Смитъ, и Робертусъ, и Джонъ Стаюартъ-Милль, а главное Маркъсъ недаромъ возставали противъ существующаго порядка вещей... Только насиліемъ, эксплуатаціей чужого труда составляется богатство и капиталъ».

Съ этими мыслями онъ вышелъ къ тому послѣобѣденному чаю, къ которому въ послѣднее время являлся лишь изрѣдка.

— Батюшки! Вотъ чудеса въ рѣшетѣ!—заявила Танечка:—нашъ Данииль-Заточникъ объявился...

Она встала съ качалки и лѣниво потянулась.

— Платокъ уронила!—остановила ее мать.

— Ладно, поднимуть!—возразила дѣвица.

— Господи! И лѣнива же ты стала! Палець о палець не ударишь! Хотя бы полотенце какое вышила. За все лѣто иголки въ руки не взяла.

— Вотъ еще! Я вамъ не бѣлошвейка...

— Да какъ тебя съ тоски не разорветъ-то!

— А кто жъ вамъ говорить, что я не тоскую! Даже похудѣла. Живемъ, живемъ который годъ на этомъ проклятомъ заводѣ, просто одурь беретъ. Ни души интересной вокругъ... У другихъ, вонъ, братья товарищей погостить позовуть, а нашъ Данииль-пророкъ самъ въ молчальники записался и ни одного пріятеля, хотя самага завалющаго, не заводитъ. Эгоистъ безсовѣстный! Нѣтъ, чтобы о сестрѣ подумать... Вотъ сбѣгу съ конторщикомъ или Оомкой-гензваромъ, такъ узнаете, какъ дѣвицу тоской морить.

— А, ну тебя!—отозвалась мать:—ворчала бы поменьше, такъ и женихи бы нашлись. А то сколько разъ ужъ такъ бывало,—разъ-другой пріѣдутъ, а тамъ и на арканѣ не затащишь!

Она намекала на скрывшагося съ горизонта Сенечку.

Данила молча пилъ чай. Онъ даже не вслушивался въ эти семейные концерты. Грубость отца, причитаія матери и нытье сестры были неизбѣжны, скучны, но это—внѣшность... Важно то, что за этой внѣшностью таится то тяжелое, гнетущее, что не даетъ ему возможности устроить жизнь по-своему, по-хорошему, такъ, какъ бы хотѣлось, безъ вѣчной мысли объ этихъ деньгахъ, нажитыхъ отцомъ на винокурнѣ и, главное, въ кабакѣ на плотинѣ.

Неужели отецъ думаетъ, что онъ идетъ въ технологи, чтобы еще усовершенствовать этотъ проклятый заводъ, эту перегонку картофеля въ народную отраву? Никогда! Онъ поступитъ нарочно не на машинное, а на химическое отдѣленіе, чтобы научиться и доискаться, чѣмъ обезвредить водку, какъ добывать ее впредь не для опьяненія людей, а для ихъ нравственной и физической пользы.

Онъ всталъ.

— Куда ты, Данька?—спросила сестра.

— Я—заниматься, конечно...

— Да гдѣ это ты прячешься, что тебя никогда не дозваться? Ужо погоди,—я тебя выслѣжу!

Онъ пожалъ плечами.

— Нечего и выслѣживать. Я буду заниматься въ своей комнатѣ.

Онъ прошелъ къ себѣ на вышку. Танечка прислушалась,—дѣйствительно, дома остался и шагаетъ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ.

Данила ходилъ и ходилъ, тщетно пытаясь вернуть утраченное равновѣсіе духа. Отнынѣ нога его въ гротѣ не будетъ... А какъ надменно смотрѣла та дѣвочка, узнавъ, кто онъ... Онъ заскрежеталъ зубами... Какъ это было больно и унижительно!

И, словно живая, выступила передъ нимъ знакомая бѣлая маска. Старый фавнъ улыбался саркастически. Чему? Ея ли спеси, или его дѣтскому, ребячливому самолюбію?

Ему всегда казалось, что этотъ мраморный сатиръ сохранился нарочно, чтобы издѣваться надъ проходившей за зелеными акаціями невидимой ему жизнью.

«Вы, молъ, люди, страдайте, стремитесь, живите, а я буду вѣчно смѣяться и надъ вашими стремленіями, и надъ вашими страданіями. И хоть я не вижу васъ, но я вѣдь знаю,—ничего изъ всей вашей жизни не выйдетъ ни хорошаго, ни красиваго...»

XXIII.

Юность прошла, какъ весна золотая,
Прожиты знойные лѣтніе дни.
Осень ужъ близко. Все ярче блистая,
Въ небѣ вечернемъ зажглися огни.
Свѣтлыя звѣзды сплелись въ хороводы;

Блутко мерцаютъ ихъ трепетный взоръ,
Словно онѣ про минувшіе годы,
Снова про радости, счастье, невзгоды
Вѣчно ведутъ разговоръ.

М. К.

Лѣто близилось къ концу. Прошли жаркіе дни, и олень не только омочилъ копыта, но и свои вновь развѣтвившіеся рога.

Наставалъ третій Спасъ, и уборка хлѣба кончалась. На картофельныхъ поляхъ съ утра до вечерней зари копали раннюю картошку и на изрытыхъ бороздахъ валялась помятая тина. Но и ее собирали въ кучи и увозили на силосъ для скота. У Евграфова

никакая дрянь не пропадала, и бывший перекупищикъ умѣлъ рѣшительно изо всего извлекать пользу.

Мужики только крикали и ругали его жохомъ. Каждый разъ, когда они убирали его поля, кормили его крупный породистый скотъ или возили бочки съ винокуреннаго завода, они такъ крикали и чесали затылки.

Вѣдь вотъ поди жъ ты! Вѣкъ эти самыя полосы считались ихъ исконной землею, вѣкъ они ихъ воздѣлывали, износили на нихъ каждый не одинъ десятокъ лаптей и онучей, а барыши достаются ему, который ни разу по нимъ ни за плугомъ, ни за скородою не ступилъ. И шутъ его знаетъ, какъ это онъ домекнулся картошку тутъ развестъ. Что ни годъ—урожай. А они вѣкъ свой надъ рожью да яровыми колотились, и случалось, едва на сѣмена собирали, а о картошкѣ и въ голову не приходило. Правда, у нихъ и винокурни не было.

И мужичкамъ все чаще теперь приходило въ голову: а что если прижать Демьяныча, да какъ кончится аренда, на новую не соглашаться, а самимъ картошку сажать и ему же ее на винокурню и продавать.

Но Михаль Демьянычъ объ этихъ мысляхъ точно и не догадывался и, знай себѣ, загребалъ деньги. Картошку ссыпали въ ямы, тину силосовали на зиму для скота, навозомъ со скотнаго удобряли поля, и колесо умѣло налаженнаго хозяйства катилось впередъ, а мужики, получивъ заработокъ на мозолистыя усталыя руки, несли свои копейки и рубли въ кабакъ и оставляли ихъ тамъ за вино, выкуренное изъ такой же картошки, которую они же, можетъ быть, и сажали, и окапывали, и теперь снова складывали въ кучи и возили въ Михалкины лабазы и ямы.

Это былъ заколдованный кругъ, откуда у нихъ не хватало ни силъ, ни умѣнья выбиться. И какъ въ крѣпостныя времена они работали на помѣщика, платившаго за нихъ въ казну подушныя, такъ теперь они натирали руки и гнули спину на своего же брата, Демкина сына, взявшаго ихъ въ кабалу почти только за одну уплату повинностей. А Демку, отца Михалки, еще помнили старики и утверждали, что лядащѣ мужиченка никогда на селѣ не бывало. Никого такъ часто не драли на барской конюшнѣ, несмотря даже на его свойство со всеильнымъ камердинеромъ барина.

Михаль Демьянычъ ходилъ по заводу сумрачный и злой. Ремонтъ подъ его зоркимъ окомъ шелъ на всѣхъ парахъ, и всѣ гайки и болты пригонялись теперь отлично, потому что онъ выписалъ хорошаго слесаря и печника, но хозяинъ былъ все-таки чернѣе тучи.

Учрежденіе винной монополіи уже понемногу совершалось. Черезъ два-три года реформа коснется и ихъ губерніи, и тогда... адью—прощай! Ни о перекурѣ, ни объ иныхъ побочныхъ прибыляхъ впередъ и рѣчи не можетъ быть, а главное—кабакъ на

плотинѣ перейдетъ въ казну. Значитъ, и капиталъ въ банкѣ остановится въ томъ гигантскомъ приумноженіи, къ какому онъ привыкъ за эти годы.

Да и на сердцѣ у него нѣтъ-нѣтъ и покальвало. Что онъ такъ глупо упустилъ Ольгу, казалось ему теперь прямо непонятнымъ. На другой же день онъ съѣздилъ самъ въ адресный и, получивъ ея адресъ, надушенный и расфранченный, съ десятифунтовой бонбоньеркой подъ мышкой раскатился съ визитомъ въ мебл.рашки на Лубянку, но, увы, ея уже и слѣдъ простылъ.

— Дома нѣтъ!—сурово отвѣтилъ швейцарь.—Уѣхали.

— Куда?

— Справьтесь у дворника.

«Выбыли за городъ», былъ отвѣтъ рыжаго малаго въ вязанной фуфайкѣ, показавшаго ему даже отмѣтку въ домовой книгѣ.

Щедрыя на чай ничего ему не выяснили. Съ досады онъ готовъ былъ скакать хоть на край свѣта, но никакія справки не приводили ни къ чему, и о пѣвицѣ Нерадовой никто не слыхалъ. Называли все невѣдомыя фамилія, объяснили ему, новичку въ театральныхъ дѣлахъ, что, вѣрно, она поетъ подъ другимъ именемъ, но онъ не зналъ, подъ какимъ, и черезъ недѣлю вернулся въ Евграфовку, «злѣе чорта», какъ говорили въ конторѣ. Съ тѣхъ поръ онъ уѣзжалъ еще два раза, и вся Евграфовка крестилась и вздыхала съ облегченіемъ, когда Степанъ увозилъ со двора своего грузнаго хозяина, и молила втайнѣ, да останется онъ гдѣ-нибудь подальше и подольше.

Доживать на заводѣ его семьѣ оставалось теперь меньше недѣли. Къ двадцатому числу Данило уѣзжалъ въ Петербургъ, а за нимъ и Авдотья Тарасовна съ Танечкой переселялась въ городъ, гдѣ ради ученя дѣтей въ мѣстныхъ гимназіяхъ у Михаль Демьяныча былъ выстроенъ домъ на Казанской улицѣ.

Танечка съ восторгомъ мечтала о жизни въ Горскѣ, потому что тамъ у нея водились и подруги, и знакомые. Хотя она и пугала мать Ѳомкой-гензоваромъ, заводскимъ Орфеемъ съ неразлучной гармоніей, но ея мечты парили гораздо выше. Даже Сенечка казался ей «бляшкой». Она мѣтила непременно за офицера. Ей мерещились галуны, эполеты, шпоры, «онъ», гарцующій на конѣ передъ шеренгами солдатъ, и его усы—длинные, шелковистые, «чтобы можно на затылкѣ узломъ завязать». Но, увы! полкъ, квартировавшій ранѣе въ Горскѣ, былъ куда-то давно переведенъ, и, кромѣ старика воинскаго начальника, исправника да станового съ кучей дѣтей, никто тамъ погоня не носилъ.

Поэтому на всѣхъ вечерахъ и катаньяхъ приходилось довольствоваться либо кавалерами изъ купечества, либо какими-то невѣдомыми разночинцами да выгнанными изъ шестого класса гимназистами, которые зимою отлично отплясывали всякіе танцы и трен-

кали на балалайкахъ, а лѣтомъ летали въ фантастическихъ, яқобы спортивныхъ костюмахъ на велосипедахъ, приводя въ ужасъ и городскихъ собакъ и свиней, и самихъ гражданъ, мирно коротающихъ время за подсолнухами на деревянныхъ диванахъ у своихъ вѣчно кривыхъ и ожидающихъ ремонта воротъ.

Въ Колычевской усадьбѣ жизнь тоже понемногу налаживалась. Елизавета Ивановна окрѣпла, и ея нервы успокоились настолько, что Савва Григорьевичъ разрѣшилъ ей понемногу приняться за воспитаніе и обученіе Маруси. Кофе, обѣдъ, чай и ужинъ снова подавались въ назначенное время въ прежней столовой. Въ кабинетѣ Семена Михайловича была устроена классная, а дѣвочка опять спала вмѣстѣ съ матерью.

Спальня Александры Николаевны сохранилась во всей неприкосновенности. Даже обои были тѣ же, съ разбросанными по сѣрому фону лиловыми фіалками.

Эти скромные букетики, перевязанные розоватыми лентами, съ вьющимися точно по вѣтру концами еще съ дѣтства имѣли способность успокоительно дѣйствовать на Лизу. И теперь, глядя на нихъ утромъ и вечеромъ, она, несмотря на всю тяжесть первыхъ впечатлѣній, чувствовала себя въ тихой пристани. Никуда отсюда двигаться не надо. Это все свое, вѣчное, неотъемлемое. Тутъ жила и хотѣла дожить свой вѣкъ тетя Саша, тутъ доживетъ и она свою жизнь, долгую ли, короткую—укажетъ время. Въ память тети Саши она возстановила образную и собственноручно развѣсила по сохранившимся въ стѣнахъ гвоздикамъ старыя образа и зажигала передъ ними тѣ же разноцвѣтныя лампадки. На покрытомъ пеленою налоѣ лежали Псалтирь и Четы-Минеи все съ тѣми же закладками изъ орденскихъ лентъ. Лиза не читала этихъ книгъ, но иногда проводила цѣлыя часы въ тишинѣ и полумракѣ на вышитой сю же когда-то въ подарокъ теткѣ складной табуреткѣ. Эти одинокіе часы вносили въ ея душу все больше умиротворенія. Ея думы были такими спокойными, кроткими, какъ самый отблескъ лампады на старинныхъ окладахъ. Это не были молитвы, но грезы, близкія къ нимъ, гдѣ ея душа снова и снова умиленно благодарила усопшую за всю полученную отъ нея въ жизни любовь и ласку.

О Вольфѣ она вспоминала, какъ о дурномъ снѣ, о болѣзненномъ и навѣки прошедшемъ кошмарѣ. Она даже насмѣшливо улыбалась теперь, воображая себя супругой нѣмецкаго врача, твердящей для убаюкиванія мужа трудныя пассажи бетховенскихъ сонатъ, и сонъ ея становился день ото дня спокойнѣе, а тикъ опять прекратился.

Зато Кирилловна, переселившаяся обратно въ каморку за кухней, такъ и воробчалась въ своихъ перинахъ, подъ одѣяломъ изъ шелковыхъ лоскутковъ, по которымъ можно было смѣло восстано-

вить парадный гардеробъ ея покойный барыни за всю ея жизнь. Она, вмѣсто сна, подсчитывала уплывающіе рубли и остающіяся копейки. Лизу попрежнему не интересовало, есть ли въ домѣ деньги и сколько. Но Маруся догадывалась, что дѣла неважны, и сконфуженно выслушивала упреки старушки за прорѣхи въ платьяхъ или проношенные подметки.

Главной своей бѣдой Кирилловна считала отсутствіе въ домѣ мужчины, съ которымъ можно было бы посовѣтоваться откровенно. Хозяйничанье Арефія она порицала. Поставивъ его сперва въ приказчики, она же уговорила барыню взять его въ управляющіе, пока они будутъ за границей, но потомъ онъ самъ предложилъ снять въ аренду Колычево, съ условіемъ выплачивать по полтора ста рублей въ мѣсяць. Хотя такая арендная плата была и весьма низкая, но Александра Николаевна на нее согласилась, потому что и сама вѣрила, а Кирилловна тѣмъ болѣе, въ добросовѣстность Арефія, который, конечно, не станетъ, какъ всякій арендаторъ со стороны, разорять имѣніе, выжимая изъ него всѣ соки. А заглазное управленіе было и неспокойно и могло стать еще убыточнѣе.

Теперь же Кирилловна убѣдилась, что Арефіей хозяйничаетъ самымъ хищническимъ образомъ, запуская и поля, и постройки, вырубая безо всякаго порядка рощи и заболочивая луга и поляны.

Онъ точно торопился сорвать все, что можно было, такъ или иначе обратить въ деньги, вовсе не соображая пагубности послѣдствій.

Особенно возросло ея негодованіе, когда она узнала, подо что была уступлена Арефіемъ плотина.

— Да ты что... да на тебѣ креста развѣ нѣту?.. Да ты жидомъ нешто сталъ, если не понимаешь, какъ и гдѣ изъ народа кровь пьютъ? Да развѣ господа на такое дѣло тебя рендателемъ сдѣлали, чтобъ ты бы извергу, врагу ихъ лютому землю барскую подъ такую погань сдавалъ! Да я вотъ, какъ барыня выздоровѣетъ, сейчасъ ей доложу и отъ тебѣ ренду и отберутъ. Потому о кабакѣ ни словомъ въ договорѣ ихнемъ помянуто не было.

Арефіей, совершенно сбитый съ позиціи, сконфуженно удалился, но черезъ полчаса въ кухню къ Кирилловнѣ протиснулись Матрена, Митя, Акинья и всѣ ихъ ребята и повалились въ ноги, моля бауньку сжалиться надъ ними.

Митя, крестясь на образа, клятвенно завѣрялъ, что безъ сдачи плотины они бы въ тотъ голодный годъ ни копейки барынѣ выслать не смогли и что отецъ не думалъ и не гадалъ, во что обратится мельница, поступивъ на аренду къ Евграфову.

— Онъ, извергъ, отца завѣрялъ, что ему для дробилки солодовой топчакъ водою замѣнить надо, отецъ и повѣрь... Вѣдь изъ насъ никто у него на заводѣ не бывалъ, почемъ мы знали, что у него давно и топчака-то нѣту, а все машина паромъ дѣлаетъ. Баунька!

не губи! пожалѣй хоть дѣтей малыхъ! Куда мы съ ними дѣнемся, коли со двора насъ стонишь?

И онъ снова бухнулся въ ноги, а за нимъ и остальные.

Кирилловна еще побурлила, но потомъ смягчилась. Дѣйствительно, куда они дѣнутся съ этой оравой, да и кабакъ все равно ужъ стоитъ...

— Ну, ужъ, видно, Богъ велить простить васъ!—изрекла она въ концѣ концовъ:—ради обормотовъ вашихъ дѣлаю, потому куда ихъ дѣнешь? Не щенята, въ помойку не выкинешь... А только пусть и они помнятъ, что ради нихъ васъ, дураковъ неблагодарныхъ, щажу, и чтобъ они мнѣ на дворѣ глаза отнынѣ не мозолили... Слышите?..

И «неблагодарные дураки» и «обормоты» снова стукнулись головами о кухонный полъ и полѣзли цѣловать бауныкины ручки, которыя она тщетно вырывала. Дня три на дворѣ царилъ образцовый порядокъ и тишина, а потомъ снова начались лошадки и бабки и великое переселеніе народовъ въ шалаши и собственные дома...

Что передаточная была подписана страха ради іудейска передъ Михайлой, дознавшимся объ исчезновеніи изъ подвала шести статуръ, двухъ ящичковъ съ фарфоромъ и шлифованнымъ стариннымъ хрусталемъ и бѣлой гостиной розоваго дерева съ медальонами, хранившейся со временъ Арсенія Михайловича, о томъ не заикнулись «неблагодарные дураки», вѣрнѣе «неблагодарныя дуры», потому что Митя и по сей часъ ничего не зналъ о набѣгѣ старьевщиковъ на усадьбу; онъ какъ разъ уѣзжалъ въ это время въ Москву, и дѣло случилось безъ него. Матрена общала со свѣту сжить сноху, коли она проговорится ему хоть словомъ. И баба съ тѣхъ поръ принесла третьяго ребенка мужу, а языкъ держала за зубами.

Но довѣріе Кирилловны къ Арефію было подорвано въ корень, и она рѣшила, что какъ-нибудь иначе устроиться необходимо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Къ ея удивленію и укрѣпленію въ рѣшимости и Ольга вдругъ въ одномъ изъ писемъ написала: «Когда я думаю о Колычевѣ, мнѣ все кажется, что у васъ дѣлается многое неладно. Будь я на мѣстѣ Лизы, я бы взяла хозяйство въ свои руки, а то, по-моему, арендаторъ всегда думать будетъ лишь о собственной выгодѣ, а не о помѣщицѣй».

Съ половины іюля со дня сорочинъ по Александрѣ Николаевнѣ у Кирилловны прибавилась и еще одна забота о томъ, какъ они проведутъ зиму въ старомъ домѣ.

Къ поминальному обѣду въ этотъ день собрались гости. Приглашено было духовенство, докторъ, Маргарита Ивановна, а изъ Горска пріѣхалъ Миронъ Захаровичъ Шемаевъ и старичокъ предводитель дворянства Павелъ Николаевичъ Брякинъ, уже не первое трехлѣтіе несшій добросовѣстно и самоотверженно всѣ тяготы

поблессоблика по уѣзду. Столъ былъ накрытъ въ залѣ. Отецъ Сила послѣ закуски нѣсколько разошелся, и молоденькая матушка растерянно удерживала его отъ новыхъ возліяній, когда онъ коснѣющимъ языкомъ возразилъ:

— Да чего ты... потолокъ, что ли, рухнетъ, если я еще выпью?..

На это дьяконъ, тоже человѣкъ не всегда умѣренный, всталъ и сказалъ:

— Отъ гласа вашего преподобія не рухнетъ, а вотъ какъ я многолѣтіе сему дому возглашу, такъ пожалуй.

И, забывъ, что обѣдъ не именинный, а поминальный, онъ собирався возгласить это многолѣтіе, но Павелъ Николаевичъ тактично его остановилъ:

— Лучше, отецъ дьяконъ, мы общимъ молчаливымъ вставаніемъ почтимъ память усопшей.

Онъ всталъ, встали и остальные, двигая разомъ стульями, и вдругъ съ потолка, разбивая подвѣски люстры, сорвался кусокъ штукатуренной розетки и упалъ на столъ. Всѣ сперва обомлѣли, а потомъ разбѣжались въ стороны.

Миронъ Захаровичъ поднялъ глаза.

— Что у васъ тамъ наверху?—спросилъ онъ Кирилловну, бѣлую отъ страха.—Нѣтъ ли вещей тяжелыхъ? Лучше бы убрать....

Онъ критическимъ взглядомъ обвелъ комнату.

— Да что эта зала всегда такой была или это двѣ комнаты въ одну соединены?

— Да,—подтвердила Лиза.—Это мой покойный дядя ихъ соединилъ, здѣсь раньше стѣна была.

— Жаль, что его высокопревосходительство съ архитекторомъ не посоветовался, надо было бы арку поуже оставить. А то теперь, вѣроятно, верхняя балка ужъ поддалась...

Обѣдъ докончился хоть и въ тѣсотѣ, но благополучно въ столовой, однако, проходя черезъ залу, всѣ ускоряли шагъ, словно въ ожиданіи новаго обвала.

На другой же день, пока еще спала Лиза, приданыя вещи сверху были перенесены въ кабинетъ ея мужа, а тяжелую люстру съ хрустальными подвѣсками убрали въ кладовую.

Кирилловна на совѣтъ призвала Агаѳона... Тотъ походилъ, посмотрѣлъ, постукалъ, слазилъ въ подполье и наконецъ отодралъ нижнюю обшивную доску фасада.

— Не иначе, какъ новые вѣнцы. Такъ оставить—къ веснѣ стѣны рухнуть, потому земля отъ воды еще осядетъ, а нижнія балки подгнивши.

— А скоро починить можно?

— Коли плотники найдутся, въ мѣсяцъ справитесь, а только гдѣ ихъ теперь заполучить? И Микитка, и Адриянъ у того на винокуренномъ подражены. Развѣ въ городѣ поспрашиваете?

Кирилловна вздохнула.

— Мѣсяць? Цѣльный мѣсяць, а мы-то куда жъ дѣнемся?

— Да чего жъ вы въ городъ сами не переѣдете, въ домъ то свой?

— Какой домъ? откуда у насъ домъ въ Горскѣ! Никогда и не бывало.

— У васъ не бывало, а у барышни есть, и никого въ немъ не живеть. Свекоръ-то вашей барыни, какъ, значить, въ Сибирь къ сыну второму на пріискъ поѣхалъ, его на имя барышни и отписалъ. Мнѣ самъ фершалъ Иванъ передъ отъѣздомъ рассказывалъ. Да неужто вамъ ничего неизвѣстно?

Кирилловна даже перекрестилась.

— Ничевошеньки. Какъ уѣхали—ни слова не написалъ, даже съ внучкой не поздравилъ, хотя и извѣстила его покойница-барыня. Мы и думать о немъ перестали. Знаемъ отъ нашихъ, что въ Сибири, и все.

Но вѣсть о нежданномъ приумноженіи барской собственности тронула и обрадовала старушку. Говорить, однако, Лизѣ объ этомъ подаркѣ дѣда Марусѣ она боялась. Какъ приметъ? Какъ отнесется? Лизѣ къ тому времени только что стало полегче, и старушка еще осторожнѣе обходила все, что могло ее растревожить и взволновать. Сама она подъ предлогомъ хозяйственныхъ закупокъ съѣздила въ городъ, осмотрѣла домъ снаружи, заглянула черезъ щели досокъ въ окна, подергала калитку—все было закрыто, а какъ попасть?

Она спросила у сосѣдей. Оказалось, ключи сданы на храненіе въ дворянскую опеку, но время лѣтнее, и предводитель наѣзжаетъ рѣдко, а безъ него не выдадутъ.

— Экъ, я раньше не знала!—вздохнула Кирилловна, думая о сорочинахъ.

И вдругъ ей пришла шальная мысль. А что если узнать адресъ Игнатія Львовича да написать обо всемъ ему на чистоту, попросту, по-родственному, что вотъ, молъ, остались онѣ сиротами и не съ кѣмъ посовѣтоваться, некому въ дѣлахъ разобраться...

Эта шальная мысль засѣла такъ крѣпко въ мозгу старушки, что она тутъ же разузнала адресъ старика Яшнева. Сибирь оказалась Ураломъ, и письма туда идутъ ровно двѣнадцать дней, потому отъ желѣзной дороги все-таки далеко.

— А сколько въ Сибирь?—полюбопытствовала старушка.

— Да мѣсяца два, а не то три и четыре.

Черезъ недѣлю было готово письмо. Кирилловна долго обдумывала его и раза три измѣняла, но все-таки ея каракули были четки, а безхитростныя слова правдивы и искренни, и она надѣялась, что старикъ ихъ не только прочтетъ, но и къ сердцу приметъ, ну, а если приметъ, то и вся ихъ жизнь станетъ отраднѣе, и, можетъ быть, опять наступятъ лучшіе дни и для Лизы и для Маруси и, значить, и для нея.

XXIV.

Отъ ауканья въ лѣсочкѣ
Голосъ нашъ охрипъ.
Вотъ березовикъ на кочкѣ,
Рядомъ красный грибокъ.

Рыжикъ въ мшистой колыбели
Гнѣздится у пня,—
И вѣтвями машутъ ели,
Вглубь и вглубь маяя...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Чѣмъ ближе подходило время отъѣзда въ Петербургъ, тѣмъ усерднѣе зубрилъ Данила.

Для своихъ занятій онъ разыскалъ себѣ уголокъ въ березовой рошѣ на арендованной отцомъ землѣ и проводилъ такъ въ погожіе дни все время отъ обѣда до ужина. Но занятія шли далеко не такъ скоро, какъ въ гротѣ. Ему положительно не хватало маски фавна со саркастической улыбкой, а сидѣть на срубленномъ пнѣ было очень утомительно, и онъ все чаще бросался на землю въ пожелтѣвшую траву. Глядя сквозь рябь колеблемой вѣтромъ листвы, онъ думалъ, однако, не о теоремахъ и извлеченіи корней, а о переустройствѣ жизни, о равномерномъ раздѣленіи богатствъ и разложеніи труда и томъ, какъ бы обходиться въ этомъ дорогомъ Петербургѣ безъ помощи отца и нажитыхъ имъ на народной отравѣ рублей. Петербургъ все болѣе манилъ его и рисовался сказочнымъ городомъ дворцовъ и храмовъ науки, гдѣ живутъ совершенно особые необыкновенные и даровитые люди.

Обыкновенно эти думы переходили сперва въ грезы, а потомъ и въ дрему. Такъ было и сегодня, хотя еще не былъ выполненъ весь заданный себѣ урокъ.

— Батюшки! человекъ?.. Я думала, дѣвоньки, бревно! — прозвучало надъ нимъ, и въ отвѣтъ нѣсколько звонкихъ дѣвичьихъ голосовъ раскатились веселымъ смѣхомъ.

Данила открылъ глаза. Гурьба дѣвочекъ стояла возлѣ. Изъ висящихъ у нихъ на рукахъ кузовковъ выглядывали шапки березовиковъ и бѣлыхъ грибовъ.

Юноша поднялся и сѣлъ. Блуза его выбилась изъ кушака, и онъ сконфуженно одергивалъ ее.

— Ахти! да это барчукъ заводскій!

Всѣ прыснули еще разъ отъ смѣха и пустились бѣжать.

Одна изъ нихъ, самая бойкая, видно, и хорошенькая, все оглядывалась и заливалась особенно заигрывающими смѣшками. Вдругъ она запнулась о корень.

— Ой, дѣвоньки! подождите... Я ногу зашибла! — прозвучалъ жалобно и капризно тотъ самый голосъ, который разбудилъ Данилу.

— Ничего... сама встанешь!

— Потри и пройдетъ!..

— Барчукъ проводить!—хихикнула третья.

Ватага скрылась за кустами, и вскорѣ оттуда, все удаляясь, до-
неслось дружное:

Нигдѣ милаго не вижу,
Ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ,
Только вижу я милова
Темной почкой, въ сладкомъ снѣ...

Оставшаяся дѣвочка попробовала встать, но сразу снова опу-
стилась на землю.

Она расплакалась отъ боли и досады.

Данила робко подошелъ къ ней.

— Вы ушиблись? Позвольте, я помогу вамъ.

— Чаво помогу?—дерзко отвѣтила она.—Я ступить не могу.

Она всхлипнула и отерла кончиками головного платка темно-
синіе глаза.

— Хотите, я понесу васъ?

— Ты?.. Да ты сломишься... ишь журавель колодезный! Не
смотрѣлъ бы вслѣдъ, я бѣ и не запнулась!—оборвала она его.

— Да чѣмъ же я виновать?—оправдывался Данила.

— Чѣмъ виновать?.. Вслѣдъ глядѣть не смѣешь. Вслѣдъ чело-
вѣку глядѣть—человѣка сглазить. Аль не знаешь?

Она попробовала привстать, но не было силы стерпѣть боль,
и она снова упала. Всѣ грибы ея такъ и посыпались на траву. Да-
нило сталъ около нея на колѣни.

— Покажите мнѣ вашу ногу. Я попробую растереть ее.

— Сама разотру, а ты грибы собери, не видишь—просыпались.

Юноша сталъ послушно подбирать грибы. Наклоняясь за каж-
дымъ изъ нихъ, его фигура точно складывалась пополамъ и дѣй-
ствительно напоминала колодезный журавль. Дѣвочка терла ногу
и исподлобья наблюдала его.

«Ишь косматый, а худъ-то какъ!.. мало кормленъ, вѣрно!»

На селѣ Данилу видѣли не часто. Въ церковь онъ ходилъ только
пзрѣдка и вообще со времени постройки кабака не любилъ пока-
зываться въ народѣ. О раздѣленіи села на еврафовцевъ и колычев-
цевъ онъ, конечно, зналъ, но рѣшительно недоумѣвалъ, къ мѣст-
нымъ ли Гвельфамъ, или къ Гибелинамъ принадлежитъ эта дѣ-
вочка, хотя ему помнилось, что онъ ее встрѣчалъ не разъ. А та терла
и терла ногу и вдругъ, вздрагивая плечиками въ розовой кофтѣ,
упала ничкомъ въ траву.

Данилѣ стало жаль ее.

— Послушайте, я серьезно говорю вамъ, я васъ отнесу домой,
вѣдь вы не въ силахъ итти сами. Вы не смотрите, что я такой худой.
Я, право, очень сильный.

Онъ наклонился къ дѣвочкѣ и, ухвативъ ее подъ мышки, поднялъ съ земли.

— Ой! щекочешь!—забилась она:—слышь! опусти!..

Онъ осторожно опустилъ ее на свой пень.

— Вотъ что, слышь! Пойди на село да кликни батьку или дядю Лезара, они меня донесутъ, а я тутъ посижу. А то меня на смерть засмѣютъ, коли ты меня потащишь.

— А вамъ не страшно одной тутъ будетъ? Ужь солнце садится. Дайте, я васъ хоть до дороги донесу. Оттуда ближе будетъ. Только обнимите меня за шею, такъ и вамъ и мнѣ удобнѣе будетъ.

Онъ сунулъ учебникъ за пазуху, поднялъ ее на одну руку, а другой ухватилъ ее кузовокъ. Именно потому, что дѣвочка посмѣялась надъ нимъ, ему было пріятно оказать ей услугу.

— Мнѣ отъ рощи барской ближе,—пробормотала она.—Ты тутъ межою иди, и меня у опушки ссади.

— А которая изба ваша?

— Дѣда Агаѳона... Чать знаешь?

Дѣвочка была не тяжелая, потому что ни ростомъ, ни полнотою не отличалась, но Данила все-таки шелъ очень осторожно и глядѣть старался себѣ подъ ноги, чтобы не оступиться и какъ-нибудь не повредить еще хуже ее сильно вспухшую и посинѣвшую ногу. А она близко видѣла и его бѣлый лобъ изъ-подъ сдвинутой на затылокъ фуражки, и щеку съ веснушками, и тонкій пушокъ на лицѣ, густѣвшій на мѣстѣ будущихъ усовъ. И вдругъ ей пришла забавная мысль: «а что, если я его поцѣлую?»

Они дошли до конца рощи и вышли на межу.

— Ссади меня тутъ! отсюда къ намъ ужъ недалече.

— Да нѣтъ же, я лучше донесу васъ до дому. Мы пройдемъ задами и за конопляниками насъ никто и не увидить.

Онъ зашагалъ быстрѣе. У перваго же куста высокой конопля онъ почувствовалъ прикосновеніе къ своей щекѣ чихъ-то губъ.

Данила опѣшилъ. Поцѣлуй повторился. Чужія губы пекали его губъ... близко отъ его глазъ свѣтились темно-голубые плутовскіе глаза.

— Что вы дѣлаете!—вырвалось у него, и онъ быстро ссадилъ дѣвочку на землю.

Она сконфузилась, но черезъ минуту оправилась и насмѣшливо отвѣтила:

— Аль не понравилось? Не такъ цѣлую?.. Невѣжа!

— Никогда, никогда не дѣлайте этого! Слышите? Ни одна порядочная дѣвушка этого дѣлать не должна.

Она сдвинула свои соболиныя бровки и грубымъ прежнимъ голосомъ сказала:

— Сама безъ тебя знаю, что должна и чего не должна. Не твое

это вовсе дѣло... Ну, шагай скорѣй, журавель! Чего лопухи развѣсиль? Вонъ наша изба! Вишь, окна на солнцѣ играютъ.

Данила послушно пошелъ по межѣ коноплянника. Сладковато-приторный запахъ щекоталъ ему горло. На губахъ было какое-то страшное ощущеніе, точно отъ неутоленной жажды. Передъ глазами снова мерцали шаловливыя синія звѣздочки, и руки и грудь его еще не остыли отъ прикосновенія къ чужому, теплomu тѣлу.

И всѣ эти впечатлѣнія сливались въ чувство внезапной тревоги, которая проникала все глубже и томила, и разливала по жиламъ сладкую нѣгу. Этого онъ никогда еще въ жизни не испыталъ, гдѣ-то въ самой глубинѣ его «я» вставало желаніе все требовательнѣе, все непреодолимѣе вернуться и не только отдать поцѣлуй, но стиснуть, сдавить въ объятяхъ эту синеглазочку, чтобы ей было и больно, и жутко, и сладко...

Данила приостановился и оглянулся. Она сидѣла, склонивъ голову, и перебирала машинально листья какого-то растенія. Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но быстро справился съ собою и пошелъ опять къ указанной избѣ.

«Какъ глупо и какое свинство съ моей стороны! Въ сущности она еще ребенокъ; можетъ быть, она просто поцѣловала меня такъ изъ благодарности, а я ее отчиталъ и, конечно, обидѣлъ».

Онъ снова заколебался. Не вернуться ли? Не попросить ли у этой оскорбленной имъ дѣвочки прощенья? Но, поймавъ себя на мысли, какъ было бы хорошо поцѣловать ее самому въ знакъ примиренія, онъ прибавилъ снова шагу и черезъ двѣ минуты уже открывалъ дверь Агаѣоновой избы.

Тамъ въ сѣняхъ онъ наткнулся на Маревну съ кринкой молока въ красныхъ и дрожащихъ рукахъ. Она была какъ будто не въ себѣ и окинула Данилу подозрительнымъ взглядомъ.

— Чего вамъ?

Слишкомъ неожиданнымъ гостемъ былъ тутъ сынъ Демьяныча.

— Дѣвочка ваша ногу свихнула и у коноплянниковъ сидитъ. Сходите за нею.

И, слегка поклонившись, Данила вышелъ изъ избы.

Солнце зашло. Заря разливала яркія полосы по свѣтлomu небу и алѣла на стеклахъ колычevesкаго дома, когда онъ для сокращенія пути шелъ мимо облупленныхъ столбовъ старыхъ воротъ. На дворѣ и на крыльцѣ было пусто и онъ не видѣлъ никого, но невольно ускорилъ шагъ.

«Вотъ эта не поцѣловала бы... ни за что не поцѣловала бы,— думалъ онъ, вспоминая опять надменное лицо Маруси.— Вотъ ужъ не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! Никогда ни съ одной дѣвчонкой, кажется, не разговаривалъ, а тутъ сразу съ двумя познакомился. А въ сѣняхъ еще на молодуху натолкнулся...».

Онъ обогнулъ усадьбу. И его воображеніе нарисовало ему, какъ въ данную минуту кто-то другой обнялъ Анютку и несетъ ее домой, и хотѣлось опять вернуться и отбить ее...

Когда онъ подходилъ къ лазейкѣ въ боярышникѣ, оттуда вынырнула какая-то темная фигура и пошла ему навстрѣчу.

— Вотъ,—заговорилъ Марусинъ голосъ:—я очень рада, что наконецъ увидала васъ. Я видѣла сейчасъ изъ окна, вы идете мимо и догадалась, что вы свернете на эту дорогу, и рада, что добѣжала во время. Пожалуйста, возьмите... Это ваши рисунки!

Она протянула ему конвертъ. Данила сконфузился.

— Что же? почему такъ? Вѣрно, разнравились? Я же говорилъ вамъ, что не учился... только въ гимназiи. А какое тамъ рисованіе.

— Ахъ нѣтъ, совѣмъ не то! Я не хочу ничего брать отъ васъ.

— Почему?..

— Такъ!

— Потому что я... не дворянинъ?.. Да?

Маруся вспыхнула.

— Это ни при чемъ... Совсе нѣтъ...

— Такъ почему же? почему?..

Онъ тоже покраснѣлъ.

— Прочтите... я тутъ написала.

— Нѣтъ, вы лучше сами скажите.

У него было теперь легче на сердцѣ, когда онъ убѣдился, что не его происхожденіе играетъ роль, и онъ даже улыбнулся невольно.

— Потому что... вашъ отецъ донесъ на моего... и палу сослани, и онъ умеръ въ Сибири.

— Этого быть не можетъ, чтобы мой отецъ донесъ...

— Нѣтъ, это было... было... я знаю навѣрное... и всѣ знаютъ... и я ненавижу вашего отца... и я тогда вамъ сказала, что вы можете ходить въ нашъ садъ, но это неправда—я вовсе этого не хотѣла... и я съ тѣхъ поръ все караулила васъ, чтобы отдать ваши картинки, и очень рада, что отдала наконецъ... Прощайте.

Она быстро повернулась, юркнула въ лазейку и скрылась.

Ей стало страшно. Во французскомъ саду было темно, и она бѣгомъ бѣжала домой. Ея могли хватиться... Все равно. Она какъ-нибудь вывернется. Но она сдѣлала, что такъ давно хотѣла сдѣлать, и избавилась отъ этихъ рисунковъ. Какъ хорошо, что онъ прошелъ сегодня, и она увидала его какъ разъ въ окно и не побоялась побѣжать сюда...

Когда черная фигурка Маруси скрылась за боярышникомъ, Данила минутъ пять еще простоялъ на прежнемъ мѣстѣ, машинально вертя запечатанный конвертъ, съ надписью: «Господину Данилу Евграфову».

«Откуда взялась эта сказка о доносѣ? Какъ могло это быть? Чья это клевета?».

Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ о письмѣ и распечаталъ его. Рисунки, слегка помятые, были обернуты листомъ почтовой бумаги, и на немъ крупнымъ старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ стояло:

«Это письмо я пишу потому, что не знаю, когда васъ увижу. Я не могу принять отъ васъ вашихъ картинокъ, такъ какъ вы врагъ мой, хотя вы и не виноваты, а виноватъ вашъ отецъ. Онъ донесъ на моего папу и сгубилъ его со злобы, зачѣмъ бабушка и мама не хотѣли отдать ему подъ его заводу землю, которую онъ у нихъ просилъ. И вы не ходите больше въ нашъ садъ, потому что вамъ у насъ дѣлать нечего. Я очень жалѣла, что вы тогда такъ скоро ушли, и я сразу не догадалась вернуть вамъ вашъ подарокъ. Когда я взяла картинки, я не знала, кто вы такой, а то бы ни за что ихъ отъ васъ не приняла. Теперь я ихъ вамъ возвращаю и надѣюсь, что никогда въ жизни васъ больше не увижу.

Марія Яшнева».

Данила перечелъ еще разъ эти дѣтскія строки и отправился домой. Его память работала напряженно, стараясь возстановить прошлое. Ему было пять лѣтъ, когда арестовали доктора, но онъ отлично помнилъ жуткое впечатлѣніе отъ принесенной отцомъ вѣсти, и его воображеніе долго рисовало ему жандармовъ съ саблями наголо... Онъ помнилъ и самого Яшнева, то есть не его лицо, а то, что онъ лечилъ его съ сестрою и называлъ ихъ «Даньки-Встаньки». Въ ту же осень заработала и старая винокурня, гдѣ теперь стоитъ дача, а заводъ былъ открытъ гораздо позже, когда онъ готовился въ гимназію. И разъ подъ него земля была куплена у той же генеральши, то гдѣ же связь между арестомъ Яшнева и основаніемъ завода? Сплошная нелѣпость и явная клевета.

Онъ презрительно повелъ плечомъ и бодро зашагалъ черезъ цвѣтникъ съ пестрыми шарами.

Изъ открытыхъ дверей и оконъ гостиной навстрѣчу лились звуки «Маргариты».

Танечка барабанила по клавишамъ разстроеннаго фортепяно, купленнаго когда-то у судейши за двѣ красненькихъ, и, немилосердно перевирая аккомпанементъ, пѣла въ носъ:

Маргарита, бойся увлеченья!

Хотя подобными «раманцами» исчерпывалось ея музыкальное дарованіе, но и папаша, и маменька гордились дочкой и считали ее и пѣвицей, и піанисткой, и оба боялись только и вздыхали, какъ бы Танечка по лѣности не позабыла и этихъ «піесъ».

«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

3

Какъ только Данила взошелъ на террасу, Танечка съ громомъ хлопнула крышкой фортепяно и бросилась рядомъ съ нимъ на стулъ.

— Фу! устала... Ну, что жъ, я не хорошо пѣла? Ты, поди, слышаль, домой-то идя?..

Братъ снова повелъ плечомъ.

— Поешь въ носъ...—да и колотишь изрядно! Какъ фортепяно не треснетъ!..

— Невѣжа этакій!.. Маменька, да велите ему наконецъ, чтобы онъ мнѣ не грубилъ.

— Полно вамъ... Долго ли вамъ еще вмѣстѣ быть, а вы и напо-слѣдяхъ все ссоритесь.

— Потому Данька зазнается... Еще бы, его въ Питеръ снаряжаютъ, а я тутъ кисни... Хоть бы въ Москву свезли.

Авдотья Тарасовна вздохнула. Мысль о разлукѣ съ любимымъ сыномъ и терзала ее и наполняла гордостью: ея Данечка, ею выношенный, ею вскормленный, ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы стать ученымъ... Она дальше складовъ уйти не могла, а онъ будетъ самъ тѣ машины строить, на выписку которыхъ изъ-за границы десятки тысячъ ухлопаны, да техникамъ каждый разъ по цѣлой пачкѣ радужныхъ Михайлѣ Демьянычу отваливать приходится за установку или починку, а тутъ все сынъ будетъ самъ. И ея рука ласково поднялась и погладила волосы этого сына. Фетиша язвительно улыбнулась.

«Еще, пожалуй, съ нѣжностей на колѣнки къ себѣ версту коломенскую посадить!»

Данило не замѣчалъ ни ея улыбки, ни переглядыванья съ Танечкой. Онъ не только просидѣлъ весь ужинъ рядомъ съ матерью, но даже проводилъ ее въ спальню.

Авдотья Тарасовна, обрадованная такимъ непривычнымъ вниманіемъ всегда молчаливаго и занятаго своими мыслями сына, начала вынимать изъ сундука и раскладывать на широкой супружеской постели заготовленное ею въ теченіе всего лѣта приданое будущаго ученаго, но онъ ея не слушалъ. Ему было все равно, сколько у него рубахъ «голландскаго по полтора рубля за аршинъ полотна», сколько—ярославскаго, урсвое или ватное одѣяло. Его мучила одна мысль, и наконецъ, не выдержавъ, онъ прервалъ хозяйственныя изліянія неожиданнымъ вопросомъ:

— А правда ли, маменька, что доктора Яшнева арестовали, потому что папенька донесъ о лабораторіи въ подвалѣ?

У Авдотьи Тарасовны цѣлая стопка бѣлья вывалилась изъ рукъ.

— Съ нами крестная сила! Что это тебѣ вдругъ докторъ вспомнился?.. Али потому, что и онъ изъ Питера былъ?.. Нѣтъ, ужъ ты обѣщай мнѣ съ такими тамъ не водиться! Сохрани Богъ!..

— Полноте, маменька! Ни съ кѣмъ я водиться не собираюсь, а только скажите, вѣрно ли про то, что папенька донесъ тогда?

— Христосъ съ тобою! Кто это тебѣ совралъ? Ничего такого отродясь не было! Даже отъ Фетиньи ничего подобнаго не слышала, чтобы люди про отца твоего такое болтали. Ужъ она-то, навѣрное, услышала бы. Полно, батюшка! Стыдно даже повторять тебѣ такія рѣчи! Развѣ отецъ твой доносчикъ! Господь съ тобою!

Оскорбленный тонъ матери убѣдилъ и успокоилъ Данилу.

«Скверная дѣвчонка! Гордячка и сплетница... Какъ бы проучить мнѣ ее, чтобы она не смѣла клеветать впередъ на невинныхъ людей?» думалъ онъ, шагая передъ сномъ въ своей вышкѣ.

Когда на другой день вернулся Михаилъ Демьянычъ, сынъ робко и виновато поздоровался съ нимъ. Ему было стыдно за свои подозрѣнія.

Евграфовъ былъ въ духѣ. Онъ только что видѣлся въ Горскѣ со своимъ повѣреннымъ, стряпчимъ Зюкинымъ, который обѣщалъ ему черезъ вѣрныхъ людей списать адресъ Ольги Львовны на отправляемомъ изъ Колычева письмѣ, а тогда дѣло въ шляпѣ. Гдѣ бы ни пѣла, ни играла г-жа Нерадова, но онъ сумѣетъ проторить дорожку не только на сцену, но и въ уборную къ ней. Онъ нарочно за послѣдніе пріѣзды въ Москву не одинъ разъ побывалъ за кулисами и посмотрѣлъ, что тамъ творится. По его убѣжденію, эти крашенные холсты и деревянные подпорки декорацій, куда интереснѣе съ изнанки, чѣмъ съ лица, и за ними актерки весьма даже любезны и податливы... И ужинать согласны, и отъ цвѣтовъ не прочь, а про подарки и говорить не приходится. И какая она разбарыня ни будь—Ольга Львовна все-таки актера. Значить...

На радостяхъ онъ такъ хлопнулъ сына по плечу, что тотъ даже пошатнулся.

— Ну, что, питерецъ? скоро и на явку? Ну, поѣзжай, поѣзжай. Вотъ что. Я вчера, кстати, судью нашего бывшаго, Глѣбова, въ Москвѣ повстрѣчалъ. Его сынъ тоже въ Питеръ по дорожной части въ анженеры идетъ. Вотъ вамъ вмѣстѣ и устроиться бы. Онъ тебя хорошо по емназиі помнитъ. А то заблудишься ты тамъ, что въ лѣсу. Тоже о коштѣ съ нимъ переговорилъ. Онъ сыну полсотни въ мѣсяцъ отпускаетъ, ну, а я тебѣ бѣленькую сверхъ него накинуду, потому ты побогаче будешь. Что, аль недоволенъ?

Всего день назадъ Данила не желалъ ни рублемъ пользоваться изъ доходовъ отца и порѣшилъ просить мать на первое время, пока не приищеть себѣ уроковъ, высылать ему часть процентовъ съ ея приданого, тѣхъ двѣнадцати тысячъ, о которыхъ упоминалъ Михаилъ Демьянычъ Сенечкѣ, но сегодня, чувствуя себя неправымъ, сынъ былъ тронутъ щедростью всегда скупого родителя. Онъ даже поцѣловалъ мясистую красную руку, которую тотъ ему ткнулъ подъ носъ, и отвѣтилъ, вспыхнувъ до ушей:

— Помилуйте, папенька! развѣ я могъ на это рассчитывать...

— То-то! чувствуй... Потомъ отработаешь и мнѣ вернешь дѣломъ. А пока учись! Мнѣ денегъ на твою учебу не жаль. Потому по понѣшнимъ временамъ безъ науки и богатство ни къ чему. Чѣмъ господа-дворяне завсегда противу насъ величались? Ученостью?.. ну, и мы, или, вѣрнѣе, вы, дѣти наши, отъ нихъ не отстаете нонѣ. И не то что не отстаете, а, смотришь, гордецовъ спесивыхъ за поясъ, что зайцевъ затравленныхъ, лапки скрутивъ, заткнете. Знай, моль, и насъ! Не все про господъ, а и людямъ чередъ... Они вонъ все, что отъ отцовъ имъ понадобилось, давно прожить успѣли, теперь кулаки съ голодухи посасываютъ да въ банки имѣнья прозаклали, а мы тѣмъ временемъ ихъ земельки откупимъ, вспашемъ, да и денегъ намашемъ... Такъ-то!..

XXV.

Брезжить утро. Въ двери рая
Входитъ за звѣздой звѣзда.
Никогда я, догорая,
Не войду туда.

Ночь была. Съ земли глядѣла
Въ небо черныхъ звѣздъ чета,
И о счастье безъ предѣла
Вспыхнула мечта...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Анютку пришлось положить въ больницу. У нея оказался сложный переломъ кости. Дѣвочка горько плакала и въ душѣ проклинала Данилу, вѣря въ его дурной глазъ. Кромѣ того, нѣтъ-нѣтъ, вспыхивало и обжигало ее горячее чувство стыда отъ его наставленія. «Ни одна порядочная дѣвушка этого дѣлать не должна». Значить, она—непорядочная?.. Значить, тѣ парни, которыхъ изловилъ въ ту ночь дядя Лезарь съ ведромъ дегтя, шли по его наущенью мазать ихъ ворота за ея поцѣлуй?..

Она оторвалась отъ подушки и взглянула на мачеху, сидѣвшую у ея постели. Отчего у нея такое лицо? Губы сжаты... не улыбаются... смотреть въ землю... принесла гостинцевъ, сидитъ, молчитъ, а не уходитъ?.. И вчера такъ же сидѣла. Ее точно подмѣнили. Не жучить ее, не утѣшаетъ, а только гладить по головкѣ ее да помогаетъ Капитолинѣ то пить подать, то ледъ смѣнить... Вѣдь дома, поди, тетка Луша ворчить, что она у нея проклажается? Или она жалѣетъ еѣ?..

А Маревна думала о тѣхъ же парняхъ и знала, что деготь, которымъ чуть-чуть не были вымазаны ворота Агаѳоновой избы, предназначался для нея, знала и тѣхъ, кто собирался нанести ей этотъ несмываемый деревенскій позоръ. Въ тотъ же вечеръ, когда Анютка свихнула себѣ ногу, она снова полоскала бѣлье на рѣкѣ и тихо мурлыкала про себя слышанную отъ Ольги арію Антониды, немилосердно перевирая слова.

Мареутка, тоже снова колотившая ненесто валькомъ цѣпки своего сивобородаго идола Прошки, не пожелала остаться по части пѣнія за флагомъ, и заверещала въ отвѣтъ:

На столѣ стоитъ икона,
Не меняль благословлять!..

Съ плотины, врываясь въ бабье пѣніе, раздались звуки гармоники, и высокій, залихватскій теноръ откликнулся:

Ахъ вы, други, да мои други,
Я пришелъ къ вамъ погулять.
Вы идите да вслѣдъ за мною,
Пойдемъ дѣвокъ изловлять!..

Изъ-за вербъ показались четыре парня. У того, который игралъ на большой изукрашенной фольгою и картинками гармоникѣ, лихо заломленная набекрень фуражка словно чудомъ держалась на пышныхъ свѣтлыхъ кудряхъ.

— Никакъ Омка-гензоваръ?—заслонила глаза рукою Мареутка.

— Онъ и есть... и мойщики съ нимъ.

Одѣтый щеголемъ, парень во франтоватыхъ лакированныхъ голенищахъ и блестящихъ новыхъ резиновыхъ галошахъ, шелъ прямо къ плоту въ сопровожденіи трехъ товарищей въ пиджакахъ поверхъ цвѣтныхъ рубахъ на выпускъ.

— Што, аль и вправду это ты?—не вытерпѣвъ, окликнула Марса.

— А кто жъ другой, коли не я?

Молодецкимъ движеніемъ плеча сбросилъ онъ на землю надѣтое въ накидку пальто и скомандовалъ товарищамъ:

— Садись на траву... Чего въ казармы таскать! тутъ разопьемъ.

Парни разсѣлись близъ тропинки и вытащили каждый свой штофъ. Пробки щелкнули.

— Разъ... два... три!.. Пей!—раздалась команда.

Товарищи запрокинули головы и стали тянуть изъ горлышекъ...

— Отрыжь!..

Бутылки опустились.

— Слѣва направо мѣняйся!

Бутылки пошли въ круговую.

У Мареутки засосало подъ ложечкой, и во рту стала капляться сладковатая слюна.

— Что понѣ больно рано? Аль заводъ скоро пустите?—залисила она сладкимъ голоскомъ и одернула на себѣ мокрую юбку, въ чайніи, что хоть одинъ изъ штофовъ дойдетъ и до нея.

— Заводъ пустимъ, да тебя не впустимъ.

— Чаво такъ? чѣмъ не угодила?

— Тѣмъ, что мать тебя такую уродила!—отвѣтилъ Өомка, и вся компанія заржала отъ удовольствія.

Өомка подбоченился и кинулъ имъ:

— Чего ржете, жеребцы заводскіе?

— Ужъ больно складно! И подлець же ты, Өома! Шутъ тебя вѣдаетъ, откуда въ тебѣ что берется.

— Идолъ!—откликнулась Марөутка.

Маревна скрутила послѣднюю рубаху и взялась за коромысло, искоса оглядывая близко къ тропинкѣ разсѣвшихся парней.

— Что же, правда глаза рѣжетъ!—возразилъ Өомка.—Пока ты одна, еще куда ни на есть годна, а рядомъ съ Маревной, заморской царевной, пахнешь деревней!

Парни снова заготовали.

— Ишь срамники! Николи отъ васъ, озорные, проходу бабамъ нѣтъ!

— Вамъ, Марөа Карповна, не то что проходъ,—цѣлый коридоръ. Пожалуйте. Эй, народъ, сторонись! Марөа-посадница идетъ!..

— Самъ ты посадскій! тьфу!—сплюнула баба и, важно задравъ свой и безъ того кверху задранный носъ, прошла мимо широко разбѣжавшихся въ обѣ стороны товарищей гензовара.

— Сомкнись!—скомандовалъ Өомка, видя, что и Маревна собирается пройти слѣдомъ за нею.—Что старухѣ годится, то молодецъ не простится. За проходъ всякій кассиръ деретъ. Пожалуйте, заплатите за пропускъ.

Онъ скинулъ фуражку и поклонился въ поясъ. Маревна повела плечами.

— Эй, разступитесь! чего озорничаете? Мнѣ домой пора...

— Не бѣда, дома и подождутъ, а мы безъ ясака не пропустимъ. Меньше, какъ по поцѣлюю на брата,—прохода не будетъ. А не захотите доброй волею, силой возьмемъ. Эй, сарынь на кичку, робя!..

— Только подступись кто!

Маревна скинула на траву коромысло, схватила съ него свернутую въ жгутъ мужнину рубаху и замахнулась на одного изъ близко подступившихъ парней. Въ эту минуту сзади ее обхватили мужскія руки, и губы Өомки такъ и впились въ ея шею, подъ скатившимися тяжелыми косами и сбитымъ платкомъ. Сильнымъ, упругимъ движеніемъ вырвалась Тихонова жена и ожгла охальника мокрымъ бѣльемъ по безстыжимъ каримъ глазамъ такъ, что тотъ закрылъ ихъ отъ боли рукавомъ.

— Ахъ ты, мерзавецъ! Думаешь, самъ—посадскій, такъ и я такова. Узнаешь, погоди, что значить мужнихъ женъ задѣвать!.. Я тебя проучу... Эй, Марөа!.. кликни нашихъ! зови народъ! Слышь!..

Мареутка съ горы наблюдала сцену. Увидѣвъ отпоръ Маревны, она побѣжала по селу и завопила:

— Ой, люди! ратуйте!.. бѣгите на рѣку!.. Тамъ парни съ завода Маревну обижаютъ!..

Но село было почти пусто. Всѣ были въ полѣ. И пока собирались кое-какія бабы да оставшіеся подъ надзоромъ старухъ малые ребята, парни пошли наутекъ. Быстро собрали они свои пальто, бутылки и гармонику и направились къ заводу. Омка шель у самой воды. Раза два онъ наклонялся и, зачерпнувъ горстью студеную влагу, прикладывалъ къ глазамъ.

Марѣвна переполаскивала загрязненное въ дракѣ бѣлье, а бабы причитали:

— Этакіе безстыжіе! Все бѣлье истоптали! И шуть ихъ такъ рано принесъ! Опять житья не станеть! Всѣхъ мужиковъ закрутятъ, послѣднее въ кабакъ къ Демьянычу стащатъ.

Молодуха не слушала бабьихъ толковъ. На шеѣ у нея горѣло, казалось ей, краснымъ пятномъ мѣсто, нажатое, почти укушенное ртомъ парня, и отъ него по всему тѣлу расплзалась странная, мелкая дрожь. Никто ни разу въ жизни не цѣловалъ ее такъ. Сквозь негодованіе прокрадывалось къ самому сердцу что-то неизвѣданное, грѣховное и сладкое.

«Говорить или не говорить мужу? Не скажу! пусть рассказываютъ другіе. Всѣ знаютъ, что я не виновата! Марѣва видѣла, какъ я его огрѣла...»

Хмурая шла она по улицѣ села.

«Если встрѣчу Тихона—расскажу!».

Никого, кромѣ Васятки, не было дома, и она стала развѣшивать мокрое бѣлье по плетню, какъ вдругъ надъ самымъ ея ухомъ раздался мужской сдавленный шопотъ:

— Что, недотыка, аль никогда не смилуешься? Ласково не взглянешь?.. Кажись, пора бы и ко мнѣ пріобкннуть... Небойсь, не кусаюсь...

Маревна обмерла. Лезарь стоялъ рядомъ, и его высокая фигура загоразживала ей выходъ изъ угла.

— Брось... не подходи... я свекру пожалуюсь!..

— Ты брось, а я не брошу... я не виноватъ, что ты брату досталась, что поздно тебя узналъ... а ты не томи, не издѣвайся... Развѣ Тихонъ—мужчина? Развѣ онъ любить умѣеть?.. Онъ холодный, ледашка мерзлая... а я... я самъ горю и огнемъ тебя спалю, только не гони, дай приласкать...

Онъ вплотную подошелъ къ молодухѣ, и его синіе глаза настойчиво искали ея опущеннаго взгляда. Бѣлая, какъ холстъ, стояла у плетня Маревна. Та же мелкая дрожь снова пробѣжала по спинѣ... Сердце перестало стучать въ груди... Но это было всего два-три мгновенья. Она гордо выпрямилась.

— Брось, повторяю! Не гоже мнѣ тебя слушать... Срамишь не меня, а себя, батюшку, жену, домъ срамишь... Слышь, пропусти, а не то закричу... Васятка дома, хоть его постыдись...

Лезарь подступилъ еще ближе. Онъ былъ страшенъ. Лицо его налилось кровью...

— Поцѣлуй... разъ, одинъ разъ поцѣлуй...

Руки его, дрожа, протянулись къ ея стану.

— Васятка!..—не своимъ голосомъ крикнула Маревна...

— Здѣся!—отозвался мальчуганъ со двора.

— Змѣя!—прошипѣлъ Лезарь.—Не попадайся мнѣ... попомню тебѣ!

Онъ грубо толкнулъ бабу въ грудь и перемахнулъ черезъ плетень...

— Чего тебѣ, тетенька?—спросилъ Васятка.—Аль помочь?..

— Ничего, милый! я справилась... думала, бѣлье на ту сторону упало... ничего, все тутъ...

Она ласково погладила мальчика по головѣ и, вдругъ прижавшись къ его мягкимъ волосамъ, заплакала.

Васятка поднялъ на нее дѣтски-удивленный взглядъ...

— Ничего, милый! не бойся... Я такъ... мнѣ неможется...

Весь вечеръ она была сама не своя. И вотъ почему такъ дрожали ея руки, когда она столкнулась тогда въ сѣняхъ съ Данилой.

А ночью, когда весь домъ не спалъ изъ-за Анютки, Лезарь случайно вышелъ за ворота и изловилъ двухъ парней; собиравшихся мазать ихъ дегтемъ. Онъ жестоко избилъ обоихъ и облилъ ихъ тѣмъ же дегтемъ, рѣшивъ, что они подсмотрѣли его съ Маревной у плетня... Весь гнѣвъ его обрушился на невѣстку, и въ избѣ начался адъ. Дѣдъ Агаеонъ вышелъ на шумъ изъ своей слесарни. Тихонъ и Лезарь, Луша и Маревна, всѣ кричали наперебой...

Анютка плакала и отъ боли и отъ страха. Мальчуганы ревѣли...

— Что тутъ такое? Аль вы бѣлены объѣлись?.. Молчать у меня... Ребятъ бы постыдились, коли себя не стыдно...—раздался властный голосъ старика...—Чтобъ сейчасъ всѣ разошлись. Здѣсь не базаръ. Маршъ по своимъ угламъ!

Голоса стихли. Но не стихло сердце Маревны. Она вдругъ снова почувствовала себя чужою въ этой просторной избѣ, и если бы не Ѳомка, готова была убѣдить мужа уйти отъ брата и перейти на заводъ, только бы оградить себя отъ назойливости деверя...

И она уходила то въ больницу къ падчерицѣ, то на барскую кухню къ Симѣ. Ее тянуло подѣлиться хоть съ кѣмъ-нибудь своими мыслями, и не будь такъ поглощена Кирилловна собственными заботами, она бы охотно покаялась ей во всемъ и отъ нея спросила совѣта, какъ быть ей, какъ оградить свою честь и красоту отъ жадныхъ мужскихъ взглядовъ, отъ нечистыхъ рукъ, охотившихся за нею.

Но Кирилловнѣ было не до Маревны. Она ждала отвѣта на свое посланіе, а его все еще не было.

Почта въ Колычево доставлялась только съ оказіей. Обыкновенно она вручалась лавочнику Ивану Кузьмичу, который имѣлъ довѣренность на полученіе писемъ и отъ всей поповки, и отъ усадьбы. Но напрасно Кирилловна навѣдывалась въ это негласное почтовое отдѣленіе,—писемъ съ Урала не было, хотя и прошло больше мѣсяца со дня отправки ея собственнаго.

Зато въ концѣ августа на имя Маруси былъ доставленъ конвертъ съ надписью «въ собственныя руки». Марка была русская, а почеркъ не Ольгинъ, а мужской.

— Къ внучкѣ писать!—рѣшила обрадованная старуха.

Отдать однако, письмо въ собственныя руки Маруси безо всякаго контроля она побоялась. Лизѣ она такъ и не созналась въ своемъ вступленіи въ переписку съ ея свекромъ и теперь тоже, не зная, въ чемъ дѣло, утаила отъ нея пакетъ. Она вызвала Марусю въ кухню, плотно закрыла кругомъ всѣ двери и вручила ей письмо.

— Тебѣ... прочти-ка его мнѣ вслухъ сама!

Дѣвочка послушно распечатала конвертъ. Никогда никакого протеста противъ приказаній властной домоправительницы изъ бывшихъ крѣпостныхъ у нея не возникало, но при одномъ взглядѣ на подпись она вспыхнула и такъ перемѣнилась въ лицѣ, что Кирилловна ее насквозь пронизала глазами.

— Ну, что же, читай!

— Подожди.

Дѣвочка быстро пробѣжала про себя письмо и скомкала бумагу.

— Это еще что за новости! Читай, коли я говорю!

— Нѣтъ, Кирилловна, я не могу.

— Да въ чемъ дѣло? Отъ кого письмо?

Маруся молчала.

— Скажешь ты мнѣ наконецъ?

Она протянула было руку за письмомъ, но не успѣла снова раскрыть ротъ, какъ оно было разорвано на мелкія бумажки, которыя точно снѣжные хлопья усѣяли кухонный полъ.

— Что съ тобой? Что ты рехнулась? Говори, отъ кого письмо было?—не унималась Кирилловна, но Маруся упрямо качала головой.

— Ахъ, ты негодница! Да въ чемъ дѣло? Говори сейчасъ, а то я мамашѣ нажалуюсь...

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь... Это слишкомъ бы взволновало ее... и я все равно не скажу. Это ни мамы, ни тебя не касается...

Она обвила руками шею старухи и горько расплакалась.

— И если ты меня хоть капельку, хоть чуточку любишь, ты меня не спрашивай,—я все равно не могу сказать.

— Да отвѣтъ ты мнѣ только одно: отъ кого письмо-то было? Отъ дѣдушки? Да?

— Отъ какого дѣдушки?

Тонъ вопроса былъ такъ естествененъ, глаза Маруси такъ подѣтски широко открылись, что всякія сомнѣнія у Кирилловны исчезли: кто бы и что ни писалъ Лизиной дочкѣ, письмо было не отъ старика Яшнева. Кирилловна повернула ей спину и презрительно вымолвила:

— Какъ аукнется, такъ и откликнется! Ты скрытничаетъ, такъ и я молчокъ. А теперь иди себѣ съ Богомъ, намъ съ тобою говорить не объ чемъ...

Маруся покорно вышла изъ кухни и опрометью бросилась въ садъ.

Стоялъ погожій августовскій день и въ готовящейся къ смертному часу природѣ не колыхался ни одинъ листъ. Холодкомъ пропизанный воздухъ былъ тихъ и прозраченъ, и солнце свѣтило ярко на темно-синемъ небѣ. Но у Маруси было на душѣ и холодно и смутно. Ей сразу вспомнились всѣ любившіе ее друзья, Ольга, и Катя, и Мика, оставленные далеко, далеко за границей. Она почувствовала себя одинокой, покинутой. Не къ кому было прійти и повѣдать свою обиду, подѣлиться своимъ горемъ... Сидя на разрушенной скамьѣ на перекресткѣ обѣихъ главныхъ аллей, она плакала и твердила...

— Гадкій... гадкій... подлый... Сейчасъ видно лакейское происхожденіе... Никто бы изъ нашихъ благородныхъ такъ не поступилъ... такъ не повернулъ мои слова... О, какъ я его ненавижу и презираю!..

Разорванное письмо было отъ Данилы съ дороги.

Насмѣшливымъ тономъ онъ не только опровергалъ «всѣ взведенныя и неизвѣстно кѣмъ сочиненныя клеветы» на его отца, но давалъ ей совѣтъ быть впередъ болѣе осторожнѣй и менѣе экспансивной («что значитъ: экспансивной?») и писемъ мужчинамъ не писать, такъ какъ это прежде всего «нескромно».

XXVI.

Какъ небеса сегодня ярки!	Сверкаютъ залитые солнцемъ
Кругомъ безмолвіе и тишь,—	Стволы серебряныхъ березъ,
Не шелхнется вѣтка въ паркѣ,	И каждый листъ горитъ червонцемъ
Не дрогнетъ шелеста камышъ.	Съ росинками алмазныхъ слезъ...

(«Осенніе отголоски». М. К.).

Послѣ своего разочарованія съ письмомъ Кирилловна рѣшила не ждать больше отвѣта отъ старика Яшнева.

Холода приближались. Наступалъ сентябрь, и золотые и багряные листья, опадая, кружились по саду. Старый домъ стоялъ, все

также изогнувшись по фасаду, и старушкѣ чудилось, что съ каждымъ новымъ ненастьемъ онъ все больше и больше садится.

Конечно, и докторскій домикъ въ Горскѣ былъ не новъ, и тоже вопросъ, обитаемъ ли онъ. А что, если просто прискаты квартиру въ городѣ да переѣхать туда, пока этотъ поправятъ?

И, собравшись съ духомъ, она вошла къ Лизѣ.

Но едва она заикнулась о переѣздѣ, ея молодая барыня рѣзко отвѣтила:

— Никуда я отсюда не тронусь, и ты оставь меня въ покоѣ.

— Да помилуй, Лизанька, вѣдь тутъ потолоки валятся! Какъ же мы тутъ зиму проживемъ? Печи дымать, двери не затворяются. Вѣдь мы не тараканы, которыхъ вымараживать надо... Взгляни сама, какъ осѣли балки.

— Осѣли, такъ ихъ подпереть надо. Печи дымать,—позови Агаѳона, онъ и двери поправить, и потолокъ тоже на подпорку поставить, а я куда и ни за что отсюда не тронусь... Съ меня довольно передрыгъ. Пошли сейчасъ за Агаѳономъ, онъ все уладитъ. Пусть отъ себя найметъ людей. Неужели такъ дорого полъ перестлать и щели замазать?

Кирилловна ворча побрела на кухню.

Черезъ часъ она уже сидѣла у Агаѳона въ его горенкѣ и утирала свернутымъ въ комокъ платочкомъ мокрые глаза.

— Силь моихъ нѣтъ съ нею! Хуже ребенка малаго, ничего въ толкъ не беретъ. Я ей говорю: переѣдемъ! а она отвѣчаетъ: подпорки подводи... Да развѣ можно домъ на подпорки ставить? Да на что это похоже будетъ?

Агаѳонъ снялъ очки и вытеръ круглыя стекла въ связанной бечебочкой серебряной оправѣ.

— Вѣстимо, можно... Какъ я самъ не догадался... Балки на стулья поставимъ, а потолокъ столбомъ подопремъ... Оно хоть и некрасиво, да все же прочнѣе будетъ, и до лѣта какъ никакъ проживете... А печи переложить дня два займетъ... Это барыня умно надумала... И какъ это мнѣ раньше въ голову не пришло?

Кирилловна даже плакать перестала.

— Неужто, батюшка? И выѣзжать не надо?

— Не надо...

— А дорого ли встанетъ?—она сконфузилась. Денегъ въ домѣ было немного. Лизина болѣзнь, сорочкины, починка Марусинаго гардероба, разныя хозяйственныя траты съѣли всю аренду... Пенсія Александры Николаевны прекратилась съ ея смертью, и запасовъ, кромѣ пяти неприкосновенныхъ тысячъ въ банкѣ, налицо не имѣлось. Сознаться же въ своемъ затрудненіи было тяжело и слишкомъ непривычно. Кирилловна считала унижительнымъ для барскаго достоинства водросы вынужденной экономіи и соблюдала се втайнѣ, не посвящая въ свои ухищренія рѣшительно никого.

— Дороже денег не встанетъ, надо прикинуть... Я ужю зайду.

Старушка встала и отправилась на могилку генеральши отвести сердце слезами и обычной мольбою «заступитья передь престоломъ Господнимъ за насъ, грѣшныхъ сиротъ»...

Залитый осенними золотыми лучами, высился черного гранита обелискъ и ярко горѣла на немъ свѣже высѣченная надпись имени Александры Николаевны рядомъ съ другой, поблекшей, ея супруга. Что-то тихое, радостное и умиротворяющее было въ обѣихъ. Точно покой и тишина погожаго осенняго дня происходили именно изъ-за слиянія обѣихъ душъ въ томъ синемъ безоблачномъ небѣ, которое раскидывалось шатромъ надъ старымъ погостомъ и подходившимъ къ самому лужку передь церковью древнимъ паркомъ.

Солнце перешло направо и снова заглянуло черезъ тюлевия гардины съ накладными букетами и въ выпѣвшую гостиную.

Загорѣлось золото обоевъ и отразилось и сверкнуло на крышкѣ рояля. Лиза съ ухода Кирилловны ходила изъ угла въ уголь по обширной комнатѣ, то подходя къ двери балкона, то къ окнамъ во дворъ, гдѣ Митины наслѣдники благополучно на этотъ разъ отсутствовали, благодаря начавшейся молотѣбѣ.

Со дня прїѣзда она еще не сходила въ садъ. Его она боялась больше всего. Но какъ онъ былъ запущенъ,—она судила по былому цвѣтнику передь террасой. Ни слѣда куртинокъ и извилистыхъ узкихъ желтыхъ дорожекъ между ними. Сплошной лужайкой лежалъ весь заросшій полукругъ, и старыя липы покровительственно закрывали его своими не стриженными за эти годы сучьями. Какъ черная пасть таинственнаго перехода, темнѣла арка аллей; и Лизѣ ясно, точно она воочию видѣла ихъ, рисовались и дуплистые стволы по сторонамъ ея, и перекрестокъ со скамьями, и прудъ и...

Она вернулась къ роялю. Тѣни отъ оконныхъ переплетовъ легли черными крестами на обои. Лучъ солнца ярко горѣлъ на зеркалѣ, и вдругъ почему-то вспомнилась игра весенняго солнца на перилахъ старой дубовой лѣстницы въ домѣ фрау-Зелигъ и на бородѣ бѣлокураго мужчины...

Въ отвѣтъ въ ухахъ зазвучалъ пассажъ бетховенской сонаты... Все яснѣе, все упорнѣе чередовались звуки, и Лиза машинально, не отдавая себя отчета, подошла и повернула ключъ инструмента. Пальцы ея коснулись клавишъ. Рояль, спавшій съ тона, слегка звеня струнами, пропѣлъ мучившіе такты...

Безсознательнымъ, когда-то столь привычнымъ движеніемъ она зацѣпила ногою табуретку, опустилась на нее, и портреты на покорбленныхъ стѣнахъ чутко насторожились. Большіе поблеклые розаны и тюльпаны гаруснаго ковра заалѣли. Хрустальныя подвѣски кенкетовъ заискрились радужными слезами... Адажіо сонаты перешло въ скерцо, скерцо въ импровизацію.

Изъ-подъ тонкихъ чуть-чуть загнутыхъ пальцевъ музыкальныхъ рукъ звуки разливались волною, все шире, все неуправляемо, словно унося съ собою куда-то въ даль все, что выросло и наболѣло въ тринадцатилѣтнемъ молчаніи... Они рвались на просторъ. Они то рыдали въ безысходной тоскѣ, то напѣвали тихія, нѣжныя пѣсни, жалуясь объ утраченной бесплодно юности, то баюкали кого-то милого и бесконечно дорогого, уснувшего навѣки.

Когда Кирилловна вернулась отъ Агаѳона, она, пораженная, остановилась въ дверяхъ столовой и кухни... Тамъ же у притолки другой двери въ залу она увидала блѣдную Марусю. Затаивъ дыханіе, слушала дѣвочка эту никогда не слышанную ею вдохновенную игру. Все—всѣ ея дѣтскія обиды, затаенныя мечты и думы, сожалѣніе о своемъ одиночествѣ словно на крыльяхъ, бѣлыхъ лебединыхъ крыльяхъ пѣсень—улетали куда-то. На душѣ было еще больно, очень больно, но и сладко, и уповательно, и все казалось мелкимъ, не стоящимъ вниманія, кромѣ звуковъ стараго поющаго рояля.

И вдругъ онъ смолкъ. Прошла минута. Раздались два-три аккорда, и низкій бархатный голосъ запѣлъ.

Первыя ноты упали, словно сдавленные стономъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе крѣпли звуки, тѣмъ увѣреннѣе становилось пѣніе, и тѣмъ сильнѣе хватали за душу внятные и выразительныя слова.

Зачѣмъ всѣ розы поблѣднѣли? ¹⁾
Скажи, мой другъ,—зачѣмъ?
Зачѣмъ въ зеленой колыбели
Языкъ фіалокъ нѣмъ?

Зачѣмъ такъ жаворонка пѣнье
Печально въ небесахъ,
И отъ травы дыханьемъ тлѣнья
Такъ вѣетъ на лугахъ?

Зачѣмъ такъ солнышко уныло
Сіяетъ на поляхъ?
Зачѣмъ сѣрѣетъ, какъ могила,
Пустынная земля?

Зачѣмъ въ тоскѣ неутолимой
Душа полна огня?
Зачѣмъ, скажи, мой другъ любимый,
Покинулъ ты меня?

Послѣдняя фраза оборвалась. Послышался тихій стонъ и перешелъ въ рыданье...

Плачешь?!

¹⁾ Изъ Гейне. Переводъ М. К.

Своей легкой, неслышной походкой пробѣжала Кирилловна через столовую и, толкнувъ и не замѣтивъ Марусю, очутилась въ залѣ. Лиза съ табуретки соскользнула на полъ и, на колѣняхъ, прижималась лицомъ къ рукѣ, лежавшей на желтоватыхъ клавишахъ. Слезы ея текли безъ удержу и смачивали ихъ костяшки и вышивки бѣлаго капота. Ея тѣло такъ и поднималось и опускалось отъ рыданій.

Старушка, сама вся въ слезахъ, припала къ ней и, глядя ея все еще пышные, темные волосы, твердила:

— Плачь, дѣтка, плачь! Легче... легче будетъ!..

Маруся у подоконника плакала тоже и вдругъ опростыю вскочила и бросилась въ кухню.

Черезъ минуту на дворѣ промелькнулъ Павлушка, со всѣхъ ногъ побѣжавшій за докторомъ на село.

Савва Григорьевичъ, выходя въ переднюю послѣ визита и комкая въ рукѣ двѣ рублевья бумажки, которыя ему по обыкновенію сунула въ руку Кирилловна, сіялъ своимъ испитымъ и одутловатымъ лицомъ.

— Великолѣпно... отлично... Пусть плачетъ... Это все равно что клапанъ открыли... Вы ее не останавливайте... Дайте наплакаться... Теперь конецъ обморокамъ и столбнякамъ...

— Неужто, батюшка? Взаправду выздоровѣтъ?—крестилась усиленно Кирилловна.

— Выздоровѣтъ и совсѣмъ прежняя станетъ... Не я буду... Только не приставайте къ ней... Дайте ей полную волю...

Его слова дѣйствительно оправдались.

Какъ тогда, послѣ гипноза Вольфа, такъ и теперь душа Лизы пробудилась отъ сна. Но то пробужденіе было внушенное, оно не давало ей освобожденія, и если ея мысль и заработала правильнѣе, гнета, однакожь, стряхнуть не смогла, а теперь это было настоящее возрожденіе къ жизни. Словно съ каждой каплей слезъ убывала тоже по каплѣ давившая сила тяжелыхъ воспоминаній.

Лиза теперь часто и подолгу играла на роялѣ и на флютгармоніи, подолгу сиживала и въ образной.

Думая о тетѣ Сашѣ, она плакала и мысленно просила у нея прощенія за то, что изъ боязни людскихъ толковъ и пересудовъ лишила ее напоследокъ жизни родного крова и отрады молитвъ на дорогой могилѣ.

«Какъ я жестоко ошибалась и въ людяхъ,—думала она.— Никогда ни отъ кого я не слышала даже тѣни намека на прошлое. Какіе они всѣ добрые и деликатные»...

И все кругомъ потеряло зловѣщій отпечатокъ. Онъ стирался подъ наплывомъ болѣе раннихъ воспоминаній, полныхъ безконечной прелести дѣтства и дѣвчества. О мужѣ она тоже думала все чаще, и въ этихъ думкахъ сквозила только грусть и жалость къ

безразсудно загубленной имъ собственной, столь много обѣщавшей жизни. Она уже не упрекала его за ея личное разрушенное счастье... Она говорила себѣ теперь:

«Я сама виновата. Я нарочно закрыла глаза и приняла его предложеніе вторично, имѣя полную возможность отказать ему, не итти на примиреніе. Онъ самъ сознавался мнѣ, что онъ человѣкъ другого толка, а я даже не потрудилась хорошенько узнать, что это значило. И если я заплатила муками, онъ заплатилъ жизнью... Мы квиты».

Въ одинъ изъ послѣднихъ августовскихъ дней она даже рискнула сойти въ садъ. Агаѳонъ съ Тихономъ пришли и неистово стучали топорами и молотками. Убѣгая отъ шума, она спустилась по шаткимъ ступенямъ въ аллею. Здѣсь прошлое было не только прошлымъ, но и пережитымъ природою. Давно смѣнились травы и опали тѣ листья, которые зеленѣли тогда, и теперь на вѣткахъ блекли другіе, ничего, ничего не знавшіе. Одни старые дуплистые стволы стояли попрежнему, какъ вѣрные стражи, и указывали путь впередъ.

Знакомое, давно забытое чувство заманчивости прогулки подъ шелестъ мягкихъ листовъ манило все дальше, вглубь, точно обѣщая впереди какую-то таинственную встрѣчу, чью-то ласковую бесѣду, чей-то сочувствующій взглядъ. И она шла, все болѣе зачарованная, кидая по сторонамъ привѣтливья улыбки столѣтнимъ дуплистымъ великанамъ... Но какъ все кругомъ и подъ ними было заброшено и запущено... Тамъ, гдѣ золотья вѣтви низко склонялись надъ отавой боковыхъ лужаекъ, скользили фіолетовыя тѣни, словно призраки убѣгая при приближеніи къ нимъ. Зеленая мелкая мурава пробивалась сквозь щебенку и песокъ подъ ногами. Ее никто не пололъ за эти годы... На перекресткѣ изъ прежнихъ четырехъ деревянныхъ диванчиковъ уцѣлѣлъ лишь одинъ и то съ полуразрушенной спинкой и цѣлой семьей тонконогихъ опенковъ у подножія...

Лиза остановилась. Куда итти? Направо дорога вела во французскій задъ. Налѣво—къ калиткѣ на село. Прямо—къ пруду.

Она пошла прямо. Пусть именно по этому направленію сосредоточивалось больше всего воспоминаній. Она рѣшилась храбро будить ихъ теперь. Надо было во что бы то ни стало справиться съ ними. Безъ этого садъ, милый старый садъ, гдѣ она столько гуляла водни оны въ сопровожденіи Сократа и Кары,—она съ грустной улыбкой впервые вспомнила объ этихъ вѣрныхъ друзьяхъ своихъ,—опять скоро покажется ей непривѣтливымъ, опять будетъ только зловѣще угрожать толстыми черными сучьями и ропотомъ высокихъ вершинъ. Пусть тамъ за прудомъ справа покажется знакомый бугоръ... Это могила... Да, могила ея юности. Но эта юность дала не одно только горе... Она съ помощью именно этого горя показала ей и самоотверженность близкихъ людей... Наконецъ она дала ей и

дочь... Дочь... Марусю... И развѣ теперь, даже повернись вся ея жизнь иначе, при совершенно другихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, она не считала бы себя уже отжившей для личной жизни? Развѣ и тогда, допустимъ, при полной гармоніи супружества не стояло бы уже теперь на первомъ планѣ это подрастающее юное существо? Развѣ не оно имѣло бы право на все ея вниманіе и интересъ?

О чемъ же рѣчь? О какихъ-нибудь десяти вычеркнутыхъ годахъ.

Незамѣтно, занятая этими размышленіями, Лиза дошла до пруда...

— Гдѣ же онъ?..

Высокая стѣна желтѣющихъ камышей подступала къ самому берегу. Пушистыми метелками она скрывала и бугоръ и деревья противоположнаго берега... Неужели же болотныя заросли сплошь одѣваютъ бывшее зеркало воды?.. Какъ онѣ густы и беспощадны!.. Гдѣ же серебро купавъ? Гдѣ трубочки бѣлокрыльника? Все, все заполонили жесткіе прямые стебли и побѣдоносно красуются тамъ, гдѣ отражались тринадцать лѣтъ назадъ и бѣлоснѣжныя каемки облаковъ, и синій шатеръ небснаго свода; и стояли опрокинутыми старые вязы, гдѣ плавно, словно окрыленный бѣлыми парусами корабль, скользилъ черноклювый царственный лебедь ея матери... Гдѣ же это все?.. Отжило?.. Ушло тоже навѣки? А вязы?..

Ей вспомнился лучший изъ нихъ, курчавый любимецъ дѣдушки Арсенія, и неудержимо потянуло немедленно, сейчасъ же увидѣть его и осѣняемые имъ дубовые кресты.

Она взяла по кратчайшей дорогѣ налѣво. Тропинка черезъ лужайку привела ее въ «пріютъ мечтаній», откуда была въ двухъ шагахъ кулига... но она тоже исчезла и со всѣми крестами. Сѣрый, безобразный досчатый заборъ пересѣкалъ въ этомъ мѣстѣ камыши пруда, и изъ-за его острыхъ зубцовъ недвижно вырисовывалась на лазурномъ осеннемъ небѣ верхушка прадѣдушкинаго любимца съ бурыми, полуосыпавшимися листьями.

У Лизы глаза такъ и засверкали. Она поняла, чей это заборъ.

«Это еще что такое? Какъ смѣль этотъ негодяй! Кто разрѣшилъ ему возводить здѣсь эту мерзость и отрѣзать ею вдобавокъ родовыя могилы Колычевыхъ?»

Это была Лиза прежнихъ дней, Лиза, бросившая «хама» въ глаза Михалки... Лиза, указавшая ему на дверь, когда онъ пришель къ ней торговаться за свое молчаніе объ уликахъ въ подвалѣ.

Но тогда сила была на его сторонѣ, а теперь посмотримъ, что скажетъ судъ! Признаетъ ли онъ за этимъ наглецомъ право хоть на пядь чужой земли. Вѣдь быть того не могло, чтобы это было сдѣлано съ вѣдома тети Саши... Хороши и Митя съ Арефіемъ!.. Неужели безъ всякихъ споровъ допустили такое безобразіе? отдали могилы безъ борьбы, безъ протеста?

Она зардѣлась и былымъ энергичнымъ шагомъ, которымъ смолоду приходила жаловаться теткѣ на Кирилловну за выкинутыхъ щенятъ или за обиженнаго Теофашку, пошла обратно въ домъ.

«Тоже сама виновата,—твердила она себѣ:—нельзя было за всѣ эти годы ни разу не поинтересоваться, что тутъ творится... Теперь конечно... Все возьму въ свои руки... Кирилловна слишкомъ стара, чтобы править имѣніемъ... а я достаточно баклушничала... Попрошу у людей, присмотрюсь, какъ дѣйствуютъ другіе. Не боги горшки обжиали... Авось управлюсь...»

На полпути попалась совершенно запыхавшаяся Сима...

— Барыня... Гости къ намъ... Бауныка на село пошла съ барышней... Я не знаю, кто такіе?..

— А ты не спросила?

— Ни, не домекнулась.

— Жаль, что не домекнулась, другой разъ догадайся... Кто же, по крайней мѣрѣ,—мужчины или дамы?

— Мужчины. Одинъ, какъ дѣдъ Агаѳонъ, старенькій, а другой съ черной бородою. Видать, городскіе.

«Вѣрно, изъ опеки или изъ суда, по поводу наслѣдства,—рѣшила про себя Лиза.—Вотъ и кстати. Сразу посоветуюсь, какъ быть съ самоуправствомъ Михалки».

Она еще ускорила шагъ. Сима едва поспѣвала за нею.

«Ишь, обрадовалась гостямъ,—думала про себя дѣвочка,—и не повѣришь, что недѣлю назадъ еле ноги волочила...»

М. Веселнова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГР. Н. П. ИГНАТЬЕВА. ¹⁾

(Съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

IX.

БСТОЯТЕЛЬНОГО отвѣта отъ канцлера я не получилъ; но онъ мнѣ выразилъ желаніе во всемъ идти рука въ руку съ графомъ Андраши и предписалъ воздерживаться отъ всякой инициативы. Я вынужденъ былъ подчиниться, ограничиваясь исполненіемъ общихъ инструкцій и совмѣстными дѣйствіями съ представителями Германіи и Австро-Венгріи. На нѣсколько частныхъ писемъ моихъ барону Жомини сей послѣдній выразилъ сожалѣніе, что министерство иностранныхъ дѣлъ и русскій посоль «другъ друга не понимаютъ». Указывая, что «вопреки всѣхъ ожиданій» нашъ посоль въ Вѣнѣ Новиковъ сдѣлался «антиславяниномъ и восторженнымъ приверженцемъ графа Андраши», онъ упрекалъ меня, что я держусь крайней противоположности, выражая при томъ предположеніе, что средняя мудрость обрѣтается въ Петербургѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Сознаваясь, что «гора родила мышъ» и что даже Новиковъ начинаетъ сомнѣваться въ практичности проекта графа Андраши, баронъ Жомини полагаетъ, что главное получить «письменный и не слишкомъ уклончивый отвѣтъ Порты на ноту графа Андраши», тогда «бумага будетъ очищена» и австро-венгерское правительство приобрѣтетъ возможность «энергически прижать инсур-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXV, стр. 805.

гентовъ», т. е. нашихъ единоплеменниковъ, которыхъ было гораздо чловѣчнѣе и выгодинѣе, съ русской точки зрѣнія, остановить въ самомъ началѣ возстанія въ ограниченномъ районѣ, нежели, заманивъ заступничествомъ трехъ имперій и дипломатическимъ вмѣшательствомъ, удовольствоваться ничтожнымъ бумажнымъ заявленіемъ Порты, отдавая ихъ на произволъ Австро-Венгріи. Для извиненія легкомысленнаго образа дѣйствій кабинетовъ баронъ Жюмини прибавлялъ: «авось удастся» удержать Порту на пути предложенныхъ ей графомъ Андраши реформъ ¹⁾ и унять возставшихъ прекращеніемъ имъ подвоза продовольствія. Но тутъ же замѣчалъ, что успѣхъ весьма сомнителенъ: «что будетъ, если возставшіе герцеговинцы и босняки откажутся положить оружіе?» Онъ сознается, что все темно и неприглядно и что онъ не можетъ добиться отъ канцлера внимательнаго разсмотрѣнія опасныхъ послѣдствій. «Alors comme alors», отвѣчаетъ съ удивительною безпечною князь Горчаковъ въ ожиданіи событій. «Мнѣ остается, — кончаетъ свое письмо 19-го декабря баронъ Жюмини, — сказать вамъ лишь одно: что мы глубоко убѣждены въ нашемъ безсиліи и немощи передъ этой гигантскою задачею, раскрывающеюся предъ нами въ видѣ бездны; мы убѣждены, что она пожретъ безъ всякой для насъ пользы чистѣйшую русскую кровь и истощитъ наши силы ²⁾. Молимъ Бога, да мимо идетъ насъ чаша сія, и будьте увѣрены, что мы предпочитаемъ всякій другой исходъ необходимости броситься въ эту бездну ³⁾. Вотъ въ чемъ не смѣютъ сознаться громко, но что я вамъ долженъ сказать на ухо, прося васъ никогда не терять изъ виду этого прискорбнаго убѣжденія. Наша забота, какъ и ваша, стараться прикрыть наилучшимъ образомъ эту дурную игру (faire la meilleure mine devant le mauvais jeu).

Но авторъ письма, ближайшій совѣтникъ канцлера и его правая рука, управлявшій министерствомъ въ его отсутствіе, не за-

¹⁾ Исполненіе которыхъ не только Портою, но и всякимъ другимъ правительствомъ было до того невозможно, что я заявилъ государю и министру иностранныхъ дѣлъ, что если бы русскія войска заняли Боснію и Герцеговину и мнѣ поручено было бы въ качествѣ генераль-губернатора привести эти реформы въ исполненіе, то я по чель бы обязанностью отказаться. Лучшимъ подтвержденіемъ основательности сего заключенія служить то, что Австро-Венгрія не приводитъ сама въ исполненіе аграрныхъ реформъ, ею тогда измышленныхъ. А в т.

²⁾ Какъ разъ то, что не переставалъ говорить и писать русскій посолъ съ сентября мѣсяца. Черезъ три мѣсяца министерство иностранныхъ дѣлъ внутренне сознаетъ основательность этихъ предосторожностей; но тѣмъ не менѣе идетъ слѣпо за графомъ Андраши, жертвуя положеніемъ, приобретеннымъ въ Константинополѣ, всѣмъ нашимъ вліяніемъ и будущностью Россіи и нашихъ единовѣрцевъ, для удовлетворенія самолюбія венгерскаго магната и тщеславія престарѣлаго и выжившаго изъ ума канцлера. А в т.

³⁾ Отъ которой я постоянно предостерегалъ и въ которую слѣпо давало себя затянуть министерство иностранныхъ дѣлъ, для личнаго удовлетворенія графа Андраши, нашего прирожденнаго противника на Востокѣ. А в т.

давалъ себѣ простаго вопроса: если игра дѣйствительно дурна, невыгодна и опасна, какъ я давно предупреждалъ, то кто же принуждалъ Россію пренебречь этими предостереженіями и лѣзть, сломя шею, въ эту игру, подготовленную такими мастерами—нашими мнимыми союзниками, а дѣйствительными противниками?

20-го декабря баронъ Жомини извѣщаль, что вслѣдствіе телеграфическаго предупрежденія моего, что Махмудъ рѣшился подать въ отставку, какъ только послѣдуетъ официальное предъявленіе требованія трехъ имперій касательно реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ, князь Горчаковъ, по повелѣнію государя, предложилъ графу Андраши замѣнить официальную ноту его простою памятною запискою, предоставивъ мѣстнымъ представителямъ трехъ имперій опредѣлить форму предписаннаго имъ сообщенія по мѣстнымъ обстоятельствамъ. «Было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, — пишетъ баронъ Жомини. — Гора графа Андраши даже мыши не родила».

Забывая, повидимому, упорную полемику, происходившую между русскимъ посольствомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, баронъ Жомини спрашиваетъ меня: «зачѣмъ было поддерживать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ эту настойчивую полемику, чтобы въ концѣ концовъ вернуться къ исходной точкѣ? Мы съ самаго начала ¹⁾ были того мнѣнія, что если три имперіи не расположены заставить Порту силою исполнить ихъ требованія, то лучше было сохранить съ нею добрыя отношенія», и что во всякомъ случаѣ «должно было предоставить ихъ представителямъ въ Константинополѣ примѣнить наилучшій способъ исполненія мысли трехъ державъ, выразившейся въ Вѣнѣ».

Должно ли обвинять графа Андраши въ отсутствіи логики? Сомнѣваюсь. Ключъ къ его образу дѣйствій надо искать иной. Очевидно, что онъ живетъ изо дня въ день, желая лишь очистить дѣло въ виду своего парламентскаго положенія ²⁾.

На упрекъ, высказанный барономъ Жомини въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ въ началѣ 1876 года, что я отрицательно отношусь къ дѣятельности министерства иностранныхъ дѣлъ, и что желательно полученіе отъ посланника практическихъ указаній касательно лишь способа испытанія политики, принятой въ Петербургѣ,—я отвѣтилъ барону Жомини, что такъ какъ мои практи-

¹⁾ Баронъ Жомини забывалъ, что это какъ разъ было постоянное мое мнѣніе и что министерство иностранныхъ дѣлъ его оспаривало, принимая на вѣру все заключенія и предположенія графа Андраши и навязывая ихъ потомъ для исполненія мнѣ, какъ свои собственные, одобренные государемъ. А в т.

²⁾ Хорошая похвала руководящему министру и нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, жертвовавшему всеи прошлымъ и будущимъ нашимъ положеніемъ на Востокъ въ угоду самолюбивому и тщеславному венгерцу, нагло надсмѣявшемуся надъ нашею наивною, А в т.

ческія мысли, основанныя на знаніи мѣстныхъ обстоятельствъ; не согласуются съ задачами, мнѣніемъ и цѣлями австро-венгерскаго правительства, то я считаю бесполезнымъ продолжать сообщать свое мнѣніе. Опытъ осени 1875 года доказалъ тщетное усиліе оградить русскіе интересы и противодѣйствовать коварному вліянію графа Андраши. Въ концѣ ноября 1875 года я заявилъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что воздерживаюсь отъ выраженія своего мнѣнія, буду лишь отвѣчать на сдѣланные вопросы и сообщать данныя, которыя могли бы освѣтить истинное положеніе дѣла для тѣхъ, которые ищутъ правды и не ослѣплены окончательно. Убѣжденіе, что всякое предположеніе не угодное Вѣнѣ будетъ отвергнуто, вынудило меня отказаться съ декабря 1875 года отъ всякой инициативы, ограничиваясь исполненіемъ инструкцій министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣйствительно, кто читалъ безъ предвзятой мысли донесенія и корреспонденцію мою, могъ легко убѣдиться, что взгляды мои на событія не измѣнились и что я продолжалъ стремиться навести князя Горчакова на ясное пониманіе мѣстныхъ обстоятельствъ и коварной политики мнимыхъ союзниковъ нашихъ.

Несмотря на то, что въ Петербургѣ начинали, повидимому, признавать правоту моихъ воззрѣній, мое желаніе оттянуть еще сообщеніе присланной мнѣ знаменитой ноты графа Андраши 30-го декабря возбудило неудовольствіе и вызвало подтвержденіе непремѣнно присоединиться къ австро-венгерскому и германскому посламъ, сообщить тождественное требованіе Портѣ и настаивать на письменномъ обязательствѣ съ ея стороны. Скрѣпя сердце, распоряженіе князя Горчакова было исполнено мною.

Съ той минуты я утратилъ, согласно своему предсказанію, первенствующее положеніе въ Царьградѣ, обратившись въ помощника австро-венгерскаго посла и предоставивъ англійскому послу, давно этого тщетно добивавшемуся, роль защитника турокъ и совѣтника Порты. 13-го февраля (1876 г.) Порта циркулярною нотою приняла въ принципѣ проектъ графа Андраши, подъ гнетомъ всѣхъ державъ. Но она глубоко чувствовала свое униженіе, свое разочарованіе, и съ этой минуты дни Махмуда-паши, благопріятнаго христіанскому населенію и сознательнаго союзника Россіи, были сочтены, какъ я предсказалъ за два мѣсяца передъ тѣмъ. Фанатизмъ религиозный, оскорбленное чувство народной гордости военной партіи Гуссейнъ-Авни-паши, политическія страсти и конституціонныя бредни юной Турціи, предводимой Мидхадъ-пашою и Махмудъ-Даматомъ, соединились въ одномъ общемъ заговорѣ, какъ противъ верховнаго визиря, такъ и лично противъ Абдуль-Азиса, котораго трудно было поколебать въ желаніи избѣгнуть во что бы то ни стало разрыва съ Россією и въ личномъ довѣрїи къ русскому послу. Низверженіе Махмудъ-паши предшествовало нѣсколькими

лишь днями низверженію Абдуль-Азиса, послѣдовавшему въ ночь на 18-го мая ¹⁾).

Мнимыя усилія Австро-Венгріи умиротворить Боснію и Герцеговину не достигли цѣли. Страсти разгорались на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Черногорія заключила союзъ съ Сербіею и оба княжества, введенныя въ заблужденіе мнимою солидарностью трехъ имперій, благоволеніемъ Австро-Венгріи и поддѣржкою славянскихъ комитетовъ какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи, задумали освободить Боснію и Герцеговину собственными силами, пользуясь униженнымъ положеніемъ Турціи, вынужденной выносить вмѣшательство Европы въ свои внутреннія дѣла. Въ Болгаріи послѣдовали въ теченіе 1876 года вспышки, столкновенія между мусульманами и христіанами и мѣстами рѣзня послѣднихъ, преимущественно къ югу Балканскихъ горъ ²⁾. Безначаліе въ Царь-

¹⁾ Первымъ рѣзкимъ проявленіемъ турецкаго фанатизма было убійство на площади въ Салоникахъ, передъ мечетью двухъ консуловъ—французскаго и германскаго, случившееся 25-го апрѣля 1876 года. По настоянію державъ зачинщики были выданы и казнены на реяхъ военныхъ европейскихъ судовъ. Послѣ того страсти разбушевались противъ христіанъ съ еще большею силою, и событія быстро развернулись. Въ концѣ апрѣля послѣдовала дикая рѣзня черкесами и башибузуками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи (см. ниже); Сербія и Черногорія объявили войну Турціи 20-го іюня. Но до того времени послѣдовало паденіе великаго визиря Махмуда (въ началѣ мая), низверженіе Абдуль-Азиса нѣсколько дней спустя и наконецъ 20-го мая жестоко его умерщвленіе, съ возведеніемъ на престолъ Мурада V. А. Б.

²⁾ Возстаніе въ Болгаріи было сначала предположено его вождами (Бенковскимъ, Кабленковымъ, Бобековымъ и друг.) на 1-го мая 1876 года, но выпыхнуло раньше. Центромъ движенія были городки Панагюрище и Копривница въ хребтѣ «Средней-Горы», къ сѣверу отъ Филиппополя. Геройски защищались жители Панагюрища, поголовно вооруживъ все населеніе, считая женщинъ и дѣтей; стрѣляли изъ «деревянныхъ» пушекъ. При взятіи Панагюрища турки перерѣзали двѣ тысячи душъ. 25-го апрѣля башибузуки опустошили Килиссуру и сожгли восемьсотъ домовъ. Ужасныя сцены происходили 27-го апрѣля въ Батакѣ (въ Родопскихъ горахъ), гдѣ было перебито пять тысячъ человѣкъ населенія. Четыреста повстанцевъ прославились отчаянной защитой въ Дреновскомъ монастырѣ. Ср. «Исторію болгарскаго народа» С. С. Бобчева; изд. 1897 г. (на болгарскомъ языкѣ); стр. 185 и слѣд. Черкесы погнали цѣлыя стада женщинъ и дѣтей, которыя потомъ продавались «тайкомъ» въ трущобахъ Константинополя. Авторъ настоящихъ примѣчаній слышалъ изъ устъ графа Н. П. Игнатьева, какъ онъ зимою 1876—77 гг. убѣждалъ Салисбюри, представителя Англіи на константинопольской конференціи, заступиться вмѣстѣ съ нимъ за поруганное христіанство; при этомъ Игнатьевъ старался использовать глубокое благочестіе Салисбюри. Англійскій дипломатъ долго отказывался вѣрить въ тѣ факты, которые сообщалъ ему графъ Игнатьевъ. Тогда между ними состоялось соглашеніе: Салисбюри далъ честное слово, что онъ будетъ поддерживать нашего посла на конференціи, если графъ Игнатьевъ ему докажетъ, что болгарскихъ дѣвушекъ и дѣтей дѣйствительно продаютъ тайкомъ въ Константинополѣ. Было условлено, что довѣренное лицо отъ англійскаго посольства отправится покупать рабовъ, при участіи агента съ нашей стороны. Графъ Игнатьевъ поручилъ это опасное дѣло полковнику русской службы Шамилю (сыну знаменитаго имама Дагестана); какъ черкесъ, онъ могъ проникнуть въ недосигаемыя дебри турецкой столицы. Когда графъ Игнатьевъ ему предложилъ взяться за это дѣло, полковникъ сначала нѣсколько колебался, указавъ

градѣ и торжество революціонныхъ мусульманскихъ элементовъ уничтожили всякую возможность правильного умиротворяющаго воздѣйствія на Порту. Мое положеніе, въ виду того, что на меня смотрѣли, какъ на личнаго друга сверженнаго визиря и умерщвленнаго султана, который не могъ ни въ какомъ отношеніи одобрять происшедшей подъ вліяніемъ Англійи ¹⁾ революціи въ Турціи,— было крайне тяжелое, даже опасное и стало вскорѣ невыносимымъ, когда русскіе добровольцы явились въ первыхъ рядахъ и во главѣ сербскихъ войскъ на турецкой территоріи ²⁾.

на крайнюю трудность и опасность предпріятія. «Неужели черкесъ побоятся итти на смерть?» спросилъ Игнатьевъ. Самолюбивый дагестанецъ сразу согласился и блистательно выполнилъ трудное порученіе. На другой день Салисбюри получилъ купленнаго христіанскаго ребенка и вознегодовать всѣмъ пыломъ искренняго англичанина противъ турецкихъ ужасовъ: «Oh, les misérables!» воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи и до конца константинопольской конференціи будучи рыцаремъ своего слова, уже поддерживалъ гр. Игнатьева.

Впрочемъ, эта исторія имѣла и продолженіе еще черезъ полтора года. Во время Берлинскаго конгресса маркизъ Салисбюри, уже въ роли британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, подъ вліяніемъ Дизраэли (графа Биконсфильда) совершенно перемѣнилъ фронтъ и энергично поддерживалъ Турцію противъ нашихъ делегатовъ. Одинъ изъ прусскихъ младшихъ дипломатовъ, баронъ Z., возмущившись аргументаціей англійскаго делегата противъ правоты восточныхъ христіанъ, наклонился черезъ столъ къ П. А. Шувалову, удивляясь его безцвѣтности; желая помочь русскому главноуполномоченному, онъ ему шепнулъ: «M-r le comte, rappelez-lui donc le langage qu'il a tenu à la Conférence de constantinople!» (Графъ, напомните маркизу Салисбюри, какія рѣчи онъ держалъ на конференціи въ Константинополѣ!). На это графъ Шуваловъ нетерпѣливо и громко отвѣтилъ: «Eh, qui donc se souvient de la conférence de Constantinople!» (Э, да кто же пойдетъ вспоминать, что тамъ происходило на константинопольской конференціи?)—и дѣло было проиграно.

Дружественному намъ прусскому барону это даромъ не прошло. Вечеромъ того же дня князь Бисмаркъ позвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ ему выговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Послушайте, любезный баронъ! при всемъ нашемъ благорасположеніи къ русскому двору, мы же не можемъ быть на конгрессѣ болѣе русскими, нежели графъ Шуваловъ! Я прошу васъ умѣрить ваши чистосердечные порывы!

Сообщеніе это получено устно отъ графа Н. П. Игнатьева зимою 1907 года.

А. Б.

¹⁾ Англійскій посоль Эльміотъ былъ въ постоянномъ сношеніи съ Мидхадомъ и молодою Турціею. Англійскій флотъ стоялъ въ Безикской бухтѣ, а деньги софтамъ и оружіе доставлялись изъ Англійи, между прочимъ такими людьми, какъ членъ парламента Бутлеръ-Джонстонъ и др., пріѣзжавшими въ это время въ Стамбуль. Авт.

²⁾ Доблестный завоеватель Туркестана генераль М. Г. Черняевъ направился въ Сербію вопреки распоряженіямъ нашего правительства и прибылъ въ Бѣлградъ въ іюнь 1876 года. Какъ только князь Миланъ назначилъ его главнокомандующимъ сербской арміи, масса русскихъ добровольцевъ двинулась подъ знамена. 6-го іюля началось наступленіе Черняева противъ Османъ-паши. Черезъ недѣлю послѣдовала битва при Зайчарѣ и турки на первое время отступили (15-го іюля). Однако подошли съ турецкой стороны подкрѣпленія и уже до 1-го августа турки овладѣли на правомъ флангѣ Тимокскою линіею. Въ центрѣ, опираясь на базисъ въ Нипгѣ, главныя турецкія силы двинулись къ Алексинацу, около коего была расположена уже съ 8-го іюля главная квартира Черняева. Сербскія народныя милиціи не были въ силахъ выдержать

Я уѣхалъ въ отпускъ въ половинѣ іюля, не представивъ своихъ вѣрительныхъ грамотъ султану Мураду, возведенному на престолъ военною революціею, и несмотря на то, что былъ съ нимъ лично въ близкихъ тайныхъ сношеніяхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Безполезность соглашенія трехъ имперій для сохраненія status quo и мира на Востокъ была доказана, а вредъ, нанесенный русскому вліянію въ Константинополѣ, непоправимъ иначе, какъ войною или самымъ рѣшительнымъ способомъ дѣйствій. Предсказанія мои, къ сожалѣнію, сбылись. Мы имѣли теперь дѣло съ мусульманскимъ революціоннымъ элементомъ и фанатизмомъ, вышедшими изъ границъ, въ которыхъ они сдерживались добрыми отношеніями, установившимися между Россіею и Абдуль-Азисомъ. Съ другой стороны, мы вынуждены были поддерживать возставшихъ ¹⁾ и два сербскихъ княжества, тѣмъ болѣе, что въ рядахъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ нашихъ сражались уже русскіе офицеры и добровольцы. Положеніе было трагическое.

Въ началѣ іюля турецкія силы на Балканскомъ полуостровѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, на основаніи свѣдѣній военныхъ агентовъ русскаго, французскаго и австро-венгерскаго: противъ Сербіи, отъ Виддина до Ниша, отъ сорока восьми до пятидесяти тысячъ войскъ; къ нимъ шли подкрѣпленія изъ Софіи и Адрианополя—отъ двадцати двухъ до двадцати шести тысячъ. Въ Сѣверной Болгаріи, Варнѣ, Руссукѣ и Тырновѣ было расположено отъ десяти до восемнадцати тысячъ. Между Сербіею и Черногоріею стоялъ корпусъ въ двадцать три тысячи; къ нему шли подкрѣпленія изъ Салоникъ, въ составѣ отъ трехъ до одиннадцати тысячъ человѣкъ. Противъ южной границы Черногоріи, около Подгорицы, было расположено тринадцать тысячъ человѣкъ. Въ Гер-

---

натискъ. Въ знаменитые боевые дни съ 7-го по 12-го августа, несмотря на геройское поведеніе нашихъ добровольцевъ, Абдуль-Керимъ-паша овладѣлъ вполнѣ центромъ долины Моравы (Дьюнишъ, Крушевацъ, Алексинацъ и Делиградъ). Сербія въ тѣ дни казалась на краю гибели. По настоянію Россіи, подписано было, однако, перемиріе 4-го сентября (Ср. W. Küstow «Der Krieg in der Türkei in den Jahren 1875 и 1876», стр. 190—244). А. Б.

¹⁾ Правительство поневолѣ должно было считаться съ небывалымъ воодушевленіемъ, охватившимъ въ это время всѣ слои русскаго общества. Пожертвованія приливали потоками; изъ добровольцевъ складывались цѣлыя полки, во главѣ сбора пожертвованій и организационной дѣятельности въ славянскомъ движеніи стояли славянскіе комитеты въ обѣихъ столицахъ. Изъ однихъ только отчетовъ петербургскаго Славянскаго общества за эти годы видно, что имъ было израсходовано на славянское дѣло свыше полутора милліона рублей. Между тѣмъ въ эту цифру не входитъ отчетность московскаго комитета, который игралъ, съ И. С. Аксаковымъ во главѣ, самую выдающуюся роль въ этомъ движеніи. Этотъ комитетъ былъ внезапно закрытъ въ іюлѣ 1878 года, послѣ знаменитой рѣчи Аксакова о Берлинскомъ конгрессѣ, и потому свѣдѣнія о размѣрахъ этой значительной дѣятельности труднѣе возстановляются, нежели въ отношеніи петербургскаго общества, которое продолжало и развило потомъ свою издательскую дѣятельность. А. Б.

герцеговинѣ отъ двадцати до тридцати пяти тысячъ человекъ, а въ Босніи пятнадцать тысячъ человекъ. Такимъ образомъ, Турція, разбросавъ въ эту эпоху свои войска по всему Балканскому полуострову, могла выставить съ крайними усиліями лишь менѣе двухсотъ тысячъ человекъ регулярнаго войска, изъ коихъ менѣе ста тысячъ находились въ восточной части Балканскаго полуострова, въ Болгаріи, т. е. между Нишемъ, Дунаемъ и Царьградомъ. Но тревога была пробита во всей Турецкой имперіи, фанатизмъ поднять до крайности, всѣ силы напряжены, и все мусульманство встрепетнулось, чувствуя, что послѣдній часъ владычества турокъ насталь. Вооруженія съ этой минуты продолжались на всемъ пространствѣ безостановочно, войска формировались и стягивались изъ Малой Азіи, Сиріи, Аравіи, Египта, Туниса и т. д. Было очевидно для каждаго наблюдателя, что если Турціи будетъ дано время, то силы ея чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ удесятятся, тѣмъ болѣе, что она будетъ имѣть возможность исправить главнѣйшій недостатокъ своихъ вооруженій—запасись патронами, порохомъ и снарядами, запасъ которыхъ былъ истощенъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Сербіи къ концу октября, и вооружить свои крѣпости, состояніе которыхъ до осени 1875 года было крайне неудовлетворительно. Очевидно, что если бы Россія къ концу лѣта 1876 года отрѣшилась наконецъ отъ соглашенія трехъ имперій, лишившаго ее уже осязательно всѣхъ плодовъ ея прежней политики въ Константинополѣ и приведшаго лишь къ усложненію, а не разрѣшенію возникшихъ въ Герцеговинѣ въ 1875 году затрудненій, и выступила бы самостоятельно съ рѣшительнымъ своимъ требованіемъ къ Портѣ, направивъ хотя бы сто пятьдесятъ—двѣсти тысячъ войска чрезъ Дунай къ Тырнову, на подкрѣпленіе Сербіи, и перейдя съ не менѣе ста—ста пятьюдесятью тысячами человекъ кавказскую границу, для быстрого и неотвратимаго движенія на Карсъ и Эрзерумъ и далѣе къ Босфору, то Турція была бы застигнута врасплохъ и не въ состояніи противиться такъ продолжительно, какъ въ 1877 году. Въ этомъ смыслѣ я высказался въ концѣ іюля ¹⁾, убѣждая предпочесть такой открытый способъ дѣйствій недостойной роли, разыгрываемой Россіею съ осени 1875 года въ Константинополѣ, и отправкѣ нашихъ офицеровъ въ ряды сербской арміи, въ качествѣ добровольцевъ, и предсказывая, что изъ такой затраты средствъ и силъ ни-

---

¹⁾ Это мѣсто въ запискахъ графа Н. П. Игнатъева, а также относящіяся къ нему разьясненія крайне важны въ томъ отношеніи, что враги покойнаго графа клеветнически взваливали на него отвѣтственность за наши неудачи первой и второй Плевны, упрекая его, будто онъ не выяснилъ своевременно численности турецкихъ войскъ. Между тѣмъ виноваты были тѣ, кто не воспользовался во-время его указаніями и кто довелъ насъ до катастрофы медлительностью какъ дипломатическихъ, такъ и военныхъ мѣропріяній, давъ Турціи громадное время и отсрочку для дополнительныхъ вооруженій.

А. Б.

какой практической пользы не будетъ. Но министерство иностранныхъ дѣлъ предпочитало ограничиться полумѣрами, компрометирующими достоинство Россіи, лишь бы угодить графу Андраши и ничего другого не предпринимать официально, какъ одобренное австро-венгерскимъ и германскимъ правительствами. Когда я въ этомъ убѣдился, то по прибытіи, въ концѣ августа мѣсяца, въ Крымъ, на вопросъ князя Горчакова, что предпринять, не отдѣляясь ни въ какомъ случаѣ отъ Германіи и Австро-Венгріи, доложилъ канцлеру, слѣдующее: «До сихъ поръ я постоянно высказывался категорически противъ вооруженнаго вмѣшательства европейскихъ державъ въ Турецкой имперіи, потому что подобное вмѣшательство можетъ вызвать недоразумѣнія и столкновения между ними, значительно затруднивъ естественное разрѣшеніе восточнаго вопроса въ пользу нашихъ единовѣрцевъ. Но нынѣшній оборотъ дѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ Сербія и Черногорія безпомощно борются со всѣми силами турокъ, и измѣнившееся радикально положеніе наше въ Царьградѣ, въ послѣдствіе нашего сообщества съ Австро-Венгрією и другими кабинетами, взваливаго на насъ отвѣтственность предъ нашими единоплеменниками и приведшаго насъ въ нынѣшнее безвыходное состояніе, заставляютъ измѣнить мое прежнее заключеніе. Невозможно для Россіи прибѣгнуть одной къ немедленнымъ угрожающимъ Портѣ военнымъ мѣрамъ, которыя могутъ насъ вовлечь нынѣ въ безвыгодную войну. Я постоянно твердилъ, что полумѣры пагубны на Востокѣ и возбуждаютъ лишь фанатизмъ мусульманъ, вызвавъ избіеніе христіанъ и ухудшивъ положеніе нашихъ единовѣрцевъ. Надо было усыплять Порту, чтобы подготовить мѣры разрѣшенія восточнаго вопроса и избѣгнуть кровопролитія, вызваннаго между Россією и Турціей. Оставаясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ султаномъ, можно было исподволь ослабить мусульманскій элементъ и приготовить нашихъ единовѣрцевъ къ возрожденію, оставляя ихъ подъ нашимъ руководствомъ. Пока Сербія не объявила войны, Турція ея боялась, и мы могли склонять Порту къ уступкѣ сербамъ и болгарамъ. Вести войну противъ Турціи, даже при помощи нашихъ добровольцевъ, сербы были не въ состояніи. Вступивъ въ борьбу, турки перестали бояться славянъ и потеряли всякое расположеніе дѣлать уступки имъ, чтобы избѣгнуть разрушенія страны. Эти соображенія приводятъ меня къ заключенію, что единственное средство образумить турецкихъ министровъ, прекратить кровопролитіе и покончить съ турецко-сербско-черногорскою войною, гибельною для нашихъ единовѣрцевъ, это привести соглашеніе державъ къ принятію слѣдующихъ понудительныхъ мѣръ:

«1) Поручить представителямъ державъ вытребовать въ теченіе трехъ дней заключеніе перемирія съ Сербією и Черногорією, въ Герцеговинѣ и Босніи, не иначе, какъ на шесть недѣль или два мѣсяца.

«2) Въ случаѣ отказа прекратить всякіе переговоры, прервать сношенія съ Портою всѣмъ представителямъ великихъ державъ и выѣхать изъ Константинополя, оставляя лишь консуловъ для веденія текущихъ дѣлъ иностранныхъ подданныхъ. Конференція представителей великихъ державъ соберется въ Венеціи для сохраненія согласнаго образа дѣйствій въ Турціи и принятія мѣръ, соотвѣствующихъ обстоятельствамъ, могущимъ возникнуть.

«3) Англійская эскадра, находящаяся въ Безикской бухтѣ, одновременно со всѣми эскадрами другихъ державъ (французской, австро-венгерской, германской и русской), плавающими въ Архипелагѣ, равно какъ и русскія военныя суда изъ Чернаго моря, вступаютъ въ Босфоръ немедленно послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній.

«4) Если кровопролитіе не прекратится въ теченіе восьми дней послѣ предъявленія Портѣ рѣшеній державъ, австрійскія войска вступаютъ въ Боснію и могутъ занять лишь сѣверную часть Герцеговины, отнюдь не переступая рѣки Наренты (т. е. не проишая въ часть, предназначенную во всякомъ случаѣ Черногоріи), тогда какъ русскія войска будутъ переброшены въ Варну или Бургасъ на пароходахъ русскаго общества пароходства и торговли, и другія войска вступятъ въ Болгарію изъ Бессарабіи, чрезъ Тульчу. Самособою разумѣется, что какъ мѣстности, которыя будутъ заняты союзными сухопутными и морскими силами, такъ и точный срокъ этого занятія будутъ подробно опредѣлены особымъ письменнымъ соглашеніемъ между державами. Послѣднія обязуются въ этомъ договорѣ не извлекать никакой исключительной выгоды для себя, пользуясь временнымъ пребываніемъ своихъ войскъ въ областяхъ Турецкой имперіи.

«5) Такъ какъ русскія войска, направленные сухопутно въ Болгарію, должны неминуемо пройти чрезъ часть Бессарабіи, отведенную въ 1856 году Молдавіи, необходимо будетъ сговориться объ этомъ съ румынскимъ правительствомъ и обѣщать ему нѣкоторыя выгоды при окончательномъ устройствѣ восточныхъ дѣлъ.

«6) Для подкрѣпленія нашихъ войскъ, посланныхъ въ Болгарію, и въ виду разныхъ случайностей, необходимо въ то же время сосредоточить въ Бессарабіи и въ окрестностяхъ Одессы достаточное число войскъ, готовыхъ выступить по первому требованію за границу. Равно и со стороны кавказской границы долженъ быть приготовленъ дѣйствующій корпусъ для немедленнаго вступленія въ Анатолію».

Этотъ проектъ, какъ и многіе другіе, не былъ принятъ канцлеромъ, рѣшившимся ухватиться за предложенныя Англіею Турціи перемиріе и конференцію для умиротворенія Балканскаго полуострова дипломатическими протоколами. Такъ какъ видимо было, что Сербія и наши добровольцы не могутъ выдержать натиска

постоянно усиливающихся противъ нихъ турецкихъ войскъ, направляемыхъ англійскими офицерами, состоявшими при турецкомъ главнокомандующемъ, и что успѣхи, одержанные черногорцами надъ турками ¹⁾, останутся безплодными и не повліяютъ на бѣдственное для славянъ окончаніе войны, я подалъ передъ 30-мъ августа новую записку на французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: «Желательно, во всѣхъ отношеніяхъ, прекратить безплодное кровопролитіе на Балканскомъ полуостровѣ. Для сего необходимо немедленно приостановить военныя дѣйствія турокъ противъ Черногоріи и Сербіи заключеніемъ перемирія между всѣми сражающимися мусульманами и христіанами, что дозволило бы пріискать разрѣшеніе нынѣшнихъ затрудненій для установленія прочнаго мира на Востокѣ. Чтобы перемиріе, заключенное при посредничествѣ великихъ державъ, было дѣйствительное, а не призрачное, необходимо тотчасъ же установить, при содѣйствіи и надзорѣ военныхъ европейскихъ агентовъ, демаркаціонную линію на основаніи нынѣшняго расположенія мусульманскихъ и христіанскихъ силъ и сообразуясь, по возможности, съ естественными границами, раздѣляющими эти два элемента, что одно позволило бы избѣгнуть постоянныхъ недоразумѣній, внезапнаго возобновенія повсемѣстной борьбы и частныхъ столкновеній. Къ сожалѣнію, первое предложеніе перемирія, сдѣланное Англіею, совершенно не достигло цѣли. Бездѣйствіе державъ, послѣ отказа Порты приостановить военныя дѣйствія, можетъ лишь увеличить нахальство и высокомеріе турокъ и нанести послѣдній ударъ значенію христіанской Европы въ глазахъ мусульманъ. Разсчитывая на миролюбіе державъ и на отсутствіе единодушія между ними, турки будутъ считать отнынѣ все для себя возможнымъ. Государственные люди въ Турціи позволяютъ уже себѣ вызывающій образъ дѣйствій относительно представителей державъ и выказываютъ болѣе и болѣе нерасположеніе слѣдовать ихъ совѣтамъ. Съ личной точки

---

¹⁾ Черногорія сразу послѣ объявленія войны, послѣдовавшаго 18-го іюня 1876 г., бурнымъ натискомъ одержала рядъ успѣховъ, со стороны Требинья (въ Герцеговинѣ) и Подгорицы (на албанской границѣ). Въ скорости черногорцы выиграли блестящее сраженіе при Врбицѣ, Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Билекъ, Селимъ и многіе турецкіе офицеры пали, Османъ-паша попалъ въ плѣнъ. Былъ моментъ, когда казалось, что вся многострадальная Герцеговина сразу воссоединится съ родною Черногоріей. Но Австрія не дремала. Что тутъ произошло, отчасти разъясняется въ посмертныхъ запискахъ доктора Кэтшета, уже упомянутыхъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ: «Тогда былъ при князѣ Николаѣ Черногорскомъ въ его лагерѣ представитель Австріи, полковникъ Томмель. По всей вѣроятности, получивъ предписаніе отъ своего правительства, онъ, повидимому, долженъ былъ сдѣлать напоминаніе черногорскому князю о томъ, что Австрія налагаетъ свое «вето» на возможныя выступленія черногорцевъ въ долиніи Нареты (Неретвы)». Это и была, повидимому, причина приостановки наступательнаго движенія черногорцевъ въ Герцеговинѣ (Ср. Koetschet: «Aus Bosniens letzter Tirkenzeit», стр. 58).

зрѣнія каждаго изъ оттоманскихъ сановниковъ, они несравненно болѣе опасаются фанатизма мусульманскихъ массъ, вышедшихъ изъ сдерживавшихъ ихъ границъ, и внутреннихъ интригъ въ Константинополѣ, нежели послѣдствій обдуманнаго, всегда умѣреннаго и зачастую нерѣшительнаго и слабого дѣйствія дипломатіи. Теряютъ драгоценное время въ бесполезныхъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, а между тѣмъ кровь льется, и неисправимые факты могутъ неотвратимо совершиться.

«Если западныя державы, которыя въ сущности вовсе не интересуются развитіемъ и благосостояніемъ нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, равнодушно относятся къ ихъ истребленію, то Россія не можетъ слѣдовать ихъ примѣру и допустить гибельный исходъ, не попытавшись предотвратить его и установить болѣе сносное положеніе. Послѣ попытокъ вмѣшательства державъ, уже предпринятыхъ, побудившихъ нашихъ единовѣрцевъ къ продолженію сопротивленія и вовлекшихъ насъ въ отвѣтственность предъ ними, мы нравственно обязаны оказать дѣйствительную помощь герцогамъ, боснякамъ и болгарамъ, охранить сербовъ отъ новыхъ несчастій и въ особенности не покинуть черногорцевъ, которые ведутъ еще побѣдоносную борьбу, но которые также непременно погибнуть, когда всѣ ихъ союзники будутъ окончательно разбиты и всѣ турецкія силы получатъ возможность ринуться на Черную гору.

«Для выполненія этой трудной задачи Россіи приходится или дѣйствовать въ одиночку безотлагательно и самымъ энергичнымъ образомъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ, напирая на Порту всѣми зависящими отъ насъ средствами, или же войти въ соглашеніе съ державами, заполучивъ ихъ искреннее и единодушное содѣйствіе, какъ для немедленнаго прекращенія кровопролитія, такъ и для практическаго улучшенія, впослѣдствіи, положенія христіанъ въ Турціи.

«Самостоятельный образъ дѣйствій нынѣ можетъ привести къ повторенію событій 1853 года, вслѣдствіе упорнаго и отчаяннаго сопротивленія турокъ, новымъ избиеніямъ христіанъ и вызвать въ концѣ концовъ европейскую войну. А потому нѣтъ сомнѣнія, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сложившихся съ прошлаго года, благоразумнѣе было бы остановиться на послѣднемъ предположеніи, согласующемся съ теперешнею политическою системою императорскаго правительства. Но во всякомъ случаѣ необходимо приступить къ практическому дѣйствію, безъ дальнѣйшей потери времени, и принять въ серьезное соображеніе надежды и стремленія русскаго народа, съ которымъ нужно считаться для того, чтобы придать возбужденному нынѣ общественному настроенію направленіе, соотвѣтствующее видамъ императорскаго правительства.

«Надо надѣяться, что Германія не забыла услуги, оказанной ей Россіею съ 1864 года, и что въ возмездіе она, въ случаѣ надоб-

ности, придетъ намъ на помощь, или, по крайней мѣрѣ, займетъ тождественное положеніе съ нами, не покидая насъ. Но прежде, нежели вступитъ на опасный путь, слѣдуетъ исполнѣ удостовѣриться въ несомнѣнности содѣйствія германскаго правительства, чтобы избѣгнуть всякой возможности недоразумѣнія, которое поставило бы насъ лицомъ къ лицу съ турками и ихъ союзниками, въ одиночествѣ ¹⁾. Съ другой стороны, какъ бы многоцѣненъ ни былъ для насъ союзъ съ Германіей, не надо терять изъ виду, что слишкомъ исключительное проявленіе общности дѣйствій съ этою державою можетъ вызвать политическое положеніе, которое приведетъ къ новой войнѣ между Германіею и Франціею. Униженіе и ослабленіе послѣдней, нарушая совершенно европейское равновѣсіе, заставитъ насъ, можетъ быть, заплатить слишкомъ дорого за временныя и случайныя выгоды, извлеченныя нами, съ совершеннымъ безкорыстіемъ, для нашихъ единовѣрцевъ, безъ непосредственной выгоды для Россіи.

«Такъ какъ мы собственно для себя ничего не добиваемся, то мы и въ правѣ ожидать, что берлинское правительство, не стремясь къ пріобрѣтенію новыхъ выгодъ для себя, подѣйствуетъ энергично на Вѣну, чтобы помочь намъ привести Австро-Венгрію къ добросовѣстной поддержкѣ нашихъ требованій въ Константинополѣ.

«Положеніе, принятое въ восточномъ вопросѣ Германіею, будетъ имѣть благопріятное вліяніе и въ Лондонѣ, гдѣ расположены угодать этой державѣ.

«Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ требовать отъ нашихъ союзниковъ содѣйствія съ цѣлью достиженія прочнаго, а не временнаго лишь устраненія нынѣшнихъ затрудненій, способнаго доставить населенію Турецкой имперіи нѣсколько лѣтъ спокойствія и тишины. Если входитъ въ виды нѣкоторыхъ державъ сохраненіе нынѣшнихъ условій, вызывающихъ періодическія вспышки и кризисы, угнетающіе Востокъ, съ тайною цѣлью воспользоваться такимъ положеніемъ дѣль для того, чтобы ²⁾ въ благопріятную для ихъ интересовъ минуту вынудить Россію на уступки въ другихъ вопросахъ, близко ихъ касающихся, или же сохранить возможность вызвать обостреніе восточнаго вопроса, которое отвлекло бы наши силы, предоставивъ другимъ державамъ полную свободу дѣйствій для разрѣшенія совершенно иныхъ дѣль, то мы въ правѣ

---

¹⁾ Къ несчастью, канцлеръ въ своемъ самомиѣніи и тщеславной увѣренности въ преданности къ нему не только князя Бисмарка, но и графа Андраши, не захотѣлъ оспользоваться симъ совѣтомъ, даннымъ въ августѣ 1876 г., задолго до объявленія войны (апрѣль 1877 г.) и Берлинскаго договора. Если бы послушались, не было бы войны и постыднаго трактата. Въ сущности, я уже и тогда не довѣрялъ искренности германскаго содѣйствія, но долженъ былъ сообразоваться съ твердымъ убѣжденіемъ государя, безусловно вѣрившаго въ прочность союза съ Германіею.

²⁾ Намекъ на Англію и Германію.

Авт.

Авт.

и обязаны разстроить подобную, вредную для насъ и единовѣрцевъ нашихъ игру.

«Событія Балканскаго полуострова неминуемо отзываются на всемъ пространствѣ Россіи, они возбуждаютъ общественное мнѣніе, вынуждаютъ насъ къ огромнымъ жертвамъ, держатъ насъ въ тревожной неизвѣстности и, продолжаясь слишкомъ долго, гнетутъ наше экономическое и финансовое положеніе равносильно войнѣ.

«Казалось бы, что переговоры вступятъ на болѣе практической путь и что державы охотнѣе согласятся на совокупное вмѣшательство въ пользу нашихъ единовѣрцевъ, если бы разсѣять тѣ опасенія, которыя возбуждаетъ неизвѣстность нашихъ условій окончательнаго мира, имѣющихъ быть предъявленными послѣ заключенія перемирія, а также послѣдствій нашего особеннаго соглашенія съ Австро-Венгрією¹⁾, возбуждающаго недовѣріе и безпокойство нѣкоторыхъ кабинетовъ. Въ этихъ видахъ предъявленіе положительной программы, содержащей требованія, которыя мы намѣрены предъявить Портѣ совмѣстно съ Европою, было бы весьма полезно. Программа эта, опредѣляющая минимумъ требованій Россіи, должна быть формулирована лишь по тщательномъ изученіи и сообразованіи съ развитіемъ обстоятельствъ, постоянно измѣняющихся, и съ требованіями общественнаго мнѣнія. Она должна заключать шесть слѣдующихъ пунктовъ: 1) Черногорія и Герцеговина; 2) Сербія; 3) Боснія; 4) Болгарія; 5) положеніе христіанъ во всѣхъ другихъ областяхъ Турціи и 6) предупредительныя мѣры противъ колонизаціи кавказскихъ горцевъ въ Европейской Турціи и употребленія башки-бузукъ²⁾».

«I. Черногорія и Герцеговина. Князь Николай одержалъ надъ турками рядъ неоспоримыхъ, блистательныхъ побѣдъ. Невозможно, чтобы эти успѣхи не были приняты въ расчетъ. Прежде всего надо добиться отъ Турціи признанія полной независимости Черногоріи. Если Порта не согласится оговорить это формальное признаніе въ особой статьѣ, то независимость должна быть выражена, какъ прямое послѣдствіе прекращенія военныхъ дѣйствій. Чтобы дать выходъ къ морю Черногоріи, Спичская бухта должна быть уступлена княжеству. Со стороны Албаніи необходимо исправить черногорскую границу, передавъ княжеству весь правый

---

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ записки графа Игнатъева, написанной къ 30-му августу 1876 года, несомнѣнно, содержится намекъ на то «особенное соглашеніе съ Австро-Венгрією», которое дѣйствительно имѣло мѣсто за два мѣсяца передъ тѣмъ, именно—въ Рейхштадтѣ (26-го іюня 1876 г.).

А. Б.

²⁾ Эта программа, вышедшая въ августѣ 1876 года изъ-подъ пера творца Санъ-Стефанскаго договора, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ ней уже намѣчены, примѣнительно къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, всѣ главные основанія, впоследствии развернувшіяся въ освободительномъ актѣ 17-го февраля 1878 года.

А. Б.

берегъ рѣки Морачи, съ крѣпостцею Служемъ и округомъ Кучи Дрекаловичей, равно какъ и нѣкоторыя другія мѣстности, жители коихъ дрались съ турками въ рядахъ черногорскихъ и потому не могутъ быть снова подчинены оттоманскимъ властямъ.

«Что касается Герцеговины, то христіанская Европа, занимающаяся уже цѣлый годъ устройствомъ этой несчастной области, не должна допустить, чтобы ея внутреннее состояніе не подверглось радикальному измѣненію, тѣмъ болѣе, что опытъ послѣдняго времени явилъ достаточное доказательство, что реформы, требуемыя державами, не могутъ ни удовлетворить народонаселеніе, ни быть примѣнены мѣстными властями. Если эта страна, по крайней мѣрѣ значительная часть ея, не будетъ присоединена къ Черногоріи, дѣло умиротворенія не будетъ прочно и борьба возобновится если не чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ. Желательно, чтобы Черногорія была увеличена, по крайней мѣрѣ, третьею частью Герцеговины, а именно всею мѣстностью между рѣкою Нарентою и чертою, проведенною къ сѣверу отъ Невесинья и Гацко, къ слиянію рѣки Пивы съ рѣкою Тарою и вверхъ по теченію послѣдней рѣчки до Колашина и оттуда до нынѣшней границы княжества. Если эта пограничная линія будетъ отвергнута, можно бы провести новую границу по рѣкѣ Нарентѣ, рѣкѣ Брегавѣ и къ сѣверу отъ Невесинья и Гацко до рѣки Пивы и нынѣшней черногорской границы. Мусульмане, обитающіе въ этой части Герцеговины, вѣроятно, подчинятся добровольно князю Николаю. Въ противномъ случаѣ, можно оговорить особыя условія въ пользу мусульманскихъ поселеній, остающихся къ югу новой пограничной линіи. Въ крайности, при вѣроятномъ отказѣ турокъ очистить нѣкоторыя изъ крѣпостей и въ особенности Никшичъ до тѣхъ поръ, пока черногорцы ихъ сами не отобьютъ, можно бы согласиться, чтобы достигнуть расширенія черногорской границы въ сѣверу, на оставленіе въ двухъ или трехъ изъ этихъ крѣпостей (не взятыхъ черногорцами съ боя до окончанія войны) турецкихъ гарнизоновъ, наподобіе того, какъ это было допущено прежде въ Сербіи. Чтобы облегчить державамъ благопріятное для Черногоріи разрѣшеніе граничнаго вопроса, не нарушая провозглашенія ими принципа цѣлости Турецкой имперіи, и главное, чтобы не дать Австро-Венгріи повода къ требованію территориальнаго вознагражденія¹⁾, можно было бы въ крайности исполнить то, что предлагалъ Абдуль-Азисъ въ концѣ 1875 года, чтобы избѣгнуть андрашевской ноты, оговоривъ, что относительно присоединяемой къ Черногоріи части

¹⁾ Главнѣйшею заботою моею было предупредить всякую возможность территориальнаго увеличенія Австро-Венгріи въ Босніи или Герцеговинѣ и обезпечить Черногоріи присоединеніе къ ней сроднившихъ съ нею герцеговинцевъ, обитателей возставшихъ въ 1875 года округовъ, такъ недостойно обманываемыхъ Австро-Венгрією.

А в т.

Герцеговины князь Николай находится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ султану, въ означеніе чего будетъ уплачивать соотвѣтствующую съ этой части Герцеговины ежегодную дань Портѣ.

«II. Сербія. Державы, конечно, отвергнуть все притязанія Порты на измѣненіе въ ущербъ княжества *status quo ante*. Фактъ, что Сербія была нападающею стороною, не можетъ быть ей поставленъ въ вину, ибо война была вызвана сосредоточеніемъ на границахъ княжества турецкихъ войскъ, происками турецкой военной партіи, революціею, происшедшею въ Константинополѣ, и возмутительнымъ образомъ дѣйствій Порты относительно княжества и христіанъ въ Болгаріи передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Общественное мнѣніе въ Россіи требуетъ, не безъ основанія, чтобы все то, что было прежде добыто сербами и цѣною русской крови, не было теперь отнято у нихъ и чтобы огромныя жертвы, понесенныя въ послѣдніе мѣсяцы самими сербами, равно и великодушная помощь, оказанная нашими соотечественниками, не остались бы безплодными. Но такъ какъ нынѣ исчезла возможность потребовать, какъ предполагалось прежде, присоединенія къ Сербіи части Босніи и въ виду австро-венгерскихъ притязаній было бы даже неосторожно предъявить подобное желаніе, то слѣдовало бы удовлетворить княжество присоединеніемъ хотя бы незначительной части Старой Сербіи. Въ крайнемъ случаѣ, оставляя восточную и южную границы княжества безъ измѣненія, можно бы протянуть на западъ границу по рѣкѣ Дрину и потомъ на рѣку Лиму и, захвативъ гор. Сѣнницу, вернуться къ прежней границѣ. Такимъ образомъ, спорный вопросъ о Зворникѣ былъ бы разрѣшенъ въ пользу Сербіи, безъ того, чтобы было необходимо объ этомъ упоминать особо и княжество приобрѣло бы лучшую границу съ Вышеградомъ и Нови-варошъ, т. е. тотъ округъ, который имѣетъ почти сплошное сербское населеніе и занятъ нынѣ сербскими войсками. Въ виду неудовлетворительности пограничной линіи со стороны гор. Ниша, входящей въ сербскіе предѣлы близъ Алексинаца въ видѣ исходящаго угла, сербы давно желаютъ исправленія оной, безъ котораго сохраненіе укрѣпленій Алексинаца (существованіе которыхъ покоить турокъ) становится существенно необходимымъ для охраны княжества отъ постоянной опасности внезапнаго вторженія турокъ въ его предѣлы. Принципъ, выставленный Англіею въ своихъ предложеніяхъ: сохраненіе цѣлости Турецкой имперіи, не подвергнулся бы серьезному нарушенію, такъ какъ Сербія, на основаніи Парижскаго договора, входитъ въ составъ Турецкой имперіи въ качествѣ вассальнаго княжества.

«III. Боснія. Оставленіе нынѣшняго положенія въ Босніи и той части Герцеговины, которая не будетъ присоединена къ Черногоріи, немислимо; заступничество Европы въ пользу христіанскихъ жителей этихъ областей, затронутая честь трехъ имперій, вступив-

шихъ уже въ дѣйствіе по тому же поводу, и невозможность допустить продолженіе неистовствъ, производимыхъ туземными мусульманами, съ вѣдома мѣстныхъ властей, требуютъ радикальнаго измѣненія административнаго порядка въ краѣ для предупрежденія повторенія прежнихъ несчастій и обезпеченія будущаго благосостоянія населенія. Если невозможно приобрести для Босніи и для сѣверной части Герцеговины, съ Ново-Базарскимъ санджакомъ, полной автономіи, нужно бы, по крайней мѣрѣ, обезпечить жителямъ сего края мѣстное самоуправленіе, сходное съ введеннымъ на островѣ Критѣ, но съ добавленіемъ тѣхъ примѣненій, которыхъ потребовало въ послѣднее время критское собраніе мѣстныхъ представителей, и съ положительною оговоркою обязательнаго употребленія сербскаго языка въ управленіи, назначенія половины мѣстныхъ чиновниковъ изъ туземцевъ христіанъ, учрежденія мѣстной милиціи, составленной пропорціонально численности населенія изъ туземныхъ христіанъ и мусульманъ, предоставленія распредѣленія податей и налоговъ самому населенію, уничтоженія десятины и проч.

«IV. Болгарія. Созданіе автономной Болгаріи, на такомъ же основаніи, какъ дунайскія княжества до парижскаго трактата, съ княземъ или губернаторомъ (каймакомомъ) православнаго вѣроисповѣданія, назначаемымъ Портою, избраніе котораго должно быть одобрено всѣми державами, съ выборнымъ туземнымъ верховнымъ совѣтомъ или диваномъ, съ туземною администраціею, мѣстною милиціею, набранной съ населенія, безъ сомнѣнія, составляло бы лучший исходъ, могущій быть предложеннымъ державамъ и Портѣ. Но нельзя не предвидѣть огромныхъ затрудненій, которыя встрѣтилъ бы подобный проектъ, въ особенности по причинѣ многочисленности мусульманскаго населенія въ Болгаріи. Въ случаѣ непреодолимости этихъ затрудненій придется ограничиться требованіемъ введенія въ Болгаріи реформъ, подобныхъ тѣмъ, которыя будутъ даны Босніи, т. е. примѣненія улучшеннаго и дополненнаго критскаго устава. Но это было бы минимумъ того, что мы могли бы принять для Болгаріи. Еще большія уступки съ нашей стороны невозможны послѣ ужасовъ, совершенныхъ въ краѣ мусульманами, съ вѣдома и одобренія мѣстныхъ властей. Россія, такъ живо сочувствовавшая несчастіямъ единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, не можетъ допустить, чтобы Болгарія была оставлена въ прежнемъ управленіи пашей. Европа обязана доставить императорскому правительству удовлетвореніе за его умѣренность, сдерживающую возбужденность русскаго народнаго чувства. Сама Великобританія, такъ упорно поддерживавшая Порту противъ славянъ, вынуждена нынѣ, подъ гнетомъ своего общественнаго мнѣнія, содѣйствовать улучшенію участи несчастной страны. Всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ о дарованіи правъ болгарамъ, вы-

ставляютъ на видъ затрудненія опредѣлить дѣйствительныя границы Болгаріи. Говорятъ, что тогда, какъ Балканскій хребетъ признается географическою гранью Болгаріи, этнографическая граница переходитъ далеко на югъ. Дѣйствительно, двѣ трети Македоніи и Фракіи населены болгарами. Разграниченіе округовъ съ смѣшаннымъ населеніемъ—греческимъ, сербскимъ и турецкимъ—возбудить, несомнѣнно, страсти и взаимную ненависть, развитыя въ особенности распрями, присущими греко-болгарскому церковному вопросу. Чтобы избѣгнуть этого камня преткновенія, надо бы измѣнить постановку вопроса въ томъ смыслѣ, что всѣ тѣ мѣстности Румеліи, которыя претерпѣли, при послѣднихъ событіяхъ, воспользуются новымъ устройствомъ и будутъ отдѣлены отъ тѣхъ частей Румеліи, гдѣ все было спокойно. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ страна была разорена, гдѣ селенія разграблены, церкви поруганы, гдѣ производились убійства и грабежи, гдѣ женщины и дѣти были мучимы и уведены въ неволю, прежній способъ управленія, приведшій къ подобнымъ гибельнымъ послѣдствіямъ, не можетъ быть восстановленъ или терпимъ. Порта, руками собственныхъ агентовъ и представителей и благодаря лишь бездѣйствію или преступности центральнаго правительства, вырыла пропасть между собою и туземнымъ христіанскимъ населеніемъ, пріобрѣвшимъ, цѣною своихъ страданій, право на особенное состраданіе и участіе Европы и на пріобрѣтеніе положительныхъ гарантій для будущаго существованія. Относительно Порты предложенныя мѣры были бы справедливымъ возмездіемъ за прошлое и полезнымъ предостереженіемъ для лучшаго управленія христіанскими областями. На основаніи вышеизложеннаго вся страна къ сѣверу отъ Родопскихъ горъ и черты, проведенной между городами Мустафа-Паша и Адрианополемъ до моря, должна получить новое управленіе. Дунайскій вилайетъ, мутессарифликъ (губерніи) Филиппопольскій и Сливненскій, равно какъ и недавно образованный вилайетъ (выдѣленный изъ Дунайскаго) Софійскій и Нишскій, которые именно и заключаютъ мѣстности, наиболѣе пострадавшія при послѣднихъ событіяхъ, вошли бы такимъ образомъ! по справедливости, въ составъ вновь образуемой области.

«Въ Болгаріи, какъ и въ Босніи, наподобіе того, какъ было сдѣлано въ Сиріи, необходимо поручить европейской комиссіи, составленной изъ специальныхъ представителей державъ, ввести новое управленіе, установивъ подробности онаго сообразно мѣстнымъ потребностямъ, и имѣть надзоръ за примѣненіемъ новыхъ установленій, пока вводимый порядокъ прочно укоренится. Эта комиссія должна бы вмѣстѣ съ тѣмъ заняться обезоруженіемъ мусульманскаго населенія и принятіемъ мѣръ для предупрежденія возобновленія избійеній христіанъ, когда мусульмане убѣдятся въ дѣйствительности европейскаго вмѣшательства, при роспускѣ

баши-бузуковъ и возвращеніи ихъ на родину. Въ случаѣ разногласія въ комиссіи, комиссары должны перенести дѣло въ свои посольства въ Константинополь, а послы державъ, собравшись въ конференцію, озаботятся устраненіемъ возникающихъ затрудненій соглашеніемъ между собою.

«V. Что касается христіанъ въ другихъ областяхъ Турціи, можно бы настаивать на введеніи реформъ, обѣщанныхъ въ различныхъ ирадѣ и фирманахъ покойнаго султана Абдуль-Азиса ¹⁾, сообщенныхъ официально европейскимъ правительствамъ и клонившихся къ установленію полной равноправности между мусульманами и христіанами. Хотя достиженіе этого послѣдняго результата невозможно на практикѣ, но державы обязаны выразить свои пожеланія въ этомъ смыслѣ, для поддержанія послѣдовательности европейской политики и въ отношеніи къ общественному мнѣнію, ожидающему улучшенія участи всѣхъ, безъ исключенія, христіанскихъ подданныхъ султана. Такъ какъ державы упустили ²⁾ заявить въ продолженіе царствованія Абдуль-Азиса, что обнародованныя ре-

---

¹⁾ Не только въ царствованіе Абдуль-Азиса, но и въ предыдущія царствованія султановъ Махмуда и Абдуль-Меджида, а также и въ позднѣйшіе годы, было издано много указовъ, обѣщавшихъ оттоманскимъ подданнымъ безъ различія исповѣданій то гражданскія реформы, то принципиальное признаніе основныхъ правъ, неприкосновенности имущества, жизни, чести и духовныхъ благъ. Вотъ списокъ важнѣйшихъ изъ этихъ многообѣщавшихъ актовъ, оставшихся большею частью на бумагѣ:

1) «Хатти-Шерифъ 26 шабала 1255 года отъ хеджры», или «Законъ о Тандзиматѣ отъ 3-го ноября 1839 г.».

2) «Фирманъ старшинамъ немусульманскихъ общинъ», изд. въ маѣ 1853 года.

3) «Прокламація Блистательной Порты» отъ 9-го мая 1855 года.

4) «Хатти-Хумаюнъ»—18-го февраля 1855 года.

5) «Законъ объ общемъ управленіи вилайетовъ»—29-го севала 1287 года (1870 г.).

6) «Императорскій фирманъ о реформахъ» изд. 12-го декабря 1875 года.

7) «Императорскій хатти (манifestъ) по случаю вступленія на престолъ султана Абдуль-Гамиды»—(1876 г.), отъ 23-го шабана 1293 года.

8) «Хатти, обнародовавшій оттоманскую конституцію 1876 года».

9) «Генеральная инструкція по управленію вилайетами, отъ 25-го мухаррема 1293 г. (1876 г.).

10) «Законъ о вилайетахъ Европейской Турціи» (проектъ, выработанный 11 (23) августа 1880 года европейскою комиссіею, при участіи турецкихъ делегатовъ).

11) «Декретъ 22-го апрѣля 1896 г. о реформахъ въ румелійскихъ вилайетахъ».

12) «Императорскій декретъ 12-го декабря 1902 года о введеніи реформъ въ областяхъ Румелии» (т. е. Европейской Турціи).

Текстъ всѣхъ этихъ актовъ опубликованъ на французскомъ языкѣ въ книгѣ бывшаго болгарскаго торговаго агента и извѣстнаго публициста А. Шопова. Точное заглавіе его книги слѣдующее: «A. Schopoff «Les Réformes et la Protection des chrétiens en Turquie» (1673—1904); Paris, chez Plon, 1904 (645 страницъ). А. Б.

²⁾ Упущеніе было преднамѣренное, въ особенности со стороны Австро-Венгрии и Германіи, не желавшихъ придать значеніе мѣропріятіямъ Порты, вынужденнымъ, по ихъ мнѣнію, мною, и ослабить ожидавшееся ими впечатлѣніе отъ содержанія ноты графа Андраши, оказавшейся, какъ и было предсказано мною, пустоцвѣтомъ; а между тѣмъ ради того, чтобы польстить самолюбію венгерца, кабинеты не исполнили своей обязанности и не воспользовались случаемъ серьезно измѣнить положеніе всѣхъ христіанъ.

А в т.

формы приняты ими къ свѣдѣнію, то было бы полезно нынѣ признать за этимъ актомъ покойнаго султана обязательную силу.

«Можно было бы при этомъ оговорить, что европейскіе представители будутъ имѣть право и обязанность наблюдать на мѣстѣ, въ теченіе по крайней мѣрѣ года, за исполненіемъ мѣстными властями вводимыхъ реформъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ безпорядковъ и избѣнія христіанъ непосредственное вмѣшательство державъ не должно быть исключаемо изъ предвидѣнныхъ случайностей, дабы придать болѣе вѣсу представленіямъ европейскихъ агентовъ въ Турціи.

«VI. Нѣтъ сомнѣнія, что державы имѣютъ право требовать, чтобы Порта впередъ не поселяла, въ европейскихъ своихъ областяхъ, кавказскихъ горцевъ и разныхъ другихъ дикихъ выходцевъ, всегда готовыхъ, по первому знаку, броситься на мирныхъ жителей, грабить и убивать. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно бы возразить противъ употребленія башибузукъ и разной иррегулярщины, вовсе не дисциплинированной и совершающей, къ сожалѣнію, безнаказанно ужасы въ христіанскихъ областяхъ Турціи. Подписавъ женеvскую конвенцію и принявъ участіе въ брюссельской конференціи, Порта обязана исполнять принятые ею на себя обязательства, согласоваться съ обычаями, существующими между образованными народами, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, быть исключенною изъ числа европейскихъ государствъ. Прежде, чѣмъ начать энергическія дѣйствія и предъавлять въ Константинополѣ, съ должною твердостью, вышепоименованныя требованія, намъ слѣдовало бы главнѣйше удостовѣриться въ содѣйствіи германскаго правительства и въ одобреніи нашей программы въ Лондонѣ, а затѣмъ дать еще разъ новое доказательство нашего расположенія Австро-Венгріи сообщеніемъ ей нашихъ намѣреній, посредствомъ послыки въ Вѣну отъ государя императора особаго довѣреннаго лица, которому поручено было бы безъ малѣйшей огласки, въ самомъ дружественномъ тонѣ, предоставить императору Францу-Иосифу на выборъ или принять нынѣшнія предложенія наши и искренно поддерживать ихъ, или же отказаться совсѣмъ отъ соглашеннаго между тремя имперіями способа общаго дѣйствія въ восточномъ вопросѣ. Въ дѣйствительности это тройственное соглашеніе доставило до сихъ поръ лишь отрицательные для христіанъ и крайне невыгодные для Россіи результаты. Необходимо дать понять наконецъ, какъ графу Андраши, такъ и нашимъ единовѣрцамъ, что Россія не можетъ и не намѣрена жертвовать постоянно своими жизненными интересами и вѣковыми преданіями для сохраненія тройственнаго союза ¹⁾.

---

¹⁾ Последнее выраженіе великолѣпно, тѣмъ болѣе, что оно, какъ выстраданный крикъ души, вырвалось у Н. П. Игнатъева въ такую эпоху (конецъ августа 1876 г.), когда въ высшихъ сферахъ преобладало то, что историкъ будущаго заклеимитъ названіемъ «рейхштадтской идеологіи». Для всякаго наблюдателя, понимающаго

Если до сихъ поръ мы постоянно дѣлали уступки въ пользу одного изъ нашихъ союзниковъ, наступило время, чтобы и наши друзья, съ своей стороны, приняли во вниманіе то положеніе, въ которое мы нынѣ поставлены, благодаря нашему снисхожденію. Чувства нашего собственнаго достоинства требуютъ блестящаго удовлетворенія, а наши интересы понуждаютъ насъ къ немедленному энергическому воздѣйствію въ пользу христіанъ въ Турціи. Если три могущественныя имперіи предприняли общее дѣйствіе и заявили, впервые въ исторіи, свое единодушіе въ восточныхъ дѣлахъ, въ такомъ случаѣ совершенно необходимо, чтобы полный успѣхъ увѣнчалъ ихъ усилія. Иначе установленное соглашеніе распадется и сочувствіе въ Россіи къ существованію тройственнаго союза еще болѣе, нежели когда-либо, исчезнетъ.

«По всей вѣроятности, Австро-Венгріи трудно будетъ возражать противъ нашихъ предложеній въ пользу болгаръ и вообще христіанъ въ Турціи, развѣ что она должна будетъ сознаться въ желаніи ухудшить еще болѣе прежняго положеніе христіанъ въ Турецкой имперіи, съ заднею мыслью ускорить конечную развязку.

«Австро-Венгрія не можетъ также противиться требуемому для Босніи улучшеніямъ, такъ какъ введеніе мѣстной административной ограниченной автономіи не представляетъ этой области никакихъ политическихъ правъ, могущихъ тревожить Австро-Венгрію. Но, вѣроятно ¹⁾, условія, выговариваемыя въ пользу Черногоріи, и въ особенности присоединеніе къ Сербіи самаго незначительнаго клочка земли возбуждаютъ возраженія вѣнскаго кабинета. Австро-Венгрія потребуеетъ въ свою пользу, можетъ быть, ссылаясь на мысли, высказанныя при рейхштадтскомъ свиданіи, присоединенія части Босніи, обусловливая этимъ вознагражденіемъ принятіе нашей программы. Если императорское правительство признаетъ необходимымъ согласиться на подобную сдѣлку, необходимо было бы точнымъ образомъ опредѣлить, что рѣчь можетъ быть лишь

сложное сдѣленіе силъ, создающихъ, въ государственной карьерѣ, подъемъ или крушеніе, уже этотъ возгласъ Игнатьева объясняетъ намъ всю его личную судьбу послѣдующихъ десятилѣтій. Дѣлается вполне понятнымъ и усердное распыленіе въ нашихъ верхахъ клеветническихъ на него навѣтовъ изъ-за рубежа, и переведенные прямо съ нѣмецкаго ироническіе клише и анекдоты съ цѣлью ослабить блескъ этого вполне русскаго борца за величіе Россіи, и, наконецъ, парализованіе его силъ во цвѣтъ лѣтъ на цѣлую четверть вѣка. Когда настаеетъ время холоднаго и проникновеннаго пониманія нашей эпохи, т. е. эпохи распада государственнаго величія страны, тогда станетъ ясно, что ни одна страна въ мірѣ не могла бы живьемъ похоронить и сдать въ архивъ въ разгаръ его способностей такую мощную и творческую фигуру, какимъ былъ Игнатьевъ. А вынужденное его удаленіе отъ дѣлъ, на пользу врагамъ отечества, есть страшное «testimonium pauperitatis» цѣлой пережитой нами эпохѣ!

А. Б.

¹⁾ Судя по прежнимъ заявленіямъ графа Андраши императорскому кабинету и инструкціямъ его представителямъ Австро-Венгріи въ Константинополь. Авт.

объ уступкѣ Австро-Венгріи одной турецкой Краоціи¹⁾. Въ сѣверной части Босніи возставшіе жители одержали, повидимому, нѣкоторые успѣхи и было бы совершенно несправедливо отдать отвоеванные босняками мѣстности Австро-Венгріи, вопреки желанія народонаселенія. Во всякомъ случаѣ территоріальное увеличеніе Черногоріи и Сербіи должно быть осуществлено непремѣнно одновременно съ выгодами, предоставляемыми Австро-Венгріи, чтобы хотя нѣсколько оправдать, въ глазахъ русскаго общественнаго мнѣнія уступки, дѣлаемыя Россією Габсбургской монархіи. По всей справедливости, чтобы имѣть какое-либо право на полученіе вознагражденія, Австро-Венгрія должна бы оказать осязательную и всѣми признанную услугу какъ намъ, такъ и нашимъ единовѣрцамъ, энергически и въ дѣйствительности добиться вмѣстѣ съ нами немедленнаго прекращенія кровопролитія и заставить Порту принять безусловно всю нашу программу въ пользу восточныхъ христіанъ. Чтобы этого достигнуть, Австро-Венгрія должна бы, въ согласіи съ нами, угрожать Турціи прерваніемъ съ нею сношеній, прекращеніемъ территоріальной гарантіи, опредѣленной Парижскимъ договоромъ и послѣдующими обязательствами, и, въ случаѣ крайней надобности, ввести свои войска въ Боснію одновременно съ тѣми военными дѣйствіями, которыя были бы предприняты нами въ Болгаріи и Азіи, для принужденія Порты принять наши требованія.

«Казалось бы предпочтительнѣе не касаться, до послѣдней крайности, вопроса о территоріальныхъ уступкахъ европейскимъ державамъ и не нарушать, такимъ образомъ, основного принципа неприкосновенности территоріи Турецкой имперіи. Если бы мы могли рассчитывать на искреннее и откровенное содѣйствіе Велико-

---

¹⁾ Что такое «турецкая Краоція»? Понятіе это въ настоящее время настолько заглохло, что предѣловъ этой области нельзя найти не только въ современныхъ картахъ, но даже въ историческихъ атласахъ.

Между тѣмъ, ясный отвѣтъ мы находимъ въ сличеніи двухъ картъ: а) приложенной въ № VII «*Petermann's Mittheilungen*» 1876 г.—карты распределенія вѣроисповѣданій въ Европейской Турціи и б) современной административной карты Босно-Герцеговины, въ австрійскомъ изданіи: «*Karte von Dalmatien, Bosnien u Hercegovina*», Wien, Artaria, rev. v. D-r. Peucker. Изъ этого сравненія оказывается слѣдующее: 1) Герцеговину составляютъ сейчасъ: а) Мостарскій округъ и б) южная часть Сараевского округа; 2) Боснію составляютъ округа: а) Сараево (больш. часть), б) Долин. Тузла, в) Баньялука, г) Травникъ и д) Бихачъ.

Вотъ эти два послѣднихъ округа: Травникъ (зап. часть) и Бихачъ именовались еще въ 1875—6 годахъ старымъ именованіемъ «Турецкой Краоціи». Мысль Н. П. Игнатъева здѣсь довольно ясна: въ крайнемъ случаѣ, если не будетъ никакой возможности помѣшать Австріи присвоить себѣ часть Босніи, пусть она не идетъ дальше округовъ, расположенныхъ на крайнемъ сѣверо-западѣ въ этой области, т. е. Бихачъ и западный Травникъ. А Баньялуку Игнатъевъ надѣется отстоять. Это былъ, дѣйствительно, одинъ изъ бывшихъ фокусовъ возстанія 1875—76 гг. (Ср. записки «*Kaetschet*» стр. 42).

Британіи для успѣшнаго исполненія вышеизложенной программы, то лучше было бы избѣгнуть, по возможности, обѣщанія Австро-Венгріи сдѣлать ей уступки, противныя русскому народному чувству и въ особенности желаніямъ и надеждамъ сербовъ. Расширеніе Австро-Венгріи къ Адриатическому морю встрѣтитъ сопротивленіе Италіи и могло бы сблизить Англію съ Франціею и Италіею, въ видахъ противодѣйствія осуществленію проекта распространенія владѣній Австро-Венгріи. Было бы, можетъ быть, не трудно прійти нынѣ ¹⁾ съ Англіею въ соглашеніе касательно нашей программы, и тогда вопросъ получилъ бы немедленно практическое разрѣшеніе.

«Нельзя ли попытаться умѣрить вождельнія вѣнскаго кабинета объясненіемъ, что введеніе новаго порядка въ Босніи ослабитъ съ одной стороны связи этой области съ Портою, а съ другой— временно обезнадежитъ людей, добивающихся присоединенія къ Сербіи, а потому подчинитъ эту область вліянію сосѣдней державы, которая могла бы употребить его на подготовленіе присоединенія, въ будущемъ, Босніи къ Австро-Венгріи, когда естественное и правильное развитіе этого края произведетъ окончательное выдѣленіе его изъ состава Турецкой имперіи и расположитъ умы жителей къ желаемому въ Вѣнѣ результату. Во всякомъ случаѣ, Австро-Венгрія извлекаетъ изъ осуществленія предполагаемаго проекта уже ту выгоду, что боснійскій вопросъ не будетъ разрѣшенъ окончательно, чего такъ боялась Австро-Венгрія, въ пользу Сербіи и останется открытымъ. На границѣ Габсбургской монархіи не будетъ, такимъ образомъ, создано большое славянское государство, угрожающее, по мнѣнію вѣнскаго правительства, безопасности Австро-Венгріи.

«Увеличеніе Черногоріи скорѣе благопріятно, въ сущности, для австро-венгерскихъ интересовъ, создавая въ сербскомъ племени противовѣсъ Сербіи и затрудняя сгруппированіе всѣхъ сербовъ около Бѣлграда, что составляетъ мечту омадины. Слѣдовательно, вѣнскій кабинетъ долженъ признать наши предложенія за самый благопріятный для себя исходъ нынѣшняго кризиса и потому долженъ бы оказать намъ полное содѣйствіе, не добиваясь пріобрѣтенія исключительныхъ и непосредственныхъ выгодъ для себя самого, слѣдуя въ этомъ случаѣ благоразумному примѣру императорскаго правительства.

«Какъ бы то ни было, но необходимо намъ вести энергически рѣшительные переговоры, согласившись предварительно съ Берлиномъ и, по возможности съ Лондономъ; надо сдѣлать послѣднюю

---

¹⁾ Послѣ рѣчи Гладстона и другихъ членовъ оппозиціи и шумныхъ митинговъ направленіе торійскаго кабинета до такой степени измѣнилось, что шла рѣчь объ отозваніи Элліота.

попытку для понужденія Австро-Венгрии принять, въ самый короткий срокъ, нашу программу и затѣмъ имѣть возможность тотчасъ же дѣйствовать на Порту, чтобы получить ея согласіе на наши предложенія прежде, нежели взятіе турецкими войсками Алексанада и Делиграда откроетъ путь въ сердце Сербіи и предастъ княжество въ руки враговъ, а также пока еще князь черногорскій въ состояніи сдерживать превосходныя силы, готовящіяся напасть со всѣхъ сторонъ на Черную гору.

«Не слѣдуетъ увлекаться предположеніемъ, что переговоры съ Портою не будутъ сопряжены съ громадными затрудненіями, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Турціи. Повинуясь господству невѣжественной и нафанатизированной толпы, руководимой политическими интриганомъ, отличающимися отсутствіемъ принциповъ и убѣжденій, а равно своею необузданностью, оттоманское правительство съ трудомъ будетъ внимать совѣтамъ Европы. Нужно будетъ говорить смѣло, твердо, рѣшительно, поддерживая требованія державъ угрозою дѣйствительнаго прерванія сношеній и даже, можетъ быть, немедленными военными демонстраціями. Всякое слабое и нерѣшительное дипломатическое дѣйствіе въ Константинополѣ, не сопровождаемое дѣйствительными угрожающими мѣрами, подготовило бы лишь новую неудачу и окончательно скомпрометировало бы достоинство державъ, въ особенности же Россіи, на которую восточные христіане и преимущественно славяне возлагаютъ всѣ свои надежды».

Записка эта заключала полную программу дѣйствій, которыя могли бы насъ вывести изъ того фальшиваго положенія, въ которое мы были поставлены съ осени 1875 года, т. е. со времени принятія программы графа Андраши и нашего ему подчиненія въ восточной политикѣ.

Канцлеръ нашелъ даже эту умѣренную программу слишкомъ опасною и широкою и съ начала сентября началъ склоняться къ простому принятію англійской программы, несмотря на неопредѣленность ея выраженій, и къ возвращенію въ Константинополь русскаго посла для врученія вѣрительныхъ грамотъ новому султану Абдуль-Гамиду, возведенному министрами-папами на престолъ взамѣнъ разслабленнаго и нравственно больного Мурада.¹⁾

Тогда я подаль новую записку канцлеру, имѣвшую цѣль доказать, что возвращеніе русскаго посла въ Константинополь, по случаю восшествія новаго султана, могло бы состояться лишь на слѣдующихъ условіяхъ: «1) кровопролитіе прекратится принятіемъ Портою перемирія. Державы получаютъ возможность вступить въ переговоры съ Портою о составленіи практической программы,

---

¹⁾ Низложеніе Мурада и возведеніе на престолъ Абдуль-Гамида послѣдовало 19 (31) августа 1876 года. А. Б.

могущей оградить будущую безопасность нашихъ единовѣрцевъ и упрочить миръ.

«2) Предварительное соглашеніе между Россією и другими великими державами, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ, должно быть установлено съ тѣмъ, чтобы я могъ тотчасъ приступить къ настойчивымъ и энергическимъ дипломатическимъ дѣйствіямъ, которыя были бы поддержаны, въ случаѣ крайней надобности, угрожающими мѣрами, принятыми въ согласіи съ другими державами. Послѣднія событія достаточно доказали, что лишь такія мѣры въ состояніи образумить турокъ, внушить имъ спасительный страхъ, понудить ихъ къ стоворчивости и покончить съ пынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Царьградѣ.

«3) За отсутствіемъ такого соглашенія между державами мы должны быть готовыми дѣйствовать самостоятельно, доведя до конца дипломатическую борьбу, предпринятую въ защиту нашихъ единовѣрцевъ. Для сего посолъ долженъ быть уполномоченъ, въ случаѣ встрѣченнаго сопротивленія, представить ультиматумъ, который уже долженъ быть поддержанъ съ оружіемъ въ рукахъ.

«Нынѣшнее положеніе дѣлъ не соотвѣтствуетъ ни одному изъ вышеозначенныхъ трехъ условій. Такъ, какъ и слѣдовало ожидать, Порта смѣло рассчитываетъ на нашу изолированность въ Европѣ; убѣдившись въ разномысліи державъ, она не сомнѣвается въ своей безнаказанности, въ случаѣ, если борющіеся съ нею славяне будутъ раздавлены турецкими полчищами. Она стала отважною и даже неосторожною и отказываетъ державамъ въ перемиріи, предполагая вынудить Сербію и Черногорію подчиниться самымъ тягостнымъ условіямъ мира. Турки, по послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Константинополя ¹⁾, желали бы насъ вывести изъ терпѣнія и даже, можетъ быть, вызвать на столкновеніе, въ надеждѣ возбудить, въ минуту грозящей Турціи опасности войны съ Россією, измѣненіе въ свою пользу въ настроеніи кабинетовъ и въ расположеніи общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Переговоры, начатыя для прекращенія кровопролитія, не привели къ заключенію перемирія съ опредѣленіемъ гарантированной, демаркаціонной линіи между борющимися. Конференція, желаемая императорскимъ правительствомъ, не соберется, повидимому, потому, что Порта точно такъ же, какъ и другіе кабинеты, не расположена созвать оную. Существуетъ еще огромная разниа между мирными условіями, которыя мы могли бы допустить, въ видѣ минимума, и тѣми предложеніями, которыя Англія соглашается поддерживать. Немыслимо предположить, что разъ

¹⁾ Оставшіяся тамъ повѣренными въ дѣлахъ Нелидовъ писалъ въ этомъ смыслѣ донесенія министру иностранныхъ дѣлъ и миѣ, изображая самыми черными красками существовавшее положеніе на Босфорѣ и считая войну единственнымъ для насъ исходомъ.

опасность войны минуетъ, Порты и даже европейскія державы будутъ расположены содѣйствовать успѣху нашихъ условій умиротворенія Востока.

Возвращеніе мое, послѣ того, какъ буду имѣть счастье, получить непосредственно въ Крыму указанія его величества, произведетъ, несомнѣнно, громадное впечатлѣніе въ Константинополь, въ особенности въ такую серьезную минуту. Всѣ будутъ убѣждены, что я привезу положительныя рѣшенія, твердую программу, и всѣ взоры будутъ устремлены на мои дѣйствія. Наши единовѣрцы въ особенности будутъ ожидать съ содроганіемъ послѣдствій моего возвращенія. Если положеніе, принятое мною, не будетъ соответствовать ихъ ожиданію, и я не добьюсь никакихъ видимыхъ результатовъ, то мое обаяніе, равно какъ и обаяніе русскаго царя умалится. Въ настоящемъ предрасположеніи турецкихъ министровъ и при существующихъ обстоятельствахъ, нельзя даже ручаться, что стамбульскіе коноводы не постараются умышленно довести до крутой развязки, подвергнувъ насъ прямому, для всѣхъ видимому вызову или оскорбленію, которое нельзя будетъ оставить безнаказаннымъ. Мы тогда будемъ захвачены врасплохъ и должны уже будемъ отстаивать нашу затронутую честь... Поэтому казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы возвращеніе мое въ Константинополь совпало съ принятіемъ императорскимъ правительствомъ яснаго, опредѣленнаго и рѣшительнаго положенія.

«Есть люди, которые предполагаютъ, что такъ какъ дѣло наше въ настоящее время проиграно, то можно бы прикрыть дѣйствительное положеніе вещей въ теченіе всей зимы, предоставляя себѣ возобновить собственною инициативою прерванное нынѣ дѣйствіе будущей весною, при болѣе благопріятной обстановкѣ. Это—заблужденіе, могущее имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Кто можетъ поручиться, что нынѣшнее одушевленіе русскихъ людей, располагающее ихъ къ самымъ большимъ пожертвованіямъ и внушающее уваженіе Европѣ, продержится на теперешней высотѣ, несмотря на постигшія насъ неудачи? Разочарованіе и озлобленіе, вызванныя несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, могутъ придать совершенно иное направленіе патріотическому настроенію. Съ другой стороны, возбужденіе европейскаго общественнаго мнѣнія въ полъзу христіанъ, проявляющееся въ особенности въ Великобританіи и въ Италіи и которое воспрепятствовало бы теперь кабинетамъ принять сторону турокъ противъ христіанъ, можетъ исчезнуть и замѣниться обычнымъ равнодушіемъ Запада въ отношеніи къ нашимъ единовѣрцамъ. Утомленная затрудненіями, свойственными всѣмъ восточнымъ кризисамъ, европейская публика будетъ желать лишь одного, чтобы ее болѣе не смущали восточными дѣлами, и предпочтетъ тревоженіямъ послѣднихъ шести мѣсяцевъ продолженіе прежняго положенія, какое бы оно ни было,

въ Турціи и могильную тишину, въ которую погружены будутъ борющіеся наши единовѣрцы. Россія вызоветъ негодованіе Европы, если она захочетъ поднять весною потухшій восточный вопросъ и рискнетъ возобновить борьбу, чтобы возстановить самыя законныя права своихъ единовѣрцевъ. Съ экономической и финансовой точки зрѣнія, какъ вообще европейской, такъ и въ особенности русской, эти перемежающіяся повторенія успокоенія и возбужденія на Востокъ, увѣковѣчивая продолженіе кризиса, гибельны для всѣхъ и каждаго.

«Если политическія обстоятельства, по всей вѣроятности, ухудшатся для насъ къ будущей веснѣ, то еще болѣе сомнительно, чтобы наши военныя условія улучшились значительно. Наши естественные союзники будутъ всѣ, поочередно, разбиты турками прежде, нежели мы вступимъ въ дѣло и можемъ оказать помощь. Такимъ образомъ, мы должны будемъ совершенно одни противостоятъ туркамъ, которые могутъ быть поддержаны нѣкоторыми западными державами явно или тайно. Во всякомъ случаѣ Порта получитъ возможность употребить шесть зимнихъ мѣсяцевъ, послѣ разгрома Сербіи и Черногоріи, на увеличеніе своихъ войскъ, исправленіе своихъ вооруженій и приготовленія къ войнѣ съ нами. Избавленная отъ всякихъ опасеній со стороны Сербскаго княжества, Турція можетъ сосредоточить всѣ свои силы исключительно противъ насъ, а ими пренебрегать никакъ не слѣдуетъ.

«Не надо терять также изъ виду, что если Россія вынуждена будетъ обнажить мечъ, то было бы болѣе сообразно съ ея достоинствомъ и несравненно выгоднѣе не обнаруживать своихъ намѣреній прежде, нежели мы будемъ въ состояніи немедленно начать военныя дѣйствія. Энергическое, рѣшительное заявленіе Россіи должно имѣть немедленнымъ послѣдствіемъ соответствующія мѣры, что всегда производитъ рѣшающее впечатлѣніе на восточныхъ людей. Въ настоящемъ случаѣ подобный образъ дѣйствій тѣмъ болѣе необходимъ, что предварительныя мѣры, которыя турки могутъ принять въ отношеніи къ намъ, до открытія военныхъ дѣйствій, могутъ нанести намъ безнаказанно существенный вредъ, тогда какъ отсутствіе черноморскаго военнаго флота лишаетъ насъ возможности отъ нихъ оградиться. Если туркамъ дозволено будетъ самимъ выбрать минуту,—когда они сочтутъ для себя полезнымъ вызвать съ нами столкновеніе, то, имѣя всю зиму передъ собою для приготовленій, они могутъ, безъ объявленія войны, выгнать подъ разными предлогами всѣхъ русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Турціи, и, вступивъ съ эскадрою своею въ Черное море, плавать вдоль нашихъ незащитныхъ береговъ, подрывать нашу торговлю, затруднить плаваніе русскихъ судовъ и внести смятеніе и разореніе во всѣ наши приморскіе города и поселенія. Это унижительное положеніе, продолжаясь, уронитъ окончательно

обаяніе Россіи въ глазахъ ея единовѣрцевъ, которые никакъ не поймутъ, зачѣмъ мы сносимъ терпѣливо хотя самое короткое время подобное положеніе, безъ принятія самыхъ энергическихъ мѣръ для наказанія Турціи. вмѣстѣ того, чтобы предоставить туркамъ и ихъ совѣтникамъ вовлечь насъ, противъ собственнаго желанія, въ войну, въ минуту, признанную ими наиболѣе для себя выгодною, намъ слѣдовало бы, избѣгая объявленія не желаемой государемъ войны, приступить нынѣ же къ тѣмъ мѣрамъ, которыя необходимы для огражденія интересовъ и достоинства Россіи».

Государь императоръ, по прочтеніи этой записки, написалъ: «какія мѣры?» По всей вѣроятности, канцлеръ не обратилъ вниманіе его величества на болѣе пространную мою записку, въ которой были подробно указаны тѣ дипломатическіе шаги, которые должны быть сдѣланы въ Берлинѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ для установленія общей европейской программы и избѣжанія крутой постановки вопроса о войнѣ между одною Россіею и Турціею.

Подъ впечатлѣніемъ, что Австро-Венгрія расположена честно дѣйствовать въ союзѣ съ нами,—вслѣдствіе рейхштадтскаго свиданія и происходившаго тамъ обмѣна мнѣній о восточномъ вопросѣ,—государь отправилъ 10-го сентября въ Вѣну генераль-адъютанта Сумарокова-Эльстона съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Иосифу. Письмо вручено было 12-го сентября и заключало предложеніе принять, при упорствѣ Порты, слѣдующія мѣры: занять одновременно Боснію—австрійскими войсками, а Болгарію—русскими, тогда какъ десанты всѣхъ великихъ державъ вступятъ въ Босфоръ. То же предложеніе было сообщено графомъ Шуваловымъ лорду Дерби въ Лондонѣ 14-го сентября. Какъ Лондонъ, такъ и Вѣна отклонили предложенія Россіи. Этимъ отказомъ Австро-Венгрія, повидимому, доказала, что она вовсе не желаетъ занимать Боснію на тѣхъ же условіяхъ, какъ Россія—Болгарію, для блага христіанскаго населенія и прекращенія кровопролитія, а желаетъ продленія осложненій и выжидаетъ случая присвоить себѣ Боснію и Герцеговину. Въ Вѣнѣ прежде полагали ограничиться одною морскою демонстраціей противъ Порты, а въ Лондонѣ противились вступленію русскихъ войскъ въ Болгарію. Князь Горчаковъ тоже рѣшился ограничиться предложеніемъ всѣмъ великимъ державамъ потребовать отъ воюющихъ сторонъ лишь немедленной приостановки военныхъ дѣйствій и заключенія перемирія на шесть недѣль.

Когда выяснилось, что переговоры между кабинетами ведутся вяло и не подвигаются, то я счелъ нужнымъ подать записку канцлеру подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя предположенія по поводу нынѣшняго положенія».

«Наши предложенія сухопутныхъ и морскихъ мѣропріятій противъ Турціи будутъ, повидимому, отклонены, подъ предлогомъ,

что съ Портою вступили уже въ переговоры, что она оказывается довольно податливою и что ее не слѣдуетъ доводить до ожесточенія и т. д. Если кабинеты и согласятся въ принципѣ на предлагаемая нами мѣропріятія, то это лишь на случай положительнаго отказа Порты, но наши союзники поведутъ дѣло такъ, что формальнаго отказа не будетъ; мирныя условія будутъ редактированы такимъ образомъ, что Турціи доставится возможность принять ихъ въ теоріи и избѣгнуть исполненія на практикѣ. По всей вѣроятности, угрожающее положеніе Россіи вынудитъ державы расширить ихъ программу, чтобы облегчить намъ принятіе оной. Но тогда можетъ возникнуть новое затрудненіе. Рѣшимся ли мы отвергнуть расширенную въ угоду намъ европейскую программу мирныхъ условій, признавъ ихъ еще недостаточными, и отдѣлаться такимъ образомъ отъ всѣхъ другихъ державъ, рискуя вызвать европейское сопротивленіе, если мы пойдемъ далѣе наперекоръ бывшимъ союзникамъ? Очевидно, что весь вопросъ объ улучшеніи положенія христіанъ въ Турціи сводится къ вопросу о гарантіи исполненія того, что будетъ принято Портою. На практикѣ могутъ существовать лишь два способа: 1) или введеніе реформъ будетъ приводиться въ исполненіе подъ наблюденіемъ комиссіи, составленной изъ мѣстныхъ консуловъ или европейскихъ делегатовъ, 2) или же областямъ будетъ дано совершенно новое устройство, съ удаленіемъ турецкихъ чиновниковъ и войскъ, на которыя опирается нынѣшняя администрація. Не представляется вѣроятнымъ, чтобы тотъ или другой изъ этихъ двухъ способовъ былъ одобренъ всѣми державами и принять добровольно Портою. Удовольствуются соблюденіемъ дипломатическихъ формальностей въ родѣ составленія протокола, который придастъ обязательству Порты нѣкоторое значеніе, но на практикѣ не приведетъ къ большому результату, нежели хатти-хумаюнъ 1856 г., упомянутый торжественно въ Парижскомъ договорѣ, признавшемъ за этимъ актомъ высокое значеніе.

«Исполненіе реформъ будетъ парализовано недоброжелательствомъ или развращенностью чиновниковъ турецкихъ, и положеніе христіанъ станетъ несравненно худшимъ прежняго, вслѣдствіе ожесточенной взаимной ненависти, накопившейся въ продолженіе нынѣшняго кризиса.

«Въ этомъ отношеніи всякая иллюзія должна исчезнуть.

«Мы будемъ, такимъ образомъ, поставлены передъ слѣдующимъ выборомъ: 1) послѣ всѣхъ усилій, употребленныхъ въ теченіе переговоровъ, чтобы расширить программу реформъ, въ особенности придать серьезное значеніе мѣстнымъ автономіямъ и усилить обязательства, вытребованныя отъ Порты,—мы будемъ вынуждены удовольствоваться несравненно меньшимъ результатомъ для выхода изъ нынѣшняго положенія, несмотря на сознаніе непрочности и неудовлетворительности временной сдѣлки; 2) или

же прибечъ паше согласіе до той минуты, когда мы увидимъ, что Порта исполняетъ свои обязательства передъ Европою; выжидательнымъ положеніемъ, нами принятымъ, побуждать Турцію къ болѣе добросовѣстному отношенію къ дѣлу; 3) или заявить въ формѣ ультиматума собственную ясную и практическую программу, съ указаніемъ требуемыхъ нами гарантій. Первый способъ разрѣшенія доставилъ бы немедленное прекращеніе неравной борьбы и временное перемиріе, но представляетъ то затрудненіе, что, присоединяясь къ другимъ державамъ Россія,—въ случаѣ, если Сербы, черногорцы и герцеговинцы отвергнутъ предлагаемыя условія,—будетъ поставлена въ необходимость участвовать въ европейскомъ давленіи на своихъ единовѣрцевъ, для вынужденія ихъ покорности. Всего вѣроятнѣе, что тѣ условія примиренія, которыя примутся Портою, значительно будутъ разниться отъ желаній борющихся христіанъ.

«Несомнѣнно, что мы не можемъ поддерживать ихъ крайнихъ надеждъ. Если предложенная сдѣлка могла внушить намъ достаточное довѣріе и въ особенности представляла бы положительное ручательство осуществленія, мы не дозволимъ сербамъ и черногорцамъ нарушить миръ Европы единственно изъ упрямства или для удовлетворенія лишь ихъ безграничнаго честолюбія. Но сомнительно, чтобы европейскія предложенія отвѣчали вышесказанному, а потому все, что мы могли бы предпринять, это посовѣтовать борющимся единовѣрцамъ нашимъ принять предложенія, такъ какъ они составляютъ наилучшія, которыя, при данныхъ обстоятельствахъ, мы могли для нихъ исходатайствовать. Но мы не можемъ ихъ заставить удовольствоваться этими предложеніями, не вызвавъ на Россію, въ ихъ глазахъ, громадную отвѣтственность ¹⁾. Очень можетъ статься, что христіане, при нынѣшнемъ положеніи, предпочтутъ продолжать борьбу. Тогда, по всей вѣроятности, державы будутъ угрожать имъ принудительными мѣрами, чтобы заставить подчиниться европейскому приговору.

«Можемъ ли сему воспротивиться, если мы сами предварительно одобримъ европейское рѣшеніе ²⁾? Второй способъ исхода—воздержаться отъ заявленія нашего согласія, казался бы болѣе осторожнымъ, но такой образъ дѣйствій, вѣроятно, будетъ имѣть послѣдствіемъ поддержаніе въ борющихся единовѣрцахъ нашихъ надеждъ и желанія сопротивляться. А потому мы могли бы придержаться такого способа дѣйствій лишь въ томъ случаѣ, если бы мы признали совершенно невозможнымъ принять несостоятельныя мирныя предложенія ³⁾.

¹⁾ Государь сонзволить начертать противъ этого мѣста: «разумѣется нельзя» (non certes).

А в т.

²⁾ Государь отмѣтилъ: «нѣтъ, не можемъ».

А в т.

³⁾ Государь начерталъ: «конечно».

А в т.

«Что касается третьяго способа, то нѣтъ сомнѣнія, что мы пришли бы къ болѣе яснымъ и опредѣленнымъ результатамъ, но не надо терять изъ виду, что такой образъ дѣйствій можетъ насъ вовлечь непосредственно въ войну. Мы даже могли бы попытаться ся избѣгнуть, лишь выказавъ полную готовность и рѣшимость предпринять военныя дѣйствія, въ случаѣ надобности. Для достиженія этой послѣдней цѣли необходимо, чтобы, опираясь на внушительныя и рѣшительныя военныя приготовленія, мы предъявили такую умѣренную программу, которая поставила бы державы въ совершенную невозможность поддерживать Порту съ оружіемъ въ рукахъ и вынудила бы ихъ предпочесть присоединиться къ намъ, чтобы заставить ¹⁾ турокъ покориться, не оставляя насъ съ ними наединѣ.

«Программа, наиболѣе соотвѣтствующая этой цѣли, та, которая изложена Гладстономъ (вождь оппозиціи, ставшій на сторону христіанъ и повліявшій на великобританскую политику). Она въ сущности сводится къ двумъ яснымъ и практическимъ принципіальнымъ условіямъ, которыя, несомнѣнно, прямо ведутъ къ цѣли: удаленіе турецкихъ чиновниковъ и войскъ. Эта простая программа имѣетъ еще то преимущество ²⁾, что она англійскаго происхожденія, заявлена англійскимъ государственнымъ человѣкомъ, могущимъ снова сдѣлаться руководящимъ министромъ, и одобрена огромнымъ большинствомъ англійской печати и общественнаго мнѣнія. При нынѣшнемъ положеніи послѣдняго было бы очень трудно предположить, что лондонскій кабинетъ можетъ вступить въ союзъ съ турками противъ насъ, для противодѣйствія этой программѣ. При такомъ положеніи дѣлъ лондонскій кабинетъ можетъ быть увлеченъ и предпочесть предоставленію намъ воевать съ Турціею, въ особенности же въ Малой Азій, гдѣ мы можемъ приблизиться къ всегда озабочивающему англичанъ пути сообщенія съ Индіею,—поддержать нашъ ультиматумъ ³⁾ для сохраненія мира. Въ этомъ случаѣ примѣръ Великобританіи увлекъ бы и другіе кабинеты.

«Если это не удастся, то мы могли бы разсчитывать, по крайней мѣрѣ, что державы намъ предоставятъ единоборствовать съ Турціею.

«Программа Гладстона имѣетъ, разумѣется, и хорошія, и дурныя стороны. Она устраняетъ политическія осложненія, соединенныя съ разрушеніемъ Оттоманской монархіи. Имперія продолжала бы существовать, такъ какъ самоуправляющіяся области не

¹⁾ Государь изволилъ отмѣтить собственноручно: «миѣ бы и хотѣлось этого достигнуть». Авт.

²⁾ Государь отмѣткою одобрилъ эту мысль. Авт.

³⁾ Государь отмѣтилъ собственноручно, что подобный исходъ былъ бы, разумѣется, наилучшимъ, но что онъ сомнѣвается, чтобы мы могли его достигнуть. Авт.

переставали бы входить въ ея составъ; онѣ вносили бы дань Портѣ, пользовавшейся доходами, безъ всякаго расхода на администрацію областей, на содержаніе въ нихъ войскъ и на безпрестанное подавленіе возстаній. Европа, обеспечивающая христіанскимъ областямъ самоуправленіе, могла бы взамѣнъ гарантировать Портѣ сохраненіе status quo и подавленіе всякой попытки со стороны населенія нарушить установленный порядокъ¹⁾.

«Слабыя стороны этого проекта заключаются въ затруднительности привести его въ исполненіе. Какъ устроить автономію тѣхъ областей, гдѣ населеніе смѣшанное, разноплеменное и разныхъ вѣроисповѣданій? Какимъ образомъ обезпечить поддержаніе порядка послѣ выхода турецкихъ войскъ и управленія? Какъ поступить съ крѣпостями, каковы: Шумла, Варна, Виддинъ, Нишъ и прочія? Сосредоточить ли въ нихъ турецкіе гарнизоны, или нѣтъ? Кого поставить во главѣ каждой изъ областей: туземца или турецкаго губернатора? Никто не можетъ отрицать существованіе этихъ затрудненій. Ихъ возможно разрѣшить удовлетворительно; но для достиженія этой цѣли потребуются, вѣроятно, учрежденіе европейской комиссіи, опирающейся на временное военное занятіе края²⁾.

«Но главное—необходимо убѣдить Порту принять такое разрѣшеніе поднятыхъ вопросовъ. Весьма сомнительно, чтобы она согласилась на предложенія добровольно, не будучи принуждена къ тому силою.

«Слѣдовательно, первое условіе для практическаго и удачнаго разрѣшенія нынѣшнихъ затрудненій заключается въ соглашеніи для принятія совмѣстныхъ военныхъ сухопутныхъ и морскихъ мѣръ понужденія».

Министерство иностранныхъ дѣлъ не имѣло ни духа, ни умѣнья, ни твердости характера, ни достаточной дѣятельности, чтобы вступить на практической путь и достигнуть цѣли однимъ изъ указанныхъ въ упомянутыхъ трехъ запискахъ способовъ. Все ограничилось полумѣрами нерѣшительнаго свойства, дѣйствіями безсвязными, бесплодною перепискою и краснорѣчивыми фразами канцлера и барона Жюмини. А время уходило безвозвратно, и враги наши работали усердно, предусмотрительно и настойчиво. Я доказывалъ князю Горчакову, что берлинская программа (выработанная въ апрѣлѣ 1876 года) недостаточна и неудовлетворительна. Россіи не можетъ быть все равно, какимъ образомъ, при какой обстановкѣ и когда разрѣшится восточный вопросъ и пріобрѣтутъ независимость наши единовѣрцы; будутъ ли соблюдены и ограждены наши существенные историческіе интересы, или же преобладаніе

1) Государь императоръ начерталъ: «да».

А в т.

2) Государь одобрилъ собственноручно эти замѣчанія.
«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

А в т.

Запада восторжествуетъ надъ законными стремленіями православной Россіи. Касательно мнѣній, которыми обмѣняются въ Берлинѣ три министерства иностранныхъ дѣлъ (Бисмаркъ, князя Горчакова и графа Андраши), я высказывалъ, что, создавая автономную Болгарію, мы не можемъ оставить внѣ ея границъ части Фракіи и Македоніи, населенныхъ болгарами. Образованіе же вольнаго города въ Константинополѣ, въ случаѣ распадѣнія Турціи, я признаю невыгоднымъ для Россіи. Городъ этотъ при совмѣстномъ европейскомъ гарнизонѣ будетъ для насъ вреденъ, а безъ европейской военной охраны—подвергнется исключительному вліянію Англіи, находясь подъ угрозою великобританскаго флота. Существованіе вольнаго города можно было бы допустить лишь при условіи военнаго занятія и морской станціи въ Дарданеллахъ и уничтоженіи босфорскихъ укрѣпленій. Батумъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть присоединенъ къ нашимъ владѣніямъ.

На первое предложеніе, сдѣланное въ концѣ августа Англіею,—вынудившею чрезъ своего генеральнаго консула въ Бѣлградѣ Вайта князя Милана просить посредничества шести державъ и прекращенія военныхъ дѣйствій,—Порта 2-го (14-го) сентября, тайно поддержанная сэръ Генри Эллиотомъ, отвѣтила предъявленіемъ унижительныхъ и стѣснительныхъ условій мира съ Сербіею (между прочимъ возвращеніе турецкихъ гарнизоновъ въ четыре сербскія крѣпости, ограниченіе численности сербскихъ войскъ десятию тысячами человекъ съ двумя батареями, уничтоженіе всѣхъ новѣйшихъ укрѣпленій, уплата единовременнаго денежнаго вознагражденія, сверхъ дани, и т. п.) и возстановленія status quo ante съ Черногоріею. Порта предлагала прекратить военныя дѣйствія, какъ только мирныя основанія эти будутъ приняты державами.

Вслѣдствіе нашихъ представленій, благопріятныхъ единовѣрцамъ нашимъ, Англія наконецъ заявила Портѣ, что мирныя условія должны быть основаны:

- 1) на простомъ возстановленіи status quo въ сербскихъ княжествахъ и что всякое ухудшеніе ихъ прежняго положенія немислимо;
- 2) что въ Босніи и Герцеговинѣ должны быть предприняты административныя реформы въ смыслѣ мѣстнаго самоуправленія;
- 3) что подобныя же гарантіи противъ возвращенія прежняго дурнаго управленія въ Болгаріи должны быть даны этой области.

Австрійское правительство, шедшее якобы съ нами рука въ руку, и которому мы жертвовали даже собственными интересами, въ увѣренности въ мнимой искренности графа Андраши,—возстало противъ выраженія «мѣстной автономіи» для Босніи и Герцеговины и стало настаивать въ Лондонѣ (депеша лорда Дерби лорду Лофтусу отъ 10-го ноября 1876 г.), чтобы новыя права, предполагаемые для этихъ областей, основаны были исключительно на проектѣ,

извѣстномъ подъ названіемъ андрашевской ноты и на принятіе котораго Порты была уже вынуждена въ началѣ года.

Уменьшивъ, вслѣдствіе замѣчанія Австро-Венгріи, требованія свои относительно Босніи и Герцеговины, Великобританія, поддержанная всѣми другими державами, сообщила, въ половинѣ сентября, Портѣ выработанныя основанія мирныхъ условій, но въ еще болѣе смягченномъ видѣ.

12-го (24-го) сентября англійскій посоль донесъ своему правительству, что Порты, предлагая пріостановить военныя дѣйствія до 2-го октября настоящаго стилия, отказывается заключать перемиріе, тогда какъ Сербы не соглашались на простую пріостановку военныхъ дѣйствій, настаивая на заключеніи формальнаго перемирія при посредничествѣ державъ.

14-го (26-го) сентября нашъ посоль въ Лондонѣ графъ Шуваловъ, по повелѣнію государя, предложилъ графу Дерби, въ случаѣ отказа Порты, принять мирныя основанія, предложенныя ей Англіею, занять одновременно Болгарію—русскими, Боснію—австрійскими войсками, а Босфорскій проливъ соединенными эскадрами державъ. Нашъ посоль прибавилъ къ тому, что если Англія считаетъ морскую демонстрацію достаточною для вынужденія Порты къ принятію предложеній державъ, то Россія готова отказаться отъ сухопутной экспедиціи. Въ то же время генераль-адъютантъ графъ Сумароковъ, какъ сказано выше, прибылъ въ Вѣну изъ Крыма съ тѣмъ же предложеніемъ. Но Австро-Венгрія отклонила временное, совмѣстное съ нами, занятіе христіанскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ, выказавъ явно недобросовѣстность своей защиты босняковъ и герцеговинцевъ, нежеланіе послужить безкорыстно дѣлу мира и намѣреніе не иначе вступить въ Боснію, какъ для своекорыстной цѣли ¹⁾).

Но и неудачный исходъ этой попытки не открылъ глаза князю Горчакову относительно двоедушія графа Андраши и бесполезности жертвовать чѣмъ-либо для Вѣны. Онъ не соглашался съ мнѣніемъ моимъ, что наша дипломатія соглашеніемъ съ Вѣною и своими полумѣрами вступила на путь, который неминуемо ведетъ къ войнѣ. Я не переставалъ предостерегать въ этомъ отношеніи князя Горчакова и государя съ осени 1875 года, и въ особенности со времени появленія ноты графа Андраши.

Въ виду возобновленія наступательныхъ дѣйствій турецкой арміи въ долинѣ рѣки Моравы и явной невозможности для Сербіи продолжать успѣшно борьбу, князь Горчаковъ, по повелѣнію государя, сталъ энергичнѣе прежняго настаивать на немедленномъ истребованіи прекращенія кровопролитія, и Великобританія,

¹⁾ Громадная аналогія съ поведеніемъ Австріи въ 1912 и 1913 гг. Очевидно, тамъ традиціи установились прочно.

отклонивъ предложеніе морской демонстраціи въ Босфорѣ, изъявила согласіе поддержать требованіе перемирія не менѣе, какъ на мѣсяць, и созыва конференціи для обсужденія мирныхъ условій. Всѣ державы приняли эти лондонскія предложенія, но и тутъ одна Австро-Венгрія возбудила различныя затрудненія касательно конференціи.

1-го (13-го) октября Порты, убѣдившись доводами англійскаго посла, что ей угрожаетъ разрывъ съ Россіей и что Великобританія желаетъ ей дѣйствительно пособить, сообщила представителямъ великихъ державъ въ Константинополь, что она признаетъ въ принципѣ возстановленіе мира съ Сербією и Черногорією на основаніи status quo ante и, соглашаясь предоставить на рѣшеніе державъ условія, ею выработанныя для умиротворенія Балканскаго полуострова, принимаетъ тоже и перемиріе, но съ тѣмъ, чтобы оно было заключено на шесть мѣсяцевъ, т.-е. съ 1-го октября по 13-е марта слѣдующаго года. Въ то же время турецкіе министры сообщили Эллиоту проектъ конституціонныхъ реформъ, долженствующій, по ихъ мнѣнію, облагодѣтельствовать все населеніе Турецкой имперіи по рецепту, преподанному ей англичанами.

Въ Лондонѣ обрадовались такому обороту дѣлъ и принялись поддерживать турецкое предложеніе шестимѣсячнаго перемирія, принятаго и графомъ Андраши.

Князь Горчаковъ отвергнулъ шестимѣсячное перемиріе, какъ бесполезное для заключенія желаемаго прочнаго мира, какъ тягостное не только для Сербіи и Черногоріи, въ виду неувѣренности будущаго, но и для всей Европы—въ коммерческомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Италія присоединилась къ нашему мнѣнію, Германія также нашла, что шестинедѣльнаго перемирія достаточно для желаемой цѣли. Хотя Англія сама первоначально предлагала «перемиріе не менѣе мѣсяца», но, принявъ турецкое предложеніе, она не желала отъ него отступить, развѣ что Порты согласится на сокращенный срокъ перемирія. Изъ хода даже этихъ переговоровъ дѣлалось очевиднымъ, что Биконсфильдъ и Эллиотъ поддерживаютъ Порту и готовы ей помогать косвенно въ борьбѣ съ нами, а что на Австро-Венгрію, имѣющую свои особенныя своекорыстныя и враждебныя русскимъ интересамъ виды на славянъ, мы ни въ какомъ случаѣ полагаться не можемъ.

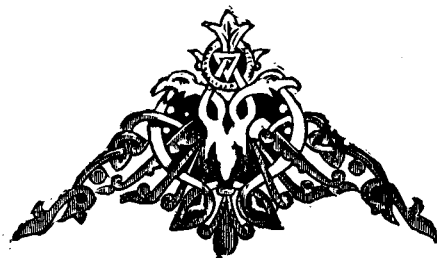
Я спрашивалъ у князя Горчакова, можно ли, полагаться на искренній союзъ и содѣйствіе Германіи и Австріи, выражая сомнѣнія свои и опасенія, что мы втянуты будемъ въ одиночную войну съ Турціей при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Какъ заявилъ я тогда, у насъ нѣтъ ни единого союзника, на котораго можно бы положиться и содѣйствіе котораго было бы намъ выгодно, т.-е. такого, который не потребовалъ бы себѣ вознагражде-

нія, вреднаго нашимъ существеннымъ интересамъ. Я потому опасался войны, что пускаться на нее, не доходя до конца, т.-е. до занятія нами проливовъ,—напрасное пролитіе крови и трата денегъ. А флота у насъ нѣтъ, финансы плохи и армія въ переходномъ положеніи, вслѣдствіе перевооруженія: когда начнется серьезное дѣло съ турками, я отступать не буду, но желалъ бы, чтобы прежде обдуманы были всѣ способы дѣйствія и послѣдствія нашего разрыва съ Портою.

Графъ Дерби, въ депешѣ отъ 10-го ноября новаго стиля, копія съ которой была доставлена князю Горчакову, объяснивъ историческій ходъ дѣла съ англійской точки зрѣнія, заявилъ сожалѣніе, что предложеніе шестимѣсячнаго перемирія, вполне соответствующее желаемой цѣли, отринуто, и, слагая съ себя отвѣтственность за послѣдующія кровопролитія и бѣдствія, отказался отъ предъявленія новыхъ предложеній, изъявляя согласіе содѣйствовать другимъ державамъ въ усиліяхъ ихъ водворить миръ, сохраняя при томъ за собою полную свободу дѣйствій при нарушеніи кѣмъ бы то ни было правъ и интересовъ Великобританіи.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛѢСНЫЕ БРАТЯ.

Разсказъ.

НЕ ДОПУСКАЛЪ возможности услышать, что Николаю Петровичу знакомо чувство страха.

— Николай Петровичъ, разскажите, гдѣ, что?

Мой спутникъ повернулъ свое выразительное бритое лицо къ костру и отшвырнулъ ногою ружье, помѣшавшее ему занять удобное положеніе.

— Чу! опять закрикали,—проговорилъ онъ, настораживаясь и не отвѣчая мнѣ. Страстному охотнику захотѣлось выпустить зарядъ дроби по манившей его птицѣ. Но онъ только съ сердцемъ отплюнулся и полѣзъ въ карманъ за табакомъ. Оба мы изрядно устали и, право, кажется, взлети въ двухъ шагахъ отъ насъ стая утокъ, мы отпустили бы ее съ миромъ. И то нашъ челнъ былъ нагруженъ битой птицей чуть не до бортовъ.

— Гдѣ, вы спрашиваете? А было это дѣло съ лѣсными братьями, въ Прибалтійскомъ краѣ.

— Разскажите,—взмолился я.

Николай Петровичъ подгребъ къ костру подвернувшимся подъ руку сукомъ хворостъ и, минуту помолчавъ, промолвилъ:

— Инъ, слушайте!

Я насторожился, я любилъ слушать Николая Петровича.

— Вы помните, конечно, то аховое время, когда русскому человѣку, особливо на окраинахъ, жизнь стала вовсе невтерпежъ. Ну, да и то сказать, если у насъ образовывались игрушечныя республики, въ родѣ красноярской, одесской,—кажется, проектировалась и такая,—такъ вѣдь на окраинахъ дѣло было посерьезнѣе

куда. Кавказъ, Польша, Прибалтійскій край — тамъ орудовали цѣлыми шайками и вели организованную борьбу съ русской властью и со всѣмъ русскимъ. Проклятое было время.

И, вѣдь, скверно и гнусно то, что, когда правительство разобрало, что дѣло поднимается нешуточное, и мѣры приняло рѣшительныя, такъ вѣдь шумъ-то, гвалтъ-то какіе поднялись! Карательныя экспедиціи—позоръ! Военные суды—преступленіе! Впрочемъ, и шумъ и гвалтъ недорого стоили, потому крикуны, втайнѣ или въявѣ, а революціи сочувствовали. Ну, а отнимите отъ революціи терроръ, убійства—что станется? И выходитъ, что крикуны сами себя сѣкли: смуту сѣяли, а о законности кричали.

Это все равно, какъ если бы разбойникъ на большой дорогѣ на прохожаго съ ножомъ наскочилъ, а прохожій вздумалъ бы ему сопротивляться.

Что ты, Бога ты, такой-сякой, не боишься,—вразумлялъ бы его разбойникъ:—да вѣдь если ты меня ножомъ моимъ ненарокомъ пырнешь, такъ вѣдь ты, а не я разбойникомъ выйдешь.

«Ну, да ладно! Къ дѣлу это не относится; дѣло было такъ:

Николай Петровичъ повернулся на спину, а я подсѣлъ къ нему ближе.

Костеръ потухалъ. Небо мѣняло розоватый оттѣнокъ на фіолетовый, и на востокѣ зажглась первая звѣзда.

— Въ этакій вотъ точно благодатный вечеръ,—заговорилъ Николай Петровичъ,—шелъ я со своимъ эскадрономъ по Курляндской губерніи. Было это въ 1906 году. Эскадронъ проходилъ лѣсомъ, держа курсъ на мѣстечко Рейнгофъ, расположенное впереди верстахъ въ десяти. Въ окрестностяхъ пошаливали, и я имѣлъ приказаніе, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, квартировать въ Рейнгофѣ. Изъ опросовъ мы знали, что тамъ православная церковь и почтово-телеграфная контора, и радовались возможности зайти въ храмъ и снестись вѣсточкой со своимъ домомъ. До того мы полгода кочевали съ мѣста на мѣсто, рѣдко гдѣ задерживаясь на нѣсколько дней.

Помню, какъ сейчасъ, идя въ головѣ отряда, едва выѣхалъ я къ опушкѣ лѣса, какъ услышалъ звонъ церковнаго колокола. Били въ набатъ. Впослѣдствіи оказалось, что церковный сторожъ билъ въ колокола съ перепуга, вовсе не подозрѣвая близости къ Рейнгофу нашего отряда.

Натурально, я скомандовалъ эскадрону маршь-маршемъ. Прискакали мы въ Рейнгофъ и при самомъ въѣздѣ въ мѣстечко замѣтили огромную толпу людей. Она жалась у входа въ почтовую контору. При видѣ насъ вся эта толпа разсыпалась, однакоже, въ разныя стороны, и на мѣстѣ осталось человѣкъ двадцать. Остались, конечно, русскіе люди, радовавшіеся нашему приходу, какъ радовались въ тѣ времена всѣ русскіе люди приходу къ нимъ воин-

ской силы. Перепуганные, они рассказали намъ, что на контору произведено было нападеніе, что контора ограблена и что въ ней находятся раненные и убитые.

Нѣсколько человѣкъ изъ насъ бросились въ помѣщеніе конторы. Страшная картина представилась глазамъ нашимъ. Да, страшная картина, и къ чорту тѣхъ, кто сѣялъ революцію и призывалъ къ ней...

На полу конторы лежало три трупа: трупъ начальника конторы, его жены и восьмилѣтняго мальчика, ихъ сына. По горячимъ слѣдамъ я повелъ слѣдствіе. Оказалось, что въ Рейнгофѣ никакой стражи, никакой, словомъ, охраны нѣтъ. Часть полицейскихъ стражниковъ въ разное время была перебита, остальные дней десять назадъ были вызваны верстъ за сорокъ, гдѣ формировался полицейскій отрядъ для преслѣдованія появившихся въ уѣздѣ шаекъ лѣсныхъ братьевъ. Далѣе оказалось, что недѣлю назадъ въ Рейнгофѣ была ограблена винная лавка и сидѣлецъ ея задушенъ.

Въ нападеніи на контору участвовало трое злоумышленниковъ, пріѣхавшихъ верхами и скрывшихъ лица подъ черными масками; одинъ изъ нихъ былъ большого роста, а другой—маленькій и хромоногій. Эти примѣты дала мнѣ трехлѣтняя дѣвочка, дочь убитаго почтового чиновника. Бѣдняжка, сидя у меня на колѣняхъ, она съ любопытствомъ разсматривала серебряные пуговицы и погоны моего кителя, уже позабывъ пережитый ею чашъ тому назадъ ужасъ и не понимая того горя, которое обрушилось на нее. Отъ нея я только и могъ допытаться, что одинъ «дядя»—это убившій-то ея семью!—былъ «большой», а другой «дядя»—хромой.

Допрошенный мною затѣмъ почтальонъ, раненный двумя пулями и въ моментъ нашего прихода находившійся безъ сознанія, ничего не прибавилъ къ разсказу дѣвочки. По его словамъ, онъ выбѣжалъ изъ своей комнаты на звуки выстрѣловъ въ то время, когда начальникъ конторы и его жена были уже убиты, и въ ту самую минуту, когда одинъ изъ разбойниковъ схватилъ сынишку начальника за ноги и ударилъ его головою о стѣну. Да-съ, за ноги и о стѣну... Кричите же: долой военные суды и карательныя экспедиціи, и да здравствуетъ революція!—вдругъ воскликнулъ Николай Петровичъ, подымаясь съ земли во весь свой могучій ростъ.—Нѣтъ доложу я вамъ,—продолжалъ онъ, одумавшись:—пока у русскаго офицера оружіе въ рукахъ, никакая чортова революція не пройдетъ; развѣ что стражника изъ-за угла пристрѣлятъ, почтовую контору ограбятъ, или... мальчика восьмилѣтняго за ноги да объ стѣну...

Николай Петровичъ набилъ табакомъ трубку и продолжалъ:

— Такъ вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось тогда собрать относительно нападенія на контору. Да, позвольте!

Еще одинъ слѣдъ оставили послѣ себя злодѣи. Гнусный слѣдъ! Вы помните приемы террора? Подметныя письма, угрозы, вымогательства и все это за подписью революціи, за ея печатью. Знай, молю, нашихъ, покоряйся и трепещи! Осматривая помѣщеніе конторы, во взломанной кассѣ, изъ которой похищены были деньги, я нашель четвертушку листа бѣлой бумаги, на которой красными чернилами на русскомъ языкѣ были выведены слова: «Лѣсные братья».

— Что же дальше?—поторопилъ я Николая Петровича.

— Дальше что? Естественно, терять время было нельзя. А, впрочемъ, что же было мнѣ дѣлать? Однако, для очистки совѣсти, разослалъ я людей изъ эскадрона отрядами въ разныя стороны съ приказаніемъ тащить всѣхъ подозрительныхъ, кого нагонять они по дорогѣ, въ Рейнгофъ. Утромъ-де разберемъ.

Только утра я все-таки не дождался. Не могъ я, знаете ли, ни забыться, ни уснуть, и все это передо мной картина убійства мерещилась... Мальчикъ-то этотъ съ проломленной головой. А то—голосокъ дѣвочки слышался, что одинъ дядя былъ большой, а другой—хромой. Большой да хромой, а еще что? А разбойники были верхами,—естественно, что ихъ въ самомъ Рейнгофѣ незачѣмъ и искать; не мѣстные, стало быть, подумалъ я, они жители. А разбойники были въ маскахъ,—мѣстные жители, подумалъ я, ихъ, стало быть, знаютъ; стало быть, разбойники откуда-то неподалеку. То да се, верстахъ въ пятнадцать, оказывается, есть стеклянный заводъ, принадлежащій какому-то нѣмецкому барону. И засѣлъ мнѣ заводъ этотъ гвоздемъ въ голову.

Не долго думая, приказалъ я осѣдлатъ коня и съ вахмистромъ и пятью нижними чинами выѣхалъ изъ Рейнгофа. Ночь стояла темная, облачная.

Проѣхавъ версть двѣнадцать и попривыкнувъ къ темнотѣ, остановились мы, какъ вкопанные. Дорога, надо вамъ сказать, незамѣтно всѣ эти двѣнадцать верстей въ гору поднималась, ну, и какъ только на гребень горы мы вѣхали, передъ нами прямо-таки волшебная картина открылась. Къ тому же и луна откуда-то вынырнула и всю эту прелесть передъ нами освѣтила: впереди лѣсокъ, ровно садъ какой, разбитый четырехугольникомъ, за нимъ, порядочно подалее—бѣлый замокъ на берегу озера и озера такого, что глазъ конца-края ему не видитъ, а за замкомъ, по берегу же, въ сторону, поправѣй — рядъ построекъ и высоченная заводская труба. Естественно, это заводъ стеклянный и былъ. И только что вздумалъ я путь къ заводу продолжать, какъ въ сторону отъ дороги, въ двухъ, что ли, а то, можетъ, и меньше, верстахъ, замѣтили мы огоньки. Вглядѣлись, огонекъ какъ будто въ окнѣ дома свѣтитъ.

— Не проѣхать ли, ваше-скородіе, на огонь? — предложилъ мнѣ вахмистръ:—потому ночь-ночью и зачѣмъ огню въ такое время горѣть?

Я задумался, однако приказалъ вахмистру съ четырьмя нижними чинами на огонь проскакать и буде что подозрительное онъ обнаружить, подать мнѣ сигналъ, а то—догнать меня по дорогѣ къ заводу. Ну, а самъ я съ вѣстовымъ дальше поѣхалъ, пустивъ лошадь шагомъ.

Забавный у меня вѣстовой былъ. Крысой его звали. И вправду онъ хитеръ и ловокъ, какъ крыса, былъ. Честный, непьющій, исполнительный, а ужъ преданности какой! Э! Что и говорить, такого человѣка развѣ что въ военной службѣ иной разъ встрѣтишь.

Буду я такимъ манеромъ съ Крысой и прислушиваюсь, не подастъ ли вахмистръ тревоги. И оставалось намъ до баронскаго замка рукой подать, когда вдругъ Крыса меня остановилъ:

— Слышь, ваше-скородіе, кони быдто гдѣ скачутъ.

Я прислушался, и въ ту же минуту увидѣли мы, какъ изъ лѣсочка, изъ того лѣсочка, который мы съ горы еще разсмотрѣли, одна за другой три лошади на дорогу выскочили. Я было за револьверомъ руку въ карманъ пальто опустилъ, да тутъ снова луна изъ-за тучки выпорхнула, и разобрали мы, что лошади эти стреножены и что гонить ихъ мальчуганъ. Мальчугана мы остановили, и хотя съ перепуга вздумалъ онъ обратно въ лѣсъ деркача задать, да Крыса въ-время его перехватилъ. Такъ и этакъ, мальчуганъ успокоился и объяснилъ, что лошадей гонить онъ къ табуну изъ конюшни баронскаго управляющаго. Мальчуганъ говорилъ со мной по-латышски, да къ тому времени я кое-что на этомъ языкѣ мараковалъ. И хотѣлъ было я, послѣ разспросовъ, мальчугана отпустить, какъ пришло мнѣ въ голову, нельзя ли господина баронскаго управляющаго повидать и не можетъ ли онъ меня чему-нибудь въ моихъ поискахъ надоумить. А мальчуганъ возьми да и отвѣчаетъ, что-де можно, потому управляющій не спитъ, а бесѣдуетъ со своими братцами, нѣсколько дней назадъ на побывку къ нему, что ли, изъ Петербурга пріѣхавшими. Латышенокъ, а вотъ подите же, какой толковый латышенокъ попался!

Ну, я къ нему—веди къ управляющему. Мальчуганъ свернулъ съ дороги въ лѣсокъ, вывелъ насъ на тропинку, и сейчасъ же передъ нами, сквозь просвѣты деревьевъ, огоньки въ окнахъ дома замерцали. Я опять къ мальчугану—бѣги и доложи господину управляющему, что русскій офицеръ проситъ его по дѣлу принять.

Мальчуганъ побѣжалъ, и, когда мы съ Крысой къ дому подѣхали, на крыльцѣ съ лампою въ рукахъ встрѣтилъ насъ хозяинъ.

Николай Петровичъ замолчалъ, откашлялся и выстукалъ изъ трубки пепель. Надъ землею стояла уже вовсе ночь. Ярko горѣли усѣявшія все небо звѣзды. Кругомъ было тихо; слышенъ былъ только шелестъ тростника, колеблемаго водой озера. Я ждалъ продолженія разсказа.

— Да-съ, такъ вотъ, встрѣтилъ меня хозяинъ,—черезъ нѣкоторое время заговорилъ Николай Петровичъ,—и попросилъ въ домъ. Я, понятное дѣло, поблагодарилъ, соскочилъ съ коня и передалъ повода Крысѣ. Поздоровавшись, хотѣлъ было я извиниться за позднее свое посѣщеніе, да хозяинъ не далъ мнѣ досказать, заявивъ, что я, къ его, моль, удовольствію, къ самому ужину попалъ. Говорилъ со мною хозяинъ на русскомъ языкѣ, такъ что я его даже спросилъ, не русскій ли онъ? Оказалось—латышъ. Ну, ладно; снялъ я по его приглашенію пальто, снялъ пашку и слѣдомъ за нимъ длиннымъ коридоромъ въ большую комнату вошелъ. Смотрю—по срединѣ комнаты столъ, покрытый цвѣтной скатертью, на столѣ закуски разныя, графинъ съ водкой, четыре прибора, кофе, налитый въ чашки. То да се,—прошу, говорить, садиться и гостемъ моимъ быть.

Я было опять, что-де поздно, что я-де стѣсняю,—какой тамъ! Хозяинъ засуетился, забѣгалъ, прямо-таки не знаетъ, видно, чelовѣкъ, чѣмъ мнѣ угодить.

Я спрашиваю: а что же семейные?

— Сейчасъ, говорить, и братья и жена моя къ столу выйдутъ.

Началъ онъ кликать свою жену, не то Эмилией, не то Кларой, вотъ ужъ и не помню, какъ онъ именовалъ ее. Малость погода, эта самая Клара его вышла. Ну, латышка какъ есть, бѣлая воронч да и только,—бѣлобрысая, блѣдная, сухая, смотрѣть, словомъ, не на что. Познакомились.

А я тѣмъ временемъ съ хозяиномъ въ бесѣду вступилъ.

— Откуда и по какимъ дѣламъ?

— Такъ и такъ,—говорю,—изъ Рейнгофа, а въ Рейнгофѣ стоять назначено мнѣ съ эскадромъ.

Давно ли, спрашиваетъ, въ Рейнгофъ я пришелъ?

— Вечеромъ,—отвѣчаю.

— Ну, слава Богу, поблизости стоять будете, а то кругомъ пошаливать начинаютъ. Вотъ и въ Рейнгофѣ на прошлой недѣлѣ винную лавку ограбили и сидѣльца ея придушили.

— То,—отвѣчаю я,—на прошлой недѣлѣ, а на этой недѣлѣ, да не далѣе, какъ сегодня, за часъ до нашего прихода, нападеніе на почтовую контору было совершено.

— Да что вы? Вотъ ужасъ какой! Что жъ, нападеніе отбили?

— Какое отбили! Почтоваго чиновника, и жену его, и сынишку злодѣи поубивали.

— Ивана Иваныча убили—и жену, и сынишку? Господи, что жъ это такое! Клархенъ, слышишь ли ты, о чемъ господинъ ротмистръ рассказываетъ? Ивана Иваныча, и жену его, и сынишку убили.

Клара глаза отъ ужаса открыла и бѣлая вся, равно какъ скатерть, сдѣбалась.

— Кто же это? Кто же это убилъ ихъ?—спрашиваетъ меня.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, кто ихъ убилъ,—отвѣчаю я.

А Клара прійти въ себя не можетъ и трясеть ее, равно какъ въ лихорадкѣ. Принялся хозяинъ ее успокоивать.

— Что ты, Клархенъ. Выпей воды... Ничѣмъ мы бѣдѣ помочь не можемъ... Мертвымъ—покой, а ты не разстраивайся... Поди, Карла и Ивана къ столу кликни.

Клара вышла, а я съ хозяиномъ опять объ убійствѣ почтового чиновника заговорилъ. Про мальчугана сталъ ему рассказывать, какъ одинъ изъ злодѣевъ черепъ ему объ стѣну проломилъ.

— Да,—говорить хозяинъ:—ужасное дѣло, но ужъ въ такое мы время живемъ, когда человѣческой жизни грошъ цѣна.

— Такъ-то,—я отвѣчаю,—такъ, а душегубовъ надобно изловить, и я хоть весь уѣздъ вверхъ дномъ переверну, а ихъ поймаю.

— Какъ же вы ихъ, господинъ ротмистръ, поймаете? Ихъ, надо полагать, и слѣдъ давнымъ-давно уже простылъ.

Тутъ я хозяину подозрѣнiе свое насчетъ стекляннаго завода и высказалъ:

— Сами,—я говорю,—посудите, заводская политика особенная и у господъ «товарищей» человѣка во славу революціи прикончить все равно, что молитву Господню прочесть. Очень ужъ заводъ вашъ меня подманиваетъ; такъ вотъ въ головѣ гвоздемъ и сидить.

— Да какъ же вы на заводѣ виновника искать будете? Печати вѣдь у него на лбу нѣтъ.

— Печати,—я отвѣчаю,—нѣтъ, а кое-какія примѣты у меня имѣются... потому, во-первыхъ, что всѣхъ разбойниковъ было трое и одинъ изъ нихъ былъ большой, а другой—хромой.

И только что я эти слова сказалъ, какъ въ комнату два брата хозяина моего вышли. И одинъ изъ нихъ былъ большой, а другой—хромой. И какъ на хозяина я послѣ того взглянулъ, глаза наши встрѣтились и между нами вродѣ какъ электрической токъ прошелъ... поняли мы, значить, одинъ другого.

Николай Петровичъ замолчалъ и откашлялся. Потомъ онъ сталъ говорить тише:

— Собственно говоря, я-то понялъ, куда я попалъ; ну, а хозяинъ мой, глядя-то на меня, словно допытаться хотѣлъ, догадался я или нѣтъ, кого передъ собой вижу. Смотримъ это мы одинъ на другого и улыбаемся. Да-съ, смотримъ и улыбаемся. Хороши, должно быть, наши лица и улыбки тогда были!

И прошло всего какихъ-нибудь десять секундъ, пока браться хозяина ко мнѣ подошли, а показались мнѣ эти секунды вѣчностью. А браться знакомиться со мной начали, и у хозяина языкъ опять развязался.

— Вотъ, Карлъ и Иванъ, какія вещи господинъ ротмистръ рассказываетъ. Говорить онъ, что почтовую контору въ Рейнгофѣ огра-

били и что нападавшихъ было трое, и одинъ изъ нихъ быть большой, а другой—хромой. Что вы на это скажете?

Братья, услышавъ это, глазами только захлопали; а хозяинъ, смотрю я, смѣется.

— Какихъ только, господинъ ротмистръ, совпаденій въ жизни не бываетъ! Не угодно ли—и насъ трое, и одинъ изъ насъ, Карлъ,—большой, онъ механикомъ въ Петербургѣ на заводѣ служить, а другой, Иванъ,—хромой, онъ воспитанникъ технической школы.

— Да,—отвѣчаю я,—дѣйствительно, въ жизни самыя неожиданныя совпаденія бывають.

А хозяинъ, слушаю я, въ это самое время хромоногому какія-то наставленія даетъ. Мало погодя, хромоногій изъ комнаты швысь и минуты черезъ двѣ назадъ вернулся.

— Игрушку захватилъ?—спрашиваетъ его хозяинъ.

— Захватилъ,—отвѣчаетъ тотъ.

«Ну, думаю я, на разбойничьемъ жаргонѣ заговорили... жаль, моей игрушки со мной нѣтъ»,—револьверъ-то я въ карманѣ пальто оставилъ.

Дѣло мое становилось дрянъ. Однако вида я все-таки не показываю, что на умѣ держу, и развязно бесѣду съ хозяевами стараюсь завести. То да се, то да се, опять они угощать меня принялись; глазъ, впрочемъ, съ меня не спускають.

Просидѣвъ минутъ пятнадцать, говорю я, что пора-де и честь знать. Пробный, такъ сказать, камень пустилъ, потому—чѣмъ чортъ не шутить; а, впрочемъ, я уже зналъ, что хозяева меня не выпустятъ. Такъ и вышло.

— Что вы, господинъ ротмистръ, никакъ не возможно такъ скоро вамъ отъ насъ уѣзжать.

— Нѣтъ,—говорю я,—все-таки надо бы мнѣ восвояси.

— И слушать васъ, господинъ ротмистръ, не хотимъ. Не правда ли, Клара, мы господина ротмистра безъ почевки не отпустимъ?

Клара къ этому времени въ комнату вернулась.

«Что же, однако, дѣлать мнѣ? Разбойники меня подозрѣваютъ», подумалъ я. И такая меня злоба разобрала, что хоть плачь. Злоба-то-злойбой, а сознаніе, что я у арестантовъ этихъ въ плѣну—препротивное, я вамъ доложу, сознаніе. Однако все еще мы другъ друга какъ будто щупали и увѣриться другъ въ другѣ окончательно не могли. Какъ будто мы игру въ кошку и мышку затѣяли.

— Что жъ,—говорю я наконецъ хозяину,—почевать такъ почевать и за это я вамъ благодарствую. А вотъ солдатика, позвольте, я домой отпущу.

— Для чего вамъ, господинъ ротмистръ, солдатика домой отпускать? И ему мы мѣсто для ночлега приготовимъ.

— Нѣтъ ужъ, солдатика я все-таки отпущу, потому неподалеку здѣсь вахмистръ съ отрядомъ находится; позвольте, я солдатика прикажу съ отрядомъ въ Рейнгофъ возвратиться.

— Вахмистръ, вы говорите?—поблѣднѣль мой хозяинъ.—Хм... Гдѣ же вахмистръ съ отрядомъ находится?

— Да тутъ,—отвѣчаю я,—за лѣсочкомъ.

Хозяинъ мой, и Карль, и Иванъ быстро о чемъ-то по-латышски забарабанили, такъ что я ни одного слова даже разобрать не могъ. И опять хозяинъ ко мнѣ:

— Что жъ, солдатика, пожалуй, отпустите.

— То-то вотъ и дѣло,—отвѣчаю я и самъ изъ-за стола поднимаюсь.

— Нѣтъ, господинъ ротмистръ, зачѣмъ же вамъ беспокоиться? Солдатика мы сюда позовемъ. Клархенъ, сходи, милая Клархенъ, за солдатикомъ.

«Ахъ вы, этакіе-такіе», выругался въ умѣ, однакоже почувствовалъ себя еще крѣпче прежняго къ мѣсту привязаннымъ.

Минуть черезъ пять ввела Клархенъ въ комнату Крысу. Мелькнула было у меня въ то мгновеніе мысль вмѣстѣ съ Крысой на разбойниковъ наброситься. Мысль эту я, однако, оставилъ, потому ничего путнаго изъ нея выйти не могло: хромоногій съ «игрушкою» въ карманѣ и большой глазъ съ меня не спускали, а хозяинъ съ Крысой плечо къ плечу всталъ. Кабы не «игрушка», я бы потягался съ большимъ; хоть онъ и шире меня въ плечахъ выглядѣлъ, однако насчетъ того, кто бы кого взялъ—бабушка, какъ говорится, надвое сказала. А вотъ «игрушка»—съ ней вѣдь ничего кулакомъ не сдѣлаешь. Ну, и вмѣсто того, чтобы понапрасну голову свою и Крысы подъ пулю подставлять, рѣшилъ я послѣднее средство испробовать.

— А, говорю, Крыса? Съѣзди ты, голубчикъ, въ вахмистру и скажи ему, чтобы онъ на стеклянный заводъ безъ меня не ѣздилъ, а отправлялся бы обратно въ Рейнгофъ. Да и ты, другъ сердечный, поѣзжай съ нимъ, а я тутъ ночевать останусь.

Сказалъ я и смотрю, какъ Крыса на меня глаза таращитъ. Никогда вѣдь онъ отъ меня такихъ словъ не слышалъ, и военная служба не на то, чтобы намъ другъ съ другомъ любовными словами изъясняться.

«Ну, думаю, слава Богу, Крыса глаза таращитъ; авось онъ какъ слѣдуетъ быть меня пойметъ».

— Понялъ ты, Крыса?

— Точно такъ, ваше-скородіе, понялъ.

Я, знаете ли, на Крысу въ упоръ смотрю, глазъ съ него не спускаю.

— Дуракъ ты, говорю, Крыса. Постоянно ты все мои приказанія путаешь—и никакого отъ тебя толку нѣтъ. Я жъ тебѣ говорю, что ты съ отрядомъ въ Рейнгофъ долженъ вернуться, а я тутъ заночую, потому все равно дѣлать нечего.

Смотрю дальше—Крыса рукой лобъ терь-терь, да потомъ на меня взглянулъ и во весь ротъ улыбается:

— Не извольте беспокоиться, ваше-скородиѣ. Такъ что я все понялъ и все какъ слѣдуетъ быть сполню.

А надо вамъ сказать, что Крыса исполнительнѣйшій солдатъ былъ и никогда ни одного приказанія моего не напуталъ.

«Господи, думаю, неужели Крыса и въ самомъ дѣлѣ меня понялъ и вахмистра съ отрядомъ во время подведетъ?»

— Прощай, Крыса, и пошевеливайся.

— Счастливо оставаться, ваше-скородиѣ.

Клара Крысу обратно изъ комнаты на дворъ повела. Мало погода, услышалъ я лошадиный топотъ, то Крыса коня помчалъ. И почувствовалъ я съ отъѣздомъ Крысы полное свое одиночество; да-съ, такое одиночество, какъ будто ни одной живой души вокругъ меня нѣтъ.

Ну, ладно.

«Надо, однако, думаю я, время мнѣ теперь выгадывать и до подхода отряда хозяевамъ зубы заговорить». Впрочемъ, какъ Крыса уѣхалъ, надежда у меня сразу ослабѣла: если и понялъ Крыса, гдѣ же онъ вахмистра найдетъ?

Такъ ли, этакъ ли, заговорилъ я опять съ хозяиномъ. Какой тамъ!—разбойникъ на меня и не смотритъ: то большому, то хромому, то Клархенъ своей приказанія какія-то отдаетъ. Клара суетится, то изъ комнаты выбѣжить, то опять вернется.

«Успѣетъ Крыса вахмистра привести, или нѣтъ?»—только одна мысль въ головѣ у меня и мелькала. Чувствовалъ я тогда, что на одномъ волоскѣ вишу. Прескверное было состояніе.

Съ отъѣзда Крысы минутъ десять прошло, а мнѣ—что минута, то—часъ. Однако все еще я надѣялся время оттянуть, да вдругъ съ головою себя и выдалъ. Впрочемъ, пожалуй, и безъ того разбойники не долго бы со мной якшались. Вѣдь вотъ вышло-то что: сижу я, какъ сидѣлъ, за столомъ; по правую отъ меня руку—большой, по лѣвую—хромой, напротивъ—хозяинъ. Клара вышла изъ комнаты, назадъ вернулась, передъ хозяиномъ чернильницу поставила и бумагу положила. Сталъ хозяинъ писать, на меня не смотреть.

— Что это,—спрашиваю я,—ночью вздумали вы письма писать?

Не отвѣчаетъ.

Прошло минутъ пять. Кончилъ хозяинъ писать, на меня взглянулъ—смѣется. Скверно, знаете ли, такъ, гаденько смѣется.

— Почему, вы спрашиваете, письма я пишу? Что подѣлаешь, кое-какія распоряженія отдать надо, потому недолго въ этихъ краяхъ сидѣть мнѣ осталось.

— Почему недолго? Или вы куда собираетесь?

— Да,—отвѣчаетъ,—собираюсь... надобно ноги по-добру по-здорову уносить.

Сказаль это онъ, у меня сердце такъ и ёкнуло. Однако себя я не выдалъ и спокойно дальше говорю. И вотъ тѣмъ-то, что дальше я сказалъ, головой себя я окончательно и выдалъ. Дернуло же меня тогда за языкъ пулю этакую отлить!

— Ишь, чернила какія у васъ,—говорю я,—занятныя...

— Чернила? А чѣмъ же они занятныя? Ахъ, это вы насчетъ того, что они красныя? Знакомыя, значить, вамъ чернила?

— Откуда,—я отвѣчаю,—чернила мнѣ ваши знакомы? Красныя чернила видываль я, небось, не одинъ разъ.

— Э, господинъ офицеръ,—вдругъ проговорилъ хозяинъ:—что памъ головы другъ другу морочить? Вѣдь мы поняли одинъ другого, ась?

— Какъ это, я спрашиваю, поняли?

— Да вѣдь знаете вы, съ кѣмъ вы говорите?

— Съ хозяевами,—отвѣчаю,—своими.

— Съ хозяевами?

Взялъ онъ послѣ того перо въ руку, написалъ что-то на клочкѣ бумаги и мнѣ передаетъ. И когда прочель я написанное, вотъ въ ту именно минуту страхъ я и испыталъ.

Николай Петровичъ на мгновеніе задумался.

— Не тотъ страхъ,—продолжалъ онъ затѣмъ:—когда человѣкъ труса, какъ говорится, спраздноваль—нѣтъ!—отъ этого Богъ меня миловаль. А то омерзительное чувство гадливости я испыталъ, съ какимъ человѣкъ развѣ только въ змѣиномъ гнѣздѣ встрѣтится.

На бумагѣ красными чернилами на русскомъ языкѣ выведено было—«лѣсныя братья».

Ну, послѣ того мысли у меня все равно какъ волны одна за другой заходили. Поднялся я съ мѣста и говорю:

— Вы убійцы, и я васъ арестую.

Въ ту же минуту большой за руки меня схватилъ, а хромой—револьверъ на меня наставилъ. И дальше, хоть все это въ полминуты времени произошло, успѣлъ, однако, я рѣшить жизнь свою продать дорого. По рукамъ, державшимъ меня, я почувствовалъ, что съ большимъ справлюсь. Объ «игрушкѣ» ужъ я и не думаль.

И, представьте вы себѣ, въ ту минуту мальчугана я съ разбитымъ черепомъ какъ въ туманѣ разсмотрѣлъ. Напрягся я, изъ рукъ большого вырвался, и двѣ пули мимо уха моего просвистали... Ну, а потомъ все скачками пошло. Хромой на полу лежалъ... большой смотрѣлъ на меня не двигаясь... Хозяина въ первыя секунды я вовсе не видѣлъ. Видѣлъ же я Крысу, который съ винтовкою въ рукахъ въ окно лѣзъ... Это онъ уложилъ пулею хромого.

— Ваше-скородіе, отрядъ пришелъ.

Тутъ я всей грудью вдохнулъ и понялъ, что Господь послалъ мнѣ спасеніе. А хозяинъ и большой, какъ вкопанные, на своихъ мѣстахъ остались.

— Крыса, вяжи ихъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше-скородіе, вы крѣпчѣй свяжете.

Взглянуль я на Крысу, онъ къ винтовкѣ приложился и въ большого цѣлнть. Тутъ только догадался я, что никакого отряда нѣтъ и что Крыса меня по-своему понялъ. Въ лѣсъ онъ заѣхалъ, въ лѣсу лошадь къ дереву привязалъ, а самъ—кругомъ дома да къ растворенному окну, да весь мой разговоръ съ злодѣями и подслушалъ. Вотъ какой человѣкъ былъ Крыса... развѣ что въ военной службѣ такого человѣка иной разъ только и встрѣтишь.

Николай Петровичъ замолчалъ.

— Что же дальше?—спросилъ я.

— Дальше? Да это и все.

— А съ лѣсными братьями какъ вы распорядились?

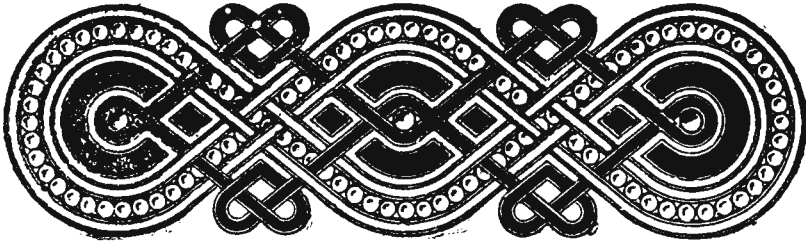
— Хромой былъ убитъ, двухъ другихъ въ Рейнгофъ мы доставили. На слѣдующій день ихъ судили, и они въ преступленіяхъ своихъ сознались...

Николай Петровичъ вытянулся во весь ростъ и черезъ пять минутъ захрапѣлъ.

Темная ночь молчала, все спало кругомъ, только небо мерцало мириадами звѣздъ.

О. Козельскій.

У ГРОБА ЦАРЯ.

(Страница изъ моихъ воспоминаній).

ВАДЦАТАГО октября 1894 г. въ Ливадіи скончался императоръ Александръ III. Для несенія дежурствъ при тѣлѣ государя во время его перевезенія изъ Севастополя въ Петербургъ отъ войскъ гвардіи было наряжено по одному штабъ- и оберъ-офицеру отъ старѣйшей шефской части каждаго рода войскъ: пѣхоты—лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, кавалеріи—Конной гвардіи, артиллеріи—лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады, и инженерныхъ войскъ—лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Отъ Конной гвардіи были наряжены: за штабъ-офицера—ротмистръ Д. Ѳ. Треповъ (впослѣдствіи петербургскій генералъ-губернаторъ) и пишущій эти строки, въ то время состоявшій въ чинѣ корнета.

Грустные и унылыя, ѣхали мы, всѣ восемь человекъ, до Харькова; грустны и унылы были лица всѣхъ встрѣчавшихся намъ въ пути. Въ Харьковѣ неожиданно получилаcя отъ начальства телеграмма оставить четырехъ офицеровъ въ Харьковѣ, а до Севастополя ѣхать только другимъ четверымъ. Послѣ сѣтованія на столь обидное для оставшихся офицеровъ распоряженіе и взаимнаго совѣщанія было рѣшено, что представители пѣхоты и конницы поѣдутъ дальше, а артиллеристы и саперы останутся въ Харьковѣ.

Прибывъ въ Севастополь, мы всѣ четверо стали на дежурство у помоста на пристани, приготовленнаго для постановки гроба

по прибытіи броненосца съ бранными останками Царя-Миротворца.

Вотъ медленно подходитъ къ пристани «Георгій Побѣдоносець», ошвартовывается у нея, и подъ хватающіе за душу звуки «Коль славенъ» выносятся гробъ на берегъ и устанавливается на приготовленномъ помостѣ. Съ головными уборами «на молитву», съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ, опущеннымъ концомъ къ землѣ, подошли мы къ угламъ гроба и стали—штабъ-офицеры въ головахъ, оберъ-офицеры въ ногахъ и простояли всю панихиду, отслуженную въ присутствіи всей царской фамиліи. Прозвучала «вѣчная память». Гробъ поднять и отнесенъ въ траурный вагонъ, долженствующій везти его въ столицу. Днемъ поѣздъ тронулся въ дальній путь.

У гроба, утопавшаго въ цвѣтахъ, постоянно дежурило много лицъ: три лица свиты, два придворныхъ чина, два гвардейскихъ офицера, два отъ мѣстныхъ войскъ округа, два нижнихъ чина отъ тѣхъ же войскъ, два дворцовыхъ гренадера и три-четыре человѣка отъ духовенства. Не помню, еще кто дежурилъ, но очень ясно мнѣ врѣзалось въ память, что я однажды насчиталъ до двадцати двухъ лицъ, тѣснившихся въ траурномъ вагонѣ по обязанностямъ службы. На остановкахъ въ большихъ городахъ двери вагона открывались, и служились торжественныя панихиды, на которыхъ императрица Марія Ѳеодоровна неизмѣнно входила въ вагонъ и одна отстаивала въ глубокомъ горѣ все богослуженіе внутри вагона. Да больше ни для кого не было бы и мѣста.

Видъ этого глубокаго, искренняго горя потрясающе западалъ въ душу тѣхъ, кто, неся очередныя дежурства, имѣлъ грустный случай быть свидѣтелями его въ непосредственной близости.

Богослуженія эти были, понятно, парадныя, всѣ власти налицо, въ мундирахъ, орденахъ и проч., но общая грусть была такъ сильна, что и въ этой парадной обстановкѣ ощущалось общее горестное чувство, часто при другихъ парадныхъ случаяхъ отсутствующее. Такъ доѣхалъ печальный поѣздъ до Харькова.

Тутъ начальство намѣревалось насъ, пѣхоту и кавалерію, высадить, замѣнивъ оставшимися въ Харьковѣ артиллеристами и саперами. Однако мы заявили, что желаемъ непременно отдать долгъ державному шефу до конца и въ Харьковѣ не останемся, а на заявленіе, что намъ будетъ мало мѣста въ отведенныхъ намъ двухъ отдѣленіяхъ вагона, мы, переговоривъ съ товарищами, оставшимися въ Харьковѣ, уговорились, что предоставимъ имъ одно изъ нихъ, а сами стѣснились въ другомъ. Было очень тѣсно, особенно ночью, когда всѣ спали и приходилось передѣваться въ парадную форму, а отдыхать послѣ утомительныхъ дежурствъ было неудобно, но сознаніе, что мы исполняли свой нравственный долгъ по совѣсти, поддерживало во всѣхъ насъ восьмерыхъ необходимую энергію.

Въ одномъ вагонѣ съ нами ѣхалъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, и когда случалось ночью проходить по коридору и онъ не молился у гроба почившаго императора, то его обыкновенно можно было встрѣтить стоящимъ у окна и смотрящимъ въ уходящую даль, на небо и звѣзды: какая-то особенно вдохновенная, тихая, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясная грусть свѣтилась въ глазахъ этого необыкновеннаго человѣка! Простой въ обращеніи и скромно одѣтый, онъ мало подходилъ къ парадной обстановкѣ официальныхъ панихидъ, да на нихъ рѣдко и показывался, приходя молиться, когда никто не видѣлъ, кромѣ уменьшаемаго на ночное время дежурства.

Въ такой обстановкѣ прошло до самаго Петербурга это путешествіе, казавшееся безконечнымъ и крайне тяжелымъ. Съ самаго юга, отъ лазурныхъ береговъ Крыма до сѣраго петербургскаго сѣвера, печальный поѣздъ прорѣзалъ необъятную ширь родной земли, и ѣхавшіе въ немъ могли повсюду убѣждаться воочию въ силѣ тѣхъ невидимыхъ нитей, которыя неизмѣнно соединяютъ русскій народъ со своими царями, а съ почившимъ богатыремъ въ особенности. Впечатлѣнія эти были глубоки и сильны, но самое неизгладимое впечатлѣніе на тѣхъ, кому довелось быть тому свидѣтелемъ, произвела одна панихида на станціи Поныри, Московско-Курской желѣзной дороги.

Какъ сейчасъ помню, получается телеграмма, что населеніе мѣстечка Поныри проситъ разрѣшенія отслужить панихиду при проходѣ поѣзда. Остановка эта не была предусмтрѣна и приходилась среди ночи. Послали отвѣтъ, что поѣздъ не останавливается. На слѣдующей станціи опять телеграмма: убѣдительно просятъ остановить поѣздъ и отслужить панихиду. Въ концѣ концовъ разрѣшеніе было дано, и поѣздъ остановился на станціи Поныри часовъ въ пять утра (а, можетъ быть, и въ четыре, точно не помню). Мнѣ пришлось очередь быть дежурнымъ часовымъ въ это время, и вотъ чему я былъ очевидецъ. Отодвинулись дверцы вагона, и въ него ворвалась предразсвѣтная холодная мгла дождливаго октябрьскаго утра; вмѣсто обычныхъ расшитыхъ золотомъ и блестящихъ галунами мундировъ пришедшая издалека сѣрая толпа простыхъ бѣдныхъ крестьянъ, стоявшихъ на колѣняхъ въ лужахъ воды; ни одной форменной фуражки, кромѣ развѣ полицейскаго урядника; вмѣсто духовенства въ парчевыхъ ризахъ и драгоцѣнныхъ митрахъ скромный, сѣрый, какъ и все окружающее, деревенскій священникъ съ развѣвающимися по вѣтру космами сѣдыхъ волосъ и такой же скромный дьячокъ. Прерывающимся отъ волненія голосомъ читаетъ священникъ слова молитвъ; такимъ же голосомъ отвѣчаетъ ему дьячокъ; къ концу панихиды голосъ священника начинаетъ дрожать и прерывается плачемъ и всхлипываніями, а стоящая на колѣняхъ толпа въ одинъ голосъ громко рыдаетъ подъ дождемъ и вѣтромъ, задувавшимъ грошова въ восковыя свѣчи. На словахъ

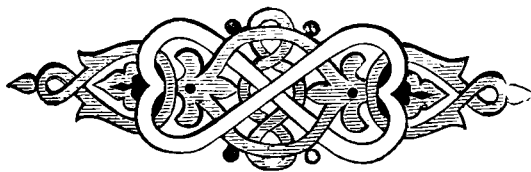
вѣчной памяти голосъ священника совершенно срывается въ не-
удержный плачь... Двери вагона задвигаются, и поѣздъ плавно
уноситъ на сѣверъ бранные останки того, съ кѣмъ такъ очевидно
и искренне былъ связанъ оставшійся позади на колѣняхъ сѣрый
православный народъ, слезами неподдѣльнаго горя провожавшій
своего любимаго царя.

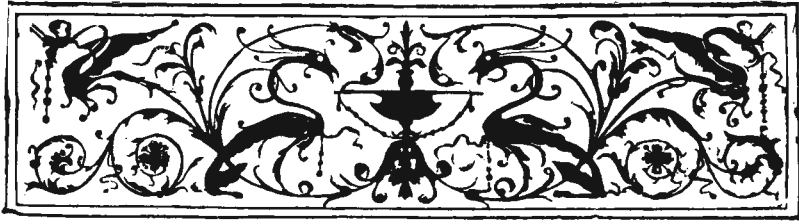
У присутствовавшихъ въ вагонѣ при этой сценѣ поголовно у
всѣхъ глаза были полны слезъ, и они унесли навсегда какое-то
отрадное воспоминаніе о чистомъ, никакими условностями не свя-
занномъ чувствѣ, проявленномъ обитателями Понырей и свидѣтель-
ствующемъ, что для этихъ безхитростныхъ душъ «единеніе царя съ
народомъ» было не отвлеченной теоріей, не звукомъ пустымъ, а
глубокой, искренней и естественной необходимостью.

Для «имѣющихъ уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видѣть», не
надо было ни серебряныхъ и иныхъ вѣнковъ, постоянно прино-
симыхъ въ траурный вагонъ, ни сосредоточенныхъ лицъ официа-
льнаго и провинціального міра, ни безконечныхъ крестьянскихъ
обозовъ, днемъ ли, или ночью неизмѣнно остававшихся при
проходѣ поѣзда, причемъ возницы падали ницъ на колѣни, истово
крестясь на мчавшійся мимо вагонъ съ большимъ бѣлымъ крестомъ
на дверяхъ, ни иныхъ проявленій народной и общественной скорби, —
для нихъ одна панихида въ Поныряхъ была *цѣлымъ и сильнѣйшимъ
откровеніемъ* того, что простой народъ переживалъ въ эти
скорбные дни и какъ сильна его любовь къ своимъ государямъ.

Другой такой панихиды намъ уже не пришлось видѣть на всемъ
печальномъ пути, но и эта одна оставила неизгладимое на всю
жизнь впечатлѣніе..

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

ГОДЪ ПО ТЮРЬМАМЪ.

I.

Бакинская тюрьма.

ВЪ РАЗГАРЪ печальной памяти «освободительнаго» движенія, испытавъ всѣ прелести кочевки съ сѣвера на югъ въ качествѣ «поднадзорнаго», я наконецъ добрался до промышленнаго центра Закавказья—города Баку, гдѣ проектировалъ отдохнуть отъ тревоженій скитальчества, но «недреманное око поддерживающихъ властей» на третій же день меня наслѣдило и «изъяло изъ общаго обращенія», ввергнувъ въ узлище, именуемое мѣстной губернской тюрьмой.

Тюрьма оказалась «открытой», т. е. всѣ заключенные въ ней пользовались невозбранно въ теченіе дня полной свободой передвиженія въ предѣлахъ тюремныхъ стѣнъ. Этотъ порядокъ содержанія, въ свою очередь, предполагаетъ массу всяческихъ «вольностей», благодаря которымъ «открытая» тюрьма приближается къ типу тюремъ блаженной памяти восьмидесятихъ годовъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, въ родѣ: «а, живое подаяніе!»—«здравствуйте!»—я, чувствуя потребность подкрѣпить свои силы, спрашиваю:

— Нельзя ли достать чего-либо поѣсть? Я голодень.

— Сходите въ лавочку или на базаръ, тамъ всего найдете...—получаю отвѣтъ.

Онъ звучитъ болѣе чѣмъ странно, я готовъ видѣть насмѣшку.
— Кто же меня туда пустить?!—изумляюсь.

— Нѣтъ, тюремная лавочка, тюремный базаръ,—говорятъ мнѣ.

Одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей беретъ на себя обязанности проводника. Мы выходимъ на огромный дворъ. Солнце нещадно палитъ, и середина двора пуста, но на окраинахъ, подъ тѣнью стѣнъ, кишитъ людъ. Подходимъ. Предъ глазами цѣлый рядъ столиковъ и лотковъ. На нихъ разнообразная снѣдь. Поодаль—другой рядъ, тамъ галантерея. Впечатлѣніе «заправской» толкучки-базара дополняется снующими «барахольщиками», навьюченными тряпьемъ. Они бойко выкрикиваютъ:

— Купить, смѣнить, продать!

Несутся многоголосыя зазыванія. Преобладаетъ гортанная, «съ заѣдиной» рѣчь восточныхъ «чилявэковъ».

— Ха-ды, ха-ды на мой лявкамъ, бѣры таваръ завсэмъ дарамъ!— остро впиваясь взглядами въ глаза покупателя, открытыми ртами выпѣваютъ импровизированные коммерсанты.

— Желаете горячаго, пройдемъ на кухню...—предлагаетъ мнѣ проводникъ.

Покупаемъ съ лотка фруктовъ и идемъ на кухню. Проходимъ чрезъ калитку—дверь ея нараспашку—на другой обширный дворъ. И тутъ середина пустыня, а на тѣневыхъ краяхъ масса народа. Здѣсь онъ составляетъ неподвижныя кольцеобразныя группы, которыя, частью стоя, частью же въ сидячемъ положеніи, очевидно, чѣмъ-то заняты, но за дальностью разстоянія разсмотрѣть не могу.

— Игроки,—поясняетъ товарищъ.—Если интересуетесь, на обратномъ пути зайдемъ.

На кухнѣ намъ предлагаютъ супъ, пирожки, котлеты и предупредительно усаживаютъ за столикъ, накрытый чистой тряпичей.

Обѣдъ вкусно приготовленъ изъ свѣжихъ продуктовъ, онъ могъ бы сдѣлать честь любой «вольной» кухмистерской. Плата болѣе чѣмъ скромная. Торгуютъ выборные отъ общества арестантовъ, помѣсячно. Провизию непосредственно забираютъ отъ подрядчика, доставляющаго казенные продукты.

Насытившись, идемъ знакомиться съ тюрьмой.

Прежде всего бросается въ глаза полное отсутствіе «власти» и регламентаціи. Арестанты живутъ по своимъ индивидуальнымъ привычкамъ, склонностямъ, желаніямъ. Каждый воленъ въ предѣлахъ тюрьмы, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, дѣлать, что хочетъ.

Пять внутреннихъ постовъ тюремнаго надзора (на 600—800 человекъ населенія тюрьмы) олицетворены тѣмъ же числомъ безулично фланкирующихъ или погруженныхъ въ лѣнивую дремоту «надзирателей». Очевидно, эти связующія насъ съ администраціей тюрьмы звенья, лишь на случай возникновенія исключительныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ событій. Сама администрація тюрьмы

выражена въ единственномъ числѣ «смотрителя», который, будучи всецѣло поглощенъ конторою и хозяйственною частью тюрьмы, во внутреннюю жизнь арестантовъ вмѣшательства не проявляетъ; непосредственное общеніе его съ послѣдними исчерпывается рѣдкими краткосрочными посѣщеніями санитарнаго характера. Фактическимъ помощникомъ смотрителю служитъ старшій надзиратель, чего-то ради называемый «фельдфебелемъ». Исполняя массу мелкихъ хозяйственныхъ порученій смотрителя, онъ главнымъ образомъ слѣдитъ за цѣлостію «преградъ», какъ-то: оконъ, рѣшетокъ въ нихъ, стѣнъ, половъ и потолковъ и производитъ по камерамъ два раза въ сутки повѣрку числа арестантовъ.

Вообще разсматриваемая тюрьма—старый типъ нашихъ тюремъ, сохранившійся въ Закавказьѣ, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ окраинахъ государства, которыхъ не коснулась тюремная реформа восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, проведенная первымъ начальникомъ главнаго тюремнаго управленія Галкинымъ-Враскимъ. Эта реформа, какъ извѣстно, выразилась въ отношеніи губернскихъ и однотипныхъ уѣздныхъ тюремъ въ разобненіи арестантовъ по категоріямъ, съ содержаніемъ всѣхъ камерныхъ помѣщеній на замкѣ и, главнымъ образомъ, въ созданіи «режима» военного пошиба, для чего «смотритель» тюрьмы переименованъ въ «начальника» и ему дана широкая власть «усмотрѣнія» и дисциплинарныхъ взысканій.

Бакинская тюрьма приспособлена изъ флотскихъ казармъ. Бросается въ глаза обиліе и просторъ дворовъ, служившихъ нѣкогда учебными плацами для строевыхъ занятій матросовъ.

Я съ проводникомъ на обширномъ «политическомъ» дворѣ.

Много гуляющихъ, по два и группами. Они двигаются, снуютъ въ разныхъ направленіяхъ и то тихо, какъ-то меланхолично, то оживленно бесѣдуютъ. Тутъ же осторожно выступаютъ одиночныя фигуры «чтецовъ», съ глазами, ушедшими книзу.

Вотъ одинъ, точно срываясь, пронесется мимо насъ съ опущенной книгой и поднятымъ къ небу взглядомъ и торопливо выкрикиваетъ: «соціализмъ, обобществленіе орудій и средствъ производства... соціализмъ, обобществленіе...»

А вотъ другой передвигается вприпрыжку, ступая съ пятки на носокъ, и, склонивъ голову на бокъ, словно попугай, выщелкиваетъ: «être—быть!.. avoir—имѣть!.. je suis—я есмь... j'avais—я имѣлъ...»

Вниманіе привлекаетъ группа «метателей диска», расположившаяся на окраинѣ двора, у ограды.

Десятка полтора оживленныхъ, потныхъ лицъ съ сдвинутыми на затылокъ папахами. Фигуры стройныхъ, широкоплечихъ сыновъ Кавказа полны античной красоты. Они, каждый по очереди, бросаютъ одной рукой тяжелый угловатый камень. Отъ сильнаго

размаха онъ долго летитъ горизонтально и наконецъ, сдѣлавъ прыжокъ по землѣ, грузно и остро вливается въ нее.

Тонкій, гибкій станъ, могучія плечи. Они быстро откидываются, при красивыхъ, энергичныхъ взмахахъ правой руки и, такъ же быстро выпрямляясь, наносятъ вмѣстѣ съ ней страшный толчокъ каменной глыбѣ; слухъ схватываетъ короткій, веселый окрикъ: «джа!» и глыба мчится по воздуху.

Входимъ въ «политическій» корпусъ.

Длинный, мрачный коридоръ. По обѣимъ сторонамъ рядъ дверей, уходящихъ вдаль, съ квадратными, переплетенными желѣзомъ амбразурами. Всѣ двери притворены, но засовы отодвинуты и замки висятъ на нихъ праздно.

Камеры маленькія; въ нихъ по четыре-пять коекъ, наполненныхъ «возлежащими». Кто спитъ, что читаетъ книгу, либо газету... Иной просто лежитъ съ открытыми, устремленными въ пространство глазами, и острый, скорбно-пытливый его взглядъ говоритъ о сильной, но скованной мысли, объ энергіи и страданіи.

Въ другихъ камерахъ пишутъ, сидя за общимъ столомъ, или предаются прозаическому чаепитію. Нѣсколько помѣщеній пустыютъ квартиранты ихъ въ отлучкѣ.

Камера большихъ размѣровъ, она заполнена народомъ. Здѣсь импровизированная школа для слабыхъ и желающихъ усвоить элементы «грамматики—математики», какъ мнѣ сообщилъ мой чичероне. Преобладаютъ рабочіе лица и костюмы.

Раздается методическій голосъ лектора: «итакъ, товарищи, прошлый разъ мы усвоили себѣ синтаксическія свѣдѣнія объ опредѣленіи; сегодня мы переходимъ къ ознакомленію съ тѣми частями предложенія, которыя именуются дополненіемъ».

А вотъ еще большее помѣщеніе. Въ немъ масса публики. На дверяхъ слегка приклеенный, очевидно, наскоро повѣшенный плакатъ: «Входъ свободенъ».

Входимъ.

Люди сидятъ на сдвинутыхъ къ стѣнамъ койкахъ; многіе расположились прямо на полу, въ непринужденныхъ позахъ.

Только два человѣка стоятъ, съ нихъ обильно катится потъ.

Одинъ, интеллигентный юноша, плотный блондинъ, говоритъ. Его спокойная, плавная рѣчь полна шаблонныхъ, книжно-округленныхъ періодовъ и увѣренныхъ, планомѣрныхъ переходовъ и отступлений наторѣлаго, опытнаго оратора. Онъ эсдекъ и проводитъ партійную точку зрѣнія на значеніе и цѣлесообразность государственной думы.

Другой, тоже молодой человѣкъ, съ лицомъ и взглядомъ мученика-аскета, возражаетъ эсдеку. Начинаетъ онъ скромно, конфузливо, однако быстро овладѣваетъ своей темой и возбуждается. Онъ простой заводскій рабочій; у него нѣтъ, говоритъ онъ, спокой-

ствія, апломба противника и его эрудиціи, сказанное имъ слово будетъ лишь слабымъ отзвукомъ пережитой имъ муки и униженія.

Мысль новаго оратора сразу рвется въ разныхъ направленіяхъ каскадомъ, безсвязно-отрывочно, но она вдохновенна, полна экзальтациі, и простой рабочей скоро овладѣваетъ вниманіемъ аудиторіи. Онъ говоритъ о безотрадномъ, безпросвѣтно-тяжеломъ положеніи рабочихъ массъ во всѣхъ странахъ земного шара, о всеобщей неудовлетворенности современнаго человѣчества, о тяжелой скорби лучшихъ людей міра за современнаго человѣка. Онъ говоритъ о необходимости счастья для всѣхъ равно и видитъ его лишь въ безгранично-свободномъ, ничѣмъ не стѣсняемомъ развитіи личности. Онъ ищетъ и находитъ причину современныхъ золъ «въ осуществленной людьми идеѣ государства» и предлагаетъ полное и немедленное разрушеніе всѣхъ институтовъ, на которыхъ покоится это послѣднее. Онъ анархистъ.

Атмосфера переполненной аудиторіи сгущена до крайности. Я дышу съ трудомъ и, не выжидая окончанія дискуссіи, выхожу изъ помѣщенія.

— Молодо-зелено!—говоритъ проводникъ.

— Развѣ только?—подъ наплывомъ охватившихъ меня мыслей спрашиваю почти машинально.

Возвращаемся на «свой», уголовный дворъ. По дорогѣ мой чичероне совершенно неожиданно обращается ко мнѣ:

— Позвольте познакомиться!

— Пожалуйста.—Называю себя.

— Сынъ попа Мамай, ѣсть давай, а работать ни-ни...

— Что изволили сказать?!—изумляюсь.

Онъ повторяетъ.

— Это, видите ли, моя тюремная кличка, кличка съ хвостикомъ. Наша «шпана» самобытна и подчасъ остроумно-наблюдательна, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей. И вотъ она окрестила меня этой кличкой, какъ я говорю, съ хвостикомъ, во имя моихъ специальныхъ принциповъ и долготѣνιαго тюремнаго прошлаго. Такимъ образомъ, въ ней прошу видѣть не безсодержательное балагурство, а ключъ къ curriculum vitae и profession de foi вашего покорнаго слуги.

Начинаю впервые внимательно всматриваться въ моего товарища.

Предо мной пожилой человѣкъ, высокій и тощій, съ блѣдно-сѣрымъ «арестантскимъ» цвѣтомъ лица. Оно сохранило слѣды интеллигентности.

— Тридцать лѣтъ, съ малыми промежутками свободы, проведены мною по російскимъ тюрьмамъ и ссылкѣ въ качествѣ уголовного

рецидивиста,—продолжалъ онъ.—Тридцать лѣтъ «ничегонедѣланія»!.. Каково?! Полная потеря трудоспособности... «атрофія трудовой функціи!»—горячо усмѣхнулся несчастный.—И странно, знаете ли, въ то же время я чувствую себя нравственно много лучше тѣхъ... «свободныхъ»! Какъ вы думаете объ этомъ?

— Я васъ понимаю и соглашаюсь... конечно, съ ограниченіями. Однако, долженъ признаться, вы меня заинтересовали.

— Да?!.. Впрочемъ, мнѣ это говорятъ многіе интеллигенты и обыкновенно рекомендуютъ вывернуться наизнанку, выложить имъ свое «я» въ писанной автобіографіи, рисуя перспективы литературнаго заработка и возврата къ «соціальному» человѣку. Простите, повидимому, и вы заинтересованы въ смыслѣ использованія...

— Видите ли, я лично для себя... и безъ всякихъ поползновеній вторгаться...

— Понимаю, понимаю и готовъ къ услугамъ. Однако теперь же удовлетворить вашему любознанію я не смогу, прежде всего по недостатку времени, затѣмъ въ виду моей неподготовленности. Я слышалъ, что на дняхъ вы должны прослѣдовать въ петровскую тюрьму; я также съ первымъ отходящимъ этапомъ подлежу обратному отправленію туда же, къ мѣсту моего содержанія, сюда я вызванъ лишь на нѣсколько дней, у меня такъ и хозяйство мое осталось,—вставляетъ мой собесѣдникъ, поднимая на меня странный, вопросительно-робкій взглядъ.—Такимъ образомъ, у насъ впереди много времени... А пока, въ заключеніе нашего обзорѣнія тюрьмы, не угодно ли посмотрѣть, какъ «наши ребяташки» забавляются!.. Вотъ!..

Предъ нами большой, въ нѣсколько рядовъ, кругъ любопытныхъ. Въ центрѣ, вокругъ разостланнаго прямо на землѣ одѣяла сукна, поджавъ подъ себя ноги «калачикомъ», расположились игроки.

У каждаго въ рукахъ колода картъ, на сукніи мелкія кредитки или пачки ихъ. Игра—штоссъ. Одинъ—банкометъ—ведетъ игру, мечетъ банкъ, другіе—дѣлаютъ ему ставки, понтируютъ. Немудрая игра разбрасыванія картъ,—направо бита, налѣво дана,—осложняется названіемъ ставокъ: «уголь, пе, перепе, транспортъ, съ кушемъ, по кушу».

Молчаливая, напряженная тишина—вниманіе. Только держатель банка спокойными, красиво-плавными движеніями умѣлой руки, съ легкимъ шорохомъ бросаетъ карту да выкрикиваетъ: «дама—дана!.. двойка—бита! тузъ—имѣть, валеть—проигралъ!»

Страсти разгораются. Игра принимаетъ крупный, быстро-перемѣнный характеръ. Нѣсколько удачныхъ картъ, и «счастливецъ» обладаетъ кучкой затрепанныхъ кредитокъ; еще минута, и у него подъ носомъ—пусто. Быстро освобождаются и заполняются новыми мѣста понтеровъ, только благодаря крупной цифрѣ банка и счастью банкومتъ беземѣненъ.

— Дорогу новому счастью!—кричитъ лысый и худой, какъ скелеть, старикъ, врѣзаясь въ кругъ и занимая у сукна мѣсто,

— А, гробокопатель!.. Честь и мѣсто!..—слышны голоса.

Сдержанными, методичными, но нервными движеніями онъ долго жонглируетъ колодой прежде, чѣмъ ставить карту.

Ему везетъ и онъ рискуетъ, повышая крупно ставки.

— Матушка, царица души моей!.. Выручай разъ!..—выкрикиваетъ «счастливецъ» и комично-любовно цѣлуетъ вынутую изъ колоды даму.—Владычица, выручи... поддержи и спаси!..—возводя очи горѣ и поднимая кверху карту, восклицаетъ гробокопатель, раскрывая желтый, почти беззубый ротъ.

Толпа тихо ржетъ.

Карта старика бита.

— У, сучище! Весь фартъ ¹⁾ моей жизни пожрала!..—разражается онъ, внезапно измѣняясь.

— У... у... у...—слышится шипѣнье.

Гробокопатель отчаянно мнетъ, тычетъ карту объ сукно. Еще моментъ, онъ вбрасываетъ ее себѣ въ ротъ и начинаетъ истово жевать.

— Ставь, ставь карту, гробокопатель!—напоминаетъ ему объ игрѣ банкометъ.

Игрокъ рѣзкимъ, отчаяннымъ движеніемъ швыряетъ на карту всю свою наличность и остро впивается взглядомъ въ талію банкомета.

Талія затягивается.

На лицѣ старика цѣлая гамма переживаній, калейдоскопически переливающихся. Кровь то приливаетъ, багрить, то отливаетъ, и тогда цвѣтъ лица напоминаетъ обмираніе каталептика.

Карта бита..

Гробокопатель вскакиваетъ, словно взброшенный пружиной, съ поднятыми вверхъ руками и взглядомъ.

Внезапно онъ дѣлаетъ страшный прыжокъ, швыряющій его вонъ изъ круга, и начинаетъ вертѣться волчкомъ. Другой прыжокъ, и онъ падаетъ на землю, какъ подкошенный. Руки, ноги и туловище конвульсивно дергаются, выбиваютъ дробь все чаще и чаще...

— Пойдемъ!.. Будетъ... довольно!—говорю я.

Вечерѣетъ. Сгущаются сумерки. Отъ моря плыветъ мгла.

Изъ оконъ «политическаго» корпуса несетъ пѣсня; слабые разрозненные голоса тянутъ:

«Отречемъ отъ стараго міра».

¹⁾ Счастье и вмѣстѣ «добыча». Фартъ—испорченное фортуна.

II.

Этапъ.

Свѣтаеть.

Наша партія-этапъ за воротами тюрьмы, плотно охваченная стальнымъ кольцомъ конвойныхъ. Раздается команда:

— Партія, слу-шай!.. Налѣво, за оцѣпленіемъ—смерть!.. На право—смерть!.. Кругомъ—смерть!..

Люди понуро съежились, притихли.

— Конвой, направо, налѣво! Партія, шагомъ маршъ!

Сбиваясь въ кучу, сталкиваясь и спотыкаясь, идемъ мы по сонному городу, словно крадемся отъ нависшаго надъ нами позора. Но городъ просыпается и смотритъ на насъ то укорливо, то участливо-любопытно, какъ будто видитъ насъ въ первый разъ.

На вокзалѣ посадка въ арестантскіе вагоны, куда къ намъ присоединяютъ больнымъ и женщинъ, слѣдовавшихъ за партіей на подводахъ. Публика партій—поголовно сѣрая однородная масса, въ арестантскихъ армякахъ или собственномъ рубищѣ; выдѣляются лишь нѣсколько фигуръ «приличной» внѣшности да, какъ три цвѣтка, посаженные дерзко издѣвающеюся рукой въ мусоръ и чертополохъ,—три граціозныхъ милыхъ дѣвушки. Это—«политическія барышни», административно-ссылаемая на сѣверъ Европейской Россіи и въ Сибирь.

Дѣвушекъ пришли провожать ихъ родственники и знакомые. Они сгруппировались на дебаркадерѣ, у оконъ нашего вагона.

Впереди, въ слезахъ, убитые горемъ старики-отцы и матери ссылаемыхъ. Дѣвушки съ скрытой, подавленной скорбью смотрятъ чрезъ рѣшетки оконъ на близкія, дорогія лица и мужественно утѣшаютъ своихъ стариковъ:

— Палочка, какъ не стыдно... слезы! Мужайся!.. Мы, вѣдь, скоро вернемся, свидимся...

Но бѣдные старые люди, теряя свою послѣднюю радость, плачутъ еще сильнѣе, еще безутѣшнѣй.

— Бросьте же, бросьте!—повторяетъ дочь, прижимая къ губамъ платокъ, видимо, лишь для того, чтобы самой удержаться отъ слезъ.

— Петровъ!.. Пет-ровъ!.. Чортова кукла!—нелѣпымъ контрастомъ вдругъ рѣжетъ воздухъ хриплый, командный окрикъ.

На дебаркадерѣ, у дверей зала перваго класса стоитъ, подбоченясь, толстый и пожилой офицеръ съ осовѣлымъ взглядомъ багроваго, потнаго лица.

Общее недоумѣніе.

Проходитъ долгая минута, и къ офицеру подбѣгаетъ солдатикъ въ галунахъ.

— Чор-това куќла!.. Гдѣ пропадешь!.. Чего смот-ришь!.. Гони эту сволочь!..—яростно реветъ «перегруженное» олицетвореніе Марса, очевидно, «комендантъ» станціи, протягивая руку въ направленіи провожающихъ.

Оторопѣлый унтеръ выполняетъ приказаніе своего начальника; но его человѣчныя дѣйствія кажутся послѣдному недостаточными, и офицеръ обрушивается на собравшихся съ топотомъ и сжатыми кулаками:

— Сволочь!.. Шлю-хи!.. Расходись!.. Перестрѣлю, какъ галокъ!..

Люди въ страхѣ мнутесь и рассыпаются въ разныхъ направле-ніяхъ.

Мы въ пути. Конвой нашъ не специализированная конвойная команда, а казаки Лабинскаго полка, случайно насъ сопровождающие. Они не стѣсняютъ насъ, не предъявляютъ ограничительныхъ требованій. Мы свободно куримъ, переходимъ въ вагонъ съ мѣста на мѣсто, ведемъ громкій разговоръ. Казаки очень внимательны, услужливы: на станціяхъ они охотно приносятъ кипятокъ, покупаютъ намъ съѣстные продукты, предупредительно сообщая, что заслуживаетъ нашего вниманія и пріобрѣтенія. Желаящимъ доставляютъ даже «запретное зелье» въ небольшихъ количествахъ. Вообще отношенія непринужденно-доброжелательныя, «равноправныя».

Удовлетворивъ наши насущныя потребности и сами подкрѣпившись, казаки подсаживаются къ намъ, спрашиваютъ, видимо, интересуются, особенно «политическими барышнями».

Въ Дербентѣ перемѣна. Казаки сдаютъ насъ для дальнѣйшаго сопровожденія ростовской желѣзнодорожной конвойной командѣ, которая ожидала насъ здѣсь. Происходитъ пріемка—перекличка. Умудренные во всѣхъ запретительно-ограничительныхъ тонкостяхъ желѣзнодорожно-конвойныхъ правилъ, наши новые конвоиры ретиво производятъ повальный обыскъ въ нашихъ вещахъ и у насъ самихъ. Размѣръ допустимаго багажа опредѣляется не свыше тридцати фунтовъ; излишній, взвѣшиваемый на руку, угрожаютъ выбросить вонъ и наконецъ снисходительно разрѣшаютъ временно распределить по неимущимъ.

— Господинъ унтерцеръ, у барышни подушка нарушаетъ «узаконенный» размѣръ!—выкрикиваетъ конвойный.

— Дурья голова... одновременно объясняй превышеніе, разность нарушенія предѣльной нормы!—докторальнымъ тономъ кричитъ съ другого конца вагона старшій.

— Превышеніе двухъ вершковъ, господинъ унтерцеръ...

— Выбросить!..

Начинается пререканіе.

— Заклѣчь въ наволочку надлежащаго размѣра,—наконецъ пререкаетъ унтеръ.

Приходится сдавить подушку, подвернуть наволочку и подшить ее, что тутъ же вынуждена сдѣлать собственница «превышенія».

Табакъ и его намеки безжалостной рукой выбрасываются изъ всѣхъ помѣщеній и кармановъ.

— У, «куркули»... одно слово необразованность!—по адресу казаковъ и ихъ снисходительности ворчатъ конвойные.

Послѣ обыска франтоватый унтеръ-офицеръ съ серьгою въ ухѣ пѣтушкомъ обходитъ вагонъ и важно, до трехъ разъ, приговариваетъ:

— Заявляю соблюденіе правилъ этапнаго движенія, какъ-то: своего мѣстоположенія, спокойствія, полной тишины, подчиненія требованіямъ конвойныхъ чиновъ и всего прочаго...

— Садись, садись на мѣсто!.. Чего всталъ?!—прикрикиваетъ онъ, замахиваясь пашкой на подымающагося во весь ростъ на своемъ мѣстѣ арестанта,—такъ звиздану, что своихъ не узнаешь... ежели не понимаешь интеллигенціи...

Водворяется тишина. Ее прерываютъ временами лишь окрики часовыхъ:

— Нэ галды!.. Нэ галды!.. когда кто-либо изъ арестованныхъ, забывшись, повышаетъ голосъ въ разговорѣ съ сосѣдомъ.

Кто-то, несмотря на строгость обыска, умудрился уберечь табачекъ и закурить,—виденъ дымокъ; новые окрики:

— Нэ куры!.. Нэ куры!.. Самъ не куру и теби нэ вѣлю!.. Ракло!..

Конвойные почти всѣ «хохлы». Это, собственно, не «настоящіе» малороссы, а порубежная помѣсь, «хохлацкое качашье», отличающееся на службѣ утрированнымъ пониманіемъ и соблюденіемъ своихъ обязанностей.

Полночь. Спать всѣ, чья усталость, ослабивъ энергію жизни, работу сердца, властно затуманила работту мозга, сознаніе мысль. Мнѣ не спится. И сосѣдъ мой Мамай, соснувшій немного вечеромъ, бодрствуетъ со своимъ визави Марусей Л и тихо ведетъ бесѣду.

Въ сонную тишину вагона внезапно врѣзался какой-то странный шумъ—движеніе. Шумъ растетъ. Слышенъ неестественно-напряженный, деревянно-звучащій голосъ:

— Пустите, пустите, окаянные! Пустите домой!

Голосъ несется отъ наружныхъ дверей вагона. Тамъ двѣ фигуры; одна спиною—сѣрая, другая лицомъ—черная, фигура часового. Они обхватили другъ друга, борются. Сѣрая фигура стремится наружу, за дверь, черная—не пускаетъ.

— Пусти, пусти!.. Тамъ меня ждуть!—слышенъ задыхающійся, странный, бредовой голосъ.

Проходитъ долгая минута шумной борьбы. Всѣ просыпаются, вскакиваютъ въ страхъ, недоумѣніи.

Невольное движеніе,—хочется броситься впередъ, на помощь..

Но сѣрый человѣкъ, очевидно, придя въ себя, вдругъ начинаетъ порываться назадъ и приговаривать:

— Пусти же, пусти назадъ! Со мной неладно...

Часовой не слышитъ, онъ продолжаетъ крѣпко держать и не хочетъ выпустить посягнувшаго на его «неприкосновенность».

— Пусти, пусти его!—вырывается изъ нѣсколькихъ грудей. Люди бросаются на помощь.

Но поздно...

Сзади, съ другого конца вагона сильнаго напряженія окрикъ:

— По мѣстамъ!.. Перебьемъ, какъ собакъ!..

Лица съ дикимъ выраженіемъ, съ сдвинутыми на затылокъ шапками быстро мелькающихъ, бѣгущихъ фигуръ конвойныхъ. Лязгъ и сверканіе выхватываемой изъ ноженъ стали.

Еще моментъ,—жестокій, сверкающій взмахъ оружія и падающій на сѣраго человѣка ударъ...

Человѣкъ покачнулся, громко икнулъ и тихо падаетъ на полъ.

Слышенъ стонъ и слабый голосъ:

— Милые... милые, за что!.. я не въ самъ дѣлѣ!..

Поѣздъ тихо подходитъ къ Петровску.

III.

Петровская тюрьма.

Партія стоитъ на улицѣ, у оконъ тюремной конторы, въ ожиданіи прихода смотрителя.

Петровская тюрьма приспособлена изъ частныхъ зданій мѣстнаго богача. Она помѣщается въ двухъ корпусахъ, выходящихъ прямо на улицу. Тюремный дворъ расположенъ сзади на крутой покатости, спускающейся къ морю, благодаря чему съ этого двора открывается видъ на необъятный просторъ водной стихіи.

Тюрьма небольшая, постоянный составъ содержащихся въ ней арестантовъ колеблется около цифры ста. Но часто эта цифра временно удаивается, такъ какъ Петровская тюрьма служитъ этапомъ для пересылаемыхъ и ссылаемыхъ изъ Закавказья партій.

Двѣ трети постояннаго состава—горцы, дагестанцы; остальные—русскіе, частью изъ мѣстныхъ жителей, главнымъ же образомъ изъ «слета» съ разныхъ сторонъ тюремныхъ завсегдатаевъ.

Тюремный надзоръ—смотритель и нѣсколько надзирателей. Режимъ—сколокъ съ бакинскаго.

«Слетъ шпаны» играетъ доминирующую роль «хозяевъ тюрьмы», представляя собою компактное цѣлое, управляемое правилами

и обычаями арестантства блаженной памяти 80-хъ годовъ. Функционируютъ «майданъ», староста и прочія должности «выборнаго начала для избранныхъ».

Словомъ «свой» опредѣляются права на принадлежность къ тюремной олигархіи и эксплуатацію остальныхъ насельниковъ тюрьмы, главнымъ образомъ пересыльныхъ.

Картежная игра составляетъ преимущественный, весьма успѣшный родъ занятій «своихъ»; благодаря ей, аристократія тюрьмы импонируетъ на массу, поддерживаетъ свой престижъ «избранниковъ», живя не только безбѣдно, но позволяя себѣ всяческую роскошь и излишества, допускаемыя мѣстомъ.

Послѣ обычной приѣмки въ конторѣ прибывшей партіи насъ впускаютъ на тюремный дворъ.

Мамай встрѣчаютъ, какъ стараго знакомаго:

— А, Мамай!.. Живая душа на ходуляхъ!

— Мамай, ѣсть давай, работать ни-ни!.. Здорово!

Насъ окружаютъ.

— А это кто? Свой или фрайеръ ¹⁾?—по моему адресу спрашиваютъ его пытливо-конфиденціально, однако громко, отнюдь не стѣняясь моимъ присутствіемъ.

— Свой...—тихо говоритъ Мамай.

— Такъ чего же, господи!.. Идемъ подкрѣпиться съ дороги. Мы васъ поджидали... приготовили по маленькой пропустить, баранину въ томатѣ, какао...

Идемъ въ камеру. Возсѣдаемъ ноги «калачикомъ» на нарахъ вокругъ «стола»—салфетки, уставленной снѣдью. Изъ рукава наливается живительная влага. Подкрѣпляемся. Благодушествуемъ въ пріятной бесѣдѣ.

— Ну, какъ поживаете, что новенькаго, Сомовъ?—спрашиваетъ Мамай благообразнаго на видъ, мелко-купеческой складки старика съ большимъ, сильно оголеннымъ лбомъ, волосы въ кружокъ.

— Фиритулись-фиритались, провертѣлись-промотались!..—комично-виновато восклицаетъ старикъ.—Скажи на милость... Прогорѣлъ, пролетѣлъ, убили, братъ, въ доску!.. На дняхъ, скажи на милость, всё потрохи проигралъ!.. Во-истину на каждого мудреца довольно простоты!.. И то сказать,—продолжаетъ онъ болѣе серьезно:—скучища, братъ, смертоубійственная!.. Ходишь, ходишь... ползаешь, ползаешь, словно тараканъ, да ихватишь, этта, для разбитія чувства. А ребята не зѣваютъ, живо хвостъ вырвутъ!

— Много?..—спрашиваетъ Мамай.

¹⁾ Не «свой»; всякій, кого можно эксплуатировать, «пѣшка».

«истор. ввсти.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

— Три, братъ, ста... Каково!?!—покачиваетъ головой Сомовъ.— И Катюшу ¹⁾ не пощадишь!.. Пошла по рукамъ моя Катюша неприкосновенная! Ау!..

— Впрочемъ...—потирая руки и лукаво подмаргивая, говоритъ старикъ, помолчавъ:—на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ... И я, вѣдь, имъ не подарокъ, свое возьму, самъ знаешь! Живо кадило раздую!.. Первое не за горами, смѣна нашихъ господъ чиновниковъ... извѣстно, загуляютъ... ну, и не зѣвай старикъ Сомовъ, подбирай ключики къ пустымъ чердакамъ!

— Скажи на милость?!..—перемѣняя разговоръ, послѣ небольшой паузы спрашиваетъ онъ у Мамаю.—Никакъ всю Грузію переселить задумали. Что ни недѣля—сто, двѣсти человѣкъ гонять... И все интеллигенція, студенты, учителя... прошлый разъ два пона прошли. Богатѣйшія партіи, старостѣ лафа!

Откуда ни возьмись, къ Мамаю слетаетъ голубь и преспокойно усаживается у него на плечѣ.

— А, старый пріятель, здорово, Вася!.. Мой выкормокъ...—поясняетъ мнѣ Мамаю.

И онъ поворачиваетъ свою голову къ птицѣ, а та клювомъ лѣзетъ къ нему въ ротъ.

Не проходитъ пяти минутъ, и Мамаю неистово осаждаютъ ласками и требованіемъ корма набѣжавшіе со всѣхъ сторонъ четыре экземпляра собачьей и кошачьей породъ, по два каждой.

— Также мои питомцы... Узнали!.. Мое хозяйство!..—улыбаясь говоритъ Мамаю, любовно одѣляя отвѣтными ласками и кусками своихъ воспитанниковъ.

— Люблю этихъ представителей вѣчной праздности, незлобія и нестяжанія... отсутствія инстинкта собственности,—продолжаетъ онъ задумчиво.—Попросимъ—дадутъ... а если нѣтъ,—поищемъ и гдѣ найдемъ—возьмемъ!.. Простота, скромность требованій... только возмѣщеніе органической траты—удовлетвореніе голода. А какое богатство, полнота настроенія, то беззаботно-жизнерадостнаго, то какого-то страннаго, намъ непонятнаго, созерцательно-безстрастнаго. Я питаю къ нимъ огромную симпатію Повидимому, съ ними у меня сродство душъ, непосредственное сочувствіе—пониманіе сходныхъ переживаній, сосуществованій. Къ людямъ съ ихъ лживыми, жестокими учрежденіями-пережитками я не могу питать ни малѣйшаго уваженія; болѣе того,—я чувствую къ нимъ глубокую непріязнь, прежде всего потому, что лично мнѣ и многимъ подобнымъ мнѣ они причинили много безсердечнаго, систематически, холодно разсчитаннаго зла, причинили несоизмѣримо больше вреда, чѣмъ мы имъ... ибо они жестоки... и эксплуататоры. А тотъ человѣкъ, кого я назову человѣкомъ въ отвлеченіи, заро-

¹⁾ Сторублевка.

дышемъ, пигмеемъ—единицей настоящаго и великаномъ будущаго и красоту котораго я делѣю въ душѣ моей, какъ святыню, не можетъ заслонить въ ней красоту жизни животнаго, какъ надстройка не можетъ закрыть основанія, на которомъ она покоится.

— Да... итакъ, прошу любить и жаловать мою вѣчно празднующую безсловесную паству,—помолчавъ, заявляетъ мнѣ Мамай.

— Что люди, что ихъ трудъ,
Они прошли, они пройдутъ,
Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ...

прорѣзываетъ воздухъ декламація груднаго, чистаго и звонкаго, какъ колокольчикъ, голоса, и къ нашей компаніи подбѣгаетъ обладатель его, красивый безусый юнецъ, блондинъ средняго роста и тѣлосложенія. Въ рукахъ у него какая-то массивная папка.

— Отче нашъ!.. Батя!.. Правило вѣры и образъ кротости... здравствуй!—восклицаетъ онъ неподдѣльно-радостно, подавая руку Мамаю.

— Здравствуй, здравствуй, Звонокъ!—покровительственно отвѣчаетъ Мамай.—Что, люльку съ дѣтищами-выкидышами моихъ литературныхъ потугъ принесъ?! Давай, давай!

— Твоя отъ твоихъ, къ тебѣ приносяще... въ полномъ цѣломудріи... отче, учитель благій!—дѣланнымъ тономъ серебристо выплываетъ «Звонокъ», поднося Мамаю папку.

— Сампантеля пасѣ!..—внезапно обращаясь ко мнѣ и указывая на Мамаю и его «безсловесную паству», звенитъ юнецъ, неволью заражая меня своею жизнерадостною веселостью.—Здравствуй!—быстро поправляется онъ, протягивая мнѣ руку.

— Правда, звучитъ по-французски!.. Самъ панъ теля пасе...—повторяетъ онъ наивно-шаловливо, отчеканивая каждое слово:—чистѣйшее хохлацкое нарѣчіе!

— Все шалишь, какъ школьникъ!.. Рекомендую,—говоритъ Мамай:—человѣкъ два съ половиною десятка лѣтъ созерцаетъ «міръ печали и скорблей», а держитъ, чувствуетъ себя, какъ шаловливый ребенокъ!

— Радуюсь, отче, радуюсь!.. Десять лѣтъ уже радуюсь!..

— Чему же, собственно?!

— Все тому же, о чемъ и раньше говорилъ тебѣ, отче... Тому, батя, сердце родное, что, постигнувъ тюремовѣдѣніе, удалось сбѣжать отъ «людей»... отъ тѣхъ, что съ дѣтства учили меня «уму-разуму» смертнымъ боемъ.

— Неужели васъ такъ били?! И кто?—спрашиваю я.

— О, били «на совѣсть»!.. Не забывали боемъ милые родители; «вбивали науку» господа ремесленники, не щадя своихъ рукъ, а когда ихъ не хватало, били чѣмъ и какъ попало... всѣмъ били... только печкой не били... а объ печку били!..

— Ну, теперь отгарантированъ, говори слава Богу!—наставительно увѣдомляетъ Сомовъ.

— Богъ, богъ!—не будь самъ плохъ!.. Слава Богу... Богу, Бога, Богъ...—какъ школьникъ, склоняетъ Звонокъ.

На нѣсколько секундъ онъ задумывается, что-то припоминая, а потомъ быстро говоритъ, склонивъ голову на бокъ и какъ будто прислушиваясь къ звукамъ своего голоса:

— Богъ есть некъ, который, по мѣрѣ накопленія знаній въ человѣчествѣ, приближается къ нулю... нуль, ноль... фикція, фантомъ... фетишь... фетишизмъ, борьба съ фетишизмомъ!.. Такъ, батя!?. Ло-ка-ли-за-ція умственныхъ способностей!..

Онъ устремляетъ свой взглядъ въ пространство и голосомъ проникновенно-восторженнымъ восклицаетъ:

— Люблю красивыя слова... красивыя мысли... люблю все красивое!..

Съ послѣднимъ звукомъ онъ улетучивается такъ же стремительно, какъ прибѣжалъ.

— Мой ученикъ,—говоритъ Мамай:—интересный субъектъ!.. впитываетъ въ себя, какъ губка... Представьте, въ одинъ мѣсяць основательно усвоилъ грамматику!.. Чуть ли не каждую недѣлю прибѣгаетъ ко мнѣ со списочкомъ: «батя, говоритъ, я вычиталъ новыя, непонятныя слова,—объясняй, пожалуйста!» Ну, объяснишь... по каждому слову чуть ли не лекцію вытянетъ изъ тебя, а двухъ разъ, знаете, повторить не заставитъ... Выдающіяся способности, огромная духовная жажда!

— Деликатная личность, ргутная натура...—говоритъ Сомовъ,

— Скажите, онъ не лишень правъ?—спрашиваю.

— Увы... лишень...—отвѣчаетъ Мамай.

— Отгарантировали въ доску... ¹⁾—поясняетъ Сомовъ.

Выходимъ освѣжиться на дворъ. Любуемся безбрежною морскою далью и разсматриваемъ портъ, который весь предъ нами, какъ на ладони.

— Не въ примѣръ російскимъ тюрьмамъ, скажи на милость!—заявляетъ Сомовъ.—Тамъ, окромъ тюремной стѣны да куска неба не взыщи... другого виду нѣтъ!.. Опять же режимецъ-прижимецъ, одно слово могила!.. Дышать человѣческимъ духомъ не даютъ! Все на винту! Все подъ прессомъ! Ау!.. Скажи на милость!

— Что касается режима,—замѣчаетъ Мамай:—то и эта тюрьма лишь второй годъ какъ прошла чрезъ мертвую полосу своего существованія. Извѣстный американецъ Джоржъ Кенанъ, нашумѣвшій въ 80-хъ годахъ на весь мѣръ своимъ сочиненіемъ «Сибирь и ссылка», какъ знатокъ русскихъ тюремъ, говорилъ, что въ Россіи нельзя найти такой тюрьмы, которая управлялась бы однимъ ре-

¹⁾ Вдосталь, совсѣмъ.

жимомъ въ теченіе пяти лѣтъ, и пяти тюремъ одновременно, управляемыхъ одинаковымъ режимомъ. То же самое можно сказать о современныхъ тюрьмахъ. Блестящимъ доказательствомъ, оправданіемъ бессистемности служить отсутствіе до настоящаго времени единообразной для всѣхъ нашихъ тюремъ инструкціи. И это—несмотря на почти тридцатилѣтнее существованіе у насъ главнаго тюремнаго управленія!.. Да, и въ этой тюрьмѣ я засталъ, при прежнемъ смотрителѣ Гирюловнчѣ, такой ужасъ жизни, о которомъ тяжело вспоминать... Понасидѣлись «подъ прессомъ—на винту», а я, грѣшный, кромѣ того, въ одиночкѣ, на замочкѣ!

Послѣ прогулки иду отдохнуть въ камеру, гдѣ для меня, благодаря Мамае, приготовлена постель.

Проходитъ нѣсколько ничего не говорящихъ, однотонныхъ тюремныхъ дней. Конецъ мѣсяца. Онъ знаменуется событіями, обычными въ «открытой» тюрьмѣ, во-первыхъ: общественной сходкой «своихъ» для выборовъ на наступающій мѣсяць новыхъ «чиновниковъ», какъ-то: майданщиковъ—монопольныхъ держателей картъ, старосты-собирателя «парашечной» мзды съ пересыльныхъ, артельщика и проч.; во-вторыхъ: смѣной «чиновниковъ», сопровождающейся «виннымъ» угощеніемъ и загуломъ смѣнившихся.

Раннее утро. Въ большой камерѣ, гдѣ обитаютъ «свои», начинается движеніе. Слышенъ слабый голосъ:

— Фельдшера!

Съ другого конца ему гдѣ унисонъ повторный, сильнаго напряженія басовый окрикъ:

— Фельд-шера!

Появляется сонная фигура, съ словами:

— Идемъ, идемъ... болѣзные!

Въ поднятой рукѣ идущаго аптечная мензура. Другая рука, погруженная въ рукавъ наскоро брошеннаго на плечи бушлата, бережно оттопырена.

— Что, болѣзный!—сострадательно вопрошаетъ сонная фигура, подходя на зовъ.

— Полечи, ваше благородіе!

— Чѣмъ боленъ!?!—сановито вопрошаетъ «благородіе».

— Голова болитъ, въ брюхѣ тошнота... Окажи содѣйствіе... полечи, ваше благородіе!

— Гм... Делерумъ тременць...—послѣ паузы, глубокомысленно изрекаетъ «благородіе».—Приемъ винусъ спиртусъ—елико вмѣстишь...

— На сколько!—внезапно переходя на естественно-дѣловой тонъ, спрашиваетъ «фельдшеръ».—Цѣлую, что ль!? Смотри, чистякъ-спиртыга!

Изъ рукава бережно появляется бутылка спирта.

Господа «ех-чинповники» похмеляются.

Благодаря «болѣзни» и скорому «радостному» выздоровленію, вся камера раньше обыкновеннаго поднимается на ноги и приступаетъ къ утреннему чаю.

— Ми-ла-и! Гуляю!—черезъ часъ, блаженно улыбаясь, пошатывается ех-майданщикъ Комовъ.

Сомовъ уже возсѣдаетъ на нарахъ, ноги «калачикомъ», на сукнѣ-одѣялѣ. Передъ нимъ нѣсколько колодъ картъ и десятирублевая бумажка, перехваченная «въ кредитъ». Онъ съ равнодушнымъ видомъ покуриваетъ трубочку, въ ожиданіи партнеровъ.

— Мила-й!.. Сомовъ!! Товаржець!.. Гуляй!! Разрѣшеніе вина іерею... полгода говѣлъ!—останавливается передъ нимъ, пошатываясь, Комовъ.

— Пріятное дѣло...—равнодушно заявляетъ Сомовъ, сплевывая въ сторону.

— Сразимся, милай, что ль?! Давай пистолець!.. Прожертвую на бѣдность пару красныхъ!—подсаживаясь и беря колоду, говоритъ ех-майданщикъ.

— Милости прошу къ нашему шалашу...

Начинается игра. Сомовъ ведетъ ее спокойно-разсчитанно, какъ опытный тактикъ, рѣшившій во что бы то ни стало выиграть бой. Комовъ играетъ безтолково, путаясь и горячась.

— Баста!—наконецъ говоритъ онъ, проигравъ и доставая къ уплатѣ двѣ десятирублевки.

— Не плати, не плати, можешь отыграть!—снисходительно говоритъ выигравшій.

— Будетъ,... довольно... больше не играю!—съ шаткою рѣшимостью объявляетъ Комовъ.

— Ну!.. Сердце—не камень, кровь—не вода!—авторитетно заявляетъ Сомовъ.

Рѣшимость Комова таетъ.

— Нырай, нырай, здѣсь не глубоко!—подталкиваетъ его Сомовъ.

Игра возобновляется. Скоро въ нее вступаютъ новыя лица, и карточный бой принимаетъ широкіе размѣры.

Игра затягивается на цѣлый день. Играющіе такъ увлечены, что не могутъ оторваться пообѣдать, подкрѣпляясь на мѣстѣ. По минутно слышны требованія:

— Фельдшеръ, мензурку!

Результаты игры выясняются лишь позднимъ вечеромъ. Всѣ проиграли, кромѣ трехъ счастливецъ: Сомова, Звонка и новаго майданщика. Послѣдній, собственно, не игралъ; онъ получилъ десятипроцентнаго сбора съ картъ нѣсколько десятковъ рублей.

Сомовъ, на долю котораго пришла большая часть выигрыша, торжественно важенъ. Рукою опытнаго счетчика онъ пересчитываетъ

васть, просматриваетъ свои трофеи и, аккуратно складывая, отправляетъ ихъ въ широкій поясъ, охватывающій его солидную талию.

— Старикъ Сомовъ въ обиду себя не дастъ!.. Эй, мелюзга!.. Здѣсь сидите!..—похлопывая себя по поясу, въ заключеніе говоритъ онъ хвастливо и ядовито.—На то и сомъ въ водѣ, чтобы мелкота водилась!..

Звонокъ, выигравшій на «счастливый» рубль болѣе ста и не ожидавшій этого, такъ какъ его, видимо, весь день увлекалъ лишь процессъ игры, съ недоумѣніемъ смотритъ на начку лежащихъ предъ нимъ кредитокъ.

— Собственность, личная собственность!.. Странно!..—разводитъ онъ руками.—Идіо-син-кразія къ физическому, скотскому труду и частной собственности... и вдругъ... наличіе таковой собственности!.. Непослѣ-дова-тельно!..

Онъ задумывается.

— Жиганы!.. Прогорѣлые, налетай!! Живо!..—внезапно зевнуть онъ. Глаза его загораются искристымъ блескомъ.

Звонка окружаютъ проигравшіеся, и онъ съ увлеченіемъ раздастъ направо-налѣво кредитки.

— Прійдите ко мнѣ всѣ нуждающіеся, и азъ удовлетворю васъ...— съ дѣтскою радостью и смѣхомъ говоритъ онъ.

Быстро приходитъ Мамай, которому дали знать о расточительной щедрости юнца, и съ трудомъ удерживаетъ его порывы на незначительномъ остаткѣ—одной двадцатипятирублевкѣ.

— Батя!.. Я же не имѣю внутреннихъ основаній увлекаться реальными результатами игры...—оправдывается Звонокъ, хорошо зная взгляды неиграющаго Мамаея.—Ну, эта пусть будетъ наша по праву сильнаго.

Идутъ дни за днями, не внося въ душу ни сильныхъ впечатлѣній, ни гнетущей тоски, столь обычной въ бездѣятельномъ однообразіи тюремнаго существованія. Прогулки на дворѣ съ видомъ на море и суетливую портовую жизнь, чтеніе газетъ, книгъ и бесѣды разнообразяютъ время, отодвигая на задній планъ сознанія острое, большое чувство лишенія свободы.

Мамай удѣляетъ мнѣ свое свободное вечернее время. Днемъ онъ занятъ—его избрали артельщикомъ. Эта должность, довѣряемая добросовѣстному человѣку, требуетъ отъ него массы хлопотъ, какъ по общему пищевому довольствію, такъ и по выпискѣ състныхъ и иныхъ продуктовъ на собственныя деньги арестантовъ. Мамаея всегда избираютъ артельщикомъ, такъ какъ отъ другихъ доходныхъ должностей онъ отказывается, находя ихъ «эксплоататорскими». Пятипроцентная скидка лавочника, какъ оптовому заборщику на собственныя деньги, составляетъ «безгрѣшный» доходъ Мамаея и единственное вознагражденіе за его повседневный мелочный и хлопотливый трудъ. Вечерами онъ освобождается, и я про-

вою ихъ въ интимныхъ съ нимъ разговорахъ о прошломъ этого интереснаго для меня человѣка.

Ровно и тихо плыветъ однообразною гладью рѣки время—смѣна явленій.

Все тихо кругомъ, но тюрьма не кладбище,
И ты часовой, не плошай,
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище...
Слушай!..

Все чаще и чаще звенить за послѣднее время голосъ распѣвающего Звонка.

И этотъ голосъ-вѣщунъ сегодня заглушается разноголосымъ взволнованнымъ крикомъ:

— Палачъ въ тюрьмѣ!.. Палачъ Филиппевъ у насъ!!.

Люди, какъ вспугнутое хищникомъ стадо, сбиваются въ кучу и въ трепетномъ волненіи прислушиваются къ отдѣльнымъ звукамъ-голосамъ.

Оказывается, что извѣстный на Кавказѣ, дѣйствующій около десяти лѣтъ въ своемъ званіи палачъ Филиппевъ слѣдуетъ этапнымъ порядкомъ изъ владикавказской тюрьмы въ тифлисскую для совершения казни и остановленъ въ нашей тюрьмѣ на однѣ сутки, въ виду смѣны сопровождающаго конвоя. Его помѣстили, за отсутствіемъ иного помѣщенія, въ конторѣ тюрьмы. Палачъ Филиппевъ жестоко озлобленъ на арестантовъ за то презрѣніе и насмѣшки, которыя они обильно ему расточали въ бытность его въ мѣстномъ, сосѣднемъ съ тюрьмой исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, гдѣ онъ содержался нѣсколько лѣтъ тому назадъ за мерзкое противоестественное преступленіе. Свое зло палачъ изливаетъ на казнимыхъ имъ. Арестанты, въ свою очередь, страшно на него озлоблены и ищутъ уже нѣсколько лѣтъ случая уничтожить его, какъ сугубо жестокаго палача, нагло издѣвающагося надъ своимъ жертвами.

— Смерть палачу!.. Смерть неизбежная, какъ смерть тѣхъ, что попали въ его руки!..—мрачно восклицаетъ «Туруханецъ», молчаливый, суровый человѣкъ, старый таежный «волкъ».

— Смерть, смерть!! Смерть палачу!!!—раздается общій крикъ.

И всѣ чувствуютъ, знаютъ, что это не только негодующее требованіе-хотѣніе, но и возмездіе-приговоръ, подлежащій безповоротному и немедленному исполненію, благодаря удобному расположенію конторы и общему режиму тюрьмы.

— Вершителя рѣшенія, палача палачу!?!—восклицаетъ Туруханецъ, бросая вокругъ вопросительный взглядъ, жесткій и холодный.

— Я...—безстрастно-спокойно говоритъ Аджи-Баба, мѣстный персъ, осужденный за убійство къ пятнадцатилѣтней каторгѣ.

— И я!—тихо повторяеть, перво поводя руками и станомъ, мѣлодой дагестанецъ Астарханъ, съ глазами, полными ненависти и стальной рѣшимости.

Подъ вечеръ, когда въ конторѣ работаль одинъ писецъ-арестантъ, Аджи-Баба и Астарханъ подошли къ дверямъ конторы, съ ножами въ рукахъ и накинутыми на плечи халатами, осторожно вызвали писца и удалили его.

Аджи-Баба тихо пріотвориль дверь и просунуль въ контору голову.

Палачъ дремалъ, лежа на деревянномъ диванѣ, стоящемъ у стѣны, влѣво отъ входа.

— Спать...—шепнуль онъ Астархану.

Тотъ быстро распахнуль двери и, какъ тигръ, въ два легкихъ прыжка очутился предъ спящимъ.

— Проснись, палачъ!..—громко сказала Астарханъ.

Палачъ открыль глаза.

— Смерть пришла, продажная шкура!—вскрикнуль Астарханъ и удариль его ножомъ въ правую сторону груди.

Палачъ вскочиль на ноги, схватиль дагестанца за руку и плечо, подняль на воздухъ и метнуль съ нимъ къ двери.

Аджи-Баба, стоявшій на порогѣ, сильнымъ взмахомъ удариль обороняющагося въ животъ, въ область печени и налегъ всѣмъ туловищемъ на ножъ.

Палачъ освободиль одну руку, схватиль другого напавшаго за горло и вынесъ обоихъ на коридоръ.

— Выручайте!!!—нечеловѣческимъ голосомъ закричалъ онъ.

Зловѣщая тишина отвѣтила гробовымъ молчаніемъ, и два врага замерли, словно слились съ отвѣтнымъ безмолвіемъ открывшейся могилы.

— Спасите!!!—повторился крикъ смертнаго ужаса.

Аджи-Баба выхватиль изъ раны ножъ и вновь удариль въ то же мѣсто. А потомъ круговращательно повернуль рукой.

— Спасите!..—тихо, безнадежно вскрикнуль палачъ и медленно сталъ падать съ своими убійцами на землю.

Сбѣжалась вся тюрьма. Окружили, толпясь, распластанное на полу тѣло уже мертваго, казалась, не человѣка,—палача.

Не остывшая страсть толпы бурлила водоворотомъ. Крики негодованія, ненависти, позорной брани лились бѣшенымъ потокомъ. Тѣло били ногами, топтали, оплевывали, поливали мочой.

Наконецъ прибыла и протискалась къ трупу тюремная администрація и надзоръ, въ лицѣ смотрителя и двухъ-трехъ надзирателей.

— А, палачъ Филиппьевъ...—какъ-то странно спокойно сказали и ушли дать знать о событіи «властямъ».

Приѣхалъ врачъ и установилъ фактъ смерти «отъ внутренняго кровоизліянія». Спросилъ, за что убили. Узнавъ, тихо, какъ бы про себя, проговорилъ:

— Собакѣ—собачья смерть.

И скромно, понуро удалился.

Появился мѣстный полицеймейстеръ, брезгливо взглянулъ на трупъ.

— Убрать, чтобъ не воиялъ.—громко, съ гримасой отвращенія бросилъ онъ и быстро скрылся.

— Злая, ужасная смерть, какъ была зла и ужасна сама жизнь...—сказать мнѣ Мамай.

И, помолчавъ, задумчиво продолжалъ:

— Странно, а все же такъ: это трупъ не человѣка, а... ужаснаго... противосестественнаго существа—палача... ибо впервые предъ лицомъ смерти нѣтъ въ душѣ ни оправданія, ни чувства жалости къ ушедшей, безвременно и такъ жестоко погибшей жизни...

IV.

Харьковская тюрьма.

По распоряженію судебныхъ властей меня переводятъ изъ петровской тюрьмы въ харьковскую.

Перемѣщеніе совершается обычнымъ этапнымъ порядкомъ. Заводятъ въ попутную ростовскую тюрьму, гдѣ приходится провести нѣсколько дней въ пересыльной камерѣ, въ невообразимой тѣснотѣ и грязи.

Пользовавшаяся много лѣтъ подъ рядъ «свободой», ростовская тюрьма теперь, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, «завинчена». Перемѣна послѣдовала вслѣдъ за введеніемъ въ городѣ градоначальства, что совпало съ общей реакціей, отразившейся, между прочимъ, и на тюремномъ режимѣ повсемѣстно.

Идутъ разговоры, передаются слухи, что всѣ «россійскія» тюрьмы «взяты на винтъ». Уголовные арестанты, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругаютъ «политику» и «революцію», всецѣло обвиняя ихъ въ послѣдовавшихъ перемѣнахъ.

Послѣ недѣльныхъ мытарствъ пересылки наконецъ мрачное зданіе старинной постройки, съ башнями по угламъ,—харьковская тюрьма.

Наша огромная, въ триста человѣкъ, партія вгоняется въ пересыльное отдѣленіе тюрьмы, помѣщающееся въ подвальномъ этажѣ. Отдѣленіе состоитъ изъ коридора и четырехъ камеръ, каждая площадью въ 20—25 квадратныхъ сажень. Одна камера уже занята и насъ втискиваютъ въ три камеры, по сту человѣкъ въ каждую.

Желѣзныя рѣшетчатыя двери нашего помѣщенія съ громомъ запираются. Положительно не вѣрится, что намъ, сбитымъ въ эту плотную кучу, предстоить здѣсь «прожить» нѣсколько дней. Наръ въ камерѣ нѣтъ, и люди, гдѣ стоятъ, тамъ и садятся на грязный полъ, поджавъ подъ себя ноги, чтобы дать проходы для желающихъ пробраться къ дверямъ, къ «парашѣ».

Тюрьма кормить насъ будетъ лишь завтра, а пока голодъ утоляется только тѣми, кто предусмотрительно запасся съѣстнымъ въ дорогѣ. Деньги отобраны въ контору при пріемномъ обыскѣ, и покупка на нихъ продуктовъ пересыльнымъ въ тюрьмѣ не разрѣшается.

Послѣ длительного ожиданія наконецъ даютъ кипятокъ. Большинство пересыльныхъ, высылаемые на родину за безнисьменность, не имѣютъ не только чаю, но даже посуды для кипятку.

Странную, жуткую картину представляютъ они, собравшіеся съ ложками въ рукахъ вокругъ ушата съ кипяткомъ. Грязные, оборванные, трясущіеся отъ переутомленія, голода и жажды, съ алчною жадностью и нервной оглядкой-опаской глотаютъ они горячую воду, подхватывая ее изъ ушата ложками наперебой другъ передъ другомъ. Словно это не люди, а жалкое, пугливое и изголовавшееся стадо существъ низшаго порядка.

Быстро уничтоживъ воду, это стадное общество тутъ же вповалку ложится на полъ, заполняя собою все его пространство. У большинства нечего подостлать подъ себя,—снятое съ тѣла скудное верхнее тряпье служить лишь изголовьемъ.

Скоро ихъ примѣру, въ виду поздняго часа, слѣдуютъ и остальные.

Теперь пройти къ дверямъ составляетъ если не подвигъ, то во всякомъ случаѣ трудный акробатическій номеръ.

Температура помѣщенія давно достигла предѣла баннаго нагрѣва. Воздуха,—собственно, жизненной части его—кислорода, почти нѣтъ,—углекислота, водородистыя испаренія и выдыханія истощенныхъ, грязныхъ тѣлъ наполняютъ собою, словно накачиваютъ, плотнымъ зловоннымъ туманомъ все «воздушное» пространство камеры.

Единственная вентиляція для притока наружнаго воздуха—разбитое звено въ окнѣ заткнуто тряпьемъ. Вынуть тряпье нельзя: струя морознаго воздуха извнѣ обдастъ лежащихъ подъ окномъ раздѣтыхъ людей. Сквозная, рѣшетчатая дверь въ коридоръ также перестала быть вытяжной вентиляціей—атмосфера обонхъ помѣщеній давно одного качества.

Все тѣло словно горячая, мокрая губка... Дыханіе становится тяжелымъ, прерывистымъ; въ вискахъ стучить, въ ушахъ шумъ, кружится голова, тошнить...

Тяжкая, жестоко-мучительная, долгая до безконечности, кошмарная ночь!

За короткимъ, безъ числа чередующимся съ проблесками сознанія, тяжелымъ забытьемъ, близкимъ къ асфиксiи, каждый разъ хочется крикнуть:

«Люди!.. Что вы дѣлаете!.. Что вы смотрите!.. Какъ вы можете «теперь» спокойно спать?!»

Но нѣтъ силъ и смысла для крика, и рвется слабый стонъ безсилія и отчаянiя.

Порою все существо охватываетъ ужасъ смертнаго страданiя... ужасъ агонiи смерти, безъ надежды на ея, избавительницы, приходъ!..

Лишь къ вечеру наступившаго дня часть людей переводятъ въ другую, освободившуюся камеру.

На третiй день, на утренней повѣркѣ я дѣлаю заявленiе вошедшему въ наше помѣщенiе дежурному помощнику начальника тюрьмы о неправильномъ содержанiи меня въ пересыльномъ отдѣленiи. Какъ прибывшiй по требованiю и въ распоряженiе мѣстнаго окружнаго суда, я долженъ содержаться въ слѣдственномъ отдѣленiи, куда обычно помѣщаютъ числящихся за судомъ. Прошу о переводѣ. Получаю отвѣтъ:

«Не мое дѣло... Обратитесь къ Х.»...

Оказывается, что Х., одинъ изъ семи наличныхъ помощниковъ начальника, завѣдываетъ распредѣленiемъ арестантовъ по категорiямъ.

На слѣдующiй день онъ дежурнымъ, и я заявляю ему свою претензiю, прося о перемѣщенiи.

Помощникъ Х. широко открываетъ глаза и разсматриваетъ меня. Пауза. Совершенно неожиданно онъ молча показываетъ свою спину и уходитъ. Въ дверяхъ, слышу, ворчитъ:

— И тутъ все равно тюрьма... И тамъ васъ некуда пихать.

Лишь на тринадцатый день я попадаю въ слѣдственное отдѣленiе.

Меня сажаютъ въ коридоръ съ коечными помѣщенiями. Здѣсь каждому содержащемуся полагается койка, поднимаемая на день къ стѣнѣ. Количество коекъ,—установленныхъ въ соотвѣтствiи съ нормой кубической вмѣстимости воздуха на человѣка,—предѣлъ помѣщаемыхъ въ камерѣ. Но тюрьма переполнена и правило нарушено. Наша камера, на примѣръ, вмѣщаетъ двадцать пять коекъ, содержится же въ ней сорокъ человѣкъ. Излишекъ располагается ночью частью на полу, частью на двухъ койкахъ по трое. Однако каждому отпускается постельная принадлежность. Два раза въ день выходитъ изъ камеры на свѣжiй воздухъ на прогулку, по четверть часа каждый разъ. Книги и общество новыхъ, интересныхъ людей. Это далеко не «все равно», и первые дни испытываетъ

ощущеніе перехода отъ смерти къ жизни,—тяжелой, мрачной, но все же жизни...

Вскорѣ, однако, контрастъ перехода теряется, и начинаешь чувствовать дѣйствительность положенія. Постоянное содержаніе подъ замкомъ, отсутствіе вентиляціи (трудно за такую считать форточку, зачастую примерзающую) и толчея съ утра до вечера сорока человѣкъ въ пространствѣ четырехъ стѣнъ тѣснаго помѣщенія вызываютъ постоянную головную боль и угнетенное самоощущеніе, а скудная пища, которую иначе нельзя назвать, какъ на смѣшную надъ процессомъ питанія, развиваетъ быстро прогрессирующій упадокъ силъ.

Крайнее ограниченіе главнѣйшихъ ингредиентов существованія—воздуха, движенія и питанія—при убійственно-отвратительномъ качествѣ ихъ, несомнѣнно, вызоветъ повальные заболѣванія. Тюрьма находится въ описываемомъ тяжеломъ положеніи сравнительно недавно и, если оно продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, очагъ заразы будетъ созданъ,—начнется эпидемія тифа, туберкулеза либо цыгги.

Переполненіе тюрьмы обусловлено дѣйствіемъ усиленной охраны, введенной въ Харьковской и сосѣднихъ губерніяхъ и, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ Харьковѣ, объявленномъ на военномъ положеніи, функционируетъ отдѣленіе кievскаго военно-окружнаго суда и въ его распоряженіе переведены изъ Полтавской и Курской тюремъ въ мѣстную тюрьму всѣ преданные военному суду въ этихъ губерніяхъ.

Введеніе военного положенія въ городѣ усугубило тяжесть тюремнаго режима. Насталъ періодъ всяческихъ придирокъ и угрозъ тюремной администраціи и надзора. Самого начальника увидѣть арестанту очень трудно, по камерамъ онъ обыкновенно не ходитъ, въ контору же попасть къ нему можно лишь только послѣ двухъ-трехъ недѣль ежедневныхъ объ этомъ заявленій дежурному помощнику. И тамъ отъ него всегда услышишь односторонній приговоръ—холодный, суровый отказъ. Семь его помощниковъ, почувствовавъ себя безконтрольными господами положенія, ничего не хотятъ дѣлать, игнорируя всѣ просьбы и заявленія арестантовъ въ самой оскорбительной формѣ.

— Ваше благородіе, позвольте срочное письмо (или прошеніе) написать,—заявляетъ арестантъ бѣгущему съ утренней или вечерней повѣркой помощнику (въ другое время его не увидишь).

— Завалили контору письмами,—недовольно кричитъ онъ, продолжая свой бѣгъ и скрываясь.

— Ваше высокоблагородіе, пища плоха...

Стремительный бѣгъ и злой окрикъ:

— На чорта сядилса въ тюрьму... Выйдешъ на волю, тамъ соблюдай гастрономію!..

— Нельзя ли книги переменить, господинъ помощникъ?..

Насмѣшливый, язвительный языкъ:

— Читака подзаборный!.. На свободѣ читай!

Всякій протестъ вызываетъ крики, брань и зачастую угрозу «разстрѣлять, какъ собаку». Интересно,—чѣмъ осмысленнѣе протестъ, чѣмъ онъ интеллигентнѣе, корректнѣе выраженъ, тѣмъ большую бурю вызываетъ. Самое обращеніе «господинъ помощникъ» уже служитъ поводомъ къ крику:

— Я—помощникъ начальнику, а тебѣ—высокоблагородіе! Ты юриста изъ себя строишь, а пустяковъ не знаешь!

И это кричитъ кандидатъ на чиновника, чинъ, официально именуемый «канцелярскимъ служителемъ».

Придирамъ къ мелочамъ, къ пустякамъ нѣтъ конца и перерыва. Жизнь, психика наша положительно ими отравлена, какъ воздухъ—болѣзнетворными миазмами, которыми мы дышимъ.

— Ваше благородіе, позвольте...—начинаетъ арестантъ и дѣлаетъ рукой не то отъ сердца, не то отъ живота жестъ въ сторону помощника.

— Никакихъ позвольте, не умѣешь стоять!

— Я хочу...—вновь начинается арестантъ.

— Никакихъ хочу!.. Не умѣешь говорить!

Коридорный надзиратель, взнуздываемый придиричвой требовательностью помощниковъ, ихъ угрозами штрафа и увольненія безъ расчета, ежеминутно неистово стучитъ тяжелымъ ключомъ по окованному желѣзомъ волчку двери и покрикиваетъ:

— Не шуми!.. Громко не говори!.. Чего расходились, черти, изъ угла въ уголъ... Сиди на мѣстѣ!

И этотъ отчаянный стукъ, и эти крики, по существу несправедливые, а потому вдвойнѣ оскорбительные, бьютъ по нервамъ, отзываются въ мозгу, какъ удары по головѣ.

Бываютъ моменты, когда въ камерѣ водворяется полная тишина, что называется, «тихий ангелъ пролетаетъ» или «воръ родится», и вдругъ... всѣ вздрогнуть и болѣзненно, недоумѣвающе переглянутся. То запрыгали, понеслись дробные, бьющіе въ душу удары ключа...

Въ отношеніи придирокъ и угрозъ въ особенности отличается помощникъ, котораго арестанты прозвали «Психопатомъ».

— Все отъ васъ и ничего вамъ, вотъ мое правило, вотъ мой девиз!—возбужденно кричитъ онъ на просьбы или жалобы арестантовъ на тяжесть положенія.

Весна, знаменуемая открытіемъ оконъ, у насъ ознаменовалась еще и «прилетомъ первой ласточки», какъ иронизировали арестанты. Этой ласточкой былъ выстрѣлъ со двора въ наше окно.

Еще съ утра мы слышали на дворѣ крики. То «Психопатъ» шумливо трактовалъ наружному постовому надзирателю свое наставленіе:

— Намъ дали военное положеніе, чтобы усмирять, а тебѣ ружье, чтобы стрѣлять!—кричалъ онъ.—Мы ихъ предупредили, подъ страхомъ смерти, не подходить къ окнамъ на три шага. На тебѣ лежитъ обязанность осуществлять наше предупрежденіе, выполнить нашу угрозу. Видишь, стоитъ у окна дьяволъ, крикни: «Отойди!»—и «Психопать» послѣднее слово заоралъ благимъ матомъ.— Не отходить, пали прямо въ лобъ... и дѣлу конецъ!

А въ полдень часовой «осуществилъ предупрежденіе»—стрѣлялъ къ намъ въ окно, но, по счастью, безрезультатно.

Намъ «Психопать» на повѣркѣ, между прочимъ, объявилъ, что, если онъ самъ увидитъ въ окнѣ, «чью-нибудь рожу», вся камера будетъ имъ оставлена на карцерномъ положеніи.

— Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!! Круговая порука!—пояснилъ онъ.

— Позвольте, вы отмѣняете основной юридическій принципъ, принципъ личной отвѣтственности...—говорю я ему.

— Никакихъ позвольте!.. Вотъ посажу я тебя въ карцеръ, такъ забудешь разводить свою философію!—отчеканилъ онъ, выпучивъ на меня свои круглые, навывкатъ, глаза.

«Психопать» всегда какъ-то странно возбужденъ и крикливъ. Онъ что-то дѣлаетъ, чѣмъ-то, повидимому, завѣдываетъ, такъ какъ цѣлый день шумно снуетъ подъ нашими окнами. Молчаливо пробѣжать онъ не можетъ.

— Первая слѣдственная—на трое сутокъ на карцерномъ положеніи!—оретъ онъ, пробѣгая по двору и увидя въ окнѣ «чью-то рожу», а, можетъ быть, затылокъ прохаживающагося по камерѣ арестанта.

— Вторая слѣдственная на карцерномъ—впредь до распоряженія!—спустя минуту, сопровождаетъ онъ крикомъ свой обратный бѣгъ въ контору.

Крики эти, конечно, имѣютъ характеръ неосуществляемыхъ угрозъ. Однако они бьютъ по нервамъ арестантовъ, «Психопать» достигаетъ своей цѣли. Впрочемъ, было два случая, когда угроза его приводилась въ исполненіе и вся камера наказывалась на карцерномъ положеніи.

Только Пасхальная, предыдущая и послѣдующая недѣли были для насъ передышкой отъ постоянныхъ придирокъ и угрозъ, были во-истину «свѣтлымъ праздникомъ». «Психопать» и другіе помощники куда-то скрылись съ горизонта нашей жизни. По счастливой случайности съ этимъ временемъ совпалъ обмѣнъ надзирателей постами, что дѣлается нѣкоторыми начальниками тюрьмы, повидимому, «для пользы службы», и въ нашъ коридоръ попали два добрыхъ надзирателя, изъ которыхъ одного арестанты звали «Братское Сердце», а другого—старичка, по фамиліи Стукалова,—дразнили: «старое грызло, арестанское подаянье поѣлъ!» на что онъ добро-

душно огрызался: «у, раклы на моихъ глазахъ въ тюрьмѣ выросли!», а когда сильно допекали, съ сердцемъ ворчалъ: «у, раклы!.. откажусь отъ службы, пойду въ палачи, всѣхъ перевѣшаю!».

На Страстной недѣлѣ тюрьму посѣтилъ губернской тюремный инспекторъ. Его посѣщеніе не облегчило нашей участи, а отозвалось очень странно—лишило насъ... ужина. Дѣло въ томъ, что всѣ арестанты жаловались инспектору на плохую пищу и просили разрѣшить, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выбирать изъ своей среды артельщика, который, принимая отпускаемые арестантамъ пищевые продукты, былъ бы отвѣтствененъ предъ ними за количество и качество этихъ продуктовъ.

— Этому не бывать, былое былѣемъ поросло!—сказалъ инспекторъ на просьбу объ учрежденіи на кухнѣ арестантскаго контроля.—Оттого, что у васъ будетъ свой артельщикъ, пища не улучшится; вашъ примѣръ прежнихъ лѣтъ неумѣстенъ,—кормовья остаются тѣ же, что и прежде, между тѣмъ тогда была дешевизна съѣстныхъ продуктовъ и пища могла быть лучше, теперь же общее поднятіе цѣнъ, и, слѣдовательно, пища должна быть хуже. Никакой контроль ее не улучшить. Однако, по моему, горю помочь можно. Вы много разъ заявляли мнѣ, что не ѣдите пшеники, который вамъ даютъ на ужинъ, и желаете имѣть пищу одинъ разъ въ день, именно въ обѣдъ, но лучшую, чѣмъ теперь. Вотъ вамъ мой совѣтъ: откажитесь отъ ужина, и его продукты пойдутъ на улучшеніе обѣда.

Арестанты отказались отъ знаменитаго традиціоннаго «кандера», (пшено, вода, соль), въ которомъ, по мѣткому выраженію, «крупина за крупинкой гоняется съ дубиной» и номинально лишились ужина, причемъ улучшенія обѣда не послѣдовало, такъ какъ пшено упраздненнаго «кандера», по заявленію кухоннаго надзирателя, яко бы пошло на пикѣмъ не замѣченное увеличеніе количества отпускаемой каши.

Въ концѣ Пасхальной недѣли надзиратель, отворяя дверь нашей камеры «для большой нужды», сообщаетъ о болѣзни «Психопата».

— Что носы повѣсили, аль «Психопата» жалѣете?—говорить онъ добродушно.

— А что съ нимъ, «Братское Сердце»?—дружно кидаются къ нему съ вопросомъ арестанты.

— Аль не слыхали? Опился!

— Въ доску?

— Нѣтъ, пока что «до чертиковъ»...

Извѣстіе преображаетъ мрачныя, блѣдныя лица. Они оживляются радостнымъ чувствомъ облегченія отъ нависшаго несчастья. Это настроеніе охватываетъ всѣхъ.

— Отомстимъ «Психопату» по-своему, какъ можемъ—исключимъ изъ списковъ живыхъ, отпоемъ его заживо...—предлагаетъ

своимъ товарищамъ Сердюкъ, молодой человѣкъ, но уже старѣй «житель» мѣстной тюрьмы.

— Относемъ, относемъ!!—дружнымъ хоромъ соглашаются съ нимъ.

Импровизированное мщеніе налаживается быстро, со всѣми подробностями, тождественными чину отпѣванія. Мастерится облаченіе изъ одѣяль и прочей рухляди, кадило изъ обуви на веревочкѣ. Одинъ арестантъ, долженствующій изображать усопшаго «Психопата», укладывается и убирается, какъ покойникъ. Стройный хоръ изъ десяти человѣкъ, соблюдая строжайшее *pianissimo*, дополняетъ, до полной иллюзіи, тождество церемоніи.

— Во блаженномъ усненіи подаждь, Господи, успешу рабу Твоему Сосенпатру, то бишь «Психопату»...—минорнымъ тономъ рокочетъ Сердюкъ, подражая протодіаконской октавѣ.

Отворяется дверь камеры, и сцена, какъ по волшебному магію, исчезаетъ. Вносятся вечерній кипятокъ для чаю.

— Братіе, сотворимъ по мертвомъ тризну—наѣдимось... напьемось, тай станцюемъ танецъ смерти...—малороссійскимъ акцентомъ заявляетъ ех-протодіаконъ, очевидно, входя въ роль руководителя.

Послѣ чая, онъ же и ужинъ, Сердюкъ докторальнымъ тономъ объявляетъ:

— Хлопци, атавыстычскій танецъ смерти, чи танецъ атавыстовъ, нехай, цю фылозофію разбирае интэллыгэнція,... обязателенъ для всѣхъ, тилько дуже дряхли старци его не танцюють!.. Сядайте, хлопци, по мѣстамъ!

Всѣ занимаютъ свои мѣста, садясь на тумбочки у примкнутыхъ къ стѣнамъ коекъ. Средина камеры остается совершенно свободной.

Въ виду отсутствія «дуже» дряхлыхъ старцевъ Сердюкъ распоряжается оставить, повидимому, для декорума, не танцующими достигшихъ возраста сорока и болѣе лѣтъ. Такихъ оказывается грое, въ числѣ ихъ и я.

— Только «старичкамъ»—манифестъ...—поясняетъ Сердюкъ.

Онъ быстро освобождаетъ три тумбочки, выдвигаетъ ихъ нѣсколько впередъ и, поворачивая ко мнѣ съ улыбкой свое оживленное, молодое лицо, приглашаетъ движеніемъ руки занять мѣсто.

— Почтенному старичку—честь и мѣсто!—говоритъ онъ.

Также усаживаетъ Сердюкъ и другихъ двухъ.

— Наблюдайте, старцы, за обрядомъ...—наставительно напоминаетъ онъ намъ.

— А ты, хохлацкая мазныця, начинай!—говоритъ онъ, выдвигая на средину камеры неуклюжаго деревенскаго парня, тюремнаго новичка.

— Чого!?!—недоумѣвающе-наивно спрашиваетъ тотъ.

— Танцой!

— Та я не вмюю!—плаксиво-наивно говоритъ парень.

— Танцой, якъ вмѣшь!.. Танцой по мертвомъ!—тономъ, не допускающимъ возраженія, настаиваетъ Сердюкъ.

Парень безпомощно оглядывается вокругъ, улыбается и начинаетъ прыгать по камерѣ, словно коза.

Къ нему Сердюкъ присоединяетъ нѣсколько неумѣлыхъ танцоровъ. Они начинаютъ также выкидывать уморительные па и скачки. Получается впечатлѣніе страннаго, дѣйствительно, дикаго танца.

Наблюдающіе хохочутъ.

— Стрему къ окну!—вспоминаетъ распорядитель. Къ окну быстро ставится дозорный.

— Будеть!.. Слѣдующіе!—командуетъ Сердюкъ.

Выступаетъ смѣна, отличающаяся большею умѣлостью, связностью движеній. За ней еще и еще смѣна, пока не исчерпывается очередь всѣхъ. Остается Сердюкъ съ двумя товарищами.

— Хлопци, станцюемъ!—лихо вскрикиваетъ онъ и быстро выбрасывается на средину камеры.

Его ноги начинаютъ выбивать, словно стальные пружины, съ изумительной быстротой и легкостью, дробь барабана. Это, очевидно, прелюдія.

Взгляды всѣхъ невольно приковываются къ танцору.

Онъ съ мѣста дѣлаетъ легкій прыжокъ въ сторону и съ него начинается оригинальный танецъ, повидимому, импровизацію, полную дикой красоты и граціи.

Товарищи Сердюка, зараженные его примѣромъ, присоединяются къ нему. Они оказываются серьезными соперниками Сердюка, ихъ пляска поражаетъ совершенствомъ техники.

Танцоры овладѣваютъ общимъ вниманіемъ, очаровываютъ, гипнотизируютъ всѣхъ. Тюрьма забыта, исчезла... И не мудрено, предъ зрителями знаменитые мѣстные плясуны, изъ которыхъ два подвизались на подмосткахъ увеселительныхъ садовъ, а третьяго даже возили въ русскій отдѣлъ парижской выставки.

— Къ чорту «Психопата»!—наконецъ восклицаетъ Сердюкъ, бросая танецъ.

— Помянемъ, хлопци, рідного велького батьку...—предлагаетъ онъ, передохнувъ.

Быстро организуется хоръ. И тутъ Сердюкъ оказывается руководителемъ, регентомъ. Онъ задаетъ партіямъ тонъ.

«Якъ умру...» начинаетъ Сердюкъ грустно, бархатистымъ баритономъ, соблюдая тончайшее *pianissimo*, доходящее до шопота.

«Якъ умру...» вслѣдъ повторяетъ, догоняя его речитативомъ, серебристый теноръ.

«То поховайте...» сливаются они вмѣстѣ, поднимаясь ввысь.

Къ нимъ, то сплетаясь, то расходясь, присоединяется весь хоръ.

И несется грустная, чудная мелодія, окрыленная вдохновеннымъ словомъ народнаго баяна. Мерзость жизни забыта, исчезла... И не мудроно! То поють чарующіе голоса, которыми такъ богата эта сторона, то дѣти Украйны вспомнили «Завѣщаніе» своего «батьки» Шевченка.

На Оомной недѣлѣ тюрьму посѣтилъ одинъ изъ инспекторовъ главнаго тюремнаго управленія С—кій. Арестанты рѣшили не дѣлать ему заявленій, наученные горькимъ результатомъ своего послѣдняго заявленія мѣстному инспектору.

— Мовчите, хлопци!—предложилъ веѣмъ Сердюкъ.—Це великій панъ съ Петербурху, винъ таку розведе юриспруденцію, ще, мабуть, не хочемъ и обидаты...

Однако нашелся несогласный.

— Ваше сіятельство, нечѣмъ хлѣбушко посолить, явите милость, прикажите давать малость соли въ камеру...—заявилъ онъ вошедшему къ намъ С—кому.

С—кій вопросительно взглянулъ на сопровождавшаго его мѣстнаго инспектора.

Послѣдній объяснилъ:

— Имъ отпускается соль на приварокъ. Давать же еще на руки у насъ нѣтъ средствъ.

— Надо будетъ изыскать средства...—сказалъ С—кій.

— Развѣ уменьшить отпускъ картофеля въ борщъ...—предложилъ мѣстный инспекторъ.

— Ну, хотя бы и такъ...—согласился петербургскій инспекторъ.

Съ другого же дня арестанты не видѣли въ борщѣ картофеля, а соль стали получать въ камеру долго спустя.

Посѣщеніе С—каго положило конецъ нашей «передышкѣ». Помощники, во главѣ съ «Психопатомъ», вернулись къ своимъ обязанностямъ... Опять забѣгали, ничего не дѣлая, крича, придираясь и угрожая. Наши добрые надзиратели оставили насъ: «Братское Сердце» взялъ расчетъ, старичекъ Стукаловъ прихворнулъ и намъ дали пару другихъ надзирателей, съ испуганными лицами, съ затравленнымъ видомъ. И опять застучалъ ключъ, понеслись крики:

— Не шуми!.. Громко не говори!.. Чего расходились, черти, изъ угла въ уголь... сиди на мѣстѣ!..

И опять все «повѣсили носы», умоляли, замкнулись въ себя, съ мрачною, тяжкою думой, въ которой, однако, нѣтъ мѣста покорливому сознанію своихъ ошибокъ, своей неправды. Въ этой думѣ растутъ и крѣпнутъ чувства личной обиды и ожесточенія къ окружающей частной и общей неправдѣ. Охватывая все существо, затемняя всю душу, не просвѣтленную сознаниемъ общечеловѣческой правды, эти чувства переносятся на весь міръ, на всѣхъ людей, на человѣка... и въ послѣднемъ этапѣ своего развитія, уничтоживъ нравственную личность, порождаютъ хищное озвѣрѣніе.

— Хотя бы работенку какую дали...—со вздохомъ прерываетъ общее тягостное молчаніе тотъ, что просилъ «хлѣбушко посолить».

— Въ тюрьмѣ работы не полагается...—говоритъ ему сосѣдъ, мрачно и ѣдко.

— Пилось бы, ѣлось, да работа на умъ не шла... отъ работы конидохнуть...—вторитъ ему въ унисонъ другой.

— Работать, видно, будемъ на волѣ. Довольно намъ, братъ, хламидничать, тряпье воровать. У меня и работка на примѣтѣ есть хорошая... Хочешь, въ компанію... Дѣло богатое—деньгу зашибемъ славною...—предлагаетъ прервавшему молчаніе первый сосѣдъ.

— А какое дѣло?—спрашиваетъ тотъ.

— Известно какое... мокрое дѣло... со складкой (убійство)... Сложимъ троихъ и цѣлый сундукъ деньжищъ нашъ...

— Отвѣтъ за это большой... опять—душу загубить...

— Ишь ты, отвѣтъ большой!.. душу загубить!.. Медвѣдя бояться—въ лѣсъ не ходить!.. А какъ нашу душу изморомъ вытягиваютъ, это имъ можно!? Бей кругомъ всѣхъ наповаль, кошки жилой не оставляй... не будетъ свидѣтеля, не будетъ и отвѣта...

— Да, довольно зря трепаться! Надо пожить съ трескомъ!—вторитъ ему другой.

И съ каждымъ прожитымъ днемъ все чаще, все громче и рѣшительнѣй слышатся голоса: «довольно зря трепаться, надо пожить съ трескомъ»!

А рядомъ съ этими—другіе голоса:

— Попробуйте, можетъ, вы фартовѣе (счастливѣе) насъ будете... А мы уже отработались, только палачу оставили работку и ау... жить наплевать.

— Всѣхъ не передавать.. нашихъ, голодныхъ, что дальше, то больше... Впрочемъ, пускай вѣшаютъ... Большое дѣло, отплясать четверть часа въ пенъковомъ галстукѣ и баста... ни тюрьмы тебѣ, ни каторги...

Это голоса тѣхъ, чей смертный часъ виситъ уже надъ головой...

Какой мракъ жизни надо пережить, чтобы дойти до такого состоянія безразличія къ собственной и чужой жизни и смерти!

Какъ тяжело думать, какъ не хочется вѣрить, что для этихъ людей все погибло...

И какъ хочется подальше уйти отъ этой жизни, бѣжать отъ нея безъ оглядки!

Наконецъ это желаніе осуществляется. Проходитъ годъ, мучительно долгій въ переживаніяхъ и такой короткій въ воспоминаніяхъ, и я получаю свободу.

Послѣднимъ воспомнаніемъ въ этомъ году по тюрьмамъ остается фактъ убійства.

— Слышали, прикровеннаго палача Убейко ухлопали...—какъ-то сказалъ мнѣ Сердюкъ.

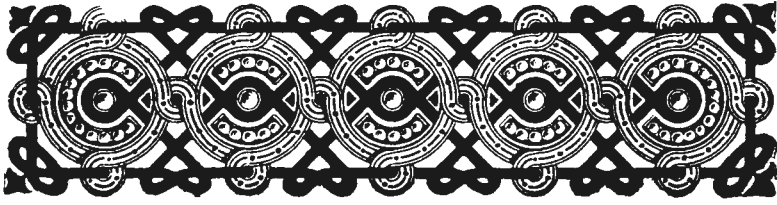
— Что это за прикровенный палачъ Убейко—аллегорія, что ли?

— Зачѣмъ аллегорія! Вотъ вы говорили, что въ петровской тюрьмѣ при васъ убили палача Филиппьева. Тотъ былъ, такъ сказать, официальный палачъ, а этотъ Убейко «работалъ» подъ сурдинкой,—повѣсилъ, якобы, нѣсколько человѣкъ гдѣ-то тамъ, въ Новороссіи, соблюдая строжайшее инкогнито. Недавно онъ пришелъ въ нашу тюрьму, и вотъ арестанты его убили на этихъ дняхъ въ «ротскомъ» коридорѣ, что подъ нами. Впрочемъ, теперь все поговариваютъ, что онъ, будто, никого не вѣшалъ, что убили его «зря». Проверить, при настоящемъ режимѣ тюрьмы, очень трудно. Можетъ быть, что и «зря». Немудрено... видите, какая публика озвѣрѣлая!

И еще воспоминаніе, но уже о полученной свободѣ, охватившемъ душу радостномъ чувствѣ и сомнѣніи: «на долго ли»?

Георгій Черенковъ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ВЪ КОНЦѢ 1890 года совершенно неожиданно я получилъ отъ редактора журнала «Вопросы философіи и психологіи» Н. Я. Грота приглашеніе взять мѣсто секретаря редакціи и переѣхать изъ Петербурга въ Москву. Предложеніе это меня немало удивило. Въ журналѣ я сотрудничалъ, былъ въ перепискѣ съ Николаемъ Яковлевичемъ, проѣздомъ посѣщалъ его въ Москвѣ, но этимъ и ограничивались всѣ мои отношенія къ журналу. Между тѣмъ всѣмъ было извѣстно, что Н. Я. Гротъ сумѣлъ привлечь къ своему предпріятію значительный кругъ философовъ въ Москвѣ, въ числѣ которыхъ было немало и молодыхъ людей. Казалось бы, что всего ближе было воспользоваться трудомъ кого-либо изъ этихъ молодыхъ людей, частью даже собственныхъ учениковъ Н. Я. Грота. Онъ, однако, рѣшилъ иначе и объяснялъ это тѣмъ, что слишкомъ хорошо знаетъ москвичей. Всѣ они милые, душевные люди, но срочная работа имъ претитъ. Даже на письма они отвѣчаютъ съ большимъ трудомъ.

Раздумывать мнѣ долго не приходилось. Я существовалъ частью уроками, частью же литературнымъ трудомъ и перейти окончательно на литературный трудъ мнѣ могло только улыбаться. Надо было лишь ликвидировать свои дѣла въ Петербургѣ. Это было не трудно. Передъ тѣмъ только что послѣ многихъ цензурныхъ зло-

ключеній вышла въ свѣтъ обширная «Исторія новой философіи» Ибервега-Гейнце въ моемъ переводѣ, съ большимъ очеркомъ философіи въ Россіи, составленнымъ мною и вызвавшимъ собственно эти злословія. Новыхъ работъ я еще не начиналъ, а потому оставалось только покончить съ обязательствами по урокамъ. Въ началѣ января 1891 года я поселился въ Москвѣ на Чистыхъ прудахъ, гдѣ помѣщалась контора журнала, и ревностно принялся за работу.

«Вопросы философіи» явились результатомъ того оживленія, которое внесъ Н. Я. Гротъ въ психологическое общество, основанное при университетѣ главою русскихъ катедеръ-позитивистовъ М. М. Троицкимъ. Задуманное на слишкомъ узкихъ и одностороннихъ основаніяхъ, оно у него не пошло. Быть можетъ, неуспѣхъ кроется также и въ душевномъ складѣ самого основателя общества. Выйдя изъ духовной среды и окончивъ духовную школу, Троицкій былъ въ числѣ тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые въ министерство Головина были командированы за границу для подготовки къ профессурѣ. Онъ уже былъ магистромъ, и ему оставалось представить лишь докторскую диссертацию. Въ 1867 году онъ выступилъ съ двухтомнымъ трудомъ «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи». Для своего времени защита этой диссертации была цѣлымъ событіемъ. Подъ прикрытіемъ англійской психологіи была объявлена война нѣмецкой философіи, хотя и потерявшей кредитъ у себя на родинѣ, но все еще вліявшей на умы. Написанный живо, литературно и, что бываетъ рѣдко въ философскихъ книгахъ, легко, трудъ Троицкаго далеко не устарѣлъ и теперь.

Впослѣдствіи Троицкій издалъ «Науку о духѣ» и «Логіку». Оба эти труда написаны крайне сухо и въ этомъ отношеніи составляютъ полную противоположность «Англійской психологіи». Вотъ почему «Наука о духѣ» имѣетъ мало читателей даже среди философовъ. Съ внѣшней стороны эти труды отдѣланы съ чрезвычайной тщательностью. Этимъ Троицкій очень гордился. Посѣтивъ его, чтобы познакомиться, я случайно засталъ его за чтеніемъ моей книги и именно того отдѣла, гдѣ рѣчь идетъ о Троицкомъ. Это счастливое обстоятельство дало поводъ къ бесѣдѣ автобіографическаго характера.

— Все не могъ собраться, — говорилъ Троицкій: — чтобы заняться вашей книгой. Я ее получилъ отъ васъ, но все откладывалъ чтеніе, а теперь вы какъ разъ застаете меня за ней. Ничего не могу возразить противъ вашего изложенія моихъ взглядовъ. Я пишу не торопясь, всегда забочусь о тщательной отдѣлкѣ, да и съ издачіемъ въ свѣтъ тоже не тороплюсь. И теперь у меня приготовлено къ печати немало, тщательно сложено и ждетъ своей очереди.

Человѣкъ ума холоднаго, кабинетный ученый, Троицкій, очевидно, не обладалъ тѣми особыми качествами, которыя необхо-

димы для объединенія людей разныхъ теченій и направленій и которыя съ избыткомъ были у Грота. Умѣнье подойти къ человѣку, живость, терпимость, организаторскій талантъ—всѣмъ этимъ обладалъ Гротъ, и неудивительно, что подъ его руководствомъ общество зажило новой жизнью. Какъ передавалъ мнѣ Николай Яковлевичъ, Троицкій самъ просилъ его стать во главѣ общества. Сдавъ, однако, общество новому предсѣдателю, Троицкій окончательно отошелъ отъ своего дѣтища и не посѣщалъ его даже въ дни самыхъ интересныхъ засѣданій. Былъ ли онъ недоволенъ новымъ направлениемъ общества, или же червь зависти давалъ себѣ знать,—трудно сказать.

Н. Я. Гротъ умѣлъ получать доклады для засѣданій общества. Скоро оно сдѣлалось самымъ популярнымъ въ Москвѣ, и бывать на его засѣданіяхъ было чуть не признакомъ хорошаго тона. Ряды общества стали раздвигаться. На засѣданіяхъ бывалъ и Л. Н. Толстой, выступавшій даже съ докладомъ. Послѣ цикла засѣданій, посвященныхъ вопросу о свободѣ воли, явилась мысль издать всѣ доклады отдѣльнымъ томомъ, а отсюда было уже недалеко и до мысли о собственномъ журналѣ. Остановка была за средствами.

Среди членовъ общества состоялъ и состоитъ понынѣ Николай Алексѣевичъ Абрикосовъ, одинъ изъ владѣльцевъ извѣстныхъ фирмъ «А. И. Абрикосова сыновья» и «К. и С. Поповы». Ученикъ я поклонникъ Троицкаго, большой англоманъ и широко образованный человѣкъ, Н. А. Абрикосовъ прекрасно издалъ «Науку о духѣ» и «Нѣмецкую психологію» Троицкаго, получалъ англійскіе научные журналы и слѣдилъ за ними. Н. Я. Гроту казалось, что это самый подходящий издатель для философскаго журнала. Ожиданія его, однако, не оправдались, и Н. А. Абрикосовъ отклонилъ отъ себя изданіе журнала, но указалъ на своего младшаго брата, Алексѣя Алексѣевича. Получивъ образованіе въ дрезденскомъ политехникумѣ, А. А. Абрикосовъ женился на Хлудовой и располагалъ хорошими средствами. Роль издателя философскаго журнала улыбалась какъ ему, такъ и въ особенности его женѣ.

Въ Москвѣ нерѣдко большія дѣла дѣлаются на слово. Каковы были условія между Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ, и были ли эти условія когда-либо точно сформулированы,—сказать не берусь, но при первомъ же знакомствѣ съ А. А. Абрикосовымъ я услышалъ отъ него, что дѣло ведется безпорядочно, что, соглашаясь издавать журналъ, онъ рассчитывалъ приплачивать никакъ не болѣе 1,500 рублей въ годъ, приплата же за истекшій первый годъ далеко превысила эту сумму. При такихъ условіяхъ онъ думалъ даже отказаться отъ дальнѣйшаго издательства.

Н. Я. Гротъ самъ сознавалъ, что дѣло далеко не налажено. Книжки журнала выходили, когда имъ вздумается, плата типографіи за исправленіе корректуръ нерѣдко превышала стоимость

набора, статьи набирались по мѣрѣ ихъ поступления, а не въ соотвѣтствіи съ составомъ ближайшей книжки. Получивъ статью и признавъ ее подходящей, Н. Я. Гротъ немедленно отдавалъ ее въ наборъ, не сообразуясь съ тѣмъ, въ какую книжку пойдетъ статья. Такъ какъ типографія могла дать лишь опредѣленное количество шрифта, то получался иногда заторъ, для устраненія котораго нужны были геронческія мѣры. Набрано много, а для того, что надо было пустить немедленно, шрифта не хватало. Приходилось ѣхать къ управляющему типографіи и просить о позаймствованіи шрифта изъ какого-нибудь другаго дѣла. Все это лишь осложняло хлопоты Н. Я. Грота, которыхъ и безъ того было много.

Работа по журналу была весьма пріятной. Результаты ея обнаружались довольно скоро. Какъ редакторъ, такъ и издатель были, видимо, довольны. Приплата А. А. Абрикосова была сведена къ желательной для него нормѣ. Обстоятельства сложились даже такъ, что приплата этого года была почти полностью возмѣщена чистой прибылью отъ изданія книги Гефдингга «Очерки психологій». Книга эта вышла по-нѣмецки незадолго передъ тѣмъ, и имя автора ея было у насъ тогда совершенно неизвѣстно. Издателя для такой книги найти было нелегко. Можно было, однако, рассчитывать на пропаганду журнала, число подписчиковъ котораго въ то время перешло за 1,900, и я рѣшился предложить это изданіе А. А. Абрикосову на условіяхъ процентнаго вознагражденія изъ чистой прибыли. Книга вышла въ декабрѣ 1891 года, какъ отдѣльное изданіе журнала «Вопросы философіи». Пропаганда возымѣла свое дѣйствіе, и ко дню выхода въ свѣтъ редакція получила на книгу добрую сотню заказовъ. О днѣ выхода было объявлено особо, и вотъ рано утромъ, когда редакціонный служащій ушелъ за покупками и я оставался одинъ, раздался довольно рѣзкій звонокъ. Почтальонъ, правда, еще не былъ, но онъ всю корреспонденцію опустил въ ящикъ. Во всякомъ случаѣ не его звонокъ. Выхожу отворить и черезъ стеклянную дверь вижу благообразнаго старика въ богатой шубѣ, а у подъѣзда сани чисто московскаго типа съ крытымъ возкомъ.

— Вышелъ Гефдингъ?—спросилъ старикъ.

— Да, сегодня выходитъ, часамъ къ двѣнадцати привезутъ изъ типографіи.

— А у васъ теперь нѣтъ экземпляричка?

— Есть, да только изъ числа тѣхъ, которые были наспѣхъ приготовлены для цензуры. Послѣдніе листы въ нихъ тиснуты кое-какъ.

— Ничего, дайте мнѣ его, а къ вечеру я вамъ пришлю его для обмѣна.

Старикъ взялъ имѣвшійся у меня пока единственный экземпляръ и рѣзкимъ движеніемъ спряталъ его подъ шубой. Онъ точно боялся, что я спохвачусь и возьму книгу обратно.

Случаю угодно было, что я въ тотъ же день узналъ, кто былъ первымъ покупателемъ книги Гофдинга. Вечеромъ, опять въ такое время, когда служителя не было, мнѣ пришлось выйти на звонокъ. Дворникъ принесъ книгу, купленную утромъ, и просилъ ее обмѣнить, какъ было обѣщано. На мой вопросъ, отъ кого это, дворникъ съ усмѣшкой отвѣчалъ: «да у васъ вѣдь сами-съ Кузьма Терентьичъ были-съ!»

Это былъ извѣстный всей Москвѣ меценатъ изъ старовѣровъ и издатель К. Т. Солдатенковъ, поддерживавшій Чернышевскаго и не мало другихъ русскихъ писателей. Невтерпежъ было старику: прочелъ наканунѣ объявленіе о выходѣ новой книги, и захотѣлось ему первымъ получить ее. Нанвное, но трогательное тщеславіе!

Вечеромъ того же дня Солдатенковъ встрѣтилъ А. А. Абрикосова.

— Хорошія ты книжки издаешь!—сказалъ онъ молодому издателю, который былъ очень польщенъ такою похвалою.

Книга пошла очень бойко, и издателю не пришлось вынуть на нее изъ кармана ни одного рубля: всѣ расходы были быстро оплачены изъ выручки, и сверхъ того ему очистился изрядный кушъ на покрытіе дефицита по журналу.

II.

Первая книжка «Вопросовъ» вышла въ ноябрѣ 1889 г. Это было изданіе безъ предварительной цензуры. Получить разрѣшеніе на такое изданіе въ тѣ времена было очень трудно. Пришлось предварительно съѣздить на поклонъ къ Побѣдоносцеву, къ которому отъ психологическаго общества была отправлена цѣлая депутація въ составѣ Грота, Н. А. Звѣрева и, если не ошибаюсь, психіатра С. С. Корсакова. Побѣдоносцевъ благосклонно принялъ депутацію и обѣщалъ свою поддержку, хотя былъ недоволенъ, что въ числѣ сотрудинокъ значился Соловьевъ.

— Зачѣмъ вамъ понадобился этотъ буйволъ?—сказалъ онъ.

Разрѣшеніе на журналъ было дано. Едва ли въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ приписать особаго значенія тому обстоятельству, что Н. Я. Гротъ уже былъ далекъ отъ позитивизма и въ полемикѣ съ архіепископомъ Никаноромъ выставилъ совершенно иные философскіе лозунги. Извѣстно, что позитивизмъ былъ долго у насъ однимъ изъ жупеловъ, пугавшихъ и важныхъ сановниковъ, и скромныхъ цензоровъ. Это былъ синонимъ неблагонамѣренности, и сколько ни увѣрялъ Е. В. де-Роберти, что онъ стремится создать позитивную метафизику, ему не вѣрили, и книги его не могли быть перепзданы по-русски. Архіепископъ Никаноръ весьма тщательно освѣдомлялъ о нихъ Побѣдоносцева, а тотъ сопровождалъ его навѣты въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Новый журналъ вначалѣ не причинялъ безпокойствъ цензурѣ,

которая, конечно, была хорошо освѣдомлена о томъ, что онъ издастся съ благословенія самого цензурнаго папы. Въ числѣ сотрудниковъ его былъ даже одинъ изъ цензоровъ, П. Е. Астафьевъ. Признаки иного свойства обнаружилась въ самомъ началѣ второго года изданія и какъ разъ въ связи съ моею статьею. Въ журналѣ печатались мои «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи». Одна изъ главъ ихъ была посвящена П. Л. Лаврову. Книжка была уже отпечатана, но не пошла дальше любителей рѣдкихъ и изъятыхъ изъ обращенія изданій. Цензурные пріятель подсказали Н. Я. Гроту, что она будетъ непременно задержана, и онъ добровольно подвергъ ее усѣкновенію. Чтобы пояснить, на что опиралась такая предусмотрительность московской цензуры, достаточно упомянуть, что незадолго передъ тѣмъ Лавровъ вмѣстѣ съ Толстымъ и Чернышевскимъ были изъяты петербургскою цензурою изъ моей работы, приложенной къ «Исторіи новой философіи» Ибервега-Гейнце.

Осенью 1891 года цензура окончательно повернулась спиной къ «Вопросамъ философіи», и борьба съ нею стоила Н. Я. Гроту немощныхъ усилій.

Въ этомъ году, 1891 г. исполнилось десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣ своей извѣстной рѣчи по поводу царевубійства 1-го марта Вл. С. Соловьевъ по волѣ свѣше вынужденъ былъ положить на себя подвигъ молчанія. Выступать на каедрѣ или въ общественныхъ собраніяхъ онъ не могъ. Однако всему бываетъ конецъ, а десятилѣтняя давность покрываетъ даже преступленія. Да, наконецъ, самый запретъ едва ли былъ гдѣ-либо выраженъ прямо и опредѣленно. Все это дало основаніе друзьямъ Соловьева предполагать, что выступленіе его въ психологическомъ обществѣ не встрѣтитъ какихъ-либо затрудненій.

Для своего доклада Соловьевъ взялъ безобидную тему «О причинахъ упадка средневѣкового міросозерцанія». Засѣданіе было назначено въ кругломъ залѣ правленія университета, гдѣ обычно происходили собранія общества. На засѣданіяхъ всегда бывало немало гостей, ожидалась она и теперь. Въ качествѣ помощника секретаря общества мнѣ приходилось нести распорядительскія обязанности. Не ожидая чего-либо особеннаго, я на этотъ разъ явился за четверть часа до засѣданія. Къ удивленію моему, я увидѣлъ, что вся лѣстница, ведущая въ залъ засѣданій, занята жаждущими попасть въ него. Отъ служителя я узналъ, что все переполнено, что негдѣ даже раздѣться. Изъ затрудненія вывелъ Н. Я. Гротъ, съ обычной своей стремительностью получивъ разрѣшеніе открыть для засѣданія актовъ залъ. Залъ быстро наполнился самою избранною публикою: профессора, литераторы, члены общества въ небываломъ числѣ. Вся московская знать имѣла здѣсь своихъ представителей. Для меня и до сихъ поръ остается не совсемъ понятнымъ, что собственно вызвало такой наплывъ слуша-

телей. Если члены общества явились въ необычномъ числѣ, то это вполне естественно: они хотѣли выразить сочувствіе Соловьеву. Для публики же больше говорило имя историка Соловьева, а сына его она вовсе не знала, какъ лектора.

Докладъ съ внѣшней стороны былъ произнесенъ крайне неудачно. Соловьевъ не успѣлъ отдѣлать его, а многочисленныя цитаты изъ Евангелія отыскивалъ по греческому тексту. Происходили невольныя паузы. Во время одной изъ такихъ паузъ почтенный П. Д. Боборыкинъ всталъ и со словами: «Что это? соборъ?» вышелъ. Весь докладъ продолжался не болѣе трехъ четвертей часа. Въ перерывѣ было замѣтно особенное оживленіе, къ Гроту одинъ за другимъ подходили члены общества съ заявленіемъ о желаніи возражать. Пренія въ такой обстановкѣ были, конечно, неудобны, и председатель объявилъ, что пренія состоятся въ закрытомъ засѣданіи, т. е. безъ публики, и въ другомъ помѣщеніи. Рокоть неудовольствія пронесся по залѣ, но дѣлать было нечего. Болѣе догадливые изъ числа публики обратились къ должностнымъ лицамъ общества за совѣтомъ, какъ имъ попасть на закрытое засѣданіе.

— Записаться въ члены-соревнователи общества, — былъ отвѣтъ.

— А что требуется для этого?

— Сдѣлать установленный десятирублевый взносъ.

Десятирублевки одна за другою потекли въ кассу общества, и будь этотъ упрощенный способъ вступленія въ общество общеизвѣстнымъ, общество въ тотъ вечеръ заработало бы не одну сотню рублей. Само собою разумѣется, что это касалось лишь членовъ-соревнователей, отъ которыхъ не требовалось вступного взноса, дѣйствительные же члены общества избирались не иначе, какъ закрытой баллотировкой.

Пренія затянулись и хотя были оживлены, но носили спокойный характеръ. Ничто не предвѣщало бури. Возражали, между прочимъ, Гринмутъ, бывший тогда секретаремъ «Московскихъ Вѣдомостей», и Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, раскаявшійся революціонеръ и бойкій литературный фельетонистъ той же газеты, писавшій подъ псевдонимомъ Ю. Николаева. Оба они были членами общества. Н. Я. Гротъ по соображеніямъ высшей стратегіи считалъ нужнымъ, чтобы всѣ выдающіяся позиціи были заняты людьми, не враждебными обществу. Кромѣ того, одно время, какъ онъ сообщалъ мнѣ, редакція «Московскихъ Вѣдомостей», дѣла которыхъ были въ полномъ упадкѣ, пыталась привлечь его въ число постоянныхъ сотрудниковъ, но онъ уклонился отъ этого и указалъ на Ю. Николаева, писавшаго въ харьковскомъ «Южномъ Краѣ». У жены Н. Я. Грота былъ домъ въ Харьковѣ, а близъ Харькова дача. Этимъ и объясняются его харьковскія отношенія. Ю. Николаевъ былъ несомнѣнно талантливымъ писателемъ. Онъ сильно поднималъ подписку въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Литературныя

его фельетоны читались нерѣдко съ интересомъ даже его идейными противниками.

Вернувшись съ засѣданія, я занялся составленіемъ отчета о немъ для «Русскихъ Вѣдомостей», куда я давалъ отчеты о засѣданіяхъ общества. Обыкновенно эта почтенная газета не торопилась съ помѣщеніемъ отчетовъ. Помню даже случай, когда о годовомъ собраніи общества, открытомъ для публички, помѣщена была замѣтка, а черезъ недѣлю о томъ же собраніи появилась другая такого же содержанія. Объясняется этотъ газетный курьезъ очень просто. Владѣльцы газеты поочередно принимали участіе въ ея редактированіи. Редакторы смѣнялись еженедѣльно. Одна замѣтка появилась въ дежурство одного редактора, а другая—въ дежурство слѣдующаго очередного редактора, не замѣтившаго къ тому же, что со времени засѣданія прошло уже добрыхъ полторы недѣли.

Не торопился и я въ этотъ разъ, и если принялся за отчетъ въ тотъ же вечеръ, то только потому, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его скорѣе можно было написать. Заторопились, однако, «Русскія Вѣдомости». Поздно ночью явился ко мнѣ посланный изъ редакціи съ просьбой отъ имени Д. Н. Анучина дать отчетъ немедленно. Этому скромному отчету вслѣдъ за тѣмъ очень посчастливилось. Когда разразилась буря, петербургскія газеты стали искать ея источниковъ. Что именно произошло, для нихъ оставалось скрытымъ. Пришлось перепечатать на первыхъ порахъ лишь мой отчетъ о засѣданіи, и онъ обошелъ нѣсколько газетъ. Когда же возникла ожесточенная и продолжительная полемика по поводу доклада Вл. С. Соловьева, точность отчета никѣмъ не оспаривались, и на него ссылались, какъ на документъ.

Въ тѣ довольно тревожные дни мнѣ постоянно приходилось видѣться съ Соловьевымъ. Одно время онъ ежедневно заѣзжалъ ко мнѣ на Чистые пруды и засиживался иногда часами. Помню, какъ однажды онъ засталъ меня совсѣмъ больнымъ и, узнавъ, что я не могъ съ утра выходить, немедленно отправился на Николаевскіи вокзалъ, гдѣ тогда былъ хорошій буфетъ, и самолично привезъ мнѣ порцію холодной осетрины. Бывало и такъ, что его посѣщеніе совпадало съ необходимостью для меня отправиться въ типографію. «Ну, такъ я васъ подвезу», говорилъ Соловьевъ и «подвозилъ» къ типографіи, хотя для него это составляло излишекъ по крайней мѣрѣ въ три версты. Приходилось говорить обо многомъ. Иногда онъ рассказывалъ свои вѣщіе сны. Помню также, какъ въ это время онъ пророчествовалъ о скоромъ наступленіи переворота въ Россіи. Даже время переворота онъ указывалъ съ полной опредѣленностью: май 1892 г. Почему именно май этого года? Въ чемъ долженъ былъ состоять переворотъ? Этого отъ него нельзя было добиться. Когда же пришелъ май 1892 года и никакого переворота не произошло, Соловьевъ только отмалчивался

По совѣсти могу сказать, на основаніи неоднократныхъ бесѣдъ съ Соловьевымъ, что онъ совѣмъ не думалъ придавать своему докладу тотъ яко бы злокозненный смыслъ, который усмотрѣли въ немъ сторонники православной слейности. Тѣ начала, которыми жило средневѣковье, омертвѣли. Отсюда упадокъ его міросозерцанія. Началъ этихъ всего три: односторонній и нетерпимый догматизмъ, эгоистическій индивидуализмъ и односторонній спиритуализмъ. Да, вѣдь, это тѣ же начала, которыми живо православіе,—подхватили Грингмутъ и Говоруха-Отрокъ. Значить, Соловьевъ говорить о причинахъ упадка православія. Отечество въ опасности! Въ походъ на врага! И начался походъ.

Въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ «Московскія Вѣдомости» чуть не ежедневно палили изъ всѣхъ своихъ орудій. Были дни, когда выпускъ почти сплошь былъ занятъ Соловьевымъ: въ передовой статьѣ съ нимъ расправлялся самъ Грингмутъ, въ фельетонѣ—Николаевъ, письма въ редакцію тоже были посвящены докладу, и хроникѣ украшала какая-либо замѣтка въ связи съ тѣмъ же предметомъ. Письма эти имѣли цѣлью подчеркнуть яко бы возмущеніе общественнаго мнѣнія, но, вѣроятно, были написаны въ самой редакціи. Шумъ, дѣйствительно, былъ поднятъ необычайный. Какъ это часто бываетъ, въ пылу спора могли сорваться не вполне обоснованныя сужденія. Такъ, у Соловьева сорвалось утвержденіе, что ликвизіція была раньше всего учреждена въ Византіи. Казалось бы, что тутъ злокозненнаго и опаснаго? Мало ли пакостей и мерзостей дала міру Византія? Но «Московскія Вѣдомости» все использовали, чтобы только доканать неожиданно открытаго ими врага. Розница поднялась. По крайней мѣрѣ я не разъ съ трудомъ могъ пріобрѣсти номеръ газеты, такъ какъ въ редакціи «Вопросовъ» она не получалась.

Нельзя сказать, чтобы Соловьевъ относился съ философскимъ спокойствіемъ ко всей этой кутерьмѣ. Это его, несомнѣнно, волновало. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» онъ заявилъ, что предполагалъ переработать свой докладъ въ психологическомъ обществѣ въ статью для журнала, но такъ какъ докладъ вызвалъ разные толки, то онъ, Соловьевъ, рѣшилъ оставить его и опубликовать безъ измѣненія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ прочитанъ.

Не могло остаться безучастнымъ ко всему этому и психологическое общество. Вся буря началась съ его засѣданія, а патристическіе выкрики «Московскихъ Вѣдомостей» легко могли привести къ закрытію общества. И, дѣйствительно, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія заинтересовались всею этою исторіею, и попечителю округа гр. П. А. Капнисту пришлось отписываться. Къ счастью для общества, графъ Капнистъ, состоявшій въ числѣ его членовъ, лично былъ на знаменитомъ засѣданіи какъ въ первой, такъ и во второй его части и могъ засвидѣтельствовать, что на немъ

не произошло ничего такого, что вызывало бы необходимость мѣръ воздѣйствія. Съ этой стороны такимъ образомъ атака была успѣшно отбита. Но все же шумъ, поднятый вокругъ доклада, взбудоражилъ общественное мнѣнiе. Изъ писанiй въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» можно было получить впечатлѣнiе, что Соловьевъ проповѣдуетъ какую-то общественно-политическую ересь. Необходимо было дать подлинныя матеріалы, чтобъ читатели могли разобраться, въ чемъ дѣло.

Совѣтъ психологическаго общества рѣшилъ воспроизвести въ протоколахъ общества съ возможною полнотою и точною какъ докладъ Соловьева, такъ и пренiя. вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено довести объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнiя письмомъ въ газеты за подписью всѣхъ членовъ совѣта. Письмо было подписано довольно единодушно. Одинъ только Н. А. Звѣревъ долго колебался. А что, если намъ не удастся напечатать протоколы? Въ какомъ совѣтѣ очутится положенiе? Такъ говорилъ онъ въ объясненiе своихъ колебанiй. Было, правда, и другое объясненiе. Говорили, что Н. А. Звѣреву трудно порвать съ «Московскими Вѣдомостями», во главѣ которыхъ стоялъ его товарищъ Петровскiй. Когда же Н. А. Звѣревъ пошелъ на разрывъ, рѣшено было выразить ему безмолвно особое сочувствiе и съ этой цѣлью явиться къ нему всѣмъ совѣтомъ на именинный широгъ 6-го декабря. Это было какъ бы воспрiятiе въ либеральное лоно.

Н. А. Звѣревъ оказался пророкомъ. Протоколы вмѣстѣ съ докладомъ были тщательно составлены, отпечатаны, но... остались только у любителей книжныхъ рѣдкостей. Героическiя усилiя Н. Я. Грота отбить ихъ у цензуры успѣха не имѣли. Докладъ былъ отпечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» уже послѣ смерти Соловьева, а пренiя такъ и остались подъ спудомъ, хотя ихъ было бы любопытно воспроизвести даже и теперь.

Въ самый разгаръ полемики Соловьевъ получилъ нравственную поддержку съ той стороны, откуда ся совсѣмъ не ожидалъ. Архимандритъ Антонiй (Храповицкiй), нынѣ архіепископъ волынской, а въ то время ректоръ московской духовной академiи, хотя и сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—сму, по словамъ студентовъ академiи, принадлежали статьи за подписью С. С. Б.,—рѣшительно не одобрялъ похода газеты противъ Соловьева и въ письмѣ на имя Н. Я. Грота, ходившемъ тогда по рукамъ, довольно рѣзко отзывался о своихъ товарищахъ по газетѣ, выражаясь въ томъ смыслѣ, что они ведутъ полемику «отъ вѣтра главы своея». Мало того, архимандритъ Антонiй прислалъ въ редакцію «Вопросовъ» интересную статью объ общественномъ благѣ и личномъ спасенiи, которая и была немедленно помѣщена, а авторъ ея былъ избранъ членомъ психологическаго общества. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ, впрочемъ, спохватился, что членомъ общества состоитъ и Толстой, а потому заявилъ о своемъ выходѣ изъ общества.

Архимандритъ Антоній слылъ въ то время большимъ либераломъ. По дѣламъ редакціи мнѣ часто приходилось сталкиваться съ студентами московской академіи и подолгу бесѣдовать съ ними. Нанишетъ, бывало, удачно студентъ обязательное сочиненіе на философскую тему и несетъ его въ редакцію «Вопросовъ», иногда даже заручившись рекомендаціей отъ ректора. Для «Вопросовъ» эти ученическія упражненія не подходили, нерѣдко обрѣтая себѣ пріютъ въ харьковскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ». Студенты въ одинъ голосъ заявляли, что ректоръ ведетъ съ ними либеральныя бесѣды, критикуетъ синодъ и вообще держитъ себя независимо. «Мы удивляемся,—говорили они,—какъ онъ до сихъ поръ не угодилъ въ Соловки». Такова же была въ то время репутація архимандрита Антонія и въ московскомъ обществѣ.

III.

Въ 1891 году довольно значительную полосу Европейской Россіи постигъ неурожай. Уже осенью было ясно, что неурожайнымъ мѣстностямъ грозитъ голодъ. Въ газетахъ забили тревогу. Въ Петербургѣ составилъ комитетъ для оказанія помощи голодающимъ, названный затѣмъ въ шутку комитетомъ общественнаго спасенія. Правительство, однако, и слышать не хотѣло о голодѣ, закрыло комитетъ и даже запретило писать что-либо объ этомъ. Капризному случаю угодно было, чтобы вопросъ о голодѣ еще болѣе осложнилъ положеніе «Вопросовъ философіи» въ цензурномъ отношеніи.

Толстой написалъ свою извѣстную статью «О голодѣ» и отдалъ ее въ «Вопросы». Грота тоже захватило это движеніе, и онъ написалъ статью «Этика и голодъ», а затѣмъ, потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ съ цензурою, отправился въ Тульскую губернію, гдѣ вмѣстѣ съ Толстымъ занялся устройствомъ столовыхъ для голодающихъ. Обѣ эти статьи были въ сущности самаго безобиднаго содержанія, но онѣ должны были появиться въ той же книжкѣ «Вопросовъ», гдѣ и докладъ Соловьева. Отсюда все это сплелось въ одинъ клубокъ. Тщетно Гротъ нажималъ всѣ пружины, какія онъ только имѣлъ въ Петербургѣ; тщетно убѣждалъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Θεоктистова, что въ статьяхъ о голодѣ нѣтъ ничего противоцензурнаго. Въ Москву было сообщено, чтобы цензурный комитетъ слѣдилъ въ оба и ни въ какомъ случаѣ не допускалъ выхода въ свѣтъ книги съ этими статьями. Книга должна была выйти 1-го ноября, но уже за нѣсколько дней инспекторъ по дѣламъ печати, въ вѣдѣніи котораго была типографія, заволновался и кончилъ тѣмъ, что учинилъ явное беззаконіе: арестовалъ книгу, когда послѣдніе листы ея были еще въ машинѣ. По закону арестовать книгу можно, лишь когда она представлена въ цензуру. Нельзя было не воспользоваться этимъ козыремъ противъ цензуры. Полетѣли новыя письма

въ Петербургъ о ся незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ. Цензурный комитетъ получилъ замѣчаніе, позволилъ сброшюровать книжку и представить въ цензуру, но все же арестовалъ ее. Предлогъ былъ тотъ, что статьи Толстого и Грота не подходятъ подъ программу журнала. На это опирался Оеоктистовъ, но не въ этомъ, конечно, было дѣло. «Вопросы» были у Побѣдоносцева на дурномъ счету.

Долго тянулась эта борьба, а книжка все не выходила. Статья Толстого ни для кого не была секретомъ. Ему самому порядкомъ надоѣла возня съ цензурою, хотя онъ стоялъ виѣ непосредственной борьбы. Въ это время его посѣтилъ извѣстный корреспондентъ «Таймса» Диллонъ и, узнавъ о существованіи статьи о голодѣ, попросилъ ее для «Таймса» въ сокращеніи. Толстой далъ ему гранки и разрѣшилъ воспользоваться ими для газеты. Сокращенія были сдѣланы такъ, что нѣкоторыя мѣста статьи получили нѣсколько иной смыслъ. Такъ или иначе, но то, что думаетъ Толстой о голодѣ, стало доступнымъ лишь англійскимъ читателямъ.

«Московскія Вѣдомости», у которыхъ къ тому времени изсякъ матеріалъ для полемики по поводу доклада Соловьева, воспрянули. Какъ никакъ, статья Толстого имѣла отношеніе къ внутренней политикѣ, а тутъ еще выкиды Диллона придали ей радикальный смыслъ, котораго она въ подлинномъ видѣ не имѣла. Благодарный матеріалъ для нападковъ! Газета использовала его съ обычною своею безцеремонностью, пристегнувъ заодно и «Вопросы философіи». Въ одной изъ передовыхъ статей было даже съ полной серьезностью сдѣлано слѣдующее сопоставленіе: въ англійской газетѣ (не помню какой) появляется извѣстіе, что 1-го ноября въ Россіи начнется революція; 1-го же ноября должна была выйти книжка «Вопросовъ» со статьей Толстого. Революція и «Вопросы философіи»... Вотъ до чего можно было договориться въ охранительномъ усердіи.

Толстой относился къ Гроту очень тепло и нерѣдко бывалъ у него, особенно когда Гротъ съ Новинскаго бульвара, гдѣ онъ жилъ довольно долго, переѣхалъ въ Зубово, по сосѣдству съ Хамовническимъ переулкомъ. Гротъ, несомнѣнно, руководилъ философскимъ чтеніемъ Толстого. Въ эту зиму оба они посвятили себя помощи голодающимъ. Къ Толстому стекались пожертвованія, на которыя и устраивались питательные пункты, а Гротъ былъ въ числѣ его ближайшихъ сотрудниковъ.

Пребываніе съ Толстымъ не было безрезультатнымъ и для журнала: онъ далъ статью «Первая ступень». Опять для Грота начались заботы и волненія. Какъ всеѣмъ извѣстно, это статья изъ области прикладной этики и самаго невиннаго свойства. Пуганная ворона, однако, и куста боится. Гротъ ожидалъ новаго натиска цензуры и заранѣе ломалъ себѣ голову, какъ бы отбить его. Чего тутъ только не придумывалось! Выработывались чисто маккиавеліевскіе планы. Особенною суровостью славилась духовная цен-

зура, и когда свѣтскихъ цензоровъ упрекали въ строгости и придирчивости, тѣ указывали на цензурныхъ отцовъ и говорили: «а вотъ вы попадете въ духовную цензуру, тогда не то скажете!» Цензурные отцы знали объ этомъ и иногда въ отместку пропускали такія книги, которыя свѣтская цензура передавала имъ съ ехидною цѣлью погубить эти книги. И вотъ Гротъ строить планъ добиться, чтобы книжка «Вопросовъ» была передана въ духовную цензуру, а тамъ сыграть на струнѣ человѣческой мстительности и злорадства. Изъ области плановъ Гротъ быстро перешелъ къ практическимъ дѣйствіямъ, которыя могутъ поразить своею неожиданностью. Въ ту пору московскую митрополию занялъ Леонтій. Новый митрополитъ счелъ нужнымъ завязать отношенія съ московскимъ обществомъ. Обыватели Москвы были немало удивлены, увидавъ карету митрополита въ скромныхъ переулкахъ, гдѣ жили ректоръ и профессора университета. Посѣтилъ митрополитъ и Грота. Поглощенный мыслью, какъ бы провести статью Толстого, Гротъ ухватился за это неожиданное знакомство и, отдавая визитъ митрополиту, завелъ съ нимъ рѣчь о статьѣ.

— Толстой? Либераль? Нѣтъ, нѣтъ...—отрѣзалъ митрополитъ, и эта попытка окончилась неудачей.

Но мысль о томъ, что лучшимъ прибѣжищемъ въ данномъ случаѣ была бы особа въ духовномъ санѣ, повидимому, не покидала Николая Яковлевича. По крайней мѣрѣ, ему вдругъ пришло въ голову обратиться къ отцу Іоанну Кронштадтскому. Съ обычной импульсивностью, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, онъ посылаетъ телеграмму въ Кронштадтъ на имя городского головы: «въ Кронштадтѣ ли отецъ Іоаннъ?» Проходитъ день-другой—отвѣта нѣтъ, мысль Грота заработала далѣе, и онъ уже успѣлъ забыть о посланной телеграммѣ. Вдругъ получается отвѣтъ: «отецъ Іоаннъ выѣхалъ къ вамъ». Само собою разумѣется, что Гротъ и не думалъ приглашать къ себѣ о. Іоанна, а хотѣлъ лишь обратиться къ нему письменно или черезъ посредство кого-либо изъ своихъ петербургскихъ друзей. Положеніе было не изъ пріятныхъ, но надо было принимать гостя: Въ это время была больна жена Николая Яковлевича. Дѣло шло къ выздоровленію, но тѣмъ не менѣе въ домѣ была болящая, и это давало удобный выходъ изъ создавашагося положенія.

Пріѣзду отца Іоанна предшествовали обычные его предвѣстники. Явились какія-то старушки осматривать квартиру и выходы изъ нея. Неизвѣстно какимъ путемъ, но вѣсть о пріѣздѣ отца Іоанна разнеслась по всему околотку, и ко времени его отъѣзда стояла уже цѣлая толпа народа. Ему, дѣйствительно, пришлось уйти другимъ ходомъ, гдѣ его ждала вторая карета. Посѣтивъ болящую, онъ взялъ предложенную ему двадцатипятирублевку со словами: «Возьму, возьму! Это для моихъ бѣдныхъ». Тутъ Гротъ завелъ рѣчь

о томъ, что у него собственно есть къ отцу Иоанну другая просьба, литературнаго характера. Отецъ Иоаннъ выслушалъ его и сказалъ: «Не вхожъ я туда (т. е. въ высшія сферы), не вхожъ, а если книжка попадетъ въ петербургскій комитетъ духовной цензуры, то у меня тамъ есть пріятель, и я могу поговорить съ нимъ». Въ тотъ же день о. Иоаннъ выѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, и такимъ образомъ это былъ специальный выѣздъ его къ Гроту. Въ то нелѣпное время даже отецъ Иоаннъ Кронштадтскій былъ въ числѣ неблагонадежныхъ, такъ какъ его недолюбливалъ Побѣдоносцевъ. Вѣроятно, многіе помнятъ, что, когда великая княгиня Александра Іосифовна послала отца Иоанна въ Ливадію къ тяжело больному государю, услужливое, но не всегда живущее въ ладахъ съ истиной главное управленіе по дѣламъ печати распорядилось, чтобы объ этой поѣздкѣ газеты ничего не печатали. Газеты остроумно вышли изъ затрудненія, напечатавъ, что отецъ Иоаннъ выѣхалъ на... сѣверъ.

Въ довершеніе всего книжка «Вопросовъ» со статьею Толстого вышла безъ малѣйшихъ препятствій и совершенно независимо отъ какихъ-либо вліаній и воздѣйствій. А между тѣмъ всё эти маневры поглотили не мало времени и энергіи. Много мы теряемъ оттого, что сплошь и рядомъ приходится преодолевать бесполезное треніе.

За полтора года моего пребыванія въ Москвѣ мнѣ пришлось непосредственно имѣть дѣло съ двумя, правда, довольно обширными статьями Толстого и познакомиться съ нимъ лично. Особенно много хлопотъ было съ его статьею «О голодѣ». Исправлялъ онъ свои статьи, особенно въ гранкахъ, безошибочно. Вставки и выкидки, выкидки и новыя вставки шли безъ конца, не говоря уже о мелкихъ поправкахъ. Въ иныхъ случаяхъ прямо диву даешься, чѣмъ собственно вызвана поправка: и безъ нея, кажется, хорошо. А Толстой все править и править... Это своего рода художественная мнительность, отъ которой неумогио приходилось редакціи. Послѣ ряда корректуръ, прочитанныхъ Толстымъ, Гротъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, прикрываясь мною, но безъ моего вѣдома. Толстой попросилъ у него еще разъ чистый корректурный оттискъ статьи. Хорошо зная, что это грозитъ новой ломкой статьи, да къ тому же и не имѣя у себя просимаго оттиска, Гротъ отвѣтилъ, что теперь все сдано Колубовскому, и прибавилъ что-то въ томъ родѣ, что Колубовскій человекъ строгій. Вѣроятно, были упомянуты и еще какія-либо мнимыя качества. Черезъ нѣсколько дней Гротъ спрашиваетъ, былъ ли у меня Левъ Николаевичъ, пояснивъ, что онъ все собирается ко мнѣ на Чистые пруды въ одну изъ своихъ прогулокъ. Тѣмъ временемъ статья была сверстана, и отъ дальнѣйшихъ поправокъ редакція могла считать себя застрахованной.

При другихъ условіяхъ была помѣщена статья «Первая ступень». Толстой, хорошо зная свою мнительность, самъ просилъ не посылать корректуръ.

Во всякомъ случаѣ статья «О голодѣ» имѣеть нѣсколько редакцій. Всѣ авторскія корректуры мною были тщательно отобраны и хранились въ архивѣ редакціи.

Вскорѣ послѣ этого у Н. Я. Грота вечеромъ собралось нѣсколько близкихъ къ нему лицъ. Былъ и Толстой, если не ошибаюсь, со своей дочерью Татьяной Львовной. За чаемъ всѣ сидѣли у большого длиннаго стола. Толстой, какъ почетный гость, ближе къ хозяйкѣ, остальные же гдѣ кому приплось. Разговоръ шелъ о текущихъ событіяхъ и былъ общимъ. Вдругъ Толстой вставляетъ: «А все пробирная палатка виновата!» Я какъ-то невольно откинулся на спинку стула, чтобы взглянуть изъ-за моихъ сосѣдей на противоположный конецъ стола, гдѣ сидѣлъ Толстой. Откинулся въ это время и Толстой, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвели на меня его слова. Очевидно, для другихъ терминологія Толстого была хорошо знакома, я же въ его кругу былъ человѣкъ новый. Видя, что моя фізіономія изображала собою вопросъ, Толстой поспѣшилъ прибавить: «Это я такъ называю правительство; оно занимается тѣмъ, что ни для кого не нужно».

Нѣсколько позже, въ самый разгаръ нападокъ на Толстого со стороны «Московскихъ Вѣдомостей», онъ зашелъ къ Гроту во время обѣда. Не желая никого взбудораживать, онъ не раздѣвался и лишь поодаль поздоровался съ присутствующими, заглянувъ изъ передней въ столовую. Гротъ встрѣтилъ его словами: «А васъ опять бранять Грингмутъ и К^о. Читали? Хотите, я дамъ вамъ номеръ газеты?»—«А пускай ихъ»,—отвѣтилъ Толстой и отказался отъ газеты. Гротъ вышелъ къ нему изъ столовой проводить и, вернувшись, сказалъ: «А все-таки Левъ Николаевичъ попросилъ газету, смялъ ее и сунулъ себѣ въ карманъ со словами: «дайте, видно, надо проглотить эту пилюлю».

Послѣ появленія «Первой ступени» Толстой рекомендовалъ для журнала статью, въ которой очень живо были описаны переживанія при душевной болѣзни. Статья была любопытна для психіатра, Толстого же, какъ художника, подкупило въ ней обиліе образовъ, то яркихъ, то безформенныхъ. Гротъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, какъ ему быть со статьею. Помѣщать ее, конечно, было нельзя. Но что скажетъ Толстой? И Гротъ придумалъ сослаться на то, что онъ всѣ дѣла сдалъ мнѣ, что онъ бы и не прочь помѣстить, да теперь это его не касается. Пришлось мнѣ принять на себя всю тяжесть упрековъ въ строгости, придирчивости и т. п., вести съ авторомъ, довольно симпатичнымъ человѣкомъ, длинную бесѣду и все-таки отказать въ помѣщеніи статьи.

Вообще душевно-больные авторы были тяжкимъ крестомъ для редакціи «Вопросовъ». Настойчивость они проявляли изумительную, всегда добивались личной бесѣды и убѣжденно доказывали оригинальность своихъ идей. Получивъ отказъ во всѣхъ редакціяхъ,

они на послѣдніе гроши пытаются издать свои писанія. Одно изъ такихъ писаній нѣкоего Николаева поступило къ цензору Астафьеву. Оканчивалось писаніе возгласами «ура!» «ура!» и подписью автора. Астафьевъ вычеркнулъ все за исключеніемъ заключительныхъ словъ и разрѣшилъ напечатать: «Ура! ура! Николаевъ». И цензура бываетъ благодѣтельной!

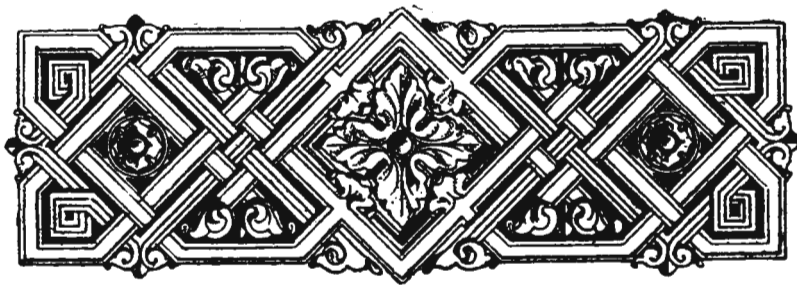
Въ редакцію «Вопросовъ философіи» шли съ послѣднею надеждою узнать тамъ всѣ разгадки бытія. Покойный психіатръ Корсаковъ, которому я сообщилъ объ этомъ тяготѣннн душевно-больныхъ къ философіи, подтвердилъ это изъ своей практики. Къ нему на пріемъ явился больной съ опредѣленно выраженной болѣзнію. Корсаковъ изслѣдовалъ его и назначилъ леченіе, но больной не уходилъ. «Скажите, докторъ, что всѣ эти явленія означаютъ?»—«Вы больны».—«Нѣтъ, это не то».—«Вамъ лечиться надо».—«Нѣтъ, это не то. Придется развѣ сходить въ редакцію «Вопросовъ философіи».

Гораздо легче, конечно, было устраниваться съ писаніями душевно-больныхъ, присылаемыми изъ другихъ городовъ. Всѣ эти писанія складывались мною въ особое отдѣленіе редакціоннаго архива. Составилась порядочная коллекція, отъ которой пришелъ въ восторгъ посѣтившій какъ-то редакцію психіатръ Н. Н. Баженовъ.

Въ маѣ 1892 года, по причинамъ чисто личнаго свойства, я вынужденъ былъ покинуть симпатичное дѣло и вернуться въ Петербургъ. Н. Я. Гротъ былъ не мало огорченъ этимъ и уговорилъ меня сохранить за собою редактированіе второго отдѣла журнала, хотя это грозило немалыми практическими неудобствами. Въ маѣ 1893 г. мои отношенія къ редакціи «Вопросовъ» совершенно прекратились, и Н. Я. Грота мнѣ приходилось видать лишь во время его пріѣздовъ въ Петербургъ, въ особенности во время болѣзни его дяди К. К. Грота. Это, однако, уже выходитъ изъ круга литературныхъ воспоминаній.

Я. Колубовскій.

АРХІЕРЕЙСКАЯ ВСТРѢЧА.

Быль.

(Изъ воспоминаній о преосвященномъ тобольскомъ Виталии).

ВЪКЪ сейчасъ, видится мнѣ это симпатичное, необычайно выразительное и вмѣстѣ характерное лицо. Въ немъ было что-то свое, особенное, строгое и внушительное. Служилъ онъ пріятнымъ, дрожащимъ баритономъ; служилъ просто, безъ всякой дѣланности; возгласы произносили молитвенно, но вмѣстѣ и величаво-торжественно. Особенно хорошо выходило у владыки «Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти вертоградъ сей, его же насади десница Твоя». Слова эти произносились преосвященнымъ съ неподражаемой прелестью и производили на молящихся впечатлѣніе неотразимо сильное, трогательное.

Мы всѣ, семинаристы, особенно любили архіерейскія службы, обставленныя пѣніемъ великолѣпнаго хора, и по окончаніи семинарской обѣдни непременно спѣшили въ Казацкій соборъ къ архіерейской. И потомъ, придя домой на квартиры, еще долго находились подъ обаяніемъ прекраснаго служенія владыки и прежде, чѣмъ сѣсть за скучные учебники, съ наслажденіемъ воспроизводили архіерейскіе возгласы, стараясь подражать владыкѣ въ голосѣ и своеобразномъ произношеніи.

Происходя изъ вдовыхъ священниковъ, нѣсколько лѣтъ прослужившій на сельскомъ приходѣ, владыка Виталій отличался простою жизни, былъ врагъ всякой помпы и въ обращеніи съ подчиненными былъ простъ, прямъ и добросердеченъ. Среди духовенства ходило много разсказовъ о рѣдкой добротѣ этого архіерея.

Въ моихъ воспоминаніяхъ изъ далекаго дѣтства сохранился одинъ эпизодъ, ярко характеризующій личность преосвященнаго Виталія съ его чисто человѣческой и, такъ сказать, неофициальной стороны.

Это было въ 1886 году. Въ селѣ К. Усманскаго уѣзда священствовалъ мой покойный родитель, большой идеалистъ, обладавшій многими прекрасными качествами, но, къ глубокому несчастью, страдавшій временами страшнымъ запоемъ. Живя цѣлые годы абсолютно трезвою жизнью, не выносившій даже и запаха спиртныхъ напитковъ, онъ вдругъ прорывался, ни съ того, ни съ сего начиналъ пить и пилъ горько, безъ удержа, немилосердно, несмотря на отчаянное горе семьи, плачь матери и слезы пятерыхъ дѣтей. Прихожане любили моего родителя за его доброту и полное безкорыстіе, мирились съ его временною слабостью и не только не дѣлали на него никакихъ доносовъ, но искренно жалѣли его и сочувствовали его несчастью.

Въ селѣ К. въ одинъ изъ архіерейскихъ объѣздовъ долженъ былъ прибыть преосвященный Виталій...

Случилось, какъ на грѣхъ, что отецъ, много хлопотавшій о вѣстрѣчѣ, усердно заготовившій слово, много толковавшій прихожанамъ о томъ, какъ вѣстрѣчать архіерея, вдругъ запылъ... Запылъ жестоко, неудержимо, какъ бы по злему навожденію—за нѣсколько дней до архіерейскаго пріѣзда...

Напрасно уговаривали его прихожане. Напрасно убивалась мать и плакали дѣти—ничто не помогало. И нужно ли изображать все наше горе и отчаяніе?..

Дни быстро шли. Завтра уже пріѣздъ архіерея. Но надежды на благополучную вѣстрѣчу не было ни малѣйшей. Всѣ мы изнывали съ отчаянія и горя, вынося весь стыдъ и позоръ, обрушившійся на наши несчастныя головы. Изгнаніе изъ прихода, полное разореніе и нищета рисовались намъ во всемъ своемъ ужасѣ... Прихожане горевали... Но что было дѣлать?.. Оставалось во всемъ положиться на волю Божию и терпѣливо ждать гнѣвнаго суда владычняго. Чѣмъ-то недовольный на отца псаломщикъ уже отправилъ архіерею жалобу и заранѣе торжествовалъ и радовался. По селу былъ пущенъ слухъ, что завтра архіерей разжалуетъ попа, сниметъ съ него санъ.

Помню эти невыносимо тяжелые часы мукъ и терзаній, когда всѣ мы, дѣти, окружили свою мать и, не смыкая глазъ, всю ночь сидѣли въ слезахъ и плачѣ. Убитая горемъ, не видя ни въ комъ изъ

людей помощи, мать всю свою надежду возложила на Всевышняго и слезно молилась, чтобы онъ не оставилъ насъ безъ крова и хлѣба...

И вотъ настала этотъ страшный день. Была уже половина іюля. Стояла невыносимая жара. На небѣ—ни облачка. Тихо. И вся жизнь казалась намъ умершею въ нашемъ неутѣшномъ горѣ.

Въ праздничныхъ парадахъ, народъ скромно готовился къ встрѣчѣ. На улицахъ, около хатъ, ставили столы, накрытые бѣлыми полотнами, съ хлѣбомъ и солью. И старый и малый направлялись къ церкви, гдѣ уже гудѣла тысячная толпа... Роковое утро отрезвило моего родителя, вернуло ему сознание—и онъ былъ тутъ же съ своей паствой, стоя съ крестомъ и въ облаченіи. Нечего и говорить, какъ онъ былъ смущень, жалокъ и несчастень.

Прошло нѣсколько тяжелыхъ, долгихъ, томительныхъ минутъ ожиданія. И вдругъ толпа заволновалась.

— Ёдетъ, ёдетъ, ёдетъ!—раздались кругомъ возгласы... Какъ вихрь промчался вѣстовой... Съ колокольни разлился торжественный трезвонъ... Вдали на косогорѣ показалась пыль, и ясно завиднѣлся архіерейскій поѣздъ. Сердце тревожно билось. Проскакалъ какой-то полицейскій чинъ. Въ скромной телѣжкѣ на парѣ подѣхалъ благочинный—за нимъ лица архіерейской свиты въ черныхъ запыленныхъ камилавкахъ и наконецъ, гремя и трясясь, тяжело подкатила громоздкая карета съ тяжелымъ кабріолетомъ позади, запряженная въ шестерикъ вспотѣвшихъ крестьянскихъ лошадей...

Виталій вышелъ. Благословилъ народъ, принявъ отъ священника крестъ и послѣдовалъ въ церковь. Кое-какъ пропѣли «Достойно», «исполла». Владыка прошелъ въ алтарь. Осмотрѣлъ святой престолъ, сосуды, утварь—и по окончаніи встрѣчи вышелъ на солею, пріятно порадовавшись опрятности и чистотѣ храма, тогда только что выбѣленного и выкрашеннаго. Владыка тутъ же громко поблагодарилъ прихожанъ и старосту за усердіе къ храму и сталъ благословлять народъ, не показавъ и вида, что замѣтилъ что-либо плохое и непріятное. Моего родителя онъ, казалось, и не замѣчалъ, лишь изрѣдка обращаясь къ нему съ нѣкоторыми вопросами.

Изъ церкви пресвященный направился пѣшкомъ въ домъ церковнаго старосты откушать чаю. Казалось, все сошло благополучно. Прихожане расходились, радостные и довольные, что имъ удалось видѣть своего архіерея...

За чаемъ у старосты владыка былъ добръ и благодушенъ, шутилъ и улыбался, не показывая и тѣни своего неудовольствія...

— А каковъ вашъ священникъ?—спросилъ онъ вдругъ старосту—человѣка весьма почтеннаго, украшеннаго медалями за усердную службу и довольно интеллигентнаго.

Староста былъ большимъ почитателемъ моего родителя и не преминулъ выставить предъ архіереемъ всѣ его дѣйствительно добрыя качества.

— Такъ-то-такъ,—вдругъ замѣтилъ архіерей, принявъ обычно строгое и дѣловое выраженіе:—но вотъ я получилъ на него жалобу, что онъ пьетъ запоемъ.

— Правда, правда, ваше преосвященство,—отвѣтилъ безъ утайки староста:—онъ пьетъ, но это бываетъ съ нимъ въ два-три года разъ— и по службѣ онъ усерденъ. Прихожане его любятъ и цѣнятъ и души въ немъ не чають за его доброту, безкорыстіе и учительное слово.

Архіерей задумался и сталъ какъ бы нервно ходить по комнатѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ велѣлъ послать за своимъ родителемъ, а вмѣстѣ и за псаломщикомъ.

Оба не замедлили явиться. Псаломщикъ чувствовалъ себя счастливымъ и радостнымъ. Отецъ былъ убитъ отъ стыда и смущенія.

— Вотъ что, отецъ,—обратился Виталій къ моему родителю:—я ѣхалъ тебя наградить, хотѣлъ скуфью дать, а приходится тебя судить. Ты пьешь, отецъ?..

— Да пью, владыко, пью горькимъ запоемъ разъ въ три года. Жду вашей кары. Со смиреніемъ понесу наказаніе, какое угодно будетъ наложить на меня и какое я приму, какъ заслуженное бремя, безъ ропота и гнѣва...

Тутъ отецъ не выдержалъ; какъ дитя, бросился къ ногамъ своего архіерея. Онъ плакалъ.

Преосвященный былъ тронутъ проявленіемъ чистосердечнаго раскаянія и былъ, видимо, взволнованъ.

— Ну, вотъ что, друже,—сказалъ онъ, поднимая за руки моего отца:—встань, не падай духомъ. Знаю я эту тяжелую болѣзнь. Отъ нея многіе гибнутъ изъ духовенства. Но ты не отчаивайся. Будемъ лечиться. Ты вотъ что сдѣлай: пей траву чаберъ. Наставь ее на кипяткѣ и пей, какъ чай. Богъ дастъ, оправдешься. Да обратись съ письмомъ къ старцу Іонѣ въ Кіевъ; попроси его помолиться за тебя. Онъ старецъ праведный и много помогаетъ несчастнымъ. Вотъ тебѣ и адресъ его.

Тутъ владыка взялъ богослужебный журналъ, который съ такимъ стараніемъ велъ мой родитель, и собственноручно карандашомъ написалъ въ немъ: «Кіевъ. Архимандриту Св.-Троицкаго монастыря Іонѣ».

— А ты,—обратился архіерей къ псаломщику, сердито застучавъ по полу своимъ посохомъ,—бойся своего священника, какъ эту палку, и не выходи у него изъ повиновенія. Онъ твой пастырь, а ты его помощникъ и слуга. Смотри же—слушайся его во всемъ. Не слѣдовало тебѣ радоваться его несчастью.

Учинивъ свой судъ, владыка, благословивъ старосту и присутствовавшихъ, отправился въ дальнѣйшее путешествіе.

Нечего и говорить, какъ утѣшенъ былъ мой бѣдный отецъ. Всѣ мы благодарили Бога, что онъ услышалъ молитвы нашей матери и послалъ намъ въ лицѣ преосвященнаго Виталія не грознаго

судію, а милосерднаго и добраго отца, съ сердечнымъ участіемъ отнесшагося къ нашему семейному горю.

Чаберъ и молитвы отца Іоны дѣйствительно навсегда исцѣлили моего родителя—и онъ еще цѣлыхъ двадцать лѣтъ послѣ этого до самой своей смерти служилъ въ селѣ К., живя скромною трезвою жизнью, сохраняя свѣтлое воспоминаніе о благостномъ владыкѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло уже почти тридцать лѣтъ. Мой родитель недавно умеръ. Давно уже скончался и преосвященный Виталій. Но его надпись на богослужебномъ журналѣ мы хранимъ, какъ дорогую семейную святыню, а воспоминаніе объ архіерейской встрѣчѣ и до сего дня свѣтлымъ лучомъ солнца отзывается въ сердцѣ.

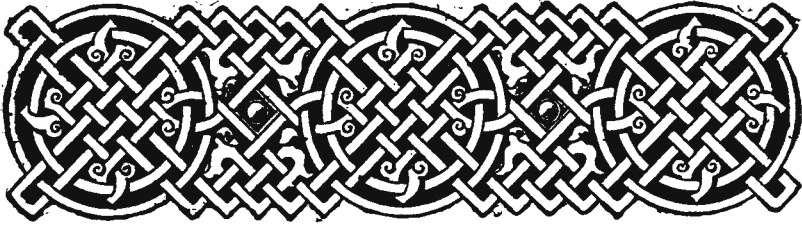
Есть прекрасное изреченіе одного учителя древности—св. Меодія Патарскаго: «не всѣ епископы—епископы». Не всѣ святители русской церкви являются воплощеніемъ того идеала, какой завѣщанъ имъ пастыреначальникомъ Господомъ.

Но благодареніе Богу—церковь не оскудѣла еще силами. И на фонѣ ея жизни то тамъ, то здѣсь вспыхиваютъ яркіе свѣточки—скромно, безшумно и донныѣ еще трудятся во славу Божию истинные святители, подвижники добра и правды.

Ш. В.

ПАМЯТИ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯНЪ-ШАНСКАГО.

ВЪ ОДНОМЪ изъ романовъ С. Смирновой по поводу смерти старой бабушки сказано, что съ ея смертью отошла «эпоха». Когда я прочелъ въ газетахъ о кончинѣ П. П. Семенова, то я сказалъ: «Отошла эпоха! либеральная эпоха 60-хъ годовъ, когда на русскую жизнь повѣяло свободой и волею!» Этотъ старикъ съ густою сѣдою шевелюрою стоялъ всю жизнь передъ мною, именно какъ символъ свободы и воли въ предѣлахъ государственной мудрости исторической жизни русскаго народа. На зарѣ моей молодости мнѣ пришлось къ этому старцу приблизиться въ качествѣ его секретаря и съ нимъ поработать при очень любопытныхъ условіяхъ: разгрома петербургскаго университета въ 1887 году.

Съ П. П. также меня связывали очень стародавнія отношенія стараго дворянскаго быта, когда въ Тамбовской губерніи неоднократно вспоминали имя чудака Петра Семенова. Семейства Блакочевъ, Мариныхъ, Павловыхъ сохранили въ своихъ воспоминаніяхъ имя страннаго молодого человѣка, карманы котораго вѣчно были набиты образцами мѣстной фауны и флоры, старыя дѣвственницы угасавшихъ родовъ шептали между собою: «Pierre Sémenoff c'est courée les cheveaux». Короче, въ дѣтствѣ всплывали свѣдѣнія о какомъ-то Петрѣ Семеновѣ, чудацкѣ съ неостриженными волосами, съ карманами, наполненными водорослями, ископаемыми и т. и т. д. Но вотъ я въ университетѣ, приближаюсь къ Ор. Миллеру, а черезъ него предстаю передъ П. П. Семеновымъ. Я уже часто въ сво-

них бѣглыхъ воспоминаіяхъ касался разныхъ эпизодовъ того любопытнаго университетскаго времени, моей близости къ Миллеру, шумной дѣятельности въ университетѣ и прочаго изъ того времени. Жизнь развѣтывалась широко, полезно для другихъ, и въ 1886 году я появился въ составѣ дѣятелей общества вспоможенія студентамъ с.-петербургскаго университета, во главѣ котораго стоялъ П. П. Семеновъ. Тутъ-то мнѣ и пришлось изо дня въ день соприкасаться съ этимъ удивительнымъ и выдающимся человекомъ.

Какъ секретарю—долженъ въ томъ сознаться—П. П. доставлялъ мнѣ немало хлопотъ. Разсѣянный до послѣдней степени, П. П. Семеновъ перепутывалъ дни засѣданій, терялъ чеки, банковскія книжки и приходилось порою испытывать буквально критическія минуты.

— Тутъ три формаціи моихъ бумагъ,—безпомощно говорилъ милый старикъ, указывая на свой письменный столъ:—поглядите по формаціямъ, найдете...

И у говорившаго это старика во взорѣ свѣтилось столько безпомощности и виновности, что, конечно, въ концѣ концовъ чекъ нашёлся, и дѣло выяснялось.

Это было обыденщина, однако случались и боевые дни, когда П. П. покрывалъ своей рѣшимостью дѣятеля 60-хъ годовъ всё новообразованія 80-хъ годовъ и покрывалъ ихъ жестомъ и дѣйствіемъ человека, не допускающаго никакихъ компромиссовъ съ тѣми принципами, во имя которыхъ онъ выступилъ на зарѣ своей жизни.

Наступилъ тяжелый 1887 годъ. Университетъ былъ разгромленъ, и наше скромное общество получило зловѣщій циркуляръ, увѣдомлявшій насъ, что всё списки нашихъ кліентовъ должны быть предварительно просмотрѣны инспекціей. Тогдашній инспекторъ Цивильковъ замахнулся надъ нашимъ обществомъ, и дѣлу безпартійной выдачи грозила печальная судьба. Дѣло студенческой бѣдноты грозило обратиться въ дѣло политической благодѣтельности и сыска. По наведеннымъ нами справкамъ, всё наши фонды обращались въ дѣло филерства, чего мы, дѣятели общества, допустить не могли. Составилось экстренное засѣданіе въ залѣ географическаго общества. Изъ присутствовавшихъ на этомъ засѣданіи, кажется, кромѣ пишущаго эти строки, остался въ живыхъ А. И. Бевать; остальныхъ убрала безжалостная судьба. Засѣданіе было мрачное, тяжелое, тѣмъ болѣе, что многіе изъ присутствовавшихъ были задѣты наступившимъ въ министерствѣ курсомъ. Уволенный ректоръ университета И. Е. Андреевскій, непримиримый врагъ всякаго предложенія новаго ректора М. И. Владиславлева, Ор. Ѳ. Миллеръ—наканунѣ своего увольненія, безмятежно-спокойный И. И. Домонтовичъ, г.г. Булахъ, Гюббенеть, Любоцинскій и мы, молодежь,

страстная, непримиримая и не сообразующая своихъ словъ съ требованіями извѣстнаго историческаго момента...

Рѣчи... что рѣчи! Ихъ не для чего и нечего сейчасъ воспроизводить. Но вотъ раздалось спокойное слово старика-предсѣдателя— П. П. Семенова: «Вы бонтесь цензуры инспекціи, и вы справедливо думаете. Если она допустила преступленіе 1 марта 1887 года, то, очевидно, она не на высотѣ своего призванія и ея предложеніе намъ не достигаеъ цѣли. Я беру весь вопросъ на себя. Я лично знакомъ съ директоромъ департамента полиціи П. П. Дурново; вѣроятно, онъ болѣе освѣдомленъ о дѣлахъ политическаго сыска, и я буду каждый мѣсяцъ лично отвозить ему списки нашихъ кліентовъ. Я думаю, что его подпись подъ нашими списками болѣе вліятельна и цѣлесообразна, чѣмъ подпись инспектора университета, не сумѣвшаго предупредить событіе 1-го марта».

Мы молчали, а П. П., обведя насъ своимъ умнымъ взоромъ, спокойно замѣтилъ:

— Я думаю, что этимъ способомъ и ректоръ университета, и инспекторъ будутъ освобождены отъ очень непріятной цензуры. Ну, а Петръ Николаевичъ Дурново, я полагаю, тоже будетъ доволенъ, когда я къ нему приѣду...

Старикъ захохоталъ, а мы, сидѣвшіе, съ несказанной любовью поглядѣли на нашего предсѣдателя и поняли, какой удобный выходъ предложенъ имъ для всѣхъ насъ изъ невозможно труднаго положенія... Общество было спасено.

Если бы я вздумалъ рассказывать о разныхъ моментахъ жизни П. П., именно какъ представителя эпохи 60-хъ годовъ по личнымъ воспоминаніямъ, то мнѣ нехватило бы ни мѣста, ни времени; я лично отступаю, и пускай его жизнь и труды скажутъ читателямъ, какого крупнаго и достойнаго человѣка лишилась русская жизнь.

Петръ Петровичъ Семеновъ-Тянь-Шанскій родился въ ночь съ 1-го на 2-ое января 1827 года въ имѣніи своего отца, отставнаго капитана гвардіи Петра Николаевича Семенова, при селѣ Урусово Рязанскаго уѣзда Рязанской губерніи. Дѣтство и юность его прошли въ деревнѣ, посреди крѣпостнаго права, въ очень культурной дворянской семьѣ. Отецъ П. П. молодымъ офицеромъ совершилъ весь походъ 1812—1814 г.г., и пребываніе за границей значительно расширило его міровоззрѣніе, сдѣлало убѣжденнымъ сторонникомъ улучшенія быта крестьянъ, онъ даже вступилъ въ «союзъ благотворности» и нѣкоторыя другія тайныя общества. Выйдя въ отставку въ 1822 году, отецъ Семенова поселился въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ 1832 году, когда П. П. пошелъ всего лишь шестой годъ. Послѣ смерти отца имѣнія его перешли къ матери, и П. П. подъ ея руководствомъ и наблюденіемъ прожилъ съ нею въ родномъ помѣстьѣ еще шесть лѣтъ, получивъ хорошее первоначальное образованіе и тщательно изучивъ французскій и нѣмецкій языки. Съ 9 до 14-лѣт-

пяго возраста Семеновъ, въ виду усилившейся болѣзни матери, былъ предоставленъ самому себѣ, много читалъ по исторіи, географіи, ботаникѣ и проч. въ обширной отцовской библіотекѣ, а въ лѣтнее время, утоляя прирожденную любознательность, совершалъ обширныя экскурсіи и собиралъ растенія и насѣкомыхъ. Особенно поощрялъ развитію въ юношѣ интереса къ естественно-исторической наукѣ докторъ философіи Крейме, который четыре мѣсяца подготовлялъ 14-лѣтняго Семенова для поступления въ учебное заведеніе. Черезъ два мѣсяца П. П. поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, которую блестяще окончилъ черезъ три года, но на военную службу не пошелъ, а поступилъ вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ и черезъ три года окончилъ его съ дипломомъ кандидата естественныхъ наукъ.

Съ перваго же года своего пребыванія въ университетѣ, уѣзжая на лѣто домой, П. П. Семеновъ совершалъ поѣздки и научныя экскурсіи съ ботаническими, энтомологическими и геологическими цѣлями по Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Орловской губерніямъ, имѣя спутникомъ своего университетскаго товарища Н. Я. Данилевскаго, впоследствии выдающагося ученаго и мыслителя. По окончаніи университета, лѣтомъ 1848 года онъ съ Данилевскимъ совершилъ еще одну большую ботаническую экскурсію, а въ 1849 г. имъ уже было поручено императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ изслѣдованіе черноземной полосы Россіи. Но Данилевскій, привлеченный по дѣлу Петрашевскаго, вынужденъ былъ прекратить работу, и П. П. Семеновъ ограничился ботаническими изслѣдованіями въ бассейнѣ Дона, результатомъ чего явилось изданіе въ 1851 г. очерка «Придонская флора въ ея отношеніяхъ съ географическимъ распространеніемъ растеній въ Европейской Россіи». По выдержаніи Семеновымъ магистерскаго экзамена трудъ этотъ былъ представленъ и защищенъ имъ въ качествѣ диссертации на степень магистра ботаники.

Съ 1849 года, когда П. П. Семеновъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ его работахъ, состоя сперва въ качествѣ его библіотекаря (1849—1851), затѣмъ секретаря отдѣленія физической географіи (1850—1856), помощника предсѣдателя (1856—1860) и предсѣдателя этого отдѣленія, и, наконецъ, съ 1873 г., когда престарѣлый графъ Ѳ. П. Литке отказался отъ своего руководящаго поста въ этомъ обществѣ, указавъ на П. П., какъ на наиболѣе достойнаго преемника,—въ качествѣ вице-предсѣдателя общества. Къ началу дѣятельности П. П. въ средѣ географическаго общества относится нѣсколько его статей и рецензій по вопросамъ географіи, появившихся въ изданіяхъ общества.

Въ это время въ личной жизни П. П. Семенова произошло большое несчастіе: онъ овдовѣлъ послѣ непродолжительнаго брака и пе-

ренсезъ тяжелую мозговую болѣзнь, окончившуюся, къ счастью благополучно.

Желая возможно лучше выполнить возложенное на него географическимъ обществомъ изданіе на русскомъ языкѣ извѣстнаго труда К. Риттера «Землевѣдѣніе Азіи», Семеновъ предпринимаетъ поездку за границу, слушаетъ знаменитыхъ германскихъ профессоровъ, участвуетъ въ разныхъ научныхъ экскурсіяхъ, знакомится съ А. Ф. Гумбольдтомъ, путешествуетъ по Германіи, Гарцу, Швейцарскимъ и Тирольскимъ Альпамъ, ѣдетъ на Везувій, въ сѣверо-восточную Францію, вступаетъ въ члены германскаго геологическаго общества и печатаетъ въ Берлинѣ специальное изслѣдованіе, которое должно было служить докторской диссертацией, но случайныя обстоятельства помѣшали диспуту. Вернувшись въ Россію въ концѣ 1855 года, П. П. Семеновъ издаетъ въ теченіе 1856—1877 годовъ четыре тома «Землевѣдѣнія Азіи» съ обширными дополненіями къ нему и пишетъ нѣсколько оригинальныхъ работъ.

Весной 1856 года осуществилась наконецъ завѣтная мечта П. П. Семенова: по порученію географическаго общества онъ отправился въ глубь Азіи, во главѣ экспедиціи, имѣвшей цѣлью достигнуть бывшей до того времени совершенно недоступной для научныхъ изслѣдованій горной системы Тянь-Шань. Въ экспедицію, кромѣ самого П. П., исполнявшаго обязанности геолога, ботаника и зоолога, входили художникъ Кашкаровъ да военные топографы, работавшіе подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя экспедиціи. Экспедиція проработала почти два года, причемъ П. П. Семеновъ посѣтилъ Алтай, Тарбагатай, Приилійскія степи, Кульджу (куда ѣздилъ, переодѣвшись простымъ казакомъ), озеро Иссыкъ-Куль, рѣку Текесъ и первый, послѣ китайцевъ и іезуитовъ XVIII столѣтія, проникъ въ окруженные до того времени громады Тянь-Шанскаго хребта до верховьевъ Нарына, ледниковъ Сары-джаза, изъ которыхъ одинъ теперь носитъ его имя, и линіи вѣчнаго снѣга у подножья гигантской группы Хань-Тенгри. Во время своего путешествія П. П. Семеновъ собралъ обширныя различныя коллекціи и привезъ массу совершенно новыхъ фактовъ для физической географіи этой части Центральной Азіи въ формѣ обстоятельныхъ дневниковъ, барометрическихъ высотныхъ наблюденій и проч. Затѣмъ имъ внесено много существенныхъ исправленій въ карты. Кромѣ высокаго научнаго, экспедиція П. П. Семенова имѣла также и большое политическое значеніе: его смѣлая развѣдка за предѣлами русскихъ владѣній въ этой части Азіи непосредственно содѣйствовала перенесенію нашей границы далѣе къ югу, вызвала присоединеніе къ Россіи значительной части кара-киргизскаго населенія этой пограничной области, открыла новые пути русскаго поступательнаго движенія здѣсь и помогла образованію для Россіи твердой базы для совершившагося велѣдъ за тѣмъ полнаго покоренія

всего Западнаго Туркестана. Вернувшись въ концѣ 1857 года въ Россію, П. П. тотчасъ же принялся за обработку добытыхъ имъ богатыхъ матеріаловъ, но могучая волна новаго освободительнаго общественнаго движенія, охватившая тогда лучшую часть русскаго общества, отвлекла его отъ этой работы. Но все же онъ обнаружилъ много новыхъ работъ статей, а его обширныя коллекціи еще долго разрабатывались другими учеными и внесли много свѣжихъ и новыхъ научныхъ свѣдѣній значительной важности.

Какъ помѣщикъ Рязанской и Тамбовской губерній, глубоко сочувствующій освобожденію крестьянъ, съ дѣтства хорошо знакомый съ ихъ бытомъ, экономическими условіями и отношеніями между крѣпостными и дворянами-землевладѣльцами, П. П. Семеновъ въ началѣ 1858 года прерываетъ свои научныя работы и съ головою погружается въ занятія по подготовкѣ долгожданной лучшими представителями русскаго общества великой крестьянской реформы. Къ началу 1859 года онъ былъ приглашенъ членомъ-экспертомъ историческихъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу и назначенъ завѣдующимъ дѣлами названныхъ комиссій, гдѣ онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ ихъ предсѣдателя Я. И. Ростовцева, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ ихъ работахъ вплоть до обнаруженія положенія 19-го февраля 1861 г. Много матеріаловъ первостепенной исторической важности объ этой эпохѣ заключено въ четырехтомномъ трудѣ П. П. Семенова «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», Спб. 1889—1892 гг. Объ этомъ же періодѣ своей дѣятельности, принципамъ котораго онъ оставался вѣренъ до могилы, уже на 87 году своей жизни онъ закончилъ и другой трудъ «Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.) въ воспоминаніяхъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго», тома I и II, Спб. 1911 и 1913 гг.

Только по завершеніи работъ по крестьянскому вопросу, которыя потребовали отъ него героическаго напряженія силъ и энергии, П. П. могъ дать себѣ краткую передышку и вступить въ свой второй бракъ съ дочерью одного изъ выдающихся дѣятелей 60-хъ годовъ, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Елизаветою Андреевною, которая сдѣлалась, особенно уже въ преклонные годы П. П.—ча, его незамѣнимою помощницею во всѣхъ дѣлахъ и трудахъ. Затѣмъ П. П. Семеновъ завѣдывалъ комиссіей, смѣнившей откупную систему акцизною, участвовалъ въ комиссіи для преобразования податной системы, а также работалъ по реформированію судебныхъ учреждений. Кромѣ того, позже, какъ лицо, стоявшее во главѣ официальной статистики Россіи, онъ принималъ дѣятельное участіе и во многихъ другихъ комиссіяхъ эпохи реформъ по введенію всеобщей воинской повинности, по преобразованію губернскихъ

и уѣздныхъ учреждений, тарифной и многихъ другихъ, часто присутствуя и въ государственномъ совѣтѣ при разсмотрѣніи въ немъ выработанныхъ комиссіями законопроектовъ. Съ 1864 года П. П. Семеновъ былъ назначенъ директоромъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, и этотъ важный научно-административный постъ занималъ въ теченіе семнадцати лѣтъ, оставаясь на немъ и по назначеніи своемъ (въ 1875 г.) председателемъ статистическаго совѣта того же министерства. Находясь во главѣ статистическаго дѣла Россіи, П. П. велъ энергичную и упорную борьбу со взглядомъ на бесполезность для государства статистическихъ работъ, организовалъ по европейскимъ образцамъ официальную нашу статистику, создалъ первый въ Россіи международный статистическій конгрессъ, реформировалъ изданія статистическаго центрального комитета, основалъ новый его органъ—«Статистическій Временникъ», руководилъ многими опытными мѣстными переписями населенія и опубликовалъ немало обширныхъ изслѣдованій по этому предмету, а въ 1897 году дѣятельно руководилъ первою всеобщою переписью Имперіи въ качествѣ фактическаго председателя переписной комисіи. Изъ случайныхъ служебныхъ порученій слѣдуетъ также отмѣтить основаніе имъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1869 г. официальной газеты «Правительственный Вѣстникъ». Въ 1882 году П. П. Семеновъ былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1897 г.—членомъ государственнаго совѣта; кромѣ того, дѣятельное участіе принималъ онъ въ трудахъ такъ называемой Кахановской комисіи, выработавшей проектъ преобразованія мѣстнаго управленія, а позже, въ началѣ 1900 г., работалъ въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности подъ председательствомъ С. Ю. Витте.

Но официальная государственная служба съ начала 60-хъ годовъ не помѣшала П. П. Семенову удѣлять свои досуги и чисто научнымъ занятіямъ. Онъ много писалъ въ энциклопедическомъ словарѣ Гершельмана и Лаврова, въ трудахъ императорскаго руссійскаго географическаго общества, издалъ «Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи», считающійся однимъ изъ капитальнѣйшихъ его произведеній, въ 80-хъ годахъ подъ личной его редакціей выходило популярное изданіе М. О. Вольфа «Живописная Россія», составившее нѣсколько большихъ томовъ. Въ 1894 г. подъ его редакціей и съ его введеніемъ издано министерствомъ финансовъ «Описаніе Амурской области», составленное Г. Е. Грумъ-Гржимайло; съ 1889 года подъ руководствомъ П. П. выходило многотомное изданіе А. Ф. Девриена «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества», второй томъ котораго цѣликомъ написанъ Петромъ Петровичемъ и его четырьмя сыновьями и дочерью. Въ 1900 г. по случаю всемірной выставки въ Парижѣ, гдѣ

П. П. Семеновъ явился организаторомъ всего русскаго окраиннаго отдѣла ея, министерствомъ финансовъ подъ редакціей П. П. была издана книга «Окраины Россіи», значительная часть которой написана имъ. Въ 1895—1896 гг. П. П. Семеновымъ по матеріаламъ В. В. Звѣринскаго и при участіи А. А. Достоевскаго выполнена еще одна капитальная работа: «Исторія полувѣковой дѣятельности императорскаго русскаго географическаго общества», въ трехъ томахъ, которой предшествовало составленное имъ въ 1872 г. «Обозрѣніе дѣятельности общества по общей географіи». Затѣмъ множество рѣчей П. П. напечатано въ «Извѣстіяхъ императорскаго русскаго географическаго общества», въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ, а также появлялось и отдѣльными брошюрами.

Дѣятельное участіе принималъ также П. П. Семеновъ и въ международныхъ географическихъ конгрессахъ. Многимъ обязано ему императорское русское географическое общество, лучшія и наиболѣе крупныя предпріятія котораго за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ осуществлены во многихъ случаяхъ только благодаря его личной инициативѣ и настойчивымъ хлопотамъ. Онъ принималъ непосредственное и живѣйшее участіе въ выработкѣ плановъ большинства нашихъ путешественниковъ, изъ которыхъ многіе могутъ быть названы его учениками и послѣдователями, какъ, напримѣръ: Н. М. Пржевальскій, Г. Н. Потанинъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, ученикъ Пржевальскаго П. К. Козловъ, В. Л. Комаровъ, А. Н. Красновъ, Н. И. Кузнецовъ, В. И. Липскій, В. И. Роборовскій, Г. Г. фонъ-Петцъ и много другихъ. Въ своихъ совѣтахъ путешественникамъ П. П. обращалъ главное вниманіе на изученіе природы, пробуждалъ и поддерживалъ всесторонній интересъ къ ней, давалъ разныя цѣнныя указанія и достигалъ того, что почти всѣ экспедиціи географическаго общества давали обильную научную жатву, обогащая драгоценнымъ матеріаломъ наши музеи. Всегда оказывалъ П. П. мощное содѣйствіе и всѣмъ иностраннымъ путешественникамъ, направлявшимся въ Россію или черезъ Россію. За время нахождения П. П. во главѣ географическаго общества при его энергичномъ содѣйствіи открыто нѣсколько новыхъ отдѣловъ. Кромѣ того, простирались хлопоты П. П. Семенова и на цѣлый рядъ другихъ учрежденій и лицъ, какъ, напримѣръ: петербургскій ботаническій садъ и зоологическій музей и даже петербургская консерваторія и мн. др.

Весною 1888 г. П. П. Семеновъ въ сопровожденіи своего сына А. П. Семенова совершилъ еще одну дальнюю поѣздку въ преддверіе столь дорогой ему Центральной Азіи, именно въ Закаспійскую область, Туркестанъ, нѣкоторыя мѣстности Бухары, Зеравшанскій хребетъ и пр. Общія впечатлѣнія и наблюденія за время этого путешествія выразились въ статьѣ П. П. «Туркестанъ и За-

каспійскій край въ 1888 году». Въ числѣ лично собранныхъ П. П. насѣкомыхъ оказался не только рядъ новыхъ видовъ, но даже и представитель совсѣмъ новаго семейства жестокрылыхъ, получившій позже его имя. Проводя лѣто въ своемъ имѣніи Рязанской губерніи, П. П. Семеновъ предпринималъ болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи съ научными цѣлями и собралъ громадныя различныя коллекціи. Въ 1890 г. онъ былъ избранъ президентомъ русскаго энтомологическаго общества, которое много обязано ему своимъ процвѣтаніемъ, выразившимся и въ увеличеніи средствъ, и въ расширеніи своей дѣятельности.

Свои досуги П. П. Семеновъ заполнялъ и еще однимъ излюбленнымъ занятіемъ—работами въ области исторіи искусствъ. Имъ собрана богатая художественная галерея, заключающая въ себѣ свыше семисотъ выдающихся произведеній голландскихъ и фламандскихъ мастеровъ. Результатомъ занятій П. П. въ этой области явились «Этюды по исторіи нидерландской живописи» и каталогъ его галереи. Дополненіемъ къ галереѣ было большое собраніе старинныхъ гравюръ, принесенное имъ въ даръ императорскому Эрмитажу. Отдѣльныя статьи П. П. по исторіи живописи появлялись въ журналѣ «Старые Годы».

Неутомимая энергія и поразительная работоспособность П. П. Семенова были использованы не разъ для организаціи и многихъ временныхъ предпріятій—выставокъ, съѣздовъ и проч. Дѣятельное участіе принималъ онъ и въ работахъ множества учреждений филантропическаго и просвѣтительнаго характера, напримѣръ: общество пособія нуждающимся студентамъ петербургскаго университета, Алексѣевскій главный комитетъ по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей, художественное училище имени Н. Д. Селивестрова въ Пензѣ и многія, многія другія. Столь разнообразная и плодотворная дѣятельность П. П. Семенова, потребовавшая затраты колоссальной суммы, энергіи и труда, была почтена длиннымъ рядомъ государственныхъ, ученыхъ и общественныхъ отличій не только въ Россіи, но и за границей. П. П. Семеновъ былъ награжденъ высшими степенями всѣхъ русскихъ орденовъ до св. Андрея Первозваннаго включительно, высочайшими рескриптами на его имя и пр., а именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 23 ноября 1906 г., къ фамиліи П. П. Семенова съ нисходящимъ потомствомъ присоединено, какъ сказано въ указѣ, «названіе изслѣдованной имъ, во время предпринятаго въ 1856—1857 годахъ отважнаго путешествія его въ Центральную Азію, мѣстности Тянь-Шань»—въ формѣ прибавки «Тянь-Шанскій».

Ученыя награды П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, магистра ботаники, были почтены многочисленными учеными и просвѣтительными обществами, включившими его въ число почетныхъ членовъ и пр. Такъ, онъ состоялъ:

Почетнымъ членомъ: императорской академіи наукъ, императорской академіи художествъ, всѣхъ русскихъ университетовъ за исключеніемъ варшавскаго и саратовскаго, императорскаго ботаническаго сада, императорскаго Румянцовскаго музея въ Москвѣ, императорскаго русскаго географическаго общества, императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ, императорскаго московскаго общества испытателей природы, императорскаго петербургскаго общества естествоиспытателей, русскаго энтомологическаго общества, императорскаго общества востоковѣдѣнія, общества естествоиспытанія при юрьевскомъ университетѣ, уральскаго общества любителей естествознанія, общества изученія Амурскаго края, ярославскаго естественно-историческаго общества, общества для изслѣдованія природы Орловской губерніи, бессарабскаго общества естествоиспытателей, Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, русскаго горнаго общества въ Москвѣ, московскаго юридическаго общества, саратовскаго юридическаго общества, юридическаго общества при императорскомъ петербургскомъ университетѣ, петербургскаго столичнаго и губернскаго статистическаго комитета, семирѣченскаго областного статистическаго комитета, финно-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ, международнаго статистическаго института, королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ, лондонскаго статистическаго общества, берлинскаго общества землевѣдѣнія, императорскаго королевскаго общества въ Будапештѣ, итальянскаго географическаго общества въ Римѣ, нидерландскаго географическаго общества, королевскаго географическаго общества въ Мадридѣ, румынскаго географическаго общества, географическаго общества въ Женевѣ, географическаго общества въ Бернѣ, географическо-статистическаго общества во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, бременскаго географическаго общества, марсельскаго географическаго общества, антверпенскаго географическаго общества.

Непремѣннымъ членомъ: болгарской энтомологической дружбы въ Софіи.

Иностраннымъ делегатомъ: постояннаго центрального географическаго комитета Португаліи.

Иностраннымъ членомъ: шведскаго общества антропологии и географіи въ Стокгольмѣ.

Дѣйствительнымъ членомъ: императорскаго вольнаго экономическаго общества, императорскаго минералогическаго общества, московскаго археологическаго общества, императорскаго русскаго общества садоводства, петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, парижскаго статистическаго общества, германскаго энтомологическаго общества въ Берлинѣ, штеттинскаго энтомологическаго общества.

Членомъ-корреспондентомъ: Николаевской главной физической обсерваторіи, бельгійскаго центральнаго статистическаго комитета, парижскаго географическаго общества, общества коммерческой географіи въ Парижѣ, американскаго географическаго общества, бельгійскаго географическаго общества, германскаго геологическаго общества, зенкенбергскаго естественно-историческаго общества во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Почетнымъ членомъ: общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора, общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ церкви св. Троицы въ Галерной гавани, крестьянскаго общества благотворенія въ память 19-го февраля 1861 года въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ 1859 году за путешествія и открытія въ Центральной Азіи П. П. Семенову была присуждена малая золотая медаль императорскаго русскаго географическаго общества. Въ 1897 году лондонское королевское географическое общество присудило П. П. за все, что онъ сдѣлалъ для изученія географіи и природы Средней Азіи, свою высшую награду—большую золотую медаль короля-основателя общества («Royal Founder's Medal»). Въ 1890 году берлинское общество землевѣдѣнія присудило П. П. Семенову-Тянь-Шанскому свою большую медаль имени его учителя Карла Риттера; по статуту серебряная, она была выбита въ видѣ единственнаго исключенія въ честь П. П. Семенова изъ золота. Кромѣ того, въ разное время Петру Петровичу было поднесено множество благодарственныхъ адресовъ отъ цѣлаго ряда различныхъ учрежденій просвѣтительнаго, научнаго и благотворительнаго характера. Въ честь Петра Петровича названо его именемъ одиннадцать географическихъ пунктовъ (горы, ледники, проливъ), нѣсколько открытых имъ животныхъ, птицъ, растений, насѣкомыхъ и пр. Въ 1898 г. учреждена при императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ большая золотая медаль имени П. П. Семенова, присуждаемая ежегодно, а въ 1899 году при томъ же обществѣ учреждена еще и большая серебряная медаль его имени, приравниваемая къ малымъ золотымъ медалямъ и присуждаемая также ежегодно по очереди между четырьмя отдѣленіями общества. Въ 1904 г. русское энтомологическое общество учредило денежную премію его имени, присуждаемую разъ въ три года за лучшую въ этомъ трехлѣтніи работу по энтомологіи въ Россіи.

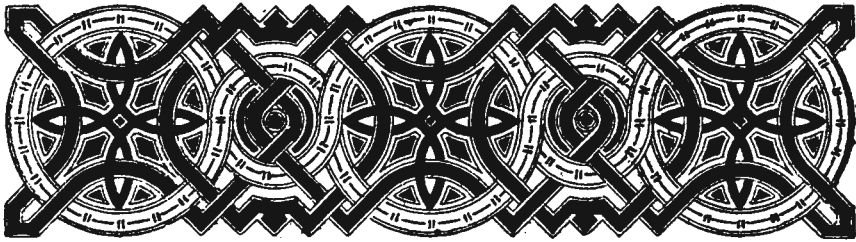
Такъ протекла полезно и плодотворно дѣятельность этого выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля, пользовавшагося при жизни широкой популярностью, всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ и не отступавшаго ни въ чемъ въ своихъ дѣяніяхъ, какъ на пользу русскаго общества, такъ и науки и государственности, отъ тѣхъ великихъ принциповъ, подѣ стягомъ которыхъ онъ выступилъ на зарѣ эпохи великихъ реформъ еще молодымъ чело-

вѣкомъ, сотрудникомъ Ростовцева. Когда въ печати появятся всѣ воспоминанія П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, то передъ нами вырисуется во всемъ общественно-политическомъ объемѣ образъ этого замѣчательнаго человѣка. Отмѣтимъ еще, что многія изъ лицъ, которыхъ на зарѣ жизни постигли политическія невзгоды, своимъ возвращеніемъ, какъ полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ науки и общества, обязаны исключительно Петру Петровичу. Онъ, пользуясь своимъ положеніемъ вице-президента географическаго общества, сумѣлъ утилизировать ихъ силы на изученіе дальнихъ окраинъ Россіи и, опираясь на ихъ заслуги въ этой области, вернуть имъ права гражданства и свободнаго возвращенія въ столичные центры государства.

Окруженный обширнымъ потомствомъ, общою любовью и заслуженною извѣстностью, онъ прожилъ долгую трудовую жизнь и сошелъ въ могилу, унеся съ собою лучшіе завѣты эпохи 60-хъ годовъ, съ памятью о которыхъ у всѣхъ насъ неразрывно связаны такіа дорогія воспоминанія.

Г. Л. И.

САМОЗВАНЕЦЪ КАЛУГИНЪ.

ВЪ МИНУВШЕМЪ ГОДУ по высочайшему повелѣнію были по всей Россіи образованы смѣшанныя комиссіи изъ представителей отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго для разбора и приведенія въ извѣстность архивовъ, хранящихся при губернскихъ управленіяхъ. Благодаря работамъ этихъ комиссій, будетъ спасенъ отъ постепеннаго уничтоженія весьма обширный архивный матеріаль, представляющій большую цѣнность въ историческомъ отношеніи.

Среди большого количества дѣлъ бывшей канцеляріи оренбургскаго гражданскаго губернатора, хранящихся въ настоящее время въ городѣ Уфѣ, значитія крайне интересное «дѣло о безпорядкахъ между крестьянами Челябинскаго уѣзда отъ бродяги Калугина, называвшаго себя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ». Это дѣло и послужило матеріаломъ при составленіи нижеприведенной статьи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1843 года среди государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ волостей Челябинскаго уѣзда произошли волненія, Энергичными мѣрами, предпринятыми оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ генераломъ-отъ-инфантеріи Обручевымъ, эти волненія были весьма быстро прекращены. Зачинщики были схвачены, отданы подъ судъ и послѣ соответствующаго наказанія розгами посажены въ тюрьму.

Прошло два года, и броженіе среди тѣхъ же крестьянъ стало снова обнаруживаться. 5-го мая 1845 года челябинскій земскій исправникъ, поручикъ де-Граве, доносилъ управляющему Оренбургской губерніей, что среди крестьянъ Таловской, Воскресенской и Кислянской волостей ходитъ слухъ о появленіи въ деревнѣ Гороховой (Таловской волости) какого-то неизвѣстнаго человѣка, выдающаго себя за цесаревича Константина Павловича. Этотъ неизвѣстный будто бы подговариваетъ крестьянъ перебить все мѣстное начальство за то, что оно притѣсняетъ народъ; среди крестьянъ ходилъ слухъ, что въ распоряженіи этого мнимаго цесаревича имѣлись будто бы значительныя вооруженныя силы.

Желая пресѣчь въ самомъ зародышѣ возникновеніе столь опасныхъ для народнаго спокойствія слуховъ, главноуправляющій Оренбургской губерніей предписалъ поручику де-Граве «распорядиться при содѣйствіи мѣстнаго окружнаго начальника о прекращеніи возникшихъ между крестьянами нѣкоторыхъ деревень Челябинскаго уѣзда безпорядковъ, непременно схватить явившагося самозванца, виновныхъ же въ распусканіи нелѣпныхъ слуховъ заключить подъ стражу и обо всемъ произвести строгое слѣдствіе».

Но поручикъ де-Граве, не ожидая распоряженія начальства, выѣхалъ еще 5-го мая вмѣстѣ съ начальникомъ государственныхъ имуществъ Долгогрѣшнымъ «для розыска обстоятельствъ дѣла и пресѣченія всякихъ безпорядковъ между жителями».

Произведенное поручикомъ де-Граве на мѣстахъ слѣдствіе выяснило, что въ различныхъ деревняхъ Челябинскаго уѣзда, ближайшихъ къ Курганскому уѣзду, появились какъ бы уполномоченные какого-то неизвѣстнаго, называвшаго себя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ; эти уполномоченные собирали крестьянъ на тайные сходы, уговаривали ихъ подать прошеніе «особѣ императорской фамилии». На эту «особу» уполномоченные возлагали весьма большія надежды, такъ какъ въ ея распоряженіи имѣлось большое войско, собранное, по однимъ показаніямъ, въ Киргизской степи, а по другимъ—въ Устьудской крѣпости, вблизи рѣки Абуги. Съ этимъ войскомъ «особа» выступила 15-го мая въ здѣшній уѣздъ для «убитія» волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, равно и тѣхъ крестьянъ, которые отказались отъ участія въ бывшихъ въ 1843 году безпорядкахъ. На сходахъ уполномоченные требовали отъ крестьянъ письменнаго согласія на подданство цесаревичу; однако крестьяне отъ письменнаго согласія уклонились, на словахъ же высказали свое полное желаніе поступить въ подданство цесаревичу. Заручившись такимъ согласіемъ, уполномоченные составили прошеніе отъ имени крестьянъ, при чемъ составленіе этого прошенія сопровождалось денежнымъ сборомъ со всѣхъ принявшихъ участіе въ сходѣ—по рублю ассигнаціями и по 50 копеекъ серебромъ съ человѣка.

Изъ приложеннаго къ донесенію поручика де-Граве прошенія на высочайшее имя крестьянъ Воскресенской волости видно, что крестьяне жаловались почти исключительно на дѣйствія властей при усмирении волненій въ 1843 году. По словамъ этого прошенія, распоряженіемъ оренбургскаго военнаго губернатора Обручева на мѣста безпорядковъ были высланы войска «съ артиллеріей», которыя наказывали крестьянъ «лозьемъ безъ пощады»; этого наказанія избѣгли лишь тѣ, кому удалось своевременно отлучиться изъ дому. Вслѣдъ за экзекуціей главнѣйшіе изъ участниковъ безпорядковъ были посажены въ тюрьму, «гдѣ они находятся и по сіе время». Наибольшее же огорченіе доставляли крестьянамъ поставленные по деревнямъ постоемъ «обжорная команда» и солдаты, которые, а «нанпаче голова Пайвинъ и писарь Ганчиковъ», чинили жителямъ убытки и безпокойства. Прошеніе заканчивается обращеніемъ къ императорскому величеству, въ которомъ крестьяне молили «отъ сего жребія въ поступленіе въ услуженіе господину министру Кульневу обратить и подъ твое покровительство записать». Къ прошенію былъ приложенъ подробный списокъ тѣхъ принасовъ, которые были собраны съ крестьянъ: «всякой принасъ, и сѣно и овесъ, хлѣбъ и масло, соль и крупа, деньги и гостинцы».

Такимъ образомъ, для мѣстныхъ властей должно было быть яснымъ, что крестьяне очень тяготятся той натуральной повинностью, съ которой былъ сопряженъ постой воинскихъ командъ, расквартированныхъ въ пунктахъ, гдѣ были волненія въ 1843 году. Этимъ неудовольствіемъ и воспользовался какой-то неизвѣстный, который, выдавая себя за цесаревича Константина Павловича, волновалъ, съ помощью своихъ уполномоченныхъ, крестьянъ, собирая съ нихъ денежные поборы.

Получивши донесеніе челябинскаго земскаго исправника, оренбургскій вице-губернаторъ Македонскій предписываетъ послѣднему «принять всѣ зависящія мѣры къ открытію мѣстопребыванія этого злоумышленника, столь сильно подѣйствовавшаго на легкомысліе государственныхъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ благоразумныя распоряженія водворить совершенное спокойствіе между послѣдними... и начать слѣдствіе временнаго отдѣленія челябинскаго земскаго суда». Вмѣстѣ съ тѣмъ Македонскій обратился къ тобольскому гражданскому губернатору съ просьбой о поимкѣ злодѣя, который «успѣлъ скрыться и который, по розыску челябинскаго исправника, долженъ быть изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ Курганскаго уѣзда».

Были собраны, насколько то представлялось возможнымъ, примѣты самозванца; эти примѣты были сообщены всѣмъ окрестнымъ полицейскимъ чинамъ со строгимъ наказомъ изловить во что бы то ни стало самозванца. Вполнѣ естественно, что наибольшее вниманіе полиціи было обращено на отставныхъ солдатъ,

живущихъ или проходящихъ черезъ Челябинскій или Курганскій уѣзды.

18-го мая въ питейномъ домѣ села Окунева былъ задержанъ отставной солдатъ Иванъ Ѳедоровъ Мионовъ, произносившій «нелѣпныя слова, относящіяся къ нарушенію народнаго спокойствія». На допросѣ Мионовъ показалъ, что, получивъ отставку отъ службы въ первомъ Сибирскомъ линейномъ батальонѣ, онъ «правился» на родину свою въ Вятскую губернію, Елабугскаго уѣзда въ село Котловское; 18-го мая пришелъ онъ въ село Окуневское (Челябинскаго уѣзда), гдѣ «по усталости расположился отдохнуть» въ питейномъ домѣ. Здѣсь съ сидѣльцемъ этого дома Діевымъ и зашедшимъ сюда сельскимъ писаремъ Жгилевымъ онъ завелъ разговоръ о царской фамиліи и, между прочимъ, Мионовъ разсказалъ, что «государь Александръ померъ неизвѣстною смертію и что онъ (Мионовъ) приходилъ съ нимъ прощаться; гробъ былъ завинченъ винтами и Богъ знаетъ, кто тамъ лежалъ. Цесаревичъ же Константинъ будто бы проѣхалъ съ тремя какими-то особами въ сибирскіе края по иркутскому тракту»; послѣднее Мионовъ слышалъ отъ какого-то казака, который при этомъ описалъ и примѣты великаго князя.

Было ясно, что весь разсказъ Мионова представлялъ собою не что иное, какъ наивную болтовню расхваставшагося старатаго солдата, желавшаго въ кругу деревенской аристократіи выказать свои широкія познанія въ политикѣ. Несмотря на то, что Мионовъ чистосердечно раскаялся въ своемъ легкомысліи и клялся, что никому, кромѣ двухъ названныхъ лицъ, онъ ничего о царской фамиліи не говорилъ, тѣмъ не менѣе оренбургскій военный губернаторъ предписалъ дать дѣлу Мионова законный ходъ. Такимъ образомъ, старый солдатъ за невинную болтовню въ питейномъ домѣ угодилъ въ тюрьму вмѣсто родной своей деревни.

Между тѣмъ слѣдствіе о появленіи самозванца продолжалось, и 26-го іюля 1845 года весь слѣдственный матеріалъ земскаго суда по этому дѣлу былъ представленъ поручикомъ де-Граве оренбургскому гражданскому губернатору. Длиннѣйшая переписка эта (на 37 страницахъ) ничего, въ сущности, новаго по этому дѣлу не давала; все сводилось къ тому, «что хотя показаніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ и открыты примѣты неизвѣстнаго самозванца, дерзнувшаго назвать себя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, но сіи люди лично сами его не видѣли, а только слышали о томъ отъ крестьянина Клюкина, который съ нимъ въ распушеніи слуховъ и сборѣ денегъ дѣйствовалъ заодно». Приводились даже примѣты великаго князя, а именно: на одномъ пальцѣ руки нѣтъ ногтя, «носъ вздернутый, говорить въ носъ и довольно слизовать». Крестьянинъ Клюкинъ приводилъ даже доказательства въ томъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ великаго князя; «я былъ съ нимъ въ

банѣ,—говорилъ Клюкинъ,—и видѣлъ грудь, обросшую волосами крестомъ, чего ни у одного человѣка не царской крови нѣтъ».

Пока пронесходили всѣ эти событія, дѣло «о неблагонамѣренныхъ слухахъ между клязьминскими крестьянами по бродягѣ, дерзнувшемъ назвать себя цесаревичемъ», было доложено императору Николаю Павловичу, который положить резолюцію «непремѣнно найти самозванца».

Высочайшая воля, выраженная въ столь рѣшительной формѣ, побудила всю мѣстную администрацію напрячь усилія къ обнаруженію самозванца. 4-го августа исправляющему должность частного пристава Петрову посчастливилось задержать въ Курганѣ «вольнопрописаннаго изъ ссыльно-каторжныхъ» Константина Петрова Калугина, который, какъ можно заключить изъ слѣдственнаго производства, и являлся авторомъ слуховъ о цесаревичѣ Константиинѣ Павловичѣ. По доставленіи Калугина въ Тобольскъ съ него 9-го августа былъ снятъ подробный допросъ; этотъ допросъ развертываетъ передъ нами долгую 75-лѣтнюю жизнь этого человѣка, полную всевозможными превратностями.

Происходя изъ дворянъ Курской губерніи, Калугинъ въ 1795 г. поступилъ на службу капраломъ въ сенатскія роты, которыя впоследствии были переименованы въ батальонъ. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ чинъ портупей-прапорщика, а въ 1795 году онъ уже произведенъ въ прапорщики въ Невскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ то время въ Финляндіи. Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ подпоручики съ переводомъ въ Выборгскій гарнизонный полкъ, а затѣмъ по неизвѣстнымъ причинамъ уволенъ въ отставку. Въ 1806 году мы видимъ Калугина уже въ штатѣ петербургской полиціи въ должности квартальнаго поручика; на этой должности онъ прослужилъ два года, а затѣмъ былъ уволенъ въ отставку. Велѣдъ за нимъ Калугинъ появляется на службѣ уже въ комиссаріатскомъ департаментѣ въ должности смотрителя госпиталя въ Динабургской крѣпости, а отсюда переходитъ на ту же должность въ Юрбургъ и Тельшь. Но недолго онъ продержался на этихъ должностяхъ, вскорѣ, и по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ былъ уволенъ въ отставку, гдѣ пробылъ до 1817 года, когда былъ принятъ на службу въ тифлискую полевую провіантскую комиссію и опредѣленъ смотрителемъ дербентскаго продовольственнаго магазина, а отсюда въ 1818 году переведенъ въ мальдовскій провіантскій магазинъ. Въ 1821 году «за грубость противъ начальства и другіе проступки» онъ былъ отрѣшенъ отъ должности съ преданіемъ суду. Неизвѣстно, въ чемъ именно заключались эти «другіе проступки», только въ 1828 году Калугинъ, рѣшеніемъ аудиторскаго департамента, по лишеніи чиновъ и дворянства, былъ сосланъ въ Сибирь въ каторжныя работы. По прибытіи въ Тобольскъ Калугинъ былъ назначенъ на работу въ Боровляцскій винокуренный заводъ, а по

уничтоженіи этого завода и по неспособности къ работѣ онъ былъ уволенъ «на собственное пропитаніе» и причисленъ къ деревнѣ Рябковой Курганскаго округа.

Изъ приведенной выше біографіи видно, что Калугинъ перебивалъ на весьма многихъ должностяхъ по полиціи, по комиссаріатскому департаменту и по провіантскому, т. е. интендантскому вѣдомству. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, онъ весьма быстро попадалъ въ отставку, затѣмъ снова появлялся на какой-нибудь хлѣбной должности, пока, наконецъ, за какія-то художества не попалъ въ Сибирь въ каторжныя работы.

Калугинъ не отрицалъ, а, наоборотъ, подтверждалъ то, что онъ лично зналъ великаго князя. «Во время служенія моего, — говорилъ онъ, — въ Петербургѣ квартальнымъ поручикомъ и Динабургѣ смотрителемъ госпиталя, я очень хорошо зналъ его высочество великаго князя Константина Павловича, въ Динабургской же крѣпости еще и потому, что въ 1812 году, когда его высочество изволилъ препроводить къ арміи гвардейскій корпусъ, тогда при посѣщеніи его ввѣреннаго мнѣ госпиталя я въ обязанности былъ рапортовать его высочеству о положеніи госпиталя, что исполнялъ при каждомъ его посѣщеніи».

Что касается распространенія злославленныхъ слуховъ о цесаревичѣ, то Калугинъ отрицалъ всякое свое въ этомъ участіе; равнымъ образомъ онъ заявлялъ, что онъ не принималъ на себя «титло» великаго князя Константина Павловича.

Изъ свидѣтельства о тѣлесномъ осмотрѣ Калугина видно, что наружность его подходила къ той, которая была установлена въ слѣдственномъ по этому дѣлу производствѣ, а именно: онъ имѣлъ «носъ въ переносѣ широкій, какъ бы вдавленный, а къ концу толстый, широко прямой... отъ половины груди, начиная выше сосцевъ черезъ весь животъ росли черно-густоватые волосы», образуя гребешокъ въ видѣ греческой буквы Г. На третьемъ пальцѣ лѣвой руки имѣлся рубчикъ отъ озноба съ уродливымъ ногтемъ; такіе же слѣды отъ озноба были обнаружены и на обѣихъ ногахъ Калугина.

Одновременно съ арестомъ Калугина полиція произвела обыскъ его квартиры, но ничего компрометирующаго найдено не было. Въ слѣдственномъ производствѣ высказано предположеніе, что «оставшаяся въ домѣ стряпка» легко могла, по приказанію Калугина, уничтожить имѣвшіяся у него бумаги, что, по собраннымъ полиціей свѣдѣніямъ, подтвердилось.

Опросъ причастныхъ такъ или иначе къ дѣлу Калугина лицъ, а также сходство наружныхъ примѣтъ его съ тѣми, которыя были извѣстны властямъ еще раньше поимки Калугина, дали основаніе земскому суду заключить, что Калугинъ былъ именно тотъ самозванецъ, который, принявъ на себя имя цесаревича Константина Павловича, производилъ волненія среди крестьянъ.

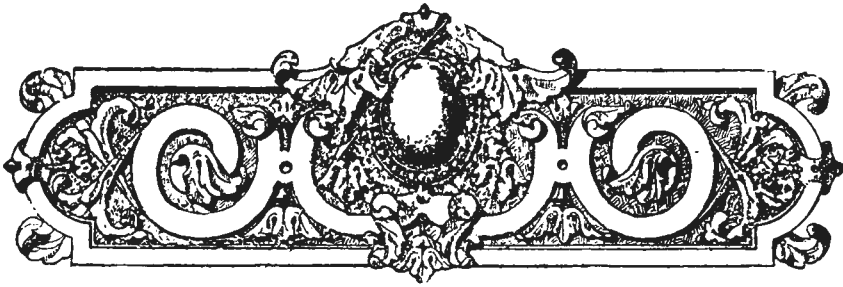
По снятіи допроса Калугинъ изъ Тобольска былъ отправленъ на перекладныхъ въ Челябинъ (нынѣ Челябинскъ) въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Последнимъ была выдана инструкція, которой предписывалось вести Калугина «возможно сохранѣе и быстрѣе». 5-го сентября Калугинъ былъ сданъ сопровождавшими его жандармами въ челябинскій земскій судъ.

Началась безконечная судебная волокита. Несмотря на то, что управляющій Оренбургской губерніей неоднократно и весьма настойчиво требовалъ, чтобы дѣло о Калугинѣ было рассмотрѣно въ возможно непродолжительномъ времени, челябинскій земскій судъ все еще находилъ, что обстоятельства дѣла недостаточно выяснены. А между тѣмъ по Калугинскому дѣлу томилось въ тюрьмахъ двадцать три человѣка, виновность многихъ изъ нихъ была весьма проблематична. Нѣкоторые изъ заключенныхъ подъ стражей успѣли уже умереть, а дѣло объ ихъ проступкахъ все еще далеко было отъ разрѣшенія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1847 года дѣло о Калугинѣ и Мироновѣ было потребовано въ правительствующій сенатъ на рассмотрѣніе. Какое послѣдовало рѣшеніе сената, неизвѣстно, такъ какъ въ дѣлахъ оренбургскаго гражданскаго губернатора намъ не удалось найти никакихъ объ этомъ слѣдовъ.

М. Казоханинъ..

ВЪ СМУТНЫЕ ДНИ.

(Очерки и наброски).

I.

За отечество...

ОКЗАЛЪ желѣзной дороги въ большомъ приволжскомъ городѣ кишѣль народомъ. Всѣ залы, коридоры, платформа были залиты сплошною толпою, очень возбужденною, шумливою и весело настроенною. Люди всюду то передвигались, то топтались на мѣстѣ, толкаясь, шума и крича. Всѣ стремились подойти поближе къ стоявшему на первомъ пути воинскому поѣзду, увозившему на Дальній Востокъ, на театръ войны, первый эшелонъ мѣстнаго полка. Много лѣтъ онъ стоялъ въ городѣ и завязалъ близкія отношенія съ населеніемъ. Явилась масса провожавшихъ и просто любопытныхъ, кстати былъ праздникъ, и день выдался погожій.

Въ морозномъ воздухѣ гулко разносились по вокзалу звуки военного оркестра, игравшаго на платформѣ что-то очень громогласное, бравурное, крикливое. Оркестръ страшно фальшивилъ, заглушаемый движеніемъ толпы, ея шумомъ и ревомъ. Никто и не слушалъ музыки, всѣ были заняты проводами отъѣзжавшихъ

Вездѣ видѣлись группы горожанъ, окружавшихъ офицеровъ и солдатъ. Насколько были сдержанны и приличны первыя группы, настолько во вторыхъ царили полная непринужденность, веселье, хохотъ. Около солдатъ толпились близкіе и чужіе, знакомые и незнакомые, что-то говорили, кричали, обнимались, угощали водкой, пивомъ, совали въ руки деньги, узелки съ съѣстными припасами и проч.

Всюду было сильно пьяно—и въ публикѣ, и среди воинства. Въ толпѣ шныряли пьяные солдаты и настойчиво просили денегъ, чтобы «выпить за отечество»... Многіе охотно давали имъ деньги, другіе угощали солдатъ у буфетовъ и сами изрядно угощались. Стоялъ пьяный гомонъ, слышались дикія вскрикиванія, женскій визгъ, кое-гдѣ затыгивали пѣсню, тамъ ругались, здѣсь проливали пьяныя слезы.

Сѣдой, полный купчина съ строгимъ и благообразнымъ лицомъ, видимо, изъ старовѣровъ, брезгливо и сурово оглядывалъ пьяную толпу, что-то бормоча про себя. Къ нему разлетѣлись два полупьяныхъ солдатика, прося денегъ «на дальнюю дорогу». Купецъ рѣшительно отказалъ, сердито ворча на пристававшихъ:

— Буде вамъ пить!.. пьяны вы и безъ моихъ денегъ... Эй, глядите въ оба, защитники отечества!.. не то живо пропѣете и себя, и насъ, и все отечество...

Солдаты шибко заругались, но вдругъ смолкли и юркнули въ толпу, завидѣвъ офицера. Купецъ хотѣлъ остановить его, но, взглянувши на красное, потное, улыбающееся лицо офицера, махнулъ рукой и двинулся къ выходу, говоря вслухъ:

— Ой! пропѣютъ они отечество... Имъ бы съ молитвой и со крестомъ итти на великое дѣло, а они... всё надрызгались... бѣсатѣшать!..

На платформѣ, около поѣзда, толпа была еще гуще, шумнѣе и пьянѣе. Изъ раскрытыхъ дверей вагоновъ-теплушекъ высовывались раскраснѣвшіеся, пьяные солдаты. Всѣ не помѣщались въ дверяхъ, и задніе громоздились на плечахъ переднихъ, ухватившись за перекладины вагона. Всѣ разомъ и возбужденно что-то галдѣли, стараясь перекричать другъ друга, помахивая шапками и бутылками. Толпа на платформѣ также орала немилосердно. Обѣ стороны ничего не могли слышать и понять, но продолжали кричать съ тѣмъ же усердіемъ. Иногда крики смолкали на мигъ, затѣмъ снова поднимались, словно всѣ отводили въ нихъ душу.

Временами изъ толпы вырывались надрывающей душу бабій плачь, стоны, визги, горькія причитанья, подавленные вопли. То вдругъ сквозь гомонъ толпы неслась откуда-то непечатная брань, то гомерическій хохотъ, то развеселая плясовая пѣсня.

Двое обнявшихся солдатиковъ, энергично прочищая себѣ дорогу въ толпѣ и размахивая свободными руками, державшими

по «мерзавчику», лихо стбивали впрысядку, подвигаясь къ своему вагону. Они проплыли мимо группы офицеровъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія... Стоявшій тутъ сѣдой капитанъ вспыхнулъ, видимо, хотѣлъ что-то крикнуть солдатамъ, но спохватился и промолчалъ, хотя это стоило ему большихъ усилій. Онъ отвернулся въ сторону, чтобы не видѣть вопіющаго нарушенія воинской дисциплины... Но молодые офицеры, посмѣиваясь, посторонились, давая дорогу пляшущимъ солдатамъ. Они добрались до своего вагона, подъ оглушительный ревъ и гоготанье сочувственно настроенной толпы.

Пьяный вдрызгъ мастеровой, въ опоркахъ на босую ногу и разорванной рубахѣ, уставившись руками въ бока и съ трудомъ балансируя, авторитетно заявилъ заплетающимся языкомъ:

— Эх... кіе молод...цы!.. пропадутъ отъ нихъ япошки!.. мокренъко zostanie... И глупъ же, братцы, энтотъ самый япошка!.. Зря преть на російскую силу... капуть ему будетъ!.. аминь!..

Толпа сочувственно загалдѣла, но вдругъ смолкла. Изъ вагона пронесся воплемъ сильный высокій теноръ, затянувшій жалобную мелодію горькой пѣсни на тему разставанья «милъ-дружка съ подруженькой и съ дѣтками-сиротинками»... Пожилой солдатъ, изъ запасныхъ, весь заросшій огромной бородой, устремилъ свои глаза куда-то ввысь и весь ушелъ въ выводимыя имъ скорбныя ноты, рыдая какъ-то по-дѣтски и грозя кому-то кулаками. Товарищи его по вагону стихли, слушая пѣсно. Двое пожилыхъ солдатъ вдругъ брякнули на колѣни, уткнулись головами въ полъ вагона и горько разрыдались.

Стихла и толпа, послышался женскій плачь, у многихъ мужчишь стояли слезы въ глазахъ... А солдатъ-пѣвецъ все выше и выше тянулъ свою скорбную пѣсню. Она прерывалась отъ его рыданій и то заглушалась вновь загалдѣвшей толпой, то опять доминировала надъ нею.

Не всѣхъ тронула эта пѣсня. Въ кучкѣ какихъ-то юныхъ франтовъ невысокаго тона раздались смѣхъ и ироническія замѣчанія насчетъ плакавшихъ солдатъ. Одинъ франтикъ брякнулъ во всеуслышаніе:

— Хороши воины!.. за десять тысячъ верстъ отъ японца уже заскулили...

— Тутъ, такой-сякой, заскулишь!..—грозно прервалъ его громаднаго роста мужикъ, надвигаясь на поблѣднѣвшаго франта и обнаруживая угрожающіе жесты.

Кучка молодежи растаяла, скрывшись въ толпѣ. Гигантъ-мужикъ кричалъ имъ вдогонку:

— Ахъ вы, подлые!.. Васъ послать бы на войну, небось завизжали бы, какъ недорѣзанные поросята... А какъ не скулить старому человѣку?! Оторвали его отъ дома, а онъ одинъ работникъ

въ домѣ!.. А тутъ... что ему дѣлать, коли онъ больше десяти лѣтъ и ружья не видѣлъ?!.. тутъ и бѣлугой заревешь...

— Вѣрно, вѣрно!—поддержала толпа сочувственно.

Скоро вниманіе ея привлекла другая сцена, совершенно въ иномъ родѣ. Въ толпѣ понесся гомерическій хохотъ, веселые крики, улюлюканье.

Толстая, неуклюжая, грязная баба лѣтъ шестидесяти, большого роста, съ всклокоченной головой, облапила и навалилась на двухъ маленькихъ, тщедушныхъ солдатиковъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ непосильной тяжести, потныхъ, мокрыхъ, полупьяныхъ. Курьезное тріо медленно подвигалось къ вагонамъ среди весело разступавшейся толпы. Всѣ трое были пьяны и всѣ рыдали, поминутно лобызаясь другъ съ другомъ. Торговка то стучала солдатиковъ головами, заставляя «соперниковъ» цѣловаться, то сама чмокала ихъ врасосъ, причитывая источнымъ басистымъ голосомъ:

— И на кого же вы, соколики мои, землячки мои дорогіе, меня горемычную покидаете?!.. и на что жъ я васъ поила, кормила, тратилась на васъ!.. Сколько винища вы у меня вылакали!.. сколько деньжищъ у меня повытаскали!.. А теперь меня покидаете, сироту горемычную!..

— Молчи, дура!—крикнулъ кто-то изъ гоготавшей публики:— не всѣхъ еще солдатъ отъ насъ увели... на свой пай найдешь хоть дюжину такихъ соколиковъ...

Баба посмотрѣла на говорившаго посоловѣлыми глазами, выругалась, какъ нельзя хуже, и поплыла съ своими соколиками дальше, голоса попрежнему, подъ аккомпанементъ всеобщаго хохота.

Около поѣзда произошло какое-то движеніе. Офицеры и фельд-фебеля засуетились, забѣгали, усаживая въ вагоны солдатъ. Пьяные плохо слушались начальства и нескончаемо прощались съ провожавшими. Болѣе трезвые солдаты силою втаскивали пьяныхъ въ вагоны.

За ними лѣзли туда же пьяные изъ публики. Ихъ выталкивали изъ вагоновъ, тащили за ноги съ платформы, нѣкоторые сами обрывались... Обѣ стороны вошли въ азартъ, орали, ругались. Мѣстами загорались серьезные драки, и недавніе пріятели, только что проливавшіе слезы о разлукѣ, теперь съ аппетитомъ ставили другъ другу синяки...

Ко времени отхода поѣзда едва удалось отбить эти атаки пьяной публики. Поѣздъ тронулся. Солдаты что-то неистово орали, и публика отвѣчала такимъ же бессмысленнымъ ревомъ, котораго не могли заглушить и крикливые звуки фальшиво игравшаго оркестра.

II.

П а л ь ц ы.

По скучному пустырю одного изъ московскихъ увеселительныхъ садовъ уныло бродилъ молодой офицеръ въ сибирской папахѣ. Заѣхалъ онъ сюда позднимъ вечеромъ, въ театръ не попалъ, а въ саду было такъ тоскливо, пусто, малоллюдно. Да и на душѣ у него была тоска, вдругъ нахлынувшая на него, какъ только онъ вошелъ въ этотъ неказистый садъ. Сердце что-то ныло, мрачныя мысли лѣзли въ голову, томило какое-то темное предчувствіе надвигающейся бѣды...

Цѣлый день онъ чувствовалъ себя бодро, жизнерадостно. Съ интересомъ осматривалъ Москву, которую видѣлъ въ первый разъ, остановившись на сутки отдохнуть передъ длинной дорогой на театръ войны. Вечеромъ случайно набрелъ на этотъ садъ, съ веселыми мыслями зашелъ сюда, рассчитывая «кутнуть» въ послѣдній разъ.

Но едва вошелъ въ садъ, какъ мысли о кутежѣ сразу отлетѣли, а сердце вдругъ заныло. Онъ сталъ разбираться въ своемъ настроеніи, не понимая, откуда налетѣла эта тоска? Мысли объ ужасахъ войны были далеки отъ него. Съ легкимъ сердцемъ онъ вынулъ жребій, заставившій итти на войну, когда вызывали охотниковъ изъ его полка, оставшагося въ Польшѣ, на мирной стоянкѣ. Легко онъ разстался съ полкомъ, съ которымъ не успѣлъ сродниться за три года службы, и съ удовольствіемъ покинулъ захолустный польско-еврейскій городишко.

Правда, въ недавнемъ прошломъ было одно обстоятельство, нѣсколько смущавшее его. Когда онъ заѣхалъ проститься съ дядей, старымъ кавказцемъ, тотъ подарилъ ему свою боевую шашку. Дѣло было вечеромъ, и ни дядя, ни Петровъ не замѣтили, что на шашкѣ былъ траурный темлякъ... Потомъ онъ замѣнилъ его другимъ, но дядинъ темлякъ остался въ чемоданѣ и нѣсколько волнуется, когда попадается на глаза.

Разумѣется, это пустякъ, случайность... Просто этотъ нелѣпый садъ нагналъ на него тоску. Лучше уйти въ гостиницу и хорошенько выспаться передъ дорогой.

И Петровъ повернулъ къ выходу, но ему загородила дорогу публика, хлынувшая изъ театра. Онъ невольно остановился, рассматривая выходящихъ. Вдругъ онъ замѣтилъ сибирскую папаху, подошелъ поближе и узналъ своего товарища по военному училищу и большого пріятели Иванова, попавшаго въ другой полкъ, на югъ Россіи. Пріятели расцѣловались, выбрались изъ толпы и сѣли за столикъ, потребовавши бутылку шампанскаго.

— Ну, и радъ же я встрѣчѣ съ тобой,—говорилъ Ивановъ:— шутка ли! вѣдь три года не видѣлись... Долго пробудешь въ Москвѣ?

— Долженъ завтра ѣхать, на сибирскомъ...

— И я на немъ же!..

— Расчудесно!.. вмѣстѣ поѣдемъ...

— Какъ это хорошо вышло... Вотъ ужъ наговоримся, вспомнимъ старину...

И живой, подвижной Ивановъ бросился обнимать Петрова. На сосѣднихъ столикахъ раздался смѣхъ и послышались проническія замѣчанія насчетъ «влюбленныхъ офицеровъ». Петровъ поморщился и усадилъ начинавшаго хмелѣть Иванова. Тотъ вызывающе посмотрѣлъ на подсмѣивавшихся сосѣдей, выпрямился, выпятилъ грудь, подобралъ шашку. Рукою онъ задѣлъ почти пустую бутылку, она опрокинулась и скатилась на землю. Лакей поднялъ ее и поставилъ на столъ, не обтеревши. Это взорвало Иванова, и онъ набросился на стараго лакея съ нахальной рожей и наглými глазами.

— Ты что же это дѣлаешь, старый чортъ?! Грязную бутылку и прямо на столъ?! ахъ ты, холуй!..

— Не смѣете ругаться!..

— Что такое?!..

— Не извольте ругаться и тыкать не смѣете... мы съ вами не товарищи...

— Что? что?.. ты у меня поговори!..—горячился Ивановъ.

На сосѣднихъ столикахъ замолкли и прислушивались къ загоравшейся сценѣ. Многіе встали и подошли поближе, неодобрительно посматривая на офицеровъ. Стали собираться и лакеи, явно на защиту товарища.

Петровъ поблѣднѣлъ, боясь за Иванова, который быстро хмелѣлъ, а въ хмелю былъ неспокоенъ. Онъ сталъ его урезонивать:

— Полно, Ваня! не стойтъ съ нимъ связываться... вотъ сейчасъ я расплачусь и поѣдемъ...

— Погоди!.. то была твоя бутылка, а теперь я ставлю... Эй, ты, холуй! тащи другую бутылку, а эту самъ долакай!

И Ивановъ сбросилъ старую бутылку на землю.

Старый лакей не пошевелился и злыми глазами вызывающе смотрѣлъ на офицера.

Петровъ вскочилъ со стула и обнялъ Иванова, умоляя:

— Пойдемъ, Ваня!.. твою бутылку мы разопьемъ въ другомъ мѣстѣ...

— Нѣтъ, братъ, это не по-товарищески... я хочу сейчасъ пить... Эй, холуй! живо бутылку сюда!..

Петровъ въ отчаяніи сѣлъ, чувствуя, что сцена можетъ дойти до крайнихъ предѣловъ, а бросить товарища не могъ...

Лакей опять не шевельнулся, нагло глядя на офицеровъ.

Ивановъ побагровѣлъ, вскочилъ со стула и сталъ вытаскивать свою шашку. Петровъ бросился къ нему съ крикомъ:

— Бога ради, опомнись! что ты дѣлаешь!..

Публика взволнованно вскочила изъ-за столиковъ, возбужденно переговариваясь. Вдругъ все стихли, и наступившую тишину прорѣзала визгливый голосъ стараго лакея, дерзко закричавшаго офицерамъ:

— Чѣмъ тутъ пьянствовать и воевать съ лакеями, ѣхали бы скорѣе бить японцевъ!..

Петровъ ахнулъ и выпустилъ Иванова. Тотъ выхватилъ свою шашку, взмахнулъ ею и сдѣлалъ шагъ къ лакею, присѣвшему отъ ужаса на землю, прикрывая голову руками.

Внѣ себя Петровъ подскочилъ къ Иванову и схватился правою рукою за шашку, чтобы удержать ее отъ удара по головѣ лакея.

Остро отточенная шашка мигомъ отмахнула четыре пальца на рукѣ Петрова... Онъ дико вскрикнулъ, опустился на землю и глухо зарыдалъ отъ боли, ужаса, позора...

У Иванова хмель сразу пропалъ. Онъ бросился на колѣни предъ окровавленнымъ товарищемъ, моля о прощениі...

Подбѣжали люди, явились полиція. Раненаго увели. Иванова арестовали. Публика возбужденно толковала о скандалѣ, осуждая молодыхъ офицеровъ, пролившихъ свою кровь на ресторанный почвъ...

III.

Тряпка.

Молодой земскій докторъ, взятый изъ запаса въ военную службу, былъ прикомандированъ къ резервной бригадѣ, развертывавшейся въ боевую дивизію, пополняясь запасными солдатами. Докторъ полюбилъ свое новое дѣло такъ же крѣпко, какъ раньше увлекался земскою медициной. И тамъ, и здѣсь былъ одинъ и тотъ же матеріалъ—тѣ же «взрослыя дѣти», жалкія, безпомощныя, нуждающіяся въ духовной и физической поддержкѣ. Возни съ ними было немало, но она доставляла большое нравственное удовлетвореніе. За малѣйшее вниманіе, за доброе слово, за ничтожную помощь, за все они платили горячею благодарностью и чисто дѣтскою привязанностью.

Скоро докторъ сдѣлался общимъ любимцемъ солдатъ, и его извѣстность перешагнула далеко за предѣлы полка. Исполняя временно обязанности старшаго врача, Сидоровъ цѣлые дни проводилъ въ полковомъ «околоткѣ» и въ казармахъ, осматривая кухни и прочее, вездѣ хлопоча, насколько возможно, объ улучшеніи быта солдатъ. Командиру полка, хлопотавшему больше о показной

сторонѣ дѣла, серьезныя заботы доктора были не по душѣ. За полковникомъ и другія власти полка стали придираются къ «безпокойному доктору», всюду «сующему свой носъ»...

Начались придирки, замѣчанія, выговоры, и тѣмъ болѣе возмутительные, что или касались пустяковъ, или были явно несправедливы. Особенно возмущало начальство, что Сидоровъ бракуетъ полугнилое мясо, затхлую муку, прогорклое сало и т. п., требуетъ улучшенной пищи для выздоравливающихъ солдатъ и т. п.

Рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы доктора не потревожили, вызывая экстренно въ казармы и околотокъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Его открыто травили, давая понять, что онъ пришелся не ко двору и хорошо сдѣлаетъ, если скорѣе переведется въ другую часть.

Отношенія къ командиру окончательно обострились послѣ одной исторіи. Видимо, издѣваясь надъ докторомъ, полковникъ разъ потребовалъ его къ себѣ въ два часа ночи—«полечить насморкъ у жены»... Взбѣшенный докторъ не сдержался и наговорилъ командиру «кучу дерзостей», «кричалъ» на него и «ушелъ, не подавши помощи» полковницѣ, «серьезно заболѣвшей», какъ писалъ полковникъ дивизионному врачу. Но послѣдній горою стоялъ за Сидорова, цѣня его знанія и дѣловитость, и отстоялъ его, затушивши эту неприятную исторію и прося потерпѣть, пока въ другомъ полку освободится вакансія старшаго врача.

Послѣ этой стычки съ полковникомъ положеніе Сидорова стало невыносимымъ. Каждое его распоряженіе вызывало рѣзкіе протесты начальства, грубыя замѣчанія, строгіе выговоры. Но Сидоровъ бодро боролся со всѣми этими неприятностями, подкрѣпляемый сочувственнымъ отношеніемъ солдатъ, на пользу которыхъ продолжалъ работать въ прежнемъ духѣ, какъ требовали его совѣсть и общее благо.

Скоро, однако, произошелъ случай, совсѣмъ подрѣзавшій крылья у Сидорова. Приѣхалъ какой-то генералъ дѣлать инспекторскій смотръ сформированному полку. Вся мѣсячная «подготовка» нѣсколькихъ тысячъ старыхъ запасныхъ состояла лишь въ томъ, что на нихъ «подогнали обмундировку», «расписали» по ротамъ, роздали оружіе и кое-какъ натаскали по маршировкѣ и ружейнымъ приѣмамъ. О стрѣльбѣ и помину не было, хотя большинство запасныхъ не имѣло понятія о новомъ ружьѣ...

Но начальство признало, что полкъ уже «готовъ» для защиты отечества... И дѣйствительно, приѣхавшій инспекторъ, ветхій и добродушный старичекъ, помнившій не только «три Шлевны», но и «покореніе Кавказа», былъ «въ восторгѣ» отъ «блестящаго состоянія» новаго полка, горячо благодарилъ командира и офицеровъ и отечески благословилъ полкъ двигаться на театръ войны.

Совеѣмъ раскисшій послѣ сытнаго и пьянаго обѣда у полкового командира, старичекъ-генераль мечталъ сладко соснуть передъ поѣздомъ, какъ вдругъ полковникъ напомнилъ, что его превосходительство еще не заглянулъ въ полковой околотокъ. Генераль очень поморщился, но волею-неволею пошелъ туда.

Сидоровъ былъ въ околоткѣ, уклонившись отъ пирушки у командира. Докторъ былъ спокоенъ за свою часть, поставленную хотя не блестяще, но серьезно и заботливо. И какъ ни старался къ чему-либо придратъся генераль, въ конецъ обиженный, что ему не дали вздремнуть послѣ обѣда, но онъ не могъ найти благовиднаго предлога для генеральской нахлобучки. Въ концѣ концовъ старичекъ размякъ и поблагодарилъ доктора за безукоризненный порядокъ. Дивизионный врачъ воспользовался моментомъ и просилъ генерала посодѣйствовать утверждению Сидорова въ должности старшаго врача. Генераль милостиво обѣщаль все сдѣлать для «такого образцоваго врача».

Полковникъ даже позеленѣлъ, но ехидно улыбался... Осмотръ околотка окончился, и генераль сталъ прощаться, но командиръ предложилъ еще осмотрѣть умывальную. Какъ ни отнѣкивался генераль, но командиръ такъ настойчиво уговариваль взглянуть «для очистки совѣсти» на умывальную, что отказаться было неудобно.

Генераль быстро вошелъ туда, поднялъ крышку умывальника, заглянулъ во внутрь—и даже онѣмѣлъ отъ неожиданности и только тыкалъ туда перстомъ... Подскочилъ командиръ и торжественно, не скрывая наглоу улыбки, извлекъ изъ умывальника грязную, черную, вонючую тряпку!..

Сидоровъ былъ страшно ошеломленъ и потерялъ голосъ. Онъ сильно поблѣднѣлъ и только переводилъ глазами съ командира на умывальникъ... Онъ хотѣлъ и не могъ выкрикнуть то, что сейчасъ же пришло ему въ голову, когда онъ увидѣлъ торжествующаго командира: вся эта гадость подстроена послѣднимъ... И все такъ поняли, кромѣ генерала, не знавшаго обостренныхъ отношеній между командиромъ и докторомъ.

Никто, конечно, не выступилъ на защиту Сидорова, когда генераль началъ разносить его и въ концѣ пригрозилъ, что ему «не быть старшимъ врачомъ»... Дежурныхъ фельдшеровъ приказано посадить подъ арестъ.

Сидоровъ не проронилъ ни слова, пока генераль распекаль его, и только вздрагиваль, бросая негодующіе взгляды на полковника. Тотъ ежился и, видимо, опасался, что докторъ сейчасъ же выведетъ его на чистую воду... На его счастье, докторъ сдержалъ себя, такъ какъ не былъ еще увѣренъ, кто именно виновникъ этоу подлой продѣлки.

Не успѣли еще все офицеры уйти изъ околотка, какъ фельдшера, огорченные за любимаго и затравленнаго доктора, уже до-

знались, что передъ самымъ приходомъ генерала въ околотокъ ифрибѣгалъ въ умывальную денщикъ командира, якобы помыть руки, чего раньше никогда не бывало...

Дѣло было ясное, и Сидоровъ хотѣлъ сейчасъ же поднять его, но уступилъ просьбамъ дивизионнаго врача не поднимать громкаго скандала, который всего тяжелѣе отозвался бы на «единомъ изъ малыхъ сихъ»—на денщикѣ, а главный виновникъ вышелъ бы сухъ изъ воды...

Скандалъ былъ замятъ, но Сидорова скоро перевели въ другой полкъ, младшимъ же врачомъ.

IV.

Б ѣ ш е н ы й.

На большой станціи подмосковной желѣзной дороги, у кассы третьяго класса въ ожиданіи открытія ея собралась толпа народа, среди которой мелькало нѣсколько рясы, шлягъ и шляпокъ. Около кассовой рѣшетки занимали первыя мѣста духовныя особы—сѣдой протопопъ небольшого роста, сухонькій старикъ съ суровымъ ликомъ, и очень крупный молодой дьяконъ съ рѣзкими чертами лица и роскошными волосами. Онъ немилосердно басылъ, бесѣдуя съ протопопомъ, и звуки его рѣзкаго голоса гулко разносились по большой залѣ.

Подлѣ нихъ юлилъ старичекъ елеянаго вида, съ сладенькой улыбкой на старчески-румяномъ лицѣ и съ бѣгающими раскосыми глазами. Кожаная котомка за плечами, крючковатый посохъ въ рукѣ и жестяной чайникъ за поясомъ указывали на профессиональнаго богомольца, вѣчнаго шатуна «по святынямъ». Духовныя особы невнимательно отнеслись ко всѣмъ попыткамъ богомольца завязать съ ними бесѣду, и онъ обратился къ своей сосѣдкѣ, пожилой сухощавой барышнѣ съ блѣднымъ лицомъ, въ очкахъ, прикрывавшихъ глаза, въ которыхъ застыло выраженіе какого-то постоянного испуга и удивленія.

— Изволили, сударыня, быть у преподобнаго?—спрашивалъ юркій старичекъ-богомольецъ.

Барышня пугливо посмотрѣла на него, подумала и, какъ бы убѣдившись, что старичекъ не представляетъ для нея опасности, милостиво отвѣтила:

— Да-да... была у преподобнаго...

— А теперь куда изволите направлять стопы своя?

— Ъду въ Саровъ... да-да...

— Въ первый разъ направляетесь въ святую обитель?

— Два раза... да-да... дважды удостоилась...

— Доброе дѣло! пользительно и для души, и для тѣла... Изволили погружаться въ цѣлебный источникъ?

— Да-да... И знаете ли,—вдругъ оживилась барышня:—какое явленіе было тамъ со мною!..

— Явленіе?.. во снѣ, или въ дневномъ бдѣніи?..

— Да нѣтъ... Никакого явленія свыше я не удостоилась... А было вотъ что со мною: когда я въ первый разъ вошла въ святой источникъ, то сразу почувствовала такое сладостное ощущеніе, такую легкость, пріятность... изумительно!.. Какъ только я одѣлась, меня опять потянуло въ святой источникъ... Я снова пошла въ воду... и представьте: минуты не могла пребыть въ водѣ!.. Холодъ такой, что дрожала и едва выскочила...

— Переборщили, сударыня, видимое дѣло—переборщили!—авторитетно заявили страпникъ:—и съ благодатью надо обращаться умѣючи... Вотъ со мною какой случай былъ на старомъ Аѳонѣ... расскажу вамъ... поучительно!..

— Вы и на старомъ Аѳонѣ были!.. счастливецъ!.. а намъ нельзя тамъ быть...

— Можно, сударыня, можно!—пробасилъ дьяконъ, весело улыбаясь:—аѳонскіе старцы додумались, какъ обойти запрещеніе насчетъ женскаго пола...

— Вы шутите?—прошептала барышня, покраснѣвши.

— Нисколько! Газеты недавно сообщали, какъ одинъ аѳонскій старецъ, изъ русскихъ, вернулся на святую гору въ сопровожденіи молодого и красиваго послушника... Ну, извѣстно, другихъ святыхъ старцевъ зависть одолѣла... Стали слѣдить, присматриваться къ смазливому послушнику... и что же? оказалась переодѣтая женщина... ха-ха-ха!

Барышня совсѣмъ переконфузилась. На выручку ей поспѣшилъ отецъ протопопъ. Онъ строго погрозилъ дьякону перстомъ и внушительно замѣтилъ:

— Не вольнодумничай, дьяконъ!.. не соблазняй вѣрующихъ!.. Грѣхи брата своего надо прикрывать, а не обнаруживать ихъ...

— Помилуйте, отецъ протопопъ! Это не моя выдумка, а въ газетахъ читаль...

— Мало ли, что пишутъ тамъ... А ты сейчасъ и ляпнулъ всенародно... смущаешь народъ!..

— Я по простотѣ...

— Вотъ и бѣда съ вашею простотою... Изволили, сударыня,—обратился вдругъ протопопъ къ барышнѣ:—читать сочиненія г. Лѣскова?

— Кое-что читала, батюшка... да-да... «Соборянь» читала...

— Вотъ-вотъ! именно въ «Соборянахъ» сочинитель вывелъ дьякона Ахиллу...

— Помню... симпатичный дьяконъ...

— Это вѣрно, но сколько въ немъ простоты, наивности, необдуманности и какой-то необузданности, неудобной въ духовномъ чинѣ...

— Мы—артисты!—выпалилъ вдругъ дьяконъ.

— Что? что? что ты сказалъ?!—раскнипятился протопопъ,— ахъ ты, безпутный! Экое слово брякнулъ!.. «Артисты»!.. ахъ, дьяконъ-дьяконъ!.. Служитель святого алтаря—и вдругъ «артистъ». За такой грѣхъ ты заслуживаешь эпитетіи...

— Позвольте, отецъ протопопъ! Вѣдь у насъ и у артистовъ—голосъ на первомъ планѣ...

— Молчи ты, непутный!.. вотъ возьму и напишу вашему преосвященному, какіе у него есть дьяконы-вольнодумцы!..

— Простите, отецъ протоіерей!..—смирненно молилъ верзилла дьяконъ маленькаго протопопа, кланяясь ему земно.

— Ну-ну! Богъ съ тобою!.. Какъ пріѣдешь домой, положи за «артистовъ» тысячу поклоновъ, а другую тысячу за аѳонскихъ старцевъ... Это будетъ тебѣ полезно: ишь-ты, какой большой да крупный уродился!..

— Слушаю-съ... будетъ исполнено въ точности... простите!..

И дьяконъ отошелъ подальше, боясь снова попасть въ передѣлку отца протоіерея. Послѣдній обратился къ барышнѣ:

— И вотъ, сударыня, сколько я наблюдалъ на своемъ долгомъ вѣку—почти всѣ наши дьяконы болѣе или менѣе приближаются къ Ахиллѣ г. Лѣскова... живой и доселѣ типъ!..

Не успѣла барышня отвѣтить протопопу, какъ дверь съ платформы съ шумомъ растворилась и въ залу влетѣлъ громаднаго роста дѣтина въ опоркахъ и рваномъ платьѣ, безъ шапки, съ вкоченной головой и лохматой бородой, съ избитымъ лицомъ—въ синякахъ, кровоподтекахъ, царапинахъ. Глаза его горѣли, онъ тяжело отдувался и энергично размахивалъ сжатыми кулаками.

Народъ шарахнулся отъ него и давалъ дорогу оборванцу, направлявшемуся къ кассѣ. Дѣтина зычно кричалъ, расталкивая подвернувшихся:

— Пропусти!.. не подходи!.. я бѣшенный!.. бѣшенный!..

Бабы ахали и причитали. Маленькій протопопъ приподнял рясу и быстро засеменилъ къ выходу. Многіе послѣдовали его примѣру. Барышня схватилась обѣими руками за старичка-странника и поволокла его въ уголъ, гдѣ и затаилась, не отпуская отъ себя непредвидѣннаго защитника.

Одинъ дьяконъ не растерялся и съ любопытствомъ поглядывалъ на «бѣшенаго», затѣмъ двинулся къ босяку, размашисто шагавшему къ кассѣ, около которой было теперь пусто. Подойдя къ ней, босякъ принялся колотить кулаками въ запертое оконце и кричать:

— Отвори!.. сей минутъ отвори!.. на то расшибу!.. я бѣшенный!..

Дьяконъ вспыхнулъ, подскочилъ къ оборванцу и крикнулъ:

— Что тутъ безобразничаетъ!.. видишь—касса еще заперта... и почище тебя люди дожидаются...

— А я не желаю!.. мнѣ подавай сейчасъ!.. Эй, слышь, отворяй! подавай билетъ!.. не то пропью деньги!.. Я бѣшенный!..

— Пошелъ вонъ!.. Жди, когда откроютъ кассу...—кипятился дьяконъ, засучивая рукава и, очевидно, готовый вступить въ единоборство съ босякомъ.

— Не подходи, попь, убью!.. я бѣшенный!..—оралъ оборванецъ, продолжая неистово колотить въ кассу.

Дьяконъ выходилъ изъ себя, негодуя на нахальство босяка и трусость разбѣжавшейся публики, и уже готовился схватить «бѣшеннаго» за шиворотъ, но въ этотъ моментъ раскрылось окошко кассы, и оттуда боязливо выглянуло блѣдное, перепуганное лицо кассира, робко спросившаго:

— Вамъ куда билетъ?

— Въ Москву... Живо подавай, не то расшибу!.. я бѣшенный!..

— Извольте...

— Бери деньги!.. живо!..

И онъ высыпалъ кучу мѣдяковъ. Не считая, кассиръ сгрѣбъ деньги и захлопнулъ оконце.

«Бѣшенный» зажалъ билетъ въ кулакъ и зашагалъ къ выходной двери. Столкнувшись со сторожемъ, крикнулъ:

— Погоди давай третій звонокъ: Петръ Ѳедоровъ еще не сѣлъ!..

— Ладно, Петръ Ѳедоровъ!—флегматично отвѣтилъ сторожъ:— и поѣзда нѣтъ, а ты хлопчешь о третьемъ звонокѣ...

Но «бѣшенный» не слушалъ его и вылетѣлъ на платформу, дико блуждая глазами въ поискахъ поѣзда.

Публика поуспокоилась и стала вновь собираться у кассы, гдѣ негодующе гремѣлъ дьяконъ:

— Настоящіе бараны!.. обробѣли передъ босякомъ!.. васъ сотня наберется, а одного пропойцы испугались... баранье стадо!..

— Ты, отецъ, чтой-то больно расходился...—запротестовала жирная купчиха,—можетъ, онъ въ самъ-дѣлѣ бѣшенный?! еще перекусаетъ... а наше женское дѣло...

— Да я не про бабъ толкую, а вотъ про нихъ: по обличью какъ будто мужчины, а разбѣжались, словно зайцы...

— А насъ это не касающее... дѣло полиціи...—огрызнулась какая-то чуйка.

— Нѣтъ, врешь!—гремѣлъ дьяконъ:—всѣхъ тутъ дѣло касалось... Нельзя молчать, когда видишь безобразіе... И если бы вы всѣ запротестовали—не посмѣлъ бы онъ безобразничать... и безъ полиціи мы усмирили бы его...

— Много ноне развелось этихъ безобразниковъ... всѣхъ не усмиришь,—замѣтилъ крестьянинъ.

— И больше ихъ разведется,—говорилъ дьяконъ:—и сядутъ они вамъ на шею и будутъ верховодить вами... по Сенькѣ и шапка!..

— Вѣрно, отецъ дьяконъ, вѣрно!—заговорилъ старичекъ-страпникъ:—много ноне развелось этой нечисти и еще больше расплодится, по грѣхамъ нашимъ... Послѣднія времена наступаютъ, какъ предречено святыми отцами...

Дьяконъ махнулъ рукой и подошелъ къ кассѣ, около которой уже красовался молодцоватый и франтоватый жандармъ, явившійся тогда, когда въ немъ не было никакой нужды..

V.

Сходка.

Большая изба сельскаго старосты с. Взопрѣловки биткомъ набита мужиками, собранными членомъ крестьянскаго банка для оформленія сдѣлокъ по покушкѣ ими земли у мѣстнаго помѣщика и у одного крестьянина-собственника. За столомъ помѣстились членъ банка, управляющій помѣщика, сельскій и церковный старосты.

Послѣдній продавалъ крестьянамъ свою землю, но противъ желанія и на очень тяжелыхъ условіяхъ. За тридцать десятинъ заплатилъ онъ три тысячи, а тепѣрь мужики отбираютъ у него этотъ лакомый кусокъ, съ лѣсомъ и рѣчушкой, всего за триста рублей... И онъ далъ согласіе на эту незаконную и разорительную для него сдѣлку, и не могъ иначе поступить.

Онъ злобно поглядывалъ на мужиковъ, принудившихъ его къ обидной сдѣлкѣ, и вспоминалъ весь ходъ дѣла. Золь Адриановъ на весь свой міръ, а особенно на отставнаго солдата Никешку, недавно вернувшася съ войны. Отъ него пошло все зло... Онъ привезъ откуда-то «листки» насчетъ «земли и воли» и, толкуя ихъ, прибавлялъ въ поясненіе, что «царь далъ мужикамъ свободу на три года: дѣлайте, моль, ребята, что хотите, а я погляжу, что изъ того выйдетъ».. И Никешка совѣтовалъ мужикамъ «не зѣвать: всякое начальство похерить, податей не платить, а первымъ дѣломъ отобрать у богачей всю землю задаромъ»..

Усомнились было мужики въ такой благодати, но Никешка клялся, что «прошелъ скрозь всю Рассею, и вездѣ мужикъ поднимается и дѣлаетъ все, что ему угодно, какъ разрѣшила царская свобода, отпущенная мужику на три года»... Никешка грозилъ, что «если-де мужики запоздають, то ничего не получатъ, а черезъ три года снова повернуть къ помѣщикамъ въ рабство»...

Всполошились мужики Взопрѣловки и первымъ дѣломъ потребовали, чтобы Адриановъ отдалъ міру даромъ свою купленную

землю. Не вѣрилъ онъ ни листкамъ, ни рѣчамъ Никешки, по не могъ устроить противъ вѣяній надвигавшейся смуты. Старая власть какъ-то вдругъ ступевалась, куда-то запряталась, растаяла, а на ся мѣстѣ выдвинулась какая-то новая сила, и такая властная, повелительная, какъ будто могучая... А вдругъ она возьметъ верхъ?! опасно ей противиться!..

И эти новыя вѣянія, и угрозы Никешки съ товарищами, и настойчивость міра сдѣлали то, что Адриановъ волею-неволею уступилъ міру, еле-еле добившись уплаты трехсотъ рублей за землю, стоившую три тысячи.

Между тѣмъ смута стала затихать. Толки о «даровой землицѣ» замирали, и взопрѣловцы вели переговоры о покупкѣ помѣщичьей земли «по-божескимъ», т. е. по пониженнымъ ими до послѣдней степени цѣнамъ. Прибыль членъ крестьянскаго банка и сталъ ладить обѣ сдѣлки—съ помѣщикомъ и Адриановымъ.

Пока сельскій писарь, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, писалъ приговоры, подъ наблюденіемъ управляющаго-помѣщика и стариковъ, членъ банка бесѣдовалъ съ мужиками.

Къ столу протискались двое стороннихъ мужиковъ изъ сосѣдняго села—кряжистый старикъ и молодой парень, представители «отцовъ» и «дѣтей». Послѣдній ассистировалъ, а рѣчь держалъ старикъ.

Онъ мотнулъ головой по адресу чиновника:

— Дозволь, ваше благородіе, слово молвить... Мы изъ Горѣлова... насчетъ, значить, земли...

— Покупаете, что ли, землю?

— Оно земля-то наша... покопъ вѣку мы надъ нею работали, потомъ своимъ ее поливали... И родителю Иванъ Николаича, и дѣдамъ его, и прадѣдамъ служили рабами... по всѣмъ правамъ земля наша!..

— Какого Ивана Николаича?

— А г. Берсенева... Обижаетъ онъ насъ... хочетъ по міру пустить!.. Ужъ мы къ твоей милости! Заступись за насъ!..

Гомонъ мужиковъ въ избѣ затихъ. Всѣ стали прислушиваться къ рѣчамъ горѣловскаго посла и, видимо, относились къ нимъ иронически. Послышались нелестныя для мужика замѣчанія.

Старикъ сердито оглянулся на мужиковъ и продолжалъ клянчить:

— Заступись, ваше благородіе!.. не дай насъ въ обиду!..

— Какая обида?

— Земля-то по всѣмъ правамъ наша... Даромъ заполучить се намъ слѣдуетъ...

— Просите помѣщика, можетъ быть, и подарить,—улыбнулся членъ.

— Что ты! и слушать не хочетъ... Не токмо что даромъ, а и продать намъ не хочетъ... Оно точно—земля наша, по всѣмъ правамъ...

А обижать Иванъ Николаича не желаемъ: готовы заплатить ему* по божескимъ цѣнамъ—рубликовъ по пяти за десятину... А може онъ и скостить что намъ... Народъ мы бѣдный!..

Въ толпѣ захохотали и послышались голоса:

— Не слухай, баринъ, старика!.. Горѣловцы—первые по округѣ люди, самые богатые... земли у нихъ пропасть, а жады до нея... Вретъ дѣдъ Зосима!..

Зосима злобно закричалъ:

— Чего вы разорались!.. не съ вами говорю!.. не ваше дѣло!..

— Самое наше дѣло!—перебилъ сельскій староста.—Г. Берсенева точно не хочетъ продавать вамъ землю, а готовъ продать другимъ нуждающимся обществамъ... А бѣднѣ насъ по всей округѣ не сыщешь... Вотъ мы справимся съ первой покупкой, а тамъ и до берсеневской земли доберемся...

Зосима затопалъ ногами, выругался скверно и завизжалъ:

— Наша земля!.. не пустимъ васъ!.. суньтесь-ко!..

— Успокойся, старикъ!—возвысилъ голосъ чиновникъ.—Не безобразничай въ чужомъ домѣ! не то уходи...

Зосима утомился и продолжалъ болѣе спокойно:

— Ваше благородіе! да нешто такъ можно?! Наша, значитъ, земля, по всеѣмъ правамъ... а тутъ эти... взопрѣловцы усядутся на ней?!..

— Вполнѣ это возможно, разъ земля не ваша... Берсенева волею продать ее, кому хочетъ...

— Да мы хоть сейчасъ деньги на столъ: по пяти цѣлковыхъ, значить... а може и скостить еще?!..

— Можетъ быть,—усмѣхнулся членъ,—если вы такъ любы сму...

— Гдѣ тамъ!.. осерчалъ онъ малость на насъ...

— А ты, Зосима, объясни г. члену,—замѣтилъ управляющій:—за что это г. Берсенева «малость осерчалъ» на васъ?.. А недавно вы сами иначе не называли его, какъ «благодѣтелемъ»...

— Ужъ точно, благодѣтелемъ былъ для нихъ Берсенева!—воскликнулъ староста.—Надѣльной земли столько отвалилъ имъ, что и доселѣ у нихъ приходится на душу по десяти десятинъ. И лѣсомъ ихъ надѣлилъ, и луга залвные отвелъ, и берегъ рѣчки... Двуклассное училище построилъ и содержитъ на свой счетъ. Церковь заново перестроилъ и расширилъ. Да мало ли что дѣлалъ для нихъ, чертей!.. А општо какими свиньями предъ нимъ оказались!..

— Извѣстно...—промямлилъ Зосима:—ребята малость покуралесили...

— Неча на однихъ ребята клепать!—огрызнулся молодой горѣловецъ:—чай не одни ребята валили берсеневскую рощу, а и вы, старикъ, были съ ними заодно...

— Да вѣдь роща-то какая была!—воскликнулъ управляющій:—чисто дубовая, вѣковая!.. попадались дубки въ два-три обхвата...

— Такихъ-то мало было,—перебилъ Зосима:—а вѣрно: лѣсъ хорошій, ровный... Да что жъ! ничѣмъ, почитай, мы и не попользовались: все отобрала полиція... Зря свели рощу... и трудъ нашъ пропалъ... Да еще оштрафуютъ, да въ каталажку засадятъ...

— Да, дурака сваяли,—смѣялся членъ:—и не стыдно вамъ, Зосима?

— Что дѣлать! такая ужъ слабость ноне пошла... Мы ужъ и не рады... Такъ какъ же будетъ наше дѣло?

— Помиритесь съ г. Берсеновымъ...

— Какъ ялись мы уже передъ нимъ, а онъ говорить: «и глядѣть-то на васъ, подлецовъ, не хочу!..» повернулся и ушелъ... А нешто нельзя его заставить?

— Нельзя!.. никого нельзя силкомъ тянуть къ сдѣлкѣ... дѣло добровольно съ обѣихъ сторонъ...

При этихъ словахъ Адриановъ, внимательно все слушавшій, встрепенулся, повеселѣлъ и собирался что-то спросить у члена, но его перебилъ оборванный мужиченка, протискавшійся къ столу. Онъ закричалъ члену:

— Какъ нельзя заставить?!.. Вотъ у насъ въ Пьянцовѣ сидитъ въ усадьбѣ шельма... владеетъ уймаи земли!.. тыщи десятинъ у ней!.. а мы съ голоду пухнемъ...

— Да съ водки...—перебилъ управляющій.—Недаромъ и сельцо то ваше прозвано Пьянцовымъ: первые пропойцы на весь уѣздъ... Сколько ни давай вамъ земли—всю пропъете!..

— Это ужъ наше дѣло!—огрызнулся пьянцовецъ и обратился къ члену:

— Выходитъ, значить, нельзя отобрать землю у нашей шельмы?

— Безъ ея согласія нельзя даже и купить у нея земли, а силкомъ отбирать ни у кого ничего нельзя... Собственность неприкосновенна!

— Значить,—радостно воскликнулъ Адриановъ —и моя собственность неприкосновенна?

— Разумѣется...

— Есть такой законъ?

— Есть и не отмѣненъ.

— И безъ моего желанія мужики не могутъ купить мою собственную землю?

— Никакого права не имѣютъ...

Адриановъ стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

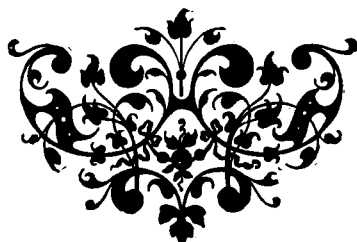
— Такъ нѣтъ моего согласія продавать вамъ свою землю!.. ншъ, черти, что задумали!.. ограбить меня хотѣли!.. Эй, писарь! рви договоръ!.. пиши новый—съ однимъ помѣщикомъ... А моего согласія

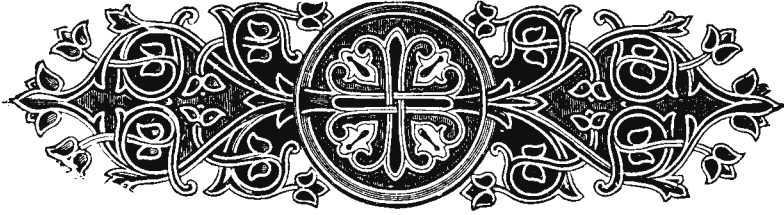
пѣть!.. собственность неприкосновенна!.. Спасибо, ваше благородіе, что выручили меня изъ бѣды!.. вѣкъ не забуду... счастливо оставаться!

И счастливый Адріановъ бросился вонъ изъ избы... Мужики набросились на Никешку и всячески ругали за превратныя толкованія насчетъ собственности... Никешка поспѣшилъ удрать, опасаясь заслуженной имъ потасовки отъ разъяренныхъ мужиковъ... Сходка стала расходиться.

Н. Оглоблинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

УБИЙСТВО П. А. СТОЛЫПИНА ¹⁾.

—
X ²⁾.

МЕРТНЫЙ приговоръ надъ Богровымъ не удовлетворилъ общественнаго мнѣнія. Убийство П. А. Столыпина попрежнему продолжало волновать Россію, такъ какъ существовали серьезныя предположенія, что въ террористическомъ актѣ принималъ участіе не только Богровъ, а революціонная группа, причѣмъ убійство было заранѣе строго обдуманно. Циркулировали различныя версіи, одна другой фантастичнѣе, и для разслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ, приведшихъ къ событію 1-го сентября, по высочайшему повелѣнію назначена была сенаторская ревизія, возложенная на сенатора Трусевича.

Черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія на премьер-министра сенаторъ Трусевичъ съ отрядомъ чиновъ судебного вѣдомства и министерства внутреннихъ дѣлъ прибылъ въ Кіевъ и приступилъ къ разслѣдованію. Сенаторъ допросилъ рядъ лицъ-очевидцевъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ организаціи охраны во время августовскихъ торжествъ, причѣмъ ему удалось выяснитъ

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХV, стр. 960.

²⁾ Въ началѣ очерка я заявилъ, что сдѣлаю попытку систематизировать весь относящійся къ дѣлу матеріалъ и рассказать въ строго объективной формѣ, на основаніи вполне проверенныхъ данныхъ, въ значительной своей части извлеченныхъ изъ официальныхъ документовъ, весь ходъ событій, приведшихъ къ ужасной трагедіи перваго сентября 1911 года. Къ сожалѣнію, полностью я не могъ осуществить свою задачу по нѣкоторымъ независящимъ условіямъ. Очевидно, еще не настало время для опубликованія всѣхъ матеріаловъ, хотя и строго проверенныхъ и извлеченныхъ изъ официальныхъ документовъ.

А в т

много чрезвычайно интересных обстоятельств, хотя и косвенных, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма серьезныхъ, повлекшихъ за собою лишеніе жизни премьеръ-министра.

Сенаторъ установилъ въ отношеніи дѣятельности подполковника Кулябка слѣдующее: расходуя сравнительно съ другими охранными отдѣленіями на секретную агентуру громадныя денежныя средства, Кулябко не имѣлъ ни одного сколько-нибудь солиднаго сотрудника, который могъ бы освѣщать дѣятельность мѣстныхъ революціонныхъ партій. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ департамента полиціи представлялось неопровержимымъ, что социаль-демократическая организація въ Кіевѣ была одной изъ сильныхъ въ имперіи; проявлялъ усиленную дѣятельность и «бундъ» (какъ это видно было изъ отчета делегата на заграничной конференціи въ Копенгагенѣ). На все это департаментомъ полиціи своевременно обращалось вниманіе, и подполковнику Кулябку предписывалось озаботиться учрежденіемъ надлежащей агентуры и возможно скорѣйшею ликвидаціею этихъ преступныхъ партій. Цѣлый рядъ указаній, сдѣланныхъ Кулябкомъ въ этомъ направленіи, не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій. Такое положеніе дѣла вызвало со стороны особаго отдѣла по политической части представленіе доклада бывшему тогда товарищемъ министра Курлову, который распорядился вызвать Кулябка въ Петербургъ для объясненій. Курловъ потребовалъ отъ Кулябка свѣдѣній по каждой революціонной партіи, а также указать мотивы, почему его сотрудники, получая огромныя вознагражденія, не доставляютъ никакихъ свѣдѣній. На эти вопросы Кулябко удовлетворительныхъ объясненій дать не могъ, утверждая, что въ Кіевѣ отсутствуютъ революціонныя организаціи. Однако это опровергалось какъ фактомъ изданія кіевской социаль-демократической организаціей печатныхъ прокламацій, такъ и помѣщеніемъ въ заграничныхъ нелегальныхъ изданіяхъ отчета кіевской организаціи, устанавливавшего существованіе въ Кіевѣ городского комитета, 10 или 12 отдѣльныхъ кружковъ, коллегіи пропагандистовъ студенческой фракціи, подчиненной комитету, и прекрасно оборудованной типографіи, ежемѣсячно издающей прокламаціи. Тогда же Курловъ предложилъ Кулябку немедленно принять мѣры къ упорядоченію политическаго розыска, но приказаніе это, конечно, не было исполнено. Такое положеніе, какое существовало въ кіевской охранкѣ, представлялось исключительнымъ. Сотрудники, работавшіе при Кулябкѣ, получали высокіе оклады, но не давали никакихъ свѣдѣній; агентура, находившаяся подъ наблюденіемъ завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ Демидюка, правда, обходилась довольно дешево, но оказалась невѣроятно слабой. Кулябко игнорировалъ требованія департамента полиціи, на многіе запросы го совершенно не отвѣчалъ, несмотря на неоднократныя повторенія, доходившія до десяти разъ.

Послѣ покушенія на П. А. Столыпина, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, вице-директоромъ департамента полиціи Виссаріоновымъ была произведена ревизія кievскаго охраннаго отдѣленія, которая также установила массу безпорядковъ въ дѣло-производствѣ охранки.

Секретарь директора департамента полиціи Веригинъ, также благодаря своимъ личнымъ отношеніямъ къ генералу Курлову, былъ рѣзко выдвинутъ по службѣ, повышенъ въ окладѣ содержанія и назначенъ по ордеру исполняющимъ обязанности вице-директора, не будучи даже чиновникомъ особыхъ порученій 4-го класса, что считалось необходимымъ для такого назначенія, причемъ въ его завѣдываніи осталась та же секретарская часть, дополненная дѣлами личнаго состава департамента, архивомъ и регистраціоннымъ отдѣломъ. Надобности въ такомъ отдѣлѣ не представлялось, и при вступленіи въ должность новаго министра Макарова этотъ отдѣлъ былъ упраздненъ. При бывшемъ директорѣ Трусевичѣ Веригинъ былъ скромнымъ исполнителемъ даваемыхъ ему распоряженій и не выходилъ изъ рамокъ предоставленной ему должности. Съ назначеніемъ товарищемъ министра Курлова Веригинъ рѣзко измѣнилъ свои отношенія къ сослуживцамъ и сталъ играть видную роль, опираясь на расположеніе къ нему генерала Курлова. Послѣдній всегда отличалъ Веригина по службѣ, посылалъ его въ командировки и испрашивалъ для него, не въ примѣръ другимъ служащимъ, повышения и награды. Благодаря близости съ Курловымъ, давнишнему съ нимъ знакомству, Веригинъ занималъ въ департаментѣ исключительное положеніе, а это отражалось на отношеніяхъ его съ сослуживцами. Многіе боялись Веригина, опасаясь навлечь на себя его неудовольствіе въ виду возможности невыгодныхъ по службѣ послѣдствій...

Расположеніе генерала Курлова къ Кулябку переходило всякія границы. Такъ, на другой день послѣ покушенія прокуроръ судебной палаты Чаплинскій и прокуроръ окружнаго суда Брандорфъ обратились къ Курлову съ просьбой устранить Кулябка отъ участія въ розыскахъ по дѣлу о покушеніи на статсъ-секретаря П. А. Столыпина, такъ какъ Кулябка, продолжая исполнять обязанности начальника охраннаго отдѣленія, производилъ въ городѣ много безрезультатныхъ обысковъ, не сообщивъ о нихъ прокурорской и слѣдственной власти. На это генералъ Курловъ отвѣтилъ, что онъ предполагаетъ перевести Кулябка куда-нибудь изъ Кіева, но сейчасъ не считаетъ это возможнымъ сдѣлать, «чтобы не подумали, что переводъ его связанъ съ преступленіемъ Богрова, чтобы не имѣло вида, что онъ ставитъ Кулябку въ вину покушеніе на Столыпина». Курловъ между прочимъ заявилъ Чаплинскому и Брандорфу, что все происшедшее онъ приписываетъ несчастной случайности, отъ которой не гарантированы лучшіе исполнители служеб-

наго долга, и во всякомъ случаѣ онъ принимаетъ на себя всю отвѣтственность за дѣйствія Кулябка. Однако послѣ продолжительной бесѣды съ чинами прокурорскаго надзора Курловъ согласился временно устранить Кулябка отъ должности и исполненіе его обязанностей передалъ начальнику губернскаго жандармскаго управленія. Любопытно, что Курловъ самъ просилъ прокурора судебной палаты дать Кулябку свиданіе наединѣ съ Богровымъ, ибо только этимъ путемъ Кулябку удастся «въ силу предшествовавшихъ близкихъ отношеній его съ Богровымъ» получить отъ него правдивыя и цѣнныя свѣдѣнія относительно совершеннаго террористическаго акта. На эту просьбу прокуроръ судебной палаты сначала отвѣтилъ согласіемъ, но затѣмъ, послѣ обсужденія, рѣшилъ свиданія Кулябку не давать, о чемъ доложилъ прибывшему въ Кіевъ министру юстиціи Щегловитову.

XI.

Сенаторомъ Трусевичемъ были установлены и слѣдующіе любопытные эпизоды.

29-го августа за 20 минутъ до прибытія въ Кіевъ высокихъ гостей противъ зданія присутственныхъ мѣстъ на площади разѣзжалъ какой-то всадникъ. Чины охраны потребовали удалиться, но онъ сталъ возражать и тогда былъ удаленъ силою конныхъ жандармовъ. Выяснилось, что всадникъ былъ Богровъ.

1-го сентября, во время параднаго спектакля въ городскомъ театрѣ, когда уже началось представленіе, въ вестибюль съ площади вошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ, державшій въ рукѣ билетъ. Дежурившій здѣсь офицеръ А. А. Гинсбургъ категорически отказался впустить его въ театръ и оттѣснилъ его къ самымъ дверямъ. Тогда молодой человѣкъ сталъ возражать и потребовалъ пригласить подполковника Кулябка. Во время разговора подошелъ Кулябко и, узнавъ, что его не пускаютъ въ театръ, самъ провелъ его во внутреннее помѣщеніе театра.

1-го сентября, около 9 часовъ вечера въ началѣ спектакля, недалеко отъ кофейни «Франсуа» филеры взяли въ наблюденіе молодого человѣка. Дежурившій въ этомъ районѣ жандармскій офицеръ Темниковъ приказалъ агенту показать ему наблюдаемаго и узнать его кличку. Не рѣшаясь сдѣлать какихъ-либо распоряженій, «чтобы не сорвать» наблюденіе, Темниковъ отправился въ театръ спросить подполковника Кулябка. Послѣдній приказалъ подробно разузнать объ этомъ случаѣ и доложить ему въ кофейнѣ «Франсуа», куда онъ направляется. Вторично осмотрѣвъ взятаго подъ наблюденіе молодого человѣка, Темниковъ описалъ Кулябку его примѣты и костюмъ. Тогда Кулябко сдѣлалъ видъ, что лицо это ему извѣстно, и предложилъ установить, откуда приведенъ наблюдаемый. Послѣ по-

кушенія на П. А. Столыпина жандармы и полиція удалили публику съ тротуаровъ. Обезпокоенный, что взятый въ наблюдение молодой человѣкъ является однимъ изъ участниковъ совершеннаго террористическаго акта, Темниковъ немедленно разыскалъ агента Соловьева, который наблюдалъ за нимъ. Отъ Соловьева Темниковъ узналъ, что наблюдаемый утерянъ. Спустя немного времени, онъ былъ снова обнаруженъ и тогда уже арестованъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это лицо инженеръ, принимавшій участіе въ качествѣ представителя технического надзора въ комиссіи, осматривавшей зданіе городского театра, и что онъ ошибочно былъ взятъ въ наблюдение филерами.

2-го сентября приставъ Дворцоваго участка получилъ ордеръ за подписью Кулябка о производствѣ обыска у буфетчика, служившаго у генераль-губернатора и проживавшаго въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Буфетчикъ этотъ былъ человѣкъ преклоннаго возраста и, по свѣдѣніямъ полиціи, вполне благонадежный въ политическомъ отношеніи. Стѣснясь исполнить порученное приказаніе и произвести обыскъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ, участковый приставъ по телефону доложилъ объ этомъ Кулябку. Послѣдній предложилъ ему тогда подождать съ производствомъ обыска и обѣщаль сообщить о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ. Однако никакихъ распоряженій затѣмъ Кулябко не сдѣлалъ, и ордеръ объ обыскѣ остался такимъ образомъ не использованнымъ.

1-го сентября вечеромъ, около 10 часовъ генераль Курловъ по телефону экстренно вызвалъ инспектора почтъ и телеграфовъ Н. Н. Довяковскаго въ городской театръ. Довяковскій въ театрѣ узналъ отъ одного изъ жандармскихъ офицеровъ, что Курловъ поручилъ Кулябку и Веригину передать ему важныя распоряженія. Веригинъ и Кулябко въ это время ожидали Довяковскаго въ кофейнѣ «Франсуа» противъ театра (это было во время параднаго спектакля). Тамъ они передали Довяковскому отъ имени Курлова распоряженіе о необходимости немедленно установить наблюдение за телефономъ № 609, причемъ фамилія абонента не была указана. Наблюдение сводилось къ тому, чтобы о содержаніи каждаго разговора и о нумерахъ телефоновъ, по которымъ велся разговоръ, докладывалось немедленно непосредственно генералу Курлову или же черезъ Кулябка и Веригина. Распоряженіе это немедленно было исполнено, однако никакихъ разговоръ весь вечеръ по этому телефону не было. Выяснилось, что телефонъ принадлежалъ Богрову.

Прокуроръ кievскаго окружнаго суда Брандорффъ, присутствовавшій на засѣданіи военно-окружнаго суда, сообщилъ сенатору Шульгину, что Богровъ на судѣ измѣнилъ свои первоначальныя объясненія и показалъ, что убійство статсъ-секретаря Столыпина было имъ совершено по требованію парижской группы анархистовъ «Буревѣстникъ». По словамъ Богрова, террористическій актъ онъ

совершилъ почти безсознательно и если бы замѣтилъ кого-нибудь въ проходѣ на своемъ пути, то, вѣроятно, не совершилъ бы преднамѣреннаго преступленія.

Любопытно, что 27-го августа днемъ Кулябко приказалъ ротмистру С. В. Муеву передать всѣ имѣвшіяся у него дѣла ротмистру Ершову, а самому приготовиться къ отъѣзду въ Кременчугъ съ «особой миссіей». На вопросъ Муева, по какому случаю состоится командировка, Кулябко тихо отвѣтилъ: «Командировка очень серьезная, будьте готовы на все». Вечеромъ Муевъ явился въ охранное отдѣленіе для полученія инструкцій по командировкѣ. Кулябко принялъ Муева въ своемъ кабинетѣ и заявилъ ему, что онъ отправляется въ Кременчугъ для выясненія и установленія лица, примѣты котораго: «жгучій брונетъ, имѣетъ средней длины волосы, черные средніе усы и бородку въ формѣ ..... Интеллигентное лицо и удивительно привлекательные глаза, которые останавливаютъ взглядъ всякаго».

Между прочимъ, послѣ того, какъ Богровъ сообщилъ подполковнику Кулябку вымышленныя свѣдѣнія о не существующихъ террористахъ «Николаѣ Яковлевичѣ», «Нинѣ Александровнѣ» и другихъ, у чиновъ охраны возникла мысль, не предполагается ли террористическій актъ со стороны финляндскихъ революціонеровъ. Чины охраны подозрѣвали, что однимъ изъ участниковъ предполагаемаго революціоннаго акта является нѣкій «Тростникъ». По этому поводу были затребованы свѣдѣнія отъ охранныхъ отдѣленій.

Веригинъ отправилъ московскому охранному отдѣленію слѣдующую телеграмму: «Срочно телеграфируйте полковнику Кулябку подробныя примѣты Тростника, наблюдавшагося въ связи съ бѣжавшимъ при арестѣ въ Финляндіи, а также не извѣстно ли вамъ по агентурѣ, гдѣ онъ теперь находится. Вице-директоръ Веригинъ».

Начальникъ петербургскаго охраннаго отдѣленія полковникъ фонъ-Коттенъ, получивъ рядъ телеграфныхъ запросовъ о дѣятельности Рудакова, Кальмановича и другихъ въ Петербургѣ, былъ чрезвычайно удивленъ, что въ телеграммахъ не было никакихъ указаній, что требуемыя свѣдѣнія имѣютъ какое-либо отношеніе къ террористическому выступленію, хотя по установившемуся порядку въ сношеніяхъ охранныхъ отдѣленій между собой принято въ подобныхъ случаяхъ, а въ особенности когда дѣло касается боевыхъ предпріятій, освѣдомлять объ этомъ лицъ, къ которымъ адресованъ запросъ. Хотя въ телеграммахъ не указывалось, что подлежащія провѣркѣ свѣдѣнія исходили отъ Богрова, но изъ содержанія ихъ Коттену было понятно, что они были получены отъ Богрова.

XII.

Въ началѣ 1912 года сенаторская ревизія Трусевича была закончена и всѣ матеріалы, добытые ревизіей, переданы въ первый департаментъ государственнаго совѣта, который постановилъ сообщить о дѣйствіяхъ генерала Курлова, статскаго совѣтника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябка сенату для возбужденія предварительнаго слѣдствія. Предварительное слѣдствіе поручено было сенатору Н. З. Шульгину, который, въ качествѣ представителя высшей слѣдственной власти, истребовалъ всѣ дѣла и документы, относившіеся къ событію 1-го сентября, отъ судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Фененка, производившаго слѣдствіе о Богровѣ, изъ военно-окружнаго суда, также отъ сенатора Трусевича и другихъ учреждений, и 17-го іюня приступилъ къ производству слѣдствія. Послѣднее длилось нѣсколько мѣсяцевъ, причѣмъ добыты были чрезвычайно важные матеріалы, на основаніи которыхъ сенаторомъ былъ составленъ рядъ постановленій о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ: генерала Курлова, статскаго совѣтника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябка.

Приводимъ въ дословномъ видѣ наиболѣе характерное постановленіе сенатора о генералѣ Курловѣ.

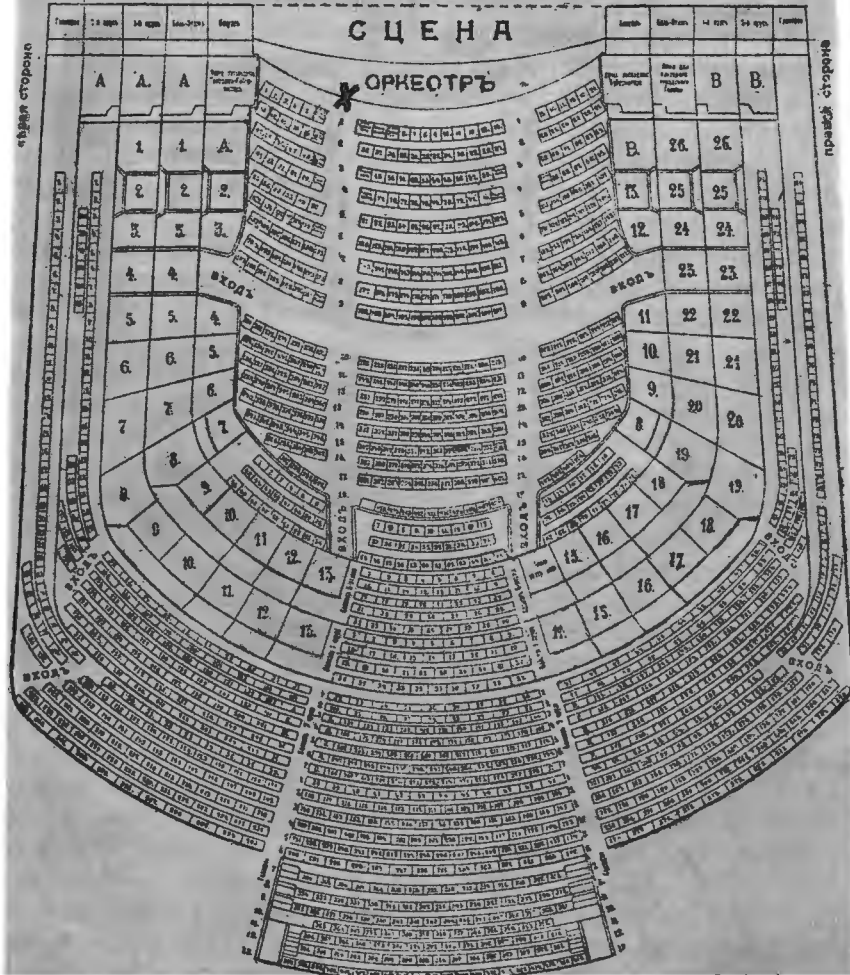
Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и принимая во вниманіе:

1) что противъ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ и командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ, нынѣ отставнаго генераль-лейтенанта Павла Григорьевича Курлова первымъ департаментомъ государственнаго совѣта возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ преступномъ бездѣйствіи власти, имѣющее весьма важныя послѣдствія;

2) . . . . .

3) что показаніями привлеченнаго по настоящему дѣлу къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго бывшаго начальника кievскаго охраннаго отдѣленія, нынѣ подполковника въ отставкѣ Н. Н. Кулябка въ связи съ другими данными предварительнаго слѣдствія представляется въ достаточной мѣрѣ установленнымъ, что по доведеніи названнымъ начальникомъ охраннаго отдѣленія 26-го, 27-го августа и 1-го сентября 1911 года до свѣдѣнія генераль-лейтенанта Курлова о томъ, что бывший помощникъ присяжнаго М. Г. Богровъ, находившійся въ сношеніяхъ съ преступнымъ сообществомъ анархи-

ПЛАНЬ КІЄВСЬКОГО ГОРОДСЬКОГО ТЕАТРА

x — мѣсто, гдѣ стоялъ П. А. Столыпинъ въ моментъ покушенія на него.

стовъ-коммунистовъ и служившій у него, Кулябка, секретнымъ сотрудникомъ, заявилъ ему о намѣреніи боевой группы одной изъ революціонныхъ партій совершить убійство предсѣдателя совѣта министровъ статсъ-секретаря Столыпина и министра народнаго просвѣщенія Кассо во время происходившихъ въ Кіевѣ торжествъ, а затѣмъ о прибытіи въ означенный городъ членовъ этого сообщества для выполненія указаннаго злодѣянія и о нахожденіи одного изъ этихъ злоумышленниковъ въ квартирѣ его, Богрова, причемъ послѣднее заявленіе, какъ оказалось впоследствии, было вымышлено Богровымъ съ цѣлью воспользоваться довѣріемъ къ нему Кулябка и быть допущеннымъ въ мѣста, гдѣ происходили торжества, дабы учинить тамъ убійство статсъ-секретаря Столыпина, онъ, генераль-лейтенантъ Курловъ, въ нарушеніе возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, не принявъ необходимымъ мѣръ, которыя могли быть употреблены имъ въ предѣлахъ данной ему власти и которыми онъ имѣлъ возможность предупредить совершеніе означеннаго злодѣянія, а именно не распорядился объ учрежденіи надзора за личностью самого Богрова и за дѣйствіями послѣдняго, а также объ изслѣдованіи въ квартирѣ Богрова, дѣйствительно ли тамъ находится одинъ изъ прибывшихъ, по его заявленію, въ Кіевъ злоумышленниковъ, причемъ послѣдствіемъ непринятія указанныхъ мѣръ было, какъ необнаруженіе своевременно замышляемаго Богровымъ злодѣянія, такъ и приведеніе симъ послѣднимъ въ исполненіе умысла лишить жизни предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина;

4) что независимо отъ изложеннаго генераль Курловъ тѣми же данными предварительнаго слѣдствія изобличается въ томъ, что, зная изъ сдѣланныхъ ему докладовъ Кулябка, что служившій у него сотрудникомъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго М. Богровъ находился въ сношеніяхъ съ членами преступнаго общества анархистовъ-коммунистовъ, которые, по его заявленію, прибыли въ указанное время въ Кіевъ для совершенія террористическихъ актовъ, въ томъ числѣ убійства статсъ-секретаря Столыпина, и что, несмотря на это, Богрову имѣють быть выданы Кулябкомъ билеты для входа въ мѣста, гдѣ должны были происходить въ Кіевѣ торжества въ высочайшемъ Его Императорскаго Величества присутствіи, а также, будучи освѣдомленъ 1-го сентября 1911 года изъ докладовъ Кулябка, что наканунѣ означеннаго дня Богровъ былъ на торжествѣ, происходившемъ въ саду кіевскаго купеческаго собранія и что Кулябкомъ было предположено допустить его 1-го сентября вечеромъ въ залъ городского театра на назначенное тамъ въ этомъ вечеръ парадное представленіе, онъ, Курловъ, въ нарушеніе возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, не только не воспретилъ выдачи Богрову билетовъ для пропуска на торжества, но и не распорядился объ учрежденіи за Богровымъ, въ случаѣ выдачи ему означенныхъ билетовъ, бдительнаго надзора и принятіи необходимыхъ мѣръ,

дабы удостовѣриться, что онъ не скрывалъ при себѣ оружія или взрывчатыхъ снарядовъ, вслѣдствіе чего Богровъ, имѣвшій при себѣ револьверъ, былъ допущенъ Кулябкомъ 1-го сентября 1911 года въ зрительный залъ кievскаго городского театра на торжественный спектакль и, находясь тамъ безъ всякаго надзора, совершилъ задуманное имъ покушеніе на предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина; и

5) . . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Сенаторъ Н. З. Шульгинъ постановилъ: бывшаго товарища министра и командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ, отставнаго генераль-лейтенанта Курлова привлечь по настоящему дѣлу къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго и предъявить ему обвиненіе въ совершеніи вышеописанныхъ преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ 339 и 2 ч. 341 ст. уложенія о наказаніяхъ.

По поводу предъявленныхъ обвиненій генераль Курловъ далъ слѣдующія объясненія:

«Я не признаю себя виновнымъ въ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ весьма важныя послѣдствія. Въ качествѣ товарища министра, за вѣдывавшаго по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ только дѣлами департамента полиціи, я исполнительной власти надъ подвѣдомственными этому департаменту чинами полиціи не имѣлъ и непосредственное принятіе розыскныхъ мѣръ на моей обязанности не лежало, причеъ я давалъ лишь руководящія указанія по дѣлаемымъ мнѣ докладамъ. Въ виду распоряженія министра, всѣ мѣры по охранѣ принимались мною по соглашенію съ кievскимъ генераломъ-губернаторомъ, генераль-адъютантомъ Треповымъ, который, однако, въ области политическаго розыска никакихъ распоряженій самостоятельно не давалъ и въ это дѣло не вмѣшивался. Утромъ 27-го августа 1911 г. начальникъ кievскаго охраннаго отдѣленія подполковникъ Кулябко, явившись ко мнѣ въ «Европейскую гостиницу», доложилъ, что къ нему пріѣхалъ его старый сотрудникъ Аленскій, который раньше давалъ ему возможность раскрыть нѣсколько серьезныхъ и крупныхъ дѣлъ. По словамъ Кулябка, свѣдѣнія, которыя доставлялъ ему этотъ сотрудникъ, всегда подтверждались до мельчайшихъ подробностей, и Аленскій, имѣя состоятельныхъ родителей, не получалъ постоянно опредѣленнаго вознагражденія, а довольствовался денежными выдачами, которыя онъ, Кулябко, иногда ему производилъ. Характеризуя Аленскаго, Кулябко также добавилъ, что онъ никогда

не привлекался къ дѣламъ политическаго характера и хотя въ послѣднее время не состоялъ у него сотрудникомъ, но въ это время былъ въ Петербургѣ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ начальникомъ мѣстнаго охраннаго отдѣленія полковникомъ фонъ-Котеномъ, съ которымъ, однако, не могъ работать, такъ какъ они въ чемъ-то разошлись. Далѣе, Кулябко мнѣ доложилъ, что, по словамъ Аленскаго, къ послѣднему во время проживанія его на дачѣ близъ города Кременчуга пріѣхалъ извѣстный ему Николай Яковлевичъ, съ которымъ онъ познакомился въ Петербургѣ, будучи въ сношеніяхъ съ группой, въ которой принимали участіе присяжный повѣренный Кальмановичъ и Лазаревъ. Николай Яковлевичъ сообщилъ ему о намѣреніи революціонеровъ совершить въ Кіевѣ серьезный и террористическій актъ въ послѣдніе дни пребыванія тамъ высокихъ гостей. Зная, что Аленскій считался принадлежащимъ къ партіи анархистовъ-коммунистовъ, но никогда не привлекался къ политическимъ дознаніямъ, Николай Яковлевичъ обратился къ нему съ просьбой подыскать въ Кіевѣ квартиру, предполагая, что по своему положенію онъ легко можетъ это выполнить. Кромѣ того, Николай Яковлевичъ просилъ Аленскаго достать моторную лодку для болѣе удобнаго проѣзда злоумышленниковъ изъ Кременчуга въ Кіевъ и добавилъ, что у него есть связи въ департаментѣ полиціи и среди чиновъ петербургской столичной полиціи. При докладѣ, насколько я помню, присутствовали полковникъ Спиридовичъ и статскій совѣтникъ Веригинъ, и вмѣстѣ съ ними я приступилъ къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя представлялось необходимымъ принять, въ виду полученія упомянутыхъ свѣдѣній. Прежде всего было признано необходимымъ поручить начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія установить тщательное наблюденіе за группой Кальмановича и Лазарева и въ случаѣ, если кто-либо изъ принадлежащихъ къ этой группѣ лицъ выѣдетъ по направленію къ югу, сопровождать ихъ наблюденіемъ и немедленно объ этомъ донести. Предполагая изъ содержанія доклада Кулябка, что Аленскій возвратится въ Кременчугъ въ ожиданіи прибытія Николая Яковлевича, я распорядился командировать туда ротмистра Муева для наблюденія за дачей, гдѣ проживалъ Аленскій, и за лицами, имѣющими прибыть въ эту дачу. Особаго распоряженія Кулябку установить наблюденіе за личностью самого Аленскаго я не сдѣлалъ, считая, что такой элементарный пріемъ розыска не можетъ быть упущенъ опытнымъ начальникомъ охраннаго отдѣленія и что наблюденіе за Аленскимъ естественно входило въ кругъ обязанностей ротмистра Муева, а также вытекало само собою изъ сдѣланнаго мною распоряженія наблюдать за дачей Аленскаго и всѣми проживающими въ ней лицами. Узнавъ изъ доклада, что подполковникъ Кулябко предполагалъ предоставить чрезъ посредство Аленскаго

террористамъ, имѣющимъ прибыть въ Кіевъ, помѣщеніе въ квартирѣ вдовы бывшаго писемоводителя охраннаго отдѣленія, я на это не согласился изъ боязни провалить сотрудника, а разрѣшилъ Кулябку подыскать квартиру гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; что же касается предоставленія террористамъ для пріѣзда въ Кіевъ моторной лодки, то это было мною воспрещено. Независимо отъ указанныхъ мѣръ, мною было отдано приказаніе подполковнику Кулябку усилить наблюденіе на вокзалахъ и пристаняхъ въ Кременчугѣ и Кіевѣ за пріѣзжающими лицами. При вышеозначенномъ докладѣ Кулябко ничего не говорилъ мнѣ относительно допущенія имъ Аленскаго въ мѣста посѣщеній высокими гостями и о какихъ-либо соображеніяхъ по этому предмету; высказанное же мною предположеніе о возможности провала для Аленскаго относилось единственно лишь къ той части доклада, въ которой упоминалось о предоставленіи террористамъ помѣщенія въ квартирѣ вдовы служившаго у Кулябка чиновника. На слѣдующій день, 28-го августа, я подробно доложилъ какъ о полученныхъ Кулябкомъ свѣдѣніяхъ, такъ и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ министру внутреннихъ дѣлъ Столыпину, а затѣмъ до 1-го сентября неоднократно спрашивалъ подполковника Кулябка о томъ, не получено ли какихъ-либо новыхъ свѣдѣній; на это онъ докладывалъ мнѣ, что новыхъ свѣдѣній не имѣется, а поступилъ лишь отвѣтъ отъ полковника фонъ-Коттена, что разработка группы Кальмановича и Лазарева никакихъ результатовъ не дала. 1-го сентября утромъ, приблизительно около восьми—деяти часовъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Кулябко, пріѣхавъ ко мнѣ въ гостиницу, доложилъ слѣдующее: поздно ночью прибывшій къ нему Аленскій сообщилъ ему, что неожиданно въ Кіевъ пріѣхала вся группа лицъ, замышлявшихъ совершить террористическій актъ, что объ этомъ онъ узналъ отъ Николая Яковлевича, который явился въ его, Аленскаго, квартиру и временно поселился тамъ, узнавъ, что отецъ Аленскаго находился въ отсутствіи. По словамъ Кулябка, Аленскій также объяснилъ, что ему неизвѣстно, гдѣ остановились въ Кіевѣ другіе злоумышленники, прибывшіе туда вмѣстѣ съ Николаемъ Яковлевичемъ, въ томъ числѣ и женщина, по имени Нина Александровна, которая привезла съ собою бомбу, и что Николай Яковлевичъ имѣетъ при себѣ револьверъ. Свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія остальныхъ злоумышленниковъ Аленскій имѣлъ получить въ тотъ день между двѣнадцатью и первымъ часомъ дня, когда Нина Александровна должна была прійти въ его квартиру для свиданія съ Николаемъ Яковлевичемъ и сообщенія послѣднему дальнѣйшихъ плановъ дѣйствія. Кромѣ сего, Аленскій объяснилъ Кулябку, что по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему Николаемъ Яковлевичемъ, злоумышленники намѣревались совершить покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина

и министра народнаго просвѣщенія Кассо, причеъ на вопросъ его, Аленскаго, почему не имѣется въ виду посягательства на особу Государя Императора, Николай Яковлевичъ отвѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя изъ боязни вызвать еврейскій погромъ. О томъ, что Богровъ наканунѣ означеннаго дня былъ допущенъ на торжество, происходившее въ саду кievскаго купеческаго собранія, подполковникъ Кулябко мнѣ не докладывалъ, а упомянулъ лишь, насколько я теперь припоминаю, что, по словамъ Аленскаго, послѣднему было поручено Николаемъ Яковлевичеъ быть на гуляньѣ въ саду купеческаго собранія съ цѣлью «прослѣдки» министровъ, причеъ Аленскій сказалъ послѣднему, что онъ исполнилъ это порученіе, но не могъ приблизиться къ министрамъ Столыпину и Кассо по случаю тѣсноты. При этомъ поясняю, что разговоръ по поводу посѣщенія Аленскимъ купеческаго сада возникъ вслѣдствіе предложеннаго мною подполковнику Кулябку вопроса о томъ, какимъ образомъ Аленскій объяснилъ Николаю Яковлевичу свое отсутствіе изъ квартиры въ столь поздній часъ, на что Кулябко и отвѣтилъ мнѣ, что Аленскій сказалъ Николаю Яковлевичу, что онъ въ это время былъ въ купеческомъ саду. Кулябко также доложилъ мнѣ, что, по его распоряженію, домъ, въ которомъ проживалъ Аленскій, обставленъ наблюденіемъ пѣшихъ и конныхъ филеровъ подъ начальствомъ завѣдывающаго наружнымъ наблюденіемъ Демидюка. Докладъ въ такой формѣ не возбуждалъ во мнѣ никакого сомнѣнія, что наблюденіе было установлено и за самимъ Аленскимъ, провѣрку же заявленія Аленскаго путемъ посланки агентовъ въ его квартиру я считалъ недопустимой изъ опасенія возбудить подозрѣніе находившагося тамъ злоумышленника и лишиться единственной возможности разработать прибывшую группу террористовъ. При утреннемъ докладѣ мнѣ подполковникомъ Кулябкомъ обстоятельство, о коихъ упомянуто въ предыдущемъ моемъ показаніи, полковникъ Спиридовичъ, какъ мнѣ помнится, не присутствовалъ, такъ какъ въ то время, когда этотъ докладъ имѣлъ мѣсто, онъ находился на маневрахъ; Веригинъ же былъ при этомъ докладѣ, такъ какъ онъ доложилъ мнѣ о прибытіи Кулябка и по окончаніи доклада мною было дано ему распоряженіе отправиться къ министру народнаго просвѣщенія Кассо, чтобы предупредить его о полученныхъ свѣдѣніяхъ и просить не выѣзжать изъ дома иначе, какъ на моторѣ, который, по моему распоряженію, будетъ ему предоставленъ съ чинами охраны. Послѣ ухода подполковника Кулябка я по телефону сообщилъ статсъ-секретарю Столыпину, что имѣю надобность сдѣлать ему серьезный докладъ и прошу его не выѣзжать изъ дому до моего прибытія. Приѣхавъ къ министру Столыпину, я сдѣлалъ ему докладъ и просилъ его не выѣзжать иначе, какъ на моторѣ, который будетъ ему присланъ по моему распоряженію. Министръ неохотно со-

гласился на это и, видимо, не придавая особаго значенія полученнымъ свѣдѣніямъ, приступилъ къ выслушанію моего доклада, который ранѣе былъ назначенъ на этотъ день по разнымъ другимъ дѣламъ, причемъ подписалъ заготовленные всеподданнѣйшіе доклады о вознагражденіи лицъ, командированныхъ на торжества, и въ заключеніе разговора со мною высказалъ, по поводу доложенныхъ свѣдѣній о злоумышленникахъ, что все это не серьезно и что даже если бы была найдена бомба, онъ не повѣрилъ бы этому. При выходѣ въ вестибюль генераль-губернаторскаго дома я встрѣтился съ директоромъ общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія камергеромъ Вестманомъ, который былъ присланъ министромъ Л. А. Кассо для переговоровъ со мною по поводу мѣръ охраны. Я передалъ камергеру Вестману вкратцѣ о содержаніи полученныхъ мною свѣдѣній и просилъ, чтобы министр или совсѣмъ не выѣзжалъ въ этотъ день, или же въ крайнемъ случаѣ выѣзжалъ на предоставленномъ ему моторѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ отъ камергера Вестмана, что министръ ежедневно вынужденъ выѣзжать въ рестораны для завтрака и обѣда, я просилъ устроиться въ этотъ день съ обѣдомъ дома, добавивъ, что за пребываніе министра въ самомъ театрѣ я совершенно спокоенъ, въ виду установленнаго для публики контроля. Изъ генераль-губернаторскаго дома я вернулся домой въ гостиницу приблизительно около полудня. Тотчасъ по прибытіи моемъ ко мнѣ явился Веригинъ и доложилъ, что Аленскій сейчасъ былъ въ гостиницѣ, въ номерѣ его, Веригина, гдѣ сообщилъ, что Нина Александровна въ условленное время не пришла на свиданіе съ Николаемъ Яковлевичемъ и дала знать по телефону, что вся группа прибывшихъ злоумышленниковъ должна встрѣтиться около восьми часовъ вечера на Бибииковскомъ бульварѣ. Я замѣтилъ Веригину, что очень недоволенъ тѣмъ, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло, принимая у себя въ номерѣ секретныхъ сотрудниковъ. Онъ объяснилъ это случайностью, сказавъ, что Аленскій предполагалъ для свиданія съ Кулябкомъ пройти въ номеръ Спиридовича, но не могъ туда попасть, такъ какъ этотъ номеръ былъ запертъ. Въ это время ко мнѣ пришелъ Кулябко и сталъ докладывать то же самое, что вкратцѣ было мнѣ уже доложено Веригинымъ. Во время его доклада, въ точности, когда именно, припомнить не могу, но до завтрака, пріѣхалъ Спиридовичъ. По окончаніи доклада подполковника Кулябка, я приступилъ къ обсужденію мѣръ, которыя касались главнымъ образомъ свиданія на Бибииковскомъ бульварѣ. У меня возникла мысль, что злоумышленники могутъ скрывать многое въ своихъ планахъ отъ Аленскаго и въ послѣднюю минуту на Бибииковскомъ бульварѣ, близко отстоящемъ отъ линіи проѣзда въ театръ, поставить Аленскаго въ необходимость пойти съ ними на линію проѣзда и принять участіе въ совершеніи террористическаго

акта, хотя бы въ качествѣ свидѣтеля, дабы онъ въ это время не могъ имъ измѣнить; и я высказалъ это подполковнику Кулябку. Послѣдній доложилъ мнѣ, что въ этомъ случаѣ Аленскій долженъ предупредить имѣющихъ быть командированными на Бибиковский бульваръ охраны, закуривъ папиросу. Я приказалъ въ этомъ случаѣ арестовать всю группу, — не стѣсняясь провалить Аленскаго. Независимо отъ сего, я спросилъ Кулябка, какимъ образомъ Аленскій въ теченіе времени до восьми часовъ вечера можетъ дать ему знать въ томъ случаѣ, если поступятъ какія-либо новыя свѣдѣнія. Кулябко доложилъ мнѣ, что Аленскій долженъ выйти на балконъ своей квартиры и уронить бумажку, а стоящій во главѣ наблюденія Демидокъ сообщить объ этомъ ему, Кулябку, и онъ пошлетъ въ квартиру Аленскаго одного изъ агентовъ охраннаго отдѣленія, переодѣтаго посыльнымъ съ запиской отъ имени пѣвицы Регины. Въ отвѣтъ своемъ на эту записку Аленскій имѣлъ сообщить новыя свѣдѣнія. Такой планъ доказывалъ мнѣ, что Аленскій не боялся посѣщенія его квартиры агентами охраннаго отдѣленія. Затѣмъ я, при участіи Спиридовича, выработалъ рядъ мѣръ охраны для обезпеченія благополучнаго слѣдованія въ этотъ день высокихъ гостей, обо всемъ я тотчасъ сообщилъ статсъ-секретарю Столыпину по особому телефону и присовокупилъ, что сейчасъ выѣзжаю и на ипподромѣ доложу обо всемъ подробно. По окончаніи маневровъ я доложилъ генераль-адъютанту Дедюлину всѣ подробности сдѣланныхъ мнѣ подполковникомъ Кулябкомъ докладовъ и моихъ распоряженій, а затѣмъ поѣхалъ на ипподромъ, гдѣ сдѣлалъ такой же докладъ статсъ-секретарю Столыпину въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Кассо. Докладъ этотъ составлялъ буквальную передачу того, что я нынѣ показалъ. Здѣсь же на ипподромѣ на мой вопросъ, нѣтъ ли чего новаго, подполковникъ Кулябко отвѣтилъ отрицательно. Послѣ встрѣчи на ипподромѣ я не видѣлъ подполковника Кулябка до перваго антракта во время театральнаго спектакля. Съ ипподрома въ сопровожденіи подполковника Спиридовича я пріѣхалъ въ «Европейскую гостиницу», гдѣ пробылъ очень недолго, и со Спиридовичемъ объѣхалъ весь нарядъ по пути въ театръ, а затѣмъ, подѣхавъ къ театру, остановился около подъѣзда къ генераль-губернаторской ложѣ, приказавъ находившемуся тутъ же полицейскому офицеру, чтобы моторъ, въ которомъ пріѣдетъ въ театръ статсъ-секретарь Столыпинъ, былъ направленъ къ боковому подъѣзду, находившемуся около генераль-губернаторскаго. Порученія подполковнику Кулябку озаботиться выборомъ подъѣзда для статсъ-секретаря Столыпина я не давалъ, и распоряженія по этому предмету не входили въ кругъ его обязанностей. Сдѣлавъ указанныя распоряженія, я вернулся въ театръ. При входѣ въ подъѣздъ театра, я чрезъ боковой подъѣздъ вошелъ въ зрительный залъ и,

проходя мимо статсъ-секретаря Столыпина, находившагося въ первомъ ряду партера около самаго прохода, былъ остановленъ имъ, причемъ онъ мнѣ сказалъ, что Кулябко только что доложилъ ему, что свиданіе террористовъ на Бибиковскомъ бульварѣ не состоялось. При этомъ онъ поручилъ мнѣ разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ во время антракта. Въ теченіе перваго дѣйствія я разговаривалъ съ генераль-адъютантомъ Дедюлинымъ и флагъ-капитаномъ Ниловымъ по поводу не состоявшагося свиданія на бульварѣ, и мы, взволнованные, обсуждали, что дальше предпринять, причемъ о присутствіи Богрова въ театрѣ я не обмолвился ни однимъ словомъ, такъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ совершенно не зналъ. Въ началѣ антракта я подошелъ къ Петру Аркадьевичу Столыпину съ цѣлью получить отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія о содержаніи доклада подполковника Кулябка, причемъ статсъ-секретарь Столыпинъ сказалъ, что онъ больше ничего не знаетъ, и повторилъ приказаніе переговорить съ Кулябкомъ. Выйдя затѣмъ въ коридоръ, я встрѣтилъ тамъ послѣдняго и спросилъ его о положеніи дѣлъ. Кулябка мнѣ доложилъ, что предположенное свиданіе террористовъ не состоялось, такъ какъ Николаю Яковлевичу было по телефону сообщено террористами, что оно не произойдетъ, и что ими найдена болѣе удобная квартира, гдѣ они встрѣтятся около одиннадцати часовъ вечера. Эти свѣдѣнія, по словамъ Кулябка, были имъ получены отъ Аленскаго, пріѣхавшаго къ нему въ театръ, послѣ чего онъ, Кулябко, послалъ его домой, опасаясь возможности тайнаго ухода Николая Яковлевича изъ квартиры. Я замѣтилъ Кулябку, что такія отлучки Аленскаго изъ квартиры недопустимы, такъ какъ они могутъ возбудить подозрѣніе Николая Яковлевича и имѣть послѣдствіемъ тайный уходъ его. Этимъ разговоръ мой съ подполковникомъ Кулябкомъ окончился. Замѣтивъ тутъ же въ коридорѣ стоявшаго около меня статскаго совѣтника Веригина, я сдѣлалъ распоряженіе установить немедленно чрезъ инспектора почтъ и телеграфовъ Довяковскаго наблюденіе за телефономъ Аленскаго, приказаніе это было обращено къ стоявшимъ около меня Веригину и Кулябку. Находился ли во время означеннаго разговора здѣсь же въ коридорѣ полковникъ Спиридовичъ, я сказать не могу, но въ разговорѣ онъ участія не принималъ, и, насколько я припоминаю, при выходѣ моемъ изъ зрительнаго зала я видѣлъ Спиридовича въ самомъ залѣ, въ проходѣ. Во время втораго дѣйствія я не отлучался изъ зала и полученныя въ антрактѣ отъ подполковника Кулябка свѣдѣнія обсуждалъ съ генераломъ-адъютантомъ Дедюлинымъ. Въ началѣ втораго антракта статсъ-секретарь Столыпинъ вновь поручилъ мнѣ переговорить съ подполковникомъ Кулябкомъ. Я вышелъ въ коридоръ и кому-то изъ встрѣтившихся мнѣ жандармскихъ офицеровъ приказалъ пригласить Кулябка, который вскорѣ явился

ко мнѣ, показалось, изъ вестибюля. На мой вопросъ, есть ли что-нибудь новое, онъ мнѣ сказалъ, что измѣненій не произошло, что Николай Яковлевичъ дома и что эти свѣдѣнія сообщилъ Аленскій, только что опять прїѣзжавшій къ нему въ театръ. Гдѣ именно сообщилъ Аленскій указанныя свѣдѣнія Кулябку, послѣдній мнѣ не объяснилъ, и объ этомъ я его не спрашивалъ, такъ какъ понималъ, что Кулябка могъ съ нимъ имѣть разговоръ на подъѣздѣ, въ вестибюль или иномъ помѣщеніи театра, но не въ зрительномъ залѣ. На слова Кулябка я снова указалъ ему, что такія отлучки Аленскаго невозможны, на что Кулябка доложилъ мнѣ, что возвращеніе Аленскаго домой не могло возбудить подозрѣнія, такъ какъ Аленскій не входилъ въ квартиру, а послалъ швейцера взять перчатки. О какихъ перчаткахъ была рѣчь, о бѣлыхъ или иныхъ, я не знаю и Кулябка объ этомъ не говорилъ, дополнивъ лишь, что онъ приказалъ Аленскому вернуться домой и никуда не отлучаться, каковое приказаніе Аленскій исполнилъ, и что онъ, Кулябка, по окончаніи спектакля намѣренъ самъ отправиться въ наружное наблюденіе. Во время этого доклада въ театральномъ залѣ раздавался сухой трескъ и, по крикамъ и волненію публики понимая, что тамъ что-то случилось, я устремился въ залъ. Описанный разговоръ съ подполковникомъ Кулябкомъ происходилъ въ коридорѣ около телефоннаго помѣщенія, но въ самое помѣщеніе это я съ Кулябкомъ не входилъ. Я не помню, чтобы въ теченіе перваго или втораго антрактовъ до выстрѣловъ въ залъ я велъ какіе-либо разговоры съ полковникомъ Спиридовичемъ; по крайней мѣрѣ, въ моей памяти не сохранилось воспоминанія, чтобы я говорилъ съ нимъ о чемъ-либо серьезномъ. Проникнуть въ самый залъ изъ коридора во время происшедшаго смятенія я не могъ, такъ какъ въ проходѣ между креслами въ залѣ публика была задержаннаго злоумышленника, и собралась большая толпа. Тогда я повернулся назадъ, рассчитывая попасть въ зрительный залъ чрезъ другой входъ и тутъ же въ коридорѣ увидѣлъ полковника Спиридовича, который, будучи страшно взволнованъ, сказалъ мнѣ: «Ваше превосходительство, это Аленскій». У меня сорвался вопросъ: «Какимъ образомъ онъ здѣсь находится?» на что Спиридовичъ отвѣтилъ мнѣ какою-то фразою, смыслъ которой былъ тотъ, что онъ самъ не можетъ дать отчета. Въ это же время въ коридорѣ со стороны вестибюля показался подполковникъ Кулябка, который, не замѣчая меня и не отвѣчая на обращенный мною къ нему вопросъ, прошелъ въ вестибюль бокового подъѣзда, находившагося противъ входа въ театральныи залъ. Я бросился за нимъ въ вестибюль, гдѣ Кулябка, хватаясь за голову и кобуру револьвера, облокотясь къ стѣнѣ, бормоталъ фразы: «Я виноватъ, мнѣ остается только застрѣлиться...» Я прикрикнулъ на него, говоря, что теперь не время думать объ этомъ, и, выйдя,

когда онъ очнулся, вмѣстѣ съ нимъ на площадь, приступилъ къ отдачѣ распоряженій объ очищеніи отъ публики всего пути во дворецъ и о перевезеніи раненаго статсъ-секретаря Столыпина въ больницу. Какъ въ самомъ театрѣ, такъ и по возвращеніи въ гостиницу, несмотря на мои вопросы, подполковникъ Кулябко не далъ сколько-нибудь понятнаго объясненія, какимъ образомъ онъ могъ допустить Аленскаго-Богрова въ театръ, продолжая повторять, что онъ одинъ виноватъ. Я приказалъ ему составить и подать мнѣ подробный рапортъ о томъ, какъ все произошло, но онъ во все послѣдующее время медлилъ исполнить мое приказаніе и лишь въ моментъ отъѣзда моего изъ Кіева представилъ мнѣ копію донесенія, посланнаго имъ въ департаментъ полиціи, даже не подписавъ оной. О необходимости допроса Богрова въ охранномъ отдѣленіи Кулябко заявилъ мнѣ, кажется, въ тотъ самый вечеръ, когда случилась катастрофа, и я согласился на это, поставивъ отправленіе Богрова въ охранное отдѣленіе лишь въ зависимость отъ прокурорскаго надзора. Мысль о необходимости разговора Кулябка съ Богровымъ раздѣлилъ и статсъ-секретарь Кокцовъ, которому мною было о ней доложено на слѣдующій день. Въ этотъ день или въ одинъ изъ послѣдующихъ, во время разговора съ Веригинымъ и Спиридовичемъ, когда зашла рѣчь о посѣщеніи Богровымъ сада купеческаго собранія, я высказалъ по этому поводу, что подполковникъ Кулябко докладывалъ мнѣ въ такомъ видѣ, будто Богровъ въ дѣйствительности тамъ не былъ, а лишь сказалъ Николаю Яковлевичу о посѣщеніи сада, на что Веригинъ замѣтилъ, что онъ такого доклада не помнитъ».

25-го сентября сенаторъ Шульгинъ снова допрашивалъ генерала Курлова, который далъ слѣдующее дополнительное показаніе:

«Послѣ учиненнаго 1-го сентября 1911 года Аленскимъ-Богровымъ покушенія на статсъ-секретаря Столыпина я, опасаясь возможности какого-либо новаго покушенія, въ ту же ночь приказалъ подполковнику Кулябку ликвидировать связи Богрова. На слѣдующій день Кулябко доложилъ мнѣ, что приказаніе это исполнено, но никакихъ подробностей не упоминалъ и о происшедшихъ при исполненіи этого приказанія какихъ-либо недоразумѣніяхъ мнѣ не докладывалъ. Самъ же я, будучи занятъ принятіемъ мѣръ по охранѣ и поддержанію порядка, въ подробности исполненія даннаго мною распоряженія не входилъ и 3-го сентября, раздѣляя соображенія, изложенныя мнѣ прокуроромъ палаты, возложилъ обязанности розыска по дѣлу Богрова на начальника губернскаго жандармскаго управленія полковника Шределя. Статсъ-секретаря Столыпина послѣ доставленія его въ больницу ночью 1-го сентября я болѣе не видѣлъ и, хотя рано утромъ на слѣдующій день, вслѣдствіе переданнаго мнѣ по телефону приказанія Петра Аркадьевича прибыть въ больницу для свиданія съ нимъ, я явился туда, но не

истор. вѣстн., апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

былъ допущенъ къ нему врачами, которые выразили опасеніе, что это свиданіе могло взволновать больного. Послѣ этого статсъ-секретарь Столыпинъ меня требовалъ къ себѣ еще два раза, но свиданіе съ нимъ не состоялось, вслѣдствіе распоряженія статсъ-секретаря Коковцова. Съ дѣятельностью подполковника Кулябка я впервые познакомился въ декабрѣ мѣсяцѣ 1906 года, когда я временно управлялъ Кіевской губерніей. У подполковника Кулябка, была тогда сильная агентура, и дѣятельность его я признавалъ очень успѣшной, причемъ по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ генералъ-губернаторъ Сухомлиновъ въ разговорѣ со мною также далъ мнѣ о Кулябкѣ очень хорошій отзывъ. Послѣ этого, исполняя обязанности вице-директора департамента полиціи и вѣдая дѣла по политическому розыску, я не имѣлъ данныхъ, которыя могли бы измѣнить хорошее мнѣніе о службѣ Кулябка, и послѣдній въ январѣ 1907 года былъ назначенъ, помимо всякаго съ моей стороны участія, начальникомъ кіевского районнаго охраннаго управленія, въ числѣ немногихъ выдающихся начальниковъ охранныхъ отдѣленій. Затѣмъ, въ періодъ времени состоянія моего въ должности начальника главнаго тюремнаго управленія съ ноября 1907 г. и по 1-ое января 1909 г., я никакого отношенія къ политическому розыску не имѣлъ, а потому о дѣятельности Кулябка не былъ освѣдомленъ. Впослѣдствіи, когда я уже занималъ должность товарища министра, мнѣ иногда докладывали въ департаментѣ о недочетахъ, замѣченныхъ въ кіевскомъ охранномъ отдѣленіи, причемъ недочеты эти касались по преимуществу канцелярскаго дѣлопроизводства и состояли по большей части въ замедленіи отвѣтовъ на вопросы департамента. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабоченный шаткимъ положеніемъ агентуры въ охранныхъ отдѣленіяхъ, въ томъ числѣ въ кіевскомъ, съ цѣлью изыскать средства для лучшей ея постановки я поручилъ генералу Герасимову ознакомиться съ положеніемъ агентуры въ нѣкоторыхъ охранныхъ отдѣленіяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ генералъ Герасимовъ подтвердилъ уже извѣстное мнѣ положеніе о слабости агентуры въ осмотровѣнныхъ имъ отдѣленіяхъ, кромѣ саратовскаго, причемъ положеніе дѣла въ кіевскомъ отдѣленіи не отличалось отъ другихъ. Затѣмъ, когда въ концѣ 1910 года мнѣ было доложено департаментомъ, что въ революціонной прессѣ появились замѣтки объ успѣшной работѣ социаль-демократовъ, между тѣмъ, какъ по этому предмету не поступало свѣдѣній отъ начальника мѣстнаго охраннаго отдѣленія, я распорядился вызвать подполковника Кулябка въ Петербургъ и лично съ чинами департамента обсудилъ положеніе розыска въ кіевскомъ отдѣленіи, давъ подполковнику Кулябку соотвѣтствующія указанія. Я ограничился такою мѣрою, такъ какъ вынесъ убѣжденіе, что ничего выдающагося въ данномъ случаѣ не обнаружено. Отъ генералъ-губернатора Трепова я никогда не получалъ какихъ-либо заявленій о несоотвѣтствіи Кулябка занимаемой имъ должности.

П. А. Столыпинъ въ гробу.

Во время августовскихъ торжествъ въ Кіевѣ подполковникъ Кулябка относительно переобремененія работою его или состоящихъ при немъ офицеровъ мнѣ не докладывалъ; завѣдываніе же народною охраною было возложено мною на Кулябка по соглашенію съ генераль-адъютантомъ Треповымъ, въ виду того, что Кулябка успѣшно завѣдывалъ этою охраною въ 1909 году. Статскаго совѣтника Веригина я бралъ съ собою во время поѣздокъ исключительно для исполненія моихъ порученій, самостоятельныхъ функцій у Веригина, какъ исполняющаго обязанности вице-директора департамента полиціи, не было, тѣмъ болѣе такихъ функцій у него не было по части розыска, такъ какъ, даже неся свои прямыя обязанности въ Петербургѣ, онъ никакого отношенія къ политическому розыску не имѣлъ; въ засѣданіяхъ, на которыхъ присутствовалъ Веригинъ, никакихъ голосованій не происходило, и засѣданія эти только имѣли совѣщательный характеръ, причемъ я допускалъ Веригина высказывать свои мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ такъ же, какъ это я дѣлалъ и въ отношеніи всѣхъ другихъ присутствовавшихъ по моему приглашенію. Что же касается порученій, которыя мною возлагались въ отдѣльныхъ случаяхъ на Веригина, то таковыя были весьма разнообразны: такъ, мнѣ случалось поручать ему составлять записки о намѣченныхъ мѣропріятіяхъ, провѣрять исполненіе своихъ обязанностей разными должностными лицами, провѣрять наряды и т. п. Никакихъ порученій по политическому розыску я Веригину не давалъ, такъ какъ считалъ его некомпетентнымъ въ этой области. Въ Черниговѣ онъ былъ командированъ мною для доставленія составленныхъ на мѣстѣ списковъ о неблагонадежныхъ лицахъ въ виду того, что самъ я, будучи боленъ, не имѣлъ возможности поѣхать въ Черниговъ и находилъ болѣе удобнымъ, чтобы завѣдывающій розыскомъ офицеръ передалъ всѣ дополнителныя къ спискамъ свѣдѣнія Веригину вмѣсто того, чтобы писать длинное донесеніе. Всѣ же мѣры, которыя необходимо было принять въ отношеніи неблагонадежныхъ лицъ, были сдѣланы мною лично. Равнымъ образомъ, имѣвшія мѣсто въ 1909 году и 1910 гг. командировки Веригина за границу не соединялись съ обязанностями по политическому розыску, такъ какъ мѣры охраны принимались мѣстными властями, и Веригинъ долженъ былъ служить лишь посредникомъ между этими властями, съ одной стороны и мною и департаментомъ полиціи—съ другой».

XIII.

Сенаторъ Шулгинъ въ отношеніи подполковника Кулябка 14-го августа 1912 года составилъ слѣдующее постановленіе: 1) какъ видно изъ показаній Богрова, Кулябкомъ былъ выданъ Богрову 1-го сентября 1911 года билетъ въ городской театръ; 2) что вы-

дача билета послѣдовала въ нарушение Кулябкомъ особыхъ обязанностей, возложенныхъ на него по обезпеченію безопасности во время происходившихъ въ августѣ 1911 года торжествъ, такъ и вопреки распоряженіямъ его начальства, изложеннымъ въ циркулярныхъ предписаніяхъ департамента полиціи и въ положеніи о порядкѣ выдачи входныхъ билетовъ въ мѣста, куда могли быть допускаемы только лица, политическая благонадежность коихъ вѣ сомнѣній. Богровъ же не соотвѣтствовалъ означеннымъ условіямъ, такъ какъ подполковнику Кулябку, у котораго онъ раньше состоялъ на службѣ секретнымъ сотрудникомъ, было извѣстно о прежнихъ связяхъ его съ преступными сообществами анархистовъ-коммунистовъ и социаль-революціонеровъ; также о томъ, что Богровъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ злоумышленниками, прибывшими, по его словамъ, въ Кіевъ во время торжествъ для учиненія убійства Столыпина и Кассо; 3) что въ нарушение тѣхъ же служебныхъ обязанностей Кулябко допустилъ того же Боброва въ садъ кіевского купеческаго собранія, предоставивъ ему билетъ для пропуска въ садъ, причемъ, по утверженію самого Богрова, послѣдній явился туда вооруженный револьверомъ; 4) что, предоставивъ Богрову возможность проникнуть въ Купеческій садъ и городской театръ, не озаботился учрежденіемъ надъ нимъ надзора, имѣя полную возможность сдѣлать это; 5) . . . . . 6) что послѣдствіемъ нарушения Кулябкомъ своихъ служебныхъ обязанностей было лишеніе Богровымъ жизни министра П. А. Столыпина; 7) что, независимо отъ этого, Кулябко изобличается въ томъ, что, получивъ заявленіе Богрова о намѣреніи боевой группы совершить въ Кіевѣ покушеніе на министровъ Столыпина и Кассо, не только не довелъ объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія надлежащей судебной власти, но и со своей стороны не принялъ мѣръ удостовѣриться въ дѣйствительности заявленія Богрова путемъ учрежденія надзора за личностью послѣдняго и изслѣдованія, дѣйствительно ли въ квартирѣ Богрова находился одинъ изъ прибывшихъ злоумышленниковъ. Послѣдствіемъ непринятія такихъ мѣръ было какъ необнаруженіе своевременно замышляемаго Богровымъ злодѣянія, такъ и предоставленіе ему возможности появляться въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бывали высокіе гости. Сенаторъ Шульгинъ поэтому постановилъ бывшего начальника кіевского охраннаго отдѣленія Н. Н. Кулябка привлечь къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго по обвиненію по 338, 339 и 2 ч. 341 ст. ст. ул. о нак.

Въ виду выяснившейся на предварительномъ слѣдствіи близости отношеній Кулябка, съ одной стороны, съ осужденнымъ М. Богровымъ, а съ другой—съ генераломъ Курловымъ, полковникомъ Спиридовичемъ и статскимъ совѣтникомъ Берегинимъ, сенаторъ, подозрѣвая, что въ квартирѣ Кулябка скрываются письма и документы, относящіеся къ настоящему дѣлу, постановилъ произ-

вести у Кулябка обыскъ. При обыскѣ, между прочимъ, конфисковано было письмо на имя жены Кулябка.

Кулябко нѣсколько разъ допрашивался сенаторомъ, причемъ сущность его показаній сводилась къ тому, что онъ имѣлъ полное основаніе довѣрять Богрову, такъ какъ предыдущая дѣятельность послѣдняго, какъ сотрудника охраннаго отдѣленія, ничего подозрительнаго не вызывала, а, наоборотъ, въ теченіе продолжительнаго періода времени Богровъ давалъ охранному отдѣленію весьма цѣнныя свѣдѣнія, благодаря которымъ удалось раскрыть рядъ важныхъ политическихъ преступленій. Покушеніе на П. А. Столыпина Кулябко объяснялъ лишь однимъ—несчастью сложившимися обстоятельствами.

Обвиненіе, предъявленное сенаторомъ Шульгинымъ статскому совѣтнику М. М. Веригину, редактировано было такъ: 1) будучи въ непосредственныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ Кулябкомъ, а также присутствуя на совѣщаніяхъ, происходившихъ по вопросамъ о принятіи мѣръ по поводу сдѣланнаго Богровымъ заявленія о намѣреніи боевой группы анархистовъ-коммунистовъ совершить убійство Столыпина и Кассо, онъ, зная, что Богровъ находится въ сношеніяхъ съ преступнымъ сообществомъ, не только не предложилъ принять мѣры для того, чтобы удостовѣриться въ правдивости сдѣланнаго Богровымъ заявленія, но не озаботился доложить объ этомъ своему непосредственному начальнику товарищу министра внутреннихъ дѣлъ генералу Курлову, послѣдствіемъ чего было какъ¹ необнаруженіе своевременно умысла Богрова совершить убійство статсъ-секретаря Столыпина, такъ и приведеніе имъ 1-го сентября означеннаго умысла въ исполненіе; 2) онъ, Веригинъ, не принялъ со своей стороны никакихъ мѣръ къ воспрепятствованію выдачи Богрову билетовъ на торжества.

На предъявленные обвиненія Веригинъ, не признавая себя виновнымъ въ непринятіи надлежащихъ мѣръ къ провѣркѣ заявленія, сдѣланнаго Богровымъ Кулябку и къ недопущенію его въ театръ 1-го сентябрѣ, подтвердилъ весь разсказъ, сообщенный Богровымъ Кулябку въ его присутствіи за нѣсколько дней до начала торжествъ относительно предполагаемаго террористическаго акта, задуманнаго группой боевиковъ во главѣ съ Николаемъ Яковлевичемъ. Коснувшись момента прихода Богрова 1-го сентябрѣ въ «Европейскую гостиницу», гдѣ свиданіе Богрова и Кулябко состоялось въ его номерѣ и въ его присутствіи, Веригинъ, между прочимъ, указалъ, что Богровъ при немъ не говорилъ, что предполагаемое днемъ свиданіе съ Ниной Александровной не состоится въ назначенное время, а произойдетъ въ восемь часовъ вечера на Бибиковскомъ бульварѣ. Равнымъ образомъ, во время разговора Кулябка съ Богровымъ не было упомянуто ни слова о возможности или необходимости нахождения Богрова въ зрительномъ залѣ театра во время параднаго спектакля. Объясненія Веригина чрезвычайно

подробны, общій смыслъ ихъ таковъ: Веригинъ не зналъ прежде о дѣятельности Богрова, какъ агента охраннаго отдѣленія; во время торжествъ онъ строго исполнялъ приказанія высшаго начальства; Богровъ былъ допущенъ въ театръ помимо его вѣдома и его инициативы. По поводу поступившихъ къ сенатору свѣдѣній относительно особаго положенія, какое занималъ въ департаментѣ полиціи при Курловѣ, Веригинъ объяснилъ, что въ 1910 году онъ былъ назначенъ исполняющимъ обязанности вице-директора департамента полиціи съ оставленіемъ въ должности секретаря, причемъ съ полученіемъ этого повышенія онъ фактически оставался при исполненіи прежнихъ своихъ служебныхъ обязанностей, но во время отсутствія другихъ вице-директоровъ департамента ему приходилось исполнять иногда ихъ обязанности и подписывать за нихъ бумаги. Къ дѣламъ особаго отдѣла, гдѣ сосредоточены дѣла по политическому розыску, онъ отношенія не имѣлъ и былъ знакомъ съ этой частью дѣлопроизводства лишь по тѣмъ дѣламъ и перепискамъ, которыя проходили черезъ секретарскую часть.

XIV.

Полковникъ Спиридовичъ далъ сенатору пространныя объясненія. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

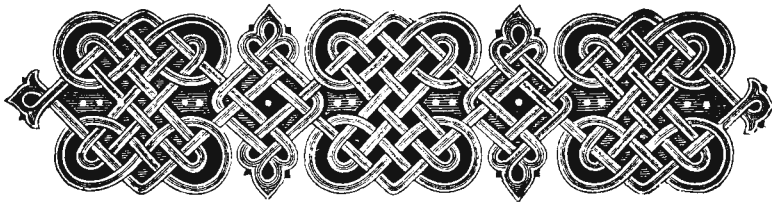
XV.

Закончивъ слѣдствіе о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ Кіевѣ 1-го сентября, сенаторъ Шульгинъ все производство по этому дѣлу представилъ въ первый департаментъ государственнаго совѣта. 12-го декабря 1912 года дѣло это было заслушано государственнымъ совѣтомъ, докладчикомъ выступалъ сенаторъ Е. Ф. Турау; заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ сенаторъ Кемпе. Послѣдній представилъ обширное заключеніе, со слѣдующей формулировкой обвиненія въ отношеніи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ: генерала Курлова, полковника Спиридовича, статскаго совѣтника Веригина и подполковника Кулябка:—по настоящему дѣлу слѣдуетъ считать установленнымъ бездѣйствіе власти, имѣвшее особо важныя послѣдствія.

Въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи вопроса о виновности чиновъ охраны голоса разбились.

Мнѣніе членовъ государственнаго совѣта представлено было на высочайшее усмотрѣніе. 8-го января 1913 года получено было извѣщеніе, что дѣло о генералѣ Курловѣ, полковникѣ Спиридовичѣ, статскомъ совѣтникѣ Веригинѣ и подполковникѣ Кулябкѣ направлено на прекращеніе.

Л. Ганъ.

О. К. Н О Т О В И Ч Ъ.

(Некрологъ).

ВЪ ПАРИЖѢ скончался отъ рака желудка 28-го февраля бывшій редакторъ-издатель газеты «Новости» Осипъ Константиновичъ Нотовичъ. Русская революція 1905 года въ полномъ смыслѣ слова сгубила этого энергичнаго и дѣятельнаго представителя нашей повременной печати, долгое время стоявшаго на либеральныхъ аванпостахъ отечественной прессы. Когда-то, послѣ разгрома «Голоса», ему выпала въ удѣлъ счастливая возможность объединить подъ знаменемъ газеты «Новости» прогрессивную часть западнической фракціи столичной пишущей братіи и явиться въ Петербургѣ своего рода оплотомъ скрытой, но систематической оппозиціи консервативнымъ вѣяніямъ 80—90 годовъ. Съ его газетой связаны имена А. А. Головачева, Г. К. Градовскаго, Р. И. Сементковскаго, Леонида Полонскаго, К. Д. Кавелина, М. Л. Песковского, И. О. Василевскаго-Буквы, М. Ю. Гольдштейна (Cardanus), А. П. Лукина («Скромный Наблюдатель»), В. О. Михневича (Коломенскій Кандидъ), К. М. Станюковича, С. Сафонова-Печорина, А. А. Яблоновскаго, П. И. Вейнберга, А. А. Исаева, Евгенія Соловьева (Андреевичъ), Всев. Чешихина, А. М. Скабичевскаго, В. В. Чуйко, Ю. Веселовскаго, З. А. Венгеровой, проф. Модестова, В. В. Стасова, В. В. Верещагина, П. Д. Боборыкина, В. О. Португалова, К. С. Баранцевича, Н. М. Минскаго, О. К. Сологуба, Вас. И. Немировича-Данченка и мног. друг. Большинство названныхъ лицъ особенно тѣсно примыкали къ «Новостямъ» въ періодъ 80-хъ годовъ, въ первыя пят-

надцать лѣтъ существованія газеты, когда ея положеніе въ нашемъ обществѣ, какъ хранительницы либеральныхъ завѣтовъ 60-хъ годовъ, перешедшее къ ней по преемственности отъ «Голоса» Краевского,—было особенно рельефно и подчеркнуто. Въ указанный

Осипъ Константиновичъ Нотовичъ.

періодъ Нотовичъ проявлялъ большой редакторской и организаторскій талантъ, который, несомнѣнно, былъ присущъ его природѣ, и онъ являлся въ русскомъ обществѣ человѣкомъ вліятельнымъ, опирающимся на солидный составъ писателей и широкіе круги читателей. Но уже со второй половины 90-хъ годовъ значеніе «Но-

востей» падаетъ, а въ первыя пять лѣтъ текущаго столѣтія сходить почти на нѣтъ. Тутъ кроется большая драма въ жизни Нотовича, драма, въ которой, по моему мнѣнію, онъ является единственнымъ виновникомъ, но объ этомъ нѣсколько дальше.

Какъ свидѣтельствуемъ, очевидно, близко его знавшій г. Н. Ашешовъ въ своемъ некрологѣ Нотовича («Рѣчь», 1914, № 58), «О. К. родился въ 1849 году. Онъ—сынъ керченскаго раввина. Еще будучи гимназистомъ старшихъ классовъ, покойный почувствовалъ влеченіе къ журналистикѣ. Но рядовымъ сотрудникомъ газетъ онъ становится лишь съ 1871 года, когда начинаетъ работать въ «Новомъ Времени» Ф. Н. Устрялова, перешедшемъ затѣмъ въ собственность Нотовича. Газета эта въ рукахъ Нотовича была всего одинъ годъ, и въ 1874 году онъ передалъ ее К. В. Трубникову, у котораго Нотовичъ продолжалъ работать въ качествѣ передовика и завѣдующаго провинціальнымъ отдѣломъ. Мысль имѣть собственную газету не покидала, однако, Нотовича, и съ начала 1877 года онъ начинаетъ издавать пріобрѣтенную имъ отъ типографа Мордуховскаго маленькую газету «Новости», мелкаго типа и дешевой цѣны. Эту-то газету Нотовичъ, послѣ закрытія «Голоса», преобразовалъ въ большой политической органъ (въ двухъ изданіяхъ) и съ этой-то газетой и связано имя Осипа Константиновича, какъ журналиста. «Новости», послѣ разгрома реакціи начала 80-хъ годовъ, оставались въ Петербургѣ до начала 90-хъ годовъ единственнымъ прогрессивнымъ ежедневнымъ органомъ въ Петербургѣ. Получивъ такое завидное наслѣдство, какъ читателей «Голоса», газета являлась его продолженіемъ, но тяжелое ярмо реакціи не позволило газетѣ развернуться во всю широту плановъ ея редактора-издателя и способностей ея талантливыхъ сотрудниковъ. Въ сущности, покойный Нотовичъ, такъ же, какъ и его органъ, придерживался весьма умѣренно-либеральнаго направленія. Въ либерализмѣ Нотовича никогда не было рѣшительной послѣдовательности, демократическаго оттѣнка, и, тѣмъ не менѣе, существованіе «Новостей» было по-истинѣ каторжнымъ. Цензура сотнею глазъ и ушей слѣдила за этимъ, такимъ безобиднымъ, на нашъ взглядъ, органомъ. Цензура давила на него двойнымъ прессомъ: и за то, что Нотовичъ былъ евреемъ, и за то, что онъ былъ либераломъ. Два предостереженія газета «заработала» легко и скоро, и подъ ихъ угрозой велась четверть вѣка. Это значитъ, что изъ боязни третьяго предостереженія, влекшаго за собой, обыкновенно, смерть изданія, приходилось газетѣ быть вѣчно на чеку, итти на компромиссы, почти безграничныя, и цѣною блѣдности и постепеннаго обезцвѣчиванія добывать себѣ право говорить отъ имени либеральныхъ слоевъ Россіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ «Новости» не могли быть ни яркими, ни просто выразителями общественнаго мнѣнія, которое было всегда зна-

чительно лѣвѣе «Новостей». Покойный Нотовичъ, однако, всю свою душу, всю свою изумительную работоспособность вкладывалъ въ свое любимое дѣтище. Трудъ его былъ, по-истинѣ, необъятенъ. Квартира его помѣщалась при редакціи и, въ сущности, не было ни минуты, когда покойный могъ быть оторваннымъ для какого-либо иного, кромѣ редакціоннаго, дѣла. И онъ работалъ съ утра до ночи, или, вѣрнѣе, съ утра и до утра. За двадцать пять лѣтъ существованія «Новостей» онъ отдыхалъ только нѣсколько разъ, при поѣздкахъ за границу. Все остальное время онъ безсѣмѣнно дежурилъ при «Новостяхъ», вникая въ каждую мелочь газеты, интересуясь каждой деталью, не брезгая самой черной работой. Онъ уходилъ спать только послѣ выпуска номера, подъ утро (около шести часовъ). Но случалось и такъ, что онъ, забывъ про сонъ и боясь, что газета опоздаетъ на тотъ или иной вокзалъ, самъ везъ туда тюки номеровъ «Новостей», торопясь и волнуясь. Энергичный и дѣятельный, всегда въ порывѣ и подъемѣ, онъ, казалось, горѣлъ, а не жилъ. Онъ отдавался работѣ страстно, и трудно было понять, откуда у него такой колоссальный запасъ нервной энергіи. Ведя строгій образъ жизни, лично не имѣя никакихъ потребностей, кромѣ самыхъ обыденныхъ, онъ въ самомъ трудѣ точно черпалъ новую энергію и новыя силы».

Вторая половина 80-хъ годовъ была расцвѣтомъ жизни Нотовича. На его журфиксахъ собиралось избранное литературно-артистическое общество. Такъ называемые товарищескіе обѣды «Новостей» въ старомъ помѣщеніи «Медвѣдя» пользовались большою популярностью, и многіе представители тогдашней литературы, какъ Григ. Данилевскій, Д. Мордовцевъ, А. Скабичевскій, С. Шубинскій и друг., были ихъ всегдашними посѣтителями. За обѣдомъ лились рѣчи, которыя по независящимъ обстоятельствамъ не могли попасть въ печать. Даже радикальная пресса, относившаяся скептически къ «жидкому либерализму» «Новостей», особенно послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ», не брезговала черезъ посредство органа Нотовича выдвигать тѣ или иныя нужныя ей положенія. Короче: рѣдко кому изъ издателей выпадалъ на долю такой удачливый моментъ создать прочный политическій органъ печати въ родѣ, напр. «Русскихъ Вѣдомостей», какъ Нотовичу. Но, увы!.. Онъ не сумѣлъ удержаться на своей позиціи, и успѣхъ вскружилъ ему голову.

Сотрудникамъ вздумалось устроить ему юбилей, въ свое время зло вышученный В. Буренинымъ. На этомъ юбилейѣ присутствовавшіе, точно вперегонку, перестарались захвалить своего шефа, умаливъ себя, какъ литераторовъ, и превознеся его, какъ редактора. У Нотовича, что называется, «въ зубу дыханье сперло», и съ этого момента между издателемъ и сотрудниками открывается своего рода разладъ. Онъ начинаетъ относиться къ нимъ свысока, постепенно отъ нихъ эмансипируется, полагая, что и съ болѣе де-

шевымъ составомъ работниковъ газета не потеряетъ своего положенія, однажды именно онъ стоитъ во главѣ ея. Понемножку дорого стоящіе и выдающіеся сотрудники, которые составляли украшеніе газеты, все рѣже появляются на ея столбцахъ, а нѣкоторые и совсѣмъ исчезаютъ. Это обстоятельство сыграло несомнѣнно печальную роль въ судьбѣ «Новостей», и изданіе, какъ литературное и общественное явленіе, начинаетъ падать. Въ роли работника, что уже отмѣтилъ г. Апешовъ, Нотовичъ выбивался изъ силъ, но падающее дѣло безъ наличія большихъ денежныхъ средствъ невозможно поднять, а таковыхъ у Нотовича не было. И вотъ онъ оказывается въ тискахъ у кредиторовъ, въ необходимости прибѣгать къ рискованнымъ средствамъ: къ созданію товарищества безъ солидныхъ пайщиковъ, къ рекламамъ, смѣнѣ видныхъ сотрудниковъ на второстепенныхъ работниковъ и т. д., и т. д. А тутъ еще на сцену выступила конкуренція. Девяностые годы, какъ никакъ, а выдвинули нѣкоторые органы печати, хотя и съ кратковременнымъ существованіемъ, но все же оказавшіе «Новостямъ» конкуренцію. Къ началу нынѣшняго столѣтія и матеріальный и общественный курсъ «Новостей» совершенно упалъ, а наступившій 1904 годъ поставилъ Нотовича съ его газетой совсѣмъ въ трудное положеніе. Онъ не разобрался въ политическихъ теченіяхъ, принялъ миражъ за дѣйствительность и съ своимъ утлымъ челномъ, уже разбитымъ непогодами, пошелъ рядомъ съ тѣми новыми органами, цѣль которыхъ была—буря и революція. Нотовичъ не учелъ ни политическаго момента, ни своихъ силъ, подпалъ подъ вліяніе и диктатуру буйныхъ сотрудниковъ, создалъ самъ себѣ редакціонную конституцію и взорвалъ свою газету. Напечатанный имъ извѣстный манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ былъ тою миной, которая опрокинула все его дѣло двадцати пяти лѣтъ. Въ результатѣ предстоялъ судъ и сидѣніе въ крѣпости, но на это онъ не рѣшился и эмигрировалъ, рассчитывая, что въ Россіи подуетъ благопріятный ему вѣтеръ и онъ снова окажется у русскаго печатнаго дѣла. Но шли дни за днями, годы за годами, а этотъ попутный вѣтеръ не приходилъ. Былъ, однако, моментъ, когда счастье, казалось, ему улыбнулось: его прежніе враги, съ которыми онъ когда-то такъ жестоко полемизировалъ, рѣшили протянуть ему руку помощи и исходатайствовать старому ветерану журналистики высочайшее помилованіе. Во главѣ такихъ протянувшихъ ему руку помощи сталъ редакторъ «Свѣта» В. Комаровъ, но судьба судила иначе: Комаровъ вскорѣ скончался и за бѣднаго Нотовича некому было предстательствовать. Въ наличіи осталась сѣрая, тяжкая и морально, и матеріально эмигрантская жизнь, про которую еще Герценъ такъ выразился: «это не жизнь, а нѣчто худшее послѣдней,—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе».

Такъ преждевременно сошелъ со сцены человѣкъ, вокругъ котораго кипѣла когда-то шумная жизнь, ройлось столько народу, передъ которымъ разстилалось широкое будущее и за которымъ были передъ русскимъ прогрессомъ несомнѣнныя заслуги. Ему даже не нашлось маленькаго клочка земли на одномъ изъ здѣшнихъ кладбищъ, и только развѣ завязтые библиографы, вспомнятъ его имя и, роясь въ пыльномъ книжномъ наличіи, найдутъ небольшія брошюрки и книги съ именемъ О. К. Нотовича (маркиза О'Квича): «Немножко философіи», «Еще немножко философіи», «Любовь и красота», «Историческій очеркъ русскаго законодательства о печати», а историки театра вспомнятъ шедшія съ малымъ успѣхомъ на императорской сценѣ его пьесы: «Бракъ и разводъ», «Темное дѣло», «Дочь», «Безъ выхода», «Сюрпризъ», «Отверженный». Большимъ вниманіемъ и памятью, впрочемъ, будетъ отмѣчена его книжка «Исторія цивилизаціи Англіи», выдержавшая въ свое время около двадцати изданій.

Да, закатъ жизни бѣднаго Нотовича оказался мрачнымъ и трагическимъ, а каковъ, воспоминается нынѣ, былъ у него яркій и вѣдрый расцвѣтъ!..

Б. Г.

ОДИНЪ ИЗЪ СТАИ СЛАВНЫХЪ.

ВАДЦАТЬ ПЯТАГО февраля родственники, друзья, сослуживцы и единомышленники опустили въ могилу на Митрофаніевскомъ кладбищѣ останки Георгія Дмитриевича Кузьминскаго, одного изъ храбрѣйшихъ добровольцевъ въ сербско-турецкую войну 1876 года, командовавшаго впоследствии 13-мъ лейбъ-гвардіи гренадерскимъ Эриванскимъ Его Величества полкомъ.

Это отшествіе въ міръ иной одного изъ немногихъ остающихся въ живыхъ дѣятелей той славной эпохи, среди всѣхъ вѣрно чтущихъ идею духовнаго единенія славянскаго міра, обращаетъ мысль вспять, за тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, когда горсть доблестныхъ русскихъ добровольцевъ, во главѣ со своимъ главнокомандующимъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдерживала шестидесятитысячную, прекрасно вооруженную армію Керимъ-паши въ ея бѣшеномъ натискѣ на маленькую Сербію, когда всѣ государства Европы съ захватывающимъ любопытствомъ, но или съ равнодушіемъ, или съ явнымъ недоброжелательствомъ слѣдили за этой исключительно неравной борьбой.

Сербско-турецкая война, совершенно несоизмѣримая по силамъ противниковъ (всѣхъ добровольцевъ было около двухъ съ половиной тысячъ, причемъ для послѣднихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ Россіи, были взяты сабли изъ магазина игрушекъ), по количеству и качеству ихъ вооруженія, съ особенной яркостью выдвинула на страницы исторіи, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не изслѣдованной, преимущественное значеніе и въ военномъ дѣлѣ духовнаго начала, на основаніи котораго рѣшимость вождя и его ближайшихъ сподвижниковъ побѣдить или умереть склоняетъ вѣсы побѣды

на технически и численно слабѣйшую сторону. Однимъ изъ такихъ самоотверженныхъ и великихъ духомъ воиновъ и былъ почившій Георгій Дмитріевичъ, творившій великое дѣло любви къ ближнему на поляхъ Сербіи въ 1876 году и особенно отличившійся въ страшныхъ бояхъ при Алексинацѣ и Дьюнишѣ, о которыхъ не даромъ поэтъ сказалъ: «Иной уронъ славнѣй побѣдъ, иныя раны лавровъ краше».

Тѣмъ же самоотверженнымъ геройскимъ духомъ отличалась большая часть сподвижниковъ М. Г. Черняева, вовлекшихъ Россію въ войну съ Турціей, измѣнившую карту Балканскаго полуострова и, въ частности, даровавшую свободу Сербіи, до того подъяремой имперіи Османлисовъ.

«Мой идеаль войска,—писалъ М. Г. Черняевъ И. С. Аксакову,—добровольцы. Отношенія прямыя, ровныя, не напыщенные, искреннія. Дрались, какъ львы. Ни одного случая неповиновенія или неудовольствія относительно меня во все время войны до выѣзда моего изъ Сербіи не было. Приказанія исполнялись точно, безпрекословно, съ самоотверженіемъ. Добровольцы были въ Сербіи тою же кортесовскою дружиною, съ которой я взялъ стотысячный Ташкентъ. За короткое время войны изъ нихъ выдвинулись замѣчательные боевые люди: Межениновъ, Андреевъ, Депрерадовичъ, Небольсинъ, по предпримчивости Кузьминскій, Хорватъ, Хлудовъ, по стойкости и исполнительности Малиновскій и др. Сколько бы времени ни прошло, я встрѣчусь съ каждымъ изъ нихъ съ истиннымъ удовольствіемъ».

Эту сплоченность босвой семьи, эту крѣпкую связь со своимъ военачальникомъ сохранили незыблемо бывшіе крестоносцы въ сердцахъ своихъ навсегда и по случаю въ 1911 году исполнившагося тридцатипятилѣтія своихъ боевыхъ трудовъ пожелали молитвенно помянуть давно уже почившаго вождя своего и товарищей и поднять за нихъ поминальную чашу.

Въ тѣсномъ кругу друзей и единомышленниковъ собрались удрученные годами и жизнью доблестные могикане войны 1876 года вспомнать дни молодости, дни славы, дни геройскаго воодушевленія, дни и мѣсяцы высочайшаго напряженія духа, дни непрестанной смертной опасности.

До крайности скудно было число боевыхъ товарищей, отдавшихъ послѣдній долгъ нынѣ почившему Георгію Дмитріевичу. Жизнь, а главнымъ образомъ смерть развѣяла ихъ по всей Россіи.

Генераль Кузьминскій изъ дворянъ Пензенской губерніи, окончивъ частный пансіонъ, не получилъ не только высшаго, но даже средняго спеціально военнаго образованія, но, приобрѣвъ прекрасную боевую опытность на Кавказѣ, онъ былъ одаренъ тѣми природными качествами воина и здраваго смысла, которыя при мало-мальски соразмѣрныхъ силахъ противниковъ ведутъ къ одолѣнію врага.

Спокойный и скромный въ обращеніи, скромный въ боевыхъ своихъ воспоминаніяхъ, никогда себя въ нихъ не выставлявшій, качествомъ этимъ Георгій Дмитріевичъ былъ особенно любезенъ русскому сердцу и олицетворялъ собою того военно-народнаго героя, котораго обезсмертилъ гениальною кистью Л. Н. Толстой въ лицѣ капитана Тушина.

Съ истинно-христіанской покорностью пережилъ Георгій Дмитріевичъ тяжкое горе, ужасную кончину младшаго сына, цвѣтущаго молодостью и здоровьемъ, служившаго въ желѣзнодорожномъ батальонѣ. Ночью, при сильной вьюгѣ, охраняя царскій путь, онъ былъ настигнутъ проходившимъ поѣздомъ и раздавленъ имъ на смерть.

Съ тѣхъ поръ здоровье отца его пошатнулось, онъ сталъ страдать грудной жабой, уложившей его въ могилу. Знаменательно при этомъ явленіе, что чистой душѣ его Господь даровалъ предвидѣніе ея отшествія: «Прощайте, дорогіе славяне, да хранить васъ Господь. Умираю». Привѣтствіе это уже ослабѣвшей рукой, наканунѣ предсказанной имъ кончины, начерталъ онъ на своей карточкѣ, завѣщавъ передать ее славянскому комитету.

Преданность славянству Георгій Дмитріевичъ донесъ непоколебимо до гроба, не только умомъ, но и всѣмъ своимъ благороднымъ сердцемъ съ юности воспринявъ идею духовнаго единенія славянства и по евангельскому завѣту въ смиреніи совершилъ величайшій подвигъ любви къ ближнему—готовность отдать душу свою за други своя.

А. М. Черняева.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные матеріалы).

XX.

ВЪ ПЕКИНѢ, гдѣ въ концѣ мая прекратилось телеграфное и желѣзнодорожное сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, среди иностранцевъ началась паника. Англійскій посланникъ обратился въ русскую миссію съ запросомъ, въ какой мѣрѣ русское правительство готово принять участіе въ устраненіи возникшихъ недоразумѣній, нѣкоторые же изъ иностранныхъ представителей даже ходатайствовали у нашей миссіи объ оказаніи охраны и защиты ихъ подданнымъ. 27-го мая нашъ посланникъ донесъ министру иностранныхъ дѣлъ, что, по его мнѣнію, роль посланниковъ въ Пекинѣ кончена, дѣло должно перейти въ руки адмираловъ, и что спасти европейцевъ въ Пекинѣ можетъ только быстрое прибытіе сильнаго отряда.

Вслѣдствіе этого изъ Квантуна безъ вѣдома министра финансовъ командированъ былъ въ Пекинѣ отрядъ въ 4.000 человекъ. Сообщая объ этомъ распоряженіи Гирсу, графъ Ламздорфъ поручилъ ему, однако, попытаться еще разъ уладить дѣло, указавъ китайскимъ министрамъ, что, въ случаѣ нападенія мятежниковъ на иностранныя миссіи, нѣкоторыя изъ державъ, несомнѣнно, не

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.»; т. СXXXV, стр. 1017.
«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

замедлять взять въ свои руки водвореніе порядка въ Сѣверномъ Китаѣ, что можетъ повести къ посягательству на независимость Китайской имперіи, не отвѣчающему ни нашимъ, ни китайскимъ интересамъ. По поводу же вызова нашего военного отряда въ Пекинъ Гирсъ долженъ былъ заявить императрицѣ и цзунь-лимыню, что отрядъ этотъ вызванъ въ дружественныхъ цѣляхъ, дабы помочь правительству богдыхана охранить иностранныя миссіи и христіанъ въ Пекинѣ.

Одновременно съ этимъ, во избѣжаніе превратныхъ толкованій, признано было необходимымъ разъяснить и иностраннымъ правительствамъ мотивы посылки Россіей военного отряда, для чего 3-го іюня и было сообщено черезъ нашихъ представителей за границей, что «временная посылка русскаго отряда войскъ чужда всякихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ сосѣднему и дружественному намъ Китаю», и что, «напротивъ, отрядъ этотъ, которому предписано дѣйствовать въ согласіи съ десантами другихъ державъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлью оказать полное содѣйствіе пекинскому правительству къ возстановленію необходимаго въ первостепенныхъ интересахъ Китая спокойствія».

Распоряженіе о посылкѣ четырехтысячнаго отряда было передано адмиралу Алексѣеву, которому при этомъ было поручено занять Таку, гдѣ и устроить передовую базу, а равно занять главнѣйшіе пункты желѣзнодорожной линіи до Пекина. Адмиралъ Алексѣевъ немедленно же, 28-го мая, отправилъ въ Тянь-цзинь эшелонъ въ 2.000 человекъ пѣхоты, саперъ и казаковъ и приступилъ къ подготовкѣ второго эшелона такой же силы, который и вышелъ изъ Портъ-Артура 4-го іюня. Между тѣмъ китайцы стали стягивать войска на линію Таку—Тянь-цзинь и начали проявлять намѣреніе минировать входъ въ рѣку Бай-хэ, гдѣ расположенъ Таку, очевидно, въ видахъ прегражденія дороги въ Пекинъ значительнымъ отрядамъ иностранныхъ войскъ. Это побудило адмирала Алексѣева предложить начальнику нашей эскадры, по соглашенію съ другими иностранными адмиралами, силою занять форты Таку, что и было исполнено утромъ 4-го іюня послѣ семичасового боя съ китайцами.

Занятіе Таку военной силой едва ли не являлось роковою ошибкой. Прежде всего ясно, что, открывъ военныя дѣйствія противъ крѣпости, занятой не боксерами, а китайскими войсками, мы стали въ явное противорѣчіе съ приведенными выше заявленіями, сдѣланными нами одновременно какъ китайскому, такъ и прочимъ иностраннымъ правительствамъ, о томъ, что посылка русскихъ войскъ въ Чжи-ли чужда всякихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ Китаю и имѣетъ цѣлью лишь содѣйствіе пекинскому правительству въ возстановленіи необходимаго для самого Китая спокойствія. Но, что еще важнѣе, занятіемъ Таку, какъ видно изъ

ниже изложеннаго, мы сами какъ бы натолкнули китайское правительство на разрывъ съ державами, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ возникновеніе для насъ множества затрудненій въ Китаѣ и въ особенности въ Манчжуріи. Поэтому, озираясь на минувшія событія, приходится признать, что для Россіи, несомнѣнно, было бы лучше, если бы посланникъ ея, видя, что боксерское движеніе принимаетъ угрожающіе размѣры, не требовалъ присылки въ Пекинъ военного отряда, а временно покинулъ Пекинъ, переѣхавъ въ расположенный по близости Портъ-Артуръ.

Бой при Таку возымѣлъ рѣшающее значеніе на направленіе дальнѣйшей политики пекинскаго правительства. Воспользовавшись сильнымъ впечатлѣніемъ потери этой крѣпости—важнѣйшаго оплота столицы, придворная партія ненавистниковъ иностранцевъ, повидимому, окончательно овладѣла положеніемъ. Императрица рѣшительно стала на сторону боксеровъ и официально призвала ихъ на защиту имперіи, пообѣщавъ за вѣрную службу щедрыя награды. Одновременно въ трехъ указахъ правительствомъ было объявлено о войнѣ съ иностранными державами ради защиты Пекина и династіи, а провинціальнымъ властямъ было предписано вооружить боксеровъ, набрать солдатъ и вообще готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ.

Хотя это рѣшеніе пекинскаго правительства стало извѣстно иностраннымъ державамъ только спустя два мѣсяца послѣ взятія Пекина, но и независимо отъ этого, изъ оборота, который приняли дѣла, во всякомъ случаѣ можно было видѣть, что иностраннымъ военнымъ отрядамъ, предназначеннымъ двинуться на Пекинъ, предстояла задача, значительно болѣе трудная и широкая сравнительно съ первоначальными предположеніями, а именно—не только защита миссій въ Пекинѣ, но и подавленіе сильно распространеннаго мятежа и борьба съ присоединившимися къ мятежникамъ правительственными китайскими войсками, что являлось почти равносильнымъ открытію военныхъ дѣйствій противъ Китая. Въ виду этого и изъ желанія по возможности устранить всякія препятствія къ немедленному возстановленію, по прекращеніи смуты, наилучшихъ отношеній къ правительству богдыхана, было сообщено адмиралу Алексѣеву, что при предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чжи-ли намъ отнюдь не слѣдуетъ добиваться сосредоточенія въ нашихъ рукахъ командованія общими силами державъ, предоставивъ руководство этими силами кому-либо изъ другихъ иностранныхъ военачальниковъ, и что именно при этомъ условіи русскій отрядъ, не нарушая согласныхъ дѣйствій съ прочими иностранными десантами, не выйдетъ изъ предѣловъ предназначенной ему задачи, заключающейся въ охранѣ безопасности миссіи, огражденіи жизни и имущества русскихъ подданныхъ и поддержаніи законной китайской власти въ борьбѣ со смутой. Министръ финан-

совъ, графъ Ламздорфъ были противъ такой экспедиціи, но на ней сильно настаивалъ и, наконецъ, настоялъ А. Н. Куропаткинъ.

Опасенія относительно трудности предстоявшей иностраннымъ войскамъ задачи вполне оправдались. Первый русскій эшелонъ, высланный въ Тянь-цзинь, и небольшіе добравшіеся сюда иностранные отряды немедленно оказались въ осадномъ положеніи, будучи окружены и атакованы громадными полчищами мятежниковъ, къ которымъ грозили присоединиться правительственныя войска. Желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе съ Таку было прервано. Только 11-го іюня второму русскому отряду, подъ начальствомъ генерала Стесселя, удалось пробиться изъ Таку въ Тянь-цзинь. Между тѣмъ иностранный отрядъ, направлявшійся къ Пекину подъ предводительствомъ англійскаго адмирала Сеймура, не дойдя до цѣли, долженъ былъ повернуть обратно и, подвергаясь атакамъ регулярныхъ китайскихъ войскъ, засѣлъ и укрѣпился въ арсеналѣ Си-гу. Отсюда онъ былъ освобожденъ небольшимъ отрядомъ (въ составѣ четырехъ русскихъ и столькихъ же иностранныхъ ротъ), высланнымъ изъ Тянь-цзина, подъ начальствомъ подполковника Ширинскаго. 14-го іюня восточный тянь-цзинскій арсеналь, представлявшій собою крѣпкій оплотъ мятежниковъ, наносившихъ отсюда вредъ европейскому поселку, былъ взятъ иностранцами штурмамъ. Но и послѣ этого китайцы продолжали упорно держаться въ остальныхъ занятыхъ ими позиціяхъ, а 21-го іюня даже перешли въ наступленіе, но были остановлены, причѣмъ тогда же иностранцами былъ занятъ укрѣпленный западный арсеналь. Только къ 30-му іюня удалось одержать надъ ними рѣшительную побѣду, послѣ чего они бѣжали по направленію къ Пекину.

По ходу военныхъ дѣйствій въ Тянь-цзинѣ становилось яснымъ, что освобожденіе запертыхъ въ Пекинѣ иностранцевъ силой окажется возможнымъ лишь при помощи весьма значительнаго военнаго отряда. Въ виду этого иностранныя державы приступили къ усиленію въ Чжи-ли своихъ десантовъ, численность которыхъ уже къ началу іюля достигла пятнадцати тысячъ человекъ.

Между тѣмъ, еще въ среднихъ числахъ іюля министромъ финансовъ было получено письмо отъ кантонскаго генераль-губернатора Ли-хунь-чжана, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что вызванъ своимъ правительствомъ въ Пекинъ, куда и намѣренъ отправиться, чтобы личнымъ своимъ вліяніемъ на императрицу склонить ее къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ боксерской смуты, но что въ виду открытія военныхъ дѣйствій онъ не знаетъ, какъ ему туда добраться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на вѣковую дружбу между Россіей и Китаемъ, Ли-хунь-чжанъ умолялъ, чтобы Россія вошла въ соглашеніе съ прочими державами относительно предписанія начальникамъ иностранныхъ отрядовъ не начинать

военныхъ дѣйствій противъ Китая. На это было отвѣчено Ли-хунъ-чжану, что Россія не объявитъ войны Китаю, а, напротивъ, окажетъ всяческое содѣйствіе къ охраненію его независимости; что выступленіе Ли-хунъ-чжана въ данное время въ качествѣ ближайшаго совѣтника императрицы весьма желательно, и что Ли-хунъ-чжанъ можетъ разсчитывать на полную поддержку русскихъ войскъ и правительства, сохраняющаго увѣренность, что Ли-хунъ-чжанъ приметъ мѣры къ охранѣ русской миссіи и русскихъ подданныхъ въ Пекинѣ.

С. Ю. Витте и графъ Ламздорфъ относились очень несочувственно къ мысли о походѣ нашихъ войскъ на Пекинъ и дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы не только не допустить этого похода, но и добиться удаленія нашихъ войскъ изъ Чжи-лійской провинціи. Они признавали наше участіе въ походѣ на столицу богдыхана не только бесполезнымъ, но и прямо вреднымъ для Россіи, такъ какъ считали, что наши интересы въ Китаѣ отнюдь не совпадаютъ съ интересами прочихъ иностранныхъ державъ; что, воздерживаясь отъ враждебныхъ дѣйствій противъ китайскаго правительства, мы скорѣе будемъ въ состояніи поддержать спокойствіе въ Манчжуріи, гдѣ сосредоточены наши главные интересы, и наконецъ, что походъ на Пекинъ можетъ лишь, безъ всякой необходимости, окончательно обострить наши отношенія къ китайскому правительству. Представлялось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что если китайское правительство дѣйствительно рѣшило предать смерти всѣхъ запертыхъ въ Пекинѣ иностранцевъ, то оно, несомнѣнно, располагало возможностью привести это рѣшеніе въ исполненіе до занятія Пекина иностранными войсками. Если же, наоборотъ, правительство богдыхана не хотѣло гибели иностранцевъ, и жизнь послѣднихъ подвергалась опасности лишь вслѣдствіе нападенія шаекъ боксеровъ и мятежныхъ солдатъ, то казалось болѣе цѣлесообразнымъ не доводить дѣла до крайности вооруженнымъ движеніемъ на Пекинъ, а постараться добиться цѣли, вступивъ въ переговоры съ пекинскими властями черезъ посредство Ли-хунъ-чжана. Въ виду этого и усматривая изъ телеграммы Ли-хунъ-чжана, что въ Пекинѣ иностранцы продолжаютъ еще держаться въ англійскомъ посольствѣ, С. Ю. Витте просилъ Ли-хунъ-чжана поспѣшить пріѣздомъ въ Пекинъ, пообѣщавъ ему всякое, со своей стороны, содѣйствіе къ задержанію похода русскихъ войскъ на Пекинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ разрѣшеніе на посылку русскаго военнаго судна для доставки Ли-хунъ-чжана изъ Шанхая въ Таку. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ отвѣтъ на сдѣланный изъ Берлина запросъ о томъ, согласны ли мы, когда въ Тянь-цзинѣ соберутся достаточныя силы, участвовать въ походѣ на Пекинъ, графъ Ламздорфъ умолчалъ обо всемъ, что могло бы имѣть характеръ обязательства или обѣщанія

со стороны русскаго правительства, такъ какъ ему представлялось еще не вполне выясненнымъ, въ какой степени походъ на Пекинъ оказался бы, съ точки зрѣнія чисто-русскихъ государственныхъ интересовъ, неизбежнымъ и полезнымъ, и желательно ли, чтобы военныя дѣйствія противъ столицы сосѣдняго намъ Китая были ввѣрены русскому военачальнику.

Противъ похода на Пекинъ высказался также и командующій войсками Квантунской области. Ссылаясь на значительную численность собранныхъ близъ Пекина китайскихъ войскъ, различіе преслѣдуемыхъ иностранными державами въ Китаѣ цѣлей и трудность объединить начальство надъ ихъ отрядами, а равно и на то, что движеніе на Пекинъ можетъ послужить сигналомъ къ полной революціи и общей рѣзни европейцевъ въ столицѣ, — адмиралъ Алексѣевъ, телеграммой отъ 16-го іюня, выразилъ свое убѣжденіе, что въ русскихъ интересахъ было бы весьма важно найти возможность къ немедленному открытію переговоровъ съ пекинскимъ правительствомъ.

Отрицательный взглядъ министра финансовъ, управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и командовавшаго войсками Квантунской области на походъ къ Пекину не раздѣлялся, однако, военнымъ министромъ, который настаивалъ на первостепенной важности для нашихъ интересовъ занятія Пекина и захвата имѣющаго въ немъ пребываніе богдыханскаго двора. На совѣщаніяхъ, происходившихъ по этому вопросу, генералъ Куропаткинъ высказалъ, что, по его глубокому убѣжденію, центръ всего возникшаго въ Китаѣ враждебнаго иностранцамъ движенія находится въ Пекинѣ при богдыханскомъ дворѣ. Дворъ богдыхана является главною причиною, вызывающею воспалительный процессъ въ организмѣ Китайской имперіи. Чтобы устранить корень зла, «занозу», необходимо взять Пекинъ. При этомъ генералу Куропаткину рисовалась картина, что стоитъ только подойти къ Пекину съ военной силой, чтобы заставить богдыхана выйти во главѣ всего своего двора навстрѣчу иностраннымъ отрядамъ для изъявленія покорности и передачи иностранцамъ ключей своей столицы.

Однако это предсказаніе не сбылось, и до взятія Пекина дворъ богдыхана преспокойно оставался въ столицѣ.

Взглядъ военнаго министра получилъ перевѣсъ, и адмиралу Алексѣеву 24-го іюня было дано указаніе, что энергичное наступленіе къ Пекину представляется неизбежнымъ для прекращенія силою оружія кровавой смуты; что для успѣха движенія къ Пекину необходимы дружныя дѣйствія державъ, требующія общаго командованія надъ ихъ отрядами, и что, наконецъ, было бы весьма желательно, чтобы войска прочихъ державъ на чжи-лійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій были подчинены адмиралу Алексѣеву.

Затѣмъ военный министръ сообщилъ еще дополнительно адмиралу Алексѣеву, что послѣдній главною своею задачею долженъ

считать подготовку къ энергичному наступленію ввѣренныхъ ему войскъ къ Пекину, что для этого ему надлежитъ сосредоточить въ Чжи-ли возможно большую часть своихъ войскъ, и что если начальники союзныхъ войскъ рѣшатъ немедленно начать движеніе къ Пекину, то и русскія войска должны принять участіе въ этомъ движеніи.

Пока въ Тянь-цзинѣ собирались войска для похода на Пекинъ, между державами происходилъ обмѣнъ мыслей о наилучшемъ способѣ объединенія дѣйствій этихъ войскъ. Во время этихъ переговоровъ графъ Ламздорфъ и С. Ю. Витте, не сочувствуя предположенію о походѣ на Пекинъ, сдѣлали еще разъ попытку добиться, чтобы наши войска не участвовали въ этомъ походѣ. Съ этою цѣлью они указали, что, по ихъ мнѣнію, русскимъ войскамъ не подобаешь находиться подъ начальствомъ японскаго генерала, военачальники же всѣхъ другихъ иностранныхъ державъ, находящіяся въ Китаѣ, моложе русскихъ, почему подчинить имъ русскій отрядъ тоже представляется невозможнымъ; въ случаѣ участія русскаго отряда въ походѣ пришлось бы возложить главное руководство послѣднимъ на русскаго полководца, что крайне нежелательно съ точки зрѣнія нашихъ отношеній къ китайскому правительству, которое стало бы считать Россію главнымъ виновникомъ вооруженныхъ дѣйствій противъ столицы Китая. Однако военный министръ нашель косвенный способъ къ устраненію этого затрудненія: Германія предложила прочимъ правительствамъ командировать въ Китай для руководства военными дѣйствіями иностранныхъ отрядовъ одного изъ старшихъ офицеровъ германской арміи, а именно фельдмаршала графа Вальдерзэ, на котораго, въ качествѣ главнокомандующаго, могло быть возложено руководство дѣйствіями сосредоточенныхъ на чжилійскомъ театрѣ иностранныхъ военныхъ силъ. Предложеніе это было принято.

Починъ такого руководства изошелъ отъ нашего же военнаго министра. Онъ намекнулъ на возможность этой комбинаціи военному германскому агенту въ Петербургѣ, послѣдній снесся по сему предмету съ Берлиномъ, и дѣло было сдѣлано. Престарѣлый Вальдерзэ оказался во главѣ экспедиціонной арміи.

Между тѣмъ, съ прибытіемъ 20-го іюля изъ Портъ-Артура въ Тянь-цзинъ генерала Ливевича, по соглашенію его съ прочими иностранными генералами, было рѣшено начать походъ на Пекинъ въ ближайшіе же дни. По донесеніи объ этомъ адмираломъ Алексѣевымъ, послѣднему было сообщено о состоявшемся соглашеніи относительно предоставленія общаго командованія при движеніи къ Пекину графу Вальдерзэ (находившемуся въ то время въ Европѣ) и было дано указаніе, чтобы до окончанія періода дождей и до полученія особаго разрѣшенія русскій отрядъ передвинулся по на-

правленію къ Пекину отнюдь не далѣе мѣстечка Янь-цунь, расположеннаго приблизительно на полпути между Тянь-цзинемъ и Пекиномъ. Указаніе это, въ силу стеченія обстоятельствъ, осталось не выполненнымъ. Телеграмма была получена адмираломъ Алексѣевымъ лишь 1-го августа. Между тѣмъ иностранные отряды, двинувшіеся изъ Тянь-цзиня 22-го іюля, послѣ ряда быстро нанесенныхъ китайцамъ поражений (при Бэй-танѣ, Ян-цунѣ, Хэ-си-у и Ма-тоу) 31-го іюля уже подошли къ Пекину, который и заняли 1-го августа, освободивъ миссіи и иностранцевъ изъ двухмѣсячнаго осаднаго положенія. Взятіе Пекина оказалось, такимъ образомъ, неожиданностью для графа Ламздорфа и С. Ю. Витте, знавшихъ о преподанномъ Алексѣеву указаніи и сохранявшихъ поэтому увѣренность, что походъ на Пекинъ пока не состоится.

Разогнавъ сосредоточившіеся въ Пекинѣ скопища мятежниковъ, причемъ (какъ приходится сознаться къ стыду европейской цивилизаціи) чинами иностранныхъ отрядовъ былъ совершенъ рядъ грабежей и возмутительныхъ насилій противъ мирнаго населенія столицы, иностранные отряды застѣли въ послѣдней, взяли въ свои руки управленіе городомъ и приняли мѣры къ обезпеченію въ немъ порядка и безопасности. Признававшіеся необходимыми нѣкоторыми державами карательныя экспедиціи въ направленіи къ западу и юго-западу отъ Пекина были отложены за неприбытіемъ главнокомандующаго иностранными отрядами графа Вальдерзэ. До приѣзда послѣдняго,—что состоялось лишь въ началѣ октября,—расположенныя въ Чжи-ли иностранныя военныя силы занимались очищеніемъ ближайшихъ къ Пекину и Тянь-цзиню мѣстностей отъ бандъ боксеровъ и остатковъ китайскихъ войскъ и вообще принятіемъ мѣръ къ обезпеченію безопасности сообщенія этихъ пунктовъ съ моремъ, въ каковыхъ цѣляхъ, между прочимъ, ими были взяты 7-го сентября крѣпости Бэй-танъ и Лу-тай и 18-го Шанхай-гуань, расположенный на границѣ Чжи-ли и Манчжуріи. Легкость, съ которой всѣ эти пункты достались союзникамъ, доказывала съ очевидностью, что ничтожная сила сопротивления китайцевъ окончательно сломлена.

Тѣмъ временемъ дипломатическіе представители иностранныхъ державъ въ Пекинѣ были озабочены изысканіемъ способа къ возобновленію переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ. Задача эта представлялась не легкою вслѣдствіе бѣгства изъ столицы, при штурмѣ ея иностранными войсками, какъ императора и императрицы, такъ и всѣхъ прочихъ представителей центральнаго правительства. Правда, Ли-хунъ-чжанъ еще 25-го іюля циркулярной телеграммой поручилъ китайскимъ представителямъ за границей довести до свѣдѣнія иностранныхъ правительствъ, что онъ назначенъ уполномоченнымъ для веденія переговоровъ о мирѣ, а

С. Ю. Витте по телеграфу настоятельно совѣтовалъ ему послѣдствовать приѣздомъ въ Пекинъ, чтобы начать дипломатическіе переговоры до прибытія графа Вальдерзэ и этимъ, по возможности, предотвратить возникновеніе новыхъ осложненій. Однако нѣкоторые изъ державъ относились несочувственно къ веденію переговоровъ съ однимъ Ли-хунъ-чжаномъ, считая его солидарнымъ съ бѣжавшими изъ Пекина властями и съ русскимъ правительствомъ и имѣя, повидимому, намѣреніе добиться установленія какого-то новаго, либеральнаго правительства и уже съ нимъ вести переговоры.

При такихъ условіяхъ, казалось, не было основаній къ дальнѣйшему пребыванію въ Пекинѣ иностранныхъ дипломатическихъ миссій. Вслѣдствіе этого, признавая, что занятіемъ Пекина и освобожденіемъ запертыхъ въ немъ иностранцевъ достигнута главная задача предпринятаго въ Чжи-ли похода, и находя поэтому полезнымъ возможно скорѣе отозвать изъ послѣдняго свои войска, русское правительство рѣшило одновременно вызвать изъ Пекина въ Тянь-цзинь и своего посланника со всѣмъ составомъ миссіи. Но пока происходили переговоры между заинтересованными державами о выѣздѣ въ Тянь-цзинь и другихъ миссій, въ Пекинъ прибылъ князь Цинъ, назначенный совмѣстно съ Ли-хунъ-чжаномъ главнымъ уполномоченнымъ по веденію мирныхъ переговоровъ. Въ концѣ концовъ державами было рѣшено приступить къ совмѣстному обсужденію условій мира въ Пекинѣ. Русское правительство, стремившееся скорѣе возстановить нормальныя мирныя отношенія къ Китаю, согласилось на такое рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и въ Манчжуріи, куда изъ Чжи-ли распространилась смута, наши войска успѣли возстановить порядокъ вдоль всего протяженія Китайской Восточной желѣзной дороги.

Русскія военныя силы, тѣмъ временемъ, въ точномъ соотвѣтствіи съ заявленіями нашего правительства, приступили къ быстрой эвакуаціи собственно Китая. Первый эшелонъ русскихъ войскъ выступилъ изъ Пекина въ Тянь-цзинь еще 31-го августа, а остальные—въ теченіе сентября. Въ крупныхъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ союзниками въ концѣ года на Бао-динъ-фу и къ Калгану, русскія войска участія не принимали, и въ началѣ слѣдующаго 1901 года ихъ оставалось во всемъ собственно Китаѣ лишь нѣсколько совершенно незначительныхъ отрядовъ, расположенныхъ постами въ Пекинѣ, Тянь-цзинѣ, Танъ-гу, Бэй-танѣ и Шанхай-гуанѣ.

XXI.

Съ распространеніемъ весною 1900 года боксерской смуты изъ Шань-дунской провинціи къ сѣверу, въ нашихъ правительственныхъ сферахъ естественно должно было возникнуть опасеніе, какъ

бы движеніе это не нашло себѣ отголоска въ Манчжуріи и не отразилось на судьбѣ сооружаемой здѣсь желѣзной дороги. Опасеніе это, касавшееся ближайшимъ образомъ интересовъ военнаго и финансоваго вѣдомствъ, возлагало на нихъ обязанность принять мѣры для предупрежденія и встрѣчи, если бы это оказалось необходимымъ, ожидавшагося враждебнаго движенія.

Военный министр, озабочиваясь безопасностью Портъ-Артура и достаточностью силъ для защиты нашихъ интересовъ въ Манчжуріи, испросилъ (7-го и 9-го іюня) объявленіе на военномъ положеніи Квантунской области и Пріамурскаго военнаго округа, а затѣмъ, при первыхъ извѣстіяхъ о появленіи признаковъ смуты среди населенія въ мѣстностяхъ близъ Инкоу и Мукдена, просилъ, телеграммой отъ 14-го іюня командующаго войсками Квантунской области выслать немедленно въ Инкоу, или въ другой пунктъ Южной Манчжуріи, по указанію администраціи желѣзной дороги, небольшой военный отрядъ, а командующему Пріамурскимъ округомъ поручилъ подготовить отрядъ къ немедленному передвиженію изъ Уссурійскаго края къ Харбину.

Министръ финансовъ, со своей стороны, еще съ половины мая обратилъ вниманіе на необходимость усиленія состава вооруженной охранной стражи, которая содержалась обществомъ Китайской Восточной желѣзной дороги на линіи дороги, согласно условіямъ предоставленной ему китайскимъ правительствомъ концессіи. Численность этой стражи первоначально рѣшено было, по мѣрѣ развитія строительныхъ работъ, довести до 5.000 человѣкъ, и весной 1900 года эта норма была достигнута. Признавая при данномъ положеніи дѣль въ Сѣверномъ Китаѣ такую численность стражи недостаточною, министръ финансовъ испросилъ усиленіе ея состава сначала (2-го іюня) до 6.000, а затѣмъ (16-го іюня) до 7.000 человѣкъ и, кромѣ того, сформированіе при этой стражѣ артиллерійской части. Получивъ вслѣдъ за тѣмъ донесеніе начальника штаба отдѣльнаго корпуса пограничной стражи генерала Сахарова (командированнаго въ Манчжурію для производства инспекторскаго смотра охранной стражи) о томъ, что, по мнѣнію послѣдняго, численность въ 7.000 человѣкъ представляется недостаточной, такъ какъ, помимо отрядовъ для охраны пути, станцій и значительныхъ сооружений, необходимо сформировать еще особые резервы, которые могли бы поддерживать эти отряды въ случаѣ какихъ-либо осложненій, а также особыя полицейскія команды для охраны порядка на территоріи дороги, и что, сообразно этому, численность стражи должна быть доведена до 11.000 человѣкъ, министръ финансовъ немедленно (22-го іюня) счелъ долгомъ испросить на это соизволеніе. Кромѣ того, министръ финансовъ сдѣлалъ все возможное для ускореннаго сформированія новыхъ частей стражи, войдя въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ о немедленномъ

отпускъ хотя бы части необходимыхъ для этого людей изъ числа безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ Пріамурскаго или въ крайности Сибирскаго военныхъ округовъ ¹⁾, и изъ охотниковъ отъ пріамурскихъ войскъ, а равно распорядился скомплектованіемъ нѣ котораго отряда изъ наличнаго состава пограничной стражи.

Прибѣгая къ спѣшному усиленію охранной стражи желѣзной дороги, министръ финансовъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ необходимымъ откладывать до послѣдней возможности вступленіе въ предѣлы Манчжуріи русскихъ регулярныхъ войскъ, полагая, что преждевременное примѣненіе этой мѣры могло бы значительно ухудшить положеніе, возбудивъ благонадежные слои туземнаго населенія и давъ недовольнымъ элементамъ этого населенія удобный поводъ и справедливое основаніе для враждебной агитаціи, а главное—испортить тѣ добрыя отношенія, которыя, по свидѣтельству главнаго инженера по сооруженію дороги, продолжали еще въ это время существовать между управленіемъ по сооруженію дороги и мѣстной китайскою администраціею, и затруднить тѣмъ охрану служащихъ и дороги. Поэтому министръ финансовъ еще 1-го іюня обратился къ адмиралу Алексѣеву съ просьбою о томъ, чтобы, безъ особаго ходатайства со стороны министерства финансовъ или строительнаго управленія Китайской Восточной желѣзной дороги, русскія войска не были вводимы изъ Квантуна въ Манчжурію, хотя бы даже на территорію, принадлежащую Китайской Восточной желѣзной дорогѣ. Позднѣе, по полученіи отъ мѣстныхъ агентовъ свѣдѣній о появленіи незначительныхъ беспорядковъ въ районѣ Инкоу и Мукдена, министръ финансовъ просилъ военнаго министра предложить адмиралу Алексѣеву выслать въ Инкоу, для охраны имущества желѣзной дороги и находившихся тамъ иностранцевъ, небольшой военный отрядъ, но въ то же время онъ высказывалъ, что введеніе войскъ на остальные участки дороги онъ считаетъ пока несвоевременнымъ; нѣсколько же дней спустя (16-го іюня), по поводу выраженнаго генераломъ Гродековымъ желанія немедленно двинуть отрядъ войска для прочнаго занятія Харбина, министръ финансовъ настоятельно просилъ военнаго министра телеграфировать генералу Гродекову, чтобы онъ отнюдь не вводилъ войскъ въ Манчжурію, пока это, по требованію министра финансовъ, не будетъ ему разрѣшено военнымъ министромъ. Наконецъ 19-го іюня министръ финансовъ счелъ нужнымъ вновь настаивать, чтобы безъ требованія министра финансовъ военное вѣдомство не посылало войскъ въ предѣлы района Китайской Восточной желѣзной дороги.

Министръ финансовъ считалъ, далѣе, существенно важнымъ средствомъ для предупрежденія угрожавшихъ беспорядковъ воз-

---

¹⁾ А. Н. Куропаткинъ это ходатайство отклонилъ.

дѣйствіе на представителей мѣстной китайской администраціи— въ дѣляхъ побужденія ихъ къ сохраненію порядка въ туземномъ населеніи, путемъ указанія на вполне дружественныя намѣренія Россіи въ отношеніи Китая и на печальныя послѣдствія, которыя должны будутъ повлечь за собою преступныя покушенія на Китайскую Восточную желѣзную дорогу. Когда главный инженеръ Юговичъ телеграммой отъ 8-го іюня донесъ, что среди квантунской администраціи существуетъ твердое убѣжденіе въ неизбежности войны съ Китаемъ, и съ безпокойствомъ просилъ экстреннаго разъясненія по этому вопросу, указывая, что если дѣйствительно ожидается разрывъ, то положеніе желѣзной дороги должно быть заблаговременно подвергнуто самому серьезному обсужденію съ этой новой точки зрѣнія, министръ финансовъ испросилъ разрѣшеніе разъяснить Юговичу, что Россія не намѣрена объявлять войну Китаю, и что дѣйствія нашихъ военныхъ силъ около Пекина направлены исключительно къ подавленію народной смуты и къ поддержанію законнаго китайскаго правительства, которое, къ сожалѣнію, само не подавило возстанія. Усмотрѣвъ при этомъ изъ сообщеній Юговича, что главная опасность для насъ въ Манчжуріи заключалась въ томъ, что, въ виду нашего участія въ военныхъ дѣйствіяхъ при Таку и Тянь-цзинѣ и мобилизаціи войскъ Пріамурскаго округа ¹⁾, у китайскихъ властей, населенія и войска могло возникнуть предположеніе, что Россія объявила войну Китаю, что легко могло положить начало враждебной противъ насъ агитаціи. Министръ финансовъ одновременно просилъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ снестись съ адмираломъ Алексѣевымъ о томъ, чтобы онъ далъ соотвѣтственныя разъясненія генераль-губернаторамъ и губернаторамъ трехъ провинцій Манчжуріи (что и было сдѣлано графомъ Ламздорфомъ). Кромѣ того, С. Ю. Витте предложилъ инженеру Юговичу дать разъясненіе въ томъ же смыслѣ всѣмъ чинамъ китайской администраціи, съ кото-

---

¹⁾ 15-го іюня Цицикарскій цзянь-цзюнь телеграфировалъ инженеру Юговичу, что, согласно полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ Пріамурскомъ краѣ собираются войска для отправки въ Манчжурію, и что появленіе здѣсь послѣднихъ можетъ вызвать серьезное волненіе среди невѣжественнаго населенія, напуганнаго событіями около Пекина и Тянь-цзиня. Цзянь-цзюнь просилъ не посылать въ Манчжурію военныхъ отрядовъ. Вслѣдъ за полученіемъ Юговичемъ этой телеграммы къ нему стали поступать отъ агентовъ дороги сообщенія о наборѣ въ Цицикарской провинціи солдатъ, лошадей и телѣгъ, о казенныхъ закупкахъ провизіи въ Цицикарѣ и объ увеличеніи численности китайскихъ постовъ въ мѣстахъ обычныхъ стоянокъ въ окрестностяхъ желѣзной дороги. Цицикарскій цзянь-цзюнь обратился также къ губернатору Амурской области съ предупрежденіемъ, чтобы мы не вводили нашихъ войскъ въ Манчжурію «во избѣжаніе большой тревоги». Телеграммой отъ 24-го іюня чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Манчжуріи донесъ, что слѣшныя военныя приготовленія въ Цицикарской и Гиринской провинціяхъ вызваны распространившимися слухами о скоромъ прибытіи нашихъ войскъ въ Манчжурію.

рыми онъ приходилъ въ сношенія по дѣлу постройки дороги, а равно объявить имъ, что Пріамурской округъ мобилизованъ вовсе не потому, чтобы Россія воевала съ Китаемъ, а для того, чтобы, въ случаѣ надобности, Россія имѣла возможность оберегать цѣлость и независимость Китая и его правительства.

Въ тѣхъ же цѣляхъ воздѣйствія на китайскихъ властей въ Манчжуріи министръ финансовъ, пользуясь личными отношеніями своими къ Ли-хунъ-чжану, установившимися съ 1896 году, обратился къ нему по телеграфу, прося его настоятельно совѣтовать манчжурскимъ властямъ препятствовать возникновенію въ районѣ желѣзной дороги какихъ-либо безпорядковъ и оказывать дорогѣ попрежнему содѣйствіе,—указавъ, что всякія враждебныя дѣйствія, направленныя противъ русской желѣзной дороги или русскихъ подданныхъ въ Манчжуріи, естественно заставятъ насъ ввести военные отряды въ предѣлы Манчжуріи.

Принимая указанныя мѣры предосторожности, министръ финансовъ, несмотря на донесенія агентовъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги изъ Южной Манчжуріи о появленіи здѣсь боксерской пропаганды и несмотря на небольшіе безпорядки, имѣвшіе мѣсто на южной вѣтви дороги 2-го и 14-го іюня и повторившіеся затѣмъ 20-го и 21-го іюня, все еще полагалъ, что, благодаря этимъ мѣрамъ, удастся не допустить, чтобы смута приняла въ Манчжуріи сколько-нибудь широкіе размѣры. Въ этомъ взглядѣ ¹⁾ убѣждали министра финансовъ какъ заявленія инженера Юговича, который еще 22-го іюня телеграфировалъ, что признаетъ введеніе войскъ въ Харбинъ мѣрою, не соотвѣтствующею обстоятельствамъ и могущею вызвать весьма тяжелыя послѣдствія, такъ равно и телеграммы, полученныя отъ трехъ генераль-губернаторовъ Манчжуріи китайскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, въ которыхъ эти китайскіе сановники удостовѣряли, что они берутъ на себя отвѣтственность за цѣлость дороги и безопасность ея служащихъ, если только не будутъ введены наши войска.

---

¹⁾ Довольно спокойно смотрѣлъ на положеніе вещей въ Манчжуріи въ это время также и военный агентъ въ Китаѣ полковникъ Дессино, который 18-го іюня телеграфировалъ, что къ югу отъ Харбина, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ чаще, въ городахъ, находившихся вблизи желѣзной дороги, появляются агитаторы среди китайцевъ, а китайскія войска изготавливаются и стягиваются къ центру и къ югу. Слухи о событіяхъ вблизи Тянь-цзиня, передвиженія китайскихъ войскъ, а впоследствии и слухи о мобилизаціи Пріамурскаго округа начинаютъ устрашать русскихъ, служащихъ на южной части Китайской Восточной желѣзной дороги, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ, принимая эти передвиженія войскъ чуть ли не за начало военныхъ дѣйствій противъ насъ, отправляютъ свои семейства и даже бросаютъ службу. Несмотря на то, что реальныхъ проявленій недружелюбія къ европейцамъ пока еще не было, однако подъ вліяніемъ агитаторовъ они могутъ возникнуть, главнымъ образомъ, въ городахъ Южной Манчжуріи.

Надеждамъ министра финансовъ, однако, не суждено было оправдаться. 22-го іюня въ Харбинѣ инженеромъ Юговичемъ было получено извѣстіе, что старшій помощникъ мукденскаго цзянь-цзюня (фу-ду-гунь) взялъ въ плѣнъ этого послѣдняго и, ставъ во главѣ войска и значительной шайки мятежниковъ, направился походомъ на желѣзную дорогу ¹⁾. Того же числа отрядъ китайскихъ солдатъ напалъ на постъ Южной вѣтви Ша-хэ, и хотя нападеніе было отбито, но охранѣ тѣмъ не менѣе пришлось оставить постъ. Въ тотъ же день китайскія войска атаковали постъ Цай-хэ и станцію Телинь, откуда служащіе должны были отступить къ сѣверу, отбиваясь отъ громаднаго скопища китайцевъ. 23-го іюня станція Цай-ло-пу подверглась нападенію китайскаго отряда и обстрѣливанію изъ пушекъ. Тогда же было произведено нападеніе и на станцію Мукденъ, а въ слѣдующій день—на станцію Лаоянь, причеиъ въ обоихъ случаяхъ желѣзнодорожные служащіе и охрана принуждены были отступить на югъ, преслѣдуемые отрядами китайскихъ войскъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, въ теченіе трехъ дней съ 22-го по 24-ое іюня желѣзнодорожная линія въ предѣлахъ Мукденской провинціи была атакована китайскими войсками на протяженіи слишкомъ двухсотъ верстъ.

Въ то же время въ Харбинѣ дошли слухи о разгромѣ католической миссіи въ Мукденѣ, сожженіи тамъ церкви и разграбленіи лавокъ, торговавшихъ европейскими товарами. Затѣмъ строительное управленіе дороги было поставлено въ извѣстность, что въ Гиринѣ идетъ усиленная агитація противъ европейцевъ, о чемъ агенту дороги сообщили сами китайскія власти, добавивъ, что въ случаѣ нападенія толпы на русскую колонію они не могутъ ручаться за поведеніе своихъ солдатъ. Такое же заявленіе было получено и отъ цикарскаго цзянь-цзюня, который, какъ и мукденскій цзянь-цзюнь, кромѣ того, прислалъ инженеру Юговичу предложеніе предписать веѣмъ русскимъ агентамъ дороги сдать имущество китайскимъ чиновникамъ, а самимъ выѣхать изъ Манчжуріи, съ тѣмъ, чтобы вернуться для продолженія постройки по водвореніи порядка. Одновременно строительнымъ управленіемъ дороги было получено извѣстіе, что на всеиъ протяженіи линіи

---

¹⁾ Позднѣе инженеру Юговичу удалось установить, что мукденскій фу-ду-гунь дѣйствовалъ вопреки волѣ цзянь-цзюня, выступивъ во главѣ войскъ противъ желѣзной дороги. Юговичъ полагаетъ, что указъ богдыхана о войнѣ съ иностранцами, наборъ солдатъ и производствѣ военныхъ приготовленій, полученный въ трехъ манчжурскихъ провинціяхъ около 18-го іюня, былъ истолкованъ враждебно иностранцамъ партией чиновниковъ въ Мукденѣ въ смыслѣ поощренія активныхъ операцій противъ желѣзной дороги подъ флагомъ боксеровъ. Инициативу этихъ операцій взялъ на себя фу-ду-гунь, цзянь-цзюнь же участія въ организаціи нападенія на желѣзную дорогу не принималъ.

между Харбиномъ и Телиномъ рабочіе толпами бросаютъ работы, а жители вооружаются.

О всемъ происшедшемъ инженеръ Юговичъ немедленно донесъ командующему войсками Приамурскаго округа и министру финансовъ съ просьбой экстренно принять мѣры къ охранѣ дороги и ея служащихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ служащіе и охрана ближайшихъ къ Харбину участковъ дороги немедленно собрались въ этотъ послѣдній, съ остальныхъ же участковъ поскорѣе отступили къ русской границѣ.

При такомъ положеніи министръ финансовъ счелъ необходимымъ просить возможно спѣшной посылки отрядовъ въ Манчжурію по Сунгари и вдоль линіи желѣзной дороги изъ Уссурійскаго края, а затѣмъ—объ отправленіи войскъ также и съ западной границы Манчжуріи, въ виду признаковъ возникновенія броженія и въ этомъ районѣ.

Приказъ о вступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи состоялся 26-го іюня.

Не прошло послѣ этого и трехъ мѣсяцевъ, какъ рядомъ стремительныхъ движеній русскихъ отрядовъ, направленныхъ въ Манчжурію съ разныхъ сторонъ, всѣ встрѣченныя китайскія скопища были разбиты и разсѣяны, и желѣзнодорожная линія, подвергшаяся разгрому на огромномъ протяженіи, была опять въ нашихъ рукахъ.

Первыми вступили въ Манчжурію отряды, заблаговременно подготовленные въ Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ и Никольскѣ-Уссурійскомъ. Хабаровскій и благовѣщенскій отряды, двинутые по Амуру, должны были соединиться при устьѣ Сунгари подъ командою генерала Сахарова, чтобы затѣмъ прослѣдовать отсюда съ возможной спѣшностью въ Харбинъ. Никольскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Чичагова, былъ направленъ отъ станціи Пограничной вдоль линіи желѣзной дороги для занятія восточнаго участка послѣдней. Нѣсколько позднѣе (12-го іюля) выступилъ, подъ начальствомъ генерала Орлова, спѣшно сформированный въ Забайкальѣ отрядъ, предназначавшійся для занятія западныхъ участковъ желѣзнодорожной линіи и, наконецъ, около того же времени было сдѣлано распоряженіе о подкрѣпленіи отряда, высланнаго еще ранѣе въ Инкоу, причемъ начальнику этого отряда была дана инструкція произвести на китайцевъ ударъ къ сѣверу по направленію къ Хай-чэну.

Лишь только выступилъ (29-го іюня) изъ Благовѣщенска отрядъ, направлявшійся на Сунгари, и вслѣдствіе этого оказался ослабленнымъ благовѣщенскій гарнизонъ, китайцы неожиданно, съ противоположнаго берега изъ Айгуня, открыли огонь по плывшему по Амуру пароходу «Михаилъ», а на слѣдующій день начали бомбардировать Благовѣщенскъ. Одновременно командующій войсками генералъ Гродековъ получилъ телеграмму отъ цицикарскаго цзянь-

цзюня, въ которой послѣдній сообщалъ, что такъ какъ наши войска двигаются въ Манчжурію, то онъ приказалъ открыть по нимъ огонь. Обстрѣливаніе Благовѣщенска продолжалось съ перерывами двѣ недѣли, а 5-го іюля китайцы значительнымъ отрядомъ, даже съ пушками, вторглись на нашъ берегъ ¹⁾. При такомъ положеніи настоятельно требовалось, кромѣ указанныхъ выше отрядовъ, послать войска и противъ Айгуня, чтобы разсѣять собравшія здѣсь китайскія полчища.

Наконецъ, чтобы оказать поддержку сравнительно слабому никольскому отряду войсковыми частями, расположенными въ Посѣтскомъ участкѣ, признано было необходимымъ направить въ Манчжурію еще одинъ отрядъ—для занятія крѣпости Хунь-чунь, гарнизонъ которой могъ сдѣлать вторженіе въ названный участокъ.

Первыя двѣ недѣли іюля, пока всѣ эти отряды готовились и начинали походъ, были полны тяжелыхъ опасеній. Съ тревогой ожидались извѣстія, въ особенности изъ Благовѣщенска и Харбина. Отстоитъ ли Благовѣщенскъ слабый гарнизонъ, хотя и поддерживаемый добровольцами изъ населенія города? Успѣетъ ли отрядъ, наступающій по Сунгари, подать помощь окруженному со всѣхъ сторонъ Харбину? Появился даже слухъ, будто китайскія войска идутъ изъ Хайлара, чтобы вторгнуться въ Забайкалье.

Однако, въ виду успѣшности операцій нашихъ войскъ, опасенія эти стали быстро разсѣиваться. 15-го іюля генераль Сахаровъ овладѣлъ опорнымъ пунктомъ китайцевъ на Сунгари Сань-синомъ. 17-го іюля генераль Орловъ разбилъ китайскія войска на западѣ близъ Хайлара. 17-го же іюля генераль Айгустовъ на противоположномъ концѣ нашего фронта овладѣлъ китайскою крѣпостью Хунь-чунь. 19-го іюля былъ взятъ на южной вѣтви городъ Гай-чжоу. 20-го іюля отрядъ генерала Чичагова, отгнанивъ китайцевъ, достигъ рѣки Му-дань-цзянь. 21-го іюля генераль Сахаровъ достигъ Харбина, выдержавшаго за два дня передъ тѣмъ нападеніе значительныхъ китайскихъ вооруженныхъ силъ ²⁾. 22-го іюля разбиты китайскія войска, угрожавшія Благовѣщенску, и взятъ съ бою Айгунь. 22-го же іюля наши войска заняли портъ Ин-коу, а затѣмъ, двинувшись далѣе на сѣверъ, 31-го іюля взяли съ боя городъ Хай-чэнъ. Отрядъ генерала Ренненкампа, посланный

¹⁾ Цзянь-цзюнь Шоу, по всей вѣроятности, отдалъ приказъ бомбардировать Благовѣщенскъ по собственной инициативѣ, а не по приказанію изъ Пекина,—однако въ твердой надеждѣ на одобреніе этого шага пекинскимъ правительствомъ, которое въ концѣ іюня официально одобрило безчинства, произведенныя въ Мукденской провинціи китайскими войсками противъ христіанскихъ миссій и желѣзной дороги.

²⁾ Заслуживаетъ упоминанія, что прежде, чѣмъ двинуть войска свои на Харбинъ, цичкарскій цзянь-цзюнь Шоу предложилъ инженеру Юговичу выслать отуда въ Россію всѣхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ.

послѣ взятія Айгуня для преслѣдованія отступавшихъ къ городу Мэргэню китайцевъ, успѣшно выполнилъ эту задачу, и 4-го августа занялъ Мэргэнь. Двинувшись отсюда далѣе, Ренненкампфъ сталъ подходить къ Цицикару, когда къ нему явился китайскій парламентаръ, предложившій прекратить военныя дѣйствія и заявившій, что китайскимъ войскамъ приказано уходить со своихъ позицій передъ нашими войсками. Ренненкампфу было, однако, приказано командующимъ войсками не входить въ переговоры съ китайцами, а энергично наступать на Цицикаръ. 16-го августа Цицикаръ былъ взятъ безъ сопротивленія со стороны китайскихъ войскъ. 16-го же августа генераль Айгустовъ занялъ Нингуту, встрѣтивъ весьма слабое сопротивленіе. 20-го августа отряды генераловъ Ренненкампфа и Орлова соединились въ окрестностяхъ Цицикара и почти безъ отдыха продолжали отсюда движеніе къ сторону Харбина и Бодунэ. Къ тому же времени генераль Сахаровъ, очистивъ отъ китайскихъ войскъ мѣстности близъ Харбина, занялъ А-жэ-хэ и выдвинулъ отряды по направленію къ Му-дань-цзяну и Цицикару. Къ 20-му августа вся магистраль желѣзной дороги вновь перешла въ наши руки.

По мѣрѣ постепеннаго занятія войсками участковъ магистрали, строители дороги слѣдомъ за войсками быстро и успѣшно приступали къ возобновленію желѣзнодорожныхъ работъ. Желая ускорить эти работы и по возможности устранить поводы къ продолженію непріязненныхъ дѣйствій, министръ финансовъ 14-го августа по телеграфу предложилъ инженеру Юговичу внушить китайцамъ, что наши заявленія при началѣ безпорядковъ остались неизмѣнными, что мы не ищемъ земельныхъ пріобрѣтеній, а желаемъ лишь возстановленія законнаго китайскаго правительства, и что если китайскія войска будутъ сдавать оружіе и перестанутъ нападать на желѣзную дорогу, то и наши не будутъ употреблять насилій, неизбѣжно связанныхъ съ военными дѣйствіями.

Послѣ очищенія отъ китайцевъ магистрали желѣзной дороги военными властями рѣшено было занять главный городъ Средней Манчжуріи Гиринъ; затѣмъ оставалось еще овладѣть большою частью Южно-Манчжурской вѣтви. Послѣдняя находилась въ нашихъ рукахъ лишь въ части близъ Харбина и на протяженіи отъ Квангуна до города Хай-чэнъ. Адмиралу Алексѣеву пришлось пріостановить на время движеніе дальше на сѣверъ къ Лаояну и Мукдену, пока взятіе Пекина не дало возможности обратить части силъ, собранныхъ въ Чжи-лійской провинціи, на операціи въ Южной Манчжуріи.

На Гиринъ было отправлено отъ Цицикара, Нингуты и Харбина 18 батальоновъ, 25 сотенъ и 78 орудій; городъ сдался 11-го сентября генералу Ренненкампфу безъ всякаго боя.

«истор. ввстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

Во главѣ войскъ, предназначенныхъ для похода на Лаоянь и Мукденъ и дальше къ сѣверу для занятія Южно-Манчжурской вѣтви, былъ поставленъ генераль Субботичъ. Еще задолго до выступленія этого отряда, въ концѣ августа, мукденскій цзянь-цзюнь прислалъ начальнику южнаго отдѣленія Южно-Манчжурской вѣтви инженеру Гиршману письмо, въ которомъ цзянь-цзюнь просилъ послѣдняго ходатайствовать предъ адмираломъ Алексѣевымъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, сообщая при этомъ, что онъ приказалъ своимъ войскамъ не двигаться и не начинать дѣйствій. Адмираль Алексѣевъ, которому инженеромъ Гиршманомъ была доложена просьба цзянь-цзюня, указалъ, однако, что лично онъ считаетъ занятіе Мукдена вреднымъ,—тѣмъ болѣе, что по опыту дѣйствій въ Манчжуріи и Пекинѣ занятіе неизбѣжно будетъ сопряжено съ разгромомъ Мукдена, истинной столицы и опоры манчжурской династіи; что если бы это было въ его силахъ, то онъ охотно остановилъ бы военныя дѣйствія; но что инструкціи, полученныя генераломъ Субботичемъ изъ военнаго министерства, клонятся къ безотлагательнымъ быстрымъ движеніямъ впередъ, чтобы не задерживаться съ переговорами.

Наступленіе отряда генерала Субботича началось 2-го сен, тѣбря. Онъ разогналъ китайскія войска у стараго Ню-чжуана-Ан-шань-чжана и Шахэ, занялъ 15-го сентября безъ боя Лаоянь, а 18-го сентября вступилъ въ разграбленный и зажженный отступавшими китайскими полчищами Мукденъ. 18-го же сентября союзныя войска заняли гор. Шанхай-гуань, расположенный на границѣ Чжи-лійской провинціи и юго-западной Манчжуріи. 19-го сентября изъ Шанхай-гуаня русскій отрядъ направился на сѣверо-востокъ по направленію къ Мукдену, чтобы пресѣчь дорогу разбитымъ генераломъ Субботичемъ китайскимъ войскамъ. Движеніе это отдало въ наши руки юго-западную Манчжурію съ желѣзнодорожною линіею Шанхай-гуань—Инкоу—Синь-минь-тинъ. Почти никакого сопротивленія этому движенію не было оказано—китайцы всюду дружелюбно встрѣчали наши войска.

Послѣ занятія Мукдена, передовой отрядъ войскъ генерала Субботича былъ выдвинутъ вдоль линіи желѣзной дороги къ Телину и 23-го соединился въ этомъ пунктѣ съ головною частью отряда генерала Ренненкампа, направившагося сюда послѣ занятія Гирина.

Такимъ образомъ, къ концу сентября вся Южно-Манчжурская вѣтвь перешла опять въ наши руки. Задача обратнаго завоеванія линіи была закончена. Строители дороги и здѣсь, какъ на магистралахъ, слѣдомъ за войсками приступали къ исправленію громадныхъ поврежденій пути, причиненныхъ китайцами.

XXII.

Когда Пекинъ былъ взятъ, и этимъ выполнена была основная задача, поставленная русскимъ войскамъ въ Чжи-ли, а, съ другой стороны, непрерывный рядъ успѣшныхъ дѣйствій нашихъ отрядовъ въ Манчжуріи не оставлялъ сомнѣній въ близкомъ подавленіи враждебнаго движенія и въ этой области.—русское правительство силою вещей было поставлено лицомъ къ лицу съ вопросомъ: какой политики слѣдуетъ ему держаться въ Китаѣ и въ особенности въ Манчжуріи при новой обстановкѣ, созданной боксерской смутой, и что поставить въ основу тѣхъ дипломатическихъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ, которые послѣ окончанія военныхъ дѣйствій должны были возникнуть?

По вопросу этому въ началѣ августа военный министръ представилъ записку, въ которой высказалъ, что при переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ Россіи надлежитъ потребовать не только уплаты военного вознагражденія и возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ разрушеніемъ Китайской Восточной желѣзной дороги, но и отказа Китая отъ права имѣть въ Манчжуріи войска, за исключеніемъ полицейской стражи, а равно предоставленія намъ права занимать важнѣйшіе пункты названной дороги русскими регулярными войсками и контролировать китайскую администрацію въ Манчжуріи. Необходимость этихъ требованій генераль Куропаткинъ мотивировалъ указаніемъ на непримиримо-враждебное отношеніе, въ которое стало къ намъ, по его мнѣнію, китайское правительство со времени захвата Портъ-Артура и полученія нами концессіи на проведеніе Китайской Восточной желѣзной дороги. Потерявъ вѣру въ насъ, Китай сталъ готовиться къ вооруженной борьбѣ, и въ результатъ вспыхнуло патріотическое антихристіанское движеніе. Генераль Куропаткинъ полагалъ, что если мы не добьемся выполненія Китаемъ указанныхъ требованій, то китайцы будутъ безконтрольно развивать свои вооруженныя силы, сами проложатъ въ Манчжуріи свои желѣзныя дороги и въ короткое время вновь перейдутъ здѣсь въ наступленіе противъ насъ.

Еще болѣе крутое рѣшеніе манчжурскаго вопроса предлагалъ командующій войсками Приамурскаго округа генераль Гродековъ, который высказалъ, что, по его мнѣнію, обратная передача китайцамъ праваго берега Амура явится смертнымъ приговоромъ для нашего Амурскаго побережья, ибо китайцы очень скоро войдутъ въ силу, будутъ въ состояніи съ своего берега разгромить наши поселенія и сдѣлаютъ невозможнымъ для насъ всякое сообщеніе по названной рѣкѣ. Поэтому генераль Гродековъ считалъ безусловно необходимымъ отодвинуть нашу государственную гра-

ницу съ Китаемъ къ югу, присоединивъ къ русскимъ владѣніямъ часть Манчжуріи по правому берегу Амура и лѣвому берегу Уссури и проведя новую границу по хребтамъ Б. Хинганъ, Ильхури-Алинь, М. Хинганъ, Наданъ-хатала-алинь, Кэнтай-алинь, Лоэ-линь и Цуй-гоу-ца-линь.

Съ приведенными взглядами военнаго министра и генерала Гродекова не соглашался министръ финансовъ, который изложилъ свое мнѣніе въ пространной запискѣ отъ 11-го августа. Въ запискѣ этой С. Ю. Витте, прежде всего, замѣтилъ, что причиною боксерской смуты явилась не концессія на сооруженіе Китайской Восточной желѣзной дороги, а вообще то неудержимое историческое стремленіе Россіи на востокъ, которое началось еще отъ времени новгородской вольницы и продолжается до нашихъ дней, выразившись, между прочимъ, также и въ сооруженіи желѣзной дороги до Владивостока черезъ Манчжурію и въ «преждевременномъ» захватѣ Портъ-Артура. Особенно же повліяло безцеремонное хозяйничанье европейцевъ въ Китаѣ. Утверждать, что дорога черезъ Манчжурію до Владивостока имѣла какое-либо вліяніе на созданіе въ Китаѣ смуты—можно, только не выдавъ документовъ, относящихся до уступки намъ Китаемъ означенной концессіи, каковыя документы свидѣтельствуютъ, что концессія эта явилась результатомъ «мирныхъ» отношеній къ Китаю. Переходя, затѣмъ, къ рассмотрѣнію мѣръ для разрѣшенія китайскаго вопроса, министръ финансовъ высказалъ, что предложеніе, направленное къ немедленному, въ той или иной формѣ, расширенію русской территоріи на Дальнемъ Востокѣ и предъявленію Китаю требованія объ уплатѣ намъ крупнаго военнаго вознагражденія, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ, на первый взглядъ, много завлекательнаго. Однако, при ближайшемъ разборѣ, предложеніе это не только представляется для интересовъ Россіи невыгоднымъ, но и сулитъ весьма тяжелыя послѣдствія. Если мы наложимъ руку на Манчжурію, хотя бы и въ скрытой формѣ, то этимъ будетъ данъ сигналъ для занятія обширныхъ областей Китая прочими иностранными державами, а Кореи—Японіей. Послѣ этого, вмѣсто слабыхъ Китая и Кореи, сосѣдями нашими на Дальнемъ Востокѣ окажутся сильныя воинственныя державы; мы окажемся здѣсь предъ новыми большими затрудненіями и будемъ вынуждены на новыя громадныя финансовыя жертвы для укрѣпленія нашихъ восточныхъ границъ. Затѣмъ, когда такимъ образомъ значительная часть нашихъ военныхъ силъ будетъ отвлечена на далекую окраину, а финансы ухудшатся, наше положеніе въ Европѣ значительно ослабнетъ,—а между тѣмъ всякое столкновеніе на западной границѣ представляетъ собою дѣло далеко болѣе серьезное, нежели дѣйствія въ Китаѣ. Чтобы избѣгнуть бѣдствій серьезной войны на западѣ, не поступаясь своимъ достоинствомъ и серьезными интересами,

мы должны быть тамъ очень сильны. Лучше ошибиться въ расчетѣ на окраинѣ Азіи, нежели подвергнуть риску наше положеніе въ Европѣ. Оставаясь могучею въ Европѣ, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ не свернетъ и со своего историческаго пути къ Тихому океану. Наконецъ, едва ли надо говорить, что, имѣя съ Китаемъ границу свыше восьми тысячъ верстъ, мы, съ точки зрѣнія устойчивости нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ, ближайшимъ образомъ заинтересованы въ сохраненіи въ Китаѣ порядка, который поддерживался въ немъ его правительствомъ уже въ теченіе тысячелѣтій. Поэтому въ нашихъ интересахъ—возстановить возможно скорѣе авторитетъ этого правительства, которое одно въ состояніи успокоить разыгравшееся народное волненіе. Слѣдуетъ не только не предъявлять ему чрезмѣрныхъ требованій, а, наоборотъ, оказывать ему и нравственную, и матеріальную поддержку, чѣмъ и поставить династію въ зависимость отъ насъ. По этимъ соображеніямъ министръ финансовъ приходилъ къ выводу, что при предстоящихъ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ намъ не слѣдуетъ заводить рѣчи ни о военномъ вознагражденіи, ни о территориальныхъ уступкахъ, за убытки же, причиненные разореніемъ Китайской Восточной желѣзной дороги, слѣдуетъ искать вознагражденія въ соответственномъ измѣненіи условій концессіи на эту дорогу. Засимъ остальные требованія наши къ Китаю должны были бы ограничиваться: 1) условіемъ объ обезпеченіи иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ надлежащею военною охраною; 2) примѣрнымъ наказаніемъ китайскихъ начальниковъ, наиболѣе виновныхъ въ рѣзни иностранцевъ и христіанъ и 3) вмѣненіемъ Китаю въ обязанность не держать въ Манчжуріи войскъ въ условіяхъ, угрожающихъ нашей границѣ и желѣзной дорогѣ. Въ заключеніе министръ финансовъ добавлялъ, что, высказываясь столь рѣшительно противъ всякихъ новыхъ территориальныхъ захватовъ въ Китаѣ, онъ вовсе не указываетъ новаго рѣшенія вопроса, а лишь строго слѣдуетъ политической программѣ, провозглашенной и опубликованной во всеобщее свѣдѣніе въ правительственныхъ сообщеніяхъ, гласящихъ, что «не добиваясь никакихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, стремясь къ общему умиротворенію и скорѣйшему возстановленію добрыхъ отношеній съ сосѣднимъ Китаемъ, Россія, осталась вѣрною своимъ историческимъ преданіямъ», что «старанія ея направлены были лишь къ одной цѣли: содѣйствовать возстановленію порядка и спокойствія въ Китайской имперіи» и «оказать существенную помощь пекинскому правительству въ борьбѣ его съ мятежниками и ускорить возстановленіе въ имперіи законнаго порядка вещей въ интересахъ самаго Китая».

Соображенія эти были уважены, и 14-го августа министръ финансовъ телеграфировалъ инженеру Юговичу указаніе—внушить китайцамъ, что желанія Россіи, официально заявленныя при

началъ боксерской смуты, остались неизмѣнными, что Россія не ищетъ никакихъ земельныхъ пріобрѣтеній, а желаетъ лишь возстановленія законнаго китайскаго правительства и порядка.

Въ тотъ же день военный министръ сообщилъ генералу Гродекову, въ отвѣтъ на телеграмму о необходимости присоединенія къ Россіи части Манчжуріи, что, въ видахъ скорѣйшаго возстановленія дружескихъ сосѣдскихъ отношеній къ Китаю, рѣшено не присоединять никакой части Китая къ русскимъ владѣніямъ и ограничиться принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для спокойнаго и прочнаго пользованія желѣзными дорогами, проводимыми нами черезъ Манчжурію, и для свободнаго плаванія нашихъ судовъ по Амуру.

Одновременно съ этимъ русское правительство признало необходимымъ поставить въ извѣстность о своихъ намѣреніяхъ по китайскому и манчжурскому вопросамъ также и заинтересованныя иностранныя правительства. 12-го августа россійскимъ представителямъ за границей была послана слѣдующая циркулярная телеграмма, съ порученіемъ довести о содержаніи ея до свѣдѣнія соотвѣтствующихъ правительствъ: «Ближайшія цѣли, къ которымъ стремилось императорское правительство съ самаго возникновенія смуты въ Китаѣ, заключались въ слѣдующемъ: 1) огражденіе россійскаго представительства въ Пекинѣ и обезпеченіе русско-подданныхъ отъ преступныхъ замысловъ китайскихъ мятежниковъ и 2) оказаніе помощи пекинскому правительству въ борьбѣ его со смутю, для скорѣйшаго его возстановленія въ имперіи законнаго порядка вещей. Когда велѣдъ за тѣмъ всѣми заинтересованными державами рѣшено было направить войска въ Китай съ подобными же цѣлями, то императорскимъ правительствомъ предложено было принять за руководство по отношенію къ китайскимъ событіямъ нижеслѣдующія основныя начала: 1) поддержаніе общаго согласія державъ; 2) сохраненіе исконнаго государственнаго строя въ Китаѣ; 3) устраненіе всего того, что могло бы повести къ раздѣлу Поднебесной имперіи, и, наконецъ, 4) возстановленіе общими усиліями законнаго центрального правительства въ Пекинѣ, которое могло бы само обезпечить въ странѣ порядокъ и спокойствіе. По этимъ пунктамъ почти между всѣми державами состоялось соглашеніе. Не преслѣдуя никакихъ иныхъ задачъ, императорское правительство оставалось и намѣрено впредь оставаться неуклонно вѣрнымъ вышеуказанной программѣ дѣйствій. Если ходъ событій, какъ нападеніе мятежниковъ на наши войска въ Нью-чжуанѣ, а также рядъ враждебныхъ дѣйствій китайцевъ на нашей государственной границѣ, напримѣръ, ничѣмъ не вызванное бомбардированіе Благовѣщенска, побудили Россію къ занятію Нью-чжуана и введенію русскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи,—то эти временныя мѣры, вызванныя исключительно необходимостью отражать агрессивныя дѣйствія китайскихъ

мятежниковъ, отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о какихъ-либо своекорыстныхъ планахъ, совершенно чуждыхъ политикѣ императорскаго правительства. Какъ скоро въ Манчжуріи будетъ восстановленъ прочный порядокъ и будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ огражденію рельсоваго пути, постройка коего обезпечивается особымъ формальнымъ соглашеніемъ съ Китаемъ по отношенію къ концессіи, выданной обществу Китайской Восточной желѣзной дороги,—Россія не преминетъ вывести свои войска изъ предѣловъ сосѣдней имперіи, если, однако, этому не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ. Очевидно, что имѣющіеся у иностранныхъ государствъ и международныхъ обществъ интересы, какъ въ занятомъ Россіею открытомъ торговомъ портѣ Нью-чжуанѣ, такъ и на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, восстановленныхъ русскими войсками, остаются ненарушимыми и вполне обезпеченными. Послѣдовавшимъ нынѣ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ болѣе скорымъ, чѣмъ слѣдовало ожидать, занятіемъ Пекина—достигнута первая и главная задача, поставленная императорскимъ правительствомъ, а именно—представители державъ со всѣми находившимися въ осадѣ иностранцами освобождены. Вторая задача, т.-е. оказаніе содѣйствія законному центральному правительству къ восстановленію порядка и правильныхъ отношеній къ державамъ, представляется до поры до времени затруднительной, вслѣдствіе отъѣзда изъ столицы самого богдыхана, императрицы-регентши и цзунъ-ли-ямыня. При этихъ условіяхъ императорское правительство не видитъ основаній для дальнѣйшаго пребыванія въ Пекинѣ иностранныхъ миссій, аккредитованныхъ при правительствѣ, которое отсутствуетъ, а посему оно, съ своей стороны, намѣрено отозвать въ Тянь-цзинь своего посланника, д. с. с. Гирса, со всѣмъ составомъ миссіи; къ указанному пункту ихъ будутъ сопровождать русскія войска, присутствіе коихъ въ Пекинѣ отнынѣ представляется безцѣльнымъ, въ виду принятаго и неоднократно заявленнаго Россіею твердаго рѣшенія не выходить изъ предѣловъ заранѣе поставленной ею задачи».

XXIII.

Какъ уже было изложено выше, русскіе военные отряды, занимавшіе Чжи-ли, вскорѣ же эвакуировали эту провинцію. Русское правительство, рѣшивъ первоначально отозвать своего посланника изъ Пекина, впоследствии, послѣ назначенія со стороны Китая уполномоченными для веденія переговоровъ о мирѣ сановниковъ князя Цина и Ли-хунъ-чжана, согласилось на веденіе этихъ переговоровъ въ Пекинѣ, гдѣ къ этому и было приступлено въ октябрѣ того же 1900 года.

При началѣ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ министръ финансовъ представилъ записку съ изложеніемъ своего взгляда относительно той части переговоровъ, которая ближайшимъ образомъ касалась финансоваго вѣдомства, т.-е. относительно вопроса о вознагражденіи Россіи за причиненные ей боксерской смутой убытки. Въ этой запискѣ министръ финансовъ, такъ же, какъ и въ изложенной выше запискѣ отъ 11-го августа, заявлялъ, что Россіи не слѣдовало бы предъявлять Китаю чрезмѣрныхъ требованій, а, наоборотъ, оказать ему возможную поддержку—въ смыслѣ пониженія требованій прочихъ правительствъ. Согласно съ этимъ взглядомъ, министръ финансовъ находилъ наиболѣе желательнымъ, чтобы русское правительство вовсе не требовало въ свою пользу денежнаго вознагражденія, если бы можно было рассчитывать устранить этимъ подобныя же требованія и со стороны другихъ державъ. Однако, въ виду того, что большинство послѣднихъ, какъ выяснилось къ этому времени, считало возмѣщеніе Китаемъ понесенныхъ державами убытковъ и военныхъ расходовъ основнымъ и непремѣннымъ условіемъ мира, подобная надежда оказывалась теперь тщетною, и, слѣдовательно, отказъ Россіи отъ вознагражденія не достигъ бы цѣли. При такомъ положеніи и принимая во вниманіе, что само китайское правительство уже изъявило черезъ своихъ уполномоченныхъ готовность на уплату державамъ извѣстнаго денежнаго вознагражденія, министръ финансовъ находилъ желательнымъ: 1) чтобы при переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ мы настаивали на возможномъ пониженіи державами ихъ денежныхъ требованій за убытки и понесенные расходы и 2) чтобы, не отказываясь отъ причитающейся намъ доли вознагражденія, мы опредѣлили размѣръ этой доли въ соотвѣтствіи съ претензіями, заявленными другими. Предположенія эти были одобрены.

При переговорахъ въ Пекинѣ, сначала дѣло ограничивалось почти исключительно совѣщаніями между иностранными представителями, обмѣнивавшимися мыслями по поводу тѣхъ или другихъ проектировавшихся мѣръ, безъ участія представителей китайскаго правительства. Мнѣнія на этихъ совѣщаніяхъ, естественно, очень расходились. Многіе изъ посланниковъ, испытавшіе всѣ тѣ лишенія и униженія, которыми сопровождалась осада посольствъ боксерскими полчищами, поддаваясь чувству мести, требовали главнымъ образомъ казни возможно большаго числа китайскихъ сановниковъ. Ихъ успокаивали болѣе благоразумные коллеги, а также собственныя ихъ правительства, старавшіяся умѣрить чрезмѣрный пылъ своихъ представителей. Другіе изъ посланниковъ старались утилизировать возбужденные переговоры для того, чтобы, пользуясь поддержкою всѣхъ участвовавшихъ въ переговорахъ державъ, добиться,—подъ предлогомъ предъ-

явленія требованій, которыми-де будетъ обезпечиваться общее благо,—разныхъ преимуществъ и льготъ, специально ихъ интересовавшихъ. При этомъ они, конечно, наталкивались на оппозицію со стороны представителей державъ, не желавшихъ служить для нихъ послушнымъ орудіемъ и подчасъ усматривавшихъ даже прямой ущербъ своимъ интересамъ отъ осуществленія подобныхъ требованій.

Въ зависимости отъ дѣйствія этихъ различныхъ силъ и вліяній, требованія иностранныхъ представителей въ Пекинѣ постепенно измѣнялись, вылившись въ концѣ концовъ въ совмѣстную ноту, подписанную иностранными представителями въ началѣ декабря (1900 года) и переданную затѣмъ, 11-го декабря, китайскимъ уполномоченнымъ. Содержаніе этой ноты сводилось къ слѣдующему: 1) китайское правительство обязано отправить въ Берлинъ чрезвычайное посольство для выраженія сожалѣнія по поводу убійства въ Пекинѣ представителя германскаго правительства и соорудить памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было совершено убійство; 2) лица, виновныя въ боксерской смутѣ, должны быть подвергнуты наказанію, а въ городахъ, гдѣ иностранцы были умерщвлены или подверглись жестокому обращенію, въ теченіе пяти лѣтъ не должно быть назначаемо государственныхъ экзаменовъ; 3) китайское правительство обязуется дать Японіи удовлетвореніе за убійство чиновника японскаго посольства во время смуты въ Пекинѣ; 4) китайское правительство обязано соорудить памятники на кладбищахъ, которыя были осквернены во время смуты; 5) ввозъ въ Китай оружія и боевыхъ припасовъ на извѣстное время долженъ быть запрещенъ; 6) китайское правительство обязано вознаграждать какъ иностранныя правительства, такъ равно частныхъ лицъ и общества за убытки, понесенные ими вслѣдствіе боксерской смуты; 7) иностраннымъ державамъ должно быть предоставлено держать при своихъ посольствахъ въ Пекинѣ постоянную вооруженную охрану; китайцамъ жительство въ посольскомъ кварталѣ должно быть запрещено; 8) форты въ Таку и всѣ укрѣпленія по дорогѣ между Пекиномъ и моремъ должны быть скрыты; 9) державамъ должно быть предоставлено право держать отряды въ извѣстныхъ пунктахъ, опредѣляемыхъ по взаимному соглашенію, по дорогѣ между Пекиномъ и моремъ; 10) китайское правительство обязуется издать указъ, подѣ страхомъ смертной казни воспрещающій китайцамъ принадлежать къ какимъ бы то ни было антииностраннымъ обществамъ и возлагающій на провинціальныхъ властей отвѣтственность за происшедшіе въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ антииностранные и антихристіанскіе безпорядки; 11) китайское правительство обязуется ввести, по требованію державъ, въ существующіе торговые трактаты тѣ измѣненія, которыя державы признаютъ необходимыми; 12) китайское прави-

тельство обязуется преобразовать цзунъ-ли-ямышь (министерство иностранныхъ дѣлъ) и ввести измѣненія въ церемоніаль пріема иностранныхъ представителей при пекинскомъ дворѣ.

Нота заканчивалась заявленіемъ, что въ случаѣ непріятія Китаемъ къ исполненію изложенныхъ въ нотѣ требованій не можетъ быть рѣчи объ эвакуаціи занятыхъ иностранными отрядами частей Чжи-лійской провинціи и Пекина.

15-го декабря изъ Си-ань-фу, гдѣ находился китайскій дворъ, была получена телеграмма, извѣщавшая о принятіи Китаемъ въ общихъ чертахъ требованій, изложенныхъ въ совмѣстной нотѣ представителей иностранныхъ державъ. Послѣдніе, однако, не удовольствовались этой телеграммой, и по ихъ настоянію былъ составленъ особый протоколъ, въ которомъ былъ приведенъ текстъ совмѣстной ноты и засвидѣтельствованъ самый фактъ принятія ноты китайскими уполномоченными. 29-го декабря протоколъ этотъ былъ подписанъ иностранными посланниками и переданъ китайскимъ уполномоченнымъ для подписанія и приложенія богдыханской печати, на что 31-го декабря изъ Си-ань-фу и было получено разрѣшеніе.

Сообщая объ этомъ иностраннымъ посланникамъ, китайскіе уполномоченные вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи полученнаго ими повелѣнія, заявили о своемъ желаніи обсудить съ посланниками нѣкоторыя подробности исполненія требованій ноты и въ особой запискѣ представили дипломатическому корпусу цѣлый рядъ замѣчаній и пожеланій по содержанію ноты. Остановливаясь въ этой запискѣ на отдѣльныхъ требованіяхъ ноты, китайцы то пытались дать имъ возможно выгодное для себя, ограничительное толкованіе, то указывали на необходимость допущенія въ извѣстныхъ случаяхъ отступленія отъ этихъ требованій, то просили о болѣе определенномъ или подробномъ изложеніи, то, наконецъ, возбуждали вопросъ о введеніи тѣхъ или иныхъ новыхъ мѣръ, необходимыхъ для исполненія требованій ноты.

Посланники изъявили согласіе на обсужденіе представленныхъ китайцами соображеній, такъ какъ болѣе точное установленіе многихъ подробностей соответствовало и интересамъ самихъ державъ. Переговоры въ Пекинѣ продолжались такимъ порядкомъ свыше полугода.

При этихъ переговорахъ очень продолжительнаго обмѣна мыслей потребовало, между прочимъ, рѣшеніе вопроса о лицахъ, которые должны были подвергнуться наказанію за руководство боксерской смуты, и о способѣ наказанія ихъ. При самомъ возбужденіи этого вопроса онъ былъ раздѣленъ посланниками на двѣ части: наказанія для главныхъ столичныхъ виновниковъ смуты и наказанія для провинціальныхъ властей. Китайскіе уполномоченные стойко защищали своихъ князей и государственныхъ людей, причемъ за-

дача эта оказывалась далеко не легкою, главнымъ образомъ, вслѣдствіе большой фальши, царившей во всѣхъ разсужденіяхъ о наказаніи виновныхъ лицъ. Не подлежало сомнѣнію, что главною виновницею слѣдовало въ дѣйствительности считать императрицу-мать, которая въ цѣломъ рядѣ указовъ официально признавала существованіе боксеровъ, давала имъ извѣстную организацію, поощряла и награждала ихъ. Среди приближенныхъ ея имѣлся рядъ совѣтниковъ, усердно отстаивавшихъ боксерское дѣло; другія же лица, замѣшанныя въ волненіяхъ, являлись лишь исполнителями воли правительства. Между тѣмъ, по принятой всѣми державами фикціи, предполагалось, что все боксерское движеніе имѣло «революціонный» характеръ и было организовано вопреки волѣ верховной власти. Всѣ инициаторы и организаторы волненій разсматривались, какъ бунтовщики, и именно на этомъ основаніи требовали для нихъ наказанія. При такомъ положеніи, китайскимъ уполномоченнымъ приходилось приводить въ пользу обвиняемыхъ преимущественно два обстоятельства: они указывали или на слишкомъ близкое родство тѣхъ или другихъ князей императорскаго дома къ императору и на невозможность вслѣдствіе этого предать ихъ смертной казни, или же—на второстепенную роль, которую играли тѣ или другіе дѣятели въ организаціи волненія.

Большинство иностранныхъ посланниковъ, съ англійскимъ, французскимъ и германскимъ представителями во главѣ, неуклонно требовали самаго строгаго наказанія всѣхъ инициаторовъ волненій, а именно—преданія ихъ смертной казни. Умѣренными являлись нашъ, американскій и японскій посланники, которые не требовали головъ, но и не считали возможнымъ открыто заступаться за китайцевъ. На совмѣстныхъ засѣданіяхъ посланниковъ сначала было постановлено, въ отношеніи столичныхъ виновниковъ, потребовать—ссылки въ Туркестанъ князя Дуань-вана, самоубійства Чжуань-вана и казни всѣхъ прочихъ лицъ, замѣшанныхъ въ волненіяхъ, причемъ въ отношеніи князя Лань рѣшено было заявить китайцамъ, что если, по заключеніи его для совершенія казни въ тюрьму, богдыхану угодно будетъ затѣмъ замѣнить казнь ссылкой въ Синь-цзянскую провинцію, то со стороны иностранныхъ представителей къ этому не встрѣтятся препятствій. Рѣшено было также довести до свѣдѣнія китайскихъ уполномоченныхъ, что посланники понимаютъ трудность немедленнаго приведенія въ исполненіе наказанія надъ генераломъ Динь-фу-сяномъ, а потому настаиваютъ пока лишь на немедленномъ отрѣшеніи его отъ командованія войсками.

Всѣ эти требованія были сообщены, по соглашенію между посланниками, китайскимъ уполномоченнымъ черезъ декана дипломатическаго корпуса. Однако по прочтеніи этихъ требованій въ Си-ань-фу, князь Цинъ и Ли-хунь-чжанъ получили категорическое приказаніе двора непременно отстоять жизнь Чжао-щу-цяо и Инъ-няня. Ки-

тайскіе уполномоченные ѣздили по этому поводу къ нѣкоторымъ изъ посланниковъ, умоляя ихъ измѣнить первоначальныя требованія, но официальныхъ письменныхъ сношеній съ иностранными представителями китайцы не рѣшались предпринимать и, напротивъ, обращали вниманіе двора на бесполезность усилій въ этомъ направленіи. Однако дворъ не послушался увѣщаній своихъ уполномоченныхъ и издалъ указъ, въ которомъ Чжао-щу-цяо и Инъ-нянь приговаривались «къ заключенію въ тюрьму въ ожиданіи казни». Формула эта примѣняется на китайскомъ юридическомъ языкѣ къ лицамъ, которыхъ предполагается только, такъ сказать, напугать смертною казнью и затѣмъ помиловать. Согласно полученному изъ Си-ань-фу повелѣнію, указъ этотъ китайскими уполномоченными былъ сообщенъ, въ видѣ ноты, иностраннымъ представителямъ. Нота эта произвела на иностранныхъ посланниковъ самое непріятное впечатлѣніе какъ вслѣдствіе доказательства упорства китайскаго правительства, такъ и по всему вообще тону ея. И безъ того раздраженные медлительностью, съ которою китайское правительство дѣйствовало по вопросу о наказаніи виновниковъ волненій, посланники рѣшили прибѣгнуть къ угрозамъ, дабы принудить дворъ къ уступчивости. Графъ Вальдерзэ, сперва въ частныхъ бесѣдахъ, а затѣмъ и совершенно открыто, сталъ заявлять о намѣреніи своемъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства китайскаго правительства, двинуться на Си-ань-фу. Войскамъ, подчиненнымъ генераль-фельдмаршалу, былъ даже отданъ приказъ изготovitъ къ походу. Это дало возможность князю Цину и Ли-хунъ-чжану указать двору на безусловную необходимость покориться. Послѣ этого изъ Си-ань-фу была получена телеграмма о согласіи двора на требованія державъ. Единственное отступленіе отъ требованій посланниковъ, которое позволилъ себѣ дворъ, это—измѣненіе приговора по отношенію къ Чжао-щу-цяо и Инъ-няню въ томъ смыслѣ, что имъ предоставлено было покончить жизнь самоубійствомъ, а не быть преданными въ руки палача. Посланники сочли возможнымъ не настаивать на первоначальномъ своемъ требованіи.

Что касается наказанія провинціальныхъ виновниковъ смуты и насилій надъ иностранцами, то коммиссія изъ посланниковъ державъ, имѣющихъ миссіонеровъ въ Китаѣ, пришла къ заключенію о необходимости требовать казни десяти болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ. По изученіи обстоятельствъ дѣла, коммиссія эта представила докладъ въ общее собраніе дипломатическаго корпуса. При этомъ русскій посланникъ, дѣйствуя согласно инструкціямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, категорически заявилъ, что онъ не можетъ присоединиться къ требованію своихъ коллегъ относительно казни кого-либо изъ провинціальныхъ чиновниковъ. Это заявленіе вызвало очень бурныя пренія, причемъ необходимость казни особенно энергично отстаивали англійскій и французскій

посланники. Къ заявленію нашего посланника не присоединился никто—тѣмъ не менѣе, въ виду его заявленія, всѣ прочіе иностранные представители рѣшили запросить свои правительства, могутъ ли они постановить рѣшеніе по этому предмету безъ участія русскаго посланника. Получивъ такое разрѣшеніе, посланники предъявили китайскимъ уполномоченнымъ списокъ лицъ, подлежащихъ казни, уменьшивъ, однако, число осужденныхъ лицъ съ 10 до 4-хъ. Отсутствіе на этомъ списокѣ подписи русскаго посланника и вообще отказъ послѣдняго принять участіе въ требованіи державъ по данному вопросу, повидимому, не произвело на китайцевъ особо сильнаго впечатлѣнія.

Не мало пререканій между посланниками и китайскими уполномоченными вызвалъ также вопросъ объ устройствѣ въ Пекинѣ иностраннаго квартала, предусмотрѣннаго седьмою статьею декабрьской ноты. Тотчасъ по окончаніи осады посольствъ освобожденные иностранцы и пришедшія на выручку ихъ войска стали озабочиваться пріисканіемъ себѣ помѣщеній для жилья, обращая прежде всего, конечно, вниманіе на участки и дома, окружавшіе посольства. Очень скоро, однако, удовлетвореніе насущной потребности превратилось въ стремленіе захватывать незанятые имущества и присваивать ихъ себѣ. Весь посольскій кварталъ вскорѣ покрылся надписями, гласившими, что данное мѣсто занято тѣмъ или другимъ предприимчивымъ членомъ мѣстной иностранной колоніи. Вскорѣ, однако, на это обратили вниманіе иностранные посланники и заявили, что вся площадь, лежащая въ предѣлахъ посольскаго квартала, за исключеніемъ имущества, законнымъ образомъ пріобрѣтенныхъ иностранцами до осады, можетъ быть занимаема лишь по распоряженію посольствъ, а никакъ не частными лицами. Такимъ образомъ, уже въ октябрѣ 1900 года захватъ земель въ посольскомъ кварталѣ частными лицами прекратился, и начали дѣйствовать посольства. Тутъ дѣло было поставлено сразу на грандіозную ногу—всѣ посольства приступили къ округленію своихъ земельныхъ имуществъ, стараясь захватить участки, въ нѣсколько разъ превышающіе размѣры первоначальнаго ихъ имущества. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ незначительнѣе были интересы державы, тѣмъ большіе захваты дѣлались ея представителями. Такимъ порядкомъ большіе захваты сдѣланы были итальянскимъ и австрійскимъ представителями. Первый изъ нихъ счелъ даже возможнымъ поселиться въ одномъ изъ самыхъ священныхъ храмовъ Пекина—въ храмѣ Предковъ, особенно чтимомъ манчжурскою династіею. Но пальма первенства въ смыслѣ захватовъ все-таки осталась за французами и нѣмцами. Послѣдніе испещрили весь посольскій кварталъ надписями о занятіи участковъ для надобностей германскаго посольства.

Для обезпеченія обороны иностраннаго квартала рѣшено было потребовать оставленія незанятаго пространства между границею

квартала и окружающими его китайскими частями города. Но въ этомъ дѣлѣ, такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ, обнаружилась между иностранными представителями существенная рознь. Нѣкоторые изъ нихъ настаивали на необходимости принятія самыхъ широкихъ мѣръ для обезпеченія обороны квартала. Другіе, напротивъ, находили излишнимъ и нежелательнымъ возведеніе укрѣпленій вокругъ квартала и превращеніе его въ какую-то крѣпость. Они признавали достаточнымъ ограничиться укрѣпленіемъ отдѣльныхъ посольствъ, безъ выполненія общихъ работъ крѣпостного характера. На ряду съ раздорами по этому предмету посланниковъ, приходилось считаться также и съ различными посторонними интересами, связанными съ устройствомъ квартала. Прежде всего, заинтересованнымъ являлось, конечно, китайское правительство, которое протестовало противъ слишкомъ обширныхъ размѣровъ квартала, въ предѣлы котораго вошли многія присутственныя мѣста, расположенныя въ этой части города, а также нѣкоторыя мѣста поклоненія. Китайскіе уполномоченные представили посламъ по этому поводу особую записку, въ которой просили по возможности уменьшить размѣры квартала и исключить изъ него присутственныя мѣста и храмы. Но наиболѣе обиженными являлись частныя лица изъ китайцевъ—владѣльцевъ земель въ предѣлахъ посольскаго квартала. Согласно тексту ноты, китайцамъ должно было быть запрещено проживаніе въ предѣлахъ квартала. Очень долго, однако, никто не поднималъ рѣчи о томъ, какъ должны быть улажены претензіи этихъ китайцевъ, и только въ послѣдствіи вниманіе дипломатовъ было обращено на необходимость такъ или иначе оградить интересы этихъ лицъ. Тогда рѣшено было приступить къ оцѣнкѣ земельныхъ участковъ, отчуждаемыхъ у китайцевъ-собственниковъ, съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ китайскаго правительства вознагражденія этихъ собственниковъ.

Самымъ важнымъ изъ вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію, являлся, однако, вопросъ о вознагражденіи какъ державъ, такъ и частныхъ лицъ и учрежденій за убытки, понесенные вслѣдствіе боксерской смуты, и о способахъ, которыми могли бы быть реализованы необходимыя для этого средства.

Въ вопросѣ о денежномъ вознагражденіи съ Китая на первомъ планѣ выступала необходимость установленія общей суммы этого вознагражденія. С. Ю. Витте, стремясь къ тому, чтобы Китай могъ уплатить вознагражденіе безъ непосильнаго обремененія страны, признавалъ нужнымъ при опредѣленіи общей суммы вознагражденія исходить изъ заявленныхъ отдѣльными державами цифръ убытковъ и расходовъ, и въ случаѣ, если бы итогъ послѣднихъ превысилъ платежеспособность Китая,—предлагалъ, принявъ за основаніе максимальную сумму, которую Китай въ состояніи вообще выплатить, раздѣлить ее между державами соразмѣрно дѣйствительнымъ расхо-

дамъ и убыткамъ. При этомъ въ отношеніи частныхъ лицъ и учрежденій министръ финансовъ полагалъ, что вознагражденіе могло бы быть исчисляемо лишь за убытки, фактически понесенные въ предѣлахъ Китая вслѣдствіе боксерской смуты, а отнюдь не за различныя косвенныя потери, которыя могли бы быть поставлены въ связь со смутой. Впослѣдствіи, въ виду очевидной чрезмѣрности требованій нѣкоторыхъ державъ, министромъ финансовъ возбужденъ былъ даже вопросъ о взаимной повѣркѣ заявленныхъ державами суммъ, по вслѣдствіи несочувствія другихъ державъ предложеніе это не было осуществлено.

При дальнѣйшихъ переговорахъ министръ финансовъ, однако, измѣнилъ свое отношеніе къ данному вопросу, такъ какъ замѣтилъ, что нѣкоторыя державы желаютъ умалить роль Россіи въ глазахъ китайскаго правительства. Когда Великобританія, какъ бы желая проявить особое великодушіе по отношенію къ Китаю, обратилась къ прочимъ державамъ съ предложеніемъ по возможности уменьшить сумму вознагражденія, министръ финансовъ отнесся къ этому предложенію лондонскаго кабинета отрицательно, находя его выгоднымъ лишь для Англіи. По мнѣнію С. Ю. Витте, послѣ того, какъ китайское правительство, по наущенію иностранныхъ державъ, отказалось отъ заключенія съ нами соглашенія о Манчжуріи, было вовсе не въ нашихъ интересахъ содѣйствовать облегченію обязательствъ Китая предъ державами, и намъ слѣдовало энергично защищать свои матеріальныя интересы по возмѣщенію убытковъ—тѣмъ болѣе, что послѣдніе и такъ уже были заявлены нами въ суммѣ гораздо ниже дѣйствительно понесеннаго ущерба и въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ требованіями другихъ державъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ и пререканій общая сумма вознагражденія всѣхъ державъ, которую рѣшено было потребовать отъ Китая, была наконецъ установлена, соотвѣтственно выраженному Китаемъ согласію, въ 450 милліоновъ ланъ.

Для выясненія вопроса о средствахъ къ уплатѣ державамъ столь крупнаго вознагражденія, а равно для обсужденія способовъ самой уплаты, въ Пекинѣ избрана была особая финансовая комиссія изъ французскаго, англійскаго, германскаго и японскаго посланниковъ. Въ концѣ апрѣля комиссія представила посланникамъ докладъ, въ которомъ высказала, что такъ какъ Китай не въ состояніи выплатить разомъ, изъ собственныхъ ресурсовъ, всю сумму причитающагося съ него вознагражденія, то державамъ предстоитъ выборъ между четырьмя способами уплаты, а именно: 1) предоставленіе Китаю заключить, для реализаціи вознагражденія, заемъ безъ гарантіи державъ; 2) предоставленіе Китаю заключить заемъ, гарантированный державами; 3) выдача Китаемъ каждой державѣ долговыхъ обязательствъ (боновъ) на сумму ея требованія, съ обязательствомъ погасить ихъ въ опредѣленный срокъ и уплачивать на

испогащенные суммы проценты, и, наконецъ, 4) производство Китаемъ ежегодныхъ взносовъ.

Докладъ комиссіи былъ сообщенъ посланниками на заключеніе ихъ правительствъ, причемъ русское правительство высказалось въ пользу заключенія Китаемъ займа. При этомъ министръ финансовъ находилъ, что предпочтительнымъ являлось бы заключеніе Китаемъ общаго займа, гарантированнаго всѣми заинтересованными державами, а не нѣсколькихъ отдѣльныхъ займовъ, выпущенныхъ и гарантированныхъ каждымъ изъ заинтересованныхъ правительствъ въ отдѣльности для удовлетворенія своей претензіи. При общемъ займѣ, за совмѣстною гарантіей всѣхъ державъ въ исправности китайскаго правительства, были бы одинаково заинтересованы всѣ державы, которыя, по взаимному соглашенію и въ общихъ интересахъ, и могли бы принимать тѣ или нныя мѣры. Напротивъ, если бы Китаю было предоставлено разсчитываться съ каждою державою отдѣльно, то могли бы возникнуть осложненія. Такъ, Китай могъ бы оказаться исправнымъ плательщикомъ по отношенію къ однѣмъ державамъ и задерживать платежи другихъ. Кромѣ того, заключеніе одного общаго займа за совмѣстною гарантіей великихъ державъ представлялось бы предпочтительнымъ и съ чисто-финансовой точки зрѣнія, такъ какъ подобный заемъ могъ бы быть гораздо легче реализованъ

Однако взглядъ министра финансовъ раздѣляли не всѣ иностранныя правительства. Англійскій кабинетъ, подъ предлогомъ облегченія Китаю уплаты вознагражденія и въ видахъ предупрежденія несостоятельности Китая, предложилъ избрать третій изъ указанныхъ пекинскою миссіей способовъ расчета, предоставивъ Китаю выдать державамъ боны на сумму слѣдующаго имъ вознагражденія, причемъ каждому правительству предоставлялась возможность реализовать боны посредствомъ займа за собственной своей гарантіей. Министръ финансовъ, запрошенный по этому вопросу министромъ иностранныхъ дѣлъ, первоначально рѣшительно отказался согласиться на предложенный англійскимъ правительствомъ способъ расчета, находя, что послѣдній представлялъ бы собою не реальный платежъ, а весьма неопредѣленное, необезпеченное и притомъ мало удобное обѣщаніе уплаты. Однако, позднѣе, въ виду сообщенія министра иностранныхъ дѣлъ, что общаго согласія на возмѣщеніе убытковъ посредствомъ займа состояться не можетъ, и вслѣдствіе послѣдовавшаго затѣмъ согласія всѣхъ державъ, не исключая и Франціи, на уплату вознагражденія посредствомъ боневъ, рѣшено было принять для расчетовъ съ Китаемъ эту систему.

Выясненіе средствъ, которыя могли бы быть обращаемы Китаемъ на уплату процентовъ и погашенія по бонамъ, также возложено было на указанную финансовую комиссію. Согласно съ мнѣніемъ вызванныхъ ею экспертовъ, комиссія эта намѣтила, въ качествѣ

источниковъ средствъ, сборы морскихъ таможенъ и ли-цзинныхъ станцій, уже находившихся въ то время подъ иностраннымъ контролемъ, предполагая при этомъ: а) повысить ввозныя таможенныя пошлины, взимаемыя морскими таможенями, до 5 процентовъ стоимости товаровъ; б) передать въ вѣдѣніе морскихъ таможенъ также и пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ на джонкахъ, и в) обложить пошлиною товары, ввозившіеся до того времени въ Китай беспошлинно. Нѣкоторые изъ членовъ комссіи, впрочемъ, считали необходимымъ увеличить таможенныя пошлины не до 5, а до 10 процентовъ ad valorem и, кромѣ того, присоединить, въ качествѣ гарантіи платежей по вознагражденію, еще и налогъ на соль. Министръ финансовъ тоже раздѣлялъ этотъ взглядъ, находя, что безъ присоединенія налога на соль и въ особенности безъ повышенія ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ до 10 процентовъ намѣченныхъ комиссіей доходовъ окажется недостаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій державъ. По мнѣнію министра финансовъ, самой правильной и естественной гарантіей обязательствъ Китая является доходъ таможенный. Поэтому онъ сначала энергично настаивалъ на томъ, чтобы доходъ съ повышенныхъ до 10 процентовъ ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ былъ назначенъ въ качествѣ главнаго источника платежей въ счетъ вознагражденія и лишь въ видѣ крайней уступки соглашался признать этотъ доходъ запасной гарантіей, на случай неисправности Китая въ платежахъ. Однако, такъ какъ англійское правительство рѣшительно отказалось присоединиться къ такому рѣшенію вопроса, всѣ же прочія державы не оказали поддержки Россіи, то, чтобы прійти наконецъ къ какому-нибудь окончательному рѣшенію, русское правительство рѣшило отказаться отъ своего требованія и согласилось на повышеніе ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ до 5 процентовъ.

Необходимо было, затѣмъ, выяснить еще вопросъ о валютѣ долга въ 450 милліоновъ ланъ и о размѣрѣ процентовъ роста по этому долгу. По первому вопросу, согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, было признано, что вознагражденіе имѣетъ представлять собою долгъ «золотомъ». Что же касается размѣра интереса на этотъ долгъ, то первоначально министръ финансовъ настаивалъ на установленіи 5 процентовъ, находя, что предложенный нѣкоторыми державами ростъ въ 4 или даже въ 3 процента представляется безусловно недостаточнымъ. Не говоря уже о томъ, что подобный ростъ совершенно не соотвѣтствовалъ бы кредитоспособности Китая, на бонны необходимо начислять такіе проценты, чтобы при реализаціи бонновъ можно было выручить полную сумму вознагражденія; если остановиться на невысокомъ процентѣ, то Россіи слѣдовало бы соотвѣтственно увеличить сумму, на которую долженъ ей быть выданъ бонъ. Однако, вслѣдствіе противодѣйствія другихъ державъ, русское правительство признало неудобнымъ настаивать на своемъ

первоначальномъ требованіи и изъявило согласіе принять 4-процентныя бонны на номинальную сумму, равную цифрѣ ея убытковъ.

По разрѣшеніи всѣхъ подробностей касательно вознагражденія державъ за расходы и убытки, понесенные ими отъ боксерской смуты, и по разсмотрѣніи другихъ частныхъ, имѣвшихъ отношеніе къ содержанію ноты, переданной китайцамъ представителями иностранныхъ державъ, на очередь былъ поставленъ вопросъ о формѣ, въ которую имѣли быть облечены постановленія, явившіяся результатомъ переговоровъ. Рѣшено было изложить ихъ въ одномъ общемъ заключительномъ протоколѣ за подписями какъ китайскихъ уполномоченныхъ, такъ и представителей иностранныхъ державъ. 24-го августа 1901 года въ Пекинѣ былъ полученъ указъ богдыхана о подписаніи этого протокола, а 25-го августа состоялось самое подписаніе—и такимъ образомъ были приведены къ концу тянувшіеся почти годъ переговоры.

Заключительный протоколъ, подписанный представителями Китая и иностранныхъ державъ 25 августа 1901 года.

Статья I. а) Императорскимъ указомъ отъ 9-го іюня текущаго года Цзай-фун'у, принцу первой степени Чун'ю, назначенному посланникомъ его величества императора Китая, повелѣно принести его величеству германскому императору выраженіе сожалѣнія его величества китайскаго императора и китайскаго правительства по поводу убійства покойнаго германскаго посла, его превосходительства барона фонъ-Кеттелера.

Принцъ Чунъ покинулъ Пекинъ 12-го іюля текущаго года для исполненія данныхъ ему приказаній.

Статья I. б) Китайское правительство объявило, что на мѣстѣ убійства покойнаго его превосходительства барона фонъ-Кеттелера будетъ сооруженъ памятникъ, достойный званія покойнаго, съ надписью на латинскомъ, нѣмецкомъ и китайскомъ языкахъ, въ которой будетъ выражено сожалѣніе его величества императора Китая о совершенномъ убійствѣ.

Ихъ превосходительства уполномоченные Китая извѣстили его превосходительство полномочнаго министра Германіи письмомъ отъ 22-го іюля текущаго года о томъ, что въ вышеупомянутомъ мѣстѣ сооруженъ портикъ во всю ширину улицы и что работы начались 25-го іюня текущаго года.

Статья II. а) Императорскими указами отъ 13-го и 21-го февраля 1901 года главные виновники покушеній и преступленій, совершенныхъ противъ иностранныхъ правительствъ и ихъ подданныхъ, подвергаются слѣдующимъ наказаніямъ:

Цзай-и, принцъ Дуань, и Цзай-лань, герцогъ Фу-го, приговорены уголовнымъ судомъ къ смертной казни, съ тѣмъ условіемъ, что, если императору благоугодно сохранить имъ жизнь, то они будутъ сосланы въ Туркестанъ для пожизненнаго тамъ заключенія, безъ смягченія когда-либо этого наказанія.

Цзай-сюнь, принцъ Чжуань, Инъ-янь, президентъ цензуріата, и Чжао Шу-цзяо, президентъ министерства юстиціи, осуждены на самоубійство.

Юй-сянь, губернаторъ Шань-си, Ци-сю, президентъ министерства церемоній, и Сюй Чэнь-юй, бывший директоръ въ министерствѣ юстиціи, осуждены на смертную казнь.

Къ посмертному разжалованію приговорены: Гань-и, помощникъ великаго статсъ-секретаря, президентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Сюй-тунъ, великій статсъ-секретарь, и Ли Винь-хэнь, бывший генераль-губернаторъ Сы-чуань-и.

Императорскій указъ отъ 13-го февраля 1901 года реабилитировалъ память Сюй-Янь-и'я, президента военного министерства, Ли-шань'я, президента министерства финансовъ, Сюй Цзинь-чэна, директора въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Лянь-юань'я, вице-канцлера великаго секретаріата, и Юнь-чан'а, директора отдѣленія министерства церемоній,—преданныхъ къ смерти за протестъ противъ гнусныхъ нарушеній международнаго права, совершенныхъ въ теченіе послѣдняго года.

Принцъ Чжуань умертвилъ себя 21-го февраля 1901 года, Инъ-янь и Чжао Шу-цзяо—24-го, Юй-сянь былъ казненъ 22-го, наконецъ, Ци-сю и Сюй Чэнь-юй—26-го февраля.

Дунь-фу-сянь, генераль Гань-су, отозванъ отъ своей должности императорскимъ указомъ отъ 13-го февраля, въ ожиданіи опредѣленія для него окончательнаго наказанія.

Императорскими указами отъ 29-го апрѣля и 19-го августа 1901 г. налагаются соотвѣтственныя наказанія на провинціальныхъ чиновниковъ, признанныхъ виновными въ преступленіяхъ и покушеніяхъ, совершенныхъ въ теченіе истекшаго лѣта.

Статья II. б) Императорскимъ указомъ, обнародованнымъ 19-го августа 1901 года, повелѣно приостановить официальные экзамены на пять лѣтъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ были умерщвлены или подвергались истязаніямъ иностранцы.

Статья III. Какъ почетное удовлетвореніе за убійство покойнаго г. Сугіама, секретаря японскаго посольства, его величество императоръ Китая императорскимъ эдиктомъ отъ 18-го іюня 1901 года назначилъ вице-президента министерства финансовъ, На-туна, чрезвычайнымъ посломъ для принесенія его величеству японскому императору выраженія сожалѣній его величества императора Китая и его правительства по поводу убійства покойнаго г. Сугіама.

Статья IV. Китайское правительство обязалось поставить испу-
дительные памятники на каждомъ изъ иностранныхъ или междуна-
родныхъ кладбищъ, которые были осквернены китайцами и на ко-
торыхъ были разрушены могилы.

Съ согласія представителей державъ постановлено, что заинте-
ресованными посольствами будутъ даны указанія относительно соору-
женія этихъ памятниковъ, при условіи покрытія Китаемъ издержекъ,
исчисленныхъ въ размѣрѣ 10 тысячъ таэлей для кладбища въ Пекинѣ
и его окрестностяхъ и 5 тысячъ таэлей для кладбищъ въ провин-
ціяхъ.

Суммы эти внесены и списокъ кладбищъ приложенъ при семъ.

Статья V. Китай согласился воспретить на своей территоріи
ввозъ оружія и припасовъ, также какъ и матеріала, предназнае-
маго исключительно для изготовленія оружія и боевыхъ припасовъ.

Императорскій указъ, воспреещающій этотъ ввозъ на два года,
изданъ 27-го августа 1901 года.

Впослѣдствіи могутъ быть изданы новые указы для продолженія
срока, каждый разъ на два года,—въ случаѣ, если это будетъ при-
знано державами необходимымъ.

Статья VI. Императорскимъ указомъ отъ 22-го мая 1901 года
его величество императоръ Китая принялъ обязательство уплатить
державамъ вознагражденіе въ размѣрѣ 450 милліоновъ таможенныхъ
таэлей. Эта сумма представляетъ общую цифру вознагражденія го-
сударствамъ, обществамъ, частнымъ лицамъ и китайцамъ, упомя-
нутымъ статьею VI ноты отъ 22-го декабря 1901 года.

а) Эти 450 милліоновъ составляютъ долгъ золотомъ, вычисляе-
мый для каждой страны по приводимымъ ниже отношеніямъ между
таможеннымъ таэлемъ и золотыми монетами:

1 тамож. таэль=маркамъ	3,055
— » » =австрійскимъ кронамъ	3,595
— » » =долларамъ золотымъ	0,742
— » » =франкамъ	3,750
— » » =фунтамъ стерлинг.	0,30
— » » =іень	1.407
— » » =нидерланд. гульденамъ	1,796
— » » =руб. золот. (=17,424 дол.).	1,412

На эту сумму будутъ начисляться проценты по 4 процента го-
довыхъ и капиталъ будетъ погашенъ Китаемъ въ теченіе 39 лѣтъ, на
основаніи прилагаемаго при семъ плана амортизаціи, Капиталъ и
проценты будутъ выплачиваться золотомъ или по курсамъ, соотвѣт-
ствующимъ различнымъ срокамъ оплаты.

Погашенія начнется съ 1-го января 1902 года, окончится въ 1940
году и будетъ производиться въ годичные сроки, причемъ первый

платежъ назначается на 1-ое января 1903 года. Проценты начисляются съ 1-го іюля 1901 года, но китайскому правительству предоставляется право проценты, слѣдующіе за первое полугодіе, окончивающееся 31-го декабря 1901 года, выплатить въ теченіе трехлѣтняго срока, считая отъ 1-го января 1902 года, при условіи начисленія сложныхъ процентовъ, въ размѣрѣ 4 процентовъ годовыхъ, на тѣ суммы, взносъ которыхъ такимъ образомъ будетъ отсроченъ. Проценты будутъ выплачиваться пополугодно и первымъ срокомъ платежа ихъ назначается 1-го іюля 1902 года.

б) Всѣ дѣла по этому долгу будутъ вестись въ Шанхаѣ и слѣдующимъ образомъ:

Каждая держава назначить своего представителя въ комиссію банкировъ, которой будетъ поручено принятіе суммъ на уплату процентовъ и погашенія, имѣющихъ вноситься назначенными для того китайскими властями, и затѣмъ распредѣленіе ихъ между заинтересованными сторонами и выдача квитанцій.

в) Китайское правительство передастъ старшинѣ дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ общее обязательство, которое затѣмъ будетъ представлено въ отдѣльныхъ купюрахъ, снабженныхъ подписью делегатовъ китайскаго правительства, назначенныхъ на этотъ предметъ. Эта операція и всѣ другія, относящіяся къ составленію надлежащихъ документовъ, будутъ производиться вышеупомянутой комиссіей сообразно съ тѣми инструкціями, которыя будутъ даны державами своимъ делегатамъ.

г) Суммы, предназначаемыя на уплату по обязательствамъ, будутъ ежемѣсячно доставляться въ комиссію.

д) Средствами обезпеченія уплатъ по обязательствамъ служатъ:

1) Сумма, остающаяся отъ доходовъ морскихъ императорскихъ таможенъ за уплатой процентовъ и погашенія по прежнимъ займамъ, обезпеченнымъ этими доходами, увеличенными повышеніемъ до дѣйствительныхъ 5 процентовъ *ad valorem* на всѣ предметы морского ввоза, включая и тѣ статьи, которыя были до настоящаго времени освобождены отъ пошлины, за исключеніемъ риса, зерновыхъ хлѣбовъ и муки иностраннаго происхожденія, также какъ золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ.

2) Доходы туземныхъ таможенъ, завѣдуемыхъ въ открытыхъ портахъ управленіемъ императорскихъ морскихъ таможенъ.

3) Доходы отъ соляного налога, за удержаніемъ части, раньше уже назначенной на уплату по другимъ иностраннымъ займамъ.

Повышеніе настоящаго тарифа на предметы ввоза до дѣйствительныхъ 5 процентовъ установлено на нижеслѣдующихъ основаніяхъ и войдетъ въ силу черезъ два мѣсяца послѣ подписанія настоящаго протокола, причѣмъ исключеніе будетъ сдѣлано только для товаровъ, находящихся въ дорогѣ, но не болѣе, какъ на 10 дней позже этого срока.

1) Всѣ ввозныя пошлины, взимаемыя съ цѣны (ad valorem) будутъ замѣнены въ кратчайшій срокъ специфическими пошлинами, насколько это окажется возможнымъ.

Эта замѣна произведется слѣдующимъ образомъ:

Основаніемъ исчисленій пошлины будетъ принята средняя стоимость товаровъ въ моментъ ихъ выгрузки существовавшая въ продолженіе 3 лѣтъ, 1897, 1898, 1899 годовъ, то есть рыночная цѣна, за вычетомъ ввозной пошлины и накладныхъ расходовъ. До конвертированія, пошлины будутъ взиматься ad valorem.

2) Руслу рѣки Пейхо и Вань-пу будутъ исправлены при участіи китайскихъ капиталистовъ.

Статья VII. Китайское правительство согласилось признавать кварталъ, занятый посольствами, предназначеннымъ специально для посольствъ и поставленнымъ подъ ихъ исключительный надзоръ, въ которомъ китайцы не имѣютъ права жить и который можетъ быть приведенъ въ состояніе обороны. Границы этого квартала опредѣлены на прилагаемомъ планѣ.

Протоколомъ, приложеннымъ къ письму отъ 16-го января 1901 года, Китай призналъ за каждой державой право содержать въ упомянутомъ кварталѣ охрану для защиты своего посольства.

Статья VIII. Китайское правительство согласилось срыть форты Таку и другіе, могущіе мѣшать свободному сообщенію между Пекиномъ и моремъ.

Распоряженія по этому предмету сдѣлапы.

Статья IX. Китайское правительство признало за державами— протоколомъ, приложеннымъ къ письму отъ 16-го января 1901 года, — право занимать извѣстные пункты, опредѣляемые ими для поддержанія свободнаго сообщенія между столицей и моремъ. Пункты, занятые державами, слѣдующіе: Хуань-цунь, Лань-фань, Янь-цунь, Тянь-цзинь, Цюнь-лянь-чжань, Тань-гу, Лу-тай, Тань-шань, Луапъ-чжоу, Чань-ли, Цинь-вань-дао, Шанхай-гуань.

Статья X. Китайское правительство обязалось расклеивать и публиковать въ теченіе двухъ лѣтъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ слѣдующіе императорскіе указы:

а) указъ отъ 1-го февраля 1901 года, содержащій запрещеніе навсегда, подъ страхомъ смертной казни, принимать участіе въ анти-иностранныхъ обществахъ.

б) указы 13-го и 21-го февраля, 29-го апрѣля и 19-го августа 1901 года, содержащіе персчень наказаній, наложенныхъ на виновныхъ.

в) указъ 19-го августа 1901 года, отмѣняющій экзамены во всѣхъ городахъ, гдѣ были умерщвлены или подвергались жестокостямъ иностранцы.

г) Указъ 1-го февраля 1901 года, объявляющій всѣхъ генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и чиновниковъ, провинціальныхъ и

мѣстныхъ, отвѣтственными за порядокъ въ ихъ округахъ и, въ случаѣ новыхъ антихристіанскихъ возстаній или еще какихъ-либо другихъ нарушеній договоровъ, которыя не будутъ немедленно прекращены и виновные не будутъ наказаны,—подлежащими увольненію отъ службы съ лишеніемъ права получать новыя назначенія.

Расклейка этихъ указовъ производится по всей имперіи.

Статья XI. Китайское правительство обязалось договориться о признаваемыхъ полезными иностранными правительствами поправкахъ въ торговыхъ и навигаціонныхъ трактатахъ и о другихъ предметахъ, касающихся торговыхъ сношеній,—для облегченія ихъ.

Съ этою цѣлью, а также вслѣдствіе постановленій, значащихся въ статьѣ VI, по вопросу о денежномъ вознагражденіи, китайскимъ правительствомъ приняты мѣры для улучшенія теченія рѣкъ Пейхо и Вань-пу:

а) работы по улучшенію судоходства Пейхо, начатыя въ 1898 году при содѣйствіи китайскаго правительства, возобновлены и ведутся подъ наблюденіемъ международной комиссіи.

По передачѣ управленія Тянь-цзиня китайскому правительству, послѣднее будетъ имѣть представителя въ этой комиссіи и вносить ежегодно 60 тысячъ таможенныхъ таэлей на работы.

б) учрежденъ рѣчной совѣтъ, на который возложено управленіе и контроль надъ работами по очищенію Вань-пу и улучшенію теченія этой рѣки.

Членами этого совѣта состоятъ представители интересовъ китайскаго правительства и иностранцевъ въ дѣлѣ морской торговли Шанхая.

Необходимые расходы по работамъ и общему управленію ими опредѣляются ежегодной суммой въ 460 тысячъ таможенныхъ таэлей въ продолженіе первыхъ 20 лѣтъ.

Половина этой суммы будетъ доставлена китайскимъ правительствомъ, другая—заинтересованными въ этомъ дѣлѣ иностранцами. Подробныя постановленія, касающіяся состава, правъ и обязанностей и доходовъ рѣчного совѣта, приложены.

Статья XII. Императорскимъ указомъ 24-го іюля 1901 года произведена реформа вѣдомства иностранныхъ дѣлъ (цзунь-ли-ямыня), въ указанномъ державами направленіи, именно преобразовано въ министерство иностранныхъ дѣлъ (вай-у-бу), занимающее первое мѣсто въ ряду другихъ министерствъ государства.

Тѣмъ же указомъ назначены главные чины этого министерства.

Установлено соглашеніе по вопросу объ измѣненіи придворнаго церемоніала, относящагося до пріема иностранныхъ представителей, по каковому предмету въ прилагаемомъ при семъ меморандумѣ приведено нѣсколько намѣченныхъ китайскими уполномоченными пунктовъ.

Наконецъ, опредѣлено въ вышеприведенныхъ манифестахъ и прилагаемыхъ документахъ, исходящихъ отъ иностранныхъ уполномоченныхъ, единственно достовѣрнымъ считать текстъ французскій.

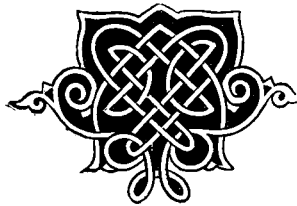
Въ виду выполненія такимъ образомъ китайскимъ правительствомъ, къ удовлетворенію державъ, условій, перечисленныхъ въ вышеупомянутой нотѣ отъ 22-го декабря 1900 года, державы уступаютъ желанію Китая прекратить созданное лѣтними беспорядками 1900 года положеніе.

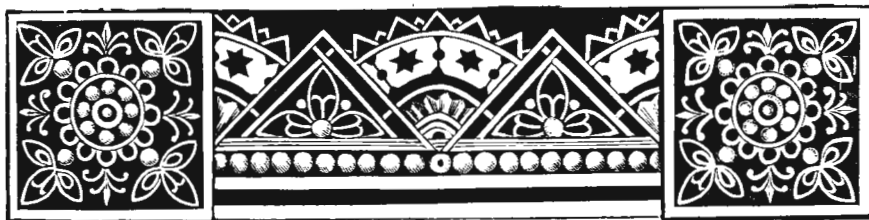
Вслѣдствіе этого иностранные полномоченные министры объявляютъ, отъ имени своихъ правительствъ, что международныя войска, за исключеніемъ охраны посольствъ, упомянутой въ статьѣ VII, совершенно покинуть городъ Пекинъ 17-го сентября 1901 года и удалятся изъ провинціи Чжи-ли, кромѣ пунктовъ, указанныхъ въ статьѣ IX, 22-го сентября 1901 года.

Настоящій окончательный протоколъ составленъ въ двѣнадцати тождественныхъ экземплярахъ, подписанныхъ всѣми уполномоченными договаривающихся странъ. Каждому изъ иностранныхъ уполномоченныхъ вручается по одному экземпляру и одинъ экземпляръ передается китайскимъ уполномоченнымъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕЛЕНИЕ НИКОЛАЕВСКОЕ БЕРДЯНСКАГО УЪЗДА И ПОСЪЩЕНІЕ ЕГО
ПОКОЙНЫМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ НИКОЛАЕМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ
ВЪ 1863 ГОДУ.

В СВОИХЪ интересныхъ воспоминаніяхъ о покойномъ цесаревичѣ А. Н. Витмеръ говоритъ: «Покойный цесаревичъ Николай Александровичъ до такой степени въ данную минуту забыть, что крайне рѣдко встрѣчаются даже его портреты, и въ настоящее время только немногіе имѣютъ понятіе о его наружности» ¹⁾. Не знаю, вѣрно ли вообще это сужденіе, но портреты великаго князя дѣйствительно добыть очень трудно. Въ 1910 году для одного сельскаго общества понадобилось приобрести двѣ гравюры съ изображеніемъ великаго князя и добыть ихъ стоило большихъ трудовъ и хлопотъ: пришлось сначала вести переписку со многими эстампными магазинами обѣихъ столицъ, а затѣмъ и лично предпринять поиски въ Петербургѣ, увѣнчавшіеся успѣхомъ совершенно случайно. Владѣлецъ магазина съ рѣдкими гравюрами на Невскомъ тогда же заявилъ мнѣ, что продаваемыя гравюры будутъ уже послѣдними. А теперь я расскажу, кому и для чего нужны были эти гравюры.

Въ 1863 году, во время своего большого путешествія по Россіи, покойный цесаревичъ, слѣдуя на пароходъ въ Крымъ, остановился

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» № 9 1913 года, стр. 888.

на два дня въ городѣ Бердянскѣ, быть можетъ, для отдыха, такъ какъ небольшой тогда городокъ не могъ привлечь вниманіе высокаго путешественника. Остановившись въ домѣ бывшего тогда городскаго головы Кобозева, великій князь принялъ отъ города устроенный въ его честь обѣдъ, а затѣмъ осматривалъ рыбныя ловли и рыбный заводъ вблизи города того же головы, смотрѣлъ вечеромъ иллюминацію и только на другой день отбылъ въ городъ Керчь. Къ сожалѣнію, въ настоящее время въ городѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ пребыванія такого рѣдкаго гостя; не существуетъ и дома того, въ которомъ останавливался онъ. Не даромъ насъ упрекаютъ въ рѣдкомъ умѣнии все забывать: «короткая память».

Но совершенно иначе отнеслись къ подобному факту болгары ближайшей къ городу Бердянску колоніи, которую также посѣтилъ покойный великій князь 15-го августа 1863 года и которая въ честь этого посѣщенія и названа «Николаевской». Переселившись въ Бердянскій уѣздъ послѣ восточной войны изъ той части Бессарабіи, которая отошла къ Турціи (Румыніи), они къ этому времени только что обстроились, церкви у нихъ еще не было, дома были крыты соломой и камышомъ, но тѣмъ большая была ихъ радость, когда они узнали о предстоящемъ посѣщеніи ихъ колоніи сыномъ царя. Въ своихъ красивыхъ національныхъ костюмахъ, а молодежь верхами всѣмъ селеніемъ они встрѣтили своего высокаго гостя, который очень скоро своимъ ласковымъ обращеніемъ со всѣми, а особенно съ дѣтьми очаровалъ всѣхъ. Запросто онъ заходилъ въ дома поселянъ, бесѣдовалъ подолгу объ ихъ нуждахъ, осматривалъ приготовленные сѣмена для посѣва и даже собственноручно доставалъ изъ колодца воду, интересуясь рѣшительно всѣмъ. Такъ прошло около трехъ часовъ, и населеніе еще сердечнѣе провожало своего дорогого гостя, о которомъ до сихъ поръ хранить память.

По отзывамъ стариковъ, которыхъ еще осталось 15 человекъ изъ числа видѣвшихъ покойнаго цесаревича, болѣе опытные люди и тогда уже подмѣтили, несмотря на хорошее настроеніе своего высокаго гостя, зловѣщіе признаки недалекаго грознаго будущаго, вскорѣ поразившаго великою скорбью и царское семейство, и всю Россію. По словамъ этихъ уже немногочисленныхъ свидѣтелей посѣщенія, высокаго роста, съ чудными глазами, худой, поразительно блѣдный цесаревичъ производилъ впечатлѣніе усталаго, съ надорванными силами человекъ. Когда же 12-го апрѣля 1865 года въ Ниццѣ эти грустныя предчувствія оправдались на дѣлѣ и печальная вѣсть объ этомъ дошла и до колоніи Ивановки—прежнее названіе Николаевского,—то мѣстный сельскій сходъ въ своемъ приговорѣ отъ 9-го іюня 1865 года за № 48 такъ отозвался на прискорбное событіе: «Безпредѣльно чтя священную память государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича и раздѣляя чувства глубокой скорби объ утратѣ, понесенной ихъ императорскими величествами

Часовня-памятникъ въ с. Николаевскомъ.

и всей Россіей, единогласно постановили: ходатайствовать о высочайшемъ соизволеніи на переименованіе нашей колоніи Ивановки въ Николаевку, въ ознаменованіе той драгоцѣнной минуты, когда благовѣрный государь наслѣдникъ осчастливилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ его высочество собственноручно доставалъ воду изъ колодца, устроить мраморный памятникъ съ

надписью и самый колодезь привести въ наилучшій видъ, употребивъ для этой цѣли равнымъ образомъ мраморъ». Ходатайство сельскаго общества было удовлетворено, но такъ какъ въ уѣздѣ было уже одно селеніе съ такимъ именемъ, то по новому ходатайству въ 1894 году селеніе еще разъ было переименовано въ «Николаевское», съ какимъ названіемъ оно и нынѣ существуетъ. Съ постановкой же памятника вышло иначе: въ этомъ же 1894 году сельское общество пожертвовало въ свою мѣстную церковь большое напрестольное евангеліе, стоимостью въ 400 рублей, съ изображеніемъ св. Николая Чудотворца, въ память покойнаго цесаревича. Затѣмъ въ 1897 году вновь былъ поднятъ на сходѣ вопросъ о памятникѣ, и на этотъ разъ было рѣшено, вмѣсто мраморнаго памятника, соорудить часовню, въ которой въ день смерти великаго князя можно бы было ежегодно совершать богослуженіе, что, наконецъ, и было приведено въ исполненіе. Теперь на главной улицѣ селенія красуется прекрасная каменная, съ куполомъ часовня въ память посѣщенія въ 1863 году бывшей колоніи покойнымъ цесаревичемъ. Обошлась она обществу въ 1200 рублей. Въ часовнѣ установленъ большой образъ св. Николая Чудотворца, хорошаго письма, въ прекрасной рамѣ, въ нижней части которой въ 1911 году установлена большая мраморная доска, съ такою надписью: «Въ память посѣщенія его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ 15-го августа 1863 года бывшей колоніи Ивановки благодарное населеніе села Николаевского соорудило эту часовню въ 1897 году».

Въ этой часовнѣ ежегодно 12-го апрѣля, въ день смерти цесаревича, совершается по немъ панихида, на которую собирается почти все село.

Населеніе сжилось съ своимъ памятникомъ и не перестаетъ о немъ заботиться и поддерживать его въ наилучшемъ видѣ. 12-го февраля 1910 года сельскій сходъ постановилъ приобрѣсти два портрета покойнаго великаго князя, которые помѣстить въ часовнѣ и въ сельскомъ управленіи, на память молодому поколѣнію отъ сходящаго уже со сцены жизни. Портреты эти въ настоящее время такъ и размѣщены, давая возможность всѣмъ, глядя на милыя черты лица, легче представить себѣ прекрасное и давно минувшее прошлое.

Въ 1912 и 1913 годахъ сельское общество отремонтировало часовню-памятникъ, устроило вокругъ нея ограду, отдѣлало историческій колодезь, въ которому также прибило доску съ соотвѣтственной надписью.

По установившемуся обычаю, здѣсь же около часовни мѣстные жители каждый разъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, проѣзжающихъ селеніе Николаевское и оказывающихъ, съ своей стороны, полное вниманіе этой народной святыньѣ.

И. П. Дувинъ.

ПУШКИНСКІЙ ДОМЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

I.

ВЪ ЦАРСКОМЪ Селѣ, на углу Колпинской и Кузьминской улицъ стоитъ красивый особнякъ, принадлежащій вдовѣ тайнаго совѣтника Ольгѣ Владимировнѣ Ивановой.

На этомъ домѣ, со стороны Колпинской улицы, прибита мраморная доска съ надписью:

А. С. Пушкинъ жилъ въ этомъ домѣ съ 25-го мая по 20-ое октября 1831 года.

Домъ окруженъ довольно обширнымъ садомъ. Въ настоящее время противъ дома, на Кузьминской улицѣ, находятся жилища помѣщенія офицеровъ и казармы собственнаго Его Величества Своднаго полка и конвоя. Но еще въ серединѣ прошлаго столѣтія какъ видно изъ книги полковника Цвылова, имѣющагося въ царскосельскомъ музеѣ ¹⁾, вся эта мѣстность была занята дивнымъ императорскимъ паркомъ. Это былъ поистинѣ райскій уголокъ.

Если и теперь великолѣпны царскосельскіе парки, то во времена Пушкина они представляли нѣчто сказочное, украшенные работами двухъ императрицъ — Елизаветы и Екатерины — и импера-

¹⁾ Атласъ города Царскаго Села съ планами: города и императорскихъ садовъ и парковъ, съ подробнымъ показаніемъ улицъ, переулковъ, казенныхъ и обывательскихъ домовъ и водопроводовъ. Составилъ полковникъ Н. Цвыловъ. 1867.

тора Александра I, который, достигнувъ апогея земного величія послѣ 1814 года, проводилъ тамъ «славный свой досугъ».

Въ этихъ безконечныхъ паркахъ были и «тайственные долины» и «воды, сіявшія въ тишинѣ», близъ которыхъ «весной при кликахъ лебединыхъ», впервые явилась муза очарованнымъ взорамъ поэта...

Съ благоговѣйнымъ волненіемъ и невольной грустью смотришь на этотъ домъ, гдѣ жилъ великій поэтъ въ роковой переломъ своей жизни, когда, пожертвовавъ своей свободой ради безумнаго увлеченія, онъ, словно въ предчувствіи грядущаго, выразился: «одинъ я могъ обойтись безъ счастья, а теперь его надо на двоихъ. А гдѣ взять его?»

Тихими осенними днями, когда роскошные парки теряютъ свой «багряный уборъ»,—въ эту пору увяданья, которую такъ любилъ поэтъ, кажется, видишь его печальныйъ взоръ, его задумчивую фигуру у сіяющихъ въ тишинѣ водъ, видишь скользящія тѣни его друзей—черноокой Росетти съ ея «самовластной красотой», мечтательнаго Жуковскаго, застѣнчиваго Гоголя съ грустно-лукавыми глазами, блѣднымъ лицомъ и характернымъ носомъ.

Это были медовые мѣсяцы жизни поэта съ красавицей женой.

Но уже завязывались жизненные узлы и создавалась та атмосфера, которая черезъ шесть лѣтъ разрѣшилась роковой развязкой. Уже показывались на безоблачномъ небѣ едва замѣтныя облачка, ступившіяся потомъ въ тяжелую тучу, и подготавливались тѣ условія жизни, изъ которыхъ былъ одинъ исходъ—смерть: нужда, всечасныя униженія со стороны «свѣтской черни», разладъ въ семьѣ и трагическое одиночество поэта, доведшія его, по выраженію его друга, князя Вяземскаго, до того положенія, когда онъ жаждалъ, чтобы шальная пуля разрѣшила его запутанные счеты съ жизнью.

Уже показались зловѣщіе признаки нужды, уже начали обозначаться отношенія съ семьей жены и тлетворное вліяніе свѣтской и придворной жизни на ея юную душу.

Но все же первые мѣсяцы своей жизни въ Царскомъ Селѣ поэтъ считалъ счастливѣйшими и былъ полонъ мечтаній и надеждъ на семейное счастье.

II.

Ему казалось, что онъ наконецъ достигъ тихой обители «труда и мирныхъ нѣгъ».

И дѣйствительно, послѣ волненій и тревогъ, мелочныхъ дразгъ, доходившихъ до учета каждаго гроша, сопряженныхъ со сватовствомъ поэта; послѣ хлопотъ съ приданнымъ, когда Пушкинъ напрягалъ всѣ силы, чтобы достать денегъ на свадьбу, и писалъ Плетневу: «Я упрямъ и долженъ настоять на свадьбѣ», — Пушкинъ могъ чувствовать себя счастливымъ.

Свадьба поэта, какъ извѣстно, состоялась въ Москвѣ 18 февраля 1831 года.

Отношенія Пушкина съ тещей и весь кругъ московской родни и знакомствъ, естественно, заставляли Пушкина торопиться вырвать свою юную жену изъ этой жизни, избавить отъ нежелательныхъ вліяній и начать новую жизнь, о которой онъ мечталъ.

Много тяжелого пришлось ему пережить въ Москвѣ.

Родня жены считала, что красавица Natalie дѣлаетъ какъ бы *mésalliance*, выходя замужъ за поэта, безъ опредѣленнаго служебнаго положенія, не придворнаго и небогатаго, и притомъ находящагося въ подозрѣніи у правительства.

Дѣла задержали поэта въ Москвѣ, но уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ просилъ своего друга Петра Александровича Плетнева нанять ему «фатерку» въ Царскомъ Селѣ.

«Насъ будетъ,—писалъ онъ,—мы двое, три или четыре человѣка да три бабы. Фатерка, чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше,—но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорять. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садиче. А нужна кухня да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣй же».

Очевидно, переписка уже началась раньше, такъ какъ Пушкинъ заканчиваетъ письмо слѣдующими словами:

«Перечитываю письмо и вижу, что я неаккуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) на сколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужно мнѣ квартиру?»

Отвѣты:

- «1) На какой бы то ни было улицѣ царскосельской.
- «2) До января, и потому квартира должна быть теплая.
- «3) Былъ бы особый кабинетъ,—а прочее мнѣ все равно».

Порученіе Пушкина было исполнено.

Въ маѣ, уже изъ Петербурга, онъ писалъ Павлу Воиновичу Нащокину:

«Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ «Демутовъ» трактиръ, и на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ.

«(Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой)».

Дальше поэтъ, полный радостныхъ надеждъ, упоенный личнымъ счастьемъ, пишетъ:

«Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. На дняхъ отправляю тебѣ 2000 рублей, для Горчакова»....

Это были остатки денегъ отъ залога за 20.000 болдинскаго имѣнія. 11.000 изъ нихъ пошли на приданое Натальи Николаевны. Хотя Пушкинъ и писалъ: «Взять жену безъ состоянія—я въ состояніи, но входить въ долги для ея тряпокъ я не въ состояніи...» тѣмъ не менѣе

крестьяне были заложены и 11.000 даны тещѣ на оборудованіе приданого. Но поэтъ былъ полонъ творческихъ замысловъ и надеждъ и, имѣя въ распоряженіи еще нѣсколько тысячъ, видимо, не боялся за будущее.

III.

Въ концѣ мая Пушкинъ пріѣхалъ съ молодой женой въ Царское Село, родное и близкое его сердцу.

Невольно вспоминаются его стихи:

Намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Какія чувства овладѣвали его пламенной душой, когда онъ бродилъ въ «таинственныхъ долинахъ», вспоминая «лебединые клики» его весенней поры; когда зрѣлымъ мужемъ, на порогѣ новой жизни, приведшей его къ трагической развязкѣ, онъ бродилъ тамъ, гдѣ впервые пробился «ключъ его юности», ключъ «быстрый и мятежный», который бѣжалъ, «сверкая и журча»! Когда теперь онъ былъ уже въ той порѣ,—

Когда Кастанльскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поить.

Наступала идиллія новой жизни...

Отдѣленный отъ міра стѣнной карантинъ, по случаю холеры, въ тишинѣ роскошныхъ царскосельскихъ парковъ, наединѣ съ обожаемой женой, какія перспективы жизни видѣлъ онъ, какъ страстно и восторженно онъ мечталъ!

Слишкомъ молодая, еще не отравленная великосвѣтской жизнью, его юная жена, казалось, была подъ вліяніемъ своего гениальнаго мужа.

У Пушкина уже зародилась мысль отдалиться отъ шумной, свѣтской жизни и начать жизнь труда «въ обители дальней». Онъ вспомнилъ о порѣ своего уединеннаго творчества въ селѣ Михайловскомъ; по собственному его признанію, онъ

...былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины.

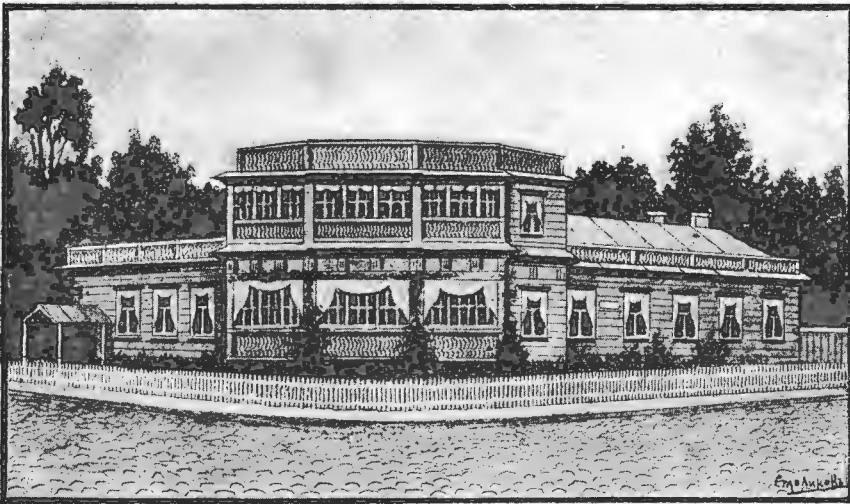
Конечно, первой ему пришла на память его другъ и сосѣдка по имѣнію Осипова, которой въ свое время онъ посвятилъ свои неподражаемыя «подражанія» Корану и еще болѣе трогательное, я бы сказалъ—любобное, стихотвореніе:

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей...

Надо вспомнить, что, когда было написано это стихотвореніе, Пушкину было 25 лѣтъ, а Осипова переживала уже осень женщины.

Къ этому-то другу и обратился въ іюнѣ мѣсяцѣ Пушкинъ съ письмомъ:

«Если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя ли мнѣ пріобрѣсти Савкино и на какихъ условіяхъ; я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня,

Фасадъ, видъ съ угла Кузьминской и Колпинской.

я въ восхищеніи отъ этой мысли, и она ежеминутно приходитъ мнѣ голову».

И еще 29-го іюля:

«Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино, или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержать меня, повидимому, въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ».

Безъ сомнѣнія, этими своими планами поэтъ дѣлился со своей женой и находилъ въ ней поддержку и сочувствіе.

Это стремленіе къ свободной, ничѣмъ не связанной творческой работѣ съ тсченіемъ времени обратилось прямо въ душевный вопль,

«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

18

выразившійся въ трагическомъ стихотвореніи, незадолго до смерти поэта

«Пора, мой другъ, пора, покоя сердце просить
 . . . . .
 Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
 Въ обитель дальнюю, трудовъ и чистыхъ нѣгъ».

И первая «давняя» мысль объ этомъ побѣгѣ зародилась въ поэтѣ въ медовые мѣсяцы его жизни въ Царскомъ Селѣ.

Наиболѣе счастливое время поэтъ пережилъ въ Царскомъ Селѣ до пріѣзда двора, т. е. до половины іюля, наединѣ съ женой, повидимому, раздѣлявшей его взгляды.

Онъ съ любовью и надеждами устраиваетъ жизнь, изыскиваетъ средства, а деньги текутъ и текутъ.

Въ приведенномъ выше письмѣ къ Нащокину Пушкинъ считалъ свои дѣла въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ думалъ, и обѣщался «на дняхъ отправить Горчакову двѣ тысячи рублей», но уже 1-го іюня онъ пишетъ тому же Нащокину: «я бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить двѣ тысячи рублей и потому приостановился».

И продолжаетъ уже съ чувствомъ удовлетворенія:

«Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно, безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ».

Но это были только мечты; расходы росли, а теща давала себя чувствовать и за шестьсотъ верстъ.

Такъ, 26-го іюня Пушкинъ писалъ ей:

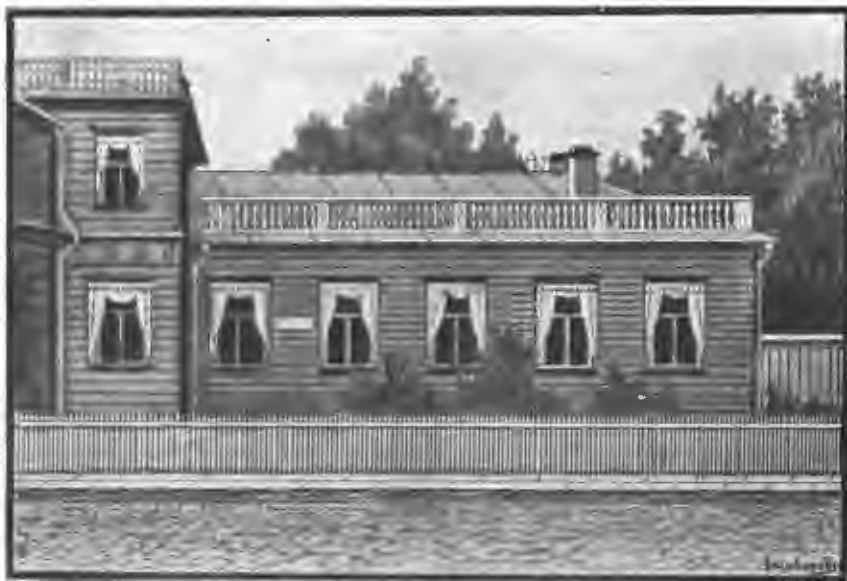
«Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аеанасію Николаевичу притязанія г-на П. . . а. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на П. . . а принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

«Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрягъ, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить болѣе, чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣкъ вѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознаться, что это значить проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю.

Не женщинѣ въ восемнадцать лѣтъ управлять мужчиною тридцати двухъ лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить.

«При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отпутиться насчетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, несмотря на мою жадность. Я разумѣю одиннадцать тысячъ

Видъ дома съ Колпинской улицы.

рублей, которыя я далъ взаймы. Я не требую уплаты и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и со своей стороны принять нужныя мѣры.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга».

Подобное письмо, конечно, не могло содѣйствовать семейному миру. Обостренныя отношенія съ тещей продолжались, и Пушкинъ писалъ Нащокину въ концѣ лѣта:

«Теща моя не унимается: ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni absence, ni des lieux la longueur; бранить меня да и только...»

IV.

Помимо семейныхъ неприятностей, настали неприятности и матеріальнаго свойства. Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ тому же другу своему Нащокину Пушкинъ дѣлится своими тревогами: «съ Догановскимъ не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается» (письмо 21-го іюля).

«Выручишь ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго?» (29-го іюля).

«Узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за сорокъ тысячъ займа и когда срокъ къ уплатѣ. Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель?» (3-го августа).

«Жду съ трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго» (3-го сентября).

«Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро...» (7-го октября).

Въ этотъ же періодъ времени Пушкинъ обращается и къ Бенкендорфу съ просьбой объ опредѣленіи его вновь на службу и предлагаетъ свои услуги, въ качествѣ журналиста:

«Если государю императору,—пишетъ онъ Бенкендорфу въ іюлѣ,—будетъ угодно употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостью взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и бібліотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III».

Какъ извѣстно, императоръ Николай опредѣлилъ Пушкина на службу съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей и разрѣшилъ ему работать въ архивахъ.

Устраивая свое будущее, Пушкинъ попрежнему горячо отзывался на всѣ событія въ литературномъ мірѣ.

Такъ, въ письмѣ къ Воейкову (редактору литературныхъ приравленій къ «Русскому Инвалиду») въ августѣ мѣсяцѣ онъ привѣтствовалъ выступленіе Гоголя:

«Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ же-

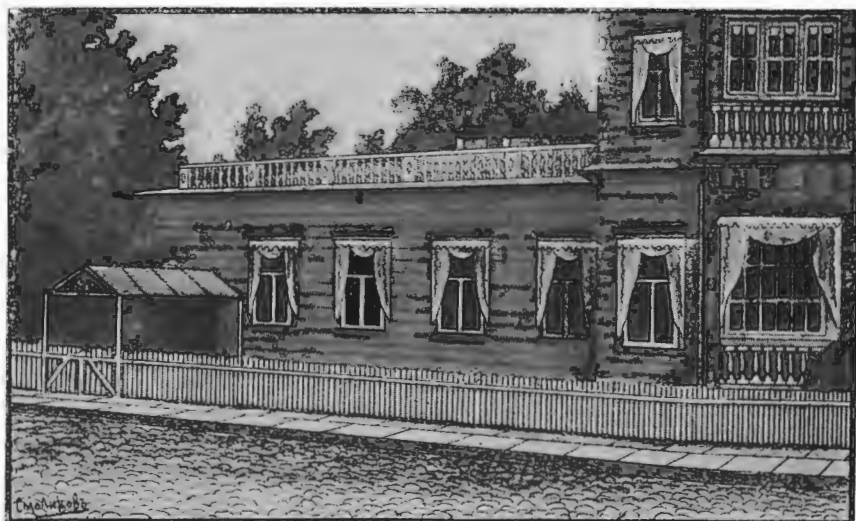
манства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность; все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился...»

Тогда же онъ написалъ и непосредственно Гоголю, поздравляя его съ успѣхомъ...

Въ то же время Пушкинъ велъ переписку съ Чаадаевымъ и Погодинымъ.

Къ Погодину онъ обращается съ просьбой: «ради Бога, вели Смирдину прислать денегъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ, что имъ переписаны пять повѣстей Бѣлкина и предисловіе къ нимъ.

Видъ дома съ Кузьминской улицы.

Тихая жизнь Царскаго Села была нарушена прїѣздомъ двора въ срединѣ іюля.

Со дворомъ прїѣхали и друзья Пушкина: Росетти, Жуковскій, Карамзины. Друзья видались часто, иногда по два раза въ день, дѣлились впечатлѣніями прочитаннаго, Пушкинъ читалъ свои новыя произведенія. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Тутъ будетъ кстати упомянуть о воспоминаніяхъ г-жи Араповой (дочь отъ второго брака вдовы Пушкина съ Ланскимъ). Изъ простаго факта, что Пушкинъ читалъ свои новыя произведенія Росетти, г-жа Арапова дѣлаетъ семейную драму: «...сердце невольно щемило (у Наталіи Николаевны),—пишетъ она,—женское самолюбіе вспыхивало—когда, хватая шляпу, онъ со своимъ беззаботнымъ, звонкимъ смѣхомъ объявлялъ по вечерамъ: «а теперь пора къ Александрѣ Оси-

повнѣ на судъ. Что-то она скажетъ? Угожу ли я ей своимъ новымъ трудомъ? И «на робкія мольбы» жены прочесть ей первой, отвѣчалъ: «это не твоего ума дѣло», а про Росетти выражался: «Росетти для меня другъ, товарищъ, опытный оцѣнщикъ, которому женскій инстинктъ пригоденъ, чтобы отыскать ошибку, ускользнувшую отъ моего вниманія, или указать что-нибудь, ведущее къ новому горизонту...»

Двадцатитрехлѣтняя свѣтская дѣвушка, предпочитающая изъясняться и писать по-французски, отыскиваетъ ошибки въ стихахъ Пушкина и открываетъ ему новые горизонты!

Такой тонъ вообще не свойствененъ Пушкину. Это мы видимъ изъ его писемъ. Конечно, Пушкинъ цѣнилъ и умъ, и сердце Росетти (между прочимъ, въ это же лѣто просватанной за Смирнова), но нехотѣло даже представить себѣ, что онъ чуть ли не робѣетъ, какъ школьникъ, передъ ея судомъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдующій отрывокъ изъ письма Пушкина къ женѣ (1833 г.) говоритъ о болѣе простыхъ и естественныхъ отношеніяхъ и къ женѣ, и къ Росетти, тогда уже Смирновой: «жалъ, что ты Смирновой не видала, она, должно быть, уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки по Германіи».

Кстати еще о запискахъ г-жи Араповой, по поводу рассказанной ею трогательной исторіи о гончаровскихъ брилльянтахъ.

Эти брилльянты были обѣщаны въ приданое Наталіи Николаевнѣ.

И вотъ, наконецъ, «теща,—говоритъ г-жа Арапова,—прислала Пушкину объемистую шкатулку, наполненную брилльянтами и драгоцѣнными парюрами, на весьма значительную сумму. Нѣсколько дней,—съ грустью замѣчаетъ г-жа Арапова,—пришлось Наталіи Николаевнѣ полюбоваться удѣлѣнными остатками гончаровскихъ милліоновъ. Мужъ объявилъ, что они должны быть проданы для уплаты долговъ, и разрѣшилъ ей сохранить на память только одну изъ присланныхъ вещей. Выборъ ея остановился на жемчужномъ ожерельи, въ которомъ она стояла подъ вѣнцомъ...»

Все это очень трогательно, но дѣло заключается въ томъ, что теща прислала не объемистую шкатулку съ брилльянтами, а лишь ломбардную квитанцію. Драгоцѣнности были ею заложены для собственныхъ нуждъ. Какъ видно изъ письма къ Нащокину, поэту стоило не мало заботъ спасать гончаровскіе брилльянты, своевременно платя за нихъ проценты.

Что касается литературной дѣятельности поэта за этотъ періодъ времени, то имъ, кромѣ многочисленныхъ журнальных замѣтокъ, прозаическихъ отрывковъ, началъ задуманныхъ произведеній, проектовъ и программъ журнала, были написаны: «Клевет-

никамъ Россіи» «Бородинская годовщина», «Сказка о попѣ и его работникѣ», «VIII глава Онѣгина», «Сказка о царѣ Солтанѣ» и «Лицейская годовщина».

Приближалось время переѣзда въ Петербургъ. Матеріальныя заботы сильнѣе давали себя чувствовать. Предстояла широкая свѣтская жизнь. Наталія Николаевна мечтала блистать въ большомъ свѣтѣ; теща рѣшила перевезти къ Пушкинымъ и остальныхъ дочерей, въ надеждѣ, что онѣ скорѣе найдутъ себѣ въ Петербургѣ жениховъ. Предстояло добывать деньги, деньги и деньги...

О настроеніи поэта ясно говоритъ написанное имъ наканунѣ отъѣзда изъ Царскаго Села стихотвореніе «Лицейская годовщина 19-го октября».

Безконечной грустью, словно тяжкимъ предчувствіемъ, исполнено это стихотвореніе, особенно его конецъ:

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ,
Шести друзей не узримъ болѣ...

И мнится, очередь за мной.
Зоветь меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ гѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений.
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній...

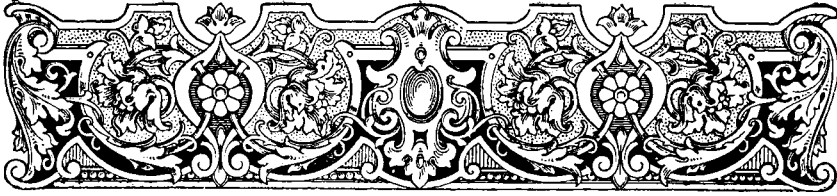
Съ такими чувствами поэтъ покидалъ Царское Село...

Этимъ грустнымъ аккордомъ закончился переходный періодъ жизни поэта, въ который уже обозначались пути его трагической судьбы.

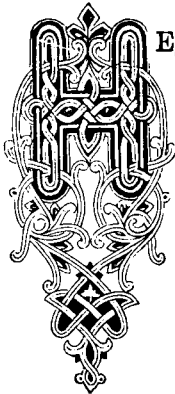
Печальную повѣсть рассказываетъ бѣлая мраморная доска на стѣнѣ скромнаго дома...

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

ПИСЬМО КАМЕРЬ-ФУРЬЕРА БАБКИНА КЪ СЫНУ, НАПИСАННОЕ
23-ГО НОЯБРЯ 1825 ГОДА ИЗЪ ТАГАНРОГА.

ЕДАВНО мнѣ удалось приобрѣсти оригиналь письма, писаннаго камерь-фурьеромъ Бабкинымъ изъ Таганрога, четыре дня послѣ кончины императора Александра I.

Въ настоящее время письмо это—собственность Его Императорскаго Величества Государя Императора.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» были мною напечатаны другія письма изъ Таганрога, тоже относящіяся къ кончинѣ Александра Павловича. Всякіе комментаріи излишни какъ къ раньше напечатаннымъ письмамъ, такъ и къ тому, которое мы оглашаемъ нынѣ. Документы говорятъ сами за себя, а легенда остается легендой. Пусть читатель безпристрастно судить самъ.

«Таганрогъ 23-е Ноября 1825 года.

«Любезный Сынъ мой Григорій Даниловичъ.

«Я немогу еще опомниться отъ несчастнѣйшаго произшествія на глазахъ моихъ Случившагося. и теперь еще немогу вѣрить Себѣ, что Императоръ нашъ Благодѣтель мой въ Свѣтѣ наилучшій изъ Монарховъ, инаиздоровѣйшій ипрекраснѣйшій изъ мушницъ

умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Я не плачу а рыдаю, что пережилъ Государя, я писалъ вамъ постепенную болѣзнь Его подумаю, что письма мои, какъ и прочихъ, задерживались, а теперь вѣроятно получили ихъ вмѣстѣ съ громовою вѣстію, и воображаю, что вы оплакиваете какъ отца своего лишились.

«Съначала Болѣзнь Его Казалась не значущею—приѣхавши изъ Крыма въ Таганрогъ 5-го числа былъ довольно веселъ, надругой день какъ обыкновенно одѣлся въ мундирной сертукъ, только уже не выходилъ со двора какъ то прежде дѣлалось, съ Императрицею обѣдалъ только Чувствовалъ Себя несомнѣнно хорошо, Мало Кушалъ, и не докончивъ обѣда вышелъ въ Свою Комнату, 7-го здѣлался Ему обморокъ, легъ въ постелю, виле далъ какое лѣкарство, 8-го небыло лучше, пересталъ принимать лѣкарства оказалось Сильная Горячка виле этотъ подлой интересанъ и малодушной медикъ не имѣлъ искусства и духу убѣдить Императора принимать лѣкарства тѣшилъ однимъ только питьемъ разныхъ лимонадовъ 14-го Числа всѣ испугались отчаяннаго положенія въ какое онъ въ палъ—Позвали Священника; который у меня и ночевалъ, и мы провели ночь возлѣ Его комнаты 15-го въ 6-ть часовъ утра взяли къ нему священника съ крестомъ, сказали онемъ; Его Величество открылъ Глаза, приподнялся на локоть (всѣ вышли) исповѣдался, всѣ взошли къ нему, съ величайшимъ благоговѣніемъ причащались Святыхъ Таинъ поцѣловалъ Крестъ и руку Служителя Божія; и съ прерывающимся новыразительнымъ тономъ произнесъ Божественные Слова сіи «Я никогда небылъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи въ какомъ нахожусь теперь?? тутъ по чтенійшій Старець бросающъ укровати на колени, на убѣдительноше умолялъ Его Величество для блага народа своего спасать и беречь свое здоровье принимать отъ врачей пособіе. онъ обѣщалъ идался имъ дѣлать надъ собою что хотѣли. Истопили Слабые познанія Свои и всѣ неспасли Его въ Четвертокъ 19-го Ноября скончался 47 минутъ 11 часа утромъ. Я видѣлъ послѣдній вздохъ Его, Поразившій насъ Громовою стрѣлою. сѣсна ужасная всѣ мы на колѣнахъ укровати рыдали и кровавыя проливали слезы.

«Императрицу Отвели въ Ея покои а я съ камердинеромъ обмыли драгоцѣнное тѣло Его, надѣли чистое бѣлье, ибѣлой Шлафорокъ, положили на дорожной Его кровати въ Кабинетъ, за Свѣтили 4 около кровати свѣчи въ головахъ образъ Спасителя и въ ногахъ налой и Евангеліе, позвали духовенство, и пеніе упокой Господи усопшаго раба Твоего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра I-го всеяроссія, по тресли Сердца предстоящихъ.

«Императрицу перевезли въдругой Домъ; на третій день анатомили ибальзимировали тѣло, нашли въ головѣ съполстакана

вода, что и было по словамъ лѣкарей причиною преждевременной Кончины Его, съ разстерзанными Сердцами теперь Занимаемъ печальнѣйшей Его должностію къ Погребѣнію, въ залѣ дѣлають тронъ обивають покои трауромъ, но во всемъ чрезвычайное Затрудненіе, нѣтъ Сукна бархату, Глазету Голуновъ Короны, вездѣ разослали курьеровъ собирать все это, послѣ въ церкви тутже будетъ дѣлаться Катафалокъ, ожидаемъ Сюда Новаго Императора Константина Павловича, ипо Его уже повелѣнію по веземъ въ Петербургъ, вотъ будутъ Сдѣланы въ продолженіи пути навсякомъ Шагу, Плачь и рыданіе Я давно уже вижу тебя въ слезахъ другъ мой, Плачь онъ достоинъ Сердечной Жертвы нашей!.. Смѣртъ эта сразитъ достойнѣйшую родительницу Его братцевъ и сестрицъ, нѣтъ вѣломъ свѣтъ Семейства Которое такую любовь дружбу и уваженіе между Собою имѣлобы, въпротчемъ остаюсь Твой усердный отецъ Даниилъ Бабкинъ.»

Изъ хранящагося въ общемъ архивѣ министерства императорскаго двора послужного списка камеръ-фурьера VI класса, а впоследствии гофъ-штабъ-квартирмейстера, Данила Бабкина видно, что онъ:

1. Началь службу истопникомъ 24-го іюня 1790 г.
2. Былъ назначенъ гофъ-курьеромъ 3-го марта 1800 г.
3. Былъ назначенъ камеръ-фурьеромъ 2-го ноября 1816 г.
4. За труды, понесенные при перевезеніи изъ Таганрога тѣла въ Бозѣ почившаго императора Александра I, былъ пожалованъ перстнемъ 2-го мая 1826 г., а впоследствии ему было пожаловано 30.000 рублей на покупку дома.
5. Вышелъ въ отставку въ 1851 г.

Великій князь Николай Михайловичъ.

17/III 1914 г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

(Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I).

I.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время въ нашей исторической литературѣ ожили двѣ легенды, уже давно сложившіяся объ Александрѣ I. Съ одной стороны, появились два сочиненія, доказывающія фиктивность кончины Александра 19-го ноября 1825 года въ Таганрогѣ и тожество его съ отшельникомъ Θεодоромъ Козьмичемъ, умершимъ въ 1864 году въ Сибири, съ другой, — русскій переводъ труда о. Пирлинга «Не былъ ли Александръ I католикомъ?» распространяетъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества увѣренность, что незадолго до своей смерти Александръ принялъ или хотѣлъ принять католичество. Все таинственное неудержимо влечетъ къ себѣ человѣчество, въ особенности, когда оно касается такихъ крупныхъ историческихъ лицъ, какъ Александръ, и съ этой точки зрѣнія легенды эти заслуживаютъ вниманія, какъ бы сами по себѣ онѣ ни были фантастичны и мало обоснованы. Зерно психологической правды, находящейся въ основѣ легендъ объ Александрѣ, дѣлаетъ ихъ живучими и увлекательными: и въ гробу знаменитый императоръ представляется тѣмъ же «не разгаданнымъ сфинксомъ», какимъ онъ былъ при жизни для огромнаго большинства своихъ современниковъ.

Историческая обстановка смерти Александра I въ Таганрогѣ вполне разъяснена была еще въ 1907 году въ книгѣ великаго князя Николая Михайловича «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Θεодора Козьмича». На основаніи документовъ и современныхъ показаній августѣйшій авторъ доказалъ несомнѣнность смерти Александра I въ 1825 году и невозможность сближенія его личности съ личностью старца Θεодора. Но въ прошломъ году появилась книга князя В. В. Барятинскаго «Царственный мистикъ», въ которой легенда превращалась въ историческій фактъ. Князь Барятинскій поставилъ себѣ три вопроса: 1) имѣлъ ли императоръ Александръ намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра? 2) Если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привелъ ли его въ исполненіе, или же скончался, не выполнивъ этого намѣренія? 3) Если онъ скрылся изъ Таганрога, а не умеръ, то можно ли отождествлять съ его личностью личность сибирскаго старца Θεодора Козьмича. На вопросы эти въ концѣ концовъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно. Но логическая цѣль его посылокъ и заключеній, способы его обращенія съ историческимъ матеріаломъ, характеръ его аналогій и гипотезъ — невольно напомнили мнѣ не такъ давно вышедшую въ Парижѣ книжку, въ которой авторъ помощью остроумныхъ приемовъ изслѣдованія доказывалъ не болѣе, не менѣе, что «Napoleon n'est pas existé». Разумѣется, книжка эта представляетъ собою лишь любопытный образчикъ гимнастики ума и сатиру на характеръ многихъ парадоксальныхъ историческихъ изслѣдованій. Но князь Барятинскій не хотѣлъ, конечно, создавать мистификаціи: видно, что онъ глубоко убѣжденъ въ доказываемыхъ имъ положеніяхъ, вѣритъ въ тождество Александра съ Θεодоромъ Козьмичемъ, а вѣра, конечно, заразительна. Этимъ объясняется успѣхъ его книги въ публикѣ, которую привлекалъ и убѣжденный тонъ автора, и даже сенсационность нѣкоторыхъ его доводовъ, въ родѣ провѣрки современными докторами протокола вскрытія тѣла императора послѣ его кончины. Книга г. Михайлова, появившаяся въ прошломъ году подъ заглавіемъ: «Императоръ Александръ I—старецъ Θεодоръ Козьмичъ» въ сущности повторяетъ положенія князя Барятинскаго и, не внося въ изученіе вопроса ничего новаго, является только слабымъ подражаніемъ его книгѣ.

Доводы князя Барятинскаго въ пользу мнѣнія, что императоръ Александръ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отказаться отъ престола и удалиться отъ міра, заключаются въ перечисленіи случаевъ, когда императоръ съ дней своей юности заявлялъ объ этомъ своемъ намѣреніи. На протяженіи тридцати лѣтъ Александръ заявлялъ его, не приводя, однако, его въ исполненіе—и въ царствованіе Екатерины, когда существовало предположеніе сдѣлать его наслѣдникомъ престола, помимо отца, и въ царствованіе Павла,

готовясь вступить на престоль, и, наконецъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, когда болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ проявлялъ въ лицѣ Аракчеева и его клевретовъ свою деспотическую волю. Въ характерѣ Александра, испытывающемъ и подозрительномъ, было стремленіе къ позѣ, къ красивой фразѣ. Показать, какъ мало дорожитъ онъ своимъ положеніемъ, и въ то же время испытывать близкихъ себѣ людей, читать ихъ сокровенныя мысли,—было цѣлью его заявленій о предстоящемъ его отреченіи, но это были одни слова, слова и слова... Никто изъ русскихъ государей не говорилъ болѣе Александра о благихъ своихъ намѣреніяхъ, и ни у кого изъ нихъ слово и дѣло не были въ такомъ явномъ противорѣчій, какъ у него же: вся жизнь его служить лучшимъ тому доказательствомъ. Это именно противорѣчіе и заставило современниковъ назвать его «сфинсомъ, не разгаданнымъ до гроба». Для потомства истинный обликъ императора дѣлается ясныи и ясныи, въ особенности въ послѣднее время, благодаря изданіямъ и трудамъ великаго князя Николая Михайловича. Сквозь перемѣнчивыя черты его нравственнаго лица, сквозь дымчатую маску, которую любилъ надѣвать державный «сушій прельститель»,—проглядываетъ нынѣ рѣзко опредѣленная фізіономія челоуѣка, не обладавшаго творческимъ даромъ, твердостью воли и принциповъ, но владѣвшаго зато необычайною способностью воспріятія, критики и приспособленія. Трудно сказать, кто былъ ближе его душѣ: Лагарпъ или Аракчеевъ, Екатерина II или Павелъ I; быть можетъ даже, что послѣдніе ближе, чѣмъ первые. Но есть краеугольные камни, ясно опредѣляющіе пути, по которымъ шель Александръ въ вопросахъ, подобныхъ вопросу объ отреченіи отъ престола, и которымъ онъ былъ вѣренъ въ теченіе всей своей жизни. Школа жизни, которую прошелъ онъ въ царствованіе своего родителя, научила его многому, дала ему руководящіе принципы, которымъ онъ всегда былъ вѣренъ. И вотъ, сопоставьте съ его словами объ отреченіи, повторявшимися цѣлыя тридцать лѣтъ, такую же длительную, безповоротную рѣшимость его не имѣть при себѣ законнаго, всѣми признаннаго наслѣдника престола. По печальному опыту своего отца и своему собственному, возросши въ атмосферѣ дворцовыхъ и военныхъ переворотовъ, Александръ Павловичъ зналъ, что наслѣдникъ престола, какъ носитель надеждъ будущаго, являлся естественнымъ центромъ, къ которому обращались взоры недовольныхъ, вокругъ котораго спланивались оппозиціонные элементы. Въ событіи 11-го марта 1801 года, гдѣ, вольно или невольно, ему, какъ наслѣднику, пришлось сыграть выдающуюся роль, онъ видѣлъ спасительное предубаженіе для себя самого. Уже при самомъ восшествіи своемъ на престоль онъ отмѣнилъ законъ Павла о престолонаслѣдіи, по которому наслѣдникомъ престола долженъ былъ быть старшій въ родѣ, объявивъ, что наслѣд-

никъ имъ назначенъ будетъ. Могли объяснять это распоряженіе тѣмъ, что Александръ ожидаетъ себѣ дѣтей, но слабость этого объясненія бросается въ глаза, потому что, по закону Павла, сыновья Александра имѣли бы естественное старшинство предъ братомъ его Константиномъ. Негласно Константинъ, конечно, считался за наслѣдника, но таковымъ онъ такъ и не былъ объявленъ, пока, наконецъ, самъ не отказался отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе по случаю брака своего на Жанеттѣ Грузинской въ 1821 г. Казалось бы, что именно въ это время, неоднократно говоря о намѣреніи своемъ «абдикировать» и выслушивая готовность Константина Павловича въ этомъ случаѣ состоять при немъ и «чистить ему сапоги», Александру слѣдовало подумать о будущности государства и порѣшить съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, назначивъ наслѣдникомъ второго брата, великаго князя Николая Павловича. Однако не было сдѣлано ничего подобнаго. Лишь въ 1823 г., подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ для насъ обстоятельствъ, Александръ рѣшился поручить митрополиту Филарету составить манифестъ о назначеніи престолонаслѣдникомъ великаго князя Николая, но чуждается всякой огласки и приказываетъ положить его въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ государственномъ совѣтѣ, синодѣ и сенатѣ въ запечатанныхъ пакетахъ. «Нельзя не согласиться съ Шильдеромъ, а за нимъ и съ другими изслѣдователями занимающаго насъ вопроса,—говоритъ князь Барятинскій, —что поведеніе императора Александра въ этомъ дѣлѣ было очень загадочно». Въ дѣйствительности, рѣшимость императора не назначать себѣ наслѣдника при жизни гласно, предъ всѣмъ народомъ, остается неизмѣнной. Совсѣмъ странно звучать въ устахъ князя Барятинскаго слова: «Опубликованіе манифеста представлялось Александру чѣмъ-то въ родѣ пролога къ своему собственному всенародному отреченію». Въ такомъ случаѣ, Александръ долженъ былъ опубликовать этотъ манифестъ до своего удаленія отъ міра, въ которомъ не сомнѣвается князь Барятинскій, чего онъ, однако, не сдѣлалъ, превращаясь въ бездомнаго странника на далекой окраинѣ и оставляя государству, вмѣсто преемника, четыре запечатанные пакета и создавая, такимъ образомъ, междуцарствіе. Уходитъ отъ міра, не исполнивъ этой священной обязанности по отношенію къ русскому народу, Александръ не могъ считать себя въ правѣ, и, если онъ умеръ, не исполнивъ ея, то для этого были другія причины.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» настоящаго года великій князь Николай Михайловичъ напечаталъ еще неизвѣстное второе письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны къ своей свекрови послѣ кончины Александра, которое великій князь справедливо признаетъ чрезвычайно важнымъ для объясненія послѣднихъ минутъ жизни императора. Оказывается, что, при-

ступая къ принятію св. тайнъ, Александръ не считалъ себя въ опасности (il a commencé sans se croire en danger), но уже наступало угасаніе, при которомъ не было и помину о его способностяхъ (mais c'était son âme qui passait a travers l'assoupissement dont ses facultés étaient déjà oubliées) и что онъ потерялъ способность понимать, сохранивъ способность любить (Il conservait la faculté d'aimer ayant perdu celle de comprendre). Изъ этого совершенно ясно, что способность распоряжаться и понимать оставила императора прежде, чѣмъ онъ могъ сознать смертельную опасность своей болѣзни. Вотъ причина страннаго, какъ казалось, факта, что императоръ не оставилъ *никакихъ* предсмертныхъ распоряженій, и вотъ отчего онъ не успѣлъ сообщить о назначеніи великаго князя Николая ни своей супругѣ, ни Дибичу и Волконскому. Болѣе того, въ самомъ Петербургѣ, даже среди членовъ царской фамиліи, могла возникнуть мысль, что Александръ сознательно умолчалъ на смертномъ одрѣ о своемъ преемникѣ, предоставляя рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи доброй волѣ великаго князя Константина Павловича, и что четыре пакета, оставленные въ Москвѣ и Петербургѣ, потеряли свою силу. Министръ юстиціи первый громко объявилъ въ Петербургѣ, что «мертвые не имѣютъ воли». При такихъ обстоятельствахъ поведеніе великаго князя Николая Павловича во время междуцарствія, предшествовавшего 14-го декабря, получаетъ новое освѣщеніе.

Вотъ почему мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ повторить слова князя Барятинскаго, что Александръ не оставилъ бы престола и міра безъ того, чтобы манифестомъ не объявить о своемъ преемникѣ, къ чему онъ имѣлъ и время, и возможность. Лишь внезапно подкравшаяся смерть замкнула его уста и помѣшала ему выразить свою послѣднюю волю. Александръ не могъ не сознавать необходимости ее выразить. Предъ его отъѣздомъ въ Таганрогъ князь А. Н. Голицынъ позволилъ себѣ замѣтить, что неудобно оставлять акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, при продолжительномъ отсутствіи не обнародованными и какая можетъ отъ этого родиться опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія. Государь отвѣтилъ Голицыну: «Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ!»

Но, помимо вопроса о престолонаслѣдіи, который, по признанію самого князя Барятинскаго, Александръ долженъ разрѣшить всенародно прежде, чѣмъ уйти отъ міра, къ концѣ 1825 года на душѣ Александра лежали другія важныя дѣла, которыя ему также необходимо было самому ликвидировать тѣмъ или другимъ образомъ. Именно, въ 1825 году доносы Майбороды и Шервуда заставили императора Александра обратить серьезное вниманіе на дѣйствія тайныхъ обществъ, занимавшихся пропагандой въ самой близкой сердцу императора средѣ, военной, въ гвардіи и арміи,

Объ этомъ движеніи въ общихъ чертахъ онъ зналъ и ранѣе, но не придавалъ ему важнаго значенія. Академическія, такъ сказать, разсужденія военной молодежи въ тотъ революціонный вѣкъ не казались опасными для власти, и на докладъ командира гвардейскаго корпуса Васильчикова Александръ отвѣчалъ словами: «Дорогой Васильчиковъ, проводя службу съ самаго начала моего царствованія, вы должны знать, что я самъ раздѣлялъ и одобрялъ эти заблужденія и иллюзіи. *Ce n'est pas moi sévir*,— закончилъ онъ, — не мнѣ карать». Донесенія Майбороды и Шервуда пробудили наконецъ энергію императора: заговоръ созрѣвалъ, дѣло шло уже о военномъ бунтѣ. Императоръ рѣшилъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и, довѣрившись одному Аракчееву, приказалъ слѣдить за заговорщиками, а по пріѣздѣ въ Таганрогъ лично распорядился отправить для арестованія нѣкоторыхъ изъ нихъ полковника Николаева. Болѣзнь и смерть захватили Александра именно въ то время, когда онъ ожидалъ отъ Николаева извѣстій объ исполненіи этого порученія. Ожиданіе ихъ тѣмъ болѣе должно было волновать его, что единственный «вѣрный другъ» его, Аракчеевъ, въ рукахъ котораго въ Петербургѣ находились всѣ нити управленія имперіей и которому и въ дѣлѣ тайныхъ обществъ предназначена была главная карающая функція,—какъ разъ въ это время, подавленный убійствомъ своей любовницы Настасьи Минкиной въ сентябрѣ 1825 года, написалъ своему царственному другу въ Таганрогъ, что онъ признаетъ себя неспособнымъ на нѣкоторое время заниматься государственными дѣлами и что онъ ихъ передалъ своимъ помощникамъ. Тщетно императоръ призывалъ Аракчеева къ себѣ въ Таганрогъ, обѣщая утѣшить его своей дружбой и вниманіемъ: «вѣрный другъ» упорно сидѣлъ у себя, въ Грузинѣ, направивъ всѣ силы ума своего и характера на мечь убійцамъ Минкиной. Такимъ образомъ, въ самый трудный моментъ Александръ лишился сотрудника, на котораго привыкъ полагаться. Этимъ объясняется та нервность, то самоуглубленіе, которое замѣтили въ государѣ окружавшія его лица и о которыхъ говорилъ самъ онъ въ связи съ началомъ своей болѣзни. Ревнивый къ власти, Александръ и не думалъ обращаться къ содѣйствию естественнаго своего помощника, назначеніе котораго наслѣдникомъ заключено было въ пакеты,—великаго князя Николая Павловича; напротивъ, онъ не допускалъ его къ участию въ государственныхъ дѣлахъ и, къ глубокому негодованію великаго князя, до самой смерти своей держалъ на должности бригаднаго командира, хорошо зная, что въ гвардіи онъ не пользовался въ то время популярностью.

Энергія, пробудившаяся въ Александрѣ въ концѣ 1825 года, и во внѣшнихъ дѣлахъ побудила его вступить на новый путь. Это былъ моментъ, когда онъ началъ освобождаться отъ путъ Меттерниховской политики и захотѣлъ возвратиться къ преданіямъ и за-

вѣтамъ славной своей бабушки. Слишкомъ пять лѣтъ, слѣдуя внушеніямъ европейскихъ политиковъ и главнымъ образомъ Австріи, императоръ закрывалъ глаза на звѣрства турокъ съ возставшими греками, на ихъ упорно дерзкое отношеніе къ Россіи и ея историческія задачи на Востокѣ подчинилъ европейскому приказу и принципамъ Священнаго союза, вопреки единодушному мнѣнію всего русскаго міра. «Помогите мнѣ уладить это греческое дѣло,—говорилъ императоръ французскому посланнику Лаферроне:—знайте, что я одинъ въ цѣлой моей имперіи хочу мира для обращенія всѣхъ моихъ силъ противъ революціонеровъ южной и западной Европы, *но я могу умереть*, и вы тогда останетесь въ страшной опасности». Меттернихъ отвѣчалъ: «Эта опасность меня не пугаетъ, я берусь предотвратить отъ нея Европу». Александръ, вѣроятно, понялъ тогда, что запугиваніе революціей было для Европы лишь средствомъ держать на уздѣ Россію, понялъ, что его восточная политика можетъ только возбудить недовольство въ самой Россіи и такимъ образомъ содѣйствовать планамъ тайныхъ обществъ. И вотъ, предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Таганрогъ, императоръ Александръ далъ слѣдующее повелѣніе русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ Минчаки: «Упорство Порты возбудило въ высшей степени негодованіе императора и открыло ему глаза относительно той роли, какую играютъ въ Константинополѣ посланники австрійскій, французскій и прусскій. Съ этихъ поръ императору неуютно въ восточномъ вопросѣ обращать вниманіе на союзниковъ: онъ будетъ здѣсь итти путемъ, который соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи и ея достоинству». Вслѣдъ за тѣмъ графъ Нессельроде сообщилъ австрійскому посланнику: «Союзники не хотятъ принять русскіхъ предложеній, а между тѣмъ не указываютъ другихъ средствъ, способныхъ вести къ умиротворенію, съ которымъ, по убѣжденію императора Александра, тѣсно связана его честь, его слава. Гдѣ найти эти другія средства, кромѣ употребленія силы?» Вопросъ поставленъ былъ прямо и рѣшительно: Александръ грозилъ войною.

Кажется, нѣтъ надобности уяснять, что такой образъ дѣйствій и такія рѣчи, выведившія Россію во внѣшней политикѣ на старый Екатерининскій путь и грозившія крупными осложненіями, едва ли были возможны въ устахъ государя, отправлявшагося въ это самое время въ Таганрогъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ оставить престоль и удалиться отъ міра и, заваривъ кашу, оставить расхлебывать ее своему преемнику. Замѣтимъ, что новый поворотъ политики императора Александра въ отношеніяхъ къ Европѣ и Турціи былъ въ то же время осужденіемъ его собственной политики эпохи конгрессовъ. Могъ ли сознательно завершить этимъ актомъ свое царствованіе столь упорный, столь самолюбивый государь, какъ Александръ I? Выборъ Таганрога для пребыванія императрицы

Елизаветы Алексѣевны, вмѣсто южнаго берега Крыма, предлагавшагося докторами,—могъ быть сдѣланъ императоромъ, именно въ виду наступленія тревожнаго времени, возможности военныхъ дѣйствій противъ турокъ.

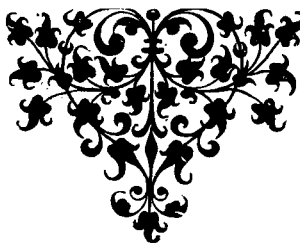
Князь Барятинскій не входитъ въ разсмотрѣнiе «душевной драмы» императора Александра, которая должна была побудить его къ оставленiю престола, чтобы въ видѣ нищаго странника замаливать свои грѣхи и окончить свою жизнь въ нѣдрахъ Сибири. Вѣроятно, онъ считаетъ эту «драму» вопросомъ исчерпаннымъ, фактомъ установленнымъ. Намъ кажется, напротивъ, что біографы императора Александра, подъ впечатлѣнiемъ ужасающаго трагизма событія 11-го марта, слишкомъ преувеличиваютъ вліяніе его на душу императора и тяжесть отвѣтственности, которую онъ могъ принять на себя за это событіе. Самый мистицизмъ «привычнаго къ противочувствіямъ» государя былъ, такъ сказать, теоретическаго свойства, какъ доказалъ это великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ изслѣдованіи: «Александръ I». «Чудный діалектикъ,— писали мы недавно въ «Новомъ Времени»,—императоръ Александръ долженъ былъ приписывать себѣ минимальную по значенію роль въ событіи 11-го марта, возлагая отвѣтственность за него не столько на лица, сколько на естественный ходъ событій; онъ могъ думать искренне, какъ думали и многіе изъ его современниковъ, что инымъ образомъ дѣйствій онъ въ концѣ концовъ не спасъ бы отца, а вмѣстѣ съ нимъ погибъ бы самъ и погубилъ бы всю свою семью. Если бы въ Александрѣ дѣйствительно сильны были угрызенія совѣсти, то этотъ «червь гложущій» не допустилъ бы его терпѣть въ своемъ обществѣ ни Беннигсена, ни Ө. П. Уварова, ни князя П. М. Волконскаго, а между тѣмъ два послѣднихъ лица были въ теченіе всего его царствованія самыми довѣренными и приближенными къ нему людьми; Волконскій даже сопровождалъ его въ Таганрогъ. Изъ бесѣдъ Александра съ Лагарпомъ и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ о событіи 11-го марта уясняется его мнѣніе, что въ этомъ событіи онъ самъ былъ жертвой государственной необходимости и людскаго коварства. Въ этомъ мнѣнiи умѣлъ онъ утвердить и мать свою, императрицу Марію Өеодоровну, и, быть можетъ, утвердился и самъ. Такой взглядъ на прикосновенность Александра къ событію, передавшему власть въ его руки, до нѣкоторой степени можетъ быть допущенъ даже исторической критикой; тѣмъ естественнѣе было воспринять и усвоить его человѣку, искавшему точки опоры для самооправданія и успокоенія собственной совѣсти. Нельзя думать и доказать поэтому, чтобы смерть Павла I, какъ она ни ужасна была по своему трагизму, была для Александра источникомъ для угрызенія совѣсти и самобичеванія, побуждая его къ замаливанію своихъ грѣховъ въ сибирской тайгѣ. Не могло быть въ Александрѣ раскалнiя въ преступленіи, въ которомъ онъ не чувствовалъ себя виновнымъ

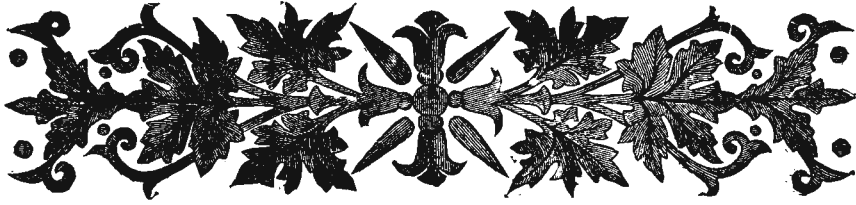

и которымъ началось его царствованіе. «Quelle page dans l'histoire!» вскричалъ Александръ, узнавъ изъ доклада Палена о смерти отца.— «Sire,—находчиво отвѣчалъ Палень,—les autres feront l'oublier».

Итакъ, на первый вопросъ князя Барятинскаго: имѣлъ ли императоръ Александръ намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра?— намъ кажется, не можетъ быть другого отвѣта, какъ тотъ, что если онъ и имѣлъ въ виду когда-либо въ будущемъ отречься отъ престола, то не сдѣлалъ бы этого въ Таганрогѣ въ 1825 году и притомъ въ обстановкѣ чловѣка, доведеннаго до невыносимой душевной муки.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. «Русскій Провинціальный Некрополь».
Томъ первый. Москва. 1914. Стр. IX+1008. Цѣна 3 руб.

ТИМЪ монументальнымъ томомъ въ тысячу слишкомъ страницъ начинается новое изданіе великаго князя Николая Михайловича, долженствующее завершить его грандіозное по замыслу предпріятіе—собираніе и опубликованіе надгробныхъ надписей, разсѣянныхъ по кладбищамъ нашего обширнаго отечества. Начавъ въ 1907—1908 году съ изданія некрополя Москвы (3 тома), августѣйшій историкъ въ 1912—1913 году выпустилъ въ свѣтъ 4 тома «Петербургскаго Некрополя», а теперь выдалъ въ научный оборотъ до 15.000 надписей, собранныхъ на городскихъ, монастырскихъ и сельскихъ кладбищахъ губерній сѣвернаго района Россіи: Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Петербургской, Тверской, Ярославской и Выборгской (монастыри Валаамскій и Коневскій). Читателямъ «Историческаго Вѣстника» не приходится, конечно, разъяснять всю важность подробнаго изданія, спасающаго отъ гибели десятки, сотни тысячъ иногда прямо неоцѣненныхъ указаній историческаго, біографическаго, генеалогическаго и бытового значенія и отнимающаго у всеразрушающаго времени и у иногда невѣжественныхъ распорядителей нашихъ кладбищъ зачастую столь краснорѣчивыя въ своемъ безмолвіи надгробія съ могилъ длиннаго ряда отошедшихъ уже въ вѣчность поколѣній русскихъ дѣятелей—крупныхъ и мало замѣтныхъ. Съ этой точки зрѣнія уже изданные некрополи Москвы и Петербурга, въ которые въ общей сложности вошло до 65.000 именъ, нашли себѣ должную оцѣнку и сразу вошли въ научный обиходъ, сдѣлавшись настольною книгою у cadaго русскаго исто-

рика, изслѣдователя прошлаго нашей родины, генеалого и комментатора. Поэтому нельзя иначе, какъ съ величайшею благодарностью, отнести и къ новому величественному и высоко-патріотическому начинанію великаго князя Николая Михайловича, тѣмъ болѣе, что «Провинціальный Некрополь» спасаетъ и пускаетъ въ научный оборотъ такія свѣдѣнія, которыя до своего появленія въ печати могли считаться какъ бы не существующими: затерянные по тихимъ кладбищамъ тысячъ городовъ и сель надгробныя надписи русской провинціи были, въ громадномъ своемъ большинствѣ, совершенно неизвѣстны изслѣдователямъ,—теперь же, собранныя и изданныя подъ опытнымъ наблюденіемъ специалиста (В. В. Шереметевскаго), онѣ внесутъ много новаго, дадутъ тысячи и тысячи датъ, указаній на родственныя, имущественныя, служебныя отношенія, разсвѣтъ многія недоумѣнія, разрушатъ многія легенды и исправятъ многія ошибки.

Слабою стороною «Провинціальнаго Некрополя» слѣдуетъ признать лишь одно: самый способъ собиранія надгробій,—не непосредственно составителемъ книги, а при посредствѣ духовенства, приходскаго и монастырскаго, которому, по просьбѣ августѣйшаго издателя, святѣйшимъ синодомъ было предписано, дабы его императорскому высочеству были представлены изъ всѣхъ епархій «списки лицъ, погребенныхъ въ церквахъ и на кладбищахъ, съ точнымъ обозначеніемъ надгробныхъ надписей, сохранившихся на могилахъ духовныхъ лицъ, дворянъ и наиболѣе крупныхъ общественныхъ дѣятелей купеческаго и другихъ сословій».

Изъ разсказа самого редактора изданія, въ его любопытномъ предисловіи къ книгѣ, видно, какъ духовенство отнеслось къ предложенному ему дѣлу,—какъ, въ большинствѣ случаевъ, плохо поняло оно цѣль запросовъ и какъ формально исполнило свою задачу: «не всѣ присланные матеріалы,—говоритъ В. В. Шереметевскій,—отличались полнотою и точностью содержанія; не всѣ настоятели монастырей и церквей оказались на высотѣ своей задачи; нѣкоторые вовсе уклонились отъ присылки свѣдѣній; въ иныхъ было замѣтно желаніе лишь какъ-нибудь «отписаться» и отдѣлаться отъ приразившагося извнѣ искушенія. По просмотрѣ матеріаловъ приходилось многіе отсылать обратно въ консисторію для исправленія и дополненія». Многое изъ присланнаго провѣрялось еще по печатнымъ и инымъ источникамъ, вносились изъ литературныхъ пособій, кое-что сообщено было для изданія нѣсколькими любителями,—но, при всей тщательности редактора, въ книгу вкрались и ошибки, и неточности, и пропуски очень досаднаго свойства, отнюдь, впрочемъ, не падающіе на редактора, а проистекающіе, какъ сказано было выше, изъ самаго способа собиранія матеріала. Укажемъ одинъ примѣръ: мѣстный священникъ не сообщилъ, напримѣръ, что на кладбищѣ села Прутни, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи погребена воспитая Пушкинымъ Анна Петровна Кернъ (по второму браку Маркова-Виноградская), хотя другія лица, погребенныя на томъ же кладбищѣ и имѣющія лучшіе памятники, въ книгу включены; не указана погребенная на кладбищѣ въ гор. Старицѣ Фридерика Ивановна Вульфъ (умершая въ 1848 г.), у которой въ имѣніи бывалъ Пушкинъ; надписи съ нѣкоторыхъ сельскихъ кладбищъ, лично и хорошо извѣстныхъ пишущему эти

строки (въ Лужскомъ и Гдовскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи), а также съ кладбищъ гор. Пскова, гор. Луги сообщены были далеко не всё,—съ непонятными пропусками; есть и ошибки, проистекшія, очевидно, отъ небрежности списывавшаго: сравнивъ, на примѣръ, на выдержку, записи о Херасковыхъ, погребенныхъ въ Черемнецкомъ монастырѣ Лужскаго уѣзда, мы нашли и ошибки и неточности (Петръ Петровичъ умеръ 29-го августа 1861 года, а не въ 1866 году, а Романъ Петровичъ родился 18-го, а не 31-го октября). Но эти недочеты не умаляютъ общаго выдающагося и неоспоримаго значенія разсматриваемаго изданія—ни въ его идейной сторонѣ, ни въ его осуществленіи: столько цѣнныхъ, первостепеннаго значенія свѣдѣній даетъ эта книга, и за нее, конечно, всякій поблагодаритъ ея щедрого и безкорыстнаго издателя. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія «Русскаго Провинціального Некрополя».

Б. Модзалевскій.

«Историческая панорама Санктпетербурга и его окрестностей», изданіе московскаго т-ва «Образованіе», ч. I, VI, VII и VIII. М. 1911—1913 гг. Цѣна не обозначена.

Московское книгоиздательское товарищество «Образованіе» уже извѣстно цѣлымъ рядомъ своихъ популярно-художественныхъ изданій. Укажу въ качествѣ примѣра на обширное изданіе «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», въ двѣнадцати частяхъ, или «Подмосковныя» въ двухъ пока выпускахъ (изданіе еще не закончено).

Хотя изданіе «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ» имѣло заслуженный успѣхъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые недочеты его, повидимому, болѣзненно были восприняты издательствомъ, и вотъ оно, приступая къ новому предпріятію въ видѣ «Исторической панорамы С.-Петербурга и его окрестностей», рѣшило держаться совершенно другаго плана работы; какого именнo, это ясно будетъ видно изъ послѣдующаго. О задачахъ и цѣли изданія узнаемъ изъ предисловія г. Балицкаго.

«Въ наше время всяческаго собиранія и охраненія старины и пробудившейся даже въ широкихъ кругахъ публики культурной любви къ своему прошлому,—читаемъ въ предисловіи,—особенно сильно чувствуется потребность въ общей исторической картинѣ Петербурга». Матеріалу накопилось очень много: картины, старыя гравюры, многоцѣнные коллекціи утвари и обстановки, уцѣлѣвшихъ отъ былыхъ временъ, книги, наконецъ памятники старинные и современные въ видѣ зданій и сооруженій самаго города Петербурга даютъ богатѣйшій матеріаль для характеристики прошлой и настоящей красоты нашей сѣверной столицы.

Живо чувствуя «неотложную необходимость собрать во единое цѣлое и привести въ общій порядокъ тѣ драгоцѣнные, но разрозненные матеріалы по художественной исторіи Петербурга, которыхъ за два столѣтія накопилось слишкомъ достаточно для того, чтобы приняться за ихъ обработку, за сведеніе ихъ къ одной общей исторической панорамѣ», товарищество «Образованіе» въ указанномъ выше художественномъ изданіи поставило себѣ задачей опытъ

такой художественно-исторической панорамы Петербурга, причемъ центр тяжести такого изданія будетъ заключаться въ рисункахъ и гравюрахъ, «тексту же отводится лишь служебная роль, какъ объясненіе рисунковъ, какъ ихъ необходимое истолкованіе».

Оставляя въ сторонѣ исторію Петербурга, «Историческая панорама» предполагаетъ дать внѣшніе виды Петербурга, портреты его творцовъ, государей и особъ царствующаго дома, всѣхъ выдающихся петербуржцевъ, начиная съ сподвижниковъ Петра; въ «Панораму» войдутъ изображенія частной и общественной жизни Петербурга: балы, клубы, собранія, парады, прогулки по набережной и Невскому проспекту, наконецъ, вообще уличная жизнь петербуржца «отъ вельможи до простолюдина». Сверхъ того «всѣ архитектурныя чудеса и богатства» Царскаго, Петергофа, Павловска, Ораніенбаума—все это, воспроизведенное съ новыхъ, оригинальныхъ, фотографическихъ снимковъ, служить главнѣйшимъ матеріаломъ «Исторической панорамы».

Таковы въ извѣстномъ смыслѣ широкіе планы, поставленные издательствомъ его любопытному по замыслу предпріятію, которое частью уже и выполнено благодаря появленію въ печати четырехъ частей «Исторической панорамы» (1-й, 6-й, 7-й и 8-й).

Первая часть «Панорамы» посвящена Петербургу отъ основанія города до Екатерининской эпохи; въ ней дано 50 фото-тинто-гравюръ (на отдѣльных листахъ), среди которыхъ находимъ снимки со старинныхъ картинъ и гравюръ слѣдующихъ видовъ и зданій: Петропавловской крѣпости, Невской набережной, Невскаго проспекта, адмиралтейства, зданія двѣнадцати коллегій, Зимняго и другихъ дворцовъ, Троицкаго собора и старинныхъ церквей и нѣсколькихъ частныхъ домовъ XVIII вѣка, на которыхъ лежитъ печать творчества знаменитыхъ мастеровъ Трезини и братьевъ Растрелли. Иллюстраціямъ предпослана небольшая статья (въ 14 стр.) Н. Русова, съ краткимъ поясненіемъ къ тѣмъ памятникамъ, изображенія которыхъ даны въ первомъ выпускѣ «Панорамы».

Шестая часть посвящена Павловску, его дворцамъ и парку, представленнымъ въ видѣ 35 гравюръ, среди которыхъ находимъ, кромѣ извѣстныхъ зданій дворца, храма дружбы, павильона трехъ грацій, колоннады Аполлона, мавзолея и розоваго павильона, рядъ интереснѣйшихъ снимковъ, а именно: уголь греческой залы, убранной по проекту Камерона, кабинеты Павла Петровича, бібліотеку и спальню Маріи Феодоровны, снимки съ камина и дверей во дворцѣ и проч. Воспроизведенія настолько хороши, что, просматривая ихъ, какъ будто ходишь по великолѣпнымъ, стильнымъ заламъ Павловскаго дворца и по его очаровательному парку.

Въ седьмой части—виды Царскаго Села, представленнаго 36 фото-тинто-гравюрами (изъ нихъ 4 на двухъ листахъ). Здѣсь такъ же, какъ и въ Павловскѣ, даны превосходные виды дворцовъ, павильоновъ, памятниковъ, зданій и частей живописнаго парка, еще обвѣяннаго изяществомъ и прелестью екатерининской эпохи.

Восьмая часть «Исторической панорамы» посвящена Петергофу, Ораніенбауму и Гатчинѣ (35 снимковъ). Въ ней—преимущественно виды многочисленныхъ дворцовъ и знаменитыхъ эффектныхъ петергофскихъ фонтановъ. Можно

еще указать на интересные снимки Вблага озера въ Гатчинѣ и любопытнаго Монплезира, съ его красивымъ видомъ на море.

Каждая изъ послѣднихъ трехъ частей сопровождается небольшими вводными статьями А. И. Успенскаго, извѣстнаго своей двухтомной работой объ императорскихъ дворцахъ. Въ статьяхъ въ сжатомъ видѣ сообщаются свѣдѣнія о дворцахъ и прочихъ зданіяхъ, объ ихъ постройкѣ и архитектурныхъ украшеніяхъ, а иногда рассказывается о событіяхъ изъ придворной жизни, происшедшихъ въ томъ или другомъ дворцовомъ изданіи.

Такова «Историческая панорама» Петербурга и его окрестностей въ тѣхъ частяхъ, которыя выпущены въ свѣтъ. Какъ видно, въ согласіи съ планомъ изданія на первомъ мѣстѣ стоятъ виды и всякаго рода изображенія, а тексту отводится второстепенное значеніе: примѣрно на 200 картинъ (на многихъ гравюрахъ по два изображенія) въ «Панорамѣ» только 125 стр. пояснительнаго текста. Объ этомъ приходится пожалѣть. Если въ прежнемъ изданіи т-ва («Москва въ ея прошломъ и настоящемъ») текстъ своимъ размахомъ побивалъ и затушевывалъ иллюстраціи, то въ настоящемъ гравюры побиваютъ текстъ, въ особенности это приложимо къ первому выпуску, гдѣ на 50 гравюръ—всего 14 страницъ пояснительнаго текста, которымъ далеко не охваченъ и не охарактеризованъ достаточно богатый архитектурный и художественный матеріалъ, представленный въ этомъ выпускѣ. Хотѣлось бы видѣть, чтобы между текстомъ и гравюрами было равновѣсіе и чтобы слово разъясняло и подчеркивало нѣмую красоту памятниковъ, въ особенности это необходимо въ такомъ изданіи, которое задается цѣлью популяризировать художественную старину Петербурга.

Обращаясь къ снимкамъ «Исторической панорамы», нужно сказать, что они воспроизведены превосходно: оказывается, графическимъ институтомъ книгоиздательства «Образованіе» выписаны изъ-за границы новыя усовершенствованныя машины, которыми снимки воспроизводятся съ необычайной экспрессіей и даются самые разнообразные тона свѣта и тѣни.

М. Ключковъ.

Масонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ. Гр. С. Д. Толь, рожденная гр. Толстая. Съ иллюстраціями. Спб. 1914. Стр. 244. Ц. 2 руб

Чѣмъ богаче фантазія у сочинителей сказокъ, тѣмъ интереснѣе онѣ для маленькихъ дѣтей, но для тѣхъ, кто вышелъ изъ этого счастливаго возраста и кто съ наименованіемъ историческаго очерка связываетъ опредѣленное понятіе о чемъ-то обоснованномъ и точномъ, незачѣмъ разрѣзывать книги графини Толь.

Историческимъ очеркомъ книжка названа, безъ сомнѣнія, лишь для краснаго словца, и съ этимъ заголовкомъ считается не приходится. Самъ авторъ неоднократно повторяетъ, что въ основу труда положены «не документальныя данныя», а лишь «догадки», «предположенія», «логическія заключенія» и «здравый смыслъ». Но почему же не использованы документы? Развѣ ихъ нѣтъ? На стр. 122, рассказывая, какимъ образомъ «ряженая толпа вольныхъ

каменщиковъ была допущена на крышу сената», авторъ восклицаетъ: «все это, конечно, только предположенія и догадки, но что же остается дѣлать, когда пишешь о такомъ ордѣ, который требуетъ отъ своихъ членовъ принесенія клятвы въ томъ, что они не выдадутъ его тайнъ ни перомъ, ни знакомъ, ни тѣлодвиженіемъ, ни для разсказа, ни для письма, ни для печати или всякаго другого изображенія». Дѣйствительно, — можетъ подумать читатель, — если непременно надо писать о такомъ предметѣ, о которомъ нельзя добыть никакихъ свѣдѣній, то, кромѣ догадокъ, ничего не остается.

Конечно, широкой публикѣ можетъ быть и неизвѣстно, но пишущему «историческій очеркъ» непростительно не знать, что наши книгохранилища (императорская публичная бібліотека и московскій Румянцовскій музей) сохраняютъ богатѣйшія документальныя данныя о русскомъ масонствѣ XVIII и въ особенности XIX вѣковъ. Что архивныхъ матеріаловъ очень и очень много, убѣдиться можетъ каждый, кому не лѣнь перелистать каталоги, описи или отчеты не только названныхъ мною первенствующихъ собраній, но и другихъ архивовъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Клятва въ томъ, чтобы не предавать тайны перомъ, оставалась мертвою буквою, чему живыми свидѣтелями служатъ тщательно писанные обрядники, протоколы засѣданій и проч. Бумаги, сохранившія намъ свѣдѣнія о быломъ масонствѣ, частью были конфискованы у масоновъ, частью приобрѣтены позднѣе отъ потомковъ и т. д. Между тѣмъ г-жа Толь утверждаетъ на стр. 118: «доказать документально масонскія дѣйствія совершенно невозможно; поневолѣ придется обращаться если и не прямо къ догадкамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ логическимъ разсужденіямъ за неимѣніемъ какихъ бы то не было архивныхъ документальныхъ данныхъ»... Диву даешься!..

Подчеркиваю особенно систему писанія авторомъ «историческихъ» (!) трудовъ, потому что сочиненія въ родѣ «Масонскаго дѣйства», грѣшачія ошибками, пренебрегающія историческою дѣйствительностію и написанныя въ повышенно-рѣзкихъ выраженіяхъ, являются тѣмъ нежеланнымъ и неумѣлымъ защитникомъ, который, защищая даже безспорно-правое дѣло, способенъ только ему повредить.

Распутать весь замысловатый запутанный клубокъ сочиненія значило бы написать еще 224 страницы, и потому я укажу лишь нѣкоторыя ошибки въ иллюстраціяхъ и текстѣ.

Первая иллюстрація—дипломъ Пестеля, полученный изъ ложи Сфинкса. Видъ его устрашающій: по черному писанъ бѣлымъ. Въ дѣйствительности же видъ этого диплома (много разъ мною видѣннаго) самый обыденный; писанъ онъ черными буквами по бѣлому и никакого особаго впечатлѣнія не производитъ. Тщетно искала я въ «объясненіи къ рисунку» указанія, почему у г-жи Толь дипломъ изъ блага обратился въ черный. Поясненія нѣтъ, да и понятно почему: эффектъ бы пропалъ! Объясненіе же этому весьма простое: существуетъ способъ фотографировать не на пластинкѣ, а на особой бумагѣ, причѣмъ получается негативъ, т.-е. обратный снимокъ, на которомъ бѣлое выходитъ чернымъ и наоборотъ. Съ такого-то снимка и сдѣлано клише для «Масонскаго дѣйства». Такъ какъ моя рецензія касается сочиненія о масонствѣ, то невольно

вспоминается, что удачные символы яснѣ словъ выражаютъ идеи, и не есть ли этотъ дипломъ, превратившійся вельнѣмъ фантазіи автора изъ бѣлаго въ черный, волею судьбы символъ разбираемаго сочиненія?

Подъ изображеніемъ знака кievской ложки соединенныхъ славянъ значится, что это петербургская ложка, а на стр. 189 утверждается: «кievская ложка соединенныхъ славянъ ничего общаго не имѣла съ петербургскою ложкою соединенныхъ славянъ»; далѣе идетъ рѣчь о двухъ различныхъ ложахъ, но съ однимъ наименованіемъ. Это совершенно невѣрно. Среди русскихъ ложъ была только одна съ названіемъ соединенныхъ славянъ; она работала въ Кievѣ, и изображенный знакъ былъ именно отличительнымъ знакомъ кievской ложки. Въ Петербургѣ же ни въ XVIII, ни въ XIX вѣкѣ ложки подъ именемъ соединенныхъ славянъ не было вовсе, но была ложка соединенныхъ друзей. Знакъ послѣдней ложки—такой же треугольникъ и соединенныя въ пожатіи руки, но въ рукахъ нѣтъ сѣкиры и нѣтъ «верви единенія» или «угла братства»; надпись на знакѣ совершенно иная. Впрочемъ, списокъ петербургскихъ ложъ напечатанъ академикомъ Пыпинымъ еще въ 1873 году.

На стр. 96 читаемъ: «кончились безобидные розенкрейцеры, въ родѣ И. Г. Шварца, кончились мистики, кончились мечтатели». Какъ бы вы думали, о какомъ времени идетъ рѣчь? О первой четверти XIX вѣка, о времени царственного мистика, императора Александра I. «Помилосердитесь,—удивится каждый,—а извѣстнѣйшій мистикъ Лабзинъ со своимъ «Сіонскимъ Вѣстникомъ», а «Божій человекъ» Гамалѣя, переводчикъ Бема, а бывший еще въ живыхъ Новиковъ, а князь А. Голицынъ, а мистическая литература, наводнившая книжный рынокъ, а крайности мистиковъ—послѣдователи Крюденеръ, собранія Татариновой?..» Но не урокъ же русской исторіи преподавать въ этихъ строчкахъ!..

Розенкрейцерамъ дается наименованіе «безобидныхъ», а въ доказательство преступности масоновъ времени императора Александра I приводится указъ императрицы Екатерины II, запрещающій собранія именно этихъ самыхъ «безобидныхъ» розенкрейцеровъ. Гдѣ же тѣ «логическіе выводы», на основаніи коихъ «за неимѣніемъ документовъ» строить свое «Масонское дѣйство» авторъ? Или, быть можетъ, автору неизвѣстно, что нашими первыми розенкрейцерами были такъ называемые московскіе мартинисты? Объ этомъ есть изслѣдованіе Лонгинова, напечатанное въ 1867 году.

Не знаетъ авторъ и того, что розенкрейцеры вовсе «не кончились» къ зарѣ XIX вѣка и что они-то именно не кончились и послѣ запрещенія ложъ въ 1822 году, а составляли контингентъ тѣхъ тайныхъ ложъ, о которыхъ въ книжкѣ говорится, что онѣ образовали ряженую, злобствующую толпу на Сенатской площади 14-го декабря. Архивные документы сообщаютъ каждому желающему съ ними ознакомиться, что въ составъ тайныхъ ложъ входили представители высшей интеллигенціи и члены избранныхъ родовитыхъ фамилій, а отнюдь не мелкіе ремесленники, принадлежавшіе къ ложамъ союза Астрей, которые враждовали съ розенкрейцерами.

Наконецъ, въ книжкѣ опровергаются положенія «почти всѣхъ историковъ, писавшихъ о двухъ недѣляхъ безцарствія въ Россіи». При этомъ г-жа Толь

объясняетъ: «не будучи ни ученымъ, ни историкомъ, я, однако, осмѣлюсь оспаривать эти мнѣнія и дѣлаю это на основаніи простаго здраваго смысла». Попросту говоря, авторъ отказывается бѣднымъ историкамъ даже въ здоровомъ смыслѣ.

Тира Соколовская.

Государи изъ дома Романовыхъ 1613—1913 гг. Жизнеописанія царствовавшихъ государей и очеркъ ихъ царствованій, подъ редакціею доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Москва. 1913. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Два тома въ 407 и 369 стр. съ 16-ю портретами державныхъ особъ и со множествомъ гравюръ въ текстѣ, въ изящномъ переплетѣ, цѣна семь рублей за оба тома.

Въ дополненіе къ замѣткѣ о популярныхъ историческихъ изданіяхъ «Сельскаго Вѣстника», посвященныхъ 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ (см. «Ист. Вѣстн.», окт. 1913 г.), надлежитъ упомянуть о другомъ изданіи, предпринятомъ товариществомъ И. Д. Сытина для самаго широкаго круга читателей и уже совершенно законченномъ, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Цѣль изданія, редакція котораго была ввѣрена доктору русской исторіи Н. Д. Чечулину, состояла въ томъ, чтобы не только въ доступномъ, но также интересномъ для самаго широкаго круга читателей изложеніи представить жизнь русскихъ государей, выдвигая на первомъ планѣ личность каждаго изъ нихъ, его дѣятельность, а также участіе въ событіяхъ его царствованія. Кроме того, надлежало изложить и жизнь русскаго народа, труды, имъ понесенные въ дѣлѣ устроенія государства и выполненія важнѣйшихъ его задачъ. Въ царствованіе Романовыхъ наше отечество послѣ страшныхъ невзгодъ смутнаго времени преобразилось въ великую имперію и заняло выдающееся мѣсто среди европейскихъ державъ. Весь этотъ переход наглядно изображенъ въ цѣломъ рядѣ главъ, посвященныхъ каждая отдѣльному царствованію и, подъ общою редакціею Н. Д. Чечулина, составленныхъ по преимуществу извѣстными знатоками нашей отечественной исторіи. Изданіе г. Сытина начинается, какъ и слѣдовало предполагать, статью извѣстнаго ученаго С. Θ. Платонова «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова», написавшаго вмѣстѣ съ А. Е. Прѣсяковымъ (авторомъ главы 2-й «Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ») также главу 3-ю «Царь Алексѣй Михайловичъ». Глава 4-я «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ» и въ высшей степени интересная 5-я глава «Императоръ Петръ I Алексѣевичъ Великій» принадлежитъ перу извѣстнаго московскаго ученаго М. М. Богословскаго. Слѣдующія три главы: «Императрица Екатерина I», «Императоръ Петръ II Алексѣевичъ» и «Императрица Анна Іоанновна»—написаны С. В. Вознесенскимъ; главу 8-ю «Императрица Елизавета Петровна» составилъ Ю. В. Готье. Редакторъ всего изданія составилъ очень любопытныя и интересныя три главы (9, 10 и 11)—«Императоръ Петръ III», «Императрица Екатерина II Алексѣевна» и «Императоръ Павелъ I Петровичъ». Затѣмъ главы 12 и 13, посвященные царствованіямъ императоровъ Александра I и Николая I, составлены С. М. Середонинымъ, из-

вѣстнымъ авторомъ «Исторіи комитета министровъ». Последняя глава ¹⁾—«Царствование императора Александра III»—написана И. А. Блиновымъ. Объемъ каждой главы болѣе или менѣе различенъ, смотря по большей или меньшей важности и значенію въ исторіи русской государственности той или другой отдѣльной царствовавшей личности изъ дома Романовыхъ. При каждой главѣ имѣется портретъ соответствующаго монарха, а, кромѣ того, въ самомъ текстѣ встрѣчается не мало различныхъ гравюръ, изображающихъ старинную утварь всякаго рода, по образцамъ, хранящимся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ, а также рисунковъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ зданій и внутреннихъ покоевъ минувшихъ временъ. Если къ тому прибавить, что оба тома снабжены изящными переплетами, въ особыхъ папкахъ, и напечатаны на очень хорошей бумагѣ, то цѣну изданія должно признать очень умѣренной. Нельзя не пожелать этому изданію самаго обширнаго распространенія въ читающей публикѣ.

П. Майковъ.

Проф. В. Н. Перетцъ. Изъ лекцій по методологии исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Корректированное изданіе на правахъ рукописи. Кіевъ. 1914. Стр. VII+496. Ц. 4 р.

Книга профессора В. Н. Перетца—вдвойнѣ желанное явленіе. Во-первыхъ, потому, что наша исторія литературы вообще не богата научными работами по методологии: новыхъ сочиненій по методологическимъ вопросамъ появляется мало, а старыя (напр. Дашкевича, Карѣева, Плотникова и др.) сдѣлались почти библиографическою рѣдкостью. Во-вторыхъ, и потому, что съ развитіемъ за послѣдніе годы въ академической практикѣ просеминарскихъ и семинарскихъ занятій, какъ наиболѣе дѣйствительнаго средства къ упорядоченію и оживленію университетскаго преподаванія, потребность въ такой именно общей книгѣ по методологии сдѣлалась особенно ошутительной.

Идя навстрѣчу этимъ нуждамъ, г. Перетцъ съ большимъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ выполняетъ нѣсколько важныхъ задачъ, входящихъ въ общій замыселъ его курса по методологии.

Онъ дѣлаетъ (стр. 33—90) прежде всего обзоръ историко-литературныхъ изученій и взглядовъ, начиная съ историко-литературныхъ трудовъ древней Греціи и Рима и кончая XIX вѣкомъ. Независимо отъ того, насколько приемлемо рекомендуемое авторомъ книги (стр. 89—90) «старое опредѣленіе» литературы, сформулированное между прочимъ и Паулемъ,—этотъ обзоръ, ясно изложенный и авторитетно освѣщенный г. Перетцемъ, вводитъ читателя въ исторію разнообразныхъ попытокъ опредѣленія границъ и задачъ исторіи литературы и позволяетъ въ нихъ до извѣстной степени разобраться.

Затѣмъ авторъ даетъ (94—216) анализъ историко-литературныхъ методовъ («субъективныхъ» и «объективныхъ»), болѣе подробно останавливаясь на взгля-

¹⁾ Мы не считаемъ главою нѣсколько строкъ (всего 11), помѣщенныхъ какъ бы отдѣльною главою на стр. 369 тома II и посвященныхъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю II.

дахъ И. Тэна и А. Н. Веселовскаго. Въ описаніи и въ критическомъ разборѣ этихъ методовъ г. Перетцъ исходитъ, правда, не изъ непосредственнаго пересмотра историко-литературныхъ работъ, построенныхъ по тому или другому методу, но изъ авторитета нѣкоторыхъ сочиненій по методологіи исторіи литературы, принадлежащихъ какъ иностраннѣмъ (Paul, Wetz, Hennequin, Grupe-tière, Guau и др.), такъ и русскимъ ученымъ (Веселовскій, Карѣевъ, Дашкевичъ, Плотниковъ, Евлаховъ и др.), тѣмъ не менѣе и самый выборъ этихъ сочиненій и ссылки на нихъ дѣлаютъ описаніе и анализъ методовъ интереснымъ и содержательнымъ.

Переходя послѣ этого къ анализу филологическаго метода, г. Перетцъ особенно много вниманія удѣляетъ этому отдѣлу своей книги (216—341). Чувствуя себя хозяиномъ въ области филологическихъ приѣмовъ изученія исторіи литературы, онъ не только подробно ихъ описываетъ, но и обильно иллюстрируетъ фактами нашей историко-литературной практики, привлекая въ видѣ примѣровъ какъ сочиненія другихъ русскихъ ученыхъ (главнымъ образомъ по исторіи древней русской литературы), такъ и нѣкоторыя работы свои и своего семинарія, получившаго вполне заслуженную почетную извѣстность.

Послѣдній отдѣлъ книги—источники и пособия—весьма полезенъ для начинающихъ работниковъ по исторіи литературы, но не отличается полнотой, что, впрочемъ, не входило въ задачу автора; въ частности выборъ «пособій общаго характера» нѣсколько случайный, и самыя пособия характеризуются слишкомъ бѣгло и не всегда удачно. Въ «библиографіи нѣкоторыхъ вопросовъ» бѣдно представленъ XVIII вѣкъ.

Наконецъ, необходимо отмѣтить основную тенденцію труда г. Перетца—способствовать технической подготовкѣ начинающихъ словесниковъ къ самостоятельной работѣ по исторіи литературы и тѣмъ вывести наши историко-литературныя изученія изъ области поверхностнаго дилеттантства и публицистики на болѣе устойчивый путь строго-научнаго изысканія. Это желаніе автора надо горячо привѣтствовать.

Книга г. Перетца вышла въ свѣтъ какъ «корректурное изданіе на правахъ рукописи»; слѣдовательно, авторъ не склоненъ считать свой трудъ вполне законченнымъ. Не предрѣшая вопроса о томъ, въ какомъ именно направленіи будетъ совершенствоваться данная работа г. Перетца, хотѣлось бы, однако, высказать пожеланіе, чтобы, при дальнѣйшей переработкѣ книги, на ряду съ методомъ филологическимъ было болѣе удѣлено вниманія и другимъ (въ особенности такъ наз. «объективнымъ») методамъ изученія исторіи русской литературы, положительное значеніе которыхъ—если не во всемъ ихъ объемѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ частяхъ—можетъ быть подтверждено какъ иностранной, такъ и русской историко-литературной практикой. Задача общей методологіи исторіи русской литературы —не столько въ критикѣ однихъ методовъ въ пользу другихъ (или даже одного), сколько въ отвлеченіи изъ всей ихъ совокупности такихъ наиболѣе устойчивыхъ приѣмовъ, которые, сведенные въ систему, позволяютъ историку литературы избѣгать односторонности въ сужденіяхъ и вооружать его всѣми средствами науки. Въ основѣ этой системы методовъ, несомнѣнно, будутъ лежать приемы филологическіе, но и другіе

также должны въ ней найти свое мѣсто; а для этого значеніе ихъ должно быть установлено документально—не на основаніи общихъ пособій, описывающихъ ихъ и критикующихъ, но на основаніи такихъ историко-литературныхъ сочиненій, въ которыхъ эти методы получили болѣе или менѣе удачное и цѣнное для науки приложеніе.

И. Заметивъ.

К. Р. Царь Іудейскій. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Спб. 1914. Стр. 184. Ц. 1 р.

Одно изъ стихотвореній А. Н. Майкова—посланіе И. А. Гончарову—заканчивается такимъ поэтическимъ образомъ: «Надъ рѣкою ширяя, въ городъ, гдѣ пылъ и гранить, бѣлая чайка морская въ солнечный день залетитъ; жадно слѣдимъ мы очами гости нежданной полетъ—точно въ тотъ мигъ передъ нами воздухомъ съ моря пахнетъ». Этотъ образъ такъ напрашивается на сравненіе съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ драма К. Р. «Царь Іудейскій». Среди пыли современной русской беллетристики, тяжелой, какъ гранить,—какъ бѣлая чайка о морѣ, новая драма напомнила о чистомъ воздухѣ Пушкинской поэзіи, пахнула ея дыханьемъ. «Царь Іудейскій» весь въ тонахъ Пушкинской школы и по своему звучному, чеканному стиху, и по манерѣ живописи—отчетливой, отдѣланной и глубоко реальной.

«Царь Іудейскій» не мистерія въ евангельскомъ тонѣ, это въ полномъ смыслѣ историческая драма, психологически обоснованная и детально разработанная во всѣхъ реальныхъ подробностяхъ. Это драма изъ жизни людей, по своему воспринимающихъ величайшее мировое событіе, и потому является художественно-законнымъ, то обстоятельство, что въ драмѣ ни разу не появляется Самъ Царь Іудейскій. При этомъ условіи поэтъ имѣлъ возможность все время держаться реальной почвы, что даетъ цѣльное художественное впечатлѣніе.

Помимо психологіи тѣхъ лицъ, на которыхъ отражается вліяніе происходящихъ въ Іерусалимѣ событій, поэтъ рисуетъ общія условія, сопровождавшія ихъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ ожиданіе іудеями политическаго Мессіи, который долженъ свергнуть иго римлянъ и воцариться на престолѣ Давидовомъ. Саддукей смѣется надъ толпою, сопровождавшею Иисуса при входѣ Его въ Іерусалимъ: «Охота же вамъ вѣрить, что нищій свергнетъ Кесарево иго и, воцарившись въ городѣ святомъ, возсядетъ на Давидовомъ престолѣ». (I, 1). А эта вѣра такъ естественна и такъ должна быть сильна: вѣдъ «всѣ сыны Израилевы стонуть, подавлены языческимъ ярмомъ» (II, 2). При такомъ положеніи фарисеи и саддукеи вполне могутъ опасаться, что народъ провозгласитъ Иисуса царемъ, произойдетъ возмущеніе и, какъ прямое его слѣдствіе, разгромъ римлянами Іерусалима: «Римляне тогда,—говоритъ саддукей,—безповоротно страну нашей завладѣвъ, разрушатъ Святой Сіонъ и Соломоновъ храмъ» (I, 7). Отсюда стремленіе книжниковъ поскорѣе устранить Иисуса, чтобы не было политическихъ осложненій. А увѣрять въ Него они не могутъ: «Не по душѣ имъ проповѣдь

Его,—говоритъ Иосифъ.—Ученіе любви и всепрощенія не привлечетъ того, кто сердцемъ черствъ». (I, 6). И сердцемъ черствые, книжники не только неспособны усвоить ученіе Иисуса, но забыли даже старую вѣру. Хорошо говоритъ Никодимъ: «Измышленьями сухого знанья уже давно у насъ подмѣнены святой законъ и заповѣди Божьи; у насъ царитъ обрядность вмѣсто вѣры, а вмѣсто Господа—синедріонъ». (III, 1, 1).

Таково настроеніе представителей іудейства. Иначе относятся къ Иисусу римляне. Что имъ Иисусъ съ ихъ гордымъ представленіемъ о *civitas Romana!* «Какой-то Иисусъ», «еврей какой-то» (II, 10)—вотъ, что можетъ сказать римлянинъ объ Иисусѣ. «Когда невиненъ Онъ,—говоритъ Пилать,—Его на волю я отпущу; а если смертной казни достоинъ,—повелю казнить. Однимъ презрѣннымъ іудеемъ меньше будетъ». А въ общемъ для него Іудея—«проклятый край»: «Здѣсь, что ни день—докука и забота» (II, 10). Для римлянъ Иисусъ—одинъ изъ многихъ мечтателей, и потому Онъ не можетъ быть опасенъ кесарю. И Пилать признаетъ Иисуса невиннымъ. Но его покровитель Сеянъ, ненавидѣвшій іудеевъ и внушавшій репрессіи противъ нихъ Тиверію, убить; времена перемѣнились, іудеи жаловались на него императору, и Пилать, чтобы не возставлять противъ себя ихъ, соглашается на казнь Иисуса.

Въ такихъ историческихъ условіяхъ проходить въ драмѣ совершающееся за сценою событіе.

Поэтъ возсоздаетъ, однако, не только историческій, но и бытовой реализмъ, проникающій драму отъ начала и до конца. Приведемъ, напримѣръ, рассказъ Иоанны о Матери Иисуса: «Мнѣ не разъ случалось замѣчать, встрѣчаясь съ Нею, къ колодцу ли съ кувшиномъ на плечѣ идетъ Она съ горы походкой легкой, или пряхей занята въ своемъ саду, или въ часы заката на крылечкѣ съ сосѣдками бесѣду заведетъ,—Ея лицо вдругъ озарится свѣтомъ». (I, 10).

Не чужда драма и романтическаго элемента. Когда была та «страшная ночь, до чрезвычайности унылая, длинная ночь», какъ говоритъ чеховскій студентъ, вспоминая событіе въ Геосиманскомъ саду («Студентъ»), въ эту ночь влюбленные Лія и Александръ должны были свидѣться въ томъ же саду. Но имъ помѣшали: «шли люди, кто съ кольями, а кто съ мечами» (II, 1).

Какая сила художественности въ этомъ сплетеніи фактовъ!

Изъ отдѣльныхъ мѣстъ драмы слѣдуетъ указать на удивительную по красотѣ стиха молитву въ II д. 4 явл., которая достойна войти въ учебныя хрестоматіи.

Нѣсколько словъ о религиозной сторонѣ «Царя Іудейскаго». Въ нашей русской исторической памяти нѣтъ воспоминаній о мистеріяхъ, которыя часто смѣшивали религиозные сюжеты съ черезчуръ реальными сценами; мы привыкли къ опредѣленной стилизации евангельскихъ событій и лицъ. У насъ не возникаетъ вопроса, почему Богоматерь на иконахъ Распятія изображается молодою женщиною, когда въ то время Ей должно было быть около пятидесяти лѣтъ. Поэтому такая драма, какъ «Царь Іудейскій», можетъ оказаться чуждою религиозному настроенію многихъ лицъ, не представляющихъ иной религиозной поэзіи, кромѣ такихъ стилизованныхъ произведеній, какъ «Моленіе о чашѣ» Никитина. Но въ истинно вѣрующемъ чловѣкѣ «Царь Іудейскій» не можетъ произвести колебанія. Напротивъ, онъ усилитъ христіанское чувство. Когда

стало ясно, что земля не центр вселенной, а песчинка въ океанѣ пространства, это казалось соблазнительнымъ для вѣрующихъ. На самомъ же дѣлѣ, ничто такъ не можетъ содѣйствовать поклоненію Творцу, какъ представленіе о грандіозной системѣ мірозданія. Такую же параллель можно провести и въ данномъ случаѣ. Христіанская идея величавѣе, многозначительнѣе, если сопровождается не отвлеченными стилизованными представленіями евангельскихъ лицъ и событій, а реальными представленіями о той обстановкѣ, въ которой они проявились. Когда представляешь варварскую для римлянъ Іудею, пыльные іерусалимскія улицы, сцену разговора гордаго прокуратора Пилата съ «какимъ-то» іудеемъ, тогда постигаешь всю полноту словъ Христа: «Я побѣдилъ міръ». Въ этомъ глубокой религіозный смыслъ новой драмы.

В. Даниловъ.

Проф. Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Изданіе второе, значительно дополненное. Изд. Н. Н. Сергіевскаго. Спб. 1914. Стр. 675. Цѣна 4 р.

У насъ нѣтъ полной исторіи русскаго театра. Мы обладаемъ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и монографій по нѣкоторымъ эпохамъ нашего театра. Таковы труды Тихонравова, Морозова, Арапова, Боборыкина, Бягущкова. Но систематичнаго изложенія исторіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, когда зародились первыя театральныя представленія на югѣ, прийдя къ намъ черезъ Византію, и вплоть до появленія пьесъ новѣйшей формации: Горькаго, Андреева, Чирикова и Найденова—у насъ не было. Профессоръ Варнеке сдѣлалъ первую попытку, напечатать нѣсколько лѣтъ назадъ двѣ книжки: «Русскій театръ до XIX вѣка», и «Русскій театръ въ XIX вѣкѣ». Потребность въ такомъ сочиненіи была такъ велика, что книга разошлась въ самомъ скоромъ времени по рукамъ любителей и достать, особенно вторую часть, было весьма затруднительно. Теперь, видя успѣхъ своего перваго опыта, г. Варнеке приступилъ ко второму изданію. Недочеты прежнихъ трудовъ были устранены, и авторъ внимательно прислушался къ тѣмъ критическимъ замѣчаніямъ, которыя сопровождали выходъ въ свѣтъ его перваго изданія. Нѣкоторые отдѣлы по исторіи театра въ XVIII вѣкѣ значительно сокращены, и въ то же время весьма расширена исторія XIX вѣка. «Кипучая жизнь современнаго театра,—пишетъ авторъ въ предисловіи,—заставила меня подновить и послѣднія главы». Онъ оговаривается, что трудъ его не специально-научное изслѣдованіе, что скорѣе это учебный курсъ. Преподавая нѣсколько лѣтъ на драматическихъ курсахъ въ Петербургѣ и Казани, онъ видѣлъ, до чего затрудняетъ слушателей отсутствіе соотвѣствующихъ руководствъ по этому предмету. Приходилось ежегодно устраивать литографированныя изданія лекцій. Уступая просьбамъ своихъ слушателей, онъ наконецъ приступилъ къ ихъ печатанію.

«Настоящая исторія театра,—заканчиваетъ г. Варнеке свое предисловіе ко второму изданію,—появится только послѣ ряда специальныхъ изслѣдованій въ отдѣльныхъ областяхъ, до сихъ поръ еще остающихся не разслѣдованными. Будемъ ждать новыхъ изслѣдованій на этой, еще далеко не распаханной нивѣ».

Книгу г. Варнеке мы настойчиво рекомендуем любителямъ русскаго театра, какъ единственное справочное изданіе, гдѣ не одни сухіе отчеты, но изложенныя литературно выводы о значеніи цѣлыхъ періодовъ въ его исторіи. Какъ справочная книга, какъ энциклопедія русскаго театра,—она пока стоитъ въ конкурса.
R.

**Л. Дюшенъ. Исторія древней церкви. Т. I и II. М. 1914. Стр. 383 и 446.
Ц. за оба тома 4 р.**

Въ настоящее время публика интересуется религіознымъ вопросомъ, и многіе мечтають о возвращеніи къ первобытному христіанству. Поэтому безпристрастная книга французскаго аббата о древнѣйшемъ періодѣ церкви появляется очень кстати, тѣмъ болѣе, что переводъ сдѣланъ хорошо. Мы знакомимся съ церковью гонимой и видимъ наконецъ, какъ церковь становится торжествующей и, въ свою очередь, нетерпимой. Пока императоры-язычники преслѣдовали всѣхъ христіанъ, они не отдѣляли православно-вѣрующихъ отъ сектантовъ. Какъ только государственная власть сочла нужнымъ стать на стражѣ религіи, официально признанной, подпали подъ запрещеніе манихеи, донагисты, новаціане, валентиніане, маркіониты, монтанисты. И при чтеніи Дюшена невольно возникаетъ вопросъ: господствовало ли когда-нибудь единое вѣроученіе, была ли древнѣйшая церковь единой? Епископъ Епифаній, написавшій въ концѣ четвертаго вѣка обширное сочиненіе съ цѣлью опровергнуть еретиковъ, насчитываетъ восемьдесятъ ересей. Ставъ христіаниномъ, замѣчаетъ Дюшенъ, императоръ возмѣлъ желаніе сдѣлать изъ новой религіи официальное учрежденіе, государственную религію и, прибавимъ отъ себя, придать ей искусственное единство. По мнѣнію автора, само духовенство желало правительственной поддержки, и если бы еретики Донатъ и Евномій были въ милости, они не постѣснились бы положить официальный штемпель на свое ученіе и заручиться для него поддержкой полиціи.
П. В.

Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть первая. Хозяйство и общество.—Цѣна—цѣнность. Москва. 1913 г. Стр. 358 Ц. 3 р. 50 к.

Книга г. Струве по своему выходѣ надѣлала много шума непосредственно вслѣдъ за ея появленіемъ на литературномъ горизонтѣ. Нѣкоторые, какъ, на примѣръ, А. А. Кауфманъ, полагають, что она произвела переворотъ въ экономической наукѣ, другіе успѣхъ книги относятъ насчетъ популярнаго имени автора, но признають положительныя достоинства за ея историческими опытами. Такого мнѣнія держится между прочимъ г. Туганъ-Барановскій.

Какъ бы то ни было, трудъ г. Струве представляетъ собою выдающееся явленіе. Между прочимъ, несмотря на свое экономическое техническое названіе, онъ въ значительной степени историченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ историчность его гораздо шире тѣхъ рамокъ, которыя отводитъ ей г. Туганъ-Барановскій.

«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

20

Это не простые экскурсы въ исторію для справокъ о положеніи «указной» и вольной цѣны въ античномъ мірѣ, у древнихъ германцевъ, у народовъ Европы въ средніе вѣка и т. п. Введеніе и первая часть книги г. Струве посвящены широкимъ и остроумнымъ обобщеніямъ въ области любопытной преемственности идей, опредѣляющихъ собою философское направленіе мысли въ различныя эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни парадоксально кажется на первый взглядъ сопоставленіе Карла Маркса съ Томой Аквинскимъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, однако, родственность ихъ концепцій въ освѣщеніи г. Струве представляется поразительной. «Для меня,—говоритъ авторъ,—совершенно ясно, что Марксова теорія трудовой цѣнности по своему логическому строенію много лѣтъ тому назадъ имѣла грандіозную аналогію и прообразъ въ «реалистически» образованномъ схоластическомъ ученіи о первородномъ грѣхѣ. Отдѣльный товаръ, съ точки зрѣнія Маркса, такъ же необходимо участвуетъ въ общественной цѣнной субстанціи, какъ для схоластики отдѣльный «человѣкъ участвуетъ въ грѣхѣ Адама».

Этотъ кажущійся парадоксъ авторъ разъясняетъ и обосновываетъ при свѣтѣ исторіи возрѣній въ области старыхъ теорій познанія. Г. Струве напоминаетъ о старомъ средневѣковомъ спорѣ между «реалистами» со св. Ансельмомъ и Вильгельмомъ Шампо съ одной стороны и «номиналистами» съ Росцелиномъ съ другой. Какъ извѣстно, первые учили тому, что реальны сами по себѣ общія понятія, они именно имѣютъ истинное самостоятельное бытіе, а не отдѣльныя явленія, тогда какъ, по мысли вторыхъ, реальны лишь отдѣльныя явленія, какъ таковыя, а «универсалы суть простыя названія—*nomina*», имена, какъ отвлеченіе, абстракція отъ объективной реальности дѣйствительной вещественности.

Съ этой точки зрѣнія, Марксъ въ своемъ оществленіи трудовой цѣнности, стаповящейся, такъ сказать, «субстанціей» цѣны, является свособразнымъ «реалистомъ» во вкусѣ средневѣковыхъ схоластиковъ. Логическій реализмъ великихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля,—говоритъ г. Струве,—явился питательной почвой для универсалическихъ конструкцій въ социальной наукѣ Родбертуса, Маркса и Лассала. Столь прославленный такъ называемый «объективизмъ» Маркса есть не что иное, какъ примѣненіе къ спеціальной наукѣ политической экономіи логически-онтологическаго реализма Гегеля и схоластиковъ. Какой ударъ для «марксистовъ»!

Установивъ «реализмъ» или «универсализмъ» прежде существовавшихъ и теперь господствующихъ возрѣній на отвлеченную цѣнность, какъ на основу «цѣны», г. Струве высказывается по этому вопросу въ «номиналистическомъ» или «сингуляристическомъ» смыслѣ. «Рядомъ съ цѣной,—говоритъ онъ,—надъ нею или подъ нею не существуетъ никакого другого реальнаго экономическаго явленія. Цѣнность есть либо прямой приказъ о цѣнѣ, т. е. назначенная «уставная»—«указная» цѣна или ей противоположенная, являющаяся результатомъ сліянія множества свободныхъ цѣнъ въ оцѣночную среднюю».

Таковы основанія содержательной книги г. Струве, и она займетъ почетное мѣсто на книжной полкѣ какъ экономиста, такъ и историка.

В. Грибовскій.

Салическая правда. Русскій переводъ Iex Salica Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева. Съ введениемъ Н. П. Граціанскаго. Казань. 1913. Стр. XXXVII + 56. Цѣна 95 коп.

Предлагаемая вниманію публики «Салическая правда» въ русскомъ переводѣ, какъ заявляютъ гг. переводчики, «предназначена отнюдь не для ученыхъ, а для учебныхъ цѣлей», появленіе ея вызвано «исключительно потребностями преподаванія». Что касается самаго перевода, то гг. Граціанскій и Муравьевъ говорятъ о немъ такъ: «Само собой разумѣется, что переводъ такого памятника, какъ «Салическая правда», можетъ быть лишь переводомъ приблизительнымъ и условнымъ (курсивъ подлинника), т. е. такимъ переводомъ, который исходитъ изъ опредѣленнаго толкованія текста. А такъ какъ толкованія отдѣльныхъ терминовъ и цѣлыхъ титуловъ «Салической правды» могутъ быть различны и даже противоположны, то вполнѣ законны и различные ихъ переводы, несогласныя съ нашимъ». Такимъ образомъ, въ силу вышеупомянутаго заявленія о достоинствахъ или недостаткахъ даннаго перевода говорить не приходится. Настоящій переводъ Iex Salica составленъ примѣнительно къ той комбинаціи текста, «которая дана въ русскомъ учебномъ изданіи памятника Д. Н. Егорова», переведенъ лишь основной текстъ «Правды» (первые 65 титуловъ со включеніемъ прологовъ, эпилоговъ и Recapitulatio Legis Salicae). Переводу «Правды» предшествуетъ «введеніе», въ которомъ на 38 страницахъ г. Граціанскій съ достаточною обстоятельностью говоритъ о Iex Salica, какъ памятникѣ историческомъ. Указавъ на изданія «Правды», г. Граціанскій далѣе выясняетъ три вопроса: 1) «Кто такіе салическіе франки и гдѣ они обитали при Хлодвигѣ и ранѣе», 2) «гдѣ и когда салическіе франки редактировали свою «Правду» и 3) «какую редакцію «Правды» слѣдуетъ считать первоначальною?»

Съ внѣшней стороны брошюра издана удовлетворительно. Жаль, что цѣна ея нѣсколько высока.

Я. Вирюковъ.

Ф. Кирхейзенъ. Наполеонъ Первый. Томъ I. М. 1913. Стр. 361. Ц. 2 р. 50 к.

Не легко сказать что-нибудь новое о Наполеонѣ, о которомъ существуетъ обширная литература; для этого надо или сдѣлать важныя открытія въ архивахъ, или обладать исключительнымъ талантомъ. Швейцарскій ученый Кирхейзенъ добросовѣстный и знающій историкъ, но въ книгѣ его нѣтъ ни блестящихъ характеристикъ Тѣна, ни красиваго слога Сореля или Вандаля. Но такъ какъ авторитетность автора внѣ сомнѣнія, его книга во всякомъ случаѣ полезна. Главное вниманіе сосредоточено на личности Наполеона, а эпоха отходитъ, къ сожалѣнію, на задній планъ. Наполеонъ въ юности (первый томъ доведенъ до директоріи) рисуется человѣкомъ безъ опредѣленныхъ принциповъ, пользующимся всякимъ теченіемъ, революціоннымъ и монархическимъ, съ цѣлью извлечь изъ него личную выгоду. Онъ, повидимому, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ тѣхъ событіяхъ, которыя происходили у него на глазахъ. Онъ относился съ презрѣніемъ къ трусости короля Людовика XVI и говорилъ, что, если бы король показался на лошади, побѣда осталась за нимъ бы.

Кирхейзенъ выступаетъ въ роли моралиста, несвойственной историкѣ, и непомѣрно сгущаетъ краски. Онъ увѣряетъ, что во время конвента всѣ добродѣтельные нравы куда-то исчезли и служили мишенью для насмѣшекъ, что не существовало ни чувства стыда, ни чести, ни моральнаго уваженія къ религіи. Трудно себѣ представить, чтобы въ нѣсколько лѣтъ исчезли изъ французскаго общества всѣ нравственныя понятія. Когда прошли дни террора и наступило болѣе спокойное время директоріи, французы, по словамъ Кирхейзена, послѣ страшныхъ дней революціи, похоронившихъ подъ своими развалинами тронъ, церковь, аристократію, моду и духовную жизнь, съ радостью устремились подъ мирную кровлю порядка. А вслѣдъ за тѣмъ авторъ рассказываетъ, какъ ожила аристократія и вновь открылись парижскіе салоны. Эта блестящая сторона Парижа имѣла и свою изнанку; развилась страшная нищета, и Кирхейзенъ сообщаетъ, что безнравственность порождаетъ естественно и преступленія, Парижъ и окрестности его стали убѣжищемъ для шаекъ разбойниковъ. Безнравственность порождаетъ преступленія, а невѣроятно высокія цѣны на хлѣбъ и мясо, заставлявшія голодать бѣдное населеніе. Безнравственность же, порождающая преступленія, это все равно, что преступность, обуславливающая преступленія.

П. В.

И. И. Гливенко, приватъ-доцентъ императорскаго петербургскаго университета и преподаватель императорскаго женскаго педагогическаго института. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ (съ хрестоматіей) для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб.—Кіевъ. 1913. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Въ эту книгу вошло семь очерковъ: «Божественная Комедія», «Гамлетъ», «Король Лиръ», «Сидъ», «Фаустъ», «Орлеанская Дѣва» и «Чайльдъ Гарольдъ». Каждый очеркъ состоитъ изъ трехъ частей: краткаго жизнеописанія поэта, написавшаго одно изъ вышеприведенныхъ замѣчательныхъ произведеній, изложенія содержанія и характеристики произведенія и отрывковъ (во второй половинѣ книги, въ хрестоматіи) изъ него. И очерки, и хрестоматія составлены, на нашъ взглядъ, такъ хорошо, что имъ можно пожелать распространенія не въ однихъ только среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нужно прежде всего отмѣтить большой педагогическій опытъ и художественный тактъ автора книги; она вполнѣ отвѣчаетъ тому требованію нынѣшняго времени и нынѣшняго широкаго и занятого читателя: при наименьшей затратѣ времени достигнуть наибольшихъ полезныхъ результатовъ. Остановимся, для примѣра, на одномъ изъ очерковъ, самомъ обширномъ въ книгѣ г. Гливенка, на «Божественной Комедіи» Данте. Рассказавъ вкратцѣ біографію поэта (пользуемся случаемъ, чтобы указать на опечатку на страницѣ 4, строка 8-я: несомнѣнно, нужно «черные», а не «бѣлые»); авторъ переходитъ къ «Божественной Комедіи», указываетъ на сродные съ этимъ произведеніемъ средневѣковые сюжеты, объясняетъ, почему Данте назвалъ свою поэму «Комедіей», рассказываетъ объ особенностяхъ ея плана, о томъ, какимъ она написана стихомъ, о ея символикѣ, о томъ, почему въ спутники Данте получилъ Вергилія, излагаетъ содержаніе «Ада», «Чистилица» и «Рая», и, наконецъ, останавливается на толкованіяхъ аллегорическаго смысла «Ко-

медіи» и ея значеніи для пастъ, какъ художественнаго созданія, отмѣчая наиболѣе сильныя сцены. Параллельно, въ хрестоматіи, эти же сцены, отрывки изъ одиннадцати пѣсенъ поэмы, приводятся въ стихотворномъ переводѣ Д. Мина ¹⁾.

Съ такими же вниманіемъ и добросовѣстностью составлены и прочіе очерки книги. Особенно же насъ порадовало отношеніе автора къ французской трагедіи XVIII вѣка, при разборѣ «Сида», которую онъ титулуетъ классическою (а не ложно-классическою, какъ доселѣ полагалось) и съ сочувствіемъ цитируетъ Г. Лансона, этого превосходнаго историка французской литературы, отлично выясняющаго и общественное значеніе и блестящій стиль трагедій Пьера Корнеля.

Отмѣтимъ нѣсколько погрѣшностей. Такъ, авторъ совершенно напрасно не разъясняетъ значенія нѣкоторыхъ словъ и именъ въ своихъ «Очеркахъ». Напримѣръ, кто такая Матильда (или Мательда, по иной транскрипціи), появляющаяся въ 33 пѣснѣ «Чистилица» «Божественной Комедіи» (см. стр. 12 «Очерковъ»), что значить слово «протагонистъ» (стр. 23) и т. п. Точно также нельзя цитировать стиховъ такимъ образомъ, что получается нѣчто среднее: ни стихъ, ни проза. А между тѣмъ на страницѣ 47 «Очерковъ» именно такъ цитируются два стиха изъ «Евгенія Онѣгина»:

Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.

Можно еще высказать пожеланіе, чтобы цѣна книжки была назначена ниже и чтобы къ «Очеркамъ» и хрестоматіи былъ приложенъ библиографическій списокъ переводовъ приведенныхъ въ хрестоматіи произведеній и статей объ упоминаемыхъ въ «Очеркахъ» авторахъ.

Влад. Княжнинъ.

Н. Н. Шульговскій. Теорія и практика поэтического творчества. Техническая начала стихосложенія. Спб. 1914. Стр. 522+XXIV. Ц. 3 р. Изд. т—ва Вольфъ.

Только что появившаяся на книжномъ рынкѣ книга Н. Н. Шульговскаго представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу, до сихъ поръ не имѣвшую солидныхъ изслѣдованій по вопросамъ поэтического творчества. Книга г. Шульговскаго представляетъ интересъ не для однихъ специалистовъ. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «можно изучить всѣ тайны творчества, но не сумѣть написать ни одного поэтического стиха. Для этого нуженъ особый даръ. Но знаніе полезно и необходимо какъ для поэта или стихотворца, такъ

¹⁾ Намъ хочется предложить гг. составителямъ подобныхъ книгъ одно довольно стараго сорта нововведеніе, а именно: на ряду со стихотворнымъ прилагать, набранный хотя бы мелкимъ подстрочнымъ шрифтомъ, хорошій прозаическій переводъ, если для даннаго произведенія таковой переводъ существуетъ. «Адъ» «Божественной Комедіи» былъ еще въ 1842 году переведенъ г-жою фанъ-Димъ, Е. В. Кологривовой, отличною прозою, которая, по нашему убѣжденію, прекрасно передаетъ духъ подлинника, лучше всѣхъ извѣстныхъ стихотворныхъ переводовъ, особенно, если, немного разбираясь въ итальянскомъ языкѣ, имѣть передъ глазами подлинный текстъ. А в т.

и для всякаго интересующагося поэзіей, желающаго сознательно и съ надлежащей критикой относиться къ ней».

Въ книгѣ г. Шульговскаго цитируется свыше ста двадцати пяти авторовъ, причѣмъ многія произведенія приводятся цѣликомъ. Больше всего цитатъ изъ классиковъ: Пушкина и Лермонтова. Изъ новыхъ особенно часто цитируются Бальмонтъ, А. Блокъ, Вал. Брюсовъ. Многія стихотворенія приводятся полностью. Немало образцовъ взято и изъ иностранныхъ авторовъ, начиная съ древне-классическихъ, преимущественно Горация, и кончая Шиллеромъ, Гете и другими мастерами XIX вѣка. Не забыты и средніе вѣка. Такимъ образомъ, книга Шульговскаго интересна уже, хотя бы, какъ хрестоматія, цѣнность которой тѣмъ выше, что всѣ поэтическіе образцы расположены въ такомъ порядкѣ и по такой системѣ, которые даютъ возможность изучить технику и формы стихосложенія. Если оцѣнивать книгу Шульговскаго съ этой стороны, то нельзя не упомянуть о разнообразіи тѣхъ формъ поэтическихъ произведеній, которыя онъ приводитъ. Читатель имѣетъ возможность познакомиться съ терцинами, стансами, риторнелемъ, секстиной, октавой, сицилианой, канцонной, децимой, глоссой, ронделемъ, триолетомъ, сонетомъ, вѣнковъ сонетовъ и мног. друг., въ томъ числѣ всякими прикладными формами: акростихами, логогрифами, анаграммами, буриме, макароническими стихами и мног. друг. Словомъ, цѣлый музей поэтическихъ формъ, при этомъ въ числѣ образцовъ очень много рѣдкихъ, напастъ на которые не всегда удастся. Такъ, напримѣръ, очень интересенъ «Сонетный вѣнокъ» славянскаго поэта Прешерна (занимаетъ около 7 страницъ): оно напечатано было въ 1889 г. Глава о сонетѣ (около 42 стр.) вообще одна изъ наиболѣе интересныхъ и содержательныхъ. Въ ней приводятся сонеты Петрарки, Des Barreaux (съ переводомъ Тредиаковскаго, 1735 г.), Pierre Rourо, v. Schlegel и мног. друг. Любопытны многочисленныя образцы изъ Горация, съ переводомъ въ стихахъ, большею частью самого автора. Книга Шульговскаго интересна, однако, не только какъ хрестоматія, она представляетъ собою цѣнный творческій трудъ. На основаніи приводимыхъ образцовъ авторъ ясно и убѣдительно выводитъ правила построенія стиха (стр. 15—290), ученіе о римѣ или звуковой гармоніи стиха (стр. 291—403) и, наконецъ, о художественныхъ формахъ поэтическихъ произведеній. Наибольшую цѣнность представляютъ въ книгѣ отдѣлы ученія о римѣ и формахъ поэтическихъ произведеній. Авторъ чуждъ какому-либо пристрастія къ «старой» или «новой» поэзіи. Онъ высоко цѣнитъ и понимаетъ тѣхъ, кто стремится увеличить гармонію стиха путемъ введенія внутреннихъ римовъ, аллитерацій, ассонансовъ, и отдаетъ справедливость современнымъ поэтамъ, которые съ точки зрѣнія формы и гармоніи стиха сдѣлали очень многое. Но онъ указываетъ границы «такихъ украшеній», съ которыхъ легко сбиться. Вполнѣ справедливо осуждаетъ авторъ и излишнюю погоню за «новыми» словами, въ родѣ «зорности», «сіянности», въ то время какъ въ словарѣ Даля столько еще не использованныхъ поэтами живыхъ словъ народной рѣчи (стр. 295).

Въ цѣломъ изслѣдованіе производитъ впечатлѣніе многолѣтняго, серьезнаго труда, основаннаго на большой эрудиціи и отражающаго особую худо-

жественную чуткость самого автора, очевидно, не только поэта, какъ видно изъ списка его трудовъ («Тучи и грезы», «Аза»), но и знатока музыки. Къ сожалѣнію, однако, авторъ не дѣлаетъ въ текстѣ никакихъ ссылокъ на литературу. Это лишаетъ возможности проверить сообщаемыя имъ историко-литературныя свѣдѣнія. Едва ли, однако, эти свѣдѣнія безупречны въ области древне-классической поэзіи. Между тѣмъ главы, посвященныя этой поэзіи, интересуютъ, несомнѣнно, специалистовъ, которые простили бы автору возможные его ошибки, если бы онъ указывалъ источники, изъ которыхъ почерпалъ фактическія данныя. Небезупреченъ и обширный (16 стр.) указатель литературы. Противъ многихъ названій стоитъ цѣна и нѣтъ указанія года изданія. Все это, хотя успѣхъ книги, несомнѣнно, обезпеченъ и теперь, надо все же исправить во второмъ изданіи, такъ какъ книга носить настолько серьезный характеръ, что нужна будетъ и ученому.

Г. Гинсъ.

Юрій Озаровскій.—Музыка живого слова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1914. Стр. 320. Ц. въ пер. 2 р.

Юрій Озаровскій—или, какъ изображено на декадентскомъ титулѣ книги—Юрии Озаровскіи,—такъ какъ подобный нелѣпный пережитокъ, какъ *й*, теперь отрицается,—говоритъ въ предисловіи, что настоящій трудъ—«плодъ свыше двадцатилѣтнихъ занятій моихъ изученіемъ и преподаваніемъ искусства художественнаго чтенія». Далѣе онъ рассказываетъ, что «синтезъ началъ этого искусства сталъ вырисовываться передъ мной лѣтъ десять назадъ, и еще въ ноябрѣ 1900 года и т. д.». Такъ какъ предисловіе подписано 1913 годомъ,—то выходитъ не десять, а тринадцать лѣтъ. Ну, да это мелочи. Цѣль книги—пособіе для тѣщевъ, пѣвцовъ, драматическихъ и оперныхъ артистовъ, ораторовъ и педагоговъ.

Все, что говоритъ авторъ о художественномъ чтеніи, конечно, изобрѣтено не имъ. И Коровяковъ, и Бродовскій, и всѣ тѣ, длинный списокъ сочиненій которыхъ приложенъ въ концѣ книги г. Озаровскаго, говорили много о «выразительномъ» и художественномъ чтеніи. Долголѣтній преподавательскій опытъ автора далъ ему возможность дополнить прежнихъ авторовъ и развить и расширить нѣкоторые отдѣлы. Не хорошо только то, что г. Озаровскій старается показать себя универсально образованнымъ человѣкомъ, и потому нерѣдко попадаетъ впросакъ. Напримѣръ, онъ называетъ академію художествъ «прекраснымъ Кокориновскимъ зданіемъ», а вѣдь ужъ давно установлено, что это постройка Валлена де-Ламота, а не Кокоринова. Онъ пишетъ названіе лермонтовской поэмы «Мцыри», а академическое изданіе сочиненій поэта установило правильное правописаніе этого грузинскаго слова, и т. д. Еще курьезнѣе сопоставленіе рядомъ именъ артистокъ—Ермоловой, Мичуриной и Книпперъ. Что же между ними общаго? Г. Озаровскій, какъ артистъ, долженъ бы воздержаться отъ сопоставленія рядомъ лицъ, творчество которыхъ столь разнообразнаго «психологическаго уклона», какъ онъ самъ выражается... **В.**

Вик—Ториновичъ. Повѣсть ненужнаго человѣка. «Мурадъ». Пѣсня о смерти.
Спб. 1914. Стр. 165. Ц. 1 р.

Въ наши дни каждая новая книга беллетристическаго содержанія вызываетъ къ себѣ скептическое отношеніе. Къ этому приучила насъ современная литература, съ гиканьемъ и развязнымъ пошибомъ улицы ворвавшаяся въ жизнь и занимающаяся извращеніемъ стила и языка—поэзіи и красоты слова. Она же обрекла на публичное поруганіе женщину, ту самую, которую Бблинскій называлъ «поэзіей жизни и ангеломъ-хранителемъ человѣка съ перваго и до послѣдняго дня его жизни».

Яркимъ исключеніемъ, какъ цвѣтокъ среди заплесневѣлаго и разлагающагося болота, является вышеназванная книга г. Вик—Ториновича, извѣстнаго въ литературѣ, какъ автора симпатичныхъ разсказовъ изъ охотничьей жизни.

На этотъ разъ, однако, талантливый авторъ въ «Повѣсти ненужнаго человѣка», занимающей главное мѣсто въ книгѣ, останавливается на старой, но вѣчно новой темѣ о силѣ чувства любви, этой космической стихіи, воскрешающей и убивающей человѣка, заставляющей его страдать, трудиться, мучиться, бороться и то посылать жизни проклятыя, то радоваться ей, какъ ребенокъ. Дѣйствіе повѣсти проходитъ, такъ сказать, на фонѣ общественной дѣятельности героя—товарища прокурора, что придаетъ еще большій интересъ произведенію. Здѣсь и политическій обыскъ, и слѣдствіе, и даже смертная казнь, описанные авторомъ съ необыкновенной рельефностью, заставляющей читателя пережить рядъ тяжелыхъ минутъ, вызываемыхъ драматичностью описанныхъ сценъ. Повидимому, авторъ близко стоитъ къ судебному вѣдомству и оттого сцены эти полны правды и не протокольной, а художественной, причемъ драматизмъ положенія усиливается благодаря личнымъ переживаніямъ исполнителя закона, обладающаго чуткою душою и въ преступникѣ видящаго прежде всего человѣка..

Съ захватывающимъ интересомъ читаются также тѣ мѣста повѣсти, гдѣ авторъ касается чувства любви героя къ женщинѣ съ глубоко поэтичной и красивой натурой. Описываетъ ли онъ, какъ зарождается это свѣтлое, радостное чувство, или какими муками заставляеть оно биться сердце вдали отъ любимой женщины—всюду чувствуется художественная душа автора и его способность анализировать самыя сложныя психологическія переживанія. Очень сильное впечатлѣніе производитъ, въ свою очередь, трагическая сцена встрѣчи героя, послѣ смерти любимой женщины, съ англичанкой, похожей на умершую. Во время одного изъ чувственныхъ порывовъ съ ней, которымъ онъ отдавался, чтобы заглушить боль тоски, онъ научилъ ее произносить по-русски тѣ слова, какими его ласкала обыкновенно Дэзи, которая такъ и не снизошла до низменной любви. И эти слова вызвали цѣлую бурю страданія, растравили раны надолго. Въ красивыхъ тонахъ описана панихида, которую онъ, затѣмъ, заказывалъ въ посольской церкви въ Вѣнѣ, скитаясь одиноко за границей.

Отнюдь не шаблонны и другія произведенія автора, помѣщенные въ той же книгѣ: «Мурадъ» и «Пѣсня о смерти».

Вит. Твачухъ.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій. Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть. Съ иллюстраціями художника И. В. Симакова. Изданіе т—ва М. О. Вольфъ. Спб. 1914. Стр. 318. Ц. 3 р. 50 к.

Новое произведеніе молодого беллетриста г. Зарина-Несвицкаго очерпаетъ свое содержаніе изъ самой драматической эпохи русской исторіи—XVIII столѣтія, именно царствованія императрицы Анны Іоанновны. Авторъ знакомаго читателямъ «Историческаго Вѣстника» романа «Борьба у престола», заявившій себя солиднымъ знатокомъ бурнаго XVIII вѣка, въ своей новой повѣсти рассказываетъ о трагической судьбѣ легендарнаго поповскаго сына, изобрѣвшаго чудесную летательную машину, на которой онъ свободно подымался и леталъ. Ожидая поддержки со стороны императрицы и желая принести на пользу родной страны плоды своей работы, молодой изобрѣтатель по счастливой случайности попадаетъ въ Петербургъ. Ученый академикъ Эйлеръ, забывъ свое нѣмецкое самолюбіе и тщеславіе, поддерживаеъ талантливаго юношу. Онъ демонстрируетъ свое изобрѣтеніе передъ императрицей, Бирономъ и придворными. Передъ нимъ раскрывается сказочно-блестящее будущее, многіе изъ придворныхъ видятъ, какое громадное значеніе и какія великія перспективы сулитъ изобрѣтеніе какого-то неизвѣстнаго, бѣднаго понамаря изъ далекаго волжскаго захолустья тому, кто окажется первымъ обладателемъ его. Ясно понимаетъ это и всесильный, ненавидимый всѣми временщикъ Биронъ. Не овладѣвъ таинственнымъ секретомъ чуднаго изобрѣтенія, Биронъ ведетъ съ поповскимъ сыномъ двойную игру, увлекаетъ его въ ловушку и при помощи своихъ прислѣшниковъ убиваетъ страшнаго изобрѣтателя, ловко подстроивъ все такимъ образомъ, будто несчастнаго убили грабители, когда онъ съ наградой отъ Бирона возвращался къ себѣ домой на пустынную тогда, грязную, темную Фонтанку.

Такой конецъ повѣсти психологически весьма возможенъ, принявъ во вниманіе личность Бирона и его «политику», но г. Заринъ-Несвицкій здѣсь отступаетъ отъ дѣйствительной исторіи, которая свидѣтельствуетъ другое. Извѣстный изслѣдователь судебъ русскаго воздухоплаванія и летанія А. А. Родныхъ ¹⁾ говоритъ, что Биронъ приказалъ заморить изобрѣтателя голодомъ, чтобы воспользоваться его изобрѣтеніемъ, но, несмотря на содѣйствіе механиковъ, никакъ не могъ постичь секрета двигателя и равновѣсія. И чудное изобрѣтеніе такимъ образомъ навсегда пропало для потомковъ, найдя откликъ лишь въ старой народной легендѣ, которую и положилъ въ основаніе своей повѣсти г. Заринъ-Несвицкій.

Искусно влетая въ вымышленную романтическую канву дѣйствительныя историческія данныя, авторъ даетъ широкую картину Россіи временъ императрицы Анны Іоанновны. Передъ читателемъ проходитъ и жизнь волжской помѣщичьей вотчины, правда, описанная авторомъ съ большою идеализаціей, и картины крестьянскихъ движеній и военныхъ экзекуцій, и картины петер-

¹⁾ «Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи». Спб. 1911. Книга первая. Стр. 11.

бургской жизни. Изъ историческихъ лицъ въ повѣсти фигурируютъ императрица, Биронъ, его братъ, Волынской, знаменитый пиита Тредьяковский, академикъ Эйлеръ, начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ, цесаревна Елизавета Петровна и друг. Очень красиво, съ чувствомъ искренно оскорбленнаго національнаго самолюбія описанъ пріемъ во дворецъ императрицы, гдѣ наши родовитые бояре и князья, въ родѣ Голицына или Волконскаго, были шутами, а нѣмцы, ставленники Бирона, занимали высокія государственныя должности. Вообще во всей повѣсти громко звучитъ грустная, горькая нота при видѣ повсемѣстнаго нѣмецкаго засилья и загнанныхъ куда-то на самый край отечественной дѣйствительности той эпохи русскихъ истинно-національныхъ началъ.

Живой, выразительный языкъ, увлекательная романическая фабула и полная драматизма судьба несчастнаго изобрѣтателя дѣлаютъ повѣсть г. Зарина-Несвицкаго очень интересною для чтенія. Книга издана изящно, съ многочисленными хорошими рисунками художника И. В. Симакова.

Д. М-ко.

Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ седьмой. Ю. и З. Шамурины. Калуга-Тверь. Тула. Торжокъ. Изданіе т—ва «Образованіе». М. Стр. 71. Съ 29 фототинто-гравюрами. Ц. 2 р. 20 к.

Настоящій выпускъ «Культурныхъ сокровищъ Россіи» построенъ по тому же плану, какъ и предшествующія части этого изданія, о которомъ неоднократно говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Авторы съ усердіемъ путешествуютъ по нашимъ стариннымъ и живописнымъ великорусскимъ городамъ, съ интересомъ и любовью осматриваютъ ихъ памятники, собираютъ разнородныя историческія свѣдѣнія, отнюдь не пренебрегая даже и мѣстными преданіями, дѣлаютъ прекрасныя фотографическіе снимки со всего наиболее замѣчательнаго, и въ результатѣ получается небольшая, но въ общемъ любопытная и тщательно иллюстрированная книжка. Можно даже сказать, что эти иллюстраціи составляютъ главное достоинство изданія. Разумѣется, специалисты-историки могутъ найти въ текстѣ кое-какія неточности, а особенно устарѣлыя нынѣ взгляды и мнѣнія, но трудъ гг. Шамуриныхъ принесетъ несомнѣнную пользу прежде всего калужанамъ, тверичамъ, тулякамъ и новоторамъ, такъ какъ кратко и отчетливо уяснить имъ значеніе въ исторіи нашего искусства знакомыхъ съ дѣтства памятниковъ и заставить еще больше любить, а главное беречь ихъ. Но и всѣ русскіе люди, интересующіеся историко-культурнымъ прошлымъ своей родины, перелистаютъ книгу съ большою охотой.

Л. Л.

В. Н. Сумцовъ. Аракчеевцы на Уралъ. Экскурсіонный очеркъ. Съ 54 рисунками въ текстѣ и схематической картой Средняго Урала. Нижній-Новгородъ. 1913. Стр. 287+15+VIII. Ц. 1 р. 25 к.

Новая книга г. Сумцова представляетъ собою описаніе образовательной экскурсіи, предпринятой 45 кадетами Аракчеевскаго корпуса вмѣстѣ съ директоромъ и нѣкоторыми преподавателями въ іюнь 1910 года. Цѣль такого пу-

тешествія состояла въ ближайшемъ ознакомленіи учащихся съ Волгою и Камою, со Среднимъ Ураломъ, его природою, бытомъ и промышленностью. Въ легкой занятой формѣ, оживляемой всевозможными разнохарактерными эпизодами и приключениями, случившимися съ экскурсантами въ дорогѣ, г. Сумцовъ подробно рассказываетъ о пройденномъ пути, сообщаетъ много свѣдѣній о посѣщенныхъ мѣстностяхъ, стараясь освѣтить предметъ своего повѣствованія со всѣхъ по возможности сторонъ: исторической, промышленной, этнографической, географической и т. п. Очень интересны и цѣнны главы, посвященныя описанію пребыванія экскурсіи на различныхъ уральскихъ заводахъ. Здѣсь авторъ сумѣлъ въ краткомъ и общепонятномъ видѣ изложить виды различныхъ производствъ и существенныя черты современной уральской заводской промышленности.

Книга г. Сумцова интересна не только для воспитанниковъ Аракчеевскаго корпуса, но и для всѣхъ, любящихъ чтеніе путешествій и желающихъ въ легкой и живой формѣ узнать поближе о далекихъ, особенно отъ петербуржца, Волгѣ, Камѣ и Уралѣ. Особенный же интересъ должна представить эта книга для лицъ, причастныхъ къ педагогическому міру. Много полезнаго найдутъ они въ «приложеніяхъ», гдѣ даются свѣдѣнія объ организаціи экскурсіи и объ расходахъ, производимыхъ во время путешествія.

Очеркъ г. Сумцова щедро иллюстрированъ, но, къ сожалѣнію, рисунки въ огромномъ большинствѣ такъ мелки по размѣру и такъ плохо выполнены, что разобратъся въ нихъ очень трудно, а иногда и совершенно невозможно. Вообще, по своей внѣшности изданіе неудовлетворительно. **М—о.**

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Великій князь Николай Николаевичъ и императоръ Наполеонъ въ Парижѣ въ 1860 году.—Баронъ Геккеръ-Дантесъ на придворномъ обѣдѣ.—Французскіе тайные агенты за столомъ русскаго великаго князя.—Невѣроятная исторія иркутскаго архіепископа Иринея при свѣтѣ новыхъ архивныхъ матеріаловъ.—«Скверноствязательные приносы».—Записки митрополита Леонтія.—Столичные горе-проповѣдники. — Какъ у насъ перлюстрировали письма цесаревны въ шестидесятыхъ годахъ.—Отчего ушелъ В. П. Далматовъ съ Александринской сцены.

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Русской Старины» графъ Ал. Олсуфьевъ передаетъ не записанныя біографами великаго князя Николая Николаевича подробности пребыванія его въ 1860 году въ Парижѣ и выступленій въ необычной для него роли дипломата. Ницца тогда только что была присоединена къ Французской имперіи. И русская императрица и великій князь не слишкомъ доброжелательно относились къ этой «аннексіи». Оба любили въ Ниццѣ прелестный обликъ чисто итальянскаго города и были очень дружны съ ся прежнимъ владѣтелемъ, Викторомъ-Эмануиломъ.

Великій князь не скрывалъ своего неудовольствія экспроприаціею и въ день плебисцита разгуливалъ съ отрицательнымъ бюллетенемъ «Non» не только на своей шляпѣ, но и на шейникѣ любимаго пса «Разбойника», среди многотысячной толпы, въ которой было столько явныхъ и тайныхъ агентовъ французскаго посольства.

Великій князь являлся въ Парижъ по волѣ своего державнаго брата съ письмомъ и съ особымъ порученіемъ къ Наполеону. Весь образъ жизни высокаго посла соответствовалъ его положенію. Желая придать особый блескъ пріѣзду своего брата къ тюльерійскому двору, государь приказалъ отпустить

изъ кабинета большой ящикъ, до краевъ наполненный табакерками, перстнями, часами, портсигарами съ портретами и вензелями великаго князя, брелестами и брошками, осыпанными брильянтами. Ихъ было, на глазъ, тысячъ на двадцать или тридцать, по крайней мѣрѣ

Наполеонъ въ самый день визита къ нему великаго князя отдалъ ему свой визитъ, прѣхавъ одинъ безъ всякой свиты въ парномъ кабріолетѣ, которымъ самъ правилъ. Онъ былъ въ синемъ рейтфракѣ, сѣрыхъ брюкахъ и высокомъ цилиндрѣ. Несмотря на докладъ швейцара, что великаго князя нѣтъ дома, Наполеонъ пожелалъ взглянуть на его помѣщеніе въ отелѣ. Гр. Олсуфьевъ былъ одинъ дома и успѣлъ встрѣтить императора у первой площадки великолѣпной лѣстницы.

«Опираясь на палку и съ замѣтной одышкой императоръ, нѣсколько грузный, на короткихъ ногахъ, тихо по ней поднялся и вошелъ въ бельэтажъ, гдѣ уже собрался весь персоналъ отеля. Небрежно отвѣтивъ кивкомъ на подобострастно-низкіе поклоны, Наполеонъ сдѣлалъ едва уловимый знакъ, по которому всѣ скрылись. Онъ прошелъ, сопровождаемый однимъ мною,—даже камердинера Бергмана не было налицо,—весь рядъ комнатъ, занимаемыхъ его высочествомъ.

«Въ спальній онъ съ любопытствомъ разсматривалъ образа и кресты вмѣстѣ съ акварельнымъ портретомъ государя Николая Павловича, всюду сопровождавшимъ великаго князя, разложенные на столикѣ около походной желѣзной кровати его высочества, и казался очень удивленнымъ, когда я ему пояснилъ, что великій князь, какъ и всѣ его братья, другихъ кроватей, какъ дома, такъ и въ походахъ и вояжахъ, не имѣютъ, и что на точно такой же узкой кровати скончался въ 1855 году въ Зимнемъ дворцѣ государь Николай Павловичъ. «Tiens, c'est curieux, mais cela ne doit pas être très commode», съ нѣсколько недовѣрчивой улыбкой пропустилъ онъ изъ-подъ своихъ нафиксатуренныхъ, довольно длинныхъ усовъ.

«Быть можетъ, онъ припомнилъ громозкія походныя постели съ массою тюфяковъ и подушекъ своего царственнаго дяди, одинъ экземпляръ которыхъ, отбитый казаками въ двѣнадцатомъ году, хранится въ московской Оружейной палатѣ.

«Войдя въ кабинетъ великаго князя, онъ вынулъ карточку съ гравированной надписью: «L'Empereur des Français» и, загнувъ уголь, положилъ ее на письменный столъ. Съ изысканной учтивостью спросивъ, можно ли здѣсь курить,—онъ почему-то зналъ, что его высочество не курить,—закурилъ папирску и, предложивъ мнѣ такую же изъ своего портсигара, покойно расположился на креслѣ и довольно долго разспрашивалъ меня о привычкахъ великаго князя, интересуясь знать, любитъ ли онъ ѣздить верхомъ. «Dans ce cas dites à Monseigneur, que je lui ai préparé pour les promenades le matin au Bois une très bonne bête, dressée spécialement par la Hotte».

Великій князь потомъ сожалѣлъ, что не воспользовался этой любезностью, такъ какъ узналъ отъ графа Киселева, что Наполеонъ намѣревался, послѣ того, какъ его высочество на ней ѣздилъ, поднести ему эту лошадь; а великій князь, страстный любитель и замѣчательный знатокъ конскаго дѣла, радовался

всякому случаю увеличить состав своей петербургской конюшни, превышавшей иногда полсотни головъ, въ числѣ которыхъ послѣ войны была и лошадь Османъ-паши, подведенная знаменитымъ защитникомъ Плевны его побѣдителемъ.

На парадномъ обѣдѣ, данномъ высокому русскому гостю, русскую свиту его неприятно поразило присутствіе одного лица.

«По меньшей мѣрѣ странно видѣть на этомъ официальномъ обѣдѣ въ честь русскаго великаго князя, въ числѣ приглашенныхъ, барона Дантесъ-Геккерна, злополучно мѣткій выстрѣлъ котораго лишилъ Россію величайшаго ея поэта. Какъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ Французской имперіи, сенаторъ и кавалеръ первой степени Почетнаго Легіона, онъ сидѣлъ за императорскимъ столомъ недалеко отъ великаго князя, который не могъ не обратить вниманія на его выдающийся ростъ и сановную осанку. Слѣдуетъ замѣтить, что Геккернъ послѣ обѣда, во время долго длившагося куртага, на которомъ Наполеонъ представилъ его высочеству всѣхъ высшихъ лицъ войска и администраціи, держалъ себя въ сторонѣ и ни къ кому изъ русскихъ, даже близкихъ ему по жокей-клубу, не подходилъ. Зато, видимо, демонстративно съ нимъ дружески разговаривалъ принцъ Наполеонъ—Pion-Pion. Досадно было видѣть на этомъ отъявленномъ врагѣ Россіи нашу андреевскую ленту».

Парижская полиція, явная и тайная, конечно, была прикомандирована къ дорогимъ гостямъ въ мѣрѣ, можетъ быть, даже преувеличенной.

«Возведенная геніальнымъ ея начальникомъ, знаменитымъ Pietri, до совершенства, она не только неусыпно охраняла великаго князя, но и зорко за нимъ повсюду и вездѣ слѣдила. Директоръ Grand Hôtel, счастливый и довольный пожалованнымъ ему перстнемъ съ брильянтовымъ вензелемъ великаго князя, признался мнѣ въ день нашего отъѣзда, что въ числѣ ливрейной прислуги, служившей за завтракомъ, было два «touchards», прекрасно говорившихъ по-русски, обязанность которыхъ была каждый день представлять à son Excellence Monsieur le Prefet письменный докладъ обо всемъ, что говорилось за столомъ.

«Неужели son Altesse этого не замѣтилъ и могъ полагать, что наша прислуга могла быть такъ неловка, какъ се misérable, который чуть не облилъ великаго князя, уронивъ за нимъ блюдо съ соусомъ.

«Я успокоилъ директора, увѣряя, что никто изъ насъ этой оплошности его персонала не замѣтилъ, и подумалъ, какъ мало интереснаго должны были представлять для Pietri доклады его тайныхъ агентовъ, такъ какъ за столомъ они слышали только парижскіе рассказы и анекдоты, имъ, вѣроятно, давно извѣстные, передаваемые съ неподражаемымъ юморомъ княземъ Радзивилломъ и его пріателемъ».

Нѣсколько лѣтъ назадъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» читатель нашелъ исключительный по своей анекдотической колоритности рассказъ маститаго беллетриста І. І. Ясинскаго «Помраченіе высокопреосвященнаго Иринея» (т. СХХVI, ноябрь), почти неправдоподобное сказаніе о томъ, какъ архіепископъ иркутскій Иринея (Нестеровичъ) пререкается съ мѣстнымъ губернаторомъ, а потомъ, когда тому удалось добиться его удаленія на покой,

не захотѣлъ подчиниться пришедшему изъ Петербурга царскому указу, какъ подложному.

Въ нашей духовной анекдотикѣ о стропотныхъ архіереяхъ Иринея издавна занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Сейчасъ въ «Трудахъ кіевской духовной академіи» извѣстный въ этой области изслѣдованій профессоръ Ѳ. Титовъ проливаетъ свѣтъ на достопамятную легенду уже не въ качествѣ беллетриста, а въ качествѣ строгаго историка, опирающаго каждое слово свое на архивный документъ.

Чудовищный эпизодъ противленія Иринея, который потомъ былъ объясненъ его помраченіемъ, т. е. психическимъ распадомъ, рисуется подъ перомъ ученаго въ общемъ въ тѣхъ же чертахъ, какъ и у беллетриста. Только элементъ комическаго совершенно отпадаетъ, и случай представляется одной изъ тѣхъ печальныхъ страницъ, которыхъ такъ много въ исторіи нашего высшаго духовенства.

Въ годы своей мужественной зрѣлости Иринея, по общему отзыву, былъ человѣкомъ совершенно нормальнаго и яснаго ума. Казалось, ничто не предвѣщало его сумбурнаго и жуткаго краха. Не сухошавый и не полный, онъ былъ граціозенъ въ движеніяхъ, имѣлъ лицо энергичное, взглядъ быстрый и пріятельскій. Современникъ отмѣчаетъ его превосходное служеніе, сообщая, что обыкновенную молитву онъ заканчивалъ такъ, что слова «нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ» «какой-то магической волей голоса уходили въ вѣки вѣковъ». Черезъ сорокъ шесть лѣтъ они слышались ему, точно сказанныя вчера. Назначеніе Иринея въ Иркутскъ не только не было, какъ доселѣ утверждали, почетной ссылкой, наоборотъ, являлось выраженіемъ особенныхъ надеждъ на его энергію. Послѣ смерти его предшественника, добротой котораго злоупотребляли, императоръ Николай Павловичъ своей резолюціей требовалъ «избрать самаго твердаго и надежнаго и перевести въ Иркутскъ». Выборъ палъ на Нестеровича.

Кто хочетъ изъ устъ безпристрастнаго историка узнать подлинную исторію борьбы своеобразнаго, рѣзкаго и неуступчиваго Иринея съ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ, въ концѣ концовъ осилившимъ и сжившимъ непріятнаго ему человѣка, того отсылаемъ къ подлинной статьѣ Ѳ. Титова. Что эта борьба гражданскаго администратора съ духовнымъ покоилась, впрочемъ, не на одной личной непріязни, доказательство этому даетъ и историкъ. Вотъ, напримѣръ, характерная справка о нравахъ того времени, когда такъ называемые «приносы» низшаго духовенства высшему казались вполне въ порядкѣ вещей.

Сохранилась всеподданнѣйшая жалоба къ императору Николаю иркутскаго кафедральнаго протоіерея Громова отъ 1831 года, гдѣ устанавливается одно изъ несомнѣнно соблазнительныхъ и неосторожныхъ распоряженій иркутскаго архіепископа.

Всему градскому духовенству Иринея объявилъ требованіе, чтобы приглашавшіе его на богослуженіе въ храмовые дни приходскіе причты и старосты дѣлали ему подношенія, какъ при самомъ зовѣ, такъ и послѣ совершенія службы. Разговоръ шель о хлѣбѣ-соли и нѣсколькихъ бутылкахъ виноград-

наго вина. Въ случаѣ бѣдности отъ причта требовался, по крайней мѣрѣ, приносъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью штофа простого хлѣбнаго вина.

Въ ноябрѣ 1830 года священники Спасской церкви пришли къ владыкѣ за благословеніемъ предъ литургією по случаю наступающаго храмоваго праздника и, вопреки приказу, съ пустыми руками.

«Его преосвященство, — читаемъ въ жалобѣ, — такъ раздраженъ былъ симъ поступкомъ, что не могъ успокоиться въ продолженіе въ сей день совершаемой литургіи. Напротивъ, приобщившись святымъ тайнамъ, во время пѣнія концерта, когда градское духовенство принимало отъ него благословеніе, его преосвященство у престола Божія говорилъ съ азартомъ:

«— Вы не хотите понять меня! Я желалъ знакомства съ вами помаленьку черезъ служеніе въ церквахъ вашихъ, но теперь я буду васъ преслѣдовать! И съ сего времени воспрещаю вамъ лично принимать у меня благословеніе по случаю храмовыхъ праздниковъ, но принимайте оно чрезъ ключаря. Также и послѣ праздниковъ ко мнѣ не являйтесь!»

«И въ семь его преосвященство поклялся Богомъ живымъ во святомъ алтарѣ присутствующимъ. Но поелику его преосвященство 21-го ноября совершалъ литургію въ Спасской церкви, то на другой день священнослужители оной рѣшились итти благодарить за сіе преосвященство, исполнивъ въ точности его приказаніе насчетъ приносовъ, а какъ таковое приказаніе простирается и на церковныхъ старостъ, то и староста принесъ ящикъ чаю. И его преосвященство принялъ ихъ необычайно ласково, нарушивъ свою клятву на соблазнъ всего духовенства, слышавшаго оную».

Иркутскій протоіерей клятвенно завѣрялъ истинность всего написаннаго въ жалобѣ. «Да отлученъ я буду отъ вѣчныя жизни, если что-либо здѣсь написано мною ложно». Жалобѣ, доложенной государю, было придано значеніе.

Тогдашній оберъ-прокуроръ князь Мещерскій потребовалъ отъ генералъ-губернатора секретнаго разслѣдованія о поступкахъ и дѣйствіяхъ владыки, возбуждающихъ соблазнъ. Начальникъ края подтвердилъ жалобу, указавъ между прочимъ на то, что Ириной, по собственнымъ его словамъ, основывалъ требованіе на восемнадцатой главѣ книги Числъ, гдѣ всѣмъ левитамъ поставлено было въ обязанность приносить первосвященнику десятину отъ своихъ стяжаній.

Повидимому, фактъ поколебать трудно. Его можно только смягчить догадкой, что у архіерея могли быть частныя соображенія, вродѣ, напримѣръ, помупринудительнаго благотворенія, и ссылкой на то, что по тому времени это не было проявленіемъ исключительной безцеремонности. Были другіе люди, другіе нравы.

Лично Ириной засталъ такой порядокъ во время своего обученія, а затѣмъ учительства въ кievской академіи. Указанія на этотъ обычай приносовъ имѣются въ дневникѣ кievскаго митрополита Серапіона. Напримѣръ, отъ 1810 года тамъ имѣется замѣтка о посѣщеніи его однимъ изъ мѣстныхъ архимандритовъ съ благодарностью за служеніе «cum panibus et duodecim but. vini», какъ, видимо, боясь чужого глаза, митрополитъ среди русскаго текста писалъ по-латыни.

Разсказъ Титова доведенъ до самаго остраго момента, когда злосчастный владыка, испытавшій на себѣ даже оскорбленіе личной расправы, былъ заключенъ въ собственныхъ покояхъ подъ военнымъ карауломъ, преградившимъ къ нему доступъ всѣмъ свѣтскимъ людямъ.

Стоить вниманія примѣчаніе изслѣдователя, что писанія самого архіепископа, относящіяся къ тому времени, когда его обвиняли въ умственномъ разстройствѣ, не обнаруживаютъ въ немъ никакой нестройности мышленія. Они носятъ только слѣды возбужденія и рѣзкости.

Какъ извѣстно, Иринею былъ удаленъ на покой въ одинъ изъ вологодскихъ монастырей. Судьба была къ нему жестока и подарила ему долгую, безъ силы и радостей жизнь. Онъ умеръ только въ 1864 году.

Изъ продолжающихся въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» попрежнему очень интересныхъ житейскихъ воспоминаній московскаго митрополита Леонтія стоитъ выписать слѣдующій характерный анекдотъ, не разъ вдохновлявшій повѣствователей изъ духовнаго быта на разсказы юмористическаго оттѣнка.

Особенный букетъ анекдотъ приобретаетъ отъ своей безусловной подлинности: передаетъ его лицо, достойное довѣрія, и всѣ дѣйствующія лица его полностью названы.

«Будучи ректоромъ кievской семинаріи, —разсказываетъ митрополитъ Леонтіи, —архимандритъ Нектарій, позднѣе епископъ выборгскій, —вызванъ былъ на череду обычную въ Петербургъ. Череднымъ обыкновенно назначалось три-четыре проповѣди въ годъ для сказыванія въ кафедральномъ соборѣ, и по преимуществу на царскіе дни.

«При митрополитѣ Никанорѣ назначали двумъ на одинъ день, на всякій случай, —и онъ самъ внимательно читалъ представленныя ему проповѣди и оцѣнивалъ ихъ, какъ лучший цензоръ и ораторъ, —строго.

«На одинъ какой-то важный день назначена была проповѣдь архимандриту Нектарію и протоіерею А. Лавровскому. Прочитавши обѣ проповѣди, митрополитъ Никаноръ призываетъ обоихъ вмѣстѣ къ себѣ и, вынесши обѣ тетрадки, отдаетъ одному и другому со словами:

«— Ну, вы, отецъ Лавровскій, читайте, а вы, отецъ ректоръ, повѣряйте.

«Оказалось, что оба списали буквально одну и ту же проповѣдь изъ «Воскреснаго Чтенія» первыхъ годовъ!

«Митрополитъ самъ держалъ подлинникъ. Вышла сцена очень некрасивая. Протоіерею еще можно было извинить его поступокъ такъ или иначе, —но очередному ректору, да еще магистру богословія, ужъ никакого извиненія нельзя было представить! А все произошло отъ желанія отличиться. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какое понятіе составилъ митрополитъ Никаноръ очередномъ архимандритѣ».

Лѣтопись своей жизни покойный московскій митрополитъ доводитъ до первыхъ дѣйствій своихъ въ санѣ епископа подольскаго. И сейчасъ на половину инородческая, тогда подольская епархія представляла въ своемъ управленіи величайшія трудности для мѣстнаго архіерея. Подолія послѣ «повстанія»

во многомъ походила на Кавказъ до замиренія. Изъ воспоминаній митрополита явствуетъ, что самое служеніе его иногда сопрягалось здѣсь съ прямымъ рискомъ жизни.

«Въ 1864 году,—разсказываетъ онъ,—еще не вполнѣ въ Подоліи затихло повстаніе, такъ называемое. И первую Пасху я служилъ въ Каменцѣ, можно сказать, подъ стражею. Церковь—большая крестовая—окружена была солдатами съ ружьями, заряженными въ виду извѣстія, что поляки перебираются уже черезъ Днѣстръ, хотя оказалось оно несправедливымъ.

«И по епархіи, первый разъ весною 1884 года, я ѣздилъ въ сопровожденіи казаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по распоряженію свѣтской власти,—для безопасности. Въ одномъ селѣ было открыто, что повстанцы, или лучше польскіе помѣщики, запрятали порохъ на хорахъ въ церкви. Священникъ оправдывался, что ему грозили повѣшеніемъ въ случаѣ несогласія закрыть ихъ вину.

«Конечно, оправданіе это не освободило его отъ кары, но вмѣстѣ съ тѣмъ показало, какъ трудно было сопротивляться повстанцамъ. Въ селѣ Глѣбовѣ въ прудѣ подбросаны были пушки и порохъ въ изобиліи, отъ чего вся рыба подохла».

Изъ напечатанной въ томъ же журналѣ переписки профессора московской духовной академіи П. С. Казанскаго съ архіепископомъ костромскимъ Платономъ нельзя не выхватить слѣдующія строки, свидѣтельствующія объ удивительной наглости и разнузданности нашей тайной полиціи въ концѣ шестидесятыхъ годахъ. Не больше, не меньше наши тогдашніе Лекоки и Видоки поднимали свою руку на... подлинный текстъ писемъ особъ царствующаго дома... и вымарывали въ нихъ то, что казалось имъ нецензурнымъ

«У насъ бродитъ курьезный разсказъ, характеризующій завѣдующихъ тайной полиціей, какъ они не только читаютъ письма, но передѣлываютъ ихъ,—пишетъ профессоръ въ письмѣ отъ 1868 года.—Жена Аксакова писала къ цесаревнѣ и получила отвѣтъ въ письмо, въ которомъ первыя двѣ строчки оказались зачеркнутыми. Замѣтно, что чернила для замазанія были инныя, нежели для письма. Бывши вскорѣ въ Питерѣ, Аксакова передала свое наблюденіе цесаревнѣ. Та ничего не замарывала. Сказали государю:

«— Видно, и насъ взяли подъ надзоръ»,—сказалъ онъ и потребовалъ объясненія отъ Шувалова. Какая наглость, если это справедливо, вмѣстѣ съ тѣмъ и глупость невообразимая!..»

Большая часть послѣдняго выпуска «Ежегодника императорскихъ театровъ» отдана воспоминаніямъ объ артистѣ Далматовѣ по поводу исполнившейся годовщины его смерти.

«Любопытны черты этого анекдотическаго актера, занесенныя въ воспоминанія о немъ его друга П. П. Гнѣдича и артистки Васильевой, но въ биографическомъ смыслѣ, можетъ быть, всего цѣннѣе страничка матеріаловъ о немъ, документально устанавливающая причины, почему нѣкогда, въ бытность на-

чальникомъ репертуара В. Крылова, талантливый актеръ вынужденъ былъ на время разстаться съ казенной сценой.

«Дѣло обстояло такъ.

«Весною 1894 года былъ назначенъ бенефисъ вторыхъ артистовъ труппы. Предполагалось возстановить потѣхинскихъ «Нищихъ духомъ» съ лучшими силами. Маленькую роль Карабанова, которую уже много разъ игралъ Далматовъ, предложили сыграть ему же и на этотъ разъ. Узнавъ о такомъ распредѣленіи ролей, Далматовъ немедленно написалъ Крылову письмо не совсѣмъ въ томъ духѣ, въ какомъ пишутся письма подчиненными къ начальству. Но Далматовъ былъ гордъ, а знамя актера несъ необыкновенно высоко.

«Сейчасъ мнѣ прислали повѣстку репетиціи «Нищихъ духомъ», которые идутъ какъ разъ въ первый спектакль по открытіи весенняго сезона, т.-е. почти совпадаетъ съ днемъ моего дебюта десять лѣтъ назадъ. Хотя я далекъ отъ всякихъ юбилейныхъ празднествъ, но люди, интересующіеся мною, возбудили вопросъ въ печати и въ обществѣ, вслѣдствіе чего я получаю телеграммы и письма съ поздравленіями и пожеланіями, такъ что очутился поневолѣ въ положеніи полубюбилера. Въ положеніи даже четверти юбиляра,—что зачастую празднуютъ въ Петербургѣ,—неловко выходить въ мерзкой роли лубочнаго злодѣя и подавать реплики, будучи перваго ранга актеромъ съ такимъ обширнымъ репертуаромъ, какъ у меня. Кромѣ этого, эту роль играетъ Никольскій, да, вѣроятно, и Ленскій,—слѣдовательно, затрудненія въ постановкѣ быть не можетъ, а мнѣ теперь въ особенности не слѣдуетъ злоупотреблять вниманіемъ и долготерпѣніемъ общества, которому я достаточно надоѣлъ этими грошовыми злодѣяніями. Словомъ, я васъ прошу избавить меня отъ роли Карабанова и отъ непріятностей.

«Узнавъ отъ Крылова объ инцидентѣ, тогдашній директоръ И. А. Всеволожскій поручилъ начальнику репертуара объясниться съ Далматовымъ и одновременно его оштрафовать. На предложеніе Крылова назначить время и мѣсто для объясненія раздраженный актеръ отвѣтилъ прямою дерзостью:

«Милостивый государь Викторъ Александровичъ!—писалъ онъ:—я поправился и чувствую себя настолько здоровымъ, чтобы объясниться съ вами, гдѣ и когда прикажете, но имѣйте въ виду, что послѣ вашего письма я съ вами буду объясняться не какъ подчиненный вашему произволу актеръ, а какъ В. Далматовъ».

«Крыловъ разобидѣлся окончательно. Крутой нравъ Василя Пантелеймоновича, не даромъ игравшаго Грознаго, былъ хорошо извѣстенъ не одному его начальнику. Крыловъ предпочелъ уклониться отъ всякихъ объясненій и новымъ рапортомъ, съ цитатами наиболѣе отвѣтственныхъ мѣстъ изъ обоихъ писемъ Василя Пантелеймоновича, просилъ директора избавить его отъ необходимости рискованныхъ сношеній съ актеромъ.

«Не имѣя никакой надобности объясняться съ Далматовымъ, иначе какъ по службѣ и даже по приказанію вашего превосходительства, я принужденъ отказаться отъ всякихъ свиданій съ нимъ, тѣмъ болѣе, что тонъ его письма лишаетъ меня всякой возможности высказать артисту взгляды и требованія дирекціи, которые вы поручили мнѣ ему передать!..»

Крыловъ просилъ начальника указать, каковы «должны быть его дальнѣйшія служебныя отношенія» къ Далматову. Всеволожскій положилъ резолюцію, что артистъ обязанъ принести извиненіе управляющему труппою. Далматовъ отказался, а вскорѣ въ отвѣтъ на свою просьбу объ обычномъ отпускѣ получилъ увѣдомленіе отъ имени директора, что дальнѣйшій его ангажементъ на будущій сезонъ «не входитъ въ намѣренія дирекціи» и съ 1 -го августа онъ «можетъ считать себя свободнымъ отъ службы».

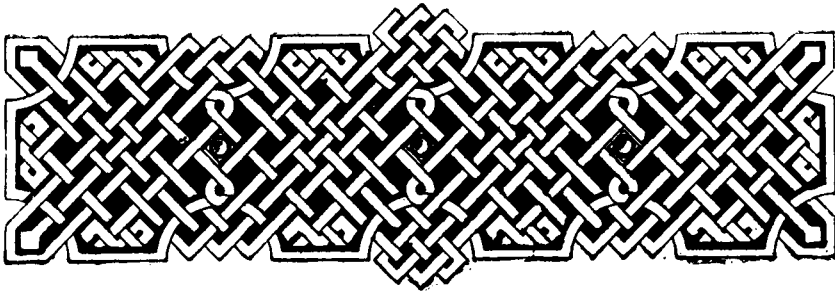
Хладнокровно разбираясь теперь въ «далматовскомъ инцидентѣ», можно видѣть, что Далматова обрекало на рядъ безпокойныхъ годовъ обычное, нѣсколько повышенное самолюбіе актера, заласканнаго почитателями и взвинченнаго товарищами противъ нелюбимаго начальника. Назначеніе значительнаго актера въ юбилейномъ спектаклѣ на невидную роль не содержало само по себѣ ни обиды, ни неуваженія къ таланту. По сей часъ на нашихъ глазахъ проходятъ спектакли, гдѣ ничтожныя выходныя роли самоотверженно несутъ премьеры ради услуги своимъ собратьямъ.

Но, съ другой стороны, и театральное начальство выказало въ этомъ случаѣ ту традиціонную нечуткость всѣхъ россійскихъ начальствъ, совершенно неспособныхъ понять психологію подчиненнаго, какая иногда властнѣе надъ нимъ всѣмъ расчетовъ и успѣха и даже личнаго благополучія.

Такъ сцена добровольно лишила себя талантливаго актера въ лучшую пору цвѣтенія его таланта, а талантливый актеръ оказался вынужденнымъ тратить свою энергію на прозаическія заботы о безбѣдномъ существованіи.

А. Измайловъ

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили по 15 марта
для отзыва слѣдующія книги.

Ник. Андреевъ. Человѣкъ и нечистая сила. Культурно-историческій очеркъ. Кн-во «Жизнь и знаніе». Спб. 1914. Ътр. 48. Ц. 20 к.

С. Юшновичъ. Леонъ Дрей. Ч. I. Полное собр. соч. Т. XIII. Кн-во «Жизнь и знаніе». Спб. 1914. Стр. 268. Ц. 1 р.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Въ глухомъ уѣздѣ. Повѣсть. Полное собр. соч. Т. XII. Кн-во «Жизнь и знаніе». Спб. 1914. Стр. 302. Ц. 1 р.

И. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. Объ одной процвѣтающей коммунистической общинѣ. Изданіе 2-е, переработанное. Кн-во «Жизнь и знаніе». Спб. 1914. Стр. 99. Ц. 50 к.

Н. Марисъ. Легенды Крыма. Вып. I. Рисунки К. Арцеулова. 2-е изданіе. Москва. 1914. Стр. 43. Ц. 1 р.

В. В. Розановъ. «Ангель Леговы» у евреевъ (Истоки Израиля). Спб. 1914. Стр. 24. Ц. 30 к.

— Въ сосѣдствѣ Содомы (Истоки Израиля). Спб. 1914. Стр. 20. Ц. 30 к.

— Европа и евреи. Спб. 1914. Стр. 38. Ц. 40 к.

Л. Простингъ. О троичности Единого Бога (Ивъ моихъ религіозныхъ переживаній). Москва. 1914. Стр. 23. Ц. 15 к.

— Ликъ Христа въ живописныхъ изображеніяхъ художника Астафьева. Москва. 1913. Стр. 8. Ц. 20 к.

— Письмо на Свѣтлое Христово Воскресеніе къ лицу, не признающему божественности Христа. Москва. 1912. Стр. 15. Ц. 15 к.

Проф. О. Д. Хвольсонъ. Принципъ относительности. Общедоступное изложеніе. 2-е изданіе. Кн-во «Естествоиспытатель». Спб. 1914. Стр. 61. Ц. 50 к.

Проф. Н. А. Умовъ. Характерныя черты и задачи современной естественнонаучной мысли. Кн-во «Естествоиспытатель». Спб. 1914. Стр. 47. Ц. 40 к.

Сэръ Оливеръ Дж.-Лоджъ. Непрерывность. Перев. С. Н. Покровскаго, подъ ред. проф. И. И. Борзмана. Кн-во «Естествоиспытатель». Спб. 1914. Стр. 76. Ц. 60 к.

Ла-Роза. Ээиръ. Исторія одной гипотезы. Перев. В. О. Хвольсонъ, подъ ред. проф. Д. Д. Хвольсона. Кн-во «Естествоиспытатель». Спб. 1914. Стр. 91. Ц. 70 к.

Рѣчи Либанія. Перевелъ съ греческаго, съ введеніемъ, примѣчаніями и двумя приложениями С. Шестаковъ. Т. I. Казань. Стр. 522. Ц. 3 р. 60 к.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ. Княжкая гѣснь. Историческая поэма въ 48 гѣс-

няхъ. Ч. I. Художественныя украшенія подъ руководствомъ и при участіи И. Я. Билибина, а также при участіи О. В. Бѣлородовой, А. Х. Вестфаленъ, Е. З. Земляницкой, В. Н. Левитского, Р. Р. О'Коннелъ, П. И. Филатова. Спб. 1914. Стр. 407. Ц. за 4 книги 12 р.

Юнгъ. Солнце. Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія I. А. Давыдова. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. 1914. Стр. 328. Ц. 2 р.

Проф. Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Изданіе 2-е, дополненное. Изд. Н. Н. Сергіевскаго. Спб. 1914. Стр. X+701. Ц. 2 р.

А. Нофодъ. Русское землеустройство. 2-е изданіе. Спб. 1914. Стр. 172. Ц. 1 р. 50 к.

Нина Муромцева. Стихотворенія. Спб. 1914. Стр. 62. Ц. 50 к.

Д. Висноватовъ. Къ оздоровленію средней школы. Спб. 1914. Стр. 57. Ц. 75 к.

В. Микулъчъ. Тѣни прошлаго. Съ 13рис. Спб. 1914. Стр. 194. Ц. 1 р.

Н. В. Санчурскій. Латинская хрестоматія. Ч. II. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Спб. 1914. Стр. XII+62+24+47+9. Ц. 1 р.

Юр. Бѣляевъ. Песня. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1914. Стр. 81. Ц. 1 р. 50 к.

В. В. Розановъ. Обоятельное и осязательное отношеніе евреевъ къ крови. Спб. 1914. Стр. VIII+302. Ц. 2 р. 50 к.

— Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы). Спб. 1914. Стр. 207. Ц. 2 р.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Непериодическое изданіе, подъ редакціей Б. А. Лезина. I. Теорія творчества. II. Мисотворчество. Статьи гг. Е. Кагарова, И. Лапина, А. Погодина, А. Потебни, Т. Райнова, К. Тяндера, С. Франка, В. Харцева, П. Энгельмейера, Б. Лезина. Харьковъ. 1914. Стр. XVI—563. Ц. 2 р. 50 к.

В. Бѣдновъ. Матеріалы для исторіи колонизаціи бывшихъ Запорожскихъ владѣній. Екатеринославъ. 1914. Стр. 48. Ц. 25 к.

В. Г. Краснянскій. Городъ Метиславль (Могилевской губ.). Съ 50 рис. Изданіе съв.-зап. отдѣла императорскаго русск. географическаго общества. Вильна. 1913. Стр. 99. Ц. 75 к.

— Городъ Борисовъ и Борисовскій уѣздъ въ Отечественную войну 1812 года. Гродна. 1914. Стр. 63. Цѣна не обозначена.

Б. Жегочевъ. Сверхначальникъ. Спб.

1914. Стр. 47 (На правахъ докладной записки).

А. Гладій. Взглядъ художниковъ на жизнь (По поводу самоубійствъ среди учащихся). Москва. 1913. Стр. 45. Ц. 40 к.

И. Н. Розановъ. Русская лирика. Отъ поэзіи безличной—къ исповѣди сердца. Историко-литературные очерки. Изд. «Задруга». Москва. 1914. Стр. 416. Ц. 2 р. 50-к.

Татіана Берхманъ. Первые пѣсни. Сборникъ стиховъ. Спб. 1914. Стр. 74. Ц. 60 к.

П. М. Дульскій. Памятники казанской старины. Съ приложеніемъ археологическаго этюда Б. П. Денике о фрескахъ Свяжскаго Успенскаго монастыря. Съ иллюстраціями. Изданіе С. В. Соломина. Казань. 1914. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.

Пуришкевичъ, Владиміръ. Матеріалы по вопросу о разложеніи современнаго русскаго университета. Изданіе союза русскаго народа имени Михаила Архангела. Спб. 1914. Стр. XI+284+XVI. Ц. 1 р.

Книга содержитъ, по словамъ автора, его университетскія замѣтки, листки изъ его записныхъ книжекъ эпохи смутныхъ годовъ о теченіяхъ событій въ русскомъ университетѣ за этотъ періодъ. Въ особую заслугу себѣ г. Пуришкевичъ ставитъ слѣдующее: «я былъ первымъ въ Россіи по времени, громко закричавшимъ на дворянскихъ сѣздахъ, въ печати и въ государственной думѣ о томъ, что революцію въ высшей школѣ разводитъ не студентъ, а п о д л е ц ъ п р о ф е с с о р ъ (курс. нашъ) и разводитъ на казенный счетъ, получая отъ казны жалованье, хватая чины и ордена. Я былъ первымъ, закричавшимъ о томъ, что нужно взяться сначала за профессора,—причину въ дѣляхъ оздоровленія нашихъ университетовъ, и только послѣ этого за студента,—слѣдствие, коимъ профессоръ (изъ жидовъ и поджидковъ) пользуется, какъ пушечнымъ мясомъ въ своихъ видахъ и дѣляхъ». Комментаріи къ этимъ словамъ излишни.

А. А. Красевъ. Чего ждетъ отъ школы наша страна для своего обновленія. Къ вопросу о необходимыхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ курсѣ начальнаго народнаго обученія. Кн-во К. И. Тихомирова. Москва. 1914. Стр. 83. Ц. 40 к.

Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Перев. съ франц. В. Недачина. Педагогическая бібліотека. Изд. 2-е. Кн-во К. И. Тихомирова. Москва. 1913. Стр. XIX+101. Ц. 90 к.

М. М. Рубинштейнъ. Очеркъ педагогической психологіи въ связи съ общей педагогической. Педагогическая бібліотека. Кн-во К. И. Тихомирова. Москва. 1914. Стр. 594. Ц. 3 р.

А. Дистервегъ. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Обработка и предисловіе К. Ваккера. Перев. съ нѣм. А. Θ. Гретманъ. Съ предисловіемъ Д. Н. Королькова. Кн-во К. И. Тихомирова. Москва. 1914. Стр. IV+321. Ц. 1 р. 50 к.

Дж. Ант. Райнери. Педагогика въ пяти книгахъ. Съ историко-литературнымъ введениемъ д-ра Г. Б. Джерини. Перев. проф. А. Дружинина. Т. I. Кн-во К. И. Тихомирова. Москва. 1913. Стр. VI+558. Ц. 3 р.

Фрид. Фребель. Педагогическія сочиненія. Кн-во К. И. Тихомирова. Москва. 1913. Т. I. Воспитаніе человѣка. Стр. 359. Ц. 2 р. Т. II. Дѣтскій садъ. Стр. XI+581. Ц. 3 р.

В. В. Брусянинъ. Доктора и пациенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Литературно-общественныя параллели. Изданіе д-ра Б. А. Окса. Спб. 1914. Стр. IV—275. Ц. 1 р.

— Мужчина. Романъ. Разказы. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. «Московское книгоиздательство». Москва. 1914. Стр. 246. Ц. 1 р. 25 к.

Центральное мѣсто этой книги занимаетъ романъ «Мужчина», написанный очень сильно, съ большой страстностью и изобилующій многими яркими, захватывающими сценами. Изъ мелкихъ разказовъ глубокое впечатлѣніе производятъ «Они жили втроемъ». Остальные три разказа не шаблонны по замыслу и читаются съ интересомъ.

Н. Н. Шульговскій. Теорія и практика поэтического творчества. Техническія начала стихосложенія. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1914. Стр. XXIV+522. Ц. 3 р.

Изданія В. И. Губинскаго. Спб. 1912—1914 гг.:

Г. Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. М. А. Лазаревой. 3-е изданіе. Стр. 194. Ц. 75 к.

Сэръ Дж. Леббонъ. Радости жизни. Перев. Ж. Ловцовой. 4-е изданіе. Стр. 259. Ц. 80 к.

М. Вагнеръ. Справедливость. Восемь бесѣдъ. Перев. С. Леонтьевой. Стр. 59. Ц. 30 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Карлъ Смѣлый (Anne

of Geierstein). Историческій романъ. 2-е изданіе. Спб. Стр. 376. Ц. 1 р. 35 к.

М. Д. Ордынцевъ. Строитель государевъ. Историческій разказъ. Стр. 96. Ц. 35 к.—На Куликовомъ полѣ. Истор. разказъ. Стр. 32. Ц. 12 к.—Изъ Кіева на тронъ французскій. Истор. повѣсть. Стр. 96. Ц. 45 к.—Императорскій ювелиръ. Истор. повѣсть. Стр. 87. Ц. 35 к.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Заспалъ! и Попугай. Два истор. разказа. Стр. 31. Ц. 15 к.—Маленькіе работники. Истор. разказъ. Стр. 32. Ц. 12 к.—Великая сила. Стр. 30. Ц. 10 к.—Екатерина Великая на Волгѣ. Что крѣпче. Стр. 29. Ц. 12 к.—Царевъ варганисть. Никитка. Стр. 27. Ц. 15 к.

Л. Черскій. Князь Сибирскій. Кулачный бой. Стр. 30. Ц. 10 к.—Плачь Ярославны. Евпатій Коловратъ. Стр. 29. Ц. 10 к.—Богомъ данный. Боярская дума. Стр. 35. Ц. 10 к.—Въ теремѣ царицы. Стр. 47. Ц. 15 к.—Шемякинъ судъ. Стр. 20. Ц. 5 к.—Княгиня Ольга. Князь Святославъ. Стр. 38. Ц. 10 к.—Царева потѣха. Стр. 29. Ц. 10 к.—Шествіе на осляти.—Великъ день. Стр. 32. Ц. 10 к.—Скоморохи. Кружало. Стр. 35. Ц. 10 к. Историческіе разказы. Съ рисунками.

С. Манарова. Горемычные. Стр. 97. Ц. 75 к.—Волховецъ и Полиета. Стр. 40. Ц. 15 к.—Братья враги. Стр. 54. Ц. 25.—Красное Солнышко. Стр. 64. Ц. 30 к.—Ефанда. Стр. 48. Ц. 20 к. Историческіе разказы. Съ рисунками.

Л. П. Шелгунова. Ермакъ. Истор. разказъ. Съ рис. Стр. 47. Ц. 15 к.

І. Сениговъ. Мировое значеніе Царя-Наставника (Петръ Великій). Стр. 32. Ц. 10 к.

А. Е. Заринъ. Святки. Свадьба. Истор. разказы. Съ рис. Стр. 47. Ц. 15 к.

Б. Тугановъ. Батанокъ Темботъ. Повѣсть изъ временъ героической борьбы кавказскихъ горцевъ и другіе разказы. Изданіе кн-ва «Востокъ». Москва. 1913. Стр.

Антонъ Сибирякъ. Стихи. Изданіе литературнаго общества «Агс». Спб. 1914. Стр. 32. Ц. 25 к.

Н. А. Бутми. Каббала, ереси и тайны общества. Подъ редакціей Г. В. Бутми. Спб. 1914. Стр. VI+283. Ц. 1 р.

К. В. Сивновъ. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Кн-во «Энергія». Спб. 1914. Стр. 134. Ц. 85 к.

М. Н. Моваленскій. Московская политическая литература XVI вѣка. Кн-во «Энергія». Спб. 1914. Стр. 134. Ц. 85 к.

Герцонъ-публицистъ. Избранныя страницы со вступительной статьей и объясненіями Л. С. Коваловскаго. Книго-

издательство «Энергія». Спб. 1914. Стр. 142. Ц. 90 к.

Настоящая книга состоитъ изъ четырехъ частей: философско-публицистическія статьи, написанныя въ Россіи; такія же статьи Герцена-эмигранта; политическія статьи изъ «Колокола» и произведенія послѣднихъ лѣтъ. Къ каждой изъ этихъ частей приложены краткія введенія, а общая характеристика сдѣлана г. Козловскимъ во вступительной статьѣ, знакомящей съ Герценомъ, какъ общественнымъ мыслителемъ

Б. С. Пушкинъ. Описание принадлежащихъ Л. М. Савелову документовъ: 1) столбцовъ Воскресенскаго Череповецкаго монастыря, 2) столбцовъ Коряжемскаго монастыря Вологодской губ. и 3) столбцовъ разнаго содержанія Москва. 1914. Стр. 86. Ц. 40 к.

Александръ Плещеевъ. 29 разсказовъ. Т. I. Спб. 1912. Стр. 243. Ц. 1 р. 25 к.—**Разсказы.** Т. II. Спб. 1913. Стр. 228. Ц. 1 р. 25 к.—**Что вспомнилось.** Актеры и писатели. Т. III. Спб. 1914. Стр. 271. Ц. 1 р. 25 к.

А. Ренниковъ. Самостійные украинцы. Сатирическіе очерки украинскаго движенія. Спб. 1914. Стр. 83. Ц. 60 к.

Борисъ Горовскій. (Б. К. Подгурскій). Забытыя русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Съ рисунками. Библиотека «Вечернаго Времени». Изд. Б. А. Суворина. Спб. 1914. Стр. VIII+122. Ц. 2 р.

Ав. Турчиновичъ. Великій романтикъ Викторъ Гюго. Его жизнь и труды. Съ 20 рис. Спб. 1914. Стр. 141. Ц. 75 к.

П. Д. Первовъ. Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ. Москва. 1914. Стр. 583. Ц. 3 р. 50 к.

Книга г. Перова весьма полезна для начинающихъ преподавателей латинскаго языка, такъ какъ авторъ ея получилъ прекрасное филологическое образованіе и обладаетъ большимъ педагогическимъ навыкомъ.

Харьковское медицинское общество и «освободительное движеніе». Докладъ и вызванный имъ обмѣнъ мѣтвнй на засѣданіи харьковскаго русскаго собранія 8-го декабря 1913 г. Харьковъ. 1914. Стр. 48. Ц. 15 к.

И. В. Харламповичъ. Малороссійское влияніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Изданіе книжки. маг. М. А. Голубева. Казань. 1914. Стр. XXIV+878+LXVI. Ц. 7 р.

А. В. Елисеѣвъ. Картины доисторической жизни человѣка. Антропологическій очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина. «Знаніе для всѣхъ». № 2. Спб. 1914. Стр. 52. Ц. 50 к.

И. К. Антошевскій. Державный орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россіи. Спб. 1914. Стр. 61. Ц. 3 р.

Н. П. Глухаревъ. Матеріалы для исторіи города Боровска и его уѣзда. Т. I. Боровскъ. 1913. Стр. 122+III. Ц. 1 р.

Въ настоящую книгу вошли собранныя и записанныя г. Глухаревымъ легенды, обряды, обычаи, повѣрья, пословицы, поговорки, сказки, пѣсни каликъ переходящихъ и пѣсни жителей Боровска и его уѣзда. Кромѣ того, помѣщены стихотворенія, касающіяся Боровска и его уѣзда. Къ книгѣ приложены два указателя.

Н. Я. Гротъ. Платонъ Андреевичъ Кулаковскій. Очеркъ. Спб. 1914. Стр. 28. Цѣна не обозначена.

Небольшой биографическій очеркъ К. Я. Грота съ яркостью рисуетъ образъ покойнаго ученаго. Въ приложеніи данъ хронологическій списокъ научныхъ и другихъ печатныхъ трудовъ П. А. Кулаковскаго за исключеніемъ его публицистическихъ произведеній, нѣкоторыхъ рѣчей и корреспонденцій.

Временникъ Пушкинскаго дома. Спб. 1914. Стр. 77. Цѣна не обозначена.

Цѣлительныя силы организма. Популярный очеркъ научной органотерапіи, составленный на основаніи данныхъ медицинской литературы. Изданіе органотерапевтическаго института проф. д-ра Пеля и сыновей. Спб. 1914. Стр. 228. Ц. 30 к.

М. Калининъ. Что такое? Изданіе маг. М. С. Калинина. М. 1913. Стр. 40. Ц. 10 к.—**Колочки дѣйствительности.** Стр. 52. Ц. 10 к.

Гр. П. Шереметевъ. Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737 гг. Т. I. Съ 18 фототипіями, 5 цинкографіями и 2 родословными таблицами. Стр. I—416.—Т. II. Стр. 141+76+15+55. Ц. за оба тома 5 р.

Е. А. Сабантѣва. Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники. 1770—1838 гг. Предисловіе Д. А. Корсакова, редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Кн-во «Огни». Спб. 1914. Стр. XIII+172. Ц. 1 р.

Н. Н. Кашининъ. Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Съ портретами.

Подъ редакц. Б. Л. Модзалевскаго. Т. II. Спб. 1913. Стр. VI+698. Ц. за оба тома съ указателемъ 3 р.

Вл. Крайфельдъ. Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украйны. Критико-біографическій очеркъ. 3-е изданіе. Кн-во «Жизнь и знаніе». Спб. 1914. Стр. 104. Ц. 50 к.

Н. Н. Рамзевичъ. Къ изученію народной рѣчи въ Сибири. Варшава. 1914. Стр. 9. Цѣна не обозначена.

Біографическій очеркъ генерала-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 гг.). Спб. 1914. Стр. 136. Цѣна не обозначена.

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-е. Кн-во «Молодая сила». Казань. 1914. Стр. 282. Ц. 2 р.

Геонъ. Между прочимъ. Сто стихотвореній. Спб. 1913. Стр. 150. Цѣна не обозначена.

Экскурсія на Уралъ. Сборникъ статей учениковъ и преподавателей харьковскаго коммерческаго училища императора Александра III, подъ редакціей В. Е. Геркевича. Харьковъ. 1914. Стр. 103. Ц. 90 к.

Цѣль настоящаго сборника—представить впечатлѣнія участниковъ лѣтней ученической экскурсіи на Уралъ. Особенно интересны статьи учениковъ-экскурсантовъ, дающія матеріалъ для оцѣнки педагогическихъ результатовъ, достигнутыхъ экскурсіей. Книга богато иллюстрирована фотографическими снимками и полезна для будущихъ устроителей экскурсіи на Уралъ.

А. Нязевъ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, первый русскій естествоиспытатель. Спб. 1914. Стр. 110. Ц. 60 к.

И. В. Владиславлевъ. Жизнь замѣчательныхъ людей («Что читать», вып. III). Кн-во «Наука». Москва. 1914. Стр. 176. Ц. 60 к.

Систематическій указатель литературы за 1913 годъ. Библиографическій ежегодникъ. Вып. III. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Кн-во «Наука». Москва. 1914. Стр. 369. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія графа А. Голяницева-Кугузова. Спб. 1914. Т. I. Стр. XXVIII+344. Т. II. Стр. 224. Т. III. Стр. 275. Т. IV. Стр. 508. Цѣна за четыре тома 7 р.

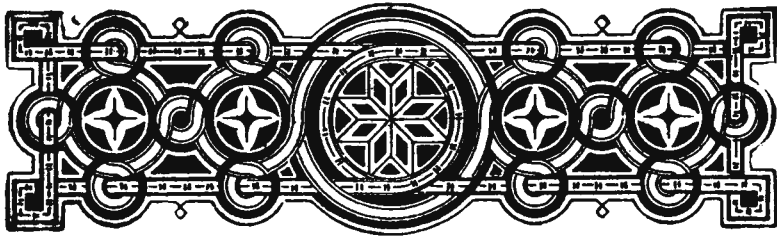
В. М. Зензиновъ. Старинные люди у холоднаго океана. Русское устье Якутской области Верхоянскаго округа. Съ рис. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Москва. 1914. Стр. 133. Ц. 75 к.

Отчетъ полтавской архивной комиссіи за 1913 г. Составилъ И. Ф. Павловскій. Полтава. 1914. Стр. 19. Цѣна не обозначена.

Emile Naumant. La culture française en Russie (1700—1900). Ouvrage couronné par l'académie des sciences morales et politiques. Deuxième édition revue et corrigée. Librairie Hachette et Cie. Paris. 1913. P. 571. 12 fr.

R. Griwing et Grosset. Chants pour les écoles. Editions du «Pédagogue». Riga, 1914. P. 66. Prix 50 cop.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НЪ ВОСПОМИНАНІИ о Жюль Вернѣ ¹⁾.—Жюль Вернѣ родился въ Нантѣ въ 1828 году. Когда его спрашивали о томъ, сколько ему лѣтъ, знаменитый писатель морщился отъ этого вопроса и отдѣлывался какой-нибудь шуткой. Его отецъ, присяжный повѣренный, предназначалъ и сына къ судебной карьерѣ и, когда будущій писатель окончилъ мѣстный коллежъ, отправилъ его въ Парижъ изучать право. Но молодого Верна тянуло не къ юриспруденціи, а къ искусству, къ театру. Вскорѣ онъ познакомился, а затѣмъ и подружился съ Дюма-отцомъ и, увлеченный его театральными успѣхами, рѣшилъ самъ написать одноактную пьеску въ стихахъ. Благодаря хлопотамъ и вліянію Дюма, эта пьеса была поставлена въ 1850 году въ «Théâtre Historique». Пьеска имѣла нѣкоторый успѣхъ и по совѣту Дюма появилась даже въ печати.

— У васъ будетъ покупатель, ручаюсь вамъ за это,—говорилъ онъ Верну.—
Этимъ покупателемъ буду я самъ.

Въ 1854 году молодой Вернѣ сдѣлался секретаремъ «Лирическаго театра», которымъ управлялъ тогда директоръ театра «Комической Оперы» Эмиль Перренъ. Продолжая увлекаться театромъ, Вернѣ сталъ писать либретто для оперетокъ и самостоятельныя вещицы, которыя ему перекладывалъ на музыку его землякъ Аристидъ Гиньяръ, даровитый, но не пріобрѣтшій себѣ извѣстности музыкантъ.

Работы для театра оплачивались скудно, приходилось зарабатывать деньги другимъ путемъ, и Жюль Вернѣ принялъ мѣсто биржевого агента въ

¹⁾ «Le Temps», № 17239.

извѣстномъ въ пятидесятыхъ годахъ банкирскомъ домѣ Фернанъ Эгли. Это мѣсто онъ занималъ нѣсколько лѣтъ. Оно дало ему возможность пріобрѣсти большія знакомства, въ родѣ извѣстнаго директора «Crédit foncier» Валлю, Кардальяка, директора театра Водевиль. Вернь умѣлъ расположить всѣхъ въ свою пользу, благодаря своему остроумію, не лишенному язвительности, и веселому общительному нраву. Параллельно съ этимъ увеличивался и кругъ его литературныхъ знакомствъ.

— Друзья мои,—заявилъ однажды на биржѣ Вернь,—скоро мнѣ придется разстаться съ вами. Я написалъ романъ, совершенно оригинальный. Форма этого романа придумана мною. Если онъ будетъ имѣть успѣхъ, то у меня будетъ золотое дно. У меня есть предчувствіе, что я заработаю массу денегъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора въ журналѣ «Magasin d'éducation» началось печатаніе перваго романа Верна «Пять недѣль на аэростатѣ».

Романъ имѣлъ колоссальный успѣхъ и въ скоромъ времени былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки.

Съ этого момента Жюль Вернь аккуратно каждый годъ выпускалъ по роману, что всегда сопровождалось прежнимъ успѣхомъ.

Въ 1872 году появился самый лучший изъ его романовъ «Путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней». Первоначально романъ этотъ печатался въ фельетонѣ газеты «Le Temps». Когда онъ былъ напечатанъ, одинъ изъ друзей Верна предложилъ передѣлать этотъ романъ въ пьесу и познакомилъ его съ специалистомъ по такого рода передѣлкамъ нѣкимъ Эннери.

8-го ноября 1874 года передѣлка была поставлена на сцену и имѣла шумный успѣхъ. Черезъ два года подвергся передѣлкѣ и другой романъ Верна «Михаилъ Строговъ». Пьеса шла на сценѣ самаго большого изъ парижскихъ театровъ «Châtelet». Она выдержала четыреста представленій подъ рядъ и дала автору полтора милліона франковъ чистаго дохода.

Литературная карьера Верна была сдѣлана.

По описанію близкихъ друзей, Вернь былъ средняго роста, худой и широкоплечій... «У меня бретонское тѣлосложеніе», говаривалъ онъ про себя. Длинное лицо оживлялось быстрыми насмѣшливыми глазами. Ноздри тонко очерченнаго носа постоянно раздувались, съ губъ не сходила веселая улыбка. Обильные каштановые волосы слегка вились. Вернь носилъ усы и бороду.

Общительный и веселый, онъ въ сношеніяхъ съ людьми проявлялъ, однако, какую-то странную недовѣрчивость. Иногда ему становилось самому неловко отъ этой невольной подозрительности къ людямъ.

— Это у меня остатки провинціального духа,—объяснялъ онъ.—Я въ Парижѣ чувствую себя провинціаломъ, а въ провинціи парижаниномъ.

Парижъ тяготилъ его.

«Здѣсь нельзя работать,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей.—Этотъ городъ слишкомъ дѣйствуетъ на мои нервы. Нельзя ни одной минуты быть вполне спокойнымъ. Кончено, уѣзжаю въ провинцію».

И дѣйствительно, онъ скоро уѣхалъ изъ Парижа и поселился сначала въ родномъ Нантѣ. Послѣ женитьбы Вернь перебрался въ Амьень, гдѣ и жилъ до самой смерти.

Писатель велъ очень скромный и тихій образъ жизни, отличался большимъ домосѣдствомъ и почти не имѣлъ знакомствъ. Лишь въ концѣ жизни онъ завелъ себѣ яхту, на которой иногда плавалъ вдоль береговъ Бретани, отваживаясь кое-когда добираться и до Англии.

— Вы плаваете только по вашей чернильницѣ,—смѣялись надъ нимъ друзья.

Но Вернъ только отшучивался, говоря, что гораздо удобнѣе предоставлять другимъ претерпѣвать неудобства путешествій и пользоваться только ихъ плодами, чѣмъ развѣзжать самому по бѣлу свѣту.

Но вотъ, однажды, старый домосѣдъ явился къ своимъ друзьямъ съ гордымъ побѣдоноснымъ видомъ.

— Я только что вернулся изъ путешествія,—началъ онъ.—Угадайте, откуда?

— Откуда? Да, конечно, изъ Амьена...

— Изъ Америки, милостивые государи, изъ Америки. Я провелъ тамъ двѣ недѣли. Но, знаете ли, то, что я тамъ видѣлъ собственными глазами, далеко уступаетъ въ точности тому, что мнѣ приходилось читать. Право, не стоитъ путешествовать.

И отважный путешественникъ по морямъ и по лѣсамъ, спускавшійся къ центру земли и взбравшійся на сѣверный полюсъ, съ этого времени еще безвыѣзднѣ засѣлъ въ своей виллѣ.

— Гете и баронесса фонъ-Штейнъ.—Какъ извѣстно, Гете во время пребыванія въ Веймарѣ увлекался женою шталмейстера герцога веймарскаго, баронессою фонъ-Штейнъ, но была ли между ними интимная близость—оставалось неяснымъ.

Отношенія поэта и аристократки долго возбуждали любопытство его поклонниковъ и современниковъ. Даже теперь этотъ вопросъ время отъ времени вызываетъ споры.

Въ мартовской книгѣ «Revue des deux Mondes» этого вопроса касается Е. Сельеръ. На основаніи писемъ Гете къ баронессѣ Штейнъ, переписки послѣдней съ Циммерманомъ, трудовъ біографовъ Гете и другихъ источниковъ онъ написалъ статью, гдѣ приводитъ различные доводы за и противъ интимной ихъ связи.

Десятилѣтняя близость Гете и баронессы фонъ-Штейнъ обнаружилась изъ писемъ поэта къ ней, которыя были напечатаны въ срединѣ прошлаго вѣка. Когда ея потомки издали эти письма, поклонники Гете были поражены его преклоненіемъ передъ этой аристократкой, его обожаніемъ, доходившимъ до самоуниженія и полного ей подчиненія.

Не только въ Германіи, но и во всей Европѣ поклонники вознесли Гете на такой высокій пьедесталъ, что громадная умственная разница между нимъ и этой свѣтской женщиной не могла ускользнуть отъ вниманія общества, и, однако, сложилось мнѣніе, что именно она имѣла рѣшающее вліяніе на моральную эволюцію «патріарха романтической литературы въ Европѣ».

¹⁾ Goethe et Charlotte de Stein. Par E. Seillière. «La Revue de deux Monde» 1 Mars 1914.

Ихъ отношенія заставили публицистовъ истребить не мало чернилъ, но это не привело къ окончательному выводу. Большинство писемъ написано между 1776—1778 гг.—періодъ ихъ самой интимной близости. Остальныя письма относились къ позднѣйшему періоду дружбы, длившейся сорокъ лѣтъ. Историкамъ оставалось лишь сожалѣть, что баронесса въ пылу ссоры съ Гете, вызвавшей между ними разрывъ, потребовала отъ него свои письма обратно и сожгла ихъ.

Рѣшеніе этого вопроса основывается на трехъ письмахъ, вѣрнѣе, фразахъ, хотя утверждать положительно въ ту или другую сторону никто не рѣшается.

Поклонники Гете инстинктивно не симпатизировали этой женщинѣ, деспотически овладѣвшей душою поэта. Его англійскій біографъ Льюисъ изображалъ баронессу бездушнѣйшей кокеткой, долго мучившей Гете своимъ упорствомъ, что парализовало на нѣкоторое время его поэтическій геній. Адольфъ Шгаръ, Робертъ Келль и другіе отрицали ея добродѣтель и порицали ея характеръ. Но у нея нашелся и защитникъ въ лицѣ Генриха Дентцера, который построилъ свою защиту на ея письмахъ къ младшему сыну Фрицу Штейну. Подъ вліяніемъ Дентцера, къ ней стали относиться снисходительнѣе. Но недавно берлинскій профессоръ Энгель вернулся къ этому эпизоду, и на баронессу снова посыпались нападки.

Энгель любитъ Гете, какъ самаго великаго поэта своей родины. Онъ съ горечью сожалѣетъ, что Гете не оставался всю жизнь до-веймарскимъ чело-вѣкомъ, корифеемъ перваго романтическаго поколѣнія въ Германіи, вѣрнымъ эстетическимъ и моральнымъ традиціямъ періода «бурь и стремленій». Виною этому онъ считаетъ эту аристократку, убившую въ немъ большую часть поэта въ пользу царедворца со свѣтскими манерами, съ знаніемъ свѣта и свѣтскихъ приличій. Если въ Гете сохранился остатокъ поэта, то лишь благодаря маленькой цвѣточницѣ Христинѣ Вульпіусъ, бывшей восемнадцать лѣтъ его домоправительницей и любовницей, а впоследствии ставшей его женою.

Баронесса Шарлотта фонъ-Штейнъ, которую Гете любилъ такъ сильно, какъ «никогда ни одинъ великій чело-вѣкъ не любилъ ни одной смертной», происходила изъ неродовитой дворянской семьи, хотя уже насчитывавшей два поколѣнія царедворцевъ. Родилась она въ 1742 году. Ея отецъ, баронъ фонъ-Шардтъ, не отличался умомъ, хотя и считался почтеннымъ чело-вѣкомъ. Онъ промоталъ состояніе жены и запуталъ свои дѣла, удовлетворяя двумъ своимъ слабостямъ: маніи къ представительству и къ собиранію предметовъ искусства. У него были нѣкоторыя странности. Между прочимъ, старый веймарскій царедворецъ не желалъ показаться за великогерцогскимъ столомъ морщинистымъ старикомъ и придумалъ слѣдующее средство. Онъ приказалъ подтянуть себѣ кожу черепа на затылокъ и, собравъ ее, связать подъ парикомъ.

Изъ одиннадцати чело-вѣкъ дѣтей у него осталось въ живыхъ трое. Шарлотта была старшей дочерью. Она унаслѣдовала отъ матери, шотландки по происхожденію, серьезныя наклонности. Шестнадцать лѣтъ юная аристократка была принята фрейлиной къ герцогинѣ-регентшѣ. Она носила на рукахъ находившагося еще въ колыбели будущаго друга и покровителя Гете герцога Карла-

Августа. Положеніе фрейлины при герцогинѣ съ взбалмошнымъ характеромъ заставило ее выработать въ себѣ сдержанность, самообладаніе и хладнокровіе. Это наложило на ея настоящія чувства маску любезности, которую впоследствии усвоилъ и Гете.

Казалось бы, что поэтъ могъ любить только одно красивое, но это ошибочное мнѣніе. Еще юношей онъ писалъ сестрѣ изъ Лейпцига: «Что касается красоты, то она меня не трогаетъ, и, право, всѣ мои знакомыя скорѣе добры, чѣмъ красивы».

Современники даютъ различныя описанія наружности Шарлотты. Достоверно одно, что она была маленькаго роста. Докторъ Циммерманъ, бывшій посредникомъ между Гете и Шарлоттой при первомъ ихъ знакомствѣ, упоминаетъ, что у Шарлотты очень румяныя щеки, черные волосы, цвѣтъ кожи итальянскій. Ея громадныя черныя глаза, также итальянскіе, очень красивы. Голосъ ея очень нѣженъ. Она вполне обладаетъ придворными манерами, облагороженными рѣдкой простотой. Шарлотта отличалась набожностью. Трудно было предположить, видя, какъ она танцуетъ характерныя танцы, что около полуночи, среди ночной тиши, при лунномъ свѣтѣ, ея душа переполняется божественнымъ восторгомъ. Ей немного болѣе тридцати лѣтъ, у нея было много дѣтей, и теперь ея нервы ослабли. «Она нѣсколько худощава и вся ея внѣшность изящно проста», прибавляетъ Циммерманъ.

Братья Штальбергъ, бывшіе въ Веймарѣ въ концѣ 1773 года, говорятъ только, что она красива и очаровательна. Напротивъ, Шиллеръ увѣрялъ, что она никогда не была красива. Но онъ видѣлъ ее, когда ей исполнилось сорокъ пять лѣтъ и она находилась въ большомъ горѣ вслѣдствіе отъѣзда Гете въ Италію. Энгель, не говоря объ ея внѣшности, замѣчаетъ только, что Гете всегда предпочиталъ въ женщинѣ не красоту, а «выразительность, миловидность и доброту».

Двадцати двухъ лѣтъ Шарлотта вышла замужъ за барона фонъ-Штейнъ-Кохберга. Онъ былъ старше ея семью годами и довольно богатъ. Вслѣдствіе его доходы увеличились, когда онъ сдѣлался шталмейстеромъ веймарскаго двора. Шарлотта не была съ нимъ вполне счастлива, судя по ея письму къ младшему сыну. Она признавалась, что въ молодости мечтала не о такомъ мужѣ. Къ тому же баронъ былъ умственно ненормаленъ. Когда онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ болѣзни мозга, эта болѣзнь не поразила Шарлотту неожиданностью. «Я часто сердилась,—говоритъ она,—на непослѣдовательность въ сужденіяхъ и поступкахъ бѣднаго Штейна. И что же оказалось: когда послѣ его смерти вскрыли ему черепъ, то нашли, что въ мозгъ вдавилась маленькая косточка. Эту аномалію объяснили однимъ несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ съ нимъ въ юности».

Поведеніе Штейна относительно Гете, съ которымъ онъ былъ друженъ, и своей жены, можетъ показаться страннымъ. Онъ игралъ роль посредника въ ихъ ссорахъ и передавалъ Гете приглашеніе кататься съ нею наединѣ.

У Шарлотты въ теченіе девяти лѣтъ было четыре дочери и три сына. Частые роды отразились на ея здоровьѣ, и въ 1773—1774 г.г. она отправилась на пирминскія воды, гдѣ познакомилась съ докторомъ Циммерманомъ. Онъ на-

писалъ нѣсколько философскихъ сочиненій и находился въ сношеніяхъ со всѣми нѣмецкими мыслителями. Баронесса его очаровала.

Поэтъ Кнебель, прѣхавъ въ 1774 году въ Веймаръ, сдѣлалъ визитъ Гете. Вслѣдъ за тѣмъ онъ видѣлся съ Шарлоттой и разговаривалъ съ нею о поэтѣ. Послѣ этого визита она написала Циммерману, спрашивая у него нѣкоторыя подробности о Гете, и выразила желаніе видѣть его.

— Вы желаете, — отвѣтилъ Циммерманъ, — видѣть Гете? Но вы со-всѣмъ не думаете, на что вы идете. Вы просите познакомить васъ съ нимъ, а вы не знаете, насколько этотъ обворожительный человѣкъ можетъ стать для васъ опаснымъ. Это великій геній, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасный человѣкъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Циммерманъ опять поднялъ вопросъ о Гете и сказалъ ей, что въ Страсбургѣ онъ показалъ Гете ея силуэтъ. Поэтъ собственно-ручно надписалъ на немъ: «Было бы любопытно видѣть, какъ отражается міръ въ этой душѣ».

Нѣсколько дней спустя, въ началѣ ноября 1775 года, поэтъ встрѣтился съ Шарлоттой въ Веймарѣ. Впечатлѣніе, произведенное ими другъ на друга, было сильное. Однако аристократкѣ, вращавшейся въ придворномъ обществѣ, пришлось пережить не мало горькихъ минутъ прежде, чѣмъ ей удалось выучить Гете, по его выраженію, «видѣть ясное міръ», т. е. наложить свѣтскій лоскъ на «геніальное чудовище».

Геніальная фамильярность Гете не знала предѣловъ, и онъ съ самаго начала знакомства сталъ говорить ей «ты». Ея мать была возмущена безцеремонностью поэта.

«Я его предупреждала самымъ мягкимъ тономъ, — писала Шарлотта Циммерману, — чтобы онъ не дѣлалъ этого, потому что другіе истолкуютъ это иначе, чѣмъ я».

Помимо этого Гете пренебрегалъ многими другими приличіями. Когда баронесса замѣтила ему объ этомъ, онъ вскочилъ съ дивана и объявилъ, что уходить, потомъ сталъ бѣгать взадъ-впередъ, разыскивая свою трость, и, не отыскавъ ее, ушелъ, не простившись.

Поведеніе этого Unmensch довело Шарлотту до того, что она боялась съ нимъ встрѣтиться у Виланда, куда должна была сопровождать герцогиню-мать. Все въ Гете возмущало Шарлотту: его манеры, привычка произносить проклятія, грубыя народныя выраженія. Гете заразилъ этими привычками самого герцога. Однажды герцогъ высказалъ Шарлоттѣ, что всѣ воспитанные люди съ хорошими манерами не заслуживаютъ имени честныхъ людей. Онъ дошелъ до того, что переносилъ только тѣхъ людей, у которыхъ было некультурное обращеніе.

«Гете и я никогда не будемъ друзьями, — писала баронесса Циммерману. — Его обращеніе съ нашимъ поломъ мнѣ тоже не нравится. Онъ недостаточно сдержанъ съ женщинами».

Вскорѣ, однако, для нея стало ясно, что ихъ отношенія приняли странный характеръ. Послѣ того, какъ Гете убѣждалъ, не прощаясь съ нею, онъ вернулся къ ней «полный любви».

Она стала относиться къ нему уже снисходительнѣе.

«Когда онъ здѣсь, то всегда находится возлѣ меня», прибавляла Шарлотта.

Со своей стороны, Гете взялъ себя въ руки. Вилландъ, прежній воспитатель герцога, несмотря на некультурное поведеніе поэта, симпатизировалъ ему. Онъ говорилъ, что въ его мизинцѣ болѣе знанія свѣта и умѣнія вести себя, чѣмъ у царедворцевъ во всей ихъ тучной фигурѣ. Вилландъ не ошибся. «Я хочу стать господиномъ самого себя», писалъ Гете Шарлоттѣ, и дѣйствительно принялся работать надъ собою. Вскорѣ онъ вполне могъ владѣть собою.

Это отразилось на всѣхъ его лирическихъ произведеніяхъ того времени. Онъ приобрѣлъ привычку не только углубляться во внутренній міръ челоуѣка, но также останавливаться и на внѣшней оболочкѣ, чего прежде не дѣлалъ.

Находясь въ замкѣ графа Вертера, онъ сообщаетъ Шарлоттѣ, что графиня напоминаетъ ему любимую женщину, благодаря которой, онъ постигъ теперь смыслъ словъ «свѣтъ», «большой свѣтъ» и талантъ «быть свѣтскимъ».

До сихъ поръ онъ не понималъ этого потому, что большинство людей не только не облегчали ему рѣшеніе этой задачи, а, напротивъ, затемняли ея смыслъ. «Эта маленькая особа, — писалъ онъ о графинѣ, намекая на Шарлотту, — явилась меня просвѣтить».

Гете провель пять лѣтъ въ Веймарѣ, оставаясь съ баронессой лишь въ духовной близости. Но вотъ на его пути появилась лирическая актриса Корона Шретеръ. Министръ Гете упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о частыхъ съ нею встрѣчахъ. Противники Шарлотты увѣряютъ, что она отдалась ему изъ ревности къ этой опасной соперницѣ, съ цѣлью прочнѣе держать его въ своихъ рукахъ. Со времени его пребыванія у графа Вертера въ ихъ отношеніяхъ, судя по письмамъ, дѣйствительно произошла какаѣ-то перемѣна. Его письма уже не были такими пылкими и порывистыми, но зато въ нихъ замѣчалось болѣе довѣрія.

Почему баронесса не выдержала роли добродѣтельной женщины до конца, какъ увѣряютъ ея враги, и отдалась Гете по его возвращеніи, отвѣтъ на этотъ вопросъ надо искать въ дальнѣйшихъ письмахъ.

Среди позднѣйшей ихъ переписки находятся три письма, за которыя, какъ за обвинительные документы, ухватились ея враги. Они нашли въ нихъ подозрительныя фразы. Судя по этимъ письмамъ, роль змѣя искусителя сыграла весна 1781 г. Одно изъ нихъ написано Гете 27-го марта по поводу прогулки съ баронессой въ экипажѣ. Здѣсь среди другихъ фразъ находится слѣдующая: «Мы еще никогда не проводили вмѣстѣ такой прекрасной весны. Если бы можно было не знать осени».

На другой день послѣ ихъ прогулки Гете написалъ: «Не могу сказать и не могу понять, какую революцію произвела твоя любовь въ самой глубинѣ моей души. Такого состоянія я еще не зналъ».

Затѣмъ въ то же утро онъ прислалъ еще одно письмо. Оно незначительно по своему содержанію, но послѣдняя его фраза давала оружіе ея врагамъ.

Въ ней Гете выражалъ желаніе, чтобы ими была дана какаѣ-нибудь взаимная клятва.

Письма Гете, написанныя весною 1781 г. сильно скомпрометировали баронессу и подняли шумъ въ Германіи. Позднѣйшіи ея историкъ, Энгель, защищаетъ

ее отъ нападокъ, ссылаясь на холодность ея натуры и на ея осмотрительность. Онъ замѣчаетъ, что Гете былъ человѣкомъ чести и никогда не допускалъ адюльтера въ своей жизни.

Шиллеръ подтверждалъ, что при веймарскомъ дворѣ царило единодушное мнѣніе, что отношенія Шарлотты и Гете были чисто платоническія.

Авторъ статьи въ «Revue de deux Mondes» Сельеръ ссылается на свидѣтельство самого Гете въ «Исповѣди прекрасной души» въ томъ мѣстѣ, гдѣ героиня устояла предъ Нарциссомъ.

Несмотря на эту защиту, Шарлотта не избѣгла нареканій. Энгель, хотя и не отрицаетъ ея супружеской вѣрности, однако упрекаетъ ее, что она отдала все Гете, исключая себя, и чрезъ это совершила духовный адюльтеръ. Сельеръ старается найти Шарлоттѣ извиненіе въ сентиментальныхъ нравахъ той эпохи, навѣянныхъ Руссо и англійскими романами, введенными въ Германію въ срединѣ XVIII вѣка. Гете переписывался ранѣе съ молодой дѣвушкой Августой Штольбергъ и также обращался къ ней на «ты». Онъ говорилъ «ты» и супругамъ Рестнеръ, Ветцларамъ, а впоследствии Вильмерамъ. Сельеръ не возбраняетъ Гете, какъ человѣку гениальному, нѣкоторыя фамильярности и вольности. Отношенія его къ баронессѣ держались, по его мнѣнію, на моральной почвѣ, и въ письмахъ нигдѣ нельзя найти ни слова о физической его близости къ ней.

Итакъ, отношенія Гете и Шарлотты Штейнъ продолжаютъ оставаться не выясненными. Не совсѣмъ выяснена и причина ихъ первой размолвки.

Дентцеръ въ своемъ трудѣ «Шарлотта фонъ-Штейнъ и Корона Шретеръ» объясняетъ причину ссоры тѣмъ, что Гете, вопреки желанію Шарлотты, хотѣлъ продать свой садъ.

Изъ писемъ, писанныхъ Гете послѣ ссоры, видно, что гроза шла со стороны Шарлотты. Онъ спрашивалъ ее, что съ нею, нѣтъ ли у нея чего-нибудь на душѣ? «Единственный интересъ моей жизни быть искреннимъ съ тобою», писалъ онъ, между прочимъ.

Эта ссора очень взволновала Гете. «Только бы скорѣе проходило такое состояніе,—писалъ онъ.—Я не могу плакать и не знаю, что дѣлать съ собою». Въ ихъ примиреніи участвовалъ, какъ всегда, мужъ Шарлотты.

10-го сентября 1782 года онъ написалъ Шарлоттѣ, отправлявшейся въ Кохбергъ, поэму, гдѣ говорилъ, что съ нею удаляется не только любовь, но и добродѣтель. Меня увлекаютъ страсти и легкомысліе. Ангель хранитель, приди ко мнѣ на помощь».

Въ 1782 году Шарлотта была въ зенитѣ своей власти надъ сердцемъ Гете. Но въ слѣдующемъ году въ поэтѣ безсознательно подготовлялся разрывъ, причина котораго скрывалась, быть можетъ, именно въ продолжительныхъ платоническихъ отношеніяхъ и появленіи на пути Гете Х. Вольпіусъ. Изъ нѣкоторыхъ писемъ, написанныхъ Гете за четыре года до его отъѣзда въ Италію, Сельеръ извлекаетъ кое-какіе намеки на это.

Гете, между прочимъ, пришлось принять на себя заботы объ одной французкѣ, бывшей когда-то въ связи съ младшимъ братомъ герцога, принцемъ Константиномъ Веймарскимъ, который сблизился съ нею въ Парижѣ, а потомъ бросилъ ее беременной. Тогда она пріѣхала въ Веймаръ, но принцъ отка-

зался ее принять. Бѣдная женщина безъ всякихъ средствъ, въ отчаяніи бросилась къ министру Гете, умоляя его помочь ей.

Это напомнило ему о Шарлоттѣ, и онъ сдѣлалъ для французки, что могъ, а потому, когда она совершенно оправилась, отправилъ ее въ Парижъ.

Труды баронессы фонъ-Штейнъ въ дѣлѣ моральнаго воспитанія Гете не пропали даромъ. Всѣ замѣтили въ Гете-министрѣ этотъ моральный прогрессъ.

О своемъ положеніи въ качествѣ министра онъ писалъ матери 11-го августа 1781 года: «Меркъ и другіе выносятъ безусловно ошибочное мнѣніе о моемъ служебномъ положеніи. Они видятъ только жертвы, принесенныя мною, чтобы его сохранить. Но они не видятъ того, что я здѣсь выигрываю. Антагонизмъ между буржуазной узкой атмосферой, мелочной, унылой жизнью и пылкимъ порывомъ моей натуры помутилъ бы мой разумъ. Несмотря на мое живое воображеніе, я никогда не узналъ бы свѣта, навсегда остался бы ребенкомъ и сталъ бы ненавистенъ и другимъ и самому себѣ».

— Родоначальники современнаго феминизма ¹⁾.— Въ рядахъ революціонныхъ знаменитостей конца XVIII вѣка стоятъ на почетномъ мѣстѣ имена трехъ женщинъ: Теруанъ де-Мерикуръ, Олимпіи де-Гужъ и Розы Лакомбъ. Историки социальныхъ переворотовъ считаютъ ихъ родоначальницами современнаго феминизма. Наиболѣе извѣстная изъ нихъ, Теруанъ де-Мерикуръ называлась Анна Жозефина. Отецъ ея Пьеръ Теруанъ происходилъ изъ мѣстечка Маркуръ въ Люксембургскомъ округѣ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, дѣятельное участіе, которое обыкновенно связывается съ ея именемъ, когда говорятъ о взятіи Бастиліи и о походѣ парижскихъ женщинъ на Версаль, оказывается, если не легендой, то во всякомъ случаѣ сильно преувеличеннымъ. Молва о томъ, что Теруанъ способствовала рѣшительной побѣдѣ народа, возникла еще при ея жизни. За это она поплатилась арестомъ въ Бельгіи и продолжительнымъ заключеніемъ въ австрійской крѣпости Куфштейнѣ. Наряженное надъ ней слѣдствіе показало, однако, что предъявленныя противъ нея обвиненія неосновательны. Король бельгійскій Леопольдъ II приказалъ выдать ей 600 гульденовъ и разрѣшилъ ей вернуться въ Брюссель. Вопреки Мишле, Гонкуру и другимъ историкамъ, изображавшимъ эту женщину то какой-то героической красавицей, то лучезарной Пентезилаей, Анна Теруанъ на самомъ дѣлѣ была самымъ зауряднымъ, пришибленнымъ нуждою существомъ. Въ началѣ революціи она служила библіотекаршей въ клубѣ кордильеровъ и одно время была очень близко къ нашему графу П. А. Строганову, увлекавшемуся въ этотъ періодъ своей жизни французскимъ освободительнымъ движеніемъ. Разгоравшіяся политическія страсти захватили и ее: она стала выступать на митингахъ, и Камилль Демулэнъ расхваливалъ въ своей газетѣ ея революціонныя рѣчи. Онъ превозносилъ ее до небесъ, главнымъ образомъ, за то, что въ своихъ рѣчахъ она поднимала вопросъ о равноправности половъ, о политическомъ уравниеніи женщинъ съ мужчинами. Эти рѣчи сдѣлали изъ никому неизвѣстной сироты, нанявавшейся за кусокъ хлѣба

¹⁾ «Neue Freie Presse» № 17799.

пасти деревенское стадо, родоначальницу современного женскаго движенія, *auteur du féminisme*, какъ называютъ ее французскіе историки.

Другая женщина, прославившаяся при революціи,—Олимпія де-Гужъ, которая на самомъ дѣлѣ называлась Маріей Гужъ, а по мужу Обри. Мишле не разъ цитируетъ ея крылатыя слова: «Если женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ, то она должна имѣть право всходить и на трибуну». Эти слова вошли потомъ въ видѣ отдѣльнаго параграфа въ составленную ею книжку «Декларация о правахъ женщины и гражданки», явившуюся какъ бы дополненіемъ къ извѣстной «Декларации правъ человѣка и гражданина». «Женщина родится свободной и равноправной съ мужчиной», такъ начинается эта декларация. «Законъ долженъ быть выраженіемъ воли всѣхъ», гласитъ § 6 этой декларации. «Всѣ гражданки и граждане должны лично или черезъ представителей работать надъ его составленіемъ».

Таковы были требованія, заявленныя этими ранними суфражистками еще въ 1791 г. Маріи Гужъ было въ это время уже сорокъ три года. Невольный бракъ, полный непріятностей и несчастій, закончившійся для нея бѣгствомъ отъ мужа, материнство, любовныя приключенія, литературныя успѣхи—все это было въ это время уже пережито. Репутація ея, какъ женщины, была не изъ хорошихъ. Нѣкоторое время, изъ жалости къ арестованному королю, она была роялисткой. Ставъ затѣмъ ревностной республиканкой, она не поколебалась, однако, написать въ 1793 г. письмо къ президенту конвента, умоляя его во имя человѣколюбія и политической мудрости спасти несчастнаго Людовика XVI. «Олимпія выставила свою кандидатуру на гильотину», говорили тогда въ клубахъ. Предсказаніе это оправдалось. Не прошло и году, какъ ее возвели на эшафотъ. Умерла она мужественно и съ достоинствомъ, загладивъ этимъ грѣхи своей молодости.

Теруанъ и Олимпія могутъ быть названы представительницами средняго революціоннаго теченія. Представительницей крайнихъ лѣвыхъ, извѣстныхъ въ то время подъ кличкой бѣшеныхъ, «*engagés*», является Роза Лакомбъ. И она не избѣгла общей участи и перешла въ исторію въ неправильномъ освѣщеніи. Начать съ того, что ее звали въ дѣйствительности не Роза, а Кларой. Переименованіе ея возникло такимъ образомъ. Въ сентябрѣ 1793 г. въ «*Gazette Française*» появилась агитаціонная статья, подписанная «*Femme Lacombe*». Тогдашній историкъ революціи Лертюлье нашелъ, что эта подпись некрасива, и, цитируя статью, сталъ называть автора «Роза Лакомбъ». Съ этимъ именемъ революціонная героиня перешла на страницы исторіи Ламартина, Мишле, а за нимъ и другихъ историковъ.

Отличавшаяся миловидностью и даромъ краснорѣчія, Лакомбъ была сначала провинціальной актрисой. Пріѣхавъ въ 1792 году въ Парижъ, она явилась въ конвентъ и подала петицію, начинавшуюся такими словами: «Законодатели! Передъ вами французженка, артистка, не имѣющая мѣста!» Просьба ея заключалась въ томъ, чтобы ей позволили поступить въ войска и сражаться противъ деспотизма. Просьба эта не заключала ничего страннаго, ибо во французской арміи того времени было нѣсколько женщинъ, удостоенныхъ боевыхъ отличій. Такъ, въ арміи Дюмурье прославились сестры Фернигъ. Въ битвѣ при Жемаппѣ

отличились «канонирь Екатерина Пошеля» и «канонирь гражданка Дюльерь». Для сраженій на улицах этимъ амазонкамъ изготовлялись пики особаго образца, болѣ легкія, чѣмъ у мужчинь.

Лакомбъ была президентомъ клуба «революціонныхъ женщинъ» и пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ Парижѣ. Въ торжественной процессіи, сопровождавшей тѣло убитаго Марата, ей было отведено самое почетное мѣсто. Но въ революціонномъ вихрѣ и это не спасло ее отъ тюрьмы. Робеспьеръ, по-видимому, изъ ревности къ своему счастливому сопернику Жаку Ру, бросилъ ее въ Люксембургскій дворець, превращенный тогда въ тюрьму, страшное мѣсто, откуда гильотина выхватывала свои жертвы десятками. Въ августѣ 1795 года ее освободили, и бумага, возвращавшая ей свободу, оказалась послѣднимъ ея слѣдомъ въ исторіи. Съ наступившимъ успокоеніемъ этой героинѣ площадей дѣлать было нечего: она исчезла безслѣдно, и историки предполагаютъ, что она вернулась туда, откуда вышла,—на провинціальную сцену.

Французскій феминизмъ XVIII вѣка погибъ въ борьбѣ съ Робеспьеромъ. Чѣмъ болѣе ослабѣвало вліяніе энциклопедистовъ, которое замѣтно сказывалось въ началѣ революціи, тѣмъ сильнѣе сталкивались революціонные принципы съ начатками феминизма. «Гора» и Наполеонъ были одинаково враждебны феминизму. 30-го октября 1793 года конвентъ издалъ декретъ: «Женскіе клубы и женскія общества всякихъ направленій воспрещаются». Черезъ мѣсяць парижская коммуна постановила, что женщины не могутъ быть избираемы въ члены депутацій. Сень-Жюсть считаетъ, что женщины должны только украшать всякія національныя празднества, а въ клубѣ якобинцевъ одинъ изъ приверженцевъ Робеспьера, Дюфурни, заявляетъ: «Женщина есть одѣяніе мужчины. Для чего же одѣянію заниматься политикой».

Говоря о зачаткахъ феминизма, Мишле замѣчаетъ: «Этотъ огромный социальный вопросъ былъ случайно погушенъ». Но уничтоженіе женскихъ клубовъ было не случайностью, а естественнымъ результатомъ того движенія, которое складывало дорогу реакціи и Наполеону.

— П а р и ж ъ в ъ 1814 г о д у.—Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Фигаро» напечатанъ доселѣ неизвѣстный дневникъ нѣкоего Томаса Ундервуда, англичанина, посѣтившаго Парижъ незадолго до окончательнаго паденія Наполеона.

«8-го марта,—пишетъ Ундервудъ,—въ восьмомъ часу вечера я вѣхалъ въ Парижъ черезъ ворота въ Пасси. Меня немедленно остановилъ часовой и пригласилъ въ кордегардію, чтобы осмотрѣть мои бумаги. Я поспѣшилъ было опустить руку въ свой лѣвый карманъ, но офицеръ, командовавшій отрядомъ національной гвардіи, сказалъ: «не нужно». Я не имѣлъ еще случая произнести хоть слово, поэтому никто не подозрѣвалъ, что я англичанинъ. Между заставой и мостомъ былъ устроенъ второй рядъ загражденій, стояли двѣ пушки и ходилъ часовой.

«15-го марта вечеромъ я видѣлъ нѣсколько больныхъ и раненыхъ солдатъ, валявшихся на улицѣ Рошуаръ. Ихъ привезли на телѣгахъ изъ Бри, но за недостаткомъ мѣста ихъ не приняли ни въ одинъ госпиталь. Крестьяне, набранные для того, чтобы ихъ сопровождать, бросили ихъ здѣсь и уѣхали на своихъ телѣгахъ обратно. Жители улицы, особенно бѣдные, выказывали большое со-

страданіе къ несчастнымъ солдатамъ и въ концѣ концовъ пріютили ихъ у себя.

«Не разъ въ Парижѣ слышенъ былъ гулъ артиллерійскихъ выстрѣловъ со стороны обѣихъ сражавшихся армій. Чтобы подавить панику, 26-го марта въ газетахъ было официально объявлено, что это стрѣляетъ во рву около Венсенна національная гвардія, обучающаяся артиллерійской стрѣльбѣ.

«Каждый день около воротъ С.-Мартенъ собиралась большая толпа безработныхъ въ ожиданіи плѣнныхъ, которыхъ обыкновенно приводили черезъ эти ворота. Отряды, шедшіе на соединеніе съ арміей, курьеры, безпрестанно летавшіе то туда, то сюда,—все это возбуждало любопытство толпы. До 26-го эти собранія происходили безпрепятственно, но съ этого дня національной гвардіи было приказано разсѣивать толпу, которая, впрочемъ, послушно расхилялась.

«Во Франціи прямыя налоги уплачиваются ежемѣсячно. Если этотъ порядокъ измѣняется, то заключается особая сдѣлка съ сборщиками. Въ февралѣ они ежедневно собирали не менѣе семидесяти тысячъ франковъ, но въ мартѣ ихъ сборы упали до 200—300 франковъ. Всѣ классы не хотѣли платить. Застой въ торговлѣ былъ такъ великъ, что торговцы продавали свои товары себѣ въ убытокъ. Серебра въ обращеніи было такъ мало, что многіе отправляли принадлежавшія имъ серебряныя вещи на монетный дворъ.

«27-го марта вечеромъ явились въ Парижъ пригородные крестьяне, везя за собой дѣтей, собакъ, пожитки, утварь и хлѣбъ. Бульвары покрылись телѣгами, запряженными лошадьми и волами. Несмотря на свою крайнюю бѣдность, эти люди должны все-таки были уплатить при въѣздѣ въ Парижъ городскую пошлину, для чего имъ приходилось тутъ же распродавать часть ихъ вещей.

«Въ три часа пополудни я былъ въ предмѣстьѣ С.-Мартенъ. Крестьяне, продолжавшіе прибывать въ огромномъ числѣ, сообщили мнѣ, что въ одной изъ деревень близъ Парижа завязалось жаркое сраженіе. Около церкви св. Лазаря я встрѣтилъ человекъ 50 плѣннымъ, взятыхъ въ этомъ сраженіи. Многіе были ранены. Такъ какъ раны ихъ не были перевязаны во время, то отъ огромной потери крови они падали на землю. Ихъ подбирали и наваливали на небольшую телѣгу. Я вышелъ изъ Парижа черезъ ворота Пантэнъ, гдѣ не нужно было показывать своихъ бумагъ и пропуска. Солдатъ, желавшихъ проникнуть въ городъ, останавливали у заставъ. Я видѣлъ, какъ они лежали на солнцѣ въ ожиданіи, когда ихъ отведутъ къ коменданту на Place Vendôme.

«29-го національная гвардія стала подъ ружье во всѣхъ кварталахъ Парижа. Сельское населеніе продолжало стекаться въ столицу со всѣхъ сторонъ. Сложивъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ свои пожитки, крестьяне присоединялись къ толпѣ любопытныхъ, стоявшихъ вдоль бульваровъ. Въ десять часовъ утра по бульварамъ прошла артиллерія съ зарядными ящиками и небольшіе отряды кавалеріи, направляясь къ С.-Антуанскому предмѣстью.

«Утромъ я былъ въ Луврскомъ музеѣ, гдѣ я засталъ, какъ всегда, много художниковъ. Нѣкоторые спокойно копировали картины, другіе стояли у оконъ и смотрѣли на дворъ Тюльерійскаго дворца, гдѣ были приготовленія къ отъѣзду императрицы Маріи-Луизы. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы въ случаѣ при-

ближенія союзниковъ къ Парижу императрица-регентша, король римскій и совѣтъ регентства удалились къ берегамъ Луары.

«Сегодня утромъ публика стала свидѣтельницей того безпорядка, который царилъ теперь въ Тюльери. Въ окна видны были свѣчи, догоравшія въ люстрахъ. Придворные бѣгали изъ комнаты въ комнату. Нѣкоторыя женщины плакали. Въ шесть съ половиной часовъ изъ дворца выѣхало шесть фургоновъ, сопровождаемыхъ кавалерійскимъ отрядомъ. Извѣстно, что въ нихъ находились сокровища, собранныя Наполеономъ. Часовые, разставленные вокругъ дворца, отгоняли любопытныхъ. Въ восемь часовъ были выстроены въ рядъ передъ дворцовыми воротами экипажи, но какой-то офицеръ распорядился, чтобы ихъ отвели обратно въ сарай. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Камбасаресъ. Въ конюшни прибѣжалъ отъ него слуга, съ требованіемъ, чтобы экипажи отправились немедленно. Въ десять часовъ императрица, одѣтая въ темное платье, въ родѣ амазонки, сѣла съ своимъ сыномъ въ карету, которую сейчасъ же окружила императорская гвардія. Карета императрицы ѣхала по набережной, вдоль рѣшетки сада среди густой толпы народа, хранившей глубокое молчаніе. Экипажи съ придворными и слугами отправлялись еще и на другой день до самаго вечера. Даже послѣ капитуляціи Парижа изъ Тюльери посылались еще повозки, нагруженные всякимъ багажомъ.

«Эту ночь императрица провела въ Рамбуллѣ; 30-го она была уже въ Шартрѣ. Въ Блуа она прибыла 2-го апрѣля.

«Сейчасъ же послѣ отъѣзда императрицы всѣхъ посѣтителей музея попросили удалиться и заперли его ворота».

— К а р л ь-А л ь б е р т ь.—Стремленіе къ освобожденію Италіи вызывалось, по словамъ историковъ, не у всѣхъ патріотическими чувствами: многіе питали при этомъ самые честолюбивые планы. Къ числу послѣднихъ причисляли и короля Сардиніи, окончившаго свои дни въ изгнаніи. Сынъ Карла-Эмануила изъ младшей линіи Савойскаго дома, Карль-Альбертъ родился въ Туринѣ въ 1798 году. Получивъ военное образованіе въ Парижѣ, онъ былъ произведенъ Наполеономъ въ чинъ поручика и женился на эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи Тосканской. Карль-Альбертъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, сдѣлался сначала регентомъ Сардинскаго королевства, а затѣмъ былъ превозглашенъ королемъ.

Съ 1802 года въ Сардиніи царствовалъ Викторъ-Эмануилъ. Онъ велъ реакціонную политику и поддерживалъ клерикаловъ. Это направленіе вызвало неудовольствіе народа. Въ Александріи и Туринѣ вспыхнуло возстаніе, съ которымъ король былъ не въ силахъ справиться, и отрекся отъ престола въ пользу своего брата Карла-Феликса. Въ ожиданіи его пріѣзда онъ назначилъ регентомъ Карла-Альберта, признаннаго вѣнскимъ конгрессомъ наслѣдникомъ сардинской короны.

Въ противоположность Виктору-Эмануилу регентъ поддерживалъ либераловъ и присягнулъ либеральной конституціи. Этотъ поступокъ не соотвѣтствовалъ убѣжденіямъ Карла-Феликса, который протестовалъ изъ Модены противъ регента. Послѣ пораженія пьемонтскихъ войскъ онъ изгналъ его въ Тоскану. При взятіи Трокадеро Карль-Альбертъ участвовалъ въ рядахъ французскихъ

войскъ и послѣ этого получилъ разрѣшеніе отправиться въ Туринъ. Наконецъ онъ добился примиренія съ Карломъ-Феликсомъ, который сдѣлалъ его вице-королемъ Сардиніи. Вскорѣ онъ наслѣдовалъ отъ него корону.

Карль-Альбертъ повелъ измѣнчивую политику, то либеральную, то реакціонную. Онъ порвалъ съ Франціей, поддерживалъ Дона-Карлоса, льстилъ Австріи, а затѣмъ оказывалъ ей сопротивленіе, принималъ въ Пьемонтѣ ломбардскихъ эмигрантовъ, завелъ у себя національную гвардію, произвелъ административныя и юридическія реформы и наконецъ добровольно предложилъ народу конституцію, вызвавъ этимъ взрывъ восторга.

Узнавъ о вспыхнушемъ въ Миланѣ возстаніи противъ Австріи, онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, ставъ во главѣ національнаго движенія, обратился къ миланцамъ и венеціанцамъ съ горячей прокламаціей. Собравъ вокругъ себя возставшихъ ломбардцевъ, онъ прорвался съ ними въ Манчіо, взялъ Пастренго, принудилъ Радецкаго отступить и овладѣлъ Пескиерой. Его хотѣли уже провозгласить королемъ всей Италіи, но пораженіе при Кустоцѣ и враждебное отношеніе къ нему миланцевъ заставили его подписать перемиріе. Въ слѣдующемъ году Карль-Альбертъ снова взялся за оружіе противъ Австріи, но былъ разбитъ при Наваррѣ и 23-го марта 1849 года отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эмануила.

Отреченіе произошло въ десять часовъ вечера, а въ полночь бывший король подъ именемъ графа ди-Бардже, «генерала для особыхъ порученій», какъ значилось въ его паспортѣ, пріѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ преданнымъ камердинеромъ Франческо Валетти и дипломатическимъ агентомъ Лоренцо Гамаллеро въ окрестности Казале. Не будучи узнаннымъ, онъ прошелъ по австрійскимъ позиціямъ и предупредилъ австрійскаго офицера о заключеніи перемирія.

26-го марта бывший король остановился въ Ниццѣ, а затѣмъ, проѣхавъ черезъ французскую территорію и испанскую границу, остановился въ Тулузѣ. Здѣсь нотаріусъ Хуанъ Форумандеренъ составилъ актъ объ его отреченіи. Черезъ нѣкоторое время Карль-Альбертъ уѣхалъ въ Валенцію, гдѣ его по старой памяти приняли съ большимъ почетомъ. 29-го апрѣля, въ полдень, онъ пріѣхалъ въ Опорто, гдѣ заболѣлъ воспаленіемъ кишекъ, принявшимъ серьезный оборотъ. Черезъ три мѣсяца, 28-го іюля, онъ скончался.

О послѣднихъ моментахъ его жизни имѣется не такъ много подробностей, поэтому появленіе въ «Nuova Antologia» ¹⁾ писемъ Луиджи Тинелли къ брату бросаетъ новый свѣтъ на его роль въ освободительномъ движеніи.

Тинелли былъ изгнанъ изъ Италіи. Съ молодыхъ лѣтъ онъ участвовалъ въ политическихъ заговорахъ и находился въ сношеніяхъ съ Маццини. Въ 1833 году онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но былъ помилованъ и сосланъ на каторжные работы. Послѣ двухъ лѣтъ каторжныхъ работъ, въ мартѣ 1835 года онъ снова получилъ помилованіе, каторга была замѣнена 20 лѣтнимъ заключеніемъ или изгнаніемъ въ Америку.

¹⁾ Carlo Alberto. Nelle lettere de un testimone della sua morte. «Nuova Antologia» 1 Marzo 1914.

Тинелли выбралъ послѣднее. Въ Америкѣ его приняли съ почетомъ, какъ патріота и литератора. Когда въ Италіи пронеслось «слово освобожденіе», Тинелли покинулъ Нью-Йоркъ и пріѣхалъ въ Опорто въ качествѣ консула Соединенныхъ Штатовъ. Оттуда въ 1848 году онъ проѣхалъ въ Италію, гдѣ оставался до пораженія итальянскихъ войскъ при Наваррѣ. Затѣмъ Тинелли опять жилъ Америкѣ на пенсію, выплачиваемую ему республиканскимъ правительствомъ, и на пособіе, получавшееся отъ родныхъ.

Несмотря на всѣ превратности судьбы и политическія перипетіи, Тинелли оставался горячимъ патріотомъ и честнымъ человѣкомъ. Онъ принималъ участіе въ борьбѣ за независимость Италіи и Испаніи противъ реакціонной политики Изабеллы Бурбонской, въ междоусобной войнѣ американскаго Сѣвера и Юга. Въ уничтоженіи рабства онъ участвовалъ уже старикомъ. Несмотря, однако, на возрастъ, Тинелли выказалъ такую храбрость, что получилъ чинъ полковника, командующаго бригадой, что равнялось чину итальянскаго генерала. Онъ умеръ 25-го мая 1873 года въ Америкѣ.

Письма, напечатанныя теперь въ «Nuova Antologia», онъ писалъ своему брату Карлу. Первые письма относятся къ веснѣ 1849 года. Горько жалуясь на военныя неудачи итальянцевъ, онъ пишетъ: «Италія пала очень низко, и намъ потребуются вѣка доблестей и побѣдъ, чтобы загладить теперешній позоръ». Карла-Альберта онъ называетъ гигантомъ, возвысившимся надъ несмѣтной массой пигмеевъ. «Бѣдный Карль-Альбертъ,—говоритъ онъ,—сошелъ съ трона, чтобы показать своему народу, сколько въ немъ заключается доблести и патріотизма».

Сообщая о благополучномъ пріѣздѣ Карла-Альберта, онъ говоритъ, что король отклонилъ предложеніе поселиться въ прекрасномъ дворцѣ епископа. Онъ пріѣхалъ въ хорошемъ настроеніи, несмотря на крайнюю усталость. Его встрѣтили всѣ главныя гражданскія и военныя власти въ полной парадной формѣ. Онъ отклонилъ всѣ приглашенія пріемовъ, чтобы не нарушать своего инкогнито, и съ удовольствіемъ согласился присутствовать на большихъ маневрахъ, устроенныхъ въ честь его прибытія. «Карль-Альбертъ въ своемъ добровольномъ изгнаніи,—прибавляетъ авторъ,—будетъ окруженъ уваженіемъ и симпатіей всѣхъ».

Тинелли бывалъ раза три въ недѣлю у Карла-Альберта и не разу не видѣлъ, чтобы неудачи вызывали у него дурное настроеніе. 28-го мая онъ писалъ, что здоровье Карла-Альберта очень ухудшилось. Его голосъ сдѣлался хриплымъ, и языкъ съ трудомъ произносилъ отдѣльныя слова. Тинелли не могъ удержаться отъ слезъ.

Черезъ 2 мѣсяца Карла-Альберта не стало.

— Санкюлоттъ изъ бывшихъ дворянъ¹⁾.—Сцена происходитъ въ церкви мѣстечка Со близъ Парижа во время террора. Церковь имѣетъ совершенно необычный видъ. Въ средней ея части поставленъ большой столъ, за которымъ возсѣдаетъ въ красномъ колпакѣ президентъ народнаго общества. Вокругъ него на двадцати креслахъ сидятъ должностныя лица об-

¹⁾ «Figaro» 14 марта.

щества. Всѣ религіозныя украшенія сняты и уничтожены. Въмѣсто статуй святыхъ стоятъ бюсты людей, прославленныхъ революціей. На особыхъ подставкахъ разложены нѣмые свидѣтели народной свободы—камни отъ Бастиліи, разрушеніе которой отдано на подрядъ нѣкому Паллуа. У дверей церкви стоятъ цензоры общества. Въ рукахъ у нихъ знакъ ихъ достоинства—небольшія палки съ изображеніемъ краснаго колпака. Они провѣряютъ прибывающихъ, среди которыхъ много санкюлоттовъ и немало «шелковыхъ чулокъ», какъ называли тогда представителей дворянства. Среди этихъ «шелковыхъ чулокъ» особенно выдается человѣкъ лѣтъ тридцати семи, болѣзненного вида, съ черными блестящими глазами и съ остроконечнымъ, лисьимъ лицомъ. Секретарь общества громко читаетъ новые декреты конвента. Начинаются рѣчи, въ которыхъ ораторы, конечно, бичуютъ тиранію и восхваляютъ свободу. Потомъ приступаютъ къ разбору поступившихъ доносовъ, обдумываютъ планъ мщенія. Покончивъ съ этими текущими дѣлами, вызываютъ гражданина съ лисьимъ носомъ и просятъ его спѣть. Тотъ выходитъ впередъ, ударяетъ по струнамъ гитары, которая какимъ-то чудомъ оказывается у него въ рукахъ, и бравурно начинаетъ:

Sur ma guitare assez longtemps
J'ai chanté les tendres amants.
Chantons la liberté
La sainte égalité
Et le doux son de frère!

Громъ аплодисментовъ служить наградой этому импровизированному пѣвцу террора, когда-то носившему громкое имя шевалье де-Флоріанъ.

Жанъ-Пьеръ Клари, шевалье де-Флоріанъ, родился въ Лангедокъ въ 1755 г. Онъ принадлежалъ къ древней дворянской фамиліи и приходился по одному изъ своихъ дядей сродни Вольтеру. Этотъ дядя былъ знакомъ съ однимъ изъ конюшихъ великолѣпнаго герцога де-Пантіевра, тестя будущаго Филиппа Эгалите, герцога Орлеанскаго. Благодаря этому знакомству, четырнадцатилѣтній Жанъ-Пьеръ былъ допущенъ въ число пажей герцога, который сталъ ему покровительствовать. Въ 1771 году де-Флоріанъ поступилъ въ артиллерійскую школу, добился патента на офицерское мѣсто, но на самомъ дѣлѣ въ войскѣ не служилъ, а тратилъ свое время на писаніе стиховъ. Въ 1780 году появился королевскій приказъ, предписывавшій офицерамъ проводить каждый годъ четыре мѣсяца въ рядахъ арміи. Жанъ-Пьеръ не преминулъ, конечно, представиться больнымъ и получилъ годичный отпускъ. Герцогъ де-Пантіевръ поручилъ ему дѣла благотворенія и раздачу пособій обращающимся къ нему лицамъ. Это снизило будущему санкюлотту большую популярность. Въ то же время подвинулась впередъ и его литературная карьера: французская академія присудила ему премію за его стихи. Его стали приглашать въ салоны: его принимаетъ m-me Удето, послужившая прототипомъ Юліи въ романѣ Руссо «Новая Элоиза», онъ свой человѣкъ у придворнаго банкира де-Лаборда. Честолюбіе Флоріана разыгрывается и, не взирая на то, что ему всего двадцать девять лѣтъ, онъ смѣло ставитъ свою кандидатуру въ академію, но кандидатура эта проваливается. Это, однако, не смущаетъ Флоріана: едва умираетъ кардиналь

де-Люинь, онъ снова заявляетъ желаніе занять освободившееся въ академіи кресло. На этотъ разъ онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои связи, осаждастъ просительными письмами Буасси д'Англа, обращается къ протекціи герцога де-Пантьевра и въ концѣ концовъ побѣждаетъ своего конкуррента, серьезнаго ученаго Вижьд'Азира.

На другой день послѣ этого избранія герцогъ устроилъ въ честь новаго безсмертнаго пышное празднество. Флоріанъ разсыпался въ благодарностяхъ за оказанную ему на выборахъ поддержку герцогу Орлеанскому и несчастной принцессѣ Ламбаль. Онъ на верху блаженства, когда король пожаловалъ ему крестъ св. Людовика.

Но вотъ начались первыя вспышки революціи, и вкусы и симпатіи Флоріана стали поворачиваться въ другую сторону. Онъ пересталъ посѣщать академію и салоны и началъ появляться на народныхъ сборищахъ въ костюмѣ настоящаго «патріота»: въ темно-сѣрыхъ панталонахъ, цвѣтномъ галстукѣ, въ окованныхъ желѣзомъ башмакахъ. Изъ его устъ исходили уже не сонеты и нѣжныя пасторали, а фразистыя рѣчи о свободѣ, громкія фразы, призывавшія народъ къ борьбѣ съ тиранами.

17-го сентября 1793 года конвентъ издалъ законъ о подозрительныхъ, подъ которыми подразумѣвались бывшіе нобили, т.-е. лица, принадлежавшія раньше къ привилегированному сословію. Флоріанъ сталъ громить въ секціяхъ своихъ бывшихъ знакомыхъ. 15-го апрѣля 1794 года (26-го жерминаля второго года Республики) Сень-Жюсть провелъ законъ о проскрипціи всѣхъ бывшихъ нобилей, которымъ запрещалось жить между прочимъ и въ Парижѣ. Флоріанъ поспѣшилъ ретироваться въ Со. Томимый вынужденнымъ бездѣйствіемъ и не безъ намѣренія реабилитировать себя въ глазахъ Робеспьера и его товарищей, онъ задумалъ написать исторію революціи, конечно, въ самомъ яacobинскомъ духѣ. Но для историческихъ занятій ему необходимо было посѣщать Парижъ, рыться въ Національной библіотекѣ. Флоріанъ запасается удостовѣреніемъ отъ одной изъ парижскихъ секцій, свидѣтельствующей о его добромъ «патріотизмѣ», и опять начинаетъ осаждать просьбами Буасси д'Англа, которому посылаетъ кое-какія изъ своихъ произведеній въ доказательство благонамѣренности своего образа мыслей. Буасси д'Англа передаетъ просьбу Флоріана въ комитетъ общественной безопасности и самъ читаетъ передъ его членами выдержки изъ историческихъ трудовъ Флоріана, по преимуществу тѣхъ, которые относятся къ исторіи греческихъ республикъ. Сначала его слушаютъ внимательно, дѣло какъ будто принимаетъ благопріятный оборотъ. Но вдругъ поднимается депутатъ отъ Перигора Букье и читаетъ одно изъ болѣе раннихъ произведеній Флоріана—панегирическое посланіе къ королевѣ. Настроеніе разомъ мѣняется. Букье поддерживаютъ другіе, и просьба Флоріана отклонена.

Напрасно потомъ писалъ этотъ бывшій академикъ пышные панегирики всемогущему Робеспьеру. Униженіе это не помогло ему. По приказанію Сень-Жюста, бывшаго шеваля заключили въ тюрьму, помѣщавшуюся въ бывшемъ зданіи Порь-Рояль, переименованномъ теперь въ Порь-Либрь. 9-го термидора онъ былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими, но, давно страдая чахоткой, вскорѣ умеръ.

Такъ кончилъ свою жизнь этотъ малодушный, безвольный человѣкъ, жестоко напуганный революціонной бурей.

— Наполеонъ и Гете.—Въ мартовской книжкѣ журнала «Nord und Süd» находимъ разсказъ о свиданіи Гете съ Наполеономъ, которое произошло дважды въ 1808 году, когда Наполеонъ былъ въ Эрфуртѣ.

Когда Гете явился въ назначенный часъ, его встрѣтилъ толстый камердирь-полякъ и попросилъ его подождать. Сначала поэтъ былъ представленъ Савари и Талейрану и только послѣ этого его ввели въ кабинетъ къ императору. Въ это время доложили о прибытіи Дарю, котораго Наполеонъ тутъ же принялъ. Императоръ сѣлъ за большимъ круглымъ столомъ и завтракалъ. По правую сторону отъ него стоялъ Талейранъ, по лѣвую Дарю, съ которымъ онъ велъ отрывочный разговоръ о прусскихъ дѣлахъ. Наполеонъ кивнулъ Гете и сдѣлалъ ему знакъ приблизиться. Нѣсколько секундъ онъ внимательно смотрѣлъ на поэта и наконецъ тихо сказалъ: «Vous êtes un homme!» Затѣмъ онъ спросилъ Гете, сколько ему лѣтъ. Узнавъ, что поэту пошелъ шестидесятый годъ, онъ выразилъ свое удивленіе по поводу его бодрого вида и заговорилъ о его трагедіяхъ. Тутъ въ разговоръ вмѣшался Дарю, который сдѣлалъ столько непріятностей нѣмцамъ. Желая поправить свою репутацію, онъ сталъ восторженно распространяться о поэтической дѣятельности Гете и между прочимъ похвалилъ сдѣланный имъ нѣмецкій переводъ вольтеровскаго «Магомета».

«Это неважное произведеніе», сказалъ Наполеонъ.

Онъ сталъ подробно разсказывать, какъ неловко Вольтеръ заставляетъ почитателя міра разсказывать о самомъ себѣ неблагопріятныя вещи. Потомъ онъ повернулъ бесѣду на Вертера, котораго онъ бралъ съ собой во французскомъ переводѣ въ египетскій походъ и котораго, по его словамъ, онъ прочелъ семь разъ. Чтобы доказать это, Наполеонъ пустился въ обстоятельный разборъ романа и особенно отмѣтилъ одно мѣсто, сказавъ:

«Здѣсь мотивы оскорбленнаго честолюбія переплетаются съ мотивами страстной любви. Это неестественно и вызываетъ у читателя невѣрное представленіе, будто любовь имѣла слишкомъ большое вліяніе на Вертера. Почему вы это сдѣлали?»

Критика императора показалась Гете до того мѣткой и остроумной, что въ послѣдствіи онъ сравнивалъ Наполеона съ искуснымъ портнымъ, который открываетъ секретный шовъ тамъ, гдѣ ему совсѣмъ не полагается быть. Онъ отвѣтилъ императору, что до сихъ поръ никто еще не дѣлалъ ему такого упрека, но что тѣмъ не менѣе онъ долженъ признать справедливость его замѣчанія. Гете добавилъ, что надо прощать поэта, если онъ иногда прибѣгаетъ къ уловкамъ, которыя не такъ легко открыть.

Наполеонъ остался, видимо, доволенъ этимъ отвѣтомъ и перешелъ къ драмѣ. Его замѣчанія свидѣтельствовали, что онъ съ напряженнымъ вниманіемъ приглядывался къ сценѣ и что онъ глубоко чувствовалъ, какъ далеко отошелъ отъ жизненной правды французскій театръ. Когда разговоръ коснулся такъ называемой «трагедіи судьбы», Наполеонъ сказалъ съ неудовольствіемъ:

«Она процвѣтала въ болѣе темныя времена. Какая теперь судьба! Теперь судьба—политика!»

Здѣсь императоръ заговорилъ съ Дарю о контрибуціи съ Германіи. Гете нѣсколько отошелъ отъ стола и сталъ наблюдать. Талейранъ вышелъ изъ комнаты, но вмѣсто него вошелъ маршалъ Сультъ. Наполеонъ въ шутливомъ тонѣ сталъ его спрашивать о польскихъ дѣлахъ. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ Гете и, обернувшись къ остальнымъ спиной, сталъ спрашивать поэта о его семьѣ и его отношеніяхъ къ нѣкоторымъ членамъ герцогскаго дома. Полученные отвѣты сейчасъ же вызвали у него очень опредѣленные и рѣшительныя сужденія.

Наполеонъ ни минуты не могъ оставаться спокойнымъ. Онъ то кивалъ головой въ знакъ одобренія, или же говорилъ: «c'est bien», или что-нибудь подобное. Высказавъ какое-нибудь сужденіе, онъ нерѣдко прибавлялъ:

«Qu'en dit monsieur Goethe?» (Что скажетъ на это г. Гете?).

Пробывъ у Наполеона около часу, Гете сдѣлалъ знакъ камердинеру, спрашивая его жестомъ, не пора ли ему откланяться императору. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ простился съ Наполеономъ. Выходя, онъ слышалъ какъ тотъ сказалъ окружающимъ: «Voilà un homme!»

Такъ встрѣтились въ первый разъ два величайшихъ человѣка своей эпохи. 6-го октября того же года они встрѣтились еще разъ, на балу, который былъ данъ послѣ представленія вольтеровской трагедіи «Смерть Цезаря», съ знаменитымъ Тальмой въ роли Юнія Брута. Встрѣтивъ Гете, Наполеонъ завязалъ съ нимъ бесѣду о трагедіи. Трагедія, по его мнѣнію, есть высшее, что можетъ создать поэтъ, и должна быть школой королей и народовъ. Императоръ предложилъ Гете также написать трагедію на смерть Цезаря, но сдѣлать это шире и величавѣе, чѣмъ это вышло у Вольтера. По мнѣнію императора, въ трагедіи слѣдовало показать міру, какъ осчастливилъ бы его Цезарь, если бъ ему дали время.

— Пріѣзжайте въ Парижъ. Я положительно требую этого,—добавилъ Наполеонъ.—Только тамъ и можно пріобрѣсти широкій взглядъ на міръ. Тамъ вы найдете достаточно пищи для вашей поэтической дѣятельности.

Свиданіе съ Наполеономъ произвело огромное впечатлѣніе на поэта. Французскій императоръ представился ему какой-то сверхчеловѣческой, демонической натурой, хотя это не помѣшало Гете замѣтить, что было въ немъ пошлаго и низменнаго. Свойственное Наполеону шарлатанство не укрылось отъ Гете. Тѣмъ не менѣе Гете говаривалъ, что такія исключительныя явленія, какъ Наполеонъ, не вмѣщаются въ рамкахъ обычной нравственности и дѣйствуютъ, какъ чисто физическіе, стихійные факторы, въ родѣ воды или огня.

— Берлинскій дворъ.—Въ «La Revue» съ ноября прошедшаго года печатаются воспоминанія о берлинскомъ дворѣ княгини Радзивиллъ. Находясь при берлинскомъ дворѣ, княгиня Радзивиллъ собрала цѣлый рядъ любопытныхъ наблюденій. Между прочимъ она рассказываетъ, какія странныя отношенія были у Фридриха II съ женою, королевою Елизаветой-Христиной, на которой онъ женился противъ своего желанія, по настоянію отца. Въ

¹⁾ Souvenirs sur la cour de Berlin. Par princesse Radziville. «La Revue» 1 Fevrier 1914.

теченіе цѣлыхъ лѣтъ онъ совершенно не разговаривалъ съ нею. Когда же ему приходилось что-нибудь ей сказать, то онъ писалъ записку.

Въ 1768 году при дворѣ былъ назначенъ балъ. Королева, которой исполнилось пятьдесятъ семь лѣтъ, съ приближенными ожидала прибытія короля въ своемъ кабинетѣ. У нея болѣла нога, и она съ трудомъ могла ходить, она поэтому стояла, опираясь на комодъ. Король, не здороваясь съ королевой, довольно громко спросилъ ея фрейлину г-жу Кауненбергъ о здоровьи жены и также громко попросилъ королеву сѣсть. Затѣмъ, раскланявшись съ нею, онъ прошелъ мимо нея. Поговоривъ съ придворными, онъ направился въ столовую и остановился у дверей, пропустивъ мимо себя королеву, принцессу и придворныхъ дамъ.

Супружеская жизнь въ его семьѣ сложилась неудачно, и въ династическомъ отношеніи у короля былъ поводъ тревожиться. У него не было сына, и его наслѣдникомъ явился сынъ его младшаго брата принца Августа-Вильгельма, женатый на принцессѣ Елизаветѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельской. Августъ-Вильгельмъ тоже не жилъ съ женою и впоследствии развелся съ нею.

Фридриха II сильно тревожилъ вопросъ о продолженіи династіи, и онъ попробовалъ убѣдить свою невѣстку не уклоняться отъ ухаживаній молодого майора Шметтау. Но принцесса была не расположена удовлетворить желаніе короля. Тогда придумали цѣлую комедію. Король не питалъ симпатій къ своимъ дальнимъ родственникамъ, которые могли бы наслѣдовать корону, въ случаѣ отсутствія прямого наслѣдника Гогенцолернскаго дома. Поэтому, когда принцесса отвергла ухаживаніе Шметтау, было рѣшено прибѣгнуть къ обману. Принцесса симулировала беременность и преждевременные роды—и на свѣтъ появился мальчикъ, взятый изъ семьи одного ремесленника.

Прошло нѣсколько лѣтъ: принцесса измѣнила мнѣніе, и нѣжныя чувства Шметтау нашли въ ея сердцѣ откликъ. Результатомъ ихъ любовнаго дуэта было появленіе на свѣтъ 24-го мая 1770 года дѣвочки, принцессы Луизы, будущей жены князя Антона Радзивилла, а затѣмъ двухъ принцевъ—Фридриха-Христіана и Людвигъ.

Кромѣ того, племянникъ и наслѣдникъ короля, разведясь со своей женой, женился на принцессѣ гессенской, отъ которой у него родился сынъ—будущій король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Продолженіе династіи было обезпечено, но теперь въ королевской семьѣ оказался посторонній элементъ, отъ котораго во что бы то ни стало надо было отдѣлаться. Тогда послѣдовала комедія новаго симулированія съ тою разницей, что раньше симулировались роды, а теперь—пышныя похороны незаконнаго наслѣдника. Въ землю опустили пустой гробъ, а мальчика отправили неизвѣстно куда. Эта исторія осталась тайной, пока не появились воспоминанія принцессы Маріи-Луизы. Но эти воспоминанія были немедленно конфискованы.

Въ эпоху Вильгельма I среди аристократическихъ салоновъ видное мѣсто занималъ салонъ княгини Биронъ-Курляндской, нашей соотечественницы, урожденной княжны Мещерской. По внѣшности это была типичная велико-свѣтская дама стараго времени. Величественныя манеры, умѣніе граціозно кланяться и сдѣлать придворный реверансъ, необычайный тактъ, необыкновен-

ное знаніе свѣтскихъ приличій, королевская осанка и замѣчательная при вѣтливость,—все это дѣлало изъ нея видную фигуру при берлинскомъ дворѣ.

Императоръ ее очень любилъ, но императрица относилась къ ней не такъ симпатично и находила, что она слишкомъ свободна въ обращеніи и въ разговорѣ. Попасть въ салонъ княгини считалось почетнымъ отличіемъ. Это было, дѣйствительно, счастьемъ для того, кто къ ней попадалъ и умѣлъ найти доступъ въ ея сердце: она покровительствовала тому во всемъ. Она была въ большой дружбѣ съ фрейлиной императрицы княгиней Луизой Оріоли.

Княгиня искренне обожала императора Вильгельма I и страшно была поражена, когда Нобилингъ покушался на его жизнь. Она пригласила княгиню Радзивиллъ въ свою ложу въ тотъ самый вечеръ, когда по выздоровленіи императоръ вернулся въ Берлинъ и посѣтилъ оперу. Княгиня рассказываетъ, какая при этомъ произошла публичная манифестація въ честь императора при его появленіи въ ложѣ.

Никто не зналъ, что императоръ будетъ въ театрѣ. Представленіе уже началось, когда въ ложу вошелъ Вильгельмъ I и спокойно сѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Какъ только его присутствіе было замѣчено, всѣ моментально встали, и послѣдовалъ такой взрывъ восторга, какого княгинѣ Радзивиллъ никогда не приходилось видѣть. Болѣе четверти часа раздавались восторженные клики; долго махали платками, шалями и всѣмъ, что попадалось подъ руку. Мужчины размахивали въ воздухъ шляпами, оглашая воздухъ громкими криками. Императоръ приблизился къ барьеру ложи и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, смотря на человѣческую массу, волновавшуюся у его ногъ. Онъ сдѣлалъ рукою знакъ, какъ бы желая что-то сказать. Но крики вмѣсто того, чтобы стихнуть, стали усиливаться, пока, наконецъ, императоръ не удалился въ глубину ложи, какъ будто отъ водненія онъ болѣе не могъ слушать и старался скрыться отъ взглядовъ. Когда онъ сѣлъ, то можно было замѣтить, что онъ поднялъ руку, затянутую въ бѣлую перчатку, чтобы смахнуть слезу.

У княгини Биронъ собиралось особенно придворное общество и члены русскаго посольства. У нея часто бывала г-жа Радовицъ, урожденная Озерова, мужъ которой былъ впоследствии посланникомъ въ Мадридѣ. Здѣсь можно было веселиться спокойно, не опасаясь ни злорѣчія, ни злобы.

Второй салонъ—графини Шлейницъ, впоследствии графини Волькенштейнъ, жены австрійскаго посланника при правительствѣ Французской республики. Онъ являлся тоже мѣстомъ для чрезвычайно пріятнаго времяпрепровожденія. Здѣсь царило искусство и остроуміе. Хозяйка салона была убѣжденной поклонницей Вагнера. Она жила какъ бы въ какомъ-то чаду отъ вагнеровской музыки.

Несмотря на то, что у нея собирались философы, сама она совсѣмъ не была педаанткой и на ея вечерахъ много веселились. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ наслѣдной принцессой, которая всегда ее защищала отъ нападокъ ея враговъ. Ея мужъ, баронъ, впоследствии графъ Шлейницъ, былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ до Бисмарка и возбудилъ въ послѣднемъ къ себѣ неприязнь, которая длилась даже послѣ смерти графа. Когда онъ умеръ, Бисмаркъ

даже запретилъ чиновникамъ своего министерства присутствовать на его похоронахъ.

Въ послѣдніе годы жизни графа Шлейница, когда онъ былъ министромъ императорскаго двора, у нихъ бывали великолѣпные балы. Впослѣдствіи у нея уже не было официальныхъ приемовъ, и ее посѣщаль только тѣсный кружокъ друзей. Но это не мѣшало канцлеру обвинить графиню въ томъ, что она занималась оппозиціонной политикой и причиняла ему всякія непріятности.

Графъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ; его вдова вскорѣ вторично вышла замужъ за графа Волькенштейна. У нея бываль графъ Бюловъ на зарѣ своей карьеры, и въ ея салонѣ завязался его романъ съ будущей его женой.

Въ другомъ родѣ былъ салонъ графини Максъ Оріоли, урожденной Арнимъ, дочери знаменитой гетевской Веттины. Это была чрезвычайно умная женщина, но ея злой языкъ пугаль многихъ. На ея приемахъ царила скука, хотя никто не смѣлъ въ этомъ сознаться изъ опасенія ея злого языка.

Приемы г-жи Корнелли Рихтеръ, жены художника и дочери композитора Мейербергера, привлекали много народа. Ея сестра, баронесса Андриани, жившая большую часть сезона въ Ниццѣ, часто пріѣзжала въ Берлинъ. Она пользовалась особымъ расположеніемъ Вильгельма. Мужъ г-жи Рихтеръ былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ художниковъ тогдашней Германіи. У него былъ талантъ схватывать все красивое, вслѣдствіе чего онъ пользовался особой популярностью среди женщинъ. Супруги Рихтеръ занимали прекрасный домъ и устраивали великолѣпные приемы, на которыхъ ставились живыя картины, съ участіемъ самого хозяина.

Княгиня Радзивиллъ упоминаетъ и о художникѣ Менцелѣ, который писалъ картины, изображавшія дворъ Фридриха Великаго и Вильгельма I. Это былъ забавный маленькій человекъ, настоящій карликъ по росту и по сложенію. На всѣхъ придворныхъ балахъ его видѣли въ толпѣ шнырявшимъ съ дѣловымъ видомъ и съ карандашомъ въ рукахъ. Безъ всякаго стѣсненія Менцель дѣлалъ наброски съ того или другого изъ гостей, которые потомъ ему служили моделями для его картинъ.

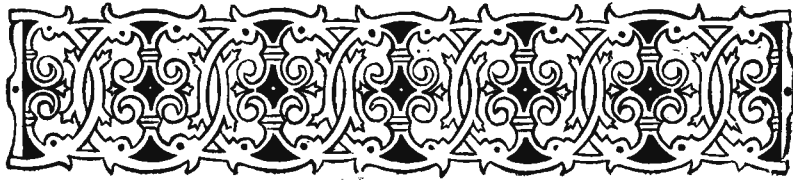
У наслѣдника престола бываль также австрійскій живописецъ Анжели, написавшій самые лучшіе портреты съ наслѣдника и его жены. Онъ пользовался его большою симпатіей. Несдержанный на языкъ, художникъ однажды сдѣлалъ замѣчаніе наслѣднику, упрекнувъ его въ томъ, что онъ одѣвается не къ лицу. Принцу это замѣчаніе не понравилось, и между ними на нѣкоторое время произошла размолвка. Сплетни объ этомъ ходили по всему Берлину.

— Р е в о л ю ц і о н н ы я и м е н а.—Въ журналѣ «*Revolution Française*», который издается французскимъ историческимъ обществомъ, специально изучающимъ великую французскую революцію, находимъ любопытный списокъ именъ лицъ, родившихся во второмъ году республики, т.-е. по обычному календарю въ 1793 г. Нелѣпныя, самодѣльные имена въ родѣ Моноплана, Бобелины даются иногда и теперь, но время революціи въ этомъ отношеніи побило всякій рекордъ. Въ Марсельѣ, напримѣръ, одинъ капраль распорядился окрестить своего сына Жаномъ Революціей (*Jean la Révolution*). Слова Монтаньярь и Санкюлотъ стали самыми обыкновенными именами для дѣтей яко-

бинцевъ. Въ томъ же Марселѣ нѣкій продавецъ лимонада окрестилъ свою дочь подъ именемъ Marie Sansculotide. Подкидышей обыкновенно именовали Эгалите, къ именамъ вѣббрачныхъ дѣтей присоединялось отчество Esprit Liberté. Дочь поденщика получала при крещеніи имя Elisabeth Humaine, а одинъ родитель счелъ нужнымъ еще болѣе подчеркнуть воодушевляющую его любовь къ человѣчеству, и назвалъ своего ребенка Genre Humain. Prudence (Благоразуміе) и L'Amitié (Дружба) были самыми ходкими именами для дѣвочекъ. Находились, однако, люди, которые давали своимъ дочерямъ имя L'Isle d'amour (островъ любви) и даже Flambeau d'amour (факель любви). Въ округѣ Шанбери въ Савойѣ, гдѣ Руссо прожилъ лучшую часть своей жизни, существовали двѣ дѣвицы съ выразительнымъ именемъ Pétroline. Въ окрестностяхъ вольтеровскаго Фернея нерѣдко встрѣчалось имя Zaire. Любопытно, что эти республиканскія имена, которыхъ не найдешь ни въ какомъ календарѣ, проникли даже въ кальвинистскую Женеву; гдѣ рядомъ съ старинными библейскими именами можно было встрѣтить своихъ Egalité, Брутовъ и т. п. Во время реставраціи эти имена, служившія живой уликой въ связи съ революціей, постоянно мѣнялись, и Франція наводнилась Жанами и Маріями. На этой почвѣ въ Шартрѣ возникъ цѣлый судебный процессъ по иску одной дамы, которая просила освободить ее отъ предосудительнаго имени Licinie Sensitive. Въ Вернейлѣ въ 1821 году разбиралось другое аналогичное дѣло о переименованіи нѣкоей Amoranthe Tricolore въ болѣе скромную Marie Honorme.

Нѣкоторыя изъ именъ, возникшихъ подъ вліяніемъ революціоннаго пыла, сохраняются во Франціи до сихъ поръ. Такъ, и теперь еще встрѣчаются такіа имена, какъ Альфонсъ Фратерните, Викторъ Либерте.

С М Ъ С Ъ.

ОДИЧНОЕ общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подь предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора. Въ четвергъ 13-го марта, въ девять часовъ вечера, въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подь предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, состоялось годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. По открытіи Его Императорскимъ Величествомъ засѣданія, августѣйшій предсѣдатель засѣданія, августѣйшій предсѣдатель общества великій князь Николай Михайловичъ прочелъ докладъ. Въ отчетномъ году императорское русское историческое общество лишилось своего секретаря Александра Александровича Гоздаво-Голомбѣвскаго, скоропостижно скончавшагося 25-го августа. Ученая дѣятельность общества въ 1913 году выразилась въ

изданіи двухъ томовъ «Сборника» (143, 144) и двухъ томовъ «Русскаго Біографическаго Словаря»: «Гаагъ—Гербель» и «Нааке—Николай Николаевичъ Старшій». Сто сорокъ третій томъ «Сборника», изданный подь наблюденіемъ члена общества Н. А. Губастова и при содѣйствіи члена общества С. М. Горяинова, заключаетъ въ себѣ третью часть «Дипломатической переписки французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II» и служить продолженіемъ 140 и 141 томовъ «Сборника». Переписка состоитъ изъ донесеній повѣреннаго въ дѣлахъ Honoré-Auguste Sabatier de Cabres, съ 8-го августа 1769 по 24-е октября 1772 года вклучительно, и François-Marie Durand de Distrof, съ 28-го октября 1772 года по 1-е января 1773 года. Въ приложеніи къ настоящему тому перепечатанъ мемуаръ Саватье: «Catherine II, sa Cour et la Russie en 1772», впервые изданный С. А. Соболевскимъ въ Берлинѣ въ 1862 году и вторично—въ 1869 году. Мемуаръ Саватье де-Кабра написанъ въ томъ же враждебномъ тонѣ, какъ и его донесенія. 144-й

ломъ «Сборника», изданный подъ наблюдениемъ члена общества Н. Д. Чечутина, служить продолжениемъ 134-го тома «Сборника» и представляетъ собою тринадцатую часть «Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія». Дальнѣйшая дѣятельность общества находится въ слѣдующемъ положеніи: 1) заканчивается печатаніемъ редактируемый членомъ общества А. Н. Филиповымъ двѣнадцатый и послѣдній томъ «Бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны», 2) печатается редактируемая княземъ Н. В. Голицынымъ девятая часть «Дипломатической переписки императрицы Екатерины II» за 1776—1777 года, 3) отданъ въ печать второй томъ «Протоколовъ конференціи при высочайшемъ дворѣ», редактируемый членомъ общества Н. Д. Чечулинымъ. Подготавливаются къ печати: 1) шестой томъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ государствомъ», издаваемый подъ наблюдениемъ члена общества С. Ѳ. Платонова и подъ редакціей С. А. Бѣлокурова. Въ составъ этого тома войдутъ документы посольства князя Ивана Михайловича Воротынскаго, князя Алексѣя Юрьевича Сицкаго и окольного Артемія Васильевича Измайлова, бывшихъ въ 1615—1616 годахъ на съѣздѣ съ польскими послами между Смоленскомъ и Острожкомъ, вблизи Духова монастыря; 2) донесенія перваго нидерландскаго резидента при царскомъ дворѣ барона В. Келлера, посланныя имъ изъ Москвы за время отъ 24-го іюня 1676 года до 1697 года. Изданіе это поручено бібліотекарю императорскаго университета св. Владимира В. А. Кордту; 3) имъ же готовится къ печатанію продолженіе его «Очерка сношеній Московскаго государства съ республикою Соединенныхъ Нидерландовъ», напечатаннаго въ 116-мъ томѣ «Сборника»; 4) княземъ Н. В. Голицынымъ подготовленъ матеріалъ для печатанія десятаго тома «Дипломатической переписки императрицы Екатерины II». Подготовительныя работы для продолженія «Русскаго Біографическаго Словаря» по 1900 годъ включительно въ значительной степени двинулись впередъ. На ряду съ этимъ ведутся дополнительные записи лицъ, біографіи которыхъ пронужены въ вышедшихъ уже томахъ «Русскаго Біографическаго Словаря». Составленіе тѣхъ и другихъ списковъ производится членомъ общества В. И. Саитовымъ. Дѣятельность особой комиссіи для разработки вопроса о положеніи архивовъ въ текущемъ году значительно расширилась сравнительно съ прошлымъ годомъ. 1. Поступили отвѣты о положеніи архивнаго дѣла отъ ученыхъ архивныхъ комиссій, которыя не успѣли прислать свои сообщенія въ прошломъ отчетномъ году; такихъ отвѣтовъ поступило девять (Воронежская, Иркутская, Калужская, Нижегородская, Оренбургская, Полтавская, Тверская, Черниговская и Ярославская), что съ восемнадцатью отвѣтами, полученными въ прошломъ году, составляетъ уже двадцать семь отвѣтовъ. Сообщаемыя въ отвѣтахъ свѣдѣнія получены путемъ подробнаго и тщательнаго опроса очень многихъ учреждений; такъ, тверской комиссіей опрошено 1,544 учрежденія, воронежской—577, калужской—всѣ губернскіе и уѣздные архивы, черниговской—86 и т. д. Въ отвѣтахъ много данныхъ, указывающихъ на необходимость прійти какъ можно скорѣе на помощь архивному дѣлу. Такъ, на всю Сибирь (въ 1912 г.) работала всего одна архивная комиссія въ Иркутскѣ, обратившая уже вниманіе на крайне печаль-

ное положеніе въ Киренскѣ. Оренбургская комиссія удостовѣряетъ, что самый цѣнный архивъ края—бывшаго генераль-губернаторства—помѣщается въ совершенно не соответствующемъ помѣщеніи—въ каменной лавкѣ Гостинаго двора, временно уступленной городомъ; въ Орскѣ продано было около двухсотъ пудовъ старыхъ дѣлъ; въ Челябинскѣ пропалъ безслѣдно архивъ б. Исетской провинціи. На мысль о такихъ же безслѣдныхъ пропажахъ калужскую комиссію наводитъ то обстоятельство, что въ большинствѣ уѣздныхъ архивовъ губерніи дѣла хранятся только съ самаго конца XIX столѣтія, а сами города существуютъ болѣе трехсотъ лѣтъ; въ Ярославской губерніи также мѣстами старинныя дѣла валяются по колокольнымъ. Въ лучшемъ сравнительно состояніи находятся архивы губернскихъ учреждений: обычно въ помѣщеніяхъ, безопасныхъ отъ огня, достаточныхъ по площади, но иногда страдаютъ отъ сырости, вслѣдствіе отсутствія отопленія. Самые богатые древними актами архивы монастырскіе (древнѣйшіе акты XV вѣка помѣчены въ отчетѣ тверской комиссіи). Изъ общаго числа свыше 2.500 архивовъ (принимая въ расчетъ и всѣ мелкіе и малозначашіе архивы) только девятьсотъ находятся въ помѣщеніяхъ удовлетворительныхъ, около пятисотъ—въ совершенно не соответствующихъ. Отвѣты и сообщенія отдѣльныхъ ученыхъ архивныхъ комиссій весьма различны и по объему своему, и по цѣнности заключающихся въ нихъ свѣдѣній. По особая комиссія общества пришла къ тому заключенію, что всѣ онѣ очень нуждаются въ поддержкѣ нравственной и матеріальной. Опытъ прошлаго года съ несомнѣнностью доказываетъ, что комиссіи расходуютъ пожалованныя пособія осторожно и согласно предначертаніямъ общества. Поэтому особая комиссія ходатайствуетъ передъ обществомъ о назначеніи пособія, по примѣру прошлаго года, въ размѣрѣ по 2.000 рублей на каждую изъ слѣдующихъ комиссій: воронежскую, иркутскую, калужскую, нижегородскую, оренбургскую, полтавскую, таврическую, тверскую и черниговскую. Особая комиссія подтвердитъ всѣмъ указаннымъ архивнымъ комиссіямъ, чтобы онѣ тратили это пособіе на архивныя дѣла. 2. Особая комиссія полагаетъ, что нынѣ наступаетъ время, когда ей необходимо было бы войти въ ближайшія, личныя сношенія съ представителями архивныхъ комиссій. Многочисленные вопросы, возникающіе какъ изъ предложеній особой комиссіи, такъ и изъ пожеланій, высказываемыхъ архивными комиссіями, скорѣе всего могутъ быть разрѣшены путемъ личныхъ переговоровъ, и потому особая комиссія полагаетъ, что было бы своевременно устроить въ Петербургѣ съѣздъ представителей архивныхъ комиссій, пригласивъ сюда по одному представителю отъ каждой архивной комиссіи. Было бы справедливо принять расходы по устройству съѣзда на счетъ общества и каждому изъ вошедшихъ въ составъ съѣзда членовъ архивныхъ комиссій можно было бы назначить по сто рублей; въ такомъ случаѣ устройство съѣзда вызоветъ расходъ, приблизительно, въ 5.000 рублей. Его Императорское Величество всемилостивѣе повелѣтъ соизволилъ отпустить испрашиваемыя особою комиссіей единовременныя пособія по 2,000 рублей девяти вышеназваннымъ архивнымъ комиссіямъ и 5,000 рублей на устройство въ Петербургѣ въ маѣ текущаго года съѣзда представителей архивныхъ комиссій, по одному отъ каждой. По прочтеніи отчета Его Императорскому Величеству были предста-

влены вновь вышедшіе томы «Сборника» и «Словаря». Произведенною балотировкою избраны: въ члены совѣта баронъ Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. В. Рождественскій; въ секретари—В. И. Саитовъ; въ казначеи—Н. П. Лихачевъ; въ члены ревизіонной комиссіи—М. М. Бородинъ; въ дѣйствительные члены общества: министр народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, ординарный академикъ императорской академіи наукъ А. С. Лаппо-Данилевскій, профессоръ петербургской духовной академіи П. Н. Жуковичъ, бібліотекаръ императорской публичной бібліотеки, секретарь и редакторъ изданій императорскаго общества любителей древней письменности, членъ императорской археологической комиссіи В. В. Майковъ, въ должности шталмейстера высочайшаго двора С. Н. Казнаковъ, князь П. В. Голицынъ. Въ заключеніе были сдѣланы доклады: 1) Н. П. Лихачевымъ—«Басма»; 2) М. М. Богословскимъ—«Петръ Великій по его письмамъ»; 3) барономъ М. А. Таубе—«Графъ Фикельмонъ и австро-русская политика въ первой половинѣ XIX столѣтія». 4) С. М. Горяиновымъ—«Вурбоны въ изгнаніи и ихъ переписка». По окончаніи чтеній Его Императорское Величество изволилъ удостоить членовъ общества милостивою бесѣдою.

Въ академіи наукъ. 18-го января состоялось общее собраніе академіи наукъ подъ предсѣдательствомъ вице-президента академика П. В. Никитина. Академикъ А. П. Карпинскій сказалъ прочувствованную рѣчь памяти покойнаго академика Ѳ. Н. Чернышева. Память Ѳ. Н. Чернышева была почтена вставаніемъ. Непремѣнный секретарь академіи С. Ѳ. Ольденбургъ сообщилъ о глубокой скорби, которую вызвала кончина Ѳ. Н. Чернышева во всѣхъ ученыхъ учрежденіяхъ не только Россіи, но и всего міра: въ академію непрерывно поступаютъ письменныя и телеграфныя соболѣзнованія по поводу кончины знаменитаго русскаго геолога. Затѣмъ предсѣдатель П. В. Никитинъ привѣтствовалъ впервые присутствовавшего въ собраніи новаго академика ординарнаго профессора петербургскаго университета В. В. Бартольда. Остальная часть засѣданія была посвящена выборамъ. Академикомъ избранъ (двадцатью голосами противъ одного) извѣстный историкъ, бывшій профессоръ московскаго, а теперь оксфордскаго университета П. Г. Виноградовъ. На постъ директора кавказскаго музея въ Тифлисѣ избранъ А. Н. Казнаковъ, причѣмъ выборъ будетъ представленъ на утвержденіе намѣстника. Отдѣленіе русскаго языка и словесности представило кандидатами въ академики кіевскихъ профессоровъ В. С. Иконникова и В. Н. Перетца и прочитана обстоятельная записка объ ихъ научныхъ заслугахъ и трудахъ. Окончательное утвержденіе будетъ произведено въ слѣдующемъ общемъ собраніи. Въ заключеніе было доложено, что вопросъ о постройкѣ зданій для Ломоносовскаго и минералогическаго и геологическаго музея встрѣтилъ полное сочувствіе въ высокіхъ и правительственныхъ сферахъ.

Въ комиссіи по изученію старой Москвы при императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. Въ двухъ очередныхъ засѣданіяхъ комиссіи докладчикомъ Н. Н. Соболевымъ были предложены два весьма интересныя реферата, посвященные русской скульптурѣ и русскому рѣзному дѣлу. Въ той и другой отрасли искусства референтъ выяснилъ работы мало извѣстныхъ дѣяте-

лей. Докладъ «Рѣзныя изображенія въ московскихъ изображеніяхъ» былъ посвященъ вопросу о скульптурѣ на Руси въ далекомъ прошломъ и рѣзнымъ по дереву изображеніямъ. Начавъ съ упоминанія о сдѣланныхъ въ 1404 году въ Москвѣ великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ часахъ съ человѣческой фигурой, Н. Н. выяснилъ затѣмъ первую крупную скульптуру собственно русской работы на Москвѣ Василия Дмитріевича Ермолина, создавшаго, для помѣщенія на Спасской башнѣ, въ 1464 г. размѣромъ въ ширину и длину болѣе сажени изображеніе Георгія Побѣдоносца на конѣ (нынѣ хранится въ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ) и въ 1466 г. Дмитрія Солунскаго. Последняя скульптура погибла. Находящійся въ Успенскомъ московскомъ соборѣ барельефъ съ изображеніями святыхъ князей Бориса и Глѣба, святыхъ Прокопія и Иоанна Устюжскаго случайно былъ завезенъ въ Россію изъ Италіи и видѣть въ немъ хорошую работу—нельзя. Неодобреніе въ Москвѣ до второй половины XVII вѣка скульптурныхъ работъ (такъ, поставленные англичаниномъ Галовеемъ на Спасской башнѣ «человѣчки» были по настоянію москвичей одѣты въ однорядки) со второй половины XVII вѣка уступаетъ все большему появленію на Москвѣ рѣзныхъ украшеній, благодаря тѣсному знакомству москвичей съ Польшей,—гдѣ было много подобныхъ изображеній,—во время смоленскаго похода царя Алексѣя Михайловича. Часто появляются рѣзныя распятія, цѣлыя рѣзныя голговы, особенно интересна была голгова во дворцѣ цари Θεодора Алексѣевича работы иконописца Дороея Ермолаева. Къ XVII вѣку относится, напримѣръ, извѣстная круглая фигура Николая Чудотворца (работы старца Ипполита), находящаяся въ Николо-Гостунскомъ соборѣ, въ Кремлѣ. Въ рѣзныхъ работахъ XVII вѣка видны два направленія: реальное у мастеровъ свѣтскихъ и стилизованное у мастеровъ духовныхъ. Увеличеніе деревянной скульптуры въ связи съ ея обожествленіемъ вызвало указъ Петра Великаго (1722 г.), запрещавшій выдѣлку и употребленіе не только въ церквахъ, но даже и въ домахъ литыхъ и рѣзныхъ изображеній. Этотъ указъ между прочимъ засталъ за рѣзной работой одного русскаго мастера Григ. Семен. Шумаева, раньше плавильщика на московскомъ монетномъ дворѣ, отдавашаго всю свою жизнь на выполненіе въ одномъ цѣломъ ряда главнѣйшихъ сюжетовъ Евангелія и Апокалипсиса. Это замѣчательнѣйшее по грандіозности произведеніе имѣетъ десять аршинъ четырнадцать вершковъ вышины, шесть аршинъ ширины и одинъ аршинъ девять вершковъ глубины. Въ центрѣ композиціи помѣщено рѣзное распятіе съ Богоматерью и Иоанномъ Богословомъ, почти въ натуральную величину. Два ангела осѣняютъ рипидами распятаго на крестѣ Божественнаго Страдальца. Фономъ служитъ масса мелкихъ всевозможныхъ домиковъ. Подъ Распятіемъ выдѣлены три сцены: Преображенія Господня, Входа въ Іерусалимъ и Положенія во гробъ. Отъ этихъ сценъ къ правому и лѣвому боку кіота идутъ равныя съ ними по величинѣ четыре сцены Ада со всевозможными мученіями и характерными чертами. Въ углахъ главной композиціи—евангелисты съ символами. Надъ распятіемъ сверху—сѣнь съ фигурой Бога Саваоа, выше Его—горній Іерусалимъ. Разнообразно и пестро исполненныя зданія горняго Іерусалима въ специально-русскомъ стилѣ «рококо» елизаветинскаго времени опровергаютъ мнѣніе профессора Бусласва объ исполненіи

этой композиціи всецѣло по гравюрѣ изъ библии Пискатора. По откосамъ, окаймляющимъ съ четырехъ сторонъ композицію, исполнены сцены на текстъ Евангелія и Апокалипсиса. Всюду обильно разбросанъ декоративный растительный орнаментъ. Работа обратила на себя вниманіе въ Москвѣ, и молва о ней достигла Петербурга, гдѣ въ 1754 г. состоялось рѣшеніе сената, въ виду дряхлости Шумаева, осмотрѣть особой комиссіи все его сооруженіе и вообще взять его подъ «особое смотрѣніе». По осмотрѣ работы комиссія признала ее драгоценной и постановила взять ее отъ Шумаева, уже тогда за старостью безсильнаго докончить свою работу такъ, какъ это, по его мнѣнію, было бы должно, и помѣстить въ Срѣтенскій монастырь. Консисторія, которая должна была по постановленію комиссіи удостовѣрить, нѣтъ ли какихъ препятствій съ религіозной точки зрѣнія для помѣщенія Шумаевской работы въ Срѣтенскій монастырь, отвѣтомъ медлила; тѣмъ временемъ съ разными, правда, перипетіями крестъ все-таки былъ поставленъ съ 29-го марта по 7-е апрѣля 1755 г. въ Срѣтенскомъ монастырѣ въ Москвѣ, привлекая туда массу любопытныхъ. Въ это время Шумаевъ умеръ. Сдѣланныя имъ указанія о дополнительныхъ рѣзныхъ работахъ въ Распятіи, въ тридцати трехъ пунктахъ, были приняты сенатомъ къ свѣдѣнію; въ іюлѣ 1755 г. сенатъ издалъ указъ относительно этихъ добавочныхъ работъ. Консисторія продолжала все медлить отвѣтомъ и только въ октябрѣ дала его въ утвердительномъ смыслѣ. Однако въ маѣ мѣсяцѣ 1756 года, по заслушаніи консисторскаго отвѣта, записавшіеся было подрядчики на дополненіе распятія къ торгамъ не явились; и только въ іюлѣ мѣсяцѣ 1758 г. подрядчикъ, грузинскій дворянинъ Семень Тулаевъ взялся додѣлать распятіе за 370 рублей. Къ концу мая 1759 года Тулаевъ работу окончилъ и крестъ официально былъ сданъ въ апрѣлѣ 1761 г. игумену Срѣтенскаго монастыря Максиму и съ той поры доселѣ хранится въ Срѣтенскомъ монастырѣ въ Москвѣ. Въ заключеніе доклада Н. Н. Соболевъ перечислилъ менѣе важныя рѣзныя изображенія XVIII вѣка въ Москвѣ и отмѣтилъ въ XIX вѣкѣ съ эпохой императора Александра I замѣну рѣзбы по церквамъ символическими надписями и живописными сценами. Другой докладъ Н. Н. Соболевъ посвятилъ личности интереснаго русскаго зодчаго XV вѣка, какъ-то совѣтъ забытаго современными изслѣдователями русскаго искусства,—Вас. Дмитр. Ермолина, славившагося на Руси до пріѣзда въ нее итальянцевъ своимъ строительнымъ талантомъ. Ермолину принадлежит первоначальное построеніе Фроловской башни въ московскомъ Кремлѣ (нынѣ Спасская) съ церквами при ней—существовала до 1491 г.—и съ упоминавшимися ранѣе барельефами. Ермолинъ же возобновилъ и окончательно отстроилъ въ 1468 г. каменную Вознесенскую церковь въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ въ московскомъ Кремлѣ. Въ 1469 г. Ермолинымъ отстроена Трапезная церковь въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ (въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи) и двѣ церкви во Владимірѣ на Клязьмѣ. Наконецъ, ему же принадлежит реставрація въ 1471 г. знаменитѣйшаго памятника отечественной архитектуры—церкви святого Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ, первоначально построенной около 1197 г., а потомъ возобновленной въ 1230 году. Вслѣдъ за этой работой Ермолинъ предлагаетъ единолично отстроить Успенскій соборъ въ Москвѣ, въ чемъ не

имѣлъ полного успѣха, такъ какъ постройку Успенскаго собора Ермолину поручили совмѣстно съ Иваномъ Головой Володимировымъ. Впрочемъ, отъ этой работы Ермолинъ скоро устранился; дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ славномъ русскомъ зодчемъ не сохранилось.

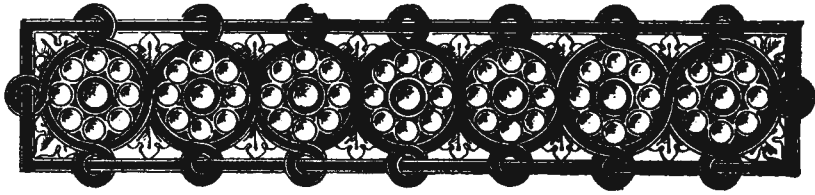
Чествованіе Н. П. Богданова-Бѣльскаго. 20-го февраля въ обществѣ имени А. И. Куинджи происходило скромное чествованіе предѣдателя общества академика Н. П. Богданова-Бѣльскаго. Праздновался двадцатипятилѣтній юбилей этого художника, еще на восемнадцатой выставкѣ, въ первый годъ своего выступленія, обратившаго на себя вниманіе картиной «Будущій инокъ». Съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ неутомимый и страстно любящій свое искусство Богдановъ-Бѣльскій выставлялъ у передвижниковъ. Потомъ его избрали членомъ товарищества и теперь—это одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ художниковъ передвижныхъ выставокъ. Біографія этого человѣка, вышедшаго изъ простой крестьянской семьи, чрезвычайно поучительна. Скромный, но трудолюбивый, онъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ двигался впередъ, выросъ, какъ живописецъ, и остался простымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, славнымъ товарищемъ. 20 февраля въ честь юбиляра былъ данъ товарищескій обѣдъ въ помѣщеніи общества. Еще до прибытія юбиляра собрались почти всѣ члены общества и когда вошелъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, его встрѣтили бурей аплодисментовъ, а затѣмъ поднесли большую красивую палитру, всю покрытую подписями художниковъ. Палитра была украшена лавровой вѣткой и изъ серебра сдѣланной римской цифрой XXV. Во время обѣда были произнесены рѣчи и тосты, а затѣмъ было прочитано много телеграммъ и писемъ, направленныхъ по адресу общества. Не говоря о другихъ заслугахъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго, его тактъ и умѣнье вести дѣла общества Куинджи стоятъ очень немного. Онъ сумѣлъ объединить художниковъ, заинтересовать дѣломъ, оставленнымъ имъ въ наслѣдство А. И. Куинджи, и теперь общество, которому предвѣщали молчаливую смерть, уже дѣлаетъ свое дѣло и приноситъ замѣтную пользу художникамъ. Праздникъ затянулся до поздней ночи.

Юбилей профессора А. В. Григорьева. 12-го марта состоялось чествованіе профессора военно-медицинской академіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. В. Григорьева по случаю 30-лѣтія его врачебной дѣятельности. Въ чествованіи приняли участіе всѣ представители каѳедры судебной медицины, заслуженный профессоръ А. И. Моисеевъ, профессоръ М. Д. Ильинъ, профессоръ В. К. Варлихъ, управляющій главной палатой мѣръ и вѣсовъ тайный совѣтникъ Н. Г. Егоровъ, бывшіе ученики юбиляра, молодые врачи, оставленные при академіи, студенты двухъ послѣднихъ курсовъ и мн. друг. Отъ учениковъ юбиляру былъ поднесенъ прочувствованный адресъ, въ которомъ отмѣчалась высоко плодотворная научная дѣятельность А. В. Григорьева въ области судебной медицины и токсикологіи и его сердечное отношеніе къ товарищамъ, студентамъ и подчиненнымъ. А. В. Григорьевъ получилъ привѣтственные телеграммы отъ чиновъ главнаго военно-санитарнаго управленія, отъ судебно-медицинскихъ кабинетовъ Варшавы, Москвы, Казани и Томска, отъ профессоровъ военно-медицинской академіи, московскаго и варшавскаго университетовъ, отъ городскихъ больницъ, бывшихъ учениковъ и др.

Премія имени Д. И. Иловайскаго. При императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ, состоящемъ при московскомъ университетѣ, учреждается Д. И. Иловайскимъ премія его имени за работы по русской исторіи. На соисканіе ея будутъ приниматься: а) изысканія или монографіи по начальной русской или начальной славянской исторіи, разрабатывающія сію исторію въ установленномъ Д. И. Иловайскимъ направленіи, выразившемся въ «Розысканіяхъ о началѣ Руси», двухъ «Дополнительныхъ полемикахъ», а также въ послѣдующихъ критическихъ статьяхъ и замѣткахъ о томъ же предметѣ, т.-е. о славянствѣ сарматовъ, гунновъ, болгаръ и Руси (вопросъ о народности скивовъ оставляется открытымъ), причѣмъ подробности второстепеннаго значенія могутъ подвергаться пересмотру и поправкамъ. Преміи будутъ заслуживать только тѣ историческіе очерки (хотя бы популярныя, но научно обставленныя) и тѣ критическія изслѣдованія, которыя составляютъ продолженіе работъ Д. И. Иловайскаго въ этой области. Предѣльной эпохой для такихъ изслѣдованій и очерковъ по русской и вообще славянской исторіи назначается XII и первая половина XIII вѣка, причѣмъ имѣется въ виду и разъясненіе сравнительно высокой степени культуры до-татарскаго періода, какъ доказательство стародавняго существованія (туземнаго) русской народности и самобытнаго начала русской государственности; б) сочиненія или изслѣдованія о Смутномъ времени, которыя развиваютъ и подтверждаютъ выработанныя Д. И. Иловайскимъ въ четвертомъ томѣ «Исторіи Россіи» положенія: что первый Лжедмитрій (отчасти и второй) былъ подготовленъ и выставленъ тремя польско-западно-русскими фамиліями, при соглашеніи съ извѣстною группою московскихъ бояръ; что онъ былъ не московскаго, а западно-русскаго воспитанія, а по всей вѣроятности и происхожденія, и что подъ знаменами самозванцевъ совершалось движеніе на Восточную Русь не Польши собственно, а Западной Руси; в) изслѣдованія и очерки по разнымъ сторонамъ культуры, народнаго хозяйства, государственнаго и общественнаго быта Московской Руси XV, XVI и XVII вѣковъ, долженствующіе служить дополненіемъ на II—V томамъ «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго. Допускаются на премію также очерки по исторіи западно-русской культуры за тотъ же періодъ. г) Болѣе или менѣе популярныя, но научно-обоснованныя и обставленныя, очерки изъ русской исторіи петербургскаго періода. «Исторія Россіи» Д. И. Иловайскаго доведена до сего періода и поощренію преміей будутъ подлежать относящіяся къ петербургскому періоду труды того именно характера, который усвоила себѣ названная «Исторія». Сюда же принадлежатъ, тѣсно связанныя съ эпохою или освѣщающія ее, біографіи выдающихся дѣятелей, гражданскихъ, военныхъ, церковныхъ и собственно культурныхъ, т.-е. изъ области науки, литературы и искусства; д) труды по экономической сторонѣ русской исторіи, но не вообще, а въ связи съ защитой покровительственной системы. Здѣсь обязательна исходная точка зрѣнія, многократно высказанная Д. И. Иловайскимъ въ статьяхъ по экономическимъ вопросамъ, т.-е. необходимость обращать покровительство народному труду, главнымъ образомъ, на болѣе культурныя отрасли промышленности. Преміи будутъ выдаваться чрезъ каждые три года или полныя въ размѣрѣ 1,500 рублей, или большія въ размѣрѣ 1,000 ру-

блей, или малыя въ размѣрѣ 500 рублей. Срокомъ представленія сочиненій на первое соисканіе назначается 15-го сентября 1916 года, а о результатахъ соисканія будетъ объявлено въ годовомъ засѣданіи общества 18-го марта 1917 года.

Отъ временнаго комитета «фонда народнаго просвѣщенія». 18-го января утверждень, послѣ десятилѣтнихъ хлопотъ, уставъ общества фонда народнаго просвѣщенія. Въ кассѣ фонда въ настоящее время находится около 65,000 рублей, изъ коихъ 50,000 рублей составляютъ неприкосновенный капиталъ, а 15,000 рублей, равно какъ и проценты съ неприкосновеннаго капитала могутъ быть расходуемы обществомъ на нужды просвѣщенія. Деньги эти въ 1904—5 годахъ были пожертвованы разными лицами и естественнымъ казалось бы ближайшее участіе всѣхъ этихъ лицъ въ дѣлахъ фонда. Таковою именно и являлась точка зрѣнія учредителей общества, предполагавшихъ въ составленной ими редакціи устава обезпечить право рѣшающаго голоса на общихъ собраніяхъ за всѣми жертвователями на «фондъ народнаго просвѣщенія». Министерство внутреннихъ дѣлъ, однако, видимо, изъ соображенія многочисленности жертвователей—около 40,000 человекъ—не нашло возможнымъ согласиться въ этомъ пунктѣ съ авторами устава и предоставило участіе въ дѣлѣ лишь шестерымъ учредителямъ общества и лицамъ, которыя вновь запишутся въ члены его. Считаая все-таки первѣйшимъ долгомъ дальнѣйшую дѣятельность свою согласовать съ волею всѣхъ жертвователей на фондъ народнаго просвѣщенія, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ, за давностію приѣма пожертвованій, лишенными возможности непосредственно снестись со всѣми жертвователями и памятуя, что въ свое время русскія газеты принимали живое участіе въ обсужденіи дѣла фонда, временный комитетъ фонда народнаго просвѣщенія рѣшилъ обратиться къ гг. редакторамъ газетъ съ убѣдительною просьбою опубликовать вышеизложенное, предлагая жертвователямъ или, согласно съ требованіями устава, вновь записаться въ члены общества, или же сообщить комитету о современномъ своемъ взглядѣ на желательное направленіе дѣятельности общества. Особенно важнымъ кажется учредителямъ имѣть отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) какой видъ народнаго просвѣщенія—низшій, средній, высшій, специальный или общій—наиболѣе нуженъ сейчасъ Россіи; 2) какими путями—устройствомъ библиотекъ, лекцій, или какъ иначе—могло бы общество фонда народнаго просвѣщенія помогать наиболѣе нужному виду образованія. Годовой членскій взносъ уставомъ назначень: для дѣйствительныхъ членовъ (съ правомъ рѣшающаго голоса)—десять рублей, для членовъ-соревнователей (съ правомъ совѣщательнаго голоса)—одинъ рубль. Запись въ члены общества принимается: въ Москвѣ — въ конторѣ газеты «Новь», Кузнецкій мостъ, 11, въ Петербургѣ—въ кассѣ императорскаго техническаго общества, Пантелеймонская, 2, въ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостинный дворъ, 19, и въ редакціи журнала «Дружноселье», Эртелевъ, 6. Справки и письма по послѣднему адресу въ присутственное время. Телефонъ 241—88.

НЕКРОЛОГИ.

ГАЛЬПЕРНЪ, Я. М. 26-го февраля въ Петербургѣ получена телеграмма, что наканунѣ въ Ниццѣ скончался извѣстный общественный дѣятель, тайный совѣтникъ Яковъ Марковичъ Гальпернъ. Я. М. сынъ ремесленника. Онъ родился въ 1840 г. въ Вильнѣ. Съ дѣтства онъ обнаруживалъ большую любознательность. 12-лѣтнимъ мальчикомъ онъ уже славился въ Вильнѣ, какъ знатокъ талмуда («нилуй»). Имъ заинтересовалась мѣстная еврейская интеллигенція, по инициативѣ которой онъ и сталъ заниматься науками. Спустя нѣкоторое время онъ поступилъ въ первую вилenskую гимназію. Высшее образованіе Я. М. получилъ на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, по окончаніи котораго поступилъ въ 1869 г. на службу въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ и проходилъ свою службу до 1910 г., когда въ чинѣ тайнаго совѣтника вышелъ въ отставку. Общественная дѣятельность покойнаго сосредоточилась, главнымъ образомъ, во «временномъ комитетѣ по образованію общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи» и въ обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями. Послѣ смерти еврейскаго общественнаго дѣятеля Н. Бахста Я. М. сталъ руководителемъ комитета, и при его содѣйствіи «временный комитетъ» былъ превращенъ въ «общество ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ». Въ послѣдніе годы Я. М. состоялъ предсѣдателемъ этого общества. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. За свою полезную дѣятельность онъ былъ избранъ въ почетные члены общества. Послѣ смерти барона Г. О. Гинцбурга Я. М. занялъ мѣсто предсѣдателя общества. Покойный принималъ также участіе въ работахъ съѣздовъ еврейскихъ депутатовъ, состоявшихся

въ Петербургѣ въ 1881—82 годахъ, и въ засѣданіяхъ высшей (Паленской) комисіи, въ качествѣ эксперта. Я. М. работалъ и на литературномъ поприщѣ, Перу покойнаго принадлежить рядъ статей, появившихся въ старомъ «Разсвѣтѣ» («Къ вопросу о многоженствѣ у евреевъ», «Радѣтели русскихъ евреевъ въ прошломъ и настоящемъ»), въ «Будущности», «Восходѣ», «Правѣ» («Нашъ пенсіонный уставъ и его отношеніе къ круглому сиротству»), въ «Журналѣ министерства юстиціи» («Роль прошенія о назначеніи пенсіи, какъ момента, опредѣляющаго начальный срокъ для ея производства») и т. д. Въ III томѣ сборника «Пережитое» Я. М. помѣстилъ (подъ псевдонимомъ Г. Литовскій) большую статью «Роль русскихъ евреевъ въ отпавленіи правосудія». (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914 г., № 56).

† **Головачевъ, Д. М.** 17-го февраля въ Читѣ отъ разрыва сердца скончался Дмитрій Михайловичъ Головачевъ. Д. М. былъ причастенъ къ журналистикѣ и извѣстенъ своими трудами по переселенческому вопросу и сибирскому землеустройству. Онъ родился въ Кузнецкѣ Томской губерніи, воспитывался въ томской гимназіи и окончилъ курсъ юридическаго факультета петербургскаго университета. Въ Петербургѣ онъ близко сошелся съ Н. М. Ядринцевымъ и Г. Н. Потанинымъ, работалъ въ сибирскихъ газетахъ, преимущественно въ «Восточномъ Обзорѣніи» и «Сибирскомъ Сборникѣ». Записавшись въ сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, Д. М. почти не занимался адвокатурой, а посвятилъ себя статистикѣ и главнымъ образомъ изслѣдованію положенія переселенцевъ. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ въ Тобольскую губернію, принималъ дѣятельное участіе въ организаціи переселенческаго отдѣла на нижегородской выставкѣ и напечаталъ нѣсколько статей о переселенцахъ и землеустройствѣ въ Сибири въ «Вѣстникѣ Европѣ». Во время голода въ Уфимской губерніи онъ организовалъ столовыя для голодающихъ, а потомъ напечаталъ свои впечатлѣнія въ столичныхъ газетахъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ онъ вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцемъ и г. Григорьевымъ принялъ участіе въ экспедиціи старш-секретаря Куломзина для изслѣдованія Забайкальской области. Съ этого момента началось его дѣятельное сотрудничество въ «Восточномъ Обзорѣніи». Въ 1900 г. Д. М. былъ приглашенъ производителемъ работъ въ Енисейскую губернію, а затѣмъ былъ назначенъ завѣдующимъ переселенческимъ райономъ и землеустройствомъ Забайкальской области. Въ Читѣ онъ игралъ видную общественную роль, принималъ участіе во всевозможныхъ обществахъ, состоялъ предсѣдателемъ читинскаго подотдѣла приамурскаго отдѣла географическаго общества, гласнымъ читинской городской думы и много работалъ въ мѣстномъ музеѣ, особенно послѣ ареста и ссылки А. К. Кузнецова. Послѣ 1906 г. Д. М. явился инициаторомъ и главнымъ руководителемъ прогрессивной газеты «Забайкальская Новь». Д. М. былъ женатъ на родной племянницѣ недавно скончавшагося Д. А. Клеменца. Въ лицѣ Д. М. ушелъ одинъ изъ сибиряковъ, по своимъ воззрѣніямъ примыкавшій къ типу старыхъ сибиряковъ школы Ядринцева и Потанина. Д. М. скончался неожиданно на 46-мъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ добрую память какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и среди лицъ, знавшихъ покойнаго. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914 г., № 43).

† **Додоновъ, А. М.**¹⁾ Москва потерпѣла крупную художественную потерю— скончался ея любимецъ, вѣчно живой, бодрый и влюбленный въ звуки пѣвецъ и учитель пѣнія Александръ Михайловичъ Додоновъ. Это былъ артистъ прекрасной школы, блестящихъ дарованій, не только украшавшій императорскую оперу за долгій періодъ своей артистической карьеры въ 1869—1891 гг., но до послѣдняго издыханія (умеръ 19-го января с. г.) служившій всѣмъ умомъ, всѣмъ помышленіемъ излюбленному дѣлу вокальнаго искусства. И, какъ пѣвецъ-педагогъ, А. М. Додоновъ трудился не даромъ. Онъ далъ намъ Л. В. Собинова, Д. А. Смирнова и множество пѣвцовъ и пѣвицъ, разбросанныхъ на провинціальныя сцены Россіи. Самъ ученикъ знаменитаго Эмануила Гарсиа и Ф. Ламперти, онъ создалъ вполне законченную и хорошо продуманную школу пѣнія, въ которую вложилъ много пріемовъ, много способовъ, выработанныхъ долготѣнимъ сценическимъ опытомъ и преподавательской практикой. Основные идеи его «Руководства къ правильной постановкѣ голоса» и мысли о различныхъ системахъ преподаванія (въ книгѣ «Современное преподаваніе пѣнія». М. 1904 г.), широко пропагандированныя имъ при обученіи и на лекціяхъ о пѣніи, которыя почтенный пѣвецъ не разъ читалъ въ столицахъ и въ провинціи,—надолго останутся памятникомъ его неутомимой дѣятельности на полувѣковой службѣ вокальному искусству. Какъ артистъ, художникъ, онъ достигалъ рѣдкаго напоса въ исполненіи твореній Гуно, Мейербера, Глинки, Даргомыжскаго, Верстовскаго, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Рахманинова, Гречанинова. Своимъ исполненіемъ онъ умѣлъ заражать и учениковъ и ученицъ, искусно напрягая ихъ способности и природныя голосовыя данныя къ разумной работѣ надъ Богомъ даннымъ инструментомъ. Съ какой неподдѣльной любовью слѣдилъ онъ за успѣхами своихъ питомцевъ, не щадя силъ, не считывая времени, плохо заботясь о матеріальной выгодѣ! Намъ живо рисуется этотъ семидесятишестилѣтній старецъ—бодрый, подвижной, съ румянцемъ на обѣихъ щекахъ, вкладывающимъ душу въ какую-нибудь красивую музыкальную фразу изъ оперы, романса, аріи. Теплое слово ободренія, ласка, шутка облегчали учащимся трудные первые шаги ученія, но старикъ былъ неумолимъ въ натверживаніи основныхъ правилъ вокальнаго искусства, въ непогрѣшимости которыхъ свято вѣрилъ... «Я вамъ надоѣлъ вѣчнымъ повтореніемъ, но скажу опять и опять: берите ріано эти звуки—это будетъ выразительнѣе, нѣжнѣе...» и т. д., и т. д.—не отстанеть, пока не добьется отъ ученика, чего надо... На смертномъ одрѣ, страдая мучительными болями, онъ диктовалъ краткія, сжатые, всѣмъ понятныя «главныя правила», необходимыя обучающимся пѣнію. Наканунѣ смерти, въ постели, показывалъ, какъ надо брать правильно звукъ... Нельзя не помянуть теплымъ словомъ этого пламеннаго фанатика своего дѣла, свѣтлаго, честнаго идеалиста-шестидесятника, какимъ прожилъ всю свою жизнь покойный. Въ его душевномъ участіи къ ближнему было что-то удивительно простое, непритворное. Оно

¹⁾ Сообщилъ Н. В. Шаломытовъ.

брало въ полонъ всякаго, кто ни соприкасался съ покойнымъ. Москва давно признала его своимъ любимцемъ, и только смерть могла отнять у нея талантливаго москвича. По происхожденію своему, однако, Додоновъ былъ петербуржецъ и началъ свою карьеру съ маленькой должности почтоваго чиновника. Голосъ его—онъ пѣлъ въ хорѣ, а потомъ и соло въ католическомъ костелѣ—привлекъ вниманіе А. Г. Рубинштейна, взявшаго его подъ свое покровительство. Великая княгиня Елена Павловна и ея музыкальный кружокъ доставили возможность молодому Додонову брать уроки у лучшихъ учителей пѣнія Петербурга, а затѣмъ уѣхать за границу въ Лондонъ, къ знаменитому Гарсіа, который два года работалъ съ даровитымъ пѣвцомъ. Додоновъ съ успѣхомъ выступалъ въ концертахъ Хрустальнаго дворца, Albert Halle, Коventгарденскаго театра и затѣмъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ передъ дебютомъ (въ Триестѣ, въ 1865 г.) занимался съ Францемъ Ламперти въ Миланѣ. Сезонъ 1867—68 г. Додоновъ пѣлъ въ одесской итальянской оперѣ, пожиная первые лавры на русской почвѣ. Такой же успѣхъ сопровождалъ артиста въ слѣдующемъ сезонѣ въ Кіевѣ, а съ 1869 г.—Додоновъ уже артистъ императорской московской оперы и неотъемлемый московскій любимецъ. Исполненіе его восхищало не только рядовую публику, но и такихъ тонко чувствующихъ музыкальныхъ рецензентовъ, какъ П. И. Чайковскій (см. музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича за 1863—1876 гг.). Пишущій эти строки помнитъ яркіе сценическіе образы Торопки, Финна, Князя (въ «Русалкѣ»), которыя создавалъ Додоновъ на сценѣ, вызывая всеобщее восхищеніе. Выслуживъ пенсію, въ 1891 г., Додоновъ пять лѣтъ преподавалъ въ филармоническомъ училищѣ Шостаковскаго, а затѣмъ до конца дней давалъ постоянно уроки пѣнія на дому. Покойный не оставилъ воспоминаній о полувѣковой службѣ своей вокальному искусству, а жаль... Какъ много интереснаго разсказывалъ этотъ вѣчно юный душой старикъ о нашей театральной давнопрошедшей были, какъ много подмѣчалъ живого и образнаго въ жизни старушки-Москвы.

† **Евстафіевъ, П. В.** 18-го февраля скончался одинъ изъ старѣйшихъ петербургскихъ педагоговъ Петръ Васильевичъ Евстафіевъ. Покойный трудился на педагогическомъ поприщѣ болѣе полувѣка, будучи учителемъ русскаго языка и литературы въ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ послѣдніе годы въ петербургской пятой гимназіи, Александровской женской гимназіи и въ женской гимназіи принцессы Е. М. Ольденбургской. Имъ составлено и издано нѣсколько цѣнныхъ при изученіи русской литературы пособій: «Новая русская литература» въ отдѣльныхъ очеркахъ, посвященныхъ характеристикѣ творчества такихъ корифеевъ русской литературы, какъ Тургеневъ, графъ Ал. Толстой, А. Н. Островскій, Гончаровъ и др. Ему принадлежатъ также два выпуска «Древней русской литературы». Умеръ онъ восьмидесяти трехъ лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13627).

† **Косинскій, Ю. Ф.** Въ Варшавѣ 11-го марта скончался одинъ изъ старѣйшихъ врачей въ Варшавѣ и одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ варшавской главной школы и императорскаго варшавскаго университета Юліанъ Францевичъ Косинскій. Среднее образованіе покойный получилъ въ Кейданахъ, высшее

въ Петербургѣ въ медико-хирургической академіи. Началь службу военнымъ врачомъ въ Нарвскомъ пѣхотномъ полку, а затѣмъ состоялъ ординаторомъ варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя. Удостоенный степени доктора медицины медицинскимъ совѣтомъ царства Польскаго, Ю. Ф. Косинскій уже въ 1862 году началъ свою научную дѣятельность въ качествѣ профессора анатоміи въ варшавской медицинской академіи, а затѣмъ въ варшавской же главной школѣ и въ императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Въ 1867 году былъ командированъ на два года за границу, и по возвращеніи изъ командировки получилъ каѳедру хирургіи, по которой съ честью и пользой для науки велъ преподаваніе въ теченіе многихъ лѣтъ, воспитавъ цѣлый рядъ поколѣній врачей. Въ 1899 году, проработавъ въ университетѣ и главной школѣ тридцать пять лѣтъ, покойный вышелъ въ отставку, продолжая попрежнему неутомимо трудиться на пользу науки и страждущаго человечества. Имъ написанъ цѣлый рядъ медицинскихъ работъ на русскомъ, польскомъ и иностранныхъ языкахъ. Серьезный ученый, прекрасный профессоръ, талантливый хирургъ и врачъ-практикъ, покойный, по словамъ профессора Есипова, былъ и прекраснымъ товарищемъ и въ профессорской, и во врачебной средѣ и пользовался всеобщимъ расположеніемъ, любовью и уваженіемъ. Его пациенты боготворили, его товарищи всегда прислушивались къ его голосу, его ученики гордились быть «учениками Косинскаго». (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13653).

† **Епископъ Никодимъ.** 12-го марта скончался преосвященный Никодимъ, епископъ астраханскій и енотаевскій. Почившій архипастырь, въ мѣрѣ Николай Ивановичъ Боконъ, сынъ священника, родился въ 1852 году въ Тамбовской губерніи и воспитывался въ тамошней духовной семинаріи; по окончаніи семинарскаго курса въ 1872 году состоялъ псаломщикомъ и учителемъ сельской школы; рукоположенный во священника (1873 г.) былъ настоятелемъ церкви при кулаевскомъ приходѣ (Казанской епархіи) и «за примѣрную службу» съ 1884 года переведенъ въ Казанскій каѳедральный соборъ. Послѣ смерти жены съ 1888 года онъ для довершенія своего образованія поступилъ въ казанскую духовную академію, а по выпускѣ изъ нея со степенью кандидата богословія (1891 г.) и по принятіи монашества (1892 г.) занималъ должности: инспектора въ тульской семинаріи (1892—1893 г.г.) и архимандрита-ректора въ симбирской семинаріи (1893—1895 г.г.). Хиротонисанный въ санъ епископа сарапульскаго (23-го юля 1895 г.), покойный послѣдовательно состоялъ викаріемъ вятской епархіи (1895—1900 г.г.), епископомъ пріамурскимъ (1900—1906 г.г.), рязанскимъ (1906—1911 г.г.), полоцкимъ (1911—1913 г.г.), и, наконецъ, астраханскимъ (съ 8-го марта 1913 г.). Епископу Никодиму принадлежали: кандидатское сочиненіе— «Изображеніе духа и жизни первенствующихъ христіанъ по книгѣ Дѣяній Св. Апостоловъ и по посланіямъ апостольскимъ», «Слово при нареченіи во епископа» («Церковныя Вѣдомости», 1895 г., № 30) и церковныя поученія, напечатанныя въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ губерній, гдѣ служилъ почившій архипастырь. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 63).

† **Орловскій, В. Д.** 3-го марта въ Кіевѣ на Лукьяновскомъ кладбищѣ похороненъ извѣстный пейзажистъ профессоръ Владимиръ Донатовичъ Орловскій. Онъ умеръ въ Италіи, въ гор. Нерви, откуда гробъ съ останками былъ доставленъ 1-го марта въ Кіевъ. Послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ имя этого художника рѣдко вспоминалось. Онъ нигдѣ не выставялъ, а новыя теченія, новыя манеры въ пейзажной живописи отодвинули на второй планъ большого художника, имѣвшаго передъ тѣмъ вполне заслуженное положеніе и громкую славу. В. Д. Орловскій родился въ Кіевѣ въ 1842 году. Любовь къ рисованію проявилась въ немъ еще въ дѣтскіе годы. Когда онъ поступилъ въ гимназію, учитель рисованія Сошенко обратилъ вниманіе на его способности и началъ съ большимъ вниманіемъ руководить имъ. Орловскій быстро пошелъ впередъ. Желаніе стать художникомъ говорило въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Но эта мысль встрѣтила упорное сопротивленіе отца, мечтавшаго сдѣлать изъ своего сына врача или офицера. Директоръ гимназіи М. К. Чалый вмѣстѣ съ учителемъ Сошенко употребили все свое краснорѣчіе, чтобы уговорить отца дать согласіе. Орловскій, снабженный письмомъ къ знаменитому украинскому поэту и художнику Т. Г. Шевченку, отправился въ Петербургъ поступить въ академію художествъ. Видя его огромныя успѣхи, Шевченко, въ то время уже тяжело больной, далъ ему письмо къ конференцъ-секретарю Львову и послалъ Орловскаго къ нему вмѣстѣ съ работами. Львовъ безъ экзамена зачислилъ его въ ученики перваго головного класса, а способности молодого художника заставили профессоровъ перевести его въ первую треть въ фигурный классъ. Въ 1862 году В. Орловскій получилъ малую серебряную, а въ слѣдующемъ—большую медаль. Какъ разъ въ это время ему пришлось пережить самый трудный періодъ, полный всевозможныхъ лишеній. Отецъ его почти разорился и не могъ оказывать ему сколько-нибудь замѣтной поддержки. Нужно было самому бороться за собственное существованіе. Онъ сталъ за безцѣнокъ распродавать свои великолѣпныя этюды, которые писалъ съ увлеченіемъ, и, несмотря на нужду, не оставялъ систематической серьезной работы. Вырваться изъ тяжелаго положенія ему помогъ случай. Однажды, когда онъ былъ въ пейзажномъ классѣ и копировалъ этюдъ А. П. Боголюбова, пришелъ туда тотъ, въ то время очень вліятельный профессоръ. Ему понравилась работа ученика. Онъ познакомился съ нимъ, пригласилъ его работать въ своей мастерской. Благодаря Боголюбову, Орловскій сблизился со многими состоятельными лицами, которыя давали ему заказы и приглашали на лѣто къ себѣ въ имѣнія. Такъ, напримѣръ, въ 1864—1865 гг. онъ провелъ лѣто въ Алупкѣ, въ имѣніи князей Воронцовыхъ, гдѣ много работалъ. Первую программу на малую золотую медаль онъ написалъ въ 1866 году. Въ слѣдующемъ году за «Деревня Кокозы» и еще двѣ картины на крымскіе мотивы совѣтъ профессоровъ академіи художествъ присудилъ ему большую золотую медаль и право поѣздки за границу на казенный счетъ. Орловскій признавалъ лишь одну натуру. Даже въ своихъ картинахъ онъ не любилъ отступать отъ этюдовъ. Перечислить все, что онъ написалъ,—невозможно. Его произведенія есть во всѣхъ музеяхъ, украшаютъ лучшія галереи частныхъ коллекціонеровъ. Орловскій любилъ Малороссію, ея степь, хутора, тѣнистые пруды и безконечную даль, раскрывающуюся передъ глазами зрителя, стоящаго на

высокомъ берегу Днѣпра. Но онъ писалъ и волнующееся море, морской берегъ, любилъ финское побережье. Какъ художникъ, В. Д. Орловскій уже давно сошелъ со сцены. По неизвѣстнымъ причинамъ онъ пересталъ выставлять уже лѣтъ пятнадцать-двадцать и даже говорятъ, что тогда же онъ совсѣмъ забросилъ свою живопись. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1914, № 505).

† **Уманскій, А. М.** 21-го февраля въ Лейхтенбергскомъ отдѣленіи Обуховской больницы отъ зараженія крови скончался извѣстный въ издательскихъ кругахъ старый труженикъ печати, ученый лѣсководъ Алексѣй Марковичъ Уманскій, пятидесяти трехъ лѣтъ. Покойный въ 90-хъ годахъ работалъ во многихъ журналахъ и газетахъ, и театральныя его замѣтки пользовались большой популярностью. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона А. М. редактировалъ одинъ изъ отдѣловъ и помѣстилъ большую статью объ исторіи театра. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ покойнымъ было основано крупное издательское дѣло «Книговѣдъ». Самъ онъ издалъ цѣлый рядъ книгъ по спеціальнымъ вопросамъ, среди которыхъ «Таможенный уставъ» вышелъ въ текущемъ году пятымъ изданіемъ. Болѣзнь захватила его 15-го февраля вечеромъ, за работой надъ изданіемъ труда по элеваторамъ. Внезапное зараженіе крови унесло въ могилу честнаго литературнаго труженика. (Некрологъ его: «Вечерняя Воскресная Газета», 1914, № 106).

† **Хатисова, М. С.** 9-го февраля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни въ Тифлисѣ скончалась Марія Степановна Хатисова. Покойная—мать тифлискаго городского головы и недавно скончавшагося извѣстнаго бакинскаго общественнаго дѣятеля Константина Ивановича Хатисова, принадлежала къ числу выдающихся армянскихъ женщинъ. Трудомъ М. С. основано нынѣ существующее женское армянское благотворительное общество, которому покойная завѣщала десять тысячъ рублей. М. С. извѣстна и на литературномъ поприщѣ; перу ея принадлежатъ романы: «Елена», «На новомъ пути», «Несчастливая женщина» и т. д. Похороны покойной (въ оградѣ Ванкскаго собора) состоялись 12-го февраля. (Некрологъ ея: «Закавказская Рѣчь», 1914 г., № 35).

† **Шубинскій, П. П.** Въ Тифлисѣ 2-го марта этого года скончался отъ паралича сердца отставной генералъ-майоръ Петръ Петровичъ Шубинскій, родной братъ члена государственной думы и извѣстнаго общественнаго дѣятеля Н. П. Шубинскаго. Покойный долгое время служилъ на военно-административныхъ должностяхъ въ Туркестанѣ и на Кавказѣ. Онъ занималъ много ответственныхъ постовъ, на примѣръ, былъ начальникомъ на правахъ губернатора въ Закавказскомъ краѣ, исполнялъ обязанности градоначальника въ Баку, въ эпоху смуты и террора въ 1905 году, послѣ убійства генерала Накашидзе. Послѣдней его должностью былъ постъ помощника военнаго генералъ-губернатора въ Баку. П. П. былъ образованный, гуманный и всюду любимый администраторъ. Онъ былъ всегда справедливъ, что въ инородческихъ краяхъ особенно цѣнится. Когда его повышали и переводили въ другую мѣстность, ему устраивались горячіе проводы отъ всего населенія. Храбрость его и твердое исполненіе служебнаго долга были всѣмъ извѣстны. Покойный былъ не чуждъ литературы. Онъ написалъ много интересныхъ очерковъ изъ быта Туркестана, Закавказскаго края и др. окраинъ. Послѣдній его трудъ, напечатанный въ февральской

книгѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, — яркая картинка бакинскаго смутнаго времени, когда палъ жертвой революціонеровъ-анархистовъ князь М. А. Накашидзе, бакинскій губернаторъ. П. П. скончался всего пятидесяти девяти лѣтъ отъ роду, совершенно неожиданно. Хоронили его въ родовомъ имѣніи дворянъ Шубинскихъ, въ Тверской губерніи, Калязинскомъ уѣздѣ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1914 г., № 53).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу рецензіи В. А. Алексѣева.

Въ послѣдней книжкѣ «Историческаго Вѣстника» (мартъ 1914 г.), въ отдѣлѣ критики и библиографіи, напечатана, за подписью В. А. Алексѣева, рецензія о моей книгѣ «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ», біографическій очеркъ, изд. имп. военно-истор. общества.

По поводу этой рецензіи считаю долгомъ сообщить слѣдующее.

Раздѣляя мнѣніе В. А. Алексѣева о желательности провѣрки точнаго мѣста рожденія А. П. Ермолова, — который часть дѣтства провелъ въ Орлѣ и въ имѣніи своего отца, П. А. Ермолова, село Лукьянчиково Орловской губерніи, — по архивнымъ дѣламъ орловской консисторіи, не могу не замѣтить, что я не имѣлъ основаній, точно такъ же, какъ и другіе близкіе родственники А. П. Ермолова, какъ, напримѣръ, покойная двоюродная сестра моя камеръ-фрейлина Екатерина Петровна Ермолова, хорошо знавшая своего дядю, А. П. Ермолова, не довѣрять показанію въ этомъ отношеніи Погодина, часто посѣщавшаго А. П. Ермолова въ Москвѣ и не разъ вносившаго въ свою записную книжку біографическія о немъ свѣдѣнія непосредственно со словъ Алексѣя Петровича.

Что же касается года рожденія А. П. Ермолова и указанія г. Алексѣева на приведенное въ моемъ біографическомъ очеркѣ мало вѣроятное свѣдѣніе, что А. П. записанъ на службу каптенармусомъ 5-го января 1778 г., т. е. семи мѣсяцевъ отъ роду, то это простая опечатка; слѣдовало сказать: 5 января 1787 г., т. е., когда А. П. было десять лѣтъ, какъ это и значится въ помѣщенномъ на стр. 173—175 моей книги формулярномъ спискѣ о службѣ А. П. Ермолова.

На высказанное В. А. Алексѣевымъ замѣчаніе, что въ моемъ очеркѣ не приведены многочисленные анекдоты объ Алексѣѣ Петровичѣ и примѣры его остраго языка, могу отвѣтить лишь, что при составленіи моего очерка я поставилъ себѣ цѣлью помѣстить въ немъ по возможности лишь такіе матеріалы и свѣдѣнія, которые основаны на точныхъ документальныхъ данныхъ или безспорныхъ воспоминаніяхъ его современниковъ, руководствуясь при этомъ высказаннымъ самимъ Алексѣемъ Петровичемъ пожеланіемъ, чтобы «въ его жизнеописаніи

собственно лицу его не было приписано, что-либо не принадлежащее, особенное» и сознательно избѣгая сомнительныхъ показаній «баснописцевъ», какъ А. П. называлъ нѣкоторыхъ изъ своихъ біографовъ.

Наконецъ, по поводу выраженного авторомъ рецензіи сожалѣнія, что въ моей книгѣ не помѣщены нѣкоторые интересные портреты Алексѣя Петровича Ермолова, считаю долгомъ отмѣтить, что указанные г. Алексѣевымъ портреты А. П., какъ и нѣкоторые другіе, помѣщены были въ составленномъ мною библиографическомъ указателѣ сочиненій объ А. П. Ермоловѣ, напечатанномъ въ журналѣ «Русскій Библиофиль», 1911 г.

А. Ермоловъ.

II.

Нѣсколько словъ по поводу статьи Е. С. Шумигорскаго «Взятіе Парижа и его историческое значеніе» («Истор. Вѣсти.»—мартъ).

Прочтя эту небольшую историческую памятку, мы позволяемъ себѣ высказать нѣкоторыя невольныя недоумѣнія. Они вызываются не основною мыслью автора, которая вполне ясна: императору Александру I, по изгнаніи французовъ изъ Россіи, не слѣдовало переступать ея границы, а надлежало предоставить Европу собственной судьбѣ и, главное, скорѣе предложить миръ Наполеону, который, очевидно, былъ нашъ естественный союзникъ, только временно и случайно сдѣлавшійся нашимъ врагомъ. Слѣдовательно, не нужно были вести войны 1813 г. и 1814 г. и входить въ Парижъ, тѣмъ болѣе, что непосредственно отъ Франціи намъ территоріально пріобрѣтать было нечего. Такъ какъ императоръ Александръ не исполнилъ этой истинно русской программы, то послѣдствія могли быть и для Россіи, и для него только гибельны. Такой взглядъ, не новъ и мы, хотя и стоимъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, ни обсуждать, ни оспаривать его здѣсь не имѣемъ намѣренія. Мы остановимся только на главнѣйшихъ аргументахъ въ его пользу, приводимыхъ авторомъ.

Характеръ отношенія русскаго общества къ войнѣ 1813 и 1814 годовъ Шумигорскій кратко и безапелляціонно опредѣляетъ въ немногихъ словахъ. Лучшіе русскіе люди Александровскаго времени, говоритъ онъ, считали эти войны печальной исторической ошибкой, вообще въ Россіи смотрѣли на нихъ, какъ на прискорбное событіе и жалѣли Наполеона. Такое свое положеніе авторъ, кромѣ анонимной ссылки на лучшихъ людей, подкрѣпляетъ еще Пушкинымъ, который, по его мнѣнію, явился выразителемъ такого печальнаго настроенія въ Россіи. Если г. Шумигорскій имѣетъ въ виду извѣстное стихотвореніе «Наполеонъ», написанное въ 1821 году, по полученіи извѣстія о смерти узника Святой Елены, то мы просили бы его указать тотъ стихъ или то слово, въ которомъ можно было бы найти не только порицаніе войны Россіи противъ Наполеона, но даже какое-либо сожалѣніе о томъ, что онъ были ведены. Есть здѣсь великодушное прощеніе широкаго русскаго сердца нашего великаго

поэта великому полководцу за все содѣянное имъ зло, но того, что ищетъ г. Шумигорскій, нѣтъ. Такіе стихи, на примѣръ: «Европа гибла—согъ могильный носился надъ ея главою»; «И все какъ буря закипѣло: Европа свой расторгла плѣнь; вослѣдъ тирану полетѣло, какъ громъ, проклятіе племень»—едва ли могутъ считаться порицаніемъ тому, благодаря которому былъ расторгненъ плѣнь Европы, что, какъ, видно, Пушкинъ воспѣваетъ. Позволимъ себѣ думать, что такъ односторонне освѣщать событія нельзя и Пушкина привлекать, какъ свидѣтеля, слѣдуетъ съ большой осторожностью.

Переходя засимъ къ обвиненію императора Александра въ пагубномъ для Россіи упорствѣ не принимать мирныхъ предложеній Наполеона, г. Шумигорскій говоритъ:

«Извѣстно, что послѣ 1812 года Наполеонъ болѣе, чѣмъ когда-либо, желалъ сближенія съ Россіей и готовъ былъ, чтобы сдержатъ Австрію и Пруссію, на всевозможныя уступки». Позволяемъ себѣ на это замѣтить, что не можетъ быть извѣстно то, чего не было. Извѣстно же нѣчто иное, мало похожее на то, что такъ положительно здѣсь утверждаетъ авторъ. За время съ отъѣзда Наполеона изъ арміи, покинутой имъ въ Россіи, до его выѣзда изъ Парижа къ новой арміи на Эльбѣ 19-го апрѣля 1813 года намѣренія Наполеона по отношенію къ Россіи выражались, во-первыхъ, въ послѣдовательно имъ повторяемыхъ увѣреніяхъ, что онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заставитъ русскихъ дорого заплатить за ихъ успѣхи, которымъ они, впрочемъ, обязаны исключительно климату, а не ихъ оружію, отбросивъ ихъ далеко за Нѣманъ, во-вторыхъ, въ принятіи имъ на совѣтъ, специально созданномъ въ январѣ 1813 года, для обсужденія вопроса о возможныхъ условіяхъ мира, рѣшеніи принять посредничество Австріи, а не обращаться въ императору Александру, несмотря на самыя настоятельныя совѣты прибѣгнуть именно къ такому обращенію, данные Камбасерессомъ, Коленкуромъ и Талейраномъ. Засимъ это принятое Наполеономъ рѣшеніе было имъ сообщено императору австрійскому, которому Наполеонъ въ особомъ письмѣ, излагая условія, на которыхъ онъ считалъ бы возможнымъ заключить миръ, въ общемъ совершенно непріемлемыя, специально по отношенію къ Россіи говорилъ, что входитъ въ переговоры съ императоромъ Александромъ онъ считаетъ ниже своего достоинства и что онъ рѣшительно не допуститъ никакого территориальнаго увеличенія Россіи, которую можетъ только освободить отъ обязательствъ Тильзитскаго договора, касающихся континентальной блокады.

Въ тяжелыя, однако, минуты раздумья, послѣ своей побѣды подъ Люцеюномъ, когда тонкая, но коварная игра Австріи, хотя и поздно, но стала ему уясняться, Наполеонъ вдругъ какъ бы вспомнилъ то, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ совѣтовали ему Талейранъ, Камбасересъ и Коленкуръ, и остановился на новой мысли: скорѣе еще нанести союзникамъ рѣшительный ударъ и затѣмъ заключить миръ, предварительно согласившись съ Россіей и, можетъ быть, съ Англіей, но при этомъ отомстивъ, какъ слѣдуетъ, Австріи и Пруссіи. И тутъ въ своихъ мечтаніяхъ онъ допускалъ уступку Россіи части Польши и восстановленіе Бурбоновъ въ Испаніи для удовлетворенія Англіи. И, какъ весьма часто съ нимъ случалось, считая фактическія предположенія

совершенно осуществимыми, Наполеонъ тотчасъ же приказалъ своему послу въ Вѣнѣ Нарбонну дать понять Австріи, что ея посредничество при наличныхъ силахъ, которыми онъ располагаетъ, вовсе не является для него необходимымъ тѣмъ болѣе, что онъ совершенно увѣренъ, что, такъ какъ между нимъ и императоромъ Александромъ существуютъ «взаимныя симпатіи», то личная его, Наполеона, попытка непосредственнаго обращенія къ русскому императору «раздѣлила бы міръ на двѣ части». И эту попытку онъ сдѣлалъ послѣ того, какъ согласился въ принципѣ на предложенные Австріей перемиріе и созывъ конгресса въ Прагѣ. Одновременно съ извѣстіемъ объ этомъ, посланнымъ съ генераломъ графомъ Вубна, былъ посланъ Коленкуръ съ письмомъ къ графу Несельроде, въ которомъ сообщалось, что, въ виду состоявшагося соглашенія, императоръ Наполеонъ командируетъ въ качествѣ своего комиссара герцога Виченцакаго, избравъ изъ числа находящихся при немъ высшихъ военныхъ чиновъ именно его, зная, что онъ будетъ особенно пріятенъ императору Александру. Но Коленкуръ не былъ допущенъ въ главную квартиру союзниковъ и ему было отвѣчено, что такъ какъ посредничество возложено на Австрію, то Коленкуру слѣдуетъ обратиться къ ея представителю графу Стадіону. Другого отвѣта и не могло быть дано, такъ какъ болѣе чѣмъ странно было бы со стороны создателя и руководителя коалиціи, ожидавшаго со дня на день окончательнаго вступленія въ нее Австріи, разрушать эту коалицію собственными руками. Что было Наполеономъ поручено передать или предложить императору Александру, не знаетъ никто, и это, развѣ, сдѣлается извѣстнымъ только послѣ опубликованія мемуаровъ Коленкура, которые пока недоступны. Но, допустивъ даже, что Наполеонъ предлагалъ то, что указано нами выше — часть Польши, это не могло имѣть никакого значенія для императора Александра, такъ какъ Польша уже была у него въ рукахъ. Кромѣ этой единичной попытки со стороны Наполеона, другихъ исторія за это время не знаетъ, но онѣ, можетъ быть, извѣстны Е. С.

Но этихъ аргументовъ для подкрѣпленія своей основной мысли Е. С. казалось недостаточнымъ, и онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть еще къ одному, болѣе рѣшительному. Показавъ, какъ въ Россіи не одобряли войнъ 1810 и 1814 г.г. и какъ упрямо русскій монархъ не хотѣлъ миролюбія съ Наполеономъ, Е. С. описываетъ пребываніе нашихъ войскъ и императора Александра въ Парижѣ въ мрачныхъ краскахъ и въ доказательство тяжелаго положенія Александра Павловича по отношенію и къ французамъ, и къ союзникамъ приводитъ два факта. Первымъ является нѣчто дѣйствительно необычайное: Россія, шедшая во главѣ коалиціи, окончила побѣдоносную войну, не заключивъ никакого самостоятельнаго мирнаго договора съ французскимъ правительствомъ. Былъ заключенъ одинъ общій договоръ, какой неизвѣстно, но въ которомъ Россія упоминается просто въ числѣ союзниковъ. Понятно вполнѣ негодованіе эмигранта Кристина, скорбный плачъ котораго Е. С. по сему поводу приводитъ, и его самого, который, впрочемъ, тутъ же говоритъ, что это объясняется необходимостью для императора Александра Павловича въ дѣлѣ расчлененія Франціи стать за ширмы и умыть себѣ руки.

Первое, что намъ пришло въ голову, когда мы это прочли, было подозрѣніе, и въ этомъ очень извиняемся передъ Е. С., что онъ мистифицируетъ читателя съ непонятной для насъ дѣлюю. Но засимъ пришлось признать, что мистификація была бы неумѣстна и что Е. С. дѣйствительно не знаетъ, что мирный договоръ съ Франціей, подписанный 18-го (30) мая 1814 года, былъ заключенъ каждымъ изъ союзниковъ отдѣльно въ одинъ и тотъ же день и всѣ четыре договора были тождественны по своему содержанію въ 23 основныхъ, одной общей дополнительной и четырехъ отдѣльныхъ и секретныхъ статьяхъ. Кромѣ того, въ каждомъ изъ четырехъ договоровъ были еще отдѣльныя статьи, текстъ коихъ измѣнялся. Въ русскомъ договорѣ была одна такая статья, касающаяся Варшавскаго герцогства. Каждый изъ договоровъ начинался съ одной и той же фразы: «Его величество король Франціи и Наварры съ одной стороны и его величество императоръ всероссійскій и его союзники съ другой», или «императоръ австрійскій и его союзники», или «король Пруссіи», или «король Великобританіи и Ирландіи» и т. д. Договоръ съ Россіей, подписанный съ нашей стороны графомъ Андр. Кир. Разумовскимъ и графомъ Карл. Вас. Нессельроде, а со стороны Франціи княземъ Талейраномъ, хранится въ подлинникѣ въ государственномъ архивѣ, гдѣ мы его видѣли, былъ опубликованъ въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ № 25586 рядомъ съ относящимся къ нему манифестомъ и помѣщенъ подъ № 507 на стр. 236 т. XIV собранія трактатовъ и договоровъ, изданныхъ Мартенсомъ. Что эмигрантъ Крестинъ этого не знаетъ, это понятно, но что современный русскій историкъ тоже этого не знаетъ, это непонятно. Ясно, что всѣ выводы, сдѣланные изъ совершенно ложной посылки, столь же ложны. Хотя не въ столь радикальной, но не менѣе серьезной поправкѣ нуждается и другой фактъ, приводимый, какъ иллюстрація все того же неудобнаго, по мнѣнію г. Шумигорскаго, положенія императора Александра въ Парижѣ: онъ желалъ устраниваться отъ веденія мирныхъ переговоровъ и для сего скорѣе уѣхать въ Англію, но союзники его не пустили. Какъ онъ никогда не прятался за ширмы и ни одна статья договора не проходила безъ его руководящей санкціи, что было совершенно необходимо въ интересахъ Франціи, а тѣмъ самымъ и въ интересахъ Россіи, для которой императоръ Александръ оберегалъ Францію, такъ онъ оставался въ Парижѣ не потому, что его удерживали союзники, а потому, что, какъ говоритъ Н. К. Шильдеръ (т. III, стр. 240), императоръ Александръ желалъ, чтобы конституція была обнародована до его отъѣзда изъ Парижа. Когда дѣло стало затягиваться, онъ заговорилъ Наполеоновскимъ языкомъ, и торжественное засѣданіе сената и законодательнаго собранія для провозглашенія хартіи было, наконецъ, назначено на 23-е мая—4-го іюня. Наканунѣ этого дня императоръ Александръ Павловичъ выѣхалъ изъ Парижа. Картина нѣсколько иная. Она и еще значительно бы измѣнилась, если бы мы внесли поправки во многое другое изъ сообщаемого Е. С., столь же вѣрно изображающее историческое значеніе взятія Парижа. Пока останавливаемся на этомъ.

П. Исаковъ.

III

Отвѣтъ П. Н. Исакову.

Возраженія г. Исакова на нашу статью о взятіи Парижа живо перенесли насъ ко временамъ... усмиренія Венгріи и сдачи русскимъ войскамъ Гергея, когда канцлеръ императора Николая I, графъ Нессельроде, незадолго до крымской войны, блестяще доказывалъ, что въ видахъ лояльности и безкорыстія Россія менѣе всего должна заботиться о своихъ національныхъ интересахъ, а, напротивъ, должна спасать и укрѣплять своихъ сосѣдей-недрузговъ. Этимъ опредѣлялись ея историческія задачи и ея величіе. Г. Исаковъ не принадлежитъ, конечно, къ школѣ графа Нессельроде, возникшей при Александрѣ I и имѣвшей своихъ послѣдователей въ Россіи даже во второй половинѣ XIX вно, тѣмъ не менѣе, беретъ на себя неблагодарный трудъ доказать, вопреки моему мнѣнію, что внѣшняя политика Александра I послѣ 1812 года носила на себя признаки національной. Онъ самъ говоритъ, что мой взглядъ «не новъ», и дѣйствительно, послѣ капитальныхъ трудовъ Шильдера и великаго князя Николая Михайловича, кто же нынѣ сочтетъ благословеннаго монарха въ области внѣшней политики продолжателемъ завѣтовъ Петра Великаго и Екатерины II? Со времени незабвеннаго Александра III, чрезъ головы своихъ предшественниковъ протянувшего руку Екатеринѣ II, русская историческая литература получила наконецъ возможнымъ образомъ освѣтить традиціи Нессельродовской школы, навлекшія на Россію столько бѣдствій, столько внѣшнихъ и даже внутреннихъ потрясеній.

Къ сожалѣнію, мы въ объясненіяхъ своихъ г. Исакову должны возвращаться къ историческимъ задачамъ, чтобы убѣдить его въ томъ, что ему «неизвѣстно не только то, что не было», но и то, что было. Онъ утверждаетъ, что Наполеонъ не показывалъ желанія заключить миръ съ Россіей послѣ 1812 года, а только «въ тяжелыя минуты раздумья» (!) послѣ побѣды своей при Люценѣ, когда «тонкая, коварная игра Австріи стала ему уясняться», онъ остановился на мысли заключить миръ съ Россіей, уступивъ ей часть Польши, но при этомъ «отомстивъ какъ слѣдуетъ (?) Пруссіи и Австріи». Мы видимъ, что г. Исаковъ не понимаетъ того, что, прискакавъ въ Парижъ послѣ разгрома своей арміи на снѣжныхъ поляхъ Россіи, Наполеонъ и не могъ мечтать о мирѣ съ Александромъ въ это время, а долженъ былъ собирать силы и возбуждать французовъ, чтобы удержать свое положеніе въ Германіи, куда вступали русскія войска. Пруссія играла въ это время двойную игру. Она заискивала предъ Наполеономъ, предлагала ему союзъ противъ Россіи, съ которой она также повела дружественные переговоры, но Наполеонъ отвергъ ея предложенія, не желая дѣлать ей никакихъ уступокъ. Тогда только король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, какъ говоритъ современникъ, вопреки своимъ желаніямъ (*contrairement aux vœux de son cœur*), рѣшился вступить въ союзъ съ Россіей, тѣмъ болѣе, что почти вся Пруссія уже занята была русскими войсками. Наполеонъ разбилъ войска союзниковъ при Люценѣ уже 17-го

апрѣля 1813 г., но вслѣдъ за тѣмъ первымъ его движеніемъ было послать къ Александру Коленкура, чтобы договориться о мирѣ. «Если я долженъ принести какія-либо жертвы,—сказалъ Наполеонъ Коленкуру,—то охотнѣе сдѣлаю ихъ въ пользу императора Александра, который ведетъ войну со мною откровенно, либо въ пользу короля прусскаго, въ которомъ онъ принимаетъ участіе, нежели въ угожденіе Австріи, разорвавшей союзъ со мною и присваивающей себѣ, подъ предлогомъ посредничества, право распоряжаться дѣлами Европы». Но Коленкуръ не былъ допущенъ въ русскую главную квартиру: государь объявилъ, что всѣ переговоры должны быть ведены чрезъ Австрію. «Долго европейскіе дворы не отваживались даже понимать во всемъ объемѣ великой и безкорыстной (sic) мысли Александра», писалъ впоследствии императору Николаю Михайловскій-Данилевскій, упоминая объ этомъ отказѣ Александра. «Такимъ образомъ, императоръ предпочелъ общее благо Европы частнымъ выгодамъ Россіи»,—замѣчаетъ Шильдеръ.—Интересы Россіи переданы были въ «дружескія» австрійскія руки такъ, что даже осталась неизвѣстной сущность предложеній Наполеона въ этотъ моментъ. Есть указаніе, что эта посылка Наполеона была не первая. «*Avant la bataille de Bautzen*,—писалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Россію въ это время,—*N. envoie Caulaincourt pour parler. D'après notre noble coutume, nous (такъ называетъ Константинъ императора) ne l'avons pas reçu*». Но Александръ уклонялся отъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ, стараясь въ то же время привлечь на свою сторону Австрію. Послѣ Бауцена Коленкуръ снова явился на русскіе аванпосты для переговоровъ о перемиріи и снова не былъ принятъ. Г. Исаковъ думаетъ почему-то, что Наполеонъ хотѣлъ предложить Александру только часть Польши. Едва ли это справедливо. Мемель онъ предлагалъ Россіи еще въ Тильзитѣ, указывая Александру на важность его для русской торговли, а объ уступкѣ герцогства Варшавскаго, если вѣрить А. Н. Попову, ссылающемуся на журналъ военныхъ дѣйствій, говорилъ Кутузову еще Лористонъ. Данцигъ, осажденный русскими войсками, не желалъ войти въ составъ прусскихъ владѣній а послѣ сдачи крѣпости русскимъ искалъ покровительства Россіи. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться на большія жертвы, чтобы спасти свое положеніе, и Россія получила бы, при меньшихъ жертвахъ, болѣе, чѣмъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Александръ тѣмъ съ большимъ основаніемъ могъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ, что послѣ сраженія при Люценѣ прусскій король уже подумывалъ объ измѣнѣ своему союзнику, вѣря въ непобѣдимость Наполеона... Лишь генераль Шарнгорстъ, по словамъ Шильдера, успѣлъ убѣдить своего короля въ необходимости для Пруссіи сохранить союзъ съ Россіей. Отказывая Наполеону въ переговорахъ, Александръ руководился не интересами Россіи, а чувствомъ ненависти къ нему, зародившимся со времени Аустерлица и хорошо скрытымъ въ Тильзитѣ, какъ доказалъ это великій князь Николай Михайловичъ перепиской императора съ его сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. Еще въ Москвѣ Наполеону для того, чтобы трактовать о мирѣ, было нужно, чтобы было *два*, а онъ и тогда, и при Бауценѣ былъ *одинъ*. Напрасно г. Исаковъ говорить, что переговорами съ Наполеономъ Александръ боялся оттолкнуть отъ себя Австрію. Выслушать

предложенія противника не значило еще согласиться на нихъ. Во всякомъ случаѣ, выслушать ихъ было необходимо прежде, чѣмъ рѣшаться на посредничество Австріи и такимъ образомъ предавать интересы своей страны въ руки коварныхъ союзниковъ.

Между тѣмъ, этому образу дѣйствій императора сочувствовали только нѣмцы и англичане. Не только лучшие русскіе люди, во главѣ которыхъ стояли канцлеръ Румянцовъ, фельдмаршалъ Кутузовъ, государственный секретарь Шишковъ (о нихъ г. Исаковъ можетъ узнать въ любой брошюрѣ по исторіи двѣнадцатаго года) были противъ войны за «освобожденіе Европы», но ею недовольна была армія и въ челѣ ея самъ братъ императора, цесаревичъ Константинъ. Армія не забыла первой прусской войны съ Наполеономъ, когда, по свидѣтельству нѣмца Вольцогена, среди ея раздавался ропотъ и ставился вопросъ: «для чего намъ продолжать сражаться изъ-за личной дружбы нашего императора къ королю прусскому?» А Константинъ Павловичъ вообще не стѣснялся высказывать свое нерасположеніе къ пруссакамъ, утверждалъ «qu'il était en cela bon russe». И въ 1813 году цесаревичъ Константинъ былъ жаркимъ приверженцемъ мысли о мирѣ съ Наполеономъ. Письма его съ театра войны къ другу его, графу Васильеву, были въ это время полны жалобами на образъ дѣйствій Александра. «La paix, la paix! Songeons à la Russie!» писалъ онъ послѣ сраженія при Бауценѣ, гдѣ союзники во второй разъ потерпѣли пораженіе. Онъ свидѣтельствовалъ, что армія желаетъ мира, и что только Анштегъ и Нессельроде возбуждаютъ Александра къ дальнѣйшей борьбѣ съ Наполеономъ, совмѣстно съ прочими нѣмцами, наполнявшими главную квартиру. Вступая уже въ предѣлы Франціи, цесаревичъ писалъ: «Вотъ вторая междоусобная война государей, и мы являемся простыми исполнителями ихъ повелѣній. Это мы расплачиваемся за разбитые горшки, за чужое дѣло (pour la cause d'autrui)». Говоря затѣмъ о желаніи Александра образовать особое царство Польское, цесаревичъ замѣчалъ: «Да сохранитъ Господь Россію отъ расчлененія безъ всякой надобности. Къ несчастію, мы (т. е. Александръ) уже образовали Финляндію, и это еще не самое смѣшное. Какая для насъ слава въ томъ, что мы сами дѣлаемъ то, что не могъ сдѣлать самъ врагъ? Это исторія пеликана на изнанку, но иногда пародіи нравятся болѣе, чѣмъ оригиналы». Генераль Дохтуровъ писалъ своей женѣ послѣ Бауцена и заключенія перемирія: «Теперь всѣ военныя дѣйствія кончились, и дай Боже, чтобы надолго. Право, изнурились чрезмѣрно, и каждый *доброй русской* долженъ сего желать. Вотъ уже годъ, какъ сія необыкновенная война продолжается. Пора кончить». Очевидно, перомъ этого извѣстнаго героя двѣнадцатаго года руководила общая всѣмъ русскимъ мысль, что для интересовъ Россіи война тринадцатаго года была бесполезна. Не приводимъ дальнѣйшихъ доказательствъ этой мысли, чтобы не увеличивать размѣра нашей замѣтки.

Послѣ кампаніи 1812 года графъ Ростопчинъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, извѣщалъ императора, что Россія можетъ выдержать новыя кровопусканія. Кровопусканія эти дѣйствительно совершились, но когда на Вѣнскомъ конгрессѣ обнаружилось, что за свои жертвы Россія ничего не приобрѣла, кромѣ урѣзаннаго и автономнаго царства Польскаго, настроеніе русскаго

общества сдѣлалось подавленнымъ. Въ Петербургѣ, послѣ вторичнаго продолжительнаго отсутствія, возвратился Александръ въ первыхъ числахъ декабря 1815 года, и, на этотъ разъ, столица «никакими восторгами его не встрѣтила», говоритъ Вигель. «Никто въ Петербургѣ, ни даже настояще или интимные друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя создавалъ онъ для Россіи. Это самое, надобно думать, омрачило веселіе, которое безъ того встрѣтило бы вторичный возвратъ его изъ Парижа. Отнюдь не будучи свободомыслящимъ, я одинъ, можетъ быть, въ воспріятіи титула царя польскаго видѣлъ событіе, счастливое для Россіи, и основаніе новаго для нея величія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что Польша къ Россіи должна быть въ такомъ же отношеніи, какъ при Наполеонѣ Италия была къ Франціи... Или, думалъ я, Польша будетъ главнымъ звеномъ той цѣпи, которая потянется отъ нея направо и налево и составлена будетъ изъ единокровныхъ ей и намъ славянскихъ государствъ. Опираясь на Россію, какъ на огромную скалу, они сами, какъ рядъ твердынь, будутъ защищать ее отъ нападений западныхъ народовъ. Какъ ошибался я! И какъ все это далеко было отъ мысли Александра!» Въ Россіи не могли забыть притомъ, что одной изъ главныхъ причинъ войны 1812 г. было именно желаніе Наполеона возстановить Польшу, которое выставлялось вреднымъ для интересовъ Россіи. И, между тѣмъ, возстановленіе Польши явилось единственнымъ результатомъ тяжелой заграничной войны и совершено было русскимъ государемъ! Было отъ чего прийти въ удивленіе. По мѣткому сравненію цесаревича Константина, Россія являлась въ роли пеликана на изнанку, и Карамзинъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей того времени, не въ обиду будь сказано г. Исакову, недаромъ пророчествовалъ Александру, что русскимъ придется вторично брать штурмомъ Прагу. Въ этомъ, впрочемъ, нимало не сомнѣвались не только русскіе, но и нѣмцы.

Даже заклятый врагъ Наполеона и другъ Англіи, рукоплескавшій взятію Парижа, графъ С. Р. Воронцовъ, не могъ не удивляться поведенію Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ. «Казалось,—писалъ онъ,—что болѣе заняты были мыслию о выгодахъ другихъ, чѣмъ благосостояніемъ собственной страны. Если бы за всѣ жертвы, принесенныя Россіей, получила она отъ Пруссіи (несоразмѣрно увеличенной) хотя Мемель, чтобы имѣть естественную границу по Нѣману! Но заняты только мыслию о Польшѣ, которая остается безъ всякой связи съ Россіей и соединена съ ней только личностью Александра, противъ преемниковъ котораго она будетъ воевать всякій разъ, какъ только они будутъ вести тяжелую борьбу съ кѣмъ-либо. Всѣ эти поступки вызываютъ жалость». Воронцовъ могъ бы прибавить, что на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ окружилъ себя людьми, которымъ нечего было думать о Россіи и которыхъ г. Исаковъ склоненъ, кажется, считать лучшими русскими людьми. «Изъ шести русскихъ уполномоченныхъ,—говоритъ Шильдеръ,—одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, да и тотъ отъ Россіи почти отрекся. Нессельроде же былъ сыномъ графа Священной Римской имперіи и родился въ Лиссабонѣ (мать его, прибавимъ отъ себя, была еврейка, принявшая лютеранство); затѣмъ былъ еще лифляндецъ, графъ Стакельбергъ; одинъ эльза-

сецъ—Анштетъ, одинъ корсиканецъ—Поццо-ди-Борго и одинъ корфіотъ—графъ Каподистрія. Къ этимъ особамъ должно еще присовокупить барона Штейна, который хотя и не находился на службѣ ни у одной державы, но пользовался особеннымъ довѣріемъ императора Александра». Шильдеръ пропустилъ еще нѣсколько поляковъ, подчинявшихся руководству извѣстнаго, быть можетъ, г. Исакову кн. Адама Чарторыйскаго. Выборъ всѣхъ этихъ лицъ былъ не случаенъ: на кого изъ русскихъ Александръ могъ положиться въ большей степени, чѣмъ на иностранцевъ, въ защитѣ прусскихъ интересовъ, въ уступкѣ Австріи русской части восточной Галиціи и пріобрѣтеніи урѣзаннаго и автономнаго царства Польскаго? Что касается Мемеля, то о немъ, конечно, не было и рѣчи на Вѣнскомъ конгрессѣ, потому что Александръ, какъ въ Тильзитѣ, не желалъ обижать Пруссію. Зато, удовлетворяя насущной потребности польско-русской торговли по Нѣману, безопасно эксплуатируемой мемельскими пруссаками, приказано было копать каналъ для присоединенія Нѣмана съ Виндавой. Но работа эта шла медленно, а въ слѣдующее царствованіе и совсѣмъ прекращена, по просьбѣ прусскаго короля. До сихъ поръ пруссаки пользуются выгодами русской торговли по Нѣману, стѣняя ея развитіе и взиная доходъ свыше трехъ милліоновъ въ годъ даже при широко разившейся сѣти желѣзныхъ дорогъ. Не забудемъ, что при Александрѣ Висла и Нѣманъ были единственными торговыми путями для царства Польскаго. Отрѣзанные отъ Балтійскаго моря прусскими гаванями, поляки находились въ экономической кабалѣ у пруссаковъ безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія въ будущемъ, вслѣдствіе непреодолимой дружбы Александра къ Пруссіи. Эта безнадежность послужила, между прочимъ, одной изъ причинъ польскаго возстанія 1830 года, когда на русскомъ престолѣ былъ зять прусскаго короля, Николай I, а цесаревичъ Константинъ, въ тайнѣ сочувствовавшій польскимъ вождедѣніямъ на Пруссію, лишился всякой возможности имъ содѣйствовать. Недаромъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе, получивъ извѣстіе о смерти Александра и вступленіи на престолъ Константина, тотчасъ выразилъ мнѣніе, что вслѣдъ за симъ русскія войска вступятъ въ прусскіе предѣлы и прусскому королю придется бѣжать въ Саарбрюккенъ, городъ, пограничный съ Франціей, какъ прежде бѣжалъ онъ отъ Наполеона въ Мемель. Исторія Европы получила бы тогда другое направленіе.

Внѣшняя политика Александра, завершившаяся созданіемъ Священнаго союза, фатальное значеніе котораго для Россіи не вполне еще выяснено, отразилась и на внутренней, а съ этимъ, чего, какъ видно, вовсе не понимаетъ г. Исаковъ, связано было измѣненіе отношенія русскаго общества и къ памяти Наполеона. Въ этомъ измѣненіи было не одно «всепрощеніе», а и преклоненіе предъ тѣми свободолюбивыми началами, которыхъ онъ являлся представителемъ, какъ наслѣдникъ французской революціи. вмѣстѣ съ политическимъ пораженіемъ народовъ Наполеонъ несъ съ собою въ ихъ жизнь уничтоженіе средневѣковыхъ пережитковъ и возбужденіе народной самостоятельности. Возбуждая общество къ политической независимости и къ сверженію ига Наполеона, Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ вынуждены были общать имъ обновленіе внутренняго строя Германіи, расширеніе народныхъ правъ, но въ дѣйствительно-

сти, послѣ сверженія Наполеона, не исполнили своихъ обѣщаній, а напротивъ—учрежденіемъ Священнаго союза добивались торжества реакціи и подавленія народныхъ движеній на всемъ пространствѣ Европы. Въ Россіи произошло то же самое, что и въ Германіи. Общество послѣ закончившейся войны ожидало реформъ, а взамятъ того наступили времена, о которыхъ въ Россіи создалась недобрая память «аракчеевщины». Либеральныя мѣропріятія Александра коснулись только Польши и Финляндіи; въ Россіи, по замѣчанію Пушкина, въ отвѣтъ на ожиданія подданныхъ, реформы также были ими даны: вмѣсто синихъ красные штаны. «Нельзя довольно восхищаться тѣмъ,—писалъ графъ С. Р. Воронцовъ Росточинну въ это время (11-го ноября 1816 г.), что главное запятіе великихъ монарховъ европейскаго материка состоитъ въ поддержаніи и усовершенствованіи обмундированія войскъ. Между тѣмъ какъ преемникъ Фридриха Великаго стрижетъ волосы своимъ солдатамъ, наслѣдникъ Петра Великаго, слава Богу, занялся кройкою мундировъ своимъ генераламъ. Мнѣ кажется, что мундиры уже четыре раза измѣнялись въ продолженіе его царствованія; посудите же, какое преимущество, какое превосходство должно это доставить намъ надъ всѣми арміями въ мірѣ». Но если въ Пруссіи дѣло ограничивалось стрижкой волосъ, то въ Россіи оно развернулось въ грандіозную эпопею военныхъ поселеній. Александръ любилъ прятаться за ширмы, за исполнителей дѣла, но тотъ же Воронцовъ свидѣтельствовалъ, что эти исполнители «получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высоты чувствъ, но одна лишь крутая деспотическая воля, плохо прикрываемая вѣншною оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія». Какъ это ни странно, но, при такомъ положеніи дѣлъ, имя «проклятаго корсиканца», причинившаго столько зло Россіи, сдѣлалось въ глазахъ многихъ изъ передовой части русскаго общества какъ бы символомъ несбывшихся надеждъ на внутреннее обновленіе. Это настроеніе общества и отмѣчено мною въ поэзіи Пушкина, что, очевидно, не понравилось г. Исакову, причемъ онъ не удержался отъ маленькаго полемическаго приема: онъ приписываетъ мнѣ утвержденіе, будто Пушкинъ осуждалъ только войны 1813—1814 годовъ, а не ихъ логическія послѣдствія, и, какъ будто не понимая, въ чемъ заключается сущность дѣла, требуетъ отъ меня подтвержденія. Но и то, что писалъ объ этомъ Пушкинъ, было съ его стороны актомъ необычайнаго гражданскаго мужества: вѣдь писалъ онъ при Александрѣ и Аракчеевѣ!

Надобно удивляться, какъ мало знаетъ Пушкина г. Исаковъ, столько лѣтъ вращающійся въ русскихъ литературныхъ кружкахъ. Изъ числа посвященныхъ памяти Наполеона стихотвореній Пушкина ему, кажется, извѣстно только стихотвореніе «Наполеонъ», написанное въ 1821 г., по полученіи извѣстія о смерти Наполеона. Изъ него г. Исаковъ приводитъ только стихи: «Европа гнула—сонъ могильный носился надъ ея главою», «И все, какъ буря, закигло—Европа свой расторгла плѣнъ; вослѣдъ тирану полетѣло, какъ громъ, проклятіе племенъ» и... умалчиваетъ о слѣдующихъ:

«Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день

Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ»...

Эпиграфомъ этого стихотворенія Пушкинъ поставилъ: «Ingrata patria».

Взаимнымъ отношеніямъ Александра и Наполеона, въ связи съ внутреннимъ положеніемъ Россіи въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія, Пушкинъ посвятилъ чудное стихотвореніе, которое для уясненія взглядовъ Пушкина, очевидно, не воспринятыхъ г. Исаковымъ, приводимъ почти цѣликомъ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣчанной главѣ стѣсенные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ песли.
И дѣлу своему владыка самъ дивился.
«Се благо!»—думалъ онъ, и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара—
Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.
«Свершилось!»—молвилъ онъ.—«Давно ль народы міра
Паденье славили великаго кумира?
Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла,
Надеждой новая Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода
И самовластіе одинъ лишь Сѣверъ укрывалъ?
Давно ль? И гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну, что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу.
Вотъ Кесарь—гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»
Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо!
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ,
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очп...
Раздался бой полночи—
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предеталь.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, предъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладнокровный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари...

Чтобы покончить съ «нѣсколькими словами» г. Исакова, обратимся къ его замѣчаніямъ о времени пребыванія Александра во взятомъ Парижѣ. «Какъ

онъ никогда не прятался за ширмы и ни одна статья договора не проходила безъ его руководящей санкціи, что было совершенно необходимо въ интересахъ Франціи, а тѣмъ самымъ и въ интересахъ Россіи, для которой императоръ Александръ оберегалъ Францію (?!), такъ онъ оставался въ Парижѣ не потому, что его удерживали союзники, а потому, какъ говоритъ Шильдеръ, чтобы конституція была обнародована до его отъѣзда изъ Парижа». Что императоръ Александръ выработалъ себѣ систему прятаться за ширмы и за другихъ людей, когда считалъ неловкимъ для себя выступить лично, — объ этомъ свидѣтельствуеетъ вся жизнь Александра. Если г. Исаковъ еще не знаетъ этого, то для него будетъ достаточно перелистать послѣдній цѣнный для русской исторіи трудъ великаго князя Николая Михайловича «Александръ I»; изъ него онъ узнаетъ, между прочимъ, что императоръ не брезгалъ даже составлять черновики для писемъ Аракчееву, которыя потомъ Аракчеевъ отправлялъ за своею подписью. Но всего удивительнѣе то, что г. Исаковъ самъ не замѣчаетъ, что своимъ возраженіемъ только подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе. Если причиной задержки отъѣзда Александра въ Англію было только его желаніе, чтобы конституція была обнародована до его отъѣзда изъ Парижа, то, очевидно, онъ считалъ возможнымъ устраниваться отъ веденія мирныхъ переговоровъ, не считалъ необходимою слѣдить за тѣмъ, чтобы «ни одна статья договора не проходила безъ его руководящей санкціи». Письмо его къ матери было написано 3-го апрѣля, въ день пріѣзда въ Парижъ императора Франца, вслѣдъ за чѣмъ должны были начаться мирные переговоры. Между тѣмъ императоръ Александръ пишетъ, что онъ хочетъ уѣхать, что пребываніе въ Парижѣ ему «непріятно». Развѣ это не служитъ доказательствомъ того, что онъ радъ былъ уѣхать отъ мирныхъ переговоровъ, пока дѣло не будетъ сложено между Франціей и союзниками, чтобы выйти изъ двусмысленнаго положенія «друга Франціи» и «друга Австріи и Пруссіи»? Конечно, союзники желали, чтобы ихъ требованія освящены были санкціей русскаго императора. Лишь благодаря этой санкціи Александра «оберегаемая имъ» Франція и лишилась территории съ 15 милліонами населенія. Ссылка г. Исакова на Шильдера уже потому неумѣстна въ данномъ случаѣ, что Шильдеру письмо Александра отъ 3-го апрѣля было совсѣмъ неизвѣстно.

Въ заключеніе нельзя не одобрить разысканій г. Исакова въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ оригинала парижскаго трактата 18 (30) мая 1814 года, заключеннаго между Россією и Францією. Биографы Александра вовсе не говорятъ о формѣ парижскаго трактата, а въ дипломатической исторіи о немъ обыкновенно упоминаютъ, какъ о единомъ актѣ между союзниками и Франціей, а не какъ о сепаратныхъ соглашеніяхъ ея съ каждымъ изъ союзниковъ. Такъ, у D'Allonville («Mémoires, tirés des papiers d'un homme d'état», t. III, p. 487) прямо сказано: «Celui (трактатъ) que fut signé le 30 mai avec les alliés par ce même ministre (Галейранъ) comprenait trente-trois articles (слѣдуетъ ихъ перечисленіе)... D'autres articles additionnels séparés et secrets sont: 1) avec la Russie, relativement à la liquidation des creances du duché de Varsovie sur la France, 2) avec l'Angleterre..., 3) avec la Prusse (p. 488)». Объ Австріи не упоминается въ этихъ «articles séparés et secrets». Г. Исаковъ, однако, не замѣчаетъ, что если

бы даже не было одинаго для всѣхъ союзниковъ акта мирнаго соглашенія, а только сепаратные договоры, которые изъ него выросли, то и въ этомъ случаѣ мнѣніе Кристина было небезосновательно. Европа не знала русскаго договора, а только австрійскій, прусскій и англійскій, гдѣ дѣйствительно Россія, по признанію самого г. Исакова, вовсе не упоминалась, а скромно терялась въ общей массѣ союзниковъ императора австрійскаго, короля прусскаго и короля англійскаго, по принадлежности, и Кристинѣ имѣлъ, очевидно, текстъ австрійскаго договора. Такое упущеніе не вяжется даже съ характеромъ императора Александра, который, по свидѣтельству Растопчина и другихъ современниковъ, «любилъ, чтобы въ чужихъ краяхъ его восхваляли».

Кончая свой отвѣтъ г. Исакову, мы, разумѣется, не льстимъ себя надеждою, что могли убѣдить его, заставить измѣнить свои взгляды и симпатіи: мы писали для читателей журнала, выражаясь словами Пушкина,

«На языкѣ Исакову невнятномъ».

Е. Шумигорскій.

IV.

По поводу рецензіи г. Княжнина.

Въ напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ рецензіи о второмъ томѣ редактируемаго мною «Полнаго собранія сочиненій и писемъ И. С. Никитина» г. Княжнинъ, между прочимъ, указываетъ на нѣкоторыя неправильности даннаго мною въ изданіи текста. «На страницѣ 50,—говоритъ онъ,—первая строка стихотворенія «Староста», несомнѣнно, должна читаться: «Что *не* туча черная», а не по напечатанному—«Что туча черная». Не могъ такъ написать Никитинъ, потому что это было бы не по-народному, а все стихотвореніе выдержано въ народномъ духѣ. Кромѣ того, невозможно и метрически: такая вольность въ тѣ годы была недопустимой. Затѣмъ, на страницѣ 180 пропала въ стихотвореніи: «Постыдно гибнетъ наше время...» третья строфа... Интересно также поставить вопросъ о томъ, какъ должно читать конецъ стихотворенія «Сибирь!... Напишешь это слово...» Въ чтеніи г. Фомина стих. оказалось на двѣ строчки длиннѣе, съ такимъ дисгармоническимъ, особенно для старательнаго въ отдѣлкѣ своихъ произведеній Никитинъ, концомъ, что смѣло можетъ вызвать сомнѣніе въ правильности всѣхъ редакторскихъ вариантовъ».

Въ интересахъ изученія Никитина, установленія правильности его текста, считаю нужнымъ указать слѣдующее. По поводу замѣчанія г. Княжнина о текстѣ «Старосты» отмѣчу, во-первыхъ, что онъ неправильно цитируетъ мое изданіе, въ которомъ напечатано: «Что туча *темная*...», а не «Что туча *черная*...», во-вторыхъ, что текстъ этого стихотворенія *воспроизведенъ мною въ полномъ согласіи съ первопечатнымъ текстомъ* («Русскій Архивъ», 1865 г., III, 317—320).

Стихотвореніе это *не было отдѣлено* Никитинымъ и невѣдержанность народнаго духа, о которой говорилъ г. Княжнинъ, могла быть допущена самимъ, поэтомъ. Но если и предположить, что первая строка въ этомъ стихотвореніи напечатана въ моемъ изданіи не такъ, какъ была написана Никитинымъ, то это должно быть отнесено не къ моему недосмотру, а къ неточности первоначальнаго текста, которымъ пришлось пользоваться по необходимости, такъ какъ рукопись стихотворенія не сохранилась. Если первое замѣчаніе г. Княжнина имѣть подъ собою нѣкоторую почву, то остальные два являются досужими, ни на чемъ не основанными предположеніями г. рецензента, который, не изучивъ рукописей Никитина, даже не видя ихъ, тѣмъ не менѣе считалъ себя въ правѣ указывать на будто бы допущенныя мною ошибки въ его текстѣ и даже сомнѣваться «въ правильности всѣхъ редакторскихъ вариантовъ». Третья строфа въ стихотвореніи: «Постыдно гибнетъ наше время...» выпущена мною потому, что она *вычеркнута самимъ Никитинымъ въ находящейся у меня подлинной рукописи* (Архивъ Второва, тетрадь I, л. 66), оставшейся неизвѣстной С. М. Городецкому, на изданіе котораго опирается г. Княжнинъ. Въ изданіяхъ сочиненій писателей давно установился принципъ, что редакторъ обязанъ строго слѣдовать автору и не можетъ вносить вычеркнутыя имъ мѣста въ текстъ, узаконенный авторскою волею. Окончаніе стихотворенія «Сибирь!.. Напишешь это слово...», не предназначавшагося Никитинымъ для печати и находящагося въ дружескомъ письмѣ его къ Второму, напечатано мною также *только согласно съ текстомъ имъющей у меня подлинной рукописи* (Архивъ Второва, тетр. II, л. 36), которая тоже не была извѣстна С. М. Городецкому, напечатавшему это стихотвореніе по тексту де-Пуле, который самовольно выпустилъ два послѣднихъ стиха.

А. Г. Фоминъ.

V.

По поводу отзыва о книгѣ «Кострома».

Въ № 2 «Историческаго Вѣстника» помѣщенъ отзывъ о составленной мною книгѣ «Кострома, исторія и описаніе памятниковъ старины».

Въ виду того, что въ рецензіи этой допущены *неточности*, касающіяся автора, издателя и типографіи, въ которой печаталась эта книга, прошу настоящихъ ихъ опровергнуть.

1. Книга составлена не В. и Г. Лукомскимъ, а мною, почему часть обвиненій, предъявляемыхъ рецензентомъ, не можетъ быть обращена къ обоимъ упомянутымъ лицамъ.

2. *Клише*, о которыхъ говоритъ рецензентъ, подготовлены были къ печати не «небрежно», а старательно, ибо они были выполнены въ лучшей въ Россіи цинкографіи «Голике и Вильборгъ». Но дѣло въ томъ, что *печать* нѣкоторыхъ иллюстрацій дѣйствительно несовершенна, однако вся вина въ томъ падаетъ на типографскую работу Дресслера, оставляя работу цинкографіи Голике не запятанной.

По поводу упрековъ въ «витіеватости слога дурного пошиба» скажу, что такое опредѣленіе всецѣло дѣло личнаго вкуса.

Наконецъ, приведенный рецензентомъ, въ качествѣ примѣра, для поясненія его взгляда, отрывокъ изъ моей книги не вполне соотвѣтствуетъ подлиннику.

Въ цитатѣ допущены искаженія, измѣняющія смыслъ мой фразы. Въ книгѣ напечатано (не «подъ покровомъ», а «когда покровомъ»), не «органическаго», а ограниченнаго и т. п.

Дѣйствительно, въ этомъ абзацѣ есть и нѣсколько опечатокъ, но кто же въ нихъ не повиненъ, и если я не избѣжалъ ихъ на протяженіи четырехсотъ страницъ текста, то почему же рецензентъ всего въ нѣсколькихъ строкахъ текста допускаетъ нѣсколько опечатокъ? Напримѣръ, онъ указываетъ цѣну книги два рубля, тогда какъ книга стоитъ три рубля, а это неточность—очень существенная для издателя книги, ибо она можетъ ввести въ заблужденіе желающихъ приобрести книгу.

Г. Лукомскій.

VI.

Отвѣтъ Г. Лукомскому.

1. На экземплярѣ, имѣющемся въ редакціи «Историческаго Вѣстника», обозначено на обложкѣ два автора *Г. и В. Лукомскіе*. На титулѣ поставлены фамиліи: *В. К. Лукомскій* и *Г. К. Лукомскій*. Слѣдовательно, авторъ рецензіи могъ считать книгу написанной обоими авторами. Что *Г. К. Лукомскій* принимаетъ вину исключительно на себя,—это его дѣло.

2. Что касается утвержденія, что клише подготовлены къ печати крайне небрежно и напечатаны сѣро и грязно, то авторъ отзыва настаиваетъ на этомъ. Подготовка клише заключается въ томъ, что фотографіи ретушируютъ извѣстнымъ образомъ, чтобъ не получилось при воспроизведеніи ихъ на цинкъ той неприятной черноты, которая замѣчается, скажемъ, на рисункахъ, воспроизведенныхъ на страницахъ 36, 38, 42, 63, 176 и т. д.—Цинкографія «Голике и Вильборгъ» работаетъ превосходно, но не ея дѣло подготавливать фотографіи къ цинкографической работѣ: она воспроизводитъ то, что даютъ ей.

3. Цѣна книги указана у насъ два рубля вмѣсто трехъ рублей. Но указаний на эту цѣну нигдѣ на обложкѣ нѣтъ. Здѣсь ошибка, а, можетъ быть, и опечатка. Вѣдь опечатокъ много и въ «Костромѣ» на протяженіи четырехсотъ страницъ. Но заниматься ихъ извлеченіемъ мы не будемъ.

4. Что касается «витіеватости слога дурного тона»—то такъ какъ, по мнѣнію г. Лукомскаго, это дѣло личнаго вкуса, то объ этомъ мы спорить и не будемъ.

Что у насъ напечатано «подъ покровомъ», вмѣсто «когда покровомъ» и проч., вотъ въ этомъ повиненъ авторъ рецензіи: не досмотрѣлъ. Но вѣдь это не мѣняетъ мнѣнія о безграмотности книги, и серьезно вообще къ ней относиться едва ли возможно.

Г.

ротка! Такая жизнь! Никто не замѣтитъ, конечно, что я злѣсь гнію заживо, но сама-то я ясно вижу это.

Если бъ она сказала это дрожащимъ голосомъ, это не произвело бы такого впечатлѣнія. Но голосъ Фавстулы былъ твердъ и, какъ всегда, музыкаленъ, и ни одна слеза не смягчала горечи ея словъ.

Нѣсколько минутъ Клавдія не могла сказать ни слова. Затѣмъ она мягко произнесла:

— Фавстула, тебя никто не спрашивалъ о томъ, желаешь ли ты поступить сюда?

— Никто. Однажды, когда я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой, я почувствовала себя несчастной и хотѣла кончить самоубійствомъ. Но одинъ человѣкъ, любившій меня, спасъ меня. И я была зла на него, зачѣмъ онъ остановилъ меня. Мнѣ казалось тогда, что онъ вытащилъ меня изъ черной пропасти. Но вѣдь такая жизнь хуже всякой пропасти!

Теперь уже Клавдія закрыла лицо руками. Голосъ Фавстулы звучалъ, какъ стонъ раненаго. Она и не догадывалась о томъ, что стало ясно для Клавдіи. Никогда прежде она не заикалась о любви, и Клавдія думала, что ни одинъ лучъ любви не согрѣвалъ жизнь этого бѣднаго существа. Старшая весталка была увѣрена, что между богиней и ея юной жрицей стоитъ одна только преграда—равнодушіе, несклонность ея натуры къ этому призванію. Она отлично понимала, что служеніе весталокъ сводилось къ механическому исправленію обрядовъ и что для такой натуры, какъ Фавстула, нѣтъ возможности стать простой обезьяной, что она не согласится ни съ чѣмъ только потому, что такъ положено. Клавдію покорило, когда ея младшая подруга стала говорить о богахъ такъ откровенно и съ такою критикой. Но это не показалось ей простой дерзостью, за которую слѣдуетъ наказать.

Теперь онъ уже знала больше: между Вестой и ея жрицей стояло живое лицо. Мысль о томъ, что Фавстулѣ всего десять лѣтъ, утѣшала ее лишь отчасти: не всегда же она останется дѣвочкой и при такомъ характерѣ, какъ у нея, нельзя рассчитывать, что со временемъ все забудется.

— Это было давно?—спросила она.

— Да. Довольно давно. Мнѣ было всего шесть лѣтъ.

— А ему сколько было лѣтъ?

— Онъ былъ много старше меня: ему было тогда двѣнадцать лѣтъ. Теперь онъ служить въ легионахъ. Вѣроятно, гдѣ-нибудь вдали отъ Рима, иначе онъ пришелъ бы проститься со мной. Вся его семья была очень ласкова ко мнѣ. Его зовутъ Фабианъ Ацилій Глабрій.

— Христіанинъ?

— Да. Они всѣ христіане. Всѣ они были очень добры ко мнѣ.

— Многіе изъ христіанъ, я слышала, дѣйствительно очень добры.

«истор. вѣсти.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

— О, гораздо добрѣе, чѣмъ наши!

Клавдіи не понравилось это восклицаніе. Оно показалось ей опаснымъ и некорректнымъ.

Она вздохнула и молча поднялась, чтобы поправить священный огонь. Фавстула глядѣла на нее, думая о томъ, что она только что сказала.

Какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ сидѣли обѣ весталки, висѣло на стѣнѣ великолѣпное кружевное покрывало. Оно было изъ Греціи и было принесено въ даръ богинѣ однимъ римскимъ военачальникомъ, недавно вернувшимся съ Востока. Оно закрывало дверь въ сосѣднюю комнату и должно было предохранять священный огонь отъ дуновенія вѣтра. Фигуры на немъ были вышиты въ натуральную величину. Между ними виднѣлись три дѣвушки съ серьезными, торжественными лицами. Центральная фигура всей группы была изображена сидящей, и Фавстула могла ее разсмотрѣть лучше, чѣмъ остальныхъ. Другую фигуру загораживала собою Клавдія, а третья выпвѣла, ибо этому покрывалу было не мало лѣтъ. Трепещущій свѣтъ отъ огня падалъ прямо на сидящую фигуру, и казалось, будто она шевелитъ руками. Фавстула устремила на нее неподвижные глаза, какъ будто стараясь разглядѣть, какъ она вяжетъ. Она догадалась, что на покрывалѣ были изображены три богини Судьбы.

XXVII.

Быль темный холодный зимній вечеръ.

Было уже довольно поздно, когда Фавстулъ вышелъ изъ дому и направился къ Большому цирку, повидимому, не обращая вниманія, куда онъ идетъ. Итти гулять ночью не представляло ничего заманчиваго, но онъ не могъ оставаться дома: ему надо было куда-нибудь скрыться отъ Тулліи и ея плача. Плача онъ терпѣть не могъ. Его послѣдній ребенокъ, сынъ Тулліи, умеръ, и мать плакала и кричала, какъ послѣдняя крестьянка. Несмотря на то, что въ обычной жизни она держала себя холодно и была, казалось, застрахована отъ многихъ чувствъ, теперь, когда погибъ ея цвѣтущій ребенокъ, все напускное соскочило съ нея. Мальчикъ былъ некрасивъ, но онъ былъ ея сыномъ, а все, что было ея, Туллія старалась держать крѣпко.

Вдругъ у нея явилось страшное подозрѣніе, что ея сынъ умеръ оттого, что они отослали отъ себя Фавстулу. Не то, чтобы она поняла это въ смыслѣ наказанія за сдѣланную ею несправедливость, но ей пришло въ голову, что-кто-нибудь изъ многочисленныхъ боговъ и богинь могъ взять Фавстулу подъ свое особое покровительство и теперь чувствовать себя оскорбленнымъ.

Она ничего не сказала мужу объ этомъ. Она только терзала его своими яростными воплями о своей злосчастной судьбѣ. Развѣ у него не четверо дѣтей, и только одинъ ребенокъ ея? Если уже нужно

было отнять у них ребенка, то почему же было не отнять кого-нибудь другого.

Фавстуль терпѣливо цѣлыми часами сносила эти причитанія, но наконецъ не выдержалъ и бѣжалъ отъ жены. Для него лично смерть этого слабенькаго мальчика не была большимъ горемъ. Его единственнымъ желаніемъ было спастись на нѣкоторое время отъ сѣтованій Тулліи.

Онъ вышелъ изъ своего дома почти украдкою, какъ бы боясь, что его вернуть назадъ. Благополучно выбравшись, онъ сейчасъ же впалъ въ свое обычное веселое настроеніе и пошелъ впередъ безъ опредѣленной цѣли. Онъ рѣшилъ оставаться внѣ дома какъ можно дольше, чтобы, вернувшись, застать Туллію уже въ постели.

Поровнявшись съ входомъ въ Большой циркъ, онъ пошелъ по прямой дорогѣ, ведущей къ Авентинскому холму

Идя по этому пути, онъ невольно вспомнилъ о томъ вечерѣ, когда родилась Фавстула и когда онъ, вернувшись домой, нашелъ Акцію мертвой. Припомнился ему и разговоръ съ Сабиной, которой теперь тоже уже нѣтъ на свѣтѣ, и приходъ съ умершимъ ребенкомъ Клодіи, которая также умерла. Вспомнилось ему далѣе, какъ онъ ѣздилъ въ путешествіе и какъ въ Олибанумѣ онъ убѣдился, что Фавстула стала красавицей. Вспомнилъ Меланію, Ацилію и ея двухъ племянниковъ и своего собственнаго некрасиваго сына. Меланія, Ацилія!.. Все это теперь тоже примерло.

И вспомнилось ему, какъ умерла его мать, когда онъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ. Ея смерть вселила въ него ужасъ, и ему представлялось, что вотъ-вотъ придетъ и его конецъ.

За аркой Тита онъ остановился минуту-другую, чтобы сообразить, куда же ему идти—на форумъ по Священной дорогѣ, или взять вѣлво и пройти по Новой дорогѣ мимо Атрія Весты и дворца Калигулы. Послѣдняя дорога, узкая и темная, не пользовалась хорошей славой, особенно вечеромъ. Не обращая, однако, на это вниманія, онъ взялъ немного вправо и пошелъ внизъ по склону по направленію къ форуму. По дорогѣ, по которой онъ только что прошелъ, ѣхалъ какой-то всадникъ, по направленію отъ Meta Sudans. Было уже поздно, городъ утомился, и въ свѣжемъ, чистомъ воздухѣ Фавстуль явственно слышалъ металлическій звукъ шаговъ лошади по мостовой.

Подойдя къ храму Весты, онъ опять остановился и покрѣпче закутался въ плащъ. Поднялся рѣзкій вѣтеръ и сталъ довольно холодно. Облака вдругъ разорвались. Выглянула луна, и вещи, которыхъ до сихъ поръ нельзя было видѣть, вдругъ предстали передъ его глазами, бѣлыя и блѣдныя. Высокая стѣна Атріума Весты безъ оконъ стояла передъ нимъ, словно привидѣніе, а за ней высилось огромное зданіе покинутаго императорскаго дворца.

Фавстуль остановился передъ Атріумомъ и разсѣянно прислушивался къ стуку копытъ. Онъ различилъ по гулкому звуку, что

всадникъ проѣхалъ черезъ арку Тита. Но онъ не думалъ ни о лошади, ни о всадникѣ: его мысли были около Фавстулы. Спитъ она теперь, или же подъ руководствомъ старшей весталки наблюдаетъ за священнымъ огнемъ?

Всадникъ былъ уже совсѣмъ близко отъ него, и онъ невольно обернулся, чтобъ взглянуть на него. То былъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, но уже центуріонъ, ѣхавшій на прекрасномъ конѣ. Фавстулъ всегда питалъ страсть къ хорошимъ лошадямъ и потому сталъ особенно вматриваться въ лошадь. Въ этотъ моментъ луна ярко освѣтила его лицо. Молодой центуріонъ, ѣхавшій шагомъ, вдругъ остановилъ лошадь и радостно воскликнулъ:

— Фавстулъ! Ты, должно быть, не помнишь меня, но зато я тебя помню. Я Фабианъ Ацилій Глабрій.

И съ этими словами онъ проворно спрыгнулъ съ лошади. Они сердечно поздоровались.

— Мы видѣлись съ тобой всего одинъ разъ, и то пять лѣтъ тому назадъ. Это очень мило съ твоей стороны, что ты не забылъ меня,— воскликнулъ Фавстулъ.

Ему было пріятно, что за эти пять лѣтъ его наружность не потерпѣла большихъ перемѣнъ.

— Какъ странно,—продолжалъ онъ.—Только полчаса тому назадъ я думалъ о тебѣ, но я былъ убѣжденъ, что ты далеко.

— Я и былъ далеко до вчерашняго дня. Но теперь я квартирую здѣсь. Я перешелъ въ гвардію...

— Ты сталъ совсѣмъ мужчина,—перебилъ его Фавстулъ, зная, что его знакомый находился въ томъ возрастѣ, когда пріятно казаться болѣе старымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Не совсѣмъ, — со смѣхомъ отвѣчалъ Фабианъ.—Я еще только крупный мальчикъ, но если ты запасешься немного терпѣніемъ, то я скоро буду и настоящимъ мужемъ.

— О, не слѣши, любезный Фабианъ. Каждый глупецъ можетъ состариться, но даже мудрѣйшіе между нами не могутъ помолодѣть. Хотѣлъ бы я вернуть твои двадцать лѣтъ.

— Мнѣ не двадцать, а только семнадцать, да и то не полныхъ.

Фавстулу было пріятно видѣть его, и онъ даже испытывалъ чувство благодарности къ этому юному центуріону; онъ уже дожилъ до такого возраста, когда молодые люди дѣлаются учтиво-равнодушны къ его присутствію.

— О, я отлично помню тотъ день, когда мы познакомились,—сказалъ онъ.—И ты понравился мнѣ больше всѣхъ, да и я тебѣ, кажется, понравился. Христофоръ отнесся ко мнѣ какъ-то недовѣрчиво. Помнишь?

Фабианъ помнилъ все это очень хорошо. Онъ зналъ, что инстинктъ никогда не обманывалъ его брата. Правда, Фавстулъ понравился

тогда ему: изящныя манеры и красивое лицо, —этого было довольно, чтобы пріобрѣсти его дружеское расположеніе.

Онъ самъ не могъ, впрочемъ, отдать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ къ отцу Фавстулы. Какъ отецъ, онъ ему рѣшительно не правился, и онъ былъ золь на него. И въ то же время онъ былъ ему пріятель только потому, что онъ былъ ея отцомъ.

— Конечно, помню, —весело отвѣчалъ Фабіанъ. —Какъ поживаетъ Фавстула?

Фабіанъ замѣтилъ, какъ вдругъ перемѣнилось лицо его собесѣдника, но не понялъ причинъ этого. Онъ вспыхнулъ, воображивъ, что его вопросъ показался слишкомъ фамиллярнымъ.

— Прости, —сказалъ онъ. —Но ты знаешь, мы съ ней были пріятелями. Она съ Таціемъ долго жила у насъ, и моя покойная мать очень любила ее.

— Да, да, —отвѣчалъ Фавстулъ, вспомнивъ, что его посѣщеніе стоило жизни матери обоихъ мальчиковъ. —Этого никогда нельзя забыть. Фавстула здорова и живетъ хорошо.

— Послѣ смерти Сабины она, по всей вѣроятности, живетъ теперь съ тобой въ Римѣ?

Фабіанъ погладилъ лошадь. Онъ старался не смотрѣть на Фавстулу, но хорошо замѣчалъ оттѣнки въ его голосѣ.

— Да, она здѣсь въ Римѣ. Но живетъ она не со мной. Она живетъ здѣсь.

Во всю свою жизнь для Фавстулы не было ничего болѣе труднаго, какъ промолвить эти слова. Теперь была его очередь краснѣть и, показавъ рукою на Атріумъ Весты, онъ отвернулся отъ своего собесѣдника.

— Здѣсь? —рѣзкимъ, отрывистымъ тономъ спросилъ Фабіанъ, взглянувъ на святилище Весты.

Высокая бѣлая стѣна Атрія при лунномъ свѣтѣ казалась огромной могилой.

— Да, здѣсь. Въ храмѣ дѣвственницъ Весты, — хрипло прошепталъ Фавстулъ.

Фабіанъ не могъ произнести ни слова. У него не было силы взглянуть въ лицо такому отцу. Цѣлые мѣсяцы мучилъ Фавстулу стыдъ, но никогда еще онъ не испытывалъ столь жгучаго униженія.

«Что я надѣлалъ!» подумалъ онъ, но не промолвилъ ни слова.

Не смѣя прямо взглянуть въ лицо юношѣ, онъ украдкой поглядывалъ на него. Фабіанъ пристально смотрѣлъ на Атріумъ Весты. Онъ зналъ и любилъ Фавстулу больше, чѣмъ кто-либо, не исключая ея отца, и потому ни на минуту не могъ допустить мысли, что она стала весталкой по собственному желанію. Онъ вспомнилъ, что ея отецъ женился во второй разъ, вспомнилъ, что Сабина умерла, остальное ему стало ясно.

«Она тутъ съ ума сойдетъ», пронеслось у него въ головѣ.

XXVIII.

Съ тѣхъ поръ, какъ Фавстула стала весталкой, Фабіанъ не видалъ ее четыре года. Случилось такъ, что въ Римѣ ему пришлось оставаться всего нѣсколько недѣль. Атанарикъ и его готы тревожили границы имперіи въ Мизіи, и оба брата Ациліи были посланы противъ нихъ. Фабіанъ почувствовалъ облегченіе, удалившись изъ Рима, гдѣ онъ только и думалъ о Фавстулѣ, объ этой невольной плѣнницѣ, для которой онъ ничего не могъ сдѣлать.

Но какъ только представился случай вернуться въ Римъ, онъ сейчасъ же схватился за него. Въ началѣ февраля онъ пріѣхалъ въ столицу и недѣли черезъ двѣ ему удалось увидѣться съ Фавстулой.

Однажды, за нѣсколько дней до Люперкалій, верховная весталка встрѣтила какъ-то Туллію, которая стала жаловаться ей, что Фавстула совсѣмъ забыла родныхъ.

— Это очень дурно съ ея стороны,—сказала она съ обиженнымъ видомъ.—Она какъ будто не хочетъ знать насъ.

Волюмнія была увѣрена, что Фавстула, дѣйствительно, не хочетъ знать свою мачеху, да и было отчего: она сама недолюбливала Туллію и считала ее воплощеніемъ патриціанской гордости и заносчивости.

— Не знаю, должна ли я позволять появляться въ городѣ молодымъ весталкамъ, которыя еще проходятъ приготовительную стадію, — холодна отвѣчала она.

— Посѣтить семью своего отца—это не значитъ еще появляться въ городѣ. Къ тому же мы живемъ такъ близко.

— Я распоряжусь, чтобы она васъ навѣстила,—отвѣчала Волюмнія и отвернулась, какъ бы давая понять, что она больше не желаетъ продолжать этотъ разговоръ.

За день до начала Люперкалій она сказала Фавстулѣ, что она хорошо бы сдѣлала, если бы, возвращаясь съ праздника, навѣстила своего отца.

— Ты поѣдешь со всѣмъ парадомъ,—добавила она съ печальной улыбкой.—Твоя мачеха обижается, что ты ни разу не заглянула къ нимъ, и теперь я хочу, чтобы ты ѣхала къ нимъ съ подобающей пышностью. Твоя мачеха очень важная персона, но пусть она не забываетъ, что весталка будетъ поважнѣе ея.

Фавстулѣ все это показалось забавнымъ. Если ужъ непременно надо было ѣхать, то она поѣдетъ со всей пышностью и непременно въ тотъ день, когда въ домѣ отца будетъ много посѣтителей, а не одна Туллія.

Фабіанъ случайно шелъ къ римскому форуму и встрѣтилъ Фавстулу, который возвращался съ Люперкалій, справлявшихся неда-

леко отъ его дома. Они не встрѣчались съ той самой ночи, когда Фавстуль объявилъ, что его дочь стала весталкой.

Фавстуль принялся горячо упрашивать его, чтобы онъ зашелъ къ нему, и Фабіанъ не могъ ему отказать. Фавстуль представилъ молодого человѣка своей женѣ, которая показалась ему гораздо красивѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ увидѣлъ передъ собой вполне свѣтскую женщину съ прекрасными глазами, которые умѣли быть гнѣвными, но теперь свѣтились лаской и привѣтомъ.

— А вотъ и моя дочь,—небрежно сказалъ Фавстуль.

Фабіанъ едва не вскопчилъ. Передъ нимъ стояла высокая дѣвушка, гордая своимъ происхожденіемъ и красотой. Она была очень похожа на отца. Только видъ у нея былъ не такой привѣтливый, а глаза смотрѣли какъ-то остро и твердо.

— Моя дочь... Флавія,—произнесъ Фавстуль, дѣлая едва замѣтную паузу передъ ея именемъ.

— Нелюбимая дочь,—съ улыбкой сказала дѣвушка.

Фавстуну это не понравилось. Ея замѣчаніе свидѣтельствовало о плохомъ ея воспитаніи, и онъ поспѣшилъ заговорить съ другимъ гостемъ.

Фабіанъ поклонился и сталъ мысленно сравнивать Фавстуну съ Флавіей. Она не была красавицей, но отличалась миловидностью, и многіе удивлялись, почему она до сего времени не вышла еще замужъ. Было извѣстно, что она получитъ богатое наслѣдство послѣ своей тетки Домиціи. Въ Римѣ относительно нея ходили сплетни, говорили, что у нея дурной глазъ. Сплетни эти дошли до Домиціи, которая въ одинъ прекрасный день, подъ горячую руку, передала ихъ Флавіи и просила ее держать себя осторожнѣе.

— Если со мной приключится что-нибудь худое, — сердито сказала она, — я это припишу твоему дурному глазу.

Это замѣчаніе взбѣсило Флавію. Она стала болѣзненно подозрительной и всякій разъ, какъ кто-нибудь въ разговорѣ съ нею закладывалъ руки за спину, она была увѣрена, что противъ нея дѣлались пальцами «рога».

Совершенно случайно Фабіанъ, бесѣдуя съ нею, заложилъ на одну минуту руку за спину. Флавія тотчасъ же замѣтила этотъ жестъ. Въ ея голубыхъ глазахъ вспыхнула гнѣвный огонекъ, но она овладѣла собой и продолжала быстро сыпать словами. Но она никогда ничего не забывала и не прощала.

Около Фабіана съ правой стороны стоялъ молодой человѣкъ съ добродушнымъ, мягкимъ лицомъ. Было замѣтно, что онъ весь находится подъ обаяніемъ Флавіи. Ему, видимо, хотѣлось занять мѣсто Фабіана, а Флавіи было пріятно заставлять его ждать.

Таблинумъ въ домѣ Фавстунуль былъ довольно обширенъ и, однако, не могъ вмѣстить всѣхъ гостей. Группа изъ этихъ трехъ

лицъ стояла какъ разъ въ самыхъ дверяхъ, такъ что имъ виденъ былъ весь атриумъ до самаго входа въ него съ улицы.

Между гостями, стоявшими ближе къ выходу, вдругъ произошло какое-то движеніе и суматоха. Молодой человѣкъ, ухаживавшій за Флавіей, вытянулъ свою длинную шею, чтобы взглянуть, что случилось.

Къ Фавстулу подбѣжалъ рабъ и что-то тихо сказалъ ему. Тотъ немедленно быстрыми шагами пошелъ въ атриумъ, видимо, притовляясь встрѣтить какого-то важнаго гостя.

На ступеняхъ лѣстницы, ведущей съ улицы, показались носилки, а въ дверяхъ появился въ парадномъ одѣяніи ликторъ съ своими *fascis*.

Молодой человѣкъ, ухаживавшій за Флавіей и называвшійся Луциліемъ, не могъ выдержать.

— Великій Юпитеръ, весталка!—воскликнулъ онъ, еще болѣе вытягивая свою длинную шею.

Фавстулъ помогъ женщинѣ, сидѣвшей въ носилкахъ, сойти. Потомъ они поцѣловались и вошли въ атриумъ.

— О, это моя сестра,—замѣтила Флавія, бросая лукавый взглядъ на Туллію. Ей хотѣлось посмотреть, какъ она будетъ теперь держать себя. Обѣ онѣ были очень вѣжливы другъ къ другу, но любви между ними не было. Туллія была слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, но такого же мнѣнія была о себѣ и Флавія.

«Ей придется, однако, выйти къ ней навстрѣчу,—подумала она про себя.—Предъ весталкой должны преклоняться всѣ».

Туллія, впрочемъ, и сама знала это хорошо: церемоніи были ея сильной стороной. Она двинулась впередъ черезъ атриумъ и встрѣтилась съ Фавстулой какъ разъ по срединѣ его. Внутри себя Туллія негодовала: она не предвидѣла, что Фавстула можетъ явиться къ нимъ въ полномъ парадѣ. Тѣмъ не менѣе она старалась улыбаться какъ можно привѣтливѣе. То же дѣлала и Фавстула. Всѣ отлично понимали положеніе и забавлялись.

Былъ яркій солнечный день, и группа, остановившаяся по срединѣ атриума, была отчетливо видна всѣмъ.

Фавстулѣ было теперь пятнадцать лѣтъ—зрѣлый возрастъ для южанки. Она такъ же, какъ и ея сестра Флавія, была высокаго роста, но гораздо красивѣе ее. Длинная одежда сидѣла на ней, какъ на царицѣ.

— Я должна итти ее привѣтствовать,—промолвила Флавія и пошла съ другими гостями, двинувшимися въ таблиумъ. Сестры встрѣтились въ тотъ моментъ, когда Фавстула собиралась выйти изъ перистилія подъ широкую колоннаду, гдѣ висѣла огромная бронзовая люстра.

— *Salve*, Фавстула,—сказала Флавія и слегка поцѣловала сестру сначала въ одну щеку, потомъ въ другую.

Фавстула улыбнулась и хотѣла было привѣтствовать сестру, какъ вдругъ тяжелая люстра сорвалась и съ трескомъ упала на мраморный полъ, задѣвъ ее по плечу.

Гости бросились къ ней на помощь. Всѣ толпились вокругъ нея, спрашивая, гдѣ люстра ее ушибла. Фабіанъ и Луцилій были тутъ же.

— О, она меня не ушибла, а только задѣла,—спокойно отвѣчала Фавстула, хотя паденіе люстры было настолько сильно, что она почти упала въ обморокъ на руки отца.

— Тебя ушибло?—озабоченно спросилъ Фабіанъ.

Глаза ихъ встрѣтились.

Она сразу узнала его, хотя теперь ему было уже двадцать одинъ годъ и прошло уже болѣе шести лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они встрѣтились съ нимъ послѣдній разъ.

Фавстула попрежнему была блѣдна, какъ смерть, но она быстро выпрямилась и сказала отцу, что можетъ теперь держаться на ногахъ и безъ его помощи.

— Ты такъ блѣдна! Пожалуй, упадешь въ обморокъ?

— Нѣтъ. Мнѣ кажется, я больше испугалась, чѣмъ ушиблась. И ты также, Флавія? Тебя не задѣло?

— Нѣтъ. Я отдѣлалась только испугомъ.

Луцилій, куда-то исчезнувшій, появился съ кубкомъ вина. Онъ могъ бы, конечно, замѣтить, что Флавія поблѣднѣла не меньше своей сестры, но онъ этого не замѣтилъ и предложилъ Фавстулѣ выпить вина.

Юная весталка улыбнулась и, поблагодаривъ его, отказалась. Но Фавстулъ взялъ кубокъ и заставилъ ее выпить вина.

Флавія зорко наблюдала за этой сценой, и отъ нея не укрылось ни безпокойство Фабіана, ни внезапная услужливость Луцилія, ни странное выраженіе на лицахъ гостей. Она знала, что про себя они повторяли на разные лады: «Опять ея дурной глазъ».

И она стала ждать, подойдетъ ли къ ней Луцилій и спроситъ ли онъ, какъ она себя чувствуетъ. Но онъ не подошелъ, и Флавія была увѣрена, что это съ его стороны не простая разсѣянность. Такое невниманіе въ человѣкѣ, ухаживавшемъ за нею, было нехорошо само по себѣ. Но теперь она убѣдилась, что и онъ знаетъ о ея дурномъ глазѣ и боится ея.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIX.

Черезъ годъ послѣ этой встрѣчи Фавстулы и Фабіана Волюмніи исполнилось сорокъ лѣтъ и она перестала быть великой весталкой. Ея мѣсто заняла Ливія. Правленіе ея было также непродолжительно, такъ какъ она была моложе Волюмніи всего на три года. Слѣдующей по старшинству была Марція, но она умерла въ годъ вступленія Фавстулы.

За Ливіей великой весталкой стала Кайя. Но ея правленіе было еще короче. До сорока лѣтъ ей оставалось всего полтора года. Освободившееся послѣ нея мѣсто было занято Тацитой, и Фавстула, несмотря на свои двадцать лѣтъ, шла за ней по старшинству. Изъ младшихъ весталокъ одна Лоллія была принята на мѣсто умершей Марціи и имѣла всего девятнадцать лѣтъ. Остальные три, Эннія, Кальпурнія и Мильвія, были гораздо моложе.

Таково было положеніе въ атриумѣ Весты лѣтомъ 360 года, когда Фавстула только что отбыла десятилѣтній срокъ своего послушанія.

Въ Римѣ стояла страшная жара и было много больныхъ. Вскорѣ послѣ торжества въ честь богини Весты Тацита рѣшила, что и весталкамъ будетъ не худо покинуть Римъ на нѣкоторое время. Онѣ отпускались по двѣ и должны были провести двѣ недѣли въ одномъ изъ имѣній, принадлежавшихъ ихъ коллегіи. Потомъ каждая пара возвращалась и оставалась въ Римѣ на мѣсяць съ тѣмъ, чтобы затѣмъ уѣхать опять. Такой порядокъ Тацита рѣшила сохранить до октября.

Во время своего вторичнаго отпуска, пришедшагося на сентябрь, Клавдія и Фавстула должны были ѣхать въ имѣніе, расположенное на берегу моря между Остіей и Ардеей, недалеко отъ Лаврентума, въ мѣстности, которое теперь носить названіе *Tor Paterno*. Выборъ этого мѣста для ихъ отдыха вызывалъ нѣкоторое удивленіе, ибо мѣстность эта слыла лихорадочной, и никто не сталъ бы искать здѣсь себѣ убѣжища въ сентябрѣ. Ни Клавдія, ни Фавстула не подозрѣвали этого и были очень рады вырваться куда-нибудь. Великая весталка объявила, что для нея слишкомъ далеко ѣхать въ это имѣніе, и дала Клавдіи самыя подробныя указанія относительно дѣлъ, которыя ее интересовали въ этомъ имѣніи.

За десять лѣтъ Тацита нисколько не похорошѣла, но тѣмъ не менѣе не переставала думать о своей красотѣ. Она была не особенно умна, но надѣлена той хитростью, которою обладаютъ обезьяны.

По немногимъ словамъ, которыми она обмѣнялась на прощанье съ Клавдіей, видно было, что она вдвойнѣ завидуетъ ей.

— Надѣюсь, что эта переменна будетъ вамъ пріятна,—заговорила она, ласково кивая головой.—Надо позаботиться и о своемъ здоровьи. Ты и теперь важная особа, а послѣ меня будешь великой весталкой. Я смотрю на тебя, какъ на мою преемницу, и тебѣ нужно поправиться хорошенько. Это ужасное лѣто сильно отозвалось на тебѣ. Такое здоровье, какъ у тебя, стоитъ только потерять. а потомъ ужъ не вернешь. Ты должна пополнѣть и посвѣжѣть, Такой тонкой хорошо быть въ юности, а въ тридцать лѣтъ это грозитъ худобой. Я накажу Фавстулу, чтобы она смотрѣла за исполненіемъ моихъ совѣтовъ.

— Она страшно похудѣла,—продолжала она, обращаясь съ любезной улыбкой къ Фавстулѣ.—Она въ томъ возрастѣ теперь, когда люди могутъ лишиться навсегда своего здоровья. Поручаю тебѣ смотрѣть за тѣмъ, чтобы морской воздухъ возстановилъ силы блѣдной Клавдіи. А то она и не доживетъ до великой весталки

Фавстула улыбнулась и общала, что морской воздухъ, конечно, сдѣлаетъ все, что отъ него требуютъ. За Клавдію, которая была совершенно здорова и только немного блѣдна, она нисколько не безпокоилась. Она была такъ же хороша, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, и ея нѣжная, тихая природа была не изъ тѣхъ, на которыхъ время отзывается слишкомъ рѣзко.

Чтобы избѣгнуть жары и пробраться по улицамъ, пока онѣ еще пусты, обѣ весталки отправились рано утромъ, едва занялся свѣтъ. Имъ предстояло совершить путь миль въ двадцать, и онѣ, конечно, ѣхали. Для каждой была красивая деревянная повозка, украшенная бронзовой инкрустаціей. Весталки могли ѣздить въ такихъ повозкахъ даже въ Римѣ, хотя въ городѣ ихъ обыкновенно носили на носилкахъ. У нихъ были свои собственные конюшни и нѣкоторое число рабовъ, которые, конечно, жили не въ Атріумѣ.

Фавстула съ восторгомъ ѣхала въ деревню. Ей было все равно куда ѣхать, хотя она и предпочла бы ѣхать въ горы, чѣмъ на берегъ моря. Когда онѣ проѣзжали мимо дома ея отца, тихаго и запертаго въ этотъ ранній часъ, она вспомнила о Фабианѣ, котораго она не видала со времени Люперкалій, когда они встрѣтились почти безмолвно. Пришла ей на умъ и Флавія, еще не вышедшая замужъ. Подивилась она, почему это въ глазахъ сестры свѣтилась такое ожесточеніе и гнѣвъ.

Гдѣ-то теперь Фабианъ? Увидятся ли они когда-нибудь?

Выѣхавъ изъ Рима черезъ Porta Ostiensis, онѣ скоро подъѣхали къ маленькой базиликѣ св. Павла, построенной Константиномъ Великимъ подъ Cella Memoriae, которая обозначала мѣсто погребенія апостола въ виноградникѣ Луцины. Эта базилика стояла уже двадцать четыре года. Черезъ двадцать шесть лѣтъ ее потомъ замѣнили

новой, гораздо болѣе обширной, которую построили императоры Валентиніанъ, Феодосій и Аркадій.

Около базилики подъ тѣнью деревьевъ стояла группа христіанъ, ожидавшихъ, когда откроютъ двери и начнется обѣдня. То были большею частью бѣдняки изъ Кампаньи, но лица ихъ были веселы. Они съ любопытствомъ смотрѣли на экипажи, за которыми бѣжала толпа рабовъ. Фавстулъ вспомнились давно минувшіе дни въ Цивителлѣ и счастливое житіе у Меланіи, рабы которой были какъ бы ея дѣтьми.

Обѣ повозки ѣхали нѣкоторое время рядомъ, и Фавстула безъ всякой задней мысли стала глядѣть на свою подругу. На ея лицѣ лежало какое-то особенное выраженіе, котораго она долго потомъ не могла забыть.

За базиликой св. Павла Via Laurentiana поворачиваетъ налѣво. Повозки оставили Via Ostiana съ ея лавками и виллами. Дорога стала безлюднѣе, болѣе похожей на деревенскую и, стало быть, болѣе пріятною для Фавстулы.

Путь пошелъ въ гору, и повозки двигались медленнѣе.

— Скажи,—крикнула Фавстула своей подругѣ, которая ѣхала впереди:—скажи, чтобы они не гнали такъ быстро, когда мы опять поѣдемъ по ровной дорогѣ. Намъ остается сдѣлать всего десять миль, а ѣхать такъ пріятно.

— Да и пѣшеходамъ трудно поспѣвать за нами,—согласилась Клавдія.

Фавстулъ не разъ бросалось въ глаза, какъ заботилась о рабахъ ея подруга, что было необычно для гордыхъ и привыкшихъ къ роскоши весталокъ.

— Мнѣ пріятно такъ ѣхать,—заговорила Фавстула, когда повозки опять поровнялись.—А тебѣ? Здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ Атріумѣ Весты или на Форумѣ.

Клавдіи рѣдко приходилось видѣть ее такой веселой. Она была похожа на дѣвочку, которую отпустили изъ школы домой въ деревню. И Клавдіи было пріятно, что Фавстула чувствуетъ себя счастливой.

Они уже проѣхали третій камень, и рабъ, правившій повозкой Фавстулы, сталъ смотрѣть налѣво, подергивая правой рукой себя за ногу.

— На что ты смотришь?—спросила Фавстула.

— Вотъ мѣсто,—отвѣчалъ онъ, которое называется ad Aquas Salvias. Здѣсь былъ обезглавленъ апостоль христіанъ Павелъ.

Рабъ съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ умолкъ и, видимо, колебался, говорить ли ему дальше.

— Ну,—сказала Фавстула.—Продолжай дальше. Что тутъ произошло?

— Въ этотъ самый день, когда должны были казнить апостола

христіанъ, недалеко отъ этого мѣста стояла благородная матрона, по имени Плавтилла. Она была обращена имъ въ христіанство и ей хотѣлось взглянуть на него въ послѣдній разъ. Когда его вели изъ тюрьмы къ этому мѣсту, она упала на колѣни и, горько заплакавъ, просила его благословить ее. Апостоль благословилъ ее и просилъ ее дать ему ея повязку, чтобы завязать ему глаза, когда его будутъ готовить къ казни. Полная вѣры и жалости, Плавтилла сорвала съ себя повязку и отдала ее апостолу. Затѣмъ Павла повели дальше и усѣкли вотъ здѣсь, гдѣ теперь стоитъ церковь. Сохранился еще и столбъ, къ которому онъ былъ привязанъ, и кусокъ мрамора, на который онъ положилъ подъ мечъ свою голову. Когда его казнили, его голова упала на землю, и теперь тутъ сталъ теплый, никогда не изсякаемый родникъ. Голова подпрыгнула и снова упала на землю. И въ этомъ мѣстѣ образовался еще теплый ключъ. Голова опять подпрыгнула и опять упала на землю, и тутъ явился третій родникъ, холодный, какъ ледъ. И когда голова падала на землю, уста апостола продолжали повторять имя ихняго Бога: Иисусъ! Иисусъ! Вотъ что мнѣ пришлось слышать.

Фавстула молча и серьезно слушала разсказъ раба. Ни признака недовѣрія не было замѣтно на ея лицѣ. Она была увѣрена, что этотъ рабъ—христіанинъ, но ей не хотѣлось спрашивать его объ этомъ. Ей было извѣстно, что многіе рабы-христіане принадлежали языческимъ господамъ, но было странно, что и рабъ весталокъ—христіанинъ.

Когда онъ кончилъ свой разсказъ, Фавстула тихонько сказала:

— Prosit!

Лицо раба освѣтилось улыбкой.

— Богъ да благословить тебя,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Да благословить тебя Спаситель и Искупитель.

Фавстула улыбнулась, и рабъ понялъ, что онъ не оскорбилъ ее. Можетъ быть, впервые на весталку призывалось благословеніе Божіе именемъ Христа.

Одолѣвъ еще одинъ холмъ, они спустились къ мосту. Дорога шла вдоль долины, которая теперь называется Vallegano. Фавстула упивалась ароматомъ деревьевъ, и свѣжій вѣтерокъ ласкалъ ея щеки. Вѣхали въ лѣсъ, и на лицахъ и на дорогѣ бѣгали попеременно свѣтъ и тѣни.

Фавстула почувствовала, какъ будто съ нея спало много лѣтъ, и въ ея глубокихъ глазахъ видѣлся огонекъ жизни, говорившій о счастьѣ.

— Послушай, Клавдія,—крикнула она, когда экипажи вѣхали на слѣдующій холмъ.—Нельзя ли намъ пойти пѣшкомъ? И лошади отдохнули бы!

Клавдія согласилась. Обѣ вышли изъ повозокъ и пошли на

холмъ, приказавъ своимъ спутникамъ дожидаться ихъ на его вершинѣ.

— Забудемъ на двѣ недѣли объ Атріумѣ,—предложила Фавстула. Клавдія покачала головой.

— Мы не можемъ забыть о немъ, ибо мы весталки,—сказала она какъ-то грустно.

— Попробуемъ все-таки,—возразила Фавстула съ ея высоко-мѣрной улыбкой.—Я, по крайней мѣрѣ, могу предать все это забвенію, если меня оставятъ въ одиночествѣ.

Клавдія промолчала. Но ароматъ лѣса сталъ дѣйствовать и на нее.

— Вотъ бабочка!—воскликнула она.—Какіе цвѣты!

— Мнѣ хотѣлось бы поймать ее. Но если я поймаю, я не стану долго держать ее въ плѣну. Пусть улетаетъ и наслаждается жизнью. Времени у нея не много.

— Тебѣ хотѣлось побѣгать! Вотъ лицемѣрка! А говорила о томъ, что лошади отдохнуть!

— Конечно, я лицемѣрка. Этому искусству я училась десять лѣтъ.

Фавстула засмѣялась, но ея веселье было похоже на тѣ попеременно темныя и желтыя полосы, которыя накладывали на дорогу то тьма, то солнце.

XXX.

Имѣніе, принадлежавшее весталкамъ, въ которомъ Клавдіи и Фавстулѣ предстояло прожить двѣ недѣли, было очень обширно. Главное его богатство составлялъ великолѣпный строевой лѣсъ, которымъ было покрыто три-четверти его земли. Остальное пространство, гдѣ не было лѣса или гдѣ лѣсъ былъ сведенъ, было покрыто болотами или покрыто золотоцвѣтникомъ. Весь день здѣсь виднѣлись крестьяне, которые или вспахивали почву, или косили траву вмѣстѣ съ этими цвѣтами смерти. Но смерть сильнѣе пахъ, и цѣлыя поколѣнія крестьянъ сложили свои кости въ этихъ болотистыхъ низинахъ побережья Лаціума.

Фавстула часто сидѣла на опушкѣ лѣса и смотрѣла, какъ трудятся крестьяне. Они работали большими толпами, женщины и мужчины вмѣстѣ. Одежда женщинъ была очень красива, гораздо красивѣе, чѣмъ ея собственная. Она зѣвала, какъ тяжела и трудна была ихъ жизнь, и тѣмъ не менѣе видъ у нихъ былъ довольный. Они пѣли и смѣялись, кося твердые стебли цвѣтка смерти.

По временамъ, когда группа женщинъ подходила къ ней слишкомъ близко, она улыбалась, когда кто-нибудь изъ нихъ, поднимая голову, встрѣчалъ взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ. Онѣ, въ свою очередь, улыбались ей и дѣлали ей поклонъ, въ которомъ чув-

ствовалась не рабская покорность—жители Лаціума никогда не были рабами сильныхъ міра сего,—а привѣтливость и почтеніе.

Однажды недалеко отъ нея работала крестьянка, у которой на рукахъ былъ маленькій ребенокъ. Мать старалась занимать его и въ то же время продолжала свою работу. Но ребенокъ капризничалъ, и мать была въ затрудненіи.

— Не заболѣлъ ли онъ?—тихо спросила Фавстула, сдѣлавъ знакъ женщинѣ подойти къ ней ближе.

— Да. Болотная лихорадка...

— Развѣ тебѣ нельзя остаться дома и ходить за нимъ?

— Нѣтъ, нельзя. Отецъ и я должны работать. И въ домѣ некому ходить за нимъ. Онъ не долго протянетъ и скоро умретъ.

— У тебя есть еще дѣти?

— Нѣтъ. Только этотъ. Я была долто замужемъ, пока онъ не родился. И больше у меня не будетъ. Но все-таки я мать, у меня хоть былъ ребенокъ. Если онъ умретъ, все-таки я останусь его матерью. Господь возьметъ его, но оставитъ мнѣ это. Къ тому же мы бѣдны. Бѣдны, какъ пустая устричная скорлупа.

Фавстула поняла, что эта женщина христіанка: она говорила о Богѣ въ единственномъ числѣ. Ей стало жаль ее, хотя она видѣла, что и она возбуждаетъ жалость къ крестьянкѣ.

— Дай мнѣ его. Я подержу его, пока ты будешь работать,—сказала она.

— Ты слишкомъ добра. Но ты не умѣешь нянчить дѣтей.

Крестьянка не хотѣла дать ребенка Фавстулѣ. Та предложила ей денегъ, гораздо больше, чѣмъ крестьянка видѣла за всю свою жизнь. Она взяла деньги съ тысячью благодарностей и опять пошла работать на безжалостномъ солнцѣ, прижимая ребенка къ своей груди.

Былъ полдень, и ослѣпительный свѣтъ, заливавшій поля, раздражалъ Фавстуну, хотя сама она сидѣла въ благоухающей тѣни.

Она встала и тихо, ни на что не обращая вниманія, пошла по направленію къ морю.

Домъ, въ которомъ она жила съ Клавдіей, былъ занятъ управляющимъ и его семьей. Половина, на которой онъ жилъ, была довольно обширна, но низка. Въ концѣ дома возвышалась высокая башня, въ которой было нѣсколько большихъ комнатъ. Эти-то комнаты и были отведены для обихихъ весталокъ. Кругомъ раскинулся лѣсъ, помнившій еще основаніе Рима. Онъ опускался внизъ и на много миль тянулся по берегу моря. Здѣсь-то и высадились когда-то выходцы изъ Трои, и Фавстула незамѣтно дошла до того самаго мѣста, гдѣ Эней и его храбрые спутники, по преданію, сошли на землю. Между деревьями съ моря доносился легкій вѣтерокъ, и здѣсь было сумрачно прохладно. Сосны, между которыми

росли огромные каменные дубы съ темными блестящими листьями, благоухали.

Кто-то посовѣтоваль императору Коммоду дышать здѣсь цѣлебнымъ воздухомъ лѣса, и онъ приказаль построить для себя виллу въ самой глубинѣ лѣса. Но императоръ не пользовался любовью, и, можетъ быть, тѣ, кто далъ ему этотъ совѣтъ, не упустили изъ виду и болотъ, лихорадочныя испаренія которыхъ, словно привидѣнія, летали по зарямъ подь всей округой. Объ этихъ болотахъ упоминаль уже Виргилій. Фавстула и Клодія по ночамъ сами слышали кваканіе миллионовъ лягушекъ, населяющихъ эти болота. Недалеко отъ дома весталокъ стояль почти пустой Лаврентумъ. Луканъ прозваль его «Пустымъ городомъ» въ то время, когда еще были живы апостолы Петръ и Павелъ, т. е. за триста лѣтъ до того, какъ Фавстула явилась въ эти мѣста.

Пока она шла черезъ лѣсъ къ морскому берегу, лягушки молчали, но зато въ воздухѣ стояль гуль отъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, покрываемый рѣзкими, пронзительными криками цикадъ.

Фавстула дошла до конца лѣса, до того мѣста, гдѣ показался низкій пустынный берегъ. Дойдя до послѣдняго, она сѣла подь его тѣнью, обернувшись лицомъ къ морю. На обширной водной поверхности не было видно ни одного паруса. Море у горизонта было сапфирно-голубое, ближе у берега опаловое. Еще ближе къ ней тянулась полоса зарослей, а сзади узкая коса мокраго песку.

Фавстула смотрѣла и любовалась. Ей было пріятно сидѣть здѣсь послѣ тѣснаго, шумнаго Рима. Но ея мысли какъ-то незамѣтно слетались съ прошлымъ, и это ее раздражало. Она не могла отдѣлаться отъ воспоминаній о храмѣ Весты съ вышитой занавѣсью подь дверью съ ея тремя Парками.

Почему эти Парки ткуть нить ся жизни и обрѣзають ее своими пожницами? Что такое жизнь—самая великая вещь, которую она знаетъ и о которой ей, однако, извѣстно такъ мало?

На берегу показался всадникъ. По мокрому песку онъ беззвучно ѣхаль отъ Остіи. Ёхаль онъ тихо, видимо, ради прогулки, и былъ уже какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ сидѣла Фавстула, прежде, чѣмъ она замѣтила его.

— Фабіанъ!—крикнула она.

Всадникъ сразу узналь ее по голосу. Онъ слѣзъ съ лошади и, подведя ее къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла весталка, привязаль къ дереву.

— На этомъ мѣстѣ когда-то сошелъ на берегъ Эней,—сказаль онъ со смѣхомъ, здороваясь съ ней.—Можно подумать, что ты Лавинія, поджидающая героя.

— Она не знала, что Эней явится сюда, а я не знала, что ты будешь тутъ проѣзжать. Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Моя стоянка за Остіей. А что ты тутъ дѣлаешь и почему сидишь одна на берегахъ Лаціума?

Фавстула рассказала ему все и прибавила:

— Нельзя сказать, чтобы у тебя был довольный вид. Я долго смотрѣла на тебя прежде, чѣмъ окликнуть.

— Нѣтъ, ничего. Надѣюсь, что ты счастлива, хотя и не понимаю, какъ ты могла сдѣлаться весталкой, это какъ-то не вяжется съ представленіемъ о тебѣ.

Сама того не желая и не замѣчая, Фавстула открылась ему.

— Все это ложь, и я не вѣрю въ Весту,—закончила она, ступая ногой камень, который покотился на мокрой песокъ.

Злоба душила Фабіана, злоба противъ тѣхъ, кто заживо заточилъ ее въ эту закономъ установленную могилу.

— Если ты не вѣришь въ боговъ,—спросилъ онъ:—то какъ можешь ты имъ поклоняться? Какъ могла ты принять обѣтъ?

— Да я и не принимала никакого обѣта. Меня привели къ жертвеннику и, какъ я узнала потомъ, отецъ принялъ за меня обѣтъ. Онъ что-то пробормоталъ, и я стала весталкой, хотя согласія моего на то не было. Однако какъ стало жарко. Вѣтеръ совсѣмъ утихъ...

— Это часто бываетъ къ вечеру,—отвѣчалъ Фабіанъ, думая о томъ, что она ему сказала.

Его глаза блуждали по гладкой, словно намазанной масломъ поверхности моря. Фавстула откинула свое покрывало, и ея роскошные волосы упали ей на плечи. Но Фабіанъ не видѣлъ этого. Зато не укрылось это отъ другихъ глазъ: узкіе, глубоко всаженные глаза рабыни Тациты изъ-за низкихъ кустовъ терновника внимательно слѣдили за молодой весталкой.

XXXI.

Фавстула промолчала о своей встрѣчѣ съ Фабіаномъ. Когда она вернулась домой, Тациты еще не было. Возвратилась она только къ ужину и стала рассказывать, что она дѣлала цѣлый день. Она обошла хижины рабовъ, принадлежавшихъ къ этому имѣнію, и была поражена ихъ нищетою и жалкимъ видомъ.

— Многіе изъ нихъ христіане, и я встрѣтила ихъ жреца,—говорила Тацита.—Это маленькій старичокъ, такой же бѣдный, какъ сами крестьяне. Онъ шелъ со мной до самаго дома. Вотъ отчего я и запоздала. Онъ очень предостерегалъ меня и говорилъ, что послѣ душнаго города легче всего схватить лихорадку. Онъ много рассказывалъ о крестьянахъ и говорилъ, что это народъ добрый. «Вашъ народъ, конечно», возразила я.—«О нѣтъ, домина Клавдія, есть и среди вашихъ много добрыхъ людей. Они дѣлаютъ добро многимъ, въ томъ числѣ мнѣ и моимъ дѣтямъ», возразилъ онъ.—Я дала ему денегъ, и онъ былъ пораженъ, какъ много онъ получилъ, хотя я вовсе не нахожу этого.

— У меня тоже есть деньги,—сказала Фавстула.—Отдай ихъ

«истор. вѣсти.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

твоему старичку-жрецу. Кстати, что дѣлаетъ здѣсь эта новая рабыня Тациты? Я видѣла ее, когда выходила.

— Дирка? Тацита прислала ее изъ Рима съ письмомъ ко мнѣ насчетъ имѣнія.

— Напиши отвѣтъ сегодня же вечеромъ и отправь ее назадъ. У ней вѣчно какая-то вынужденная улыбка на губахъ. Не нравится она мнѣ.

— Я не могу отправить ее сейчасъ же. Тацита пишетъ, что она больна и что ей хорошо будетъ пожить здѣсь нѣсколько дней.

— Надѣюсь, что она не видала тебя въ компаніи съ твоимъ старымъ священникомъ. Иначе она донесетъ великой весталкѣ, и та тебя за это не похвалитъ.

— Я скажу объ этомъ Тацитѣ сама. Она любитъ сплетни, но она не зла по природѣ.

— Ну, Тацита давно точитъ зубы на насъ обѣихъ?

— За что же?—наивно спросила Клавдія.

— Какой ты еще ребенокъ, Клавдія!—смѣясь, воскликнула Фавстула. —Тацита хочетъ быть не столько первой весталкой, сколько первой красавицей въ Атріи!

Несмотря на то, что Клавдія размѣялась на такое предостереженіе, она, однако, стала осторожнѣе. А Фавстула вскорѣ забыла объ этомъ разговорѣ. Въ ея характерѣ была черта, которая заставляла ее пренебрегать опасностью со стороны какой-то рабыни. Къ тому же, какъ всѣ живые и мыслящіе люди, она страдала разсѣянностью, отдаваясь часто своимъ собственнымъ мыслямъ.

Дирка пробыла на виллѣ съ недѣлю. Хотя Клавдія и приняла противъ нея нѣкоторыя мѣры предосторожности, тѣмъ не менѣе хитрая гречанка успѣла собрать кое-какія свѣдѣнія и о ней и готовилась къ докладу великой весталкѣ.

Фавстула ходила гулять не въ деревнѣ, а всегда на берегъ моря, и Диркѣ было особенно удобно незамѣтно слѣдовать за нею между деревьями и кустами. Къ тому же рабыня была не крѣпкаго здоровья, и это ей было тѣмъ пріятнѣе, что до берега было не болѣе мили и дорога шла вдали отъ болотистыхъ мѣстностей. Такимъ образомъ она могла и поправлять свое здоровье, и дѣлать дѣло, за которымъ была прислана.

XXXII.

На двѣнадцатый день послѣ приѣзда на виллу Клавдія заболѣла и по вечерамъ сильно страдала отъ острыхъ приступовъ болотной лихорадки. Въ этотъ день Фавстула видѣлась съ Фабианомъ, но оставалась съ нимъ недолго и поспѣшила къ своей больной подругѣ. Фабианъ, съ своей стороны, поспѣшилъ въ Остію за врачомъ, который къ вечеру и явился. Онъ сказалъ, что это, несомнѣнно, тя-

желый случай болотной лихорадки и что лучше всего для больной было бы вернуться въ Римъ. Хотя обѣ весталки и выразили желаніе водвориться опять въ Атріумъ, но положеніе Клавдіи было таково, что о переѣздѣ нечего было и думать.

Фавстула написала обо всемъ письмо къ великой весталкѣ и приказала отправить его съ верховымъ, который могъ доставить его часа черезъ два.

Въ полночь гонецъ вернулся обратно съ отвѣтомъ, что Клавдія должна оставаться на виллѣ, пока докторъ не позволитъ ей двинуться въ путь, и что Фавстула также должна оставаться при ней. Утромъ будетъ присланъ изъ Рима опытный врачъ.

Дѣйствительно, докторъ явился около полудня. Онъ нашелъ положеніе очень тяжелымъ, но ободрилъ Фавстулу, сказавъ, что угрожающаго пока нѣтъ ничего. Онъ обѣщаль побывать на другой день. При слѣдующемъ визитѣ положеніе оказалось безъ переменъ. На третій разъ наступило легкое улучшеніе.

— Черезъ недѣлю, если дѣло пойдетъ такъ, я думаю, будетъ возможно отправить ее въ Римъ,—сказаль докторъ.—Непріятно, конечно, что въ Атріумѣ такъ душно. Но сюда ей больше никогда не слѣдуетъ возвращаться. Зимой здѣсь очень хорошо. Но едва ли кому деревня нужна зимой.

— Но это мѣсто, вѣроятно, считается здоровымъ,—сказала Фавстула.—Иначе, зачѣмъ было императору Коммоду строить здѣсь виллу?

— Можетъ быть, императоръ и не думаль о здоровьѣ. Ему нужно было куда-нибудь скрыться изъ Рима отъ злыхъ языковъ. Можетъ быть, всѣ больше думали о здоровьѣ государства, чѣмъ о здоровьѣ императора.

Докторъ потеръ свои руки, въ полномъ удовольствіи отъ своего намека.

— Я знаю вашу семью,—сказаль онъ Фавстулѣ.—Мнѣ приходится лечить вашу сестру, что, впрочемъ, бываетъ рѣдко. Она еще не замужемъ? Мы думали, что она выйдетъ за Луцилія, но обманулись въ своихъ расчетахъ. Онъ женился не на ней, а на своей двоюродной сестрѣ.

Докторъ замолчалъ, какъ бы приглашая Фавстулу поддержать начатый разговоръ, но она упорно молчала.

Черезъ недѣлю обѣ весталки вернулись въ Атріумъ, гдѣ ихъ съ распростертыми объятіями встрѣтила Тацита.

— Боюсь, что вы рано пріѣхали, слишкомъ рано. Ты еще совсѣмъ полуживая, Клавдія. Да и ты, Фавстула, постарѣла съ этими хлопотами. Тебѣ можно дать лѣтъ тридцать. Я очень боялась за Клавдію, хотя докторъ находилъ мои страхи пустыми. Ну, знаете, весталка, которой предстоитъ занять мое мѣсто,—персона очень важная. Да и вообще весталокъ вѣдь не тысячами считаютъ.

Оправившись отъ болѣзни, Клавдія дала отчетъ о всемъ видѣнномъ ею въ имѣніи, и Тацита обѣщала сдѣлать что-нибудь въ пользу тамошнихъ крестьянъ.

— Докторъ сказалъ, что зимой и весной тамъ воздухъ совершенно здоровъ. Поэтому, когда наступитъ здоровый сезонъ, ты и Фавстула, можетъ быть, отправитесь туда еще разъ и сами осуществите всѣ наши предположенія.

Но вскорѣ разыгрались событія, которыя отвлекли вниманіе Тациты отъ внутренней политики Атріума.

Со времени воцаренія Константина Великаго христіанская религія сдѣлалась господствующей въ Римской имперіи, и не одному Фавстулу приходила въ голову мысль, что коллегію весталокъ слѣдовало бы давнымъ-давно уничтожить.

И дѣйствительно, коллегія и была уничтожена черезъ четверть вѣка, но до того суждено было разыгратъся многимъ событіямъ.

Предстояла рѣшительная схватка между христіанствомъ и язычествомъ. У императора Константина Великаго дѣтей не было, и престоль долженъ былъ перейти къ его двоюродному брату Юліану, который былъ извѣстенъ какъ рѣшительный противникъ христіанства.

Флавій-Клавдій Юліанъ управлялъ Галліей въ качествѣ наѣстника императора. Всѣ знавшіе его хорошо понимали, что онъ не долго останется въ этой роли. Галлія была далеко отъ Константинополя, и Юліанъ чувствовалъ себя если и не внѣ подозрѣній, но внѣ досягаемости со стороны императора. Онъ не только управлялъ провинціей, но и всячески старался снискать расположеніе ея населенія и войска. Умный и проникательный, онъ, несмотря на свое блестящее краснорѣчіе, умѣлъ молчать, когда это было нужно.

Когда умеръ Константинъ, Юліану было всего шесть лѣтъ. Онъ никогда не зналъ, что значить материнская ласка. Отецъ его былъ убитъ. Погибъ также братъ его отца, Далмацій, его собственный старшій братъ, погибли и оба сына его дяди. Подстрекателемъ ко всемъ этимъ убійствамъ считали Констанція. Уцѣлѣлъ только Юліанъ и его братъ Галлъ, потому что они были еще очень молоды и казались слишкомъ незначительными.

Когда другіе братья Констанція умерли, онъ назначилъ Галла цезаремъ, но затѣмъ въ 354 году казнилъ его, обвинивъ въ заговорѣ противъ себя. Юліанъ подвергнулся страшной опасности, но за него вступилась жена императора. Его выпустили изъ тюрьмы въ Миланѣ и разрѣшили ему уѣхать въ Аѳины. Въ 355 г. его вызвали изъ Аѳинъ и женили на сестрѣ императрицы Еленѣ, дали титулъ цезаря и отправили правителемъ въ Галлію.

Въ теченіе пяти лѣтъ онъ почти независимо отъ императора устривалъ здѣсь военное и гражданское управленіе. Военными

успѣхами онъ приобрѣлъ любовь солдатъ и облегченіемъ налоговъ свискалъ расположеніе населенія. Когда въ 360 году императоръ приказалъ Юліану прислать лучшія его войска ему на помощь противъ персовъ, солдаты въ отвѣтъ на это требованіе провозгласили Юліана императоромъ.

Слухи о совершившихся событіяхъ давали Тацитѣ много пищи для разговоровъ. Ее безпрестанно носили изъ одного богатаго языческаго дома въ другой, и въ Атріумъ она возвращалась лишь поздно вечеромъ, нагруженная новостями и разбитая отъ усталости.

— Императоръ Юліанъ,—она первая дала ему въ Римѣ этотъ титулъ—императоръ Юліанъ уже уѣзжалъ изъ Галліи или собирался уѣхать оттуда, когда прибылъ гонецъ отъ двора...—не разъ начинала свой рассказъ Тацита.

— Императоръ Юліанъ публично объявилъ себя почитателемъ боговъ. Теперь панъ больше не будетъ. Какъ только императоръ сокрушитъ Констанція, онъ немедленно возстановитъ почитаніе прежнихъ боговъ. Клавдій Домицій говорилъ мнѣ, что существуетъ предположеніе возстановитъ циркъ Нерона. Онъ еще предполагаетъ превратить весь Ватиканскій холмъ въ общественный садъ. Ему, очевидно, хочется быть городскимъ префектомъ. Но мой братъ говоритъ, что все это вздоръ и наша семья, какъ болѣе знатная, имѣетъ больше правъ на это мѣсто. Императоръ Юліанъ станетъ теперь верховнымъ жрецомъ, и наша семья будетъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Какъ я благодарна великимъ богамъ за то, что я состою верховной весталкой въ такой моментъ, когда возстановляется наша истинная вѣра!

XXXIII.

Такъ какъ Атріумъ Весты находился на людномъ Форумѣ, то весталкамъ обыкновенно не полагалось появляться на улицѣ и только иногда онѣ должны были приносить священную воду изъ источника Эгеріи возлѣ Porta Sarena. Но на самомъ дѣлѣ онѣ съ давняго времени работали, ради моціона, въ своемъ виноградникѣ, расположенномъ возлѣ самаго источника Эгеріи за старымъ валомъ Сервія Туллія, между Porta Appia и валомъ Аврелія.

Сюда весталокъ приносили на носилкахъ. Около виноградника онѣ должны были сходить и идти дальше пѣшкомъ. Фавстула любила это мѣсто: тутъ было тихо и пахло ароматомъ холмовъ.

Однажды она шла въ одиночествѣ въ той части виноградника, которая была всего дальше отъ воротъ, оставивъ около нихъ ликтора и рабовъ, которые ее несли. Тацита объявила, что теперь весталки могутъ чаще пользоваться своими привилегіями, чѣмъ это было до сихъ поръ. «Христіане,—говорила она,—привыкли

вышучивать весталокъ съ ихъ ликторами, но теперь надо еще подождать, кто надъ кѣмъ будетъ смѣяться».

Идя по одной изъ уединенныхъ дорожекъ, Фавстула замѣтила садовника, который, наклонившись, занимался какой-то работой. Повернувъ на другую дорожку, она услышала сзади себя шаги и, повернувшись, увидѣла, что садовникъ идетъ за ней.

Полагая, что у него есть къ ней какая-нибудь просьба, она остановилась и стала его поджидать.

— Ты весталка домина Фавстула, не такъ ли?—спросилъ, кланясь ей, садовникъ.

— Да. Что тебѣ нужно отъ меня?

— Ты не узнаешь меня? Я когда-то былъ рабомъ домини Меланіи въ Цивителлѣ. По волѣ благороднаго господина моего Фабіана я теперь свободный членовѣкъ. Свободу я получилъ какъ разъ тогда, когда ты гостила у домини Меланіи.

— Теперь я припоминаю. Ты, кажется, предпочелъ остаться въ услуженіи у Фабіана?

— Да, я и сейчасъ служу ему.

— Я думала, что онъ находится далеко отъ Рима...

— Это вѣрно. Ему приказано было отправиться на сѣверъ. Онъ очень досадовалъ, что не могъ извѣстить тебя объ этомъ, и поручилъ сдѣлать это мнѣ. У меня есть къ тебѣ письмо отъ него. Когда ты его прочтешь, то увидишь, что ты можешь исполнѣе положиться на меня.

— Я и теперь увѣрена въ этомъ,—просто отвѣчала Фавстула.

Фавстула взяла письмо, а Сергій опять принялся за свою работу, подрѣзывая корни лозъ. Письмо было написано, судя по датѣ, три мѣсяца тому назадъ. Фабіанъ самъ предупреждалъ въ немъ, что, быть можетъ, пройдетъ много времени прежде, чѣмъ оно попадетъ ей въ руки.

Далѣе онъ сообщалъ, что его легионъ стоитъ въ Медиоланѣ, но что, можетъ быть, ихъ пошлютъ дальше на Дунай, встрѣчать императора. Не произнося нигдѣ слово «любовь», Фабіанъ жалѣлъ о томъ, что она не христіанка, и высказывалъ скорбь, что невозможно снять съ себя званіе весталки, особенно въ такое время, когда усиливается вліяніе Юліана.

Медленно пройдя всю дорожку, Фавстула тихо пошла назадъ. Сергій попрежнему работалъ на своемъ мѣстѣ.

— Завтра я приду сюда съ отвѣтомъ,—сказала она ему.—Если не завтра, то послѣзавтра. Ты будешь здѣсь?

— Да. Помнишь ли ты членовѣка, который везъ тебя въ лавренціанское имѣніе. Это мой родственникъ, членовѣкъ хорошій и добрый.

— Да, помню. Онъ христіанинъ и много рассказывалъ мнѣ объ апостолѣ Павлѣ.

— Онъ хорошій членовѣкъ. Не всѣмъ между нами можно довѣрять,

по на него положиться можно и его бояться нечего, это онъ опредѣлимъ меня сюда на работу. Но если здѣсь будетъ рабыня Дирка, которая служитъ при великой весталкѣ, то письмо передавать мнѣ не слѣдуетъ.

Поговоривъ съ Сергіемъ, Фавстула пошла дальше, продолжая читать письмо. Фабіанъ выражалъ надежду, что Клавдія поправится, и писалъ, что старый священникъ много говорилъ о ней и пріѣзжалъ даже къ нему въ Остію узнать о ея здоровьѣ. Явится лично къ ней онъ счелъ неудобнымъ, чтобы въ чемъ-либо не скомпрометировать ея. Далѣе Фабіанъ писалъ о своемъ братѣ. Онъ квартировалъ въ Арреціумѣ, но теперь также получилъ приказъ выступить съ своей когортой въ Медиоланъ «Никто не знаетъ,— писалъ онъ:—что мы будемъ здѣсь дѣлать. Нѣкоторые думаютъ, что мы должны будемъ захватить Юліана, если онъ оставитъ Галлію, другіе полагаютъ, что мы должны итти навстрѣчу императору, который спѣшитъ въ Константинополь. Во всякомъ случаѣ Христофора не будетъ въ Римѣ и на его помощь нельзя рассчитывать».

XXXIV.

Свиданіе Фавстулы съ Сергіемъ произошло три мѣсяца спустя послѣ встрѣчи ея съ Фабіаномъ. Событія, разыгравшіяся въ этомъ же году, только подтверждали надежды Тациты на полное возстановленіе язычества. Извѣстіе о смерти императора Константина въ Киликіи и вступленіи во власть Юліана пришло въ Римъ почти одновременно съ вѣстью о формальномъ отреченіи императора отъ христіанства. Никто не зналъ, какой политики будетъ теперь держаться Юліанъ. Съ другой стороны, увѣряли, что онъ вовсе не склоненъ преслѣдовать христіанъ и отмѣнять постановленія Константина въ церковномъ управленіи. Говорили, что онъ будетъ держаться вѣротерпимости. Но даже и тѣ, кто говорилъ это, понимали, что христіанство будетъ унижено и все благорасположеніе императора будетъ отдано язычеству и его представителямъ. Предвидѣли, что теперь христіанамъ будетъ затруднено прежде всего поступленіе въ армію и на государственную службу. Первымъ доказательствомъ справедливости этого явилась перемѣна знаменъ. Теперь они воплощали въ своихъ символахъ идею язычества и императорской власти. Такимъ образомъ, всѣ, кто долженъ былъ выражать почтеніе къ императорской власти, принужденъ былъ одновременно выразить почтеніе и язычеству.

— Какъ императоръ уменъ!—съ восхищеніемъ воскликнула Тацита, услышавъ объ этой новости отъ своихъ весталокъ:—христіане такъ суевѣрны и упрямы, что, конечно, не подчинятся этому. Прежде отъ нихъ требовалось только, чтобы они возложили на жертвенникъ Юпитера кусокъ ароматической смолы не больше

моего пальца, но они и этого не хотѣли сдѣлать. То же будетъ и теперь. Я очень рада, что у меня нѣтъ знакомствъ съ христанами. Многія семьи состояли съ ними даже въ родствѣ. Я горжусь тѣмъ, что наша семья осталась совершенно чиста.

Многіе увѣряли, что Юліанъ не остановится на этихъ полумѣрахъ и что, наткнувшись на сопротивление христіанъ, онъ объявитъ ихъ государственными преступниками. Для такого ловкаго императора,—говорили они,—будетъ не трудно поставить христіанъ въ такое положеніе, что они покажутся мятежниками противъ императорской власти. Императору было всего тридцать лѣтъ. Ему, слѣдовательно, предстояло долгое царствованіе и торопиться было нечего.

Люди такого закала, какъ Тацита, смотрѣли на императора, просто какъ на вѣрующаго поклонника боговъ. Другіе доказывали, что ему нѣтъ никакого дѣла до Юпитера или Марса и что онъ, воспитанный въ Аѳинахъ среди риторовъ, хочетъ совершенно иначе освѣжить старую религію новымъ толкованіемъ. Тацита сердилась на такіе разговоры и говорила, что все это однѣ сплетни.

— Если бъ даже императоръ приказалъ называть Юпитера Зевсомъ, а Венеру Афродитой, то не все ли это равно. Важно то, что онъ на нашей сторонѣ. Онъ ненавидитъ этого Галилеянина, это всякій знаетъ.

Царствованіе Юліана, впрочемъ, продолжалось всего два года, и положеніе вещей, слагавшееся цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, не такъ-то легко было измѣнить въ двадцать мѣсяцевъ. Гоненій не было, но всѣ, кто принималъ участіе въ активномъ противодѣйствіи христіанамъ, пользовались милостью императора. Всѣ знали, что префектъ Рима—ненавистникъ христіанъ и язычникъ, ознаменовавшій свое правленіе казнью двухъ братьевъ Павла и Иоанна.

— Видите,—говорила Тацита,—я была права. Христіане упрямы. Вотъ вамъ братья Иоаннъ и Павелъ, которые живутъ въ старомъ домишкѣ на Clivus Scauri. Я ихъ знаю по виду обоихъ. Одна моя родственница живетъ недалеко отъ ихъ лачуги. Она рассказывала мнѣ, въ какой чести они были у Констанціи, дочери несчастнаго Константина и сестры нашего славнаго императора Юліана. Императоръ, зная это, предложилъ имъ поступить къ нему на службу. И представьте, они отказались и даже написали императору дерзкое письмо: они-де не желаютъ служить человѣку, который унижаетъ ихъ Господь. Ну, теперь имъ приказано черезъ десять дней явиться на службу и принести жертву Юпитеру. А иначе ихъ казнятъ, какъ измѣнниковъ. Начальнику когорты преторіанцевъ Теренціанъ велѣлъ принести къ нимъ въ домъ незамѣтно, чтобы не раздражать ихъ гордость, статую Юпитера и заставить ихъ преклониться передъ ней. Но моя родственница, которая живетъ

совсѣмъ рядомъ съ нею, увѣряетъ, что они будутъ упорствовать въ своемъ отказѣ.

И Тацита обвела всѣхъ торжествующимъ взглядомъ.

— Конечно, твоя родственница права,—промолвила Фавстула.

— О, она умная женщина. Она на годъ старше меня и тоже не очень красива собой. Она увѣряетъ, что эти бессмысленные и запятанные пороками люди поспѣшно раздадутъ свое имущество бѣднымъ. Они совершенно потеряли разумъ. Моя родственница—женщина очень умная—говоритъ, что если боги хотятъ наказать кого-нибудь, то прежде всего лишаютъ его разсудка.

— Ну, есть и такіе, которымъ боги очень благоволятъ и которыхъ и лишать-то нечего,—замѣтила Волюмнія.

Черезъ одиннадцать дней Тацита представила новыя доказательства упорства христанъ.

— Помните, я вамъ говорила относительно двухъ братьевъ Павла и Іоанна, которые живутъ въ лачугѣ, недалеко отъ моей родственницы. Вышло такъ, какъ я предсказывала. Когда Теренціанъ явился къ нимъ со статуей Юпитера и прочелъ имъ указъ императора, они едва выслушали его и стали молиться своимъ богамъ. Когда префектъ сталъ опять увѣщевать ихъ, они дерзко заявили, что готовы пострадать и даже пріять смерть за Христа, которому они поклоняются, какъ Богу. Префектъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть ихъ публичному опозоренію, велѣлъ обезглавить ихъ въ ихъ собственной лачугѣ.

— Онъ поступилъ очень умно,—замѣтила Волюмнія.—Можно будетъ пустить слухъ, что они отправлены въ изгнаніе.

Прошло нѣсколько дней, и Тацита получила болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи.

— Охъ, ужъ эти негодные христіане!—воскликнула она, возвратившись въ Атріумъ, послѣ усиленной погони за новостями.—Къ какой лжи они прибѣгаютъ. Въ городѣ рассказываютъ, что послѣ казни этихъ Павла и Іоанна многіе стали одержимы нечистыми духами, а въ особенности сынъ Теренціана. Затѣмъ разнесли нелѣпный слухъ о томъ, будто префектъ привелъ своего сына къ лачугѣ, подъ которой были похоронены казненные, и здѣсь онъ избавился отъ демоновъ, послѣ чего отецъ и сынъ оба объявили себя христіанами!

XXXV.

Очень рѣдко Фавстулѣ приходилось слышать черезъ Сергія о Фабіанѣ. Сергій увѣрялъ ее, что его господинъ употребляетъ всяческія усилія, чтобы вернуться въ Римъ. Писемъ отъ Фабіана очень долго не было, и самъ Сергій нерѣдко не могъ сообщить о немъ ничего.

Жизнь Фавстулы протекала въ полномъ уединеніи. Ни съ кѣмъ изъ своихъ родныхъ она не видалась, а отъ Клавдіи таилась, не смѣя открыть ей своихъ мыслей. Срокъ служенія Тациты истекалъ, и Клавдія готовилась занять ея мѣсто.

Въ концѣ мая 362 года Тацита вся ушла въ хлопоты: въ Колизеѣ устраивались большія игры, и она не могла говорить ни о чемъ другомъ. На этихъ играхъ должны были присутствовать и весталки въ полномъ парадѣ, и Тацита не знала, что дѣлать: выражать ли громкое сожалѣніе о томъ, что императора не будетъ на этихъ играхъ, или радоваться его отсутствію, благодаря которому выпривало ея собственное положеніе.

Еще задолго до игръ Фавстулѣ смертельно надоѣли безконечныя о нихъ разговоры. Ей нездоровилось: сырой и холодный вѣтеръ, дувшій послѣднія недѣли съ юга-востока, подѣйствовалъ на нее такъ, какъ не дѣйствовалъ никогда прежде.

Долгое молчаніе Фабіана было легко объяснить, но совершенное отсутствіе вѣстей о немъ тревожило ее сильно. Послѣдній разъ, когда она пришла въ виноградникъ въ надеждѣ узнать о немъ что-нибудь отъ Сергія, передъ ними какъ изъ земли выросла Дирка. Но не одна, а съ Лолліей, вдругъ ставшей любимицей великой весталки.

Лоллія улыбулась и прошла мимо. Но въ этой улыбкѣ было что-то нехорошее, и Сергій встревожился.

— Не люблю я ее,—прогомолвилъ онъ. Въ послѣднее время она часто приходитъ сюда вмѣстѣ съ этой Диркой... Нехорошо, что они видѣли, какъ ты разговаривала со мной.

Вечеромъ въ томъ же день Лоллія съ дѣланной наивностью сказала Фавстулѣ:

— Ты, какъ видно, любишь гулять по винограднику. Это и хорошо. Свѣжій воздухъ подкрѣпитъ тебя. А то за послѣднее время ты совсѣмъ выцвѣла. Это и великая весталка замѣтила.

— Ты совсѣмъ разстроена,—сказала ей черезъ нѣсколько дней сама Тацита.—Когда кончатся игры, мы отошлемъ тебя куда-нибудь подальше изъ Рима, только, конечно, не на берегъ Лаціума: врачъ говоритъ, что тамъ хорошо только зимой. Но, можетъ быть, это великое зрѣлище вдохнетъ въ тебя здоровье и развлечетъ тебя. Къ тому же неудобно, чтобы кто-нибудь изъ насъ отсутствовалъ на нихъ. Наше положеніе слишкомъ высокое, и наше отсутствіе будетъ замѣчено. Если тебѣ неможется, то побори себя. Я приплю къ тебѣ на ночь Дирку съ каплями отъ сердца.

Какъ ни старалась Фавстула избавиться и отъ Дирки, и отъ капель, Тацита настояла на своемъ.

— Теперь времена очень бурныя,—добавила она.—Можетъ быть, у тебя есть родственники-христіане, и ты безпокоишься за нихъ?

— У меня нѣтъ родственниковъ среди христіанъ,—отвѣтила Фавстула, едва шевеля ссохшимися губами.

— А мнѣ казалось, что есть. Я слышала, что послѣ смерти матери ты жила въ имѣніи своей тетки и тамъ имѣла общеніе съ христіанами?

— Моя тетка сама недолюбливала христіанъ и хотя сосѣдями ея были христіане...

— Да, знаю. Мелилла, Мелампа, или какъ ее звали? Это были просто сосѣди, эти Фабіи?

— Ее звали Меланія. Она умерла теперь. И это были не Фабіи, а Ациліи Глабріи.

— А, Глабріи! — воскликнула великая весталка, поднимая брови,—и всѣ они также умерли?

И, не дождавшись отвѣта, она пошла къ себѣ.

Когда Дирка явилась съ каплями, Фавстула была уже въ постели. Наклонившись надъ ней, рабыня накапала въ кубокъ нѣсколько капель изъ маленькаго фіала и, разбавивъ ихъ водой, подалъ кубокъ Фавстулѣ.

— Великая весталка весьма беспокоится о тебѣ,—промолвила она.—Но это лекарство будетъ хорошо для тебя.

Фавстула что-то прошептала и протянула руку за кудкомъ.

— Спокойной ночи. Я сейчасъ усну. Я уже почти спала, когда ты вошла.

Принимая отъ рабыни кубокъ, она ногой отшвырнула подушку съ постели. Дирка нервно вздрогнула и стала смотрѣть, что упало съ кровати. Въ этотъ моментъ Фавстула опрокинула кубокъ въ заранѣе приготовленный платокъ, поднесла пустой кубокъ къ губамъ и сдѣлала такой звукъ, какъ будто проглотила приготовленное для нея лекарство.

— Оно имѣетъ не особенно противный вкусъ,—сказала она.—Надѣюсь, что лекарство поможетъ мнѣ заснуть.

— О, да. Оно, безъ всякаго сомнѣнія, поможетъ тебѣ заснуть.

— Можно взять свѣтильникъ?—услужливо спросила рабыня.

— Хорошо. Я сейчасъ засну.

— Не сейчасъ, но, вѣроятно, очень скоро.

И, сдѣлавъ почтительный поклонъ, Дирка удалилась.

XXXVI.

На слѣдующій день были назначены игры въ Колизеѣ.

— Очень рада, что тебѣ лучше,—сказала Фавстулѣ великая весталка, когда они увидѣлись на другой день.—Это оттого, что ты хорошо провела ночь. Каковы мои капли!

— Дирка сказала, что отъ нихъ я должна заснуть?

— Это правда. Теперь ты видишь ихъ благотѣльное дѣйствіе.

На этотъ разъ Тацита не выказала особаго желанія продолжать разговоръ. Ей было какъ-то не по себѣ, и она то и дѣло взглядывала бокомъ на Фавстулу.

Хотя Фавстула и не спала большую часть ночи, тѣмъ не мѣнѣ ей въ самомъ дѣлѣ было лучше. Только на разсвѣтѣ она забылась легкимъ сномъ, но вдругъ почувствовала, что надъ ней наклонилась Дирка. Она вздрогнула и моментально проснулась съ чувствомъ близкой опасности.

— Прости, что я разбудила тебя,—вкрадчиво промолвила рабыня.—Я старалась не дѣлать шума, но я не могла не взглянуть, какъ ты спишь.

— Благодарю. Мнѣ теперь лучше. Да я и не такъ ужъ больна. Можетъ быть, мнѣ удастся заснуть опять.

— Не надо ли чего-нибудь тебѣ?

— Не надо ничего. Поблагодари великую весталку за ея сердечныя капли.

На самомъ дѣлѣ Фавстула чувствовала себя лучше потому, что угнетенное состояніе ея духа вдругъ пропало и смѣнилось возбужденіемъ. Глаза ея сіяли, и видъ у нея былъ бодрый. Чувство близкой опасности заставило ее отбросить равнодушіе, съ которымъ она послѣднее время относилась ко всему. Она была далека отъ трусости. Она вдругъ поняла, что необходимо принять какое-нибудь быстрое рѣшеніе и что, вмѣсто того, чтобы не дѣлать ничего, она должна сдѣлать что-то такое, что потребуетъ напряженія всѣхъ ея силъ.

Въ этотъ день она наблюдала за всѣми съ особеннымъ вниманіемъ и ей стало ясно, что ея избѣгаютъ, что съ нею говорятъ только тогда, когда это необходимо, но и то возможно короче.

Наступило время одѣваться въ парадныя одѣянія и отправляться въ Колизей. Едва Фавстула вошла къ себѣ въ комнату, какъ туда же проскользнула Волюмнія. Между ними не было особенно дружескихъ отношеній, и Фавстула была очень удивлена ея появленіемъ.

Онѣ могли остаться вдвоемъ только одну минуту, и обѣ хорошо понимали это: сейчасъ должны были прійти рабыни—одѣвать Фавстулу. Волюмнія держала себя какъ-то странно: ей какъ будто невольнo хотѣлось выразить Фавстулѣ свою симпатію.

— Присылала тебѣ великая весталка вчера капли съ Диркой?—шопотомъ спросила она.

Фавстула, стоя передъ ней, молча кивнула головой.

— Ты не приняла ихъ?

— Нѣтъ.

— Жаль. Это для тебя было бы лучше. Если она опять пришлетъ лекарство, то выпей.

Въ это время вошли двѣ рабыни, и Волюмнія удалилась, го-

воря, что она очень рада, что нашла Фавстулу въ добромъ здоровьѣ.

Въ Колизей весталки двинулись цѣлой процессіей. Носилки каждой весталки были окружены ея собственными рабынями. Между каждыми носилками былъ промежутокъ, такъ что послѣдняя весталка должна была прибыть въ Колизеумъ, когда первая давно уже была тамъ. Этой послѣдней была Фавстула.

Императорскіи входъ давно уже былъ закрытъ. Послѣднимъ входилъ черезъ него Констанцій. Рядомъ съ нимъ былъ входъ для весталокъ. Около него ранѣ прибывшія ждали остальныхъ.

Когда носилки Фавстулы поровнялись съ Meta Sudans, она услышала голосъ Флавіи, которая ее привѣтствовала. Съ нею былъ и ихъ отецъ. Позади нихъ шла другая группа, направлявшаяся къ амфитеатру отъ Палатинскаго холма. Въ томъ же направленіи двигались сотни людей, но Фавстула, остановившаяся на минуту, чтобы поздороваться съ родными, невольно обратила вниманіе на эту группу. По срединѣ ея былъ, видимо, плѣнникъ, и Фавстула вдругъ съ ужасомъ догадалась, зачѣмъ его ведутъ.

— Какъ хорошо быть весталкой,—льстиво промолвила Флавія.—Императора нѣтъ здѣсь, и вы теперь однѣ займете весь помостъ. Если бы на вашемъ пути попались плѣнники, которыхъ ведутъ на казнь, вы имѣете право простить одного изъ нихъ—трудный выборъ, конечно...

Пока Флавія говорила эти слова, Фавстула увидѣла, что толпа, сопровождавшая плѣнника, вдругъ заволновалась, такъ что, не останови она свои носилки, толпа неминуемо столкнулась бы съ нею. Въ ея ушахъ раздавались еще льстивыя слова Флавіи съ одной стороны, а съ другой—глухой шумъ, подобный шуму моря, который можно слышать, приложивъ къ уху раковину.

На лицѣ ея отца было такое выраженіе, какого она никогда еще не видывала: на немъ были написаны страхъ и состраданіе. До его слуха долетѣло одно имя, и онъ рѣшилъ попытаться уговорить Фавстулу вернуться назадъ.

— Не лучше ли будетъ вернуться?—спросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, наклоняясь къ ея рукѣ.

— Великая весталка приказала мнѣ передать весталкѣ Фавстулѣ, что она ждетъ ее,—прервалъ его ликторъ, приближаясь къ носилкамъ Фавстулы.

Рабы, несшіе ихъ, немедленно двинулись впередъ.

Фавстулъ съ старшей дочерью направились къ амфитеатру, стараясь попасть въ одинъ изъ входовъ, предназначенныхъ для патриціевъ, не занимающихъ какой-либо должности въ государствѣ. Ихъ встрѣтила здѣсь Туллія, пользовавшаяся своею привилегіей замужней патриціанки—ѣздить по городу.

Фавстулу было извѣстно нѣчто, о чемъ не знала его младшая

дочь-весталка. Флавія, покинутая Луциліемъ, убоявшимся ея дурного глаза, за послѣднее время часто встрѣчалась съ Фабіаномъ, и нельзя сказать, чтобы это было случайно. Съ перваго момента, какъ она увидѣла этого центуріона-христіанина, она знала, что онъ любитъ ея сестру. Но Фавстула была весталкой, и она рѣшила, что займетъ ея мѣсто. Но всѣ попытки ея были тщетны.

Любовь Флавіи была способна превратиться и въ ненависть. И теперь больше всего ненавидѣла она Фабіана и сестру, и наиболѣе близкой для нея была теперь Тацита.

Фавстулъ хорошо видѣлъ, что Флавія, не встрѣтивъ сочувствія въ Фабіанѣ, ненавидитъ его всѣми силами, но онъ не зналъ, что она дружна съ Тацитой.

Онъ чувствовалъ себя постарѣвшимъ и утомленнымъ, и едва отбился отъ рѣзкихъ нападокъ, которыми ихъ встрѣтила Туллія. Ему было всего пятьдесятъ семь лѣтъ, но вмѣсто того, чтобы ожирѣть къ этому возрасту, какъ это обыкновенно бываетъ, онъ, наоборотъ, сильно исхудалъ. Черепъ его былъ голъ. Его шутки стали ѣдки, и молодежь боялась его. Старики боялись его еще болѣе, хотя онъ никогда не задѣвалъ людей старше себя. Люди его возраста также не любили его общества и старались его избѣгать.

Фавстулъ, однако, дорожилъ своей жизнью, хотя и самъ не зналъ почему. Онъ чувствовалъ, что есть одно существо, которое онъ могъ бы полюбить, но онъ самъ отправилъ отъ себя это существо въ могилу заживо погребенныхъ, потому что у него не хватило мужества принять ея сторону и защитить отъ несправедливости. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ смотрѣлъ на распространеніе христіанства съ любопытствомъ и сожалѣніемъ. Онъ не питалъ къ нему ненависти и относился равнодушно и съ мягкимъ неудовольствіемъ: ему было жаль стараго міра, который отходилъ въ прошлое. Къ богамъ онъ былъ равнодушенъ, но онъ любилъ былую поэзію, которую отвергалъ новый міръ, любилъ былую, невозвратимую молодость.

Когда онъ сѣлъ между женою и дочерью, его охватило жуткое чувство приближающейся трагедіи. Ко всякой трагедіи, а особенно цирковой онъ имѣлъ самое сильное отвращеніе. Во всякомъ случаѣ, онъ явился въ забытый Колизей не ради гладіаторскихъ состязаній: онъ не переносилъ ихъ, ибо они дѣйствовали ему на нервы.

XXXVII.

Когда весталки заняли свои мѣста на императорскомъ помостѣ, амфитеатръ былъ уже переполненъ до самаго верха, гдѣ тѣснились зрители изъ простаго народа. Несмотря на то, сотни народа

продолжали еще подходить со всѣхъ сторонъ: недаромъ Римъ хвастался, что въ Колизеумѣ можетъ помѣститься восемьдесятъ семь тысячъ человѣкъ.

Въ нижнихъ рядахъ сидѣли крупныя должностныя лица съ прѣфектомъ города Апроніаномъ во главѣ. Тутъ же были и фламины и члены другихъ жреческихъ коллегій. На южной сторонѣ амфитеатра возвышался Пульвинарь съ незанятою ложою для императора, украшенной золотомъ и слоновой костью, Весталки сидѣли нѣсколько сзади этой ложи.

На улицѣ ярко свѣтило солнце и игралъ легкій, свѣжій вѣтерокъ. Выдался первый прохладный день за цѣлую недѣлю. Но здѣсь подъ огромнымъ навѣсомъ было темно и душно. Между мачтами, поставленными вокругъ арены, было натянуто полотно, такъ что мѣста для зрителей были въ тѣни.

Тацита сидѣла недалеко отъ императорскаго трона. Рядомъ съ ней было мѣсто Клавдіи, затѣмъ Фавстулы. По другую сторону сидѣли Лоллія и прочія весталки. Если бы даже не предстояло ничего особеннаго, Фавстула и безъ того чувствовала бы себя плохо: видъ огромной толпы дѣйствовалъ на нее угнетающе, а отъ жары она едва не задыхалась. Она знала, что въ программу представленія войдутъ и гладіаторскія игры, запрещенныя Константиномъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ. Прежде иногда не обращали вниманія на декреты Константина. Теперь ихъ не хотѣли исполнять демонстративно, чтобы показать, что положеніе вещей, созданное въ государствѣ императоромъ-христіаниномъ, совершенно измѣнилось. Было бы опрометчиво думать, что въ циркѣ были одни язычники. Напротивъ, тутъ, несомнѣнно, присутствовали и христіане. Но Фавстула знала изъ нихъ очень немногихъ, и ей не попалось на глаза ни одного знакомаго лица. Многіе изъ видныхъ въ городѣ христіанъ не пожелали присутствовать на играхъ, видя въ нихъ прямую демонстрацію противъ христіанъ. Другіе остерегались и остались дома вслѣдствіе распространившихся по городу тревожныхъ слуховъ.

Первымъ номеромъ появилась торжественная процессія, которая обошла кругомъ арены. Затѣмъ вышли атлеты и гимнасты, состязанія которыхъ многимъ понравились больше всего, ибо были безвредны. Потомъ арена удивительнымъ образомъ была превращена въ тропическій лѣсъ. Появились зеленые холмы, по которымъ прыгали дикіе звѣри. За ними была устроена охота. Зрители воодушевились и заволновались. Но время для трагедіи еще не настало. Правда, нѣсколько охотниковъ было ранено, нѣсколько, какъ передавалось шопотомъ, даже умерло отъ полученныхъ ранъ. Зато всѣ видѣли, что было убито огромное количество звѣрей.

Послѣ охоты наступилъ томительный антрактъ. Холмы опусти-

лись подъ землю, и сотни рабовъ забѣгали по аренѣ, посылая ее пескомъ.

Фавстула сидѣла молча, боясь, какъ бы ея сосѣдка Клавдія и Лоллія не услышали, какъ сильно бьется ея сердце. Что-то подступило ей къ самому горлу и сдавило его. Казалось, вся кровь ея тѣла бросила ей къ глазамъ, хотя лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Игры даетъ Апроніанъ,—сказала Тацита своимъ однообразнымъ, скрипучимъ голосомъ.—Онъ такъ щедръ! И какой это римлянинъ!

Въ ушахъ Фавстулы раздалось вдругъ пѣніе, которое она когда-то слышала въ раннемъ дѣтствѣ. Вспомнилось ей, какъ въ залитомъ солнцемъ саду Меланіи весело пѣли рабы.

Вспомнилось ей и какъ спасъ ее Фабіанъ...

На противоположной сторонѣ арены показались гладиаторы. Они шли тихо, но гордо. Вся ихъ фигура выражала презрѣніе къ жизни, которая не дала имъ ни счастья, ни радости. Всѣ они были молоды, сильны и стройны, но смерть уже звала ихъ къ себѣ, но не слабостью и болѣзнями, не стонами усталыхъ отъ жизни людей. На огромномъ разстояніи, отдѣлявшемъ ихъ отъ зрителей, нельзя было видѣть ихъ лицъ. Можетъ быть, эти лица были грубы и суровы. Но такими ихъ сдѣлало ихъ воспоминаніе.

Фавстулѣ за всю ея короткую жизнь не приходилось видѣть, какъ умираютъ люди. Непріятное чувство ожиданія охватило ее съ новой силой, и она почти ничего не видѣла передъ собой. Когда гладиаторы выстроились передъ императорскимъ помостомъ, она не могла различить ни одного лица.

Преклонившись передъ незанятымъ императорскимъ трономъ и эмблемами императорской власти, гладиаторы, при гробовой тишинѣ, громко крикнули разомъ:

— Ave, imperator, morituri te salutant!

Затѣмъ они раздѣлились на два отряда, каждый подъ предводительствомъ того ланисты, который ихъ обучалъ. Здѣсь были тяжело-вооруженные мирмиллоны, легко вооруженные секуторы и наконецъ ретіаріи, съ своими сѣтями, открытыми кинжалами и трезубцами. Настала короткая, тяжелая пауза, и вдругъ съ шумомъ и стукомъ оружія обѣ партіи бросились другъ на друга. Крики сражающихся перемѣшались со стонами раненыхъ и умирающихъ. На аренѣ поднялась сильная пыль, сквозь которую едва видно было солнце. Лица зрителей стали возбужденнѣе и свирѣпѣе, чѣмъ у самихъ сражающихся. По адресу тѣхъ, кто старался избѣгнуть смерти, неслись брань и угрозы. Человѣческая природа исчезла, и въ циркѣ осталось восемьдесятъ тысячъ звѣрей.

Едва успѣли стихнуть волчьи крики и визготня, которую можно услышать лишь у гіенъ, какъ на срединѣ арены появился

герольдь и объявилъ зрителямъ, что игры эти—дѣло религіозное и потому онѣ должны кончиться религіознымъ актомъ. Одинъ изъ государственныхъ преступниковъ, оскорбившій наиболѣе священные устои государства, долженъ публично искупить свою вину передъ религіей. Всѣмъ извѣстно, что благосостояніе Рима неразрывно связано съ нерушимой охраной Палладіума, которое до вѣрено дѣвамъ, посвящающимъ себя служенію богинѣ Вестѣ. Нѣтъ преступника болѣе страшнаго, чѣмъ тотъ, кто рѣшится совратить одну изъ нихъ. Человѣкъ, который появится передъ вами, уличенъ въ этомъ преступленіи и пусть онъ узнаетъ, какъ Римъ мститъ за своихъ оскорбленныхъ боговъ. Этотъ человѣкъ рожденъ и воспитанъ въ Римѣ, но онъ недостоинъ такой родины. Служа въ легіонахъ, онъ обезчестилъ оружіе, которое онъ носитъ, отказавшись почтить императорскія знамена. Этотъ же человѣкъ пытался совратить весталку, сманить ее отъ священнаго алтаря Весты къ себѣ. За это полагается смертная казнь посредствомъ бичеванія, и онъ долженъ умереть здѣсь, гдѣ весь Римъ можетъ видѣть, какъ наказуется оскорбленіе его величія.

XXXVIII.

Если это было дѣломъ рукъ Апроніана, то онъ хорошо выбралъ моментъ: циркъ опьянѣлъ уже отъ крови и готовъ былъ погрузиться въ нее еще глубже. Всѣ были возбуждены, никто ни о чемъ не спрашивалъ. Объявленіе было сдѣлано отъ имени закона, и никому не приходило въ голову спросить, законна ли эта казнь въ такомъ мѣстѣ. Разгорѣлся патріотизмъ, и даже тѣ, кому не было никакого дѣла до Весты, вдругъ воспламенились за Римъ, для котораго они во всю свою жизнь ничего не сдѣлали.

Не было даже извѣстно, къ какой религіи принадлежалъ осужденный, хотя тотъ фактъ, что онъ отказался почтить языческія знамена, указывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу поклонниковъ боговъ.

Едва ли одинъ человѣкъ изъ пятидесяти могъ разслышать то, о чемъ говорилъ глашатай. Тѣмъ не менѣе его слова передавались изъ устъ въ уста, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ знали, что этого человѣка должны засѣчь до смерти за попытку совратить весталку. Неизвѣстно, откуда стало извѣстно и его родовое имя—Ацилій Глабрій, и то, что осужденный—центуріонъ императорскихъ легіоновъ.

Фавстула слышала, какъ прошептала это имя Лоллія. Почти въ то же время объ этомъ Тацита довольно громко сказала Клавдія, которая, повидимому, знала все ранѣе. Она узнала плѣнника, пока Фавстула разговаривала съ своими родными и за даль-

«истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. сxxxvi.

9)

ностью разстоянія не могла различить центральную фигуру въ толпѣ.

Теперь Фавстула узнала его. Она не дрожала, но ей казалось, что тѣло ея уже умерло. Одной рукой, которая была бѣлѣе и холоднѣе мрамора, она впиалась въ мраморную ручку своего сидѣнія, другая безпомощно лежала на колѣняхъ.

Прошелъ новый слухъ: говорили, что осужденный христіанинъ. Брань и проклятія сыпались на него потокомъ.

Съ осужденнаго сняли его военные доспѣхи, и палачи, вооружившись бичами, приготовились къ своему дѣлу. Она видѣла, какъ онъ перекрестился. Цѣлая буря ругательства понеслась со всѣхъ сторонъ при видѣ этого ненавистнаго знаменія.

— Пусть онъ умретъ!—кричали по всему цирку.

Уже нѣсколько часовъ Фавстула находилась въ какомъ-то особенно приподнятомъ настроеніи: ей казалось, что теперь-то она и должна принять какое-то важное рѣшеніе. Именно теперь. Если только... ея члены не откажутся ей повиноваться. Если только она найдетъ силы стать на ноги!

И она только крѣпче сжимала руками львиныя головы, которыми оканчивались ручки сѣдалища.

Клавдія не разъ уже посматривала на нее. Вдругъ она увидала, что Фавстула встаетъ съ кресла. Тщетно старается она удержать ее и заставить ее опуститься въ кресло.

— Фавстула! Опомнись,—шепчетъ она сдавленнымъ голосомъ, стараясь заслонить ее отъ Тациты.

Если бъ она знала, какъ легко было усадить ее обратно, какъ мало было силы въ этомъ онѣмѣвшемъ хрупкомъ тѣлѣ!

Блѣдная, какъ полотно, Фавстула встаетъ во весь ростъ и видитъ цѣлые ряды лицъ съ дьявольскимъ, кровожаднымъ выраженіемъ:

— Я также христіанка!—раздается ея слабый голосъ.

Даже тѣ, кто сидѣлъ близко отъ нея, едва могли слышать ея слова. И, однако, ихъ слышали. Императорскій помостъ выдавался до самой арены. Видѣть, что тамъ происходитъ, могли тысячи. Но никто, кромѣ весталокъ и ихъ ликторовъ, не слыхалъ словъ, сорвавшихся съ блѣдныхъ, дрожащихъ губъ Фавстулы. Циркъ ревѣлъ надъ тѣломъ послѣдняго изъ Ациліевъ Глабриевъ, павшаго жертвою мученичества.

— Я тоже христіанка!—проговорила опять Фавстула.

— Не здѣсь, не здѣсь,—закричала на нее Тацита.—Клавдія, оттащи ее назадъ.

Въ этомъ, впрочемъ, не было и надобности. Тѣло Фавстулы было слабѣе ея духа. Едва Клавдія дотронулась до нея, она упала въ обморокъ. Никто не обратилъ на это вниманіе, ибо какъ разъ въ этотъ моментъ на аренѣ совершалось нѣчто такое, что приковало къ себѣ глаза всѣхъ.

XXXIX.

Фавстула вышла изъ цирка, когда онъ былъ уже пустъ. Она была уже подъ арестомъ. Трупы убитыхъ гладіаторовъ были вынесены рабами. Нѣсколько христіанъ унесли трупъ Ацилія Глабрія.

Фавстула еще полулежала на своемъ тренообразномъ креслѣ. Она чувствовала себя странно-слабой, и ей было очень холодно. Никто не хлопоталъ о томъ, чтобы привести ее въ чувство, никто не старался согрѣть ее похолодѣвшія, какъ у мертвой, руки. Около нея стояли мужчины, и одинъ изъ нихъ, какъ только она стала понимать, сказалъ ей, что онъ ее арестуетъ.

Она не спросила его за что. Странно, что она даже не догадывалась объ этомъ. Ей казалось, что она виновата только въ томъ, что объявила себя христіанкой. Восклищаніе Тациты «не здѣсь» совсѣмъ испарилось у нея изъ памяти.

Только вечеромъ, уже въ тюрьмѣ, она узнала, что ее обвиняютъ въ нарушеніи обѣта.

Она ждала смерти и смутно понимала, что дѣло могло кончиться на аренѣ Колизея. Ее, несомнѣнно, признаютъ виновной, и она отлично понимала, что для нея нѣтъ никакой надежды.

У человѣка, который былъ убитъ на аренѣ Колизея, во время его ареста нашли письмо къ ней. Письмо, правда было безъ адреса, но оно начиналось словами: «Дорогая моя Фавстула. Я знаю теперь, что ты христіанка,—писалъ Фабіанъ.—Я не могъ предполагать этого, пока ты сама мнѣ этого не сказала. Тебѣ остается только принять крещеніе, и теперь я скажу тебѣ то, чего не смѣлъ сказать раньше. Ты ужъ не будешь принадлежать тогда Вестѣ».

Далѣе онъ писалъ ей о томъ, что любить ее. Въ его немногихъ словахъ видна была нѣжность, искусственно скрывавшаяся такъ много лѣтъ. Она должна стать его женой, и вотъ какимъ образомъ:

«Тебѣ и Клавдіи не трудно будетъ какъ-нибудь выбраться опять на берегъ Лаціума. Предупреди Сергія, если это можно. Я знаю, что намъ нужно ждать, можетъ быть, даже нѣсколько недѣль. Старикъ-священникъ, котораго ты встрѣчала въ имѣніи, окреститъ тебя и совершитъ наше бракосочетаніе. Насъ будетъ ждать лодка, которая доставитъ насъ на корабль. И лодка, и корабль принадлежатъ нашимъ единовѣрцамъ, которые перевезутъ насъ къ Африку. А что будетъ потомъ, зависитъ отъ того, какой оборотъ примутъ общественныя дѣла».

Письмо это не дошло до Фавстулы. Но для тѣхъ, кто прочелъ его, этого было довольно.

Теперь она думала только о томъ, какъ бы спастись отъ ужасовъ Колизея. Тюрьма была для нея убѣжищемъ отъ этого страш-

наго, переполненнаго искривленными лицами мѣста. Быть здѣсь одной, вдали отъ враждебныхъ взглядовъ, казалось ей покоемъ и миромъ.

Судъ надъ ней происходилъ не публично. Ее постоянно и по долгу допрашивали наединѣ. Все это было очень томительно и бесполезно, ибо все было предрѣшено заранѣе: все равно они рѣшили ее казнить.

Но она не хотѣла признать себя виновной, и это упорство раздражало ея судей.

— Ты отрицаешь, что хотѣла выйти замужъ за этого человѣка?

— Онъ никогда мнѣ объ этомъ не говорилъ.

— Однако онъ прямо говоритъ объ этомъ въ письмѣ, которое было найдено при немъ, когда его арестовали.

— Я никогда не видала этого письма, и о бракѣ онъ мнѣ никогда не говорилъ.

— Онъ говорилъ тебѣ о своей любви къ тебѣ.

Она поняла, что они разумѣютъ любовь плотскую, и твердо отвѣчала:

— Никогда.

— Это ложь. Есть свидѣтельница...

— А, шпионка. Я догадываюсь. Это Дирка, рабыня изъ Греціи.

Они ожидали, что она заявитъ протестъ и отведетъ эту рабыню, такъ какъ она не можетъ быть свидѣтельницей противъ нея, знатной римлянки. Но она и не думала объ этомъ.

— Это все равно, какъ ее зовутъ и кто она. Ты ее не видѣла.

— Конечно, не видѣла,—холодно отвѣчала Фавстула.—Въ противномъ случаѣ ей не пришлось бы ужъ больше подсматривать.

— Стало быть, ты признаешь, что въ томъ, что она подслушала, было кое-что опасное. Дѣйствительно, она не разъ слышала, какъ этотъ человѣкъ упоминалъ слово «любовь».

— Онъ говорилъ мнѣ о любви ко Христу. Но онъ никогда не говорилъ мнѣ о томъ, что онъ самъ меня любитъ.

— Однако онъ говорилъ тебѣ о томъ, что думаетъ о тебѣ постоянно, денно и нощно?

— Да, помню. Это было въ первый разъ, когда онъ встрѣтилъ меня на берегу моря. Онъ говорилъ тогда, что мы давно не видѣлись, и увѣрялъ, что онъ вовсе не забылъ о мнѣ. Онъ зналъ меня, когда я была еще маленькой дѣвочкой. Конечно, онъ любилъ меня. Но вамъ не понять, къ чему привела его доброта ко мнѣ.

— Къ тому, что онъ сталъ твоимъ любовникомъ и ты не разъ встрѣчалась съ нимъ.

— Онъ не былъ никогда моимъ любовникомъ. Вы не пони-

маете настоящей любви. Вы убили его и хотите убить меня. Для чего же вы являетесь сюда и ведете со мной праздные разговоры?

— Ты не смѣешь такъ говорить съ нами. Мы являемся сюда судить тебя. Если ты не будешь отвѣчать намъ, мы велимъ тебя пытать.

— Но вы хотите заставить меня сознаться въ томъ, что я никогда не дѣлала.

Ей предлагали еще много вопросовъ.

— Зналъ ли еще кто-нибудь о томъ, что ты встрѣчалась съ этимъ человѣкомъ на берегу?

— Знала, конечно, еще рабыня Дирка.

— Зналъ ли кто-нибудь изъ весталокъ?

— Нѣтъ.

— Съ одной изъ нихъ, Клавдіей, ты была особенно дружна...

— Когда я поступила въ Атріумъ, я была у нея въ послушаніи. Много лѣтъ она была такъ добра ко мнѣ. Но дружбы между нами уже давно не было.

— Почему?

— Потому, что я не могла сохранять дружескія отношенія ни къ одной весталкѣ послѣ того, какъ я рѣшила стать христіанкой. Какъ могла я сказать кому-нибудь изъ весталокъ о своемъ сокровенномъ желаніи?

— Ты захотѣла стать христіанкой, потому что твой любовникъ былъ христіанинъ?

— У меня не было любовника.

— Ты же сама сказала, что этотъ человѣкъ любилъ тебя.

— Я даже скажу вамъ, что и я любила его. Я люблю его и сейчасъ, хотя вы убили его. Но онъ никогда не былъ моимъ любовникомъ.

На другой день они напомнили ей, что она во время одного изъ прежнихъ допросовъ открыто заявила, что собиралась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принять христіанство.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчала Фавстула. — Я уже давно хотѣла сдѣлать это, и въ Колизеѣ я только громко заявила объ этомъ.

— Но тебя никто не слышалъ. Отчего бы тебѣ не отказаться отъ этого заявленія и не отречься отъ Христа? Императоръ, если ты обратишься къ его милосердію, безъ сомнѣнія, замѣнитъ тебѣ смертную казнь другимъ наказаніемъ. По нашей просьбѣ онъ, можетъ быть, прикажетъ отправить тебя въ изгнаніе, напримѣръ, въ Пандатарію.

— Въ такомъ случаѣ Христосъ отречется отъ меня.

— Итакъ, ты рѣшила умереть? А знаешь, что съ тобой сдѣлаютъ?

— Я знаю, что вы рѣшили убить меня, и знаю, какъ вы это исполните.

XL.

Фавстула давно уже сидѣла въ темницѣ. Послѣ неоднократныхъ мучительныхъ допросовъ судьи заявили, что признають ее виновной и приговариваютъ ее къ смерти. Ее должны были сжечь живой.

Фавстула подумала, что казнь будетъ совершена въ непродолжительномъ времени, и спросила, когда это будетъ.

— День еще не назначенъ,—сказали ей.

Но самыя слова этого отвѣта показывали, что ея казнь—вопросъ нѣсколькихъ дней.

Она просила только одной милости, въ которой ей, однако, отказали. Впрочемъ, этотъ отказъ не удивилъ ее.

— Можетъ ли навѣстить меня христіанскій священникъ? Я буду говорить съ нимъ не одна. Можетъ присутствовать и тюремщикъ.

— Конечно, это не будетъ разрѣшено ни въ какомъ случаѣ. Это дерзкая просьба. Ты уже объявила себя христіанкой, и этотъ соблазнъ необходимо скрыть.

Тѣмъ не менѣе ея желаніе стало извѣстно христіанамъ, и они дѣлали всѣ усилія, чтобы провести къ ней въ темницу священника.

Наконецъ ее совѣмъ оставили въ покоѣ, объявивъ ей, что она лишается всего, что принадлежало ей. Всѣ ея драгоценности были конфискованы, и сама она перестала считаться римской гражданкой.

Однажды ночью Фавстула проснулась отъ страннаго сна: ей приснилась Цивителла въ тотъ самый день, когда умерла Меланія.

Вся подушка ея была мокра отъ слезъ, пролитыхъ во снѣ. Долго лежала она съ открытыми глазами, и благодарная память о Меланіи подкрѣпила ее, какъ будто она сама была здѣсь. Теперь только поняла она величіе души Меланіи.

Сидя въ одиночествѣ, часто думала Фавстула и о своемъ отцѣ. Давно-давно, когда онъ ласкалъ и баловалъ ее, она готова была считать его самымъ лучшимъ изъ людей. Но теперь она знала, что онъ отказался отъ нея, отказался по трусости, по малодушію передъ своей женой.

Безъ отца, безъ матери, безъ сестеръ и братьевъ стояла она одна-одинешенька среди холоднаго, безбрежнаго моря жизни.

Но она прощала ихъ всѣхъ. Она не упрекала отца за то, что онъ бросилъ ее на произволь судьбы, оставила всѣ счеты съ нимъ: онъ для нея какъ будто умеръ.

Часто сидѣла она въ своей темницѣ до глубокой ночи. Въ ея ухахъ еще стоялъ шумъ цирка, похожій на шумъ раковины, когда ее приложишь къ уху. И иногда къ этому шуму примѣшивался другой, какъ будто кто-то скакалъ къ ней, какъ будто раздавался

близко-близко стукъ копытъ. Но эти звуки были лишь въ ея воображеніи: въ самой могилѣ не могло быть тише, чѣмъ въ ея подземной темницѣ.

XLI.

Когда ей сказали, что день казни еще не назначенъ, она поняла изъ этого, что это вопросъ всего нѣсколькихъ дней. Но со времени суда прошло уже нѣсколько недѣль. Казалось, о ней совершенно забыли, какъ объ умершей. Иногда ночью она просыпалась, садилась на постель и въ изумленіи видѣла, что она все еще въ своей темницѣ. Она обращалась съ вопросами къ тюремщику, и тотъ отвѣчалъ:

— Времени впереди довольно. Спѣшить незначѣмъ. Скучно отвѣчать нѣсколько разъ на одинъ и тотъ же вопросъ. Будь терпѣлива.

Задержка въ казни объяснялась тѣмъ, что Фавстулъ сталъ энергично настаивать на томъ, чтобы раньше казни дѣло было утверждено императоромъ Юліаномъ. Къ нему присоединились нѣсколько другихъ язычниковъ знатнаго рода: имъ казалось, что наказаніе, которому подвергается дочь одного изъ нихъ, броситъ тѣнь на все ихъ патриціанское сословіе.

Вступились и патриціи изъ христіанъ, но ихъ мнѣнія не имѣли вѣса. Большинство язычниковъ настаивали, что казнь должна быть совершена безъ всякаго доклада императору. Особенно настаивали на немедленной казни префектъ города, фламины и члены разныхъ другихъ религиозныхъ корпорацій. Но къ Фавстулу присоединились нѣсколько сенаторовъ, и дѣло кончилось взаимными уступками.

Дѣло не будетъ доложено императору, но Фавстулу дается восемьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ онъ можетъ самъ просить императора за свою дочь.

Фавстулъ немедленно выѣхалъ изъ Рима и отправился въ Константинополь, хотя и не зналъ навѣрно, застанетъ ли онъ тамъ императора: одни говорили, что Юліанъ выступаетъ въ походъ противъ Персіи, другіе, что онъ двинется не раньше зимы. Эта неизвѣстность сводила съ ума Фавстула. Если Юліанъ дѣйствительно уже выступилъ изъ Константинополя, то онъ, очевидно, не застанетъ его во-время. Къ тому же бѣдный Фавстулъ былъ, какъ всегда, безъ денегъ. Онъ просилъ жену дать ему денегъ займа, но она отказала съ холоднымъ гнѣвомъ, о который разбивались всякія рѣчи. Тогда онъ рѣшилъ сдѣлать вещь, въ высшей степени для него непріятную, и отправился къ Тацію, но и тутъ ничего не вышло. Тацій заявилъ, что у него нѣтъ сейчасъ свободныхъ денегъ и что онъ самъ взялъ недавно въ долгъ. Подлѣе всего было то, что этотъ заемъ онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ у... Фавстулы.

Возвращаясь домой, Фавстуль встрѣтилъ Клавдію, которую несли въ Атріумъ. И это зрѣлище поразило его: много лѣтъ онъ видалъ, какъ такимъ же образомъ носили Фавстулу. Онъ бросился назадъ и почти спрятался за колонной базилики Юліи, пока весталка не скрылась изъ виду. Затѣмъ онъ вышелъ изъ этого убѣжища и пошелъ въ Vicus Tuscus, гдѣ неожиданно встрѣтился съ однимъ знакомымъ. Онъ даже забылъ о его существованіи, но тотъ сразу узналъ его и поздоровался съ нимъ.

— Да, я, дѣйствительно, Фавстуль. Но не могу тебя припомнить. Къ тому же у меня спѣшное дѣло.

Въ прежнее время онъ былъ бы радъ остановиться и поболтать, но въ эту минуту ему было не до того.

— О, конечно, ты меня не помнишь. Мы встрѣтились только разъ, да и то много лѣтъ тому назадъ. Я—Домній, священникъ изъ Цивителлы.

Фавстуль сразу припомнилъ эту встрѣчу съ священникомъ, который ему такъ понравился. Онъ вѣжливо поклонился ему и хотѣлъ итти дальше.

— Извини мою назойливость,—сказалъ Домнію:—но я хочу быть тебѣ полезнымъ. Мы, христіане, знаемъ все, что случилось, и я давно искалъ случая поговорить съ тобой. Мы всѣ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Мы знаемъ, что тебѣ дали восемьдесятъ дней срока,—говорилъ Домній, продолжая итти съ Фавстуломъ.

— Да, и часть ихъ я потерялъ напрасно. Я долженъ былъ бы выѣхать изъ Рима сегодня же...

— Прошу опять извинить меня. Но не можемъ ли мы помочь тебѣ чѣмъ-нибудь?

— Чѣмъ же вы можете помочь?

— Въ Константинополѣ на подобныя дѣла понадобится не мало денегъ. Я не говорю, что деньги нужны для самого императора, но только для того, чтобы добраться до него. Не можемъ ли помочь тебѣ этимъ путемъ?

Фавстуль почувствовалъ, что Домній въ высшей степени деликатно подходит къ вопросу о деньгахъ, и это тронуло его.

— Да,—отвѣчалъ онъ:—деньги тутъ необходимы, и я шелъ искать ихъ.

— Ну, если позволишь, мы сами будемъ твоими кредиторами,—продолжалъ Домній и объяснилъ, что онъ дастъ Фавстулу деньги, присланные самимъ паной.

Такимъ образомъ, затрудненіе было устранено, и въ ту же ночь Фавстуль верхомъ мчался въ Анкону, гдѣ надѣялся сѣсть на какой-нибудь корабль.

— Ахъ, еслибы она простила меня,—бормоталъ онъ про себя. За всю свою долгую жизнь онъ въ первый разъ взялся за труд-

ное и хлопотливое дѣло ради другого. И при мысли, что Фавстула, быть можетъ, проститъ его грѣхъ передъ ней, у него на сердцѣ становилось какъ-то легче и свѣтлѣе.

XIII.

Въ длинное и утомительное путешествіе Фавстуль пустился только съ однимъ слугой, первымъ попавшимся въ послѣдній моментъ передъ отъѣздомъ. Часа за два до отъѣзда ему сказали, что одинъ изъ бывшихъ его рабовъ, Матонъ, настойчиво добивается переговоровъ съ нимъ. Онъ велѣлъ его позвать.

— Возьми меня съ собой,—сказалъ Матонъ.—Я знаю, куда и для чего ты ѣдешь, и буду тебѣ полезенъ, чѣмъ всякій рабъ, ибо я одинаково хорошо говорю и по-гречески, и по-латыни.

Фавстуль съ минуту подумалъ о томъ, съ какою цѣлью этотъ Матонъ просится ѣхать съ нимъ. Матонъ внимательно смотрѣлъ ему въ лицо и какъ бы угадалъ его мысли.

— Мнѣ хочется побывать въ Константинополѣ и другого случая увидать новый Римъ не представляется.

Фавстуль согласился. Чтобы избѣгнуть непріятныхъ разговоровъ, онъ всегда соглашался. Кто-нибудь да долженъ же быть ѣхать съ нимъ, а производить выборъ было некогда.

Онъ помнилъ, что этотъ Матонъ выкупилъ у него свою свободу, и ему стало стыдно, что онъ добровольно не отпустилъ его на свободу. Но тогда ему нужны были деньги, и онъ ихъ взялъ у него. И Фавстуль рѣшилъ, что если онъ добьется въ Константинополѣ того, за чѣмъ онъ ѣхалъ, вернуть Матону его деньги.

Получивъ свободу, Матонъ черезчуръ увлекся желаніемъ разбогатѣть какъ можно больше и сталъ давать деньги взаймы безъ всякой осторожности. Гоняясь за высокими процентами, онъ терпѣлъ тяжкія потери. Поѣздка съ Фавстуломъ должна была, по его расчетамъ, вознаградить его за все. Въ Римѣ было не мало людей, которые были противъ того, чтобы Фавстуль прибѣгъ къ милосердію императора. Эти люди готовы были даже заплатить за то, чтобы Фавстуль потерѣлъ полную неудачу, и Матонъ уже получилъ отъ нихъ часть денегъ, но отказался отъ всякихъ хлопотъ, пока не получитъ впередъ всю обѣщанную награду. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду получить отъ Фавстула обратно деньги, которыя онъ далъ ему за свою свободу. Если это ему удастся, онъ можетъ и не возвращаться въ Римъ, а устроиться, гдѣ ему будетъ удобнѣе.

Какъ бы то ни было, онъ сумѣлъ увѣрить Фавстула, что сумѣетъ быть ему полезнымъ. При всякомъ удобномъ случаѣ во время путешествія онъ дѣйствовалъ расторопно и энергично, такъ что заключеній съ ними не было. Не разъ Фавстулу приходила въ го-

лову мысль, что, не будь этого веселаго и жизнерадостнаго спутника, онъ палъ бы духомъ.

Безпечные и непривычные къ работѣ люди обнаруживаютъ наибольшее нетерпѣніе, когда имъ приходится сдѣлать что-нибудь необыкновенное. Фавстуль чувствовалъ самъ, что, не будь около него Матона, онъ впалъ бы въ такое раздраженіе, которое совершенно лишило бы его возможности владѣть собой. Но Матонъ умѣлъ представить пустяками всякія препятствія и подыскать оправданіе каждому промедленію. Мало - по - малу Фавстулу стало казаться, что его спутникъ принимаетъ горячо къ сердцу освобожденіе его дочери. Вѣдь она относилась къ рабамъ гораздо мягче, чѣмъ ея братъ. Къ тому же такой умный человѣкъ, какъ Матонъ, долженъ самъ понимать, что въ случаѣ благополучнаго окончанія дѣла онъ можетъ рассчитывать на хорошую награду.

Но всѣ мысли Фавстула были всегда съ дочерью. Все напоминало ему о ней, и среди природы, вдали отъ Рима, ему начинало казаться, что его хлопоты не могутъ пропасть даромъ.

Наканунѣ пріѣзда въ Анкону рано утромъ они встрѣтили на своемъ пути маленькую часовню. Она была заперта и безлюдна. Стояла она недалеко отъ дороги, на могилѣ одного мученика. Темныя сосны почти скрывали ее подъ собой. Кругомъ не было и признаковъ жилья. Здѣсь съ ними произошло приключеніе.

— Лошадь твоя, господинъ мой, стала хромать, — объявилъ Матонъ.

Очнувшись отъ задумчивости, Фавстуль сразу убѣдился, что Матонъ правъ. По осмотрѣ оказалось, что въ ногу бѣднаго животнаго впился большой гвоздь. Надо было его, во что бы ни стало вытащить.

Матонъ спросилъ, не пожелаетъ ли Фавстуль подождать здѣсь немного, пока онъ отыщетъ кузнеца. Дѣлать было нечего, Фавстуль согласился, слѣзъ съ лошади и сѣлъ около дороги.

Было совершенно свѣтло. Мѣстность была унылая, но Фавстуль такъ досадовалъ на эту проволочку, что ему было не до унынія. Лошадь его щипала траву около дороги. Посидѣвъ немного, Фавстуль поднялся и пошелъ по направленію къ часовнѣ. Дверь въ нее оказалась отворенной, и въ нее вошли два или три крестьянина. Онъ слѣдилъ за ними незамѣтно и уже готовъ былъ войти самъ, какъ вдругъ изъ-за угла часовни показался какой-то старикъ и, увидѣвъ его, остановился въ испугѣ.

— Не бойся меня, — сказалъ Фавстуль, съ улыбкой идя къ нему навстрѣчу. — Я путникъ и ѣду по дѣлу, которое, навѣрно, заинтересуетъ тебя. Ты, вѣрно, священникъ и хочешь служить обѣдню?

— Да. Я помолюсь о томъ, чтобы твое путешествіе кончилось удачно. Войди и помолись, сынъ мой.

— Хорошо. Но я не христіанинъ.

— Ты ѣдешь въ Константинополь просить за твою дочь! Это дѣло большого милосердія.

— Это для меня первое дѣло,—сказалъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось смиреніе.

— Войди и отстой обѣдню,—предложилъ ему священникъ.— Проси Господа за свою дочь, и Онъ поможетъ тебѣ. Въ теперешніе страшные дни мы принуждены забираться сюда тайкомъ, какъ во дни древнихъ мучениковъ. Эта часовня построена въ память мученицы, такой же молодой дѣвушки, какъ и твоя дочь. Неисповѣдимы пути Господни!

Онъ сдѣлалъ шага два къ часовнѣ.

— Хорошо, я войду,—сказалъ Фавстуль.

— Больше сея любви никто же имать,—продолжалъ какъ бы про себя старый священникъ.—Войди, сынъ мой, скоро войдетъ на небо жертва, принесенная на костяхъ мученицы за ту, которая готовится стать мученицей.

Въ ту же ночь Матонъ убилъ своего бывшего господина.

XLIII.

Совершивъ свое злое дѣло, Матонъ не вернулся въ Римъ. Онъ получилъ гораздо больше денегъ, чѣмъ рассчитывалъ, и имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе семидесяти дней, чтобы скрыться.

Римъ сдержалъ свое слово и ждалъ отвѣта императора въ теченіе восьмидесяти дней. На восьмидесятый Фавстуль было объявлено, что часъ ея казни насталъ. Ее взяли изъ ея второй могилы, которую она все-таки ненавидѣла не такъ, какъ первую—Атриумъ Весты.

Въ послѣднюю ночь передъ казнью тюремный стражъ привелъ къ ней свою дочь, которой было поручено смотрѣть за узницей. Это было дикое, полусумасшедшее существо.

— Эй,—закричалъ тюремщикъ, почти силою втаскивая въ темницу свою дочь и поднося свѣтильникъ къ лицу Фавстулу.— Вотъ она будетъ теперь съ тобой, а то ты, пожалуй, не дождешься завтрашняго дня и надѣлаешь мнѣ хлопотъ.

Дѣвочка вырвалась изъ рукъ отца и съ боязливымъ удивленіемъ уставилась глазами на Фавстулу.

— Если она такая злая, то почему этого не видно на ней?—спросила она робкимъ и неувѣреннымъ голосомъ, какимъ говорятъ нѣмые, овладѣвающіе впослѣдствіи рѣчью.

— Что съ ней?—тихо спросила Фавстула.

Тюремщикъ, стоя за ея спиной, повертѣлъ пальцами около лба.

— Все это вздоръ,—закричала бѣдная дѣвушка, дико набрасываясь на него.

Отецъ зналъ ея силу и попятился назадъ.

— Какъ тебя зовуть?—спросила Фавстула, дотрагиваясь до нея рукой.

— Нигра,—быстро отвѣтила дѣвушка, повертываясь къ ней.

— Нѣтъ, это только ея кличка,—сказалъ отецъ.—Я никогда не называю ее такъ.

Фавстула опустила на свое грязное ложе и притянула дѣвушку къ себѣ.

— Берегитесь, — крикнулъ тюремщикъ. — Она сильна, какъ смерть. Она убила свою мать за то, что та вздумала поцѣловать ее. Я никогда не цѣловалъ ее съ самаго ранняго дѣтства.

— Но вѣдь отецъ любить тебя. Иди и поцѣлуй его.

Нигра, рыдая и смѣясь, опустила на колѣни, поползла по холодному полу и поцѣловала грубую руку отца, въ которой онъ держалъ ключи отъ темницы. Затѣмъ она выпрямилась и подставила ему для поцѣлуя свое смуглое лицо.

— Я устала,—прошептала она.—Оставь меня съ нею.

И, подойдя къ Фавстулѣ, она смиренно улеглась около нея.

— Что это?—вдругъ спросила она, чувствуя, какъ на ея лицо упала теплая слеза.—Ты плачешь, потому что боишься смерти?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчала Фавстула.—Я объ этомъ и не думаю.

И она притянула къ себѣ на грудь черную голову бѣдной дѣвушки.

— Ну, а теперь идемъ,—грубо сказалъ тюремщикъ.

— Иди съ нимъ.

— Я хочу остаться здѣсь.

— Иди съ отцомъ. Спасибо, что ты пришла ко мнѣ. Всѣ эти мѣсяцы я не видала никого, кромѣ мужчинъ.

— Не могу ли я что-нибудь сдѣлать для тебя?

Фавстула просила привести къ ней ночью священника Домнія. Тюремщикъ и его дочь исполнили ея просьбу, и крещеніе бывшей весталки совершилось.

XLIV.

Когда на другой день Фавстулу вывели изъ темницы, она отъ солнечнаго свѣта сначала не могла ничего разобрать. Нѣсколько мѣсяцевъ просидѣла она въ темнотѣ, и теперь яркое освѣщеніе превратилось для нея во тьму. Долго не могла она разглядѣть толпу, хотя и слышала ея присутствіе.

Она слышала, какъ многіе ее проклинали, испуская грубыя ругательства. Самыя язвительныя ругательства сыпались со стороны женщинъ. Многіе, впрочемъ, жалѣли ее, но у нихъ не хватало мужества выразить ей свое сочувствіе, и она ничего не знала о немъ.

Ея наружность поразила тысячи людей, сошедшихся сюда, чтобы взглянуть на нее. Красота ея не исчезла, но перемѣнилась. Она была блѣдна, какъ воскъ, и на этомъ блѣдномъ лицѣ ея большіе, черные глаза сіяли, какъ звѣзды. Волосы ея приобрѣли ярко-золотистый оттѣнокъ.

Дневной свѣтъ ослѣпилъ ее, и она принуждена была на минуту закрыть глаза. Нигра умоляла, чтобы ей позволили сопровождать ее, но ей отказали въ этомъ: Фавстула должна была идти одна. Процессія двигалась медленно, и когда обезсиленная Фавстула подавалась въ сторону, тюремщики, шедшіе по бокамъ, толкали ее на средину.

Только разъ вспыхнуло ея лицо, когда до нея донеслось грязное названіе, данное ей кѣмъ-то. Но она тутъ же устыдилась своего малодушія.

Многіе изъ тѣхъ, кто теперь смотрѣлъ на нее, принадлежали въ обществѣ къ ея же классу. Никто изъ нихъ не вѣрилъ въ ея виновность. Они вѣрили, что она полюбила христіанина и сама стала христіанкой, но не хотѣли допустить и мысли, чтобы она могла совершить что-нибудь позорное.

Фавстула казалась моложе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Несмотря на ея серьезность, въ ней чувствовалось что-то дѣтски-чистое. Она не улыбалась, и тѣмъ не менѣе на ея устахъ была какая-то пріятельность. Только разъ эти уста задрожали, когда какая-то слѣпая дѣвочка, плача о своей слѣпотѣ, приставала къ матери съ вопросомъ:

— Какая она?

Солдатъ-язычникъ, стоявшій въ толпѣ, сердито повернулся къ дѣвочкѣ и крикнулъ:

— Такая же, какими бываютъ всѣ женщины!

Наконецъ процессія достигла Campus Sceleratus возлѣ Porta Collina. Это поле вело въ страну, населенную спокойными сабинцами. Въ могилу, приготовленную для Фавстулы, спустили лѣстницу. Чтобы сойти въ нее, ей поневолѣ пришлось открыть глаза. У края могилы стоялъ солдатъ.

— Хлѣбъ съѣшь, но до вина не дотрагивайся, — шепнулъ онъ ей.

Путаясь въ длинномъ одѣяніи, Фавстула спустилась въ яму и скрылась изъ глазъ толпы. Лѣстницы подняли. Сейчасъ же на отверстіе могилы былъ опущенъ огромный камень, на него положили другіе и скрѣпили ихъ известкой. Къ камнямъ была приставлена стража. Жадная до зрѣлища толпа стала понемногу таять, возвращаясь къ своимъ прерваннымъ будничнымъ трудамъ.

Могилы Фавстулы была гораздо больше и чище, чѣмъ ея тюрьма. Вырублена она была въ почвѣ изъ мягкаго камня. Здѣсь стояла кровать для послѣдняго отдохновенія, масляная лампа, большой кусокъ бѣлаго хлѣба и острый ножъ. Тутъ же находился кувшинъ

вина, очень крѣпкаго и отравленнаго. Это отравленное вино и острый ножъ должны были свидѣтельствовать о милосердіи язычниковъ.

— Тутъ все-таки лучше, чѣмъ въ Атріумѣ Весты,—громко промолвила она, почти не слыша собственныхъ словъ. Въ головѣ ея вдругъ пронеслась мысль, что она уже никогда больше не услышитъ человѣческаго голоса, кромѣ своего собственнаго. Ее охватила такая слабость, что ей казалось, что вотъ-вотъ она упадетъ. Ея ноги ослабѣли, такъ что она принуждена была сѣсть на жесткій полъ и спрятать свое лицо въ грубомъ шерстяномъ одѣялѣ ея ложа. Страшный холодъ сталъ распространяться отъ сердца, заставляя ее дрожать. Черезъ нѣсколько минутъ ея мозгъ былъ какъ будто оглушенъ тяжелымъ ударомъ. Самообладаніе оставило ее и она стала какъ будто погружаться въ холодную пропасть. Она лишилась чувствъ.

Когда она опомнилась, вся ея молодая жизнь стала проходить передъ ней, протестуя и возмущаясь противъ ея жестокой судьбы. Что-то внутри ея заставляло ее жалѣть эту молодость и кричать противъ безжалостнаго приговора, похитившаго у нея жизнь. Было бы трудно устоять противъ этого голоса и не пожалѣть себя, не заявлять, что она не сдѣлала ничего такого, за что слѣдовало бы наказать ее. Но она не поддавалась этому искушенію и молилась.

Успокоенная молитвой, она заснула тяжелымъ сномъ, тѣмъ сномъ, при которомъ нельзя сказать, долго ли человѣкъ проспалъ. Проснувшись, она почувствовала голодъ и разломивъ свой хлѣбъ надвое съ тѣмъ, чтобы каждую половину опять раздѣлить на двое. Она думала, что эти восемь кусочковъ могутъ еще долго сохранить ей жизнь. Хотя жить для нея значило поддерживать медленное страданіе, но она тѣмъ не менѣе считала возможнымъ какъ можно дольше сохранить жизнь, ибо она дарована ей Богомъ. Она знала, для чего ей подложили ножъ, и понимала, что если она выпьетъ вина, то сразу освободитъ себя отъ муки ожиданія. Тѣмъ не менѣе ей казалось, что она должна терпѣливо ждать своего конца.

Она взяла кувшинъ и вылила изъ него все вино на каменный полъ. Длинной красной струей лилось оно, пока не осталось ни одной капли въ кувшинѣ.

XLV.

Фавстулъ не вернулся въ Римъ. Его тѣло было найдено и предано землѣ недалеко отъ могилы мученицы Марулы. Умирающимъ онъ рано утромъ былъ найденъ тѣми самыми христіанами-крестьянами, которые видѣли его въ церкви, и успѣлъ высказать имъ желаніе, чтобы они перенесли его тѣло въ эту маленькую церковь на вершинѣ холма.

Крестьяне бросились къ своему старенькому священнику, но онъ не могъ ничего сдѣлать. Тѣ простыя лекарства, которыми онъ располагалъ, были здѣсь бесполезны. Умирающій едва нашель силы сказать нѣсколько словъ:

— Фавстула...—прошепталъ онъ.

— Твоя дочь?—спросилъ священникъ, держа его уже холодѣвшія руки.

— Да.

— Къ ней!

— Ты хочешь быть съ ней?—спросилъ опять священникъ.

Фавстулъ едва пошевелилъ губами.

Сѣдая голова священника низко наклонилась къ уху умирающаго.

— Раскаиваешься ли ты въ грѣхахъ своихъ?—прошепталъ онъ.

Фавстулъ уже не могъ говорить, хотя былъ еще живъ. Холодная вода, пролитая на него, вода крещенія, заставила еще разъ вздрогнуть это бѣдное умирающее тѣло... и все было кончено.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

ГОЛУБЕВЪ, А. Нѣсколько словъ о жизни и церковно-общественной дѣятельности св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго. (ум. 444 г.). М. 1913. Ц. 25 к.
НИКОЛИНЪ, И. Курсъ основнаго богословія или апологетики. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
СОКОЛОВЪ, И., проф. Антиохійская церковь. Очеркъ современнаго ея состоянія. Спб. 1914. Ц. 75 к.
СОКОЛОВЪ, И., проф. Епархіальное управление въ правѣ и практикѣ константинопольской церкви настоящаго времени. Спб. 1914. Ц. 3 р.
СТЕЛЛЕЦКІЙ, Н., проф. Изъ лекцій по нравственному богословію. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

АБРАМОВИЧЪ, Н. Религія Толстого. М. 1914. Ц. 60 к.
АБРАМОВИЧЪ, Н. Христосъ Достоевскаго. М. 1914. Ц. 60 к.
БАР. ВРЕВСКІЙ, В. Основы философіи сознания и ихъ гносеологическое значеніе. Спб. 1914. Ц. 1 р.
ГУРЕВИЧЪ, А. Философія изслѣдованія и очерки. М. Ц. 2 р. 50 к.
ЕЛАЧИЧЪ, Е. Инстинктъ. Спб. 1913. Ц. 70 к.
КЕЧЕКЪЯНЪ, С. Этическое міросозерцаніе Спьянозы. М. Ц. 1 р.
КУДРЯВЦЕВЪ, К. Что такое теософія и теософическое общество. Спб. 1914. Ц. 70 к.
ЛЕНЕНЪ. Каббалистическая наука. Спб. 1913. Ц. 1 р.
ЛЕОНТЬЕВЪ, К. Собраніе сочиненій. Т. 9-й. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
НОВИКОВЪ, Н., д-ръ, фил. Наука, школа и жизнь. М. 1914. Ц. 50 к.
СПЕНСЕРЪ, Г. Автобіографія. Ч. I и II. Спб. 1914. Ц. за обѣ части 2 р. 50 к.
УСПЕНСКІЙ, П. Внутренній кругъ. О «послѣдней чертѣ» и о сверхчеловѣкѣ. (Двѣ лекціи). Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.
ЭЛЬЗЕНГАНСЪ, О., проф. Психологія и логика. какъ введеніе въ философію. Рига. Ц. 65 к.

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1914 г., т. СХХХVI.

1/225

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- БРАНДЕСЪ, С. Собрание сочиненій. Т. XX. Польша. Впечатлѣнія. Романтическая литература Польши. Спб. Ц. 75 к.
- ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА. Т. V. (Неперіодическое издание, выходящее под редакціей Б. А. Левина). Харьковъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ГИНКЕНЪ, А. О чтеніи и книгахъ. В. II. Похвала книгамъ. О чтеніи, о выборѣ книгъ. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- ЦАРСКИЙ, Д. «Чудесные вымыслы» о космическомъ сознаниіи въ лирикѣ Тютчева. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ИСТОМИНЪ, К. «Старая манера» Тургенева. (1834—1855 гг.). Опытъ психологии и творчества. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ОГЕНКО, И. Легендарно-апокрифическій элементъ «Въ небѣ новомъ» Іоанніа Галытовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII вѣка. Киевъ. 1913. Ц. 50 к.
- ПЕРЕТЦЪ, В., проф. Извъ лекцій по методологии исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Киевъ. 1914. Ц. 4 р.
- РАДИНЪ, Е. Футуризмъ и безуміе. Параллели творчества и аналогіи новаго языка кубо-футуристовъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- РОЗАНОВЪ, И. Русская лирика. Историко-литературные очерки. М. 1914. П. 2 р. 50 к.
- САВЧЕНКО, С. Русская народная сказка. (Исторія собранія и изученія). Киевъ. 1914. Ц. 3 р.
- СЕМЕНОВЪ, Л. Лермонтовъ и Левъ Толстой (къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ТАССАРЪ, Ф. Воспоминанія о*Гюи де Мопасанѣ его слуги Франсуа. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АГНИВЦЕВЪ, Н. Студенческія пѣсни. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- АМФИТЕАТРОВЪ, А. Собрание сочин. Т. XXI. Склоненныя ивы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- АРГОНАВТЫ. Литературно - художественный сборникъ. Кн. I. Киевъ. 1914. Ц. 1 р.
- АФАНАСЬЕВЪ, А. Народныя русскія легенды. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- АФАНАСЬЕВЪ, А. Русскія народныя сказки. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. 5 т. М. 1913. Ц. 10 р.
- БЕБУТОВА, О., кн. Чудаки. Романъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- БЕЛЕНСОНЪ, А. Забавныя стишки. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- БОГОСЛОВСКИЙ, П. Жизнь зоветъ. Рассказы, очерки и воспоминанія. Сборникъ первый. Пермь. 1913. Ц. 1 р.
- ВОЛКОВЫСКИЙ, А. Солнца поцѣлуй. Стихи. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ГАЛУНОВЪ, А. Обойденные. Рассказы. М. 1914. Ц. 50 к.
- ГАРИНЪ, С. Рыцарь бѣдный. Легенда. М. 1914. Ц. 50 к.
- ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. Собрание сочиненій. Т. 6. Въ странѣ желтаго дьявола. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ГРИНЪ, А. Собрание сочиненій. Т. III. Позорный столбъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ГУРВИЧЪ, С. Утренняя заря. Пѣсни и поэмы. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ГУРЬЕВЪ, А. Отъ скуки. Книжка 4-я. Спб. Ц. въ пакѣ 1 р. 25 к.
- ДЖИОВАНТОЛИ, Р. Спартакъ. Историческій романъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- ЖДАНОВЪ, Л. Собрание сочиненій. Т. IX. Третій Римъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ЗАПИСКИ ПОДСУДИМОЙ. Къ процессу В. О. фонъ-Викъ. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- ЗОЛА, Э. Собрание сочиненій. Т. XVII. Деньги. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ИЗБРАННЫЕ СТИХИ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ. Серия сборниковъ по періодамъ. Періодъ 3-й. Вып. I. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- КАЛАНТАЕВСКИЙ, Ф. Рассказы изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ. 1904—1905 гг. Бѣлгородъ. 1913. Ц. 65 к.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (РОЧЕСТЕРЪ). Желтый канплеръ древняго Египта. Спб. 1914. Ц. 1 р. 80 к.
- ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ, Н. Въ туманѣ жизни. Романъ. Спб. 1914. Ц. 90 к.
- ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ, Н. Жена министра. Романъ изъ жизни петербургскаго большаго свѣта. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ПЕРОВСКИЙ-ПЕТРОВО-СОЛОВОВО, М. Роковая загадка. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- ПОТАПЕНКО, Н. Отступница и другіе рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- РУДИЧЪ, В. Пятый сборникъ стиховъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- СЛЕЗКИНЪ, Ю. Сочиненія. Т. II. Помѣщикъ Галдинъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- СОФОКЛЪ. Драмы. Т. I. М. 1914. Ц. 3 р.
- СУВОРИНА, А. На автомобиль. Очерки. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. Собрание сочиненій. Серия II. Т. IV. Воскресеніе. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ТУРКИНЪ, А. Степное. Очерки и рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ФИДЛЕРЪ, Л. Лунная сказка. Стихотворенія и рассказы. М. 1914. Ц. 1 р.
- ЦЕНЗОРЪ, Д. Легенда будней. Лирика. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ЭНЕРГИЯ. Сборникъ подъ ред. А. Амфитеатрова. Кн. II. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АВЧИННИКОВЪ, А. Другъ бѣдныхъ. Памяти врача-полювника И. В. Лешко-Попеля. Біографическій очеркъ. Екатеринбургъ. 1914. Ц. 25 к.
- АВЧИННИКОВЪ, А. Пятидесятлѣтіе земства 1864—1914 г. Екатеринбургъ. 1914. Ц. 20 к.
- АНТОШЕВСКИЙ, И. Державный ор-

день св. Иоанна Иерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ, въ Россіи. Спб. 1914. Ц. 3 р.

ВЪЛИНСКІЙ, Письма. Редакція и примѣчанія Н. А. Лянгаго. Т. II (1839—1843 гг.). Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, Русский провинціальный некрополь. Т. I. М. 1914. Ц. 3 р.

ВЕРХОВСКІЙ, П., проф. Библиотека новгородской духовной семинарии и ея сокровища. (О необходимости спасти библиотеку Феофана Прокоповича). Варшава. 1913. Ц. 15 к.

— «Затѣйка» верховниковъ въ чинѣ молебна. Докладъ, прочитанный въ обществѣ исторіи, филологіи и права при варшавскомъ университетѣ. Берлинъ. 1913. Ц. 15 к.

ДИЛЬ, Ш. По Греціи. Археологическія прогулки. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ИМПЕРАТОРСКАЯ публичная библиотека за сто лѣтъ. 1814—1914 гг. Спб. 1914. Ц. 5 р.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРИИ НОВАГО ВРЕМЕНИ. Т. IV. Ч. II. Славянство въ началѣ XIX в. и Россія въ царствованіе императора Николая I. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАВЗИНОЙ, А. Воспоминанія 1758—1828 гг. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Молдавскаго. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

ЛИБРОВИЧЪ, С. Исторія книги въ Россіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

— Царица Агафія Семеновна. Записки вельможной панны. Спб. 1913. Ц. 75 к.

МИХАЙЛОВЪ, К. Императоръ Александръ I—старецъ Федоръ Козьмичъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

МИХАЭЛИСЪ, А. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. М. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

ПЕТРУШЕВСКІЙ, Д., проф. Возстаніе Юта Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. М. 1914. Ц. 2 р. 75 к.

ПИРЛИНГЪ, О. Не умеръ ли католи-

комъ Александръ I? Историческая загадка. М. 1914. Ц. 60 к.

ПИСЬМА ВЕНАМИНА, архіепископа иркутскаго къ казанскому архіепископу Владиміру (1862—1889 гг.). М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ПОСОБІЕ КЪ КУРСУ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ. Редактированное В. К. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

ПРОСЕЛКОВЪ, В. Исторія челоуѣческой культуры. Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Т. I. Введеніе. Первобытная культура. Востокъ Греціи и Римъ. Зарайскъ. 1913. Ц. 2 р.

РАЙНЕРЪ, МАРИЯ РИЛЬКЕ. Замѣтки Мальте-Лаурисъ. Бригге. М. 1913. Ц. за 2 тома 1 р. 30 к.

СИВЕРСЪ, А. Генеалогическія развѣдкі. Вып. I. Спб. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

СТОЛПЯНСКІЙ, П. Алфавитный списокъ работъ профессоровъ и учащаго персонала института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I и матеріаловъ для исторіи института. (1810—1910 гг.). Спб. 1913. Ц. 1 р.

ТОЛЬ, С. гр. Масонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ЧЕРМЕНСКІЙ, П. 1613—1913 гг. Городъ Лебедянь и его уѣздъ въ XVII в. (Къ трехсотлѣтію гор. Лебедяни). Спб. 1913. Ц. 50 к.

ШЕРВИНА, Ф. Исторія кубанскаго казачьяго войска. Т. I. Исторія края. Екатеринодаръ. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже. Т. II. Исторія войны казаковъ съ закубанскими горцами. Екатеринодаръ. Ц. 3 р.

ФОНЪ-ЭДИНГЪ, В. Ростовъ Великій. Угличъ. Памятники художественной старины. М. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЮНГЕ, Е. Воспоминанія (1843—1860 гг.). М. Ц. 3 р. 50 к.

ЯРОСЛАВЪ въ его прошломъ и настоящемъ. Историческій очеркъ-путеводитель. Изданіе ярославской экскурсіонной комиссіи. Ярославль. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

BALKANICUS. Албанская проблема и Сербія и Австро-Венгрія. Спб. 1913. Ц. 50 к.

БРЕНДТСЪ, Э. Русское финансовое право. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ училищѣ правовѣднія. Спб. 1913. Ц. 3 р.

БЕРТГОЛЬДТЪ, Г. Законъ 14 іюня 1910 г. содержащій въ себѣ и Высочайшій указъ 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины. Укрѣпленіе земли въ собственность и выдѣлъ къ одному мѣсту, продажа, покупка и залогъ надѣльной земли. Комментарій. М. Ц. 80 к.

— Законы о наследственныхъ пошлинахъ. Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента и общихъ собраній кассационныхъ департаментовъ и перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената за 1885—1908 гг. М. Ц. 3 р.

— Новый судъ. Законы о преобразованіи мѣстнаго суда и объ установленіи положенія о введеніи въ дѣйствіе сего закона. М. 1914. Ц. 75 к.

— Охрана наследства. Законъ и сенатская практика. Краткій практическій комментарий. М. Ц. 35 к.

БРЕЙТБУРДЪ, Р. Волостной и верхній сельскій судъ. М. 1914. Ц. 50 к.

БУТЫРСКІЙ, Д. Уставъ строительный. М. Ц. 3 р.

ВЕРХОВСКІЙ, П., проф. Политика и право въ дѣлахъ церковныхъ. Берлинъ. 1913. Ц. 15 к.

ВОЛЬМАНЪ, И. Нотаріальное положеніе. Практическое руководство. Спб. 1914. Ц. 4 р. 50 к.

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ. Периодическій сборникъ подъ ред. Чиркина и Гаврилова. № 14. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ВОСКРЕСЕНСКІЙ, ГР., проф. Православные славяне въ Австро-Венгріи. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВЯЗИГИНЪ, А., проф. Разные аршины. (Къ вопросу о замѣщеніи университетскихъ кафедръ). Харьковъ. 1914. Ц. 20 к.

ГАГЕНЪ, В., проф. Охрана дѣтей. Первый международный конгрессъ по охранѣ дѣтей въ гор. Брюссель въ 1913. Спб. 1914. Ц. 30 к.

ГАЧЕНЪ, Ю. Общее государственное право. Ч. I. Право современной монархіи. Рига. Ц. 65 к.

— Общее государственное право. Ч. II. Право современной демократіи. Рига. Ц. 65 к.

— Общее государственное право. Ч. III. Право современнаго государственнаго соединенія. Рига. Ц. 65 к.

- ГРИГОРЬЕВЪ, И. Вексельный протестъ въ Россіи, его недостатки и необходимость реформы. М. 1914. Ц. 50 к.
- ДЕГТЕВЪ, В. Практика Правительствующаго Сената по торговымъ дѣламъ съ 1899 по 1912 г.г. включительно. М. 1913. Ц. въ перепл. 6 р.
- ЕЛЪЯШЕВИЧЪ, В., др. Очеркъ развитія формъ поземельнаго оборота на Западѣ. Спб. 1913. Ц. 85 к.
- ЗАКОНЪ объ установленіи положенія о введеніи въ дѣйствіе закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. М. 1914. Ц. 25 к.
- ЗАМЫСЛОВСКІЙ, Г. Убіиство Андрюши Ющинскаго. Рѣчь въ Киевскомъ окружномъ судѣ 24 октября 1913 г. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- ЗВОНИЦКАЯ, А. Опытъ теоретической социологіи. Т. I. Соціальная связь. Киевъ. 1914. Ц. 2 р.
- ЗВЯГИНЦЕВЪ, Е. Инспекція народныхъ училищъ. Русское общество и учебное вѣдомство въ школьномъ дѣлѣ. М. 1914. Ц. 40 к.
- КАССО, Л. Петръ Манега, забытый кодификаторъ бессарабскаго права. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- КОРОВА, П. Преобразование мѣстнаго суда. Черниговъ. 1913. Ц. 50 к.
- КРЮКОВСКІЙ, В. и ТВОСТОЛЪСЪ, Н. Мировой судья. Практическое руководство для мировыхъ судей и мировыхъ създовъ. Спб. 1914. Ц. 6 р.
- КУЛИШЕРЪ, I. Коммунальное обложение въ Германіи въ его историческомъ развитіи. Спб. 1914. Ц. 3 р.
- ЛОВЯГИНЪ, Р. Гибель «Титаника». Разслѣдованіи, произведенныя въ Англии и Америкѣ. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- ЛУРЪЕ, Е. Предпринимательскіе союзы по русскому праву. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- МАЙЗЕЛЬСЪ, Р. Вексель. Практическое руководство для коммерсантовъ и пособие для учащихся. М. 1914. Ц. 30 к.
- МОЧУЛЬСКІЙ, В. О духовныхъ завѣщаніяхъ самоубійцъ по дѣйствующему русскому праву. («Предельныя распоряженія»—ст. 1472 Улож. о Нак.) Спб. 1914. Ц. 40 к.
- НОВИЦКІЙ, Т. Вопросы права и процесса по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената за 1912 г. Самара. 1913. Ц. 80 к.
- «НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПРАВОВѢДѢНІИ». Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. Л. I. Петражицкаго. Сборникъ № 1. Цѣли наказанія. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- «НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ СОЦИОЛОГІИ». Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборникъ № 3. Что такое прогрессъ? Спб. 1914. Ц. 80 к.
- ОГАНОВСКІЙ, Н. Обновленіе земельскаго Россіи и аграрная политика. В. I. Населеніе. Переселенскій вопросъ. М. 1914. Ц. 2 р.
- ОРЖЕНЦКІЙ, Р. Учебникъ математической статистики. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРОТИВЪ СОЦІАЛИЗМА. Переводъ съ англійскаго И. Е. Стеблинъ-Каменскаго. Спб. 1914. Ц. 25 к.
- РУСОВЪ, А. Краткій обзоръ развитія русской оцѣночной статистики. Киевъ 1913. Ц. 1 р.
- СОЛОМАТИНЪ, П. Какъ живетъ и работаетъ народный учитель. (Личныя впечатлѣнія). Спб. 1914. Ц. 75 к.
- СЕРЕБРЕННИКОВЪ, Н. Торговый домъ. Товарищество полное и на вѣрѣ. Учрежденіе его, открытіе, порядокъ веденія дѣлъ и отчетность. М. Ц. 75 к.
- СНѢЖКОВЪ, В. Пособіе для волостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. М. Ц. 1 р. 75 к.
- СОКОЛОВЪ, Л. Вѣчныя цѣнности человѣческой жизни. Киевъ. 1913. Ц. 80 к.
- СОЛОВЬЕВЪ, М. Залогъ и закладъ. Одесса. 1914 г. Ц. въ перепл. 2 р.
- СОРИНЪ, Н. Уставъ кредитный. Вып. I., разд. I—III. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- Тоже. Вып. VII, разд. XI—XIII. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- СТАТИСТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ РИЖСКАГО ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНІЯ. Ч. II. Естественное движеніе народонаселенія въ гор. Ригѣ съ 1881—1911 г.г. Рига 1913. Ц. 3 р.
- СТРАХОВСКІЙ, И. Губернское устройство. (Правительственныя учрежденія). Спб. 1914. Ц. 1 р.
- СТРУВЕ, П. Крѣпостное хозяйство. Исслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. М. 1913. Ц. 2 р.
- СУДОПРОИЗВОДСТВО У МИРОВЫХЪ СУДЕЙ по закону 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда въ мѣстностихъ, гдѣ таковой введенъ не полностью (законъ 26 іюня 1913 г.) Спб. 1914. Ц. въ перепл. 4 р.
- ТОЛСТОЙ, П., гр. Земская Россія о реформѣ продовольственнаго законодательства въ 1909—1910 г.г. Матеріалы къ пересмотру продовольственнаго устава. Спб. 1914. Ц. 3 р.
- УСТАВЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Систематическій комментарий. При участіи редакторовъ А. О. Кони и др. Подъ общей редакціей проф. М. Н. Гернета. Вып. I. Ст. 1—84. М. 1914. Ц. по подпискѣ по 3 р. томъ.
- ФУКСЪ, I. Гомосексуализмъ, какъ преступленіе. Юридич. и уголовно-политич. очеркъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ХЕЙФИЦЪ, И. Подстрекательство къ преступленію. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ЧАСТНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ, его права и обязанности. Правила и программы на полученіе званія частнаго повѣреннаго. М. Ц. 75 к.
- ШВЕЙКОВСКІЙ, П. Уставъ военно-судебный. (Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. XIV, изд. 4). Спб. 1914. Ц. 7 р.
- ШТОКМАНЪ, д-ръ. Политико-экономическіе этюды. Цѣнность и эксплуатация съ энергетической точки зрѣнія. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- ЮБИЛЕЙНЫЙ ЗЕМСКІЙ СБОРНИКЪ 1864—1914 г. Подъ редакціей В. Б. Веселовскаго и Э. Г. Френкеля. Спб. 1914. Ц. 5 р.

Искусство.

- АКАДЕМИКЪ ЖИВОПИСИ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ. 1838—1911 г.г. Альбомъ снимковъ съ его картинъ, исп. худож. fotogr. К. А. Фишеръ. Ц. 5 р.
- ВСЕВОЛОДСКІЙ-ГЕРНГРОССЪ, В. Театръ въ Россіи при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ и императорѣ Иоаннѣ Антоновичѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВУНДТЪ, В. Фантазія, какъ основа искусства. Спб. 1914. Ц. 70 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ. 1914 г. Вып. I. Спб. Ц. 1 р.

ЛУКОМСКИЙ, Г. Старинные театры. Т. I. Античные театры и традиціи въ исторіи эволюціи театральнаго зданія. Спб. Ц. 6 р.

ПОКРОВСКИЙ, Н. Современные взгляды на оперу. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МОСКВЪ, изданный Московскимъ архитектурнымъ об-

ществомъ для членовъ V съезда здичихъ въ Москвѣ, подъ ред. И. П. Машкова. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

РАДЛОВЪ, Н. Сѣровъ. Очеркъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

СКОРОДУМОВЪ, Н. Новый методъ упрощенныхъ постановокъ. (Устройство сцены и декораціи). М. 1914. Ц. 2 р.

ШПРИНГЕРЪ, Я., проф. Французская цвѣтная гравюра XVIII столѣтія. Съ 50 гравюрами на мѣди, воспроизведенными въ краскахъ. Спб. Ц. въ перепл. 35 р.

Естествознаніе и математика.

АРРЕНИУСЪ, С. Представленіе о строеніи вселенной въ различныя времена. М. 1914 г. Ц. 1 р.

БЕЛЬШЕ, В. Матеріки и моря въ смѣнѣ временъ. М. 1914. Ц. 60 к.

БУХАЛОВЪ, Н. Ученіе о прямыхъ параллельныхъ линіяхъ, какъ равно отстоящихъ. Казань. 1913. Ц. 30 к.

ВАЛЬТЕРЪ, К. и РЕТИНГЕРЪ, М. Ученіе о теплотѣ (Термодинамика). Рига. Ц. 65 к.

ДЕШЕВОЙ, М., проф. Сборникъ упражненій по начертательной геометріи. Ч. I. Спб. 1914. Ц. съ атласомъ 2 р.

ЕЖЕГОДНИКЪ РУССКАГО АСТРОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА на 1914 г. Спб. Ц. 50 к.

ЖУКОВСКИЙ, Н., проф. Механика. Ч. I. Кинематика, статика, динамика точки и теорія притяженія. М. 1914. Ц. въ перепл. 3 р. 75 к.

КИРИЧИНСКИЙ, Р. Математическій словарь. Опредѣленія, методы и принципы элементарной математики. Киевъ. 1914. Ц. 2 р.

КНОПФЪ, О., проф. Опредѣленіе орбитъ кометъ и планетъ. Казань. 1913. Ц. 40 к.

ЛЕГАНЪ, А., д-ръ мед. Физиологиче-

ская химія. Ч. I. Ассимиляція. Рига. Ц. 65 к.

— Физиологическая химія. Ч. Диссимиляція. Рига. Ц. 65 к.

МИХЕЛЬСОНЪ, В. Физика. Лекція, читанныя студентамъ московскаго сельскохозяйственнаго института. М. 1913. Ц. 2 р. 40 к.

«НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ БИОЛОГИИ». Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. В. А. Вагнера. Сборникъ № 4. Наслѣдственность. Спб. 1914. Ц. 80 к.

«НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКЪ». Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 7. Принципы относительности съ математической точки зрѣнія. Спб. 1914. Ц. 80 к.

РЕМСЕНЪ, И., проф. Неорганическая химія. В. I. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

СИБИРЦЕВЪ, Н., проф. Почвовѣдѣніе. Спб. 1914. Ц. 4 р.

ФРАНСЭ, Р. Миръ малыхъ существъ прѣсной воды. М. 1913. Ц. 80 к.

ЧЕЗАРО, Э., проф. Элементарный учебникъ алгебраическаго анализа и исчисленія безконечно малыхъ. Ч. II. Одесса. 1914. Ц. 4 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ГОРОДЕЦКИЙ, В. Въ джунгляхъ Африки. Дневникъ охотника. Киевъ. 1914. Ц. въ роскошн. перепл. 8 р.

ЗАМЯТИНЪ, А. По Уральской области. Спб. 1914. Ц. 2 р.

КОЗЛОВЪ, П. Въ сердцѣ Азии. (Памяти Н. М. Пржевальскаго). Спб. 1914. Ц. 50 коп.

ЛЕГАФТЪ, Л. Лыды Сѣвернаго Ледовитаго океана и морской путь изъ Европы въ Сибирь. Спб. 1913. Ц. 3 р.

НЕЧАЕВЪ, А., проф. По горной Бухарѣ. Путевые очерки. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ПЕКАРСКИЙ, Э. и ЦВѢТКОВЪ, В. Очерки быта прианскихъ тунгусовъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 35 к.

Языковѣдѣніе.

БУДДЕ, Е., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1914. Ц. 3 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

ВИШНЯКОВЪ, В. Орхидеи, содержащія и уходъ за ними въ комнатѣ. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ДИССЕЛЬГОРСТЪ, Р., проф. Строеніе тѣла домашнихъ животныхъ. Краткое руководство по анатоміи крупныхъ домашнихъ млекопитающихъ, составленное преимущественно къ интересамъ сельскихъ хозяевъ и животноводовъ. Спб. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ЕРМОЛОВЪ, А. Организациія полевого хозяйства. Система земледѣлія и сѣвообороты. Спб. 1914. Ц. 4 р. 50 к.

КУЗМИНСКАЯ, Т. Вегетаріанскій столъ. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ЛАНГСТРОТЪ, Л. Пчела и улей. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

РАЕВСКИЙ, М. Плодовая школа и плодовой садъ. Руководство къ культурѣ плодовыхъ деревъ въ южной половинѣ Россіи. Спб. 1914. Ц. 1 р.

СОКОВНИНЪ, П. Что надо знатъ земледѣльцу, чтобы успѣшно бороться съ неурожаями отъ засухи. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ГУЛЯЕВЪ, А. Фабрично-заводское счетоводство. М. 1914. Ц. въ пакѣтѣ 2 р. 25 к.
 КОНЪ, СТ. Къ вопросу о финансовой организации страховых товариществъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.
 ПАВЛОВСКІЙ, А. Кавказскія каменно-угольныя мѣсторожденія, какъ орудіе русской промышленности и ближневосточной политики. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АБРАМОВЪ, Н., проф. Испытаніе строительных матеріаловъ, сооружений и ихъ частей, и условия приемки матеріаловъ. Новочеркасскъ. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
 ВИКЪ, А. Курсъ высшей геодезіи. Ч. I. М. Ц. 2 р.
 — Курсъ высшей геодезіи. Ч. III. М. 1914. Ц. 3 р.
 ГАЛЕЦКІЙ, А. Артезианскіе колодези и ихъ оборудованіе. Спб. 1914. Ц. 40 к.
 GERMANЪ, Э., проф. Введеніе въ электротехнику. Ч. I. Физическія основы. Рига. Ц. 65 к.
 — Введеніе въ электротехнику. Ч. II. Техника постояннаго тока. Рига. Ц. 65 к.
 ГОЛЫЙ, П. Водяныя турбины. Ч. I. Общія понятія. Струныя турбины. Рига. Ц. 65 к.
 ГРЭФЪ, М., архит. Меблировка комнатъ въ стилѣ «Модернъ». Кабинеты, столовыя, гостиныя, салоны, приемныя, жилыя комнаты, спальни, переднія и кухни. Спб. 1913 г. Ц. 1 р.
 ИВАНОВЪ, В., проф. Таблицы для подбора диаметровъ водопроводныхъ трубъ при опредѣленіи потери напора по формулѣ Гангиль, Е. и Куттера. Кіевъ. 1914. Ц. 50 к.
 ЛЕМЕРСЬЕ-ЛАМАРРЪ, Фейерверочное искусство. Практическое руководство по изготовленію домашнимъ способомъ различныхъ фейерверковъ. Спб. 1914. Ц. 30 к.
 ЛИБОЛЬДЪ, П., архит. Мотивы кирпичной архитектуры. Рисунки. Вып. I и II. Спб. 1913. Ц. по 60 к. за выпускъ.
 ЛИПЕЦЪ, А. Упрощенные приемы расчета времени хода поѣздовъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
 ЛОБАЧЬ-ЖУЧЕНКО, В. Судовые двигатели внутреннего сгорания. Спб. 1913. Ц. съ атласомъ 8 р.
 ЛЮБОВИКОВЪ, Г. Сборникъ примѣрныхъ расчетовъ и задачъ по сопротивленію матеріаловъ примѣнительно къ машиностроенію и строительному искусству. М. 1914. Ц. 1 р.
 ЛОМОНОСОВЪ, Ю. Научныя проблемы эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Одесса. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
 МУРОМЦЕВЪ, Н. Краткое руководство по нивелированію. Спб. 1913. Ц. 70 к.
 НЕКРАСОВЪ, К. Обыкновенныя дороги. Ч. III. Городскія мостовыя и тротуары. Текстъ съ атласомъ. М. 1913. Ц. 1 р. 60 к.
 НЕТЫКСЪ, М. Упрощенная справочная книга для техниковъ-механиковъ. 2 части. М. 1914. Ц. за обѣ части 6 р.
 ОРЛОВСКІЙ, П. Разборная модель автомобиля. Спб. 1914. Ц. 80 к.
 СЕРЕБРОВСКІЙ, А. Теорія и практика термоизоляции. Руководство при проектированіи и постройкѣ холодныхъ складовъ, вагоновъ-ледниковъ, судовъ-холодильниковъ и фабрично-заводскихъ тепловыхъ установокъ. М. 1914. Ц. въ перепл. 5 р.
 СТРЕЛЬЦКІЙ, Н. Способы расчета безраскосныхъ балокъ съ параллельными поясами и узловой нагрузкой. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
 ТИЛИНСКІЙ, А. Дешевыя постройки. 100 проектовъ, въ различныхъ стиляхъ, дачныхъ усадебныхъ домовъ, садовыхъ бесѣдокъ, оградъ, палисадниковъ, купаленъ, садовой мебели. Спб. 1914. Ц. 1 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- БИРХЕРЪ-БЕККЕРЪ, М., д-ръ мед. Основы леченія питаніемъ на началахъ энергетики. Спб. 1914. Ц. 2 р.
 КУШЕВЪ, Н., пр.-доц. Диагностика болѣзней желудка. Саратовъ. 1914. Ц. 90 к.
 НАВЯЖСКІЙ, Г., д-ръ. Схематическій конспектъ по акушерству (для благого повторенія курса къ экзаменамъ). Спб. 1914. Ц. 50 к.
 СБОРНИКЪ НАУЧНЫХЪ РАБОТЪ ПО ТУБЕРКУЛЕЗУ, издаваемый при Императорской санаторіи въ Халилѣ, подъ редакц. И. Г. Габриловича, т. I. Спб. 1914. Ц. 2 р.
 — Т. II. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
 ФЛОТОВЪ, Г. Философія зернового питанія человѣка. М. 1914. Ц. 30 к.
 ЧЛЕНОВЪ, М., проф. Патогенезъ врожденнаго («наследственнаго») сифилиса и вопросъ о бракѣ сифилитиковъ въ свѣтѣ современныхъ данныхъ. М. 1914. Ц. 75 к.

Военное и морское дѣло.

- ЗАЙОНЧКОВСКІЙ, А. Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. II. Ч. I, II и Приложенія. Спб. 1913. Ц. всѣхъ 3 ч. 10 р.
 ИВАНОВЪ, В., капит. Приборы стрельбы и наблюденія въ полевой артиллеріи. Новгородъ. 1913. Ц. 50 к.
 ФОНЪ-НИДЕРМИЛЛЕРЪ и БЕНКЕНДОРФЪ. Полевая книжка развѣдчика для Австро-Венгрии. Составлена по свѣдѣніямъ къ 1-му сентябрю 1913 г. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р.

Воспитание и обучение. Учебные руководства.

АНТОНОВЪ, Н., свщ. О реформѣ преподаванія Закона Божія. Спб. 1914. Ц. 40 к.

— Новая программа по Закону Божию для среднихъ учебныхъ заведеній Россіи. Проектъ. Спб. 1913. Ц. 35 к.

ВОЛКОВСКИЙ, Д. Руководство къ «Дѣтскому міру въ числахъ». Ч. I. Первый годъ обученія. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ, О. Учебникъ двойной бухгалтеріи. (Старшій курсъ). Спб. 1913. Ц. 1 р. 40 к.

ГРУНСКИЙ, Н., проф. Русскій языкъ. Учебникъ для 4-хъ кл., примѣнительно къ новымъ программамъ. М. Н. Пр. для средне-учебныхъ заведеній. Юрьевъ. Ц. 50 к.

ДЗЫКЪ, П. Сборникъ стереометрическихъ задачъ на комбинаціи геометрическихъ тѣлъ. Одесса. 1914. Ц. 75 к.

КРАТКИЙ, А. и ФИЛИППИ, I. Практическія замѣтки по начальному рисованію. Спб. 1914. Ц. 60 к.

КРАТКИЙ СПИСОКЪ книгъ по алкогольному вопросу для школьной библиотeki и самообразованія. Спб. Ц. 7 к.

ЛЕВОНЕВСКИЙ, А. Мой ребенокъ. Наблюденія надъ психическимъ развитіемъ мальчика въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ его жизни. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

МИРТОВЪ, А. Какъ не путать ъ и е? Спб. 1914. Ц. 25 к.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ класнаго и хорового пѣнія, составленная группою преподавателей пѣнія городскихъ училищъ гор. Харькова. Подъ редакц. Г. Инсарова. Харьковъ. 1913. Ц. 2 р.

НИФОНТОВЪ, В. Учебникъ русской грамматики. Ч. I. Этимологія. Рига. 1914. Ц. 35 к.

ОСТРОГОРСКИЙ, В. и СЕМЕНОВЪ, Д. Русскіе педагогическіе дѣятели. Спб. 1914. Ц. 30 к.

ПОКОТИЛО, Н. Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

ПОМЕРАНЦЕВЪ, Б. Обзоръ русской литературы XIX вѣка въ темахъ и планахъ. Москва. Ц. 50 к.

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ природовѣднія въ начальной школѣ (съ краткими методическими указаніями). Составили В. Г. Грошева и др. Рига 1914. Ц. 20 к.

ПУАРСОНЪ, С. Совмѣстное обученіе. Его начала, свѣдствія, будущее. М. 1914. Ц. 50 к.

РЕЙНЪ, В., проф. Педагогика. Рига. Ц. 65 к.

САНЧУРСКИЙ, Н. Краткій очеркъ римскихъ древностей для гимназій, прогимназій и самообученія. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

— Кратная грамматика латинскаго языка. Ч. I. 1) Этимологія. 2) Начальныя правила синтаксиса. Спб. 1914. Ц. 90 к.

ТИТЧЕНЕРЪ, Э., проф. Учебникъ психологіи. Ч. I. Университетскій курсъ. М. 1914. Ц. 1 р. 35 к.

ТРОСТНИКОВЪ, М. Объ учебникахъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній (по новой программѣ М. Н. Пр.). Юрьевъ. 1914. Ц. 15 к.

УЛАНОВЪ, В. Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ. М. 1914. Ц. 1 р.

ХИТЬКОВЪ, Н. Показательный садикъ, его воспитательное значеніе и организація. Руководство для родителей и воспитателей. Казань. 1913. Ц. 75 к.

ШАМРАЕВЪ, В. Посobie при чтеніи и разборѣ произведеній русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и дома. В. I. Устная произведенія. Книжная словесность XI—XVIII вв. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 35 к.

ШМИТТЪ, X. Руководство къ изученію шведскаго языка. Спб. Ц. въ перепл. 1 р. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ВАСИЛЬКОВСКИЙ, П. Чудеса подводнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни обитателей водъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 3 р. 25 к.

ДИТЦЪ, Л. Единица. Изъ школьной жизни. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ЗЛОБИНЪ, П. Живая елка. Литературно-музыкальный сборникъ. Посobie для устройства рождественскихъ елокъ и дѣтскихъ вечеровъ. Ч. I. Киевъ. 1913. Ц. 50 к.

МАКАРОВЪ, Г. Разказы для дѣтей. Спб. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

НЕСВИТЪ. Чулище. Повѣсть для юношества. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

НОВИЧЪ, Н. Волшебная свирѣль. Фантастическая пьеса для дѣтскаго театра. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ХАРКЕВИЧЪ, М. Дюакино. Сцены изъ дѣтства Россіи. Пьеса для дѣтскаго театра. Спб. Ц. 50 к.

Спортъ, охота и игры.

ОХОТНИЧИЙ СБОРНИКЪ. Кн. II. Изд. журнала «Наша Охота». Спб. 1914. Ц. 3 р.

ПРАВИЛА СОСТЯЗАНІЙ по владѣнію оружіемъ (Фехтованію)—рапирю, саблею,

шпагою, штыномъ—рубнѣ, гимнастикѣ и легкой атлетикѣ, разыгрываемые при главной гимнастическо-фехтовальной школѣ. Спб. 1914. Ц. 40 к.

Справочныя книги.

АРЕФА, Н. Правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ на Высочайшее имя приносимыхъ. М. Ц. 30 к.

ЗУБКОВСКІЙ, А. Карта окрестностей города С.-Петербурга. Спб. 1914. Ц. 30 к.

ИДАШКИНЪ, С. Курсовыя таблицы для перевода русскихъ денегъ на иностранную валюту. Тула. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЯНЧЕНЦОВЪ, М. Краткій словарь канцелярскихъ, бухгалтерскихъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ практикѣ управленій, контроля и на линияхъ желѣзныхъ дорогъ, Спб. 1914. Ц. 20 к.

ПЛАСТИНИНА, А. Правила и программы испытаній на званія учительницъ ру-

кодѣлія, и учителей и учительницъ чистописанія, черченія и рисованія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одесса. 1914. Ц. 40 к.

СОЛОВКИНЪ, С., д-ръ. Батумское побережье. Южная Колхида. Краткій практической путеводитель. Батумъ. 1913. Ц. 30 к.

УКАЗАТЕЛЬ ВОЛОСТЕЙ (гминь), становъ и городовъ Россійской имперіи, съ обозначеніемъ разстояній до ближайшихъ станцій жел. дор. и пароходныхъ пристаней. Спб. 1914. Ц. 5 р.

ЭКСКУРСІИ ПО РОССИИ. Маршруты на лѣто 1914 года. М. 1914. Ц. 12 к.

Разныя книги.

ВЕРХОВСКІЙ, П., проф. Архивныя занятія въ лѣтнее время. Къ вопросу о необходимости упорядочить и облегчить усло-

вія научныхъ занятій въ лѣтнее время въ нашихъ архивахъ и библиотекахъ. Варшава. 1913 г. Ц. 15 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.**НОВАЯ КНИГА:****ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ КЛЮЧЕВСКІЙ.**

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Біографическій очеркъ, рѣчи, произнесенныя въ чрезвычайномъ засѣданіи 12 ноября 1912 г., и матеріалы для его біографіи.

Съ 1 гравюрой проф. В. В. Матѣ, 1 фотогравюрой, 5 фототипическими таблицами и 14 цинкографіями.

Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб., Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

МАЙ 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. XXVII—XXXII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кальштегъ	385
II. Записки графа Н. П. Игнатъева . X—XI. (Продолженіе).	430
III. На каюкахъ. (Разсказъ). I—IX. Г. Т. Сѣверцева-Полилова	439
IV. Въ редакціи журнала «Русское Слово». (Изъ воспоминаній шестидесятника). I—II. Н. Н. Фирсова	490
V. Повеселились. (Разсказъ изъ морской жизни). В. Анжу	514
VI. Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ и студенты. (Отрывки изъ воспоминаній). К. И. Федюшина	531
VII. Комедія о царѣ Максимилианѣ. Т. А. Мартемьянова	538
VIII. Подъ фіолетовой мантией. (Эпизодъ изъ жизни бывшаго экзарха Грузіи архіеп. Никона). А. А. Измайлова	554
IX. Памяти А. А. Виницкой . Б. Б. Глинекаго . . . . . Иллюстраціи: Александра Александровна Виницкая.	563
X. Еще о «царственномъ мистикѣ». Князя В. В. Барятинскаго	578
XI. Въ смутные дни. (Очерки и наброски). (Окончаніе). Н. Н. Оглоблина	585
XII. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XXIV—XXIX. (Продолженіе). Б. Б. Глинекаго	599
XIII. Маловѣдомыя красоты. (Алтайскія замѣтки). В. Анфилова . . . . . Иллюстраціи: 1) Телецкое озеро. — 2) Рѣка Чулишманъ. — 3) Ущелье Чулишманъ. — 4) Чуйскія Альпы. — 5) Чуйскіе бѣлки. (Граница Сибири и Монголіи). — 6) Монголъ съ сыномъ оруженосцемъ. — 7) Зайсанъ—родоначальникъ теленывовъ.	657
XIV. Нѣкоторыя соображенія по поводу письма, отъ 31 декабря 1825 г. изъ Таганрога княгини Софьи Григорьевны Волконской императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Великаго князя Николая Михайловича	667
XV. Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I). П. Е. С. Шумигорскаго	677

(См. слѣд. стран.).

XVI. Критика и библиографія. . . . .

1) Императорская главная квартира. Исторія Государевой свиты. Царствованіе императора Александра II. Подъ редакціей полковника В. К. Шенка. Спб. 1914. В. Жерве.— 2) Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія. 1877—1878 гг. Томъ второй. Спб. 1913. М. Соколовскаго.— 3) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Кн. IV. 1913. Кн. I. 1914. н.— 4) Императорская публичная бібліотека за сто лѣтъ 1814—1914 гг. Спб. 1914.— Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей императорской публичной бібліотеки. 14 таблицъ въ листъ. Спб. 1914. А. л.— 5) Un Tsar Idéologue. Alexandre I. (1777—1825). Ouvrage orné de 8 gravures. Par Pierre Rain. Paris. 1913. (Царь-идеологъ. Александръ I (1777—1825). Сочиненіе Петра Рэнъ. Парижъ. 1913). п. майнова.— 6) Профессоръ И. М. Покровский. Русское духовенство, его патриотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Теодоровича Романова. Казань. 1913. н. Г. Р.— 7) С. В. Савченко. Русская народная сказка (Исторія собранія и изученія). Кіевъ. 1914. В. Данилова.— 8) Н. А. Вутми. Кабала, ереси и тайныя общества. Подъ редакціей Г. В. Вутми. Спб. 1914. С. л.— на.— 9) Юбилейный земскій сборникъ (1864—1914). Подъ редакціей В. В. Везеловскаго и З. Г. Френкеля. Спб. 1914. В. Кузнецова.— 10) М. В. Португаловъ. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876). Спб. 1914. А. Фаресова.— 11) Влахопуловъ, В. А. Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный міръ. Подъ редакціей и со вступительной статьёй Е. Д. Сташевскаго. Кіевъ. 1913. Я. Бирюнова.— 12) М. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Томъ I. Историческій обзоръ. Спб. 1914. Томъ II. Франческо Петрарка. Т. III. Джованни Боккаччо. п. б.— 13) Н. А. Рубавинъ. Среди книгъ. Т. II. Спб. 1913. А. б.— 14) А. А. Суворинъ—Алексій Порошинъ. Дуальный кодексъ. л. л.— 15) Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 гг.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ К. А. Фисера въ Москвѣ. Біографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Гвѣздича. Воспоминанія профессора И. Е. Рѣпина. М. 1914. н.— 16) А. И. Куинджи. Біографія-характеристика. Текстъ Невѣдомскаго. Спб. Р.— 17) В. П. Авенаріусъ. На Парижѣ! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 гг. Съ 12 картинами художника Н. Н. Вордырева. Спб. 1914. Д. м.— 18) В. В. Шульгинъ. Приключенія князя Воронцова. в. ш.

XVII. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. **Измайлова**. 714

XVIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 726

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 730

1) Исторія гильотины.— 2) Женщины въ арміи Наполеона.— 3) Занятіе русскими войсками Монмартра.— 4) Викторъ-Эмануилъ II и Викторъ-Эмануилъ III.— 5) Изъ біографіи Андерсена.— 6) Нѣмецкій якобинецъ передъ революціоннымъ трибуналомъ.— 7) Пребываніе Наполеона въ Потсдамѣ.— 8) Наполеонъ въ роли фальшивомонетчика.

XX. 25-лѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Вентцеля. 748

XXI. Смѣсь 755

1) Собраніе академіи наукъ.— 2) Годовое общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности.— 3) Въ обществѣ ревнителей исторіи.— 4) Въ союзѣ драматическихъ писателей.— 5) Присужденіе премій Государя Императора.— 6) Выборы въ литературномъ обществѣ.— 7) Тридцатилѣтіе литературной дѣятельности М. М. Мариной.— 8) Памяти 1812 года.

XXII. Некрологи. 760

1) Азаревичъ, П. Д.— 2) Алексѣевъ, Г. П.— 3) Веггровъ, А. К.— 4) Вибиковъ, А. А.— 5) Егорьевъ, В. К.— 6) Кокуевъ, Н. Р.— 7) Крамадей, М. М.— 8) Михальчукъ, К. П.— 9) Никольскій, А. И.— 10) Таганцева, Л. С.— 11) Цеткинъ, А. I.

Приложенія: 1) Портретъ Д. И. Писарева.— 2) Вождь (Кровавая комедія недавнихъ дней). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Вик-Ториневича.

ЛУКОМОРЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ 16-го апрѣля до конца года 6 р. съ перес. и дост.,
на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Всюду въ продажѣ цѣна номера 20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40)
и въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время»
въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону.

Издатель М. А. Суворинъ.

Редакторъ А. М. Селатренниковъ (А. Ренниковъ).

Завѣд. худож. отд. Г. Магула.

Конскій Спортъ

изд. Б. А. СУВОРИНА

журналъ выходитъ наканунѣ петербургскихъ бѣговъ и скачекъ.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Конскаго Спортъ»,
Невскій, 52, «Вечернее Время»; въ Москвѣ въ магазинѣ «Новаго Времени» (Негли-
ный провѣздъ) и въ дни бѣговъ, въ корреспондентской докѣ у Г. Н. Брауна и въ
провинціи (Харьковъ, Киевъ, Одесса, Саратовъ) въ магазинахъ «Новаго Времени».

Отдѣльный №№ 20 коп.

Подписная цѣна 10 р. въ годъ, 6 р. на полгода и 4 р. на 3 м. съ верес. и дост.
За границу 18 р., 10 р. и 6 р.

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

изд. Б. А. СУВОРИНА.

„Сто лѣтъ назадъ“.

Дневникъ Отечественной войны.
М. Чуприковъ.

Цѣна 2 рубля.

Карикатуры Пэма.

Цѣна 1 рубль.

Около Болгарской
войны.

А. Д. Пилевко.
Обложка Н. Кравченко.
Цѣна 1 руб. 50 к.

Барышни Шнейдеръ.

Юр. Вѣлнєвъ. (Впечатлѣнія). 3 изд.
Цѣна 1 рубль.

„Псиша“.

Пьеса Юр. Бѣляева.
Обложка худ. П. Д. Шмарова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Городокъ

въ табакеркѣ.

Юр. Бѣляевъ.

Цѣна 1 рубль.

Забутыя русскія
земли.

Бор. Горовскій.

Съ 55 рисунками и 1 картой.

Цѣна 2 рубля.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

Контора склада изданій Б. А. Суворина, Невскій, 52 («Веч. Вр.»).

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

„АВТОМОБИЛЬНАГО СПУТНИКА“

«Вечерняго Времени» и Т-ва «Треугольникъ».

изд. Б. А. СУВОРИНА

РАСПРОДАНО.

Приступая въ непродолжительномъ времени къ выпуску второго,
значительно дополненаго и исправленаго изданія (больше 120
маршрутовъ), Контора склада изданій Б. А. Суворина проситъ фирмы
и лицъ, желающихъ помѣстить свои объявленія, направлять ихъ
въ Контору объявленій Коэ (Петцгольцъ) Невскій, № 13, или въ
Контору изданій Б. А. Суворина Невскій, 52 («Вечернее Время».)
Подписка (2 руб. съ пересылкой) принимается исключительно въ
конторѣ изданій Б. А. Суворина (Невскій, 52) «Вечернее Время».

Ежемесячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать пятый годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время своего 34-лѣтняго существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** падается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемесячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 26—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 40 р., за 1/2 стр. 25 р., за 1/4 стр. 15 р.; позади текста за страницу 25 р., за 1/2 стр. 15 р., за 1/4 стр. 10 р.

Для напечатанія въ 1914 г. редакція располагаетъ слѣдующими литературными матеріалами:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: М. Г. Веселковой-Кильштетъ «На родной почвѣ». Романъ въ двухъ частяхъ.— І. І. Ясинскаго «Камаринскіе царевичи». Историческая повѣсть.— И. Н. Потапенка «Безкровное». Повѣсть изъ былыхъ временъ; «Человѣческое», «Жестокое дѣло», рассказы.— П. П. Гнѣдича «Смерть курьера Мамошина». — А. А. Измайлова «Подъ фіолетовой мантией». Мелочи архіерейской жизни.— Е. С. Шумигорскаго «Старая фрейлина». Историческій рассказ.— Г. Т. Сѣверцева-Полилова «На каюкахъ». Повѣсть изъ быта русскаго Сѣвера.— С. И. Васюкова «Давыдка и бурлаки». Посмертный рассказ.— М. С. Васильевой «Новые жильцы». Записки домовладѣлицы.— В. В. Уманова-Наплуновскаго «Ужасы города». Человѣческіе документы.— Г. Ольшанскаго «Вѣдьма». Изъ типовъ русской деревни.— Вл. Нарбута «Солдатка». Изъ типовъ русской деревни.— С. С. Окрейца «Записки повѣшеннаго». Исповѣдь революціонера.— А. В. Ториновича «Талантливая личность». Рассказ.— С. П. Руднова «Изъ жизни». Изъ записокъ судьбы.— Е. Витковича «Живая-мертвая». Рассказъ изъ временъ крѣпостного права.— А. В. Волжина «Въ поискахъ судьбы». Повѣсть.— А. Микулиной «Страшное дѣло». Рассказъ,— и другія произведенія.

ВОСПОМИНАНІЯ: Записки 1876—1877 гг. гр. Н. П. Игнатьева—Записки Н. В. Исакова.—Воспоминанія А. Ѳ. Кони.—Е. Н. Андреевскаго «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ». —Записки Арк. Ник. Чичерина 1866 г.—Н. Н. Фирсова (Л. Рускина) «Въ редакціи журнала «Русское Слово». —Е. И. Жуковской «Изъ воспоминаній шестидесятиницы». —С. Н. Зфрона (Литвина). «Кагаль и кагальники». —М. В. Шевлякова «Изъ рассказовъ П. И. Вейнберга». —Воспоминанія С. Д. Милюкова.—В. Б. Бертонсона «За тридцать лѣтъ». (Листки изъ воспоминаній).—А. Е. Кауфмана «За кулисами печати». (Листки изъ архива стараго журналиста).—М. Ф. Чулицкаго «Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля». —В. В. Бруснянина «Домъ на костяхъ». Изъ семейной хроникки.—А. И. Соколовой «Встрѣчи и знакомства». —М. А. Щепкина «Театральныя мелочи». —Н. И. Ванченко «Изъ воспоминаній украинскаго актера». —П. А. Россѣева «Сидувты». —Г. Черенкова «Годъ по тюрьмамъ». —А. Ф. Рукевича «Изъ воспоминаній стараго аривандца. (1832—1839 гг.)—Я. Н. Колубовскаго «Изъ литературныхъ воспоминаній». —Г. Н. Потанина «Воспоминанія о Д. Д. Мипаевѣ». —С. У. «Мозаика» (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ). —В. З. Ткачуна «Въ царствѣ нефти» и мн. др.

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ: Б. Б. Глинскаго 1) «Развѣнчанные герои революціи 1905 года». а) о. Г. Гапонъ, б) Азефъ; 2) «Прологъ къ русско-японской войнѣ». (Архивные матеріалы).—П. Юдина «Лжехристоръ-ростовщикъ». —Г. Т. Сѣверцева-Полилова «Гибель «Фершампенуаза», «Юрельскіе обряды». —Е. С. Шумигор-

скаго «Марія Антоновна Нарышкина».—В. Теплова «Али-паша Тепеленскій».—П. П. Шубинскаго «Убійство кн. М. А. Накашидзе».—В. В. Данилова «Дѣлушка русскіяхъ историческихъ журналовъ». («Отечественныя Записки» П. П. Свиньина).—Т. А. Мартемьянова «Комедія о царѣ Максимилианѣ».—Н. Н. Фирсова «Императорскій посоль и дворянская опека».—П. Головачева «Евреи въ процессѣ декабристовъ».—Е. Т. Смирнова «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева».—С. Россинскаго «Въ котлѣ революціи».—Свящ. І. Щелкунова «Русскій самозванецъ Лже-Іоаннъ VI въ Даніи».—К. А. Дворяничаго «Изъ прошлаго петербургской полиціи».—А. А. Танкова «Первый поѣздъ ча Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ».—А. Панкратова «Послѣдній петрашевецъ».—В. И. фонъ-Штейна «Русская меценатка въ Римѣ (Княгиня Э. А. Волконская)».—Н. Н. Оглоблина «Изъ ветлужскихъ впечатлѣній».—А. А. Сигова «На Сахалинѣ во время войны».—А. Н. Серебрянниковой «Возстаніе поляковъ за Байкаломъ въ 1866 г.» и мн. др.

ПУТЕШЕСТВІЯ И СТАТЬИ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ (съ рисунками): А. И. Фирсова «По Днѣпру», «Коренная пустынь», «Вологодскій Спасо-Прилуцкій монастырь», «У могилъ двухъ поэтовъ».—А. Сигова «Городъ Гомель».—Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ «Уголокъ Бѣлаго моря».—Вл. Анфилова «Маловѣдомыя красоты (Алтайскія замѣтка)». Н. Корженевскаго «Изъ скитаній по горному Туркестану».—А. Вязовскаго «Столипа Сибири».—Вл. Н. Нянжина «Два монастыря Псковской земли».—В. Г. Вейденбаума «Гагры», «По горному Алтаю».—В. Сазонова «По берегу Исыкъ-куля».—А. Я. Таранецъ «По Забайкалью», «По сибирскимъ заходустьямъ», «Изъ туркестанской были», «Ходжептъ».—В. В. Данилова «Въ молдавскомъ монастырѣ».—В. Грачева «Смоленскія древнехранилища».—Н. О. Акаимова «Городъ Св. Николая—Затеряннаго «Въ Персіи».—Д. П. Богданова «Боровскій Пафнютьевскій монастырь и могила Луппа Клешнева».—Н. Максимова «Ушь-Таганъ».—А. Мощанскаго «Военно-Сухумская дорога».—Ф. Е. Зарина-Несвицкаго «Пушкинскій уголокъ» и др.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ при участіи: проф. П. В. Безобразова, Д. А. Бочкова, А. М. Бѣлова, И. С. Бѣляева, проф. Б. В. Варнеке, В. В. Воронова, К. А. Военскаго, Г. К. Гинса, Б. Б. Глинскаго, П. П. Гнѣдича, проф. В. М. Грибовскаго, В. В. Данилова, В. В. Жерве, А. А. Измайлова, прив. доц. М. В. Ключкова, В. Н. Княжнина, Я. Н. Колубовскаго, К. В. Кудряшова, В. К. Кузнецова, проф. М. Е. Красножона, Н. А. Лачинова, Н. О. Лернера, А. М. Ловягина, проф. А. І. Малейна, П. М. Майкова, Т. А. Мартемьянова, А. А. Миронова, А. М. Нецаевой, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, проф. И. И. Соколова, В. Э. Ткачука, А. И. Фаресова, А. Г. Фомина, В. И. фонъ-Штейна, С. В. фонъ-Штейна, Е. С. Шумигорскаго, проф. А. И. Яцирскаго и др.

На отдѣлъ критики и библиографіи редакціей обращено особенное вниманіе. Въ каждой книжкѣ журнала рецензируется свыше 20 вновь вышедшихъ книгъ, по преимуществу по отдѣлу русской, всеобщей и древней исторіи, литературы, археологіи, исторіи права, искусствъ и др. отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 г. въ журналѣ открывается **новый отдѣлъ по обзорнѣю отечественныхъ журналовъ**, а также **Нижній Листокъ**, гдѣ будутъ отмѣчаться всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціей европейскимъ журналамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всеми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ. «Историческому Вѣстнику» общалл участіе, кромѣ перечисленныхъ авторовъ: А. Н. Булицевъ, В. П. Буренинъ, В. В. Брусянинъ, Юр. Д. Бѣляевъ, Л. В. Веселитская-

Микуличъ, А. Н. Витмеръ, А. Е. Заринъ, Ф. Е. Заринъ-Несвицкій, Е. П. Карповъ, А. В. Кони, В. С. Кривенно, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. А. Луговой, М. М. Марина, К. П. Медвѣдскій, Н. Н. Михайловъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Росіевъ, П. И. Соколовъ, Т. О. Соколовская, М. Н. Соколовскій, Вл. А. Тихоновъ, Г. П. Федоровъ, И. П. Ювачевъ, Н. А. Энгельгардтъ и др.

Въ приложеніи къ журналу въ 1914 году будетъ напечатанъ историческій романъ Джона Эйснефа «Во дни Юліана Отступника» въ переводѣ А. Б. Михайлова.

Подписчикамъ «Историческаго Вѣстника» на 1914 г. предоставляется право приобрести за 10 руб. вмѣсто 18 руб. сочиненіе С. М. Соловьева

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

29 томовъ въ 7 книгахъ (съ указателемъ), полный текстъ 5300 стр. большого формата въ 2 столбца, портретъ и факсимиле автора.

Желающихъ приобрести это изданіе просятъ выслать въ коптору журнала «Историческій Вѣстникъ» Невскій пр., д. № 40, десять (10) рублей. Стоимость пересылки (1 руб. 60 коп. для Европейской Россіи, 2 руб. 80 коп. для Западной Сибири и 4 руб. для Восточной Сибири) будетъ взиматься наложеннымъ платежомъ.

Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ за доставку уплачивается 50 коп

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЪ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ и ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

**РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРІОДЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)**

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольтескихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Сиб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Д. Писаревъ

(Д. И. ПИСАРЕВЪ).

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXVII.

Не пытайся, морозъ,
Ты добраться до грезъ,—
Не отдамъ я фіалокъ съ гвоздикомъ!
Не стучись ты въ окно...
Все давно прощено,—
Въ этомъ женское счастье великое...

(«Листы пожелтѣлы». М. К.)

ЛИЗАВЕТА Ивановна быстро взбѣжала по ступенькамъ террасы, открыла дверь и окаменѣла.

Около только что воздвигнутаго столба для поддержки выгнушагося потолка, по срединѣ гостиной, стоялъ ея покойный мужъ и осматривалъ произведеніе Агаѳона. Она видѣла его высокую фигуру, чуть-чуть постарѣвшее лицо, видѣла на полу стружки и инструменты, оставленные плотниками, такъ ясно, такъ живо... Что это сонъ? Галлюцинація?..

Навстрѣчу ей съ отодвинутаго рабочими дивана свѣтились другіе черные и тоже до боли въ сердцѣ знакомые глаза поверхъ синихъ стеколъ очковъ, словно выросшихъ въ переносье, столь знакомые съ дѣтства, съ минуты ея перваго приѣзда въ Горскъ,—глаза старика Игнатія Львовича Яшнева.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXVI, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», май 1914 г., т. сxxxvi.

Покойный и вдруг ожившій мужъ ея обернулся.

— Вася!—сорвалось съ бѣлыхъ женскихъ губъ.

Бородатый человекъ бросился къ ней и во время успѣлъ подхватить ея опускавшееся на полъ тѣло.

— Я—не Вася. Я—братъ его... Господи, что съ вами?

Онъ бережно опустил ея на ближайшее кресло. Сима притащила склянки и поднесла ей спиртъ, а знакомый голосъ, до жуткости похожій на голосъ ея мужа, сказалъ:

— Я говорилъ тебѣ, фатенька, что надо было предупредить!

Старческія, трусящіяся волосатыя руки капали изъ темнаго пузырька пахучее лекарство въ рюмку, а глаза женщины въ креслѣ не отрываясь глядѣли на нихъ. И вдругъ она приподнялась и схватила эти смуглыя руки, такъ что и рюмка, и пузырекъ очутились на полу.

Рыдая, она покрывала ихъ поцѣлуями и твердила въ изступленіи:

— Простите... простите... я не могла... не могла иначе... мнѣ самой... было... больно... но я не могла...

Лысый старичокъ всхлипнулъ... Еще минутой назадъ онъ не зналъ, какъ встрѣтится, какъ вынесетъ видъ черствой жены своего загубленнаго сына, а теперь самъ, припавъ губами къ ея темноволосяй головѣ, тоже сквозь слезы твердилъ:

— Богъ проститъ... Богъ проститъ!.. Мы оба другъ передъ другомъ виноваты... Кто старое помянетъ...

Онъ махнулъ освободившейся рукою и отеръ глаза. Потомъ опустил ея на плечо невѣстки и, отстранивъ ея отъ себя, такъ и впился взглядомъ въ мокрое отъ слезъ лицо...

— Слушай... пока Маруси еще нѣтъ, отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ: когда, котораго числа родилась она?

Лиза твердо отвѣтила, слегка пораженная вопросомъ:

— 26-го января 1882 года...

Старикъ перебралъ пальцами.

— Это вѣрно?

— Конечно... Я покажу ея метрику, она у меня...

— Что метрика! Мнѣ твое слово нужно было... Значить...

Онъ снова махнулъ рукою и, вставъ, прошелся въ уголь.

— Вотъ что, дочка... Ты первая у меня прощенья просила, ну, а теперь я его у тебя прошу... И не за себя только... а и за него... за... Васю.

— Что... что такое? Я ничего не понимаю?..

— Поймешь, когда расскажу... А пока не спрашивай... Скажи, отвѣтъ: прощаешь? да?..

Лиза снова расплакалась.

Въ распахнутой изъ столовой двери стояла Маруся и ничего не понимала. Она только что вернулась съ Кирилловной изъ

лавки. Старушка осталась въ кухнѣ, а дѣвочка, любопытствуя, пробѣжала посмотрѣть на работу Агаѳона и недоумѣвала теперь, что это за люди, почему такъ плачетъ мать и что съ Симой, которая тоже, закрывшись передникомъ, реветъ у окна.

Первый ее замѣтилъ Алексѣй Игнатьевичъ.

— Маруся?—обратился онъ къ ней.

Дѣвочка сконфузилась и присѣла.

— Маруся... Марусичка!—послышался съ дивана дрожащій голось.

— Иди, дѣтка! Это твой дѣдушка—папинъ отецъ, а я братъ твоего папы—дядя Леша.

Онъ отогнулъ назадъ ея головку и крѣпко поцѣловалъ въ лобъ. Лучъ солнца ударилъ со двора и освѣтилъ ихъ обоихъ вмѣстѣ такъ ярко, что у Лизы снова дрогнуло сердце... Сиротѣвшая съ минуты появленія на свѣтъ дѣвочка вся прижалась къ этому брату своего никогда ею невиданнаго отца, и матери показалось снова, что воскресъ мужъ и ласкаетъ свою и ея дочь.

Но съ дивана уже протягивались другія мужскія руки. Алексѣй подвелъ Марусю къ старику, и тотъ, всхлипывая, всю покрывъ ее поцѣлуями. Марусѣ было сперва неловко... Ее смущалъ и запахъ табака отъ сюртука дѣдушки, смѣшавшійся съ запахомъ только что пролитой валерьянки, и конфузило то, что онъ цѣлуетъ ей руки, твердя:

— Ручки... милыя ручки Васиной дочки...

Она отняла ихъ и, обнявъ ими сама старика за шею, отвѣчала:

— Дѣдушка... мой собственный... родной дѣдушка...

Тѣмъ временемъ Алексѣй пододвинулъ свой стулъ къ Лизѣ.

— Вамъ лучше? Да?.. Слава Богу! Я такъ и зналъ, что мы своимъ неожиданнымъ появленіемъ натворимъ бѣды. Да, вѣдь, со старикомъ не сладишь... Мы вчера въ Москвѣ столкнулись на Тверской съ Мирономъ Шемаевымъ, и онъ намъ сообщилъ о вашемъ возвращеніи и о смерти Александры Николаевны... Мы, вѣдь, ничего не знали... Намъ никто не далъ знать, да и мудро было поймать насъ... Я бросилъ Уралъ, и мы проѣхали въ Якутскъ, а оттуда въ Петербургъ для окончательныхъ переговоровъ съ представителями новой акціонерной компаніи, гдѣ мнѣ предлагаютъ очень выгодное мѣсто... И вотъ, только благодаря случаю, узнаемъ, что вы съ Марусей въ Колычевѣ. Старика было не удержать. Онъ снялся съ мѣста и сразу потребовалъ ѣхать сюда. Его уже давно даже за границу къ вамъ тянуло. Онъ все ждалъ письма отъ васъ. Самому-то, по старости, неохота было сдѣлать первый шагъ къ сближенію. А тутъ какъ онъ услышалъ о вашемъ несчастіи, понятно, и всѣ счеты позабылъ. Къ внучкѣ неодолимо потянуло, ну... да и о вашемъ здоровьѣ забота встала. Я уговаривалъ предупредить,

спросить разрѣшеніе пріѣхать,—куда тамъ! Замахалъ руками. Встрѣча сама, молъ, покажетъ, худо или хорошо сдѣлаемъ.

Лиза слушала этотъ столь знакомый голосъ, глядѣла на улыбку, на глаза говорившаго,—удивляясь сама, что можетъ сидѣть слушать и, кажется, отвѣчать впопадъ.

— Конечно, хорошо, что пріѣхали... отлично сдѣлали... У меня самой никогда бы не хватило духа возобновить отношенія. Я думала, что Игнатій Львовичъ даже имени моего слышать не въ силахъ.

— А какъ, Маруся знаетъ что-нибудь объ отцѣ?—спросилъ, понижая голосъ, Алексѣй.

— Ничего не знаетъ. Ей всегда говорили, что она родилась послѣ его смерти.

— Хорошо... Надо предупредить фатеньку, чтобы онъ не провался.

Это шуточное «фатенька» укололо снова въ сердце. Никогда въ жизни Лиза и представить себѣ не могла, чтобы два человѣка, даже близнецы, были такъ схожи во всемъ, и это ее умиляло и кружило голову. Точно сонъ сталъ явью и рядомъ съ нею сидитъ ея же мужъ, но только обѣленный, оправданный...

Если до сихъ поръ Кирилловна и не сомнѣвалась въ силѣ молитвы покойниковъ за оставшихся живыхъ, то теперь, увидавъ обоихъ Яшневыхъ, втайнѣ причислила свою голубушку Александру Николаевну прямо къ лику святыхъ. Когда выяснилось, что они и не думали получать ея письма, она перекрестилась...

— И мѣшаться мнѣ, дурѣ, не слѣдовало. Она все видѣла, она и устроила.

Но какъ обрадовался старикъ Яшневъ своей «боярышнѣ Нарышкиной» и какъ эта «Соляршняя» обрадуется старому врачу—оба не подозрѣвали. Забывъ, что онъ баринъ, а она былая крѣпостная, они совершенно по родственному обнялись и расцѣловались. Алексѣй, столь похожій на ея любимчика «Лизанькинаго мужа», привелъ старушку въ настоящій экстазъ, и она серной забѣгала по дому.

Всѣ привычки доктора оказались не забытыми. Онъ снова послѣ обѣда пилъ чуть не восьмую чашечку чая, всю ту же голубую съ бѣлыми цвѣтами чашечку, сохранившуюся въ углу буфета. Рядомъ стояло и хрустальное блюдо съ отбитымъ краемъ, и тѣ же мѣдные щипчики подъ привычнымъ давленіемъ его смуглыхъ пальцевъ накалывали цѣлую горку мелкихъ кусковъ сахара для прикуски.

За самоваромъ сидѣла Маруся и наливала чай то дѣдушкѣ, то матери, то дядѣ Лешѣ. Кирилловна, предоставивъ уборку кухни Павлушкѣ и Симѣ, возсѣдала за своимъ угольникомъ тутъ же и прихлебывала съ блюдечка китайское зелье. Часы тикали

въ длинномъ футлярѣ. Старомодный самоваръ и шумѣль и роко-талъ, а люди, еще утромъ не знавшіе, какъ встрѣтятся, болтали дружно, словно слившаяся воедино семья.

Такъ много было о чемъ переговорить и поразспросить, что разговоръ долго не налаживался. Поминутно приходилось сбиваться въ сторону, чтобы выяснять разныя подробности и мелочи, но одинъ главный вопросъ опредѣлился: старикъ оставался жить съ не-вѣсткой и внучкой навсегда, а дядя Леша послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса съ акціонерной компаніей отправлялся одинъ въ Якутскую область съ тѣмъ, чтобы имѣть право возвращаться сюда на отдыхъ.

У Маруси на душѣ было такъ свѣтло, такъ радостно, какъ бывало въ самомъ раннемъ дѣтствѣ на колѣняхъ у баловницы-бабушки. Дѣдъ глазъ не сводилъ съ нея, и она чувала,—они будутъ друзьями. Дядя Леша очаровывалъ ее все больше. Никогда никого красивѣе она не видала. Даже Юневъ, который рисовался ей тамъ за границей идеаломъ мужской красоты, былъ совершенно сю мысленно развѣнчанъ.

Когда рѣчь зашла о зимовкѣ въ Колычевѣ, старикъ хитро подмигнулъ внучкѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ же рисковать и оставаться въ домѣ, требующемъ капитальныхъ поправокъ? Неужели Маруся не окажетъ намъ всѣмъ гостепрѣимства и не приютитъ въ своемъ домѣ въ Горекѣ?

Дѣвочка буквально раскрыла ротъ отъ изумленія.

— Въ какомъ моемъ?.. Гдѣ же у меня домъ?..

— Гдѣ?! На Успенской улицѣ. Ну, и домовладѣлица! Не знаешь, гдѣ у нея домъ стоитъ!

Лиза весело разсмѣялась... Это былъ ея первый смѣхъ со смерти тети Саши... Ей тоже было такъ хорошо и тепло на сердцѣ... Она, какъ и Кирилловна, сознавала, что теперь жизнь пойдетъ по-другому, что все самое страшное и тяжелое уже пережито, и если обстановка не будетъ прежней, обильной, беззаботной, то все же самыя трудности лягутъ не на ихъ плечи. Въ ихъ семьѣ, наконецъ, былъ мужчина, который по-мужски сумѣетъ разобраться во всѣхъ сложныхъ дѣлахъ и вопросахъ.

Маруся сразу набросилась съ разспросами о «своемъ домѣ» на дѣдушку и, хлопая въ ладоши, заявила:

— Отлично! Отлично! Я всѣхъ, всѣхъ приглашаю къ себѣ: и маму, и дѣдушку, и Кирилловну, и дядю Лешу, и вашу тетю.

— Какую тетю?—удивился тотъ.

— Да вашу жену.

Алексѣй какъ-то странно усмѣхнулся.

— За нее я могу только поблагодарить... но она живетъ всегда за границей и наврядъ ли отзовется на твое милое приглашеніе.

— Она больна?—спросила дѣвочка.

— Да... она очень слабого здоровья.

— А ваши дѣти тоже съ нею?..

— У насъ нѣтъ дѣтей!—отвѣтилъ дядя Леша, и подѣ смуглой и матовой кожей краска ударила ему въ лицо.

Лиза сжала брови. Разспросы Маруси, неумѣстные сами по себѣ, однако, хотъ нѣсколько удовлетворяли ея собственное любопытство.

Вѣдь о своемъ зятѣ она ровно ничего не знала. Но, замѣтивъ его замѣшательство, она такъ строго взглянула на дочь, что расхотѣвшаяся дѣвочка невольно прикусила языкъ.

Когда онѣ укладывались спать, она, крестя ее на ночь, особенно крѣпко поцѣловала и сказала:

— Никогда не спрашивай старшихъ, сами тебѣ расскажутъ о себѣ, что захотятъ, а дѣтямъ, и особенно дѣвочкамъ, надо быть скромнѣе. Ты, можетъ быть, сдѣлала дядѣ Лешѣ очень и очень больно.

Маруся проглотила нотацію, но заснула не сразу. Сердце у нея прыгало при мысли, что теперь она не только не одна, а что у нея и дѣдушка, и дядя, и даже свой собственный домъ... Относительно семейной жизни Алексѣя Игнатьевича она ни секунды не сомнѣвалась: жена у него есть, но онъ съ нею живетъ врозь, какъ тетя Оля со своимъ мужемъ. Чего это скрывать? Ну, поссорились и разѣхались! Что тутъ такого страннаго и непонятнаго? И если она выйдетъ замужъ и мужъ ее станетъ мучить, она тоже уѣдетъ отъ него... Лучше разѣхаться, чѣмъ ссориться вѣчно. Это такъ просто... Вѣдь вотъ и дѣдушка съ мамой поссорились и жили врозь...

Мужчинъ Кирилловна устроила въ классной, гдѣ все еще стояла зеленая триповая мебель Сотова.

— Смотри, не проговорись Мусѣ про Василю, — говорилъ Алексѣй, перелистывая какую-то ея школьную тетрадь: — держи языкъ за зубами.

— Пока зубы во рту, — обещаю, а какъ выну ихъ, — не поручусь, — отвѣтилъ старикъ, весь трясясь отъ добродушнаго смѣха: — эхъ, Лешка, Лешка! — онъ порывисто обнялъ сына. — Когда я подумаю, — не свяжи ты себя контрактомъ тогда, былъ бы теперь мужемъ Лизаньки, хозяйствовалъ бы здѣсь, и Василій, можетъ, уцѣлѣлъ бы... Вѣдь вы съ нею созданы другъ для друга... А то и ты несчастенъ теперь, и она одинока... И чего я, старый осель, тогда Василю не допыталъ, какъ на духу, далеко ли зашло у него дѣло?.. Вѣдь я ему тогда на слово повѣрилъ, что онъ долгу чести исполняетъ, къ аналою идя... а Маруська-то ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы родилась... Понимаешь ли? Значить, за носъ онъ меня, дурака слѣпого, провелъ!

Сынъ съ насмѣшкой взглянулъ на отца.

— Не мѣшало бы и меня, пожалуй, въ то время спросить, былъ ли расположенъ я разыграть роль покорнаго сыночка и шествовать къ алтарю съ родительскаго благословенія съ избранной папенькою дѣвицею? Мы съ братомъ поступали по велѣніямъ фатума, а не фатера. И врядь ли я промѣнялъ бы тогда Зою Владимировну, съ которой уже близко познакомился, на Елизавету. Ивановну которой вовсе не зналъ... Коемуждо по дѣломъ его... Бери жизнь, какъ она есть... Что о прошломъ жалѣть?

— Ну, братъ, кто жизнь просто беретъ,—я или ты, еще спрось... И ужъ если ты въ фатумъ вѣруешь, то по фатуму и поступай... Бросила тебя твоя Зойка, другого завела, такъ донкихотствовать нечего. Къ чему себя чуть не на Камчатку ссылатъ? Ради того только, чтобы ей побольше на Ниццы да Парижы высылать! У тебя факты есть, что она не бѣдствуетъ.

— И у нея на меня тоже факты имѣются, да еще на вексельной бумагѣ. Ну, чего старый мусоръ ворочать? Знаешь, вѣдь!

— Охъ, и глупъ же ты, Лешка! не дѣловой ты человекъ, въ этомъ вся и бѣда... Вѣчныя фантазіи у тебя: то драги, теперь якуты... Полно, брось!.. Останься... Неужели мыкаться не надоѣло? Чолдоны да старатели не осточертѣли? Вся эта разухабистая жизнь пріисковая не уходила?

Алексѣй только зѣвнулъ въ отвѣтъ.

— Слушай, дружокъ, ты не обижайся, что я такъ сразу съ ними здѣсь остаться согласился... Я имъ нужнѣе... онѣ женщины... Ты и безъ меня справишься... А, можетъ быть, и самъ перерѣшишь и останешься?.. Что Сибирь? То ли дѣло здѣсь, въ своемъ уголкѣ. Никуда не спѣши, газеты на второй день приходятъ, табачокъ есть, не надо изъ-за тридевяти земель выписывать, сахаръ дешевъ, чай тоже настоящій... Москва въ шести часахъ, а не въ шести мѣсяцахъ... Ну, чего тебѣ?.. Плати проценты, но не четыре тысячи въ годъ, если долгъ все въ тѣ же тридцать пять считается? Это что—по одиннадцати процентовъ?.. Хорошъ процентъ для барыни... Нѣтъ, братъ! Ты напиши, что вотъ во столько-то лѣтъ обязуешься долгъ заплатить и конецъ, и иди себѣ направо, коли она отъ тебя пошла влѣво. Содержать ее ты не обязанъ...

— Куда это «вправо»? Къ намѣченному тобою тринадцать лѣтъ назадъ алтарю? Да?! Чтобы засѣсть навѣки въ этой дырѣ?—онъ брезгливо оглядѣлъ покоробленные стѣны.—Благодарю покорно!. Я—Донъ-Кихотъ, ну, а ты во всякомъ случаѣ не Меттернихъ и не Талейранъ, потому что всѣ твои политически-дипломатическіе ходы слѣпому видны... Покойной ночи!

XXVIII.

Путь окончили свѣтила,
 Ангелы встрѣчали ихъ,—
 Но меня поработила
 Власть очей земныхъ.
 Съ неба я скатилась. Тая
 Меркла красота моя,
 И, какъ искра золотая,
 Въ топь упала я.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Октябрьское утро еще не занималось, но уже гудѣлъ, надрываясь, гудокъ. Бѣлый паръ цѣплялся за оголенные сучки вяза и осѣняемые имъ кресты могилъ и осаживался крупными каплями на крышахъ людскихъ казармъ и навѣсовъ скотнаго двора... Крестясь и зѣвая, выходили на промозглую сырость рабочіе. Село просыпалось тоже. Въ напотѣвшихъ окнахъ зажигались тусклые огоньки, и одинокія фигуры потянулись къ винокуренному заводу. Когда онѣ заворачивали за облетѣвшую стѣну боярышника, имъ били въ глаза ярко освѣщенные высокія отъ земли до крыши окна, казавшіяся огненными воротами какого-то таинственнаго чертога, полного клокотанья зловѣщей жизни.

Дверь тамбура глухо хлопала, и съ визгомъ опускался тяжелый блокъ. Изъ-подъ высокаго свода вырывалось жужжанье приводныхъ ремней, стукъ колесъ и катушекъ, бурленіе воды и оглушительное шипѣніе пара изъ нагрѣваемаго котла. Коническія гензы, широкій опоясанный рядами заклепокъ цилиндръ заторнаго чана, колонна холодильника и дефлегматора, кубы перегонныхъ аппаратовъ—казались органами страшнаго чудовища, а тонкія и толстыя паропроводныя трубы и бѣжавшіе по всѣмъ направленіямъ самотеки были его обнаженными жилами, по которымъ обращалась горячая кровь. Переходя изъ органа въ органъ, она все болѣе и болѣе теряла невинныя свойства картофельнаго напара и возвращалась сверху изъ квасильныхъ чановъ, остывшая и напоенная отравою, чтобы пройти еще черезъ новые и новые органы и окончательно выдѣлить все безвредное на кормъ скоту, а людямъ оставить одни яды, на разрушеніе ихъ собственныхъ органовъ, на зараженіе ихъ крови смертоносно-пьянымъ хмелемъ, властнымъ уравнивать ихъ съ тѣмъ же откормленнымъ бардою скотомъ и, подобно Цирцеѣ, лишить временно человѣческаго образа.

Сложные, вѣками придуманные и безпрестанно совершенствуемые аппараты стояли вычищенные и выхоленные, а люди около нихъ казались грязными и жалкими на высокіхъ подмосткахъ. Ихъ щедущныя руки напрягались, жилы набухали и синѣли, а

сами они были болѣзненно изжелта-сѣры, ухаживая безъ устали за чудовищемъ, питая и наполняя его ненасытное чрево свѣже вымытой картошкой и мелко раздробленнымъ зеленоватымъ солодомъ, и въ будни и въ праздники, и въ Рождество и въ Пасху, потому что каждый перерывъ приносилъ большіе убытки.

Шлепая босыми ногами, молодцоватый Оомка въ синей, заткнутой въ брюки рубахѣ отвернулъ крапъ и обдалъ холодный асфальтъ горячей струей пара изъ шланги... Согрѣвъ озябшія подошвы, онъ ловко взобрался по высокой лѣстницѣ къ лазу запарника и, открывъ люкъ въ потолокъ, крикнулъ кому-то невидимому: «Подавай!..»

Съ грохотомъ по жолобу, окутанному сѣрымъ мѣшкомъ, стали сыпаться въ гензу картошки... Оомка закинулъ мѣшокъ и сталъ уминать ихъ трамбовкой, потомъ снова отвертывалъ его, и картошки, спѣша и обгоняя другъ друга, летѣли стремглавъ въ широко раскрытый зѣвъ гензы.

Завернувъ крышку перваго запарника, онъ, какъ кошка, по тонкимъ, гнувшимся подъ его босыми подошвами жердочкамъ перелѣзжалъ къ другому. Черезъ стѣнку слышалось визжаніе цѣпи, подававшей корцами свѣже вымытую картошку изъ мойки на чердакъ, гдѣ ее огребали въ кучи лопатами двое рабочихъ... Оомка въ тактъ, отбиваемый каждый корзинкой, сталъ мурлыкать про себя со вчерашняго дня вертѣвшіяся въ умѣ слова:

Полно, милушка, стараться
Ведра въ гору полымать!
Милушка, измѣшся, —
Худая миѣ достанешся!..

«Милушка» относилось не къ цѣпи, поднимавшей корцы съ картошкой, а къ встрѣченной вчера съ ведрами на рѣчкѣ Маревнѣ.

Оомка рѣшилъ повестн дѣло умненко. Охальствомъ и озорствомъ съ такой бабой не возьмешь, и онъ совершенно перемѣнилъ топь.

Сойдясь съ нею на томъ же плоту, онъ прикинулся сконфуженнымъ и даже попросилъ прощенья. Его голосъ былъ такой мягкій, такой почтительный, что жена Тихона поневодѣ остановилась, а Оомка стоялъ, скинувъ фуражку.

— Не сердитесь, Марья Маревна! я, ей-ей, въ тотъ разъ выпимши былъ. Повѣрьте, тверезый—развѣ осмѣлился бы? Я вѣдь не дуракъ, не вахлакъ сиволапый, я въ Москвѣ бывалъ и обращенье понимаю. Знаю, что вы не Мареутка! Ужъ положите гнѣвъ на милость, сердце на меня не держите! Повѣрьте слову—обидѣтъ васъ и въ мысляхъ не бывало. Какъ случилось, и самъ не пойму! Ужъ простите, пожалуйста!..

Маревна скинула коромысло на землю.

— Богъ простить!—холодно отвѣтила она.—А только ежели

ты точно обидѣть не хотѣлъ, то и проходи себѣ съ Богомъ! А то увидятъ люди, что мы съ тобою разговариваемъ, сейчасъ языки распустятъ, а мнѣ и такъ тошно...

Өмка низко поклонился и пошелъ своей дорогой, но, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулся. Въ тотъ же мигъ обернулась и Маревна, зачерпнувъ первое ведро. Взгляды ихъ встрѣтились, и что прочелъ въ женскомъ паренѣ, почему ухмыльнулся—Богъ его вѣдаетъ! Густой, палящій румянецъ зажегся въ лицѣ молодой бабы. Она, земли не слыша подъ собою, шла по селу. И весь вчерашній день, что бы ни дѣлала, кормила ли скотину, доила ли корову, шила ли мужу рубаху, горячая волна молодой неутоленной крови то приливала, то отливала отъ сердца, и по спинѣ бѣгали знакомыя холодныя змѣйки.

Напрасно пошла она съ букваремъ къ свекру. Съ бѣлыхъ страницъ на нее глядѣли не буквы, а черные зрачки. Она путалась, а Агаѳонъ качалъ сѣдогривой головой.

— И безтолкова же ты! Я думалъ, ты живо сообразуешься, а ты б отъ в не различаешь! Ну, чего опять, какъ кошка угорѣлая, по книжкѣ съ указкой скачешь. Этакъ мы до весны до складовъ не доберемся...

...Вторая генза была тоже наполнена до краевъ. Завинтивъ крышку, впустивъ въ оба запарника стуженный паръ, наполнившій оглушительнымъ шипѣньемъ все помѣщеніе, Өмка быстро спустился и чихнулъ въ ухо заторщика Ильи.

— Ну тебя...—отмахнулся чернобородый вздремнувшій было малый.—Аль готово?..

— Заварил!—отвѣтил Өмка, не слыша за шумомъ, но догадываясь, о чемъ спрашиваетъ Илья, и, доставъ кисеть, выбѣжалъ покурить въ сѣни.

Илья снова опустился на приступочку, совершенно спокойный, что въ нужную минуту. Өмка его разбудить знакомымъ въ ухо окрикомъ: «Илья—воръ! готовъ заторъ!..»

Өмка черезъ нѣсколько времени дѣйствительно разбудилъ Илью. Отвернутый кранъ зашипѣлъ. Горячая каша потекла изъ гензы въ широкій даянъ. Илья вмѣстѣ съ Өмкой снялъ тяжелую крышку и задалъ солодъ. Быстро съ бульканьемъ закрутились поля, налитыя холодной водою мѣшалки, и въ бѣшеномъ водоротѣ забурлила коричневая, противная по виду жижа. А Өмка тѣшилъ надъ Ильей и свистѣлъ и шипѣлъ ему въ ухо, но тотъ только отмахивался отъ него, какъ отъ надоѣвшаго шмеля. Зато проходившій со своей масляной смазчикъ Валерьянъ широко раскрылъ отъ восхищенія ротъ и показалъ на вымазанномъ сажей лицѣ ослѣпительно бѣлые зубы.

— Эй, Валька, зубы не скаль-ка!—крикнулъ Өмка, заглушая шумъ затора.—Ты не крокодилъ...

— А ты бы поменьше говорилъ,—отвѣтилъ, тоже напрягая во всю мочь свой голосъ, появившійся изъ солодовни Карлъ Антонычъ—главный винокуръ. Но Ѳомка уже снова трамбовалъ картошку и подкидывалъ въ тактъ голыя ноги, балансируя на вышкѣ.

Дверь тамбура широко распахнулась. Рабочіе подтянулись. Смазчикъ дѣловито побѣждалъ въ котельную. Илья обмылъ у шланги заспанное лицо. Вошелъ хозяинъ со свитой, въ сопровожденіи блѣднолицаго конторщика Ивана Матвѣвича и управляющаго Ѳедора Ивановича.

— Который заторъ?—обратился Михаилъ Демьянычъ къ Ильѣ.

— Сегодня пока первый!

— Дуракъ!—обрѣзалъ хозяинъ.—Я не младенецъ, чтобы не знать, что въ полтора часа двухъ не сварить. Я спрашиваю, который съ тѣхъ поръ, какъ заводъ пушентъ нонѣ?

— Сто шестой!..

— Мало... Надо бы ускорить!

— Помилуйте!—вступился Карлъ Антонычъ,—всего пять недѣль, што закурили. Довольно... по три заторъ на днѣ.

— А я тебѣ, нѣмецъ, говорю—мало. На то я и хозяинъ. Надо не по три, а по четыре... Новые приборы поставили, пять тысячъ кошкѣ подъ хвостъ бросили, а куримъ по-старому? На что мнѣ твой изеосаторъ тогда? Деньги только высасываетъ, больше ничего!..—кричалъ Михалка, покрывая визгливымъ голосомъ шумъ приводныхъ катушекъ...

Карлъ Антонычъ презрительно пожалъ плечами.

— Экегаусторъ работаетъ правильно!—замѣтилъ въ защиту Ѳедоръ Ивановичъ:—заторъ вдвое скорѣе остываетъ.

— А вдвое скорѣе, такъ вдвое и курите, пока въ казну не забрали.

Управляющій и винокуръ только переглянулись.

Хозяинъ подошелъ къ солододробилкѣ, пошевелилъ размолотый солодъ и понюхалъ.

— Чего мимо сыпешь?—заоралъ онъ на рабочего, отпрокинувшаго корыто для второго пропуска.—Подбери!.. хозяйское добро не жалѣешь, хочешь, чтобы ногами растоптали?..

— Да мы и такъ всегда подбираемъ? Неужто лежать оставимъ! проворчалъ батракъ, сгребая савкомъ просыпанное и кидая въ дробилку, но хозяинъ уже поднимался въ квасильню.

Сразу послѣ пара и грохота главнаго помѣщенія здѣсь обдавало холодомъ и тишиною. Огромныя вмѣстилища частью были наполнены сушломъ, частью, пустыя и вымытыя негашенной известью, съ вынутыми змѣевиками, ожидали своей очереди. Евграфовъ взглянулъ въ крайній. Спѣлая бражка добродила и осѣлась. На внутреннихъ стѣнкахъ оставались еще слѣды ея игры, а сама она выдѣляла острый и кислый запахъ, отъ котораго слегка тошнило.

— Это который?

— Третьегоднийшній, сейчасъ спускать будемъ. А то вчерашній. Хозяинъ дѣловито заглянулъ въ него.

Разжиженное сусло явно бродило. Слышалось тихое шипѣнье лопающихся и вновь вскакивающихъ пузырей.

— Сахаромѣрь дай!

Евграфовъ зачерпнулъ ковшомъ бражку. Сидорычъ, рабочій при чанахъ, щелкнулъ языкомъ и осклабился. Онъ уже провѣрилъ степень броженія. Опытное небо его не хуже сахаромѣра опредѣляло готовность «недобра», и онъ съ улыбкой сообщилъ хозяину:

— На двѣ дольки покрѣпчай теперь выхаживается...

— Самъ знаю безъ тебя!—огрызнулся Михалъ Демьянычъ, провѣряя градусы.

Это былъ единственный для него доступный приборъ, кромѣ счетчика у контрольного аппарата.

— А ты ужъ слизнуть успѣлъ? Всѣ вы тутъ лижете, какъ псы, лакать хозяйское добро готовы...—Онъ понюхалъ ковшь.—Сивушины много...

— Пока сюдить нельзя!—возразилъ, не скрывая презрѣнія винокуръ.—По брашкѣ о спиртѣ ничего сказать не можно... Она въ дефлегматоръ не пыфала.

— А мнѣ плевать на делихматоръ, я и безъ него знаю, хорошъ ли перегонъ будетъ...

И, не удастая никого дальнѣйшимъ разговоромъ, хозяинъ направился дальше и сталъ слѣзать бочкомъ съ шаткой лѣсенки.

— Ишь, лѣшій, каждый глотокъ считаетъ!—прошипѣлъ Сидорычъ и, зачерпнувъ новый ковшь, залпомъ выпилъ до дна.

— Свиныя русски...—выругалъ его тутъ же Карлъ Антонычъ:—никогда нѣмецъ такую свинерей пить не станетъ, и полякъ тоже, одинъ русски шеловѣкъ всякій гадость пить, только бѣ на водка похожа.

— Это потому, Карлъ Антонычъ, что русскому здорово, то нѣмцу смерть, а русскій человекъ на то Богомъ и созданъ, чтобы хмельное пить...

Хотя у Михайлы Демьяныча въ душѣ ни малѣйшаго сомнѣнія не было, что заводъ работаетъ прекрасно и дѣло съ новыми усовершенствованіями только выиграло, но онъ не сбавлялъ строгости и продолжалъ обходить, придираясь ко всѣмъ и ко всему. Отравленный спиртными парами воздухъ, сотрясаемый гудѣньемъ приводовъ и клокотаніемъ затора, запахъ стекавшей въ корыто каскадомъ спѣлой бражки и выбивавшейся изъ манжи съ бардою ударяли въ голову, и бѣлки у хозяина съ непривычки наливались кровью, а жилы на толстой красной шеѣ набухали и выступали, какъ веревки, точно отъ плохо сдерживаемаго гнѣва. Люди въ его присутствіи примолкали и съеживались, и только руки ихъ еще напряженнѣе

дѣлали привычное дѣло. Даже Оомка переставалъ балясничать.

Когда, наконецъ, дверь на блокѣ снова визгнула и начальство пропало въ пасти тамбура, всѣ перекрестились. Слава-те, «Христосъ! Пронесло».

Въ конторѣ Михайла Демьянычъ потребовалъ книги, и пока блѣдный конторщикъ въ очкахъ услужливо перевертывалъ исписанные цифрами страницы, гдѣ педантично высчитывались до полкопейки доходы со спирта и барды, продаваемой окрестнымъ помѣщикамъ, велась тончая роспись расчетовъ съ батраками и по денщиками, заносился всякій фунтъ мѣсятки для коровъ и гарнецъ овса для лошадей, воспаленные бѣлки блѣднѣли, а набухшія жилы и шейные мускулы понемногу растягивались. Состояніе скотнаго двора было таково, что невольно являлось желаніе и изъ него извлечь выгоду побольше и рядомъ съ построенной въ прошломъ году маслобойней устроить и сыроварню. А пока еще не введена въ губерніи монополія, не похлопотать ли о водочномъ заводѣ? Вѣдь Евграфовка въ шутку «слободкою» окрещена народомъ... Настоящей слободкою и стала бы... Одно, что на арендованной у мужиковъ землѣ строиться неохота... Всѣ они сутяги... Того и гляди, либо аренду сорвутъ, либо за пятерную цѣну на новую пойдутъ... То ли бы дѣло у помѣщика еще бы десятинъ пятьдесятъ отхватить!.. Не вернись Лиза, съ Арефіемъ бы сладить, пожалуй, можно было; а теперь—не подступнисья.

— Каторжанка продова! — прошипѣлъ Демьянычъ сквозь зубы.

— Что прикажете?—отозвался конторщикъ.

— Не къ тебѣ относиться изволить!..—презрительно возразилъ патронъ.—Ты свое дѣло дѣлай. А хозяйскихъ рѣчей не подслушивай.

— Почта тутъ вечеръ поздно пришла,—отозвался тотъ, крѣпкимъ усиліемъ волн подавляя поднимавшійся гнѣвъ:—письмо вамъ... Вотъ извольте.

Демьянычъ взялъ конвертъ и сразу повеселѣлъ. Адресъ былъ написанъ знакомой и четкой рукою его повѣреннаго Зюкина, несмотря на вѣчную муху, обладавшаго неизмѣнно яснымъ умомъ и твердымъ почеркомъ. Онъ разорвалъ конвертъ. Изъ него выпало запечатанное письмо, гдѣ крупными, дѣтски старательными буквами было выведено: Кавказъ. Ея высокородію Ольгѣ Львовнѣ Нерадовой-Олиной.

Михайло Демьянычъ радостно вспыхнулъ, но письма при конторщикѣ не распечаталъ, а сунулъ въ карманъ.

«Поусердствовалъ Зюкинъ! Ничего, обѣщаль только адресъ списать, а тутъ цѣлое письмо выцарапалъ. И какъ это умудрился? Неужто съ почты выкралъ?»

— Все? — спросил онъ блѣднолицаго Ивана Матвѣвича и окинулъ столы зоркимъ окомъ.

— Все-съ! Все пересмотрѣно...

— А это что за тетрадь такая? — протянулъ руку хозяинъ.

— Это-съ... такъ... ничего... моя собственная.

Онъ переложилъ на другую сторону стола переплетенную въ клеску тетрадь, но въ эту минуту изъ нея выпалъ покрытый короткими строчками листокъ и, описавъ по воздуху дугу, легъ какъ разъ къ ногамъ Михайлы Демьяныча. Тотъ нагнулся и поднялъ его. Иванъ Матвѣвичъ сталъ изъ блѣднаго пунцовымъ.

«Царицѣ души моей, — прочелъ вслухъ Евграфовъ по складамъ. — Стихи И. М. Терехова. Посвящено «Ей!!!...»

— Это что же! А?.. вмѣсто того, чтобы дѣломъ заниматься, ты тутъ стишки мараешь?.. А?.. С-сочинительствуешь? А? Что я для того тебя тутъ держу, чтобы ты писачествомъ занимался? Двадцать пять рублей получаешь, такъ твое дѣло контору знать, а не сочинительствовать. Кому это писалъ? Говори сейчасъ — кому?.. Какъ царицу твою звать?.. Амурникъ!.. — оралъ хозяинъ.

— Ей-ей, не знаю!.. Никому!.. — растерялся молодой человѣкъ.

Евграфовъ сунулъ листокъ въ карманъ и кулакомъ погрозилъ конторщику.

Иванъ Матвѣвичъ, по доносамъ Фетиши, пользовался расположеніемъ именно за свои стихи, которые посылалъ всѣмъ знакомымъ дѣвкамъ и однажды будто даже Таничкѣ... О сближеніи такомъ Михайла Демьянычъ и мысли не допускалъ, но, прочтя стихи конторщика, всполошился: а что если Фетинья не брешетъ и этотъ негодный червякъ смѣлъ объ его дочери мечтать?

— Слышишь, я спрашиваю?.. Кому стихи писалъ?

— Ей-ей, никому-съ! Развѣ стихи непременно кому-нибудь писать надо? У Пушкина вонъ сколько стиховъ, а не всѣ же кому-нибудь писаны...

— Я-те Пушкина покажу! Попадись еще, али услышь я опять про тебя, что ты барышнямъ амурные стихи посылаешь, мигомъ у меня вылетитъ. Ступай тогда къ твоему Пушкину, ему помогай сочинительствовать, а я тебя не для стиховъ, а для конторы нанял!

Блѣдный молодой человѣкъ сдѣлался еще блѣднѣе. Руки у него чесались. Такъ и запустилъ бы вотъ этой самой тетрадью въ воспаленно-красную рожу оравшаго кулака, да вспомнилась въ Москвѣ мать — вдова дьячка, вспомнилась сестренка Лампуша, и онъ сжалъ тѣсно-тѣсно зубы и промолчалъ.

Хлопнувъ дверью, вошелъ Евграфовъ въ сосѣдній съ конторой «кабинетъ» и закинулъ крючокъ.

Письмо было отъ Маруси. Въ восторженныхъ выраженіяхъ общала дѣвочка о пріѣздѣ новыхъ родственниковъ и о новосельѣ въ

«мосмъ собственномъ домѣ». Онъ розовый, съ зеленою крышею въ Успенскомъ переулкѣ, и на дощечкѣ на воротахъ написано: «домъ Маріи Васильевны Яшневой». Милая тетичка, пріѣзжайте хоть на одинъ денечекъ, только посмотрѣть, какъ мы живемъ, а я вамъ скажу тогда, о чемъ я теперь думаю. Это будетъ для всѣхъ, для всѣхъ чудесно, и тогда дядя Леша останется съ нами и намъ не надо будетъ бояться противнаго Михалки».

— Это что жъ?—побагровѣлъ Михалка.—Это чего же примѣрно касается?

«Вы знаете,—читаль онъ дальше,—оказалось, онъ такой негодяй, что его дѣдушка рѣшилъ притянуть къ суду; онъ безъ маминаго и бабушкинаго позволенія отрѣзалъ цѣлый кусокъ нашего сада, да еще съ нашими могилками, то есть не нашими, а гдѣ похоронены дѣдушка Арсеній и маминъ братъ съ бабушкой, а также старый камердинеръ. Дѣдушка говоритъ, что ему придется заплатить большой штрафъ, а я бы хотѣла, чтобы его сослали подальше, чтобы никогда, никогда его не видѣть! Пусть сошлютъ въ Сибирь. Это будетъ ему по дѣломъ за все!»

— Ахъ ты, отродье змѣиное, туда же!—пробормоталъ Михайла Демьянычъ, дочитавъ письмо,—ну, посмотримъ, матушка, кто кого засудитъ! Молодецъ Зюкинъ, что письмо выкралъ. А ужъ я имъ противнаго Михалку помню! Попляшете у меня, собачьи дочки.

Хотя Михайло Демьянычъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы устроить на ближайшихъ дняхъ одну изъ пооекъ на заводѣ, о которыхъ передавались по уѣзду весьма неблагоприятные слухи и изъ-за которыхъ колычевцы презирали евграфовцевъ, отпускавшихъ туда женъ и даже дочерей въ качествѣ пѣвицъ, за что тѣ приносили домой не одну канарейку, но появившійся за распоряженіями цѣловальникъ ушелъ ни съ чѣмъ. Хозяинъ сразу послѣ обѣда уѣхалъ въ Горскъ и немедленно потребовалъ своего повѣреннаго, стряпчаго Зюкина.

— Письмо получили, ваше—ство?—обратился къ нему старый выжига, съ цѣлой географической картой рѣкъ и рѣчекъ изъ багровыхъ жилокъ на сизомъ носу, входя и потирая озябшія руки.

— Получилъ... А что?

— Ужъ вы того, накиньте синичку сверхъ условленнаго, потому самому недешево встало! Я на почтѣ недѣлю отдежурилъ, да что водки на каналью Огрызкова спойлъ, едва уломалъ. Хорошо еще, что не наказное. За адресъ одно, а за цѣльное письмо развѣ чижовка плата?

— Ну, ну! еще чего? Будь и полученнымъ доволенъ... Я развѣ о письмѣ заикался. Я адресъ тебѣ списать поручилъ, а ты письмо выудилъ... Это ужъ лишнее усердіе!.. Да я и не письма ради за тобою прислалъ. Другое у меня до тебя дѣльце имѣется. Вотъ что, братъ Антипычъ,—голосъ его сталъ гораздо мягче:—разберись-ка

ты въ законахъ хорошенько, имѣю ли я право за могилами, мнѣ завѣщанными, ухаживать, али нѣтъ?

Сутяга принялъ важный видъ и почесалъ вздутую лѣвую щеку, повязанную чернымъ засаленнымъ платкомъ.

— Не только право, но и обязанность ваша поступать по завѣщанію,—отвѣтилъ онъ свысока.

— Такъ-съ! Такъ вотъ въ чемъ дѣло: ты тамъ у судьи-то или у земскаго укарауль, куда на меня жалоба отъ Колычевихи-то, Яшневой Елизаветы Ивановны, за кусокъ земли, будто мной отрѣзанный, поступить, чтобы намъ съ тобою сейчасъ, времени не теряя, встрѣчную подать, что, молъ, по ея же нерадѣнію мнѣ эти могилки на той землѣ въ такомъ видѣ достались, что я на ихъ возстановленіе ну,—валий сразу,—двѣ тысячи цѣлковыхъ затратилъ. Да оно и впрямь не меньше, ограду да памятники считая, потому деревянные кресты мраморными замѣнены, да цвѣты, да уходъ за эти годы. Коли судья мнѣ не присудитъ, я въ окружный пойду.

— Земля-то вѣдь ихняя... въ судѣ откажутъ навѣрняка...

— А мы въ палату подадимъ... до государя дойду, потому весь мой случай въ нихъ. Понимаешь?

— Такъ-съ...

— Ну, ступай!

Но Антонычъ оглянулъ его довольно дерзко и презрительно процѣдилъ сквозъ зубы:

— Ступать-то я ступаю и не одной, а двумя ногами, да уйти не уйду, пока впередъ не получу... Мнѣ деньги во,—до зарѣзу нужны... Бѣленькую пожалуйте... да за письмо синичку... Всего тридцать монетъ... А то и не возьмусь...

— Ну, ну! ужъ и бѣленькую... Бери синичку въ счетъ будущаго, а о бѣленькой потомъ поговоримъ.

— Помилуйте! сами говорили,—случай вашъ... А дѣло тонкое... Надо сколько статей подыскать... да могилки все-таки, такъ сказать, съ религіозной подкладкой и торговаться за нихъ не пристало. Дешевле не уйду!

— Ну, на красенькую и отваливай!

Но Зюкинъ былъ твердъ. Михайло Демьянычъ съ проклятіемъ вынулъ бумажникъ и досталъ еще пятнадцать рублей. Въ это время у него выпалъ и листокъ со стихами. Какая-то мысль вдругъ осѣнила его.

— Вотъ что, бери деньги,—больше гроша не прибавлю, а эти стишки сейчасъ мнѣ, не уходя, перебѣли и вотъ по адресу энтому и отправимъ ихъ... Ну, поворачивайся! живо...

Зюкинъ, видя, что большаго не выжмешь, сѣлъ переписывать вирши Ивана Матвѣевича.

— И охота вамъ, Михайло Демьянычъ!—сказали бы мнѣ, я бы

французскія слова, и съ вывертомъ подбирали платьѣ, чтобы щегольнуть новой обувью или воланомъ шелковой юбки, но, красивый инженеръ увы! и головы не оборачивалъ. Его ничуть не тѣшило возобновленіе знакомство съ горскими монденками, и онъ первый стоялъ за полную замкнутость домашняго очага, особенно въ виду своего отъѣзда.

Но какъ-то, однажды, послѣ обѣдни, къ Марусѣ сама подошла полная и красивая старуха въ богатомъ атласномъ салопѣ и твердомъ, точно серебромъ шитомъ траурномъ платкѣ. Онѣ всю службу простояли рядомъ, и старуха не разъ одобрительно оглядывала дѣвочку, какъ та чинно крестилась и опускалась на колѣни.

— Здравствуйте, Наталья Кирилловна,—обратилась она къ старой дуэньѣ, сопровождавшей Марусю, завертывая въ чистый носовой платокъ вынесенную ей отдѣльно на серебряномъ блюдицѣ изъ алтаря просфору,—вернулись, слава Богу, ваши-то! Вмѣстѣ живете? и ладно! Чѣмъ врозь-то—лучше въ тѣснотѣ, только бѣ не въ обидѣ... А это барышня ваша... Какъ на бабушку свою, на Софью Романовну похожа! Глаза только отъ папаши взяла, а сама—вылитая мамаша маменьки своей... А молится хорошо... Молись, милушка, молись! Бабушка твоя, генеральша-покойница, тоже богомольная была. Бывало въ Горскѣ за чѣмъ пріѣдетъ, непременно у Успенья здѣсь молебень отслужить... Да и дѣдушка твой, отецъ мамашинъ, тоже хорошій человѣкъ былъ... Всѣхъ ихъ знавала, всѣхъ помню... И этого твоего дѣдушку тоже люблю и уважаю. Лучше его дохтура и не бывало у насъ въ городѣ... Вотъ приходи ко мнѣ, милушка, въ гости, обо всѣхъ тебѣ поразкажу и конфетами угощу, что у насъ «вѣчными» называются. Ихъ у меня хорошо готовятъ. Вашъ же поваръ Еремѣй, что послѣ погрому польскаго отъ васъ ушелъ, у насъ потомъ жилъ, такъ отъ него научились... Теперь, поди, у васъ въ Колычевѣ и столбовѣ отъ сараевъ грунтовыхъ не осталось, а въ крѣпостное время на всю губернію Колычево фрухтами славилось... А дѣдушкѣ и маменькѣ отъ меня кланяйс-ка. Скажи: Прасковья Марковна Шемаева, молъ, поклонъ имъ низкій шлетъ...

Въ результатѣ этого разговора въ одинъ прекрасный октябрьскій день Маруся съ дѣдушкой отправились съ визитомъ ко вдовѣ бывшаго городского головы, въ каменный домъ на сводахъ, помнившій еще французовъ.

Въ комнатахъ Прасковьи Марковны было тепло и уютно. Длинными лентами бѣжали по крашеннымъ, вымытымъ квасомъ поламъ пестрые, домотканые половички. Тяжелая мебель, словно привинченная, стояла въ строгомъ, не сдвигаемомъ порядкѣ. Строгими же глазами глядѣли со стѣнъ портреты владыкъ въ клобукахъ и масляные лики купеческой складки, а дородныя женщины въ атласныхъ повойникахъ и турецкихъ шальяхъ складывали губы

сердечкомъ и держали въ рукахъ неизмѣнные платочки, словно вѣчно наготовѣ утереть слезы огорченія или умиленія.

На окнахъ росли герани и «сабли», а въ кадучкахъ рѣзные филодендры и два огромныхъ фикуса.

Старикъ Яшневъ, войдя, сразу обратилъ на нихъ вниманіе.

Старуха вздохнула и ласково провела рукою по ихъ толстымъ, словно кожанымъ листьямъ.

— Да, хороши! Какъ сыновья родились, я для каждаго по отводочку посадила. Такъ сама не знаю, точно кто мнѣ подсказалъ, будутъ расти и дѣтямъ хорошо растися будетъ... И знаете, какъ бывало что съ которыми изъ дѣтей,—болѣсть ли какая, неприятность,—смотрю, и деревцо того листья опускаетъ. Вотъ еще въ прошломъ году, какъ Степаншѣ изъ дому уйти,—это его дерево,— всю верхушку срѣзать пришлось, да и съ боковыхъ вѣтокъ что листовъ опало. Ну, думаю, совсѣмъ плохо! Я и въ церковь ежедневно ходила, и на колокольню, что еще у насъ все не достроена, каждый вечеръ по три кирпича ползкомъ вносила.

— Зачѣмъ?—удивилась Маруся.

— Затѣмъ, милушка, что это ископи обычай у насъ, горскихъ, по обѣту кирпича на строящуюся церковь по лѣсамъ, на колѣняхъ взбираючись, носить наверхъ...

— Подвигъ послушанія,—пояснилъ дѣдушка.

— Вотъ именно. И Богъ услышалъ молитву мою... вонъ дерево поправляется, значить, и сыну легче живется, а то вотъ скоро четырнадцать годовъ, кромѣ горя да заботы, ничего отъ него не видали. Ужъ больно глубоко у него зазноба на сердце пала.

Прасковья Марковна всхлинула и стала вынимать изъ зеркальной горки серебро для угощенія рѣдкихъ почетныхъ гостей.

— Оенюша, а Оенюша,—кликнула она,—принеси сладенькое да позови Глашеньку!

— Вы съ внучкой моей, Мирошиной дочкой, незнакомы, поди?.. Вотъ это одно мое утѣшеніе!—она погладила такую же бѣлокурую, какъ у Маруси, но гладко волосъ къ волосу расчесанную на двѣ косы головку вошедшей десятилѣтней дѣвочки:—было два внука, да оба годъ назадъ отъ скарлатины въ одну недѣлю померли... Да, батюшка! безъ васъ тутъ плохо эти годы было! Такого дохтура не скоро разыщешь.

Она наложила дѣвочкамъ полныя тарелки сластей, а Марусѣ отдѣльно сунула небольшой полированный ящичекъ съ засахаренными фруктами.

— Это конфеты по-колычевски, а ящичекъ еще у меня отъ Еремѣя сохранился, возьми на память, а ты, Глашенька, поведи барышню къ себѣ, картинки ей въ книжкахъ покажи нѣмецкія,—она у насъ по модному съ губернанкой растеть,—да органъ новый заведи.

— Не органъ, а аристонъ, бабушка.

— Все едино! вѣрно, что аристонъ—и ореть, и стонеть!.. Охъ, Господи! до чего къ будущему вѣку люди дойдутъ,—и не ожидаешь... Ъздять безъ лошадей на самокатахъ, машины пѣть выучили, другъ съ дружкой за семь версть въ трубку разговариваютъ, скоро, того гляди, по воздуху, какъ галки, залетаютъ... Ну, идите, дѣвочки! А намъ, старикамъ, найдется о чемъ между собою покалякать.

— Такъ-то, батюшка,—продолжала, оставшись наединѣ съ Игнатіемъ Львовичемъ, Прасковья Марковна,—не въ шутку говорю,—врядъ ли кто въ Горскѣ возвращенію вашему такъ, какъ я, радъ! Объ одномъ лишь жалѣю,—что раньше того не случилось, пока мой старикъ Богу душу не отдалъ, и его, можетъ, вы бы мнѣ на ноги поставили, да и въ дѣлѣ одномъ, вѣрно, помочь не отказали. А выгори это дѣло, и онъ бы, покойничекъ мой, глаза со спокойнымъ сердцемъ закрылъ, и сынъ нашъ Степашенька при насъ бы остался!

— Въ чемъ же дѣло?—удивленно уставился старый врачъ на хозяйку.

— Видите ли, батюшка!—она встала, заглянула сперва за одну дверь, потомъ за другую, и, убѣдившись, что никого по близости нѣтъ, сѣла на свой штофный грозелевый диванъ и, перегнувшись къ Яшневу, заговорила шепоткомъ.—Знаю, что сынъ мой неровня вашему покойничку, да вѣдь не ровняться и хочу! А все-таки, думается, можетъ быть, сноха ваша, сама настрадавшись, надъ чело-вѣкомъ, изъ-за нея настрадавшимся, сжалится понеча? Можетъ, не знали вы о томъ, что мой Степанъ въ молодости съ перваго раза, какъ ее у Адриановой повстрѣчалъ, безъ ума влюбился. Въ ученые, ея ради, готовился, думалъ, она на него вниманіе обратить,—а она за Василія Игнатьевича пошла... Крестъ ей тяжелый выпалъ, простите, дѣло вѣдь прошлое!—ну, а мой съ горя спился... теперь на богомольѣ въ Кронштадтѣ, а только, хоть и далъ онъ зарокъ водки не пробовать, не вѣрится, сердцемъ чую—не надолго то... Переродиться ему надо бы, совсѣмъ переродиться, и только одно на это средство есть,—въ жены ему ту заполучить, отъ которой все его горе зачалось. Вотъ и подумала я къ вамъ обратиться! Помогите, батюшка!—Она встала и поклонилась ему въ поясъ,—а я бы все, что имѣю, ему бы одному отдала, на все бы хватило,—и Колычево отстроили бы сызнова, не то что какъ при покойной генеральшѣ, а какъ ранѣе, при томъ, что подъ вязомъ въ саду схороненный лежитъ. Мужъ мой Степана хоть наслѣдства и лишилъ, да мнѣ многое отказалъ, а я и сама не изъ бѣдненькихъ... Ничего бы не пожалѣла, только бы сына спасти!

Она всхлипнула. Старикъ задумчиво смотрѣлъ впередъ.

— При чемъ же я тутъ? Не отъ меня зависить!

— Ахъ, батюшка, знаю, что не отъ васъ, но вы все-таки замолвите свое слово. Пусть не дворяне мы, но родъ у насъ не худой.

Мы вѣдь не просто купцы, а потомственные почетные граждане, и съ тѣхъ поръ, что Горекъ существуетъ, покоя въѣка Шемаевы городскими головами бывали. Теперь вотъ у Мироши и потомства мужского не останется,—авось Степаша позадачливѣе будетъ...

Яшневъ не могъ не улыбнуться этой материнской дальновидности, а старуха не замѣтила его улыбки и продолжала:

— Вѣдь не дай Богъ, батюшка, сосѣду вашему еще болѣе въ силу войти... онъ общій врагъ у насъ съ вами. По смерти старика моего ужъ какъ онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы ему въ головы пройти, да, спасибо, отстояли! А то ужъ онъ себѣ сторонниковъ отовсюду набиралъ. Старикъ-то Пастуховъ къ ему сперва перешелъ, а теперь опять оглобли повернулъ... рассказывалъ намеренія, какъ онъ зазнался да лѣтось племяннику ихнему бахвалился, что какъ ваша плотина къ ему въ лапы перешла, такъ онъ и все имѣніе себѣ загребетъ, потому, молъ, хоть и всю мелкоту помѣщичью начисто кругомъ скупилъ, а строиться нигдѣ, какъ на мѣстѣ дома сгорѣвшаго вашего не станетъ... А выйди Лизавета Ивановна за моего-то, развѣ Степанъ это допустить? Онъ все у него перебилъ бы и плотину бы назадъ отобралъ! Батюшка родной, не оставьте!

Услышавъ о плотинѣ, старикъ насторожился.

— Да развѣ плотина Евграфова? Она у него на арендѣ, пока Колычево само у Арефія въ арендѣ, а кончится срокъ, такъ какое же у Мишки право на нее останется?

— И, батюшка, какая аренда! Куплена была мельница, доподлинно знаю, что куплена... Арефій тоже сахаръ. Напрасно генеральша ему такую полную довѣренность написала. Смотрите за нимъ хорошенько, чтобы онъ еще почище дѣловъ не надѣлалъ.

Приходъ дѣвочекъ прекратилъ бесѣду. Игнатій Львовичъ заторопился.

— Пойдемъ, Мусенька, я тебя домой заведу, а самъ еще кое къ кому зайду!

Онъ порѣшилъ сразу сдѣлать визиты и судѣбъ, и нотаріусу, и исправнику, и палатскимъ чиновникамъ, зная, какъ важно во всякомъ дѣлѣ имѣть знакомство и своихъ людей, а также навести точнѣе справки о клинѣ подъ бывшей мельницей, который недаромъ внушалъ опасенія при размежеваніи съ крестьянами послѣ освобожденія.

Маруся, придя домой, узнала, что мать у портнихи, а Алексѣй Игнатьевичъ ушелъ по дѣлу, и стрѣлою взбѣжала по лѣстницѣ вверхъ въ мужскія комнаты. Комната ея дяди и ея владѣлецъ были предметами ея особаго вниманія.

Здѣсь въ боковое окно былъ виденъ весь переулокъ вплоть до церкви Успенья Божьей Матери. Но ни убогій видъ перекошенныхъ временемъ домовъ, ни пляшущія подъ ногами доски мостковъ, ни выканье изъ-подъ кривыхъ подворотенъ жучекъ и шавокъ не

наводили на душу ни тѣни унынія,—и за подслѣповатыми окнами съ геранями можно было не только жить, но и крѣпко любить,—Маруся знала это теперь по себѣ.

Прильнувъ къ стеклу такъ, что ея вздернутый носъ обратился въ бѣлую лепешку, она стала всматриваться въ наползавшія сумерки. Съ минуты на минуту по деревянному тротуару могли раздаться мужскіе шаги и появиться высокая фигура въ форменной фуражкѣ съ синимъ бархатнымъ околышемъ и скрещенными золочеными молоточками. Тогда она снова стрѣлою сбѣжитъ въ переднюю и сама впуститъ дядю Лешу.

Она была влюблена въ Алексѣя Игнатьевича, какъ могутъ влюбляться только чистыя и неиспорченныя дѣвочки, совершенно безкорыстно и безнадежно, доводя свое дѣтское чувство до настоящаго обожанія, идеализируя каждое слово и каждый жестъ кумира.

Ей доставляло неизъяснимое удовольствіе оказывать ему мелкія услуги, приносить сверху забытый платокъ или портсигаръ, наливать чай, намазывать хлѣбъ, подавать пальто и палку и т. п. Она знала каждый предметъ въ его комнатѣ и не слышала ногъ подъ собою отъ счастья, когда онъ звалъ ее помочь ему разбираться въ своихъ вещахъ, хотя главная ихъ часть и стояла заколоченная въ большіе деревянные ящики въ сараѣ, въ ожиданіи отправки въ Сибирь.

Сибирь Маруся ненавидѣла за одно имя,—тамъ умеръ ея сосланный туда отецъ, и туда же долженъ былъ вскорѣ ѣхать и дядя Леша. Дѣдъ ей часто и много рассказывалъ о тамошней жизни и каждый разъ, цѣлуя ее, говорилъ:

— А теперь шабашъ! Пусть Лешка одинъ тамъ золото моетъ да воетъ... Мы ни съ мѣста и будемъ его тутъ спокойно поджидать. Довольно мнѣ на старости лѣтъ съ варнаками якшаться, я по рассеянскимъ людямъ стосковался, да и старымъ костямъ у родной печки теплѣе.

Иногда Алексѣй Игнатьевичъ шутилъ и звалъ Марусю съ собою на пріиски:

— Поѣзжай со мной! Ты золото охаживать будешь... Оно, говорятъ, только чистой дѣвичьей душѣ податливо... Обойдешь мѣстечко, а я сейчасъ ударю ширпъ, верхній пласть долой и самородокъ въ два пуда найду... Это сразу двѣсти тысячъ... Вотъ заживемъ-то, а?.. Поѣдемъ?..

Маруся только качала головой и, тяжело вздыхая «о невозможности этой возможности», аккуратно складывала книги и галстуки своего щеголя-дяди. Алексѣй Игнатьевичъ былъ во всемъ изященъ, и въ его комнатѣ, несмотря на предстоящій отъѣздъ, было все въ порядкѣ и даже нарядно, не то, что у дѣдушки рядомъ, гдѣ на окнахъ вѣчно разсыпанъ табакъ и гильзы, а въ стеклянномъ шкафу лежала всякая всячина отъ ретортъ и минеральныхъ коллекцій

до старыхъ самоѣдскихъ пимъ включительно. Но зато тамъ были спрятаны и выцвѣтшія фотографіи, когда-то украшавшія стѣны зальца. И, глядя на ту, гдѣ ея отецъ сидѣлъ, тѣсно обнявшись съ братомъ близнецомъ, и казалось, что это одно лишь отраженное зеркаломъ лицо, Маруся ощущала такой приливъ любви къ сердцу, что ей неудержимо хотѣлось броситься, на шею дядѣ и всего зацѣловать его, твердя: папа... папа... папочка! Теперь она знаетъ, какъ это можетъ исполниться: дядя долженъ жениться на ея матери. Съ женою онъ не живетъ—это ясно. За эти полтора мѣсяца отъ нея не было ни одного письма, пусть онъ разведется, и тогда...

Это тогда рисовалось Марусѣ радужнымъ водвореніемъ въ обновленномъ Колычевѣ, съ такими же статуями и львами, какъ на виллѣ Нерадова. Михалка уничтоженъ. Прудъ опять какъ зеркало, и по нему скользятъ лебеди, а они сами съ дѣдушкой и гостящими у нихъ тетей Олей, Микой и Катей катаются на чудныхъ лошадяхъ въ шикарныхъ коляскахъ, и всѣ имъ кланяются и говорятъ про нихъ: «Это владѣльцы Колычева! Это очень богатые и хорошіе люди... Они дѣлаютъ много добра...» Какого?.. Она хорошенько еще не знаетъ, но избы всѣ на селѣ новыя, босыхъ дѣтей нѣтъ, мужики вѣжливые и не ругаются, а Митины и Аксиньины ребята ходятъ съ аспидными досками въ школу...

О согласіи матери на такое счастье сомнѣній у Маруси и не возникаетъ. Она давно подмѣтила, что какъ только дядя Леша входитъ, у матери сейчасъ же мѣняется выраженіе лица. Глаза глядятъ такъ ласково, губы улыбаются, и голосъ у нея становится такимъ привѣтливымъ и мягкимъ. Въ его присутствіи даже замѣчанія ей дѣлаются не такъ сурово, и Маруся, прежде слушавшаяся мать безпрекословно, теперь позволяетъ себѣ спрашивать: почему и отчего? и обыкновенно при дядѣ Лешѣ получаетъ и подробное объясненіе, чѣмъ вызвано замѣчаніе или приказаніе... Вообще прежняго страха передъ матерью она уже не испытываетъ... И дѣдушка, и дядя заступаются и отстаиваютъ ее даже тогда, когда Марусина совѣсть сама укоряетъ ее... А что дядя Леша мамѣ нравится, видно и изъ того, что она стала лучше одѣваться... Ну, а дядя Леша?.. Онъ, когда бываетъ дома, вмѣстѣ съ ея мамой читаетъ какіе-то романы, иногда они играютъ въ четыре руки, или онъ сидитъ въ углу гостиной и слушаетъ ея пѣніе. «Ахъ, я такъ хорошо все придумала!.. Неужели это не исполнится?..»

Дѣвочка такъ размечталась, что даже вздрогнула, услыхавъ звонокъ въ передней. Неужели она просмотрѣла дядю Лешу.

Она вышла на площадку и перегнулась черезъ деревянныя перила.

— Дома всѣ?..—спросилъ голосъ матери.

— Барышня дома, а господь нѣтъ...

Подождавъ, пока мать пройдетъ къ себѣ въ комнату, Маруся сошла въ столовую и достала книги, чтобы готовить уроки, заданные дѣдомъ, который взялъ на себя подготовку ея къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ, предоставивъ Лизѣ только языки.

Маруся только что собиралась зажечь въ столовой лампу, какъ раздался второй звонокъ и появился Алексѣй Игнатьевичъ.

— Лиза! вы дома?—заговорилъ онъ, войдя въ залуцу.—Подумайте, мнѣ удалось раздобыть-таки всю партитуру «Онѣгина»! Садитесь скорѣе! Посмотрите, что это за восторгъ!

Рядомъ открыли крышку рояля. Зажженные свѣчи бросили черезъ дверную щель золотыя полосы свѣта. Маруся не зажгла лампы, а вся обратилась въ слухъ.

XXX.

То не громъ промчался съ вихремъ надъ лѣсами
Въ тишинѣ осенней голубого дня,—
То испугъ холодный овладѣлъ сердцами,
И народъ рыдаетъ, головы склоня.
Утромъ встало солнце, радостно пылая,
Но взмахнула птица черная крыломъ
И вѣщаетъ міру, страшная и злая:
«Вскорѣ будетъ низко спущенъ стягъ съ
орломъ...».

(«Листы пожелтѣлые» М. К.)

Лиза читала ноты бѣгло. Алексѣй подпѣвалъ. Они перебрали лучшія мѣста оперы.

— Да,—говорилъ Яшневъ:—какъ хотите, а вы всѣ меня до Москвы проводите, и мы тамъ непремѣнно прослушаемъ «Онѣгина». Въ Петербургѣ я слышалъ въ немъ Яковлева и Фигнеровъ и не могу забыть, какое это было наслажденіе. Арія Ленскаго—что за восторгъ... Я пробовалъ самъ, да, конечно, у меня ничего не выходитъ... А вотъ куплеты Трикэ—это по моимъ средствамъ.

Онъ сѣлъ за рояль и спѣлъ ихъ дѣйствительно недурно.

— Еще, дядя Леша! еще!—закричала, не выдержавъ, Маруся, выходя изъ своей засады.

— А! ты здѣсь? я думалъ, ты еще съ фатенькой кутишь! Чего ты тамъ притаилась.

— Спойте еще что-нибудь, дядя Леша! Бога ради, ну еще! Миленькій, голубчикъ, пожалуйста!—молила Маруся,

— Да я, ей-ей, ничего не знаю. Впрочемъ,—онъ хитро улыбнулся,—изволь!

И онъ запѣлъ:

Мама кленчиць каже Зузи...

— Что это?—вздрыгнула Лиза.

Что-то давнее, какъ сонъ забытый, но видѣнный когда-то, промелькнуло молніей и озарило уголокъ прошлаго... Залитая не русскимъ солнцемъ терраса... запахъ фіалокъ... куклы... чье-то бритое лицо и рядомъ улыбающаяся, нарядная, бѣлокурая женщина... Она случайно взглянула на стоявшую въ дверяхъ Марусю,— удивительно, какъ ея дочь похожа на ту женщину.

— Господи! что это?.. Мнѣ кажется, точно я сама это пѣла... въ дѣтствѣ, давно, давно...

— Немудрено! вѣдь это ваша, Зузина пѣсенка... Васъ въ дѣтствѣ звали Зузей. Я тоже пѣлъ ее вамъ въ Колычевѣ, когда мы съ братомъ гостили у вашихъ родителей.

— И папа гостилъ?—спросила, близко подойдя, Маруся.

— Да, и онъ...

— И онъ это пѣлъ?

— Нѣтъ, онъ любилъ другую.

— Какую?

Алексѣй Игнатьевичъ искоса взглянулъ на Лизу. Она сидѣла въ креслѣ, глубоко задумавшись. Она силилась вызвать прошлое, собрать воедино разбуженные образы и обрывки промелькнувшихъ впечатлѣній. Но они ускользали и не хотѣли вырисовываться изъ окутавшаго ихъ тумана, и только звуки и странные слова вертѣлись въ памяти и на языкѣ и мучительно просились сложиться въ пѣсню...

— Ахъ, что же это такое?.. Я что-то вспоминаю... Погодите... какая-то мелодія, тоже дѣтская... Ахъ, Богъ мой... Я не могу... слова вертятся, но я ихъ не могу выговорить!

Алексѣй Игнатьевичъ запѣлъ:

Пататай, пататай!

— Поїедемъ въ пудный край!—словно во снѣ проговорила Лиза...

— Тамъ, гдѣ Висла мондра плыніе,—подсказалъ Алексѣй,—Збоже...

— Не помню, не помню!..

— Збоже шуми на рувиніе—допѣлъ онъ.

— Поїедзіемы, пататай!

— А якъ зовисе тень край?..—докончила Лиза.—Господи! какъ странно—вдругъ черезъ столько лѣтъ...

Она закрыла глаза рукою. Маруся на цыпочкахъ скользнула опять въ столовую... Ей показалось, что ея присутствіе только помѣшаетъ...

И дѣйствительно, слово за слово и мать, и братъ ея покойнаго отца вдругъ разговорились. Елизавета Ивановна стала перебирать воспоминанія далекаго дѣтства... она говорила о Жюли, которую помнила особенно ярко, о монастырѣ и сестрѣ Кларѣ, о приѣздѣ

тети Саши, о возвращеніи въ Колычево и объ институтѣ... Дѣвочка затаила дыханіе... все это она слышала въ первый разъ, и какъ это было интересно!

А они оба совершенно забыли о ней. Ихъ бесѣда становилась все интимнѣе, все мечтательнѣе. Все живѣе лились воспоминанія. Яшневъ рассказывалъ о годахъ ученія въ Петербургѣ, о поѣздкѣ на Уралъ, о встрѣчѣ съ Зоей Владимировной.

— Вѣдь вы знаете, я тогда о ней и думать не смѣлъ. Она была женою моего высшаго начальства, и развѣ могло мнѣ прийти въ голову, что она бросить чиновнаго богача-мужа для такой мелкой сошки? Главное, она дѣтей бросила... Конечно, я былъ для нея только мимолетной фантазіей. Послѣ случая съ братомъ я не считалъ возможнымъ оставаться на казенной службѣ, а тутъ подвернулось выгодное, казалось, дѣло съ платиной, и я перешелъ туда... и она поскакала за мною... Для нея никогда ничего завѣтнаго не было. Хочу—и все тутъ!.. А я былъ молодъ, и у меня голова кружилась отъ удовлетворенной мужской гордости... Я былъ увѣренъ, что наживу милліоны и сторицей заплачу ей за все, чего она лишила себя ради любви ко мнѣ... И мы зажили вмѣстѣ...

— Мужъ далъ ей разводъ.

— Вовсе нѣтъ! Мы просто надѣли обручальныя кольца, чтобы насъ принимали за женатыхъ людей. Даже фатенька сперва не подозрѣвалъ, что мы вѣнчались вокругъ ракитоваго куста... Да, впрочемъ, въ Сибири къ этому вопросу относятся не придирчиво. Тамъ размахъ иной, куда шире здѣшняго. Культуры меньше, но пространства безконечныя, и состоянія наживаются и проживаются съ величайшей беззаботностью. Вся жизнь на азартѣ построена и затягиваетъ безъ удержу. Сегодня нищій, почти разутый и раздѣтый старатель впроголодь полугнилой картошкой перебивается, а завтра, смотришь, напалъ въ своей дудкѣ на розсыпь или жилу и весь въ перстняхъ и шелковыхъ рубахахъ да бархатныхъ поддевахъ, съ пѣснями на разубранной собственной и давно облюбованной лошаdkѣ отъ кабака къ кабаку пьяныхъ товарищей катаетъ, пока, очумѣвъ, свои «счастки» до послѣдней золотинки не пропьетъ и снова во вретисщѣ въ другомъ мѣстѣ рыться не станетъ... И такъ съ каждымъ.

— Неужели такъ легко обогащаются на пріискахъ?—спросила Елизавета Ивановна.

— Какъ задастся... Иной всю жизнь бѣтаться, все свое мѣсто шурфами, т. е. пробными колодцами, изрѣшетить и ничего не находить, словно на золото ему зарокъ положенъ, а другой рядомъ только колупнетъ, и богачомъ становится. Конечно, тутъ дѣло не въ одномъ счастьѣ, а и въ правильной постановкѣ дѣла, которое, увы, у насъ ведется пока самымъ первобытнымъ и хищническимъ способомъ, потому что даже наше правительство не подозрѣваетъ,

какая уйма у насъ еще неразвѣданныхъ золотоносныхъ земель имѣется... Ну, вотъ у насъ и устроилась компанія для промывки платины, дѣло еще, пожалуй, выгоднѣе золотого. Я вступилъ въ него не только на службу, но и пайщикомъ, къ сожалѣнію, потому что Зоя Владимировна рѣшила попытать счастья и навязала мнѣ свои деньги. Развѣдки были ведены весьма обстоятельно, и мы откупили и нѣсколько сосѣднихъ заявочныхъ участковъ, потому что породы вездѣ были многообѣщающія. Привлекли и еще денежныхъ людей и сперва только ликовали. Добыча была на отличку... Но тутъ дернуло меня замѣнить обыкновенный способъ промывки драгами.

— А что такое драги?—спросила снова невѣстка.

— Драги спеціальныя для промывки платины машины, съ особой системой черпалокъ и рѣшетъ. Обзаведеніе ими стоило очень дорого, но, видно, изсякла розсыпь и, кромѣ пустого желѣзняка, ничего не отмывалось. А Зоя Владимировна уже вошла въ азартъ и послѣднія деньги въ ходъ пустила въ ожиданіи милліоновъ... Ну, однимъ словомъ, не повезло, да, вѣроятно, и платины-то и было всего, что раньше мы добыли. Компанія наша, какъ водится, заметалась, перенесли машины на новыя мѣста, гдѣ онѣ и по сейчасъ бездѣйствуютъ, являясь достойными памятниками нашихъ промытыхъ ими до дыръ кармановъ. Этотъ крахъ сталъ само собою и крахомъ нашего семейнаго благополучія и увлеченія. Зоя Владимировна скрежетала зубами, узнавъ, что дѣло пропало, и, помимо меня, закинула удочку къ мужу, каюсь въ измѣнѣ супружескимъ и материнскимъ обязанностямъ, но генераль прѣбылъ глухъ къ ся покаяннымъ эпистоліямъ и обратно къ себѣ не пригласилъ. Тогда она облюбовала одного изъ толстосумовъ-скупщиковъ, конечно, негласно откупавшихъ и отъ нашихъ рабочихъ утаенныя крупинки нашей же платины, и укатила съ нимъ...

— Такъ что вы теперь свободны?

— Нѣтъ! я свободнымъ себя не считаю... Видите ли, по ся мнѣнію, я одинъ виноватъ, что она въ предпріятіи съ драгами потеряла свои приданыя тридцать пять тысячъ, хотя я и умолялъ ее подождать рисковать всѣмъ капиталомъ. Но такъ какъ, ради меня, она бросила мужа и прежнюю роскошную жизнь, я считаю себя обязаннымъ выплачивать ей то, что она имѣла со своихъ денегъ раньше, а помѣщены онѣ были у нея весьма выгодно, потому что она счетъ деньгамъ знала и любила.

— Я понимаю васъ, хотя, быть можетъ, это и непрактично, но я бы тоже такъ поступила... А гдѣ она теперь?

— Лѣтомъ она была въ Аркашонѣ.

— Одна или съ тѣмъ толстосумомъ?

— Такія женщины, какъ Зоя Владимировна, однѣ не бываютъ, Тотъ или другой дуракъ непременно состоитъ при нихъ... Кто? А не все ли мнѣ равно! Теперь я только удивляюсь, какъ это раньше

не разглядѣлъ ся. Я всегда вспоминаю одну ея фразу: «у меня ни чего завѣтнаго нѣтъ, но на порогѣ дѣтской я становлюсь порядочной женщиной!..» Знаете, вѣдь этой-то фразой она меня и покорила. Вы себѣ представить не можете, какъ, живя пріисковой жизнью, со всей ея неприглядной обстановкой, съ убогими лачугами старателей и казармами рабочихъ, на половину почти изъ отбывшихъ наказаніе каторжанъ и ссыльныхъ, среди вѣчной мокроты и грохота промывокъ, меня привлекалъ домашній уютъ и тепло семьи. И я думалъ, что Зоя Владимировна, любившая дѣтей отъ нелюбимаго и не понявшаго ея мужа, дастъ мнѣ его. «Генералъ ея не стоитъ, оттого она,—говорилъ я себѣ,—поневолѣ и бросила его, а я сумѣю удержать ее». Вышло иначе, совсѣмъ иначе.

— Да,—тихо проговорила Лиза,—когда ярко рисуешь себѣ будущее, оно складывается непременно наоборотъ,—и она вспомнила и свои мечты о счастьѣ въ молодости, и свое недавнее увлеченье Вольфомъ... «Господи! неужели я могла думать объ этомъ нѣмцѣ?»...

А Алексѣй продолжалъ:

— Вы правы! и я всегда рисовалъ себѣ жену непременно чисторусской женщиной съ густою косою и сѣрыми или голубыми глазами. Мнѣ такъ и мерещились лампадки по субботамъ и вкусная кулебяка послѣ обѣдни въ воскресенье и жизнь простая, но дѣятельная,—у меня дѣла, у жены хозяйство и общія со мною заботы о дѣтяхъ, а вмѣсто этого—женщина-космополитка, женщина безъ религіи, нахватавшаяся внѣшняго блеска, мечтающая о небывалой для меня тогда роскоши, до собственнаго вагонъ-салона и лейбъ-піаниста включительно, женщина, при этомъ способная на самый мелкій денежный расчетъ, помѣшанная на кутежахъ съ шампанскимъ и всѣми послѣдствіями, вмѣсто собственной косы—фальшивый шиньонъ и косметика лица и рукъ, туалеты, доводящія другихъ до умопомраченія, а мужа до разоренія... Ея семейный очагъ—chaise longue, съ коробкой конфетъ и пошлѣйшимъ переводнымъ романомъ рядомъ на столикѣ, и флиртъ,—съ кѣмъ? Да со всякимъ, только бы ему называться мужчиной. И я, мечтаю о семьѣ, о собственномъ очагѣ, разоряю чужой, я, отнимая мать у дѣтей, слышу отъ нея,—что отъ меня ихъ она имѣтъ не желаетъ и не будетъ... Развѣ это не издѣвка жизни?

— Она была очень хороша собою?

— Совсе нѣтъ! Если хотите, у нея было прямо вульгарное лицо, но сложена она была, какъ античная статуя, и знала, конечно, это. Для мужчинъ такія женщины неотразимы. Онѣ дѣйствуютъ на наше мужское чувство, выражаясь грубо—на инстинктъ самца, но женскаго, или, вѣрнѣе, женственнаго въ благородномъ смыслѣ, въ нихъ почти ничего. И дѣтей имъ вовсе не надо... А я ихъ жа-

ждалъ... Я именно думалъ наивно, что ребенокъ свяжетъ пѣсъ на вѣки...

Маруся за дверью совершенно слилась со своимъ стуломъ. Она понимала, что о ней забыли, и боялась шелохнуться, чтобы не напомнить о себѣ. Ея мозгъ жадно впитывалъ все слышанное. Боже мой! она никогда ничего интереснѣе не слыхала. И какъ это странно: дѣти... развѣ они могутъ быть не только у мужа съ женою?.. Вѣдь дядя Леша прямо сказалъ, что они не вѣнчались съ этой гадкой Зоей Владимировной, но что онъ хотѣлъ имѣть дѣтей, а она не хотѣла. Какъ же это?.. А вѣдь если онъ не вѣнчался, значитъ, онъ холостой и можетъ жениться... Какъ...

Маруся не докончила мысли, потому что изъ передней раздался звонокъ, и такой рѣзкій, что и въ зальцѣ оборвался разговоръ. Всѣ выскочили въ переднюю.

— А я съ цѣлымъ коробомъ новостей, да еще какихъ!—выпалилъ Игнатій Львовичъ, спѣшно скидывая на руки Симы пальто.— Опомнитесь не могу!.. Подумайте,—государь боленъ... Оказывается, уже въ августѣ обнаружили послѣдствія инфлуэнцы, а 17-го сентября было извѣщеніе официальное, что его врачи отправили въ Крымъ... Да, видно, поздно... На, читай!—сунуль онъ скомканную газету словно съ неба упавшему сыну:—сидимъ въ своей норѣ, заняты только собою, а о свѣтѣ бѣломъ и забыли... Хоть бы ты на газету какую догадался подписаться, — упрекнуль онъ еще разъ.—А то неловко по чужимъ людямъ за такими бюллетенями бѣгать.

«Въ состояніи здоровья Государя Императора замѣчается ухудшеніе. Общая слабость и слабость сердца увеличились»,— прочелъ вслухъ Алексѣй.

— Съ нами крестная сила!.. Что такое?!

Странное чувство охватило всѣхъ,—точно разсѣлись стѣны розоваго домика и въ образовавшіяся трещины, въ уютную и такъ тепло наладившуюся жизнь ворвалась другая, громадная и сложная, и смела интересы, которые всего пять-десять минутъ назадъ казались важными и поглощающими мысли и желанія... Сердце и вски стучали отъ жуткой тревоги.

Перешли въ зальце... Каждый сѣлъ на первый подвернувшійся стулъ, и всѣ молчали, словно не смѣя шелохнуться и стряхнуть гнетъ неожиданной вѣсти. Только старикъ ходилъ взадъ и впередъ по коври, посасывая черный закуренный мундштукъ.

— Охъ-охъ-охъ!—произнесъ онъ, и всѣ разомъ вздрогнули:—такого царя не уберегли! Нефритъ... Да какъ они его до нефрита допустили? Какъ не сообразили, что не теперь ему Крымъ нуженъ былъ, а еще весною, сразу послѣ инфлуэнцы январской!.. А они, мало того, позволили ему все лѣто въ холоду да сырости у чухонскаго моря сидѣть... Вѣдь не только надо было прописывать діету,

они категорично ему всякій трудъ по крайней мѣрѣ на полгода запретить должны были!.. А теперь нефритъ... Шутка сказать! У такого богатыря...

— Развѣ это такъ опасно?—спросила Лиза, невольно смягчая голосъ, точно высокой больной лежалъ тутъ же рядомъ за дверью.

— Коли бы не опасно, бюллетеней бы не выпускали,—отвѣтили также вполголоса Алексѣй.

— Да какъ прежде всего на почки не обратить вниманія? Знали вѣдь, что царь своей спиной крышу вагона тогда въ Боркахъ поддерживалъ, пока другихъ освобождали?..

Маруся съ удивленіемъ глядѣла на волненіе дѣда. У нея на языкѣ вертѣлся одинъ вопросъ, но она боялась высказать его.

— Кто же виноватъ по твоему?—спросилъ Алексѣй.

— Министры, а врачи первые... Когда же поймутъ, наконецъ, наши медики ученые, всѣ эти Лейдены да Захарыны, что не лечить важно, а упреждать болѣзнь особенно у тѣхъ, кто такъ нуженъ другимъ? Вѣдь царю-то всего сорокъ девять лѣтъ, ему бы по его-то богатырскому сложенію по крайней мѣрѣ еще сорокъ лѣтъ жить бы... А тутъ на-те... Карно во Франціи анархисты укукошили, а къ намъ имъ ходъ заказанъ, такъ у насъ инфлуэнца, видите ли, на помощь явилась... Оказывается, изъ Берлина въ августѣ Лейденъ пріѣзжалъ и выслалъ изъ Петергофа въ Спалу, тоже въ болото...

Онъ снялъ и протеръ очки.

— Умникъ!

Лиза съ не меньшимъ удивленіемъ, чѣмъ Маруся, глядѣла на свекра. У нея проснулось давно неиспытанное чувство... За эти тринадцать лѣтъ, гдѣ она отгоняла всякую мысль о Россіи, она почти не думала и о государѣ. Но сейчасъ ей ясно нарисовался онъ наслѣдникомъ... Она институткою не разъ видала его... Вспомнилась раздача медалей, и сердце сжалось при мысли о горѣ той, изъ чьихъ рукъ она получила свою... Боже мой, что должны дѣйствительно испытывать тамъ въ Крыму всѣ близкіе?.. Ихъ тревога была ей такъ понятна... Но откуда же эта злоба на врачей у ея свекра?.. Вѣдь въ опасности тотъ, чей справедливый, но суровый приговоръ лишилъ его сына... Она взглянула на Алексѣя... Онъ сидѣлъ потупившись, вертя двумя пальцами изящный портсигаръ, но ни злорадства, ни ненависти въ его лицѣ не читалось.

— Пожалуйте чай кушать!—позвала Кирилловна.

Перешли въ столовую и молча усѣлись.

Странное совпаденіе обстоятельствъ пришло Лизѣ на умъ: тогда, въ 1881 году, 1-го марта, старикъ Яшневъ первый привезъ въ Колычево извѣстіе объ убійствѣ Александра II, и теперь снова онъ же принесъ и эту новую вѣсть о болѣзни другого государя, и

тоже не только опечаленъ, но даже возмущенъ... Тринадцать лѣтъ царствовалъ Александръ III. Какъ?.. она не знала. Она стояла такъ далеко, что та ворвавшаяся вдругъ въ ихъ домъ жизнь не задѣвала ея до сихъ поръ ни однимъ изъ своихъ многочисленныхъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Она считала себя и всѣхъ близкихъ совершенно ненужными винтиками въ этомъ сложномъ механизмѣ, и вдругъ повернулось маховое колесо, и скрипнулъ рычагъ и задѣлъ каждого... Она тихо спросила свекра, упорно колотившаго себѣ сахаръ:

— Значить, и Александръ III тоже пользуется общей любовью, какъ его отецъ?

— Совсе нѣтъ!—вдругъ вмѣшалась Маруся.—Напротивъ, я сколько разъ слышала, что при немъ въ Россіи дышать свободно нельзя...

Игнатій Львовичъ даже мундштукъ выронилъ.

— Это еще что такое? Кто это тебѣ говорить могъ? Тебѣ, русской, про русскаго царя? Ну, и негодяи же! ребенка противъ царя вооружать!

Лиза тоже строго обратилась къ дочери:

— Когда это ты слышала и отъ кого? И что могли тебѣ дурного сказать про государя?

Маруся, попавъ впросакъ, побагровѣла.

— Да вѣдь, мамочка... вѣдь папа сосланъ былъ... папа такъ и умеръ не прощенный.

Всѣ обомлѣли. Кирилловна развела руками...

— Что это, Господи! Откуда она это слышать могла?

Маруся окончательно смутилась.

— Отвѣчай сейчасъ, кто это сказалъ тебѣ?—напустилась старуха.

— Я... я не помню!—попробовала отречься дѣвочка.

Лиза еще строже взглянула на дочь, но Игнатій Львовичъ положилъ мохнатую руку на ея рукавъ.

— Полно, дочка, не допытывайся! И не все ли равно, кто сказалъ? Вѣроятно, кто сказалъ, тотъ и слово взялъ,—не называть его. Такъ вѣдь, Марусенька? И это, знаешь, Лиза, даже хорошо, что она слово свое помнитъ и другихъ не выдаетъ. Хорошо, боярышня Нарышкина, вѣрьте...

Маруся не выдержала, припавъ къ плечу дѣда, она плакала навзрыдъ. Какъ ни любила она его и дядю Лешу, но назвать Ольгу она ни за что, ни за что не могла.

— Видишь ли, Муська,—продолжалъ старикъ, глядя ея растрепавшіеся волосы,—ты царя обвинила, что онъ не простилъ твоего отца. Ты не знала своего папы, а я его вырастилъ, и мнѣ знать, что этотъ сынъ мой тамъ въ Сибири погибаетъ, охъ-охъ, какъ тяжело, какъ невыразимо горько было!.. Но тотъ, кто говорилъ тебѣ, что

отецъ твой сосланъ былъ, вѣроятно, сказалъ и за что? Дружочекъ мой, видишь ли, Михалка у насъ землю неправильно оттягалъ, и мы на него въ судъ подадимъ, и его осудятъ; а жизнь человѣческая, а тѣмъ паче государева, куда дороже всякой земли! и тому, кто посягнулъ на нее, и наказаніе положено великое. Знай, какъ я сына своего ни любилъ, но...—онъ отеръ глаза,—оправдывать его я, какъ русскій человѣкъ, права не имѣю, да и не хочу... Была бы милость царская помиловать его, отпустить и простить ему вину его,—я, вѣрно, умеръ бы съ радости... А роптать—не на что было... Спасибо и за то, что къ казни позорной не приговорили...

Алексѣй, все время смотрѣвшій въ свой допитый стаканъ, тихо проговорилъ:

— Вѣрно!—и, вставъ изъ-за стола, вышелъ.

Старикъ еще нѣжнѣе обнялъ внучку и шепнулъ ей:

— Ты вѣдь молишься за папу? Да!

Маруся кивнула головою.

— Ну, такъ прибавляй, моляся: прости ему, Господи, все грѣшенія его великія, вольныя и невольныя. А о здоровьѣ государя молись тоже, это такой государь, какого Россія давно ждала, и велики, значить, грѣхи наши русскіе, коли Господь его не исцѣлитъ и отъ насъ отниметъ. Будешь старше—поймешь. Любили Россію цари, но такъ, какъ любить ее этотъ царь-миротворецъ, никто еще не любилъ. Молодежи нынѣшней это непонятно, а намъ, старикамъ, виднѣе. Вонъ ты сказала, что государь насъ, русскихъ, притѣснялъ? Кого это? Да вѣдь при немъ русскіе и дышать-то вольно начали. Вѣдь два вѣка иноземцы у насъ царили и мы свое русское сами презирали, все на иностранцевъ оглядывались,—не осудите, молю! А царь Александръ III такъ дѣло повернулъ, что за границей о дружбѣ русской ссориться готовы. И русское художество, и наука, и литература, и даже вѣра наша уваженъе заслужили. Такъ-то! Ну, а теперь пойдѣ и поцѣлуй мать покрѣпче, ты ее огорчила давеча.

Елизавета Ивановна долго не засыпала. Наверху слышались глухіе голоса и шаги мужчинъ, но ей казалось, что это пробудилось прошлое и каждымъ шорохомъ и стукомъ напоминаетъ о себѣ старому дому, и бывое, здѣсь задуманное злодѣяніе опять вѣетъ и шуршитъ зловѣщими крылами...

Тѣмъ временемъ за винтомъ у судьѣ между двумя сдачами также обсуждали тревожную новость. Отецъ протопопъ, вернувшись отъ головы, передавалъ, что государь боленъ съ іюля мѣсяца и что Мирону Захарьевичу еще въ Москвѣ рассказывали тишкомъ, будто на свадьбѣ дочери своей онъ попытался согнуть лежавшій у него всегда въ карманѣ серебряный рубль и не смогъ.

— Молебень завтра рѣшили соборнѣ служить. Да смилуется надъ нами Владычица. Оборони Богъ отъ такой бѣды!

XXXI.

Почернѣло вдругъ море все вокругъ,
 Голубыя волны посѣдѣли.
 На вершинахъ горъ похоронный хоръ
 Затянули бури и метели:
 «Горе, горе вамъ, преданнымъ сынамъ!
 Закатилось солнышко за тучей:
 Царь нашъ крѣпкимъ сномъ спитъ,
 сложивъ крестомъ
 Руки на груди могучей...»

Чу! унылый звонъ... Это церкви стоишь,
 Церкви русской, потерявши Сына.
 Чу! орудій ревъ... Это мѣдный звонъ,
 Чтобъ забилося сердце исполна.
 Пробудить царя горы и моря
 Огрозались съ края и до края.
 Нѣтъ, не слышитъ онъ!.. Крѣпокъ, видно,
 сонъ.
 Плачь же, плачь, о, Русь родная!

(20-го октября 1894 г. М. К.)

Всю ночь ненастье не прекращалось. Изъ дома въ домъ передавалась тревога. Подъ сѣтью мелкаго упорнаго дождя ползла она по размытымъ дорогамъ и колесямъ проселковъ, мимо промокшихъ жнивьевъ и облетѣлыхъ лѣсовъ и на утро постучалась въ окно каждой убогой и неубогой избы.

Крестьяне подняли головы и насторожились.

— Какъ такъ? Ихъ крестьянскому царю, царскимъ сердцемъ чутко отзывавшемуся на крестьянскія нужды и бѣды, положившему въ голодный годъ запретъ скупщикамъ вывозить за границу ихъ русскій крестьянскій хлѣбъ, грозитъ бѣда неминуемая? Не можетъ быть того! Господи помилуй! Заступись, Богородица Пречистая! Не казни насъ, многогрѣшныхъ, Спасе многомилостивый!

Запѣли молебны въ убогихъ церквахъ облаченные въ полинялыя ризы деревенскіе попы, засверкали у блеклыхъ образовъ древяго и столь почитаемаго батюшкой-царемъ русскаго письма тоненькія желтоватыя свѣчечки, и повсюду всѣхъ гуще были пучки ихъ передъ иконами св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Откликомъ сельскимъ колоколамъ гремѣли стройные хоры пѣвчихъ во всѣхъ городскихъ и столичныхъ храмахъ, крестились передъ полковыми алтарями солдатскія и матросскія руки и вторили дѣтскіе голоса въ школахъ, сливаясь въ одну общую и горячую молитву за русскаго царя съ незлобивой русской душою. Всѣ не лукавыя сердцемъ поминали доброту и величіе могучаго, доступнаго и прямудушнаго хозяина родной земли и болѣли скорбью за его царскую семью. Все, что было ему самаго дорогаго и завѣтнаго, съ затаенной тревогою стекалось туда, въ завитый краснѣющимъ дикимъ виноградомъ Ливадійскій дворецъ, но самъ онъ не падалъ духомъ. Попржежнему въ его кабинетъ входили люди съ бумагами и до кануна роковаго дня исхудалая въ болѣзни царская рука твердымъ почеркомъ выводила наверху на поляхъ: «Въ Ливадіи», а внизу: «Читаль».

— Царь-миротворецъ. Царь-миротворецъ!—шептали люди за рубежомъ, вспоминая тринадцать лѣтъ его царствованія безъ войнъ

«истор. вѣстн.», май 1914 г., т. сxxxvi.

3

и волнений. Что же это? И тоже жадно читали выходившіе дважды въ день бюллетени, лоя и комментируя каждое сухое выраженіе врачей.

А дни шли и шли, принося эти бюллетени.

Иногда, на взглядъ непосвященныхъ, въ словахъ, мелькавшихъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ: «почиваль лучше», «аппетитъ лучше», «отеки не увеличиваются», являлись проблески надежды, вѣрилось, что не такъ ужъ плохо и о близкомъ концѣ еще и рѣчи нѣтъ, и лица становились веселѣе. Слишкомъ памятенъ былъ могучій обликъ царя-богатыря, авось оправится. Особенно облегченно вздохнулъ простой людъ, узнавъ, что съ 8 октября о. Іоаннъ Кронштадтскій въ Крыму.

Услышавъ эту новость на базарѣ, Кирилловна забѣжала поставить свѣчку въ Успенскую церковь, а дома съ триумфомъ объявила Игнатію Львовичу:

— И нечего было васъ, докторовъ, и звать! Никто изъ васъ никогда ничегошеньки не понималъ, а вотъ теперъ какъ батюшка Кронштадтскій пріѣхалъ, такъ увидите, какъ сейчасъ же полечаетъ государю!

И, дѣйствительно, въ телеграммахъ отъ 16-го и 17-го октября звучалъ обманчиво обнадеживающій тонъ. Газеты приходили въ Горскъ только на другой день. 20-го по всей Россіи еще служились задравные молебны, и только въ Петербургѣ къ шести часамъ вечера узнали роковую вѣсть. 21-го жизнь обывательская шла обычнымъ провинціальнымъ ходомъ. Люди ходили и ѣздили по улицамъ. Въ лавкахъ торговали, въ церквахъ служили обѣдни. Дѣти учились въ школахъ, и чиновники сидѣли за своими дѣлами.

Въ розовомъ домѣ въ Успенскомъ переулкѣ въ гостиной Елизавета Ивановна играла экзерсисы, Алексѣй Игнатьевичъ писалъ дѣловое письмо къ одному изъ учредителей золотопромышленной компаніи, а Маруся брала урокъ у дѣда по ботаникѣ наверху въ его кельѣ.

Дѣло шло какъ разъ объ оплодотвореніи растений.

— Экая Сахара!—загорчалъ старикъ на рекомендуемый программю учебникъ:—одна сущь! Погоди, я тебѣ это все по-своему объясню.

Онъ порылся въ книжномъ шкафу и досталъ толстую французскую книгу въ старинномъ переплетѣ и съ отпечатанными въ краскахъ таблицами.

Маруся слушала въ полъуха, а дѣдъ говорилъ, тыча волосатымъ, сморщеннымъ пальцемъ на рисунокъ кукурузы:

— Такое расположеніе цвѣтовъ называется однодомнымъ. Поняла?

— Почему однодомнымъ?

— Ахъ ты, Господи! да потому что и мужскіе, тычиновые, и

женскіе, пестиковые, цвѣты расположены на одномъ стеблѣ. Кажется, ясно!

Маруся поглядѣла на дѣда и хитро отвѣтила:

— Совсѣмъ, какъ люди, живутъ въ одномъ дому. Какъ мы всѣ, а двудомные,—это какъ тетя Оля или дядя Леша.

— Что ты болтаешь? при чемъ тутъ Леша и твоя тетя Оля?

— А потому, что его Зоя Владимировна живетъ отъ него отдѣльно, а тетя Оля тоже отдѣльно отъ мужа. Кажется, ясно. Дѣдуся, а могутъ двудомные цвѣты стать однодомными?

— Нѣтъ, не могутъ. Они уже такъ созданы.

— А люди могутъ! Да? Есть такіе, которыхъ непременно тянуть врозь, потому что тѣ вторые для нихъ не настоящіе, а если они встрѣтятъ настоящихъ, то тоже станутъ однодомными.

— Ну, это ужъ чепуха, и ты тутъ Богъ вѣсть что путаешь,—возразилъ дѣдъ, но Маруся, не отвѣтивъ, перевернула страницу и начала считать на предыдущей таблицѣ лепестки ромашки, шепча:

— Любить, не любить, любить—не любить.

— Любить! любить!—закричала она, душа дѣда поцѣлуями.

Тѣ, на которыхъ по старинной книгѣ гадала Маруся, какъ разъ сошлись въ гостиной. Послѣ своего перваго душевнаго разговора они особенно подружились. Ихъ все больше тянуло другъ къ другу, и они понемногу рассказывали, что накопилось за ихъ жизнь невысказаннаго другиму, изъ боязни быть непонятыми.

Алексѣю особенно все съ каждымъ разомъ интереснѣе казалась Лиза. Онъ еще ни разу не встрѣчалъ женщины, сохранившей въ ея годы нетронутыми сокровища души. Зоя Владимировна и она. Какая разница... какое могло быть между ними сравненіе?

Сегодня онъ совершенно случайно зашелъ за оставленнымъ портсигаромъ въ залѣ, да такъ въ немъ и остался. Лиза кончала своего «Напоп» и стояла, перебирая ноты.

— Сыграйте мнѣ балладу Шопена!—попросилъ онъ.

Она улыбнулась и заиграла. Алексѣй былъ несравненно музыкальнѣе своего брата, и ей доставляло неизъяснимое наслажденіе играть ему. Она вложила въ балладу всю душу, жаждавшую стараго и забытаго счастья. Онъ глядѣлъ на бѣгающіе по клавишамъ пальцы, на ниточку пробора среди густыхъ черныхъ волосъ, на узелъ прически надъ строгимъ стоячимъ воротничкомъ, и его невѣстка ему казалась такой привлекательной, такой опрятной, такой семейной въ простомъ, домашнемъ платьѣ. Никакая нечистая мысль не приходила въ ея присутствіи на умъ. Только вѣкъ бы вотъ сидѣть на старинномъ диванѣ и слушать ея игру, и знать, что никто и ничто не коснется грѣховнымъ дыханіемъ ни этой комнаты, ни этой женщины, ни согрѣтой ею его собственной души.

Рѣшительнаго отвѣта отъ акціонерной компаніи все еще нѣтъ, и если бы не обязательство передъ Зоей, его это нисколько бы не

тяготило. Теперь все чаще и чаще кажется, ужь не правь ли точно фатенька, уговаривая его бросить мечты о Сибири? Не поискать ли другого мѣста, гдѣ-нибудь поближе, чтобы жить, какъ теперь, безъ роскоши, но уютно всѣмъ вмѣстѣ и не свернуть ли въ концѣ концовъ, дѣйствительно, направо къ столь желанному старикомъ алтарю?

Онъ лукаво усмѣхнулся, думая, какъ обрадовался бы отецъ, что «переубѣдилъ» его. Не онъ переубѣдилъ, а что же?.. И почему этого не случилось тогда сразу? Отчего и ему и ей пришлось пережить полный душевный разгромъ? Не для того ли, чтобы найденное счастье было тѣмъ прочнѣе... разбитое сердце... «битая посуда два вѣка живетъ...» Фи!.. какое вульгарное сравненіе. Нѣтъ, они оба за эти два мѣсяца поняли...

Онъ вздрогнулъ.

По темной отъ надвигавшейся тучи улицѣ прокатилась густая волна колокольнаго удара и слилась съ послѣднимъ аккордомъ стараго рояля.

Лиза захлопнула крышку.

— Обѣдня кончилась. Звонять къ молебну, вѣрно. Не пойти ли и намъ?

Яшневъ сладко потянулся.

— Пожалуй!

Но за первымъ колоколомъ прозвучала второй, тоньше, за нимъ третій, еще тоньше и жалобнѣе, вразбивку, какъ на выносѣ креста или плащаницы.

— Что это? Похоронный звонъ?

— Господи! не извѣстіе ли изъ Крыма?

Алексѣй не договорилъ. Въ комнату ворвалась Маруся.

— Мама! дядя Леша! вы слышите, какъ звонять странно? Дѣдушка послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Онъ боится, что это по государѣ.

Подъ самыми окнами промелькнула Сима въ наскоро накиннутомъ платкѣ. А колокола продолжали звонить вразбивку. У Алексѣя захолонуло сердце. Похоронный перезвонъ, ворвавшійся въ мечты о счастьѣ, ударялъ по нервамъ. Предзнаменованіе?

— Конечно!—неожиданно, заставивъ его вздрогнуть, раздался голосъ отца.—Александра III не стало. Оказывается, уже вчера... въ четверть третьяго дня. А мы-то ничего и не знали! Охъ, охъ! Говорять, въ Казанской только что собирались молебенъ служить, какъ исправникъ вошелъ и на всю церковь объявилъ: «Государь скончался». Сейчасъ панихиду и у Успенья служить будутъ. Я иду... Кто со мною?

Маруся съ Лизой надѣли траурныя шляпки, и Яшневъ вчетверомъ вышли на улицу. Моросилъ дождь. Маруся раскрыла зонтикъ

и взяла дѣда подъ руку. Подъ другимъ шла ея мать съ деверемъ, плечомъ къ плечу, старательно обходя лужи.

Ихъ обгоняли люди, тоже съ озабоченными и разстроенными лицами. Они окидывали обѣ пары взглядами, отлично зная, кто онѣ. Но Лиза никого почти не знала, и все-таки они ей въ эти минуты уже не казались такими чужими, потому что ихъ соединяло общее чувство народной утраты и сердечнаго о ней горя.

Въ церкви, переполненной народомъ, было необыкновенно тихо. Только слышались осторожное покашливанье и сморканье да едва слышный шепотъ, передававшій изъ устъ въ уста скорбную вѣсть. Алексѣй провелъ Лизу вслѣдъ за отцомъ къ правому клиросу, а самъ вернулся къ выручкѣ за свѣчами. Возвращаясь, онъ задѣлъ нечаянно какую-то дѣвицу въ широкополой шляпкѣ съ краснымъ, несмотря на панихиду, цвѣткомъ и извинился.

— Невѣжа!—прошептала барышня, окинувъ его негодующимъ взглядомъ зеленовато-сѣрыхъ глазокъ.

— Не невѣжа,—отвѣтилъ раздосадованный Алексѣй Игнатьевичъ:—потому что, къ сожалѣнію, извинился.

Барышня вскипѣла, но отвѣтъ ея потерялся въ густой октавѣ дьяконскаго баса:

— Благослови, владыко.

Вся церковь опустилась на колѣни. Люди зажгали тонкія свѣчки и умиленно крестились.

Елизавета Ивановна испытывала чувство уже разъ пережитаго: такая же панихида по царѣ, такъ же мелькаютъ по рядамъ огоньки, такъ же у низкаго поминальнаго столика, гдѣ теплится только что зажженный сорокоустъ, стоятъ священнослужители въ черныхъ ризахъ. Тѣ же слова, то же настроеніе народа. Тщетно оглядывается она кругомъ, ища въ толпѣ любимаго человѣка

Нѣтъ, не тщетно! вотъ онъ. И волна радости, что онъ все ближе, что сейчасъ отстранить послѣднихъ раздѣляющихъ его съ нею людей и станетъ рядомъ, обдастъ ее такой теплотой, что панихидные напѣвы, кажется, баюкаютъ, а не оплакиваютъ сонъ того, за кого льются. «Неужели я, дѣйствительно люблю?» мелькаетъ мысль.

«Упокой, Господи, раба Твоего!..»

Толпа снова опускается на колѣни. Слышатся рыданья. Лизѣ дѣлается страшно.

«Господи! въ такую минуту я смѣю думать о личномъ счастьѣ. Господи, прости меня! Господи, не накажи!..» молитъ невѣрующая, жизнью исковерканная женщина своего стараго Бога, столь близкаго и дорогаго въ прежніе юные дни.

Тяжелымъ движеніемъ поднимается и осѣняетъ женская рука крестомъ грудь, гдѣ встрепенулось и ожило молчавшее сердце.

«Боже, прости меня, грѣшную!..—со слезами склоняется она до земли:—упокой, Господи, раба Твоего!»

Старикъ Яшневъ поминутно спинаетъ очки и вытираетъ ихъ синія стекла, залитыя слезами. У Маруси тоже глаза мокры. Глядя на плачущаго дѣда, ей трудно не плакать самой, а вся обстановка къ тому же вызываетъ въ памяти недавно пережитыя похороны бабушки.

Шипящая дѣвица, глядя на нихъ, презрительно улыбается и все время перешептывается со своимъ кавалеромъ.

По окончаніи панихиды она нарочно дожидается у выхода Яшневыхъ и развязно во всеуслышаніе заявляетъ:

— Господи! одного царя убивать помогали, а по другому на люди плакать пришли! Вотъ ужъ фарисей, да еще безъ стыда и совѣсти, какъ говорятся.

Люди смотрятъ, люди оборачиваются. И Маруся, и Лиза слышали замѣчаніе дѣвицы. Слышали его и оба Яшнева. Старикъ багровѣетъ. Алексѣй замѣчаетъ улыбки окружающихъ и язвительные взгляды и тѣснѣе прижимаетъ къ себѣ руку Лизы, ставшую вдругъ странно тяжелой.

— Позвольте пройти, сударыня!—высокомѣрно обращается онъ къ дѣвицѣ и обдастъ ее такимъ дерзкимъ и презрительнымъ взглядомъ, что та невольно уступаетъ дорогу.

— Кто это?—спрашиваетъ шепотомъ Лиза.

— А шутъ ее вѣдастъ,—отвѣчаетъ внятно и громко Алексѣй:— мало ли силетницъ на свѣтѣ.

Но Маруся знаетъ.

— Это дочка Михалкина,—говоритъ она дѣду тоже шепотомъ.

И у нея дрожатъ руки и колѣни. Такъ бы вотъ схватила и зажала ротъ этой некрасивой, налитой, какъ назрѣвающей нарывъ, блѣднозеленой физиономіи... а на сердцѣ такъ больно, такъ жутко, какъ въ тѣ минуты, когда Фроловъ разсказывалъ объ отцѣ.

Впервые упрекъ молвы, несправедливый огульный оговоръ людскихъ толковъ долетѣлъ до ушей близкихъ, и настроеніе обитателей розоваго дома въ Успенскомъ переулкѣ становится невыносимымъ.

— Глупости! нельзя на всякую идиотку обращать вниманіе!—пытается ободрить Алексѣй Игнатьевичъ, но его слова никого не убѣждаютъ.

И Лиза, и Маруся, и отецъ какъ въ воду опущены. Все, что казалось пережито, искуплено, что улеглось было и начало забываться, выплываетъ снова, снова живетъ и мучитъ. Ничего, ничего не забыто. Это именно то, чего всѣ эти годы такъ боялась Елизавета Ивановна, что удерживало ее отъ возвращенія на родину: клеймо, позорное, несмываемое клеймо. Зачѣмъ она не уѣхала сразу послѣ похоронъ тети Саши куда-нибудь, гдѣ никто не знаетъ ихъ? Бѣжать надо... бѣжать поскорѣе. Куда? не все ли равно, только не встрѣчаться съ тѣми, кто помнить, кто слышать.

Давно не повторявшійся тикъ снова дергаетъ лицо, и ее начинаютъ бить такая лихорадка, что свекоръ велитъ боярышнѣ Нарышкиной уложить барыню въ постель сразу же послѣ обѣда.

Марусю онъ уводитъ къ себѣ, и тамъ наверху, въ бывшей комнатѣ его сына Василя, гдѣ было задумано страшное дѣло, сидятъ дѣдъ съ внучкою до вечера и оба плачутъ, стараясь утѣшать другъ друга.

— Ничего, Марусичка! все обойдется. Людямъ рта не замажешь. Поболтаютъ и бросятъ... надоѣтъ.

— Какъ я пойду въ гимназію?—взхлипываетъ Маруся.—Меня всѣ тамъ преслѣдовать будутъ!

— До гимназіи еще далеко, а къ тому времени все переменится, мукою станеть! Эхъ! больно только. Точно ножъ всадили, да еще повернули хорошенько. Ничего... терпѣть надо. Пройдетъ. Тѣмъ въ Крыму еще больнѣе теперь, поди.

Онъ закуриваетъ и куритъ безъ конца, а Маруся садится набивать ему папирсы, пока, наконецъ, Кирилловна не зоветъ ее спать.

XXXII.

Сошлись у насъ пути. На небѣ засверкала,
Зажглась моя звѣзда, въ твоихъ лучахъ ярка.—
И радость жизни пьютъ изъ одного бокала
Два бурей сорванныхъ цвѣтка.

(«Листы пожелтѣлыя». М. К.)

Уснувъ подъ вліяніемъ сильной дозы валерьянки крѣпко съ вечера, Елизавета Ивановна проснулась спозаранку, когда у Успенья ударили къ заутренѣ, и сразу опять ей вспомнилось вчерашнее брошенное въ лицо публичное оскорбленіе... Бѣгутъ часы. Она лежитъ и думаетъ. Въ мельчайшихъ подробностяхъ встаетъ въ памяти ея короткая замужняя жизнь, прерванная арестомъ преступника мужа, и вырастаетъ убѣжденіе, что до самой смерти не найти теперь покоя. Ужъ лучше было оставаться въ Колычевѣ, по крайней мѣрѣ съ людьми бы не сталкивались. Проходятъ два дня.

Наконецъ на третій, пока провѣтриваютъ спальню, она выходитъ въ залце и забивается въ уголъ стараго дивана, помнящаго этого преступника еще вихрастымъ мальчуганомъ, и горько плачетъ снова.

— Не обращайтесь вниманія,—говоритъ, шагая по залыцѣ, братъ его:—неужели всякая золотушная дѣва можетъ итти въ счетъ? Вѣдь видѣли же вы, какъ относятся къ вамъ другіе?

— Господи!..—твердитъ Лиза.—Чѣмъ же виноваты вы, отецъ, Маруся? Ну, люди могутъ думать, что я знала, винить меня, что я пошла за него, когда меня останавливали... Но я, ей-ей, ничего

не знала... Неужели я бы стала его женой, зная все? А когда я узнала, когда уничтожила то, что могло выдать его тамъ въ подвалѣ, онъ сразу сталъ мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ чужимъ. Онъ даже пересталъ существовать для меня. Я сама долго не понимала, почему? какъ могла я вдругъ совершенно отвернуться отъ него и разлюбить... И только потомъ, когда Маруся уже лежала спеленутая рядомъ со мною и меня мучило, неужели она будетъ похожа на своего отца, я поняла, почему я этого не хочу... Вѣдь онъ обманулъ меня и... всѣхъ. Онъ женился, жилъ со мною, имѣя на душѣ такое преступленіе, и не пришелъ, и не покаялся мнѣ. Знаете, если бы онъ покаялся, если бы онъ сказалъ: «тѣхъ казнили, а я вотъ, не менѣ виноватый, живу и пользуюсь жизнью и беру отъ нея счастье, и это мучить меня, что мнѣ дѣлать?» Я бы сказала: «иди и расскажи прокурору или полиціи и не бойся,—я не брошу тебя... я пойду за тобою въ ссылку и помогу тебѣ нести наказаніе»... Но такъ, какъ онъ сдѣлалъ, жить, когда казнены товарищи, и связать себя со мною, не подозрѣвавшей, кто онъ,—это было ужасно! Это было такъ неблагородно, такъ не по-рыцарски!.. Я не знаю, понимаете ли вы меня? Мы, женщины, именно отсутствія рыцарства мужчинамъ не прощаемъ... И потомъ,—прибавила она, помолчавъ:—я еще одного не понимала и до сихъ поръ не понимаю: почему Игнатій Львовичъ не вступился, не объяснилъ тетѣ или мнѣ, изъ-за чего оторвало руку этому Кондрату? Вѣдь не могъ же онъ, какъ докторъ, не знать, чѣмъ онъ былъ раненъ? А если бы онъ сказалъ, я бы сообразила, я вѣдь видѣла ихъ вмѣстѣ въ подвалѣ... Неужели онъ и отца обманулъ? Это невѣроятно!

Алексѣй Игнатьевичъ сидѣлъ, понурившись.

— Да, и его!.. и хуже, чѣмъ вы думаете...—отвѣтилъ онъ и обернулся къ окну.—Вотъ видите ли, мы были близнецы, и я Васю очень и очень любилъ... Иногда мнѣ казалось, я люблю его больше, чѣмъ себя...И мнѣ было безумно его жалъ, я чуть съ ума не сошелъ и не наложилъ на себя руки, узнавъ, что его сослали... Каюсь... я проклиналъ васъ за то, что вы бросили его въ такое время... и не я одинъ, но и отецъ... и мы оба имѣли на то основаніе, потому что оба вѣрили Василю...

Лиза удивленно глядѣла на деверя.

— Ему? Что такое могъ онъ сказать вамъ про меня? Въ чемъ я провинилась передъ нимъ?

Алексѣй Игнатьевичъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Этого лучше не говорить... Дѣло прошлое, не вернешь, а вамъ будетъ только напрасно больно.

— Ахъ, нѣтъ!.. не напрасно, напротивъ! Оно должно быть выяснено. Вѣдь я же всѣ эти годы чувствовала, да и по сей часъ мнѣ часто кажется, будто у насъ... съ фатенькой,—она впервые назвала его такъ,—есть что-то недоговоренное, а я бы такъ хотѣла,

чтобы все, все было ясно между нами! Вѣдь мы всю жизнь вмѣстѣ прожить должны, и надо, чтобы ни одного темнаго угла не оставалось... Нѣтъ, я умоляю, скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

Алексѣй Игнатьевичъ нервно курить. И Лиза, глядя на эти знакомыя движенія руки, отрывисто подносящей папиросу къ румянымъ, оттѣненнымъ черными усамъ губамъ, опять путала мысленно его съ покойнымъ его братомъ, и ей казалось, что опять гдѣ-то накручиваются свитки новыхъ тайныхъ преступленій

— Не пытайте меня! къ чему? Вѣдь это все равно непоправимо и только хуже растравить васъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! если не скажете вы сами, я допытаю отца...

— Напрасно!.. Бога ради, нѣтъ! Ему будетъ слишкомъ больно сознание...

— Въ такомъ случаѣ, скажите вы... Даю слово, я отнесусь вполне хладнокровно... Ну, умоляю, не мучьте. Ей-Богу, я страшно мучусь!

— Честное слово? вы не разстроитесь?

— Нѣтъ!

— Такъ слушайте... Если я говорю, то, главное, ради отца, я хочу объяснить его отношеніе къ вамъ въ эти годы... Да, да!.. Братъ, говоря ему о своемъ предложеніи вамъ, высказался, что вѣнчаніемъ искупаешь свой грѣхъ передъ вами и исполняетъ долгъ чести...

— Ахъ!.. это тотъ разговоръ его со мной...

— Разговоръ?!

— Ну, да...

— Онъ далъ понять, что это былъ не только разговоръ...

— А что же?—Лиза глядѣла на деверя какъ-то по-дѣтски наивно и недоумѣло.

— По его словамъ отцу, выходило, что между вами была связь и даже съ послѣдствіями, и потому, какъ честный человѣкъ, онъ обязанъ былъ жениться на васъ.

— Связь?..

Лиза окаменѣла и, вдругъ закрывшись руками, точно защищаясь отъ позора пощечины, упала лицомъ на диванъ. Въ ту же минуту знакомыя руки обняли ее и знакомый голосъ ласково заговорилъ надъ нею:

— Простите!.. простите!.. ахъ, мнѣ не слѣдовало говорить вамъ... Бога ради, простите!.. Вѣдь я знаю, что этого не было и не могло быть... и отецъ знаетъ... Простите... Милая, хорошая, святая... простите же меня... и отца... и его... Лиза!.. Лиза!..

Онъ отнял ея судорожно прижавшіяся къ лицу руки и заглянулъ въ это почти мертвое лицо, и въ приливѣ глубокой жалости и искренняго раскаянія прижался губами къ ея начинавшему кривиться рту. Она открыла глаза...

— Господи! что это?..

— Это искупленіе... Да, да!.. искупленіе его и мое, ради него, близнеца... Лиза!.. дайте мнѣ право, дайте возможность искупить нашу несправедливость и его проступокъ передъ вами, его клевету на васъ, чистую, невинную до этой самой минуты... Вѣдь я умоляюсь передъ вами, преклоняюсь передъ добродѣтелью женщины, не знавшей молодости... вы даже этого не понимаете, настолько вы кристально чисты въ наше безнравственное, испорченное время, гдѣ такъ легко смотреть на нравственность! И я умоляю васъ, дайте мнѣ слово, что въ моемъ лицѣ вы простите Василія, а я... я всю жизнь положу на то, чтобы вы забыли нанесенное вамъ оскорбленіе, я постараюсь создать вамъ то, что было разрушено его эгоизмомъ. Лиза!.. будьте моею женой!.. Знайте, это мечта и старика... И мы уѣдемъ съ вами... Мы создадимъ себѣ новое гнѣздо... другую жизнь. Вы никогда не переживете того, что пережили сегодня въ церкви. Я увезу васъ туда, гдѣ никто не слыхалъ о преступленіи брата... и я дамъ вамъ счастье, я это чувствую, знаю!

Сонъ сталъ явью. Румяныя губы подъ шелковистыми усами любовно цѣловали ся руки. Въ застывшее отъ холода одинокой молодости сердце ворвалась побѣдная волна вѣры въ жизнь и въ счастье, новое счастье съ удивительно знакомымъ и близкимъ человѣкомъ, и странно привычны были его ласки и блескъ влажныхъ, черныхъ, казавшихся бездонными райковъ... А Вольфъ?.. Онъ считаетъ ее чистой?..

Она отняла руки.

— Погодите... вы сейчасъ сказали, что я кристально чиста... но еще недавно... я почти полюбила... того доктора, который лечилъ тетю.. —задыхаясь, проговорила она.—Вы видите, я вовсе не такъ нравственна, какой вы меня считаете и я не хочу, чтобы вы меня считали другою...

— «Почти» полюбили... Ну, а дальше?..

— Онъ оказался женатымъ... я этого не знала, онъ не носилъ кольца... и я думала, онъ вдовецъ...

— И...

— И я поняла, что онъ... ну, какъ сказать... онъ чужой, и я не имѣю права думать о немъ. Вотъ видите, я вовсе не такая святая...

— Напротивъ!—выговорилъ серьезно Алексѣй.—Вы именно святая и потому, что отошли сразу отъ мужа чужой жены, и что въ эту минуту спѣшите рассказать мнѣ о своемъ увлеченіи... Спасибо за это!.. Хорошая моя!..

Онъ притянулъ ее къ себѣ опять такимъ знакомымъ ей движеніемъ и поцѣловалъ въ губы. Все вокругъ закружилось..

— Вася!.. Вася!..—безсознательно прошептала она.

— Нѣтъ! не Вася... развѣ я Вася?—шутливо и радостно отозвался родной голосъ.—Ну, какъ же такъ? Какъ же зовуть меня?.. Милая!

— Леша!..—вырвалось ликующе-радостно...—Леша... Леша... Леша...—повторяла, словно затверживая навѣки новое имя, улыбающаяся, возрожденная къ жизни и помолодѣвшая женщина, вѣря и не вѣря великому непосылаемому счастью.

Игнатій Львовичъ весь дрожалъ отъ радости и торопливо крестилъ и цѣловалъ и сына, и невѣстку, и, прижимая ея руки къ сморщеннымъ губамъ, пахнувшимъ сигарою, шепталъ:

— Ужъ такъ радъ... такъ радъ... онъ будетъ хорошимъ мужемъ... Васеньку забудь... Васеньку прости... А Алеша другой, онъ фантазеръ, но онъ парень добрый... ты его придержи... онъ ласковый... ручѣе Василя...

И, отстранивъ ихъ отъ себя и все-таки не выпуская ихъ рукъ, зажатыхъ въ его жилистой волосатой рукѣ, онъ улыбнулся имъ сіяющими черными угольками удивительно ясныхъ и юношески-живыхъ глазъ.

— Вотъ что, други мои,—прибавилъ онъ:—языкъ пока придержи за зубами. И Муськѣ, и боярышнѣ Нарышкиной—молчокъ. Потому дѣло наше въ секретѣ держать пока надо. Вѣдь большой вопросъ, гдѣ вамъ вѣнчаться: брату на вдовѣ братней законъ православный жениться не разрѣшаетъ.

Лиза поблѣднѣла.

— Какъ такъ? Что же намъ дѣлать? Нельзя вѣнчаться?

Она испуганно глядѣла на Алексея. Но тотъ поцѣловалъ ея руку и отвѣтилъ:

— По закону нельзя, но вѣдь законы на то и издаются, чтобы обходить ихъ въ Россіи.

— Да, матушка!.. Это къ сожалѣнію, но во-истину такъ!—подтвердилъ и фатенька.—Да ты не бойся!

— Значить, если мы даже обвиняемся, бракъ нашъ будетъ незаконный?—проговорила Лиза упавшимъ голосомъ. Она сразу осунулась и словно потухла.—Нѣтъ, если такъ, если нельзя...

— А кто тебѣ говоритъ, что нельзя и что бракъ твой будетъ считаться не законнымъ? Полно! Сколько такихъ якобы незаконныхъ браковъ церковью освящается... И двѣ сестры родныя за двухъ родныхъ братьевъ выходятъ, что строго якобы преслѣдуется и все-таки дѣлается на каждомъ шагу,—и двоюродные между собою женятся и братъ мачехи надчерицу за себя беретъ,—всяко бываетъ, и живутъ и хорошо, и счастливо... Все дѣло найти пона стоворчиваго. Обвинчаешь—дѣло готово! Живите и множитесь.

Лиза вспыхнула.

— Другое дѣло—будь у васъ родственники и нарушь вы этимъ бракомъ ихъ имущественные интересы,—тогда дѣло другое,—донесутъ, пойдетъ судебная канитель, и бракъ могутъ расторгнуть, а такъ,—если бы даже и нашлись доносчики, наложить церковное покаяніе, а тѣмъ временемъ можно и на высочайшее имя подать...

— Нѣтъ!.. только не это!..—пробормотала Лиза.

— Эхъ, матушка! Я говорю про крайность, въ крайности чего не сдѣлаешь... Да и почему же не прибѣгнуть къ милости, коли вы въ Васиномъ дѣлѣ оба ни при чемъ?.. Ну, да этого еще пока не нужно, а вотъ попъ—главный, кардинальный, такъ сказать, пунктъ. И его, конечно, не здѣсь въ Горскѣ искать надо, а гдѣ-нибудь подальше... Во всякомъ случаѣ, мой совѣтъ—времени не теряйте... Алексѣю лучше даже пока и уѣхать... Вы люди молодые проболтаться и выдать себя не трудно. И у Маруси, и у Кирилловны взоры острые, соколиные, а разлука въ такое время только на пользу.

— Отлично! Мнѣ и то въ Петербургъ пора, узнать, чего господа концессионеры думаютъ и сами меня не вызываютъ.

— Вотъ и прекрасно! Ступай да поразвѣдай, кстати, насчетъ вѣнчанія, поразыщи священника...

— А нельзя ли, ужъ разъ вы будете въ Петербургѣ, разузнать, нельзя ли намъ все-таки открыто вѣнчаться?..—робко ввернула Лиза.

— Въ консисторію обратиться? Эхъ, матушка, стоитъ ли!

— Все-таки... я была бы спокойнѣе!

— Ахъ ты парфешка, или, говоря по-высокому—оппортунистка! Да не все ли равно?—покачалъ головою старикъ.

Но Лиза не сдавалась.

Черезъ нѣсколько дней Алексѣй Игнатьевичъ отправился въ Петербургъ. Старикъ на прощанье позвалъ его къ себѣ и вручилъ четыреста рублей. Конфузясь и краснѣя, онъ пробормоталъ:

— Это тебѣ... я знаю, у тебя не густо... ну, а ты извини, я тоже больше не могу... Вѣдь у меня теперь семья... жить надо... а Лиза къ хорошему привыкла... она въ денежныхъ дѣлахъ младенецъ... ничего не понимаетъ... ты ужъ справишься какъ-нибудь... Коли попа найдешь, домъ заложить придется, иначе не вывернусь.

Алексѣй, бывший все время въ приподнятомъ настроеніи, даже прослезился и поцѣловалъ руку у отца, чего никогда не дѣлалъ.

— Спасибо! только дома закладывать нечего,—съ подъемными обойдусь. Смитъ не обидитъ, да и Винкельштейнъ не покусится. Евреи любятъ пыль въ глаза пускать и на представительствѣ экономіи не нагоняютъ. А этотъ еще и крещеный.

Старикъ въ послѣдній разъ обнялъ сына и шепнулъ ему:

— А у меня еще сѣть къ тебѣ просьба, Алешенька! Слушай. Будешь въ Петербургѣ ты какъ разъ, пока тѣло государя для прощанія съ народомъ выставлено будетъ... Дай мнѣ слово, что пройдеши въ крѣпость и, руку царскую лобызая, у лежащаго въ гробу прощенія за брата попросишь... Обѣщаешь?.. Да!

— Да!—отвѣтилъ Алексѣй Игнатьевичъ...

Сидя въ вагонѣ, подъ стукъ колесъ, онъ рисовалъ себѣ картины новой жизни въ новомъ краю, а о Колычевѣ думалъ: «Нужно найти арендатора получше, а, пожалуй, даже и покупателя, слишкомъ много тяжелаго связано съ усадьбою и слишкомъ непосильныхъ затратъ будетъ стоить привести ее въ сносный видъ». И не такія родовыя вотчины переходили въ чужія руки!

М. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГР. Н. П. ИГНАТЬЕВА ¹⁾

Х.

ЕЖДУ тѣмъ безурядица въ Турціи все разрасталась. Въ августѣ неистовства и звѣрства башибузуковъ въ Болгаріи дошли до того, что даже англійское правительство сочло нужнымъ, подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія въ Англии, возбужденнаго газетными корреспонденціями и краспорѣчіемъ Гладстона, официально вмѣшаться, чтобы положить предѣлъ безпорядкамъ и гоненію на христіанское населеніе. Элліотъ, по своему обыкновенію, уклонился отъ энергическаго предьявленія требованія лорда Дерби, подержаннаго германскимъ и австро-венгерскимъ послами, Россією и Италією, въ Константинополь. Но Порта уже перестала быть хозяиномъ внутреннихъ дѣлъ въ Турціи, направлявшихся разными фанатиками и политическими интриганами, считавшими безсовѣтнаго Мидхада-пашу своимъ главою. Слабое здоровье Мурада и нервное потрясеніе, вызванное въ немъ событіями, сопровождавшими возведеніе его на тронъ препятствовали ему появляться публично и вынудили наконецъ коноводовъ юной Турціи отказаться отъ мысли, что онъ можетъ царствовать. Мурадъ былъ заключенъ, подъ предлогомъ разстройства умственныхъ способностей, и на престолъ возведенъ Абдуль-Гамидъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХVI, стр. 50.

Сербы оказались не въ состояніи выдержать борьбу съ Турціею, и Черняевъ едва держался на занятыхъ позиціяхъ. Нелидовъ ¹⁾ уже 9-го (21-го) августа писалъ мнѣ, что «если сербы будутъ окончательно разбиты, какъ надо вскорѣ ожидать, то наше положеніе здѣсь станеть еще тягостнѣе теперешняго потому, что всѣ нити нашего вліянія будутъ порваны этимъ пораженіемъ Черняева и намъ придется созидать все заново. Надо было бы подстрекнуть грековъ, а они не приготовлены къ борьбѣ, и у насъ все дѣлають, чтобы ихъ охладить». До какой степени нашъ повѣренный въ дѣлахъ былъ удрученъ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, свидѣтельствуеть слѣдующая выдержка его письма ко мнѣ: «все рухнуло съ пораженіемъ сербовъ, и наше позднее пробужденіе насъ однихъ компрометируетъ. Весною у насъ были союзники, какъ въ Турціи, такъ и въ Европѣ, подъ впечатлѣніемъ ожидавшагося славянскаго движенія, намъ благопріятнаго. Теперь это все придушено; постепенно отъ насъ отворачиваются даже на Западѣ. Одна Австрія, получившая, какъ кажется, вскель на Боснію, держится за насъ, желая получить отъ насъ расплату. И мы должны этимъ дорожить, потому что такимъ способомъ мы нейтрализуемъ Германію и спасемъ нашу честь, получивъ еще нѣкоторыя выгоды. Но это послѣдняя надежда наша, и мы должны воспользоваться симъ послѣднимъ средствомъ. Безъ этого—война и коалиція, намъ враждебная, могущая кончиться... мнѣ страшно и подумать объ этомъ». Нелидовъ упоминалъ постоянно въ своихъ донесеніяхъ, и въ особенности въ письмахъ ко мнѣ, что Эллиотъ не исполняетъ инструкціи своего правительства и даетъ нашему соглашенію съ Англіею самый странный оттѣнокъ, сводя всѣ переговоры съ Портою на нѣтъ. Нашъ повѣренный выставялъ на видъ, что если, при настоящихъ уступкахъ нашихъ державамъ, мы ничего не приобрѣтемъ для Болгаріи, то христіанское населеніе потеряетъ къ намъ всякое довѣріе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ меня 6-го сентября, что болгары принялись за исполненіе мысли, поданной имъ въ началѣ лѣта русскимъ посольствомъ, отправивъ къ европейскимъ дворамъ двухъ делегатовъ — Цанкова ²⁾ и Балаба-

¹⁾ Александръ Ивановичъ Нелидовъ былъ въ 1872 году первымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ; въ 1876 году—совѣтникомъ посольства при Игнатьевѣ—въ Константинополѣ; исполнялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ при временномъ отсутствіи Игнатьева изъ Константинополя, въ 1876 году; а затѣмъ два раза—уже болѣе самостоятельно, послѣ отъѣзда Игнатьева до самаго объявленія войны (съ 15-го января по 11-е апрѣля 1877 года) и послѣ заключенія мира (съ 26-го марта по 2-е мая 1878 года). Далѣе онъ былъ посломъ въ Константинополѣ съ 15-го мая 1883 г. по 1-е іюля 1897 г.; посломъ въ Римѣ до 1903 года; наконецъ—посломъ въ Парижѣ.

А. Б.

²⁾ Драганъ Цанковъ родился въ 1828 году въ гор. Систовѣ; учился въ Одессѣ, Кіевѣ и Вѣнѣ и былъ педагогомъ въ Константинополѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ; тогда же основалъ болгарскую типографію въ Галатѣ (1857 г.), въ католическомъ мо-

нова ¹⁾—ходатайствовать за своихъ соотечественниковъ, страждущихъ подъ турецкимъ произволомъ.

2-го и 3-го октября были совѣщанія у государя въ Ливадіи, на которомъ присутствовали канцлеръ, военный министръ и посолъ въ Константинополь для установленія программы дѣйствій. Первоначально князь Горчаковъ предполагалъ ограничиться продолженіемъ дипломатической переписки съ кабинетами посредствомъ циркуляра, адресованнаго имъ посламъ нашимъ при великихъ державахъ, съ принятіемъ одновременно нѣкоторыхъ военныхъ мѣръ на границахъ. Два проекта циркуляра были составлены барономъ Жомини, но канцлеръ пришелъ къ убѣжденію, что они не удовлетворяютъ требованіямъ минуты. 3-го октября была прочтена записка, составленная подъ руководствомъ канцлера барономъ Жомини, содержаніе которой слѣдующее:

«1) Намъ предстоитъ выборъ между двумя путями. Первый, по которому мы шли доселѣ въ Турціи и нами предпочитаемый: дѣйствительное улучшение положенія христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ посредствомъ предоставленія имъ самоуправленія на достаточно широкихъ основаніяхъ, но безъ измѣненія политическаго

пастырѣ. Въ своей газетѣ «Болгарія» онъ проводилъ идею сближенія съ римской церковью, дабы избавить болгаръ отъ ига фанаріотовъ. Тогда же Цанковъ съѣздилъ даже въ Римъ и хлопоталъ объ униі. Въ 1864 году его пригласилъ Мидхадъ-паша занять административную должность въ Русчукѣ, въ новообразованной Дунайской области; тамъ же онъ образовалъ правительственную типографію и сталъ инспекторомъ турецкаго судоходства на Дунаѣ; онъ занималъ также судебную должность въ Русчукѣ и былъ затѣмъ переведенъ на службу въ Константинополь. Въ 1873 году онъ занимался адвокатурой въ Русчукѣ и затѣмъ, вслѣдствіе происковъ греческихъ интригъ, былъ заключенъ въ тюрьму въ Константинополь, гдѣ просидѣлъ до того момента, когда при содѣйствіи русскаго посольства устроилась его поѣздка, совмѣстно съ Балабановымъ, по европейскимъ столицамъ, съ цѣлью исходатайствовать заступничество державъ за болгаръ. Во время русской оккупациі Цанковъ былъ вице-губернаторомъ въ Тырновѣ, а затѣмъ депутатомъ отъ того же города въ великомъ народномъ собраніи 1879 года. Далѣе, онъ до самыхъ преклонныхъ годовъ принималъ видное участіе въ политической жизни возродившейся Болгаріи; былъ заточенъ во Вратцѣ, когда Баттенбергъ совершилъ государственный переворотъ такъ называемыхъ «полномочій» (1881 г.); занималъ неоднократно министерскіе посты и до глубокой старости пользовался вліяніемъ, благодаря яеному уму, твердой волѣ, громадному опыту. Въ послѣдніе годы жизни онъ считался центральной фигурой руссофильской партіи. А. Б.

¹⁾ Марко Балабановъ родился въ Клисурѣ, въ 1837 году; по полученіи нѣкотораго образованія въ Константинополь онъ отправился въ Парижъ, гдѣ изучалъ юриспруденцію. Затѣмъ, въ 1870 году онъ принялъ дѣятельное участіе въ устроении болгарскаго церковнаго вопроса и редактировалъ болгарскія газеты, сначала «Читалище», затѣмъ «Вѣкъ». Въ 1876 году сопутствовалъ Цанкову въ извѣстномъ путешествіи по европейскимъ дворамъ, въ защиту правъ болгарскаго народа. Послѣ провозглашенія княземъ Александра Баттенбергскаго Балабановъ долженъ былъ составить первое болгарское министерство. Впослѣдствіи—онъ ушелъ въ профессуру. (См. о Балабановѣ, а также о Цанковѣ, болгарскіе источники: а) Ивановъ «Българский Периодически печатъ», София 1893 г. (стр. 30 и 134); б) Симеонъ Радевъ «Строителитѣ на сьръѣмненна България» (2 т. София, 1910 и 1911). А. Б.

строю Турціи. Этотъ исходъ представляетъ выгоду избѣгнуть рѣшительнаго восточнаго и европейскаго кризисовъ. Такого рода разрѣшенія нынѣшнихъ затрудненій можно бы достигнуть безъ войны, при твердомъ и единодушномъ настояніи и при достаточной рѣшимости.

«Второй путь, предпочитаемый, какъ кажется, вѣнскимъ кабинетомъ, ведетъ къ распаденію Турецкой имперіи, съ осуществленіемъ рейхштадтскихъ предположеній.

«Дурная сторона этихъ двухъ способовъ разрѣшенія восточнаго вопроса заключается въ ихъ противорѣчии одного другому. Одинъ поставяетъ цѣлью продолженіе существованія Турціи, на единственныхъ возможныхъ условіяхъ. Второй имѣетъ въ виду немедленное разрушеніе существующаго.

«Прежде всего слѣдуетъ дожидаться вѣнскаго отвѣта. Если австрійское правительство согласится заключить съ нами формальный и ясный договоръ на тѣ случайности, на которыя онъ ограничился одними указаніями, все, что мы можемъ сдѣлать лучшаго, это идти съ нимъ рѣшительно по этому пути. Способъ дѣйствія долженъ быть опредѣленъ соглашеніемъ двухъ державъ. Будетъ рѣшено: предпочтительно ли ускорить развязку событій, или же предоставить ихъ естественному ходу вещей? Наши дѣйствія будутъ, разумѣется, зависѣть отъ этого соглашения, съ которымъ и вѣнскій кабинетъ долженъ будетъ сообразоваться.

«Всякое предположеніе касательно нашего образа дѣйствій было бы, такимъ образомъ, преждевременно.

«Напротивъ, если австрійское правительство откажется связать себя договоромъ, подъ конституціоннымъ предлогомъ, или будетъ избѣгать высказаться, тогда мы узнаемъ дѣйствительное значеніе его соглашенія съ нами ¹⁾.

«Въ такомъ случаѣ, намъ ничего другого не останется, какъ преслѣдовать единолично умиротвореніе Востока.

«Казалось бы, что если мы предъявимъ умѣренную программу, основанную на англійскихъ основаніяхъ (*bases anglaises*) ²⁾ и не выходящую изъ предѣловъ программы, выставленной либеральною оппозиціею въ Англии; если мы выкажемъ твердую рѣшимость преслѣдовать непоколебимо достиженіе нашей цѣли,—охотнѣе въ со-

¹⁾ Слѣдовательно, всего уже происшедшаго съ 1875 года, всей исторіи нашихъ отношеній къ Австро-Венгрии и всего того, что изо дня въ день выставлялось мною на видъ министерству съ 1866 года,—было недостаточно, чтобы открыть глаза князю Горчакову и его совѣтникамъ. Авт.

²⁾ Примѣчаніе. Программа эта имѣла основаніемъ общій принципъ изгнанія изъ христіанскихъ областей всѣхъ чиновниковъ не туземнаго происхожденія или назначенныхъ Портою, уходъ всѣхъ регулярныхъ турецкихъ войскъ въ крѣпости и запрещеніе употребленія иррегулярныхъ. Все это должно было быть приведено въ исполненіе подъ непосредственнымъ контролемъ Европы. Авт.

гласіи съ пятью державами, но въ крайности и единолично,—лондонскому кабинету будетъ трудно получить согласіе парламента на вооруженное противодѣйствіе подобному разрѣшенію восточнаго вопроса.

«Но отвѣчать за устойчивость парламентской почвы невозможно. Во-первыхъ, несомнѣнно, что Порты не подчинится иначе, какъ принужденная силою, потому что нельзя не предусмотрѣть, что серьезная автономія христіанскихъ областей, въ особенности Болгаріи, была бы для турецкаго правительства началомъ самоубійства.

«Согласится ли лондонскій кабинетъ употребить силу противъ турокъ? Можетъ ли онъ допустить, чтобы Россія дѣйствовала одна? И то и другое представляетъ мало вѣроятія, развѣ что министерство перемѣнится, чего нельзя ожидать при нынѣшнемъ большинствѣ въ парламентѣ.

«Наименьшее, что надо ожидать,—это занятія Англіею Дарданеллъ и Босфора, безъ объявленія намъ войны, но съ такимъ неблагопріятнымъ расположеніемъ, которое весьма легко можетъ перейти въ открытый разрывъ. Сверхъ того, лондонскій кабинетъ будетъ поддержанъ въ своемъ сопротивленіи христіанскимъ автономіямъ вѣнскимъ кабинетомъ, который открыто имъ противится ¹⁾. Устоитъ ли лондонскій кабинетъ предъ соблазномъ воспользоваться всѣми этими элементами противодѣйствія?

«Слѣдовательно, весьма мало вѣроятія, чтобы при переговорахъ объ условіяхъ мира мы достигли такого разрѣшенія вопросовъ, безъ котораго миръ обратился бы въ непрочную задѣлку, не соответствующую достоинству Россіи, русскому народному чувству и даже нашимъ прямымъ интересамъ, потому что привелъ бы насъ въ непродолжительномъ времени къ возобновенію разорительнаго кризиса.

«Если откажутъ въ гарантіяхъ, которыхъ мы потребуемъ, наше положеніе сдѣлается крайне затруднительнымъ. Мы будемъ поставлены предъ соглашеніемъ, которое всѣ кабинеты признали удовлетворительнымъ и которое Порты будетъ имѣть благоразуміе не отвергнуть безусловно, какъ только узнаетъ, что мы его не принимаемъ.

«Наименѣе неблагопріятный результатъ, заключающійся въ томъ, что соглашеніе кабинетовъ, хотя и недостаточно выгодное для единоврѣдцевъ нашихъ, даруетъ имъ настолько лучшее облегченіе, что

---

¹⁾ Замѣчательно, что министерство иностранныхъ дѣлъ, пожертвовавшее не только моею личностью въ Константинополѣ, всѣми преданіями нашими на Востокѣ, отношеніями къ славянамъ и существенными русскими интересами, чтобы, принявъ ноту графа Андраши, подчинить свои дѣйствія Вѣнѣ и войти въ близкое отношеніе съ австро-венгерскимъ правительствомъ,—само вынуждено было высказать, что точка зрѣнія послѣдняго совершенно противоположна нашей. Авт.

мы можемъ согласиться на установленіе новаго порядка, кажется, мнѣ совершенно невѣроятнымъ.

«Можно предвидѣть отказъ Порты на предложенія державъ, кажуційся намъ возможнымъ.

«По всей вѣроятности, намъ придется отказаться отъ продолженія бесплодныхъ переговоровъ, сохраняя свободу сужденія и дѣйствія, или же противопоставить предложенному Портѣ рѣшенію кабинетовъ наше послѣднее собственное слово (ультиматумъ).

«Въ первомъ случаѣ мы выиграли бы время. Но не надо терять изъ виду, что для Сербіи и Черногоріи прекращеніе съ нашей стороны переговоровъ послужитъ сигналомъ возобновленія военныхъ дѣйствій.

«Какъ поступать тогда кабинеты? Рѣшатся ли они не обратить никакого вниманія на наше безучастіе и принудить Сербію и Черногорію къ повиновенію?

«Такая рѣшимость мало согласуется съ ихъ комбинаціями. Но надо ожидать съ ихъ стороны принятія болѣе благопріятнаго Турціи положенія, болѣе враждебнаго, нежели прежде въ отношеніи борющихся единовѣрцевъ нашихъ.

«Спрашивается, въ состояніи ли Сербія и Черногорія, при такой обстановкѣ, продолжать войну?

«Во второмъ случаѣ, т. е. при подачѣ нами ультиматума и отдѣльнымъ дѣйствіи, мы подвергаемся опасности возстановить противъ себя союзъ нѣсколькихъ европейскихъ государствъ.

«2) Всѣ вышесказанныя соображенія предполагаютъ извѣстную постепенность въ нашихъ дѣйствіяхъ и слѣдовательно—потерю времени.

«Эта постепенность указывается благоразуміемъ, во-первыхъ, для того, чтобы не потерять возможности миролюбиваго разрѣшенія, пока эта возможность еще существуетъ; во-вторыхъ, чтобы не итти слишкомъ рѣзко на вызовъ нѣкоторыхъ кабинетовъ. Но, съ другой стороны, если мы должны прійти къ войнѣ, намъ представляются съ политической точки зрѣнія большія выгоды тотчасъ ее начать, вести быстро и рѣшительно, нежели напрасно терять время ¹⁾. Прежде всего, немедленная война сократила бы продолженіе тяжелаго кризиса, тяготяющаго на нашемъ финансовомъ и политическомъ положеніи. Развязка была бы болѣе чувствительная, но и болѣе краткая. Въ матеріальномъ отношеніи выгоды очевидны.

«Можно себѣ представить, что произойдетъ, если русская армія вступитъ 1-го ноября въ Болгарію, тогда какъ большая часть ту-

---

¹⁾ Какъ разъ то, что я говорилъ въ іюль, т. е. два мѣсяца тому назадъ, и что отвергало и ставило мнѣ въ вину министерство иностранныхъ дѣлъ, поступившее вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противно высказанному, предоставивъ Турціи и ея помощникамъ готовиться къ войнѣ семь мѣсяцевъ, т. е. до весны 1877 года.

редкой арміи задержана сербами и черногорцами. Если турки отзовутъ свои силы съ нынѣшняго театра войны, сербы и черногорцы тотчасъ перейдутъ въ наступленіе и поставятъ врага между двухъ огней. Сверхъ того надо ожидать, что Болгарія, Эпиръ, Фессалія и Кандія возстанутъ и могутъ прервать сообщенія турецкихъ войскъ. Албанія, еще колеблющаяся, могла бы быть увлечена. Если въ то же время русская армія, вступивъ въ Азіатскую Турцію, подниметъ армянъ и курдовъ, весьма вѣроятно, что мѣсяца будетъ достаточно для приведенія Оттоманской имперіи къ разрушенію ¹⁾.

«Какъ поступить Европа? Вѣроятно, англійская эскадра вступитъ въ проливы... Турецкіе броненосцы будутъ гулять въ Черномъ морѣ и разорятъ наши берега. Но этого будетъ недостаточно, чтобы остановить наши войска. Гдѣ десанты и перевозочныя средства, достаточныя для производства серьезныхъ диверсій на нашей собственной территоріи? При быстромъ ходѣ событій даже времени на совершеніе ихъ не хватить.

«Слѣдовательно, намъ пришлось бы опасаться противодѣйствія лишь со стороны сухопутной. Но кому неизвѣстно могущество совершившихся фактовъ? Какъ бы дурно ни были расположены къ намъ державы, онѣ еще не спустились по лѣстницѣ, приведшей въ 1853 году къ коалиціи. Державы не готовы. Австрія одна по своему географическому положенію въ состояніи причинить намъ большія затрудненія. Посмѣетъ ли она?

«Это маловѣроятно, если наступленіе наше будетъ быстрое, не оставляющее Австро-Венгрии времени для подготовленія политико-стратегическихъ интригъ. Графъ Андраши себя обезпечилъ въ предвидѣніи подобной случайности. У него въ рукахъ рейхштадтское обязательство, мы постараемся его подтвердить ²⁾. Весьма правдоподобно, что онъ предпочтетъ слѣдовать по пути, указанному въ письмѣ императора Франца-Иосифа, т. е. предоставитъ намъ полную свободу дѣйствовать, имѣя въ виду занять Боснію подѣ

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что если рѣшиться на самостоятельное дѣйствіе и на войну—самое рациональное было (какъ я неоднократно предъ тѣмъ заявлялъ въ Константинополѣ) приступить къ военнымъ дѣйствіямъ безотлагательно осенью. Зимній походъ 1877—1878 года, совершенный при несравненно худшихъ обстоятельствахъ и при болѣе суровой зимѣ, нежели предыдущая, блистательно это доказалъ. Но для полного успѣха нужно было подготовить возстанія грековъ, албанцевъ, армянъ, курдовъ, какъ я тоже указывалъ и какъ было вполне возможно, а министерство иностранныхъ дѣлъ постоянно противодѣйствовало и воздвигало мнѣ препятствія. Странно, что въ запискѣ, поданной канцлеромъ государю на совѣтѣ, элементы, которые могли бы существовать, но не существовали въ дѣйствительности, были легкомысленно приняты въ расчетъ, и что министерство иностранныхъ дѣлъ, не посоветовавшись съ авторитетными лицами, считало возможнымъ окончить войну въ одинъ мѣсяць времени, чего я въ Константинополѣ никогда и не могъ предположить.

Авт.

²⁾ Вотъ гдѣ корень всего сотвореннаго Россіи зла въ 1876—1878 году. Министерство иностранныхъ дѣлъ само вырыло яму, въ которую ввалилось, пожертвовавъ интересами Россіи для призрачной, ложной выгоды.

Авт.

предлогомъ принятія предосторожностей и обезпечить Австро-Венгрии безъ выстрѣла пріобрѣтеніе того, что она считаетъ необходимымъ и достаточнымъ для своей безопасности.

«Остается Германія, которая можетъ быть всегда верховнымъ рѣшителемъ дѣла. Но если Австрія съ нами согласна, князь Бисмаркъ не можетъ стать во главѣ коалиціи, противъ насъ направленной. Можно утверждать, что никогда еще при войнахъ нашихъ съ Турціею мы не были въ такомъ выгодномъ положеніи и никогда еще не располагали такими средствами быстро и безъ большихъ жертвованій достигнуть такихъ рѣшительныхъ результатовъ.

«Если, напротивъ того, мы протянемъ до весны объявленіе войны, то, не считая финансовыхъ потерь, которыя мы понесемъ въ теченіе шести мѣсяцевъ нерѣшительнаго выжиданія, кто можетъ поручиться, что произойдетъ въ Европѣ въ теченіе этого времени, какое измѣненіе въ мнѣніяхъ окажется, какія интриги завяжутся и въ какомъ положеніи мы будемъ находится, когда наступитъ наконецъ минута дѣйствія? Достоверно ли, что Сербія и Черногорія будутъ въ состояніи продержаться до весны?

«Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе турецкой арміи также очень затруднительно и что зима ей не благоприятствуетъ; но кто можетъ предсказать тѣ соображенія, которыя изобрѣтетъ сэръ Генри Эллиотъ, чтобы помочь ей преодолѣть опасности? Очевидно, что онъ ихъ предвидитъ. Всѣ отговорки, предлоги, неудовлетворительныя перемирія и предложенія, которыя онъ внушаетъ туркамъ, не имѣютъ другой цѣли, какъ выиграть время и провести зиму безъ вредныхъ происшествій. Если онъ этого добьется, нѣтъ сомнѣнія, что онъ воспользуется добытымъ временемъ.

«3) На основаніи вышензложеннаго я остаюсь при убѣжденіи¹⁾, что немедленное дѣйствіе для насъ представляетъ наибольшія выгоды.

«Но можемъ ли мы, пока еще ведутся переговоры и толкуютъ о перемиріи, объ условіяхъ мира и о созывѣ конференціи на основаніяхъ, нами принятыхъ, рискнуть на такой рѣшительный ударъ, какъ объявленіе войны? Не будетъ ли оно равнозначаще непосредственному вызову Европѣ? Подъ какимъ предлогомъ, по какому поводу сдѣлаемъ мы этотъ разрывъ? А если мы будемъ изыскивать подходящій случай и соблюдемъ всѣ благоприличія, не рискуемъ ли мы прозѣвать минуту, когда мобилизація и открытіе военныхъ дѣйствій будутъ еще возможны?

«Вотъ тотъ затруднительный вопросъ, который подлежитъ нашему рѣшенію.

---

¹⁾ Почему же князь Горчаковъ такъ скоро потерялъ изъ виду высказанное государю убѣжденіе и, позабывъ его, сталъ оттягивать войну до весны, когда, очевидно, всѣ выгоды перешли на сторону противниковъ нашихъ? Авт.

«Не принимая въ расчетъ военныя и финансовыя соображенія, а единственно съ политической точки зрѣнія, казалось бы, что мы должны бы остановиться на слѣдующемъ образѣ дѣйствій:

«1) Обождать отвѣта изъ Вѣны.

«2) Пока категорически распознать намѣренія императора Вильгельма, сообщивъ ему наши желанія, цѣль нашего возможнаго самостоятельнаго дѣйствія и нашихъ переговоровъ съ Австро-Венгріей, просить его поставить насъ въ извѣстность яено и опредѣленно относительно того, что мы можемъ ожидать съ его стороны.

«3) Вернуть нашего посла въ Константинополь, въ виду мирныхъ переговоровъ.

«4) Произвести мобилизацію, въ концѣ октября, въ тѣхъ частяхъ имперіи, гдѣ зима могла бы затруднить быстрое сосредоточеніе войскъ, съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ надобности, военныя дѣйствія могли бы начаться въ ноябрѣ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что нести расходы мобилизаціи безъ убѣжденія въ неизбѣжности войны прискорбно. Но эти расходы не будутъ безплодны.

«Рѣшительное положеніе, нами принимаемое, воздѣйствуетъ чрезвычайно на ходъ мирныхъ переговоровъ, если въ то же время требованія наши пребудутъ справедливыми и умѣренными. Такимъ образомъ мы можемъ избѣгнуть тяжелой необходимости войны. А если мы будемъ вынуждены ее предпринять, то мы съ достовѣрностью можемъ выбрать удобную минуту и дѣйствовать съ надлежащею быстротою.

«Всѣ эти замѣчанія сдѣланы въ предположеніи перемирія и мирныхъ переговоровъ.

«Если не сговорятся о перемирії, а военныя дѣйствія будутъ продолжаться и воздѣйствіе дипломатическое окажется положительно безсильнымъ и тогда, когда шесть державъ будутъ дѣйствовать вмѣстѣ, точно такъ же, какъ и когда было ихъ лишь три, — императорскій кабинетъ получилъ бы достаточное основаніе отказать отъ дальнѣйшаго продолженія переговоровъ и заявить свои окончательныя предположенія (ультиматумъ) Портѣ и державамъ. Послѣдствіемъ этого рѣшительнаго шага былъ бы или миръ, согласный съ нашими видами, или выжидательное положеніе, если мы согласимся съ Австро-Венгрією дожидаться весны, или, наконецъ, немедленное начатіе военныхъ дѣйствій. Окончательное рѣшеніе могло бы быть принято по полученіи отвѣтовъ изъ Вѣны и Берлина.

Слѣдовательно, князь Горчаковъ предлагалъ государю императору 2-го и 3-го октября ¹⁾ вернуть меня въ Константинополь, исключительно для мирныхъ переговоровъ, открываемыхъ на основаніи англійской программы, нами принятой, и въ то же время моби-

¹⁾ Записка была составлена 1-го октября барономъ Жомини.

лизовать часть войск и принять угрожающее положеніе противъ Турціи, подчинивъ свое окончательное рѣшеніе полученію отзывовъ изъ Берлина и изъ Вѣны. До ноября должно было рѣшиться: будемъ ли мы дѣйствовать со всею Европою вмѣстѣ, съ одною ли Австрією съ весны 1877 года, или же, наконецъ, объявимъ ли мы войну Турціи въ ноябрѣ 1876 года.

Хотя многое сказанное въ докладѣ подлежало критикѣ, не вполне точно выражало дѣйствительность и запутывало еще болѣе существующее положеніе, но мысли канцлера были приняты въ основаніе, несмотря на многія замѣчанія, высказанныя мною, когда князь Горчаковъ въ высочайшемъ присутствіи обвинялъ меня въ томъ, что я останавливаюсь на мелочахъ, захожу въ излишнія подробности и что руковожусь предвзятымъ и неосновательнымъ недо-вѣріемъ къ графу Андраши. По окончаніи совѣта его величество повелѣлъ настоятельно мнѣ тотчасъ же возвратиться въ Константинополь, вручить Абдуль-Гамиду мои вѣрительныя грамоты и войти въ соглашеніе съ послами другихъ державъ, на основаніи англійскихъ исходныхъ предложеній, нами принятыхъ.

3-го октября князь Горчаковъ добавилъ слѣдующее письменное заключеніе къ своему докладу:

«1) Опытъ прошедшаго года доказалъ, что наши усилія соединить Европу для общаго воздѣйствія на Востокъ обречены на неудачу. Кабинеты согласны въ принципѣ, что необходимо сдѣлать что-нибудь для христіанъ, но они, очевидно, отвергаютъ мысль принудить Порту дѣйствовать въ благопріятномъ смыслѣ. Увѣренность въ такомъ расположеніи кабинетовъ будетъ всегда поощрять ту-рокъ въ ихъ горделивомъ упорствѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ выхода изъ заколдованнаго круга. Объявленныя реформы останутся безъ гарантіи исполненія.

«2) Если бы мы могли, какъ другія державы, ограничиться теоретическимъ сочувствіемъ и утѣшиться при видѣ бѣдствій, угрожающихъ нашимъ единовѣрцамъ, мы могли бы допустить продолженіе такого двусмысленнаго положенія.

«3) Наше положеніе иное. Наши интересы и вѣковыя преданія слишкомъ затронуты, народное чувство слишкомъ возбуждено. Мы должны выйти изъ нынѣшнихъ затрудненій.

4) «Внѣ войны, къ которой надлежитъ прибѣгнуть лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, казалось бы, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противодѣйствія противъ нерѣшительности, дурного расположенія и предразсудковъ кабинетовъ является внушеніе имъ опасенія нашего самостоятельнаго единичнаго дѣйствія.

«5) Если убѣдятся въ рѣшительности и готовности нашей добиться, даже силою и безъ содѣйствія другихъ, исполненія умѣренной программы, возможно, что державы рѣшатся ее принять и поддержать, предпочитая избѣгнуть оставленія насъ съ глазу на глазъ съ Турцією и возбужденія общаго европейскаго кризиса.

«6) Кажется, что это послѣдняя возможность мирнаго исхода.

«7) Съ этою цѣлью необходима умѣренность въ нашихъ требованіяхъ, чтобы не возбудить противъ насъ Европы; но требованія эти должны быть поддержаны военными мѣропріятіями, свидѣтельствующими о нашемъ твердомъ намѣреніи или привести кабинеты къ соглашенію съ нами, или же противодѣйствовать враждебной коалиціи быстрою ¹⁾ совершившихся фактовъ, въ случаѣ, если мирное разрѣшеніе окажется невозможнымъ».

Докладъ князя Горчакова былъ данъ мнѣ взамѣнъ письменной инструкціи, съ добавленіемъ записки, составленной на основаніи рѣшенія совѣта барономъ Жомини, по соглашенію со мною и утвержденной канцлеромъ. Вотъ содержаніе этой записки, въ переводѣ ²⁾:

«Англійскія предложенія могли быть приняты въ основаніе конференціи преимущественно вслѣдствіе ихъ малой опредѣленности. Задача конференціи заключается въ томъ, чтобы придать имъ точное, практическое очертаніе, развить подробности и указать способы исполненія. Вотъ смыслъ, который мы придаемъ этимъ предложеніямъ:

«1) Для Сербіи *status quo ante bellum*, то есть возстановленіе существовавшаго передъ войною, исключаящее, по нашему мнѣнію, крайнія притязанія обѣихъ сторонъ. Но нельзя не признать, что полное возстановленіе *status quo* возвратило бы обѣимъ сторонамъ то тяжелое положеніе, которое вызвало нынѣшній кризисъ.

«Кабинеты, предлагающіе свое посредничество для установленія прочнаго мира, не могутъ желать обратнаго результата. Слѣдовательно, остается желать, чтобы при возстановленіи *status quo* были введены улучшенія, возможные при данныхъ обстоятельствахъ. Если бы, съ одной стороны, удовлетворили Сербовъ оставленіемъ имъ Малато-Зворника, а съ другой—предоставили бы Турціи относительно могущихъ возобновиться нападеній Сербовъ тѣ же гарантіи,

¹⁾ Замѣчательно, что канцлеръ и баронъ Жомини постоянно напирали на то, что предстоятъ «быстрыя» дѣйствія съ нашей стороны, а ихъ-то и не оказалось впоследствии. Туманъ, полумѣры, потеря времени и нерѣшительность преобладали во всемъ.

Авт.

²⁾ Текстъ приведенъ «въ переводѣ» на русскій языкъ, такъ какъ въ прежнее время значительная часть внутренняго дѣлопроизводства въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ проходила по-французски. При Александрѣ III окончательно установился нынѣ существующій порядокъ, при которомъ внутреннее дѣлопроизводство совершается исключительно на рускомъ языкѣ, а международныя ноты пишутся по-французски. Исключеніе составляютъ, однако, англо-саксонскія государства (Англія и Сѣверная Америка), которыя не соглашаются писать на какомъ бы то ни было языкѣ, кромѣ англійскаго. Въ отвѣтъ съ нашей стороны посылаются имъ ноты исключительно по-русски. Такое, весьма достойное, распоряженіе послѣдовало, насколько мнѣ помнится, по личному распоряженію покойнаго государя Александра III.

А. Б.

которыя трактатъ 1856 года выговорилъ въ пользу княжествъ, на случай вступленія въ него турецкихъ войскъ, то есть единогласное предварительное согласіе всѣхъ великихъ державъ, — то симъ, можетъ быть, удалили бы изъ ихъ взаимныхъ отношеній причины недовѣрія и постоянныхъ пререканій.

«Что касается денежной военной контрибуціи, требуемой Портою, конференція можетъ найти приличнымъ допустить въ принципѣ вознагражденіе. Но слѣдуетъ замѣтить, что Сербія вытерпѣла страшныя невзгоды и наказана въ достаточной степени, а также, что страна разорена и опустошена самими турками и не въ состояніи выплатить контрибуціи. Мы должны горячо отстаивать эту мысль. Въ крайности, если нельзя будетъ отвергнуть принципъ вознагражденія, примѣненіе онаго можетъ быть допущено лишь въ формѣ увеличенія годовой дани, соображеннаго со средствами края.

«Сверхъ того нельзя не признать, что миръ не возстановится прочнымъ образомъ, на этихъ основаніяхъ, съ Сербіею, если невыносимое положеніе сопредѣльныхъ турецкихъ областей, вызвавшее нынѣшнюю борьбу и продолженіе котораго угрожало бы постоянно возобновленіемъ оной, не будетъ существенно и дѣйствительно улучшено. Хотя Порта потребовала для охраненія своего достоинства, чтобы эти два вопроса были совершенно отдѣлены одинъ отъ другого, но кабинеты, желающіе достигнуть прочнаго мира, должны разсматривать ихъ въ тѣсной зависимости одинъ отъ другого.

«2) Черногорія. Тѣ же разсужденія примѣняются и къ этой странѣ, несмотря на различіе ея положенія въ военномъ отношеніи. Возстановлять старое значило бы продолжать невыносимое прошлое, благодаря которому сохраненіе спокойствія въ этихъ краяхъ было всегда сомнительнымъ. Разумѣется, что общая выгода всѣхъ заключается въ измѣненіи этого положенія и во введеніи такихъ постановленій, которыя, отстраняя крайнія притязанія Черногорин, обезпечили бы ей болѣе сносныя условія существованія. Что касается формы, въ которую облекутся эти уступки Черногоріи, то можно соблюсти все то, что можетъ облетчить ихъ Портѣ. Кабинеты, долженствующіе дорожить миромъ, несравненно болѣе, нежели оттоманской шепетильностью, обязаны очень твердо настаивать на этомъ. Въ сущности разрѣшеніе прежнихъ затрудненій было бы въ интересахъ самой Порты, достоинство которой было бы ограждено единогласнымъ рѣшеніемъ Европы. Что касается размѣровъ уступокъ, они будутъ зависѣть отъ хода переговоровъ. Наименьшія, казалось бы, должны состоять въ присоединеніи участковъ земли, необходимыхъ для увеличенія средствъ продовольствія жителей и для доставленія имъ выхода на море.

«Чѣмъ болѣе Порта сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи по собственному побужденію, тѣмъ болѣе она обезпечитъ себѣ спокойствіе, въ которомъ она такъ нуждается.

«3) Боснія и Герцеговина. Принятіе мѣръ, предоставляющихъ населенію контроль надъ чиновниками правительственными и обезпечивающихъ жителей отъ произвола, — желательная цѣль реформы. Но понятно, что вся суть заключается въ средствахъ примѣненія и въ гарантіяхъ исполненія. Мысль учрежденія предложенной европейской комиссіи представляетъ нѣкоторую гарантію исполненія, но сопряжена съ неудобствами.

«Чтобы быть мѣрою дѣйствительною, комиссія должна бы вмѣшиваться въ каждую отрасль администраціи, и такимъ образомъ турецкія области находились бы въ сущности подъ управленіемъ европейской комиссіи.

«Въ случаѣ столкновенія съ турецкимъ губернаторомъ или разногласія съ Портою комиссія должна имѣть возможность опереться на матеріальную силу. Это убѣжденіе приводитъ къ возобновленію мысли о военномъ занятіи этихъ областей, что возбуждало такое противорѣчіе. Наконецъ, для того, чтобы комиссія могла исполнить свою задачу, первымъ условіемъ должно быть единодушіе ея членовъ. А между тѣмъ опытъ доказываетъ, что въ подобныхъ комиссіяхъ чиновники, обыкновенно, еще усиливаютъ разномысліе и взаимную зависть кабинетовъ. Комиссія могла бы лишь временно наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе реформъ и служить посредницею между христіанами и мусульманами, продолжающими совмѣстное существованіе, несмотря на взаимную враждебность.

«Самое существенное условіе успѣха реформъ; чтобы онѣ были основаны на такомъ принципѣ, который въ корень подрѣзалъ бы зло. Но постоянное зло, которое не могли до сихъ поръ отвратить даже добрыя намѣренія Порты, это присутствіе въ краѣ турецкаго мусульманскаго чиновника, присланнаго управлять христіанами, съ содѣйствіемъ турецкихъ войскъ и мусульманскаго населенія. Пока такія отношенія будутъ положены въ основу мѣстнаго управленія, никакая реформа въ пользу христіанъ не будетъ выполнена.

«Поэтому слѣдовало бы, по моему мнѣнію, провести мысль объ удаленіи всякаго чиновника; назначеннаго Портою, сосредоточеніи регулярныхъ войскъ въ одиѣхъ крѣпостяхъ и безусловномъ исключеніи иррегулярныхъ войскъ. Страна, управляемая туземными чиновниками, избранными самимъ населеніемъ, получила бы настоящую автономію. Что касается подробностей мѣстныхъ учрежденій, то основы ихъ найдутся въ многочисленныхъ хаттахъ, ирадѣ и разныхъ указахъ Порты, въ особенности же въ послѣднихъ распоряженіяхъ и работахъ, предпринятыхъ въ послѣдніе годы царствованія султана Абдуль-Азиса. Главное затрудненіе встрѣтится въ примѣненіи этихъ началъ въ округахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. На этотъ предметъ должны быть направлены все вниманіе и усилія конференціи. Но какія бы видоизмѣненія ни были введены по мѣстнымъ потребностямъ, чѣмъ болѣе они будутъ придерживаться об-

шаго начала исключенія чиновниковъ не туземцевъ, тѣмъ болѣе доставятъ они ручательства въ успѣхѣ. Въ этомъ отношеніи Боснія и часть Болгаріи представляютъ, въ особенности, затрудненія въ виду преобладанія мусульманскаго элемента; выборное начало обезпечило бы тамъ господство беговъ, не обезпечивая нисколько христіанскаго меньшинства. Конференція должна посоветоваться относительно этого вопроса съ свѣдущими людьми изъ христіанъ и мусульманъ, какъ указывасть на то телеграмма лорда Дерби. При подобномъ лишь изслѣдованіи могутъ быть выяснены мѣстные условія.

«Вопросъ о губернаторѣ также щекотливый. На выборнаго областного начальника изъ туземцевъ не согласятся, изъ опасенія слишкомъ большого ослабленія политической связи съ Стамбуломъ. Губернатора-христіанина, избраннаго на 10 лѣтъ съ согласія державъ, какъ въ Ливанѣ, Порты почла бы для себя унижительнымъ; было бы почти невозможно заставить мусульманское населеніе Босніи ему подчиниться.

«Самымъ практическимъ исходомъ казалось бы поставить турецкаго губернатора, назначеннаго Портою, но при условіи, что выборъ лица будетъ произведенъ съ предварительнаго одобренія державъ. Впрочемъ, разъ что будетъ соблюдено условіе объ удаленіи чиновниковъ Порты и сосредоточеніи войскъ въ одѣхъ крѣпостяхъ, возможность злоупотребленія властью со стороны высшихъ правительственныхъ лицъ значительно уменьшится.

«4) Тѣ же самыя замѣчанія примѣнимы и къ Болгаріи, и въ ней должны быть введены тѣ же реформы, соображаясь съ мѣстными условіями, которыя выяснятъ свѣдущіе люди.

«5) Сверхъ того было бы полезно ввести на конференцію разсмотрѣніе слѣдующихъ двухъ второстепенныхъ вопросовъ:

«а) запрещеніе, въ мирное время, селить выходцевъ съ Кавказа въ Европейской Турціи, а въ военное—употреблять башибузуковъ;

«б) уничтоженіе рабства, существующаго еще въ Турціи во второй половинѣ XIX столѣтія, не только въ видѣ злоупотребленія, но въ качестве учрежденія, лежащаго въ основаніи домашней жизни мусульманъ».

Что касается послѣдняго пункта, т. е. требованія уничтоженія рабства повсемѣстно въ Турціи, то я считалъ преждевременнымъ возбуждать оное, въ виду того, что такого рода заявленіе возстановитъ бесполезно и безповоротно все мусульманское духовенство, чиновничество и народъ противъ Россіи, тѣмъ болѣе, что Порты можетъ отвѣтить, что рабство собственно не существуетъ, такъ какъ люди, и въ особенности женщины, находящіяся въ рабствѣ, не носятъ этого названія, а переименованы въ «генеду». Значеніе тождественное, но наименованіе «раба» можетъ быть оспариваемо. Я полагалъ, что, во всякомъ случаѣ, подобное требо-

ваніе, не вызываемое ни прямыми интересами Россіи, ни условіями развитія нашихъ единовѣрцевъ, касающееся всего уклада мусульманской жизни, могло бы быть заявлено лишь при разрывѣ, или въ окончательной деклараціи, при прекращеніи переговоровъ».

Съ такими инструкціями и выраженіями личнаго довѣрія государя я отплылъ изъ Крыма на другой день послѣ совѣта, 4-го октября, на императорской яхтѣ «Эрикликъ» въ Константинополь.

Продолжая не вѣрить въ благопріятные результаты нашего соглашения съ Берлиномъ и Вѣною и не довѣрять искренности Австро-Венгрии, я стремился достигнуть прекращенія кровопролитія мирными переговорами съ турками и старался ладить со всѣми представителями великихъ державъ, съ цѣлью достиженія совокупнаго, дѣйствительнаго воздѣйствія на Порту и расширенія тѣсныхъ рамокъ стѣнительнаго тройственнаго соглашения.

Вступаясь, съ обычною энергіею, за единовѣрцевъ своихъ, я старался смягчить свои отношенія къ Портѣ и не раздражать турокъ, чтобы не бросить ихъ въ распростертыя объятія Англій, стремившейся, въ лицѣ Элліота и Биконсфильда, принять турокъ подъ свое исключительное покровительство и руководство, вытѣснивъ радикально наше вліяніе на берегахъ Босфора.

Вручая султану Абдуль-Гамиду свои вѣрительныя грамоты, я тотчасъ же занялъ положеніе посредника между Турціею, Сербіею и Черногоріею и ходатая за угнетаемыхъ болгаръ. На частной аудіенціи, слѣдовавшей за официальнымъ приѣмомъ, я выяснилъ султану предшествовавшія обстоятельства съ русской точки зрѣнія, нынѣшнее положеніе Турціи и совершенную необходимость немедленнаго прекращенія кровопролитія и установленія такихъ мирныхъ условій, сохраненіе которыхъ было бы для христіанскихъ княжествъ и населеній возможно.

Переговоры личные съ султаномъ, верховнымъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ привели къ тому, что Порта согласилась заключить перемиріе на шесть недѣль, съ тѣмъ, что если въ теченіе этого времени не будутъ установлены условія мира, то оно будетъ продолжено еще на шесть недѣль и наконецъ еще на два мѣсяца, съ цѣлью дать полную возможность избѣгнуть возобновленія военныхъ дѣйствій между Турціею, Сербіею и Черногоріею, а также и въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, если это будетъ соответствовать нашимъ видамъ, или же возобновить военныя дѣйствія въ избранное нами время.

Представители европейскіе, вопреки личному нерасположенію Элліота, одобрили добытый мной результатъ и готовы были присоединиться къ моимъ представленіямъ, для установленія общаго соглашения по предмету повсемѣстнаго прекращенія военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ.

XI.

Между тѣмъ виды императорскаго правительства подвергнулись нѣкоторымъ измѣненіямъ со времени моего отъѣзда изъ Крыма.

14-го октября канцлеръ извѣстилъ меня въ Константинополь, что ожидается отвѣтъ изъ Вѣны императора Франца-Иосифа на собственноручное письмо его величества. Въ тотъ же день долженъ былъ прибыть въ Ливадію англійскій посоль лордъ Лофтусъ ¹⁾ и ожидался скорѣе германскій посоль генераль Швейницъ ²⁾ съ отвѣтомъ берлинскимъ. По пріѣздѣ Швейница въ Крымъ, генераль Вердеръ ³⁾ (германскій военный уполномоченный, постоянно находившійся при государѣ и зорко слѣдившій за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается у насъ) долженъ былъ отправиться въ Берлинъ. Въ тѣ же дни съ тѣмъ князь Горчаковъ извѣстилъ меня, что императоръ Вильгельмъ не только приказалъ своему послу въ Константинополь поддерживать наши требованія перемирія, въ томъ смыслѣ, какъ мы хотѣли его установить, но и обратился ко всѣмъ кабинетамъ съ предложеніемъ къ намъ присоединиться. По свѣдѣніямъ канцлера, почерпнутымъ изъ англійскихъ источниковъ, Іонъ Гика ⁴⁾,

¹⁾ Лордъ Лофтусъ родился въ 1817 году, получилъ высшее образованіе въ Кембриджѣ и занималъ разные дипломатическіе посты въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ. Онъ былъ великобританскимъ посломъ въ Петербургѣ съ 1871 г. по 1879 г., а впоследствии былъ губернаторомъ въ Австраліи, въ Нью-Саутъ-Уэльсѣ. А. Б.

²⁾ Генераль Гансъ-Лотаръ фонъ-Швейницъ родился въ Силезіи въ 1822 году и прошелъ сначала военную карьеру, причѣмъ состоялъ военнымъ агентомъ Пруссіи—въ Вѣнѣ съ 1861 года и въ Петербургѣ съ 1865 года. Затѣмъ назначенъ въ 1869 г. прусскимъ посланникомъ въ Петербургъ; въ 1871 году занялъ постъ германскаго посла сначала въ Вѣнѣ (1871 г.), потомъ въ Петербургѣ (1876 г.). А. Б.

³⁾ Генераль Бернгардъ Вердеръ былъ съ 1869 по 1886 г. прусскимъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ генераломъ графомъ Августомъ фонъ-Вердеромъ, который командовалъ 14-мъ корпусомъ прусской арміи во время франко-прусской войны, разбилъ армію Бурбаки, отбѣснилъ восточную французскую армію при Бельфорѣ и въ 1879 году—возведенъ въ графское достоинство. А. Б.

⁴⁾ Іонъ (Иванъ) Гика, изъ стараго молдавскаго княжескаго рода, албанскаго происхожденія; родился въ 1817 году и получилъ образованіе въ Парижѣ; съ 1843 г. читалъ политическую экономію въ яскомъ университетѣ и принялъ участіе въ революціонныхъ событіяхъ 1848 года, вслѣдствіе коихъ валашскій правитель князь Бибеско былъ вынужденъ отречься отъ господства. Группа румынскихъ патриотовъ, къ которымъ принадлежалъ Іонъ Гика, была враждебна Россіи. Въ 1856 году Порты назначила Іона Гика губернаторомъ острова Самоса. Впоследствии, послѣ отреченія князя Кузы, избранія Карла I изъ дома Гогенцоллерновъ (1866 г.) и провозглашенія національнаго единства Румыніи, Гика вступилъ въ томъ же году въ министерство Катарджи, съ портфелемъ военнаго министра. 28-го іюля 1866 года онъ сдѣлался предсѣдателемъ совѣта министровъ, но въ 1867 году вышелъ въ отставку и вступилъ въ ряды оппозиціи. Въ августѣ 1870 года онъ сдѣлалъ попытку республиканскаго переворота. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ враждебныхъ отношеній къ румынскому князю, Іонъ Гика пошелъ на компромиссы и въ 1876 году былъ назначенъ вице-президентомъ румынскаго сената. Въ 1881 году онъ получилъ постъ посланника въ Лондонѣ.

А. Б.

посланный въ Вѣну и Лондонъ изъ Бухареста, старался узнать: поддержать ли державы румынскую армію, если она воспротивится проходу русскіхъ войскъ чрезъ княжество, заявляя, что румыны могли бы присоединить порядочное количество хорошихъ войскъ къ австрійской арміи, предназначенной дѣйствовать противъ Россіи, но что въ противномъ случаѣ, т. е. при предоставленіи Румыніи собственнымъ средствамъ, она должна будетъ сохранить добрыя отношенія съ Россіею.

Въ это время настроеніе въ Ливадіи было воинственнымъ. Можетъ показаться страннымъ, что на государя и канцлера и приближенныхъ къ нимъ лицъ значительно повліяли горячія рѣчи одного изъ членовъ московскаго славянскаго комитета Пороховщикова ¹⁾, самовольно прибывшаго въ 20-хъ числахъ октября, принятаго государемъ 21-го и краснорѣчиво, но преувеличенно изобразившаго воодушевленіе и воинственное настроеніе не только москвичей, но, какъ онъ выразился, «всей Руси православной», ставшей якобы подъ знамя славянскаго комитета и выславшей своихъ добровольцевъ для борьбы съ Турціею и помощи нашимъ единовѣрнымъ братьямъ. Государя поразила мысль, что русскій народъ вступитъ въ войну помимо воли правительства и не ожидая его рѣшенія ²⁾.

¹⁾ А. А. Пороховниковъ въ недавно изданной имъ брошюрѣ подробно описалъ аудіенцію, дарованную ему въ Ливадіи, и разговоръ, происходившій между нимъ и царемъ-Освободителемъ; есть весьма трогательныя черты, обнаруживающія глубокую человѣчность въ душевномъ складѣ Александра II, который въ этотъ моментъ понималъ народную душу, вопреки окружавшимъ его придворнымъ вліяніямъ и всеильному значенію пѣмецкой партіи. Народная масса въ Болгаріи пелищемѣрно проникнута культомъ царя-Освободителя. Личныя воспоминанія Пороховщикова объ аудіенціи, ему данной въ Ливадіи, доказываютъ, что народный инстинктъ здѣсь не ошибся и что эти золотыя струны были въ дѣйствительности въ душѣ Александра Николаевича; онъ прозвучали неоднократно: наканунѣ освобожденія крестьянъ, наканунѣ славянской войны, въ послѣдній смертный часъ («Дайте мнѣ утѣшить моихъ раненыхъ!»). Но эти струны звучали далеко не всегда. Онѣ были глухи въ Рейхштадтѣ. Онѣ заглохли, когда племянникъ дядѣ обѣщаніе не вводитъ побѣдоносныхъ русскіхъ войскъ въ Царьградъ. Подъ слоемъ условной лести наносится худшее затемненіе человѣческой стороны вѣщносцевъ: они всегда правы... стало быть—никогда, дополняетъ невольный голосъ безыменнаго читателя панегириковъ. Но проходитъ поколѣніе. Получается возможность свободно и неподкупно отгнать добро и зло; сразу отъ свободы изслѣдованія растетъ самая личность исторически уже прославленныхъ и судимыхъ вѣщносцевъ. И, благодаря безпристрастію этихъ лучшей исторіи, вырисовывается передъ нами нѣжный обликъ души Александра II, умѣвшаго «народу сострадать».

А. Б.

²⁾ Дѣятельность московскаго славянскаго комитета и его петербургскаго отдѣла, переименованнаго въ апрѣлѣ 1877 года въ самостоятельное петербургское Славянское благотворительное общество, была дѣйствительно знаменательна. Эти учрежденія сдѣлались центромъ сильнаго, вполне народнаго движенія, охватившаго, словно душевный вихрь, народную массу, даже до низовъ. Очевидцы вспоминаютъ, какъ въ Москвѣ громадныя толпы народа наполняли улицу тамъ, гдѣ происходили сборъ пожертвованій и запись добровольцевъ. Послѣдовавшее впоследствіи закрытіе московскаго комитета прекратило издательскую его дѣятельность, въ связи съ чѣмъ

Государь рѣшился взять дѣло въ свои руки и выяснитъ это въ своей знаменитой рѣчи въ Москвѣ.

15-го октября прибылъ въ Ливадію, вызванный туда, великій князь Николай Николаевичъ, и рѣшено было приступить къ мобилизаціи арміи, начальство надъ которою ввѣрить его высочеству. Рѣшеніе относительно приступа къ мобилизаціи не было сообщено мнѣ, я узналъ о принятіи военныхъ мѣръ изъ газетъ, одновременно съ московскою рѣчью государя и возвращеніемъ его величества въ Петербургъ.

Рѣчь государя была для меня совершенной неожиданностью. Она сразу измѣнила наши отношенія не только къ Портѣ, но и къ представителямъ другихъ державъ. На тонъ и рѣшительныя выраженія царскаго слова въ Кремлѣ повліяла, несомнѣнно, подлинная и оскорбительная для Россіи рѣчь лорда Биконсфильда ¹⁾, произ-

затруднительно дать ясныя отчетныя свѣдѣнія о его весьма значительной дѣятельности въ то время; но зато петербургскій его отдѣлъ сохранилъ въ высшей степени ясный и полный отчетъ о своихъ операціяхъ, изъ коихъ отмѣтитъ слѣдующее: съ 21-го сентября 1876 г. по 8-го октября 1876 г.—было собрано «комиссіею по сбору пожертвованій» (подъ первоначальнымъ предсѣдательствомъ А. Д. Башмакова) 810,699 рублей, причемъ главными видами помощи славянамъ, изъ этой суммы, явились слѣдующія мѣропріятія: а) посланы на Балканскій полуостровъ—8 врачей, 13 студентовъ и фельдшеровъ, 6 фельдшерницъ и 2 сестры милосердія, на средства общества; б) отправлены добровольцы въ Сербію, причемъ по 1-го октября 1876 года послано непосредственно комиссіею славянскаго общества: 1 генераль, 17 штабъ-офицеровъ, 343 оберъ-офицера, 289 нижнихъ чиновъ, 176 разnochинцевъ; сверхъ того отправлено изъ Варшавы 31 офицеръ, а изъ Ковны 12 офицеровъ, причемъ выдано въ распоряженіе М. Г. Черныява: 25,000 рублей и сверхъ того 30,000 рублей на отправленіе 120 донскихъ казаковъ, въ полномъ вооруженіи, съ лошадьми; в) изъ наиболѣе видныхъ статей расхода слѣдуетъ отмѣтить: 130,000 рублей въ распоряженіе сербскаго правительства; 20,000 рублей сербской княгини Наталіи; 20,000 рублей черногорскому князю Николаю; 128,000 рублей черезъ уполномоченнаго А. С. Юнина; 72,000 рублей черезъ другихъ уполномоченныхъ и т. д. см. «Первыя пятнадцать лѣтъ существованія Славянскаго благотворительнаго общества». Спб. 1883 г., стр. 382—389; также: «Краткіи очеркъ дѣятельности петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества—1868—1893 г., составленный О. М. Истоминымъ; Спб. 1893 г. А. Б.

¹⁾ Лордъ Биконсфильдъ былъ англійскій еврей, сынъ писателя Исаака Дизраэли (1766—1848 г.), происходившаго отъ еврейскихъ выходцевъ, ушедшихъ отъ преслѣдованій испанской инквизиціи сначала въ Венецію (въ XV вѣкѣ), а потомъ въ Англію. Сынъ этого беллетриста, Вениаминъ Дизраэли достигъ высшихъ ступеней политической карьеры въ Англіи, не утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ характерныхъ чертъ и стремленій своего племени; его громадное политическое вліяніе было направлено со всею возможною интенсивностью къ устремленію національныхъ силъ Англіи противъ христіанской Россіи и противъ страждущей христіанской раи Балканскаго полуострова, чѣмъ вызывался въ глубокорелигіозной и христіански-настроенной англосаксонской душѣ—трагическій разладъ, выраженіемъ коего явился пламенный «великій старецъ» Гладстонъ въ своей знаменитой брошюрѣ о черкесскихъ и турецкихъ ужасахъ въ Болгаріи («Bulgarian Atrocities»).

Вениаминъ Дизраэли (будущій лордъ Биконсфильдъ) родился въ Лондонѣ въ 1804 году. Онъ крестился въ 1817 году. Уже семнадцати лѣтъ отъ роду онъ сталъ

несенная передъ тѣмъ въ Лондонѣ. Необычное слово царское прозвучало въ Европѣ какъ откликъ на британскій вызовъ.

Когда въ Константинополь дѣло перемирія было улажено (въ воскресенье 17-го и въ понедѣльникъ 18-го) между Портою и русскимъ посломъ и начало онаго было назначено въ слѣдующую пятницу (21-го), когда я уже сообщилъ результатъ этотъ своимъ коллегамъ, собраннымъ на совѣщаніе у лорда Эллиота въ понедѣльникъ 18-го, тогда было получено, въ ночь съ 18-го на 19-е октября

упражняться на поприщѣ адвокатской практики. А въ двадцать два года изъ-подъ его пера появляются ѣдкіе сатирическіе очерки.—«Vivian Grey», въ которыхъ описываются аристократическіе круги Англіи и почти невольно выдаетъ свои чувства авторъ, автобиографически выдвигая фигуру честолюбиваго наблюдателя, сына писателя, стремящагося сдѣлать карьеру холоднымъ расчетомъ и ловкимъ использованием чувствъ, страстей и слабостей той среды, къ которой онъ по рожденію не принадлежитъ. Къ серединѣ 30-хъ годовъ появляется уже рядъ романовъ Дизраэли, въ которыхъ появляются отчасти восточный колоритъ и мотивы, съ ясно выраженной тенденціей—гордиться своимъ юдаизмомъ. Цѣлый рядъ годовъ онъ настойчиво стремится къ успѣху на поприщѣ выборовъ въ парламентъ, стараясь сначала угодить вигамъ, потомъ торіямъ; его никакой неуспѣхъ, даже униженія не сбивали съ намѣченного пути; такъ, напримѣръ, даже послѣ перваго удачнаго избранія, когда его первая программная рѣчь (7-го декабря 1837 г.) была покрыта смѣхомъ и шумомъ со стороны его противниковъ, будучи вынужденъ прервать свой докладъ, онъ сказалъ: «Сейчасъ я долженъ унижаться; но придетъ время, когда меня будутъ слушать!»

Въ скорости послѣ того онъ достигъ матеріальной независимости черезъ женитьбу на богатой вдовѣ, г-жѣ Люнсъ. Потомъ уже развилась и упрочилась его репутація, какъ писателя, такъ и политическаго дѣятеля. Въ 1847 году вышла его глубоко задуманная книга: «Tancred, or the new crusade» (Танкредъ, или новый крестовый походъ), въ которой онъ защищалъ идею социальнаго прогресса, основаннаго на союзѣ аристократіи съ королевской властью. Въ жгучемъ вопросѣ объ отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ Дизраэли защищалъ точку зрѣнія таможеннаго протекціонизма. Въ 1848 году онъ достигъ, благодаря своей талантливости, признанія его со стороны гордой аристократіи, чуждавшей его происхожденія не изъ ея рядовъ, все-таки депутатомъ именно отъ торіевъ. Наконецъ, въ 1852 году онъ достигъ поста канцлера казначейства.

Далѣе начался уже долго длившійся политическій антагонизмъ Гладстона противъ Дизраэли. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій можно было сабдить за тѣмъ, какъ часто глубоко идейный, благороднѣйшій человекъ и великій сынъ Англіи—Гладстонъ терпѣлъ неоднократныя пораженія расчетливаго Дизраэли, который систематически осуществлялъ рядъ мѣръ, клонившихся къ укрѣпленію колониальной мощи и международной силы Англіи. Въ 1874 году послѣдовала анексія Фиджіевыхъ острововъ; въ 1875 году—пріобрѣтеніе Англіею акцій Суэцкаго канала; въ 1876 году—принятіе королевою Викторіею титула императрицы Индіи; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство приступило къ активной реорганизаціи англійскаго войска. Въ благодарность, королева возвела Дизраэли 12-го августа 1876 года въ графское достоинство съ пожалованіемъ титула Биконсфильдъ. Въ 1877 и 1878 году Дизраэли удвоилъ проявленіе своей энергіи въ восточномъ вопросѣ, усиленно мобилизуя армію и флотъ, стремясь къ тому, чтобы оторвать у Россіи плоды ея побѣды. Созывъ берлинскаго конгресса былъ, въ значительной степени, плодомъ его усилій, и Биконсфильдъ принялъ личное участіе въ этомъ конгрессѣ. Онъ умеръ, на апогеѣ своей политической извѣстности, 18-го апрѣля 1881 года, въ Лондонѣ. Титулъ лорда Биконсфильда угасть со смертью Веніамина Дизраэли.

А. Б

въ русскомъ посольствѣ по телеграфу высочайшее повелѣніе объявить Портѣ, что если въ теченіе двухъ сутокъ она не приметъ перемирія на шесть недѣль или два мѣсяца и не сдѣлаетъ немедленнаго распоряженія объ остановкѣ военныхъ дѣйствій, то все посольство выѣдетъ и дипломатическія сношенія будутъ прерваны.

Хотя внезапный, крутой оборотъ дѣла ставилъ меня въ щекотливое положеніе какъ относительно Порты, вошедшей уже со мною въ соглашеніе, такъ въ особенности представителей державъ, которыхъ я только что пригласилъ дѣйствовать совмѣстно, но, извѣстивъ канцлера относительно состоявшагося соглашения и получивъ подтвержденіе съ извѣщеніемъ, что телеграмма канцлера уже опубликована въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»¹⁾, я въ точности и энергично исполнилъ высочайшее повелѣніе, давъ Портѣ на размышленіе лишь двадцать четыре часа. Турки были ошеломлены, тѣмъ болѣе, что въ двадцать четыре часа времени мои вещи были уложены и нагруженный посольскимъ имуществомъ пароходъ стоялъ предъ буюкъ-дерескимъ домомъ, свидѣтельствуя о рѣшимости привести угрозу въ исполненіе въ назначенный срокъ. Эллиотъ пришелъ въ негодованіе и, не допуская, чтобы подача ультиматума могла быть вызвана не мною, заподозрѣлъ искренность моихъ дѣйствій и предъ турками обвинялъ меня въ вѣроломствѣ и въ желаніи довести дѣло до разрыва. Изъ внезапнаго предъявленія русскаго ультиматума послѣ того, какъ состоялось соглашеніе, султанъ и министры вывели заключеніе, что мысль о войнѣ съ Турціею созрѣла въ Россіи, что, будучи рѣшенною въ принципѣ, война будетъ объявлена рано или поздно, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Съ этой лишь минуты крайнія мнѣнія Мидхадовской партіи, давно толковавшей о неизбежности разрыва съ Россіею, взяли рѣшительно перевѣсъ надъ умѣренными воззрѣніями нашихъ старыхъ друзей, и съ этого лишь дня Турція принялась за серьезныя приготовленія къ борьбѣ съ нами. Всѣ силы и средства были направлены къ усиленію вооруженія арміи, къ увеличенію численности послѣдней и къ вооруженію крѣпостей. Турецкія военныя средства были истощены въ Герцеговинѣ, въ борьбѣ съ Черногоріею и Сербіею до того, что въ минуту подачи нашего ультиматума даже самыя ярые враги наши сознавали невозможность противиться. Нужно

¹⁾ 19-го октября—день выпуска изъ лица, и князь Горчаковъ приурочилъ какъ черноморскую декларацию 1870 г., такъ и сербскій ультиматумъ къ этому дню, не обращая вниманія на другія обстоятельства. Впослѣдствіи выяснилось, что письмомъ гр. Блудовой къ Горчакову, полученное около 15-го октября и заключавшее изображеніе отчаяннаго положенія Черняева, нашихъ добровольцевъ и сербовъ, съ воззваніемъ остановить турокъ, вызвало докладъ канцлера государю и неожиданное рѣшеніе—ультиматума.
Авт.

было не менѣ шести мѣсяцевъ, чтобы собрать армію, увеличить вооруженіе и главное—запасись снарядами и зарядами, въ которыхъ ощущался крайній недостатокъ. На другой же день послѣ принятія нашего ультиматума было постановлено въ совѣтѣ министровъ, у султана, заказать громадное количество патроновъ въ Америкѣ и Англии, снарядовъ въ Магдебургѣ, заготовить достаточно пороха и орудій, сформировать до ста новыхъ батальоновъ и дозволить вербовку охотниковъ для поступленія въ мустехвиць (ополченіе). Доставивъ въ Петербургъ контракты о снабженіи Турціи патронами съ будущей весны ¹⁾, я предсказывалъ, что чрезъ шесть мѣсяцевъ Турція приготовится къ борьбѣ, и, желая избѣгнуть войны, предлагалъ канцлеру, вмѣсто ожиданія сомнительныхъ результатовъ конференцій, разрѣшить мнѣ воспользоваться подавляющимъ впечатлѣніемъ на Порту нашего сербскаго ультиматума и подать второй ультиматумъ касательно дѣлъ единовѣрцевъ нашихъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.

Зная турокъ, я былъ убѣжденъ въ принятіи ими нашихъ требованій и что такимъ путемъ, при рѣшимости приступить у насъ къ мобилизаціи, всѣ поводы къ войнѣ будутъ устранены легче, нежели путемъ конференцій и переговоровъ, которые ослабятъ впечатлѣніе русской инициативы и дадутъ возможность туркамъ и нашимъ европейскимъ врагамъ приготовиться къ отчаянной борьбѣ съ нами.

Порта безусловно согласилась на двухмѣсячное перемиріе, съ 20-го октября, и тотчасъ же остановила свои войска, вторгнувшіяся въ беззащитную Сербію. Для надзора за исполненіемъ этого условія и проведеніемъ демаркаціонной линіи былъ командированъ мною русскій военный агентъ полковникъ Зеленый.

21-го октября, въ часъ ночи я получилъ официальную ноту, удовлетворяющую русскимъ требованіямъ, и донесъ о томъ канцлеру.

Но канцлеръ не внялъ моимъ представленіямъ и не желалъ довести дѣло умиротворенія Балканскаго полуострова до конца тѣмъ энергическимъ способомъ, къ которому онъ прибѣгъ лишь случайно, по однимъ личнымъ соображеніямъ ²⁾. Дѣло затянулось,

---

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ графъ Н. П. Игнатьевъ касается тѣхъ тайныхъ контрактовъ, которые ему удалось добыть, благодаря искусному устройству агентуры въ гнилой сферѣ турецкой бюрократіи. Изъ личныхъ бесѣдъ съ графомъ помнится, что онъ придавалъ и, конечно, вполнѣ основательно, громадное значеніе тому, что, представивъ эти контракты въ Петербургъ, онъ вполнѣ своевременно освѣдомилъ наши правительственныя высшія сферы о томъ, что Турція лихорадочно вооружается и что отсрочка войны, разъ она неизбежна, приведетъ лишь къ нашему сравнительному ослабленію передъ Турціей. А. Б.

²⁾ Тяжело сознавать, что совершенно случайные толчки и безсвязные съ виду факты были нерѣдко первопричиной крупныхъ событій, которыя по тѣсной ихъ связи

мы дали себя запутать въ разныя конференціи и обѣщанія европейскимъ державамъ, въ соглашеніе съ Австро-Венгерію и потеряли напрасно всю зиму, неся совершенно излишніе расходы и предоставляя всѣ выгоды нашимъ противникамъ. Лорду Лотфусу было обѣщано (депеша его отъ 21-го октября—2-го ноября), что если мы и вынуждены будемъ занять Болгарію, то останемся тамъ лишь до окончательнаго замиренія и что Россія не намѣрена ни въ какомъ случаѣ занимать Константинополь. Рѣшено опредѣлить устройство Болгаріи, Босніи и Герцеговины на предстоящей конференціи. Наконецъ, на случай неудачи послѣдней, приступлено къ подробному соглашенію съ Австро-Венгерію, что имѣло послѣдствіемъ въ началѣ слѣдующаго года заключеніе формальной съ ней конвенціи на почвѣ разрѣшенія восточнаго вопроса.

По принятіи Портою англійскихъ основаній, всѣ державы приготовились къ открытію конференціи, и Англія выслала въ Кон-

---

съ основными интересами Россіи заслуживали бы иного возникновенія и болѣе осмысленной связи съ общественными настроеніями въ лучшихъ и мыслящихъ слояхъ общества. Тщеславіе Горчакова и его желаніе угодить вліятельной Блудовой вызвали внезапное созрѣваніе великаго момента къ 19-му октября 1876 года, но притомъ въ такой формѣ, которая разрушала уже созданную нашимъ посломъ комбинацію, унижая его личный престижъ. Не исполнять было нельзя, ибо было палицо высочайшее повелѣніе. Предупредить монарха было тоже невозможно, ибо средоствѣіе стояло по пути—въ безмѣрномъ и мелкомъ личномъ самолюбіи канцлера. Между тѣмъ, не будь вышеуказанныхъ совершенно мелкихъ поводовъ, великая основная причина могла не привести своевременно къ историческимъ и нормальнымъ слѣдствіямъ: очевидная гибель сербскаго народа могла не вызвать въ Петербургѣ своевременнаго рѣшенія спасти и помочь. Ничто не можетъ въ такой мѣрѣ служить доказательствомъ этой горькой истины, какъ то, что далѣе повѣствуетъ Игнатьевъ: онъ видитъ, что создалось неестественное положеніе посла, почти ошелюманнаго въ глазахъ турокъ и другихъ пословъ тѣмъ, что ему вмѣнили въ обязанность ударить ультиматумомъ уже согласившуюся Порту, *несмотря на данное слово*. Игнатьевъ стремится хотя бы использовать это положеніе для творческой дѣятельности, вырвать у турокъ, пораженныхъ ужасомъ, крупныя и рѣшительныя реформы въ пользу балканскихъ христіанъ и тѣмъ создать великое, за честь Россіи; но «канцлеръ не желалъ,—говоритъ авторъ записокъ,—довести дѣло умиротворенія Балканскаго полуострова до конца», и предложеніе Н. П. Игнатьева не исполняется.

Оставимъ пока въ сторонѣ тотъ элементъ личнаго обвиненія канцлера Горчакова, который вытекаетъ изъ этого факта. Главное въ нашихъ глазахъ—гораздо болѣе важный выводъ: *обличеніе цѣлаго строя эпохи въ ея верхахъ* и обнаруженіе страшнаго ея свойства, отъ котораго не могла со временемъ не сложиться покатая плоскость, ведущая къ безднѣ. Это свойство: преклоненіе передъ внѣшней формулой царскаго самодержавія, доведенной до фетишизма, но съ явнымъ подчиненіемъ этой формулы инымъ цѣлямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ самимъ историческимъ самодержавіемъ земли русской,—цѣлямъ, всецѣло коренящимся въ фактической олигархіи, окружающей престолъ и покрывающейся лишь именемъ самодержавія. Если же случайные толчки и временныя коалиціи интригъ и личныхъ самолюбій ненарокомъ и приводятъ къ широкимъ дѣяніямъ исторической правды, то тутъ главнымъ образомъ виновна какая-то стихійность русской исторіи, которая вопреки всему тлетворному, какъ бы «съ того берега», изъ міра невѣдомаго — проявляетъ творчество черезъ головы дѣйствующихъ лицъ.

А. Б.

5*

стантинополь своего министра Индїи и колоній маркиза Салисбюри, которому англійскій посоль былъ приданъ въ качествѣ второго уполномоченнаго. Франція назначила первымъ уполномоченнымъ Шодорди ¹⁾, Австро-Венгрія прислала въ подкрѣпленіе своего представителя графа Зичи вторымъ уполномоченнымъ барона Каличе ²⁾. Такимъ образомъ, три державы имѣли по два уполномоченныхъ. Составъ всѣхъ посольствъ былъ усиленъ особыми чиновниками. Русское посольство осталось не только въ прежнемъ составѣ, но, по распоряженію канцлера, совѣтникъ посольства былъ откомандированъ на время конференціи въ Бухарестъ. Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, одному защищать интересы Россіи и ея единовѣрцевъ, съ уменьшеннымъ составомъ канцеляріи.

Въ ежегодномъ изданіи министерства иностранныхъ дѣлъ (Annuaire) 1877 года напечатаны протоколы какъ предварительной европейской конференціи, собиравшейся въ русскомъ посольствѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ, такъ и окончательной конференціи, при участіи турокъ. Протоколы эти ³⁾, хотя и краткіе, представляютъ достаточный матеріалъ для оцѣнки трудовъ конференціи и ея результатовъ ⁴⁾, но не могутъ выяснить самой существенной части, т. е. тѣхъ трудностей, которыя приходилось русскому представителю преодолѣть, и нравственную побѣду, имъ одержанную надъ

¹⁾ Графъ Шодорди (Jean-Baptiste comte de Chaudurdy)—родился въ 1828 году и занималъ разные дипломатическіе посты въ Веймарѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Карлсруэ. Съ 1868 года онъ былъ директоромъ кабинета министра иностранныхъ дѣлъ до паденія второй имперіи. Затѣмъ онъ былъ членомъ правительства національной защиты въ Турці; въ національномъ собраніи 1871 года онъ былъ депутатомъ, въ правой партіи; былъ посланникомъ въ Швейцаріи (1873 г.), въ Испаніи (1874 г.) и причисленъ былъ къ министерству въ 1878 г. Впослѣдствіи, получивъ назначеніе посломъ въ Петербургъ (1881 г.), графъ Шодорди не пожелалъ вступить въ должность, и тѣмъ закончилась его карьера.

А. Б.

²⁾ Баронъ Генрихъ Каличе (Calice) родился въ 1831 году; съ 1868 по 73 г. былъ австрійскимъ дипломатическимъ представителемъ въ Китаѣ и Японіи; въ 1874 году былъ назначенъ посланникомъ въ Бухарестъ. Послѣ 1880 года состоялъ много лѣтъ посломъ Австро-Венгрии въ Константинополь.

А. Б.

³⁾ Предназначенныя для сообщенія всѣмъ заинтересованнымъ и въ которыхъ смягчены выраженія, сглажены пререканія и разномыслія и выражена лишь сущность рѣшенія, безъ изложенія всего происходившаго во всей послѣдовательности.

Авт.

⁴⁾ Протоколы константинопольской конференціи напечатаны въ «Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877». На страницахъ 237—329 напечатаны протоколы «предварительныхъ засѣданій» (séances préliminaires), происходившихъ безъ участія Турціи, съ 11-го по 23-е декабря (нов. стили) 1876 г., на страницахъ же 330—486 помѣщены протоколы засѣданій самой конференціи, уже подъ предсѣдательствомъ Савфеть-паши, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, происходившихъ съ 11-го (23-го) декабря 1876 г. по 8-е (20-е) января 1877 года.

Послѣдніе протоколы (окончательной конференціи безъ предварительныхъ засѣданій) были переизданы въ сборникѣ Шопова (A. Schopoff)—«Les Réformes et la Protection des chrétiens en Turquie», Paris, 1904 г.) на стр. 220—337.

А. Б.

Портою, кознями враговъ Россіи и предубѣжденіями Западной Европы. Членъ англійскаго кабинета, снабженный полнѣйшими полномочіями, предубѣжденный лично противъ меня и готовившійся попутными посѣщеніями своими европейскихъ столицъ, въ особенности же Берлина и Вѣны, бороться съ русскимъ вліяніемъ, Салисбюри вынужденъ былъ не только признать, что русская политика безкорыстно, честно отстаиваетъ на Босфорѣ правое дѣло, но отказаться отъ воззрѣній англійскаго посла и войти въ близкое сердечное соглашеніе съ русскимъ представителемъ. Полная несостоятельность всей восточной политики западныхъ державъ со времени крымской войны и мнимыхъ либеральныхъ турецкихъ реформъ, а также затѣй юной Турціи, руководимой англійскими агентами, была обнаружена торжественно и признана собраніемъ представителей европейскихъ державъ.

Россія получила полное нравственное удовлетвореніе: конференція, затѣянная Англією въ видахъ противодѣйствія русскому вліянію и огражденія Турціи отъ нашихъ требованій, получила неожиданное для Англійи направленіе; предварительная конференція, которую никто прежде не хотѣлъ допустить, собралась для составленія общей программы не въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ, но въ зданіи русскаго посольства (служившемъ госпиталемъ союзникамъ во время крымской войны), подъ моимъ предсѣдательствомъ, причемъ мнѣ было предоставлено предъявить всѣ данныя, клонившіяся къ обвиненію Турціи и къ оправданію вожделѣній нашихъ единовѣрцевъ, проявить себя официальнымъ защитникомъ послѣднихъ и обличителемъ турецкой администраціи и долговременнаго потворства европейскихъ представителей и агентовъ. Мнѣ предоставлено было формулировать затѣмъ актъ обвиненія и требованія уже не одной Россіи, но и всей соединенной Европы. Въ общей конференціи, собиравшейся въ адмиралтействѣ, подъ предсѣдательствомъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, совокупность дѣйствій всѣхъ европейскихъ представителей была до того поразительна, что Савфеть-паша послѣ предъявленія ему, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ, маркизомъ Салисбюри и графомъ Шодорди рѣшительныхъ требованій, наивно воскликнулъ «L'Europe est devenue positivement folle». Правда, что единомыслие это вынуждено было моимъ заявленіемъ, что я присоединяюсь къ программѣ, выработанной сообща, на подготовительныхъ собраніяхъ, лишь пока требованія эти будутъ поддерживаться энергично и неукоснительно всѣми; въ противномъ же случаѣ выступлю самостоятельно, со своею собственною программю, основанною уже не на европейскихъ соображеніяхъ, а лишь на чисто русскихъ воззрѣніяхъ и интересахъ. Европейскіе уполномоченные не только согласились увеличить значительно Черногорію присоединеніемъ къ ней части Герцеговины большей, нежели та, которая присуждена ей берлин-

скимъ договоромъ ¹⁾, но и даровать мѣстное самоуправленіе Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, достаточное для подготовленія ихъ будущаго самостоятельнаго существованія. При этомъ Болгарія, — хотя и раздѣленная на двѣ области — западную и восточную, — была несравненно болѣе обширною, нежели по берлинскому договору, и границы ея почти не разнились съ столько осуждаемыми въ Европѣ границами С.-Стефанскаго договора. Салисбюри подписался подъ требованіемъ созданія обширной Болгаріи, простирающейся до Родопскихъ горъ и Эгейскаго моря, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ и громилъ турокъ всѣми силами своего краснорѣчія и негодованія за непринятіе этого предложенія, отвергая отъ имени всѣхъ европейскихъ представителей съ негодованіемъ турецкія предложенія ограничить Болгарію Балканами, оставивъ въ турецкомъ управленіи южную Болгарію, гдѣ именно и происходили кровопролитія, возбудившія англійское общественное мнѣніе... Европейскіе уполномоченные, несмотря на всѣ происки турокъ и ихъ пособниковъ, отвергли единодушно турецкія отвѣтныя предложенія и между прочимъ ограничили Болгарію на югѣ Балканскими горами; не признали за выработанною англо-турецкою партією конституціею, направленною преимущественно противъ Россіи и ея единовѣрцевъ, — никакого значенія ²⁾, произнесли единогласно

¹⁾ Интересно въ точности установить, какую территорію имѣетъ здѣсь въ виду Н. П. Игнатьевъ? Изъ сопоставленія § 1-го предположеній конференцій о Черногоріи (стр. 305 «Annuaire»: Annexe au compte-rendu, № 8) — со статьею 28-го берлинскаго договора можно прийти къ заключенію, что дѣйствительно, подъ наименованіемъ: «la partie orientale du district des Zubci en Herzégovine» (восточная часть округа Зубчей въ Герцеговинѣ) — конференція 1876 года предполагала прирѣзать къ Черногоріи такой клочокъ (къ сѣверу отъ Суторины и къ западу отъ Кривошии), который нынѣ уже достался Австріи. А. Б.

²⁾ Въ связи съ вопросомъ о значеніи Мидхадовой конституціи для огражденія христіанъ отъ беззаконія произошелъ на конференціи чрезвычайно знаменательный конфликтъ двухъ противоположныхъ воззрѣній: идеи младотурокъ — будто введеніе конституціи посредствомъ либеральныхъ формулъ сразу упразднило вѣковыя привилегіи христіанскихъ общинъ въ Оттоманской имперіи — и идеи Н. П. Игнатьева, что какіе бы то ни было конституціонные акты не въ состояніи были лишить христіанъ тѣхъ гарантій, которыя вѣками сложились на почвѣ международныхъ соглашеній.

Антагонизмъ этихъ двухъ воззрѣній такъ глубокъ и до такой степени перерастаетъ значеніе простаго эпизода на конференціи 1876 года, что здѣсь необходимо отмѣтить тѣ моменты, когда этотъ антагонизмъ выразился наиболѣе выпукло.

Во время перваго засѣданія общей конференціи (протоколъ № 1, засѣд. 11-го (23-го. декабря 1876 г.; Annuaire, стр. 344) произошелъ слѣдующій театралный инцидентъ:

Вдругъ раздается гулъ орудій.

Предсѣдатель конференціи (Савфетъ-паша) заявляетъ, что этотъ артиллерійскій салютъ происходитъ въ честь только что обнародованной оттоманской конституціи.

— Сейчасъ исполняется великій историческій актъ, добавляетъ Савфетъ-паша. — Онъ измѣняетъ форму правленія, просуществовавшую 600 лѣтъ. Объявлена конститу-

строгий приговоръ надъ турецкою администраціею; громогласно оправдали все, что русское правительство и его агенты въ Турціи прежде тщетно твердили и что такъ упорно Европа прежде не признавала, и, наконецъ, кончили тѣмъ, что предъявили Портѣ общій ультиматумъ, содержавшій вкратцѣ всю сущность первоначальныхъ предложеній Россіи касательно Черногоріи, Болгаріи, Босніи и Герцеговины, прервали конференцію и всѣ вмѣстѣ заявили о своемъ выѣздѣ изъ столицы Турціи. Оказалось такимъ образомъ, что державы, даже тѣ три, которыя заключили въ 1856 году союзъ, направленный противъ Россіи въ пользу Турціи,—не стали на этотъ разъ, какъ бывало прежде, на сторонѣ султана, а перешли въ русскій лагерь, принявъ одинаковую точку зрѣнія и одинаковое положеніе. Не Россія была изолирована, какъ добивался сэръ Генри Эллиотъ и предсказывали мадьяры, а Турція. Такого блистательнаго дипломатическаго положенія на Востокѣ Россія еще никогда не достигала. Она могла теперь смѣло и самостоятельно выступить, опираясь, если не на сочувствіе Европы, то на общую программу, предъявленную державами, отвергнутую Турціею и приведеніе въ исполненіе которой было вопросомъ чести и достоинства для всѣхъ правительствъ, участвовавшихъ въ константинопольской конференціи. Но Россіи предстояло теперь прежде всего рѣшить: что наиболѣе соотвѣтствовало ея прямымъ, существеннымъ интересамъ—продолжать ли разсматривать затронутые восточные вопросы, какъ европейскіе, имѣющіе общее значеніе для всѣхъ державъ, и держаться на прибрѣтенной, довольно благопріятной почвѣ, не выдѣляясь слишкомъ впередъ, или же,—довольствуясь тѣмъ, что державы, осудивъ категорически Турцію совмѣстно съ нами, затруднятся, хотя на первое время, измѣнить свое воззрѣніе, противиться русской восточной политикѣ и поддерживать снова противъ насъ Турцію,—выступить одиноко, не дожидаясь дальнѣйшихъ совокупныхъ дѣйствій съ державами, предъявить Портѣ новый ульти-

ція, дарованная его величествомъ султаномъ—его имперіи. Огнѣмъ начинается уже новая эра благоденствія и счастья для всѣхъ его народовъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи (8-го (20-го) января 1877 г.), передъ самымъ разрывомъ, Н. П. Игнатьевъ произнесъ во многихъ отношеніяхъ знаменательную рѣчь, въ которой сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Я считаю долгомъ предостеречь Блистательную Порту отъ нарушеній съ ея стороны тѣхъ постановленій, которыя содержатся въ хатти-хумаюнѣ 1856 года и въ фирманѣ 12-го декабря 1875 года, такъ какъ подобныя нарушенія были бы подрывомъ соглашеній, заключенныхъ съ Европою. Особенная предусмотрительность должна быть соблюдена въ отношеніи неприкосновенности древнихъ привилегій, присвоенныхъ вообще христіанскимъ общинамъ и въ особенности ихъ религіознымъ главамъ, права коихъ должны оставаться неприкосновенными—(см. «Annuaire», стр. 484).

Въ этихъ словахъ Н. П. Игнатьевъ коснулся глубокаго вопроса о недопустимости какого бы то ни было колебанія вѣковыхъ соглашеній съ Портою въ огражденіе христіанъ въ Турціи, тѣхъ соглашеній, которыя именуются «капитуляціями».

А. Б.

матумъ и новую программу, болѣе радикальную, обративъ восточный вопросъ въ русско-турецкую распрю.

Я держался перваго воззрѣнія: разъ что мы испортили свои отношенія къ туркамъ и пожертвовали своею самостоятельностью для осуществленія тройственнаго союза, для насъ крайне стѣснительнаго по несомвѣстимости интересовъ Австро-Венгрии съ русскими, а затѣмъ приняли англійскія предложенія и стали на общеевропейскую почву, то незачѣмъ при неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ лишаться приобрѣтенной возможности не брать на себя исключительно весь рискъ, расходы и потери, сопряженные съ насильственнымъ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса. Гораздо безопаснѣе и удобнѣе отвергать исключительно русское значеніе возбужденныхъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи вопросовъ и, поддерживая европейскій характеръ начатаго дѣла, направлять его лишь къ лучшему и наименѣе намъ неблагопріятному исходу, не вваливая на плечи одной Россіи всей тяжести борьбы, не представляющей уже той выгоды, съ исключительно русской точки зрѣнія, которую она могла имѣть шесть или семь мѣсяцевъ назадъ. Причины, выставленныя мною канцлеру для доказательства, что слѣдуетъ намъ отказаться отъ проекта занятія русскими войсками Болгаріи и предпочесть мирное разрѣшеніе поднятыхъ вопросовъ войны съ Турціею, заключались въ слѣдующемъ:

1) Разъ что мы заявили Европѣ, что намѣрены дѣйствовать безкорыстно и не домогаться никакихъ выгодъ собственно для Россіи, война не принесетъ никакой непосредственной намъ пользы, а между тѣмъ потребуетъ громадныхъ жертвъ, сопряженныхъ съ значительнымъ рискомъ.

2) Англичане займутъ Дарданеллы, подъ предлогомъ помощи Турціи, и тогда намъ трудно будетъ ихъ оттуда вывести, а для насъ это существеннѣйшая часть восточнаго вопроса.

3) Оставаясь на почвѣ конференціи, мы можемъ возстановить наше вліяніе въ Константинополѣ безъ риска, съ тѣмъ, чтобы отложить рѣшительныя дѣйствія и окончательный ударъ до болѣе благопріятнаго времени.

4) Разъ что мы вступили на путь конференціи, которая можетъ затянуться и задержать наши самостоятельныя дѣйствія до весны, открытіе военныхъ предпріятій можетъ послѣдовать лишь весной, а къ этому времени турки успѣютъ приготовиться и развернуть большія силы.

5) Сербія рѣшительно не въ состояніи болѣе противиться нашествію турокъ и, истощивъ свои средства, жаждетъ скорѣйшаго мира. Изъ донесеній посланнаго изъ Константинополя военнаго агента, полковника Зеленаго, было ясно, что Сербія будетъ раздавлена, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, прежде, нежели русскія войска могутъ поспѣть на выручку. По сознанію самихъ

сербскихъ патриотовъ, если бы мы опоздали на однѣ сутки остано-
вить нашествіе турецкой арміи въ октябрѣ 1876 года, то 22-го числа
турки овладѣли бы Бѣлградомъ и разорили бы въ конецъ Сербію.

Вотъ эти-то соображенія и убѣжденіе, что полагаться на безу-
словную честность, искренность и благорасположеніе нашихъ союз-
никовъ Австро-Венгрии и Германіи намъ нельзя, что первая собира-
ется захватить Боснію и Герцеговину, вытѣснить наше вліяніе
изъ Сербіи и стѣснить Черногорію и что благоприятное время для
военныхъ дѣйствій (лѣто 1876 года) нами упущено безвозвратно,
вынуждали меня быть менѣе требовательнымъ, болѣе умѣреннымъ
и сговорчивымъ, стремясь къ сохраненію европейскаго согласія и
европейскаго характера наступившихъ восточныхъ осложненій,
стусевывая на время слишкомъ выдающуюся роль Россіи съ тѣмъ,
чтобы, усыпивъ вниманіе Турціи и Европы, возобновить, по мино-
ваніи остраго кризиса, свою прежнюю работу и довести ее уже до
конца, въ болѣе благоприятное для Россіи время. Въ глазахъ сля-
вянъ Россія явилась самою строгою и усердною обличительницею
ихъ враговъ, самымъ горячимъ за нихъ ходатаемъ, а въ глазахъ
удивленныхъ турокъ она возвысилась чрезвычайно, доказавъ на
дѣлѣ, что можетъ руководить общественнымъ европейскимъ мнѣ-
ніемъ, увлекать за собою всѣ европейскіе кабинеты и даже изоли-
ровать Порту, привыкшую разсчитывать, что въ столкновеніяхъ
ея съ Россіею всѣ европейцы становятся на сторону первой и про-
тиводѣйствуютъ второй. Надо было удовольствоваться добытымъ
политическимъ результатомъ, нравственною побѣдою и остано-
виться. Это не сумѣлъ или не захотѣлъ сдѣлать князь Горчаковъ.

Мнѣ приходилось преодолѣть множество затрудненій въ тече-
ніе конференціи. Мнѣ удалось сойтись съ Салисбюри до того, что
даже баронъ Жюмини счелъ нужнымъ написать отцу моему¹⁾, предсе-
дателю комитета министровъ: «Спѣшу поздравить васъ съ успѣхомъ
вашего сына. Онъ совсѣмъ сговорился и сошелся съ маркизомъ Са-
лисбюри; между нами установилась полная личная симпатія, пол-
ное согласіе и совершенное взаимное довѣріе. Англійскіе министры
этимъ сбиты съ толку, такъ какъ Салисбюри телеграфировалъ это
въ Лондонъ. Существуетъ полная надежда благопріятнаго исхода,
почетнаго и мирнаго. Да здравствуетъ сынъ вашъ».

Но тѣмъ не менѣе приходилось спорить на каждомъ шагѣ съ
моимъ новымъ пріателемъ, ибо англійскій уполномоченный уси-

---

¹⁾ Отецъ нашего посла и автора настоящихъ записокъ Павелъ Николаевичъ Иг-
натьевъ—(1797—1879 г.г.) былъ съ 1834 года директоромъ пажескаго корпуса, съ
1846 года—дежурнымъ генераломъ главнаго штаба его императорскаго величества,
а въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія—петербургскимъ генераль-губернато-
ромъ. Ко времени русско-турецкой войны онъ состоялъ председателемъ комитета ми-
нистровъ; послѣ окончанія войны онъ по достиженіи чина генерала-отъ инфантеріи
былъ возведенъ въ графское достоинство.

ливался уступать какъ можно менѣе и урѣзывать Болгарію, выставляя, что онъ защищаетъ интересы не мусульманъ, а грековъ. Эллиотъ постоянно старался ссорить меня со своимъ первымъ уполномоченнымъ, придавая каждому слову перваго ложное истолкованіе и продолжая противодѣйствовать между турками. Разладъ, вносимый Эллиотомъ, дошелъ до такой очевидности, что корреспонденты большихъ англійскихъ газетъ ¹⁾, бывшіе тогда въ Константинополѣ, слышали отъ самого Салисбюри сознаніе, что всѣ европейскіе представители дѣйствуютъ на конференціи въ согласіи за исключеніемъ Эллиота, держащаго сторону крайнихъ турокъ.

Въ отвѣтъ на критическій письменный разборъ, сдѣланный мною по статьямъ, наскоро наканунѣ провозглашенія мидхадовской конституціи и сообщенный нѣкоторымъ коллегамъ и, между прочимъ, маркизу Салисбюри, для противодѣйствія благопріятной пропагандѣ англійскаго посла и всей великобританской колоніи, Салисбюри письменно благодарилъ меня, добавивъ: «Вы очень опасный критикъ» (*Vous êtes un critique fort redoutable*) и, измѣнивъ совершенно свое мнѣніе, не скрылъ отъ турокъ, что онъ не придаетъ никакого значенія этому акту англо-турецкой мудрости, считая его лживымъ, недобросовѣстнымъ и ошибочнымъ, т. е. раздѣлялъ вполне мнѣніе русскаго представителя.

Итальянскій посоль пріеимущественно отмалчивался, присоединяясь, однако, къ мнѣніямъ русскаго и великобританскаго уполномоченныхъ, какъ только проявлялось между ними установленное предварительно согласіе.

Французскіе уполномоченные, въ особенности же графъ Шодорди, преслѣдовали настойчиво лишь одну мысль: отстранить вѣроятность войны и смягчить всякую рѣзкость въ отношеніи къ туркамъ. Для сохраненія единогласія мнѣ пришлось сдѣлать имъ всего болѣе уступокъ, и ихъ настоянія имѣли результатомъ окончательную смягченную редакцію послѣднихъ предложеній ультиматума представителей Европы, осужденнаго нашею московскою прессою, Катковымъ и Аксаковымъ, какъ доказательство нашей излишней уступчивости предъ Европою.

Германскій посоль, несмотря на прекрасное личное расположеніе и сознаніе, что русскій посоль выставляетъ на видъ правдивое, точное положеніе дѣлъ въ Турціи, предлагалъ постоянно принимать предложенія *ad referendum*, затягивая такимъ образомъ работу конференціи, очевидно, подъ гнетомъ берлинскихъ указаній, не желавшихъ практическаго окончанія кризиса. Графъ Зичи, въ особенности же присланный специально графомъ Андраши для противодѣйствія русскому послу баронъ Каличе—противились расши-

¹⁾ Макъ-Гаопъ, Галленга (Гемео) и др., передавшіе это мнѣ при встрѣчѣ.

Авт.

ренію Черногоріи и упорно ограничивали автономію христіанскихъ областей. Въ особенности же они старались свести всѣ предлагаемыя реформы для Босніи и Герцеговины въ рамки андрашевской ноты 1875 года.

Конференціи выказали до очевидности, что мы съ такими союзниками, какъ Германія и Австрія, далеко не уйдемъ; даже послѣднее заявленіе, провозглашенное мною *le minimum irréductible*, редактированное окончательно французскимъ уполномоченнымъ, по соглашенію съ англійскимъ и итальянскимъ, — показалось еще австрійскимъ представителямъ слишкомъ благопріятнымъ для славянъ и вреднымъ для Австро-Венгрии. Они не рѣшились его подписать, и германскій уполномоченный послѣдовалъ за своимъ австрійскимъ собратомъ. Дѣло конференціи едва не разстроилось совсѣмъ, потому что, отказавшись подписать условленную редакцію до испрошенія особыхъ приказаній своихъ правительствъ, они ждали отвѣта, по предварительномъ разсмотрѣніи предложенной редакціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Я настаивалъ энергично, угрожая выступить съ независимою моею программою и продолжать дѣйствовать съ полною свободою, самостоятельно, въ случаѣ распаденія конференціи. Князю Горчакову пришлось телеграфировать 25-го декабря въ Вѣну и Берлинъ: «Очень сожалѣемъ, что германскій и австрійскій уполномоченные колеблутся подписать единоегласное требованіе, одобренное даже англійскимъ уполномоченнымъ. То, что заявляютъ на словахъ, слѣдовало бы засвидѣтельствовать и письменно. Проявляющимся различіемъ въ отгѣнкахъ мнѣній воспользуется Порта, въ ущербъ мирнаго разрѣшенія. Эти различія измѣняютъ характеръ соглашенія шести державъ».

Рѣчь, произнесенная мною на предпослѣднемъ засѣданіи (послѣднее заключалась лишь въ подписаніи протоколовъ), послѣ того, какъ турецкіе уполномоченные отвергли самыя умѣренныя предложенія европейскихъ представителей, отъ имени которыхъ ихъ предъявилъ маркизъ Салисбюри, и всѣ уполномоченные, одинъ послѣ другого, выразили свое полное порицаніе оттоманскому правительству и заявили о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ, произвела тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что до тѣхъ поръ русскій посоль казался туркамъ самымъ умѣреннымъ, предоставляя инициативу общихъ предложеній англійскому или французскому уполномоченнымъ. Ссылаясь постоянно на согласіе съ другими державами и выставляя крайнюю умѣренность Россіи, всѣми признанную, я возложилъ въ глазахъ всей Европы всю отвѣтственность за неудачу конференціи, за прекращеніе правовыхъ отношеній, основанныхъ на трактатахъ, благопріятныхъ Турціи, и за всѣ послѣдствія созданнаго на Балканскомъ полуостровѣ положенія — на Порту. Заявивъ, что Сербія и Черногорія не должны подверг-

нуться новымъ нападеніямъ и что безопасность христіанъ должна быть повсемѣстно обезпечена, я выставилъ на видъ всю ложность мнимыхъ манифестацій, вызываемыхъ турецкими агентами между населеніемъ, и, выйдя изъ рамокъ англійской программы, которой строго придерживался въ теченіе всей конференціи, заявилъ о бѣдственномъ положеніи жителей Эссалии, Эпира и Кандіи ¹⁾ и напомнилъ, что конституціонные проекты Порты не могутъ ослабить значенія обязательствъ въ пользу христіанъ хатти-хумаюна 1856 году ни распоряженія фирмана 12-го декабря 1875 года, принятыхъ предъ Европою, ни подвергнуть измѣненію старыя права и преимущества христіанскихъ обществъ и ихъ главъ (патріарховъ и проч.). Въ заключеніе я намекнулъ на то, что неисполненіе Турціею своихъ обязательствъ положить конецъ ея европейскому положенію и условной территоріальной гарантіи, ее обезпечивающей.

По окончаніи совѣщаній турецкіе уполномоченные Савфеть и Эдхемъ-паша, въ минуту отчаянія, какъ будто сознавали опасность положенія въ которую поставилъ Турцію верховный визирь Мидхадъ-паша, подвергнувъ послѣднія предложенія европейскихъ членовъ конференціи обсужденію подтасованнаго имъ и настроеннаго его единомышленниками большого народнаго совѣта, отвергнувшаго всякое соглашеніе и уступку. Паши эти, выразивъ мнѣ, что они цѣнятъ мою сравнительную умѣренность, болѣе всего негодуютъ на мнимыхъ своихъ пріятелей, глубоко ихъ оскорблявшихъ въ теченіе конференціи, и смотрятъ на меня, какъ «на стараго друга покойнаго султана и на человѣка, которому лучше всѣхъ присутствующихъ дипломатовъ извѣстно истинное положеніе дѣлъ», спросили: что остается Турціи предпринять послѣ такого отрицательнаго результата конференціи? Я отмѣтилъ, что официальная роль моя кончена на Босфорѣ и, слѣдовательно, я никакихъ совѣтовъ болѣе не намѣренъ давать, но на мѣстѣ турокъ я тотчасъ, какъ бы по собственной инициативѣ султана, выполнилъ бы въ точности всѣ требованія конференціи относительно Черногоріи, Босніи, Герцеговины и Болгаріи и отправилъ бы въ Петербургъ къ государю императору съ извѣщеніемъ объ этомъ рѣшеніи чрезвычайнаго посла, способнаго внушить русскому правительству довѣріе для того, чтобы уладить всѣ затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ непосредственнымъ соглашеніемъ Турціи съ Россіею. Въ совѣтѣ турецкихъ министровъ и самъ султанъ склонялся къ этому мнѣнію.

¹⁾ Это заявленіе было сдѣлано съ цѣлью доказать грекамъ, что Россія ихъ не забыла, а вынуждена была лишь придерживаться англійскихъ основаній. Такимъ образомъ парализовалась тактика Салисбюри въ отношеніи къ грекамъ. Всѣ остальные заявленія мои имѣли цѣлью доказать безпристрастіе Россіи и пріобрѣсти союзниковъ, свидѣтельствуя, что не одни славяне находятъ въ насъ своихъ ходатаевъ и защитниковъ. Весьма понятно, что все это не могло понравиться ни туркамъ, ни европейцамъ.

Авт.

Осуществленіе подобной мысли было послѣднимъ средствомъ для доставленія возможности Россіи выйти съ честью, миролюбиво, съ достоинствомъ и не безъ пользы для своихъ единовѣрцевъ изъ того положенія, въ которое поставили его тройственное соглашеніе, «вѣнскій центръ», нота Андраши и всѣ послѣдующія событія. Для большей увѣренности, что цѣль, преслѣдуемая мною въ Царьградѣ, одобряется государемъ и что я могу дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, я сообщилъ по телеграфу канцлеру о предположеніи ту-рокъ послать одного изъ бывшихъ верховныхъ визирей въ Петербургъ. Къ удивленію моему, канцлеръ тотчасъ же, 19-го января, отвѣтилъ, что «въ виду отказа Порты принять столь умѣренные требованія конференціи, посылка чрезвычайнаго турецкаго посла, въ настоящую минуту, бесполезна. Предпочитаемъ оставаться на почвѣ общей всѣмъ державамъ». вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеръ сообщилъ, что государь императоръ совершенно одобряетъ мое заявленіе на конференціи. Всегдашнее желаніе канцлера гоняться за недостижимымъ европейскимъ концертомъ, при недобросовѣстности кабинетовъ относительно Россіи и недоброжелательствѣ ихъ въ отношеніи къ существеннымъ русскимъ и славянскимъ интересамъ, заставляло меня отказываться отъ всѣхъ случаевъ непосредственнаго соглашенія съ Портою и должно было, рано или поздно, довести насъ до столкновенія съ турецкими войсками, согласно намѣченной цѣли нашихъ союзниковъ, желавшихъ замѣстити русское вліяніе на Востокѣ германско-австро-венгерскимъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что мысли въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не были ни ясны, ни послѣдовательны, служить переписка барона Жомини со мною, такъ какъ самъ князь Горчаковъ всегда избѣгалъ давать мнѣ положительныя инструкціи и указанія, ограничиваясь лишь изысканіемъ способовъ и случаевъ лично мнѣ противоудѣйствовать и подорвать довѣріе ко мнѣ государя. 24-го ноября баронъ Жомини писалъ мнѣ: «Не могу скрыть отъ васъ, что меня преслѣдуетъ подозрѣніе, что недовѣріе и настойчивая враждебность лорда Биконсфильда, которыя, по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ успѣлъ внушить и самой королевѣ, несмотря на честное слово, данное императоромъ (относительно Константинополя), имѣютъ источникомъ переговоры наши съ Вѣною» ¹⁾.

«Не хочу сомнѣваться въ честности графа Андраши (еще бы...), хотя личность Бейста (австро-венгерскаго посла въ Лондонѣ) допускаетъ всевозможныя предположенія. Но факты, сдѣлавшіяся уже намъ извѣстными, достаточны для уясненія недовѣрія. Видятъ, что мы уже цѣлый годъ переговариваемся съ Вѣною, удивляются нашему согласію, громко провозглашаемому, даже въ виду предположенія русскаго занятія Болгаріи. Допытываются, какую цѣною

¹⁾ Отъ которыхъ я постоянно остерегалъ министерство.

Авт.

куплено это согласіе, и знаютъ, что мы допустимъ и даже предложимъ занятіе Босніи (не Герцеговины) австрійскими войсками. Италия пронохала объ этомъ со времени рейхштадтскаго свиданія и усмотрѣла подтвержденіе своихъ опасеній на этотъ счетъ. Изъ всего этого выводятъ заключеніе, что существуетъ планъ раздѣла Турціи, начало осуществленія котораго будетъ положено нашимъ вступленіемъ въ Болгарію. Не трудно догадаться. Я нѣсколько разъ давалъ замѣтить князю (Горчакову), что это освѣщаетъ страннымъ образомъ политику государя, который, съ одной стороны, даетъ честное свое слово (Англии), что ничего не возьметъ себѣ отъ Турціи, а съ другой стороны тайно переговаривается съ Австріею о раздѣлѣ Турціи. Тайна, сохраняемая объ этихъ переговорахъ, не позволяетъ открыть, что мы вступили въ такое соглашеніе лишь для угожденія Австро-Венгріи (*pour complaire à l'Autriche*) и чтобы удовлетворить ее въ отношеніи къ отвращенію (*donner satisfaction à son antipathie*), питаемому ею къ серьезнымъ автономіямъ христіанскихъ областей, но что мы собственно предпочли бы сохранить Турцію въ цѣлости, при обеспеченіи нашимъ единовѣрцамъ достаточной самостоятельности».

«Взглядъ этотъ остается неизвѣстнымъ и потому насъ подозрѣваютъ въ желаніи расчленивъ Оттоманскую имперію, вопреки нашимъ увѣреніямъ въ противномъ. По моему мнѣнію, все это прискорбно. Австро-Венгрія сама сняла съ себя маску предъявленіемъ условій для ея нейтралитета ¹⁾. Эти переговоры лишь насъ компрометируютъ безъ всякой для насъ пользы. Я высказалъ князю мнѣніе, что было бы предпочтительно объясниться откровенно съ Салисбюри, выставивъ ему карты на столъ. Онъ бы оцѣнилъ нашъ образъ дѣйствій, по сравненію съ австро-венгерскимъ. Но меня и слушать не хотятъ.

«Я тѣмъ не менѣе сообщаю вамъ мои сомнѣнія и убѣжденъ, что вы ихъ раздѣляете.

«Мнѣ сказали у графини Тизенгаузенъ, что вы нездоровы. Да избавить насъ Господь отъ такого несчастія. Ваша записка (одна изъ записокъ) о положеніи въ Болгаріи напечатана въ «Nord». Вѣроятно, Скайлеръ (американскій генеральный консулъ въ Константинополѣ) доставилъ ее въ консульскую газету» ²⁾.

¹⁾ Когда за полутора года передъ тѣмъ я предсказывалъ и доказывалъ это,—то этотъ же баронъ Жомина упорно оспаривалъ и обзывалъ русскія подозрѣнія личностями противъ графа Андраши, обворожившаго русское министерство иностранныхъ дѣлъ своею «прямотою и откровенностью». Авт.

²⁾ Барону Жомина было извѣстно, что для воздѣйствія на общественное европейское мнѣніе, и въ особенности на англичанъ я пользовался услугами своихъ пріятелей-американцевъ и доставлялъ имъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи христіанъ въ Турціи, а американцы передавали ихъ газетамъ, какъ свои корреспонденціи. Авт.

Только 5-го декабря баронъ Жомини сообщилъ уже совершенно иное воззрѣніе: «Хотѣлъ бы я,—писалъ онъ,—поставить васъ въ возможность слѣдить за измѣненіями «pulsation de notre circulation politique»—нашего политическаго кровообращенія. Но оно подвержено такимъ быстрымъ перемѣнамъ, что лишь по телеграфу можно услѣдить за ними, а телеграфныя сообщенія слишкомъ кратки для выясненія дѣла. Экспедиція лондонская (депеша графа Шувалова) дала перевѣсъ выжидательнымъ предположеніямъ канцлера надъ потребностями времени, выставляемыми военными. Какъ кажется, рѣшено ожидать, даже до весны ¹⁾, несмотря на громадность нашихъ военныхъ расходовъ, чтобы дать время нашему соглашенію съ либеральною Англіею (партіею виговъ) зачатъся и созрѣть, не рискуя его нарушить до созыва парламента, въ февралѣ ²⁾ даже цѣною рѣшимости удовольствоваться неудовлетворительнымъ и непрочнымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Въ этомъ случаѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или Порты откажется, и тогда европейскія державы будутъ нравственно обязаны дозволить намъ привести въ исполненіе наше рѣшеніе, или же Порты приметъ европейскую программу, насъ не удовлетворяющую, тогда мы представимъ произвести опытъ, и такъ какъ все заставляетъ предположить, что принятыя мѣры не приведутъ къ благопріятному результату, то тогда мы приобрѣтемъ нравственное право вернуться къ единственному, практическому исходу,—къ вступленію русскихъ войскъ въ Болгарію. Одна изъ причинъ, вынудившихъ предпочесть вышеозначенный способъ дѣйствій, заключается въ удостовѣреніи, что въ настоящую минуту ³⁾ начинать войну съ ста пятьюдесятью тысячами человѣкъ, приготовленныхъ на границѣ, невоз-

---

¹⁾ Слѣдовательно, графъ Шуваловъ содѣйствовалъ тому, что въ Петербургѣ остановились на самомъ пагубномъ рѣшеніи выказать Турціи и Европѣ наши военныя приготовленія, понудить первую принять всѣ нужныя мѣры обороны и выжидать ихъ окончанія, заставляя Россію нести полгода напрасные расходы. Авт.

²⁾ Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ донесеній изъ Лондона, мы пожертвовали нашими выгодами и прямыми интересами такому пустоцвѣтному соображенію, какъ созывъ англійскаго парламента, точно такъ же, какъ въ послѣдствіи не заняли Галлиполи и дали возможность англійской эскадрѣ предупредить насъ подъ стѣнами Константинополя и разстроить всю кампанію 1878 года, положившись на словесное сообщеніе лорда Дерби. Авт.

³⁾ Слѣдовательно, уже 5-го декабря правительство удостовѣрилось (изъ донесеній посольства, консульствъ и военныхъ агентовъ), что мобилизованная армія въ сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ для вступленія въ Болгарію уже недостаточна, въ виду приготовленій турокъ, минованія благопріятной минуты для дѣйствія и возможности уменьшенія силъ, потребныхъ для борьбы съ нашими истощенными единовѣрцами. Какимъ же образомъ объяснить, что въ іюнѣ перешли Дунай лишь со ста пятьюдесятью тысячами человѣкъ, и штабъ дѣйствующей арміи и Петербургъ распускали тогда слухи, что русское посольство утверждало, что сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ достаточно для побѣдоноснаго шествія до Константинополя и что недостаточность арміи была для насъ неожиданностью? Авт.

можно. Генералы графъ Коцебу и Милютинъ того мнѣнія, что для успѣха нужно удвоить число войскъ. Но это увеличеніе силъ будетъ и стоить вдвое и даже болѣе, нежели выжидательное положеніе ¹⁾ при настоящихъ обстоятельствахъ, и сверхъ того угрожало бы насъ привести въ столкновеніе съ противниками болѣе опасными, нежели турки. Въ дѣйствительности Австро-Венгрія мало-по-малу раскрываетъ свои замыслы. Сходство съ 1853 годомъ поразительное. Мы спускаемся по той же лѣстницѣ увѣренности и полумѣрь съ нашей стороны и увеличивающейся враждебности со стороны нашихъ добрыхъ пріятелей. Чѣмъ больше мы теряемъ времени, тѣмъ болѣе ухудшается наше положеніе военное и политическое, тѣмъ болѣе становятся дерзкими наши противники. Они все болѣе и болѣе окружаютъ насъ сѣтью своего недоброжелательства, увеличивающаго наши затрудненія и уменьшающаго вѣроятность нашего успѣха. Это заставляетъ предвидѣть, что они выжидаютъ лишь благопріятнаго случая, чтобы нанести намъ ударъ съ наименьшею опасностью для себя и съ наибольшимъ ущербомъ для насъ.

«При такихъ обстоятельствахъ еще предпочтительнѣе сдерживаться до конца и ничѣмъ не рисковать.

«Мы ждемъ окончательнаго отвѣта изъ Вѣны. Если Андраши будетъ настаивать на своемъ требованіи нейтрализовать Сербію и Черногорію, мы учтиво откажемся отъ заключенія конвенціи и останемся при рейхштадтскихъ завѣреніяхъ ²⁾.

«Подумаешь, право, что мы вернулись ко времени посольства князя Орлова въ Вѣну въ 1853 году ³⁾.

«Все это печально. У насъ не достало рѣшимости и умѣнья воспользоваться благопріятными минутами. Опасались издержекъ. Но что выиграла? Если бы мобилизовать войска и начать немедленно дѣйствія въ іюль, все уже, можетъ быть, кончено было бы ⁴⁾. Изъ экономіи ⁵⁾ были нерѣшительны, а однакоже истратили въ шесть мѣсяцевъ семьдесятъ милліоновъ ⁶⁾, чтобы поддер-

¹⁾ Разсужденіе совершенно неосновательное, ибо выжиданіе увеличивало силы и средства противника и тѣ препятствія, которыя предстояли нашей арміи преодолѣть. Авт.

²⁾ Связывавшихъ одну Россію и ни къ чему существенному не обязывавшихъ Австро-Венгрію. Одно было другого хуже. Авт.

³⁾ Я обрадовался было этому проблеску здраваго смысла и пониманія истиннаго положенія вещей въ ближайшемъ совѣтникѣ князя Горчакова и въ редакторѣ всѣхъ его депешъ. Но затмѣніе скоро возобновилось, и надежда выйти изъ когтей графа Андраши, поддерживаемаго Бисмаркомъ, скоро исчезла. Авт.

⁴⁾ Несомнѣнно, баронъ Жюмини *post factum* высказывалъ какъ разъ то, что я говорилъ своевременно и что тогда отвергали и порицали въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, слѣпо слѣдуя внушенію Вѣны. Авт.

⁵⁾ Сомнительно. Совѣтъ по другимъ соображеніямъ, къ сожалѣнію, болѣе личнымъ, нежели государственнымъ. Авт.

⁶⁾ Непростительная и легкомысленная операція министерства финансовъ, произведенная къ тому же несвоевременно. Эти деньги брошены въ воду и послужили лишь къ обогащенію нѣкоторыхъ банкировъ. Авт.

жать курсъ, потеряли сверхъ того милліоны на государственныхъ фондахъ и на всеобщемъ застоѣ торговли, и все-таки принуждены были, въ концѣ концовъ мобилизовать войска. Но сдѣлано это слишкомъ поздно, и это потому не принесетъ никакой пользы; къ тому мобилизація, достаточная по числу войскъ въ іюнѣ, нынѣ уже неудовлетворительна и требуетъ усиленія. Вотъ дурная экономія. Но нынѣ дѣло не въ осужденіи. Устройте намъ наименѣе дурное, по возможности, соглашеніе и подождемте иныхъ событій».

Стоило препираться со мною болѣе года и пожертвовать русскими интересами на Востокѣ, въ угоду графа Андраши, чтобы прійти къ такому заключенію!

19-го декабря баронъ Жомини пишетъ мнѣ слѣдующее: «Хотѣлъ бы я вамъ описать дѣйствительное положеніе дѣлъ, но оно измѣняется съ такою быстротою и такъ неясно, что я очень затрудняюсь исполнить мое желаніе. Въ концѣ концовъ въ высшихъ сферахъ преобладаетъ крайне миролюбивое настроеніе. Даже жалѣютъ, что дали себя увлечь мобилизаціею. Министерство финансовъ видитъ преувеличенно все въ мрачномъ цвѣтѣ. Оно подноситъ такіе бѣдственные доклады и выводы, что поневолѣ отступаешь съ ужасомъ (оно не догадывается, что кончится, вѣроятно, тѣмъ, что будутъ удивляться, что послѣ двадцати лѣтъ глубокаго мира Россія доведена до такого отчаяннаго положенія). Военный министръ часто измѣняетъ свои воззрѣнія: то онъ высказывается за немедленную войну, то поддерживаетъ противоположное мнѣніе. Одинъ день онъ объявляетъ, что готовъ тотчасъ двинуться, а на другой день сознается, что ни сѣно, ни сухари не заготовлены и что ему нужно еще шесть недѣль для окончанія мобилизаціи. То онъ клянется, что войска достаточно, соотвѣтственно средствамъ продовольствія, а потомъ находитъ, какъ Коцебу, что безъ трехсотъ тысячъ челоѣкъ подъ ружьемъ мы не можемъ думать о войнѣ. Что касается князя (Горчакова), мнѣ кажется, что онъ придерживается правила: стыдъ не дымъ,—глаза не ѣсть. Однимъ словомъ, у насъ теперь такая путаница, подобной которой мнѣ не помнится во всей русской исторіи. Въ виду такого жалкаго положенія дѣлъ мнѣ тоже кажется, что самое лучшее это выбраться по добру да по здорову изъ такой игры. Это убѣжденіе преобладающее въ настоящую минуту. Но странно, что при этомъ мы продолжаемъ тѣмъ не менѣе переговоры съ Вѣною относительно заключенія конвенціи, которая вскорѣ будетъ подписана, и мы ставимъ князя Черкаскаго во главѣ будущей администраціи Болгаріи. Это могло бы быть очень смѣшнымъ, если бы не было такъ грустно.

«Замѣтьте, что все это извѣстно въ цѣлой Европѣ, ради нескромности и болтливости петербургской. Какое составитъ мнѣніе

о насъ? Увы! Я опасуюсь, что мы спустимся ниже, нежели послѣ крымской войны; тогда по крайней мѣрѣ честь была ограждена.

«Отъ васъ зависитъ, любезный генераль, вывести насъ изъ этого положенія наивозможно приличнѣе. Постарайтесь скрыть наше безсиліе подъ личиною умѣренности основательной и вы принесете Россіи громадную услугу. Ваши послѣднія телеграммы подавали намъ нѣкоторую надежду въ этомъ отношеніи. Но я опасуюсь, какъ и вы, что наше крайне миролюбивое расположеніе будетъ подмѣчено и что тогда мы потеряемъ всю выгоду, которую минутная энергія могла намъ доставить.

«Да поможетъ вамъ Богъ ¹⁾».

Черезъ семь дней, 26-го декабря, баронъ Жюмини уже писалъ мнѣ слѣдующее: «Всего лучше, когда припадки сумасшествія скоро проходятъ. Мы дозволили, чтобы насъ втащили въ скверное дѣло ²⁾. Я сохраняю убѣжденіе, что мы могли выйти съ достоинствомъ изъ затруднительнаго положенія, дѣйствуя рѣшительно, своевременно и съ должною энергіею, мобилизуя войска, когда англичане отправили свою эскадру въ Безикскую бухту ³⁾, и пользуясь возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ турокъ, вызваннымъ убійствами въ Болгаріи, а также войною съ Сербіею и Черногоріею. Мы вошли бы въ Болгарію и Малую Азію безпрепятственно. Князь (Горчаковъ) съ этимъ не соглашается, говоря, что Европа никогда не была еще такъ подготовлена, какъ теперь, и, поступая стремительно, мы рисковали бы вызвать противъ себя коалицію. Я этого не думаю. Европа признаетъ факты, совершенные мужественно. Прежде, нежели успѣли бы созрѣть интриги, главное было бы уже сдѣлано нами. Она насъ принудила бы только быть умѣренными въ побѣдѣ и раздѣлить съ нею приобрѣтенное, на что мы и согласились бы. Но эти разсужденія дѣло прошлое и бесполезное. Мы пропустили благоприятную минуту. Нынѣ, такъ какъ положеніе наше ухудшилось, наши добрые пріятели оста-

¹⁾ При такомъ правительственномъ настроеніи мнѣ было крайне трудно дѣйствовать одному противъ всѣхъ энергично на конференціи. Я достигнулъ, однако, же такихъ результатовъ, которыхъ никакъ отъ меня не требовали и не ожидали, а напился между тѣмъ люди, которые обвиняли меня тогда въ излишней податливости, сговорчивости и умѣренности. Авт.

²⁾ Болѣе года министерство иностранныхъ дѣлъ превозносило графа Андраши и соглашеніе съ Австро-Венгріею, для достиженія котораго пожертвовало приобрѣтеннымъ въ Константинополѣ положеніемъ и вліяніемъ, осуждало возрѣнія русскаго посла, а теперь сравниваетъ пресловутое соглашеніе съ топкимъ болотомъ, въ которое дала себя по ошибкѣ завести и изъ котораго надо поскорѣ выкарабкаться. Авт.

³⁾ Т.-е. передъ умерщвленіемъ султана и по легкомысленному предложенію сего канцлера, предлагавшаго Европѣ морскую демонстрацію при отсутствіи нашего флота. Нѣтъ сомнѣнія, что баронъ Жюмини былъ теперь правъ и что въ маѣ и іюнѣ мы могли достигнуть блестящихъ результатовъ. Но именно тогда не только канцлеръ, но и онъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія. Авт.

вляють насъ однихъ и толкають насъ въ войну, чтобы насъ истощить, а затѣмъ вмѣшаться, если наши успѣхи будутъ слишкомъ значительны (какъ въ 1829 году). Было бы глупо власть въ такую ошибку ¹⁾.

«Такъ что мы слишкомъ далеко зашли. Остановка обращается въ обратное шествіе. Но лучше рѣшиться на такую неудачу, чѣмъ рисковать большимъ. Я направляю прессу офиціозную въ этомъ смыслѣ, для подготовленія общественнаго мнѣнія. Во-первыхъ, дипломатическое дѣйствіе было общее, европейское. Если отвѣтили пощечиною, она по адресу Европы. Россія приняла твердое положеніе и угрожала дѣйствовать самостоятельно лишь потому, что Европа тогда бездѣйствовала. Положеніе, принятое Россією, спасло Сербію отъ разгрома и заставило державы приступить къ коллективному дѣйствію въ конференціи.

«Мы исполнили свой долгъ, какъ христіане и какъ европейцы. Если Европа согласна признать себя безсильною, это ея дѣло. Мы останемся дома.

«Щекотливое обстоятельство заключается въ томъ, что, успокаивая, мы увеличиваемъ нахальство турокъ. Но, съ другой стороны, угрожая, даже условно, мы затягиваемъ нерѣшительное положеніе, которое намъ такъ же дорого обходится, какъ война. Всего лучше ясное положеніе. Я приготовилъ циркуляръ, чтобы указать на европейскую неудачу и спросить кабинеты, что они предполагаютъ предпринять. Онъ одобренъ на случай надобности. Я заготовляю еще другой циркуляръ, чтобы насъ совсѣмъ высвободить изъ этого болота, послѣ вѣроятнаго уклончиваго отвѣта кабинетовъ. Не знаю, будетъ ли онъ принятъ. Вотъ въ какомъ положеніи мы находимся; оно некрасиво. Оно даже очень грустное, но, повторяю, чѣмъ короче припадокъ умопомраченія, тѣмъ лучше. Что всего хуже, это ваше положеніе. Полагаю, что оно окончится временнымъ отпускомъ, безъ разрыва, но безсрочно продолженнымъ.

«Желательно, чтобы изъ этого грустнаго дипломатическаго похода было выведено нѣсколько поучительныхъ заключеній.

«Желаю, чтобы мы воспользовались уроками, но не надѣюсь послѣ того, какъ присутствовалъ при двухъ восточныхъ кризисахъ, окончившихся одинъ хуже другого».

При такомъ сознаніи, настроеніи и ожиданіи—окончаніе константинопольской конференціи, сопряженное съ отъѣздомъ всѣхъ пословъ безъ исключенія и при нравственной «пощечинѣ», данной Россією Турціи, можно почесть блистательнымъ, въ особенности, если внимательно прочесть содержаніе протоколовъ.

---

¹⁾ Тѣмъ не менѣ канцлеръ насъ повелъ именно по этому пути и довелъ до берлинскаго договора.

5-го января товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Гирсъ писалъ мнѣ: «Не знаю, что и сказать про настоящее положеніе. Всѣ ожидаютъ конца вашихъ конференцій и никто не сомнѣвается, что онѣ окончатся отказомъ Порты и выѣздомъ пословъ. Что же послѣдуетъ затѣмъ? Этотъ вопросъ всѣхъ смущаетъ. Канцлеръ преимущественно заботится о томъ, чтобы вся Европа, а не одна Россія приняла въ обиду наглый отказъ Порты и вступилась за христіанъ принятіемъ принудительныхъ мѣръ. Мнѣ кажется, что такого блистательнаго результата добиться весьма трудно, чтобы не сказать невозможно,—и что силою обстоятельствъ будемъ мы вовлечены въ войну съ Турціею. Во всякомъ случаѣ къ этому исходу, какъ бы онъ ни былъ непріятенъ, надо непремѣнно готовиться. Впрочемъ, изъ многолѣтней службы моей на Востокъ я знаю, что самые острые кризисы кончаются зачастую самымъ неожиданнымъ образомъ и положенія сглаживаются внезапно. Пожалуй, и въ настоящемъ дѣлѣ будетъ то же¹⁾. Какъ бы то ни было, вы всегда можете гордиться вашими дѣйствіями и гигантскими трудами въ этомъ вопросѣ,—и всякій воздастъ вамъ должную справедливость».

Въ видѣ предупрежденія Н. К. Гирсъ прибавилъ: «Во избѣжаніе недоразумѣній считаю не лишнимъ повторить вамъ, что канцлеръ крайне желаетъ избѣжать войны».

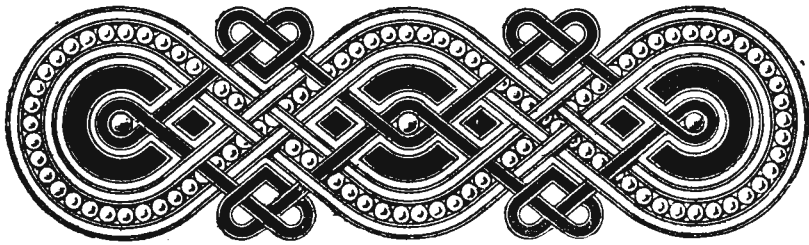
Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

¹⁾ Такой фатализмъ не можетъ считаться политикою. Опасно всегда разсчитывать на счастливую случайность. Авт.

НА КАЮКАХЪ.

(Разсказъ).

I.

ВЪ САМАГО утра поднялся вѣтеръ, не особенно сильный, но вдоль праваго берега рѣки все время толкалась чешуйчатая зыбь. Лѣвая же сторона, защищенная густою щеткой еловаго бора, текла ровно, какъ зеркало. Погода стояла теплая, но сырая. Съ ночи прошелъ дождь. По небу медленно неслись слабые обрывки тучъ, среди которыхъ проглядывало блѣдно-голубое воздушное пространство.

Низкій болотистый берегъ сиротливо чернѣлъ торфянымъ настиломъ. Кое-гдѣ были накинаны доски, чтобы пройти къ каюкамъ и лодкамъ, лежавшимъ у самаго берега.

Деревня помѣщалась на небольшомъ пригоркѣ и по обыкновенію растянулась на довольно большое пространство одной улицей.

На сѣверѣ, гдѣ лѣсу много, постройки возводятся прочно, «законно», какъ здѣсь выражаются, и нерѣдко строятся въ два этажа.

Такъ было и здѣсь.

Село считалось довольно зажиточнымъ и многолюднымъ по этимъ мѣстамъ. Ближе къ серединѣ высилась бѣлая каменная церковь. Хотя рѣка уходила еще на далекое пространство вверхъ,

но пароходъ дальше не шелъ изъ-за мелководья, опасаясь многолѣтнихъ корягъ, валявшихся на днѣ рѣки съ незапамятныхъ временъ и мѣшавшихъ проходу.

Безпечными ли были крестьяне, не заботившіеся объ очисткѣ русла, или они преслѣдовали цѣль, преднамѣренно не очищая, чтобы не дать возможность паровымъ судамъ итти дальше и уничтожить промыселъ, испоконъ вѣка кормящій все мѣстное население,—каюковую переправу, но, начиная отъ этого села, ѣдущіе вверхъ по рѣкѣ могутъ пробираться только на небольшихъ лодкахъ, приспособленныхъ къ плаванію въ этихъ мѣстахъ. Лодки эти плоскодонныя, съ особымъ навѣсомъ, представляющимъ собою особую каютку, въ которой и располагаются путешественники. Сзади, на кормѣ становятся «ямщики», такъ называются мѣстные лодочники, и посредствомъ длиннаго шеста съ острымъ концомъ, толкаютъ лодку впередъ, такъ какъ мѣстами рѣчки, густо заросшія лѣсомъ, настолько узки и малопрободны, что грести веслами не представляется никакой возможности. Этимъ «ямщицкимъ» промысломъ да лѣсной заготовкой и кормится все село. Живутъ безбѣдно, тѣмъ болѣе, что потребности здѣсь не особенно велики, и заработковъ вполне хватаетъ. Жители по преимуществу зыряне, но есть между ними и русскіе; почему-то затесалась сюда татарская семья изъ Казани и двое нѣмцевъ, представителей лѣсныхъ торговцевъ изъ столицы.

Нынѣшній годъ водяное сообщеніе по лѣснымъ рѣчкамъ открылось довольно рано. Вторая половина апрѣля стояла очень теплая, снѣгу зимой было немного, и ледъ быстро исчезъ.

Отъ деревни къ берегу шли двое сельчанъ. Одинъ изъ нихъ прикладывалъ ладонь верхомъ къ глазамъ и, шуря ихъ, присматривался къ водяному пространству, блиставшему на солнцѣ золотистой рябью.

— Снизу-то вѣтеръ, воды поднагонить, а то какъ бы и впрямь въ верхахъ не обмелѣло,—заботливо проговорилъ онъ, обращаясь къ товарищу.

Рыжеватый, веснушчатый, еще не старый паренъ, съ рваной ключьями бѣлесоватой бородой, почесалъ затылокъ, оправилъ ослабѣвшій онучъ у лаптя и многозначительно произнесъ:

— Да надобно водички-то побольше, а то Степанъ озавчера верхки повыше ставилъ, такъ сказывалъ, туда ближе къ Іолвѣ сильно Вымъ наша пообмелѣла, рыба по ямамъ попряталась, а то и совсѣмъ внизъ ушла.

— Какъ-то нынѣ Богъ благословить, много ли ѣздока будетъ, о прошлый годъ не жаловались, сплывало къ верхамъ немало народу. А что, Васька, на твой глазъ, долго еще плоты гнать станутъ?

— Да какъ оно сказать-то, кое-гдѣ еще не успѣли лѣсъ въ воду побросать, постоитъ вода, успѣютъ сбросить, а то до осени держать придется.

— Позапорошили сильно больно рѣчонки наверху, проходу для каючковъ мало осталось.

Полоса, лежавшая ближе къ рѣкѣ, освободившись отъ воды, мало-по-малу высыхала, но было все-таки вязко.

Семень подошелъ къ лежащему каюку, посмотрѣлъ на него, постучалъ для чего-то пальцемъ по борту, подергалъ за носъ и перешелъ къ другому.

— Раньше, какъ къ воскресенью, пароходъ съ низовъ не придетъ,—донеслось до него замѣчаніе товарища, отошедшаго въ сторону.

— Что жъ, терпѣть время, дѣло и около дома теперь имѣется, да поди съ пароходомъ немного народу прїѣдетъ.

— Кто ихъ знаетъ, попомни прошлый годъ, съ кой поры народъ на Ухту пробираться сталъ, вѣдь кажинный годъ все больше и больше туда сплываетъ. Чудное дѣло, почитай, все нездѣшніе, не русскіе, а нѣмцы и еще тамъ какіе-то, плавалъ я съ ними, ничего не поймешь, что про межъ себя гуторятъ, а ласковы, господской ѣдой угощаютъ, все при нихъ имѣется, и водка хорошая, забористая.

— Тебѣ бы, Васька, только о водкѣ и думать,—презрительно замѣтилъ товарищъ.

— А то о чемъ же, вѣдь я куда старше тебя, вонъ у меня ребята-то какіе, а ты что, одинъ, какъ перстъ, мать старуха-бобылка, да никого еще...

— Ожениться лѣтомъ въ межень, какъ вода спадетъ совсѣмъ, хочу, приглядѣлъ тутъ дѣвку,—нерѣшительно открылся Семень.

— А какую такую приглядѣлъ?

— Василисину дочь, Алену...

Василій уставился на товарища, качнулъ головой и безнадежно замахалъ руками.

— Ну, братъ, проворонилъ, должно, Аленку, почитай, просватали за Оедьку Чернаго, вотъ что у нѣмца въ конторкѣ служить.

— Да ну?! Что жъ Василиса-то мнѣ зубы заговаривала: отдамъ, да отдамъ за тебя дочку?! Ну, не хочетъ, другую найдемъ.

— Ты бы къ Фроськѣ Оеклистой присватался,—посоветовалъ Семень товарищу.

— Мудреная она, приглядывался и не пойму: то говорить зачнетъ, разиня ротъ, слушаешь, а то вдругъ замолчитъ, словно воды въ ротъ набрала, полѣномъ слова не выбьешь... Норовистая... А я бѣ не прочь.

Они стали подыматься обратно на пригорокъ къ деревнѣ, пробираясь между загородками дворовъ.

На улицѣ кое-гдѣ виднѣлся народъ, что-то работали, тутъ до-рубивали спѣшно избу, немного дальше, на припекѣ баба выѣ-вала изъ подола коноплю, а подростокъ дѣвчонка шла за нею слѣ-домъ и вѣшникомъ запахивала землю поверхъ посѣянныхъ зе-рень.

Вѣтеръ усиливался, рвалъ повѣшенное на задворкахъ тряпье и гнулъ тонкіе шесты со скворечниками.

II.

Верхъ Оеклистовой избы былъ отведенъ подѣ контору и для жилья одного изъ нѣмцевъ, довѣреннаго приказчика лѣсопиль-ной фирмы. Августъ Вассерманъ пріѣзжалъ сюда ранней осенью и оставался здѣсь до весны, когда рубили дѣлянки и сплавляли лѣсъ книзу рѣки. Затѣмъ, къ срединѣ лѣта онъ и его товарищъ, представитель другой торговой конторы, закончивъ расчеты, уѣзжали мѣсяца на два съ половиной, даже на три изъ села, чтобы отдать отчетъ хозяевамъ.

Благодаря теплой ранней веснѣ и быстрому обмелѣнію рѣчу-шекъ, много срубленнаго лѣса осталось не вывезеннымъ, и оба нѣмца безпокоились. Одинъ изъ нихъ, Людвигъ Зандъ, уже уѣхалъ на лодкѣ кверху, чтобы посмотрѣть, нельзя ли какъ-нибудь отправить лѣсъ, а Августъ ожидалъ прибытія снизу парохода, съ которымъ должно было получиться письмо изъ главной конторы съ новѣми распоряженіями.

Молодому рижанину было скучно. Работы въ конторѣ больше не находилось, онъ нѣсколько разъ выходилъ на берегъ, посма-тривалъ на убѣгавшую вдаль рѣку, насвистывалъ какую-то пѣсню, затѣмъ вернулся обратно въ контору и крикнулъ:

— Фрося, принеси-ка мнѣ квасу!

Красивая хозяйская дочь сейчасъ же побѣжала исполнять при-казаніе жильца, босыя ноги ея шлепали по ступенямъ лѣстницы.

Кромѣ кваса да водки, въ селѣ достать было нечего. Пиво везти было далеко, но квасъ варили подѣ брагу, для чего клали въ негъ хмель.

Второй годъ живетъ здѣсь Вассерманъ, онъ привыкъ къ квасу и пьетъ его вмѣсто пива.

— Нате, пейте, принесла,—ласково проговорила Фрося, ставя на подоконникъ деревянный полукувшинъ, въ родѣ бадейки или берестянаго тузика. — Ну, чего носъ-то повѣсили? — дурашливо продолжала дѣвушка:—заскучали ужъ здѣсь проживать?

— Не заскучалъ, а безъ дѣла не люблю сидѣть,—отозвался нѣмецъ, облизывая языкомъ густую пѣну, осѣвшую у него на губахъ.—Да и хозяевамъ отчетъ нужно поскорѣе отдать, а тутъ ничего не знаешь, когда еще сплавить лѣсъ придется.

— А вамъ-то какое отъ этого лихо, все равно, сплыветъ же къ нимъ онъ когда-нибудь! Вотъ что,—понизивъ голосъ, сказала Фрося, наклоняясь ниже къ сидящему у окна нѣмцу:—вечеръ-то на токъ, поди, пойдете?

Августъ согласно мотнулъ головой.

— Такъ я съ вами увяжусь, а матери скажу, что на тотъ конецъ села къ подругѣ пойду ночевать.

— Опять озябнешь, какъ прошлый разъ, совсѣмъ замерзла.

— Ничего, отогрѣюсь,—съ хихикающимъ смѣшкомъ отвѣтила дѣвушка:—шубейку одѣну да суконкой ноги пообовью.

— Ну, ладно, приходи, я съ собой водки захвачу; если озябнешь, согрѣть можно,—усмѣхнулся нѣмецъ.

Фрося прислушалась, ей послышалось, что по лѣстницѣ кто-то поднимается.

— Никакъ отецъ идетъ,—пугливо прошептала она и неслышно шмыгнула черезъ другую комнату къ лѣстницѣ, ожидая, когда старикъ Оеклисъ войдетъ въ контору.

— А мы къ тебѣ, Августъ Ивановичъ,—спокойнымъ, увѣреннымъ голосомъ проговорилъ вошедшій, высокій, плотный, бѣлокурый крестьянинъ, лѣтъ сорока.

Не дожидаясь приглашенія жильца, онъ присѣлъ на табуретъ, стоявшій около стола.

— Какое у тебя дѣло ко мнѣ, Оеклисъ?

— Да такъ оно, мнѣ сказывали, что вы оба съ товарищемъ на низъ, должно, сплывать надумали, поспрашать хотѣлось...

— Да деньги вѣдь мы всѣ тебѣ отдали?

— Что деньги, не въ деньгахъ толкъ, другой сказъ до тебя будетъ, мало ли какихъ дѣловъ ты тутъ надѣлалъ!

Лицо нѣмца слегка порозовѣло, видимо, онъ о чемъ-то догадывался, но не желалъ признаваться въ этомъ.

— У Петра Косого вѣдь нашкодиль, Анютку, его дочь, обошелъ? Опосля у Акима Коряваго тоже, сказываютъ, грѣхъ у тебя былъ. Ну, еще невѣдомо мнѣ, можетъ, и здѣсь у меня такихъ чудесъ не натворилъ ли...

Шея Августа сдѣлалась вся красной, онъ не зналъ, что ему отвѣтить, но рѣшился съ дѣланной рѣзкостью возразить:

— Ну, и болтуны же у васъ на селѣ, чего-чего только не выдумаютъ! Въ чемъ только не обвинять!

— Да ты, того, Августъ Ивановичъ, ерепы не разводи, дѣло обыкновенное, съ припекомъ вѣдь комнату-то нанималъ,—совершенно спокойно спрашивалъ хозяинъ.

Взглядъ его блѣдно-голубыхъ, невыразительныхъ глазъ безразлично лежалъ на лицѣ жильца.

Смущенный Вассерманъ попрежнему сидѣлъ, отвернувшись, забывая о стоявшемъ передъ нимъ жбанѣ съ квасомъ.

— Ты вотъ мнѣ только по правдѣ, по совѣсти скажи, напервыс: когда уѣхать надумалъ, вертаться ль къ намъ будешь по осени? А тамъ еще откройся, съ Фроськой моей спознался, али нѣтъ?

Недовольно поежился нѣмецъ, но, видимо, не пожелалъ солгать:

— Нѣтъ еще пока...

Хозяинъ встрепенулся.

— Нѣтъ еще? Ну, ладно, такъ слушай: уважь меня, мы съ тобой, кажись, всю зиму нынѣ по-хорошему жили, не тронь ее...

И онъ, разоткровенничавшись, прибавилъ:

— Женихъ навертывается, изъ-за этого изъ-за всего только и сватовство остановилось.

Въ сосѣдней комнатѣ подслушивавшая Фрося нечаянно скрипнула половицей.

— Аль здѣсь она?—кивнуль головой на дощатую перегородку Оеклисть.

Вассерманъ еще ниже наклонился къ окну и точно невзначай махнуль рукой въ подтвержденіе.

— Ну, такъ чего жъ ты, дура, прячешься, отца, что ль, испугалась? Выходи!

Дѣвушка вышла изъ сосѣдней комнаты и, заложивъ руки за спину, стала у притолки.

— Сама, небось, слышала, что я сказывалъ, повторять не стану, не бѣгай съ бариномъ-то на тягу въ ночную, потомъ сама спасибо мнѣ скажешь. Мерекаю я, должно, онъ къ намъ опять ужъ не вернется, съ прибылью-то труднѣе тебѣ замужъ будетъ итти.

Оеклисть вытянуль свои длинныя ноги изъ-подъ табурета, протатилъ ихъ по грязному полу и поднялся.

— Вотъ и весь нашъ сказъ, а пока что, поклонъ низкій тебѣ, Августъ Ивановичъ, да и прощай,—тѣмъ же ровнымъ голосомъ обратился къ жильцу хозяинъ и, кивнувъ дочери, прибавилъ:— а ты, Афросинья, ступай къ матери, она тамъ, должно, около печки возится, хлѣбы достаетъ.

Оеклисть сталъ спускаться внизъ, а дѣвушка, немного замедлившись, обернулась лицомъ къ Вассерману и, беззвучно шевеля губами, проговорила:

— А все жъ прибѣгу, ждите!

III.

Къ вечеру стало еще вѣтренѣе, подымался настоящій ураганъ, по рѣкѣ катились сѣдые валы, золотистая зыбъ давно уже исчезла, откуда-то появились чайки, пронзительными криками оглашая все село.

На тягу итти было нельзя. Августъ съ неудовольствіемъ остался дома и принялся просматривать отчетныя книжки и записи. Тоскливо стало ему на душѣ, одиночество томило, товарищъ раньше пяти дней не могъ возвратиться съ верховъ, да и то при благопріятныхъ условіяхъ. Позвать къ себѣ Фросю нѣмцу было неудобно, въ особенности теперь, когда Феклисть не только намекнулъ, но прямо указалъ на свое нежеланіе, чтобы дочка бѣгала къ жильцу.

«На берегъ, что ль, пойти», пришло въ голову Вассерману

Онъ лѣниво потянулся и посмотрѣлъ на бѣлѣвшую, несмотря на приближающуюся ночь, деревенскую улицу. Она неожиданно ожилилась, по ней зашевелился народъ, бѣжали къ рѣкѣ, торопились.

«Ужъ не пароходъ ли?» подумалъ нѣмецъ.

Накинувъ на себя толстый мужицкій охабень, онъ спустился внизъ, выбрался на улицу, пошелъ вмѣстѣ съ другими къ рѣкѣ.

— Ишь, не ждали столь рано, да вѣтеръ съ низовъ, ну, и прибѣжалъ,—объяснялъ кто-то изъ бѣгущихъ Вассерману.

Прибытіе парохода въ такой отдаленный глухой уголь, какъ село гдѣ-то на сѣверѣ, составляетъ цѣлое событіе.

Только разъ въ недѣлю, а то и двѣ его ждутъ, и то не навѣрное, часто грузы попутные задерживаютъ.

Пароходъ еще не присталъ, но уже былъ недалеко. Попутный вѣтеръ помогалъ работать шумливымъ колесамъ и гналъ небольшое судно торопливо къ пристани, точно стараясь скорѣе покопчить съ надоѣдливой обязанностью.

Сухое береговое пространство, по которому еще утромъ бродили сельчане и лежали вытянутые каючки, было теперь залито водой.

Пристань успѣли подтянуть ближе къ сухому мѣсту, но все-таки добираться до нея приходилось по водѣ.

Пискливо раздался звукъ пароходнаго свистка, забѣгали матросы на палубѣ, кинули причаль, и пароходъ, покачиваемый волнами, сталъ подтягиваться къ маленькой пристани.

Толпа ожидающихъ точно впиалась глазами въ брошенные сходы, ожидая, много ли народу на нихъ появится, но разочарованіе послѣдовало скоро. Кромѣ помощника капитана, раньше всѣхъ выскочившаго на пристань, сошли какіе-то двое неизвѣстныхъ господъ, да вслѣдъ за ними пароходъ выпустилъ мѣстныхъ мужиковъ, пріѣхавшихъ изъ ниже лежащаго монастырька и какихъ-то промысловъ.

Помощникъ капитана передалъ мѣшокъ съ почтой мѣстному старостѣ, приложился рукой къ козырьку, замѣтивъ стоящаго тутъ же Вассермана, и прошелъ въ крохотную конторку.

— Когда обратно поѣдете?—кинулъ ему вслѣдъ нѣмецъ.

— Да пару дней простои́мъ, коли грузъ здѣсь имѣется,—отозвался помощникъ.—Приходите пиво пить къ намъ, свѣжее, въ Сысольскѣ брали.

— Ладно, приду утромъ,—послѣдоваль отвѣтъ.

И конторщикъ зашагалъ съ пристани по залитому водой, топкому пространству.

Двое пріѣзжихъ нерѣшительно стояли на пристани, видимо, не зная, къ кому обратиться съ вопросомъ. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ тридцати, средняго роста, довольно стройный; темно-каріе глаза его пытливо устремлялись на стоявшихъ около пристани мужиковъ, онъ, видимо, хотѣлъ ихъ спросить, но не зналъ какъ.

Товарищъ его, грузный, небольшого роста, съ сильно посѣдѣвшей, аккуратно подстриженной бородой, нашель выходъ.

— Карошъ, карошъ, сдрастуй!—кликнулъ онъ на невозможномъ русскомъ языкѣ.

На зовъ сейчасъ же подбѣжало нѣсколько парней и, сдернувъ шапки, ожидали дальнѣйшихъ приказаній, но знаніе русскаго языка у пріѣзжаго оказалось исчерпаннымъ. Онъ безпомощно разводилъ руками, что-то говорилъ, но не по-русски.

Первымъ догадался Ѳеклисть.

— Должно, барину фатерку надо? Милости просимъ, отведу на первый срокъ, рядомъ съ Августомъ Ивановичемъ комнатка имѣется.

Догадался ли старшій пріѣзжій, о чемъ ему говорить, но онъ качнулъ головой и, указавъ Ѳеклисту глазами на выкинутые на пристань два большихъ чемодана изъ желтой кожи, проговорилъ:

— Prenez-ça!

Ѳеклисть вскочилъ на пристань, хотѣлъ взять оба чемодана, но они оказались ему не подъ силу.

— Микешка, подмоги!

Здоровенный парень съ совершенно бѣлыми волосами неуклюже взобрался на помость, взялъ другой чемоданъ и легко перекинулъ себѣ на спину.

— Давай, дядя Ѳеклисть, и тотъ стащу, а ты ступай напередъ, показывай господамъ дорогу.

Ѳеклисть охотно выпустилъ толстую ручку изъ пальцевъ, Микешка захватилъ ее правой рукой и, шлепая ногами, обутыми въ лапти безъ подвертокъ, по водѣ, потащилъ чемоданы на берегъ.

— Пожалуйте, господа, здѣсь, неподалечку,—сладко запѣлъ Фросинъ отецъ, ведя иностранцевъ къ себѣ въ домъ.—Должно, на Ухту пробираться изволите,—разспрашивалъ онъ своихъ будущихъ постояльцевъ и, не дожидая ихъ отвѣта, прибавилъ:—ужъ убогаторю я васъ, такого ямщикка подыщу, что спасибо мнѣ скажите, и каючокъ снаряжу самый наилучшій.

Прибывшіе молчали, только изрѣдка перекидываясь короткими фразами. Они брезгливо поднялись по затоптанной лѣстницѣ въ верхнюю часть избы и невольно отпрянули, когда Оеклисть ввелъ ихъ въ комнату, въ которой находился Вассерманъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ, въ комнатку рядомъ; ужъ простите, проходить придется черезъ эту. Да господинъ этотъ скоро уѣдутъ.

Оеклисть вмѣстѣ съ французами вошелъ въ сосѣднюю комнату и вопросительно посмотрѣлъ на нихъ.

— Карошо,—съ улыбкой проговорилъ старшій изъ нихъ, бросая подозрительный взглядъ на деревянную, ничѣмъ не застланную кровать.

Лѣстница трещала подъ грузными шагами Микешки, уже успѣвшаго притащить съ пристани чемоданы приѣзжаго.

IV.

Трудно было объяснить Оеклисту съ приѣзжими, назначить имъ цѣну и выяснить все, что имъ нужно. Помогъ случай въ лицѣ Вассермана. Кое-какъ, съ трудомъ французы черезъ его посредство столковались съ хозяиномъ, объяснили ему, что они пробираются дѣйствительно на Ухту для развѣдокъ и должны возвратиться тѣмъ же путемъ обратно.

— За милую душу устроимъ!—торжествовалъ Оеклисть:—вы ужъ, Августъ Ивановичъ, настоящей-то цѣны имъ не сказывайте, по видимости, люди богатые, пусть заплатятъ подороже, и за постой да и за поѣздку.

Нахмурился нѣмецъ.

— Мнѣ-то что, я скажу, не знаю, поймутъ ли они меня, я по-французски не смыслю, а по-нѣмецки они не понимаютъ,—угрюмо отвѣтилъ онъ.

— Все равно, какъ-нибудь поймутъ, ужъ только, Августъ Ивановичъ, не обезсудь, слово доброе замолви,—упрашивалъ хозяинъ.—Все равно вы же уѣдете.

Вассерманъ былъ недоволенъ. Полученное письмо отъ хозяевъ было настолько неопредѣленно, что онъ не зналъ, долженъ ли онъ ѣхать на низъ, или еще оставаться въ селѣ.

«Пока не пройдутъ бревна! Да почему я знаю, когда они сплывутъ сверху; имъ хорошо тамъ сидѣть, а каково мнѣ находится въ такой глуши, и безъ того больше полугоду людей не вижу», недовольно говорилъ самъ себѣ конторщикъ.

Въ сосѣдней комнатукѣ новоприбывшіе французы располагались на ночлегъ. Слышенъ былъ ихъ смѣхъ, веселыя восклицанія, потомъ раздался звукъ откупориваемой бутылки.

«Ишь, вино пьютъ,—невольнo вспомнилъ нѣмецъ,—а тутъ сиди да лакай одинъ квасъ, до пива когда еще доберешься».

Въ сосѣдней комнатѣ слышно было, какъ постояльцы покончили съ закуской и укладывались на покой. Старикъ, подоставъ пледъ, недовольно ворочался на доскахъ кровати, а молодой, составивъ табуреты, пытался на нихъ устроиться.

Неудобство положенія тѣмъ не менѣе не лишало ихъ веселаго настроенія. Разговоръ между ними не прекращался, веселыя шутки и смѣхъ чередовались другъ съ другомъ.

«Ишь, черти,—недовольно подумалъ Вассерманъ,—впервые, должно быть, въ такую глушь заѣхали, ну, и веселятся».

Нѣмецъ былъ недоволенъ всѣмъ. Сегодня не удалось ему, благодаря вѣтру и холодной погодѣ, итти на тягу, Фрося къ нему не пришла, благодаря замѣчанію отца, письмо отъ хозяевъ ничего не выяснило, и онъ самъ былъ разстроены и сердитъ.

Теплая постель, съ которой онъ сжился, на этотъ разъ не радовала нѣмца, и онъ недовольно ворочался, чувствуя себя не въ состояніи заснуть, между тѣмъ какъ усталые отъ далекаго пути французы мирно посапывали въ сосѣдней комнатѣ.

Бѣлая ночь, похожая на день, властно царила надъ селомъ, врывалась въ окна домовъ, проникала черезъ всѣ щелки занавѣсей и будила какія-то неясныя желанія и надежды. Чуть не до пяти часовъ Августъ Ивановичъ лежалъ съ открытыми глазами, сонъ куда-то исчезъ. Рано поднявшееся солнце давно ужъ заглянуло въ окно постояльцевъ Оеклиста и окончательно испортило ему сонъ.

«Выкупаться, что ли, пойти», невольнo мелькнула у него мысль.

Но согрѣвшееся подъ теплымъ одѣломъ тѣло невольнo вздрогнуло, какъ только онъ подумалъ о холодной водѣ.

Августъ тоскливо перевернулся на бокъ и попытался заснуть, но это ему не удавалось.

Гдѣ-то за окномъ надоѣдливо завизжала пила, застучалъ топоръ, дорубливали небольшую избу, почти напротивъ Оеклистоваго дома. Кто-то настойчиво ругался и покрикивалъ.

Конторщикъ недовольно сплюнулъ, поднялся съ постели, лѣниво одѣлся, поплескавъ себѣ на лицо, спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу.

Раннее утро неприятно охватило его свѣжестью, блѣдное еще солнце свѣтило ему прямо въ глаза, только слѣпя ихъ, но не одаря тепломъ.

По задворкамъ кричали третьи пѣтухи, надоѣдливое кукареканіе звонко разносилось въ утреннемъ воздухѣ.

Августъ Ивановичъ прошелъ по деревенской улицѣ, направляясь къ лѣсной опушкѣ, гдѣ какая-то пичужка однообразно повторяла свой пригѣвъ.

Село еще спало, повсюду было пустынно, безлюдно, чувствовалась странная отчужденность, тишина глушила.

V.

Французамъ удалось все обстоятельно переговорить и объяснить. Кромѣ Ѳеклиста, для объясненій съ ними явилось еще нѣсколько сельчанъ съ затаенной цѣлью, чтобы иностранцы взяли ихъ къ себѣ въ ямщики, но почему-то оба француза вполне увѣрились въ своего хозяина, и когда посторонніе ямщики начали ихъ упрашивать, отрицательно качали головой, упорно повторяя:

— Но, нѣтъ карошъ...

— Ишь, черти, заладили одно слово и думаютъ, что такъ и нужно по-русски сказывать,—озлобленно прошепталъ Васька, потряхивая своей бѣлесой бородой въ клочьяхъ:—увѣрились этому чорту Ѳеклисткѣ, онъ ихъ обведетъ, что пить дать!

Семень, тоже явившійся предложить свои услуги, стоялъ въ сторонѣ и не лѣзъ впередъ.

— Коли дядѣ Ѳеклисту препоручать они для себя ямщика выбирать, такъ онъ, окромя меня, никого не укажетъ,—увѣренно сказалъ самъ себѣ парень:—чего жъ мнѣ въ задоръ-то съ другими лѣзть.

Правымъ оказался.

Когда пришло дѣло говорить съ иностранцами о поѣздкѣ на каюкѣ, Ѳеклисть въ первую голову представилъ имъ Сеньку.

— Кого другого ни берите, окромя него, лучше не найдете, и каюкъ у него надежный, дно новое, не дырявое, да ужъ и мастакъ онъ по рѣкамъ итти, нигдѣ не застрянетъ, а если заломъ какой встрѣнется, собственноручно разнесетъ, просить никого не ставить.

Оба француза терпѣливо слушали объясненія своего хозяина, ничего не понимая. Старикъ добродушно ухмылялся, а молодой, повидимому, сердился, недовольный, что не можетъ самъ объяснить.

Вассерманъ, къ которому онъ прибѣгалъ за помощью, тоже безсильно развелъ руками. Онъ совершенно не понималъ французовъ, не зная ихъ языка и даже не догадываясь, о чемъ они ему говорить.

— Да вы, Августъ Ивановичъ, не хлопчите, мы и безъ васъ пойдемъ другъ друга, деньгу покажемъ и столкуемся,—довольный этимъ, говорилъ Ѳеклисть:—а ужъ Сеньку, не будь я, къ разу приспособлю. Парень въ разъ для нихъ подходящий.

Семень, увѣренный въ словахъ Ѳеклиста, дожидаль, когда французы будутъ готовы, посядутъ въ его каюкъ и отправятся дальше по Выми, а затѣмъ по рѣчонкамъ, пробираясь на Ухту.

Французы скоро освоились съ обычаями дома, въ которомъ они остановились. Скорѣе жестами, чѣмъ словами, объяснились съ Осклистомъ, что сейчасъ они не могутъ ѣхать сразу на Ухту, такъ какъ необходимые инструменты и принадлежности для изысканій были случайно ими позабыты въ гостиницѣ въ Вологдѣ, гдѣ они сѣли на пароходъ. Приходилось ожидать слѣдующаго парохода и только тогда возможно было отправиться дальше. Спохватились они въ одномъ изъ попутныхъ городовъ и успѣли дать телеграмму въ гостиницу изъ Сольвычегодска.

Старшій изъ нихъ, профессоръ естествознанія Эжень Мобартъ, не терялъ времени и здѣсь, ходилъ на изысканія по окрестностямъ, осматривалъ лѣсъ, а младшій, Жюльень Кудербъ, инженеръ-геологъ, нѣсколько разъ сопровождалъ своего товарища, но затѣмъ предпочиталъ оставаться въ селѣ или охотиться, причемъ ружье ему одолжилъ Августъ, а затѣмъ, когда тотъ самъ сталъ ходить на токъ, веселый французъ завязалъ знакомство съ бойкой Фросей. Дѣвушка смѣялась надъ его уморительнымъ объясненіями, въ концѣ концовъ понимая все, о чемъ онъ ей говорилъ.

Вассерманъ, услыхавъ ся веселый смѣхъ въ сосѣдней комнатѣ, нахмурился и недовольно ей крикнулъ:

— Ишь, другой пріѣхалъ, такъ заржала!

Поблѣднѣла Фрося, закусила губу, но удержаться не удержалась и задорно отвѣтила:

— Сами же сказывали, Августъ Ивановичъ, что не хотите и знать меня вовсе, а теперь сердитесь...

— Вотъ скоро уѣду отсюда, тогда вспомнишь и обо мнѣ!— пытался уязвить ее нѣмецъ.

Фрося фыркнула.

— Коль доведется, словомъ хорошимъ воспомянемъ, да собственно говоря, не за что, подарковъ, почитай, отъ васъ на два мѣдныхъ пятака не получила!

Слушавшій ихъ разговоръ французъ внимательно прислушивался къ незнакомой для него рѣчи, стараясь отгадать, хотя по выраженію, о чемъ они говорятъ.

Снова раскраснѣвшаяся дѣвушка съ улыбкой посмотрѣла на новаго постояльца и сдѣлала пальцами носъ по направленію къ сосѣдней комнатѣ.

— Карошо, карошо, m-lle,—обрадовался чему-то французъ и протянулъ руку, чтобы схватить Фросю за талію, но та ловко у ускользнула отъ него и высунула кончикъ языка.

Въ глазахъ у ней замелькалъ задорный огонекъ, она перегнулась корпусомъ, съежилась и быстро выскочила изъ комнатки на лѣстницу. Французъ лѣниво потянулся, зажмурилъ глаза, чуть замѣтная улыбка искривила его губы.

VI.

— Слушай, Сенька, я наладилъ тебя везти моихъ постояльцевъ,—дѣловито говорилъ Семену бѣлесый Ѳеклисть:—смотри, не упусти своего, баре тароватые, въ деньгахъ толку никакого не понимаютъ, дери съ нихъ больше,—и затѣмъ тихо ему прибавилъ:—какъ назадъ вернешься, Петровки опустимъ, а тамъ Фроську за тебя замужь выдамъ. Если похочешь, къ себѣ въ домъ тебя возьму.

Семень отъ неожиданнаго извѣстiя точно расцвѣлъ.

— Ну, ладно, Ѳеклисть Андреичъ, коли такъ, буду поспѣшать поскорѣе домой вернуться, а ты ужъ Афросинью свою налаживай, чтобы противъ меня не ерепенилась.

— Сказалъ, что все обговорю, все налажу. Овчера мнѣ сказывали, что ты къ Аленкѣ Василисиной ластиться было зачалъ, такъ, того, блажь-то свою брось.

— Чего мнѣ съ Аленкой-то, у тебя взять дѣвку куда мнѣ ладнѣе и сподручнѣе, хозяйство имѣешь, одна дочь, а тамъ прямо въ работники запрягайся. Только, слышь, Ѳеклисть Андреичъ, ты взаправду сказываешь, что промежь Фроськи твоей да нѣмцемъ постояльцемъ ничего такого нѣтъ?

— Ахъ ты, невѣрная душа, сказываю, что нѣтъ, ну, и вѣрь мнѣ. Отецъ, что ли, я, аль такъ—меринъ пришлый?

Вода стояла высокая, верхового вѣтра не было, да и снизу поутихъ, снова тепло наступило, все зеленью поразукрасилось, конопля на задахъ избъ взошла, овесъ показался на полѣ, дождь теплый прошелъ, сверху сплылъ другой конторщикъ Зандъ.

Нѣмцы стали разсуждать:

— Если вода постоять такая, такъ бревенъ еще можно часть спустить,—пояснялъ Зандъ, высокiй черный мужчина, однолѣтокъ Вассермана.

— Слушай, Карлуша, не пиши это хозяевамъ, а то опять придется сидѣть здѣсь до коей поры,—упрашивалъ его товарищъ.

— Ничего я не буду имъ писать, вотъ подожду отъ нихъ письма, да тогда вмѣстѣ съ тобой и сплывемъ книзу. Что у тебя съ Фроськой, какъ дѣла?

Августъ недовольно махнулъ рукой.

— А ну ее, надѣла; то прямо на шею вѣшалась, а теперь, какъ французъ прiѣхалъ, не докличешься. А ты Аленку-то видалъ?

— Сегодня пойду къ шести березамъ, общала прiйти, замужь, сказывала, выходить хочетъ.

— Вотъ какъ. А за кого?

— Тотъ, знаешь, длинный-то ямщикъ, Семень

— Семень? Онъ что-то и сюда больно часто повадилъ, около Фроси ходить, съ ней разговариваетъ.

— А тебѣ-то какое дѣло, Августъ? Вѣдь и ты и я, оба отсюда уѣдемъ скоро, а на будущій годъ найдемъ себѣ получше,—хвастливо промолвилъ Зандъ и довольно крикнулъ.

Августъ засмѣялся и провелъ ладонью по своей не стриженной бородѣ.

— Скоро французы-то уѣдутъ?—спросилъ онъ.

— Какое скоро, дожидаются своихъ инструментовъ, забыли въ Вологдѣ.

— Ну, значить, больше недѣли здѣсь просидятъ.

Продолжали стоять хорошіе дни...

Французы начали скучать въ селѣ.

Осклисть догадался объ этомъ и угодливо предложилъ новымъ постояльцамъ:

— Вамъ бы, господа, по рѣчкѣ подняться, версть за семь тутъ у насъ выселки имѣются: таково тамъ хорошо, что и сказать не могу, сухо, лѣсъ большой, ягель, ровно коверъ, все застилаетъ. И дичи тамъ много, да и такъ время провести пріятно.

Французы ничего не поняли изъ его объясненій, но Зандъ, лучше понимавшій своего товарища по-французски, кое-какъ, съ трудомъ путая слова, перевелъ французамъ предложеніе хозяина.

Съ довольнымъ видомъ закивали головой новые постояльцы, быстро заговорили между собой и опять съ помощью нѣмца пероговорили съ Осклистомъ.

Рѣшено было завтра, въ воскресенье, на одномъ, а то и на двухъ каюкахъ, но не закрытыхъ, отправиться на Голь-Ва, захватить съ собой разную снѣдь и тамъ провести цѣлый день.

— Фрось ѣхать,—объяснилъ свое желаніе младшій изъ французовъ.

— Что жъ, пусть она съ вами ѣдетъ, убытка отъ этого мнѣ никакого, веселье только вамъ прибавить,—согласился Осклисть.

Оба нѣмца собрались съ ними вмѣстѣ.

Лодки хотѣли вестцъ Семень и Микешка.

Импровизированный пикникъ долженъ былъ состояться послѣ того, какъ окончится обѣдня: раньше этого времени Осклисть не отпуская дочери.

Отсутствіе ружей смущало Кудерба. Зандъ любезно предложилъ отдать ему свое.

— Все равно я охотиться не буду, обойдусь и безъ ружья.

На томъ и рѣшили.

VII.

Бѣлая ночь только что вспорхнула, какъ въ сельскомъ храмѣ раздался призывный звукъ колокола.

Недолго пришлось звонить церковному глашатаю, все село уже направлялось въ храмъ, церковная служба въ этихъ мѣстахъ.

гдѣ нѣтъ никакихъ развлеченій, чрезвычайно интересуется крестьянъ; кромѣ молитвы, они ходятъ въ церковь людей посмотреть, себя показать, посудить, порядить...

О. Матвѣй, высокій бѣлокурый священникъ, еще нестарый, очень худошавый, такъ что риза висѣла на немъ, точно на вѣшалкѣ, поглядывая близорукими глазами на молящихся прихожанъ, звонкимъ теноромъ торопливо говорилъ возгласы, точно подгоняя дьякона, старавшагося служить дольше.

Не задерживали и пѣвчіе. Они обрывали безчисленное «Господи, помилуй», не давая разойтись звуку, гася его при самомъ началѣ. Утреню отслужили быстро, за нею послѣдовала сейчасъ же обѣдня, которую тоже не затягивали.

Нѣмцы уже не разъ бывали въ православной церкви, и остались мирно спать дома, но французы явились послушать и посмотреть, какъ молятся русскіе, съ любопытствомъ прислушиваясь къ незнакомому имъ пѣнію, всматриваясь въ чуждый для нихъ иконостасъ и иконы, развѣшанныя по стѣнамъ.

Обѣдня уже кончалась, когда къ нимъ подошла Фрося и, подмигнувъ глазомъ, вызвала ихъ изъ церкви.

Тутъ ужъ ожидала ее подруга Аленка.

— Вотъ, господа, и ее съ собой возьмемъ туда, все жъ веселѣе будетъ, она занятая,—указывая на послѣднюю, предложила дочь Оеклиста.

— Très bien, très bien!—оживленно забормотала Кудербъ.

Всѣ они четверо шли обратно къ дому Оеклиста, когда повстрѣчали Микешку.

Послѣдній, глупо ухмыляясь, потирая лѣвой рукой носъ, сказалъ:

— А ѣхать-то, кажись, Фросинья Оеклистовна, и нельзя будетъ, Сенька-то полегъ и лежитъ.

Дѣвушки переглянулись.

— А что съ нимъ такое?

— Да зубами ужъ больно мается, сказывается, всю ночь и уснуть не могъ, весь «юръ» ломить.

— Ну, ничего, безъ него поѣдемъ, съ одной лодкой обойдемся. На веслахъ ты, Микешка, пойдешь, а на второй мы съ Аленкой вперемѣнъ грести станемъ.

— Такъ-то оно такъ, Фросинья Оеклистовна, да только, сколько они платить мнѣ стануть?—застѣнчиво улыбаясь, спросилъ Микешка.—Може дешево, такъ и рукъ ломать не стоитъ.

— Ну, и Микешка, дуракъ же ты! Баре эти денегъ не жалѣють, хорошо заплатятъ, ты только готовь лодку, а то возьми побольше которая, на одной всѣ усядемся.

— Грузко кабы не было, «пукавны» не придется, «суловѣдь» нужно.

Дѣвушки засмѣялись.

— Ну-ну, усядемся какъ-нибудь.

Нѣмцы только что вставали, когда французы съ дѣвушками вернулись домой.

Августъ позвалъ сосѣдей къ себѣ пить кофе.

Запасливые нѣмцы держали кофе съ осени. Французы вѣжливо отвѣтили согласіемъ, и всѣ четверо усѣлись за столомъ въ конторѣ, гдѣ послѣднее время спали Августъ съ Зандомъ.

Фрося сбѣгала за молокомъ, Аленка не пошла въ домъ, почему-то совѣстясь хозяевъ.

— Опосля, какъ отопьете, я приду къ лодкѣ, вмѣстяхъ и сплывемъ,—сказала она подругѣ:—ты только, Фросенька, гоноши ихъ поскорѣе, нечего разсаживаться, поди, если не чемкасъ цѣлый, такъ около этого будетъ.

Алена со смѣшкомъ убѣжала къ себѣ домой, ея широкое, мало выразительное лицо было залито весельемъ.

— А пароходъ-отъ поутру отваливать книзу ладигъ,—объявилъ Ѳеклисть своимъ постояльцамъ,—коли что, господа, вамъ надобно, письмецо, что ль, отправить аль иной какой приказъ, сейчасъ справляйте.

— Да нечего отправлять, Ѳеклисть Андреичъ, да и къ чему, мы все равно только до слѣдующаго парохода здѣсь проживемъ,—отвѣтилъ Зандъ.

— Може, сосѣди ваши, имъ что надобно, поспрошайте какъ слѣдъ.

Но и французы отказались, они теперь ожидали только, когда имъ привезутъ забытый багажъ, чтобы поскорѣе отправиться дальше, на Ухту.

— Ну, ладно, ладно,—скороговоркой замѣтилъ хозяинъ, и, спускаясь по лѣстницѣ, крикнулъ постояльцамъ:—а я вамъ тамъ всякую снѣдь въ лодку сгоношилъ, яичекъ, пирожокъ баба моя вамъ спекла, а если чего хмельного, такъ берите ужъ сами.

Французы съ нѣмцами начали пить кофе, уморительно объясняясь другъ съ другомъ, не всегда ясно понимая, кто, что говорить.

Прибѣжала Афросинья съ двумя кувшинами только-что надоеннаго молока, притащила горбушку чернаго хлѣба.

Оригинальное питье кофе началось.

— Если хотите обойтись безъ лодокъ, на Ухту можете обратиться и пѣшкомъ,—сообщилъ старшему французу дѣловой Зандъ:—тутъ проложена тропа до самыхъ нефтяныхъ промысловъ, побольше ста верстъ. Положимъ, дорога все время идетъ черезъ болота, но пройти можно.

Эжень Мобартъ, внимательно его слушавшій, отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, пѣшкомъ ни я, ни мой товарищъ не пойдемъ, это неудобно, да и тащить наши инструменты очень тяжело, мы лучше отправимся, какъ уже рѣшили, на лодкѣ, все равно приходится сейчасъ ожидать, благодаря нашей неаккуратности.

— Коли хотите, господа, ѣхать, такъ сейчасъ нужно, а то пока туда доберемся, придется и вобратъ поспѣшать,—торопила хозяйская дочка.

VIII.

Собрались, спустились къ берегу, гдѣ около довольно большой лодки, не крытой, какъ каюки, уже спущенной на воду, хлопоталъ Микешка. Тутъ же дожидалась и Алена.

Василиса, ея мать, еще нестарая женщина, что-то настойчиво ей говорила, размахивала рукой и куда-то указывала.

— Да, нѣтъ же, маменька, сказываю, что нѣтъ,—недовольно отвѣчала дочь.

— Пойми же ты, неразумная, если Васька прознастъ что... такъ опять задастъ тебѣ выволочку, норовъ у него тебѣ вѣдомъ.

Четверо мужчинъ усѣлись въ лодку, на весла сѣли Микешка и Фрося. Аленка примостилась съ багромъ на носу.

Василиса, видимо, не рѣшаясь подойти къ дочери въ присутствіи господъ, продолжала выкрикивать ей наставленія:

— Смотри, дѣвка, берегись, помни, что будетъ!

Микешка, пыхтя, запускалъ глубоко весла въ воду и, широко раздвинувъ руки, выгребалъ. Не отставала отъ него и Фрося. Ея руки съ чисто мужской силой напрягались, босыя ноги уперлись въ подставку, дѣвушка, низко опустившись, закидывала весла и, перекинувшись всѣмъ корпусомъ, сильно ворочала ими въ водѣ.

Тяжелая лодка довольно быстро шла впередъ, разбивая воду и оставляя сзади себя пѣнистую струйку.

Привычныя руки обоихъ гребцовъ не скоро устали. Меньше часу прошло, какъ добрались до устья рѣки Иоль-ва, гдѣ на остромъ мысу пріютилось нѣсколько домиковъ, «на кончинѣ міра», какъ здѣсь говорится, потому что это послѣднее жилье до самаго перевалока на Ухту.

Что за чудный день выдался, нельзя было повѣрить, что это не югъ, а дальній сѣверъ! Солнце, стоявшее прямо надъ головами, палило, въ небѣ ни тучки, ни облачка. Блѣдноголубое, далекое, загадочное, оно подымалось безконечнымъ куполомъ, безучастно раскинувшись надъ пустынными мѣстами.

Старый лѣсъ. Кора столѣтнихъ деревьевъ вся покрыта сѣро-зеленоватымъ мхомъ, плотная пелена его разстилается, и у ихъ подножья, куда ни ступить нога, она тонетъ въ сухомъ мягкомъ ягелѣ. Кажется, что все пространство покрыто снѣгомъ. Мохъ настолько гладокъ, что сходство становится все больше и больше. Весь лѣсъ

живетъ своею особенною жизнью. Беззаботно чирикаютъ множество птицъ, гдѣ-то недалеко стучитъ надоѣдливый дятель, кукуетъ кукушка, налаживаетъ свои трели варакушка, этотъ соловей сѣвера.

Среди пушистой подстилки тоже чувствуется жизнь. Шевелятся какія-то насѣкомыя, проглядываетъ головка зеленой ящерики, гдѣ-то, ближе къ водѣ слышно шлепанье лягушки, чуткое ухо улавливаетъ шуршанье среди высохшихъ вѣточекъ мха скрытаго въ немъ жука.

Сейчасъ же, недалеко отъ опушки притаилось на время звѣриное царство. Вонь бѣлка, взметнувшись на высокую ель, съ любопытствомъ посматриваетъ межъ частой хвои на незнакомыхъ ей поѣдателей. Ея пушистый рыжий хвостъ высовывается между лапъ ели; проворный косой притаился подъ корнями дерева, прижалъ уши и не знаетъ, бѣжать ли ему дальше, или выждать, пока уйдутъ люди.

— Вотъ здѣсь расположимся, чего жъ далеко-то въ лѣсъ уходить, — предложилъ Августъ, не любившій особенно дальнихъ прогулокъ.

Сѣли подъ большой сосною. Кудербъ и Зандъ взяли ружья и направились глубже въ чащу, но зной достигъ и туда, недолго поохотились они, скоро вернулись къ остальнымъ и усѣлись тутъ же на бѣлоснѣжномъ ягелѣ, лѣниво раскинувшись около сосны. Стали закусывать.

Разговоръ не вязался. Августъ сердился, что Фрося все время вертѣлась около молодого француза, Алена ластилась къ Занду, но тотъ безъ церемоніи прогналъ ее и, развалившись на солнцѣ, мирно заснулъ. Старый французъ отправился бродить межъ деревьями, собирая растенія, ему помогала Алена, видимо, убѣдившаяся, что съ Карломъ не сговоришься.

Французъ благосклонно принималъ растенія, которыя она срывала и приносила ему, гладилъ ее по головѣ, добродушно повторяя:

— *Bonne fillette, merci petite!*

Микешка сначала сидѣлъ въ лодкѣ, но потомъ подошелъ къ остальнымъ, умильно поглядывая на бутылку водки, лежавшую около Занда.

Кудербъ, замѣтивъ, что Августъ, подобно своему пріятелю, задремалъ, сморенный солнечными лучами, прищурилъ глазъ и тихонько свистнулъ. Фрося поймала его знакъ и послушно продвинулась къ нему, скользя безшумно по мягкому ягелю.

Бѣлые зубы инженера плотноядно блеснули, онъ еще настойчивѣ поманилъ дѣвушку, и они безъ шума скользнули между кустами, въ другую сторону отъ остальной компаніи.

Повидимому, никто не замѣтилъ ихъ исчезновенія, только Микешка, пріоткрывъ глаза, послѣдилъ за ними взглядомъ и самодовольно засопѣлъ.

Ожидаемаго веселья не было, компанія не слилась.

Тихо было на полянкѣ, гдѣ расположились прїѣзжіе.

Оба нѣмца продолжали спать, Микешка искоса продолжалъ поглядывать на далеко еще не опорожненную бутылку водки, лежавшую недалеко, но достать ее было трудно.

Гдѣ-то чуть слышно шумѣла вода, небольшой порожекъ дальше по рѣчкѣ неустанно повторялъ свою вѣчную пѣсенку. Время шло. Солнце сдвинулось на западъ, по ягелю протянулись длинныя тѣни деревьевъ, чуть колыхнуло рѣчной сыростью. Съ разныхъ сторонъ изъ кустовъ на полянкѣ появились младшій французъ и Фрося и сѣли другъ отъ друга вдали. Дѣвушка поживалась, подозрительно поглядывая на обоихъ нѣмцевъ, попрежнему безмятежно спавшихъ, и отыскивая глазами свою подругу. Скоро вернулась и она вмѣстѣ съ Мобартомъ. Небольшая сѣтчатая сумка, висѣвшая у него сбоку, была наполнена различными растеніями.

Профессоръ добродушно улыбался и, опустившись на ягель рядомъ со своей помощницей, старался что-то ей объяснить.

Еще рѣзче стали тѣни на ягелѣ, онѣ сдѣлались совѣмъ фіолетовыми. Въ зелени елей скользнуло золото солнца, блеснуло кружкомъ, перекинулось на другое мѣсто и протянуло золотыя нити.

Близился вечеръ.

Съ рѣки завилась еле замѣтная полоска росы, разгоряченныя тѣла спавшихъ невольно вздрогнули.

— Однако, какъ мы здорово уснули, вотъ и прогулка!—шутливо проговорилъ Зандъ, лѣниво потягиваясь,— а ну-ка, Микешка!—крикнуть онъ парню:—не осталось ли тамъ чего-нибудь поѣсть, да и выпить бы не мѣшало.

Парень быстро поднялся. Трудно было повѣрить, что онъ спалъ.

Пошарилъ въ коробахъ, привезенныхъ съ собою, вытащилъ остатки пирога и подаль его нѣмцу.

— А вы, господа, не хотите?

Августъ еще спалъ, а оба француза отказались.

Недолго еще пробыли на лѣсистомъ мыскѣ прїѣзжіе, пикникъ не удался.

Перебрались снова на лодку, на весла сѣла съ Микешкой на этотъ разъ печальная Алена, Фрося помѣстилась на кормѣ около молодого француза, и лодка быстро поплыла внизъ по рѣчкѣ.

Солнце уже опускалось за лѣсъ, только золотой край его, точно корона, держался нѣкоторое время надъ вершинами деревьевъ, казавшимися совершенно черными, и затѣмъ опустился ниже, окрашивая небо и часть лѣса яркимъ пурпуромъ.

Все масло и гасло это кровавое зарево, свѣтлая дымка бѣлой ночи заволаживала лѣсъ, тихое зеркало рѣки и задерживала туманную завѣсу за ушедшимъ на покой свѣтиломъ.

IX.

Пароходъ на другой день ушелъ рано, село опять осталось отрѣзаннымъ отъ цивилизованнаго міра. Снова стало тоскливо, въ особенности французы не знали, что имъ дѣлать, и погода къ тому же переменилась, пошли дожди, весь берегъ разрыхлился, приходилось сидѣть больше всего у себя въ комнатѣ и вести безконечные разговоры.

Нѣмцы сторонились, у нихъ были кой-какія знакомства, жили они ужъ здѣсь второй годъ, а главное, умѣли говорить по-русски.

Неволя научить... Приучились кой-какъ объясняться и французы, въ особенности Кудербъ.

Фрося все время вертѣлась около нихъ, и Жюльенъ, уморительно выговаривая русскія слова, пытался съ ней разговаривать.

Феклисть, еще недавно выговаривавшій Вассерману и просившій его сторониться Фроси, тутъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Э тотъ что,—думалъ хитрый мужикъ,—долго ли здѣсь проживутъ, и поминай, какъ звали, а нѣмецъ, тотъ опять вернется.

Микешка, вернувшись съ поѣздки, прошелъ къ своему пріятелю Семену, немилосердно страдавшему отъ зубной боли.

— Хе-хе,—дурашливо засмѣялся Микешка:—ты вотъ тутъ лежишь, а мы водку пили съ барями, Фроська твоя тоже пригубила. Насторожился Семень, услышавъ имя невѣсты.

— Веселая такая, съ новымъ постояльцемъ все игры играла. Семень насунился. Стараясь преодолѣть боль, онъ спросилъ:

— Каки таки игры?

Микешка снова хихикнулъ.

— Самъ, поди, знаешь, чего тебя учить, въ гулючки по кустамъ!

— Врешь ты, парень!—вдрогнувъ, крикнулъ на него больной.

— Чего мнѣ врать-то, своими глазыньками видѣлъ, вѣдь самъ, поди, знаешь, что для «оша»—«яй», то для парня и дѣвка.

— Да какъ же ты видѣлъ-то?

— Полегъ на ягелѣ, будто сплю, а «синками» черезъ щелки гляжу, ну, тотъ-то, молодой, покликалъ Фроську и пошли...

Закричалъ Семень, точно звѣрь, куда на минуту зубная боль дѣвалась, а потомъ опять за челюсть рукою схватился и выть сталъ.

— Да ты чего ерепу-то гонишь, не забудеть твоей Фроськи, вѣдь съ нѣмцемъ-то спознавшись была.

— Врешь ты все, Микешка, зря только языкъ у тебя болтается!— снова вырвалось у Семена.

— Какъ хошь, такъ и понимай, я тебя упредилъ. Самъ приглядывай.

Если бы не страшная боль, не дававшая ни минуты покою, «ямщикъ» сейчасъ же побѣжалъ бы къ Феклистову дому и сталъ допра-

шивать Фросю, но онъ безсильно зарычалъ, повалился на лавку, покрытую старой кошмой, и закрылъ лицо руками.

Вѣдь онъ самъ же говорилъ, когда сваталъ у послѣдняго дочку, чтобы берегъ ее, зато и на Аленькѣ не захотѣлъ жениться, а Феклисть клялся и божился парню, что и въ помыслахъ Афросинья такого не держала.

«Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ Микешка навралъ, чтобы меня озлобить, погожу, а завтра ужъ отъ нея самой допытаюсь».

Микешка, довольный, что ему хорошо заплатили, хоть было и поздно, отправился съ пріятелями гулять.

Откуда-то раздобыли водки и посѣли вмѣстѣ, ближе къ выгону, на сложенномъ тесѣ.

Васька притащилъ гармонику, запищала она, затянулась пѣсня, долгая, тоскливая; не манить сѣверъ къ веселью, мелодіи его рѣдко когда оживлены и веселы.

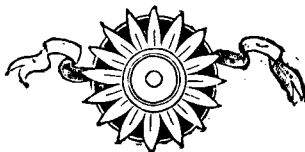
Бѣлая ночь легкой дымкой одѣла все село, тихую рѣку, длинную щетку еловаго бора того берега, затушила временно жизнь и слабо очертила на совершенно блѣдномъ небѣ чуть замѣтный абрисъ луны.

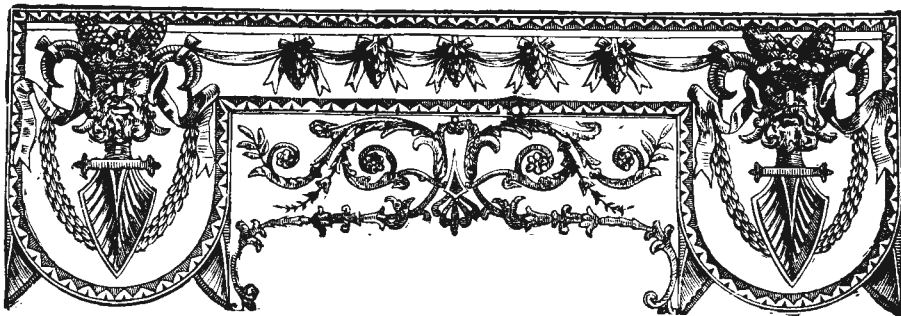
У пристани тихо шипѣлъ пароходъ, разогрѣвавшій машину, чтобы рано утромъ отплыть книзу.

Средостѣніе продолжалось недолго. Скоро на востокъ опять появилась красная полоска зари, быстро залившая все небо, а за нею блеснули золотые лучи дневного свѣтила, опять явившагося на свою живительную работу. Ночь исчезла, слабая дымка росы рваными клочьями стлалась по низинѣ, трусливо убѣгая отъ солнца.

Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ СЛОВО“.

(Изъ воспоминаній шестидесятника)

ВЪ КОТОРЫЕ мои знакомые, причастные къ литературѣ, бесѣдуя со мной о далекомъ прошломъ, неоднократно выражали желаніе, чтобъ я написалъ мои воспоминанія о Д. И. Писаревѣ, Г. Е. Благосвѣтловѣ и вообще о редакціи журнала «Русское Слово». Эти лестныя для меня пожеланія и побудили меня взяться за перо.

О работахъ Писарева было такъ много и разносторонне печатано, что вдаваться въ подробности въ этомъ отношеніи я считаю излишнимъ. Но постараюсь насколько могу: 1) освѣтить личность и характеръ этого выдающагося писателя нѣкоторыми подробностями, мало извѣстными, какъ мнѣ кажется, современнымъ его почитателямъ; 2) уяснить его отношенія къ редактору Благосвѣтлову и 3) очертить обстановку редакціи журнала, въ которомъ Писаревъ работалъ.

Благосвѣтлова я зналъ лично съ 1852 года. Около шестидесятаго года я довольно часто посѣщаль редакцію «Русскаго Слова», какъ знакомый и бывший ученикъ Благосвѣтлова. Но я не былъ сотрудникомъ журнала, если не считать двухъ-трехъ моихъ юношескихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ этомъ изданіи.

I.

Чинные журфиксы Благосвѣтлова.—Его квартира въ домѣ графа Куселева и квартира въ Эртелевомъ переулкѣ.—Первая книжка Катковского «Русскаго Вѣстника». — Посѣтители журфиксовъ: Д. И. Писаревъ, В. В. Крестовскій, Минаевъ, Мей, Полонскій, В. П. Поповъ.—Итальянское стихотвореніе изъ русскихъ словъ.—Либеральный цензоръ о Петрѣ Великомъ и патриархѣ Никонѣ.

Въ первое время существованія журнала «Русское Слово», т. е. въ концѣ пятидесятихъ годовъ, редакція его помѣщалась въ домѣ издателя, графа Куселева-Безбородка, на Сергіевской улицѣ, недалеко отъ Гагаринской (нынѣ Французской) набережной.

Собственно, это была квартира Благосвѣтлова. Просторная, но не уютная, хотя по части стѣнъ, паркета и потолковъ отдѣланная по-барски. Комнаты высокія; первая, обитая дорогими темными обоями, съ золотымъ багетомъ, наводила уныніе хронически стоявшимъ въ ней сумракомъ. Она служила почти исключительно только для перехода изъ передней въ гостиную и была всегда пустыня; развѣ днемъ какого-нибудь новичка-писателя заставляли тамъ ждать, когда редакторъ удосужится его принять. Иногда, по вечерамъ, завсегда и сотрудники редакціи удалялись туда вдвоемъ для обсужденія какого-либо вопроса, касающаго журнальныхъ работъ. Д. Д. Минаевъ прозвалъ ее «храмомъ уединенія вдвоемъ».

Вечеромъ тамъ скудно горѣла лампа. Слѣдующая же комната была просторна, свѣтла. Она служила гостиной и заломъ, и столовой; имѣла свѣтлыя стѣны съ золотыми багетами и разводами; кругомъ нея жидко разставлена прямоугольная, очень неудобная, модная въ то время мебель «Empire», типъ которой, говорятъ, выдумалъ самъ Наполеонъ I. Угольный диванъ и передъ нимъ столъ съ высокой лампой; продольный диванъ, предъ нимъ столъ съ таковой же лампой; стулья и кресла—тоже жесткіе прямоугольные «Empire».

Вообще, по части мебели жидко. Вечеромъ въ этомъ обширномъ покоѣ было свѣтло, но какъ-то скуповато-свѣтло и неуютно. Тутъ бесѣдовали болѣе или менѣе близкіе люди редакціи и сотрудники. За гостиной ютилась зеленостѣнная, хмураго настроенія, узкая и глубокая спальня, она же и кабинетъ Благосвѣтлова. Туда Писаревъ любилъ удаляться, чтобы побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь ему симпатичнымъ, или посовѣтоваться съ Благосвѣтловымъ о какой-нибудь статьѣ. Особенно любилъ Дмитрій Ивановичъ забираться туда въ редакціонные журфикисы. Въ этой, просто до спартанства обставленной спальнѣ господствовалъ тоже экономный сумракъ. Благосвѣтловъ былъ, какъ про него говорили (не только тогда, но и послѣ, когда онъ женился на состоятельной купчихѣ), весьма расчетливъ. Обстановка кабинета-спальни, впрочемъ, рас-

полагала къ размышленіямъ; можетъ быть, Писаревъ, не охотникъ до журффиксовскихъ разговоровъ, оттого и предпочиталъ ее. Незатѣйливый письменный столъ заваленъ рукописями и книгами, расположенными, однако, въ безукоризненномъ порядкѣ. На столѣ, среди рукописей, горѣли двѣ стеариновыя свѣчки въ золоченыхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, тоже наполеоновскаго стиля. Скромно прятавшаяся въ глубинѣ комнаты постель, дѣвственно бѣлая, приводила на мысль стихъ изъ «Кавказскаго Плѣнника»: «Къ моей постели одинокой не крался въ тишинѣ ночной...» Григорій Евлампіевичъ не напоминалъ пушкинскую черкешенку, но онъ былъ строгимъ блюстителемъ внѣшняго декорума, опрятности, даже «умѣренности и аккуратности» въ окружающей его обстановкѣ, особенно въ назначенные дни.

Въ этой официальной редакціонной квартирѣ мнѣ съ сожалѣніемъ вспоминались маленькія комнатки въ Эртелевомъ переулкѣ, гдѣ ранѣе жилъ Благосвѣтловъ. Онѣ были заставлены не претенціозной, но удобной мебелью; тамъ было множество полоковъ и шкапиковъ съ книгами. Книги эти возбуждали въ моей головѣ и нервахъ аппетитъ, извѣстный охотникамъ до чтенія, къ которому въ значительной степени онъ же, т. е. Григорій Евлампіевичъ, меня и пріохотилъ. Онъ же удовлетворялъ мой юношевскій аппетитъ, одоляя книги, поясняя содержаніе ихъ, когда еще преподавалъ русскій языкъ и словесность у насъ въ училищѣ. Я, будучи въ старшемъ классѣ, заходилъ къ нему на часокъ (въ 1857 году). Тогда онъ, помнится, недавно еще вернулся изъ заграничной поѣздки.

Отъ него сильно въ то время пахло Западомъ и увѣренностью въ близости насажденія западной культуры въ Россіи.

Между прочимъ, мнѣ ярко доселѣ вспоминается его удовольствіе (впрочемъ, раздѣляемое тогда весьма многими либеральными солидными людьми и доходившее у нѣкоторыхъ до восторговъ), вызванное появленіемъ первой книги катковскаго «Русскаго Вѣстника». Военная зеленая молодежь, къ которой принадлежалъ и нишущій эти строки; устраивала тогда литературные вечера для ознакомленія съ этимъ новымъ литературнымъ явленіемъ, либеральнаго (sic) пошиба.

Нѣкоторые полагали вполнѣ справедливо, что графъ Кушелевъ-Безбородко задумалъ издавать «Русское Слово» подъ впечатленіемъ первыхъ нумеровъ англоизированнаго «Русскаго Вѣстника» и поручилъ редактированіе своего дѣтища Благосвѣтлову, какъ офранцуженному западнику.

Значительная часть высшихъ классовъ общества оказывала вниманіе катковской проповѣди, усматривая близость всероссійскаго самоуправленія и, повидимому, желая его ¹⁾. Или, по край-

¹⁾ См. мою статью «Первый земскій съѣздъ», напечатанную въ «Историч. Вѣстн».

ней мѣрѣ, показывала видѣ, что желала его. Во-первыхъ, потому, что, какъ говорили, молодой монархъ расположенъ къ такой реформѣ и, слѣдовательно, выгодно высказывать ей сочувствіе. А, во-вторыхъ, уповали, что высшему сословію будетъ предоставлено главенство въ самоуправленіи и, слѣдовательно (этого громко, разумѣется, не высказывали), такое главенство придастъ безповоротно въ принципѣ рѣшенной царемъ колоссальной реформѣ—уничтоженію крѣпостничества—менѣе разорительный для дворянства характеръ.

Большинство же молодежи, военной и штатской, какъ и учено-литературный слой общества, къ которому принадлежалъ и Благосвѣтловъ, интересовались катковскимъ изданіемъ безъ всякой задней мысли. Благосвѣтловъ, читая мнѣ на эртелевской квартирѣ строки изъ «Русскаго Вѣстника» (въ которомъ дебютировала Щедрина своими «Губернскими очерками»), говорилъ: «Этотъ новый журналъ будетъ очень полезнымъ союзникомъ русскаго прогресса... Когда его читаешь, кажется, что и напечатанъ-то онъ не по-русски, а по-англійски...»

Шрифтъ «Русскаго Вѣстника», дѣйствительно, какъ будто претендовалъ на сходство со шрифтомъ англійскимъ. Но содержаніе... черезъ немного лѣтъ стало вызывать у прежнихъ хвалителей его чуть не взрывъ негодованія, впрочемъ, столь же преувеличенный, какъ и прежніе сладостные восторги.

Sic transit gloria mundi.

Кстати о благосвѣтловской квартирѣ: бытовая анекдотецъ. Въ первый же разъ, что я посѣтилъ Григорія Евлампіевича въ его «графскихъ палатахъ» (какъ нѣкоторые называли помещеніе редакціи въ домѣ графа Кушелева-Безбородка), онъ, т. е. Благосвѣтловъ, смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Вотъ здѣсь я, наконецъ, могу работать. Слава Богу, вашей музыкантши у меня по сосѣдству не имѣется.

И я ему сочувствовалъ, хотя и сосѣдкѣ тоже. Оба они другъ друга, можно сказать, терзали и были готовы утопить въ каплѣ воды. Моя знакомая М. А. Загоскина, вдова артиллерійскаго полковника, жила въ Эртелевомъ переулкѣ этажомъ ниже Благосвѣтлова. Каждый разъ, когда я къ ней приходилъ, она жаловалась: «Что за наказанье! Попросите вы вашего семинариста (такъ она называла Благосвѣтлова), чтобы онъ хоть туфли носилъ такія, что не шлепаютъ. Только я сяду за рояль, онъ и пойдетъ шлеп-шлеп туфлями».

Когда же я бывалъ у Григорія Евлампіевича, то онъ плаксиво жаловался: «Какъ только я сяду работать, такъ ваша музыкантша и загремитъ на фортепьяно. Точно нарочно! Рѣшительно ничего въ головѣ не вяжется...»

Примирить ихъ мнѣ не удавалось. И я за обоихъ былъ доволенъ, когда мой бывший учитель переселился на квартиру дома Кушелева, гдѣ царилъ тишина, хотя въ ней мнѣ (да и не мнѣ одному) бывало часто холодно и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ слова

Вечерними завсегдатаями редакціонныхъ журфиксовъ были, конечно, кромѣ самого хозяина, какъ бы предѣлательствовавшего на разъ навсегда опредѣленномъ углу квадратнаго наполеоновскаго дивана «Empire», Д. И. Писаревъ и квартирный хозяинъ Писарева В. П. Поповъ, затѣмъ поэты: Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, Я. П. Полонскій, Л. А. Мей; цензоръ Елагинъ и проч.

Всеволодъ Крестовскій представлялъ тогда по облику, образу мыслей и даже юношеской симпатичности нѣчто пріятное, несомнѣстимое съ «позднѣйшимъ» Крестовскимъ, когда онъ писалъ «Панургово стадо», надѣлъ уланскій мундиръ и сталъ редактировать варшавскую газету.

Крестовскій былъ товарищемъ по университету и, можно сказать, другомъ Писарева. Писалъ онъ не глубокомысленные, но красивые стихи подъ вкуснымъ либеральнымъ соусомъ. Напримеръ: «Христовы братья», «Весенняя смерть», «Испанскіе мотивы»— были тогда очень популярны и симпатичны для многихъ читателей. Въ нихъ чуялся поэтъ. Стихи его выливались изъ души. Однако, ластясь къ духу времени, онъ подпускалъ въ нихъ краски модныхъ мотивовъ, которые нѣкоторыми писателями считались тогда не только модными, но и выгодными. Установясь на такой платформѣ, можно было нравиться и правымъ (потому что послѣдніе остерегались не быть либеральными), и, само собой разумѣется, лѣвымъ. Особенно популяренъ былъ одинъ изъ испанскихъ мотивовъ Крестовскаго «Санъ-Яго». Мы будемъ ниже имѣть случай коснуться содержанія этого стихотворенія.

Можетъ быть, изъ Крестовскаго и вышелъ бы болѣе или менѣе интересный, видный писатель, если бъ онъ болѣе оставался, такъ сказать, подъ указкой Писарева, который дружески руководилъ имъ и пристроилъ его, почти одновременно съ самимъ собой, къ «Русскому Слову». Но Крестовскому въ концѣ пятидесятихъ годовъ было не до нравственнаго самосовершенствованія, не до воздѣлыванія своего дарованія, онъ оплакивалъ Христову братію, самъ же жаждалъ милостей Мамоны: денегъ и денегъ! Онъ былъ влюбленъ въ актрису, свою потомъ жену. Она играла на кронштадтской сценѣ. Хотя она и сама его любила и ничего отъ него не требовала, но онъ не могъ не тратить на нее денегъ, тѣмъ болѣе, что очень любилъ рисоваться; онъ не довольствовался скромной, но

вполнѣ приличной и достаточной матеріальной поддержкой своей бабушки, горячо любившей его, у которой онъ и жилъ, какъ у Христа за пазухой въ Петербургѣ, около Владимирской. Не довольствовался онъ и весьма удовлетворительнымъ литературнымъ заработкомъ. Ради денегъ онъ писалъ легкомысленныя рецензіи о разныхъ мало интересныхъ книгахъ и легкомысленные, плохо продуманныя новеллы и рассказы. Благодаря Писареву, сострадавшему поэту въ первое время, Благосвѣтловъ печаталъ его статьи, тѣмъ болѣе, что онѣ проходили часто черезъ дружескія руки Дмитрія Ивановича. Послѣдній сглаживалъ нерѣдко «несуразности» пріятеля, нерѣдко распекалъ его за небрежность и пустословіе. Впрочемъ, скоро это нянченье надоѣло Писареву, да и времени стало у него не хватать, такъ что онъ отступился отъ товарища, откровенно сказавъ ему: «Ты, братецъ, могъ бы, пожалуй, быть червонцемъ, а размѣнялся на мѣдные пятаки».

Писареву, да и всему молодому кружку, Крестовскій претилъ своей рисовкой, желаніемъ возбуждать симпатіи къ своей маленькой особѣ, которая безъ этихъ попытокъ могла бы быть дѣйствительно интересной и симпатичной. Онъ былъ недурень собой; худощавъ, небольшого роста, брюнетикъ съ тонкими чертами лица и съ красивыми глазами, которые могли бы располагать къ ихъ обладателю, если бы онъ не пытался придавать имъ страдальческую томность. Говорилъ онъ намѣренно-слабымъ голосомъ, поминутно сухо покашливая и при удобномъ случаѣ объясняя, что это у него «нервный кашель». Сигары курилъ постоянно, втыкая ихъ на кончикъ перочиннаго ножа: это тоже было своего рода интересничанье. На рукѣ у самой кисти онъ носилъ гладкій золотой браслетъ—«вещественное доказательство невещественныхъ отношеній». Когда могъ, Всеволодъ Владимировичъ всякому подходящему человѣку съ таинственнымъ трагизмомъ намекалъ о своей любви къ дѣвушкѣ, которая обручилась «этимъ браслетомъ», о препятствіяхъ къ окончательному съ ней сближенію и т. п. Въ кутежной же компаніи (впрочемъ, онъ заправскимъ кутилой тогда, по крайней мѣрѣ, не былъ) онъ пріятно упрощался, забывалъ иногда рисоваться, становился тѣмъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ могъ бы быть, т. е. добрымъ, довольно даровитымъ малымъ. Въ такія минуты я понималъ, почему Писаревъ нянчился съ нимъ и тратилъ время на обсужденіе его статей.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, Крестовскій составилъ себѣ литературное имя, имѣлъ очень обильный заработокъ, но уже не стѣснялся направленіемъ и выборомъ идей для своихъ писаній. Въ новыхъ произведеніяхъ оставалось мало такого, что обѣщало многое въ юношескихъ годахъ. Въ литературныхъ кружкахъ, гдѣ онъ вращался восемь или десять лѣтъ ранѣе, стали относиться къ нему холодно.

Ходили разные неблагопріятные для него слухи по части сплетень, которымъ добрые люди обыкновенно вѣрятъ охотнѣе, чѣмъ правдѣ. Доходило до того, что его обвиняли въ очень знаменательномъ плагиаторствѣ. Я лично этому обвиненію не вѣрю. Его недоброжелатели утверждали, напримѣръ, будто бы знаменитыя «Петербургскія Трущобы» были написаны не имъ, Крестовскимъ, а Помяловскимъ. Версія ходила такая: Крестовскій послѣ кончины Помяловскаго имѣлъ случай разбирать бумаги и рукописи покойнаго; онъ будто бы нашель въ нихъ значительно обработанный и обильный матеріалъ, касающійся быта и нравовъ подонковъ петербургскаго населенія, будто бы присвоилъ себѣ работу и создалъ изъ нея обратившій на себя въ свое время вниманіе романъ «Петербургскія Трущобы», который прочно закрѣпилъ его литературную извѣстность и доставилъ ему изрядный денежный кушъ.

Подобные рассказы были не настолько обоснованы фактами, чтобы имъ вѣрить. Хотя нѣкоторыя мелкія стихотворенія, невинные плагиаты въ его произведеніяхъ и оказывались, но эти грѣшки не заходили далѣе невинныхъ плагиатовъ и у Пушкина. Разница, впрочемъ, заключалась въ томъ, что Пушкинъ ихъ не пытался скрывать, а Крестовскій обратно.

Только однажды Помяловскій уличилъ его, впрочемъ, въ не печатномъ и ничтожномъ плагиатѣ. Какъ-то мы ужинали въ ресторанѣ Еремѣева, который тогда помѣщался на Невскомъ, противъ Аничкова двора (гдѣ позднѣе была гостиница «Вель-Вю»). Туда любили ходить литераторы. Подали намъ поросенка со сметаной «во всей его неприкосновенности». Крестовскій по этому случаю, обращаясь къ поросенку, произнесъ такой экспромтъ:

Прекрасно сдѣлалъ, милый мой,
 Что въ ранней юности скопчался,
 Не то ты сдѣлался бъ свиньей
 И той же участи дождался.

Всѣ захохотали и забыли экспромтъ чрезъ какія-нибудь десять минутъ. Помяловскій, находившійся въ томъ градусѣ опьянѣнія, когда онъ неприличными словами заставлялъ «святыхъ вонъ выносить», вдругъ осыпалъ Крестовскаго нелестными эпитетами. На брань Помяловскаго никто изъ знавшихъ его не обижался. Но Крестовскій заершился, потребовалъ разъясненій, удовлетворенія. А его обидчикъ съ пьянымъ добродушнымъ смѣхомъ объяснилъ:

— Ты, братъ, Крестовскій, самъ свинья! Это четверостишіе Тютчевъ поросенку сказалъ, а не ты.

И Помяловскій назвалъ какого-то петербургскаго помѣщика, у котораго, какъ ему было извѣстно, въ гостяхъ Тютчевъ и обмолвился такимъ экспромтомъ.

Тогда Всеволодъ Владимировичъ воскликнулъ:

— Ахъ, я телятина!

И тутъ же привелъ примѣры изумительныхъ совпаденій въ языкѣ—мотивовъ, а въ поэзіи стиховъ... «У поэта и у музыканта въ головѣ набито столько и своего, и чужого, что иной разъ—особенно къ концу ужина—и не разберешь, что свое, что чужое». Словомъ, все обратилось въ шутку.

Появлялся иногда на редакторскіе журфиксы гость особаго сорта: цензоръ журнала Елагинъ ¹⁾. Писаревъ, который въ описываемое годы вообще краснорѣчиво молчалъ, въ такихъ случаяхъ ступевывался въ хозяйскій кабинетъ и просматривалъ тамъ рукописи и новыя книги. Только иногда по нуждѣ вступалъ онъ въ дѣловое объясненіе съ цензоромъ по поводу какой-либо статьи. Впрочемъ, цензоръ, о которомъ я говорю, рѣдко давалъ поводъ къ препирательству. Благосвѣтловъ же и нѣкоторые сотрудники относились къ цензору не безъ приподнятой вѣжливости. А самъ Елагинъ старался держать себя развязно, по-товарищески и любилъ вести бесѣду либеральнаго пошиба, иногда даже явно утрируя.

Въ то время, когда только что назрѣвали реформы, времена были таковы, что и цензора не знали, на какой ногѣ имъ удобнѣе приплясывать.

Благосвѣтловъ, услышавъ шаги или голосъ цензора въ предшествующей комнатѣ «уединенія вдвоемъ», вставалъ съ дивана, какъ бы только для того, чтобы ноги промять, и, словно нечаянно, встрѣчалъ гостя на порогѣ зала. Затѣмъ онъ усаживалъ его на свое, нѣкоторымъ образомъ предсѣдательское, мѣсто на диванѣ. Гость садился, предварительно, однако, пожавъ руки всѣхъ ему знакомыхъ присутствующихъ и «представясь» еще незнакомымъ. При этомъ онъ всѣмъ дружески улыбался. Впрочемъ, по части представленій Благосвѣтловъ нерѣдко, какъ бы мимоходомъ, поспѣшно церемоніймейстерствовалъ самъ, естественно желая, чтобы цензура поменьше воевала съ сотрудниками.

Очерчу одно такое цензорское посѣщеніе, довольно отчетливо оставшееся доселѣ у меня въ памяти.

Цензоръ едва еще прикоснулся къ курильному уголку наполеоновскаго дивана, словно что-то пріятное вспомнивъ, расцвѣлъ милѣйшей улыбкой.

---

¹⁾ По моему внутреннему убѣжденію то былъ Елагинъ, одинъ изъ цензоровъ, извѣстныхъ тѣмъ, что ихъ подпись появлялась обязательно на всѣхъ транспарантахъ для писъма: «печатать дозволяется», хотя, кромѣ параллельныхъ линій, ничего на нихъ не печаталось. Если же по давности и невозможности справиться я впалъ невольнo въ ошибку, прошу читателей извинить.

— Григорій Евлампіевичъ, скажите, пожалуйста, что за прелестное стихотвореніе вы мнѣ прислали ¹⁾. Кто его написалъ? Скажите ради Бога. Восхитительно!

— Вотъ авторъ! возлѣ васъ,—тоже пріятно улыбаясь, отвѣчалъ редакторъ, указывая на Крестовскаго, который, томно ежась, искренне счастливо посмѣивался сквозь свой сухой кашель: онъ сидѣлъ на другомъ концѣ дивана.

— Дайте же васъ обнять, Всеволодъ Владимировичъ, дайте расцѣловать. Вѣдь вы такую радость мнѣ доставили,—и цензоръ потянулся обѣими распростертыми руками къ сосѣду.

Засіявшій Крестовскій тоже потянулся въ сторону своего поклонника: оба встали и, рискуя свалить высокую лампу, стоящую на столѣ, слились во взаимныхъ объятіяхъ. Благосвѣтлову, какъ редактору, и многимъ изъ присутствовавшихъ это умиленное зрѣлище доставляло удовольствіе; оно являлось какъ были закрѣпленіемъ союза цензора съ редакторомъ. Между прочимъ, незадолго предъ тѣмъ Елагинымъ было пропущено одно изъ испанскихъ стихотвореній Крестовскаго, которое никто изъ редакціоннаго кружка не надѣялся видѣть въ печати.

Стихотвореніе «Санъ-Яго», про которое редакція полагала, что цензура его пропуститъ, начиналась такъ: «Умеръ нашъ патронъ Санъ-Яго ²⁾, и предсталъ патронъ предъ Бога». Далѣе Богъ предлагаетъ Яго просить у него всего, что угодно, ибо «угодилъ онъ много-много». Яго не проситъ ничего для себя; но всего для «Испаніи родной»: благорастворенія воздухонъ, изобилія плодовъ земныхъ, побѣдъ надъ врагами и проч. и проч. На всѣ его просьбы Всемогущій благосклонно отвѣчалъ: «будетъ, будетъ!» (т. е. будетъ даровано). Въ заключеніе угодникъ проситъ ниспослать родинѣ мудрыхъ правителей и благодѣтельные законы. Но на это Всемогущій съ негодованіемъ восклицаетъ: «Какъ! Вдобавокъ и правленье? Невозможно, невозможно!»

Всѣмъ слушавшимъ сіе произведеніе въ рукописи оно нравилось: и красиво, и современно, и политика, и либерализмъ налицо.

— Хорошо, отлично,—немножко судейскимъ тономъ произнесъ какъ бы за всѣхъ слушавшихъ свой приговоръ Д. Д. Минаевъ. А какъ вотъ насчетъ цензуры?... Впрочемъ, это вы вѣдь про Испанію тутъ пишете... Коли на цензора не найдетъ стихъ Загорѣцкаго: «Кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки цари», такъ, пожалуй, выгорятъ и ваши стихи.

И дѣйствительно, выгорѣло; одобренный цензурой «Санъ-Яго» явился пріятнымъ ободрительнымъ цензурнымъ прецедентомъ.

¹⁾ Не помню, по какому-то случаю на корректурѣ, отправленной въ цензуру, не было имени автора,

²⁾ «Санъ-Яго» испанцы считаютъ покровителемъ своей страны.

А тутъ вскорѣ и самъ цензоръ въ гости къ Благосвѣтлову пожаловалъ и самого автора «Санъ-Яго» облобызалъ съ чувствомъ. Правда, гость о «Санъ-Яго» не упомянулъ при этомъ. Можетъ быть, не желалъ черезчуръ поощрять... Однако, усѣвшись на диванѣ и распространивъ по обширной холодноватой комнатѣ атмосферу дружески-благодушнаго сліянія дотолѣ враждебныхъ общественныхъ элементовъ, Елагинъ старался оживить бесѣду. Говорилъ онъ о свѣжкихъ общественныхъ вопросахъ очень смѣло. Внимательно слушалъ, что ему говорили, и заманчиво, съ тонкимъ отгѣнкомъ либеральной хвастливости рассказывалъ о нѣкоторыхъ «сомнительныхъ» статьяхъ, храбро пропущенныхъ имъ.

Зашла, между прочимъ, рѣчь по поводу какой-то новенькой статьи о патріархѣ Никонѣ и о Петрѣ Великомъ. Цензоръ дѣлалъ интересные комментаріи; всѣ стали прислушиваться. Рассказывалъ же онъ, главнымъ образомъ, о своемъ собственномъ путешествіи въ Новый Іерусалимъ ¹⁾. Ему особенно хотѣлось видѣть останки Никона, которые, какъ ему «было достовѣрно извѣстно», не были еще преданы землѣ, а хранились въ особомъ склепѣ. Монахи ихъ за деньги показывали «надежнымъ и щедрымъ» посѣтителемъ (Елагину съ пріятелемъ пришлось, по его словамъ, заплатить, помнится, пятьдесятъ рублей). Трупъ,—рассказывалъ Елагинъ,— послѣ смерти патріарха, очевидно, былъ совершенно подготовленъ для сохраненія его на довольно долгое время, ибо духовенство того времени, когда Никонъ скончался, полагало, что наступитъ удобная минута, когда выгодно будетъ причислить покойнаго къ лику святыхъ. Рассказчикъ излагалъ историческія препятствія къ осуществленію такой надежды. Тѣло сохранилось и доселѣ превосходно. Внѣшность трупа вообще поразила рассказчика. Никонъ былъ атлетическаго сложенія, очень большого роста, широкія плечи и грудь. Все это какъ-то невольно заставляло вспомнить о наружности Петра Великаго.

— Да и самое лицо Никона тоже, насколько можно было разсмотрѣть, напоминало Петра,—добавилъ, скромно понижая голосъ, Елагинъ.

Все это онъ рассказывалъ, пересыпая прозрачными намеками либеральнаго характера и восклицаніями по поводу болѣе или менѣе стѣснительной «официальной исторіографіи», господствовавшей въ Россіи до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Тутъ же цензоръ похвалилъ современныхъ историческихъ изслѣдователей новаго царствованія.

Цензору рѣдко кто возражалъ, хотя иные для вѣжливости вставляли словечко. Благосвѣтловъ иногда даже ѣдкое словечко ронялъ, но всегда такое, что оно словно краснымъ карандашомъ подчеркивало какой-нибудь нарочито смѣлый, нецензурный намекъ

¹⁾ Тамъ погребенъ патріархъ Никонъ.

самого цензора. И это, повидимому, правилось гостю, прищпоривало его свободорѣчіе, заставляло вести бесѣду вкрадчиво, но либерально, какъ бы заискивая у представителей новѣйшей русской мысли: «вѣдь кто ихъ знаетъ, можетъ статься, что это направленіе и въ нынѣшнемъ правительствѣ верхъ возьметъ».

Д. Д. Минаевъ аккуратно посѣщалъ редакцію не только въ журфиксы, но и въ другое подходящее время дня. Благосвѣтловъ пригласилъ его писать фельетоны. Однако этому приглашенію предшествовало взаимное другъ друга ощупываніе. Всѣмъ почти въ редакціи было извѣстно, что Минаеву хотѣлось получить такую работу; она была выгодна и заработокъ обеспеченный. Это съ матеріальной стороны хорошо. А главное, самое свойство его дарованія влекло къ фельетону. вмѣстѣ съ тѣмъ кружку редакціонныхъ знакомыхъ было извѣстно также, что Григорій Евлампіевичъ колебался. Онъ признавалъ дарованіе и остроуміе Минаева, благосклонно относился къ основнымъ свойствамъ его либерализма, но считалъ Д. Д. въ этомъ послѣднемъ отношеніи не вполне выдержаннымъ, даже опасно легкомысленнымъ; называлъ минаевское свободолобіе «трактирно-офицерскимъ краснословіемъ». Дѣйствительно, Минаевъ въ качествѣ «палкинского» и отчасти «еремѣевского» завсегдатая охотно потѣшалъ своими блестящими и остроумными экспромтами, не всегда считаясь съ политико-общественными теченіями минуты, собиравшихся въ трактирѣ поручиковъ и капитановъ разнаго рода оружія и разнообразнѣйшихъ политическихъ воззрѣній, начиная съ николаевско-фельдфебельскихъ до герцено-прудоновскихъ включительно. Но Минаевъ, въ сущности, былъ честный человѣкъ и искренне-либеральный писатель. Но только когда его окружала атмосфера табачнаго дыма и пива у Палкина, и къ тому же было выпито, тогда онъ впадалъ въ калейдоскопическое остроуміе единственно по русской пословицѣ «для краснаго словца не пожалѣю и отца». Взаимное опознованіе иногда выражалось такъ. Въ первое время изданія «Русскаго Слова» забота о снабженіи журнала хорошимъ фельетонистомъ весьма озабочивала Благосвѣтлова.

Иногда эта забота обнаруживалась размышленіями вслухъ при близкихъ сотрудникахъ, особенно когда Д. Д. Минаевъ былъ налицо. Случалось, что Григорій Евлампіевичъ впадалъ въ похвалы Герцену, доходившія до восторговъ: «Вотъ дарованіе-то! вотъ сила, которая и фельетонной формой можетъ съ мѣста сдвинуть воюющія барикады, наваленныя эгоизмомъ сильныхъ на пути къ прогрессу. Въ фельетонѣ Герценъ былъ бы даже полезнѣе, чѣмъ въ публицистикѣ!»

Такъ восклицалъ Благосвѣтловъ.

— Да какъ самого-то Герцена вдвинешь въ фельетонъ журнала, который еще вдобавокъ издается на берегахъ царственной Невы?—замѣчалъ, тоже какъ бы про себя, Минаевъ.

А Благосвѣтловъ искося, но пристально поглядѣвъ на Минаева, опять погружался въ задумчивость. Если кто-нибудь невзначай заводилъ рѣчь о Гейне, то Григорій Евлампіевичъ, вообще часто поминавшій этого поэта, особенно послѣ напечатанія въ своемъ журналѣ писаревского перевода «Атта Троль», пользовался непременно случаемъ, ярко и не безъ остроумія обрисовывалъ свойства фельетониста въ Гейне. Въ результатѣ выходило, что Гейне единственный, и нѣсть фельетониста, кромѣ Гейне. По словамъ Григорія Евлампіевича, авторъ «Боговъ въ изгнаніи» даже болѣе Герцена подходилъ къ нашимъ временамъ. Однако оказывалось опять, что Гейне, если бы онъ былъ живъ, какъ Искандера, невозможно было бы нарядить въ мундиръ фельетониста, хотя бы и либеральнаго, но все-таки петербургскаго журнала. И Минаевъ опять давалъ вполголоса реплику какую-нибудь: «ни за сто рублей, ни за золотыя коврижки» т. п. И опять редакторъ свѣшивалъ носъ на квинту. При всѣхъ этихъ громко высказанныхъ сомнѣніяхъ Благосвѣтловъ, однако, не упускалъ изъ ума Минаева. Онъ даже помаленьку воспитывалъ послѣдняго для «Русскаго Слова» при помощи другихъ, пустившихъ корни сотрудинокъ.

Почему Минаевъ не дѣлалъ перваго шага къ сближенію, мы увидимъ ниже, когда познакомимся ближе съ Благосвѣтовымъ.

Во всякомъ случаѣ, all is well what ends well: дѣло разрѣшилось благополучно. Минаевъ, подъ псевдонимомъ «Темнаго человѣка», сталъ писать свои фельетоны. Союзъ осуществился, благодаря фельетонно-водевильной шуткѣ. Зашелъ въ редакціи бурный споръ: нѣсколько отуманенныхъ пуншемъ головъ восторгались Гарибальди, его освободительной дѣятельностью въ Италіи. Спорящимъ пришли на память послѣднія статьи русскихъ славянофиловъ (руссопетовъ, какъ называлъ ихъ Григорій Евлампіевичъ). Минаевъ выпалилъ экспромтомъ (повидимому, по крайней мѣрѣ) итальянское стихотвореніе, будто бы, по мнѣнію славянофиловъ, сплошь состоящее изъ славянскихъ словъ, а затѣмъ и соответствующее русское, какъ бы доказывающее близость сродства итальянскаго языка съ нашимъ. Благосвѣтловъ, находившійся тоже въ нѣсколько пуншевомъ настроеніи, пришелъ въ телячій восторгъ и тутъ же возвелъ Минаева въ званіе «шута» редактируемаго имъ «Русскаго Слова»...

Не лишне привести нынче давно забытые, но когда-то украшавшіе страницы «Русскаго Слова» эти экспромты Минаева: и русскій и итальянскій. По звукамъ они близко родственны, но по смыслу русскій понятенъ, а итальянскій представляетъ только наборъ словъ, который могъ бы ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто не знаетъ языка Петрарки и любви.

Вотъ итальянскій:

O son amore, divo son
 Adesso, mai, costa.
 J a piu e col mi pace on.
 Ne sto a trista tosta
 I piange, piange, piange on.
 . . . . .¹⁾
 O son amore divo son
 I vero on nes prosta²⁾.

Русскій же таковъ:

O! сонъ на морѣ, дивный сонъ
 Одесса, май и Коста³⁾
 Я пью и кольми паче онъ
 Не сто, а триста тоста
 И пьянь же, пьянь же, пьянь же онъ.
 . . . . .
 O сонъ на морѣ, дивный сонъ
 И вѣрно онъ не спроста.

Посѣщаль журффиксы, хотя и не часто, поэтъ Мей. Онъ оказывался вообще пріятнымъ собесѣдникомъ, когда бывалъ трезвъ, или только подвыпивши. Когда же приходилъ уже перепивши, то всѣ гости, одинъ за другимъ, брались за шапки и слѣшили наутекъ, ибо всякая бесѣда, всякій разговоръ становились въ такомъ случаѣ невозможны. Мей ко всѣмъ придирался, бранился, затѣвалъ ссоры, забирался куда-нибудь въ уголь и неистовствовалъ. Наиболѣе близкіе ему знакомые нянчились съ нимъ, стараясь успокоить, увезти домой.

Благосвѣтловъ раздраженно бѣгалъ по комнатамъ и выражалъ жалостливыя опасенія, что ночью ему не удастся заснуть, а утромъ онъ не будетъ способенъ толкомъ работать.

Замѣтимъ, что вино и карты на такихъ официальныхъ недѣльныхъ вечерахъ не играли никакой роли. Были, однако, въ редакціи иные, не официальные вечера, на которыхъ и то и другое появлялось въ изобиліи. Объ этихъ вечерахъ мы ниже скажемъ съ грустью нѣсколько словъ и объяснимъ, почему именно съ грустью.

Другой поэтъ, появлявшійся на благосвѣтловскихъ журффиксахъ, Я. П. Полонскій, производилъ иное впечатлѣніе; онъ вызывалъ теплое къ себѣ сочувствіе, почти состраданіе, потому что находился

¹⁾ Я запоминать эту строку и по-итальянски и по-русски.

²⁾ Надо имѣть въ виду, читая это, что итальянскія слова (за нѣкоторыми определенными исключеніями, въ данномъ экспромтѣ не встрѣчающіяся) имѣютъ тоническое удареніе на первомъ слогѣ.

³⁾ Коста—извѣстный тогда рестораторъ въ Одессѣ.

тогда подъ ударомъ тяжкаго семейнаго горя: незадолго предъ тѣмъ онъ потерялъ молодую любимую жену. Познакомился онъ съ нею въ Парижѣ (она была дочь дьячка или дьякона русской церкви; фамилію я запомнилъ), полюбилъ ее всей мощью здороваго поэтическаго организма, взаимно былъ любимъ и былъ счастливъ съ нею. Но внезапно, когда еще далеко не успѣлъ начать охлаждаться пылъ глубокой страсти, Полонскій потерялъ свою подругу. Правда, черезъ весьма немного лѣтъ онъ утѣшился и, кажется, вполне. Это вообще, а для поэтической природы особенно свойственно. Но когда я его встрѣчалъ, въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ, его скорбь была глубока и даже для постороннихъ мучительна. Тѣмъ болѣе, что онъ, какъ умный человѣкъ, умѣвшій владѣть собой, не только не рисовался горемъ, но старался избѣгать даже намековъ на него, чтобы не опечалить собесѣдниковъ скорбною нотой. Такое усиліе почти всегда служитъ признакомъ глубины чувства. Только однажды, когда въ редакціи было всего пять-шесть человѣкъ, завѣдомо ему симпатичныхъ и симпатизирующихъ, Полонскій по нашей просьбѣ прочелъ—и какъ прочелъ!—свое стихотвореніе, выражавшее его настроеніе во время похоронъ любимой женщины... И зарыдалъ...

Я чуть было не забылъ упомянуть о «непремѣнномъ членѣ» не только официальныхъ, назначенныхъ вечеровъ, но и интимныхъ «полунощницъ», или «хвостиковъ», какъ называлъ Минаевъ картежно-винныя quasi оргіи, иногда происходившія въ квартирѣ редакціи послѣ окончанія дѣловыхъ совѣщаній сотрудниковъ. Забылъ я о Василии Петровичѣ Поповѣ. Какъ извѣстно, Писаревъ былъ съ нимъ близко знакомъ, нанималъ у него комнату, питалъ большое довѣріе и расположеніе. Писаревъ и арестованъ былъ въ квартирѣ Попова, причемъ книжные шкапы послѣдняго были тоже опечатаны.

Поповъ служилъ преподавателемъ, не помню, въ какомъ-то кадетскомъ корпусѣ (кажется, въ первомъ). Онъ носилъ военный мундиръ съ голубымъ воротникомъ (либо Лейбъ-Гренадерскаго, либо Семеновскаго полка, не помню, котораго). Былъ онъ невысокаго роста, но изряднаго дородства: коренастъ, широкъ, хотя не тучень. Вообще довольно массивень, что не мѣшало ему быть весьма подвижнымъ, а на редакціонныхъ журфиксахъ весьма полезнымъ и дѣятельнымъ по хозяйственной части. Онъ былъ постоянно озабоченъ, чтобы гости были надлежащимъ образомъ снабжаемы положеннымъ угощеніемъ. Если долго не подавали лампу или чай, то Благосвѣтловъ чуточку приласкаетъ бѣглымъ взоромъ Василия Петровича; тотъ какъ-то незамѣтно стушевывался на нѣсколь-

ко минутъ въ заднія комнаты. И требуемый предметъ появляется немедленно въ гостиной.

Поповъ почти всегда пріятно улыбался; и чѣмъ человѣкъ, съ которымъ онъ заговаривалъ, былъ ему и редакціи менѣе знакомъ, тѣмъ пріятнѣе улыбался. Къ Писареву онъ, несомнѣнно, былъ очень привязанъ. Старался не выказывать этого, но заботился о немъ, какъ любящая нянька, особенно когда тотъ горячился или былъ навеселѣ. В. П. самъ былъ не прочь отъ пушкика, но его голова и нервы выдерживали гораздо болѣе, чѣмъ писаревскіе.

Человѣкъ онъ былъ заурядно умный и образованный. Въ Писаревѣ онъ, какъ мнѣ казалось, цѣнилъ не столько дарованіе и знанія, какъ недюжинно хорошія человѣческія чувства.

II.

Писаревъ: внѣшность; свойства характера, скромность, вспыльчивость, незлобіе.— Психическая болѣзнь; самонаблюденіе; «Атта Троль» какъ лекарство.—Первая любовь; трагическій ея эпизод.—Редакціонные кутежи, похотливость Благосвѣтлова и вліяніе ихъ на Писарева.—Отношеніе къ нему Благосвѣтлова.—Городскіе слухи.—Пушкинофобіе Писарева.

Мнѣ иногда сдается, что тѣ, кто читалъ Писарева въ нынѣшнія времена, спустя полвѣка послѣ безпощадно рано прерванной его жизни, представляютъ себѣ Дмитрія Ивановича лохматымъ, грубымъ, нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ, «нигилистомъ», если не совсѣмъ Волоховымъ, то по малой мѣрѣ Базаровымъ. Во всякомъ случаѣ тѣмъ Базаровымъ, который нарисованъ Тургеневымъ въ качествѣ типичнаго представителя новыхъ людей, появившихся на переломѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Но если современные читатели такъ воображаютъ, то они ошибаются.

Писаревъ, являющійся на Николаевскій вокзалъ (въ 1861 г.) ряженымъ кучеромъ съ подвязанной бородой и кнутомъ предназначеннымъ для бичеванія своего счастливаго соперника, или Писаревъ, выступающій въ печати съ поднятымъ на Пушкина кулакомъ, и т. д., былъ на взглядъ людей, хорошо знавшихъ его еще студентомъ, не тѣмъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы студенчества и первые годы своего писательства. Слово его подмѣнили. Да если и дѣйствительно подмѣнили, то только наочно, внѣшне, напускными средствами.

Допустимъ, что гоненіе на Пушкина, преувеличенное значеніе, которое Дм. Ив. придавалъ естествознанію, и нѣкоторые другіе рѣзкіе его поступки давали право Тургеневу относить Писарева къ группѣ Базаровыхъ. Зато печальный (и въ то же время, къ сожалѣнію, комическій) эпизодъ съ переодѣваніемъ, вызванный его когда-то глубоко-нѣжной, чистой любовью,—далеко не въ база-

ровскомъ вкусѣ. Эта выходка Дм. Ив. не только не придастъ ему сходства съ тургеневскимъ типомъ «нигилиста», но какъ бы явно устраняетъ его изъ базаровской группы.

Повторяю: я не имѣю въ виду вдаваться въ оцѣнку публицистической дѣятельности Дм. Ив. Но чтобы очертить возможно вѣрно человѣческой обликъ его, мнѣ приходится коснуться нѣкоторыхъ причинъ, вызвавшихъ въ немъ указанный сейчасъ внѣшній (накожный, такъ сказать) переворотъ.

Помню, однажды, когда общая бесѣда въ редакціи «Русскаго Слова» зашла о Гарибальди и Наполеонѣ III, Писаревъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, всѣ прекрасныя человѣческія свойства сосредоточены въ первомъ, а вся гнусность человѣческой природы утиѣдилась во второмъ. Это выраженіе запало въ мою память; и впоследствии мнѣ не разъ приходило на мысль, что все прекрасное въ самомъ Писаревѣ было присуще его природѣ, а все, или почти все, достойное порицанія было ему привито средой, въ которую онъ попалъ, и людьми, хотя весьма цѣнившими его, даже привязанными къ нему, но цѣнившими преимущественно за его даровитость, умъ, знанія, а не за прирожденные ему симпатичныя нравственныя качества. Рѣзкое исключеніе въ этомъ отношеніи представлялъ В. П. Поповъ. Первыми пользовались для разныхъ цѣлей, хотя и не имѣя прямо въ виду эксплуатировать его; вторыя же чуть не затапывали въ грязь и въ лучшемъ случаѣ не считались вовсе съ ними.

Благосвѣтловъ вскорѣ послѣ приобрѣтенія Писарева для «Русскаго Слова» говорилъ мнѣ (Гр. Евл. зналъ меня далеко ранѣе, чѣмъ Писарева, и потому иногда впадалъ со мной въ откровенность): «Золотая головка. Ахъ, какая золотая! Сколько въ ней сокровищъ накоплено!» И я не сомнѣваюсь, что Гр. Евл. говорилъ это вполне искренне.

Я самъ раздѣлялъ это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что зналъ Дмитрія Ивановича годами тремя ранѣе, чѣмъ съ нимъ познакомился Благосвѣтловъ, когда онъ еще слушалъ лекціи въ университетѣ. Я любилъ его не за одну «золотую головку»; любилъ и цѣнилъ не съ точки зрѣнія общественныхъ вопросовъ дня, а съ точки зрѣнія просто человѣческой.

Мы съ нимъ были почти ровесники; встрѣтились впервые у редактора журнала «Разсвѣтъ», издаваемого ¹⁾ артиллерійскимъ капитаномъ В. А. Кремпинымъ. Я только что поступилъ тогда въ артиллерійскую академію, а Писаревъ былъ студентомъ и печаталъ кое-что въ «Разсвѣтѣ».

---

¹⁾ Впоследствии отчасти на мои деньги. Мой союзъ съ Кремпинымъ окончился третейскимъ судомъ, освободившимъ меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ расходовъ и обязательствъ по изданію журнала. Судьями были со стороны Кремпина Е. П. Карновичъ и В. Я. Стоюнинъ, а съ моей—М. Г. Мамаевъ и А. Г. Неболсинъ (нынѣ редакторъ журнала «Техническое Обозрѣніе».)

Рѣдко въ теченіе моей долгой жизни мнѣ случалось встрѣчать такихъ симпатичныхъ, влекущихъ къ себѣ людей, какъ студентъ Писаревъ. Доброе кругловатое лицо почти дѣтскихъ очертаній, гладко подстриженные золотисто-русые волосы. Голубой воротничъ студенческаго мундира (всегда опрятнаго въ тѣ времена) придавалъ еще болѣе миловидности (мы говоримъ *миловидности*, а не привѣтливости, потому что въ примѣненіи къ студенту Писареву первое намъ кажется точнѣе) дѣвственному облику Дм. Ив. Дѣвственность и скромность его были не внѣшнія, не напускныя. Въ глазахъ теплился яркій покойный огонекъ серьезной мысли. Онъ держалъ себя почти робко въ кружкѣ сотрудниковъ кремпинскаго журнала, большинство которыхъ состояло изъ людей гораздо насъ обоихъ старѣйшихъ: Водовозова, Карновича, братьевъ Шишкиныхъ. Его тогда почти не замѣчали сначала, а замѣтили только тогда, когда бѣдняга сошелъ съ ума. Тогда только обратили нѣкоторое вниманіе и на его юношескія статейки, появившіяся въ «Разсвѣтѣ»; статейки интересныя, умныя, но ничѣмъ особенно не выдававшіяся. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, выраженному послѣ, когда онъ вылечился и сталъ писать въ «Русскомъ Словѣ», тяжкая психическая болѣзнь содѣйствовала развитію его таланта. Можетъ быть. Не будучи психіатромъ, я не смѣю вдаваться въ обсужденіе этого вопроса.

Робость и скромность Дм. Ив. выражались между прочимъ тѣмъ, что въ присутствіи лицъ, мало ему знакомыхъ, онъ почти постоянно молчалъ. Вслушивался же онъ въ чужіе разговоры внимательно, спокойно, безъ напряженія. Когда изрѣдка высказывалъ свое мнѣніе, то лицо его вспыхивало, какъ у красной дѣвушки, и онъ часто не во время обрывалъ рѣчь. Робость эта не истекала у него (какъ часто объясняютъ это свойство) изъ чрезмѣрнаго самолюбія. Ни самолюбивымъ, ни тщеславнымъ Писаревъ отъ природы не былъ. Онъ былъ, конечно, слишкомъ уменъ, чтобы не знать себѣ цѣны, но онъ и недостатки свои зналъ; много работалъ надъ собой, стараясь пріучаться правильнѣе оцѣнивать людей и идеи. Вслушивался онъ въ чужія рѣчи, какъ я сказалъ, внимательно, вдумчиво; высказывался мѣтко, но въ тотъ періодъ его зеленой юности, котораго мы касаемся, не всегда, кажется, былъ увѣренъ: нужно ли было въ данный моментъ сказать именно то, что онъ сказалъ, хотя едва ли въ глубинѣ своей души когда-нибудь сомнѣвался, что сказанное имъ само по себѣ имѣетъ цѣнность. Только позднѣе въ немъ выработалась хлесткая, словно напускная, самоувѣренность (почти намѣренно воздѣланная новыми друзьями), и это легко объясняется быстротой, съ которой онъ, благодаря своему дарованію, занялъ видное положеніе въ публицистикѣ.

Со молодыми же пріятелями, особенно съ глазу на глазъ, Писаревъ не былъ робокъ, а скорѣй откровененъ. Не только въ идейно-общественномъ смыслѣ, но и въ личномъ, какъ я замѣтилъ выше,

онъ безъ всякаго усилія и даже не сознавая того самъ, располагалъ насъ къ себѣ. Будучи отъ природы проникновененъ и склоненъ къ доброму чувству, онъ искренне отзывался на дружеское расположеніе.

Напримѣръ, онъ не скрывалъ своей юношеской любви, даже слишкомъ щедро, — конечно, не такъ, какъ Крестовскій о своей любви, — рассказывалъ о ней. Всякому, кому онъ повѣрялъ эту «свою тайну» (она, впрочемъ, вовсе не была ни для кого тайной), было ясно, что эта любовь чиста, идеальна и сильна, невзирая на ея юношескій въ существѣ характеръ. Сдавалось, однако, что вслѣдствіе юности влюбленнаго страсть недолговѣчна, тѣмъ болѣе, что онъ, будучи влюбленъ, не избѣгалъ мимолетныхъ сближеній съ женщинами, и проч.

Надо замѣтить, что Дм. Ив. питалъ «органическое» (онъ любилъ употреблять въ примѣненіи къ себѣ это слово и оно было мѣтко) нерасположеніе къ глупости и бездарности. Однако, понимая, что эти свойства присущи данному человѣку независимо отъ его воли, онъ остерегался высказывать свое неудовольствіе и даже помогать пріятелямъ, одержимымъ этими свойствами, по возможности ослаблять ихъ выраженіе, особенно, если дѣло касалось чего-нибудь практическаго: самообразованія, научныхъ занятій, заработка.

Таковъ былъ Писаревъ до своей психической болѣзни, поразившей его. Таковъ онъ былъ и послѣ болѣзни въ самое первое время сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ».

Самую причину недуга люди, знавшіе его поверхностно, объясняли (какъ это почти всегда дѣлается) тоже поверхностно и односторонне — «несчастной любовью». Что любовь играла тутъ немалую роль — несомнѣнно: душевныя струны «матеріалиста» Писарева были тонко и нѣжно настроены самой природой. Но, насколько я, нерѣдко выдавшій его въ предболѣзненный періодъ, могу судить — существовали и иные поводы. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ его усилія умалить силу своей страсти возможно интенсивной мозговой работой. Работалъ же онъ передъ болѣзнью настолько интенсивно, что самая работа, помимо любви, могла бы, хотя и временно, зловредно подѣйствовать на психику менѣе даровитаго молодого человѣка. Онъ многому учился, читалъ массу ученыхъ сочиненій, ничего не воспринималъ на вѣру и старался самостоятельно своимъ умомъ постигнуть «настоящую правду», которую, какъ извѣстно, искать сталъ уже тогда въ естествознаніи. Все это для него было не такъ легко, во-первыхъ, потому, что по естествознанію онъ не былъ специально освѣдомленъ; во-вторыхъ, потому, что авторитеты нѣкоторыхъ геніевъ нелегко поддавались отрицанію, и борьба съ ними не всегда была побѣдоносна.

Послѣ его болѣзни я съ нимъ увидѣлся немного дней спустя по его возвращеніи въ Петербургъ. Онъ оказался прежнимъ, симпатич-

нымъ, добросердечнымъ, интересно умнымъ Писаревымъ. Замѣчательно, что онъ тогда рассказывалъ,—причемъ, видимо, ему доставляло удовольствіе рассказывать,—о своей болѣзни. Ея различные фазисы онъ помнилъ, анализировалъ, мотивировалъ, хотя и предположительно. Объ этой болѣзни впоследствии было много напечатано; а поэтому я считаю лишнимъ о ней распространяться. Не могу, однако, не отмѣтить факта, касающагося финала недуга, факта, о которомъ мнѣ нигдѣ не случалось читать, и о которомъ знаю отъ него самого.

— Когда я вышелъ изъ больницы,—такъ приблизительно рассказывалъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ,—и когда меня перевезли въ имѣніе отца, гдѣ жила вся наша семья ¹⁾, я весьма отчетливо помнилъ все, что со мной происходило въ лечебницѣ. А кромѣ того, сознавалъ, что хотя, покинувъ ее, я уже былъ «въ здоровомъ умѣ и твердой памяти», но что эта здравость и твердость какъ-то за мной не обезпечены. Я жилъ въ постоянномъ опасеніи, что снова сорвусь. И мнѣ стоило большихъ психическихъ усилій, чтобы не сорваться. Я могъ сдерживать себя, однако (хоть и не всегда), передъ окружающими. Зато наединѣ съ самимъ собою мнѣ часто становилось очень жутко... Чтеніе, при весьма сосредоточенномъ вниманіи, успокаивало только на время. Но, во-первыхъ, успокаивало недостаточно, а, во-вторыхъ, довольно скоро утомляло. Это малосиліе мозга меня злило, какъ будто бы пробуждало въ головѣ и нервахъ безуміе. Перечитывая, между прочимъ, Гейне, я съ страннымъ радостнымъ волненіемъ присосался къ «Атта Троль»; почти безвольно сталъ переводить поэму. И эта работа дѣйствовала на строй моей мысли такъ благотѣльно, что я начиналъ чувствовать нѣкоторое дѣйствительное успокоеніе. Когда же я кончилъ, то просто какой-то на нѣсколько мгновеній бѣшенный восторгъ ощутилъ. До того обрадовался, что глупо ударилъ по столу кулакомъ и воскликнулъ вслухъ: «А вѣдь я совсѣмъ здоровъ!»... Стало мнѣ хорошо, словно я тяжелый грузъ изъ себя выкинулъ. Съ той минуты я уже не сомнѣвался, что дѣйствительно избавился отъ ненавистнаго недуга. Предоставленіе о немъ, дотолѣ словно торчавшее предо мною постоянно, представленіе почти осязательное,—вдругъ исчезло. Мнѣ казалось, что оно струсило, спряталось. А скоро я о немъ и совсѣмъ забылъ. Если же, какъ теперь, вспоминаю о немъ, то отвлеченно, объективно, хладнокровно: какъ о фактѣ, лично до меня не касающемся, однако небезынтересномъ и заслуживающемъ вниманія.

Излечившись отъ тяжкаго недуга, Дм. Ив. вернулся въ Петербургъ для окончанія курса, сдачи экзаменовъ въ университетѣ,

¹⁾ Тульской губерніи Новосильскій уѣздъ. Имѣніе Бутырки, принадлежавшее отцу Дм. Ив., отставному штабсъ-капитану Ивану Ивановичу, состояло изъ небольшой усадьбы и около 500 десятинъ земли.

вообще для дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Онъ чувствовалъ себя здоровымъ, какъ мы сейчасъ говорили, сознательно признавалъ себя таковымъ, тѣмъ не менѣе, внимательно за нимъ наблюдая со стороны, легко было подмѣтить что-то скорбно-тревожное. Не то его все еще беспокоила неувѣренность въ прочности привязанности любимой имъ дѣвушки, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ оставался нѣкто Гарднеръ, молодой человѣкъ, тоже любившій ее. Не то онъ, несмотря на выше приведенныя слова, все еще опасался возврата болѣзни.

Собственно университетскій экзамень онъ сдалъ ¹⁾ скоро, легко и успѣшно. Но появилась очень интересная, зато и напряженная, отвѣтственная (для добросовѣстнаго человѣка прежде всего передъ самимъ собой) работа журнальная: онъ принесъ Благосвѣтлову свой переводъ «Атта Троль», и тогда же ему было предложено сотрудничество въ «Русскомъ Словѣ». Вскорѣ онъ получилъ предложеніе быть помощникомъ редактора.

Журнальная работа его живила, доставляла гораздо болѣе удовлетворенія, чѣмъ можно было ожидать. Она приводила его въ соприкосновеніе—посредственное и непосредственное—съ отборной, можно сказать, интеллигенціей того времени. Читающая публика скоро стала зачитываться его статьями. Для него же самого созиданіе этихъ статей представляло психическое облегченіе. Онъ, конечно, могъ впадать въ ошибки, могъ сбиваться иногда съ пути, намѣченнаго имъ самимъ, и быть самимъ собою недоволенъ; его писанія никогда не были вымучены мозговыми усиліями, они давались ему легко, несмотря на беспорядочность личной обстановки, а нѣкоторой частью молодежи принимались относительно чуть не за откровеніе.

— Григорій Евлампіевичъ!—не разъ случалось мнѣ слышать почти робкое обращеніе Писарева къ редактору:—мнѣ хотѣлось бы написать статью (имя рекъ)... Она у меня въ головѣ органически сложилась.

И Гр. Евл., разумѣется, тутъ же обезпечивалъ напечатаніе статьи, будучи увѣренъ, что она дѣйствительно сложилась въ «золотой головкѣ». Когда же статья появлялась въ печати, то она обыкновенно имѣла отрадный для автора успѣхъ, ибо даже критическое къ ней отношеніе публицистовъ другого либеральнаго лагеря обнаруживало, не взирая на свою напускную хлесткость, серьезное вниманіе къ таланту, выходящему изъ ряда вонъ.

Словомъ, эта писательская сторона дѣятельности Писарева въ то время служила изряднымъ противоядіемъ его любовнымъ сомнѣніямъ, которыя, впрочемъ (есть основаніе полагать), постепенно, какъ и са-

---

¹⁾ Весною 1861 года,

мая страсть, начинали отступать на задній планъ его психической жизни. Тѣмъ не менѣе Дм. Ив. вслѣдствіе ли желанія радикально отдѣлаться отъ любовныхъ тревогъ, вслѣдствіе ли своихъ природныхъ свойствъ, вслѣдствіе ли благожелательства своихъ тогдашнихъ друзей, желавшихъ содѣйствовать окончательному освобожденію его отъ путъ Амура, а вѣрнѣе всего по совокупности всѣхъ этихъ причинъ сталъ чаще и чаще прибѣгать къ такъ называемымъ кутежамъ, къ вину, картамъ и женщинамъ, лишеннымъ женственности.

Правда, онъ и ранѣе своей болѣзни не брезгалъ такимъ противоядіемъ; однако послѣ болѣзни онъ убѣдился, что это средство мало ему помогаетъ и даже вредить. Но характеръ онъ имѣлъ далеко не желѣзный; и въ періодъ своего сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ» прибѣгъ вновь къ старому медикаменту, но въ усиленныхъ дозахъ. Этому не мало содѣйствовалъ самый складъ редакціонной обстановки и самое благожелательство окружающихъ.

Благосвѣтловъ самъ былъ не прочь кутнуть, хотя нѣкоторымъ образомъ «по-фельдфебельски», то есть не очень гласно. Его назначенные вечера, о которыхъ мы уже говорили, были скучны и чинны. О своихъ повадкахъ Благосвѣтловъ воздерживался говорить; въ карты на этихъ вечерахъ почти никогда не играли; угощеніе виномъ было скудное, во всякомъ случаѣ невинное. И все-таки Гр. Евл., когда бывалъ настроенъ весело, нерѣдко прорывался и на этихъ ассамблеяхъ. Въ присутствіи же болѣе или менѣе только «своихъ» онъ не прочь былъ позволить себѣ впасть въ эротико-эпикурейское настроеніе, особенно при воспоминаніяхъ о Парижѣ.

Онъ любилъ и умѣлъ, добросовѣстно отдавъ «дѣлу время», урвать и часокъ для «потѣхи». Поэтому въ обычные, не фиксированные вечера Благосвѣтловъ съ ближайшими наличными сотрудниками, покончивъ занятія и дѣловые разговоры, охотно баловался картами, пуншикомъ, виномъ и даже словесной порнографіей. Писаревъ, почти всегда бывавшій тутъ по литературной надобности, принималъ участіе въ этихъ интимныхъ потѣхахъ и, къ сожалѣнію, увлекался ими; не берегъ ни своихъ силъ, ни мозга. Вообще же возбуждался (по самымъ своимъ природнымъ свойствамъ) легче прочихъ. А Благосвѣтловъ его даже поощрялъ и радовался, когда «золотая головка» дурила, глупѣла и буйствовала, т. е. развлекалась, по понятію редакціонныхъ друзей. Враги Благосвѣтлова рассказывали даже, что послѣдній такъ поступалъ, желая ради корыстныхъ цѣлей упрочить свое вліяніе на Писарева. Говорили даже, «чтобы удобнѣе эксплуатировать Писарева, чтобы держать его на цѣпи при «Русскомъ Словѣ». Разумѣется, все это по малой мѣрѣ было сильно преувеличено.

Положа руку на сердце, я, зная хорошо и того и другого, считаю себя обязаннымъ отрицать эти инсинуаціи. Благосвѣтловъ

былъ не безъ хитрецы и расчетливъ. Я допускаю, что онъ считалъ для себя и для журнала выгоднымъ не упускать Писарева въ другой писательскій лагерь. Но тѣмъ не менѣе къ Писареву онъ искренне, хотя по-своему, былъ привязанъ. Онъ заботился, разумѣется, чтобы Писаревъ, въ смыслѣ интеллигентномъ державшій себя независимо, не ускользнулъ отъ него, какъ сотрудникъ и другъ. Мало того, я знаю, что Благосвѣтловъ, желая помочь Писареву выбраться поскорѣе изъ сѣтей своей юношеской любви, былъ убѣжденъ, что кутежи и продажныя женщины, которыхъ подсовывали молодому человѣку,—хорошія средства для достиженія хорошей цѣли. Но никакого коварства тутъ не было.

Однако эпилогъ писаревского романа (по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны) оказался, къ сожалѣнію, невыгоднымъ для его репутаціи героя и отчасти служилъ подкрѣпленіемъ слуховъ о коварствѣ Гр. Евл., которые тогда народились въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ. Вотъ какъ было дѣло. Дѣвица, которую Дм. Ив. любилъ, вышла замужъ за другого (кажется, тоже кузена) молодого помѣщика Гарднера. И Писаревъ воспылалъ ревнивымъ, но главное самолюбивымъ негодованіемъ. Одѣвшись въ кучерскіе армякъ и шапку, подвязавъ себѣ бороду, нахлобучивъ на голову подходящій къ такому наряду парикъ, онъ подкараулилъ соперника на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги въ Петербургѣ. Изъ-за угла, такъ сказать, напалъ на врага съ кнутомъ въ рукѣ. Самъ онъ былъ изрядно побитъ и вызвалъ Гарднера на дуэль. Дуэль, однако, не состоялась по нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

У Писарева, какъ у всякаго свѣтила, особенно восходящаго, конечно, было много недоброжелателей, даже между близкими знакомыми, которые и не преминули поднять его по случаю этого водевиля съ переодѣваніемъ на смѣхъ. Смѣхъ былъ злорадный. Комическое положеніе, въ которое себя поставилъ Дм. Ив., доставляло готовый матеріалъ для насмѣшекъ, даже для обвиненія его въ непослѣдовательности по отношенію къ научнымъ и общественнымъ теоріямъ, которыя онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ въ печати.

Едва ли не пуще еще доставалось при этомъ Благосвѣтлову, котораго уже громко называли корыстнымъ развратителемъ молодого гениальнаго писателя. Что глупый карикатурный поступокъ былъ совершенъ Писаревымъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ того житейскаго элемента, въ которомъ Писаревъ, при содѣйствіи Благосвѣтлова и компаніи искалъ излеченія отъ страсти, едва ли можно отрицать. Но въ сущности любовь Писарева къ тому времени настолько уже ослабѣла, что съ ней можно было бы и вовсе не считаться, особенно постороннимъ, хотя бы и пріятелямъ. Женитьба Гарднера уязвила собственно самолюбіе Дмитрія Ивановича. Даже пріѣздъ Гарднера

въ Петербургъ казался личнымъ оскорбленіемъ. Нѣкоторые изъ пріятелей въ разговорахъ съ Дм. Ив. не столько побуждали его совершить возмездіе, сколько растрavляли его рану.

Едва ли кто ожидалъ, чтобы Писаревъ рѣшился на такую выходку; и тѣ, кто подъ влияніемъ Бахуса травили рану молодого человѣка, придя въ здравый умъ и твердую память, искренне жалѣли о случившемся, тѣмъ болѣе, что его нелѣпый поступокъ ровно никакихъ результатовъ не далъ не только положительныхъ, но даже отрицательныхъ.

Что поступокъ этотъ не соотвѣтствовалъ вообще нравственнымъ свойствамъ Писарева, доказывается уже тѣмъ, что Дм. Ив. черезъ нѣсколько дней успокоился, а вскорѣ возобновилъ прежнія нормально-пріятельскія отношенія къ Гарднеру, продолжавшіяся, насколько мнѣ извѣстно, до конца жизни перваго.

Что касается вспыльчивости Писарева, то онъ былъ, дѣйствительно, вспыльчивъ. Это свойство обусловливалось и прирожденной впечатлительностью, и перенесенной имъ психической болѣзнію, и другими данными, о которыхъ мы упоминали выше. Тѣмъ не менѣе, когда его нервы находились въ нормальномъ состояніи, онъ умѣлъ сдерживать свою горячность; правда, это не всегда удавалось. Но во всякомъ случаѣ онъ скоро остывалъ, былъ отходчивъ. Будучи искренне-добрымъ человѣкомъ и обладая къ тому же острымъ, быстро соображающимъ умомъ, онъ старался исправить свою ошибку, если въ горячую минуту что-нибудь накуролесилъ. Зла онъ не помнилъ.

Даже его излишне запальчивыя публицистическія выходки (во главѣ которыхъ стоитъ его пушкинофобія) можно до извѣстной степени объяснить съ такой же точки зрѣнія. Главнымъ первоначальнымъ поводомъ, на примѣръ, его вылазокъ противъ Пушкина было то, что Дм. Ив., убѣжденный въ универсальной пользѣ матеріализма и естествознанія, возмущался такимъ еретическимъ противоестественнымъ выраженіемъ поэта: «Тѣмы мелкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что Писаревъ, не взирая на свою густую реалистическую окраску, обладалъ эстетической жилкой. Приведенный же стихъ Пушкина давно оскорблялъ его своей неуклюжестью. Это, дѣйствительно, одна изъ самыхъ нескладныхъ (если не единственная нескладная) фразъ, написанная Пушкинымъ. Эта фраза оскорбила Дм. Ив. еще въ ранней юности своею неуклюжестью. Именно вслѣдствіе своей неуклюжести этотъ стихъ чаще прочихъ внезапно появлялся въ его памяти. Когда же кругозоръ юношескаго ума сталъ расширяться,—самостоятельно и подъ влияніемъ новыхъ научныхъ теченій,—то это выраженіе обратилось для него во что-то похожее на антикультурный кошмаръ, который грозилъ загадить «соромъ лжи» тропинку, пробиваемую къ куль-

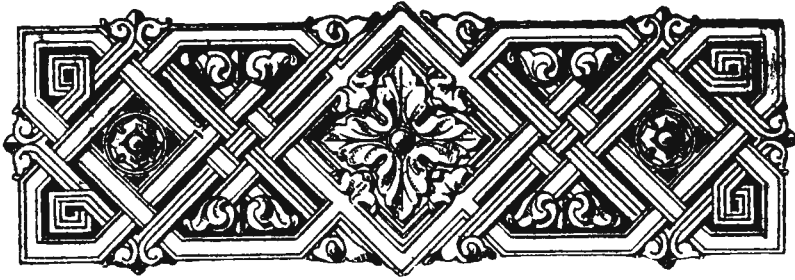
турному совершенству Россіи. Раздражавшій Писарева афоризмъ былъ провозглашенъ такимъ популярнымъ поэтомъ земли Русской, что зло, которымъ онъ грозилъ (по мнѣнію Писарева), возможно было предупредить не иначе, какъ торжественно, публично развѣнчавъ и унизивъ ея глашатая. Дм. Ив., считавшій полезнымъ вообще развѣнчивать авторитеты, былъ искрененъ, предложивъ редакціи взять на себя всенародное низложение Пушкина. Искрененъ ли былъ и Благосвѣтловъ, согласившійся на это святотатство, мы не беремся рѣшать. Во всякомъ случаѣ онъ разумѣлъ, что при данномъ настроеніи общества такая вылазка можетъ оказаться во многихъ отношеніяхъ полезной для общества... и по пути и для редакціи «Русскаго Слова» также.

Писаревъ, какъ извѣстно, выполнилъ возлагаемыя на него Благосвѣтловымъ упованія. Но въ существѣ крупно промахнулся. Во-первыхъ, многое истинно дорогое всякому русскому, уравновѣшивающее съ избыткомъ ничтожные грѣхи поэта онъ упустилъ изъ виду; прозу же его совершенно обошелъ; «прозѣвалъ», какъ выразился не помню кто-то изъ позднѣйшихъ писателей. Во-вторыхъ, Дм. Ив. создалъ на немного лѣтъ такое неподходящее къ своимъ принципамъ отношеніе общества, по преимуществу молодого поколѣнія, къ Пушкину: Пушкина, не читая, отрицали, основываясь только на *авторитетъ* Писарева. А Писаревъ въ принципѣ *авторитеты*—отрицалъ.

Н. Фирсовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

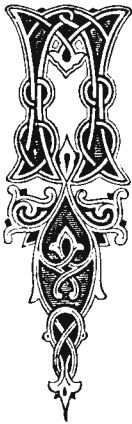

ПОВЕСЕЛИЛИСЬ.

(Разсказъ изъ морской жизни).

I

РОИСХОДИЛО это лѣтъ двадцать тому назадъ въ одной изъ тѣхъ странъ, гдѣ оказываются какіе-то русскіе интересы. Въ чемъ они—не знаетъ никто, кромѣ дипломатовъ и газетъ. Впечатлѣніе такое, что эти двѣ специальности стовариваются между собой и устраиваютъ «интересы»: одни—чтобы оправдать свое существованіе, другія—чтобъ было о чемъ писать. Бьютъ ли французы итальянцевъ—мы посылаемъ Суворова, и они на насъ обрушиваются; взбунтовались венгры—мы ихъ усмиряемъ; американцы съ англичанами не поладили—мы эскадру посылаемъ. Побродивъ по бѣлу свѣту, прямо диву даешься, куда мы только не залѣзали: тамъ сенявинскія казармы, тамъ Головинъ заводилъ «интересы» у японцевъ и попалъ къ нимъ въ плѣнъ, тамъ зачѣмъ-то усмиряли Критъ. А самое удивительное то, что дѣлалось это съ лучшими намѣреніями, а въ результатѣ все на насъ же и обижалось.

Итакъ, это происходило въ одной изъ этихъ несчастныхъ странъ, совершенно намъ чуждой, но гдѣ тоже завелись «интересы». Не то мы усмиряли, не то покровительствовали, никто этого толкомъ не зналъ, но мы тамъ стояли и стояли долго, годами. Страну эту

можно назвать Шпицбергеномъ или Сандвичевыми островами. но въ общемъ ни мы ей, ни она нашему сердцу ничего не говорили. Скажемъ, что это происходило на Мадагаскарѣ.

Корабль, который осчастливилъ эту благословенную страну, былъ старенькій, плохонькій и не могъ своимъ видомъ внушить много уваженія къ русскому имени, но на немъ было все, что полагается военному кораблю. Были командиры, умные, глупые, дѣльные и забавные, были старшіе офицеры, всегда скучающіе и изведенные, были лейтенанты, усатые и бородатые, безусые мичманы, интеллигентные доктора. Всѣ они жили, пили, ѣли, ѣздили на берегъ, но долго на Мадагаскарѣ не засиживались: подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ списывались, а потомъ увлекательно рассказывали про свое экзотическое плаваніе. Были, правда, и старожилы на этомъ кораблѣ, но такихъ было немного, зато они становились истинными мадагаскарскими патриотами и лучше страны на свѣтѣ не знали. На берегъ съѣзжали рѣдко и время опредѣляли командами или событіями судовой жизни.

«Это было, когда наша команда съ итальянцами французовъ побила», или: «когда NN. командовалъ, англичане у насъ перепились и ихъ утромъ развозили».

Безусые мичманы слушали ихъ съ уваженіемъ и удивлялись, какъ раньше весело было, а старшій офицеръ, мрачно бродившій взадъ и впередъ по каютъ-компаніи, злыми глазами смотрѣлъ на рассказчика и бурчалъ:

— Я вотъ въ пятый разъ въ такой же дырѣ стою, и все то же самое: наши бьютъ, нашихъ поколотятъ. А иностранцы всегда пьяные уѣзжали: отъ водки дохли...

Командиры смѣнялись часто и другъ на друга не походили. Въ общемъ исторія нашего корабля напоминала исторію города Глухова, которая велась по градоначальникамъ. Эпоха одного ознаменовывалась большими приемами и увеселеніями, другой любилъ стрѣльбу, и при немъ всѣ ходили глухіе, третій съ утра до вечера красился, четвертый бросилъ краситься и увлекся грандіозными сооруженіями на берегу. Всякій вносилъ что-нибудь свое и ни одинъ не продолжалъ дѣятельности предшественника. Былъ командиръ важный, былъ скромный, былъ свѣтскій, былъ неумытый, былъ даже одинъ, который привелъ въ порядокъ всѣ судовыя расписанія, и если бъ не онъ, неизвѣстно, какъ бы корабль плавалъ. Старожилы обыкновенно вспоминали прежнихъ добрымъ словомъ и ругали настоящихъ за нарушеніе традицій, но это ужъ такъ полагается.

Время, о которомъ идетъ рѣчь, было «эпохой» командира несвѣтскаго, но хлѣбосола. Кромѣ того, онъ задался цѣлью украсить Мадагаскаръ грандіозными сооруженіями. Таскались глыбы камня, сооружались качели, начали строить даже театръ. Мѣстные ээіопы

немедленно воспользовались русскими развлечениями, скалили зубы, чмокали и говорили: «Карошъ, руссь капитанъ карошъ».

Имѣя смутное понятіе о языкахъ, командиръ любилъ угостить, выискивая всякіе предлоги. Въ маленькомъ тѣсномъ командирскомъ помѣщеніи собирались чуть не каждую недѣлю, а иногда и чаще, то русская колонія (состоявшая, правда, изъ двухъ семей), то консулы, то командиры, то мѣстная, весьма подозрительная знать. Сидѣли тѣсно, было душно, несмотря на всѣ вентиляторы, пущенные въ ходъ, но собирались охотно. На Востокѣ существуетъ, такъ называемый *pidjin-english*, смѣсь самыхъ разнообразныхъ языковъ съ англійскимъ. Голова, напримѣръ, называется *савебоксъ*, китайская лайка, собака—*чау-чау-догъ* и т. п. Вотъ на такомъ, если хотите, *pidfin-french* объяснялся капитанъ со своими гостями. Выходило комично, порой неловко, но добродушіе и широкая натура искупали смѣшныя стороны, и иностранцы эти пріемы цѣнили и любили.

Каютъ-компанія была нормального типа. Толстый докторъ (изъ старожиловъ) давно бросилъ глупую привычку съѣзжать на берегъ; а когда раскачивался, то вдругъ находилъ какіе-нибудь предлоги остаться: погода какъ будто свѣжая, еще промокнешь или перевернешься, и онъ опять уходилъ въ свою каюту почитать мелкую печать или садился за піанино. Какъ почти всѣ судовые врачи, онъ былъ по специальности акушеромъ, хотя увѣрялъ, что занимается и гипнотизмомъ. Человѣкъ удивительно нѣжной и чувствительной души, религіозный и начитанный, онъ тихо, но вѣрно затягивался мадагаскарской тиной и былъ типичнымъ представителемъ своего корабля и всего мадагаскарскаго стоянія. Два другихъ старожила были полною противоположностью другъ другу. Одинъ, здоровенный, искалѣченный на службѣ, былъ ярый патріотъ своего корабля и Мадагаскара вообще, носилъ усы чуть не до колѣнъ и рисовался своею грубостью. Говоря сносно чуть не на всѣхъ языкахъ, онъ любилъ этимъ щегольнуть, но, къ сожалѣнію, ни года, ни большая образованность не сгладили въ немъ натуры грубой и некультурной. Другой, тощій, гладко выбритый, молчаливый и оригинальный, настолько былъ не похожъ на русскаго офицера, что иностранцы недоумѣвали, откуда онъ. Не было уголка на свѣтѣ, гдѣ бы онъ не побывалъ, не было книжки, которой бы онъ не прочелъ. Это была ходячая энциклопедія, но стоило большого труда вызвать его на разговоръ и добиться отвѣта, всегда, впрочемъ, дѣльного и правдиваго. Только въ русскомъ флотѣ могутъ встрѣчаться такіе контрасты.

Былъ еще занятный типъ—лейтенантъ Игорь Карловичъ фонъ-Гуркенбаумъ. Сочетаніе этого имени и отчества вполне характеризуютъ этого тамбовскаго помѣщика по происхожденію. Прямой и честный служака, онъ соединялъ прямолинейность и аккурат-

ность нѣмца съ удивительной непрактичностью и рѣзкими порывами русскаго степняка. Что его толкнуло пойти плавать за тридевять земель отъ семьи, по которой онъ изнывалъ, онъ и самъ не зналъ. Такъ, блажь пришла. И онъ скучалъ и изводился, но добросовѣстно работалъ за троихъ.

Были еще два лейтенанта, одинъ славянофилъ, другой химикъ, были два милыхъ юныхъ мичмана, былъ и добродушный работяга механикъ, но всѣхъ не перечтешь, и о рѣчь нихъ впереди. Народъ все былъ славный, но отъ бездѣлья и скуки переругивались, впрочемъ, добродушно и безобидно.

II.

Лейтенантъ фонъ-Гуркенбаумъ давно не получалъ писемъ изъ дому и былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ поругался съ лейтенантомъ-славянофиломъ на тему не то о патріотизмѣ, не то о лысинѣ: славянофилъ былъ плѣшивъ и не любилъ, чтобы объ этомъ заговаривали. Старшій офицеръ нашелъ какой-то компромиссъ и помирилъ ихъ. Ждали гостей: капитанъ пригласилъ «русскую колонію» на кулебяку. Шлюпка съ хорошенькимъ мальчикомъ мичманомъ уже отвалила, и за бѣлыми рубахами гребцовъ виденъ былъ цвѣтникъ зонтиковъ и дамскихъ шляпокъ и двѣ-три соломенныхъ шляпы мужчинъ.

— Господа, гости пристають!—крикнулъ въ каютъ-компанію старшій офицеръ.

— А ну ихъ къ чорту, надоѣли эти приемы,—пробурчалъ Гуркенбаумъ.

Другой мичманъ, вѣчно въ кого-нибудь влюбленный, обидѣлся и хотѣлъ сказать какую-то колкость, но въ это время загремѣли зашабашившія весла, и катеръ подошелъ къ трапу. Принарядившіеся офицеры выскочили на полубу. Радостный и добродушный капитанъ на своемъ pidjin-french объяснялъ французенкѣ-гувернанткѣ:

— Кулебяка *ce du pirog russe avec poisson chou ou viazig.*

— *Oui, oui, commandant, sa doit être délicieux,*—любезно соглашалась французенка.

Стоявшая за ней ея воспитанница—маленькая полудѣвочка, полубарышня—кусала губы и боялась встрѣтиться глазами съ веселымъ мичманомъ, дѣлавшимъ ей знаки за спиной командира.

Двѣ дамы съ мужьями и холостякъ консулъ съ неудачно англизированной круглой русской фізіономіей составляли всю русскую колонію. Дамское шепетанье слилось съ мужскими голосами, и среди предзавтрачнаго гула громче всѣхъ раздавался звонкій смѣхъ юной Манечки, дразнившей усатаго лейтенанта. Всѣ прошли на

ютъ, а внизу въ каютъ-компаниі вѣстовые суетились у стола, и отъ времени до времени раздавался звонъ разбитой тарелки. Каждый такой звукъ сопровождался подавленнымъ ругательствомъ Гуркенбаума, завѣдывавшаго столомъ, причемъ кто-нибудь изъ мичмановъ подливалъ масла въ огонь, спрашивая дѣловымъ тономъ:

— Сколько вышло?

Наконецъ всѣ весело тронулись въ каютъ-компанию. Нѣсколько коробокъ сардинокъ и шпротовъ изображали русскую закуску. Командиръ для практики языка сажалъ рядомъ съ собой французенку и объяснялъ ей:

— C'est du zakouska russe.

— Oui, commandant, en France ça s'appelle sardines.

Консуль, считавшій своимъ долгомъ на русскомъ кораблѣ пить водку, проглотилъ три рюмки и сразу потерялъ свой англазированный видъ, сталъ добрымъ русскимъ бариномъ и очень мило забавлялъ свою сосѣдку—милѣйшую старушку, которую судьба забросила въ этотъ экзотическій край. Старшій офицеръ усердно подливалъ водку одному изъ штатскихъ гостей, а на мичманскомъ концѣ шумно острили молодые и звонко заливался голосокъ Манечки.

— Eh bien et le koulebiak?—спросилъ увлекшійся практикой французскаго языка капитанъ, обращаясь къ Гуркенбауму.

Явился наконецъ и гвоздь завтрака. Это было жалкое подобіе своей пышной русской тезки: вязигу замѣнилъ рисъ, а сига—какой-то ублюдокъ рыбьей породы. Но проголодавшіеся гости и хозяева принудили за нее дружно, и даже французенка нашла «que c'est délicieux, j'ai mange quelque chose dans ce genre chez un comte allemand à Berlin», но подавилась костью и всѣхъ перепугала. Куропатки, сильно смахивавшія на голубей, были уничтожены также быстро.

Кофе пили на ютѣ. Командиръ, допивая шампанское, доказывалъ консулу, что, по его мнѣнію, всѣ дипломаты гроша мѣднаго не стоятъ. Эти шутки моряка перестали уже обижать консула—онъ къ нимъ привыкъ. Влюбчивый мичманъ тянулъ кюрасо, а хо-рошенькій мичманъ смѣшилъ Манечку и уговаривалъ ѣхать играть въ теннисъ. Славянофилъ и докторъ подъ шумокъ скрылись въ каюту. Вѣстовые убирали со стола и громыхали посудой, причемъ Гуркенбауму лѣнь было ихъ ругать. Французенка рассказывала старшему офицеру про трагическую смерть какой-то *filles du lord Horseshoe*, проглотившей рыбью кость, а тотъ мрачно соображалъ, что опять ему сегодня на берегу не быть. Было томительно жарко. У трапа поскрипывалъ на волнѣ катеръ, ожидая развѣзда гостей.

III.

Скучно и однообразно текла жизнь на кораблѣ. Изрѣдка дѣлали недалекіе походы, посѣщали экзотическіе городки, и это вносило маленькое оживленіе: рѣже сорились, веселѣе смѣялись. На Мадагаскарѣ устраивались поѣздки вглубь страны, играли въ теннисъ, посѣщали какихъ-то мѣстныхъ нимфъ. Одинъ хлѣбосольный командиръ не унывалъ. Въ общемъ нельзя сказать, чтобы жить было тяжело, но это была не жизнь, а прозябаніе. При другомъ составѣ каютъ-компаніи всѣ давно бы спились, но, къ счастью, народъ попался скромный, и только изрѣдка выпивалась бутылка-другая, но безъ увлеченія. Общей симпатіей на кораблѣ пользовалась Манечка. Это было милое существо, выросшее безъ матери, умненькая и веселая дѣвочка, очень злая на языкъ. Ей замѣтно нравился хорошенькій мичманъ, но увлеченіе было самое дѣтское и невинное. Мичману она тоже, повидимому, нравилась, но всякій мичманъ считаетъ немного позорнымъ влюбляться въ барышень, и, когда въ каютъ-компаніи начинали подшучивать надъ его увлеченіемъ, онъ дулся или съ пренебреженіемъ говорилъ, что, конечно, Манька—славная дѣвочка, но онъ не дуракъ, чтобы увлекаться такими дуручками. Однако онъ ѣздилъ все чаще и чаще играть въ теннисъ и во время игры, забывая свою мичманскую неприступность, такъ ласково и задорно смотрѣлъ на свою партнершу, что капитанъ уже предвкушалъ веселую свадьбу, съ новыми обѣдами и тостами. Возможно, что не будь этихъ постоянныхъ намековъ, остротъ и взглядовъ, этотъ милый юный романъ и кончился бы чѣмъ-нибудь серьезнымъ, но ужъ такова каютъ-компанейская обстановка, что вся жизнь протекаетъ на глазахъ у товарищей, не всегда деликатныхъ, а это почва для романа плохая.

Такъ текла эта мирная жизнь на кораблѣ, въ спорахъ и мелочахъ, въ безобидныхъ ссорахъ, въ ученіяхъ и пріемахъ. Больше становилась лысина у одного, длиннѣе усы у другого, толстѣлъ докторъ, чаще писалъ письма Гуркенбаумъ, старшій офицеръ все такъ же ходилъ взадъ и впередъ по маленькой каютъ-компаніи, сожалѣя, что онъ уже не мичманъ.

Но всему бываетъ конецъ. Въ одинъ прекрасный день до Мадагаскара дошла новость, что хлѣбосольнаго капитана убираютъ. Это извѣстіе расшевелило публику. Пошли соображенія, кто будетъ назначенъ, станетъ ли хуже или лучше, пойдутъ ли куда-нибудь плавать. Больше всѣхъ волновался старшій офицеръ, сжившійся со своимъ принципаломъ и привыкшій къ его достоинствамъ и недостаткамъ. Новый командиръ—новые порядки, опять придется себя переламывать.

Самъ капитанъ очень опечалился, но потомъ утѣшился тѣмъ, что это предлогъ для новыхъ приемовъ и обѣдовъ, но такъ какъ времени оставалось мало, то онъ рѣшилъ собрать сразу все общество на приемъ запросто. Приемъ былъ на славу. Пѣли чарочку, подносили какую-то мѣстную диковину, подъ конецъ даже играли въ чехарду, а одинъ англичанинъ въ смокингѣ плакалъ и просилъ угостить его русскимъ «national drink: wodka and soda». Тутъ же была получена телеграмма, что командиромъ фрегата назначается капитанъ второго ранга графъ Будищевъ. Мало кто его зналъ. Извѣстно было, что онъ почти не плавалъ, что служба его протекла въ штабѣ, что онъ хорошо зналъ языки, холостъ и богатъ. Каковъ онъ будетъ, какъ начальникъ, какъ ознаменуется его командование, никто не зналъ, но всѣ его ждали и имъ интересовались.

Онъ явился наконецъ, и на кораблѣ началась новая эра.

IV.

Онъ явился съ массой удивительныхъ чемодановъ, съ огромной коллекціей сапогъ всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, съ подстриженными усами и пріятной улыбкой на лицѣ. Быстрымъ взглядомъ окинувъ свой корабль, онъ, какъ одинъ изъ градоначальниковъ Глупова, рѣшилъ разрушить все и перестроить наново. Но это, конечно, въ будущемъ, а пока онъ уѣхалъ на берегъ. Все, что носило на себѣ отпечатокъ старыхъ градоначальниковъ, то бишь командировъ, браковалось, но пока еще ничѣмъ не замѣнялось. Впрочемъ, появились и нѣкоторыя реформы. Первымъ дѣломъ рѣшено было перешить матроскіе штаны на англійскій манеръ, затѣмъ часовые должны были окликать тоже по-англійски: «кто гребетъ» должно было перейти въ дикій односложный ревъ: «грбѣ-ѣ». Первые опыты были неудачны: штаны лопались, часовые охрипли.

Въ общемъ первое впечатлѣніе было недурное. Всѣмъ нравилось, что капитанъ говоритъ блестяще на языкахъ, что за него не приходится конфузиться передъ иностранцами, что онъ чисто одѣтъ, гладко выбритъ. Особенно былъ радъ лейтенантъ съ длинными усами. У этого служаки былъ талантъ уловить слабость командировъ и исполнять безпрекословно все, что тѣ выдумаютъ: при командирѣ-строителѣ онъ брался возводить монументы, при строевикѣ маршировалъ съ утра до вечера, при музыкантѣ—обучалъ балалаечниковъ. Теперь онъ взялся перешить не только всѣ штаны, но даже построить на всю команду сапоги особеннаго лондонскаго фасона, по образцу выписываемыхъ командиромъ прямо изъ Англiи. Всѣ судовые Тедески и Анри были засажены перешивать штаны. Опытъ съ ними, какъ уже упоминалось, былъ плачевный; когда же принесли первыя три пары новыхъ сапогъ,

то капитанъ, въ отчаяніи схватившись за голову, взвизгнулъ: «Никакого понятія. Жалкіе варвары!»—чѣмъ сильно разобидѣлъ лейтенанта и погибъ въ его мнѣніи.

Хорошенькій мичманъ былъ на седьмомъ небѣ. Онъ сразу обратился въ горячаго поклонника командира и сталъ подражать ему во всемъ, даже подстригъ свои маленькіе мичманскіе усики и завелъ удивительныхъ оттѣнковъ носки. Одинъ докторъ относился къ новому командиру недовѣрчиво, всѣ же остальные не то, чтобъ полюбили, а относились къ нему съ извѣстной долей уваженія людей добродушныхъ и простыхъ къ свѣтскому человѣку. Только появлявшееся иногда жестокое выраженіе лица и визгливый крикъ на запуганнаго вѣстового коробили офицеровъ и выказывали въ этомъ человѣкѣ подъ культурной оболочкой натуру грубую и жестокую. Впрочемъ, я забѣгаю впередъ, въ началѣ всѣ были немного подъ обаяніемъ его. Онъ часто являлся въ каютъ-компанію, съ милой, снисходительной улыбкой слушалъ грубоватыя остроты и анекдоты, читалъ газеты и ругалъ порядки. Послѣдняя тема по тѣмъ временамъ была самая благодарная: ничего самому не дѣлать и доказывать, что все плохо. А такъ какъ и на самомъ дѣлѣ все было плохо, то всѣ на этой темѣ сходились, каждый находилъ, что прибавить и доказать.

Приемы капитана-хлѣбосола совершенно вывелись. Новый командиръ находилъ, что на такой посудѣ и безъ ножей для рыбы онъ принимать не можетъ. Доморощенный поварь-матросъ тоже былъ забракованъ, и рѣшено было выписать особеннаго, *coûte que coûte*. Въ ожиданіи этого повара и ножей для рыбы откладывались приемы, а пока что командиръ преисправно развѣзжалъ на завтраки и обѣды и заходилъ въ каютъ-компанію, каждый разъ, впрочемъ, возмущаясь посудой, неуклюжими вѣстовыми и бефъ-брезе съ гарниромъ. «Никакой организаціи, только мы можемъ такъ жить».

А время шло и шло. Мадагаскарское сидѣніе опять затянуло всѣхъ въ свою тину, и казалось—конца ему не будетъ. Но судьба рѣшила иначе.

V.

Однажды командиръ получилъ письмо: «Дорогой графъ, вы знаете мою несчастную судьбу. Брошенная съ дѣтьми неблагодарнымъ мужемъ, я изнываю отъ тоски. Всѣ эти карусели, парады, приемы сведутъ меня въ могилу. Я не могу безъ слезъ видѣть моихъ бѣдныхъ сиротъ, а эти взгляды, эти сплетни и пересуды!

«Я рѣшила путешествовать, но не въ эти несносные Ниццы и Парижи, гдѣ постоянно рискуешь встрѣтиться съ тѣми же милыми друзьями, но куда-нибудь подальше, въ глушь, въ тропики, на лоно природы, гдѣ мрачныя скалы отражаются въ голубомъ

морѣ, гдѣ люди простые и невзыскательные цѣнятъ всякую ласку и доброе къ нимъ слово. Словомъ, я рѣшила пожить у васъ на Мадагаскарѣ. Надѣюсь, что вы еще не забыли своего стараго друга и подыщете мнѣ какую-нибудь хижину для меня съ дѣтьми и трехъ прислугъ, а также не забудете найти мнѣ порядочнаго повара: мой Федось или Федосѣй (j'oublie toujours son nom!) отказывается ѣхать со мной и грубо заявилъ «что ему жизнь дорога и онъ съ ума не сходилъ». Итакъ, ждите меня скоро, я буду рада пожать вашу дружескую руку. Ваша кн. Н. Тевяшова».

Командиръ сталъ втупикъ. «Хижину» для такой дамы, какъ княгиня, найти въ такомъ городкѣ было трудно. А поварь, а всѣ прочія заботы о жизни цѣлой семьи! Впрочемъ, его радовалъ прїѣздъ старой знакомой. Тамъ, далеко, на сѣверѣ, они встрѣчались, какъ посторонніе, а здѣсь, въ глуши это большое развлеченіе бывать въ домѣ у дамы своего круга. Мѣшковатые сослуживцы и полупочтенная экзотическая знать ему уже порядкомъ прїѣлись. Въ концѣ концовъ хлопоты объ устройствѣ квартиры для княгини его увлекли настолько, что онъ не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ мѣсяцъ и въ одно прекрасное утро, по гладкому, какъ зеркало, морю пришелъ большой океанскій пароходъ. На посланныя съ флегата шлюпки стали выгружаться пожитки и челядь княгини, а самъ командиръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, кителѣ на парадномъ катерѣ встрѣчалъ свою знакомую, распустивъ самую милую изъ своихъ улыбокъ. Княгиня, очень, можетъ быть, даже слишкомъ элегантная для Мадагаскара дама, съ тремя прелестными дѣтьми и русской нянькой садилась въ катеръ, болтая безъ умолку, обращаясь то къ командиру, то къ хорошенькому мичману.

— Боже, какъ насъ качало, что за ужасъ ваше море! Нѣтъ, мы, русскіе, не приспособлены къ океанамъ. Скажите, а васъ укачиваетъ. Впрочемъ, вы всѣ *coups de mer*, вамъ смѣшны наши ужасы. Ахъ, какое миленькое мѣстечко. Графъ, вы меня пригласите къ себѣ познакомиться съ вашими милыми сослуживцами? Я еще не видѣла настоящихъ моряковъ, то-есть, нѣтъ, не настоящихъ, а такихъ, которые бы были въ морѣ, ну, вотъ, какъ вы...

Командиръ разсыпался въ любезностяхъ, а мичманъ былъ въ упоеніи, что первый видитъ даму, надѣлавшую столько переполоха. Съ корабля на ютѣ и изъ всѣхъ иллюминаторовъ видны были бинокли и трубы и шли дебаты.

— Преинтересная!—находило большинство.

— Баба въ соку!—самодовольно заявили длинные усы.

— А по-моему нянька недурна, а сама ваша эта княгиня только корсетомъ и держится,—басиль механикъ и возбудилъ негодованіе доктора, обозвавшаго его циникомъ.

Гуркенбаумъ плюнулъ и пошелъ писать письмо женѣ, а старшій офицеръ грустно размышлялъ, что теперь ему на берегу не бы-

вать вовсе. Влюбчивый мичманъ завидовалъ своему товарищу на катерѣ и щипалъ свои бѣдные усики.

На берегу княгиня приходила въ восторгъ отъ всего: отъ домика, выходящаго окнами въ садикъ съ пальмами и маленькимъ фонтаномъ, отъ черномазыхъ ребятишекъ, даже отъ крика ословъ; когда же въ комнатахъ она нашла огромную корзину цвѣтовъ отъ каютъ-компаніи, то восхищенію ея не было предѣла.

— Какіе вы всѣ милые, какъ я рада, что къ вамъ попала. Какъ я отдохну здѣсь,—только и повторяла она.

Дѣти, утомленные длиннымъ и непокойнымъ переходомъ, радостно визжали, бѣгая по комнатамъ и садику. Жаркое южное солнце весело играло по дорожкамъ, было еще рано и дневной зной не давалъ себя чувствовать. Подали кофе, и командиръ, а особенно мичманъ, вдругъ почувствовали какую-то нѣжную симпатію къ этой женщинѣ, внесшей въ скучную мадагаскарскую стоянку что-то теплое и уютное, свое родное.

VI.

Началась новая жизнь на кораблѣ. Всѣ интересы, разговоры, мысли вертѣлись около княгини. Командиръ снялъ на берегу квартиру, появлялся, и то не всегда, по утрамъ, потомъ исчезалъ. Офицеры, кое-какъ отбивъ вахту и ученье, тоже исчезали, только Гуркенбаумъ упорно не съѣзжалъ и писалъ письма женѣ. Впрочемъ, бывали дни, когда всѣ сидѣли на кораблѣ,—это, когда княгиня бывала въ каютъ-компаніи, что случалось часто, по праздникамъ и въ будни. Она пріѣзжала сначала къ командиру, а затѣмъ переходила въ каютъ-компанію и засиживалась до позднихъ часовъ. Пріѣзжала она иногда съ одной изъ русскихъ дамъ, но по большей части одна, садилась съ работой, просила иногда ея не стѣсняться и болтала безъ умолку. Болтала она обо всемъ: о Петербургѣ, о своемъ мужѣ, о дворѣ, о путешествіяхъ, о тряпкахъ. Всѣ подтянулись, заработокъ прачекъ удвоился. Даже докторъ сталъ подстригать бороду и принимать мѣры отъ ожирѣнія. Въ глазахъ его загорѣлось что-то молодое и даже игривое. Хоть и не часто, онъ сталъ съѣзжать на берегъ и рѣже сталъ уходить послѣ завтрака въ каюту. Усатый лейтенантъ сталъ чище одѣваться и не скрывалъ своего удовольствія княгиней.

— Славная баба, сейчасъ видно даму изъ хорошаго общества, не то, что ваша хваленая Манька.

Онъ имѣлъ зубъ противъ Манечки за то, что та его дразнала. А Манечка была забыта. Она сразу не понравилась княгинѣ, та нашла ее вульгарной и злой, а въ то время мнѣніе княгини было закономъ. Хорошенькій мичманъ хоть и краснѣлъ, но самъ сталъ повторять, что «Манька злющая дѣвчонка и ничего больше».

Княгиня была очень милая, очень образованная женщина. Жизнерадостная, богатая, она вышла замуж очень неудачно. Послѣ двухъ лѣтъ семейной жизни мужъ сталъ ей измѣнять, а черезъ пять лѣтъ бросилъ и поселился за границей. Ставши свободной, княгиня рѣшила сначала взять тонъ угнетеннаго и жалкаго созданья, но это ей плохо удавалось, и она осталась такой же веселой, и всюду съ удовольствіемъ ее принимали. Другой женщинѣ ея фальшивое положеніе не простили бы, но княгиня была такъ мила и проста, что на ея репутаціи не было ни пятнышка. Всѣ ей сочувствовали и не могли понять, почему мужъ ее бросилъ. Единственнымъ ея недостаткомъ была жажда всѣхъ обворожить. Всѣ должны были ее любить, ею восхищаться и даже быть въ нее влюбленными: этимъ она хотѣла вознаградить свое самолюбіе за измѣны мужа. Успѣхомъ она пользовалась, но за послѣднее время года начали брать свое, и ея вѣчная рѣзвость избалованнаго ребенка стала какъ будто пріѣдаться. Изрѣдка стали до нея доходить злыя словца на ея счетъ, и число поклонниковъ замѣтно порѣдѣло. Тогда она вдругъ вспомнила о дѣтяхъ, о томъ, что петербургскій климатъ имъ вреденъ, и рѣшила куда-нибудь уѣхать, отчасти чтобы развлечься, отчасти чтобы дать себя оцѣнить. Она все не могла примириться съ тѣмъ, что время ея обворожительности уходитъ, и думала, что въ ея отсутствіе по ней соскучатся и примутъ съ распростертыми объятіями по возвращеніи.

Попавъ на Мадагаскаръ, княгиня пришла въ большой восторгъ. Горы, тропическая растительность, голубое море и моряки, настоящіе моряки на военномъ кораблѣ, такіе простые и такіе милые, все это такъ мало походило на ея прежнюю жизнь, вдругъ потерявшую для нея всякую прелесть. А главное, здѣсь ей открывалось обширное поле покоренія сердецъ, покоренія для коллекціи,— о серьезныхъ романахъ она никогда не думала. Соперницъ у нея здѣсь не было, нельзя же считать дѣвочку—Манечку, очень миленькую, но ребенка еще не сформировавшагося и неопытнаго. И она скоро достигла своего.

Первымъ оказался командиръ. Сначала онъ былъ радъ встрѣтиться со старой знакомой и отдохнуть у нея отъ своего корабля, отъ среды ему чуждой и немного презираемой. Потомъ постепенно вошло у него въ привычку просиживать у нея цѣлые дни, и онъ сталъ серьезно увлекаться ею, позабывъ о своемъ кораблѣ. Появляясь на фрегатъ налетомъ, онъ вдругъ обрушивался на ни въ чемъ неповинныхъ офицеровъ, шумѣлъ, кричалъ, что никто не имѣетъ понятія о морскомъ дѣлѣ, и проявлялъ всю скрытую подъ лоскомъ природную жестокость. Затѣмъ пылъ проходилъ, и онъ удалялся въ свою каюту писать, послѣ чего съѣзжалъ снова и сидѣлъ у княгини, часто надоѣдая ей.

Гораздо серьезнѣе дѣло обстояло у хорошенькаго мичмана и у доктора. У княгини былъ талантъ находить у каждаго нѣжнѣю струнку и играть на ней. Доктору, человѣку чувствительному и доброму, она рассказывала о своихъ семейныхъ неудачахъ:

— Вѣдь и собака требуетъ ласки,—говорила она:—и вотъ въ деревнѣ, въ глуши, я встрѣтила одного молодого человѣка, простаго земскаго доктора. Если бъ вы знали, сколько хорошихъ минутъ онъ мнѣ далъ. Я помню: всѣ дѣти больны, я одна, и если бъ не этотъ милый докторъ Петровъ, я умерла бы отъ ужаса. Въ эти тяжелыя минуты я оцѣнила его и поняла, какія глубокія чувства и благородныя порывы таятся въ этой средѣ...

Докторъ слушалъ и млѣлъ, теребя свою подстриженную бородку. Онъ не былъ мастеромъ разговаривать и смотрѣлъ на свою собесѣдницу добрыми преданными глазами. Лейтенанта съ длинными усами она взяла тѣмъ, что отъ души хохотала надъ его грубыми остротами и просила почаще ее смѣшить. Тотъ былъ радъ стараться и доходилъ до такихъ предѣловъ, что командира коробило, а княгиня со смѣхомъ была его вѣромъ по рукѣ и просила помнить, что она все-таки женщина.

Пробовала она затронуть и Гуркенбаума, но у того сердце оказалось настолько забронированнымъ, что ея чары не подѣйствовали. Трогательный рассказъ о невѣрномъ мужѣ онъ не оцѣнилъ:

— А чѣмъ онъ вамъ мѣшаетъ. Живете себѣ безъ него припѣваючи и слава Богу.

Послѣ этого княгиня рѣшила, что Игорь Карловичъ очень прямой человѣкъ и разговаривала съ нимъ только о его женѣ и дѣтяхъ

VII.

Красивый мичманъ влюбился серьезно. Княгинѣ не могъ не нравиться этотъ милый, умный, немного избалованный мальчикъ, такъ явно выказывающій ей свою привязанность. Она отличала его отъ другихъ и сдѣлала своимъ пакомъ. Онъ бывалъ всюду гдѣ она появлялась, началъ ссориться съ товарищами и начальствомъ, худѣлъ и блѣднѣлъ, а бѣдную Манечку забылъ совсѣмъ. Отстоявъ вахту, онъ, не обѣдая, переодѣвался въ штатское и оставивъ Гуркенбаума подвахтеннымъ, просился на берегъ. Когда княгиня бывала въ каютѣ-компаніи, онъ или дулся и уходилъ въ свою комнату, или начиналъ капризничать и говорилъ колкости и ей, и окружавшимъ ее. Зато надо было быть очень осторожнымъ при немъ въ выраженіяхъ о княгинѣ, и старшему офицеру много разъ приходилось тушить разгоравшіяся ссоры.

Считая, что Мадагаскаръ такая глушь, что стѣсняться нечего, княгиня своей свободной манерой держаться возбудила много

сплетень, совершенно, впрочемъ, не обоснованныхъ. Жизнь ея проходила подъ контролемъ столькихъ ревнивыхъ глазъ, что о серьезномъ романѣ не могло быть и рѣчи. Сплетнямъ много способствовала и зависть дамъ мѣстнаго свѣта. Брильянты и рубины, которыми она пересаливала, ея платья и шляпы не давали спать мадагаскарскимъ красавицамъ.

Мичманъ, въ первый разъ сдѣлавшійся предметомъ вниманія такой видной дамы, забылъ все на свѣтѣ. Не доѣдая, не досыпая, онъ бросался исполнять всякое ея желаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда такъ капризничалъ, что княгиня пугалась.

Мадагаскарскія развлечения, пикники, поѣздки въ горы, поѣздки въ море, давно всѣмъ надоѣвшія, вдругъ приобрѣли новую привлекательность, и тѣ, кто не могъ изъ-за службы попасть на нихъ, ходили мрачные и злые. Иногда княгиня устраивала танцы въ своихъ маленькихъ комнатахъ и всѣ, какъ наши, такъ и иностранцы съ увлеченіемъ отплясывали до утра. Французы, особенно послѣ ужина, дружески болтали съ бритыми англичанами на какомъ-то волапюкѣ, даже усатый лейтенантъ танцевалъ какую-то осо, сенную мазурку и требовалъ шпоры, а докторъ, потный, красный, игралъ за тапера на піанино. Мѣстныя дамы, забывъ свои перебуды, преисправно являлись на пикники и вечера княгини, всегда ярко одѣтыя и очень низко декольтированныя. Манечка въ простенькомъ бѣломъ платьицѣ съ открытой худенькой шейкой тоже веселилась отъ души, забывъ своего невѣрнаго поклонника, и ея неизмѣннымъ кавалеромъ былъ другой, конфузливый мичманъ, съ которымъ она демонстративно кокетничала.

Все шло хорошо, всѣ ожили, но въ жизни корабля все перемѣнилось и перемѣнилось не къ лучшему. Всѣ интересы были на берегу, а тѣ, кто по неволѣ не могъ съѣзжать, нервничали, ходили сонные и часто ссорились. Малѣйшій намекъ, всякое неосторожное слово вызывали колкости, и прежніе пріятели начинали дуться другъ на друга и цѣлыми днями не разговаривали. Особенно замѣтной стала непріязнь между командиромъ и красивымъ мичманомъ. Всѣ эти мелочи приводили къ тому, что и въ каютъ-компаніи наиболѣе несдержанные стали дѣлать недвусмысленные намеки на поведеніе княгини и ея почитателей. Это были обыкновенно тѣ, кто такъ или иначе былъ посаженъ княгиней на свое мѣсто. Вообще начинало чувствоваться утомленіе этой вѣчной суетой и непрерывными увеселеніями. Но пока все шло болѣе или менѣе мирно.

Только разъ на эту безмятежную жизнь набѣжало облако: повѣсился ночью въ кожухѣ матросъ. Возмущенный командиръ приказалъ его немедленно похоронить безъ всякой церемоніи. Хотя, казалось, это и прошло незамѣтно, но что-то мрачное легло на стоянку на Мадагаскарѣ. Особенно это отразилось на скромномъ

мичманѣ, которому пришлось производить дознаніе. Этотъ юноша вообще былъ не отъ міра сего, всегда разсѣянный, очень много занимающійся. Онъ часто смѣшилъ всѣхъ какою-нибудь неожиданною выходкой на службѣ, не умышленно, конечно, а именно оттого, что мысли его витали гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Послѣ случая съ матросомъ онъ ходилъ нѣсколько дней какъ потерянный, но потомъ понемногу успокоился.

Пошли опять пикники, танцы, завтраки въ каютъ-компаніи (командиръ еще не получилъ ножей для рыбы изъ Англіи и у себя не принималъ) и все какъ будто вошло въ свою колею. Княгиня смѣялась, говорила, что нѣтъ на свѣтѣ людей лучше моряковъ, но и ее, повидимому, начало тянуть обратно, да и жара становилась невыносимой.

VIII.

Однажды съ послѣдней шлюпкой въ первомъ часу ночи возвратились гурьбой офицеры. Всѣ смѣялись, вспоминали сегодняшнюю поѣздку. Больше всѣхъ смѣялся хорошенькій мичманъ, сильно осунувшійся и поблекшій за послѣднее время. Въ этотъ день у него была крупная ссора съ командиромъ, и онъ чувствовалъ себя немного героемъ. Что-то болѣзненное было въ его оживленіи. Офицеры вытащили изъ буфета остатки обѣда и быстро ихъ уничтожили. Поговорили о предстоящей поѣздкѣ въ горы и, сообщивъ старшему офицеру, что командиръ завтра не пріѣдетъ, разошлись по каютамъ. Все стихло на кораблѣ, только волны похлопывали за иллюминаторомъ, да часовой на ютѣ переминался съ ноги на ногу. Вдругъ во второмъ часу ночи раздался какой-то непривычный звукъ: точно лампочку включили, но нѣсколько громче. Случайно не спавшій офицеръ выскочилъ въ коридоръ и сталъ заглядывать въ каюты. На койкѣ съ закрытыми глазами лежалъ хорошенькій мичманъ, и лѣвая сторона груди была забрызгана кровью. Разбуженный докторъ трясущимися руками схватился за пульсъ и прошепталъ:

— Конечно. Прямо въ сердце. Эхъ, мальчишка, мальчишка.

Но, къ счастью, не все было кончено, больной вдругъ застоналъ и открылъ глаза.

— Случайно, это я случайно,—прохрипѣлъ онъ.

Докторъ крикнулъ наверхъ, чтобы сейчасъ же посылали за хирургомъ. Всю ночь не спали офицеры, прислушиваясь къ стонамъ бѣднаго мичмана. Каждую минуту ждали, что душа покинетъ хрупкое исхудавшее тѣло, но къ утру выяснилось, что есть надежда. Ближайшій приличный госпиталь находился въ суткахъ перехода, и старшій офицеръ распорядился разводять пары. Рано утромъ явился командиръ и единственно, что онъ нашель сказать:

— Дуракъ, мальчишка. Не могъ приличнѣе обставить свой конецъ. Пары готовы.

Но тутъ вышла задержка. Заплаканная, кое-какъ одѣтая, приѣхала княгиня. Она умоляла пустить ее къ больному. Командиръ еле уговорилъ ее съѣхать на берегъ, и фрегатъ снялся съ якоря. Къ счастью, погода была тихая, и сутки въ морѣ прошли благополучно. Всѣ приуныли, говорили шопотомъ, одинъ только лейтенантъ съ длинными усами не унывалъ и бравировалъ грубостью:

— Развѣ такъ стрѣляются. И этого не сумѣлъ, глупый мальчишка. Стрѣлялъ бы въ високъ изъ казеннаго револьвера, теперь бы не мучился.

Но его не слушали, только скромный мичманъ съ ужасомъ глядѣлъ на него широкими глазами. Больной очень страдалъ и ему все время впрыскивали морфій. Измученный докторъ, фельдшеръ и санитары сбились съ ногъ. Только къ вечеру у мичмана появился интересъ къ своей жизни, и онъ сталъ спрашивать, выживетъ ли и когда поправится.

Командиръ ни разу не зашелъ къ больному и только на слѣдующее утро, когда пришли на мѣсто и бережно переносили на катеръ блѣднаго, еле шевелившаго губами юношу, командиръ сухо пожелалъ ему скорѣе поправляться. Бѣдный мальчикъ, какъ-то безпомощно посмотрѣлъ на него и шопотомъ поблагодарилъ. Въ тотъ же вечеръ приказано было сниматься съ якоря. Несмотря на просьбы подождать, пока выяснится положеніе раненаго, командиръ былъ непреклоненъ и ушелъ обратно на Мадагаскаръ.

Но тамъ его ждалъ сюрпризъ. Княгиня, оставивъ дѣтей на попеченіе русскихъ дамъ, уѣхала на ближайшемъ маленькомъ пароходѣ къ больному: сердце подсказало ей причину случайнаго выстрѣла, и она, пренебрегая всякими сплетнями и пересудами, полетѣла въ госпиталь.

Командиръ былъ внѣ себя, рвалъ и металъ и приказалъ черезъ день быть готовыми къ походу. Какъ онъ объяснялъ, необходимо было сгладить непріятное впечатлѣніе, а потому онъ забралъ всю русскую колонію и пошелъ пикникомъ на одинъ изъ острововъ миль въ шестидесяти. Пикникъ вышелъ грустный. Всѣ чувствовали себя не въ своей тарелкѣ, а Гуркенбаумъ сказался больнымъ и изъ каюты не выходилъ. Маничка на пикникѣ не была, зато остальные дамы дѣлали видъ, что ничего не произошло, болтали о пустякахъ и благодарили командира за доставленное удовольствіе.

Съ этого времени черная кошка пробѣжала между командиромъ и офицерами, и жизнь на кораблѣ стала тяжелой. Докторъ вдругъ опять захандрилъ и сталъ поговаривать о возвращеніи въ Россію. Скромный мичманъ сталъ часто съѣзжать на берегъ и бывать въ домѣ у отца Манечки, которая его встрѣчала привѣтливо и радостно.

IX.

Черезъ двѣ недѣли княгиня вернулась. Къ прежнимъ разговорамъ прибавились рассказы о положеніи больного мичмана, о томъ, какъ онъ ей обрадовался. Въ общемъ она не перемѣнилась, но отношеніе къ ней стало другое. Прежнихъ восторговъ она не вызывала, и вѣрнымъ ей остался одинъ докторъ. Жизнь на кораблѣ становилась невыносимой. Командиръ упорно не хотѣлъ двигаться съ мѣста и жилъ на берегу. На пикники собиралось все меньше публики, и княгинѣ приходилось уговаривать пріѣхать, чтобы не разстроить компаніи. Въ это время она вдругъ полюбила Манечку и стала покровительствовать ея роману со скромнымъ мичманомъ. Мичманъ съѣзжалъ каждый день, и дѣла его, повидимому, шли хорошо. Княгиня по секрету передавала всѣмъ свои наблюденія и радовалась всякому успѣху, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки.

Однажды у командира днемъ были гости. Манечка и мичманъ сидѣли вдвоемъ на балконѣ и оживленно болтали, а княгиня всѣмъ подмигивала и искала сочувствующихъ молодому роману. На слѣдующій день она всѣмъ по секрету передавала, что мичманъ сдѣлалъ предложеніе и, кажется, оно принято, пока еще негласно. Мичманъ въ это время ходилъ веселый и довольный.

Какъ-то разъ днемъ пришло съ берега письмо. Мичманъ прочелъ его и съ радостнымъ видомъ попросился на берегъ. Всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли на него, и онъ уѣхалъ.

— Ну, всего вамъ хорошаго,—привѣтливо сказалъ онъ вахтенному начальнику.

— И вамъ всего хорошаго,—отвѣтилъ тотъ, провожая его.

Начались разговоры, гдѣ и когда будетъ свадьба, говорили, что навѣрное отецъ отложить ее до полученія отвѣта отъ родителей мичмана, находили, что оба слишкомъ молоды. Прошло часа три. Въ это время къ борту, отчаянно размахивая руками, подошелъ на шлюпкѣ туземецъ и, указывая на море, кричалъ: «офицеръ, револьверъ... туда, туда!».

Ужасъ охватилъ всѣхъ. Былъ посланъ паровой катеръ, съ котораго увидѣли въ морѣ парусную шлюпку, качавшуюся безъ движенія на зыби. Въ шлюпкѣ, опрокинувшись на дно, съ вывѣсившимися за бортъ ногами лежалъ мичманъ съ прострѣленными насквозь висками. Бѣдный мальчикъ хотѣлъ, застрѣлившись, упасть за бортъ и утонуть, но не рассчиталъ. Въ карманѣ кителя нашли письмо отца Манечки, гдѣ онъ очень трогательно просилъ мичмана извинить его юную дочь за то, что она по своей молодости дала ему поводъ думать о своемъ чувствѣ больше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ.

Ужасъ охватилъ всѣхъ. Всѣ смотрѣли на каждого, съѣзжавшаго на берегъ или уходящаго въ каюту, подозрительно и ждали еще

какого-нибудь несчастья. Одинъ командиръ злился и говорилъ, что ему все равно, что болваны стрѣляются, онъ не сантименталенъ, а это ихъ частное дѣло, но у него и безъ того нехватка офицеровъ и некому служить.

Хоронили мичмана съ почестями. Собрались всѣ, былъ и отецъ Манечки, сама она не была. Одни англичане отказались участвовать въ церемоніи, объяснивъ, что ихъ уставомъ это строго запрещено. Зато англійскія дамы много дней подъ рядъ носили на могилу цвѣты. Княгиня, вся заплаканная, горячо молилась во время службы, рядомъ плакали потихоньку дѣти...

Такъ грустно кончились нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія княгини на Мадагаскарѣ. Она уѣзжала черезъ нѣсколько дней и сидѣла за прощальнымъ завтракомъ въ каютъ-компаніи. Начиная по привычкѣ болтать и не встрѣчая сочувствія, она умолкала и опускала глаза.

— Какой интересный романъ вышелъ бы, если бъ я сумѣла описать мои впечатлѣнія о Мадагаскарѣ! — неосторожно проронила она:

Гуркенбаумъ вдругъ вспылить.

— Интересный. Можетъ быть, для васъ онъ и интересный, а для насъ грустный.

Княгиня сконфузилась, умолкла, и слезы показались на ея глазахъ...

Получено было предписаніе немедленно итти съ Мадагаскара въ плаванье. Подъѣхали новые офицеры, смѣнился докторъ, появился мичманъ съ такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что всѣмъ становилось легче на душѣ. Каютъ-компанія ожила. Вотъ наконецъ выходили якорь, и фрегатъ подъ всѣми парусами вышелъ въ океанъ. Радостно сіяло солнце, весело перегоняли другъ друга синія волны, кружились чайки. На бакѣ заливалась гармоника и лилась развеселая пѣсня. Въ каютъ-компаніи шли оживленные разговоры.

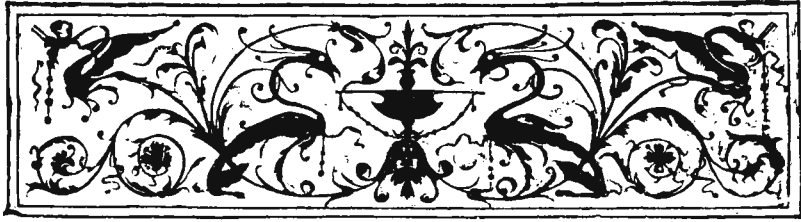
— Господа, кто бывалъ въ Батавіи? Говорятъ, голландочки прелестныя, особенно по утрамъ: въ однѣхъ рубашкахъ кофе пьютъ...

Фрегатъ уходилъ все дальше и дальше, Мадагаскаръ скрывался изъ виду. А тамъ рядомъ съ матросомъ тихо спалъ непробуднымъ сномъ разсѣянный скромный мичманъ, и другая молодая жизнь боролась со страшнымъ недугомъ.

Такъ мы повеселились на Мадагаскарѣ.

Вл. Анжу.

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ СТОЛЫПИНЪ И СТУДЕНТЫ.

(Отрывки изъ воспоминаній.)

КОРО мнѣ минусть три года со дня смерти П. А. Столыпина, но какъ много перемѣнъ произошло за это время!

Многіе завѣты и начинанія покойнаго уже забыты, его творческая государственная работа до сихъ поръ вызываетъ въ извѣстныхъ кругахъ злостную критику; но если еще не наступилъ часъ для безпристрастной и спокойной оцѣнки столыпинскаго наслѣдства, то въ одномъ уже давно сошлись и его друзья, и лояльные противники: въ глубокомъ уваженіи къ благородству характера, талантливости и удивительной разносторонности его натуры.

Потрясенная до основанія смутой и войной страна требовала отъ покойнаго неустаннаго труда, важнѣйшія государственныя задачи разрабатывались подъ его руководствомъ, одновременно и успокаивалась и преобразовывалась Россія,—но все же при такихъ условіяхъ Петръ Аркадьевичъ находилъ и время, и средства, чтобы поддержать или помочь всякому общественному движенію, клонившемуся къ государственной пользѣ, какъ ни незначительно бы оно казалось съ перваго взгляда.

Въ 1906 году, послѣ трехгодоваго перерыва открылись высшія учебныя заведенія.

Молодежь набросилась на занятія и книги, но увѣренности въ завтрашнемъ днѣ не чувствовалось: всѣ знали силу и вліяніе революціонныхъ партій въ университетѣ, ожидая съ поразительной

покорностью, когда «товарищи» прикажутъ бросить лекціи и разѣхаться по домамъ.

Положеніе создалось тяжелое.

Господство лѣвыхъ партій и улицы въ высшей школѣ было полнѣйшее, другого начальства, какъ социаль-демократическій комитетъ, здѣсь не признавалось, но зато росло и озлобленіе безпартійнаго студенчества, изъ среды котораго возникли цѣлыя организациі, боровшіяся съ революціоннымъ засильемъ, какъ на примѣръ, такъ называемые «академическіе союзы».

Вокругъ академическаго движенія создалось столько легендъ, столько небылицъ, что многіе искренніе друзья и защитники нашей высшей школы считали П. А. Столыпина виновнымъ въ насажденіи политики въ духѣ союза русскаго народа въ студенческой средѣ, ссылаясь въ видѣ доказательства на его горячее сочувствіе академистамъ.

Мнѣ пришлось принимать близкое участіе въ дѣлахъ академическихъ союзовъ съ перваго дня ихъ существованія, нѣсколько разъ обращаться къ покойному за помощью, слышать его взгляды на академическое движеніе, которое Столыпинъ понималъ широко и всѣми силами оберегалъ его отъ всякой политики.

Осенью 1908 года были введены новыя правила о студенческихъ собраніяхъ, изданныя 11-го августа.

Они сильно стѣсняли агитацію лѣвыхъ партій, поэтому была объявлена всеобщая забастовка, которая прошла сначала въ университетахъ Москвы и Петербурга, а затѣмъ перебралась и въ спеціальныя учебныя заведенія.

Изъ нихъ первымъ по количеству учащихся и по своему вліянію считается петербургскій политехническій институтъ. На него и было обращено главное вниманіе революціонныхъ группъ; сюда понаѣхали спеціальныя делегаты и ораторы (виднѣйшій изъ нихъ социаль-революціонеръ «Генрихъ» затѣмъ отравился, обвиненный въ провокаціи), но забастовка проходила слабо.

Студенчество на сходкахъ дѣлилось почти на двѣ равныя части: половина стояла за продолженіе занятій, другая была противъ.

На одной изъ сходокъ забастовщики получили небольшой перевѣсъ и объявили занятія прекращенными, начались обструкціи, срываніе лекцій и даже кулачная расправа.

Тогда маленькая группа моихъ близкихъ друзей пригласила студенчество въ особомъ воззваніи не подчиняться постановленію сходки, а сплотиться въ тѣсный товарищескій кружокъ чистыхъ академистовъ для борьбы съ политикой въ нашей *alma mater*.

Сочувствующихъ нашлось не мало; съ трудомъ отыскали помѣщеніе для собраній (институтъ предоставилъ его отказався), правая фракція государственной думы пришла намъ на помощь и со вѣтомъ, и средствами,—и въ октябрѣ 1908 года образовался первый

академическій союзъ студентовъ политехническаго института, а вскорѣ за нами послѣдовали горняки, путейцы и лѣсники.

По уставу академисты должны были бороться со всякой политикой, правой или лѣвой, въ высшей школѣ, съ забастовками, насильственнымъ перерывомъ занятій, и студенчество отнеслось къ нарождающимся союзамъ крайне внимательно и сочувственно.

Всеобщая забастовка не прошла, зато началось преслѣдованіе бѣдныхъ академистовъ, и для пополненія союзной кассы политехники задумали устроить въ концѣ ноября балъ, почетный билетъ на который рѣшено было поднести предсѣдателю совѣта министровъ.

Разрѣшеніе на это поднесеніе было вскорѣ получено, и дня черезъ три насъ шесть человѣкъ собралось къ одиннадцати часамъ въ Зимній дворецъ, гдѣ тогда проживалъ Столыпинъ.

Приемъ былъ назначенъ въ воскресенье. Кромѣ насъ, никого не было, и ровно въ одиннадцать насъ провели къ министру въ кабинетъ.

Онъ привѣтливо выслушалъ насъ, принялъ отъ предсѣдателя Л. А. Балицкаго почетный билетъ и съ улыбкой, держа въ рукахъ «Новое Время», замѣтилъ:

— Чѣмъ вы такъ понравились Михайлу Осиповичу? Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ его фельетонъ и вполне раздѣляю его симпатіи къ вамъ.

М. О. Меньшиковъ въ этотъ день помѣстилъ горячую статью подъ заглавіемъ: «Идите на балъ», гдѣ привѣтствовалъ молодой академизмъ.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Столыпинъ подробно спрашивалъ о настроеніи студенчества, объ отношеніи къ намъ профессуры и закончилъ разговоръ маленькой рѣчью, которую я въ тотъ же день записалъ въ своемъ дневникѣ.

— Я самъ, господа, въ студенческіе годы думалъ, какъ и вы; печально, что такія непреложныя истины, какъ школа для науки и родины, должны искать себѣ защиты внѣ университета. Право и общественное сочувствіе на вашей сторонѣ, но берегитесь всякой политики, хотя бы она исходила и отъ друзей. Вы слишкомъ молоды для партійныхъ дразгъ! Преданность родинѣ и государю—вотъ ваша политика; трудъ и молодое веселье—ваша тактика. Государь сочувствуетъ такой программѣ отъ всей души. На дняхъ я читалъ ему письмо варшавскаго генералъ-губернатора Скалона о положеніи русскихъ студентовъ въ Варшавѣ, вашихъ единомышленниковъ. Государь былъ очень взволнованъ и приказалъ немедленно помочь изъ своихъ личныхъ средствъ. Помогайте и вы вашимъ товарищамъ, будьте деликатны съ противниками, но стойки и тверды въ своихъ намѣреніяхъ. Я всегда готовъ помочь вамъ.

Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось бывать у него нѣсколько разъ по дѣламъ союза и вскорѣ затѣмъ открывшагося академическаго клуба.

Всегда прѣвѣтливый, ласковый, внимательный, Петръ Аркадьевичъ повторялъ то же, что и при первомъ свиданіи: «Учитесь, помните, что нужны родинѣ, и будьте молоды».

Онъ совѣтовалъ развить при клубѣ спортивный отдѣлъ, устраивать товарищескіе диспуты по злободневнымъ вопросамъ, интересовался, что читаетъ молодежь, и всегда предостерегалъ отъ увлеченія какой бы то ни было партійной группировкой, пока мы стоимъ студентами.

Въ одинъ изъ пріемовъ, вскорѣ послѣ открытія клуба, онъ подробно разспрашивалъ насъ про правыя студенческія организаціи въ петербургскомъ университетѣ.

— Не такъ давно ко мнѣ обратились съ просьбой помочь студенты, члены союза русскаго народа, а на дняхъ я узналъ, что въ городѣ основался студенческой всероссійской національный союзъ. Зачѣмъ, господа, вы распылаетесь на партіи? Развѣ у васъ нѣтъ больше занятій, чѣмъ спорить и ссориться въ мелкой борьбѣ?

Когда мои товарищи указали, что академистовъ въ этихъ организаціяхъ нѣтъ, Петръ Аркадьевичъ замѣтилъ, что всякая политика для молодежи, кромѣ вреда, ничего принести не можетъ.

— Мнѣ пришлось, когда я проживалъ на Западѣ, — говорилъ онъ въ другой разъ, — близко познакомиться съ нѣмецкими студентами. Въ Германіи школа строго національна, предана монарху. Я любовался, какъ веселятся и маршируютъ въ Пруссіи школьники со знаменами и флагами, но тамъ нигдѣ не слышно, чтобы среди учащихся были какія бы то ни было партіи. А у насъ товарищи по университету, молодые люди, печатно обливаютъ другъ друга грязью! Уходите отъ партійныхъ дрязгъ, господа!

Невѣрны указанія лѣвой печати, будто покойный симпатизировалъ академистамъ, какъ людямъ опредѣленныхъ консервативныхъ убѣжденій; онъ любилъ молодежь, не считаясь съ ея увлеченіями, и глубоко жалѣлъ сбитыхъ съ толку юношей, попадающихъ изъ глухой провинціи въ руки ловкихъ пропагандистовъ.

При политехническомъ институтѣ до 1907 года существовало студенческое общежитіе, надзоръ за которымъ лежалъ на совѣтѣ профессоровъ.

Пользуясь слабостью надзора, студенческая боевая группа социаль-революціонеровъ устроила въ общежитіи складъ оружія, бомбъ и нелегальную квартиру, гдѣ проживали прибывающіе изъ-за границы члены группы.

Полиція произвела грандіозный обыскъ, было найдено нѣсколько вполнѣ готовыхъ бомбъ, масса подпольной литературы, небольшая типографія, поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ съ осени 1907 года распорядился временно закрыть общежитіе.

Профессура, опасаясь дальнѣйшихъ неприятностей, приняла всѣ мѣры, чтобы общежитіе болѣе не открылось: въ двухъ зданіяхъ

были устроены лабораторіи и чертежныя, а въ третьемъ, преобразованномъ въ больницу, поселились старухи городскихъ пріютовъ.

Студенчество, ютившееся въ лѣтнихъ дачахъ, было крайне раздражено подобными распоряженіями совѣта института, и академическій союзъ рѣшилъ просить Столыпина объ открытіи общежитія и выселеніи изъ него старухъ, прозванныхъ студентами «вольнослушательницами».

Петръ Аркадьевичъ отнесся къ нашему ходатайству внимательно и согласился удовлетворить его, если только профессура будетъ болѣе тщательно слѣдить за жизнью въ общежитіяхъ, но, къ сожалѣнію, институтское начальство на это отвѣтило категорическимъ отказомъ.

Въ разговорѣ Столыпинъ между прочимъ упомянулъ, что его заботитъ необезпеченность молодежи и онъ всегда идетъ навстрѣчу обществамъ вспомоствованія учащихся.

— Вы горячи и молоды, вамъ такъ легко увлечься, и половина вашихъ противниковъ, несомнѣнно, честные, порывистые юноши, которые вскорѣ сами раскаются въ своихъ крайнихъ мнѣніяхъ; я это очень хорошо знаю, и поэтому всегда радъ помочь вашимъ студенческимъ экономическимъ кассамъ, разъ онѣ дѣйствуютъ въ законныхъ рамкахъ.

Едва ли въ этихъ словахъ можно найти малѣйшій намекъ на отрицательное отношеніе покойнаго къ учащейся молодежи, не раздѣляющей взглядовъ академистовъ!

Особенно памятенъ мнѣ его приемъ осенью 1910 года, когда мы всѣмъ правленіемъ приглашали Столыпина къ намъ, въ Лѣсной, на торжественную годовщину клуба.

Народу въ пріемной было много.

Ожидать пришлось долго. Столыпинъ казался очень утомленнымъ, но, какъ всегда, съ симпатичной улыбкой поздоровался съ нами, разспросилъ о дѣлахъ, но пріѣхать отказался, ссылаясь на отсутствіе свободнаго времени.

— У васъ торжество 10-го октября; у меня до пяти часовъ день занять, но побывать—побываю въ клубѣ когда-нибудь въ другой день.

Тогда я набрался смѣлости передать ему наше приглашеніе, какъ «старому студенту отъ молодыхъ его единомышленниковъ».

Онъ разсмѣялся и сказалъ, что пріѣдетъ обязательно! «Отказать старый студентъ молодымъ едва ли сможетъ», шутя замѣтилъ онъ.

На торжество П. А. Столыпинъ дѣйствительно пріѣхалъ, былъ растроганъ нашей встрѣчей и на прощанье отмѣтилъ въ маленькой рѣчи, что привѣтствуетъ въ нашемъ лицѣ «молодую Россію».

Вскорѣ послѣ годовщины клуба я переѣхалъ въ городъ, отъ дѣлъ академическаго союза отказался,—политика, къ сожалѣнію, проникла и сюда; появились разныхъ оттѣнковъ монархисты, требовавшіе измѣненія устава и внесенія пункта о преданности

«чистому самодержавію», въ тѣсномъ прежде товарищескомъ кружкѣ начались дразги и раздоры; число членовъ убывало, вліяніе академическихъ союзовъ стало падать.

Къ этому времени, то есть къ началу 1911 года, разыгрались кровавыя столкновенія въ одесскомъ университетѣ между академистами и забастовщиками; въ схваткѣ случайно отъ шальной пули погибъ студентъ Иглицкій, и виновниками убійства считали академистовъ.

Полиція явно покровительствовала имъ, возникли слухи о тѣсной связи академистовъ и охраннаго отдѣленія, въ союзы попало нѣсколько человекъ членовъ крайнихъ правыхъ партій.

Они требовали активной «борьбы», и, конечно, безпартійное студенчество отшатнулось отъ академизма, боясь изъ рукъ социал-демократовъ попасть въ объятія союза русскаго народа. Плохи дѣла оказались и у петербургскихъ политехниковъ.

Большинство членовъ ушло, личные счета выступили на первый планъ. Въ февралѣ въ государственной думѣ Милюковъ произнесъ большую рѣчь, гдѣ доказывалъ, что академическое движеніе создано искусственно правой фракціей думы, вносить оно разладъ въ студенческія массы, а видные члены академическихъ союзовъ или ловкіе карьеристы, или кутилы и «бѣлоподкладочники».

Рѣчь имѣла шумный успѣхъ, прежняя популярность академизма у студенчества исчезла окончательно, и союзы превратились въ маленькія организациі почти безъ всякаго вліянія на внутреннюю жизнь школы.

Грустно становилось, видя, какъ гибнетъ такъ хорошо начатое дѣло, но мы, основатели союзовъ, попрежнему посвящать имъ свое время не могли, а, кромѣ того, чисто внѣшнія вліянія вмѣшивались въ жизнь академистовъ, а съ ними бороться мы были не въ силахъ.

Въ мартѣ 1911 года поздно вечеромъ я былъ неожиданно вызванъ къ предсѣдателю совѣта министровъ и, признаюсь, съ большимъ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидалъ пріема.

Петръ Аркадьевичъ встрѣтилъ меня съ обычной привѣтливостью и попросилъ объяснить причины, которыя свели на нѣтъ академическое движеніе.

— Мнѣ,—заявилъ онъ,—больно видѣть, какъ гибнетъ хорошее начинаніе, больно и всѣмъ, кто вамъ сочувствуетъ.

Я откровенно рассказалъ все, что зналъ, и Столыпинъ, отпуская меня, взволнованно замѣтилъ:

— Зачѣмъ и сюда они внесли дразги! Пуришкевичъ талантливый человекъ, но онъ все губитъ, за что бы ни взялся; я жалѣю и люблю молодежь, но безъ внутреннихъ товарищескихъ усилій и общенія между собой вамъ никогда не осилить враговъ школьной жизни и порядка.

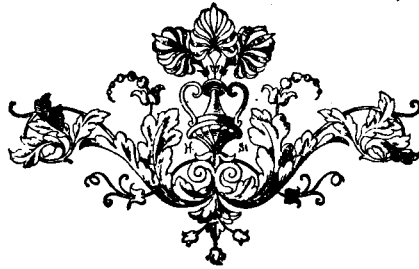

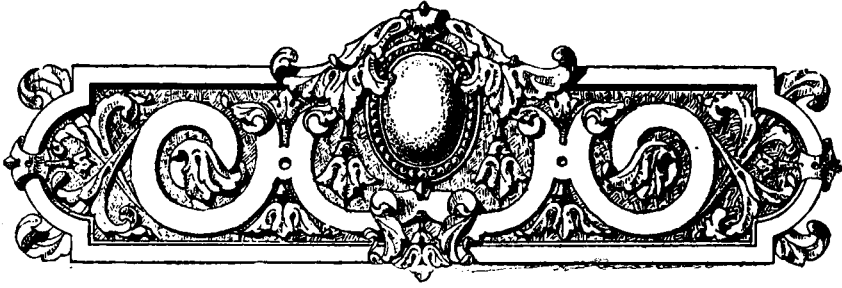
Онъ попросилъ подробно все изложить на бумагѣ, что я и сдѣлалъ немедленно.

Больше Петра Аркадьевича я не видѣлъ, но его глубокая ласка, его мягкое, чуткое сердце, его любовь и снисходительность къ увлеченіямъ молодежи, заботы его о ней всегда будутъ живы у меня въ памяти.

Для молодежи онъ былъ «старымъ студентомъ-товарищемъ» въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

К. Федюшинъ.

КОМЕДІЯ О ЦАРѢ МАКСИМИЛІАНѢ.

ОМУ неизвѣстна, по крайней мѣрѣ хотя по имени, старинная и доселѣ весьма популярная, преимущественно на фабричной и солдатской сценѣ, пьеса нашего народного театра «Комедія о царѣ Максимиліанѣ и его непокорномъ сынѣ Адольфѣ», или просто: «Царь Максимиліанѣ». Но едва ли многимъ приходило на мысль, что пьеса эта—политическая сатира, съ теченіемъ времени обратившаяся въ простой, даже нѣсколько сумбурный, фарсъ съ очень неустойчивымъ текстомъ ¹⁾.

Мы намѣрены здѣсь именно выяснитъ, по возможности, значеніе «Царя Максимиліана», какъ политической сатиры.

На нашъ взглядъ, это—одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ сатиры на Петра Великаго. Пьеса, намъ кажется, можетъ смѣло занять мѣсто рядомъ съ знаменитой картинкой «Погребеніе кота», гдѣ все великое царствованіе Петра Перваго подверглось самой жестокой насмѣшкѣ.

Прежде, однакожь, чѣмъ перейдемъ къ самой интересующей насъ народной комедіи, не лишнее посвятить нѣсколько словъ вообще антипетровской народной русской сатиры, которую самъ

¹⁾ Если не ошибаемся, первый заподозрѣлъ въ нашей комедіи историческо-сатирической характеръ покойный И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано дальше.

Авт.

«державный плотникъ» провозгласилъ «пасквилемъ» и преслѣдовалъ при своей жизни жесточайшимъ образомъ.

У «державнаго плотника» на всякую сатиру существовалъ оригинальный взглядъ: царю она вполнѣ разрѣшается, но подданнымъ ни подъ какимъ видомъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ слѣдующій случай: царю случилось какъ-то увидѣть у книжнаго торговца сатиры Ювенала. И онъ тотчасъ поспѣшилъ высказать свое неодобреніе книгѣ, замѣтивъ, что сатира въ его царствѣ запрещена и что составитель «сатиры» будетъ подвергнутъ жесточайшимъ истязаніямъ. Таковъ былъ взглядъ царя на «частную», не государственную, сатиру на Руси. И слово у него тутъ не расходилось съ дѣломъ, онъ, дѣйствительно, жестоко преслѣдовалъ и сатиру, и сатириковъ,—едва ли даже не сильнѣе, чѣмъ воровъ и разбойниковъ.

Но странное дѣло: какъ ни опасно было въ его царствованіе заниматься «сатирическимъ промысломъ», все же находилось тогда много охотниковъ до этого страшнаго «спорта». И—тоже любопытная черта времени—эти сатирики-добровольцы умудрялись даже вести нѣчто въ родѣ сатирической полемики съ царемъ, который, воспретивъ своимъ подданнымъ «сатирическое ремесло», въ то же время обратилъ сатиру какъ бы въ «государственную регалию», разрѣшилъ ее себѣ въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ.

«Государственную сатиру» царь, по своему обыкновенію, призвалъ на службу себѣ, разрѣшивъ ей всякое глумленіе, не оставиваясь даже предъ кощунствомъ.

При немъ появляются даже у насъ особыя государственныя сатирическія учрежденія; таковы, напримѣръ, были: всешутѣйшій соборъ и многочисленный придворный штатъ дураковъ и шутовъ, которымъ все позволялось, ни въ чемъ запрета не было. Не ограничиваясь этою, такъ сказать, живою «государственною сатирою», государь монополизировалъ и художественную сатиру: по его волѣ издавалось довольно значительное число сатирическихъ картинокъ, гдѣ жестоко высмѣивались «большія бороды» и всякіе противники реформаторской дѣятельности пылкаго «державнаго плотника».

Театръ, заведенный при Петрѣ, также привлеченъ былъ на царскую сатирическую службу.

Петръ вообще смотрѣлъ на эту «забаву» съ самой утилитарной точки зрѣнія.

Когда на Руси, напримѣръ, въ его царствованіе появились заморскіе увеселители,—«комедіантъ» Кунштъ, который по договору обязался «его царскаго величества всѣми вымыслами и потѣхами увеселять, и для того всегда бодръ, трезвъ и готовъ быти»,—царь потребовалъ живой связи сцены съ современностью, отвлеченностей онъ не признавалъ. И, повидимому, по его приказу, между дѣйствіями пьесъ Куншта стали появляться шутовскія интермедіи,

явно предназначенныя для осмѣянія противниковъ и хулителей новаго направленія жизни.

На сцену одинъ за другимъ выводились раскольники, преслѣдуемые за суевѣріе и привязанность къ старинѣ; безграмотный ставленникъ, добывающійся мѣста священника; дьячокъ, оплакивающій дѣтокъ, отбираемыхъ у него для отсылки въ семинарію; подьячіе, ловящіе въ мутной водѣ рыбу; приверженцы старины, оплакивающіе доброе старое время, когда можно было не брить бороды и не носить нѣмецкаго платья.

Раскольникъ выводился на сцену вмѣстѣ съ жидомъ, которому онъ сочувствуетъ, потому что тоже держится старой вѣры, и такъ описываетъ ему эпоху наступившихъ гоненій:

«Послѣднія бо времена видимъ, что приспѣли, бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцевъ антихриста зрѣли; никонщики прокляты не токмо вѣру нашу, стару и святу, попрали, но и платіе долгое уже перемѣнили, еже апостолы святыя и пророки носили. Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, яко кургузы, на главахъ же своихъ носятъ круглыя картузы. Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ, свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ».

Царь не прочь былъ сыграть «сатирическую» шутку даже надъ покойникомъ, особенно если это его врагъ. Вотъ онъ велитъ, напрямѣръ, вырыть изъ могилы изъѣденный червями трупъ Милославскаго, въ саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью свиньями, везти его въ Преображенское и поставить въ открытомъ гробу подъ эшафотомъ, на которомъ медленною смертью умирали Цыклеръ и его товарищъ Соковнинъ. Ихъ приговорили къ казни чрезъ четвертованіе. Съ каждымъ ударомъ топора кровь несчастныхъ мстительнымъ потокомъ лилась на то, что осталось отъ ненавистнаго вырваннаго изъ могильной тишины врага.

«Всешутѣйшій соборъ» тѣшится всякими глумами и «кощунами». Какого же рода бывали эти сатирическія потѣхи, можно судить хоть по слѣдующей, описанной современникомъ Корбомъ и происходившей въ 1698 году, съ участіемъ самого только что вернушагося изъ-за границы царя.

Лжепатріархъ Зотовъ, въ митрѣ съ изображеніемъ Бахуса, шель впереди отряда обнаженныхъ безстыдныхъ «вакханокъ», увѣнчанныхъ, вмѣсто виноградныхъ листьевъ, пачками зажженнаго табака, столъ ненавистнаго нашей «старой Руси». Это былъ номеръ первый «сборныхъ дѣяній».

Второй вскорѣ мы видимъ уже на прощальномъ обѣдѣ, данномъ бранденбургскому посланнику; здѣсь всешутѣйшій патріархъ, послѣ обильной трапезы съ приличными возліаніями въ честь Бахуса, «благословляетъ присутствующихъ... двумя сложенными крестъ-накрестъ трубками» и вслѣдъ за тѣмъ... открываетъ танцы.

Это все шутки насчетъ религіи.

На шутовской свадьбѣ царскаго любимца «Филатки—многоутѣшнаго шута и смѣхотворца» съ княжною Шаховскою подвергаются уже осмѣянію всѣ старинные русскіе свадебные обряды и обычаи, и Петръ сознательно открыто подчеркиваетъ свое презрѣніе къ нимъ, свадебное же пиршество съ участіемъ соборянъ въ монашескихъ одеждахъ велитъ увѣковѣчить въ особыхъ гравюрахъ, которыя, по царской волѣ, рассылаются во всѣ уголки русскаго царства. Боярство осмѣивается царемъ, можно сказать, оптомъ и въ розницу.

Онъ смѣется купно съ соборянами надъ претензіями «родовитости», надъ тѣми, кто одержимъ «родовою спесью», кто, по царскому выраженію, «фамилією своею гораздо старѣ чорта»...

Это шутки огульныя.

А вотъ одна изъ многочисленныхъ царскихъ шутокъ уже личнаго характера, надъ однимъ изъ членовъ знатнаго рода Головинныхъ.

Этотъ Головинъ, проживъ четыре года въ Венеціи и ничему не научившись, по приказанію царя, былъ изображенъ на «потѣшномъ листѣ» въ отвратительномъ комическомъ видѣ: толстый и безобразный, онъ сидитъ верхомъ на сорокаведерной бочкѣ и куритъ трубку.

Сатира на барское бездѣлье.

Въ своихъ сатирическихъ «дѣянiяхъ» царь не щадилъ и членовъ собственной семьи.

Въ особенности же много тутъ перепало наследнику престола—несчастному царевичу Алексѣю, котораго царь выводилъ даже на театральной сценѣ въ весьма обидной роли. Напримѣръ, вскорѣ послѣ Полтавской битвы по поводу этой «викторiи» сочинена была пьеса съ предлиннымъ заглавіемъ: «Божіе уничижителей гордыхъ въ гордомъ Израиля уничижителѣ, черезъ смиренна Давида уничиженномъ Голиаѣѣ уничиженіе, вкупѣ же и праведное его въ отцегугателѣ Авессаломѣ... и т. д.

Въ этой пьесѣ, игранный въ театрѣ впервые въ 1710 году, на ряду съ Карломъ XII и Мазепою, осмѣянъ былъ также и царскій наследникъ. Авессаломъ-отцегугатель—это былъ открытый намекъ на царевича Алексѣя.

Мы здѣсь не намѣрены, конечно, приводить всѣ многочисленные сатирическіе опыты и упражненія Петра I, и можемъ прекратить это занятіе на только что отмѣченной нами «комедiи» объ Авессаломѣ, чтобы отъ нея перейти прямо къ сатирѣ совершенно противоположной, къ сатирѣ, строго запрещенной Петромъ, въ которой упражнялась преимущественно тогдашняя «Старая Русь», въ особенности неутомимые раскольники.

Эта послѣдняя сатира не только вела полемику съ «государственной» монопольной, но даже по временамъ выступала самостоятельно противъ нѣкоторыхъ новшествъ Петра.

Вотъ нѣсколько примѣровъ той и другой народной сатиры.

Петръ вводитъ паспорта съ печатами, раскольники объявляютъ эту новинку «печатью антихриста» и тутъ же создаютъ паспортъ-пародію, съ которымъ и доселѣ еще гуляютъ по Руси послѣдователи такъ называемой бѣгунской секты, отвергающей всякіе «человѣческіе» паспорта. Казенный паспортъ вѣрно было писать «по указу царскаго величества». Бѣгунская пародія отпускала своего «объявителя»—«раба Иисуса Христа»—«въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія», съ грознымъ предостереженіемъ, что кто этого «раба» «ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ себя съ антихристомъ во адъ готовитъ». Казенный «паспортъ» выдавался отъ полицейскихъ и прочихъ мірскихъ властей; бѣгунскій «не отъ міра сего»—но «изъ града Бога вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Голгоескаго квартала» и т. д.

Петръ I создаетъ шутовской «всешутѣйшій соборъ», о которомъ упоминалось уже выше и на которомъ пьяные «жрецы» Бахуса—пародія на христіанскую іерархію—посвящали, при кощунственной обстановкѣ, «нетрезвыхъ» въ разныя духовныя должности, не исключая и патріарха. Народъ отвѣтилъ на это собственной сатирической картинкой, гдѣ, въ насмѣшку уже надъ соборомъ, изображается посвященіе «изъ простыхъ чумаковъ въ настоящіе цѣловальники»; выходила уже пародія надъ пародіей.

Петръ при живой первой женѣ Евдокии Лопухиной, официальнаго развода съ которой, кажется, никогда не было, женится на безродной полонянкѣ Мартѣ, въ православіи Екатеринѣ Алексеѣвнѣ, женится, имѣя уже отъ нея двухъ живыхъ дочерей.

Неодобрительно относившаяся къ этому соблазнительному царскому роману народная сатира и здѣсь умудряется выступить съ ѣдкой художественной иллюстраціей этого романа.

Извѣстны, напримѣръ, двѣ такихъ картинки. На одной изображена исторія «пріобрѣтенія» царемъ Марты у своего фаворита Меншикова: Петръ за столомъ, уставленнымъ различными яствами и напитками; Меншиковъ подводитъ къ нему дородную и дебелую красотку, въ которой нетрудно узнать Екатерину. Внизу краснорѣчивая надпись: «Добрый и вѣрный подданный уступаетъ своему возлюбленному государю то, что у него есть самага драгоцѣннаго»; это, такъ сказать, начало царскаго романа.

Другая картинка даетъ уже характерное изображеніе бракосочетанія Петра и Екатерины и носить тоже укоризненный характеръ. Здѣсь Петръ и Екатерина стоятъ въ церкви предъ аналоемъ, и у cadaго сбоку по маленькой дѣвочкѣ: это двѣ дочери ихъ привѣнчанныя, ѣдкій намекъ на затяжной характеръ царской свадьбы.

Но это были, такъ сказать, все лишь отдѣльные сатирическіе выпады, какъ бы поединки государственной сатиры съ народною

Къ кончинѣ Петра готовится уже болѣе широкая по замыслу народная сатира, обнимающая все царствованіе «державнаго плотника» и подвергающая все безпощадному осмѣянію. Это была знаменитая, появившаяся вскорѣ послѣ смерти Петра картинка (ходко идущая на народномъ книжномъ рынкѣ еще и теперь, хотя и въ сильно «очищенномъ» уже цензурою видѣ),—«Какъ мыши kota погребали»—небылица въ лицахъ, гдѣ самъ Петръ выведенъ подъ именемъ знатнаго Алабрыса (à la брысь), а его вторая супруга подъ весьма прозрачнымъ псевдонимомъ—неутѣшной «вдовы адмиральши чухонки Маланьи»...

Къ этой антипетровской сатирѣ, и при томъ къ наиболѣе яркимъ и смѣлымъ ея образцамъ, намъ кажется, слѣдуетъ отнести и комедію о «Царѣ Максимиліанѣ», посвященную судьбѣ несчастнаго царевича Алексѣя.

Не лишнее замѣтить, что народъ при Петрѣ далеко не безучастно смотрѣлъ на печальную участь царевича: по временамъ въ народѣ наблюдалась тогда даже рѣзкая критика «поведенія» Петра въ отношеніи его.

Любителями историческихъ параллелей поведеніе это сравнивалось даже—еще задолго до смерти царевича—съ поступкомъ Грознаго съ царевичемъ Иваномъ, который былъ убитъ отцомъ собственноручно. Такъ, еще въ 1705 году старинная народная пѣсня объ убійствѣ Грознымъ своего сына передѣлана была «на царя Петра», съ замѣною Грознаго царя Петромъ, царевича Ивана—царевичемъ Алексѣемъ, а Малюты Скуратова—Меншиковымъ; въ такомъ видѣ пѣсня эта во французскомъ переводѣ получила тогда широкое распространеніе во Франціи.

Къ той же категоріи, повидимому, долженъ быть отнесенъ и «Царь Максимиліанъ»—эта драматическая исторія смерти несчастнаго первенца Петра, составленная по образцамъ русскихъ пьесъ петровскихъ временъ, даже съ нѣкоторыми вставками изъ «потѣшныхъ листовъ» той же эпохи.

Современное содержаніе комедіи о царѣ Максимиліанѣ (первоначальное содержаніе пьесы совершенно искажено и затерто всевозможными, часто импровизованными, вставками и передѣлками), насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ о комедіи, въ общихъ чертахъ таково.

Грозный царь Максимиліанъ «западныхъ сѣверныхъ краевъ» хвастается своими громадными завоеваніями и повелѣваетъ воинамъ трепетать при одномъ его взглядѣ; онъ побѣждаетъ какуюто прекрасную и могучую волшебницу, влюбляется въ нее, женится и, изъ любви къ ней, начинаетъ «вѣрить кумирическимъ богамъ». Потомъ онъ велитъ призвать своего «вздорнаго непокорнаго» сына Адольфа (который былъ въ отсутствіи: «по Волгѣ катался, да съ разбойниками занимался») и принуждаетъ его принять «кумири-

ческую вѣру»; Адольфъ рѣшительно отказывается. Разгнѣванный царь повелѣваетъ заключить его въ темницу, чтобъ онъ одумался и покорился. Нѣсколько времени спустя Максимилианъ снова призываетъ его къ себѣ и уговариваетъ покориться «богамъ»; но все напрасно. Тогда царь посылаетъ за палачомъ или рыцаремъ Бармуиломъ (по варианту, Барбеусомъ (руссификація слова: брадобрей, цирюльникъ) Брамбеусомъ) и повелѣваетъ ему казнить Адольфа. Юноша проситъ позволенія проститься со всѣмъ міромъ, со всѣми богатырями и красными дѣвицами. Бармуиль отвѣчаетъ ему голову и затѣмъ выражаетъ ужасъ и раскаяніе; вскорѣ и самъ царь сознается, что ему взгрустнулось по непокорномъ сынѣ. На сцену является гробокопатель, комическое лицо пьесы, роль котораго, большею частью импровизированная, состоитъ изъ всевозможныхъ шутовскихъ выходокъ. Далѣе является портной тоже съ разными комическими присказками, глухая старуха, жена гробокопателя, которая ничего не слышитъ и отвѣчаетъ невпопадъ, перевирая всѣ слова, и т. д. Затѣмъ разыгрывается нѣчто въ родѣ турнира между богатырями, побивающими другъ друга; «черный арапъ» (на сѣверѣ—король—Мамай) хочетъ «покорить» царя Максимилиана; тотъ обращается за помощью къ сильному и храброму Аникѣ-воину, который и побиваетъ всѣхъ супротивниковъ. Опять на сценѣ гробокопатель съ своими шутками и прибаутками. Побѣдитель Аника похваляется своею силою и удачей; онъ не боится и самой смерти: «ну, слышалъ я,—говорить богатырь,—какой-то есть смерть, и съ той бы стычку изымалъ. Что жъ ты, старая старуха, мякинное твое брюхо, изъ-подъ винной бочки шлюха» и т. д. Монологъ расхваставшагося воина прерывается появленіемъ смерти, которая и подкашиваетъ его. Передъ концомъ онъ произноситъ такое же прощаніе съ міромъ, какъ и Адольфъ:

Прощай, востокъ, прощай, западъ,
Прощай сѣверъ и южныя страны.
.....
И вы всѣ, красныя дѣвицы;
Прощалось я съ вами сердечно,
Погибаетъ душа моя вѣчно.

Комедія оканчивается бытовыми сценами, напоминающими вертепное представленіе, и пѣснями, которыхъ вообще много вставлено въ текстъ пьесы.

Въ общемъ получается безсвязная смѣсь всевозможныхъ обрывковъ, сокращаемыхъ или распространяемыхъ по произволу исполнителей.

Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразахъ комедіи слышится далекій отзвукъ старинной сцены. Такова, напримѣръ, вступительная рѣчь Максимилиана, нѣсколько напоминающая рѣчи цезаря

въ комедіи объ Индрикѣ и Мелендѣ, игравшейся у насъ уже при Петрѣ I; таковы часто повторяющіяся обращенія:

— Скороходъ фельдмаршалъ, явись предъ лицомъ своего монарха.

— Ой, ты грозный царь Максимилианъ! Почто скоро меня призываешь и какіе указы исполнять повелѣваешь.

— Я тебя призываю и исполнять повелѣваю и т. д.

Подобныя же рѣчи мы видимъ и въ комедіи объ Индрикѣ. Многія дѣйствующія лица «Максимилиана» въ первый же разъ, выходя на сцену, обращаются къ публикѣ съ привѣтствіемъ: «Здравствуйте, господа, вотъ и я явился къ вамъ сюда»: обращеніе обычное въ нашихъ старинныхъ лубочныхъ «потѣшныхъ листахъ».

Эти уцѣлѣвшія до сихъ поръ формальныя особенности комедіи, — говоритъ одинъ изъ историковъ нашего народнаго театра П. О. Морозовъ, — заставляютъ предполагать, что она обязана своимъ происхожденіемъ пьесѣ, сочиненной въ прошломъ (XVIII) столѣтіи, можетъ быть, передѣланной изъ какого-нибудь разсказа тѣми же актерами-любителями, которые оставили намъ «Индрика» и «Кира» (популярныя пьесы нашего стариннаго народнаго театра).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется теперь новый замѣчательный вариантъ комедіи, записанный въ «Русской Исландіи» — въ Олонецкомъ краѣ и напечатанный въ №№ 9 и 10 «Журнала театра Литературно-Художественнаго общества» за 1910 годъ.

Текстъ этотъ, тоже не свободный отъ историческаго налета въ родѣ пѣсенъ объ императорѣ Александрѣ I, въ отличіе отъ прежнихъ записей, представляетъ намъ совершенно невѣдомую раньше фигуру духовной особы — патріарха, дающую намъ возможность съ значительнымъ правомъ искать сюжетъ пьесы въ нашей отечественной исторіи.

Въ остальномъ сущность пьесы въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ прежними записями, если не считать, что въ ней, кромѣ патріарха, даны еще новые персонажи — въ родѣ короля Мамая, замѣняющаго «чернаго арапа», змѣюлана и проч.

Вотъ то мѣсто олонецкой записи, гдѣ идетъ «судъ» надъ Адольфомъ:

Царь Максимилианъ. Скороходъ - фельдмаршалъ!.. Иди и сходи, приведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфу.

Скороходъ-фельдмаршалъ (*подходитъ къ Адольфу*). Адольфа, иди, тебя папаша требуетъ.

Адольфа (*приходитъ, становится на одно колено и говоритъ*).

О, дрожайшій, мой папенька!

На што жъ такъ своего сына призываете

И что дѣлать повелѣваете?

Царь Максимилианъ. Встань, любезный сынъ мой Адольфа. Вѣришь ли ты нашимъ коммерческимъ (кумирическимъ) богамъ?

«истор. вѣстн.», май 1914 г., т. сxxxvi.

11

Адо́льфа. Не вѣрю.
 Царь Максимилианъ. Вѣришь ли?
 Адо́льфа. Не вѣрю.

Ваши коммерческіе боги
 Дерзаю подѣ ноги,
 Душу ихъ въ грязь топчу
 И вѣрвать не хочу.

Царь Максимилианъ. Прочь, дерзкій. Скороходъ-фельдмаршалъ! Иди и позови кузнеца Розенца и скуй непокорному и непослушному сыну моему Адольфѣ руки и ноги и отведи его въ бѣлокаменныя палаты на три дни одуматься.

Черезъ три дня, однакожь, отвѣтъ Адольфа былъ тотъ же. Тогда отправляютъ его «въ бѣлокаменныя палаты» уже не на три дня, а на три мѣсяца «одуматься».

Но опять Адольфъ остается непреклоненъ; опять продолжаетъ упорствовать въ своей вѣрѣ.

— Прочь дерзкій!—говоритъ царь Максимилианъ и отдаетъ приказаніе скороходу-фельдмаршалу привести придворнаго палача Бранбеуса.

Дальше происходитъ слѣдующее.

Палачъ Бранбеусъ.

О грозный повелитель, царь Максимилианъ,
 На что жъ такъ придворнаго палача призываете
 И что дѣлать повелѣваете?

Царь Максимилианъ. Приказываю вамъ казнить непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфу.

Палачъ. (*Кидаетъ свою саблю на полъ*). Не поднимаются руки, покуда не откроются кабаки и трактиры на три дня, чтобы мнѣ, палачу, попить, погулять и повеселиться.

Царь Максимилианъ. Скороходъ-фельдмаршалъ грознаго царя-монарха! Иди и объяви всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, чтобы были открыты кабаки и трактиры и публичныя дома для палача Бранбеуса на три дня.

Послѣ «вышивки» на сценѣ совершается казнь; но палачъ тутъ же съ горя убиваетъ и себя.

Кромѣ самого Петра, въ пьесѣ есть еще, какъ мы уже говорили, шутовская фигура патріарха—въ раскольниковѣй карикатурѣ. Начиная съ костюма этого патріарха, фигура его изображается въ самомъ карикатурномъ видѣ. На плечахъ у него риза изъ половики или одѣяла, которые шьютъ обыкновенно изъ разноцвѣтныхъ лоскуточковъ; въ рукахъ—камень на веревкѣ, изображающій кадило.

Такова внѣшность этой шутовской фигуры.

Поведеніе его въ олонеккой редакціи пьесы не менѣе шутовское, совершенно соотвѣтствующее карикатурному убору.

Собственно роль его ограничивается только отпѣваніемъ Адольфа. Когда послѣдній умираетъ, царь велитъ скороходу привести патріарха отпѣть «тѣло»; патріархъ является, и начинается церемонія отпѣванія, напоминающая шутовскія выходки всепьянѣйшаго собора.

Патріархъ ходитъ кругомъ лежащаго на полу мертваго Адольфа, кадитъ и поетъ слѣдующую несуразную чепуху:

На израильской улицѣ
Пѣтухъ съ воробьемъ дерутся;
Дралися, спорили,
Каменный домъ построили:
Фундаментъ-отъ былъ соломенный,
А подъ окномъ лежалъ большой осиновый камень.
Откуль наши пріѣхали?
Наши за дровами поѣхали.
По рѣкѣ по Кюстровѣ,
Выплывала легкая лодка,
Гребцами она да изнасажена;
Молодцы гребутъ, гребутъ,
Монастырскіе стихи поютъ, поютъ,
Про волка про Мерхинарха,
Про зайца верхогляда,
Про бѣлку верховнаго апостола рцыте.

(Обращается къ публикѣ).

Поберегитесь, міряне, кадило ново, цѣпи длинны, х....ъ его знать, далеко ли оно хватить. *(Уходитъ).*

По существу, вся пьеса—клочокъ дѣйствительной исторіи Петра I.

Максимилианъ—загубилъ собственнаго сына; Петръ—тоже. Максимилианъ женился на «кумирической» дѣвицѣ, на язычницѣ, которая портитъ его отношенія къ сыну Адольфу.

Петръ справляетъ «Маланьину» свадьбу, тоже женится на плѣнницѣ Мартѣ, переименованной въ Екатерину Алексѣевну, и изъ-за этого брака также совершенно испортились отношенія царя съ сыномъ—царевичемъ Алексѣемъ.

Максимилианъ настаиваетъ, чтобы «непокорный Адольфъ» перешелъ въ новую вѣру—«повѣровалъ кумирическимъ богамъ», сдѣлался язычникомъ, «нововѣромъ». Петру то же приписывали современники, даже обвинявшіе его въ стремленіи всю Русь повергнуть «въ кумирическую вѣру».

Карикатурный патріархъ это уже прямо персонажъ изъ петровскаго «всепьянѣйшаго собора»—князь-папа, шутъ Никита Моисеевичъ Зотовъ или другой какой-либо «важный членъ знаме-

нитой «нетрезвой коллегіи», готовый, по волѣ царя, на всякое глумленіе, на всякое кощунство.

И, надо отдать нашей карикатурѣ справедливость, въ «Царѣ Максимилианѣ» все, что говорится о патріархѣ, нельзя даже считать сатирическимъ преувеличеніемъ, если только примѣнять это къ членамъ «всеобщаго собора», къ патріархамъ и владыкамъ этой сумасбродной коллегіи. Последніе,—а среди нихъ, какъ это ни странно, встрѣчались даже «настоящіе владыки» въ родѣ новгородскаго архіепископа, вице-президента синода и перваго архимандрита Александро-Невской лавры Θεодоса (скончавшагося потомъ простымъ чернецомъ въ тяжкомъ заточеніи) и царскій духовникъ,—въ своихъ «кошунахъ» порою заходили куда дальше этого театральнаго патріарха и воспѣвали «гласы» гораздо болѣе кощунственные, чѣмъ этотъ богомолецъ, въ честь «воробья» и «бѣлки—верховнаго апостола»:

Шутовское кажденіе «камнемъ»—этимъ «новымъ кадиломъ», отъ котораго самъ патріархъ благоразумно предупреждаетъ публику («поберегитесь, православные»),—это тоже живая пародія на «кощуну» какого-нибудь всешутѣйшаго патріарха, въ родѣ Никиты Зотова, благословлявшаго однажды, какъ мы уже говорили выше, свою «паству» двумя накрестъ сложенными трубками и выступавшаго въ своемъ шутовскомъ патріаршемъ «облаченіи» во главѣ непристойныхъ, совершенно голыхъ вакханокъ, прикрытыхъ лишь горящими листьями табаку.

Мы думаемъ, что пьеса имѣетъ связь и съ знаменитою сатирою «Погребеніе кота», въ которой описываются похороны Петра I подъ именемъ «Алабрыса».

На того же Алабрыса есть намекъ, и довольно откровенный, и въ нашей пьесѣ олонецкой редакціи.

Когда одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы Максимко-гробовщикъ выходитъ на сцену, то у него происходитъ съ Максимилианомъ такой шутовской діалогъ:

Царь Максимилианъ. Какой это человекъ ходитъ?—большой ли чинъ?

Максимко. Большой, который выше всѣхъ.

Царь Максимилианъ. Это фельдмаршалъ.

Максимко. Нѣтъ, я не...

Царь Максимилианъ. Дакъ это генераль?

Максимко. Нѣтъ, я не помираль.

Царь Максимилианъ. Это полковникъ?

Максимко. Нѣтъ, я не покойникъ.

Царь Максимилианъ. Да это кто же такой?

Максимко. Дакъ поднимай выше.

Царь Максимилианъ. Да ужъ не тотъ ли, который ходитъ по крышѣ?

Максимко. Ну, да я и есть царь, ваше благородіе.

Этотъ ходящій по крышѣ, который всѣхъ «выше» и котораго балагуръ Максимко отождествляетъ съ царемъ, несомнѣнно, сродни тому сатирическому персонажу, который подъ именемъ славнаго «Алабрыса» выведенъ въ небылицѣ: «Какъ мыши kota хоронили».

Коть Алабрысь—царь съ титуломъ астраханскій, казанскій и т. д.

«Царь» въ «Максимилианѣ», лазащій по крышѣ, тотъ же Алабрысь.

Кромѣ приведенныхъ выше обстоятельствъ, «пасквильный» антипетровскій характеръ пьесы въ былое время свидѣтельствовали болѣе или менѣе опредѣленно и многіе другіе намеки комедіи, которые, вѣроятно, «страха ради полицейска», вскорѣ пришлось выбросить и замѣнить какою-нибудь чепухою, не имѣющею никакого прямого отношенія къ основному мотиву пьесы. А что комедія часто подвергалась сильнымъ измѣненіямъ, объ этомъ свидѣтельствуется теперешнее, въ общемъ довольно безпорядочное ея содержаніе, гдѣ на ряду съ текстомъ, живо напоминающимъ языкъ нѣкоторыхъ нашихъ театральныхъ пьесъ временъ Петра I, мы неожиданно встрѣчаемъ пѣсню о войнахъ Александра I («Бздиль, бздиль русскій царь» и проч.) и равно отрывки изъ литературныхъ пѣсенъ XIX вѣка.

На этомъ мы могли бы, въ сущности, и покончить здѣсь нашу доказательную задачу. Но насъ интересовало еще въ комедіи имя царя: Максимилианъ.

Откуда оно взялось?

Раскольники выводили Петра на народныхъ картинкахъ, между прочимъ, подъ именемъ «антихриста»; напримѣръ, на старинной лубочной картинкѣ: «Пораженіе Христа отъ антихриста».

На другой народной аллегорической картинкѣ XVIII вѣка, «Корабль, знаменующій церковь», въ числѣ гонителей церкви мы встрѣчаемъ Максимилиана, Богъ вѣсть зачѣмъ очутившагося здѣсь въ компаніи съ «еретиками» Аріемъ, Лютеромъ, Кальвиномъ, съ Магометомъ, іезуитами, жидами и другими.

Этотъ «Максимилианъ» лубочной картинки, повидимому, сродни главному персонажу нашей комедіи—«грозному царю» «западныхъ сѣверныхъ» странъ.

Если же это такъ, то происхождение этого имени и въ пьесѣ, и на картинкѣ, по нашему мнѣнію, имѣетъ совершенно историческое основаніе: императорскій титулъ «державнаго плотника», дѣйствительно, ведетъ свое историческое начало прямо отъ «Максимилиана», «славнаго римскаго императора», который является какъ бы крестнымъ отцомъ императорскаго титула на Руси. Это было въ свое время торжественно засвидѣтельствовано не кѣмъ инымъ, какъ самимъ нашимъ «высокимъ сенатомъ», созданнымъ Петромъ I.

На это любопытное для насъ обстоятельство, устанавливающее, что псевдонимъ Петра въ комедіи — «Максимиліанъ» — вовсе не съ вѣтрѹ взялся, мы сейчасъ прольемъ историческій «лучъ свѣта», который значительно, намъ думается, долженъ разсѣять густой мракъ, до селѣ окружавшій нашу популярную комедію, около двухсотъ лѣтъ уже не сходящую съ народной сцены.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Когда послѣ окончанія тяжелой и разорительной Сѣверной войны былъ заключенъ, наконецъ, желанный миръ, то, по «общему совѣту правительствующихъ сената и синода», было «положено» просить Петра «отъ лицъ всѣхъ чиновъ и всего російскаго народа» принять, по примѣру другихъ, титуло: «Отца Отечества, Всеросійскаго императора, Петра Великаго».

Но право государя на императорскій санъ надо было какъ-нибудь юридически обосновать, подобно тому, какъ Иванъ Грозный, принимая титулъ царя, привелъ и историческія основанія своего права на это «повышеніе».

Сенатъ пришелъ тутъ на помощь—въ рѣчи, произнесенной отъ его имени великимъ канцлеромъ Головкинымъ на торжествѣ провозглашенія Петра отцомъ, императоромъ и Великимъ, 22-го октября 1722 года, мы находимъ указаніе на историческое право русскаго царя на императорскій титулъ. По свидѣтельству сената, въ предлагаемомъ царю титулѣ ничего даже не было новаго: еще съ XVI вѣка онъ принадлежалъ уже русскимъ государямъ. Но лучше приведемъ подлинныя «слова» изъ сенатской рѣчи по этому поводу: «дерзаемъ мы, учрежденный вашего Величества сенатъ, именемъ всего Російскаго государства, подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ, во знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣній, титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, императора Всеросійскаго принять, изъ которыхъ титулъ императорскій вашего величества достохвальнымъ антецессорамъ отъ славнѣйшаго императора римскаго Максимиліана отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ уже приложенъ, и нынѣ отъ многихъ потентатовъ дается» ¹⁾.

¹⁾ Голицевъ. «Дѣянія Петра Великаго». Изъ этого широкѣшательнаго отрывка рѣчи сената не сразу можно догадаться, о какомъ Максимиліанѣ здѣсь говорится. Максимиліанъ—это германскій императоръ (XVI в.), посломъ котораго въ Москвѣ былъ знаменитый Герберштейнъ; антицессоръ же, которому Максимиліанъ «приложилъ» императорскій титулъ, былъ отецъ Грознаго—великій князь московскій Василій Ивановичъ (въ честь котораго, къ слову сказать, Алабрысь въ свое время получилъ кличку Василія Ивановича, а бородачь-козелъ—названъ Васькой), «дружбы» котораго искалъ тогда «римскій императоръ». Изъ преемниковъ великаго князя Василія Лжедмитрій I настойчиво присваивалъ себѣ императорскій титулъ, тѣмъ болѣе, что императоръ переводилось по-русски словомъ «царь».

Итакъ, «Максимилианъ»—источникъ императорскаго титула на Руси. По свойственной русскому народу страсти играть словами, давать клички «и въ шерсть и въ масть», чему мы имѣемъ многочисленные примѣры, какъ въ нашей исторіи, такъ и въ нашей словесности, въ особенности въ народной ¹⁾, нѣтъ ничего мудренаго, что «источникъ» превратился въ кличку для того, кому онъ послужилъ на пользу. Въ сатирическомъ словарѣ людей, которымъ ненавистенъ былъ титулъ «императоръ» (а такихъ при Петрѣ было множество), естественно, послѣ этого Петръ оказался съ именемъ «римскаго императора» Максимилиана, благо этимъ именемъ можно было вести двойную, такъ сказать, игру: сразу намекать и на древняго «мучителя» христіанъ, подлиннаго римскаго императора, и на происхожденіе титула отъ западныхъ еретиковъ-латинянъ.

Кромѣ самого Максимилиана, имѣющаго много общаго съ историческою личностью Петра, въ пользу отождествленія Максимилиана комедіи съ Петромъ Великимъ говоритъ еще и то обстоятельство, что въ пьесѣ (по олонецкой редакціи) выведенъ патріархъ, который по своимъ «примѣтамъ» и поведенію ближе всего подходитъ къ персонажамъ петровскаго всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора, къ шутовскимъ князь-папамъ и патріархамъ, благословлявшимъ «трубками» и выступавшимъ во главѣ бахусовскихъ процессій изъ совершенно нагихъ женщинъ. Припѣвы этого патріарха изъ комедіи въ честь «волка Меринарха», въ честь «заяца верхогляда» и пѣтуха съ воробьемъ—живо напоминаютъ намъ припѣвы соборянъ при рукоположеніи «пьянымъ нетрезваго» во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаконъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ... тако-жъ во имя вкупѣ собранныхъ канарейки, синицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки... кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ» ²⁾.

Итакъ, по духу и тенденціи и даже по языку «Царь Максимилианъ», несомнѣнно, сродни «Погребенію кота».

Это такое же сатирическое сказаніе все о томъ же, кто «всѣхъ выше», т. е. лазить по крышѣ, объ «Алабрысѣ».

Необходимая оговорка: не мы первые высказываемъ это мнѣніе. Какъ уже отмѣчено выше, оно раньше насъ, хотя, правда, лишь вскользь, высказано было покойнымъ юмористомъ и историкомъ

¹⁾ Въ «Погребеніи кота», напримѣръ, главному персонажу дана кличка «Алабрыса» (à là брысь—въ родѣ кота) потому, что онъ не носилъ бороды, даже гналъ ее, а имѣлъ только усы «торчкомъ»—«котски»; второй персонажъ, изгнанный вполнѣдствіи цензурою съ картинки совѣтъ—адмиральша чухонка Маланья, собственная вдова покойника, получила свое сатирическое имя въ масть, такъ какъ она была «сильная брюнетка», «черная», а въ старинныхъ нашихъ словаряхъ-азбучовникахъ—Меланія переводилась по-русски «черная», смуглая.

²⁾ Эти названія носили разнокалиберные сосуды, назначенные для питья «соборянъ»; вѣроятно, они имѣли форму тѣхъ птицъ и животныхъ, имена которыхъ носили.

театра И. Л. Щегловымъ-Леонтьевымъ въ его книгѣ «О народномъ театрѣ» (М. 1895 г., стр. 141—143); у Щеглова мы находимъ по этому предмету любопытныя строки, которыя, въ виду важнаго значенія ихъ въ рѣшеніи нашего вопроса, считаемъ не лишнимъ въ существенной части воспроизвести здѣсь цѣликомъ.

«Мнѣ хочется, говорить Щегловъ, сдѣлать одну нескромную догадку по поводу необыкновенной популярности, которой пользуется въ низшихъ слояхъ народа извѣстная «преестественная» пьеса «О царѣ Максимилианѣ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ». Алексѣй Веселовскій въ своей книгѣ «Старинный театръ въ Европѣ», останавливаясь на этой излюбленной пьесѣ солдатскаго театра, говоритъ: «Происхожденіе ея трудно объяснить, но еще труднѣе понять причину поразительнаго распространенія и популярности этой съ виду незначительной комедіи во всѣхъ углахъ Россіи». Отчего бы не предположить, думается мнѣ, что представленіе исторіи царя Максимилиана и непокорнаго сына его Адольфа есть до нѣкоторой степени аллегорическое представленіе печальной памяти исторіи царя Петра и царевича Алексѣя, — невольный драматическій откликъ на это наидраматичнѣйшее событіе петровской эпохи. Отчего бы не предположить, что народное мнѣніе, естественно увертываясь отъ дозора тогдашней цензуры, замаскировало лишь имена и символизировало по-своему эту потрясающую драму... Разрывъ со стариной, произведенный Петромъ, былъ слишкомъ безопасенъ, чтобы не отразиться въ народномъ представленіи, и извѣстное прощаніе непокорнаго сына Адольфа съ могучими богатырями, царями и царицами можно, пожалуй, прямо принять, какъ символическое изображеніе прощанія со старорусскою жизнью, справедливо предполагая, что до насъ дошла лишь стертая монета вмѣсто первоначальнаго изображенія. Принимая во вниманіе, что пьеса эта является лишь въ петровское время и что на раскольничьихъ лубочныхъ картинкахъ прошлаго (т. е. XVIII) столѣтія имя Максимилиана встрѣчается, какъ символъ гонителя старой вѣры (Морозовъ, «Очеркъ исторіи русской драмы»), можно лишь пожалѣть, что мы не имѣемъ до сихъ поръ болѣе характернаго списка этой пьесы».

Въ заключеніе отмѣтимъ, что значеніе «Царя Максимилиана» косвенно предугадано было еще раньше Щеглова французскими романистами Арну и Фурнье, авторами «Струэнзе», написавшими въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка обширный романъ «Alexis Petrovitch. Histoire russe de 1715 à 1718. Paris 1835».

По замѣчанію профессора Брикнера ¹⁾, въ этомъ романѣ смѣлость выдумки авторовъ иногда весьма правдоподобна, совершенно въ духѣ исторіи.

¹⁾ Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ. «Историческій Вѣстникъ» 1880 г., т. III.

Къ числу наиболѣе удачныхъ выдумокъ талантливыхъ французъ онъ относитъ, между прочимъ, изображеніе въ романѣ театральнаго представленія въ лѣсу, въ которомъ недовольные нововведеніями Петра осмѣиваютъ образъ его дѣйствій.

Комедія о царѣ Максимиліанѣ, несомнѣнно, можетъ быть причислена къ тѣмъ запретнымъ «лѣснымъ пьесамъ», которыя при Петрѣ I только и можно было разыгрывать развѣ въ лѣсныхъ трущобахъ, гдѣ-нибудь въ олонецкихъ или архангельскихъ дебряхъ, гдѣ, впрочемъ, наша пьеса и доселѣ разыгрывается народомъ въ наиболѣе откровенной и смѣлой редакціи.

Т. А. Мартемьяновъ.

ПОДЪ ФИОЛЕТОВОЙ МАНТИИ.

Полуночные свистуны.

(Эпизодъ изъ жизни бывшаго экзарха Грузіи архіепископа Никона).

О НЫНѢШНИМЪ временамъ великаго запроса и максимализма во всемъ, отъ искусства и литературы до политики, рассказываемый ниже случай «семинарскаго бунта» можетъ показаться слишкомъ рядовымъ и почти въ порядкѣ вещей. 1905-й годъ перемѣстилъ всѣ точки и перекосилъ линіи. Мой талантливый собратъ Л. Доброправовъ въ качествѣ самовидца рассказываетъ въ своей книгѣ о «Новой бурсѣ» рядъ такихъ безусловно достоверныхъ эпизодовъ, передъ которыми выходка полуночныхъ свистуновъ совершенно блѣднѣетъ. Работѣнная старая бурса, трепетавшая отъ деспота-учителя, подняла наконецъ голову и помѣняла роли. Инспекторъ не угодилъ семинаристамъ,—они накрыли ему голову наволочкой и избили цѣлымъ классомъ не на животъ, а на смерть. Загнанный іеромонахъ изъ инспекціи скучалъ, скучалъ да и надѣлъ себѣ петлю на шею.

Потомъ изъ газетныхъ хроникъ мы слышали, какъ бурса выбивала всѣ стекла въ инспекторскихъ покояхъ, какъ въ печкѣ одного ректора разорвалась настоящая бомба. Не разъ поднимался и ученической ножъ на начальство.

Мы жили тихо. Тогда уже и картофельный бунтъ, т. е. сложенье у дверей ректорской или инспекторской квартиры мозглаго

картофеля или недоброкачественнаго студня съ обѣда или ужина считался великою дерзостью и выраженіемъ вопіющаго протеста. И эпизодъ, связанный съ именемъ будущаго экзарха и совершившійся въ «образцовой» петербургской семинаріи, произвелъ тогда большое впечатлѣніе во всемъ духовномъ мірѣ,—пожалуй, даже и нѣсколько шире.

Для характеристики покойнаго архіепископа Никона онъ выразителенъ, а въ біографіи его не вовсе незначителенъ. Именно отсюда его не совсѣмъ обычная карьера принимаетъ тотъ крутой и быстротечный ходъ, который привелъ его къ каѳедрѣ правителя Иверійской церкви, а потомъ и къ тѣмъ шести пулямъ изъ-за угла, какія пресѣкли его жизнь, еще полную силъ и замысловъ.

Но по хорошему стариковскому завѣту начнемъ нашъ рассказъ не съ конца, а съ начала.

I.

Въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, еще во дни церковнаго самодержавія Побѣдоносцева, духовнымъ начальствомъ была усмотрѣна нѣкоторая шаткость въ духовно-учебномъ дѣлѣ. Повѣялъ какой-то тлетворный духъ надъ семинаріями, и были начуваны попытки сношеній одной и другой изъ нихъ съ помощью «соборныхъ посланій». Скандально разгласилось кощунство, совершенное въ одной изъ сѣверныхъ семинарій, гдѣ какой-то карамазовскій Ракитинъ придѣлалъ рога на священной картинѣ.

Въ тифлисской семинаріи убили ректора. Экзархъ Павелъ (Лебедевъ) былъ перепуганъ. При отпѣваніи слышались голоса: «мы не съ того начали». Въ квартирѣ убитаго, при всѣхъ, растерявшійся экзархъ безтактно анаематствовалъ и убійцу и землю, породившую злодѣя. Грузины возмутились. Посыпались заявленія, что народъ просто не можетъ терпѣть такого владыки. Павла едва успокоили, испросивъ ему крестъ на клобукъ и окруживъ конвоемъ при переѣздахъ. Товарищъ прокурора и чуть ли не самъ Побѣдоносцевъ пропутешествовали въ Тифлисъ и навели тамъ порядокъ.

Жизнь становилась трепетна, какъ на вулканѣ, распадающееся необходимо было собрать и скрѣпить, не дожидаясь, пока разыграется метель. Синодъ уже давно косился на старыхъ, заслуженныхъ протоіереевъ и свѣтскихъ людей, занимавшихъ ректорскія и инспекторскія мѣста въ семинаріяхъ. Показалось, что зло отсюда. Монахофильствующее настроеніе взяло верхъ, и началось «великое переселеніе народовъ». Старикамъ давали новыя назначенія, а на ихъ

мѣсто усиленно садили молодыхъ, иногда безусыхъ монаховъ. Такъ случилось и съ петербургской духовной семинаріей.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ обширный кругъ богомольцевъ и богомоллицъ, стекавшихся обычно въ семинарскій храмъ послушать дѣйствительно превосходное пѣніе семинарскаго хора, въ одинъ прекрасный день увидѣлъ тамъ двухъ новыхъ монаховъ. Для «образцовой» семинаріи подборъ былъ сдѣланъ дѣйствительно образцовый. Оба были интересны и красивы, хотя и совѣмъ разнаго стиля. Оба были на превосходномъ счету у Побѣдоносцева.

Жень-мироносиць, какъ въ духовномъ мірѣ принято звать старѣющихъ дѣвиць и старухъ, привязывающихся съ какимъ-то платоническимъ обожаніемъ къ людямъ духовнаго сана и неопустительно выслѣживающихъ ихъ за каждой службой, появленіе двухъ монаховъ сразу раздѣлило на два лагеря: на почитательницъ Никона и сторонницъ П.,—нынѣ одного изъ архіепископовъ на видной и богатой каѳедрѣ.

Молодой ректоръ всего лишь нѣсколькими годами былъ старше инспектора. Онъ былъ съ юга, и на всемъ его обликѣ лежала та печать, по которой сразу узнаешь человѣка изъ Кіевского или Черниговскаго края. И самый монашескій стиль его былъ кіевскій,—иноческа явность въ жестахъ, не по возрасту тихая и медлительная походка, иконописно склоненная голова, красиво отгнѣненная изгибомъ черной волны, спадающей съ клобука, чудесные печальные глаза,—«кіевскіе» глаза съ поволокой и густою бровью, и добрая, но печальная улыбка словно бы увяданія, словно бы тихой грусти надъ своею неудавшеюся и рано склонившейся къ осени жизнью.

Ректоръ былъ невысокъ ростомъ, но строенъ и изященъ, и строгая ряса шла ему необыкновенно, явственно символизируя самоотреченіе земной красоты ради Бога. Молодой инокъ пришелъ съ провинціальной ректуры, и за нимъ откуда-то изъ-подъ Кіева шла красивая романтическая легенда, объяснявшая, почему онъ такъ рано и такъ безповоротно презрѣлъ сладость радостной земли.

Въ черной мантии и въ клобукѣ, не поднимая отъ земли глубокихъ глазъ, шелъ онъ по церкви между рядами воспитанниковъ и потомъ богомольцевъ и такъ, не глядя ни на кого, простаивалъ минуты и часы, выдавая волненіе передъ разсматривающими его взглядами только краскою вспыхнувшихъ щекъ, интригуя мысль въ особенности мироносиць—догадками о сложномъ содержаніи этой души.

Монахъ занимаетъ женщину такъ же исключительно, какъ мужчину занимаетъ монахиня. Женщина чувствуетъ, что отреченіе отъ міра есть прежде всего отреченіе отъ нея,—то же чувствуетъ мужчина передъ монахиней. Но мужчина—«общественное животное», у котораго сотни думъ и дѣлъ,—женщина болѣе

лична и болѣ эгоистична. Въ области романтики тамъ, гдѣ мужчина запнется мыслью на минуту, женщина думаетъ часами и, конечно, многія, уходя изъ церкви домой, уносили съ собою мысль о поэтическомъ монахѣ.

Красота Никона была совѣмъ иного колорита и рисунка. Онъ весь былъ воплощеніе мужественности, здоровья, физической и умственной силы. Великолѣпные, широко раскрытые, черные глаза смотрѣли изъ-за золотыхъ очковъ ясно, увѣренно и немного дерзко. Необыкновенно шла ему манера высоко заносить голову, немного вбокъ и смотрѣть съ высоты своего большого роста внизъ. Высокая, могучая грудь, большія, но холёныя руки, играющія четками, густые, рѣзко черные до синевы волосы, полные блеска молодости, выдавали непочатый родникъ кипящей въ немъ силы. Неугомонная молодость звенѣла и въ его высокомъ голосѣ за возгласами церковныхъ службъ въ полную противоположность мягкимъ, усталымъ, лирическимъ приглашеніямъ ректора. Словомъ, если ректоръ былъ истинной иллюстраціей вейнингеровой теоріи о женственномъ мужчинѣ, Никонъ былъ великолѣпно выраженнымъ типомъ мужа.

Никону не сопутствовала никакая легенда. Онъ былъ выученикъ петербургской духовной академіи, той, что стоитъ отъ семинаріи почти на верженіе камня, и на инспекторство перешелъ прямо съ академической скамьи. Правда, для него между семинарскими и академическими годами лежала уже жизнь, и онъ успѣлъ заглянуть въ ея страшное и безжалостное лицо. Послѣ семинаріи онъ женился, священствовалъ въ какомъ-то бѣдномъ приходѣ Костромской губерніи, но меньше чѣмъ черезъ полтора года, въ день его ангела, умерла его жена. Никонъ вкусилъ отъ чаши тоски и отчаянія вдоваго попа нуднаго и заброшеннаго села. Въ томъ же 1884 году онъ поступилъ въ академію и здѣсь на третьемъ курсѣ отъ покойнаго митрополита Антонія принялъ постригъ.

Молодые монахи въ академіи живутъ въ одномъ зданіи со студентами, но живутъ въ естественномъ отдаленіи. У нихъ свои кельи, своя трапеза. Ихъ комнаты студенты зовутъ Аеономъ. Неизбѣжно общеніе на лекціяхъ, за экзаменомъ, обмѣнъ книгами при писаніи семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненій, встрѣчаются они въ церкви, въ больницѣ, въ библиотекѣ. Но бываютъ примѣры и полныхъ отчужденій монашествующихъ отъ мірскихъ. По разсказамъ однокашниковъ, Никонъ былъ характера живого и общительнаго.

II.

Никонъ назначался на мѣсто многоопытнаго и заслуженнаго инспектора П. И. Нечаева, умершаго въ почетномъ званіи ревизора духовно-учебныхъ заведеній при Синодѣ. За Нечаевымъ, конечно,

человѣкомъ высшаго духовнаго образованія, были четверть вѣка педагогической службы, безукоризненная репутація, огромный тактъ педагога, горькимъ опытомъ достигшаго искусства избѣгать ошибокъ въ воспитаніи. Къ слову сказать, этотъ Нечаевъ былъ отцомъ талантливаго, но такъ рано взятаго могилой артиста Мальскаго, котораго отецъ, вѣрный своимъ вкусамъ, провелъ не черезъ гимназію, а черезъ семинарію. Потомъ уже, слѣдуя своимъ вкусамъ, Мальскій предпочелъ университетъ. Помнится, въ одной пьесѣ Потапенка онъ великолѣпно игралъ оперную извѣстность изъ семинаристовъ. Всѣ удивлялись, какъ онъ мѣтко схватилъ типъ. Кто зналъ его біографію, ясно видѣлъ, въ чемъ дѣло.

Нечаевъ былъ превосходный педагогъ, какихъ свѣтскія вѣдомства радостно выдвигаютъ на директорскіе посты. Но бѣда его была въ томъ, что онъ носилъ шляпу, а не клобукъ, былъ женатъ, имѣлъ большую семью и не могъ и не хотѣлъ стать монахомъ.

Почти передъ самымъ его уходомъ освящали новую въ семинаріи церковь. Было много званныхъ, былъ пиръ. По окончаніи трапезы, затянувшейся до вечера, остатки «по винной части» были временно сложены въ кладовой, откуда винтовая лѣстница вела наверхъ. Какими-то судьбами семинаристамъ, которые, конечно, только облизывались, глядя на пирующихъ, удалось достать ключъ и проникнуть въ кладовую. И если гоголевскій богословъ не могъ пройти равнодушно даже мимо плохо лежащей подошвы стараго сапога, то неудивительно, что семинаристы стянули добрую половину отчасти тронутыхъ, отчасти непечатыхъ бутылокъ. Пили давно впившіеся, пили и тѣ, кто никогда не пивалъ. Было пьяно въ семинаріи, и вечеромъ инспекторъ ходилъ по классамъ со списками и контролировалъ пьяныхъ и трезвыхъ, какъ фельдфебель въ казармѣ.

Происшествіе обошлось безъ крупнаго скандала, но краемъ уха услышалъ о немъ и тогдашній митрополитъ Исидоръ. Петербургскую семинарію тоже оказывалось необходимымъ «подтянуть». Нечаевъ скоро получилъ назначеніе въ ревизоры. На мѣсто его былъ назначенъ Никонъ.

Такъ ли ужъ дѣйствительно было опасно положеніе семинаріи, что ее нужно было стремительно спасать?

Кастовый характеръ духовно-учебныхъ заведеній, объединенныхъ въ представленіи свѣтскаго человѣка общимъ именемъ бурсы, давно, впрочемъ, вымершимъ на мѣстѣ, до сихъ поръ поддерживаетъ совершенно ложное представленіе объ этихъ заведеніяхъ по засѣвшимъ въ головѣ воспоминаніямъ о бурсакахъ романа Нарѣжнаго, а болѣе всего по гоголевскому «Вію» и очеркамъ Помяловскаго. Есть люди, готовые всерьезъ думать, что по сіе время за семинарскими кафедрами сидятъ пьяные педагоги, сложивъ на столъ буйную голову, а семинаристъ, приглашенный въ порядочное обще-

ство, будетъ утирать ротъ свернутой салфеткой, стуча колечкомъ по зубамъ. Забываютъ, что нынѣшніе преподаватели духовной школы очень часто совмѣщаютъ свои уроки здѣсь съ уроками въ привилегированныхъ дворянскихъ заведеніяхъ, а среди учениковъ столичной духовной школы половина—уроженцы столицы, которымъ при всемъ стараніи невозможно было бы не поддаться ея полирующимъ вліяніямъ и сохранить столь прославленное семинарское дикарство.

Не столь давно напумѣвшій рассказъ одного бывшаго военнаго о томъ, какія мытарства проходитъ новичекъ въ военномъ корпусѣ, о кошмарѣ такъ называемаго «цуканья» новичковъ старокурсниками, свидѣтельствуешь о томъ, что въ тяжести нынѣшнихъ бурсацкихъ нравовъ нѣтъ и тѣни подобія тому издѣвательству силы надъ слабостью, какое, повидимому, еще совсѣмъ недавно процвѣтало въ учрежденіяхъ привилегированныхъ и «благородныхъ». Даже институтъ силачества, когда-то бывший въ бурсѣ, а теперь давно вымершій, строился на совершенно иномъ началѣ, отнюдь не срыванія озлобленія бездарностью и отнюдь не на сословномъ самохвальствѣ, требующемъ, чтобы все кругомъ оказывало ему субординацію и распластывалось на брюхѣ. Бурсацкая жестокость не давала только пощады шпіонству и фискальству, во всемъ остальномъ она была простымъ проявленіемъ грубости, некультурности, размахомъ большой, застоявшейся физической силы, ищущей движенія и по существу болѣе добродушной, чѣмъ злобной.

III.

Въ культѣ Бахусу семинарія двадцать пять лѣтъ назадъ была повинна ничуть не болѣе, чѣмъ во времена послѣдующія. Будущій историкъ русской общественности разберется, въ силу какихъ причинъ наше духовное сословіе издавна примкнуло къ сословіямъ, пьющимъ сильно и трагически. Стоитъ только немножко подумать о положеніи русскаго священника въ русской деревнѣ, въ сермяжномъ царствѣ, съ единственнымъ интеллигентомъ въ лицѣ сельскаго учителя, чтобы многое здѣсь понять, объяснить и простить. Конечно, въ семинаріи неизбѣжно набиралось всегда немалое число людей, обреченныхъ уже злою наслѣдственностью. И эти юноши были какъ разъ въ томъ опасномъ возрастѣ, когда первая рюмка выдаетъ имъ самимъ впервые печальную наслѣдственную тайну. Уже на школьной скамьѣ для нѣкоторыхъ разрѣшались первые запои, и они встрѣчали ихъ съ тоскою и недоумѣньемъ, какъ человекъ встрѣчаетъ злую болѣзнь, не понимая, откуда она привязалась. А такъ какъ хмельная отвага въ глазахъ молодости всегда имѣетъ свою странную привлекательность, то къ этимъ отравленнымъ примыкали уже изъ озорства десятки добровольцевъ.

Въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, и часто вовсе не потому, что начальство было беззаботно и небрежно, градусъ трезвости и пьянства то поднимался, то рѣзко опускался. Какъ норма, шли долгіе періоды благоразумія, но вдругъ наступали полосы прямо пугающія. Выпадали понедѣльники, когда заднія парты многихъ классовъ сплошь заняты были тѣлами спящихъ или тяжело расплачивающихся за вчерашній загулъ. Для потерявшихъ равновѣсіе былъ выработанъ методъ спасенія въ больницѣ, гдѣ, скрѣпя сердце, фельдшеръ давалъ прибѣжище тѣмъ, которые иначе погибли бы.

Бывали, правда, мгновенные, но необыкновенно острые періоды, когда въ семинаріи развивалось даже корчемство. Дѣлались за-благовременные запасы влаги, и въ перемѣнѣ между уроками и занятіями жаждущіе гусемъ тянулись къ корчмарю, отмѣривавшему стаканы за пятакъ и за гривну. Разыгрывалась смѣшная, но и печальная сцена изъ некрасовской поэмы. «Безъ прутика, безъ кнутика всѣ ходимъ, люди грѣшные, на этотъ водопой!» Винное дыханіе столбомъ стояло въ классѣ. Начальству приходилось видя не видѣть и слыша не слышать, чтобы не губить молодежи.

Въ дни почти повальныхъ безумій развертывавшійся въ семинаріи сословный «Ноевъ грѣхъ» могъ бы дать умному наблюдателю зрѣлище столько же краснорѣчивое, сколько и страшное. Подъ сердцемъ новой молодежи, переступавшей въ ХХ вѣкъ, читающей Толстого и Соловьева, вдругъ просыпался буйный Зеленый змій, сосавшій сердце ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, пившихъ горилку въ кievской или харьковской бурсѣ, въ Виенѣ при Платонѣ, въ поэтической Полтавѣ при Гоголѣ. Въ молодыхъ людяхъ воскресала старая бурсацкая пьяная душа, озорная, безудержная, сумасбродная, тѣ старые старики что въ свои жестокія времена губили жизнь ни за понюшку табаку или надѣвали на буйную голову черный клобукъ насильственного пострига, чтобы не погубить себя и семью свою ¹⁾.

И эту старую дѣдовскую бурсу роднила съ новой старая своеобразная пѣсня, родившаяся гдѣ-то подъ древнимъ Києвомъ, подхваченная всѣмъ бурсацкимъ міромъ, пополненная на мѣстахъ и

---

¹⁾ Изъ великаго множества подобныхъ случаевъ стоитъ вспомнить печальный эпизодъ съ извѣстнымъ епископомъ курскимъ Михаиломъ, въ мѣрѣ Матвѣемъ Ивановичемъ Лузинымъ. «Ноево дѣло» передъ самыми экзаменами въ академіи съ его участіемъ очень крупно осложнилось. Молодому талантливому человѣку, готовившему себя къ научной дѣятельности, предстояло или исключеніе, или монашество. Онъ избралъ послѣднее и былъ потомъ хорошимъ профессоромъ, ректоромъ и архіереемъ. Именно ему принадлежитъ знаменитое трехтомное «Толкованіе евангелія» и Апостола—капитальный и доселѣ незамѣненный трудъ. Церковь выиграла отъ монашества Лузина, но кто поинтересовался узнать, какую цѣною пронесъ его черезъ жизнь молодой, жизнерадостный юноша!

Авт.

ставшая своего рода гимномъ всѣхъ пьющихъ. Когда десятокъ семинаристовъ былъ увѣренъ, что инспекціи около нихъ нѣтъ, уголокъ сада или класса оглашался пѣніемъ здоровыхъ глотокъ:

«Я въ притчахъ Соломона читаль, что во дни оны
Жилъ пышно царь Сіона—расточительно...

За много лѣтъ интереса къ подлинной семинарской литературѣ намъ не доводилось нигдѣ встрѣтить полнаго текста этого стариннаго бурсацкаго стихотворенія, созданнаго, безспорно, южной бурсой («горѣлка», «хуторъ») и во времена весьма давнія («инфима», «синтаксима», «туторъ»). Мы приводимъ его полностью, какъ документъ необычайно характерный, дающій истинную апопеезу россійскаго сословнаго пьянства, въ водоворотъ котораго захвачена здѣсь чуть не вся вселенная. Сказалась здѣсь грубость нравовъ необыкновенная и жажда безумная, но явственна и настоящая, хотя и погибающая, талантливость. И будетъ неглубокъ тотъ, кто увидитъ здѣсь только смѣшные вирши и не почувствуетъ философіи отчаянія. Авторъ принялъ бы съ признательностью указанія и догадки свѣдущихъ людей, относящіяся къ этой пѣснѣ и ея автору.

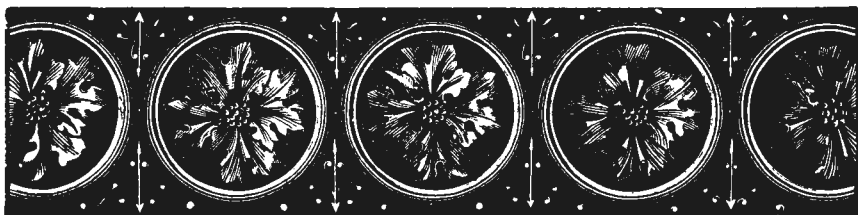
Наливочка двойная, наливочка тройная,
Сквозь уголь пропускная, очистительная!
Лишь стоитъ ей напитокъ, само собой звонится,
И хочется молиться—умилительно.
Я какъ-то разъ напился, да какъ-то раззвонился,
Что батюшка бранился непочтительно.
Его пресвященство и съ нимъ все духовенство
Спилось до совершенства положительно.
Нашъ самъ святой владыка подчасъ не вяжетъ лыка
И такъ поетъ онъ дико—удивительно!
И батя благочинный заходитъ въ шинокъ винный
И пьетъ на пяталтынный очистительной.
Коль попь и въ камилавкѣ валяется на лавкѣ,
Такъ намъ ужъ и въ канавкѣ извинительно.
При всемъ честномъ народѣ попь грянулъ въ хороводѣ:
«Взбранной воеводѣ—побѣдительно».
Нашъ дьяконъ изъ собора, накушавшись ликера,
Стоитъ возлѣ забора наклонительно.
У дьякона примѣта: коль хватить до разсвѣта,
То гаркнетъ «многи лѣта» оглушительно.
Я въ понамарскомъ чинѣ лежу весь вѣкъ въ овинѣ,
Мнѣ пить по сей причинѣ дозволительно.
И матушка тропюю идетъ передо мною
Нетвердою стопою укуснительно.
Я всѣ свои пожитки отнесъ въ шинокъ до нитки,
До ломанной семитки положительно.
Монахини святыя, всѣ жиромъ налитыя,
Наливки пьютъ густыя усладительно.
Я въ притчахъ Соломона читаль, что во дни оны
Жилъ пышно царь Сіона—расточительно.

Нашъ ректоръ семинарскій въ веселый вечеръ майскій
 Напитокъ пьетъ ямайскій, прохладительный.
 Инспекторъ, отче Павелъ, забывъ про бездну правилъ,
 Въ шинокъ стопы направилъ нерачительно.
 Профессоръ по латыни со вторника донинѣ
 Лежитъ съ похмелья въ тинѣ уморительно.
 Нашъ строгій экзекуторъ и съ нимъ инфимы туторъ
 Ушли съ горѣлкой въ хуторъ отдалительно.
 Профессоръ синтаксимы у ректора въ крестины
 Пѣлъ «Иже херувимы» препронзительно.
 И грекъ предъ цѣлымъ классомъ, рыгая кислымъ квасомъ,
 Мычалъ «Достойну» басомъ оглушительно.
 Вся бурса изъ Харькова, накушавшись простова,
 Читаетъ вслухъ Баркова умилительно.
 Вся кievская бурса,—возьми любого курса,
 Пьетъ водку безъ ресурса положительно.
 Бурсаки всѣ толпою, собравшись вокругъ налюю,
 Икаютъ съ перепою омерзительно.
 Въ трактирчикѣ знакомомъ келарій съ экономомъ
 Чаекъ вкушаютъ съ ромомъ прохладительно.
 Усѣвшись попросторнѣй, мы съ матушкой просфорней
 Вкушаемъ медъ соборнѣ умилительно.
 И встать не можемъ съ мѣста, раскисли словно тѣсто...
 Такъ радуйся...
 Большой любитель влаги, отецъ-ключарь Пелагій
 По цѣлой пьетъ баклагѣ удивительно.
 А я, какъ ни стараюсь, но съ нимъ не состязуюсь,—
 Отъ четверти валяюсь положительно.
 Встряхнувши стары кости, идемъ мы съ кумомъ въ гости,
 Поемъ «Премудрость прости» вразумительно.
 Наливочка двойная, наливочка тройная,
 Сквозь уголь пропускная, очистительная!..

А. А. Измайловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ А. А. ВИНИЦКОЙ.

В СТРАСТНУЮ субботу, 5-го апрѣля, въ семь часовъ утра скоропостижно скончалась въ своей маленькой комнаткѣ, занимаемой ею въ домѣ писателей, что на Карповкѣ, старушка-писательница Александра Александровна Виницкая-Будзіаникѣ. Въ текущемъ маѣ исполняется двадцать четыре года, что я съ нею познакомился черезъ С. Н. Шубинскаго, рекомендовавшаго мнѣ ея романъ «Полѣновы и Ярославцевы» для напечатанія въ только что приобретенномъ мною «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Когда я повѣдалъ своему, такъ сказать, крестному литературному отцу объ антрепризѣ съ журналомъ А. М. Евреиновой, онъ обратилъ мое вниманіе, что прежде всего надо заручиться хорошей беллетристкой, которая при первой издательницѣ пришла въ упадокъ. Черезъ нѣсколько дней онъ вызвалъ меня къ себѣ.

— Я нашелъ для васъ хорошій романъ,—заявилъ Сергѣй Николаевичъ:—онъ былъ принятъ А. Н. Пыпинымъ для «Вѣстника Европы», дѣло было совсѣмъ слажено, но М. М. Стасюлевичу что-то тамъ не понравилось, онъ потребовалъ, чтобы были сдѣланы какія-то исправленія и перемѣны, авторъ не согласился, и дѣло разстроилось. Авторъ—Александра Александровна Виницкая—сейчасъ лежитъ въ больницѣ (кажется, у нея былъ тифъ), я ее навѣщаю, и она просила меня помочь ей пристроить свой романъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Я романъ самъ не читалъ, ознакомьтесь съ нимъ, и я увѣренъ, что онъ вамъ понравится. Виницкая—женщина взбалмошная, неуравновѣшенная, но талантливая. Однако

успѣхъ ея въ «Новомъ Времени» вскружилъ ей нѣсколько голову. и она менѣе ста рублей за листъ продать свою рукопись не желаетъ. Это дорогонько,—я бы такихъ денегъ ей не далъ, ну, а какъ вы рѣшите,—не знаю. Молодые начинающіе издатели тароваты на расходы, а такъ какъ вы съ вашими друзьями все равно скоро прогорите, то, пожалуй, нечего и жалѣть денегъ,—иронически-пророчески добавилъ Сергѣй Николаевичъ со свойственнымъ ему добродушнымъ смѣхомъ.

Принципіально я выразилъ свое согласіе, и оставалось только раздобыть рукопись. С. Н. Шубинскій взялъ на себя эту миссію и получилъ отъ Виницкой ключъ отъ корзинки, гдѣ помѣщалось ея движимое имущество. Съ обычнымъ юморомъ редакторъ «Историческаго Вѣстника» рассказывалъ потомъ о своемъ путешествіи на квартиру писательницы и описывалъ тотъ ужасъ, который его, человѣка педантически-аккуратнаго, охватилъ, когда онъ увидалъ царившій въ ея корзинкѣ безпорядокъ. Лукаво посматривая на собесѣдника, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ, Сергѣй Николаевичъ живо описалъ хаотическую картину въ корзинкѣ: тутъ и грязныя ботинки, и заошенное бѣлье, и рванныя книги, и какія-то скомканныя бумаги, и лампа съ остатками керосина, и сухія булки, и среди всего этого — рукопись! Шубинскій, какъ только это онъ умѣлъ, ужасно смѣшно рассказывалъ о своихъ походахъ по дѣламъ Виницкой, причемъ счелъ долгомъ предупредить, что романистка права задорнаго и чтобы я былъ наготовѣ претерпѣвать отъ ея взбалмошности. Это предупрежденіе, какъ дальнѣйшее и показало, было небезосновательно.

По ознакомленіи съ романомъ «Полѣновы и Ярославцевы» я его принялъ для напечатанія въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» на 1891 г., начиная съ январскаго нумера, но одно, что меня затрудняло, это техническая часть его печатанія: рукопись была до нельзя неряшливо и неумѣло написана, обнаруживая въ авторѣ полную неприспособленность къ типографскому дѣлу. Повѣствованіе шло сплошными страницами, безъ красныхъ строкъ (абзацовъ), разговоры не были выдѣлены, знаки препинанія были разставлены Богъ вѣдаетъ какъ. Кромѣ того, мѣстами были недодѣланныя фразы, попадались лишніи длинноты, какъ, впрочемъ, это наблюдается и въ большинствѣ дамскихъ писаній. Было очевидно, что надъ рукописью слѣдовало еще поработать и пройти по ней редакторскимъ карандашомъ. Для такого рода задачи я не считалъ тогда себя достаточно компетентнымъ и обратился за помощью къ М. Н. Альбову, вступившему съ осени въ нашу редакціонную семью. Опытный беллетристъ скоро все привелъ въ надлежащій порядокъ, и вотъ съ январскаго номера началось печатаніе романа. Не успѣла выйти книжка журнала, какъ ко мнѣ ворвалась бурно Виницкая съ заявленіями неудовольствій по поводу исправки ея рукописи.

Съ трудомъ удалось уговорить расхившуюся романистку, но зато до самой своей смерти она не забыла альбовской правки и увѣряла всегда меня, что романъ ея былъ редакціей испорченъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита ея ко мнѣ я получилъ отъ нея письмо. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ ея романомъ въ журналѣ началось печатаніе и талантливой повѣсти Альбова «Тоска», произведеніе, равнаго которому по силѣ психологическаго анализа послѣ того, по-моему, ему не удалось уже болѣе написать. Вотъ эта-то «Тоска» съ ея маленькими героями, забытыми сѣрою столичною жизнью, и вызвала негодованіе Виночкиной. Какъ! рядомъ съ ея поэтическими дѣвушками выставить передъ читателями грязныхъ, мрачныхъ и грубыхъ героевъ петербургскихъ подваловъ и мансардъ! «Когда я прочла начало повѣсти вашего излюбленнаго беллетриста, я съ негодованіемъ отшвырнула журналъ въ уголь. Въ мою комнату точно ворвалась нечистота дворовъ, и вся она наполнилась смрадомъ. Я поспѣшила открыть форточку, напрыскала всюду духами, а сама сѣла за рояль, чтобы звуками Шопена и Бетховена заглушить ругательства героевъ «Тоски»... И вы могли такую вещь поставить рядомъ съ моимъ романомъ!..»

Въ этомъ экзальтированномъ выкрикѣ ярко сказался духовный обликъ писательницы: ея дворянство и институтство, ея эстетизмъ не могли мириться съ реализмомъ и пошлостью жизни, съ которыми, однако, на практикѣ, въ жизни ей приходилось постоянно входить въ компромиссы и имъ подчиняться. Фантазерка, мечтательница и неуговорная идеалистка, она создавала себѣ въ жизни розовыя мечты, которыя, однако, разбивались о прозу улицы.

Несмотря на протестъ противъ помѣщенія произведеній Альбова рядомъ съ ея твореніями, мои отношенія съ Виночкиной не испортились и мнѣ удалось ее успокоить. Въ значительной мѣрѣ этому содѣйствовало то, что, благодаря принятому мной ея роману, оплаченному, согласно ея желанію довольно прилично, она получила возможность провести 1891 годъ безъ особой матеріальной нужды, которая, какъ увидимъ дальше, заѣдала ее всю жизнь. Въ маѣ 1891 года,—о чемъ я уже неоднократно повѣствовалъ,—моя антреприза съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» лопнула; я обрѣтался въ подавленномъ состояніи духа и уныніи, и вотъ въ одинъ изъ такихъ дней мрачнаго самочувствія ко мнѣ на новую уже квартиру пожаловала Виночкина.

— Вы ушли изъ журнала? Гдѣ же мнѣ и другимъ теперь работать? Надо основать новый журналъ!

— Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ: гдѣ достать денегъ для созданія новаго журнала?

— Возьмите у Суворина, онъ дастъ.

— Зачѣмъ ему давать деньги на новый журналъ? У него уже имѣется «Историческій Вѣстникъ»; кромѣ того, онъ успѣлъ въ

своёмъ фелъетонѣ выразить сочувствіе новой издательницѣ. Я у него не въ фаворѣ.

— Тогда поѣдемте къ Кекину.

Я пожалъ плечами.

— Это кто такой?

— Вы не знаете, кто такой Кекинъ? Старикъ, богачъ, ростовецъ, благодѣтельствующій свой городъ, имѣющій нѣсколько домовъ въ Петербургѣ, но человѣкъ сѣрый. Ему лестно будетъ, когда писатели обратятся къ нему за поддержкой.

— Ну, Александра Александровна, это ужъ область чистой фантазіи: что Кекинъ литературѣ и литература Кекину? Ни къ какому купцу я на поклонъ не поѣду и буду выжидать естественнаго хода событій. Хотите ѣхать для переговоровъ съ Кекинымъ вы сами,—ступайте, дѣло ваше.

— Значить, вы не хотите бороться? Значить, вы человѣкъ слабый,—и, бросивъ на меня уничтожающій взглядъ, Виницкая отъ меня послѣшно улетѣла.

Послѣ того я слишкомъ двадцать лѣтъ не встрѣчался съ романисткой лицомъ къ лицу, но слухи объ ея эксцентрическихъ выходкахъ до меня доходили, и, главнымъ образомъ, черезъ С. П. Шубинскаго. Рекомендовавъ мнѣ для напечатанія ея романъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», Сергѣй Николаевичъ одновременно съ этимъ въ томъ же году 1891 напечаталъ ея не лишеныя интереса воспоминанія, но уже въ послѣдующіе годы между редакторомъ и сотрудницей пробѣжала черная кошка. Писательница своей неугомонностью и наивной назойливостью допекла редактора «Историческаго Вѣстника», и онъ сталъ отъ нея отмахиваться обѣими руками ¹⁾. Какъ оказалось, она врвалась къ нему въ вечерніе часы, когда онъ никого не принималъ, требовала будить его чуть ли не ночью, усаживалась на его письменный столъ, сыпала пепломъ на его бумаги и производила въ кабинетѣ вообще безпорядокъ. Она предлагала ему неподходящія для журнала темы своихъ работъ, которыя онъ принужденъ былъ отклонять, а писательница въ отвѣтъ на эти отклоненія заявляла ему, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ литературы и не стоитъ на высотѣ своего призванія. Она приставала къ нему, чтобы онъ создалъ ей опредѣленное положеніе въ «Новомъ Времени» и у Суворина, что, конечно, невозможно было сдѣлать. Вотъ въ результатѣ всѣхъ этихъ столкновеній и произошелъ между Виницкой и Шу-

---

¹⁾ Я сожалѣю, что лишены возможности сейчасъ воспользоваться архивомъ С. П. Шубинскаго, изъ котораго, вѣроятно, можно было бы извлечь любопытныя письма, адресованныя ему нашей романисткой. Архивъ этотъ въ особомъ декоративномъ шкапу переданъ вдовой Сергѣя Николаевича, согласно его волѣ, въ Императорскую Публичную бібліотеку безъ права имъ пользоваться въ теченіе двадцати лѣтъ. Б. Г.

бинскимъ, который, какъ мы видѣли выше, принималъ въ ея судьбѣ такое теплое участіе, полный разрывъ.

Повидимому, девяностые годы были очень труднымъ периодомъ жизни А. А. Виноцкой, что, между прочимъ, усматривается изъ одного ея письма къ В. П. Буренину, написаннаго по слѣдующему поводу. Въ 1899 году А. С. Суворинъ, затѣявъ изданіе иллюстрированнаго альбома съ біографіями выдающихся русскихъ женщинъ, напечаталъ въ своей газетѣ приглашенія симъ послѣднимъ прислать свои автобіографіи съ карточками. Изданіе это не осуществилось, и на призывъ издателя «Новаго Времени» откликнулось сравнительно немного народу. Вотъ, посылая біографическія свѣдѣнія о себѣ черезъ В. П. Буренина, Виноцкая и писала ему:

«Многоуважаемый Викторъ Петровичъ, извините, что я васъ дѣлаю посредникомъ въ доставкѣ своей автобіографіи и карточки Суворину. Онъ мнѣ въ послѣдній разъ такимъ ругательскимъ письмомъ отвѣтилъ, что я не могу опомниться и до сихъ поръ, а главное, мнѣ все равно надо вамъ написать, во-первыхъ, свою благодарность за уступку вашей пятницы. Только это меня не радуетъ, ибо доказываетъ мнѣ всю невозможность сотрудничать у васъ, да и нельзя зариться на столбцы сотрудниковъ, создавшихъ процвѣтаніе газеты. Неблагопріятны мои обстоятельства вообще. Для того, чтобы написать что-нибудь свое, а не шаблонить по чужому, надо видѣть самой и двигаться, а для этого необходимы средства и затрата времени, а результаты всегда минимальные. И никого нельзя винить въ этомъ, кромѣ судьбы. Вотъ что всего обиднѣе. Шестидесять восемь рублей я получила сполна за фельетонъ «Въ русской деревнѣ», давъ слово оставить въ уплату долга гонораръ за продолженіе, и, конечно у меня не хватитъ совѣсти за нимъ пойти. Такимъ образомъ, съ погашеніемъ долга теряю и послѣдній шансъ что-нибудь помѣстить въ «Новомъ Времени», не стоитъ и писать поэтому. А у меня все заложено, и портится въ сараѣ рояль за недостаткомъ помѣщенія въ крошечной моей комнатѣ. Между тѣмъ привычка удовлетворять музыкой нервную потребность такъ же необходима, какъ привычка курить, и я откалываю на шестигривенной гармоніи російскія мелодіи. И рассказываю вамъ это для того, что хочу васъ просить о большой милости. Поговорите, голубчикъ, Суворину: не дастъ ли онъ мнѣ какое-либо мѣсто или занятіе по части хотя бы предпринятыхъ имъ автобіографій. Вѣдь ничто не помѣшаетъ отказать мнѣ, если не ужоу. Будьте такъ добры!

«Преданная вамъ А. Виноцкая

«12 января 93».

Въ интересахъ послѣдовательности изложенія привожу здѣсь присланную ею ея автобіографію ¹⁾:

«Я родилась въ 1847 году іюля 28-го отъ православныхъ родителей въ Москвѣ въ Селиверстовомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ моей матери, рожденной Афонасьевой, замѣчательно доброй женщины. Отецъ мой, родомъ помѣщикъ Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, былъ выдающійся человекъ своего времени по образованію и гуманнымъ идеалистическимъ стремленіямъ. Достаточно сказать о немъ ужъ одно то, что онъ отказался владѣть рабами вмѣстѣ съ наслѣдственной землей, чѣмъ и обрекъ себя на полную лишеній трудовую жизнь чиновника. Восьми лѣтъ я я осиротѣла, лишившись въ одинъ годъ матери, потомъ отца, и десяти лѣтъ была на казенный счетъ принята въ московскій Николаевскій институтъ. Тамъ я училась хорошо, получала награды за успѣхи въ наукахъ и рисованіи, и была изъ восьмисотъ воспитанницъ, въ числѣ шестнадцати самыхъ способныхъ къ музыкѣ, назначена Гензелемъ готовиться къ артистической карьерѣ по программѣ консерваторіи. Но по живости моей натуры, томясь дисциплиной по звонку, я вовлекла сверстницъ въ шалости невиннаго свойства, за что и была лишена аттестата при выпускѣ въ 1867 году.

«Помимо педагогической дѣятельности я занималась счетоводствомъ въ магазинахъ, служила болѣе года въ правленіи Московско-Брестской желѣзной дороги, изучила массированіе въ постоянныхъ поискахъ труда, моего единственнаго средства къ существованію. Главнымъ событіемъ моей жизни было мое вступленіе на поприще литературы.

«Въ 1879 году я написала о нищихъ дѣтяхъ, пріютившихся въ гротѣ Александровскаго сада, горячее письмо въ редакцію газеты «Современныя Извѣстія» безъ подписи. Письмо это было напечатано передовой статьёй, и дѣти были взяты въ пріютъ. Другое заявленіе по вопросу о гувернанткахъ я принесла сама въ ту же редакцію, и О. А. Гиляровъ, узнавъ во мнѣ по почерку автора письма о дѣтяхъ, предложилъ мнѣ сотрудничать въ своей газетѣ, чѣмъ я по недостатку самоувѣренности не воспользовалась. Въ 1881 году была напечатана моя повѣсть въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», затѣмъ въ разное время печатались мои сочиненія, больше короткіе рассказы, въ газетѣ «Новое Время», въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли» и «Наблюдателѣ».

«Такъ какъ литературный заработокъ при трудности помѣщенія статей не можетъ меня обезпечить даже въ крайне необходи-

---

¹⁾ Какъ эта автобіографія, такъ и прочія переданы наслѣдниками А. С. Суворина въ архивъ «Историческаго Вѣстника». Б. Г

момъ, то весь 1892 годъ я исключительно жила массажемъ, при этомъ имѣла много и бесплатной практики и отъ физическаго утомленія вынуждена пріискивать другой работы.

«Что дальше со мной будетъ, я не знаю; но утѣшительнаго покуда ничего не предвидится».

Александра Александровна Виницкая.

Къ этимъ автобиографическимъ свѣдѣнїямъ прибавлю еще слѣдующія о ней данныя изъ ея некролога, напечатаннаго въ «Новомъ Времени» (№ 13.675):

«Какъ писательница, покойная извѣстна цѣлымъ рядомъ романовъ и повѣстей. Ея первая повѣсть «Передъ разсвѣтомъ» появилась въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» въ 1861 г. Повѣсть эта познакомила молодую писательницу съ М. Е. Салтыковымъ, напечатавшимъ въ слѣдующемъ году ея рассказъ «Ня

дна, ни покрывки» въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ». Съ тѣхъ поръ А. А. написала нѣсколько беллетристическихъ вещей: «Наша Наташа», «Старые знакомые» и др., вошедшіе въ книгу, изданную въ 1886 г. подъ заглавіемъ «Повѣсти и рассказы». Въ 1891 году въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ ея большой романъ «Полѣновы и Ярославцевы», вышедшій затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. За нимъ слѣдовали романы и повѣсти: «Безъ мужа» («Вѣстникъ Европы» 1893 г.), «Бобровая шапка» («Русское Богатство» 1895 г.), «Старыя и молодыя силы» («Наблюдатель» 1898 г.) и др. Многіе изъ ея рассказовъ печатались и въ «Новомъ Времени». Первые произведенія Веницкой обратили вниманіе на нее И. С. Тургенева, даваша лестный отзывъ объ ея творествѣ. Произведенія писательницы свидѣтельствуютъ объ ея удивительной наблюдательности. Она изображаетъ жизнь просто и художественно, характеры героевъ и героинь ея романовъ и повѣстей обычно ярки и правдивы. Критика относилась къ писательницѣ въ большинствѣ сочувственно. Исключеніе составляла еврействующая печать, но могшая забыть ея повѣсть «Ни дна, ни покрывки». Съ 1898 г. А. А. получала отъ академіи наукъ ежегодную пенсію въ размѣрѣ шестисотъ рублей и жила въ домѣ писателей.

Какъ я уже отмѣтилъ, девяностые годы были тяжелымъ періодомъ жизни Александры Александровны: она немало бѣдствовала, пробавляясь случайными работами, досаждала редакторамъ своими выходками и со всѣми ссорилась. Трудно даже разобратъся въ мотивахъ этихъ ссоръ; просто въ ней сказывалась какая-то неутомимость, не имѣвшая, однако, подъ собою никакой дурной подкладки. В. Розановъ въ своей «памяткѣ» («Новое Время» № 13676) о Веницкой говоритъ: «повидимому, она была вѣчно раздраженною, негодующею и съ кѣмъ-то спорящею, кого-то обличающею, за что-то порицающею. «За что»—объ этомъ надо было вѣкъ слушать, а потому никакъ не слушалась и минуту. Но это было именно литературное волненіе, благородно литературное, и оно не омрачало ея душу и засоряло душу... У писателей рѣчи и поступки задористые, мутные; но у Веницкой явно дворянство господствовало надъ «писательскою натурою», хотя содержаніе рѣчей и было исключительно писательское, журнальное, газетное... Но воспитаніе ли, или ея чистое, неомраченное сердце вносило во всѣ литературныя рѣчи тонъ чего-то добраго, славнаго... И хотя старушка была полна «гнѣвовъ»—явно было, что она никогда не повредитъ и комару, который ее кусаетъ».

Волновалась она и ссорилась, какъ я уже упомянулъ, и съ Шубинскимъ, и съ Суворинимъ. Слѣды этихъ столкновеній, между прочимъ, встрѣчаются въ дневникѣ послѣдняго. Вотъ, напримѣръ, его запись въ дневникѣ отъ 1896 года (17 декабря): «Вчера въ Панаевскомъ театрѣ подходитъ Веницкая.

«— О какихъ «вещахъ» писали вы мнѣ, чтобы я ихъ вамъ возвратилъ?»

«— А вы отчего мнѣ не отвѣчали на предложеніе купить у меня матеріалъ для драмы?»

«— Да зачѣмъ я буду покупать?»

«— Вы напишете пьесу.

«— Я не пишу пьесъ и матеріаловъ никогда не покупалъ.

«— Покажете мнѣ сцену.

«Я повелъ ее и говорю:

«— Отчего вы не пишете?»

«— Я потеряла свой талантъ.

«— Почему вы его потеряли? На чемъ?»

«— Я сумасшедшая.

«— Я читалъ вашъ рассказъ въ «Вѣстникѣ Европы». Помните, который я забраковалъ. Онъ очень плохъ.

«Она заплакала и сломя голову бросилась вонъ. Съ ней сдѣлалась истерика. Призвалъ доктора».

Запись отъ 28-го декабря: «Виницкая пишетъ Буренину насчетъ контрамарки, которую я далъ ей для входа въ театръ. Пишетъ, что расскажетъ въ своихъ мемуарахъ какими дурными людьми былъ окруженъ я. Она прямо сумасшедшая».

Сумасшедшей въ прямомъ смыслѣ слова, конечно, Виночкина не была, хотя посидѣть въ домѣ для душевнобольныхъ ей какъ-то пришлось съ недѣлю времени. Когда именно это было и по какому случаю она туда попала, мнѣ неизвѣстно, но въ архивѣ «Историческаго Вѣстника» имѣется ея рукопись «Въ пріютѣ умалишенныхъ» съ собственноручной помѣтой автора: «Это не сочинено, а фактъ. Можно зачеркивать все неудобное, но рукопись непременно сохранить». Между Виночкиной и Шубинскимъ, повидимому, въ дни ихъ перемирія состоялось соглашеніе, чтобы эта ея исповѣдь была напечатана въ журналѣ только послѣ ея смерти. При послѣднемъ свиданіи со мною писательница вспомнила объ этой рукописи и подтвердила свое желаніе о посмертномъ напечатаніи этого повѣствованія. Со временемъ я выполняю ея желаніе и гонораръ за эту статью передамъ въ надлежащія руки, дабы онъ пошелъ въ фондъ для постановки памятника на ея могилѣ.

Пока лишь замѣчу, что въ рукописи съ потрясающимъ реализмомъ представлена жизнь въ буйныхъ палатахъ душевнобольныхъ. Съ беллетристическимъ мастерствомъ романистка выводитъ здѣсь типы больныхъ, рисуетъ весь дневной и ночной кошмаръ жизни несчастныхъ, здѣсь заключенныхъ, и невольно обнаруживаетъ въ описаніи всего времяпрепровожденія больницы всѣ свойства своей мятежной и вмѣстѣ съ тѣмъ кристаллически-чистой природы. Ея борьба съ больничными злоупотребленіями и безпорядками, съ индифферентизмомъ врачей напомнили мнѣ Виночку такую, ка-

кою я зналъ ее въ часы ея возбужденнаго духа, и тутъ же ея заботы о несчастныхъ больныхъ сотоварищахъ по камерѣ, ея любовное отношеніе къ разбитымъ жизнямъ, требующимъ ласки и любви— какъ нельзя лучше показываютъ, какую Александра Александровна была по существу своей природы, повидимому, надломленной жизненными невзгодами.

Какъ уже сказано выше, мнѣ болѣе двадцати лѣтъ не приходилось съ нею встрѣчаться лицомъ къ лицу. Но вотъ судьба спаяла меня съ редакціонной работой по «Историческому Вѣстнику». Однажды, когда я какъ-то вечеромъ вышелъ изъ дому, чтобъ попасть на обычное собраніе сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», у подъезда мнѣ встрѣтилась Виницкая. Протянувъ мнѣ руку, она съ мѣста мнѣ заявила:

— Вы постарѣли.

— Немудрено, прошло столько времени послѣ нашей совмѣстной работы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Да и вы за это время не помолодѣли.

— Куда вы идете?

— На собраніе сотрудниковъ журнала подѣ моимъ предсѣтельствомъ.

— Это пустяки. Соберутся и безъ васъ. Пойдемте къ вамъ, и я васъ ознакомлю съ моей рукописью «Памяти Лаврова». Я сама къ вашему старикашкѣ (т. е. къ С. Н. Шубинскому) итти не хочу...

— Я не могу пропустить собранія, но общаю вамъ, что завтра же ознакомлю съ вашей рукописью и избавлю васъ отъ переговоровъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Очевидно, вы опять съ нимъ въ періодъ вражды.

— Вы рукопись потеряете, а у меня копии нѣтъ. Тутъ письма ко мнѣ Лаврова. Когда мои воспоминанія о немъ появятся въ нашемъ журналѣ, у васъ прибавится нѣсколько тысячъ подписчиковъ.

— Ого!

— А вы какъ думали? Когда въ «Новомъ Времени» появился мой послѣдній рассказъ, всѣ номера были раскуплены.

— Ну, посмотримъ. Завтра вечеромъ я позвоню вамъ по телефону.

Наскоро простившись съ Виницкой, я сѣлъ на извозчика и уѣхалъ. Не было еще девяти часовъ утра на слѣдующій день, какъ ко мнѣ въ спальню кто-то крѣпко постучался.

— Кто тамъ? Я еще въ постели.

— Это я, Виницкая. Немедленно откройте дверь.

— Помилуйте, я еще въ постели... Дайте встать и одѣться.

— Ничего этого не надо. Откройте немедленно дверь.

— Да что такое случилось?

— Что вы сдѣлали съ моей рукописью?

— Я ее еще не успѣлъ прочитать.

— Неправда, вы ее уничтожили.

— Зачѣмъ я ее буду уничтожать? Она лежитъ у меня на письменномъ столѣ съ лѣвой стороны, у окна.

— Неправда. Я сама видѣла, какъ вы, отѣхавши отъ меня на извозчикѣ и завернувъ за уголъ, выбросили рукопись на улицу. Я всю ночь не спала, искала васъ повсюду... Меня всѣ ненавидятъ, и вашъ старикашка возстановилъ васъ противъ меня за мою выходку на его юбилеѣ.

— Успокойтесь, посмотрите хорошенько на письменномъ столѣ, она лежитъ въ томъ видѣ, какъ вы мнѣ ее передали.

Послышалось шуршаніе платья, шаги въ кабинетѣ, какая-то возня у письменнаго стола и наконецъ раздался голосъ: «Тутъ. Больше ничего».

Ну, что прикажете подѣлать съ такою неугомонною, подозрительною натурою, которая кругомъ никому не давала покоя! Вотъ, между прочимъ, два образца ея неугомонной несуразности. Въ ознаменованіе двадцатипятилѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника» мнѣ поручили мои сотоварищи по журналу дѣлать денежный сборъ на образованіе при академіи наукъ преміи имени С. Н. Шубинскаго. Приглашеніе на этотъ сборъ было разослано всѣмъ, когда-либо принимавшихъ участіе своими трудами въ журналъ, и между прочимъ экземпляръ такового попалъ и въ руки Вишицкой. И вотъ, несмотря на то, что въ этомъ воззваніи было точно оговорено, куда нужно было направить свои взносы, Александра Александровна поздно вечеромъ отправляется въ квартиру къ Шубинскому и требуетъ быть принятою. Этотъ визитъ совпалъ съ періодомъ недобрыхъ отношеній между редакторомъ и бывшей сотрудницей. Шубинскій, въ то время недомогавшій, съ трудомъ поднялся съ постели и въ халатѣ вышелъ въ кабинетъ. Не здороваясь съ нимъ, Вишицкая вынула изъ портмонэ золотую пятирублевую монету и, протягивая ее Сергѣю Николаевичу, заявила:

— Вотъ вамъ пять рублей на устройство вашего юбилея.

Затѣмъ повернулась и удалилась. Такъ Шубинскій и остался съ пятью рублями въ рукѣ. На слѣдующей день мнѣ попало отъ моего редактора, но чѣмъ же я былъ виноватъ: отъ Вишицкой всегда можно было ожидать всякой выходки!

А вотъ ея повѣствованіе о ея посѣщеніи Тургенева, повѣданное ею въ той самой статьѣ о Лавровѣ, изъ-за которой она будила меня рано утромъ:

«Одного русскаго человѣка я только и знала (въ Парижѣ): Тургенева, и спѣшила къ нему по утрамъ раза по три въ недѣлю. По его желанію на условіи взаимнаго одолженія я прочитывала у него русскіе журналы и газеты и должна была за это отмѣчать для него, что было въ нихъ интереснаго. И, сидя у него за чтеніемъ, которое меня въ тотъ разъ не интересовало, я начала ему жаловаться, что я соскучилась, не слыша русскаго языка.

«— На родину меня совѣмъ не тянетъ,—говорила я ему:—но мнѣ нужны русскіе люди и русскіе права. Здѣсь, напримѣръ, вино пьютъ по цѣлымъ бутылкамъ, но нельзя закурить папиросу: всѣ оглядываются въ садахъ и ресторанахъ на курящую женщину съ насмѣшливымъ осужденіемъ.

«Привычнаго русскаго общества недоставало мнѣ. И какъ разъ въ это время вошелъ къ Тургеневу знаменитый русскій художникъ В. В. Верещагинъ. Его огромная, высококомѣрная фигура съ круглой плѣшью произвела на меня странное впечатлѣніе. Казалось мнѣ, что позвонки его шеи совѣмъ не сгибаются, съ такой непреклонной спесью держалъ онъ себя. И говорилъ все о себѣ, все о себѣ, о томъ, что онъ забылъ захватить съ собою и что лишнее сказалось въ его багажѣ; вообще о нестоящихъ вниманія мелочахъ говорилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто давала цѣнныя свѣдѣнія о своей особѣ.

«— Ну, вотъ вамъ и русскій языкъ,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ по его уходѣ.

«— Не понравился мнѣ этотъ русскій языкъ.

«— Хотите я васъ познакомлю съ эмигрантомъ Лавровымъ?—предложилъ мнѣ Тургеневъ.

«— Мегсі, но знаете... Можетъ быть, онъ еще важнѣе Верещагина,—нерѣшительно возразила я.

«Не отвѣтивъ на это, Тургеневъ началъ что-то писать, но мнѣ такъ хотѣлось въ тотъ день говорить съ нимъ хоть о чемъ-нибудь, по-русски говорить. И, рискуя разсердить Тургенева, я рѣшилась ему помѣшать. Тихонько, несмѣло я спросила его:

«— Иванъ Сергѣевичъ, отчего у насъ такіе густые волосы? Верещагинъ плѣшивый, а ваши волосы сохранились.

«Онъ отвѣтилъ мнѣ терпѣливо и обстоятельно, что для сбереженія волосъ ихъ слѣдуетъ ежедневно причесывать частымъ гребнемъ, проводя имъ глубоко и крѣпко не менѣе двадцати разъ. Отъ притока крови къ черепной кожѣ усиливается питаніе волосныхъ корней.

«Я приняла это къ свѣдѣнію, немного помолчала и опять спросила:

«— А помаду какую вы употребляете?

«Онъ только посмотрѣлъ на меня, вздернувъ плечомъ, и продолжалъ что-то писать.

«— Простите, скучно мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, просто невыносимо сегодня, и въ газетахъ ничего нѣтъ интереснаго. Поболтайте со мной. Вѣдь не часто и далеко не всѣмъ выпадаетъ на долю знакомство съ Тургеневымъ. Надо же мнѣ использовать то, за что придется расплачиваться. Какъ многіе изъ моихъ братьевъ по перу гораздо болѣе меня достойны вашего вниманія, и какъ они обижены тѣмъ, что меня одну вы удостоили своимъ знакомствомъ.

«Бросивъ на меня пытливый, полувопросительный взглядъ, Тургеневъ медленно проговорилъ:

«— Скажите на милость. Какъ будто разбогатѣешь или дождешься счастливой судьбы черезъ мое знакомство.

«— Само по себѣ оно завидное счастье. Ни протекціи вашей и ни въ чемъ вашей помощи мнѣ не нужно, Иванъ Сергѣевичъ, ничего я у васъ не просила и не попрошу, хочу только въ настоящую минуту слышать васъ, вашъ тургеневскій русскій языкъ.

«— И какъ нарочно я не расположенъ болтать,—сказалъ онъ, глядя въ бумагу:—хочется мнѣ записать тутъ... одну мысль..

«— Ахъ, вы работаете!—Я вскочила и взяла шляпку.—Сейчасъ уйду... Какъ бы я была счастлива прочесть первая въ рукописи то, что вы напишете. Дадите?

«— Нѣтъ.

«— Отчего?

«— Оттого, что первому Анненкову я всегда показываю свои рукописи. Я вѣрю въ его чутье.

«Онъ отложилъ недописанную страницу и взялъ почтовый листокъ, а я продолжала:

«— Почему Анненкову, а не Толстому, не Салтыкову? Что такое Анненковъ по сравненію съ вами.

«— Да вы меня сбиваете,—сказалъ онъ, впрочемъ, довольно снисходительно:—вотъ, кажется, ошибка у меня... все равно... Вѣдь только дураки не ошибаются. Вотъ вамъ письмо къ Лаврову, теперь онъ навѣрно дома».

Когда я, послѣ эксцентричнаго визита ко мнѣ Виницкой и по ознакомленіи съ ея рукописью о Лавровѣ, пришелъ къ Шубинскому съ рекомендаціей принять ея воспоминанія для напечатанія, Сергѣй Николаевичъ и руками замахалъ:

— Наживешь себѣ съ нею опять непріятностей! Что-нибудь тамъ такое она выкинетъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ редакторъ сдался, но потребовалъ, чтобы Виницкая выдала расписку въ томъ, что она продала редакціи свое произведеніе за такую-то сумму, которую въ видѣ ордера на контору я и долженъ былъ ей вручить. Я отправился къ ней въ ея убогую полумеблированную комнатку на третьемъ дворѣ одного изъ домовъ Невскаго проспекта и тутъ убѣдился, въ какой дѣйствительно страшной нуждѣ обрѣтается бѣдная старушка-писательница. Принесенный ордеръ на деньги поднялъ ея духъ, она пустилась фантазировать и между прочимъ повѣдала мнѣ, что на тѣ пятьдесятъ рублей, которые она получаетъ помѣсячно изъ фонда императора Николая II при академіи наукъ, она ухитряется не только содержать себя, но еще и воспитывать одну бѣдную дѣвушку, въ которую она вложила всю свою старческую любовь и которая сумѣла въ глухое время при очень трудныхъ обстоятельствахъ заплатить послѣдній земной долгъ своей названной тетускѣ. Было что-то трогательное, когда Виницкая съ какою-то конфузливою скромностью повѣдала мнѣ о своемъ добромъ дѣлѣ. Ея чистая душа явно сказывалась въ этомъ ея повѣствованіи...

Шубинскій оказался пророкомъ. По напечатаніи воспоминаній Виницкой о Лавровѣ (въ № 1 за 1912 г.) писательница въ благодарность мнѣ за мои хлопоты о ней ухитрилась-таки устроить мнѣ маленькій скандалъ, потребовавъ отъ конторы себѣ какой-то добавочной платы. Когда ей указано было на хранящуюся ея расписку, она заявила, что я, силой и пользуясь ея неопытностью, выманилъ у нея этотъ документъ. Но развѣ на Александру Александровну можно было сердиться: она была несчастная, больная, не вѣдавшая сама часто, что она творитъ и говоритъ!

Вскорѣ послѣ кончины С. Н. Шубинскаго, когда я однажды вечеромъ вернулся домой, я засталъ въ швейцарской сидящую Александру Александровну.

— Я васъ жду,—поднимаясь мнѣ навстрѣчу, сказала она.

— Вѣдь я могъ бы прійти домой еще позже.

— Все равно, я сидѣла бы и ждала. Ъхать съ Карповки на Басейную не такъ-то просто.

— Но вы могли предупредить меня по телефону.

— Я объ этомъ позабыла.

— Пойдемте ко мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Я принесла вамъ свои воспоминанія объ институтѣ. Тутъ выведена Армфельдъ¹⁾.

— Мы специальныхъ воспоминаній объ учебныхъ заведеніяхъ и школьныхъ годахъ не печатаемъ.

— Тутъ выведена Армфельдъ. Вы должны съ рукописью ознакомиться, на то вы и редакторъ. Если вы мои воспоминанія напечатаете, мы раздѣлимъ гонораръ пополамъ.

— Богъ съ вами! Что вы говорите, Александра Александровна! Редакторы не торгуютъ произведеніями своихъ сотрудниковъ, они получаютъ опредѣленное жалованье за свой трудъ.

— Напрасно. Говорять, теперь всѣ и всѣмъ торгуютъ. Когда прочтете мою рукопись, пріѣзжайте ко мнѣ въ гости на Карповку. Я ужасно рада, что вы снова вернулись на редакторскій постъ. Поговоримъ, вспомнимъ бывшее... Право, напечатайте мою рукопись, у васъ прибавится нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Вѣдь сколько народу кончили институтъ. Всѣ съ интересомъ будутъ читать. Вы только заранѣе объявите передъ подпиской, что мои институтскія воспоминанія будутъ напечатаны.

Воспоминаній ея тѣмъ не менѣе я не принялъ. Я остался вѣренъ принципу, установленному моимъ предшественникомъ по редакторству, но Веницину я все же посѣтилъ въ домѣ писателей, сидѣлъ съ нею въ садикѣ, выслушалъ отъ нея немало несуразностей, но какъ-то все обошлось между нами благополучно. Писательницу на этотъ разъ особенно заботилъ вопросъ о изданіи полного собранія ея сочиненій, но помочь ей чѣмъ-нибудь, совѣтомъ или дѣломъ, я не былъ въ состояніи. Да если бы я и зналъ, къ кому ее направить, все равно пива ей, что называется, ни съ кѣмъ бы не удалось сварить. На полпути къ осуществленію поставленной задачи она непременно поссорилась бы съ издателемъ. У нея было твердое убѣжденіе, что всякій издатель непременно ее долженъ обмануть и обидѣть, а въ обманъ и обиду она себя не хотѣла давать. Получался какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода. Больше я съ Александрой Александровной не видался.

¹⁾ Довольно извѣстная дѣятельница русской революціи.

О ея кончинѣ я узналъ только послѣ ея похоронъ. Вотъ какъ описываетъ послѣдній ея часъ В. В. Розановъ. («Нов. Вр.» № 13676):

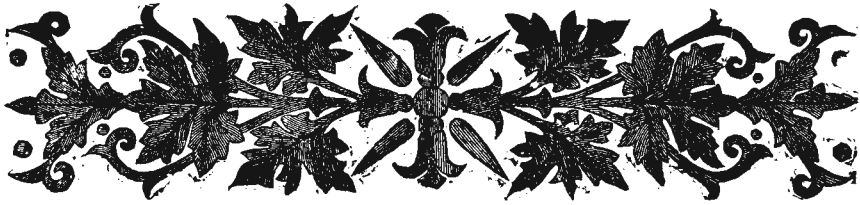
«Въ Великую субботу Александра Александровна поднялась по обыкновенію рано, часовъ въ семь утра,—заказала принести себѣ теплой воды для полосканья и стала умываться, а вмѣстѣ и приготовила керосинку для кофе; но когда прислуга вошла въ ея комнату съ теплой водой, то увидѣла, что она лежитъ на кровати, подложивъ подъ щеку руку. На зовъ—она не отвѣтила. Видя, что что-то «не такъ», она доложила слѣдующему начальству или слѣдующей прислугѣ,—стали входить, звать, трогать: 67-лѣтняя старушка не отзывалась. Дали знать по телефону ея воспитанницѣ, жившей очень далеко, на Троицкой улицѣ. И когда она пріѣхала спѣшно,—то также нашла свою «тетю» (такъ она называла ее воспитавшую) лежащею на кровати, съ лицомъ на ладони, безъ всякаго признака смерти и страданія, но только безъ дыханія и съ оставившимся сердцемъ. Для нея исполнилось—«умереть—уснуть»...

«Великая суббота»—и всякому хорошо умереть въ такой день, чтобы черезъ двадцать часовъ вмѣстѣ съ Христомъ воскреснуть въ «вѣчную жизнь». Но въ «домѣ литераторовъ», очевидно, не хранится народныхъ примѣтъ: и пріѣхавшая воспитанница получила въ самой безотлагательной формѣ требованіе «убрать куда угодно покойницу», потому что это портитъ настроеніе праздника и встрѣчу праздника жильцами. Спѣшно ее вывезли въ часовню подъ колокольней Владимирской церкви,—что близъ Невскаго и Литейнаго. О злостности и цинизмѣ этого требованія, шедшаго со стороны «управляющей домою», мнѣ было передано съ горькою жалобой и съ желаніемъ, чтобы въ печати на это откликнулись и оглянулись. «Господа,—съ покойниками особенно по-человѣческому», хочется дать совѣтъ».

Мнѣ не хочется разбираться въ вопросѣ, почему и какъ отнеслась администрація писательскаго дома такъ непріязненно къ бреннымъ останкамъ А. А. Виноцкой. Счастье, что Богъ послалъ ей такую легкую кончину и что наплась любящая рука, которая со слезами на глазахъ смогла бросить въ холодную могилу писательницы на Смоленскомъ кладбищѣ горсть земли и сказать своей названной «тетѣ» и талантливой представительницѣ родной литературы послѣднее земное «прости»...

Б. Глинскій.

ЕЩЕ О „ЦАРСТВЕННОМЪ МИСТИКѢ“.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году я рѣшился издать мою книгу «Царственный мистикъ», въ которой изложилъ мою точку зрѣнія на высокоинтересную «легенду», отождествляющую личность сибирскаго старца Феодора Кузьмича съ личностью императора Александра I.

Съ тѣхъ поръ въ печати появилось много статей, затрагивающихъ этотъ вопросъ, и почти всѣ эти статьи были направлены противъ моей точки зрѣнія. Главнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ перу такихъ выдающихся знатоковъ александровской эпохи, какъ великій князь Николай Михайловичъ и Е. С. Шумигорскій.

«I humbly apologise», какъ говорить кардиналъ Вульсей Генриху VIII въ шекспировской драмѣ,— но эти статьи и даже приложенные къ нимъ документы ни на юту не переубѣдили меня, и я остаюсь при моемъ прежнемъ убѣжденіи, что Александръ I не умеръ въ Таганрогѣ въ 1825 году, а удалился отъ міра и окончилъ свою жизнь тридцать девять лѣтъ спустя въ Томскѣ въ образѣ старца Феодора Кузьмича.

Такимъ образомъ, великій князь Николай Михайловичъ оказался правъ, когда онъ въ статьѣ своей, напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», написалъ, что статья эта, «конечно, не помѣшаетъ кн. В. В. Барятинскому еще изощряться на эту тему и писать всякія книжонки».

«Книжонки» я еще не написалъ, но, внимательно изучивъ статьи моихъ оппонентовъ и цитируемые ими документы, хочу, на основаніи добраго стараго изреченія—*audiatur et altera pars*, предложить вниманію лицъ, интересующихся вопросомъ о таганрогской драмѣ, нѣкоторыя мои возраженія и соображенія.

Главными документами, приводимыми великимъ княземъ Ни-

колаемъ Михайловичемъ, являются два еще неизвѣстныхъ до сихъ поръ письма: одно—императрицы Елизаветы Алексѣевны къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ («Истор. Вѣстн.», мартъ), другое—камеръ-фурьера Д. Бабкина къ его сыну Григорію Д. Бабкину («Истор. Вѣстн.», апрѣль).

Августѣйшій историкъ придаетъ этимъ письмамъ рѣшающее значеніе. Позволяю себѣ не согласиться съ нимъ.

Письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны не прибавляетъ *абсолютно* ничего новаго къ тому, что уже извѣстно; это точный сколокъ съ ея же писемъ къ той же императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ маркграфинѣ баденской, писемъ уже давно извѣстныхъ. Въ немъ такъ же, если можно такъ выразиться, неприятно поражаетъ какая-то заученность и повторность красивыхъ фразъ, какъ и въ предыдущихъ письмахъ. Само собою разумѣется, я говорю «неприятно» не въ буквальномъ смыслѣ, а въ отношеніи «откровенности», на которой такъ настаиваетъ великій князь Николай Михайловичъ.

«Я самое несчастное созданіе...»— эта фраза уже фигурировала дважды: въ письмахъ къ матери и свекрови (отъ 19-го ноября).

«Потерявъ способность понимать, онъ сохранялъ способность любить...» эту фразу мы уже тоже читали въ письмѣ Елизаветы Алексѣевны къ маркграфинѣ Баденской (отъ 21-го ноября).

Такъ что впервые цитируемое великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ письмо ничего новаго, до нѣкоторыхъ фразъ включительно, намъ не даетъ.

Кстати сказать, великій князь, комментируя это письмо, пишетъ, что оно должно «убѣдить даже скептиковъ, что Александръ I общался святыхъ тайнъ въ полномъ сознаніи, а до этого и исповѣдывался».

Не знаю, почему великій князь на этомъ настаиваетъ: въ этомъ никто и не сомнѣвался, кромѣ его единомышленника Е. С. Шумигорскаго, который путемъ такого сомнѣнія старается объяснить тотъ фактъ, что Александръ I умеръ (или, по-моему, удалился отъ міра), не урегулировавъ вопроса о престолонаслѣдіи («Истор. Вѣстн.», апрѣль).

Чтобъ не возвращаться болѣе къ письму императрицы Елизаветы Алексѣевны, я долженъ еще разъ повторить то, что я говорилъ въ моей книгѣ «Царственный мистикъ»: Александръ не могъ «разыграть» (извиняюсь за тривиальное выраженіе) таганротской драмы безъ сообщничества нѣкоторыхъ лицъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало его супругѣ, и потому письма ея, писанныя послѣ 19-го ноября, не могутъ являться аргументами противъ моей теоріи.

Другое дѣло, если бъ великій князь Николай Михайловичъ могъ найти продолженіе дневника Елизаветы Алексѣевны, приво-

димаго имъ въ его извѣстной книгѣ «Легенда о кончинѣ императора Александра I», дневника, обрывающагося на 11-мъ ноября, томъ самомъ днѣ, когда царственные супруги имѣли между собой какой-то продолжительный разговоръ. Но августѣйшему историку наврядъ ли удастся найти это продолженіе, такъ какъ, по имѣющимся даннымъ, оно было, вѣроятно, уничтожено императоромъ Николаемъ I.

Перейдемъ теперь къ другому, несомнѣнно, болѣе интересному документу, цитируемому великимъ княземъ въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»—къ письму камеръ-фурьера Бабкина.

Авторъ этого письма выставляетъ себя, какъ ближайшаго свидѣтеля и очевидца послѣднихъ дней болѣзни и смерти Александра I въ Таганрогѣ.

Сопоставляя приводимыя имъ свѣдѣнія со свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ, болѣе авторитетныхъ и уже извѣстныхъ источниковъ, какъ дневники императрицы Елизаветы Алексѣевны, кн. П. М. Волконскаго, бар. Вилліе, «Histoire de la maladie» и др., я думаю, что авторъ письма писалъ больше по слухамъ, чѣмъ по личнымъ воспоминаніямъ. Въ этомъ отношеніи очень характерны хотя бы слѣдующіе два факта: Бабкинъ пишетъ, что Александръ, пріобшившись святыхъ тайнъ, «съ прерывающимся, но выразительнымъ тономъ произнесъ божественныя слова сіи: «я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь». Что Александръ I сказалъ нѣчто подобное, это совершенно вѣрно, но сказалъ онъ по-французски, обращаясь къ императрицѣ: «Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous remercie beaucoup» (см. «Журналъ кн. П. М. Волконскаго»).

Надѣюсь, что я не покажусь слишкомъ смѣлымъ, если выражу сомнѣніе въ знаніи Бабкинымъ французскаго языка.

Дальше: Бабкинъ пишетъ, что послѣ исповѣди и причастія императоръ на просьбу священника «принимать отъ врачей пособіе, обѣщаль и дался имъ дѣлать надъ собою, что хотѣли».

Что «обѣщаль», это—вѣрно, но что «дался», это невѣрно, такъ какъ извѣстно, что Александръ немедленно же сорвалъ поставленныя ему піявки и вообще продолжалъ не слушать врачей.

Это опять-таки свидѣтельствуешь о томъ, что Бабкинъ совсѣмъ ужъ не такой достовѣрный очевидецъ всего происходившаго.

Наконецъ, есть въ его письмѣ и еще одна значительная неточность, для очевидца непростительная,—онъ пишетъ: «на третій день анатомили и бальзамировали тѣло», тогда какъ вскрытіе и бальзамированіе происходило на слѣдующій же день.

Но, помимо всего вышеуказаннаго, письмо камеръ-фурьера поражаетъ еще въ одномъ отношеніи: стиль, которымъ оно написано.

Этотъ стиль совершенно не соотвѣтствуетъ (даже принимая во вниманіе, такъ сказать, «карамзиновскую» эпоху) стилю письма полуграмотнаго отца къ сыну. Такіе напоякъ. выпрепнѣя выра-

женія и обороты фразъ, какъ, напр.: «Я не плачу, а рыдаю, что пережилъ государя»; «сцена ужасная; всѣ мы на колѣняхъ у кровати рыдали и кровавыя проливали слезы»; «я давно уже вижу тебя въ слезахъ, другъ мой. Плачь, онъ достоинъ сердечной жертвы нашей»,—всѣ эти выраженія плохо вяжутся съ представленіемъ объ интимномъ письмѣ отца къ сыну, и особенно въ той средѣ, къ которой принадлежали Бабкины. Великій князь Николай Михайловичъ, приводя это письмо, предпосылаетъ ему нѣсколько строкъ, смыслъ которыхъ сводится къ тому, что письмо это настолько убѣдительно, что всякіе комментаріи явились бы излишними. Въ концѣ же своей замѣтки великій князь приводитъ нѣсколько біографическихъ данныхъ о камеръ-фурьерѣ Бабкинѣ и, между прочимъ, тотъ фактъ, что Бабкинъ «за труды, понесенные при перевезеніи изъ Таганрога тѣла въ Бозѣ почившаго императора Александра I, былъ пожалованъ перстнемъ 2-го мая 1826 года, а впоследствии ему было пожаловано тридцать тысячъ рублей на покупку дома». Не знаю, можетъ быть, у меня образъ мышленія «склонный къ подозрительности», но каюсь, что фактъ пожалованія простому камеръ-фурьеру тридцати тысячъ рублей, суммы, представлявшей для того времени капиталъ почти равнозначій ста тысячамъ въ наше время,—является въ моихъ глазахъ очень злымъ комментариемъ къ патетическому письму Бабкина.

Тридцать тысячъ! помилуй Богъ!—за какіе же такіе особенные труды? Подобная сумма—или приблизительно такая,—переводя на современную валюту, была отпущена, если не ошибаюсь, пятнадцать лѣтъ тому назадъ покойному министру внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сиягину для устройства дома на Фонтанкѣ, но между министромъ, статсъ-секретаремъ Его Величества, и камеръ-фурьеромъ—«дистанція огромнаго размѣра».

Затѣмъ, быть можетъ, великому князю Николаю Михайловичу неизвѣстно еще одно обстоятельство: письмо Бабкина—это безхитростное родственное письмо!—имѣлось почему-то въ копіи у секретаря... императрицы Елизаветы Алексѣевны! Почему это такъ случилось?

Тутъ ужъ, пожалуй, комментаріи, дѣйствительно излишни...

Во всякомъ случаѣ, не сомнѣваюсь, что оба документа, цитируемые великимъ княземъ, дадутъ Е. С. Шумигорскому лишній случай засвидѣтельствовать, что мой августѣйшій оппонентъ «неопровержимо доказалъ» «несомнѣнность смерти Александра I въ 1825 году и невозможность сближенія его личности съ личностью старца Θεодора», какъ почтенный Е. С. уже писалъ въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени» (1-го февраля) и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (апрѣль).

По поводу этихъ двухъ статей маститаго историка мнѣ хочется тоже поговорить, кое на что отвѣтить и кое о чемъ спросить.

Позволю себѣ начать съ мелочей.

На мою бѣду, пространная статья Е. С. Шумигорскаго (въ «Новомъ Времени») являлась возраженіемъ одновременно и на мою книгу, и на книгу К. Н. Михайлова. Говорю на мою бѣду, такъ какъ, насколько бы шаткими ни казались мои доводы въ глазахъ моихъ оппонентовъ, мнѣ хочется думать, что это все-таки—доводы, а не поэтический бредъ, каковымъ являются многія страницы въ книгѣ г. Михайлова, начиная съ подробнаго описанія бѣгства Александра I изъ Таганрога!

Сознаюсь, что Е. С. Шумигорскій меня немного уязвилъ, приравнявъ сдѣланную мною ошибку относительно мѣстечка «Козловъ» къ ошибкѣ, сдѣланной г. Михайловымъ относительно личности гр. Остенъ-Сакена.

Г. Михайловъ, спутавъ гр. Д. Е. Остенъ-Сакена съ одноименнымъ фельдмаршаломъ, строить на этой ошибкѣ цѣлый рядъ предположеній; я же въ невѣдѣніи моемъ (въ которомъ смиренно признаюсь), что въ началѣ XIX столѣтія Евпаторія называлась Козловымъ, выражаю въ моей книгѣ просто недоумѣніе, о какомъ Козловѣ можетъ итти рѣчь, и никакого значенія этому обстоятельству не придаю и никакихъ догадокъ на этомъ не строю.

Кстати сказать, Е. С. Шумигорскій, отмѣчая эту мою ошибку, дѣлаетъ невѣрную цитату изъ моей книги. Я не писалъ: «всѣмъ извѣстно, что Козловъ городъ Тамбовской губерніи», съ цѣлью, какъ можно понять изъ статьи г. Шумигорскаго, дискредитировать значеніе разбираемаго мною документа. Я писалъ дословно слѣдующее: «Трудно даже понять, какое мѣсто слѣдуетъ подразумевать подъ именемъ «Козловъ», такъ какъ очевидно, что рѣчь не можетъ итти объ уѣздномъ городѣ Тамбовской губерніи».

Смѣю надѣяться, что безпристрастный читатель увидитъ разницу между этой цитатой и тенденціозной фразой. приписываемой мнѣ Е. С. Шумигорскимъ.

Позволю себѣ, въ свою очередь, въ безобидную отместку, указать Е. С. Шумигорскому, что, возражая г. Михайлову, онъ самъ впадаетъ въ ошибку, утверждая, что фамилія фельдмаршала Фабіана Вильгельмовича была «просто Сакенъ». Его фамилія была такая же, какъ и фамилія Дмитрія Ерофѣевича, съ которымъ его спуталъ г. Михайловъ, т.-е. фонъ-дерь-Остенъ-Сакенъ; въ этомъ Е. С. можетъ убѣдиться путемъ хотя бы простой справки въ энциклопедическихъ словаряхъ. Фельдмаршалъ просто откидывалъ первую половину своей фамиліи, какъ это, напримѣръ, дѣлаютъ и въ наши дни многіе представители семьи фонъ-дерь-Остенъ-Дризенъ, называя себя просто «Дризенъ».

Но это все, конечно, мелочи.

Немного болѣе существенна ошибка Е. С. Шумигорскаго относительно доктора Добберта и существенна она собственно только

потому, что Е. С. выдвигаетъ ее, какъ болѣе или менѣе вѣскій аргументъ: онъ говоритъ, что если, молъ, нельзя вѣрить показаніямъ кн. Волконскаго и баронета Вилліе, то «что сказать о показаніи мѣстнаго таганрогскаго доктора Добберта».

Докторъ Доббертъ былъ придворный врачъ, состоявшій при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, а не случайный мѣстный врачъ, каковымъ, напримѣръ, являлся докторъ Александровичъ, появившійся въ таганрогскомъ дворцѣ въ послѣдній день и также подписавшій протоколъ о вскрытіи тѣла.

Но, въ концѣ концовъ, Богъ съ нимъ, съ докторомъ Доббертомъ! Въ статьѣ Е. С. Шумигорскаго есть гораздо болѣе важные пункты, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ.

Во-первыхъ, это—утвержденіе моего глубокоуважаемаго оппонента, что «удаленіе отъ міра» не могло соответствовать психологически настроенію Александра I.

Положеніе, выдвигаемое г. Шумигорскимъ, покоится на двухъ, такъ сказать, краеугольныхъ камняхъ: 1) нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ, чтобы думать, что Александръ I могъ испытывать какія-либо особенно жгучія угрызенія совѣсти въ связи съ событіемъ 11-го марта 1801 года; 2) онъ не исчезъ бы именно въ 1825 г., принимая во вниманіе политическія конъюнктуры, имъ же самимъ созданныя.

Относительно второго пункта очень трудно спорить, конечно: Е. С. Шумигорскому рисуется совсѣмъ иначе, чѣмъ мнѣ, картина душевныхъ переживаній Александра I въ послѣдніе годы его царствованія. Само собою разумѣется, что если отнять отъ Александра угрызенія совѣсти, душевную усталость, желаніе оставить престолъ, то отъ такого Александра нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы онъ въ такой серьезный политическій годъ, какъ 1825-й, скрылся отъ міра, предоставивъ своему преемнику расхлебывать кашу, имъ заваренную.

Но Александръ не былъ такимъ, какимъ его рисуетъ Е. С. Шумигорскій: въ послѣдній годъ своей «официальной» жизни онъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, мраченъ, апатиченъ, сосредоточенъ, безразличенъ къ событіямъ внѣшней жизни.

Стоитъ только вспомнить его образъ дѣйствій и слова, сказанныя Васильчикову по поводу военнаго заговора («не мнѣ наказыывать»); оставленный безъ резолюціи рапортъ Бенкендорфа; слова, сказанныя Голицыну по поводу манифеста о престолонаслѣдіи («положимся на Бога: онъ устроитъ все лучше насъ, слабые смертныхъ»); его твердое, высказанное весною 1825 г. принцу Оранскому намѣреніе оставить престолъ, намѣреніе, еще разъ подчеркнутое за три недѣли до таганрогской драмы въ разговорѣ съ Волконскимъ; обстановку его отъѣзда изъ Петербурга и проч., и проч.

Что же касается угрызеній совѣсти, мучившихъ Александра

въ связи съ убійствомъ Павла I, то въ существованіи ихъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Для этого достаточно прочесть записки князя Адама Чарторижскаго: «въ послѣдніе годы его царствованія та же мрачная идея (идея о томъ, что онъ своимъ согласіемъ на переворотъ способствовалъ смерти отца) снова завладѣла имъ, вызвала отвращеніе къ жизни и повергла въ мистицизмъ, близкій къ ханжеству».

Что же касается соображенія Е. С. Шумигорскаго относительно того, что, мучайся Александръ угрызеніями совѣсти, онъ не терпѣлъ бы близости кн. Волконскаго и Уварова,—я вполне раздѣляю взглядъ проф. Н. Н. Ойрсова, что «исключеніе Уварова и кн. Волконскаго изъ общей опалы, возложенной Александромъ на дѣятелей 11-го марта, объясняется тѣмъ, что эти лица не принимали *активного* участія въ трагическомъ происшествіи памятной ночи; одно же участіе въ заговорѣ съ цѣлью возведенія на престолъ было недостаточно для опалы, ибо въ числѣ заговорщиковъ былъ и самъ наслѣдникъ престола».

Еще нѣсколько словъ прежде, чѣмъ кончить статью. Оказывается, что у Александра I былъ камеръ-казакъ, всюду его сопровождавшій и носившій имя *Федоръ Кузьмичъ* Овчаровъ. Пріѣхавъ онъ съ императоромъ и въ Таганрогъ, откуда былъ отпущенъ на недолгій срокъ погостить въ родную станицу. Александръ «умеръ» въ его отсутствіи, и когда Овчаровъ пріѣхавъ проститься съ тѣломъ, то Волконскій и Виллье не допустили его къ тѣлу.

Овчаровъ этотъ потомъ жилъ въ области войска Донскаго и умеръ столѣтнимъ старикомъ.

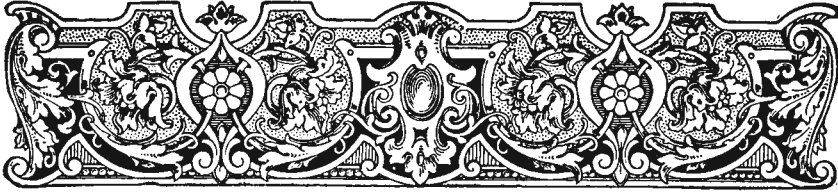
Изъ этого всего ничего, конечно, не слѣдуетъ, но сами по себѣ эти свѣдѣнія довольно любопытны.

Кн. В. Барятинскій ¹⁾.

¹⁾ Удѣляя мѣсто настоящей статьѣ кн. В. В. Барятинскаго, редакція «Историческаго Вѣстника» не считаетъ себя солидарною съ авторомъ по вопросу о тождествѣ императора Александра I съ старцемъ Федоромъ Кузьмичемъ. По нашему убѣжденію, кн. Барятинскому не удалось опровергнуть положеній, высказанныхъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, и личность легендарнаго старца остается попрежнему окутанною таинственнымъ туманомъ. Вѣдь даже покойный Н. К. Шильдеръ, нашъ давній сотрудникъ, на авторитетъ котораго любятъ ссылаться защитники легенды о Федорѣ Кузьмичѣ, даже онъ въ послѣдніе годы своей жизни отказался отъ своихъ первоначальныхъ предположеній. Наука до сихъ поръ не даетъ въ наше распоряженіе вѣрныхъ источниковъ для распознаванія, кто такой былъ и откуда взялся таинственный сибирскій старецъ, приковывающій нынѣ къ себѣ вниманіе изслѣдователей эпохи Александра I.

Б. Г.

ВЪ СМУТНЫЕ ДНИ ¹⁾,

(Очерки и наброски).

VI.

Митингъ.

А САМОЛЕТСКОЙ пристани въ Кинешмѣ коротали ночь въ ожиданіи пароходовъ нѣсколько часажировъ. Быстро завязалась общая бесѣда на текущія злобы дня. Дебаты открыли фабричные изъ Иваново-Вознесенска. Одинъ изъ нихъ разсказываль:

— Страшно теперь въ Ивановѣ жить... мы сбѣжали, пробираемся въ Нижній, авось тамъ найдемъ работу. А въ Ивановѣ одна маета: седни идетъ кой-какъ работа, а завтра нѣтъ... А ужъ какое озорничество пошло среди рабочихъ!.. грабятъ, жгутъ или берутъ выкупы съ купцовъ. Съ одного запросили семьсотъ рублей, тотъ не даль, ну, и сожгли на двѣ тысячи. Съ кого возьмутъ деньги, у того на двери мѣломъ поставятъ крестъ и сколько взято. Приходить другая партія, видятъ, что опоздала,— и назадъ... А какъ мы уходили, забастовщики собирались жечь ясли, богадѣльни, столовые... озвѣрѣлъ народъ!..

— Погодите!—подхватилъ осанистый купецъ:—не то еще увидимъ!.. дождемся, что народъ перестанетъ отличать друзей отъ не-

¹⁾ Окончаніе см. «Истор. Вѣст.», т. СХХХVI, стр. 174.

друговъ и станеть костить всѣхъ безъ разбора... И жаль народа, и зло беретъ на него...

— Ослабѣлъ ноне народъ...—вставилъ кто-то.

— Чего тамъ ноне!..—перебилъ купецъ:—и всегда-то онъ былъ слабъ... Болѣе тысячи лѣтъ прожилъ, а живетъ такъ, словно вчера пришелъ на мѣсто, а завтра снимется... На жизнь другихъ народовъ любо поглядѣть, а мы... не живемъ, а маемся и коптимъ небо...

— Держава наша преобширная...—какъ-то конфиденціально сообщилъ пожилой мужикъ.

— А что толку въ томъ?—напустился на него купецъ.—Соорудили храмину на полсвѣта, а она и ползеть по всѣмъ швамъ...

— Темный нашъ народъ...—возразилъ тотъ же мужикъ.

— Вездѣ народъ болѣе или менѣе темень,—сказалъ купецъ:—а живетъ вездѣ лучше, чѣмъ у насъ...

— Позвольте-съ!—перебилъ его плотный господинъ среднихъ лѣтъ:—я знаю Европу, и преклоняюсь предъ нею, и завидую ей... Но я не допускаю, будто мы идемъ уже на смарку... Нѣтъ-съ, погодите! мы еще скажемъ свое слово...

— И удивимъ Европу,—вставилъ господинъ въ очкахъ.—Мы уже давно ее удивляемъ... Европа, напримѣръ, знаетъ свободу—и только! А у насъ вдругъ проявилось нѣсколько «свободъ»—четыре, пять, шесть и т. д. И такъ мы во всемъ: то недосолимъ, то пересолимъ...

— Вотъ погодите!—пророчилъ радикалъ:—событія назрѣваютъ.. и скоро вы убѣдитесь, какъ нашъ народъ сразу шагнетъ... Если бы вы знали, какія свѣтлыя головы есть среди народа!..

— Господи!—прервали «очки»:—кто же не знаетъ, что у насъ всегда были, есть и будетъ свѣтлыя головы, борцы за правду и тѣ праведники, ради которыхъ Богъ еще падить русскую землю!.. А все же... «возъ и понынѣ тамъ»...

— Нѣтъ, нѣтъ!—протестовалъ радикалъ:—быть не можетъ, чтобы возъ не тронулся, наконецъ!.. Вы не знаете, видно, новыхъ людей изъ народа—чистые богатыри!.. Недавно я былъ въ Иваново-Вознесенскѣ и не разъ на митингахъ слушалъ предсѣдателя комитета рабочихъ Дунаева. Это—простой рабочій, «подрѣзальщикъ» на ткацкой фабрики, а голова министерская!.. Умень, развитъ, рѣчиствъ, нужды рабочихъ отлично знаетъ, и въ законахъ свѣдущъ, и вообще жизнь понимаетъ... А какой превосходный ораторъ, остроумный, находчивый... втупикъ ставилъ всѣхъ оппонентовъ, до губернатора включительно. Разъ старшій фабричный инспекторъ, обсуждая какой-то неудобный для рабочихъ законъ, обмолвился, что всякій-де законъ можно и такъ и этакъ толковать... Дунаевъ сейчасъ же подхватилъ его на зубокъ: «товарищи, г. инспекторъ увѣряетъ, что наши законы—это дырявое рѣшето: куда наклонишь его, туда и посыплется зерно...» Въ многочисленной

толпѣ раздался такой дружный хохоть, что инспекторъ, сконфу-
женно что-то лепеча, поспѣшилъ удрать съ площади, гдѣ шелъ ми-
тингъ...

— Вотъ, и у насъ въ Костромѣ,—прибавилъ одинъ пассажиръ:—
есть такой же умница, какъ Дунаевъ, тоже предсѣдатель комитета
рабочихъ—Ботоговскій. Простой слесарь, такой развитой, дѣ-
ловитый, знающій, хорошій ораторъ, прекрасный организаторъ.
Какъ онъ держитъ въ рукахъ рабочихъ и какъ умѣло руководить
ими...

— Эхъ, господа!..—горько замѣтилъ купецъ-скептикъ:—мало
вы знаете нашъ народъ... Пусть явятся сотни Дунаевыхъ и Бото-
говскихъ—и они не сдвинуть съ мѣста нашего неуклюжаго «воза»,
который забрался въ страшную труппу и загрязъ въ трясинѣ...
А, впрочемъ... отъ души желаю, чтобы наши... телята волка пой-
мали...

— И пымаемъ дай срокъ!..—неожиданно буркнулъ вихрастый
парень, фабричный изъ Наволока.

— Что же вы пымаете?—ехидно спросила юркая старушонка,
мѣщанка изъ Твери.

— Отберемъ фабрики у хозяевъ...

— Съ какой это благодати?!

— А съ такой!.. наши фабрики!.. мы нажили хозяевамъ мил-
ліоны...

— Ничего бы вы не нажили, если бы хозяйскія головы были
набиты такой же трухой, какъ ваши... Чтобы миллионы нажить,
надо головой поработать, а безъ головы цѣна вашимъ рукамъ
грошъ!.. А начиналось фабричное дѣло нешто на ваши миллионы?!

— А мы имъ выплатимъ...

— Держи карманъ шире—выплатите вы!.. Не захочетъ хозяинъ
съ вами валандаться и закроетъ фабрику...

— Не смѣть: казна не позволить!..

— Не смѣть?! Это свою-то собственность?!.. ишь какіе вы слад-
кіе!... А скажи-ка мнѣ: сколько у тебя рубахъ?—неожиданно по-
вернула старушка.

— Съ полдюжины найдется.

— Дай мнѣ три штуки... пригодятся моему сыну...

— Купи!—ухмыльнулся парень.

— Ага! то и купи!.. даромъ своего не отдашь, зубами въ свое
добро вцѣпишься!.. а у фабриканта можно задаромъ отобрать его
собственность?!..

— Эхъ, Божья старушка!—сокрушенно сказалъ парень:—ни-
гдѣ нѣтъ правды!..

— Не тамъ вы ищете правду...—началъ господинъ въ очкахъ.—
Всѣ объ одной монетѣ хлопочуть: фабричнымъ всѣ фабрики отдай,
мужикамъ всѣ земли, городской голытьбѣ дома, лавки... Все это

не то!.. съ такой «правдой» далеко не уйдете!.. Ну, хорошо! ограбите всѣхъ богатыхъ и малость поѣдите послаже, вволю нахлещетесь виномъ, сладко выспитесь... А потомъ что же? грабить ужъ нечего будетъ, а апштиты ваши разгуляются... Развѣ другъ друга станете грабить?.. и это будетъ!...

— Такая-то грызня пойдетъ межъ нами—страсть!..—подтвердилъ пожилой крестьянинъ.—И что же это будетъ? все остановится: торговля, фабрики, заводы... замретъ наша страна!..

— Толкують вотъ,—говорилъ купецъ-скептикъ:—о «борьбѣ пролетаріата съ капиталомъ»... Полноте! борьба идетъ, но всѣ помышленія массъ направлены именно на пріобрѣтеніе того же капитала, въ видѣ ли земли, фабрикъ и т. д. Ну, хорошо: пусть сейчасъ землю всю раздѣляютъ всѣмъ поровну. Что же? надолго удержится эта дѣлжка?.. Черезъ нѣсколько лѣтъ снова земля станетъ подбираться въ болѣе сильныя и умѣлыя руки, и «хозяйственные мужички» живо превратятся въ новыхъ помѣщиковъ... Людей не передѣлаешь!..

— Какъ же такъ?!—вскрикнулъ фабричный:—значить, ложиться намъ и помирать?!..

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтили «очки»:—жизнь идетъ впередъ и назадъ ее не повернешь... И ваша фабричная жизнь съ каждымъ днемъ улучшается. Спросите-ка своихъ стариковъ: такъ ли имъ жилось на фабрикахъ, какъ вамъ?

— Что и говорить!—откликнулся молодой ивановецъ:—мы диву даемся, какъ послушаемъ про жизнь фабричныхъ лѣтъ тридцать—сорокъ назадъ... Такъ жить мы не согласны!..

— Вотъ то-то... И большаго дождетесь: и заработокъ увеличится, и паи станете получать, и въ управленіи будете участвовать... Все будетъ, дайте время!.. все идетъ къ лучшему...

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ!..—перебилъ радикаль:—нельзя, господа, такъ жить... Въ Питерѣ, въ провинціи—вездѣ такой хаосъ, безпорядки, злоупотребленія... страшно становится!.. Взять хотя бы эту несчастную войну—сплошной ужасъ и позоръ!..

— Да, ужъ эта война...—замѣтилъ купецъ.—Нс вотъ, господа, чего я не могу понять: какъ могла вся Россія такъ обмануться въ Куропаткинѣ? Всѣ мы ждали отъ него чудесь, а вышелъ полный крахъ!..

— Далеко не всѣ!—отозвались «очки».—Многіе были страшно подавлены, когда узнали о назначеніи Куропаткина... Они уже тогда считали войну проигранной...

— Но вѣдь онъ былъ начальникомъ штаба у самого Скобелева...

— Въ томъ-то и бѣда! Это-то обстоятельство и есть самая плохая аттестація Куропаткина...

— Я васъ не понимаю...

— Очень просто... Всѣ почти позабыли старую истину, что у талантливыхъ полководцевъ не бываетъ талантливыхъ начальниковъ штаба... Скобелеву былъ нуженъ лишь толковый исполнитель его воли... И вообще, таланты не терпятъ подлѣ себя другихъ талантовъ, не уживаются съ ними, да и не нуждаются въ нихъ. Таланты любятъ свиту изъ посредственностей и бездарностей...

— Позвольте! вотъ Мольтке былъ, несомнѣнно, талантливымъ начальникомъ штаба...

— Да, но именно онъ подтверждаетъ указанную истину: онъ былъ начальникомъ штаба у бездарнаго полководца... А помнить ли кто начальниковъ штаба у Наполеона I, Суворова, Кутузова и другихъ талантливыхъ полководцевъ?

— Нѣтъ... не знаю... не помню...—раздалось кругомъ.

— И не стоитъ ихъ помнить: талантовъ между ними не было... А у насъ вспомнили, къ сожалѣнію, о Куропаткинѣ—единомъ изъ малыхъ сихъ—и дали ему страшно отвѣтственное дѣло, надъ которымъ и талантъ призадумался бы...

— Да, надѣлалъ зла чловѣкъ... не скоро его расхлебашь!..—заклучилъ степенный крестьянинъ.

— И какого еще зла!..—наивно добавила чуйка.—Помилуйте, все подорожало—сахаръ, керосинъ, дрова... ситець по четырнадцать копеекъ... А у меня семья... и двѣнадцать рублей жалованья... Какъ тутъ жить?!..

Дебаты прервалъ гулкій свистокъ верхового парохода. Пассажиры засуетились. Митингъ разошелся, не постановивъ резолюцій...

VII.

Въ тихой заводи.

Темною августовскою ночью подходилъ я на пароходѣ къ маленькому приволжскому городку, не безъ тревоги думая: какъ-то теперь выглядываетъ этотъ милый и скромный дачный городокъ, когда вездѣ такъ разбушевалось море русской жизни и отовсюду слышатся раскаты надвигающейся грозы?

Дорогою приходилось много слышать о всеобщей расшатанности и наблюдать растущій въ небывалыхъ размѣрахъ духъ хулиганства. Неужели имъ заразился и этотъ живописный городокъ, утопающій въ зелени садовъ и роцъ, гдѣ такъ легко всегда жилось и такъ сладко отдыхалось?! Обыватели городка отличаются добродушіемъ, спокойными нравами, мирными наклонностями. Мѣстные босяки наперечетъ и также благодушны и безвредны.

Начальство въ городкѣ подѣлано обывателямъ и отношенія обѣихъ сторонъ самыя мирныя. Если когда ужъ слишкомъ накуралесить начальство, и тогда обыватели сокрушенно говорили:

— Ужъ такая это нация—чиновники!.. ничего не подѣлашь!..

Одинъ изъ прежнихъ градоправителей какъ-то въ жаркій июльскій день пролетѣлъ по подгородной слободѣ, стоя во весь ростъ въ пролеткѣ, мимо изумленныхъ слобожанъ, и оралъ пьянымъ голосомъ:

— Разгребайте снѣгъ, с... дѣти!.. живо у меня!..

Несомнѣнно, онъ страдалъ галлюцинаціями, какъ и бессонницей: по ночамъ онъ пугалъ обывателей, дѣлая пожарныя тревоги, чтобы подтянуть распустившуюся отъ бездѣлья команду. Къ счастью для горожанъ, разъ градоправитель спяна налетѣлъ ночью съ пожарной командой на домъ, въ которомъ обиталъ съ матерью представитель «независимаго» вѣдомства. Старушка такъ перепугалась, что едва не умерла... «Независимый» сталъ на дыбы и заставилъ прекратить ночныя тревоги. За такую примѣрную энергію градоправителя скоро перевели въ «губернію».

У новаго градоправителя была другая страсть: онъ всецѣло отдался ловлѣ въ городѣ и уѣздѣ «внутреннихъ враговъ», махнувши рукой на всѣ обывательскія дѣла. Приходить къ нему мѣщанка съ просьбой принять мѣры къ розыску похищенныхъ у нея «животовъ», а онъ разноситъ ее, какъ плохую патріотку:

— Убирайся ты!.. ишь что выдумала!.. стану я заниматься твоими пропавшими юбками... у меня дѣла поважнѣе твоихъ юбокъ!..

Горожанамъ же изъ «чистой публики», жаловавшимся на разные непорядки въ городѣ, онъ сообщалъ конфиденціально:

— Помилуйте! когда же мнѣ смотрѣть за всякими пустяками?!.. У насъ теперь на первомъ планѣ государственныя дѣла!..

— Государственныя?! въ такой глуши?!—сомнѣвался обыватель.

— Ну, да!.. прежде всего мы обязаны охранять государство отъ внутреннихъ враговъ... А тутъ завелось ихъ гнѣздо...

— А какъ же обывательскія дѣла?..

— Обыватель долженъ потерпѣть... Придетъ время, займемся и его пустяками...

Градоправители часто мѣнялись въ описываемомъ городкѣ, но одинъ изъ ихъ помощниковъ долго былъ несмѣняемымъ, главенствуя надъ охранителями порядка и благочинія. Это было толстое, сонное, лѣнливое и добродушное существо, по какому-то недоразумѣнію попавшее на боевой постъ. Изъ него выпелъ бы недурной попь, а онъ пошелъ въ охранители!.. Впрочемъ, и въ нашемъ мирномъ городкѣ никакіе «внутренніе враги» не помѣшали ему жирѣть, толстѣть, благодушествовать, а временами и бражничать.

Запоздавшимъ обывателямъ приходилось нерѣдко наблюдать, какъ охранитель благочинія, охваченный винными парами, ползетъ ночью изъ клуба къ себѣ домой, на крутую гору, буквально

на четверенькахъ... Ползеть толстякъ, пыхтитъ отъ натуги, фыркаетъ и рычитъ, ругая содержителя земской почты, не приславшаго лошади, чтобы свезти начальство «по казенной надобности»...

Всѣ эти воспоминанія изъ вчерашняго прошлаго всплыли невольно, когда ночью я сошелъ съ парохода и благополучно добрался до мѣстнаго «отеля». Черезъ нѣсколько дней я переселился на гору, снявши комнату въ новомъ домѣ, стоявшемъ довольно глухо въ саду. Первые дни, пока отсутствовала семья хозяйки, я жилъ одинъ. Является какъ-то ночной сторожъ нашей улицы и рекомендуется:

— Можете, стало быть, спать спокойно, потому я, стало быть, человекъ безпокойный...

Вотъ такъ успокоиль, думаю... Но онъ послѣшилъ объясниться:

— Я, стало быть, все сучусь.. въ сутки, стало быть, и двухъ часовъ не сплю... и ночью, стало быть, все стучу... стучу...

Подъ опекою «безпокойнаго человекъ» жилось, дѣйствительно, очень спокойно. Я началъ возобновлять знакомство съ городкомъ и обывателями. Все какъ будто было по-старому, но въ то же время вездѣ чувалось что-то новое, пока еще неясное, не поддающееся опредѣленію... Сонныя лица оживились, въ глазахъ загорѣлись не то какіе-то вопросы, не то недоумѣніе, растерянность, заговорили и «младенцы». Но во всемъ оживленіи било въ глаза что-то нервное, безпокойное, неустойчивое, не дававшее вѣры въ будущее...

Въ городкѣ прежде всего поражаало небывалое обиліе солдатъ, которые, видимо, изнывали отъ скуки и бездѣлья, слоняясь цѣлые дни по улицамъ, мирно бесѣдуя съ обывателями и дѣятельно участвуя въ играхъ ребятъ. Послѣдніе были въ восторгѣ отъ новыхъ товарищей, но горожане говорили о присланной ротѣ въ крайне обиженномъ тонѣ:

— А шутъ ихъ знать, зачѣмъ нагнали солдатъ!.. развѣ мы бунтовщики?!.. Ну, кой-когда и выпьемъ, и поругаемся, и раздеремся, заберутъ насъ въ каталажку... все честь-честью!.. Развѣ же это бунтъ?!.. И съ полиціей мы не воюемъ... мы довольны!.. А за роту потомъ отдувайся: съ насъ же деньги взыщутъ...

Но горожане напрасно обижались: рота была прислана въ виду происходившихъ въ уѣздѣ небольшихъ аграрныхъ вспышекъ.

Между тѣмъ политика все болѣе захватывала обывателей. Въ «манифестѣ 6-го августа» крестьяне пахотныхъ слободъ открыли именно то, что давнымъ-давно хранится въ тайникахъ мужицкой души... Они поздравляли другъ друга, наивно говоря:

— Слава Богу! дождались, наконецъ, царскаго указа объ отобраніи земель у помѣщиковъ...

Какими путями получился такой неожиданный выводъ изъ невиннаго акта «6-го августа»—это знаетъ только «мужицкая логика», никѣмъ еще основательно не изслѣдованная...

Взволноваль этотъ актъ и болѣе развитыхъ мѣщанъ, но по болѣе резоннымъ причинамъ. Они были страшно разобижены, что крестьяне получили право представительства въ государственной думѣ, а мѣщане нѣтъ. Представительство же отъ города они справедливо считали представительствомъ городской буржуазіи, а не мѣщанской бѣдноты. Они твердили:

— Опять бѣдный человѣкъ въ дуракахъ остался...

Много было толковъ на эту тему, но ихъ скоро заглушили вѣсти о мирѣ съ Японіей. Всѣ приняли миръ съ восторгомъ, который, однако, скоро поостылъ, когда одинъ старикъ-нищій, бродя по городу, увѣренно говорилъ:

— Влетитъ вамъ миръ здорово!.. Съ каждаго двора возьмутъ по десяти рублей налога, чтобъ заплатить Японіи за миръ...

И многіе вѣрили бродягѣ... Но даже въ видѣ рѣдкаго исключенія не было желавшихъ продолженія войны. Одинъ мѣщанинъ разсуждалъ:

— Правда, людей у насъ много и совсѣмъ не замѣтно, что брали запасныхъ солдатъ. Въ нашей слободѣ взяли трехъ—словно никого не брали!.. А все же мириться надо: неспособна намъ эта война... Пусть японецъ сюда явится—будетъ другой разговоръ!.. И Соколинскаго острова не жаль: для каторжниковъ найдутся мѣста... Пусть и налоговъ прибавятъ ради мира: пожмемся, а заплатимъ...

Такъ мирно и благополучно были настроены обыватели городка, который и въ смутные дни не обманулъ всѣхъ жаждавшихъ найти въ немъ покой и отдыхъ. Далекая буря отражалась чуть замѣтною рябью на поверхности такихъ водъ.

Но этотъ общій сѣренькій тонъ мѣстной жизни замѣтно нарушался нѣсколькими болѣе чуткими и отзывчивыми обывательскими натурами, которыя всегда выдѣлялись «безпокойнымъ» нравомъ, а теперь забурлили еще сильнѣе. Остановлюсь на одномъ изъ этихъ «безпокойныхъ».

VIII.

Хворостинъ.

Врядъ ли въ нашемъ городкѣ найдется хотя одинъ обыватель, не знающій Василю Ивановича Хворостина. Всѣмъ хорошо знакома его худошавая и сутуловатая фигура, съ тонкими чертами подвижного и энергичнаго лица, освѣщеннаго живыми и вдумчивыми глазами, зорко за всѣмъ наблюдающими. Кипучая энергія проглядываетъ во всѣхъ его движеніяхъ, всегда быстрыхъ, порывистыхъ, суетливыхъ. Несмотря на свой уже солидный возрастъ, онъ какъ будто не умѣетъ ходить, а вѣчно бѣгаетъ, всегда торо-

пясь, хотя бы шель на прогулку или за сущими пустяками. Летить Василий Ивановичъ по улицѣ, полы его пальто развѣваются, фуражка ползетъ на затылокъ, изъ-подъ нея торчатъ во всѣ стороны выбившіеся вихры черныхъ волосъ, очки сползаютъ на кончикъ носа, и поверхъ ихъ пытливо глядятъ близорукие и добрые глаза, нерѣдко загорающіеся рѣзкимъ огонькомъ гнѣва, негодованія.

По профессіи онъ столяръ, прекрасный мастеръ своего дѣла, извѣстный и за предѣлами городка. Но онъ болѣе извѣстенъ съ другой стороны. Не занимая никакой общественной должности, Хворостинъ является виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ прирожденный «протестантъ» противъ всякаго зла, насилій, злоупотребленій, убѣжденный борецъ за правду, искренній «свободолюбецъ», какъ самъ себя опредѣляетъ. Всегда онъ кого-нибудь или что-нибудь громить, разносить, обличаетъ, вѣчно протестуя, волнуясь, негодуя. Поговорить онъ любитъ и большой мастеръ говорить, живой, отзывчивый, остроумный, а нерѣдко и ядовитый.

Изъ него вышелъ бы отличный народный трибунъ, съ могучимъ вліяніемъ на толпу. Но «отцы города», сильно страдающіе отъ остраго языка Хворостина, не пускаютъ его ни въ думскіе гласные, ни на другія общественныя должности. Они догадались чуточку понизить оцѣнку его дома и тѣмъ вывели хозяина изъ цензовой нормы... Хворостинъ былъ очень огорченъ этимъ маневромъ, всячески протестовалъ, но добиться правды не могъ.

Волею-неволею ему приходится довольствоваться узкими рамками случайныхъ сборищъ обывателей, какъ въ своемъ городѣ, такъ и въ дорогѣ—на пароходахъ и вездѣ, лишь бы набѣжалъ подходящій случай для обличеній, протестовъ и т. д. Составъ слушателей нисколько его не смущаетъ: онъ одинаково свободно и горячо будетъ отстаивать свои взгляды, какъ среди близкихъ людей, такъ и въ мало знакомой базарной толпѣ, и въ совсѣмъ незнакомомъ кругу пароходныхъ пассажировъ, будь-то хоть публика I-го и II-го классовъ. Нигдѣ онъ не потеряется, вездѣ сохранитъ свое достоинство и всѣхъ заинтересуетъ умной, живой и непринужденной бесѣдой.

Даровитый самородокъ, Хворостинъ значительно развилъ себя чтеніемъ книгъ и бесѣдами съ людьми образованными. Его любознательности нѣтъ предѣла: его интересуется вся совокупность жизни, отъ самыхъ высшихъ міровыхъ вопросовъ и кончая самыми мелкими злобами дня. Все онъ хочетъ знать, постичь, уяснить и во все вносить своеобразные взгляды и сознательно выработанныя убѣжденія. Голова его работаетъ неустанно надъ разными запросами жизни, одинъ жизненный проектъ родится у него за другимъ.

Самъ онъ какъ-то замѣтилъ о себѣ:

«истор. вѣстн.», май 1914 г., т. сxxxvi.

— Не люблю, когда меня въ глаза хвалятъ—совѣстно слушать... Вотъ какъ бранятъ—этого не боюсь... У кого рыльце въ пушку—тѣмъ не нравятся мои рѣчи. Они называютъ меня безпорочнымъ человѣкомъ, даже «нарушителемъ общественнаго спокойствія»—и это слышалъ!.. Говорятъ про меня: чего онъ суетится? что ему нужно?.. А мнѣ ничего для себя не нужно, но не могу же я молчать, когда они дѣлаютъ не по правдѣ и не даютъ людямъ жить!..

Да, молчать Хворостину трудно, когда онъ встрѣчаетъ зло, неправду. Надо послушать его громовыя рѣчи, когда онъ разноситъ беспорядки и хищенія въ городскомъ хозяйствѣ, общественномъ банкѣ и пр., и пр. Иногда онъ приходитъ въ отчаяніе отъ мѣстной и всероссійской неурядицы и скорбитъ:

— Не дождемся мы, чтобы Россія походила на Европу: очень ужъ туго къ намъ прививается все хорошее... Такъ ужъ повелось у насъ изстари... ничто доброе не ладится, не ко двору оно намъ...

Но проходятъ эти минуты разочарованія, и Хворостинъ вновь принимается за посильную борьбу со зломъ. Случился пожаръ по соседству, онъ мчится туда однимъ изъ первыхъ и раньше пожарной команды, хотя для нея разстояніе много ближе. Ползетъ затѣмъ и команда, но безъ воды, а пока дождались воды—домъ уже догоралъ...

Не выдержалъ Хворостинъ и тутъ же, передъ толпою обывателей, сталъ громить и пожарныхъ, и управу, и полицію. Городской голова, члены управы и другіе заправилы стояли въ двухъ шагахъ и молча, поживаясь, выслушивали грозныя обличенія. И никто изъ нихъ не рискнулъ огрызнуться на правдивыя рѣчи Хворостина, въ виду возбужденной его словами толпы.

Разъ онъ попалъ въ понятые при обыскѣ у одного «политическаго». Полицейскіе безцеремонно начали читать вслухъ интимную переписку арестованнаго молодого человѣка съ предметомъ его любви. Обоихъ влюбленныхъ, въ перепискѣ которыхъ не было ничего «политическаго», знали всѣ присутствовавшіе при обыскѣ. Хворостина это возмутило, и онъ прямо высказалъ исправнику, какъ возмутительно копаться въ чужой душѣ и дѣлать дѣвушку предметомъ сплетень... Даже полиція устыдилась и вняла горячему протесту Хворостина: переписку молча сталъ пробѣгать дальше кто-то изъ начальства.

Надо отмѣтить, что Хворостинъ человѣкъ религіозный, но не мистикъ и не пустосвятъ. Онъ отрицательно относится къ большинству духовенства, специализовавшемуся на обрядовой и показной сторонѣ религіи. При томъ ему знакомы нравы клириковъ, не всегда достойные уваженія, и онъ частенько воюетъ съ попами. Какъ-то Великимъ постомъ онъ писалъ мнѣ между прочимъ: «призываютъ попы всѣхъ говѣть и каяться и велятъ терпѣть, а сами не терпятъ и постомъ запоемъ пьютъ...»

Разные богословскіе и церковные вопросы онъ рѣшаетъ такъ смѣло и своеобразно и такъ беспощадно критикуетъ церковную схоластику, что изъ него могъ бы выработаться видный «ересіархъ», основатель новой секты, если бы у него вопросы общественной жизни не доминировали надъ религіозными и другими запросами личной жизни.

Конечно, Хворостина не миновала скользкая стезя корреспондента. Интересные очерки изъ жизни городка были помѣщены имъ въ губернской газетѣ, но дальнѣйшее сотрудничество не устроилось по винѣ редакціи, не сумѣвшей оцѣнить и поддержать талантливаго самородка...

Пишетъ онъ довольно бойко и своеобразнымъ языкомъ, причѣмъ иногда риемуетъ свою прозу, придерживаясь стихотворнаго размѣра (черта многихъ самородковъ). Вотъ отрывки изъ его писемъ (1905 г.), въ которыхъ исправляю только грамматическія ошибки:

«... Я уже испыталъ на себѣ: чѣмъ человекъ выглядитъ благороднѣе—предъ нимъ будь осторожнѣе; какъ богаты, такъ и плутоваты; бѣденъ крестьянинъ и рабочій людъ—всѣ пожираютъ ихъ кровавый трудъ. Молись да трудись, а безъ хлѣба садись... Кругомъ баринъ, а человекъ нѣтъ нигдѣ. Купцы торгуютъ, какъ хотятъ; власти плутуютъ, какъ умѣютъ; а мы сошки и передъ нами то злая собака, то ласкова кошка...»

Въ другомъ письмѣ онъ рисуетъ главную бѣду «сошекъ» «Плохо быть безъ голоса!.. Просили мы въ двухъ мѣстахъ лѣстницы подъ гору сдѣлать: голоса нѣтъ!.. Фонари въ темныя ночи не горятъ: просили, да тоже голоса нѣтъ... Въ земской больницѣ новый докторъ, молодой холостякъ, предложилъ фельдшерницѣ недозволительныя любезности,—она отклонила. Вздумалъ докторъ повторить и получилъ поцѣлуй дамской ручки по обѣимъ ланитамъ столько, сколько успѣлъ взять, да еще при публикѣ. И за это бѣдные супруги (мужъ фельдшеръ) оба изгнаны изъ рая: голоса нѣтъ!.. Въ день Богоявленія батюшка сталъ проповѣдь читать, а дьяконъ къ выносу иконъ приглашать, а надзиратель народъ изъ церкви гнать, и всѣ кричать!.. Эти съ голосомъ!..»

Когда лѣтомъ 1905 года мы свидѣлись, въ Хворостинѣ бросалась въ глаза необычайная приподнятость тона и большой подъемъ духа. Подъ влияніемъ общерусскаго возбужденія сталъ открываться «голосъ» у всѣхъ, а всего сильнѣе у такихъ «безпокойныхъ» натуръ. И если раньше, при общей безголосицѣ, рѣдко когда Хворостинъ былъ «безъ голоса», то теперь голосъ его зазвучалъ еще громче, бодрѣе и увѣреннѣе, какъ голосъ вдругъ народившагося «гражданина».

Пришлось ему расчитать плохого рабочаго. При расчетѣ загорѣлся шумный разговоръ, слышный и на улицѣ. Въ мастерскую влетѣлъ проходившій мимо городской и набросился на хозяина:

- Что за шумъ такой?
- Никакого шума у насъ нѣтъ,—возразилъ Хворостинъ:—а идетъ между нами разговоръ...
- Нельзя такъ кричать!.. это безпорядокъ!..
- А это не безпорядокъ, что ты ворвался въ мой домъ?.. Кто тебя звалъ?..
- Мы обязаны...
- Вы обязаны не ломиться въ частныя квартиры...
- Да нешто я ломился?..
- Вломился и зря накричалъ самъ, а насъ винишь за шумъ!.. Какъ ты смѣешь врваться въ мой домъ?! Законъ это воспрещаетъ!.. Ступай вонъ и не мѣшайся не въ свои дѣла!..

Городовой ушелъ, смущенный новыми потками въ «голосѣ» Хворостина...

Тотъ же расчитанный рабочій утащилъ у Хворостина столярныя инструменты и пиджакъ. Полиція все отобрала у него и инструменты вернула хозяину, а задержала почему-то пиджакъ. Прошло два мѣсяца, а злосчастный пиджакъ все остается въ полиціи: днемъ онъ виситъ, какъ «вещественное доказательство», а ночью надѣвается городовыми для ихъ частныхъ нуждъ...

Встрѣчаетъ Хворостинъ полицейскаго надзирателя и почтительно докладываетъ:

- Прошу исполнить вашу обязанность...
- Какую обязанность?
- Составить протоколъ о моемъ пиджакѣ и вернуть мнѣ мою собственность... это ваша обязанность...
- Нѣтъ у меня обязанности возиться съ твоимъ паршивымъ пиджакомъ...
- Потому онъ и опаршивѣлъ, что его вотъ уже два мѣсяца таскаютъ ваши городовые... Развѣ это по закону?!..
- У меня дѣла государственной важности, а онъ тутъ носится со своимъ пиджакомъ!.. цѣль онъ, и въ свое время получишь.
- Какъ онъ будетъ цѣль, ежели его таскаютъ городовые?!..
- Отстань!.. или захотѣлъ каталажки попробовать?..

Хворостинъ махнулъ рукой и снова сталъ ждать. Какъ-то вечеромъ догоняетъ онъ надзирателя, возвращавшаго домой сильно навеселѣ. Тутъ же шло нѣсколько горожанъ. Обращаясь къ нимъ, Хворостинъ начинаетъ разносить надзирателя:

— Полюбуйтесь, господа, на нашего охранителя!.. Брюхо онъ отрастилъ, всегда пьянъ, и только баклуши бьетъ, а обывательскими дѣлами не занимается...

Обратившись къ самому надзирателю, онъ продолжалъ:

— Ни одной кражи ты не раскрылъ!.. Дошло до того, что днемъ тащатъ коровъ со дворовъ... Для богатыхъ людей еще понатужиться и кой-что сдѣлаешь, а для бѣдныхъ и пальцемъ не дви-

нешь... Вотъ больше двухъ мѣсяцевъ не могу выручить изъ полиціи своего пиджака!..

Долго продолжалась эта проборка, подъ хохотъ обывателей... На другой день надзиратель встрѣтился съ Хворостиннымъ какъ ни въ чемъ не бывало, обошелся съ нимъ очень любезно и велѣлъ приходить за злосчастнымъ пиджакомъ...

У обывателя сталъ обрѣтаться «голосъ», зазвучавшій вдругъ такъ властно, что волею-неволею всѣ стали къ нему прислушиваться...

Послѣ моего отъѣзда Хворостинъ писалъ, какъ въ гордкѣ прошло «17-ое октября».

«И мы немножко счудили... Прошли городомъ съ флагомъ свободы, пѣли марсельезу, и на площади рѣчи говорили, купцовъ и начальство задѣли, а городскую управу шибко толкнули. Не по вкусу начальству пришлось, а управѣ всѣхъ хуже... Выписали роту солдатъ и казаковъ. Вся рота съ ружьями двухъ пьяныхъ усмиривала... Начались аресты... И слухи ходятъ, что не одобровать всѣмъ свободолюбцамъ. И не знаемъ, что будетъ съ нами завтра... А мы думаемъ и вѣримъ, что есть Богъ и законы, и настанетъ всему злему конецъ...»

Начало «освободительнаго движенія» Хворостинъ такъ образно охарактеризовалъ: «Я весь разстроенъ за всю Россію... Сорвался съ цѣпи русской медвѣдь, пошелъ напроломъ, сталъ мять и ломать, и реветъ, и искать въ трущобахъ и дебряхъ прямую и вѣрную дорогу... И въ страхѣ забили тревогу и на бѣднаго Мишу наставили пушки, пулеметы, кресты и иконы, и новы и стары законы. Какъ ни рвался въ стороны Миша, какъ ни бросался на свору охотниковъ, а все-таки бѣдняжку въ клѣтку загнали...»

Закончу однимъ любопытнымъ эпизодомъ. Лѣтомъ 1906 года Хворостину пришлось ѣхать на пароходѣ въ губернский городъ. Гуляя по балкону, онъ обратилъ вниманіе на пожилую, но молоджавую даму, которую сопровождалъ молодой человѣкъ. Типичное лицо дамы съ прекрасными грустными глазами показалось Хворостину знакомымъ, онъ ближе всмотрѣлся и узналъ...

Въ журналѣ «Былое» заинтересовала его статья о знаменитой русской террористкѣ, просидѣвшей двадцать лѣтъ въ крѣпости и недавно освобожденной. Къ статьѣ былъ приложенъ ея портретъ— и Хворостинъ тотчасъ узналъ ее на пароходѣ. Ему страстно хотѣлось оказать ей какое-нибудь вниманіе, выразить сочувствіе...

Какъ человѣкъ мягкій, деликатный, онъ не полѣзъ напроломъ, чтобы завязать знакомство, а сталъ выжидать случая. Пароходъ подходилъ къ пристани, и террористка ушла въ каюту. На пристани Хворостинъ замѣтилъ дѣтвору, продававшую простенькіе букеты полевыхъ цвѣтовъ. У него блеснула мысль... Мигомъ слеталъ на пристань и купилъ букетъ.

Подойдя къ молодому спутнику террористки, Хворостинъ попросилъ передать послѣдней букетъ, какъ знакъ почтительнаго вниманія къ ней. Тотъ поблагодарилъ, распросивши Хворостина, почему онъ знаетъ его спутницу, и тотчасъ понесъ букетъ къ ней въ каюту.

Скоро оба вышли на балконъ и подошли къ Хворостину, не безъ трепета поджидавшему результатовъ своего скромнаго подношенія.

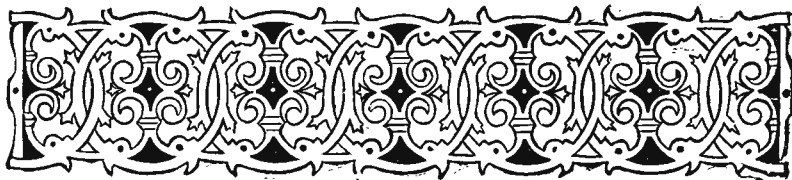
Она подошла къ Хворостину, подала руку и сказала:

— Благодарю васъ за цвѣты!.. намъ такъ важно сочувствіе народа... А вы кто же такой? откуда?

Хворостинъ объяснилъ, кто онъ и откуда, но не успѣлъ завязать серьезнаго разговора, какъ мечталъ. Она еще разъ поблагодарила его и почему-то поспѣшила скрыться въ каюту... Все же онъ былъ радъ и этой мимолетной встрѣчѣ.

Н. Н. Оглоблинъ.

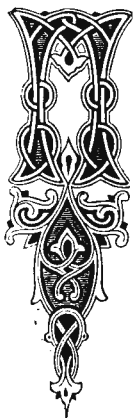

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивныя матеріалы).

—
XXIV.

ПАРАЛЛЕЛЬНО съ переговорами, которые велись въ Пекинѣ съ китайскимъ правительствомъ всѣми заинтересованными державами совмѣстно,—между русскимъ и китайскимъ правительствами происходили отдѣльные переговоры по вопросамъ, касавшимся исключительно взаимныхъ отношеній между обоими сосѣдними государствами и въ частности объ эвакуаціи Манчжуріи. Приступая къ этимъ переговорамъ, русское правительство держалось того основного взгляда, что Манчжурія остается составною частью имперіи богдыхана и имѣть быть возвращена ей, если этому не помѣшаетъ образъ дѣйствій другихъ державъ. Въ этомъ смыслѣ нами сдѣлано было 12-го августа вышеприведенное циркулярное сообщеніе иностраннымъ правительствамъ, а 19-го сентября въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было опубликовано во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее официальное заявленіе правительства:

«Въ заграничной печати въ послѣднее время появились извѣстія о состоявшемся будто бы присоединеніи къ Россіи сосѣднихъ манчжурскихъ областей. Преслѣдуемая императорскимъ правительствомъ на Дальнемъ Востокѣ задачи опредѣленно указаны были въ опубликованныхъ официальныхъ сообщеніяхъ, и изъ содеража-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVI, стр. 225.

нія сообщеній этихъ съ достаточною ясностью вытекаетъ, что приведенныя выше извѣстія о включеніи Манчжуріи въ предѣлы имперіи лишены всякаго основанія».

Къ началу октября 1900 года вся Китайская Восточная желѣзная дорога была занята русскими войсками и въ районѣ дороги вновь былъ восстановленъ нарушенный боксерскою смутю порядокъ. Но остальные части Манчжуріи продолжали оставаться въ состояніи анархіи, причемъ особенно страдала Мукденская провинція. Прежнія китайскія власти или бѣжали изъ своихъ провинцій, или были совершенно дискредитированы, лишившись поддержки своихъ войскъ. Населеніе было охвачено паникою и оставалось совершенно беззащитнымъ противъ безчисленныхъ разбойничьихъ шаекъ (изъ бѣглыхъ солдатъ), бродившихъ по краю и терроризировавшихъ жителей своими нападеніями на деревни, даже близъ желѣзной дороги, въ сосѣдствѣ русскихъ войскъ.

Такъ какъ продолженіе такого ненормальнаго положенія могло привести къ разоренію Манчжуріи, то 5-го октября адмиралу Алексѣеву и генералу Гродекову было дано указаніе поспѣшить передачею къ руки китайскихъ властей управленія занятыми нами мѣстностями и поручить имъ, при помощи китайской полицейской стражи, борьбу съ мелкими партіями разбойниковъ и бѣглыхъ солдатъ вдали отъ линіи желѣзной дороги. При этомъ было предположено достигнуть официальнаго оформленія передачи края китайскимъ властямъ путемъ переговоровъ непосредственно съ цзянь-цзюнями манчжурскихъ провинцій, независимо отъ переговоровъ, которые должны были вестись въ Пекинѣ. Скорѣйшему открытію такихъ переговоровъ съ цзянь-цзюнями придавалъ особое значеніе министръ финансовъ, указывавшій, что за невозможностью въ то время вступить въ прямыя сношенія съ центральнымъ китайскимъ правительствомъ для насъ существенно необходимо немедленно обезпечить наши интересы на мѣстахъ путемъ отдѣльныхъ соглашеній съ провинціальными властями.

Переговоры съ мукденскимъ цзянь-цзюнемъ были возложены на адмирала Алексѣева, причемъ ему было поручено пригласить названнаго цзянь-цзюня (находившагося въ то время въ Синминтинѣ, куда онъ бѣжалъ при наступленіи русскихъ) обратно въ Мукденъ и оказать ему содѣйствіе нашею военною силою по вступленію въ обязанности цзянь-цзюня и по замиренію провинціи. Соглашеніе, заключенное въ началѣ ноября адмираломъ Алексѣевымъ съ мукденскимъ цзянь-цзюнемъ, сводилось къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ. Со вступленіемъ въ прежнія свои обязанности цзянь-цзюнь принимаетъ на себя отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ провинціи и въ мѣстахъ производства работъ по постройкѣ Китайской Восточной желѣзной дороги. Для охраны дороги и обезпеченія порядка въ провинціи въ Мукденѣ и въ нѣкоторыхъ дру-

гихъ пунктахъ остаются русскіе гарнизоны. Китайскія войска должны быть обезоружены и распущены; арсеналы, орудія, оружіе и военные запасы подлежатъ передачѣ русскимъ властямъ. Въ мѣстахъ, гдѣ не будетъ находиться русскихъ гарнизоновъ, укрѣпленія подлежатъ скрытію, а склады боевыхъ припасовъ, не оставленные за русскими, должны быть уничтожены. Временно введенное въ Инкоу и другихъ пунктахъ русское гражданское управленіе, по восстановленіи порядка въ краѣ, имѣетъ быть замѣнено китайскимъ. Для наблюденія за порядкомъ въ провинціи цзянь-цзюню предоставляется организовать вооруженную конную и пѣшую полицейскую стражу. При цзянь-цзюнѣ будетъ состоять русскій военный комиссаръ, который долженъ быть въ курсѣ важнѣйшихъ дѣлъ и распоряженій цзянь-цзюня. Наконецъ, въ случаѣ недостаточности полиціи для охраненія безопасности и порядка, цзянь-цзюню предоставляется черезъ комиссара просить содѣйствія русскихъ войскъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія этого соглашенія цзянь-цзюнь Цзэнъ-ци возвратился въ Мукденъ и вступилъ въ правленіе провинціей. Гириискій цзянь-цзюнь Чанъ-шунъ, который во время смуты проявилъ особенно корректное отношеніе къ русскимъ, вовсе не покидалъ Гирина и съ прекращеніемъ {военныхъ дѣйствій также вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Такимъ образомъ, только въ Цицикарѣ постъ цзянь-цзюня оставался не замѣщеннымъ, какъ какъ прежній цзянь-цзюнь во время смуты покончилъ жизнь самоубійствомъ, а генералъ Гродековъ не соглашался на признаніе кандидата, предложеннаго китайцами для замѣщенія этого поста.

Тѣмъ временемъ, по соглашенію между министрами военнымъ, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, были выработаны подробныя правила, долженствовавшія установить временный порядокъ управленія во всѣхъ трехъ провинціяхъ Манчжуріи и служить руководствомъ для русскихъ властей. Правила эти (они составлены были подъ доминирующимъ вліяніемъ военнаго министра), утвержденныя 4-го декабря и извѣстныя подъ названіемъ «Основанія русскаго правительственнаго надзора въ Манчжуріи», сводились къ слѣдующему.

Манчжурія остается составною частью Китайской имперіи и сохраняетъ свое прежнее гражданское управленіе; китайскія войска упраздняются, и за цзянь-цзюнями сохраняется только административная власть. Для обезпеченія спокойствія въ странѣ часть русскихъ войскъ временно остается въ Манчжуріи, а при цзянь-цзюняхъ учреждается вооруженная полицейская стража, численность которой опредѣляется русскими командующими войсками; въ составъ ея не допускаются иностранцы и артиллерія. Китайская Восточная желѣзная дорога остается въ вѣдѣніи министерства финансовъ; администраціи не предоставляется сносить по дѣламъ дороги непосредственно съ мѣстными китайскими властями, а въ случаѣ за-

трудней—обращаться или къ дипломатическимъ агентамъ при цзянь-цзюняхъ, или, черезъ посредство члена правленія въ Пекинѣ, къ русскому посланнику въ Пекинѣ. Охранная стража подчиняется своему отдѣльному начальнику, а къ военному вѣдомству становится въ отношенія, установленныя для пограничной стражи.

Общій надзоръ въ Мукденской провинціи, согласно правиламъ, возлагался на командующаго войсками Квантунской области, а въ Гиринской и Цицикарской провинціяхъ—на командующаго войсками Приамурскаго округа. Подъ общимъ надзоромъ разумѣлось наблюденіе за тѣмъ, чтобы дѣятельность цзянь-цзюней не была враждебна Россіи и направлялась къ поддержанію порядка въ Манчжуріи, чтобы цзянь-цзюни оказывали содѣйствіе русскимъ войскамъ и Китайской Восточной желѣзной дорогѣ, не принимали мѣръ къ вооруженію знаменныхъ войскъ и увеличенію полицейской стражи и не допускали ввоза оружія. При каждомъ цзянь-цзюнѣ учреждались должности «военнаго комиссара» и «дипломатическаго агента». Далѣе было предусмотрено, что цзянь-цзюни и фу-ду-туны назначаются по соглашенію между китайскимъ правительствомъ и русскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, и что сношенія между командующими войсками и цзянь-цзюнями могутъ касаться только вопросовъ мѣстной администраціи и внутренняго хозяйства.

Правила заканчиваются указаніемъ, что они имѣютъ дѣйствовать только до заключенія соглашенія съ центральнымъ китайскимъ правительствомъ. На включеніи въ правила такого указанія настаивалъ С. Ю. Витте, рѣшительно возражавшій противъ того, чтобы правила эти сохраняли свою силу на все время оккупации страны, которая могла затянуться. Сохраненіе исключительныхъ условій въ теченіе всего этого срока, по мнѣнію С. Ю. Витте, не могло бы способствовать скорому умиротворенію края и восстановленію въ немъ правильнаго теченія трудовой и промышленной жизни.

При выработкѣ этихъ правилъ обнаружилось основное различіе во взглядахъ—съ одной стороны, министровъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, а съ другой—военнаго министра, на предстоящій образъ дѣйствій въ отношеніи Манчжуріи,—различіе, проходившее затѣмъ красною нитью черезъ всѣ дальнѣйшіе фазисы обсужденія манчжурскаго вопроса. Тогда какъ министры иностранныхъ дѣлъ и финансовъ неизмѣнно стремились къ тому, чтобы по возможности ограничить вліяніе нашихъ мѣстныхъ военныхъ властей на внутреннюю жизнь Манчжуріи и по возможности скорѣе восстановить здѣсь прежній порядокъ, существовавшій до безпорядковъ 1900 года, полагая, что обезпеченіе насущныхъ интересовъ Россіи въ Манчжуріи не требуетъ продленія оккупации этого края нашими войсками и вполнѣ достигается наличностью въ Манчжуріи такого крупнаго политико-экономическаго фактора, какимъ является Китайская Восточная желѣзная дорога,—военный министръ добивался какъ

разъ обратнаго, считая необходимымъ поставить Манчжурію на подобіе Бухары въ зависимое отъ Россіи положеніе и для достиженія этой цѣли сохранить въ силѣ оккупацию страны русскими войсками.

Вскорѣ послѣ утвержденія «Основаній русскаго правительственнаго надзора въ Манчжуріи» было приступлено къ выработкѣ программы сепаратнаго соглашенія съ центральнымъ китайскимъ правительствомъ. Такое соглашеніе признавалось необходимымъ для ликвидаціи отношеній, возникшихъ у насъ съ пекинскимъ правительствомъ по поводу боксерской смуты въ Манчжуріи и для оформленія предполагавшагося возстановленія въ Манчжуріи нормальнаго порядка вещей. Данный моментъ представлялся особенно благоприятнымъ для приступа къ переговорамъ съ китайскимъ правительствомъ, такъ какъ у послѣдняго и вообще у китайцевъ въ то время наблюдалось недовольство европейскими державами и той политикой устрашенія и возмездія, которая неуклонно проводилась въ Чжи-ли фельдмаршаломъ Вальдерзэ. Въ виду этого можно было ожидать, что Китай, недовольный европейцами и опасующійся ихъ требованій, готовъ будетъ искать у насъ поддержки и пойдетъ на уступки въ нашу пользу, причемъ окажется возможнымъ возстановить тѣ добрососѣдскія отношенія, которыя существовали между нами и Китаемъ до захвата Портъ-Артура.

Выработка проекта соглашенія была возложена на министровъ иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, причемъ исходною точкою должны были служить «Основанія русскаго правительственнаго надзора въ Манчжуріи». Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ основу соглашенія должна была лечь мысль, что Манчжурія остается составною частью Китайской имперіи и сохраняетъ тѣ же административныя подраздѣленія и тотъ же порядокъ управленія, которые существовали до занятій этой области русскими войсками.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, который предстояло рѣшить при заключеніи сепаратнаго соглашенія, являлся вопросъ о выводѣ изъ Манчжуріи нашихъ войскъ. По этому пункту, при обсужденіи проекта соглашенія, между министрами военнымъ и финансовъ обнаружилось существенное разномысліе.

Военный министръ находилъ, что Россіи не слѣдуетъ торопиться съ выводомъ своихъ войскъ изъ Манчжуріи. По мнѣнію генерала Куропаткина, главная наша задача въ Манчжуріи заключалась въ скорѣйшемъ окончаніи постройки желѣзной дороги и, послѣ сооруженія ея, въ обеспеченіи безпрепятственнаго движенія изъ Забайкаля къ Владивостоку и Портъ-Артуру. Чтобы достигнуть разрѣшенія этой задачи и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать себя въ Манчжуріи отъ повторенія событій, происшедшихъ лѣтомъ 1900 года, Россіи, по мысли военнаго министра, надлежало, сверхъ охранной стражи, недостаточной для успѣшнаго выполненія даже первой части указанной задачи, удержать въ предѣлахъ Манчжуріи

часть регулярныхъ войскъ. При этомъ численность послѣднихъ, постепенность ихъ уменьшенія и продолжительность пребыванія въ Манчжуріи военный министръ ставилъ въ прямую зависимость отъ степени успокоенія страны и восстановленія дружелюбнаго отношенія къ Россіи во всѣхъ пограничныхъ съ нею областяхъ Китая. Соотвѣтственно этому, генераль Куропаткинъ полагалъ до лѣта 1901 года удержать въ Манчжуріи 28 батальоновъ, затѣмъ, въ случаѣ восстановленія къ лѣту спокойствія, уменьшить до окончанія постройки дороги численность войскъ до 20—24 батальоновъ, а впослѣдствіи ограничиться даже 12—16 батальонами, съ соотвѣтственною численностью прочихъ родовъ оружія. Наконецъ, по прошествіи еще нѣкотораго времени, въ случаѣ полного умиротворенія страны и при условіи реорганизаціи охранной стражи сообразно видамъ военного министерства, военный министръ находилъ возможнымъ ограничиться содержаніемъ въ Манчжуріи лишь 8 стрѣлковыхъ батальоновъ, съ соотвѣтственною численностью другихъ родовъ оружія. Категорично настаивая, такимъ образомъ, на удержаніи русскихъ войскъ въ Манчжуріи и придавая сохраненію за нами права имѣть здѣсь войска первенствующее значеніе предъ всѣми прочими интересами нашими въ этой странѣ, генераль Куропаткинъ высказывалъ, что если бы, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, Россія была вынуждена вывести всѣ свои войска изъ этого края, то жертвы, принесенныя тамъ Россіей, пришлось бы признать непроизводительно затраченными, ибо, въ случаѣ новыхъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, связь Россіи съ Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ осталась бы необезпеченною.

Министръ финансовъ держался противоположнаго взгляда. Еще до приступа къ выработкѣ проекта сепаратнаго соглашенія онъ высказалъ, что, хотя представлялось бы существенно важнымъ добиться, путемъ заключенія сепаратнаго договора съ Китаемъ, закрѣпленія въ главнѣйшихъ частяхъ «Основаній русскаго правительственнаго надзора», но было бы крайне нежелательно оставлять въ Манчжуріи то значительное количество войскъ, которое предполагалъ удержать тамъ военный министръ. Оставленіе этихъ войскъ въ Манчжуріи на неопредѣленное время, несомнѣнно, возбуждало бы подозрѣнія въ нашихъ завоевательныхъ стремленіяхъ какъ со стороны Китая, такъ равно европейскихъ державъ и Японіи. Притомъ же мѣра эта отнюдь не вызывается необходимостью. Послѣ всего происшедшаго въ Китаѣ и послѣ того, какъ европейскія державы добьются гарантіи въ безопасности посольствъ и вполне обезпеченнаго доступа къ Пекину, едва ли возможно ожидать повторенія въ ближайшіе годы серьезныхъ волненій среди китайскаго населенія вообще и въ частности въ Манчжуріи. Наконецъ, содержаніе столь значительнаго количества вооруженныхъ силъ въ Манчжуріи представляется, въ финансовомъ отношеніи, голѣ

отяготительнымъ, нежели подавленіе маловѣроятнаго повторенія беспорядковъ въ районѣ Китайской Восточной желѣзной дороги.

Впослѣдствіи, составивъ проектъ сепаратнаго соглашения, С. Ю. Витте еще разъ возвратился къ этому существенному вопросу, обративъ особенное вниманіе на тотъ пунктъ проекта, въ которомъ было изложено предположеніе о постепенномъ сокращеніи количества нашихъ войскъ въ Манчжуріи и о совершенномъ выводѣ ихъ оттуда по окончаніи постройки Китайской Восточной желѣзной дороги и открытіи на ней правильнаго движенія. Такое обязательство съ нашей стороны представлялось министру финансовъ необходимымъ въ интересахъ самой же Россіи—для внушенія Китаю полнаго къ намъ довѣрія и для сохраненія добрыхъ отношеній съ другими державами. Высказанное военнымъ министромъ соображеніе, что выводъ всѣхъ войскъ изъ Манчжуріи грозилъ бы намъ чрезвычайною опасностью, С. Ю. Витте находилъ неосновательнымъ. Главнѣйшимъ изъ доводовъ въ пользу необходимости оставленія въ Манчжуріи войскъ служило указаніе на возможность повторенія въ этой странѣ движенія, подобнаго случившемуся лѣтомъ 1900 года, а равно на необходимость обезпечить наши интересы въ этомъ краѣ и въ частности нашу желѣзную дорогу отъ посягательствъ со стороны китайскаго и другихъ правительствъ. Но, по мнѣнію С. Ю. Витте, нельзя было ожидать скорого возникновенія въ Манчжуріи новыхъ серьезныхъ беспорядковъ. Поразительно быстрое подавленіе русскими мятежнаго движенія въ 1900 году, зачинщики котораго частью погибли, частью искали спасенія въ бѣгствѣ или добровольной смерти, доказало, какъ безразсудны были мятежники, и впечатлѣніе, произведенное разгромомъ мятежниковъ, едва ли можетъ скоро изгладиться изъ народной памяти. Со стороны правительственныхъ китайскихъ войскъ, принявшихъ участіе въ боксерской смутѣ, также, по мнѣнію министра финансовъ, не могло болѣе угрожать опасности ни Китайской Восточной желѣзной дороги, ни вообще русскимъ интересамъ, такъ какъ фактически къ концу 1900 года въ Манчжуріи такихъ войскъ уже не было, а оружіе, боевые припасы, арсеналы и укрѣпленія или перешли въ наши руки, или были уничтожены. Кромѣ того, одной изъ статей проектированнаго сепаратнаго соглашения Китай обязывался совершенно не содержать въ Манчжуріи войскъ. Предположеніе же, что Китай, принявъ на себя такое обязательство, сдѣлаетъ попытку нарушить его, представляется слишкомъ невѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что за дѣятельностью манчжурскихъ цзяньцзюней будутъ имѣть наблюденіе прикомандированные къ нимъ русскіе военные комиссары. Что касается единичныхъ случаевъ вооруженнаго нападенія на желѣзную дорогу и мелкихъ мѣстныхъ волненій, представляющихъ обычное явленіе въ Манчжуріи и всегда возможныхъ, то съ ними могла бы справляться охранныя стража,

тѣмъ болѣе, что стража эта, уже увеличенная, подлежала еще дальнѣйшему усиленію. По окончаніи сооруженія дороги задача охранной стражи будетъ значительно облегчена, такъ какъ, при возможности быстрого сообщенія между отдѣльными пунктами дороги, необходимую для подавленія безпорядковъ силу можно будетъ безъ замедленія доставлять изъ любого пункта. Да и вообще съ переходомъ Китайской Восточной желѣзной дороги въ эксплуатацію охрана ея должна стать дѣломъ болѣе легкимъ, нежели прежде, когда населеніе, незнакомое еще съ выгодами желѣзнодорожнаго сообщенія, склонно было проявлять къ дорогѣ враждебныя чувства. Наконецъ, если даже предположить, что въ Манчжуріи можетъ возникнуть новое широкое движеніе, съ которымъ не въ состояніи будетъ справиться охранная стража, то, по мнѣнію С. Ю. Витте, и въ такомъ случаѣ отсутствіе тамъ нашихъ регулярныхъ войскъ грозило бы опасностью только въ теченіе періода до окончанія сооруженія Китайской Восточной желѣзной дороги. По открытіи же дороги будетъ обезпечена возможность въ любое время двинуть часть нашихъ военныхъ силъ съ границы на помощь наиболѣе угрожаемымъ пунктамъ дороги. По этимъ соображеніямъ, сохраненіе нашихъ войскъ въ Манчжуріи послѣ окончанія сооруженія желѣзной дороги и открытія на ней правильнаго движенія не можетъ, по мнѣнію министра финансовъ, считаться необходимымъ съ точки зрѣнія охраны Китайской Восточной желѣзной дороги и обезпеченія, на случай осложненій, связи Россіи съ Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ. С. Ю. Витте признавалъ, что достиженіе этихъ цѣлей, конечно, было бы болѣе обезпечено при наличности въ Манчжуріи нашихъ войскъ,—но достигаемая такимъ образомъ выгода не уравниваетъ опасности, сопряженной съ постоянной военной оккупаціей Манчжуріи. По мнѣнію С. Ю. Витте, оккупация эта должна привести къ крайнему обостренію нашихъ отношеній къ Дайцинской династіи, вышедшей изъ Манчжуріи, и была бы сочтена другими державами за постоянную угрозу для мира на Дальнемъ Востокѣ,—не говоря уже о томъ, что нашъ примѣръ могъ бы вызвать съ ихъ стороны аналогичныя дѣйствія въ другихъ частяхъ Китая и въ Корей. Все это сопряжено съ гораздо болѣею опасностью для Россіи и потребовало бы отъ насъ большихъ жертвъ, чѣмъ подавленіе новаго волненія въ районѣ Китайской Восточной желѣзной дороги. Въ виду всего этого министръ финансовъ считалъ необходимымъ включить въ соглашеніе вполнѣ определенное указаніе, что наши войска имѣютъ быть выведены изъ Манчжуріи по окончаніи работъ по сооруженію Китайской Восточной желѣзной дороги.

Съ такимъ взглядомъ не соглашался военный министръ: По его настоянію, въ проектѣ соглашенія предполагалось оговорить, что русскія войска останутся въ Манчжуріи впредь до полнаго

водворенія спокойствія въ этой области, и что первоначальная численность этихъ войскъ, постепенность ихъ вывода и продолжительность пребыванія въ Манчжуріи будутъ находиться въ зависимости отъ степени успокоенія страны, возвращенія населенія къ мирной дѣятельности, искренности отношеній къ Россіи китайскаго правительства и мѣстныхъ китайскихъ властей и характера вліянія этихъ властей на китайское населеніе. Министръ финансовъ усиленно возражалъ противъ такихъ неопредѣленныхъ условій вывода нашихъ войскъ, опасаясь, что эта неопредѣленность не только возбудитъ сомнѣнія иностранныхъ державъ и въ особенности Японіи, но и явится въ рукахъ нашихъ представителей въ Манчжуріи, стоявшихъ за оккупацию страны, удобнымъ орудіемъ для продолженія этой оккупациіи въ теченіе неопредѣленнаго времени. Но такъ какъ въ данномъ вопросѣ мнѣнію военнаго министра по необходимости должно было быть отдано преимущество, то въ проектъ соглашенія такъ и не было включено опредѣленнаго указанія на срокъ вывода войскъ изъ Манчжуріи, а было лишь оговорено, что русское правительство оставляетъ въ Манчжуріи часть своихъ войскъ впредь до водворенія спокойствія въ этой области и выполненія богдыханомъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя настоящимъ соглашеніемъ.

Другое важное условіе, подлежавшее включенію въ проектъ соглашенія, заключалось въ предоставленіи китайскому правительству права имѣть свои войска въ Манчжуріи. Согласно «Основаніямъ русскаго правительственнаго надзора въ Манчжуріи» китайское правительство вовсе лишалось права содержать въ этомъ краѣ войска. Въ проектѣ сепаратнаго договора условіе это было нѣсколько смягчено—первоначально въ томъ смыслѣ, что предполагалось обязать Китай не содержать въ Манчжуріи войскъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ отозваны изъ этого края русскія военныя силы. По мнѣнію министра финансовъ, такая формулировка условія являлась нецѣлесообразною, такъ какъ она могла служить препятствіемъ для вывода русскимъ правительствомъ своихъ войскъ изъ Манчжуріи и, кромѣ того, могла быть понята Китаемъ и общественнымъ мнѣніемъ другихъ странъ въ смыслѣ преднамѣреннаго созданія нами такого положенія вещей, при которомъ оккупациа Манчжуріи можетъ продолжиться на неопредѣленное время. Поэтому министръ финансовъ предложилъ поставить допущеніе китайскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи въ зависимость не отъ времени вывода отсюда русскихъ войскъ, а отъ согласія русскаго правительства, полнаго успокоенія страны и возвращенія населенія къ мирной дѣятельности. Примѣнительно къ этому предложенію, въ проектъ соглашенія и была включена статья, по которой китайское правительство обязывалось не содержать въ Манчжуріи войскъ до окончанія сооруженія Китайской Восточ-

ной желѣзной дороги, послѣ чего численность китайскихъ войскъ въ Манчжуріи имѣеть опредѣляться соглашеніемъ съ русскимъ правительствомъ.

Далѣе министръ финансовъ предложилъ включить въ проектъ соглашенія статью, обязывающую китайское правительство выдать обществу Китайской Восточной желѣзной дороги концессию на сооруженіе и эксплуатацію желѣзнодорожной линіи отъ одного изъ пунктовъ Китайской Восточной желѣзной дороги, или Южно-Манчжурской ея вѣтви, до Великой стѣны, по направленію къ Пекину, на одинаковыхъ условіяхъ съ концессією Китайской Восточной желѣзной дороги. Такое требованіе было предъявлено нами къ Китаю еще въ 1899 году, въ видѣ компенсаціи за нарушеніе имъ нашихъ правъ въ Южной Манчжуріи, но въ то время китайское правительство отказалось удовлетворить его.

По мысли министра финансовъ въ соглашеніе была также включена статья, которою Китай обязывался не предоставлять иностранцамъ, безъ согласія Россіи, концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ, разработку рудныхъ мѣсторожденій и какія бы то ни было промышленныя предпріятія въ Манчжуріи и Монголіи, а равно въ Тарбагатайскомъ, Илійскомъ, Кашгарскомъ, Яркендскомъ, Хотанскомъ и Кэрійскомъ округахъ провинціи Гань-су-синь-цзяна. Статья эта признавалась необходимою въ видахъ предотвращенія иностраннаго вліянія въ сопредѣльныхъ съ Россією частяхъ Китая.

XXV.

Въ началѣ февраля 1901 года проектъ соглашенія, окончательно выработанный на совѣщаніи трехъ министровъ, былъ врученъ китайскому посланнику въ Петербургѣ Янь-ю, на котораго китайскимъ правительствомъ было возложено веденіе съ нами переговоровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе соглашенія было сообщено и Ли-хунь-чжану, съ которымъ вошли въ сношеніе наши представители въ Пекинѣ съ цѣлью добиться скорѣйшаго результата. Переговоры эти не увѣнчались успѣхомъ: императрица-мать, находившаяся въ то время еще въ Си-ань-фу, отказала Янь-ю въ разрѣшеніи на подписаніе договора. Главною причиною этой неудачи послужило вмѣшательство иностранныхъ державъ, которымъ китайское правительство успѣшило сообщить о начатыхъ съ нами переговорахъ. Въ теченіе неоднократныхъ бесѣдъ нашихъ представителей по доводу проектированнаго соглашенія Ли-хунь-чжанъ постоянно указывалъ на протесты, заявляемые представителями большинства державъ въ Пекинѣ противъ заключенія Китаемъ съ Россіей сепаратнаго соглашенія. Особенно рѣшительно протестовали японцы, американцы и англичане. Статсъ-секретарь Гей вру-

чилъ китайскому посланнику въ Вашингтонѣ меморандумъ, въ которомъ указывалъ Китаю на опасность соглашенія, могущаго повлечь за собой потерю части его территоріи. Японское правительство заявило, что оно готово поддержать Китай, если бы отказъ отъ соглашенія повлекъ за собою невыгодныя для Китая послѣдствія, а японскій посланникъ въ Пекинѣ даже имѣлъ съ Ли-хунъ-чжаномъ крупное объясненіе, во время котораго открыто угрожалъ ему и въ заключеніе сказалъ, что устами Ли-хунъ-чжана говорить не китаецъ, а русскій. Англія вступила въ совѣщанія съ нѣкоторыми другими державами по манчжурскому вопросу и совѣтовала Китаю не подписывать съ нами соглашенія до выясненія результатовъ этихъ совѣщаній. Наконецъ протестъ былъ заявленъ даже итальянскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, передавшимъ китайцамъ меморандумъ, въ которомъ заявлялось, что Китай не имѣетъ права входить въ сепаратныя соглашенія о вознагражденіи территоріей или деньгами съ какой-либо отдѣльной державой—впредь до окончанія переговоровъ о вознагражденіи со всеми заинтересованными странами.

Помимо непосредственныхъ протестовъ, Англія и Японія дѣйствовали черезъ своихъ консуловъ во враждебномъ Россіи смыслѣ на нанкинскаго и учанскаго генераль-губернаторовъ Лю-кунъ-и и Чжанъ-чжи-дуна, которые, съ своей стороны, вліяли въ томъ же смыслѣ на находившійся въ Си-ань-фу богдыханскій дворъ. Эти два сановника, съ удаленіемъ двора въ Си-ань-фу, приобрѣли большое вліяніе на государственныя дѣла, благодаря тому, что дворъ получалъ финансовыя средства и продовольственные запасы изъ мѣстностей, подвластныхъ названымъ генераль-губернаторамъ. Напротивъ, Ли-хунъ-чжанъ, находившійся въ Пекинѣ, былъ въ значительно менѣе благопріятныхъ условіяхъ въ смыслѣ возможности вліянія на дворъ. Къ тому же всѣ его телеграммы проходили черезъ цензуру главнаго директора китайскихъ телеграфовъ, сановника Шэнъ-сюанъ-хуая, также настроеннаго къ намъ скорѣе враждебно и злоупотреблявшаго своимъ положеніемъ для сообщенія всѣхъ проходившихъ черезъ его руки депешъ интересовавшимся ихъ содержаніемъ генераль-губернаторамъ Чжанъ-чжи-дуну и Лю-кунъ-и.

Ободренный протестами прочихъ иностранныхъ державъ, Китай заявилъ русскому правительству о своемъ несогласеніи на цѣлый рядъ условій, включенныхъ въ проектъ соглашенія. Посланникъ Янь-ю представилъ меморандумъ, въ которомъ излагались пожеланія Китая о смягченіи обременительныхъ для Китая условій. Богдыханъ послалъ въ Петербургъ письмо, въ которомъ ходатайствовалъ объ оказаніи Китаю милостиваго снисхожденія и поддержки въ трудное для страны время.

Во вниманіе къ просьбамъ китайцевъ проектъ соглашенія вновь былъ подвергнутъ обсужденію министровъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго, и въ концѣ февраля была выработана измѣненная редакція проекта. Важнѣйшія измѣненія, введенныя въ этотъ новый проектъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) китайскому правительству предоставлялось имѣть въ Манчжуріи войска, но съ тѣмъ, чтобы оно вошло въ соглашеніе въ русскимъ правительствомъ о численности и мѣстахъ расположенія войскъ, и 2) преимущественныя права Россіи на желѣзнодорожныя, горныя и промышленныя концессіи ограничивались одной Манчжуріей.

Новый текстъ соглашенія былъ переданъ Янь-ю въ первыхъ числахъ марта при заявленіи, что если оно не будетъ подписано въ двухнедѣльный срокъ, то русское правительство оставить за собою полную свободу дѣйствій въ манчжурскомъ вопросѣ. Однако сдѣланныя уступки ни къ чему не привели, несмотря на то, что нашими представителями въ Пекинѣ обращено было вниманіе Ли-хунъ-чжана на тяжелья послѣдствія промедленія дѣла. На самого Ли-хунъ-чжана новая редакція произвела благоприятное впечатлѣніе, но дворъ въ Си-ань-фу, подъ вліяніемъ донесеній китайскихъ посланниковъ за границею о протестахъ державъ, заявилъ, что не можетъ принять соглашенія въ предложенномъ Россіею видѣ. На это послѣдовалъ отвѣтъ русскаго правительства, что если Китай не согласенъ на предложенную Россіей редакцію соглашенія, то Россія отказывается отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ по манчжурскому вопросу и сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій.

По англійской «Синей книгѣ» (Китай № 2, 1904 г.), дѣйствія иностранныхъ державъ по манчжурскому вопросу представляются въ слѣдующемъ видѣ.

5-го января 1901 года (н. ст.) англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Лэндоунъ телеграфировалъ великобританскимъ посламъ въ Петербургѣ Ч. Скотту и въ Пекинѣ Э. Сатоу порученіе: «Провѣрьте сообщенное пекинскимъ корреспондентомъ «Times» въ телеграммѣ отъ 31-го декабря и напечатанное въ номерѣ отъ 3-го января свѣдѣніе, будто между Россіей и Китаемъ заключено относительно Южной Манчжуріи соглашеніе, ведущее къ русскому протекторату надъ наружнымъ видомъ возстановленія китайскаго гражданскаго управленія».

Въ «Times» было напечатано слѣдующее сообщеніе:

«Между Россіей и Китаемъ заключено соглашеніе касательно военной оккупации русскими Фынъ-тяня, южной и самой важной провинціи Манчжуріи, и возстановленія китайской гражданской администраціи подъ русскимъ протекторатомъ. Соглашеніе было подписано представителемъ Цзэна, татарскаго генерала въ Мукденѣ, и генераломъ Коростовцемъ, дѣйствовавшимъ отъ имени

адмирала Алексѣева, русскаго главнокомандующаго. Россія соглашается на возстановленіе гражданской власти татарскаго генерала и китайскихъ чиновниковъ въ Мукденѣ и провинціи Фынъ-тянѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

«1) Татарскій генераль (цзянь-цзюнь) Цзюнь обязуется имѣть попеченіе о провинціи и умиротворить ее, а равно содѣйствовать постройкѣ желѣзной дороги.

«2) Онъ долженъ хорошо обращаться съ русскими во время военной оккупациі, а равно при охранѣ ими желѣзнодорожнаго пути и умиротвореніи ими провинціи, доставляя имъ жилища и продовольствіе.

«3) Онъ обязанъ обезоружить и распустилъ по домамъ китайскихъ солдатъ, сдать русскимъ военнымъ властямъ полностью всѣ боевые припасы въ арсеналахъ, ранѣе того не занятыхъ русскими.

«4) Всѣ форты и укрѣпленія въ Фынъ-тянѣ, не занятые русскими, и всѣ пороховые погреба, ненужные русскимъ, должны быть снесены въ присутствіи русскихъ властей.

«5) Въ Нью-чжуанѣ и другихъ пунктахъ, занятыхъ теперь русскими, китайская гражданская администрація будетъ возстановлена, какъ только русское правительство получитъ увѣренность, что умиротвореніе провинціи вполнѣ достигнуто.

«6) Исполненіе закона и охраненіе внѣшняго порядка возлагается на китайскую полицію, состоящую въ вѣдѣніи татарскаго генерала.

«7) Русскій политическій резидентъ, съ общими полномочіями контроля, будетъ пребывать въ Мукденѣ, а татарскій генераль обязанъ держать его въ извѣстности о всѣхъ важныхъ мѣропріятіяхъ.

«8) Если бы средства мѣстной полиціи оказались въ какомъ-либо случаѣ недостаточными, то татарскій генераль долженъ войти въ сношеніе съ русскимъ резидентомъ въ Мукденѣ и потребовать русской поддержки.

«9) Русскій текстъ соглашенія считается основнымъ.

«Обязанности, возлагаемыя на русскаго резидента въ Мукденѣ, схожи съ таковыми же русскаго резидента въ Бухарѣ или съ обязанностями великобританскихъ резидентовъ въ туземныхъ княжествахъ Индіи.

«За приведеннымъ соглашеніемъ непремѣнно послѣдуютъ подобныя же соглашенія относительно двухъ остальныхъ провинцій, и тогда Манчжурія окажется *de facto* подъ русскимъ протекторатомъ, такъ какъ въ силу прежняго соглашенія Россія уже пользуется правомъ содержать такое количество войскъ, какое потребуется для охраны желѣзной дороги».

5-го января Ч. Скоттъ сообщалъ маркизу Лэнсдоуну, что до сихъ поръ ему не удалось съ точностью установить фактовъ, но, пови-

димому, въ Петербургѣ существуетъ общее мнѣніе, что нѣкоторое предварительное соглашеніе, въ родѣ указываемаго «Times», дѣйствительно заключено Россіей съ мѣстными манчжурскими властями, и возможно, что ею по договору будетъ приобрѣтено право постройки желѣзной дороги чрезъ Манчжурію до Портъ-Артура и право ея охраны, причѣмъ права Русско-Китайскаго общества будутъ переданы русскому правительству.

Изъ Пекина Э. Сатоу сообщалъ маркизу Лэнсдоуну (отъ 4-го января), что тамъ придають вѣру сообщенному въ «Times» документу и считаютъ его подлиннымъ. Представители татарскаго генерала Цзэнъ-чжи и русскаго главнокомандующаго Алексѣева, повидимому, подписали его 22-го ноября. Говорятъ, что конвенція теперь въ Пекинѣ—въ ожиданіи утвержденія. Судя по полученнымъ Э. Сатоу изъ китайскаго источника свѣдѣніямъ, невѣроятно, чтобы это утвержденіе состоялось, такъ какъ китайскій представитель, подписавшій конвенцію въ Портъ-Артурѣ, сдѣлалъ это безъ надлежащихъ полномочій.

12-го января японскій посланникъ въ Лондонѣ баронъ Гаяши сообщилъ министерству, что японское правительство справлялось у русскаго правительства, вѣрно ли извѣстіе, будто между русскимъ правительствомъ и китайскими властями состоялось соглашеніе о переговорахъ черезъ китайскаго посланника въ Петербургѣ относительно улаженія дѣлъ въ Манчжуріи, и если это такъ, то было бы желательно знать, какого именно рода было это соглашеніе. Баронъ Гаяши высказалъ, что было бы въ интересахъ какъ Великобританіи, такъ и Японіи получить всѣ возможные свѣдѣнія по этому дѣлу, и что онъ имѣетъ инструкцію подать мысль, что шагъ, предпринятый по этому вопросу японскимъ правительствомъ, могъ бы привести къ болѣе удовлетворительному результату, если бы подобный же запросъ былъ сдѣланъ и великобританскимъ правительствомъ.

15 января китайскій посланникъ въ Лондонѣ заявилъ маркизу Лэнсдоуну, что между русскимъ и китайскимъ правительствами не было заключено такого соглашенія о занятіи Россіей Мукденской провинціи, о какомъ было сообщено въ газетахъ.

5-го февраля японскій посланникъ увѣдомилъ маркиза Лэнсдоуна, что, судя по свѣдѣніямъ его правительства изъ заслуживающихъ довѣрія источниковъ, русское правительство настаиваетъ передъ китайскимъ правительствомъ на ратификаціи соглашенія, заключеннаго относительно Манчжуріи между адмираломъ Алексѣевымъ и командующимъ въ этой провинціи китайскимъ генераломъ. Японское правительство уполномочило барона Гаяши заявить, что оно намѣревается поставить китайскаго посланника въ Токио въ извѣстность, что, по мнѣнію японскаго правительства, заключеніе всякаго такого соглашенія было бы «источникомъ опас-

ности» для китайскаго правительства, и что никакое соглашеніе, затрагивающее территоріальныя права Китайской имперіи, не должно бы быть заключаемо между китайскимъ правительствомъ и кѣмъ-либо изъ державъ. Баронъ Гаяши высказалъ, что то же самое слѣдовало бы внушить китайскому посланнику въ Лондонѣ со стороны великобританскаго правительства. По мнѣнію японскаго правительства, единственное спасеніе для Китая лежитъ въ соглашеніи со всѣми державами сообща. Баронъ Гаяши сообщилъ также, что китайское правительство и само охотно отвергло бы манчжурское соглашеніе и наказало бы татарскаго генерала, который его заключилъ; однако онъ сомнѣвается, чтобы у китайскаго правительства нашлось достаточно рѣшимости поступить такимъ образомъ, если только оно не получитъ нравственной поддержки со стороны нѣкоторыхъ державъ. Маркизь Лэнсдоунъ обѣщалъ подумать о мысли барона Гаяши.

7-го февраля маркизь Лэнсдоунъ сообщилъ германскому посольству въ Лондонѣ слѣдующій меморандумъ: «Великобританское правительство имѣетъ свѣдѣніе, что русское правительство настаиваетъ передъ китайскимъ правительствомъ на ратификаціи соглашенія, заключеннаго относительно Манчжуріи между адмираломъ Алексѣевымъ и китайскимъ командующимъ въ этой провинціи генераломъ. Оно имѣетъ также свѣдѣніе, что китайское правительство, будучи поддержано иностранными державами, охотно рѣшилось бы отвергнуть соглашеніе, а татарскаго генерала, который его подписалъ, наказало бы. При такомъ положеніи, японское правительство предлагаетъ увѣдомить китайскаго посланника въ Токію, что заключеніе всякаго подобнаго соглашенія было бы источникомъ опасности для китайскаго правительства и что никакое соглашеніе, затрагивающее территоріальныя права Китайской имперіи, не должно бы быть заключаемо между китайскимъ правительствомъ и кѣмъ-либо изъ державъ. Великобританское правительство склонно сдѣлать подобное же сообщеніе китайскому посланнику въ Лондонѣ». При этомъ маркизь Лэнсдоунъ, сообщивъ сущность разговора съ барономъ Гаяши, высказалъ, что и ему представляется желательнымъ дать китайскому правительству нѣкоторыя указанія въ духѣ, предложенномъ барономъ Гаяши. Германское посольство обѣщало въ возможно скоромъ времени увѣдомить маркиза Лэнсдоуна о рѣшеніи своего правительства.

6-го февраля Ч. Скоттъ телеграфировалъ въ Лондонъ (телеграмма получена была 11 февраля), что онъ, не подавая никакого вида, что спрашиваетъ объясненій о дѣйствіяхъ Россіи въ Манчжуріи, имѣлъ возможность узнать отъ графа Ламздорфа то, что, по видимому, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ по дѣлу о соглашеніи между Россіей и Китаемъ относительно Южной Манчжуріи. Графъ Ламздорфъ очень охотно сообщилъ правильную версію

того, о происшедшемъ въ дѣйствительности. Онъ сказалъ, что, насколько онъ знакомъ съ имѣющимися въ газетахъ свѣдѣніями, которыя, вѣроятно, возбуждаютъ въ парламентѣ запросы, въ нихъ утверждалось, что Россія заключила или собирается заключить съ Китаемъ конвенцію или постоянное соглашеніе, съ цѣлью предоставленія Россіи новыхъ правъ, или фактическаго протектората въ Южной Манчжуріи. Это совершенно неправильно, и единственный поводъ къ такому слуху могъ подать фактъ, что русскія военныя власти, на которыя возложена обязанность временной оккупации и умиротворенія этой провинціи, получили приказаніе, при восстановленіи китайскихъ властей въ ихъ прежнихъ должностяхъ, выработать съ мѣстными гражданскими властями условія *modus vivendi* на время совмѣстнаго пребыванія въ Южной Манчжуріи русскихъ и китайскихъ властей, причемъ преслѣдовалась цѣль предупредить возникновеніе беспорядковъ по сосѣдству съ русской границей и охранить желѣзную дорогу отъ русской границы до Портъ-Артура. Нѣкоторыя подробности имѣвшаго быть выработаннымъ *modus vivendi* были отправлены на разсмотрѣніе въ Петербургъ, но никакой конвенціи или соглашенія не было заключено съ центральнымъ китайскимъ правительствомъ, или вообще соглашенія постоянного характера по отношенію къ Манчжуріи; къ тому же и Государь не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія сколько-нибудь уклониться отъ увѣреній, открыто имъ выразившихся, что Манчжурія, какъ только обстоятельства это допустятъ, будетъ всецѣло возвращена къ прежнимъ условіямъ своего существованія, какъ часть Китайской имперіи. Россія находится въ томъ же положеніи, въ смыслѣ опредѣленія окончательнаго срока для очищенія Манчжуріи, въ какомъ находятся и союзники по отношенію къ очищенію Пекина и провинціи Печили. Когда дѣло дошло бы до окончательнаго и совершеннаго очищенія Манчжуріи, русское правительство должно было бы получить отъ центрального китайскаго правительства дѣйствительныя гарантіи противъ повторенія недавняго нападена на русскую границу и разрушенія желѣзной дороги. Но русское правительство не имѣетъ никакого намѣренія искать этихъ гарантій въ территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ или въ установленіи формальнаго, или хотя бы фактическаго русскаго протектората надъ Манчжуріей, а будетъ преслѣдовать лишь одну цѣль—полученіе гарантій въ добросовѣстномъ выполненіи Китаемъ на будущее время тѣхъ условій соглашенія, которыя онъ оказался неспособнымъ выполнить во время беспорядковъ. Возможно, что условія такихъ гарантій будутъ составлять предметъ бесѣды между графомъ Ламздорфомъ и китайскимъ посланникомъ, или же они будутъ предоставлены обсужденію въ Пекинѣ. Пока же можетъ быть несомнѣнно установлено, что каковы бы ни были соглашенія, подавшія поводъ къ толкамъ въ печати, они

могли имѣть лишь временный характеръ—въ смыслѣ выработки *modus vivendi* между русскими военными властями и мѣстными гражданскими властями въ Южной Манчжуріи; что никакой конвенціи или соглашенія не было заключено съ центральнымъ китайскимъ правительствомъ, въ видахъ какого-либо измѣненія международнаго положенія этой провинціи, которая имѣетъ быть возвращена Китаю, какъ только прекратятъ свое дѣйствіе принятыя русскими военными властями временныя мѣры, и все, какъ въ Нью-чжуанѣ, такъ и въ остальныхъ мѣстахъ, будетъ восстановлено въ прежнемъ своемъ видѣ.

12-го февраля германское посольство въ Лондонѣ сообщило маркизу Лэнсдоуну, что германское правительство имѣетъ въ виду дать своему посланнику въ Пекинѣ инструкцію обратиться къ китайскому правительству съ такимъ представленіемъ: «По мнѣнію императорскаго правительства, китайскому правительству не слѣдовало бы заключать съ какою-либо одною державою отдѣльныхъ трактатовъ территоріальнаго или финансоваго характера прежде, нежели оно взвѣситъ свои обязательства по отношенію ко всѣмъ державамъ въ совокупности и прежде, нежели его взглядъ на такія обязательства будетъ принять». Германское правительство увѣдомить объ этомъ своего посланника въ Токио и поступить такъ же въ Берлинѣ по отношенію къ китайскому посланнику въ этомъ городѣ. Маркизь Лэнсдоунъ выразилъ свое удовольствіе при извѣстіи, что германское правительство расположено принять такое рѣшеніе. Хотя употребленныя выраженія нѣсколько и отличаются отъ предложенныхъ Англіей, но, по существу дѣла, оба заявленія выражаютъ то же самое, и маркизь высказалъ надежду, что они приведутъ къ благодѣтельному результату.

13-го февраля маркизь Лэнсдоунъ увѣдомилъ китайскаго посланника, что всякое соглашеніе, подобное тому, о заключеніи котораго было сообщено, составило бы, по мнѣнію великобританскаго правительства, источникъ опасности для китайскаго правительства, и что никакое соглашеніе, затрагивающее территоріальныя права Китайской имперіи, не должно бы быть заключаемо между китайскимъ правительствомъ и какою-либо одною державою. Въ то же время англійскому посланнику въ Пекинѣ было поручено сдѣлать китайскому правительству сообщеніе въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ оно было сдѣлано китайскому посланнику въ Лондонѣ. Одновременно обо всемъ этомъ было сообщено въ Токио.

19-го февраля сѣверо-американское правительство¹⁾ вручило китайскому посланнику въ Вашингтонѣ слѣдующій меморандумъ: «Такъ какъ необходимость сохраненія территоріальной неприкосновенности Китая была признана всѣми державами, которыя заняты теперь переговорами по вопросу объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ихъ посланникамъ и ихъ подданнымъ нѣкоторыми чинов-

никами и подданными Китайской имперіи, то для Китая представляеть очевидную выгоду продолжить настоящее международное согласіе по сему предмету. Слѣдовательно, было бы неблагоприятно и въ высшей степени опасно для Китая заключать какое-либо соглашеніе или подвергать разсмотрѣнію какое-либо предложеніе частнаго характера, которое повлекло бы за собою, путемъ договора съ какою-нибудь отдѣльной державой, уступку территориальныхъ или финансовыхъ обязательствъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, преслѣдующее исключительно цѣль предохраненія Китая отъ означенной опасности и поддержанія самыхъ свободныхъ и благодѣтельныхъ между имперіей и другими странами отношеній, согласно началамъ, изложеннымъ имъ въ циркулярной нотѣ отъ 3-го іюля 1900 года,—притомъ въ духѣ чисто дружественномъ къ Китайской имперіи и ко всѣмъ, нынѣ заинтересованнымъ въ переговорахъ державамъ,—желаетъ выразить свое мнѣніе, что разсмотрѣніе какихъ бы то ни было территориальныхъ, либо финансовыхъ частныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ безъ полнаго свѣдѣнія о томъ всѣхъ державъ, нынѣ ведущихъ переговоры, и безъ одобренія съ ихъ стороны, было бы дѣломъ несвоевременнымъ, нецѣлесообразнымъ и даже въ высшей степени опаснымъ для интересовъ Китая».

27-го и 28-го февраля Э. Сатоу сообщилъ изъ Пекина въ Лондонъ, что въ трактатѣ, на заключеніи котораго русское правительство настаиваетъ передъ китайскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, находятся, какъ онъ узналъ, слѣдующія постановленія:

1. Манчжурія имѣеть быть возвращена.
2. До тѣхъ поръ, пока не будутъ выполнены четыре послѣдніе пункта трактата, Россія будетъ содержать добавочныя силы для охраны Манчжурской желѣзной дороги.
3. Россія оказываетъ Китаю помощь въ дѣлѣ поддержанія порядка.
4. До окончанія Манчжурской желѣзной дороги Китай не долженъ содержать арміи, а затѣмъ вопросъ о количествѣ войскъ долженъ быть разрѣшенъ по совѣщаніи съ Россіей. Боевые припасы не должны быть ввозимы.
5. По жалобѣ Россіи, всякій чиновникъ, какъ бы высоко ни было его званіе, долженъ быть смѣщенъ. Размѣръ полицейской стражи имѣеть быть установленъ по соглашенію съ Россіей. Полиція не должна имѣть артиллеріи, и на ея службѣ не должно быть иныхъ иностранцевъ, кромѣ русскихъ.
6. Иностранцы не должны быть допускаемы на службу, имѣющую отношеніе къ морскимъ или сухопутнымъ силамъ въ Сѣверномъ Китаѣ.
7. Упраздненіе китайской администраціи въ городѣ Цзиньчжоу.

8. Безъ согласія Россіи Китай не долженъ предоставлять никакихъ рудныхъ, желѣзнодорожныхъ, или иныхъ правъ въ мѣстностяхъ по сосѣдству съ русской границей, т. е. въ Манчжуріи, Монголіи, Или, Яркендѣ и проч., а равно требуется предварительное согласіе Россіи для постройки Китаемъ желѣзныхъ дорогъ въ этихъ провинціяхъ. Нигдѣ, кромѣ Нью-чжуана, никакія концессіи не могутъ быть выдаваемы никому, за исключеніемъ русскихъ.

9. Къ вопросамъ о слѣдующихъ державамъ вознагражденійхъ и о расходахъ, понесенныхъ Россіей и Манчжуріи, примѣняются тѣ же основанія.

10. Вопросъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ Манчжурской желѣзной дорогѣ и ея служащимъ, имѣетъ быть поконченъ путемъ сношеній съ обществомъ желѣзной дороги.

11. Такое возмѣщеніе можетъ быть произведено путемъ дарованія новыхъ концессій или видоизмѣненія существующихъ контрактовъ.

12. На условіяхъ, одинаковыхъ съ постройкой Манчжурской дороги, производится постройка желѣзнодорожнаго пути отъ главной или боковой линіи по направленію къ Пекину до Великой стѣны.

По сообщенію Э. Сатоу, русское посольство настаиваетъ передъ Ли-хунъ-чжаномъ на полученіи его согласія. Весь вопросъ, очевидно, представленъ на усмотрѣніе двора. Ли-хунъ-чжанъ сказалъ японскому посланнику, что, по его мнѣнію, предполагаемая манчжурская конвенція не нарушаетъ державныхъ правъ Китая въ этомъ краѣ, и что онъ поэтому рѣшилъ на нее согласиться. Энергичность увѣщанія Комуры остались безъ результата.

XXVI.

28-го февраля былъ обнародованъ слѣдующій указъ богдыхана. «Россія обѣщаетъ вернуть три восточныя провинціи (Манчжурію). Она предлагаетъ заключить договоръ въ двѣнадцать пунктовъ. Мы разрѣшили нашему уполномоченному исправить и измѣнить ихъ такъ, чтобы охранить наши державныя права. Представители иностранныхъ державъ также совѣтуютъ Китаю не принимать ихъ. Хотя мы и благодарны иностраннымъ представителямъ за ихъ совѣтъ, однако размышленіе надъ настоящимъ положеніемъ убѣждаетъ, что одному Китаю невозможно, сохраняя твердость, породить неудовольствіе Россіи. Это вопросъ, который не только подлежитъ тщательному изученію со стороны Китая, дабы онъ могъ быть рѣшенъ безъ опасности для имперіи, но и вопросъ, въ которомъ заинтересованныя иностранныя правительства должны бы поддержать равновѣсіе силъ. Симъ мы назначаемъ Люй-хай-хуаня,

Ли-шэнь-доя, Ло-фынь-лу и Вутинь-фана, дабы они посовѣтовались конфиденціально съ соответствующими иностранными министерствами и убѣдительно просили ихъ о совмѣстномъ посредничествѣ между нами и Россіей, такъ чтобы вопросъ могъ быть мирно разрѣшенъ къ общей пользѣ всѣхъ державъ, которыхъ онъ касается».

Одновременно съ этимъ китайскому посланнику въ Лондонѣ поручено было просить посредничества великобританскаго правительства въ вопросѣ предположеннаго русско-китайскаго соглашения относительно Манчжуріи. Съ подобною же просьбой китайское правительство обратилось къ правительствамъ германскому, японскому и Соединенныхъ Штатовъ. Посланникъ прочелъ маркизу Лэнсдоуну телеграмму отъ у-чанскаго вице-короля съ просьбою о поддержкѣ и посредничествѣ великобританскаго правительства, а также телеграмму отъ китайскихъ уполномоченныхъ, заключающую подобную же просьбу. Маркизь сказалъ посланнику, что упоминаемое новое соглашеніе обратило на себя его вниманіе, что онъ считаетъ его дѣломъ большой важности и что полученныя имъ свѣдѣнія о его содержаніи наводятъ на мысль, что оно заключаетъ въ себѣ не только временныя и предварительныя постановленія, касающіяся части Манчжуріи, но фактически ведетъ къ установленію протектората Россіи надъ всей Манчжуріей, а равно и надъ Китайскимъ Туркестаномъ и Монголіей. Однако копія официальнаго текста до него не дошла, и онъ надѣется такую получить, а затѣмъ приступить къ совѣщанію съ остальными державами, посредничества которыхъ просить Китай. Маркизь выразилъ увѣренность, что до тѣхъ поръ Китай не свяжетъ себя и прежде, нежели сдѣлать дальнѣйшій шагъ, выждетъ отвѣта на свою просьбу о посредничествѣ. Сущность разговора своего съ китайскимъ посланникомъ маркизь Лэнсдоунъ сообщилъ германскому и японскому правительствамъ.

1-го марта китайскій посланникъ, вручая маркизу Лэнсдоуну переводъ изданнаго богдыханомъ указа, прочелъ ему телеграмму отъ ханькоускаго вице-короля, заключающую въ себѣ указаніе, что этимъ соглашеніемъ Россія нарушитъ территоріальную юрисдикцію, военную власть и финансовыя права Китая, и что она затронетъ также интересы остальныхъ державъ; что русскій посланникъ въ Пекинѣ утверждалъ передъ китайскими уполномоченными, будто соглашеніе касается только Россіи и Китая и что китайское правительство не должно обращать вниманіе на сообщаемыя ему объ этомъ соглашеніи сужденія иностранныхъ представителей. Чжань-чжи-дунъ желаетъ знать, вмѣшаются ли иностранныя державы и сдѣлаютъ ли онѣ представленія русскому правительству, а также—окажетъ ли Англія поддержку Китаю. Затѣмъ китайскій посланникъ сообщилъ маркизу, что имъ получена телеграмма отъ китайскихъ уполномоченныхъ въ Пекинѣ. Эта телеграмма

указываетъ, что иностранные представители неоднократно высказывались въ томъ смыслѣ, что до заключенія коллективнаго соглашенія Китай не долженъ вступать ни въ какое соглашеніе съ какою-нибудь отдѣльной державой; тѣмъ менѣе долженъ онъ уступать какой-либо державѣ часть своей территоріи или финансовыя права, такъ какъ, если бы онъ поступилъ такъ, то остальные державы могли бы требовать подобныхъ же уступокъ и себѣ.

Маркизь Лэнсдоунъ сказалъ, что онъ уже обратилъ вниманіе на указываемое соглашеніе; что дѣло это представляется ему весьма серьезнымъ, такъ какъ предположенное соглашеніе, вмѣсто того, чтобы имѣть характеръ временный и предварительный, клонится, повидимому, къ установленію постояннаго протектората не только надъ частью Манчжуріи, но надъ всей Манчжуріей, какъ равно надъ Монголіей и Китайскимъ Туркестаномъ. Хотя въ Лондонѣ и было получено нѣсколько версій этого документа, однако еще не удалось получить полнаго текста. Маркизь надѣется, все же, достать его, и тогда нужно будетъ посоветоваться съ остальными державами, приглашенными въ богдыханскомъ указѣ къ посредничеству, насчетъ того, слѣдуетъ ли и какое именно дѣйствіе предпринять. Маркизь выразилъ увѣренность, что до тѣхъ поръ Китай воздержится отъ связыванія себя въ вопросѣ столь большой важности и выждетъ отвѣта державъ, къ которымъ онъ обратился. По желанію посланника, маркизь разрѣшилъ ему сдѣлать своему правительству сообщеніе въ этомъ смыслѣ.

4 марта маркизь Лэнсдоунъ, поручая послу въ Петербургѣ выразить благодарность графу Ламздорфу за его разрѣшеніе представить парламенту депешу Ч. Скотта отъ 6-го истекшаго мѣсяца, въ которой изложена бесѣда съ его сіятельствомъ по поводу свѣдѣній о русско-китайскомъ соглашеніи о Манчжуріи, высказалъ опасеніе свое, что представленіе этой депеши въ парламентъ, хотя нѣсколько и ослабитъ, но не разсѣетъ опасеній, возбужденныхъ опубликованіемъ различныхъ версій соглашенія, которое, согласно полученнымъ великобританскимъ правительствомъ свѣдѣніямъ, обсуждается въ настоящее время въ Петербургѣ. Передаваемые этими версіями постановленія наводятъ на мысль, что рѣчь идетъ о гораздо большемъ, нежели о временномъ и предварительномъ соглашеніи, которое имѣло бы цѣлью предупрежденіе повторенія новыхъ беспорядковъ и охрану желѣзной дороги. Такъ, не указанъ срокъ дѣйствія соглашенія въ его совокупности, а истеченіе срока поставлено, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ зависимость отъ выполненія условій, приравливаніе къ которымъ можетъ вызвать безконечную отсрочку. Кромѣ того, есть статьи, имѣющія по наружному виду постоянное значеніе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣстимыя съ договорными обязательствами, принятыми на себя Китаемъ по отношенію къ другимъ державамъ. Утверждаютъ также,

что въ договорѣ имѣются постановленія касательно заключенія отдѣльнаго соглашенія по вопросу о требуемомъ Россіей вознагражденіи за разрушеніе Манчжурской желѣзной дороги. По мнѣнію великобританскаго правительства, Китай не долженъ бы вступать съ отдѣльными державами въ какое-нибудь особое соглашеніе, рассчитанное на постоянное измѣненіе его нынѣшняго территоріальнаго, политическаго, финансоваго или коммерческаго положенія. Въ отвѣтъ на сдѣланные Китаемъ запросы великобританское правительство высказало именно такое мнѣніе и оно радо, что русскимъ правительствомъ отрицается намѣреніе заключить такого рода соглашеніе. Великобританское правительство надѣется, все-таки, что въ виду не прекращающихся слуховъ, о которыхъ было сказано, русское правительство сообщить ему, для свѣдѣнія, дѣйствительный текстъ соглашенія или соглашеній.

Того же числа маркизь Лэнсдоунъ поручилъ англійскому послу въ Пекинѣ сообщить инструкціи, содержащіяся въ телеграммахъ отъ 13-го февраля и 1-го марта великобританскимъ консуламъ въ Шанхаѣ и Чжэнь-цзянѣ, для увѣдомленія съ ихъ стороны вице-королей Янь-цзы-цзяна. Послу поручалось поддерживать сношенія съ этими вице-королями, а также оказать сильное давленіе на Ли-хунь-чжана, чтобы онъ не связывалъ себя въ вопросѣ о манчжурскомъ соглашеніи, пока не получитъ отвѣта отъ четырехъ державъ, къ посредничеству которыхъ формально обратилось китайское правительство.

Американскій посолъ въ Берлинѣ увѣдомилъ германское правительство относительно просьбы о помощи и совѣтѣ, съ которою китайскій дворъ обратился въ Вашингтонъ. Германское правительство увѣдомило Англию, что оно намѣрено отвѣтить въ слѣдующемъ смыслѣ на всякое такое обращеніе: германское правительство все время держалось принципа, что китайскіе вопросы должны быть разрѣшаемы концертомъ державъ, а не непосредственно между отдѣльными кабинетами; вслѣдствіе этого оно внушаетъ китайскому правительству обратиться по этому вопросу къ конференціи посланниковъ въ Пекинѣ. Узнавъ объ этомъ, маркизь Лэнсдоунъ 5-го марта поручилъ англійскому посланнику въ Берлинѣ сдѣлать все возможное, дабы побудить китайское правительство принять германское внушеніе о томъ, что Китаю слѣдуетъ по этому вопросу обратиться къ конференціи посланниковъ въ Пекинѣ.

Англійскій посланникъ въ Пекинѣ 2-го марта послалъ великобританскому консулу въ Нанкинѣ слѣдующую телеграмму: «Слѣдствіемъ соглашенія, предложеннаго Россіей относительно будущаго управленія Манчжуріей, будетъ лишеніе Китая его державныхъ правъ на эту область, а воспрещеніе строить желѣзныя дороги въ Монголіи и Туркестанѣ равносильно, сверхъ того, еще и от-

казу отъ этихъ провинцій. Этотъ договоръ будетъ дурнымъ прецедентомъ и, вѣроятно, поведетъ къ раздѣлу Китая. Вы должны поэтому побудить вице-короля подать богдыхану прошеніе противъ договора и прибавить, что Ли готовъ подписать его, если не получить запрещенія отъ трона». На это полученъ былъ отвѣтъ консула, что вице-король уже обращался къ богдыхану съ прошеніемъ отказаться въ согласіи на русскую конвенцію, и что вице-король настойчиво проситъ, чтобы отказъ Китая получилъ твердую поддержку британскаго, японскаго и американскаго правительствъ.

6-го марта англійскій посланникъ въ Пекинѣ сообщилъ маркизу Лэнсдоуну полученный имъ китайскій текстъ конвенціи, очевидно, переведенный съ русскаго. Переводъ его гласитъ:

«1. Русскій императоръ, желая засвидѣтельствовать свое дружелюбіе къ Китаю, готовъ забыть враждебныя дѣйствія, совершенныя въ Манчжуріи, и возвратить всю эту область Китаю, дабы она управлялась, какъ прежде.

«2. По статьѣ девятой соглашенія о Манчжурской желѣзной дорогѣ, управленіе ея имѣть право содержать войска для охраны линіи. Такъ какъ, однако, страна эта находится нынѣ въ неспокойномъ состояніи, а войска охраны малочисленны, то отрядъ войскъ долженъ быть тамъ сохраненъ впредь до возстановленія порядка и до исполненія Китаемъ требованій, заключающихся въ четырехъ послѣднихъ статьяхъ настоящей конвенціи.

«3. Въ случаѣ возникновенія серьезныхъ беспорядковъ, для подавленія ихъ русскіе гарнизоны окажутъ Китаю всякое содѣйствіе, находящееся въ ихъ власти.

«4. Такъ какъ въ недавнихъ нападеніяхъ на Россію принимали выдающееся участіе китайскія войска, то Китай соглашается, до окончанія постройки линіи и до открытія по ней движенія, не вводитъ войскъ въ эти провинціи. Онъ войдетъ въ соглашеніе въ Россіей относительно числа войскъ, которыя онъ пожелаетъ впоследствии ввести туда. Ввозъ военныхъ припасовъ въ Манчжурію воспрещается.

«5. Для охраны интересовъ названной области Китай, по представленіямъ, сдѣланнымъ Россіей, будетъ немедленно отрѣшиться отъ должности каждаго военнаго губернатора или другого высшаго чиновника, поведеніе котораго окажется враждебнымъ сохраненію дружественныхъ отношеній.

«Полицейская стража, состоящая изъ конныхъ и пѣшихъ чиновъ, можетъ быть образована внутри Манчжуріи. Численность ея будетъ опредѣлена путемъ соглашенія съ Россіей; изъ ея вооруженія должна быть исключена артиллерія. Подданные какой-либо другой державы не должны быть принимаемы на службу въ этой стражѣ.

«6. Согласно ранѣе выраженному Китаемъ намѣренію, онъ не

долженъ пользоваться услугами подданныхъ какой-либо иной державы для обученія китайскихъ солдатъ и матросовъ въ Сѣверномъ Китаѣ.

«7. Сосѣднія мѣстныя власти, въ интересахъ мира и порядка, выработаютъ новыя особыя правила касательно нейтральной полосы (смотри соглашеніе 27-го марта 1898 г.), указанныя въ статьѣ пятой соглашенія объ уступкѣ части Ляодунскаго полуострова.

«Автономныя права Китая въ городѣ Цзинь-чжоу, предоставленныя ему статьѣй четвертой особаго соглашенія 7-го мая 1898 года, снмъ отмѣняются.

«8. Китай не долженъ, безъ согласія Россіи, выдавать какой-нибудь другой державѣ или ея подданнымъ привилегіи на устройство рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и другія, тому подобныя, въ сопредѣльныхъ (съ Россіей) областяхъ, какъ-то: Манчжуріи, Монголіи и въ частяхъ новыхъ его владѣній, извѣстныхъ подъ именемъ Тарбагатая, Или, Кашгара, Яркенда и Хотана. Китай, безъ согласія Россіи, не можетъ также и самъ строить тамъ желѣзныхъ дорогъ.

«За исключеніемъ Нью-чжуана, Китай нигдѣ не долженъ давать земельныхъ концессій поданнымъ какой-либо другой державы.

«9. Такъ какъ Китай обязанъ уплатить военные расходы Россіи и вознагражденіе по претензіямъ другихъ державъ, возникшимъ изъ послѣднихъ беспорядковъ, то размѣръ контрибуціи, требуемой отъ имени Россіи, срокъ ея уплаты и обезпеченіе ея будутъ опредѣлены въ согласіи съ другими державами.

«10. Возмѣщеніе за разрушеніе желѣзнодорожныхъ линій, за похищеніе собственности, принадлежавшей желѣзнодорожному управленію и его служащимъ, а равно и вознагражденіе за промедленіе срока постройки линіи будутъ предметомъ соглашенія между Китаемъ и управленіемъ желѣзной дороги.

«11. Вышеупомянутое вознагражденіе путемъ соглашенія съ управленіемъ можетъ быть, отчасти или вполнѣ, замѣнено другими привилегіями. Выдача такихъ привилегій повлечетъ за собою полный пересмотръ предшествовавшаго соглашенія.

«12. Сообразно съ намѣреніемъ, выраженнымъ ранѣе сего Китаемъ, нынѣ условлено, что можетъ быть построена линія желѣзной дороги или отъ главнаго пути, или отъ вѣтви (Манчжурской желѣзной дороги) по направленію къ Пекину вплоть до Великой стѣны и что управленіе ея будетъ подчиняться правиламъ, нынѣ находящимся въ силѣ».

Сообщая этотъ текстъ, Э. Сатоу присовокуплялъ: свобода дѣйствій Китая нарушена запрещеніемъ въ статьяхъ пятой и шестой нанимать на службу иностранцевъ; статья восьмая противорѣчитъ возможнымъ интересамъ другихъ державъ и кладетъ основаніе къ поступленію въ будущемъ съ этими областями такъ же, какъ посту-

плено нынѣ съ Манчжуріей; желѣзнодорожное вознагражденіе изъято изъ вѣдѣнія державъ ст. 10-й.

Получивъ этотъ текстъ, маркизь Лэнсдоунъ 9-го марта поручилъ Ч. Скотту сообщить его графу Ламздорфу, указавъ графу, что если эта редакція соглашенія приблизительно вѣрна, то представляется невозможнымъ приписывать ему значеніе временнаго и предварительнаго соглашенія и что, внѣ сомнѣнія, трактатныя права Англии нарушаются имъ.

19-го марта въ Лондонѣ было получено извѣстіе изъ Пекина отъ посланника, что вице-король Нанкина выражаетъ признательность за усилія великобританскаго правительства, побудившія Россію измѣнить свои требованія. Въ тотъ же день къ маркизу Лэнсдоуну явился японскій посланникъ и сообщилъ, что, какъ онъ узналъ, въ Петербургѣ предложили китайскому посланнику слѣдующія измѣненія въ манчжурскомъ соглашеніи:

Статья 4. Въ виду того, что Китай совершилъ нападеніе на Россію, Китай долженъ, для обезпеченія охраны и постройки Манчжурской желѣзной дороги и для предупрежденія повторенія беспорядковъ на русской границѣ, опредѣлить, по соглашенію съ Россіей, численность войскъ въ Манчжуріи и мѣста ихъ расположенія. Воспрещеніе ввоза въ Манчжурію оружія и боевыхъ припасовъ должно быть установлено въ соотвѣтствіи съ имѣющимъ по этому предмету состояться общимъ соглашеніемъ съ державами. До того же времени Китай, по собственному почину, въ видѣ временной мѣрѣ, воспретитъ таковой ввозъ.

Статья 5. Для обезпеченія спокойствія въ Манчжуріи каждый генераль-губернаторъ или высшій мѣстный чиновникъ, который дѣйствовалъ или станетъ дѣйствовать въ вопросахъ внѣшнихъ сношеній неподобающимъ образомъ, долженъ быть, по представленію Россіи, немедленно перемѣщенъ на другой постъ. Китай можетъ содержать пѣхоту и кавалерію для полицейской надобности, численность которыхъ будетъ опредѣляться по соглашенію съ Россіей, впредь до полного умиротворенія Манчжуріи; но употребленіе артиллеріи для этой цѣли воспрещается, и только одни китайцы могутъ быть принимаемы на означенную службу.

Статья 7. Въ сосѣдствѣ съ нейтральной полосой, установленной статьей V конвенціи объ уступкѣ территоріи на Ляодунскомъ полуостровѣ, мѣстныя власти должны выработать особыя правила для поддержанія спокойствія и порядка.

Статья 8. Китай не долженъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей, предоставлять какой-либо другой державѣ или ея подданнымъ желѣзнодорожныя и горныя концессіи или какія-либо торговыя выгоды на всей территоріи Манчжуріи.

Статья 10. Вознагражденіе за убытки, причиненные разрушеніемъ желѣзной дороги и имущества служащихъ желѣзнодорожной

компаніи, а также за убытки, происшедшіе отъ задержки работъ, должно быть опредѣлено между Китаемъ и обществомъ желѣзной дороги на началахъ расцѣпки, имѣющей быть установленной соглашеніемъ иностранныхъ представителей въ Пекинѣ и одобренной державами.

Статья 12. Постройка желѣзной дороги въ Манчжуріи отъ Шан-хай-гуаня до Нью-чжуана и Синминтина на средства, занятыя у частной компаніи въ сентябрѣ 1898 г., есть нарушение предшествовавшаго соглашенія между Китаемъ и Россіей. Въ вознагражденіе за это нарушение и для скорѣйшаго возстановленія спокойствія въ Манчжуріи Китай долженъ даровать обществу Китайской Восточной желѣзной дороги право построить желѣзную дорогу отъ главной или боковой линіи его пути до Великой стѣны, на границѣ между Манчжуріей и Чжилійской провинціей.

Статьи 1, 2, 3, 9 и 11 остаются въ первоначальномъ видѣ, а статья 6 совершенно исключена.

По словамъ барона Гаяши, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ китайскому посланнику, что возьметъ обратно проектъ, если онъ не будетъ подписанъ въ теченіе двухъ недѣль, считая отъ 13-го марта. Съ своей стороны, японское правительство считаетъ, что особая конвенція, подобная той, о которой отдѣльно договаривается Россія, нарушаетъ начало солидарности, связующее въ настоящее время державы, и что такая отдѣльная конвенція существенно уменьшить возможность для Китая выполнить свои обязательства къ державамъ. Барону Гаяши поручено заявить, что японское правительство готово присоединиться къ правительству Великобританіи, въ случаѣ раздѣленія имъ такового взгляда, дабы вторично посовѣтовать китайскому правительству не подписывать изложеннаго проекта конвенции. Баронъ Гаяши присовокупилъ, что его правительство полагаетъ, что такой совѣтъ, возобновленный двумя правительствами—а возможно, что и правительствомъ германскимъ,—будетъ очень дѣйствителенъ. Маркизь Лэнсдоунъ сказалъ барону Гаяши, что великобританское правительство повторитъ китайскому правительству предупрежденіе, уже данное однажды относительно сепаратныхъ соглашеній съ отдѣльными державами, и что оно посовѣтуетъ Китаю не подписывать измѣненнаго проекта.

19-го марта англійскій посланникъ въ Пекинѣ сообщилъ маркизу Лэнсдоуну о происшедшихъ измѣненіяхъ въ предполагаемой русско-китайской конвенціи о Манчжуріи:

Статья 6 соглашенія исключена.

Статья 4. Численность войскъ и военныхъ постовъ въ Манчжуріи должна быть опредѣлена совмѣстно съ Россіей. Соотвѣтственно съ общимъ соглашеніемъ, которое будетъ заключено съ державами, должно быть установлено воспрещеніе ввоза оружія и боевыхъ

припасовъ. До того времени воспрещеніе это должно быть сдѣлано Китаемъ

Статья 5. Каждый генераль-губернаторъ или другой высшій чиновникъ, возбудившій жалобу Россіи своими неподобающими въ дѣлахъ иностранной политики дѣйствіями, долженъ быть немедленно перемѣненъ. Китай можетъ содержать полицейскую стражу, конную и пѣшую, опредѣливъ ея численность по соглашенію съ Россіей; но стража эта не можетъ имѣть пушекъ впредь до успокоенія страны, и только китайцы могутъ приниматься на службу въ нее.

Статья 7. Мѣстныя власти по сосѣдству съ нейтральной полосой, установленной статьей V конвенціи объ уступкѣ Ляодунскаго полуострова, должны составить сборникъ особыхъ правилъ, соответствующихъ обстоятельствамъ.

Статья 8. Безъ предварительнаго совѣщанія съ Россіей Китай не долженъ давать какой-либо другой державѣ или ея подданнымъ желѣзнодорожныхъ или горнозаводскихъ концессій, или торговыхъ преимуществъ въ предѣлахъ Манчжуріи.

Статья 10. При установленіи вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ разрушенія желѣзныхъ дорогъ и имущества служащихъ желѣзнодорожнаго общества, а также за убытки, причиненные задержкою работъ, слѣдуетъ руководствоваться основными правилами, принятыми представителями иностранныхъ державъ и одобренными ихъ правительствами.

Статья 12. Установлено, что постройкою прямого желѣзнодорожнаго пути въ Манчжуріи, отъ Шанхай-гуаня до Нью-чжуана и Синминтина, на деньги, занятыя 28-го сентября 1898 года у частной компаніи, Китай нарушилъ предшествовавшее русско-китайское соглашеніе. Въ вознагражденіе за это Китай долженъ дать обществу Восточно-Китайской желѣзной дороги право на постройку продолженія линіи отъ магистрали до Великой стѣны на чжилійско-манчжурской границѣ.

Остальныя статьи остались безъ измѣненія противъ первоначальной редакціи.

По разъясненію Э. Сатоу, статья 12-я, очевидно, подразумѣваетъ заемъ, совершенный англо-китайской компаніей для постройки желѣзной дороги. Никакого предыдущаго соглашения между Россіей и Китаемъ не существуетъ. Несправедливо, какъ относительно Китая, такъ и относительно Великобританіи, что Китай понуждается подписывать статью, подобную предположенной. Русское правительство настаиваетъ, чтобы соглашеніе было подписано 25-го сего мѣсяца—подъ угрозою прервать переговоры. Ли-хунчжанъ конфиденціально сообщилъ Э. Сатоу, что Китай желаетъ получить отсрочку отъ 10 до 12 дней, въ видахъ исключенія какъ этой, такъ и еще одной или двухъ возбуждающихъ возраженіе

статей, опасаясь, какъ бы остальные державы не «послѣдовали поданному Россіей примѣру». Э. Сатоу приходится къ заключенію, что полученный имъ текстъ достовѣренъ.

20-го марта маркизъ Лэнсдоунъ повторилъ китайскому посланнику уже ранѣе данное Китаю предостереженіе—не вступать въ сепаратные договоры съ отдѣльными державами. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ послу въ Берлинѣ посодѣйствовать, чтобы германское правительство дало понять, что оно остается при своемъ, уже выраженномъ мнѣніи.

20-го же марта состоялся слѣдующій богдыханскій указъ: «Манчжурское соглашеніе нынѣ исправлено, но условленный для его подписанія срокъ вскорѣ истекаетъ. Такъ какъ маркизъ Лэнсдоунъ посовѣтовалъ намъ выждать его отвѣта, мы нынѣ повелѣваемъ Ло-фынь-лу попросить лорда Лэнсдоуна: 1) или помочь намъ выйти изъ затрудненія; 2) или попросить Россію продлить назначенный для подписанія соглашенія срокъ. Иначе, поставленные въ большое затрудненіе, мы не будемъ въ состояніи долѣе сопротивляться Россіи. Ждемъ немедленнаго отвѣта».

21-го марта, по настоянію янь-цзы-цзянскихъ вице-королей, даотай Шень, по распоряженію китайскаго правительства, просилъ англійскаго консула въ Шанхаѣ телеграфировать въ Лондонъ, что остается еще шесть дней до срока, когда Китай долженъ ратифицировать манчжурскую конвенцію, и ходатайствовать, чтобы Англія, Соединенные Штаты, Германія и Японія вступились съ цѣлью получить отсрочку, въ видахъ измѣненія статей, касающихся гражданскаго управленія, китайскихъ гарнизоновъ въ Манчжуріи, исключительныхъ торговыхъ правъ русскихъ и желѣзной дороги до Великой стѣны.

25-го марта японскій посланникъ, при свиданіи своемъ съ графомъ Ламздорфомъ, выполняя инструкціи своего правительства, передалъ графу мнѣніе своего правительства объ опасности заключенія теперь особыхъ соглашеній между Китаемъ и какой-либо отдѣльной державой. Онъ сказалъ, что японское правительство, готовое, какъ всегда, дѣйствовать въ сердечномъ согласіи съ русскимъ правительствомъ, желаетъ извѣстить графа, что Китай просилъ добрыхъ услугъ, какъ русскаго, такъ и другихъ правительствъ, въ вопросѣ о проектѣ манчжурскаго соглашенія, на подписаніи котораго Китаемъ въ опредѣленный срокъ настаиваетъ Россія. Японіи кажется, что нѣкоторыми изъ статей договора нарушаются державныя права и неприкосновенность Китая, равно какъ и нѣкоторыя договорныя права другихъ державъ, а потому японское правительство желаетъ сдѣлать дружеское представленіе, чтобы союзнымъ державамъ, дѣйствующимъ совмѣстно въ Пекинѣ, была дана возможность обсудить проектъ соглашенія прежде, нежели послѣднее будетъ подписано.

По словамъ японскаго посланника въ Петербургѣ, графъ Ламздорфъ отвѣтилъ ему, что соглашеніе это касается только двухъ независимыхъ державъ и должно быть заключено безъ вмѣшательства постороннихъ державъ, и вѣжливо, но твердо отклонилъ всякое подобное предложеніе. Однако графъ добавилъ, что онъ официально можетъ дать японскому посланнику увѣреніе, что предположеннымъ соглашеніемъ не затрагиваются ни державныя права, ни неприкосновенность Китая въ Манчжуріи, ни договорныя права какой-либо другой державы; что соглашеніе это имѣетъ временный характеръ и является необходимымъ предварительнымъ шагомъ для очищенія русскими войсками провинціи. Графъ желаетъ скорѣйшаго подписанія соглашенія для того, чтобы несправедливыя подозрѣнія, возбужденныя ложными по отношенію къ соглашенію слухами, могли быть устранены чрезъ его обнаруженіе.

28-го марта китайскіе министры телеграфировали изъ Си-ань-фу китайскому посланнику въ Лондонѣ для передачи великобританскому правительству: «Мы послѣдовали совѣту лорда Лэнсдоуна, не давъ разрѣшенія подписать манчжурское соглашеніе. Въ вашихъ телеграммахъ вы увѣряли насъ въ нравственной поддержкѣ Англіи, если мы послѣдуемъ ея совѣту. Наши уполномоченные, князь Цинъ и вице-король Ли, доносятъ, что Россія намѣрена нынѣ постоянно занимать Манчжурію и что коллективные переговоры будутъ приостановлены. Дворъ испытываетъ большое безпокойство по этому поводу. Такъ какъ Манчжурія есть колыбель настоящей династіи, то какъ же можетъ Китай допустить постоянную иностранную оккупацию этой страны? Мы обращаемся нынѣ къ Англіи за положительною поддержкою для достиженія удовлетворительнаго улаженія дѣла между Китаемъ и Россією, дабы избѣжать съ этою державою разрыва, который неминуемо нанесетъ ущербъ интересамъ Китая и трактатныхъ державъ. Соболаговолите предложить содержаніе этой телеграммы на благовоззрѣніе лорда Лэнсдоуна и попросить немедленнаго отвѣта».

Дальнѣйшихъ свѣдѣній въ «Синей книгѣ не имѣется,—но 21-го марта нашего стилия было послано нашимъ представителямъ за границей слѣдующее циркулярное предписаніе: «Въ виду агитаціи, возбужденной повсюду распространившимися ложными извѣстіями касательно отдѣльнаго между Россією и Китаемъ соглашенія,—вамъ, по высочайшему государя императора повелѣнію, поручается довести до свѣдѣнія правительства, при коемъ вы аккредитованы, слѣдующее. Вышеупомянутое соглашеніе предполагалось заключить для того, чтобы, какъ только окажется возможнымъ, приступить къ постепенному выполненію заявленнаго Россією намѣренія возратить Китаю Манчжурію. Само собою разумѣется, что для таковой цѣли необходимо было къ извѣстному сроку выяснить,

возможно ли уже нынѣ, путемъ взаимнаго соглашенія съ Китаемъ, обусловить эвакуацію Манчжуріи. Такъ какъ изъ полученныхъ свѣдѣній обнаружилось, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, подобное соглашеніе, вмѣсто того, чтобы служить явнымъ свидѣтельствомъ дружественнаго отношенія Россіи къ интересамъ Китая, можетъ причинить сосѣдней имперіи всяческія затрудненія,—то Россія не только не настаивать передъ китайскимъ правительствомъ на заключеніи онаго, но даже отказывается отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ переговоровъ по сему предмету. Изъ пространнаго правительственнаго сообщенія, которое будетъ безотлагательно напечатано, вы ознакомитесь какъ съ послѣдовательнымъ развитіемъ этого вопроса, такъ и съ точкою зрѣнія Россіи на настоящее общее положеніе дѣлъ въ Китаѣ. Оставаясь неукоснительно вѣрнымъ своей первоначальной, неоднократно заявленной программѣ, императорское правительство будетъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій.

Вслѣдъ за тѣмъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 23-го марта 1901 года появилось нижеслѣдующее правительственное сообщеніе.

XXVII.

«Возникшія въ минувшемъ году въ Китаѣ тревожныя событія побудили всѣ иностранныя правительства стремиться къ взаимному соглашенію въ цѣляхъ скорѣйшаго, казалось бы, одинаково для всѣхъ желательнаго, восстановленія нормальнаго порядка вещей въ Поднебесной имперіи.

«Не уклоняясь отъ общихъ со всѣми державами дѣйствій въ китайскомъ вопросѣ, Россія, тѣмъ не менѣе, въ силу особыхъ отношеній своихъ къ сосѣднему Китаю, естественно должна была обезпечить за собою полную свободу дѣйствій, не связывая себя какими бы то ни было обязательствами, противорѣчащими ея прямымъ государственнымъ интересамъ и историческимъ преданіямъ.

«Въ этихъ видахъ императорское правительство, путемъ обнародованныхъ «сообщеній» и цѣлаго ряда циркулярныхъ обращеній къ державамъ, озаботилось откровеннымъ выясненіемъ своего взгляда на событія въ Китаѣ и точнымъ опредѣленіемъ цѣлей, къ которымъ оно неукоснительно будетъ стремиться.

«Объ отношеніи къ событіямъ въ Китаѣ—Россія, на первыхъ же порахъ и въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ державъ, открыто заявила, что она не ведетъ войны съ Китаемъ,—въ правительственномъ сообщеніи отъ 11-го іюня по сему поводу говорилось: «русскія войска, вступая на сосѣднюю территорію, отнюдь не преслѣдуютъ какихъ-либо враждебныхъ по отношенію къ Китаю цѣлей,

напротивъ того, присутствіе ихъ въ дружественной странѣ при настоящихъ тревожныхъ событіяхъ можетъ только оказать существенную помощь пекинскому правительству въ борьбѣ его съ мятежниками. Та же мысль проведена была и въ циркулярномъ сообщеніи державамъ черезъ російскихъ представителей за границу, отъ 3-го іюня 1900 года.

«Когда на совѣтѣ адмираловъ въ Тянь-цзинѣ возбужденъ былъ вопросъ о срытіи Пекина и Тянь-цзиня, вице-адмиралу Алексѣеву 15-го іюня минувшаго года посланы были указанія воздерживаться отъ участія въ подобныхъ враждебныхъ мѣропріятіяхъ, могущихъ повести лишь къ еще большимъ осложненіямъ. Въ тѣхъ же выраженіяхъ осуждалось предложеніе адмираловъ и въ сообщеніи, сдѣланномъ Россією нѣкоторымъ иностраннымъ правительствамъ.

«Около того же времени начальнику Квантунской области предложено было, во избѣжаніе недоразумѣній, «самымъ положительнымъ образомъ заявить китайскимъ властямъ и народу, что Россія вовсе не намѣрена вести войну съ Китаемъ, что событія въ Таку и Тянь-цзинѣ, равно какъ и мѣропріятія по Амуру и на границѣ Манчжуріи, являются слѣдствіемъ возникшаго революціоннаго движенія, къ подавленію коего направлены были усилія императорскаго правительства, въ интересахъ самого Китая».

«Таковы заявленія императорскаго правительства, опредѣлившія отношенія Россіи къ событіямъ въ Поднебесной имперіи. Несмотря на дерзкія нападенія, которымъ подвергались русскія приграничныя населенія, китайское правительство, въ сознаніи вины своей, старалось разсѣять подозрѣнія во враждебныхъ намѣреніяхъ противъ Россіи. Такъ, въ телеграммѣ отъ 20-го іюня на высочайшее имя богдыханъ, ссылаясь на болѣе чѣмъ двухсотлѣтнюю дружбу и добрыя сосѣдственныя отношенія между Россіей и Китаемъ, ходатайствовалъ предъ государемъ императоромъ объ указаніи мѣръ, которыя могли бы спасти страну, и просилъ о принятіи на себя императорскимъ правительствомъ почина по проведенію таковыхъ мѣръ въ исполненіе.

«Что касается политической программы Россіи, т. е. ближайшихъ ея намѣченныхъ цѣлей, то таковыя въ общихъ чертахъ указаны были въ первомъ же «правительственномъ сообщеніи» по китайскимъ дѣламъ и сводились: 1) къ огражденію російскаго представительства въ Пекинѣ и обезпеченію русско-подданныхъ отъ преступныхъ замысловъ китайскихъ мятежниковъ, и 2) къ оказанію помощи пекинскому правительству въ борьбѣ его со смутой, для скорѣйшаго возстановленія въ имперіи законнаго порядка вещей.

«Когда всѣми заинтересованными державами рѣшено было направить войска въ Китай съ подобными же цѣлями, то императорскимъ правительствомъ предложено было принять за руководство

по отношенію къ китайскимъ событіямъ нижеслѣдующія основныя начала: 1) поддержаніе общаго согласія державъ, 2) сохраненіе исконнаго государственнаго строя въ Китаѣ, 3) устраненіе всего, что могло бы повести къ раздѣлу Поднебесной имперіи, и, наконецъ, 4) возстановленіе общими усиліями центрального правительства въ Пекинѣ, которое могло бы само обезпечить въ странѣ порядокъ и спокойствіе.

«По этимъ пунктамъ почти между всѣми державами состоялось соглашеніе.

«Вскорѣ наступленіе времени года, благопріятнаго для военныхъ дѣлей, а равно сосредоточеніе въ Тянь-цзынѣ значительнаго количества международныхъ войскъ,—само собою выдвинули на очередь вопросъ о главномъ руководствѣ этими войсками въ случаѣ, если бы неотвратимою силою вещей иностранныя отряды вынуждены были до извѣстной степени расширить свою первоначальную задачу.

«Въ то время, какъ между державами происходилъ обмѣнъ мыслей о наиболѣе подходящемъ способѣ объединенія дѣйствій союзныхъ войскъ,—императоръ Вильгельмъ обратился непосредственно къ государю императору, а затѣмъ и ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ съ предложеніемъ предоставить въ распоряженіе державъ германскаго фельдмаршала графа Вальдерзее, на коего въ качествѣ главнокомандующаго могло бы быть возложено руководство дѣйствіями сосредоточенныхъ на Печилійскомъ театрѣ международныхъ силъ.

«Одушевляемый заботою о возможно скорѣйшемъ улаженіи возникшихъ на Дальнемъ Востокѣ осложненій, государь императоръ отвѣтилъ, что не видитъ съ своей стороны препятствій къ принятію предложеній императора Вильгельма.

«Одновременно императорское правительство, черезъ російскихъ представителей, поставило всѣ иностранныя державы въ извѣстность о томъ, что, выражая согласіе на подчиненіе, въ случаѣ неизбѣжности активныхъ военныхъ дѣйствій, русскаго отряда общему командованію германскаго фельдмаршала, государь императоръ не намѣренъ ни въ какомъ отношеніи отступать отъ политической программы, по основнымъ началамъ коей состоялось полное соглашеніе какъ съ Франціей, такъ и съ прочими державами.

«Между тѣмъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, ходъ военныхъ операцій въ Печилии принялъ настолько благопріятный оборотъ, что еще задолго до прибытія къ мѣсту назначенія германскаго фельдмаршала, вслѣдствіе рѣшенія, принятаго на мѣстѣ военнымъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта Линевича, союзныя войска двинулись къ столицѣ и успѣли овладѣть Пекиномъ, освободивъ находящихся въ осадѣ и разсѣявъ сосредоточившіяся въ чертѣ города массы китайскихъ мятежныхъ силъ.

«Обстоятельства эти побудили императорское правительство, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, особымъ циркулярнымъ обращеніемъ къ державамъ, отъ 12-го августа 1900 года, вновь подтвердить, что оно намѣрено впредь оставаться неуклонно вѣрнымъ вышеупомянутой программѣ дѣйствій, что если ходъ событій въ Печили и рядъ враждебныхъ дѣйствій китайскихъ мятежниковъ на русской государственной границѣ вызвали необходимость занятія порта Нью-чжуанъ и введеніе русскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи,—то мѣры эти надлежитъ считать временными, что какъ скоро въ Манчжуріи будетъ возстановленъ прочный порядокъ и сдѣлано все возможное къ огражденію рельсоваго пути, постройка коего обезпечивается особымъ формальнымъ соглашеніемъ съ Китаемъ относительно концессіи, выданной обществу Восточной Китайской желѣзной дороги,—Россія не преминетъ вывести свои войска изъ предѣловъ сосѣдней имперіи, если только этому не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ и самого Китая.

«Въ заключеніе императорское правительство сочло долгомъ предупредить державы, что съ освобожденіемъ иностранныхъ представителей со всѣми находившимися въ осадѣ иностранно-подданными,—оно считаетъ первую и главную поставленную имъ себѣ задачу достигнутою, что осуществленіе второй задачи, т. е. оказаніе содѣйствія законному центральному правительству къ возстановленію нормальнаго порядка,—представляется до поры до времени затруднительнымъ вслѣдствіе отъѣзда изъ столицы самого богдыхана, императрицы-регентши и цзунъ-ли-ямыня. Полагая, что при такихъ условіяхъ нѣтъ основаній для дальнѣйшаго пребыванія въ Пекинѣ иностранныхъ миссій, аккредитованныхъ при правительствѣ, которое отсутствуетъ, императорское правительство заявило, что оно, съ своей стороны, намѣрено отозвать въ Тяньцзинь своего посланника со всѣмъ составомъ миссіи и русскимъ военнымъ отрядомъ, присутствіе коего въ столицѣ представлялось безцѣльнымъ въ виду принятаго и неоднократно заявленнаго Россіей твердаго рѣшенія не выходить изъ предѣловъ поставленной себѣ задачи.

«Не всѣ державы раздѣлили точку зрѣнія Россіи, высказавъ опасеніе, что одновременный уходъ изъ Пекина всѣхъ союзныхъ войскъ могъ быть истолкованъ китайцами въ смыслѣ одержаннаго ими успѣха надъ иностранцами. Нѣкоторыя изъ державъ готовы были усмотрѣть въ образѣ дѣйствій Россіи стремленіе нарушить общее соглашеніе державъ въ китайскомъ вопросѣ, особливо послѣ того, какъ императорское правительство категорически отказалось принимать участіе въ насильственныхъ мѣрахъ противъ двора въ цѣляхъ побудить его вернуться въ Пекинъ.

«Дабы устранить всякій поводъ къ подобнымъ неоснователь-

нымъ толкованіямъ, російскимъ представителямъ за границею поручено было объясниться съ правительствами, при коихъ они аккредитованы, въ нижеслѣдующемъ смыслѣ:

«Цѣли, преслѣдуемая большинствомъ державъ въ Китаѣ, настолько расходятся съ задачами Россіи на Дальнемъ Востокѣ, что мы не можемъ сѣтовать, если онѣ не вполне уясняютъ себѣ чисто русскую точку зрѣнія на настоящія событія. Нисколько не желая нарушить установившагося согласія въ вопросахъ, представляющихъ общій интересъ, мы, однако не считаемъ возможнымъ заботиться объ осуществленіи чуждыхъ Россіи цѣлей. Мы не объявляли войны сосѣдней имперіи, съ которой въ теченіе столѣтій поддерживали дружескія отношенія, а посему русскому отряду, командированному съ единственной опредѣленной цѣлью освобожденія императорской миссіи и русско-подданныхъ, давать нынѣ совершенно новое порученіе—военной оккупации китайской столицы для участія въ насильственномъ давленіи во время предстоящихъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ,—не соответствовало бы нашимъ предшествовавшимъ заявленіямъ. Законное китайское правительство и императорскій дворъ могутъ снова водвориться въ Пекинѣ лишь по удаленіи международныхъ войскъ; слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что нарушеніе освященныхъ вѣками преданій китайцевъ и подрывъ въ ихъ глазахъ обаянія правительства могутъ привести лишь къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что вѣдъ международныя войска не могутъ безконечно занимать столицу четырехсотмилліоннаго населенія, за которымъ нельзя не признать права у себя жить по-своему. Какъ бы ни была продолжительна оккупация Пекина иностранными войсками,—развѣ это обстоятельство помѣшаетъ китайцамъ впослѣдствіи истолковывать уходъ отрядовъ изъ столицы въ смыслѣ одержаннаго ими успѣха. Подобныя толкованія едва ли могутъ имѣть серьезное значеніе въ глазахъ державъ при оцѣнкѣ событий. Впрочемъ, въ циркулярномъ сообщеніи нашемъ объ отозваніи миссіи и русскаго отряда не заключалось никакихъ предложеній: дружественно предупредивъ объ этомъ союзныя державы, мы указали лишь на тѣ побудительныя причины, коими обуславливалось таковое рѣшеніе императорскаго правительства. Предоставляя другимъ державамъ поступать въ данномъ случаѣ по ихъ усмотрѣнію, мы считали, что различіе въ выборѣ средствъ воздѣйствія нисколько не нарушаетъ установившагося общаго соглашенія державъ по отношенію къ принципиальнымъ вопросамъ.

«Вслѣдъ за этимъ разъясненіемъ императорское правительство не преминуло, однако, поставить союзныя государства въ извѣстность, что «какъ только законное китайское правительство назначитъ представителей, снабженныхъ должными полномочіями для веденія переговоровъ съ державами, то Россія, по соглашенію съ иностран-

ными правительствами, не замедлить, съ своей стороны, назначить уполномоченныхъ и направить ихъ къ мѣсту, избранному для такихъ переговоровъ».

«Дѣйствительно, вскорѣ указомъ богдыхана находившіеся уже въ Пекинѣ сановники Ли-хунь-чжанъ и князь Цинъ назначены были делегатами китайскаго правительства и снабжены полномочіями для соотвѣтствующихъ прямыхъ сношеній съ иностранными представителями.

«Въ виду сего, по высочайшему государя императора повелѣнію, російскому посланнику въ Китаѣ предписано было возвратиться изъ Тянь-цзыня въ столицу для возможно скорѣйшаго, совместно съ прочими представителями державъ, вступленія въ переговоры съ китайскими уполномоченными. Въ предвидѣніи такихъ переговоровъ, императорскимъ правительствомъ уже въ августѣ минувшаго года разсланы были російскимъ представителямъ за границу для предварительнаго обмѣна взглядовъ съ правительствами, при коихъ они аккредитованы, особыя указанія, общій смыслъ коихъ заключался въ слѣдующемъ:

«Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ китайскомъ дѣлѣ необходимо строго различать вопросы, имѣющіе исключительно значеніе для каждой державы въ отдѣльности, отъ тѣхъ, которые затрагиваютъ интересы всѣхъ государствъ вообще.

«Только вопросы послѣдняго характера могли бы быть предметомъ переговоровъ въ Пекинѣ, изъ нихъ наиболѣе существенными представляются:

«1) Возстановленіе на болѣе прочныхъ основаніяхъ правильныхъ отношеній съ Китаемъ и подтвержденіе законнымъ китайскимъ правительствомъ всѣхъ принятыхъ имъ передъ различными державами обязательствъ.

«2) Въ этихъ видахъ, быть можетъ, необходимо будетъ добиться отъ правительства богдыхана какого-либо формальнаго акта въ отвѣтъ на коллективныя письменныя требованія иностранныхъ представителей въ Китаѣ.

«3) Порученіе этимъ представителямъ выработать проектъ коллективныхъ требованій съ указаніемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя, по ихъ мнѣнію, явились бы наиболѣе цѣлесообразными и служили бы вѣрнымъ обезпеченіемъ того, что китайское правительство не нарушитъ впредь данныхъ обязательствъ.

«Въ числѣ такихъ мѣропріятій представлялись бы небезполезными: а) окончательное соглашеніе державъ касательно запрещенія ввоза всякаго рода оружія въ Китай и б) понужденіе китайскаго правительства, въ видахъ обезпеченія внутренняго порядка въ странѣ, къ примѣрному наказанію главныхъ зачинщиковъ возстанія.

«4) Вознагражденіе иностранныхъ правительствъ, обществъ и частныхъ лицъ за повесенные во время безпорядковъ матеріальные

убытки. Дабы не ставить Китай въ полную невозможность удовлетворить всѣмъ претензіямъ и ради достиженія практическихъ результатовъ,—желательно въ этомъ дѣлѣ соблюдать необходимую умѣренность».

«Изложенныя соображенія послужили правительству Франціи основаніемъ для выработки особой программы переговоровъ съ Китаемъ, которая и принята была всѣми державами подъ именемъ «французскихъ предложеній», заключающихся въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

«1) требованіе о наказаніи виновныхъ въ смутѣ и особливо принца Туана;

«2) сохраненіе на будущее время изданнаго всѣми державами закона о воспрещеніи ввоза оружія въ Китай;

«3) принципиальное соглашеніе по вопросу о вознагражденіи за убытки, всестороннее разслѣдованіе коего можетъ быть отложено до болѣе благопріятной минуты;

«4) учрежденіе при миссіяхъ особой стражи для огражденія оныхъ отъ всякой случайности;

«5) срытіе крѣпостей въ Таку, и, наконецъ,

«6) занятіе двухъ-трехъ пунктовъ по линіи между Пекиномъ и побережьемъ Печилійскаго залива.

«При этомъ рѣшено было, чтобы требованія державъ были предъявлены китайскимъ уполномоченнымъ въ формѣ тождественной ноты иностранныхъ представителей.

«По полученіи соотвѣтствующихъ указаній, иностранные представители въ Пекинѣ въ октябрѣ минувшаго года приступили къ совѣщанію для установленія редакціи тождественной ноты китайскому правительству, принявъ за основаніе для сего вышеизложенныя шесть пунктовъ французскихъ предложеній.

«Во время помянутыхъ совѣщаній нѣкоторые изъ посланниковъ въ Пекинѣ, по порученію своихъ правительствъ, поочередно вносили на обсужденіе все новыя и новыя вопросы, измѣнявшіе общій характеръ первоначально установленныхъ требованій и значительно замедлявшіе самый ходъ переговоровъ.

«Такъ, между прочимъ, германскимъ правительствомъ прежде всего было сдѣлано предложеніе о включеніи въ коллективную ноту требованій: 1) о постановкѣ памятника барону Кеттелеру на мѣстѣ его кончины, 2) о посылкѣ чрезвычайнаго китайскаго посольства въ Берлинъ, и 3) о сооруженіи на всѣхъ поруганныхъ кладбищахъ особыхъ памятниковъ.

«Не желая нарушить общаго согласія державъ, императорское правительство изъявило принципиальное согласіе на включеніе въ ноту указанныхъ предложеній, но оно тѣмъ не менѣе поручило посланнику своему въ Пекинѣ поставить на видъ совѣщанію, что въ настоящемъ дѣлѣ было бы желательно ограничиваться требова-

ніемъ лишь настоятельно необходимаго и возможнаго, тѣмъ болѣе, что при условіи «безповоротности» заявленій коллективной ноты всѣмъ державамъ пришлось бы возобновлять военныя дѣйствія противъ Китая и нести новыя тяжкія жертвы, если бы пекинское правительство отказалось отъ выполненія предложеній какой-либо одной державы даже по второстепенному вопросу, не затрагивающему интересовъ другихъ государствъ.

«Вслѣдъ за Германією и Японія выразила желаніе требовать послышки чрезвычайнаго посольства въ Токио для принесенія извиненій китайскаго правительства за убійство драгомана ея миссіи. Не противясь желанію Японіи, императорское правительство указало, однако, на то, что подобныя предложенія, служа по преимуществу удовлетвореніемъ совершенно частныхъ видовъ отдѣльнаго государства, не должны были бы входить въ общую программу коллективныхъ требованій, имѣющихъ цѣлью интересы всѣхъ державъ въ совокупности и обезпеченіе нормальнаго порядка Поднебесной имперіи.

«По поводу возникшаго одновременно по инициативѣ германскаго представителя предложенія о принятіи насильственныхъ мѣръ съ цѣлью вернуть дворъ въ Пекинъ, російскому посланнику поручено было заявить, что указанная цѣль, по мнѣнію императорскаго правительства, должна быть достигнута мирными средствами; только въ такомъ случаѣ возвращеніе богдыхана и императрицы-регентши въ столицу можетъ принести пользу; что, въ виду сего, Россія категорически отказывается отъ принятія участія въ понудительныхъ мѣрахъ противъ двора, могущихъ вызвать новое броженіе во всемъ Китаѣ.

«Руководствуясь желаніемъ ускорить, по возможности, улаженіе китайскихъ затрудненій въ видахъ общаго умиротворенія, императорское правительство не возражало противъ дальнѣйшихъ дополнительныхъ предложеній, принятіе коихъ въ сущности не представлялось слишкомъ обременительнымъ для Китая.

«Такимъ образомъ, включены были въ коллективную ноту требованія о прекращеніи экзаменовъ, измѣненіи этикета, внутренней реорганизациі цзунъ-ли-ямыня и т. п.

«Окончательная редакція ноты, послѣ долгихъ препирательствъ, была наконецъ установлена, и 11-го декабря 1900 года, за подписью представителей всѣхъ державъ въ Пекинѣ, вручена китайскимъ уполномоченнымъ.

«18-го декабря минувшаго года китайскіе уполномоченные сообщили иностраннымъ посланникамъ слѣдующій полученный ими указъ богдыхана: «Мы ознакомились со всею телеграммою Цина и Ли. Подобааетъ, чтобы мы приняли въ полности двѣнадцать пунктовъ, имъ намъ представленныхъ. Быть по сему». Одновременно Ли-хунъ-чжанъ и князь Цинъ обратились съ просьбою къ

представителямъ державъ о назначеніи общихъ съ ними засѣданій для объясненій по всѣмъ пунктамъ коллективной ноты.

«Съ начала января текущаго года открылись официальные совѣщанія посланниковъ державъ совместно съ китайскими уполномоченными, на коихъ должны были быть выяснены средства и способы выполненія китайскимъ правительствомъ предъявленныхъ къ нему требованій.

«На первыхъ же порахъ обнаружались серьезныя разногласія между участниками засѣданій по вопросу о наказаніяхъ, которымъ должны быть подвергнуты главные зачинщики происходящихъ въ странѣ безпорядковъ.

«Высказавшись съ самаго возникновенія вопроса о карѣ виновниковъ смуты въ пользу замѣны смертной казни другимъ какимъ-либо строгимъ наказаніемъ, императорское правительство, въ виду оборота, принятаго сужденіями по сему предмету, поручило своему представителю не только не входить въ обсужденіе характера и способовъ примѣненія смертной казни, но вообще не принимать никакого участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ о наказаніяхъ китайскихъ сановниковъ.

«До настоящаго времени совѣщанія между представителями державъ и китайскими уполномоченными по поводу требованій, изложенныхъ въ коллективной нотѣ, еще не закончены.

«При всемъ томъ, въ ожиданіи ближайшаго рѣшенія общихъ вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній всѣхъ иностранныхъ государствъ къ Китаю, императорское правительство признало съ своей стороны своевременнымъ озаботиться устройствомъ прочнаго порядка вещей въ соседнихъ Россіи областяхъ Китая, граничащаго съ ея азіатскими владѣніями на пространствѣ восьми тысячъ верстъ.

«Съ этою цѣлью, прежде всего, между русскими военными властями и китайскими цзянь-цзюнями трехъ манчжурскихъ провинцій заключены были письменныя временныя условія (*modus vivendi*) касательно возстановленія мѣстнаго гражданскаго управленія.

«Вслѣдъ за тѣмъ, по тщательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, при коихъ возникли и получили широкое развитіе волненія мятежниковъ въ Китаѣ, столь тяжело отразившіяся на интересахъ мирнаго населенія руссійскихъ окраинъ и сооруженіи Китайской Восточной желѣзной дороги, императорскимъ правительствомъ была выработана программа отдѣльнаго соглашенія съ Китаемъ, опредѣлявшаго постепенный порядокъ эвакуаціи Манчжуріи, а равно временныя мѣропріятія, клонившіяся къ обезпеченію спокойствія въ этой области и предупрежденію на будущее время повторенія событій, подобныхъ происшедшимъ въ минувшемъ году.

«Къ сожалѣнію, въ иностранной печати, для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Россіи, распространялись тревожные слухи о цѣляхъ и намѣреніяхъ императорскаго правительства, приводились искаженные тексты какого-то договора о протекторатѣ надъ Манчжуріей и сообщались завѣдомо ложныя извѣстія о предпологавшемся между Россіей и Китаемъ соглашеніи.

«Между тѣмъ, соглашеніе это должно было служить началомъ осуществленія заявленнаго императорскимъ правительствомъ намѣренія возвратить Китаю Манчжурію, занятую русскими войсками лишь вслѣдствіе тревожныхъ событій минувшаго года: для соотвѣствующихъ военныхъ распоряженій необходимо было къ извѣстному времени разрѣшить въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ вопросъ, возможно ли путемъ взаимнаго соглашенія нынѣ же обусловить эвакуацію Манчжуріи.

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, къ заключенію такового соглашенія съ Россіей китайскому правительству созданы были серьезныя препятствія, вслѣдствіе чего и безотлагательное принятіе имѣвшихся въ виду мѣръ для постепенной эвакуаціи Манчжуріи оказалось неисполнимымъ.

«Что же касается окончательнаго возвращенія названной области Китаю, то само собою разумѣется, что осуществленіе этого намѣренія можетъ состояться лишь по восстановленіи въ имперіи вполнѣ нормальнаго положенія вещей и по утвержденіи въ столицѣ центральнаго правительства, самостоятельнаго и достаточно сильнаго, чтобы обезпечить Россію отъ повторенія событій минувшаго года.

«Сохраняя настоящую временную организацію въ Манчжуріи, въ цѣляхъ поддержанія порядка вблизи обширной границы Россіи, и оставаясь въ то же время неукоснительно вѣрнымъ своей первоначальной неоднократно заявленной политической программѣ, императорское правительство будетъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій».

XXVIII.

Послѣ появленія правительственнаго сообщенія отъ 23-го марта (старого стиля) англійскій посолъ въ Петербургѣ Ч. Скоттъ на еженедѣльномъ пріемѣ у графа Ламздорфа имѣлъ съ нимъ бесѣду по поводу этого сообщенія. Какъ доносилъ Ч. Скоттъ маркизу Лэнсдоуну отъ 12-го апрѣля новаго стиля, бесѣда началась съ того, что Ч. Скоттъ высказалъ графу Ламздорфу свое мнѣніе, что великобританское правительство, которому Ч. Скоттъ переслалъ русское правительственное сообщеніе, почувствуетъ удовлетвореніе, когда увидитъ передъ собою авторитетное изложеніе взглядовъ и намѣреній русскаго правительства. Графъ Ламздорфъ отвѣтилъ на это, что сообщеніе, изготовленное имъ для этой цѣли, оказалось длин-

нѣе, чѣмъ онъ того желалъ; но такъ какъ среди заграничной публики замѣчалось много подозрительности и непониманія положенія Россіи во время китайскаго кризиса и въ манчжурскихъ переговорахъ, то онъ счелъ желательнымъ (тѣмъ болѣе, что въ Россіи нѣтъ такихъ удобныхъ путей ознакомленія публики, какъ Синія книги, или сообщенія въ парламентѣ) воспользоваться единственнымъ доступнымъ ему средствомъ ознакомленія общества черезъ полное и ясное изложеніе политики и видовъ, которыми императорское правительство руководствовалось съ начала китайскаго кризиса. Графъ Ламздорфъ думаетъ, что Ч. Скоттъ допустилъ, что это сообщеніе вполне отвѣчаетъ тѣмъ мыслямъ, которыя онъ всегда высказывалъ, когда они обсуждали относящіеся сюда вопросы. Ч. Скоттъ охотно согласился, что съ удовольствіемъ нашель въ этомъ сообщеніи подтвержденіе словъ, которыя графъ Ламздорфъ говорилъ ему въ разныхъ случаяхъ и которыя онъ, Ч. Скоттъ, доводилъ до свѣдѣнія великобританскаго правительства. Графъ Ламздорфъ сказалъ тогда, что онъ съ изумленіемъ встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати заключеніе, выведенное изъ послѣдней части правительственнаго сообщенія, будто русское правительство, прервавъ переговоры о скорѣйшемъ очищеніи Манчжуріи, выразило тѣмъ намѣреніе свое занимать эту провинцію неопредѣленное время. Заключеніе это совершенно ошибочно. Россійскій императоръ неуклонно слѣдуетъ откровенно и неоднократно выражавшемуся имъ намѣренію вывести русскія оккупационныя войска и возвратить область прежнему китайскому управленію, какъ только это позволитъ нормальное положеніе дѣлъ въ Китаѣ и возстановленіе въ Пекинѣ законнаго и независимаго центральнаго правительства, способнаго поддерживать порядокъ въ имперіи. Графъ радъ, что можетъ предположить, на основаніи послѣднихъ донесеній изъ Пекина, что переговоры между посланниками и китайскими уполномоченными дѣлають теперь замѣтные успѣхи, такъ что поддерживаютъ въ немъ надежду, что возстановленіе въ Китаѣ обычнаго порядка вещей не заставитъ себя долго ожидать. Что касается преувеличенныхъ опасеній, возбужденныхъ отдѣльными переговорами съ Китаемъ въ видахъ скорѣйшаго очищенія означенной области, то графъ Ламздорфъ счелъ теперь возможнымъ сказать Ч. Скотту, что переговоры эти прекратились, что они никогда не доходили до заключенія окончательнаго соглашенія и что императоръ никогда даже и не давалъ ему полномочій, которыя являются необходимымъ условіемъ для права заключенія такого соглашенія. Печать и иностранныя правительства, продолжалъ графъ, говорили о соглашеніи, состоящемъ изъ двѣнадцати статей, но такого документа никогда не существовало; разумѣется, существовала программа переговоровъ, заключающая много пунктовъ для обсужденія, и упоминаемая двѣнадцать статей, различныя редакціи которыхъ сообща-

лись газетнымъ корреспондентамъ и другимъ лицамъ, очевидно, были искаженнымъ и совершенно невѣрнымъ изложеніемъ подробностей, которыя въ то или другое время подлежали соображенію и обсужденію въ переговорахъ, въ которыхъ, какъ Ч. Скоттъ понялъ изъ словъ графа, три различныхъ вѣдомства императорскаго правительства принимали одинаковое участіе со стороны Россіи. Ясно поэтому, доказывалъ графъ, что было бы невозможно для него обсуждать подробности этихъ переговоровъ съ третьимъ правительствомъ. Ч. Скоттъ спросилъ графа Ламздорфа, читалъ ли онъ отчетъ о сообщеніи маркиза Лэндсдоуна въ палатѣ лордовъ, причемъ выразилъ предположеніе, что оно удовлетворило бы графа, такъ какъ со стороны великобританскаго правительства не было никакого желанія препятствовать любому разумному соглашенію относительно условій эвакуаціи Манчжуріи, хотя Англию, очевидно, можно было оправдать въ томъ, что она совѣтовала Китаю не вступать ни въ какія отдѣльныя или тайныя соглашенія съ какой-нибудь державой, могущія повліять на удовлетвореніе требованій другихъ его кредиторомъ, въ особенности когда Англии указывали, что предложенное соглашеніе содержитъ условія, нарушающія договорныя права Англии, имѣющія неизмѣнный характеръ. Ч. Скоттъ присовокушилъ, что если бы графъ могъ оказать болѣе довѣрія великобританскому правительству и былъ немного болѣе сообщителемъ относительно истиннаго свойства переговоровъ, то онъ легко могъ бы удовлетвориться ранѣе. Графъ Ламздорфъ отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ еще случая прочесть полный отчетъ о рѣчи маркиза Лэндсдоуна, но что обстоятельства, о которыхъ онъ сообщалъ Ч. Скотту, а также и неосторожное вмѣшательство печати и общества, которыя, повидимому, предъявляли очень опасное требованіе быть допущенными занять мѣсто и подавать голосъ въ совѣщаніяхъ державъ относительно Китая, дѣлали для него весьма затруднительнымъ быть въ этомъ вопросѣ столь сообщительнымъ, какъ онъ того желалъ бы.

Послѣ свиданія съ графомъ Ламздорфомъ Ч. Скоттъ узналъ, что графъ объявилъ также германскому и американскому посламъ, что никогда не существовало надлежащаго проекта соглашенія относительно Манчжуріи, который могъ бы быть сообщенъ другимъ державамъ, а только программа его, и что переговоры никогда не доходили до полученія отъ императора полномочій заключить окончательное соглашеніе.

Послѣ опубликованія правительственнаго сообщенія переговоры съ Китаемъ не возобновлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. 5-го іюля было утверждено заключеніе особаго совѣщанія изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго о необходимости, въ силу данныхъ Россіей обѣщаній, возвратить Китаю расположенныя въ Южной Манчжуріи желѣзныя дороги

Шанхай-гуань — Инкоу — Синминтинъ, временно заняты русскими войсками въ 1900 г. по военнымъ надобностямъ. По этому поводу министръ иностранныхъ дѣлъ обратилъ вниманіе на неоднократно заявленное русскимъ правительствомъ обѣщаніе возвратить Китаю Манчжурію и, признавая невозможнымъ тянуть неопредѣленное положеніе, въ которомъ находится манчжурскій вопросъ, высказалъ мнѣніе о необходимости окончательно и безповоротно рѣшить: желательна ли вообще, въ государственныхъ интересахъ Россіи, сохраненіе за нами Манчжуріи—въ полномъ объемѣ или какой-либо ея части?

Войдя по этому вопросу въ сношеніе съ министрами военнымъ и финансовъ, графъ Ламздорфъ высказалъ, что разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ представлялось бы, конечно, крайне заманчивымъ во многихъ отношеніяхъ, такъ какъ этимъ, съ одной стороны, значительно облегчилось бы сооруженіе Китайской Восточной желѣзной дороги, а съ другой—обеспечивалось бы осуществленіе исторической задачи Россіи на Дальнемъ Востокѣ, благодаря подъему обаянія Россіи среди азиатскаго населенія. Съ формальной стороны, присоединеніе Манчжуріи признавалось графомъ Ламздорфомъ возможнымъ, такъ какъ въ официальныхъ сообщеніяхъ своихъ русское правительство доводило до свѣдѣнія другихъ государствъ, что Россія не имѣетъ въ виду территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Китая—при условіи, если этому не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ и самого Китая; на основаніи этой оговорки не трудно было отмѣтить, какъ въ образѣ дѣйствій другихъ державъ, такъ и въ поведеніи Китая достаточно поводовъ для отказа отъ нашихъ первоначальныхъ намѣреній. Но, съ другой стороны, графъ Ламздорфъ предвидѣлъ, что присоединеніе нами Манчжуріи угрожаетъ разрывомъ съ Японіей, въ высшей степени воинственно настроенной противъ Россіи, причемъ можно ожидать, что Японія встрѣтитъ полное сочувствіе и даже негласную поддержку со стороны нѣкоторыхъ другихъ державъ, соперничающихъ съ нами на Дальнемъ Востокѣ. Въ виду этого графъ Ламздорфъ полагалъ необходимымъ выяснить: подготовлена ли Россія къ подобнымъ опаснымъ осложненіямъ и насколько могли бы быть оправданы послѣднія тѣми выгодами, которыя представляетъ собою захватъ Манчжуріи, а также—въ состояніи ли мы немедленно организовать управленіе присоединенною территоріей и отнестись связанныя съ этимъ расходы на средства казны?

Министръ финансовъ высказалъ, что онъ попрежнему признаетъ необходимой постепенную полную эвакуацію Манчжуріи; что захватъ Манчжуріи представляется ему шагомъ слишкомъ смѣлымъ, отъ котораго, несмотря на всю его заманчивость, намъ слѣдовало бы, въ общегосударственныхъ и экономическихъ инте-

ресахъ Россіи, воздержаться—даже въ томъ случаѣ, если бы не встрѣчалось серьезныхъ политическихъ препятствій. По мнѣнію министра финансовъ, намъ слѣдовало бы сперва закрѣпить за собою то, что нами уже пріобрѣтено на Дальнемъ Востокѣ, и дать населенію собраться съ силами. Но особенно вреднымъ считалъ С. Ю. Витте этотъ шагъ—въ виду угрожающаго вслѣдствіе него разрыва съ Японіей. Когда Японія, въ результатъ своей побѣдоносной войны съ Китаемъ, заняла Ляодунскій полуостровъ, мы заставили ее эвакуировать присоединенную территорію, прикрываясь интересами Китая; когда же эвакуація состоялась, мы сами заняли южную оконечность Ляодуна. Если теперь мы присоединимъ еще и Манчжурію, то это не можетъ быть не сочтено за прямой вызовъ, брошенный Россіей Японіи. Между тѣмъ, несмотря на то, что Россія, по состоянію своихъ финансовъ, болѣе подготовлена къ серьезному вооруженному столкновенію, нежели когда-либо за предшествовавшія пятьдесятъ лѣтъ, разрывъ съ Японіей, по мнѣнію С. Ю. Витте, имѣлъ бы для насъ самыя губительныя послѣдствія, которыя не могли бы быть уравновѣшены выгодами отъ присоединенія Манчжуріи. Въ числѣ послѣднихъ указывается, между прочимъ, надежность охраны Китайской Восточной желѣзной дороги. Но охрана желѣзной дороги могла бы быть организована вполне надежно и безъ оккупации Манчжуріи, а тѣмъ болѣе—присоединенія ея, при существованіи достаточной охранной стражи, содержаніе которой обошлось бы притомъ значительно дешевле, чѣмъ оккупация или присоединеніе. Затѣмъ, ростъ обаянія Россіи среди нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ въ случаѣ присоединенія богатой и обширной страны едва ли могъ бы имѣть для нея особое значеніе при одновременномъ возбужденіи ненависти среди китайцевъ—самаго многочисленнаго народа въ мірѣ. Наконецъ, на третій поставленный графомъ Ламздорфомъ вопросъ—въ состояніи ли мы будемъ управлять Манчжуріей—С. Ю. Витте отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на примѣръ общенія русскихъ съ китайскимъ населеніемъ въ районѣ Китайской Восточной желѣзной дороги, а равно на опытъ управленія населеніемъ Квантунской области. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на громадныя расходы, которыхъ потребовало бы это дѣло: захватъ Манчжуріи явился бы лишь созданіемъ новой окраины, которая, почти ничего не давая, требовала бы постоянныхъ громадныхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства, увеличивая и безъ того тяжелое бремя коренного русскаго населенія имперіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ министръ финансовъ считалъ необходимымъ приступить къ скорѣйшей эвакуаціи Манчжуріи, отдѣльными районами, съ постепеннымъ возстановленіемъ китайскаго гражданскаго управленія.

Военный министр попрежнему не соглашался на полную эвакуацію Манчжуріи. Онъ указывалъ, что существуютъ три способа для выхода изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ Россія оказалась въ Манчжуріи. Первый способъ, заключающійся въ полной эвакуаціи Манчжуріи и удаленіи за Амуръ, военный министр считалъ недопустимымъ. Китайцы, воспользовавшись нашимъ уходомъ, могли бы настолько усилить свое положеніе въ Манчжуріи, что надежная защита Приамурскаго округа потребовала бы значительнаго съ нашей стороны напряженія. Къ тому же намъ пришлось бы въ такомъ случаѣ передать Китаю и построенную нами желѣзную дорогу, ибо, оставляя ее въ своихъ рукахъ, мы были бы вынуждены сохранить въ ней и охранную стражу, а это было бы равносильно неполной передачѣ Манчжуріи и, слѣдовательно, не удовлетворило бы иностранныхъ державъ. Наконецъ, такое рѣшеніе знаменовало бы собою какъ бы поражение Россіи на Дальнемъ Востокѣ, со всѣми неизбѣжными отсюда послѣдствіями, т. е. поднятіемъ духа и сомнѣнія китайцевъ, особенно при подстрекательствѣ и помощи другихъ державъ, и, вѣроятно, заставило бы насъ вскорѣ вновь занять Манчжурію.

Съ другой стороны, и полное присоединеніе Манчжуріи генералъ Куропаткинъ не признавалъ ни желательнымъ, ни своевременнымъ, такъ какъ оно угрожало бы войной съ Японіей, не давало бы намъ особыхъ выгодъ ни въ военно-сухопутномъ, ни въ морскомъ, ни въ экономическомъ отношеніяхъ и могло бы послужить сигналомъ къ занятію и другими державами различныхъ частей Китайской имперіи. Въ частности, занятіе Мукденской провинціи, съ родною столицею царствующей династіи, особенно раздражило бы китайцевъ, которые поставили бы себѣ задачей во что бы то ни стало возратить себѣ эту область.

Третьимъ выходомъ изъ даннаго положенія генералъ Куропаткинъ признавалъ временную оккупацію, съ послѣдующимъ за нею присоединеніемъ къ Россіи сѣверной части Манчжуріи, расположенной къ сѣверу отъ линіи Бодунэ—Хунь-чунь. Правда, и это рѣшеніе представляетъ свои невыгоды, хотя и въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ второе,—а именно возможность отторженія отъ Китая другихъ областей и занятія Кореи Японією, а равно полученіе желтой расой преобладанія въ восточно-азиатскихъ областяхъ Россіи. Но зато новая граница имѣла бы много преимуществъ въ военномъ отношеніи, какъ по сравненію съ существующею, такъ и съ той, которая получилась бы при присоединеніи всей Манчжуріи. Перенесеніемъ границы съ Амурса на указанную черту Бодунэ—Хунь-чунь линія обороны сократилась бы вдвое противъ прежней, и войскамъ могло бы быть дано болѣе сосредоточенное расположеніе. Кромѣ того, мы приобрѣли бы опредѣленный фронтъ

на юго-западѣ только противъ Китая, тогда какъ при занятіи всей Манчжуріи мы имѣли бы весьма сложный фронтъ противъ Китая и Кореи.

По этимъ соображеніямъ военный министръ высказался за рѣшеніе манчжурскаго вопроса въ томъ смыслѣ, чтобы, постепенно передавъ Китаю Мукденскую провинцію и южную часть Гиринской, продолжать оккупацию сѣверной части Манчжуріи.

Въ теченіе этого обмѣна мнѣній между тремя министрами Ли-хунъ-чжанъ вновь обратился къ нашимъ представителямъ въ Пекинѣ съ предложеніемъ возобновить переговоры по манчжурскому вопросу. Предложеніе это было встрѣчено сочувственно, и китайцамъ былъ предъявленъ новый проектъ соглашения, значительно сокращенный по сравненію съ прежнимъ (февральскимъ) проектомъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ статей, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему.

По статьѣ первой, Россія соглашалась на возстановленіе власти китайскаго правительства въ Манчжуріи и оставленіе ея составною частью Китайской имперіи. Во второй статьѣ Китай подтверждалъ условія контракта 27-го августа 1896 г. о сооруженіи и эксплуатаціи Китайской Восточной желѣзной дороги и бралъ на себя обязательство охранять дорогу и ея служащихъ и вообще русскихъ подданныхъ и русскія предпріятія, за что Россія извѣляла готовность вывести постепенно свои войска изъ предѣловъ Манчжуріи съ такимъ расчетомъ, чтобы къ лѣту 1903 г. эвакуація Манчжуріи была совершенно окончена, — однако лишь при условіи, если не возникнетъ какихъ-либо новыхъ осложненій и если этому не воспрепятствуетъ образъ дѣйствій другихъ державъ. Благодаря такой оговоркѣ, и въ этомъ новомъ проектѣ соглашения эвакуаціи Манчжуріи русскими войсками была поставлена въ зависимость отъ весьма неопредѣленныхъ и растяжимыхъ условій — точно такъ же, какъ это было сдѣлано, по настоянію военнаго министра, и въ первомъ проектѣ, отвергнутомъ китайцами. Въ третьей статьѣ говорилось, что китайское и русское правительства войдутъ въ соглашеніе о численности и мѣстахъ расположенія китайскихъ войскъ въ Манчжуріи; кромѣ того, постановлялось объ учрежденіи при цзянь-цзюняхъ китайской полицейской стражи, не имѣющей права пользоваться орудіями. Наконецъ, четвертая статья трактовала объ условіяхъ возвращенія Китаю желѣзныхъ дорогъ Шанхай-гуань—Инкоу—Синминтинъ.

Всѣ прочія условія, включенныя въ февральскій проектъ соглашения, были теперь исключены, дабы по возможности устранить всякій поводъ къ протестамъ со стороны иностранныхъ державъ. Но при этомъ было предположено предложить китайскому правительству заключить съ Русско-Китайскимъ банкомъ особый договоръ, въ силу котораго китайское правительство обязывалось ни-

кому не выдавать въ Манчжуріи желѣзнодорожныхъ и вообще какихъ бы то ни было промышленныхъ концессій, не предложивъ ихъ ранѣе банку, и только въ случаѣ отказа банка отъ той или иной концессіи могло бы предложить ее на тѣхъ же условіяхъ другимъ концессионерамъ. Этимъ договоромъ имѣлось въ виду по возможности устранить иностранцевъ отъ промышленной дѣятельности въ Манчжуріи, обезпечивъ наиболѣе цѣнные отрасли ея за русскими.

Обсужденіе условій соглашенія и договора было возложено богдыханскимъ указомъ на Ли-хунъ-чжана и князя Цина, и вслѣдъ за тѣмъ начались переговоры ихъ съ нашими представителями въ Пекинѣ. Договоръ съ Русско-Китайскимъ банкомъ вызвалъ многочисленныя возраженія со стороны китайцевъ, но послѣ ряда поправокъ редакціоннаго характера Ли-хунъ-чжанъ и князь Цинъ одобрили текстъ договора, и правленіемъ банка было дано полномочіе подписать его. Въ то же время были сдѣланы по настоянію китайцевъ нѣкоторыя измѣненія и въ текстѣ соглашенія объ эвакуаціи Манчжуріи. Въ серединѣ октября дѣло настолько подвинулось впередъ, что Цинъ и Ли-хунъ-чжанъ уже готовы были подписать соглашеніе. Но богдыханъ, опасавшійся протестовъ со стороны иностранныхъ державъ, все еще не рѣшался дать на это свое разрѣшеніе. Въ это время китайскій дворъ какъ разъ возвращался изъ Си-ань-фу въ Пекинъ, и обстоятельство это, вмѣстѣ съ послѣдовавшею вскорѣ смертью Ли-хунъ-чжана, явилось причиною новой, хотя и болѣе кратковременной пріостановки переговоровъ.

Послѣ смерти Ли-хунъ-чжана товарищемъ князя Цина по веденію переговоровъ съ Россіей былъ назначенъ сановникъ Ванъ-вэнъ-шао. Переговоры возобновились сначала только о частномъ договорѣ съ банкомъ. Хотя текстъ договора былъ уже вполне одобренъ Ли-хунъ-чжаномъ и княземъ Циномъ, но послѣдній сталъ теперь вновь предъавлять требованія о введеніи разныхъ поправокъ, явно обнаруживая, что онъ вовсе не спѣшитъ привести переговоры къ скорому окончанію. Мотивомъ поправокъ онъ выставялъ желаніе обезпечить себя отъ угрожавшихъ нападокъ со стороны иностранцевъ, вслѣдствіе чего онъ старался избѣгать въ текстѣ договора всякихъ выраженій, которыя могли бы вызвать слишкомъ большіе протесты съ ихъ стороны. Къ концу января (1902 г.) всѣ разногласія по тексту договора казались уже улаженными, но тутъ вновь вмѣшались въ дѣло иностранныя державы, съ которыми китайцы, несмотря на данное въ началѣ обѣщаніе хранить переговоры въ секретѣ, вступили въ оживленныя сношенія, стремясь вызвать ихъ заступничество.

Дѣйствительно, уже 14-го августа (н. ст.) англійскій посланникъ въ Пекинѣ Э. Сатоу доносилъ маркизу Лэндсдоуну, что, какъ онъ узналъ изъ самаго достовѣрнаго источника, Россія, хотя это

и отрицается ею, возобновляетъ свои переговоры съ Китаемъ о подписаніи манчжурскаго соглашенія. По свѣдѣніямъ Э. Сатоу, текстъ соглашенія тотъ же самый, который былъ протелеграфированъ имъ въ Лондонъ 6-го и 19-го марта. Въ отвѣтъ на это донесеніе маркизъ Лэнсдоунъ 16-го августа поручилъ Э. Сатоу увѣдомить китайское правительство или вице-королей, если они попросятъ совѣта Великобританіи относительно новаго манчжурскаго соглашенія, что наилучшимъ путемъ для китайскаго правительства было бы обратить вниманіе державъ на этотъ вопросъ и сообщить имъ текстъ условій, буде таковыя окажутся несомнѣстимыми съ договорными обязательствами Китая съ другими державами, или съ неприкосновенностью Китайской имперіи. Англія готова будетъ обсудить, нарушаются ли ея трактатныя права и не возбуждаютъ ли эти условія какихъ-либо возраженій. 21-го августа Э. Сатоу сообщилъ маркизу Лэнсдоуну, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ изъ надежнаго источника, какъ только будетъ подписанъ представителями державъ въ Пекинѣ заключительный протоколъ по восстановленію мирныхъ отношеній, будутъ возобновлены и переговоры относительно Манчжуріи. вмѣстѣ съ тѣмъ Э. Сатоу препроводилъ маркизу Лэнсдоуну добытую имъ копію послѣдней редакціи предполагаемой къ заключенію конвенціи.

Въ концѣ января посоль Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ нотой, въ которой былъ изложенъ взглядъ вашингтонскаго кабинета на пріобрѣтеніе отдѣльными державами исключительныхъ правъ въ Манчжуріи и выражалось опасеніе, что, въ случаѣ полученія Россіей такихъ правъ, свобода торговли въ Китаѣ будетъ нарушена, тѣмъ болѣе, что Германія и Японія потребуютъ подобныхъ же преимуществъ въ Шань-дунѣ и Фу-цзянѣ, и вслѣдствіе этого американской торговлѣ будетъ нанесенъ ущербъ. При этомъ указывалось, что въ проектированномъ соглашеніи съ Русско-Китайскимъ банкомъ правительство Соединенныхъ Штатовъ усматриваетъ нарушеніе «принципа открытыхъ дверей». Однородная нота была также вручена и китайскому правительству черезъ посланника въ Пекинѣ.

На эту ноту русское правительство отвѣтило вашингтонскому кабинету, что переговоры между двумя независимыми государствами не могутъ подлежать контролю другихъ державъ. вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что требованія Русско-Китайскаго банка ни въ чемъ не превышаютъ тѣхъ требованій, которыя такъ часто предъявлялись китайскому правительству другими иностранными компаніями.

Однако протестъ Соединенныхъ Штатовъ возымѣлъ успѣхъ, сильно поднявъ духъ китайцевъ,—тѣмъ болѣе, что къ этому про-

тесту присоединились Англія и Японія, категорически заявившія, что, въ случаѣ подписанія договора съ Русско-Китайскимъ банкомъ, онѣ потребуютъ себѣ компенсацій. Особенно рѣшительно стало протестовать японское правительство послѣ состоявшагся 17-го января подписанія соглашения Японіи съ Англіей по восточнымъ дѣламъ, заключеніе котораго сильно ободрило также и китайцевъ.

Все это привело, наконецъ, къ тому, что князь Цинь, сначала вполне одобрившій проектъ соглашения съ банкомъ, 29-го января заявилъ, что вслѣдствіе категорическихъ протестовъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ и Японіи онъ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшихъ переговоровъ по дѣлу о заключеніи контракта съ Русско-Китайскимъ банкомъ.

Между тѣмъ переговоры о соглашеніи относительно эвакуаціи Манчжуріи, возобновившіеся въ началѣ декабря, шли своимъ чередомъ. Китайскіе уполномоченные предложили ввести нѣкоторыя измѣненія въ текстъ соглашения, выработаннаго при Ли-хунъ-чжанѣ. Измѣненія эти касались, прежде всего, сроковъ эвакуаціи Манчжуріи, которые китайцы предлагали значительно сократить, такъ, чтобы полная эвакуація состоялась черезъ годъ послѣ подписанія соглашения. Затѣмъ, статью третью они хотѣли измѣнить въ томъ смыслѣ, что Китай обязывался входить въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ относительно численности и мѣстъ расположенія китайскихъ войскъ лишь въ теченіе времени, пока Манчжурія будетъ занята нашими войсками; по истеченіи же этого періода Китай получаетъ право увеличить или уменьшить число войскъ по своему усмотрѣнію, лишь ставя о томъ своевременно въ извѣстность русское правительство. вмѣстѣ съ тѣмъ китайцы желали исключить изъ этой статьи упоминаніе о недопущеніи орудій въ снаряженіи китайской полицейской стражи. Предложено было также нѣсколько поправокъ редакціоннаго характера.

По поводу этихъ предложеній снова имѣлъ мѣсто обмѣнъ мнѣній между министрами иностранными дѣлъ, военнымъ и финансовъ. При этомъ въ началѣ С. Ю. Витте находилъ нежелательнымъ соглашаться на условія китайскихъ уполномоченныхъ. Мнѣніе это раздѣлялъ и генераль Куропаткинъ, указывавшій особенно на невозможность эвакуаціи Манчжуріи въ годичный срокъ. Но такъ какъ переговоры затягивались все болѣе и болѣе, и китайцы упорно настаивали на принятіи предложенныхъ ими измѣненій, предупреждая, что они обратятся къ посредничеству иностранныхъ державъ, то министръ финансовъ, несмотря даже на отказъ китайцевъ заключить съ Русско-Китайскимъ банкомъ договоръ относительно промышленныхъ концессій въ Манчжуріи, призналъ, что необходимо уступить. Въ запискѣ отъ 20-го февраля, подтверждавая

уже неоднократно выраженное имъ мнѣніе о необходимости во что бы то ни стало эвакуировать Манчжурію, С. Ю. Витте рекомендовалъ принять предложеніе китайцевъ. Независимо отъ другихъ, но уже изложенныхъ выше соображеній, министръ финансовъ руководствовался при этомъ убѣжденіемъ, что необходимо положить конецъ тѣмъ отрицательнымъ явленіямъ въ жизни Манчжуріи, которыя дала оккупация этой страны русскими военными силами, главнымъ образомъ вслѣдствіе подрыва въ глазахъ мѣстнаго населенія престижа мѣстныхъ китайскихъ властей. При отсутствіи же достаточно сильной и авторитетной власти, въ странѣ долженъ воцариться хаосъ, и ей грозитъ полное разореніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ попрежнему находилъ, что эвакуация не представляетъ никакой опасности для Россіи, а потому ее надлежало бы начать немедленно, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее удержаніе нашихъ войскъ въ Манчжуріи противорѣчитъ нашимъ официальнымъ заявленіямъ объ отсутствіи у насъ какихъ-либо агрессивныхъ замысловъ въ отношеніи Манчжуріи.

Мнѣніе это раздѣлялъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, который высказалъ, что бесконечно продолжающаяся, послѣ данныхъ нами завѣреній, военная оккупация, со всѣми связанными съ нею неудобствами, создаетъ въ странѣ ненормальный порядокъ вещей, подрывая авторитетъ китайскихъ властей въ глазахъ мѣстнаго населенія, и, естественно, возбуждаетъ неудовольствіе противъ Россіи и общее недовѣріе къ дѣламъ и намѣреніямъ русскаго правительства. А такъ какъ полное присоединеніе Манчжуріи признается крайне опаснымъ и невыполнимымъ даже и военнымъ министромъ, то онъ не видитъ никакихъ основаній медлить съ постепеннымъ возвращеніемъ въ руки китайской администраціи мѣстностей, занятыхъ русскими войсками.

Въ результатѣ нашему представителю въ Пекинѣ было дано указаніе постараться ускорить ходъ переговоровъ, причемъ ему было разрѣшено согласиться на предложенныя китайцами измѣненія, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что срокъ эвакуаціи долженъ быть установленъ не годичный, а въ восемнадцать мѣсяцевъ.

Однако, несмотря на сдѣланныя нами уступки, китайцы все еще медлили согласіемъ на подписаніе договора, причиною чему, по всей вѣроятности, служила поддержка со стороны японцевъ. По всѣмъ манчжурскимъ вопросамъ китайцы обращались за совѣтами въ японскую миссію, гдѣ имъ рекомендовали стараться «выжать» изъ насъ все возможное, причемъ обѣщались поддержка и помощь въ случаѣ нашего упорства. Кромѣ того, и среди китайскихъ сановниковъ имѣлась сильная партія противниковъ заключенія конвенціи съ Россіей. Главою этой партіи являлся членъ государственнаго совѣта Лу-чуань-линь, котораго поддерживали враждебно настроенные противъ насъ губернаторы Чжань-чжи-

дунь и Лю-кунь-и. Всѣ они утверждали, что введенная нами въ соглашеніе оговорка, обусловливавшая эвакуацію Манчжуріи спокойствіемъ въ странѣ и общимъ политическимъ положеніемъ, обращало въ ничто наше обѣщаніе о выводѣ войскъ изъ Манчжуріи. Съ другой стороны, они опасались, какъ бы подписаніе соглашенія съ нами не вызвало какихъ-либо аналогичныхъ требованій со стороны прочихъ державъ. Однако въ концѣ концовъ императрица-мать не присоединилась къ этимъ взглядамъ, и 26-го марта, по повелѣнію императрицы, княземъ Циномъ и Вань-вэнь-шао было подписано соглашеніе объ эвакуаціи Манчжуріи, а затѣмъ, 16-го іюня, того же года, состоялся размѣнъ ратификацій этого соглашенія.

XXIX.

По подписаніи соглашенія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 30-го марта 1902 года было напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Внезапно возникшія въ 1900 году во всемъ Китаѣ тяжкія внутреннія потрясенія, подвергшія опасности императорскую миссію и русско-подданныхъ, вынудили Россію принять рѣшительныя мѣры для огражденія своихъ государственныхъ интересовъ. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, императорскимъ правительствомъ командированъ былъ значительной силы военный отрядъ по направленію къ Пекину, покинутому богдыханомъ и правительственными властями, и введены російскія войска въ пограничную Манчжурію, куда изъ Печилійской провинціи быстро распространились беспорядки, выразившіеся въ нападеніи мятежныхъ шакъ и войскъ на русскіе предѣлы, съ формальнымъ объявленіемъ мѣстными китайскими властями войны Россіи.

«Тѣмъ не менѣ императорское правительство предупредило правительство богдыхана, что принятіе Россіею таковыхъ мѣръ отнюдь не имѣетъ враждебныхъ цѣлей противъ Китая, независимость и неприкосновенность коего положены были въ основу русской политики на Крайнѣмъ Востокѣ.

«Вѣрная этимъ началамъ, Россія, какъ только миновала непосредственная опасность, грозившая императорской миссіи и русско-подданнымъ, ранѣе всѣхъ прочихъ державъ отозвала отрядъ свой изъ Печили и, при первыхъ же признакахъ возстановленія спокойствія въ Манчжуріи, заявила о готовности особымъ соглашеніемъ съ Китаемъ установить способъ и ближайшіе сроки эвакуаціи этой провинціи, конечно, съ нѣкоторыми гарантіями временнаго характера, которыхъ требовало смутное положеніе дѣлъ въ упомянутой области.

«Заключеніе такового соглашенія затянулось на многіе мѣсяцы вслѣдствіе тяжелыхъ условій, въ кои поставлены были высшіе

китайскіе сановники, не рѣшавшіеся, за отсутствіемъ двора, дѣйствовать, какъ подобаеть представителямъ исполнѣ независимаго государства.

«За послѣднее время, однако, умиротвореніе Китая сдѣлало значительные успѣхи. Вслѣдъ за подписаніемъ протокола 25-го августа (7-го сентября) 1901 года богдыханскій дворъ возвратился въ столицу; центральная законная власть вступила въ свои права; во многихъ частяхъ имперіи возстановлены мѣстные административные органы. На первомъ приѣмѣ дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ китайская императрица, выразивъ иностраннымъ представителямъ благодарность за оказанное державами содѣйствіе къ подавленію смуть, завѣрила ихъ въ непоколебимомъ рѣшеніи принять всѣ мѣры къ водворенію въ странѣ существовавшаго до возстанія нормальнаго порядка вещей.

«Въ сущности, этимъ достигалась главная задача, которую Россія поставила себѣ съ минуты возникновенія беспорядковъ въ сосѣдней имперіи. Не преслѣдуя никакихъ завоевательныхъ цѣлей, императорское правительство настаивало на томъ, чтобы и другія державы не нарушали независимости и неприкосновенности Китая; чтобы законное правительство, съ которымъ Россія заключила многообразныя соглашенія, было возстановлено, и такимъ образомъ, по окончаніи смуть, явилась бы возможность продолженія искони дружественныхъ отношеній съ Китаемъ.

«Имѣя въ виду, что лишь съ этими цѣлями посланы были російскія войска въ предѣлы Поднебесной имперіи и что принятыми Китаемъ письменными обязательствами обезпечивается какъ сохраненіе порядка въ странѣ, такъ и полное возмѣщеніе Россіи матеріальныхъ затратъ, вызванныхъ военными дѣйствіями въ Китаѣ,—императорское правительство отнынѣ не видитъ болѣе надобности къ дальнѣйшему оставленію своихъ вооруженныхъ силъ въ предѣлахъ сосѣдней территоріи. Вслѣдствіе сего, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, 26-го сего марта російскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лессаромъ, совмѣстно съ китайскими уполномоченными, подписано было слѣдующее соглашеніе объ условіяхъ отозванія русскихъ войскъ изъ Манчжуріи»:

«Его Величество Императоръ и Самодержецъ всея Россіи и Его Величество Императоръ Китайскій, въ цѣляхъ возстановленія и укрѣпленія добрыхъ сосѣдственныхъ отношеній, нарушенныхъ происшедшимъ въ 1900 году возстаніемъ въ Поднебесной имперіи,—назначили своихъ уполномоченныхъ для соглашенія по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся Манчжуріи. Означенные уполномоченные, снабженные полномочіями, найденными достаточными, постановили нижеслѣдующее:

Статья 1-я.

Его Императорское Величество Императоръ Всероссійскій, желая явить новое доказательство своего миролюбія и дружественныхъ чувствъ къ Его Величеству богдыхану, не взирая на то, что съ пограничныхъ пунктовъ Манчжуріи сдѣланы были первыя нападенія на три русскія поселенія, соглашается на восстановление власти китайскаго правительства въ названной области, которая остается составной частью Китайской имперіи, и возвращаетъ китайскому правительству право осуществлять тамъ правительственную и административную власть, какъ это было до занятія означенной области русскими войсками.

Статья 2-я.

Приступая къ осуществленію правительственной и административной власти въ Манчжуріи, китайское правительство подтверждаетъ, какъ относительно срока, такъ и относительно всѣхъ прочихъ статей, обязательство строго исполнять постановленія контракта, заключеннаго съ Русско-Китайскимъ банкомъ 27-го августа 1896 года, и принимаетъ на себя (по силѣ 5-й статьи упомянутаго контракта) обязательство всѣми мѣрами охранять желѣзную дорогу и находящихся на ея службѣ лицъ, а равно обязуется оградить безопасность въ предѣлахъ Манчжуріи всѣхъ вообще находящихся тамъ русскихъ подданныхъ и учреждаемыхъ ими предпріятій.

Русское же правительство въ виду такого, принимаемаго на себя правительствомъ его величества богдыхана обязательства, съ своей стороны, соглашается, буде не возникнетъ смуть и образъ дѣйствій другихъ державъ тому не воспрепятствуетъ, вывести постепенно всѣ свои войска изъ предѣловъ Манчжуріи съ такимъ расчетомъ, чтобы:

а) въ теченіе шести мѣсяцевъ по подписаніи соглашенія очистить отъ русскихъ войскъ юго-западную часть Мукденской провинціи до рѣки Ляо-хэ съ передачею Китаю желѣзныхъ дорогъ;

б) въ теченіе послѣдующихъ шести мѣсяцевъ очистить остальную часть Мукденской провинціи и провинцію Гиринь отъ императорскихъ войскъ;

в) въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ вывести остальные русскія императорскія войска, находящіяся въ провинціи Хейлунцзянь.

Статья 3-я.

Въ виду необходимости предотвратить на будущее время возможность повторенія безпорядковъ минувшаго года, въ коихъ при-

нимали участіе китайскія войска, расположенныя въ пограничныхъ съ Россіею провинціяхъ, императорское и богдыханское правительства озаботятся предписать русскимъ военнымъ властямъ и цзянь-цзюнямъ совмѣстно условиться относительно численности и опредѣленія мѣстъ расположенія китайскихъ войскъ въ Манчжуріи въ теченіе того времени, пока не выведены русскія войска. При этомъ китайское правительство обязуется сверхъ установленнаго русскими военными властями и цзянь-цзюнями количества войскъ, каковое должно быть достаточнымъ для уничтоженія разбойниковъ и усмиренія страны, не формировать другихъ войскъ. По окончаніи полной эвакуаціи русскихъ войскъ, китайскому правительству предоставляется право обсудить численность находящихся въ Манчжуріи войскъ, подлежащую увеличенію или уменьшенію, при своевременномъ о семъ оповѣщеніи русскаго правительства, ибо само собою разумѣется, что содержаніе таковыхъ въ названной области въ излишнемъ количествѣ неминуемо повело бы къ усиленію русскихъ военныхъ частей въ сосѣднихъ округахъ и, такимъ образомъ, вызвало бы крайне невыгодное для обоихъ государствъ увеличеніе расходовъ на военныя надобности.

Для полицейской же службы и поддержанія внутренняго порядка въ сей странѣ вѣдъ земель, отведенныхъ обществу Китайской Восточной желѣзной дорогѣ, при мѣстныхъ губернаторахъ (цзянь-цзюняхъ) образуется исключительно изъ подданныхъ Его величества богдыхана китайская конная и пѣшая полицейская стража.

Статья 4-я.

Русское правительство соглашается возвратить собственникамъ занятыя и охраняемыя съ конца сентября 1900 года русскими войсками желѣзнодорожныя линіи Шанхай-гуань — Инкоу — Синьминтинъ. Въ виду сего правительство его величества богдыхана обязуется:

1) что если понадобится охрана названныхъ желѣзнодорожныхъ линій, то эта обязанность будетъ возложена лишь на китайское правительство, причемъ не должно приглашать другія державы участвовать въ охранѣ, постройкѣ и эксплуатаціи ихъ или позволять иностраннымъ державамъ занимать возвращенную русскими территорію;

2) что означенныя желѣзнодорожныя линіи будутъ достраиваться и эксплуатироваться на точномъ основаніи какъ соглашенія между Россіею и Англіею отъ 16-го апрѣля 1899 года, такъ и состоявшагося 28-го сентября 1898 года договора съ частною компаніею относительно займа на постройку означенныхъ линій и, кромѣ того, при соблюденіи обязательствъ, принятыхъ на себя

этою компанією, а именно: не вступать во владѣніе или какимъ бы то ни было образомъ распоряжаться линією Шанхай-гуань—Инкоу—Синминтинъ;

3) что если впослѣдствіи будетъ приступлено къ продолженію желѣзнодорожныхъ линій въ Южной Манчжуріи или прокладкѣ къ нимъ вѣтвей, равно и къ сооруженію въ Инкоу моста или переносу существующаго здѣсь конечнаго пункта желѣзной дороги, то по этимъ вопросамъ надлежитъ вступить въ предварительное взаимное соглашеніе между русскимъ и китайскими правительственными;

4) вслѣдствіе того, что затраты, произведенныя русскимъ правительствомъ на возстановленіе и эксплуатацію возвращаемыхъ желѣзныхъ дорогъ Шанхай-гуань—Инкоу—Синминтинъ не были внесены въ общую сумму убытковъ,—китайскому правительству надлежитъ возмѣстить таковыя, по обсужденіи съ російскимъ правительствомъ суммы, подлежащей возвращенію.

Постановленія всѣхъ прежнихъ договоровъ между Россією и Китаемъ, не измѣненныя настоящимъ соглашеніемъ, остаются въ полной силѣ.

Соглашеніе войдетъ въ законную силу со дня подписанія его уполномоченными того и другого государства.

Размѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Петербургѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня подписанія соглашенія.

Въ удостовѣреніе чего уполномоченные обѣихъ договаривающихся сторонъ подписали и скрѣпили своими печатами два экземпляра соглашенія на русскомъ, французскомъ и китайскомъ языкахъ. Изъ трехъ текстовъ, по сличеніи оказавшихся согласными, руководствующимъ при толкованіи соглашенія будетъ считаться французскій текстъ.

Совершено въ Пекинѣ въ двухъ экземплярахъ 26-го марта 1902 года.

Одновременно съ подписаніемъ изложеннаго соглашенія русскимъ посланникомъ была вручена китайскимъ уполномоченнымъ нота, въ которой было заявлено, что передача гражданскаго управленія въ портѣ Инкоу въ руки китайской администраціи состоится не ранѣе удаленія изъ него иностранныхъ отрядовъ и десанта и возвращенія китайцамъ города Тянь-цзиня, находившагося въ то время въ международномъ управленіи..

Текстъ соглашенія объ эвакуаціи Манчжуріи и содержаніе указанной ноты были опубликованы русскимъ правительствомъ совмѣстно съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что императорское правительство, строго придерживаясь неоднократно сдѣланныхъ заявленій, приступаетъ къ постепенной эвакуаціи Манчжуріи съ тѣмъ, чтобы завершить ее въ указанныхъ условіяхъ, если тому

не воспрепятствуютъ какія-либо неожиданныя дѣйствія другихъ державъ или самого Китая; что передача гражданскаго управленія въ Ню-чжуанѣ въ руки китайской администраціи состоится, согласно переданному правительству богдыхана письменному заявленію, лишь когда изъ названнаго порта удалены будутъ иностранные отряды и десанты, и если къ этому же времени окончательно рѣшенъ будетъ вопросъ о возвращеніи китайцамъ Тянь-цзиня.

«Китайское правительство, съ своей стороны, подтверждаетъ всѣ ранѣе принятыя имъ по отношенію къ Россіи обязательства, а, стало быть, и постановленія договора 1896 года, долженствовавшего служить основаніемъ взаимныхъ дружественныхъ отношеній сосѣднихъ имперій. Этимъ оборонительнымъ соглашеніемъ уже въ 1896 году Россія обязалась поддерживать начало независимости и неприкосновенности Китая, который, въ свою очередь, предоставилъ ей право постройки магистрала черезъ Манчжурію и пользованіе существенными преимуществами, находящимися въ прямой связи съ означеннымъ предпріятіемъ.

«Послѣ поучительныхъ событій минувшихъ двухъ лѣтъ представляется возможнымъ надѣяться на полное умиротвореніе Дальняго Востока и дальнѣйшее развитіе дружественныхъ сосѣдскихъ отношеній съ Китаемъ въ интересахъ обѣихъ имперій. Но нѣтъ сомнѣній, что если бы китайское правительство, вопреки даннымъ имъ положительнымъ завѣреніямъ, по той или другой причинѣ нарушило какое-либо изъ вышеупомянутыхъ условій,—то императорское правительство не считало бы себя болѣе связаннымъ ни постановленіями манчжурскаго соглашения, ни предшествующими по сему предмету заявленіями, и вынуждено было бы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ могущія возникнуть послѣдствія».

На первый взглядъ содержаніе соглашения можетъ показаться не имѣющимъ большого значенія. Однако, по мнѣнію нашихъ представителей въ Пекинѣ, только заключеніе такого соглашения могло измѣнить къ лучшему крайне неудовлетворительное положеніе наше въ то время и способствовать постепенному возстановленію поколебленнаго взаимнаго довѣрія и нормальныхъ, дружескихъ сосѣдскихъ отношеній.

22-го апрѣля англійскій посланникъ въ Пекинѣ Э. Сатоу доносилъ маркизу Лэнсдоуну, что 15-го апрѣля былъ у него съ визитомъ князь Цзинь, съ цѣлью выразить великобританскому правительству благодарность китайскаго правительства за оказанную ему драгоцѣнную поддержку при веденіи переговоровъ, окончившихся 8-го сего мѣсяца подписаніемъ соглашения съ Россією объ очищеніи Манчжуріи. Э. Сатоу отвѣтилъ выраженіемъ удовольствія правительства его величества по поводу того, что поддержка

Великобританіи и другихъ дружественныхъ державъ дала Китаю возможность достигнуть болѣе благоприятныхъ условій, нежели тѣ, какія одно время казались вѣроятными. Хотя соглашеніе это и не представляется великобританскому правительству вполне удовлетворительнымъ, однако оно, безъ сомнѣнія, лучше прежнихъ редакцій. Э. Сатоу настаивалъ передъ княземъ Цинюмъ на необходимости приступить къ немедленнымъ приготовленіямъ по организаціи войскъ и жандармеріи для Манчжуріи, дабы быть въ готовности занимать территорію по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя части будутъ послѣдовательно очищаемы, и выразилъ надежду, что китайское правительство постарается избѣгать такихъ дѣйствій, которыя могли бы имѣть послѣдствіемъ отсрочку очищенія или же дальнѣйшія измѣненія условій соглашенія въ смыслѣ, невыгодномъ для Китая. Князь сказалъ, что китайское правительство вполне проникается этими соображеніями. Оно предполагаетъ, какъ только очищеніе страны будетъ выполнено, ввести коренное преобразование въ администраціи, въ видахъ утвержденія своей власти въ трехъ провинціяхъ. При подписаніи соглашенія русскій посланникъ выдалъ «словесную ноту» (*note verbale*), устанавливающую, что Ню-чжуанъ будетъ возвращенъ Китаю, какъ только временное тянь-цинское правительство будетъ упразднено, и что если это событіе не произойдетъ въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ, указанныхъ въ соглашеніи объ очищеніи юго-западной части Мукденской провинціи, то Ню-чжуанъ будетъ переданъ въ первый или второй мѣсяцъ второго шестимѣсячнаго срока.

28-го апрѣля англійскій посолъ въ Петербургѣ Ч. Скоттъ доносилъ маркизу Лэнсдоуну, что при своемъ свиданіи, 23-го числа этого мѣсяца, съ гр. Ламздорфомъ онъ коснулся опубликованной конвенціи по вопросу объ очищеніи Манчжуріи русскими войсками. Графъ Ламздорфъ сказалъ, что опубликованный русскій текстъ долженъ былъ удовлетворить Ч. Скотта въ смыслѣ корректности неоднократно дѣлавшихся ему графомъ въ то время, когда велись переговоры, заявленій; что когда, по заключеніи ихъ, соглашенію будетъ приданъ окончательный видъ и оно будетъ опубликовано, его содержаніе будетъ найдено, вопреки всѣмъ слухамъ и неосновательнымъ подозрѣніямъ, въ полномъ согласіи съ опредѣленно высказывавшимися намѣреніями императорскаго правительства. Ч. Скоттъ отвѣтилъ, что, насколько онъ можетъ судить по сдѣланному для него переводу русскаго текста, онъ совершенно готовъ это допустить. Въ то же время онъ замѣтилъ, что, судя по одному выраженію въ официальномъ сообщеніи, сопровождающемъ опубликованную конвенцію, русское правительство сдѣлало оговорку, въ силу которой, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ родѣ возобновленія безпорядковъ въ Китаѣ, оно можетъ счесть себя освобожденнымъ отъ всѣхъ стѣснительныхъ условій и обя-

зательствъ, принятыхъ имъ на себя по конвенціи. Ч. Скоттъ спросилъ графа Ламздорфа, насколько справедливы появившіяся въ русской печати свѣдѣнія о новыхъ безпорядкахъ въ Манчжуріи. Графъ отвѣтилъ, что сдѣланная въ конвенціи оговорка была совершенно необходима, и онъ всегда включалъ эту оговорку въ свои объясненія политики; что же касается стычекъ съ разбойниками въ Манчжуріи, о чемъ появлялись извѣстія, то онъ не придаетъ имъ никакого значенія. Въ газетахъ, сказалъ онъ, появлялись также извѣстія о безпорядкахъ и повстанческихъ волненіяхъ въ Южномъ Китаѣ; однако г. Лессаръ не прислалъ ни одного официальнаго подтвержденія этихъ извѣстій, и онъ не видитъ надобности требовать отъ г. Лессара какого-нибудь официальнаго дознанія, вѣрны ли эти извѣстія. Графа, очевидно, озабочиваютъ перспективы общаго характера по дѣламъ въ Китаѣ. Онъ замѣтилъ, что, по своей природѣ, онъ не пессимистъ, но онъ долженъ признаться, что находится въ большомъ сомнѣніи по отношенію къ конечному результату тѣхъ порядковъ, для достиженія которыхъ державы принесли столько жертвъ. Онъ мало вѣритъ въ возможность дѣйствительнаго преобразования или измѣненія Китаемъ своей традиціонной политики. Ч. Скоттъ ограничился замѣчаніемъ, что онъ читалъ наблюденія лицъ, которыя, повидимому, пріобрѣли въ Китаѣ большую опытность и которыя вѣрятъ, что, наоборотъ, и китайскій дворъ, и китайскіе министры вполне сознали значеніе данныхъ Китаю суровыхъ уроковъ, и полагаютъ, что на этотъ разъ уроки оставятъ по себѣ болѣе длительное впечатлѣніе, нежели какое оставляли прежніе уроки. Графъ Ламздорфъ сказалъ, что онъ искренне желаетъ, чтобы эти мнѣнія оказались справедливыми и чтобы его личныя опасенія на этотъ счетъ не оправдались въ видѣ возобновенія затрудненій, черезъ которыя мы недавно прошли.

30-го апрѣля (н. ст.) маркизъ Лэнсдоунъ освѣдомилъ англійскаго посланника въ Пекинѣ о томъ, что онъ имѣлъ съ русскимъ посломъ краткій разговоръ по дѣлу о подписанномъ недавно русско-китайскомъ соглашеніи касательно очищенія Манчжуріи. Посоль сказалъ, что русскому правительству ставится въ упрекъ, что оно, какъ утверждаютъ, уступило дипломатическому давленію Великобританіи. Упрекъ этотъ, конечно, совершенно неоснователенъ. Въ дѣйствительности, русское правительство оставалось вѣрнымъ дававшимся съ самаго начала отъ его имени обѣщаніямъ касательно способа рѣшенія манчжурскаго вопроса. Маркизъ сказалъ г. Стаалю, что, по общему мнѣнію, новое соглашеніе во многихъ отношеніяхъ лучше прежнихъ редакцій, получившихъ огласку, но что въ немъ есть нѣсколько пунктовъ, вызывающихъ въ Англій значительное неодобреніе, а именно—постановленія, ограничивающія право Китая располагать своими войсками и

строить продолженія желѣзныхъ дорогъ въ предѣлахъ своей территоріи. Однако онъ, маркизь Лэндоунъ, не хочетъ разсматривать эти постановленія черезъ увеличительное стекло и питаетъ надежду, что соглашеніе будетъ добросовѣстно и съ должной осмотрительностью истолковываемо обѣими сторонами, и что очищеніе провинціи будетъ выполнено въ назначенное время. Маркизь выразилъ увѣренность, что для русскаго правительства будетъ немалымъ облегченіемъ отозваніе большой, находящейся теперь въ Манчжуріи, оккупационной арміи, численность которой доходить, насколько ему извѣстно, до пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАЛОВѢДОМЫЯ КРАСОТЫ.

(Алтайскія замѣтки).

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЯ красоты Кавказа, широкіе и внушительные пейзажи Крыма, мягкіе виды Малороссіи, суровые и унылые—Финляндіи, снѣговья равнины и ледяныя, словно хрустальныя горы нашего дальняго Сѣвера,—кто изъ насъ не знаетъ, не былъ въ этихъ мѣстахъ, кто объ этомъ тысячи разъ не читалъ описаній, кто не видалъ на эти темы гравюръ, масляныхъ картинъ, фотографій?

А между тѣмъ у насъ есть и инья области, грандіозное и своеобразное великолѣпіе которыхъ едва ли уступитъ красотѣ всѣхъ этихъ давно признанныхъ живописныхъ мѣстоположеній.

Что мы знаемъ про Алтай?

Ничего, иль очень мало.

Тамъ, напримѣръ, есть горы съ очень причудливыми профилями и своеобразной внѣшности: то черно-бархатныя, сплошь покрытыя кедромъ и пихтою, то сѣро-сизыя, голыя, каменистыя, съ искристыми кристаллами; или горы-великаны, вѣчно покрытыя сплошною фарфоровою шапкою снѣга или отдѣльными пятнами снѣга же, такъ называемыми «бѣлками», или же сверкающими на солнцѣ льдами, бросающими со своихъ острій ослѣпительный блескъ пышными пучками лучей, словно отъ граней гигантскихъ брильянтовъ...

Но это издали; вблизи же горы эти являются то громадными глыбами нагроможденных другъ на друга скалъ и валуновъ, какъ бы сцементированныхъ землею и обросшихъ въ этихъ спайкахъ пихтачемъ, можжевельникомъ, шиповникомъ и причудливымъ мхомъ... Птичій гомонъ свободно и звонко раздается всюду: флейтовые высвисты иволгъ мѣшаются съ рѣзкими крѣкряканьями кедровокъ, меланхолическія пѣсенки овсянокъ переплетаются съ циканьемъ дубоносовъ и мелодическими выкриками юрковъ...

Или же горы представляются здѣсь необозримыми лѣсами, плотными и мрачными, сквозь которые можно пробраться лишь

Телецкое озеро.

съ топоромъ да съ пилою въ рукахъ; то на нихъ открываются чисто альпійскіе виды, съ присущею альпамъ флорою, до розъ включительно, съ изумрудными лужками и пасущимися на нихъ козами, эффектно цѣпляющимися по обрывамъ горъ... И плаваютъ въ синевѣ неба высоко-высоко орлы-бородачи съ важнымъ, хриплымъ клетотомъ...

А тамъ, еще выше—настоящіе глетчеры: зеленія глыбищи льда, изрѣзанныя продольными трещинами... Вѣчные запасы ноздристаго снѣга съ сочащеюся изъ-подъ него водою; рѣдкіе, сѣрые и заплѣсневѣлые камни, топкія болота—мѣста истоковъ многихъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ.

Рѣка Чулишмань.

На Алтаѣ большинство рѣкъ съ очаровательными живописными берегами, кажется, созданными для исключительной цѣли ими любоваться и при этомъ прямо-таки пьянѣть отъ какого-то высокого восторга...

А какія дивныя озера, особенно горныя, какъ-то неожиданно появляющіяся среди столпившихся утесовъ, гигантскихъ валу-

новъ, громадныхъ комьевъ земли съ вихрастыми елями и пихтами... Крупныя птицы, какъ, на примѣръ, лебеди, зачастую оживляютъ ихъ своимъ присутствіемъ, эффектно и изящно плавая группами и въ одиночку... Кричатъ крохали, гундосятъ красныя утки, а множество чаекъ визжатъ, хохочутъ и плачутъ.

Наибольшее изъ этихъ озеръ—Телецкое, окруженное цѣпью горъ,—совсѣмъ будто искусственными вилами. И какой дикій, величественный видъ... Ай, какая могучая, незабываемая красота! Мощная полоса воды зигзагами уходитъ въ даль, прячась за выступы скалъ и постепенно кутаясь въ матовые туманы, сливается съ горизонтомъ... Высокія, грозныя скалы, то совершенно голыя, то одѣтыя темно-зеленою хвоею лѣса, вплоть подступаютъ къ озеру и отвѣсно спускаются въ воду. Отлогихъ спусковъ къ водѣ почти нѣтъ.

Большихъ рѣкъ, впадающихъ въ это озеро, не много. Но зато масса мелкихъ потоковъ низвергается въ него со страшной высоты. Потоки летятъ внизъ, мѣстами не задѣвая своего ложа, и, не достигая озера, еще на лету превращаются въ водяную пыль, которая непрерывно сбѣтается бѣлымъ, пушистымъ туманомъ. На темномъ фонѣ бархатной хвои или горныхъ породъ скалъ эти потоки кажутся взбитыми клубами пѣны или снѣга, висящаго въ воздухѣ, то вздымаясь, то опускаясь...

Только въ юго-западный уголъ озера впадаетъ громадная рѣка Чулишманъ.

А. В. Адриановъ, путешествовавшій на Алтай по порученію императорскаго російскаго географическаго общества еще въ 1881 г., вотъ какъ описываетъ эту рѣку:

«... Чулишманъ протекаетъ однимъ русломъ въ дикомъ ущельѣ. Долина рѣки въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озера сузилась; высокія, утесистыя и голыя горы непрерывно тянулись вдоль рѣки, скудно покрытыя кое-гдѣ лѣсомъ. По крутизнѣ этихъ скалъ со страшнымъ шумомъ низвергались рѣчки съ высоты десятковъ сажень, а при подошвѣ ихъ онѣ какъ бы переламывались почти подъ прямымъ угломъ и до впаденія въ Чулишманъ протекали по луку на незначительномъ пространствѣ...»

И режутъ громко, режутъ немолчно эти рѣки и рѣчушки, а самъ Чулишманъ, грозно сверкая и дыбко вспѣниваясь, съ грохотомъ несется, то вспрыгивая на оторвавшіяся скалы, то лихо перекатываясь черезъ гигантскіе валуны...

Одна изъ довольно большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Чулишманъ, подъ именемъ Башкаусъ, стремится съ такою неистовою быстротою, что на мѣстахъ брода лошадямъ, чтобы сохранить равновѣсіе и противостоятъ силѣ теченія, приходится круто наваливаться бокомъ навстрѣчу стремленія рѣки... Эта рѣка считается одною изъ самыхъ дикихъ и бѣшеныхъ; это алтайскій Терекъ. Нижняя ея часть

Ущелье Чулишманъ.

Чуйскія Альпы.

проходить въ такихъ узкихъ и отвѣсныхъ шекахъ, въ такихъ кремнистыхъ ущельяхъ, что о переѣздѣ рѣки по водѣ нельзя и думать... Иногда наверху съ утеса на утесъ перекинута дерево; это—мостъ, единственная переправа черезъ эту бѣшеную, бурную рѣку.

Но такъ выглядитъ вся эта чудная панорама горныхъ красотъ при свѣтѣ солнца, днемъ...

А наступить ночь, тихая, черная, бархатная... Кругозоръ, сдавленный гигантами-горами, кажется до странности малымъ...

Чуйскіе бѣлки.

(Граница Сибири и Монголіи).

Зато сводъ небесный въ силу этого является непомѣрно выпуклымъ и высокимъ-высокимъ, а звѣзды на немъ виднѣются совсѣмъ маленькими крошечными серебряными блестящими... Темно и жутко кругомъ... По горизонту чуть-едва мерещатся съ трудомъ различаемые обрывки контуровъ горъ: только что напряженный взглядъ схватитъ ихъ, ища цѣлаго абриса горы, но эти обрывки сейчасъ же сливаются съ бархатнымъ небомъ—и все черно и пусто кругомъ!..

И вотъ выплылъ мѣсяцъ... Ой, что же это онъ сдѣлалъ!..

Вспыхнули плавленнымъ серебромъ горы, испещренные глубокими черными, точно плюшевыми пятнами лѣсныхъ зарослей... Озарилась холодною сталью гладь ближайшаго озера... Всплылъ

на немъ рѣзко оконтуренный островокъ съ кущами деревь, ровно изъ угля вырѣзанныхъ.

Повело вѣтеркомъ—и стальная гладь взъершилась трепещущими бляшечками, по древесной листвѣ запрыгали маленькіе яркіе блички, побѣжали они густыми ворохами съ дерева на дерево, въ

Монголь съ сыномъ оруженосцемъ.

разныя стороны... И зашелестѣло вблизи, зашуршало подальше и съ протяжнымъ шипящимъ шумомъ понеслось туда, на верхи, на отмѣченныя рдѣющими контурами горы...

Среди живописныхъ горъ, по удивительнымъ берегамъ интересныхъ алтайскихъ рѣкъ кое-гдѣ селятся небольшія кучки болѣе или менѣе дикаго люда: татары, теленгты, сойоты; немало, конечно, и чисто русскихъ... Нѣкоторые изъ нихъ занимаются оригинальною отраслюю скотопромышленности—мараловодствомъ.

Мараль—это крупный олень. За нимъ охотятся, а за послѣднее время его разводятъ, благодаря высокой цѣнности его вѣтвистыхъ роговъ. Какъ извѣстно, олени сбрасываютъ свои рога ежегодно. На мѣстѣ скинутыхъ, твердыхъ и тяжелыхъ, сперва вырастаютъ мягкіе, обильно напитанные кровью, покрытые волосистою кожею; постепенно рога эти твердѣютъ и въ концѣ концовъ становятся крѣпкими, подобно кости.

Главная цѣнность мараловыхъ роговъ удерживается именно въ періодъ ихъ незрѣлости, когда они еще мягки и кровянисты... Владѣльцы мараловъ въ это время ловятъ животныхъ, крѣпко перетягиваютъ ихъ мягкіе рога бечевкою у основанія, отчего они еще болѣе пухнуть и кровянятъ. Тогда такіе рога, какъ разъ въ перетянутыхъ мѣстахъ, отрѣзаютъ, быстро перевертываютъ ихъ вверхъ сръзомъ, дабы не вытечилась кровь, и въ такомъ положеніи подпекаютъ сръзъ на солнцѣ... Потомъ рога опускаютъ на нѣсколько минутъ въ крутой соленый кипятокъ, а затѣмъ высушиваютъ ихъ на солнцѣ.

Такимъ способомъ приготовленные рога называются пантами; они продаются отъ 30 до 600 рублей пара! Разница въ цѣнности зависитъ отъ удачности приготовленія, отъ тяжести и—главное—отъ породы марала. Уссурійскіе панты оцѣниваются выше другихъ. Въ Китаѣ пантамъ приписывается чудодѣйственная цѣлебная сила: опредѣленные приемы мараловыхъ роговъ дѣйствуютъ какъ возбуждающее средство, какъ энергичный возстановитель упавшихъ силъ и особенно—половыхъ. Даже кровь, вытекающая при отрѣзаніи пантъ, принятая человѣкомъ внутрь, очень полезна для выздоравливающихъ и слабыхъ больныхъ... Слегка обжаренные кусочки пантовъ, по увѣренію китайцевъ, безошибочно возстановляютъ безнадежно распатанный организмъ; даже старческая дряхлость и та уступаетъ мѣсто явной бодрости, подъ вліяніемъ леченія пантами. Словомъ, молодые рога мараловъ обладаютъ свойствомъ спермина. Покупаются они исключительно китайцами, такъ какъ европейская медицина рѣшительно отвергаетъ всѣ качества, приписываемыя рогамъ желтолицыи азіатами...

Послѣ сръзыванія пантовъ маралы нѣкоторое время болѣютъ, но затѣмъ поправляются и у нихъ вырастаютъ новые рога, которые также обрѣзаются, и т. д. Хорошій мараль, производитель цѣнныхъ пантовъ, стоитъ рублей 200; похуже—можно купить за 100 и даже за 75 рублей. На Алтаѣ есть мараловодства, имѣющія до двухсотъ головъ... Эти оригинальныя хозяйства ведутся далеко не образцово и обладаютъ множествомъ дефектовъ, уничтоженіе которыхъ значительно повысило бы добычливость предпріятія...

Въ Алтайскихъ горахъ нерѣдко можно встрѣтить искателей золота или иныхъ дорогихъ горныхъ породъ. Въ большинствѣ случаевъ это все народъ малосвѣдущій, копающійся на авось, зря...

Много на Алтаѣ звѣролововъ, но за послѣднее время почти всѣ они жалуются на плохую добычу. Самый цѣнный звѣрекъ—соболь—почти начисто выбить, а въ былое время его было страшно много; соболинный промыселъ среди мѣстныхъ инородцевъ представлялъ такую значительность, что даже мѣсяцъ октябрь назывался алдыраль-ай, т. е. мѣсяцемъ охоты на соболя.

Зайсанъ—родоначальникъ теленитовъ.

Въ тайгѣ въ извѣстное время года появляется множество алтайскихъ обывателей, цѣлымъ семьями, съ ребятишками. Бросивъ свои осѣдлыя жилища, они устраиваютъ въ таежной глуши палашки и, говоря мѣстнымъ выраженіемъ,—«дѣлаютъ орѣхъ». Мужчины, съ топорами или съ толстыми палицами, взлѣзаютъ на кедры и сбиваютъ шишки со зрѣлымъ орѣхомъ. Внизу дѣти соби-

раютъ эти шишки и переносятъ къ шалашкамъ, гдѣ женщины уже выбираютъ зерна изъ шишекъ. Набранный орѣхъ въ особыхъ переметныхъ сумахъ перевозится на лошадяхъ въ улусы и деревни и тамъ продается скупищикамъ.

Въ горахъ, ближе къ границѣ Монголіи, часто попадаются войлочные юрты монголовъ съ непремѣнными группами веселыхъ и любопытныхъ ребятъ. Сами монголы мужчины, кажется, вовсе не умѣютъ ходить: они всегда верхомъ на небольшихъ головастыхъ лошадкахъ, а за спиною у нихъ почти всегда помѣщается или жена, или сынишка... Въ общемъ, монголы народъ не плохой и относящійся къ русскимъ довольно дружелюбно.

Изъ пограничныхъ обитателей особенно неприятны сойоты. Это грязный, юркій, нахальный народишко. Всегда полупьяные, полуголые сойоты постоянно выпрашиваютъ у васъ что-либо, причемъ такъ нагло осматриваютъ вашу особу, точно выбираютъ мѣстечко для болѣе удобнаго вонженія ножа... Отказъ сойоту въ подачкѣ непремѣнно влечетъ за собою его ругань, а то такъ и брошенный камень... Даже у карагасовъ и теленитовъ они считаются до такой степени за плохой народъ, что у этихъ туземцевъ имѣется въ обиходѣ «вѣрная» примѣта: если увидишь во снѣ сойота—получишь возможность увидѣть наяву дьявола...

Возвращаясь къ красотамъ Алтая, нельзя не припомнить вида на Чуйскіе бѣлки. Это крайне эффектный горный пейзажъ! Издали снѣговья пятна (бѣлки) на горахъ кажутся то серебряными бляхами, то фарфоровыми кусками, вкрапленными въ темныя горы. Когда же сами горы будто сливаются съ небомъ, «бѣлки» мерещатся непонятными бѣлыми предметами, какъ бы висящими далеко и высоко въ воздухѣ...

Да, много, охъ, какъ много въ Россіи интересныхъ мѣстъ, но не умѣемъ мы ихъ цѣнить, и ихъ красота, ихъ оригинальность почему-то для насъ не такъ значительна, не такъ дорога, какъ красоты намъ чуждыхъ, иноземныхъ мѣстъ, о которыхъ мы читаемъ или слышимъ...

Плохо любимъ мы родную природу и, можетъ быть, потому, что мало ее знаемъ!

В. Анфиловъ.

НѢКОТОРЫЯ СООБРАЖЕНІЯ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ОТЪ 31-ГО ДЕКАБРЯ
1825 Г. ИЗЪ ТАГАНРОГА КНЯГИНИ СОФЬИ ГРИГОРЬЕВНЫ ВОЛКОН-
СКОЙ ИМПЕРАТРИЦЪ МАРИИ ФЕОДОРОВНѢ.

ТО ПИСЬМО послужило исходной точкой для всякихъ догадокъ относительно чего-то секретнаго въ жизни покойнаго императора Александра Павловича, какъ для тѣхъ, которые сиятся доказать противъ всѣхъ доводовъ логики исчезновеніе монарха изъ Таганрога, такъ и для тѣхъ, которые думаютъ, что государь скончался, принявъ незадолго до своей кончины католичество. Къ сожалѣнію, Н. К. Шильдеръ, печатаая нѣсколько писемъ княгини С. Гр. Волконской къ вдовствующей императрицѣ Маріи ФеодоровнѢ въ приложеніяхъ къ IV тому своей исторіи царствованія благословеннаго монарха, не дѣлаетъ ни одной замѣтки какъ относительно того источника, откуда онъ получилъ копіи этихъ писемъ, такъ и о томъ, что въ нихъ повѣствуется. Не желая вступать въ какую-либо полемику съ лицами, дѣлавшими болѣе или менѣ смѣлыя заключенія изъ строкъ письма княгини Волконской отъ 31-го декабря изъ Таганрога, мы просто представимъ нѣкоторыя соображенія на разсмотрѣніе безпристрастнаго читателя. Для полнаго уразумѣнія смысла этого письма даемъ его здѣсь въ оригиналѣ на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ.

Taganrog le 31 Décembre 1825.

«Madame.

C'est à bien peu de distance que j'ai le bonheur d'écrire à V. M. I. J'ai osé prendre de nouveau la plume pour Vous transmettre, Madame, par une bonne occasion les *détails* qui me sont encore parvenus pen-

dant mon voyage. J'éprouvai de suite le regret que V. M. n'en ai pas eu connaissance *dans le temps* comme de toutes les autres lettres de mon mari qui ont précédé celle-là, et ici mes regrets n'ont fait qu'augmenter depuis toutes *les nouvelles données que j'ai acquises* et en trouvant que plusieurs personnes des alentours de l'empereur *ont soupçonné et consigné une chose* que mon mari a pu seul remarquer plus positivement que les autres. Avec un cœur aussi dévoué que le sien, qui a aimé l'empereur pendant vingt neuf années de suite, avec une entière abnégation de lui même, *il pouvait moins qu'un autre*, je le crois du moins, *se tromper sur ce qui se passait dans sa belle âme*. La bienveillance avec laquelle Vous avez daigné, Madame, m'écouter sur un passage d'une lettre de mon mari, que vu le moment d'alors, j'avais évité de soumettre dans sa vérité à Vos yeux, cette bonté touchante avec laquelle Vous avez daigné me répondre, et à laquelle même malgré le moment rien n'échappait tant que je vivrai le souvenir en restera ineffaçable en moi, et aussi je me le dis à présent que je ne dois pas craindre de donner connaissance de mes lettres à la Mère de nos souverains, qui ne saurait m'en vouloir de ma détermination de *lui faire connaître une chose pénible*, mais qu'elle pourra confier à *celui qui peut trouver peut-être de l'avantage à connaître l'observation intime faite sur l'état moral* de notre bien aimé empereur de glorieuse mémoire. Je dois ajouter que mon *mari ignore et ignorera toujours* que *j'ai écrit* cette lettre et que je Vous envoie, Madame, des lettres de lui avec *une communication qu'il ne pensera jamais à Vous faire*.

Mais c'est bien consolant pour moi de pouvoir me dire que ce *qu'il a vu et que ce qui est son intime conviction à cet égard ne sera perdu*; j'aurai osé le déposer dans Votre sein et Vous en ferez déjà *l'usage que le ciel, Votre sagesse et la connaissance de notre nouveau souverain Vous inspireront d'en faire*.

J'ose Vous supplier, Madame, de me conserver ces dernières lettres de mon mari sur le malheur qui nous est arrivé, ou si V. M. le préfère de daigner les remettre cachetées à ma mère. Tout ce qui se rattache à Votre fils bien aimé est un souvenir que je tie s à conserver autant que moi, mais qui alors se détruira avec moi, c'est une tranquillité dont je sens le besoin et dont je saurai m'assurer à l'avance. Veuillez me pardonner, Madame, *d'avoir osé entrer dans ce détail de délicatesse c'est là ce qui m'obtiendra Votre pardon*.

Les souvenirs sont nécessaires à la retraite à laquelle j'espère me vouer aussitôt que l'établissement de tous mes enfants me permettra d'y penser. J'ai besoin de leur laisser le bien que j'ai des bontés de ma mère sans dettes, il en est grévé et ce n'est point en vivant dans les capitales que l'on remet ses affaires. Une place même quelque avantageuse qu'elle puisse être n'assure pas une existence, la mienne est

avancée, Madame¹⁾, et je ferai avec joie tous les sacrifices nécessaires pour assurer du moins à mes enfants une petite aisance, pour laquelle je dois parvenir à me défaire des dettes que la nécessité m'a forcée de contracter.

Après avoir osé me laisser aussi entraîner à Vous ouvrir mon cœur à Vous, Madame, la protectrice constante de notre famille depuis mon vertueux grand père, feu le maréchal prince Repnine, après avoir pris la liberté de Vous dire aussi un mot sur moi même, comment n'oserai je pas vous parler encore pendant quelques instants de plus uniquement de mon digne mari. Je l'ai trouvé hier changé et bien triste. Mais, Dieu merci, il commence *un peu à se remettre* et à devenir plus calme. Toujours est-il certain qu'il ne pourra jamais cesser de regretter l'empereur auquel il a consacré vingt neuf années de sa vie avec un entier dévouement et qui possédait le don de gagner les cœurs de tous ceux qui l'approchaient. Je ne demande pas pour lui à V. M. la continuation de vos bontés. Depuis longtemps vous les lui avez accordées, et je suis aussi heureuse de voir l'intérêt et la bienveillance que lui témoignent tous vos enfants, sentiments sur lesquels j'ose compter pour lui et qui lui sont bien chers et bien précieux.

Daiguez me conserver votre bienveillance à moi-même, Madame, daignez l'étendre aussi sur mes chers enfants et voyez, Madame, dans la présente que vos constantes bontés ont encouragé à Vous écrire, mon admiration pour Vos vertus, ma confiance dans la force de Votre âme et aussi la persuasion que j'ai que Vous ne découvrirez à personne tout le contenu de la présente. Daiguez le regarder comme un garant certain de mon dévouement entier ici, respectueux et qui ne cessera de m'animer pour Vous, Madame, jusqu'à mon dernier soupir. Ces sentiments d'amour que je Vous potre m'ont été transmis pour V. M. par deux générations, et moi je les transmets à mes enfants avec la même force que je les éprouve pour Vous et Vous voudrez bien aussi les retrouver, j'ose m'en flatter, dans tout le courant de cette lettre.

Je suis Madame

de Votre Majesté Impériale

la très humble et très soumise

Princesse Sophie Wolkonsky.

Переводъ:

«Имѣю счастье вамъ снова писать послѣ весьма короткаго перерыва. снова осмѣливаюсь взять перо, чтобы сообщить вамъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, подробности, которыя я еще узнала во время моего путешествія. Я тотчасъ же почувствовала сожалѣніе, что ваше величество еще раньше не были ознакомлены со всѣми другими письмами моего мужа, которыя предшествовали этому, и

¹⁾ Княгиня скончалась 43 года спустя—26 марта 1868 года.

мое сожалѣніе еще только увеличилось послѣ всѣхъ тѣхъ новыхъ данныхъ, которыя я приобрѣла, и послѣ того, какъ я узнала, что нѣкоторыя лица, находившіяся вблизи особы государя, подозрѣвали и подтвердили одно обстоятельство, которое только мужъ мой могъ одинъ замѣтить болѣе положительно, чѣмъ другіе. Мужъ мой, съ его отзывчивымъ сердцемъ, любившій государя непрерывно двадцать девять лѣтъ съ полнымъ самоотверженіемъ, могъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой (по крайней мѣрѣ, это мое мнѣніе), ошибаться въ томъ, что происходило въ его чудной душѣ. То благоволеніе, которое вы оказали, ваше величество, выслушавъ все то, что относилось къ отрывку изъ письма моего мужа, которое въ виду тогдашняго момента я избѣгала вамъ доложить во всей его правдѣ, та трогательная доброта, съ которой вы изволили мнѣ отвѣтить, и то, что, несмотря на моментъ, ничто отъ васъ не ускользнуло, все это, пока я буду жива, не изгладится изъ моей памяти, а потому я сама себѣ теперь говорю, что я не должна опасаться ознакомить мать нашихъ государей съ моими письмами, что вы не будете на меня гнѣваться за рѣшеніе оповѣстить васъ объ одномъ тягостномъ обстоятельстве, которое, можетъ быть, вы сообщите тому, кому важно знать это интимное наблюденіе о нравственно-душевномъ состояніи нашего возлюбленнаго блаженной памяти государя. Добавляю, что мужъ мой ничего объ этомъ не знаетъ и никогда не будетъ знать, что я написала вамъ это письмо и что я посылаю вамъ его письма съ такого рода свѣдѣніями, которыя онъ едва ли когда-нибудь вамъ сообщилъ бы. Но для меня весьма утѣшительно сознаніе, что то, что онъ видѣлъ и что составляетъ его глубокое убѣжденіе по тому предмету, не пропадетъ даромъ; я осмѣливаюсь поднести на ваше усмотрѣніе это обстоятельство, а вы уже рѣшите, какъ поступить, по указанію Неба, по вашей мудрости и по знанію характера нашего новаго государя.

«Умоляю васъ, государыня, сохранить эти послѣднія письма моего мужа о постигшемъ насъ несчастіи, или, если ваше величество предпочтете, имѣть милость передать ихъ запечатанными моей матушкѣ. Все, что связано съ обожаемымъ вашимъ сыномъ, есть воспоминаніе, которое я желаю сохранить до конца моихъ дней и которое потомъ умереть вмѣстѣ со мною; увѣренность эта мнѣ нужна, и я przygotowляю ее себѣ заранѣе. Простите меня, государыня, что я позволяю себѣ входить въ такую интимную подробность; надѣюсь этимъ самымъ заслужить ваше прощеніе.

«Воспоминанія необходимы уединенію, которому я мечтаю предаться, какъ только устройство моихъ дѣтей мнѣ это позволить. Мнѣ нужно оставить имъ состояніе, доставшееся мнѣ отъ моей матушки, свободнымъ отъ долговъ, которыми оно обременено, а приводить въ порядокъ дѣла, живя въ столицѣ, трудно. Даже самое выгодное мѣсто не обезпечиваетъ существованія; я, ваше ве-

личество, уже не молода и съ радостью принесу всѣ нужныя жертвы, чтобы обезпечить моимъ дѣтямъ хотя небольшое матеріальное благополучіе, для чего мнѣ необходимо избавиться отъ долговъ, которые тяжелыя обстоятельства принудили меня сдѣлать. Осмѣлившись открыть мою душу вамъ, ваше величество, постоянной покровительницѣ всей нашей семьи, начиная съ моего достопамятнаго дѣда, фельдмаршала князя Репнина, осмѣлившись также замолвить нѣсколько словъ о себѣ самой, я позволяю себѣ упомянуть и о моемъ достойномъ мужѣ. Я нашла его очень измѣнившимся и очень удрученнымъ. Но, слава Богу, онъ начинаетъ понемногу поправляться и дѣлается болѣе покойнымъ. Конечно, онъ никогда не перестанетъ оплакивать государя, которому онъ съ такою преданностью посвятилъ двадцать девять лѣтъ своей жизни, государя, который завоевывалъ сердца всѣхъ тѣхъ, которые къ нему приближались.

«Я не испрашиваю для него, ваше величество, продленія вашихъ милостей. Онъ осчастливленъ ими уже давно, и я счастлива видѣть участіе и благосклонность, съ которыми относятся къ нему всѣ ваши дѣти. Я полагаюсь для него на эти чувства, которыя ему цѣнны и бесконечно дороги.

«Благоволите, ваше величество, сохранить для меня самой вашу благосклонность и благоволите распространить ее и на моихъ дорогихъ дѣтей, и пусть ваше величество усмотритъ въ этомъ письмѣ, которое я позволю себѣ писать, благодаря вашей постоянной добротѣ, мое восхищеніе передъ вашими добродѣтелями, мою вѣру въ силу вашей души и мою увѣренность, что вы никому не откроете его содержанія. Благоволите видѣть въ этомъ вѣрное доказательство моей почтительной, безграничной преданности, которую я сохраняю вашему величеству до конца моихъ дней. Чувства любви къ вамъ, государыня, переданныя мнѣ двумя поколѣніями, я передаю такими же сильными моимъ дѣтямъ. Я надѣюсь, что проявленіе этихъ чувствъ вы соблаговолите найти и въ этомъ письмѣ.

Вашего императорскаго величества

всепреданнѣйшая и всепокорнѣйшая княгиня

Софія Волконская».

Кто была княгиня Софія Григорьевна Волконская? Она приходилась прямой внучкой всѣми чтимаго послѣдняго князя Н. В. Репнина, о чемъ она всегда любила упомянуть при всякомъ подобающемъ случаѣ, и о немъ же она говоритъ въ предыдущихъ письмахъ къ вдовствующей государынѣ-матери, что именно это родство даетъ ей смѣлость писать столь откровенно.

У княгини были три брата: старшій князь Николай Григорьевичъ, получившій титулъ Репнина къ фамиліи Волконскаго (1778—

1844), генераль-адъютантъ императора Александра I, Никита Григорьевичъ (1781—1841)—егермейстеръ—и Сергѣй Григорьевичъ (1788—1865), извѣстный декабристъ, бывшій флигель-адъютантомъ государя.

Она вышла замужъ за князя Петра Михайловича Волконскаго, постоянного спутника и друга императора Александра (1776—1852), пережила его на шестнадцать лѣтъ и скончалась въ глубокой старости 26-го марта 1868 года.

Врядъ ли она предполагала, проживъ все царствованіе Александра I, Николая I и половину царствованія Александра II, что тридцать лѣтъ послѣ ея кончины историкъ Шильдеръ напечатаетъ ея нѣсколько писемъ изъ Таганрога и что одному изъ этихъ писемъ слѣдующіе изслѣдователи Александровской эпохи придадутъ такое исключительное значеніе.

Княгиню Софью Григорьевну знали весьма многіе, относились къ ней съ уваженіемъ, вѣроятно, часто толковали съ ней о прошедшихъ временахъ, но никто изъ ея современниковъ никогда не предполагалъ, что именно она была посвящена въ какія-то особенныя тайны жизни благодѣтеля ея супруга, и, повторяю, опять-таки никто изъ современниковъ не оставилъ ни записокъ, ни бумагъ, подтверждающихъ какое-либо предположеніе объ ея откровеніяхъ Маріи Ѳеодоровнѣ, скончавшейся сорокъ лѣтъ до нея.

Выходитъ, что тайну этого письма, если, вообще, была какая-то особенная тайна, княгиня унесла съ собой въ могилу въ 1868 г.

Ни ея сынъ, князь Дмитрій Петровичъ, ни внукъ, князь Петръ Дмитріевичъ, тоже не слышали изъ ея устъ подтвержденія этой тайны. Слѣдовательно, можно предположить, что все то, что Софья Григорьевна писала и сообщала Маріи Ѳеодоровнѣ, исходило отъ нея лично, по ея инициативѣ для ознакомленія матери двухъ сыновей-государей съ какой-то подробностью «une chose intime», въ жизни старшаго, Александра, о которой была необходимость сообщить, по мнѣнію княгини, и младшему, только что вступившему на всероссійскій престолъ, Николаю.

Это и будетъ исходной точкой моихъ дальнѣйшихъ соображеній по интересующему вопросу.

Въ письмѣ княгини С. Гр. Волконской отъ 31-го декабря 1825 г. изъ Таганрога все вертится вокругъ «одного обстоятельства» «une chose», которое замѣчали нѣкоторыя изъ окружающихъ и болѣе другихъ мужъ княгини, князь Петръ Михайловичъ, который отмѣтилъ это обстоятельство болѣе положительно «plus positifement», чѣмъ остальные. Но тутъ же княгиня добавляетъ, что мужъ ея, неразлучно бывшій при особѣ почившаго «de glorieuse mémoire», могъ менѣе ошибиться, чѣмъ другіе, въ томъ, что происходило въ душѣ государя «sur ce qui se passait dans sa belle âme». Княгиня добавляетъ, что это ея личное мнѣніе, «je le crois du moins»,

но допускаетъ ошибку въ сужденіяхъ, ошибку, которую менѣе, чѣмъ другіе, могъ сдѣлать неразлучный спутникъ его величества.

На этихъ откровеніяхъ княгини Софьи Григорьевны надо остановиться болѣе внимательно и попробовать анализировать ихъ всесторонне и возможно подробнѣе. Слѣдовательно, идетъ рѣчь о какихъ-то проявленіяхъ внутренней борьбы, происходившей въ душѣ императора, которыя хотя и выходили иногда наружу, такъ что замѣчали это окружающіе, но князь Петръ Михайловичъ ясно догадывался, по поводу чего именно происходитъ эта душевная борьба. Вѣдь не даромъ же онъ былъ безотлученъ при особѣ государя въ теченіе двадцати девяти лѣтъ, и супруга его не допускаетъ почти мысли, что мужъ ея могъ ошибаться въ своихъ наблюденіяхъ. Но она умалчиваетъ въ письмѣ къ Маріи Ѳеодоровнѣ, происходили ли бесѣды между ней и мужемъ о «томъ обстоятельствѣ», которое поразило ея мужа.

Одно ясно, что мужъ ей высказалъ свое предположеніе, потому что иначе она и не могла знать объ этомъ обстоятельствѣ. Но рядомъ съ этимъ княгиня дѣлаетъ невольную ошибку, а именно говоря, что князь Волконскій былъ двадцать девять лѣтъ безотлучно при особѣ его величества. Это невѣрно.

Въ 1823 году онъ былъ уволенъ отъ должности начальника главнаго штаба по проискамъ Аракчеева и во всѣхъ путешествіяхъ 1823, 1824 и 1825 годовъ онъ болѣе не сопутствовалъ государю, такъ какъ его замѣнилъ Дибичъ.

Между тѣмъ именно эти три года государь разѣзжалъ особенно много по Россіи, посѣтивъ границу въ послѣдній разъ въ 1822 г.

Когда же была рѣшена поѣздка на югъ въ 1825 году для поправки здоровья императрицы Елизаветы Алексѣевны, то Петръ Михайловичъ сопровождалъ больную царицу, а не государя.

Слѣдовательно, три года пропали для наблюденій за душевнымъ состояніемъ Александра Павловича. Эти наблюденія могли только происходить короткое время въ Таганрогѣ, до поѣздки въ Крымъ, и послѣ возвращенія изъ Крыма, т. е. за время болѣзни и до кончины монарха.

Между тѣмъ княгиня Софья Григорьевна не говоритъ, когда именно происходили эти наблюденія какъ «нѣкоторыхъ» изъ приближенныхъ, такъ и ея мужа.

Значитъ, можно сдѣлать два предположенія: одно—что наблюденія закончились до 1823 года и могли возобновиться во время таганрогскаго пребыванія, или что эти наблюденія происходили исключительно въ Таганрогѣ.

Мы склонны думать, что послѣднее предположеніе ближе къ истинѣ. Итакъ, что могло волновать душу государя, находившагося все время до поѣздки въ Крымъ въ самомъ благодушномъ расположеніи духа? Смѣемъ высказать предположеніе, что къ государю

поступали многочисленные доносы, рапорты, доклады о готовящемся заговорѣ противъ него лично и о замыслахъ заговорщиковъ совершить государственный переворотъ. Можно допустить, что доносившіе ожидали распоряженій, приказаній, инструкцій и не получали таковыхъ. Вѣдь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины Александра графъ А. Хр. Бенкендорфъ, которому было поручено Николаемъ Павловичемъ разобрать бумаги покойнаго, нашелъ въ ящикѣ письменнаго стола въ Царскосельскомъ дворцѣ всѣ донесенія о замыслахъ декабристовъ, а также свой собственный докладъ, гдѣ указывались фамиліи и имена заговорщиковъ.

Удивленіе графа Бенкендорфа было велико, а также и императора Николая; они оба были поражены этой необъяснимой безпечностью.

Не забудьте, что событія 14-го декабря 1825 года застали врасплохъ Николая Павловича, Константина Павловича въ Варшавѣ и, какъ громомъ, поразили Марію Ѳеодоровну.

Слѣдовательно, дѣйствительно была une chose, обстоятельство, о которомъ Александръ упорно молчалъ и въ Таганрогѣ, и во время путешествія по крымскому побережью, и во время болѣзни въ томъ же Тагангогѣ.

Поэтому намъ кажется, что нужно искать разгадку мнимой тайны въ связи съ этими обстоятельствами.

Если прослѣдить дальше строки письма княгини Волконской, то тамъ встрѣчается такое выраженіе, писанное для вдовствующей императрицы «*sonnaître une chose répréhensible*», т.-е. что-то тягостное именно для Маріи Ѳеодоровны.

Вообще разговоры и бесѣды на эту тему не должны были веселить сердце Маріи Ѳеодоровны, никогда не забывавшей другого разговора марта 1801 года. Эти воспоминанія были такъ же одинаково тягостны, какъ для Александра, такъ и для князя П. М. Волконскаго.

Очевидно, что князь Петръ Михайловичъ могъ свободно писать и говорить съ Маріей Ѳеодоровной обо всемъ, кромѣ какъ на эту кровавую тему «*ce détail de délicatesse*», а его супруга могла болѣе смѣло затронуть эту ноту, которой, вообще, не переносила вдова Павла I. Что же касается душевнаго состоянія еще здороваго, а тѣмъ болѣе впослѣдствіи большого государя въ Таганрогѣ, то, очевидно, свѣдѣнія о заговорѣ и о лицахъ, замѣшанныхъ въ ономъ, должны были волновать его душу.

Вспоминая все то, что случилось при его собственномъ восшествіи на престолъ, Александръ Павловичъ не желалъ, вѣроятно, для облегченія совѣсти вмѣшиваться въ это дѣло и предоставилъ все на волю Всевышняго, не предупредивъ о готовящихся событіяхъ ни мать, ни братьевъ.

Далѣ княгиня Волконская пишетъ, рассчитывая на мудрость «la sagesse» Маріи Ѳеодоровны, и настаиваетъ, чтобы она сообщила объ этомъ обстоятельстве новому государю, т.-е. Николаю Павловичу, которому, можетъ быть, будетъ полезно быть освѣдомленнымъ такъ же, какъ и его матери.

Письмо княгини Софіи Григорьевны послано изъ Таганрога 31-го декабря 1825 года. Слѣдовательно, въ Таганрогѣ уже всѣ были освѣдомлены о событіяхъ 14-го декабря, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ общихъ чертахъ. Потому-то княгиня воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ отправить свое посланіе Маріи Ѳеодоровнѣ, чтобы она могла возможно скорѣе сообщить содержаніе онаго новому государю Николаю Павловичу.

Тогда Софья Григорьевна еще не подозрѣвала, что ея младшій братъ князь Сергѣй Григорьевичъ, женатый на Раевской, былъ однимъ изъ главарей заговора. Намъ извѣстно, что впоследствии сестра сдѣлала все, чтобы облегчить судьбу брата. Какъ внучка послѣдняго князя Репнина ¹⁾, княгиня С. Гр. Волконская всегда имѣла возможность и ранѣ этой эпохи откровенно вести бесѣды на всякія темы съ императрицами и государями, а, какъ супруга князя Петра Михайловича, она считалась своимъ человекомъ при дворѣ. Потому задушевный тонъ ея письма легко объяснимъ, но что поражаетъ, это еще то обстоятельство, что княгиня завѣряетъ Марію Ѳеодоровну, что ни теперь, ни въ будущемъ она не сознается мужу, что осмѣлилась писать ея величеству объ этой «chose intime», т.-е. такого рода откровении, которое было бы не только неприятно для ея мужа, но о которомъ онъ никогда не осмѣлился бы докладывать Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ именно здѣсь мы склонны видѣть нѣкоторую связь событій 1825 года съ другими однородными, происходившими двадцать четыре года до этого въ мартѣ 1801 года. А въ ту пору князь П. М. Волконскій былъ не только адъютантомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, но и личнымъ адъютантомъ наслѣдника престола.

Слѣдовательно, извиненія въ письмѣ княгини, что она рѣшилась затронуть интимныя обстоятельства «connaître une chose pénible» и «le détail de délicatesse», могутъ относиться именно до этихъ временъ, о которыхъ хотѣли забыть, но не смѣли никогда говорить съ вдовствующей государыней. Между тѣмъ Марія Ѳеодоровна ничего не забыла изъ грустнаго прошлаго и была всегда на чеку относительно личностей, особенно замѣшанныхъ въ событіяхъ 1801 года, когда они молили о прощеніи опалы передъ ея

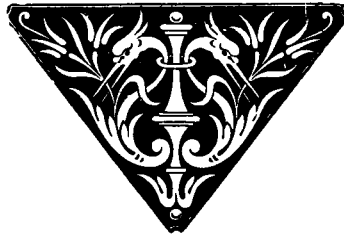
¹⁾ Отецъ княгини, князь Григорій Семеновичъ Волконскій (1742—1824), былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ Репниной, статсъ-дамѣ орд. св. Екатерины I степени (1757—1834), которая была дочерью послѣдняго князя Н. В. Репнина, умершаго въ 1801 году.

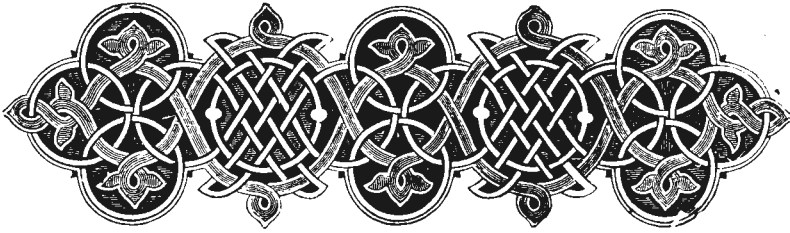
сыновьями. Хотя князь П. М. Волконской, равно какъ и генераль-адъютантъ Уваровъ, и были завѣдомо причастны къ разыгравшимся мартовскимъ событіямъ 1801 года, но, въ виду того, что ни тотъ, ни другой не были въ покояхъ, гдѣ совершилась драма, то имъ, вѣроятно, было прощено прошлое. Оба пользовались непрерывно милостивымъ вниманіемъ къ нимъ августѣйшей вдовы Павла Петровича, а Александръ Павловичъ удостоилъ обоихъ своей дружбой и проводилъ въ 1824 году тѣло Уварова до мѣста погребенія. Что же касается князя Петра Михайловича, то, если не считать временной опалы въ 1823 году, онъ былъ осыпанъ милостями благословеннаго монарха вплоть до его кончины.

Всѣ тѣ соображенія, которыя мы высказали выше, есть плодъ продолжительной работы мысли; они вовсе не голословны, но намъ кажется, что при всѣхъ историческихъ недоумѣніяхъ или загадкахъ надо стараться приблизиться къ истинѣ путемъ строго логическаго изслѣдованія, не задаваясь сложными комбинаціями, а смотря на суть дѣла возможно просто (*pas chercher midi á quatorze heures*).

Великій князь Николай Михайловичъ.

19 апрѣля 1914 г.

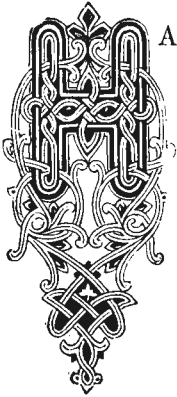

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

(Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I).

II.

А ПЕРВУЮ статью мою «Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I» отозвался князь В. В. Барятинскій замѣткой, напечатанной въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», подъ заглавіемъ: «Еще о царственномъ мистикѣ». Въ ней почтенный авторъ, защищая свое убѣжденіе въ тожествѣ Александра I съ Θεодоромъ Кузьмичемъ, выразилъ желаніе «тоже поговорить, кое на что отвѣтить и кое о чемъ спросить». Мы съ удовольствіемъ идемъ навстрѣчу этому желанію князя В. В. Барятинскаго, въ полной увѣренности, что имъ, прежде и превыше всего, руководитъ стремленіе доискаться правды въ вопросѣ о кончинѣ императора Александра, и поэтому обмѣнъ мнѣній между нами по этому вопросу можетъ только послужить къ его уясненію.

Нельзя, конечно, психологически разсчитывать, чтобы нашъ уважаемый оппонентъ исполнѣ сталъ на нашу точку зрѣнія, разбирая наши доводы о несомнѣнности факта кончины Александра I въ 1825 году, но, намъ кажется, къ «двумъ краеугольнымъ камнямъ», на которыхъ мы основали свои соображенія: 1) отсутствіе особенно жгучихъ угрызений совѣсти въ императорѣ въ связи съ событіемъ 11 го марта 1801 года и 2) существованіе политическихъ конъюнк-

туръ въ 1825 году, созданныхъ самимъ Александромъ, онъ долженъ былъ прибавить и третій, важность котораго мы особенно старались подчеркнуть, а именно отношеніе императора Александра къ вопросу о престолонаслѣдіи. Въ своей книгѣ «Царственный мистикъ» князь В. В. Барятинскій уронилъ, между прочимъ, вполне вѣрное замѣчаніе, что «опубликованіе манифеста (о престолонаслѣдіи) представлялось Александру чѣмъ-то въ родѣ пролога къ своему собственному всенародному отреченію». Между тѣмъ извѣстно, что, оставляя государство на произволъ судьбы, заключенной въ четырехъ запечатанных пакетахъ, императоръ при кончинѣ своей никому изъ своихъ приближенныхъ, даже супругѣ своей, ни единымъ словомъ не обмолвился не только о личности своего преемника, но даже о самыхъ пакетахъ. Князь Барятинскій не можетъ не сознавать, что это умолчаніе для императора, удаляющагося отъ міра въ безвѣстное существованіе, представляется по меньшей мѣрѣ ни съ чѣмъ несообразнымъ. Если даже допустить, что самъ Александръ не хотѣлъ думать ни о чемъ земномъ, предоставляя все волѣ Божіей при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось государство,—то тѣ самые приближенные, которые, по мнѣнію князя Барятинскаго, помогали удаленію императора отъ міра, должны бы серьезно интересоваться вопросомъ, на кого онъ ихъ покидаетъ. Въ ихъ сознаніи императорскій тронъ не могъ быть празденъ ни одну минуту: «le roi est mort, vive le roi». И что же? Даже императрица, даже баронъ Дибичъ, даже князь Волконскій послѣ смерти Александра обращаются къ «императору Константину». Можно ли допустить, чтобы они настолько были обмануты тѣмъ самымъ государемъ, который только что добровольно сошелъ съ престола при ихъ безкорыстномъ и самоотверженномъ содѣйствіи? Да какая цѣль была бы этого обмана?

Мы объясняемъ себѣ умолчаніе Александра о своемъ преемникѣ именно тѣмъ, что онъ вообще *никакихъ* распоряженій не успѣлъ сдѣлать предъ смертью, такъ какъ болѣзнь захватила его врасплохъ. Сначала онъ, находясь въ полномъ сознаніи, не считалъ своей болѣзни опасною, даже приобщаясь святыхъ таинъ, о чемъ свидѣтельствуетъ императрица Елизавета Алексѣевна въ ея письмѣ къ свекрови, а затѣмъ у Александра, по ея же выраженію, наступило «угасаніе, при которомъ уже не было и помину о его способностяхъ». Вотъ новая и дѣйствительно яркая картина болѣзни Александра, объясняющая его предсмертныя переживанія. Между тѣмъ князь Барятинскій говоритъ, что это письмо императрицы Елизаветы «ничего новаго не даетъ», а мнѣ лично приписываетъ увѣреніе, что будто бы я, «вопреки свидѣтельству императрицы, сомнѣваюсь въ томъ, что Александръ приобщался святыхъ таинъ въ полномъ сознаніи». Когда началось угасаніе, парализовавшее «способность императора понимать», то могъ ли государь вообще

о чемъ-либо говорить, тѣмъ болѣе исповѣдываться и распоряжаться? «Приступая къ принятію святыхъ таинъ, писалъ я въ своей статьѣ, Александръ «не считалъ себя въ опасности», но уже *наступало* (для моего оппонента: не *наступило*) «угасаніе, при которомъ не было и помину о его способностяхъ и что онъ потерялъ способность понимать, сохранивъ способность любить». Изъ этого совершенно ясно, что способность распоряжаться и понимать оставила императора прежде, чѣмъ онъ могъ сознать смертельную опасность своей болѣзни. Государь приобщался 15-го ноября, а умеръ 19-го ноября, значить, угасаніе продолжалось четыре дня. Зачѣмъ понадобилось князю Бярятинскому приписывать мнѣ мысль, которая мнѣ и въ голову не приходила, остается для меня загадкою, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что, кромѣ меня, никто не сомнѣвается въ томъ, что императоръ приобщался въ полномъ сознаніи. Мнѣ тѣмъ менѣе должно сомнѣваться въ этомъ, что я вполне довѣряю искренности и правдивости писемъ императрицы Елизаветы о кончинѣ Александра I, а она пишетъ въ томъ же письмѣ: «il a commencé (къ принятію святыхъ таинъ) avec connaissance et s'est confessé de mème».

Другое дѣло отношеніе къ этому письму императрицы самого князя Бярятинскаго. Онъ видитъ въ немъ «заученность и повторность красивыхъ фразъ», совпаденіе ихъ въ письмахъ къ свекрови и къ матери и недостатокъ «откровенности», полагая, что императрица была сообщницей Александра въ инсценировкѣ его кончины. Императрица писала почти въ одно время объ одномъ и томъ же событіи двумъ почти одинаково близкимъ ей лицамъ, и естественно, что она употребляла тождественныя выраженія, объясняя свои чувства. Если бы она стала варьировать свои выраженія, думала о стилѣ своихъ писемъ, то, быть можетъ, для князя Бярятинскаго это также показалось бы подозрительно и явилось бы новымъ доказательствомъ ея сообщничества. Если бы императрица даже ограничилась двумя-тремя строками въ описаніи послѣднихъ дней Александра, то князь Бярятинскій имѣлъ бы основаніе воскликнуть: «она не хотѣла лгать и не могла ничего сообщить о кончинѣ Александра, чтобы не быть избличенной во лжи!» Не въ обиду будь сказано князю В. В. Бярятинскому и не на «его бѣду» подозрительность его въ этомъ отношеніи напоминаетъ намъ подозрительность его единомышленника, г. Михайлова, заподозрѣвашаго даже то, что «императрица Елизавета на панихидѣ утѣла Александра не плакала и не стонала, а стояла какъ окаменѣлая». А если бы она плакала и стонала, что сказалъ бы г. Михайловъ?

Такое же подозрительное отношеніе обнаруживаетъ почтенный князь В. В. Бярятинскій и къ письму къ сыну камеръ-фурьера Бабкина, напечатанному великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Оказывается, во-первыхъ, что кругъ «сообщниковъ» Александра

расширился даже придворной прислугой. Какъ «сообщникъ», Бабкинъ въ своемъ письмѣ занять мыслию одурачить своего родного сына извѣстіями о кончинѣ императора. Бабкинъ не зналъ французскаго языка, а между тѣмъ приводитъ подлинныя слова Александра, дѣйствительно сказанныя имъ по-французски, въ довольно вѣрномъ русскомъ переводѣ, что Бабкинъ могъ узнать отъ любого изъ слышавшихъ. Это одно подозрительное обстоятельство. Другое, что Бабкинъ несправедливо говорить, что императоръ послѣ исповѣди священнику общалъ и дался врачамъ дѣлать надъ собой, что хотѣли: «общалъ—это вѣрно,—но что дался—это невѣрно», хотя въ періодѣ «угасанія» Александръ, очевидно, даже не вполне сознавалъ, что съ нимъ дѣлали. Третье, что Бабкинъ допускаетъ «непростительную неточность», говоря, что на третій день анатомили и бальзамировали тѣло, тогда какъ, по увѣренію князя Барятинскаго, вскрытіе и бальзамированіе происходило на слѣдующій же день»; въ дѣйствительности бальзамированіе, какъ это удостовѣряется Шенигомъ въ его «Запискахъ», происходило именно на третій день, т. е. 21-го ноября. Смущаетъ князя Барятинскаго и «карамзиновскій» (карамзинскій) стиль полуграмотнаго отца къ сыну. Камеръ-фурьеръ, проведенный тридцать лѣтъ при дворѣ, несомнѣнно, понатерся въ умѣніи изъясняться во всякомъ стилѣ, а «полуграмотность» его ничего не доказываетъ въ ту эпоху, когда самъ другъ императора, Аракчеевъ, писалъ «Парышгъ» вмѣсто Парижъ, и даже въ началѣ царствованія Александра II воспитанникъ этой эпохи военный министръ Сухозанетъ писалъ: «сумлеваюсь штошъ Брискорнъ могъ обболванить это дело кюлю». Образъ мышленія князя Барятинскаго, склонный къ подозрительности, побуждаетъ его считать «подозрительнымъ» и фактъ пожалованія Бабкину въ царствованіе Николая I тридцати тысячъ рублей, «суммы, представлявшей для того времени капиталъ, почти равнозначашій ста тысячамъ въ наше время». «Тридцать тысячъ рублей! помилуй Богъ!—воскликаетъ князь Барятинскій:—за какіе же такіе особенные труды?» Очевидно, князю Барятинскому неизвѣстно, что счетъ въ то время производился на ассигнаціи, и такимъ образомъ сумма въ 30.000 рублей низводится къ девяти тысячамъ рублей серебромъ, что для постройки дома, для чего она была пожалована, не такъ -то много. Наконецъ останавливаетъ на себѣ вниманіе подозрительнаго моего оппонента фактъ нахожденія копии съ письма Бабкина «у... секретаря императрицы Елизаветы Алексѣевны!» Что именно подозрительнаго видитъ въ этомъ князь Барятинскій,—не вполне для меня ясно, да и самый фактъ этотъ, признаюсь, мнѣ неизвѣстенъ.

Конечно, это новое выступленіе князя В. В. Барятинскаго едва ли слѣдовало бы подвергать такому подробному разбору, по пунктамъ. Но и въ книгѣ своей «Царственный мистикъ» князь Барятинскій проявляетъ въ сущности тотъ же подозрѣвающій

умъ и съ такимъ же успѣхомъ по отношенію ко всѣмъ письменнымъ свидѣтельствамъ о кончинѣ Александра I въ Таганрогѣ. Его вниманіе останавливаютъ «постоянныя, такъ сказать, хроническія и безнадежныя противорѣчія во всѣхъ документахъ (sic!), относящихся къ таганрогской драмѣ, которыя должны бы были (сказалъ бы: были обязаны!) согласоваться даже въ мелкихъ подробностяхъ... Изъ этихъ документовъ нельзя почерпнуть даже такихъ краугольныхъ свѣдѣній о кончинѣ Александра, какъ: обстоятельства, при которыхъ наступила смерть, число лицъ, присутствовавшихъ при ней, поведеніе императрицы и т. п.».

Эти слова глубокоуважаемаго автора—не что иное, какъ сплошное недоразумѣніе, основанное на нѣкоторыхъ изъянахъ въ методѣ изслѣдованія. Не будемъ останавливаться на своеобразномъ пониманіи имъ слова «документы»: въ число ихъ онъ включаетъ частныя письма, записки, воспоминанія, отъ которыхъ, конечно, нельзя требовать, что «они должны бы были, сказалъ бы: были обязаны (бумаги—обязаны!) согласоваться даже въ мелкихъ подробностяхъ». Во всѣхъ этихъ историческихъ матеріалахъ «противорѣчія» въ изложеніи подробностей какого-либо событія вполне законны и естественны, при всей добросовѣстности авторовъ, уже потому, что они пишутся спустя нѣкоторое время послѣ описываемаго событія, какъ это и было послѣ кончины императора Александра, но существованіе этихъ противорѣчій въ подробностяхъ отнюдь не давало историкамъ права заподозрѣть самое существованіе событій, о которыхъ свидѣлствуютъ данные матеріалы. Для признанія факта смерти Александра разногласіе въ минутахъ при опредѣленіи ея момента, въ часѣ или даже днѣ приѣма тѣхъ или другихъ лекарствъ, въ точномъ обозначеніи физическаго или душевнаго самочувствія больного, въ количествѣ лицъ, при немъ находившихся, и т. д.,—вовсе не имѣетъ значенія. Разногласіе это происходитъ не только отъ большей или меньшей слабости памяти у очевидцевъ, писавшихъ свои воспоминанія, но и отъ субъективности ихъ впечатлѣній, отъ степени ихъ вниманія, отъ относительной важности, которую они придаютъ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Врачъ, напримѣръ, занятый положеніемъ больного, можетъ совсѣмъ не замѣтить лицъ, находившихся въ его комнатѣ; одного посѣтителя, пріятнаго для себя, больной встрѣчаетъ весело, съ улыбкой, другого—сумрачно, надувшись, и т. д. Князь Барятинскій собралъ въ своей книгѣ цѣлый букетъ такихъ «противорѣчій», употребивъ для этой цѣли немало труда, и, чтобы объяснить ихъ такъ же подробно, какъ это сдѣлали мы по отношенію къ письмамъ императрицы Елизаветы и Бабкина,—для этого пришлось бы написать толстую книгу. Но это было бы и бесполезно, потому что въ этихъ противорѣчіяхъ нѣтъ ничего такого, что заставило бы усомниться въ самомъ фактѣ смерти императора, ничего, что выдѣляло бы ихъ отъ противорѣ-

чій въ показаніяхъ очевидцевъ другихъ важныхъ событій русской и всеобщей исторіи. Болѣе того, насколько намъ извѣстно на основаніи долговременнаго изученія мемуарной литературы, совпаденіе въ подробностяхъ у двухъ или трехъ очевидцевъ какого-либо событія дѣло чрезвычайно рѣдкое, какъ рѣдко одинъ человѣкъ физически и морально бываетъ похожъ на другого. Провѣрить наше мнѣніе объ этомъ князь Барятинскій можетъ очень легко, попросивъ своихъ знакомыхъ написать рассказъ о какомъ-либо событіи, котораго они были одновременно очевидцами двумя-тремя недѣлями ранѣе.

Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному посмотримъ на отношеніе князя Барятинскаго къ «Запискамъ» состоявшаго при особѣ Александра доктора Тарасова. Тарасовъ писалъ свои «Записки» долгое время спустя послѣ кончины императора, многое забылъ и перепуталъ. Но князь Барятинскій довѣрился имъ настолько, что обвиняетъ лейбъ-медика Вилліе въ подлогѣ подписи Тарасова подъ протоколомъ вскрытія Александра. Тарасовъ рассказываетъ, что онъ составлялъ протоколъ вскрытія, но подписать его отказался, какъ отказался и вскрывать тѣло почившаго государя «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору». Между тѣмъ въ подлинномъ протоколѣ подпись Тарасова значится. Князь Барятинскій оригинала этого протокола не видѣлъ и экспертизы подписи Тарасова не производилъ, но, тѣмъ не менѣе, обвиняетъ Вилліе въ подлогѣ, довѣряя свидѣтельству Тарасова. Въ дѣйствительности Тарасовъ забылъ обстоятельства дѣла, забылъ даже, что онъ самъ принималъ участіе во вскрытіи. Офицеръ квартирмейстерской части Шенигъ, очевидецъ бальзамированія, описывая тѣло государя, которое, по его мнѣнію, могло бы служить образцомъ для ваятеля, прямо говоритъ: «одно только мѣсто, которое хватилъ Тарасовъ, было чернаго цвѣта». Князь Барятинскій не пожелалъ даже обратить свое вниманіе на то, смѣлъ ли бы Тарасовъ, изъ какихъ бы то ни было побужденій, отказаться скрѣпить своею подписью медицинскій актъ государственнаго значенія, что было прямою его обязанностью, какъ врача и какъ вѣрноподданнаго, тѣмъ болѣе, что этотъ актъ составлялъ онъ самъ. Правда, теперь князь Барятинскій можетъ сказать: «Да, Тарасовъ вскрывалъ тѣло государя, но, такъ какъ онъ былъ движимъ сыновнимъ чувствомъ и благоговѣніемъ къ императору, только потому, что зналъ, что это не тѣло Александра». Остается спросить князя Барятинскаго о прочихъ восьми врачахъ, подписавшихъ протоколъ: знали ли они, что они вскрывали тѣло не государя, а чужого, неизвѣстнаго человѣка, какъ думаетъ князь Барятинскій? Нелишнимъ будетъ прибавить, что въ «Запискахъ» Д. К. Тарасова—много неточностей, въ свое время уже указанныхъ критикой.

Кстати о протоколѣ вскрытія. Князь Барятинскій пожелалъ провѣрить данныя протокола и обратился къ нѣсколькимъ извѣст-

нымъ врачамъ-спеціалистамъ съ просьбою дать заключеніе по этому протоколу о свойствѣ болѣзни, сведшей Александра въ могилу. Врачи эти въ общемъ высказались въ томъ смыслѣ, что протоколъ составленъ не научно и что по даннымъ, въ немъ заключающимся, вѣроятно, что умершій былъ боленъ сифилисомъ. Что хотѣлъ доказать этимъ опросомъ князь Барятинскій—не легко догадаться, если даже повѣрить врачамъ, что протоколъ дѣйствительно составленъ не научно и что Александръ страдалъ указанною болѣзнію. Князь Барятинскій—того мнѣнія, что Александръ сифилисомъ не былъ боленъ и что, значитъ, вскрытый трупъ принадлежалъ другому лицу. Но можно быть и другого мнѣнія на основаніи экспертизы г.г. врачей, что самый ихъ выводъ о наличіи сифилиса не вполне обоснованъ, вслѣдствіе ненаучности протокола. Къ вящей досадѣ князя Барятинскаго, вѣдь ненаучный протоколъ этотъ написанъ былъ тѣмъ же Тарасовымъ и неужели онъ «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору» могъ такъ небрежно составлять медицинскій актъ, что подалъ поводъ къ неожиданнымъ и обиднымъ толкованіямъ, а прочіе врачи, зная характеръ протокола, подписали его безпрекословно? Или они не знали, что подписывали? Или самъ Тарасовъ, наклонѣ лѣтъ вспоминая, какой протоколъ написалъ онъ, утѣшалъ себя мыслию, что «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору» онъ все-таки его не подписалъ? Спустя чуть не сто лѣтъ, трудно рѣшать медицинскіе вопросы даже извѣстнѣйшимъ спеціалистамъ, которые, имѣя дѣло съ живыми больными, сплошь и рядомъ впадаютъ въ ошибки. И на наши недоумѣнные вопросы возможенъ ли отвѣтъ? Думается одно, что Тарасовъ не сталъ бы въ старости писать «Записокъ», гдѣ онъ изложилъ исторію болѣзни и смерти Александра, чтобы, будучи его «сообщникомъ» и зная его тайну удаленія отъ міра, лгать въ нихъ отъ начала до конца. Самыя «Записки» увидѣли свѣтъ только послѣ его смерти.

Въ погонѣ за увлекающей его мыслью князю Барятинскому мелкія событія, совершавшіяся у смертнаго ложа императора, кажутся «важными», дѣянія естественныя и простыя—«странными и непонятными». Императрица Елизавета Алексѣевна по кончинѣ своего супруга задумала написать исторію послѣднихъ дней его въ формѣ дневника—и князь Барятинскій пишетъ, что она составляла его «заднимъ числомъ», и перерывъ его на 11-е ноября считаетъ знаменательнымъ потому, что въ дальнѣйшей своей части онъ, навѣрно-де, заключалъ въ себѣ указанія на рѣшимость Александра удалиться отъ міра и что поэтому часть эта, тоже навѣрно же, уничтожена была императоромъ Николаемъ. Гораздо проще предположить, что императрица не успѣла закончить свой дневникъ вслѣдствіе своей болѣзни, закончившейся смертію; самая фраза ея, приводимая княземъ Барятинскимъ: «онъ посмотрѣлъ...

съ тѣмъ самымъ видомъ, который я наблюдала позже въ ужасныя минуты», доказываетъ, что въ заключительной части дневника должна была идти рѣчь именно о послѣднихъ минутахъ императора. Писанный наспѣхъ, журналъ князя Волконскаго, полный неточностей именно потому, что писанъ былъ наскоро для императрицы Маріи Ѳеодоровны, по мнѣнію князя Бяратинскаго, есть результатъ неловкихъ усилій Волконскаго скрыть истину. «Непонятно» для него восклицаніе Маріи Ѳеодоровны въ Царскомъ Селѣ, гдѣ для царской фамиліи открыли гробъ Александра: «oui, c'est mon fils, mon cher Alexandre!» «Странны» для князя Бяратинскаго даже слухи, распространившіеся въ народъ, что везутъ чужое тѣло вмѣсто тѣла государя: «вѣдь почему-нибудь такіе слухи возникли же!», восклицаетъ князь Бяратинскій.

Страннѣе всего, однако, появленіе такихъ книгъ, какъ книга князя Бяратинскаго и имъ подобныя. Императоръ Александръ умираетъ не въ лѣсу, не въ одиночествѣ, а у себя во дворцѣ, среди небольшого, но хорошо его знавшаго круга людей. Въ послѣдніе дни и часы его жизни на него устремлены взоры всѣхъ близкихъ ему людей, начиная съ императрицы Елизаветы и кончая послѣднимъ камердинеромъ. При вскрытіи и бальзамированіи тѣла государя, кромѣ врачей, присутствовали фельдшера и офицеры, а затѣмъ гробу государя поклонялись чуть не всѣ жители Таганрога. И всѣ эти люди были въ заговорѣ? Всѣ они, начиная съ императрицы, притворно изливали свою печаль, лили слезы, писали плачевныя письма родителямъ, дѣтямъ, и фальшивыя воспоминанія—для потомства? О, если это былъ заговоръ, то такого заговора еще не знала исторія! И по грандіозности замысла, и по единодушію исполненія, и по непроницаемости заговорщиковъ, которые, при всей своей многочисленности, всѣ до одного унесли свою тайну въ могилу. А, между тѣмъ, именно этотъ несслыханный еще заговоръ не кажется «страннымъ» князю Бяратинскому и всѣмъ, «иже съ нимъ»...

Мы должны еще сказать два слова pro domo sua князю Бяратинскому по поводу статьи его: «Еще о царственномъ мистикѣ». Умолчавъ о первомъ моемъ «краеугольномъ камнѣ»—вопросѣ о престолонаслѣдіи, князь Бяратинскій дѣлаетъ краткія возраженія по поводу двухъ прочихъ: по поводу угрызеній совѣсти, мучившихъ Александра послѣ событія 11-го марта, и политическихъ конъюнктуръ 1825 года. Мы сомнѣваемся въ наличности этихъ угрызеній въ остромъ видѣ потому, что не знаемъ положительныхъ свидѣтельствъ о томъ. Свидѣтельство князя Чарторижскаго, что въ послѣдніе годы царствованія Александра его преслѣдовала мрачная идея, что своимъ согласіемъ на переворотъ онъ способствовалъ смерти отца, — едва ли справедливо уже потому, что именно въ послѣднія десять лѣтъ жизни Александра онъ совершенно разошелся

съ Чарторижскимъ и не дѣлился съ нимъ своими мыслями, и Чарторижскій даже весьма рѣдко видѣлъ государя. Замѣтимъ также князю Бяратинскому, что, откладывая дѣла о тайныхъ обществахъ по докладамъ Васильчикова и Бенкендорфа, императоръ въ то же время приказалъ посадить въ Шлиссельбургскую крѣпость извѣстнаго В. Н. Каразина за представленную на высочайшее благовозрѣніе записку о необходимости нѣкоторыхъ реформъ для Россіи. Мнѣніе профессора Ойрсова, что Волконскій и Уваровъ не возбудили противъ себя въ связи съ событіемъ 11-го марта опалы Александра потому, что они не принимали *активного* участія въ трагическомъ происшествіи памятной ночи, также едва ли справедливо, по крайней мѣрѣ относительно Волконскаго, потому что, какъ недавно стало извѣстно изъ «Записокъ» Леонтьева, именно князь Волконскій помѣшалъ караулу прійти на помощь императору Павлу, напоивъ предварительно до безчувствія начальника караула, капитана Воронкова. Если моему почтенному оппоненту картина душевныхъ переживаній Александра въ послѣдніе годы его жизни рисуется иначе, чѣмъ мнѣ, то, разумѣется, еще вопросъ, кому она рисуется правильнѣе. Но, мнѣ кажется, уже существованіе вопроса, по которому мы бесѣдуемъ съ княземъ Бяратинскимъ, склоняетъ вѣсы исторіи въ пользу моего мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не знаменательно, что русскій государь, скрытный, но ловкій и хитрый, умѣлъ внушить потомству такое къ себѣ недовѣріе, что многіе не повѣрили и не вѣрятъ даже теперь его смерти въ ссылочномъ въ то время Таганрогѣ? «Очарованіе», которому подвергались современники императора Александра, длится даже до сего дня...

До сихъ поръ въ книгѣ князя Бяратинскаго мы имѣли дѣло по крайней мѣрѣ съ подобіемъ исторіи, могли опираться на факты и «документы», но въ дальнѣйшемъ развитіи легенды въ ней царитъ чистая фантазія, и вмѣсто фактовъ и «документовъ» мы должны считаться съ слухами и разказами наивныхъ или лукавыхъ сибиряковъ, гдѣ почти невозможно отличить были отъ небылицъ. Въ 1837 году сосланъ былъ за бродяжничество въ Сибирь нѣкій старецъ Оеодоръ Кузьмичъ, изъ «непомнящихъ родства» и, проживъ въ ней двадцать семь лѣтъ, умеръ въ Томскѣ, въ домѣ купца Хромова, который пріютилъ старца въ послѣдніе годы его жизни. Личность старца, человѣка, повидимому, образованнаго и даже принадлежавшаго къ высшимъ общественнымъ кругамъ, является предъ нами въ самыхъ туманныхъ чертахъ. Отъ него остались всего лишь двѣ-три ничего не говорящихъ бумажки, составляющихъ якобы тайну Оеодора Кузьмича, а о немъ—досужіе разказы и ничѣмъ не провѣренныя разказы-преданія лицъ, знавшихъ его по Сибири. До насъ не дошло даже современнаго его изображенія: плохой и всѣмъ извѣстный портретъ его написанъ былъ уже послѣ его смерти по памяти и мало похожъ былъ на нарисованную съ натуры голову

старца тотчас послѣ его кончины. Въ сущности о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ мы ничего опредѣленнаго и достовѣрнаго не знаемъ. Говорятъ, что онъ похожъ былъ лицомъ и фигурой на Александра; нѣкоторые признали его за императора, даже слышали, отъ Кузьмича фразы, намекавшія на его царскій санъ; губернаторы, архіереи, совѣтники губернскаго правленія часто его посѣщали; пріѣзжалъ къ нему однажды съ молодой барыней и офицеръ, очень похожій на покойнаго цесаревича Николая Александровича. Вотъ и весь почти багажъ свѣдѣній о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, покоящійся на пустыхъ слухахъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ. Собственно слава Ѳедора Кузьмича, какъ сокрывшагося Александра, началась послѣ его смерти въ 1864 году съ легкой руки пріютившаго его купца Хромова. По отзывамъ лицъ, знавшихъ его (иркутскаго епископа Пароенія и донинѣ здравствующаго Л. Ф. Паптелѣва), Хромовъ не заслуживалъ довѣрія, въ посмертной славѣ Кузьмича видѣлъ источникъ собственной популярности и даже наживы, но, какъ человѣкъ ограниченный, онъ думалъ больше всего не объ историческомъ изученіи, а о канонизаціи Кузьмича и издалъ съ этою цѣлью книжку, которая наполнена разсказами о его прозорливости и чудесахъ. Въ этомъ сочувствовали Хромову нѣкоторые благочестивые сибиряки и монахи Томскаго Алексѣевскаго монастыря, гдѣ Кузьмичъ погребенъ; не такъ давно *случайно* освидѣтельствованъ былъ монахами и трупъ Кузьмича, представлявшій собою «сѣрую массу». Самъ старецъ, очевидно, хорошо зналъ своего хозяина и просилъ его предъ смертью: «не величь меня». Но если вѣрить самимъ защитникамъ легенды, то Кузьмичъ не подтверждалъ своего тождества съ Александромъ I. «Я родился въ древахъ,—говорилъ онъ.— Если бы эти древа на меня посмотрѣли, то безъ вѣтра вершинами бы покачали», тогда какъ извѣстно, что Александръ родился въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ сообщалъ о себѣ, что удалился отъ общества въ прекрасный лѣтній солнечный день, а Александръ умеръ въ ноябрѣ въ сумрачную, ненастную погоду. Про всемъ внѣшнемъ сходствѣ фигуры старца съ фигурой Александра I можно установить и отличія. У старца былъ орлиный носъ и курчавые волосы, тогда какъ Александръ къ концу жизни почти облыселъ. Если случайно общее сходство Ѳедора Кузьмича съ Александромъ и обмануло кого-либо изъ сибиряковъ, то можетъ ли это служить доказательствомъ тождества этихъ лицъ? Офицеръ квартирмейстерской части князь Н. Б. Голицынъ, бывшій въ Таганрогѣ при кончинѣ Александра I и дожившій до легенды о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, увидѣлъ однажды портретъ его и сказалъ по этому поводу, что какъ бы ни было велико сходство старца съ императоромъ Александромъ, но смерть постигла императора именно въ Таганрогѣ, что онъ можетъ засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, на глазахъ котораго совершались всѣ припетіи болѣзни императора и погребальнаго церемоніала.

Защитники легенды о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ не могутъ представить положительныхъ документовъ въ пользу своего мнѣнія и пользуются тѣмъ, что пока нельзя еще опредѣлить его личности. Но потому-то Кузьмичъ и сосланъ былъ за бродяжничество, что онъ желалъ скрыть свое имя и званіе, какъ «непомнящій родства». Такихъ «непомнящихъ» было много въ тѣ времена, чаще всего среди преступниковъ. Но въ числѣ ихъ были люди, которые, порвавъ съ прошлымъ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, начинали новую жизнь, полную тяжелыхъ испытаній, въ нуждѣ и неизвѣстности, въ цѣляхъ нравственного совершенствованія. Не вина Ѳеодора Кузьмича, что naive сибиряки и увлекающіеся «ислѣдователи» произвели его въ Александра. Намъ пришлось перечитать всѣ рассказы о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, и, отвергая всякую возможность сближенія его съ Александромъ, мы составили себѣ слѣдующее понятіе о его личности. Это былъ офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ, хорошо знакомый съ придворной и высшей средой его времени. Знаніе имъ латинскаго языка, котораго не зналъ Александръ I, доказываетъ, что воспитаніе свое онъ получилъ въ іезуитскомъ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ воспитывались тогда дѣти изъ русскихъ аристократическихъ фамилій и гдѣ преподаваніе шло въ духѣ католицизма и на латинскомъ языкѣ. Этимъ объясняется и «прелесть» (уклоненіе отъ православнаго уклада) Кузьмича и постоянное обращеніе Кузьмича къ бесѣдовавшимъ съ нимъ лицамъ: «панокъ», «панушки», наводящее на мысль о близости его къ польскому обществу. Находясь въ гвардіи, близъ особы императора, Кузьмичъ естественно могъ знать многое, о чемъ и не снилось сибирякамъ. Возникаетъ вопросъ, какъ могло исчезнуть изъ общества лицо, столь замѣтное по своему общественному положенію? Отвѣтомъ могутъ служить біографіи кавалергардскихъ офицеровъ, изданныя С. А. Панчулидзевымъ: изъ нихъ видно, напр., что два офицера Кавалергардскаго полка александровскихъ временъ исчезли безслѣдно для семьи и общества. Одинъ изъ нихъ исчезъ изъ деревни, гдѣ жилъ съ семьей въ началѣ царствованія Николая I. О причинахъ ихъ исчезновенія нельзя было достать никакихъ свѣдѣній, и, разумѣется, одному Богу возможно знать помыслы и сокровенныя обстоятельства жизни этихъ несчастливцевъ, обиженныхъ судьбою. Мы думаемъ, что въ Россіи есть семья, родственная Кузьмичу, хорошо знающая его жизнь, но уваженіе къ семейнымъ тайнамъ замыкало и замыкаетъ ей уста. Будемъ надѣяться, что истинная «тайна» Ѳеодора Кузьмича обнаружится рано или поздно, какъ «Записки» Маевского подняли занавѣсъ съ лица родной его тетки, молчалиницы-монахини Вѣры изъ Сыркова монастыря, которую долгое время многіе признавали и даже, по невѣднію, признаютъ за императрицу Елизавету Алексѣевну, супругу Александра I, которая, подражая своему мужу, также скрылась въ

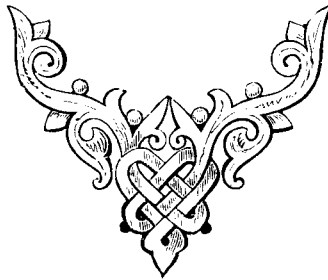
монастырь, чтобы тамъ закончить свою жизнь. Кн. Барятинскій уже говорить о необходимости «изслѣдованія» жизни императрицы послѣ кончины Александра... Почему и не «изслѣдовать»?

Легенда о томъ, что Александръ I умеръ католикомъ, разработана о. Пирлингомъ уже давно, и мы имѣемъ дѣло теперь съ русскимъ переводомъ его труда, дополненнаго новыми матеріалами, касающимися религіозной и душевной жизни Александра, извлеченными изъ извѣстной книги великаго князя Николая Михайловича «Александръ I». О. Пирлингъ не отрицаетъ, что, «согласно наиболѣе вѣрной версіи», къ умирающему государю «призванъ былъ представитель церкви православной, но, ссылаясь на показанія извѣстнаго генераль-адъютанта Александра I Мишо, думаетъ, что императоръ незадолго до своей кончины склоненъ былъ признать власть папы и принять мѣры для соединенія церквей. Для переговоровъ по этому дѣлу Мишо будто бы и былъ отправленъ къ папѣ Льву XII императоромъ предъ самымъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ въ 1825 г. «Безспоренъ,—говоритъ о. Пирлингъ,—религіозный характеръ этой миссіи, но каковъ былъ точный ея смыслъ и реальное значеніе?» Характеръ императора Александра уже настолько выяснился, что о. Пирлингъ, при всей своей ревности къ славѣ католической церкви, колеблется рѣшить вопросъ въ ея пользу. «Отвѣтъ на этотъ вопросъ,—говоритъ онъ,—вызываетъ серьезныя затрудненія. Припомнивъ утопическій строй ума Александра, его легкость принятія нелѣпицъ, надо задать вопросъ, до какой степени соединеніе церквей и признаніе папскаго авторитета, который онъ имѣлъ въ виду, соответствовало католическимъ идеямъ? Въ основѣ этихъ желаній не было ли химерическихъ сдѣлокъ и неприемлемыхъ комбинацій? Въ этомъ тайна Господа. Впрочемъ, генералу Мишо были поручены только предварительные шаги; окончательное же соглашеніе долженъ былъ рѣшить Петербургъ послѣ переговоровъ съ какимъ-либо богословомъ». Послѣ такихъ осторожныхъ и недовѣрчивыхъ заявленій о. Пирлинга нѣсколько неожиданнымъ кажется его заключеніе о поступкѣ Александра: «Въ душѣ онъ, очевидно, принадлежалъ къ истинной (т.-е. католической) церкви. Его убѣжденія послѣдней минуты, его намѣренія сопровождали его къ Верховному Судьѣ. Католическій священникъ взялъ на этотъ разъ въ душѣ о. Пирлинга перевѣсъ надъ историкомъ, но намъ кажется, что онъ былъ правъ, сомнѣваясь въ томъ, что религіозное настроеніе Александра соответствовало католическимъ идеямъ. Мысль о соединеніи церквей привлекала его вниманіе въ цѣляхъ политическихъ. «Скажите митрополиту (петербургскому Серафиму),—писалъ Александръ кн. Мещерской изъ-за границы въ 1820 г.,—что я болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждаюсь

въ его *благоворномъ наставленіи и его молитвахъ* (курсивъ въ подлинникѣ)... Дѣло заключается въ томъ, чтобы изыскать цѣлебное средство противъ *господства зла* (курсивъ въ подлинникѣ), распространяющагося быстро и всѣми *тайными путями* (курсивъ въ подлинникѣ), къ которымъ прибѣгаетъ *сатанинскій духъ* (курсивъ въ подлинникѣ), имъ управляющій. Искомое нами врачеваніе, увы! превышаетъ нашей немощной человѣческой силы. Одинъ Спаситель силою своего Божественнаго Слова можетъ даровать это средство». Александръ, насколько извѣстно, не придавалъ значенія вѣроисповѣднымъ отличіямъ, но думалъ воспользоваться силой церковей для подавленія духа невѣрія и либерализма. Объединеніе церковей могло казаться ему самымъ пригоднымъ средствомъ для достиженія этой цѣли на католическомъ Западѣ Европы, гдѣ именно и были очаги революціонныхъ движеній.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Императорская главная квартира. Исторія Государевой свиты. Царствованіе императора Александра II. Главный редакторъ генераль-отъ-кавалеріи Д. А. Сналонъ. Редакторъ и составитель полковникъ В. К. Шенкъ. Помощникъ редактора Н. Н. Мерлинъ. Спб. 1914. Стр. IV+949 — Приложенія. Спб. 1914. Стр. 339.

ВРЕДЪ нами объемистый томъ, одинъ изъ очередныхъ томовъ юбилейнаго изданія «Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902 гг.». Официальный характеръ этого изданія и специальная тема, поставленная въ заголовкѣ разсматриваемой книги, при томъ весьма солиднаго объема, можетъ недовѣрчиво расположить читателя, возымѣвшаго намѣреніе ознакомиться съ нею. Но таково лишь первое впечатлѣніе, такъ сказать, со стороны. Начните только перелистывать эту красивую, роскошно изданную книгу—и вы забудете объ ея официальном происхожденіи. Отъ рисунковъ и портретовъ вы переходите къ пояснительнымъ подписямъ, отъ нихъ—къ тексту, и живое, простое изложеніе событий, касающихся жизни и дѣятельности императора Александра II, невольно заставитъ васъ съ возрастающимъ вниманіемъ читать страница за страницей прекрасную повѣсть, посвященную памяти одного изъ величайшихъ русскихъ государей.

Авторъ съ любовью къ своему царственному герою описываетъ всю его жизнь, находя въ первыхъ же строкахъ этой повѣсти черты, заслуживающія вниманія читателя. Падъ колыбелью и затѣмъ падъ пѣвкою дѣтскою фигурою будущаго царя-Освободителя выдѣляется величественный образъ императора Николая I, взявшаго на себя значительную долю заботъ о воспитаніи своего первенца. Рядомъ съ нимъ—В. А. Жуковскій; по его «Плану» было направлено

нравственное воспитаніе наслѣдника, котораго онъ старался оберегать отъ увлеченія военными упражненіями, быть можетъ, даже съ излишнею горячностью, которая не оправдывалась обстоятельствами. Этимъ антивоеннымъ взглядамъ поэта-воспитателя авторъ удѣляетъ нѣсколько интересныхъ страницъ (28—31). Вопреки установившемуся мнѣнію объ императорѣ Николаѣ I, какъ любителѣ мелочей военнаго дѣла, В. К. Шенкъ приводитъ, изъ дневника К. К. Мердера за 1832 годъ, слова этого государя, выражающія безпокойство по поводу любви его сына именно только къ «мелочнымъ подробностямъ» военнаго дѣла, противъ увлеченія которыми предостерегаетъ воспитателя своего сына. Авторъ отмѣчаетъ трогательную любовь, которую Александръ Николаевичъ питалъ къ Мердеру, состоявшему при немъ безотлучно въ теченіе 10 лѣтъ. В. А. Жуковский воздастъ должное душевнымъ и умственнымъ качествамъ этого выдающагося человѣка, смерть котораго принесла неописуемое горе шестнадцатилѣтнему наслѣднику. По достиженіи совершеннолѣтія наслѣдникъ цесаревичъ совершилъ большое образовательное путешествіе по Россіи, продолжавшееся болѣе семи мѣсяцевъ; въ это время онъ посѣтилъ тридцать губерній, многое видѣлъ самъ, со многими прикоснулся и впервые столкнулся съ нуждами своего народа. Можно увѣренно сказать, что это путешествіе подготовило великое событіе 19-го февраля 1861 года.

Въ 1840 году двадцатидвулѣтній наслѣдникъ цесаревичъ—счастливый женихъ принцессы Маріи Дармштадтской, и объ этомъ событіи онъ радостно спѣшитъ повѣдать своему другу дѣтства, А. В. Паткулю, автографъ письма къ которому приложенъ къ книгѣ.

Служебная дѣятельность великаго князя Александра Николаевича началась рано и въ юные годы посвящалась, главнымъ образомъ, дѣламъ военнымъ. Съ начала же 1840-хъ годовъ онъ начинаеть изучать и «ремесло» государя, какъ образно выражался о своемъ царственномъ трудѣ императоръ Николай I. Качества истиннаго воина сказались въ немъ рано, извѣстное же боевое столкновеніе 26-го октября 1850 года цесаревича съ горцами на Кавказѣ у р. Валерика обнаружило военную удалъ и неустрашимость наслѣдника.

Само собою разумѣется, годамъ царствованія Александра II удѣляется главное вниманіе автора, который даетъ всестороннюю характеристику дѣятельности его, какъ государя. Чтобы придать своему изложенію больше системы и послѣдовательности, авторъ раздѣляетъ исторію царствованія императора Александра II на нѣсколько отдѣловъ, въ которыхъ войны занимаютъ значительное мѣсто. Кавказская война, усмиреніе польскаго возстанія, завоеваніе и присоединеніе Средней Азіи и, наконецъ, русско-турецкая война 1877—78 гг.—вотъ военныя событія этого царствованія, вообще говоря слишкомъ мало знакомыя широкой русской публикѣ.

Изъ лицъ свиты государя въ турецкой войнѣ на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій участвовали до 160 лицъ. Многія изъ нихъ заслужили почетную извѣстность своими подвигами и искусными дѣйствіями и были достойно вознаграждены, нѣкоторые же пролили кровь и отдали самую жизнь на поляхъ сраженій... Красивымъ, поэтическимъ заключеніемъ закончилъ С. А. Толузаковъ описаніе русско-турецкой войны, описаніе которой, послѣ недѣ-

нихъ событій нашего времени на Балканскомъ полуостровѣ, можетъ всколыхнуть воспоминанія о драгоцѣнныхъ жертвахъ, принесенныхъ русскимъ народомъ на алтарь любви къ ближнему.

Повѣствуя дальше исторію государевой свиты, В. К. Шенкъ, останавливается на высочайшихъ путешествіяхъ, рисуя общія условія и характеръ ихъ. Тѣ изъ нихъ, которыя совершены были въ началѣ царствованія государя, окончательно подготовили почву для преобразованій военнаго и общаго характера и въ особенности для освобожденія крестьянъ.

Съ большимъ интересомъ читаются страницы, посвященныя дѣятельности военно-походной канцеляріи его императорскаго величества. В. К. Шенкъ приводит цѣлый рядъ свѣдѣній о чрезвычайно разнообразной дѣятельности этого исключительнаго по своему положенію учрежденія. Къ высочайшимъ путешествіямъ онъ возвращается еще разъ, давая свѣдѣнія о нихъ съ 1-го апрѣля 1855 года по 21-го ноября 1880 года; одинъ только перечень главнѣйшихъ пунктовъ, которыхъ коснулись царскіе «вояжи», занимаетъ около шести страницъ текста. Нельзя не остановиться также на главѣ «Черты изъ жизни и быта лицъ свиты императора Александра II». Здѣсь снова вырисовывается любвеобильное сердце царя и его трогательная забота о близкихъ слугахъ государевыхъ.

По необходимости не останавливаясь на другихъ отдѣлахъ солиднаго труда полковника В. К. Шенка, мы должны, однако, указать на особый томъ приложеній, въ числѣ коихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ полный формулярный списокъ паслѣдника цесаревича Александра Николаевича по 1-го января 1853 года. Здѣсь же помѣщены нѣкоторыя письма Александра II къ гр. Паскевичу, кн. М. Д. Горчакову, къ гр. А. Ѳ. Орлову, письма кн. А. И. Вярятинскаго, переписка генерала-адъютанта Н. В. Адлерберга и нѣкоторые другіе документы. Весьма важны для справокъ приведенныя свѣдѣнія о составѣ свиты какъ въ порядкѣ назначенія, такъ и по годамъ.

Въ столь обширномъ трудѣ, какъ «Исторія государевой свиты», заключающая въ себѣ массу именъ, фамилій, цифръ, хронологическихъ данныхъ и цифръ, неизбѣжны мелкіе недочеты и опечатки, въ большинствѣ указанные въ «Дополненіяхъ и исправленіяхъ» въ концѣ книги. Послѣднія можемъ пополнить еще слѣдующими указаніями: стран. 108—напечатано: ген.-лейт. Бухмейстера, слѣдуетъ Бухмейера; на стран. 151 напечатано: Стальпинъ, слѣдуетъ Столыпинъ, на стран. 176 напечатано Сумарковъ, слѣдуетъ: Сумароковъ, на стран. 800 напечатано фонъ-Эденъ, слѣдуетъ: фонъ-Энденъ, на стран. 869, въ биографіи ген.-адъют. А. Р. Дрентельна указано, что онъ назначенъ командующимъ 1 гвард. пѣх. дивизіи въ 1826 г., слѣдуетъ въ 1862 году, въ биографіи великаго князя Николая Николаевича Старшаго слѣдовало бы указать части, въ которыхъ его величество числится шефомъ теперь. На стран. 498 воспроизведена находящаяся въ Зимнемъ дворцѣ извѣстная картина Н. Дмитріева-Оренбургскаго «Представленіе императору Александру II плѣннаго Османа-паши», съ указаніемъ фамилій изображенныхъ на картинѣ лицъ. Въ числѣ лицъ, не указанныхъ въ пояснительной надписи, находятся: поддерживающей Османашу справа—сотникъ Уцміевъ, правѣ его—состоявшій при главной квартирѣ

драгоманъ Ону и лѣвѣ послѣдняго, въ дверяхъ, комендантъ главной квартиры генераль-майоръ Штейпъ, съ саблею Османа-паши въ рукахъ. Все это, сравнительно, мелочи, не нарушающія общаго благопріятнаго впечатлѣнія.

Чрезвычайно трудно даже въ сравнительно большой рецензіи отмѣтить все наиболѣе существенное изъ того, что изложено болѣе чѣмъ на 1000 страницахъ «Исторіи государевой свиты». Предъ нами рѣдкій по полнотѣ и добросовѣстности трудъ, безъ котораго не обойтись тому, кто пожелаетъ ближе изучить благородную личность и дѣянія царя-Освободителя и эпоху его славнаго царствованія. Прекрасная книга эта, роскошная по виѣшности, богата художественно исполненными портретами, группами, батальными и другими картинами, факсимиле, картами и виньетками. Всѣхъ иллюстрацій болѣе тысячи, причемъ нѣкоторыя исполнены въ краскахъ и весьма многія можно назвать образцовыми.

Личность императора Александра II рельефно, въ теплыхъ тонахъ выступаетъ на общемъ фонѣ описанной эпохи. Выдѣляются основныя черты его прекрасной души. Изъ области прошлаго встаютъ то крупныя государственныя дѣятели, то славныя полководцы, то скромные герои долга, предназначенныя судьбою служить у подножія царскаго престола,—все люди, отмѣченные счастьемъ быть близко къ особѣ государя, лицезрѣть его жизнь, труды, ощущать на себѣ его ласку и вниманіе...

Авторъ, какъ сказано выше, безусловно расширилъ рамки своего почтеннаго труда, но такова особенность его темы, а потому нельзя поставить ему въ упрекъ солидные размѣры его книги, тѣмъ болѣе, что свое интересное повѣствованіе онъ изложилъ простымъ, по хорошимъ литературнымъ языкомъ и облекъ его въ завидную по красотѣ форму.

В. Жерве.

Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія. 1877—1878 гг. Томъ второй. Спб. 1913.
Стр. 369. Ц. 1 р. 50 к.

То симпатичное впечатлѣніе, которое читатель получаетъ отъ первой книжки воспоминаній Д. А. Скалона, производитъ также и второй томъ. Здѣсь налицо и хорошій, правильный русскій языкъ, и благородный тонъ, и искреннее чувство преданности августѣйшему фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу.

Много, много тяжелыхъ минутъ пришлось пережить великому князю, все же сумѣвшему побѣдоносно довести русскія войска до стѣнъ Константинополя. Задача была поставлена огромная—изгнаніе турецкаго владычества изъ Европы, а войска было дано недостаточно, хотя на эту сторону обращалъ вниманіе еще Мольтке при описаніи войны 1828 года. Гигантская работа главнокомандующаго вызываетъ у генерала Скалона патетическія строки: «Боже, какъ трудно быть главнокомандующимъ!.. Чего только не нужно, въ себѣ совмѣщать: и волю, и терпѣніе, и выдержку, и прозорливость, и благородіе, а всего болѣе замѣчательно, что эти требованія другъ другу про-

творѣчивы». Кромѣ того, нельзя забывать и напряженность первых, и постоянную смѣну надеждъ, которыя то крѣпнущь, то слабѣють. Наконецъ, каждую кампанію рѣшаютъ совмѣстно итыки воиновъ и перья дипломатовъ. Наша же дипломатія и въ войну 1877—78 гг. не была на высотѣ своей задачи. Ей часто достается отъ остраго слова почтеннаго мемуариста. Такъ, подъ 19-ое декабря ген. Скалонъ, мечтая отслужить молебень и пропѣть: «Тебе Бога хвалимъ» въ св. Софіи, пишетъ: «Охъ, мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! какъ бы вы не скисли съ нашимъ низкопоклонничествомъ передъ Европою». Тутъ же мемуаристъ пишетъ, что все имѣли случай убѣдиться въ полной несостоятельности нашей дипломатіи, давшей обѣщаніе, котораго не призналъ государь,—не итти за Балканы. На слѣдующій день, 20-го декабря, дневникъ даетъ русской дипломатіи далеко неслестные эпитеты—«вертихвостой», «виляющей и присѣдающей передъ нахальствомъ Англии».

Даже желѣзный характеръ августѣйшаго главнокомандующаго не выдержалъ, и въ бесѣдѣ 6-го января 1878 года со Скалономъ, который былъ у него въ то время адъютантомъ, великій князь не скрывалъ своего разочарованія, утомленія и желанія послѣ войны сдѣлаться лишь управляющимъ государственнымъ коннозаводствомъ.

Послѣ паденія Плевны война пошла головокружительнымъ темпомъ. И правъ былъ великій князь, когда писалъ 11-го января государю: «Какія совершились событія! потрясающія событія! съ 23-го декабря и до сегодня включительно гдѣ мои войска стоятъ? Въ Адрианополѣ!.. По-истинѣ не вѣрится; все прошло, какъ сонъ, такъ быстро и такъ счастливо! Хвала Господу, сподобившему и благословившему и подкрѣпившему твои чудныя войска исполнить этотъ чудный, неслыханный подвигъ; они—чудо-богатыри въ полномъ смыслѣ слова».

Конечно, самый интересный вопросъ въ заключительномъ актѣ нашей освободительной войны заключается въ томъ, почему мы не вошли въ Константинополь, ограничившись лишь остановкою у его стѣнъ. Дневникъ Скалона разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что 29-го января государь телеграфировалъ великому князю, что часть британскаго флота, въ виду опаснаго положенія христіанъ въ Константинополѣ, получила приказаніе итти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. «Нахожу необходимымъ,—писалъ государь,—войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло состояться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надо быть готовыми занять Царьградъ даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей». Эта телеграмма напечатана въ дневникѣ дважды, на стр. 232—3 и 365. Комментируя этотъ документъ, Скалонъ правильно замѣчаетъ, что здѣсь не было рѣшительнаго приказанія и впечатлѣніе въ особенности ослаблялось оговорками. Но мало этого. Телеграмма эта была получена великимъ княземъ на другой день послѣ полученія имъ позднѣйшей телеграммы отъ 30-го ян-

варя, въ которой говорилось, что въ случаѣ высадки англичанъ намъ надлежало вступить въ Константинополь. И эта телеграмма напечатана Скалономъ дважды, на стр. 230 и 366.

Однако въ февралѣ занимать Царьградъ было немислимо, такъ какъ къ этому времени значительно возросла численность турецкихъ войскъ. Время, которое на войнѣ измѣряется секундами, было безвозвратно потеряно, а между тѣмъ еще 10-го января Николай Николаевичъ телеграфировалъ о своемъ движеніи впередъ. Но это движеніе было задержано...

Совершенно не виноватый въ томъ, что мы не вступили въ Константинополь, великій князь испыталъ, однако, рядъ неприятностей. Государь былъ имъ недоволенъ. Въ одной телеграммѣ встрѣчается даже такое выраженіе: «Скажи откровенно, здоровье твое позволяетъ ли тебѣ продолжать командованіе арміей съ должною энергіею, которая теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо». Даже прѣхавшій смѣнить великаго князя ген. Тотлебенъ не удержался, чтобы не высказать ему сожалѣнія, что онъ не взялъ Константинополя и тѣмъ не исполнилъ приказанія его высочества. Великій князь долженъ былъ прервать эти слова замѣчаніемъ: «Вы забываетесь! Не вамъ мнѣ дѣлать замѣчанія! Вы забываете, кто я! Довольно!..».

Минули годы. Благодаря энергіи того же Д. А. Скалона, мы имѣемъ теперь въ Петербургѣ памятникъ, увѣковѣчившій русскаго полководца. Туманъ, заволакивавшій дѣятельность великаго князя, сталъ рѣдѣть. И выясненію его облика много будутъ содѣйствовать воспоминанія ген. Скалона, безъ которыхъ не обойдется ни одинъ историкъ эпохи освободительной войны.

М. Соколовскій.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ при московскомъ университетѣ. 1913. IV кн., стр. VI+724 Ц. 3 р.; 1914. I кн., стр. XXVII+606. Ц. 3 р.

Разнообразная по своему содержанію, послѣдняя книга «Чтеній» за прошлый годъ заключаетъ въ себѣ изъ историческихъ матеріаловъ «Сотницы, граммы и записи. Вып. 7-й» С. А. Шумакова и, кромѣ того, окончаніе собранія «Актовъ писцового дѣла»—матеріалы для исторіи кадастра и прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, за 1587—1627 гг. Небольшую, но интересную бытовую подробность рисуютъ «Чаши государевы», съ предисловіемъ А. С. Орлова,—собраніе задравныхъ рѣчей въ честь московскихъ государей и духовныхъ лицъ высокаго сана. Воспринятый нами изъ Византіи обычай пить задравныя чаши былъ подчиненъ извѣстному обряду, съ которымъ соединялось молитвенное возгласеніе, родъ тоста, также называвшееся «чашею». Чаши были приняты и въ древнихъ русскихъ монастыряхъ «за святительскимъ столованьемъ» въ торжественные дни. И здѣсь, какъ и въ міру, обычаемъ этимъ иной разъ злоупотребляли, что дало основаніе св. Феодосію Печерскому допускать лишь три чаши за обѣдомъ: во славу Иисуса Христа, Богоматери и за здравіе князя. Назидательныя надписи на нѣкоторыхъ чашахъ также намекаютъ на

извѣстное пристрастіе къ этому обряду: «чару пить, здраву быть; другую пити, умъ обвеселити; утроити, умъ устроить; учетверити, умъ погубити; много пити, безъ ума быти». И царская чаша, подобно святительской, сопровождалась молитвеннымъ воззваніемъ. При каждой статьѣ возглашенія, оканчивавшагося многолѣтіемъ, пѣвчіе и дьяки пѣли многая лѣта. «Пили чашу или кубокъ до дна и опрокидывали его себѣ на голову въ знакъ того, что не осталось въ немъ ни капли, ибо по старому повѣрью: кто не допиваетъ, тотъ зла желаетъ».

Отмѣтимъ еще помѣщенные въ сборникѣ интересныя «письма Веніамина архіепископа иркутскаго къ казанскому архіепископу Владимиру (1862—89 г.)» и дань трехсотлѣтнему юбилею царствующей династіи—рѣчи: «Народныя движенія 1611—1612 г.», Сухотина; «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича», Готье; и «Три вѣка царствованія дома Романовыхъ», Богословскаго.

Первая книга «Чтеній» за 1914 г. представляетъ весьма большой интересъ; въ противоположность предыдущей, она объединена одной общей идеей: весь этотъ объемистый томъ посвященъ памяти В. О. Ключевскаго и содержитъ богатый матеріалъ для его біографіи и характеристики его дѣятельности. Сборникъ начинается небольшимъ, но живо написаннымъ очеркомъ жизни В. О. Ключевскаго. Затѣмъ идутъ рѣчи; въ нихъ опредѣляется роль В. О. въ качествѣ предсѣдателя общества исторіи и древностей; дается сравнительная оцѣнка съ С. М. Соловьевымъ; подводятся итоги изслѣдованію «Древнерусскія житія, какъ историческій источникъ». Къ этому же отдѣлу отнесены отзывы Ключевскаго о диссертацияхъ на ученныя степени профессоровъ и студентовъ московской духовной академіи и, наконецъ, «Воспоминанія» проф. Богословскаго. Весьма значительная по объему часть книги отведена подъ «матеріалы для біографіи В. О. Ключевскаго», собранные Бѣлокуровымъ, гдѣ между прочимъ дается справка и о предкахъ историка, которая, кетати сказать, «положительно опровергаетъ высказанное устно предположеніе, что В. О. былъ изъ чувашей, равно какъ и мечту одного поляка Ключевскаго причислить В. О. къ своему роду, и неопровержимо свидѣтельствуетъ его происхожденіе изъ духовнаго сословія пензенской епархіи». Въ дальнѣйшемъ въ этихъ матеріалахъ представлена жизнь В. О., начиная съ обученія въ пензенскихъ духовныхъ училищахъ, духовной семинаріи и затѣмъ московскомъ университетѣ и кончая временемъ его преподавательской дѣятельности въ московской духовной академіи и московскомъ университетѣ. Въ заключеніе приложены «Воспоминанія» о В. О. его сестры Виргинской, священника А. Рождественскаго и пр. Эти страницы дышатъ большою теплотой и любовью къ Ключевскому.

Перечитывая этотъ томъ, невольно поражаешься тѣмъ трудолюбіемъ, энергіей и настойчивостью, съ которыми Ключевскій преодолѣвалъ всѣ препятствія на своемъ жизненномъ пути, несмотря на крайнюю матеріальную необезпеченность и тяжелыя условія въ дѣтствѣ. «Брата,—пишетъ Виргинская,—очень рѣдко можно было видѣть безъ книги въ рукахъ: обѣдалъ и чай пилъ, она всегда была у него. Онъ никогда не ложился въ одинъ часъ съ семьей спать, всегда сидѣлъ; и, когда не на что было купить свѣчку, онъ сидѣлъ съ ночникомъ, или, яснѣе сказать, въ маленькій стаканчикъ вливалось конопляное масло и опускался фитиль».

Интересно отмѣтить, что Ключевскій, еще будучи въ духовной семинаріи, умѣлъ подчинять своихъ товарищей обаянію своей личности. Одинъ изъ цихъ рассказываетъ: «Василій Іосифовичъ Ключевскій по своей наружности былъ незавидный, какъ принято выражаться, не солидный. Но когда онъ пожелаетъ съ кѣмъ-либо говорить, или увидитъ желающаго съ нимъ говорить, то въ немъ моментально является какая-то непонятная магнетическая сила, заставляющая какъ-то поневолѣ полюбить его»...

Въ общемъ весь этотъ біографическій матеріалъ довольно обилень, хотя обиліе его отчасти вызвано привлеченіемъ свѣдѣній, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ самому Ключевскому, въ родѣ, на примѣръ, перепечатанныхъ цѣликомъ программъ тѣхъ учебныхъ курсовъ, которые изучались въ духовныхъ училищахъ, и т. д.

Съ вѣднѣй стороны изданіе носитъ на себѣ слѣды большой заботливости и снабжено многими портретами Ключевского. К.

**Императорская публичная бібліотена за сто лѣтъ 1814—1914 гг. Спб. 1914.
Стр. 481+XXVI. Ц. 5 р.**

Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей императорской публичной бібліоти. 14 таблицъ въ листъ. Спб. 1914. Ц. 5 р.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже была изложена исторія императорской публичной бібліотеки, торжественно отпраздновавшей 2-го января сего года столѣтіе со дня, когда она была открыта «на пользу общую». Къ юбилею бібліотека издала обширный роскошно отпечатанный очеркъ своей исторіи за истекшія сто лѣтъ и выпустила, въ видѣ особаго юбилейнаго изданія, сборникъ палеографическихъ снимковъ, заглавіе котораго приведено выше.

Историческій очеркъ составленъ преимущественно по архивнымъ даннымъ бібліотеки, но не грѣшитъ архивною сухостью изложенія и обиліемъ сырого, непереработаннаго матеріала. Напротивъ, онъ изложенъ живо и интересно и читается не безъ удовольствія. Главное содержаніе очерка составляютъ обзоры распоряженій семи директоровъ бібліотеки: А. Н. Оленина, Д. П. Бутурлина, барона М. А. Корфа, И. Д. Делянова, А. Θ. Бычкова, Н. К. Шильдера и нынѣ здравствующаго Д. Θ. Кобеко. Каждому изъ директоровъ посвящается особая глава, причѣмъ характеристика ихъ дѣятельности, какъ это обычно въ юбилейныхъ сборникахъ, ведется нѣсколько въ духѣ древне-египетскихъ придворныхъ лѣтописцевъ: каждый директоръ, вступая въ должность, находитъ какіе-либо непорядки, успѣшно преодолеваетъ ихъ, а затѣмъ уступаетъ мѣсто своему преемнику, при которомъ вновь начинается упорядочиваніе дѣла, и т. д. Юбилейный тонъ, однако, не мѣшаетъ тому, чтобы въ огромномъ собранномъ составителями (покойнымъ А. А. Флоридовымъ и друг.) матеріалѣ не оказалось много любопытныхъ чертъ, характерныхъ и важныхъ для исторіи отечественной культуры за истекшее столѣтіе. Изданіе иллюстрировано пре-

красно исполненными портретами государей и директоровъ библіотеки, видами ея залъ и другими.

Названное выше юбилейное палеографическое изданіе появилось въ качествѣ такового по нѣскольکو случайному стеченію обстоятельствъ. Оно было задумано еще въ 1885 году, и самые снимки были сдѣланы въ фототипическомъ заведеніи главнаго штаба еще въ 1890 году, но изданіе тогда не вышло, такъ какъ смерть И. В. Помяловскаго и В. К. Ершtedта, взявшихъ изготóвить объяснительный къ нему текстъ, задержала его появленіе въ свѣтъ.

Въ настоящее время оно напечатано съ объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ для греческихъ рукописей Г. Ф. Цертели, для латинскихъ—И. И. Холодиякомъ (за кончиною его въ минувшемъ году корректуры просматривалъ А. I. Малсигъ), для славянскихъ—Н. М. Каринскимъ.

Подлинники, съ которыхъ даются снимки, принадлежать къ числу тѣхъ сокровищъ, которыми по справедливости можетъ гордиться публичная библіотека: это греческіе папирусы III вѣка, палимпсестъ IV вѣка, латинская рукопись VI вѣка, изъ славянскихъ—Остромирово Евангеліе, Святославовъ сборникъ и другіе.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть еще о двухъ изданіяхъ, отпечатанныхъ библіотекою за нѣскольکو лѣтъ до юбилея, но одновременно съ историческимъ очеркомъ фигурировавшихъ на юбилеѣ 2-го января 1914 года. Это—хорошо исполненное факсимиле «Битвы подъ Нарвою 19-го ноября 1700 г.»—гравюры Ромейна де-Гоохе и великолѣпное изданіе портретовъ Петра Великаго «Галерея Петра Великаго въ императорской публичной библіотекѣ». Оба изданія художественно цѣнны, въ особенности второе. Про первое можно бы замѣтить, что Ромейнъ де-Гоохе, какъ о немъ достовѣрно извѣстно, въ Нарвѣ никогда не былъ и вообще рисовалъ мѣстности и событія только по наслышкѣ, исполняя случайные заказы: поэтому историческое значеніе его гравюры проблематично.

Къ сожалѣнію, однако, рѣшительно ни изъ одного изъ юбилейныхъ изданій не усматривается, насколько библіотека придвинулась къ исполненію одной изъ главныхъ лежащихъ на ней задачъ: къ составленію списка русскихъ книгъ за истекшее столѣтіе и доступнаго публикѣ каталога имѣющихся въ ней книжныхъ богатствъ.

А. Л.

Un Tsar idéologue. Alexandre I (1777—1825). Ouvrage orné de 8 gravures. Par Pierre Rain. Paris. 1913. Libraire académique Perrin et Co. P. 453. Prix 5 francs.

Царь идеологъ. Александръ I (1777—1825). Сочиненіе Петра Рэнъ. Парижъ. 1913. Въ книжной торговлѣ Перренъ и К^o. Стр. 453. Съ 8 гравюрами. Ц. 5 франк. (2 рубля).

Вышеприведенное заглавіе книги не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію; точнѣе было бы озаглавить: идеологъ на престолѣ и т. д., потому что по заключительнымъ словамъ г. Рэна императоръ Александръ I былъ по преимуществу

Александромъ Благонамѣреннымъ, но не умѣвшимъ ни осуществлять свои мечты, ни приводить въ исполненіе свои благія намѣренія (ст. 446). Идеологомъ въ значеніи, присвоенномъ этому слову Наполеономъ, называвшимъ такъ всѣхъ тѣхъ, которые на какихъ-нибудь принципиальныхъ основаніяхъ противились практическимъ требованіямъ текущей политики, Александръ I, будучи императоромъ, никогда не былъ, какъ это можно усмотрѣть также изъ сочиненія Рэна, которое не представляетъ собою самобытнаго изслѣдованія, но составлено преимущественно на основаніи многихъ повѣйшихъ изслѣдованій и сочиненій, посвященныхъ императору Александру I и появившихся въ нашемъ отечествѣ въ не маломъ числѣ особенно въ послѣднее время. Не перечисляемъ здѣсь всѣхъ этихъ сочиненій, на основаніи коихъ составлена книга г. Рэна, потому что они всѣ указаны имъ самимъ въ особомъ спискѣ на стр. 447—53; замѣтимъ только, что онъ не пользовался извѣстнымъ трудомъ Надлера («Императоръ Александръ I и идея священнаго союза», 1886—1892 гг. Харьковъ три тома); не обращался, конечно, къ «Полному собранію законовъ и т. д.»

Вообще говоря, сочиненіе г. Рэна, состоящее изъ двѣнадцати главъ, написано очень живо, читается легко и если не представитъ чего-либо новаго намъ, русскимъ, то можетъ дать иностранцамъ довольно полное и обстоятельное понятіе о жизни и дѣятельности императора Александра. При этомъ, конечно, авторъ не избѣгъ нѣкоторыхъ промаховъ, которыхъ могъ бы избѣгать, если бы призналъ за лучшее обойти молчаніемъ то, въ чемъ онъ не вполне увѣренъ или не точно знаетъ. Такъ, напримѣръ, избранная имъ тема не налагала на него обязанности непременно рисовать портретъ Павла I, но онъ почему-то взялся за это и утверждаетъ на страницѣ 60, что Павелъ I имѣлъ глаза, какъ у кошки-тигра, и длинный носъ (*le nez est long*), тогда какъ всѣмъ извѣстно, что Павелъ I именно не имѣлъ длиннаго носа, а былъ, какъ выражаются, курносимъ. Можно было бы не говорить также, что извѣстный Платонъ Алекс. Зубовъ былъ кошкой (*valet d'écurie*) на стр. 58. Ничего подобнаго не было: онъ былъ сынъ вице-губернатора, а затѣмъ оберъ-прокурора перваго департамента сената Александра Николаевича Зубова (1727—1795 г.) и поступилъ изъ дома родителей въ военную службу. Говоря, что воспитаніе Александра I было поручено Екатериною II князю Салтыкову, авторъ совсѣмъ напрасно прибавляетъ: одному изъ ея прежнихъ любовниковъ (*un de ses anciens amants*). Совсѣмъ нѣтъ. Воспитателемъ Александра I былъ извѣстный Николай Ивановичъ Салтыковъ (родился 31-го октября 1736 г., умеръ 16-го мая 1816 г.), возведенный въ княжеское достоинство 30-го августа 1814 года. Однимъ же изъ первыхъ любовниковъ Екатерины II былъ совсѣмъ другой Салтыковъ, именно Сергѣй Васильевичъ (родился 1726 г.), женатый на фрейлинѣ Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Онъ занималъ видное мѣсто въ придворной жизни великаго князя Петра III и его супруги Екатерины II. Онъ «былъ прекрасенъ, какъ день», писала о немъ Екатерина II, имѣлъ двадцать шесть лѣтъ, былъ веселаго нрава, въ званіи камергера и т. д. Онъ сблизился съ Екатериною II, былъ одно время посредникомъ сношеній ея съ канцлеромъ Вестужевымъ, а затѣмъ въ 1754 г. былъ посланъ въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи великаго князя Павла Петровича и долго состоялъ по дипломатической части, будучи представителемъ Россіи въ Гамбургѣ,

Регенсбургъ и Парижъ, гдѣ надѣлалъ много долговъ. Онъ сохранилъ самую искреннюю преданность Екатеринѣ II до самой кончинѣ своей въ 1813 г. ¹⁾.

Можно указать также на слишкомъ смѣлое утвержденіе на стр. 82, что Павелъ I погибъ отъ руки генерала Беннигсена, что ничѣмъ не доказано, и на смѣлую характеристику Новосильцова (извѣстнаго дѣятеля при Александрѣ I), что онъ былъ циникъ, пьяница, развратникъ, производившій скандалы въ Петербургѣ и сблизившійся съ императоромъ дѣльми рядомъ доносовъ и измѣнъ (стр. 304). Это все говорится на основаніи «Воспоминаній польки», которой можно не довѣрять данному въ случаѣ, ибо самъ Новосильцовъ не очень-то долюбивалъ поляковъ. Кромѣ того, встрѣчаются обычные искаженія русскихъ именъ, фамилій и названій при передачѣ ихъ на французскомъ языкѣ какъ, напримѣръ, профессоръ Adouroff вмѣсто Adadouroff—Ададуровъ (стр. 54); Batski-Serai вмѣсто Bakchi-Serai (Бахчисарай) (стр. 400), palais Chipilev (стр. 25) вмѣсто Cherelev; или Schoulominov вмѣсто Souhomlinov (Сухомлиновъ, академикъ) на стр. 13 и т. д.

П. Майковъ.

Профессоръ И. М. Покровскій. Русское духовенство, его патриотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Феодоровича Романова. Казань. 1913. Стр. 56.

Авторъ поставилъ своей задачей показать, какою могущественною и животворною силою являлось русское духовенство, всецѣло преданное своей матери—православной церкви, своей родинѣ и своему законному, Богомъ вѣнчанному царю—въ періодъ перелома нашей государственной жизни при избраніи на престолъ династіи Романовыхъ. Яркими красками онъ рисуетъ смутное время, являвшееся для русской земли величайшимъ историческимъ бѣдствіемъ, когда русскіе люди, въ круговоротѣ политическихъ интригъ, перестали понимать другъ друга. Въ этотъ критическій моментъ нашей исторіи православное духовенство обнаружило ту высокую патриотическую стойкость, о которую разбилась крамола. Передъ глазами читателя проходитъ рядъ именъ, которыя по справедливости считаются гордостью русской земли.

Такъ, въ моментъ появленія слуховъ о первомъ самозванцѣ, объявившемъ себя царевичемъ Димитріемъ, первымъ обратилъ вниманіе властей на его замыслы ростовскій митрополитъ Іона. Затѣмъ въ Астрахани возстаетъ противъ Лжедмитрія архіепископъ Феодосій, и, пораженный его величіемъ и мужествомъ, самозванецъ не посмѣлъ его тронуть. Во всемъ ореолѣ своего величія выдвигается обликъ патриарха Гермогена. Его грамоты разбудили народное сознаніе, вернули разумъ и совѣсть русскому народу.

Наступили превратности въ судьбѣ Василя Шуйскаго, всѣ отъ него отшатнулись, только одна Тверь вѣрна ему и этимъ она обязана архіепископу Феофилу.

¹⁾ См. Бильбасовъ.—Царствованіе Екатерины II, т. I.

Жители Свѣяжска измѣняютъ Шуйскому, на защиту его выступаетъ митрополитъ Ефремъ, и его запрещеніе, наложенное на горожанъ, возвращаетъ ихъ къ вѣрности царю. Но особенно ярко сказалось его дѣятельность во вторую половину смутнаго времени, когда онъ, послѣ смерти патріарха Гермогена, сталъ истиннымъ оплотомъ русской жизни.

Написанный живымъ языкомъ, глубоко продуманный и прочувствованный, трудъ профессора Покровскаго является цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую литературу нашего времени. Онъ найдетъ читателей.

Н. Г. Р.

**С. В. Савченко. Русская народная сказка (Исторія собиранія и изученія).
Кіевъ. 1914. Стр. 539. Ц. 3 руб.**

Авторъ названной книги поставилъ своею цѣлью «подвести итоги и прослѣдить, какъ постепенно росъ интересъ къ сказочному эпосу» въ русскомъ обществѣ и литературѣ, и выполнилъ ее съ большимъ умѣньемъ и живостью. Это не сухая библиографическая неудобочитаемая работа,—книга С. В. Савченко написана литературно, интересно и очень обстоятельно.

Въ началѣ ея авторъ останавливается на опредѣленіи сказки. Слово это до XVII вѣка встрѣчается въ письменности только со значеніемъ юридическимъ: свидѣтельство, справка; раньше, вмѣсто термина «сказка» употребляется «басня»: «басни елиньскія», «старьчскія басни» и проч. Далѣе авторъ останавливается на опредѣленіи сказки, приводя различныя мнѣнія. Въ общемъ, сказка опредѣляется слѣдующими чертами: мѣсто и время дѣйствія сказки носятъ самый общій характеръ; преобладающее значеніе въ ней имѣетъ элементъ волшебнаго; сказочныя лица не надѣляются опредѣленными индивидуальными характерами въ противоположность былиннымъ; сказка нравственна, по крайней мѣрѣ, по замыслу.

Говоря далѣе о создателяхъ сказки, С. В. Савченко выдвигаетъ участіе въ сложеніи ихъ скомороховъ, которымъ принадлежитъ, безусловно, львиная доля въ творчествѣ былинъ. Въ самомъ дѣлѣ, сказочникъ, у котораго записывалъ свой матеріалъ Садовниковъ, заканчиваетъ одну сказку такъ: «Тутъ и сказкѣ конецъ, сказалъ ее молодець, а намъ, молодцамъ, по стаканчику пивца, за окончанье сказочки по рюмочкѣ винца». «Эта обмолвка,—говоритъ авторъ,— о «молодцахъ» въ устахъ одного сказочника естественно указываетъ на застывшую традицію и именно традицію скоморошью: «мы молодцы» здѣсь, это—тѣ веселые потѣшники-скоморохи, которые бродили по деревнямъ (да и городамъ), рассказывали сказки и заканчивали ихъ откровеннымъ указаніемъ на необходимость угостить молодець». Въ окончаніи одной сказки у Аванасьева эта откровенность особенно ясна: «Зажилъ батракъ на славу; звали меня къ нему медь-пиво пить, да я не пошелъ: медь, говорятъ, былъ горекъ, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?». Тѣ же намеки объ угощеніи характеризуютъ и былинку. Кроме скомороховъ, были и другіе профессионалы-сказочники—бахари. Иванъ Грозный не могъ заснуть безъ сказокъ и держалъ при себѣ трехъ

слѣпыхъ стариковъ-сказочниковъ. Были сказочники и у Василія Шуйскаго, Михайла Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Традиционными сказочниками были всегда старухи: классическій примѣръ ихъ няня Пушкина.

Переходя затѣмъ къ древности русскихъ сказокъ, С. В. Савченко останавливается на лѣтописныхъ разсказахъ о смерти Олега, мщеніи Ольги и проч. Эти лѣтописныя сказанія безусловно осколокъ пѣсенъ, и, говоря о нихъ, авторъ приходитъ къ смѣшенію сказочныхъ сюжетовъ и сказокъ, какъ особаго вида творчества.

Записи сказокъ начинаются съ XVII вѣка, причемъ впервые онѣ были сдѣланы англичаниномъ Коллинсомъ, какъ впервые тогда же были записаны русскія пѣсни англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ. Въ XVIII вѣкѣ сказки въ рукописяхъ встрѣчаются постоянно; переписка ихъ дѣлается своеобразною профессіею. Журналъ Чулкова «И то, и се» передаетъ объ одномъ отставномъ приказномъ, который «кормилъ голову свою переписываніемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ-то, напримѣръ, «Бову Королевича», «Петра Златыхъ Ключей» и проч. Далѣе авторъ слѣдитъ за всею исторіею записыванія сказокъ вплоть до нашего времени. Послѣднимъ является собраніе новгородскихъ сказокъ братьевъ Бориса и Юрія Соколовыхъ, испытавшихъ на себѣ всѣ современные неудобства этого дѣла. Въ нихъ видѣли «политикановъ», японскихъ шпионовъ, фальшивомонетчиковъ, «тайну полицію», баръ, пріѣхавшихъ «ворочать» крѣпостное право—это со стороны народа. Урядникъ же деревни Роговской увидѣлъ въ Соколовыхъ агитаторовъ: «Всѣ вы со сказокъ и пѣсенъ начинаете».

Большая часть книги С. В. Савченко посвящена обзору взглядовъ на русскія сказки. Начиная отъ сентиментальнаго отношенія къ сказкѣ въ лицѣ князя Цертелева, который видѣлъ въ нихъ пищу для «сердца и воображенія», авторъ подробно останавливается далѣе на взглядахъ на сказку славянофиловъ (баронъ Шеппингъ, К. Аксаковъ), на фантастическихъ теоріяхъ Безсонова и, наконецъ, переходитъ къ періоду научнаго изслѣдованія сказокъ, начавшагося съ водворенія у насъ мифологической школы. Авторъ подробно останавливается на принципахъ Я и В. Гриммовъ, Макса Мюллера, на трудахъ Буслаева, Афанасьева и проч. Столь же полно излагаются взгляды школы заимствованія. Антропологической или психологической школѣ (Тэйлоръ) авторъ не удѣляетъ много вниманія, относясь къ ней несочувственно, въ чемъ надо видѣть отраженіе положенія этой школы въ русской наукѣ, гдѣ она не имѣла крупныхъ представителей. Русскіе изслѣдователи фольклора, типическимъ представителемъ которыхъ является А. Н. Веселовскій, вели свои изслѣдованія внѣ рамокъ этнографіи, антропологіи и психологіи, оперировали часто съ одними голыми сюжетами, лишеными земной почвы, въ чемъ слабое мѣсто школы заимствованія. Если во многомъ она, однако, права, то распространять ее основанія на весь фольклорный матеріалъ и говорить, что «громадное большинство русскихъ сказокъ нужно признать заимствованнымъ съ Запада и Востока» (стр. 515) значить вдаваться въ крайность. Почему это какіенбудь монголы могли создавать сказки, а русскій народъ, заключающій въ

себѣ возможности Пушкина, Достоевскаго, Л. Толстого, не могъ самъ выдумать даже сказки? Если бы русскіе словесники были больше психологами и антропологами, они никогда бы не дошли до подобныхъ крайностей.

В. Даниловъ.

Н. А. Бутми. Каббала, ереси и тайныя общества. Подъ редакціей Г. В. Бутми. Слб. 1914. Стр. VI+283. Ц. 1 р.

Въ настоящее время, когда наше общество въ своей массѣ такъ интересуется еврейскимъ вопросомъ, нельзя не привѣтствовать появленіе книжки Н. А. Бутми. Къ сожалѣнію, авторъ въ своемъ изслѣдованіи слишкомъ одностороненъ и субъективенъ и, какъ убѣжденный антисемитъ, не чуждъ пристрастія. Главная его задача—доказать, что тайныя организациі христіанской эры возникли подѣ вліяніемъ евреевъ и служатъ орудіемъ для достиженія ихъ цѣлей; что франкмасонство и подобныя ему современныя тайныя общества суть лишь послѣднія звенья цѣлой цѣпи тайныхъ жидовствующихъ организаций, непрерывно тянущейся на протяженіи всей христіанской эры.

Изслѣдованіе г. Бутми много выиграло бы, если бѣ авторъ не придалъ ему такой страстно-публицистическій характеръ, а придерживался въ своемъ изложеніи болѣе спокойнаго тона. Ослѣпленный своимъ антисемитизмомъ, онъ не замѣчаетъ самъ, какъ отводитъ евреямъ и еврейству доминирующую роль въ исторіи развитія религіозно-духовной и политической мысли всего человѣчества за послѣднія два тысячелѣтія.

Такъ, авторъ видитъ въ еврейской Каббалѣ не только корень и основу первоначальныхъ сектъ древности, каковы гностики и манихеи, но видитъ суть и корень въ возникновеніи и развитіи всѣхъ послѣдующихъ сектъ и тайныхъ обществъ вплоть до нашего времени. Не только Іоаннъ Гуссъ, Іеронимъ Пражскій, Виклефъ, Лютеръ, Эразмъ Роттердамскій, Рейхлинъ, Ульрихъ фонъ-Гутенъ и другіе реформаторы-мыслители, но даже и Магометъ являются только слѣпыми орудіями темной силы іудаизма. Всѣ эти люди мысли, фанатической вѣры, огромной нравственной силы, ведшіе человѣчество впередъ, изъ коихъ многіе жертвовали собою во имя торжества своихъ идей; эти великіе арійцы, которыми гордятся христіанскіе народы, изъ среды которыхъ они вышли; всѣхъ этихъ героевъ духа г. Бутми рисуетъ не только маріонетками въ рукахъ евреевъ, но евреями же выдвинутыми на арену всемірной исторіи, дабы при ихъ содѣйствіи разрушать ненавистное имъ христіанство.

Что евреи христіанство ненавидятъ, всегда старались ему вредить и въ настоящее время напрягаютъ всѣ свои силы къ тому, чтобы разрушить христіанство,—никто спорить не станетъ: борьба, объявленная еврействомъ христіанству, происходитъ у всѣхъ на глазахъ,—но, что Іоаннъ Гусъ, Іеронимъ Пражскій, Виклефъ, Лютеръ и другіе реформаторы-протестанты противъ Рима и католицизма сознательно дѣйствовали во вредъ христіанству и въ угоду евреямъ и по ихъ наущеніямъ въ особенности,—это уже будетъ много чести для «избраннаго» народа, если, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, мы припишемъ Израилю

не ему принадлежація заслуги такихъ выдающихсяъ мучениковъ вѣры, какъ Іоаннъ Гусъ, Іеронимъ Пражскій и другіе. Мы беремъ на себя даже смѣлость защитить и Магомета, на котораго авторъ набрасываетъ тѣнь, что и онъ былъ выдвинутъ евреями, какъ создатель новой религіи, дабы подорвать христіанство. Мы думаемъ, что Магометъ, созидавая новую религію, одинаково стремился разрушить и христіанство и іудейство и, чтобы сдѣлать ее пріемлемой для тѣхъ и другихъ, одинаково черпалъ для своего новаго вѣроученія и изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и призналъ Божьими пророками и Моисея и Христа.

Но не будемъ слишкомъ придирчивы къ автору и отмѣтимъ положительныя достоинства его изслѣдованія. Авторъ обнаруживаетъ большое знакомство съ предметомъ и значительную начитанность, добросовѣстно отмѣчаетъ факты, руководствуясь и указаниями ненавистныхъ ему изслѣдователей-евреевъ, которыхъ онъ цитируетъ. Книжка интересна, написана прекраснымъ языкомъ и легко читается.

О. Л—нъ.

Юбилейный земскій сборникъ (1864—1914) подъ редакціей Б. Б. Веселовскаго и З. Г. Френкеля. Изданіе т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914. Стр. XVIII+427. Цѣна 5 р.

Минуло пятьдесятъ лѣтъ послѣ утвержденія (1-го января 1864 года) положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и въ январѣ 1914 года состоялось официальное празднованіе полустолѣтняго существованія земства въ Россіи.

Фактически, однако, земство введено не въ 1864 году, а въ періодъ 1865—1913 гг., причѣмъ открытіе земскихъ учрежденій въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи еще и въ настоящее время далеко не закончено. Въ Сибири, средне-азиатскихъ областяхъ и на Кавказѣ къ введенію земства еще не приступали. Въ предѣлахъ Европейской Россіи нѣтъ земства въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ трехъ литовскихъ и во всемъ Привислинскомъ краѣ, а также въ областяхъ Донской и Уральской и на крайнемъ сѣверѣ—въ Архангельской губерніи.

Въ теченіе сорока девяти лѣтъ земство введено въ 43 губерніяхъ Европейской Россіи. Открытіе ихъ состоялось: въ 1865 году въ 19 губерніяхъ, въ 1866 году въ девяти губерніяхъ, въ 1867 году въ двухъ губерніяхъ, въ періодъ 1869—1875 г.г. въ четырехъ губерніяхъ и въ 1911 и 1913 г.г. въ девяти губерніяхъ.

При столь различныхъ срокахъ существованія, изъ которыхъ ни одинъ не достигъ пятидесяти лѣтъ, юбилейное празднованіе нынѣшняго года должно быть отнесено къ самому законодательному акту—положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года. Но и это положеніе существенно измѣнено новымъ, даннымъ въ 1890 года; дѣйствовало оно (съ нѣкоторыми частичными дополненіями и измѣненіями), такимъ образомъ, всего 26 лѣтъ.

Юбилейное празднованіе 1914 года, по существу своему, является, слѣдовательно, празднованіемъ въ честь самой идеи, самаго принципа земскаго самоуправленія, который восторжествовалъ въ историческихъ судьбахъ Россіи

пятьдесят лѣтъ тому назадъ. Этому принципу, его сущности и тѣмъ условіямъ, историческимъ и фактическимъ, при которыхъ онъ восторжествовалъ въ жизни, и должны бы быть посвящены изданія по случаю юбилея 1914 года.

Разбираемый «Сборникъ», однако, почти совершенно чуждъ этой задачѣ. Онъ посвященъ, съ одной стороны, законодательству о земскихъ учрежденіяхъ, начиная съ положенія 1864 года, правамъ и задачамъ земства, а съ другой—практической дѣятельности земскихъ учреждений. Нѣсколько подходятъ къ прямой юбилейной задачѣ только двѣ изъ двадцати трехъ помѣщенныхъ въ «Сборникѣ» статей разныхъ авторовъ, именно статья П. П. Гронскаго «Теорія самоуправленія въ русской наукѣ» и статья князя Дм. Шаховскаго «Политическія теченія въ русскомъ земствѣ».

Но и въ той области, которую избрали себѣ авторы «Сборника», задача составителей ограничена узкимъ кругомъ очерковъ «очередныхъ крупныхъ земскихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью» и «посильнымъ освѣщеніемъ ихъ». Благодаря этому, во всѣхъ статьяхъ излагается организація, ходъ и развитіе различныхъ (но далеко не всѣхъ важныхъ; ничего не говорится, напримѣръ, о дорожной и подводной повинностяхъ, о натуральныхъ повинностяхъ вообще, содѣйствіи развитію кустарной промышленности и другихъ) земскихъ дѣлъ, каковы народное продовольствіе и образованіе, статистика, агрономія, кооперація, медицина, финансы, юридическая помощь населенію (статьи въ порядкѣ этого изложенія: графа Павла Толстого, В. И. Чарнолускаго, Б. Б. Веселовскаго, Б. П. Вологодина, А. А. Кауфмана, В. Э. Брунста, В. В. Хижнякава, Э. Г. Френкеля, А. И. Шингарева и М. М. Могилянскаго), указываются выдающіеся дѣятели во всѣхъ этихъ областяхъ, характеризуется положеніе этихъ дѣлъ, въ связи съ отношеніемъ къ нимъ правительства и самихъ земскихъ учреждений и т. п., но не дается свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи находились эти дѣла до введенія земства въ вышеуказанныхъ отдѣльныхъ группахъ губерній въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, чего достигли земства въ каждой изъ этихъ группъ (въ тѣхъ же отношеніяхъ) губерній и чего и сколько предстоитъ имъ сдѣлать еще, чтобы стать на уровнѣ современныхъ и текущихъ потребностей населенія. Статья И. И. Петрункевича «Ближайшія задачи земства» совершенно не освѣщаетъ и даже не касается этого послѣдняго вопроса. Удовлетворяющей въ значительной степени означеннымъ тремъ основнымъ требованіямъ является статья В. Θ. Караваева «Земскія смѣты и раскладки» и, въ той или другой мѣрѣ, статьи объ агрономіи и коопераціяхъ (В. Э. Брунста и В. В. Хижнякава).

Въ общемъ, разсматриваемое изданіе является сборникомъ неполныхъ свѣдѣній объ ограниченномъ кругѣ вопросовъ земской жизни. Какъ справочникъ по исторіи введенія земства и общему ходу развитія его дѣятельности, оно имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, но искать въ немъ большаго, того, что отвѣчало бы требованіямъ сущности отпразднованнаго земскаго юбилея и даже что рисовало бы конкретными чертами всю совокупность практической дѣятельности земства и опредѣляло бы размѣры предстоящихъ ему такихъ же практическихъ задачъ,—безполезно.

Издание напечатано на хорошей бумаге и иллюстрировано портретами многих выдающихся земских деятелей.

Къ статье З. Г. Френкеля о медицине приложены две карты распределения земско-медицинской помощи и две диаграммы.

Цена издания высока.

В. Кузнецовъ.

М. В. Португаловъ. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876). Спб. 1914. Стр. 156. Цена 1 рубль.

Работа г. Португалова о русской женщинѣ представляет собою рядъ подлинныхъ цитатъ о русской женщинѣ изъ произведеній Пушкина, Гоголя, Герцена и т. д., кончая Чернышевскимъ и Л. Н. Толстымъ. Но эта задача автора — «представить въ избранныхъ отрывкахъ наиболее яркіе женскіе образы, которые создала русская художественная литература XIX вѣка», — совпадаетъ по идеѣ о ростѣ женщины отъ семьи къ общественному служенію съ капитальными трудами г. Шашкова («Главные эпохи въ исторіи русской женщины») и г. Чудинова («Женскіе типы въ русской литературѣ»). Вслѣдствіе этого изображеніе пути женщины въ семьѣ и обществѣ едва ли удалось автору, особенно съ точки зрѣнія новизны и оригинальности. Выборки по этому вопросу у него изъ произведеній литературныхъ корифеевъ слишкомъ недостаточны. Иногда и все произведеніе писателя, во всемъ его объемѣ, вызываетъ споры и сомнѣнія о цѣльности типа и его правдивости, а маленькія извлеченія только раздражаютъ любопытство и не удовлетворяютъ его. Г. Португалову, кромѣ того, вредитъ и его глубокое непониманіе нашихъ «духовныхъ отцовъ» въ русской литературѣ, какъ не понимали, напримѣръ, М. Антоновичъ Тургенева въ «Отцахъ и дѣтяхъ» («Асмодей нашего времени»), Н. Шелгуновъ—Гончарова, посвящая ему статью «Талантливая безталанность» и т. д. Португаловъ съ той же развязностью утверждаетъ, что, «не обладая, какъ художникъ, общественной прозорливостью, страдая своеобразнымъ общественнымъ дальтонизмомъ, Гончаровъ не нашелъ для воплощенія новаго движенія иного образа, кромѣ карикатурно-нелѣпаго псевдо-нигилиста Марка Волохова, и испугался, какъ бы многія русскія дѣвушки не соблазнились новой ложью и не попадали въ обрывъ» (стр. 13). Это Гончаровъ-то, по отзыву Португалова, не обладалъ «общественностью»! Это его «Обломовъ»-то не русская общественность, а дальтонизмъ; его Штольцъ и Ольга—не общественность, его Райскій—не общественность, его бабушка Татьяна Марковна—не общественность, его Маркъ Волоховъ—тотъ же «Санингъ» нашихъ дней—тоже не общественность, а только клевета... Можно ли съ такой оцѣнкой о Гончаровѣ мириться, и возможно ли правильное толкованіе его мужскихъ и женскихъ типовъ г. Португаловымъ?

А. Фаресовъ.

Влахопуловъ, Б. А. Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный міръ. Подъ редакціей и со вступительной статьей Е. Д. Сташевскаго, привать-доцента университета св. Владимира и кіевскаго коммерческаго института. Кіевъ. 1913. Стр. II+227. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Настоящій трудъ г. Влахопулова изданъ, какъ это напечатано на обложкѣ, на правахъ рукописи и представляетъ собою частію переводъ «отдѣльныхъ главъ и отрывковъ преимущественно изъ тѣхъ иностранныхъ писателей, на книги которыхъ приходилось ссылаться» г. Сташевскому на своихъ лекціяхъ (напримѣръ, въ книгѣ упоминаются: М. Weber, Francotte, O. Neurath, Beloch), частію компилятивныя статьи. Кромѣ того, въ сборникъ «вошла вводная лекція редактора въ томъ видѣ, въ какомъ она читалась» (гдѣ читалась—не указано). Всего въ сборникѣ помѣщено, считая «введеніе», 19 статей, о содержаніи которыхъ могутъ дать понятіе слѣдующія заглавія: «Землевладѣніе и социальный строй древнѣйшаго періода греческой исторіи», «Торговля и промышленность гомеровской эпохи», «Эпоха греческой колонизаціи», «Экономическая жизнь Рима древнѣйшей эпохи», «Аграрный переворотъ въ Римѣ и реформы Гракховъ», «Римское помѣстье конца Имперіи и переходъ къ среднимъ вѣкамъ» и проч. Сборникъ составленъ, такимъ образомъ, довольно интересно и разнообразно. Цѣну его, однако, нельзя назвать низкой.

Я. Вирюковъ.

М. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Изд. 2-е. Спб. 1914. Томъ I. Историческій обзоръ. Стр. XXXVI+270. Ц. 2 р. Томъ II. Франческо Петрарка. Стр. 255. Ц. 1 р. 30 к. Томъ III. Джіованни Боккачіо. Стр. 168. Ц. 90 коп.

Рано отошедшій профессоръ московскаго университета М. С. Корелинъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ наукѣ. За свою двухтомную диссертацию онъ былъ удостоенъ рѣдкой чести и, помимо степени магистра, получилъ сразу ученую степень доктора исторіи. Однако его обширный трудъ уже по своей высокой цѣнѣ не былъ доступенъ публикѣ, поэтому надо признать чрезвычайно удачной мысль раздробить его сочиненіе на отдѣльныя части и продавать ихъ томами. Лица, интересующіяся исторіей, прочтутъ съ удовольствіемъ статьи о Боккачіо и Петраркѣ, ставшія теперь общедоступными.

Въ предисловіи, выясняющемъ значеніе автора, Н. И. Карѣевъ справедливо называетъ Корелина гуманистомъ. У každого человѣка, говоритъ онъ, способна жить не однимъ своимъ я, всегда есть извѣстная основная вѣра, составляющая самую внутреннюю сущность его личности, его истинную природу и проявляющаяся въ его міросозерцаніи, въ его настроеніи, въ его стремленіяхъ. У Корелина это была вѣра въ достоинство и значеніе человѣческой личности, въ ея право и силу, вѣра, которая была настоящей основой его теоретическаго интереса къ гуманизму и его практическаго оптимизма.

Къ этому можно прибавить, что покойный Корелинъ былъ сторонникомъ идеалистическаго міросозерцанія и не увлекался экономическимъ матеріа-

лизмомъ, который одно время считался послѣднимъ словомъ науки и который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ процвѣтаетъ въ московскомъ университетѣ. Это одностороннее ученіе старается свести всю исторію къ экономическимъ причинамъ и доказать, будто бы величайшія умственные движенія происходили исключительно отъ натурального хозяйства, капитализма и т. п. Сочиненіе Корелина вполне изобличаетъ ложь экономического матеріализма. Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ Петрарка отрицаетъ всякую метафизику и сводитъ философію на мораль. Въ поэзіи Петрарка является новымъ человѣкомъ по взгляду на любовь и по точному описанію чувства, которое свидѣтельствуетъ о глубокомъ интересѣ этого перваго гуманиста къ своему внутреннему міру. При чемъ же тутъ деньги и экономическіе факторы, о которыхъ любятъ распространяться нѣкоторые историки, считающіе себя очень дальновидными, въ дѣйствительности же близорукіе? Другой гуманистъ, Боккаччіо, отличался художественностью и индивидуалистическими стремленіями, онъ занимался древними писателями, старался слить античныя традиціи съ средневѣковой культурой. Трудно найти связь между гуманистами и потребностями желудка и эпоху возрожденія никоимъ образомъ нельзя объяснить экономическими причинами. П. В.

Н. А. Рубакинъ. Вреди книгъ. Т. II. Спб. 1913. Книгоиздательство «Наука».
Стр. 917. Цѣна 4 р.

При появленіи перваго тома труда г. Рубакина спеціальная критика довольно единодушно отмѣтила въ немъ довольно крупные недостатки, какъ самаго плана, такъ и исполненія. Отъ этихъ недостатковъ не свободенъ и второй томъ этой работы, посвященный библиографіи исторіи, религіи и церкви, наукамъ юридическимъ и политико-экономическимъ. Недостатки эти зависятъ прежде всего отъ того, что авторъ совершенно неясно представляетъ себѣ цѣль своего труда. Судя по длиннымъ спискамъ книгъ, далеко, впрочемъ, не исчерпывающимъ литературу той или другой отрасли знаній, передъ нами работа библиографическая. Но передъ каждымъ отдѣломъ, на которые авторъ подѣлил всю доступную ему книжную наличность, мы находимъ родъ введенія, въ которомъ г. Рубакинъ даетъ очеркъ общихъ понятій и характеристику научныхъ теченій въ той или другой области знаній, рекомендуетъ для прочтенія однѣ книги, критикуетъ—другія. Эти введенія придаютъ его работѣ характеръ какихъ-то программъ для самообразованія. Но авторъ раздвигаетъ и эти рамки и по временамъ прямо вмѣшивается въ процессъ чтенія, проводя извѣстную тенденцію. «Авторъ—убѣжденный конституціоналистъ,—пишетъ онъ во введеніи къ «Строю политическому» (стр. 446),—стремится дать нѣчто большее, чѣмъ простую классификацію конституціонныхъ государствъ (чѣмъ, замѣтитъ отъ себя, и ограничился бы библиографъ, даже самый тщательный). Его задача дать матеріаль, который позволилъ бы предугадывать господствующіе процессы, совершающіеся въ данномъ государствѣ, и показать, какія учрежденія обетшали и какія способны къ развитію». Третья, стало быть, цѣль книгъ—чоспитать читателя въ духѣ опредѣленнаго политическаго направленія.

Такія разнородныя цѣли не могутъ, конечно, содѣйствовать стройности изданія, ибо каждая изъ нихъ требуетъ для своего достиженія особыхъ, другъ съ другомъ не вяжущихся приѣмовъ. Отсутствію стройности вредитъ и принятый авторъ планъ классификаціи книгъ. Путая классификацію практическую съ классификаціей научной, т. е. классификацію книгъ, какъ отраженія всей духовной дѣятельности человѣка, съ классификаціей самыхъ наукъ, являющихся продуктомъ дѣятельности одного человѣческаго разума, г. Рубакинъ взялъ въ основу своего труда классификацію наукъ Конта, воображая, что этимъ онъ придастъ своему труду строго научный характеръ. На самомъ дѣлѣ онъ создалъ только путаницу, при которой разысканіе въ его трудѣ той или иной книги дѣлается иногда совершенно невозможнымъ. вмѣсто, напримѣръ, обычнаго дѣленія литературы по наукамъ юридическимъ, политико-экономическимъ и социально-общественнымъ, онъ дѣлитъ весь относящійся сюда матеріалъ по «строямъ». Напримѣръ, строй политической и юридической, куда входятъ, попросту говоря, государственное и административное право («строй политической») и гражданское право и судопроизводство («строй юридической»). Не зная, куда дѣвать сборники законовъ и административныхъ распоряженій, авторъ притыкаетъ ихъ къ судебному краснорѣчію. Спротливо и не къ мѣсту стоитъ у него и международное право, помѣщенное почему-то вслѣдъ за самоуправленіемъ. Философія, энциклопедія и пропедевтика права стоятъ у него не въ началѣ юридическаго отдѣла, а въ самомъ его концѣ. Вообще, г. Рубакинъ, вопреки собственному стремленію къ научности, перевертываетъ науку задомъ напередъ и торопится дать своему читателю послѣднее слово современности. Такъ, отдѣлъ русскаго государственнаго права классифицированъ у него въ такомъ порядкѣ: Россія конституціонная. Потомъ Россія доконституціонная, самодержавная, потомъ исторія русскаго права XIX вѣка, потомъ та же исторія XVIII вѣка и такъ далѣе.

Въ самыхъ подраздѣленіяхъ отдѣловъ у г. Рубакина постоянная путаница. Возьмемъ для примѣра хотя бы такой строго опредѣленный отдѣлъ, какъ уголовное право. У него сначала идетъ рубрика «Уголовное право въ связи съ ученіемъ о преступности». Кончается эта рубрика судоустройствомъ уголовнымъ и гражданскимъ и какимъ-то «судебнымъ правомъ». Далѣе идетъ перечисленіе разныхъ видовъ наказаній, а слѣдующій подотдѣлъ озаглавленъ: «Адвокатура, прокурорскій надзоръ. Судебное краснорѣчіе». Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же отдѣлъ судоустройства и судопроизводства у него разорванъ вставкою перечисленія видовъ наказаній на двѣ части. Примѣровъ такой искусственности сколько угодно.

Изъ недостатковъ исполненія отмѣтимъ прежде всего недостаточное знакомство автора съ книгами со стороны ихъ содержанія, вслѣдствіе чего извѣстная книга по русскому фольклору «Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» оказывается въ отдѣлѣ «Исторія Восточной церкви» и въ подотдѣлѣ «Религія славянъ до принятія христіанства». Не менѣе всѣмъ извѣстная старая книга Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ вліяніи Византіи» попала въ отдѣлъ «Низшее народное образованіе». Милль «О свободѣ» отнесена къ церковному праву. Книгу Эйтхала «Токвиль и либераль-

ная демократія», а также работу Яковенко о Карлейлѣ надо искать почему-то въ отдѣлѣ «Методъ историческихъ наукъ». Извѣстная переизвѣстная брошюра аббата Сійэса «Что такое третье сословіе» нашла себѣ мѣсто въ отдѣлѣ... «Рабочій вопросъ», а затѣмъ повторена въ отдѣлѣ «Торговля и промышленность». Эту выписку можно продолжать безъ конца.

Есть въ книгѣ не мало и прямыхъ искаженій. Для примѣра укажемъ на стр. 584, гдѣ значатся: «Зебергъ. Очеркъ финансовой науки» и нѣсколько ниже: «Ээбергъ «Основы финансовой науки». Въ дѣйствительности обѣ книги принадлежатъ одному лицу, которое называется Ээбергъ. На слѣдующей страницѣ указана книга Митицкаго «Неравномѣрность обложенія и способы устраненія ея», тогда какъ авторомъ книги подъ этимъ заглавіемъ является не Митицкій, а Мирецкій. Но скучно выписывать всѣ эти промахи!

Замѣтимъ только въ заключеніе, что желаніе руководить читателемъ въ извѣстномъ направленіи заставляетъ автора жертвовать полнотою своего труда и выкидывать вещи, ему неудобныя. Такъ, въ отдѣлѣ печати указана исторія цензуры Скабичевского и нѣтъ аналогичной работы Энгельгардта. Въ отдѣлѣ социализма положительно нельзя найти ни одной книжки, ни старой, ни новой, которая трактовала бы социализмъ съ отрицательной точки зрѣнія.

А. В.

А. А. Суворинъ—Алексѣй Порошинъ. Дуэльный кодексъ. Спб. Книгоиздательство «Новый Человѣкъ» (Эртелевъ пер., 6). Стр. V+270. Цѣна въ перепл. 1 р. 80 к.

А. А. Суворину пришлось, по его словамъ, «однажды принять вызовъ на дуэль, узнать и видѣть во время переговоровъ многое, обыкновенно таящееся». Поэтому онъ «хотѣлъ бы, чтобы его опытъ былъ полезенъ другимъ, научилъ ихъ не быть легковѣрными, но твердо и неуступчиво защищать право своей чести, право своей личности, вспоминая во время, что «пападеніе—лучшая защита».

Изложенію правилъ кодекса предпослано небольшое введеніе, гдѣ авторъ высказываетъ кратко и ясно нѣсколько общихъ трезвыхъ и здравыхъ мыслей о сущности поединка, какъ, на примѣръ: «Третейскій судъ, конечно, лучше дуэли. Но дуэль лучше самосуда». «Переговоры до дуэли—главнѣйшая часть дуэли. Правъ Лабори, говоря: «на дуэляхъ убиваютъ не острія шпага и не пули пистолетовъ, но ошибки секундантовъ...» «Каждый дуэлянтъ, какъ и каждый секундантъ долженъ помнить, что порвать жизнь другого человѣка—преступленіе противъ Божескаго Духа и высшее несчастье, которое можетъ на землѣ выпасть человѣку».

Самый кодексъ раздѣленъ на десять главъ въ 576 параграфахъ. Наиболѣе подробно изложены главы III («Оскорбленія»), VII («Секунданты») и X («Осуществленіе дуэли»). Въ приложеніяхъ даны четыре образца протоколовъ (совѣщанія секундантовъ, условій боя на пистолетахъ и на шпагахъ и самаго боя). Изложеніе правилъ кодекса, вполне соответствуя предмету его, строго точное, сжатое и дѣловитое. Въ особомъ добавленіи «Вслѣдъ книгъ» А. А. Суворинъ,

пользуясь почти исключительно официальными документами, излагаетъ, въ качествѣ примѣра того, «какъ иногда дуэль происходитъ въ жизни», свое столкновение съ генералъ-лейтенантомъ Е. И. Мартыновымъ и крайне тягостныя обстоятельства грубаго и вѣроломнаго нападенія Мартынова на автора.

Прочитавъ эту крайне грустную исторію, нельзя не согласиться съ А. А. Суворинымъ, который называетъ нашу общественность «сумеречною» и признаетъ, что «въ нашемъ обществѣ совсѣмъ рядомъ живутъ люди, стоящіе на разныхъ полюсахъ культуры».

Л. Л.

Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 гг.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ. Исполнено К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. Біографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Гнѣдича. Воспоминанія профессора И. Е. Рѣпина. 22 таблицы. М. 1914. Ц. 5 р. въ папкѣ.

А. А. Киселевъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ членовъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Ежегодно картины его красовались у передвижниковъ и объѣзжали всю Россію! Онъ былъ врагомъ безпринципности въ искусствѣ и нападалъ на нее беспощадно. Въ своихъ воспоминаніяхъ г. Рѣпинъ пишетъ: «Можно подумать, что такой строгій принципалъ былъ суровъ и сучень,—ничуть не бывало! Его пейзажи цѣльны и просты, при всей строгости реальной правды. Его картины имѣютъ въ себѣ нѣчто молодое, неувадаемое... Художникъ объективенъ и съ одинаковой любовью восторженно поетъ красками и мимо движущуюся рѣчку между камышами самой скромной мѣстности, и роскошный Кавказъ, и ледники;—ездѣ онъ правдивъ и производитъ освѣжающее впечатлѣніе самой природы—нашей любвеобильной матери-кормилицы, поиллицы»... Далѣе онъ говоритъ, что когда пройдетъ «эпидемія идиотизма, дикой безвкусицы и бездушія кубистовъ и футуристовъ»,—благородныя, изящныя картины Киселева будутъ цѣниться очень высоко.

Альбомъ полно рисуетъ намъ дѣятельность покойнаго художника. Имя Фишера говоритъ за то, что всѣ снимки съ картинъ воспроизведены художественно и напечатаны прекрасно. Особенно хорошо вышли большіе снимки, занимающіе всю страницу въ альбомѣ, изданномъ въ форматѣ большого in quarto.

Н.

А. И. Куинджи. Біографія-характеристика. Текстъ Невѣдомскаго. Спб.

Извѣстно, что свое миллионное состояніе покойный А. И. Куинджи завѣщалъ обществу своего имени. И возникновеніе, и дѣйствія этого общества весьма странны, и никакъ нельзя уловить его фізіономію. О крымскихъ земляхъ, предоставленныхъ художникомъ обществу, что-то не слышно. Выставка его произведеній, устроенная весной текущаго года въ академіи, не отличалась ни умѣlostью, ни художественнымъ вкусомъ устроителей. Альбомъ, выпущенный обще-

ством по подпискѣ, долженствующій дать полную характеристику Куинджи и его произведеній, отличается той же блѣдностью и неумѣлостью распорядиться бывшимъ въ рукахъ у издателей матеріаломъ, какимъ отличалась и посмертная выставка. Въ текстѣ много претензій и туманныхъ фразъ, но очень мало дѣла. Красочные снимки съ картинъ исполнены заведеніемъ Вильборга и Голике прекрасно. Хорошо напечатаны и черные рисунки текста. Но во всемъ изданіи господствуетъ какая-то безнадежная безвкусица. Цѣна альбома—десять рублей по подпискѣ—тоже ничѣмъ не можетъ быть оправдана. **Р.**

В. П. Авенаріусъ. На Парижъ! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 гг. Съ 12 картинами художника Н. Н. Болдырева. Изданіе книжного магазина П. В. Луковникова. Спб. 1914. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Новая историческая книга для юношества В. П. Авенаріуса представляетъ собою какъ бы продолженіе выпущенной тѣмъ же авторомъ въ прошломъ году книги «Среди враговъ», въ которой описывается Отечественная война 1812 года. Повѣствованіе ведется въ формѣ дневника юноши-добровольца, совершившаго вмѣстѣ съ русскими войсками походъ на Парижъ сначала въ качествѣ юнкера и затѣмъ добившагося, благодаря своей храбрости и расторопности, чина подпоручика и высшаго боевого военного ордена. Авторъ очень умѣло и удачно связываетъ дѣйствительные историческіе факты съ вымышленными событіями бытового и романическаго характеровъ, что придаетъ фабулѣ его романа большую гибкость, подвижность и сильно способствуетъ увеличенію интереса. Герой его романа сталкивается во время похода со многими выдающимися дѣятелями тогдашней бурной эпохи, участвуетъ во многихъ замѣчательныхъ бояхъ кампаніи 1813—1814 гг. и все это тщательно заноситъ въ свой дневникъ на ряду съ описаніемъ различныхъ любопытныхъ бытовыхъ черточекъ, всевозможныхъ дорожныхъ столкновеній, приключеній и т. п. Изъ портретовъ тогдашнихъ историческихъ личностей особенно ярко и выпукло нарисованы партизанъ Денисъ Давыдовъ, знаменитый донской атаманъ Платовъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, составившій на свои личныя средства собственный казачій полкъ изъ своихъ крѣпостныхъ, прославившійся на войнѣ своими пьянствомъ, безчинствами и грабежами, почему скоро мамоновцевъ стали называть «мамаевцами». Въ характеристикѣ офицерства совершенно не затронутъ вопросъ о томъ, какъ повліялъ походъ за границу на русскую молодежь и какое впечатлѣніе произвели на нее тамошніе порядки, люди и обычаи. Книга Авенаріуса написана очень живо, фабула ея занимательна, изобилуетъ множественностью неожиданныхъ положеній, языкъ ярокъ, соченъ и стиль эпохи сохраняется. Вѣднность изданія вполне удовлетворительна.

Д. М.

В. В. Шульгинъ. Приключенія князя Воронежскаго. Изданіе in 4°, безъ обозначенія мѣста и времени печатанія.

По внѣшности изданія не подлежитъ сомнѣнію, что это даже не переверстанные столбцы фельетоновъ какой-нибудь провинціальной газеты, вѣрнѣе всего кievской,—отсюда обиліе пробѣловъ, въ видѣ пустыхъ страницъ.

Очень жаль за романъ, что его внѣшность и неизвѣстность изданія обрекаютъ его на малую распространенность.

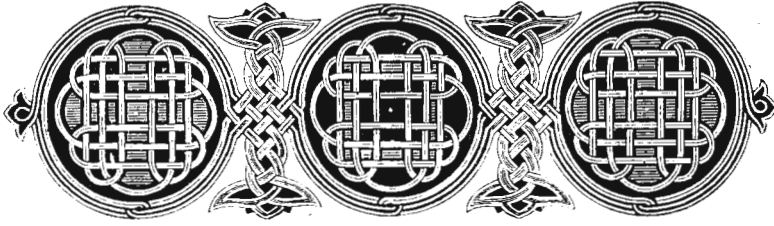
Русскому читателю съ легкой руки Горькаго и Л. Андреева въ достаточной мѣрѣ набили оскомину всяческія пакостничества, обильно расточаемыя Купринными, Арцыбашевыми, Ѳ. Сологубами, Каменскими, Бѣлыми и пр., подъ предлогомъ истиннаго реализма и жизненной правды.

Поэтому чѣмъ-то совершенно необычайнымъ, свѣтлымъ и поэтичнымъ вѣетъ со страницъ романа В. В. Шульгина. Это—horribile dictu!—романъ историческій изъ исторіи Юго-Западнаго края XVI вѣка, напоминающій нѣсколько по своей фактурѣ романы Сенкевича и посвященный описанію борьбы южно-русскаго элемента съ польскими завоевателями. Романъ написанъ съ большимъ знаніемъ исторіи Юго-Западнаго края, и намъ думается, что историческою подоплекою своего произведенія авторъ обязанъ своему соименнику—историку В. Шульгину, профессору кievскаго университета, основателю газеты «Кievлянинъ» и знатоку судебъ Юго-Западнаго края. Романъ этотъ принадлежитъ къ типу романовъ *de sere et d'érée*, описываетъ приключенія обѣднѣвшаго потомка знатнаго южно-русскаго рода, ведущаго свое родословіе отъ Владимира Красное Солнышко. Получивъ образованіе въ Западной Европѣ въ итальянскихъ и парижскомъ университетѣ, юный князь по дорогѣ домой къ отцу попадаетъ въ гущу столкновеній между іерархомъ русскою православной церкви и неистовствующими насильниками поляками. Оказывая чудеса храбрости, князь Воронежскій—истый Баярдъ—вовлекается, благодаря увлеченію одною очень не щепетильною панночкою, въ борьбу между наслѣдниками князя Андрея Курбскаго съ Гедройцами и Фирлеемъ, такъ какъ къ нимъ перешли маіонтики, которыми былъ поверстанъ Андрей Курбскій на ленномъ правѣ; очень картинно описывается весь ужасъ наѣздовъ, т. е. частныхъ войнъ, которыя губили состоянія и будущность юго-западныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ. Въ концѣ концовъ князь Воронежскій, тяжело раненый, попадаетъ на попеченіе сиротки-дѣвушки, живущей у старика монаха, носителя русскаго знатнаго имени, сиротливо доживающаго свой вѣкъ въ оградѣ полуразрушеннаго русскаго монастырка, пріютившагося на островкѣ.

На выздоровленіи князя и сборакъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ и оставливается романъ, который неминуемо долженъ имѣть продолженіе.

Романъ написанъ съ теплымъ поэтическимъ чувствомъ, очень талантливо и съ большимъ знаніемъ исторіи, быта эпохи и даже ея языка, на которомъ излагается переписка между дѣйствующими лицами.

В. Ш.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Гончаровъ и его хандра.—Новыя письма Тютчева къ женѣ.—Русскій валтасаровъ пиръ въ канунъ Севастополя.—Придворный обрядъ крестинъ при русскомъ дворѣ.—Французскій дипломатъ о русскыхъ правахъ временъ Екатерины.—Чудачества Суворова на войнѣ и дома.—Потемкинъ передъ императрицей и подчиненными.—«Очи» и «уши» Екатерины.—Императоръ Павелъ въ Павловскѣ.—Оправданіе легендарнаго архіерея.—Подъ желѣзнымъ посохомъ Смарагда Крыжановскаго.—Исторія и басня.—Прямой путь Смарагда и его псеудобство въ синодѣ.—Игра на владычной выпыльчивости.—Новое въ «Русскомъ Архивѣ».—«Старые Годы», «Русскій Библиофилъ» и «Софія».—Профиль Петра Великаго на новомъ портретѣ.—Затерянный художникъ Зиновій Ивановъ.

ПРѢЛЬСКАЯ книжка «Русской Старины» и послѣдняя восемнадцатая книга историческаго сборника «Старина и Новизна» принесли новыя листки писательской переписки. Первая—Гончарова, вторая—Тютчева.

Письма Гончарова къ извѣстному цензору Никитенку, хотя относятся еще ко времени изданія «Обрыва», отмѣчены уже тѣмъ характернымъ брюзжаніемъ Гончарова, какое отличаетъ письма всей второй половины его жизни. Ничто его не веселитъ, ничто не занимаетъ—ни за границей, ни въ Россіи. Ему всюду холодно, онъ «рветъ и мечетъ», проклиняетъ день своего рожденія и, напоминая обозленную старую дѣву, можетъ ласково думать только... о своей «доброй», преданной Мимишкѣ—собачонкѣ, очень имъ любимой и сопровождавшей его повсюду. Рулетка его не развлекала.

«Я хожу повѣся носъ, ничего не дѣлаю и не буду дѣлать, и выйду ли когда-нибудь изъ своего бездѣйствія и нравственно-умственнаго разлада,—не знаю. Сомнѣваюсь. Иногда заходилъ на рулетку, видѣлъ жадную толпу и тоже машинально ставилъ луидоръ и то выигрывалъ, то проигрывалъ. Выигралъ фран-

ковъ триста, а проигралъ пятьсотъ, т. е. двѣсти своихъ, и бросилъ. Но видѣлъ, какъ свѣтлѣйшая Суворова мечеть груди золота, и другіе русскіе и англичане; видѣлъ, какъ герой земскаго дѣла, удаленный на время изъ отечества, графъ Шуваловъ, сорвалъ банкъ два раза и выигралъ болѣе ста двадцати тысячъ франковъ, проигравъ, говорятъ, въ Парижѣ пятьсотъ тысячъ; видѣлъ нѣкоторыхъ русскихъ и не русскихъ, выходящихъ оттуда, поджавши хвосты. Одинъ попросилъ у меня три луидора, говоря, что все проигралъ, и что ѣсть нечего и, когда я далъ, онъ проигралъ и ихъ, а потомъ пришелъ опять просить, опять ссылаясь на голодъ. Я расхохотался».

Волѣзненная подозрительность и недовѣріе къ людямъ, какія біографы Гончарова въ послѣднее время объясняли чертами чисто-наслѣдственнаго психоза,—мѣшали творцу «Обломова» радостно принимать отъ жизни и тѣ рѣдкія улыбки судьбы, какія все-таки попадали на его долю. Даже и въ красивомъ поэтическомъ движеніи русской женщины, желавшей поблагодарить его, очевидно, за художественныя наслажденія, Гончаровъ готовъ былъ видѣть какой-то подвохъ, саркастическую выходку литературнаго пріятеля. Изъ Киссингена кака-то добрая женская душа шлетъ ему свой привѣтъ, Гончаровъ не вѣритъ.

«Розъ нигдѣ я лучше и больше не видалъ, какъ здѣсь, и даже три дня сряду чья-то рука присылаетъ мнѣ по букету оныхъ «вмѣсто лавровъ», какъ сказано въ вложенной въ букетъ записочкѣ «отъ русской женщины». Но я и то боюсь, не рука ли это какого-нибудь шутника-мужчины, которая мистифицируетъ меня, какъ на маскарадѣ, и на променадѣ все пытливо вглядываюсь то въ ту, то въ другую русскую женщину, но ничего не угадываю. Пусть же ихъ шутятъ: если это и смѣхъ, то смѣхъ граціозный, благоуханный. Пусть ихъ смѣются».

Не лишены интересныхъ блесковъ письма Ф. И. Тютчева къ его второй женѣ, баронессѣ Пфеффель. Они начинаются 40-мъ годомъ, годомъ благополучнаго странствованія Тютчева за границей, и доходятъ до 1853 г., когда ему пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ европейское коварство втягивало Россію въ войну. Въ качествѣ придворнаго человѣка, Тютчевъ могъ близко наблюдать настроенія, господствовавшія въ русской дипломатіи въ самый канунъ войны, и эта записка его необыкновенно характерна. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ, въ самый канунъ войны, знали о неумолимо надвигающемся событіи столько же, сколько зналъ намѣстникъ Дальняго Востока въ вечеръ пресловутаго бала о предстоящемъ прободеніи суденъ.

«Ахъ, въ какой я странной средѣ живу. Бьюсь объ закладъ, что въ день страшнаго суда въ Петербургѣ найдутся люди, дѣлающіе видъ, что не подозреваютъ этого. Вотъ, однако, что кажется достовѣрнымъ: князь Горчаковъ только что получилъ отъ турокъ требованіе очистить княжества какъ можно скорѣе. Это, конечно, было бы очень смѣшно, если бы не было началомъ чего-то столь важнаго и роковаго, что никто изъ живущихъ теперь не въ состояніи рассчитать или опредѣлить его значеніе».

«Я только-что вернулся изъ Царскаго, куда ѣздилъ за новостями, но все, что мнѣ удалось узнать,—это очень интересныя подробности отъ вертящихся и пишущихъ столовъ; и, повидимому, только они и занимаются текущими событіями, потому что столъ, отвѣчая на мой вопросъ, написалъ самымъ лучшимъ почеркомъ, что будущій четвергъ появится манифестъ, объявляющій войну.

«И такъ вотъ два важныхъ вопроса, которые разомъ разрѣшатся самое позднее черезъ пять дней: во-первыхъ, вопросъ о войнѣ, а затѣмъ о томъ, правду ли говорятъ столы... Здѣсь, т. е. во дворцѣ, разумѣется, безалаберность, равнодушіе, застой въ умахъ прямо феноменальный.

«Можно сказать, что всѣ эти люди такъ же способны оцѣнить событія, готовящіяся перевернуть міръ, какъ мухи на трехпалубномъ кораблѣ могутъ чувствовать его качку. Къ счастью, все это только пѣна, плавающая на поверхности, и, такъ или иначе, мы скоро увидимъ то, что скрывается на днѣ».

Въ качествѣ придворнаго, поэту иногда приходилось быть свидѣтелемъ церемоній, недоступныхъ простому смертному.

«Я ѣздилъ,—разсказываетъ Тютчевъ женѣ,—въ Царское дежурить при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ на церемоніи крестинъ новорожденнаго ребенка цесаревны... На этотъ разъ дежурство, которое мнѣ пришлось нести, было менѣе компрометирующимъ, чѣмъ выпавшее мнѣ на долю нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при подобномъ же случаѣ, когда я имѣлъ честь служить великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ на ея бракосочетаніи съ вюртембергскимъ королевскимъ принцемъ.

«Мнѣ пришлось только присутствовать съ сотней другихъ камергеровъ на церемоніи, на которой великая княгиня была крестной матерью. Она очень граціозно исполнила свои обязанности и особенно была привлекательна во время хожденія вокругъ купели, причемъ крестная мать несетъ ребенка на рукахъ. Государь былъ крестнымъ отцомъ.

«Послѣ церемоніи крестинъ была обѣдня и молебень, и дѣйствительно захватывающее великолѣпіе митрополичьей службы, при пѣніи придворныхъ пѣвчихъ, утѣшило бы тебя въ убожествѣ нашей бѣдной греческой церкви въ Мюнхенѣ. По принятому обычаю, при крещеніи молитвы поются вполголоса—*sotto voce*, и эта умѣренная и какъ бы приноровленная къ слабости новорожденнаго гармонія, эти красивые и полные голоса императорской капеллы, все это очень трогательно. Всѣ почувствовали также нѣкоторое волненіе,—но музыка была тутъ ни при чемъ,—въ тотъ моментъ обѣдни, когда церковь, вознося свои молитвы за государя, просить для него: «На враги же побѣду и одолѣніе...», въ публикѣ ходили неясныя слухи, что наканунѣ пріѣхалъ курьеръ изъ Лондона, который привезъ извѣстія, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что обѣ западныя державы готовы стать во враждебное положеніе относительно насъ. Наружность государя, котораго я видѣлъ въ десяти шагахъ отъ меня, выражала спокойствіе и достоинство, но чувствовалось, что онъ молится, и онъ особенно истиво крестился каждый разъ, когда произносилась молитва за «христіанлюбивое воинство».

Въ той же «Старинѣ и Новизнѣ» увлекательны «Записки графа Рожера Дама» (*Damas*), посѣтившаго Россію во дни Екатерины и Павла и съ недоумѣніемъ истаго европейца воспріявшаго и описавшаго своеобразнѣйшіе русскіе

нравы и русских оригиналовъ на министерскихъ и фельдмаршальскихъ постахъ. Не одинъ историкъ быта и нравовъ Екатерины могъ бы пожалѣть, что записки Дама не были въ его распоряженіи. Своимъ тономъ записки производятъ доброе впечатлѣніе. Какъ ни поражено было воображеніе культурнаго иноземца, онъ нашель въ себѣ достаточно уваженія къ обычаямъ своеобразной страны, конечно, имѣющей всѣ права быть самобытной, и дневникъ чуждъ того противнаго высокомерія «европейца передъ скинами», какимъ грѣшатъ мемуары большинства иностранныхъ путешественниковъ по старой Россіи.

Особенно колоритны вышли у Дама портреты Суворова и Потемкина, которые онъ зарисовываетъ по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ. Вотъ, напримеръ, характерный разсказъ о первой явкѣ французскаго офицера къ генеральному чудаку.

«Генераль Суворовъ спалъ, когда я присталь, и такъ какъ я не могъ его видѣть и передать ему имѣвшееся у меня для него письмо, я тутъ же велѣлъ мимъ стрѣлкамъ высаживаться на берегъ и разбить палатки, самъ же заперся въ своей и спокойно усѣлся писать, велѣвъ сообщить мнѣ, когда проснется генераль.

«Я не видѣлъ генерала Суворова и не зналъ его; я не безъ волненія размышлялъ о минутѣ, когда мнѣ придется представиться ему, и былъ весь занятъ этой мыслью, какъ вдругъ въ мою палатку совершенно просто вошелъ человекъ въ сорочкѣ и спросилъ меня, кто я такой. Я отвѣтилъ ему и прибавилъ, что ожидаю пробужденія генерала Суворова, чтобы отнести ему письмо, данное мнѣ принцемъ Нассау, когда онъ отправлялъ меня подъ команду его.

«— Я очень радъ,—отвѣтилъ онъ,—познакомить васъ съ нимъ. Это я. Не правда ли, я держусь безъ чиновъ?

«Его манеры меня настолько же удивили, какъ и его одежда. Увидѣвъ, насколько меня смутило его странное появленіе, онъ сказалъ мнѣ:

«— Оправьтесь и не беспокойтесь. Кому вы писали, когда я вошелъ?

«Между тѣмъ я замѣтилъ, что съ генераломъ въ сорочкѣ чувствуешь себя легче, поэтому отвѣтилъ ему просто, что пишу сестрѣ и надѣюсь, что принцу Нассау на слѣдующій день представится случай послать мое письмо въ Елисаветградъ, откуда оно пойдетъ по адресу.

«— Не принцъ Нассау, а я отправлю его,—отвѣтилъ онъ:—но я ей тоже напишу.

«Онъ взялъ бумагу и перо, сѣлъ на табуретъ и написалъ сестрѣ моей письмо въ четыре страницы (!), содержанія котораго я никогда не узналъ, но она, однако, получила его одновременно съ моимъ письмомъ, не понявъ и половины, какъ она мнѣ впоследствии сказала. Когда мы сдѣлали конверты и запечатали письма, онъ всталъ и ушелъ, унося письма съ собою, а я проводилъ его до дому. Черезъ нѣкоторое время онъ меня отпустилъ, сказавъ, что извѣститъ меня завтра о томъ, что мнѣ дѣлать, и предупредилъ, что всегда обѣдаетъ въ шесть часовъ и желаетъ, чтобы я нигдѣ больше не обѣдалъ, какъ у него.

«Ровно въ шесть часовъ, въ тотъ же вечеръ, я явился къ обѣду.

«— Вы, конечно, ошиблись, monsieur,—сказалъ мнѣ флигель-адъютантъ:—его превосходительство обѣдаетъ въ шесть часовъ утра (!), а теперь онъ спитъ.

«И онъ указаль мнѣ соломенный шалашъ на берегу моря, единственную комнату генерала. Эти два приключенія, происшедшія одно за другимъ, подали мнѣ мысль,—сознаюсь въ этомъ,—что я имѣль дѣло съ сумасшедшимъ, и тогда я живо вспомнилъ намекъ принца Нассау на то, что Суворовъ предложить мнѣ возможность быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ. Тѣмъ не менѣе, будучи расположенъ скорѣе смѣяться, чѣмъ печалиться, я пошелъ провѣдать свой маленькій отрядъ и рано отправился спать.

«На слѣдующій день, ровно въ шесть часовъ я былъ у генерала. Онъ встрѣтилъ меня вприпрыжку, съ распростертыми объятіями, заставилъ меня проглотить рюмку вина, которое обожгло мнѣ гортань и желудокъ, и, выпивъ самъ съ такими гримасами, отъ которыхъ выкинула бы маркитантка, подвелъ меня къ столу, накрытому на 15—20 персонъ и усадилъ меня рядомъ.

«На столѣ передъ гостями стояль супъ съ огурцами, корешки, зелень, лукъ и телячьи и куриныя кости плавали въ большой оловянной чашкѣ и представляли моему аппетиту самые ужасныя виды. Тѣмъ не менѣе я ѣлъ все, чтобы не показать пренебреженія, которое, безъ сомнѣнія, не понравилось бы генералу, втайнѣ надѣясь, что кусокъ жаркого вознаградитъ меня за мою жертву. Однако я совершенно потеряль эту надежду, когда увидѣль блюдо изъ пискарей, сваренныхъ въ водѣ и такихъ же бѣлыхъ, какими они бываютъ при жизни. Это блюдо было облагорожено двумя маленькими морскими рыбами средней величины, сваренными въ томъ же соусѣ. Третье блюдо состояло изъ яблокъ и лѣсныхъ плодовъ и должно было дать намъ понять, что трапеза окончена.

Дѣйствительно, генераль всталъ, повернулся къ образу и осѣнилъ себя нѣсколько разъ крестнымъ знаменіемъ, быстро и часто кланяясь. Я долженъ признаться, что считаль себя въ правѣ не благодарить. Когда я въ этомъ погрѣшаю, это случается по забывчивости, но, ей-Богу, на этотъ разъ я не обязанъ быть благодарить; онъ ничего не сдѣлаль для меня, и я всталъ изъ-за стола еще болѣе голодный, чѣмъ когда я садился за столъ».

Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ Дама даетъ любопытное объясненіе нѣкоторымъ изъ воинскихъ неудачъ русскаго генералиссимуса.

«7-го было новое дѣло на лѣвомъ крылѣ, стоявшемъ подъ начальствомъ Суворова. Турки сдѣлали вылазку на эту часть. Послѣ обѣда Суворовъ былъ пьянъ. Онъ атаковаль турокъ и безъ всякаго порядка и мѣръ предосторожности преслѣдовалъ ихъ до самыхъ окоповъ, гдѣ былъ встрѣченъ такимъ градомъ артиллерійскаго и мушкетнаго огня, что потеряль много народу. Онъ сталъ отступать. Турки все время съ успѣхомъ преслѣдовали его и изрубили большое количество лучшаго его войска».

Потемкинъ поразилъ впечатлительность француза ничуть не меньше. Но не замалчивая его тяжелыхъ сторонъ и капризовъ, Дама отдаетъ полную справедливость превосходнымъ качествамъ его мало дисциплинированнаго, однако, бесспорно, выдающагося ума.

Потемкинъ, по его отзыву, работаль съ легкостью и былъ находчивъ во время развлеченія, однако могъ казаться пустымъ человѣкомъ. Одновременно бываль онъ занятъ различными предметами и одновременно отдаваль самыя раз-

нообразныя приказанія. Такъ, онъ вмѣщаль въ своей головѣ проектъ разрушенія Оттоманской имперіи рядомъ съ проектомъ возведенія дворца въ Петербургѣ, или проектъ измѣненія формы всей арміи и приказаніе приготовить корзину съ цвѣтами для своихъ племянницъ. И между тѣмъ никогда его мысли не перепутывались, и онъ не приводилъ въ замѣшательство тѣхъ, кому онъ ихъ излагалъ.

Щедрая пышность потемкинскаго уклада жизни очаровала даже Дама, выдавашаго виды на своей родинѣ.

«Въ продолженіе двухъ недѣль, которыя мы провели у Потемкина, величайшая роскошь, лучшіе концерты, подъ управленіемъ Сарти, любовь, свиданія—чередовались съ отдыхомъ. Ежеминутно я знакомился съ какою-нибудь особенною азіатскою странностью князя. Ничто ни въ его развлеченіяхъ, ни въ его господствѣ—не слѣдовало обычаямъ моей родины. Для меня все было ново, и все было одно очарованіе и блаженство. Его неограниченное могущество, его поступки возбуждали постоянный интересъ, приковывали вниманіе. Если бы я углублялся въ нихъ, какъ философъ, я призналъ бы ихъ неудобными, но такъ какъ я ничего не могъ исправить, то мнѣ оставалось только наблюдать и пользоваться. Онъ перемѣщаль губернаторства, разрушалъ городъ, чтобы основать его въ другомъ мѣстѣ, образовывалъ колоніи или учреждалъ что-нибудь, измѣняялъ управленіе губерній черезъ полчаса послѣ назначенія бала или праздника. Однимъ словомъ, этотъ странный, но превосходный человѣкъ всему удовлетворялъ, обнималъ одновременно важнѣйшія дѣла и развлеченія юности. Я обязанъ ему самыми поучительными и самыми пріятными минутами моей жизни».

Характеръ отношеній всесильнаго фаворита къ самой монархинѣ не могъ, конечно, укрыться отъ наблюдательнаго иностранца, да и самъ князь выказывалъ ихъ съ тою открытостью, для которой Дама понадобилось рѣзкое слово.

«Чтобы обозначить степень его наглости, я долженъ сказать, что однажды утромъ князь, принимая вельможъ двора, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, въ то время, когда вставалъ, явился среди нихъ,—у всѣхъ ленты были поверхъ мундира,—въ большомъ халатѣ, подъ которымъ не было брюкъ. Въ это время камердинеръ императрицы пришелъ сказать ему нѣсколько словъ на ухо. Онъ тотчасъ же запахнулъся, поклономъ отпустилъ всѣхъ и, проходя въ дверь, которая вела въ собственные покои императрицы, отправился къ ней... въ этомъ простомъ одѣяніи...»

Естественно, что со всѣмъ остальнымъ міромъ князь чинился еще менѣе. Вотъ одна изъ его злыхъ выходокъ съ извѣстнымъ графомъ Сегюромъ.

«Мнѣ пришлось какъ-то при одномъ обстоятельстве видѣть, какъ князь страннымъ и шутливымъ образомъ отмстилъ графу Сегюру за кое-какіе дипломатическіе его поступки. У него было совѣщаніе съ графомъ, которымъ онъ остался недоволенъ. Отношенія обоихъ дворовъ не могли быть прямыми; они касались того, чтобы Франція повліяла на Австрію въ смыслѣ увеличенія усилій противъ турокъ, или чтобы она вредила имъ, пользуясь своими коммерческими отношеніями. Но на этотъ разъ графъ Сегюръ плохо отвѣтилъ или плохо затуманилъ свой отвѣтъ, и князь былъ очень раздосадованъ. Онъ велѣлъ

своему шуту (по старинному обычаю они существовали въ Россіи еще во многихъ домахъ) пересмѣять его. Шутъ сначала очень ловкимъ образомъ увѣрилъ Сегюра, что умѣетъ угадывать самыя секретныя депеши всѣхъ державъ, поне-многу сталъ открывать дѣйствительное состояніе переписки и наконецъ разсказалъ графу содержаніе депешъ, полученныхъ въ послѣдній разъ отъ его двора. Князь смѣялся надъ своимъ шуткомъ, а графъ Сегюръ блѣднѣлъ отъ злости и смущенія».

Есть у Дама цѣныя и новыя подробности о постановкѣ при дворѣ «высшей информации» императрицы о томъ, что дѣлаютъ и думаютъ кругомъ.

«Императрица работала со своими министрами съ шести часовъ утра до полудня, и первымъ входилъ къ ней министръ полиціи. Черезъ него она узнавала всѣ малѣйшія подробности жизни своей столицы, которыя не были бы ей виднѣе, если бы дома были прозрачны.

«Никогда не забуду, какъ я однажды, стоя у окна, въ нижнемъ этажѣ, смотрѣлъ, какъ проходили два гвардейскихъ батальона, отправлявшіеся въ Финляндію. Никого, кромѣ моихъ людей, не могло тогда быть въ моей комнатѣ, и, любуясь красотой этихъ двухъ батальоновъ, я невольно сказалъ:

«— Если бы шведскій король увидѣлъ это войско, я думаю, онъ заключилъ бы миръ.

«Я ни къ кому не обращалъ этихъ словъ, такъ какъ считалъ, что былъ одинъ. Два дня спустя, когда я явился на поклонъ къ императрицѣ, она нагнулась и сказала мнѣ на ухо:

«— Итакъ, вы думаете, что если бы шведскій король осмотрѣлъ мою гвардію, онъ заключилъ бы миръ?»

«И она засмѣялась. Я увѣрялъ ее, что помню, что такая правдивая мысль была у меня, но что я не думалъ, что произнесъ ее,—развѣ только подумалъ вслухъ. Она продолжала улыбаться и перемѣнила разговоръ. Этотъ случай послужилъ мнѣ урокомъ внимательно слѣдить въ будущемъ за тѣмъ, что буду говорить».

На послѣднихъ страницахъ «Записокъ» выступаетъ и образъ Павла I, тогда еще только великаго князя.

«Павелъ ненавидѣлъ Потемкина и иногда позволялъ себѣ несдержанно отзывать о немъ. Однажды предъ Дама онъ прошелся насчетъ подозрительной привязанности Потемкина къ своимъ племянницамъ, которыхъ тотъ чрезмерно ласкалъ, а привязанъ былъ къ нимъ настолько, что даже бралъ съ собою въ походъ.

«Я не могъ,—разсказываетъ Дама,—однажды отказать себѣ въ шуткѣ въ отвѣтъ на одинъ изъ вопросовъ великаго князя, обращенныхъ ко мнѣ:

«— Въ какой главѣ книги г. маршала Вобана вы прочли, что для взятія города слѣдуетъ во время осады имѣть при себѣ племянницъ?»

«— Можетъ быть, въ главѣ о роговыхъ издѣліяхъ...»—отвѣтилъ находчивый французъ.

На французскаго офицера-дипломата лично великій князь не произвелъ особенно выгоднаго впечатлѣнія.

«Я былъ приглашенъ посмотрѣть на ученіе двухъ батальоновъ великаго князя, которыми онъ командовалъ, а нѣсколько дней спустя онъ пригласилъ меня на обѣдъ въ своемъ маленькомъ загородномъ домѣ, въ Павловскѣ.

«Вблизи великій князь похожъ былъ на прусскаго майора, преувеличивавшаго для виду всѣ мелочи и подробности службы, не заботясь о цѣли, къ которой можно было бы подойти болѣе просто. У себя за городомъ онъ былъ похожъ на добраго гражданина, хорошаго мужа, хорошаго отца семьи, безъ притязаній, и только тамъ онъ выигрывалъ. Однако, иногда въ присутствіи двухъ-трехъ человекъ, которыхъ онъ больше любилъ, онъ выказывалъ склонность къ жестокости и мстительности, которыя ихъ пугали. Принцъ Ангальтъ, къ которому онъ питалъ самое дружественное довѣріе и пріязнь, слышалъ, какъ онъ сказалъ разъ: «Я покажу этимъ несчастнымъ, что значить убить своего императора!..» (Онъ намекалъ на смерть своего отца).

Хорошо извѣстный профессоръ-богословъ Н. Н. Глубоковскій продолжаетъ въ «Христіанскомъ Читаніи» давно начатый трудъ посмертнаго оправданія легендарнаго архіерея Смарагда (Крыжановскаго)—одного изъ героевъ «Мелочей архіерейской жизни» Лѣскова, жизненной исторіи котораго намъ уже приходилось касаться. Путемъ детальнаго, точно-научнаго изученія литературы о Смарагдѣ, его архива и переписки Глубоковскій старается отдѣлить истину отъ легенды, и ему удастся достигнуть того, что мрачная тѣнь, цѣлый вѣкъ лежавшая на Смарагдѣ, если не исчезаетъ вовсе, то начинаетъ много терять въ своей рѣзкости и чернотѣ. Въ перспективѣ жестокаго николаевскаго вѣка Смарагдъ перестаетъ казаться мрачно-зловѣщимъ, становясь просто сыномъ своего вѣка, однимъ изъ тѣхъ яркихъ характеровъ, которыя въ условіяхъ иной эпохи, иного воспитанія становятся украшеніемъ человѣчества.

Въ послѣдней книжкѣ журнала Глубоковскій даетъ резюме своего изысканія, и вотъ въ какихъ чертахъ представляется типичный николаевскій архіерей, прямой и кряжистый, по отнюдь не чуждый стариннаго бурсацкаго благородства.

«Всѣ вещи и предъ всѣми Смарагдъ привыкъ называть самыми наисобственными именами, лицами нигдѣ и нисколько не стѣснялся, правду любилъ и возстановлялъ немедленно и безъ всякой деликатности по части средствъ, творилъ судъ рѣшительно и чинилъ расправу своеручно. Отсюда внѣшняя суровость и наружная грубость, наводившія грозу и застилавшія нѣжные лучи сердечной теплоты настолько, что кругомъ расходилось больше впечатлѣніе ужаса, а въ памяти сохранялось трепетное чувство строгости и деспотизма. Пѣвчихъ онъ ласкательно называлъ «коналіи», шутя билъ линейкою, въ раздраженіи мощною рукой вышвыривалъ изъ зала и вообще пользовался отцепреданною розгой. Ему ничего не стоило толстою «буланкой» (палкой) вздуть въ Орлѣ 54-лѣтняго искателя четвертаго брака, чтобы поучить цѣломудрію.

«Въ Могилевѣ Смарагдъ при публикѣ дергалъ за волосы дьякона и дьячка, а иногда производилъ ручныя расправы (въ Орлѣ) даже съ пьянымъ священникомъ, сутягъ же стучалъ лбами, схвативъ ихъ за волосы. Въ пылу гнѣва раздраженный владыка кидалъ въ лакея тарелкой (въ Орлѣ), бросалъ связкою бумагъ въ секретаря или пускалъ даже митрой въ старосту (въ Астрахани)

и обзывалъ дурачьемъ (въ Орлѣ) все семинарское чиновначаліе. Такъ при «впечатлительности» быстраго возбужденія Смарагдъ допускалъ иногда «усиленныя дѣйствования». Его острое слово всегда было мѣтко, характерно и до крайности язвительно,—даже въ официальныхъ резолюціяхъ. Человѣкъ вовсе не свѣтскій, Смарагдъ не стѣснялъ другихъ, но не давалъ никому забываться предъ своимъ саномъ, и родовитаго совопросника, неумѣстно искушавшаго о незазорности карточной игры въ Великій постъ, ядовито обрѣзавъ, что именно ему «въ дурачка сыграть можно».

«Не мѣнѣе колки были и другіе пріемы, если, наприкладъ, въ Полоцкѣ Смарагдъ намѣренно бралъ со ставленника деньги въ видѣ яко бы взятки и въ засѣданіи консисторіи самъ каялся въ этомъ, вынуждая къ публичному самобичеванію присяжныхъ промышленниковъ по этой части, какихъ было вездѣ достаточно въ ту эпоху. Для его ревности—всякія званія и состоянія какъ будто совсѣмъ не существовали. Въ Могилевѣ во время крестнаго хода на Иорданъ онъ, завидѣвъ губернатора въ головномъ уборѣ, громко посылая полицейскаго чиновника «снять шапку у этого дурака», а въ Орлѣ чопорную губернаторшу, княгиню Трубецкую, рожденную Витгенштейнъ, открыто называлъ «бесусловною нѣмкой» и оказывалъ ей такія «замѣчательныя грубости», что та совершенно пасовала. Смарагдъ не стѣснялся даже въ проповѣдяхъ рѣзко затрогивать этихъ сановныхъ лицъ и ничуть не затруднялся торжественно ставить ихъ въ крайне неловкое положеніе.

«При такихъ условіяхъ «тѣмъ легче было подкидывать горячіе матеріалы на огонь взаимнаго раздраженія». Будучи въ св. синодѣ, гдѣ тогда членамъ его нельзя было свободно пошевелиться, Смарагдъ на самыхъ засѣданіяхъ позволялъ иногда столь острую прямоту, что вызывалъ своего рода цѣлый соблазнъ, когда грозно расшумѣлся на именитѣйшаго іерарха, яко бы дьячокъ не смѣетъ жаловаться на архіерея,—и, давъ Александра Невскаго, синодалы поспѣшили отправить орловскаго владыку восвояси, какъ неприличнаго для высокосословной обстановки по недостатку тонкости, а равно по непосредственности и непреклонности въ безпримѣрной правдивости».

Глубоковскому удается повернуть нѣкоторыя выходки своенравнаго Смарагда, какъ подлинныя проявленія той святительской доблести, отъ которой теперь остались одни воспоминанія. Разказами о томъ, какъ Смарагдъ «не зрѣлъ на лица человѣковъ», богаты всѣ періоды его многострадальной жизни.

Такъ, въ Орлѣ онъ ночью выручалъ крестнымъ ходомъ неправильно арестованнаго со св. дарами священника, а въ храмѣ къ важной барынѣ, крестившейся въ лайковыхъ перчаткахъ, посылая служку съ требованіемъ, чтобы та сняла собачью кожу. Были даже болѣе острые казусы, которые засвидѣтельствованы компетентными лицами.

Такъ, нѣкій (астраханскій?) губернаторъ проѣздомъ черезъ Орель останавливался здѣсь и присутствовалъ за архіерейской литургіей, находясь около праваго клироса, откуда случайно упалъ предъ нимъ на полъ образокъ. Савновнй богомолецъ полѣнился поднять его и отшвырнулъ ногой на глазахъ у всѣхъ. Смарагдъ ничѣмъ на это не отозвался, но по окончаніи службы вдругъ выходитъ на амвонъ протодьяконъ и, не называя лица; страшнымъ басомъ

провозглашает анафему вообще за попираніе святыни. Пораженный этимъ губернаторъ упалъ и былъ вынесенъ изъ церкви на рукахъ. Эпизодъ ясно убѣждаетъ, что Смарагдъ всего менѣе имѣлъ человѣческаго лицепріятія, которое было всегда столь свойственно его средѣ и вызывало такія большія прискорбія.

Человѣческая практичность умѣла извлекать и изъ тяжелыхъ сторонъ характера архіерея извѣстныя выгоды. «Чѣмъ ярче,—пишетъ Глубоковскій,—была вспышка гнѣва, тѣмъ сердечнѣе оказывалась теплота милости, овладѣвавшей настолько, что теперь предъ нею смолкало холодное правосудіе. Эта черта подмѣчена была еще въ академіи и намѣренно эксплуатировалась въ теченіе всего архипастырскаго служенія Смарагда, котораго нарочито раздражали съ затаенною цѣлью получить отъ него особыя блага и льготы. Это было тенденціозное злоупотребленіе,—и «пострадавшіе» сами искали, чтобы вспылчивый владыка «поблагословлялъ костьюлемъ», а «опосля битья сдобрился». (Н. Лѣсковъ). Этимъ удостовѣряется, что основное настроеніе Смарагда было любовью по снисхожденію къ людямъ и желанію добра. Приемы его были нерѣдко грубы и обидны, иногда даже и оскорбительны, но Смарагдъ вовсе не рисовался и не лгалъ, когда приговаривалъ, расправляясь съ виновнымъ: «я бью тебя, скотину, чтобы не отдавать подъ судъ и не сдѣлать несчастнымъ тебя и твое семейство». Тутъ его благость простиралась на всѣхъ—отъ мала до велика, сверху донизу. Для него архіерейскіе пѣвчіе всегда были дороги, какъ «малыя дѣти». Вообще, положеніе ихъ въ то время было довольно ужасно, а Смарагдъ прямо лелѣялъ и баловалъ ихъ, старался снизить до нихъ и приспособиться къ нимъ. И они сохранили о своемъ архипастырѣ трогательныя воспоминанія».

Писательскій талантъ и зоркость ученаго профессора убѣждаютъ читателя въ той точкѣ зрѣнія, какую онъ устанавливаетъ. На фонѣ вѣка, только что пережившаго аракачевщину и военныя поселенія, только еще мечтавшаго о раскрѣпощеніи крестьянъ, Смарагдъ—только человѣкъ своего времени, не болѣе. Въ тѣ дни, когда беспощадная жестокость отличала даже и духовное начальство (Глубоковскій сообщаетъ, что тульскій архіерей Дамаскинъ отдалъ въ солдаты болѣе трехсотъ человѣкъ, а Евгеній тамбовскій отправилъ въ военную службу до пятисотъ),—въ тѣ дни Смарагдъ не былъ ни чудовищемъ жестокости, ни просто исключительнымъ явленіемъ. Ничуть не мягче несли свою власть люди міра военнаго, люди міра педагогическаго. Въ художественно-психологическомъ отношеніи онъ являлъ характеръ необыкновенно интересный, и можно пожалѣть, что, на примѣръ, перо такого мастера, какъ Лѣсковъ, тоже много слышаннаго о Смарагдѣ, не оставило въ художественной зарисовкѣ потомству образа стропотнаго владыки.

Ничего, кромѣ глубокаго вздоха о временахъ минувшихъ не вызываютъ новыя книжки «Русскаго Архива». Среди сотенъ страницъ не найти одной, какую стоило бы процитировать. Наиболѣе интересное—«Записки сенатора Лопухина», много разъ появлявшіяся въ Россіи, въ 1884 г. напечатаны въ томъ же «Архивѣ». Въ новыхъ книжкахъ къ приему перепечатокъ своего же матеріала

«Архивъ» присоединяетъ новый — печатаніе сухихъ старыхъ формуляровъ старыхъ адмираловъ (Нагаева).

Архивы послужныхъ списковъ сухопутныхъ и морскихъ посредственностей выше египетскихъ пирамидъ, и новая редакція «Архива» обеспечена матеріаломъ на аридовы вѣки, но, питая читателя такою пищей, не рискуетъ ли она растерять и послѣднихъ своихъ подписчиковъ, оставшихся при двухъ-трехъ антикварныхъ чудакахъ, задавшихся цѣлью во что бы то ни стало имѣть полный комплектъ когда-то превосходнаго бартеневскаго сборника?

Три молодыхъ журнала — «Старые Годы», «Русскій Виблюофиль» и «Софія» — доблестно обслуживаютъ интересы русскаго любителя искусства и старины. Въ «Старыхъ Годахъ» остановить вниманіе статья Щавинскаго — «Профиль Петра Великаго». Во дни всяческаго очищенія исторіи отъ легенды авторъ ставить на очередь вопросъ о точномъ изображеніи великаго русскаго царя. Иконографическую истину ему хочется освободить отъ налета времени и моды, отъ прикрасъ художника и отъ его личныхъ вкусовъ. Кто не знаетъ, какъ измѣняется портретное изображеніе въ зависимости отъ времени и его настроенія. Въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка Шекспира изображали въ локонахъ, съ нафабранными, вздернутыми кверху усиками и лицомъ благодушнаго трактирщика. Въ пору революціонныхъ ужасовъ, послѣ диктатуры Кромвеля, граверы изображали его старымъ, опустившимся ипохондрикомъ, съ длинными повисшими усами, жидкой бородкой и безпомощно опущенными на подушку руками. Въ началѣ XVIII вѣка Англія свободно вздохнула, — и на гравюрныхъ передачахъ памятника Шекспира появился пріятный господинъ съ моднымъ выраженіемъ безпредѣльной преданности и пріятности.

Щавинскій пытается разсѣять туманъ, нависшій надъ портретами Петра, какъ выразился первый собиратель петровскихъ портретовъ князь Лобановъ, и ему это до извѣстной степени удается. Можно признать убѣдительными соображенія о томъ, что именно Петра изображаетъ портретный рисунокъ голландскаго мастера Яна Ванъ-Доувена въ мюнхенской пинакотекѣ, поражающій изумительнымъ сходствомъ съ русскимъ преобразователемъ. Любопытно посмотреть и этотъ, новый для Россіи, портретъ, приложенный въ хорошемъ воспроизведеніи.

На знаменательный, нѣсколько лирическія размышленія наводитъ интересная страница новаго журнала «Софія» о затерявшемся, забытомъ русскомъ художникѣ Зиновіи Ивановѣ, судьбу котораго, безъ сомнѣнія, раздѣлили многочисленные русскіе таланты крѣпостной поры, не встрѣтившіе сравнительной удачи въ жизни, какая выпала на долю Орловскихъ или Максимовыхъ.

Извѣстный англійскій историкъ искусства Симонсонъ случайно приобрѣлъ прелестный портретъ мальчика. Необыкновенная выразительность его и общее мастерство и благородство работы, сближавшія ее съ творчествомъ старыхъ мастеровъ, по началу дали поводъ нѣкоторымъ художественнымъ критикамъ признать за картиною голландское или итальянское происхожденіе. Но на картинѣ оказалась русская подпись — «Писалъ Зиновій Ивановъ 1853».

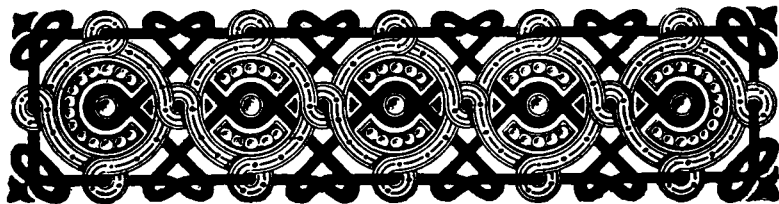
Кто былъ этотъ Зиновій Ивановъ, гдѣ проживалъ, гдѣ получилъ художественное образованіе? Подписного его произведенія не имѣется ни въ русскихъ общественныхъ картинныхъ галереяхъ, ни въ одной иностранной. Единственный изъ словарей русскихъ художниковъ говоритъ, что Зиновій Ивановъ былъ учителемъ рисованія въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ гимназіи, представлялъ нѣкоторыя свои работы въ академію художествъ. Щавинскому удастся прибавить къ этому, что онъ былъ изъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на волю.

Что кроется подъ сухими фактами этого формулярнаго списка?—спрашиваетъ авторъ статьи?—Трагедія творца, безнадежно бившагося о твердыя стѣны быта и борьбы за существованіе, не позволявшія ему развернуть талантъ во всю силу, или же передъ нами одинъ изъ тѣхъ тихихъ, проникновенныхъ художниковъ, особенно частыхъ въ прошлые вѣка, которые и въ узкихъ рамкахъ обыденности умѣютъ хранить и поддерживать святой огонь дарованія? Гдѣ онъ получилъ художественную подготовку, давшую ему возможность быть учителемъ рисованія въ Курмышѣ и создать черезъ двадцать лѣтъ такое зрѣлое, мастерское произведеніе, какъ лондонскій портретъ? Не возила ли его крѣпостная его владѣлица за границу, гдѣ онъ учился у какого-нибудь иностранца и могъ изучить старыхъ мастеровъ, вліяніе которыхъ такъ очевидно на портретѣ.

Все это было, повидимому, такъ недавно и такъ надежно поросло травю забвенія!

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 марта
по 15 апрѣля для отзыва слѣдующія книги.

В. Д. фонъ-Дитрихштейнъ. Блеклый Вѣнецъ. Вторая книжка стиховъ. Изд. «Полигимнія». Спб. 1914. Стр. 48. Ц. 50 к.

В. Л. Снегиревъ. Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1914. Стр. 32. Цѣна не обозначена.

Е. В. Аничковъ. Язычество и древняя Русь. Спб. 1914. Стр. XXXVIII+386. Ц. 2 р.

Леонидъ Лобачевъ. Подорожникъ. Стихотворенія. Кн-во «Звѣзда» Н. Н. Орфенова. М. 1914. Стр. 61. Ц. 40 к.

Воронежская Старина. Вып. 12-й. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго общества. Воронежъ. 1913. Стр. 532. Ц. 2 р.

Графъ С. Ю. Витте. По поводу непреложности законовъ государственной жизни. Спб. 1914. Стр. IV+376. Ц. 2 р. 50 к.

Т. Сократова-Алабина. Франція въ XVI вѣкѣ. Популярно-историческій очеркъ изъ эпохи социальной и религіозной смуты во Франціи. Изд. «Сотрудникъ школы». М. 1914. Стр. 123. Ц. 50 к.

Написанная довольно живо, книжка г. Сократовой-Алабиной прочтется съ пользою учащимся и лицами, ищущими самообразованія. Изданіе снабжено картой Франціи XVI столѣтія и многочисленными иллюстраціями.

П. Я. Чадаевъ. Сочиненія и шьема. Подъ ред. М. Гершензона. Т. II. Кн-во

«Путь». М. 1914. Стр. 342. Цѣна не обозначена.

Извѣстія Одесскаго бібліографическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. Т. III. Вып. 1. Одесса. 1914. Стр. 61. Ц. 35 к.

Труды оренбургской ученой архивной комисіи. Вып. XXIX. Т. XXIX. Оренбургъ. 1913. Стр. 239. Ц. 1 р.

И. П. Матченко. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Общее обзорніе Европы и западно-европейскаго государства. Изд. 7-е. Кіевъ. 1914. Стр. 154. Ц. 60 к.

Кинешемскій земскій календарь-ежегодникъ. 1914. Изданіе Кинешемскаго уѣзднаго земства. Съ портретами, рисунками, діаграммами и картами. Кинешма. 1914. Стр. 53+102+120+26+31. Ц. 20 к.

И. И. Огіенно. Русское литературное удареніе. Словарь удареній въ русскомъ языкѣ и правила русскаго ударенія. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1914. Стр. 240. Ц. 50 к.

Вешнія воды. Сборникъ научно-литературнаго кружка русскихъ студентовъ. Подъ ред. М. Спасовскаго. Спб. 1914. Стр. 18. Ц. 1 р.

Баронъ В. Я. Иксуль. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Названные братья. Романъ. Ревель. 1914. Стр. XVIII+135. Ц. 1 р.

Выходящая въ русскомъ переводѣ сочиненія барона Иксуля предста

- вляют собою интересное чтение о жизни, природе и нравах Кавказа. Къ первому тому приложена биографія автора и безчисленное количество его портретовъ: авторъ въ пеленкахъ, авторъ въ дѣтствѣ, авторъ въ юношесствѣ, въ первые годы самостоятельной жизни, авторъ въ своей столовой, гостиной, кабинетѣ, авторъ на бѣлой лошади и т. д. и т. д. Эта самовлюбленность барона Икекуля производить не хорошее впечатлѣніе.
- Пушкинисть.** Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Спб. 1914. Стр. XXIV+239. Ц. 1 р. 25 к.
- Проф. Н. Н. Любовичъ.** Нѣсколько документовъ по исторіи реформаци въ Литвѣ изъ Ватиканской бібліотеки. Варшава. 1914. Стр. 14. Ц. 15 к.
- Его же.** Иностранные историческіе институты въ Римѣ. 1914. Стр. 25. Ц. 25 к.
- Ив. Лазаревскій.** Среди коллекционеров. Изданіе А. И. Грамматикова. Спб. 1914. Стр. 169. Цѣна не обозначена.
- Педагогическій музей** военно-учебныхъ заведеній. 1864—1914. Спб. Стр. XXVII+343. Ц. 5 р.
- Владимиръ Андреевичъ Грингутъ.** Очеркъ его жизни и дѣятельности. М. 1913. Стр. 123. Ц. 1 р.
- Настоящая книга заслуживаетъ вниманія, какъ собраніе фактическаго матеріала, освѣщающаго педагогическую, литературную и общественную дѣятельность покойнаго руководителя «Московскихъ Вѣдомостей». Книга богато иллюстрирована.
- А. Н. Закъ.** Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. Спб. 1914. Стр. 67. Ц. 50 к.
- Совмѣстное образование.** Сборникъ статей подъ редакціей Н. М. Соколова и Г. Г. Тумима. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. VIII+256. Ц. 1 р. 50 к.
- В. П. Ильинскій.** Адмиралъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ въ Средиземномъ морѣ. (1799 г.). Изданіе комиссіи по завѣдванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. Спб. 1914. Стр. 63. Цѣна не обозначена.
- Г. Г. Замысловскій.** «Умученные отъ жидовъ». Саратовское дѣло. По актамъ государственнаго совѣта. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Спб. 1914. Стр. 80. Ц. 30 к.
- М. Д. Ордынцевъ-Нострицкій.** Королева земли Франкской. Историческій романъ. Спб. 1914. Стр. 291. Ц. 2 р.
- Новый энциклопедическій словарь.** Подъ общей редакціей поч. академика К. К. Арсеньева. Издатель: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и А. И. Ефронъ (Петербургъ). Спб. 1913—1914. Т. т. 11—18. «Власть карательная — Ивица». Цѣна каждой книги 4 р.
- Избранные стихи** русскихъ поэтовъ. Серия сборниковъ по періодамъ. Періодъ второй. Спб. 1914. Стр. IV+263. Ц. 1 р.
- «Сиринъ».** Сборникъ третій. Спб. 1914. Стр. I+409. Ц. 2 р.
- Въ составъ этого сборника вошли слѣдующія произведенія: «Молчанія», 14 стихотвореній З. Гипшусъ, «Три стихотворенія» Вяч. Иванова, «Carmina amoebaea» Вяч. Иванова и Вал. Брюсова, 7 стихотвореній «Сѣдое утро» А. Блока, окончаніе романа «Петербургъ» Андрея Бѣлаго, повѣсть Ѳ. Сологуба «Барышня Лиза» и два разсказа А. Ремизова: «Кузовокъ» и «Вещь темная».
- Вл. Розенбергъ.** Лѣтопись русской печати. (1907—1914 г. г.). Изданіе М. и С. Сабанинковыхъ. Москва. 1914. Стр. 102. Ц. 70 к.
- Весьма любопытная работа г. В. Розенберга представляетъ собою обзоръ положенія печати съ 1907 года въ связи съ различными узаконеніями и административными распоряженіями о нашей многотерпѣливой «шестой державѣ».
- Сергѣй Бобровъ.** Лирическая тема. XVIII экскурсовъ въ ея области. Кн-во «Центрифуга». М. 1914. Стр. 33. Ц. 50 к.
- Архивъ** Царства Польскаго. Часть I. Внутреннія дѣла Польши. Описалъ И. С. Рябининъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1914. Стр. VIII+241. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ.** Собраніе сочиненій. Т. II. Кн-во «Сиринъ». Спб. 1914. Стр. VIII+294. Ц. 1 р. 75 к.
- Собраніе сочиненій. Т. XXI. Кн-во «Сиринъ». Спб. 1914. Стр. XVII+296. Ц. 1 р. 75 к.
- Второй томъ заключаетъ въ себѣ сборникъ стиховъ «Tertia Vigilias», при чемъ 35 стихотвореній появляются въ печати первый разъ. Въ XXI томѣ вошли переводы изъ 43 французскихъ лириковъ прошлаго столѣтія. Въ примѣчаніяхъ даны «Очеркъ французской лирики XIX вѣка» и критико-библиографическія замѣтки о переведенныхъ авторахъ. Книга украшена 15 портретами поэтовъ. 20 стихотвореній этого тома появляются въ печати впервые.
- Э. Ю. Нупфертъ.** Жилой домъ. Руководство для проектированія и вовведенія современныхъ жилищъ. Изданіе т-ва

М. О. Вольфъ. Спб. 1914. Стр. IV+II+445. Ц. 5 р. 50 к.

И. С. Симоновъ. Грановскій—учитель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія. Изданіе 2-е, дополненное. Изд. журнала «Педагогическій сборникъ». Спб. 1913. Стр. 23. Ц. 25 к.

И. А. Слоновъ. Изъ жизни торговой Москвы. (Полвѣка назадъ). Москва. 1914. Стр. 247. Ц. 1 р.

Первоначально очерки [г. Слонова были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и встрѣтили хорошей пріемъ, какъ со стороны читателей, такъ и со стороны нѣкоторой части критики.

Украинскій вопросъ. Изданіе редакціи журнала «Украинская жизнь». Спб. 1914. Стр. 135. Ц. 75 к.

Дневники писателей. № 1. Мартъ. 1914 г. Редакторъ-издатель Ѳ. К. Тетерниковъ (Федоръ Сологубъ). Спб. 1914. Стр. 55. Ц. 20 к.

Цѣль новаго журнала, къ участию въ которомъ привлечены лучшія силы современной литературы, «сказать только свое, только о томъ, что насъ интересуетъ,—къ тому, что случается и что останавливаетъ наше отношеніе кратко и просто, въ свободной формѣ изложить наши свободныя мысли».

Будетъ-ли приведено къ осуществленію интересное заданіе новой редакціи,—по первому номеру журнала судить очень трудно.

А. Заринъ. Сѣверный богатырь. Историческая повѣсть, съ рисунками А. Кузнецова. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1913. Стр. 248. Ц. 1 р.

А. Климентовъ. Романтизмъ и декадентство. Философія и психологія романтизма, какъ основа декадентства (символизма). Одесса. 1913. Стр. 263. Ц. 1 р. 50 к.

В. Филоненко. У язычниковъ-ипородцевъ Уфимской губерніи. Уфа. 1914. Стр. 33+II. Цѣна не обозначена.

В. А. Верещагинъ. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Стр. 215. Ц. 5 р.

П. В. Каменскій. О разрушеніи Александровскаго хутора для глухонѣмыхъ. М. 1914. Стр. 50. Цѣна не обозначена.

Г. Артуровъ. Въ странѣ хризантемъ. Повѣсть изъ японской жизни. М. 1914. Стр. 143. Ц. 1 р.

Свящ. І. Я. Щелкуновъ. Письма императрицы Екатерины II къ датской королевы Юліанѣ Маріи. Копенгагенъ. 1914. Стр. 149. Ц. 1 р. 50 к.

А. И. Миловидовъ. Пятидесятилѣтіе «Виленаго Вѣстника» русской редак-

ціи. (Историко-библіографическій очеркъ) Изданіе редакціи «Виленаго Вѣстника». Вильна. 1914. Стр. 58. Цѣна не обозначена.

Содержательный очеркъ г. Миловидова даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи провинціальной печати, до сихъ поръ совершенно не разработанной у насъ.

А. А. Алехѣевъ. Финансовыя полномочія англійскаго парламента. Спб. 1914. Стр. 83. Цѣна не обозначена.

А. М. Евлаховъ. Русская литература о западныхъ писателяхъ. Критическіе очерки. Варшава. 1913. Стр. 22. Ц. 30 к.

Его же. Гдѣ дѣйствительный субъективизмъ и диллетанство? Варшава. 1914. Стр. 18. Ц. 20 к.

Его же. Въ поискахъ Бога. Этюдъ о Данте. Варшава. 1913. Стр. 5. Ц. 15 к.

Н. М. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. Изданіе графини М. Н. Толстой. Подъ ред. проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1914. Стр. XIII+133. Ц. 1 р. 50 к.

Оригиналъ этого важнаго документа, прочитаннаго Карамзиннымъ императору Александру I въ 1811 г., считается утраченнымъ. Настоящее изданіе, исполненное, подъ редакціей извѣстнаго знатока Карамзинской эпохи проф. В. В. Сиповскаго, правнучкой Карамзина графиней М. Н. Толстой, напечатано по хорошей копіи, хранящейся въ собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбникова мѣ. Изданіе 2-е подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ портретомъ, біографіей и указателемъ. М. 1909—1910. Т. I. Стр. СII+512. Т. II. Стр. 727. Т. III. Стр. VI+432. Цѣна за 3 тома 6 р. 50 к. Каждый томъ отдѣльно по 2 р. 50 к.

Франческо Руффини. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Перев. съ итальянскаго А. Н. Ильинскаго подъ ред., съ предислов. и примѣч. проф. В. Н. Сперанскаго. Изданіе Н. П. Карбасникова. Спб. 1914. Стр. VIII+145. Ц. 1 р. 25 к.

Работа Ф. Руффини появляется впервые въ рускомъ переводѣ. Выяснивъ основныя понятія свободы мысли, церковной и религіозной свободы, терпимости, свободы совѣсти, Руффини съ классической древности и первыхъ отцовъ церкви прослѣживаетъ тяжелый путь исторіи идеи по XVIII вѣкъ. Изложеніе очень живое.

В. М. Мендринъ. Исторія сіогуната въ Японіи. Никонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ 22 книгахъ. Переводъ съ японскаго съ примѣчаніями и комментаріями. Книги III и IV. Владивостокъ. 1914. Изданіе восточнаго института. Кн. III. Стр. XV+125. Ц. 1 р. Кн. IV. Стр. XIII+188. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Накоттъ. Исторія латинской литературы отъ ея начала до VI вѣка нашей эры, съ планами, бюстами наиболѣе знаменитыхъ авторовъ и т. д. Перев. З. Н. Шамониной. Съ предисловіемъ академика О. Е. Корша. Москва. 1914. Стр. 667+VIII+39. Ц. 2 р.

Военная энциклопедія. Изданіе т-ва П. Д. Сытина. Спб. 1914. Вып. XXVII. «Круковскій—Ланглюа». Стр. 320—480.

Вып. XXVIII. «Лангобардскія войны—Линта». Стр. 481—640. Цѣна не обозначена.

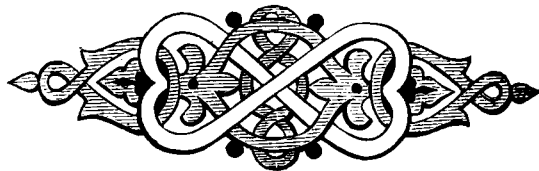
«**Записка** о ритуальныхъ убійствахъ» (приписываемая В. И. Далю) и ея источники. Спб. 1914. Стр. 65. Ц. 40 к.

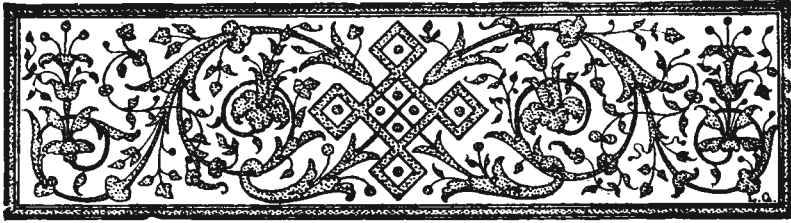
Дѣло графа Роникера. Рѣчь присяжнаго повѣреннаго М. Л. Гольдштейна. Спб. 1914. Стр. 62. Ц. 50 к.

Генріэтта Наргрэмъ. Кокгаджуйская республика. Повѣсть. Спб. 1914. Стр. 160. Ц. 1 р.

П. Н. Халиппа. Бессарабія до присоединенія къ Россіи. Кишиневъ. 1914. Стр. 45. Ц. 50 к.

Содержательный и интересный историческій очеркъ, дающій полную картину исторіи этой области.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЯ гильотины¹⁾. 1 декабря 1789 года національное собрание было занято рассмотрѣніемъ необыкновеннаго законопроекта. Одинъ изъ его членовъ, докторъ Гильотэнъ, движимый съ одной стороны состраданіемъ, а съ другой духомъ демократическаго равенства, внесъ законодательное предположеніе, чтобы преступленія одного и того же рода наказывались одинаковымъ способомъ, независимо отъ общественнаго положенія и сословія преступниковъ. Законопроектъ защищаль съ трибуны самъ авторъ. Онъ горячо доказывалъ, прежде всего, необходимость избавить преступниковъ отъ мученій, какія они испытываютъ при старыхъ способахъ смертной казни, и указывалъ, что едва ли справедливо предавать смерти привилегированныхъ черезъ разстрѣляніе, а непривилегированныхъ черезъ повѣшеніе. Чтобы уравнять тѣхъ и другихъ и въ этомъ случаѣ, Гильотэнъ предлагалъ отнынѣ казнить всѣхъ черезъ обезглавленіе посредствомъ изобрѣтенной имъ машины.

— Посредствомъ моей машины,—воскликнулъ въ пылу рѣчи ораторъ,—я могу отрубить вамъ голову въ одно мгновеніе ока, и вы даже не замѣтите этого.

Рѣчь доктора имѣла большой успѣхъ и не разъ прерывалась аплодисментами слѣва. Зато справа она вызвала протесты. Аббатъ Мори доказывалъ, что не слѣдуетъ проливать кровь на глазахъ народа. Отъ крови толпа звѣрѣеть и легко можетъ дойти до эксцессовъ. Ни аббатъ, ни сердобольный докторъ

¹⁾ «Figaro», Suppl. litter. № 13.

не подозрѣвали, какая страшная роль предстоитъ въ недалекомъ будущемъ новому изобрѣтенію. По настоянію герцога Ланкура, собраніе приняло немедленно первую статью законопроекта, устанавливающую равенство наказанія.

Машина доктора Гильотэна, тотчасъ же окрещенная въ газетахъ по имени изобрѣтателя гильотиной, подняла въ прессѣ пѣлую полемику. Одни журналы стояли за доктора, другіе рѣзко нападали на него. Не ожидавшій такого шума вокругъ своего имени, бѣдный докторъ старается скрыться, не появляется даже въ національномъ собраніи. Робкій и застѣнчивый, онъ желаетъ одного: провалиться сквозь землю.

Между тѣмъ обсужденіе законопроекта идетъ своимъ порядкомъ. Принимаются слѣдующіе его четыре пункта. Остальные сдаются въ комиссію по уголовнымъ дѣламъ. Тамъ законопроектъ задерживается довольно долго, и только 3-го іюня 1791 г. докладчикъ Лепелетъе Санъ-Фарго представляетъ собранію докладъ, въ которомъ рѣшительно высказывается за смертную казнь черезъ обезглавленіе, какъ болѣе быструю, а, стало быть, менѣе мучительную. Но оппозиція противъ пролитія крови растетъ въ собраніи, и только третье голосованіе даетъ небольшое большинство въ пользу законопроекта доктора Гильотэна.

Шестой пунктъ новаго закона гласилъ, что смертная казнь совершается черезъ отрубаніе головы. Такъ какъ гильотины еще не было, а законъ вступилъ въ силу, то первое время вмѣсто гильотины хотѣли употреблять при казни саблю. Но способъ этотъ показался слишкомъ жестокимъ, и власти не знали, что дѣлать.

Законодательный комитетъ обратился тогда за помощью къ непремѣнному секретарю хирургической академіи доктору Луи, автору нѣсколькихъ трудовъ по хирургіи и изобрѣтателю усовершенствованныхъ инструментовъ. Соорудить машину для отрубанія головы поручено было прокурору-синдику Редереру, который съ своей стороны пригласилъ къ сотрудничеству докторовъ Гильотэна и Луи. Относительно Гильотэна мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Повидимому, онъ окончательно сошелъ съ политической арены и не принималъ никакого участія въ осуществленіи своего законопроекта. Зато Луи хлопоталъ очень дѣятельно надъ постройкой свирѣпой машины. Главная трудность при этомъ заключалась въ томъ, что невозможно было найти плотника для ея постройки. Никто не хотѣлъ способствовать палачамъ. Въ концѣ концовъ Редереру удалось найти плотника, по имени Гидона, который согласился произвести постройку по плану доктора Луи, но потребовалъ за эту работу болѣе пяти тысячъ ливровъ, ссылаясь на ея сложность и трудность.

Министръ общественныхъ работъ Клавьеръ, которому Редереръ представилъ смѣту на постройку, нашелъ, что цѣна была слишкомъ высока, и рѣшилъ назначить торги. Прекрасно понимая, что никто открыто не пойдетъ на такое дѣло, онъ распорядился, чтобы цѣны подавались подъ девизами, а само сооруженіе могло производиться тайно отъ публики.

Въ это время появляется на сцену нѣкій Товій Шмидтъ, «занимающійся постройкой фортепiano, а иногда отдающій свое время изобрѣтенію меха-

нических приспособлений, полезных для человечества». 10-го апрѣля этотъ благодѣтель человечества беретъ за девятьсотъ шестьдесятъ ливровъ устроить гильотину, съ обязательствомъ отказаться отъ уплаты за ея постройку, если она будетъ дѣйствовать плохо. Подъ руководствомъ доктора Луи онъ дѣятельно принимается за работу, и 18-го апрѣля гильотина уже испытывается въ больницѣ Бисертъ надъ пятью трупами. Всѣ нашли опыты блестящими.

25-го апрѣля 1792 года гильотина расправляется съ своей первой жертвой. Казнили нѣкоего Жака Пеллетье, осужденнаго на смерть за убійство и грабежъ. За Пеллетье на эшафотъ потянулся длинный рядъ людей всѣхъ сословій и возрастовъ, отъ ремесленника до короля, отъ юноши до старца.

Такъ возникло это кровавое орудіе казни.

Какъ мы видѣли, самъ изобрѣтатель его, докторъ Гильотэнъ, не принималъ въ постройкѣ его никакого участія, и гильотина была создана по чертежамъ и проектамъ доктора Луи. Одно время ее поэтому прозвали было луизеттой, но потомъ, къ несчастью доктора Гильотэна, вернулись къ ея первоначальному названію. Нечаянный изобрѣтатель этого злого орудія дожилъ до семидесяти шести лѣтъ и мирно скончался въ мартѣ 1814 года.

— Ж е н щ и н ы в ъ а р м і и Н а п о л е о н а ¹⁾. Одинъ изъ австрійскихъ историковъ Наполеона, рассказывая о пребываніи императора въ Вѣнѣ въ 1805 году, упоминаетъ, между прочимъ, о такомъ эпизодѣ. Когда императоръ остановился въ вѣнскомъ дворцѣ Гофбургѣ, за нимъ съ необыкновенными предосторожностями внесли въ его жилище апартаменты какія-то носилки. Тѣ же носилки отправились за нимъ въ Шенбруннъ, когда онъ переѣхалъ туда. Обыкновенно ихъ везли на мулахъ въ сопровожденіи восьми гренадеръ, которые составляли надежную стражу. Чтобы никто не могъ заглянуть въ носилки, онѣ сверху донизу были обтянуты клеенкой. Эти носилки, всюду слѣдовавшія за Наполеономъ, возбудили среди вѣнцевъ большое любопытство. Одни говорили, что въ нихъ носили смертельно раненаго маршала Дюрока, другіе утверждали, что въ носилкахъ сидѣлъ самъ Наполеонъ, также раненый. Историкъ Хормайръ утверждалъ, что въ носилкахъ находились сокровища, которыя онъ успѣлъ собрать отовсюду. Впослѣдствіи оказалось, что исторія съ носилками имѣла романической характеръ. Во время похода въ Австрію Наполеонъ встрѣтилъ какую-то вѣнку, отличавшуюся необыкновенной красотой. Женщина эта увлекла императора и сохранила его привязанность до 1813 года. Въ мирные дни ее гдѣ-нибудь скрывали. Но какъ только вспыхивала война, она должна была на носилкахъ сопровождать своего покровителя. Умерла она въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Зальцбургѣ, гдѣ она проживала постоянно, ведя очень уединенный, замкнутый образъ жизни. Жилище ея всегда было полно разными животными, и обыватели звали его не иначе, какъ «собачья графиня» (Hundesgräfin).

Вотъ эта-то «собачья графиня» и странствовала въ закрытыхъ клеенкой носилкахъ. То было время, когда Наполеонъ еще считался съ общественнымъ мнѣніемъ: ему не хотѣлось обнаруживать своей тайной привязанности, тѣмъ бо-

¹⁾ «Neue Freie Presse», № 17809.

лѣе, что онъ самъ же издавалъ строгіе приказы о томъ, чтобы женщины не опускались къ войскамъ. Впрочемъ, всѣ эти приказы не достигали цѣли, и то, что дѣлалъ императоръ, дѣлалъ каждый его генералъ и каждый простой солдатъ. Наполеонъ умѣлъ поддерживать въ войскахъ строгую дисциплину, но ему рѣшительно не удавалось защитить армию отъ наплыва въ нее женщинъ.

Ему постоянно приходилось разносить своего ближайшаго помощника Мюрата за то, что онъ обыкновенно выбиралъ стоянку для главной квартиры не тамъ, гдѣ требовали стратегическія соображенія, а тамъ, гдѣ можно было найти хорошенькихъ женщинъ, безъ которыхъ этотъ щеголь не могъ прожить и одного дня. Въ концѣ концовъ Наполеонъ распорядился, чтобы во время военныхъ дѣйствій каждый генералъ возилъ съ собой свою собственную наложницу.

Но и этого оказалось мало. Безрукій генералъ Луазонъ въ Испаніи появлялся не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ танцовщицъ, которыхъ онъ, отправляясь въ испанскій походъ, захватилъ съ собой изъ Бордо. Сначала высшіе офицеры скрывали своихъ дамъ и тоже перевозили ихъ въ повозкахъ, но потомъ такія предосторожности были брошены, какъ излишнее стѣсненіе, и генералы появлялись съ ними даже передъ фронтомъ.

А Даву дошелъ до того, что взялъ съ собой въ походъ одновременно и жену, и любовницу, чѣмъ возмутилъ даже Наполеона.

Примѣръ нашелъ многочисленныхъ подражателей. Постоянная опасность, ожиданіе смерти въ ближайшей же стычкѣ толкало людей какъ можно скорѣе испить до дна чашу наслажденій. Съ другой стороны, наполеоновскіе солдаты, почти отвыкшіе отъ мирнаго времени и отправлявшіеся, едва вернувшись изъ одного похода, сейчасъ же въ другой, огрубѣли въ своихъ чувствахъ, утратили всякое представленіе о женщинѣ, какъ о женѣ и хозяйкѣ. Къ тому же надо принять во вниманіе молодой возрастъ этой армии. Наполеонъ сдѣлался императоромъ, когда ему не было еще полныхъ тридцати пяти лѣтъ. Самому старшему изъ маршаловъ Массенѣ было всего сорокъ шесть лѣтъ. Неудивительно поэтому, что женскій элементъ игралъ въ этой армии большую роль. Любовные романы французскихъ офицеровъ въ завоеванныхъ странахъ считались тысячами. Большею частью они, конечно, кончались мимолетной пошлой интригой, но нерѣдко вели къ прочной привязанности, заставлявшей нѣмочь, испанокъ и другихъ итти за своими сожителями во Францію.

Обыкновенно судьба этихъ военныхъ дамъ была очень печальна. Постепенно съ годами онѣ спускались все ниже и ниже, переходя отъ генерала къ капитану, отъ капитана къ фельдфебелю и т. д. Съ теченіемъ времени ихъ образовались цѣлыя полчища, и даже Наполеонъ не въ силахъ былъ отогнать ихъ отъ армии. Противъ нихъ выдумывались всяческія наказанія, но и это не останавливало ихъ. Ихъ голыми выставляли у позорнаго столба, гоняли сквозъ строй, брили имъ голову, мазали лицо краской, которую цѣлыхъ полгода невозможно было смыть—все было напрасно. Одну изъ такихъ назойливыхъ дамъ раздѣли донага и провели въ такомъ видѣ передъ строемъ. Затѣмъ обрили наголо и съ головы до ногъ вымазали краской. И, несмотря на это, дня черезъ два она опять была въ лагерь.

Для этих несчастных существъ, погубленныхъ своимъ легкомысліемъ и тщеславіемъ, армія была послѣднимъ убѣжищемъ въ жизни. Онѣ были привязаны къ ней, какъ собаки къ хозяину, и не могли жить безъ нея. Тамъ, гдѣ гремѣла музыка и били барабаны,—тамъ были и онѣ.

Среди обширнаго разврата было, впрочемъ, немало примѣровъ глубокой привязанности и исполненія своего долга. Жена генерала Вердье не покидала своего мужа и слѣдовала за нимъ въ военной формѣ. Генеральша Ксантрайлъ, съ вѣдома императора, исполняла обязанности адъютанта при своемъ мужѣ, за что получила установленное по штату содержаніе. Жена маршала Удино переносила съ мужемъ всѣ ужасы русскаго похода, и только благодаря ей маршалъ имѣлъ возможность возвратиться во Францію.

Не мало было и такихъ женщинъ, которыя дѣйствительно служили въ арміи въ качествѣ настоящихъ солдатъ, въ родѣ гренадера Розы Барро, которая служила съ мужемъ въ одной ротѣ. Еще при Второй имперіи нѣкоторые изъ этихъ женщинъ-солдатъ доживали свой вѣкъ въ Домѣ Инвалидовъ.

Уже при республикѣ армія не могла обходиться безъ женщинъ, и всѣ мѣры, которыя принималъ Карно для прекращенія безчинствъ, не привели ни къ чему. На три тысячи пятьсотъ солдатъ въ казармахъ приходилось около трехъ тысячъ женщинъ, которыя жили тамъ на положеніи законныхъ женъ. Присутствіе ихъ не вело, впрочемъ, къ грубымъ излишествамъ, такъ какъ въ этотъ ранній послѣреволюціонный періодъ на возрѣніяхъ и правахъ еще лежалъ налетъ ученія Руссо, а самое слово «добродѣтель», столь употребительное въ самый разгаръ революціи, не было еще пустымъ звукомъ. Но со времени итальянскаго похода духъ въ арміи сильно измѣнился. Ведя своихъ полуголодныхъ, ободранныхъ солдатъ въ Италію, Бонапартъ общалъ имъ впереди отдыхъ и всяческія наслажденія. И дѣйствительно, послѣ каждой побѣды слѣдовали настоящія оргіи. Высшіе командиры выписывали для себя дамъ изъ Парижа цѣлыми десятками, и за войсковымъ обозомъ тянулся, какъ въ былыя времена ландскнехтовъ, длинный обозъ этихъ военныхъ дамъ. При отступленіи французовъ изъ Андалузій во главѣ такого обоза ѣхала великолѣпная коляска, запряженная четверкой лошадей. Въ ней сидѣли «маршалыши»—двѣ красавицы изъ Севильи. Рядомъ съ ними гарцовали на великолѣпной лошади какой-то всадникъ, вполнѣдствіи оказавшійся дочерью одного купца, увлеченной комиссаріатскимъ чиновникомъ. Далѣе на скромномъ мулѣ ѣхала маленькая модистка, покоренная кѣмъ-то изъ интендантовъ. Въ концѣ тащился тяжелый фургонъ, охраняемый гренадерами. Когда вѣтеръ распахивалъ его занавѣски, видно было, что въ немъ, среди мягкихъ подушекъ, сидитъ женщина.

Солдаты терпѣть не могли этихъ «маршалышъ», силошь и рядомъ мѣшавшихся не въ свое дѣло. Рядомъ съ Массеной всегда появлялся его ординарецъ, съ орденомъ почетнаго легіона на груди, и солдаты должны были отдавать ему честь, хотя и знали, что этотъ офицеръ—переодѣтая женщина. Однажды изъ-за этой дамы, забывшей взять съ собой попугая, долженъ былъ остановиться цѣлый корпусъ.

Генералы, впрочем, не стѣснялись присутствіемъ при себѣ этихъ дамъ. Жюно даже хвастался передъ своей женой сомнительнымъ счастьемъ у этого элемента.

— Занятіе русскими войсками Монмартра.—12-го марта 1814 года король Іосифъ, находившійся въ то время въ Парижѣ, писалъ Наполеону: «Ваше величество изволили приказать устроить на высотахъ, окружающихъ Парижъ, именно на Монмартрѣ, оборонительныя работы. Комитетъ національной обороны составилъ соответствующій проектъ, но осуществленіе его остановилось вслѣдствіе отсутствія средствъ». Тѣмъ не менѣе для укрѣпленія Монмартра—въ то время деревни съ тысячею жителей, занимавшихся работами въ мѣстныхъ каменоломняхъ,—было сдѣлано все возможное. Старались главнымъ образомъ о томъ, чтобы возобновить старыя укрѣпленія 1792 года.

29-го марта сторожъ башни полевого телефона, устроеннаго на крышѣ церкви св. Петра на Монмартрѣ, получилъ приказъ разобрать все сооруженіе и перевезти оба полевые телескопа въ Парижъ. Король Іосифъ, явившись лично на Монмартрскія высоты, сдѣлалъ смотръ нѣсколькимъ сотнямъ людей, случайно оказавшимся здѣсь. Тутъ находилось около двухъ сотенъ національныхъ гвардейцевъ, двѣсти пятьдесятъ человекъ изъ регулярныхъ войскъ и человекъ пятнадцать изъ гвардіи. Весь этотъ отрядъ былъ вооруженъ восемью ружьями и столькими же пиками.

«Король Іосифъ, — рассказываетъ офицеръ, командовавшій этимъ отрядомъ,—приказалъ мнѣ собрать всѣхъ людей и построить ихъ въ боевой порядокъ на вершинѣ холма.

«— Но вѣдь у нихъ нѣтъ оружія!—замѣтилъ я.

«— Ничего. Достаточно того, если непріятель ихъ замѣтитъ.¹⁾ Онъ, конечно, приметъ ихъ за вооруженный отрядъ, и это произведетъ хорошее для насъ дѣйствіе.

«Видя безцѣльность этого приказанія, я его не исполнилъ и удалился, оставивъ короля одного наблюдать въ подзорную трубу за дѣйствіями атакующихъ.

«Непріятель приближался. Отъ Венсенна до Нейли Парижъ былъ обложенъ съ сѣвера и востока. Французская армія подъ предводительствомъ Мармона, герцога Рагузскаго, покинула свою позицію и, отступая къ столицѣ, заняла высоты Бельвилля и Монмартра. Его противникъ, эмигрантъ Ланжеронъ, долженъ былъ атаковать Монмартръ съ западной стороны въ то время, какъ прусскій корпусъ Клейста направлялся къ Виллету, чтобы напасть на него съ востока. Защита Виллета была возложена на маршала Мортье, который приказалъ національной гвардіи выступить на защиту Монмартра, Батиньоля и холмовъ Монсо.

Въ шесть часовъ король Іосифъ и военный министръ Кларкъ расположились на холмѣ Пяти Мельницъ. Король наблюдалъ за движеніемъ силезской арміи, какъ вдругъ передъ нимъ предсталъ саперный капитанъ Пейръ, попавшій въ плѣнъ къ казакамъ, и передалъ ему отъ имени императора Александра

¹⁾ «Le Temps», № 19252.

условія капитуляціи Парижа. Ознакомившись съ ними, король немедленно уполномочил герцога Рагузскаго войти въ переговоры съ Александромъ и Шварценбергомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ и, двигаясь вдоль внѣшнихъ бульваровъ, достигъ Рамбулье.

Въ часъ пополудни непріятель началъ наступленіе. Мортъе, вынужденный покинуть Виллетъ, гдѣ главнымъ образомъ завязался бой, отступилъ къ воротамъ Санъ-Дени. Что касается монмартрскихъ укрѣпленій, то на нихъ оказалось не болѣе тридцати пушекъ. Къ вечеру они были заняты русской нѣхотой.

Жители Монмартра бросились бѣжать въ Парижъ. Но не успѣли они пройти и половины дороги, какъ непріятельскіе стрѣлки показали на высотахъ и открыли по нимъ огонь. Вскорѣ Ланжеронъ на востокъ занялъ почти безъ боя холмъ Пяти Мельницъ. Генераль Монсе, собравъ національную гвардію и волонтеровъ, въ числѣ которыхъ были писатели, артисты, художники, пытался оказать непріятелю сопротивленіе передъ заставой Кюпи. Но, разстрѣливаемый русской артиллеріей, принужденъ былъ отказаться отъ своихъ дѣйствій.

Эмигрантъ Ланжеронъ въ награду за это дѣло получилъ отъ императора Александра орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Одинъ изъ современниковъ рассказываетъ, что, занявъ Монмартръ, русскіе умѣли уважать права его жителей, которые не слишкомъ жаловались на это соедѣство. Но въ 1815 году англичане совершенно разорили это селеніе. Не осталось ни одного дома, который не былъ бы разграбленъ войсками Веллингтона.

Вотъ какъ описываетъ Монмартръ, занятый русскими, другой современникъ. «На дорогѣ изъ Парижа въ Монмартръ валялся почти голый трущъ. Въ одной изъ каменоломенъ, влѣво отъ дороги, спало нѣсколько солдатъ, составивъ ружья въ козлы. Мы были поражены мирнымъ обращеніемъ русскихъ солдатъ и кроткимъ выраженіемъ ихъ лицъ. Хотя только мы одни и рискнули явиться въ Монмартръ, тѣмъ не менѣе никто не обращалъ на насъ никакого вниманія».

Взятіе Монмартрскихъ высотъ сдѣлало защиту Парижа невозможной.

— Викторъ-Эмануиль II и Викторъ-Эмануиль III ¹⁾. — Прожившій долгіе годы въ Римѣ дипломатъ де-Моньи рассказываетъ интересныя подробности объ итальянскомъ королѣ Викторѣ-Эмануилѣ II.

Дворъ покойнаго короля въ Туринѣ отличался античной простотой и ограничивался небольшимъ числомъ офицеровъ и солдатъ, составлявшихъ скромную королевскую гвардію.

Воздержанный, трезвый и принимавшій пищу всего лишь разъ въ день, Викторъ-Эмануиль II любилъ самыя простыя кушанья и, присутствуя въ силу необходимости на парадныхъ придворныхъ обѣдахъ, не только не прикасался къ подававшимся изысканнымъ блюдамъ, но даже и не разворачивалъ лежавшей передъ нимъ салфетки. Опершись руками на эфесъ своей сабли, онъ обводилъ многочисленныхъ гостей строгимъ, испытующимъ взглядомъ

¹⁾ Les annales litter. et polit. 1913.

и, сохраняя глубокое молчаніе, даже не старался скрыть отъ нихъ своего нетерпѣнія и скуки.

Не признавая никакихъ свѣтскихъ развлеченій, покойный король страстно любилъ лошадей, охоту и физическія упражненія. Безъ всякой свиты, сопровождаемый только двумя своими адъютантами, онъ часто отправлялся въ горы охотиться за сернами и козерогами. Тамъ, въ простой синей блузѣ онъ лазилъ по скаламъ, спалъ подъ открытымъ небомъ, питался тѣмъ, что находилъ въ убогихъ крестьянскихъ хижинахъ, и возвращался обратно въ Туринъ веселымъ, бодрымъ и здоровымъ, какъ юноша, въ противоположность сопровождавшимъ его офицерамъ, изнуреннымъ этими безконечными экскурсіями.

Викторъ-Эмануилъ III или, какъ называли его, король *galant'uomo*, отличался умомъ, находчивостью и остроуміемъ. Будучи въ ударѣ, онъ, подобно Генриху IV, говорилъ порывисто, нервно, ядовито и нерѣдко смущалъ своихъ собесѣдниковъ злыми остротами, простота и даже грубость которыхъ были всегда высококомичны.

Иногда онъ прибѣгалъ къ этимъ остротамъ съ цѣлью выпроводить несноснаго посѣтителя, явившагося напомнить ему о сомнительномъ родствѣ своей семьи съ Савойскимъ домомъ, иногда для того, чтобы прервать назойливаго просителя, которому какой-либо изъ его министровъ упорно отказывалъ въ мѣстѣ.

Всѣмъ, напоминавшимъ ему о сомнительномъ съ нимъ родствѣ, онъ говорилъ обыкновенно слѣдующее:

— Конечно, вы мой кузень, и даже двоюродный, если это можетъ быть вамъ пріятнымъ... Удовольствіе отъ этого родства—для насъ обоихъ, но честь—только для меня.

Назойливымъ же просителямъ, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ, онъ предлагалъ свое мѣсто, говоря, что съ него уже довольно, что онъ усталъ править страной и съ удовольствіемъ готовъ помѣняться съ кѣмъ-нибудь другимъ, желающимъ принести пользу отечеству.

Въ 1871 году одинъ французскій дипломатъ, занимавшій видный постъ во времена второй имперіи, будучи проездомъ во Флоренціи, былъ принятъ въ аудіенціи Викторомъ-Эмануиломъ II, который съ живымъ интересомъ разспрашивалъ его объ императорѣ Наполеонѣ III и императрицѣ Евгеніи.

— Вѣдныя люди! Жалѣю ихъ отъ души!—сказалъ онъ дипломату, выслушавъ его рассказъ объ отреченіи и отъѣздѣ Наполеона изъ Франціи:—я глубоко опечаленъ ихъ несчастьемъ, такъ какъ никогда не забуду того, что императоръ сдѣлалъ для меня.

Затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ добавилъ съ улыбкой:

— Впрочемъ, это случится рано или поздно съ каждымъ изъ насъ... Я... я надъ этимъ смѣюсь, потому что я... республиканецъ... Но другимъ... другимъ не будетъ весело!

Если вѣрить рассказамъ стараго мажордома его величества короля Италіи, то Викторъ-Эмануилъ III—самый нравственный изъ всѣхъ королей, а дворъ его самый нравственный изъ всѣхъ другихъ дворовъ не только Европы, но и всего міра.

Оказывается, что среди придворных чиновъ Квиринала совершенно нѣтъ холостыхъ людей и что всѣ эти чины женаты на статсъ-дамахъ или, вѣрнѣе, жены ихъ сдѣланы статсъ-дамами королевы.

Увѣряютъ, что, окруживъ себя и свою семью исключительно мужьями и женами, Викторь-Эмануиль III преслѣдовалъ благую цѣль—предупредить возможность какихъ бы то ни было любовныхъ интригъ между праздными царедворцами, толкающимися съ утра до вечера во внутреннихъ покояхъ дворца, и оградить репутацію своего двора отъ нападокъ и критики легко увлекающихся итальянцевъ.

Однако даже и этотъ способъ, поражающій всѣхъ своею оригинальностью, не всегда избавляетъ короля отъ ненавистныхъ ему любовныхъ исторій. Истинное чувство неодолимо! Оно не боится ни строгости, ни кары! И при дворѣ итальянскаго короля тоже скрывается иногда пылкая любовь, открыть и обнаружить которую можетъ только случай, вродѣ слѣдующаго.

Однажды Викторь-Эмануиль III отправился осматривать королевскія конюшни. Во время этого осмотра ему понадобилось поговорить по телефону съ однимъ изъ важныхъ чиновниковъ, чтобы сдѣлать нѣсколько безотлагательныхъ замѣчаній по поводу найденныхъ имъ безпорядковъ.

Лично подойдя къ аппарату, король позвонилъ на станцію, назвалъ нужный ему номеръ и, прибавивъ обычное: «Pronto! Pronto!» что соответствуетъ въ Италіи нашему телефонному призыву: «Алло! Алло!» неожиданно услышалъ въ отвѣтъ слѣдующую фразу, произнесенную нѣжнымъ женскимъ голосомъ:

— Полно, Джузеппе! Не притворяйся!.. Не измѣняй своего голоса, противный!.. И пошли скорѣе по телефону поцѣлуй твоей маленькой подругѣ!

Въ первую минуту изумленный король положительно растерялся, но затѣмъ, сообразивъ, что его принимаютъ за кого-то другого, вторично потребовалъ соединить его съ названнымъ номеромъ.

— А! Ты хочешь продолжать свои шутки! Хорошо! Прощай, негодникъ!— снова прозвучалъ тотъ же женскій голосъ, но уже съ отгѣнкомъ гнѣва, и сообщеніе со станціей было прервано.

Викторь-Эмануиль отошелъ отъ аппарата и приказалъ произвести по этому поводу строгое разслѣдованіе, которое вызвало глубокій обморокъ телефонной барышни, узнавшей, что собесѣдникомъ ея былъ король, и чисто-сердечную исповѣдь жениха этой барышни, служащаго въ королевскихъ конюшняхъ, молодого Джузеппе, признавшагося въ ежедневныхъ разговорахъ по телефону со своей возлюбленной.

Въ концѣ концовъ, обезоруженный и добрый въ душѣ, король взялъ жениха и невѣсту подъ свое личное покровительство и, соединивъ ихъ передъ алтаремъ, пожаловалъ имъ въ память своего необыкновеннаго съ ними знакомства великолѣпный свадебный подарокъ.

По отзывамъ лицъ, его окружающихъ, король Италіи Викторь-Эмануиль III самый простой и наименѣе церемонный изъ всѣхъ людей, облеченныхъ высокой властью.

Разсказываютъ, что въ періодъ своихъ послѣднихъ охотъ онъ сбился съ дороги и, попавъ въ деревню, находящуюся вблизи одного изъ принадлежа-

щихъ ему замковъ, встрѣтилъ тамъ простую крестьянку, которая, увидя его болѣе чѣмъ скромную одежду, покрытую къ тому же грязью и пылью, приняла его за лакея и предложила ему купить у нея нѣсколько яицъ.

Викторъ-Эмануиль, конечно, согласился и протянулъ ей въ уплату лиру, но крестьянка отстранила деньги и сказала ему слѣдующее:

— Говорятъ, что въ наши края пріѣхалъ король. Если вы можете мнѣ его показать, я вамъ подарю яйца, а вы сохраните вашу лиру.

— Это очень легко,—отвѣтилъ ей, улыбнувшись, Викторъ-Эмануиль:— потому что король... это я.

— Вы!.. Вы король! Какой вздоръ!—сердито воскликнула крестьянка.— Съ такимъ носомъ и такой головой вы не увѣрите меня въ томъ, что вы король. Я уже видѣла королеву... Она высока и красива... Она никогда не вышла бы замужъ за такого карапуза и уроды, какъ вы...

Услышавъ подобныя комплименты, бѣдный король, вопреки своему обычному терпѣнію, началъ уже сердиться, но, по счастью, въ этотъ моментъ подошла отставшая отъ него свита и убѣдила крестьянку въ подлинности словъ ея случайнаго собесѣдника.

— Хотя мое лицо вамъ и не очень нравится,—сказалъ ей Викторъ-Эмануиль на прощаніе:—я все-таки хочу подарить вамъ мой портретъ...

И онъ протянулъ ей золотую монету съ отчеканеннымъ его изображеніемъ.

— Изъ біографіи Андерсена ¹⁾.—Знаменитый датскій сказочникъ Андерсенъ обратился къ этому роду произведеній, когда ему было уже тридцать лѣтъ. До этого онъ писалъ небольшія пьески для театра. Влюбившись въ одну дѣвицу, не раздѣлявшую его страсти, Андерсенъ превратился было въ лирическаго поэта, но скоро убѣдился, что лирика не его специальность. Не подозревая еще настоящаго своего призванія, Андерсенъ написалъ еще нѣсколько романовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ успѣха. Дурно были встрѣчены и его первыя сказки. Датская критика находила, что Андерсенъ, вышедшій изъ народа и получившій образованіе, благодаря участію въ немъ одного богатаго мецената, не имѣетъ права тратить свое время на такія глупости, какъ писаніе сказокъ. Нужно было выдержать эту бурю нѣсколько лѣтъ, чтобы публика оцѣнила, какъ слѣдуетъ, оригинальный родъ литературы, созданный Андерсомъ.

Найдя свой путь, писатель уже не сходилъ съ него. Мало-по-малу всякая мелочь, мимо которой другой прошелъ бы безъ всякаго вниманія, стала наводить его на философскія мысли. Какое-нибудь слово, отдѣльный образъ моментально порождали въ его фантазіи цѣлую исторію. Однажды его землякъ, знаменитый скульпторъ Торвальдсенъ, какъ-то шутя замѣтилъ ему:

— Вы можете написать сказку о чемъ угодно, даже о штопальной иголкѣ.

Не прошло и часу, какъ у Андерсена была уже готова сказка о штопальной иголкѣ, которая воображала, что она очень тонка и можетъ дѣлать вышивки, и кончила тѣмъ, что попала въ ручей. Другой разъ одинъ издатель прислалъ ему три виньетки съ просьбой написать къ какой-нибудь изъ нихъ

¹⁾ «Figaro», Suppl. litter. № 9.

текстъ. Онъ выбралъ ту, которая изображала маленькую дѣвочку, продающую спичку, и на эту тему создалъ настоящую драму въ миниатюрѣ.

Вдохновеніе сходило на него какъ-то вдругъ, неожиданно. Однажды онъ шелъ по улицѣ, не думая ни о чемъ, какъ вдругъ въ его головѣ зародилась исторія о потерянной дѣвочкѣ, которую тщетно отыскиваетъ мать. Пока онъ шелъ, сюжетъ продолжалъ развѣтываться самъ собою. Вернувшись домой, Андерсенъ написалъ сказку о матери, потерявшей свою дѣвочку, которую она потомъ находитъ въ саду Смерти—сказку, переведенную на всѣ языки и пользующуюся особеннымъ успѣхомъ въ Индіи.

Андерсенъ отличался робостью и задумчивымъ, даже угрюмымъ настроеніемъ. Болѣзненно самолюбивый, онъ оскорблялся даже легкой критикой и всю жизнь не могъ забыть тѣхъ униженій, которыя ему пришлось вытерпѣть въ молодости, когда онъ былъ бѣденъ. Еще въ школѣ онъ выдумывалъ интересные рассказы. Если товарищи, слушая ихъ, плакали, Андерсенъ самъ не могъ удержаться отъ слезъ. Его мать, вдова бѣднаго башмачника, хотѣла сдѣлать изъ него портного, но онъ мечталъ прославиться. Его привлекалъ театръ, и вотъ въ одинъ прекрасный день онъ явился къ одной изъ балеринъ копенгагенскаго опернаго театра и сталъ просить ее устроить его въ театральную балетную школу. Чтобы убѣдить ее въ своихъ балетныхъ способностяхъ, мальчикъ снялъ свои башмаки и принялся выдѣлывать передъ изумленной танцовщицей всякія па. Та подумала, что онъ не въ полномъ умѣ, и поспѣшила отдѣлаться отъ него. На лѣстницѣ какая-то женщина приняла его за нищаго и бросила ему грошъ.

Его отвели къ столяру и отдали въ ученье. Но тутъ онъ оставался не долго: грубый языкъ мастеровыхъ оскорблялъ его нѣжную чистую душу. Бросивъ ученье у столяра, Андерсенъ нѣкоторое время терпѣлъ жестокую нужду. Имѣя хорошій голосъ, онъ рѣшилъ было воспользоваться имъ. Одинъ профессоръ пѣнія принялъ въ немъ участіе, сталъ давать ему бесплатные уроки и пристроилъ его въ копенгагенскій театръ въ качествѣ хориста. Мало-по-малу Андерсену удалось найти себѣ покровителей, съ помощью которыхъ онъ и вышелъ на настоящую свою дорогу. Особенно помогла ему шведская актриса Женни Линдъ, которую онъ называлъ потомъ своихъ «добрымъ братомъ».

Рядомъ съ раздражительностью, развившейся подъ вліяніемъ тяжело прожитой молодости, въ Андерсенѣ уживалось истинное душевное благородство. Одинъ датскій критикъ опубликовалъ рядъ писемъ, имѣвшихъ въ его распоряженіи и жестоко критиковавшихъ Андерсена за его будто бы «угодничество передъ богатыми». Письмо это вышло изъ-подъ пера одного изъ его друзей. Не долго думая, писатель отправился къ автору письма, благодарилъ его за долговременную дружбу и просилъ не обращать вниманіе на нескромность критика, опубликовавшаго столь нелестныя для Андерсена письма.

Въ 1843 году Андерсенъ пріѣхалъ въ Парижъ. Ксавье Мармье ввелъ его въ литературный міръ, встрѣтившій датскаго писателя очень тепло. Особенно сошелся онъ съ Викторомъ Гюго, Ламартиномъ и Дюма-отцомъ. Послѣдній принималъ его обыкновенно лежа въ постели.

— Подождите немного. У меня моя муза. Но ея визитъ продолжится не долго,—говаривалъ онъ.

Очень часто встрѣчался Андерсенъ съ Бальзакомъ, котораго привыкъ видѣть всегда элегантно одѣтымъ, вѣжливымъ и сдержаннымъ. Каково же было его удивленіе, когда однажды онъ встрѣтилъ Бальзака грязнаго, въ рваной одеждѣ и грязныхъ башмакахъ. Оказалось, что писатель въ погонѣ за наблюдениями только что вернулся изъ рабочаго квартала, куда ходилъ всегда переодѣтый.

Гдѣ бы ни былъ Андерсенъ, онъ вездѣ предпочиталъ взрослымъ общество дѣтей. Онъ усаживался среди нихъ, забавляя ихъ разными играми и между прочимъ своимъ умѣньемъ превосходно вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры. Иногда онъ начиналъ рассказывать имъ сказку, и тогда изъ его устъ выходили дивныя импровизаціи, которыя составляютъ лучшія страницы его сочиненій.

— Нѣмецкій якобинецъ передъ революціоннымъ трибуналомъ ¹⁾.—Въ литературномъ прибавленіи къ «Фоссовой Газетѣ» находимъ любопытную статью о нѣкоемъ Адамѣ Люксѣ, судьба котораго наглядно показываетъ разницу между нѣмецкими и французскими якобинцами. Молодой ученый, котораго одинъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ называетъ «нѣмецкимъ мечтателемъ изъ-за Рейна», родился въ 1766 году недалеко отъ Ашаффенбурга. Богато одаренный отъ природы, онъ уже въ девятнадцать лѣтъ кончилъ курсъ медицинскихъ и философскихъ наукъ. Врачебная практика его, впрочемъ, не привлекала. Онъ предпочелъ занять должность домоуправителя въ семьѣ одного богатаго бюргера изъ Майнца и вскорѣ женился на одной изъ его родственницъ. Весь пропитанный идеями Руссо, Адамъ Люксъ старается избѣгать города, уединяется въ деревнѣ и предается тамъ полевымъ работамъ и изученію философіи. Счастливый отецъ трехъ дочерей, Люксъ велъ уединенный образъ жизни, посвящая свои досуги философіи и чтенію древнихъ.

Въ 1792 году эта идиллическая обстановка рушится. Французскія республиканскія войска занимаютъ весь лѣвый берегъ Рейна и вступаютъ въ Майнцъ, всюду неся за собою свои республиканскія освободительныя идеи. Въ завоеванной странѣ немедленно возникаетъ своя маленькая республика. Весною 1793 года въ Майнцѣ собирается нѣмецко-рейнскій національный конвентъ для выработки конституціи по образцу французской. Молодой Люксъ попадаетъ въ число депутатовъ этого нѣмецкаго конвента и на первомъ же засѣданіи произноситъ блестящую рѣчь, въ которой высказывается за присоединеніе новой республики къ ея французскому образцу: «Я хорошо знаю недостатки великой республики, но въ данную минуту рѣчь должна итти о томъ, чтобы по возможности соединить всѣ народы для борьбы съ деспотами»,—говорилъ онъ.

Въ результатъ своихъ совѣщаній майнцкій конвентъ постановилъ отправить въ Парижъ депутацію изъ трехъ своихъ сочленовъ, въ число которыхъ попалъ и Адамъ Люксъ. Въ это время въ Парижѣ борьба жирондистовъ и монтаньяровъ достигла крайняго ожесточенія. Крайніе элементы все болѣе и болѣе

¹⁾ «Vossische Zeit». № 96.

захватывали власть въ свои руки. Люксъ, прїѣхавшій въ Парижъ съ самыми свободололюбивыми мечтами, вскорѣ увидѣлъ, что во Франціи царить свобод- партійная, ложившаяся тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ, кто не раздѣлялъ крайнихъ воззрѣній монтаньяровъ. Мечты его разсѣялись, какъ дымъ, и онъ писалъ домой: «Два мѣсяца тому назадъ, когда я только что прїѣхалъ въ Парижъ, я и не подозрѣвалъ о той партійной враждѣ, которая раздѣляетъ «равнину» отъ «горы». Если бъ я зналъ все, что здѣсь произошло съ марта по іюнь, я отказался бы отъ своего намѣренія уговорить моихъ земляковъ примкнуть къ Франціи. Сознаюсь, что я съ своими якобинскими предрасудками напрасно дошелъ до этого. Прїѣхавъ въ Парижъ, я возымѣлъ намѣреніе посѣщать всѣ якобинскія собранія. Но было довольно побывать и на двухъ, чтобы почувствовать къ нимъ отвращеніе. Я слышалъ только клеветы и всякія отвратительныя вещи».

Послѣ паденія жирондистовъ Люксъ носился съ самыми фантастическими планами. Послѣ одного изъ обращеній къ конвенту, который онъ напрасно призывалъ къ единодушію и умѣренности, онъ хотѣлъ застрѣлиться, но жирондистамъ удалось отвлечь его отъ этого намѣренія. За нѣсколько дней до казни Шарлотты Кордэ онъ выпустилъ сильно написанное «обращеніе ко всѣмъ французскимъ гражданамъ», которое оканчивается такими словами: «Теперь вы можете оказать мнѣ честь—бросить меня въ тюрьму или возвести на гильотину, какъ вамъ будетъ угодно». 17-го іюля казнили убійцу Марата. Люксъ выпустилъ второй памфлетъ подъ заглавіемъ «Шарлотта Кордэ, убійца Марата», въ которомъ требовалъ, чтобы парижане въ знакъ благодарности за ихъ избавленіе отъ Марата воздвигли смѣлой дѣвушкѣ памятникъ съ надписью: «Болѣе великой, чѣмъ Брутъ». Революціонеры, до сихъ поръ щадившіе Люкса, теперь выступили противъ него, и Люксъ очутился передъ революціоннымъ трибуналомъ.

Во главѣ комитета общественной безопасности стоялъ въ это время нѣкій Шабо—бывшій монахъ-капуцинъ. Онъ приказалъ немедленно отправить Люкса въ тюрьму Ла-Форсъ, гдѣ его помѣстили вмѣстѣ съ генералами Миранда и Монтанье, который былъ первымъ предсѣдателемъ революціоннаго трибунала. Посѣщавшіе узника друзья удивлялись стоическому спокойствію Люкса. Лишь однажды они застали его взволнованнымъ. Люксъ былъ разсерженъ статьей, напечатанной въ якобинскомъ «Journal de la Montagne». Въ этой статьѣ одинъ изъ земляковъ Люкса, нѣкто Ведекингъ, распинался за заключеннаго, увѣряя всѣхъ въ томъ, что онъ, прельщенный красотою Шарлотты Кордэ, послѣднее время совсѣмъ потерялъ голову.

Очевидно, это была попытка спасти Люкса. Но онъ послалъ на эту статью опроверженіе, и участь его была рѣшена. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія революціонный трибуналъ вынесъ ему смертный приговоръ. Ему было вмѣнено въ вину, что онъ уговаривалъ народъ распустить національное собраніе и вернуться къ восстановленію власти, враждебной суверенитету народа. На вопросъ предсѣдателя суда Дюма, не имѣетъ ли онъ что-либо добавить въ свое оправданіе, Люксъ хладнокровно отвѣтилъ: «Я подчиняюсь закону».

4-го ноября 1793 года, въ пять часовъ вечера Люксъ поднялся на гильотину съ такимъ же спокойствіемъ, какъ будто онъ всходилъ на ораторскую трибуну.

Такъ погибъ этотъ нѣмецкій якобинецъ, послужившій, какъ предполагають, для Гете прототипомъ героя извѣстнаго его произведенія «Германъ и Доротея».

— *Пребываніе Наполеона въ Потсдамѣ.*¹⁾ Столѣтняя годовщина занятія Парижа союзниками оживила литературу о Наполеонѣ, которая оказывается все еще не исчерпанной. «Frankfurter Zeitung» печатаетъ воспоминанія камеръ-лакея потсдамскаго дворца, который въ 1806 году, когда Наполеонъ останавливался въ Потсдамѣ, состоялъ при немъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца камердинеромъ.

«24-го октября 1806 года,—начинаетъ свой рассказъ авторъ воспоминаній,— въ одиннадцать часовъ утра императоръ Наполеонъ слѣзъ съ коня у зеленой опушки потсдамскаго парка.

«— Я буду жить здѣсь?—спросилъ онъ маршала Дюрока.

«— Да, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ:—въ той самой комнатѣ, гдѣ жилъ русскій императоръ.

«Императоръ, отдавъ приказаніе, чтобы его лейбъ-гвардія была также размѣщена во дворцѣ, какъ это было у прусскаго короля, вошелъ въ мраморный залъ, чтобы взглянуть на отведенную ему комнату. Онъ спросилъ меня, какую службу я несу. Я отвѣчалъ, что я состою камердинеромъ его величества короля прусскаго. Войдя въ темную комнату, гдѣ находились два камердинера, онъ спросилъ меня, кто это такіе и говорятъ ли они по-французски. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ спросилъ меня:

«— Вы—французъ?

«— Нѣтъ, ваше величество, я родился въ Италіи.

«— Вы будете прислуживать мнѣ,—сказалъ императоръ по-итальянски.

«Отведенную ему комнату онъ нашелъ великолѣпной. Въ спальнѣ онъ спросилъ, на этой ли кровати спалъ императоръ Александръ, и распорядился, чтобы ему немедленно принесли нѣсколько столовъ, на которыхъ онъ могъ бы разложить свои карты. Черезъ полчаса онъ велѣлъ подавать завтракъ, за который сѣлъ съ принцемъ Иеронимомъ и Мюратомъ.

«Между тѣмъ прибыла императорская гвардія. Я послалъ кого-то показать обѣ главныя гауптвахты, которыя и были заняты ею, равно какъ и мраморный залъ.

Выйдя около двухъ часовъ въ бронзовый залъ, императоръ спросилъ меня о картинахъ, которыя висѣли надъ каминомъ.

«— Далеко ли отсюда дворецъ Санъ-Суси и Новый дворецъ,—продолжалъ онъ.—Я ихъ хочу осмотрѣть сегодня же. Гдѣ жилъ въ этомъ дворцѣ Фридрихъ Великій? Я хочу видѣть его апартаменты сейчасъ же.

«Я немедленно далъ знать смотрителю, чтобы онъ открылъ эти комнаты. Войдя въ первую изъ нихъ, Наполеонъ спросилъ, что это за картины и гравюры, которыя лежали на полу. Я объяснилъ, что ихъ купилъ на берлинской выставкѣ король и что онѣ предназначаются для комнатъ Фридриха Великаго.

¹⁾ «Frankfurt. Zeitung», № 88.

«— Гдѣ спалъ Фридрихъ Великій? На какой кровати?»

«Такъ какъ я не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ самъ, то обратился къ смотрителю, который объяснилъ, что король Фридрихъ Вильгельмъ II подарилъ эту кровать своему приближенному Рицу. Отвѣтъ этотъ я передалъ Наполеону по-французски.

Императоръ открылъ книжный шкафъ Фридриха Великаго, взялъ оттуда одинъ томъ и сказалъ окружавшимъ его генераламъ:

«— Эту книгу написалъ самъ Фридрихъ Великій. Это имъ самимъ писанный каталогъ.

«Потомъ, указывая на смотрителя, онъ спросилъ:

«— Онъ служилъ при Фридрихѣ Великомъ?»

«— Онъ нѣсколько лѣтъ былъ лакеемъ при его величествѣ. Смотрителемъ же онъ сдѣлался потомъ.

«— Что это за шпага, которая тамъ лежитъ на столѣ? Неужели Фридрихъ Великій носилъ такую маленькую шпагу?»

«Получивъ утвердительный отвѣтъ, императоръ взялъ шпагу и, показывая ее генераламъ, сказалъ:

«— Если бы король былъ еще живъ, то насъ бы здѣсь не было.

«Наполеонъ очень подробно освѣдомлялся о каждой вещи, находившейся въ комнатѣ, и о ея прежнемъ владѣльцѣ. Перейдя въ слѣдующую комнату, онъ внимательно осмотрѣлъ подъемный столъ и спросилъ, не было ли здѣсь какихъ-нибудь перемѣнъ со времени Фридриха Великаго.

«Окончивъ осмотръ, императоръ направился обратно въ свои апартаменты и приказалъ прислать къ нему кого-нибудь, кто могъ бы говорить по-французски и показывать ему дорогу при его прогулкѣ верхомъ.

«Я послалъ за королевскимъ берейтеромъ Миллеромъ, но оказалось, что онъ не зналъ по-французски.

«Въ тотъ же день въ королевскій замокъ явился придворный скотобоецъ Гизманъ и жаловался, что французскія войска по дорогѣ изъ Шарлоттенбурга въ Берлинъ забрали у него весь скоть, повозки и лошадей. Принцъ Бертье, которому я доложилъ объ этомъ, сказалъ, что нужно узнать, какого корпуса были эти войска. Оказалось, что то былъ корпусъ Бернадотта. По приказанію Бертье, Гизманъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ отправился въ стоянку корпуса и получилъ тамъ обратно все, что у него было захвачено, кромѣ одной свиньи, которая была уже убита.

«Однажды въ королевскій замокъ явился нѣкто Гессе, одинъ изъ тѣхъ господъ, которые нѣсколько дней тому назадъ выѣзжали навстрѣчу французскимъ войскамъ въ надеждѣ попасться на глаза императору. Замѣтивъ меня, онъ спросилъ меня по-французски, не принадлежу ли я къ слугамъ императора, и заявилъ, что у него есть письмо къ нему. Онъ хотѣлъ передать его кому-нибудь изъ адъютантовъ, но такъ какъ никого изъ нихъ онъ назвать не могъ, то я доложилъ о немъ дежурному генералу Гардану. Тотъ вышелъ и взялъ у Гессе письмо.

«— Удивительно! — воскликнулъ Наполеонъ, пробѣжавъ письмо. — Не успѣлъ я появиться, какъ у меня уже просятъ денегъ. Меня просятъ уплатить

деньги, которыя будто бы обѣщалъ король прусскій этому господину для поддержки его фабрики. Вотъ такъ патріотъ!

«Въ одно прекрасное утро императоръ приказалъ пригласить къ себѣ фельдмаршала фонъ-Меллендорфа. Когда я доложилъ о его прибытіи, императоръ привѣтливо протянулъ ему руку и сказалъ:

«— Я очень радъ познакомиться съ храбрымъ фельдмаршаломъ.

«Онъ бесѣдовалъ съ нимъ больше часу. Черезъ нѣсколько дней онъ пригласилъ его къ своему столу, за которымъ сидѣло нѣсколько принцевъ, и бесѣдовалъ почти съ нимъ однимъ. Вечеромъ онъ съ принцами и Меллендорфомъ перешелъ въ концертный залъ и приказалъ начать концертъ.

«Маршалъ Дюрокъ представилъ Наполеону m-me Бригъ, пѣвицу баварскаго короля. Наполеонъ спросилъ, откуда она родомъ. Узнавъ, что она изъ Болоньи, императоръ заговорилъ съ нею по-итальянски и сказалъ, что болонцы—хорошіе люди. Оперной пѣвицѣ Маркетти, состоявшей на нѣмецкой службѣ около четырнадцати лѣтъ, Наполеонъ замѣтилъ, что она стала совсѣмъ нѣмой.

«24-го ноября, въ три часа утра Наполеонъ уѣхалъ изъ Берлина въ Кюстринъ. Всѣ ждали его возвращенія, и комната для него была наготовѣ. Но онъ не вернулся».

— Наполеонъ въ роли фальшивомонетчика.—Извѣстно, что Наполеонъ для достиженія своихъ цѣлей не брезговалъ никакими средствами. «Я не такой человѣкъ, какъ всѣ другіе, и моральные законы ко мнѣ не приложимы», любилъ повторять онъ. Готовясь къ войнѣ съ кѣмъ-либо изъ своихъ многочисленныхъ противниковъ, онъ, сдѣлавшись императоромъ, избралъ новый способъ борьбы и старался прежде всего разорить враждебную страну экономически, наводняя ее фальшивыми ассигнаціями, которыя, по его приказанію, во множествѣ выдѣлывались въ Парижѣ. Впослѣдствіи, по сверженіи Наполеона, эта сторона его дѣятельности послужила предметомъ особаго разслѣдованія, которое было поручено Людовикомъ XVIII близкому къ нему человѣку графу Блака. Графъ представилъ по этому дѣлу обширный докладъ, которымъ крайне заинтересовался тогдашній австрійскій посланникъ въ Парижѣ графъ Бомбелль. Онъ хотѣлъ было сдѣлать копію съ этого доклада, но этого ему не разрѣшили. Поэтому, прочитавъ докладъ Блака нѣсколько разъ, онъ потомъ воспроизвелъ его содержаніе на память въ своемъ письмѣ отъ 26-го сентября 1814 года къ австрійскому канцлеру графу Угартѣ. Любопытное письмо это нынѣ напечатано въ мартовской книжкѣ вѣнскаго журнала «Oesterreichische Rundschau», и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ.

«Изготовленіе фальшивыхъ австрійскихъ ассигнацій началось уже съ 1809 г.—сообщаетъ графъ Бомбелль.—Продолжалось оно до бракосочетанія Наполеона съ принцессой Луизой, послѣ чего было приостановлено. Зато въ это время принялись за изготовленіе фальшивыхъ рублей, а черезъ два мѣсяца и англійскихъ банковыхъ билетовъ. Въ 1813 году выдѣлка фальшивыхъ австрійскихъ ассигнацій возобновилась, а также стали выдѣлывать такъ называемые *variets de coalition* (т. е. условные денежные знаки, принятые въ 1813 году Англійей, Пруссіей и Россіей для взаимной расплаты по военнымъ расходамъ). Впрочемъ, ихъ было пушено въ обращеніи немного. Изготовленные австрійскіе

билеты были большею частью достоинствомъ въ 500 и 1000 гульденовъ. Ихъ приготовили на сорокъ миллионовъ. Изъ нихъ пущено было въ обращеніе немного, такъ какъ въ Парижѣ боялись, что все это дѣло всплыветъ наружу. Книги и реестры, касающіеся изготовленія фальшивыхъ ассигнацій, были уничтожены, вслѣдствіе чего невозможно сказать, сколько именно было напечатано фальшивыхъ денегъ и на какую сумму. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, стоявшимъ во главѣ всего этого дѣла, былъ нѣкій Демарэ (начальникъ отдѣленія государственной полиціи министерства полиціи, находившагося въ завѣдываніи Савари). Этотъ привлекъ къ дѣлу нѣкоего Террассона, который набралъ для него рабочихъ и граверовъ, среди которыхъ былъ и Фирманъ-Дидо (извѣстный впослѣдствіи типографъ и издатель). Печатня была устроена въ улицѣ Вожираръ. Французское правительство относилось къ этому предпріятію съ такимъ вниманіемъ и тратило на него такія деньги, что было устроено 24 станка. Въ ходу были, впрочемъ, только шесть.

Для распространенія фальшивыхъ денегъ пользовались разными мелкими агентами, имена которыхъ полиція не могла раскрыть. Производившему разслѣдованіе полицеймейстеру Беньо удалось все же обнаружить двухъ главныхъ посредниковъ по распространенію фальшивыхъ бумажекъ. Это былъ нѣкій Бернаръ, содержатель игорнаго дома въ Парижѣ, и нѣкто Диснекъ въ Гамбургѣ. Другой способъ, которымъ распространялись фальшивыя деньги, состоялъ въ томъ, что онѣ разсылались наполеоновскимъ генераламъ съ приказаніемъ раздавать ихъ, какъ случайно захваченную добычу. Такъ, Суланжъ прислалъ изъ Милана въ итальянскую армію фальшивыхъ денегъ на тридцать тысячъ гульденовъ.

Беньо въ заключеніе своего доклада говоритъ королю, что иностранные дворы теперь могутъ быть совершенно спокойны. Доски, съ которыхъ производилось печатаніе, приведены въ негодность посредствомъ укуса и крѣпкой водки, а инструменты выданы имъ. Уже отпечатанныя фальшивыя бумажки не были переданы имъ только потому, что ихъ уничтожили уже раньше. Далѣе Беньо просилъ его величество повелѣть прекратить дальнѣйшее слѣдствіе, такъ какъ въ него могутъ быть запутаны многіе виднѣйшіе сановники. Единственный фальшивомонетчикъ былъ самъ Наполеонъ, остальныхъ можно обвинять лишь въ слабости и подлости. По распоряженію графа Блака австрійскому дипломату барону Оттенфельсу было предоставлено взять всѣ инструменты. Они вѣсили около 1800 фунтовъ и были доставлены въ австрійское посольство въ Парижѣ».

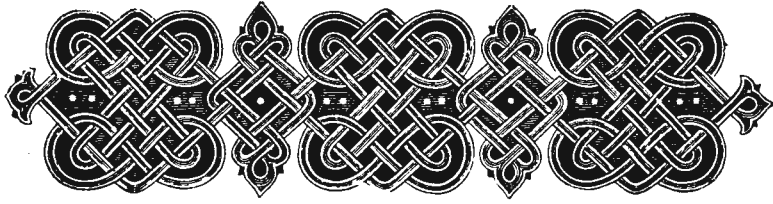
Таково содержаніе письма графа Бомбелля. Любопытно, что Наполеонъ, прекративъ послѣ женитьбы на австрійской принцессѣ печатаніе австрійскихъ фальшивыхъ ассигнацій, дѣятельно принялся печатать фальшивыя русскія ассигнаціи. Это показываетъ, что уже въ 1810 году Наполеонъ началъ готовиться къ новой войнѣ съ Россіей.

Несмотря на крайній цинизмъ Наполеона и его двора, приближенные его все-таки смотрѣли на его затѣю съ печатаніемъ фальшивыхъ денегъ, какъ на предпріятіе въ высшей степени предосудительное. Дѣло велось въ такой тайнѣ, что о немъ не знали даже тогдашній префектъ полиціи Паскье, оставив-

шій любопытныя записки. Когда незадолго до похода Наполеона въ Россію до его свѣдѣнія дошло, что въ одномъ изъ домовъ на Монружѣ производится по почамъ печатаніе фальшивыхъ денегъ, онъ приказалъ окружить подозрительный домъ и доставить къ нему прессы и уже отпечатанныя ассигнаціи. «Едва закончился арестъ,—разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ Паскъе,—какъ вдругъ ко мнѣ вбѣжалъ въ ужасѣ герцогъ Ровиго (Савари), говоря, что все это дѣлалось по его распоряженію и что фальшивыя деньги были предназначены для расплаты въ Россіи за поставки для арміи. Если бы вспыхнула война съ Австріей, то имѣлось въ виду также прибѣгнуть къ этому средству. Далѣе герцогъ сообщилъ, что императоръ послѣдовалъ лишь примѣру Англіи. Всѣ напечатанныя деньги были отнесены въ министерство полиціи, гдѣ министр распорядился съ ними по своему усмотрѣнію. Я убѣдился впоследствии, прибавляетъ Паскъе, что эти фальшивыя бумажки не принесли пользы. Во время похода въ Россію была роздана лишь небольшая часть ихъ, остальные пришлось сжечь послѣ возвращенія въ Парижъ».

Дѣло это получило огласку благодаря нескромности одного банкирскаго дома въ Гамбургѣ, съ которымъ, по приказу Савари, французское правительство вздумало было разсчитаться издѣліями тайной вожиарской типографіи.

25-ЛѢТІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Н. Н. ВЕНТЦЕЛЯ.

В ТѢСНОМЪ и дружномъ кружкѣ поэтовъ, друзей и журналистовъ 10-го апрѣля происходило чествованіе Н. Н. Вентцеля (Бенедикта) по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности. На обѣдѣ, состоявшемся въ ресторанѣ «Перваго товарищества официантовъ», было болѣе ста человекъ народу, въ числѣ которыхъ присутствовали: редакторъ «Новаго Времени» М. Н. Мазаевъ, редакторъ «Историческаго Вѣстника» В. Б. Глинскій, Н. Тэффи, Из. Гринева, М. Г. Веселкова-Кильштетъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, І. І. Ясинскій, В. П. Авенариусъ, В. П. Опочининъ, М. О. Меньшиковъ, В. А. Мазуркевичъ, А. М. Ренниковъ, Н. И. Кравченко, И. И. Соколовъ, Н. П. Лебедевъ, Б. Н. Хвостовъ, Дмитрій Цензоръ, Ф. Е. Заринъ, В. П. Крымовъ, В. Б. Бертенсонъ, В. М. Грибовскій, В. П. Козловскій, Ф. Ф. Борнгардъ, гг. Конради, Маркузе, Бурнакинъ, Магула, артистъ Г. П. Макаровъ, многіе представители газетъ «Новое Время» и «Вечернее Время», члены кружка поэтовъ и поэтессъ «Вечера Случевскаго» и др.

Появленіе юбиляра съ супругою было встрѣчено громомъ аплодисментовъ и г-жѣ Вентцель были поднесены живые цвѣты. Отъ имени кружка поэтовъ и поэтессъ «Вечера Случевскаго» В. В. Умановъ-Каплуновскій прочелъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Ваша литературная дѣятельность неразрывно связана съ кружкомъ поэтовъ и поэтессъ, объединенныхъ именемъ К. К. Случевскаго. Сначала на «Пятницахъ», возникшихъ 1-го октября 1898 года, потомъ на «Вечерахъ Случевскаго», вы были неизмѣннымъ посѣтителемъ и другомъ поэтическихъ собраній, а съ 1898 года по 1913 г. принимали въ нихъ особенно близкое участіе, будучи товарищемъ предсѣдателя, а затѣмъ предсѣдателемъ кружка. Каждый болѣе или менѣе выдающійся случай изъ со-

временной жизни, политики и литературы находилъ удачный откликъ въ вашихъ блестящихъ экспромтахъ и сколько разъ игривый, легкій стихъ Бенедикта оживлялъ наши вечера яркими вспышками мѣткого остроумія. Не касаясь вашей талантливой дѣятельности въ области беллетристики, драматургіи и критики, мы, празднуя сегодня ваше литературное двадцатипятилѣтіе, сердечно поздравляемъ васъ и желаемъ, чтобы вы еще многіе годы украшали нашъ кружокъ своимъ постояннымъ участіемъ въ его собраніяхъ, какъ чуткій, отзывчивый поэтъ, а ваша муза, вообще не знающая желчи и гнѣва, оставалась и впредь такой же искренней и добродушной».

Кромѣ адреса, «случевцы» поднесли юбиляру альбомъ, въ которомъ члены кружка написали свои стихотворенія. Послѣ этого юбиляру было поднесено отъ сотрудниковъ «Новаго Времени», друзей и почитателей американское бюро, украшенное серебряной доской съ указаніемъ, кому и отъ кого оно поднесено.

Обѣдъ открылся подъ предѣтельствомъ І. І. Ясинскаго, произнесшаго теплое слово, въ которомъ очертилъ юбиляра, какъ талантливаго и отзывчиваго писателя и добраго, хорошаго человѣка. Затѣмъ стихотворное привѣтствіе сказалъ В. П. Опочининъ:

Литературы четверть вѣка:
 Какъ много радостей и бѣдъ!
 За это можно человѣка
 Позвать на праздничный обѣдъ...
 И объявили мы эдиктомъ:
 Сюда сходитесь, господа!
 Здѣсь предстоитъ вамъ съ Бенедиктомъ
 Литературная ѣда...
 Хотя юбиляру и за сорокъ,
 Таковъ ужъ юбилейный срокъ,
 Но взглядъ его, какъ прежде, зорокъ
 И чувствъ души не тронуть рокъ.
 Владѣя рѣчью той же мѣткой,
 Онъ не утратилъ чуткихъ струнъ...
 Не потому ли подъ замѣткой
 Онъ любить ставить подпись Ю—нъ?
 Играть онъ часто любить въ прятки
 И часто прессѣ и мольбѣ
 Давать старается загадки:
 Кто В. Ю. Б.? Кто Н. Н. В?.
 А то порою своенравно
 Онъ вдругъ измѣнить свой нарядъ
 И въ странномъ туалетѣ Фавна
 Порой гуляетъ, говорить...
 Но въ поэтическомъ колѣницѣ ль
 Иль въ мѣткомъ словѣ,—сразу вдругъ
 Мы всѣ поймемъ: да это Вентцель—
 Нашъ милый, нашъ любимый другъ!..

Послѣ нѣсколькихъ краткихъ привѣтствій, произнесенныхъ бывшими сослуживцами юбиляра по министерству путей сообщенія,—Н. Н. Вентцель только что вышелъ въ отставку,—артистъ русской оперы Г. П. Макаровъ пропѣлъ юбиляру кантату («Аллаверды»).

Аллаверды,—Господь съ тобою!
 Справляемъ мы твой юбилей,—
 Живи, обласканный судьбою,
 Стихи и прозу мирно лей...
 Себя ты прячешь въ псевдонимѣ
 На всевозможные лады,
 Но мы нашли тебя подъ ними...
 Аллаверды, Аллаверды!

Къ литературнымъ именинамъ
 Сюда сойдясь на торжество,
 Хотимъ почтить бенедиктиномъ
 Мы Бенедикта самого.
 Его причудливыя риемы
 Мы прославляемъ средь ѣзды
 И будемъ пить хоть теперифы...
 Аллаверды, Аллаверды!

Сегодня бросивъ постъ служебный,
 Нашъ юбиляръ теперь готовъ
 Одной поэзіи волшебной
 Отдать весь пылъ своихъ трудовъ.
 Пусть ей онъ служитъ полстолѣтъя,
 А мы почтимъ его труды,
 И съ той же силой буду пѣть я:
 Аллаверды! Аллаверды!..

Поэтъ Н. В. Хвостовъ произнесъ слѣдующее стихотвореніе:

Какъ отъ тоски абсентъ—цѣля,
 Имѣеть радость цѣлю,
 Такъ и сатиры Вентцеля
 Влекутъ сердца къ веселью.

Насъ Вентцель ждетъ, насъ Вентцель ждетъ!
 Звучить, несется эхо.
 Къ нему пѣвцовъ веселый слетъ:
 Сегодня—праздникъ смѣха.

Вѣдь двадцать пять истекшихъ лѣтъ
 Подъ рядъ—est bene dictu—
 Смѣяться заставлялъ поэтъ:
 Спасибо Бенедикту!

Здоровый смѣхъ—бальзамъ души
 Въ невзгодахъ человѣка.
 О, Вентцель, Вентцель, насъ смѣши
 Вторую четверть вѣка!

Поэтъ И. М. Маркузе прочиталъ стихотворное привѣтствіе:

Аполлонъ и граціи
 Шлютъ тебѣ оваціи,
 Вентцель, нашъ поэтъ!

И Парнаса силами
 Писанный чернилами
 Милый твой портретъ.
 Ты на немъ успѣшливо
 Схваченъ. Ликъ насмѣшливо
 Дѣтскій и простой
 Свѣтится улыбкою,
 А надъ лбомъ ошибкою
 Хмурой сѣдиной.
 Нѣтъ въ томъ дисгармоніи,
 Лишь твоей ироніи
 Вижу въ томъ я слѣдъ.
 Съ риемой шаловливою
 И съ сѣдою гривою—
 Здравствуй много лѣтъ!

Поэтъ А. Мейснеръ:

АКРОСТИХЪ БЕНЕДИКТУ.

Беззлобный смѣхъ, твой смѣхъ безгнѣвный,
 Едва въ созвучьяхъ охвативъ
 Наплывъ злой пошлости вседневной,
 Ее обрекъ и на отплыть.
 Давно поеть каскадъ блестящій
 И строфъ, и строкъ, и риемъ твоихъ.
 Какъ будто громъ животворящій
 Тебѣ подказываетъ ихъ.

На всѣ обращенныя къ нему привѣтствія юбиляръ отвѣтилъ рѣчью въ прозѣ и стихами, изъ коихъ приводимъ послѣдніе:

Я въ льстивыхъ не силенъ приемахъ,
 Хотѣлъ бы просто, безъ затѣй,
 Привѣтствовать въ сей день знакомыхъ
 И незнакомыхъ я друзей.
 Изъ нихъ открылъ иныхъ,—не скрою,—
 Я, какъ Америку Колумбъ.
 Ахъ! Путь писателя порою
 Идетъ не средъ цвѣточныхъ клумбъ.
 Литература—вродѣ сѣтей
 Для ловли безразсудныхъ рыбъ...
 Съ ней шутить годъ, другой и третій,
 А тамъ, глядишь, ты и погябъ!
 Считаю «миссіей святою»
 Тотъ трудъ, что сталъ тебѣ ужъ милъ,
 Ты уязвимою пятою
 Обзаведешься, какъ Ахиллъ.
 Надежды на безсмертье вянутъ,
 Мечтаній рой пошелъ вразбродъ...
 Назадъ бы... Поздно! Поздно! втянуть
 Ты въ роковой водоворотъ.
 Съ собой не будучи двуликъ самъ,
 Смиривши гордыя мечты,
 Себя въ литературѣ «иксомъ»

Лишь обозначить можешь ты,
 Кто ты? Успѣлъ попасть ты въ «тати» ль,
 Или въ число «несущихъ свѣтъ»?
 Имбется ли «другъ-читатель»
 Въ пространствѣ у тебя, или нѣтъ?
 Какъ онъ зовется? Павелъ? Трифонъ?
 Прийти съ нимъ можно ли въ контактъ?
 И можешь ли сказать ты,—мигъ онъ
 Или реальный нѣкій фактъ?
 Задача... Но на юбилей,
 Съ читателемъ лицомъ къ лицу,
 Ее приводишь ты смѣлке
 Къ благополучному концу.
 Пускай въ рѣчахъ все взято въ кубъ,
 Пусть увеличено разъ въ сто,—
 Но все же, все жъ-таки Гекубѣ
 Ты, значить, «что-то»,—не «ничто»!..
 Пускай тѣ узы даже слабы,
 Что могутъ васъ соединить,
 Пускай не вервие хотя бы
 Межъ вами, а простая нить....
 Но нынче я способенъ нити
 Принять за провода, ей-ей!
 Алло! Алло! Соедините
 Меня... ну, съ кѣмъ-нибудь... скорѣй!..

Б. Б. Глинскій поднялъ бокалъ за здоровье супруги Н. Н. Вентцеля, только что отпраздновавшей двадцатипятилѣтіе своей серебряной свадьбы съ симпатичнымъ юбиляромъ. Въ дополненіе къ этому тосту поэтъ И. И. Соколовъ прочелъ слѣдующее обращеніе къ ней, встрѣченное присутствовавшими громкими аплодисментами.

«У жены было три мужа:
 Юрьинъ, Вентцель, Бенедиктъ,
 А присяжные къ тому же
 Нынѣ вынесли вердиктъ:
 Что за это преступленье,
 Грѣхъ ужъ нечего скрывать,
 Долженствуетъ ей въ мгновенье
 Всѣхъ ихъ трехъ поцѣловать!»

Подъ дружные аплодисменты супруга юбиляра тотчасъ же искупила публично «свой грѣхъ».

Затѣмъ принесли свои привѣтствія поэтесса Изабелла Гриневская, поэтъ Шумлевичъ и др. Въ заключеніе В. А. Мазуркевичъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ главнѣйшими полученными юбиляромъ привѣтственными телеграммами и письмами.

«Къ сожалѣнію, не могу быть на вашемъ торжествѣ, но всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ тѣмъ пожеланіямъ и поздравленіямъ, которыхъ вы такъ много сегодня получите и которыя вполне заслужили и какъ просто чловѣкъ, и какъ писатель. Искренне и душевно васъ уважающій М. Суворинъ».

«Редакция «Вечернего Времени» шлет свой сердечный привѣтъ дорогому Николаю Николаевичу. Всѣ мы выражаем искреннія пожеланія привѣтствовать Бенедикта еще черезъ двадцать пять лѣтъ такимъ же бодрымъ, полнымъ радостнаго остроумія и таланта. Борисъ Суворинъ».

«Сердечно привѣтствую васъ въ нынѣшній праздникъ вашей серебряной свадьбы съ вашей милой очаровательной Музой. Отъ души вамъ желаю отпраздновать и золотую свадьбу въ добромъ здравіи и неизмѣнной пѣжной дружбѣ съ той же вѣрно спутницей на вашемъ литературномъ поприщѣ. Александръ Никольскій».

«Поздравляю дорогого юбиляра и желаю всякаго счастья, здоровья, жизненныхъ радостей и много, много силъ для продолженія служенія родной литературѣ. Привѣтъ супругѣ. Позднѣвъ».

«Сердечно поздравляю съ свѣтлымъ днемъ двадцатипятилѣтія Музы Бенедикта. Процвѣтайте, улыбаясь. Николай Энгельгардтъ».

«Поздравляю дорогого Николая Николаевича, пользующагося неизмѣнными симпатіями за свою рѣдкую незлобивость, любовь къ прекрасному, тонкій юморъ и храненіе хорошихъ традицій русской литературы и журналистики. Алексѣй Ксюнинъ».

«Шлю лучшія пожеланія и поздравленія съ литературными именинами. Медвѣдскій».

«Прошу милаго поэта, дорогого Николая Николаевича, принять сердечный привѣтъ. Луговой».

«Искренне поздравляю дорогого Николая Николаевича, сердечно желаю здоровья и бодрости—этихъ прекрасныхъ качествъ вашего таланта. Гольштейнъ».

«Глубокоуважаемый Николай Николаевичъ, поздравляю васъ съ радостнымъ и свѣтлымъ днемъ двадцатипятилѣтія вашей литературной дѣятельности. Вашъ праздникъ приходится въ дни весны, и вы встрѣчаете его съ тѣмъ же солнечнымъ юнымъ сердцемъ, съ какимъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ вы вступили на дорогу писателя, Шлю искренній привѣтъ и пожеланія всего добраго. Пожарова».

«Поздравляю дорогого Николая Николаевича съ торжествомъ двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности, желаю на многая лѣта процвѣтанія симпатичнаго дарованія на благо ближнихъ. Цѣлую. Судковскій».

«Въ счастливый день юбилея вашего служенія родной литературѣ присоединяемъ нашъ задушевный голосъ ко всеобщей радости вашей дорогой семьи, родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Дай Богъ на долгіе годы счастья и радости. Варвара и Яковъ Броваръ».

«Русская Лента въ хлопотахъ по собственному народженію на свѣтъ прозввала вашъ юбилей. Это случается съ новорожденными по отношенію къ юбилеямъ ихъ отцовъ. Привѣтствую дорогого Николая Николаевича. Глаголинъ».

«Въ день юбилея вашей литературной дѣятельности общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ привѣтствуетъ васъ и выражаетъ вамъ наилучшія пожеланія. Предсѣдатель общества И. Шпажинскій».

«Литературно-художественный кружокъ имени Полонскаго привѣтствуетъ талантливаго поэта Н. Н. Вентцеля съ двадцатипятилѣтіемъ его дѣятельности на поприщѣ родной литературы. Секретарь совѣта Кузнецовъ».

«Сердечно поздравляю милаго Николая Николаевича со днемъ двадцатипятилѣтія его славной литературной дѣятельности. Горячо желаю, чтобы его симпатичный талантъ еще долгіе годы служилъ украшеніемъ родной литературы. Евтихій Карповъ».

«Сердечный привѣтъ сердечному человѣку. Фидлеръ».

«Любимцу риэмы, дочери Эхо, шлю привѣтъ мой и пожеланіе еще много лѣтъ приносить пышныя жертвы на алтарѣ Аполлона. Да будутъ и впредь улыбаться поэту девять звучногосыхъ Камень. Александръ Кондратьевъ».

«истор. вѣстн.», май 1914 г., т. сxxxvi.

Затѣмъ было получено много другихъ телеграммъ, перечислять которыя мы за немѣняемъ мѣста не будемъ. Изъ числа привѣтственныхъ писемъ отмѣтимъ слѣдующія:

«Привѣтствую васъ, уважаемый и дорогой Николай Николаевичъ, въ знаменательный для васъ день и желаю вамъ здоровья и успѣха въ вашемъ творчествѣ на долгие дни. Искренно уважающій А. Масловъ».

«Глубокоуважаемый Николай Николаевичъ! Внезапно постигшее меня нездоровье лишило меня возможности лично привѣтствовать васъ въ знаменательный день вашей жизни, и я вынужденъ поздравить васъ письменно. Какъ одному изъ младшихъ членовъ кружка Случевского, не мнѣ, конечно, говорить о вашихъ литературныхъ и общественныхъ заслугахъ, которыя признаны всѣми. Я хотѣлъ бы только отмѣнить одну сторону вашей дѣятельности, одно изъ качествъ вашей рѣдкой души,—то, что всегда радовало меня и изумляло. Я имѣю въ виду нѣжную отзывчивость и сердечность, съ которой вы всегда относились къ литературной молодежи. Имѣя за собой крупныя заслуги въ литературѣ, вы не замкнулись въ вашемъ величїи (какъ, увы! многіе другіе...), но всегда съ открытымъ сердцемъ и протянутой навстрѣчу рукой шли къ молодежи. Позвольте же мнѣ, дорогой Николай Николаевичъ, какъ испытавшему не разъ на себѣ силу вашего сочувствія и симпатїи, отъ души поблагодарить васъ за это. Давай вамъ Богъ много силъ и здоровья на радость всѣхъ насъ. Сердечно привѣтствую васъ и обнимаю. Николай Катапскій».

«При чудеснѣйшей погодѣ,
На «канальскомъ» пароходѣ
Въ длинномъ ульстерѣ-пальто,
Сохранивъ инкогнито,
Шли какъ-то вы со мной,
Какъ-то вешнею порой,
Съ гладко выбритымъ лицомъ
И казались мнѣ пѣвцомъ.
Такъ и я въ посланьи этомъ
Попытался быть поэтомъ,
Но увы, оно не то,
Вышло то жъ инкогнито!

«А потому перехожу на обыкновенную рѣчь, чтобы привѣтствовать васъ, уважаемый Николай Николаевичъ, съ четвертьвѣковымъ служеніемъ богу Аполлону, музѣ Эвтерпѣ и насмѣшливымъ сатирамъ. Очень сожалѣю, что присутствовать лично на вашемъ торжествѣ я не могу, такъ какъ нахожусь на положенїи одноглазаго Полифема и заключенъ въ четырехъ стѣнахъ своей квартиры, тщательно скрываясь отъ дневного свѣта и вечернихъ огней. Веселясь съ вашими друзьями, вспомните и объ отсутствующемъ Г. Полиловѣ».

Послѣ обѣда публика долго еще не расходилась, подѣзжало еще много поклонниковъ симпатичнаго таланта юбиляра, и все торжество оставило среди присутствовавшихъ самое лучшее впечатлѣніе. Праздникъ прошелъ весело и сердечно.

С М Ъ С Ъ.

ОБРАНИЕ академіи наукъ. 23-го марта состоялось подъ предсѣдательствомъ академика А. А. Шахматова въ конференцъ-залѣ академіи наукъ публичное засѣданіе отдѣленія русскаго языка и словесности, посвященное памяти А. Х. Востокова по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины. Первую рѣчь произнесъ академикъ А. И. Соболевскій, ознакомившій собраніе съ биографіей А. Х. Востокова. Рѣчь В. И. Срезневскаго прочелъ на собраніи г. Маштаковъ. Онъ называетъ А. К. «родоначальникомъ познанія древне-славянскаго языка» и патріархомъ славянской идеи. Не получивъ филологическаго образованія, А. Х. Востоковъ занялъ исключительное положеніе въ наукѣ. Въ 1801 году онъ вступилъ въ члены общества любителей словесности наукъ и художествъ и въ 1802 году впервые выступилъ публично, написавъ рѣчь о вліяніи просвѣщенія на народъ. Онъ былъ увлеченъ идеями Сентъ-Пьера и говорилъ, что съ расширеніемъ просвѣщенія международныя войны будутъ все рѣже и рѣже, и «однимъ дѣйствіемъ времени образуется та европейская республика, о которой мечтали Сентъ-Пьеръ». А. Х. Востоковъ проводилъ также идеи чловѣколюбія и социальна-политическихъ реформъ. Ораторъ отмѣтилъ также дѣятельность А. Х. Востокова въ публичной библиотекѣ, гдѣ онъ работалъ съ 1815 года и могъ пользоваться всѣми рѣдкими изданіями. Вся жизнь А. Х. Востокова была борьбой за знаніе и опредѣленную идею. Онъ сталъ дѣйствительно знаменитъ филологическими изысканіями, хотя и не всѣми учеными признанными.

Годовое общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности. Годовое общее собраніе членовъ общества состоялось подъ предсѣдательствомъ И. А. Вычкова. Оглашена была привѣтственная телеграмма пред-

сѣдателя общества члена государственнаго совѣта оберъ-егермейстера высочайшаго двора графа С. Д. Шереметева, находящагося въ настоящее время въ Крыму. Премія имени А. М. Кожевникова особою комиссіею присуждена Д. И. Абрамовичу за изданныя имъ неизвѣстныя до настоящаго времени произведенія монаха Каменчанина (изъ Каменецъ-Подольскаго) Исаи, который въ царствованіе Іоанна Грознаго былъ посланъ изъ юго-западной Руси въ Москву за нѣкоторыми книгами, недостававшими для обихода мѣстныхъ храмовъ. Въ Москвѣ Исаія заподозрѣнъ былъ въ неправославіи и долгое время находился въ заточеніи. Затѣмъ секретаремъ и редакторомъ изданій общества В. В. Майковымъ прочитанъ былъ годовой отчетъ о дѣятельности общества за время съ 1 апрѣля 1913 по 1-ое апрѣля 1914 г.г. Истекшій годъ является тридцать шестымъ въ жизни общества. Въ началѣ 1914 года общество осчастливлено было посѣщеніемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Александровны герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской. Въ 1913 году общество чествовало пятидесятилѣтіе государственной и общественной дѣятельности своего маститаго предсѣдателя графа С. Д. Шереметева. Общество въ отчетномъ году состояло изъ 10 почетныхъ, 28 дѣйствительныхъ членовъ и 142 членовъ-корреспондентовъ. На восьми общихъ собраніяхъ членовъ сдѣлано было двѣнадцать сообщений по исторіи древне-русской письменности, по археологіи и исторіи искусства и по библиографіи. Изданія общества выпускались въ двухъ серіяхъ: въ нумерныхъ изданіяхъ и памятникахъ. Изданы— «Зографскій трифологіи», украшенный фототипическими таблицами, со статьями А. И. Соболевскаго, протоіерея М. Лисицина, В. Металлова и А. В. Преображенскаго, трудъ Н. К. Никольскаго «Рукописная книжность древне-русскихъ библиотекъ XI—XVII вѣковъ». Матеріалы для словаря. Выпускъ 1. А—Б. На средства предсѣдателя изданы: «Своеручныя записки княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой». Печатается сочиненіе Симеона Полоцкаго «Орель Россійскій», съ предисловіемъ Н. А. Смирнова. Въ библиотечку и музей поступилъ рядъ цѣнныхъ пожертвованій книгами и рукописями, въ томъ числѣ изданіе Румянцовскаго музея, воспроизводящее архангельское евангеліе. Описано около 509 предметовъ музея. Собраніе рукописей увеличилось 28 номерами, въ числѣ которыхъ три автографа А. Н. Островскаго: «Самозванецъ и Шуйскій», «Поздняя любовь» и «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», сборникомъ начала XVII вѣка и «Измарагдъ» начала XVI вѣка. Выпущенъ первый выпускъ предпринятаго вновь изданія библиографической лѣтописи, посвященной древне-русской письменности и искусству до XVIII в. включительно. Средства общества на 1-ое апрѣля 1914 г. заключаются въ 73.283 р. 21 к. Бюджетъ на 1914—1915 г.г. сведень въ суммѣ 16.156 р. 49 к. По прочтеніи отчета В. Д. Дружининимъ сдѣланъ былъ докладъ «Автографы протопопа Аввакума и другихъ дѣятелей старообрядчества XVII—XVIII вѣковъ». Автографы эти являются одною изъ счастливѣйшихъ находокъ послѣдняго времени. Изслѣдуя произведенія дѣятелей старообрядчества, докладчикъ указалъ, что произведенія эти указываютъ на большую начитанность ихъ авторовъ.

Въ обществѣ ревнителѣй исторіи. 1-го апрѣля состоялись годовое и общее собраніе общества ревнителѣй исторіи. Въ первомъ, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта В. Н. Поливанова, предсѣдатель общества герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій прочелъ отчетъ о научной дѣятельности общества за 1913 годъ. Съ 1913 года общество ревнителѣй исторіи состоитъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича. Къ концу отчетнаго года въ составѣ общества числится 473 члена, въ средѣ которыхъ отмѣчается наличие представителей ученой корпорации: двухъ академиковъ и двадцати двухъ профессоровъ. Съ исключительною внимательностью отнесся къ дѣятельности молодого общества министр народнаго просвѣщенія, пожертвовавшій на нужды общества изъ суммъ министерства тысячу рублей и согласившійся принять званіе дѣйствительнаго члена общества. Въ теченіе 1913 года было сдѣлано 46 докладовъ. Принимая во вниманіе, что нѣкоторые доклады могли бы быть съ большею пользою прочитаны передъ военнымъ юношествомъ, три доклада: профессора Елчанинова «Военное значеніе Отечественной войны», профессора Ковалевскаго «Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ» и Т. О. Соколовской «Русская женщина сто лѣтъ назадъ» были повторены въ залѣ перваго кадетскаго корпуса для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Обществу всемилостивѣйше разрѣшено открыть подписку на сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Петербургѣ памятника святому благовѣрному великому князю Александру Невскому, какъ русскому ратоборцу. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго. Въ 1913 году совѣтъ общества приступилъ къ издательской дѣятельности, и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ первый номеръ «Вѣстника общества ревнителѣй исторіи». Вступая въ третій годъ существованія, совѣтъ общества считаетъ справедливымъ высказать, что общество за истекшій годъ проявило несомнѣнную жизненность и совершило замѣтные шаги къ дальнѣйшему преуспѣванію. Затѣмъ подъ предсѣдательствомъ герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго состоялось общее собраніе, въ которомъ К. К. Агафоновъ сдѣлалъ докладъ: «Воспоминанія очевидца гибели «Петропавловска».

Въ союзѣ драматическихкихъ писателей. 30-го марта состоялось общее годовое собраніе членовъ союза драматическихкихъ и музыкальныхъ писателей. Былъ заслушанъ докладъ жюри о результатѣ девятаго конкурса имени А. Н. Островскаго. На конкурсъ была представлена 101 пьеса. Жюри конкурса разсмотрѣло 98 пьесъ и пришло къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ. Волѣ двадцати процентовъ всѣхъ представленныхъ на конкурсъ пьесъ написаны нелѣпо, безтолково, безграмотно; пьесы эти крайне антихудожественны, ихъ авторы совершенно не знаютъ сцены. Да и всѣ почти остальные пьесы немногимъ лучше. Почти въ каждой пьесѣ—убійства, герои убиваютъ другъ друга, сами кончаютъ самоубійствомъ (это имѣетъ мѣсто въ 92 пьесахъ) и т. д. Любовь—видный элементъ пьесъ, но любовь какая-то ненормальная, извращенная. На первомъ мѣстѣ—адультеръ, далѣе—любовь между самыми близкими родственниками (отецъ любитъ свою дочь, братъ—сестру—почти все въ такомъ духѣ). На подобной канвѣ строятся самыя дикія, даже чудовищныя взаимоотношенія,

омбинаціи, сцены и т. д. Рассмотрѣвъ всю представленную «литературу», жюри конкурса остановилось на пьесѣ Н. С. Каржанскаго и признало его пьесу «По ступенямъ заповѣднымъ» достойной награжденія преміей имени А. Н. Островскаго. Пьеса Л. Н. Гершга «Источникъ правды» постановленіемъ жюри удостоена почетнаго отзыва. Обсудивъ вопросъ о томъ, какъ распредѣлять удѣльные за сезонъ 1913—1914 годовъ 10% авторскаго гонорара, общее собраніе рѣшило по этому вопросу руководствоваться прежними правилами. Членами товарищескаго профессиональнаго суда союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей на текущій годъ избраны Цезарь Кюи, В. Н. Давыдовъ, А. А. Измаиловъ, А. Е. Молчановъ, В. Ф. Воцяновскій, А. Н. Вудищевъ и В. А. Тихоновъ.

Присужденіе премій Государя Императора. Состоялось годовое собраніе русскаго астрономическаго общества, на которомъ были присуждены половинныя преміи имени Государя Императора въ 250 рублей, за наилучшія сочиненія по астрономіи и соприкасающимся съ нею наукамъ. Н. П. Каменьщикову, по отзыву директора Пулковской обсерваторіи академика О. А. Баклунда, за сочиненіе «Neue Tafeln des Planeten Eupomia». По отзыву профессора С. П. Глазенапа, Н. Ф. Платонову за его книгу «Практическія занятія по космографіи и начальной астрономіи», въ которой авторъ излагаетъ постановку практическихъ занятій по космографіи въ средней школѣ. По отзыву пулковскаго астронома Г. А. Тихова, присуждается также половинная премія Государя Императора въ 250 рублей астрофизику ташкентской обсерваторіи Стратонову за его сочиненіе «Солнце». Затѣмъ П. А. Новопаппенный прочиталъ интересный докладъ, сопровождавшійся многочисленными свѣтовыми картинами на экранѣ: «Работы экспедиціи Сѣвернаго Ледовитаго океана и плаваніе 1913 года».

Выборы въ литературномъ обществѣ. Въ собраніи литературнаго общества, состоявшемся 28-го марта, подъ предсѣдательствомъ Е. А. Ляцкаго, произведены выборы совѣта, профессиональнаго суда и ревизионной комиссіи. Предсѣдателемъ совѣта избранъ Ѳ. Д. Батюшковъ, товарищемъ его В. Я. Богучарскій, членами совѣта: А. Н. Кремлевъ, В. П. Кранихфельдъ и А. М. Рѣдько, казначеемъ А. А. Лукьяновъ и секретаремъ К. И. Диксонъ. Судьями чести избраны: К. К. Арсеньевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водозовъ, С. Я. Елпатъевскій, Н. И. Карѣевъ, В. Г. Короленко, П. Г. Мижуевъ, Н. А. Морозовъ, В. Д. Набоковъ, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Л. Ѳ. Пантелѣевъ, В. И. Семевскій и Л. З. Слонимскій. Кандидатами къ нимъ избраны слѣдующія лица: В. Г. Танъ (Богоразъ), М. В. Ватсонъ, Вѣра Засуличъ, Н. А. Котляревскій, А. М. Рѣдько и А. В. Пѣшехонова. Послѣ выборовъ былъ заслушанъ докладъ Валеріана Чуковскаго «Къ теоріи романа и оцѣнка современныхъ его возможностей».

Тридцатилѣтіе литературной дѣятельности М. М. Мариной. 15-го марта исполнилось тридцатилѣтіе литературной дѣятельности М. М. Мариной (Бардаковой). Первое произведеніе ея было напечатано въ 1884 году на страницахъ «Задушевнаго Слова», послѣдующіе ея рассказы помѣщались въ «Дѣтской Газеткѣ», «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и пр. Въ теченіе тридцати лѣтъ М. М. Марина писала очень много по различнымъ вопросамъ отечественной жизни, преимущественно въ провинціальныхъ органахъ печати: въ «Южныхъ Запи-

скахъ» (Одесса), «Журналъ начинающихъ» (Кишиневъ), «Вѣра и Жизнь» (Черниговъ), «Одесскомъ Листкѣ», «Русской Землѣ», «Отдыхъ Христіанина», «Русской Рѣчи» и др. Здѣсь выступала она и въ качествѣ мѣстнаго корреспондента, хорошо знакомаго съ экономическими и бытовыми условіями своего края, и въ качествѣ живой, интересной беллетристики, автора различныхъ очерковъ, многочисленныхъ путевыхъ замѣтокъ и пр. Какъ лицо, хорошо знающее мѣстныя нужды и жизненныя условія нашихъ южныхъ губерній, М. М. Марина была привлечена и состоитъ уже болѣе четверти вѣка аккуратнымъ и дѣятельнымъ корреспондентомъ департамента земледѣлія и землеустройства. Большого вниманія заслуживаютъ ея работы, охотно помѣщаемыя въ нашихъ историческихъ журналахъ: «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ». Ея историческія статьи, біографіи, а особенно воспоминанія представляютъ значительный интересъ, сообщаютъ много любопытныхъ свѣдѣній и читаются съ большимъ вниманіемъ. Нѣкоторыя произведенія М. М. Мариной вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Самостоятельная, кипучая и полная энергіи М. М. Марина, однако, не удовлетворяется одной литературной дѣятельностью и много силъ отдаетъ работѣ на поприщѣ общественномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ. Въ 1891 году, во время голода, М. М. Марина въ качествѣ предсѣдательницы церковно-приходскаго попечительства Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи широко организовала помощь голодающимъ, выхлопотавъ средства изъ особаго комитета наслѣдника цесаревича, устроила общественныя работы, открыла столовыя и пр. Дѣятельное участіе приняла М. М. Марина также и въ оказаніи помощи раненымъ во время послѣдней русско-японской войны. Какъ членъ попечительства народной трезвости, М. М. Марина открыла первую народную чайную, а также народную читальню-библиотеку, нынѣ упраздненную, которою она и завѣдывала немало лѣтъ. Такая плодотворная и разнообразная литературно-общественная дѣятельность была скромно отпразднована М. М. Мариной 15-го марта. Юбилярша была почтена многими личными, письменными и телеграфными привѣтствіями редакцій, разныхъ учреждений и многочисленныхъ знакомыхъ и друзей.

Памяти 1812 года. 19-го марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ В. С. Арсеньева, соединенное засѣданіе тульской архивной комиссіи и тульского отдѣла кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года посвященное столѣтнему юбилею вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. Передъ началомъ засѣданія была отслужена панихида по императорѣ Александрѣ I и павшихъ воинахъ. Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя, послѣ чего были сдѣланы доклады І. Е. Скрыбинымъ и А. Н. Баргельсенъ. Дочери участника войны 1812—1815 гг. генерала-майора Д. Л. Игнатьева—М. Д. Игнатьевой, состоящей дѣйствительнымъ членомъ тульской губернской ученой архивной комиссіи, была послана отъ комиссіи телеграмма.

НЕКРОЛОГИ.

АЗАРЕВИЧЪ, П. Д. 1-го апрѣля въ Москвѣ, въ Скорбященскомъ монастырѣ былъ похороненъ Платонъ Дмитріевичъ Азаревичъ. П. Д. былъ первымъ земскимъ статистикомъ, примѣнившимъ математическіе приемы къ изученію огневого страхованія. По окончаніи курса въ Ново-Александрійскомъ институтѣ, П. Д. Азаревичъ въ 1900 году поступилъ на службу въ смоленское земство и здѣсь впервые при выработкѣ новаго тарифа страховыхъ премій сталъ примѣнять теорію вѣроятностей. Посвятивъ себя затѣмъ изученію чистой и прикладной математики, онъ перешелъ въ 1904 году на службу саратовскаго земства. Здѣсь, въ сотрудничествѣ съ Н. Н. Черненковымъ, онъ выполнилъ громадную и вполнѣ оригинально задуманную работу изученія каждаго изъ двухъ съ половиной тысячъ селеній губерніи въ отдѣльности за пятнадцать лѣтъ, примѣняя при этомъ въ широкомъ масштабѣ математическіе приемы. Теперь многія земства въ своихъ работахъ по страхованію примѣняютъ теоріи и приемы, которыми пользовался П. Д., иногда даже ничего не зная о человѣкѣ, которому они обязаны популяризацией этихъ приемовъ. Съ переездомъ въ Петербургъ (въ пенсіонный желѣзнодорожный комитетъ), посвятивъ себя изученію пенсіоннаго дѣла, П. Д. не порывалъ связей съ земствомъ и продолжалъ заниматься чистой математикой все съ той же цѣлью обогатить методы ея примѣненія къ нуждамъ практической жизни. Послѣдніе годы покойный былъ занятъ изученіемъ теоріи группъ и примѣненіемъ къ статистикѣ интегральныхъ уравненій. Нравственный обликъ покойнаго полонъ несравненнаго благородства и чистоты. П. Д. велъ совершенно аскетическій образъ жизни и все свое время отдавалъ работѣ. За этой неустанной работой онъ и погибъ. Онъ заболѣлъ истекшей зимой, очевидно, сильнѣйшимъ мозговымъ переутомленіемъ. Болѣзнь сопровождалась мучительной длительной безсонницей и настолько истощила организмъ П. Д., что у него начало складываться убѣжденіе въ полной своей

непригодности къ дальнѣйшей работѣ. Это убѣжденіе, лишая П. Д. того, что для него было самымъ важнымъ и цѣннымъ въ жизни, привело къ роковому концу: онъ наложилъ на себя руки. Онъ умеръ еще молодымъ, всего тридцати восьми лѣтъ. Въ своей предсмертной запискѣ онъ трогательно проситъ близкихъ людей простить ему его вольную смерть. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914, № 77).

† **Алексѣевъ, Г. П.** Въ началѣ апрѣля перевезено будетъ изъ Екатеринослава въ имѣніе тѣло Георгія Петровича Алексѣева, оберъ-гофмейстера, почетнаго опекуна и почетнаго гражданина этого города, гдѣ въ теченіе четырехъ трехлѣтій онъ состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Имя покойнаго нерѣдко встрѣчается въ научныхъ работахъ археологовъ. Его трудъ «О рѣдкихъ херсонскихъ монетахъ временъ князя святого Владимира», выдержавшій два изданія, извѣстенъ и за предѣлами Россіи. Г. П. сотрудничалъ въ «Запискахъ одесскаго общества по изученію историческихъ древностей» и въ «Русской Старинѣ», гдѣ напечаталъ воспоминанія о князѣ Потемкинѣ. Весьма замѣчательнъ собранный имъ огромный архивный матеріалъ, относящійся къ исторіи Новороссійскаго края и особенно къ исторіи Запорожья. Здѣсь хранятся на французскомъ языкѣ мемуары сына извѣстнаго гетмана Даниїла Апостола, въ которыхъ онъ повѣдалъ потомству многія политическія тайны Великой и Малой Россіи. Много заботъ положено покойнымъ на составленіе коллекціи доисторическихъ древностей и особенно предметовъ временъ запорожскаго войска; ея нумизматическій отдѣлъ уступаетъ только коллекціямъ великаго князя Александра Михайловича и графа И. И. Толстого. Въ виду такихъ заслугъ императорское русское археологическое общество въ Петербургѣ и археологическое общество въ Москвѣ избрали покойнаго своимъ почетнымъ членомъ; архивныя комиссіи во Владимирѣ и Полтавѣ считали его своимъ сотрудникомъ, а историческій музей Поля въ Екатеринославѣ также своимъ почетнымъ членомъ. Но ни общественная, ни научная дѣятельность не привлекали къ себѣ Г. П. такъ, какъ непосредственная близость къ подрастающимъ поколѣніямъ. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата, покойный сближается съ школою, которой потомъ не оставляетъ въ теченіе всей своей долгой жизни. Онъ—почетный смотритель и попечитель школъ, гимназій и пріютовъ въ Екатеринославѣ, поддерживаетъ бѣдныхъ учениковъ, богато снабжаетъ заведенія учебными пособиями и основываетъ стипендіи. Послѣдніе тридцать три года своей жизни онъ, какъ почетный опекунъ, стоялъ во главѣ учебнаго дѣла въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины и горячо любилъ это учрежденіе. Всегда привѣтливый, онъ вносилъ много задушевности въ свои отношенія къ служащимъ, которые видѣли въ немъ добраго начальника и близкаго имъ человѣка. Широкое участіе въ общихъ подпискахъ на помощь нуждающимся, лучшія учебныя пособия, стипендіи, капиталы разныхъ наименованій, все это истекало изъ его сердца. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13664).

† **Беггровъ, А. К.** Въ ночь на 15-ое апрѣля въ Гатчинѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ художникъ-маринистъ, почетный членъ академіи художествъ А. К. Беггровъ. А. К. родился въ Петербургѣ въ 1841 году. Художественное

образование онъ получилъ въ академіи художествъ и у профессора А. П. Боголюбова въ Парижѣ. Покойный долгое время служилъ во флотѣ. Въ качествѣ офицера крейсера «Свѣтлана», А. К. сопровождалъ великаго князя Алексѣя Александровича въ кругосвѣтномъ плаваніи. Въ 1873 г. академія художествъ наградила покойнаго малой поощрительной медалью. А. К. Беггровъ выставялъ исключительно на выставкахъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Произведенія покойнаго имѣются въ Русскомъ музеѣ Александра III, въ другихъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ. Изъ царскосельскаго Александровскаго дворца въ музей поступили картины масляными красками «Набережная рѣки Невы» (1876 г.) и «Гавръ» (1876 г.). Въ 1883 г. А. К. Беггровъ принесъ въ даръ музею картину «Палуба «Свѣтланы». Кромѣ того, въ музеѣ Александра III имѣются нѣкоторые акварельные виды, акварель «У водопоп на Невѣ» и др. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. К. Беггровъ принесъ въ даръ академіи художествъ капиталъ въ шестьдесятъ тысячъ рублей съ условіемъ, чтобы проценты съ этого капитала выдавались ему пожизненно. Послѣ его смерти проценты будутъ выдаваться вдовамъ и сиротамъ художниковъ. За крупный даръ академія художествъ избрала его въ почетные члены академіи. А. К. Беггровъ страдалъ хронической болѣзью, которая причиняла ему сильнѣйшія боли. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914, № 2249).

† **Бибиковъ, А. А.** 30-го марта, въ три часа пятнадцать минутъ дня, послѣ продолжительной болѣзни на семьдесятъ шестомъ году жизни скончался извѣстный въ Самарскомъ краѣ общественный дѣятель Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ. А. А. происходилъ изъ дворянъ Козельскаго уѣзда Калужской губерніи, родился въ 1838 году. Въ 1856 году поступилъ въ харьковскій университетъ, который окончилъ въ 1862 году по отдѣлу естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. Это было въ эпоху освобожденія крестьянъ. А. А. Бибиковъ не остался чуждымъ охватившему русское общество освободительному движенію и, по примѣру многихъ молодыхъ дворянъ того времени, пошелъ въ мировые посредники. Но служба въ посредникахъ продолжалась недолго. Возникло «нечаевское дѣло», въ которомъ А. А. оказался замѣшаннымъ. Въ результатѣ—заключеніе въ крѣпости, продолжавшееся до 24-го сентября 1866 года. По освобожденіи изъ крѣпости, А. А. былъ водворенъ на жительство въ Вологодскую губернію, гдѣ и пробылъ до конца семидесятихъ годовъ. Отбывъ срокъ ссылки, А. А. переехалъ въ Самарскую губернію. Здѣсь онъ въ теченіе трехъ лѣтъ былъ управляющимъ имѣніями Л. Н. Толстого и одновременно арендовалъ участокъ казенной земли, на которомъ велъ небольшое хозяйство. На своемъ участкѣ А. А. лично производилъ сельскохозяйственныя работы. Будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Л. Н. Толстымъ и отчасти послѣдователемъ его взглядовъ, А. А. принималъ близкое участіе во всѣхъ его общественныхъ начинаніяхъ, въ устройствѣ колоній и т. п. Но главнѣйшей активной общественной работой А. А. была помощь голодающимъ во время посѣтившихъ Самарскую губернію неурожаевъ. Въ это время А. А. буквально все отдавалъ на помощь ближнимъ. Онъ всегда стоялъ въ центрѣ организацій для борьбы съ голодомъ, къ нему обращались и съ нимъ вмѣстѣ работали пріѣзжавшіе «на голодъ» иностранцы, у него въ компанію

1891 года жили и работали Сергѣй и Левъ Львовичъ Толстые, прѣхавшіе кормить голодающихъ. Во время гоненій на духоборовъ, когда у родителей-сектантовъ отнимали дѣтей, А. А. первый поднялъ тревогу, послѣ чего Л. Н. Толстой выступилъ съ своими протестами противъ гоненій. Во время послѣдняго освободительнаго движенія А. А. примкнулъ къ партіи народной свободы, взгляды которой раздѣлялъ до конца дней. Какъ политическій дѣятель, А. А. никогда не выступалъ активно. Несмотря на это, въ партіи онъ былъ незамѣлимъ человѣкомъ. Интересуясь всѣми общественными явленіями, будучи всегда въ курсѣ общественно-политической жизни, А. А., благодаря своей широкой освѣдомленности, оказывалъ существенную помощь при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ возникающихъ въ партіи вопросовъ. (Некрологъ его: «Волжское Слово», 1914, № 19510).

† **Егорьевъ, В. К.** 20-го апрѣля въ Москвѣ покончилъ самоубійствомъ молодой литераторъ-журналистъ В. К. Егорьевъ. Свою журнальную дѣятельность онъ началъ въ тифлискихъ газетахъ. Затѣмъ работалъ въ Севастополѣ, Ригѣ и только года полтора назадъ прѣхалъ въ Москву. Недолгое время В. К. Егорьевъ работалъ въ «Голосѣ Москвы», а потомъ перешелъ въ журналъ. «Живое Слово», гдѣ сталъ вести критическій отдѣлъ. На ряду съ критическими статьями, посвященными новинкамъ литературы, покойный напечаталъ большую работу: «Писатели изъ народа». Въ этой статьѣ онъ убѣдительно доказалъ псевдонародность многихъ современныхъ писателей, которые неизвѣстно почему считали себя истинными представителями и выразителями народныхъ надеждъ, думъ и чаяній. Въ свое время эта статья произвела большое впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ. Примыкая къ представителямъ идеалистическаго міросозерцанія, В. К. Егорьевъ всегда заботливо отмѣчалъ всѣ литературныя явленія, идущія подъ знакомъ этого направленія. Все узкое, сектантское, нетерпимое и догматическое находило въ лицѣ молодого критика строгое осужденіе и часто рѣзкіе приговоры. Кромѣ критическихъ статей, покойный издалъ книгу своихъ переводовъ китайскихъ поэтовъ подъ названіемъ. «Свирѣль Китая». Первое изданіе книги быстро разошлось, и смерть застала В. К. Егорьева надъ переработкой этой книги для второго изданія. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы» 1914, № 92).

† **Кокуевъ, Н. Р.** 31-го марта скончался въ Ярославлѣ на шестьдесятъ шестомъ году жизни извѣстный русскій энтомологъ Никита Рафаиловичъ Кокуевъ, принадлежавшій къ типу симпатичнѣйшихъ провинціальныхъ дѣятелей, по скромности своей никогда не искавшій широкой извѣстности. Только въ своемъ родномъ городѣ онъ пользовался большой популярностью и давно заслуженнымъ уваженіемъ. Покойный родился въ простой купеческой семьѣ и получилъ одно только домашнее образованіе, благодаря заботамъ его отца, бывшаго круглымъ самоучкой,—очень тщательное. Еще въ дѣтскіе годы въ покойномъ сказался прирожденный натуралистъ; позже влеченіе къ естествознанію разгорѣлось въ немъ еще ярче, а вскорѣ начало приносить и плоды подъ вліяніемъ одного изъ талантливыхъ учителей молодого Кокуева, А. С. Петровскаго, профессора ярославскаго Демидовскаго лицея, который по своей программѣ соответствовалъ въ то время камеральнымъ факультетамъ

университетовъ. Въ концѣ 1870 годовъ Н. Р. Кокуевъ выступаетъ уже въ печати съ солиднымъ вкладомъ въ дѣло изученія мѣстной фауны насѣкомыхъ (первый его трудъ появился въ изданіяхъ императорскаго московскаго общества испытателей природы). Въ слѣдующемъ десятилѣтіи, подъ свинцовымъ давленіемъ толстовскаго «классическаго» режима, дѣятельность провинціальныхъ натуралистовъ, тѣсно связанная съ преподаваніемъ естествознанія въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ дотолстовскаго періода, мерцаетъ лишь слабымъ, прерывающимся свѣтомъ, а вскорѣ и совершенно гаснетъ. Въ это время покойный, лишенный нравственной поддержки, поневолѣ мѣняется, единственный разъ въ жизни, свою научную дѣятельность на практическую: онъ занимается садоводствомъ и книготорговлей, отчасти и книгоиздательствомъ, въ Ярославлѣ. Продолжается это, однако, недолго, такъ какъ Н. Р. Кокуевъ убѣждается въ отсутствіи въ себѣ призванія къ коммерческому дѣлу. Къ началу 1890 годовъ въ Ярославлѣ появляется молодая научная сила въ лицѣ покойнаго А. И. Яковлева (скончавшагося въ 1909 г. членомъ государственнаго совѣта по выборамъ отъ ярославскаго земства), и этого оказывается достаточно, чтобы снова проснулся въ Н. Р. Кокуевѣ дѣятельный натуралистъ. Подъ влияніемъ своего молодого друга Яковлева, Кокуевъ избираетъ себѣ строгую специальность въ области изученія насѣкомыхъ и упорнымъ трудомъ вскорѣ составляетъ себѣ не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами имя солиднаго специалиста и авторитета въ избранной области. Въ высшей степени замѣчательно, что человѣкъ, не прошедшій курса классическихъ гимназій, прекрасно пишетъ для печати не только на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ, но даже и по-латыни. Къ началу 1900 годовъ относится наибольшій разгаръ научной дѣятельности Н. Р. Кокуева. Въ 1901 г. онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ основаніи новаго научнаго журнала—«Русское Энтомологическое Обзорѣніе», беретъ на себя всѣ хлопоты по его технической организаціи, и новый періодическій органъ этотъ издается первые два года въ Ярославлѣ подъ его редакціей. Около этого же времени покойный вмѣстѣ съ А. И. Яковлевымъ возрождаетъ давно заглухшее естественно-историческое общество въ Ярославлѣ и, избранный его предсѣдателемъ, руководитъ нѣкоторое время его дѣятельностью. При матеріальной помощи и личномъ участіи Кокуева общество выпускаетъ два тома своихъ трудовъ, второй изъ которыхъ содержитъ обширную работу покойнаго («Опредѣлитель пчелъ средней Россіи»), предназначенную для привлеченія новыхъ силъ къ дѣлу изученія русской фауны. Несмотря на неизлечимый недугъ, медленно подтачивающій силы старѣющаго и дѣлающагося поневолѣ отшельникомъ Н. Р. Кокуева, онъ не бросаетъ до послѣднихъ дней жизни любимыхъ занятій, и его новые основательные этюды по фаунѣ насѣкомыхъ Россіи продолжаютъ появляться въ разныхъ специальныхъ изданіяхъ: русскаго энтомологическаго общества въ Петербургѣ, императорской академіи наукъ и нѣк. др. (Некрологъ его: «Нов. Время», 1914, № 13674).

† **Крамалей, М. М.** 11-го апрѣля скончался скромный, мало замѣтный человѣкъ, котораго хорошо помнятъ и знаютъ многіе журналисты—Михаилъ Михайловичъ Крамалей. Съ самыхъ первыхъ своихъ трудовыхъ шаговъ до

последних дней жизни онъ былъ преданъ журналистикѣ, былъ ея преданнымъ и полезнымъ работникомъ. Выдвинувшись въ интеллигентные ряды исключительно благодаря личной инициативѣ и трудоспособности, онъ испыталъ много превращеній: былъ наборщикомъ, редакторомъ бойкой и недолговѣчной газеты въ Москвѣ, фельетонистомъ, провинціальнымъ актеромъ, снова журналистомъ, неизмѣнно оппозиціоннаго направленія. Въ годы 1905—1907 Крамалей былъ секретаремъ, а затѣмъ отвѣтственнымъ редакторомъ газеты «Русь» и, работая въ качествѣ такового, принужденъ былъ отбыть тяжелое тюремное заключеніе. Съ того момента, какъ за нимъ закрылись двери «Крестовъ», частная жизнь его была сломана. Полтора года заключенія, острое нервное расстройство, пережитое въ тюрьмѣ, матеріальная нужда, необеспеченность семьи, все это сдѣлало то, что изъ тюрьмы Крамалей вышелъ преждевременнымъ старцемъ. Начались жалкія унижительныя метанія въ поискахъ за какимъ-нибудь заработкомъ. Но попрежнему привѣтливо улыбался Крамалей старымъ друзьямъ, а таковыми были большинство его знавшихъ, попрежнему стойчески выдерживалъ удары судьбы. Жаловаться было не въ его натурѣ. Онъ умѣлъ улыбкой и шуткой маскировать свои горести. Болѣзнь, рано распатанный организмъ быстро давали себя знать. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ голодовки Крамалею дали работу въ одной московской газетѣ, отнесли къ нему, какъ къ инвалиду. Онъ уже былъ такимъ. Одна за другой болѣзни валили его на постель. Необходимость лечиться заставляла его обращаться къ общественной помощи. Товарищи его дѣлали, что могли, и доставляли ему нужныя суммы. Въ январѣ онъ слегъ въ больницу, выйти изъ которой ему было не суждено. Похороненъ М. М. Крамалей въ Москвѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ 14-го апрѣля. (Некрологъ его: «День», 1914 г., № 99).

† **Михальчукъ, К. П.** 7-го апрѣля скончался въ Кіевѣ на 74 году жизни, а 10 апрѣля погребенъ украинскій филологъ, членъ-корреспондентъ петербургской академіи наукъ Константинъ Петровичъ Михальчукъ. Въ лицѣ покойнаго украинство потеряло не только крупную научную силу, но и одного изъ крупнѣйшихъ національныхъ дѣятелей, яркую общественную фигуру—шестидесятника, принимавшаго (вмѣстѣ съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ) участіе и игравшаго видную роль въ основаніи кіевской украинской громады. Родился К. П. въ с. Зозулинцахъ Бердичевского уѣзда Кіевской губерніи. Изъ сельской школы перешелъ въ гимназію, откуда поступилъ въ кіевскій университетъ, который ему не удалось окончить: ликвидація польскаго возстанія 1863 года принесла съ собой и гоненіе на кіевскихъ народниковъ-«хлопомановъ», въ числѣ которыхъ пострадалъ и К. П. Не получивъ университетскаго диплома, К. П. посвятилъ, однако, себя научной дѣятельности. Возникновеніе юго-западнаго отдѣла географическаго общества и возложенное на П. Чубинскаго обслѣдованіе края результатомъ своимъ имѣли изданіе громаднаго собранія матеріаловъ, въ числѣ которыхъ трудъ Михальчука «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины» составилъ значительную часть VII тома «Трудовъ экспедиціи въ Юго-Западный край». Трудъ этотъ не потерялъ научнаго значенія и понынѣ. Поставленный въ необходимость добывать средства къ существованію на поприщѣ, гдѣ не требуютъ удостовѣ-

ренія въ благонадежности, покойный, къ сожалѣнію, имѣлъ мало времени для свободныхъ научныхъ занятій и, главное, для опубликованія своихъ трудовъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ-подъ его пера время отъ времени выходили статьи и рецензіи, которыя обнаруживали его глубокія филологическія познанія въ области исторіи и діалектологіи украинскаго языка, основанныя на самомъ широкомъ знакомствѣ съ общимъ языкованіемъ. Громадной заслугой покойнаго является то, что онъ своими познаніями немало способствовалъ установленію правильныхъ понятій по вопросу о происхожденіи украинскаго народа и языка. Теоріи Погодина и Соболевскаго о великорусскомъ характерѣ древняго Кіева нашли въ лицѣ К. П. противника, вооруженнаго глубокими познаніями, а не одними предвзятыми мыслями («Открытое письмо къ А. Н. Пыпину», вышло отдѣльной книгой въ Кіевѣ, въ 1909 г.). Принималъ покойный участіе и въ работахъ по составленію украинскаго словаря и въ составленіи двухъ діалектическихъ программъ для собиранія особенностей малорусскихъ говоровъ (одна изъ нихъ издана с.-петербургскою академіей въ 1910 г.). До послѣднихъ дней жизни участвовалъ онъ въ работахъ лингвистической комиссіи кіевскаго украинскаго научнаго общества въ качествѣ ея предсѣдателя. Въ текущемъ году собирались отпраздновать полувѣковой юбилей его научной дѣятельности, но XV-му тому «Записокъ» научнаго общества, въ которомъ приняли участіе многіе выдающіеся филологи-слависты и который долженъ былъ быть посвященъ торжеству, суждено стать посвященнымъ вѣчной памяти почившаго. Заслуги его, какъ ученаго, справедливо сравниваютъ съ заслугами Потебни, Миклошича и др. выдающихся славянскихъ филологовъ. Какъ человѣкъ и общественный дѣятель, К. П. до конца дней своихъ остался «неисправимымъ» шестидесятникомъ-идеалистомъ, несмотря на окружавшія его всю жизнь тяжелыя обстоятельства. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914, № 99).

† **Никольскій, А. И.** 14-го апрѣля внезапно скончался архиваріусъ св. синода Антонъ Ивановичъ Никольскій. Двадцать два года провелъ покойный въ стѣнахъ св. синода, но даже изъ постоянныхъ посѣтителей этого учрежденія многіе не знали его въ лицо. Въ мрачныхъ сводчатыхъ помѣщеніяхъ синодальнаго архива, между огромными шкапами съ документами, отведенъ былъ маленькій уголокъ, гдѣ каждый день съ утра до вечера сидѣлъ А. И., погружившись въ изученіе излюбленныхъ имъ старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Въ этой области покойный не имѣлъ соперниковъ, и даже заслуженные профессора духовныхъ академій нерѣдко обращались за указаніями къ скромному архиваріусу. А. И. обладалъ феноменальной памятью, и грандіозный архивъ святѣйшаго синода съ сотнями тысячъ документовъ былъ для него чѣмъ-то въ родѣ письменнаго стола, въ которомъ онъ зналъ каждую бумажку. Помимо этихъ чисто архивныхъ знаній покойный считался однимъ изъ лучшихъ археологовъ сѣвера Россіи. Особенно хорошо зналъ древности Новгородской, Петербургской и Псковской губерній. Составленные и напечатанные А. И. три тома «Описанія дѣлъ святѣйшаго синода» выдвинули его въ первые ряды архивныхъ работниковъ, а цѣлый рядъ написанныхъ имъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ статей далъ и закрѣпилъ за нимъ имя ученаго архивиста. (Некрологъ его: «Вечерн. Время», 1914, № 738).

† **Таганцева, Л. С.** 9-го апрѣля русская школа понесла тяжелую утрату. Скончалась Любовь Степановна Таганцева, тридцать лѣтъ стоявшая во главѣ одной изъ лучшихъ гимназій Петербурга. Любовь Степановна родилась въ Пензенской губерніи 31-го ноября 1845 года, 15-ти лѣтъ окончила пензенскую женскую гимназію, въ 1868 г. поступила въ Петербургъ на педагогическіе курсы, на которыхъ въ 1870 году и завершила свое образованіе. Съ осени 1870 года она преподавала математику въ Маріинской женской гимназіи, съ октября 1874 года—въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, который покинула въ 1896 году, четверть вѣка проработавъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи. 20-го сентября 1883 года ею было открыто въ Петербургѣ женское перво-разрядное учебное заведеніе, въ 1884 году преобразованное въ женскую гимназію, быстро ставшую одной изъ образцовыхъ русскихъ школъ. Всю свою душу вложила Любовь Степановна въ это свое дѣтище, срастаясь со всѣми его интересами, всѣми подробностями его обихода, сумѣвъ сдѣлаться дѣйствительной руководительницей учебнаго персонала, вдохновляя его своей безза-вѣтной преданностью своему дѣлу. Для Любви Степановны существовало только ея дѣло. Все остальное, всякія отношенія—и личныя—отступали далеко на задній планъ. Это особенно сказывалось въ подборѣ сотрудниковъ—одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ задачъ руководителя школы. И она умѣла дѣйствительно дѣлать своими сотрудниками, сама съ горячимъ участіемъ отзываясь на всякую педагогическую попытку, тщательно слѣдя за измѣненіемъ учебныхъ требованій, обсуждая программы, нерѣдко поражая мѣткостью своихъ замѣчаній. Страшно дорожа интересами своей школы, Любовь Степановна именно потому была нѣсколько консервативна въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Ея консерватизмъ былъ лишь охраной отъ лишннихъ рискованныхъ экспериментовъ. Съ живѣйшимъ интересомъ слѣдила она за каждымъ новымъ шагомъ на пути педагогическаго творчества. Уже на склонѣ лѣтъ не разъ посѣщала она заграничныя школы, всегда готовая воспользоваться ихъ опытомъ. Ея самый послѣдній, можетъ быть, роковой для нея выходъ было посѣщеніе бесѣды объ эстетическомъ образованіи въ Солянскомъ Городкѣ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1914, № 13677).

† **Цеткинъ, А. І.** 8-го апрѣля на 50-мъ году жизни скончался въ Елисаветградѣ бывшій редакторъ-издатель екатеринославскаго «Вѣстника Юга» Александръ Іосифовичъ Цеткинъ. Умеръ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, благодаря личной скромности оставаясь въ тѣни жизни, дѣлаютъ большое культурное дѣло, видя въ успѣхахъ его свою награду. Начавъ издавать газету съ довольно большими средствами, А. І. Цеткинъ, съ юныхъ лѣтъ чувствующій влеченіе къ журналистикѣ, всей душой отдался любимому дѣлу. «Вѣстникъ Юга», какъ и всякая молодая газета, въ теченіе первыхъ лѣтъ своего существованія давалъ издателю убытокъ, но это не останавливало А. І. Цеткина. И благодаря его стараніямъ газета начала крѣпнуть, стойко занимая прочное мѣсто въ рядахъ прогрессивной печати. Въ 1905 году съ газетой произошла катастрофа, и А. І. Цеткинъ долженъ былъ покинуть Россію. «Вѣстникъ Юга» перешелъ въ другія руки, посѣрѣлъ, а вскорѣ измѣнилъ даже свое имя: возникла «Южная Заря», издаваемая въ настоящее время А. Я. Ефимовичемъ. При окончательной

ликвидации газеты А. И. Цеткинъ потерялъ все свое состояніе—около 100 тысячъ рублей. Вначалѣ А. И. поселился со своей семьей въ Мюнхенѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ. Но и за границей А. И. Цеткинъ не отказался отъ своего призванія къ литературному труду: онъ сотрудничалъ во многихъ заграничныхъ изданіяхъ, переводилъ иностранныя произведенія на русскій языкъ. Литературный трудъ А. И. Цеткина давалъ средства къ существованію его семьѣ во все время его мытарствъ за границей. Но сознаніе, что жизнь его и семья разбита, что любимое дѣло, которому отдано было столько силъ, энергіи и, наконецъ, все состояніе,—сознаніе, что это дѣло погибло, угнетало А. И. Цеткина, всегда до той поры оптимистически отношившагося къ различнымъ труднымъ моментамъ своей жизни. Его угнетенное состояніе еще усугублялось тоской по родинѣ, которую онъ беззавѣтно любилъ, которой всегда вѣрно служилъ по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія. И этотъ моральный гнетъ сыгралъ свою роковую роль, подготовивъ у А. И. удобную почву для развитія наследственнаго тяжелаго сердечнаго недуга, въ результатѣ сведшаго А. И. въ могилу. Послѣ пятилѣтнихъ мытарствъ А. И. Цеткинъ, наконецъ, въ 1911 году получилъ возможность возвратиться въ Россію. По образованію юристъ, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ и здѣсь приписался къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Проживъ въ Харьковѣ зиму 1911 года, А. И. Цеткинъ по семейнымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ переѣхать на жительство въ Петербургъ. Но петербургскій климатъ и поѣздка по дѣлу своего кліента въ Сибирь, гдѣ зимой А. И. Цеткину пришлось проѣхать на лошадахъ нѣсколько сотъ верстъ, окончательно подломили его здоровье. По настоянію врачей А. И. Цеткину пришлось переселиться на югъ, и онъ остановилъ свой выборъ на Елисаветградѣ, своей родинѣ. Такъ до конца дней его судьба трепала А. И. Цеткина, все же терпѣливо, зачастую съ искоркой юмора переносившаго ея удары. (Некрологъ его: «Южный Край», 1914, № 11988).

Вик-Ториновичъ

ВОЖДЬ

(КРОВАВАЯ КОМЕДИЯ НЕДАВНИХЪ ДНЕЙ).

ПЬЕСА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Зрелевъ, 13

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Тумарскій, Николай Ивановичъ,—крупный домовладѣлецъ, городской гласный, впоследствии членъ государственной думы.

Марья Петровна—жена его,

Нелли—дочь ихъ, 18—19 лѣтъ, стройная блондинка среднего роста.

Борисъ—старшій братъ Тумарскаго, 50 лѣтъ.

Артемьевъ, Игорь Петровичъ,—товарищъ прокурора окружнаго суда.

Бруве, Фридрихъ Конрадовичъ.

Лобзинковъ, Владимиръ Александровичъ,—присяжный повѣренный, впоследствии членъ государственной думы.

Першининъ, Владимиръ Ивановичъ,—судебный слѣдователь.

Богоявленскій, Николай Степановичъ,—кандидатъ на судебныя должности, потомъ помощникъ адвоката.

Гулякина, Екатерина Никаноровна,—крупная землевладѣлица, прогрессистка.

Паша—горничная въ домѣ Тумарскихъ.

Виленкинъ, Александръ Львовичъ,—плотный, высокаго роста бронецъ, съ бритымъ, какъ у актера, лицомъ. Говоритъ съ едва замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ, держится очень увѣренно и свободно.—Лѣтъ 35—36.

Ротмистръ Гредеръ—жандармскій офицеръ.

Кочерыжкинъ—агентъ.

Гарбузенко—старшій городской, съдой, угрюмый хохоль.

Игнатъ

Мотель

Пиня

Зельманъ

Марья Матвѣевна

Лія

Сарра

} Члены боевой дружины соц.-рев.

Вахмистръ, жандармы, полицейскіе, члены комитета социаль-революціонеровъ.

Первое и второе дѣйствіе происходятъ въ 1906 году, между ними промежутокъ около полугода.

Последующія дѣйствія годъ спустя.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ **Тумарскаго**, обставленная съ провинціальнымъ шикомъ. Нѣсколько потертая мягкая мебель, ковры, маленькіе столики съ бронзовыми инкрустаціями; на стѣнахъ картины, нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ Толстого, Горькаго и Шевченка. Вечеръ, огни уже зажжены. Дверь въ сосѣдную комнату, кабинетъ хозяина, открыта. Виденъ стоящій угломъ письменный столъ. Тамъ также горитъ настольная лампа.

Five o'clock tea. Въ гостиной **Тумарскій Лобзиковъ**, **Першининъ** и **Гулянкина** сидятъ въ центрѣ комнаты за столомъ, возлѣ котораго на спеціальному столику самоваръ и чайный приборъ. **Тумарская** разливаетъ чай, рѣжетъ тортъ и передаетъ налитыя чашки горничной, которая обноситъ гостей. **Богоявленскій** въ форменной тужуркѣ стоитъ противъ стола, заложивъ руки въ карманы. Говоритъ съ ясно выраженнымъ семинарскимъ акцентомъ, громко и рѣзко, съ угловатыми движеніями. **Бруве** въ черномъ сюртукѣ стоитъ у рояля, разсѣянно просматривая ноты. **Борисъ Тумарскій** сидитъ въ сторонѣ у окна и читаетъ газеты. Мужчины курятъ.

Богоявленскій. Такъ и сказалъ Егоръ Ильичъ? Правильно. Я бы и еще яснѣе выразился!

Тумарскій. Какъ онъ отдѣлалъ казаковъ! Прямо фуроръ! Вы сами можете себѣ представить, какъ вытянулись фізіономіи у нашихъ черныхъ, когда Замецкій подалъ свою реплику. Вѣдь, какъ никакъ, а почетный судья, виднѣйшій общественный дѣятель, и, значить, съ его мнѣніемъ надо считаться думѣ.

Бруве (оборачиваясь). Иногда рѣзкость оказываетъ на толпу лучшее вліяніе, чѣмъ самые сильные доводы. Въ этомъ отношеніи я совершенно былъ солидаренъ съ Егоромъ Ильичемъ. Толпа— всегда толпа. Иной разъ на нее можно подѣйствовать только окрикомъ.

Гулянкина. Я не понимаю, до какихъ предѣловъ можетъ простираться наше терпѣніе. Вчера казаки налетѣли на мирно шедшую молодежь, пѣвшую пѣсни, и едва не избили дѣтей. Чортъ знаетъ что! А мнѣ какой-то изъ нихъ показалъ нагайку, когда я крикнула, что это безобразіе. Да, представьте, показалъ!

Богоявленскій. Пора бы перестать всеѣмъ миндальничать! Довольно мы натерпѣлись! Ясно, что при дружномъ выступленіи...

Борись (*съ легкой улыбкой*). Какое именно выступленіе? Вооруженномъ?

Гулянкина (*запальчиво*). Хотя бы и вооруженномъ!

Богоявленскій (*грубо*). Именно вооруженномъ, г. Тумарскій! Есть вещи, которыя нельзя доказывать словами. Наши охранители храбры только съ дѣтьми и безоружными. Припомните московскія событія. Десятки рабочихъ отражали цѣлую роту солдатъ...

Борись. Можетъ быть, батальонъ? Берите уже больше.

Тумарскій (*недовольно*). Я не понимаю тебя, Борись. Прости меня, но, мнѣ кажется, твоя иронія едва ли справедлива. Слишкомъ серьезенъ переживаемый нами моментъ. Вотъ наша партія...

Борись. А, кстати, она сейчасъ куда качнулась, ваша партія? Отъ крестьянъ къ домовладѣльцамъ, или наоборотъ?

Лобзиковъ (*задѣтъ*). Ваши насмѣшки, Борись Ивановичъ, неосновательны, чтобы не сказать болѣе. Вамъ должно быть извѣстно, что весь цвѣтъ русской интеллигенціи солидаренъ съ нами. Мы—мозгъ Россіи. А если намъ приходится подчасъ идти зигзагами...

Богоявленскій (*перебивая, съ грубымъ смѣхомъ*). Эти-то зигзаги и ослабляютъ ваше вліяніе. Я не противъ васъ, вы, конечно, сыграли большую роль въ дѣлѣ раскрѣпощенія родины, но нельзя останавливаться на полдорогѣ. Проблема давно уже разрѣшена въ томъ смыслѣ...

Борись (*отмахнувшись*). Слышали, слышали!

Начинается споръ. Шумъ голосовъ. Отдѣльные выкрики: «Позвольте, а аграрная программа?» «Нѣтъ, дайте высказаться...» «Вопросы городского пролетаріата...» «Задачи грядущаго парламента...» и т. п. Лобзиковъ ухватилъ Богоявленскаго за пуговицу тужурки и что-то доказываетъ ему. Богоявленскій возражаетъ и машетъ руками. Общій шумъ.

Тумарскій (*сильно повышая голосъ*). Такъ нельзя, господа! Нельзя же всеѣмъ вмѣстѣ! Такъ не спорять...

Шумъ понемногу стихаетъ. Голосъ Богоявленскаго «Чорта два, пойдемъ съ вами».

Борись. Именно такъ у насъ спорять, Николай. Поэтому-то я и избѣгаю всякаго участія въ вашихъ спорахъ.

Бруве. Я это замѣтилъ, Борисъ Ивановичъ. И, откровенно говоря, не понимаю васъ. Вы—человѣкъ очень интеллигентный, развитой, а между тѣмъ совершенно уклоняетесь отъ политической жизни и относитесь къ происходящимъ событіямъ съ какою-то непонятной усмѣшкой...

Тумарскій (*стараясь замаять разговоръ, нѣсколько смущенно*). Да, Борисъ анахоретъ.

Борись (*спокойно*). Ничего подобнаго. Просто, Фридрихъ Конрадовичъ, мнѣ чужды всѣ ваши партіи...

Богоявленскій и **Гулянкина** (*переглянувшись*). Такъ!

Борись. Именно такъ. У меня свой мозгъ, своя душа, свои переживанія. Скажите, зачѣмъ я долженъ непременно нивелировать все это подъ опредѣленный ранжиръ? Да и, кромѣ того, наши партіи... Нѣтъ, увольте. Я вовсе не расположенъ дѣйствовать по указкѣ доцента безъ кафедры, или священника безъ прихода, врача безъ практики или купца безъ лавки... Господь съ ними.

Слова беретъ газету.

Богоявленскій. Однако, есть еще и другія партіи...

Борись. Съ этими ужъ разрѣшите мнѣ не считаться, молодой человѣкъ.

Богоявленскій (*вспыхнувъ*). Во-первыхъ, я не такъ молодъ, какъ вамъ кажется, г. Тумарскій! А, во-вторыхъ, это еще не рѣшеніе вопроса, что вы не хотите считаться съ неугодными вамъ партіями. Онѣ заставятъ васъ съ собою считаться, да-съ.

Лобзиковъ (*смѣясь*). Видите, какой онъ у насъ пряткій!

Борись. Ничего хорошаго не вижу въ этой пряткости. Наоборотъ. Мнѣ не совсѣмъ ясно, какъ можно поступать на службу въ правительственное учрежденіе и въ то же время открыто чуть ли не проповѣдывать вооруженный бунтъ.

Богоявленскій (*кричитъ*). Учрежденіе здѣсь ни при чемъ! Есть высшія и большія обязанности, чѣмъ служебныя! Напримѣръ, обязанности передъ родиной, которыя многими господничками игнорируются...

Бруве и **Лобзиковъ.** Ваша точка зрѣнія и намъ непонятна. Мы—прежде всего граждане, а потомъ—судьи, чиновники, кандидаты...

Тумарская. А развѣ служба не связываетъ?

Першининъ. Они-то не прочь связать, да не все теперь можно вязать, Марія Петровна. Возьмите, лучшая часть нашего суда идетъ вмѣстѣ съ народомъ. Даже курьеры,—и у тѣхъ пробудилось сознаніе гражданственности...

Борись (*насмѣшливо*). Вотъ какъ!

Богоявленскій. По мнѣнію г. Тумарскаго, курьеръ не человѣкъ...

Першининъ. А обязанности гражданина, по-моему, поглощаютъ всё остальные, какія бы онѣ ни были. Я, какъ судебный слѣдователь, обязанъ бороться съ ворами и всякими преступниками, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы я обязанъ былъ поддерживать и ограждать правительство.

Бруве. Совершенно вѣрно. Правительство сегодня одно, а завтра другое.

Гулянкина. Не всё-таки можно теперь не считаться съ требованіями народа! Славу Богу, всё уже понемногу начинаютъ прозрѣвать. У меня въ имѣніи крестьяне—неузнаваемы. Такая самостоятельность, смѣлость... Приятно глядѣть на нихъ.

Богоявленскій (*зазлбывался*). А рабочіе? Вы знаете, недавно наборщики «Свободнаго Слова» отказались печатать опроверженіе какого-то черносотенца. Не желаемъ оскорблять печатное слово черносотенными измышленіями, и все тутъ.

Борисъ. Очень мило.

Лобзиковъ. Конечно, это большой шагъ впередъ въ развитіи культурнаго пониманія нашихъ рабочихъ.

Борисъ. А не цензура, только понавшая въ руки невѣжественной толпы?

Гулянкина (*ядовито*). Вамъ, вѣроятно, симпатичны только руки господъ чиновниковъ?

Тумарскій. Оставьте, господа. Все равно другъ друга не переубѣдите. Борисъ, я прошу тебя...

Борисъ (*съ усмѣшкой*). Ахъ, сдѣлай одолженіе. Неужели ты думаешь, что мнѣ особенное удовольствіе доставляютъ бесѣды на текущія темы?

Богоявленскій. Еще бы! (*Подходитъ къ лампѣ и закуриваетъ папиросу. Рукавомъ онъ задѣлъ чашку съ чаемъ. Та падаетъ на полъ и разбивается*). Ахъ, чортъ ее возьми!

Тумарская (*прикусивъ губы*). Паша, уберите.

Горничная собираетъ и уноситъ осколки.

Першининъ. Вчера я былъ на митингѣ. Говорилъ снова Виленкинъ. Какая сила и убѣжденность у этого человѣка!

Лобзиковъ. Настоящій вождь народа. Я понимаю, почему онъ такъ говорилъ съ нами въ думѣ. «Всѣ наши требованія должны быть исполнены. Въ противномъ случаѣ мы оставимъ городъ безъ огня, воды и съѣстныхъ припасовъ!» Сила.

Бруве. Вы знаете, губернаторъ струсилъ. Когда я, Егоръ Ильичъ и другіе явились къ нему ночью въ квартиру передать требованія пролетаріата, то на него просто жалъ было смотрѣть. Что-то лепечетъ, понять его трудно было.

Богоявленскій. Еще бы! Это ему не со своими чиновниками разговоры разговаривать.

Тумарская. Онъ, кажется, сильно боленъ?

Лобзиковъ (*немного смущенный*). Д-да, лежитъ въ постели.

Богоявленскій. Ну, что жъ, сатрапъ нашъ сдрейфиль и все обѣщаль исполнить?

Лобзиковъ. Представьте, нѣтъ. Отказаль.

Гулянкина. Какая дерзость! Что они думаютъ?

Лобзиковъ. Вотъ именно. Нельзя же, наконецъ, измываться надъ терпѣніемъ гражданъ. Кромѣ того, надо войти и въ положеніе города. Съ Виленкинымъ шутки плохи. Рабочіе идутъ за нимъ, какъ одинъ человѣкъ.

Борисъ. Словомъ, второй губернаторъ.

Богоявленскій. Повыше, будьте покойны!

Першининъ. Сегодня я получилъ прокурорское предложеніе приступить къ слѣдствію по обвиненію Виленкина въ государственномъ преступленіи и кощунствѣ. Какъ это вамъ понравится?

Встаеть и закладываетъ руки въ карманы.

Бруве. Неужели они рискнули? Это очень неосторожно.

Лобзиковъ. Издѣвательство. Эти господа точно окаменѣли въ своемъ первобытномъ состояніи. Удивительный народъ.

Першининъ. Щелкоперы, молокососы. Тоже, предложеніе! Хозяинъ-то дѣла все-таки я. А въ случаѣ чего, судъ меня поддержитъ.

Взглядываетъ на Бруве.

Бруве. Кажется, и состава преступленія нѣтъ?

Першининъ. Разумѣется. Надо игнорировать манифестъ о свободѣ слова, чтобы предъявлять такія вздорныя обвиненія.

Тумарская. За что же привлекаютъ Виленкина?

Першининъ. А онъ, видите ли, въ одной изъ своихъ рѣчей,—кстати, шедевръ ораторскаго искусства! я слышалъ ее,—обратился къ толпѣ съ призывомъ сплотиться всѣмъ и грудью съ оружіемъ въ рукахъ добиваться созыва учредительнаго собранія. И мотивироваль это умно: разъ правительство, давъ обѣщаніе, вздумаетъ итти назадъ, то наша обязанность не позволить этого. А если они выдвинуть вооруженную силу, то противопоставить ей такую же. Совершенно резонно и логично. При чемъ же здѣсь нарушеніе сто двадцать девятой статьи? Статья эта писалась до манифеста.

Лобзиковъ. Ну, кощунство въ чемъ усмотрѣли?

Першининъ. Это уже и совсѣмъ вздоръ. Колокола зазвонили во время рѣчи, заглушаютъ слова. Виленкинъ сдѣлаль паузу, а потомъ бросиль: «Граждане! Неужели вамъ не надоѣло слышать этотъ погребальный перезвонъ, который сопровождалъ васъ во всѣ дни вашей прошлой рабской жизни? Долой этотъ пережитокъ

трусости и рабства, этотъ символъ низкопоклонства и угнетенной человѣческой личности!»

Тумарскій. Красиво сказано.

Богоявленскій. Слѣдовало бы, дѣйствительно, снимать эти колокола! И на что только ни тратили народныя деньги!

Першининъ. Вы скажите это нашимъ прокурорамъ.

Богоявленскій. Стану я съ ними разговаривать! Не дожидется они.

Бруве. Да, прокуратура заняла странную позицію. Впрочемъ, они смѣшны въ своемъ одиночествѣ. Въ судѣ съ ними предсѣдатель да наименѣе интеллигентные изъ членовъ суда. Ископашные.

Лобзиковъ. Держать себя они, однако, вызывающе. Взять хотя бы Артемьева.

Богоявленскій. Тоже молодчикъ. Съ жандармами воедино. Прохвость.

Тумарская. Мнѣ онъ правился. Такой корректный, выдержанный. Онъ былъ очень друженъ съ нашей Нелли.

Богоявленскій. Бѣлоподкладочникъ.

Тумарскій. ... Къ счастью, былъ. Теперь Нелли, кажется, забыла объ этомъ глупомъ увлеченіи.

Лобзиковъ. Признаться, мнѣ было неприятно встрѣчаться съ нимъ у васъ въ домѣ. Онъ пересталъ бывать?

Тумарскій. Да, уже давно. Попялъ самъ, что его присутствіе едва ли пріятно.

Першининъ. Нахаль. Недавно позволилъ себѣ мнѣ потацію читать: вы, молъ, какъ судебный слѣдователь, должны, и т. д. Конечно, я его оборвалъ. Теперь не здороваемся.

Лобзиковъ. Да, нахаль изрядный.

Тумарская. Почему такъ?

Лобзиковъ. Факты, Марья Петровна. На дняхъ въ судѣ произошло скандалъ. Обвинялся нашъ уважаемый Попрашкинъ въ напечатаніи какой-то неугодной охранителямъ корреспонденціи. И вотъ Артемьевъ въ своей рѣчи позволилъ себѣ заявить: что если, молъ, солдатъ закололъ обнаглѣвшаго еврея, оскорбившаго воинскую часть, то и прекрасно сдѣлалъ. Такъ и сказалъ: обнаглѣвшаго еврея! Какъ вамъ понравится это?

Бруве. Онъ призванъ былъ къ порядку. Это была возмутительная выходка.

Борисъ. А что сдѣлалъ этотъ еврей?

Лобзиковъ. Солдаты разогнали толпу гражданъ и потомъ стояли въ строю. Какой-то экзальтированный юноша изъ толпы подбѣжалъ къ строю и, естественно, подъ вліяніемъ возбужденія, что-то сталъ кричать солдатамъ, кажется, дѣйствительно, выбранилъ ихъ. И представьте себѣ, унтеръ-офицеръ закололъ мальчика штыкомъ.

Гулянкина. Несчастное дитя!

Богоявленскій. А товарищъ прокурора публично одобрилъ это убійство? Здорово. Подстрекательство къ убійствамъ и погромамъ, да еще въ судебномъ засѣданіи!

Борись. То ли дѣло вооруженное возстаніе!

Богоявленскій (*оборачивается къ нему и злобно ерошитъ волосы*). Тихо Бруве). Что онъ—черносотенецъ? Такая тупая скотина...

Бруве. Не обращайтесь вниманія. На всѣхъ не угодишь. Пойдемъ въ кабинетъ къ Николаю Ивановичу. Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ.

Богоявленскій. Ладно.

Уходятъ.

Тумарская. Чѣмъ же окончился инцидентъ въ судѣ?

Лобзиковъ. Я потребовалъ занести въ протоколъ выраженіе товарища прокурора. Авось, его по головкѣ не поглядятъ, особенно, когда пресса освѣтитъ это надлежащимъ образомъ. А редактора судъ, конечно, оправдалъ.

Пауза.

Борись. Маріе, почему не видно Нелли?

Тумарская. Съ утра нѣтъ ея. Дѣвочка такъ захвачена происходящимъ, что все время какъ въ чадѣ какомъ-то. Вѣроятно, гдѣ-нибудь на митингѣ.

Борись. Напрасно пускаешь!

Тумарскій. Почему напрасно? Она не ребенокъ. Устранять ее отъ общенія съ политической жизнью страны было бы едва ли правильно, Борись.

Борись. Политической жизнью... Страшно громко сказано. Водится дѣвочка на митингахъ Богъ знаетъ съ кѣмъ!

Тумарская (*со вздохомъ*). Ничего нельзя сдѣлать съ ней. Я просила ее,—куда тамъ. А тутъ еще папаша поощряетъ.

Першининъ. Не по Домострою же жить, Марья Петровна. Вотъ и мои дочери бываютъ на митингахъ, и я очень доволенъ. Пусть воспитываются въ духѣ гражданскаго самосознанія.

Лобзиковъ. Конечно, эти крайніе—увлекающійся народъ, но зато какіе среди нихъ есть молодцы! Любо посмотрѣть. Смѣлые, куда угодно готовы итти. А Виленкинъ—прямо вождь. И натура такая рыцарская у него.

Бруве (*выходя изъ кабинета*). Ну-съ, дорогая хозяйка, намъ пора.

Цѣлуетъ руку. За нимъ начинаютъ прощаться Бруве, Першининъ и другіе. Богоявленскій стискиваетъ руку хозяйкѣ такъ, что она морщится.

Тумарская. Куда все такъ?

Бруве (*значительно*). Сегодня у насъ собраніе организационнаго комитета по охранѣ города. Надо выработать мѣры охраны, порядокъ милиціи. Будутъ представители всѣхъ прогрессивныхъ партій.

Борисъ. Развѣ войска уже выведены? Я сегодня видѣлъ патрули.

Богоявленскій. Не выведены, такъ будутъ выведены! Пора и честь знать.

Бруве. Николай Ивановичъ, вы, конечно, съ нами?

Тумарскій. Разумѣется. Вопросъ серьезнѣйшій.

Гулянкина. Поѣду и я, Марья Петровна.

Тумарская. Тоже на это собраніе?

Гулянкина. Нѣтъ, къ себѣ. У меня должны собраться вечеромъ представители сознательнаго крестьянства. Вы знаете, это совсѣмъ особенный народъ. Съ ними нужно быть очень осторожной.

Борисъ. Почему же нужна эта особая осторожность съ крестьянами?

Гулянкина. Къ аграрному вопросу иначе подходить нельзя. Надо удержать народъ отъ излишнихъ эксцессовъ.

Борисъ. Да, да. А то вдругъ безъ обвиняковъ скажутъ:—пожалуйте, барыня, для начала вашу землю! Она намъ очень способна!

Гулянкина (*вспыхнувъ, рѣзко*). Ничего остроумнаго не сказали, Борисъ Ивановичъ! Шаблонное черносотенное выраженіе! Почему именно моя земля для начала? По меньшей мѣрѣ странно...

Борисъ. Конечно, конечно, сударыня. Съ какой стати трогать вашу землю, или, напримѣръ, дома моего брата? Надо подождать.

Тумарскій и **Лобзиковъ** (*вмѣстѣ*). Мы примемъ бой и на этой позиціи. Да, подождать. Но надо имѣть въ виду, что...

Борисъ (*нервно*). Согласенъ, согласенъ!

Уходить въ кабинетъ.

Гулянкина. Вашъ братъ просто несносенъ сегодня, Николай Ивановичъ!

Бруве. Не понимаю его.

Всѣ уходятъ.

Тумарская (*въ задумчивости прохаживается по комнатѣ, потомъ заглядываетъ въ кабинетъ*). Борисъ, можешь прійти сюда?

Борисъ (*выходитъ*). Твои гости ушли? Боже, какъ мнѣ надоѣли эти споры и толченіе воды въ ступѣ! Главное, что всѣ же они не искренни, начиная съ твоего супруга, а моего брата: Развѣ только эта семинарская орясина убѣждена...

Тумарская. Не дразни ихъ, Борисъ! У меня подчасъ голова трещитъ отъ крика, а я терплю. Что же подѣлаешь? Время такое.

Борисъ. И напрасно терпишь. Изъ огня попали въ полымя съ этими свободами! Какъ они мнѣ всѣ надоѣли, эти пріятели и товарищи твоего мужа, что толкутся здѣсь день и ночь! Кажется, уѣду я отъ васъ куда-нибудь подальше, за границу, что ли...

Широкими шагами ходить по комнатѣ.

Тумарская. Знаешь, Нелли сегодня утром получила письмо. Кажется, оть Артемьева. Заперлась у себя въ комнатѣ и бѣгала тамъ, какъ мышь въ мышеловкѣ. Потомъ одѣлась и ушла куда-то.

Борисъ. Совсѣмъ обалдѣла ваша Нелли! Ты знаешь, съ кѣмъ я встрѣтилъ ее вчера вечеромъ?

Становится противъ Тумарской.

Тумарская. Съ кѣмъ?

Борисъ. Съ этимъ самымъ вождемъ, или какъ тамъ его иначе у васъ зовутъ?—Вилскинымъ. Шли, чуть ли не обнявшись. Чортъ знаетъ что.

Тумарская (*испуганно*). Что ты говоришь? Вѣдь мы его совсѣмъ не знаемъ...

Борисъ. То-то и есть. Собьется съ пути дѣвочка. Знаю я уже этихъ гг. товарищей достаточно. Не приведутъ къ добру эти митинги и «политическая жизнь», какъ выражается братецъ.

Тумарская. Но мы не знали! Я сегодня же поговорю съ ней!

Борисъ. Будетъ ли толкъ? А Артемьева мнѣ жалъ. Хорошій юноша, прямой. И какъ глупо все это у васъ, господа, вышло! Считался женихомъ, знали его чуть ли не съ дѣтства, а потомъ—извольте радоваться! Немного не отказали отъ дому.

Тумарская (*тихо*). Ты знаешь, я меньше всего повинна въ этомъ.

Борисъ (*сердито*). Задурили голову дѣвочкѣ! Чортомъ какимъ-то смотреть. А какая славная была!..

Уходитъ. Слышенъ звонокъ.

Тумарская (*подходитъ къ дверямъ въ прихожую и смотритъ*). Паша, кто это?

Горничная. Барышня пришли.

Тумарская. Нелли, ты?

Нелли (*входитъ въ шубкѣ и шапочкѣ*). Мама, сейчасъ придетъ Артемьевъ. Позволь мнѣ переговорить съ нимъ наединѣ.

Тумарская (*удивленно*). Артемьевъ? Вотъ не ждала. Что жъ, я очень рада.

Нелли (*досадливо*). Рада или не рада, это другой вопросъ. Мнѣ нужно объясниться съ нимъ.

Уходитъ въ переднюю.

Тумарская. Я тебѣ не препятствую. Но думаю, съ матерью можно говорить вѣжливѣе.

Уходитъ во внутреннія комнаты черезъ кабинетъ мужа.

Нелли (*входитъ въ гостиную. Она въ синемъ платьѣ, причесана просто. Видимо, взволнована*).. Паша! Придетъ одинъ господинъ

и спросить меня. Попросите его сюда. (*Звонокъ*). Это, вѣроятно, онъ. Просите.

Звонокъ. Машинально оправляетъ передъ зеркаломъ прическу.

Артемьевъ (*входитъ въ форменномъ сюртукѣ съ портфелемъ. Видъ у него официальный*). Добрый вечеръ, Елена Николаевна. Я очень благодаренъ вамъ за разрѣшеніе переговорить съ вами.

Наклоняется, чтобы поцѣловать ей руку. Она отдергиваетъ руку.

Нелли. О чемъ мы еще будемъ говорить? Кажется, все ясно и безъ словъ.

Отходить въ сторону и садится у окна.

Артемьевъ (*грустно*). У васъ даже нѣтъ словъ для меня, Елена Николаевна? Но, разъ вы были такъ любезны, что разрѣшили мнѣ быть у васъ...

Невли (*нервно*). Пожалуйста, безъ предисловій.

Артемьевъ. Какъ вы рѣзки! Я не узнаю васъ. Хорошо, я буду кратокъ.

Нелли. Въ чемъ же дѣло?

Артемьевъ (*тихо*). Въ томъ, что я, какъ вы знаете, безгранично люблю васъ и не пересталъ любить, несмотря на то, что послѣдній годъ вы явно сторонились отъ меня. Я много думалъ по этому поводу, много выстрадалъ, Елена Николаевна. Этотъ разговоръ между нами послѣдній. Скажите, неужели у васъ ничего не осталось? Совсѣмъ ничего?

Нелли (*задумчиво*). Игорь Петровичъ, я, правда, гадкая стала, злая, но я скажу вамъ... Временами я думаю о васъ и... мнѣ жаль, что все такъ ушло.

Артемьевъ. Нелли моя, Нелли! Милая моя дѣвочка! Не надо, чтобы все ушло. Вѣдь, въ вашей власти возвратить все. Давайте поговоримъ по душѣ, такъ, какъ прежде говорили. Что съ вами случилось?

Садится возлѣ нея и внимательно смотритъ на нее.

Нелли (*опустивъ глаза*). Видите ли, Игорь... Конечно, жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Она идетъ впередъ и увлекаетъ за собою людей. И вотъ наши дороги разошлись.

Артемьевъ. Это потому, что въ Россіи революція, а я—товарищъ прокурора?

Нелли (*поднимаетъ на него глаза. Твердо*). Да, потому. Поймите же, вы человѣкъ умный, развѣ вамъ самому не казалась бы чѣмъ-то противоестественнымъ наша любовь? Теперь я переродилась

духовно, я знаю, что представляют собою борющіяся стороны и гдѣ правда. Могу ли я любить того, кто противъ правды?

Артемьевъ (*горячо*). Нелли, это глубокая ошибка! Вы не можете сказать сейчасъ, гдѣ именно правда. На это отвѣтитъ исторія, отвѣтитъ не скоро, быть можетъ, тогда, когда насъ уже не будетъ въ живыхъ. Помните, что вы сами говорили: къ человѣку всегда надо относиться по-человѣчески. А теперь? Значитъ, теперь нѣтъ человѣка. Есть революціонеръ, реакціонеръ, товарищ прокурора и т. д. Гдѣ же вашъ человѣкъ, Нелли?

Нелли. Да, теперь такъ. Игорь, я хочу, чтобы вы поняли мою точку зрѣнія. Поймите, въ моихъ глазахъ вы представитель темной силы, которая проливаетъ кровь, да, кровь, и исторгаетъ страданія у людей. Вы думаете, мнѣ пріятно глядѣть на вашъ форменный сюртукъ? Мнѣ такъ и представляется, что въ этой самой одеждѣ вы съ сворой казаковъ и жандармовъ врываетесь въ чужія жилища и всюду вносили за собой ненависть и слезы... Какъ вы сами не можете этого понять!

Артемьевъ (*тихо*). Разъ я для васъ только представитель темной силы, то, разумѣется, больше не о чемъ говорить, Нелли. Но вы, вы проверили себя? И въ состояніи ли вы объективно отнестись къ движеніямъ чужой души, хотя бы и облеченной наружно въ ненавистный вамъ форменный мундиръ?

Нелли. Ахъ, Игорь! При чемъ тутъ душа? У того, кого въ настоящее время облегаетъ официальная броня, душа совѣсьмъ особая. Едва ли она можетъ остро чувствовать и содрогаться при видѣ чужихъ страданій...

Артемьевъ. Едва ли? Да вы ребенокъ, Нелли! Въ вашихъ глазахъ,—простите меня,—люди только маріонетки, движущіяся сообразно тому, какъ ихъ дергаетъ за веревочки невидимая рука фокусника. А попытались бы вы вдумчиво взглянуть въ чужую человѣческую душу, хотя бы мою... какъ глядѣли сравнительно такъ недавно. И, быть можетъ, вы сами горько посѣтовали бы на себя...

Встаетъ взволнованный и снова садится.

Нелли. Игорь, вы знаете, я сама много страдала. Вѣдь, я любила васъ, крѣпко любила, понимаете? Раньше я гордилась вами, у меня было такое гордое сознаніе: вотъ онъ, мой любимый, спутникъ жизни моей, идетъ на борьбу со зломъ, какъ рыцарь съ поднятымъ забраломъ. Служить добру, служить интересамъ культурнаго человѣчества, силою своей власти и горячаго слова вступаетъ за обиженныхъ, за пострадавшихъ отъ чужой преступной воли. Какъ это было хорошо...

Задумывается.

Артемьевъ (*дрогнувшимъ голосомъ*). А теперь, Нелли? Развѣ всѣ эти черты мои утрачены?

Нелли (*порывисто*). Утрачены? Въ тысячу разъ хуже! Искажены до неузнаваемости... Ваше внутреннее лицо обезображено, лицо вашей души, Игорь. Вы думаете, мнѣ и теперь не больно это сознание? Что мой рыцарь ведетъ войну съ дѣтьми, оскверняетъ чужія жилища, борется всею силою своего таланта противъ свободной мысли, выступаетъ гонителемъ проснушагося народа...

Артемьевъ. Нелли, подождите, вы заблуждаетесь...

Нелли. Заблуждаюсь? О, нѣтъ. Вы предполагаете, что я ничего не знаю? А ваше послѣднее выступленіе въ судѣ? Эта выходка, эта пасмѣшка надъ трупомъ мальчика, заколотога солдатомъ, темнымъ, невѣжественнымъ существомъ, едва ли сознающимъ, что онъ дѣлаетъ. И это вы, вы смѣялись надъ трупомъ! Надъ ребенкомъ, у могилы котораго и сейчасъ, вѣроятно, безумно рыдаетъ мать или сестра!

Артемьевъ. Это ложь. Я не смѣялся надъ трупомъ, Нелли. Предъ ликомъ смерти я не умѣю шутить.

Нелли. Что вамъ ликъ смерти? Вѣдь, она всегда съ вами. Не вы ли участвовали въ подавленіи тюремнаго бунта, не вы? Ага, молчите. А тамъ что дѣлали? Забыли, какъ солдаты дали залпъ по окнамъ и убили дѣвушку?

Артемьевъ. Я исполнилъ мой долгъ, Нелли. Каждый обязанъ былъ сдѣлать то же на моемъ мѣстѣ. А вы помните, что было передъ вызовомъ войскъ? Вѣдь, былъ звѣрски убитъ начальникъ тюрьмы, двое надзирателей. У нихъ также остались семьи, Нелли. Также плакали и рыдали у ихъ гробовъ. Я слышалъ это.

Нелли. Но то сдѣлали люди, выведенные изъ себя, люди, которыхъ вы, какъ дикихъ звѣрей, заперли въ клѣтку въ то время, когда вся Россія ликовала!

Артемьевъ. Мой долгъ...

Нелли (*вскочивъ*). Оставьте вашъ долгъ! Это, наконецъ, дико звучитъ! Если бы у васъ была живая душа, то вы сами сбросили бы съ себя бремя этого долга! Мало того, вы пошли бы туда, понимаете? Въ станъ борющихся и погибающихъ...

Артемьевъ. И тогда вы пошли бы со мной, какъ шли вмѣстѣ до сихъ поръ?

Нелли. О, пошла бы! Тогда бы я гордилась вами и была бы снова счастлива этимъ свѣтлымъ сознаниемъ, что я не ошиблась... (*Помолчавъ*). Впрочемъ, нѣтъ. Не знаю.

Артемьевъ. Ну, вотъ видите. (*Грустно*). Очевидно, ваша душа не могла бы простить мнѣ моего прошлаго, которое такъ ненавистно вамъ...

Нелли (*нервно*). Нѣтъ, Игорь. Не то...

Артемьевъ. Значитъ, хорошо для меня, что я такъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Болѣе того: я скажу вамъ, что все-таки правда на нашей сторонѣ.

Нелли. Перестаньте. Мнѣ стыдно за васъ.

Пауза.

Артемьевъ (*задумчиво*). Людоѣдь... Я въ вашихъ глазахъ людоѣдь. Человѣкъ безъ души, неспособный ни на какія чувствованія. Больно это, Нелли. И, Боже, какъ несправедливо!

Нелли. При чемъ здѣсь чувствованія? Они остры у тѣхъ, кого вы гоните, у тѣхъ, а не у васъ, слышите? Не надо чуткой души, чтобы подъ охраной казачьихъ шашекъ или солдатскихъ штыковъ устраивать облавы на людей!

Артемьевъ. Нѣтъ чувствованій, нѣтъ переживаній? Нелли, а на насъ не охотятся? Теперь, правда, я совершенно одинокъ. Моя мать умерла два мѣсяца тому назадъ...

Нелли (*вздвигнувъ*). Какъ, Ольга Алексѣевна умерла?

Артемьевъ. Вы не знали? Да.

Опускаетъ голову.

Нелли (*съ внезапной лаской беретъ его за руку*). Бѣдный мой! Почему вы мнѣ не сказали раньше?

Артемьевъ (*тихо*). Вотъ теперь пришелъ сказать. Теперь я со всѣмъ одинъ, Нелли. И вы, вѣдь, ушли отъ меня. Одинъ, какъ отрѣзанный ломоть...

Нелли (*задумчиво*). Бѣдный Игорь. Вотъ, когда я сейчасъ представила ваше горе, мнѣ больно-больно за васъ... (*Встаетъ и крепко стискиваетъ руки*). Зачѣмъ такъ странно складывается жизнь. Игорь?

Артемьевъ. Видите, сейчасъ вы говорите, какъ та, прежняя, моя Нелли, и вы теперь поймете, что и у товарища прокурора есть чувствованія. Даже въ сферѣ служебной.

Нелли. Служебной? Не понимаю.

Артемьевъ (*помолчавъ*). А вотъ представьте себѣ, милая Нелли, какъ нѣкій товарищ прокурора идетъ на такъ ненавистный вамъ обыскъ. А старуха мать... дрожащей рукой креститъ его, стараясь удержаться отъ слезъ. И думаетъ, что видитъ сына въ послѣдній разъ. Насъ, вѣдь, тоже убиваютъ, Нелли...

Нелли. Да, правда...

Молчаніе.

Нелли (*тоскливо*). Зачѣмъ все это, Игорь? Зачѣмъ?

Артемьевъ. Быть можетъ, потомъ вы измѣните свой взглядъ. Вѣдь, я во всякомъ случаѣ, дѣйствую открыто и честно. Не такъ, какъ хотя бы Бруве, Першининъ или имъ подобные.

Нелли. Что же они дѣлаютъ нечестнаго? Очень умные и прямые люди, такъ любятъ родину...

Артемьевъ. Никого, кромѣ себя, эти господа не любятъ, Нелли, повѣрьте мнѣ. Знаю я ихъ достаточно. А что касается прямоты, — извините. Вамъ бы слѣдовало поглядѣть на нихъ, какъ они себя держатъ передъ вышними. Напримѣръ, тотъ же Першининъ. Гадость.

«истор. вѣстн.», май 1914 г. т. сxxxvii.

Нелли. Першининъ не карьеристъ, Игорь Петровичъ.

Артемьевъ. Снова прежній тонъ, Нелли? Грѣшно вамъ. Нѣтъ, именно всѣ они карьеристы. Мечтаютъ выдвинуться впередъ при паденіи теперешняго правительства, почему стараются отличиться передъ революціей. Но и стремятся не слишкомъ скомпрометтировать себя. Эхъ!

Нелли. Можетъ быть, и такъ. Богъ съ ними.

Изъ комнатъ доносится бой часовъ.

Артемьевъ. Десять часовъ. Поздно. Я не задерживаю васъ?

Нелли. Нѣтъ. Знаете, Игорь, мнѣ сейчасъ очень тоскливо. *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и останавливается передъ нимъ. Кладетъ ему на плечо руку и смотритъ въ глаза).* Игорь, правда, что вы меня до сихъ поръ любите?

Артемьевъ. Какъ я люблю васъ, Нелли!.. Какъ люблю! И какъ ужасно для меня, что я потерялъ васъ. Не хочется жить. Пусто такъ все...

Нелли. Знаете... Впрочемъ, нѣтъ. Не надо.

Артемьевъ. Милая моя дѣвочка! Кто подмѣнилъ васъ? Неужели... вы пойдете туда, къ нимъ? Къ тѣмъ, кто говоритъ, что спасаетъ Россію, а на самомъ дѣлѣ губитъ ее?

Нелли *(серьезно).* Не говорите такъ, Игорь. Я не знаю, пойду ли. Но душою... я съ ними.

Артемьевъ *(съ внезапнымъ порывомъ).* Нелли, вспомни былое! Не отталкивай меня! Вѣдь, ты же любила меня... Вернись! *(Опускается на колѣни и прижимается лицомъ къ ея платью. Съ рыданіемъ въ голосъ).* Ты одна у меня, Нелли... Пожалѣй...

Нелли *(взволнованно).* Игорь, встаньте. Встаньте, я прошу васъ. Иначе я уйду.

Артемьевъ *(глухо).* Простите. *(Отходитъ въ сторону и закрываетъ лицо руками. Стоитъ такъ нѣсколько мгновеній, потомъ открываетъ лицо и подходитъ къ Нелли).* Я разнервничался. Простите меня, Нелли.

Нелли *(тихо).* Игорь! забудьте меня.

Артемьевъ *(съ усиліемъ).* Вы этого требуете, Елена Николаевна?

Нелли *(мягко).* Не сердитесь, Игорь. Быть можетъ, я бы вернулась къ вамъ, несмотря ни на что... Но...

Артемьевъ *(порывисто).* Вы требуете, чтобы я бросилъ службу? Нелли, я...

Нелли *(пугаясь).* Нѣтъ, Игорь. Простите меня, но я скажу правду. Я... люблю. Да, люблю.

Артемьевъ *(покачнувшись, измѣнившимся голосомъ).* А! вотъ что. Понимаю.

Нервно отходитъ въ сторону. Дрожащей рукой беретъ портфель и фуражку.

Нелли (*подходитъ къ нему. Ласково*). Игорь, простите меня.

Артемьевъ. Мнѣ нечего прощать вамъ, Нелли. Дай вамъ Богъ... (*Отворачивается въ сторону. Потомъ тихо*). Кто онъ, Нелли? Можете сказать мнѣ?

Нелли (*отрицательно качаетъ головой*). Не спрашивайте. Не все ли равно...

Артемьевъ (*сквозь зубы*). Изъ тѣхъ?

Нелли (*отрывисто*). Да.

Артемьевъ (*дрожащимъ глухимъ голосомъ*). Значить, прощайте. Не думайте плохо такъ обо мнѣ. Помните... Я крѣпко любилъ васъ.

Быстро поворачивается и идетъ къ дверямъ.

Нелли (*взволнованно*). Игорь! Погодите минуту! (*Подходитъ къ нему вплотную и беретъ его за обѣ руки. Смотритъ въ глаза*). Прощайте, Игорь. (*Тихо*). Поцѣлуйте меня въ лобъ. Какъ сестру...

Артемьевъ (*едва слышно*). Прощай, Нелли... (*Цѣлуетъ ее въ лобъ долгимъ поцѣлуемъ. Потомъ внезапно осыплетъ ее крестнымъ знаменіемъ. Твердо*). Прощай, мой Нелли.

Быстро уходитъ. Нелли смотреть ему вслѣдъ. Потомъ прислушивается къ стуку выходной двери.

Нелли. Ушелъ...

Отходить въ сторону и въ глубокой задумчивости садится въ кресло.

З а н а в ѣ с ь .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ ротмистра Гредера. Большая комната съ казенной обстановкой. Въ простѣнкѣ письменный столъ. Въ углу регистраціонныя століки со множествомъ листовъ, надѣтыхъ на специально выгнутыя проволоки. Нѣсколько шкаповъ у стѣны. У окна столикъ съ пишущей машиной. За нимъ писарь въ формѣ жандармскаго унтеръ-офицера печатаетъ какую-то бумагу. Передъ письменнымъ столомъ другой унтеръ-офицеръ раскладываетъ бумаги и приготовляетъ перья. По комнатѣ бродитъ агентъ Кочерыжкинъ, субъектъ въ штатскомъ, съ обтѣзлой физиономіей и жюкейской фуражкой въ рукѣ. Подходить къ окну и вынимаетъ изъ кармана рядъ фотографическихъ карточекъ, которыя внимательно разсматриваетъ, щура глаза. Двери широко раскрываются. Входитъ жандармскій вахмистръ, коренастый и плотный, съ суровымъ лицомъ и щетинистыми усами. За нимъ двое городовыхъ съ трудомъ вносятъ большой тяжелый ящикъ, сверху котораго привязана типографская верстатка и части станка.

Вахмистръ. Волоки сюда, ребята! Ставь здѣсь, въ углу.
Городовой. Чижолый, чортъ.

Ставятъ ящикъ и отираютъ лбы.

Кочерыжкинъ. Да, сегодня можно сказать, съ уловомъ, Никифоръ Матвѣевичъ!

Хихикаеть.

Вахмистръ. Твоя работа?

Кочерыжкинъ (*хвастливо*). А то чья жь? У меня, братъ, глазъ во-острый! Такъ и нащупалъ, когда перевозили. И поди жь ты! Барышня везла. Другой какой иной прочій изъ нашего брата мимо пробѣгъ бы, а у меня—шалишь. Провель, значить, ее наружнымъ наблюдениемъ, и не замѣтила, какъ хвостикъ привезла съ собой. А потомъ, значить, на конспиративную. Тамъ и залопали.

Вахмистръ (*покровительственно*). Нюхъ у тебя, значить, Кочерыжкинъ, Молодца, братъ,

Кочерыжкинъ (*шмыгнувъ носомъ*). Доложилъ я господину ротмистру. Такъ даже не повѣрили сперва. «Врешь—говорять,—шпицье ты отродье!»—«Никакъ нѣтъ, ваше-скоблагородіе,—докладываю,—извольте сегодня иттить». Да такъ и наладили, чтобы, значить, на обѣ фатеры—и къ барышнѣ, и на конспиративку. Ловко вышло, братъ ты мой!

Городовой. А сердыта барышня, хай ий хрінъ! Якъ глянула на насъ, такъ я ажъ злякавсь. Дуже сердыта!

Смѣется и крутить головой.

Вахмистръ (*солидно*). Главное, эту шельму Виленкина заграбастали. Теперь не открутишься, не. И аблакатовъ тожъ. Будуть довольны.

Кочерыжкинъ (*фыркаетъ*). А г. Бруве какъ сдрейфили, когда поняли, что влопамшись? Помните, Никифоръ Матвѣичъ? Съ личика бѣленькіе стали, да все къ приставу: «Иванъ Ивановичъ,—моль,—вы ужъ меня въ протоколъ не пишите. Я же у васъ товарищемъ прокурора былъ, извольте помнить?»—Такъ и лобезятъ. Хорошо, что г. ротмистръ навернулись.—«Потрудитесь,—говорять,—не разговаривать съ приставомъ. Иначе я арестую васъ». Такъ они и скушали... Ладно вышло!

Вахмистръ. Буде тебѣ лясы точить. Тащи, ребята, что тамъ есть еще.

Городовые выходятъ. Входитъ старшій городской Гарбузенко.

Вахмистръ (*протягивая лодочкой руку*). Наше вамъ! Что надобно?

Гарбузенко (*подавляя зъвоту*). Приставъ прислалы спытать, чи не треба ще наряда?

Вахмистръ. Довольно будетъ. Солдатъ изъ конвойной вытребовали.

Гарбузенко (*сумрачно*). И дѣбре. А то обрыдло тягатыця зъ нымы, хай имъ трысця!

Жандармы смѣются. Кочерыжкинъ хихикаетъ и взглядываетъ на вахмистра.

Вахмистръ (*солидно*). Чего «обрыдло»? Дѣло наше такое.

Гарбузенко (*угрюмо*). Такѣ то такѣ, та спаты ніколы черезъ пыхъ. Чи вони показылись, чи що?

Прощается и уходитъ. Входитъ ротмистръ Гредеръ. Жандармы вскакивають.

Гредеръ. Здорово, ребята! (*Идетъ къ столу*).

Жандармы (*громко*). Здравія желаемъ, ваше-скоблагородіе!

Гредеръ. Вахмистръ! Все готово? Товарищу прокурора доложилъ?

Вахмистръ. Такъ точно, ваше-скоблагородіе. Черезъ часъ будутъ.

Городовые вносятъ тюки, какія-то банки. Изъ одной банки течетъ типографская краска.

Гредеръ. Осторожнѣе, вы! Ставьте и убирайтесь.

Городовые складываютъ припесенное въ углу и выходятъ, штысь къ двери.

Гредеръ. Сегодняшніе всё доставлены?

Вахмистръ. Такъ точно. Кромѣ Вруве.

Гредеръ. Да, я разрѣшилъ ему прійти сюда безъ конвоя. (*Перебираетъ бумаги. Звонко телефона. Беретъ трубку. Рѣзко*). Да, я. Ротмистръ Гредеръ. (*Мѣняя тонъ*). Такъ точно, ваше превосходительство. Слушаю, слушаю. Немедленно доложу. Такъ точно. Имѣю честь кланяться. (*Вѣшаетъ трубку и даетъ отбой*). Вахмистръ! Вести Виленкина.

Садится за письменный столъ, просматривая рядъ протоколовъ. Вахмистръ выходитъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ появляется въ дверяхъ и пропускаетъ Виленкина, зади котораго слѣдуютъ двое жандармовъ.

Гредеръ. Вы Виленкинъ, Арошъ Лейбовъ, онъ же Александръ Львовичъ?

Виленкинъ (*насмѣливо*). Съ вашего разрѣшенія.

Гредеръ (*официально*). Вы задержаны сегодня ночью на конспиративной квартирѣ социаль-революціоннаго сообщества, гдѣ обнаружена партійная переписка, шифры и оружіе. Угодно вамъ дать поясненія, какъ вы туда попали и какую роль играли въ этомъ сообществѣ?

Виленкинъ (*тѣмъ же тономъ*). Не имѣю никакого желанія.

Гредеръ (*рѣзко*). Съ вами говорятъ по службѣ! Потрудитесь взять болѣе приличный тонъ!

Виленкинъ (*вызывающе*). Съ представителями опричнины у меня нного тона нѣтъ. И вообще я не любитель вести разговоры съ господами жандармскими офицерами и иже съ ними. (*Вахмистръ вплотную подступаетъ къ нему. Виленкинъ иронически*). Господинъ ротмистръ, кажется, изволилъ испугаться? Въ самомъ дѣлѣ, опасно. Здѣсь всего пять солдатъ и одинъ шникъ.

Гредеръ (*вспыхивъ*). Перестаньте говорить дерзости! (*Къ жандармамъ*). Ступайте. Будетъ нужно, позову.

Жандармы и Кочерыжкинъ уходятъ. Вахмистръ притворяетъ за собою дверь. Виленкинъ смотритъ на Гредера съ легкой улыбкой, потомъ подходитъ близко къ столу и смѣется. Ротмистръ удивленно смотритъ на него.

Виленкинъ. А вѣдь чисто проведено, г. ротмистръ. Ваши осто-
лопы чуть не бросились на меня. Дурье.

Гредеръ (*недоумывающе и съ оттыпкомъ возмущенія*). Послушайте,
вы, кажется, забываетесь. Я не позволю вамъ такъ вести себя при
допросѣ. (*Повышая голосъ*). Что это за целѣбныя шутки?

Виленкинъ (*добродушно*). Ахъ, не сердитесь, ротмистръ. Разрѣ-
шите присѣсть? (*Садится*). Я не шучу. Напротивъ, у насъ будетъ
серьезный разговоръ.

Гредеръ (*насторожившись*). Въ чемъ дѣло? Объяснитесь.

Виленкинъ (*спокойно*). Позвольте закурить? (*Не ожидая раз-
рѣшенія, вынимаетъ папиросу и закуриваетъ*). Я теперь къ вашимъ
услугамъ. И, думаю, вы ими воспользуетесь.

Гредеръ (*нетерпливо*). Я жду. Повторяю, шутить здѣсь я не
позволю.

Виленкинъ (*съ усмѣшкой*). Зачѣмъ шутить? Вы, г. ротмистръ,
лучше скажите мнѣ, не извѣстно ли вамъ имя...

Наклоняется близко къ Гредеру и что-то
говорить шепотомъ.

Гредеръ (*пораженный, поднимается съ мѣста*). Вы говорите
правду? Такъ это вы?

Виленкинъ (*спокойно*). Разумѣется. Провѣрнить можете хотя бы
посредствомъ телеграфныхъ сношеній. (*Съ улыбкой*). Конечно, шиф-
рованныхъ.

Гредеръ (*не оправившись отъ изумленія*). Я слышалъ о васъ,
когда служилъ въ Петербургѣ. Но, признаться, никакъ не могъ
предполагать, чтобы это были вы. Помилуйте, здѣсь съ вами всё
прогрессивные и революціонные слои носятся, какъ не знаю съ чѣмъ.
Вѣрятъ въ васъ, какъ въ Бога!

Виленкинъ (*пожавъ плечами*). Въ этомъ и залогъ успѣха, рот-
мистръ.

Гредеръ (*суховато*). Однако вы здѣсь какъ будто бы играли на-
двое. Типографію и боевую дружину наладили все-таки вы. У
меня есть неопровержимыя доказательства. (*Серьезно*). Сомнѣ-
ваюсь, чтобы вы имѣли на это директивы.

Виленкинъ (*усмѣхнувшись*). Грѣшенъ, ротмистръ. Но не могу
же я только и дѣлать, что предотвращать? Это слишкомъ трудно,
чтобы не сказать невозможно. Вѣдь...

Гредеръ (*перебивая*). Впрочемъ, объ этомъ мы еще будемъ имѣть
время для переговоровъ. О васъ, конечно, сегодня же будутъ по-
сланы соответствующіе запросы. А пока я хотѣлъ бы знать отъ
васъ личный составъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій.

Пристально смотритъ на него.

Виленкинъ (*съ легкой улыбкой*). Я понимаю васъ. Ваше любо-
пытство будетъ удовлетворено полностью. Но взаимнѣя я позволилъ
бы себѣ просить васъ поскорѣй освободить Тумарскую.

Гредеръ. Вотъ новости! Это чего ради?

Виленкинъ (*подмигиваетъ офицеру*). Право, ротмистръ, когда вы ближе меня узнаете, то поймете, что я говорю не на вѣтеръ. (*Значительно*). Она можетъ намъ пригодиться. Да.

Гредеръ. Все-таки, освободить ее сейчасъ у меня оснований нѣтъ. Да вы-то что такъ о ней тревожитесь?

Виленкинъ. Ахъ, ротмистръ! «Любви всѣ возрасты покорны...» Если бы вы знали, что это за очаровательное существо! И какъ она умѣетъ любить! Объясненіе, доложу вамъ, а не дѣвочка. (*Цѣлуетъ кончики пальцевъ*). Огонь и пламень.

Гредеръ (*покачиваетъ головой*). Ну, и мастеръ вы, г. Виленкинъ. Никогда не повѣрилъ бы, что Тумарская...

Стукъ въ дверь.

Голосъ вахмистра. Дозвольте войти, ваше-скоблагородіе?

Виленкинъ (*поспѣшно*). Предупреждаю,—полнѣйшая конспирація. На вопросы я не отвѣчаю.

Гредеръ (*киваетъ головой и дѣлаетъ видъ, что перебираетъ лежащія на столѣ бумаги. Виленкинъ принимаетъ спокойную неподступную позу*). Войди.

Вахмистръ (*показывается на порогъ*). Ихъ высокородіе г. товарищъ прокурора.

Гредеръ (*поднимаясь съ мѣста*). Проси.

Входитъ Артемьевъ. Онъ страшно взволнованъ, блѣденъ, руки у него дрожатъ. Стараются казаться спокойнымъ, говорить отрывисто, съ трудомъ произнося слова.

Гредеръ (*идя навстрѣчу*). Здравія желаю, Игорь Петровичъ. Въ ваше отсутствіе я началъ допросъ г. Виленкина.

Артемьевъ. Здравствуйте. (*Протягиваетъ руку*). Допросъ? Да, конечно.

Садится у стола и безъ цѣли смотритъ передъ собою.

Гредеръ (*внимательно взглядываетъ на него*). Обвиняемый Виленкинъ не желаетъ давать никакихъ объясненій. Быть можетъ, вамъ угодно спросить его?

Артемьевъ. Не желаетъ?

Виленкинъ (*иронически*). Не желаетъ.

Артемьевъ. Ваше право. (*Устало*). Составьте краткій протоколъ, ротмистръ.

Закрываетъ рукой глаза и склоняется надъ столомъ. Виленкинъ смотритъ на него, усмѣхается. Гредеръ быстро заполняетъ бланкъ.

Гредеръ (*читаетъ*). Отъ дачи какихъ-либо показаній отказываюсь. (*Къ Виленкину*). Такъ?

Виленкинъ (*съ усмѣшкой*). Совершенно вѣрно.

Гредеръ. Подпишите.

Протививаетъ протоколъ.

Виленкинъ. Не желаю.

Артемовъ (*не отнимая руки отъ глазъ*). Отмѣтите это, Людвигъ Карловичъ.

Гредеръ (*живаетъ головой. Къ Виленкину*). Вы заключаетесь подъ стражу. Я объявлю вамъ постановленіе.

Береть бланкъ и быстро заполняетъ его.

Виленкинъ. Меня это не интересуетъ.

Гредеръ (*сухо*). Какъ угодно. Объявятъ въ тюрьмѣ. (*Къ вахмистру*). Увести!

Вахмистръ уводитъ Виленкина.

Гредеръ (*участливо*). Вы больны, Игорь Петровичъ? У васъ необычный видъ.

Артемовъ (*отнимаетъ руку отъ лица*). Нѣтъ, здоровъ. (*Слегка вздрогнувъ*). Скажите, Тумарская также арестована?

Гредеръ (*оживленно*). Да, конечно. Вотъ не могъ ожидать!

Артемовъ (*глухо*). Улики серьезны?

Гредеръ. Безспорны. У нея оказалась на храненіи типографія мѣстнаго комитета, шифръ боевой организаціи, явки и адреса.

Артемовъ (*тихо*). У нея?

Гредеръ. Да. Она держала себя прямо вызывающе при обыскѣ. (*Смѣется*). Наговорила мнѣ дерзостей. Принадлежности къ организаціи не скрываетъ. Страшно бойкая дѣвчонка!

Артемовъ что-то хочетъ сказать, встаетъ, но покачнулся и снова садится за столъ, закрывъ лицо руками. Плечи у него дрожатъ.

Гредеръ (*испуганно*). Игорь Петровичъ. Игорь Петровичъ! Что съ вами? Вахмистръ, воды!

Вахмистръ бросается въ сосѣдную комнату.

Артемовъ (*поднимая голову, сдавленнымъ голосомъ*). Ничего, не безпокойтесь. (*Старается улыбнуться*). Какъ это ужасно!

Гредеръ (*удивленно*). Что ужасно?

Артемовъ. Да, вотъ съ Нелли... съ Тумарской...

Гредеръ (*живо*). Вы ее раньше знали?

Артемовъ (*тихо*). Да, да. Съ давняго времени...

Гредеръ. Ага! Я понимаю. (*Сочувственно*). Быть можетъ, Игорь Петровичъ, вы откажетесь отъ участія въ дознаніи?

Артемовъ. Нѣтъ, не могу. Насъ трое осталось въ городѣ товарищей, два въ засѣданіи. Замѣните мнѣ нектѣмъ... И неудобно...

Гредеръ. Досадная вещь. (*Философски, вздохнувъ*). Да, жизнь иногда подноситъ сюрпризы. (*Пауза*). Однако приступимъ?

Артемьевъ (*садится у стола въ прежней позѣ*). Пожалуйста.

Вахмистръ. Вашескоблагородіе, дозволейте доложить. Г-нъ Бруве пришли.

Гредеръ. Отлично. Съ него и начнемъ. Проси.

Вахмистръ уходитъ.

Артемьевъ. Бруве замѣшанъ?

Гредеръ. Да, скомпрометтированъ. Во-первыхъ, онъ оказался въ квартирѣ Тумарскихъ во время обыска, а, во-вторыхъ, изъ писемъ усматривается какая-то связь его съ Виленкинымъ.

Артемьевъ (*разсѣянно*). Ага.

Бруве входитъ въ черномъ сюртукѣ. Нзячно одѣтъ, въ рукѣ котелокъ и свѣтлыя лайковыя перчатки. Видимо, взволнованъ и смущенъ. Стараются замаскировать это самоувѣренными движеніями и говоромъ.

Бруве. Имѣю честь кланяться, господа. Г. ротмистръ, я имѣлъ большое удовольствіе познакомиться съ вами въ прошломъ году въ театрѣ. (*Крѣпко жметъ руку Гредеру, тотъ сухо кланяется*). Игорь Петровичъ, много привѣтовъ!

Артемьевъ сумрачно смотритъ на него, молча отвѣчаетъ на рукопожатіе.

Бруве (*придвигаетъ стулъ*). Позвольте сѣсть? (*Садится*). Удивительно неприятный случай... Людвигъ Карловичъ, если не ошибаюсь?—удивительно неприятный.

Гредеръ (*холодно*). Вамъ угодно, г. Бруве, дать отвѣты на вопросы, которые будутъ вамъ предложены въ связи съ ликвидаціей группы социаль-революціонеровъ?

Бруве (*смущенно, скороговоркой*). Конечно, конечно. Я весь къ вашимъ услугамъ. Вы знаете, когда я былъ товарищемъ прокурора...

Гредеръ (*еще холоднѣй, перебывая*). Виновать. Вамъ угодно объяснить, въ какихъ отношеніяхъ вы находились съ Тумарскими и Виленкинымъ?

Бруве. Ахъ, Боже мой... Тумарскій—мой старый другъ, я такъ часто бывалъ у него. Игорь Петровичъ изволить, конечно, помнить, что когда онъ былъ женихомъ этой прелестной Нелли...

Артемьевъ (*рѣзко, глядя на него въ упоръ*). Я просилъ бы отвѣчать на вопросы кратко и безъ уклоненій въ сторону. Здѣсь нѣтъ Игоря Петровича, а только товарищъ прокурора, наблюдающій за производствомъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Бруве (*вспыхнувъ*). Конечно, конечно. Извиняюсь.

Нервно мнетъ перчатки.

Гредеръ. Какъ юристу, мнѣ не нужно объяснять вамъ значеніе статей закона. Вы допрашиваетесь съ соблюденіемъ 722 статьи.

Бруве (*испуганно*). Позвольте, г. ротмистръ... Но я считаю, что я совершенно непричастенъ къ этой... этой подпольной шайкѣ! Я—человѣкъ строго-лояльной, и вамъ извѣстно, что партія, къ которой я имѣю честь принадлежать...

Гредеръ (*сухо*). Объ этомъ мы не говоримъ. Благоволите отвѣтить, знали ли вы Виленкина?

Бруве. Даю вамъ слово—нѣтъ.

Гредеръ (*съ усмѣшкой*). А какъ же понять это ваше письмо? (*Вынимаетъ изъ папки письмо и читаетъ*). «Дорогой Александръ Львовичъ, съ вашего любезнаго разрѣшенія я спѣшу увѣдомить васъ, что мѣстный комитетъ нашей партіи покорнѣйше просить васъ...» (*Протягиваетъ письмо Бруве*). Вы писали?

Бруве (*смущенъ*). Да, да... Я совсѣмъ упустилъ изъ виду, что Виленкинъ былъ, дѣйствительно, приглашенъ однажды къ намъ въ засѣданіе, какъ представитель рабочихъ организацій...

Гредеръ. Значить, вы признаете, что имѣли личное общеніе съ представителями преступнаго сообщества?

Бруве (*растерянно*). Нѣтъ, что вы, что вы! Съ этими господами я лично не имѣлъ и не могъ имѣть ничего общаго... Это было совершенно официальное свиданіе...

Гредеръ (*насмѣшливо*). Официальное? Странно.

Бруве. Да, да. Мы обсуждали вопросъ о... о предотвращеніи безпорядковъ въ городѣ. Вы понимаете, что мы прежде всего были заинтересованы въ охраненіи порядка и содѣйствіи законнымъ властямъ...

Артемьевъ. Быть можетъ, вамъ угодно лично записать свои показанія?

Бруве (*поспѣшно*). Съ удовольствіемъ.

Гредеръ. Виновать. Еще скажите, не извѣстно ли вамъ, давно ли знакома Елена Тумарская съ Виленкинымъ, и вообще не знаете ли вы круга ея знакомствъ внѣ дома?

Бруве. Я долженъ вамъ сказать,—я человѣкъ лояльный и съ глубочайшимъ уваженіемъ отношусь къ представителямъ закона,— что поведеніе Тумарской было вообще нѣсколько страннымъ.

Артемьевъ (*глухо*). Станнымъ?

Бруве (*глядя на Гредера*). Да. Несомнѣнно, она имѣла обширныя знакомства съ людьми крайняго лѣваго лагеря и подчасъ высказывала очень рѣзкія сужденія. Очень рѣзкія.

Гредеръ. Съ кѣмъ именно вела знакомство Тумарская?

Бруве. Этого я не знаю. Но она была постоянной посѣтительницей митинговъ. Впрочемъ, я неоднократно видѣлъ ее съ г. Виленкинымъ.

Артемьевъ (*съ трудомъ сдерживаясь*). Вы потрудитесь записать и это.

Бруве (*быстро*). Я готовъ.

Гредеръ. Потрудитесь перейти въ слѣдующій кабинетъ. По записи показанія благоволите пожаловать сюда. Можетъ быть, понадобится сдѣлать какія-либо дополненія. Вахмистръ, проводи!

Бруве (*встаетъ, смущенно*). Я надѣюсь, г. ротмистръ, что этотъ прискорбный инцидентъ будетъ исчерпанъ вопросомъ? Я очень просилъ бы васъ...

Гредеръ. Не знаю-съ. Посмотримъ.

Сухо киваетъ головой. Бруве въ сопровожденіи вахмистра идетъ во внутреннія комнаты.

Артемьевъ (*сквозь зубы*). Негодяи!

Гредеръ. Тшшчннннн! (*Смѣется*). Они всѣ такіе, г.г. прогрессисты изъ интеллигентскихъ сферъ. Шумятъ, галдятъ, подстрекають крайнихъ и ликуютъ, когда заваривается каша. А чуть что... (*Копирустъ Бруве*). «Я человѣкъ строго-лояльный и съ глубочайшимъ уваженіемъ отношусь...» Ночью я произвелъ обыскъ у Лобзикова, такъ повѣрите ли, этотъ прогрессивнѣйшій адвокат держалъ себя, какъ непроказившій школьникъ. Ей-Богу! Струсилъ, жалкій такой. И та же пѣня о «строгой лояльности и уваженіи».

Смѣется и закуриваетъ.

Артемьевъ. Будемъ продолжать?

Гредеръ. Да, да. (*Помолчавъ, нѣсколько смущенный*). Виленкинъ спрошенъ. Я думаю, теперь въ порядкѣ послѣдовательности надо допросить Тумарскую?

Артемьевъ (*стиснувъ зубы*). Хорошо. (*Тихо*). Скажите... (*Затмѣняется*). Она... очень разстроена? Угнетена?

Гредеръ. Ничего подобнаго! Наоборотъ, страшно возбуждена и держитъ себя очень дерзко. Впрочемъ, увидите сами.

Артемьевъ нервно пожимается и проводить рукою по лицу.

Гредеръ. Вахмистръ! Тумарскую.

Два солдата съ обнаженными шапками въ рукахъ вводятъ Нелли. Ея волосы въ беспорядкѣ, на плечи небрежно наброшены темный платокъ. Она останавливается на порогѣ и, сдвинувъ брови, пристально смотритъ на Гредера и Артемьева. Послѣдній низко опускаетъ голову надъ столомъ. Пауза.

Гредеръ (*мягко*). Елена Николаевна Тумарская? Прошу васъ сѣсть.

Указываетъ на стулъ противъ стола. Нелли, не спуская глазъ съ Артемьева, медленно подходит и садится. Солдаты остаются у дверей и стоятъ неподвижно, съ безразличными лицами, какъ изваянія.

Гредеръ. Постановленіемъ моимъ по соглашенію съ прокурорской властью вы привлечены къ формальному дознанію въ качествѣ обвиняемой въ принадлежности къ боевой организациіи социаль-революціоннаго сообщества. Вы признаете себя въ этомъ виновной?

Нелли (*отрывисто*). Я принадлежу къ этой партіи. Но виновной себя не признаю, такъ какъ нахожу, что каждый порядочный человѣкъ долженъ бороться за счастье своей родины.

Гредеръ (*быстро пишетъ*). Вы хранили у себя типографію, шифръ, адреса?

Нелли (*коротко*). Да, хранила.

Гредеръ. По чьему порученію вы дѣйствовали?

Нелли (*съ усмѣшкой*). Разумѣется, не жандармской и не прокурорской власти. (*Артемьевъ вздрагиваетъ*). Порученіе было возложено на меня партіей.

Гредеръ. А къѣмъ именно изъ членовъ?

Нелли (*волнуясь*). Я прошу васъ не предлагать мнѣ глупыхъ вопросовъ! (*Ръзко*). Предать (*взглядываетъ въ упоръ на Артемьева*) я никого не намѣрена.

Гредеръ. Ради Бога, не волнуйтесь. Я обязанъ предложить вамъ эти вопросы, тѣмъ болѣе, что чистосердечное раскаяніе...

Нелли (*перебивая, возмущенно*). Мнѣ не въ чемъ раскаиваться! Я сдѣлала, что считала себя нравственно обязанной сдѣлать! Понимаете? Или вамъ вопросы нравственнаго характера чужды, быть можетъ? Тогда я скажу, что не желаю отвѣчать вовсе!

Гредеръ. Все-таки я позволю себѣ разъяснить вамъ, что судъ при опредѣленіи наказанія...

Нелли (*вскакивая, кричитъ*). Замолчите! Я не желаю васъ слушать, не желаю! Можете повѣсить меня, разстрѣлять, сгноить въ казематѣ... Можете! Я съ радостью иду на это! На мое мѣсто станутъ новые бойцы, чистые, свѣтлые, кто жизнь свою готовъ положить за счастье народа!

Въ голосѣ ея слышны истерическія ноты.

Гредеръ (*мягко*). Не волнуйтесь, Елена Николаевна. Сядьте. Я не настаиваю. Ваше право не отвѣчать на вопросы.

Нелли (*садится. Глухо*). Я вамъ больше ничего не скажу.

Гредеръ. Простите, еще одинъ вопросъ. Вы знаете Арона Лейбова Виленкина? Если хотите, отвѣтите.

Нелли (*медленно, съ усмѣшкой*). Александръ Львовичъ Виленкинъ—мой мужъ.

Артемьевъ (*глухо*). А-а...

Еще ниже опускается надъ столомъ и облакачивается, закрывая рукой глаза. Нелли съ презрѣніемъ смотритъ на него.

Гредеръ (*записываетъ. Подвигая листъ*). Угодно подписаться?
Нелли (*беретъ перо*). Я подпишу.

Подписывается.

Гредеръ (*взглянувъ на Артемьева*). Я не имѣю вопросовъ. Быть можетъ, вамъ угодно, г. товарищъ прокурора?

Артемьевъ (*глухо, не отнимая руки*). Нѣтъ.

Нелли (*глядя на него съ ненавистью*). Почему нѣтъ? (*Язычительно*). Развѣ г-ну товарищу прокурора не интересно поиздѣваться надъ представительницей борющейся Россіи?

Артемьевъ (*поднимаетъ глаза. Со стономъ*). Елена Николаевна!

Нелли (*гнѣвно*). Здѣсь нѣтъ Елены Николаевны! Есть арестантка Тумарская! Слышите?

Поднимается съ мѣста.

Гредеръ (*растерянно*). Я прошу васъ успокоиться, сударыня.

Нелли (*повышая голосъ*). Успокоиться? Я спокойна. У васъ также, вѣроятно, спокойна совѣсть, г. Артемьевъ? Спокойна? Вы исполнили свой долгъ? Ха-ха-ха!

Истериически смѣется.

Артемьевъ (*съ трудомъ выговаривая слова*). Я не понимаю васъ...

Нелли. Не понимаю? Святая простота! Какъ вы смѣете говорить мнѣ это? Вы...

Гредеръ (*угрожающе*). Я прошу васъ не кричать здѣсь!

Нелли (*истерически*). Грозите? Г-нъ Артемьевъ, прикажите жандармамъ выволочь меня отсюда! Прикажите бить!

Падаетъ на стулъ и нервно дрожитъ, хватаясь за голову.

Гредеръ. Успокойтесь, прошу васъ...

Растерянно поглядывая на Артемьева, встаетъ съ мѣста.

Нелли. Ну, г. Артемьевъ? Зачѣмъ стѣсняетесь? Бейте!

Артемьевъ (*съ тоской*) Нелли!

Нелли (*бѣшено*). Не смѣтъ называть меня такъ! Предатель! О, какъ я ненавижу...

Артемьевъ (*въ ужасъ вскакиваетъ*). Что? Что вы сказали? Я предатель? Я?

Нелли (*также вскакиваетъ. Съ ненавистью глядя на него*). Вы, вы! Думаете, я не понимаю, въ чемъ дѣло? Вы, вы догадались тогда, помните, помните?—что я люблю Александра Львовича, вы прикинулись любящимъ, страдающимъ, вы, какъ змѣя, вползли въ мою душу, чтобы вывѣдать все, что вамъ надо, а потомъ устроить гнусную слѣжку за мною и любимымъ мною человѣкомъ и предать насъ,—

да, предать! О, какая низость, какая гнусность! И это васъ я когда-то любила? Васъ? Боже, какъ вы гнусны, какъ я ненавижу васъ и презираю!

Артемьевъ (*въ ужасъ отшатывается и весь дрожитъ*). Нелли, опомнитесь! Что вы говорите... Нелли!

Нелли (*внѣ себя*). Не смѣйте произносить моего имени! (*Истериически хохочетъ*). Я помню вашу поцѣлуй, поцѣлуй Гуды! Ха-ха-ха! Онъ, Гуда, прежде, чѣмъ предать меня, осѣнилъ меня крестомъ! Крестомъ! Вотъ я предъ вами! Личуйте, гноите въ тюрьмѣ, посылайте на висѣлицу! Любовница, вѣдь,—по-вашему я только любовница,—народнаго вождя сумѣетъ умереть за него и народъ! А вы... Вы—Гуда! Я проклинаю васъ! Гуда!

Падаеть въ историческомъ принадлежѣ.

Гредеръ (*суетясь*). Чортъ знаетъ... Вахмистръ!

Вахмистръ бросается къ нему.

Артемьевъ (*въ отчаяннн закрываетъ лицо руками и откидываетъ голову назадъ. Съ рыданіемъ въ голосъ*). Нелли... Моя Нелли!

З а п а в ѣ с ь .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ П. Тумарскаго.—Солидная обстановка. Много газетъ, брошюръ. Тумарскій сидитъ за столомъ, просматриваетъ какіе-то счета и щелкаетъ костяшками счетовъ.

Вечеръ. На столѣ дорогая электрическая лампа съ зеленымъ абажуромъ.

Тумарскій (*отодвигаетъ счета и звонитъ въ настольный телефонъ*). Центральная? Прошу номеръ 267. Благодарю васъ. (*Звонитъ*). Вы слушаете? Квартира Богоявленскаго? Я, Тумарскій. Николай Степановичъ? Добрый вечеръ. Да, да. Разсмотрѣлъ. Пожалуйста, пріѣзжайте. Жду васъ. До скорого.

Даетъ отбой и вѣшаетъ трубку.

Лобзиновъ (*входитъ съ сигарой въ руку*). Ну, Николай Ивановичъ, скоро окончишь твои дѣла? Марья Петровна уже хлопочетъ насчетъ того, чтобы мы принимали пищу.

Садится въ кресло у стола и беретъ со стола газету.

Тумарскій. Ожидаю Богоявленскаго. Надо условиться съ нимъ, чтобы такъ или иначе ликвидировать эту непріятную для меня щемилловскую исторію.

Лобзиновъ (*пожимая плечами*). Напрасно придаешь ей значеніе. Порядокъ самый простой. Описать имущество и выселить черезъ полицію.

Переворачиваетъ газетный листъ.

Тумарскій (*недовольно*). Легко сказать, не придавай значенія! Ты думаешь, мнѣ пріятны эти выходки противъ меня черносотенной прессы? (*Встаетъ и начинаетъ ходить по кабинету*). Вѣдь, они готовы возвести въ степень преступленія пользованіе моими неотъемлемыми правами, разъ только это можно употребить въ дѣляхъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

С.-Петербург, Москва, Харьков, Одесса, Саратов и Ростов н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

БОЛОТОВЪ, В., проф. Къ вопросу о Filioque. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

БУТМИ, Н. Догматъ крови. Съ двумя приложениями Г. В. Бутми: 1. Римская курія о ритуальныхъ убійствахъ. 2. «Безъ предразсудковъ». Спб. 1914. Ц. 30 к.

ВЕГА, Апокрифическія сказанія о Христѣ. III книга Юсіафа Плотника. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ДОБРОКЛОНСКИЙ, А. Преп. Оеодоръ, исповѣдникъ и игумень студійскій. Ч. I-я. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913. Ц. 5 р.

ЕФИМОВЪ, Н. Преподобный Кириллъ Бѣловерскій и его посланія. Симбирскъ. 1914. Ц. 20 к.

ОГЕНКО, И. Проповѣди Іоанніа Галатювенскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII вѣка. Харьковъ. 1913. Ц. 40 к.

РОЗАНОВЪ, В. Апокалиптическая секта (Хлысты и скопцы). Спб. 1914. Ц. 2 р.

СОКОЛОВЪ, П. Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. Кіевъ. 1913. Ц. 4 р. 50 к.

ТРОИЦКИЙ, С. Объ именахъ Божіихъ и имябожникахъ. (Ученіе св. Григорія Нисскаго объ именахъ Божіихъ и имябожники.—Быль ли имябожникомъ о. Іоаннъ Кронштатскій?—Борьба съ аеонской смутой.—Защитники имябожниковъ—

Отвѣтъ С. Н. Булганову). Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

БАРРЭТЪ, У., проф. Западныя явленія челоѣческой психики. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

БОГДАНОВИЧЪ, А. Наука объ общественномъ сознаніи. (Краткій курсъ идеологической науки въ вопросахъ и отвѣтахъ). М. Ц. 75 к.

ВУНДТЪ, В., проф. Основы физиологической психологіи. Вып. XVI. (Т. III, гл. XVIII—XX). О теченіи и связи душевныхъ процессовъ. Психическія соединенія. Аномаліи сознанія. Спб. Ц. 4 р. 50 к.

ГЕРАСИМОВИЧЪ, А. Творящее въ

религіи. Этюдъ матеріалистическаго истолкованія исторіи религіи. I. Религія на зарѣ культуры. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГЛАДКОВЪ, Б. Графъ Л. Н. Толстой, какъ богоискатель. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ГРАНЖАНЪ, Ф. Революція въ философіи. Ученіе Анри Бергсона. М. 1914. Ц. 1 р.

МЕЛЛАМЕДЪ, С. Психологія еврейскаго духа. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФИИ. Сборникъ № 15. Безсознательное. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ПОСТАВЕЛЬСКИЙ, Л. Богъ или при-

«Истор. вѣстн.», май 1914 г., т. сxxxvi.

1/256

рода. Популярныя очерки. Т. I, вып. 2-й. Дух и тѣло. Ц. 20 к.

РАМАЧАРАКА, Раджа-Йога. Ученіе йоговъ о психическомъ мірѣ чловѣка. Спб. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

РОЗАНОВЪ, В. «Ангелъ Іеговы» у евреевъ (истокъ Израіля). Спб. 1914. Ц. 30 к.

— Въ сосѣдствѣ Содома (истокъ Израіля). Спб. 1914. Ц. 30 к.

— Европа и евреи. Спб. 1914. Ц. 40 к.

— Обоятельное и осязательное отношеніе евреевъ къ крови. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ТИТЧЕНЕРЪ, Э., проф. Учебникъ психологіи. Университетскій курсъ. Ч. II. М. 1914. Ц. 1 р. 35 к.

ФАЙНШТЕЙНЪ, С. Тайны разныхъ

силъ и искусство укрѣпленія памяти Одесса. 1914. Ц. 35 к.

ФИХТЕ, I. Назначеніе чловѣка. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ШЕФФЕРЪ, Э., проф. Жизнь, ея природа, происхожденіе и сохраненіе. Съ дополнительной статьей проф. Ч. С. Минота: «Что такое жизнь?» М. 1913. Ц. 50 к.

ШЕФФЕРЪ, Э., проф. Жизнь, ея сущность, происхожденіе и сохраненіе. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ЩЕРБИНА, А., прив.-доц. Методологія этики. М. 1914. Ц. 25 к.

ЭРАТО-СЛУЦКІЙ, JI. Культъ жизни (антисенетика). Популярно-научное, психологическое и философское изслѣдованіе причинъ преждевременной старости и пессимизма современнаго поколѣнія. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЕВГЕНЬЕВЪ, В. Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очерки изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ЛАЗУРСКІЙ, В., прив.-доц. Курсъ исторіи западно-европейской литературы. Ч. I. Средневѣковая литература. Одесса. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЬВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ, В. Двѣ правды. Книга о Леонидѣ Андреевѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

МИНДАЛЕВЪ, П. Моленіе Давида Заточника и связанныя съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕРЕВЕРЗЕВЪ, В. Творчество Гоголя. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

СОКОЛОВЪ, JI. Диссонансы жизни въ поэзіи П. С. Никитина. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к.

ШУЛЬГОВСКІЙ, Н. Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. Спб. 1914. Ц. 3 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АБЕЛЬДЯЕВЪ, Д. Лилия. Романъ. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

АЛЬМАНАХЪ «ГРИФЪ». Сборникъ. 1913. М. Ц. 3 р.
«АЛЬЦИОНА». Альманахъ. Кн. I. М. 1914. Ц. 2 р.

АМОРИ. Тайны Апраксина двора. Романъ изъ недавняго прошлаго и настоящаго. Спб. 1914. Ц. 1 р.

АШЕШОВЪ, Н. Раны любви. Книга разсказовъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

БАРАТЫНСКІЙ, Е. и ВЕНЕТИВНОВЪ, Д. Собраніе сочиненій. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Въ паутинѣ шпионажа. Романъ изъ современной балканской разрухи. М. Ц. 1 р. 25 к.

БУДАНОВЪ, В. Къ новой жизни. Разсказъ изъ китайскаго быта. Спб. 1914. Ц. 30 к.

БУНИНЪ, И. Золотое дно. Разсказы. 1903—1907 гг. М. Ц. 1 р. 25 к.

БУТОВСКІЙ, Н. Повѣсти изъ современной офицерской жизни. Спб. 1914. Ц. 1 р.

БЪРНСТЪБЕРНЕ-БЪРНСОНЪ. Собраніе сочиненій. Т. VII. По Боньему пути. Романъ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВОИНОВЪ, В. Солнечныя разсказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ГАМСУНЪ, К. Дѣти времени. Романъ. М. 1914. Ц. 1 р.

ГОРОДЕЦКІЙ, С. На землѣ. Разсказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГРА, Ф. Марсельцы. Романъ въ трехъ частяхъ. Ч. I. Революція. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, С. Собраніе сочиненій. Т. XII. Въ глухомъ уѣздѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГЮГО, В. Восточныя стихотворенія. М. 1914. Ц. 50 к.

ДОВРОНРАВОВЪ, JI. Новая бурса. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ЖУКОВСКАЯ, В. Марена. Разсказы. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р.

ЖУКОВСКІЙ, А. Струны дрожащія. Стихи. Кн. 1-ая. Юрьевъ. 1913. Ц. 50 к.

КАРПОВЪ, Н. У цѣлебнаго источника. Разсказы. Т. II. Царское Село. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

КВАШНИНЪ-САМАРИНЪ, Н. Книжканъ пѣснь. Историческая поэма въ 48 пѣсняхъ. Ч. 1-я. Спб. 1914. Ц. 3 р.

КЕЛЛЕРМАНЪ, Б. Собраніе сочиненій. Т. II. Море. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

КИПЛИНГЪ, Б. Избранныя разсказы. Кн. 3. М. Ц. 1 р. 50 к.

КОКОВЦОВЪ, Д. Скрипка вѣдьмы. Третья книга стиховъ. Спб. 1913. Ц. 80 к.

КРАЧКОВСКІЙ, Д. Золотая карета. Разсказы. М. Ц. 1 р. 25 к.

КРЮКОВЪ, О. Разсказы. Т. I. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

КУПРИНЪ, А. Лазарныя берега. Разсказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕЙКИНЪ, Н. На побывѣ. Романъ изъ быта питейщиковъ въ деревнѣ. Спб. Ц. 1 р.

ЛЕТУЧІЕ АЛЬМАНАХИ. Вып. XV. Спб. 1914. Ц. 60 к.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Сибирскіе разсказы. Т. IV. 1914. Спб. Ц. 1 р.

МАРЪ, А. Идущіе мимо. Разсказы. М. Ц. 1 р. 25 к.

МИКУДИЧЪ, В. Тѣни прошлаго. Спб. 1914. Ц. 1 р.

МОРОВСКАЯ, М. На пристани. Стихи. Спб. 1914. Ц. 1 р.

МУРОМЦЕВА, Н. Стихотворенія. Спб. 1914. Ц. 50 к.

НЕЧАЕВА, С. Нѣжность. Стихи. М. 1914. Ц. 1 р.
 ОКУНЕВЪ, Я. Каменное иго. Рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
 ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Т. III. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
 РАДЧЕНКО, А. Изъ Затишья. Маленькіе рассказы. Кн. 1-я. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к.
 — Къ свѣту. Стихи. (1908—1913 г.). Кіевъ. 1914. Ц. 1 р.
 ДЕ-РЕНЬЕ, А. Маркизь Д'Амеркеръ. М. 1914. Ц. 1 р.
 РУДЦЪ, В. Ступени. Рассказы. Паданіе 2-е. Спб. 1914. Ц. 50 к.
 РЫБНИЦЕВЪ, Г. Осенняя просинь. Стихи. М. 1914. Ц. 1 р.
 СВѢТЛОВЪ, В. Сочиненія. Т. VII. Великій потопъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 СЕРГБЕВЪ, З. Сказки Несмѣяны. Рассказы. М. 1914. Ц. 1 р.
 СОКОЛОВЪ, И. Въ сумеркахъ. Стихотворенія. Кн. II. Спб. 1914. Ц. 1 р.
 ТАГОРЪ, Р. Гитанджали. Жертвенныя исполненія. М. Ц. 40 к.
 ГР. ТОЛСТОЙ, А. Н. Сочиненія. Т. IV. Сказки. М. Ц. 1 р.

УАЙЛДЪ, О. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Спб. Ц. 1 р. 25 к. — Т. II. Спб. Ц. 1 р. 25 к. — Т. III. Спб. Ц. 1 р. 25 к. — Т. IV. Спб. Ц. 1 р.
 ХЛЪБНИКОВЪ, В. и КРУЧЕНЫХЪ, А. Старинная прозовъ. Бухъ лѣснинъ. Сборникъ. Спб. Ц. 55 к.
 ХОДАСЕВИЧЪ, В. Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. М. 1914. Ц. 1 р.
 ХУХЪ, Ф. Питтъ и Фоксъ. Любовныя першегіи братцевъ Синтрупъ. Кн. I. М. Ц. 1 р.
 ЦВѢТНЫЕ СБОРНИКИ. Сиреневый. № 3. М. Ц. 60 к.
 ЧАХОТИНЪ, С. Голубая тетрадь. Стихи. Ярославль. 1914. Ц. 1 р.
 ШЕВЧЕНКО, Т. Кобзарь. Спб. Ц. 30 к.
 ШИЛЛЕРЪ, Ф. Сочиненія, въ 2-хъ томахъ подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. II. М. 1913. Ц. въ переплетъ 2 р. 50 к.
 ЮШКЕВИЧЪ, С. Собраніе сочиненій. Т. XIII. Леопъ Дрей. Ч. I. Спб. 1914. Ц. 4 р.
 ЭРКМАНЪ-ШАТРИАНЪ, Конецъ Наполеона (Ватерлоо). Продолженіе. «Исторія новобранца 1813 г.». М. 1914. Ц. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

БОГОРОДИЦКІЙ ТИХВИНСКІЙ МОИНАСТЫРЬ, Курской губерніи, основанный фельдмаршаломъ гр. Б. П. Шереметевымъ. 1713—1913 гг. По сохранившимся документамъ домашняго и мѣстнаго архивовъ. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
 БОРОЦКІЙ-БЕРГФЕЛДЪ, Н. Колониальная исторія западно-европейскихъ континентальныхъ странъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
 ВАРНЕКЕ, Б., проф. Исторія русскаго театра. Спб. Ц. 4 р.
 ГЕРЬЕ, В., проф. Тимошей Николаевичъ Грановскій. Въ память столѣтняго юбилея его рожденія. М. 1914. Ц. 40 к.
 ГРУШЕВСКІЙ, М., проф. Исторія украинскаго казачества до соединенія съ Московскимъ государствомъ. Т. II. Первая десятилѣтія XVII вѣка. Кіевъ. 1914. Ц. 3 р.
 ДАНИЛОВЪ, Г. Сибирская казачья дивизія въ походъ противъ Японіи въ 1904—1905 гг. Дневникъ участника со 2-го февраля 1904 гда по 30-е июля 1905 гда. Ташкентъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
 ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ 1812 ГОДА. 2-я часть 14 выпуска «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Кан-

целярія». Подъ редакціей прив.-доц. В. Строева. Спб. 1913. Ц. 2 р.
 ЕВРЕИНОВЪ, В. Крестьянское дѣло по Положенію 19 февраля 1861 г. Историческій обзоръ. 3 т. Спб. 1913. Ц. за 3 т. 15 р.
 ЦДЕЛЬСОНЪ, Н. Революціонный трибуналъ во Франціи. Судебно-историческій очеркъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
 КИРЪВСКІЙ, А. Линъ-Катръ Бра. 1815 годъ. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р.
 ЛЕБЕДЕВЪ, Г. и ПОССЕ, В. Жизнь Л. Н. Толстого. Спб. 1913. Ц. 50 к.
 ЛЯСКОРОНСКІЙ, В. Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.
 ПЕТРОВСКІЙ, Н. Письмо патриарха константинопольскаго Оеофилакта царю Болгаріи Петру. Спб. 1914. Ц. 30 к.
 РЯЗАНОВСКІЙ, В. О посмертномъ преемствѣ супруговъ по русскому праву. Историко-догматическій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
 ТИТОВЪ, О., протоіерей, проф. Русскій Царствующій домъ Романовыхъ въ отношеніи его въ Кіеве-Печерскій лавры. 1613—1913 гг. Кіевъ. 1913. Ц. 4 р. 50 к.
 ХАРЛАМОВИЧЪ, К. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань. 1914. Ц. 7 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АБОРИГЕНЪ, Кровавыя лѣтописи Петербурга. Преступный міръ и борьба съ нимъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
 АБРАМОВЪ, И. Въ культурномъ сниту. Объ одной процвѣтающей коммунистической общинѣ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
 АНТОНОВИЧЪ, А. Основанія политической экономіи. Т. I. Введеніе и основныя силы дѣйствующія въ національномъ хозяйствѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 3 р.
 ВАСЬКОВСКІЙ, Е. Учебникъ гражданскаго процесса. М. 1914. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.
 ВИНОГРАДОВЪ, Г. Торговья сдѣлки купли-продажи товаровъ съ точки зрѣнія

гербоваго обложенія. Юрьевъ. 1914. Ц. 40 к.
 ВОЩИНИНЪ, В. Очерки новаго Туркестана. Стѣвъ и тѣни русской колонизаціи. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
 ВЪСТНИКЪ СЪВЕРА. Вып. 4-я. I. Факты и мысли. II. Вологодскія картинны. II. Обская авантюра. Ухтинскія нефтяныя богатства. Спб. Ц. 50 к.
 ГОЙХБАРГЪ, А. Законъ о расширеніи правъ наследованія по закону лицъ женскаго пола и права завѣщанія родовыхъ имѣній. Спб. 1914. Ц. 75 к.
 ГОРЕВЪ, В. Практическое руководство

1/225

при веденіи бракоразводныхъ дѣлъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ГОРЕВЪ, В. Практич. руков. при веденіи крестьянскихъ дѣлъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ДЕНИСОВЪ, К. Всеобщее обученіе. Сборникъ законовъ и правительственныхъ распоряженій. Вып. 1-й. 1907—1913 гг. Спб. 1914. Ц. 2 р.

— Периодическія прибавки изъ средствъ государственнаго казначейства учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ мин. нар. пр. по закону 7-го июля 1913 г. Спб. 1914. Ц. 10 к.

ДМИТРИЕВЪ, Н. Жилищный вопросъ въ совѣтъ лондонскаго графства. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Н. Къ вопросу о народномъ пьянствѣ. М. 1914. Ц. 20 к.

ЕФИМОВЪ, Е. доц. Природа преступленія. Естественная теорія преступленія. М. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ЗАЕМЪ и ЗАЕМНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. Права и обязанности заемодателей и должниковъ съ приложеніемъ образцовъ договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ЗИЛЬБЕРБЕРГЪ, З. Законъ 15 июня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. М. 1914. Ц. 1 р. 40 к.

КОРФЪ, С., баронъ, проф. Автономныя колоніи Великобританіи. Спб. 1914. Ц. 3 р.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. Къ исторіи организаци и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губерніи. Саратовъ. 1914. Ц. 50 к.

КН. ЛЬВОВЪ, Г. и ПОЛНЕРЪ, Т. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Ц. 20 к.

МАРИНЕТТИ, Ф. Футуризмъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

МАРТЫНОВЪ, Е. За что я былъ преданъ суду и осужденъ. М. 1914. П. 75 к.

— Работа нашихъ железнодорожныхъ дѣльцовъ въ Манчжуріи. М. 1914. Ц. 85 к.

МЕЛЕНЕВСКИЙ, А. Высшій начальныя училища. Сборникъ законовъ, распоряженій, статистическихъ свѣдѣній и пр. о

городск. и высшихъ начальныхъ училищахъ. Спб. 1914. Ц. 3 р.

МОГИЛЕВЪ, М. Гражданское судопроизводство. Настольная книга для членовъ окружныхъ судовъ и мировыхъ судей. Спб. 1914. Ц. 3 р.

МОСКАЛЕВЪ, Н. Между врачомъ и тайною и укывательствомъ преступленія. (Изъ прошлаго-пережитого). М. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКѢ. Сборникъ. № 3. Рационализациа хозяйства. Спб. 1914. Ц. 80 к.

БАР. НОЛЬКЕНЪ, А. Законъ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни. Практическое руководство. Спб. 1914. Ц. въ перепл. 2 р.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ РАБОТЫ 1911—12 гг. Отчетъ управляющаго дѣлами комитета попечительства о трудовой помощи В. Д. Евреинова. Спб. 1913. Ц. 8 р.

ПОЗНЕРЪ, С. Евреи въ общей школѣ. (Къ исторіи законодательства и правительственной политики въ области еврейскаго вопроса). Спб. 1914. Ц. 3 р.

ПОССЕ, В. Бракъ, семья и школа. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ПРЕССЪ, Г. Страхованіе. Правовыя основы, законы и практики сената по огневому и морскому страхованіямъ, со всѣми разъясненіями. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗИНЪ, Н., проф. Уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Спб. 1914. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

САМОЗАЩИТА. Дѣло о лишеніи жизни студентомъ - академикомъ Киселевичемъ студента Каменнова. Харьковъ. 1914. Ц. 30 к.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА предметной и мѣстной подсудности волостнымъ судамъ по закону 15 июня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Спб. 1914. Ц. 20 к.

ТУГАНЪ-БАРАНОВСКИЙ, М. Соціалная теорія распределенія. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ЦЫТОВИЧЪ, Н., проф. Проектъ закона о предупредженіи дробленія мелкой земельной собственности. Кіевъ. 1914. Ц. 80 к.

ШТИЛЬМАНЪ, Г. Печать и уголовный законъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

Искусство.

БРЕДТЪ, Е., д-ръ. Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВАЛЬТЕРЪ, В. Эдуардъ Францевичъ Направникъ. Къ пятидесятилѣтію его артистической дѣятельности. 1863—1913 гг. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ НА 1914 г. В. II. Спб. Ц. 1 р.

ГАУЗЕНШТЕЙНЪ, В., д-ръ Искусство рококо. Французскіе и нѣмецкіе иллюстраторы XVIII столѣтія. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ГРАБАРЬ, П. Валентинъ Александровичъ Стрѣвъ. Жизнь и творчество. М. Ц. въ перепл. 6 р.

ГРАБАРЬ, П. Исторія русскаго искусства. Вып. 21 и 22. М. По подпискѣ.

КИБАЛЬЧИЧЪ, Т. Южно-русскія гемы. (Неизданные матеріалы для исторіи гравировальнаго искусства древнихъ народовъ, жившихъ въ Южной Россіи). Ц. 15 р.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХЪ - СПРАВОЧНИКЪ НА 1914 г. М. 1914 г. Ц. за 2 части 1 р. 75 к.

Естествознаніе и математика.

АВЕРИНЦЕВЪ, С. Руководство къ практическимъ занятіямъ по естествознанію. Книга для учащихся. Спб. 1914. Ц. 1 р. 60 к.

АНТОНОВЪ, Г. Продукты дезинтеграціи урана. Изствдованіе изъ области радиоактивныхъ явленій. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

БАУ, А. Опредѣлитель жуковъ Средней Европы. Спб. 1914. Ц. 2 р. 75 к.

ФОНЪ-ВИКЪ, С. Путевыя замѣтки при зоологическихъ экспедиціяхъ на сѣверо-востокъ Индіи и на Голубой Ниль. 1912—1913 г.г. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ДУБИГО, Д., проф. Практическая астрономія. Лекціи. Казань. 1914. Ц. 3 р. 25 к.

- КЛОССОВСКИЙ, А., проф. Основы метеорологій. Одесса. 1914. Ц. 4 р.
- КРЫЖАНОВСКИЙ, Л. Corrigenda къ русскому переводу «Физической кристаллографіи» Грота. Кіевъ. Ц. 30 к.
- ЛОДЖЪ, О. Непрерывность. Сиб. 1914. Ц. 60 к.
- МОРОЗОВЪ, Г., проф. Біологія наших льденыхъ породъ. Сиб. 1914. Ц. 40 к.
- НЕЧАЕВЪ, А. и ЗАМЯТИНЪ, А. Геологическія изслѣдованія сѣверной части Самарской губерніи. Сиб. 1913. Ц. 3 р. 25 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМИИ. Сборникъ № 5. Кристаллохимическій анализъ. Сиб. 1914. Ц. 80 к.
- ТАННЕРИ, Ж. Основныя понятія математики съ прибавленіемъ очерка «Поля Таннери «Основныя свѣдѣнія изъ исторіи математики». Сиб. 1914. Ц. 3 р.
- УМОВЪ, Н., проф. Характерныя черты и задачи современной естественно-научной мысли. Сиб. 1914. Ц. 40 к.
- ХВОЛЬСОНЪ, О., проф. Принципы относительности. Общеизвестное изложене. Сиб. 1914. Ц. 50 к.
- ШЕСТЕРИКОВЪ, П. Определитель растеній окрестностей Одессы. Одесса. Ц. 2 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ГОГЭНЪ, П. «Ноа-Ноа». Путешествіе на Таити. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ГОЛОВАЧЕВЪ, П., пр.-доц. Экономическая географія Сибири. М. 1914. Ц. 70 к.
- ЕЛИСЬЕВЪ, А., докт. Картины доисторической жизни человека. Антропологическій очеркъ. Сиб. 1914. Ц. 50 к.
- ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГѢ. Отъ Петербурга до Владивостока. Сост. по офиц. даннымъ подъ ред. гр. А. П. Дмитриева-Мамонова. Сиб. 1914. Ц. въ пер. 2 р.

Языковѣдѣніе.

- ГЛАЗОВЪ, Н. Руководство для изученія англійскаго морского языка. Сиб. 1913. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БАРБЕРОНЪ, Г. Культура и храненіе столового винограда. Ч. II. Одесса. 1913. Ц. 25 к.
- ВЫШИНСКИЙ, П. Альбомъ монограммъ для мѣтки бѣлыхъ гладью, крестомъ и строчкой. Сиб. Ц. 2 р.
- ГЕ, П. Матеріалы по обслѣдованію швейцарскаго скотоводства. Кіевъ. 1913. Ц. 75 к.
- ДМИТРИЕВЪ, А. Улучшеніе луговъ и луговое травосѣяніе. Сиб. Ц. 20 к.
- КАЛІЕСТИНОВЪ, Д. Порода крупнаго рогатаго скота. Краткое описаніе наиболее распространенныхъ породъ въ Западной Европѣ и Россіи. Сиб. 1914. Ц. 30 к.
- МОЛОХОВЕЦЪ, Е. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Сиб. 1914. Ц. 4 р.
- НЕЙШТУБЕ, С. Къ вопросу о наивыгоднѣйшихъ способахъ использования всѣхъ отбросовъ скотовоенъ съ кормовою и иными цѣлями и о брикетированіи каняги и навоза для топлива (черный дрова). Сиб. 1914. Ц. 75 к.
- ОСИПОВЪ, А. Разведеніе утокъ съ хозяйственной и промышленной цѣлью. Сиб. 1914. Ц. 30 к.
- ОСИПОВЪ, П., агроп. Полеводство для хуторянъ. Практическое руководство. Сиб. 1914 г. Ц. 60 к.
- ПРОСТОСЕРДОВЪ, Н. Декустація вина. Одесса. 1913. Ц. 20 к.
- СЕРЕБРЯКОВЪ, І. Кустарное счетоводство. Учетъ кустарими матеріаловъ и определеніе стоимости vyrabatyваемыхъ издѣлій. Чѣмъ и какъ могутъ помочь кустари сами себѣ въ развитіи своего производства. Сиб. Ц. 45 к.
- Помощь кустарямъ. Производство шкафиковъ, столиковъ, шкатулочекъ, подочекъ и проч. издѣлій въ японскомъ стилѣ. Украшеніе издѣлій коптою и кальманіей. Сиб. 1914. Ц. 25 к.
- СКВОРЦОВЪ, А., проф. Основы экономики земледѣлія. Т. I. Факторы земледѣльческаго хозяйства. Системы хозяйства и системы полеводства. Руководство для студентовъ высшихъ сельск.-хоз. учебн. зав. и для самообразованія. Сиб. 1914. Ц. 4 р.
- СПОДОЛЬСКИЙ, Р., инж. Карповое прудовое хозяйство. Сиб. 1914. Ц. 50 к.
- СПРАВОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА НА 1914 г. Подъ редакц. С. Н. Богоявленскаго и Е. В. Перепелкина. Кіевъ. Ц. 60 к.
- СТАНКЕВИЧЪ, А. Интенсивное промышленное плодководство. Сиб. 1914 г. Ц. 70 к.
- ХОЛМОГОРСКИЙ, О. Вѣрный путь къ улучшенію земледѣлія. Сельско-хозяйственное общество. М. 1914 г. Ц. 12 к.
- Доходное птицеводство. Товарищество по сбыту куриныхъ яицъ. М. 1914. Ц. 10 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АЛЕКСАНДРОВЪ, В. Практическая работа по электротехникѣ. Доступное руководство по прикладной электротехникѣ для учащихся, руководящихъ практическими работами, инженеровъ, электромонтеровъ и пріемщиковъ. Сиб. 1914. Ц. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 60 к.
- ВЛАСОВЪ, П., инж. Краткій курсъ электротехники слабыхъ токовъ. Телеграфія, телефонія и электрическая желѣзнодорожная сигнализанія. Учебное руководство для техническихъ и желѣзнодорожныхъ училищъ. Сиб. 1914. Ц. 1 р.

- ДУБЕЛПРЪ, Г., проф. Грунтовая дорога. Киев. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- GEORGEOT, M. Производство бѣлой жести. М. 1914. Ц. 2 р.
- КАШКАРОВЪ, Н., проф. Биология шифтовых и сточных водъ. Томскъ. 1913. Ц. 1 р.
- КУПФЕРЪ, Э., инж.-архит. Жилой домъ. Руководство для проектированія и возведенія современныхъ жилищъ. Сиб. 1914. Ц. 5 р. 50 к.
- ЛЯХНИЦКІЙ, В., инж. Работы по сооруженію Панамскаго канала. Сиб. 1914. Ц. 4 р. 50 к.
- МАЛИНКО, В. Сельское огнестойкое строительство. Краткое практическое руководство для техниковъ по огнестойкому строительству. М. 1914. Ц. 65 к.
- МАРШАЛЪ, Л. Практикъ льнопридѣльничь. Описание воздѣлыванія, обработки и пряденія льна и очерговъ. М. 1913. Ц. въ перепл. 10 р.
- МИ, Г., проф. Курсъ электричества и магнетизма. Ч. 2-я. Электродинамика. Одесса. 1914. Ц. 1 р.
- МЪТОВАРЕНІЕ. Изъ практики для практики. Сборникъ составовъ, рецензовъ, совѣтовъ и указаній въ вопросахъ и отвѣтахъ. Киевъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ПАУЭЛЬ, Э. Какъ самому строить, провѣрять и исправлять маленькія динамомашинны и моторы. Практическое руководство для электротехниковъ-любителей и учащихся. Сиб. 1914. Ц. 60 к.
- СМОРГОНСКІЙ, П. Исследование воздушныхъ винтовъ въ воздухоплавательной лабораторіи. Сиб. Политехническаго института. Сиб. Ц. 50 к.
- ТИШНСКІЙ, А. Практическая строительная памятная книжка. Руководство для казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учреждений, для техническихъ, строительныхъ конторъ, для строителей, домовладельцевъ и лицъ причастныхъ къ строительному дѣлу. Сиб. 1914. Ц. въ перепл. 6 р.
- ТИШНСКІЙ, А. Сельско-хозяйственная архитектура. Состоящая изъ 4 отд. 844 чертежа, въ нихъ 168 проектовъ сельскихъ зданій въ масштабѣ. Сиб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- Дешевыя постройки. 100 проектовъ, въ различныхъ стиляхъ, дачныхъ и усадебныхъ домовъ, садовыхъ бесѣдъ, оградъ, палисадниковъ, купаленъ, садовой мебели. Съ подробнымъ описаниемъ устройства частей зданій, расчетами и смѣтными исчислениями на строительныя работы. Сиб. 1914. Ц. 1 р.
- ШТАДЕ, Ф. Деревянный сооруженія. Краткое общедоступное руководство для самообученія. Ч. II. Сиб. Ц. 2 р. 50 к.
- ЭВАЛЬДЪ, В., проф. Гидравлическій гипсъ или «стрихъ», какъ строительный материалъ. Сиб. Ц. 60 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ВОЗНЕСЕНСКІЙ, Е. Задачи по банковской бухгалтеріи съ рѣшеніями. Сиб. 1914. Ц. 40 к.
- КРИЧЕВСКІЙ, Л. Самоучитель для высшей подготовки на должность бухгалтера-корреспондента. (Полный и законченный курсъ коммерческихъ знаній). Одесса. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- WEST, S., проф. Болѣзни органовъ дыханія. Въ 2 томахъ. Сиб. 1914. Ц. Т. I. 3 р. 50 к. Т. II. 4 р.
- ФОНЪ-ДЕНЪ, О. Краткій учебникъ рентгенологіи. Вып. I-й. Исследование лучами Рентгена грудныхъ органовъ и желудочно-кишечнаго канала. Сиб. Ц. 1 р.
- ЗВЪРЖХОВСКІЙ, Ф. д-ръ-мед. Основы дентіатріи. Вып. III. Воспаленіе пульпы. Омертвѣніе пульпы. Воспаленіе корневой оболочки зуба. Руководство для врачей и студентовъ. Сиб. 1914. Ц. 1 р. 80 к.
- БЕДРОВЪ, Н., д-ръ. Врачебная экспертиза и оцѣнка утраты трудоспособности потерявшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- НАВЯЖСКІЙ, Г., д-ръ. Новый конспектъ по гинекологіи (для бѣлаго повторенія курса къ экзаменамъ). Сиб. 1914. Ц. 50 к.
- ОХРАНА ГРУДНОГО РЕБЕНКА ВЪ МОСКОВСКИХЪ ГОРОДСКИХЪ ЛЕЧЕБНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ. Постоянная показательная выставка по уходу за ребенкомъ и его вскармливанію при родильномъ домѣ имени С. В. Делехова и больницъ для постродовыхъ больныхъ имени Л. П. Тимистера. М. 1913. Ц. 30 к.
- СИМАНОВСКІЙ, Н., акад. Лекціи по ушнымъ, горловымъ и носовымъ болѣзнямъ, читанныя въ 1912—1913 учебномъ году. Сиб. 1914. Ц. 5 р.
- FENLING, N. и FRANZ, R. Учебникъ женскихъ болѣзней. Сиб. 1914. Ц. 4 р.
- ФИГНЕРЪ, А., проф. Курсъ фармаціи. Казань. 1914. Ц. 4 р. 25 к.
- ХИПДАХЕДЕ, М., д-ръ мед. Моя система питанія. Измѣненіе и удешевленіе нашего питанія. Сиб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ШТАЕРМАНЪ, М. Конспектъ по фармакологіи и фармацевтической химіи. Сиб. 1914. Ц. 60 к.
- ЛАНР, R., докт. Болѣзни мочевыхъ органовъ съ обращеніемъ особаго вниманія на ихъ распознаваніе и леченіе. Сиб. 1914. Ц. 3 р.

Военное и морское дѣло.

- ВОДАРЪ, В. Важнѣйшія измѣненія въ германской арміи по 1-е февраля 1914 г. Сиб. 1914. Ц. 35 к.

Воспитание и обучение. Учебных руководств.

- А. З. Как нам писать. (Русская теснопись). Теория, учебник и собрание прописей. Париж. 1913. Ц. 30 к.
- АЛЕКСАНДРОВЪ, А. Изъ уроковъ по русской литературѣ. Ч. 1-я. Литература XVIII вѣка. Разборы и планы, съ указаніемъ значенія произведеній: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина и Державина. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 10 к.
- Изъ уроковъ по русской литературѣ. Ч. 2-я, вып. 1-й. Литература XIX вѣка. Разборы и планы, съ указаніемъ значенія произведеній Пушкина и Лермонтова. Харьковъ. 1914. Ц. 1 р. 10 к.
- АНАНАСЬЕВЪ, П. Методическіе очерки о преподаваніи родного языка и примѣрные уроки по всемъ отдѣламъ русскаго языка съ методическими поясненіями. М. 1914. Ц. въ папкѣ 99 к.
- БЕРНЕТЪ, Ф. Маленькій лордъ Фаунтерой. Текстъ съ введеніемъ, сборникомъ словъ и оборотовъ, расположенныхъ въ порядкѣ англійскаго текста, алфавитнымъ словаремъ-указателемъ и алфавитнымъ перечнемъ неправильныхъ глаголовъ съ ихъ формами. Спб. 1914. Ц. въ переплетѣ 80 к.
- БУРАЧЕВСКІЙ, А. Всюсторонняя таблицы умноженій и дѣленій. Спб. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.
- ВИСКОВАТОВЪ, Д. Къ оздоровленію средней школы. Спб. 1914. Ц. 45 к.
- ВРУБЛЕВСКІЙ, В. Рѣшенія къ сборнику арифметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ГРЖЕГОРЖЕВСКІЙ, Л. Краткій очеркъ очетанія вопросительныхъ предложеній съ двумя и тремя «неизвестными» членами и происходящихъ отъ этихъ вопросительныхъ отвѣтныхъ предложеній, съ двумя и тремя «неизвестными» и «извѣстными» членами. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- ГРУНДСКІЙ, Н., проф. Педагогическіе взгляды Л. Н. Толстого. Юрьевъ. 1914. Ц. 30 к.
- Русскій языкъ. Учебникъ для 4 кл., примѣнительно къ новымъ программамъ М. Н. П. для средне-учебныхъ завед. Юрьевъ. Ц. 50 к.
- ГУСЕВЪ, А. Сборникъ статей, стихотвореній и художественныхъ отрывковъ съ планами. Пособіе при веденіи письменныхъ и устныхъ изложеній по русскому учебн. заведеній. В. I. М. 1914. Ц. 50 к.
- Тоже. Вып. II. М. 1914. Ц. 75 к.
- ГУСЕВЪ, Н. и СИДОРОВЪ, Н. Учебникъ синтаксиса русскаго языка. М. 1914. Ц. въ папкѣ 50 к.
- ЗАЛѢССКІЙ, Л. Методологическія замѣтки къ систематическому курсу арифметики дѣльныхъ чиселъ. Опытъ примѣненія наглядно-экспериментальнаго преподаванія (лабораторно-эвристическій методъ). Кіевъ. 1913. Ц. 80 к.
- КАЩЕНКО, В. и КРЮКОВЪ, С. Воспитание-обучение трудныхъ дѣтей. Изъ опыта санаторіи-школы доктора В. П. Кащенко. М. Ц. 60 к.
- КОРЧЕВСКІЙ, Б. Наглядныя таблицы полнаго курса элементарной алгебры (теорія) по программамъ средней школы. Схематическое пособие для легкаго и прочнаго усвоенія. Батумъ. 1914. Ц. 50 к.
- КУБАЛОВЪ, Б. Систематическій курсъ русской исторіи. Ч. I. Иркутскъ. 1914. Ц. 85 к.
- КУШШЕРЪ, А. Учебникъ геометріи: Ч. I. Курсъ подготовительный. Для младш. классовъ средн.-учебн. заведен. Спб. 1914. Ц. 90 к.
- КУЛЬБАКИНЪ, С., проф. Древне-церковно-славянскій языкъ. Тексты со словарчикомъ. Харьковъ. 1913. Ц. 50 к.
- КУЛЬМАНЪ, Ф. Новые пути преподаванія рисованія. М. Ц. 1 р. 20 к.
- МАГНИЦКІЙ. Арифметика. Точное воспроизведеніе подлинника. Съ приложеніемъ статьи П. Баранова (биографическія свѣдѣнія о Магницкомъ и историческое значеніе его арифметики). М. 1914. Ц. 80 к.
- МУКАЛОВЪ, Н. Методическое руководство къ изученію дробныхъ чиселъ. Кіевъ. 1914. Ц. 60 к.
- НЕЧАЕВЪ, А. О преподаваніи начальной географіи. Замѣтки по методикѣ начального курса съ приложеніемъ краткаго указателя методическ. руковод. и обзорнаго книгъ для чтенія учениковъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- НОВЫЯ ЦѢЛИ ВЪ ПЕДАГОГИКѢ. Сборникъ № 4. Совмѣстное обученіе. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- ОГИЕНКО, П. Наглядная таблица для изученія и повторенія придаточныхъ предложеній. Кіевъ. 1914. Ц. 6 к.
- Наглядная таблица для разстановки знаковъ препинанія. Кіевъ. 1914. Ц. 6 к.
- ОСТРОГОРСКІЙ, А. Н. П. Пироговъ и его педагогическіе завѣты. (Очерки по исторіи русской педагогической мысли). Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ПАУЛЬСЕНЪ, Ф. Педагогика. М. 1913. Ц. 2 р.
- ПЕННДОРФЪ, Б. Методика коммерческой арифметики. Спб. 1914. Ц. 1 р. 10 к.
- ПЕСОЦКІЙ, П., свщ. Пособіе къ изученію пространнаго христіанскаго катехизиса. Спб. Ц. 1 р.
- ПЕТРОВИЧЪ, С., проф. Записки по аналитической геометріи для артиллерійскихъ училищъ. Ч. II. Аналитическая геометрія въ пространствахъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ПОКРОВСКІЙ, В. Очерки по исторіи русской литературы въ изсѣдованіяхъ ученыхъ. Ч. IV. Достоевскій, Л. Толстой, Полонскій, Майковъ, Фетъ, А. Толстой, Некрасовъ. Пособіе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній. Примѣнительно къ программѣ 1912 г. М. 1914. Ц. 1 р.
- РАЙКОВЪ, Б. Практическія занятія по зоологіи для начинающихъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 10 к.
- РАУДЭ, Ф. Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ. Вып. I. Задачи и примѣры на числа до 20. Счетъ до 100. Кіевъ. 1914. Ц. 15 к.
- РОЗЕНБЕРГЪ, В. Изъ школьной практики. I. Наглядный переходъ отъ именованныхъ чиселъ къ дробямъ. II. Вычисленія по систематическому курсу дробей. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- РУБАКИНЪ, Н. Практика самообразованія (Среди книгъ и читателей). Опытъ системы самообразовательнаго чтенія, примѣнительно къ личнымъ особенностямъ читателей. М. 1914. Ц. 2 р. 75 к.
- САНЧУРСКІЙ, Н. Латинская хрестоматія. Ч. II. Курсъ четвертаго класса. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- СБОРНИКЪ АРИФМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ для начальныхъ училищъ. Составленъ кружкомъ учителей рижскихъ начальныхъ училищъ, подъ ред. О. М. Дубова. Рига. 1914. Ц. 15 к.

СЕРМУ, Ф. Неправильные французскіе глаголы. Кіевъ. 1914. Ц. 30 к.

СИМОНОВЪ, И. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1914. Ц. 35 к.

СМИРНОВЪ, П. Среди живой природы и въ кругу хорошихъ людей. Книга для класснаго и въкласснаго чтенія учениковъ IV отдѣленія начальной школы, для двуклассныхъ школъ, городскихъ училищъ, воскресныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

СОСУНЦОВЪ, Е., свящ. Краткая церковная исторія. Курсъ двуклассныхъ училищъ. Казань. 1914. Ц. 40 к.

— Указатель книгъ для чтенія на урокахъ Закона Божія. Курсъ начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Казань. 1914. Ц. 35 к.

СТѢННАЯ КАРТА. Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв. для класснаго употребленія, приспособленная къ «Учебнику русской исторіи» проф. С. О. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка». Спб. 1914. Ц. карты на коленахъ и альбомъ 5 р.

STEIN, E. A manual of english (in two parts) I. Primer. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 2 р.

ТРОСТНИКОВЪ, М. Объ учебникахъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній (по новой программѣ М. Н. П.). Юрьевъ. 1914. Ц. 15 к.

ТУФАНОВЪ, А. Практическое руководство къ лабораторнымъ занятіямъ въ первый годъ обученія дѣтей ариметикѣ и геометріи. Спб. 1914. Ц. 30 к.

УСКОВЪ, М. Математическая географія въ начальномъ курсѣ. Очеркъ методики математической географіи въ младшихъ классахъ средн. учебн. завед. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики. В. I. Фонетика. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ШАХЪ-ПАРОНИАНЦЪ, Л. Конспекты (схемы) темъ для сочиненій, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ по русскому языку въ спец. высш. уч. зав. и на выпускн. испыт. въ средней школѣ. Ч. 1-я. Автобиографическія или собственнотычныя, худож.-образов., теоретико-словесныя и историко-литер. темы. Спб. Ц. 1 р.

ШТВАНЪ, В. Вопросы по физикѣ. Посobie при прохожденіи курса физики въ средней школѣ. Одесса. Ц. 30 к.

Книги для дѣтей и юношества

ЛЪСНОЙ-АГАФОНОВЪ, П. Дружокъ. Рассказы изъ деревенской жизни для дѣтей младшаго возраста. Спб. Ц. въ папкѣ 1 р. 35 к.

ТОМПСОНЪ-СЕТОНЪ, Э. Рольфъ въ тѣсахъ. Приключенія мальчика-скаута. Индѣйца Квонаба и собачки Скукума. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. въ перепл. 2 р.

ТУРЪ, Е. Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Для дѣтей среднего и старшаго возрастовъ. Спб. 1914. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.

ШРЕТЕРЪ, М. Пѣсни чижика. Стихи. Спб. 1914. Ц. 90 к.

АНОФРИЕВЪ, Н. Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка. Кіевъ. Ц. за 2 части, въ перепл. 1 р. 50 к.

АСТАФЬЕВЪ, А., инж. Бетонно-строительный календарь на 1914 г. Ежегодная справочная книга для архитекторовъ, ин-

женеровъ, строителей, специалистовъ цементнаго, бетоннаго и желѣзо-бетоннаго дѣла и студентовъ технич. уч. зав. Спб. Ц. въ перепл. 2 р.

ГЕККЕЛЬ, А. Поѣздка на Иматру. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ГРОССЕНЪ, Г. Календарь и справочная книжка для судебныхъ слѣдователей на 1914 годъ. Спб. Ц. 1 р.

ЗЕЙДМАНЪ, А. Биржевой календарь на 1914. Спб. Ц. 2 р.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА 1914 ГОДЪ. М. 1913. Ц. 3 р.

СВЯТКОВСКІЙ, Л. Настольная желѣзнодорожная справочная книга по перевозкамъ пассажировъ, багажа и грузовъ, съ пассажирскими и товарными поѣздами. М. 1914. Ц. въ папкѣ 7 р. 50 к.

ЧЕМЕНЪ, В. Правила и программы испытаній на званіе аптекарскаго ученика и ученицы. Одесса. 1914. Ц. 30 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮНЬ 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. XXXIII—XXXIX. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	769
II. Записки графа Н. П. Игнатъева . XI—XII. (Продолженіе).	825
III. На каюкахъ. (Разсказъ). (Окончаніе). Г. Т. Сѣверцева-Полилова	864
IV. Въ редакціи журнала «Русское Слово». (Изъ воспоминаній шестидесятника). (Окончаніе). Н. Н. Фирсова	888
V. День императора Николая Перваго. (Разсказъ). П. Вигеля-Панчулидзева	904
VI. Подъ фіолетовой мантией. (Эпизодъ изъ жизни бывшаго экзарха Грузіи архіеп. Никона). (Окончаніе). А. А. Имайлова	915
VII. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). В. В. Уманова-Каплуовскаго	927
VIII. Годовщина смерти С. Н. Шубинскаго. А. И. Фарсова	951
IX. С. Н. Шубинскій и «Древняя и Новая Россія». Д. А. Курскова	977
X. Смольный институтъ въ эпоху императрицы Екатерины II. (1764—1796). З. Е. Мордвиновой	987
XI. Памяти А. П. Барсукова. Б. Г. . . . . . иллюстрація: Александръ Платоновичъ Барсуковъ.	1009
XII. В. А. Тихоновъ. (Некрологъ). А. Е. Зарина . . . . . иллюстрація: Владимиръ Алексѣевичъ Тихоновъ.	1019
XIII. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XXX—XXXV. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	1020
XIV. Жемчужина Финскаго побережья. Н. И. Путилина . . . . . иллюстраціи: 1) Православная церковь св. князя Владимира.—2) Башня въ гор. Нарвѣ.—3) Пристань и бастионъ въ Нарвѣ.—4) Нарвскій водопадъ.—5) Новый кургаузъ.—6) Курвалъ.—7) Морской пляжъ.	1087
XV. Иностранцы о Россіи. А. М. Бѣлова	1107

(См. слѣд. стран.).

XVI. Критика и библиографія.	1122
<p>1) Валишевскій, К., Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I. его жизнь, царствованіе и смерть. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Съ иллюстраціями. Спб. 1914. М. Ключикова.— 2) М. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Киевской Руси X—XII вв. Спб. 1913. п. б.— 3) Проходцевъ, И. И. Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны. Часть I. В. в. б.— 4) Московскій митрополитъ Платонъ (1757—1812 г.). Составилъ магистръ богословія Н. П. Розановъ. Спб. 1913. п. майкова.— 5) Е. А. Сабанъева. Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники. 1770—1838. Предисловіе Д. А. Корсакова. Спб. 1914. д. м.—но.— 6) Полоцко-витебская старина. Выпускъ II. Витебскъ. 1913. А. С. б.— 7) Юрій Николаевъ. Въ поискахъ за Вожеествомъ. Спб. 1913. н. Вальмана.— 8) Историческая комиссія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстъ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. Ч. II. Рамъ—республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстъ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. М. 1913. А. М.—на.— 9) Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. М. 1914. п. б.— 10) Сочиненія графа А. А. Голенищова-Кутузова. Т. I, II, III и IV. Спб. 1914. и. Гурвича.— 11) В. Евгеньевъ. Писатели-борцы съ ерѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Спб. 1914. в. Данилова.— 12) С. К. Эфронъ (Литвинъ). Язычница. (Ворьба іудизма съ азмчествомъ). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Киевъ. 1913. А. м.—на.— 13) Педагогическая бібліотека подъ редакціей Д. Н. Королькова. Москва. Адольфъ Дистервегъ. Руководство для вѣзедцкихъ учителей. Перев. съ нѣм. А. Ѳ. Гретманъ.— Джіованни Антоніо Райнери. Педагогика въ пяти книгахъ. Перев. проф. прот. Дружинина.— Фридрихъ Фребель. Педаг. соч. Т. I. Перев. Городецкаго. Т. II перев. Н. Н. Соколова.— Фенелонъ. О воспитаніи дѣвццъ. Перев. съ франц. Педалина.— М. М. Рубинштейнъ. Очеркъ педагогич. психологіи въ связи съ общей педагогикой. г. Зоргенфрея.</p>	
XVII. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Измайлова. .	1141
XVIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника».	1148
XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи.	1151
<p>1) Первый крестовый походъ.— 2) Подлинный Людовикъ XV.— 3) Столица и дворъ въ царствованіе Луи-Филиппа.— 4) Гете и Христина Вульпшусъ.— 5) Судьба Дантона.— 6) Скорбный путь Наполеона.</p>	
XX. Смѣсь.	1171
<p>1) Въ литературномъ фондѣ.— 2) Подуростолѣтіе Смольнаго института.— 3) Двухсотлѣтній юбилей петербургскаго арсенала.— 4) Памяти М. Е. Салтыкова.</p>	
XXI. Некрологи.	1176
<p>1) Арсеній, архіепископъ.— 2) Боргманъ, И. И., проф.— 3) Гавриленко, А. П., проф.— 4) Гриневъ, С. А.— 5) Демченко, В. Г., проф.— 6) Зьдановъ, А. М., проф.— 7) Крачковскій, І. Е.— 8) Некрасовъ, Н. П., проф.— 9) Поповъ, Л. В.— 10) Рѣдвинъ, А. П.— 11) Яковлева-Ланская, Н. В.</p>	
XXII. Замѣтки и поправки.	1183
<p>1) По поводу статьи «Изъ записной книжки историка» Е. С. Шумигорскаго. Пирлинга.— 2) Отвѣтъ г. Фомвну. Влад. Нянинина.</p>	

Приложенія: 1) Портретъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго.— 2) Вождь (Кривавая комедія недавнихъ дней). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Вик-Ториневича. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОГО ТОМА.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ 1914 года.

	СТРАН.
На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. XXI—XXXIX. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5, 385, 769
Записки графа Н. П. Игнатьева . IX—XII. (Продолженіе).	50, 430, 825
Лѣсные братья. (Разсказъ). О. Козельскаго	86
У гроба царя. (Страница изъ моихъ воспоминаній). Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго	98
Годъ по тюрьмамъ. Г. Черенкова	102
Изъ литературныхъ воспоминаній. Я. Н. Колубовскаго	134
Архіерейская встрѣча. Быль. (Изъ воспоминаній о преосвященномъ тобольскомъ Виталіи). Ш. В.	150
Памяти П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Г. Л. И.	155
Самозванецъ Калугинъ М. Казоханина	167
Въ смутные дни. (Очерки и наброски). Н. Н. Оглоблина	174, 585
Убійство П. А. Столыпина. (Окончаніе). Л. Гана	192
иллюстраціи: 1) Планъ кіевскаго городского театра. — 2) П. А. Столыпинъ въ гробу.	
О. К. Нотовичъ. (Некрологъ). Б. Г.	216
иллюстрація: Осипъ Константиновичъ Нотовичъ.	
Одинъ изъ статьи славныхъ. (П. Г. Кузьминскій). А. М. Черняевой	222
Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XX—XXXV. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	225, 599 1029
истор. вѣстн., июнь 1914 г., т. сxxxv.	1/2

Селеніе Николаевское Бердянскаго уѣзда и посѣщеніе его покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1863 году. И. П. Дувина.	265
Иллюстрація: Часовня-памятникъ въ с. Николаевскомъ.	
Пушкинскій домъ въ Царскомъ Селѣ. Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.	269
Иллюстраціи: 1) Фасадъ, видъ съ угла Кузьминской и Колпинской.— 2) Видъ дома съ Колпинской улицы.—3) Видъ дома съ Кузьминской улицы.	
Письмо камеръ-фурьера Бабкина къ сыну, написанное 23-го ноября 1825 г. изъ Таганрога. Великаго князя Николая Михайловича.	280
Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I). Е. С. Шумигорскаго.	283, 677
На каюкахъ. (Разсказъ). Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	469, 864
Въ редакціи журнала «Русское Слово». (Изъ воспоминаній шестидесятника). Н. Н. Фирсова.	490, 888
Повеселились. (Разсказъ изъ морской жизни). В. Анжу.	514
Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ и студенты. (Отрывки изъ воспоминаній). К. И. Федюшина.	531
Комедія о царѣ Максимилианѣ. Т. А. Мартемьянова.	538
Подъ фіолетовой мантией. (Эпизодъ изъ жизни бывшаго экзарха Грузіи архіеп. Никона). А. А. Измайлова.	554, 915
Памяти А. А. Виноцкой. Б. Б. Глинскаго.	563
Иллюстрація: Александра Александровна Виноцкая.	
Еще о «царственномъ мистикѣ»- Князя В. В. Барятинскаго.	578
Маловѣдомыя красоты. (Алтайскія замѣтки). В. Анфилова.	657
Иллюстраціи: 1) Телецкое озеро.— 2) Рѣка Чулишманъ.— 3) Ущелье Чулишманъ.— 4) Чуйскія Альпы.— 5) Чуйскіе бѣлки. (Граница Сибири и Монголіи).— 6) Монголъ съ сыномъ оруженосцемъ.— 7) Зайсанъ—родоначальникъ теленитовъ.	
Нѣкоторыя соображенія по поводу письма, отъ 31 декабря 1825 г. изъ Таганрога княгини Софьи Григорьевны Волконской императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Великаго князя Николая Михайловича.	667
День императора Николая Перваго. (Разсказъ). П. Вигеля-Панчулидзева.	904
Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). В. В. Уманова-Наплуновскаго.	927
Годовщина смерти С. Н. Шубинскаго. А. И. Фарсова.	951
С. Н. Шубинскій и «Древняя и Новая Россія». Д. А. Корсакова.	977

Смольный институтъ въ эпоху императрицы Екатерины II. (1764—1796). З. Е. Мордвиновой.	987
Памяти А. П. Барсукова. Б. Г.	1009
Иллюстрація: Александръ Платоновичъ Варсуковъ.	
В. А. Тихоновъ. (Некрологъ). А. Е. Зарина.	1019
Иллюстрація: Владимръ Алексѣевичъ Тихоновъ.	
Жемчужина Финскаго побережья. К. И. Путилина.	1087
Иллюстраціи: 1) Православная церковь св. князя Владимира.—2) Вашня въ гор. Нарвѣ.—3) Пристань и бастионъ въ Нарвѣ.—4) Нарвскій водопроводъ.—5) Новый кургаузь.—6) Курзалъ.—7) Морской пляжъ.	
Иностранцы о Россіи. А. М. Бѣлова.	1107
Критика и библиографія.	292, 690, 1122

1) Великій князь Николай Михайловичъ. «Русскій Провинціальный Некрополь». Томъ первый. Москва. 1914. Б. Модзалевскаго.—2) «Историческая панорама Санктпетербурга и его окрестностей», ч. I, VI, VII и VIII. М. 1911—1913. М. Ключкова.—3) Массонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ. Гр. С. Д. Толь, рожденная гр. Толстая. Съ иллюстраціями. Спб. 1914. Тира Соколовскаго.—4) Государя изъ дома Романовыхъ 1813—1913 гг. Жизнеописанія царствовавшихъ государей и очеркъ ихъ царствованій, подъ редакцію доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Два тома, съ 16-ю портретами державныхъ особъ и со множествомъ гравюръ въ текстѣ. Москва. 1913. П. Майнова.—5) Проф. В. Н. Перетцъ. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Корректурное изданіе на правахъ рукописи. Кіевъ. 1914. И. Замотина.—6) К. Р. Царь Іудейскій. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Спб. 1914. В. Данилова.—7) Проф. В. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Спб. 1914. Р.—8) Л. Дюшенъ. Исторія древней церкви. Т. I и II. М. 1914. П. Б.—9) Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Ч. I. Хозяйство и общество. Цѣна—цѣнность. М. 1913. В. Грибовскаго.—10) Саллическая правда. Русскій переводъ Lex Salica. Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева. Съ введеніемъ Н. П. Граціанскаго. Казань. 1913. Я. Бирюкова.—11) Ф. Кирхейзенъ. Наполеонъ Первый. Т. I. М. 1913. П. Б.—12) И. И. Гливенко, приватъ-доцентъ императорскаго петербургскаго университета и преподаватель императорскаго женскаго педагогическаго института. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ (съ хрестоматіей) для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. Спб. 1913. Влад. Миянина.—13) Н. Н. Шульговскій. Теорія и правтика поэтическаго творчества. Технические начала стихосложенія. Спб. 1914. Г. Гинса.—14) Юрій Озаровскій.—Музыка живого слова. Спб. 1914. Р.—15) Вик—Ториничъ. Повѣсть ненужнаго человѣка. «Мурадъ». Пѣсна о смерти. Спб. 1914. Вит. Тачуна.—16) Ф. Е. Заринъ-Несвицкій. Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть. Съ иллюстраціями художника И. В. Симакова. Спб. 1914. Д. М.—ю.—17) Культурная сокровища Россіи. Вып. VII. Ю. и З. Шамуринны. Калуга. Тверь. Тула. Торжокъ. М. Л. Л.—18) В. Н. Сумцовъ. Арабчевцы на Уралѣ. Экскурсіонный очеркъ. Съ 54 рисунками въ текстъ и схематической картой Средняго Урала. Нижній-Новгородъ. 1913. М.—о.—19) Императорская главная квартира. Исторія Государевой свиты. Царствованіе императора Александра II. Подъ редакціей полковника В. К. Шенка. Спб. 1914. В. Жерве.—20) Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія. 1877—1878 гг. Томъ второй. Спб. 1913. М. Соколовскаго.—21) Чтенія въ

императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. Кн. IV. 1913. Кн. I. 1914. и.—22) Императорская публичная бібліотека за сто лѣтъ 1814—1914 гг. Спб. 1914.—Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей императорской публичной бібліотеки. 14 таблицъ въ листъ. Спб. 1914. А. л.—23) Un Tsar Idéologue, Alexandre I. (1777—1825). Ouvrage orné de 8 gravures. Par Pierre Rain. Paris. 1913. (Царь-идеологъ. Александръ I (1777—1825). Сочиненіе Петра Рэнъ. Парижъ. 1913). п. Майнова.—24) Профессоръ И. М. Покровскій. Русское духовенство, его патриотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Феодоровича Романова. Казань. 1913. н. г. р.—25) С. В. Савченко. Русская народная сказка (Исторія собиранія и изученія). Кіевъ. 1914. В. Данилова.—26) Н. А. Вутми. Каббала, ереси и тайныя общества. Подъ редакціей Г. В. Вутми. Спб. 1914. с. л.—на.—27) Юбилейный земскій сборникъ (1864—1914). Подъ редакціей В. В. Веселовскаго и З. Г. Френкеля. Спб. 1914. В. Музнецова.—28) Ж. В. Португаловъ. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876). Спб. 1914. А. Фаресова.—29) Влахопуловъ, В. А. Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный міръ. Подъ редакціей и со вступительной статьёй Е. Д. Сташевскаго. Кіевъ. 1913. Я. Бирюнова.—30) М. Корелинъ. Райнъ итальянскій гуманизмъ. Томъ I. Историческій обзоръ. Спб. 1914. Томъ II. Франческо Петрарка. Т. III. Джованни Воккаччіо. п. б.—31) Н. А. Рубавинъ. Среди книгъ. Т. II. Спб. 1913. А. б.—32) А. А. Суворинъ—Алексій Порошинъ. Дуэльный кодексъ. л. л.—33) Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 гг.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ К. А. Фипера въ Москвѣ. Биографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Гяндича. Воспоминанія профессора И. Е. Рѣпина. М. 1914. н.—34) А. И. Куинджи. Биографія-характеристика. Текстъ Невѣдомскаго. Спб. р.—35) В. П. Авенариусъ. На Париж! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 гг. Съ 12 картинками художника Н. Н. Волдырева. Спб. 1914. д. м.—36) В. В. Шульгинъ. Приключенія князя Воронежскаго. в. ш.—37) Валишевскій, К., Сынъ Великой Екатерины: Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствованіе и смерть. Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Съ иллюстраціями. Спб. 1914. м. Ключнова.—38) М. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Киевской Руси X—XII вв. Спб. 1913. п. б.—39) Проходцевъ, И. И. Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны. Часть I. в. в. б.—40) Московскій митрополитъ Платонъ (1757—1812 г.). Оставилъ магистръ богословія Н. П. Розановъ. Спб. 1913. п. Майнова.—41) Е. А. Сабанѣва. Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники. 1770—1838. Предисловіе Д. А. Корсакова. Спб. 1914. д. м.—но.—42) Полоцко-витебская старина. Выпускъ II. Витебскъ. 1913. А. с. б.—43) Юрій Николаевъ. Въ поискахъ за Возжествомъ. Спб. 1913. н. Вальмана.—44) Историческая коммиссія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстъ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. Ч. II. Римъ—республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстъ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей А. М. Васютинскаго. М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. М. 1913. а. м.—на.—45) Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. М. 1914. п. б.—46) Сочиненія графа А. Голенищева-Кутузова. Т. I, II, III, и IV. Спб. 1914. и. Гурвича.—47) В. Евгеньевъ. Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Спб. 1914. в. Данилова.—48) С. К. Эфронъ (Литвинъ). Язычница. (Ворьба Иудаизма съ язычествомъ). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1913. А. м.—на.—49) Педагогическая бібліотека подъ редакціей Д. Н. Королькова. Москва. Адольфъ Дистервергъ. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Перев. съ нѣм. А. Ѳ. Гретманъ.—Джованни Антоніо Райнери. Педагогика въ пяти

книгахъ. Перев. проф. прот. Дружининъ.—Фридрихъ Фребель. Педаг. соч. Т. I. Перев. Городецкаго. Т. II. Перев. Н. Н. Соколова.—Фенелонъ, О воспитаніи дѣвицъ. Перев. съ франц. Недачина.—М. М. Рубинштейнъ. Очеркъ педагогич. психологіи въ связи съ общей педагогикой. Г. Зоргенфренъ.

Новости исторіи. Обзорніе журналовъ. **А. А. Измайлова.** 316, 714, 1141

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію
«Историческаго Вѣстника». 325, 726, 1148

Заграничныя историческія новости и мелочи. 330, 730, 1151

1) Изъ воспоминаній о Жюль Вернѣ.—2) Гете и баронесса фонъ-Штейнъ.—3) Родоначальницы современнаго феминизма.—4) Паризъ въ 1814 году.—5) Карлъ-Альбертъ.—6) Санкюлотъ изъ бывшихъ дворянъ.—7) Наполеонъ и Гете.—8) Берлинскій дворъ.—9) Революціонныя имена.—10) Исторія гильотины.—11) Женщины въ арміи Наполеона.—12) Занятіе русскими войсками Монмартра.—13) Викторъ-Эмануилъ II и Викторъ-Эмануилъ III.—14) Изъ біографіи Андерсена.—15) Нѣмецкій якобинецъпередъ революціоннымъ трибуналомъ.—16) Пребываніе Наполеона въ Потсдамѣ.—17) Наполеонъ въ роли фальшивомонетчика.—18) Первый крестовый походъ.—19) Подлинный Людовикъ XV.—20) Столица и дворъ въ царствованіе Луи-Филиппа.—21) Гете и Христина Вульпшусъ.—22) Судьба Дантона.—23) Скорбный путь Наполеона.

25-лѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Вентцеля. 748

Смѣсь 353, 755, 1171

1) Годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.—2) Въ академіи наукъ.—3) Въ комиссіи по изученію старой Москвы при императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ.—4) Чествованіе Н. П. Богданова-Вѣльскаго.—5) Юбилей профессора А. В. Григорьева.—6) Премія имени Д. И. Иловайскаго.—7) Отъ временнаго комитета «фонда народнаго просвѣщенія».—8) Собраніе академіи наукъ.—9) Годовое общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности.—10) Въ обществѣ ревнителей исторіи.—11) Въ союзѣ драматическихъ писателей.—12) Присужденіе премій Государя Императора.—13) Выборы въ литературномъ обществѣ.—14) Тридцатилѣтіе литературной дѣятельности М. М. Мариной.—15) Памяти 1812 года.—16) Въ литературномъ фондѣ.—17) Полусторастолѣтіе Смольнаго института.—18) Двухсотлѣтній юбилей петербургскаго арсенала.—19) Памяти М. К. Салтыкова.

Некрологи. 362, 760, 1176

1) Гальпернъ, Я. М.—2) Головачевъ, Д. М.—3) Додоновъ, А. М.—4) Евстафьевъ, П. В.—5) Косинскій, Ю. Ф.—6) Епископъ Никодимъ.—7) Орловскій, В. Д.—8) Уманскій, А. М.—9) Хатисова, М. С.—10) Шубинскій, П. П.—11) Азаревичъ, П. Д.—12) Алексѣевъ, Г. П.—13) Веггровъ, А. К.—14) Вибиновъ, А. А.—15) Егорьевъ, В. К.—16) Кокуевъ, Н. Р.—17) Крамалей, М. М.—18) Михальчукъ, Е. П.—19) Никольскій, А. И.—20) Таганцева, Л. С.—21) Цеткинъ, А. I.—22) Арсеній, архіепископъ.—23) Боргманъ, И. И., проф.—24) Гавриленко, А. П., проф.—25) Гриневъ, С. А.—26) Демченко, В. Г., профес.—27) Ждановъ, А. М., проф.—28) Крачцовскій, I. Е.—29) Некрасовъ, Н. П., проф.—30) Поповъ, Л. В.—31) Рѣдкинъ, А. П.—32) Яковлева-Ланская, Н. В.

Замѣтки и поправки. 369, 1183

1) По поводу рецензіи В. А. Алексѣева. А. Ермолова.—2) Нѣсколько словъ по поводу статьи Е. С. Шумигорскаго «Взятіе Парижа и его историческое значеніе». П. Исакова.—3) Отвѣтъ П. Н. Исакову. Е. Шумигорскаго.—4) По поводу рецензіи г. Князянина. А. Г. Фомина.—5) По поводу отзыва о книгѣ «Кострома». Г. Лукомскаго.—6) Отвѣтъ Г. Лукомскому. Г.—7) По поводу статьи «Изъ записной книжки историка» Е. С. Шумигорскаго. Пирлинга.—8) Отвѣтъ г. Фомину. Влад. Князянина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанскаго.—2) Д. И. Писарева.—3) Сергѣя Николаевича Шубинскаго.—4) Вождь (Кровавая комедія недавнихъ дней). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Вик-Ториневича. (Продолженіе).

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ШУБИНСКІЙ

ЛУКОМОСЪЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ 16-го апрѣля до конца года 6 р. съ перес. и дост.,
на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Всюду въ продажѣ цѣна номера 20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40)
и въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время»
въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону.

Издатель М. А. Суворинъ.

Редакторъ А. М. Селитренниковъ (А. Ренниковъ).

Завѣд. худож. отд. Г. Магула.

Конскій Спортъ

изд. Б. А. СУВОРИНА

журналъ выходитъ наканунѣ петербургскихъ бѣговъ и окачекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ „Конскаго Спорта“, Невскій, 52, „Вечернее Время“; въ Москвѣ въ магазинѣ „Новаго Времени“ (Неглинный проѣздъ) и въ дни бѣговъ въ корреспондентской ложѣ у Г. Н. Брауна и въ провинціи (Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Саратовъ) въ магазинахъ „Новаго Времени“.

Отдѣльный №№ 20 коп.

Подписная цѣна 10 р. въ годъ, 6 р. на полгода и 4 р. на 3 м. съ перес. и дост. За границу 18 р., 10 р. и 6 р.

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

изд. Б. А. СУВОРИНА.

„Сто лѣтъ назадъ“.

Дневникъ Отечественной войны.
М. Чуприковъ.

Цѣна 2 рубля.

„Пиши“.

Пьеса Юр. Вѣляева.
Обложка худ. П. Д. Шмарова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Карикатуры Пэма.

Цѣна 1 рубль.

Городокъ

въ табакеркѣ.

Юр. Вѣляевъ.

Цѣна 1 рубль.

Около Болгарской войны.

А. Л. Пяленко.
Обложка Н. Кравченко.

Цѣна 1 руб. 50 к.

Забытыя русскія земли.

Бор. Горюховскій.

Съ 55 рисунками и 1 картой.

Цѣна 2 рубля.

Барышни Шнейдеръ.

Юр. Вѣляевъ. (Впечатлѣнія). 8 изд.

Цѣна 1 рубль.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

Контора склада изданій Б. А. Суворина, Невскій, 52 („Веч. Вр.“).

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

„АВТОМОБИЛЬНАГО СПУТНИКА“

«Вечерняго Времени» и Т-ва «Треугольникъ»

изд. Б. А. СУВОРИНА

РАСПРОДАНО.

Приступая въ непродолжительномъ времени къ выпуску второго, значительно дополненнаго и исправленнаго изданія (больше 120 маршрутовъ), Контора склада изданій Б. А. Суворина проситъ фирмы и лицъ, желающихъ помѣстить свои объявленія, направлять ихъ въ Контору объявленій Коэ (Петцгольцъ) Невскій, № 13, или въ Контору изданій Б. А. Суворина Невскій, 52 («Вечернее Время»). Подписка (2 руб. съ пересылкой) принимается исключительно въ конторѣ изданій Б. А. Суворина (Невскій, 52) «Вечернее Время».

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXXIII.

Знаю, чую я,—
Притаилась ты, что въ травѣ змѣя.
Каждый мигъ, что врагъ,
Сторожить мой шагъ,
Гибель вѣрную для меня тая...
(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

ВЕТЕРБУРГЪ встрѣтилъ Яшнева ноябрьскимъ ненастьемъ. Мокрый снѣгъ валилъ хлопьями и превращался въ грязное мѣсиво подъ ногами.

Два дня назадъ прибыло тѣло государя, и по улицамъ столицы прошло безконечное печальное и торжественное шествіе, съ гербами всѣхъ областей, съ представителями частей сложнаго государственнаго дѣла, съ глазетовой лентой духовенства и хорами пѣвчихъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, съ блескомъ придворныхъ и военныхъ, несшихъ ордена и императорскія регалии, съ украшенными траурными попонами и страусовыми перьями конями, впряженными въ печальную колесницу, гдѣ въ дубовомъ гробу лежалъ царь, еще такъ недавно принимавшій къ сердцу всякую бѣду и радость своего стосорокамилліоннаго народа. А народъ стоялъ съ обнажен-

¹⁾ Продолженіе «Историч. Вѣстн.», т. СХХХVI, стр. 385.
«Истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. СХХХVI.

ными головами, гдѣ только могъ, куда его допустила полиція, и головы эти на всемъ пути, словно колосья на нивѣ, склонялись, привѣтствуя и его въ гробу, и всѣхъ его близкихъ, шедшихъ пѣшкомъ по осенней слякоти и ѣхавшихъ въ траурныхъ запряженныхъ цугами каретахъ... Вѣтеръ колебалъ черные хоругви и флаги на высокихъ увитыхъ трауромъ мачтахъ и гирлянды зеленой хвои, перекинутыя отъ обелиска къ обелиску, съ трогательными надписями, начертанными серебряными буквами на щитахъ, и огни въ уличныхъ фонаряхъ, окутанныхъ флеромъ, и пламя высокихъ факеловъ въ рукахъ пажей по сторонамъ процессіи... И не только на этомъ пути на виду, но и на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ каждая лачуга и посейчасъ была украшена своимъ траурнымъ флажкомъ—знакомъ участія въ общемъ русскомъ горѣ.

Яшневу съ вокзала велѣлъ ѣхать извозчику въ знакомую гостиницу, но ни въ ней, ни въ другихъ не нашлось свободнаго угла. Меблированныя комнаты были сплошь заняты съѣхавшимися изъ провинціи, а у отелей звучала иностранная рѣчь. То были депутаты со всей Европы, привезшіе вѣнки для возложенія ихъ на гробъ властителя страны, которую въ началѣ вѣка Наполеонъ назвалъ огромной льдиной, угрожающей катаклизмомъ цивилизаціи.

Устроившись наконецъ совершенно случайно, но довольно неудобно и дорого («Ничего! не надолго!») въ частной семьѣ, Алексѣй вымылся, переодѣлся и отправился къ главному учредителю акціонерной компаніи, барону Винкельштейну.

Въ швейцарской у вѣшалки онъ столкнулся съ господиномъ, тоже въ фуражкѣ горнаго вѣдомства. Оба они окинули другъ друга любопытно-подозрительнымъ взглядомъ, и фізіономія этого человека показалась Яшневу и неприятной, и нѣсколько знакомой. Точно онъ видѣлъ его гдѣ-то, можетъ быть, и на Уралѣ, а вѣрнѣе—въ общей массѣ студентовъ-горняковъ въ аудиторіяхъ или чертежныхъ института.

«Пронюхалъ, видно, гдѣ пахнетъ золотомъ!» подумалъ Яшневу и поднялся наверхъ. Господинъ остался внизу...

Въ монументальномъ кабинетѣ моренаго дуба, гдѣ со спинки каждаго кресла и стула покровительственно нависала надъ головой посѣтителя нелѣпая деревянная полка, словно защищая отъ возможности быть убитымъ внезапно обрушившимся потолкомъ, только что поминалось имя Яшнева.

Оба компаніона и инициатора дѣла, баронъ изъ евреевъ и обрусѣвшій англичанинъ, убѣждали третьяго, несомнѣнно, русскаго, коренастаго, почти квадратнаго человѣка, съ глубоко сидѣвшими умными глазками, что Яшнева они ждутъ съ часа на часъ, а потому входитъ въ переговоры съ новымъ инженеромъ нѣтъ ни надобности, ни возможности.

Но Петръ Ивановичъ убѣждалъ и Якова Борисовича, и Андрея

Васильевича, что дѣло требуетъ не одного, а двухъ довѣренныхъ лицъ, и въ концѣ концовъ буркнулъ сквозь выпяченныя губы:

— Неужто да за тѣ полтора милліончика, что я въ предпріятіе вамъ съ товарищами моими вляпаю, я даже своего человѣка поставить права не имѣю? Сговаривались съ тѣмъ, поговорите и съ моимъ, можетъ, мой-то еще лучше подойдетъ... Не кто-нибудь, а генераль, и край тотъ на зубокъ знаетъ... А наконецъ, коли вы за вашего ужъ такъ держитесь, раздѣлите имъ должность пополамъ, и все тутъ! Умъ хорошо, а два лучше. Поневолѣ другъ друга и провѣрять будутъ!

— Пфай!—процѣдилъ баронъ, фамильярно похлопывая вырѣзанныхъ на ручкахъ кресла львовъ по оскаленнымъ зубамъ,—по семи съ половиною тысячъ? Да кто же на такое мизерное положеніе въ такую страну поѣдетъ, гдѣ полгода солнца не видываютъ?

— Да и къ чему намъ второго?—прибавилъ Смитъ.—Двоевластіе въ такомъ дѣлѣ пользы не дастъ. Навязывать помощника намъ даже невыгодно и лучше, какъ и обусловлено въ контрактѣ, предоставить Яшневу право самому подыскивать себѣ людей. По крайней мѣрѣ, онъ самъ тогда за все отвѣчаетъ.

— Э, батюшка, контрактъ—контрактомъ, а контроль—контролемъ. Безъ контроля за тридевять земель мало ли какъ васъ эти помощники облапошить помогутъ, аппетиты у господъ инженеровъ извѣстные... А тутъ чуть что—и мамочка-телеграммочка. Ну-съ, я ужъ не прошу, а настаиваю—подумайте тутъ, а мнѣ на панихиду пора.

Онъ всталъ и, перевалившись грузнымъ животомъ, какъ-то сбоку сунулъ ладонь дощечкой каждому изъ компаньоновъ.

— Напрасно и совѣмъ, говорю, напрасно связались съ нимъ,—произнесъ баронъ, запирая за вышедшимъ двери и опуская плюшевую портьеру.—У русскаго настоящаго купца интеллигентнаго понятія для веденія гешефта не ищите... Ему бы только за прилавкомъ стоять и аршины мѣрить. Надо было меня слушать и капиталъ за границей брать. Тамъ никто со своимъ носомъ намъ бы не надобдалъ...

— Вы забываете, баронъ, что намъ было въ министерствѣ поставлено условіемъ, и почему вамъ въ ожиданіи полученія концессіи пришлось перемѣнить вѣру, а мнѣ подданство... Капиталъ долженъ быть вложенъ русскій, и только русскій...

— Пфай!.. то было тогда, а теперь?—Онъ цинично размѣялся.

Въ двери постучались. Лакей внесъ на подносѣ карточку. Баронъ прочелъ ее и передалъ Смигу.

— Яшневъ?!—обрадовался англичанинъ.—Не надо по крайней мѣрѣ посылать денешн!

— Пока... я думаю, мы все же-таки промолчимъ себѣ о предложеніи Петра Ивановича?..

— Какъ хотите, баронъ, я въ это не вмѣшиваюсь,—отвѣтилъ Смитъ.

— Легокъ... легокъ, какъ пухъ, на поминѣ!—обратился Винкельштейнъ любезно къ вошедшему Яшневу, протягивая мягкую, какъ подушка, руку.—Мы только что о васъ говорили. Ну, какъ дѣла! Вотъ какая надъ нашей бѣдной родиной бѣда случилась! Что будетъ съ нами теперь?—что будетъ! Такого императора, такого русскаго, чисто-русскаго царя судьба похитила! Бѣдная Россія! Бѣдный народъ!..

Яшневъ поддакнулъ и заговорилъ о дѣлѣ.

— Подождите, помилуйте! Развѣ теперь такое время? Мы съ вами русскіе вѣрноподданные!

— Да, но я все-таки очень желалъ бы узнать хоть приблизительный срокъ подписанія окончательнаго контракта. Вы должны понять, что для меня это вопросъ далеко не пустячный.

— Онъ еще менѣе пустячный для насъ, какъ вы можете себѣ думать,—пикированно возразилъ баронъ:—но до похоронъ государя императора Александра III никакихъ засѣданій быть не можетъ. Потому посмотрите всюду, во всѣхъ министерствахъ полный застой, людямъ не до дѣла, и вовсе никому неизвѣстно, кто останется министромъ. А если министръ будетъ другой, то и вездѣ и во всемъ взглядъ тоже будетъ другой. И тогда, не проиграемъ ли и мы, если теперь будемъ торопиться? Лучше подождать... Никто не можетъ сказать навѣрное, куда повернется судьба нашей страны, куда мы должны идти будемъ. Быть можетъ, ни одинъ пунктъ договора измѣненъ не будетъ, а могутъ намъ приказывать и все условіе снова переработать и концессіей, несмотря на откупленные заявки, намъ только носъ утирать захотятъ!..

Раздосадованный Яшневъ перевелъ глаза на Смита, ожидая отъ него чего-нибудь болѣе утѣшительнаго, но англичанинъ упорно глядѣлъ въ стѣну. Алексѣй Игнатьевичъ, видя, что и отъ него не добиться толку, распрощался, оставивъ свой адресъ.

— Что-нибудь да есть!—рѣшилъ онъ, надѣвая пальто.

Инженера уже не было, да онъ о немъ и забылъ. Но въ душѣ шевельнулось подозрѣніе, что изо всей затѣи врядъ ли толкъ выйдетъ... Неужели опять искать новое мѣсто?.. Вотъ ужъ вышло бы нехстати, именно теперь!..

Онъ кликнулъ извозчика и поѣхалъ наводить обѣщанную Лизѣ справку.

Баронъ не солгалъ. Въ эти дни народнаго горя официальная жизнь замерла, и хотя люди и посѣщали мѣста службы, но дѣла стояли. Никто не могъ сказать, какъ перетасуются главныя фигуры министерствъ и какой оборотъ сдѣлаетъ правительственное колесо. Одна полиція проявляла кипучую дѣятельность, слѣдя за поряд-

комъ на улицахъ, переполненныхъ народомъ, и организовавъ поминальные обѣды на сорокъ тысячъ бѣдняковъ.

Поэтому и то учрежденіе, которое блюдетъ законы вѣры и вопросы нравственности, казалось въ этотъ день особенно мертво и архаично.

Въ пріемной было пусто. Только за однимъ изъ столовъ какой-то сѣрый человѣкъ, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица и въ сѣромъ пиджакѣ строчилъ, скрипя перомъ по желтоватой бумагѣ. Дежурный сторожъ клевалъ носомъ на стулѣ у дверей направо. Заслышавъ энергичные шаги по паркету, онъ вскочилъ и вытянулъ руки по швамъ...

Яшневъ подошелъ къ окну и сѣлъ на одинъ изъ жесткихъ стульевъ, разставленныхъ на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга...

— Вамъ справочку?—подошелъ къ нему сторожъ, осторожно ступая и колебля фалды длиннополаго не по росту сюртука.

— Да, справку.

— Вы изъ духовныхъ? Пожалуйте направо... А если изъ свѣтскихъ—налѣво-съ.

Яшневъ перешелъ налѣво...—«Овцы и козлища», мелькнуло у него.

— Съ супругою развестись?—устремилъ на просителя стеклянный взглядъ унтеръ.

— Напротивъ, я жениться хочу!—повелъ тотъ нетерпѣливо плечомъ.

— По брачной, значить... По родству, вѣрно... Какъ о васъ доложить?

Яшневъ вынулъ карточку. Церберъ, все такъ же раскачивая фалды, осторожно заглянулъ въ дверь сосѣдней комнаты и исчезъ...

— Обождать придется... господинъ секретарь на докладѣ...—заявила сѣрая личность и вдругъ снялась съ мѣста и подняла оброненную Алексѣемъ Игнатьевичемъ другую визитную карточку.

— Пожалуйте-съ, это ваше...—вручилъ онъ ее по принадлежности, окинувъ зоркимъ мышинымъ глазкомъ.

Яшневъ поблагодарилъ и принялся ходить изъ угла въ уголь...

Безнадежная унылость казенной комнаты навѣвала тоску и не предвѣщала ничего утѣшительнаго. Отъ скуки Яшневъ прочелъ объявленія на стѣнѣ «овець» о свободныхъ просфорническихъ вакансіяхъ въ епархіи, на стѣнѣ козлищъ—о правилахъ представленія необходимыхъ для развода документовъ, поглядѣлся въ зеркала въ обоихъ простѣнкахъ, полюбовался на обѣ печки и на оба образа въ углахъ (странно,—всего по двое!) подошелъ къ окну, потомъ къ другому, къ третьему, пропустилъ глазами паровикъ пыхтящей конки и вдругъ почему-то сталъ еще глубже убѣжденъ, что его присутствіе здѣсь не только безцѣльно, но наивно,—и все-таки, въ силу

даннаго Лизѣ слова, не могъ заставить себя выйти и уѣхать... Онъ сознавалъ, каковы бы ни были жизненные обстоятельства, развѣ въ этихъ формальныхъ стѣнахъ могло быть какое-нибудь человѣческое отношеніе къ просителю? Формальные люди на формальныхъ и жесткихъ стульяхъ на самые вопіющіе вопли притиснутыхъ судьбою могли только скрипѣть жесткими перьями и писать на сухомъ и формальномъ языкѣ: «нельзя... незаконно... не подлежитъ утвержденію...»

Изъ двери, куда скрылся сторожъ, высунулось чье-то плечо въ форменномъ фракѣ, и черезъ минуту съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой вышелъ чиновникъ вмѣстѣ съ бѣлокурнымъ и плотнымъ адвокатомъ со значкомъ.

— Какъ я и говорилъ... безъ документа объ осѣдлости самъ Константинъ Петровичъ безсилень,—произнесъ чиновникъ.— Кстати, какъ нашли вы вчера его?.. Мы очень были встревожены катастрофой съ его поѣздомъ, но, слава Богу, онъ отдѣлался однимъ испугомъ...

— Что же это... стрѣлочникъ или предумышленіе?

— Вы думаете?.. О нѣтъ! во всякомъ случаѣ случайность... Но, конечно, все-таки странно: передъ проходомъ царскаго поѣзда!.. Имѣю честь кланяться...—они разстались, адвокатъ ушелъ.

— Это вы—господинъ Яшневъ?—обратился чиновникъ къ Алексѣю, окидывая его строгимъ взоромъ и мѣняя любезный тонъ, которымъ только что говорилъ съ извѣстнымъ адвокатомъ, на сухой и начальнической. — Чѣмъ могу служить? Мнѣ передали вашу карточку... Секретарь въ синодѣ на докладѣ.

Яшневъ вполголоса изложилъ свое дѣло.

— Помилуйте,—пожалъ плечами чиновникъ:—но мы не въ Палестинѣ, это только по еврейскимъ законамъ полагается возстановить сѣмя брата... Мы же православные, и наша церковь отнюдь такихъ браковъ не допускаетъ?..

— Но если похлопотать?

— Чтобы тѣмъ вѣрнѣе попасть подъ уголовщину?..

— Значить, мое дѣло скверно?

— Не только скверно, но безнадежно-съ, и вы рискуете большими неприятностями, господинъ Яшневъ! Имѣю честь кланяться...

«Деревяшка! Ну, не былъ ли я правъ, что и обращаться не стоило!» думалъ Алексѣй, сунувъ двугривенный въ раскрытую за подачкой ладонь цербера, выскочившаго проводить его на лѣстницу.

Онъ шелъ по панели къ развѣзду конки, какъ вдругъ за нимъ раздалось:

— Господинъ Яшневъ...—послушайте!..

Въ допотопной шинели его догоняла сѣрая личность.

— Что такое? Откуда вы меня знаете?..—обернулся Алексѣй.

— Знаю-сь, а откуда?—мы вмѣстѣ сейчасъ въ консисторіи были.. Я, слушать не желая, слышалъ, о чемъ вы того, въ вицъ-мундирѣ спрашивали... Эхъ, сударь!—не туда вамъ обращаться слѣдовало... И карточку свою имъ напрасно дали-сь... Да-сь!—по опыту говорю, напрасно... Теперь имя ваше знаютъ, священниковъ оповѣстятъ... да-сь! И даже тотъ изъ Н—ской церкви, что за деньги брата на родной сестрѣ вѣнчать готовъ, за ваше дѣло не возьмется, потому о немъ нынче уже провѣдали, и ему на хлѣбъ да воду въ кельѣ садиться не захочется... Да-сь! не оттуда начали.

— Такъ откуда же надо было?

— А вы бы по газетамъ,—вотъ, гдѣ ходатаи печатаются, къ кому-нибудь и заглянули бы... Тамъ бы вамъ живо попка согласнаго назвали, а такъ вы дѣло сгубили. Да-сь!

Яшневъ прищурился и оглядѣлъ еще разъ сѣрую фигуру.

— Ну, а если я васъ мнѣ такого попа назвать попрошу,—сколько это встанетъ?

Фигура оглядѣла его, словно оцѣнивая его костюмъ и внѣшность.

— Бѣленькой не пожалѣете?... Ась?..

— Не дорого ли?..—усмѣхнулся онъ.

— Помилуйте! Да ни одинъ ходатай дешевле бы не взялъ! Какое. Сотню бы спросилъ, не менѣе... Только тутъ говорить неудобно-сь...

— А кто мнѣ поручится, что вы меня не обморочите?

Сѣрый человѣчекъ посмотрѣлъ на него и прошелъ въ ворота во дворъ.

— Да мнѣ лично вы всего не давайте, а тому, кого назову вамъ,—на мое имя оставьте... Онъ передастъ мнѣ... Пожалуйте сюда... въ подъѣздъ...

— А если обманетъ?—спросилъ Яшневъ, входя въ подъѣздъ безъ швейцара...

— Кто? онъ? А какая же выгода ему обмануть меня? Вѣдь о немъ тотчасъ разнесется, что онъ шуллерничаетъ... Ему не съ руки... Мнѣ теперь только пятерку дайте, а остальное онъ дастъ...

— А если я спуллерничаю?

— Невыгодно и вамъ... Я вѣдь имя-то ваше и званіе знаю... Мало ли какъ повредить могу.

Онъ снова ослабился. Яшневу сдѣлалось и жутко, и гадко. Онъ вынулъ бумажникъ и досталъ пять рублей.

— Ну-сь? говорите!—Онъ презрительно смотрѣлъ на сѣраго человѣка, казавшагося еще сѣрѣе и непригляднѣе въ скудномъ освѣщеніи темноватой и грязноватой лѣстницы.

— Это не здѣсь, это за городомъ, три съ половиною часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Станція Х., село У., отецъ Петръ Неряжскій...

— А на чье же имя я деньги оставить долженъ?

— Скажите,—для Филатушки... онъ знаетъ...

— А если я раздумаю и не поѣду?

Филатушка хитро ухмыльнулся.

— Полноте... поѣдете... А не поѣдете, все равно разыщу...
Счастливо оставаться и поклонъ отцу Петру...

Они вышли и сразу разошлись.

На другой день въ девять часовъ утра Яшневъ уже сидѣлъ въ вагонѣ. Было холодно, пасмурно, и бѣлый паровозный дымъ стлался длинными космами по кочкамъ окрестныхъ болотъ и заиндивѣлымъ жнивьямъ.

На душѣ было смутно. Досада на акціонеровъ все хуже разыгрывалась. Кунктаторы этакіе!—пятый мѣсяцъ тянутъ переговоры! Да и настоящая поѣздка казалась неинтересной и даже унижительной. Образъ Филатушки вызывалъ чувство гадливости и жуткаго сознанія, что его судьба зависитъ отъ подобнаго человѣческаго неподобія... Что бы сказала Лиза, узнавъ, по чьему совѣту онъ ѣдетъ теперь уговариваться о вѣнчаніи?

«Во всякомъ случаѣ о подробностяхъ писать не стану... Оно вѣрнѣе...»

Онъ вынулъ газеты, которыми запасся на дорогу, и погрузился въ чтеніе. Столбцы были полны трогательными подробностями о царской кончинѣ, о прибытіи на похороны представителей всевозможныхъ государствъ, и какъ-то странно мелькали между ними постороннія сообщенія, словно нарушавшія настроеніе, о томъ, что въ Небраскѣ въ Америкѣ горятъ преріи, что во Франціи арестованъ по подозрѣнію въ измѣнѣ капитанъ Дрейфусъ, что съ эллинга на Галерномъ островѣ спущенъ новый броненосецъ «Петропавловскъ», что, воюя съ Китаемъ, «25-го октября въ устьяхъ рѣки Ялу японцы подъ командою фельдмаршала графа Ой-я-мы приблизились къ бухтѣ Талиенвань въ шестидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Портъ-Артура и высадили 20,000 войска» и «лондонскимъ газетамъ пишутъ, что если японцы завладѣютъ Портъ-Артуромъ, то о китайскомъ флотѣ можно сказать тогда, что онъ когда-то существовалъ...»

«Удивительно, подумаешь, интересно, что желторожіе дерутся тамъ гдѣ-то, у чорта на куличкахъ, у какого-то Портъ-Артура. Намъ-то какое дѣло до этого! И гдѣ эти всѣ Ялу да Талиенвани?»

Онъ свернулъ газеты и сталъ снова глядѣть въ окно на облетѣвшіе унылые лѣса и безконечныя, щетинившіяся изъ-подъ талаго снѣга жнивья.

Унылой пеленой стлались тѣ же жнивья и вдоль дороги, по которой черезъ четыре часа везъ его едва добытый на станціи возница. Вѣтеръ гулялъ на просторѣ. Темныя, низкія тучи беспорядочно набѣгали другъ на друга и роняли мокрые хлопья липкаго снѣга. Яшневъ поднялъ воротникъ и раскрылъ зонтикъ, едва сдерживая

его коченѣющими руками. Навстрѣчу скакала телѣжка съ двумя сѣдоками, укрытыми одною рогожей, и обдала его цѣлымъ фонтаномъ грязи. Онъ выругался и обтеръ лицо сразу намокшимъ платкомъ.

Изъ-за поворота сквозь мглу неожиданно выросла ограда молодого сада, а черезъ дорогу обрисовалась небольшая, но удивительно изящная церковь.

— Вамъ въ усадьбу—обернулся къ Яшневу возчикъ,—или на заводъ?

— Мнѣ къ священнику.

— Къ отцу Пётрѣ? Такъ его сейчасъ нѣтъ... Это мы его какъ разъ встрѣли...

— Чортъ возьми! Да чего же ты мнѣ раньше не сказалъ?

— А я почему зналъ? Я думалъ, вы изъ акцизныхъ, на винокурню ѣдете...

На голоса открылась дверь сосѣдняго съ церковью домика, и выставилась голова повязанной платкомъ женщины.

— Да вы, сударь, не сумлѣвайтесь, къ намъ пожаловали, у насъ и обождите, отецъ Пётра къ вечеру непременно обернутся, вы вѣдь, поди, изъ Петербурга? Такъ вамъ все равно поѣзда вечерняго ждать придется... У насъ поѣзда рѣдки, время не дачное. Милости просимъ! Онъ у насъ увѣтливый!..

Пришлось остаться и воспользоваться приглашеніемъ матушки, выслушавъ еще разъ похвалу увѣтливости ея супруга. Время тянулось, какъ черепаха, и Яшневъ, чтобы убить его, прогулялся и по барской усадьбѣ, пустовавшей по зимамъ, но благоденствовавшей, благодаря винокуренному заводу, осмотрѣлъ и этотъ заводъ, и лѣсопилку, и скотный дворъ, успѣлъ, вернувшись, перелистать «Церковныя Вѣдомости» и «Ниву», а хозяина все еще не было. Наконецъ въ восьмомъ часу подкатила та же телѣжка, и матушка бросилась на крыльцо. Отецъ Пётра прибылъ, но въ такомъ видѣ, что только съ помощью работника и подослѣвшаго псаломщика могъ быть водворенъ въ горницу на клеенчатый диванъ.

— И что это съ мужемъ,—шепоткомъ оправдывалась передъ Яшневымъ матушка:—ума не приложу. Никогда такого съ нимъ отродясь не бывало!..

— Молчи, попадья! Чего ты корову осѣдлала?.. Жена да боится мужа... и... и... если внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется... Мы гонимы, но не оставлены...

Онъ икнулъ... потомъ зѣвнулъ, а черезъ минуту уже храпѣлъ.

Всю ночь проворочался Яшневъ въ отведенной ему комнатѣ. Утро еще не занималось, какъ, согласно обѣщанію, матушка постучала въ дверь.

Къ его величайшему удивленію, въ столовой за самоваромъ сидѣлъ самъ отецъ Пётра. Матушка дала мужу нѣсколько отойти, а потомъ разбудила нарочно вмѣстѣ съ гостемъ за полчаса до усло-

вленного срока и внушила, что гость издалека и не спроста. Остатки хмеля мигомъ сошли.

Яшневь былъ смущень. Говорить о дѣлѣ, столь ему близкомъ, съ человѣкомъ, котораго наканунѣ онъ видѣлъ въ такомъ униженномъ состоянїи, казалось ему невозможнымъ. Ни уваженїя, ни довѣрія не внушало обрюзгшее отъ вѣчной выпивки лицо, и онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою насилїе, чтобы протянуть руку, но подойти подъ благословенїе заставить себя не могъ.

— Чѣмъ служить могу?—обратился къ нему, какъ ни въ чемъ не бывало, хозяинъ, передавая налитый стаканъ чая.

Алексѣй Игнатьевичъ мысленно махнулъ на все рукою и сталъ рассказывать. Священникъ внимательно слушалъ, кусая кончикъ сѣдѣющей бороды.

— Знаю самъ, что дѣло наше, какъ мнѣ заявили и въ консисторїи, безнадежное, но неправымъ его все же считать не могу. Вѣдь если у насъ въ Россїи подобные браки законами разрѣшены лютеранамъ и католикамъ, то почему же православнымъ правиломъ церковнымъ они запрещаются?

— Почему—это дѣло отцовъ церкви, желавшихъ идеальной чистоты брака и пекшихся о потомствѣ здоровомъ. Ну, а у меня свои взгляды: лучше я благословлю будущее супружество даже вопреки существующимъ постановленїямъ, чѣмъ отрину приближающихся ко мнѣ чадъ православїя и толкну ихъ на стезю прелюбодѣянїя. А потому ничего противу вѣнчанїя во вѣренномъ мнѣ храмѣ не имѣю... Конечно, дешево съ васъ взять не могу. Разъ вы обращались въ консисторїю и имя ваше тамъ извѣстно, тамъ и насторожиться могутъ, ну, да не впервой! Только мой совѣтъ поторапливайтесь. До Филипповокъ времени въ обрѣзъ... Гдѣ невѣста ваша?

— Въ провинціи.

— Такъ почему же вы тамъ не вѣнчаетесь?

— Тамъ всѣ знаютъ насъ.

— А! ну, это дѣло другое... А какъ вы узнали обо мнѣ?

Онъ выпустилъ бороду и взглянулъ пристально на Яшнева.

— Отъ господина, назвавшего себя Филатушкой. И вотъ, батюшка, пожалуйста, возьмите двадцать рублей и передайте ихъ ему... Мы такъ условились!

Яшневь вынулъ бумажникъ и досталъ деньги.

Отецъ Петръ принялъ ихъ и пересчиталъ.

— Такъ-съ, вѣрно!.. Только расписочки не дамъ... Это такъ у насъ принято, все на вѣру, на слово, для осторожности, круговая порука. Итти на судъ, такъ ужъ и вамъ, и ему, и мнѣ... Это, значить, за рекомендацію. Теперь-съ другой расчетъ. Стоитъ вамъ вѣнчанїе будетъ три катеньки. Что, дорогонько? Только вы рассчитайте, во что бы при иныхъ обстоятельствахъ вамъ

пріѣхать, не теряя времени, отцу сообщилъ все подробно и откровенно.

«Знаю, что Лиза при ея оппортунизмѣ въ состояніи забить отбой и, пожалуй, даже вовсе отказаться отъ меня, а потому не говори ей о моемъ впечатлѣніи отъ всей этой исторіи, а просто убѣди ее выѣзжать сразу по полученіи письма. Каковъ бы ни былъ отецъ Петръ, но и всякій «увѣтливый и сговорчивый», при существующихъ церковныхъ ограниченіяхъ, будетъ врядъ ли его достойнѣе, и дѣло не въ человѣкѣ, совершающемъ таинство, а въ самомъ таинствѣ. Вѣнчаются же другіе при существующихъ условіяхъ и живутъ хорошо. Выѣзжайте всѣ трое, ты съ Лизой и Марусей 7-го, 8-го будете въ Петербургѣ, а 9-го въ среду мы обвѣнчаемся. Кирилловна можетъ пріѣхать попозже и пусть пока устраиваетъ дѣла съ домою. Умоляю еще разъ Лизу и тебя рѣшаться безъ колебаній и ѣхать сразу, отъ этого зависитъ все наше счастье... Жду! жду и жду!»

Былъ уже десятый часъ утра, когда на другой день утра онъ отправился въ главный почтамтъ для отсылки писемъ. На душѣ у него было очень скверно. Во-первыхъ, не проходила досада на барона и Смита и чуялось, что дѣло не сладится и тогда, гдѣ придется жить и какъ устроиться, пока не отыщется новое дѣло? А, во-вторыхъ, предстоящее близкое вѣнчаніе, несмотря на настойчивый тонъ въ письмахъ втайнѣ, не только не радовало, а съ каждой секундой тяготило все хуже. Въ самой глубинѣ души шевелилось чувство недовольства собою за это и казалось, что не слишкомъ ли онъ поторопился переустройствомъ своей жизни, не имѣя отвѣта отъ Винкельштейна...

«Эхъ, будь что будетъ!.. Все равно это вопросъ двухъ-трехъ недѣль... Во всякомъ случаѣ въ Горскъ я не вернусь, и по окончаніи похоронъ, когда все это развѣдется, устроимся временно здѣсь, а тамъ увидимъ...»

Было еще что-то на душѣ, точно онъ чего-то не сдѣлалъ, что хотѣлъ, но чего онъ никакъ вспомнить не могъ. Изъ почтамта онъ фланирующимъ шагомъ прошелъ къ Исакію, полюбовался на знакомый давно не виданный памятникъ Петра, а потомъ черезъ садъ вышелъ снова на Вознесенскій, позавтракалъ у Мишеля, направился по Морской подъ арку и вдругъ попалъ въ толпу, слѣдующую куда-то.

Это куда-то оказалось Дворцовой площадью.

Въ ту минуту, какъ Яшневу очутился у Главнаго штаба, широкія рѣзные ворота съ орлами во дворцѣ распахнулись, и оттуда верхомъ на вороныхъ коняхъ, покрытыхъ черными вальтрапами, показались четыре человѣка въ красивыхъ средневѣковыхъ одѣяніяхъ, съ развивающимися страусовыми перьями на черныхъ круглыхъ шляпахъ. У двоихъ отороченныя серебрянымъ позументами одежды были расшиты серебряными же орлами и перья были

черныя и бѣлыя; они держали въ рукахъ обвитые флеромъ серебряныя, увѣнчанныя золотыми орлами жезлы; на другихъ съ однимъ лишь чернымъ перомъ одежды были безъ орловъ и въ рукахъ у нихъ были бумажные свитки. За этими четырьмя всадниками выѣхали конногвардейцы въ блестящихъ латахъ, съ трубами впереди и построились за ними на площади передъ Александровской колонной.

Вмѣстѣ съ другими прибавившими шагу людьми Алексѣй Игнатьевичъ продвинулся впередъ, заинтересованный этимъ въ высшей степени эффектнымъ и неожиданнымъ зрѣлищемъ.

— Что это?..—спросилъ онъ какую-то рядомъ стоявшую чуйку.

— Герольты!.. о похоронахъ читать будутъ...

Трубачи приложили трубы къ губамъ... Конногвардейцы и кавалергарды взяли на карауль... Герольды эффектно подняли жезлы... Народъ обнажилъ головы...

— Тра-та-та-та-та-тамъ...—гулко пронеслось по площади, отдаваясь, словно повторяемое полукругомъ Главнаго штаба и сосѣдними зданіями.

Одинъ изъ секретарей рукой въ черной съ широкою крагой перчаткѣ поднималъ бумагу и громкимъ и внятнымъ голосомъ прочелъ:

«По Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества назначено быть 7-го сего ноября, въ 10¹/₂ часовъ утра, погребенію въ Петропавловскомъ соборѣ тѣла въ Возѣ почившаго благочестивѣйшаго великаго Государя Императора Александра Александровича»...

«Завтра?.. Господи, — мелькнуло у Яшнева: — а мое обѣщаніе Катенькѣ проститься съ Государемъ... Такъ закрутился съ дурацкимъ вѣнчаніемъ, что и слово свое забылъ. То-то меня все мучило».

Секретарь кончилъ чтеніе. Герольды опустили жезлы. Трубачи сыграли походъ. Раздалась команда. Люди въ странныхъ красивыхъ уборахъ на траурныхъ коняхъ, въ сопровожденіи сверкающихъ латами всадниковъ съ пиками, обогнули колонну съ ангеломъ и выѣхали подъ широкую арку, увѣнчанную колесницею. Народъ побѣждалъ за ними, крестясь и толкаясь.

— Слышь, сперва въ Аничковскій, а потомъ и въ другіе дворцы... а тамъ раздѣлятся.

Яшневъ пропустилъ толпу и сталъ нанимать извозчика въ крѣпость.

— А билетець у васъ имѣется?—спросилъ тотъ.—Иначе не попадете!..

— Нѣтъ!.. А развѣ надо?

— Вѣстимо... Вотъ заѣдемъ къ градоначальнику... я васъ обожду. Безъ билета и вовѣки не добратъся... Наши ребята ночи напролетъ дежурили. Что народу стоять и не счесть, потому всякому

охота проститься... Ужъ такой-то царь былъ,—одно слово—хозяинъ. И покойный Александръ Николаичъ, котораго злодѣи убили за то, что насъ освободилъ, хорошъ былъ, да и этотъ хлѣбъ нѣмцамъ продавать не далъ... Царство ему небесное...

Но въ градоначальствѣ билетовъ уже было не добиться. «Все роздано, — былъ отвѣтъ, — да и все равно не попадете... Сегодня однѣхъ депутацій что назначено... Когда еще постороннихъ впускать будутъ... Развѣ ночью...»

Несмотря на столь неблагоприятный отвѣтъ, Алексѣй все-таки рѣшилъ ѣхать.

«Попаду—все хорошо будетъ, а нѣтъ—не къ добру!»—загадалъ онъ, и на душѣ стало полегче.

Извозчикъ оказался правъ. Народу и пѣшаго и въ экипажахъ было видимо-невидимо. Кареты нескончаемой вереницей тянулись по всей Дворянской, теряясь въ Вульфовой, а толпа двигалась имъ наперерѣзъ вдоль рѣшетки Александровскаго парка. Яшневу сошелъ съ извозчика и только что собирался стать въ очередь, какъ, обгоняя его, появился полицейскій.

— Лучше бы разошлись, господа!.. Все равно раньше полуночи впускать не будутъ. Каждая пять минутъ сегодня рассчитаны. Панихидъ отъ депутацій безъ числа.

— Да вѣдь всѣ эти дни днемъ по билетамъ пускали?—возразили изъ толпы.

— Ну, а сегодня не будутъ... приказъ другой... Расходитесь, господа.

Яшневу поколебался,—до полуночи оставалось цѣлыхъ десять часовъ. Не проще ли пріѣхать передъ впускомъ и, заплативъ кому-нибудь, откупить мѣсто въ переднихъ рядахъ? За десять-пятнадцать рублей всегда найдется охотникъ. Онъ вышелъ изъ толпы и только что направился мимо Зоологическаго сада на Островъ, какъ вдругъ изъ проѣзжающей щегольской собственной пролетки его окликнули. Оказался Смитъ.

— Вы куда? Вотъ кстати... Поѣдемте со мною. У меня въ «Грандъ-отелѣ» свиданіе съ однимъ бельгійскимъ инженеромъ. Дѣльце хорошее наклеивается... Вы, какъ русскій, навѣрно хорошо говорите по-французски?

— Напротивъ, неважно!

— Все-таки навѣрно лучше моего... Садитесь!..

Сидя въ удобномъ экипажѣ, съ англійскимъ кучеромъ на козлахъ, Яшневу невольно позавидовалъ Смити... Вѣдь вотъ умѣютъ же люди устраиваться. А давно ли, по собственнымъ рассказамъ, онъ самъ чуть не въ лѣтнемъ пальто въ Сибирь поѣхалъ?..

То же чувство зависти и удивленія испытывалъ онъ и при переговорахъ за обильнымъ ленчемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана. Несмотря на убійственный французскій выговоръ Смита,

Яшневъ съ удивленіемъ услышалъ, что энергичный дѣлецъ, примазавшись къ одной изъ депутацій, не только успѣлъ побывать уже въ крѣпости, но и навести нужныя ему справки, интересовавшія, оказывается, весьма и весьма многихъ иностранцевъ-капиталистовъ о выгодахъ Сибирскаго, только еще строящагося пути. Но, въ противовѣсъ компаніи Винкельштейна, дѣло шло не о золотыхъ приискахъ, а о дѣвственныхъ лѣсахъ Пріамурья, которые бельгіецъ (а, можетъ быть, и еврей?) собирался арендовать для вырубки.

— Что это вы съ нимъ тоже въ кампанію вступите?—спросилъ по-русски Яшневъ, когда Смитъ, расплатившись, пожалъ ему руку и всталъ изъ-за стола, уставленнаго цѣлой батареей допитыхъ бутылокъ. Его коробило отъ этой циничной при немъ откровенности двухъ иностранцевъ, обсуждавшихъ предполагаемое предпріятіе, словно не допуская ни на минуту мысли, что русскіе могутъ не захотѣть уступить его въ чужеземныя руки.

— А почему же нѣтъ?—отвѣтилъ англичанинъ.

— А приски?

— Одно другому не помѣха... То на сѣверѣ, а это на югѣ... Да если бы даже и рядомъ, что за бѣда? Тѣмъ выгоднѣе было бы! Вы куда отсюда?—обратился онъ въ подъездѣ къ Яшневу.

— Пока домой, а ночью въ крѣпость...

— Не попадете!..

— Отчего?

— Хотите пари?—усмѣхнулся англичанинъ.—Я ужъ знаю... Я три раза пытался и попалъ, только благодаря депутаціи.

— А я все-таки поѣду... Я далъ себѣ слово, что попаду.

— Напрасно! я говорю вамъ, ничего не выйдетъ.

Онъ поклонился и исчезъ за угломъ.

У Яшнева слегка кружилась голова отъ вина, а на душѣ зашевелилась еще большая неприязнь къ Смиуту за его предсказаніе.

«Сами мы виноваты, они всѣ за дураковъ насъ считаютъ. Развѣ иностранецъ, нѣмецъ или французъ, позволилъ бы при себѣ обсуждать вопросъ объ эксплуатаціи роднаго предпріятія? А я только глазами хлопалъ да слушалъ, какъ Смитъ угощалъ того черномазаго: «Бьюе! да бьюе!..»

Около одиннадцати часовъ вечера онъ направился на Петербургскую сторону. Его все сильнѣе, именно на зло Смиуту, тянуло сдержать слово отцу, и, кромѣ того, мучилъ страхъ, что вдругъ онъ не попадетъ въ соборъ и, слѣдовательно, изъ его затѣи, какъ онъ загадалъ, ничего не выйдетъ...

Вдоль парковой рѣшетки стояла все та же упорно терпѣливая толпа.

Какъ ни казалось просто откупить себѣ мѣсто, но Яшневъ на это рѣшился не сразу. Кого намѣтить? Къ кому обратиться? Онъ медленно шелъ вдоль вереницы стоявшаго въ четыре ряда народа.

Наконецъ онъ приглядѣлъ старушку въ порыжѣвшей и обвислой шубкѣ и съ обтертой муфтой, въ которой она грѣла свои посинѣлые кулачки.

— Уступите мнѣ ваше мѣсто,—предложилъ онъ, подойдя вплотную и протягивая красную бумажку.

— Благодаритель выискался! пріѣхалъ всѣхъ позже и за деньги впередъ пролѣзть собирается,—обрѣзала стоявшая рядомъ барышня.

— Ну, такъ что же!—взѣлась старушонка.—Не тебѣ предложили, такъ тебя зло беретъ? Становитесь, батюшка, я и впрямь озябла...

— А коль озябла, такъ и проваливай! мѣстомъ не торгуй!—раздалось изъ толпы.

— Да не все ли равно?—попробовалъ возразить Яшневъ,—она или я? Вѣдь лишняго человѣка впереди черезъ то не прибавится?

— Нѣтъ, прибавится!—послышалось уже нѣсколько голосовъ.— Кто усталъ—уходи, а другихъ, что не меньше стояли, впередъ пропускай. А ты съ вѣтра взялся, и на-те, козыремъ впереди всѣхъ пройдешь!

— Ни въ жисть не пустимъ, братцы!.. Тоже стряпуху, а еще форменная фуражка! Такое дѣло, души касающееся, сказать,—люди послѣдній долгъ государю воздать пришли, а онъ за деньги мѣсто откупаютъ... Здѣсь не тятръ... Мѣста не продажныя... Не ложи...

— Да и въ тятръ не всякая ложа всякому вхожа!—поддакнулъ сосѣдь.

Услышавъ такой согласный отпоръ, Яшневъ свернулъ въ сторону. Вслѣдъ ему раздалось:

— Отчалилъ!.. скатертью дорога!..

Но онъ старался не вслушиваться. Настроение его было совершенно разрушено. Онъ закурилъ, чтобы успокоиться, но явилась поневолѣ мысль, стоитъ ли становиться опять въ очередь, такъ какъ вереница людей все удлинялась и конецъ снова терялся гдѣ-то во мглѣ ноябрьской ночи. Однако, зная себя, онъ предвидѣлъ, что именно потому, что онъ загадалъ и поставилъ, такъ сказать, всю свою судьбу въ зависимость отъ удачнаго выполненія даннаго отцу и памяти брата обѣщанія, онъ, для полнаго душевнаго равновѣсія, долженъ пересилить себя и стать на мѣсто.

«И Лизѣ будетъ спокойнѣе... Ей легче будетъ начинать новую жизнь, если испрошено будетъ отпущеніе прошлаго... Да, наконецъ, вѣдь это своего рода подвигъ послушанія... обѣтъ... а всякое исполненіе подобнаго обѣта и должно быть сопряжено съ извѣстными затрудненіями... Иначе въ чемъ же будетъ искупленіе?..»

Онъ снова перешелъ на правую сторону проспекта и разыскалъ хвостъ толпы, и только что всталъ на мѣсто, какъ уже за нимъ встали и другіе, и еще, и еще .. безъ конца...

— Который это часть?—спросилъ стоявшій впереди старичекъ въ дворянской фуражкѣ.

Словно въ отвѣтъ куранты въ крѣпости мелодично пропѣли половину.

— Полчаса двѣнадцатаго?.. Ну, черезъ минутъ двадцать и впускать начнутъ,—продолжалъ старичокъ... Нынче затагнули... Ужъ больно много депутацій впускали. Опять что вѣнковъ повезли. А только думается много и такого народа перебивало, что при жизни, ой-ой, какъ государя осуждали...

— Да каково-то теперь будетъ!—вздыхнулъ кто-то.

— Что жъ и отъ молодого мѣсяца свѣтло бываетъ!—возразилъ старичокъ.—Богъ грѣхамъ русскимъ еще терпитъ... Авось слуги неправые за умъ возьмутся и сыну хорошо послужать, гдѣ отцу лукавили.

— Держи карманъ шире!—возразилъ челоуѣкъ въ синемъ кафтанѣ.

— На комъ креста нѣтъ, тому что за дѣло, кого онъ продаетъ, отца или сына?.. Хапаешь, гдѣ можетъ... Царь-то нашимъ былъ, народъ простой жалѣлъ, нѣмцевъ не баловалъ... Вонъ, говорятъ, какъ его везли, мужики изъ-за сотень верстъ приходили вдоль всего пути, почитай, по рельсамъ стояли, чтобъ хоть издали на поѣздъ посмотрѣть... Въ одномъ мѣстѣ со своимъ попомъ пришли и такъ просили начальство, что поѣздъ остановили и для нихъ панафиду тутъ же отслужить позволили и вагонъ съ гробомъ открыли...

— А въ Москвѣ, слыхали, домъ Захарына, доктора-то, государя вылечить не сумѣвшаго, чуть не разнесли?

— И по дѣломъ!..

Двѣ молоденькія дѣвушки разговаривали о перевезеніи тѣла государя, о латникахъ въ золотыхъ и черныхъ латахъ.

— Одинъ жизнь обозначалъ, а другой смерть... Оба такіе души. Золотой верхомъ гарцуетъ и мечъ у него кверху блеститъ, а другой весь черный, мечъ опустилъ, грустный-грустный пѣшкомъ идетъ.

— Рыцарь печальнаго образа!—вздыхнула вторая.—А я, знаешь, все на пажей глядѣла,—идутъ они, на нихъ брюки-то бѣлыя, грязь-то такъ и хлюпаешь, а имъ ни по чемъ, держатъ себѣ свои факелы... Я вѣдь, къ столбу прицѣпившись у академіи, такъ на фонарѣ и провисѣла... Посейчасъ руку ломить.

— Да ужъ и красиво было и такъ за сердце хватало!—вздыхнула пожилая женщина.— Народу-то, народу кругомъ гроба... И генералы кисти держать отъ балдахина...

У Яшнева отъ этихъ разговоровъ понемногу проходило скверное настроеніе. Нервы начали успокаиваться, и ему все сильнѣе хотѣлось испросить прощеніе брату-близнецу и проститься съ тѣломъ государя...

Наконецъ толпа всколыхнулась. Начался выпускъ. Сразу люди устремились впередъ. Задніе давили переднихъ. Послышались вскрики и взвизги женщинъ, руготня сосѣдей и пикировка. Поднимаемые почти на воздухъ напиравшей сзади толпой, болѣе слабые теряли въ грязи галоши, роняли въ лужи палки и зонтики, но подбирать ихъ было невозможно подъ рискомъ быть смятымъ и раздавленнымъ. За ворота крѣпости пропускали «по порціямъ», и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, толпа снова останавливалась и топталась на мѣстѣ.

Яшневъ терпѣливо подвигался черепашьимъ шагомъ впередъ. Давно въ окнахъ деревянныхъ домовъ вдоль Александровскаго парка погасли лампы, и деревья казались еще чернѣе, и мгла еще непрогляднѣе, а онъ все-таки не дошелъ даже до площади Троицкаго собора, едва виднаго сквозь туманъ, откуда по прежнему медленно двигались кареты съ зажженными огнями фонарей.

Ни ѣсть, ни пить не хотѣлось. Всѣ чувства обратились въ одно желаніе—скорѣе попасть за ворота на крѣпостной дворъ. Весь міръ со всеми остальными людьми и интересами куда-то отошелъ. На свѣтѣ были только вотъ эти близъ стоящіе и терпѣливо топчущіеся по грязи мастеровые, швейки, мелкіе чиновники и скромныя барышни, отставные военные и купчихи, всѣ поглощенные тѣмъ же интересомъ, стремившіеся столь же напряженно подъ шпиль съ высоко рѣющимъ въ воздухѣ невидимымъ въ темнотѣ ангеломъ съ крестомъ.

А тамъ, подъ осѣняемымъ имъ куполомъ, затаютыя чернымъ сукномъ стѣны съ драпировками, обшитыи серебряными позументами и бахромою, уходили въ глубокой мракъ. Одинокими звѣздочками блестяли въ немъ только лампы подъ коронами на гробницахъ ранѣе погребенныхъ царей и царицъ. Тѣмъ свѣтлѣе было подъ парчевымъ балдахиномъ, увѣнчанномъ шапкою Мономаха. Безчисленныя свѣчи высокихъ золоченыхъ подсвѣчниковъ отражались въ шитьѣ мундировъ и радугами играли на алмазахъ скипетра, державы и государственнаго меча и на шести коронахъ царствъ, разложенныхъ на табуретахъ. Какъ изваянные, стояли на дежурствѣ сановники и военные чины. Въ головахъ гроба, по бокамъ высокаго аналоя съ евангелиемъ, два дьякона со свѣчами свѣтили читавшему надъ усопшимъ священнику. Его старческій голосъ одинъ нарушалъ благоговѣйную тишину, и ликъ Нерукотворнаго Спаса—приношеніе народной любви—отвѣчалъ ему надписью: «Блаженныи миротворцы, яко тѣи сынами Божіими нарекутся...»

Звено за звеномъ безшумно ползла мимо колоннъ, увѣнчаныхъ до капителей отовсюду присланными [вѣнками, цѣль прощавшагося народа. Преклонивъ колѣна, всходили люди на красныя ступени помоста и прикладывались къ золотой иконкѣ на скрещенныхъ, недавно еще столь могучихъ и добрыхъ, а нынѣ исхудалыхъ и во-

сковыхъ рукахъ Царя, почивавшаго въ вѣнцѣ и порфирѣ, которую завтра передъ закрытіемъ крыши уложить въ гробу собственно-ручно его державный сынъ.

Брезжило утро, когда Яшневъ остановился при входѣ на Иоанновскій мостъ, и вдругъ изъ воротъ за прошедшимъ съ очередью старичкомъ въ дворянской фуражкѣ отъ кучки полицейскихъ отдѣлился приставъ и, приложивъ руку къ козырьку, громко и внятно обратился къ толпѣ:

— Господа, впускъ прекращень! Потрудитесь разойтись.

Цѣлый хоръ возмущенія, протестовъ и жалобъ раздался въ отвѣтъ. Обѣ барышни, болтавшія о латникахъ, даже разрыдались. Нѣкоторые изъ публики вступили въ рѣзкія пререканія, но полиція была изысканно вѣжлива и непреклонна, и въ ворота никого не пропустила, построившись передъ ними.

— Расходитесь, расходитесь, пожалуйте, господа,—неукоснительно любезно просили околоточные.

Зато городовые свирѣно повторяли:

— Расходитесь же! Аль не слышите? Чего толкаетесь!..

Приходилось уходить. Яшневъ весь похолодѣлъ.

«Что же это? неужели пророчество?»

Если бы онъ это предвидѣлъ, то протиснулся бы за старикомъ... Смитъ попалъ, а онъ...

Волна безсильной злобы подступила къ горлу и стѣснила дыханье. Его знобило. Взявъ на площади перваго попавшагося извозчика безъ торга, онъ поѣхалъ домой.

— Глухости!—пробовалъ онъ утѣшить себя:—просто случайность, и бабство придавать ей значеніе... Недоставало еще суевѣрнымъ стать!

Но въ душѣ былъ именно суевѣрный страхъ... Отъ голода или отъ него въ зломъ предчувствіи сосало подъ ложечкой?..

XXXV.

Какъ грозный отзвукъ лихолѣтій
Упалъ ударъ... другой за нимъ
И третій пробилъ... Чась мой третій,
То ты пришелъ, неумолимъ!
Зоветь не судъ синедріона,
Не приговоръ другихъ людей,
А голосъ тайнаго закона
Безстрастной совѣсти моей...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

На другой день Алексѣй Игнатьевичъ проснулся съ тяжелой головою. Его и ночью, или, вѣрнѣе, утромъ давилъ кошмаръ во снѣ, точно хлипкіе пальцы Филатушки и жилистыя руки отца Пѣтра сжимали горло, и оба они требовали денегъ, чтобы пропустить его въ соборъ. Но онъ отвѣчалъ: «мѣста не продажны!» рвался изъ

ихъ клещей и все-таки не двигался ни на шагъ впередъ... А сзади Зоя Владимировна рассказывала о латникахъ и пажахъ... и тоже требовала денегъ и кричала: «не пускайте... не пускайте...».

Отъ первой же выкуренной въ постели папирасы голова освѣжилась, но впечатлѣніе ночной неудачной попытки исполнить данный въ душѣ обѣтъ оставалось...

«Удивительно,—точно судьба преслѣдуетъ брата даже въ могилѣ и не даетъ возможности исправить и хоть чѣмъ-нибудь искупить его вину...».

День былъ морознѣе предшествовавшихъ и на улицахъ казалось суше. Яшневу одѣлся и вышелъ... Куда?... Кругомъ было почти безлюдно... Онъ вспомнилъ, что сейчасъ идетъ отпѣваніе Государя и его опять потянуло къ крѣпости.

«Посмотрю съ набережной на салютъ», рѣшилъ онъ и нанялъ извозчикá къ Зимнему дворцу.

Надъ гранитными стѣнками, опоясавшими свинцовую, разошедшуюся ото льда изъ-за ненастья рѣку, чернѣли плотные ряды людей. Отъ Зимней канавки по другую сторону проѣзда стояли новые ряды, исчезая въ Мошковомъ переулкѣ. Это толпились люди, отправлявшіеся на даровой поминальный отъ двора обѣдъ въ павловскихъ казармахъ.

Не желая толкаться, Яшневу сталъ на приступку у электрическаго фонаря посреди улицы, гдѣ уже стояли дама съ мужчиной.

— Здѣсь нельзя,—обратилась къ нимъ сѣрая форменная фигура:—сойдите!

Алексѣй ощутилъ снова приливъ злобы и хотѣлъ хорошенько отгрызнуться, какъ дама его перебила:

— Отчего это нельзя? Мы стоимъ выше дороги и ровно никому не мѣшаемъ, а потому никуда отсюда не тронемся.

Мужъ тоже только пожалъ плечами и не двинулся съ мѣста.

Полиція, успѣвшая за эти дни убѣдиться, что столичная публика весьма самостоятельна и чинна, а также уже освѣдомлена, будто не всѣ полицейскія мѣры заслуживаютъ высочайшее одобреніе за ихъ чрезмѣрную строгость и излишнюю хлопотливость, стусевалась.

Яшневу усмѣхнулся про себя:

«Молодецъ барыня!.. отшла фараона. А вѣдь Лиза навѣрно сошла бы!» промелькнуло у него тутъ же невольное.

— Простите!.. позвольте и мнѣ здѣсь пристроиться!—раздался голосъ рядомъ.

Алексѣй обернулся. Высокій студентъ въ формѣ технолога, неуклюже ступая въ галошахъ, взгромоздился на бетонную площадку.

Яшневу посторонился и оглядѣлъ его. Тотъ тоже вскинулъ на него сѣрые глаза и наморщилъ лобъ, словно припоминая что-то.

Раза два они встрѣчались взглядами, и каждый разъ юноша вспыхивалъ нѣжнымъ румянцемъ, свойственнымъ только рыжеватымъ людямъ. Видно было, что лицо его невольнаго сосѣда сильно смущаетъ и интригуетъ его.

Алексѣй Игнатьевичъ не выдержалъ и, повернувъ студенту спину, сталъ разглядывать толпу у Зимней канавки. Это была совершенно другая толпа, чѣмъ на небережной. Здѣсь не было ни модныхъ жакетовъ, ни щегольскихъ мужскихъ и военныхъ пальто, ни чукъ и кафтановъ, а какія-то прикрышки, утратившія и цвѣтъ, и фасонъ; толпились и дѣти, и подростки, и женщины съ грудными младенцами, и мужчины. Всѣхъ одинаково привлекало не столько кушанье, сколько возможность унести съ собою и приборъ—жестяную кружку и деревянную ложку съ государственнымъ гербомъ, получаемыя на память. Позади всѣхъ, уступая другимъ дорогу, стоялъ высокій человѣкъ въ линючемъ подрясникѣ съ обтрепаннымъ, висѣвшимъ бахромою подоломъ, опиравшійся на сучковатую длинную палку. Онъ стоялъ спиною къ Яшневу и неотступно глядѣлъ на крѣпость, изрѣдка и медленно крестясь. Его кудлатая голова почему-то показалась Алексѣю знакомой.

А толпа у перилъ жужжала, какъ облѣпившій вѣтви пчелиный рой. Слишкомъ долгое и напряженное ожиданіе невольно разсѣивало, и на лицахъ мелькали улыбки. Молодежь, а въ особенности дамы, обмѣнивались впечатлѣніями. Молодцоватый околоточный, сдѣлавшій замѣчаніе Яшневу и его сосѣдямъ, весело шутилъ, приударяя слегка за хорошенькой барынькой. Она тщетно становилась на носки и вытягивала шею, чтобы разглядѣть, на что смотрять передніе ряды.

— Не вытяните себѣ горлышка, сударыня,—говорилъ полицейскій.—Да и смотрѣть нечего! Все одно, какъ пушка въ полдень. Развѣ вы никогда видѣть не извоили? Бумсъ—и дымъ...

И дѣйствительно, въ ту же секунду съ зеленаго еще верка крѣпости сверкнулъ снопъ огня и, застилая дымомъ свинцовую воду, перекатился выстрѣлъ.

Барынька вздрогнула. Полицейскій разсмѣялся и вдругъ испуганно обернулся.

— Хоть бы шапки сняли да лбы бы перекрестили, вѣдь царя въ могилу опускаютъ!—раздался за нимъ громкій, внятный голосъ дамы, стоявшей у фонаря.

Спѣшно сдернувъ барашковую шапку, перекрестился струсившій, пойманный на мѣстѣ преступленія, околоточный. Точно волна перекатилась и по народной толпѣ. Одна за другой обнажались головы, и тысячи рукъ замелькали въ воздухѣ, творя крестное знаменіе.

На тотъ же внятный голосъ обернулась и кудлатая голова человѣка въ подрясникѣ. Его рука поднялась для креста и вдругъ

замерла въ воздухѣ. Онъ разомъ весь повернулся къ группѣ у фонаря, осѣнилъ себя, наконецъ, крестомъ и медленно направился къ ней, продолжая крестить воздухъ передъ собою, словно отгоняя нечистую силу.

— Степанъ Шемаевъ!—пробормоталъ студентъ.

Яшневъ удивленно обернулся.

— Вы его знаете?

— Помилуйте, какъ же не знать! Я изъ Горска, а онъ сынъ нашего городского головы, впрочемъ, теперь не сынъ, а братъ.

— А вы кто же такой сами?

— Я—Евграфовъ... Можеть, слышали? А вы тоже горскій?

Но въ эту минуту высокая фигура въ подрясникѣ уже стояла около нихъ.

— Аминь! аминь!... Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его,—шептали синія губы, а глаза, не отрываясь, въ упоръ глядѣли на Алексѣя.—Отыде, сатана!.. Разсыпсья... Не хочешь? Кто же ты? видѣнье или человекъ? Почему пришелъ сюда, принявъ его образъ въ такой часъ? Али убѣдиться захотѣлъ, что еще новаго царя схоронили? Отыди! Отыди! не мѣсто тебѣ здѣсь!

Яшневъ сразу поблѣднѣлъ, но потомъ взялъ въ руки себя и слегка усмѣхнулся Шемаеву:

— Полно, Степанъ Захаровичъ! Мертвецы не воскресаютъ и по Петербургу даже и въ такіе знаменательные часы не расхаживаютъ. Вы меня за покойнаго брата принимаете! Я не Василій Яшневъ, а его братъ—Алексѣй.

Дама съ любопытствомъ наблюдала эту сцену. А съ верковъ гремѣли и перекатывались выстрѣлы.

Смущенный Шемаевъ глубоко вздохнулъ и виновато исподлобья еще разъ оглянулъ Яшнева. Нѣсколько времени они стояли молча рядомъ.

— Простите!—пробормоталъ, наконецъ, Степанъ:—о васъ я дѣйствительно позабылъ... мы такъ давно съ вами не видались. Вы никакъ ни разу, какъ ученье кончили, у насъ и не бывали въ Горскѣ?

— Зато теперь прожилъ тамъ цѣлыхъ два мѣсяца!—отвѣтилъ Яшневъ.

— Одни?

— Нѣтъ, съ отцомъ и невѣсткою.

Степанъ еще удивленнѣе оглянулъ Яшнева. Его обвѣтренное лицо, съ сизоватымъ налетомъ былого непробуднаго пьянства, вдругъ преобразилось и словно похорошѣло.

— Съ невѣсткою... Съ Елизаветой Ивановной?

— Съ Елизаветой Ивановной,—повторилъ Яшневъ:—и съ дочкой ея Маріей Васильевной.

— Жива?.. Здорова?.. Вернулась?..

Степанъ схватилъ Алексѣя за руку и захлебнулся, видимо, съ трудомъ подыскивая слова.

— Да! Развѣ вамъ не писала ваша матушка объ ихъ возвращеніи и о смерти Александры Николаевны Сотовой, тетушки Елизаветы Ивановны?

— Нѣ-нѣтъ!.. Я... я писемъ изъ дома съ весны не получалъ... Нарочно... пока не заслужу... Я все лѣто на Валаамѣ пробылъ. Меня туда отецъ Иоаннъ... Сергіевъ... Кронштадтскій направилъ, чтобы отъ всякаго соблазна и искушенія оградить. А теперь я съ послѣднимъ парходомъ сюда пріѣхалъ... въ Кронштадтъ собираюсь, жду, куда новый путь мнѣ пастырь укажетъ... Теперь ему не до меня и мнѣ подобныхъ... Царь его къ себѣ позвалъ... Буду ждать, куда пошлетъ, когда къ паствѣ своей вернется... А вы тутъ надолго?

— Не знаю,—дѣла покажутъ!

— А потомъ, значить, въ Горскъ обратно? Да? Такъ вотъ что...

Онъ оглянулся на стоявшаго все еще рядомъ Данилу и вдругъ, сдвинувъ брови, выпучилъ глаза и сдѣлался вновь отвратительно-страшнымъ.

— А ты чего тутъ наушничаешь? Даже въ Питерѣ горскимъ людямъ отъ вашего хамова рода не укрыться? Брысь отсюда, пащенокъ холопій!

Данила такъ и вспыхнулъ.

— Извольте не забываться! Вы съ ума спятили! Извольте сейчасъ же извиниться, а не то я къ полиціи обращусь!

— Ну, ну! Я-те обращусь! Смотри, какъ бы самому въ охранку не угодить... А извиниться... Шалишь, братъ! не доросъ, и родомъ не вышелъ, чтобы Шемаевъ передъ тобою извинялся. Говорю тебѣ: брысь!.. А коли не хочешь, такъ и стой столбомъ у фонаря, только смотри, его не перераста, да въ оба гляди, а то еще дышломъ тебѣ на лбу свой засвѣтятъ. А мы и безъ тебя мѣсто для разговора отыщемъ.

Онъ отошелъ съ Яшневымъ къ Эрмитажу.

— Послушайте, когда вы вернетесь, когда снова увидите ее,—выраженіе его лица стало опять мягкимъ, почти дѣтскимъ:—скажите ей, что я хотя и негоднымъ человѣкомъ сдѣлался, но теперь съ помощью Божіей и заступничествомъ молитвенника русскаго, отца Иоанна, пить бросилъ и на послушаніи у него, и иду, куда онъ пошлетъ, и дѣлаю, что онъ укажетъ,—но если я ей хоть на самую ничтожную услугу гожусь,—пусть только пальцемъ поманитъ, я всегда и на все готовъ ради нея. Пожалуйста, скажите! Не забудете? нѣтъ? А брату и маменькѣ тоже кланяйтесь... Какъ у нихъ, все по-хорошему? Да?

— Кажется!—отвѣтилъ озадаченный Яшневъ.

— Ну, а теперь простите, иду на поминки, у меня билетъ взять. А то опоздаю!

Онъ застучалъ палкой по торцовой мостовой и затерялся въ толпѣ отхлынувшаго отъ перилъ народа.

Съ флагштока крѣпости медленно сползъ черный траурный флагъ. Черезъ минуту надъ Невой развѣвался обыкновенный гюйсъ.

По набережной, съѣзжая съ Троицкаго моста, понеслись экипажи. Околоточные и городовые стояли снова на своихъ постахъ, управляя движеніемъ. По вновь наведенному Дворцовому мосту шель съ музыкой какой-то полкъ, и странно рѣзали слухъ веселыя уханья мѣдныхъ трубъ сразу послѣ мрачнаго настроенія похороннаго дня...

За Невую, среди богатаго собора въ стилѣ рококо еще лежали груды вѣнковъ и слѣшно украшалась временная глазетовая гробница, новая среди другихъ старыхъ бѣломраморныхъ съ неугасимыми лампадами. Въ высокомъ куполѣ надъ Мономаховой шапкой парчевой сѣни, съ каймою изъ гербовъ всѣхъ областей и губерній русскаго царства, таяли послѣднія струйки ладана, сливаясь съ ароматомъ увядающихъ цвѣтовъ.

Церемоніймейстеры и камергеры слѣдили за отправкой во дворецъ императорскихъ регалій, въ алтарѣ разоблачалось духовенство. Обойщики стояли наготовѣ, чтобы снимать со стѣнъ траурныя ткани.

Началось новое царствованіе...

.....
 Прошло еще два дня. Впечатлѣніе отъ неожиданной встрѣчи съ Шемаевымъ, словно обвинившимъ его въ злодѣяніи брата, еще не улеглось, и нервы у Яшнева слегка пошаливали. А тутъ и изъ Горска не приходило никакихъ извѣстій, и это начинало не на шутку тревожить его. Неужели гаданіе стало дѣйствительно сбываться? Такъ скоро?...

Словно въ подтвержденіе 9-го, въ среду вечеромъ, ему подали депешу изъ дома:

«Пріѣхать нельзя, Маруся больна. Фатеръ».

«Этого еще не хватало!—подумалъ Алексѣй Игнатьевичъ, комкая ни въ чемъ неповинную бумагу, точно желая раздавить вставшее непредвидѣнное препятствіе.—Какъ же быть? Вѣдь задатокъ отцу Пѣтрѣ уже данъ?»

Онъ долго стоялъ въ недоумѣніи.

«Что же дѣлать теперь? Черезъ пять дней начинается рождественскій постъ и до 7-го января вѣнчаться нельзя...»

Вчера онъ снова встрѣтилъ на Невскомъ Смита, и тотъ сказалъ, что министры остаются всѣ на своихъ мѣстахъ, а потому задержки быть не можетъ, и на ближайшихъ дняхъ они, вѣроятно, подпишутъ контракты со всѣми впередъ договоренными лицами и соберутъ общее собраніе всѣхъ заявившихъ согласіе вступить въ компанію. Значить, и ему уже не придется вернуться въ Горскъ, а надо будетъ, въ свою очередь, заключать условія съ намѣченными имъ служа-

щими и готовиться въ дальній и отчасти даже опасный путь, обдумывая каждую мелочь, предвидя всякое затрудненіе. Удастся ли обвѣнчаться въ январѣ—не произойдетъ ли какой перемѣны и съ отцомъ Пётрой? Все можетъ быть... вся жизнь полна случайностей... Не случайность развѣ и эта болѣзнь дѣвочки?.. Да, да! глупѣйшая случайность, которую надо преодолѣть и устранить.

Неужели Лиза не можетъ довѣрить дочь отцу и Кирилловичѣ и уѣхать на два дня сюда, только чтобы продѣлать эту комедію съ вѣнчаніемъ? Сутки ѣзды... нѣсколько часовъ въ Х., а тамъ онъ отпустить ее домой обратно, пока не поправится Маруся настолько, чтобы привезти и ее въ Петербургъ. Неужели бракъ не важнѣе здоровья? Вѣдь почти недопустимо, чтобы за столь кратковременное отсутствіе непременно произошло ухудшеніе? И что у нея? Наверно, Лиза, по своей педантичности и преувеличенному чувству долга глядитъ на эту дѣтскую болѣзнь слишкомъ мрачно. Если дать депешу сейчасъ, то завтра, 11-го, она можетъ выѣхать и быть здѣсь 12-го въ субботу, а 13-го или даже 14-го—вѣнчаютъ до четырехъ часовъ—можно и обвѣнчаться... Деньги... ну, это пустяки... Смитъ дастъ!..

И онъ отправился на почту и телеграфировать:

«Выѣхать необходимо... Приѣзжайте немедленно. Черезъ день можно вернуться. Прошу отвѣтить, когда будетъ».

На другой день къ вечеру пришелъ отвѣтъ:

«Быть не могу, у Муси дифтеритъ».

Какъ ни подыскивалъ себѣ утѣшеніе Алексѣй, какъ ни призывалъ все хладнокровіе, ни старался убѣдить себя, что дѣлать нечего и надо покориться, но досада на судьбу, а главное на Марусю, явившуюся причиной столь неожиданной помѣхи, и на Лизу, жертвующую имъ ради дочери, не давала ему покоя.

Что же это, значить, и въ будущемъ, гдѣ бы ни столкнулись ихъ интересы, онъ будетъ на второмъ планѣ?.. Гдѣ же это любовь жены? Неужели материнское чувство самое преобладающее въ женщинѣ? Любовь, или, вѣрнѣе, инстинктъ самки къ дѣтенышу?..

Послѣдніе дни, въ ожиданіи отвѣта отъ Лизы, у него все яснѣе складывались картины изъ наступающей женатой жизни. По контракту онъ обязанъ пять лѣтъ прослужить компаніи и за это время можно будетъ, при свойственномъ, конечно, Лизѣ благоразуміи, расквитаться съ Зоей Владимировной, а тамъ... Развязанныя руки... И если раньше фантазія рисовала ему идеаломъ—комфортъ и уютъ казенной квартиры на заводѣ, съ ея тепломъ и свѣтомъ семейнаго благополучія, умиряющими нервы послѣ сырости и грохота золотопромывальни и мрака и духоты шахтъ, то теперь запросы ея становились все шире и ярче.

Разговоръ въ «Грандъ-отелѣ» не выходилъ изъ головы, и прински въ Якутской области являлись теперь лишь переходною ступеню

къ дальнѣйшему и полнѣйшему благосостоянію въ другихъ болѣе благодатномъ климатѣ и условіяхъ... Тамъ онъ этимъ иностранцамъ докажетъ, что и русскіе умѣютъ быть энергичными и налаживать дѣла и свою жизнь...

Но послѣ второй телеграммы позолота этихъ плановъ мигомъ слиняла. Отъ роскоши Востока будущаго обиталища, соединеннаго со всеѣмъ комфортомъ Запада, остался лишь розовый домишка въ глуши уѣздной улицы и какія-то будничныя и все-таки непреодолимыя препятствія сѣренькаго существованія, изъ котораго никакъ не выбиться... Подлая рутиня!.. проклятое болото!

Онъ проворочался всю ночь, и на утро всталъ осунувшійся и желтый. Его квартирная хозяйка, женщина въ соку, воспылавшая къ нему съ первой же минуты, какъ онъ позвонилъ у ея дверей, каждый день сама по утрамъ приносила ему чай. И сегодня, разодѣтая въ новое, нарочно ради него купленное сиреневое матинэ, она постучалась и вплыла, неся на подносѣ стаканъ и хлѣбъ, но такъ и обмерла.

— Боже мой! да вы больны... Я пошлю въ аптеку... или хотите доктора?

— Ничего не хочу! оставьте меня въ покоѣ!—буркнулъ Яшневъ, чуть не прибавивъ громко совѣтъ отправиться къ чорту, какъ вдругъ его взглядъ упалъ на лежавшій на томъ же подносѣ конвертъ, надписанный рукою барона. «Ждемъ васъ ровно въ двѣнадцать часовъ сегодня...» стояло въ письмѣ.

— Слава Богу, хоть что-нибудь!..

XXXVI.

Есть пещера подъ скалою,
Въ глубинѣ стоитъ дворецъ.
Тамъ волшебницею злою
Счастье спрятано въ ларецъ.
Только тотъ, кто съ дѣтства вѣру
Въ сердцѣ чистою сберегъ,
Можетъ ходъ найти въ пещеру
И открыть въ ларцѣ замокъ.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.),

А Марусѣ было дѣйствительно очень плохо.

Какъ ни скрывали отъ нея переменъ въ отношеніяхъ матери и дяди Леши, но она сама догадалась обо всемъ. Съ самаго отъѣзда Алексѣя Игнатьевича она особенно пытливо заглядывала въ лицо Лизы, и та, ловя на себѣ этотъ пристальный взглядъ, невольно краснѣла и спрашивала:

— Чего это ты такъ уставилась на меня?

— Право, такъ, мамочка, сама не знаю.

Попробовала она допытать дѣда, но тотъ притворился полнымъ ничегонепонимайкой, тогда она принялась за Кирилловну, и въ тотъ вечеръ, когда старушка мыла ее въ ваннѣ на кухнѣ, и онѣ остались совершенно съ глазу на глазъ, Маруся вдругъ огорошила ее вопросомъ:

— Кирилловна, почему это мама замужъ не выходитъ?

— Что ты, матушка! никакъ бѣлены попробовала! съ чего это тебѣ вотчимъ понадобился? Славу Богу, дѣдушка да дяденька родные вмѣстѣ съ нами живутъ, а ей еще чужого мужчину въ домъ захотѣлось!—и старушка стала неистово скрести когтистыми пальцами ея потемнѣвшую отъ воды головку.

— Зачѣмъ чужого? Пусть мама за дядю выходитъ.

— Да ты никакъ, мать моя, ей-ей, очумѣла! Что мама—басурманка, что ли, чтобы за деверя, почитай, что за брата родного, итти? Стыдно такіе пустяки болтать... Да и не дѣло вовсе въ твои годы о свадьбахъ думать. Твое дѣло книжки, а у тебя вонъ что въ головѣ.

И Кирилловна облила ее холодной водой.

— Ну, вотъ, пустяки! Ты подумай, какъ чудно было бы,—мы бы никогда съ дядей не разстались! Онъ поѣхалъ бы въ Сибирь, и мы съ нимъ.

— Благодарю покорно! Что мы каторжане нешто, чтобы насъ въ Сибирь ссылали?

— Да тамъ не одни каторжане, а всякіе люди живутъ.

— А мы не всякіе, и ты пустяковъ не болтай. Намъ некуда бѣжать. Славу Богу—домъ въ городѣ, вотчина своя, а мы въ Сибирь покатымъ. Дяденька поѣдетъ, разбогатѣетъ и къ намъ вернется. Вотъ тогда у насъ житье настоящее пойдетъ. Аренда къ тому времени кончится, станемъ снова хозяйствовать, какъ при покойницѣ бабушкѣ, царство ей небесное!

И старушка начала фантазировать, рисуя вслухъ тѣ картины, которыя такъ ярко вставали въ ея воображеніи въ длинныя зимніе вечера и безсонныя ночи.

Была ли на этотъ разъ небрежна Кирилловна, или слишкомъ дуло въ старой кухнѣ, пока вытиралась послѣ ванны Маруся, но на другое утро у нея разболѣлось горло. Дѣвочка не любила нѣжничать и перемогалась два дня, а на третью ночь проснулась отъ удушья.

Переполохъ произошелъ общій. Игнатій Львовичъ сразу растревожился. Видъ обложеннаго сѣрою пленкою горла былъ слишкомъ характеренъ, и глаза опытнаго врача сразу поставили діагнозъ. Всѣ мѣры были приняты...

«Прививку!» мелькнуло у него, когда всѣ онѣ оказались тщетными.

Новый способъ борьбы съ болѣзною, уносившей до тѣхъ поръ безчисленныя жизни, только что вошелъ въ употребленіе. Среди

ночи бросился дѣдъ въ аптеку за сывороткой, но, увы! ея не оказалось. Средство было новое и весьма трудно получаемое. Выругавъ нѣмца такъ, что тотъ спросонья даже не одѣнилъ хорошенько тонкости докторскаго діалекта, Игнатій Львовичъ вернулся на свою вышку и зарылся въ груды старыхъ записокъ.

— Черти, дьяволы!—ругался онъ, перевертывая истрепанныя страницы.—Ну, да! diphtheria... Даваль! даваль!—прочелъ онъ о квасцахъ... Не помогаетъ... И это даваль... calî chloricî... Новость, подумаешь... Геній какой отыскался!... Лимонъ?... удивительно!.. Ляписъ не помогаетъ, а они про лимоны пишутъ.

Онъ спустился внизъ. Былъ десятый часъ утра. Пришла почта и два письма отъ сына, ему и Лизѣ. Читая свое, старикъ забормоталъ:

— Свадьба? какая тамъ свадьба сейчасъ? Подожди, дай Муську спасти!

И, забывъ всякую осторожность, заговорилъ шепотомъ съ Лизой о предположеніи Алексѣя ѣхать немедленно для вѣнчанія въ Петербургъ.

Какъ ни томилась въ жару Маруся, но она ясно разслышала, что мать отвѣтила: «Какая же свадьба теперь! Развѣ мнѣ до этого!» а дѣдъ возразилъ: «Если попъ согласенъ вѣнчать васъ теперь, то и въ январѣ не откажется, а потому ты не волнуйся, а я Лешѣ телеграмму дамъ...»

День шелъ томительно. Каждые полчаса Марусю будили, заставляли полоскать горло. Вечеромъ принесли дѣпешу. Сквозь полузакрытыя вѣлки Маруся видѣла, какъ дѣдъ передалъ ее Лизѣ и какъ та читала ее, закусивъ губы и заслоняя рукою свѣтъ.

— Что мнѣ дѣлать? Не могу же я?.. Вы понимаете... это выше силъ...

— Оболванился Лешка, вотъ и все! Понятно, что нельзя. Такъ и отвѣтимъ. Только ты не волнуйся, еще сама свалишься...

Опять забытье и новое пробужденіе отъ спазмы въ горлѣ. Сколько времени прошло,—Маруся не помнитъ. Ей очень нехорошо. Дышать больно, такъ больно, что хочется крикнуть, но силъ нѣтъ, да и кричать нечѣмъ, воздуху нѣтъ... Она видитъ, у матери глаза полны слезъ... Еще бы! вѣдь ей надо ѣхать туда, къ дядѣ Лешѣ, тамъ ждетъ священникъ... Кирилловна говорить вздоръ,—вѣнчаться можно... но мать не отходить отъ нея... Маруся мечется, протягиваетъ руки, чтобы обнять мать за шею, шепнуть ей на ушко: «поѣзжай! скорѣе поѣзжай, а то дядя разсердится!» но ея больной мозгъ уже претворяетъ мысли въ грезы, и ясно видятся какіе-то люди въ церкви и священникъ. Всѣ они ждутъ маму, чтобы вѣнчать ее. «Какъ вѣнчать?» Маруся видѣла вѣнчаніе только на картинахъ, но оно рисуется ей такимъ свѣтлымъ, наряднымъ, торжественнымъ... И вдругъ мамы нѣтъ... вмѣсто нея входитъ дру-

гая дама, высокая, въ темномъ... А кругомъ всѣ знакомые—Сѣвскіе, Нерадовы, Мика. Онъ идетъ прямо къ Марусѣ и даетъ ей персикъ изъ коробки Еремѣя...

— Вотъ скушайте, пора...

Она давится косточкой... Все трещить... церкви нѣтъ... только еще худшая боль въ горлѣ, и дѣдушка вливаетъ ей въ ротъ что-то такое противное... Маруся приподнимается и чувствуетъ непреодолимый припадокъ тошноты...

Рвота... и еще разъ рвота...

— Слава Богу! слава Богу!—слышитъ она.—Не надулъ старый другъ... Горло... покажи горло!—говорить дѣдушка.

Маруся за эти дни такъ часто показываетъ горло, что совершенно машинально открываетъ ротъ, какъ больная птичка. Игнатій Львовичъ безъ церемоніи вставляетъ ей ложку и подноситъ свѣчку. Мать держитъ обѣими руками ея голову.

— Все сошло... чисто! Хорошо! молодецъ Муська... Ну, пополющи еще... Вотъ такъ... Что, легче?

Дѣвочка блаженно улыбается... Конечно, легче! Это косточка отъ Микина персика помогла... А вѣнчаніе?

Она открываетъ глаза и, въ упоръ глядя на мать, говорить:

— Мама, теперь я совсѣмъ здорова! Поѣзжай вѣнчаться, а то дядя Леша ждетъ и уже вошла другая дама...

Дѣдъ машетъ обтертой ложечкой.

— Это бредъ... Ничего, спи, Мусичка! Это она о свадьбѣ государя вспомнила.

Маруся уже спитъ крѣпко. Она не видитъ, какъ выходитъ дѣдъ, замыкая за собою дверь, какъ сидѣвшая у ногъ ея постели мать безшумно поднимается съ кресла и опускается на колѣни... Еще недавно стеклянные всегда во время молитвы глаза полны горячей любви и льютъ крупныя слезы, глядя въ уголь на образъ Марусинаго ангела, а губы шепчутъ:

«Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!.. И если за это исцѣленіе Тебѣ нужно мое личное счастье,—возьми его, Господи! Но сохрани мнѣ ее, мою дѣточку!..»

Выздоровленіе Маруси было однимъ сплошнымъ блаженствомъ. Весь домъ наперерывъ ухаживалъ за нею, и если бы она потребовала птичьяго молока, то, навѣрно, и его сумѣли бы раздобыть для нея. Вопросъ о переселеніи изъ Горска совершенно забылся. Во всякомъ случаѣ пока объ этомъ не могло и возникать рѣчи; надо было дать окончательно оправиться больной. А тутъ еще и отъ Ольги, къ довершенію благополучія, пришло письмо, повергшее и Кирилловну и ее въ полный восторгъ.

«Милая Лизочка,—писала съ Кавказа Нерадова,—иду на вы!.. Готовьте мнѣ достойный приѣмъ. Дѣло вотъ въ чемъ: болѣзнь и

смерть государя такъ плачевно отразилась на сборахъ, что касса оказалась совершенно пуста, и милѣйшій нашъ директоръ, надѣвъ шапку-невидимку, сѣлъ на коверъ-самолетъ и исчезъ безслѣдно, бросивъ трупъ на произволъ судьбы. Къ сожалѣнiю, онъ захватилъ и скатерть-самобранку, потому что тѣ, передъ которыми мы сидимъ въ «Центральной гостиницѣ», покрыты не блюдами съ изысканными яствiями, а только пятнами отъ соусовъ и жаркихъ, събѣденныхъ, увы, другими! Мое положенiе еще козырное,—есть что заложить, но у бѣдныхъ вторыхъ ролей и дублеровъ рѣшительно «ни шпинта», какъ выражается мой лейбъ-адыютантъ изъ поручиковъ здѣшней артиллерiйской батареи. Сидѣть и ждать у моря погоды—неинтересно. Врядъ ли что въ нынѣшнемъ сезонѣ наклюнется, а потому не откажи приютить меня недѣлки на четыре. Хочу отдохнуть подъ твоимъ уютнымъ кровомъ, а тамъ, пожалуй, махну и за границу, а то эта жизнь въ провинци, гдѣ меня знаютъ и считаютъ обязанностью звать на ужины съ шампанскимъ,—одно обалдѣнiе. Весною хочу попытаться добиться дебюта въ Петербургѣ на Марининской сценѣ, а для этого нужно серьезно подготовиться... Завтра даю концертъ въ пользу товарищей, а то не могу себя представить, какъ выберется отсюда половина изъ нихъ: кромѣ старой одежки на плечахъ да истрепанныхъ нотныхъ партiй,—ничего ровно, а у второго тенора жена только что родила!.. Я и то поклонниковъ своихъ подковываю, какъ могу, и ѣзжу въ рестораны, потому что за ужиномъ удобнѣе стянуть съ нихъ хоть нѣсколько на поддержку нашихъ горемыкъ. Вчера нарочно держала пари съ однимъ изъ здѣшнихъ толстосумовъ на пятьдесятъ рублей. Выиграла и отдала въ общую кассу. Отвѣтъ мнѣ сейчасъ же, согласна ли ты на мое нашествiе? Прошу приюта и у Маруси,—вѣдь домъ ея?.. Цѣлую всѣхъ и совѣтую Кирилловнѣ приберечь для меня побольше сметаны. Привѣтъ твоему боперу и зятю. Надѣюсь, они будутъ благосклонны къ бродяжкѣ».

Отвѣтъ былъ, конечно, утвердительный, хотя и приходилось подумать, гдѣ помѣститъ лишнюю кровать въ тѣсномъ домѣ.

— Со мною, мамочка! Опять, какъ въ Колычевѣ!—просила Маруся.

Рѣшили уступить дамамъ обѣ верхнiя комнаты, а Игнатiя Львовича перевести въ спальню внизу.

Старикъ Яшневъ съ Елизаветой Ивановной поѣхали въ назначенный день встрѣчать Ольгу, но, къ величайшему своему удивленiю, въ дверяхъ вагона рядомъ съ нарядной, завернутой въ дорогую ротонду Ольгой Лиза увидала знакомую форменную фуражку съ синимъ бархатнымъ околышемъ. Сердце у нея чуть не выпрыгнуло:

— Леша! какими судьбами?

Она сдѣлала надъ собою большое усиліе, чтобы не выдать себя передъ Ольгой, а онъ крѣпко, крѣпко сжалъ, цѣлуя, ея руку и весело сказалъ:

— Представьте собѣ, я совершенно случайно познакомился съ моей сосѣдкой, и мы оказались попутчиками до самаго дома въ Успенскомъ переулкѣ.

— Ты-то какъ сюда попалъ?—обратился къ нему отецъ.

— Я?... просто соскучился и пріѣхалъ посмотрѣть на васъ.

— Надолго?

— Время покажетъ... Потомъ расскажу! Теперь надо выручать багажъ и дѣву Любушу.

— Не Любушу, а Любашу...—погрозила ему кокетливо Ольга:— не вздумайте ей, *prince Charmant*, куры строить, а то она вамъ по носу дастъ, ей не привыкать стать... Извини, Лизочка, я безъ спросу захватила и свою горничную, она вамъ не помѣшаетъ, а мнѣ ее рѣшительно некуда дѣвать было... Ахъ, какъ ты похорошѣла, Лиза! Ей-ей, ты помолодѣла на десять лѣтъ... совсѣмъ прежняя, только пелеринку институтскую надѣть! Что значить на родную почву тебя пересадили. Или это вы ей эликсиръ молодости прописали? Пожалуйста, Игнатій Львовичъ,—такъ кажется?—пропишите и мнѣ! Мнѣ еще нужнѣе! Вѣдь молодость на сценѣ гарантія успѣха!

Ольга говорила быстро и громко, явно щеголяя и нарядной шубой, и красивой наружностью и намѣренно обращая на себя вниманіе гулявшей на платформѣ публики, которая съ чисто провинціальною любознательностью оглядывала ея яркую плюшевую ротонду.

Лиза снова, какъ за границей, взяла себя въ руки, чтобы не подать виду, какъ неприличенъ былъ, по ея мнѣнію, пошибъ ея подруги. Больно было и то шутливое отношеніе, которое, видимо, усвоили себѣ и Ольга, и Алексѣй за шестичасовой переѣздъ въ одномъ купе.

«Неужели за такой короткій срокъ можно познакомиться до фамильярности?»

Любаша и сундуки Ольги тоже смущали. Куда помѣстить такую франтиху? Но Нерадова поняла ея смущеніе и тихо шепнула:

— Пожалуйста, стѣсняйся поменьше съ нею, она у меня чловѣкъ походный, нужно,—такъ и на полу заснетъ!

Несмотря на продолжавшуюся еще слабость, Маруся настояла, чтобы ей позволили ждаты у окна пріѣзда Ольги, но когда вмѣсто однѣхъ саней подѣхали двое и при свѣтѣ горѣвшаго на улицѣ фонаря она узнала фигуру Алексѣя Игнатьевича, строгій наказъ не выбѣгать въ сѣни былъ позабытъ, и Маруся стрѣлой сбѣжала съ лѣстницы.

— Тетя Оля... дядя Леша!..—почти визжала она, прыгая на мѣстѣ.—Отворяй же, Павлушка! Ахъ, Богъ мой, какой ты медвѣдь!

Съ разлета бросилась она на шею Ольгѣ и чуть не задушила ее.

— Муська! ты съ ума спятила! Маршъ отсюда! Или снова дифтерита захотѣлось?—окликнулъ ее дѣдъ.

— Дифтеритъ?—Ольга невольно отшатнулась.

— Не бойтесь, дезинфекція была полная...

Алексѣй Игнатьевичъ ласково поздоровался съ дѣвочкой, но ей показалось, что раньше его поцѣлуй былъ какъ-то горячѣе.

«Это онъ сердится, что мама изъ-за меня не поѣхала вѣнчаться!» Она виновато взглянула на Лизу и на дядю. Мать была, видимо, взволнована, и Алексѣй тоже. «Знасть или не знаеть тетя Оля? Нѣтъ, кажется, не знаеть... Ну, и я не скажу!»

Начался веселый срапашъ, обыкновенный послѣ приѣзда дорогихъ гостей, когда домашніе спѣшатъ угодить имъ, а тѣ моются и переодѣваются съ дороги и на ходу дѣлятся впечатлѣніями и поскорѣе достаютъ изъ чемодановъ привезенные подарки.

Маруся была на верху блаженства,—отъ Ольги она получила серебряный кавказскій поясъ, а отъ Алексѣя нарядную шапочку и муфту.

— Къ чему такое баловство?—шутливо упрекнула деверя Лиза.

— Я виновать передъ Муськой, потомъ расскажу!—отвѣтилъ онъ.

Это «потомъ» относилось къ той минутѣ, когда они останутся съ Лизой съ глазу на глазъ, и она нетерпѣливо ждала ея. Ей было непонятно, почему онъ тутъ? Означаетъ ли это немедленный отъѣздъ на мѣсто, или же разрывъ съ акціонерами? Но поднимать вопроса въ присутствіи Ольги не хотѣлось, а та не оставляла ихъ наединѣ и не отпускала отъ себя Лизы.

Къ ужину Нерадова появилась въ такомъ нарядномъ неглиже, что Кирилловна такъ и всплеснула руками:

— Королева! настоящая королева!

Шутки, смѣхъ, стрѣліяніе подведенными глазами и одуряющій запахъ согүloris'a и душистой пудры переродили атмосферу скромной столовой. Висячая лампа отразилась тысячами радужныхъ искръ въ сверкающихъ кольцахъ на изнѣженныхъ пальцахъ съ отточенными розовыми ногтями. Широкое кружево рукавовъ по минутно грозить зацѣпить рюмку или стаканъ или окунуться въ соусникъ. Новый взрывъ смѣха, еще веселѣе, еще задорнѣе. Даже Сима и Павлушка сдержанно фыркають, а мужчины совѣмъ разошлись. Лиза никогда не подозрѣвала, что ея свекоръ и женихъ могутъ принять такой тонъ съ женщиной. Ее онъ коробить. Она невольно хмурить брови, а Алексѣй, замѣтивъ это, нарочно подзадориваетъ

Ольгу и отпускаетъ такія шуточки, что Лиза только радуется Марусиному отсутствію.

Послѣ ужина дамы собираются наверхъ и прощаются, Алексѣй стремится поцѣловать руку Ольгѣ.

— Ни-ни! с'est fini! Сперва заслужите, а то я вонъ по Лизиному лицу вижу, что она нами недовольна. А я ни при чемъ! Я не начинала. Buono se-e-go!—поетъ она голосомъ шаловливой Розины.

— Buono sero!—отвѣчаетъ дѣланнымъ басомъ Алексѣй.

— Si signore!—отвѣшиваетъ книксенъ Ольга и, подобравъ обшитый густымъ рюшемъ шлейфъ, такъ что обнажаются ноги въ шелковыхъ чулкахъ со стрѣлками и шитыхъ блестками туфляхъ, быстро взбѣгаетъ по лѣстницѣ.—Addio... Ad-di-o!...—поетъ она на площадкѣ и, держа свѣчу, какъ Джильда въ «Риголетто», мѣрно останавливается на каждой ступенькѣ второго марша.

— Бой баба!—рѣшилъ Игнатій Львовичъ:—а голосъ хорошъ...

— Да, мертваго расшевелить!—отвѣтилъ сынъ.

— Ну-съ, въ чемъ же дѣло?—обратился къ нему старикъ, когда они прошли въ свою комнату.—Почему ты вернулся?

— Потому, что въ Сибирь я не ѣду... Мнѣ вздумали навязывать въ помощь своего человѣка, оставнаго генерала, явно для контроля, ну, а я соглядатайства не выношу и поставилъ барону ультиматумъ: либо господинъ Аксеновъ, либо я...

Игнатій Львовичъ прищурился. Отказъ Алексѣя отъ выгоднаго мѣста мѣнялъ всѣ планы.

— Гм... гм... Великолѣпно... Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

— Еще не рѣшилъ окончательно. У меня есть тутъ нѣкоторые планы насчетъ Колычева.

— Да, кстати,—перебилъ старикъ:—дѣло наше съ Евграфовымъ назначено въ судъ на январскую сессію. Я не писалъ изъ-за дифтерита, но, представь себѣ, вѣдь старуха Шемаева оказалась права: Арефій подмахнулъ запродажную, а не передаточную. Я совѣтовался съ Павловымъ, а онъ говоритъ, что ничего противозаконнаго въ этомъ и нѣтъ,—довѣренность у Арефія полная, и онъ въ правѣ пустить насъ, коли захочетъ, по міру, а мы даже пикнуть не посмѣемъ. Ну, это еще мы посмотримъ!..

Наверху Маруса допрашивала Ольгу, о чемъ они такъ смѣялись за ужиномъ. А рядомъ Лиза, помѣстившаяся въ комнатѣ свекра, не раздѣваясь, сидѣла у постели.

Ее неудержимо тянуло сойти внизъ, чтобы настало наконецъ обѣщанное Алексѣемъ «потомъ», но она не рѣшалась. Ее мучило, отчего при прощаньи онъ такъ холодно поцѣловалъ ей руку? Неужели, опасаясь возбудить подозрѣнія Ольги? И она снова почувствовала непріязнь къ этой единственной институтской подругѣ, съ которой ее для чего-то свела судьба... Отчего же не съ Дашевой,

не съ Олениной, которыя были по душѣ въ институтѣ, а именно съ Ольгой Мезенцевой, вовсе ей не особенно симпатичной даже въ тѣ юные годы?.. И зачѣмъ надо было ей напроситься къ нимъ именно теперь, когда о столькомъ надо переговорить съ Алексѣемъ, когда такъ хочется остаться съ нимъ съ глазу на глазъ и снова, послѣ разлуки и пережитой тревоги за Марусю, приласкаться и отвѣчать поцѣлуемъ на поцѣлуй?..

Не будь Ольги, она попросту сошла бы въ гостиную и вызвала бы его. Но, помимо Ольги, ее удерживала и тайная обида: если бы онъ при прощаньи шепнулъ ей о своемъ желаніи видѣть ее наединѣ, она бы нашла предлогъ спуститься внизъ, хотя бы ради помѣщенія той же Любаши... Развѣ она не хозяйка?!

«Кстати, какое нахальство привезти, не спросясь, эту наперсницу. Да, да! не горничную, а именно наперсницу, навѣрно, знающую всѣя закулисныя похождения и передающую всякія любовныя записки, а, можетъ быть, и подарки... Вѣдь актрисъ принято дарить!»

И Лиза сидѣла и разжигала въ себѣ обиду и ревность, а за стѣною Ольга беззаботно болтала съ Марусей о Микѣ.

— Онъ въ каждомъ письмѣ о тебѣ спрашиваетъ. О, онъ не измѣнникъ... Это—настоящій мужчина, вѣрный рыцарь. Воображаю, какъ онъ радуется теперь, получивъ мое письмо о томъ, что я ѣду къ вамъ!

— Довольно болтать вамъ, господа!—раздался изъ-за двери голосъ Лизы:—завтра наговоритесь.

Она вошла и поцупала лобъ у дочери, поглядѣла языкъ и горло. Марусѣ показалось, что мать снова стала той прежней, заграничной, со стеклянными глазами и тяжелой, непривычной къ ласкѣ рукой...

Когда она вышла, Ольга, лежавшая подъ шелковымъ параднымъ одѣяломъ изъ тетушкиныхъ временъ, приложила палецъ къ губамъ и хитро кивнула ей вслѣдъ:

— Досталось?! и впрямь спи. Муська... вѣдь ты еще нездорова...

«И Маруся тоже рада ей!—думала Лиза, лежа въ своей одинокой комнатѣ.—Съ ней весело. Зачѣмъ, зачѣмъ я не такая? зачѣмъ не умѣю относиться легко къ жизни?..»

Лучъ мѣсяца упалъ на стоявшій у стѣны шкапъ и освѣтилъ полки съ колбами и ретортами. До жуткости ясно вспомнился майскій полдень, когда она сбрасывала такія же въ прудъ, чтобы спасти тетю Сашу отъ обыска, и, словно живой, нарисовался покойный мужъ, съ бѣлыми зубами на запыленномъ лицѣ, и его голосъ спросилъ: «Сцена?.. что жъ; изволь...» Опять изъ cadaго уголка и щелочки ползли старыя, жуткія воспоминанія и отравляли сомнѣнныя душу...

XXXVII.

Сяду, сяду на коня,
 Въ синю даль умчуся,
 Не зови, не кличь меня,
 Я не оглянуся...
 Мчись, мой конь, лети стрѣлой,
 Съ буйнымъ вихремъ споря,
 Въ край далекой голубой,
 Гдѣ нѣтъ слезъ, ни горя...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Зная привычку Алексѣя вставать рано, Елизавета Ивановна уже въ восьмомъ часу сошла въ столовую. Зимнее утро было пасмурно; въ выставшихъ за ночь комнатахъ горѣли лампы, и Павлушка растоплялъ печи, усердно дуя въ поддувала.

Яшнева была въ томъ домашнемъ платьѣ, которое такъ любилъ Алексѣй и которое она нарочно надѣла для контраста съ Ольгой. Взглянувъ на себя мимоходомъ въ зеркало, она поправила густую спущенную косу,—вѣдь онъ мечталъ, что у его жены будетъ хорошая коса,—и сѣла за самоваръ. Но часы пробили половину, потомъ восемь часовъ, а его все не было.

Наконецъ около половины девятого появился Игнатій Львовичъ, а за нимъ и сынъ. Старикъ принялъ отъ снохи стаканъ.

— Ну, и пріятельница у тебя, дочка! Настоящая глазная морттира, по сту выстрѣловъ въ минуту. Недурна, и голосъ отличный; а только мой совѣтъ: за Марусей гляди въ оба! У дѣвчонки склонности къ кокетству хоть отбавляй, а тутъ, братъ, ой-ой-ой! какая высшая школа. И такъ, и этакъ!..

И, смѣшно подобравъ лѣвой рукою правый рукавъ потертаго домашнего пиджака, онъ далеко отставилъ свернутый кренделькомъ мизинецъ и сталъ передавать Алексѣю воображаемый соусникъ, закатывая подъ лобъ свои угольки и скаля вставныя челюсти...

И Лиза, и Алексѣй Игнатьевичъ весело размѣялись.

— Тише!—погрозилъ имъ пальцемъ старикъ:—разбудите царицу Савскую, она явится, и опять крышка,—словомъ обмѣняться не дастъ. Вы тутъ сидите пока, калякайте, а я ее покараулю въ гостиной. Небось, языки чешутся у обоихъ!

Онъ забралъ газету и стаканъ и сѣлъ съ мундштукомъ во рту въ зальцѣ, плотно притворивъ за собою двери въ столовую.

Наступило молчаніе. Лиза сидѣла, опустивъ глаза, машинально мѣшая ложечкой чай. У нея сердце замерло отъ ожиданья. Ей казалось, что Алексѣй вотъ-вотъ встанетъ, подойдетъ къ ней и, запрокинувъ ей голову, поцѣлуетъ въ губы, какъ цѣловаль

ее бывало мужъ, пользуясь случаемъ, когда они были, тоже втайнѣ, женихомъ и невѣстой, но Алексѣй просто протянулъ ей руку черезъ столъ. Она вложила свою, и онъ ее крѣпко пожалъ.

«Только?» Она озабоченно и обиженно взглянула на него и вслухъ спросила:

— Что случилось? что-нибудь неприятное? да?

— Да, неладное,—отвѣтилъ онъ.

— То есть?

— Да дѣло съ Сибирью не выгорѣло.

Онъ сталъ рассказывать ей въ тѣхъ же, словно затверженныхъ выраженіяхъ, какъ и отцу, о баронѣ и кандидатурѣ Аксенова. Лиза внимательно слушала, а онъ глядѣлъ на нее и, говоря, думалъ о томъ, что она какъ-будто подурнѣла и постарѣла. Ея строгое платье вовсе не умиляло его. Невольно вспоминался нарядный капотъ съ кружевами и туфельки съ блестками, и радужные зайчики на этой же скатерти отъ сверкающихъ колець на выхоленной рукѣ. «Однакожь, это свинство!» оборвалъ онъ себя мысленно.

— Что я буду теперь дѣлать,—закончилъ онъ свою исповѣдь,—сказать впередъ не могу, но, надѣюсь, вы понимаете... («вы»! оно больно рѣзнуло Лизу: до отъѣзда его въ Петербургъ они наединѣ уже говорили на «ты») я не могъ же итти подъ ферулу чинуши. Къ тому же при послѣднемъ свиданіи Смитъ ясно далъ мнѣ понять, что и онъ охладѣлъ къ предпріятію, гдѣ каждый крупный пайщикъ будетъ считать себя въ правѣ навязывать компаніи своихъ людей. Я думаю, и онъ въ концѣ концовъ выйдетъ изъ дѣла.

— Что же, вы полагаете, тамъ вопросъ съ вами считаютъ поконченнымъ?

— Разумѣется! Я нарочно выждалъ полторы недѣли, думалъ, баронъ забудетъ тревогу... Ничего подобнаго! Видно, сошлись съ господиномъ Аксеновымъ, и онъ оказался податливѣе меня... Ну, я и уѣхалъ.

— И не раскаиваетесь?

— Ничуть! Тутъ, повѣрьте, былъ не только вопросъ личнаго самолюбія, но полная неувѣренность, что мнѣ дѣло дѣлать не дадутъ, а брать деньги даромъ и землю ковырять—не мое призваніе,—на то отставные генералы есть. Я вотъ хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ Колычева,—скажите, пожалуйста, но совсѣмъ откровенно: вы очень привязаны къ нему?

— Господи, какой вопросъ!—улыбнулась Лиза.—Пока мы жили за границей, я боялась думать о немъ изъ-за прошлаго, но какъ только вошла въ домъ, сразу почувствовала, что онъ для меня значить. Вонъ вы съ фатенькой говорили, что его до основанія сломать надо и новый строить, а у меня душа болитъ при

этой мысли. Подновить—да, и такъ подновить, чтобы ему еще столько же простоять, но рушить—ни за что!

— Значить, если бы даже подвернулся покупатель, вы бы Колычево не продали?

— Никогда!

— Даже если бы вы этимъ могли выручить меня?

— Выручить?—Лиза помертвѣла.—Изъ чего выручить?

— Во-первыхъ, изъ кабалы Зои Владимировны, а, во-вторыхъ, чтобы съ новыми средствами приняться за новое дѣло. Слушайте, Лиза: написавъ отказъ барону, я не разорвалъ со Смитомъ. У него назрѣваетъ новый планъ объ эксплуатаціи лѣса въ Амурской области, и я хочу войти съ нимъ въ компанію. Не давать же всѣ наши русскія богатства на откупъ иностранцамъ. Но для завербованія капиталовъ нужны деньги въ рукахъ, безъ нихъ никакихъ переговоровъ заводить нельзя.

— И много вамъ надо?—спросила робко Лиза.

— Тысячъ сорокъ—пятьдесятъ... Теперь слушайте внимательно! Вѣдь Колычево, когда кончится аренда Арефія, будетъ имъ высосано, какъ лимонъ. Инвентаря ни мертваго, ни живого не останется. Земля истощена и теперь, такъ какъ отъ его полторы лошади и двухъ коровъ удобренія котъ наплакалъ. Луга и нынѣ обращены въ болота. Лѣсъ вырубленъ. Усадьба мерзость запустѣнія. Скажите, какъ же вы думаете хозяйничать при этихъ условіяхъ?

— Не знаю!—потупила глаза Лиза.

— Вотъ видите! А тутъ еще тяжба съ Евграфовымъ. И все это кончится, какъ уже окончились десятки тысячъ подобныхъ же хозяйствъ, сперва закладываніемъ подъ безчисленныя закладныя, а тамъ и продажею съ молотка, отъ которой на долю владѣльца очищается ломаный грошъ. Мы же со Смитомъ явимся пионерами огромнаго дѣла въ заповѣдномъ краю... Вы мнѣ скажете, что лѣсное хозяйство дѣло не моего разумѣнія, это не горное дѣло? Вѣрно, но вѣдь не боги горшки обжигали, и я поклянусь вамъ, что черезъ какія-нибудь пять лѣтъ у насъ будетъ прекрасное имѣніе не на высосанномъ грабителемъ-арендаторомъ суглинокѣ, не съ пнями вмѣсто рощъ, а съ тысячами десятинъ цѣлины и строевого лѣса, полнаго пушнины и дичи. Хотите, мы и его назовемъ Колычевымъ? И, вѣрьте, наши дѣти, наши потомки будутъ такъ же любить и цѣнить его, какъ вы цѣнили и любили Колычево вашихъ предковъ. Но съ нимъ не будетъ связано никакихъ кошмарныхъ воспоминаній о прежнихъ преступленіяхъ...

— А Маруся?..

— Что Маруся? Она все забудетъ въ новой обстановкѣ.

— А.. могилы... тети Саши?

— Мы внесемъ щедрый вкладъ въ колычевскую церковь на вѣчный уходъ за ними.

— Вкладъ внесенъ давно... Тетя не поскупилась...

— Вотъ видите! Такъ въ чемъ же дѣло?

— Я не умѣю сказать... Мнѣ больно думать о продажѣ... точно я измѣняю...

— Но если обстоятельства сами къ тому ведутъ?—тонъ у него былъ рѣзкій, точно онъ начиналъ терять терпѣніе.—Въ сущности, это все только сентиментальность. Много ли сами-то вы жили въ Колычевѣ? Сложите мѣсяцы, что вы провели въ немъ на каникулахъ, и вычтете изъ лѣтъ, что прожили внѣ его,—много ли жизни отдали вы ему? И если хотите знать мое къ нему отношеніе, мой взглядъ—мнѣ оно прямо антипатично, все, все изъ-за брата, и я не потратилъ бы и часа труда на его возстановленіе. Для меня оно проклятое мѣсто. А вамъ я тоже не перестаю удивляться. Дочь вашего же бывшаго крѣпостного и ближайшаго сосѣда наносить вамъ публичное оскорбленіе, и вы, которая въ первую минуту готовы были бѣжать хоть на край свѣта, спрятаться навѣки отъ всѣхъ знавшихъ васъ, теперь уже не только остыли, но собираетесь опять жить бокъ-о-бокъ? Гдѣ же ваша гордость, ваше самолюбіе, ваше дворянское достоинство?

Онъ настолько возвысилъ голосъ, что Игнатій Львовичъ открылъ дверь.

— Что такое? Вы ссоритесь?

— Нѣтъ! — Елизавета Ивановна пыталась улыбнуться, но улыбка была скорѣе похожа на ея обычную судорогу.—Мы говоримъ о дѣлахъ.

— А!.. Я думалъ, ты амурничаешь съ невѣстою. О дѣлахъ успѣли бы и потомъ поговорить. Чего ты такъ пѣтушишься? Изъ-за Колычева? Да?

— Я говорю Лизѣ, что продать его необходимо!

— Ну, а она, конечно, не хочетъ... Я тоже говорилъ это тебѣ вчера еще.

— Но я все-таки не теряю надежды переубѣдить васъ обоихъ. Поймите, я зову васъ изъ этого стоячаго, ржаваго болота на новую и дѣятельную жизнь... Будемте хоть разъ не разгильдяями русскими, а... американцами, нѣмцами,—но энергичными людьми... Начнемте жить по-новому въ новомъ краю, на новой почвѣ, про которую воистину сказать можно: посади на ней оглоблю и вырастетъ телѣга... Неужели это нехорошо? Неужели лучше держать старыя изношенныя лохмотья, чѣмъ обзавестись новымъ и лучшимъ? Продать истощенное имѣніе съ сотнями десятинъ неудобной земли и купить другое, несравненно болѣе цѣнное, особенно съ окончаніемъ Сибирской дороги?

— Все это, милый мой, прекрасно... Но это узоры вилами на водѣ. Вродѣ твоихъ драгъ... Ну, не буду, не буду... Только одно: прежде, чѣмъ говорить о продажѣ, нужно имѣть покупателя... А откуда его взять?

— Покупатель есть, его именно слѣдуетъ взять, а не отталкивать.

— Кто же онъ?

— Да Евграфовъ!..

Игнатій Львовичъ издали перекрестилъ сына.

— Съ нами Богъ и пресвятая Богородица! Ты никакъ рехнулся, и твоя фантазія лишила тебя послѣдняго критерія словъ и поступковъ! Это Михалкѣ-то Колычево продать? Всѣ его 700 десятинъ? Да мы, братъ, съ нимъ изъ-за ста квадратныхъ сажень въ бой пошли только что... я изъ-за кулиги на него въ судъ подалъ.

— Напрасно!.. Ему именно и остальные шестьсотъ девяносто девять десятинъ и двѣ тысячи триста сажень добавить надо... Во-первыхъ, потому, что онъ за нихъ дастъ гораздо больше всякаго другого покупателя, давно о нихъ мечтаю,—это я говорю, какъ узкій и заинтересованный въ продажѣ семейный эгоистъ,—а во-вторыхъ,—только въ его мужицкихъ рукахъ, при его практическомъ умѣ,—говоря съ государственной точки зрѣнія,—имѣніе пріобрѣтетъ прежнюю цѣнность и станетъ вкладомъ въ жизни всей Россіи.

— Благодаритель какой, подумаешь!—буркнулъ старикъ, но сынъ не слушалъ и продолжалъ:

— А теперь эта родовая земля—болячка, одна изъ безчисленныхъ мелкихъ и скверныхъ болячекъ, покрывающихъ и уродующихъ лицо нашей матушки-родины, истощающихъ ее, ведущихъ къ общему оскудѣнію и худосочию. Если Богъ не наградилъ меня достаточнымъ талантомъ, а судьба капиталомъ, чтобы не только брать отъ земли, но и питать ее и вкладывать новыя творческія силы въ ея разслабленную, изможденную почву,—я не имѣю нравственнаго права владѣть ею и не уступать своей власти тому, кто способенъ на это. И я не понимаю, почему люди порицаютъ бездарныхъ потомковъ, продающихъ родовыя вотчины въ руки такъ называемыхъ кулаковъ? Вѣдь эти кулаки и есть настоящіе хозяева и устроители, а остальные или тяпъ-ляпаютъ, или разрушаютъ, что было обмозговано и создано до нихъ другими? Въ чѣмъ же тутъ грѣхъ и бѣда?

Игнатій Львовичъ снова посасывалъ сигару.

— Можетъ быть,—выговорилъ онъ медленно:—ты съ практической точки зрѣнія и правъ, но есть, батюшка, на свѣтѣ такіе вопросы, которые рѣшаются не во имя практики, а во имя души и сердца. Такъ вѣдь, Лизанька?

Она молча кивнула головою.

— Вот видишь ли, мы съ тобой хоть и считаемся дворянами и дѣдъ мой даже Владимира на шеѣ носилъ и, можетъ быть, и въ книгѣ какой-нибудь вписанъ, но на практикѣ мы все-таки то, что зовется — разночинцы, такъ какъ, кромѣ этихъ купленныхъ мною на трудовые гроши и нынѣ переданныхъ Марусѣ по дарственной пятисотъ двадцати четырехъ квадратныхъ сажень, находящихся подъ домомъ, да той вонъ земли въ горшкахъ на окнахъ его, никакой другой у насъ никогда, сколько я знаю, и не было. Поэтому ты такъ легко о продажѣ вотчины колычевской разглагольствуешь. А ты вотъ невѣсту-то хорошенько допроси, каково твое цистероновское краснорѣчїе у нея въ сердцѣ столбовомъ дворянскомъ отозвалось? Не готова ли она будетъ всѣ твои двадцать тысячъ Армидиныхъ садовъ хоть за двѣсти десятинъ нынѣшняго Колычева впослѣдствїи отдать, чтобы получить назадъ отцовское наслѣдіе и привести его не въ сказочно-блестящій, а въ сколько-нибудь жилой видъ? Вѣдь какъ ни дѣвственно прекрасенъ твой новый распаркъ будетъ, да не видалъ онъ того, что колычевскій видалъ; въ немъ до тебя какіе-нибудь бурята да азіаты охотились, а тутъ и прадѣды, и дѣды, и отецъ съ матерью твоей невѣсты гуляли... и если ты Лизу, Колычеву урожденную, любишь, ты о сохраненїи Колычева, а не о продажѣ его хлопотать долженъ, тѣмъ болѣе Михалкѣ! Да у меня, милый другъ Алешенька, кости въ гробу вѣкъ стучать другъ о дружку будутъ, если этому доносчику на сына моего хоть одна пядь земли перейдетъ, изъ-за которой погибъ твой же близнецъ-братъ. И я, ей-ей, не понимаю, какъ можешь ты говорить такія рѣчи, какъ языкъ у тебя на нихъ поворачивается? Тебя твоя фантазія опять влечетъ сыграть ва-банкъ. Ты, подобно всѣмъ инженерамъ, роющимъ подъ землю, зараженъ золотою горячкой и самъ не отдаешь себѣ большаго отчета, что на землѣ хорошо и что мерзко, и только еще разъ подтверждаешь эллинскую прозорливость и мудрость ихъ мїеологїи, помѣщавшихъ адъ именно подъ землю, въ сосѣдствѣ ближайшемъ съ проклятымъ вашимъ золотомъ... Повѣрь мнѣ, за эти годы, проведенные вмѣстѣ съ тобою въ Сибири и на Уралѣ, посмотрѣлся я достаточно на все ваше безумное искательство милліоновъ, видѣлъ, какимъ истинно каторжнымъ трудомъ каждая крупца ихъ добывается и какъ мало счастья и довольства и работающимъ, и начальствующимъ даетъ... Эхъ, Алешенька, Алешенька! Вотъ ты тутъ цѣлый фейерверкъ пышныхъ фразъ намъ о государственныхъ вопросахъ выпустилъ. Отвѣтъ же мнѣ: а если я тебѣ предложу послужить тому же государству на такой должности, гдѣ вотъ все отъ благородства взяшагося за нее человѣка зависитъ, возьмешь ты ее?

— Какая такая должность?—рѣзко спросилъ сынъ.

— Должность отличная, хотя, конечно, не жила и не розсыпъ золотая, милліоны приносящая, но зато пользы на ней отъ искрен-

няго и честнаго русскаго человѣка не меньше, чѣмъ на миллионъ. Возьмешь?

— Да говори же толкомъ, фатенька!

— Видишь ли, не я ее тебѣ и предлагаю, а самъ, такъ сказать, народъ православный. Былъ у меня на дняхъ старикъ Агаѳонъ и говорить: «Что бы сынку твоему, чѣмъ въ Сибирь зарываться, къ намъ въ земскіе начальники-то пойти? Вѣдь вотъ государь покойный хорошее задумалъ, когда ихъ затѣвалъ, да люди-то на ихъ мѣста нехорошіе пришлися, все ни два, ни полтора, ни три-четверти, а изъ стрикулистовъ, которымъ до нужды мужицкой, что до тины съ чужого болота, и самимъ нужды нѣтъ. А хорошій человѣкъ много хорошаго сдѣлать въ нихъ можетъ. Поговори ты съ нимъ»... И я говорю съ тобою... Стой!—поднялъ онъ повелительно руку:—Сейчасъ не отвѣчай мнѣ ни слова... Подумай!.. Сейчасъ мнѣ твоего отвѣта не надо... Не ты отвѣтишь, а твоя разыгравшаяся фантазія, алчность горняцкая... А теперь довольно... Поговорили, на сегодня хватитъ... Теперь лучше невѣсту свою поцѣлуй покрѣпче да спроси, что она тутъ безъ тебя выстрадала.

Алексѣй взглянулъ на Лизу. Она показалась ему еще болѣе постарѣвшей и осунувшейся. На мигъ шевельнулась досада на что-то. Онъ всталъ и послушно поцѣловалъ руку со стершимся обручальнымъ кольцомъ брата.

— Да не такъ, не такъ!—заворчалъ отецъ:—а хорошенько, погорячѣе. Вѣдь когда я Муськѣ растворъ мѣднаго купороса вливалъ, я думалъ, она и сама не встанетъ... У тебя своя бѣда была, а у насъ своя надъ нами тутъ измывалась.

Онъ вышелъ. Алексѣй обнялъ Лизу и заглянулъ ей въ глаза.

— Ты сердисься на меня?—спросила она.

— За что? За то, что ты не хочешь, или, вѣрнѣе, не можешь понять меня?

— Нѣтъ, не за это, а за то, что я не поѣхала на твой зовъ. Но я не могла. Маруся была такъ плоха, я была не въ силахъ оставить ее..

Онъ улыбнулся и махнулъ рукою.

— Если хочешь полной откровенности, въ то время—да! но не столько на тебя, какъ на Марусю, заболѣвшую такъ некстати. А что ты при своей преувеличенной добросовѣстности иначе поступишь и не могла,—само собою разумѣется.

Онъ только что хотѣлъ поцѣловать ее, какъ въ гостиной раздался голосъ Ольги, весело здоровавшейся со старикомъ. Алексѣй невольно выпустилъ Лизу изъ объятія и открылъ дверь.

Ольга вошла, крѣпко чмокнула Лизу въ щеку и усѣлась пить чай. Она была снова нарядная и веселая, но косметики и пудра днемъ били въ глаза. Сразу опять завязался шуточный разговоръ и смѣшки, и просившіеся изъ души вопросы такъ и не получили отвѣта.

XXXVIII.

А тамъ за спущенной портьерой
 Нарочно словно вымеръ домъ.
 Густѣли сумерки все больше за окномъ,
 И мѣръ исчезъ въ какой-то дымкѣ сѣрой...
 Лишь были вы да я, и между нами
 Ни цѣпи, ни преградъ... Казалось, чья-то
 тѣнь
 Насъ обвѣваетъ ласково крылами...
 Еще ихъ взмахъ... еще одна ступень...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Въ семьѣ Яшневыхъ образовалось два неравныхъ лагеря: къ одному принадлежали Лиза и старикъ, къ другому остальные, и центромъ его сдѣлалась Ольга.

Присутствіе ея въ домѣ стѣсняло и раздражало Лизу, которая все это время чувствовала себя отвратительно и между двухъ огней. Неопредѣленность положенія Алексѣя мучила. Не хотѣлось отказывать и разрушать его планы, но казалось ужаснымъ продавать Колычево, особенно Михалкѣ. Нѣсколько разъ она пыталась завязать рѣшительный разговоръ съ женихомъ, но снова каждый разъ какъ на зло опять входила въ комнату Ольга, когда казалось, что остается договорить всего два-три слова и всѣ недоразумѣнія разрѣшатся сами собою. Посвятить же подругу въ то, что такъ остро затрагивало ее, Лиза считала недопустимымъ.

Ольга была беззаботна и чувствовала себя, какъ дома. Маруся ходила за нею по пятамъ. Даже отношенія матери и Алексѣя отошли для дѣвочки на второй планъ. Оба они были такъ сдержанны въ присутствіи остальныхъ, что порою Марусѣ казалось, — ужъ не были ли и письмо, и вѣнчаніе, и телеграмма плодами ея бреда? Дядя Леша тоже какъ-то меньше возился съ племянницей и бывалъ теперь очень серьезенъ и задумчивъ и только шутилъ съ Ольгой да не сводилъ съ нея изъ угла дивана своихъ черныхъ глазъ, когда она пѣла.

Лиза давно замѣтила то впечатлѣніе, которое производило на Алексѣя пѣніе Ольги, и теперь сама не пѣла и даже не играла. Напрасно ее уговаривали сѣсть за рояль.

— Я не могу! оставьте... не мучьте меня! — отвѣчала она почти сквозь слезы.

— Какая ты нервная! Это пережитокъ твоего страшнаго горя. Ты не можешь забыть тетю Сашу! — ласково утѣшала ее Ольга, словно маленькую, и тутъ же вспомнила о полугодовщинѣ смерти Александры Николаевны и предложила съѣздить всѣмъ на ея могилу. Эта доброта обезоруживала. Лиза старалась побороть свою неприязнь и быть ласковѣе, но чуть Ольга оставалась вдвоемъ съ Алексѣемъ или

Марусей, ревность не давала ей дышать, и она не находила мѣста въ собственномъ домѣ, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что придраться къ Ольгѣ рѣшительно нѣ за что.

Даже привезенная безъ спроса Любаша оказалась очень кстати. Кирилловна сразу завалила ее работой по приведенію въ порядокъ всего гардероба. Подъ ея руководствомъ Сима училась портняжничать, подшивать рубцы и забирать выточки. А Любаша давала ей съ Кирилловной цѣлыя представленія, изображая въ лицахъ всѣ либретто оперъ, гдѣ выступала Ольга, и напѣвала такъ жалобно «Травіату», что Симѣ не разъ приходилось утирать слезы выпускаемымъ подоломъ барышниной юбки или передѣлываемымъ рукавомъ барыниного лифа. Но чуть дѣло заходило о личныхъ Ольгиныхъ дѣлахъ, Любаша дѣлала каменно-надменное лицо и говорила:

— Другія себя и держать-то безъ сцены не умѣютъ, потому что не настоящія барыни, а моя барыня настоящая, и поклонниковъ у насъ хоть прудъ пруди. Другимъ сережки дутыя, или тамъ ложки серебряныя на бѣдность подносятъ, а намъ одни цвѣты, потому всѣмъ извѣстно, что у барыни и свои собственные брильянты и серебро имѣется наслѣдственное, и губернаторъ намъ всегда ручку цѣлуетъ и букетъ присылаетъ...

О томъ, что эти брильянты часто отправляются въ закладѣ и замѣняются поддѣльными, Любаша, конечно, умалчивала.

Шла уже третья недѣля съ приѣзда Ольги и молодого Яшнева.

Алексѣй страдалъ не менѣе Лизы и гораздо глубже, чѣмъ думалъ старикъ, каждый вечеръ убѣждавшій его сызнова, что планы относительно Сибири построены на такихъ фантастическихъ данныхъ, что къ добру не приведутъ.

— Если у тебя не хватило духа согласиться на предложеніе барона, то надо не рисковать сызнова; а если ужъ такъ тянетъ въ рудники и тайгу, бери казенное мѣсто, становись двадцатникомъ!

— И радъ бы!—отвѣчалъ сынъ.—Да какъ? Супругъ Зои не дастъ мнѣ рекомендаціи, а безъ аттестаціи бывшаго начальства какое же можетъ быть мѣсто? Хода въ нашемъ вѣдомствѣ мнѣ все равно не дадутъ. Да и чинъ у меня такой, что я ко всякому безусому мальчишкѣ подъ пятку угожу. Мои товарищи по курсу чуть не генералы, а я еще въ титуляры не прошелъ.

— Самъ виноватъ, самъ виноватъ!—повторялъ отецъ, укладываясь въ постель.

— Ахъ фатенька, ну, что ты, какъ дятель, долбишь меня!

Отецъ гасилъ свѣчу. Сынъ закуривалъ папиросу, и долго въ темнотѣ то вспыхивалъ, то гасъ ея раскаленный кончикъ.

Больше всего мучилъ его вопросъ: что онъ собственно чувствуетъ теперь къ Лизѣ? любовь? симпатію? дружбу?.. Ему какъ-то ничего не говорить ни ея хорошія манеры, ни взгляды. Даже ея игра не даетъ былого наслажденія... Онъ никакъ не можетъ простить,

что она не принесла ему сразу въ жертву Колычева и держать во всемъ руку отца. Возвратясь въ Горскъ, онъ такъ былъ убѣжденъ въ ея любви, что находилъ эту жертву, эти «женскія» деньги, вполне естественнымъ, потому что того требовало не только его, но и ея счастье... Счастье съ нею?.. Кончикъ папиросы разгорался еще ярче.

«Ограниченная и сентиментальная институтка, дѣлающая изъ всего туликъ въ жизни», и мысль, что онъ связанъ съ нею словомъ, была неприятна и тягостна. «Господи!.. отчего она такая сѣрая, будничная, прямолинейная?»—спрашивалъ онъ кого-то.

А тутъ еще рядомъ, словно для постоянного сравненія, жизнерадостная, вѣчно смѣющаяся Ольга...

Сегодня за ужиномъ она такъ и сверкнула на него глазами и весело сказала про Таничкину выходку въ церкви:

— Вотъ охота всякую ерунду къ сердцу принимать. Этакъ его все на досаду растратишь, не останется чѣмъ и любить... А я такъ непремѣнно совсѣмъ иначе поступила бы съ Михалъ Демьянычемъ. Будь я на твоемъ мѣстѣ,—обратилась она къ Лизѣ,—онъ у меня шелковый бы сталъ. Я бы отъ него не то что могилы, а и весь имъ отхваченный клинъ назадъ бы вернула. Ты слишкомъ трагично на жизнь смотришь, а есть люди, которые, ей-ей, того не стоятъ, чтобы ихъ всерьезъ принимать.

— Посмотрѣла бы я, какъ бы ты это сдѣлала!—насмѣшливо отвѣтила та.

— Хочешь? отлично! Завтра же попробую!—она рассказала свою лѣтнюю продѣлку съ Михалкой.—И вѣдь подумайте, все-таки разыскалъ меня! Въ Москвѣ во съ какой бонбоньеркой ко мнѣ разлетѣлся, да вмѣсто моей ручку у мебелирашки поцѣловалъ, а тутъ недавно письмо отъ него въ стихахъ пришло.

— Въ стихахъ отъ Михалки?—удивились всѣ.

— Вотъ вамъ крестъ! Погодите, сейчасъ принесу...

И, снова показавъ на ходу стройныя и нарядныя ноги, она быстро принесла сверху цѣлую пачку разноцвѣтныхъ и разнокалиберныхъ конвертовъ.

— Все бильедушки... на память храню... А вотъ Михалкинъ шедевръ.

Царица сердца и души!
Вы, какъ алый розанъ, хороши.
Хотя Вы скрылися отъ меня,
Но Васъ разыскалъ я
И шлю Вамъ это письмо,
Чтобы Вы поняли—я кто!

— Письмо, какъ видите, безъ подписи, но штемпель Горскъ и почеркъ писарской. Не Муська же его мнѣ прислала? А здѣсь, кромѣ Евграфова, никто меня не знаетъ и ни отъ кого я не скрывалась. Ясно, какъ на барометрѣ! Слѣдомъ пришло и доказательство.

Почеркъ на конвертѣ тотъ же,—очевидно, рука наемная, но письмо безъ единой запятой и собственнокаракульное; вотъ: «Милостивая,— читала она однимъ духомъ,—и любезная госпожа Ольга Львововна хотя вы въ Москву прибывши нетолько меня къ себѣ не пригласили но даже мѣста своего проживанія мнѣ не открыли спѣшу узнавши о васъ во всей точности посылать вамъ нижайшій свой поклонъ и просить о патретѣ потому денно и ноцно хочу имѣть васъ при себѣ какъ только ослобонюсь по дѣламъ приѣду самъ поглядѣть на вашу красоту во всемъ ея уборѣ. А откуда я все знаю о васъ и гдѣ поете и какъ васъ по театру зовутъ того ни въ жисть не открою потому куда бы вы отнынѣ не поѣхали всюду ходъ знать буду потому долго безъ васъ уже терпѣть не могу.

«Вашъ уважатель извѣстный вамъ Михайль Демьянычъ
«Евграфовъ».

Всѣ—и отецъ, и Маруся, и Кирилловна, и онъ самъ, и даже Лиза—хотали до слезъ.

— Вотъ видишь ли,—обратилась къ послѣдней Ольга,—ты сама смѣешься! Какъ же можно такого человѣка принимать трагически? Это чистой породы комикъ и къ нему съ этой стороны и подступайся. Довѣрься мнѣ, и увѣрю тебя, я не только все имъ отнятое отъ тебя верну, но изъ врага и супостата друга преданнаго сдѣлаю. А дружить съ нимъ куда тебѣ выгодноѣе, чѣмъ вѣчно оцѣрившись жить. Онъ очень и очень не глупъ.

И Алексѣй понималъ, что Ольга права. Ужъ если оставаться въ Колычевѣ, то, конечно, лишь при условіи добраго сосѣдства. Да! Счастливый характеръ! Какъ легко съ нимъ и самой, и близкимъ... Какъ могъ ее бросить мужъ?

Онъ пыхнулъ папиросою въ послѣдній разъ и потушилъ ее о край пепельницы. Въ темнотѣ громче затикали часы и слышнѣе стало посапыванье старика. А мысли потянулись нескончаемой цѣпью, звено за звеномъ, и въ новомъ домѣ въ новомъ краю хозяйничала уже не Лиза въ строгомъ платьѣ съ крахмальнымъ воротничкомъ, а шаловливо шуршала по свѣтлымъ, скользкимъ цыновкамъ кружевной рюшъ и голосамъ пестрыхъ птицъ въ бамбукахъ и на вишневыхъ вѣткахъ вторило *Vuono sego* Розинъ.

Въ воскресенье Ольга съ Марусей и Кирилловна съ Любашей собрались въ церковь. Елизавета Ивановна, узнавъ объ этомъ, подъ предлогомъ безсонной ночи, осталась дома, чтобы въ ихъ отсутствіи переговорить съ Алексѣемъ на чистоту. Пусть она рѣшаетъ, какъ быть. Продавать Колычево она не согласна, но вѣдь можно его заложить. Какъ этого раньше никому въ голову не пришло! Если дадутъ мало подъ залогъ,—она понятія не имѣла сколько,—и денегъ не хватитъ, чтобы начать дѣло со Смитомъ, можнс

взять изъ ломбарда то старое серебро, которое тамъ хранится столько лѣтъ, и частью продать антикварамъ.

Но, къ ея удивленію, Алексѣй весьма холодно принялъ это предложеніе.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Заложить и такъ придется, потому что на процессъ потребуются серьезныя деньги.

По его убѣжденію, такой сутяга, какъ Михалка, не сразу помирится съ наложеннымъ штрафомъ, а начнетъ апеллировать во всѣ инстанціи. Да и къ чему предлагать теперь этотъ исходъ? Ему пока деньги не нужны, а понадобятся—онъ ихъ достанетъ. О немедленномъ отъѣздѣ еще рѣчи нѣтъ. Пусть самъ Смитъ вызоветъ его. Это гораздо выгоднѣе и осмысленнѣе. А потому онъ очень благодаренъ, но жертву эту считаетъ лишней.

Лиза была сбита съ толку. Что же это такое? Почему этотъ холодъ въ тонѣ, во взглядѣ? Ей вспомнились бывлыя размолвки съ мужемъ: тѣ же интонаціи, тѣ же выраженія, то же безпрестанное закуриванье папирасы о папиросу.

— Ты сердисься? Бога ради, прости... Я сдѣлаю все, все по-твоему! Только не сердись... Я не могу... я не вынесу такого тона.

Она заплакала.

— Сцена?—Алексѣй пожалъ плечами, совсѣмъ, совсѣмъ, какъ и тотъ, его братъ.—Видишь ли, душа моя,—Ольга Львовна вполне права: ты трагично смотришь на вещи, а въ томъ-то и бѣда. Будь проще, и кругомъ тебя, и тебѣ самой легче дышаться будетъ. Дѣлай и поступай не такъ, какъ велитъ твой институтскій кодексъ условной нравственности, а какъ въ данную минуту подсказываетъ жизнь—И... извини меня! но я долженъ съ мѣста предупредить тебя,—слезъ я не выношу, онѣ не трогаютъ, а только злятъ меня.

Лиза вытерла глаза. У нея вертѣлось на языкѣ спросить: но ты все-таки вѣдь любишь меня? Но почему-то спросить объ этомъ казалось невозможнымъ. Она приняла спокойное выраженіе и спросила:

— Значить, о мѣстѣ земскаго начальника ты и не думаешь?

— Неужели ты могла хоть одну секунду полагать, что я приму не на шутку къ свѣдѣнію подобную фатенькину ахиною? Да прежде всего меня не только мужики не интересуютъ, а я презираю ихъ отъ всей души. И я считаю лицемѣриемъ обязанность разбираться въ дѣлахъ и дрязгахъ этихъ явныхъ и тайныхъ воровъ и мошенниковъ... Да, да, я знаю, что говорю, и никогда не вѣрилъ и не вѣрю въ честность и порядочность деревни. Если же судьба и заставила бы меня вопреки моимъ намѣреніямъ и охотѣ заняться твоимъ Колычевымъ, то прежде всего я сталъ бы конкурировать съ Евграфовымъ на почвѣ спаиванья народа. Пусть лучше пьютъ изъ моего кабака и мнѣ обратно деньги несутъ, чѣмъ будутъ кое-какъ ра-

ботать на меня, обворовывать на каждомъ шагѣ, портить мой садъ и огородъ и пьянствовать, обогащая другого.

— Алеша! ты самъ не знаешь, что говоришь!..

— Да, я Алеша! И знаю, что говорю. Я вонъ, попа въ Х. поджидая, тоже имѣніе видалъ, которое было разорено, пока новый владѣлецъ не догадался вино курить. Это единственный обезпеченный доходъ въ Россіи, и мой совѣтъ,—когда кончится аренда Арефія, не теряя времени, хлопотать о постройкѣ такого завода... Быть можетъ, правительство, столь охотно покровительствующее питейнымъ наклонностямъ, дастъ разрѣшеніе на постройку по близости того же села и второй фабрики народной отравы, и тогда...

Онъ не докончилъ, его рѣчь прервали крики изъ кухни.

— Господи! Что случилось?

Кто-то голосилъ, причитая... Лиза бросилась на голосъ.

На полу, положивъ голову на лавку, сидѣла Маревна. Сима прыскала на нее изъ ковша.

— Что съ тобою?—обратилась къ ней Лиза:—откуда ты?

— Барыня! Матушка-барыня! Заступись хоть ты за меня! Не могу я... силушки моей больше нѣту!.. Извелъ онъ меня... измоталъ окаанный... Ой, не могу... не могу,—она поползла къ Лизѣ, оставляя за собой на полу кухни комья глины съ подола и лаптей.

— Кто? Мужъ твой?

— Нѣтъ! Деверь... Лезарь! Жить съ собой заставляеть... Не то говорить... голую по деревнѣ вмѣстѣ...

Она оборвала рѣчь и вдругъ крикнула сестрѣ:

— Уйди? Слышь ты... Сейчасъ уходи... не слѣдъ тебѣ быть здѣсь...

— Уйди!—приказала Лиза:—пойди наверхъ и прибири хорошенько у меня... Я позову тебя.

Она заперла дверь за дѣвочкой и повернулась къ Маревнѣ.

— Въ чемъ дѣло?.. Неужели гѣшкомъ пришла?.. Въ какомъ ты видѣ?..

— Барыня... простите меня! Простите, что я, скверная, къ вамъ прибѣжала... некуда итти... некуда дѣваться... къ своимъ не могу. Николи у насъ озорства нечистаго въ дому не бывало... Растили насъ родители въ страхѣ... о баловствѣ мы и не слыживали... а тутъ попуталъ меня... попуталъ рогатый... Слюбилась я съ парнемъ чужимъ. Шла къ ему вечеръ,—знала, не на радость шла, а на горе... на срамъ,—все знала... все чуяла... а не итти—силушки не было. Околдовалъ онъ меня... совсѣмъ... накрѣпко приворожилъ. Грѣхъ мой! Великій грѣхъ... но я пошла къ нему, потому онъ все же чужой... А тутъ деверь Лезарь съ тѣмъ же пристаеть... Давно, почитай, съ перваго замужняго дня на грѣхъ склоняеть

и заманомъ, и лаской, и угрозой. Да развѣ такое дѣло можно? Съ деверемъ—все едино, что съ братомъ роднымъ!.. Провѣдалъ о Ѳомкѣ, выслѣдилъ, какъ я къ ему собралась было... смертнымъ боемъ избилъ, а теперь пристаётъ: «или, говорить, живи со мною, или я мужу расскажу и заставлю съ полюбовникомъ по селу нагую тебя на соромъ провести, чтобы каждый тебя кнутомъ стегнулъ, потому, говорить, не бывало еще, чтобы баба изъ нашей избы съ чужимъ путалась!..»

Она снова забилась въ рыданіяхъ. Лизѣ до слезъ было жалъ молодухи. Она поставила себя на ея мѣсто; къ кому бы обратилась она сама въ этихъ условіяхъ?.. Конечно, къ Игнатію Львовичу.. Ей вспомнилось библейское лицо Агаѳона.

— Слушай, Маревна,—значить... Ѳомка любовникъ твой?..

Молодуха потупилась.

— Полюбовникъ?.. Цѣловалась... да, цѣловалась! Только вчера пошла было, да... грѣшна въ томъ, барыня, но, Богъ уберетъ... до настоящаго, до самой пагубы, у насъ не дошло съ нимъ... Лезарь поймалъ...

— Ну, вотъ, слава Богу!.. Тогда все еще спасти можно. Хочешь, я переговорю съ твоимъ свекромъ? Все ему расскажу?.. Онъ проститъ, да и заступится, навѣрно...

— Ой, барыня?.. Развѣ можно? Развѣ свекоръ тому повѣритъ. Онъ въ Лезарѣ души не чаётъ... Да и меня развѣ передъ мужемъ за Ѳомку покроетъ?

Она опять разрыдалась.

— А, мнѣ кажется, тутъ одинъ только Агаѳонъ и можетъ помочь! Ты не бойся, я пошлю за нимъ, я сумѣю уговорить его... А ты отдохни пока...

Лиза кликнула Симу и велѣла ей переодѣть и уложить Маревну, а сама пошла писать письмо, которое черезъ полчаса уже везъ Павлушка за пазухой въ Колычево. «Приѣзжай немедленно по важному дѣлу,—стояло въ немъ:—кстати захватишь домой и Маревну, оно пришла навѣститъ Симу, да что-то прихворнула...»

Отправивъ Павлушку, она заглянула въ зальце... Оно было пусто. Въ мозгу ударяла фраза Маревны: «съ деверемъ все едино, что съ братомъ роднымъ»... А она вѣнчаться съ деверемъ согласалась. Недаромъ церковь этого не допускаетъ... Да, полно, развѣ состоится когда-нибудь это вѣнчаніе? Съ самаго приѣзда Алексѣй ни словомъ не заикается объ немъ... Да и вообще ничего, ничего неизвѣстно, что будетъ, какъ устроится ихъ жизнь... И опять ихъ разговоръ ничѣмъ не кончился и главное не договорено.

Сжавъ ладонями голову, она пошла наверхъ, а за нею вдонку уже бѣжала вернувшаяся изъ церкви веселая, оживленная Маруся.

— Мама! Мамочка! Вотъ умора! Мы встрѣтили Михалку, и тетя Оля стала благодарить его за конфеты и за стихи... Если бы ты видѣла, что съ нимъ сдѣлалось! Стоить, руки растопырилъ, глаза выпучилъ, а тетя Оля-то издѣвается, — и Пушкинымъ его, и Гейне, и Гюго величаетъ... Танька его вся зеленая, какъ мышъ, на крупу надулась, а тетя Оля спрашиваетъ: «Это дочка ваша? Какая хорошенькая и какъ на васъ похожа! Я сразу узнала!..» Вотъ умора! Они до самаго дома насъ проводили.

Лиза хочетъ улыбнуться, улыбается. Но на душѣ адъ. Давить что-то... Да, онъ не пошелъ за нею, когда она бросилась на голосъ Маревны, и разговоръ ихъ оборвался, и снова они не помирились. Что жъ это будетъ?...

Никогда не была Ольга такъ въ ударѣ, какъ въ этотъ вечеръ.
«Я вамъ пишу... Чего же болѣ?» поетъ она. Алексѣй съѣлъ аккомпанировать, потому что Лизу вызвали въ Агаѳону. Она увела его наверхъ.

Старикъ сидитъ потупившись. Съдая, кудрявая голова низко опустилась. Никогда не бывало позора въ его семьѣ, никто не баловался. И его покойница Орина, и Луша, и первая жена Тихона Олена—всѣ себя соблюдали, всѣ изъ своихъ колычевокъ были. Тогда Евграфовъ еще не царилъ, попоекъ съ пріятелями, куда дѣвокъ сгоняютъ да апельсинкой и мадерами угощаютъ, не устраивалъ, не баловались, жили по скромному. Теперь не то. Онъ Маревну изъ чужой деревни и взялъ, потому что о Колычевѣ теперь молва, какъ о слободкѣ Евграфовой, идетъ. А тутъ и на вотъ! Грѣхъ съ ней чуть и не случился... Оно, сказать по правдѣ, и Тихонъ не кладъ,—не мужъ такой красоткѣ, а Ѳомка охальникъ и хохоръ извѣстный... Оба молоды, а молодыхъ дьяволь и охаживаетъ, потому молятся мало, не до поклоновъ, охоты мало, а работы много... Въ день и безъ молитвы накланяешься, особливо баба.

— Слушай, Агаѳонъ,—говорить Лиза, и ея бѣлая барская рука любовно и ласково лежитъ на рукавѣ синяго мужицкаго армяка:—ты долженъ по христіанству простить Маревну. Вѣдь ей семнадцать лѣтъ всего! А Тихону подъ сорокъ. Развѣ это не понятно, что она могла увлечься другимъ? Я не говорю, что она хорошо поступила, напротивъ! Да она и сама сознаетъ это и убивается по себѣ... Вѣдь если ты не простишь ее, не приголубишь, не возьмешь подъ свою защиту,—она на себя руки наложитъ, и ея смерть на твою же душу ляжетъ.. А кто знаетъ,—не начни Лезарь приставать къ ней, можетъ быть, и Ѳомка ей на умъ не пошелъ бы... Вѣдь Лезарь Маревнѣ тоже чуть что не въ отцы годится.

— И то годится. Погодки они съ Тихономъ-то!—отвѣчаетъ, не поднимая глазъ, старикъ.

— Ну, вот видишь! Ему бы ее уму-разуму учить, а онъ ее на грѣхъ склонялъ. И я прошу тебя—прости ее! Позови сюда и приласкай! Сдѣлай это для меня... въ память тети... Будь она жива, она тоже тебя, навѣрно, о томъ же попросила бы!

Елизавета Ивановна ласково кладетъ ему руку на плечо. Молчаніе... Наконецъ Агаеонъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на барыню.

— Вотъ что, матушка, Лизавета Ивановна! Хорошо... быть твою! Сдѣлаю я, о чемъ просишь, но не ради тебя и памяти тетьки твоей, покойной генеральши, а,—онъ запнулся и выговорилъ тихо, но внятно:—въ память отца твоего, Ивана Николаича. Ты вотъ сказать изволила,—Маревна руки на себя наложить и смерть ся на душу мою падеть? А, можетъ статья, на моей душѣ давно другая тяготѣетъ и Богъ меня за нее позоромъ сегодня покаралъ. Слушай меня, Лизавета Ивановна, слушай и не перебивай, а я какъ на духу все скажу тебѣ... Видишь ли, смолоду намъ, колычевцамъ, трудно жилося, потому управителемъ надъ нами дѣдъ твой покойный, полякъ, былъ. Онъ хуже скота понукалъ насъ, такъ и звалъ: быдло—по-польски, пока отецъ твой наслѣдства отъ дядюшки своего не принялъ, отъ покойнаго, значить, Арсенія Михайловича... И подъ нимъ мы впервой вздохнули. Онъ тогда мнѣ допрежъ всего и лошадь подарилъ, моя какъ разъ о ту пору пала, и сталъ меня панъ польскій нещадно изъ-за нея тѣснить. Ну, а я страсть озорной былъ и обиду на него затаилъ. Онъ въ тетьку къ барину попалъ, а тутъ воля вышла... И я совсѣмъ очумѣлъ, да и порѣшилъ хорошенько пану насолить, благо теперь ужъ на конюшнѣ драть ему насъ да затрещинами на барщинѣ кормить отъ царя не полагалось... Вотъ я и поднялъ на него село-то. «Не хотимъ, молъ, на тебя работать. Съ голоду подохнемъ, а батраками подъ тобою не станемъ»... И столько мы отказомъ тѣмъ барину убытковъ причинили, что батюшка твой, говорятъ, съ того и Богу душу отдалъ. Иные баяли, съ тоски будто по дому сгорѣвшему... Не знаю... Но только тогда я нисколько, ни вотъ ни капельки себя его смерти причиннымъ не считалъ... А теперь не знаю самъ съ чего... Сижу это у себя въ слесарнѣ, писаніе читаю, и вся жизнь прошлая, ровно на картинѣ нарисованная кѣмъ, передо мною лежитъ... И многое мнѣ понятнымъ становится, о чемъ я и не помышлялъ... Вѣдь чѣмъ я мужиковъ-то тогда подвѣлъ? За чѣмъ, молъ, твой отецъ выкупныя съ насъ беретъ... Земля наша, мы ее вѣкъ робили, а тутъ выкупъ за нашъ же потъ плати... Темень я тогда, Лизавета Ивановна, былъ, не понималъ, что всякому свое, все доброе, что отъ отца твоего видалъ, забылъ и помнилъ только однѣ обиды... Ну-съ... продали Колычево... Новые господа пріѣхали, а я рѣшилъ—подальше отъ нихъ, да людей посмотрѣть хотѣлъ, въ Питеръ и снаряжился... Орину съ ребятенками за себя

въ соху запрягъ, а самъ ай-да въ столицу, на житье столичное... Нечего сказать, житье хорошее,—одинъ грѣхъ, да соблазнъ... А тутъ еще стрикулисты кругомъ такъ и шныряютъ. Я мостъ Литейный строилъ... меня подъ водою немного поумяло, въ больницу сволокли... рядомъ со стрикулистомъ уложили... Тотъ и такъ, и этакъ, и про царя, и про помѣщиковъ, и про землю... «Хочешь, говорить, читать выучу, все самъ прочтешь»... Выучилъ, не будь лихомъ помянуть... А только я сперва думаю, дай-ка писаніе святое почитаю... И какъ сталъ читать, какъ прочелъ, что Богъ еще первому человѣку наказалъ: въ потѣ лица твоего работай за хлѣбъ свой, такъ и открылись у меня глаза... Дальше—больше. И знаю я теперь, матушка моя, почему мужикъ, и надъ нимъ баринъ, а надо всѣми царь... Почему, гдѣ мужику копейка, барину десять рублей приходится, а царю и тысяча,—потому моею копейкой мнѣ лишь себя да семью кормить положено, а около барина деревня кормится, а отъ царя весь народъ. И какъ кто меня ни сбивай, никому не сбить... А тогда я слѣпымъ былъ и не понималъ, что не только отца твоего разорялъ, а и себя и другихъ приработка лишалъ... И какъ ни странно, только намеренно все припомнилъ и понялъ, сколько на душѣ моей грѣха, и подумалось: не я ли и смерти батюшки твоего виною? Думалъ, какъ увижу тебя, прощенья испрошу... А тутъ ты сама вдругъ за мною плешь и за Маревну просишь... Нѣтъ, то меня прости сперва, потому я отъ тебя, отъ махонькой, быть можетъ, отца отнялъ!.. На чужое зарился... А Лезарь... это кара моя... За грѣхи Богъ сыномъ покаралъ... Такъ ужъ сперва ты меня прости, чтобы и мое прощеніе передъ Богомъ значило...

Онъ всталъ и, тяжело опустившись на колѣни, поклонился въ землю.

— Встань! Встань!—проговорила Елизавета Ивановна, отирая обильныя слезы.—Богъ тебя простить... Развѣ ты могъ знать, что такъ выйдетъ?.. Но и ты прости Маревну. Я схожу за нею... А ты будь съ нею поласковѣе.

Она приподняла старика съ пола, трижды, словно христуясь, облобызала съ нимъ и легкой походкой побѣжала за молодухой. Та побѣлѣла, но покорно пошла за барыней навѣрхъ.

— Ничего! Ничего!—ободряла ее Яшнева... Но какъ только открылась дверь и Маревна увидала Агаѳона, силы ея не выдержали. Съ воплемъ повалилась она въ ноги старику и, касаясь головою его сапогъ, зарыдала:

— Батюшка! Батюшка! Казни меня, окаянную!..

Елизавета Ивановна закрыла двери и перекрестилась. Слезы ея опять лились рѣкою, но зато тяжесть, которая давила уже три недѣли, понемногу начала расходиться. На сердцѣ стало свѣтлѣе. Дѣйствительно, она слишкомъ мрачно смотреть на

жизнь... Много въ ней горя, но много и хорошаго, много людей съ хорошей душою... И Алексѣй тоже неправъ въ своихъ воззрѣніяхъ на мужиковъ. Онъ ихъ за людей не считаетъ, но не все между ними воры и мошенники, есть и чуткіе сердцемъ и съ доброй душой.

Улыбаясь, шла она по лѣстницѣ и слышала изъ-за запертой двери къ свекру голосъ Маруси, бойко отвѣчавшей старику урокъ. Рядомъ въ зальцѣ было зато совершенно тихо... Неужели Ольга съ Алексѣемъ тамъ?.. Вѣроятно, соблазнились свернувшей къ вечеру на морозъ погодой и пошли погулять. Сердце слегка кольнуло, но она поборола нехорошее чувство и открыла дверь...

«Поиграю пока... Это тоже успокаиваетъ...»

За роялемъ, откинувшись къ спинкѣ стула и запрокинувъ голову, сидѣла Ольга. За стуломъ стоялъ Алексѣй. Онъ все ниже и ниже наклонялся къ женскому лицу съ подведенными бровями и вдругъ прильнулъ къ накрашеннымъ—Лиза знала это—румяннымъ губамъ...

Дверь вырвалась изъ трясущихся рукъ и захлопнулась съ трескомъ. Еще хватило силы пройти въ комнату свекра, но тамъ ноги подкосились... Маруся загнулась на полусловѣ. Голова ея матери упала на раскрытый атласъ Куторги, и въ комнатѣ послышалось громкое, душу рвущее рыданіе. Почти слѣдомъ вошелъ Алексѣй.

— Что съ вами? Что случилось... Да говорите же!—просипѣлъ перепуганный Игнатій Львовичъ.

Лиза вскочила и повернулась къ деверю.

— Уходите... Уходите... Идите къ ней!.. Я все видѣла...

— Я знаю!—холодно и спокойно, неестественно улыбаясь, вымолвилъ онъ.—Фатенька... я пришелъ сказать тебѣ... что уѣзжаю... сегодня... даже сейчасъ...

Онъ подошелъ къ невѣсткѣ и тихо прибавилъ, но такъ, что Маруся слышала:

— Не надо было откладывать... Я вѣдь просилъ ѣхать немедленно. Впрочемъ, такъ оно для всѣхъ лучше!..

XXXIX.

Я грезы мои золоты
Въ душистый вѣнокъ запледа,
И сердце мое и цвѣты я
Тебѣ на алтарь принесла.

Ты принялъ ихъ гордо, небрежно,
Вѣдь даръ былъ ничтоженъ и малъ.
Ты сердце, любившее нѣжно,
Вѣнокъ уронивъ, растопталъ.

(«Листы пожелтѣлы». М. К.).

Курьерскій поѣздъ несется на сѣверъ уже цѣлыя сутки. Снѣжные хлопья облѣпили окна. Пламя свѣчи въ фонарѣ слегка колеблется на ходу и освѣщаетъ двухъ тѣсно прижавшихся другъ къ другу людей.

— Навѣки? Да?—спрашиваетъ мужчина.

— Кажется... А, впрочемъ, посмотрю!—отвѣчаетъ, улыбаясь, женщина.

— Мучительница!

— Наоборотъ,—жертва... А какъ ты думаешь, тамъ ужасно шокированы, да! Вѣдь, Лиза со своимъ парфетизмомъ слегла, пожалуй, отъ негодованія на мое поведеніе! Поцѣлуй! Ха-ха-ха! И надо же было ей войти именно въ ту минуту. Интересно, что думаетъ Маруся? Она очень чуткая, все замѣчаетъ... Но это героиня... Не знаешь, что она проговорила кому-нибудь о Фроловѣ?

— О какомъ Фроловѣ?—Алексѣй глядитъ на Ольгу и не понимаетъ:—Богъ съ ними! Оставь... Это покончено... Я такъ радъ, что вырвался... Это былъ кошмаръ, сонъ отъ мертвой воды изъ стоячаго болота. Теперь,—онъ цѣлуетъ ее,—я пью живую на новую жизнь... Да, ты поѣдешь со мною? Скажи!

— Поѣду,—отвѣчаетъ она:—попалась, такъ надо слушаться!—она сама цѣлуетъ его и заливается блаженнымъ смѣхомъ.

— Попалась! Попалась!—вторитъ онъ.

— Довольно...—отстраняется Ольга:—поговоримъ серьезно. Что же ты думаешь дѣлать теперь?

— Поѣду, посоветуюсь со Смитомъ... Быть можетъ, онъ уже досталъ денегъ.

— А много надо?

— Очень много!

— Возьми у меня!

— У тебя такихъ денегъ быть не можетъ. Мнѣ нужно тысячъ сорокъ, не менѣе.

— Фь-ю!—свищетъ Ольга:—этого нѣтъ. А достать я бы, пожалуй, могла. Вѣдь, мой свекоръ—милліонеръ. Я никогда не пользовалась отъ него субсидіей, но если надо,—напишу ему. Онъ большой спекулянтъ и, можетъ быть, соблазнится, если дѣло съ будущностью.

— Съ колоссальной!

— Напишу,—не для себя буду просить.

— Нѣтъ, и для себя.

— Но объ этомъ я умолчу. Его мои личныя отношенія не касаются. Я въ его жизнь тоже не вмѣшиваюсь. Да и бывать у него не люблю... Несмотря на роскошь, мнѣ у него холодно, точно въ гостиницѣ. А сына я ему отдала. Онъ его наслѣдникомъ своимъ сдѣлаетъ... Отъ своего сына, моего законнаго супруга, онъ отказался навѣки и назначилъ ему пожизненную ренту въ три тысячи рублей въ годъ, пусть пропиваетъ на здоровье, а больше ни шпинта!..

Она блаженно смѣется, а у Алексѣя голова кружится. Мысль привлечь въ дѣло нерадовскіе, «русскіе» милліоны заѣла крѣпко, а Ольга продолжаетъ, глядясь въ карманное зеркальце:

— Надъюсь, Любаша разыщеть насъ въ Петербургѣ... Ухъ! Я буду рада, когда она пріѣдетъ... Все-таки неприятно и глупо вышло... Хотя въ сущности мы оба свободные люди, и будь Лиза нормальнымъ человѣкомъ, ничего бы и страннаго въ нашемъ поведеніи не было... Вѣдь она тебѣ не жена, не невѣста, а просто belle soeur, и ей до насъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Она каменная, ни на какія увлеченія неспособная, но изъ того не слѣдуетъ, что и всѣ должны быть...

Онъ не дастъ ей докончить и крѣпко цѣлуетъ ея пахнуція помадою губы.

А поѣздъ уже громыхаетъ мимо строеній и фабрикъ съ озаренными окнами... Туманъ вдали окрашенъ зимней зарею, зарею новой, счастливой жизни, безъ предразсудковъ и рутиннаго цѣплянья за пережитки...

«Прощай, старое болото уѣздной глуши! Прощай, сѣрое существованіе провинціальной обывательщины!

Въ этой глуши вторыя сутки идетъ опять борьба за жизнь... Опять весь домъ ходитъ на цыпочкахъ, и дѣдъ и мать не отходятъ отъ узкой, дѣвичьей кровати... Сердце Маруси то колотится, точно хочетъ догнать умчавшихся, то замираетъ отъ отчаянья, что никогда, никогда не увидитъ ихъ и не вернетъ, не устыдитъ:

«Зачѣмъ вы оба, которыхъ я такъ горячо любила, которыхъ считало лучшими людьми на свѣтѣ, въ которыхъ такъ вѣрило,—зачѣмъ вы обманули меня? Какъ же жить теперь? Какъ вѣрить другимъ?» Кто виноватѣе,—она не знаетъ... Онъ ли, бросившій ея мать, или она, тетя Оля, Микина мама, похитившая его отъ подружки-невѣсты?.. Знала ли она, что Алексѣй—женихъ? Неужели знала и все-таки отняла?.. А если не знала, зачѣмъ же Маруся не сказала?.. И сердце болить, и дышать трудно, и нѣтъ мѣста нигдѣ... А мать?.. Какъ ей должно быть больно?..

— Мама!—зоветь дѣвочка:—мама!..

— Чего тебѣ, голубчикъ?—Елизавета Ивановна наклоняется надъ постелью.

— Мама, моя бѣдная мама! Какъ мнѣ жаль тебя! Какъ мнѣ больно, что это изъ-за меня! Мамочка... прости!.. Я не хотѣла... Я сама мечтала... Вѣдь я слышала, что онъ звалъ тебя вѣнчаться... Зачѣмъ ты не поѣхала тогда?

— Не волнуйся, дѣтка, тебѣ нельзя волноваться... Опять припадокъ будетъ... У тебя послѣ дифтерита сердце еще не отдохнуло...

Дѣдъ вздыхаетъ, но бодрится.. Одной рукой онъ обнимаетъ сноху, другой жметъ влажную дѣтскую руку и говоритъ:

— Ничего! Справимся... Все перемелется—мукой станетъ... Все-таки насъ трое...

— Нѣтъ,—силится улыбнуться ему въ тонъ дѣтскія губы:— четверо... А Кирилловна!..

Дверь тихо-тихо отворяется. Легкая на поминѣ старушка махнитъ пальцемъ барыню. Елизавета Ивановна осторожно выходитъ. Въ передней Любаша.

— Я, барыня, проститься пришла,—всѣ вещи уложила. Кофточку вашу, что недошита, я Симѣ оставила, она докончить... А тутъ вамъ отъ барыни письмо...

Привычнымъ, не разъ, видно, продѣланнымъ движеніемъ Любаша вкладываетъ въ руку Лизы надушенный конвертъ и, чмокнувъ эту руку, ретируется...

Знакомые духи Ольги ударили по нервамъ. Все только что вчера испытанное, но еще не пережитое, бьетъ по сердцу. Лиза рветъ письмо на клочки, не распечатавъ. Какія тутъ оправданія и объясненія?.. Она входитъ къ дочери. Та спитъ, а Игнатій Львовичъ считаетъ перебой пульса.

— Только бы сердце выдержало!

Эндокардитъ?—избави Богъ!.. И старикъ серьезенъ до мрачности. Ни одной мысли объ уѣхавшемъ сынѣ. Всѣ чувства, познанія, опытъ сосредоточены у этой узкой дѣвичьей постели. Одно, по его миѣнію, хорошее въ Марусиной болѣзни,—что ея матери некогда думать о себѣ...

— Только бы сердце выдержало!..

Кирилловна, проводивъ Любашу, кладетъ безсчетные поклоны образу «барынинаго ангела».

— Матушка-голубушка! Умоли Богородицу не отнимать отъ насъ отроковицы Маріи!.. Жизни безъ нея не будетъ!.. Матушка, сжалась!.. Пошли ей силъ!.. Не оставь насъ, сиротъ твоихъ!..

Скрипнула половица, и подъ руку подкатилась катушка сиреневаго шелка, оброненная Любашей.

«Точно сонъ какой!.. Не думали не гадали.—На-те!..»—думаетъ боярышня Нарышкина, убирая ее въ комодъ.

Въ избѣ у Агаѳона тихо. Только постъ сверчокъ, да за стѣною жужитъ телка. Маревна лежитъ на полатахъ рядомъ съ Анюткой.

На будущей недѣлѣ Агаѳонъ снаряжаетъ ихъ съ Тихономъ въ Москву, въ извозчики. То-то радость! Лезара старикъ пробралъ съ пескомъ и держитъ у себя въ горенкѣ. Онъ съ Лушей останется хозяйствовать въ Колычевѣ у отца на глазахъ... А ихъ старикъ отпускаетъ.

— Вольные будемъ!—думаетъ Маревна...

И съ Оомкой кончено... И тутъ воля... Ему, пока она у Симы гостила, такъ бока колычевцы намяли, что онъ расчетъ у Демьяныча взялъ. Въ губернію поѣхалъ. Скатерью дорога!.. Все сошло, какъ навожденье!

«А ужъ въ Москвѣ на мужа такъ работать буду, такъ буду!— все передъ нимъ и батюшкой заслужу», думаетъ молодуха и рисуетъ себѣ улыбку Тихона.

.....
Въ домѣ съ переходами сидитъ за конторкой Михаилъ Демьяновичъ. Его вчера съ утра вызвали на заводъ, и онъ ничего еще не знаетъ о бѣгствѣ Ольги, о чемъ уже жужжитъ весь Горскъ. Голову ломаетъ онъ, какъ бы почаще видѣться съ нею: итти къ Яшневымъ—и думать нечего! Развѣ мировую предложить? Но какъ?.. Клинь отдать—дорого... Могилы уступить—случай упустишь!..

— Эхъ, жисть каторжная. Вѣкъ, что птица въ сѣткахъ, бейся! А ужъ какъ падеть на сердце зазноба—того горше!..

М. Веселкова-Кильштеть.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАПИСКИ ГРАФА Н. П. ИГНАТЬЕВА ¹⁾.

ХІ.

О ОКОНЧАНИИ конференціи и разъѣздѣ пословъ я вернулся въ Россію чрезъ Аѳины, съ цѣлью узнать дѣйствительное расположеніе грековъ, въ случаѣ войны, и доказать имъ, что, защищая болгаръ, мы вовсе не полагаемъ жертвовать дѣйствительными интересами первыхъ, а желаемъ лишь справедливаго удовлетворенія обѣихъ національностей, намъ единовѣрныхъ.

Главнокомандующій нашу дѣйствующею армію въ Кишиневѣ поручилъ начальнику своего штаба письменно выразить мнѣ желаніе его высочества свидѣться со мною или же получить отъ меня письменное разъясненіе настоящаго положенія дѣлъ и чего нужно ожидать отъ грядущихъ событій. Письмо отъ 13-го января получено уже было мною въ Петербургѣ. Генераль Непокойчицкій ²⁾ изъясняетъ въ немъ, что, по мнѣнію великаго князя, лучшимъ исходомъ былъ бы «союзъ нашъ съ Англіею для совокупныхъ дѣйствій, направленныхъ на Константинополь, съ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХVI, стр. 430.

²⁾ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, воспитанникъ пажескаго корпуса и военной академіи, отличился въ венгерскомъ походѣ 1849 года и во время крымской кампаніи. Въ шестидесятихъ годахъ былъ предсѣдателемъ военно-кодификаціонной комиссіи. При главнокомандующемъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ былъ начальникомъ главнаго штаба арміи во время русско-турецкой войны 1877—78 гг., Умеръ въ 1881 году. А. Б.

тѣмъ, что великобританскій флотъ займетъ Дарданеллы и Босфоръ, чтобы встрѣтить русскихъ въ оттоманской столицѣ, въ качествѣ друзей и союзниковъ»... «Не стараясь вамъ льстить,—писалъ Непокійчицкій,—я позволю себѣ высказать откровенно мнѣніе мое, что, благодаря вашему таланту и предусмотрительности, вы сумѣли привести къ такому неожиданному согласію всѣхъ европейскихъ членовъ конференціи константинопольской, что вы заставили сдѣлать громаднѣйшій шагъ къ разрѣшенію важнаго восточнаго вопроса. Соглашеніе между Россіею и Англіею будетъ имѣть громадное значеніе въ разрѣшеніи этой трудной задачи».

Вотъ какія мысли и заботы господствовали въ штабѣ дѣйствующей арміи, наканунѣ, такъ сказать, открытія военныхъ дѣйствій.

Уѣзжая изъ Царьграда, Салисбюри дѣйствительно былъ расположенъ къ полному согласію съ Россіею, о чемъ свидѣлствуютъ всѣ бесѣды его со мною не только о турецкихъ, греческихъ и европейскихъ дѣлахъ, но и специально средне-азіатскихъ, въ связи съ вопросомъ, касающимся Индіи. Англійскій министръ убѣдительно звалъ меня съ моею женою въ Англію къ себѣ въ гости и выражалъ желаніе, чтобы наши политическія сношенія не ограничились константинопольскими переговорами. Впечатлительный, увлекающійся и крайне честолюбивый, Салисбюри по пріѣздѣ въ Англію увидѣлъ, что онъ недостаточно силенъ, чтобы побороть вліяніе и мысли Биконсфильда, а потому,—преимущественно изъ партійныхъ видовъ и личной ненависти къ Гладстону,—сблизился съ господствующими въ рядахъ тори (консерваторовъ) возрѣніями на восточный вопросъ, тѣмъ болѣе, что никто не поддерживалъ добраго расположенія, вывезеннаго имъ съ Босфора, а, напротивъ, многіе, и даже русскій посолъ въ Лондонѣ, задѣли самолюбіе англійскаго министра замѣчаніями и даже насмѣшками, что «онъ поддался личному моему вліянію и былъ мною коварно обойденъ». Въ этомъ частномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ въ продолженіе 1876—1878 годовъ личные вопросы препятствовали успѣху русскаго дѣла и имѣли слишкомъ значительное вліяніе. Славяне, при видѣ безкорыстной рѣли, разыгранной Россіею на конференціи, продолжали питать къ ней полное довѣріе и возлагали на нее одну всѣ свои надежды. Не говоря уже о сербахъ, видѣвшихъ въ насъ своихъ спасителей, болгары слѣпо насъ слушались и готовы были подчиниться всѣмъ распоряженіямъ русскаго правительства. Черногорцы неизмѣнно не отдѣляли своего дѣла отъ русскаго, поддерживая полную солидарность. Во время конференціи я получилъ отъ князя Николая (отъ 24-го ноября) слѣдующее письмо: «Курьеръ, посылаемый къ вамъ Ионинимъ (генеральный консулъ) доставляетъ мнѣ возможность написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобы выразить снова вамъ, до какой степени я признателенъ вамъ за со-

вершенно особенное участіе, принимаемое безпрестанно вами въ интересахъ Черногоріи, несмотря на множество важныхъ дѣлъ, которыми вы поглощены. Будучи въ этомъ убѣжденъ, я никакъ не позволю себѣ поручать страну мою особому вашему попеченію въ продолженіе начатыхъ нынѣ вами переговоровъ. Я знаю, что наши интересы въ хорошихъ рукахъ, когда ваше превосходительство нами занимаетесь. Пребываю въ полной увѣренности, что вы лично и правительство ваше не пощадите никакихъ усилій, чтобы поставить насъ и нашихъ сосѣдей (т. е. герцеговинцевъ) въ надлежащее положеніе, доставивъ намъ тѣ небольшіе участки земли и моря, которые намъ нужны для того, чтобы мы могли дышать.

«Ограничусь выраженіемъ, изъ глубины сердца, признательности князя и страны за то добро, которое вы уже намъ дѣлали и которое вы, несомнѣнно, еще намъ принесете, если только вы будете въ состояніи достигнуть желаемого.

«Вамъ, конечно, пріятно будетъ получить отъ меня завѣреніе, что, несмотря на тяжелыя испытанія, перенесенныя какъ прежде, такъ и во время войны, Черногорія тверда и всегда въ готовности нравственно и физически; она желаетъ мира,—если только она можетъ достигнуть почетнаго и вѣрнаго,—но и готова снова биться съ врагомъ, если это окажется нужнымъ.

«Примите выраженіе моихъ неизмѣнныхъ чувствъ признательности, искренняго уваженія и высокаго почитанія.

«Князь Николай».

По пріѣздѣ въ Петербургъ я впервые узналъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ переговоровъ съ Австро-Венгерією, сущность которыхъ по просьбѣ графа Андраши и по настоянію канцлера, безпечившаго австро-венгерскаго министра своимъ честнымъ словомъ,—тщательно отъ меня скрывалась, въ увѣренности, что я не одобрю уступокъ и рѣшусь открыть государю глаза на всѣ ихъ послѣдствія.

К. П. Побѣдоносцевъ ¹⁾, лично интересовавшійся не только православными, но и славянскими дѣлами, вручилъ мнѣ записку,

---

¹⁾ Константинъ Петровичъ былъ государственнымъ, но не общественнымъ человекомъ. Поэтому слѣдуетъ отмѣтить, что, относясь съ глубокимъ пониманіемъ къ славянскому вопросу и къ защитѣ русскихъ людей и русской государственности въ сложныхъ условіяхъ, существующихъ на окраинахъ Россіи онъ тѣмъ не менѣе не принималъ личнаго участія въ общественной дѣятельности по славянскому дѣлу. Онъ никогда не числился въ рядахъ славянскаго общества, даже въ тѣ годы, къ которымъ относится настоящее изложеніе, когда члены насчитывались тысячами. Лишь въ 1885 году его избрали почетнымъ членомъ петербургскаго славянскаго общества.

А. Б.

въ которой излагались воззрѣнія австрійскихъ славянъ на наши переговоры съ Вѣною. Упомянувъ, что всѣ извѣстия держатся слуха, что состоялось соглашеніе въ случаѣ войны Россіи съ Турціею отдать въ распоряженіе Австріи Боснію, Герцеговину, Старую Сербію и турецкую Кроацію, авторъ записки признавалъ, что этотъ послѣдній клочокъ—католическій и тянетъ къ Кроаціи, съ ея епископомъ Штроссмайеромъ¹⁾, но Боснія, Герцеговина и Старая Сербія большею частью православныя и безъ нихъ ни Сербія, ни Черногорія не имѣютъ никакой будущности, а изъ вассальства турецкаго перейдутъ въ худшее моральное и экономическое вассальство Австріи и папы. Многіе изъ дипломатовъ, даже русскихъ, говорятъ: Австрія на свою голову присоединитъ столько славянъ. Можетъ быть, со временемъ, но результатъ этотъ сомнителенъ; теперь же—на голову Россіи.

Какой же будетъ плодъ самой блистательной войны Россіи даже съ искреннимъ (весьма сомнительнымъ) содѣйствіемъ Австріи, и всѣхъ жертвъ, нами принесенныхъ. Русская кровь, русскія деньги, весь безкорыстный подвигъ Россіи будетъ совершенъ для интересовъ Австріи, для того, чтобы ей присоединить къ себѣ и римской курии три православныя славянскія провинціи и уничтожить всю будущность тѣхъ православныхъ княжествъ, которыя начали кровавую борьбу. Возстановленіе какого-нибудь сноснаго порядка въ Болгаріи не замѣнитъ Россіи потери довѣрія не только славянъ, но и самой Россіи къ своему призванію, къ своему правительству. Славянскіе патріоты считали это такъ важнымъ, что полагали, что если такое соглашеніе съ Вѣною существуетъ, о которомъ распространялись слухи²⁾, то несравненно лучше отказаться отъ войны

¹⁾ Это единственный клочокъ Турецкой имперіи, который я соглашался уступить Австріи при освобожденіи Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Князь Горчаковъ успокаивалъ мои подозрѣнія насчетъ послѣдствій рейхштадтскаго свиданія завѣреніемъ, неоднократно повтореннымъ, что именно лишь этотъ сѣверо-западный участокъ Босніи Россія согласилась передать Австро-Венгріи, но никакъ не всю Боснію и отнюдь не Герцеговину. Между тѣмъ обстоятельства доказали, что или соглашеніе съ гр. Андраши было основано на недоразумѣніи, или же князь Горчаковъ старался лишь усыпить мою бдительность, дѣйствуя противъ меня въ личномъ союзѣ съ графомъ Андраши. Авт.

²⁾ Весьма важно въ точности опредѣлять, въ какомъ положеніи были переговоры о тайномъ соглашеніи между Россіей и Австріей въ концѣ января 1877 года, т.-е. къ тому времени, когда Н. П. Игнатьевъ, послѣ конференціи, вернулся въ Петербургъ. Не подлежитъ теперь сомнѣнію, что князь Горчаковъ тщательно скрывалъ отъ Игнатьева, по крайней мѣрѣ въ этотъ моментъ, существо переговоровъ съ Австріею. Поэтому, опредѣляя здѣсь степень ихъ развитія къ 1-му февраля 1877 года, мы вмѣстѣ съ тѣмъ пытаемся выяснитъ объемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя скрывались нашею дипломатіею отъ главнаго дѣятеля нашей восточной политики наканунѣ войны съ Турціею. Точныя данныя, освѣщающія этотъ вопросъ, мы находимъ у *С. М. Горяинова* «Босфоръ и Дарданеллы» (стр. 291—311). Сводя эти свѣдѣнія въ общую справку, въ отношеніи содержанія дипломатической переписки и размѣщенія датъ, мы получаемъ слѣдующее:

(покуда) и объявить, что мы развязались со всякими соглашениями и возвращаемъ себѣ свободу дѣйствій. Безъ содѣйствія Австріи только и можно вести войну по восточному славянскому вопросу. Съ ея содѣйствіемъ дѣло проиграно заранѣе).

Мнѣнія эти согласовались вполнѣ съ взглядомъ моимъ на восточный вопросъ, проводимымъ мною постоянно, но противорѣ-

1) Въ *Рейхштадтѣ* (26-го іюня (8-го іюля) 1876 года) предполагалось гораздо меньше льготъ для Австріи, нежели она себѣ выговаривала впоследствии: рѣчь шла не болѣе, какъ о такъ называемой «*турецкой Хорватіи*» и о «*нѣкоторыхъ округахъ Босніи, смежныхъ съ границей*»; по зато и наши операціи, на которыя Австрія обязывалась смотрѣть дружелюбно, *предвидѣлись только въ Азіи*, а отнюдь не въ Европейской Турціи.

Уже тогда было извѣстно, что «военная партія въ Вѣнѣ убѣдила Франца-Иосифа въ необходимости присоединить къ имперіи *всю Боснію*» (См. Горяиновъ, стр. 291, 292 и 295).

Такимъ образомъ, уже на другой день послѣ Рейхштадта ясно было, что мы, гоняясь за призракомъ, отдали самое главное: *гарантію недопущенія образованія крупнаго славянскаго государства*, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы ничѣмъ не связали Австрію, которая, по выраженію Горяинова, стремилась «*крадучись, занять Боснію, не объявляя войны Турціи*», и въ сущности сохраняла свободу дѣйствія. Не прошло полугода послѣ Рейхштадта, какъ Австрія, даже безъ всякой новой конвенціи съ нами, стала утверждать, будто «*Герцеговина по рейхштадтскому соглашенію включена въ сферу вліянія Австріи*»; Францъ-Иосифъ прямо заявилъ это нашему послу Новикову, а Графъ Андраши объяснилъ *простою опискою неупоминаніе Герцеговины въ памятной запискѣ, изложенной въ Рейхштадтѣ*» (депеша 3-го (15-го) ноября 1876 г.; Горяиновъ, стр. 301). Эта документальная справка показываетъ ясно, что всякое соглашеніе съ Австріей было безусловно опасно и совершенно бесполезно, такъ какъ мы строго соблюдали, до рыцарской наивности, возлагаемая на насъ ограниченія, а Австрія не признавала себя связанной даже точно уложеннымъ текстомъ принятыхъ соглашеній. Тѣмъ не менѣе наша дипломатія, вѣчно преслѣдуя призраки, задалась цѣлью связать эту неуловимую Австрію рядомъ другихъ соглашеній. Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутыхъ выше австрійскихъ заявленій нашъ посоль Новиковъ изложилъ проектъ *двухъ конвенцій* (первая—военная, вторая—территориальная), изложенныхъ въ духѣ австрійскихъ пожеланій (см. у Горяинова, стр. 302: депеша 14-го (26-го) ноября 1876 года).

Это, повидимому, тотъ моментъ, о которомъ говорится (нѣсколько ниже) въ настоящихъ «Запискахъ», что, когда Новиковъ сообщилъ кн. Горчакову проектъ конвенціи, выработанной имъ съ графомъ Андраши, на него были сдѣланы замѣчанія со стороны нашего военнаго министерства». Обѣ конвенціи окончены были одновременно, такъ какъ съ нашей стороны придавали, готовясь уже къ войнѣ, наибольшее значеніе первой, т.-е. военной конвенціи.

2) Подписаніе конвенцій, обусловливавшей, такимъ образомъ, *положеніе Австро-Венгеріи въ случаѣ войны Россіи съ Турціей состоялось въ Пештѣ 3-го (15-го) января 1877 года*. Австрія, которая сначала требовала не только ограниченія Россіи, дабы мы обязались не распространять наши военныя операціи на Сербію и Черногорію, но даже, чтобы сербскія и черногорскія войска не смѣли намъ оказывать содѣйствіе (до такой степени Австрія опасалась, чтобы «русская» война не превратилась въ «славянскую»), теперь же въ окончательной редакціи «военной» конвенціи потребовала лишь одного ограниченія, чтобы «занятіе Сербіи было положительно воспрещено нашимъ войскамъ»; цѣною этого ограниченія Австрія милостиво соглашалась на «участіе сербскихъ и черногорскихъ войскъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ русскими *внѣ предѣловъ ихъ княжествъ*» (Ср. Горяиновъ, стр. 304).

чили воззрѣніямъ князя Горчакова, его ближайшихъ помощниковъ и большей части нашихъ представителей за границу, въ особенноти нашего посла въ Вѣнѣ¹⁾, которые вѣрили безусловно въ императора Франца-Иосифа и графа Андраши.

Такимъ образомъ, «военная» конвенція (все пока скрываемаая отъ Игнатьева, была подписана въ Будапештѣ за пять дней до закрытія константинопольской конференціи, на которой предсѣдательствовали Игнатьевъ.

3) Третьимъ изъ важнѣйшихъ въ этомъ періодѣ актовъ является конвенція, подписанная въ Будапештѣ 6-го (18-го) марта 1877 года тѣми же уполномоченными—Новиковымъ и графомъ Андраши, но помѣченная датою 3-го (15-го) января, ради ея объединенія съ предыдущимъ актомъ. Эта послѣдняя секретная конвенція опредѣляла *территориальныя послѣдствія войны, на общемъ основаніи рейхштадтскаго договора*. Она состояла изъ трехъ статей: а) въ первой статьѣ—устанавливалось, что въ случаѣ передѣла Турецкой имперіи *Австро-Венгеря получала Боснію и Герцеговину*) за исключеніемъ узкой территоріи (Санджака) между Сербіею и Черногоріею; а Россія получала ту часть Бессарабіи, которую у нея отняли въ 1856 году; б) во второй статьѣ обусловлена была взаимная дипломатическая поддержка; в) наконецъ, въ третьей статьѣ повторялась гарантія, принятая еще въ Рейхштадтѣ, «о недопущеніи образованія значительнаго славянскаго или иного государства», объ устройствѣ самостоятельныхъ государствъ изъ Болгаріи, Албаніи, Румелии и т. д. (См. Горяиновъ, стр. 306 и 308).

Стало быть, мы можемъ теперь съ ясностью сказать, что Игнатьевъ прибылъ въ Петербургъ какъ разъ въ тѣ дни, когда въ глубокой тайнѣ вырабатывались (скрытно отъ него) тѣ именно пункты Будапештскаго акта, коими рѣшалась судьба Босно-Герцеговины. Именно въ эти дни кн. Горчаковъ, «отлично сознавая, что уступка славянскихъ земель австро-венгерской монархіи могла возбудить негодованіе въ Россіи», (см. Горяиновъ, стр. 307), поручалъ Новикову выяснить будущее положеніе этихъ земель; и о на этотъ счетъ Андраши уклонился отъ категорическаго отвѣта (см. письмо Горчакова 26-го января и отвѣтъ Новикова 19-го февраля 1877 года). Дальше, въ «Запискахъ» изъ примѣчанія къ тексту мы усматриваемъ, что Игнатьевъ впервые узналъ, по приказанію самого государя, «содержаніе конвенціи» лишь 12-го января 1878 г. При этомъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы Игнатьева тогда посвятили во *всю* переписку, которая тридцать лѣтъ спустя сдѣлалась уже достояніемъ науки. Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ до послѣдней крайности умѣло отстаивать свои тайны, даже отъ своего наиболѣе гениальнаго представителя!

А. Б.

¹⁾ Къ иллюстраціи этого мѣста изъ «Записокъ Игнатьева» могутъ служить слѣдующія мнѣнія двухъ нашихъ дипломатовъ того времени:

а) посоль нашъ въ Вѣнѣ *Новиковъ* писалъ канцлеру Горчакову (20-го сентября 1876 года): «Я не могу скрыть моей симпатіи къ рейхштадтскому соглашенію. Мнѣ кажется, что съ политической точки зрѣнія намъ довольно безразлично, что нѣскольکو сотъ тысячъ босняковъ, изъ нихъ большею частью католиковъ и мусульманъ, чувствуютъ естественное влеченіе къ сосѣдней монархіи...» (Горяиновъ, стр. 296).

б) Нашъ посоль въ Берлинѣ—*Убри*—писалъ канцлеру (нѣсколько позже): «Я помню, что вы мнѣ выражали намѣреніе не жертвовать русскими выгодами въ пользу какихъ-то преходящихъ интересовъ славянскихъ и другихъ... Война могла бы помѣшать преуспѣянію Россіи... Можно ли желать этого, особенно въ виду войны неопредѣленной, предпринятой въ пользу одной идеи безъ существа, безъ осязательной причины... Дѣло идетъ объ улучшеніи положенія народностей, которая, какъ онѣ только что доказали, еще не созрѣли и сами себя вовлекли въ настоящія затрудненія, несмотря на наши предупрежденія». (Горяиновъ, стр. 296).

Вотъ, какимъ языкомъ говорили противники Н. П. Игнатьева. При такихъ со- вѣтчикахъ и представителяхъ нашей державы можно только подивиться диву изъ чу-

Когда Новиковъ сообщилъ князю Горчакову проектъ конвенціи, выработанной имъ съ графомъ Андраши, на него были сдѣланы замѣчанія со стороны нашего военного министерства ¹⁾. Въ проектѣ этомъ выяснилось, что австрійцы крѣпко держатся за прибрежные герцеговинскіе округа—Зубцы и Суторину (гдѣ было первое возстаніе, поддержанное австрійскими агентами) и за дорогу отъ Требинья до Вышегорода и ²⁾ что, ограничивая съ точностью Черногорію, они всячески уклоняются какъ отъ обозначенія черты собственныхъ своихъ приобрѣтеній, такъ и опредѣленія будущихъ границъ Сербіи. Графъ Андраши, умалчивая до поры до времени о судьбѣ промежуточной между Сербіей и Черногоріею территоріи, не только не желалъ допустить, какъ онъ это открыто и рѣзко заявилъ нашимъ дипломатамъ, соединенія границъ двухъ сербскихъ княжествъ, но, очевидно, желалъ втиснуть между ними австро-венгерскій клинъ. Наше военное министерство понимало, что конечная цѣль графа Андраши упрочить за Австро-Венгеріею вліяніе на весь Балканскій полуостровъ. Оно полагало положить этому преграду, согласившись на уступку приморской части Герцеговины, столь сродной черногорцамъ, имъ столь необходимой и даже по рѣшенію константинопольской конференціи отдававшейся князю Николаю, но зато противиться переходу австрійскихъ владѣній ²⁾ на правый берегъ рѣки Дрины и стараться обезпечить западную границу Сербіи и Черногоріи отъ австрійскихъ покушеній. Военное министерство указывало нашему послу въ Вѣнѣ, что требинье-вышегородскій путь отдать въ руки Австріи всѣ выходы на западъ изъ Сербіи и Черногоріи, открывая вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскимъ войскамъ свободный доступъ въ самое сердце Сербіи, и что результатъ удвоенія черногорской территоріи, выставляемый графомъ Андраши, не имѣетъ самъ по себѣ никакой цѣны, ибо для спокойнаго существованія Черногоріи нужны не голыя бесплодныя скалы, изъ которыхъ преимущественно состоятъ проекти-

---

десъ, какъ это умудрилась Россія, несмотря на все, осуществить рѣдкую по духовной красотѣ и вѣрности замысла славную страницу изъ всеславянской исторіи.

А. Б.

¹⁾ Отъ меня скрывали въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ содержаніе предполагаемой конвенціи, и текстъ ея былъ мнѣ сообщенъ по личному приказанію государя лишь въ минуту моего отъѣзда въ Санъ-Стефано, 12-го января 1878 года, когда я, получивъ отъ военного министерства карту Балканскаго полуострова, составленную генераль-адъютантомъ Обручевымъ на основаніи соглашенія съ Австріею, доложилъ государю, что самый текстъ конвенціи и происходившее въ Вѣнѣ мнѣ неизвѣстны.

Авт.

²⁾ Русское посольство въ Царьградѣ употребляло всѣ усилія, чтобы отстоять права нашихъ единовѣрцевъ на самостоятельное существованіе, а въ Петербургѣ самые усердные защитники славянъ толковали о томъ лишь, чтобы не перепустить австрійскія владѣнія за Дрину, т. е. добровольно отдавали Австріи Боснію и Герцеговину.

Авт.

рованыя австрійцами прибавки, но плодоносныя поля, удобныя пастбища, хотя нѣкоторые населенные пункты и главное удобныя пути и выходы къ морю, безъ которыхъ немислимо самостоятельное существованіе этого княжества. Однимъ словомъ, въ Петербургѣ соглашались отдать Австро-Венгріи около 1.000,000—1.200,000 славянъ на берегахъ Адриатическаго моря и притокахъ Дуная и старались отстоять противъ графа Андраши лишь Сербію и Черногорію, теряя изъ виду, что самостоятельность этихъ княжествъ неминуемо исчезнетъ, какъ только Австро-Венгрія прочно завладѣетъ Босніею и Герцеговиною. Министерство иностранныхъ дѣлъ было до того ослѣплено пристрастіемъ своимъ къ Австро-Венгріи, что одинъ лишь военный министръ возсталъ противъ того, чтобы въ конвенціи нашей съ вѣнскимъ правительствомъ было упоминаемо о «возможности для насъ приобрѣтеній въ Азіатской Турціи», находя, совершенно справедливо, что принимать какой-то клочокъ «въ Армянскихъ горахъ отъ Австріи, которая ничего намъ обѣщать ни гарантировать въ Азійи не можетъ, было бы совершенно несогласно съ достоинствомъ нашего государства» ¹⁾.

Вышеизложенное достаточно выясняетъ настроеніе министерства иностранныхъ дѣлъ и насколько можно было рассчитывать на послѣдовательность, добросовѣстность и энергію дѣйствій его въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ. Насколько я лично могъ полагаться на поддержку канцлера и его ближайшихъ сотрудниковъ въ моей патріотической борьбѣ съ нашими противниками на Востокѣ, мнѣ, къ сожалѣнію, по горькому опыту было давно извѣстно. Но передъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ Константинополя я получилъ новое подтвержденіе въ письмѣ отъ 14-го декабря 1876 года опытнаго соотечественника-дипломата, находившагося тогда случайно въ Парижѣ и весьма близко знакомаго съ самыми сокровенными мыслями князя Горчакова. «Я слѣжу съ животрепещущимъ интересомъ,—писалъ онъ мнѣ,—за ходомъ мужественной борьбы, вами поддерживаемой. Да дастъ русскій Богъ вамъ побѣду и одолѣніе надъ иноплеменниками и соплеменными супостатами. Послѣдніе въ особенности должны истощать ваши силы. Какъ Вольтеръ, вы, вѣроятно, не разъ воскликнули: «Огради меня, Господи, отъ моихъ друзей, а отъ враговъ моихъ я самъ сумѣю защититься». Меня заставляютъ остановиться на этомъ предположеніи столько же лич-

---

¹⁾ Изъ сопоставленія этого мѣста «Записокъ Игнатьева» съ свѣдѣніями, имѣющимися у Горяинова (стр. 307), слѣдуетъ заключить, что Горчаковъ убѣдился доводами и критикой военнаго министра, когда онъ написалъ Новикову (28-го февраля 1877 г.), что «въ Азійи Австро-Венгрія не имѣетъ никакихъ интересовъ и что наши приобрѣтенія въ Азійи отнюдь не затрагиваютъ положенія Австріи и не потребовали бы отъ нея никакихъ жертвъ», вслѣдствіе чего изъ проекта конвенціи были исключены, по настоянію князя Горчакова, всѣ предположенія о нашихъ завоеваніяхъ въ Азійи.

А. Б.

ныя мѣстныя свѣдѣнія и опытъ, вынесенный изъ Петербурга, сколько и прочтенное только что письмо секретаря одного изъ большихъ посольствъ въ Россіи, которое содержитъ характеристическое мѣсто, воспроизведенное мною буквально: «Ничего болѣе не осталось отъ воинственнаго огня, проявившагося въ Москвѣ. Ждутъ лишь предлога болѣе или менѣе благовиднаго для отступленія. Кричать на официальныхъ крышахъ ¹⁾ о полнѣйшемъ военномъ безсиліи, объ административной неурядицѣ, о финансовомъ разстройствѣ... Что всего забавнѣе, это то, что канцлеръ вовсе не заботится ни о туркахъ, ни о болгарахъ, ни о реформахъ въ пользу христіанъ. Все его вниманіе поглощено уснѣшнымъ возвышеніемъ генерала Игнатъева, котораго онъ хочетъ осадить какою бы то ни было цѣною... Одинъ изъ довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ его мнѣ передавалъ на этихъ дняхъ съ злораднымъ выраженіемъ, что генералъ Игнатъевъ, просившій опредѣленныхъ инструкцій послѣ свиданія съ Салисбюри, получилъ лишь слѣдующій ²⁾ отвѣтъ: «Вамъ извѣстны намѣренія государя. Руководитесь ими». Совѣтникъ потиралъ себѣ руки, приговаривая: «такой искусный дипломатъ долженъ быть удовлетворенъ. Не наша будетъ вина, если онъ сообразитъ съ дороги». Надѣюсь, что секретарь преувеличиваетъ. Но, къ несчастью, это совершенно соответствуетъ привычкамъ министра иностранныхъ дѣлъ и на моей памяти совершались еще болѣе гадкія вещи относительно васъ. Всѣ эти впечатлѣнія и свѣдѣнія извѣстны всѣмъ и каждому въ Лондонѣ и въ Константинополѣ, точно такъ же, какъ въ Парижѣ и Вѣнѣ. Этимъ и объясняется неслыханная дерзость турокъ. Телеграфическія свѣдѣнія о конституціи Мидхада, Халима, Эллиота и компаніи достаточны, чтобы доказать предвзятую мысль отвергнуть всѣ постановленія предварительной (европейской) конференціи».

Что касается турокъ, то свѣдѣнія, получаемыя ими изъ Петербурга и другихъ столицъ, утверждали ихъ въ мнѣніи, что Россія не можетъ и не желаетъ *приблизиться* къ военнымъ дѣйствіямъ, а что энергически защищаетъ интересы христіанъ одинъ лишь русскій посоль, который не имѣетъ поддержки ни въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, ни въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, всячески подъ него подкапывающихся, чтобы лишить его благоволенія и довѣрія государя ³⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ министерство иностранныхъ дѣлъ исполняло свой долгъ относительно государя и Россіи, выдавая ихъ головою нашимъ противникамъ, съ которыми мнѣ приходилось бороться вопреки министерству иностранныхъ дѣлъ. Авт.

²⁾ Тутъ ничего новаго не было. Канцлеръ поступалъ такъ относительно меня съ 1867 года и никогда не давалъ своевременно опредѣленныхъ инструкцій, ни полезныхъ указаній. Авт.

³⁾ До чего дошли пелѣвые слухи распускаемые, нашими противниками свидѣтельствуетъ распространенное въ Константинополѣ извѣстіе (въ февралѣ), что я «истор. вѣстн.», июнь 1914 г., т. сxxxvi.

Всего болѣе подстрекали турокъ къ сопротивленію Эллиотъ и нѣкоторые англійскіе агенты, появляющіеся въ Стамбулѣ для возбужденія «юной Турціи», мусульманскихъ фанатиковъ, дѣйствовавшихъ наперекоръ Салисбюри и ссылавшихся на авторитетъ Биконсфильда и другихъ корифеевъ *торійской партіи*.

Убѣдившись, что объявленіе конституціи не произвело того подавляющаго впечатлѣнія на конференцію, которое имъ предсказывали Мидхадъ, Эллиотъ и коноводы юной Турціи, турецкіе савонники увѣрили, однакоже, султана, что представляется несравненно большая опасность допустить вмѣшательство Европы и возвышеніе славянъ, руководимыхъ Россією, чѣмъ рисковать столкновеніемъ съ послѣдней, такъ какъ Биконсфильдъ и Эллиотъ обезпечивали Портѣ сильную поддержку въ послѣднемъ случаѣ. Крайнимъ предѣломъ сговорчивости считали они принятіе слѣдующихъ условій изъ программы конференціи:

1) Согласиться на особенное устройство управленія трехъ областей Босніи, Герцеговины и Болгаріи, постаравшись выторговать что возможно у кабинетовъ. Но устройство это распространить на всѣ области Европейской Турціи, не допуская введенія его въ Азію.

2) Международное обязательство принять, но одинаково для всѣхъ областей Европейской Турціи.

3) Отвергая обезоруженіе однихъ мусульманъ, запретить повсемѣстно и для всѣхъ обязательное ношеніе оружія; подъ видомъ уступки, эта мѣра была направлена къ тому, чтобы отнять у христіанъ возможность вооруженнаго сопротивленія впредь.

4) Ни въ какомъ случаѣ не допускать военной оккупации, въ виду того, что вступленіемъ иностранныхъ войскъ оскорбляется національная гордость турокъ. Немногочисленный отрядъ европейцевъ не въ состояніи справиться съ мусульманскимъ населеніемъ, и предложеніе это сдѣлано единственно съ цѣлью униженія турецкаго правительства.

Графъ Шуваловъ, нашъ посоль въ Лондонѣ, видѣлъ вездѣ опасность (письмо 10-го (22-го) декабря къ канцлеру), объявляя, что не только правительство, но и англійскій народъ откровенно и рѣшительно намъ враждебны. Тѣ же чувства непріязненныя онъ находилъ въ прессѣ и публикѣ французской, заявляя, что нельзя

покончилъ жизнь самоубійствомъ по прибытіи въ Петербургъ и послѣ царскаго приѣма, что расположить якобы русское правительство отказать отъ своихъ требованій и помириться съ Портою. Халивъ-Шерифъ-паша утверждалъ, что раздачею турецкихъ орденовъ въ Римѣ, во Франціи и Австріи среди римско-католическаго духовенства султанъ расположилъ къ себѣ клерикаловъ и утвердилъ ихъ въ нерасположеніи къ православнымъ славянамъ Балканскаго полуострова. Черкесовъ Кави-Магомеда (сына Талама) и Ибрагима турки предполагали послать въ Батумъ, чтобы подготовить возстаніе и высадку черкесовъ съ Сухумъ.

Авт.

разсчитывать на доброе расположеніе французскаго правительства. Онъ совѣтоваль, въ случаѣ предвидимой неудачи конференціи, согласиться на всякаго рода сдѣлки для избѣжанія войны. Выставляя враждебность и личныя соображенія Биконсфильда, заставляющія его желать войны Россіи съ Турціею, онъ сознается, что Салисбюри ограничился принятіемъ русской программы, что Биконсфильдъ раздраженъ этою неожиданностью и что Салисбюри съ трудомъ, настойчивыми представленіями своими, достигнулъ разрѣшенія присоединиться къ русскому послу въ послѣднемъ засѣданіи конференціи и заставить Элліота удалиться одновременно изъ Константинополя, хотя подъ предлогомъ отпуска.

Князь Горчаковъ, не желавшій принять отвѣтственность какого-либо рѣшенія, потерялъ изъ виду, что продолженіе выжидательнаго положенія тягостно и дорого стоитъ одной Россіи, мобилизовавшей съ ноября двѣ арміи, не говоря уже о нравственномъ ущербѣ, наносимомъ ей этою нерѣшительностью, и не придумалъ ничего другого, какъ окончательно связать наши руки и ноги циркуляромъ 19-го января. Заявивъ, что всѣ кабинеты вмѣстѣ съ нами отказались отъ преслѣдованія какихъ-либо исключительныхъ и своекорыстныхъ видовъ и что дѣйствія ихъ имѣютъ лишь цѣлью доставить христіанскимъ подданнымъ султана болѣе справедливое и человѣчное управленіе, канцлеръ циркулярно утверждалъ, что Россія смотрѣла на происходившее на Востокѣ какъ на дѣло общаго европейскаго интереса и человѣколюбія, считая, что вопросъ этотъ долженъ и можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ великихъ державъ. Сдѣлавъ историческій обзоръ, съ этой точки зрѣнія, переговоровъ, происходившихъ между кабинетами съ 1875 г., канцлеръ приходитъ къ заключенію, что отказъ отъ выработанной на константинопольской конференціи единогласной европейской программы условій мира и новыхъ реформъ вводитъ восточный вопросъ въ новый фазисъ. Ни одного шага не сдѣлано къ улучшенію положенія, а, напротивъ, оно ухудшилось и грозитъ спокойствію Европы. Прежде, нежели принять рѣшеніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій, государь желалъ бы знать рѣшеніе тѣхъ кабинетовъ, съ которыми мы старались дѣйствовать совокупно и съ которыми намѣрены, по возможности, продолжать согласоваться. Цѣль великихъ державъ ясно опредѣлена актами конференціи. Отрицательный отвѣтъ Порты нарушаетъ достоинство и спокойствіе Европы. Русскому правительству важно знать, что предполагаютъ предпринять кабинеты въ виду отказа Порты, для приведенія въ исполненіе общихъ постановленій.

Циркуляръ этотъ ставилъ Россію въ необходимость томиться неопредѣленное время въ выжидательномъ положеніи, съ арміями, сосредоточенными на румынской и азиатской границахъ, дожидаясь, когда заблагодарасудится кабинетамъ высказаться. Такъ какъ

этимъ послѣднимъ терять было нечего, то они не давали опредѣленныхъ отзывовъ, ограничиваясь общими фразами въ разговорахъ съ нашими послами: графъ Андраши находилъ, что конференція слишкомъ далеко зашла въ своихъ требованіяхъ, и въ особенности радовался, что не удалось покончить съ проведеніемъ новой черногорской границы въ Герцеговинѣ и съ устройствомъ настоящаго самоуправления въ Босніи. Турки же неустанно вооружались, стягивая всѣ свои средства къ угрожаемымъ Россіею границамъ.

Хотя военныя приготовленія и соображенія для будущихъ операцій меня непосредственно не касались и никто моего мнѣнія не спрашивалъ, но, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба, я, бесѣдуя съ военнымъ министромъ сталъ отстаивать, по пріѣздѣ въ Петербургъ, ту идею, что главный нашъ театръ военныхъ дѣйствій долженъ быть не въ Европейской Турціи, а въ Азіатской, тѣмъ болѣе, что мы должны были считаться съ неблагонадежностью Австро-Венгрии.

Д. А. Милютинъ и въ особенности Н. Н. Обручевъ были противнаго мнѣнія и полагали, что мы должны употребить всѣ свои усилія въ Болгаріи, а что операціи въ Малой Азіи могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе. Въ концѣ одной изъ бесѣдъ въ военномъ министромъ я подалъ ему слѣдующую памятную записку:

«Наступаетъ время, когда Россія можетъ извлечь несомнѣнную выгоду изъ положенія, созданнаго ей покореніемъ Кавказа, ставящаго нашу армію въ столь блистательныя условія для успѣшныхъ дѣйствій противъ Турціи.

«1) Операціи кавказской арміи имѣютъ то преимущество надъ дѣйствіями дунайской, что съ самаго дня объявленія войны онѣ произойдутъ въ турецкихъ предѣлахъ. Немедленный переходъ границы и одержаніе тотчасъ же нѣкоторыхъ успѣховъ весьма важны по значительному впечатлѣнію, которое они произведутъ на турецкое войско и правительство. Впечатлѣніе это можетъ повліять на весь ходъ войны и политическихъ событій. Если войска наши останутся нѣкоторое время на границѣ или будутъ дѣйствовать медленно, это, несомнѣнно, ободритъ турецкія войска и подыметъ ихъ духъ. Напротивъ, быстрое, стремительное движеніе впередъ тотчасъ послѣ объявленія войны озадачитъ и разстроитъ турецкое войско и легко можетъ вызвать панику въ ихъ рядахъ и смятеніе въ Константинополѣ.

«2) Мусульманское населеніе, какъ извѣстно, слабѣе и малочисленнѣе на Балканскомъ полуостровѣ, нежели въ Малой Азіи; силы и средства турецкаго правительства въ его азіатскихъ владѣніяхъ значительнѣе, и наносимые Турціи тамъ удары чувствительнѣе отзываются на мусульманахъ и въ Англии.

«3) Въ Европѣ вообще и въ особенности въ Великобританіи быстрые и рѣшительные успѣхи нашихъ войскъ произведутъ громад-

ное впечатлѣніе своею неожиданностью. Въ прежнія кампаніи наша необезпеченность обладанія Кавказомъ и малочисленность дѣйствующихъ отрядовъ препятствовали располагать значительными силами для операцій внѣ нашихъ границъ. Тогда было естественно ограничиваться активной обороною. Теперь же рѣшительное наступленіе въ Азію и первый успѣхъ быстрѣе и лучше всего упрочатъ наше положеніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ Турція не будетъ въ состояніи и не осмѣлится дѣйствовать противъ насъ на Кавказѣ и возбуждать горцевъ, тогда какъ «юная Турція» замышляетъ нынѣ возбудить возстаніе въ Закавказскомъ округѣ и распространить броженіе между всѣмъ мусульманскимъ населеніемъ.

«4) Пока кишиневская армія будетъ подходить къ Дунаю, на что потребуется около 4—6 недѣль (для постепеннаго сосредоточенія) и приступить къ трудной переправѣ, кавказскія войска могутъ проникнуть въ глубь Анатоліи, озадачить, разстроить турокъ, отвлечь ихъ силы и облегчить, во всякомъ случаѣ, операціи дунайской арміи.

«5) Порта рассчитываетъ, что Карсъ задержитъ насъ на нѣкоторое время, но освоилась съ мыслью, что когда пограничные округа будутъ въ нашихъ рукахъ, крѣпость эта должна пасть рано или поздно. Но зато турки считаютъ Эрзерумъ неприступнымъ и думаютъ, что первоклассная крѣпость эта не можетъ быть нами обойдена. Если бы намъ удалось блокировать сперва Карсъ, а потомъ Эрзерумъ и подвинуться на нѣсколько переходовъ къ Сивасу, то можно поручиться, что смѣлое наступательное движеніе русскаго войска совершенно разстроило бы турокъ и Порта растеряется.

«6) По прежнимъ примѣрамъ, надо полагать, что турки будутъ храбро и упорно защищаться въ крѣпостяхъ и на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Потому полагаю невыгоднымъ вести осады и брать укрѣпленныя позиціи съ фронта. Но, заставляя турецкія войска маневрировать и мѣнять часто расположеніе войскъ при непривычкѣ ихъ дѣйствовать массами, составленными изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, не трудно будетъ привести ихъ въ замѣшательство и разбить по частямъ. Не надо, однако, терять изъ виду, что Мухтаръ-паша, главнокомандующій анатолійскою арміею, едва ли не самый предприимчивый, дѣятельный и энергичный турецкій корпусный командиръ, судя по дѣйствіямъ его въ Герцеговинѣ. Начальникомъ штаба у него—насколько извѣстно—Февзи-паша (венгерскій выходецъ—Нольманъ), бывшій въ Карсъ во время прошлой осады нашими войсками. Онъ начитанный и дѣятельный офицеръ, но уже устарѣлъ и едва ли охотно будетъ рисковать жизнью и репутаціею своею для славы Турціи.

«Было бы прискорбно, если бы наша армія, дѣйствующая со стороны Кавказа и превышающая въ нѣсколько разъ численностью войска, бравшія Карсъ и доходившія до Эрзерума въ 1828 году, а

равно и тѣ, которыя дѣйствовали въ Малой Азіи въ 1854 году, если бы эта армія ограничилась активной обороною нашихъ границъ и второстепенными, чисто мѣстными операціями. Славнымъ кавказскимъ войскамъ предстоитъ разгромить турецкія силы въ Арменіи, проникнуть въ глубь Анатолиі и смѣлымъ движеніемъ къ Сивасу и Канѣ принудить Турцію просить мира, а ея совѣтниковъ-друзей поспѣшить совѣтовать султану подчиниться нашимъ справедливымъ требованіямъ, чтобы спасти свою имперію отъ конечной гибели.

«Турція черпаетъ свои силы и средства преимущественно изъ Азіи. Парализовать этотъ источникъ могущества значитъ гораздо ближе подойти къ цѣли, нежели занять часть Европейской Турціи, потому что захватъ турецкихъ владѣній въ Азіи будетъ гораздо чувствительнѣе для повелителя правовѣрныхъ, нежели потеря нѣсколькихъ областей, обитаемыхъ преимущественно нашими еднотѣрцами».

Я былъ того мнѣнія, что на Австро-Венгрію полагаться нельзя, а потому она вмѣстѣ съ Англіею можетъ поставить въ затруднительное положеніе нашу армію, дѣйствующую на Балканскомъ полуостровѣ и лишенную флота, тогда какъ кавказскія войска могутъ, въ крайности, дойти до Босфора и Бруссы по пути, тщательно изслѣдованному офицерами генеральнаго штаба при содѣйствіи посольства, до войны, при чемъ ни Австрія, ни Англія не въ состояніи воспрепятствовать успѣхамъ, одержаннымъ нами надъ турецкими войсками. Однако въ Петербургѣ продолжали полагаться на соглашеніе съ Австро-Венгріею и на крѣпость тройственнаго союза императоровъ, и мнѣніе мое не было принято во вниманіе.

Князю Горчакову, тотчасъ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я подаль слѣдующую записку въ концѣ января: «Если турецкое правительство пришлетъ (какъ предполагалось—Вогориди изъ Вѣны и Савфеть-пашу изъ Константинополя) чрезвычайное посольство въ Петербургъ, то, вѣроятно, постараются затянуть переговоры, полагая, что прекращеніе нынѣшняго натянутого положенія всего болѣе необходимо Россіи. Въ дѣйствительности, новыя отсрочки соглашенія возложили бы на русскую казну значительные непроизводительные расходы, доставили бы Турціи время для сбора войскъ и военныхъ запасовъ и сосредоточенія своихъ силъ, задержанныхъ необходимостью закончить (въ Азіи) посылы, подавить (въ Албаніи) возстаніе миридитовъ и открыть себѣ путь въ Черногорію, отвлекающую нынѣ значительную часть турецкой арміи. Если Порта одолѣетъ Черногорію и принудитъ ее къ миру, не сдѣлавъ уступокъ въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ, а турецкій посолъ сталъ бы вести съ нами переговоры лишь о разоруженіи, мы будемъ доведены до разрыва и войны, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ».

«Всего лучше было бы вызвать турецкаго уполномоченнаго на югъ Россіи при поѣздѣ туда его величества ¹⁾, чтобы выиграть такимъ образомъ недѣлю или пятнадцать дней времени и оградить его отъ вреднаго вліянія иностранныхъ дипломатовъ, которые въ Петербургѣ будутъ на него вліять, чтобы воспрепятствовать затягиванію переговоровъ. Нужно избѣгать бесполезныхъ преній, а вручить послу письменныя условія наши, назначивъ срокомъ нѣсколько дней для припятія ихъ Портою.

«Эти условія, составляющія нашъ ультиматумъ, не должны бы отдѣляться отъ тѣхъ предложеній конференціи, которыя объявлены были нами не подлежащими уже уменьшенію. Слѣдуетъ потребовать отъ турецкаго правительства:

«1) Немедленнаго заключенія съ Черногоріей мира на основаніяхъ, предложенныхъ, отъ имени всѣхъ государствъ, маркизомъ Салисбюри въ восьмомъ засѣданіи конференціи, т. е. измѣненія граничной черты съ присоединеніемъ къ Черногоріи Баньяны, Пивы, Пиклича, Дробняка, части Таращи, Колонистскаго округа, Кучи Дрекаловичи, Кучи-Крайнъ, отъ Зивны до Лима, Мало-Велико-Брдо, Служа, Жабляка, свободы плаванія по рѣкѣ Боянѣ и нейтрализаціи турецкихъ фортовъ по рѣкѣ Боянѣ. Въ крайности можно бы согласиться на тѣ уступки, которыя князь Николай готовъ былъ допустить при послѣднихъ своихъ переговорахъ, когда онъ, полагая, что мы не будемъ его поддерживать, желалъ сообразоваться съ желаніемъ нашимъ скорѣйшаго заключенія мира.

«2) Обязательство формально и опредѣлительно привести неукоснительно въ исполненіе провозглашенныя реформы съ немедленнымъ принятіемъ мѣръ обезпеченія безопасности и улучшенія участи христіанскаго населенія, потерпѣвшаго во время послѣднихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

«3) Подвергнуть въ теченіе мѣсяца времени примѣрному наказанію виновниковъ совершенныхъ въ Болгаріи и другихъ областяхъ звѣрствъ, преимущественно же тѣхъ лицъ, имена которыхъ были сообщены оттоманскому правительству иностранными представителями, въ особенности же англійскимъ посломъ, по порученію своего правительства.

«5) Пересмотрѣть приговоры, признанные чрезвычайными комиссіями, и освободить изъ тюремъ самоуправно туда посаженныхъ христіанъ.

«6) Распустить и возвратить по домамъ въ теченіе мѣсяца людей, составляющихъ иррегулярныя войска, и разоружить населеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общественная безопасность можетъ быть нарушена.

---

¹⁾ Рѣчь шла о поѣздѣ государя въ Кіевъ и Кишиневъ для смотра мобилизованнаго 1-го ноября войска дѣйствующей арміи. Авт.

«7) Обязаться сохранить права и преимущества, прежде дарованныя церковнымъ общинамъ.

«Если отвѣтъ чрезвычайнаго посла оказался бы неудовлетворительнымъ или не послѣдовалъ въ назначенный срокъ, наше посольство въ Константинополь должно было быть тотчасъ отозвано и турецкое правительство предварено, что войска наши переходятъ границы. Было бы желательно, чтобы открытіе военныхъ дѣйствій послѣдовало—въ самый день изданія манифеста о войнѣ, дабы обезпечить войскамъ нашимъ, въ особенности кавказскимъ, успѣхъ на первыхъ же порахъ, что произвело бы значительное и благоприятное впечатлѣніе не только въ Турціи, но и въ Европѣ».

Если бы предложеніе мое было принято и умѣло приведено въ исполненіе, турецкая армія была бы застигнута врасплохъ и военныя дѣйствія начались бы уже въ февралѣ. Зима была несравненно умѣреннѣе въ 1877 году, нежели въ 1878, и, по всей вѣроятности, разгромъ турецкихъ войскъ и вступленіе нашихъ армій въ предѣлы Турціи произвели бы такое сильное впечатлѣніе, что европейскія державы, не исключая и Англіи, поспѣшили бы посовѣтовать Турціи, подчиниться требованіямъ Россіи, заявленнымъ въ ультиматумѣ, чтобы остановить дальнѣйшее наступленіе побѣдоносныхъ войскъ. Мы избѣгли бы такимъ образомъ продолжительной и разорительной войны и Берлинскаго конгресса, а обаяніе и вліяніе Россіи на Востокъ были бы не только вполне восстановлены, но и возвышены значительно.

ХІІ.

Въ половинѣ февраля былъ собранъ у государя совѣтъ для обсужденія положенія дѣлъ и рѣшенія, что предпринять. На совѣтъ были призваны, кромѣ государя наследника цесаревича, великіе князья Владимиръ Александровичъ и Константинъ Николаевичъ, графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ, князь Горчаковъ, военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, министръ финансовъ, министры Тимашевъ, Валуевъ и я. Военный министръ настаивалъ на необходимости дѣйствовать энергично и не оставаться долго въ нерѣшительномъ положеніи, для насъ бѣдственномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Министры финансовъ Рейтернъ, внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ и государственныхъ имуществъ Валуевъ говорили противъ войны безусловно, выставляя недостаточность финансовыхъ средствъ, вредныя послѣдствія экономическія и внутреннія. Они совѣтовали пріискать какой-нибудь исходъ, чтобы избѣгнуть необходимости прибѣгать къ оружію. Къ крайнему удивленію присутствующихъ, князь Горчаковъ настаивалъ на томъ, что честь и достоинство Россіи требуютъ или обнажить мечъ, если державы не согласятся прибѣгнуть къ совокупнымъ дѣйствіямъ противъ

Турціи, или же, что еще лучше, издать высочайшій манифестъ и министерскій циркуляръ, въ которыхъ заявить, что такъ какъ ни тройственное соглашеніе, ни конференція шести державъ не привели ни къ какому практическому результату и вопросъ не чисто русскій, а европейскій, то Россія отказывается отъ дальнѣйшихъ переговоровъ и совокупныхъ дѣйствій и распускаетъ армію, сохраняя для будущаго полную свободу дѣйствій ¹⁾).

Мнѣ пришлось, по вызову государя, высказаться одному изъ первыхъ, изложивъ обстоятельно свое мнѣніе, шедшее нѣсколько вразрѣзъ не только со взглядами другихъ членовъ совѣщанія, но и со всею политикою послѣдняго времени князя Горчакова. Когда я сталъ выяснять, что благоприятное время для войны съ Турціею пропущено нами, что теперь война потребуеъ отъ насъ жертвъ, которыя не будутъ уравновѣшены выгодами, и что подчиненіе нашихъ дѣйствій видамъ Австро-Венгріи, равно какъ и отдѣльное соглашеніе съ нею пагубно для Россіи, государь остановилъ меня словами: «*pas de récriminations*» (не слѣдуетъ порицать прошлаго). Я воспользовался тѣмъ, что его величество, не постановивъ въ этомъ засѣданіи никакого рѣшенія, разрѣшилъ призваннымъ сановникамъ выразить свои мнѣнія на бумагѣ, для большей точности, и къ слѣдующему засѣданію, назначенному чрезъ день, изложилъ письменно свое мнѣніе. Только канцлеръ и я исполнили желаніе государя письменнымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ. Записку канцлера, преисполненную, противъ обыкновенія, твердости, патріотическаго одушевленія и заботы охранить честь и достоинство Россіи (о которыхъ такъ мало заботилась наша дипломатія съ 1875 года), писалъ баронъ Жюмнини. Послѣ доклада канцлера (написаннаго по-французски) государь приказалъ мнѣ прочесть мою русскую записку слѣдующаго содержания:

«Нынѣшнее натянутое положеніе, вызванное событіями на Востоку, тяготеетъ надъ Россіею болѣе, нежели надъ всеми другими государствами. Интересы торговые, финансовыя и даже нравственныя требуютъ безотлагательно установленія ясной и положительной программы ²⁾, которая вывела бы насъ какъ можно скорѣе, съ честью и достоинствомъ, изъ выжидательнаго и вооруженнаго

¹⁾ Послѣдняя фраза удивительно напоминаетъ намъ, современникамъ японскихъ событій, другую «заключительную фразу» изъ циркуляра, выработаннаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ уже послѣ перваго нападенія японцевъ на Портъ-Артуръ и поврежденія ими трехъ русскихъ линейныхъ кораблей: «Возлагая на Японию всю отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія отъ ея образа дѣйствій, императорское правительство будетъ выжидать (!) развитія событій...» (сообщеніе 27-го января 1904 г.). Повидимому, исторія имѣетъ склонность повторяться, когда она разъ навсегда замнута въ тискахъ прочно сложившихся и «стильных» традицій!.. А. Б.

²⁾ Тутъ былъ намекъ на то, что мы до этого времени не имѣли программы и дѣйствовали подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній. Авт.

положенія. Оставлять на границѣ полумилліонное войско ¹⁾ въ бездѣйствіи продолжительное время невозможно и разорительно.

«Но война есть бѣдствіе народное и послѣ всего изложеннаго въ предшествовавшемъ засѣданіи было бы излишне возвращаться къ сему предмету.

«Очевидно, что все должно быть сдѣлано, чтобы избѣгнуть по возможности этой крайности, тѣмъ болѣе, что удобная минута для вторженія нашего въ Турцію миновала ²⁾. Если бы мобилизація была сдѣлана лѣтомъ, когда турецкія неистовства въ Болгаріи возбудили всеобщее негодованіе въ Англіи, тогда вступленіе нашихъ войскъ оправдалось бы порывомъ великодушія, было бы благопріятно принято не только въ Россіи, но и даже частью общественнаго мнѣнія въ Европѣ и могло бы привести возбужденные вопросы къ быстрому разрѣшенію, при которомъ ничто не препятствовало бы выказать въ полномъ блескѣ великодушіе и безкорыстіе государя императора ³⁾. Въ сентябрѣ, въ октябрѣ и даже въ ноябрѣ война была бы еще легка и скоротечна. Въ Болгаріи не было почти турецкаго регулярнаго войска, а въ Анатолиі кавказскія войска не встрѣтили бы значительнаго сопротивленія, притомъ боевые припасы и снаряды въ турецкой арміи были поглощены сербско-черногорскою войною и пополнены лишь нынѣ заказами въ Англіи и Германіи. Теперь война съ Турціею дѣло совершенно иное, нежели прошлымъ лѣтомъ и даже осенью. Необходимы большія усилія съ нашей стороны, и война можетъ затянуться надолго ⁴⁾, если не

¹⁾ Военный министръ заявилъ, что пятьсотъ тысячъ войска готовы перейти турецкую границу.
Авт.

²⁾ Въ предшествовавшемъ засѣданіи я разъяснилъ, что самое благопріятное время было въ маѣ и іюнѣ 1876 года, когда турки не были готовы и военные средства ихъ были поглощены войною съ Сербіею и Черногоріею, боевнскимъ и герцеговинскимъ возстаніемъ и беспорядками въ Болгаріи, когда общественное мнѣніе въ Европѣ и въ особенности въ Англіи было возбуждено противъ Турціи, по поводу жестокостей въ Болгаріи и когда въ Россіи былъ удивительный подъемъ духа, вполнѣдствіи нѣсколько упавшій. По свѣдѣніямъ, собраннмъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Турціи полковникомъ Зеленымъ, 5-го іюня 1876 года Порты нашла въ невозможности выставить въ Европейской Турціи болѣе 138.000 регулярнаго войска. Ожидалось въ подкрѣпленіе еще 25.000, т. е. всего 163.000 человекъ числилось по списку въ арміи.
Авт.

³⁾ Невольное напоминаніе о предпочтительности для русскихъ интересовъ этого способа дѣйствій, рекомендованнаго мною своевременно, передъ тѣмъ, который былъ избранъ, на основаніи рейхштадтскаго свиданія, было принимаемо и въ первомъ засѣданіи, какъ упрекъ по адресу не только канцлера, но и государя, и вызвалъ знаки неудовольствія какъ перваго, такъ и его величества. Канцлеръ, возражая противъ моего мнѣнія, что Россія должна быть матеріально вознаграждена соотвѣтственно жертвамъ войны, указывалъ постоянно на низменность подобныхъ соображеній, не соотвѣствующихъ возвышенному великодушію и полнѣйшему безкорыстію политики государя императора.
Авт.

⁴⁾ Безсовѣстно было со стороны нѣкоторыхъ дипломатовъ нашихъ и лицъ штаба великаго князя Николая Николаевича утверждать въ свое оправданіе вполнѣдствіи,

произойдетъ съ самаго начала блистательнаго и рѣшительнаго успѣха. Двѣ-три побѣды за Балканами, несомнѣнно, уронять духъ турецкаго войска и могутъ вызвать крутой переворотъ въ Стамбултѣ, что побудило бы турокъ просить мира ¹⁾.

«Но во всякомъ случаѣ, нынѣ настроеніе общественное измѣнилось, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, а турки несравненно болѣе приготовлены и усилились. Война будетъ трудная, серьезная, и цѣль ея должна быть уже совершенно иная, нежели прежде ²⁾. Если мы можемъ начать ультиматумомъ на основаніи полной программы конференціи, мы должны неизбежно кончить разрушеніемъ или значительнымъ умаленіемъ Оттоманской имперіи. Даже съ экономической точки зрѣнія выгоднѣе положить сразу конецъ существованію Турецкой имперіи въ Европѣ, нежели періодически подвергаться такимъ же кризисамъ, какъ настоящей ³⁾, и допустить существованіе мусульманской анархіи на нашей границѣ ⁴⁾. Безурядица достигла такихъ размѣровъ на берегахъ Босфора (при

что будто бы русское посольство въ Константинополь выставило войну съ Турціею легкою, а турокъ безоружными и что главный виновникъ войны—Игнатъевъ, постоянно будто бы стремившійся ее вызвать. Авт.

¹⁾ Я поддерживалъ личныя сношенія съ сыномъ Абдуль-Азиса—Издединомъ и нѣкоторыми пашами, готовыми свергнуть Гаида и возвести Издедина и привести къ миру съ нами. Онъ желалъ подготовить почву къ перевороту, но канцлеръ отвергнулъ эти средства противодѣйствія Англіи, свергнувшей Абдуль-Азиса.

Авт.

²⁾ Уже въ первомъ засѣданіи (10-го февраля) совѣта я развилъ мысль, неоднократно мною прежде высказанную канцлеру, что пока Россія, надѣясь избѣгнуть войны, не понесла жертвъ, сопряженныхъ съ продолжительнымъ вооруженнымъ выжиданіемъ и затѣмъ съ военными дѣйствіями, пока она дѣйствовала сообща съ Европою на конференціи при умиротвореніи Балканскаго полуострова, она могла и должна была быть умѣренною и безкорыстною; но первый пушечный выстрѣлъ на Дунаѣ и въ Каресской области естественно измѣнить совершенно наше положеніе и русскія требованія. Я постоянно предупреждалъ о томъ своихъ со товарищей на конференціи и даже самихъ турокъ. Россія должна была приобрести непосредственно выгоды изъ войны и покончить съ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса, въ смыслѣ русско-славянскомъ. Князь Горчаковъ не раздѣлялъ этого мнѣнія, а государь скорѣе склонялся къ мнѣнію канцлера, опасаясь осложненія.

Авт.

³⁾ Протекшіе послѣ Берлинскаго договора года оправдали и подтвердили эту точку зрѣнія. Существенная разница между воззрѣніями князя Горчакова, графа Шувалова, Новикова и другихъ дипломатовъ и моими была та, что первые желали выполнить лишь то, что «Европа допустить» и дѣйствовать не иначе, какъ въ «европейскомъ концертѣ». Я же глубоко не довѣрялъ цѣлесообразности для Россіи недостижимаго согласія съ Европою, преслѣдующею собственыя, разнородныя интересы, въ которыхъ одно лишь общее противодѣйствіе чисто русскимъ интересамъ, въ особенности не вѣрилъ я въ искренность и пользу тройственнаго союза и соглашенія съ Австріею. Я считалъ, что дѣйствія общія съ Европою могутъ быть средствомъ избѣгнуть единоборства съ Турціею, когда обстоятельство намъ не благоприятно. Но разъ война будетъ рѣшена, она должна быть послѣднею для Россіи для утверженія ея преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ и владѣнія проливами.

Авт.

⁴⁾ Правительство турецкое, находящееся въ рукахъ Мидхада и другихъ сочленовъ «юной Турціи», могло сдѣлаться лишь послушнымъ орудіемъ Запада и враждебныхъ намъ интригъ. Какъ только свергнуть былъ Абдуль-Азисъ, такъ тотчасъ «юная Турція»

верховномъ визирѣ Мидхадѣ и при двухъ переменѣхъ султановъ), что немислимо ожидать установленія прочнаго порядка въ пограничномъ съ нами государствѣ, развѣ что явился бы во главѣ правленія человекъ съ твердымъ характеромъ и желѣзною волею, который укротилъ бы революціонныя страсти и обуздалъ фанатизмъ. Первый выстрѣлъ на Дунаѣ вызоветъ множество комбинацій и различныхъ притязаній на турецкое наслѣдство ¹⁾ и возбудитъ дремлющія силы на Востокѣ, которыя и воспрепятствуютъ намъ остановиться на ограниченной и заранѣе опредѣленной программѣ ²⁾. Онѣ приведутъ насъ къ полному разгрому Турціи, тѣмъ болѣе, что, развѣ рѣшившись на войну, мы должны стараться употребить всѣ элементы разложенія себѣ на пользу, для облегченія своей задачи и пріобрѣсти туземныхъ союзниковъ ³⁾. Для подготовленія успѣха необходимо заранѣе знать, идемъ ли мы къ войнѣ, или къ миру. Въ первомъ случаѣ персіяне, греки, армяне и разныя другія народности могутъ способствовать намъ отвлеченіемъ турецкихъ силъ, но какъ наши собственныя приготовленія, такъ и принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ въ Турціи требуютъ, чтобы мы опредѣлили конечную цѣль и разрѣшили вопросъ о мирѣ или войнѣ за нѣсколько недѣль до возможнаго начала военныхъ дѣйствій ⁴⁾.

стала браться съ мадьярами и поляками и посылать агентовъ-фанатиковъ на Кавказъ, въ Среднюю Азію и даже на Волгу, чтобы возбудить тамъ мусульманскія вожаденія и ненависть къ Россіи. Императоръ Николай Павловичъ еще въ тридцатыхъ годахъ сознавалъ невозможность допустить образованіе враждебнаго намъ и революціоннаго очага на Босфорѣ и что для насъ изъ двухъ золъ лучше поддержать старую Турцію и власть султана.

Авт.

¹⁾ Я указывалъ на Австрію, Англію и Грецію, которыя захотятъ воспользоваться разгромомъ турецкихъ силъ, чтобы извлечь матеріальную пользу для себя, заставляя насъ, такимъ образомъ, вытаскивать каштаны изъ огня для нихъ. Точное содержаніе австро-русской конвенціи мнѣ не было извѣстно, равно какъ и рѣшимость Горчакова уступить Австріи Боснію и Герцеговину, но я опасался этой уступки.

Авт.

²⁾ Я указывалъ на грековъ и албанцевъ, въ особенности на Македонію, какъ на источникъ безчисленныхъ затрудненій для частнаго, ограниченнаго разрѣшенія балканскаго многосложнаго вопроса.

Авт.

³⁾ Выраженная тутъ мысль противорѣчила плану «ограниченной и умѣренной войны», проведенному княземъ Горчаковымъ, Шуваловымъ, Новиковымъ, которая налагала на Россію всю тягость, всѣ жертвы и не позволяла развернуть всѣ средства, извлечь всю пользу и всѣ возможныя выгоды изъ нашего разрыва съ Турціею, предоставляя, напротивъ, всѣ преимущества нашимъ противникамъ и увеличивая лишь встрѣченныя нами затрудненія и препятствія. Я настаивалъ на необходимости поднять албанцевъ, грековъ, курдовъ и горныхъ армянъ и вести дѣло до конца, стараясь въ то же время произвести возмущенія въ самомъ Константинополѣ, когда наступитъ для сего благоприятная минута. Всѣ предложенныя мною средства были отвергнуты канцлеромъ; министерство иностранныхъ дѣлъ сдѣлало все, что отъ него зависѣло, равно какъ и посланникъ нашъ въ Аѣнахъ, чтобы «локализовать» войну, удержавъ грековъ. Мы пренебрегли албанцами, курдами, давъ возможность противникамъ нашимъ воспользоваться этимъ воинственнымъ и безпокойнымъ населеніемъ.

Авт.

⁴⁾ Этой простой основной мысли министерство иностранныхъ дѣлъ никогда не хотѣло и не умѣло себѣ усвоить. А безъ этого—успѣхъ нашихъ дѣйствій, какъ дипломатическихъ, такъ и военныхъ, былъ невозможенъ.

Авт.

«Не принимая на себя смѣлости заявить свое предпочтеніе ¹⁾ тому или другому способу, считаю долгомъ вѣрноподданнаго, въ дополненіе сказаннаго въ предшествовавшемъ засѣданіи, доложить, что предстоитъ выборъ между четырьмя исходами изъ вооруженно-выжидательнаго положенія:

«1) Когда послѣдуетъ отвѣтъ на послѣдній циркуляръ государственнаго канцлера,—продолжить соглашеніе съ Европою, основаніе котораго положено константинопольской конференціей, и постараться лишь улучшить предложенія кабинетовъ.

«Неудачный исходъ конференціи былъ предсказанъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ ²⁾ и насъ не удивилъ. Не надо терять изъ виду, что, принимая англійское предложеніе, мы намѣрены были, въ случаѣ несогласія на наши требованія, выйти изъ конференціи одни ³⁾, что поставило бы насъ въ крайне затруднительное положеніе въ отношеніи къ Европѣ. Мы не только избѣгли этой крайности, но и покончили изолированіемъ Турціи и европейскимъ приговоромъ, противъ нея произнесеннымъ ⁴⁾. Очевидно было, что конференція, безъ санкціи матеріальной силы, не можетъ привести къ практическому результату. Порты и турки преклоняются передъ одною лишь матеріальною силою и ей одной повинуются. Рѣшившись разъ на конференцію ⁵⁾ и доведя ее до конца, не слѣдовало бы намъ пренебрегать нравственнымъ и дипломатическимъ результа-

¹⁾ Чтобы избѣгнуть перенесенія спора на личную почву, что пытался сдѣлать князь Горчаковъ всякій разъ, какъ замѣчалъ въ моихъ словахъ неодобреніе дѣйствій министерства иностранныхъ дѣлъ, стараясь выставить въ глазахъ государя лишь какое-то личное соперничество и честолюбіе мое и повредить мнѣ, такимъ образомъ, въ глазахъ его величества и высшихъ сановниковъ. Сказанное мною въ первомъ засѣданіи не приводится дословно потому, что документальное изложеніе этихъ словъ затерялось,—тогда какъ подлинная записка, читанная во второмъ засѣданіи, сохранилась. Она помѣчена 12-мъ февраля—днемъ второго засѣданія—и въ копіи вручена была канцлеру послѣ засѣданія. Впрочемъ, изъ содержанія этой послѣдней записки вытекаетъ ясно смыслъ говореннаго мною въ первомъ засѣданіи болѣе пространно. Авт.

²⁾ Въ донесеніяхъ моихъ канцлеру. Но мнѣ удалось навязать требованія Россіи относительно Болгаріи и Черногоріи всей Европѣ, избѣгнуть предвѣднаго разлада съ конференціей и своего одиночнаго выхода изъ оной и привести, напротивъ, къ разрыву Порты со всѣми державами и общему выѣзду пословъ послѣ подачи общаго ультиматума, отвергнутаго Турціей, что доставило нравственное удовлетвореніе Россіи и подготовило обязательный нейтралитетъ Европы на случай войны между нами и Турціей. Авт.

³⁾ Таковы были единственныя положительныя инструкціи, данныя мнѣ государемъ и канцлеромъ, при отправленіи моемъ въ Константинополь, 4-го октября 1876 года. Авт.

⁴⁾ Этой заслуги, принесенной вопреки инструкціямъ канцлера, сей послѣдній не хотѣлъ признавать, чтобы не воздавать должнаго своему подчиненному, въ которомъ онъ ребячески силился видѣть своего соперника и преемника. Авт.

⁵⁾ Лично Игнатъевъ былъ противъ созыва конференціи, предсказывая, что она не можетъ имѣть ни практическихъ, ни благихъ для Россіи результатовъ. Но онъ свято исполнить волю государя и желать теперь извлечь изъ конференціи всю возможную пользу, вслѣдствіе болѣе успѣшнаго исхода оной для насъ.

томъ состоявшася европейскаго соглашенія, а надлежало бы, напротивъ, употребить всея усилія, чтобы извлечь изъ него всевозможную пользу. При ловкомъ и послѣдовательномъ образѣ дѣйствій дипломатин ¹⁾ основаніе, нынѣ добытое, можетъ рано или поздно облегчить намъ конечное торжество надъ закоренѣлыми европейскими предразсудками по восточнымъ дѣламъ ²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что всемъ другимъ европейскимъ государствамъ легче сохранить выжидательное положеніе, чѣмъ Россіи, мобилизовавшей армію. Слѣдовательно, мы должны употребить всея дипломатическія усилія, чтобы воздѣйствовать нынѣ на кабинеты, объясниться съ ними ³⁾ и навести ихъ на предложенія для насъ сходныя, какъ бы подсказать имъ то, что намъ желательно отъ нихъ получить ⁴⁾. Достигнуть согласія кабинетовъ на матеріальное подкрѣпленіе рѣшеній конференціи посредствомъ совокупныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ державъ почти невозможно ⁵⁾. Но желательно, чтобы отвѣты на циркуляръ канцлера заключали подтвержденіе послѣднихъ требованій конференціи ⁶⁾, признаніе несостоятельности турецкой администраціи и предложеніе подвергнуть ее новому испытанію въ теченіе не болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ общаніемъ, по истеченіи этого послѣдняго срока, дан-

1) Такъ какъ дѣйствія министерства иностранныхъ дѣлъ ни ловки, ни, въ особенности, послѣдовательны не были, то выраженія записки были приняты какъ безусловное порицаніе канцлера.

Авт.

2) Какъ, напримѣръ, вопросъ о проливахъ, о необходимости противоѣдствовать Россіи и стѣснять славянъ.

Авт.

3) Я желалъ понудить министерство иностранныхъ дѣлъ выйти изъ своего пассивнаго, олимпийскаго спокойствія и не терять напрасно времени, которымъ противники наши умѣли неусыпно пользоваться, намъ во вредъ.

Авт.

4) Князь Горчаковъ отговаривался тѣмъ, что, издавъ свой циркуляръ 19-го января, насъ связывавшій, онъ долженъ теперь спокойно ожидать отвѣтовъ кабинетовъ, несмотря на громадныя ежедневныя расходы арміи, на всеобщій промышленный и торговый застои и на то, что кабинетамъ выгодно было отмалчиваться, пользуясь нашею пассивностью. Въ виду радикальнаго различія ихъ точекъ зрѣнія и интересовъ съ нашими воззрѣніями предложенія, формулированныя кабинетами, могли быть крайне для насъ невыгодными и неудобноисполнимыми, чрезъ что произошла бы повая потеря времени; явнымъ разогласіемъ Россія могла бы быть поставлена въ затруднительное положеніе, лишившись выгодной почвы, приобретенной на конференціи.

Авт.

5) Это было любимую мечтою всеихъ выспихъ сановниковъ въ Петербургѣ, и князь Горчаковъ этого добивался, вѣря въ успѣхъ своего домогательства. Я предостерегалъ, что опасно предаваться такой иллюзіи. Обстоятельства оправдали мое мнѣніе.

Авт.

6) Я сознавалъ, что личнымъ вліяніемъ своимъ и авторитетомъ, приобретеннымъ на Востокѣ, я увлекъ не только Салисбюри, но и графа Зичи дальше желанія и инструкцій ихъ правительствъ, и опасался, что кабинеты воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отречься отъ постановленій конференцій, слишкомъ благоприятствовавшихъ русской политикѣ, съ ихъ точки зрѣнія. Обстоятельства подтвердили это опасеніе, котораго, по личнымъ соображеніямъ, не раздѣлялъ канцлеръ:

Авт.

наго для приведенія въ исполненіе рѣшеній конференціи,—обсудить вновь, совместно съ нами, положеніе дѣлъ въ Турціи, для безотлагательнаго принятія соответствующихъ мѣръ ¹⁾. Передъ такимъ обязательствомъ державъ, подтверждающимъ европейскій характеръ занимающаго насъ вопроса, Россіи незачѣмъ будетъ возлагать на себя принесеніе жертвъ для достиженія общей дѣли, и она можетъ приступить къ распусценію арміи, сохранивъ, однакоже, на первое время нѣкоторыя оборонительныя мѣры, въ виду нынѣшняго неопредѣленнаго положенія вещей въ Стамбулѣ ²⁾. Нельзя терять изъ виду, что покуда миръ не заключенъ съ Черногорією и Сербією, присутствіе русской арміи на границѣ необходимо, а равно и то, что внезапное избіеніе христіанъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Турціи возможно. Пока не возстановится прочный порядокъ въ взволнованной странѣ, заявленіе, сдѣланное на девятомъ засѣданіи конференціи ³⁾, обязываетъ насъ быть на-сторожѣ. Сдерживающая своевольство турокъ угроза эта не будетъ имѣть никакого значенія въ ихъ глазахъ, если войска наши окончательно будутъ оттянуты отъ границы. Всякая минута дорога и только энергическимъ дѣйствіемъ на кабинеты можно достигнуть какого-либо благопріятнаго результата, пока Европа находится подъ гнетомъ близости турецко-русской войны. Желательно, чтобы намѣреніе, принятое различными кабинетами, было окончательно выяснено въ теченіе двухъ недѣль, наподобіе того, какъ Англія поступила передъ конференцією ⁴⁾.

¹⁾ Разъ что состоялось рѣшеніе конференціи, заявленное Портѣ въ видѣ европейскаго ультиматума, и что турки утверждали, что намѣрены тотчасъ же ввести въ трехъ областяхъ самоуправленіе, имъ предложенное уполномоченными державъ, Россіи неудобно было сразу отдѣлиться и начать дѣйствовать самостоятельно, по болѣе широкой программѣ, не доказавъ недобросовѣстности и несостоятельности заявленія Порты и невозможности ограничиться теоретическими постановленіями конференціи. Желательно, чтобы срокъ ожиданія не былъ продолжителенъ, чтобы войска наши не слишкомъ долго стояли въ бездѣйствіи; два или три мѣсяца не представляли особыхъ неудобствъ, разъ что рѣшено было отказаться отъ зимней кампаніи и дожидаться весны; срокъ этотъ окончился бы въ концѣ апрѣля или въ половинѣ мая. Авт.

²⁾ Я допускалъ мысль, что при отсутствіи преданій прежняго правительства султана и сомнѣній людей Мидхадовой школы турки сами могутъ вызвать объявленіе войны Россіи, если увидятъ ослабленіе нашихъ силъ, или же подготовить попытку вторженія черкесовъ и кавказскихъ выходцевъ въ Закавказье. Авт.

³⁾ Русскій уполномоченный заявилъ въ своей заключительной рѣчи, что если Порта возобновитъ военныя дѣйствія противъ Сербіи и Черногоріи, вопреки намѣреніямъ державъ, желавшихъ прекращенія войны, или же личная безопасность христіанъ будетъ нарушена во внутреннихъ областяхъ или же въ одной изъ приморскихъ мѣстностей,—русское правительство усмотритъ въ этомъ прямой вызовъ, брошенный Портою Европѣ. Авт.

⁴⁾ Желая установить, по возможности, общность взглядовъ и дѣйствій на конференціи, предложенной лордомъ Дерби (въ виду предполагаемыхъ замысловъ и требованій Россіи), англійское правительство поручило первому уполномоченному маркизу Салисбюри объѣхать европейскія столицы по пути въ Константинополь и съговориться въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Авт.

«2) Отвергнуть предложенія, которыя послѣдуютъ на циркуляръ канцлера ¹⁾, заявить, что отнынѣ мы прекращаемъ всякіе переговоры какъ съ шестью державами, такъ и съ двумя сосѣдними имперіями по восточнымъ дѣламъ, сохраняя свободу дѣйствій за собою, и, распустивъ войска, издать высочайшій манифестъ и министерскій циркуляръ для объясненія причинъ такого рѣшенія. Однимъ словомъ, возвратиться въ то положеніе, въ которомъ мы были два года тому назадъ, разорвавъ съ европейскими кабинетами тѣ сношенія, въ которыхъ мы находились въ теченіе этого времени. Безспорно, что такое положеніе въ восточныхъ дѣлахъ невыгоднѣйшее для Россіи и будетъ у насъ сочувственно принято. Нѣтъ сомнѣнія, что желательнее было бы его достигнуть со временемъ, но если ничто не препятствовало намъ быть въ такомъ положеніи два года тому назадъ ²⁾, если оно было для насъ выгодно, при султанѣ Абдуль-Азисѣ и визирѣ Махмудъ-пашѣ, предлагавшихъ намъ полное соглашеніе и повиновеніе волѣ государя; если возможно было вліять на Турцію при существованіи твердаго правительства, то нынѣ обстоятельства совершенно измѣнились въ Стамбулѣ. Безурядица, господствующая въ странѣ, не представляетъ никакого ручательства въ благоразуміи дѣйствій сопредѣльнаго намъ правительства. Никакой опорной точки для постоянного воздѣйствія на него пока еще не существуетъ. Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ, употребленныхъ на дипломатическіе переговоры и на усилія достигнуть цѣли,—первоначально въ союзѣ съ двумя могущественными имперіями, а потомъ съ цѣлою Европою,—торжественный выходъ Россіи представился бы неожиданностью, которая можетъ вызвать проявленія едва ли для насъ благоприятныя ³⁾.

¹⁾ Уже тогда было ясно, даже по свѣдѣніямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что отвѣты будутъ неудовлетворительные, уклончивые. Второй пунктъ заключаетъ собственное мнѣніе, высказанное канцлеромъ въ докладѣ государю въ засѣданіи совѣта. Въ сущности канцлеръ теперь предлагалъ вернуться въ то положеніе, которое мы занимали на Востокѣ два года тому назадъ, которое я тщетно старался охранить отъ посягательствъ тройственнаго союза, и которое было нарушено и испорчено самимъ княземъ Горчаковымъ. Но обстоятельства затрудняли, если не дѣлали невозможнымъ, восстановленіе утраченнаго на Босфорѣ положенія, и «свобода дѣйствій» означала въ устахъ канцлера, какъ я ему тутъ же замѣтилъ,—«свободу дѣйствія» и пассивный пропускъ всѣхъ благоприятныхъ минутъ для «дипломатической дѣятельности».

Авт.

²⁾ Кромѣ постоянного желанія князя Горчакова конференцій, «европейскаго концерта» и конгрессовъ и непонятнаго пристрастія къ графу Андраши, ловко вкравшагося въ его довѣріе.

Авт.

³⁾ Странное предложеніе князя Горчакова доказывало лишь одно, что онъ искалъ эффектнаго для себя лично, но едва ли выгоднаго для Россіи и крайне опаснаго для ея единовѣрцевъ на Востокѣ, выхода изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ насъ поставилъ отсутствіемъ всякой предусмотрительности и послѣдовательности, забвеніемъ славныхъ преданій и легкомысленнымъ увлеченіемъ соглашеніемъ съ Австро-Венгерію.

Авт.

«Добившись изолированія Турціи въ Европѣ на конференціи, Россія вдругъ сама себя изолировала, открывъ обширное поле всевозможнымъ политическимъ комбинаціямъ, ей враждебнымъ, и предоставивъ Турцію въ руки англичанъ. Не подасть ли подобное рѣшеніе повода недоброжелателямъ ¹⁾ нашимъ стремиться къ провозглашенію непослѣдовательности и несостоятельности правительственныхъ дѣйствій и лишенію насъ обаянія, столь необходимаго на Востокѣ? Не покажется ли страннымъ, что, издержавъ восемьдесятъ милліоновъ рублей и поставивъ на границу, по отзыву военного министра, пятьсотъ тысячъ войска, составляющаго силу несравненно большую, чѣмъ когда-либо выставлявшаяся Россією противъ Турціи,—мы возвратимся къ бездѣйствію, не достигнувъ цѣли, имѣвшей въ виду при объявленіи мобилизаціи? Не представится ли такой результатъ дипломатическимъ пораженіемъ, несмотря на всѣ усилія облечь это явленіе въ форму ²⁾, соотвѣтствующую нашему достоинству?»

«Не поколебленъ ли будетъ такимъ неожиданнымъ исходомъ нашъ политическій, нравственный и финансовый кредитъ? Предпримчивость нашихъ враговъ, несомнѣнно, увеличится, а рвеніе друзей охладится.

«Въ первую минуту можетъ статья, что державы затруднятся нашимъ рѣшеніемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдъ за симъ составятся соглашенія и союзы по восточнымъ дѣламъ внѣ нашего вліянія и никто поручиться не можетъ въ томъ, что ободренная нашимъ изолированіемъ и подстреканіемъ нашихъ закоренѣлыхъ враговъ, Турція сама не вызоветъ насъ на борьбу.

«Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе христіанъ, которые себя будутъ считать обманутыми въ своихъ вѣковыхъ надеждахъ на Россію, сдѣлается худшимъ, и Порта, избавившись отъ постоянного дипломатическаго гнета русскаго представителя и агентовъ, воспользуется своею властью и совѣтами своихъ союзниковъ, чтобы подавить нашихъ единовѣрцевъ и особенно славянъ, лишивъ насъ, на будущее время, благопріятной почвы ³⁾. Какъ только Порта будетъ считать себя обезпеченною не только отъ вторженія русской арміи, но и отъ докучливаго вмѣшательства нашего въ ея внутреннія дѣла,—притѣсненія и гоненія райи (христіанскіе подданные султана) увеличатся, а положеніе нашего представителя

¹⁾ Не только недоброжелатели, но и союзники пришли бы къ указанному заключенію, но ссылка на однихъ недоброжелателей была приведена лишь для смягченія критическаго разбора мнѣнія канцлера, сдѣланнаго въ его присутствіи и выразившагося лишь въ рядѣ поставленныхъ вопросовъ.
Авт.

²⁾ Князь Горчаковъ не нашелся, что отвѣтить въ совѣщаніи на всѣ эти вопросы, для поддержанія своего доклада государю.
Авт.

³⁾ Послѣ Берлинскаго договора этимъ занялась Австро-Венгрія, поддерживаемая и направляемая Германією.
Авт.

«истор. вѣстн.», июнь 1914 г., т. сxxxvi.

въ Константинополь, консульскихъ агентовъ и даже русскихъ подданныхъ сдѣляется тягостнымъ. Мы можемъ быть вынуждены пойти на прямое столкновение съ Портою въ самомъ непродолжительномъ времени.

«Весьма вѣроятно, что выходъ Россіи изъ союза трехъ державъ и изъ состоявшагося на конференціи соглашенія со всѣми державами произведетъ раздраженіе въ кабинетахъ и дастъ поводъ противникамъ нашимъ въ парламентахъ стремиться доказать, что самое вѣрное средство умиротворить Востокъ и Европу это не поддаваться впредь на предложенія Россіи, т.-е. изолировать ее отъ Европы, въ виду ея финансоваго и политическаго безсилія.

«Не будетъ ли рѣшеніе императорскаго правительства отрицаніемъ всѣхъ результатовъ берлинскаго и рейхштадтскаго свиданія ¹⁾ и не дастъ ли это просторъ образованію существенно для насъ опаснаго союза англо-германо-австрійскаго ²⁾, къ которому можетъ быть привлечена Турція? Существованіе подобнаго союза отзовется сейчасъ же на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, на нашихъ окраинахъ и можетъ вызвать насъ на несравненно большія пожертвованія и опасности, нежели настоящей кризисъ. Во всякомъ случаѣ заключеніе военной и политической конвенціи съ Австро-Венгрією становится немислимымъ ³⁾. Конвенція могла считаться необходимостью лишь при немедленномъ открытіи военныхъ дѣйствій, чѣмъ единственно и могли быть объяснены тѣ значительныя уступки, которыя дѣлались имперіи Габсбурговъ.

«Какъ только Россія отказывается отъ наступательныхъ дѣйствій въ Турціи, конвенція эта сдѣляется опаснымъ орудіемъ противъ насъ въ рукахъ венгерскаго министра, скомпрометируетъ насъ безвозвратно въ глазахъ славянъ и свяжетъ насъ на будущее время, лишивъ возможности воспользоваться болѣе благоприятными обстоятельствами для заключенія иного союза.

«Довѣріе къ нашимъ предложеніямъ будетъ утрачено, тѣмъ болѣе, что откроется, что, предлагая Европѣ общее соглашеніе по восточнымъ дѣламъ и заявляя вездѣ наше полное безкорыстіе, мы въ то же время преслѣдовали сдѣлки, въ которыхъ преждевре-

¹⁾ Государь не могъ этого допустить тѣмъ болѣе, что самъ князь Горчаковъ ставилъ ихъ себѣ въ заслугу и ими гордился. Чтобы отвергнуть предложеніе канцлера, надо было доказать его непослѣдовательность и даже противорѣчіе съ первоначальными переговорами. Авт.

²⁾ Игнатьевъ предсказалъ составленіе этого соглашенія трехъ державъ, развившагося въ Берлинскомъ договорѣ и развившагося впоследствии для вытѣсненія вліянія Россіи съ Балканскаго полуострова.

³⁾ Тутъ государь и канцлеръ перебили меня замѣчаніемъ, что объ этомъ предметѣ нельзя говорить въ засѣданіи. Конвенція считалась секретною, и я не подозрѣвалъ, что дѣло уже было окончено. Какъ бы то ни было, мнѣ пришлось пропустить, при чтеніи въ совѣщаніи, разсужденія о конвенціи и ограничиться врученіемъ записки государю и канцлеру. Авт.

менно дѣлили Турцію и вмѣстѣ съ тѣмъ не довели до конца ни того ни другого. Во всякомъ случаѣ, подобное рѣшеніе было бы отрицаніемъ всей политической системы, преслѣдуемой въ теченіе многихъ лѣтъ, а положить починъ новой системѣ подъ гнетомъ настоящихъ обстоятельствъ будетъ едва ли возможно ¹⁾.

3) Предъявленіе Турціи ультиматума, поддержаннаго немедленнымъ вступленіемъ русскихъ войскъ, въ случаѣ отказа ²⁾.

«Нѣтъ сомнѣнія, что, съ точки зрѣнія восточныхъ дѣлъ, это самое дѣйствительное средство для быстрого разрѣшенія мѣстныхъ вопросовъ. Остается жалѣть, что къ этой мѣрѣ ³⁾ мы не прибѣгнули въ ту минуту, когда была окончена мобилизація, до официального съѣзда конференціи, начавшейся **лишь** 11 — 22 декабря, послѣ успѣха ультиматума, положившаго предѣлъ турецкимъ военнымъ дѣйствіямъ въ Сербіи. Тогда возникло предложеніе новаго ультиматума, на основаніи англійской программы конференціи. Порта, не подготовленная тогда къ серьезной войнѣ и ошеломленная нашимъ рѣшительнымъ тономъ, согласилась бы на всѣ требованія. Нынѣ же нѣтъ никакого сомнѣнія, что турки примутъ вызовъ, потому что они считаютъ себя сильными, что заключили, вѣрно, миръ съ Сербіею и Черногоріею, которому мы же способствуемъ, и, наконецъ, потому, что при разившейся анархіи и фанатизмѣ, турецкіе министры, по собственному сознанію, «ожидаютъ двухъ полныхъ поражений», чтобы получить возможность оправдать свою сговорчивость передъ оболыщеннымъ народомъ, слѣпо вѣрующимъ въ свое могущество ⁴⁾.

«Во всякомъ случаѣ, рѣшиться на такое предпріятіе нельзя безъ союзниковъ ⁵⁾, а союзъ съ Австріею можетъ, какъ извѣстно, состояться только подъ условіемъ распада Турціи.

¹⁾ По прочтеніи второго пункта, заключающаго собственно мнѣніе князя Горчакова, высказанное передъ тѣмъ и разобранное критически, — всѣ высказались противъ принятія предложенія канцлера, не одобреннаго и его величествомъ. Авт.

²⁾ Третій пунктъ содержитъ собственно мнѣніе, высказанное военнымъ министромъ въ первомъ засѣданіи (10-го февраля) и на которое, казалось, склонялся государь Авт.

³⁾ Я предлагалъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ октябрѣ, тотчасъ послѣ ультиматума, поданнаго для спасенія Сербіи отъ турецкаго вторженія. Англійская программа конференціи касательно Босніи, Герцеговины и Болгаріи и увеличенія Черногоріи должна была служить основаніемъ этого требованія. Авт.

⁴⁾ Меня нельзя упрекнуть въ томъ, что я скрылъ трудности предстоявшей войны. Я заявилъ, что слабость султана и его министровъ такова, что они боятся разузданности и фанатизма толпы, подстрекаемой изувѣрами и нашими противниками, такъ что самые умѣренные и миролюбивые сановники сознавались мнѣ, что если война начнется, то, чтобы они могли рѣшиться толковать съ нами о мирѣ, нужно будетъ не менѣе двухъ полныхъ поражений для убѣжденія народа, что не измѣна, а сознаніе невозможности противиться вынуждаетъ заключеніе мира. Авт.

⁵⁾ Мнѣніе военнаго министра было, такимъ образомъ, разобрано и дополнено, съ указаніями критическими на то, что должно было бы сдѣлать для успѣшнаго при-

«Прежде всего надлежитъ сговориться съ германскимъ правительствомъ и выяснитъ какъ его желанія, такъ и степень поддержки, на которую мы можемъ рассчитывать.

«Въ этомъ отношеніи желательно было бы достигнуть:

а) гарантіи германскаго правительства, что Австрія исполнитъ принятыя императоромъ Францемъ-Иосифомъ обязательства ¹⁾;

б) нравственной поддержки Германіи и формальнаго обѣщанія ничего не предпринимать въ непріязненномъ намъ смыслѣ, въ продолженіе могущей возгорѣться войны;

в) облегченіе заключенія займа, намъ необходимаго въ случаѣ войны ²⁾.

«Казалось бы опаснымъ и даже невозможнымъ предпринимать войну съ Турціею, не выяснивъ вполне нашихъ отношеній съ германскимъ правительствомъ и не заручившись достаточными финансовыми средствами. Во всякомъ случаѣ, подобное объясненіе съ берлинскимъ кабинетомъ опредѣлитъ наши отношенія къ Германіи, что весьма важно для будущаго.

«Даже для пріобрѣтенія возможности распустить армію и достигнуть мирными путями желаемаго результата полезно было бы вступитъ въ положительное соглашеніе съ двумя императорскими кабинетами для совмѣстнаго съ ними приглашенія другихъ державъ къ общему дѣйствію на Порту, съ предвареніемъ, что въ случаѣ несогласія ихъ три императорскіе кабинета намѣрены приступить къ рѣшительному дѣйствію въ Турціи ³⁾.

веденія его въ исполненіе. Но почти ничего этого не было сдѣлано министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Наши отношенія съ Германіею и Австро-Венгріею не были выяснены и опредѣлены удовлетворительно. Я предупреждалъ, что нельзя воевать безъ союзниковъ, имѣя въ виду, что у насъ флота не было въ Черномъ морѣ. Авт.

¹⁾ Въ точности онѣ были неизвѣстны мнѣ, но канцлеръ и самъ государь были убѣждены, что Францъ-Иосифъ обязался быть на нашей сторонѣ и потомъ содѣйствовать дипломатически. Я продолжалъ далеко не довѣрять искренности австро-венгерскаго правительства. Авт.

²⁾ Я хотѣлъ вывести наше соглашеніе съ Германіею изъ заколдованнаго круга платоническихъ увѣреній и выяснитъ категорически прежде войны, на что мы можемъ рассчитывать, какъ съ ея стороны, такъ въ особенности со стороны вѣнскаго правительства, согласіе съ которымъ, какъ подозрѣвалъ я, покоилось на взаимныхъ недоразумѣніяхъ и недомолвкахъ и на австро-венгерской двуличности. Если бы представленія мои были приняты во вниманіе, Берлинскаго договора не было бы и мы не понесли бы столько напрасныхъ жертвъ. Я считалъ немислимымъ послѣ того, что министръ финансовъ изатратилъ весь запасъ золотомъ на поддержаніе курса, который все-таки упалъ, пускаться на войну, не заключивъ предварительно, на возможно выгодныхъ условіяхъ, заемъ для обезпеченія нужныхъ средствъ и избѣжанія печальной необходимости прибѣгать къ кредиту въ теченіе военныхъ дѣйствій. Авт.

³⁾ Я былъ убѣжденъ, что князь Горчаковъ введенъ въ заблужденіе и ошлбается насчетъ отношеній своихъ къ князю Бисмарку и графу Андраши. Послѣдствія оправдали вполне это заключеніе и этотъ пессимизмъ въ отношеніи тройственнаго союза. Я хотѣлъ: или чтобы Германія и Австрія дали намъ дѣйствительныя ручательства и приняли въ отношеніи къ намъ положительныя, несомнѣныя обязательства отно-

«4) Прямое соглашеніе съ Портою посредствомъ присылки турецкаго посла въ Петербургъ ¹⁾).

«Въ этомъ смыслѣ при окончаніи конференціи сдѣлана была попытка. Такъ какъ отправленіе чрезвычайнаго турецкаго посла въ Петербургъ было признано тогда несвоевременнымъ, а пренія въ англійскомъ парламентѣ (въ февралѣ) могли только ободрить турокъ, то нельзя ручаться, чтобы желаніе отправить уполномоченнаго для непосредственнаго соглашенія съ Петербургомъ не измѣнилось въ теченіе истекшаго мѣсяца, тѣмъ болѣе, что кабинетамъ, не желающимъ доставить намъ это удовлетвореніе, весьма легко будетъ отклонить турокъ. Послѣ отказа нашего, послѣ послѣдняго циркуляра Порты и положенія, принятаго Европою, весьма рискованно и едва ли совмѣстно съ достоинствомъ Россіи принять инициативу такого предложенія. Приходится ограничиться косвенными указаніями, чрезъ агентовъ нашего посольства въ Константинополь или изъ Одессы посредствомъ второстепенныхъ довѣренныхъ лицъ, наподобіе того, которое было мною уже сдѣлано чрезъ турецкаго посла въ Вѣнѣ Мехмедъ-Рушди пашѣ (бывшій верховный визирь) и передъ отъѣздомъ изъ Константинополя Ахмедъ-Вефику, нынѣшнему предсѣдателю ²⁾ будущей палаты депутатовъ.

«Во всякомъ случаѣ лишь видимая готовность наша къ войнѣ и неминуюмость ея могли бы побудить благоразумныхъ турокъ преклониться предъ государемъ императоромъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Стамбулѣ можно ожидать уличныхъ беспорядковъ и междоусобій ³⁾. Нельзя ручаться ни за послѣдовательность дѣйствій турецкихъ министровъ, ни за рѣшимость ихъ принять что-либо на свою отвѣтственность.

сительно восточнаго вопроса передъ нашимъ рѣшеніемъ начать войну, или чтобы непрочность и безвыгодность мнимаго соглашенія нашего была своевременно обнаружена, чтобы мы избѣгли напрасныхъ жертвъ и разочарованія. Надо было или извлечь всевозможную пользу для Россіи изъ тройственнаго союза, или приобрести свободу дѣйствій и союзовъ, не связывая каждый свой шагъ взглядами на него Берлина и въ особенности Вѣны и Пешта. Авт.

¹⁾ Въ первомъ засѣданіи было упомянуто это предложеніе, сдѣланное мною при окончаніи конференціи и внушенное имъ даже Портѣ. Необходимо было указать въ докладѣ, что благоприятная минута для этого исхода также пропущена министромъ иностранныхъ дѣлъ, ибо *post factum* князь Горчаковъ желалъ за него ухватиться, ссылаясь на посла. Авт.

²⁾ Предсѣдатель былъ назначенъ заблаговременно султаномъ и ему поручено было приучить гг. депутатовъ къ засѣданіямъ палаты и руководить ими. Авт.

³⁾ Манifestаціи софты, заговоры, убійства и угрозы «юной Турціи» и фанатиковъ, сопровождавшіе изложеніе Абдуль-Азиса и продолжавшіеся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, внушали это предположеніе, подтвержденное попыткой въ февралѣ Али Суави, освободить Мурада и провозгласить его султаномъ, ворвавшася во главѣ шаики въ Чираганскій дворецъ, при чемъ произошла свалка съ подоспѣвшими войсками. Авт.

«Императорское посольство предупреждало девять мѣсяцевъ тому назадъ, что анархическое состояніе, тогда разгоравшееся, лишаетъ твердой почвы всякія дипломатическія сношенія и что Порты будутъ подчиняться впредь лишь грубой силѣ. Слѣдовательно, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не представляется никакихъ ручательствъ для прочности соглашенія съ Портою.

«Во всякомъ случаѣ, если бы такое соглашеніе и состоялось, мы должны будемъ пригласить другія державы раздѣлить съ нами отвѣтственность, посредствомъ общаго протокола, что представило бы почти тѣ же самыя затрудненія, какъ и теперешнее соглашеніе съ кабинетами.

«Не принимая на себя ¹⁾ опредѣлить путь, которымъ надлежитъ слѣдовать, считаю долгомъ обратить лишь вниманіе на необходимость не распускать сосредоточенныхъ войскъ въ теченіе полутора или двухъ мѣсяцевъ до совершеннаго уясненія обстоятельствъ, могущихъ внезапно измѣниться въ Стамбулѣ ²⁾.

«Изъ вышеприведенныхъ соображеній надлежало бы заключить, что слѣдующія мѣры могли бы быть приняты:

«1) Послѣдній циркуляръ канцлера обязываетъ насъ выждать отвѣтовъ кабинетовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо дожидаться окончанія прямыхъ переговоровъ Порты съ Черногоріею, которые будутъ болѣе затруднительны, нежели заключеніе мира съ Сербіею, несмотря на то, что князь Николай, потерявъ надежду на нашу матеріальную поддержку и доведенный до крайности, сдѣлается поневолѣ сговорчивымъ. Желательно воспользоваться этою отсрочкою, чтобы дать снова понять кабинетамъ, что мы въ правѣ ожидать благопріятнаго отвѣта и постараться подсказать имъ его, посредствомъ довѣрительныхъ объясненій. вмѣстѣ съ тѣмъ можно бы поторопить сообщеніе намъ отзывовъ на циркуляръ. Лучшему и скорѣйшему выясненію положенія дѣлъ и нашихъ видовъ могло бы способствовать отправленіе въ Берлинъ и Лондонъ особаго довѣ-

¹⁾ Князь Горчаковъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ внушать государю мысль, что я отношусь критически къ дѣйствіямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, не представляя съ своей стороны практическихъ указаній на лучший способъ дѣйствій, а какъ только я выступалъ съ положительными предложеніями, тогда канцлеръ намекалъ, что, увлекаясь честолюбіемъ, я желаю взять все въ свои руки и руководить русскою политикою. Вслѣдствіе такого предвзятаго недоброжелательства приходилось сглаживать и смягчать всякое предложеніе, чтобы оно не было тотчасъ отвергнуто. Авт.

²⁾ Князь Горчаковъ сопровождалъ государя изъ Крыма въ Москву и, влагая постоянно на военное вѣдомство отвѣтственность за свою слабую политику, содѣйствовалъ значительно рѣшенію мобилизовать войска въ началѣ ноября и произволу расходовъ. А въ февралѣ настаивалъ на немедленномъ роспускѣ войскъ, не достигнувъ никакого благопріятнаго результата. Я желалъ, чтобы хотя какаянибудь политич. ская польза была извлечена изъ мобилизаціи. Авт.

ренного лица ¹⁾). Ничто не мѣшаетъ намъ попытаться въ то же время косвеннымъ путемъ, внушить Портѣ желаніе прислать въ Петербургъ чрезвычайнаго посла для непосредственныхъ съ нами переговоровъ. Заключение особой конвенціи съ Австро-Венгрією слѣдовало бы пока приостановить ²⁾ подъ благовиднымъ предлогомъ и затянуть переговоры до окончательнаго выясненія положенія дѣла³⁾.

«2) Желательно, чтобы европейскіе кабинеты, Турція и общественное мнѣніе въ Европѣ проникнулись бы въ продолженіе сего подготовительнаго періода увѣренностью, что у насъ полмилліона готоваго къ бою войска стоитъ на границѣ и что нѣтъ рѣчи о роспускѣ арміи до достиженія благопріятнаго результата. По опыту бывшей въ Константинополѣ конференціи извѣстно, до какой степени вредно вліяли на расположеніе и мнѣніе уполномоченныхъ другихъ державъ и Порты лживые слухи о мнимой неготовности и недостаточной численности нашей арміи и объ усиленномъ желаніи въ Петербургѣ мира ⁴⁾.

«3) Если отвѣтъ на циркуляръ будетъ благопріятенъ, то державы могли бы подписать немедленно протоколъ, которымъ закрѣплены были бы обязательства и отвѣтственность Порты, а, слѣдовательно, и право Европы на надзоръ и вмѣшательство.

«Вмѣстѣ съ подписаніемъ этого протокола войска наши могли бы быть тотчасъ же распущены высочайшимъ манифестомъ ⁵⁾. На

¹⁾ Было предложено мною отправить туда С. С. Валуева, какъ *persona gratissima* для обоихъ кабинетовъ и неучастное къ переговорамъ, происходившимъ доселѣ. Государь, по предложенію военнаго министра и канцлера, рѣшилъ отправить меня въ Константинополь, подъ предлогомъ отдохновенія и совѣщанія съ глазами врачами европейскими. Авт.

²⁾ Она была уже заключена 3-го января, но по желанію графа Андраши обстоятельство это было скрыто отъ меня, равно какъ и содержаніе самой конвенціи. Ему было только извѣстно, что происходятъ переговоры между Новиковымъ и Андраши съ цѣлью заключенія какой-то конвенціи на случай войны нашей съ Турцією. Авт.

³⁾ Не одобряя въ принципѣ и въ подробностяхъ, насколько онѣ мнѣ были извѣстны, соглашенія нашего съ Австро-Венгрією, слишкомъ благопріятнаго сей послѣдней и вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи, я преслѣдовалъ главнѣйше отстраненіе предвидимыхъ мною послѣдствій для Востока, славянъ и Россіи и желалъ избѣгнуть подписанія конвенціи. Такъ какъ канцлеру и Новикову было неудобно круто прервать переговоры, что могло навлечь намъ новыя затрудненія, способствуя сближенію Австро-Венгріи съ Англією, то я довольствовался затягиваніемъ переговоровъ, въ надеждѣ, что представится наконецъ возможность вовсе отказаться отъ проектированной конвенціи. Авт.

⁴⁾ Это предложеніе было взято изъ проекта канцлера для его личнаго успокоенія. Но исполненію придана форма болѣе сообразная съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и съ достоинствомъ Россіи. Впрочемъ, лично я былъ убѣжденъ, что отвѣты будутъ неудовлетворительными и противными той программѣ, которую я успѣлъ исторгнуть у своихъ товарищей уполномоченныхъ, и что эти отвѣты будутъ уклончивые, подстрекая турокъ противъ насъ. Авт.

⁵⁾ Это противорѣчило совершенно предложенію канцлера не только тотчасъ распустить войска, но и объявить объ этомъ всенародно и заключало намекъ на петербургскіе слухи, исходившіе изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и высшаго петербургскаго общества и столь вредившіе успѣху русскаго дѣла на Востокѣ. Авт.

первое время и впредь до совершеннаго умиротворенія на Балканскомъ полуостровѣ полезно было бы оставить въ Болгаріи и на кавказской границѣ лишь небольшіе наблюдательные корпуса для внушенія Портѣ осмотрительности и предупрежденія, хотя на первое время, возобновленія мусульманскихъ неистовствъ. Слѣдовало бы достигнуть, чтобы Турція распустила тотчасъ редифы и отвела часть своихъ войскъ нѣсколько прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно съ выступленіемъ нашей арміи изъ Кяшинева.

«4) При неудовлетворительномъ отзывѣ кабинетовъ на циркуляръ канцлера необходимо тотчасъ же объяснить категорически въ Берлинѣ и договориться съ Германією и Австро-Венгрією касательно предстоящихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

«5) Только при совершенномъ неуспѣхѣ всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ до конца марта мѣсяца можетъ послѣдовать въ началѣ апрѣля предъявленіе Портѣ ультиматума, по соглашенію съ Германією и Австро-Венгрією ¹⁾, съ такимъ расчетомъ, чтобы движеніе нашихъ войскъ въ Румынію началось вслѣдъ за полученіемъ отрицательнаго отвѣта, или же чтобы демобилизація арміи, при принятіи Портою нашихъ предложеній, — состоялась въ половинѣ апрѣля. Остающееся до Пасхи время должно быть посвящено напряженной дѣятельности нашей дипломатіи, которая, конечно, употребить всѣ усилія ²⁾ для предотвращенія печальной необходимости войны, составляющей, безспорно, народное бѣдствіе, или торжественнаго заявленія русскому народу и Востоку изолированія нашего въ Европѣ ³⁾. Государь императоръ желаетъ даро-

¹⁾ Слѣдовательно, по моей мысли, надо прежде всего ускорить отвѣты кабинетовъ на неудачный циркуляръ канцлера и употребить всевозможныя мѣры для избѣжанія необходимости вѣзяться за оружіе въ единоборствѣ съ турками, при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Затѣмъ, въ случаѣ дипломатической неудачи, непременно объяснить съ Германією и Австро-Венгрією и не иначе принимать окончательное рѣшеніе, какъ или заручившись ихъ полнымъ и положительнымъ содѣйствіемъ, или выяснивъ окончательно наши отношенія къ двумъ соседнимъ имперіямъ. Объявленію войны или приступу къ дѣйствіямъ нашихъ войскъ долженъ былъ, во всякомъ случаѣ, предшествовать ультиматумъ, основанный на программѣ конференціи, что выяснило бы совершенно положеніе, нами принятое, и невозможность для другихъ кабинетовъ, въ особенности для Англіи, поддерживать Турцію въ теченіе военныхъ дѣйствій, которая, само собою разумѣется, повлекли бы за собою весьма естественно измѣненіе нашихъ требованій при окончательномъ замиреніи. Князь Горчаковъ не послѣдовалъ предначертанному пути, и мы начали войну при совершенно иной, невыгодной для насъ обстановкѣ.

Авт.

²⁾ Я желалъ придать болѣе энергіи и дѣятельности нашей дипломатіи, но, за исключеніемъ трехнедѣльной моей поѣздки въ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну, министерство иностранныхъ дѣлъ ничего не сдѣлало для сохраненія почетнаго мира.

Авт.

³⁾ Канцлеръ именно въ своемъ докладѣ и на совѣтѣ ставилъ постоянно эту альтернативу, противъ которой я и возражалъ.

Авт.

вать Россіи не мимолетный, а прочный и почетный миръ ¹⁾; война сдѣлается неизбежною лишь тогда, когда честь и достоинство Россіи будутъ затронуты и не удовлетворены путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Петербургъ. 12 (24) февраля 1877 года ²⁾.

1) Министръ иностранныхъ дѣлъ, къ сожалѣнію, считалъ вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ и Берлинскій миръ почетнымъ и прочнымъ. Событія весьма скоро доказали, до какой степени мнѣніе это было ошибочно. Авт.

2) Докладная записка Н. П. Игнатъева отъ 12-го февраля 1877 года, дающая оцѣнку политическаго положенія наканунѣ нашей войны съ Турціей, настолько замѣчательна по ясности ума и пониманію жизненныхъ интересовъ нашей родины въ ея соревнованіи съ государствами Западной Европы, что ее слѣдовало бы предлагать, на дипломатическихъ экзаменахъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ учебную тему для комментирования и анализа молодымъ кандидатамъ на дипломатическія должности. Если когда-либо будетъ издана «дипломатическая хрестоматія» для подготовляющихся къ поприщу международной дѣятельности, этотъ рапортъ Игнатъева долженъ занять почетное мѣсто въ такомъ сборникѣ. Даже теперь, черезъ 37 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, намѣченныя здѣсь вскользь мысли и начала могли бы послужить если не полной программой для дѣятельности (вполнѣ достойной величія нашей родины) на Ближнемъ Востокѣ, то, во всякомъ случаѣ, наброскомъ неотъемлемыхъ элементовъ всякой программы, посредствомъ которой мы бы могли понадеяться задержать нашъ дальнѣйшій политическій упадокъ. Въ виду сильныхъ достоинствъ этой докладной записки постараемся свести къ нѣкоторымъ рельефнымъ пунктамъ тѣ крупныя практической мудрости, которыя въ ней содержатся:

I. *Программа.* 1) Необходимо выработать твердо опредѣленную *программу* для нашей международной дѣятельности; въ этой программѣ должны быть въ должной степени соображаемы всѣ наши интересы: политическіе, нравственно-религіозные, финансовыя, торговые и т. п.

II. *Опредѣленность цѣлей въ каждомъ періодѣ проявленія воли:* 1) Мы въ каждомъ дѣлѣ должны ясно сознавать, куда мы идемъ и чего мы хотимъ: войны или мира? Не слѣдуетъ внезапно рѣшать войну или миръ, безъ заранее установленнаго намѣренія. 2) Не слѣдуетъ ставить себя за цѣль итти рука объ руку съ *враждебнымъ* государствомъ; этой вражды и вреда, намъ наносимаго, не прикроютъ никакія условныя фразы; тѣмъ болѣе нельзя подчинять нашу политику указкѣ и желаніямъ подобнаго государства. 3) Въ особенности опасенъ *переходъ отъ твердости тона къ бездѣйствію и безволюности*; это роняетъ престижъ, въ особенности на Востокѣ; тутъ никакія красивые фразы не могутъ маскировать безсиліе. 4) По свойственной психологіи Востока, слѣдуетъ помнить, что *мирное безсиліе и безволюность вызываютъ со стороны Турціи опасную агрессивность*; поставленная передъ такимъ фактомъ, Турція неминуемо лѣзетъ въ атаку. 5) Вообще *начатое* слѣдуетъ нецеремѣнно доводить уже до конца; нельзя пробовать и не додѣлывать; это приводитъ къ полной утратѣ престижа.

III. *Экономія средствъ къ достиженію международныхъ цѣлей.* 1) Средства годятся въ зависимости отъ мнѣняющагося горизонта *каждаго дня*. Нѣтъ неизблемыхъ средствъ: то, что было выгодно вчера, уже не годится завтра, смотря по обстоятельствамъ. 2) *Санкція* есть необходимая принадлежность всякаго заявленія или требованія. Заниматься созывомъ конференцій для словонизверженій дипломатовъ, но безъ намѣренія выдвинуть какую-либо санкцію *твердой рукой*, есть бесполезная и вредная затѣя. 3) Начиная какое-либо предпріятіе, надо прежде всего *опредѣлить отношеніе къ намъ каждой державы*, затронутой даннымъ вопросомъ; опредѣлить это необходимо посредствомъ установленія *реальныхъ свидѣній и критическаго ихъ разбора*, не ограничиваясь простыми словесными завѣреніями или переписками. 4) Всякое сближеніе съ какимъ-либо другимъ государствомъ (Австріей, Германіей или инымъ) для цѣлей «союза» или «согласія» должно приводить къ *точно обусловленнымъ эле-*

Такъ какъ никто изъ присутствующихъ, не могъ опровергнуть, что при положеніи, созданномъ предыдущими дѣйствіями князя Горчакова и въ особенности его послѣднимъ циркуляромъ, путь, указанный въ запискѣ, прочитанной мною, былъ наилучшій, то его величество, выразившій въ продолженіе чтенія неоднократно свое согласіе съ высказываемымъ, одобрилъ предложенное и повелѣлъ привести въ исполненіе. Несмотря на всѣ противные доводы мои ¹⁾, было рѣшено отправить въ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну не кого другого, какъ меня, подъ предлогомъ испрошеннаго кратковременнаго отпуска для совѣщанія съ окулистами и излеченія глазъ, заболѣвшихъ во время усиленныхъ трудовъ послѣдняго года. Государю императору благоугодно было повелѣть мнѣ отправиться 18-го февраля и вернуться не позже 15—18-го марта. Очевидно было, что всего важнѣе было заручиться благопріятнымъ расположеніемъ въ Берлинѣ и въ Лондонѣ, гдѣ предвидѣлись главнѣйшія затрудненія. Но въ самый день моего отъѣзда была получена телеграмма, отъ 17-го февраля, нашего лондонскаго посла, графа Шувалова, въ отвѣтъ на извѣщеніе канцлера о порученіи, данномъ первому. Шуваловъ, ссылаясь на то, что канцлеръ и я должны быть убѣждены, что «въ дѣлѣ, въ которомъ затронуты

ментамъ обязательства, не оставаясь на почвѣ однихъ только «платоническихъ увѣреній» или однихъ только личныхъ влеченій. 5) Договариваясь съ Австріею, необходимо обезпечить себя какою-либо болѣе стойкою гарантіею, нежели полученной въ Вѣнѣ или Буда-Пештѣ подписью; на примѣръ, полезно имѣть гарантію Берлина, что Австрія съ моментъ исполненія договора не уклонится отъ своего слова. 6) Крайне важно не придавать въ разгаръ роковыхъ событій неожиданную помощь нашимъ врагамъ посредствомъ распусканія воплей о «нашей неподготовленности», негодности арміи, экономическомъ безсиліи и т. д., и т. д. Это кликушество и визгъ обыкновенно исходитъ изъ Петербурга. 7) Миръ дѣло прекрасное и связанное съ Божьею благодатью. Но разъ мы уже сдѣлали затраты на мобилизацію, то нельзя, безъ разрѣшенія поставленныхъ задачъ, распускать войско «не солоно хлебавши». Въ нравственномъ столько же, сколько и въ финансовомъ отношеніи такіе повороты гибельны. Лучше воевать и довести усиліе народа до *прочнаго и почетнаго* мира, нежели оставлять народъ подъ впечатлѣніемъ недоведенія его воли до цѣли, да еще съ сохраненіемъ какого-либо ядра неурядицы, которое остается для будущихъ поколѣній источникомъ хроническаго разоренія.

Вышеизложенные тезисы составлены нашими словами; но эта формулировка прямо вытекаетъ изъ текста игнатьевскихъ докладовъ, въ связи съ его яркою рѣшительностью и съ тѣмъ изустнымъ наслѣдіемъ, которое составляло радость лицъ, получившихъ его наставленія, при личныхъ бесѣдахъ съ нимъ. А. Б.

¹⁾ Я указывалъ, между прочимъ, на то, что въ виду выдающейся роли, вынавшей мнѣ на долю въ константинопольской конференціи, моя поѣздка по Европѣ надѣлаетъ слишкомъ много шума, тогда какъ желательно было бы сего избѣгнуть, и что товарищи мои, русскіе послы, будутъ недовольны вмѣшательствомъ такого же посла, какъ они, тогда какъ они приняли бы благодушнѣе появленіе съ спеціальнымъ порученіемъ лица, облеченнаго особымъ довѣріемъ государя, но не служащаго по дипломатической части. Предсказанія оправдались. Интриги и зависть много мнѣ повредили, хотя замѣчанія, представленныя своевременно государю, и не были при няты во вниманіе. Авт.

столь дорогіе намъ интересы, онъ не способенъ руководствоваться личными соображеніями, утверждалъ, что Салисбюри, приглашавшій настоятельно меня и жену мою, при отъѣздѣ своемъ изъ Константинополя, пріѣхать въ Англію погостить въ его помѣстье Хетфильдъ, испугался теперь пріѣзда своего товарища по конференціи, «умоляетъ меня не пріѣзжать въ настоящую минуту, предвидя, что онъ теперь вызоветъ внезапную перемѣну въ Англіи, увеличить затрудненія какъ министерству, такъ лично и Салисбюри, лордъ Биконсфильдъ еще ухудшится, а остальные министры станутъ еще болѣе подозрительными и послѣдствія окажутся въ декабрѣ въ парламентѣ». Шуваловъ утверждалъ, что Салисбюри желаетъ, чтобы онъ встрѣтился со мною на материкѣ и передалъ бы потомъ англійскому министерству объясненія мои ¹⁾. Государь такъ былъ смущенъ этимъ заявленіемъ своего посла въ Лондонѣ, что потребовалъ меня къ себѣ, въ дорожномъ платьѣ, за полчаса до отъѣзда на вокзалъ желѣзной дороги и сообщилъ мнѣ телеграмму Шувалова, высказывая опасенія, что въ Лондонѣ дѣйствительно встрѣчены будутъ неопределимыя затрудненія. Выразивъ удивленіе, что при существующемъ въ Англіи государственномъ строѣ и несомнѣнной патріотической гордости появленіе на нѣсколько дней иностранца, каковъ бы онъ ни былъ, могло произвести замѣшательства въ правительствѣ и тотчасъ повліять на настроеніе общественнаго мнѣнія, я указалъ на подтвержденіе тѣхъ личныхъ соображеній, которыя я и прежде представлялъ его величеству противъ моего избранія, и умолялъ государя предоставить порученіе это другому лицу. Его величество остался непреклоненъ, но разрѣшилъ, если не встрѣтится особенной надобности, не ѣздить въ Лондонъ, но непременно побывать въ Берлинѣ, Парижѣ и Вѣнѣ.

Вмѣсто инструкцій министерство иностранныхъ дѣлъ выработало проектъ протокола, который желательно было, чтобы всѣ кабинеты подписали и сообщили Портѣ для исполненія. Этимъ актомъ сохранялась совокупность дѣйствій державъ и европейскій характеръ восточнаго кризиса и заканчивалась приличнымъ образомъ константинопольская конференція. Русскій посоль уже предлагалъ при самомъ ея окончаніи уполномоченнымъ державъ подписать подобный конечный актъ, послѣ отказа Порты подчиниться контролю европейскихъ комиссій и заявленія ея готовности исполнить большинство реформъ, ей рекомендованныхъ, и не только въ трехъ областяхъ, но вездѣ, гдѣ находится христіанское населеніе въ ея европейскихъ провинціяхъ, а равно заключить миръ

---

¹⁾ Съ этой минуты графъ Шуваловъ проявилъ, явно и настойчиво, свое давнишнее желаніе отстранить и оттереть меня, умалить мое значеніе и проложить себѣ самому дорогу на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ при уходѣ князя Горчакова.

Авт.

съ Черногорією и Сербією. Подписать такой протоколъ въ Константинополѣ оказалось невозможнымъ, по недостатку времени между послѣднею конференціею и отъѣздомъ пословъ и немѣнно инструкцій уполномоченными, которые затруднились связать на свою отвѣтственность дальнѣйшія дѣйствія своихъ правительствъ и принять обязательство дѣйствовать совокупно, общими мѣрами, противъ Порты въ случаѣ неисполненія ею договореннаго. Содержаніе проекта протокола было слѣдующее: «Державы, совмѣстно предпринявшія умиротвореніе Востока и участвовавшія съ этою цѣлью въ константинопольской конференціи, вошли въ соглашеніе будущихъ своихъ дѣйствій въ послѣдствіе отказа Порты принять ихъ настойчивыя и единогласныя предложенія. Прежде всего онѣ условились сохранить свое тѣсное согласіе въ этомъ новомъ фазисѣ занимающаго ихъ вопроса. Кабинеты единогласно стоворились настаивать на выполненіи преобразованій, признанныхъ ими необходимыми для улучшенія судьбы христіанскаго населенія Турціи.

«Въ случаѣ заключенія мира съ Сербією и Черногорією кабинеты принимаютъ это къ свѣдѣнію; если жѣ съ Черногорією не будутъ кончены мирныя переговоры, то кабинеты настаиваютъ на рѣшеніи конференціи относительно распространенія границъ княжества и предоставленія ему права свободного плаванія по рѣкѣ Боянѣ. Усматривая въ замиреніи съ княжествами первый шагъ къ достиженію цѣли, желаемой всѣми кабинетами, успокоенія Балканскаго полуострова, кабинеты приглашаютъ Порту его упрочить переходомъ арміи на мирное положеніе, роспускомъ собранныхъ войскъ, оставляя подъ ружьемъ лишь нужное для поддержанія порядка количество, а равно и безотлагательнымъ осуществленіемъ тѣмъ реформъ, которыя перечислены въ протоколахъ конференціи. Кабинеты въ правѣ это ожидать тѣмъ болѣе, что турецкіе уполномоченные, а затѣмъ и Порты уже заявили готовность свою приступить къ исполненію большей части этихъ преобразованій. Державы принимаютъ въ особенности къ свѣдѣнію объявленіе верховнаго визиря касательно немедленнаго введенія слѣдующихъ пунктовъ:

«Запрещеніе употреблять иррегулярныя войска, развѣ въ томъ случаѣ, когда непріятель вторгнется въ предѣлы Турціи.

«Прекращеніе колонизаціи кавказскихъ уроженцевъ въ христіанскихъ областяхъ.

«Полная свобода вѣроисповѣданія.

«Преобразование полиціи и мѣстная автопомія.

«Образованіе наблюдательной комиссіи, предсѣдательство въ которой будетъ предоставлено одному изъ представителей Порты.

«Запрещеніе носить оружіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возстаніе прекратилось.

«Раздѣленіе областной территоріи и ея переустройство на основаніи требованій конференціи.

«Сложение податных недоимокъ.

«Въ виду такого расположенія Порты и очевиднаго ея интереса немедленно приступить къ примѣненію, чтобы покончить съ положеніемъ дѣлъ, ея истощающимъ, кабинеты полагаютъ имѣть полное основаніе надѣяться, что Порта воспользуется нынѣшнимъ успокоеніемъ умовъ для энергическаго осуществленія всѣхъ мѣръ, придуманныхъ конференціею и предназначенныхъ улучшить положеніе христіанскихъ населеній. Дѣйствительное улучшение единогласно признается необходимымъ для спокойствія Европы. Вступивъ однажды на этотъ путь, Порта пойметъ, что честь и сознаніе своей собственной пользы требуютъ, чтобы она слѣдовала по немъ честно и въ дѣйствительности, а не возвращалась къ ошибочнымъ дѣйствіямъ, навлекшимъ на нее столько бѣдствій и вынудившимъ вмѣшательство Европы.

«Державы намѣрены имѣть близкое наблюденіе посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и своихъ мѣстныхъ агентовъ за способомъ осуществленія обѣщаній турецкаго правительства.

«На случай, если бы ихъ надежда была еще разъ обманута и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не улучшилось бы настолько, чтобы предупредить возобновеніе безпорядковъ, которые періодически возмущаютъ спокойствіе Востока и Европы, кабинеты полагаютъ необходимымъ объявить, что имъ невозможно будетъ терпѣть долѣе положеніе дѣлъ, не соотвѣтствующее ни интересамъ ихъ, ни правамъ человѣчества. Въ такомъ случаѣ державы сохраняютъ за собою право совмѣстно обсудить и опредѣлить мѣропріятія, которыя будутъ признаны ими необходимыми для обезпеченія благосостоянія христіанскихъ населеній и интересовъ общаго мира».

Порученіе, на меня возложенное, было выполнено успѣшно. Протоколъ былъ принятъ въ принципѣ всѣми кабинетами, отношенія которыхъ къ Россіи и восточному вопросу вполне выяснились и опредѣлились въ назначенный государемъ срокъ, такъ что въ концѣ марта императорское правительство уже вполне сознательно могло дѣйствовать, освободившись отъ страннаго положенія, въ которое поставилъ его циркуляръ канцлера, не вызвавшій соотвѣтствовавшихъ отвѣтовъ. Нѣкоторыми кабинетами были сдѣланы лишь незначительныя редакціонныя измѣненія, клонившіяся къ смягченію выраженій протокола. Ни одна держава не оказала малѣйшаго желанія стать твердо на почвѣ, подготовленной конференціею, и перейти къ совокупному рѣшительному матеріальному воздѣйствію, которое сохранило бы европейское значеніе вопроса, заставило бы Турцію смириться, а Россію избавило бы отъ необходимости выступить одной на борьбу съ Портою. Въ Берлинѣ и въ Парижѣ я былъ принятъ съ особенною предупредительностію, и князь Бисмаркъ былъ отмѣнно любезенъ и внимателенъ въ отно-

шеніи ко мнѣ, не скрывъ, однакоже, ни своего пламеннаго желанія, чтобы Россія воевала съ Турціею, ни личнаго неудовольствія на князя Горчакова, зародившагося съ 1875 года и даже намѣренія «съ нимъ когда-нибудь расчитаться». Очевидно, что расчетъ этотъ между двумя канцлерами не могъ быть сдѣланъ иначе, какъ на нашъ счетъ, т. е. въ ущербъ русскихъ интересовъ. А потому я счелъ долгомъ, по возвращеніи въ Петербургъ, предупредить довѣрительно князя Горчакова относительно неудовольствія, питаемаго къ нему могущественнымъ вершителемъ судебъ Германской имперіи, посовѣтовавъ изыскать средство приличнымъ образомъ съ нимъ объясниться и удовлетворить его задѣтое личное самолюбіе прежде, нежели пускаться въ войну съ Турціею. «Ити за Дунай и Балканы, оставляя сзади себя такого сомнительнаго союзника и будущаго соперника на Востокѣ, какъ Австро-Венгрія, и раздраженнаго противъ васъ стараго пріятеля въ Берлинѣ, въ высшей степени рискованно и неблагоразумно». Искренній совѣтъ этотъ, внушенный доброжелательствомъ и озабоченностью моего патріотизма, принятъ былъ весьма дурно канцлеромъ, который мнѣ заявилъ, что я ошибаюсь, не знаю сущности установившихся на незыблемомъ основаніи личныхъ отношеній его къ князю Бисмарку, еще недавно поручившему Швейницу передать ему самыя трогательныя завѣренія свои, какъ отъ бывшаго его ученика. «Je lui ai fait courtoisement répondre,—прибавилъ, съ напускною скромностью, князь Горчаковъ,—que l'écoulier a surpassé quelque peu le maître». Увлеченный своимъ самообольщеніемъ и подозрительнымъ эгоизмомъ, канцлеръ въ этотъ же день сказалъ своимъ приближеннымъ, что отъ него не скрылось мнимое желаніе мое подъ него подкочнаться предъ государемъ и замѣнить его, воспользовавшись благосклоннымъ приѣмомъ, оказаннымъ мнѣ въ Берлинѣ «et en faisant mousser les prétendues mésintelligences entre moi et mon ami Bismark. Mais cela ne lui réussira pas, car j'en préviendrai certainement l'empereur». Дѣйствительно, онъ сказалъ его величеству, при первомъ докладѣ, что я повѣрилъ какимъ-то на него сплетнямъ въ Берлинѣ, которымъ нельзя придавать никакого значенія, ибо онъ имѣлъ самыя свѣжія удостовѣренія, въ противномъ смыслѣ, отъ генерала Швейница.

Подробности переговоровъ моихъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Англии и Вѣнѣ изложены, по документамъ, на французскомъ языкѣ, въ особой запискѣ.

Разница между протоколомъ, мною представленнымъ на одобреніе кабинетовъ, и тѣмъ, который былъ составленъ графомъ Дерби по соглашенію съ графомъ Шуваловымъ, заключалась въ томъ, что редакція была до того уже ослаблена, что турки, какъ я и предсказывалъ иностраннымъ дипломатамъ и нашему послу въ Лондонѣ, усмотрѣли въ безграничной сговорчивости и смиреніи нашемъ проявленіе силы и значенія Англии, нашу слабость и безмѣрное

желаніе избѣгнуть войны во что бы то ни стало. Сверхъ того единственный смыслъ протокола и польза, которую подписаніе его всѣми гарантирующими державами могло принести, исчезли предъ тѣмъ фактомъ, что одновременно съ протоколомъ были даны дополнительныя и противорѣчивыя заявленія англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ и нашего представителя въ Лондонѣ. Россія объявляла, что, если миръ съ Черногоріею будетъ заключенъ, Порта приметъ совѣты державъ распустить войска и предприметь серьезное исполненіе реформъ, упоминаемыхъ въ протоколѣ, ей предоставляется прислать въ Петербургъ особаго уполномоченнаго, чтобы условиться о взаимномъ постановленіи армій на мирную ногу, на что его величество тогда согласится и въ своей стороны. Въ заключеніе оговорено, что если новыя убійства, какъ тѣ, которыя были произведены, возобновятся въ Болгаріи, то разоруженіе на границѣ будетъ приостановлено. Англія же объявила, что такъ какъ подпись ея поставлена подъ протоколомъ, предложеннымъ русскимъ правительствомъ¹⁾, лишь въ интересахъ сохраненія мира, то она себѣ предоставляетъ право, если бы цѣль эта не была достигнута, т. е. обоюдное разоруженіе Россіи и Турціи²⁾ и установленіе между ними мира, считать этотъ протоколъ не имѣющимъ никакого значенія. Этою оговоркою ясно высказывалось предъ Турціею выдѣленіе Англии изъ мнимаго европейскаго концерта по восточнымъ дѣламъ, и протоколъ въ глазахъ партіи Мидхада, стремившейся къ войнѣ и рассчитывавшей на обѣщанную англійскими агентами поддержку Великобританіи при разрывѣ съ Россіею, терялъ всякую силу и значеніе. Для каждаго знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и съ характеромъ восточныхъ политиковъ было ясно, что война сдѣлалась неизбѣжною, и что она будетъ объявлена намъ Турціею, если мы еще будемъ чего-то выжидать, оставаясь въ томъ унижительномъ положеніи, въ которое насъ привели искательства европейской поддержки и странной надежды на искренность отношеній державъ къ Россіи.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

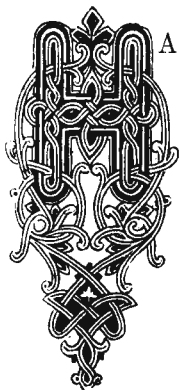
¹⁾ Это была неправда, потому что даже до невозможности умѣренный протоколъ, предъявленный Россіею и принятый въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Римѣ, былъ еще умаленъ, обезсиленъ и низведенъ почти до безцвѣтности стараніями лорда Дерби, не встрѣтившими достаточнаго противодѣйствія въ графѣ Шуваловѣ. Авт.

²⁾ Я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ допустить, чтобы Россія и Турція въ вопросѣ разоруженія были поставлены на одну доску и чтобы для государя распоряженіе его войсками могло быть обязательно въ томъ или другомъ смыслѣ. Я заявилъ и лорду Дерби и графу Шувалову, что считаю постановку вопроса о русскихъ войскахъ и упоминаніе объ этомъ въ какомъ-либо дипломатическомъ актѣ до того несообразнымъ съ достоинствомъ Россіи, что никогда не приложу моей подписи къ такому документу, и тотчасъ же уѣхалъ изъ Англій, предоставляя Шувалову дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, ибо онъ не видѣлъ въ этомъ затрудненія. Авт.

НА КАЮКАХЪ ¹⁾.

Х.

АКОНЕЦЪ-ТО прибылъ снизу другой пароходъ.

Обрадованные французы бросились на пристань, чтобы взять забытыя ими вещи. Администрація пароходства позаботилась имъ выслать ихъ, и оба, старикъ-профессоръ и инженеръ, сейчасъ же заторопились отправляться дальше.

Феклисть давно уже озаботился о ямщикахъ для нихъ. Съ французами шли Семень, теперь уже поправившійся, и Микешка.

Каюкъ былъ выбранъ надежный, ходившій всего только вторую воду. Днище было у него крѣпкое, бока хорошо проконопачены, навѣсъ прочный, хорошо прикрытый сверху, не пропускавшій дождя.

Рѣшено было отправляться завтра рано утромъ, чтобы къ ночи носпѣть до рѣки Конитъ, засвѣтло успѣвъ перебраться черезъ пороги.

Нѣсколько разъ пыталъ Семень Фросю, правду ли сказалъ о ней Микешка.

— Что я тебѣ стану отвѣчать,—дѣлanno-сурово проговорила дѣвушка:—миѣ нечего оправдываться; коли вѣришь дураку, такъ и вѣрь.

— Да, нѣтъ, ты миѣ правду-то скажи,—настаивалъ ямщикъ:—я тебя не побью.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХVI, стр. 469.

Но Фрося съ досадою махала рукой и убѣгала прочь.

Совсѣмъ иначе отвѣтилъ Семену самъ Ѳеклисть.

Хитрый мужичонка сдѣлалъ видъ, что онъ даже не понимаетъ, о чемъ тотъ его спрашиваетъ, и только, когда парень настойчиво продолжалъ разспросы, Фросинъ отецъ почесалъ затылокъ, умильно посмотрѣлъ на будущаго зятя, качнулъ головой и прибавилъ:

— Вотъ ты о чемъ спрашиваешь, Сенюша, а мнѣ и невдомекъ, старъ ужъ сталъ! Ну, объ этомъ и не сказывай, какъ стеклышко дѣвка у меня, хоть наскрозь смотришь, а въ умѣ ни синь пороха о такомъ-то дѣлѣ у ней не имѣется.

— Да вотъ Микешка сказывалъ....—нерѣшительно проговорилъ парень.

— Охота тебѣ слушать этого дурака, «лечь» онъ, одно слово. Не будь въ опасѣ, положишься на меня, ужъ что я сказалъ, такъ тверже твердаго.

Полууспокоенный ушелъ Семень изъ дому будущаго тестя, но бѣлесый мужикъ сейчасъ же позвалъ къ себѣ дочь, завелъ ее внизъ въ коровникъ, снялъ съ деревяннаго гвоздя толстую веревку и избилъ ею Фросю.

Не кричала дѣвушка, хотъ вертѣлась и старалась избѣжать ударовъ.

— Не шкоди, не балуй до свадьбы!—причитывалъ Ѳеклисть, продолжая бить дочь, и когда ему показалось, что наказанія достаточно, онъ ее вышвырнулъ наружу, спокойно повѣсилъ веревку снова на гвоздь, а женѣ, которая находилась позади избы на коноплянномъ высѣвкѣ и прибѣжала на шумъ, дѣловито замѣтилъ:

— Ну, чего прибѣгла? пустякъ самый, дѣвку побилъ.

— А за что, Андреичъ?—робко спросила старуха

— Знамо дѣло, за хорошія дѣла не бьютъ, напаскудила, вотъ и побилъ. Да ты ротъ-то зашей да помалкивай, объ такихъ дѣлахъ молчать должно, прозвоятъ, по всему селу срамъ-отъ пойдетъ.

Молчала и сама Фрося, ни къ кому не пошла жаловаться, за тайла злобу противъ Семена.

«Ладно ужъ, дай только замужъ за него выйду, узнаетъ онъ, какъ на меня жаловаться!» мелькала у ней мысль, но къ французу бѣгать боялась.

Принесетъ къ нимъ молоко или поѣсть, сейчасъ же скромно-хонько уйдетъ, не успѣетъ Жюльенъ обмѣняться съ ней шуткой, смѣшномъ перекинуться.

Вассерману не до нея.

Послѣ просьбы хозяина онъ какъ-то охладѣлъ къ дѣвушкамъ. Теперь пріѣхалъ товарищъ, на охоту они вмѣстѣ ходили, было гдѣ время убить и безъ общества Фроси.

Не появлялась въ домѣ Ѳеклиста также и Аленка.

«истор. вѣстн.», июнь 1914 г., т. сxxxvi.

Василиса надумала ее выдать послѣ Петровокъ за Ваську Косого и также берегла отъ баловства.

Съ пароходомъ пріѣхало еще нѣсколько путниковъ, пробиравшихся вверхъ по рѣчкамъ, кто на Ухту, а кто дальше на Печору. Между ними не было иностранцевъ. Караванъ составлялся большой, къ нему примкнули и оба француза.

«Ямщикамъ» предстоялъ хорошій заработокъ, шло девять каюковъ.

— Ну, Господи, благослови, а въ нынѣшнюю весну впервые сплывать станемъ,—говорилъ степенный ящикъ, Рупъ Сидоровичъ.

Онъ уже давно ходилъ въ ямщикахъ, считался на селѣ однимъ изъ знатоковъ верховыхъ рѣчекъ и отлично умѣлъ вести каюки, точно предугадывая всевозможные заломы, закитки и мелкую воду.

Черезъ пороги тоже никто лучше Рупа Сидоровича не умѣлъ переводить эти суденышки.

Никто не помнилъ, чтобы каюкъ, которымъ онъ управлялъ, стинулъ на каменной преградѣ или истратился гдѣ-нибудь на коряжистыхъ протокахъ.

Рупъ Сидоровичъ, какъ большинство мѣстныхъ жителей, былъ сухощавый, жилистый старикъ съ рѣдкой сѣдой бородой.

Другой ящикъ, Діомидъ Софронычъ, былъ ему подъ стать, но помоложе.

Рыжеватые волосы курчавились, глаза глядѣли угрюмо, подозрительно, онъ хуже зналъ свое дѣло и потому его брали вторымъ. Но на этотъ разъ онъ полюбился кому-то изъ пріѣзжихъ и пошелъ за перваго.

Французы были довольны, что среди ѣдущихъ нашлось два три человѣка, съ которыми они могли говорить на своемъ родномъ языкѣ.

Оба иностранца отправились въ такой дальній путь изъ Парижа по порученію одной компаніи, которая предполагала пріобрѣсти нефтяные отводы на Ухтѣ.

Любознательные французы охотно согласились на эту поѣздку, предоставлявшую имъ возможность познакомиться съ незнакомымъ дикимъ краемъ, съ обычаями его жителей, а главное, разузнать о его земельныхъ богатствахъ.

Семень больше не спрашивалъ ни отца, ни дочь, у него явилось сомнѣніе въ правдивости разсказа Микешки.

Прощаясь съ нимъ, дѣвушка такъ правдоподобно заплакала, обняла его, что молодой «ямщикъ» невольно повѣрилъ ей и размякъ.

— Ну, вотъ поранѣ всяку глупость выдумывалъ, видишь, что Фроська за тебя хоть въ воду готова кинуться,—торжествующимъ голосомъ подтвердилъ отецъ:—а ужъ безъ тебя согляжу ее, какъ зѣницу ока!

Пришли проводить отъѣзжающихъ и оба нѣмца.

Дождь пересталъ; хотя на берегу, гдѣ стояли каючки, было вязко, но всѣ отъѣзжающіе были обуты въ высокіе сапоги, такъ что грязь имъ была нипочемъ.

— Вы кверху, а мы внизъ поѣдемъ,—сообщилъ ѣдущимъ на Ухту Зандъ.

Онъ радовался возможности скорѣе выбраться отсюда и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда пароходъ пойдетъ внизъ.

XI.

Утро стояло превосходное, тихое, ясное. Надъ рѣкою, глубже въ тѣни, куда еще солнышко не проникло, стлались остатки сквозного тумана.

Ночь была прохладная, но теперь потеплѣло, приѣзжіе кутались въ бурки, теплыя пальто, укладывали въ каюки послѣдній багажъ.

Обыкновенно пустынный, берегъ оживился.

— Ну, посаживайтесь, господа,—продложилъ старикъ Рупъ, котораго выбрали старшимъ.

Начали разсаживаться.

Каючки были очень длинныя, аршинъ въ девять, но узкіе. По срединѣ сдѣланъ плотный навѣсъ, подъ которымъ было достаточно мѣста, чтобы лежать двумъ человѣкамъ.

Смѣшно было смотрѣть, какъ путешественнику приходилось на четверенькахъ влѣзать въ отверстія этихъ навѣсовъ.

На концахъ лодокъ помѣстилось по ямщику, въ рукахъ у нихъ длинный шестъ съ острымъ концомъ.

— Ну, съ Богомъ, начинайте!—крикнулъ остальнымъ «ямщикамъ» Рупъ Сидоровичъ, и они, какъ одинъ человѣкъ, начали мѣрно поднимать и опускать шесты въ воду.

Странное зрѣлище представлялъ этотъ способъ передвиженія. Со стороны казалось, что вкалываютъ какія-то громадныя булавки въ зеркальную поверхность рѣки, быстро вытаскиваютъ и снова, перекинувъ дальше, втыкаютъ.

Изумительный способностью къ такому тяжелому труду обладаютъ эти «ямщики». Они одѣты въ однѣхъ рубахахъ, но тѣмъ не менѣе отъ усилій паръ валятся отъ ихъ тѣла.

Узкія остроносые лодки быстро двигались. Немного прошло времени, какъ караванъ добрался до Иоль-ва, гдѣ происходилъ раньше пикникъ, скоро и эти послѣдніе домики остались позади.

Все громче и громче шумѣла впереди вода. Еще немного, и каюки подошли къ первому порогу, сейчасъ же за рѣчной извилиной.

— Кычиль-кось!—предупредилъ своихъ путниковъ Рупъ Сидорычъ:—это значить: кривой порогъ,—пояснилъ онъ и первый вошелъ въ кипящую пѣну.

Теченіе здѣсь было такое сильное, что каюки завертѣло, какъ щепки, «ямщики» напряженно заработали шестами, стараясь, чтобы лодки не стали поперекъ теченія. Они громко перекликались другъ съ другомъ, стараясь перекричать шумъ порога.

Бѣлая пѣна на гребняхъ, налетая на лодки, обдавала ихъ блестящими брызгами. Шли по серединѣ самой стремнины, приходилось съ нею бороться и подвигаться медленно.

У стараго француза закружилась голова отъ мчавшейся по бортамъ каюка пѣны.

Опытныя руки вожаковъ бережно передвигали каюки по каменному порогу, стараясь не задѣть за гряду, перерѣзывавшую въ этомъ мѣстѣ рѣку.

Прошли порогъ благополучно.

Поднялись еще небольшое разстояніе и пришлось брать другой, уже болѣе опасный и большій каменный перевалъ. Его называли «Рочъ-косъ». И это пояснилъ путникамъ старшій ямщикъ.

— Это «русскій» порогъ прозывается, а тамъ пойдетъ «Корова», ужъ больно онъ сильно реветъ, а «Кюинъ-косъ», такъ зовется, что воеетъ, точно волкъ, поопаснѣе всѣхъ другихъ будетъ. Ну, да ничего, сплывали не разъ здѣсь, и сегодня, авось, пройдемъ, а тамъ подыдемся немного, съ часъ времени, да и остановку на ночь сдѣлаемъ.

Досталось же каюкамъ на послѣднемъ порогѣ.

Французамъ казалось уже, что имъ не миновать гибели. Порогъ бѣшено вылъ, высоко вскидывалъ пѣну, крутилъ брызгами и заливалъ сидящихъ въ утлыхъ суденышкахъ.

Казалось, что они не двигаются впередъ, настолько стремительно неслась рѣка въ этомъ мѣстѣ, пробиваясь черезъ каменную преграду.

«Ямщики», совершенно вымокшіе, ни на минуту не оставляли своихъ шестовъ, упорно борясь съ водяной стихіей.

Все слабѣе, все тише становился порогъ, пока его выпуклая поверхность совершенно не упала и караванъ не очутился на спокойной поверхности рѣки, медленно струящейся книзу.

Еще одинъ заворотъ, ямщики нѣсколькими ловкими движеніями шестовъ подвернули каючки къ берегу, на которомъ раскинулась густая роща изъ лиственницъ, взбѣгавшихъ на сухой высокой мысъ, весь покрытый ягелемъ.

Путешественники стали выбираться наверхъ, вышли и оба француза, съ довольнымъ видомъ потягиваясь, разгибая усталыя руки и ноги отъ долгаго сидѣнія въ узкой лодкѣ.

Снова незримо спустился вечеръ. Путешественники расположились около костровъ, разведенныхъ ямщиками. Скоро въ котелкахъ вскипѣла вода, принялись пить чай.

Ночная сырость чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе, посреди рѣвки сгрудился туманъ, фантастическими клубами подымаясь все выше и выше. Отъ него исчезъ «гноусь», крупная мошкара, весь день пытавшаяся кусать участниковъ каравана и только благодаря сѣткамъ, надѣтымъ на голову, и перчаткамъ не всегда успѣвавшая въ этомъ.

Тутъ же на берегу между стволовъ лиственницъ была выстроена «керка», вѣриѣ, деревянный рубленный амбаръ для ночлега участниковъ въ осеннія непогоды и зимнія вьюги.

— Сыро ужасно,—послышался чей-то недовольный голосъ:— придется итти ночевать въ керку.

Отъ костра поднялись двое пожилыхъ русскихъ и направились на ночлегъ.

— Ой, не ходите, господа, въ амбаръ,—предупредительно замѣтилъ имъ Рупъ Сидоровичъ,—не дасть вамъ тамъ спать мошкара, ея теперь не мало набилось туда, отъ сырости попряталась.

Дѣйствительно, керка съ открытыми отверстіями была переполнена «гноусомъ» и мошками.

Французамъ уже раньше въ селѣ указали, что спать удобнѣе всего въ самомъ каюкѣ, тѣмъ болѣе, что ночи холодныя и душно тамъ не будетъ, но зато они спасутся отъ надоедливыхъ мошекъ.

На мягкой соломѣ, которою было густо устлано дно каюка, Мобартъ и Кудербъ размѣстились сравнительно удобно,—прикрылись сверху теплыми пальто и отлично выспались.

Ихъ сонъ былъ настолько крѣпокъ, что они не слышали, когда караванъ тронулся дальше и каюки пошли вверхъ по рѣкѣ.

ХІІ.

Проснулись они только отъ сильной жары и, снова одѣвъ на себя предохранительныя сѣтки и перчатки, выползли изъ отверстія будочки. Чудная картина представилась передъ ними.

Каюки длиннымъ рядомъ тянулись одинъ за другимъ по совершенно гладкой, точно зеркало, рѣкѣ.

Съ обѣихъ сторонъ въ нее глядѣлись развѣсистыя лапы елей, кое-гдѣ мѣстами прорѣзываемыя лиственнымъ лѣсомъ.

Солнце настойчиво пробивалось черезъ зеленый сводъ вѣтвей и заставляло изнывать въ своей неустанной работѣ ямщиковъ.

Таинственный лѣсъ ожилъ. Отовсюду несло пѣніе, чирканіе пернатого міра. Порой взлетали на вѣтви тяжелые тетерева, блестя на солнцѣ красивымъ, пестрымъ цвѣтомъ своихъ подпалинъ.

Около береговъ суетливо бѣгали длинноногіе кулички, прыгали небольшія сѣрыя птички, караванъ, видимо, ихъ мало тревожилъ, они посматривали на него съ любопытствомъ, не чувствуя никакого страха.

Въ Жюльенѣ проснулся охотникъ. Онъ жадными глазами смотрѣлъ на дичь, такъ беззаботно суетившуюся по берегамъ.

— Вотъ гдѣ бы пострѣлять!—обратился онъ къ своему товарищу:—птицы сами идутъ подъ дуло!

Задумчиво посмотрѣлъ Мобартъ на своего молодого товарища.

— Къ чему вы будете стрѣлять, даромъ только убьете, вѣдь достать здѣсь ихъ все равно будетъ трудно, смотрите, какіе топкіе берега.

Онъ указалъ на густо заросшіе осокой и лознякомъ берега.

Все дальше и дальше углублялся караванъ въ лѣсныя дебри, все гуще и гуще сплетались деревья надъ прозрачной рѣчкой, мѣстами подъ зеленымъ сводомъ дѣлалось темнѣе. Густая хвоя заслоняла солнце. На водѣ лежали только золотыя пятна и когда шесть ямщика будоражилъ тихую воду, они расплывались, какъ жидкое золото.

Каюкъ французовъ шелъ однимъ изъ первыхъ.

Какъ и вчера, ямщики перекликались другъ съ другомъ, Рунъ Сидоровичъ, зорко всматриваясь въ воду, предупреждалъ плывущихъ за нимъ товарищей о каждой корягѣ, лежащей на днѣ, о болѣе мелкихъ мѣстахъ.

Иногда рѣчка капризно извивалась на далекое разстояніе, такъ что проѣхавшіе впередъ могли видѣть слѣдующія лодки, огибавшія острые мысы и извилистые повороты.

Зеленая толща береговъ попрежнему была переполнена шумомъ и крикомъ. Птичьи стайки не умолкали. Голоса ихъ доносились до плывущихъ, какъ звонъ мелодическихъ колокольчиковъ.

Картина измѣнилась. Болотистые берега начали взбѣгать вверхъ. Среди зелени проглянули сѣрые каменные пороги, коегдѣ надъ самой рѣчкой нависли бѣлыя скалы, протянулись узкія отмели отъ упавшихъ въ воду, обсыпавшихся камней.

Полдень сказался.

На открытомъ мѣстѣ солнце палило ужасно. Бѣлый камень слѣпилъ глаза, трудно было дышать.

Съ передового каюка пронесся характерный окликъ старшаго ямщика:

— Стой! Причаливай!

Пронесся, гдѣ-то откликнулся лѣнливый эхомъ и расплылся въ горячемъ воздухѣ.

Послушно заработали усталыя руки ямщиковъ, забурлилась вода, и длинный рядъ каюковъ подплылъ къ берегу.

Усталые работники обрадовались.

Широкія груди ихъ усиленно дышали, они сами всѣ были облиты потомъ, онъ, дѣйствительно, катился градомъ.

Обѣденная стоянка была необходима.

Снова забѣгалъ веселый огонекъ подь котелками, закурился сизый дымокъ, завился затѣйливой струйкой, зашипѣла вода, изъ каюковъ принесли припасы и стали обѣдать.

Кто-то изъ ямщиковъ съ небольшимъ бреднемъ, по-мѣстному «сирпомъ», прошли въ бродъ по рѣкѣ и принесли нѣсколько крупныхъ рыбъ.

— Ишь, удалось вамъ, «лель» какой славный, да и эти «кибасы» хороши,—одобрить Рупъ Сидоровичъ уловъ товарищей.

Рыбу наскоро очистили, бросили въ котель, скоро поспѣла и уха.

— Прimitивъ, а не уха, а все-таки очень вкусная,—съ довольнымъ видомъ шутливо проговорилъ Рупниковъ, еще нестарый чиновникъ, отправлявшійся по казенному дѣлу на Ухту.

Замкнутость, которой держались до сихъ поръ французы, была нарушена. Кое-кто изъ путешественниковъ разговорились съ ними, завязалось знакомство, стало веселѣе.

Кромѣ чиновниковъ, въ караванѣ оказалось еще трое, кое-какъ мараковавшихъ по-французски.

Рыбникъ-купецъ, пробиравшійся на Печору для закупки семги, бывалъ за границей по торговымъ дѣламъ, тоже присоединился къ компаніи,

— Эхъ, если бы у насъ во Франціи было такъ много свободного мѣста и такой хорошей лѣсъ!—замѣтилъ Мобартъ.

Его каріе глаза окинули завистливымъ взглядомъ лѣсныя богатства, раскинувшіяся кругомъ.

— Сколько у васъ въ Россіи добра гибнетъ такъ, даромъ,—съ укоромъ продолжалъ онъ:—посмотрите, сломанный лѣсъ валяется здѣсь не убранный, изъ-за него гибнуть другія деревья, онъ гниетъ, мѣшаетъ расти другимъ.

Громадные стволы упавшихъ великановъ обрушились на вѣтви своихъ сосѣдей, поломали, прижали ихъ къ землѣ и, умирая, мѣшали ихъ побѣгамъ.

— Да, ужъ,—покачавъ головой, отозвался Антоновъ, купецъ:—все у насъ такъ въ Россіи, возьмите хоть нашъ товаръ, рыбу; она на Печорѣ стоитъ очень дешево, а какъ ее доставить? Покамѣсть привезете, испортится, порой засолить нечѣмъ, не хватаетъ соли.

— Отчего же вы не строите консервныя заведенія?—строго замѣтилъ Мобартъ:—вѣдь вездѣ теперь, въ цѣломъ мірѣ рыба перерабатывается въ консервы и находитъ себѣ большой сбытъ.

— Консервы,—насмѣшливо улыбувшись, проговорилъ торговецъ:—некому строить всѣ эти заводы, а главное, отсутствуютъ желѣзныя дороги, пароходы, разстоянія черезчуръ велики.

— Кромѣ рыбы, немало есть здѣсь чего, что дастъ большіе доходы, одна земля чего стоитъ, вѣдь здѣсь, если снять тонкій верхній пластъ мха, прекрасная почва, а такія жаркія погоды,

хотя и сравнительно на короткое время, даютъ возможность вырѣвать не только ячменю и овсу, но даже яровой пшеницѣ,—сообщили кто-то изъ пассажировъ.

— Эхъ, господа,— снова вступилъ въ разговоръ купецъ,— земляныхъ богатствъ тутъ не считаешь, вѣдь этотъ край, Усть-сыольскій уѣздъ, равняется Бельгiи и Голландiи, взятымъ вмѣстѣ! И представьте себѣ, что тогда какъ въ обѣихъ этихъ странахъ около двѣнадцати милліоновъ жителей, здѣсь съ трудомъ насчитаете всего девяносто тысячъ.

Оба француза, широко раскрывъ глаза, смотрѣли съ изумленіемъ на говорившаго, ихъ поражало такое безлюдье.

Чиновникъ прислушивался внимательно къ разговору и, желая вставить свое замѣчаніе, сказалъ:

— Правительство идетъ на помощь мѣстному народонаселенію, предполагается устройство хорошихъ путей сообщенія.

Купецъ снова улыбнулся, прищурилъ глазъ и шутливо замѣтилъ:

— Но это еще когда будетъ, а тѣмъ временемъ господа иностранцы всѣ лучшіе куски отъ насъ разберутъ, а мы останемся въ зависимости отъ нихъ.

Рушниковъ хотѣлъ что-то ему возразить, но стоянка стала сниматься, ямщики торопили путниковъ скорѣе усаживаться въ каюки, чтобы до ночи пройти еще нѣсколько «чемкасовъ».

Расстояніе здѣсь считается по «чемкасамъ», т. е. по извѣстному количеству времени, проплываемому каюками, и также по труду, употребленному на это прохожденіе.

Иногда «чемкасъ» бываетъ четыре версты, въ другомъ случаѣ онъ считается чуть ли не десять. По счету ямщиковъ вся дорога до Ухты рассчитана ими на тридцать шесть чемкасовъ, т. е. приблизительно, 220 верстъ.

ХІІІ.

Жара не уменьшилась. Влажныя испаренія отъ береговыхъ болотъ, пронизанныя солнечнымъ свѣтомъ, казались какимъ-то зеленымъ маревомъ, затягивавшимъ все впереди.

Солнце попрежнему жгло широкія плечи ямщиковъ, чернило до неузнаваемости ихъ скуластыя лица и пробивало потомъ ихъ толстыя посконныя рубашки.

Чтобы не скучать, къ французамъ присоединился на каюкъ Антоновъ, все время не перестававшій рассказывать имъ объ особенностяхъ этого дикаго края, столь обильнаго природными богатствами.

Панорама береговъ снова измѣнилась. Скалы сбѣжали книзу, опять пошли ровныя мѣста, сплошь затянутыя листовными породами. Тутъ были и рябина, и ольха, и лознякъ, мѣстами заросли

прорѣзывались обширными полянами, густо поросшими зеленой травой.

Тихо, пустынно.

Казалось, что здѣсь никогда не ступала нога человѣка. Только птицы не переставали оглашать лѣсную чащу, да порекала по вѣтвямъ рѣзвая бѣлка, съ любопытствомъ поглядывавшая на плывущія по рѣкѣ лодки.

Воздухъ, накаленный солнцемъ, напоенный испареніями отъ береговыхъ болотъ, заставлялъ растенія распускаться быстрѣе, точно въ оранжереѣ.

Цвѣты на полянкахъ быстро расцвѣтали, пестрые узоры ихъ красиво вышитымъ ковромъ вкрапливались въ зеленый фонъ травы.

Кое-гдѣ прошлогодняя трава, побурѣвшая, никѣмъ не скошенная, мѣшала пробиваться свѣжей, но властелинъ-солнце дѣлало чудеса, и бурый еще недавно лугъ быстро зеленѣлъ.

— Много ли мы вчера и сегодня прошли?—спросилъ Антоновъ у Микешки.

— Да «чемкасовъ» съ десятка съ полтора, поди, отплыли, по спинѣ чувствуется! А кто его знаетъ, можетъ и поменѣ, на Шомъ-Вукву, почитай, скоро выйдемъ.

— Онъ вѣрно сказываетъ, господа, и часу не пройдемъ, какъ на «вилкѣ» будемъ,—отозвался Семень, до сихъ поръ молчавшій.

Взоръ его упалъ на младшаго француза, сидѣвшаго рядомъ съ купцомъ. Почему-то вспомнились ямщику недавнія слова Микешки, онъ внимательно приглядѣлся къ иностранцу и рѣшилъ сегодня же снова разспросить обо всемъ своего помощника.

Зеленое море исчезало, оно какъ будто таяло въ воздухѣ. Впереди проглядывала темная полоса, становившаяся все болѣе лиловой. Характерный отсвѣтъ солнца между стволами лиственницы становился все ярче и ярче.

Солнце значительно перегнулось на западъ, но рѣка немного расширилась, лѣсистые берега отбѣжали въ сторону и дневному свѣтлу оставался просторъ попрежнему золотить воду.

Караванъ успѣшно двигался впередъ, берега снова повысились, Вымъ прощался съ путешественниками. Еще нѣсколько времени, и вдаль показались характерные два мыса, дѣйствительно, напоминашіе зубцы виль, изъ-за которыхъ серебряной струйкой блеснуло устье новой рѣки, Шомъ-Вуквы, по которой предстояло ѣхать дальше.

Солнце закатывалось. Оно вспыхнуло надъ вершинами вѣчно зеленыхъ елей, пронизало ихъ золотомъ и снова перелилось въ пурпуръ, скоро потухшій на безцвѣтномъ сѣверномъ небѣ.

Сѣверныя зори близки другъ отъ друга. Въ одиннадцатъ часовъ только что закатилось солнце, минулъ какой-нибудь часъ, и на востокѣ снова расцвѣло розовое предвѣстье его новаго восхода.

Караванъ прибылъ къ устью рѣки, когда на небѣ встрѣтились обѣ зари. Начиналось средостѣніе, трепетная борьба короткой ночи со спѣшившимъ возвратиться днемъ.

Печально встрѣтила «вилка» путешественниковъ.

У самаго устья на берегу стояла заброшенная, покривившаяся керка безъ крыши, а рядомъ съ нею высился полусгнившій, весь покрытый зеленымъ мохомъ старинный крестъ съ голубцомъ.

— Должно быть, тутъ кто-нибудь жилъ,—замѣтилъ наблюдательный Мобартъ, вышедшій на берегъ и осмотрѣвшій брошенное жилище,—тутъ существуютъ слѣды человѣческаго жилья.

Въ трепетныхъ сумеречныхъ тѣняхъ обѣ рѣки сливались фантастическимъ изгибомъ вмѣстѣ; точно двѣ сестры, онѣ сплетались другъ съ другомъ, но тихо, холодно, хотя въ то же время любовно и вмѣстѣ струились книзу...

Неожиданно стало прохладно. Нагрѣвшаяся за день вода испарялась, туманъ засталъ оба устья, сравнялъ берега и волнующимся моремъ поднялся на половину высокихъ деревьевъ, затопивъ собою маленькій караванъ, всѣхъ этихъ людшекъ съ ихъ помыслами, намѣреніями и поступками...

Кой-кто перебрался ночевать въ керку, но большинство по-прежнему остались на ночлегъ въ каюкахъ, къ которымъ привыкли и гдѣ было уютнѣе.

Тишину бѣлой ночи далекой безлюдной окраины нарушалъ жалобный крикъ совы, смягченный волнами тумана, да изрѣдка на водѣ плескалась рыбешка. Лиственный же боръ, точно замороженный, таинственно молчалъ, погруженный въ предразсвѣтную мглу.

Только ближе къ утру сталъ надоѣдливо кричать по низовью дергачъ, ему отозвался другой, и предразсвѣтный концертъ усиливался все больше и больше.

А люди, сморенные удушливымъ днемъ, усталые отъ однообразнаго сидѣнія въ каюкахъ, мирно спали.

Ямщики, забравшись въ керку, раскинулись вповалку, оглашая громкимъ храпомъ маленькое зданіе; усталыя груди ихъ свободно дышали проникавшимъ черезъ раскрытую крышу туманнымъ воздухомъ ночи, руки раскидывали накинутые на нихъ теплые тулупы.

На тихомъ устьѣ двухъ сѣверныхъ рѣкъ все было погружено въ глубокой сонъ, а на востокѣ ужъ загорался новый погожий солнечный день.

XIV.

Каюки опять въ движеніи, снова бороздятъ, точно булавками, воду ямщики.

Рѣчка мелкая, совсѣмъ укрывшаяся подъ зеленый сводъ стараго лѣса, отчего вода кажется тоже изумрудно-зеленой. Она пестритъ,

точно червонцами, золотыми лучами солнца, пробившимися между листьевъ.

Новый день парить, на небѣ кое-гдѣ «гулевыя» облачка.

— Какъ бы къ полудню чтобы дождикъ не взбрызнулъ,— посматривая на небо, сказалъ Рупъ Сидоровичъ.

Его старые выпѣтшіе глаза пристально уставляются въ небо, затѣмъ взглядъ его переносится на вѣтви деревьевъ, на самую рѣчку, онъ пытается по одному ему извѣстнымъ примѣтамъ предугадать погоду.

— Эй,—несется голосъ ямщика со второй лодки:—дядя Рупъ, чего зазѣвался?! Буравь воду!

Привычныя старыя руки безсознательно хватаются за шесть, грудь налегаетъ на него, и каюкъ летитъ быстрѣе по зеленой поверхности.

Берега, какъ и вчера, снова оживлены, птичій гомонъ въ лѣсу не умолкаетъ, проснулись лягушки, подали голосъ.

— Ишь, завакала, дорвалась,—довольнымъ голосомъ замѣтилъ старикъ.—Пожалуй, полдня переждимъ, а тамъ безъ дождя никакъ не обойдемся, лягуха чуетъ мокроту.

На каюкъ у французовъ переговаривались ямщики, громко высказывая свои соображенія относительно пассажировъ, сознавая, что послѣдніе ихъ не поймутъ.

— Вотъ ты тогда, Семень Никитичъ, вѣры моему слову не далъ,— говоритъ Микешка, въ голосѣ его слышится обида:—а вѣдь я правду сказывалъ.

Семень насупливается, вздрагиваетъ и угрюмо спрашиваетъ:

— Коли вправду сказывалъ, такъ чего жъ ты при ней-то хвостъ поджалъ, напрямки бы говорилъ!

— Эхъ, дядя, она «синки» свои на меня выпучила въ тѣ поры, да «пуртомъ» пригрозила, что жъ мнѣ было дѣлать-то?

— Ну, сказывай, какъ было-то все,—тоскливо приказалъ ямщикъ.

Длинно, нескладно рассказывалъ вихрястый парень, нѣсколько разъ возвращался къ одному и тому же, позабывалъ порой подробности, но тогда Семень почему-то вспоминалъ ихъ самъ и направлялъ рассказъ Микешки на прежнюю дорогу.

— Лежу это я, а они оба въ кусты сигнули, ну что жъ мнѣ, смѣшно больно стало, думаютъ, что никто не видитъ, а я гляжу на нихъ. А потомъ это изъ кустовъ фырть обратно, посѣли въ отдѣльности, точно промежъ нихъ ничего и не бывало.

Микешка даже заржалъ отъ успѣха своей хитрости.

Покарежился Семень, вѣрная рука измѣнила, шесть плавомъ пошелъ по водѣ, но онъ сейчасъ же притянулъ его къ себѣ и съ какимъ-то ожесточеніемъ началъ буравить воду.

— Слушай, Микешка, внослѣдъ, стать, спрашиваю тебя, облыжно

ты сказываешь на дѣвку? По злобѣ, что ли, на нее аль по чистой совѣсти говоришь?—упрямо вырвалось у Семена.

— Ну, ужъ и маловѣрокъ же ты, Семень Никитичъ, который разъ тебѣ сказываю, что облыжно ничего не говорилъ, вотъ тебѣ крестъ святой, громомъ разрази меня!

И Микешка неуклюже перекрестился.

Гдѣ-то за лѣсомъ, еще далеко заворчалъ недовольно громъ.

— Ишь, гремитъ, по тебѣ поспѣшаетъ,—укоризненно проговорилъ старшій ямщикъ.

На этотъ разъ Микешка не сталъ снова божиться, а только тряхнулъ увѣренно головой, точно повторяя:

— Чего мнѣ грома бояться, если я правъ.

Оба замолчали.

Семень погрузился въ думы, обидно было ему, что Ѳеклисть и Фрося оба сказали ему неправду. Въ немъ заговорило самолюбіе. Особенной любви къ дѣвушкѣ онъ не чувствовалъ, но упрямство было въ его характерѣ. Разъ онъ рѣшилъ, что женится на Ѳеклистовой дочери, значить, такъ должно и быть. Онъ вѣрилъ, что до встрѣчи съ французомъ Фроська ни къ кому не бѣгала. Нѣмца онъ совсѣмъ держалъ въ сторонѣ.

— Августъ Ивановичъ въ особъ стать, онъ, почитай, что свой, деревенскій, не станетъ завѣдомо пакости разводить, а этому что—сегодня приѣхалъ, завтра поминай, какъ звали, все равно.

И невольная злоба къ французу охватила ямщика.

«Посмѣяться, что ли, надъ нимъ какъ-нибудь да такъ бы, чтобы весь вѣкъ помнилъ Семена, въ лѣсъ, что ли, завести подальше, со звѣремъ какимъ свести, а самому полюбоваться...»

Вспомнилъ онъ и объ остромъ «пуртѣ», что на поясѣ привѣшанъ.

«Пырнуть, что ль, его, какъ бы невзначай? Да нѣтъ, не дѣло выйдетъ, и самого тебя заберутъ, да и время много потеряешь, всѣ каюки застрянутъ, дальше не пойдутъ!»

Бѣдная изобрѣтеніями голова Семена не знала, что придумать, мысли его толклись около одной только цѣли—какъ бы отмстить французу, да похитрѣе, чтобы другіе никто не догадались.

Тучи все больше и больше заволакивали небо, онѣ неслись навстрѣчу каюкамъ, свиваясь въ клубки и затемняя солнце, только изрѣдка прорывавшееся рѣзкой золотой полосой изъ-за нихъ.

Усилился вѣтеръ. Его свистъ по лѣсу заставлялъ нервно вздрагивать плывущихъ. Деревья начали шумѣть вершинами, трепетали широкія вѣтви, скрипѣли старые подгнившіе стволы, срывались кое-гдѣ листья и зеленымъ дождемъ неслись навстрѣчу плывущимъ.

Становилось все мрачнѣе и угрюмѣе. Вѣтеръ, превратившійся въ вихрь, сталъ еще свирѣпѣе и пронзительнѣе.

Деревья-великаны медленно раскачивались, весь лѣсъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, дрожалъ, точно одно живое существо.

Замолчалъ весь пернатый міръ, кругомъ точно все вымерло. Нелегко было работать ямщикамъ, вѣтеръ раздувалъ ихъ мокрыя рубахи, пытался сорвать шапки, мѣшалъ закидывать длинные шести впередъ...

Каюки очень медленно подвигались дальше.

— Стой!— снова послышался приказъ Руна:—прижмись къ берегу!

Всѣ каюки приблизились къ береговому лозняку, мѣстами вошли въ него.

Рѣшили переждать непогоду. Итти дальше не представлялось возможнымъ.

Вслѣдъ за вихремъ, пронесшимся дальше, началъ падать дождь. Рѣдкими крупными каплями катился онъ изъ тучъ, стучалъ по холщевымъ крышамъ каюковъ и шлепалъ по водѣ.

Все чаще и чаще падали капли, еще нѣсколько мгновений, тучи разверзлись, начался ливень...

Залѣзли подъ навѣсы въ каюки и ямщики, укрыться имъ было негдѣ.

Водяная пелена загородила все кругомъ, стало еще темнѣе, безотраднѣе...

— Ну, и Вуква-матушка,—недовольно проговорилъ Микешка, сидѣвшій на корточкахъ у самаго лаза внутри навѣса,—порадовала насъ знатнымъ дождичкомъ.

Семень, насупившись, сидѣлъ у другого конца, сторонясь отъ Кудерба и нервно жевалъ соломинку. Непріязнь его къ французу еще усилилась.

XV.

Кончился ливень, умчалась непогода, но небо не прояснялось, гдѣ-то попрежнему грохоталъ точно задушенный громъ.

— Чего жъ пережидать, сплываемъ дальше,—рѣшилъ старшій ямщикъ, и лодки опять поплыли.

Отдохнувшіе немного ямщики усердно старались нагнать потерянное время.

Къ французамъ опять пересѣлъ Антоновъ, завязался разговоръ. Рушниковъ послѣ презрительнаго замѣчанія купца сторонился его, онъ сидѣлъ въ каюкѣ съ какимъ-то пожилымъ крестьяниномъ, пробиравшимся къ себѣ на Печору. Почему онъ избралъ эту дорогу, трудно было рѣшить: черезъ Троицко-Печорское село на Шугоръ было ближе и удобнѣе.

Чиновникъ могъ говорить ему о чемъ только хотѣлъ, крестьянинъ только вздыхалъ, одобрительно повторяя:

— Да-съ, отчего бы это могло случиться! Всеконечно, какъ есть устроится!

Ямщики на каюкѣ французовъ молчали. Семень понималъ, что разговаривать неудобно, разъ тутъ находится русскій, и когда Микешка началъ ему что-то говорить, онъ сердито цыкнулъ, младшій ямщикъ испуганно посмотрѣлъ на него, облизалъ языкомъ губы и замолчалъ.

Хотя ливень и прекратился, но угрюмыя тучи попрежнему неслись, сгрудившись, по небу, вѣтеръ немного упалъ, но все же его было достаточно, чтобы гнать «вѣчныхъ странниковъ» по воздушному пространству.

Солнце больше не появлялось. Одинъ только разъ оно, точно заревомъ, блеснуло гдѣ-то далеко впереди и, скользя въ золотистымъ отблескомъ, совершенно скрылось.

— Въ здѣшнихъ краяхъ такія погоды не рѣдкость, вотъ промежутки дали, должно быть до вечера такъ постоитъ, а тамъ снова либо хлестать дождемъ начнетъ, либо гроза настоящая надвинется,—объяснялъ купецъ своимъ новымъ знакомымъ.—А сколь въ такую непогоду звѣрь прятаться любить, куды дальше въ лѣсъ уйдетъ, логово себѣ отыщеть и заляжетъ. Теперь пройди хоть съ версту, ни бѣлки, ни зайца не встрѣтишь, а ужъ о косолапомъ и сказывать не стоитъ.

— Я бы охотно пошелъ съ ружьемъ на медвѣдя,—замѣтилъ младшій французъ.

— Ну, не совѣтовалъ бы вамъ, медвѣдь въ этихъ мѣстахъ мало людей видитъ и совершенно ихъ не боится, а туда дальше, такъ тамъ и въ лѣсъ далеко зайти опасно, всякаго звѣрья достаточно.

— Эй, Сенька, ты тутъ часто проѣзжаешь,—обратился къ ямщику Антоновъ:—приходилось тебѣ встрѣчать кой-когда медвѣдей вдоль рѣчекъ?

Встрепенулся Семень, его тяжелый умъ инстинктивно уловилъ какую-то связь этого вопроса съ непонятнымъ ему разговоромъ сѣдоковъ между собой.

— Какъ не быть, имѣются, видывалъ о прошлое лѣто, какъ съ однимъ бариномъ нѣмцемъ проѣзжалъ.

— А далеко отсюда?

Задумался на минуту ямщикъ.

— Да, такъ сказать, чемкасовъ съ пять, что ли, отсюда будетъ.

— Пospѣемъ къ ночи-то туда?

— Какъ не доплыть, смеаю, что до зари дойдемъ.

Купецъ сейчасъ же передалъ сообщеніе ямщика французамъ.

— Удача, я охотно пошелъ бы на охоту, чѣмъ спать,—обрадовался Кудербъ:—ружье у меня хорошее, только кто проводить?

— Да дайте рублевку или двѣ ему же,—указалъ Антоновъ на ямщика:—онъ васъ сведетъ на мѣсто.

Темные глаза молодого французъа заблистали, воображеніе заиграло.

Охота на медвѣдя, какъ это должно быть интересно! Чего, чего не расскажетъ онъ своимъ друзьямъ въ Парижѣ, пожалуй, еще не повѣрять.

— Знаете, Кудербъ, вы не особенно рискуйте, вѣдь вы не знакомы съ особенностями здѣшней охоты,—дѣловито замѣтилъ старикъ французъ:—это вѣдь не на куропатокъ охотиться.

— Мосье Мобартъ, приходилось мнѣ охотиться въ Африкѣ и не на такихъ звѣрей,—заносчиво отвѣтилъ инженеръ:—глазъ у меня вѣрный, рука не дрогнетъ, оружіе прекрасное, я шутя всажу пулю въ медвѣжью голову.

Пожаль плечами старикъ.

— Ваше дѣло, вы не мальчикъ.

— А вы какъ думаете?—живо спросилъ купца Кудербъ.

— Да какъ вамъ сказать, я не охотникъ и никогда не испытывалъ желанія встрѣчаться съ такимъ звѣремъ,—уклончиво отвѣтилъ Антоновъ:—впрочемъ, разъ съ вами будетъ такой опытный человѣкъ, какъ нашъ ямщикъ, я не думаю, чтобы эта охота представляла такую большую опасность. Желаете, я съ нимъ переговорю обо всемъ?

— Я васъ прошу, передайте ему мое желаніе,—отвѣтилъ серьезно Кудербъ и началъ готовить винтовку.

Все глуше и глуше становился еловый боръ. Вуква углублялась въ темные тайники, тяжелыя вѣтви великановъ деревъ еще ниже нависли надъ водой.

Ни полянки, ни покоса...

Угрюмо смотрится въ воды мрачная хвоя, тихо шепчутся ея верхушки, колеблемыя мимолетнымъ вѣтромъ.

Ненастный день готовъ уйти на покой. Трудно рѣшить, зашло ли солнце, или все еще оно стоитъ за темными тучами.

Кое-гдѣ съ береговъ журчатъ «шоры», какъ по мѣстному называются ручьи.

Свинцовымъ изгибомъ влилась въ Вукву другая рѣчка, Той-Ю, но влилась безмолвно, какой-то чуждой, безстрастной струей.

Потемнѣло еще. Мрачныя облака спустились ниже, можно было ожидать новой непогоды.

Рупъ Сидоровичъ скомандовалъ остановку.

Причалили каюки къ берегу, повыше устья Той-Ю. Все оно было загромождено ломомъ деревьевъ, занесенныхъ сюда вѣшними водами. Коряги, стволы, сломанныя верхушки елей, все перемѣшалось, поставило какую-то запруду, пройти черезъ которую лодкамъ дальше не представлялось возможности.

— Какъ же дальше поплывемъ?—заботливо спросилъ у ямщиковъ Антоновъ.

Съ недоумѣвающимъ видомъ смотрѣли на неожиданное препятствіе и остальные путники.

— Придется расчищать запруду,—увѣренно отвѣтилъ старикъ ямщику.

— Вотъ сейчасъ поужинаемъ, да и примемся; которые помоложе, раздѣнутся, въ рѣчку сойдутъ, растаскивать станутъ, а другіе здѣсь по берегамъ стволы рушить да коряги на берегъ таскать примутся.

На берегу раскинулся станъ. По обыкновенію зажглись костерики, кипятили воду.

Мошкеры сегодня совсѣмъ не было, непогода разогнала надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, сѣтки не приходилось надѣвать, дышалось легче, хотя чувствовалась сырость, вѣяло холодкомъ.

У запруды рѣка вспучилась и съ шумомъ перерывалась черезъ струдившійся лѣсной ломъ.

Почти весь день просидѣли подъ навѣсомъ въ каючкахъ, кой-кто и спалъ тамъ все это время, и теперь, когда вышли на берегъ, не смотря на приближеніе ночи, сонъ исчезъ.

Стали совѣщаться, что дѣлать.

— Коли хотите, господа, ступайте прямо тропой, вотъ она идетъ тутъ прямо, выйдете на взгорье, на полянку чемкаса два, а то и всѣ три насъ опередите,—объяснялъ Рупъ Сидоровичъ:—тамъ керка имѣется, захватите кой-какую справу, до солнца проспите, а мы къ утру на каюкахъ тутъ, какъ тутъ, весь заломъ этотъ разберемъ и сплывемъ до мѣста. Недалеко тутъ, всего версты съ три будетъ.

— А что, дяденька, вотъ мой баринъ просилъ показать ему тутъ, нѣтъ ли какого звѣрья, охочъ онъ съ ружьемъ побродить,—обратился къ старику Семень, которому было передано желаніе Кудерба.

— Что жъ, этого добра здѣсь хоть отбавляй; той же дорогой съ другими итти надобно, а тутъ, съ версту отойдя, тропка маленькая завернетъ направо, по ней и ступай, на самое звѣриное мѣсто наткнешься. Тутъ и заяцъ и лиса, а посчастливится, и самого хозяина повстрѣчать можешь,—усмѣхнулся старый ямщикъ.

Стоявшій рядомъ купецъ сейчасъ же передалъ французу разговоръ ямщиковъ.

— Très bien, je suis prêt!—отозвался французъ.

Обрадованно закивалъ головой Кудербъ, указывая на перекинутое черезъ плечо ружье.

— Ну, у барина справа есть, а ты какъ же, Семень, пойдешь, съ голыми руками?

— Съ меня и «пурта» довольно,—искрививъ въ улыбку губы, рѣшительно произнесъ Семень.

— Будетъ бахвалиться-то тебѣ, парень,—укоризненно качая головой, вмѣшался Антоновъ.

— Ну, что жъ, господинъ, идемъ, что ли?—спросилъ Семень французъ.

Кудербъ понялъ его вопросъ и весело закивалъ головой.

— Ужь ты, дяденька, Рупъ Сидоровичъ, безъ меня какъ-нибудь обойдись, а я съ бариномъ пойду, мнѣ что-то самому припала охота со звѣриной какой связаться.

— Ступай, парень, ничего, и безъ тебя справимся, только, смотри, самъ не заблудись, да барина куда не заведи, ишь, онъ лѣсъ-то, словно ночь темная, просвѣту нигдѣ нѣтъ, тропку примѣчай, а если зорька всполыхнетъ, какъ тучки пройдутъ, такъ на нее и поспѣшай.

— Не совѣтоваль бы я вамъ, Кудербъ, итти въ такую рискованную прогулку,—замѣтилъ товарищу осторожный Мобартъ:—вы здѣсь совершенно чужой человѣкъ, по-русски говорить не умѣете, долго ли заблудиться, да и провожатый вапшъ, насколько я догадываюсь, тоже не особенно хорошо знаетъ эту мѣстность.

— Ну, полноте, мосье, я не мальчикъ, повторяю, что приходилось въ Африкѣ и не на такія охоты ходить; а когда у меня подъ рукою ружье, я ничего не боюсь.

Лицо говорившаго сдѣлалось строгимъ, глаза увѣренно смотрѣли.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданья, надѣюсь, что мы встрѣтимся съ вами черезъ нѣсколько часовъ тамъ.

Старикъ неопредѣленно указалъ по направленію еле виднѣвшейся тропинки.

Путешественники, предшествуемые однимъ изъ ямщиковъ, направились въ лѣсъ, сзади другихъ потянулся французъ со своимъ спутникомъ.

Темнѣе не становилось, но, благодаря тучамъ, сумрачный свѣтъ держался такъ же, какъ и раньше.

Скоро за толстыми стволами елей, за ихъ развѣсистыми лапами потонули ушедшіе люди.

Оставшіеся ямщики сейчасъ же принялись растаскивать заломъ, нѣкоторые раздѣлись, вскочили въ воду и съ помощью багровъ напряженно тянули сбитыя въ кучу водой коряги, древесный ломъ и подмытый съ береговъ лознякъ и другой кустарникъ.

Въ лѣсу стояла жуткая тишина, даже не ухаля, по обыкновенію, сова, коростели и болотныя курочки исчезли.

XVI.

Найти тропку, отклонявшуюся отъ главнаго пути, о которой говорилъ Рупъ, было нелегко. Тщетно напрягалъ зрѣніе Семень, точно вынюхивалъ каждый кусточекъ, каждую помятую надломанную вѣтку, но тропы не находилъ.

— Здѣсь!—какъ-то увѣренно торжествующе проговорилъ онъ и, выпрямившись, посмотрѣлъ на своего спутника.

«истор. вѣстн.», июнь 1914 г., т. сxxxvi.

Остальные пѣшеходы значительно ушли впередъ, они оставались вдвоемъ.

Кудербъ понялъ, что ямщикъ отыскалъ желанную тропку, и смѣло вступилъ вслѣдъ за нимъ на нее, осторожно раздвигая руками кусты тальника и можжевела.

Немного пришлось имъ отойти отъ просѣки, какъ въ лѣсу стало еще темнѣе, они шли чуть не ощупью и оба молчали.

Да и о чемъ они могли говорить, не понимая другъ друга!

Много думъ скопилось въ ямщицкой головѣ. Почему-то Семену казалось, что судьба благоприятствуетъ его намѣренію чѣмъ-нибудь потѣшиться надъ обидчикомъ французомъ. Можетъ быть, въ другой разъ онъ не сталъ бы вспоминать навѣтъ Микешки, а тутъ онъ такъ и выяснился передъ нимъ, Семень даже запомнилъ его картинное выраженіе: «такъ и сигнули въ кусты»...

«Ой, вспомянешь Сеньку, не будешь шкодить съ чужими дѣвками!» старался напоминать себѣ Семень о винѣ француза, а между тѣмъ Кудербъ, шедшій сзади него, дружелюбно похлопывалъ его по плечу, шутливо повторяя:

— En avant, mon brave!

Тропка становилась все болѣе непроходной, мѣстами ее перерогаживали громадные поваленные бурей или сами упавшіе отъ старости стволы. Нѣкоторые изъ нихъ уже сгнили, нога уходила въ какую-то мягкую труху, скользила по зеленому сырому моху, часто подъ ними образовывались глубокія лужи и грязь.

Вѣтви настойчиво хлестали въ лицо идущимъ, заставляя ихъ спотыкаться и падать.

Охотники шли болѣе часу, Кудербъ довѣрялъ знанію своего спутника, но послѣдній самъ не зналъ, гдѣ они сейчасъ находятся.

Нигдѣ не чуюлось звѣря, да и трудно было бы его различить въ этой темнотѣ, въ этихъ еле проходимыхъ дебряхъ.

Кудербъ остановился, его шапку захлестнула гибкая вѣтвь можжевела, онъ ощупью нашелъ ее, сорвалъ, плотно нахлобучилъ на голову шапку и хотѣлъ итти дальше, но оглянулся и нигдѣ не увидѣлъ Семена.

Отваженъ былъ французъ, но невольная жуть охватила его: что онъ будетъ дѣлать, если они разошлись. Итти назадъ? но куда? Онъ не могъ даже сообразить, откуда они пришли, все время вертѣлись между деревьями, тропка давно куда-то исчезла, впередъ тоже пробираться черезъ цѣпкіе кустарники было нелегко.

Французъ досталъ изъ кармана электрической фонарикъ, надавилъ кнопку, брызнула струя бѣлаго свѣта, освѣтившая яркую полосу впереди.

Отъ огня стало еще темнѣе, все вокругъ погрузилось въ какую-то неопредѣленность.

Бѣлая ленточка свѣта пробѣжала кругомъ, Кудербъ зорко присматривался повсюду, но вожатый его точно провалился.

— О-ля-ля!—громко крикнулъ онъ, но намокшій отъ дождя деревья сейчасъ же заглушили звукъ, не давая ему летѣть дальше.

Ямщикъ не отвѣчалъ.

Еще разъ повторилъ свой призывъ инженеръ, звукъ остался безъ отвѣта. Первое чувство жутости стало исчезать. Сообразительный французъ началъ придумывать, что ему теперь дѣлать: стоять неподвижно, ожидая, пока расцвѣтеть, или пока хватятся его и отправятся къ нему на поиски,—это было скучно, итти...

Но куда?

Инженеръ досталъ изъ-подъ кожаной куртки компасъ, съ которымъ онъ никогда не разставался во время дальнихъ путешествій, направилъ на него струйку свѣта и посмотрѣлъ, соображая. Онъ сейчасъ же нашель страны свѣта.

Дорога слишкомъ повернулась направо, уклонившись въ другую сторону отъ той тропки, по которой прошли остальные путники.

Французъ надумалъ держаться лѣвѣй, рассчитывая рано или поздно выйти на нее.

Въ послѣдній разъ рѣшился онъ окликнуть такъ таинственно исчезнувшаго ямщика. Послѣ его призыва онъ услышалъ далекій, еле слышный откликъ Семена, но совершенно въ противоположной сторонѣ, гдѣ онъ могъ предполагать, и вздрогнулъ отъ неожиданности.

Значить, онъ ошибался, итти нужно было въ противоположную сторону, но не кажется ли это ему; можетъ-быть, отголосокъ, благодаря особымъ лѣснымъ условіямъ, звучитъ не тамъ, откуда поданъ?

Но нѣтъ, онъ слышитъ снова голосъ Семена и въ томъ же направленіи...

Кудербъ рѣшился на этотъ разъ и пошелъ на призывъ.

Онъ продолжалъ подавать голосъ, внимательно прислушиваясь къ отвѣтному крику ямщика.

Послѣдній слышался все ближе и ближе, звучалъ онъ какъ-то глухо, задушенно.

Лѣсъ порѣдѣлъ.

Угрюмыя тучи немного прояснились, казалось, что предразсвѣтный вѣтеръ ихъ всколыхнетъ и откроетъ бездонный небесный куполь.

— Ола, ола! Семіонъ!—повторялъ настойчиво инженеръ, продолжая подвигаться дальше.

Голосъ ямщика слышится рядомъ, близко, но среди деревьевъ никого не видно.

Еще нѣсколько шаговъ, громадный стволъ лѣсного великана перегородилъ дорогу спѣшившему французу.

Кудербъ вскочилъ на него, чтобы перебраться на другую сторону, какъ моментально куда-то провалился и исчезъ.

Онъ очнулся на чемъ-то мягкомъ, весь обсыпанный удушливо горькимъ порошкомъ, набившимся ему въ ротъ и ноздри.

Инженеръ находился въ сгнившемъ дуплѣ...

Подъ нимъ что-то зашевелилось, Кудербъ невольно сжался и приготовился къ защитѣ. У него мелькнула мысль, что онъ попалъ въ медвѣжью берлогу. Хотя ружье тоже свалилось вмѣстѣ съ нимъ, но онъ не зналъ, гдѣ оно лежитъ. Только одно мгновенно онъ былъ охваченъ страхомъ и сейчасъ же услышалъ голосъ ямщика:

— Ну, и попали же мы, баринъ!

Хотя французъ не понималъ ничего изъ того, что ему говорилъ Семень, но сейчасъ же успокоился, убѣдившись, что онъ не находится въ медвѣжьемъ логовѣ.

Внутри было совершенно темно. Дыра, въ которую они свалились, еле видѣлась вверху. Лѣсной великанъ свалился должно быть уже давно, отверстіе проникало подъ корни другого. Случилось ли это, благодаря внешней водѣ или, дѣйствительно, устроилъ здѣсь себѣ логово медвѣдь, но выбраться отсюда представлялось дѣломъ нелегкимъ.

Семень пытался подняться, но трухлявыя стѣнки дерева обсыпались, руки вязли въ мягкой гнили, не на что было опереться ногой, чтобы подняться до отверстія. Тщетны оказались усилія и француза.

Электрическій фонарикъ помогъ ему осмотрѣться, но какъ выбраться изъ ловушки, Кудербъ не понималъ.

— Капуть! Придется, должно быть, здѣсь долго посидѣть, а то и на все остаться,—замѣтилъ ямщикъ и сталъ шарить вокругъ себя руками, отыскивая свалившуюся съ головы шапку.

Жутко стало и французу. Онъ быстро сообразилъ, что на помощь со стороны надѣяться нельзя, кому придетъ въ голову искать ихъ здѣсь, въ этомъ непроходимомъ лѣсу, далеко отъ всего живого. Даже посоветоваться со своимъ случайнымъ товарищемъ, не умѣя объясняться съ нимъ, онъ не могъ. И такъ, больше по привычкѣ, онъ похлопалъ по плечу ямщика, повторяя:

— Courage, mon brave!

Понялъ это и Семень, но онъ, какъ здѣшній житель, знакомый съ лѣсами, старался найти какой-нибудь выходъ. У него мелькнула мысль:

«Не попробовать ли мнѣ поковырять «пуртомъ»,—и онъ сейчасъ же старательно принялся за дѣло».

Но трухлявый стволъ внутри, снаружи былъ еще цѣль и прорѣзывать его небольшимъ ножомъ представлялось Сизифовой работой.

— А ну его!—съ досадой проговорилъ паренъ и засунулъ ножъ обратно въ кожаныя ножны.

«Что если мнѣ встать на плечи къ ямщику, или онъ встанетъ на мои,—сообразяль французъ,—не удастся ли тогда выбраться верхнему. А онъ поможетъ потомъ и другому», и сейчасъ же сталъ жестами объяснять Семену.

— Ишь ты, баринъ, какой хитрющій, а ну,—и онъ подставилъ свои плечи.

Французъ съ трудомъ началъ взбираться на спину къ ямщику, не то что было упереться, ноги тонули въ гнили, но все-таки въ концѣ концовъ ему удалось схватиться за верхній край гнилого дерева. Но кора не выдерживала нажима его рукъ и сейчасъ же обламывалась, расширяя отверстіе.

— Не, баринъ, это не ладно,—сообразилъ ямщикъ, замѣчая тщетныя старанія Кудерба,—постой, попытаемся иначе выбраться.

Въ эту минуту у Семена явилось позднее сожалѣніе о своей мстительной затѣѣ скрыться отъ француза, оставить его одного въ дѣсной чащѣ. Въ своемъ поспѣшномъ бѣгѣ ямщикъ такъ же, какъ и инженеръ, перебираясь черезъ упавшій стволъ, провалился.

«А ну ее, Фроську! ишь, ради нея какое дѣло задѣлалъ, пожалуй, оба отсюда не выберемся!» рѣшилъ ямщикъ.

Обезкураженный инженеръ соскочилъ съ плечъ парня и задумался.

— Ну, теперь, баринъ, я на тебя полѣзу, держись, мерекаю, что поладитъ выйдетъ,—проговорилъ Семень и сталъ взбираться на плечи своего спутника.

Его ноги, привыкшія твердо держаться на утломъ каючкѣ, плотно утвердились на плечахъ инженера.

Ямщикъ не сталъ хвататься за полусгнившую кору, онъ только дотронулся до нея и, вытащивъ изъ кармана штановъ веревку привязалъ къ ней туго свой ножъ посрединѣ, размахнулся и кинулъ въ отверстіе.

Снаружи значительно посвѣтлѣло, утро вошло въ свои права, повидимому, день не былъ такимъ пасмурнымъ, какъ вчера.

Кинутый ножъ зашумѣлъ между деревьями и упалъ. Ямщикъ осторожно потянулъ веревку къ себѣ, руки почувствовали, что она зацѣпилась за что-то, онъ дернулъ еще смѣлѣе, веревка натянулась и не поддавалась.

— Ну, баринъ, кажись, Богъ дастъ, вылѣземъ,—обрадованно прошепталъ парень и, осторожно схватившись за сомнительную нить спасенія, поднялся на ней и, перебирая руками, полѣзъ вверхъ.

Натянувшаяся веревка обламывала гнилые края, но Семень все подымался и подымался. Наконецъ ему посчастливилось, и онъ выскочилъ изъ предательскаго дупла.

Недавнее раскаяніе относительно своего поступка съ французомъ сразу исчезло. Снова явилась злорадная мысль: «А не оста-

вить ли его и впрямь посидѣть въ ямѣ? Вотъ сказать-то я не смогу, за что его тамъ оставляю, эхъ!»

Снизу Кудербъ что-то кричалъ, звукъ его голоса отрезвиль парня. Онъ схватилъ веревку и, не отвязывая запутавшійся между деревьями конецъ, кинулъ ее въ яму.

Немного спустя изъ дупла появилась голова инженера, скоро и онъ самъ выбрался наружу.

Благодарный за спасеніе, онъ крѣпко пожалъ руку ямщику, что-то говорилъ ему, но тотъ ничего не понималъ.

Въ лѣсу стало значительно свѣтлѣе, французъ справился съ компасомъ, и они стали пробираться между стволами и кустарникомъ межевела.

— Поспѣшать, баринъ, надо,—торопилъ его ямщикъ:—какъ бы наши не сплыли, вонъ солнышко-то сколь высоко на небѣ вздынулось!

На этотъ разъ имъ посчастливилось. До тропки добрались довольно скоро. Возвращаться на то мѣсто, гдѣ они ночью разстались съ остальными, не стоило, пошли напрямикомъ. Мѣстами приходилось имъ перебираться черезъ небольшие болотные ручьи, заросшіе тальникомъ и корявой ивой. Густой лѣсъ рѣдѣлъ, становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, скоро древнихъ великановъ смѣнила молодая поросль, выросшая на сравнительно недавнемъ палѣ, гдѣ-то блеснула серебряная струйка воды, французъ обрадованно воскликнулъ:

— Enfin—la rivière!

Скоро они подошли къ рѣчкѣ, пробѣгавшей совершенно открытымъ мѣстомъ. Она, сверкая и струясь на яркомъ солнцѣ, невольно тѣшила взоры обоихъ путниковъ, такъ счастливо выбравшихся изъ предательской ловушки.

— Ну, теперь ужъ дорогу найдемъ! Тутъ неподалеку и Ягукерка, только бы наши не сплыли,—обрадованно проговорилъ Семенъ и ускорилъ шагъ.

Все-таки имъ пришлось пройти еще болѣе получаеу, пока на берегу вдаль не зачернѣло низенькое строеніе желанной керки.

— Вотъ тебѣ и разъ,—качая головой и разводя руками, проговорилъ ямщикъ:—да никакъ наши и съ самомъ дѣлѣ сплыли!

Французъ понялъ, что сказалъ его спутникъ, и сталъ внимательно осматриваться кругомъ.

Вниманіе его остановилось на притолокѣ старой постройки, тамъ бѣлѣлъ лоскутъ бумаги, прибитый гвоздемъ.

Французъ бросился къ ней и быстро пробѣжалъ глазами написанныя на ней строки.

Написано было по-французски рукой Мобарта: «Ожидать дольше васъ не могутъ, просили вамъ сообщить, чтобы вы отправились пѣшкомъ, ямщикъ знаетъ, куда итти».

Трудно было объяснить Семену содержаніе этого письма, но ловкому французу все же удалось это сдѣлать.

— Ладно, чего тутъ понимать, идемъ, баринъ, они прямо на волокъ поплыли.

Отдыхать было некогда, оба оставшіеся отправились узкой просѣлкой, густо заросшей бѣлымъ ягелемъ.

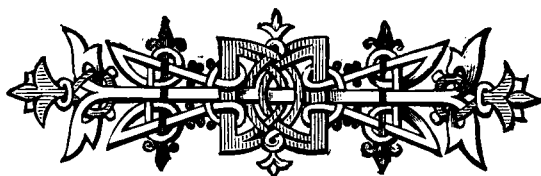
— Шесть верстъ всего и осталось,—пояснялъ Семень французу при помощи пальцевъ.

Утро смѣялось улыбкой, пронизанной насквозь солнечнымъ свѣтомъ. Вѣтерокъ слабо колебалъ густыя лапы елей, журчала вода въ мелководной рѣчкѣ, лѣсъ снова огласился щебетаніемъ птицъ, гдѣ-то далеко вырисовывался слабый абрисъ взгорья, покрытый лѣсною щеткой. Дорога вилась среди лѣса, мѣстами взбѣгая на пригорки.

Шумъ слабо шуршащаго подъ ногами путниковъ ягеля гармонически сливался съ остальными звуками дикой природы.

На душѣ Семена не осталось ни капли злобы къ своему спутнику-французу.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ СЛОВО“¹⁾.

(Изъ воспоминаній шестидесятника).

III.

Благосвѣтловъ, какъ преподаватель русской словесности.—Внѣшность его.—Полезность и интересность преподаванія.—Благородное отношеніе къ ученикамъ.—Язвительность.—Мнѣніе о Пушкинѣ и Гоголѣ.—Народолубіе.—Какъ редакторъ «Русскаго Слова».—О женщинахъ.—О русскомъ мужикѣ.—Поводы минаевского недовѣрія.—Пророчество Достоевскаго.—Арестъ Благосвѣтлова.—Ничтожность причинъ.—Записка ко мнѣ.—Еще о редакціонныхъ вечеринкахъ.—Благосвѣтловъ о Чернышевскомъ.

ГРИГОРІЯ Евлампіевича Благосвѣтлова я зналъ съ 1852 года, когда онъ преподавалъ русскій языкъ въ подготовительномъ пансіонѣ барона Клодта (мнѣ самому было тогда тринадцать лѣтъ), а также и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда я поступилъ изъ пансіона. Григорій Евлампіевичъ появился у насъ въ пансіонѣ черезъ нѣсколько дней послѣ скоропостижной кончины его предшественника, старца В. К. Тилло. Этотъ Тилло былъ архаическій преподаватель. У него учился русскому и нѣмецкому языкамъ еще мой отецъ, который тоже воспитывался въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Тилло былъ коренастый, добродушный простякъ-нѣмецъ, типа толстовскаго Карла Ивановича. Впрочемъ, онъ отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что говорилъ по-русски правильно, писалъ до приторности грамматически, и тѣмъ, что кое-что прочи-

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVI, стр. 490.

талъ по-русски. Въ классѣ же онъ вѣчно нянчился съ переводами Жуковскаго съ нѣмецкаго языка, задавалъ ихъ намъ учить наизусть, по нимъ диктовалъ и дѣлалъ синтаксическіе разборы. Особенно пристрастенъ былъ онъ къ «Ундинѣ», такъ что его самого мальчики прозвали Ундиной. Съ новѣйшими русскими писателями онъ учениковъ не знакомилъ, да едва ли ихъ самъ зналъ, развѣ что по имени.

Черезъ нѣсколько дней послѣ кончины этого антика, въ концѣ ноября 1852 года, въ нашъ пансіонъ явился новый учитель, Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, котораго мы сразу и глупо прозвали Гришкой Ламповщикомъ, но котораго, однако, почти что полюбили. Полюбили, во-первыхъ, за то, что грамматикой онъ угощалъ насъ весьма умѣренно, зато умѣлъ заинтересовать чтеніемъ и толкованіемъ новѣйшихъ писателей; во-вторыхъ, и главное, за то, что хотя онъ былъ добродушенъ и терпѣливъ менѣе Тилло, но умѣлъ вносить въ обращеніе съ мальчиками благородную терпимость, чего у большинства тогдашнихъ учителей не замѣчалось. Онъ избѣгалъ оскорблять въ насъ чувство человѣческаго достоинства, хотя, видимо, не безъ борьбы со своимъ желчнымъ и изрядно раздражительнымъ темпераментомъ.

Во наружности Григорія Евлампіевича не было ничего ни особенно располагающаго, ни отталкивающаго: какая-то полинялая зауридность. Тогда онъ былъ еще молодъ (какъ я узналъ отъ него самого позднѣе, онъ былъ ровесникъ Н. Г. Чернышевскаго); но по лицу ему можно было бы дать тридцать пять и болѣе лѣтъ. Этому, вѣроятно, содѣйствовалъ сизый цвѣтъ его тщательно, до лоска бритыхъ щекъ, подбородка и очень длинной верхней губы; а также жестоковатое выраженіе мало выразительныхъ тускло-сѣрыхъ глазъ, которые почти никогда не улыбались привѣтливо. Миѣ и въ дѣтствѣ и гораздо позднѣе, когда я съ нимъ водилъ знакомство, всегда казалось, что напряженно длинный промежутокъ между тупымъ носомъ и ртомъ накладывалъ veto на его попытки ласково улыбнуться. Зато насмѣшливая, иногда и колкая, улыбка выходила у него довольно отчетливо. Роста и дородства онъ былъ средняго. Темнорусые волосы причесывалъ гладко. Руки имѣлъ небольшія, мягкія, съ тупыми пальцами; казалось, что имъ всегда было холодно, ибо и онѣ были сизаго цвѣта, не говоря уже о синихъ ногтяхъ, которые всегда были до того плотно обстрижены, что казались обгрызанными. Одѣвался Григорій Евлампіевичъ въ началѣ его служебнаго поприща довольно тщательно, даже щеголевато. Въ классъ являлся въ отлично спитомъ свѣжемъ вицъ-мундирномъ фракѣ съ золочеными пуговицами и бархатнымъ воротникомъ. А подъ мышкой приносилъ темно-зеленый элегантный портфель.

Для меня въ училищѣ видъ этого портфеля былъ очень пріятенъ, ибо Благосвѣтловъ (ко миѣ благоволившій) зачастую приносилъ

что-нибудь «вкусное», новенькое по части русской литературы или русской старины, и давалъ мнѣ на домъ читать.

Таковъ былъ внѣшній Благосвѣтловъ въ 52—53-мъ годахъ, когда мы у него учились въ пансіонѣ. Таковымъ же онъ оставался и позднѣе до 1856 года, послѣ его ареста и заграничной поѣздки, когда я, уже достигнувъ выпускного класса, посѣщаль его въ маленькой квартиркѣ въ Эртелевомъ переулкѣ. Такимъ же я его зналъ позднѣе въ редакціи «Русскаго Слова», когда я самъ слушалъ лекціи въ военной академіи.

Вообще же онъ производилъ своей внѣшностью и не на однихъ своихъ учениковъ, еще мальчиковъ тринадцати-шестнадцати лѣтъ, но и на своихъ коллегъ въ артиллерійскомъ училищѣ и въ пажескомъ корпусѣ впечатлѣніе странное: не то педантъ-чиновникъ, не то семинаристъ—отзывались о немъ другіе учителя. Въ пажескомъ корпусѣ пажи его откровенно не любили за «семинарскія повадки» и особенно за его неблаговоспитанную раздражительность, которую ему не всегда удавалось сдѣрживать и которая порождала часто саркастическія, довольно топорныя, переходившія въ грубость выходки. Особенно раздражался онъ противъ тѣхъ воспитанниковъ пажескаго корпуса, которые отлично знали французскій языкъ, а по-русски «лапти плели». Еще онъ не любилъ во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавалъ, учениковъ балтійскихъ нѣмцевъ. А ихъ въ тѣ времена поступало въ военныя учебныя заведенія много и, надо сказать правду, съ непозволительно скудными познаніями по части русскаго языка.

У насъ тоже было не мало балтійцевъ—все добрые парни, прекрасные товарищи. Но они безъ всякаго интереса относились къ русскому языку и безсознательно, быть можетъ, питали увѣренность, что, плетя лапти по этой части, они все-таки сдѣлаютъ карьеру. И, дѣйствительно, не ошибались. Однако у насъ все-таки преобладала молодежь настоящая русская, которая простила Григорію Евлампіевичу его рѣзкія выходки за то, что онъ умѣлъ заинтересовать самыхъ равнодушно-лѣнивыхъ мальчиковъ своими рассказами исторически-культурнаго свойства, связанными съ преподаваемымъ предметомъ. Это было тогда пріятной новинкой, содѣйствовавшей успѣхамъ ученія.

Кромѣ того, и, главнымъ образомъ, потому мы простили его вспыльчивость, что онъ умѣлъ искренно или намѣренно (юноши, конечно, склонны вѣрить искренности) заглаживать всякую свою грубость, а тѣмъ паче ошибку, выходкой симпатичной и великодушной. Напримѣръ. Однажды въ IV классѣ Михайловскаго артиллерійскаго училища (средній возрастъ воспитанниковъ этого класса около 15 лѣтъ) Благосвѣтловъ былъ выведенъ изъ терпѣнія дѣйствительно тупоумно-нелѣпнымъ изложеніемъ урока однимъ изъ нашихъ товарищей М., нѣмцемъ.

М. былъ хорошій, искренній и благородный юноша, но, какъ мы замѣтили уже, подобно многимъ своимъ соплеменникамъ, къ русскому языку относился какъ къ неизбѣжному злу, лежащему на пути къ военной карьерѣ. Онъ урокъ вы зубрилъ, но смысла не обмозговаль; Григорій Евлампіевичъ пытался, увы, безуспѣшно, навести его на пониманіе предмета; наконецъ разсердился и дрожащимъ отъ раздраженія голосомъ рѣзко выпалилъ:

— Садитесь, господинъ М. У васъ въ верхнемъ этажѣ квартиры отдаются,—и, сказавъ это, какъ-то нехорошо хихикнулъ.

Мы всѣ были возмущены грубостью учителя, хотя и находили се мѣткой. Но возмущеніе наше длилось недолго, нѣсколько минутъ. Однако нѣкоторые наиболѣе шаловливые изъ нѣмцевъ, противъ желанія самого добродушнаго М., къ слѣдующей лекціи Благосвѣтлова умудрились приготовить нѣчто въ родѣ скандала. Они поставили учительскій столъ на каѳедрѣ на самое переднее ребро ея, такъ, что когда пришелъ Григорій Евлампіевичъ, имѣвшій привычку, опускаясь на своемъ возвышеніи въ курульное кресло, слегка опираться на столъ, то сей послѣдній плашмя, вверхъ тормашками, гулко грохнулся на паркетъ. Темнозеленый щегольскій портфель, книги, бумаги, въ немъ находившіяся, массивный казенный фоліантъ для классныхъ отмѣтокъ, чернильница, перья—все это беспорядочно распростерлось на полу. Нѣсколько учениковъ, обитателей Камчатки ¹⁾,—народъ всегда веселый, безпечный и проказливый,—смѣялись въ кулакъ. А на каѳедрѣ, какъ статуя гнѣва съ протянутой въ сторону Камчатки рукой, возникъ Григорій Евлампіевичъ во всемъ величіи своего вице-мундира съ золотыми пуговицами, блѣдный и дрожащій. Съ минуту онъ не могъ слова выговорить. Затѣмъ хриплымъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Молодые люди не хотятъ имѣть меня своимъ учителемъ... Отчего бы откровенно мнѣ не сказать, что я пришелъ не ко двору, вмѣсто того, чтобы исподтишка устраивать мнѣ западню... Прощайте, господа, я освобождаю васъ отъ себя!

Сойдя съ каѳедры, онъ быстро вышелъ изъ нашего класса въ учительскую комнату, гдѣ заявилъ инспектору классовъ о своемъ рѣшеніи, обусловленномъ его личными обстоятельствами и соображеніями. Жалобы же никакой на воспитанниковъ не заявилъ, какъ ни допрашивалъ его полковникъ Шютцъ ²⁾, понимавшій, что Григорій Евлампіевичъ чего-то не договариваетъ. Мы же, озадаченные воспитанники, были огорчены поступкомъ шалуновъ (помнится, то были два нѣмца баронъ Клейстъ и Лерхе); намъ было неприятно

---

¹⁾ Заднія скамьи, наиболѣе отдаленныя отъ каѳедры, на которыя обыкновенно забирались самые лѣнныя и шаловливыя мальчики.

²⁾ Инспекторъ классовъ.

потерять такого интереснаго учителя. Классъ выбралъ наскоро депутацію, во главѣ которой очутились я, какъ первый по классу, и дежурный въ тотъ день по классу юнкеръ. Мы пошли въ учительскую комнату, отъ лица всѣхъ товарищей выразили наше искреннее сожалѣніе о случившемся, просили Благосвѣтлова у насъ остаться, замѣтивъ при этомъ, что мы (старшій и дежурный по классу) готовы понести наказаніе за случившійся беспорядокъ, лишь бы только Григорій Евлампіевичъ насъ не покидалъ. Лицо Благосвѣтлова расцвѣло; онъ, несомнѣнно, былъ искренно растроганъ. Дѣло уладилось благополучно, и популярность Григорія Евлампіевича среди юнкеровъ возросла тѣмъ болѣе, что онъ «не сфискаллилъ» на насъ инспектору.

Другой случай, характеризующій доброкачественность отношенія Благосвѣтлова къ своимъ ученикамъ, былъ таковъ.

Однажды Григорій Евлампіевичъ намъ рассказывалъ что-то о древней русской поэзіи. Говорилъ онъ, какъ всегда, красиво, ясно и ярко. Мы его слушали съ вниманіемъ. Въ классѣ было тихо.

Вдругъ, неожиданно, одинъ изъ воспитанниковъ Шекаразинъ ¹⁾ тоже внимательно дотолѣ слушавшій преподавателя, понуривъ, однако, по своей привычкѣ голову низко къ партѣ, вспрыгиваетъ съ мѣста на скамью какъ мельница, машетъ руками. Лицо его искажается гримасами, онъ фыркаетъ, тараща глаза и нелѣпо мотая головой. Разумѣется, весь классъ разразился хохотомъ. Тѣмъ болѣе выходило смѣшно, что Шекаразинъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ мирныхъ, спокойныхъ и невозмутимыхъ товарищей. Даже прозвище ему дали «Фефела».

Благосвѣтловъ оборвалъ рѣчь, видимо, очень разсердился; когда Шекаразинъ, успокоясь, опустился на свое мѣсто, по обыкновенію понуривъ голову, то Григорій Евлампіевичъ обратился къ виновнику соблазна.

— Г-нъ Шекаразинъ,—сказалъ онъ,—вы поступили болѣе чѣмъ неприлично. Вы не передо мной только, а и передъ всѣми вашими товарищами виноваты. Мнѣ было отраднo видѣть, что моя лекція ихъ интересуетъ. И вдругъ вы прерываете ее вашей клоунской выходкой. Если вамъ самимъ не нравится мой рассказъ, вы могли бы не слушать его: заняться чѣмъ-нибудь другимъ, а не паясничать. Мнѣ очень непріятно, но я вынужденъ записать вашу нелѣпую демонстрацію въ штрафной журналъ.

Кроткій юноша, выслушавъ безотвѣтно эту нотацію, вновь опустился на скамью. Но Григорій Евлампіевичъ еще не успѣлъ достаточно успокоиться, чтобы продолжать лекцію, какъ воспи-

¹⁾ П. С. Шекаразинъ въ 80-хъ годахъ былъ начальникомъ патронныхъ заводовъ. Скопчался лѣтъ 20 назадъ въ чинѣ генераль-лейтенанта.

танникъ, сидѣвшій рядомъ съ провинившимся (князь Щербатовъ), всталъ, краснѣя и конфузясь подошелъ къ кафедрѣ и сказалъ:

— Григорій Евлампіевичъ, будьте добры, запишите въ штрафной журналъ не Шекаразина, онъ совсѣмъ не виноватъ, а меня. Это я, глядя, какъ онъ сидитъ, повѣся носъ, словно дремлетъ, зажегъ вонючую сѣрянку подъ столомъ и поднесъ ему подъ носъ. Онъ не могъ не вскочить.

Говоря это, Щербатовъ, даровитый юноша, прекрасный товарищъ, но большой проказникъ и весельчакъ, едва сдерживалъ свой смѣхъ, вызванный своей шалостью.

У Благосвѣтлова глаза повеселѣли; его волненіе приняло иной характеръ. Протянувъ руку провинившемуся, онъ сказалъ:

— Вы благородный юноша, г-нъ Щербатовъ. Очень васъ благодарю.

Затѣмъ, сойдя съ кафедры, Григорій Евлампіевичъ приблизился къ Шекаразину и, тоже пожимая ему руку, просилъ извиненія.

Вообще такое обращеніе новаго преподавателя съ нами располагало насъ къ нему, заставляло забывать его комичныя семинарско-чиновничьи замашки и его желчную вспыльчивость. Послѣдняя въ нашихъ глазахъ уравнивалась поступками, подобными описаннымъ выше, и казалась чѣмъ-то рыцарскимъ даже намъ, юнкерамъ Михайловскаго артиллерійскаго училища. Я говорю *даже намъ*, ибо въ нашемъ привилегированномъ военномъ заведеніи по уставу начальство никакого не имѣло права сѣчь или подвергать какимъ бы то ни было тѣлеснымъ наказаніямъ; оно всѣмъ воспитанникамъ говорило вы, а преподаватели, называя фамилію ученика, прибавляли всегда «господинъ». Въ другихъ военныхъ заведеніяхъ, кадетскихъ корпусахъ николаевскаго времени, господствовала розга, «тыканіе» и «тычки».

Надо поставить въ заслугу Григорію Евлампіевичу и то, что въ свою педагогическую систему онъ вносилъ либеральныя новшества въ самый разгаръ военныхъ строгостей николаевскаго царствованія (1852—55 г.), вызванныхъ европейскими событіями 1848 г.; строгостей, распространявшихся не только на среднія учебныя заведенія, но и на высшія, до университета включительно. Императоръ Николай Павловичъ весьма не жаловалъ наше училище и называлъ насъ словомъ, по его мнѣнію, почти браннымъ: «студенты».

Въ преподаваніе Григорій Евлампіевичъ также вносилъ весьма пріятное новшество, желая оживить и расширить программу, иллюстрируя ее историческими разсказами, эпизодами, и освѣщая ихъ, насколько было возможно, философскими воззрѣніями.

Нашъ курсъ (какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ) Благосвѣтловъ читалъ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ (съ осени 1852 г. по 56 г.). Онъ преподавалъ въ трехъ младшихъ классахъ

училища. Мы, юнкера, были въ возрастѣ тринадцати—семнадцати лѣтъ. Впослѣдствіи большая часть ихъ вошла въ разныхъ губерніяхъ въ группы такъ называемыхъ шестидесятниковъ.

Его преподавательская дѣятельность была въ 1856 году прервана внезапнымъ арестомъ, о которомъ нѣсколько словъ ниже.

Мы не имѣемъ въ виду въ настоящемъ очеркѣ вдаваться въ общую сравнительную оцѣнку системъ преподаванія и воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за знаменательный періодъ русской исторіи, лежавшій на рубежѣ двухъ царствованій: николаевского и александровскаго. Если же отмѣчаемъ главнѣйшія черты какъ характера преподаванія, такъ и обращенія Благосвѣтлова со своими учениками, то дѣлаемъ это потому, что Благосвѣтлова можно считать едва ли не первымъ (во всякомъ случаѣ однимъ изъ немногихъ первыхъ) піонеромъ по внесенію живого свѣта въ сухое, какъ скелеть, схоластическо-фрунтовое преподаваніе «русскаго языка» въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Главнымъ же образомъ потому, что для тѣхъ, кто знакомъ съ литературно-политическими общественными теченіями журнала «Русское Слово», редакторомъ котораго былъ Григорій Евлампіевичъ въ писаревское время, думаемъ, будетъ небезынтересно сравнить окраску этихъ редакторскихъ теченій съ его преподавательскими настроеніями, господствовавшими шесть-семь лѣтъ позднѣе.

Повторяю, мы, юнкера-артиллеристы, и наши сверстники, воспитанники другихъ учебныхъ заведеній, много обязаны Григорію Евлампіевичу расширеніемъ сферы общихъ познаній, соприкасавшихся съ возникавшими въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ общественными вопросами, государственными реформами и зарожденіемъ правильныхъ понятій о тѣсной связи между литературой и общественными явленіями.

Григорій Евлампіевичъ проворно и добросовѣстно справлялся съ сухими программами курса даннаго класса. Онъ мало удручалъ насъ спрашиваніемъ по Гречу и Востокову ¹⁾. И, будучи небезосновательно увѣренъ, что большинство учениковъ слѣдитъ внимательно за его лекціями, не опасался за нашъ успѣхъ на экзаменахъ. Покончивъ же съ официальными требованіями программы даннаго года (въ трехъ младшихъ классахъ, гдѣ онъ преподавалъ, программы обнимали знакомство съ древней славянскою литературой, съ древне-греческими и латинскими памятниками поэзіи, съ эпохой возрожденія, съ русскими писателями XVIII вѣка), онъ развивалъ

---

¹⁾ Грамматическія руководства того времени.

предъ нами подробности отдѣловъ не только необязательныя, но, по всей вѣроятности, нежелательныя для высшаго учебнаго начальства того времени. По поводу, на примѣръ, образцовъ греческой и латинской поэзіи онъ мастерски накидывалъ эпизодическія историческія картины жизни давнихъ временъ и ярко освѣщаль своими объясненіями ихъ общественно-политическій смыслъ. Сравненій съ настоящимъ онъ непосредственно не дѣлалъ, но эти сравненія сами зарождались въ отроческихъ нашихъ мозгахъ.

Будущій редакторъ вліятельнаго и популярнаго въ началѣ шестидесятихъ годовъ журнала «Русское Слово», ратовавшаго противъ классицизма (во всякомъ случаѣ школьно-схоластическаго), являлся предъ своими учениками восемь или десятью годами раньше пламеннымъ и существенно-интереснымъ сторонникомъ классицизма, осмысленнаго, общественно-историческаго. Его содержательныя и образцовыя описанія жизни древнихъ обществъ, а затѣмъ очерки періода возрожденія были пластичны, художественно-увлекательны, поглощали наше вниманіе, врѣзались въ память и заставляли работать мозгами. Эти описанія послужили многимъ изъ насъ путеводнымъ свѣточемъ для позднѣйшаго ознакомленія не только съ новѣйшей европейской литературой, но и съ политическимъ строемъ современной намъ Европы. Они подготовляли почву самостоятельнаго развитія взглядовъ на общественные перевороты въ Россіи, которые въ недалекомъ будущемъ намъ пришлось переживать, и въ которыхъ многимъ пришлось участвовать. Къ тому же Благосвѣтловъ не скупился указывать намъ подходящія книги и охотно одолжалъ свои. Указываемыя имъ книги были въ общемъ смыслѣ цензурны, но въ учебныхъ заведеніяхъ чтеніе ихъ не допускалось и большую часть ихъ намъ приходилось читать только дома по праздникамъ. Библіотека у него, какъ я убѣдился въ послѣднихъ пятидесятихъ годахъ, посѣщая его въ Эртелевомъ переулкѣ послѣ его ареста, была изрядно богата.

Само собой разумѣется, что онъ умѣлъ пріохочивать воспитанниковъ и къ русской словесности. Собственно ознакомленіе съ русскими писателями XIX вѣка входило только въ программы двухъ старшихъ классовъ училища, а не трехъ младшихъ, гдѣ преподавалъ Григорій Евлампіевичъ. Но онъ этимъ не стѣснялся и умѣлъ удосужиться познакомить насъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ и даже Тургеневымъ, Григоровичемъ, причѣмъ не упускалъ давать намъ понятіе о культурномъ значеніи ихъ произведеній для родины. Стихотворенія Кольцова, какъ и Плещеева, были тогда строго запрещены и со времени дѣла Петрашевскаго даже изъяты изъ продажи. О нихъ (впрочемъ, главнымъ образомъ о Кольцовѣ) Благосвѣтловъ предъ нами не умалчивалъ, рекомендовалъ ихъ и, правда, не въ классѣ, а у себя

на дому указывалъ мнѣ, что ту и другую книгу можно купить на толкучкѣ и у кого именно. Я, конечно, не преминулъ ихъ приобрести.

Къ Пушкину онъ относился восторженно: какъ къ поэту, мыслителю, человѣку, а особенно какъ къ писателю, любившему русскій народъ и понимавшему народъ. Онъ даже не винилъ Пушкина, какъ то было принято въ нѣкоторыхъ либеральныхъ кружкахъ тѣхъ годовъ (1852—56 гг.), за реакціонное направленіе, обнаружившееся въ концѣ жизни поэта, за его камеръ-юнкерство, вызвавшее на свѣтъ, не помню, кѣмъ измышленную на его счетъ, эпиграмму:

«Онъ прежде вольность проповѣдалъ
И звалъ царей на грозный судъ,
Но царской милости отвѣдалъ
И сталъ смиренный лизоблюдь».

Благосвѣтловъ (мы говоримъ объ его доредакторскомъ періодѣ) причину этой переменѣ хотѣлъ видѣть не въ самомъ писателѣ, а въ его женщинѣ. «Пушкинъ,—говорилъ намъ Григорій Евлампіевичъ,—горячо любилъ свою жену. А что прикажете дѣлать мужу, если женщина, любовь которой поглощаетъ все ваше существо, отворачивается отъ васъ потому только, что вы вернулись домой пѣшкомъ съ мокрыми ногами, что вы не умѣете зарабатывать денегъ на рысаковъ, на собственный экипажъ и добыть для жены доступъ ко двору?»

Такое отношеніе нашего преподавателя, конечно, плохо вяжется съ появленіемъ нѣсколько лѣтъ спустя въ «Русскомъ Словѣ» статей Писарева о ничтожности, даже зловредности Пушкинской поэзіи, но оно остается фактомъ, который мы считаемъ необходимымъ отмѣтить.

Кстати, о женщинѣ. Вдобавокъ къ разсказанному нами выше объ эротическихъ воспоминаніяхъ Благосвѣтлова на его *jours-fixes*, по поводу парижскихъ женщинъ, у него иногда, очевидно, невольно проскальзывали нелестныя фразы о женщинѣ вообще и косвенно о женскомъ вопросѣ. А случалось и такъ: при сравненіи русскаго простолюдина съ западнымъ, особенно французскимъ Григорій Евлампіевичъ не воздерживался отъ грубѣйшаго насчетъ остроумія. Напримѣръ, «весь организмъ нашего мужика пропитанъ кислой капустой», «мозги въ банѣ безнадежно распарены» и т. п.

Вотъ именно эти выходки, противорѣчившія и прежнимъ взглядамъ Благосвѣтлова и направленію его журнала, коробили нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и меня, слышавшаго нѣсколько лѣтъ отъ того же человѣка со школьной каѳедры восторженныя фразы и о женщинѣ, какъ человѣкѣ, и о русскомъ мужикѣ. Къ этимъ-то фразамъ и прислушивался Минаевъ (знав-

шій, хотя и по слухамъ, о прежнемъ народолюбіи и сочувствіи женскому вопросу Благосвѣтлова) въ началѣ своего сближенія съ редакціей «Русскаго Слова», когда онъ самъ еще колебался въ нее вступить. Минаевъ, ради остроты, казался иногда «и вашимъ, и нашимъ», но по воззрѣніямъ, по чувствамъ былъ человѣкъ послѣдовательный.

Кстати, приведу имѣющія нѣкоторое отношеніе къ статьямъ о Пушкинѣ, появившимся въ «Русскомъ Словѣ», слова, слышанныя мною отъ Ѳ. М. Достоевскаго. Я Ѳедора Михайловича нерѣдко встрѣчалъ у А. Н. Плещеева, съ которымъ былъ знакомъ не профессионально, а съ ранняго дѣтства, потому что младшій братъ моего отца былъ его университетскимъ товарищемъ и пріятелемъ. О близкихъ же отношеніяхъ между Достоевскимъ и Плещеевымъ всѣмъ извѣстно.

Какъ-то вечеромъ въ концѣ 1858 или въ началѣ 1859 гг. (я тогда только что вышелъ изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и слушалъ лекціи въ военной академіи) я зашелъ къ Плещееву, жившему въ Болотной (нынче Коломенской улицѣ). Я засталъ у него Достоевскаго. Ѳедоръ Михайловичъ по своему обыкновенію ходилъ беззвучно (онъ любилъ мягкую обувь) взадъ и впередъ по скромно обставленному зальцу. Сухонькая старушка, мать хозяина, сидѣла на диванѣ. Плещеевъ говорилъ о направленіи нѣкоторыхъ толстыхъ журналовъ того времени «великихъ надеждъ и начинаній» и особенно о литературной критикѣ въ этихъ журналахъ. Онъ часто прерывалъ свою рѣчь, словно вызывая Достоевскаго высказать свое мнѣніе, но тотъ равнодушно отмалчивался, можетъ быть, просто по своей привычкѣ подъговорокъ другихъ обдумывать предстоящее изложеніе одного изъ своихъ романовъ. Я уже зналъ ранѣе, что это обдумываніе совершалось у него всего успѣшнѣе на ходу и иногда поглощало всецѣло его мысль при самой неподходящей шумной обстановкѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, напримѣръ, когда мы съ нимъ одновременно жили лѣтомъ на минеральныхъ водахъ Старой Руссы, Ѳедоръ Михайловичъ почти ежедневно подъ вечеръ приходилъ совершать свою прогулку въ общественный садъ, гдѣ гремѣла въ это время музыка, и ходилъ, волоча ноги въ мягкихъ сапогахъ, кругомъ оркестра, заложивъ руки за спину, немного горбясь, одиноко и безмолвно. Онъ, повидимому, не обращалъ вниманія, можетъ быть, не сознавалъ ни присутствія густо толпившейся, трескотно болтавшей публики, ни грохота военныхъ трубъ.

Возвращаясь же домой, какъ мнѣ рассказывали близкія ему лица, онъ почти неизмѣнно сію же минуту диктовалъ, и тоже на ходу по комнатѣ, нѣсколько страницъ романа, которымъ былъ занятъ въ данное время.

У Плещеева во время упомянутого мною вечера Достоевскій изрѣдка останавливался, но только на нѣсколько секундъ, какъ будто собираясь что-то сказать. Но, должно быть, раздумывалъ, и снова волочилъ ноги по паркету... Плещеевъ между прочимъ упомянулъ о Пушкинѣ и объ отношеніи къ его поэзіи нѣкоторыхъ современныхъ критиковъ. Тогда Достоевскій встрепенулся, рѣзко остановился и, обратясь почему-то прямо ко мнѣ, сказалъ твердымъ, но тихимъ голосомъ:

— А вотъ, помяните мое слово, недалеко время, когда и Пушкина стануть грязью обливать... Вотъ вы, молодежь, навѣрно, это увидите... А намъ было бы лучше не дожить до этого.

Затѣмъ, повернувшись на своихъ беззвучныхъ подошвахъ, Ѳедоръ Михайловичъ опять засновалъ по діагонали зала. Плещеевъ, видимо, озадаченный и удивленный, ничего не нашелся сказать, а, помолчавъ немного, какъ-то неувѣренно разсмѣялся и сталъ доказывать, что «это ужъ совсѣмъ невозможно». Старушка даже всплеснула руками, выронивъ свое вязаніе, и почти взвизгнула:

— Ну, ужъ вы, Ѳедоръ Михайловичъ, скажите тоже!

Достоевскій только мелькомъ оглянулся и строго-утвердительно кивнулъ головой.

Я былъ скорѣе огорченъ, чѣмъ пораженъ; мнѣ вдругъ стало чего-то очень жалко. Не Пушкина, а насъ самихъ—молодежь, выросшую на его произведеніяхъ. Мнѣ чуялось, что Достоевскій не ошибается, какъ ни жестоко было его прорицаніе. Хотя мнѣ рѣдко случалось бесѣдовать съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, но проницательность его меня неоднократно поражала. Правда, въ статьяхъ журналовъ того времени никакихъ признаковъ подготовки вылазокъ на дорогого поэта мнѣ еще не встрѣчалось. Не случилось и слышать въ тѣхъ немногихъ литературныхъ кружкахъ, съ которыми я былъ знакомъ. Я бывалъ въ редакціи «Русскаго Слова», бесѣдовалъ съ Писаревымъ. Я встрѣчался съ И. И. Панаевымъ, Гончаровымъ, Д. В. Григоровичемъ, Краевскимъ въ домѣ моего близкаго родственника ¹⁾, не писателя, но всесторонне образованнаго человѣка, интересовавшагося литературными теченіями, знававшего лично, тогда уже давно покойныхъ, Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Глинку и другихъ. Я бывалъ у Дружинина, а также въ редакціи журнала «Разсвѣтъ». Прислушивался обыкновенно къ рѣчамъ писателей; но никогда никто, ни юные, ни «древніе» не пророчили того, что предрекъ Достоевскій.

Однако тутъ, у Плещеева, мнѣ внезапно вспомнилось нѣсколько странныхъ фразъ, обмѣненныхъ недавно при мнѣ между Благо-

¹⁾ Григорія Павловича Неболсина, впоследствии сенатора и члена государственнаго совѣта:

свѣтловымъ и Писаревымъ по поводу значенія для поэзіи естественныхъ наукъ, хотя при этомъ ничего о Пушкинѣ собственно не упоминалось.

Какъ бы то ни было, пророчество Федора Михайловича вскорѣ исполнилось, причемъ первый и самый острый камень въ Пушкина бросилъ тоже дорогой мнѣ писатель нашего поколѣнія—Писаревъ. Мнѣ становилось горько, что та юношеская рука, которую такъ искренно-дружески жала моя, поднялась на автора «Онѣгина» и «Капитанской дочки». Гораздо позднѣе, когда въ 80-хъ—90-хъ годахъ происходило нѣчто въ родѣ ликвидаціи литературныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, и особенно во время юбилейнаго чествованія памяти Пушкина, мнѣ все-таки не менѣе горько было, что погибшій уже тогда давно Писаревъ совершилъ такую ошибку.

Взглядъ на Гоголя, который пытался внушить своимъ ученикамъ Благосвѣтловъ, былъ такъ своеобразенъ и рѣзокъ, что я позволю себя привести его. (Я говорю не только о томъ, какъ будущій редакторъ «Русскаго Слова» характеризовалъ собственно автора «Мертвыхъ душъ» съ каеэды, но и о добавочныхъ его отзывахъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ, которые Гр. Евл. не стѣснялся высказывать у себя дома въ 1855—1857 годахъ, когда мы съ нимъ бесѣдовали съ глазу на глазъ у него въ квартирѣ въ Эртелевомъ переулкѣ). Гр. Евл. признавалъ художественную писательскую гениальность въ «Вечерахъ на хуторѣ», въ «Тарасѣ Бульбѣ», вообще въ раннихъ, такъ сказать, непосредственныхъ его произведеніяхъ и одобрялъ тонко-правдиво отдѣланнаго «Ревизора». Онъ старался не только познакомить воспитанниковъ съ этими произведеніями, но и заставить ихъ полюбить, въ особенности первыя, наиболѣе искреннія, непосредственныя. Но гений гуманитарный Благосвѣтловъ отрицалъ въ Гоголѣ. По словамъ будущаго редактора «Русскаго Слова», выходило такъ: не будь Гоголь постоянно стѣсненъ матеріально, не будь онъ неизмѣримо тщеславенъ, онъ не создалъ бы ничего достойнаго вниманія послѣ своей «Диканьки»—свѣжаго благоуханнаго цвѣтка, насажденнаго еще твердой рукой молодого художника-гения (подлинныя слова Благосвѣтлова).

Къ Гоголю, какъ къ человѣку, Благосвѣтловъ относился просто брезгливо. Приблизительная суть того, что Гр. Евл. говорилъ въ тѣ времена о Гоголѣ, такова. Гоголь изумительно хорошо воспроизводитъ *только отрицательныя* типы чиновничества и дворянства. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ въ виду содѣйствовать самоусовершенствованію этихъ классовъ, непосредственно соприкасающихся съ подавленной массой бѣдности народа, и, слѣдовательно, содѣйствовать улучшенію быта рабочаго и бѣдняка.

Между тѣмъ идеаль личнаго совершенствованія онъ видитъ въ мудромъ накопленіи богатствъ. Образцы такихъ, по мнѣнію автора, единственныхъ достойныхъ подражанія типовъ онъ приво-

дить. Но въ художественномъ и бытовомъ отношеніи эти типы оказываются недостойными дарованія Гоголя.

Эта неудача объяснялась (по мнѣнію Благосвѣтлова) отчасти и соотвѣтственными личными свойствами автора: его самомнѣніе нелѣпо заносчиво, а инстинкты попрошайки выдаются рельефно. Онъ у безсильныхъ выпрашиваетъ грубо, а передъ сильными пресмыкается. Напримѣръ, у матери своей, весьма стѣсненной въ средствахъ, онъ не стыдится почти грубо требовать денегъ, но униженно выпрашиваетъ подачки у высокопоставленныхъ. Едва ли не подъ вліяніемъ этой склонности создались и его общественно-политическіе воззрѣнія и идеалы. Во всякомъ случаѣ мнѣнія, ярко имъ выдвигаемыя на первый планъ, не идутъ далѣе усовершенствованія государственнаго, общественнаго строя и улучшенія народнаго быта посредствомъ неукоснительно строгихъ жандармовъ, добродѣтельныхъ генераль-губернаторовъ, разжившихся купцовъ и помѣщиковъ, тоже, впрочемъ, весьма добродѣтельныхъ, то есть исключительно правительственно-капиталистическаго строя, который онъ считалъ и для себя лично полезнымъ. Полезнымъ тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, учрежденіе жандармскаго управленія (не особенно популярнаго даже среди высшаго московскаго и петербургскаго общества и нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ слоевъ) совершилось по личной инициативѣ Николая I, увѣреннаго, что это есть одна изъ необходимыхъ мѣръ для отвращенія въ будущемъ движенія, подобнаго декабристскому.

Любовь къ отечеству у Гоголя вылилась,—говорилъ Гр. Евл.,—напримѣръ, его знаменитой «тройкой». Его лиризмъ, можетъ быть, искрененъ, но оказался, къ горю Россіи, весьма недалководнымъ, чтобы не сказать болѣе. Нашей «удалой тройкѣ» не далѣе, какъ вчера, пришлось съ болью въ сердцѣ «посторониться предъ европейской четверней», пристяжныя которой (Турція, Пьемонтъ, Франція и Англія) никогда, казалось бы, по убѣжденіямъ Гоголя, не могли осмѣлиться вступитъ въ состязаніе съ Россіей.

Гр. Евл. все это говорилъ вскорѣ послѣ севастопольской войны.

Любовь къ народу, желаніе улучшить его нравственное и экономическое положеніе Благосвѣтловъ у Гоголя просто отрицалъ. По его мнѣнію, эти чувства выражались у него натянутыми лирическими восторгамъ по поводу мѣткости остроумія русскаго мужика (напримѣръ, прозвище, данное мужиками Плюшкину словомъ порхлица и т. п.).

Чаще всего Гоголь относился къ простому люду съ насмѣшкой, съ ироніей надъ его невѣжествомъ, пьянствомъ, безграмотностью. У Гоголя нѣтъ ни малѣйшаго намека на полезность устраненія тогдашней всероссійской причины зла—рабства.

Съ особеннымъ презрѣніемъ отзывался Благосвѣтловъ объ отношеніи Гоголя къ женщинѣ. Женщины и любовь, ярко и тепло очерчен-

ныя въ «Вечерахъ на хуторѣ», скоро выродились у него въ *безсиліе* изображать молодыхъ женщинъ художественно. Одна Юленька Бетрищева. Да и та вышла мало осязаемой.

Преподаваніе Благосвѣтлова въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ было прервано внезапно, когда нашъ курсъ находился въ половинѣ 3-го класса ¹⁾. Гр. Евл. былъ арестованъ. Носились слухи, что онъ высказалъ на лекціи въ пажескомъ корпусѣ (гдѣ онъ тоже преподавалъ) критическія мысли по поводу одного изъ многочисленныхъ въ тѣ годы правительственныхъ проектовъ реформъ. Говорили, будто бы его ученики, пажи, сообщили объ его выходкѣ своему начальству, которое озаботилось эскамотировать его. Потомъ разъяснилось, что Благосвѣтловъ дѣйствительно трупилъ надъ нѣкоторыми преобразованіями по части военной обмундировки. Этому далъ поводъ одинъ изъ воспитанниковъ, восхищавшійся красотой проектированнаго правительственною комиссіей мундира для полка, въ который юноша надѣялся поступить по выходѣ въ офицеры. Иронія Гр. Евл. вырвалась въ формѣ изрядно топорныхъ шутокъ; пажи оскорбились и рѣшили выжить «семинариста» изъ своего заведенія.

Мы, артиллерійскіе ученики Гр. Евл., легко могли вѣрить подобной версіи. Ибо, при всей для насъ симпатичности въ то время преподаванія Благосвѣтлова, при всей прямотѣ его отношеній къ намъ лично, онъ, случалось, и у насъ не воздерживался отъ грубого, а иногда и обиднаго остроумія, какъ я рассказалъ выше.

Мы не удивлялись, что вознегодовавшіе пажи воспользовались ничтожнымъ поводомъ, дабы отъ него избавиться. А что поводъ былъ ничтоженъ, доказывается тѣмъ, что третье отдѣленіе, державъ его подъ арестомъ короткое время, выпустило на свободу безъ видимыхъ послѣдствій. Вскорѣ ему былъ даже разрѣшенъ выѣздъ за границу, что въ тѣ времена было рѣдкостью для заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности. Кромѣ того, очень скоро по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ ему разрѣшили, правда, по ходатайству графа Г. А. Куселева-Безбородка, быть редакторомъ журнала.

Мы же, воспитанники артиллерійскаго училища, искренно сожалѣли объ его отъ насъ удаленіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ его освобожденія третьимъ отдѣленіемъ я получилъ отъ Гр. Евл. записку, въ которой онъ просилъ возвратить его книги, одолженные мнѣ и моимъ класснымъ товарищамъ, а также передать (я былъ старшимъ, то есть первымъ ученикомъ по классу, а старшіе являлись какъ бы представителями) товарищамъ, что ему истинно грустно съ нами

---

¹⁾ Возрастъ большинства воспитанниковъ 16 съ небольшимъ лѣтъ.

разставаться. Между прочимъ у меня доселѣ осталась въ памяти слѣдующая фраза записки:

«Въ то время, какъ пажы со столь свойственнымъ имъ безчестіемъ добивали меня въ общественномъ мнѣніи, юнкера артиллерійскаго училища являлись благородными моими защитниками».

Признаюсь, меня, да и не одного меня, это рѣзкое выраженіе: «со столь свойственнымъ имъ безчестіемъ», изрядно покорило. Во-первыхъ, я и многіе мои товарищи по училищу знали многихъ пажей, дружили съ ними и, конечно, не считали ихъ ни раньше, ни позже безчестными. Во-вторыхъ, обидное его выраженіе относилось огульно къ цѣлой группѣ молодежи, нашихъ сверстниковъ по годамъ и отчасти и по положенію.

Однако мы, отроки артиллеристы, скоро забыли о непріятномъ ощущеніи, вызванномъ его запиской ко мнѣ, и долго продолжали цѣнить его добрыя, хорошія стороны по отношенію къ намъ самимъ.

Чтобы дополнить характеристику вечеринокъ въ редакціи «Русскаго Слова», добавлю нѣсколько строкъ.

Журфиксы были большею частью и безсодержательны и натянуты. Писаревъ почти всегда молчалъ, Благосвѣтловъ сдерживался, дипломатичничалъ. Напримѣръ, онъ только въ самыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда общій разговоръ заходилъ о «Современникѣ» вообще и о Чернышевскомъ въ особенности, избѣгалъ высказываться откровенно. Гостямъ на этихъ вечерахъ было скучновато. Исключенія были рѣдки.

Иное дѣло случайныя, интимныя, вечернія собесѣдованія въ редакціи. Всѣ совѣщались дѣльно, говорили откровенно, обрабатывали вопросы разносторонне. А когда, покончивъ съ дѣломъ, переходили (это случалось нерѣдко) къ картамъ и вину, то даже распахивались, затрагивая темы далеко не редакціонныя. Писаревъ, легко возбуждавшійся отъ картъ, вина и отъ порнографическихъ анекдотовъ, распахивался во всю, хотя то, что въ немъ обнаруживалось при этомъ, было «не писаревское», а, по словамъ многихъ, то былъ «маскарадный ямщицкій кафтанъ», какъ острилъ Минаевъ. Благосвѣтловъ же, выпивъ, являлся въ «своемъ видѣ», вицъ-мундирнымъ эротикомъ, циникомъ. Въ тѣхъ, кто уважалъ его хорошія стороны, онъ въ этомъ видѣ возбуждалъ сожалѣніе.

Мы уже упоминали, что, по слухамъ, онъ намѣренъ съ какими-то расчетами развращалъ и спаивалъ Дмитрія Ивановича. Но какъ я разумѣлъ и наблюдалъ, дѣло было не такъ. Онъ искренно любилъ и цѣнилъ, какъ я уже замѣтилъ, Писарева, и ему самому подъ шафе было какъ-то игривѣе и веселѣе, когда тутъ же дорогой и милый ему пріятель подогрѣвался. Глядя же на нихъ обоихъ въ это

время, я иногда вспоминалъ русскую поговорку: «связался чортъ съ младенцемъ», особенно въ самые первые годы, когда Писаревъ походилъ еще на красную дѣвушку.

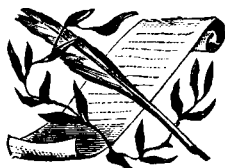
Къ либеральному противоположному лагерю, недостаточно солидарному съ «Русскимъ Словомъ», Благосвѣтловъ относился осторожно. О Н. Г. Чернышевскомъ онъ по возможности избѣгалъ разговаривать. Когда же это было необходимо, то задумчиво хмурился, стараясь не глядѣть никому въ глаза, отдѣлывался общими, впрочемъ, не противорѣчащими истинѣ фразами, въ родѣ: «Мы въ ранней молодости близко были знакомы съ Чернышевскимъ», «вмѣстѣ учились», «я его очень уважаю», «я въ существѣ раздѣляю его взгляды, но во многомъ съ нимъ не могу согласиться» и т. д.

Кстати анекдотецъ, нѣсколько подобный прорицательству Достоевскаго, объ отношеніи современныхъ критиковъ къ Пушкину.

Какъ-то въ редакціи бесѣдовали о беллетристикѣ вообще: о выборѣ авторами сюжетовъ, о характерѣ ихъ обработки и проч. Въ тѣ годы, какъ извѣстно, было въ модѣ обличительное и натуралистическое писательство, и Благосвѣтловъ одобрялъ такое направленіе. Однако иногда оговаривался: полезно, дескать, и интересно было бы, чтобы хоть одинъ умный, даже изъ ряда вонъ умный и знающій человѣкъ написалъ романъ на тему: что мы должны дѣлать? какъ намъ жить, чтобы жилось лучше?

Писаревъ взглянулъ на Григорія Евлампіевича вопросительно; завязался общій споръ, въ которомъ, однако, самъ Благосвѣтловъ избѣгалъ принимать участіе. Курьезно, что немного лѣтъ спустя появился романъ «Что дѣлать?», написанный дѣйствительно «изъ ряда вонъ умнымъ человѣкомъ» и едва ли знавшимъ о, конечно, случайномъ quasi-прорицаніи своего товарища дѣтства.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рукинъ).

ДЕНЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПЕРВАГО.

(Разсказъ).

ВЪ 184... ГОДУ подѣ Краснымъ Селомъ были собраны гвардія и гренадерскій корпусъ, которымъ государь сдѣлалъ смотръ. Приѣхавъ однажды на военное поле, Николай Павловичъ построилъ войска въ боевой порядокъ, сталъ во главѣ ихъ, снялъ каску и, перекрестясь, произнесъ: «съ нами Богъ, никто же на ны». Накрылся, махнулъ пшагою, и шестьдесятъ тысячъ человѣкъ ринулось за царемъ. Картина, конечно, была величественная. Монументальная фигура государя, съ тѣмъ классическимъ профилемъ, въ которомъ лобъ, носъ и подбородокъ составляли одну линію, блескъ огромной свиты, среди которой пестрѣли мундиры иностранныхъ офицеровъ, стѣною валившая, сверкая штыками, пѣхота, скатывавшіяся, точно лавины, кавалерійскія глыбы, дрожавшее красносельское поле отъ надвигавшихся орудій. Командовавшій въ ту пору гвардіею цесаревичъ, положивъ поводья на чолку лошади, только

---

¹⁾ Свѣдѣнія объ описываемой эпохѣ конца сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія основаны на разсказахъ графини З. Д. Кассини, по первому мужу княгини Львовой, дочери бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова, генераль-адъютанта Д. В. Путяты, бывшаго адъютанта в. к. Михаила Павловича, генераль-лейтенанта А. Н. Арапова, командовавшаго послѣдовательно обоими гвардейскими чирасирскими полками, стараго кавалергарда, отставнаго подполковника А. Е. Пашкова и нѣкоторыхъ другихъ, всѣхъ нынѣ, къ сожалѣнію, умершихъ.

Авт.

руками развелъ, а свита съ Волконскимъ, Чернышевымъ и Бенкендорфомъ во главѣ въ недоумѣніи только озиралась. Всѣмъ хорошо было извѣстно, что не только въ Россіи, но и за границею не было человѣка, которій, въ данную минуту, рѣшился бы произнести слово: «отставь!» Къ счастью, по прошествіи не болѣе четверти часа, государь остановился и, скомандовавши къ церемоніальному маршу, сталъ пропускать войска, окидывая ихъ леденящимъ, казавшимся равнодушнымъ, взглядомъ. При видѣ русской мощи, въ которой никто въ его царствованіе и сомнѣваться не посмѣлъ, мощи, выраженной въ проходившихъ теперь передъ нимъ его войскахъ, прошедшихъ всю Германію, побывавшихъ въ Парижѣ, за Балканами и въ Польшѣ, и всюду побѣдоносно, на лицѣ царя промелькнула тѣнь самодовольной улыбки. Но какъ внезапно она появилась, такъ же внезапно и исчезла. Царскіе глаза попрежнему безстрастно глядѣли въ пространство, какъ бы вовсе не фиксируя находившихся передъ нимъ людей и предметовъ. Въ этихъ глазахъ можно было прочесть лишь сознаніе неограниченнаго могущества и желѣзной, непреклонной воли. Они какъ будто говорили окружившимъ его людямъ: «Васъ, конечно, все это можетъ восхищать, но для меня оно иначе и быть не можетъ, потому что все это такъ налажено и пригнано мною на славу вамъ и на страхъ врагамъ. Помните, однако, если всѣмъ этимъ вы кому-либо обязаны, то это единственно мнѣ. Выше меня одинъ Богъ на небесахъ».

Преображенцы, семеновцы, а равно родной государю полкъ—измаиловцы—пропущены были поротно. При идеальномъ равеніи, дальше котораго самъ братъ его Михаилъ Павловичъ ничего не могъ бы потребовать, ибо люди все-таки дышали, brave гвардейцы и гренадеры маршировали тихимъ, учебнымъ шагомъ. Всѣ люди какъ на подборъ. Единообразіе картины, если не считать цвѣта кантиковъ и выпушекъ, было просто поразительное. Офицерство и генералитетъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ тучныхъ генераловъ, пыхтѣвшихъ, но усердствовавшихъ, являли собою картину, достойную полотна художника. Многіе старались походить, прическою и особенно бакенбардами, на царя, что въ то время считалось шикомъ и всеподданнѣйшею преданностью. Николай Павловичъ отлично зналъ эту замашку и никогда на это не сердился. Напротивъ. Въ одной ротѣ первыхъ трехъ полковъ правофланговый Ветошкинъ имѣлъ прямо поразительное сходство съ царемъ. Еще до того, какъ онъ поравнялся съ государемъ и повернулъ глаза направо, казалось, что, выпучивъ ихъ до послѣдней физической возможности, онъ собирался уничтожить царя. Въ глазахъ этого самаго человѣка, на спинѣ котораго могли быть слѣды недавнихъ палочныхъ ударовъ, человѣкъ, сидѣвшій на своей излюбленной «Москвѣ» и, къ ужасу недалекаго находившагося унтеръ-шталмейстера, правую шпорою отбивавшій тактъ, былъ полубогъ.

Остальная пѣхота прошла быстро въ полковыхъ колоннахъ, скорымъ шагомъ. Море штыковъ въ стройныхъ и ровныхъ квадратахъ, образованныхъ изъ живыхъ людей, но подвигавшихся, какъ автоматы, съ тою, однако, разницею, что въ этой массѣ чувствовалась сила, та, для которой былъ одинъ исходъ: со славою лечь костями или побѣдить. Сдаться же ни въ какомъ случаѣ. Извнѣ эта масса казалась машиною, но внутри этой кажущейся машины былъ тотъ именно воинскій духъ, который приводитъ къ смерти или доводитъ до славы. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось, когда на царское «хорошо», которое Николай Павловичъ произносилъ такъ, что слышалось «рршо», вылетавшее точно изъ металлической трубы, встрѣчавшее и сопровождавшее каждую проходившую часть, раздавался русско-солдатскій отвѣтъ: «рады стараться, ваше императорское величество».

Тронулась кавалерія. Сперва кирасирская дивизія и тоже въ полковыхъ колоннахъ. Это море латниковъ было еще величественнѣе. Оно состояло изъ великорослыхъ малороссовъ на пяти и свыше верхковыхъ лошадяхъ. Каски и кирасы блестѣли такъ на выяснившемся, какъ бы нарочно для прохожденія кирасирь, солнцѣ, что приходилось рукою заслонять зрѣніе. Трубы и литавры, шумъ отъ лошадиного топота, встряхиваніе кирасъ, ударявшихся своими задними половинками о мѣдныя каски, качаніе взадъ и впередъ ноженъ отъ палашей,—все это, вмѣстѣ взятое, производило море звуковъ, нелегко поддающихся описанію. Заѣзжавшіе командиры высоко приподнимали на дыбы своихъ коней—вся лошадь на задѣ,—нетерпѣливо бросавшихся впередъ и сдерживаемыхъ искусною рукою всадниковъ. За нѣсколько шаговъ до царя нѣкоторые изъ заѣзжавшихъ мѣняли ногу. Это тоже былъ своего рода шикъ. Контръ и курць-галопъ, который продѣлывали начальствующія, по уставу имѣвшія право на заѣздъ, лица, казались замысловатыми для не посвященныхъ въ тайны берейторскаго искусства. Отсалютовавши палашомъ и опустивши его непременно такъ, что эполетъ, локоть колета и кончикъ палаша у правой шпоры составляли одну линію, начальники скакали по направленію къ царю и, сдѣлавъ заѣздъ, какъ вкопанные въ землю, становились, согласно своимъ рангамъ, позади Николая Павловича, продолжавшаго оглядывать подѣзжавшихъ все тѣмъ же леденящимъ взглядомъ.

Къ легкой кавалеріи царь, какъ извѣстно, относился съ меньшею любовью. Не то, чтобы она солдатскому сердцу его не была мила, но потому, что оно лежало болѣе къ первой дивизіи. Притомъ тамъ была конная гвардія, сыгравшая въ жизни Николая Павловича 14-го декабря 1825 г. столь важную роль, а подобныя вещи не забываются. Все-таки и полкамъ второй дивизіи выражено было вѣ сочайшее одобреніе, хотя стоявшіе правѣе царя могли замѣтить, что теперь тактъ отбивался рѣже, чѣмъ, конечно, унтеръ-шталмейстеръ.

а въ особенности «Москва», которой въ этотъ день такъ досталось, были премного довольны.

Застучала артиллерія, любимое дѣтище любимаго брата, находившагося за границей, на водахъ. Что она изображала въ смыслѣ выправки и равенія, объ этомъ и понятія не могутъ себѣ составить тѣ, которые воочию этого не видѣли. Артиллерія тронула сердце суроваго царя. Подозвавъ поближе къ себѣ наслѣдника, Николай Павловичъ произнесъ, но такъ, что вся свита могла слышать его слова: «Сейчасъ буду писать брату, порадую его, сказавши, что его артиллерія выше всякихъ похвалъ», и прибавилъ потише, по-французски: «Vous savez, Саша, qu'il ne va pas bien, du tout, les nouvelles reçues ce matin par moi sont bien mauvaises» Въ этомъ родѣ оружія не столько промежъ офицеровъ, сколько среди нижнихъ чиновъ, въ особенности фейерверкеровъ, было тоже нѣсколько человѣкъ ни дать ни взять августѣйшій фельдцейхмейстеръ. Та же сторбленная фигура, сердитые глаза, тотъ же рыжій цвѣтъ усовъ и бакенбардъ. Впрочемъ, злые языки (а когда ихъ не существовало, только тогда ихъ больше держали за зубами) увѣряли, что на смотровой стрѣльбѣ боевыми снарядами происходило что-то такое, о чемъ ни въ какомъ уставѣ не упоминалось.

Парадъ кончился. Поблагодаривъ за усердную службу начальниковъ въ общихъ, стереотипныхъ до извѣстной степени выраженіяхъ, царь вмѣстѣ съ цесаревичемъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ въ Александрію. Тѣмъ временемъ войска возвращались по своимъ квартирамъ. Пѣсенники впередъ, а во главѣ ихъ шель вприсядку, съ высоко поднятымъ надъ головою трепетавшимъ бубномъ не человѣкъ, а прямо чортъ какой-то, заливавшійся, что есть мочи, удаюю солдатскою пѣснею. Высокимъ, немного крикливымъ теноромъ раздавались его слова:

Выпускала сакала
Да изъ правава рукава...

а въ отвѣтъ ему вторила вся рота, и пѣснь эта, повторенная то здѣсь, то тамъ, разстилалась по всему военному полю, особенно своимъ припѣвомъ:

Изъ правава, изъ правава
Изъ правава рукава.

«Décidement ce sont des diables», покачиваясь на мягкихъ ресорахъ придворной нейлисовской коляски, обогнавшей шедшія домой войска, и обратившись къ своему ординарцу, произнесъ находившійся на маневрахъ французскій генераль съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ офицеромъ конныхъ егерей, и оба они снимали кэпи, проѣзжая мимо les drapeaux russes.

Смотръ, произведенный Николаемъ Павловичемъ при необычайной обстановкѣ, произвелъ, конечно, большое впечатлѣніе не только въ Россіи, но и за границей также. Неизвѣстно, сообщалъ ли тогда графъ Нессельроде дипломатамъ, своимъ и чужимъ, о красносельскомъ инцидентѣ, но всё, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, могли быть вполне увѣрены, что русскія дипломатическія перья, если это окажется необходимымъ, не ограничатся писаніемъ цвѣтистыхъ, кудрявыхъ фразъ и что многократно вырывавшееся изъ царской груди «рршо» есть сила вполне реальная, съ которою Европѣ слѣдуетъ считаться.

Однако этотъ смотръ повлекъ за собою послѣдствіе среди самихъ парадировавшихъ войскъ. Не все такъ гладко и ровно протекло, какъ оно могло показаться неопытному глазу. Въ одной ротѣ, до момента поравненія съ царемъ, произошло досадное замѣшательство. Неизвѣстно, какъ и почему, но фронтъ вдругъ представилъ собою линію, только не прямую, а ломанную, симметрія была нарушена, беспорядокъ только увеличился, и въ концѣ концовъ образовалось положеніе, на языкѣ начальниковъ-службистовъ выражаемое словами орда и каша. Точно кипяткомъ ошпаренная, прошла несчастная рота. Государь, какъ бы нѣмой, не издавъ ни малѣйшаго звука, лошадь и сидѣвшій на ней всадникъ были точно не живые, а вылитые изъ бронзы, только царская каска наклонилась вдругъ направо и въ слѣдующую же секунду налѣво. Зато слѣдующей ротѣ, шедшей «дивно», божественно», какъ между собою перешепнулася свита, уже навстрѣчу было послано царское «рршо», при поравненіи «славно», а когда рота совѣмъ прошла, послано ей было вдогонку «молодцы ребята». Царь, какъ никто, зналъ эти нюансы и умѣлъ ими пользоваться. Корпусный командиръ, наслѣдникъ цесаревичъ, укоризненно поглядѣлъ своими добрыми, немного на выкатѣ, глазами на начальника дивизіи, который, обращаясь къ полковому командиру, казалось, хотѣлъ съѣсть батальоннаго. Здѣсь окончился этотъ, въ своемъ родѣ, оптический телеграфъ. Батальонный, не дожидаясь возвращенія въ лагерь, подлетѣлъ къ ротному, и началась распеканція.

«Ну, ужъ и отличились вы, господинъ штабсъ-капитанъ, не ожидалъ я отъ васъ, стараго офицера, что вы съ вашею ротою преподнесете мнѣ такой презентъ. Вотъ и получай полкъ съ этакими подчиненными, да чего полкъ, съ вами какъ бы на гауптвахтѣ не насидѣться»,—пѣтушился батальонный командиръ. Ротный, не отнимая руки отъ каски, только багровѣлъ, но ни однимъ словомъ не отвѣтилъ своему начальнику. Вернувшись, отъ потребовалъ къ себѣ фельдфебеля и уже занесъ было длань, чтобы расправиться съ нимъ, но, увидѣвши на груди заслуженнаго солдата два серебряныхъ крестика, выслуженныхъ на Кавказѣ, да двѣ-три медали, ротный опустилъ руку и промолвилъ только: «свинство это». Получивъ

заслуженный или незаслуженный репримандъ, фельдфебель вернулся въ роту, находившуюся, понятно, какъ-то надлежало во время лагернаго сбора, въ палаткахъ, и потребовалъ, чтобы ему всю правду сказали, какъ и почему рота сбилась съ ноги. На повѣрку вышло, что рядовой Южинъ, какъ-то задѣвши одной ногой за другую, покачнулся на рядомъ съ нимъ шедшаго солдатика Чернышева, тотъ выскочилъ впередъ, ближайшая часть роты равнялась по нему, тогда какъ остальные въ недоумѣніи все болѣе и болѣе теряли ранжиръ, и вышелъ кавардакъ. Не говоря дурнаго слова, самымъ хладнокровнымъ образомъ, совершая какъ будто обыкновенное дѣло, которое иначе и быть не могло, фельдфебель «хляснулъ» по скуламъ Южина и Чернышева, повторивъ это начальническое упражненіе до трехъ разъ, и пошелъ къ себѣ въ палатку чаю напиться и отдохнуть отъ парада.

И вотъ только одно это движеніе царской каски справа налѣво и слѣва направо, выразившись какъ бы въ цѣлой гаммѣ военной дисциплины, оборвалось на скулахъ двухъ бѣдныхъ рядовыхъ, которымъ и въ голову не приходило тогда, что можно было обойтись безъ подобнаго рукоприкладства. Побитые солдатика, какъ шли одинъ около другого на «цермулярѣ», теперь, пообѣдавши и получивши царскую чарку водки за смотръ, завалились рядомъ на спину, при чемъ Южинъ прибавилъ только передъ тѣмъ, какъ отойти ко сну: «Ну, ужъ и вдарилъ меня Иванъ Анфиногеновичъ», — такъ было имя и отчество фельдфебеля, — на что получилъ въ отвѣтъ отъ своего также потерпѣвшаго товарища: «Чаво здѣсь разсуждать, вдарилъ, значить, слѣдовало, а противу начальства не пойдешь». И заснули богатырскимъ сномъ эти русскіе люди, всегда готовые постараться и богатырскою грудью, хотя и битые, отстаять честь и достоинство Россіи.

И въ кавалеріи не все обошлось благополучно. Одинъ генераль, не ѣздокъ, хотя и отлично понимавшій верховую ѣзду и желавшій непременно подойти къ царю контръ-галопомъ, кончилъ тѣмъ, что окончательно сбиль съ толку своего коня, ходившаго, какъ хронометръ, а здѣсь на грѣхъ чуть-чуть не бросившагося на самого Николая Павловича. Вернувшись со смотра, генераль долго не могъ прийти въ себя отъ волненія и позабыть о приключившемся съ нимъ пассажѣ.

Въ командѣ Михаила Павловича все прошло такъ, что не было ни сучка, ни задоринки. Даже при желаніи не къ чему было придраться, и государь поспѣшилъ написать своему брату, прибавивъ въ письмѣ своемъ во всемъ похваламъ, относившимся до артиллеріи, слѣдующія слова: «*les officiers étrangers m'ont dit qu'on ne pourrait voir nulle part ce qu'ils viennent d'admirer dans cette arme.*»

Отправивъ письмо государственному канцлеру для дальнѣйшаго его препровожденія съ первымъ отъѣзжавшимъ за границу курье-

ромъ, Николай Павловичъ направился въ аппартаменты императрицы. Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, сидѣла въ мягкомъ и глубокомъ креслѣ женщина пятидесяти лѣтъ, тоже съ чуднымъ профилемъ на красивомъ, несмотря на ея годы, лицѣ, обрамленномъ буклями, какъ ихъ носили въ то время, съ трясущеюся головою, на которую надѣта была кружевная косынка, прикрѣпленная съ обѣихъ сторонъ шпильками изъ крупныхъ жемчужинъ. Длинные бѣлыя спицы изъ слоновой кости такъ и ходили въ красивыхъ, немного костлявыхъ рукахъ Александры Ѳеодоровны, занимавшей, по обыкновенію, руководѣіемъ для состоявшихъ въ ея вѣдомствѣ пріютовъ. На вопросъ императрицы о парадѣ царь отвѣтилъ: «*Superbe, ma chère, sous tous les rapports*»,—и подошелъ къ ея ручкѣ. «Однимъ словомъ, я доволенъ, но особенно счастливъ, видя, какъ Александрія на тебя дѣйствуетъ. Ты неузнаваема, а Мандтъ молодецъ. А теперь я страшно голоденъ, и прикажи ускорить завтракомъ».

Не успѣла Александра Ѳеодоровна прикоснуться до стоявшаго на столѣ массивнаго колокольчика, какъ вошелъ тихою поступью, въ которой все-таки была замѣтна нѣкоторая доля важности, ея камердинеръ со словами, обращенными къ государю: «Дежурный флигель-адъютантъ приказалъ доложить вашему величеству о пріѣздѣ министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾ съ докладомъ». Николай Павловичъ нахмурился и провелъ рукою по своему высокому лбу; очевидно, онъ не рассчитывалъ, что его будутъ еще беспокоить, но, спохватившись, что сегодня день доклада прибывшаго въ Александрію министра, отвѣтилъ: «Сказать дежурному флигель-адъютанту, чтобы онъ провелъ министра въ мой кабинетъ и что я тотчасъ явлюсь». Извинившись за невольное опозданіе завтрака, къ которому испросилъ позволеніе пригласить министра, стараго, безрукаго генерала, и поцѣловавши снова руку у своей супруги, государь вышелъ изъ ея аппартаментовъ.

Проходя комнатою, въ которой находилось зеркало, позволявшее глядѣвшему въ него видѣть себя во весь ростъ, онъ посмотрѣлъ на себя и, покачивая головой, сказалъ: «видно, и ты, Николай Павловичъ, старѣешь, время для всѣхъ безпощадно, а все приходится тянуть царскую лямку и по долгу христіанина и миропомазанника служить моей дорогой Россіи. По крайней мѣрѣ никто не посмѣетъ сказать, что я даромъ заѣдалъ мой царскій паекъ. Лично немного я имъ стою, Россія выдержитъ этотъ расходъ».

Кому не извѣстна сказочная, чисто восточная роскошь русскаго двора, но царь былъ до нельзя скупъ на личныя издержки, носилъ штопанные носки и этимъ даже хвастался и не могъ разстаться съ такой шинелью, которую многіе изъ его прапорщиковъ и корнетовъ давно бы спустили ходившимъ по дворамъ татарамъ. Царская

¹⁾ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ.

скудость, въ данномъ случаѣ, отлично иллюстрируется слѣдующимъ разсказомъ, который далеко не носитъ на себѣ печать анекдотическаго повѣствованія. Какъ-то разъ собрались петербургскіе иѣмпы въ одномъ ресторанѣ, гдѣ у нихъ былъ свой *Stammtisch*, и царскій военный портной жаловался, что его величество мало заказываетъ у него платья. «*Er ist so geizig*, — твердилъ еще не совсѣмъ обрусѣвшій нѣмецъ, — что намедни, ну, и какъ вы думаетъ, при кирасирской синей униформѣ эполетъ былъ на красной подбойкѣ. Ни большой ли этотъ стытъ?» — *Schadet nicht* — возразилъ, отпивая свой зейдель пива, другой нѣмецъ, саксонскій подданный изъ Лейпцига, состоявшій въ должности придворнаго переплетчика — *aber Nikolai Pavlovitsch ist ein famoser Monarch* — причѣмъ этотъ нѣмецъ счелъ нужнымъ кому-то пригрозить своею ситарою.

— Ну, что скажешь? — обратился государь, входя въ свой кабинетъ къ министру, которому онъ пожалъ оставшуюся у него руку — другую генераль потерялъ при Бородинѣ: — я совсѣмъ было забылъ о твоѣмъ докладѣ. Садись и говори, а я буду со вниманіемъ слушать. Потомъ отправимся завтракать къ императрицѣ, которая кстати приказала мнѣ тебя пригласить, а чѣто не докончимъ, то уже послѣ завтрака.

Въ числѣ разныхъ допесеній губернаторовъ и областныхъ начальниковъ о бѣдствіяхъ многострадальнаго русскаго народа, со свѣдѣніями объ урожаѣ въ однѣхъ мѣстностяхъ и о неурожаѣ въ другихъ, неизбѣжныхъ пожарахъ, эпидеміяхъ и эпозootіяхъ были два дѣла, особенно остановившія царское вниманіе. Въ первомъ случаѣ дѣло касалось раскольниковъ, положеніемъ которыхъ интересовался государь. Конечно, онъ не могъ, будучи свѣтскою главою православія на всеѣмъ земномъ шарѣ, открыто принять подъ свое покровительство тѣхъ, которыхъ исповѣдуемая имъ самимъ вѣра считала «диссидентами». Однако старовѣрческая преданность царю и Россіи трогала его.

— Въ дѣлахъ вѣры, — произнесъ государь, — должна быть допущена терпимость, но, конечно, не во вредъ установленному государственному порядку. Сектъ, противныхъ законамъ природы, терпѣть не слѣдуетъ, но, съ другой стороны, также не слѣдуетъ допускать, чтобы преслѣдованіе старовѣровъ становилось доходнымъ промысломъ.

Замѣтивши, что министръ наморщился, Николай Павловичъ, положилъ руку свою на единственную руку генерала и промолвилъ:

— Къ тебѣ, Дмитрій Гавриловичъ, слова эти не должны относиться. Я тебя отлично знаю, но мнѣ извѣстно, что бывали случаи, и довольно частые, при которыхъ власти усматриваютъ въ существованіи раскола вѣрный и хорошій источникъ личныхъ доходовъ. Какъ бы намъ это дѣло искоренить? — и царь пытливымъ взглядомъ окинулъ своего министра.

— Единственное средство, государь, — отвѣчалъ тотъ, слегка

улыбаясь:—выбирать исключительно честныхъ людей, а главное позаботиться увеличеніемъ окладовъ...

— Пстой, пстой,—перебилъ его Николай Павловичъ:—на-счетъ окладовъ поди поговори съ министромъ финансовъ. На той недѣлѣ я едва-едва вытащилъ у старика ¹⁾ нѣсколько милліоновъ на вооруженіе: самъ видишь, какое мятежное наступило время. Не станемъ говорить про Францію, про легкомысліе и непостоянство этой націи. Хуже всего, что у нашихъ сосѣдей также не все обстоитъ благополучно. Про Австрію уже не говорю, вѣрно, придется мнѣ ее выручать изъ бѣды; къ сожалѣнію, мой милый бо-фреръ тоже, кажется, растерялся. Гидра революціи высоко подняла свою голову,—продолжалъ говорить государь, поднявшись во весь ростъ передъ слушавшимъ его съ должнымъ вниманіемъ старымъ генераломъ, продолжавшимъ сидя смотрѣть на своего монарха и только теперь замѣтившимъ, что и ему слѣдовало встать.—Ну, да у меня еще голова на плечахъ и поставитъ вверхъ ногами Европу я не позволю.

На этотъ разъ въ глазахъ царя какъ бы блеснула молнія, взглядъ ихъ сталъ грознымъ, но черезъ нѣсколько уже секундъ буря улеглась, и глаза этого человѣка, могущаго быть и суровымъ и милостивымъ, попрежнему только выражали безмятежное равнодушіе и глубокое хладнокровіе.

Министръ продолжалъ докладъ. Теперь наступила очередь дѣлу объ убійствѣ въ одной изъ внутреннихъ губерній черноземной полосы помѣщика крѣпостными его людьми. Выслушавъ докладъ и снова принявъ грозный видъ, царь потребовалъ самое дѣло, которое министръ досталъ изъ портфеля, несмотря на то, что владѣлъ одною лишь рукою, и положилъ его на царскій письменный столъ.

Долго перелистывая дѣло, останавливаясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ, то предыдущихъ, то послѣдующихъ, не произнося во время чтенія ни единого звука, государь возвратилъ его министру, ожидавшему, понятно, царскаго рѣшенія.

— Резолюціи не для чего класть. Дѣло настолько ясно и законъ также ясно говоритъ о наказаніи, налагаемомъ за убійство. Звѣрски, однако, они съ нимъ поступили, но всего ужаснѣе, что подобныя вещи могутъ у насъ, въ Россіи, происходить.

Промолчавъ нѣкоторое время и опустивши глаза на письменный столъ, царь, повидимому, предался глубокому размышленію. Министру, которому давно было извѣстно, какъ относился Николай Павловичъ къ вопросу о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, легко было предугадать, о чемъ станетъ теперь говорить государь. Взгляды монарха и его встрѣтились.

— Вижу, что ты догадался; да, Дмитрій Гавриловичъ, я думаю объ уничтоженіи такого порядка вещей, который уже нигдѣ болѣе

¹⁾ Графа Е. Ф. Канкринъ.

въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Турціи, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи мы, конечно, отъ Европы отстали, и дорого бы я далъ, чтобы въ мое еще царствованіе это дѣло было устроено. Кажется, я не изъ трусливаго десятка, но откровенно скажу тебѣ: боюсь, какъ бы съ отмѣненіемъ крѣпостнаго права не настали безпорядки, а я, самъ ты знаешь, другъ порядка. Къ нему въ настоящее время относиться съ пренебреженіемъ нельзя, но все-таки намъ нужно серьезно подумать объ этомъ дѣлѣ. Повѣрь, Дмитрій Гавриловичъ, оно составляетъ предметъ постоянныхъ моихъ размышленій, страшно меня мучаетъ, что, задерживая приведеніе въ исполненіе моей завѣтной мечты, я какъ бы отодвигаю это исполненіе до того времени, когда мой сынъ станетъ на мое мѣсто. Онъ, конечно, поборникъ этой идеи, и это дѣлаетъ ему только честь. Пока что,—а написать губернаторамъ, чтобы они, черезъ предводителей передали дворянамъ, что убійцы всегда понесутъ заслуженное наказаніе, но я увѣренъ, что и господа дворяне, съ своей стороны, примутъ всѣ мѣры, дабы не подавать поводовъ къ совершенію того злодѣянія, подробности котораго только что прочелъ въ губернаторскомъ донесеніи. Да еще прибавить, что я всегда считалъ дворянство опорой престола, въ моемъ государствѣ оно единственное образованное сословіе, но я обязанъ передъ Богомъ и моею совѣстью,—голосъ царя былъ повышенъ и серьезенъ,—принять мѣры, чтобы ни съ той ни съ другой стороны подобныя злодѣйства не повторялись. А теперь пойдемъ завтракать, императрица, вѣроятно, и по дѣломъ, на насъ гнѣвается. Если нѣтъ еще чего-нибудь особо важнаго, то отложи до слѣдующей недѣли, я страшно сегодня усталъ и, откровенно тебѣ скажу, взволнованъ твоимъ докладомъ.

Желая простереть любезность свою по отношенію къ подчиненному и подданному, Николай Павловичъ пропустилъ сперва министра, который подошелъ къ ручкѣ императрицы, сказавшей: «Très heureuse de vous revoir, excellence, on ne boude plus maintenant», на что государь прибавилъ по-русски: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», и тоже поцѣловалъ ручку своей супруги. Замѣчаніе Александры Ѳеодоровны было сдѣлано по поводу подачи генераломъ въ отставку, что сильно разстроило государя, не признававшаго за своими министрами подобнаго права. Считая себя Божіимъ помазанникомъ, Николай Павловичъ уступалъ часть своей царской власти своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, что лишь онъ одинъ имѣлъ право возвратить обратно въ свои руки частицу дарованной имъ власти, а лица, которыхъ онъ удостоивалъ ею, самовольно отказаться отъ нея не могли. У Николая Павловича была своя теорія государственнаго права, и, конечно, никому и въ голову не приходило тогда оспаривать ее.

Завтракъ въ семейномъ кругу—изъ постороннихъ былъ только прѣхавшій въ этотъ день съ докладомъ министръ—прошелъ среди оживленнаго разговора, темою котораго не были ни парадъ, ни докладъ, а петербургскія свѣтскія новости. О дѣлахъ, духовныхъ, военныхъ или гражданскихъ, государь въ семейномъ кругу распространяться не любилъ. Онъ былъ не только въ духѣ, но совсѣмъ другой человекъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ былъ на красносельскомъ смотру и во время доклада, кушалъ съ аппетитомъ, выпилъ свою положенную рюмку недорогого хереса, поставляемаго ему англійскимъ магазиномъ, и отвѣтилъ: «ну, что за важность», когда служившій камеръ-лакей пролилъ соусъ на рукавъ его сюртука, что вызвало замѣчаніе императрицы: «Il est toujours tellement gauche, celui-là».

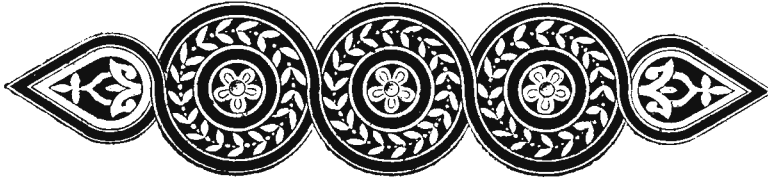
Завтракъ окончился. Александра Ѳеодоровна закашлялась, вошла дежурная фрейлина съ пузырькомъ какого-то лекарства на серебряномъ подносѣ. Накапавъ нѣсколько капель въ рюмку, фрейлина поднесла ее государынѣ, которая, поморщившись, проглотила ихъ и, вставши, подала руку министру, который приложился къ ней и которую также поцѣловалъ государь. Засимъ они оба вышли изъ апартаментовъ императрицы. Безрукій генералъ уѣхалъ на пароходъ въ Петербургъ, а царь отправился къ себѣ въ кабинетъ.

Разстегнувъ немного воротъ сюртука и распутивши ремешокъ отъ рейтузъ, онъ прилегъ на обтянутый зеленымъ сафьяномъ диванъ и, утомленный за день, крѣпко заснулъ. Царю снилась осямившаяся на смотру рота, чуть-чуть не наскочившій на него генералъ, а засимъ толпы мятежниковъ, шедшихъ съ красными флагами по улицамъ Парижа, Вѣны и Берлина и распѣвавшихъ марсельезу. Увидѣвши подъ конецъ своего почти часъ продолжавшагося сна сцену дикой мужицкой расправы и такія же дикія помѣщицья расправы, Николай Павловичъ проснулся, подтянулъ ремешокъ, застегнулъ крючки и, стукнувъ кулакомъ по стоявшему около дивана столу, произнесъ: «какъ никакъ, а съ этимъ дѣломъ покончить слѣдуетъ, и непремѣнно».

18-го февраля 1855 года его не стало, и только черезъ шесть лѣтъ и одинъ день наслѣдникъ его привелъ въ исполненіе то, что царь называлъ своей «завѣтною мечтою»...

П. Вигель-Панчулидзевъ.

ПОДЪ ФІОЛЕТОВОЙ МАНТІЕЙ ¹⁾,

Полунощные свистуны.

(Эпизодъ изъ жизни бывшаго экзарха Грузіи преосвященнаго Никона).

IV.

ВЕДАЛЕКЪ отъ семинаріи стоялъ водочный заводъ Натуса. Натусъ—по-латыни «рожденный», и тяжеловатая, но иногда не лишенная юмора семинарская мысль предпочитала это иносказательное названіе дѣйствительному. Это было удобно и въ отношеніи безопасности республики. Въ присутствіи начальства, пожалуй, можно было стговариваться о «великомъ походѣ» къ «рожденному», и начальство могло въ этомъ ничего не понимать. Шифръ свой семинаристы держали втайнѣ, а шпионство ректорскихъ любимцевъ пришло позднѣе,—мы еще о немъ не имѣли понятія.

Прибѣгали къ способамъ добыванія вина, освященнымъ историческимъ преданіемъ. Услугами сторожей пользовались только въ крайнихъ случаяхъ. Денегъ обыкновенно бывало въ обрѣзъ, и «на чай» не хватало. Лазали сами черезъ каменный заборъ сада, въ удобнѣйшей его части, ближайшей къ заводу, и по выбоинамъ въ стѣнѣ и «по соображеніямъ богословствующаго разума» можно было безошибочно заключать, что здѣсь именно лазали испоконъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХVI, стр. 554.

вѣка. Можетъ быть, этотъ камень обдиралъ когда-то и сюртукъ Помяловскаго.

Перелѣзть съ большой бутылкой, не разбивъ ея, было невозможно, и всегда въ этихъ экскурсіяхъ нуженъ былъ сообщникъ. Онъ обыкновенно принималъ посуду и условнымъ знакомъ, словомъ или свистомъ, извѣщалъ товарища о благополучіи или опасности.

Лазали и тогда, когда эти камень и желѣзо были покрыты снѣгомъ и льдомъ,—въ одномъ сюртукѣ и шапкѣ, закутавшись двумя шарфами. Пальто висѣли въ гардеробѣ на строгомъ отчетѣ, у воротъ стоялъ привратникъ. Летать поэтому надо было «духомъ» и только въ лавочкѣ нѣсколько минутъ обогрѣться. Семинариста узнавали здѣсь по его виду, и пока бутылку ставили въ плетенку, онъ разрѣшалъ любопытствующимъ нѣкоторыя богословскія недоумѣнія, въ родѣ того, какъ могъ китъ проглотить Иону, и не могли ли израильтяне пройти Черное море въ бродъ, во время отлива.

Съ этими экскурсіями, разумѣется, былъ связанъ свой анекдотъ, иногда уходившій и далеко въ исторію. Сохранялась, на примѣръ, сказка о семинаристѣ, застигнутомъ въ старину инспекторомъ, который будто бы выше всего цѣнилъ въ своихъ ученикахъ спартаксую лаконичность и ясность мышленія.

— Кто, куда, зачѣмъ?—вопросилъ онъ будто бы пойманнаго.

— Философъ, въ кабакъ, за водкой!—отрѣзалъ тотъ.

— Valet! (живеть),—и прошелъ мимо.

Первый мѣсяцъ инспекторства Никона ознаменовался анекдотомъ, необыкновенно выгодно его поставившимъ. Выйдя разъ въ неурочное время въ садъ, инспекторъ былъ заинтригованъ свистомъ въ углу сада.

Никонъ пошелъ въ его направленіи и скоро увидѣлъ черную тѣнь около забора. Вѣрно угадавъ въ фигурѣ монаха инспектора, семинариста «бѣжалъ, какъ трепетный квирить», ввѣривъ товарища и его драгоценную ношу въ полномъ смыслѣ слова слѣпому Року. И случилось такъ, что когда инспекторъ былъ уже въ десяти шагахъ отъ забора, къ нему на веревкѣ спустилась бутылъ въ корзинѣ, какъ спускается въ церквахъ лампадка рукою сторожа. Очевидно, опасность пришла тогда, когда уже былъ данъ сигналъ безопасности. Никонъ принялъ бутылъ и кротко сказалъ семинаристу:

— Ну, теперь сами слѣзайте.

Можетъ быть, пойманный еще могъ убѣждать, но, какъ извѣстно еще изъ Овидія, застигнутые врасплохъ, сдаются и боги. И у семинаристовъ былъ исконный честный обычай—явнаго преступленія не отрицаться. Винокупецъ показалъ изъ-за забора сначала растерянное лицо, потомъ ноги.

— Несите за мной къ отцу эконому.

— Простите, отецъ инспекторъ. Это въ первый и послѣдній разъ.

— Благими намѣреніями вымощенъ адъ.

Чуть ли не съ этого случая начала создаваться блестящая репутация Никона среди учениковъ,—Шерлокъ Холмсъ, все видитъ, все знаетъ! Людямъ, носящимъ очки, нужно только принять удачную позицію, чтобы иногда видѣть въ отраженіи то, что дѣлается за спиной. Нерѣдко въ церкви Никонъ выходилъ къ среднимъ рядамъ, а послѣ службы неожиданно, но совершенно справедливо дѣлалъ выговоръ какому-нибудь кандидату священства за смѣхъ, разговоръ или непристойное глазѣніе по сторонамъ. И его приравнивали къ тому «Звѣздочету», о которомъ разсказывалъ Помяловскій.

Никто не могъ бы упрекнуть его въ пользованіи недостойными способами «информации», но странно, стоило только совершиться какому-нибудь не порядку, чтобы зоркій инспекторъ захватывалъ виноватаго *in flagrante delicti*. Въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ, иногда такихъ, что неудобно и сказать, начиналась, на примѣръ, картежь. Въ самомъ интересномъ моментѣ стуколки или винта предъ играющими выростала стройная фигура монаха, внушавшая не меньшій ужасъ, чѣмъ во дни оны фигура монаха братства святой инквизиціи.

Запомнился комическій случай, когда Никонъ накрылъ небольшую компанію игравшихъ ночью въ спальной, за столикомъ, при скудномъ свѣтѣ приспущенной лампы. Всѣ разбѣжались, какъ мыши отъ кота, во всѣ стороны, лишь только его нога неслышно ступила на порогъ. При полной тишинѣ, нарушаемой только храпомъ спавшихъ, Никонъ подошелъ къ столу, прибавилъ огня и нашелъ на немъ, какъ улику... единственную кѣмъ-то забытую копейку.

V.

Можетъ быть, Никонъ творилъ ясную волю кого-то его пославшаго, но тѣ порядки, какіе онъ насаждалъ, требовали отъ заведенія настоящей психологической революціи. Семинаристъ издавна привыкъ къ самостоятельности. Это было его тщеславіемъ послѣ того, какъ онъ освобождался изъ-подъ ферулы надоѣдливой и педантичной бурсы. Недаромъ существовалъ терминъ, что тамъ, въ бурсѣ была жизнь «подъ закономъ» (ветхій завѣтъ), а здѣсь «подъ благодатью». На этой психологіи играло раньше и само начальство, взывая къ принципу круговой поруки и внушая семинаристу: «если ты взрослый, ты не допустишь ни мальчишества, ни проступка». Власть наблюдала за семинаристомъ, но показывала видъ, что нѣтъ не только выслѣживанія, а даже и наблюденія, ибо всѣ свободны и всѣ взрослые.

Никонъ такъ круто повернулъ рычагъ, что всѣмъ стало ясно, что на нихъ смотреть, какъ на дѣтей, и это было тѣмъ ошибочнѣе,

что въ этомъ взглядѣ были сравнены пятнадцатилѣтній перво-классникъ и взрослые студенты, готовые черезъ четыре мѣсяца стать отцами семей и столь быстро обрастающіе бородой, что каждое недѣльное бритье никоимъ образомъ не могло замаскировать ихъ зрѣлости. Семинарія не была коммунной, въ родѣ Запорожской Сѣчи, но въ ея стѣнахъ вѣялъ духъ умной свободы, подготовлявшей ихъ къ самостоятельности въ жизни, гдѣ уже ходятъ безъ вожакаго. Никонъ хотѣлъ въ этихъ стѣнахъ водворить прежде всего духъ порядка, духъ исполнительности, даже мельче—духъ аккуратности.

— Не только семинарія, а и государство,—поучалъ онъ,—не можетъ жить безъ порядка. Это надо воспитать въ своемъ сердцѣ, иначе какіе же вы будете пастыри? Надо твердо запомнить, что въ часѣ только шестьдесятъ минутъ, и тотъ, кто ушелъ до шести часовъ, а возвращается въ четверть седьмого, уже не человѣкъ порядка. Понедѣльнику довлѣетъ своя злоба, и вторнику своя. Надо быть во всемъ сознательнымъ и помнить, что тотъ, кто пасетъ вѣтеръ,—пожнетъ птицъ парящихъ. Судья и тюремщикъ не опустятъ, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ. А вѣдь кодрантъ равенъ всего двумъ лептамъ. Видите, какая требовательность!

Это онъ говорилъ кротко и тихо, но въ раздраженіи прибавлялъ рѣзко: «буду наказывать». Это звучало угрожающе для дѣтей и совсѣмъ обидно для старшихъ. Но онъ, дѣйствительно, началъ истязать послѣдній кодрантъ. И чѣмъ больше здѣсь было мелочности, тѣмъ все это было обиднѣе.

Никонъ былъ самъ очень молодъ, опытъ еще не научилъ его различать значительное и малое, и простую неаккуратность онъ каралъ, какъ преступленіе. Что всего хуже,—эта его борьба за законъ и инструкцію получала характеръ какого-то состязанія, кто кого перетянетъ. Обеспечивая себѣ успѣхъ въ этой борьбѣ, онъ посягнулъ на тѣ права ученика, которыя доселѣ считались неприкосновенными. Безъ предупрежденій онъ вдругъ налеталъ на занятіи на классъ и вскрывалъ шкапы съ пожитками семинаристовъ. Бѣлье, табакъ, гильзы, постороннія книги—цѣлыми ящиками сторожа уносили за Никономъ. Онъ уходилъ, какъ побѣдитель, но его сопровождалъ взрывъ общаго негодованія.

Около того времени появилась въ рукописяхъ «Крейцера Соната». Она шумѣла въ городѣ. Рядомъ, въ академіи, не было человѣка, который бы не прочиталъ ея. Остроумнымъ способомъ студентамъ удалось литографировать повѣсть, подсунувъ ее на подпись профессору подъ видомъ лекцій гдѣ-то на темномъ коридорѣ. Литографированные оттиски десятками проникли и въ семинарію. Никонъ удвоилъ обыски, какъ удваиваютъ обыски въ тюрьмѣ, догадавшись, что у заключеннаго можетъ быть ядъ. Онъ отбиралъ и тутъ же рвалъ списки, а попутно захватывалъ десятки

постороннихъ книгъ. Имъ вовсе не надо было быть запрещенными. Съ точки зрѣнія законнической была запрещенной всякая книга, на которой не значилось клейма семинарскихъ библіотекъ.

Раздраженіе росло и росло и уже начинало переливаться въ гнѣвъ. Этого красиваго, умнаго монаха, который могъ бы такъ нравиться, уже явно не любили, а многіе не терпѣли. Отъ духа былой, радостной свободы не оставалось и тѣни, — вѣялъ сквознякъ докучной и подозрительной опеки.

Въ семинаріи установилась традиція особой степенности двухъ послѣднихъ классовъ — пятого и шестого. Оба переживали канунъ выхода въ жизнь. Оба блюли не опороченнымъ свой баллъ по поведенію. Никому не хотѣлось волчьяго билета. Миссію сведенія счетовъ съ начальствомъ обыкновенно бралъ на себя четвертый классъ—«философы». Имъ пришлось понести ее и на этотъ разъ.

VI.

Мысль, родившаяся у немногихъ, очень скоро объединила всѣхъ. Собирались кучки заговорщиковъ, велись таинственныя бесѣды. Прошелъ годъ, подходила весна. Никона рѣшено было освистать и анаеematствовать. Еще недавно, по заведенному въ семинаріи обычаю, «философы» были въ Исаакіевскомъ соборѣ на торжествѣ православія, и мотивъ троекратной анаеммы у всѣхъ еще стоялъ въ ушахъ.

Однажды, позднимъ вечеромъ, послѣ молитвы, когда семинарія уже расположилась на покой, Никонъ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ изъ инспекціи, вошелъ въ спальную четвертаго класса— въ огромную залу, гдѣ помѣщалось пятьдесятъ—шестьдесятъ кроватей. Молодежь никогда не переходила сразу къ покою отъ впечатлѣній дня. Въ эту пору еще обыкновенно шелъ разговоръ. Но на этотъ разъ въ спальней было мертвенно тихо, и Никона не могла не поразить эта зловѣщая тишина. Было и темнѣе обыкновеннаго,—подъ предлогомъ приближенія весны лампа была загашена.

Когда неслышно ступающій инспекторъ успѣлъ углубиться внутрь спальни, съ одного конца ея раздался тонкій и острый свистъ въ ключъ или вставной карандашъ. Слѣдующее мгновеніе поддержало свистъ робко и неувѣренно, но еще черезъ нѣсколько секундъ почти сплошной кошачій концертъ пронзилъ инспекторскія уши.

Свистѣло все кругомъ, справа и слѣва,—не свистѣлъ только тотъ, около кого Никонъ былъ въ данное мгновеніе.

Какъ долженъ былъ вспыхнуть этотъ гордый, этотъ упрямый челоуѣкъ, невидимый во тьмѣ, какъ обожгла его щеки кровь, бросившаяся въ голову! Не откликнувшись и звукомъ, не замедливъ, не ускоривъ шага, Никонъ дошелъ до двери и прежде, чѣмъ пе-

решагнувъ черезъ ея порогъ, могъ услышать, какъ спальную сотрясли скорѣе скорбные и печальные, чѣмъ гнѣвные и проклинающіе звуки церковнаго припѣва:

— Анаѳема, анаѳема, ана-ѳе-ѳ-ма!..

Двоимъ было достаточно перешепнуться, чтобы начать,—къ нимъ подстали другіе, и мощные звуки полетѣли по всему верхнему коридору и облетѣли всѣ спальни, рождая вездѣ удивленіе и тревогу.

Черезъ нѣсколько минутъ вся семинарія знала о событіи, а черезъ полчаса она спала безмятежнымъ, удовлетвореннымъ сномъ.

Едва ли заснулъ въ эту ночь Никонъ, ушедшій съ верхняго коридора съ убивающимъ чувствомъ освищенного актера.

VII.

«Философія» проснулась рано и уже съ ощущеніемъ тревоги. Вечернее заряженіе прошло, всѣмъ было ясно, что теперь идетъ расплата. Было бы невѣроятно, чтобы такой человѣкъ покрылъ происшедшее «кроткимъ забвеніемъ покрываломъ». Было рѣшено на допросѣ прямить. «Свистѣли всѣ». И каждый за себя долженъ былъ говорить то же. «И вы, въ частности?»—«И я».

Въ это утро, которое во всякомъ случаѣ должно было быть мудренѣе вечера, нашъ классъ чувствовалъ себя героемъ. Что бы тамъ ни было дальше, во всякомъ случаѣ фактъ былъ налицо. Казалось, мы ловили поощрительные взгляды товарищей. Несомнѣнно, что до нѣкоторой степени это такъ и было.

На утренней молитвѣ въ актовомъ залѣ присутствовалъ Никонъ. Молитва кончилась. Шестиклассники двинулись.

— Четвертый классъ я попрошу остаться,—сказалъ Никонъ. Лицо его было блѣдно, голосъ напряженъ.

Когда двери были заперты, и пятьдесятъ человѣкъ стояли одни передъ нимъ, Никонъ сказалъ краткое, очевидно, много разъ пропетированное въ умѣ слово. Не помню его подробностей, но смыслъ его былъ тотъ, что, уважая себя, онъ не можетъ оставить вчера происшедшаго втуне. Вчера шутили—сегодня надо расплатиться за шутку. Если у свистѣвшихъ и пѣвшихъ хватило смѣлости на дерзость, онъ надѣется, что явится и настолько мужества, чтобы самимъ понести за это отвѣтъ, ибо иначе отвѣтственными передъ начальствомъ окажутся двое дежурныхъ вчерашняго дня, и будутъ исключены. Если въ классѣ есть элементарное благородство, то виновные не допустятъ, чтобы за нихъ пострадали невинные. Онъ не проситъ, чтобы эти двое выдали виновныхъ. Онъ надѣется, что виновные придутъ къ нему сами.

VIII.

Ахъ, какіе пошли потомъ истомные, изводные дни! Конечно, ни въ тотъ день, ни въ другіе дни наука не шла на умъ. Говорили только объ одномъ. Пришелъ праздникъ, и наши товарищи разнесли молву о случившемся по всеѣмъ духовнымъ домамъ Петербурга. И тамъ, какъ своимъ дѣломъ, интересовались, какъ-то Никонъ рѣшить заданную ему задачу.

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ къ намъ пришелъ ректоръ. Онъ не былъ грозенъ, не былъ даже суровъ,—былъ весь «благость». Съ улыбкой говорилъ намъ:

— Что, мальчишки, нашкодили? Вотъ теперь и выкручивайтесь.

— Заступитесь за насъ, о. ректоръ!

— Но вѣдь я не свистѣлъ съ вами, мальчишки.

— Заступитесь передъ митрополитомъ.

— А вы думаете, други, мнѣ было очень пріятно повѣствовать о васъ владыкѣ?

Онъ шутилъ, улыбался, клалъ тонкую женскую руку на наши головы. Намъ казалось, что онъ просто не принялъ близко къ сердцу нашей бѣды, и ему эта «исторія» не мѣшала. Похоже было, что Исидоръ сказалъ ему что-то лично пріятное. Уже давно возникали и падали слухи о томъ, что ему «выходить» епископство. Каждый разъ, какъ освобождалось гдѣ-нибудь викаріатство, называли имя П. Отъ воспитанниковъ, допущенныхъ до нѣкоторой интимности, П. даже не скрывалъ, что это такъ и что въ этомъ для него нѣтъ ничего непріятнаго. «И у апостола сказано, аще кто епископства хоцетъ,— добра дѣла хоцетъ».

Разъ у себя намъ, горсточкѣ исключительно его любившихъ, онъ сказалъ:

— Раскрылъ сегодня наудачу библию, и открылось изъ псалтири: «уготоваша стрѣлы въ *туль* (въ колчанѣ) сострѣляти во мрацѣ правыя сердцемъ. Вѣрно, быть мнѣ *тульскимъ*...

Шутка эта о Тулѣ съ большой буквы, сколько помнится, есть гдѣ-то у Лѣскова. Но по поводу этой совершенно ясно сохранившейся шутки добраго ректора не могу не отмѣтить странной власти случайности: на своемъ, какъ водится, богатомъ перемѣщеніями вѣку, архіепископу П. въ самомъ дѣлѣ нѣкоторое время довелось пасти «правыя сердцемъ» именно въ тульской епархіи!.. Библия-то сказала правду.

IX.

Въ тѣ для насъ истомные дни,—а еще, вѣроятно, болѣе истомные для Никона,—двое злополучныхъ семинаристовъ, попавшихъ подъ обухъ судьбы,—бывало, что ни часъ вызывались къ инспектору.

Вызывались и другія пары, но товарищеская круговая порука держалась крѣпко. Никонъ, конечно, не принялъ условнаго «всѣ», не повѣрилъ и самоотверженнымъ отвѣтамъ нѣкоторыхъ кроткихъ и скромныхъ, будто и они свистѣли и пѣли. Интуитивнымъ ощущеніемъ онъ зналъ—и безошибочно,—кто могли быть коноводами и ими были, но это надо было оформить и обзаконить. Это ускользало съ каждымъ днемъ упрямѣе, а, самъ упрямый, онъ уже закусила удила и готовъ былъ поставить ради этого на карту свою карьеру.

Дѣло затягивалось. Онъ, видимо, проигрывалъ, и въ концѣ концовъ проигралъ. Виновные не сознались, и ихъ не выдали. Двое дежурныхъ были лишены права общежитія и переведены «на вольную квартиру», т. е. сдѣланы проходящими. Но всѣ,—и прежде всѣхъ Никонъ,—видѣли, что это не рѣшеніе тяжбы.

И почти одновременно съ выходомъ двухъ семинаристовъ изъ «киновія» пришелъ другой слухъ, подчеркивавшій побѣду однихъ и поражение другого. Никона переводили—съ вѣшнимъ повышеніемъ на ректорство во Владимиръ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Тамъ тоже нужна была сильная и увѣренная рука.

По положенію инспекторъ читаетъ въ семинаріяхъ Новый Завѣтъ въ пятомъ классѣ. Къ послѣдному прощальному уроку Никонъ приурочилъ толкованіе «прощальной бесѣды» Христа съ учениками. Тема была тяжелая. Метель ходила и въ его душѣ. Старшіе товарищи рассказывали, что лекція была вдохновенна. Самъ онъ кончалъ ее сдавленнымъ голосомъ и кусая губы. Многіе не могли удержать слезъ, когда передъ звонкомъ онъ перешелъ и къ своему прощанью и попросилъ не поминать его лихомъ. «А я съ своей стороны миръ оставляю вамъ...»

Прощанье его предъ отъѣздомъ со всею семинаріей было поспѣшно и сухо. Сказалъ онъ всего нѣсколько словъ, очевидно, боясь за свои нервы. И кончилъ тоже невеселымъ: «если чѣмъ не угодилъ, простите,—а я ни на комъ зла не помню».

Запомнился мнѣ послѣдній его молебень передъ отъѣздомъ. Служилъ онъ самъ съ товарищемъ, семинарскимъ духовникомъ,—частнымъ образомъ. Въ пустой церкви въ точно испуганной, сиротливой тишинѣ отдавались возгласы, гудѣло пѣніе небольшой группы, собравшейся на клиросѣ. Запомнилось и острое чувство жалости и виноватости передъ нимъ у насъ, смотрѣвшихъ въ церковь въ окна верхняго коридора. И весь этотъ день было намъ не по себѣ, и мы вслухъ дѣлились:

— А вотъ теперь и жалко Никона...

Чувство, и потомъ къ нему сохранившееся, всегда было въ насъ добрымъ. Взаимныя огорченія обѣ стороны покрыли святымъ русскимъ забвеніемъ, и какъ бывшіе его питомцы никогда болѣе не

принесли ему огорченія, такъ и онъ въ бытность свою епископомъ, а потомъ и архіепископомъ никому ни малѣйше зла не припомнилъ.

Быль даже случай, когда одного изъ бывшихъ «философовъ» Никону черезъ какія-нибудь пять-восемь лѣтъ довелось ставить во пресвитеры. Никонъ совершилъ хиротонію, вручилъ ему въ концѣ службы просфору и, улыбнувшись, сказалъ:

— А вѣдь вы мнѣ, С., свистали? Говорите правду, — теперь дѣло прошлое.

— Свисталь, ваше преосвященство. Простите, Бога ради.

— Я это и тогда зналъ. И Боголюбовъ свисталь. И Лебедевъ, — ужъ что вы мнѣ ни говорите.

И многимъ именно изъ этого класса Никонъ впоследствии не отказалъ ни во вниманіи, ни въ привѣтѣ.

Х.

Молодой своей неугомонности и требовательному праву Никонъ не измѣнилъ и во Владимирѣ. И тамъ семинаріи отъ него пришлось круто. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1895 г.) долетѣла до Петербурга новая вѣсть, что владимирскій ректоръ едва не убитъ своимъ же семинаристомъ. Слухъ оказался не вздорнымъ. Въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то озлобленный на начальника воспитанникъ С., чтобы избавиться отъ него, напалъ на него съ топоромъ, когда тотъ, послѣ обѣдни, въ своемъ саду пересаживалъ цвѣты въ клумбѣ. Перескочивъ невысокій палисадникъ, семинаристъ ударилъ его топоромъ въ затылокъ, — желѣзо пробило клубокъ и кость.

Злоумышленникъ замахнулся на второй ударъ, но, ошеломленный и не понимающій, что происходитъ, архимандритъ оглянулся, назвалъ ученика по фамилии и вскрикнулъ: «что вы дѣлаете!» Подбѣжавшій семинарскій служитель обезоружилъ его сзади.

Ученикъ былъ арестованъ. Никонъ самъ поѣхалъ хлопотать за него о смягченіи вины, а позднѣе въ своей же епархіи далъ ему мѣсто. Ему предложили перейти на другую ректуру, — онъ предпочелъ остаться въ томъ же Владимирѣ, гдѣ потомъ его крѣпко полюбили.

Читателю, можетъ быть, будетъ небезынтересно прочесть и послѣднюю страницу гордо расцвѣтшей и печально закотившейся жизни этого талантливаго человѣка и большого характера.

Владимирская катастрофа, которую въ духовныхъ и синодскихъ сферахъ тотъ же тяжелый семинарскій юморъ обозначилъ терминомъ «усѣкновенія главы», была какъ бы предвѣстникомъ трагедіи, какою должна была завершиться эта изъ тьмы и бѣдности выдвинувшаяся карьера.

Послѣ смѣны цѣлаго ряда кафедръ (вольской, нарвской, вятской и слободской, владимирской и суздальской) въ 1906 году

архіепископъ Никонъ получилъ назначеніе въ экзархи Грузіи. Грузіи переживала острѣйшій моментъ, какой когда-либо былъ. Только что пронесшаяся надъ Россіей буря своеобразно отразилась на чувствахъ грузинской паствы. Предшественникъ пр. Никона, экзархъ Николай (Налимовъ), предпочелъ тоску пребыванія на раннемъ покоѣ явной смерти. Въ синодѣ чувствовали, что Грузіи нужна желѣзная рука. Назначили Никона. Съ большою тугою и, говорятъ, съ печальными предчувствіями Никонъ поѣхалъ на смерть.

Грозныя предзнаменованія встрѣчали его на пути. Грузинское духовенство отказывалось встрѣчать новаго экзарха при вѣздѣ. Встрѣчало только русское. Епископъ Петръ горійскій предупредилъ Никона при встрѣчѣ о возможности катастрофы въ церкви иверійской, советуя ему жить въ мирѣ съ грузинами, и сказалъ ему, что въ Тифлисѣ есть рѣка Кура, куда бросали даже митрополитовъ.

Пахло кровью. За нѣсколько времени до убійства экзарха въ той же грузино-имеретинской конторѣ священникъ Колмарелидзе звѣрски зарѣзалъ члена конторы, архимандрита Николая, ведшаго слѣдствіе по его дѣлу.

XI.

Не пробылъ пр. Никонъ на своемъ посту и двухъ лѣтъ, когда къ нему пришла смерть. Вотъ разсказъ объ этомъ отвратительномъ злодѣйствѣ, доселѣ еще безнаказанномъ и не уясненномъ до конца, какъ его передаетъ біографъ архіепископа и его близкій родственникъ г. Софійскій.

«Экзархъ былъ убитъ въ тотъ моментъ, когда, будучи вызванъ для засѣданій на лѣтнюю сессію 1908 года въ святѣйшемъ синодѣ, собирался ѣхать въ Петербургъ. Онъ уложилъ уже всѣ вещи для дороги. Онъ думалъ было сначала выѣхать изъ Тифлиса 25-го мая, но потомъ отложилъ свой отъѣздъ до 2-го іюня—дня сошествія Святаго Духа. 2-го іюня и дѣйствительно оказалось послѣднимъ днемъ пребыванія его въ Тифлисѣ.

«Въ злополучный день 28-го мая высокопреосвященный Никонъ назначилъ въ синодальной конторѣ послѣднее предъ своимъ отъѣздомъ засѣданіе.

«Въ одиннадцатомъ часу утра владыка въ сопровожденіи лишь своего келейника и постового полицейскаго вышелъ изъ экзаршескаго дома и направился въ синодальную контору. Предъ входомъ стражъ оставилъ владыку.

«Въ воздухѣ пахло розами, блистало ясное солнце. Настроеніе пѣшеходовъ было повышенное въ тонахъ радостныхъ. Владыкѣ не за горами далекими видѣлась столица съ милыми, откровенными, благожелательными друзьями почитателями, давно знакомыми людьми всѣхъ ранговъ и положеній послѣ затворническаго (вла-

дыка почти никуда, даже въ садъ свой не любилъ выходить для отдыха) сидѣнья въ непривѣтливыхъ стѣнахъ экзаршескихъ покоевъ въ грудѣ дѣлъ, подъ грузомъ тяжкихъ думъ о людяхъ и отношеніяхъ людскихъ.

«Въ приливѣ свѣтлыхъ чувствъ владыка не придалъ никакого значенія тому необычному обстоятельству, что на дорогѣ изъ дома въ контору чрезъ площадь почти никого не было въ этотъ часъ. Встрѣтился лишь священникъ гор. Александрополя о. Писемскій, съ которымъ экзархъ о чемъ-то поговорилъ.

«Въ вестибюлѣ синодальной конторы по обыкновенію толпились просители, нѣкоторые изъ нихъ даже, какъ передають, участвовали потомъ въ переносѣ экзарха въ его покои. Въ конторѣ, говорятъ, были вооружены всѣ, кто могъ быть вооруженъ. Владыка поднялся на нѣсколько ступенекъ вмѣстѣ съ келейникомъ. Вдругъ злодѣи снизу открыли съ двухъ пунктовъ пальбу по беззащитнымъ.

«Послѣ перваго выстрѣла экзархъ обернулся къ палачамъ. Въ этотъ мигъ его сразила пуля. Упалъ и келейникъ, но тотчасъ же вскочилъ и побѣжалъ въ контору съ ужасною вѣстью. Тамъ, говорятъ, слышали выстрѣлы, но заперлись, предполагая появленіе экспропріаторовъ. Злодѣи не переставали пронизывать лежавшаго въ потокахъ крови владыку. Насытившись кровью неповиннаго, люди-звѣри выбѣжали на улицу и скрылись. Дворникъ и полицейскій будто бы видѣли двухъ молодыхъ туземцевъ, поспѣшно выбѣгавшихъ изъ конторы. И только задержать ихъ либо не посмѣли, либо не сумѣли.

«О случившемся дано было знать по телефону врачамъ. Однако, несмотря на непрерывные энергичные звонки, врачи не являлись въ теченіе получаса. Объяснилось это тѣмъ, что провода оказались перерѣзанными. Когда врачи прибыли, то могли только констатировать смерть и установить, что въ тѣло попало шесть пуль, изъ нихъ три прошли навывлетъ, двѣ застряли въ тѣлѣ. Нанесенныя ими пораненія всѣ безъ исключенія смертельны. Шестой пулей раздроблена кисть лѣвой ноги.

«Залитаго кровью страдальца понесли домой. Несли безъ всякихъ приспособленій. Всѣ растерялись. Онъ же, и умирая, былъ героемъ. Ни аховъ, ни стоновъ, ни жалобъ, ни проклятій. Во время перенесенія въ покои преосвященный Никонъ просилъ поднять голову его повыше. Ту же просьбу онъ повторилъ въ покояхъ, гдѣ въ столовой, близъ спальни, пришлось уложить его въ сидячемъ положеніи лицомъ къ образу.

«Во все это время сознаніе у святителя сохранялось вполне. Глаза имѣли ясный здоровый видъ и не давали основанія предполагать близость смертельнаго исхода. Когда присутствовавшіе у одра раненаго архипастыря стали говорить между собою о томъ, что владыкѣ слѣдовало бы исповѣдаться и приобщиться святыхъ

тайнъ, онъ, услышавъ эти слова, еще разъ повторилъ просьбу держать выше его голову, чтобы не задохнуться,—изъ горла текла кровь. Затѣмъ онъ началъ говорить: «Господи, прости! О, Боже, прости...»—и на полусловъ спокойно отошелъ къ Царю Небесному.

«Со времени пораненія до кончины прошло около 20—30 минутъ».

Сильный тѣломъ и духомъ, во всемъ точный и отчетливый, Никонъ мужественно принялъ смерть, мужествомъ своимъ молча укоряя тѣхъ, кто на нее послалъ его. Видимо, безъ растерянности онъ и живой думалъ о ней. Въ бумагахъ нашли его завѣщаніе, гдѣ между прочимъ прочитали такія строки:

«Исповѣдую, Господи, что я недостойнъ былъ высокаго сана епископскаго и недостойно проходилъ его. Молю милосердіе Твое простить мнѣ это и пощадить меня на страшномъ судѣ Твоемъ и уповаю, что помилуешь меня, кающагося Тебѣ, и утѣшаюсь, что хотя былъ плохъ, но былъ Твой рабъ, и, хотя служилъ худо, но все же служилъ Тебѣ».

Такъ и чудится, что эти твердыя слова читаетъ твердый и властный голосъ—передъ Богомъ и передъ людьми стойкаго и вѣрнаго своему долгу «до послѣдняго кодранта» архіерея.

А. Измайловъ.

УЖАСЫ ГОРОДА.

(Изъ повседневныхъ исторій).

(Очерки).

ИЗЪ ПѢСНИ О ГОРОДѢ.

1.

.....
 Страшенъ, страшенъ спящій городъ,
 Молчаливый и слѣпой.
 Весь онутанъ мглой туманной,
 Ты не знаешь, можетъ быть,
 Что у стѣнъ въ тревогѣ страпной
 Ночью бродитъ волчья съдь?
 Что въ дома стучитъ, какъ молотъ,
 Разгоня призракъ сновъ,
 Ненасытнй, жадный голодъ,
 Съ парой хищною зрачновъ?
 Каждый уголь въ каждомъ домѣ
 Миръ невидимый таить...

2.

Въ ночи къ примолкшимъ думамъ
 Прислушивались мы,
 А городъ страннымъ шумомъ
 Пугаль изъ уютной тьмы.

Въ томъ шумѣ—крикъ измѣны,
 Кошмарный бредъ и стонъ...
 Растутъ глухія стѣны
 И мракъ со всѣхъ сторонъ...
 Стоять, какъ тѣни, звуки
 На улицахъ пустыхъ,
 И тянутся къ намъ руки
 Голодныхъ и слѣпыхъ.
 Вотъ слезы завенѣли,
 Покрылъ ихъ пьяный смѣхъ...
 Казалось, въ окна, въ щели
 Глядитъ носматый Грѣхъ.

3.

Воздухъ насыщенъ борьбою;
 Ядомъ пропитана твердь...
 Городъ, всегда надъ тобою—
 Смерть!..

В. Умановъ-Каплуновскій.

На разныхъ языкахъ.

1.

ТО СЛУЧИЛОСЬ какъ-то совсѣмъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Архитекторъ Доценко, послѣ какой-то денежной полочки, «по пьяному дѣлу» попалъ съ товарищами въ увеселительное заведеніе «Дивертисментъ», гдѣ тотчасъ же увлекся чарами шансонетной пѣвицы Еленской.

Дни проходили, какъ въ угарѣ.

Зрѣлый сорокалѣтній возрастъ, очевидно, не избавлялъ отъ ошибокъ, свойственныхъ зеленой юности, и Доценко отдавался любви съ такой ненасытной горячностью, точно впервые позналъ «науку страсти нѣжной».

Но положеніе осложнялось тѣмъ, что въ прошломъ году архитекторъ отпраздновалъ мѣдную свадьбу съ изящной Раисой Степановной и считался счастливымъ супругомъ.

Блѣдное, мистическое лицо жены, напоминающее нѣкоторые типы на холстахъ Бернъ-Джонса, полное какого-то скрытаго

трагизма, еще такъ недавно приводившее его въ искренній восторгъ, сразу потеряло надъ нимъ власть, уступая первенство грубой, чувственной красотѣ Еленской.

Нужно было играть двойную роль, унижаться и притворяться, прятать концы въ воду, чтобы не выдать себя, а это и мучило, и раздражало; быть же откровеннымъ—не хватало смѣлости.

Потомъ вдругъ произошло то непоправимое, о чемъ вовсе и не думалось никогда.

Докторъ, къ которому пришлось обратиться за совѣтомъ, открылъ ему глаза, и уже не было никакихъ сомнѣній, что любовь Еленской оказалась для него слишкомъ роковой. Въ отчаяннн онъ не пощадилъ тогда своего самолюбія, чистосердечно признался женѣ, застывшей въ страхѣ отъ его черезчуръ правдивой исповѣди, и рѣшилъ добровольно уйти съ ея дороги, унося клеймо той ужасной болѣзни, что не принято называть въ обществѣ.

Тутъ для Раисы Степановны началась совершенно особенная жизнь. Днемъ, при постороннихъ, она старалась быть если не оживленной, то по крайней мѣрѣ равнодушной, но по ночамъ плакала и терзалась подчасъ до потери сознанья.

Въ эти страдные часы она проклинала чудовище-городъ съ его притонами и продажной любовью, городъ звѣрь, дробящій душу въ неистовомъ водоворотѣ жизни, городъ-паукъ, высасывающій соки изъ всего свѣжаго и сильнаго, и, сотканная изъ противорѣчій,— все-таки продолжала въ немъ жить, словно скованная его магической волей, отравленная его ядомъ. А затѣмъ сама круто измѣнилась, будто изъ мести къ прошлому, завѣдомо наперекоръ себѣ, какъ бы оплачивая кому-то за свою кровную обиду.

Прежде недоступная и гордая, съ «холодкомъ», какъ говорилъ о ней мужъ, она внезапно послѣ полугода «затворничества» и неутѣшныхъ слезъ сошлась съ бывшимъ пріятелемъ мужа, Кулиничемъ, безъ всякаго увлеченья, точно желая сказать всѣму свѣту: «Пускай *тотъ* помучится... пусть узнаетъ...» Спокойный, ровный характеръ становился нервнымъ и требовательнымъ.

Мужъ ничего не писалъ, но аккуратно переводилъ по почтѣ съ юга опредѣленную сумму денегъ.

Сознавала, что не слѣдуетъ брать этихъ подачекъ, точно гонораръ за разбитую жизнь, и все же брала, оставаясь рабыней унизительнаго женскаго обычая—быть непременно чьей-нибудь вѣчной содержанкой—любовника или мужа.

Въ дни такихъ получекъ особенно доставалось горничной Вѣрѣ, выходившей изъ себя, когда ею помыкали, какъ ломовою лошадыю.

— Не крѣпостная!—былъ ея всегдашній отвѣтъ:—ей-Богу, уйду... побожилась даже...

Угрожала, но не уходила, дорожа изобильно перепадавшими «чаевыми».

Рабство и тутъ сказывалось.

Собачка Люси, приставшая къ Раисѣ Степановнѣ на улицѣ, сдѣлалась домашнимъ деспотомъ.

Подобранная голодной и продрогшей въ хмурый, зимній день, испытавшая, можетъ, побои и всяческія издѣвательства, она постоянно хныкала и дрожала, прижимаясь къ своей новой госпожѣ, и безотчетно боялась Вѣры.

Поджимала хвостъ и съеживалась, готовая принять отъ нея ударъ.

2.

Къ Раисѣ Степановнѣ часто захаживала въ гости Новицкая-Безперчая, ея дальняя родственница, еще далеко не старая, полная энергіи и свѣтлыхъ надеждъ на будущее.

Овдовѣвъ, она вся отдалась любимому дѣлу, которому совершенно не сочувствовалъ покойный супругъ: улучшенію быта прислуги по образцу Америки и Западной Европы (прокуроръ-мужъ считалъ это, какъ онъ выражался съ кислой усмѣшкой, «пунктикомъ»). Она издала брошюру; однако книжные магазины не приняли ея на комиссію.

Она прочла двѣ-три лекціи, о которыхъ репортеры отозвались съ какимъ-то замѣшательствомъ и удивленіемъ.

Наконецъ она искала себѣ приверженцевъ въ обществѣ, но тѣ, на кого она рассчитывала, оставались глухи: все ихъ свободомысліе разбивалось вдребезги, едва они выслушивали мечты Новицкой. Особенно дамы горячились.

Пожалуй, онѣ готовы были бы терпѣть, если бы все строилось на однихъ разговорахъ и дальше иллюзій и споровъ не двигалось впередъ; когда же то, чего онѣ боялись, какъ огня, что старательно обходили, вдругъ какъ будто начало подниматься изъ береговъ, изъ мертваго затишья и забурлило, стало не досужей басней, а чѣмъ-то похожимъ на дѣйствительность,—онѣ искренно возмутились и въ Новицкой увидѣли опаснаго врага.

Вся зима проползла въ «вооруженномъ мирѣ», точно шагъ за шагомъ надвигались другъ на друга два непріятельскія войска и ждали приказа къ наступленію.

Новицкая-Безперчая не сдавалась. Неудачи еще болѣе ее разжигали.

— Не могу, Рая, видѣть, какъ ты обращаешься съ Вѣрой,—сердито цѣдила она, поджимая губы и принимая обиженный видъ:—ночью звонишь и требуешь ужина, двадцать разъ гоняешь съ четвертаго этажа по лѣстницѣ, кормишь объѣдками со стола... Прислуга въ городѣ, какъ затерянная, отъ деревни отстала, къ городу не пристала. Ее надо пожалѣть... Вотъ хотя бы съ одной твоей Люси сколько возни!..

— Ахъ, перестань! Надоѣла своими нотациями... Только испортишь мою дѣвушку. Послѣ любого твоего визита она держитъ себя принцессой-недотрогой.

— Тогда я лучше ходить перестану.

— Опять крайности! Развѣ когда-нибудь я бывала нелюбезна съ тобой, Аня? Утомонись! Я просто не переношу, когда вмѣшиваются въ мою частную жизнь. Въ ней и такъ столько горечи...

Онѣ, впрочемъ, скоро мирились, когда переходили на инныя темы, оставаясь каждая при своемъ мнѣніи.

Но одно неожиданное обстоятельство привело-таки къ серьезной размолвкѣ.

Люси внезапно исчезла, образовавъ пустоту въ сердцѣ Раисы Степановны, и та впала въ страшное уныніе, грозила и кричала на Вѣру, топала ногами, потомъ со слезами на глазахъ умоляла открыть всю правду, чуть не становилась на колѣни.

Горничная съ каменнымъ выраженіемъ лица упрямо молчала или крестилась на образъ и отпѣкивалась незнаніемъ.

— Не иначе, какъ кто подшутить, барыня.

— Подшутить? Да понимаешь ли ты, что надѣлала ты своей нерадливостью? Можетъ, Люси къ собачникамъ попала... Можетъ, Боже упаси, къ вивисектору... Есть, вѣдь, такіе мерзавцы!.. И ее изрѣжутъ по кускамъ, замучать... И не жалко тебѣ? Недаромъ она не любила тебя, дрожала, когда видѣла тебя... Нехорошая ты, значить, недобрая... Сознавала она, съ кѣмъ имѣетъ дѣло...

— Ну, барыня, намъ безо всякой надобности!.. А такъ говорить съ собою я тоже не позволяю... не крѣпостная...

— И убирайся на всѣ четыре стороны, чтобъ и духу твоего не было. Омерзительной ты мнѣ стала. Смотрю на тебя и увѣрена теперь, что ты какую угодно гнусность сумѣешь продѣлать. Вонъ отсюда, безсовѣстная! Въ подвалахъ сгниешь, какъ послѣдняя тварь... Туда тебѣ и дорога.

Вѣра позеленѣла отъ такихъ словъ, выдержала долгую паузу, не спуская воспаленныхъ глазъ со своей госпожи, и вотъ, подойдя къ ней вплотную, отчеканила рѣзкимъ шопотомъ (при этомъ усмѣшка, какъ скользкое пресмыкающееся, проползла по ея поблѣднѣвшимъ губамъ, тонкимъ и вздрагивающимъ):

— Эхъ, куда ни шло, наплевать!.. Ужъ порадую васъ, барыня. Никому-то ваша собачонка не досталась. Сама я прикончила съ ней. Ужъ оченно вы досаждали мнѣ. «Ну,—думаю, въ головѣ этакъ ношу:—за что терплю отъ нея ни свѣтъ—ни заря, добраго слова не услышу! Дай, сдѣлаю ей больно, пушай тоже поплачетъ, какъ мы плачемъ». Подвернулась Люсишка; я это схватила ее вечеромъ, когда потемнѣло маленько, да въ фартукъ и къ рѣчкѣ. Руки лизала мнѣ, чувствовала, а я—въ прорубь ее скорѣй, подѣ

ледь... Накипѣло у мепя. Раза два вынырjala собака, а я ее ногой по башкѣ... кацуть!

Раиса Степановна не перебивала, съ остановившимся, стекляннымъ взглядомъ прослужала ее, точно боясь пропустить хоть одно слово, хотѣла встать съ дивана, но покачнулася и опять сѣла и только рукой повелительно указала на двери.

— Сю же минуточку... минуточку...—произнесла она, и въ голосѣ ея было столько муки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глухого презрѣнія и ужаса, что Вѣра попятилась назадъ и растерянно что-то бормотала, чего не слышала Раиса Степановна, такъ какъ сдавленные рыданія душили ее.

Когда въ тотъ же день заглянула Новицкая и узнала о трагическомъ эпизодѣ съ Люси, она неожиданно стала на сторону Вѣры.

— Ты, Рая, положительно во всемъ виновата. Темныхъ людей надо просвѣщать, приближать къ себѣ, а ты отталкиваешь. Вотъ и результаты. Конечно, звѣрство, что и говорить, но она не вѣдала, что творила, повѣрь. Нѣтъ, нѣтъ, не возражай! Этотъ случай меня теперь обязываетъ. Я серьезно возьмусь за перевоспитаніе прислуги. Было бы преступленіемъ почивать на лаврахъ и молчать. Городъ держитъ ихъ, какъ въ тискахъ, тащитъ ихъ изъ деревень, приманиваетъ и стягиваетъ желѣзной паутиной, не позволяя свободно вздохнуть... заглушаетъ тихіе голоса, живущіе въ сердцѣ.

— Сказка про бѣлаго бычка...—вырвалось у Раисы Степановны.

И она такъ разсердилась на Анну Осиповну, что та первый разъ за ихъ знакомство, не прощаясь, встала и ушла.

Хозяйка не провожала и не удерживала.

Такъ дружескія отношенія между ними и порвались.

3.

Потянулись мучительно-тоскливые, безпросвѣтные дни...

Кулиничъ не зналъ, что предпринять, и въ раннюю весну перевезъ Раису Степановну на поправку въ красивый дачный уголокъ—Скаты.

Это мѣсто разбросалось на довольно широкое пространство, одна часть, *озерная*, была расположена вокругъ озера, и считалась болѣе тихой, другая, особенно излюбленная дачной публикой, въ сторону версты на полторы отъ первой, называлась *приморской*.

Уютный, красивый особнякъ, гдѣ поселилась Раиса Степановна, окруженный густою зеленью и цвѣтникомъ, главнымъ фасадомъ выходилъ къ озеру.

Часто можно было наблюдать днемъ и вечеромъ, какъ съ террасы медленно спускалась по ступенькамъ ея стройная фигура и

неизмѣнно шла къ свѣтлой пристани, устроенной на берегу, какъ разъ у самой дачи.

Она иногда подолгу засиживалась здѣсь, погруженная въ задумчивость, и глядѣла въ воду, какъ бы стараясь проникнуть въ загадочную глубину, узнать ея внутреннюю жизнь.

При бѣгломъ взглядѣ, озеро казалось неподвижнымъ, соннымъ, но молодая женщина хорошо изучила его, присмотрѣлась къ нему и знала, какой кипучій міръ таится въ его пучинахъ...

Она слѣдила съ болѣзненнымъ вниманіемъ, какъ на солнечныхъ лучахъ мириадами играли въ прозрачной водѣ, наполненной нарядными, яркими водорослями, рыбки-вьюны, какъ пауки-плауны, съ поразительной быстротой скользя по зеркальной поверхности, уносили въ свои жилища плавающіе лепестки цвѣтущей рябины, которые осыпались снѣжинками съ прибрежныхъ деревьевъ; ловила мгновеніе, когда палетавшій вѣтерокъ длинной дорожкой бороздилъ какой-нибудь край озера, подымая попутно зеленые листья желтой кувшинки, и тѣ точно разговаривали другъ съ другомъ и опять, улегшись, спокойно покачивались на гибкихъ подвижныхъ стебляхъ... А когда надъ озеромъ струился матово-серебристый туманъ, мало-по-малу принимавшій очертанія смутныхъ призраковъ, простирающихъ невѣдомо къ кому худыя, цѣпкія руки,—она содрогалась, но съ сжатымъ сердцемъ все продолжала глядѣть, какъ загнипнотизированная, пока не пріѣзжалъ Кулиничъ и насильно не увлекалъ ее въ комнаты.

Онъ былъ маклеромъ на фондовой биржѣ и по дѣламъ часто задерживался въ городѣ до поздняго вечера.

Раиса Степановна оставалась одна.

Пыхтѣніе и свистки локомотива, приносившіе съ собой по временамъ къ тихому озеру какъ бы дыханіе шумныхъ, безпокойныхъ улицъ, только на минуту отвлекали ея вниманіе, и она вновь предавалась одинокимъ мечтаніямъ.

Ее тянула бездна, наполняя душу ядовитой тоской, и словно звала: «Иди, иди!..»

Зачѣмъ?

Развѣ она не хотѣла жить, не рвалась къ счастью?

Раиса Степановна не отдавала себя отчета, почему, но угадывала въ душѣ присутствіе чего-то чужого, словно тамъ была капля какой-то разъѣдающей отравы.

Недавнее прошлое еще не умерло въ ней, только убило половину всего живого, а новое не принесло пока ничего бодрящаго, яснаго, кромѣ разочарованій.

Прямолинейная натура Кулинича не вполне подходила къ ея хрупкой, тонкой организаціи, болѣе духовной, чѣмъ тѣлесной. Но временами въ ней просыпалось желаніе—ничѣмъ не отличаться отъ всѣхъ другихъ женщинъ.

Когда изъ ближайшей дачи доносился къ ней звучный, здоровый голосъ сосѣдки, однообразно призывавшей: «Шурочка!.. Дунечка!.. Колечка!..»—ей становилось досадно, что эта дама такъ беззаботно весела, и она завидовала, что у той есть дѣти...

4.

Скаты всполошились (главнымъ образомъ приморская часть). Между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ легла какая-то невидимая граница, которую, однако, нельзя было не замѣтить. День, ставшій *историческимъ*, обыкновенно вполсѣдствіи украшается повѣствователями, на самомъ же дѣлѣ онъ зачастую не выходитъ изъ предѣловъ обыденности и очень похожъ на предыдущіе и послѣдующіе дни.

Дачники уже болѣе или менѣе всѣ въ сборѣ: сегодня—первая юньская суббота.

Послѣ майскихъ дождей и холодовъ, чередовавшихся вперемежку съ солнечными утрами, установилась ровная, теплая погода. Много пріѣзжихъ изъ Москвы, Петербурга, кое-кто изъ Харькова, изъ Одессы, Варшавы, два-три сибиряка, попадаютъ иностранцы.

Это придаетъ Скатамъ легкой палетъ случайности и въ то же время приближаетъ дачную жизнь къ городской.

Мѣсто прогулокъ и ежедневныхъ встрѣчъ—общественный садъ, ферма, лѣсъ, мельница, песчаный берегъ залива съ купальными будками и лодками, наконецъ озеро.

Въ общественномъ саду въ предпраздничные дни по вечерамъ играетъ военная музыка, а по утрамъ у павильона, окруженнаго деревьями, пьютъ прохладительные напитки и ѣдятъ разныя сласти, и тогда здѣсь постоянная суতোлка: крики и пискъ дѣтвора, дамская болтовня, шутки молодежи. Старики пекутся на солнцѣ. Нѣкоторые подъ парусиновыми зонтами.

Няньки и бонны судачатъ въ сторонѣ, гдѣ гимнастика, сѣтка и куча желтаго песку для дѣтскихъ игръ, и тутъ обыкновенно не скучнѣй, чѣмъ у павильона.

Главные деревенскіе «славутники», или «ухажоры», называютъ этотъ уголокъ сада «танцующей», такъ какъ въ народные праздники устраиваютъ тамъ плясы и хороводы.

Передъ купаньемъ или послѣ, но въ общественный садъ непременно принято забѣгать послушать сплетни.

У пріѣзжей молодежи для павильона также свое особое прозвище—«рандевушка», очевидно, въ подражаніе «танцующей».

Молодожены Бѣлогривовы уже сидѣли за столикомъ и попивали газированное молоко, когда, переваливаясь, пыхтя и по-

блескивая черными, масляными глазами и большими брильянтами въ ухахъ, приближалась по аллеѣ купчиха Сѣрикова.

Въ одной рукѣ она держала кружевной зонтикъ, въ другой—вѣеръ, которымъ старательно обмахивалась.

Наряды и украшенія были дорогіе, но грубоватые.

— Невѣроятная жарница!—съ негодованіемъ кричала она уже за нѣсколько шаговъ, но, когда подошла, сейчасъ же прибавила:—здравствуйте... пріятно видѣть такихъ голубковъ... Ромео и Юлія...

Однако черезъ минуту вспотѣвшее лицо покрылось красными пятнами, и въ зрачкахъ сверкнула досада.

— Да, вѣдь вы ровно ничего не знаете! Слыхали про Новицкую? Выскочка объявилась.

Элегантная, веселая Бѣлогривова, стройная, съ каштановыми волосами, выступавшими въ художественномъ безпорядкѣ изъ-подъ соломенной панамы, еле сдерживала улыбку.

Влюбленный мужъ, не отрываясь, смотрѣлъ на ея великолѣпные зубы, явно огорченный приходомъ Сѣриковой.

— Новицкую?... кто это?.. Не здѣшняя?..—отрывисто спросилъ онъ вдругъ, больше изъ приличія, чѣмъ изъ любопытства, такъ какъ жена молчала.

Купчиха, повидимому, разстроила ту незначашую бесѣду, которая сама по себѣ, можетъ быть, и ничтожна, но которая нерѣдко бываетъ соткана изъ чуткихъ намековъ, тихихъ воспоминаній,—словно пронизана свѣтлыми, радостными лучами только что начавшагося дня.

— Ахъ, грѣхи тяжкіе! Я вамъ помѣшала... Глупая, я все забываю... Вамъ бы куда-нибудь на необитаемый островъ,—не то шутя, не то съ мягкимъ упрекомъ вырвалось у Сѣриковой:—но все-таки послушайте до конца... Это всѣмъ намъ грозитъ... Что вы думаете? Нужно принимать мѣры. Глафира Андреевна, ступайте сюда, милочка!.. Присядьте... Выскочку Новицкую знаете?.. И вы не знаете!..

Глафира Андреевна и Бѣлогривова перекинулись улыбками, будто показывая, что хорошо понимаютъ другъ друга. Последняя, пользуясь минутнымъ перерывомъ въ разговорѣ, заявила:

— Дорогая Евдокія Парамоновна, вы все чѣмъ-то намъ грозите, а чѣмъ же именно? Мы стораемъ отъ нетерпѣнія...

Въ ея пріятномъ голосѣ слышался подавленный смѣшокъ, который раздражалъ Сѣрикову.

Но тутъ еще подошли общіе знакомые и опять прервали рассказъ,—дѣтскій докторъ Левенштейнъ, беллетристъ Грунинъ, артистка Цесарская и молодой художникъ Борщовъ.

Борщова представили. Онъ только что пріѣхалъ изъ сѣверной Финляндіи.

Бѣлогривовъ рѣшилъ объединить общество.

— Небольшое вниманіе, господа. Достоуважаемая госпожа Сѣрикова, наша именитая...

— Убирайтесь! Вы чепуху мелете. Я сама доскажу... Вы, Ромео, только на шутки и способны. Начну безъ обиняковъ: Новицкую знаете?..

Зналь одинъ докторъ, о чемъ и сообщилъ:

— Во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная дама,—подчеркнулъ онъ съ достоинствомъ, и пытливый взоръ Левенштейна лукаво глядѣль изъ-подъ очковъ на Евдокію Парамоновну:—образованная, деликатная, не чета нѣкоторымъ здѣшнимъ...

— Ну, такъ вотъ-съ эта самая замѣчательно образованная дама,—вскипѣла Сѣрикова, порывисто обмахиваясь вѣеромъ:—занимается ниспроверженіемъ существующаго строя...

— Ого, однако вы ее подъ жестокую статью подводите!—отозвался удивленный беллетристъ и сталъ медленно закуривать папиросу.

Докторъ продолжалъ наблюдать съ оттѣнкомъ ироніи.

Дамы застыли съ напряженными лицами.

Многимъ было неловко.

Художникъ, казалось, выбиралъ группы для жанровой картины, оставаясь пока равнодушнымъ созерцателемъ.

— Вѣроятно, Евдокія Парамоновна, по обыкновенію, слегка сгущаетъ тона,—вставилъ Бѣлогривовъ, покачиваясь на скамейкѣ.

— Да нѣтъ же, вы посудите сами: приказала она своей горничной обойти всѣ ближайшія дачи и пригласить къ себѣ на завтра въ паркъ поваровъ, кухарокъ, лакеевъ, прачекъ... всякій сбродъ. Какъ вамъ это нравится? Намъ, видите, тоже разрѣшается прійти... для совмѣстныхъ развлеченій... чайку попить съ леденцами за копеечку.

Она залилась истерическимъ, крикливымъ хохотомъ, и отъ напряженія ея полная грудь ходила ходуномъ.

Сверкали брильянты; щеки покрывались красными пятнами; зрачки жалили.

Солнечные блики сквозь вѣтки березы весело играли въ золотистыхъ волосахъ красивой артистки, перебѣгали на очки доктора, скользили по коричневымъ ботинкамъ беллетриста, плясали по мягкотѣлымъ, мокрымъ щекамъ сердитой купчихи. Деревья чуть-чуть покачивались, шелестя молодыми листьями, еще не потерявшими своей весенней яркости.

Завязался разговоръ, перешедшій къ горячему спору.

— Да, да, да... Что ни толкуйте, а надъ этимъ стоитъ поразмыслить... Въ подобномъ приглашеніи есть какая-то болѣе глубокая идея, чѣмъ вамъ кажется... И почему собственно вы такъ изволили разгнѣваться?—небрежно панизывалъ слова Грунниль.

Въ его манерѣ объясняться проглядывало что-то напоминающее самовлюбленность. Онъ точно наслаждался звуками собственного голоса.

— Я, конечно,—продолжалъ онъ:—по вашему объясненію еще неясно представляю себѣ, въ чемъ дѣло, но почти догадываюсь, что устраивается нѣчто напоминающее «копартнершипъ»...

Слово это онъ произнесъ съ особенной осторожностью и остановился какъ бы въ недоумѣніи, что никто не приходитъ въ восторгъ отъ его великолѣпной фразы.

— Это что еще за пугало такое? Копарт... тьфу! Сломаешь языкъ,—сердилась Сѣрикова, съ недоумѣніемъводя глазами то вправо, то влѣво.

— Слово послѣдняго фасона... Не пугайтесь, уважаемая,—отвѣчала Бѣлогривовъ.

— Не стыжусь, голубчикъ. Такъ прямо и скажу: хоть убейте, а не понимаю... Не обучалась такимъ мудренымъ словамъ.

— Участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, въ его веденіи и владѣніи имъ... Я и самъ не понимаю, при чемъ же тутъ копартнершипъ!—подхватилъ докторъ, довольно сильно картавя.

— А чтобы показать свою образованность,—вскричала торжествующая Сѣрикова.

Всѣ развеселились.

Артистка прыснула отъ смѣха.

Грунинъ считалъ себя выше какихъ бы то ни было оскорбленій и сталъ что-то медленно цѣдить сквозь зубы о Ллойдѣ, Генри Джорджѣ и о своихъ новыхъ произведеніяхъ, затрагивающихъ рабочій вопросъ.

Тутъ же бѣгали и кричали дѣти.

Казалось, звенѣли колокольчики и отдавались во всѣхъ углахъ сада.

5.

У Новицкой-Безперчей просторная, богато обставленная дача «Отрада» и при ней паркъ.

Это лучшее мѣсто въ Скатахъ, въ приморской части.

По слухамъ, она заарендовала ее на долгій срокъ.

Новицкая живетъ съ племянницей Варей, своей единомышленницей.

Вернувшись отъ Раисы, долго думала Анна Осиповна по поводу ссоры съ нею и все больше и больше убѣждалась въ необходимости сдѣлать что-нибудь крупное въ упорядоченіи взаимоотношеній прислуги и нанимателей, но это *что-нибудь* еще казалось такимъ туманнымъ, хотя для нея и не было сомнѣній, что дальше «такъ жить нельзя».

Добровольное рабство, покупаемое за деньги, въ видѣ найма, считала явленіемъ недопустимымъ для культурнаго вѣка, размышляла и наконецъ надумала сдѣлать въ Скатахъ первый рѣшительный шагъ, какъ пробу, чтобы къ осени выступить въ городѣ уже въ боевой готовности, какъ опытный воинъ.

Предоставляя всевозможныя льготы собственной прислугѣ, она чувствовала, что похожа на тѣхъ помѣщиковъ, которые освобождали своихъ крѣпостныхъ до манифеста 19-го февраля, и знавала, что это такъ до поры до времени и останется частнымъ случаемъ.

Поэтому она пришла къ убѣжденію, что необходимо расширить кругъ своихъ дѣйствій и создать на нѣсколько часовъ сближеніе всѣхъ возрастовъ и сословій.

Первое іюньское *воскресенье*, вѣсти о которомъ принесла въ общественный садъ купчиха Сѣрикова, Новицкая считала первымъ сигналомъ, первой ласточкой и какъ будто немного волновалась.

Въ «Отрадѣ» дѣятельно приготовлялись къ «содружеству», какъ назвала Анна Осиповна свои воскресныя собранія.

Были приглашены нѣкоторые единомышленники изъ города. Горничная Люба объявила, что «многіе будутъ», и загадочно усмѣхнулась.

И вотъ наступило воскресенье, удивительно ясное, безоблачное. Рѣдко выпадаютъ такіе дни.

Деревья не шелохнутся, словно еще не проснулись послѣ душевной ночи.

Въ воздухѣ, согрѣтомъ солнцемъ, пляшетъ игривая мошкара. Дача «Отрада» весело ждетъ гостей.

Открыты ворота парка, заботливо украшенныя гирляндами зелени, обвитой полевыми цвѣтами и маленькими флагами разныхъ національностей. Тутъ же и надпись: «Добро пожаловать!»

На улицѣ толпа оборванныхъ ребятишекъ прыгаетъ, гогочетъ и съ открытыми ртами поглядываетъ на длинную аллею парка, ведущую къ площадкѣ.

Ихъ зазываетъ привратникъ (онъ же дворникъ) Владимиръ, одѣтый въ черный люстриновый пиджакъ съ бутоньеркой въ петлицѣ.

— Чего не идете къ намъ, рты поразѣвали? Ну, шибче, вперегонки! кто кого?—кричитъ онъ имъ изъ-за воротъ и смѣется здоровымъ, безшабашнымъ смѣхомъ вполне довольнаго человѣка.

— А въ драной худобѣ можно?—отвѣчаетъ кто посмѣлѣй, Петька Сирковъ, сынъ пьяницы-столяра, пріѣхавшаго съ юга на заработки.

— Тоже придумаетъ молодчикъ—«худоба»! Какая тамъ худоба?.. Сказано: всѣмъ велѣно, чтобъ шли, ступай, не прекословь,

когда говорятъ старшіе, а то за ухо выдеру, — уже сердится Владимиръ, выходя изъ роли, которую намѣтила для него Новицкая, т.-е. со всѣми быть на «вы», быть предупредительнымъ, просить, а не требовать и т. д.

Но тутъ онъ увидѣлъ двухъ принарядившихся дѣвушекъ, осклабился и сталъ размахивать соломенной шляпой съ пучкомъ ромашки:

— Сюда, сюда, красотки! Развѣ не тутюшнія? забыли, гдѣ ворота?..

И, приходя въ полный восторгъ, затащилъ, прихлопывая каблучками:

«Пожалуйте, сударыни,
Сядьте со мной рядомъ!
Пожалуйте, сударыни,
Наградите взглядомъ!..»

Горничныя хохотали, хватаясь за бока.

— Вы очень даже любезны, дамскіе угодники...

Къ тремъ часамъ начали собираться, но какъ-то нерѣшительно, будто съ опаской, что тутъ не все ладно, оглядывались. Парни, дѣти, дѣвушки, какой-то старикъ, но молодежи было больше, чѣмъ пожилыхъ.

Новицкая-Безперчая съ племянницей всѣхъ встрѣчала, здоровалась, спрашивала имя и у кого кто живетъ.

Иные съ осторожностью отзывались на непривычныя привѣтствія, иные, наоборотъ, радостно пожимали руки у обѣихъ хозяекъ и трясли по нѣсколько разъ, выражая истинное удовольствіе.

— Вотъ и фершалъ притащился... чудило!—обмѣнивался впечатлѣніями съ сосѣдомъ поваръ Спиридонъ Прохвятиловъ.

— Гляди-ка... и кухарка генеральская переваливается... Чисто что ярмонка, ей-ей,—подбавляетъ тотъ, ухмыляясь.

— И Ѳеклушка сбѣжала отъ купчихи... Знаешь ее?

— Ну, какъ не знать, особливо мнѣ! Дѣвка игранная... выжита... а по мнѣ—плевое дѣло... Люблю такихъ! Ухватка хороша. Не дѣвка, а малина,—и въ упоеніи почесалъ затылокъ, потомъ разгладилъ усы, причмокнулъ.

Говорившій служилъ лакеемъ въ томъ же домѣ, гдѣ и поваръ.

На площадкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ, стояли скамейки. Тутъ же была разбита парусиновая палатка съ кипящимъ громаднымъ самоваромъ.

Сначала чувствовалось замѣшательство какъ среди гостей, такъ и хозяекъ. Но когда собралось достаточно народу, а затѣмъ поприходили и кое-какіе дачники и дачницы, Новицкая-Безперчая приказала Владимиру поднять шестъ съ бѣлымъ кускомъ матеріи, гдѣ выдѣлялась надпись красными буквами: «Да здравствуетъ содружество!» и водрузить у палатки.

Говоръ стихъ. Съ минуту еще казалось, что въ воздухѣ дрожать чьи-то голоса.

Новицкая обратилась къ присутствующимъ съ краткимъ словомъ:

— Друзья! «Содружество» это соединеніе для какой-нибудь одной цѣли, для совмѣстнаго достиженія какихъ-либо общихъ благъ. Понимаете меня?

Кто-то произнесъ:

— Какъ не понять?.. Понимаемъ, сударыня, оченно даже великолѣпно.

— Теперь у насъ общая маленькая задача: мы будемъ собираться разъ въ недѣлю по воскресеньямъ въ этомъ саду, отъ двухъ до семи. Каждый, въ томъ числѣ и я, и моя племянница будемъ получать за четыре копейки пять чашекъ чаю, два куска сахара, пять леденцовъ и кусокъ ситнаго хлѣба. У насъ образуется общій капиталъ, который окупить расходы. Имѣйте въ виду, что вы здѣсь такіе же хозяева, какъ и я. Не нужно никакой благотворительности! Имѣйте у себя въ карманахъ только по четыре копейки. Большихъ тратъ не разрѣшается дѣлать. Всякій за себя платитъ. Приучайтесь къ самостоятельности! Будемъ выбирать казначейшу. Сами наливайте чай, сами мойте посуду. Иногда будемъ слушать лекціи, иногда будемъ чему-нибудь учиться, а пока веселитесь, пойте и танцуйте. Ура! «Содружество» открывается...

Грянуло «ура!» и вверхъ полетѣли шапки, картузы, платки. Выбрали казначейшу—хозяйкину племянницу, Варю, и началось чаепитіе.

— Ну-ка, госпожа кастирша, отпусти-ка чего полагается, на примѣрно вотъ леденчиковъ да чайку съ булочкой,—протискался съ прибаутками старикъ (изъ разносчиковъ) и полѣзъ въ карманъ за мѣдными:—извѣстно, торговля по человѣку... Намъ хватить! а господамъ—жидковато, небось...

Гости дѣлались все болѣе и болѣе непринужденными, кто наигрывалъ на гармоникѣ, кто подпѣвалъ, подтанцовывалъ. Державшіеся поодаль дачники тоже какъ будто чувствовали себя свободнѣй.

— Ты, что же, малышъ, ничего развѣ не возьмешь?—спросилъ Грунинъ, замѣтивъ Петьку Сиркова, жадно слѣдившаго, какъ разбирались леденцы.

— А грошей нема, тятка не далъ.

— Вотъ тебѣ, покупай.

— Ахъ, зачѣмъ! Пожалуйста, впередъ не поступайте такъ. Это приучаетъ къ попрошайничеству, развращаетъ и совсѣмъ идетъ въ разрѣзъ съ задачами «содружества»,—довольно строго сказала Новицкая-Безперчая, слышавшая разговоръ беллетриста съ мальчикомъ, и, обращаясь къ Петькѣ, добавила:—а васъ пускать не велю, если станете выпрашивать.

Завязался споръ.

Грунинъ доказывалъ, что не дать мальчику денегъ значить пробудить въ немъ зависть и прочіе пороки, утверждалъ, что задачи «содружества» не могутъ уживаться съ тѣмъ, что среди сытыхъ стоитъ голодный и скалить зубы, какъ волкъ на добычу.

— Не этично и не эстетично,—закончилъ онъ съ сухимъ поклономъ.

Новицкая отстаивала свою мысль, совсѣмъ обратную, приравнивая свои воскресныя собранія къ школѣ для воспитанія нравовъ.

Въ это время важно подплыла Сѣрикова, непремѣнно пожелавшая лично убѣдиться въ томъ, какъ «высковка занимается ниспроверженіемъ существующаго строя».

— Извините, не имѣю чести знать вашего имени-отчества, могу ли я задавать вопросы?—обратилась она къ Аннѣ Осиповнѣ, жеманно выпячивая нижнюю губу и сердито поблескивая зрачками.

— Отчего же, сестрица! Я весьма рада.

«Сестрица—каково!—подумала купчиха:—и я сестрица, и моя Оеклушка—сестрица, и поваръ какой-нибудь—мой братецъ...»

Она сердилась, и въ такія минуты лицо ея могло сразу постарѣть; но Сѣрикова сейчасъ же подтянулась, стараясь разгладить набѣжавшія морщины.

— Сестрица—такъ сестрица... не убудеть... Вотъ вы понасбировали нашихъ прислугъ, не сказавъ намъ ни словечка... И что же, по-вашему, это такъ и законно, по-божески?.. Оеклушку я, положимъ, сегодня добровольно отпустила погулять. Тутъ ужъ моя прихоть... да-съ...

Молодой художникъ Борщовъ въ это время спѣшилъ зачертить въ свой карманный альбомъ танцующія пары.

Въ сторонѣ отъ палатки мало-по-малу стали переходить къ танцамъ подъ гармонику.

— Не волнуйтесь, сестрица. Давайте говорить хладнокровно.

— Ахъ, да какъ же, ежели онѣ вотъ гдѣ у насъ сидятъ!—и купчиха показала широкимъ взмахомъ пухлой руки съ кольцами себѣ на шею.

— Погодите... Не онѣ, а мы во всемъ виноваты,—отражала удары Новицкая, сохраняя прежнее самообладаніе, и сдѣлала шагъ къ Сѣриковой:—не будьте слѣпой, какъ кротъ! Поймите же, что домашняя прислуга тѣ же крѣпостные. Это какой-то добровольный кадръ бѣлыхъ рабовъ и невольницъ.

Сѣрикова пыталась перебить. Лицо ея покрылось багровыми пятнами.

— А, вотъ вы куда гнете! Кучеръ Степанъ—рабъ? Кухарка Домна—невольница! Держи карманъ шире! Ульяшка...

Анна Осиповна тоже возвысила голосъ, и въ немъ зазвучали властныя струнки.

Художникъ оставилъ танцующихъ и приготовлялъ новые наброски.

Грунинъ ловилъ каждое слово.

Толпа любопытныхъ густо оцѣпила спорившихъ.

— Развѣ у нихъ есть личная жизнь?.. Съ ранняго утра уже на ногахъ. Имъ некогда что-нибудь сдѣлать для себя, все для насъ... И такъ цѣлый день до глубокой ночи. Даже и ночью приходится служить. Изю дня въ дѣнь одна и та же холопская канитель съ самыми унижительными работами, подчасъ съ попираніемъ человѣческаго достоинства. Согласитесь, въ этомъ прямо какое-то проклятье, какой-то вѣчный ужасъ... Есть надъ чѣмъ поразмыслить.

Сѣрикова пѣнилась и клекотала.

Ея злоба искала выхода и выбрасывала гнѣвныя брызги, какъ стоящій на пылающей плитѣ переполненный кипящей водою кубъ.

— Дождались!.. дожили!..—безсвязно лепетала она, ища поддержки въ окружающихъ:—да мы-то зачѣмъ?.. да онѣ-то зачѣмъ?.. да какъ же это?.. Съ бухты-барахты... какъ снѣгъ на голову. А я такъ понимаю и вы, Христа ради, не выдумывайте... Домашняя прислуга—для насъ, для господъ, стало ей и нужно быть вѣрной хозяйевамъ, оказывать почтеніе и повиновеніе, не фыркать, не грубить, усердно служить, не покладая рукъ, отвѣчать за убытки, доносить, ежели кто изъ челяди злоумышляетъ супротивъ насъ. Еще въ евангеліи сказано...

— Вишь, какъ расходилась, раскудахталась!—послышалось изъ толпы:—кураца яйцо снесла... Цыпъ-цыпъ...

— Такъ и клямкаетъ зубами... Эхъ ты, мошна купецкая!

Сѣрикова окончательно разсвирѣпѣла.

— Не тычь, говорю тебѣ!.. Ты мнѣ не мужъ, покойный Иванъ Кузьмичъ!..—уже не помня себя отъ гнѣва, выкрикивала она, бросаясь во всѣ стороны, чтобы найти обидчика:—знаемъ теперь это ваше хваленое «содружество»!.. За три версты объѣзжать будемъ, шутъ съ нимъ!—и при общемъ смѣхѣ и веселыхъ восклицаньяхъ она такъ скоро, насколько позволяло ея тучное тѣлосложеніе, отскочила отъ площадки и затерялась въ гущѣ деревьевъ и кустарниковъ.

Новицкой было и грустно и досадно. Но и она не могла сдерживать невольной улыбки, пробѣжавшей по ея нервнымъ, блѣднымъ губамъ.

— Малосознательная еще,—вполголоса какъ бы уронила Анна Осиповна:—сколько такихъ! Только о себѣ думаютъ... Мы ихъ вразумимъ... Дайте срокъ...

Невольно вспомнила при этомъ Раису Степановну и призадумалась.

«Задача нелегка... нелегка»...

Артистка Цесарская выдвинулась изъ толпы,

— Мнѣ хотѣлось бы знать, — обратилась она къ Аннѣ Осиповнѣ: — какъ вы раскрѣпощаете собственную прислугу. Сознаюсъ вамъ, очень сочувствую вашимъ планамъ, но не въ силахъ обойтись, хоть на полдня, безъ услугъ горничной и кухарки...

Умѣнье держаться на сценѣ помогало ей и въ жизни, и всѣ ея позы отличались необыкновенной стилистичностью, грудной голосъ — выразительностью, жесты — пластичностью, а изящное лицо подкупало зрителей виѣшностью.

— О, у меня теорія и практика не враждуютъ! Я перешагнула проклятый Рубиконъ. Все такъ просто: у меня прислуга приходящая, какъ за границей. Часы работы строго установлены. Если она остается позже условнаго часа, — я оплачиваю особо. Пища одинаковая съ моею, а не объѣдки съ «барскаго стола». Жалованье вполне приличное. Полтора дня въ недѣлю въ ея распоряженіи.

— Вы, стало-быть, гдѣ-нибудь объѣдаете тогда? — спросила немного озадаченная артистка.

— Зачѣмъ? Все готовится заранѣе. Остается только разогрѣть на спиртовкѣ. Я съ племянницей въ такіе дни чувствую себя не хуже, чѣмъ вы, даже навѣрно лучше васъ. Мы ни отъ кого не зависимъ. Для насъ и для нихъ — одинъ принципъ, это: свобода личности. У насъ семья, и у нихъ должна быть семья. Мы гуляемъ, и они должны гулять. Мы любимъ чистоту, и у нихъ все должно быть для этого, а не такъ, какъ теперь, когда горничной некогда даже умыться. Да нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ и понятія о самой обыкновенной гигиенѣ. Жить бокъ-о-бокъ съ некультурнымъ классомъ и не давать ему улущаться, вѣдь, это же, посудите, намъ прямая угроза!

— Приходящая прислуга не есть ли это проявленіе скрытаго эгоизма со стороны нанимателя? — опять вступилъ въ споръ Грунинъ, любовно прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса: — отмахалъ свое время и ступай на всѣ четыре стороны. Но тутъ и другое: прислуга, живущая гдѣ-либо въ подвалѣ и въ углахъ, можетъ занести всякую заразу въ домъ. Приходящая прислуга — почти отрѣзанный ломоть... Рвутся моральныя связи. И число рабочихъ часовъ — опять-таки это несправедливо. Развѣ это фабрика!.. Еще лишній козырь въ нашихъ рукахъ! Въ обыкновенномъ домѣ прислуга работаетъ, какъ ей заблагоразсудится, «съ прохладцей», а въ нашемъ неомодернскомъ домѣ — по точно распisanному ритуалу, вѣроятно, безъ отдыха, съ кровавымъ потомъ...

По привычкѣ беллетристъ смаковалъ каждое свое слово, ждалъ одобренія и совершенно забылъ, къ чему собственно началъ говорить.

— Мрачный взглядъ на вещи, — сдержанно перебила его Новицкая-Безперчая: — конечно, дурное и хорошее сопровождается всякое дѣло, всякое предпріятіе. Предложите тогда свою систему.

Но Грунинъ промышаль что-то неопредѣленное, пожалъ плечами и ступевался.

Разгулявшіеся на полянѣ вели подь музыку хороводъ. Затѣмъ перешли къ «зайнкѣ».

Пары кружились и пѣли:

«Зайнка, гдѣ ты былъ-побываль?
Сѣренькій, гдѣ ты былъ-побываль?
Ахъ ты, зайнка-горностаинька!
Зайнка мой бѣленькій,
Бѣленькій мой, сѣренькій,
Гдѣ ты, гдѣ ты, зайка былъ,
Гдѣ ты, сѣрой, побываль?..»

Лакей Кондратъ увидѣлъ, какъ поваръ Прохвятиловъ кружится съ Оеклушей, и замыслилъ потѣху.

— Надоть ихъ разоздрить.. Пойду-ка рушить «зайнку»,— весело крикнулъ онъ засмотрѣвшемуся почтальону и спрятался въ толпѣ.

Едва пѣсня дошла до словъ:

«Заюшка, утекати пора,
Сѣренькій, цѣловати пора,
Цѣловать-миловать,
Крѣпко къ сердцу прижимать»,—

какъ съ гикомъ и рѣзкимъ посвистомъ, размахивая громадными руками, ворвался Кондратъ въ средину танцующихъ, разметаль пары, выхватилъ Оеклушу какъ разъ въ то время, когда Спиридонъ собирался ее обнять, и умчался изъ круга.

Это вышло такъ неожиданно, съ такой поразительной ловкостью, что никто не успѣлъ его задержать.

— Молодчага! — хихикалъ старикъ-садовникъ, разговаривая съ казначейшей Варей:—деревню нашу вспомнилъ. Мы земляки съ Кондратомъ, изъ Вологодской. У насъ завсегда въ деревнѣ славутники рушатъ «зайнку». Молодчага!

Когда наступило семь часовъ, Новицкая попросила желающихъ нести до воротъ знамя «содружества».

Сама она шла сзади, а поодаль двигались пѣсенники и пѣли:

«Охъ ты, поле мое, поле чистое!»

Многіе подтягивали.

— Нужно сочинить пѣсню въ честь «содружества»,—обмѣнивались мыслями художникъ Борщовъ и артистка Цесарская.

Вечернее солнце радостно освѣщало оживленные лица.

Остановились у воротъ. Прощались.

Улица, наполненная дачниками и случайными прохожими, изумленно разсматривала небывалую картину.

Улица привыкла къ рутинѣ, и все необычайное пугало ее.

Урядникъ покручивалъ усы, длиннѣйшіе рыжіе, и что-то соображалъ.

— Вишь, прицѣлился! Разганивать думаетъ,—кто-то острилъ.

6.

Борщовъ медленно шель по берегу залива и глядѣлъ вдаль.

Прибой волнъ напоминалъ бесконечно вертящійся винтъ.

Далеко, гдѣ, казалось, море сходилось съ небомъ, бѣлѣлъ, чуть двигаясь, рыбацій парусъ.

Въ сторонѣ отъ Борщова раздавались крики и веселый смѣхъ купающихся.

Художникъ стоялъ спиной къ людной части берега; тамъ въ купальные часы была постоянная сутолока.

Все тѣ же лица незамѣтно совершали обычный кругъ дѣйствій: лежали на песокѣ, ухаживали, читали, сплетничали, плавали, барахтались въ водѣ, фотографировали, уѣзжали и пріѣзжали на лодкахъ.

Двѣ красивыя яхты больше для виду, чѣмъ для морскихъ экскурсій, стояли на якоряхъ, однообразно покачиваясь съ боку на бокъ. Собственники съ какой-то загадочной дѣловитостью ежедневно отправлялись на лодкахъ къ своимъ яхтамъ, что-то осматривали, постукивали, привинчивали и отвинчивали, потомъ благополучно возвращались на берегъ, будто совершивъ какой-то необыкновенно важный шагъ. При этомъ въ корзинахъ, что они съ собой привозили съ яхтъ, часто находились пустыя бутылки изъ-подъ пива, коньяку и другихъ крѣпкихъ напитковъ.

Такъ какъ мужчины и женщины одѣвались въ купальные костюмы, которые позволяли имъ совмѣстное плаванье,—въ Скатахъ создался особый «морской флиртъ».

Борщовъ долго любовался винтообразной волной и зачерчивалъ въ карманный альбомъ минутныя впечатлѣнія глаза, пока не окликнулъ его студентъ Дѣдовскій, начинающій поэтъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Николай Тюльпановъ».

— Вы знаете, мой милѣйшій собратъ по искусству (живопись и поэзія—двѣ сестры!), я пораздумалъ послѣ вашихъ словъ и набросалъ «пѣснь содружества». Всю ночь просидѣлъ надъ ней. Въ этой темѣ можно почерпнуть нѣчто для вдохновенія... И, знаете, такъ торжественно выходитъ подъ музыку.

— А ну-ка, валяйте... Что тамъ у васъ такое вылилось? Значить, захватило?—говорилъ довольно небрежно художникъ, закрывая парусиновый альбомъ и пряча его въ карманъ:—ну, сыпьте,

сыпьте!.. Я весь — вниманіе, пока никого вблизи. Пойдемъ, не сѣша, къ публикѣ, а вы тѣмъ временемъ отмахаете.

Студентъ читалъ съ напыщенной интонаціей, съ искусственными пониженіями и повышеніями голоса.

— Давайте, постоимъ на одномъ мѣстѣ; на ходу я, знаете, не въ состояньи.

И онъ началъ снова:

«Мы—вольныя птицы, изъ клѣтокъ летимъ,
 Поемъ и кружимъ на свободѣ.
 Вчера на работахъ, сегодня горимъ
 Весельемъ въ живомъ хороводѣ.
 Забыты печали, забыта тоска...
 Все кончено съ прежнею долей!
 Есть твердая грудь, есть стальная рука
 И сердце, зажженное волей.
 Счастливая доля не въ хлѣбѣ одномъ,
 Утѣха не въ звонкомъ червонцѣ...
 Товарищи, смѣло впередъ за лучомъ!
 Намъ свѣтитъ привѣтливо солнце.
 Богатымъ и бѣднымъ сияетъ равно
 Его благодатное пламя...
 Впередъ же, впередъ! Это солнце давно
 Для насъ—путеводное знамя»...

Незамѣтно подошедшій беллетристъ прервалъ чтеніе.

— Достаточно, молодой человѣкъ,—слишкомъ достаточно, право!.. Общія мѣста... Чего только здѣсь не нагромождено!.. Гдѣ тѣ простые слова, которые отличаютъ наши народныя пѣсни?.. Да тутъ и никакого «содружества» не чувствуется. «Содружество»—не смута, а вы къ чему-то призываете! Забудьте политико-экономическіе мотивы и прислушайтесь къ сердцу... И напѣвъ «марсельезы» тоже неумѣстенъ... Вы еще придумали бы «карманьолу» или «са іга!» Куда понятнѣй и ближе некрасовскій стихъ «Коробейниковъ»! Помните:

«Ой, полна, полна коробушка,
 Есть и ситцы и парча.
 Пожалѣй, моя зазнобушка,
 Молодецкаго плеча!»

Вотъ и написали бы на эти слова, а то «червонцы» (вмѣсто копеекъ!), «солнце», «знамя»... Эхъ, молодой человѣкъ! Одни выверты, а настоящего мяса и нѣтъ.

Когда беллетристъ говорилъ, ему казалось, что передъ нимъ цѣлая аудиторія восторженныхъ слушателей.

Имя Грунина пользовалось уваженіемъ среди молодыхъ читателей, и студентъ, хотя и не соглашался, но возражалъ безъ рѣзкости, какъ бы извиняясь, а затѣмъ все-таки внезапно разсердился:

— И пускай тогда остаются безъ поэзіи!.. Мнѣ-то что... знаете...

«истор. вѣст.», июнь 1914 г., т. сxxxvi.

12

Художникъ и Грунинъ посмѣивались.

— Народъ самъ сочинить. У него творчество бьетъ изъ нутра, а у васъ ползеть изъ мозга,—замѣтилъ Борщовъ въ примирительномъ тонѣ; однако вышло опять не особенно лестно для автора.

Они сосредоточенно прошли по берегу, каждый занятый своими мыслями, легли на песокъ, размечтались.

Дѣдовскій хмуро смотрѣлъ въ сторону, гдѣ купались три приятельницы, позирующія передъ дачной публикой.

Какъ ловкія гимнастки, онѣ кувыркались и дѣлали разные фокусы въ водѣ.

— Рѣшительно запрещаю тебѣ глазѣть на этихъ трамбовокъ,—недовольно сказала, почти крикнула Бѣлогривова, замѣчая, что мужъ, не отрываясь, глядитъ на нихъ въ бинокль:—встану и уйду.

— Это похоже на ревность. Онѣ сложены, какъ богини. Ты и на «содружество» не пошла тоже изъ ревниваго чувства... боялась, что я приволочнусь за какой-нибудь аппетитной бонной.

— Еще чего!.. Фи, пошлость!.. Вонъ твое «содружество» уже посягло сѣмена... Глафира Андреевна рассказывала, что у Степановыхъ совсѣмъ скандалъ вышелъ: подаетъ Поля умываться барину и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взяла и погладила его по головѣ. «Какіе у васъ густые волосы, какъ шапка»,—это она говоритъ ему! Ну, разумѣется, m-me Степанова сейчасъ же ей расчесть, и сидитъ безъ прислуги... Это «содружество»!

Бѣлогривовъ сталъ волноваться.

— Не ожидалъ найти въ молодомъ существѣ такія отсталыя понятія.

Между Ромео и Юліей выростала стѣна.

7.

Сонное озеро очнулось.

На дачѣ у богатаго купца, построенной на горѣ и возвышавшейся надъ озеромъ въ видѣ какой-то пагоды, справлялись именины. Военный оркестръ, выписанный изъ города, гремѣлъ съ восьми часовъ, разнося кругомъ звуки мазурки, вальса, венгерки.

Домъ и садъ именинника сіяли въ разноцвѣтныхъ фонаряхъ, которые отражались въ водѣ прездничными, ликующими огнями. Дачники-домосѣды собрались на берегъ. Поприходили и изъ приморской части. Устроилось гулянье. Замелькали лодки. Оркестръ переигралъ всѣ танцы и народные мотивы, подъ крики «ура» по нѣсколько разъ повторялъ тушь, обрывая на срединѣ начатую пьесу, и снова возвращался къ шаконамъ, краковьякамъ и вальсамъ.

Раиса Степановна, какъ всегда, сидѣла на пристани, слушая и созерцая. Мягкій вечеръ волновалъ ее, опьянялъ, и она жадно впивала влажный, душистый воздухъ озера.

Ее забавляли переливы цвѣтовъ, когда какая-нибудь лодка попадала въ свѣтовую линію огней и съ поднятаго весла стекала то кровавая струя, то зеленая, то синяя, то волна расплавленнаго золота, если гребецъ задѣвалъ вдругъ лунную дорожку и неподвижно застывалъ на минуту.

Время летѣло. Раиса Степановна не замѣчала подкравшейся прохлады, охватывавшей ее тонкими змѣйками тумана, только раза два кашлянула и слегка ощутила неприятное покалыванье въ горлѣ. Потомъ это какъ будто прошло.

Задорный кэкъ-уокъ, долетавшій съ веселой горы, увлекъ ее и заставилъ забыть неприятное чувство боли.

Безшабашный разгулъ негрскаго танца, какъ бы задержанный преградой европейской салонной чопорности, возбуждалъ, дразнилъ издали, но не подпускалъ къ себѣ и, на мигъ затихая, опять внезапно вырасталъ и въ сладострастномъ порывѣ звалъ и притягивалъ, чтобы вновь оттолкнуть, пока, наконецъ, обезсиленная пара не соединялась въ вихрѣ упоенья.

Кулиничъ пріѣхалъ поздно, съ послѣднимъ поѣздомъ и очень удивился, заставъ жену надъ озеромъ. Она куталась въ шаль.

Оркестръ еще наигрывалъ, но не съ прежнимъ рвеніемъ, словно уставъ. Звуки пошаливали, плохо повинуюсь дирижеру.

Ключья разорвавшагося тумана окружали дачу купца фантастической дымкой. Лодокъ уже не было; толпы гуляющихъ сильно порѣдѣли, и озеро погружалось въ обычную дремоту, еле-еле отражая тусклые огни.

— Раиса, вѣдь, ты простудишься... Боже мой, да у тебя руки ледяныя!

— Маленькій ознобъ... Ничего, пройдетъ. Я не знаю, что со мной... и голова какъ свинцомъ налита. Я хотѣла послушать музыки, а дома такая скука... и разныя мысли беспокоять... Вспомнилась Люси... ну, и многое... Понимаешь?..

Она едва говорила сдавленнымъ, глухимъ голосомъ и боялась признаться почему-то, что въ горлѣ у нея появилась острая, мучительная боль.

Кулиничъ, можетъ быть, впервые за все время, какъ онъ сошелся съ женою прежняго пріятеля, не подозрѣвая объ ея болѣзни, бросилъ вскользь, но съ явнымъ желаніемъ уколотъ, прозрачный намекъ.

— Старая любовь не ржавѣетъ... Не написать ли Веніамину, чтобы вернулся?.. Повидимому, онъ выздоровѣлъ, какъ мнѣ писалъ его товарищъ. Со мной, вѣдь, ты, право, только такъ... изъ милости... насилуешь себя, прикидываясь влюбленной... Ты его любишь!..

Она слабо улыбнулась какой-то виноватой улыбкой, что хотѣла сказать, подняла руку и беззвучно, какъ подкошенная, упала на мокрую траву тутъ же у пристани.

«Что я надѣлалъ!»—пронеслось въ головѣ Кулинича, и онъ старался незамѣтно поднять Раису Степановну, чтобы не обратитъ вниманія постороннихъ.

Прошла недѣля, а Раиса не поправлялась, пожелтѣла, осунулась; большіе, воспаленные глаза, окаймленные густыми, черными рѣсницами, словно запали въ глубину, горя страннымъ, стальнымъ блескомъ.

Докторъ, покачивая курчавой, сѣдой головой, неоднократно намекалъ Кулиничу на утомленіе сердца и на расшатанность нервной системы.

— У вашей супруги что-то на душѣ,—не разъ говорилъ онъ и многозначительно поднималъ брови.

Съ ней все чаще дѣлались по ночамъ приступы удушья.

На особнякѣ Кулинича легла какая-то унылая тѣнь.

Въ громаднхъ, пустыхъ комнатахъ или никого не было видно по цѣлымъ часамъ, или мелькали озабоченныя лица Кулинича, доктора, сидѣлки.

Тихіе шаги, робкій порохъ, разговоръ вполголоса, опущенныя шторы...

И погода вдругъ перемѣнилась,—стояла пасмурная, вѣтреная, съ пронизывающими осенними дождями, непохожая на начало іюля.

Дорожки сада были усыпаны, какъ снѣгомъ, обильнымъ цвѣтомъ рябины.

Тоскливымъ безмолвіемъ вѣяло отъ озера.

Лежить Раиса Степановна среди подушекъ, въ полузабытьѣ, и вотъ ей чудится, будто съ быстротой молніи ее что-то уноситъ внизъ. Она желаетъ кричать и не въ силахъ.

Мракъ, мракъ, и вотъ внезапно очнулась, оглядѣлась...

Она въ чудной долинѣ, среди тропической, сказочной природы, съ яркой, изумрудной зеленью, въ золотыхъ лучахъ. Безграничный просторъ съ одной стороны, съ другой горы, уходящія въ бирюзовую синеву, дивные мосты, переброшенные черезъ кристалльные потоки. Пронизывающее благоуханіе цвѣтовъ разносится въ легкомъ, прозрачномъ воздухѣ, но кругомъ какая-то мертвая, нечеловѣческая тишина.

Раиса въ толпѣ невѣдомыхъ существъ, одѣтыхъ въ свѣтлыя шали, съ покрытыми лицами, и всѣ они какъ-то безшумно скользятъ, устремляясь куда-то въ пространство.

Съ разныхъ концовъ—съ долины, съ горъ, съ мостовъ подвигается шествіе... Раиса идетъ безъ устали, увлекаемая толпой.

— А это что такое?—рѣшается она спросить у одной изъ движущихся фигуръ въ тогѣ.

— Земля,—раздается короткій отвѣтъ,

Раиса остановилась, чувствуя волнение, и начала всматриваться.

Наверху, среди скалистых, диких уступовъ возвышалось зданіе наподобіе античной колоннады.

«Тамъ—люди... Тамъ и я жила»,—мелькаетъ у нея въ головѣ мгновенная мысль, и ей кажется, что она видитъ знакомыхъ, дорогихъ когда-то людей.

Вотъ мужъ, далекій... ея первая любовь...

«Веніаминъ!.. Онъ замѣтилъ меня... машетъ рукой...»

И она бросилась къ скалѣ, цѣпляясь пальцами за гранитные уступы. Ее никто не удерживалъ, и только чей-то голосъ долетѣлъ до Раисы жалобнымъ, отдаленнымъ стономъ:

— Несчастная, зачѣмъ ты покидаешь насъ? Развѣ тебѣ еще не надоѣло горе?

Бѣглянка взбиралась съ страшными усилиями, до крови раздирая пальцы, минутами едва не обрываясь; наконецъ ей протянули сверху длинный канатъ. Она подымалась, карабкалась, какъ ловкій акробатъ, и мягкій свѣтъ умирающаго дня обливалъ ее оттуда, съ земли, розовыми тѣнями.

— Рая, Рая! Вернулась!..—послышался ей пламенный шопоть мужа, когда она приблизилась къ цѣли, и ее поднимали чьи-то крѣпкія, мускулистыя руки.

Раиса Степановна проснулась, повела глазами и закашлялась. Табачный дымъ, крѣпкій и ѣдкій, душилъ ее. Она пробовала разогнать его и махнула рукой, даже немного привстала, еще тая въ недоумѣвающимъ взорѣ слѣды пережитаго сновидѣнія.

Большая удивилась. Тропическая природа и этотъ крутой откосъ, по которому она только что взбиралась, какъ и не бывали. Она опять въ своей спальнѣ, у тихаго, грустнаго озера.

Вонъ столикъ, заставленный батареями лекарствъ; тутъ помѣщалась сидѣлка, но ея теперь нѣтъ, должно быть, вышла...

«Кто же здѣсь курить?» пробѣгаетъ мысленный вопросъ у Раисы. Она рѣзко повернулась и застыла въ изумленіи и страхѣ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати сидѣлъ на стулѣ, развалиясь, довольно странный посѣтитель.

Въ небрежной позѣ, положивъ ногу на ногу, блѣдный, худой, съ пронической, полупрезрительной усмѣшкой на безкровныхъ губахъ и съ наглымъ, холоднымъ взглядомъ, безукоризненно одѣтый во все черное, въ туго накрахмаленномъ, бѣлоснѣжномъ воротничкѣ и лакированныхъ ботинкахъ (Раиса Степановна запомнила до мельчайшей подробности его туалетъ), незнакомецъ медленно курилъ, окружая ее облакомъ дыма, и безпрестанно покручивалъ тощіе, бѣлокурые усы.

— Зачѣмъ курите? Не надо курить... Кто вы?—спрашиваетъ она, чувствуя на себѣ тяжелые, неподвижные глаза, и грудь ея надрывается отъ кашля.

Молчаливый поcѣтителъ не двигается и еще сильнѣе обкуриваетъ ее.

Раиса Степановна не выдерживаетъ.

— Я позову мужа, если вы не уйдете. Убирайтесь! Веніаминъ, Веніаминъ!.. Господи!.. Веніаминъ!..

Кулиничъ и сидѣлка прибѣжали изъ разныхъ дверей съ испуганными лицами.

— Ты слышишь—пахнетъ табакомъ? Веніаминъ...

— Успокойся, Раиса... Во-первыхъ, я не Веніаминъ, а Михаилъ.. Во-вторыхъ, это докторъ закурилъ въ гостиной; ожидалъ, когда ты проснешься. Ты спала шесть часовъ, какъ убитая. У тебя видъ гораздо лучше. Дай-ка, поставлю термометръ. Неужели тебя разбудилъ запахъ сигары?.. Какъ онъ сюда добрался?.. Какая досада!— и онъ съ неудовольствіемъ взглянулъ на сидѣлку.

— А господинъ?.. Тутъ сидѣлъ господинъ,—встревоженно говорила больная, боязливо осматриваясь по угламъ, но никого не было.

Съ этого дня Раиса Степановна стала поправляться.

Докторъ, узнавшій какъ-то въ разговорѣ о снахъ, видѣнныхъ ею во время болѣзни, ограничился вопросомъ, въ которомъ сквозило безпокойство:

— И вы часто видите такіе кошмары?

— Нѣтъ, не часто... Лишь дважды я видѣла.

— Да... да... Знаете, голубушка, уѣзжайте-ка вы съ этого проклятаго озера. Вамъ здѣшняя атмосфера не полезна.

Она загадочно усмѣхалась и ничего не отвѣчала на такіе совѣты.

Сонъ какъ будто вновь сблизилъ ее съ Веніаминомъ и на сердцѣ сдѣлалось легче.

Она чувствовала, что мужъ еще не умеръ для нея.

И сказала разъ Кулиничу:

— Миха, я простила его. Пускай пріѣдетъ повидаться, поговорить... Прости и ты, что мучу тебя... Скверная я...

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ С. Н. ШУБИНСКАГО.

I.

Взгляды Шубинскаго на исторію.—Старые и молодые годы писателей.—Не привилегія прошлаго, а прогрессъ цѣненъ въ идеалахъ народа и интеллигенціи.—Связь съ народомъ ранѣе и одиночество современной интеллигенціи.—Взглядъ Шубинскаго на «Историческій Вѣстникъ» и «лѣвую» литературу.

ВРОШЕЛЪ уже годъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Сергѣй Николаевичъ Шубинскій (28-го мая 1913 г.), и невольно хочется помянуть покойнаго писателя и редактора «Историческаго Вѣстника» добрымъ словомъ. Его собственныя произведенія («Собраніе анекдотовъ о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ», «Историческіе рассказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій», «Придворный бытъ и забавы императрицы Анны Іоанновны», «Придворные шуты и шутовскія свадьбы въ царствованіе Петра Великаго», «Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени» и т. д.)—представляютъ собою работу по многимъ источникамъ, не претендующую на творчество.

Привычка къ подобнаго рода работамъ невольно отражалась и на взглядахъ Шубинскаго на исторію.

— Всякая исторія народа или выдающагося человѣка,—говорилъ онъ не разъ—пишется по чужимъ источникамъ и изслѣдованіямъ. Самому нельзя сочинять XVI вѣкъ, а надо изучить его ли-

тературу. Такимъ образомъ, историкъ всегда очень мало самобытенъ. Онъ работаетъ по чужимъ трудамъ, и его міросозерцаніе не играетъ большой роли въ его произведеніи.

Когда, однажды, въ печати появился отрицательный отзывъ объ исторіи русской литературы одного изъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» и авторъ обвинялся за работу по чужимъ книгамъ, Шубинскій протестующе спрашивалъ:

— А какъ же иначе работать историку? Не сочинять же ему самому «исторію». Онъ не можетъ обойтись безъ широкихъ заимствованій и невольно склоняется къ чужому авторитету...

Независимо отъ этого случая, приходилось иногда говорить ему, что исторія неразрывно связана съ социологіей, что первая даетъ матеріалъ для социологическихъ обобщеній о томъ, какъ надо людямъ жить и какъ не надо; что творчество автора и заключается въ умѣнни одухотворить чужой матеріалъ самостоятельно, въ умѣнни читать его безъ подсказки, а на свой страхъ и рискъ. Такъ создавались самостоятельныя школы историковъ Карамзина, Погодина, Костомарова, Ключевского и т. д. Шубинскій продолжалъ говорить свое...

— Въ исторической жизни все относительно, и въ ней нѣтъ точныхъ основъ морали,—замѣчалъ онъ.—Какія тутъ «основы», когда жизнь постоянно идетъ впередъ, и все въ ней измѣняется. У насъ не имѣется достовѣрной исторіи... Въ ней все субъективно. Одинъ и тотъ же фактъ двое людей расскажутъ иначе. Соберитесь пять-шесть человѣкъ вмѣстѣ посидѣть вечеркомъ, и пусть завтра каждый напишетъ объ этомъ вечерѣ свое воспоминаніе. Всѣ напишутъ разно... Какая же исторія вечера?.. Какой же это матеріалъ для безспорныхъ и обязательныхъ выводовъ? Исторія—это собраніе относительныхъ понятій о происшествіяхъ, характерныхъ для быта и нравовъ, но безъ обязательныхъ выводовъ о прогрессѣ.

На молодой задоръ своихъ сотрудниковъ объ обязательности идеаловъ, за которые борется человѣчество и постепенно достигаетъ ихъ, Шубинскій, самъ склонный къ добру, грустно отвѣчалъ:

— Тяжело жить въ мои годы при литературѣ. Семьдесятъ слишкомъ лѣтъ даютъ себя знать... Въ молодомъ много уже не понимаешь, а старое противно... Но послѣднее ближе мнѣ, и самъ я принадлежу старому времени. Зачѣмъ же тянуться впередъ, когда оно не ясно мнѣ? Мы, русскіе люди, боимся итти впередъ и даже въ трамваяхъ все жмемся къ заднимъ дверямъ. Не пропихнуть людей впередъ, къ выходу. Такъ и мнѣ прошлое ближе, чѣмъ будущее.

— Однако,—возразишь, бывало ему,—Костомаровъ и Карновичъ тоже не были молодыми людьми, когда вы начинали съ ними свою литературную карьеру, но они понимали исторію, какъ

борьбу за прогрессъ, и умѣли итти впереди общества, вести его за собой, а не назадъ. При чемъ тутъ старые и молодые годы? Всегда было и есть въ исторіи высокое и низкое. Ничего другого нѣтъ... Вы на себя наговариваете, а сами всегда были чистокровнымъ прогрессистомъ и никогда не сочувствовали злу. А въ прошломъ у насъ шагъ назадъ, и попадешь тотчасъ въ крѣпостные порядки. Не на что глядѣть у насъ за спиной: все хорошее тамъ построено на привилегіяхъ, а хочется бороться за обездоленныхъ.

Эти рѣчи воодушевляли Сергѣя Николаевича, когда онъ былъ здоровъ, и его возраженія были проникнуты благороднымъ чувствомъ.

— Развѣ однѣ привилегіи создавали наше прошлое и нашу культуру?—спрашивалъ онъ.—Не богатые пиво варятъ, а тароватые—говорить русскій народъ. Историческое «пиво» тоже варится «аболиціонистами» и народной мощью, его даровитостью и пригодностью къ прогрессу. Привилегіи въ прошломъ однихъ сословій надъ другими тормозили прогрессъ. Не это цѣнно въ русской исторіи, а дороги идеалы русскаго народа, его мечты о волѣ и законности. Это не нынѣшняя безпринципная и хулиганская масса, воспитанная на «волчьей слободѣ»... Люди старой культуры знакомы и съ великимъ народомъ, и съ великими героями, а нынѣшнее поколѣніе растетъ одиноко. Умѣя перевести Пушкина на латинскій языкъ и не зная исторіи собственнаго отечества, молодежь растетъ беспочвенно, а народъ безъ руководящихъ умовъ.

Желая болѣе наглядно представить беспочвенность современнаго поколѣнія, Шубинскій воскликнулъ:

— Вы видѣли у меня Н. М. Соколова, цензора русской печати и переводчика Шопенгауэра? Станный такой человекъ... То онъ очень образованъ по книгамъ, то совсѣмъ дремучій семинаръ. А все оттого, что развивался одиноко и жилъ безъ народныхъ идеаловъ... Вотъ онъ и пишетъ «Тріумфы женщинъ», прославляя классическихъ Фринъ и принижая современную женщину.

— Увы, Сергѣй Николаевичъ! У кого къ чему вкусъ, тотъ къ тому и пристаеъ. Одиночество здѣсь не играетъ роли. Соколовъ восхваляетъ Данте съ его жестокостями и карами въ аду выше Л. Н. Толстого—не потому, что Соколовъ развивался одиноко. Одинокъ-то онъ одинокъ, а носъ все-такъ воротитъ не туда, куда слѣдуетъ. Отчего это? Развѣ необходимо держать носъ по вѣтру всякому, кто развивался одиноко или состарился? Чернышевскій и Добролюбовъ развивались одиноко, но ихъ идеалы прекрасны.

— Вы все свое!—протестовалъ мой редакторъ.—Чернышевскій и Добролюбовъ—знаменоносцы. Они олицетворяли собою свое время... За ними и съ ними шло поколѣніе людей... Народъ ждалъ отъ нихъ земли и воли. Какое же это одиночество?

Мнѣ было пріятно слушать возраженія о томъ, что Чернышевскій и въ Виллойскѣ чувствовалъ свою связь съ родиной, а родина—съ нимъ.

— Хотѣлось бы,—продолжалъ Шубинскій,—и съ вами во многомъ согласиться, но время имѣть надъ человѣкомъ власть... Принюхиваться по вѣтру я не умѣю, а поспѣвать за всѣми новыми идеями силъ уже нѣтъ... Хорошо, если мнѣ, за мое дурное поведение, каждый годъ прибавляется число подписчиковъ и «Историческій Вѣстникъ», очевидно, нравится публикѣ.

Выраженіе лица Шубинскаго мгновенно мѣнялось и принимало насмѣшливое выраженіе, какъ только ему вспоминался изъ года въ годъ ростъ подписки.

— Журналъ,—говорилъ онъ,—поддерживается не направлениемъ и идеями, а подписчиками. Всѣ журналы проваливаются, которые проводятъ идеи и берутся руководить обществомъ, а мой «Историческій Вѣстникъ» идетъ все впередъ. Публикѣ нужны не идеи и не руководство ею, а кое-какія общественныя свѣдѣнія, картинки изъ жизни, и такъ, между прочимъ, для немногихъ подписчиковъ—статьи съ направлениемъ. Вотъ мой взглядъ и моя программа журнала. Публика наша немногимъ выше молодыхъ людей, окончившихъ курсъ гимназіи. Для нихъ нужно писать удобопонятно о доступныхъ предметахъ, живые рассказы и воспоминанія... Надо имѣть всегда въ виду ту публику, для которой пишешь. Все несчастіе нашихъ либеральныхъ журналовъ въ томъ, что они печатаютъ только то, что нравится самому редактору. Это ошибочно и скучно.

Увлекаясь своими мыслями, Шубинскій продолжалъ:

— Отчего, какъ вы думаете, газеты «слѣва» недолговѣчны? Таланты, конечно, найдутся здѣсь, и тамъ, но «лѣвыхъ» губить устарѣлая форма борьбы... Они либо угощаютъ читателя научными и отвлеченными обобщеніями, либо все бранятъ и порицаютъ другихъ... Одно обличеніе. Это очень скучно, если изо дня въ день повторяютъ одно и то же. «Лѣвыя» газеты никакъ не хотятъ понять, что у нихъ уже давно все переругано, и еще разъ ругать переруганное является уже пошлостью въ толстомъ журналѣ или въ большой газетѣ. Предоставьте малой прессѣ, въ фельетонахъ «ни о чемъ», ругаться каждодневно и кому-то хари корчить... Большое и солидное изданіе должно держаться другого тона. Всѣ съ удовольствіемъ услышали бы теперь не то, что похвалу чему-нибудь, но какое-нибудь положительное и полезное направленіе въ газетѣ или въ журналѣ. Даже простого знанія страны и фактовъ нѣтъ въ этихъ изданіяхъ, но сотрудники всѣ зубы съѣли на критикѣ и самодовольствѣ. Получается пошлость.

II.

Товарищеское отношеніе С. Н. Шубинскаго къ сотрудникамъ.

С. Н. Шубинскій принадлежалъ къ типу старыхъ литераторовъ, умѣвшихъ высоко держать свое литературное достоинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было отталкивающаго самообожанія и съ нимъ легко чувствовалъ себя самый скромный писатель. Ко всемъ имъ онъ относился привѣтливо и участливо.

Я самъ имѣю отъ него рядъ теплыхъ писемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда я писалъ какую-либо статью, а онъ не переставалъ за нею слѣдить, помогая мнѣ совѣтами и справками.

На клочкѣ бумажки онъ пишетъ мнѣ:

«Необходимо, чтобы вы прочитали окончаніе статьи Волынскаго о Лѣсковѣ и прибавили бы, сообразно этому, нѣсколько строкъ въ своей статьѣ.

Черезъ два дня я получаю отъ него слѣдующую приписку:

«Посылаю на всякій случай вамъ для прочтенія замѣтки о Лѣсковѣ въ «Недѣлѣ».

«Кромѣ того, вчерашній фельетонъ «Новостей» (воскресенье, № 56) весь посвященъ Лѣскову.

Слѣдующія письма того же характера съ указаніями на матеріалъ для другихъ моихъ статей, должныствующихъ появиться въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

«Во вчерашнихъ «Новостяхъ» помѣщенъ обширный и прекрасный отзывъ о «Всей Россіи» покойнаго Весина. Многія замѣчанія весьма основательны и ими слѣдуетъ воспользоваться для статьи по поводу этой книги.

По поводу готовившейся къ печати моей статьи «Исторія бороды и усовъ» Шубинскій пишетъ для свѣдѣнія мнѣ:

1. «Память шуйскимъ земскимъ бурмистрамъ о сборѣ денегъ съ шуянь за пошеніе нѣмецкаго платья и за небритіе усовъ и бороды». 1709 г. «Владим. Губ. Вѣдомости» 1864 г., № 13.

2. «Древнерусская борода». Статья проф. Буслаева. «Отечественныя Записки» 1859 г., № 10.

3. «Преслѣдованіе бородъ и русскаго платья въ Саратовѣ въ 1762 г.». Мордовцева. «Саратовскія Губернскія Вѣдомости» 1860 г., № 50.

По поводу готовящейся статьи о Пушкинѣ я получилъ отъ Шубинскаго слѣдующее:

«Посылаю корреспонденцію Шуфа. Прочтите для свѣдѣнія».

Помню, я послалъ Шубинскому рассказъ о «царяхъ» Псковской губерніи—такъ здѣсь въ нѣкоторыхъ деревняхъ зовутъ простыхъ мужиковъ, въ роду которыхъ кто-нибудь въ старину отличился

необыкновеннымъ геронзмомъ. Шубинскій прислалъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ:

«По мотиву рассказъ интересенъ; по исполненію несостоятеленъ. Не выяснено главное: какой нравственной силой или иными обстоятельствами «царь» приобрѣлъ такое неотразимое вліяніе на князя, что тотъ, при всей своей жестокости и необузданности, подчиняется его неотразимому вліянію. Въ тѣ времена, при связяхъ и власти князя, ему ничего не стоило отдѣлаться отъ «царя», запереть его или сослать къ чорту на кулички. А вмѣсто этого князь переноситъ его выходки, оскорбленія при народѣ, не рѣшается его тронуть и только въ отчаяніи уходитъ въ спальню и грызетъ подушки. Все это совершенно неясно для читателя. Именно сути и нѣтъ въ рассказѣ».

При такомъ вниманіи къ труду сотрудника и указаніяхъ для исправленія рукописи легко было работать. Мой рассказъ послѣ передѣлки былъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечатанъ подъ заглавіемъ «Цари Псковской губерніи». (Онъ имѣется и въ отдѣльной моей книгѣ «Пробужденный народъ»). Мнѣ случалось иногда пристраивать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и рукописи постороннихъ лицъ, обращавшихся ко мнѣ съ этой просьбой. Всякое дарованіе тотчасъ же радовало Шубинскаго, и онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы дать ему ходъ въ литературу. Помню, одна изъ начинающихъ писательницъ, М. Е. Ермолина, прислала мнѣ свои воспоминанія объ ея пребываніи въ толстовской колоніи. Я ихъ нашелъ интересными и передалъ Шубинскому. На другой же день, отъ 15-го февраля 1899 года, я получилъ отъ него письмо:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Я прочиталъ воспоминанія Ермолиной. Симпатичное дарованіе, правдивость и искренность изложенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе литературной обработки и того, что называется чувствомъ мѣры. Есть прекрасныя страницы и рядомъ съ ними растянута и ненужность описаній, утомляющія и расхолаживающія впечатлѣнія. Слѣдовало бы сократить многое, особенно въ «дѣтствѣ», а конецъ и скомканъ и неясенъ. Вообще, эта вещь ставитъ меня въ большое затрудненіе. Сокращать ее самому въ высшей степени трудно, а объяснять Ермолиной на бумагѣ всѣ подробности невозможно. Напишите ей, пожалуйста, отъ себя, посоветуйте еще разъ пересмотрѣть воспоминанія и поработать надъ ними,—они оригинальны, но растянуты.

Видимо, однако, Шубинскому не терпѣлось, и онъ, отъ 19-го февраля того же года, пишетъ мнѣ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Такъ какъ я сижу безвыходно дома, то у меня были свободные часы, и я отдалъ ихъ Ермолиной. Я вновь, но уже съ карандашомъ, перечиталъ ее статью, сократилъ и отдѣлалъ все до «эпилога». Теперь остается или отбросить совсѣмъ эпилогъ, или его передѣлать, такъ какъ

онъ слабъ и неясенъ. Но подобную работу можетъ сдѣлать только она сама. Съ тѣми сокращеніями, въ сущности не особенно значительными, статья вышла довольно интересна, и я ее напечатаю. «Гвоздемъ» остается только эпилогъ, и ей остается только немного поработать надъ нимъ однимъ.

Черезъ день, 20-го февраля, онъ пишетъ о той же Ермолиной:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Благодарю искренно за теплыя слова, которыя цѣню. Ермолиной подождите писать до свиданія со мной. Дѣло въ томъ, что до «эпилога» рукопись, въ ея настоящемъ видѣ, уже не требуетъ никакихъ исправленій. Пужно только передѣлать «эпилогъ», но объяснить на бумагѣ, какъ и что именно нужно сдѣлать, крайне трудно, и я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ можно будетъ одолѣть эту трудность. Выкинуть эпилогъ совсѣмъ тоже нельзя, а равно нельзя всунуть его въ середину и развить органически со всѣми частями; въ послѣднемъ случаѣ ей пришлось бы писать всю вещь заново, а это убійственно. Лучше всего отложить до личнаго свиданія, вѣдь время терпитъ».

Въ теченіе цѣлаго года С. Н. Шубинскій возился съ рукописями Ермолиной, нерѣдко обращаясь ко мнѣ. Отъ 12-го октября 1899 г. онъ пишетъ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

М. Е. Ермолина прислала мнѣ статью «На голодовкѣ». Но что я стану съ нею дѣлать? У меня лежатъ двѣ ея статьи: одна обширная (на три листа), которую вы знаете, — ремесленный бытъ; другая поменьше, называется «Паломница Анисья». Матеріала вообще масса. Ноябрьская и декабрьская книжки въ наборѣ. Январская вся уже намѣчена, а статью о голодовкѣ надо бы напечатать поскорѣй. Помогите мнѣ, постарайтесь пристроить куда-нибудь статью Ермолиной; напр., въ «Недѣлю», куда она, по-моему, подходитъ болѣе всего.

Въ декабрѣ того же года я получилъ новое письмо:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Я неожиданно нашель мѣсто для статьи Ермолиной «На голодовкѣ», но при условіи немедленнаго доставленія рукописи. Пожалуйста, вырчите рукопись изъ «Вѣстника Европы», гдѣ ее, конечно, никогда не напечатаютъ.

Привожу эти письма, какъ доказательства большой освѣдомленности С. Н. Шубинскаго въ литературныхъ вопросахъ и его благороднаго отношенія къ товарищамъ по перу. Большинство издателей и редакторовъ исповѣдуютъ принципъ, что было бы болото, а черти найдутся, т. е. что сотрудники сами придутъ въ журналы и нѣтъ надобности тревожиться за чужой трудъ, если онъ стра-

даетъ недостатками и нуждается въ исправленіяхъ. Шубинскій только на словахъ разносилъ «сотрудниковъ», а въ дѣйствительности создавалъ ихъ, дорожилъ ими и уважалъ ихъ трудъ.

Въ концѣ 1912 года была имъ принята къ печати статья агента земскаго страхованія въ Псковской губерніи, М. С. Семенова, къ которому я собирался ѣхать на Рождество на облавную охоту. Чтобы порадовать автора принятіемъ его статьи «На выставку» къ печати для слѣдующаго 1913 года, я попросилъ для него у Шубинскаго авансъ.

Шубинскій тотчасъ отвѣтилъ:

Въ декабрѣ запрещены всякія выдачи на будущій годъ, но сдѣлаю исключеніе по вашей просьбѣ. Здоровье очень плохо; съ трудомъ пишу эти строки. Но зайца все-таки привезите. Полагаю, что 1912 г. для меня послѣдній. Спасибо вамъ за дружеское участіе.

III.

Товарищеское отношеніе Шубинскаго къ сотрудникамъ и его заботы о журналѣ.

Любопытны также и другія письма Шубинскаго, которыми онъ умѣлъ порадовать сотрудника и тономъ, и содержаніемъ писемъ.

Въ 1904 году отъ 8-го сентября онъ пишетъ мнѣ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Какъ было обѣщано, «Исторія бороды и усовъ» пойдетъ въ октябрѣ. Вѣроятно, она уже набрана и вы сами позаботьтесь о корректурѣ. Что касается статьи о Чеховѣ, то въ августовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» была напечатана небольшая статья съ портретомъ «Памяти Чехова», и этого довольно. Два мѣсяца Чеховъ не сходилъ со страницъ газетъ и журналовъ и надо дать публикѣ отдыхъ. Нельзя жъ постоянно играть одинъ и тотъ же мотивъ, хотя бы и съ варіаціями.

Я нѣсколько поправился, это вѣрно, но въ общемъ здоровье мое очень плохо, да и трудно ожидать возстановленія его въ семьдесятъ лѣтъ. Пора на покой.

Изъ письма видно, что авторъ имѣлъ всегда возможность еще разъ просмотрѣть свою статью передъ выходомъ въ свѣтъ и сдѣлать нужныя дополненія или исправленія. А нынѣшніе редакторы то-ропятся спихнуть книжку въ наборъ, которая и появляется часто съ редакторскими купюрами въ статьѣ, о которыхъ авторъ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ редакторскаго произвола.

Шубинскій всегда относился къ чужому труду деликатно.

Отъ 12-го іюня 1890 года онъ пишетъ мнѣ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Я не знаю, когда удосужусь прочитать вашу рукопись, а потому, согласно моему обѣщанію, прилагаю записку въ контору «Новаго Времени» на пятьдесятъ рублей. Если бъ рукопись оказалась не цензур-

ной, или почему-либо не пригодной, то, надѣюсь, вы найдете способ расквитаться со мной какъ -нибудь иначе. Я вамъ вѣрю на слово. Счастливой поѣздки. Въ сентябрѣ увидимся.

Не менѣе характерно отношеніе Шубинскаго къ чужому труду, который почему-либо не могъ быть помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Пожалуйста, Анатолій Ивановичъ, пробѣгите прилагаемую рукопись. Мнѣ теперь некогда читать, я только бѣгло перелисталъ ее, вижу «Мышкинъ», «Долгушинъ» и т. д. Очевидно, печатать нельзя, но все же, для очищенія совѣсти, прочтите и скажите ваше впечатлѣніе ¹⁾.

Отъ 23-го іюня 1893 года онъ пишетъ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Рецензію на «Основы народничества» я напечатаю. Книга Даниельсона уже взята для рецензіи. О книгѣ Янжула писать нечего, потому что у меня уже набрана статья (компилятивная, по англійскимъ источникамъ и съ рисунками) Тимирязева «Рабочіе въ Англіи», гдѣ говорится то же, что и у Янжула.

Что вы сидите въ городѣ? Пора на просторъ полей и лѣсовъ. Черезъ недѣлю уѣзжаю въ Старую Руссу и вернусь въ Любань въ первыхъ числахъ августа.

Отъ 8-го іюня 1895 года новое письмо.

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Я уже говорилъ вамъ лично, что до октября, кромѣ условленной между нами статьи по поводу книги Кривенки, я не могу взять ни одной строки. Мнѣ необходимо хоть отчасти облегчиться отъ той массы матеріала, которая скопилась и которая именно пригодна для лѣтнихъ книжекъ. Всѣ книги «Историческаго Вѣстника», до октября включительно, уже сданы въ типографію, и вы, въ числѣ другихъ сотрудниковъ, получите отпускъ до половины октября.

Отъ 2-го января 1897 года онъ пишетъ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Благодарю и, какъ самъ охотникъ, радуюсь вашей удачѣ. Такъ какъ она случилась подъ новый годъ, съ которымъ васъ поздравляю, то это хорошее предзнаменованіе, обѣщающее и дальнѣйшаго успѣха на охотѣ, но, къ сожалѣнію, не въ литературѣ, ибо статью о Лорисъ-Меликовѣ вы сдѣлали окончательно нецензурной и ее можно напечатать развѣ въ какомъ-либо заграничномъ изданіи, но никакъ не въ издающемся здѣсь.

¹⁾ Мышкинъ и Долгушинъ—политически осужденныя лица, которыхъ въ 70-хъ годахъ я хорошо зналъ
А. Ф.—въ.

Позднѣ эта статья о Лорисъ-Меликовѣ была напечатана въ томъ же «Историческомъ Вѣстникѣ».

Въ слѣдующемъ году я получилъ новое письмо.

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Сейчасъ (четвергъ, семь часовъ вечера) получилъ для прочтенія, и расписался въ ономъ, циркулярѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ которомъ господамъ редакторамъ повременныхъ изданій предлагается воздержаться отъ полемики по дворянскому вопросу. Очевидно, возникшія разсужденія о значеніи дворянства почему-то не нравятся и не сходятся со взглядами высшихъ сферъ. Поэтому Богъ съ нимъ, съ дворянствомъ, тѣмъ болѣе, что обсужденіе текущихъ вопросовъ и не входитъ въ программу «Историческаго Вѣстника», къ чему придирались въ цензурѣ уже не разъ, заставивъ, напримѣръ, меня вырѣзать статью Глинскаго о крестьянскомъ вопросѣ. Возиться мнѣ не хочется и въ результатѣ приходится просить васъ отмѣнить намѣреніе написать статью для «Историческаго Вѣстника» и даже рецензію о брошюрѣ Евреинова¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней, въ дополненіе къ предыдущему письму, я получаю отъ 18-го марта 1899 года съ посылнымъ отъ Шубинскаго новую приписку:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Весьма вѣроятно, что статья ваша очень хороша, но въ виду veto, наложеннаго на журналъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати относительно обсужденія такъ называемаго «дворянскаго вопроса», я ни въ какомъ случаѣ не могу помѣстить ее въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Да и вообще я рѣшилъ избѣгать обсужденія текущихъ дѣлъ, такъ какъ постоянно получаю замѣчанія о нарушеніи программы журнала.

Въ 1904 году отъ 11-го іюля Шубинскій пишетъ:

Только сегодня уѣзжаю въ Любань, полуживой, только что перенесъ воспаленіе легкихъ. Едва пишу.

Статья о Чеховѣ уже написана Щеголевымъ и набирается. Этой небольшой (по моему требованію) статьей я пока и ограничусь.

Въ концѣ того же года отъ 19-го декабря новое письмо, не помню по поводу какой моей статьи.

Рискнемъ въ февральской книжкѣ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли наступаетъ весна, или снова начнутся морозы и придется опять закутываться въ шубы.

IV.

Міросозерцаніе С. Н. Шубинскаго.

Такимъ образомъ, письма Шубинскаго весьма выгодно выдѣляютъ его изъ ряда современныхъ редакторовъ на журнальномъ поприщѣ. Что касается его социальнаго міросозерцанія, то, несомнѣнно, онъ принадлежалъ къ западникамъ, а не къ славянофиламъ.

¹⁾ Г. А. Евреиновъ: «Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства».

Помню, я написалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» статью о скончавшемся государственномъ контролерѣ Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ. Я не касался въ ней его личныхъ недостатковъ и политическихъ убѣждений, но указалъ на его дружеское отношеніе ко многимъ литераторамъ, принимаемымъ имъ на службу (Н. П. Аксаковъ, А. В. Васильевъ, Т. П. Соловьевъ («Теорія волевыхъ представленій»), О. И. Каблицъ («Основы народничества» и «Русскіе диссиденты»), Ар. Ив. Введенскій, В. В. Розановъ и т. д.), и на любопытное примиреніе Т. Филиппова съ больнымъ Н. С. Лѣсковымъ. Многие изъ моихъ знакомыхъ не поняли того, что надо быть справедливымъ и къ врагамъ; что въ отмѣченныхъ мною фактахъ оказана простая справедливость къ отдѣльнымъ случаямъ изъ жизни Т. И. Филиппова. Я послалъ Шубинскому письмо одной корреспондентки, которая доказывала мнѣ, что отношенія Филиппова къ литераторамъ были лицемерны, ради дешевой популярности; что онъ ничего не сдѣлалъ для свободы слова, будучи человѣкомъ, власть имущимъ; что его примиреніе съ больнымъ Лѣсковымъ было страхомъ передъ собственной смертью, «какъ смутное представленіе, что эта комедія примиренія съ врагомъ на лампадномъ маслѣ будетъ, авось, вознаграждена въ загробномъ мірѣ», и что Лѣсковъ былъ правъ, когда усомнился въ искренности примиренія и спросилъ себя, не византизмъ ли это? Шубинскій тотчасъ же мнѣ отвѣтилъ:

Ваша корреспондентка права. Я совершенно согласенъ съ ней, что Т. И. Филипповъ былъ величайшій лицемеръ, но, какъ умный человѣкъ, лицемерилъ тонко и искусно.

На другой же день онъ дополняетъ свое краткое письмо новымъ письмомъ:

Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ Филипповымъ въ теченіе двухъ лѣтъ каждую субботу у И. П. Корнилова. Здѣсь собиралось самое разнообразное общество: и высокопоставленные лица, и мелкая сошка. На первомъ планѣ были, разумѣется, первые, а мелкая сошка, къ которой принадлежалъ и я, обыкновенно молчала, слушала и наблюдала. Тутъ я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ лицемеріи Филиппова, занскивавшаго и подлаживавшагося къ каждому, кого онъ считалъ себя нужнымъ и полезнымъ.

Точно такъ же Шубинскій отрицательно относился къ клерикализму Филиппова и Побѣдоносцева, съ ихъ церковно-приходскими школами и подчиненіемъ духовенству сельскихъ библиотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній и т. д. Прогрессивное направленіе Шубинскаго чувствовалось постоянно.

Помню, когда Б. Городецкій составилъ библиографическую статью о Шубинскомъ, то послѣдній прислалъ мнѣ ея оттискъ съ слѣдующимъ письмомъ отъ 18-го мая 1908 года.

Многоуважаемый Анатолий Ивановичъ.

Вы любите писать некрологи. Вотъ, на всякій случай, матеріаль для недалекаго будущаго. Этотъ матеріаль собралъ Городецкій для «Словаря» Венгерова; но такъ какъ «Словарь», вѣроятно, никогда не будетъ оконченъ, то я велѣлъ напечатать для себя двадцать пять экземпляровъ и одинъ изъ нихъ посылаю вамъ.

По поводу этого «недалекаго будущаго» я разговаривалъ съ Шубинскимъ и просилъ его дать мнѣ нѣкоторыя къ нему письма писателей, нужныя для его характеристики. Онъ разрѣшилъ мнѣ снять съ нѣкоторыхъ копии съ правомъ пользоваться ими. Между прочими письмами имѣются письма курскаго дворянина Вл. Маркова, который отъ 29-го апрѣля и 20-го мая 1881 года послалъ Шубинскому два письма, весьма цѣнныхъ для характеристики послѣдняго.

Подъ рубрикой «Курскихъ писемъ» я готовлю рядъ статей, занимающихся разработкой нашего земскаго дѣла, преимущественно же дѣла нашей земской школы, на почвѣ нашего историческаго опыта. Именно съ этой стороны, какъ требованія государственныхъ и общественныхъ мѣропріятій въ духѣ нашей народности и нашей исторіи, предлагаемыя мною статьи могутъ всего удобнѣе появиться въ историческомъ журналѣ. Если вамъ онѣ понравятся, то напишите мнѣ, я еще вышлю. Земскія и общегосударственныя задачи, по отношенію ихъ къ своей теоріи и къ «злѣбъ дня», нами переживаемаго, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, должны интересовать русскаго патриота именно теперь. Программа самая широкая, девизъ самый опредѣленный: Россія для Россіи; Россія XIX вѣка, сознающая, наконецъ, свое историческое преемство отъ до-петровской Руси и примиряющая свое настоящее съ основными своими народными началами; иначе говоря, русская интеллигенція, сознающая необходимость не изъ одной Европы, но изъ живыхъ народныхъ иѣдръ заимствовать свою силу, свое существованіе и только народными интересами опредѣлять свой просвѣтительный характеръ.

29-го апрѣля 1881 г. Вл. Марковъ.

Весьма жалѣю, что мы съ вами не сходимся во взглядѣ на основу и цѣли народной школы; мнѣ это тѣмъ болѣе жаль, что насъ въ этомъ вопросѣ, повидимому, раздѣляютъ не главные положенія «Курскихъ писемъ». Вы напрасно испугались такого положенія народа, при которомъ оказался бы возможнымъ «нравственный идеалъ, воплощенный въ священникѣ». Я глубоко убѣжденъ, что только на религиозной почвѣ, при воздѣйствіи образованнаго, поднятаго на надлежащую высоту православнаго духовенства, возможно образованіе нашего глубоко вѣрующаго народа; что именно сильнымъ упадкомъ религіи слѣдуетъ объяснить себѣ тѣ изъ явленій нами переживаемой общественной и государственной жизни, что такъ печально характеризуютъ наши легкомысленное время. Вспомните возстановленіе алтарей и Бога, вспомните движеніе къ духовному обновленію западнаго общества, которому такъ талантливо послужилъ Шатобрианъ и плеяда глубоко убѣжденныхъ, а потому сильныхъ людей. Говоря о нравственномъ идеалѣ, желательномъ

видѣть въ православномъ священникѣ, я нисколько не думаю о пригодности «настоящаго» православнаго священника совмѣстить «этотъ правственный идеаль» въ своемъ лицѣ съ далеко не идеальными чертами своего «поповскаго» типа. Смысль этой статьи вызвать сознание необходимости административной и канонической реформы церкви, переустройства духовныхъ семинарій, которыя давали бы не всеотрицателей, усиливающихъ собою рать социалистовъ, а духовниковъ и пастырей народа. Если домогательства моего взгляда «идеальны», то не думаю, чтобы область духовнаго дѣла, затрагиваемая моимъ взглядомъ, не имѣла права на «идеальность», то-есть на возможное совершенство своихъ основъ и своихъ цѣлей. Миѣ тѣмъ болѣе жаль, что мы нѣсколько разнo можемъ съ вами глядѣть на столь важный теперь вопросъ, что этому вопросу, какъ земскій человекъ, я готовъ предаться со всѣмъ увлеченіемъ, къ какому только способенъ. А этотъ вопросъ становится отнынѣ общеземскимъ и общегосударственнымъ.

20-го мая 1881 г. В. Марковъ.

Изъ этихъ писемъ видно, что Шубинскій не былъ на сторонѣ автора «Курскихъ писемъ» и, позолотивъ пилюлю, отказался отъ сотрудничества «курскаго дворянина». Вся послѣдующая его дѣятельность доказываетъ, что Шубинскому болѣе правилось трактовать историческіе вопросы съ космополитической точки зрѣнія, избѣгая національных и патріотическихъ пристрастій. Это «направленіе» у Шубинскаго сказывалось и въ послѣдніе годы его жизни. Помню, какъ во время Выборгскихъ торжествъ онъ, только что перенесшій воспаленіе легкихъ, тихимъ голосомъ сказалъ:

— Меня удивляетъ это торжество по случаю завоеванія русскими войсками Выборга. Я уже не говорю о государственной мудрости не напоминать побѣжденнымъ о томъ, что ихъ предки были биты нами, не говорю о противорѣчии нашихъ заявленій о томъ, что Финляндія и Россія должны жить одной общей жизнью, съ тѣмъ, что мы теперь три дня кричимъ въ Выборгъ о нашихъ побѣдахъ надъ финляндцами... Этихъ сторонъ я не касаюсь. Но самый фактъ побѣды надъ Выборгомъ—развѣ уже такой крупный фактъ, что стоитъ о немъ трубить черезъ двѣсти лѣтъ на весь бѣлый свѣтъ? Это не Парижъ завоевать. Неужели покореніе нами каждаго города нужно праздновать? Тогда празднуйте покореніе Сибири, Казани, Пскова, Новгорода и т. д. Въ свое время и покореніе Пскова было въ глазахъ современниковъ настолько значительнымъ, что они приписывали его покореніе Божьему промыслу и гнѣву. Господь много разъ напоминалъ псковитянамъ объ ихъ грѣховности—то произвольнымъ звономъ колоколовъ въ церквахъ, то кровью на иконахъ и т. д. Но эти легенды были четыреста лѣтъ тому назадъ. Неужели и теперь надо трепетать самопроизвольному звону колоколовъ или радоваться тому, что наши предки избивали каждую по сосѣдству самостоятельную область? Ужъ слишкомъ много наберется тогда у насъ историческихъ радостей и мѣста не

хватить даже въ Петербургѣ, если мы при всякой радости будемъ ставить еще памятники каждому событію и герою. Если всѣмъ ставить памятники, то будущимъ героямъ придется ставить памятники въ Чекушахъ... Ну, я понимаю памятники Александру II, царю-Освободителю, Николаю II, давшему намъ конституцію и открывшему новую эру для Россіи...

— О, вотъ какъ вы заговорили послѣ болѣзни,—воскликнулъ присутствовавшій здѣсь Б. Б. Глинскій, разсмѣявшись.

— При Плеве,—перебилъ Шубинскій,—какъ разъ посадили бы въ Петропавловскую крѣпость рядомъ съ Щеголевымъ (Щеголевъ, бывший редакторъ журнала «Былое», сидѣлъ по приговору суда въ Петропавловской крѣпости).

— Ну,—добавилъ я,—до этого далеко, а вотъ для памятниковъ, ваша правда, придется искать мѣстечка...

Этотъ разговоръ происходилъ лѣтомъ 1910 года, а въ томъ же году отъ 17-го іюня въ «Обозрѣніи Театровъ» нѣкоего И. О. Абельсона напечатана слѣдующая замѣтка о французскихъ памятникахъ. «Для памятника Зола не могутъ найти мѣста въ Парижѣ. Сначала памятникъ хотѣли поставить въ Тюльерійскомъ саду. Но пришлось считаться съ тѣмъ, что памятники въ общественныхъ садахъ были испорчены ночными громилами. Рѣшили подыскать какое-нибудь «тихое» мѣстечко, и остановились на маленькой, такъ называемой «Карусельной площади». Но за обиліемъ старыхъ памятниковъ тамъ не оказалось мѣста для новаго памятника. Итакъ, комитетъ по сооруженію памятника Зола потерялъ всякую надежду на скорую установку готоваго памятника. Какъ сообщаетъ «Journal des Débats», комитетъ обратился теперь къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ разрѣшить сдать памятникъ на храненіе одному изъ правительственныхъ складовъ, гдѣ бюстъ Зола будетъ покоемъ въ ожиданіи лучшихъ дней».

V.

Недоразумѣнія сотрудниковъ «Истор. Вѣстн.» съ С. Н. Шубинскимъ.

До глубокой старости Шубинскій остался вѣренъ передовымъ идеаламъ русскаго общества. Но, усвоивъ себѣ исключительный взглядъ на то, что историческій журналъ не долженъ имѣть опредѣленной фізіономіи и что въ немъ каждый сотрудникъ самъ отвѣчаетъ за направленіе своихъ статей, Шубинскій вызывалъ иногда своею парадоксальностью недоразумѣнія насчетъ собственныхъ убѣжденій. Такому недоразумѣнію содѣйствовало еще и то, что Шубинскій часто старался избѣгать хлопотъ съ цензурой и не хотѣлъ иногда говорить объ этомъ сотруднику; иногда также очень публицистическій характеръ статьи мѣшалъ ей появиться въ

«Историческомъ Вѣстникѣ», а иногда и самъ Шубинскій былъ очень далеко отъ марксистскихъ, толстовскихъ и иныхъ позднѣйшихъ идей философскаго и отвлеченнаго характера. Отсюда у него возникали тренія съ нѣкоторыми сотрудниками по журналу.

Критическихъ статей, когда ихъ авторы посягали на основы современной цивилизаціи, Шубинскій всегда избѣгалъ. Даже типичныхъ «властителей думъ» и провозвѣстниковъ будущаго онъ признавалъ только въ единственномъ числѣ и съ трудомъ выносилъ всѣхъ ихъ послѣдователей, когда тѣ изъ «вторыхъ рукъ» подносили публикѣ идеи гениальныхъ людей. А Шубинскій принималъ ихъ труды за желаніе обыкновеннаго смертнаго сдѣлать себѣ рекламу и пристегнуться къ крупному имени. Онъ тогда принималъ и отрицалъ всякое его значеніе.

Когда я далъ ему статью о художникѣ Н. Н. Ге, то онъ отвѣтилъ на нее слѣдующимъ письмомъ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Я не считаю Ге такимъ мыслителемъ, взгляды котораго заслуживаютъ пропаганды. Наивный послѣдователь Толстого, онъ лишь повторяетъ въ различномъ видѣ своего учителя, не имѣя ни его ума, ни его таланта, ни его образованія. Ничего своего, а лишь слабая компиляція очень крупнаго произведенія. Богъ съ нимъ.

Статья о Ге была напечатана мною въ книжкахъ «Недѣли» за 1895 г., № 1. Конечно, возможно, что Шубинскій «чурался» философскихъ умовъ еще и потому, что онъ былъ замкнутъ въ сферу историческихъ знаній и многого прямо не понималъ въ философіи новѣйшихъ социологовъ. Ему казалось фразерствомъ исканіе новыхъ идеаловъ какъ въ ученіи марксистовъ, такъ и толстовцевъ.

Когда умеръ А. К. Маликовъ (нашумѣвшій въ 1873—74 гг. тѣмъ, что съ ученіемъ о боготвореніи человѣчества и «пассивномъ протестѣ» противъ враговъ онъ былъ предшественникомъ Л. Н. Толстого), я написалъ о немъ большую статью и послалъ ее Шубинскому. Послѣдній письмомъ отъ 14-го марта 1904 года отвѣтилъ мнѣ съ явнымъ неудовольствіемъ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

По-вашему, статья очень интересна, а я прочиталъ ее съ величайшей скукой. Люди, въ сущности, ненормальные витаютъ въ области для нихъ самихъ неясныхъ умозрѣній, воображая посредствомъ туманныхъ фразъ пересоздать жизнь и людей. Разумѣется, они остаются одиночками и въ концѣ концовъ, убѣдившись въ нелѣпости своихъ мечтаній, обращаются къ нормальному порядку вещей—службѣ на желѣзной дорогѣ. Хорошіе, но нелѣпые люди. Христось съ ними. Коротенькій, сочувственный некрологъ—вотъ все, что они заслуживаютъ. Возводить же ихъ въ герои, посвящать имъ особые статьи было бы странно и смѣшно и, разумѣется, подобную статью не напечатаетъ ни одинъ журналъ.

Статья о Маликовѣ была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» въ томъ же 1904 году въ № 9 и перепечатана въ моей книгѣ «Семи-десятники» подъ заглавіемъ «Предшественники Л. Н. Толстого».

Шубинскій браковалъ всякую работу съ метафизическими взглядами автора, хотя бы эта метафизика имѣла и практическое осуществленіе и была полезна, какъ полезны и не удавшіяся христіанскія общины Маликова, Фрея и другихъ толстовцевъ.

Шубинскій считалъ проторенныя дороги и гибель на новыхъ «нормальной жизнью». Всякое новаторство называлъ «бородавкой на лицѣ», не измѣняющей фізіономіи и не украшающей ея. Привыкнувъ уважать прошлое и поклоняться историческимъ фактамъ, Шубинскій не выносилъ рѣзкаго разрыва съ ними и находилъ въ этомъ неуваженіе къ исторіи. Просвѣщенный постепеновецъ— онъ противопоставалъ идеалистамъ «нормальную жизнь», т.-е. прогрессъ существующаго порядка, а не отрицаніе его фантастическими идеалами или грубой силой. Если Шубинскій изъ такта ничего не говорилъ по адресу Л. Н. Толстого, то охотно печаталъ статьи и рассказы о неудачахъ толстовцевъ, осѣвшихъ на землю (см. рассказъ М. Ермолиной «Въ интеллигентной колоніи»).

— Все это «бородавки»,—смѣясь произносилъ онъ и всегда радъ былъ выпутить ихъ, особенно, если кто-нибудь изъ нихъ приносилъ ему на просмотръ статью или воспоминаніе о Л. Н. Толстомъ.

Помню, и мнѣ досталось отъ него за статью «Л. Н. Толстой прежде и теперь». Я получилъ отъ него письмо подъ заглавіемъ:

Маленькое размышленіе по прочтеніи статьи «Л. Н. Толстой прежде и теперь».

Бѣдный Л. Н. Толстой! Когда же тебѣ, наконецъ, дадутъ покой и перестанутъ кстати и некстати разбирать по косточкамъ? Воображаю, такъ тебѣ это надоѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ надоѣло и публикѣ. Когда тебѣ было двадцать пять лѣтъ отъ роду, ты, разумѣется, имѣлъ свойственные твоему возрасту и той обстановкѣ, въ которой находился, взгляды; какъ на умнаго человѣка, жизнь и опытъ имѣли на тебя вліяніе, и ты, разумѣется, на многое измѣнял свои взгляды. Кажется, очень простая вещь, о которой не стоитъ говорить. Такъ итъ же,—объ этомъ пишутъ цѣлую статью. Скоро, пожалуй, дождемся изслѣдованія о томъ, какъ дѣйствовало на твои кишки касторовое масло, когда онѣ были крѣпки и здоровы, и какъ дѣйствуютъ теперь, когда онѣ ослабли и перевариваютъ только вегетаріанскую пищу. Пошли тебѣ Господь Богъ терпѣніе переносить хирургическія операціи, которымъ ты чуть не ежемѣсячно подвергаешься и отъ хирурговъ-специалистовъ и отъ хирурговъ-добровольцевъ.

Какъ ни остроумно это письмо, но, играя словами, Шубинскій, на мой взглядъ, во-первыхъ, забылъ, что всякая критико-біографическая статья о живомъ писателѣ сводится къ характеристикѣ того, чѣмъ онъ былъ ранѣе и чѣмъ онъ сталъ по прошествіи многихъ лѣтъ; что важнаго для общественнаго развитія заключается

въ разныхъ періодахъ его литературной жизни и что наиболѣе въ этомъ цѣннаго? Во-вторыхъ, всегда чуждаясь «утопій» Толстого, Шубинскій относился недовѣрчиво и къ его единомышленникамъ, полагая совершенно голословно, что они «флигель-адъютанствуютъ» передъ Львомъ Николаевичемъ безкорыстно. Мнѣ приходилось доказывать ему, что судьба сталкивала цѣлыми годами съ Л. Н. Толстымъ маленькихъ людей (Черткова, Тенеромо, Сергѣенка, Бирюкова и т. д.), но что не саморекламирование, а обаяніе Толстого заставляетъ ихъ вспоминать и писать о немъ.

— Почему отрицать благородную сторону въ дружбѣ маленькихъ людей къ крупному человѣку и считать cadaго его почитателя подстегой, а не нравственно свободнымъ и искреннимъ человѣкомъ?

Конечно, Шубинскому не было надобности убѣждаться въ существованіи нравственныхъ отношеній между людьми. Онъ самъ собою подавалъ примѣръ порядочности и благородства, но литературный языкъ и полемическое упрямство увлекали его самого, и онъ импровизировалъ ими даже въ письмахъ.

Личное мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ исчерпывалось нѣсколькими вечерами, но заочно оно было многолѣтнее, благодаря бесѣдамъ о немъ съ Н. С. Лѣсковымъ, чтенію ихъ взаимной и многолѣтней переписки и т. д.

Послѣ одного личнаго свиданія съ Л. Н. Толстымъ я написалъ объ этомъ воспоминанія и прежде, чѣмъ послать ихъ самому Л. Н. Толстому за разрѣшеніемъ печатать, я далъ ихъ просмотрѣть Шубинскому. Послѣдній удивилъ меня слѣдующимъ письмомъ:

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Возвращаю вамъ рукопись: я не поправилъ въ ней ни одного слова, ни одной запятой. Причина тому простая: я откровенно сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ; я не только не могу оцѣнить многихъ мыслей графа Л. Н. Толстого, но не могу ихъ понять. Печатать же въ «Историческомъ Вѣстникѣ» то, что я не понимаю, не признаю возможнымъ. При томъ я врагъ всякихъ «интервью». У Толстого есть перо и бумага, каждую его строчку напечатаютъ всюду съ величайшимъ удовольствіемъ, и онъ можетъ распространять свои идеи непосредственно самъ. Передавать же ихъ черезъ вторыя руки—есть самая худшая манера, какую я только знаю. Думаю, что и самъ Толстой не особенно благодаренъ тѣмъ лицамъ, которыя, вызвавъ его на бесѣду, спѣшатъ тотчасъ оповѣстить о томъ на весь міръ. Зачѣмъ ему прибѣгать къ чужому голосу, когда у него есть свой и при томъ, по вашему выраженію, весьма пріятный. Короче сказать, мнѣ очень несимпатично чье-либо пристегиваніе къ громкимъ именамъ.

Прямо изъ литературно-спортивнаго упрямства Шубинскій навелъ остроумную, по-моему, но ошибочную критику на всѣхъ лицъ съ идеалистическимъ складомъ ума. Онъ особенно преувеличивалъ недостатки проповѣдниковъ новой жизни, если послѣдніе выдѣлялись боевымъ темпераментомъ.

— «Конченные люди»,—отзывался онъ о нихъ.—Манера всѣхъ принижать и цѣнить только свои идеалы—черта непризнанныхъ гениевъ, страдающихъ самоуниженіемъ и маніей величія. Они являются сами себѣ судьями и заносчиво, въ обидной формѣ для оппонентовъ, считаютъ себя непогрѣшимыми въ вопросахъ жизни и науки. «Конченные люди»! Спокойствіе мысли—это признакъ силы и справедливости, которыхъ всегда не хватаетъ проповѣдникамъ.

Шубинскій часто возвращался къ этой темѣ, въ особенности побывавъ у Н. С. Лѣскова, страстнаго сторонника позднѣйшихъ взглядовъ Льва Николаевича Толстого на политику, науку и искусство. Его коробили въ Н. С. Лѣсковѣ неумѣренность выражений и авторитетность его проповѣди. Онъ часто говорилъ:

— Каждый человѣкъ имѣетъ собственный взглядъ на тѣ или другія общественныя явленія и считаетъ его наиболѣе вѣрнымъ. Отсюда, при столкновеніи съ противоположнымъ взглядомъ, неизбежно возникаетъ споръ. Дѣло не въ немъ, а въ формѣ, въ которой онъ ведется. Можно вести споръ спокойно и съ тактомъ, и, наоборотъ, рѣзко, импонируя своей непогрѣшимостью и принимая менторскій тонъ. Такой споръ всегда обостряетъ и приводитъ къ взаимному раздраженію. Это уже не обмѣнъ мнѣній, а насильное навязываніе другимъ своего мнѣнія, какъ безусловно непогрѣшимого и не допускающаго критики.

Конечно, въ этомъ разсужденіи Шубинскаго было и много правды, но и нѣкоторая доля спорнаго. Въ области мысли чѣмъ рѣзче и непримиримѣе отдѣняется добро отъ зла, тѣмъ болѣе первое торжествуетъ надъ послѣднимъ; но кто же будетъ отрицать, что за рѣшеніе этой задачи слѣдуетъ браться осторожно и, чтобы не драться правдой, необходимо сохранять спокойствіе тона и деликатность выражений. Я самъ однажды невольно оскорбилъ редакторское самолюбіе Шубинскаго неосторожными словами письма при статьѣ о скончавшемся профессорѣ А. Н. Энгельгардтѣ, который еще до Л. Н. Толстого призывалъ молодежь съѣсть на землю, труды котораго по выработкѣ системы хозяйствованія въ сѣверныхъ губерніяхъ (фосфоритъ и сидерація) до сихъ поръ не утратили научнаго значенія такъ же, какъ и его «Письма изъ деревни». Въ отвѣтъ я получилъ отъ Шубинскаго сердитое письмо отъ 4-го февраля 1893 года.

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Вотъ буквальная выписка изъ вашего перваго письма: «Посылаю вамъ начало статьи объ Энгельгардтѣ. Не знаю только, возьмете ли вы ее: во-первыхъ, я менѣе ста рублей за листъ не хочу получить, увѣренный въ то, что статью возьмутъ и въ «Вѣстникъ Европы» и «Русскую Мысль». Во-вторыхъ, для «Историческаго Вѣстника» нужно протокольную и погребальную статью объ Энгельгардтѣ, а мнѣ хочется воскресить его у читателя».

Неужели вы не сознаете, сколько обиднаго сказано въ этихъ многихъ словахъ? Это Лѣсковскій пошибъ, который всѣхъ отвернулъ отъ него. Рѣшающей тонъ и рѣзкость, безапелляціонная оцѣнка журнала. Я на васъ не сержусь, но не могу оставить безнаказанной обиду, мнѣ сдѣланную. На этомъ основаніи я не возьму статьи объ Энгельгардтѣ даже даромъ, хоть для васъ это не будетъ наказаніе, ибо вы увѣрены, что ее возьмутъ и въ «Вѣстникъ Европы» и въ «Русскую Мысль».

Но личныя наши отношенія, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, отъ этого не измѣнятся ни на волосъ.

Конечно, мнѣ было очень больно, что я обидѣлъ уважаемаго мною редактора, хотя въ неловкихъ словахъ письма я, вѣроятно, хотѣлъ выразить только ту мысль, что въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нужна статья объ усопшемъ Энгельгардтѣ болѣе объективная, какія помѣщаются въ справочныхъ «Словаряхъ», чѣмъ съ публицистическими задачами. Такую статью объ Энгельгардтѣ я и написалъ впослѣдствіи въ 1912 году для «Русскаго біографическаго словаря», издаваемаго русскимъ историческимъ обществомъ, а ту, которую мнѣ вернулъ Шубинскій, я помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ томъ же 1893 году.

Гнѣвъ на милость Шубинскій, конечно, переложилъ при первомъ же нашемъ свиданіи. Но въ оправданіе себя онъ говорилъ:

— Большинство воспоминаній либо впадетъ въ автобіографію, либо въ нихъ все искажено. Я,—говорилъ онъ о себѣ,—прямо не могу писать воспоминаній и всегда не увѣренъ въ себѣ, когда пишу о чувствахъ и мысляхъ другого человѣка... Я сужу о немъ по себѣ, по тому, какъ я его понялъ, а, можетъ быть, онъ есть совсѣмъ иное, чѣмъ въ моемъ представленіи?

Мнѣ пришлось указывать ему на то, что мои воспоминанія объ Энгельгардтѣ построены на письмахъ послѣдняго къ Ермолову, Костычеву, Анзимірову, Мертваго и т. д.

— Письма пишутся либо для потомства, либо подъ минутными настроеніями,—не соглашаясь, возражалъ Шубинскій.—На другой день люди расканваются въ своихъ письмахъ и охотно бы уничтожили ихъ...

— Если природа всѣхъ воспоминаній лжива, а письма тоже недостоверны, то какъ же тогда писать исторію? Нужно забраковать всѣхъ Несторовъ и никому не вѣрить, такъ какъ всѣ они писали свои воспоминанія по личнымъ наблюденіямъ и по рассказамъ другихъ лицъ.

Шубинскій, улыбаясь, кончилъ споръ словами:

— Будемъ думать, что мы оба правы, и не будемъ навязывать своего мнѣнія другимъ.

Терпимость Шубинскаго благотворно дѣйствовала на всѣхъ лицъ, соприкасавшихся съ нимъ. Но иногда она вытекала изъ того, что на многихъ людей онъ смотрѣлъ, какъ на «историческіе типы».

— Если нельзя спорить съ Малютой Скуратовымъ, съ Фамусовымъ или Молчалинымъ, то такъ же бесполезно препираться и съ нынѣшними позднѣйшими типами... Эти тоже «неисправимые». Все поколѣніе такое... Они ничего не любятъ, ничего не уважаютъ, но всѣмъ пользуются. Они лучше приспособлены къ жизни, чѣмъ идейные люди.

Но и съ идейными людьми по журналу Шубинскій нерѣдко расходился во мнѣніяхъ, умѣя отстоять свою независимость и не утратить къ себѣ чужого уваженія.

Такъ, профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, отъ 8-го іюля 1884 года, писалъ ему изъ Павловска:

Аксаковъ возвратилъ мнѣ мою статью «Церковь и византійство», обличающую византійскія мерзости, посвященную памяти бѣднаго, сраженнаго гоненіями Побѣдоносцева Терновскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ направленную противъ напистекихъ вождельнѣй Соловьева. Она, могу сказать, не скучная и должна возбудить полемику общественнаго характера.

Но именно этотъ «характеръ», въ виду цензурныхъ условій, побудилъ Шубинскаго отказаться отъ статьи. Отъ 20-го іюля того же года Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ пишетъ Шубинскому:

Не удивляюсь вашему отказу помѣстить статью мою, или, лучше сказать, менѣе удивляюсь, чѣмъ отказу Аксакова. Оказывается, что онъ со мной расходится во взглядѣ на «Византію». Отъ Семевского я также получилъ отказъ. Суюсь во всѣ стороны, потому что для меня помѣщеніе этой статьи дѣло принципа. Только что замѣтилъ замѣтку о Терновскомъ въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Въ ней произведенъ пропускъ. Недостаетъ главнаго труда Терновскаго «Восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ». Такой пропускъ для «Историческаго Вѣстника» неудобенъ. Если бы вы хотя заглянули въ мою статью, его бы не было.

А вотъ историкъ Д. Иловайскій пишетъ ему изъ Москвы отъ 15-го сентября 1884 года:

Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ бытность свою въ Парижѣ, я добился, наконецъ, возможности проникнуть во французскій лицей, чтобы ознакомиться съ системой французскаго преподаванія исторіи. Прослушавъ десять историческихъ часовъ, я записалъ свои наблюденія. Сии послѣднія я намѣренъ послать вамъ. Къ замѣчаніямъ о французской системѣ преподаванія исторіи, конечно, присоединены замѣчанія о нашей системѣ; тутъ коснусь и нашего ложноклассицизма (о которомъ писалъ еще въ «Русскомъ Архивѣ», въ 1874 году), что теперь будетъ кстати при перемѣнѣ министра. Статья моя, надѣюсь, вполнѣ подходит къ программѣ «Историческаго Вѣстника» и, кромѣ того, имѣетъ интересъ современный.

Между ними возникла полемика, и отъ 9-го октября Иловайскій писалъ Шубинскому:

Меня удивила не откровенность ваша—эта черта почтенная; а вашъ взглядъ на историческое преподаваніе, вопросъ о которомъ будто бы не подходитъ къ историческому журналу. Въ такомъ случаѣ, къ какому журналу онъ болѣе подходитъ, я уже не знаю.

Не зналъ я, что вы сдѣлались такъ исключительны, что пустые анекдоты изъ XVIII столѣтія для васъ попрежнему выше вопроса о преподаваніи исторіи.

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ:

Жалѣю о различіи нашихъ взглядовъ на степень интересности той или другой статьи. Такой статьи, которая была бы равно для всѣхъ интересна, почти никогда не бываетъ. Всегда надобно рассчитывать на тотъ или другой кругъ читателей. Всѣхъ статей журнала никто не читаетъ, а всякій выбираетъ, что для него интереснѣе. Моя послѣдняя статейка, по довольно широкой программѣ «Историческаго Вѣстника», вполне къ нему подходила. Она совсѣмъ не узко-педагогическая, а представляетъ живыя наблюденія. Кромѣ учителей, ее прочтутъ и многіе другіе читатели. Я отправилъ ее въ другой историческій журналъ, имѣющій болѣе тѣсную программу, чѣмъ ваша. Въ отвѣтъ получилъ и благодарность, и обѣщаніе помѣстить ее, согласно моему желанію, въ декабрьской книжкѣ, хотя эта книжка уже вполне составлена. Мнѣ кажется, что ваши ссылки на публику въ этомъ отношеніи не совсѣмъ вѣрны, ибо вы не представляете никакого критерія для опредѣленія ея интереса. Почему вы знаете, какъ публика приметъ ту или другую статью. Очевидно, что вы въ этомъ вопросѣ просто руководитесь личнымъ вкусомъ.

Очень возможно, что Шубинскій руководился здѣсь и «личнымъ вкусомъ», и оригинальнымъ взглядомъ на исторію, которую, какъ науку и, какъ преподаваніе для социологіи, онъ отрицалъ. Неудивительно, что нѣкоторые лица указывали ему на желательность въ «Историческомъ Вѣстникѣ» болѣе солидныхъ трудовъ, но Шубинскій избѣгалъ тяжелой артиллеріи и всегда говорилъ, что читающая публика пугается трудовъ профессоровъ, ученыхъ и еще болѣе философовъ.

— А если приноравливаться къ росту публики,—перебьешь, бывало, его,—то ей надо перечитывать Карамзина и Каткова...

Еще болѣе серьезныя возраженія ему дѣлалъ Н. И. Костомаровъ. Въ письмѣ отъ 8-го сентября послѣдній пишетъ:

Драгоценный Сергѣй Николаевичъ.

Я перебрался въ городъ и жажду видѣть васъ, когда возможно будетъ, не ради иного чего прочаго, какъ только для того, чтобы въ бесѣдѣ съ вами душу отвести, понеже я васъ очень люблю. Но что сіе? Встрѣчаю неожиданно въ сентябрьской книжкѣ, послѣ продолженія превосходнаго очерка украинской литературы Петрова, роковое окончаніе. Я думалъ, не опечатка ли это. Какъ же это можетъ быть окончаніе послѣ Гулака-Артемовскаго и Думитрашки? Петрова я, отчасти, знаю: чловѣкъ такой, что если за что возьмется, то не броситъ на полдорогѣ. Онъ извѣстенъ превосходными статьями въ «Трудахъ Кіевской Ака-

деми», неопытными статьями, открывающими совершенно невѣдомый до него міръ интеллектуальной дѣятельности въ южной Руси въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, и въ той статьѣ, которою онъ украсилъ вашу «Историческій Вѣстникъ», онъ все тотъ же. Я подозреваю, что вы находите его изслѣдованія неинтересными и потому, кажется, хотите отъ него отвязаться. Если такъ, то очень жаль, что вы свое дѣло портите. Вы бѣгаете отъ южной Руси, какъ отъ бѣса. Не вы одни. И многіе вообразили, что это провинциализмъ какой-то, и въ своемъ столичномъ высокомѣрїи думаете, что всѣ на широкой Руси раздѣляютъ ваши взгляды. Вы дѣлаете русскую литературу соучастницей вредныхъ инсинуацій Юзефовичей, Чертковыхъ etc, etc, открывающихъ нѣкую антигосударственную опасность въ томъ, что въ южной Руси, параллельно съ сѣвѣрною, хотя жить не одной матеріальною, но и духовною жизнью и работать на ученомъ и литературномъ поприщѣ надъ элементомъ своей народной мѣстной жизни. Сергѣй Николаевичъ! ради Бога, не привязывайте вашего честнаго имени къ группѣ этихъ людей. Вы находили, что статья Лазоревского скучна, теперь вы ее напечатали и оказывается, что она очень занимательна и драгоценна для исторїи края. Вѣдь вашъ журналъ специально историческій. На какомъ же основанїи можетъ быть въ немъ обречена невниманію половина русско-славянскаго міра? Вы, какъ я знаю, человѣкъ сколько же безпристрастный, какъ честный и умный,—обдумайте. Не отвертывайтесь отъ южной Руси, иначе она отвернется отъ вашего журнала. А вы отъ нея много получите и свѣжихъ силъ для работы въ вашемъ журналѣ и читателей. Извините, что пишу вамъ правду. Не плюйте на насъ—мы колодець, изъ котораго сами захотите напиться. Неужели помѣщаемыя у васъ легенды Трианона и Версаля болѣе занимательны и важны для мыслящихъ читателей, чѣмъ свѣдѣнія о семьѣ Скоропадскихъ? Но легенды эти интересны могутъ быть только для свѣтскихъ барынь, которыя прочтутъ ихъ съ большею охотою по-французски. А семья Скоропадскихъ—оригинальный матеріалъ для исторїи нашей. Да и, кромѣ того, выпустивши начало статьи Петрова и преждевременно изрекши ей окончаніе, вы испортили ее. Ужъ если вы находите неудобнымъ толковать объ этомъ, то не брать бы вамъ вовсе отъ Петрова этой статьи.

Вашъ неизмѣнно преданный Н. Костомаровъ.

Укоры Костомарова Шубинскому характерны для обоихъ друзей.

Но всего болѣе недоразумѣній у С. Н. Шубинскаго было съ Н. С. Лѣсковымъ. Конечно, и эти недоразумѣнія вытекали изъ чистаго источника и кончались благополучно. Оба прїятеля были совершенно разными натурами. Ихъ сближала любовь къ литературѣ, но она же и ссорила ихъ. Сдержанный и уравновѣшенный, Шубинскій былъ, однако, склоненъ къ искренней привязанности, откровенности и благодарности, а Лѣсковъ никогда не былъ сдержанъ, всегда подозрителенъ и «буйствовалъ» въ редакціи «Историческаго Вѣстника» то по поводу его неопредѣленной фізіономїи и воображаемаго созыва Шубинскимъ со всѣхъ волостей въ сотрудники молодежи направленія г. Васильевскаго (профессора по исторїи Византіи), то по поводу прїязни къ Полевому, то возни съ Виницкой, то по поводу какой-либо «откровенности» Сергѣя Николаевича въ частной бесѣдѣ и т. д.

Лѣсковъ особенно возмущался мнѣніемъ Шубинскаго о томъ, что многія воспоминанія часто бываютъ лживы, какъ и письма подъ минутнымъ настроеніемъ. По этому поводу Лѣсковъ писалъ ему задорно и иронически слѣдующее:

По нѣкоторымъ вашимъ словамъ и еще болѣе по общему тону вчерашняго разговора я думалъ, не понять ли я вамъ невѣрно? Я отнюдь не ищу случая для написанія чего-либо по имѣющимся у меня письмамъ, и еще менѣе забочусь искать помѣщенія для написаннаго. Я уступалъ только вашему желанію получить отъ меня что-нибудь и думалъ, что это для васъ полезно и что вы увѣрены въ томъ, что если я далъ работу, то это будетъ не чепуха. *Только* поэтому,—не въ своихъ видахъ, *а для васъ*. Я согласился написать вамъ нѣчто и избралъ матеріалъ любопытнѣйшій, но какъ въ оцѣнкѣ этого рода бумагъ мы не сходимся, то я этого для васъ и не стану дѣлать, а сдѣлаю, если захотите, что-нибудь другое и уже не теперь, а въ другое время, когда вы мнѣ скажете, что вамъ отъ меня нужно и полезно. О письмахъ же ничего говорить не будемъ, такъ какъ во взглядѣ на нихъ я съ вами несогласенъ.

Подобные упреки Лѣскова, но уже въ болѣе обидной формѣ, повторялись неоднократно и ранѣе, и послѣ. Шубинскій искренно огорчался ими, но отвѣчалъ письменно съ характернымъ для него благородствомъ и любопытными подробностями изъ исторіи литературы.

Отъ 30-го января 1885 года онъ пишетъ ему:

Многоуважаемый Николай Семеновичъ! Съ величайшимъ изумленіемъ прочиталъ ваше письмо. Въ сущности, на подобныя письма отвѣчать нечего; но я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Я думалъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ нашего знакомства вы меня достаточно узнали, казалось мнѣ, что и я васъ знаю. Поэтому въ сношеніяхъ съ вами я всегда и во всемъ былъ вполне откровененъ, говорилъ, не обдумывая «фразъ», а просто и прямо «отъ души» въ увѣренности, что вы не станете подыскивать въ моихъ словахъ какихъ-нибудь «заднихъ мыслей», перетолковывать ихъ, а если что-либо, по неловкости «фразы», и покажется страннымъ, спросите у меня поясненія и такимъ образомъ разсѣете случайное недоразумѣніе. Вижу, что ошибался, и это весьма горько. Въ мои годы и привязанности не скоро дѣлаются, и разочарованія не легко переносятся. Но что дѣлать? по крайней мѣрѣ я чистъ и совѣстью и сердцемъ. Теперь понимаю, почему такъ мало встрѣчалъ людей, къ вамъ искренно расположенныхъ. Какъ только такой человѣкъ появляется, вы спѣшите, Богъ васъ вѣдаетъ для чего, ни съ того, ни съ сего, придравшись къ самому пустяку, оттолкнуть его. Это вашъ расчетъ, который обсуждать не буду.

Что касается «Историческаго Вѣстника», то, конечно, совершенно отъ васъ зависитъ участвовать въ немъ. Я никогда не отказывался отъ вашихъ статей, всегда принималъ ихъ съ радушіемъ и старался, насколько могъ, исполнить ваше желаніе. Такъ будетъ и впредь, потому что я не способенъ быстро мѣняться и останусь относительно васъ тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде, т. е. душевно преданнымъ.

Шубинскій.

Р. С. Черезъ три-четыре дня, когда будетъ сдѣланъ полный расчетъ по статьѣ «Поповская чехарда», я пришлю вамъ записку на полученіе въ счетъ гонорара за статью «Остзейскіе дѣятели» въ такомъ расчетѣ, чтобы вы имѣли за нее до напечатанія 300 рублей.

Въ томъ же году, отъ 31-го марта, Шубинскій опять пишетъ Лѣскову:

Многоуважаемый Николай Семеновичъ!

Я становлюсь совершенно въ тупикъ передъ тѣми непонятными для меня «недоразумѣніями» (не знаю, какъ назвать это иначе), которыя возникли въ послѣднее время въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ, и тщетно ищу причинъ. Рѣдко къ кому питалъ я столь искреннее расположеніе, какъ къ вамъ; рѣдко съ кѣмъ былъ до такой степени откровененъ, какъ съ вами, повѣрялъ даже самыя наболѣвшія мѣста моей души; рѣдко кому я оказывалъ съ такимъ удовольствіемъ мелкія услуги, не имѣя возможности оказать крупныхъ. Во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, поступкахъ, словахъ съ вами я былъ всегда вполне искрененъ и прямодушенъ. А между тѣмъ что же выходитъ: вы съ какимъ-то особеннымъ упрямствомъ стараетесь въ каждомъ моемъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ, можно сказать, простомъ движеніи, непремѣнно отыскать «заднюю мысль», укорить въ такихъ качествахъ, которыя никогда не были сродны моему характеру, уколоть за то, въ чемъ я неповиненъ ни душой, ни тѣломъ. Откуда все это явилось—не знаю; вы молчите, а я не догадываюсь. Бывали, и нерѣдко, случаи, когда мелкая сплетня разъединяла людей,—но я думаю лучше и о васъ, и о себѣ. Не вѣрнѣ ли приписать все это «нервному состоянію», когда человѣкъ съ какою-то особенною радостью придирается къ пустякамъ и мучаетъ преимущественно наиболѣе близкихъ и расположенныхъ къ себѣ?

Вы приписываете возвращеніе вамъ статьи о Филаретѣ тому, что я не хочу ее печатать, потому что нахожу вопросъ о духовенствѣ скучнымъ и т. п. Когда вы узнаете отъ меня содержаніе моихъ объясненій въ цензурномъ комитетѣ, тогда увидите и настоящую причину, почему я возвратилъ вамъ статью и почему на нѣкоторое время вынужденъ остановиться помѣщеніемъ статей, касающихся духовенства. По всѣмъ вѣроятіямъ, не для меня одного, а для всѣхъ будетъ скоро сдѣлано распоряженіе, чтобы статьи, касающіяся духовенства, посылались на просмотръ духовной цензуры. Вамъ дѣлается неприятность не мною, а духомъ времени, который въ 1883 году находитъ революціоннымъ помѣщеніе рисунка «Взятіе Бастиліи», разрѣшеннаго не далѣе, какъ въ концѣ 1882 года цензоромъ для изданія «Нашъ Вѣкъ», и въ 1876 году въ дешевой «Иллюстрированной Газетѣ». Помѣщеніе мною портрета Дантона повело къ обвиненію меня въ сочувствіи ярымъ демагогамъ и т. п. Вѣдь, свѣжій человѣкъ, пожалуй, подумаетъ, что я лгу. Долженъ сказать правду, что я встрѣтилъ поддержку въ Ооктистовѣ и, только благодаря ему, отстоялъ и книжку «Историческаго Вѣстника» и даже рисунокъ «Взятіе Бастиліи», который цензурный комитетъ единогласно призналъ невозможнымъ къ помѣщенію. Конечно, текстъ меня заставили совершенно измѣнить.

«Совершенно вѣрно, что меня отъ 1 до 6 часа никогда нѣтъ дома, но вечеромъ, преимущественно въ понедѣльникъ, среду и пятницу я всегда дома и кто идетъ ко мнѣ не съ «злой душой», тому всегда радъ.

Неизмѣнно преданный

Шубинскій.

Въ слѣдующемъ году Лѣсковъ находитъ также поводы корить Шубинскаго литературными грѣхами, на которые Шубинскій отъ 18-го марта 1884 пишетъ ему слѣдующее письмо:

Многоуважаемый Николай Семеновичъ!

Если В. О. Михневичъ счесть нужнымъ сообщить вамъ, что я на васъ «жаловался», то я рѣшительно недоумѣваю, почему онъ умолчалъ о сущности моей жалобы. При свиданіи съ нимъ у меня быть, разумѣется, разговоръ объ «Историческомъ Вѣстникѣ», составѣ его, количествѣ подписчиковъ и т. п. Между тѣмъ онъ самъ спросилъ меня, отчего нѣтъ давно вашихъ статей. На это я отвѣчалъ, или, если хотите «жаловался», что, несмотря на мое сердечное къ вамъ расположеніе, вы въ послѣднее время отдаляетесь и отъ меня и отъ «Историческаго Вѣстника», предпочитая расходовать свой талантъ въ маленькихъ и малоизвѣстныхъ изданіяхъ и т. п. Такимъ образомъ, «жалоба» была чисто «литературная», не разъ высказывалась лично и непосредственно вамъ. Полагаю, что она не только не оскорбительна, но скорѣе лестна, потому что предъявлять подобнаго рода «жалобы» можно только къ человѣку и литератору, личностю и талантѣ котораго уважаешь. Къ этой «жалобѣ» я теперь долженъ присоединить еще одну. Каждому пустому слову, каждому обыкновенному дѣйствию вы любите придавать какое-то особенное значеніе и отыскивать въ нихъ непремѣнно то, чего въ нихъ не было. Въ жизни нельзя прожить безъ маленькихъ недоразумѣній и, не разъяснивъ ихъ простымъ способомъ, писать тотчасъ официальные письма, говорить объ «оскорбленіи»,—значитъ лишь напрасно и безцѣльно раздражать и огорчать и себя, и тѣхъ, кто, подобно мнѣ, съ самаго перваго дня знакомства съ вами, не питалъ къ вамъ иныхъ чувствъ, кромѣ самаго искренняго, идущаго изъ сердца расположенія. Я старался выказывать вамъ это всегда и во всемъ и не моя вина, что вы меня до сихъ поръ не понимаете, или плохо еще знаете. Богъ вамъ судья.

Вашъ Шубинскій.

Въ декабрѣ отъ 24-го того же 1884 года Шубинскій отвѣчаетъ на новое письмо Лѣскова такъ же тепло и благородно:

Многоуважаемый Николай Семеновичъ!

Простите и вы меня, если я сказалъ что-нибудь нескладное, или неладное. Знаю очень хорошо, что я во всемъ слишкомъ «поспѣшливъ», а въ письмахъ въ особенности. При множествѣ всякихъ дѣлъ, пишешь наскоро, какъ придется, не обдумывая фразъ и выражений, оттого и обмолвишься иногда неподходящимъ словомъ или неточной фразой, которая подаетъ поводъ къ недоразумѣнію. Притомъ же вѣчно кипишь въ котлѣ,—нѣтъ у меня спокойствія въ этой обстановкѣ. Напримѣръ, сегодня С. передалъ мнѣ полученное имъ безыменное письмо къ нему, начинающееся такъ:

«Читаю вашъ «Историческій Вѣстникъ» и удивляюсь, что подъ нимъ ваша фамилія. Мы привыкли видѣть въ васъ человѣка глубоко русскаго и патріота, но мало видимъ этихъ качествъ въ вашемъ «Вѣстникѣ». Къ чему вы напустили этихъ литературныхъ вшей — Карновича, Мордовцева и другихъ,—имъ мѣсто въ «Наблюдателѣ» или въ «Вѣстникѣ Европы»

вообще тамъ, гдѣ есть «Пилтава» или «Краковскій уѣздъ». Читаете ли вы сами «Историческій Вѣстникъ»? Вѣдь въ немъ чуть не въ каждой страницѣ оплевываніе всего русскаго» и т. д. (двѣ страницы ярыхъ инсинуацій). Письмо оканчивается такъ: «Нѣтъ, почтеннѣйшій А. С., надо прикладывать руку «издатель такой-то», но въ началѣ посмотрѣвъ, подь чѣмъ прикладываете, чтобы не краснѣть за свое доброе имя и т. п.»

Господи, до чего доживаемъ! Чего еще нужно этимъ одичалымъ патристамъ, съ яростью бросающимся въ своею невѣжественномъ фанатизмѣ на все то, что старается хоть немного сохранить свою чистоту. Но при всей своей узкости и подлости они знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, понимаютъ, какой ядъ подпускаютъ подобными инсинуаціями, и не ошибаются, что гнусный расчетъ ихъ оправдывается, хотя и не вполнѣ... Впрочемъ, Христосъ ихъ знаетъ: брошенная искра, попавъ на благоприятную почву, разгорается иногда въ пожаръ. Да! надо уступать дорогу; теперь нѣтъ мѣста честнымъ людямъ. Какое несчастье жить среди этой поголовной мишуры и безсовѣстности! Статью въ «Петербургской Газетѣ» вы написали вчера хорошую. Такія статьи, несомнѣнно, принесутъ пользу и обузданіе.

По письму вашему исполню. Когда статья будетъ набрана, велю сдѣлать расчетъ, получу деньги и передамъ вамъ. Заглавіе лучше оставить первое, а если мнѣнать, то, по моему мнѣнію, болѣе подходящее третье: «Остзейскій гроефатеръ».

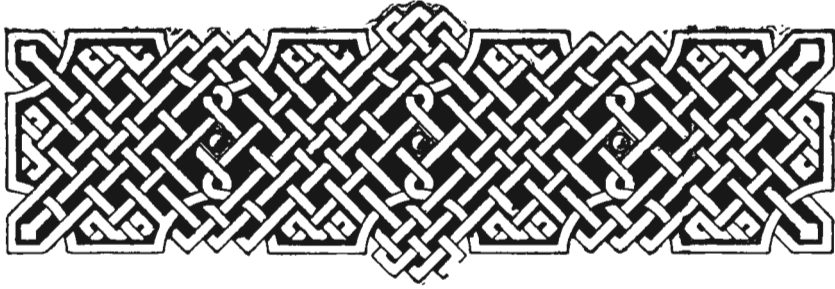
Шубинскій.

Лѣсковъ и безъ этихъ писемъ всегда чувствовалъ товарищескую нѣжность Шубинскаго, но, признавая въ немъ благороднаго человѣка, онъ продолжалъ, однако, постоянно мучить его и полемизировать съ нимъ въ рѣзкой формѣ объ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ связи съ общими вопросами русской литературы

Но Шубинскій въ вопросѣ о веденіи журнала считалъ себя болѣе практичнымъ, чѣмъ Н. Костомарова, Ореста Миллера, Н. Лѣскова и другихъ. Давая мнѣ ихъ письма для снятія копій, Сергѣй Николаевичъ разрѣшилъ мнѣ и пользоваться ими послѣ его смерти, а многими изъ нихъ я пользовался и при его жизни, съ его же согласія, о чемъ свидѣтельствуетъ моя книга о Лѣсковѣ «Противъ теченій». Во всѣхъ случаяхъ я пытался воспроизвести не только лучшія стороны С. Н. Шубинскаго, но и спорныя. Мнѣ хотѣлось возсоздать правдивое и всестороннее представленіе о немъ, какъ о живомъ и весьма сложномъ человѣкѣ.

А. Фаресовъ.

С. Н. ШУБИНСКИЙ И «ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ».

I.

ПОЗНАКОМИЛСЯ съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ въ концѣ 1873 года въ Петербургѣ у Л. Н. Майкова. Въ то время Шубинскій прискивалъ сотрудниковъ для предпринимаемаго имъ популярнаго историческаго ежемѣсячника «Древняя и Новая Россія». Шубинскій обратился за выработкой программы и направленія изданія къ профессору русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ К. Н. Бестужеву-Рюмину и къ Л. Н. Майкову, въ то время служившему въ главномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но уже зарекомендовавшему себя солидными учеными работами въ области исторіи русской литературы.

Ежемѣсячникъ, названіе котораго заимствовано отъ извѣстной историко-политической записки Карамзина, ставилъ себѣ широкія задачи. Онъ долженъ былъ дать читателямъ статьи и замѣтки въ общедоступномъ изложеніи не только по исторіи допетровской и послѣпетровской исторіи Россіи, но и по ея географіи и этнографіи, исторической и современной, исторіи русской литературы, русской археологіи и по славяновѣдѣнію, главнымъ образомъ, славянскихъ народностей, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ Россіи—сербовъ, болгаръ и поляковъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, слѣдовавшій

именно приведенной выше схемѣ изученія русской исторіи, составилъ для С. Н. Шубинскаго программу журнала въ вышеуказанномъ направленіи. Къ участию въ изданіи предполагалось привлечь не только виднѣйшихъ представителей всѣхъ отраслей отечествовѣдѣнія и славяновѣдѣнія въ Петербургѣ и Москвѣ, но и цѣлый рядъ ученыхъ и литераторовъ провинціальныхъ.

Л. Н. Майковъ былъ человекъ весьма обязательный и любезный, сочувственно относившійся ко всѣмъ серьезнымъ научнымъ и литературнымъ замысламъ и дружески протягивавшій свою и въ то время весьма авторитетную руку помощи каждому прибѣгавшему къ нему за совѣтомъ и указаніемъ. Онъ никогда не былъ ученымъ олимпійцемъ, снисходительно и съ высоты величія «третировавшимъ» молодыхъ «друзей науки», какъ выражался Погодинъ, и скромныхъ тружениковъ и диллетантовъ на научномъ поприщѣ, и столичныхъ, петербургцевъ, и провинціаловъ. У Л. Н. Майкова, какъ у всѣхъ петербургскихъ ученыхъ и литераторовъ, были опредѣленные вечера разъ въ недѣлю. Въ его въ то время скромную квартиру сходилась по вторникамъ учено-литературная братія изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ и изъ разныхъ мѣстъ и стогновъ земли русской. Бывали на этихъ вторникахъ и «знатные иностранцы», какъ, напримѣръ, извѣстные изслѣдователи русской жизни, французы Рамбо и Леже и англичанинъ Мекензи Уоллесъ. И всѣмъ легко и привольно дышалось на этихъ незабвенныхъ для меня «вторникахъ», благодаря радушію Л. Н. Майкова и его достойной супруги Александры Алексѣевны. Изъ сказаннаго весьма понятно, почему С. Н. Шубинскій обратился къ руководителю содѣйствію Л. Н. Майкова и явился усерднымъ посѣтителемъ его вторниковъ.

Въ числѣ цѣлаго ряда столичныхъ и провинціальныхъ ученыхъ специалистовъ Леонидъ Николаевичъ рекомендовалъ Шубинскому въ сотрудники задуманнаго имъ журнала и меня, въ то время только что начинавшаго свою ученую карьеру въ скромномъ званіи доцента русской исторіи въ казанскомъ университетѣ. Рекомендація эта была основана на одномъ обстоятельстве, очень важномъ для меня лично, но имѣющемъ и нѣкоторый общій интересъ, а потому да простятъ мнѣ читатели, если я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе.

Лѣтомъ 1873 года былъ сильный голодъ, поразившій все среднее Поволжье и, главнымъ образомъ, Самарскую губернію. Среди профессоровъ казанскаго университета возникла мысль прочитать зимой 1873—1874 гг. въ пользу крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, рядъ публичныхъ лекцій. Въ числѣ лекторовъ былъ и я. Я прочиталъ лекцію объ А. П. Волынскомъ, извѣстномъ кабинетъ-министрѣ Анны Іоанновны и бывшемъ губернаторомъ въ Казани въ царствованія Екатерины I и Петра II.

Говоря о ссорахъ Волынскаго съ тогдашнимъ митрополитомъ казанскимъ Сильвестромъ и о взяткахъ его съ казанскихъ инородцевъ, я, чтобы не пестрить изложенія частымъ повтореніемъ имени Волынскаго, замѣнялъ это имя словами «казанскій губернаторъ», а въ обзорѣ дѣятельности Волынскаго въ должности кабинетъ-министра подробно очертилъ его политическое національное сredo, направленное противъ нѣмцевъ-правителей, съ требованіемъ развитія въ Россіи просвѣщенія, въ особенности среди «шляхетства», т. е. дворянства, для того, чтобы у насъ были свои природные и притомъ «образованные» министры; не обошелъ я, разумѣется, и рѣзкихъ отзывовъ Волынскаго объ императрицѣ Аннѣ.

Въ то время въ Казани былъ губернаторомъ оставившій большой по себѣ слѣдъ въ мѣстной жизни Н. Я. Скарятинъ. Это былъ типичный щедринскій «помпадуръ борьбы», не переносившій никакихъ новшествъ и враждебно смотрѣвшій на возникавшія одна за другой реформы шестидесятыхъ годовъ: освобожденіе крестьянъ съ земскими учрежденіями, университетскій уставъ 1863 года и судебныя учрежденія стояли Скарятину поперекъ горла. До казанскаго губернатора дошли слухи о моей лекціи, какъ это часто бываетъ, въ особенности въ нашей провинціи, въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ. Ему передали, что, прикрываясь Волынскимъ, я изобличаю его дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ нападаю на теперешнее русское правительство и сочувственно высказываюсь за конституціонный строй.

Скарятинъ лично отправился къ тогдашнему попечителю казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакову съ жалобой на меня и просилъ попечителя доставить ему текстъ моей лекціи. На это попечитель заявилъ губернатору, что профессора университета, по существующимъ правиламъ, должны представлять попечителю лишь заглавія своихъ публичныхъ лекцій, а не текстъ. «Корсаковымъ,— продолжалъ П. Д. Шестаковъ,— и было исполнено это правило, и лекція его была разрѣшена мною по сношеніи съ вами».

— Да,— возразилъ Скарятинъ:— я знаю это правило по отношенію къ профессорамъ, но Корсаковъ не профессоръ, а «доцентшшка».

П. Д. Шестаковъ заявилъ губернатору, что доценты, какъ преподаватели университета, въ данномъ случаѣ пользуются одними правами съ профессорами. Такъ Скарятинъ и не получилъ текста моей лекціи. Носились слухи, что Скарятинъ обо всемъ этомъ инцидентѣ сообщилъ шефу жандармовъ графу П. А. Шувалову.

Я собирался въ то время въ Петербургъ, и П. Д. Шестаковъ посоветовалъ мнѣ напечатать лекцію въ какомъ-нибудь петербургскомъ журналѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я совсѣмъ уже устроилъ печатаніе моей лекціи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Θ. Корша, но

вслѣдствіе разговора обо всемъ вышеизложенномъ съ Л. Н. Майковымъ мое намѣреніе напечатать лекцію о Волынскомъ совершенно измѣнилось.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Л. Н. Майкова онъ сказалъ мнѣ: «Вамъ бы лучше заняться подробнымъ изученіемъ Волынскаго, личность и эпоха котораго весьма интересны. Біографія Волынскаго, написанная Шишкинымъ въ концѣ 1850 годовъ, устарѣла, а у меня имѣется цѣлый рядъ копій съ архивныхъ документовъ изъ дѣла Волынскаго, переданныхъ мнѣ И. П. Шульгинымъ ¹⁾ и совершенно неизвѣстныхъ Шишкину. Вотъ займитесь ихъ разработкой. Выйдетъ интересная и большая монографія».

Разговоръ этотъ съ Л. Н. Майковымъ происходилъ какъ разъ въ то время, когда къ нему стали заходить С. Н. Шубинскій для выработки программы «Древняя и Новая Россія».

Такимъ образомъ, благодаря С. Н. Шубинскому, я сдѣлался сотрудникомъ столичнаго историческаго журнала, въ которомъ участвовали такіе выдающіеся изслѣдователи нашего прошлаго, какъ Костомаровъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Майковъ и другіе. Помѣстивъ въ «Древней и Новой Россіи» обширную монографію о Волынскомъ и вслѣдъ за ней еще нѣсколько небольшихъ статей и замѣтокъ, я сталъ болѣе равностнымъ сотрудникомъ С. Н. Шубинскаго въ другомъ его періодическомъ изданіи «Историческомъ Вѣстникѣ», предпринятомъ въ 1880 году и редактированномъ имъ до самой его кончины, въ теченіе тридцати трехъ съ половиной лѣтъ. Всего же я былъ не только знакомъ съ С. Н. Шубинскимъ, но находился съ нимъ въ близкомъ общеніи безъ малаго сорокъ лѣтъ. Въ эти долгіе годы и личныхъ свиданій, и постоянной переписки съ нимъ я имѣлъ возможность и близко узнать и полюбить этого рѣдкаго въ частныхъ отношеніяхъ человѣка и въ высшей степени любезнаго и предупредительнаго редактора. Благодарныя воспоминанія о С. Н. Шубинскомъ пребудутъ для меня навсегда въ числѣ моихъ лучшихъ воспоминаній, которыми я по силѣ возможности и намѣренъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника».

II.

Послѣ заключенія парижскаго мира въ 1856 году, мира, закончившаго крымскую войну, русское общество, долго таившее въ себѣ мысли о необходимости коренныхъ реформъ внутренней русской жизни, и во главѣ этихъ реформъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, порывисто двинулось по пути выясненія на-

¹⁾ Ректоръ петербургскаго университета въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, а до того преподаватель исторіи великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу.

стоящаго и прошлаго Россіи для подготовленія къ предстоящимъ преобразованіямъ. Сравнительно съ послѣдующими годами царствованія императора Николая I ослабленіе цензуры давало возможность русской прессѣ высказывать различныя предположенія по тогдашнимъ «злбодневнымъ вопросамъ». Прежде всего, что весьма естественно, стали появляться «обличенія» современныхъ порядковъ, или, правильнѣе говоря, не порядковъ, въ государственной и общественной жизни; то же обличительное направленіе коснулось и ближайшаго нашего прошлаго, истории Россіи XVIII в., которая во все царствованіе императора Николая I находилась подъ строгимъ запретомъ и ограничивалась только диэирамбами и панегириками Петру I и Екатерины II. Начиная съ 1856 года, историческая обличительная литература прежде всего выдвинула тѣневныя стороны личности и времени перваго русскаго императора, его ближайшихъ преемниковъ и Екатерины II. Создалась цѣлая группа историческихъ писателей, дружно поднявшихъ завѣсу съ такихъ вопросовъ изъ русской придворной, общественной и литературной исторіи XVIII вѣка, которые вслѣдствіе указанныхъ выше условій были до того совершенно неизвѣстны русской публикѣ. Группа эта состояла, главнымъ образомъ, изъ офицеровъ, находившихся на дѣйствительной службѣ и отставныхъ. То были: Щебальскій, Семевскій, Карновичъ, Хмыровъ; позднѣе, въ началѣ шестидесятихъ годовъ, къ нимъ присоединился и С. Н. Шубинскій. Изъ «штатскихъ» въ эту же группу вошли: кандидатъ историко-филологическаго факультета казанскаго университета, служившій тогда въ одномъ изъ министерствъ въ Петербургѣ I. Н. Шишкинъ, Д. Л. Мордовцевъ, М. Н. Лонгиновъ, П. И. Бартенева и писатель несравненно старше всѣхъ упомянутыхъ, выступившій на литературное поприще еще въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, Г. В. Есиповъ. Въ 1860 годахъ въ Петербургѣ началъ издавать книгопродавецъ Генкель историко-литературный журналъ съ прекрасными гравированными на стали и мѣди рисунками, подъ названіемъ «Сѣверное Сіяніе». Въ этомъ изданіи помѣщались статьи очень многихъ изъ названныхъ выше историческихъ писателей, и въ числѣ ихъ въ немъ выступилъ и С. Н. Шубинскій въ 1862 году. Затѣмъ онъ издалъ вскорѣ два сборника своихъ статей изъ напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: 1) «Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка», 2) «Анекдоты о князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ» и редактировалъ изданныя книгопродавцемъ Я. А. Исаковымъ «Записки иностранцевъ о Россіи XVIII в.» (Графа Миниха и леди Рондо).

Такимъ образомъ, С. Н. Шубинскій имѣлъ уже нѣкоторую подготовку къ историческимъ занятіямъ, и поэтому естественно было его желаніе явиться въ качествѣ редактора историческаго журнала. Повидимому, прототипомъ для «Древней и Новой Россіи» служилъ

журналь Генкеля, такъ какъ изданіе, предпринятое С. Н. Шубинскимъ, должно было быть также иллюстрированнымъ, но нѣсколько иначе, чѣмъ «Сѣверное Сіяніе». «Древняя и Новая Россія» выходила ежемѣсячно небольшими тетрадами in 4° съ портретами русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, снимками съ картинъ русскихъ художниковъ и изображеніями нѣкоторыхъ бытовыхъ сценъ изъ прошлой и современной русской жизни. Всѣ эти иллюстраціи, для большаго удешевленія изданія, были не гравюрами на стали и мѣди, а литографіями и ксилографіями, помѣщавшимися въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Издателемъ «Древней и Новой Россіи» явился В. И. Граціанскій, служившій, если не ошибаюсь, въ министерствѣ финансовъ и имѣвшій свои типографію и литографію.

Задача «Древней и Новой Россіи» заключалась въ популяризаціи свѣдѣній о Россіи и славянахъ среди «большой публики», но составъ сотрудниковъ этого изданія на первыхъ порахъ былъ не особенно подходящъ для этой цѣли. Среди русскихъ историковъ второй половины семидесятыхъ годовъ прошло вѣка талантливымъ популяризаторомъ являлся только одинъ Н. И. Костомаровъ; остальные стали помѣщать въ ежемѣсячникѣ С. Н. Шубинскаго тянувшіяся не только въ теченіе цѣлаго года, но переходившія иногда и въ слѣдующій годъ, очень почтенныя, но мало интересныя для большой публики изслѣдованія. Таковы были монографіи: Бестужева-Рюмина о Татищевѣ, Замысловскаго о Герберштейнѣ, Майкова о Симеонѣ Полоцкомъ. Рисунки въ «Древней и Новой Россіи» не всегда отвѣчали исторической истинѣ, и техническое исполненіе многихъ изъ нихъ было неудовлетворительно. Между тѣмъ г. Граціанскій не жалѣлъ расходовъ на изданіе, и годъ отъ году денежныя затраты все болѣе и болѣе ложились на него тяжелымъ бременемъ. Подписка на «Древнюю и Новую Россію» съ каждымъ годомъ шла все хуже и хуже, такъ что осенью 1879 года С. Н. Шубинскій вынужденъ былъ оставить редакторство еженедѣльника.

Моя переписка съ С. Н. Шубинскимъ возникла съ начала 1874 г. Первое письмо его отъ 21-го февраля этого года извѣщаетъ меня о разрѣшеніи изданія въ 1875 году «Древней и Новой Россіи», съ подробнымъ изложеніемъ хозяйственныхъ дѣлъ редакціи и размѣра гонорара за статьи. Въ этомъ письмѣ С. Н. Шубинскій усердно проситъ поскорѣе доставить ему моего «Волынскаго», считая эту монографію, по ея замыслу и матеріалу, весьма важной для новаго сборника. Но я, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, явился сразу же неаккуратнымъ сотрудникомъ. Прежде всего, выступая впервые въ столичномъ періодическомъ изданіи, я желалъ тщательнѣе воспользоваться интереснымъ матеріаломъ, сообщеннымъ мнѣ Л. Н. Майковымъ, но другія занятія не позволяли мнѣ это исполнить въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени. Въ 1874 году

лѣтомъ открылся въ Кіевѣ археологическій съѣздъ, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, и я былъ командированъ отъ казанскаго университета, вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ русской исторіи Н. А. Фирсовымъ, депутатомъ на этотъ съѣздъ. Къ осени 1874 года съѣздъ закрылся, но я не могъ предпринять серьезныхъ занятій по обработкѣ монографіи о Волынскомъ, вслѣдствіе подготовки къ лекціямъ въ казанскомъ университетѣ. 1875 годъ принесъ за собой тѣ же препятствія, осложнившіяся еще новыми съ моей стороны заботами. Ученый совѣтъ кіевскаго археологическаго съѣзда избралъ меня секретаремъ предварительнаго комитета слѣдующаго съѣзда, который предположенъ собраться въ Казани. Ввиду указанныхъ обстоятельствъ я лишь въ концѣ 1875 года могъ доставить С. Н. Шубинскому первыя двѣ главы «Волынскаго». Для публики неинтересны подробности въ письмахъ С. Н. Шубинскаго ко мнѣ за все это время, т. е. за 1874—1875 г.г., такъ какъ переписка наша за эти годы касается мелочныхъ подробностей моего сотрудничества въ «Древней и Новой Россіи» и писанія монографіи о Волынскомъ. Считаю лишь необходимымъ отмѣтить ту черту характера Сергѣя Николаевича, которая столь рельефно уже выставлена А. И. Фаресовымъ,—это необычайная сердечность Сергѣя Николаевича въ отношеніи къ его сотрудникамъ. Онъ не только терпѣливо ожидалъ моей статьи, но оказывалъ мнѣ такъ много любезности и предупредительности, которыя, конечно, никакимъ другимъ редакторомъ не были бы оказаны новоявленному сотруднику журнала. С. Н. Шубинскій подробно общалъ мнѣ о ходѣ изданія «Древней и Новой Россіи», о вновь приобретаемыхъ имъ сотрудникахъ, пересылалъ мнѣ книги для моей работы и совѣщался со мной о рисункахъ, которые должны быть приложены къ моей статьѣ. Свою неаккуратность и медлительность я старался искупить присканіемъ для «Древней и Новой Россіи», по желанію Шубинскаго, сотрудниковъ изъ числа профессоровъ казанскаго университета и другихъ лично мнѣ знакомыхъ ученыхъ и литераторовъ. Прежде всего я указалъ Шубинскому на еще съ дѣтства близкаго мнѣ ученаго, П. А. Ровинскаго, извѣстнаго слависта, статьями котораго Шубинскій остался очень доволенъ. Эти статьи до сихъ поръ не только не утратили своего серьезнаго значенія, но очень важны въ наши дни, въ качествѣ комментарія пережитыхъ годъ тому назадъ и переживаемыхъ теперь событій на Балканахъ. То были: 1) «Наши отношенія къ Сербамъ, поученія изъ прошлаго и настоящаго» («Древняя и Новая Россія» 1877 г., № 2); 2) «Россія и славяне Балканскаго полуострова» (*ibid.*, 1878 г., № 2), 3) «Битва у Каменицы близъ Ниша въ маѣ 1809 года» (*ibid.*, 1878 г., № 5).

Кромѣ того, Пав. Ап. Ровинскій, предпринявшій въ началѣ 1870 годовъ путешествіе въ Восточную Сибирь, Монголію и Китай,

напечатавъ въ «Древней и Новой Россіи» 1875 года интересныя очерки Восточной Сибири.

Затѣмъ я рекомендовалъ Шубинскому двухъ профессоровъ казанскаго университета, С. М. Шпилевскаго и Н. В. Сорокина, а также моего слушателя, студента университета, впоследствии извѣстнаго археолога и профессора московскаго археологическаго института С. К. Кузнецова, скончавшагося въ концѣ 1913 года. Всѣ эти лица помѣстили свои монографіи въ «Древней и Новой Россіи».

«Я не знаю непріятнаго положенія редактора періодическаго изданія,—писалъ мнѣ С. Н. Шубинскій 18-го мая 1876 года,—онъ обязанъ стремиться всѣми силами угодить каждому и постоянно лишь возбуждаетъ неудовольствіе всѣхъ, потому что окруженъ самыми разнообразными взглядами, самолюбіями, требованіями, расчетами и т. п., удовлетворить которые нѣтъ возможности. Ему остается одно: составить опредѣленный планъ дѣйствій и твердо держаться его, не уступая шага и никому не маля. Только при этихъ условіяхъ и можетъ держаться изданіе, хотя за это многіе и начнутъ придавать несчастному редактору эпитеты крайне для него неслестныя. Въ прошломъ году, составивъ послѣднія книжки сборника изъ статей, окончанія которыхъ я не имѣлъ, я чуть не убилъ изданіе. Статьи, обѣщанныя, по первоначальному плану, на одинъ или на два номера, разрослись до громаднѣхъ размѣровъ и четыре послѣднія книжки сборника явились лишь скучнымъ и несноснымъ для публики продолженіемъ статей Бестужева, Майкова, Замысловскаго, Хмырова и др. Чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, я долженъ былъ вводить издателя въ убытокъ, дѣлая книжки, вмѣсто десяти листовъ, по четырнадцать и по пятнадцать. Несмотря на это, я, несомнѣнно, повредилъ подпискѣ и убѣдился, что только тогда буду хозяиномъ дѣла, когда буду имѣть возможность вполне разобраться въ матеріалѣ и составить книжки за четыре мѣсяца раньше ихъ выхода».

Съ исхода 1876 года я началъ аккуратно доставлять продолженіе «Волынскаго», который и былъ напечатанъ въ «Древней и Новой Россіи» въ теченіе 1877 года (№№1—11).

Въ концѣ 1876 года и затѣмъ черезъ годъ, осенью 1877 года, я ѣздилъ въ Петербургъ. Во вторую изъ этихъ поѣздокъ я прожилъ въ Петербургѣ до мая 1878 года. Личное общеніе съ Шубинскимъ, особенно во второе мое пребываніе въ Петербургѣ, еще болѣе сблизило меня съ нимъ, и я искренно полюбилъ этого замѣчательно добраго и отзывчиваго человѣка.

1876 годъ, какъ извѣстно, былъ ознаменованъ войной Сербіи съ Турціей и участіемъ въ этой войнѣ, въ качествѣ сторонниковъ Сербіи, русскихъ «добровольцевъ», которые особенно выдавались, благодаря энтузіазму ихъ предводителя М. Г. Черняева. Русское

общественное мнѣніе было поглощено этими важными на Балканахъ событіями, и публика стала меньше и меньше обращать вниманіе на прошлое Россіи и сосѣднихъ съ нею странъ, чему была посвящена «Древняя и Новая Россія».

Вотъ что писалъ мнѣ С. Н. Шубинскій 11-го декабря 1876 года:

«Подписка идетъ крайне плохо, не только на нашъ, но и на всѣ безъ исключенія журналы. Старые, опытные книгопродавцы и издатели, основываясь на опытѣ прошлыхъ лѣтъ, говорятъ, что въ военное время подписка на журналы упадетъ всего на одну треть и соразмѣрно этому увеличивается на газеты. По ходу дѣла я начинаю думать, что они правы. Между тѣмъ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ Граціанскій долженъ былъ сдѣлать заказъ бумаги для изданія на весь годъ и внести фабриктъ Варгуннина третью часть денегъ впередъ, что составитъ ровно двѣ тысячи рублей, вмѣстѣ съ тѣмъ куплено для изданія же новаго шрифту почти на тысячу рублей. Кромѣ того, при всеобщемъ безденежьи, я, безъ преувеличенія, заваленъ просьбами отъ сотрудниковъ о выдачѣ имъ денегъ впередъ «къ праздникамъ». Такихъ просьбъ, подлежащихъ удовлетворенію, нужно исполнить въ теченіе нынѣшняго мѣсяца на сумму около тысячи пятисотъ рублей. Наконецъ, только что разчитана декабрьская книжка и на носу расчетъ январской. Судите сами, каковы расходы. Если бъ Граціанскій не имѣлъ побочныхъ источниковъ, если бъ онъ не вкладывалъ всѣхъ доходовъ, получаемыхъ отъ типографіи и литографіи, съ положительнымъ самоотверженіемъ, въ сборникъ, то изданіе не могло бы существовать на подписныя средства, ибо, по средней цифрѣ за два года, оно обходится около тридцати тысячъ рублей въ годъ».

Съ 1876 года С. Н. Шубинскій сталъ проживать лѣтомъ на дачѣ около станціи Любань Николаевской желѣзной дороги, сперва въ наемномъ помѣщеніи, а затѣмъ построилъ свое собственное. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось побывать у него на дачѣ, но по пути изъ Петербурга въ Москву или изъ Москвы въ Петербургъ я нерѣдко видалъ его на вокзалѣ въ Любани, гдѣ онъ меня всегда радушно встрѣчалъ. На своей дачѣ Сергѣй Николаевичъ заживался долго, до поздней осени, причемъ вслѣдствіе недомоганія, а также и вслѣдствіе климатическихъ условій Любани на него нападала хандра. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ мнѣ 7-го августа 1878 г.:

«Живется мнѣ въ Любани плохо. Третій мѣсяць идутъ почти непрерывные дожди,—лѣса и окрестности превратились въ топкія болота, а дороги и тропинки непроходимы отъ грязи; приходится почти безвыходно сидѣть въ сырой и холодной «дачѣ», топить печи и бѣситься отъ скуки и безсильной досады. На охоту удалось сходить раза четыре и возвращаться домой въ видѣ мокрой курицы, съ пустымъ ягташемъ и размокшими патронами. Да, вообще, какъ-то

ничто не радуешь, и состояніе духа такое, что не хочется ни съ кѣмъ видѣться и говорить, чтобы не навести на другихъ тоску».

Съ 1880 года, какъ было замѣчено выше, С. Н. Шубинскій становится редакторомъ новаго періодическаго изданія—«Историческій Вѣстникъ». Какъ программа журнала, такъ и редакторская арена Сергѣя Николаевича расширяются: онъ является въ новой фазѣ своей историко-журнальной дѣятельности.

Д. Корсаковъ.

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ЭПОХУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. (1764—1796).

Мужчины дѣлаютъ законы, женщины—правы.
Гиберъ.

I.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ общество благородныхъ дѣвиць, основанное императрицей Екатериной II при Смольномъ монастырѣ, можетъ по справедливости назваться разсадникомъ женскаго образованія въ Россіи. Названіе это оно заслуживаетъ не только по праву своего первородства, но и по той роли, которую сыграло въ воспитаніи ряда женскихъ поколѣній, вносящихъ просвѣщеніе и культуру въ самыя отдаленныя углы нашей родины. Нынѣшній столѣтіею юбилей говорить самъ за себя.

Въ основу новаго дѣла императрица ставила широкую, государственную задачу: сознавая, что для блага Россіи нужно, чтобы лица, призванныя ей служить, были людьми просвѣщенными, она увеличиваетъ число мужскихъ учебныхъ заведеній и принимаетъ всѣ мѣры къ улучшенію образованія въ нихъ. Но гениальный умъ Екатерины подсказалъ ей, что это еще не рѣшаетъ вопроса и что роль женщины въ воспитаніи хорошихъ гражданъ имѣетъ огромное значеніе, что невоспитанныя и необразованныя жены и матери предразсудками и невѣжествомъ могутъ вліять лишь пагубно и тормозить

всѣ ея усилія на пользу ея подданныхъ. Придя къ этимъ выводамъ, «она не ограничилась цѣлью давать государству лишь образованныхъ женщинъ, но захотѣла ввести женское образование въ общую систему воспитанія русскаго юношества и путемъ гуманнаго и рациональнаго воспитанія и образованія молодого поколѣнія обоюга пола улучшить породу русскихъ «отцовъ и матерей», доставить счастье отдѣльной личности и этимъ поднять благосостояніе всего государства» ¹⁾).

Мысли эти слагались въ ней въ то время, когда она была еще великой княгиней. Бецкій, вполне раздѣлявшій взгляды Екатерины, изложилъ ихъ въ «Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоюга пола юношества», подтвержденномъ императрицею 12-го марта 1764 года:

«Искусство доказало, что просвѣщенный науками разумъ не дѣлаеть еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, естли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены. По сему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе. Достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т.-е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили онѣ сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ и такъ, слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣка».

Эти взгляды господствовали тогда въ Европѣ, и Екатерина, поклонница Монтеня, Локка, Фенелона, естественно была ими проникнута. Смѣлость ея плана заключалась въ томъ, что, учреждая учебное заведеніе, равнаго которому не было еще и въ Европѣ ²⁾, она, не колеблясь, примѣняла теоріи великихъ умовъ въ странѣ еще вполне невѣжественной, разсчитывая, очевидно, на природный разумъ и талантливость націи, съ которой она успѣла сродниться и оцѣнить ее за двадцать лѣтъ своей жизни въ Россіи.

Вслѣдъ за тѣмъ, 5-го мая 1764 года былъ ею подписанъ указъ о воспитаніи двухсотъ благородныхъ дѣвицъ въ новостроящемся петербургскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, освященіе котораго было назначено на 28-ое іюня 1764 года. Сенату было повелѣно напечатать и разослать уставъ этого заведенія по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, «чтобы каждый изъ дворянъ могъ,

¹⁾ Лихачева. «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи». 1899 г.

²⁾ Сень-Сиръ, служившій нѣкоторымъ прообразомъ Смольному, ограничивался сначала лишь свѣтскимъ образованіемъ дѣвушекъ высшаго круга, а затѣмъ превращень въ монастырь. Когда Екатерина послала Вольтеру программу Смольнаго, философъ написалъ: «C'est plus que St.-Сут». Тамъ же.

если пожелаетъ, поручить дочерей своихъ въ младенческихъ годахъ сему учрежденному воспитанію». Первою начальницей его была назначена княжна Анна Долгорукая, вскорѣ замѣненная вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіею де-Лафонъ, и ставшей главною сподвижницею императрицы въ созданіи Смольнаго монастыря.

По уставу дѣти должны были поступать не старше шестилѣтняго возраста и оставаться въ заведеніи двѣнадцать лѣтъ, причемъ родители не могли требовать ихъ назадъ ни подъ какимъ предлогомъ до истеченія этого срока, въ чемъ отъ нихъ отбиралась подписка.

Императрица, зная низкую степень развитія тогдашняго общества, надѣялась удаленіемъ дѣтей на долгій срокъ отъ невѣжественной среды сгладить всякій слѣдъ воспоминаній о грубости домашней обстановки и, вернувъ туда уже развитую и облагороженную дѣвушку, тѣмъ самымъ способствовать смягченію нравовъ, которые должны были создать новую породу людей.

Уставъ для воспитательнаго общества составленъ Бецкимъ—самымъ образованнымъ челоукомъ своего времени. Бывши неоднократно за границей, знакомый съ уставами учебныхъ заведеній различныхъ странъ Европы, онъ примѣнилъ и къ разсаднику русскаго женскаго просвѣщенія все, что выработалъ тогдашній образованный міръ.

Питомицы Смольнаго дѣлились на четыре возраста. Предметами обученія въ первомъ возрастѣ (отъ шести до девяти лѣтъ) были: Законъ Божій, русскій и иностранные языки (чтеніе и письмо), ариметика, рисованіе, рукодѣлье и танцы. Ко второму возрасту (девять—двѣнадцать лѣтъ) прибавлялись исторія и географія, а также ознакомленіе дѣвочекъ съ домашнимъ хозяйствомъ. Въ третьемъ возрастѣ (двѣнадцать—пятнадцать лѣтъ) шло преподаваніе тѣхъ же предметовъ, но вводились словесныя науки, состоявшія въ чтеніи историческихъ и нравоучительныхъ книгъ. Затѣмъ слѣдовала еще: опытная физика, архитектура, скульптура, токарное искусство и геральдика. Домашнему хозяйству обучали уже на практикѣ. Музыка и пѣніе входили также въ предметы обученія. Курсъ послѣдняго возраста (пятнадцать—восемнадцать лѣтъ) состоялъ въ повтореніи всего пройденнаго, причемъ особое вниманіе обращалось на Законъ Божій. Домашняя экономія проходила уже во всѣхъ подробностяхъ. Каждая изъ воспитанницъ, по очереди, должна была вести счеты, выбирать сѣбѣ припасы, производить каждую субботу уплату за нихъ и заботиться о порядкѣ и чистотѣ приготовленія блюдъ.

Другое важное постановленіе о занятіяхъ воспитанницъ послѣдняго возраста заключалось въ томъ, что онѣ ежедневно, по очереди, назначались для преподаванія въ младшихъ классахъ,

чѣмъ имѣлось въ виду пріучить ихъ къ педагогической практикѣ, необходимой для будущихъ матерей-воспитательницъ.

Въ какомъ объемѣ преподавались всѣ науки—сказать трудно, но несомнѣнно, что Бецкій во всемъ бралъ примѣръ съ европейскихъ школъ. Если особенно основательно изучались иностранные языки, то дѣлалось это въ тѣхъ видахъ, что при отсутствіи тогда русской литературы и при богатствѣ европейской—смолянкамъ открывалась возможность чтеніемъ иностранныхъ книгъ развивать умъ и пополнять знанія, на чемъ особенно настаивала Екатерина.

Преподаваніе было поручено двадцати четыремъ учительницамъ-иностранкамъ, преимущественно французенкамъ, ибо русскихъ учителей недоставало даже для мужскихъ училищъ. Естественно, что и ученіе шло на иностранныхъ языкахъ. Только Законъ Божій преподавалъ священникъ, а русской грамотѣ учили монахини. Рисованію, музыкѣ и танцамъ обучали учителя.

Уставъ настоятельно требовалъ, чтобы дѣти всегда имѣли видъ бодрый, веселый, довольный и «вольныя дѣйствія души». Поэтому предписывалось отнюдь не дѣлать изъ наукъ предметовъ скуки, горя и отвращенія и облегчать всякими способами усвоеніе знаній, обращая при этомъ вниманіе на степень развитія и способности каждой дѣвочки въ отдѣльности.

Что касается системы воспитанія, то въ уставѣ дается наставленіе самимъ воспитательницамъ, начиная съ начальницы. Въ обращеніи съ дѣтьми требуются: «кротость, благопристойность, учтивость, благоразуміе, справедливость и также непритворная веселость и отсутствіе лишней важности въ обращеніи». Именно личнымъ примѣромъ самихъ педагоговъ уставъ полагаетъ привить тѣ же качества ихъ питомцамъ. Наказанія не допускались, и единственнымъ средствомъ исправленія провинившихся служило пристыженіе передъ всѣмъ классомъ, «дабы стыдъ одной служилъ всегда къ воздержанію другихъ отъ подобныхъ поступковъ». Но примѣнялась эта мѣра лишь въ очень важныхъ случаяхъ, къ каковымъ отнесено малѣйшее нарушеніе благочинія во время молитвы, а тѣмъ болѣе при церковномъ богослуженіи. Изъ этого видно, какъ строго относился уставъ къ религіозному воспитанію, гдѣ оно и поставлено, «яко первое всему основаніе». Затѣмъ идетъ перечисленіе добродѣтелей, которыя слѣдовало прививать дѣтямъ: «повиновеніе начальствующимъ, равенственное въ благонаравіи поведеніе, великодушіе, удаленіе всего того, что гордостью отзываться можетъ» и т. д. Въ обыденной жизни указывалось обращать особое вниманіе на качества, отсутствіемъ которыхъ страдало тогдашнее общество,—опрятность и учтивость. Первое входило въ программу физическаго воспитанія; что же касается учтивости, то эта добродѣтель особенно отмѣчена Бецкимъ—типичнымъ

представителемъ благовоспитаннаго вельможи XVIII столѣтія—и, можно сказать, ставится имъ краеугольнымъ камнемъ въ нравственномъ воспитаніи юношества. Учивость «благородная и непринужденная» была обязательна не только въ отношеніи высшихъ и равныхъ, но и съ низшими, «съ самыми послѣдними, какого бы званія кто ни былъ». Изъ этого качества уже само собой развивались благожелательность, уваженіе къ личности другого, привѣтливость въ обращеніи, все то, что выражалось словами Екатерины: «сближаетъ людей, придаетъ видъ спокойной и благородной скромности въ поведеніи, въ осанкахъ пріятныхъ, въ разговорахъ вѣжливыхъ и разумныхъ, въ ласковыхъ поступкахъ». Очевидно,—тутъ идетъ вопросъ не только о свѣтскихъ манерахъ, но о выработкѣ того культурнаго типа, который осуществлялъ бы ея государственную задачу: создать новую породу людей. Окружая дѣтей съ самаго нѣжнаго возраста атмосферой непринужденной веселости, развивая въ нихъ всѣми способами привычки цивилизованныхъ людей, Екатерина, конечно, смягчала характеры привезенныхъ ей маленькихъ звѣрьковъ, облагораживала натуры и развивала въ нихъ изящество не только внѣшнее, но и внутреннее. Если къ этому прибавить, что въ институтѣ дѣвицы приучались къ домашнему хозяйству, занимались шитьемъ себѣ бѣлья и платьевъ, давали уроки въ младшихъ классахъ, подготовляясь къ педагогической дѣятельности, чѣмъ впоследствии могли быть полезны себѣ и другимъ, то станетъ ясно, что государыня не подготовляла изъ нихъ лишь свѣтскихъ куколъ, какъ у насъ до сихъ поръ принято думать.

Въ общую систему воспитанія вошелъ и вопросъ о физическомъ развитіи дѣтей, на что было положено много заботъ. «Всякая излишняя нѣга вовсе изгнана быть долженствуетъ», сказано въ уставѣ. Правила, касающіяся всѣхъ сторонъ жизни питомицъ, разработаны въ мельчайшихъ подробностяхъ и своей разумностью могутъ вполне соперничать съ современными намъ пріемами въ этомъ дѣлѣ, несмотря на то, что написаны полтора ста лѣтъ назадъ, когда о гигиенѣ, какъ наукѣ, не имѣлось еще и понятія.

Ставя воспитаніе на первый планъ, великая государыня, однако, далеко не сочувствовала типу благовоспитаннаго неуча. По собственному опыту она знала, что широкое развитіе ума и знаній дается не классными только занятіями, а пріобрѣтается, главнымъ образомъ, чтеніемъ хорошихъ книгъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ прочитанному. Поэтому безпрестанно и настойчиво выражаетъ она свое желаніе и требованіе, чтобы въ смолянкахъ всѣми мѣрами развивали интересъ и любовь къ чтенію. Она видитъ въ этомъ не только пользу для ума, но для души и для личнаго счастья человѣка, вспоминая, очевидно, свои первые годы жизни въ Россіи, полные горя и униженія, отъ которыхъ она спасалась за чтеніемъ «возвышающихъ душу» книгъ. Предписы-

вая воспитательницамъ вступать съ дѣвцами въ бесѣды о прочитанномъ, предоставляя имъ полную свободу высказывать свои мысли, сама императрица снабжаетъ бібліотеку книгами—по преимуществу историческими и философскими. Такъ какъ книги эти въ большинствѣ были иностранныя, то основательное знаніе европейскихъ языковъ сослужило службу смолянкамъ.

Давая лишь легкій абрисъ учебно-воспитательной программы устава, скажемъ словами Лихачевой, выдающейся изслѣдовательницы женскаго образованія въ Россіи: «... нельзя не проникнуться глубокимъ благоговѣніемъ къ основательницѣ его и его исполнителю—Бецкому. Весь уставъ дышитъ такою гуманностью, сердечною любовью къ дѣтямъ, уваженіемъ къ ихъ природѣ, боязнью въ чемъ-нибудь помѣшать правильному и свободному ея развитію, что передъ этимъ всѣ заблужденія и ошибки, обусловленные иными временами и иными взглядами на воспитаніе, исчезаютъ безслѣдно. Если даже теперь, когда сравнительно со временемъ Екатерины и Бецкаго мы такъ далеко ушли въ педагогикѣ, нашлись бы такіе исполнители духа устава, какихъ Екатерина и Бецкій думали создать путемъ особо составленныхъ наставленій и инструкцій, идеалы Екатерины и Бецкаго, ихъ педагогическіе приемы и принципы не потеряли бы и для насъ своей цѣны. Но и теперь, какъ и сто двадцать пять лѣтъ назадъ, воспитатели, даже самые лучшіе изъ нихъ, все-таки остаются людьми, а уставъ Бецкаго для полнаго осуществленія требовалъ ангеловъ»¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, все, что было въ человѣческихъ силахъ, великая государыня осуществляла.

Не довольствуясь приглашеніемъ къ просвѣщенію только дворянскихъ дѣтей, императрица озаботилась разлить это благодѣяніе и на другихъ своихъ подданныхъ. Января 31-го 1765 года, при открытомъ уже воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ она учредила мѣщанское училище, куда могли отдавать дѣтей своихъ люди непривилегированныхъ сословій. Училище поступало въ вѣдѣніе той же начальницы. Срокъ приема, время пребыванія дѣтей въ училищѣ были одинаковы въ обоихъ заведеніяхъ; но въ программѣ обученія мѣщанскихъ дѣвушекъ была уже разниця. Примѣняясь къ средѣ и условіямъ жизни, ожидавшимъ ихъ при выходѣ изъ школы, ихъ обучали основательно всѣмъ женскимъ работамъ и ремесламъ и расширяли хозяйственныя свѣдѣнія, что могло быть необходимо имъ въ жизни. Изъ наукъ же, кромѣ Закона Божьяго, преподавался русскій языкъ и одинъ

¹⁾ Лихачева. «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи». 1899 г.

изъ иностранныхъ; ариѳметика, рисованіе и танцы; не исключались музыка и пѣніе для тѣхъ, у которыхъ проявятся къ тому способности и охота. Что касается воспитанія, то оно примѣнялось въ училищѣ во всѣхъ тѣхъ же культурно-облагораживающихъ приѣмахъ, какъ и въ обществѣ, дабы и въ мѣщанскую среду внести стремленіе императрицы «создать новое порожденіе, отъ котораго бы правила прямыя воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли». На первый взглядъ кажется страннымъ обученіе иностранному языку и танцамъ мѣщанскихъ дѣвушекъ, предназначавшихся для трудовой жизни. Но Екатерина не дѣлала ничего необдуманно: въ планъ ея входило соображеніе, что въ захолустныхъ дворянскихъ семьяхъ, гдѣ дѣтей обучали грамотѣ зачастую отставные солдаты или понамари, эти дѣвушки изъ Смольнаго сыграютъ роль сравнительно очень образованныхъ учительницъ; а для многихъ изъ нихъ, сиротъ или бездомныхъ, явится хорошій заработокъ и обезпеченіе жизни. Екатерина проявляла большую заботливость о судьбѣ мѣщанскихъ дѣвушекъ: такъ, при опредѣленіи ихъ въ училище, на имя каждой откладывалось по пятидесяти рублей, которые съ процентами, наросшими за двѣнадцать лѣтъ, выдавались имъ при выпускѣ. Къ этому же фонду причислялись деньги, вырученныя отъ работъ воспитанницъ. По окончаніи курса тѣ, которыя не имѣли родныхъ, оставлялись въ Смольномъ на три года и уже по достиженіи двадцати одного года отпускались «на волю», сохраняя право во всѣхъ житейскихъ затрудненіяхъ искать защиты и помощи въ бывшемъ ихъ питомникѣ. Важной привилегіей этого образованія являлось то, что въ случаѣ выхода дѣвушки замужъ за крѣпостнаго мужъ ея получала вольную.

Къ первому приѣму назначено было допустить шестьдесятъ мѣщанскихъ дѣвушекъ, а полный комплектъ долженъ былъ состоять изъ двухсотъ сорока. Первая шестьдесятъ полностью прибыли къ сроку.

II.

Холодно и недовѣрчиво отнеслось дворянство къ монаршей милости. Хотя приглашеніе къ просвѣщенію дворянскихъ дѣтей было опубликовано во всѣхъ концахъ имперіи, на первый приѣмъ вмѣсто двухсотъ дѣвочекъ было привезено всего пятьдесятъ одна, причемъ большинство ихъ были дѣти родителей, жившихъ въ Петербургѣ. Въ два слѣдующіе приѣма также не получилось и половины комплекта. И только значительно позже мысль о пользѣ образованія стала прививаться. Способствовали этому, главнымъ образомъ, распространившіеся слухи о первыхъ воспитанницахъ, выпущенныхъ изъ Смольнаго, и о милостяхъ къ нимъ государыни.

Интересно прослѣдить, какъ примѣнялся идеальный уставъ о воспитаніи во внутренней жизни института именно въ эти первые годы. Несмотря на то, что свѣдѣній объ этомъ времени сохранилось очень мало, сгруппировавъ ихъ по нѣкоторымъ документамъ, можно дать довольно вѣрную картину дѣйствительности. До насъ дошли записки Ржевской, рожденной Алымовой, лучшей воспитанницы перваго выпуска. Въ полномъ безпристрастіи ея повѣствованія нельзя сомнѣваться: свои воспоминанія она писала уже въ преклонныхъ годахъ, когда въ живыхъ не было не только Екатерины, но никого изъ воспитавшихъ Ржевскую, значить ей не было поводовъ ни угождать, ни льстить. О своемъ пребываніи въ Смольномъ, куда она была отдана ребенкомъ шести лѣтъ, Ржевская говоритъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни, которое «нельзя сравнить ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ положеніемъ свѣтскимъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся». Очевидно, хорошо жилось въ этой «общинѣ сестеръ», гдѣ царило «полное равенство для всѣхъ, гдѣ всѣ были подчинены однимъ общимъ правиламъ и гдѣ единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты». При неумѣломъ воспитаніи и на этой почвѣ могла развиваться кичливость съ одной стороны и зависть— съ другой. Но умная начальница де-Лафонъ, «развивая въ дѣтяхъ природныя дарованія, приучала ихъ быть разсудительными, вдумчивыми и строгими къ себѣ». Будучи наставницей-другомъ, замѣнявшей дѣтямъ мать, она умѣла направлять ихъ мысли къ тому, что предпочтенія и отличія не должны дѣлать ихъ гордыми и требовательными, и предостерегала ихъ отъ такихъ недостатковъ. Сама Ржевская, будучи первой ученицей въ классѣ, слѣдуя этимъ мудрымъ совѣтамъ, «старалась совершенствоваться, чтобы сохранить общее расположеніе». «Между нами царило согласіе; общій приговоръ полагалъ конецъ малѣйшимъ ссорамъ. Обоюдное уваженіе мы цѣнили болѣе милостей начальницъ; никогда не прибѣгали къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами. Въ числѣ насъ были нѣкоторыя, отличавшіяся такими качествами, что ихъ слова служили закономъ для подругъ. Вообще большею частію были дѣвушки благодѣтельныя и очень мало дурныхъ и то считались онѣ таковыми вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства. О порокахъ же мы не имѣли и понятія».

Очевидно, де-Лафонъ поняла духъ устава, и при такомъ режимѣ въ Смольномъ не могло быть мѣста унынію и грусти, которыхъ не допускала тамъ Екатерина. Другимъ ближайшимъ къ воспитанницамъ лицомъ былъ Бецкій—удивительно добрый, всѣми уважаемый человекъ, справедливый, безъ малѣйшаго лицепріятія. Классныхъ наставницъ Ржевская тоже хвалить, признавая въ

нихъ личностей, стоящихъ въ дѣлѣ воспитанія на должной высотѣ ¹⁾).

Но душой всего дѣла, радостью и солнцемъ Смольнаго была сама императрица. «Скрывая всегда разстояніе,—пишетъ Ржевская,—отдѣляющее подданныхъ отъ государыни, мать и покровительница заведенія не могла лишь скрыть отъ воспитанницъ великихъ качествъ, ее отличавшихъ; но и допуская короткое обращеніе дѣтей съ собою, она никогда не роняла своего величія». Въ первый разъ Екатерина пріѣхала въ Смольный 21-го ноября 1764 года, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ его открытія. Пріѣздъ ея на этотъ разъ носилъ офиціальныи характеръ; ее сопровождалъ дворъ и четыре попечителя Смольнаго. Отстоявъ обѣдню, государыня осмотрѣла работы, которымъ дѣти успѣли научиться; присутствовала на обѣдѣ, пробовала кушанье, выслушала рѣчь одной воспитанницы и, пробывъ съ десяти часовъ утра до часу, уѣхала, обѣщая скоро опять навѣстить ихъ. Обѣщаніе свое она сдержала и послѣ этого перваго знакомства бывала уже частой гостьей Смольнаго, пріѣзжая не въ торжественные только дни, а запросто, «обыденкою», какъ записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. Эти-то посѣщенія государыни и создали ту атмосферу радости и счастья, которыми жили будущія пионерки просвѣщенія. Надо думать, что Екатерину влекло туда не только желаніе слѣдить за тѣмъ, какъ начальствующіе выполняютъ ея мысль воспитывать «новую породу людей», но и ея собственное сердце. Судьба отказала ей въ счастье имѣть родныхъ дочерей, и нѣтъ ничего мудренаго, что неудовлетворенное материнское ея чувство находило нѣкоторую отраду въ неподдѣльной любви, которой отвѣчалъ на ея ласки рой дѣвочекъ, бѣжавшій къ ней навстрѣчу. Всегда веселая, привѣтливая, ласковая, императрица покоряла сердца дѣтей, инстинктивно чувствовавшихъ ея доброту и материнскую заботу еще въ такомъ ихъ возрастѣ, когда имъ недоступно было понятіе о разстояніи, раздѣлявшемъ подданныхъ отъ монархини. Съ годами эти чувства ихъ росли и крѣпли, и свое благоговѣйное обожаніе къ царицѣ онѣ разнесли во всѣ концы ея царства. Въ свои частыя посѣщенія императрица такъ близко къ нимъ стояла, что знала всѣхъ по именамъ, замѣчала особенности каждой, давала имъ ласково-шутливыя названія и довела свое благорасположеніе до того, что вела переписку съ нѣкоторыми изъ нихъ. Къ сожалѣнію, изъ этой корреспонденціи сохранилось для потомства лишь четыре письма къ дѣвочкѣ-сироткѣ Левшиной ²⁾. Надо удивляться, когда находила гениальная императрица, заня-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1870 г., № 1.

²⁾ Дочь майора, осиротѣвшая на четвертомъ году, была отдана въ Смольный въ 1764 году, шести лѣтъ. Письма Екатерины на французскомъ языкѣ и въ переводѣ много теряютъ въ ихъ тонкомъ, добродушномъ юморѣ и милой ласковости тона.

тая государственными дѣлами, время отвѣчать на дѣтскую болтовню. Именно жаждой дѣтской привязанности можно объяснить задушевные отвѣты Екатерины, характеризующіе взаимныя отношенія главы государства и создаваемыхъ ею новыхъ людей...

Первое письмо Екатерины помѣчено 1770 г. Левшиной было тогда двѣнадцать лѣтъ.

«Черномазая Левушка. Получивъ ваше милое письмо, мнѣ захотѣлось сѣсть въ коляску и ѣхать прямо въ монастырь, чтобы васъ увидать; но не прогнѣвайтесь, меня удержалъ сильный холодъ. Я рѣзвлюсь немногимъ меньше, чѣмъ вы, поэтому нахожу васъ очень любезною; но воздухъ вашихъ большихъ коридоровъ слишкомъ свѣжъ для меня въ этомъ мѣсяцѣ. Какъ только сильные морозы пройдутъ, я приѣду какъ-нибудь на все послѣобѣденное время присутствовать при разныхъ вашихъ занятіяхъ, если мои, ибо и у меня они есть, мнѣ это позволять. Мой поклонъ всему обществу, поцѣлуйте, пожалуйста, отъ меня старѣйшихъ моихъ знакомыхъ—сѣрыхъ сестеръ; скажите имъ, что мнѣ пріятно видѣть ихъ всякаго рода успѣхи, это доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе; я имъ это докажу, когда приѣду какъ-нибудь вечеромъ, чтобы вволю поиграть съ обществомъ. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ, которой вы столькимъ обязаны, и которую вы такъ нѣжно любите.

«Екатерина».

Царственной корреспонденткѣ нравилась дѣтская болтовня. Посылая одно изъ писемъ Левшиной (1772) на прочтеніе Панину, она проситъ его передать великому князю «для любопытства письмо рѣзвья Левшиной», прибавляя при этомъ: «я чаю, что на четырнадцатомъ году не можно болѣе ошты дать живаго, веселаго и пріятнаго сложенія». Въ перепискѣ съ Вольтеромъ Екатерина съ чувствомъ справедливой гордости отзывается о своемъ питомникѣ. «Мнѣ не разъ хотѣлось,—пишетъ она въ мартѣ 1772 г.,—послать вамъ нѣсколько полученныхъ мною записокъ, которыя навѣрно сочинены не учителями; ибо въ нихъ очень много дѣтскаго; но уже и теперь въ каждой строкѣ видны, рядомъ съ невинностью, пріятность и веселость ихъ ума». И всегда въ письмахъ своихъ къ философу она возвращается къ похваламъ смолянокъ, которыя превзошли ея ожиданія; находить, что успѣхи ихъ удивительны; что всѣ замѣчаютъ, какъ онѣ становятся «столь же любезными, сколь и обогащенными знаніями полезными для общества, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ безукоризненною нравственностью, однакоже безъ мелочной строгости монахинь». Любя дѣтей, государыня старается доставлять имъ удовольствія и развлеченія, соединяя пріятное съ полезнымъ. По духу того времени упражненія въ театральныхъ представленіяхъ считались хорошими воспитательными средствами «для развитія добрыхъ нравовъ и хорошихъ манеръ». Такъ было

въ Европѣ, откуда Екатерина заимствовала свои просвѣтительныя приемы. Успѣхами воспитанницъ своихъ на этомъ поприщѣ она дѣлится съ Вольтеромъ, говоря ему, что играютъ онѣ лучше заправскихъ актеровъ, но въ то же время горюетъ, что нѣтъ хорошихъ пьесъ, и, боясь «дурными и пошлыми пьесами испортить вкусъ», проситъ Вольтера помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Вольтеръ обѣщаетъ ей выслать трагедіи и комедіи лучшихъ авторовъ, велитъ ихъ сброшюровать вперемежку съ бѣлыми страницами, на которыхъ самъ сдѣлаетъ измѣненія, «нужныя для сохраненія добродѣтели вашихъ прелестныхъ дѣвицъ». Въ ожиданіи этой присылки, смолянки играли отечественныя произведенія Сумарокова и другихъ. Очевидно, Вольтеръ прислалъ обѣщанное, такъ какъ во второмъ письмѣ къ Левшиной и другимъ воспитанницамъ Екатерина вспоминаетъ объ игрѣ каждой изъ нихъ въ пьесахъ Вольтера и Брюзэ.

Начало письма очень характерно.

«Скажите, Левушка, могу ли я отвѣчать каждой изъ васъ отдѣльно на вашу болтовню? Вы говорите все, что вамъ придется въ голову; вы поздравляете меня съ моимъ праздникомъ; вы меня журите за то, что я не поѣхала на дачу; вы приглашаете меня смотрѣть на грязь вашего сквернаго сада и еще столько всякой галиматши, что понадобилась бы цѣлая дестъ бумаги, чтобы отвѣтить вамъ подробно; поэтому я отказываюсь. Но продолжайте, сударыня: ваше перо, вашъ языкъ и ваше сердце превосходны, и въ самомъ дѣлѣ я васъ очень люблю».

Письмо (довольно длинное) написано, очевидно, для всѣхъ вмѣстѣ. Екатерина говоритъ въ шутовскомъ тонѣ объ игрѣ каждой, а дѣвицу Алымову называетъ «Алымушкой». Здѣсь же мы встречаемъ фамилію извѣстной впоследствии Нелидовой. Должно быть, Левшина что-нибудь о ней писала, такъ какъ Екатерина говоритъ:

«Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой феноменъ, который я приѣду наблюдать вблизи; въ моментъ, когда этого всего менѣе будутъ ожидать и это можетъ случиться скоро, скоро. Въ ожиданіи этого, цѣлую разомъ всѣхъ затѣйницъ шума и благодарю ихъ за оказываемую мнѣ пріязнь. Мой поклонъ г-жѣ Деллафонъ. 1770 г.

«Екатерина».

Феномены ея росли, развивались и продолжали радовать ихъ высокую покровительницу. За три года до выпуска, когда дѣвушки эти достигли пятнадцатилѣтняго возраста, Екатерина захотѣла побаловать ихъ совершенно новымъ для нихъ развлеченіемъ и, думается, не безъ тайнаго желанія въ то же время показать ихъ столичному обществу. Была устроена для смолянокъ прогулка въ Лѣтній садъ, и 20-го мая 1773 года отъ Смольнаго, по Невѣ къ пристани Зимняго дворца поплыла цѣлая флотилія разукрашенныхъ шлюпокъ, въ которыхъ размѣстились пятьдесятъ веселыхъ

молодыхъ дѣвушекъ, въ сопровожденіи начальницы, Бецкаго и нѣсколькихъ надзирательницъ. Вѣсть о предстоящемъ зрѣлищѣ облетѣла весь городъ, и на берегъ Невы собралась такая масса народа, что пришлось остановить движеніе экипажей по набережной и по Милліонной. Причालивъ, смолянки прошли въ Эрмитажъ, гдѣ осматривали картинныя галереи, и затѣмъ вошли въ Лѣтній садъ. Здѣсь въ скрытой куртнѣ были поставлены музыканты, и музыка грянула, лишь только появились дѣвушки. (Этотъ сюрпризъ приготовилъ графъ Орловъ). Онѣ шли парами, въ стройномъ порядкѣ, всѣ одинаково одѣтыя, и безъ всякой робости смотрѣли на громадную толпу, окружавшую ихъ со всѣхъ сторонъ. Многіе изъ публики вступали съ ними въ разговоры, и смолянки отвѣчали безъ стѣсненія, но и безъ ужимокъ, вполне вѣжливо и весело, что очень всѣмъ нравилось. Зрѣлище полсотни благовоспитанныхъ дѣвушекъ было до того ново и необычайно, что обратилось въ событіе и породило цѣлую литературу въ стихахъ и въ прозѣ. Если Екатерина имѣла въ виду блеснуть результатами девятилѣтняго воспитанія смолянокъ, то цѣль ея, несомнѣнно, была достигнута, ибо эффектъ получился полный и она показала себя прекраснымъ психологомъ: когда-то бы еще поняли и оцѣнили пользу просвѣщенія въ провинціяхъ, изъ которыхъ упорствовали посылать дѣтей въ Смольный; теперь же молва о немъ разнесется и блескъ и шумъ вокругъ дѣла расшевелитъ неподвижное общество. Взгляды ея скоро оправдались: съ этой поры просьбы о приѣмѣ дѣтей въ институтъ стали такъ многочисленны, что пришлось отказать многимъ за неимѣніемъ вакансій. И Екатерина была довольна.

Въ третьемъ, очень длинномъ письмѣ къ Левшиной она весело шутитъ на тему о произведенномъ смолянками впечатлѣніи, вдохновившемъ поэтовъ и писателей. Четвертое и послѣднее письмо къ Левшиной написано за годъ до выпуска ея.

«Я думаю, сударыня,—пишетъ Екатерина,—что мнѣ слѣдуетъ вывести два заключенія изъ вашего письма: первое—что вы печальны, когда меня не видите, и наоборотъ—веселы, когда меня видите. Итакъ, погода показываетъ теперь къ дождю, къ печали: васъ огорчаетъ путешествіе въ Москву, я уже въ послѣдній разъ замѣтила слѣды этого. Я исчезла, чтобы не оправдать злую поговорку, что какъ только одна женщина заплачетъ, такъ сейчасъ и другія за нею... Посмотрите, какъ свѣтъ несправедливъ и какъ легко обращаются съ нашей чувствительностью. Но, сударыня, не плачьте о томъ, что не увидите меня цѣлый годъ, ибо, когда я вернусь, и когда наступитъ срокъ, я васъ увезу въ одинъ прекрасный день, и вы наглядитесь на меня вдоволь, и вы будете трещать, какъ придворная сорока. Передайте мой поклонъ г-жѣ Делафонъ; желаю, чтобы ея здоровье поправилось какъ можно скорѣй. Кланяюсь всему обществу тѣломъ и духомъ.

«Екатерина. 1775 г.»

По возвращеніи изъ Москвы первый выѣздъ императрицы былъ въ Смольный, гдѣ она знала, какая непритворная любовь ее встрѣтитъ. Тамъ ждали нетерпѣливо этого счастливаго дня и, чтобы порадовать ее, приготовили спектакль. Послѣ представленія, видя удовольствіе, доставленное имъ высокою гостѣй, смолянки не могли сдержать порывовъ любви и радости, ихъ охватившихъ, и бросились къ ней съ такой горячностью, что (по словамъ присутствовавшего тутъ Державина) «чувства ихъ къ ней, яко къ матери, превозмогли почтеніе къ своей государыни».

Императрица любила, чтобы Смольный посѣщали разныя лица. Великій князь бывалъ тамъ нерѣдко, а первая его супруга Наталія Алексѣевна ѣздила туда не менѣе трехъ разъ въ недѣлю. Екатерина привозила туда Дидро и шведскаго короля Густава; было много и другихъ иностранцевъ, знакомившихся съ этимъ диковиннымъ, даже для европейцевъ, учебнымъ заведеніемъ.

30-го апрѣля 1776 года былъ первый выпускъ пятидесяти одной смолянки. Онѣ держали экзамены передъ совѣтомъ воспитательнаго общества не только по всѣмъ предметамъ, положеннымъ въ уставѣ, но еще по геометріи и миѳологіи, не входившимъ въ программу. Повидимому, всѣ знанія оказались у воспитанницъ, ибо совѣтъ нашель, что «множественное число достойно награжденія», но въ виду недостаточнаго числа наградъ онѣ присудилъ «какъ съ общимъ согласіемъ инныя же и посредствомъ жребія»¹⁾. Достойными наградъ оказались: шифровъ и большихъ золотыхъ медалей двѣицы Алымова, Молчанова, Рубановская, Левшина, Борщева, Еропкина, фонъ-Вельстейнъ и Нелидова. Онѣ же удостоились назначенія ихъ фрейлинами къ государынѣ. Слѣдующія четыре получили тоже золотыя медали; двѣнадцать—медали серебряныя; двѣнадцать—похвалу и только пятнадцать не получили ничего. Кромѣ того, изъ процентовъ съ капитала въ сто тысячъ, подареннаго императрицею на вѣчныя времена Смольному для выдачи пособій отличнѣйшимъ и бѣднѣйшимъ, шесть тысячъ были распределены между ними. Выходившія изъ училища мѣщанскія двѣицы были награждены подарками и деньгами.

На торжество выпуска были приглашены родственники двѣицъ и гости. Публики набралось столько, что многимъ не нашлось мѣста въ большомъ залѣ. Но для воспитанницъ торжество было отравлено отсутствіемъ государыни. Огорченіе было тѣмъ большее, что задержалъ государыню трауръ по недавно скончавшейся великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ, которую смолянки очень любили.

¹⁾ Лихачева. «Матер. для истор. женск. образ.».

Въ слѣдующія семь лѣтъ жизнь въ Смольномъ оставалась безъ большихъ перемѣнъ. Сама Екатерина ѣздила туда часто, но, повидному, въ составѣ новыхъ воспитанницъ у нея уже не было прежнихъ любимецъ, хотя заботы обо всѣхъ были прежнія и при выпускахъ государыня щедро раздавала денежные пособія какъ въ обществѣ, такъ и въ мѣщанскомъ училищѣ и оставляла при Смольномъ многихъ не имѣвшихъ родныхъ, а также устраивала ихъ судьбу. За два выпуска пять воспитанницъ были опредѣлены къ ея двору фрейлинами.

Вліяніе Бецкаго на дѣла общества стало ослабѣвать съ 1782 г. Онъ старился, а Екатерина, замѣчая нѣкоторыя упущенія въ дѣлахъ заведенія, перестала уже довѣрять Бецкому и, назначивъ Т. С. Завадовскаго членомъ совѣта, передавала черезъ него свои распоряженія. Въ томъ же году она учредила «комиссію для заведенія въ Россіи народныхъ училищъ» и уже въ мартѣ 1783 года поручила этой комиссіи, во главѣ которой поставила Завадовскаго, рассмотреть уставъ воспитательнаго общества и сообразно съ потребностями измѣнить его программу. Комиссія нашла упущенія въ ходѣ научнаго дѣла: воспитанницы плохо владѣли русскимъ языкомъ и имѣли мало знаній и по другимъ предметамъ, такъ какъ обучавшія ихъ всѣмъ наукамъ иностранки въ большинствѣ были сами недостаточно образованы. Сообразно съ этими замѣчаніями было постановлено: замѣнить иностранокъ русскими учителями и всѣ науки преподавать по-русски. При двухъ младшихъ возрастахъ держать учительницъ, основательно знающихъ русскій языкъ, обязать разговаривать на немъ съ дѣтьми, постоянно поправляя ихъ ошибки. Какъ только дѣти научатся читать, давать имъ для чтенія «хорошія, образующія умъ и сердце книги». Новыхъ учителей было назначено четырнадцать; изъ нихъ одинъ нѣмецъ и одинъ французъ. Число учительницъ убавилось, и онѣ уже науки не преподавали, а должны были учить рукодѣліямъ, а также читать вмѣстѣ съ воспитанницами книги, но не иначе, какъ по выбору учителей. Программа класснаго обученія была расширена, и точно опредѣлены часы ежедневныхъ занятій. «Для учителей былъ составленъ и методъ преподаванія: онъ долженъ былъ быть нагляднымъ, имѣть характеръ бесѣды учителя съ воспитанницами, развивать ихъ память, вниманіе, разсудокъ и даже волю»¹⁾.

«Суббота во всѣхъ классахъ, исключая старшаго, назначалась для повторенія пройденнаго въ продолженіе недѣли. Это повтореніе должно было производиться по способу, для насъ совершенно незнакомому. Преподаватели являлись въ классъ всѣ вмѣстѣ и испытывали ученицъ, предлагая вопросы по очереди. Такъ, напримеръ, священникъ предлагалъ вопросъ о сотвореніи міра; за нимъ

¹⁾ Дихачева. «Матер. для истор. женск. образ. въ Россіи».

выступалъ учитель географіи и спрашивалъ объ изображеніи міра на глобусѣ; учителя географіи смѣнялъ учитель исторіи, предлагавшій вопросъ о томъ, кто описалъ міръ, когда жилъ св. историкъ и проч. Однимъ словомъ, каждый преподаватель долженъ былъ во время найти случай предложить вопросъ по своему предмету. Было нѣсколько и другихъ указаній преподаванія, теперь устарѣвшихъ, но тогда новыхъ и необходимыхъ. Одинъ изъ членовъ комиссіи назначался наблюдателемъ за ходомъ классныхъ занятій и за учителями.

Государыня была недовольна выводами комиссіи и, приписывая упадокъ дѣла нерадѣнію Бецкаго, окончательно къ нему охладѣла. Весь планъ комиссіи она одобрила и передала его для руководства совѣту воспитательнаго общества, составителей же работы широко наградила. Этимъ она показала, что хотя и не любила «умничающихъ женщинъ», но не хотѣла видѣть и благовоспитанныхъ неучей, а желала, чтобы образованіе шло прогрессируя, и не останавливалась передъ примѣненіемъ всѣхъ мѣръ для улучшенія просвѣтительнаго дѣла, ею начатаго.

Совѣтъ, получивъ новую программу, опредѣлили: «всѣ присланныя высочайшія повелѣнія, яко превосходный и непремѣнный законъ премудрыя законодательницы, хранить въ архивѣ совѣта, поступая по оному съ надлежащей точностью, и для исполненія объявить всѣмъ, кому вѣдать должно».

Законъ дѣйствительно сохранился, но именно только въ архивѣ. Въ дѣлахъ слѣдующихъ годовъ о новой программѣ даже не упоминается. О немъ забыли по необходимости: чтобы осуществить новую программу, надо было назначать преподавателями людей съ большимъ знаніемъ дѣла, а таковыхъ было трудно найти въ то время.

Выпускомъ дѣвицъ въ 1785 году, на которомъ присутствовала государыня, закончился блестящій періодъ общества. Послѣ него Екатерина рѣдко ѣздила въ Смольный и какъ будто охладѣла къ нему. Но вѣрнѣе, что государственныя дѣла послѣднихъ лѣтъ ея царствованія поглощали все ея время, да сказывалась и надвигавшаяся старость...

III.

Чтобы оцѣнить содѣянное великою императрицею для культуры русской женщины, необходимо вспомнить общественныя условія и нравы того времени и тѣ препятствія, которыя ей приходилось преодолевать на пути къ намѣченной ею цѣли.

Когда, въ 1744 году, Екатерина пріѣхала въ Россію, общество русское, за самыми рѣдкими исключеніями, было не только равнодушно къ вопросамъ просвѣщенія, занимавшимъ образованныхъ людей на Западѣ, но въ большинствѣ своемъ относилось даже отрицательно къ наукѣ. Этому способствовало особенно то, что моло-

дые люди, посланные Петромъ I для обученія за границу, хотя и возвращались оттуда съ нѣкоторымъ запасомъ знаній и съ вѣшнимъ европейскимъ обликомъ, но вносили въ то же время въ русскую жизнь свѣтскую пустоту, религіозныя сомнѣнія и презрѣніе ко всему родному, чѣмъ и заражали окружающую ихъ среду. Сумароковъ высмѣивалъ эти типы въ своихъ комедіяхъ, а люди стараго уклада смотрѣли на нихъ прямо враждебно и утверждались въ понятіи, что образованіе способно лишь развращать нравы. Духовенство въ особенности возставало противъ новшества; боязнь европейскаго просвѣщенія и недовѣріе къ наукѣ доходили до того, что «Ломоносовъ счелъ нужнымъ включить въ привилегіи проектировавшагося имъ въ 1760 году петербургскаго университета и ту, чтобы обязать духовенство не ругать науку въ проповѣдяхъ» ¹⁾. При такомъ настроеніи вліятельнаго тогда сословія устройство свѣтскихъ школъ, даже самыхъ элементарныхъ, считалось чуть что не грѣхомъ. Учиться русскимъ дѣтямъ можно было только въ монастырскихъ школахъ, гдѣ довольствовались изученіемъ церковно-славянскаго часослова и псалтыря. Правда, иностранцы, жившіе въ Россіи, заводили частныя пансіоны для своихъ дѣтей, куда посылали дѣтей и нѣкоторые русскіе; но тамъ все ограничивалось преподаваніемъ иностранныхъ языковъ. Большинство пансіоновъ были въ столицахъ. Каковы были иногда эти школы, можно судить по слѣдующему: «Державинъ въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка учился въ пансіонѣ, который содержалъ въ Оренбургѣ нѣмецъ Розе, посланный туда на каторжную работу. Въ этомъ пансіонѣ учились дѣти обоюгаго пола, притомъ, по словамъ Державина, «лучшихъ благородныхъ людей»; учителя же Державинъ такъ характеризуетъ: «Сей наставникъ, кромѣ того, что правовъ былъ развращенныхъ, былъ и жестокъ; онъ наказывалъ своихъ учениковъ не только самыми мучительными, но и неблагопристойными штрафами, о которыхъ рассказывать было бы отвратительно. Ко всему этому Розе былъ и невѣжда» ²⁾.

Если такъ шло мужское образованіе, то о женскомъ не было и помину, какъ о вопросѣ совершенно праздномъ. Рѣдкіе родители учили дѣвочекъ грамотѣ, и если учили—то только чтенію, но отнюдь не письму, изъ боязни, что дѣвицы заведутъ любовныя переписки. Даже въ средне-дворянскомъ кругу грамотныя дѣвушки были исключеніемъ. Дикость понятій была такова, что Болотовъ въ своихъ запискахъ (1760) рассказываетъ, «какъ свадьба его чуть не разошлась изъ-за того, что его представили невѣстѣ и матери ея колдуномъ и чернокнижникомъ потому, что онъ любилъ читать книги, и невѣста, повѣривъ этому, принялась плакать».

¹⁾ Лихачева. «Матер. для ист. женск. образ. въ Россіи».

²⁾ Тамъ же.

Эту пугливую дѣвицу, ставшую женой, такъ рисуетъ Болотовъ: «она оказалась несмѣяна, несловоохотлива, не знающей ничего, не имѣющей ни малѣйшей склонности къ чтенію, характера самаго хладнокровнаго и нелюбопытнаго».

Въ сатирическомъ журналѣ «Живописецъ», словами одной богатой помѣщицы, такъ характеризуются понятія данной эпохи: «въ нашемъ отечествѣ изстари положено для дворянъ—шпага, для стряпчаго—перо, а грамота—для поповъ». Въ томъ же «Живописцѣ» изображенъ другой деревенскій типъ, въ лицѣ уѣзднаго дворянина, который пишетъ своему сыну Фалалею, что его сестра Варя «посажена за грамоту. Батъка Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ; пора, другъ мой, объ этомъ подумать, вѣдь скоро женихи станутъ свататься, а безъ грамоты выдавать замужъ ее не годится—и указа самой прочесть нельзя».

Грубость нравовъ обуславливалась крѣпостническимъ строемъ жизни, развивавшимъ лѣнь и суевѣріе. Въ очень богатыхъ домахъ вѣнцомъ образованія считались болтовня на иностранныхъ языкахъ и танцы, для чего, въ качествѣ гувернантокъ, держались мамзели и мадамы изъ иностранокъ. При дворѣ императрицы Елизаветы, куда пріѣхала Екатерина, образованность и культура были въ той же стадіи... Здѣсь въ теченіе восемнадцати лѣтъ цесаревна насчитывала едва десятокъ людей близкихъ къ ней по развитію, раздѣлявшихъ ея взгляды. Изъ женщинъ, кромѣ Дашковой, она ни съ одной не выносила бесѣды болѣе получаса.

Эту-то кору темнаго невѣжества, упорнаго сопротивленія просвѣщенію Екатерина, едва вступивъ на престолъ, рѣшила пробить разомъ, произвести настоящій *coup d'état*, но безъ насилія. На медленное, систематическое проведеніе культурныхъ началъ потребовались бы десятки лѣтъ, и ея собственной жизни не хватило бы на такую работу.

IV.

Къ сожалѣнію, до насъ дошло мало свѣдѣній для ознакомленія съ тѣмъ, какъ проявляли себя въ жизни носительницы идей Екатерины. Не многія тогда писали, да и большинству пионерокъ приходилось жить въ глухой провинціи, гдѣ въ скромной долѣ работа ихъ шла незамѣтно.

Возвращаемся къ запискамъ Ржевской. Она поддерживала отношенія со многими изъ своихъ подругъ и слѣдила за ихъ жизнью. Глубоко вѣря, что «развитой умъ и твердо вкоренившіяся въ сердцѣ нравственныя начала охраняли смолянокъ отъ дурныхъ примѣровъ», Ржевская такъ говоритъ объ одной, съ которой дружила всю жизнь: «искусное перо могло бы написать цѣлую книгу о ея добродѣтеляхъ, несчастяхъ и твердости духа, которая служила

бы для назиданія многихъ». Жаль, что не надѣясь, очевидно, на свое перо, Ржевская не даетъ подробностей и не называетъ даже фамиліи этой твердой женщины, охраненной отъ житейскихъ пороковъ и невзгодъ вкоренившимися въ сердцѣ ея нравственными принципами. По свидѣтельству той же Ржевской, смолянки ея выпуска рѣзко выдѣлялись отъ свѣтскихъ сверстницъ не ихъ воспитанія. «Каждая изъ нихъ,—говоритъ она,—имѣетъ свой личный характеръ. Такъ называемая оригинальность ихъ, которую осмѣивали многіе, имѣла весьма хорошія стороны. Имъ приходилось бороться противъ существовавшихъ предубѣжденій насчетъ институтскаго воспитанія, встрѣчаемыхъ даже въ собственной семьѣ, и противъ общаго нерасположенія. Во всѣхъ испытаніяхъ онѣ дѣйствовали прямо, энергично защищая свои правила. Изъ нихъ вышли прекрасныя супруги» ¹⁾. Какъ и надо было ожидать, волна царившаго невѣжества накатывалась особенно шумно на смолянокъ, именно перваго выпуска и имъ надо было, конечно, много силы воли, чтобы итти противъ теченія нравовъ «жестокихъ» и людей «неистовыхъ».

Но, можетъ быть, сужденія Ржевской пристрастны; восхваляя смолянокъ, она говоритъ о себѣ. Обращаясь, однако, къ другому незаинтересованному источнику, мы слышимъ тѣ же отзывы. Поэтъ и авторъ многихъ сочиненій князь Ив. Мих. Долгоруковъ былъ два раза женатъ на смолянкахъ; обѣ онѣ были выпущены въ 1785 г., черезъ девять лѣтъ послѣ Ржевской. Первая жена князя умерла еще не старой; онъ же уже въ зрѣлыхъ годахъ писалъ свой словарь, или, какъ его назвалъ, «Капище моего сердца». Онъ такъ рисуетъ въ немъ свою первую жену: «Она занимала мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое понятіе и останавливала нерѣдко на сколькомъ пути заблужденій, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя съ терпѣливостью стоической иго моей бѣдности, она безъ ропота сносила мои недостатки, плакала со мною о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственной моей неосторожностью. Любовь моя къ ней навсегда и вездѣ въ одинаковой мѣрѣ сохранится. Въ этомъ ручаются мои годы и внутреннія достоинства ея, столь близкія къ понятію, которыя я имѣлъ объ изящномъ чувствѣ любви, въ превосходномъ нравственномъ смыслѣ».

И. А. Дмитріевъ ²⁾, знавшій княгиню, отзывается о ней, какъ о женщинѣ, «обладавшей духовной красотой, добродѣтельной, умѣрявшей душу своего мужа и въ то же время чуткой и энергичной». Изъ многихъ фактовъ ея жизни, показывающихъ благородство ея души, приведемъ одинъ, свидѣтельствующій, что «устроеніе сердца» не отсутствовало при воспитаніи въ Смольномъ. Бѣдная, незначительная дѣвушка, по фамиліи Смирная, отецъ которой былъ убитъ

¹⁾ Записки Ржевской. «Русскій Архивъ», 1870 г., № 1.

²⁾ Князь Ив. М. Долгорукій и его сочиненія. И. А. Дмитріевъ. Москва. 1863 г.

Пугачевымъ, была взята четырехъ лѣтъ отъ роду у матери, владѣлицы семнадцати душъ, великою княгинею Натальею Алексѣевою и послѣ ея смерти помѣщена въ Смольный. Послѣ выпуска была опредѣлена ко двору великой княгини Маріи Ѳеодоровны. По воспитанію вполне свѣтскому, какое она получила въ Смольномъ и при дворѣ, между ею и матерью, которой она совѣтъ не знала, и которая была женщина простая, неграмотная и безъ всякаго воспитанія, ничего, казалось, не было общаго. Но, очень скоро по выходѣ изъ Смольнаго сдѣлавшись княгинею, она тотчасъ же послѣ свадьбы поѣхала съ мужемъ къ матери въ ея деревушку, и между ними установились самыя теплыя отношенія, сохранившіяся до конца жизни». Память своей жены князь Долгоруковъ увѣковѣчилъ тѣмъ, что, будучи послѣ ея смерти губернаторомъ во Владимирѣ, отдалъ свой домъ подъ гимназію, которой пожертвовалъ свои сочиненія, бывшія и будущія,—поставивъ условіемъ, чтобы доходъ съ нихъ былъ обращенъ на составленіе гимназической библіотеки, которая должна быть помѣщена въ комнатѣ, гдѣ умерла княгиня. Все и было такъ исполнено.

Примѣръ жены князя Долгорукова не единственный въ его «Калиціѣ». Князь лично зналъ много смолянокъ разныхъ выпусковъ не только въ Петербургѣ и при дворѣ, но и въ разныхъ провинціяхъ, гдѣ жила. Онъ наблюдалъ ихъ въ различной обстановкѣ и въ различныхъ положеніяхъ и отзывался о нихъ, какъ о любезныхъ, добронравныхъ, милыхъ, веселыхъ, хорошихъ дѣвушкахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ князь говоритъ даже съ благоговѣніемъ, и то, что онъ рассказываетъ, свидѣтельствуегъ о томъ, что это были дѣйствительно женщины, выдѣлявшіяся по своимъ нравственнымъ качествамъ изъ общаго уровня современнаго имъ общества. А такъ какъ онъ писалъ свои замѣтки безъ всякой предвзятой мысли и цѣли, то его отзывы о смолянкахъ чрезвычайно для насъ цѣнны.

Еще болѣе цѣнны, какъ безусловно безпристрастные, отзывы иностранцевъ: въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка французскій посолъ графъ Сегюръ ¹⁾ говоритъ, что женщины въ Россіи опередили даже мужчинъ въ образованіи. «Въ обществѣ,—пишетъ онъ,—можно встрѣтить много нарядныхъ дамъ и дѣвицъ, говорящихъ на 4—5 языкахъ, умѣющихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ писателей Франціи, Италіи, Англіи...» Посолъ встрѣчалъ ихъ, очевидно, главнымъ образомъ, при дворахъ. Если мы вспомнимъ, что Екатерина особенно энергично настаивала на чтеніи смолянками лучшихъ иностранныхъ книгъ, то нѣтъ сомнѣнія, что эти «болѣе мужчинъ образованныя женщины» были именно тѣ фрейлины, которыхъ Екатерина назначала послѣ каждаго выпуска. Десятью годами позже, уже

¹⁾ Ségur. Mémoires en souvenirs et anecdotes. 1827.

послѣ смерти государыни, англійскій путешественникъ Кларкъ ¹⁾, вынося такое же впечатлѣніе о русскихъ женщинахъ, говорить уже прямо о воспитанныхъ Екатериною, т. е. о смолянкахъ. «Dans la classe des nobles, les femmes paraissent de beaucoup supérieures aux hommes; elles sont douces, sensibles, souvent fort instruites, belles, accomplies».

Невозможно обойти молчаніемъ одну смолянку перваго выпуска, игравшую видную роль въ исключительной обстановкѣ ея жизни. Это тотъ «феноменъ», пріѣхать посмотреть на который Екатерина общала своей «черномазой Левушкѣ». Мы говоримъ о Нелидовой, чье могущественное вліяніе на Павла служило долгіе годы предметомъ злостныхъ о ней сужденій. Теперь талантливымъ исторіографомъ ²⁾ роль ея документально выяснена и можетъ подтвердить правильность воспитательнаго дѣла императрицы Екатерины.

Дочь простого армейскаго офицера, Ек. Ив. Нелидова, помѣщенная въ Смольный ребенкомъ шести лѣтъ, въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго въ немъ пребыванія воспользовалась въ полной мѣрѣ всѣмъ, что далъ онъ хорошаго и прочнаго въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, и служить яркимъ образцомъ того типа, создать который стремилась государыня.

Свѣтскими талантами, отличавшими Нелидову, далеко не исчерпываются ея достоинства. Ея острый, широко образованный умъ, живость и благородство характера, искренность и смѣлость сужденій, соединенныя съ изящной благовоспитанностью, чрезвычайная любезность и всегда на добро направленные чувства—дѣлали ее настолько обаятельной, что заставляли совершенно забывать исключительную некрасивость ея лица. Вооруженная этими качествами, Нелидова прямо со школьной скамьи попала въ водоворотъ придворной жизни, назначенная фрейлиной къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, только что вышедшей замужъ за цесаревича Павла Петровича. Въ этомъ новомъ для Нелидовой мірѣ у нея не было ни родственниковъ; ни друзей. Великая княгиня относилась къ окружающимъ ее сдержанно и свысока. Молодой, неопытной дѣвушкѣ пришлось искать опоры въ самой себѣ, создавать самостоятельность, охраняя себя отъ интригъ и щекотливыхъ положеній, неизбежныхъ въ придворной сферѣ. И она быстро сумѣла себя поставить, благодаря глубокому сознанию своихъ обязанностей передъ Богомъ и людьми, высоко развитому чувству собственного достоинства и потребности жить самой въ себѣ. Несомнѣнно, однако, что наука жизни не давалась ей безъ огорченій и разочарованій. Послѣднее коснулось лица очень ей дорогого. Несмотря на всю

¹⁾ Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie par Edouard Clarke. 1813.

²⁾ Е. С. Шумигорскій. Ек. Ив. Нелидова.

свою благодарность и любовь къ государынѣ, ее воспитавшей, Нелидова, съ годами, уже критически относилась къ увлеченіямъ великой женщины и съ печалью отмѣчала недостатокъ въ ней материнскаго чувства и несправедливое ея отношеніе къ сыну. Правдивое сердце Нелидовой невольно тянулось къ великокняжеской четѣ, жившей въ скромной домашней обстановкѣ и даже нѣкоторой заботности, въ контрасть съ блескомъ большого двора. При ежедневномъ общеніи въ тѣсномъ семейномъ кругу всѣ трое свободно сходились, изучая другъ друга. Рыцарскій характеръ Павла, его религиозность, стремленіе къ добру, правдѣ, народному благу—вполнѣ отвѣчали идеаламъ смолянки-энтузіастки. Но нравственный міръ великаго князя—благородный и возвышенный—былъ, однако, часто въ полномъ противорѣчій съ порывами необузданнаго гнѣва, сдержатъ который не могла вся кротость его супруги, искавшей въ такихъ случаяхъ помощи своей фрейлины. Умной, живой Нелидовой удавалось разговаривать гнѣвнаго человѣка, невольно поддававшася очарованію некрасивой, но просвѣщенной, оригинальной дѣвушки. Изъ этихъ сложныхъ причинъ возникла обоюдная симпатія. Но по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни затмевался разсудокъ Павла и дикость его порывовъ пугала его супругу, пылкая Нелидова смѣло выступала на защиту лицъ, на которыхъ падалъ его несправедливый гнѣвъ. На первыхъ порахъ безстрашный отпоръ молодой дѣвушки вызывалъ и противъ нея раздраженіе Павла. Но и она не уступала и при каждой вспышкѣ, а онѣ были часты, рискуя неудовольствіемъ и даже разрывомъ, она продолжала укрощать его бѣшенство, имѣя въ виду лишь его благо. Въ этой борьбѣ, мѣряясь силами, противники—сохраняя взаимное уваженіе—становились друзьями: рыцарь Павелъ понялъ и почувствовалъ, что некрасивая фрейлина стоитъ около него ангеломъ-хранителемъ, и покорился ей. Вліяніе Нелидовой на умъ и темпераментъ Павла стало безграничнымъ, и каждый невинно угнетенный имъ зналъ, у кого искать защиты и спасенія. Вскорѣ это стало всѣмъ извѣстно. Въ чистоту отношеній не вѣрилъ, конечно, фривольный вѣкъ фаворитизма, и Нелидову окрестили названіемъ любовницы. Можно себѣ представить, что выносила идеалистка-смолянка, какой она оставалась... Но въ гордомъ сознаніи своей чистоты, она оставалась непоколебимой: человѣческая злоба не могла убить ея мистической вѣры въ то, что самимъ Богомъ она поставлена охранять будущаго царя отъ его пагубныхъ слабостей и руководить имъ общаго блага.

Однако пришло время тяжелаго испытанія. Интриги вокругъ Павла направились на нее со всѣхъ сторонъ. Больше всего ее затронуло несправедливое къ ней отношеніе великой княгини, ревность которой разжигали враги Нелидовой... Въ то же время недостойные люди, въ родѣ лакея Кутайсова, вели свою линію и,

играя на слабыхъ струнахъ характера цесаревича, часто парализовали благородное вліяніе Нелидовой. Тогда она рѣшила удалиться и просила государыню избавить ее отъ фрейлинства и дать ей пріютъ въ Смольномъ. Государыня исполнила ея просьбу и въ 1793 году, несмотря на протестъ Павла, Нелидова поселилась въ любимомъ ею Смольномъ, гдѣ и прожила до своей смерти.

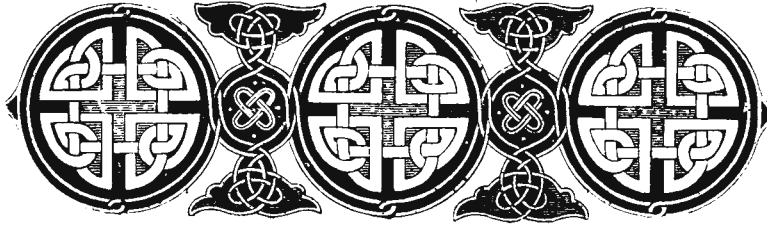
Когда скончался Павелъ Петровичъ, Марія Ѳеодоровна, оплакавъ вмѣстѣ съ Нелидовой смерть своего супруга, всѣмъ сердцемъ привязалась къ бывшей своей фрейлинѣ, и не проходило дня, чтобы она не посѣщала ее въ Смольномъ, пріютившемъ его достойную воспитанницу.

Итакъ, миссія, возложенная Екатериной на смолянокъ,—смячать грубые нравы—примѣнена была Нелидовой къ собственному сыну императрицы...

З. Мордвинова.

Апрѣль.
1914 г.

ПАМЯТИ А. П. БАРСУКОВА.

ТОШЕЛЪ въ вѣчность послѣдній представитель научно-литературной семьи трудолюбивыхъ Барсуковыхъ—Александръ Платоновичъ, авторъ «Рода Шереметевыхъ» и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ сочиненій, о которыхъ я упомяну ниже. Мнѣ уже въ моей монографіи о Николаѣ Платоновичѣ приходилось упоминать его имя и отмѣтить его неотрѣшимую близость къ своему старшему брату. Дѣйствительно, при жизни Н. П. Барсукова авторъ «Рода Шереметевыхъ» былъ безсмѣнно тѣнью Николая Платоновича, и я, такъ близко знавшій ихъ обоихъ, рѣшительно не могу себѣ представить Н. П. Барсукова безъ соупутствія своего младшаго брата, который и своимъ внѣшнимъ видомъ, и манерами обращенія представлялъ полную противоположность Барсукову-старшему. Рядомъ съ «иконописнымъ» Николаемъ Платоновичемъ, чудакомъ и оригиналомъ, въ небрежномъ костюмѣ, выгодно выдѣлялся своей аккуратностью, нѣкоторымъ, пожалуй, щегольствомъ, корректный, педантичный Александръ Платоновичъ, носившій на себѣ какъ бы нѣкоторый отпечатокъ свѣтскаго лоска. Такова внѣшняя сторона дѣла; что касается внутренней, духовной, то, насколько старшій Барсуковъ былъ широкъ, добродушенъ, шуменъ, бурливъ, безконечно трудолюбивъ и плодотворитъ въ своихъ писаніяхъ, обнаруживавшихъ обширную и глубокую специальную эрудицію, настолько Барсуковъ-младшій былъ холодно-сдержанъ, замкнутъ, съ склонностью къ осужде-

нію и взвинчиванію своего брата на ту или иную шумную выходку. Въ обоихъ явно сказывалась фамилная разность въ происхожденіи по отцовской и материнской линіи, и отмѣтить здѣсь, изъ какихъ линій вытекали тѣ или иныя ихъ свойства, я былъ бы очень затрудненъ. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ ихъ высокопоставленныхъ родственниковъ по поводу братьевъ Барсуковыхъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я предпочитаю скорѣе имѣть дѣло съ Николаемъ, чѣмъ съ Александромъ. Николай весь на ладони, и его шумъ—шумъ пустой, который скоро угоняется, а Александръ, хотя онъ и выросъ на моихъ глазахъ, мнѣ непонятенъ. Богъ вѣдаетъ, что у него на умѣ и въ сердцѣ.

Дѣйствительно, въ моихъ личныхъ отношеніяхъ къ обоимъ братьямъ я испыталъ на себѣ слѣдующее. При нашихъ спорахъ Н. П. обрушивался на меня шумной тирадой, которую, однако, въ концѣ концовъ сглаживалъ какою-нибудь добродушною уступкою, младшій же Барсуковъ не бранился, не шумѣлъ, а язвилъ, заключая свое разногласіе безразличнымъ, а порою обиднымъ смѣшкомъ. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что Александръ Платоновичъ былъ злымъ человѣкомъ; напротивъ, онъ былъ склоненъ къ добру, и я въ черные свои дни пятидесятихъ годовъ видалъ съ его стороны немало теплаго къ себѣ отношенія, участія и дружбы. Припоминая наши многочисленныя встрѣчи и бесѣды, я могъ бы въ защиту сердечной мягкости Александра Платоновича привести и еще нѣкоторыя проявленія его доброй по существу природы. Просто, какъ мнѣ кажется, на немъ сказывалась та трудность жизни, которая его постигла въ молодости, какъ равно и то обстоятельство, что онъ какъ бы тонулъ въ славѣ своего брата. Онъ обожалъ, преклонялся передъ послѣднимъ, но рядомъ съ этимъ ему доставляло какое-то удовольствіе вызывать бурливость Н. П., которая его какъ бы потѣшала; отсюда его нѣкоторая занозность и въ отношеніяхъ ко всѣмъ окружающимъ.

Невозможно себѣ представить нераздѣльно прожившихъ другъ съ другомъ болѣе пятидесяти лѣтъ въ одной квартирѣ братьевъ Барсуковыхъ не спорящими и не ссорящимися,—по крайней мѣрѣ на людяхъ, причемъ забіякой постоянно являлся Александръ Платоновичъ. Что рождало эти споры? На это даже трудно отвѣтить: все и ничто, при этомъ положеніе третьяго лица въ этихъ братскихъ войнахъ бывало сплошь и рядомъ очень затруднительно. Къ тебѣ обращаются за разрѣшеніемъ спора, а ты очень часто не можешь дать себѣ отчетъ, изъ-за чего происходитъ весь шумъ; такъ себѣ, изъ-за пустого яйца или выѣденной скорлупы. И вмѣстѣ съ тѣмъ эти два человѣка не могли жить другъ безъ друга. Когда скончался Н. П., его братъ какъ-то весь измѣнился, сталъ мягче, духовно опустился и сошелъ въ смыслѣ научно-литературномъ на нѣтъ.

— Поскорѣ бы наступилъ и мой конецъ и мнѣ лечь рядомъ на Смоленскомъ съ Н. П.

Когда я выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ свою книгу «Среди литераторовъ и ученыхъ», включивъ въ нее свой очеркъ о Николаѣ Платоновичѣ, я послалъ ее Александру Платоновичу, и вотъ что онъ мнѣ написалъ по поводу этой посылки:

«Глубокоуважаемый Борисъ Борисовичъ!

«Я только что возвратился изъ полуденной Россіи,—обычной осенней поѣздки, и первое, что увидѣлъ на столѣ,—это вашъ столь цѣнный для меня подарокъ «Среди литераторовъ и ученыхъ». И говорить нечего, прежде всего устремился къ *Н. П. Барсукову*. Прочелъ залпомъ и, знаете ли, заплакалъ... Въ такіе годы уже стыдно плакать. Но что же дѣлать? Не выдержалъ. Благодаря... (вамъ), передо мною вдругъ всталъ Николай Платоновичъ, какъ живой!.. Мнѣ показалось, что вы много измѣнили, вѣрнѣе, развили, такъ сказать, растворили сердечными лучами первоначальную редакцію (некроложную). Крѣпко обнимаю васъ, дорогой Борисъ Борисовичъ! Спасибо, спасибо вамъ. Пошли вамъ, Господи, побольше здоровья.

«Глубоко уважающій васъ и искренно любящій

«А. Барсуковъ. 5-го ноября 1913 г.».

Дѣйствительно, начиная съ 1906 года, когда скончался его братъ, которому онъ почти всеѣмъ былъ обязанъ, жизнь А. П. Барсукова какъ бы потускнѣла. Осталась формальная, механическая служба въ сенатѣ, которую онъ, впрочемъ, очень любилъ, осталась его двухмѣсячная осенняя поѣздка къ нынѣ уже скончавшемуся князю Святополкъ-Мирскому (бывшему министру внутреннихъ дѣлъ), а остальное время наполнилось пребываніемъ среди стѣнъ своей осиротѣлой квартиры, гдѣ со всѣхъ сторонъ выглядывалъ на него духовный обликъ его брата. А. П. буквально трепеталъ, чтобы ничто не измѣнилось въ обстановкѣ и въ обиходѣ, установленныхъ Николаемъ Платоновичемъ, считая себя какъ бы стражемъ завѣтовъ по музею, созданному незабвеннымъ для него покойникомъ, хотя въ матеріальному отношенію это представляло для него большую трудность. Прежде всѣ расходы дѣлились пополамъ, а нынѣ они пали на одни плечи, не особенно широкія и крѣпкія.

Я вернусь еще дальше къ музейному богатству, собранному Барсуковымъ-старшимъ, а пока обращаюсь къ біографической части жизни А. П. Барсукова.

А. П. Барсуковъ родился 4-го декабря 1839 года, получилъ образованіе въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ въ

драгунскій Военнаго Ордена полкъ. Такимъ образомъ онъ явился какъ бы хранителемъ военныхъ семейныхъ традицій своего рода, причемъ, какъ и его отецъ, молодой драгунъ очутился на службѣ въ Западномъ краѣ, гдѣ къ услугамъ военной молодежи было и польское хлѣбосольство, и паненки, старое венгерское, все то, чего когда-то вдоволь вкусилъ его отецъ, Платонъ Александровичъ. Но времена были разныя; что сошло благополучно отцу, на томъ сломалъ себѣ шею сынъ. Подвернулась «перфидная дѣвица», на которую потребовались расходы, и въ результатѣ у молодого драгуна очутился долгъ въ пятьсотъ рублей ассигнаціями и пришлось бить челомъ родителямъ о помощи въ Ивановку. Родитель былъ, пожалуй, не прочь посмотрѣть сквозь пальцы на увлеченіе своего сына, напомнившее ему его былую жизнь среди гусаръ, но мачеха, Варвара Герасимовна, поглядѣла на дѣло иначе: бѣдному Александру Платоновичу пришлось снять драгунскій мундиръ, дабы дальше не было повадно дѣлать долги съ «перфидными дѣвицами», и явиться, точно школьнику, на расправу подъ родительскій кровъ. Его заперли на вышку, а внизу состоялся домашній совѣтъ, что дѣлать дальше съ безпутнымъ драгуномъ. Положеніе его было во-истину печальное, но тутъ-то на выручку и явился Николай Платоновичъ, Онъ, самъ нуждавшійся тогда и съ трудомъ пробивавшій себѣ, при покровительствѣ князя Вяземскаго, тяжкій путь жизни, взялъ брата къ себѣ въ Петербургъ и тѣмъ самымъ освободилъ его отъ плѣна въ Ивановкѣ и изъ-подъ надзора Варвары Герасимовны. И вотъ мы видимъ все въ томъ же бывшемъ домѣ Тура (№ 21) на Морской улицѣ, въ пятомъ этажѣ, гдѣ будущій авторъ «Погодина» уже началъ сколачивать свой музей, двухъ братьевъ склоненными надъ кропотливой архивной литературной работой, причемъ старшій работаетъ, по порученію А. Θ. Бычкова и князя Вяземскаго, а младшій производитъ для него разныя подготовительныя черновыя работы. Долженъ замѣтить при этомъ, что у А. П. Барсукова сказывалась тогда нѣкоторая склонность къ литературной работѣ. Такъ, имъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ были напечатаны въ погодинской газетѣ «Русскій» корреспонденціи изъ Польши, о которыхъ, однако, только что скончавшійся представитель нашей ученой литературы какъ-то никогда не упоминалъ. Хотя дѣло для А. П. и нашлось, однако вопросъ объ утоленіи голода и жажды этимъ не былъ удовлетворенъ. Нужно было во что бы то ни стало найти себѣ мѣсто, которое бы давало хоть какое-нибудь обезпеченіе въ жизни. Надежда на петербургскихъ родственниковъ не оправдалась, связи съ Н. П. оказывались также недостаточными, чтобы поставить брата на твердыя ноги. Трудно и жутко было на пятомъ этажѣ въ домѣ Тура, но вотъ въ одинъ прекрасный день въ квартирѣ раздается звонокъ, и передъ бѣдными тру-

жениками появляется ихъ дядя, нынѣ покойный тамбовскій помѣщикъ Сергѣй Евгеньевичъ Маринъ, въ сопровожденіи незнакомаго для нихъ господина.

— Не помогли петербургскіе родственники, такъ вотъ, Александръ, кто тебѣ поможетъ—мой другъ Борисъ Николаевичъ Хвостовъ.

Александръ Платоновичъ Барсуковъ.

Дѣйствительно, человѣкъ добрейшій, гуманный, золотого, что называется, сердца, совершавшій тогда блестящую карьеру, Борисъ Николаевичъ, впоследствии сенаторъ департамента герольдіи, явился тѣмъ человѣкомъ, который далъ вѣрный кусокъ хлѣба Александру Платоновичу. Онъ опредѣлилъ его на службу въ синодъ, откуда, однако, ему пришлось уйти, такъ какъ просвѣщенный оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ нашелъ несовмѣстимымъ литературную работу своего подчиненнаго со

службой ¹⁾. Я думаю, что, хотя именно такъ рассказывали мнѣ оба Барсуковы, но дѣло произошло какъ-нибудь иначе, и, очевидно, у Побѣдоносцева, въ силу его отношеній къ высшей аристократіи, съ которой главнымъ образомъ Н. П. имѣлъ соприкосновенія, на какой-нибудь почвѣ родилось неблагопріятное чувство къ обоимъ Барсуковымъ. Какъ-бы то ни было, но А. П. вынужденъ былъ уйти изъ синода и поступилъ въ департаментъ герольдіи, на службѣ въ которомъ въ роли управляющаго гербовымъ отдѣленіемъ смерть и постигла его въ ночь съ 14-го на 15-ое апрѣля сего года. Служба въ этомъ департаментѣ какъ нельзя болѣе подошла къ характеру и вкусамъ Барсукова. Онъ тутъ сталъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ сословіемъ и го исторіей, которая всегда такъ дорога была его сердцу и въ былыхъ и настоящихъ судьбахъ котораго онъ усматривалъ своего рода краеугольный камень нашего социальнаго отечественнаго уклада. Работа въ герольдіи давала ему широкій просторъ для научно-литературныхъ работъ, главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ которыхъ былъ все тотъ же старшій братъ. Озирая его вклады въ нашу историческую литературу, мы видимъ, что они хронологически располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: «Шкловскіе авантюристы» («Заря» 1871 г., кн. 1), «Узникъ Спасо-Евѣмиева монастыря» (кн. 12), «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ» («Русскій Архивъ» 1873 г., кн. 2 и 10), «Юасафъ Батуринъ» («Древняя и Новая Россія» 1875 г., кн. 2), «Батюшковъ и Опочининъ» (1878 г., кн. 12). Эти статьи, основанныя на новыхъ данныхъ, затѣмъ были собраны авторомъ въ одну книгу, изданную подъ заглавіемъ: «Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, по архивнымъ документамъ» (Спб. 1885 г., 284 стр.), и послужили къ назначенію его членомъ археографической комиссіи. «Россійское благородное собраніе въ Москвѣ по сохранившимся архивнымъ документамъ» (Спб. 1886 г.), «Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія» (Спб. 1887 г.), «Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ» (Спб. 1894 г.), «Письма къ гр. П. А. Румянцову отъ его родителей» (Спб. 1900 г.), «Письма епископа Филарета къ Н. Н. Шереметевой» (Спб. 1900 г.), «Списокъ городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго государства XVIII столѣтія» (Спб. 1902 г.), «Родословіе Шереметевыхъ» (Спб. 1904 г.) и такой монументальный трудъ, какъ «Родъ Шереметевыхъ», вышедшій въ восьми томахъ (Спб. 1881—1904 гг.) и изобразившій на своихъ страницахъ предковъ этой стародворянской фамиліи Россіи.

---

¹⁾ Такъ же отнесся К. П. Побѣдоносцевъ и къ Н. П., вслѣдствіе чего послѣдній долженъ былъ перейти въ вѣдомство министерства народн. просв. Б. Г.

Этотъ послѣдній трудъ не былъ по достоинству оцѣненъ нашей партійной либеральной критикой, и Александру Барсукову бросали въ лицо обвиненіе въ излишней угодливости сильнымъ міра сего. Но, оставляя въ сторонѣ субъективную сторону дѣла, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ этомъ обширномъ трудѣ заключается много цѣннаго архивнаго матеріала, вплетающаго въ цѣпь источниковъ для уразумѣнія бытовыхъ условій былой русской жизни немало новаго и оригинальнаго, почему и изслѣдователю нашего историческаго прошлаго безъ работы А. П. Барсукова трудно обойтись. Нечего, конечно, и говорить, что гр. С. Д. Шереметевъ не пожалѣлъ средствъ на то, чтобы жизнеописаніе его предковъ, составляемое Барсуковымъ, было представлено возможно роскошнѣе, полнѣе, съ воспроизведеніемъ здѣсь превосходно выполненныхъ снимковъ съ древнихъ рукописей, рисунковъ и портретовъ. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ Барсуковымъ не былъ доведенъ до конца, и, какъ мнѣ кажется, это обстоятельство стоитъ въ нѣкоторой связи съ кончиною Николая Платоновича, когда его младшій братъ, оставшійся безъ руководителя-знатока русской исторіи, понукавшаго А. П. къ работѣ, до нѣкоторой степени спалъ въ своей работоспособности и въ интересахъ къ изученію историческихъ судебъ Россіи. На мое однажды ему замѣчаніе, почему онъ прекратилъ свою научно-литературную дѣятельность, онъ откровенно мнѣ признался:

— По природѣ я лѣнивъ и мнѣ доставляютъ удовольствіе мое одиночество, созерцаніе накопленныхъ мною съ братомъ сокровищъ и воспоминанія о быломъ. Я выбылъ изъ строя и не посѣщаю болѣе даже тѣ научныя засѣданія, куда обычно съ братомъ охотно ѣздилъ.

Въ первые два года послѣ кончины Николая Платоновича онъ былъ еще озабоченъ выпускомъ посмертнаго тома «Жизни и трудовъ М. П. Погодина», о которомъ я въ свое время писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», съ приложеніемъ къ ней цѣннаго общаго указателя. Совершивъ этотъ для него «подвигъ», при содѣйствіи своей племянницы и племянника, дѣтей М. П. Барсукова, онъ буквально опочилъ и, кромѣ сенатской службы, ни къ чему не имѣлъ дѣятельнаго прикосновенія, стремясь только, какъ я упоминалъ уже выше, сохранить обстановку квартиры и укладъ здѣсь жизни таковыми, какъ ихъ установилъ его старшій братъ. Сохраненіе музейной обстановки его очень озабочивало, и по сему предмету онъ просилъ меня войти въ переговоры съ тоже нынѣ сошедшимъ въ вѣчность П. Я. Дашковымъ. Сначала А. П., какъ я отъ него слышалъ, вель переговоры съ гр. Шереметевымъ, но потерпѣлъ тутъ неудачу. Неудачны оказались и переговоры съ Дашковымъ, который по нѣкоторымъ формальнымъ причинамъ нашелъ для себя неудобнымъ войти въ сдѣлку съ Барсуковымъ. Послѣдній

ставилъ слѣдующія условія: покупатель пріобрѣтаетъ отъ него всю обстановку (изъ вещей наиболѣе интересныхъ въ историческомъ отношеніи) квартиры, всю библіотеку, черновыя рукописи, всю портретную галерею, весь архивъ переписки Николая Платоновича за десять тысячъ рублей, въ счетъ которыхъ ему уплачивалось бы пожизненно помѣсячно сто рублей, а остатокъ, за погашеніемъ выданнаго, долженъ былъ итти въ раздѣлъ наслѣдникамъ.

Какъ я узналъ послѣ кончины А. П., покупателемъ его въ концѣ концовъ согласился быть С. Т. Филипповъ (сынъ покойнаго государственнаго контролера Тертія Ивановича), который и пріобрѣлъ отъ А. П. библіотеку, черновыя рукописи и портретную галерею изъ музея Барсуковыхъ на условіяхъ, желательныхъ для только что скончавшагося представителя рода; что же касается архивной переписки (корреспонденціи Н. П.), то таковая по волѣ Александра Платоновича была передана безвозмездно въ даръ гр. Шереметеву, очевидно, въ воздаяніе тѣхъ добрыхъ услугъ и добрыхъ чувствъ, которыми графъ всегда дарилъ обоимъ братьевъ ученыхъ-писателей. Весь же семейный архивъ достался племяннику. Такимъ образомъ, можно порадоваться, что наслѣдіе Барсуковыхъ не разнеслось по вѣтру, а попало въ вѣрныя руки, которыя бережно и любовно сохраняютъ его. С. Т. Филипповъ воистину доброе и меценатское дѣяніе сдѣлалъ: поддержалъ при жизни старика А. П., давъ ему тѣмъ возможность сохранить оригинальный барсуковскій укладъ жизни, выполнилъ его пламенное желаніе и пріобрѣлъ пріобрѣтенное къ тѣмъ сокровищамъ русской мысли, которыя достались ему по наслѣдію отъ его просвѣщеннаго покойнаго родителя. Люди, во многомъ и во многомъ единомышленныя, Н. П. Барсуковъ и С. Т. Филипповъ какъ бы за гробомъ въ своемъ идейномъ накопленіи русскаго умственнаго богатства сольются и пребудутъ во-едино. Какъ мнѣ передавалъ самъ С. Т. Филипповъ, онъ и отцовское, и барсуковское наслѣдія имѣетъ въ виду перевести во Ржевъ, гдѣ у него на окраинѣ города имѣется усадебное мѣсто и гдѣ въ прочномъ каменномъ домѣ образуется такимъ образомъ оригинальный провинціальный музей. Я радъ повѣдать объ этомъ читателямъ, такъ какъ въ своей работѣ о Н. П. Барсуковѣ усиленно проводилъ мысль о необходимости положить тщательное стараніе къ тому, чтобы книжное и портретное наслѣдіе Н. П. Барсукова не погибло.

Вообще С. Т. Филиппову выпало на долю во многомъ скрасить послѣдніе дни А. П. Барсукова. Онъ былъ совмѣстно съ немногими другими изъ порѣдѣвшаго круга ихъ знакомыхъ, постояннымъ его посѣтителемъ и партнеромъ въ традиціонныя вистъ и бриджъ. Когда въ знаменитой патріаршей палатѣ собирались выдающіеся представители нашего ученаго міра. Здѣсь были частыми посѣтителями нынѣ сошедшіе въ вѣчность—старикъ А. Ѳ. Бычковъ, П. И.

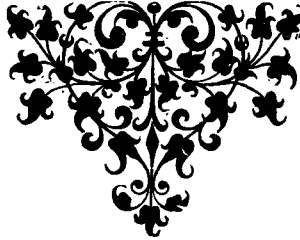
Бартеневъ (дядя Барсуковыхъ) въ дни своего прїѣзда изъ Москвы, Л. Н. Майковъ, проф. Помяловскій, неизмѣнный гость И. О. Горбуновъ и много другихъ. Постепенно и понемногу всѣ эти дѣятели нашего отечественнаго просвѣщенія подобались, и на смѣну имъ явилось болѣе новое поколѣніе. Три раза въ недѣлю (традиціонно) приходили къ А. П. Барсукову поиграть «по маленькой» проф. Н. Д. Чечулинъ, художн. Богдановъ-Бѣльскій, бар. Клодтъ, С. Любимовъ, бывшій губернаторъ Ахлестышевъ и неизмѣнный С. Т. Филипповъ. Еще въ воскресенье 14-го апрѣля послѣдній со своимъ другомъ г. Любимовымъ навѣстили старика Барсукова, перекинулись съ нимъ вечеркомъ картами, скромно у него поужинали и разошлись. Ночью Барсуковъ почувствовалъ себя скверно, у него открылась рвота съ присутствіемъ здѣсь обильнаго кровопизліянія. Утромъ, когда встала прислуга, ему была оказана элементарная домашняя помощь, но она не дала добрыхъ результатовъ, и больной, переходя изъ одной комнаты въ другую, былъ настолько слабъ, что упалъ въ обморокъ и о косякъ разбилъ себѣ голову въ кровь. Его уложили на диванъ, былъ призванъ врачъ который сразу понялъ, что надъ Барсуковымъ нависла опасность. Были прописаны соотвѣтствующія лекарства, но больному становилось все хуже. Къ вечеру прибылъ на обычную партію въ вистъ все тотъ С. Т. Филипповъ и, увидя плохое состояніе своего стараго друга, немедленно озаботился приглашеніемъ врачей и вмѣстѣ съ тѣмъ, понявъ опасное положеніе А. П. Барсукова, предложилъ послѣднему исповѣдаться и пріобщиться святыхъ тайнъ. Этому предложенію страждущій чрезвычайно обрадовался, несмотря на то, что еще на Страстной говѣлъ. Онъ заявилъ: «Вотъ это главное», причемъ вполне сознательно отнесся къ своему положенію, говоря, что онъ чувствуетъ приближеніе послѣдняго часа и радъ отойти въ вѣчность съ соблюденіемъ столь дорогой ему православной обрядности. Сердце его продолжало слабѣть, врачи дѣлали свое дѣло, вспрыскивали ему камфару, Александръ Платоновичъ хотя и соглашался на всѣ эти манипуляціи, но относился къ нимъ, какъ къ чему-то совершенно ненужному, только замедляющему его встрѣчу съ дорогимъ для него старшимъ братомъ за гранью земного. Когда прибылъ священникъ Исаакіевскаго собора о. Смирягинъ, онъ ему очень обрадовался и съ полнымъ сознаниемъ приступилъ къ исполненію своего послѣдняго земного долга. Долженъ добавить, что еще до прибытія духовника больной потребовалъ себѣ зажженную свѣчу и требникъ, по коему съ полнымъ сознаниемъ сталъ читать свою отходную. Точно также, сознавая приближеніе кончины, онъ пожелалъ проститься и облобызаться со всѣми окружающими, съ прибывшими къ тому времени племянницами, съ С. Т. Филипповымъ, съ прислугою и другими. Сознаніе все время не покидало его: онъ радостно и

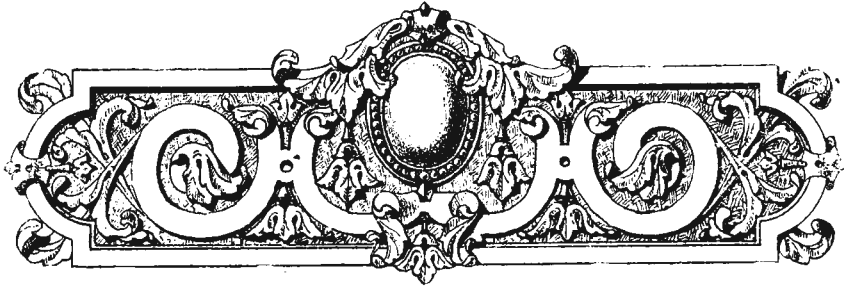
серьезно шел навстрѣчу приближавшейся къ нему смерти, холодною и дрожащей рукой держалъ свѣчу, принесъ духовнику свою исповѣдь, принялъ святыя тайны, облобызалъ дароносицу и... почилъ навѣки.

То описаніе смертей русскихъ людей, которое мы встрѣчали въ свое время въ произведеніяхъ Л. Толстого и Тургенева, здѣсь повторилось передъ присутствовавшими воочію. Церковное и религиозное, что въ его жизни всегда играло такую роль, не покинуло его и въ послѣднія минуты жизни: онъ отошелъ въ вѣчность такъ, какъ въ своемъ историческомъ идеалѣ рисуетъ такой отходъ русскій народъ. Это была воистину православная кончина, какую наше священство не часто наблюдаетъ въ жизни. Тутъ не было борьбы за жизнь и цѣплянья за нее, но свѣтлая встрѣча съ жизнью загробной.

А. П. Барсуковъ похороненъ рядомъ съ Николаемъ Платоновичемъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Б. Г.

В. А. ТИХОНОВЪ.

(Некрологъ.)

РИНАДЦАТАГО мая, въ два часа дня умеръ писатель В. А. Тихоновъ послѣ долгихъ страданій. Онъ страдалъ болѣзнью сердца, которая осложнилась грудной жабой; ко всему какъ-то простудился и долженъ былъ выдержать воспаленіе легкихъ. Ослабленному организму борьба оказалась не по силамъ, и послѣ двухдневной агоніи В. А. Тихоновъ умеръ.

В. А. Тихоновъ не первоклассный талантъ, но онъ былъ «писателемъ милостью Божьей», и его имя останется въ русской литературѣ. Будутъ читать его рассказы и романы, будутъ играть на сценѣ его пьесы, и его радостное дарованіе будетъ вызывать веселый смѣхъ. Быть можетъ, онъ далъ бы что-нибудь очень большое и талантливое, но матеріальныя заботы не давали времени и свободы для вдумчиваго творчества.

— Трудно, батенька, думать о вѣчности, когда въ головѣ мысль о завтрашнемъ днѣ,—говорилъ онъ шутливо.

Владимиръ Алексѣевичъ Тихоновъ, сынъ богатаго казанскаго откупщика, родился въ 1857 году и получилъ прекрасное домашнее образованіе, которое закончилъ въ реальномъ училищѣ.

И слѣдомъ за этимъ начинается бурная, полная разнообразія жизнь Владимира Алексѣевича.

Въ 1876 году онъ увлекается движеніемъ въ пользу угнетаемыхъ турками славянъ и идетъ въ добровольцы, а затѣмъ дѣлается офицеромъ и отбываетъ всю кампанію 1877—1878 годахъ въ кавказской арміи. Раненъ онъ не былъ, отличій не получилъ, но вынесъ массу живыхъ впечатлѣній, которыя потомъ и отразились всѣ въ его военныхъ разсказахъ, изданныхъ отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ «Военные и путевые очерки и разсказы».

Война окончилась. Владимиръ Алексѣевичъ почувствовалъ влеченіе къ сценѣ, вышелъ въ отставку и обратился въ профессиональнаго актера.

Впрочемъ, уже въ это время, а именно въ 1878 году, онъ напечаталъ въ «Тифлисской Газетѣ» въ двухъ нумерахъ свой первый разсказъ «Сутки па очереди».

Влеченіе къ литературѣ уже жило въ немъ, но онъ—по личному признанію—такъ глубоко чтилъ русскую литературу и такъ высоко ставилъ писателя, что не дерзалъ причислить себя къ нимъ.

«Когда появилось въ печати мое первое произведеніе и когда я своими глазами увидаль его въ печати, меня охватилъ такой страхъ, такой ужасъ, что я передать не могу. Мнѣ казалось, что я, занявъ подъ свою особу нѣсколько столбцовъ газеты, совершилъ прямо-таки преступленіе и что теперь, несомнѣнно, всѣ будутъ ругать меня за такое нахальство: какъ, дескать, я смѣлъ утруждать вниманіе читателя своей дребеденью? Въ эти дни я даже боялся заговаривать съ моими знакомыми».

Эти строки записалъ Владимиръ Алексѣевичъ въ воспоминаніяхъ о своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ.

Но литераторомъ онъ еще не былъ. Онъ актерствовалъ и въ своихъ странствованіяхъ по провинціальнымъ сценамъ и съ Рыбаковымъ, и Милославскимъ, съ Шумскимъ, Пальмомъ, Медвѣдевымъ и съ безсмертнымъ Андреевымъ-Бурлакомъ.

Впослѣдствіи онъ вспомнилъ годы своего актерства и въ 1898 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечаталъ свои «театральныя воспоминанія».

Послѣ актерства онъ служилъ, по его выраженію, простымъ приказчикомъ по закупкѣ льна и хлѣба и объѣздилъ всѣ маленькіе городишки и мѣстечки Казанской и Вятской губерній.

Затѣмъ судьба забросила его во Францію, въ городъ Лилль, гдѣ онъ былъ представителемъ одной торговой фирмы.

Послѣ всего этого въ концѣ 1882 года онъ возвращается въ Петербургъ и уже цѣликомъ отдается литературѣ.

Въ его чемоданѣ лежало нѣсколько рукописей и пьесъ, карманъ былъ пустъ.

Къ тому времени его богатый отецъ уже разорился, и Владимиръ Алексѣевичъ сразу позналъ нужду и горькій писательскій хлѣбъ.

Владимиръ Алексѣевичъ Тихоновъ.

Писалъ онъ, какъ большинство начинавшихъ, все,—главнымъ образомъ мелочи, и стишки, и анекдоты, и юмористическіе рассказы.

Его другомъ и руководителемъ былъ талантливый и восторженный поэтъ М. Н. Соймоновъ, и вотъ онъ-то явился въ нѣкоторомъ родѣ вершителемъ судьбы Владимира Алексѣевича.

У Владимира Алексѣевича въ числѣ рукописей находилась пьеса «Черезъ край», написанная имъ въ 1881 году. Владимиръ Алексѣевичъ читалъ ее старшему брату А. А. Луговому-Тихонову, и тотъ посовѣтовалъ ее уничтожить, но у автора не поднялась рука на свое дѣтище.

Позднѣе онъ предлагалъ эту пьесу купить въ полную авторскую собственность за 100 рублей писателю А. А. Соколову (написавшему «Театральныя болота»), но тотъ отказался отъ такой сдѣлки.

И вотъ въ критическую минуту Владимиръ Алексѣевичъ снова перетряхнулъ свой чемоданъ и снова извлекъ злосчастную пьесу.

М. Н. Соймоновъ уговорилъ его «рискнуть» и послать пьесу въ театральнѣй комитетъ Александринскаго театра.

Владимиръ Алексѣевичъ рискнулъ и—о, диво!—комитетъ одобрилъ пьесу; начальникъ репертуара А. А. Потѣхинъ обласкалъ драматурга.

Пьеса была поставлена въ 1884 году и прошла съ огромнымъ успѣхомъ.

Григоровичъ за кулисами поцѣловалъ Владимира Алексѣевича и сказалъ ему:

— У васъ есть даръ—незловивый юморъ. Берегите его!

Такъ состоялся первый успѣхъ на поприщѣ драматурга Владимира Алексѣевича, а затѣмъ уже пошло прохожденіе его до первой грани—двадцатипятилѣтняго юбилея, тридцатипятилѣтняго и одного года.

Смерть пресѣкла его жизнь, но дѣятельность его, какъ писателя, прекратилась раньше. Онъ тяжело болѣлъ.

Послѣ пьесы «Черезъ край» Владимиръ Алексѣевичъ написалъ «Байбакъ», «Козырь» (удостоена Грибоѣдовской преміи), «Суженый-ряженный» и «Сполохи». Изъ беллетристическихъ произведеній надо отмѣтить романъ «Пустоцвѣтъ» и «Колибри», а также множество разсказовъ.

И въ пьесахъ, и въ разсказахъ, и въ романахъ онъ хранилъ завѣтъ Григоровича.

Хранить его было легко, потому что «безобидный юморъ» составлялъ основу его таланта. Наблюдательный и острый, онъ умѣлъ сразу схватывать смѣшное—не только въ человѣкѣ, но и въ общественныхъ явленіяхъ.

Въ 1891 году Владимиръ Алексѣевичъ редактировалъ журналъ «Сѣверъ», съ 1894 года былъ сотрудникомъ «Новаго Времени» и писалъ фельетоны подъ псевдонимомъ Мордвинъ, а въ 1899 году перешелъ въ «Россію», гдѣ редактировалъ «иллюстрированное приложеніе» къ газетѣ.

Всего годъ назадъ онъ сдѣлалъ попытку издавать свой журналъ, но уже силы не хватило на работу.

Въ текущемъ году въ приложеніи къ журналу «Родина» издается полное собраніе его сочиненій.

Таковъ его литературный формуляръ.

Какъ личность, Владимиръ Алексѣвичъ былъ оригиналенъ до анекдотичности, и я увѣренъ, что въ литературныхъ воспоминаніяхъ нашихъ сверстниковъ покойный Владимиръ Алексѣвичъ будетъ занимать выдающееся мѣсто и по яркости, и по количеству строкъ, ему посвященныхъ.

Такихъ людей становится все меньше и меньше.

Можетъ быть, потому, что всѣ эти телефоны, кинематографы, поѣзда-молніи мало-по-малу уничтожаютъ индивидуальность и всѣхъ сравниваютъ «подъ одно».

Высокаго роста, полный, съ русой бородкой (а подъ конецъ бритый), всегда добродушно улыбающійся, въ пенснэ на широкой лентѣ, Владимиръ Алексѣвичъ всегда, едва появлялся, собиралъ вокругъ себя слушателей.

Я не могу представить себѣ Владимира Алексѣвича слушающимъ, а не говорящимъ. Вѣрнѣе, рассказывающимъ.

Рассказчикъ онъ былъ необыкновенный и всегда «по случаю».

Кто-нибудь передаетъ какой-нибудь случай.

— Это что, батенька,—перебываетъ Владимиръ Алексѣвичъ, поправляя на носу пенснэ:—вотъ со мной былъ подобный случай...

И тотчасъ создавался рассказъ. Иногда совершенно фантастическій, но всегда яркій, живой, полный интереса. А затѣмъ слѣдовалъ другой, третій, и онъ своими рассказами заполнялъ все время.

Его рассказы были всегда импровизаціей, причемъ «несомнѣнно» онъ часто удалялся отъ истины,—но за ней онъ не гнался.

— Владимиръ Алексѣвичъ, да вѣдь этого не было вовсе!

— Но могло быть,—отвѣчалъ онъ.

У покойнаго писателя В. В. Чуйко собирался тѣсный кружокъ писателей по вторникамъ.

Всѣ сидѣли за большимъ обѣденнымъ столомъ въ столовой, ѣли непремѣнный ростбифъ съ салатомъ и пили пиво. Вечеръ оканчивался въ три, въ четыре часа съ послѣднею бутылкой пива.

Владимиръ Алексѣвичъ былъ однимъ изъ постоянныхъ гостей и къ концу вечера овладѣвалъ аудиторіей.

В. В. Чуйко однажды не выдержалъ и расхохотался.

— Слушайте, Владимиръ Алексѣвичъ, вѣдь это чортъ знаетъ что! Выходите, вы были кавалеристомъ, артиллеристомъ, морякомъ и докторомъ!..

— И монахомъ, и королемъ,—весело отвѣтилъ Владимиръ Алексѣвичъ:—потому что я былъ актеромъ!

Всѣ размѣялись.

Фантазія овладѣвала имъ, и онъ не зналъ ей удержа.

Надо пожалѣть, что никто не записывалъ его разсказовъ, потому что изъ нихъ составила бы исключительная по занимательности книга.

— Кутнули мы презрѣдно и рѣшили ѣхать домой. Пошли изъ Зоологическаго сада и взяли извозчика. Согласился онъ насъ тронхъ везти. Вотъ и поѣхали. Выѣхали мы на набережную, потомъ по Вознесенскому проспекту ѣдемъ. Вдругъ А. какъ вскрикнетъ, да съ монхъ колѣнъ внизъ.

— Что съ тобой?

А онъ шепчетъ:

— Упился. Конецъ. Везите въ больницу!

— Дурно тебѣ?

— Брр... бѣлые слоны!

Только онъ сказалъ это, сидящій рядомъ М. тычетъ меня въ бокъ и пальцемъ впередъ указываетъ.

Взглянулъ я и обмеръ!

Идутъ по улицѣ къ намъ три бѣлыхъ слона. Ей-Богу!

— Стой, извозчикъ!—завопилъ я.

Извозчикъ остановился.

— Видишь бѣлыхъ слоновъ?

— Вижу,—говоритъ извозчикъ.

Что жъ бы вы думали? Это, дѣйствительно, съ вокзала вели слоновъ въ «Акваріумъ».

— У меня въ мышцахъ сила. Такъ, если я ударю—больно не будетъ, но если обойму... Разъ подъ Казанью (я еще молодой былъ) пошелъ я въ лѣсъ да и встрѣтился съ медвѣдемъ. Онъ на меня; бѣжать некуда. Я нагнулся да прямо на него и обнялъ. Голову пригнулъ; онъ меня ни лапой, ни зубами. Реветь, а его сжимаю. Сильнѣй да сильнѣе. Вдругъ меня облило чѣмъ-то горячимъ, и я упалъ съ медвѣдемъ. Смотрю, онъ мертвъ, а я весь въ крови. Это у него изо рта кровь хлынула...

Помимо умѣнья разсказывать, онъ былъ остроуменъ и подчасъ язвительнъ.

Такъ, по адресу одного изъ своихъ «друзей» онъ написалъ экспромптъ.

Ты началъ съ «Вѣстника Европы»,

А я съ «Шута»;

Писалъ ты, не жалѣя...

А я—шутя.

Ведро чернилъ, бумаги стопы
Мы извели потомъ.
Я кончилъ «Вѣстникомъ Европы»,
А ты «шутомъ»...

Про одного писателя Х. онъ рассказывалъ анекдотъ:

— Померъ одинъ писатель и идетъ въ рай. Писательская жизнь—мученическая; кому и быть въ раю, какъ не писателю. Подходить къ воротамъ. Св. Петръ спрашиваетъ: «Кто ты такой?»—«Писатель!»—«Иди прочь, пускать васъ не приказано». А писатель въ щелку увидаль Х. Увидаль и говоритъ: «А какъ же Х. тамъ?»—«Да развѣ онъ писатель!»—отвѣтилъ Петръ.

Но злобенъ В. А. не былъ никогда и въ своихъ шуткахъ былъ всегда добродушенъ.

Какъ писатель стараго поколѣнья, онъ любилъ литературу и радовался всякому таланту.

Особенно это сказалось въ пору его редактированія журнала «Сѣверъ». Это было короткое время расцвѣта журнала.

Въ заслугу В. А. надо поставить единственное по сіе время прекрасное изданіе «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, которое онъ далъ въ приложеніе къ журналу «Сѣверъ».

Въ это же время онъ первый открылъ Миру Лохвицкую и Зою Бухарову, два прекрасныхъ таланта.

Помню, къ тому же времени относится и его пламенное увлеченіе Сергѣемъ Сафономъ.

В. А. пріѣхалъ одинъ разъ на вечеръ того же В. В. Чуйко и едва поздоровался, какъ сказалъ:

— Какое я вамъ сейчасъ стихотвореніе прочту! восторгъ!
И прочелъ:

Это было давно, я не помню, когда это было,
Пронеслись, какъ видѣнья, и канули въ вѣчность года;
Утомленное сердце о прошломъ теперь позабыло.
Это было давно, я не помню, когда это было.
Можетъ быть, никогда...

Читалъ онъ прекрасно, какъ актеръ, и мы всѣ пришли въ восторгъ.

Въ другой разъ онъ тамъ же прочелъ стихотвореніе Сафонова «Помертвѣло лицо у тебя, очи твои помертвѣли»...

Читалъ онъ стихи и Бухаровой, и Лохвицкой.

Красоту онъ понималъ чутко, восторги же свои выражалъ всегда бурно.

Съ Сергѣемъ Сафономъ его связывала нѣжная дружба. И Сафоновъ былъ раньше актеромъ, и много общихъ чертъ было между ними.

Во время редактированія журнала «Сѣверъ» В. А. редакція помѣщалась на Екатерининской улицѣ, а тутъ же рядомъ съ нею былъ погребокъ Федорова. В. А. обыкновенно располагался въ задней комнаткѣ этого погребка.

Первымъ приходилъ къ нему Сафоновъ; затѣмъ понемногу собирались всѣ, у кого было къ редактору дѣло, и здѣсь, между ѣдой и выпивкой, велись оживленные разговоры, обсуждались статьи, опѣивались произведенія текущей литературы, и, попутно В. А. рѣшалъ редакціонныя дѣла.

Съ нимъ было пріятно и легко работать.

Не полонъ портретъ В. А., если не упомянуть о немъ, какъ о гастрономѣ. Онъ любилъ поѣсть, умѣлъ поѣсть и зналъ великолѣпно тайны кулинарнаго искусства и русской, и французской кухни.

Я зналъ Сергѣя Атаву. Онъ любилъ поѣсть и зналъ русскую кухню. Кулебяка, осетрина по-русски, разварная лососина, гуси и поросята—изготавливались у него удивительно и надо было спотрѣть на него, когда онъ приготовлялся къ ѣдѣ, а потомъ ѣлъ.

Зналъ благодушнаго М. И. Пыляева, который имѣлъ спеціальныя рецепты и иногда для друзей надѣвалъ поварской колпакъ и готовилъ какое-нибудь салми,—но самъ онъ ѣлъ умеренно и безъ восторга.

Зналъ Апраксина, который ничего не умѣлъ готовить, но изучилъ всѣ меню и умѣлъ заказать и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. При этомъ ѣлъ съ наслажденьемъ.

Покойный В. А. совмѣщалъ ихъ всѣхъ.

Какъ никто (развѣ Писемскій въ своихъ романахъ), онъ умѣлъ рассказать о томъ или другомъ кушаньѣ, рассказать такъ сочно, образно, что буквально возбуждалъ аппетитъ.

Затѣмъ онъ умѣлъ и составить меню и, если надо, самъ приготовить блюдо.

И, наконецъ, умѣлъ ѣсть.

Онъ явился создателемъ «беллетристическихъ обѣдовъ», на которые разъ въ мѣсяцъ собирались писатели безъ различія направленій.

Распорядителемъ былъ В. А.

За столомъ сидѣли А. С. Суворинъ, К. К. Случевскій, Д. Л. Мордовцевъ, Авенаріусъ, Немировичъ-Данченко, Волконскій, Барятинскій, Позняковъ, Ухтомскій, Михаловскій (Гаринъ), Маминъ-Сибирякъ, я, Лейкинъ...

В. А. вдохновлялъ всѣхъ.
 Сіяющій онъ встрѣчалъ товарищей и сообщалъ.
 — Сегодня на закуску жаренныя устрицы!
 — Какое я отыскалъ красное!
 — Будеть бефъ-бульи!
 — Сегодня соль, а къ ней соусъ—пальчикп оближете! Самъ сочинилъ!..
 И Мордовцевъ въ «Альбомѣ», переданномъ въ Публичную библіотеку, увѣковѣчилъ В. А.

В. А. былъ общественный человѣкъ, и вездѣ, гдѣ сходилисъ писатели, онъ былъ непремѣннымъ членомъ и гостемъ.

Какъ-то странно было видѣть собранье писателей безъ него.

Но болѣзнь дѣлала свое дѣло, и послѣдніе два года его уже нигдѣ не было видно. Онъ хворалъ и рѣдко выходилъ изъ дому.

До этого онъ жилъ въ «Пале-Рояль». Тамъ ютилось не мало писателей, и жизнь проходила, какъ въ коммунѣ.

В. А. оживлялъ всѣхъ.

Къ нему шли отдохнуть душой. Онъ встрѣчалъ каждого неизмѣнно радушно и угощалъ итальянскими макаронами и своими безсмертными разсказами.

Милый, радостный Владимиръ Алексѣевичъ! образъ его долго будетъ стоять, какъ живой, передъ умственнымъ взоромъ каждого, кто его зналъ.

Не хвали дня до вечера, человѣка до смерти.

Вотъ померъ В. А. Тихоновъ, и о немъ можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, что завѣщано ему было сдѣлать; что никому онъ не сдѣлалъ зла и что неизмѣнное его добродушіе создавало вокругъ него атмосферу мира, незлобія и тихой радости,—почему такъ охотно шли къ нему люди.

И когда пронеслась вѣсть объ его кончинѣ, всѣ знавшіе его собрались вокругъ его гроба съ чувствомъ непритворной грусти.

13-го онъ умеръ, 15-го его хоронили на Литературныхъ мосткахъ Волкова кладбища.

Былъ холодный, обычный для Петербурга майскій день, но, несмотря, на холодъ на кладбище собрались всѣ его друзья.

Помимо родныхъ, знакомыхъ и многочисленной публики изъ писателей были: В. П. Авенаріусъ, К. С. Баранцевичъ, Фидлеръ, Батюшковъ, Кугель, Плещеевъ, Глинскій, Дорошевичъ, Зарины, Измайловъ, Потапенко, Будищевъ, Рышковъ, Пружанскій, Рославлевъ, Сургучевъ и мн. друг.

На гробъ были возложены вѣнки: отъ «Новаго Времени», «Историческаго Вѣстника», журнала «Пробужденье», отъ союза дра-

матическихъ писателей, отъ «Родины», отъ «почитателей таланта», отъ «Свободнаго театра» и друг.

Гробъ опустили, засыпали землю, и отъ В. А. Тихонова остались воспоминанья и его произведенья.

Оканчивая некрологъ, не могу не помѣстить характернаго и трогательнаго разсказа одного анонимаго лица, относящагося къ воспоминаньямъ о покойномъ В. А. Тихоновѣ.

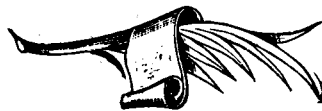
«У Тихонова есть книжка «Разбитые кумиры». Въ этой книжкѣ есть разсказъ «Забытыя письма». Тамъ разсказывается о томъ, какъ одинъ человѣкъ, разойдясь съ любимой женщиной, отсылалъ ей ея письма, когда-то говорившія о любви. И онъ дѣлалъ это именно въ тѣ числа мѣсяца, когда письма пришли къ нему въ первый разъ. Талантливая выдумка? Но представьте, выдумка это или правда, — этому разсказу суждено было сыграть роль въ судьбѣ двухъ людей...

«Онъ былъ студентъ, она барышня-консерваторка. Между ними была дружба. Они считались почти невѣстой и женихомъ. Но вмѣшались родители. Не только разстроился бракъ, но и дружба дала трещину. Нужно было разойтись. Они разошлись. И уже бездна въ четыре года разъединяла ихъ. Все было кончено, казалось, навѣкъ.

«Но разъ, куда-то ѣдучи, онъ, уже вышедшій въ жизнь, случайно купилъ книжку Тихонова и по дорогѣ прочиталъ ее. Станный толчокъ его мысли далъ этотъ разсказъ. Онъ взялъ одно изъ писемъ былой любви. Число капризно совпало съ этими днями. Онъ узналъ адресъ барышни. И сталъ отсылать ей письма одно за другимъ именно въ тѣ числа, когда они писались. Только иногда онъ приписывалъ на нихъ отъ себя одно слово, одну строку.

«Представьте, — эти письма вернули все. Старая любовь не ржавѣетъ. Власть воспоминаній оказалась неотразимой. Эти письма вновь связали пару. Они заставили пережить уже улегшіяся чувства, вернули непреодолимое очарованіе ушедшихъ дней. На этотъ разъ удалось преодолѣть внѣшнія препятствія. И эти двое соединили свои судьбы. И вотъ 14 лѣтъ, какъ мы счастливы. Я не знаю, что будетъ дальше, но пока это счастье не омрачено ничѣмъ. И имъ я обязанъ Тихонову».

Андрей Заринъ.

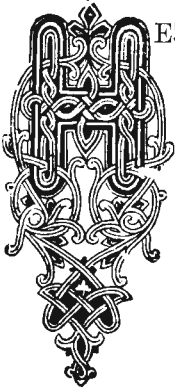

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные матеріалы).

XXX.

ЕЗАДОЛГО до заключенія сепаратнаго соглашения между Россіей и Китаемъ объ эвакуаціи Манчжуріи японское правительство предложило русскому правительству заключить съ нимъ конвенцію относительно разграниченія интересовъ обѣихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ, повидимому, рассчитывая, что русское правительство, въ видахъ устраненія противодѣйствія Японіи заключенію сепаратнаго соглашения относительно Манчжуріи, будетъ готово на значительныя уступки Корей. Подготовительные шаги къ заключенію такой конвенціи были сдѣланы Японіей еще въ концѣ 1901 года, когда одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и опытнѣйшихъ японскихъ государственныхъ дѣятелей маркизь Ито прибылъ въ Петербургъ для выясненія, неофициальнымъ путемъ, отношенія русскаго правительства къ данному вопросу. Изъ заявленій, сдѣланныхъ тогда названнымъ японскимъ савовникомъ графу Ламздорфу и министру финансовъ Витте, выяснилось, что, по мнѣнію японскаго правительства, единственнымъ предметомъ раздора между Россіей и Японіей является Корея; что у японскаго народа сложилось убѣжденіе, что Россія стремится завладѣть Корейскимъ полуостро-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти», т. СХХХVI, стр. 599.

вомъ; что осуществленіе этого намѣренія, въ глазахъ японцевъ, должно нанести ударъ независимости Японіи, и что если бы Россія согласилась успокоить въ этомъ отношеніи Японію путемъ заключенія съ нею соответствующаго договора, то уже ничего не препятствовало бы установленію столь желательной тѣсной дружбы между обѣими имперіями. Маркизь Ито, кромѣ того, заявилъ, что Японія готова дать священное обѣщаніе никогда не укрѣплять портовъ южной Кореи и никогда не угрожать свободѣ сообщеній Владивостока съ корейскимъ побережьемъ при условіи, что русское правительство откажется отъ стремленія овладѣть портомъ въ Корейскій проливъ и устроить тамъ военно-морскую базу. Затѣмъ, по предложенію министра иностранныхъ дѣлъ, маркизь Ито представилъ слѣдующій набросокъ льготъ, которыя Японія желала выговорить въ свою пользу, добавивъ при этомъ, что отъ русскаго правительства будетъ зависѣть формулировать требованія, которыя оно признаетъ достаточными въ качествѣ компенсаціи за принятіе слѣдующихъ предложеній Японіи: 1) взаимная гарантія независимости Кореи; 2) взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей; 3) взаимное обязательство не прибѣгать на корейскомъ побережьи къ какимъ-либо военнымъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы подвергать опасности свободу прохода черезъ Корейскій проливъ; 4) признаніе Россіею свободы дѣйствій Японіи въ Корейскіе проливы въ отношеніяхъ политическихъ, промышленныхъ и коммерческихъ и исключительнаго права ея помогать Корейскимъ совѣтамъ и содѣйствіемъ при выполненіи ею лежащихъ на всякомъ благоустроенномъ правительствѣ обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая можетъ оказаться необходимой для подавленія возстаній и всякаго рода беспорядковъ, могущихъ нарушить мирныя отношенія между Японіей и Кореей; 5) настоящее соглашеніе между Россіей и Японіей замѣнитъ собою всѣ прежнія.

Запрошенный министромъ иностранныхъ дѣлъ относительно желательности заключенія съ Японіей предлагаемаго соглашенія, министръ финансовъ (въ концѣ ноября 1901 года) отвѣтилъ, что при существующемъ положеніи дѣлъ онъ придаетъ соглашенію съ Японіей первостепенное значеніе и считаетъ такое соглашеніе не только желательнымъ, но на ближайшіе годы—до полного окончанія постройки Китайской Восточной желѣзной дороги, большаго заселенія восточныхъ окраинъ, организаціи Заамурскаго округа пограничной стражи и полного оборудованія Квантуна—даже существенно необходимымъ. По его убѣжденію, до тѣхъ поръ, пока мирнымъ путемъ, на почвѣ взаимныхъ уступокъ, мы не устранимъ существующихъ у насъ съ Японіей недоразумѣній по корейскимъ дѣламъ, мы не только будемъ находиться подъ постояннымъ опасеніемъ вооруженнаго столкновенія съ этою державою, но не въ

состояніи будемъ даже установить на прочныхъ основаніяхъ наши отношенія съ Китаемъ, который въ случаѣ осложненій съ нами неизбежно станетъ искать поддержки противъ насъ у Японіи— подобно тому, какъ ранѣе искалъ у насъ помощи и содѣйствія противъ послѣдней. Между тѣмъ, вооруженная борьба съ Японіей въ ближайшіе годы была бы для насъ большимъ бѣдствіемъ, и побѣда досталась бы цѣною большихъ жертвъ и тяжело отразилась бы на экономическомъ положеніи страны. Кромѣ того, и это главное, въ глазахъ русскаго общества война съ Японіей изъ-за обладанія далекой Кореей вызвала бы лишь отрицательное къ себѣ отношеніе, а на почвѣ скрытаго неудовольствія могли бы сильно обостриться тѣ нежелательныя, тревожныя явленія нашей внутренней общественной жизни, которыя и нынѣ, въ мирное время, даютъ себя чувствовать.

Далѣе С. Ю. Витте высказалъ, что, по его мнѣнію, Россіи, въ крайнемъ случаѣ, можно бы было и совершенно поступиться Кореею, если бы, конечно, Японія, со своей стороны, признала преимущественныя права Россіи во всѣхъ прилегающихъ къ русской границѣ областяхъ Китайской имперіи и обязалась не препятствовать соотвѣтствующей свободѣ дѣйствій Россіи въ этихъ областяхъ. Изъ двухъ золъ—вооруженнаго столкновенія съ Японіей и полной уступки ей Кореей—послѣднее, на его взглядъ, является наименьшимъ. Нельзя забывать, что война съ Японіей была бы не только тяжела сама по себѣ, но и поставила бы насъ въ трудное положеніе въ отношеніи другихъ державъ. Наоборотъ, поступаясь Кореей, мы въ корнѣ устранили бы предметъ постоянныхъ недоразумѣній съ Японіей и изъ врага, вѣчно грозящаго нападеніемъ, превратили бы ее, если не въ союзника, то въ сосѣда, стремящагося сохранить добрыя съ нами отношенія изъ опасенія вновь лишиться съ такимъ трудомъ прибрѣтенной территоріи. Несомнѣнно также, что громадныя затраты, необходимыя на устройство новыхъ владѣній, на охрану ихъ и организацію въ нихъ управленія, тяжело отразились бы на финансовомъ положеніи Японіи, и безъ того не блестящемъ, и въ значительной мѣрѣ ее обезсилили бы. Между Россіей и малодоступной для насъ теперь съ моря Японіей создавалась бы новая сухопутная граница и съ этой границы мы имѣли бы возможность постоянно угрожать Японіи, а въ будущемъ, когда вполнѣ была бы закончена постройка дороги и утвердилось бы наше вліяніе въ Сѣверномъ Китаѣ, мы могли бы даже и вновь овладѣть Кореей, если бы обязательства того потребовали. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать, что уже не разъ Японія владѣла Кореей и не разъ вынуждаема была уходить оттуда.

Переговоры, начатыя частнымъ образомъ съ маркизомъ Ито, не привели ни къ какому опредѣленному результату. Ито не полу-

чилъ отъ насъ опредѣленнаго отвѣта и уѣхалъ въ Берлинъ. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ былъ заключенъ союзный договоръ Японіи съ Англіей. Переговоры эти затѣмъ возобновились официально осенью слѣдующаго, 1902 года, когда японское правительство, черезъ своего посланника въ Петербургъ, сдѣлало русскому правительству новыя предложенія по корейскимъ дѣламъ, уже значительно расширенныя, въ японскихъ интересахъ, противъ проекта, ранѣе предложеннаго маркизомъ Ито.

Въ серединѣ 1902 года министръ финансовъ былъ командированъ въ Манчжурію для обзорѣнія Китайской Восточной желѣзной дороги и разрѣшенія на мѣстѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ ея постройкой и эксплуатаціей. Узнавъ объ этой командировкѣ, японское правительство употребило все усилія къ тому, чтобы С. Ю. Витте посѣтилъ Токио, обратившись къ нему съ приглашеніемъ черезъ нашего посланника и лично знакомаго съ С. Ю. Витте графа Мацуката. Кроме того, о желаніи японскаго правительства было официально сообщено отъ имени микадо министру иностранныхъ дѣлъ. Повидимому, правительство микадо надѣялось, что пребываніемъ министра финансовъ въ Японіи удастся воспользоваться для мирнаго улаженія спорныхъ между Россіей и Японіей вопросовъ, успѣшное разрѣшеніе которыхъ казалось въ то время возможнымъ, такъ какъ, по свидѣтельству нашихъ представителей въ Токио, въ Японіи обозначилось тогда движеніе въ пользу сближенія съ нами, главнымъ образомъ на экономической почвѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, считалъ крайне желательнымъ, чтобы поѣздка министра финансовъ въ Японію состоялась, однако министру финансовъ не удалось воспользоваться приглашеніемъ микадо, такъ какъ разрѣшеніе посѣтить Японію, по какимъ-то причинамъ, не дошло до министра финансовъ, который вернулся изъ командировки, не побывавъ въ Японіи.

XXXI.

Послѣ посѣщенія Дальняго Востока министръ финансовъ представилъ въ октябрѣ 1902 года докладъ, въ которомъ подробно высказалъ свои соображенія относительно состоянія Сибирской и Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ, а также и соображенія по китайскому и японскому вопросамъ. Въ докладѣ этомъ (конецъ октября 1902 г.) онъ, между прочимъ, высказывалъ ¹⁾:

«Мною совершена поѣздка для обзорѣнія Китайской Восточной желѣзной дороги, послѣдняго звена Великаго Сибирскаго пути.

¹⁾ Мы приводимъ здѣсь докладъ почти полностью, откидывая изъ него все то, что относится до техническихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго строительства.

«Сдѣлавъ этотъ путь изъ конца въ конецъ, нельзя не пора- зиться мощными размѣрами сооруженія, начатаго въ царство- ваніе императора Александра III и созданнаго подь непосредствен- нымъ руководствомъ Государя Императора Николая II; нельзя не испытать чувства удивленія передъ громадностью выполненной задачи. Міровое значеніе Сибирской магистрали нынѣ уже никѣмъ не отрицается; оно одинаково признается и у насъ, и за границей. Соединяя сплошнымъ рельсовымъ путемъ Европу и Азію, дорога эта явится міровымъ транзитнымъ путемъ, по которому долженъ будетъ совершаться обмѣнъ товаровъ между Западомъ и Востокомъ. Китай, Японія и Корея, населеніе которыхъ достигаетъ полумил- ліарда человѣкъ, а обороты въ международной торговлѣ выра- жаются уже нынѣ въ суммѣ свыше 600 милліоновъ рублей, при содѣйствіи великаго парового пути, представляющаго всѣ спо- собы къ болѣе скорому и дешевому сообщенію и обмѣну товаровъ, войдутъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Европой, какъ рынкомъ высокой промышленной культуры, предъявляющимъ спросъ на сырые матеріалы Востока. Благодаря Сибирской дорогѣ, эти страны увеличатъ требованія на европейскіе фабрикаты, а евро- пейскія знанія и капиталъ найдутъ себѣ новое обширное поле примѣненія въ изслѣдованіи и разработкѣ природныхъ богатствъ восточныхъ странъ. Азіатскій Востокъ до послѣдняго времени представлялъ для народовъ Европы почти неизвѣданный міръ, цѣлыя тысячелѣтія жившій своею обособленною жизнью, чу- ждаясь западной цивилизаціи и вырабатывая свою собственную національную культуру. Проведеніе Сибирскаго рельсоваго пути открываетъ Европѣ ворота въ этотъ доселѣ замкнутый міръ, ставитъ ее лицомъ къ лицу съ многочисленными племенами монголь- ской расы. Дальнѣйшая отчужденность для народовъ Востока ста- новится фактически невозможною. Трудно, конечно, предвидѣть всѣ перемѣны, къ которымъ приведетъ предстоящее сближеніе желтой и бѣлой расъ, но несомнѣнно, что на долю Россіи въ дѣлѣ этого сближенія выпадаетъ серьезная задача. Держа въ своихъ рукахъ путь, по которому пойдетъ это сближеніе, она явится по- средницею и должна воспользоваться всѣми выгодами этого поло- женія, а, стоя на стражѣ у открытыхъ ею воротъ изъ Европы въ Азію, она можетъ регулировать и направлять это сближеніе въ сто- рону, для себя наиболѣе благоприятную. Кромѣ своего мірового значенія, Сибирская желѣзная дорога, какъ мѣстный путь, при- несетъ многоразличныя выгоды Россіи: для русской промышлен- ности создастся новый обширный внутренній рынокъ; избытки населенія Европейской Россіи найдутъ себѣ выходъ на новыя обширныя пространства Сибири, удобныя для колонизаціи; раз- работка естественныхъ богатствъ Сибири, возрастаніе ея насе- ленія и развитіе промышленности увеличатъ производительныя

силы нашей родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни.

«Несомнѣнно, что исторія неизгладимыми чертами занесетъ на свои страницы сооруженіе Сибирскаго пути, какъ одно изъ величайшихъ міровыхъ событій и одно изъ славнѣйшихъ дѣяній нынѣшняго царствованія. Но судъ современниковъ—не судъ исторіи. Громадность жертвы, принесенной Россіею на дѣло сооруженія Сибирскаго пути, которая въ настоящее время еще очень живо чувствуется, заслоняетъ отъ глазъ современниковъ будущее значеніе сооруженія и мѣшаетъ правильной его оцѣнкѣ. Нельзя не признать, что жертвы эти были дѣйствительно велики и тяжелы для русскихъ финансовъ. Въ короткій сравнительно промежутокъ времени пришлось отпустить изъ казны на постройку собственно Сибирскаго транзитнаго пути вмѣстѣ съ Китайскою Восточною желѣзною дорогою, Пермь-Котласскою и Екатеринбургско-Челябинскою линіями и всѣми вспомогательными предпріятіями—758.955,907 рублей, а съ расходами на Кругобайкальскую дорогу стоимость всего сооруженія достигнетъ одного миллиарда рублей. Но этимъ затраты казны, конечно, далеко не исчерпываются, такъ какъ постройка дороги повлекла за собою множество побочныхъ расходовъ, выразившихся въ усиленіи администраціи и военныхъ силъ на восточной окраинѣ, увеличеніи флота въ Тихомъ океанѣ, постройкѣ портовъ и т. п. Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго въ томъ, что постройка Сибирской желѣзной дороги весьма долго откладывалась именно по соображеніямъ финансоваго характера, и что такіе выдающіеся государственные дѣятели, какъ бывшіе министры финансовъ Бунге и Вышнеградскій, не рѣшались возложить это бремя на государственное казначейство. Нынѣ Сибирская желѣзная дорога почти окончена. Жизненные силы русскаго народа подъяли и, хотя съ большимъ напряженіемъ, но благополучно вынесли на своихъ плечахъ это дѣло, казавшееся столь опаснымъ и трудно осуществимымъ.

«Но постройка желѣзной дороги не выполняетъ еще всей той обширной задачи, которую въ Бозѣ почившему императору Александру III въ рескриптѣ, данномъ 14-го января 1893 г. на имя наследника цесаревича, благоугодно было назвать «дѣломъ мира и просвѣтительной задачи Россіи на Востокѣ». Желѣзная дорога является только частью этого дѣла и однимъ изъ средствъ къ его достиженію. Потребуется еще много трудовъ и усилій, придется преодолѣть немало всякаго рода препятствій, смѣнится не одно поколѣніе прежде, чѣмъ это дѣло во всей его совокупности будетъ доведено до конца и принесетъ тѣ обильные плоды, которыхъ отъ него можно ждать. Предстоящія задачи настолько сложны и многочисленны, что въ настоящее время очертить и намѣтить ихъ было бы затруднительно и едва ли даже возможно. Но и теперь уже

наиболѣе близкія и насущныя изъ нихъ выясняются съ достаточною опредѣленностью. Дорога эта и районъ, ея обслуживаемый, находятся въ предѣлахъ имперіи, состоятъ, на общемъ основаніи, въ завѣдываніи различныхъ вѣдомствъ, которыя и прилагаютъ, каждое въ предѣлахъ своей компетенціи, заботы къ выясненію задачъ, связанныхъ съ нею, представляя о нихъ на благовоззрѣніе Его Величества. Поэтому, относительно этой части Великаго Сибирскаго пути я коснусь лишь тѣхъ немногихъ вопросовъ, которые по своей важности и рельефности обратили на себя мое вниманіе во время совершенной мною поѣздки. Въ другомъ положеніи находится Китайская Восточная желѣзная дорога, пролегающая въ большей своей части въ предѣлахъ Китайской имперіи, а въ меньшей—въ предѣлахъ нашихъ молодыхъ окраинъ, омываемыхъ водами Тихаго океана. Попеченіе о всей этой линіи довѣриемъ Государя Императора возложено на министра финансовъ, и поэтому на вопросахъ, ея касающихся, я позволю себѣ остановиться болѣе подробно.

«Изъ числа вопросовъ, относящихся собственно къ Сибирской желѣзной дорогѣ и ея району, считаю себя обязаннымъ остановиться на вопросахъ: 1) объ усиленіи колонизаціи района этой дороги, 2) объ исправленіи профиля Средне-Сибирской желѣзной дороги и 3) объ ускореніи сооруженія Кругобайкальской линіи.

«Необходимость колонизаціи Сибири добровольными выходцами изъ Европейской Россіи издавна сознавалась правительствомъ. Еще въ 1821 году графъ Сперанскій, въ докладной запискѣ, представленной Сибирскому комитету, указывалъ на двоякую выгоду такой колонизаціи, заключающуюся какъ въ возможности «заселять этотъ пустынный малолюдный край», такъ и въ доставленіи крестьянамъ, «обитающимъ въ губерніяхъ, скудныхъ землями, потребнаго изобилія». Но до конца 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія правительство относилось къ переселеніямъ скорѣе отрицательно, не только не оказывая помощи выселяющимся крестьянамъ, но даже принимая въ отношеніи ихъ нѣкоторыя ограничительныя мѣры, изъ опасенія развитія «вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи». Опасеніе это поддерживалось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которымъ свободный уходъ крестьянъ на многоземельныя окраины угрожалъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на землю. Но при всемъ несочувствіи правительственныхъ сферъ и помѣщичьяго класса къ свободнымъ переселеніямъ крестьянъ потребность въ такихъ переселеніяхъ постепенно возрастала; съ увеличеніемъ населенія внутреннихъ губерній малоземелье все сильнѣе и сильнѣе давало себя чувствовать, и ухудшавшееся экономическое положеніе заставляло крестьянина искать простора въ необъятной Сибири и рѣшиться на переселеніе самовольно. Законъ

1889 года впервые призналъ за переселеніемъ значеніе народной потребности, которая должна быть удовлетворена, но для успѣшнаго проведенія этого закона въ жизнь отдѣльныя постановленія его нуждались въ дальнѣйшей подробной разработкѣ. Ко времени приступа къ сооруженію Великаго Сибирскаго пути достигнувшее небывалой еще интенсивности движеніе за Уралъ, несмотря на существованіе упомянутаго закона, имѣло беспорядочный характеръ и не могло приносить для колонизаціи Сибири тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было бы ожидать отъ значительнаго числа переселенцевъ. Обстоятельство это побудило меня, при докладѣ незабвенному государю императору Александру III о порядкѣ и способахъ сооруженія Сибирской желѣзной дороги, а равно и во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1893 годъ, обратить вниманіе на желательность связать постройку дороги съ колонизаціей обширныхъ плодородныхъ пространствъ Сибири, способствуя такимъ путемъ и оживленію района рельсовой линіи, и разрѣшенію назрѣвшей государственной задачи—устройства быта малоземельныхъ крестьянъ Европейской Россіи.

«Новая эра для сибирскаго переселенія настала съ того времени, когда Государь Императоръ, исполняя желаніе августѣйшаго родителя своего и побуждаемый любовью къ родинѣ, принялъ на себя непосредственное руководительство трудами комитета Сибирской желѣзной дороги. Извѣстно, что сдѣлано комитетомъ для переселенческаго дѣла, и я не буду утруждать здѣсь вниманіе перечисленіемъ длиннаго ряда тѣхъ мѣръ, которыя приняты комитетомъ къ облегченію переселенцамъ какъ выхода съ родины, такъ и ихъ долгаго пути и устройства на новыхъ мѣстахъ. Руководящимъ началомъ при выработкѣ предположеній о регулированіи переселенческаго дѣла неизмѣнно служила высказанная Его Величествомъ въ засѣданіи комитета 8-го марта 1895 года мысль, что къ крестьянскимъ переселеніямъ слѣдуетъ относиться безъ особыхъ опасеній, правительственное же воздѣйствіе должно направляться лишь къ тому, чтобы переселеніе носило характеръ болѣе сознательный и получило вполне правильную постановку. Благотворные результаты дѣятельности комитета не замедлили сказаться: переселенческое дѣло получило стройную организацію, и число идущихъ за Уралъ возросло съ значительной быстротой; число это, не превышавшее до 80-хъ годовъ 2.000 человекъ, а въ началѣ 90-хъ составлявшее около 50.000 человекъ въ годъ, въ 1896 году дошло до 200.000 слишкомъ душъ обоого пола и продолжало затѣмъ (кромѣ 1897 года) держаться на этой нормѣ. Правда, двукратный недородъ хлѣбовъ, постигшій Сибирь въ послѣдніе два года, повлекъ за собою нѣкоторое сокращеніе переселенческаго движенія, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первая же благо-

пріятная вѣсть объ урожаѣ въ сибирскихъ областяхъ снова повысить годовую норму переселенцевъ до прежняго уровня.

«Но и этотъ размѣръ переселенческаго движенія не отвѣчаетъ ни дѣйствительной нуждѣ въ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній, ни потребности необъятныхъ областей Сибири въ земледѣльческой колонизаціи.

«Населеніе Европейской Россіи увеличивается въ годъ на полтора милліона человѣкъ, при чемъ цифра эта прогрессивно возрастаетъ; слѣдовательно, за исключеніемъ 200 тысячъ выселяющихся въ Сибирь, годовой приростъ равняется 1.300 тысячамъ человѣкъ; черезъ десять лѣтъ приростъ этотъ, если даже допустить прогрессивное увеличеніе числа переселенцевъ, составитъ не менѣе 13 милліоновъ человѣкъ, которымъ, несомнѣнно, будетъ очень трудно найти мѣсто и полезное примѣненіе своего труда на родинѣ, гдѣ малоземелье, особенно при отсутствіи интенсивной культуры, все больше и больше даетъ себя чувствовать. Всѣ изслѣдователи сибирскаго переселенія, и во главѣ ихъ статсъ-секретарь Куломзинъ, единогласно указываютъ, что главной причиной ухода за Уралъ является именно малоземелье; оно заставляетъ крестьянина внутреннихъ губерній бросать насиженное родное мѣсто и ити искать земельного простора за тысячи верстъ отъ дома.

«Въ настоящее уже время въ черноземной полосѣ Россіи есть губерніи, гдѣ плотность сельскаго населенія на одну квадратную версту составляетъ до 70—75 человѣкъ, средняя величина земельного надѣла опустилась до $1\frac{1}{3}$ десятины, а количество безземельныхъ доходитъ до 14, 17 и даже 22% общаго въ губерніи числа крестьянскихъ дворовъ ¹⁾.

«Разслѣдованіе, произведенное по поводу недавнихъ харьковскихъ и полтавскихъ беспорядковъ, также съ полною очевидностью показало, что беспорядки эти разыгрались на аграрной почвѣ, что коренная ихъ причина заключается въ крестьянскомъ малоземельѣ, и что только именемъ царя, желающаго обезпечить землею всѣхъ обдѣленныхъ ею, удалось злоумышленникамъ поднять нашего мирнаго и преданнаго своему государю крестьянина. И русскій императоръ имѣетъ возможность прійти на помощь своимъ безземельнымъ и малоземельнымъ подданнымъ путемъ надѣленія ихъ въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ нынѣ, свободными казенными землями, но не въ предѣлахъ Европейской Россіи, гдѣ запасъ этихъ земель сравнительно не великъ, а главнымъ образомъ въ предѣлахъ Сибири, которая такъ нуждается въ колонизаціи и которая на значительное время можетъ

---

¹⁾ Среднее для пятидесяти губерній Европейской Россіи количество безземельныхъ дворовъ равняется семи процентамъ.

ослабить у нас аграрный вопрос. При обширности Сибири и разнообразіи ея естественныхъ условій каждый переселенецъ изъ Европейской Россіи найдетъ для себя подходящую землю: житель южной и средне-черноземной полосы—въ равнинахъ Степного края, выходецъ изъ лѣсистыхъ сѣверныхъ губерній—въ дѣвственной тайгѣ Енисейской и урманахъ Тобольской губерній.

«Въ настоящее время Сибирь крайне малолюдна. Желѣзная дорога, пролегающая по сравнительно заселенной полосѣ, сотнями верстъ проходитъ глухой тайгой или пустынными степями, лишь изрѣдка встрѣчая разбросанныя кое-гдѣ поселенія. Въ губерніяхъ и областяхъ, прорѣзываемыхъ рельсовымъ путемъ, плотность населенія почти нигдѣ не превышаетъ пяти человѣкъ на одну квадратную версту, и соотношеніе это не скоро еще измѣнится, такъ какъ ежегодный приливъ переселенцевъ даетъ всего одного человѣка на двадцать—двадцать пять квадратныхъ верстъ.

«Приходится, правда, иногда слышать, что въ Сибири запасъ земель, пригодныхъ для колонизаціи, близокъ уже къ истощенію, но такое мнѣніе въ корнѣ несправедливо. Дѣйствительно, въ Сибири почти не осталось тѣхъ разработанныхъ и потомъ заброшенныхъ старожилами, такъ называемыхъ «мягкихъ» земель, на которыя сажались переселенцы прежнихъ годовъ и которыя годились подъ пашню безъ всякой предварительной разработки. Теперь преобладаютъ либо лѣсныя площади, которыя надо расчищать подъ пашню, либо никогда не паханныя степныя дѣлины, поднятіе коихъ требуетъ отъ переселенца извѣстнаго труда. Но Сибирь такъ обширна и такъ еще мало изслѣдована, что въ настоящее время количество земель, годныхъ для колонизаціи, едва ли можетъ быть опредѣлено сколько-нибудь точно, всѣ же данныя за то, что количество это громадно. Прежде всего, значительный земельный фондъ имѣется въ необъятныхъ таежныхъ и урманыхъ пространствахъ четырехъ сибирскихъ губерній. На эти пространства было обращено вниманіе еще въ 1895 году, и комитетомъ Сибирской желѣзной дороги изданы удостоившіяся Высочайшаго утвержденія 27-го апрѣля 1896 года особыя правила о «вольномъ» заселеніи тайги. Вслѣдъ за симъ статсъ-секретаремъ Куломзинимъ, при поѣздкѣ его въ Сибирь въ 1896 году, вопросъ о пригодности для колонизаціи таежныхъ и урманыхъ пространствъ былъ подвергнутъ изученію, причемъ въ посѣщенныхъ районахъ тайги обнаружены большіе запасы земель, считавшихся раньше непригодными для культуры, но оказавшихся вполне отвѣчающими требованіямъ земледѣльческаго хозяйства. Полная пригодность таежныхъ пространствъ къ заселенію удостовѣрена и министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ при его поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 года. Въ послѣдніе годы работающія въ Сибири межевыя партіи ежегодно направляютъ часть своихъ

силъ на обследованіе таежныхъ пространствъ, и въ результатѣ обнаружены сотни тысячъ десятинъ, вполне пригодныхъ подъ заселеніе и нынѣ большею частью уже заселенныхъ. Столь благоприятные результаты, достигнутые при рекогносцировкахъ, веденныхъ небольшимъ сравнительно числомъ лицъ, даютъ полное основаніе полагать, что при широкомъ развитіи работъ по изслѣдованію таежныхъ и урманыхъ пространствъ въ нихъ найдутся большіе запасы удобныхъ для заселенія земель. Само собою разумѣется, что будущимъ новоселамъ, придется потрудиться надъ обработкою своихъ участковъ, но опытъ уже показалъ, что большинство при надлежащемъ трудѣ и средствахъ успѣшно устраивается въ тайгѣ.

«Затѣмъ, увеличенію земельного фонда въ значительной степени могутъ способствовать производящіяся и теперь въ Сибири и Степномъ краѣ обводнительныя и осушительныя работы. Такъ, предпринятое съ 1895 года осушеніе Барабинской степи обратило цѣлый обширный районъ, прилегающій къ желѣзной дорогѣ и считавшійся раньше непригоднымъ для колонизаціи, въ заселенную мѣстность, имѣющую большую будущность. Опытъ показалъ также, что многія заболоченныя пространства очень скоро обсыхаютъ послѣ нѣкоторой обработки, безъ какихъ-либо искусственныхъ осушительныхъ работъ.

«Далѣе, расширеніе района колонизаціи ожидается и въ Степномъ краѣ, гдѣ произведенное изслѣдованіе выяснило наличность у мѣстнаго киргизскаго населенія весьма значительныхъ излишковъ земель. Обширное поле представляетъ также почти не тронутая пока Амурская область; не мало свободной земли найдется и среди казачьихъ территорій Амурскаго и Уссурийскаго войскъ. Наконецъ и Забайкальская область, нынѣ закрытая для переселенія, войдетъ въ число колонизаціонныхъ районовъ, когда будетъ окончено поземельное устройство ея населенія. Все это, вмѣстѣ взятое, повидимому, опровергаетъ мнѣніе о томъ, что въ Сибири мало земли для переселенцевъ.

«Итакъ, по моему мнѣнію, ни въ желающихъ переселиться въ Сибирь, ни въ свободныхъ земляхъ для нихъ недостатка не будетъ. Между тѣмъ скорѣйшая колонизація нашихъ азіатскихъ владѣній представляется дѣломъ первостепенной государственной важности, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Площадь Сибири въ три раза превышаетъ Европейскую Россію, и съ заселеніемъ обширныхъ сибирскихъ областей, съ обращеніемъ ихъ хотя до нѣкоторой степени въ культурное состояніе, экономическая мощь имперіи и политическое ея могущество возрастутъ весьма значительно. Въ этомъ отношеніи особенно важно заселеніе самыхъ восточныхъ окраинъ. Его Императорское Величество, въ засѣданіяхъ комитета Сибирской желѣз-

ной дороги, неоднократно указывалъ на желательность скорѣйшей колонизаціи Уссурійскаго края и пустыннаго побережья Амура въ цѣляхъ упроченія тамъ русскаго оплота противъ волны желтой расы. Несомнѣнно, что и Китай и Японія уже теперь страдаютъ избыткомъ населенія, и этому избытку рано или поздно придется искать себѣ выхода, искать свободныхъ земель для поселенія рядомъ съ нами. Для того, чтобы въ возможной будущей борьбѣ съ желтой расой выйти побѣдителями, намъ надо создать на границахъ нашихъ съ Китаемъ оплотъ изъ русскаго населенія, которое само въ состояніи было бы выставить достаточную силу для защиты какъ своего достоянія, такъ и интересовъ имперіи. Въ противномъ случаѣ, вновь придется посылать войска изъ Европейской Россіи, опять на оскудѣвшій центръ ляжетъ необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своихъ плечахъ разрѣшеніе назрѣвающихъ на Дальнемъ Востокѣ вопросовъ, а крестьянину черноземной полосы или западныхъ губерній придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящихъ отъ него на тысячи верстъ областей.

«Мѣры, которыя могутъ быть приняты для усиленія колонизаціи Сибири, должны быть двоякія.

«Съ одной стороны, необходимо облегчить выходъ переселенцевъ изъ Россіи. Въ массѣ народной, въ средѣ нашего малоземельнаго крестьянства, несомнѣнно, стремленіе къ переселенію весьма сильно. Несмотря на всѣ тѣ стѣсненія, которыя ставились прежде переселенческому движенію, переселенецъ шелъ въ Сибирь, шелъ самовольно, на свой страхъ, не имѣя ни разрѣшенія отъ губернскихъ властей, ни увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ своихъ обществъ. Движеніе это носило чисто стихійный характеръ, было настолько сильно, настолько неудержимо, что правительству неоднократно приходилось мириться съ совершившимся фактомъ и, въ изъятіе изъ закона, давать самовольнымъ переселенцамъ право на надѣленіе казенными землями въ Сибири. Нынѣ переселеніе перестало быть запретнымъ, и даже въ отношеніи самовольныхъ переселенцевъ было признано крайне нежелательнымъ принудительное возвращеніе ихъ обратно на родину, гдѣ они порвали уже связи съ своимъ обществомъ. Есть, однако, основаніе предполагать, что во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи у мѣстныхъ властей сохраняется еще недоброжелательное отношеніе къ переселенію и стремленіе стѣснять его. Такъ, изъ опроса новоселовъ, который былъ произведенъ статсъ-секретаремъ Куломзинымъ во время его поѣздки въ Сибирь, выяснилось, что главною причиною самовольныхъ переселеній, вызвавшую, на примѣръ, въ 1896 году болѣе половины всѣхъ случаевъ самовольнаго ухода съ родины, является задержка со стороны мѣстныхъ властей въ удовлетвореніи ходатайствъ о разрѣшеніи переселиться, а иногда

и прямой отказъ въ выдачѣ такихъ разрѣшеній. Подобный образъ дѣйствій мѣстныхъ, преимущественно низшихъ властей,—въ сущности весьма понятный, ибо для нихъ выселеніе состоятельныхъ крестьянъ по многимъ причинамъ является нежелательнымъ,—очевидно, не можетъ быть допускаемъ въ дѣлѣ такой государственной важности, какъ устройство быта малоземельнаго населенія внутреннихъ губерній, съ одной стороны, и колонизація Сибири—съ другой. Необходимо принять всѣ доступныя мѣры къ устраненію такого противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей и къ широкому ознакомленію нашего крестьянства съ дѣйствительными условіями переселенія за Уралъ.

«Но, содѣйствуя облегченію выхода крестьянъ съ мѣсть осѣдлости, надлежитъ въ то же время озаботиться, чтобы переселяющіеся въ Сибирь не шли туда съ преувеличенными надеждами, чтобы содѣйствіе переселенію не имѣло вида «царскаго вызова на новыя мѣста», чтобы каждый переселенецъ зналъ, что въ Сибири его ожидаетъ не «вольное житье» и легкій трудъ, а борьба съ подчасъ суровыми естественными и хозяйственными условіями, и что только энергіей и упорнымъ трудомъ онъ можетъ обезпечить свое благосостояніе. За послѣдніе годы многое уже сдѣлано комитетомъ Сибирской желѣзной дороги въ смыслѣ ознакомленія переселенцевъ съ ожидающими ихъ въ Сибири условіями быта, но многое еще можно сдѣлать въ этомъ направленіи. При помощи земствъ или переселенческихъ чиновниковъ, или же совмѣстною дѣятельностью тѣхъ и другихъ слѣдуетъ въ широкихъ размѣрахъ стремиться къ упорядоченію переселенческаго дѣла на мѣстахъ выхода, и въ частности къ распространенію ходачества и предотвращенію самовольныхъ переселеній.

«Съ другой стороны, намѣчается рядъ мѣръ, которыя должны быть приняты къ развитію и дальнѣйшему упорядоченію переселенческаго дѣла въ самой Сибири.

«1. Необходимо расширить планомѣрное и систематическое изслѣдованіе таежныхъ и урманныхъ пространствъ Сибири и опредѣлить, какія площади пригодны для немедленнаго заселенія и какія требуютъ предварительной подготовки силами самихъ переселенцевъ или за счетъ государства. При этомъ изслѣдованіи надлежитъ обратить особое вниманіе на лѣсное хозяйство, настоящее положеніе котораго грозитъ Сибири въ будущемъ большими бѣдствіями. Почти повсемѣстно лѣса частью истребляются мѣстнымъ населеніемъ, частью обезцѣниваются имъ. По словамъ инженеро-въ Сибирской желѣзной дороги, въ лѣсныхъ таксахъ расцѣнка лѣса поставлена такъ, что населенію есть иногда полный расчетъ портить лѣсныя площади, чтобы подъ видомъ негоднаго лѣса получать лѣсной матеріалъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Недостаточность охраны, съ одной стороны, и повы-

шеніе цѣны на лѣсъ, явившееся слѣдствіемъ проведенія желѣзной дороги и развитія пароходства, съ другой—способствуютъ истощенію лѣсныхъ богатствъ Сибири. Но главный бичъ сибирскихъ лѣсовъ всегда и теперь составляютъ лѣсные пожары, происходящіе во многихъ случаяхъ отъ вкоренившася у населенія обычая выжигать на поляхъ сухую траву (такъ называемое «пусканіе паловъ») и отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ во время лѣсныхъ промысловъ, напримѣръ, сбора кедровыхъ шишекъ. Ежегодно истребляются огнемъ огромныя площади лучшихъ боровъ. Въ Алтайскомъ округѣ, этой житницѣ Сибири, имѣющемъ большую будущность, каждый годъ горятъ десятки тысячъ десятинъ вѣкового лѣса, и вслѣдствіе этого оголяются пески, а въ Курганскомъ округѣ открылись даже зыбуны, заносящіе пашни. Въ Тобольской губерніи отъ знаменитаго Иковского бора, еще при Іоаннѣ IV славившагося своими бѣлками, остались теперь голые пески и рѣдкія рощицы. Вслѣдствіе такого повального истребленія лѣсовъ климатъ Сибири замѣтно портится. Это истребленіе является вѣроятной причиной того, что Алтай уже два года подъ рядъ голодаетъ.

«Въ виду сего выступаетъ настоятельная необходимость поставить работы по изслѣдованію таежныхъ пространствъ въ самую тѣсную связь съ лѣсоустройствомъ Сибири; надо выяснитъ значеніе отдѣльныхъ лѣсныхъ площадей, выдѣлить тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ защитный характеръ, или сохраненіе которыхъ особенно цѣнно для нуждъ государства, организовать надлежащую охрану ихъ, а засимъ площади, не имѣющія лѣсохозяйственнаго значенія, но пригодныя для земледѣльческой культуры, постепенно обращать подъ переселенческіе участки. Правда, и въ настоящее время при работахъ межевыхъ партій производится выдѣленіе въ казну лѣсныхъ дачъ, но дѣло это ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ, не соответствующихъ его значенію, а между тѣмъ правильный выдѣлъ лѣсовъ весьма важенъ, такъ какъ всякаго рода ошибки въ этомъ отношеніи впослѣдствіи могутъ оказаться непоправимыми.

«2. Недостаточно найти пригодныя для колонизаціи земли, но необходимо открыть и доступъ къ нимъ отъ заселенныхъ уже районовъ, отъ желѣзной дороги и отъ главнѣйшихъ водныхъ артерій. Для сего надлежитъ озаботиться проложеніемъ въ Сибири цѣлага ряда дорогъ, мѣстами желѣзныхъ облегченнаго типа, въ видѣ подъѣздныхъ путей къ Сибирской магистральной, мѣстами грунтовыхъ, а отъ нихъ уже развитъ сѣтъ проселочныхъ. По единоголосному заявленію представителей мѣстной администраціи, а равно переселенческихъ дѣятелей, существующее въ Сибири почти полное бездорожье является однимъ изъ главныхъ тормозовъ къ заселенію края. Опытъ показываетъ, что при удобномъ

доступѣ охотно разбираются переселенцами и сравнительно плохія земли, и, наоборотъ, наилучшіе участки, отрѣзанные бездорожьемъ отъ заселенныхъ районовъ, пустуютъ. Во многихъ случаяхъ переселенцы, ознакомившись со способами сообщенія, отказываются ѣхать даже для осмотра земель; приходилось нанимать особыхъ проводниковъ, чтобы дать возможность переселенцамъ добраться до назначеннаго имъ участка. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ рѣдкій переселенецъ можетъ думать о сбытѣ даже на ближайшіе рынки продуктовъ своего хозяйства.

«До настоящаго времени изъ фонда вспомогательныхъ предприятий Сибирской желѣзной дороги на дорожное дѣло тратились самыя незначительныя суммы, въ томъ предположеніи, что устройство дорогъ можетъ производиться частью силами самихъ переселенцевъ; частью за счетъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ и натуральною повинностью старожильческаго населенія. Но опытъ показалъ, что прибѣгать къ этимъ ресурсамъ далеко не всегда возможно. Новоселы въ теченіе первыхъ лѣтъ по ихъ водвореніи настолько еще слабы экономически, настолько заняты расчисткою своихъ участковъ и постройками, что отвлекать ихъ на общественныя работы значило бы до крайности затруднять для нихъ и безъ того нелегкое устройство на новыхъ мѣстахъ и тѣмъ наносить непоправимый ущербъ ихъ будущему благосостоянію. Что же касается старожилаго, уже окрѣпшаго, населенія, то привлеченіе его къ натуральной дорожной повинности или къ усиленному збоженію едва ли было бы справедливо, такъ какъ дороги нужны, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ, никѣмъ еще не заселенныхъ, и, слѣдовательно, не принесутъ особой пользы самимъ сторожиламъ. Желательно поэтому въ мѣрѣ возможности устройство хотя бы главнѣйшихъ грунтовыхъ дорогъ принять на средства государственнаго казначейства.

«Что касается затѣмъ желѣзнодорожныхъ путей къ линіи Сибирской жел. дор., то въ этомъ отношеніи надлежитъ обратить особое вниманіе на скорѣйшее сооруженіе линіи отъ Омска до Ташкента. Линія эта откроетъ новый большой районъ для заселенія и обезпечитъ средне-азиатскій рынокъ дешевымъ сибирскимъ хлѣбомъ, благодаря чему явится возможность расширить за счетъ зерновыхъ посѣвовъ разведеніе хлопка въ Средней Азійи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Омско-Ташкентская дорога будетъ имѣть большое политическое значеніе, давая возможность русскому населенію съ западной стороны подойти къ предѣламъ Китая, заселить и охватить его границу.

«3. На ряду съ обслѣдованіемъ таежныхъ пространствъ необходимо выработать стройный планъ постепеннаго и соотвѣтствующаго цѣлямъ государственнымъ заселенія Сибири и развитія дѣя-

тельность межевыхъ партій, работающихъ въ настоящее время надъ заготовленіемъ участковъ для переселенцевъ.

«До образованія комитета Сибирской желѣзной дороги колонизація Сибири носила совершенно случайный характеръ и въ отношеніи расселенія по сибирской территоріи выходцевъ изъ Европейской Россіи, и въ оказаніи имъ помощи при водвореніи. Приходившіе въ Сибирь селились преимущественно на оставленныхъ старожилами земляхъ, какъ уже расчищенныхъ; нѣкоторые переселенцы, по приходѣ въ незнакомый имъ Зауральскій край, нерѣдко подолгу безуспѣшно искали земель, подходящихъ къ привычнымъ для нихъ хозяйственнымъ условіямъ, и затѣмъ или, окончательно обезсиленные и разоренные, уходили обратно на родину, или продолжали свой путь дальше на Востокъ, гдѣ имъ приходилось встрѣчаться съ новыми трудностями. Работы единственнаго въ то время, образованнаго въ 1885 году, межевого западно-сибирскаго отряда, при ограниченномъ его составѣ, могли удовлетворить готовыми участками лишь самую незначительную часть желающихъ получить землю. Въ 1891 году наплывъ переселенцевъ былъ настолько великъ, что къ 1892 году вовсе не оказалось заготовленныхъ участковъ даже для идущихъ съ законнаго разрѣшенія, и самая выдача разрѣшеній на переселеніе въ сибирскія губерніи была временно пріостановлена.

«Одною изъ первыхъ заботъ комитета Сибирской желѣзной дороги была постановка на правильныхъ началахъ заготовленія земель для прибывающихъ въ Сибирь переселенцевъ. Съ этою цѣлью образованы особыя межевыя партіи, численный составъ коихъ, постепенно увеличиваясь, достигъ въ настоящемъ году двухсотъ тридцати чиновъ. Хотя работы этихъ партій и успѣваютъ удовлетворять текущей потребности въ переселенческихъ участкахъ, но остающийся свободный запасъ этихъ участковъ иногда опускается до очень небольшихъ размѣровъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ переселенческими чинами, имѣющійся въ настоящее время въ Сибири запасъ свободныхъ земель, если и покрываетъ современную годовую потребность въ участкахъ, то едва ли можетъ считаться значительнымъ по сравненію съ тѣми размѣрами, до которыхъ желательно довести колонизацію нашихъ азіатскихъ владѣній. Такимъ образомъ, необходимо расширить дѣятельность межевыхъ партій и вмѣстѣ съ тѣмъ придать работамъ ихъ планомѣрный характеръ, въ соотвѣтствіи съ потребностями государства въ преимущественномъ заселеніи тѣхъ или другихъ районовъ Сибири.

«При этомъ нельзя не обратить вниманія на недостаточную въ нѣкоторыхъ случаяхъ продуктивность работъ межевыхъ партій. Сопоставленіе ежегодныхъ результатовъ работъ съ размѣрами ассигнуемыхъ кредитовъ показываетъ, повидимому, что тѣ и другіе не всегда находятся въ должномъ между собой соот-

вѣтствии, а количество работы, выполняемой партіями въ теченіе полевого періода, значительно колеблется по отдѣльнымъ годамъ. Для устраненія такихъ колебаній и въ цѣляхъ достиженія наибольшей продуктивности въ дѣлѣ наръзки участковъ было бы, какъ можно думать, цѣлесообразно размѣръ вознагражденія чиновъ межевыхъ партій поставить въ зависимость отъ количества выполняемой работы. Опытъ показываетъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ задѣльная плата способствуетъ интенсивности работы, и несомнѣнно, что продуктивность межевыхъ партій при такомъ способѣ вознагражденія должна сдѣлаться гораздо большею, чѣмъ теперь, когда чины партій, получая постоянное опредѣленное содержаніе, совершенно не заинтересованы въ результатѣ работъ.

«На ряду съ усиленіемъ дѣятельности межевыхъ партій, отъ которой зависитъ и самая возможность расширить размѣры правильно организованной колонизаціи, придется соотвѣтственно увеличить ассигнованія и на прочія нужды переселенческаго дѣла, какъ-то: врачебно-продовольственную помощь, передвиженіе переселенческихъ партій и проч. Но такія жертвы государственнаго казначейства, въ предѣлахъ возможныхъ по состоянію его затратъ, найдутъ себѣ оправданіе, съ одной стороны, въ той культурной роли, которую предназначено выполнить переселенцамъ въ дѣлѣ оживленія необъятной Сибири и разработки природныхъ богатствъ этого края, а съ другой—въ уменьшеніи въ Европейской Россіи излишковъ населенія.

«4. До сихъ поръ колонизація Сибири была основана почти исключительно на привлеченіи туда землепашцевъ. Между тѣмъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что будущность этого богатаго края заключается не въ одномъ только земледѣліи, и что для всесторонняго экономическаго развитія его необходимо и насажденіе въ немъ обрабатывающей промышленности и увеличеніе численности рабочаго и городского населенія. Для должнаго развитія промышленности сибирскіе купцы и промышленники, несомнѣнно, не имѣютъ необходимыхъ, сколько-нибудь отвѣчающихъ природнымъ богатствамъ страны средствъ.

«Прославленные сибирскіе капиталы представляютъ собою величину довольно относительную. Они могли считаться крупными, пока Сибирь жила своей обособленной жизнью, пока вся сибирская торговля и промышленность были сосредоточены въ рукахъ немногихъ монополистовъ, получавшихъ громадныя барыши. Капиталы этихъ монополистовъ казались огромными въ глазахъ эксплуатируемаго ими населенія, но для того масштаба, по которому живетъ и развивается европейская промышленность, эти капиталы ничтожны. Едва ли можно также ждать обильнаго прилива капиталовъ изъ Европейской Россіи, ибо она сама нуждается въ сред-

ствахъ для развитія своей промышленности и для этой цѣли весьма часто обращается къ заграничнымъ денежнымъ рынкамъ. По моему глубокому убѣжденію, развитіе промышленности въ Сибири можетъ быть достигнуто при одномъ лишь условіи,—при условіи привлеченія въ край иностранныхъ капиталовъ. Нужда въ послѣднихъ, повидимому, начинаетъ сознаваться и нѣкоторою частью сибирскаго купечества. По крайней мѣрѣ, владивостокскій биржевой комитетъ (мнѣніе котораго раздѣляется и военнымъ губернаторомъ Приморской области), докладывая въ бытность мою во Владивостокъ о нуждахъ горнопромышленности Приморской области, указавъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ прозябанія этой промышленности, на недостатокъ русскихъ капиталовъ и рѣшительно высказавшись за привлеченіе капиталовъ иностранныхъ. По мнѣнію названнаго комитета, «появленіе въ краѣ этихъ капиталовъ, хотя бы для начала, представляется и желательнымъ, и полезнымъ, несомнѣнно принесетъ пользу и разовьетъ мѣстную торговлю и промышленность во всѣхъ отношеніяхъ».

«Не менѣе насущной для края потребностью является и привлеченіе въ него рабочаго населенія. Недостатокъ рабочихъ рукъ уже теперь даетъ себя сильно чувствовать; по удостовѣренію администраціи желѣзной дороги, эксплуатація послѣдней въ этомъ отношеніи весьма часто испытываетъ затрудненія. Для того, чтобы по линіи дороги, въ особенности на главнѣйшихъ ея пунктахъ, осылъ необходимый ей рабочей элементъ, а также ремесленники, мелкіе торговцы и проч., было бы весьма полезно отвести желѣзной дорогѣ нѣкоторую полосу казенной земли и предоставить ей отдавать лицамъ упомянутой категоріи небольшіе участки въ долгосрочную аренду.

«Потребность въ такихъ городскихъ и рабочихъ поселкахъ, несомнѣнно, существуетъ, и постепенно они вырастаютъ вдоль линіи желѣзной дороги, несмотря на самыя неблагопріятныя условія. Изъ числа подобныхъ поселковъ я обращаю особенное вниманіе на поселокъ Ново-Николаевскъ, расположенный на пересѣченіи желѣзной дороги съ рѣкою Обью. Поселокъ этотъ возникъ съ постройкой желѣзной дороги на землѣ кабинета Его Императорскаго Величества и, благодаря исключительно выгодному положенію своему на пересѣченіи двухъ торговыхъ путей, въ нѣсколько лѣтъ выросъ въ поселеніе, насчитывающее теперь до двадцати пяти тысячъ жителей, т.-е. по размѣрамъ своимъ равное уѣздному городу. Но существеннымъ препятствіемъ дальнѣйшему росту этого важнаго и для дороги, и для торговли края мѣстечка служатъ условія, на которыхъ кабинетомъ сдается въ аренду земля. Аренда эта краткосрочная и во всякое время можетъ быть прекращена управленіемъ округа. Очевидно, что на такихъ основаніяхъ и вообще на условіяхъ краткосрочной аренды ни одно городское поселеніе

долгое время существовать не можетъ. Не имѣя увѣренности ни въ срокѣ аренды, ни въ устойчивости ея платы, никто не рѣшится производить на арендованной землѣ какія-либо большія сооруженія и вкладывать въ дѣло значительные капиталы.

«При проѣздѣ моемъ черезъ названный поселокъ жители его просили меня повергнуть къ стопамъ Государя Императора вѣрно-подданническое ходатайство о преобразованіи поселка въ посадъ или городъ, съ дарованіемъ ему усадебной и выгонной земли.

XXXII.

«Обращаясь затѣмъ къ Китайской Восточной желѣзной дорогѣ и вопросамъ, связаннымъ съ ея сооруженіемъ, считаю прежде всего необходимымъ остановиться на выясненіи политическаго положенія того района, который обслуживается этою дорогою.

«Личное ознакомленіе съ состояніемъ дѣлъ въ Манчжуріи оставило во мнѣ то впечатлѣніе, что *тамъ на мѣсть* направленіе нашей политики на Дальнемъ Востокѣ представляется неопредѣленнымъ, и даже такіе основные вопросы, какъ вопросы объ эвакуаціи Манчжуріи и отношеніяхъ нашихъ къ Китаю и Японіи, являются въ глазахъ мѣстныхъ властей и мѣстнаго населенія далеко не выясненными. Представителямъ различныхъ вѣдомствъ нашихъ въ краѣ, какъ стоящимъ непосредственно у дѣла, общая картина положенія, конечно, не можетъ быть видна, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ въ отдѣльности смотритъ на положеніе вещей съ своей узкой профессиональной точки зрѣнія, считая эту точку зрѣнія единственно правильной. Военные склонны всюду видѣть признаки возстанія, возможность возобновенія массовыхъ беспорядковъ и даже войны съ Китаемъ, которую они боятся встрѣтить недостаточно подготовленными; моряки напряженно слѣдятъ за Японією и опасаются главнымъ образомъ агрессивныхъ дѣйствій съ ея стороны; инженеры, вниманіе которыхъ сосредоточено на сооружаемой ими желѣзной дорогѣ, стараются во что бы то ни стало достигнуть приведенія края въ нормальное экономическое положеніе, оставляя въ сторонѣ все вопросы политическаго характера, и т. д. Насколько мнѣ выяснилось изъ личнаго разговора съ высшими представителями русской власти на крайнемъ Востокѣ, и они далеко не во всемъ согласны между собой въ воззрѣніяхъ на задачи наши въ Манчжуріи и не во всемъ раздѣляютъ взгляды нашего посланника въ Пекинѣ, дѣйствующаго въ той же странѣ черезъ дипломатическихъ чиновниковъ. Недостатокъ единства въ образѣ дѣйствій различныхъ вѣдомствъ особенно ярко выражается, между прочимъ, въ отношеніяхъ представителей русской власти къ мѣстнымъ китайскимъ военнымъ

генераль-губернаторамъ (цзянь-цзюнямъ), что на послѣднихъ производитъ неблагопріятное для престижа русской власти впечатлѣніе. Въ общемъ существующій ненормальный порядокъ крайне вредно отражается на сооружаемой нами желѣзной дорогѣ и связанныхъ съ нею предпріятіяхъ и существенно мѣшаетъ успешному выполнению стоящихъ на очереди въ Манчжуріи экономическихъ задачъ.

«По моему мнѣнію, основную причину этого явленія необходимо видѣть въ томъ, что на мѣстѣ нѣтъ объединяющихъ указаний изъ Петербурга отъ центральныхъ учреждений, да и въ самихъ этихъ учрежденіяхъ важнѣйшіе принципиальные вопросы о нашихъ отношеніяхъ къ Китаю и Японіи или не получили еще опредѣленнаго рѣшенія, или же, если рѣшеніе по этимъ вопросамъ уже принято, то вытекающія изъ него предположенія и распоряженія не всегда строго съ нимъ согласованы. Въ первомъ случаѣ я разумѣю главнымъ образомъ наши отношенія къ имперіи микадо, во второмъ—вопросъ объ эвакуаціи Манчжуріи, о которомъ, какъ о наиболѣе жгучемъ въ данный моментъ, я и позволю прежде всего изложить свои соображенія.

«Когда рѣшено было соединить желѣзнодорожнымъ путемъ нашу восточную окраину съ коренною Россіею, то первоначально предположено было вести этотъ путь по русской территоріи, вдоль теченія рѣки Амура. Однако кружность такого направленія, техническія неудобства и дороговизна его заставили искать пути болѣе прямого и удобнаго. Тогда явилась мысль продолжить Великую Сибирскую желѣзную дорогу по прямому направленію на Владивостокъ, черезъ Манчжурію. Мысль эта вскорѣ получила осуществленіе: по московскому договору 1896 года Россія заручилась правомъ провести желѣзную дорогу черезъ сѣверную Манчжурію для соединенія Забайкальской дороги съ Уссурійской, т.-е. нынѣшнюю магистраль Китайской Восточной желѣзной дороги. Достаточно проѣхать по этой магистральной, чтобы убѣдиться, что сооруженіе ея не могло возбудить никакихъ недоразумѣній съ китайскимъ правительствомъ. Она пролегаетъ по пустыннымъ мѣстностямъ, вдали отъ центровъ Китая, и потому не затрагиваетъ сколько-нибудь существенныхъ интересовъ ни правительства Срединной имперіи, ни ея населенія. Правда, правительство богдыхана давно уже принимаетъ мѣры къ заселенію сѣверной Манчжуріи китайцами, но для осуществленія этого проекта потребуются еще десятки лѣтъ, въ теченіе которыхъ экономическія условія страны должны настолько измѣниться, что желѣзная дорога станетъ для нея совершенно необходимой. Поэтому проведеніе магистральной Китайской Восточной желѣзной дороги и было встрѣчено безъ всякаго враждебнаго чувства со стороны Китая. Государства Западной Европы также отнеслись къ этому факту довольно равнодушно, такъ какъ

хотя проведеніе желѣзной дороги и обѣщало усилить стратегическое положеніе Россіи на ея восточныхъ окраинахъ, но въ виду отдаленности сѣверной Манчжуріи отъ собственнаго Китая оно не приводило насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ западно-европейскими интересами на Дальнемъ Востокѣ.

«Черезъ два года послѣ занятія нами Портъ-Артура общество Китайской Восточной желѣзной дороги приступило къ проведенію Южно-Манчжурской вѣтви. Вѣтвь эта проходитъ по густо населеннымъ и обработаннымъ мѣстностямъ, близъ самыхъ важныхъ городовъ Манчжуріи, и сооруженіе ея даетъ массу поводовъ для столкновенія желѣзной дороги съ интересами населенія: уже одни вопросы отчужденія земли подъ дорогу, при большомъ спросѣ на земельную собственность въ южной Манчжуріи, не разъ вызывали довольно крупныя осложненія. Далѣе, южная вѣтвь дороги кореннымъ образомъ измѣнила вѣками установившіяся экономическія условія края, а также торговые и хозяйственные обычаи населенія. Она уничтожила древній торговый путь изъ Мукдена черезъ Телинъ въ Пекинъ, грозитъ подорвать старинную торговлю Инкоу и торговое движеніе по рѣкѣ Ляохэ и, создавъ болѣе дешевое и удобное сообщеніе, лишаетъ заработка многочисленный классъ возчиковъ; перемѣщеніемъ капиталовъ и болѣе правильнымъ распредѣленіемъ ихъ она наноситъ ущербъ прежнему торговому классу и этимъ порождаетъ много недовольныхъ. Конечно, въ будущемъ проведеніе желѣзнодорожнаго пути принесетъ пользу краю, но часть мѣстнаго населенія, незнакомаго съ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, не можетъ сознавать этого въ настоящее время.

«Кромѣ того, упроченіе Россіи на Ляодунскомъ полуостровѣ и проведеніе южной вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги не были, конечно, безразличными и для иностранныхъ державъ, имѣющихъ торговые интересы въ южныхъ частяхъ Манчжуріи, въ особенности же для Японіи, которая всего лишь за три года до того, послѣ побѣдоносной войны съ Китаемъ, сама сдѣлала попытку утвердиться въ Манчжуріи, потребовавъ себѣ уступки Ляодунскаго полуострова, но должна была отказаться отъ этого предположенія, вслѣдствіе вмѣшательства трехъ державъ — Россіи, Франціи и Германіи. Вмѣшательствомъ этимъ было вызвано обостреніе нашихъ отношеній къ имперіи микадо, которое продолжаетъ чувствоваться до настоящаго времени. Наконецъ, что особенно важно, занятіе нами Портъ-Артура, явившееся не добровольною уступкою со стороны правительства богдыхана, нанесло трудно поправимый ущербъ традиціоннымъ дружественнымъ отношеніямъ Россіи къ правительству Срединной имперіи. Поэтому, когда въ Китаѣ въ 1900 году загорѣлось враждебное движеніе противъ иностранцевъ, пекинскія власти приняли мѣры

къ распространію этого движенія также и на Манчжурію, послѣдствіемъ чего было разрушеніе Китайской Восточной желѣзной дороги.

«Въ результатѣ всѣхъ этихъ событій въ настоящее время оказываются нарушенными прежняя прямота и ясность взаимныхъ отношеній Россіи, Китая и Японіи. Китай и Японія стали вообще недобѣрчиво относиться къ намѣреніямъ Россіи, а Россія, съ своей стороны, должна считаться съ возможностью повторенія черезъ нѣсколько лѣтъ волненій, подобныхъ бвксерскому, и въ то же время быть насторожѣ отъ враждебныхъ замысловъ со стороны Японіи. Въ общемъ получилось положеніе, дающее поводъ постоянно опасаться возможныхъ осложненій въ Дальнемъ Востокѣ.

«Изъ такого положенія необходимо найти выходъ, и въ отношеніи Китая первый крупный шагъ по направленію къ этому выходу уже сдѣланъ, благодаря состоявшемуся въ началѣ текущаго года соглашенію объ эвакуаціи нашими войсками Манчжуріи и восстановленію въ этой странѣ власти правительства богдыхана. Въ твердомъ слѣдованіи по пути примиренія съ Китаемъ и неукоснительнаго исполненія принятыхъ на себя на основаніи соглашения обязательствъ и заключается, по моему убѣжденію, *ближайшая* задача русской политики въ манчжурскомъ вопросѣ.

«Разсматривая именно съ этой точки зрѣнія существующее въ настоящее время въ Манчжуріи положеніе вещей, я во время своей поѣздки не могъ не замѣтить ряда явленій, которыя не только не содѣйствуютъ осуществленію этой основной идеи, указанной Высочайшею волею Монарха, но, напротивъ, служатъ тормозомъ проведенію ея въ жизнь. Происходитъ это, какъ уже было упомянуто выше, повидимому, оттого, что, хотя вопросъ объ эвакуаціи разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, но не было обращено особеннаго вниманія на необходимость въ точности собразовать съ этимъ фактомъ всѣ дѣйствія и распоряженія нашихъ властей и отдѣльныхъ начальниковъ на Дальнемъ Востокѣ.

«Считаю, однако, долгомъ своимъ остановиться на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ ненормальность существующаго нынѣ порядка въ Манчжуріи обнаруживается особенно ярко.

«Когда вслѣдствіе открытаго вызова, брошеннаго намъ Китаемъ, Манчжурія въ 1900 году была занята нашими военными силами, послѣднія приобрѣли тамъ всѣ тѣ права, которыми обычно пользуется дѣйствующая армія въ непріятельской странѣ. Права эти очень обширны и фактически равны правамъ прежней законной власти, съ тѣми отступленіями, кои вызываются чрезвычайными условіями военнаго времени. Однако, еще до заключенія мира было признано цѣлесообразнымъ восстановить въ этой странѣ, за нѣкоторыми изытіями, власть прежнихъ китайскихъ чиновни-

ковъ, съ установленіемъ лишь строгаго контроля надъ ихъ дѣйствіями, а по соглашенію 26-го марта текущаго года Россія возвратила китайскому правительству право осуществлять тамъ правительственную и административную власть въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ это было до занятія Манчжуріи русскими войсками.

«Правда, тѣмъ же соглашеніемъ 26-го марта было установлено также и временное пребываніе въ Манчжуріи русскихъ войскъ. Но тѣмъ не менѣе едва ли подлежитъ сомнѣнію, что съ признаніемъ Россіею положенія, созданнаго событіями 1900 года, прекратившимся и съ полнымъ возстановленіемъ власти китайскаго правительства наши военныя силы не могутъ уже пользоваться въ Манчжуріи правами «дѣйствующей арміи въ непріятельской странѣ». Сохраненіе этихъ войскъ на китайской территоріи послѣ заключенія мира основывается исключительно на мирномъ договорѣ, и посему только этимъ послѣднимъ должны быть опредѣляемы права ихъ по отношенію къ странѣ, въ которой они находятся. По соглашенію же 26-го марта текущаго года въ пользу нашихъ военныхъ силъ выговорены русскимъ правительствомъ лишь слѣдующія права: 1) русскія войска очистить занятые ими мѣстности не немедленно, а къ точно указаннымъ въ договорѣ срокамъ, въ случаѣ, если къ тому времени не возникнетъ въ странѣ смуть, или образъ дѣйствій другихъ державъ не воспрепятствуетъ такой эвакуаціи, и 2) русскимъ военнымъ властямъ предоставлено право обсужденія совмѣстно съ подлежащими цзянь-цзюнями вопроса о численности и мѣстахъ расположенія китайскихъ войскъ.

«Эти ясныя постановленія договора едва ли допускаютъ сохраненіе въ настоящее время за временно расположенными въ Манчжуріи русскими войсками тѣхъ чрезвычайныхъ правъ по управленію краемъ, производству реквизицій и т. п., которыя принадлежали имъ до заключенія мира. Но нѣкоторые факты, сдѣлавшіеся извѣстными мнѣ во время поѣздки, доказываютъ, что не всѣ мѣстные представители военнаго вѣдомства отказались отъ прежнихъ весьма широкихъ правъ, что и въ настоящее время, несмотря на состоявшееся заключеніе мирнаго договора, вернувшаго китайскому правительству власть въ Манчжуріи, нѣкоторые изъ военныхъ начальниковъ все еще считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла управленія страной: выселять, арестовывать, издавать обязательныя для населенія постановленія и т. п.

«Осуществленіе нашими офицерами этихъ правъ на практикѣ не можетъ, конечно, не породить въ населеніи неудовольствія и раздраженія противъ русскихъ и Россіи, а между тѣмъ необходимо имѣть въ виду, что и безъ присвоенія военнымъ чинамъ подобныхъ не оправдываемыхъ договоромъ полномочій уже самый фактъ пребыванія нашихъ войскъ въ Манчжуріи, внѣ предѣловъ полосы отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги,

является поводомъ для различныхъ весьма нежелательныхъ недо-разумѣній. Нельзя забывать, что войска наши еще недавно имѣли съ населеніемъ Манчжуріи вооруженныя столкновения; предпри-нимаемая экспедиціи для разсѣянія и поимки хунхузовъ, они не-рѣдко разоряли и мирныя китайскія селенія, иногда вслѣдствіе затруднительности отличить хунхузовъ отъ мѣстныхъ поселянъ, въ другихъ случаяхъ—въ видахъ наказанія послѣднихъ за укры-вательство хунхузовъ. Насилія, чинившіяся отдѣльными ниж-ними чинами, какъ видно изъ поступившихъ въ прошломъ году въ министерство иностранныхъ дѣлъ сообщеній гиринаго цзянь-цзюня, принимали иногда серьезные размѣры. Въ настоящее время, правда, подобные крупные источники недовольства уже устра-нены: послѣдовала отгѣна экспедицій противъ хунхузовъ и уста-новлены строгія наказанія за насилія; но не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ бы ни были дисциплинированы войска, отдѣльные случаи злоупотребленія силою всегда неизбѣжны, и они дѣйствительно наблюдаются въ Манчжуріи донныѣ. Трагическій случай, харак-теризующій нынѣшнее полное противорѣчій положеніе вещей въ Манчжуріи, передалъ мнѣ мукденскій цзянь-цзюнь. По его словамъ, два русскихъ солдата изнасиловали китайку, за что и были убиты близкими ей людьми. Теперь эти послѣдніе подлежатъ смертной казни. Цзянь-цзюнь приведетъ эту казнь въ исполненіе, но онъ опасается, что населеніе ея не одобритъ, и что это послужитъ лиш-нимъ поводомъ къ раздраженію противъ русскихъ войскъ и Россіи.

«Много неудовольствія со стороны населенія вызываетъ также осуществляемое нашими военными властями право военного по-стоя. Если подобная натуральная повинность ложится всегда тя-желымъ бременемъ на населеніе, среди котораго расквартиро-ваны войска, то она тѣмъ болѣе ощутительна для китайцевъ, въ общей массѣ крайне бѣдныхъ и не имѣющихъ избытка помѣще-ній. Тягость этой повинности въ Манчжуріи еще болѣе усили-вается тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ оплачиваются лишь квар-тиры, занятія офицерами; за отводъ же помѣщеній нижнимъ чи-намъ не уплачивается никакого вознагражденія, хотя по постано-вленіямъ Гагской международной конференціи 1899 года даже въ военное время всякія реквизиціи натурою и повинности должны быть оплачиваемы. Правда, конвенція, выработанная въ Гагѣ, не была подписана Китаемъ, а потому постановленія ея не имѣ-ютъ обязательной силы и для Россіи по отношенію къ Китаю, но казалось бы, что такое чисто-формальное обстоятельство не можетъ освободить насъ отъ нравственнаго долга руководствоваться во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ постановленіями конференціи, создан-ной по великодушному почину Государя Императора. Между тѣмъ для нуждъ войскъ заняты самыя лучшія помѣщенія. Хай-ларскій правитель (амбанъ) заявилъ мнѣ, что даже онъ, при этихъ

обстоятельствахъ, за неимѣніемъ другого подходящаго помѣщенія долженъ ютиться въ лачугѣ. Въ Гиринѣ и Куанченцзы лучшія торговыя помѣщенія уже болѣе двухъ лѣтъ занимаются нашими войсками. Такъ какъ это наноситъ значительный ущербъ мѣстной торговлѣ, то купечество, по инициативѣ гиринскаго цзянь-цзюня, собрало необходимую сумму и выстроило казармы. Однако послѣднія, будучи выстроены по китайскому типу, оказались мало отвѣчающими своему назначенію, и военныя власти не согласились на переводъ въ нихъ войскъ. Такой исходъ дѣла поставилъ цзянь-цзюня въ столь затруднительное положеніе, что онъ рѣшился даже просить меня всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чтобы занимаемая русскими войсками въ Гиринской провинціи торговыя помѣщенія были освобождены.

«Ущербъ, наносимый мѣстной торговлѣ широкими правами, которыми пользуются до сихъ поръ наши военныя власти, этимъ не ограничивается. По толкованію нѣкоторыхъ начальниковъ частей, предприниматели, занимающіеся поставками на армію, не должны уплачивать никакихъ налоговъ въ пользу китайскаго правительства. Предоставленіе подобныхъ льготъ является вполне естественнымъ, когда оккупационная армія сохраняетъ въ своихъ рукахъ управленіе занятою страной и, между прочимъ, вѣдаетъ тамъ податною частью. Но въ настоящее время управленіе краемъ возвращено нами мѣстной администраціи, и поэтому лишать ее хотя бы части матеріальныхъ средствъ, которыя необходимы ей для нуждъ управленія, едва ли представляется справедливымъ. Можно было бы признать еще понятнымъ и допустимымъ освобожденіе отъ оплаты мѣстными пошлинами предметовъ, поставляемыхъ на армію, но на дѣлѣ лица, занимающіяся подобными поставками (какъ русскіе, такъ и китайцы), пользуются своимъ положеніемъ слишкомъ широко и подъ видомъ поставки на армію производятъ и другую свою торговлю беспошлинно. По словамъ цичикарскаго цзянь-цзюня, образовался цѣлый классъ китайскихъ торговцевъ, которые стараются такъ или иначе пристроиться къ русскимъ войскамъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ имѣть возможность не платить торговыхъ сборовъ. Конкуренція съ ними для остальныхъ торговцевъ, которые платятъ налоги, представляется затруднительною, что влечетъ за собою вполне справедливыя съ ихъ стороны нареканія.

«Не менѣе неудовольствія вызываетъ сохраняемый донныѣ въ Манчжуріи режимъ и со стороны мѣстной китайской администраціи. Не говоря уже о томъ матеріальномъ ущербѣ, который нерѣдко наноситъ ей поддержка домогательствъ поставщиковъ на армію относительно беспошлинной торговли, необходимо отмѣтить то подчиненное положеніе, въ которомъ все еще остается эта ад-

министрація. Соглашеніемъ 26-го марта Россія, какъ уже сказано, возвратила китайскому правительству право осуществлять попрежнему въ Манчжуріи правительственную и административную власть; казалось бы, слѣдовательно, что мѣстныя власти восстановлены во всѣхъ своихъ функціяхъ и вмѣшательство въ ихъ распоряженіи русскихъ военныхъ властей можетъ быть оправдано лишь въ случаяхъ крайней необходимости, на примѣръ, когда оно требуется интересами безопасности войскъ. На самомъ дѣлѣ, однако, нѣкоторые представители нашей военной власти вмѣшиваются иногда въ дѣйствія властей китайскихъ безъ какого-либо уважительнаго повода, отмѣняя законныя распоряженія не только низшихъ китайскихъ чиновниковъ, но и самихъ цзянь-цзюней. Бываютъ случаи, что какой-либо ловкій китаецъ, недовольный рѣшеніемъ китайскаго чиновника, добивается у русскихъ военныхъ властей отмѣны такого рѣшенія, причемъ такая отмѣна, и безъ того наносящая ударъ престижу мѣстнаго начальства, дѣлается, по словамъ цзянь-цзюней, открыто; «если бы,—говорятъ они,—русскія власти заявляли свои требованія черезъ насъ, то мы готовы были бы исполнить всѣ подобныя требованія». Такіе случаи лишаютъ въ глазахъ мѣстнаго населенія ихъ законное начальство авторитета, на которомъ зиждется всякая власть, всякое управленіе.

«Правильной дѣятельности китайской администраціи ставятся затрудненія также и въ другихъ отношеніяхъ. Во время военныхъ дѣйствій наши войска взяли въ свои руки китайскіе телеграфы и установили полевое телеграфное сообщеніе. До сихъ поръ телеграфы эти китайскимъ властямъ не возвращены, хотя согласно выработанному гаагскою конференціею положенію о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, сухопутныя телеграфныя линіи подлежатъ при заключеніи мира возврату. Во всякомъ случаѣ, если военное вѣдомство по той или другой причинѣ признало желательнымъ сохраненіе во время пребыванія нашихъ войскъ въ странѣ въ своемъ управленіи китайскихъ телеграфовъ, то казалось бы вполне справедливымъ предоставить китайской администраціи широко пользоваться этимъ имѣющимъ весьма существенное значеніе въ дѣлѣ управленія средствомъ сообщенія. Но въ дѣйствительности многіе китайцы фактически лишены его. Дѣло въ томъ, что военными властями запрещается передача шифрованныхъ телеграммъ. Между тѣмъ, въ силу особенностей китайской іероглифической письменности, для нихъ возможна передача телеграммъ на китайскомъ языкѣ только при помощи шифровъ, и, слѣдовательно, всякая китайская телеграфная корреспонденція подлежитъ запрещенію. Правда, въ послѣднее время высшимъ чинамъ китайской администраціи разрѣшено подавать шифрованные телеграммы, но онѣ подлежатъ цензурѣ военныхъ властей,

на что требуется перѣдко два-три дня. Такая задержка, конечно, лишаетъ телеграфную корреспонденцію должнаго значенія.

«Наконецъ, чины китайской администраціи—не говоря уже о простолюдинахъ—стѣснены иногда даже въ отношеніи свободы передвиженія. Комендантамъ этаповъ предоставлено право задерживать всякіе транспорты, арестовывать всякое подозрительное лицо. Когда гирипскій цзянь-цзюнь выѣзжалъ въ Харбинъ для свиданія со мною, ему пришлось испросить на эту поѣздку разрѣшеніе военныхъ властей; иначе, по его словамъ, онъ могъ бы подвергнуться задержанію на этапахъ, гдѣ съ нимъ могли бы обойтись, «какъ съ послѣднимъ китайцемъ».

«Изложенныя данныя показываютъ, что какъ у мѣстнаго населенія, такъ и у китайскихъ властей есть немало поводовъ для недовольства существующимъ режимомъ и раздраженія противъ русскихъ. Китайцы, конечно, сознаютъ, что права, которыми пользуются наши военныя власти примѣнительно къ военному времени, нынѣ уже не имѣютъ достаточнаго основанія. Населеніе подчиняется всеѣмъ распоряженіямъ военныхъ властей, потому что иного выхода у него нѣтъ, но съ каждымъ днемъ положеніе становится все болѣе и болѣе тягостнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и недовѣріе къ планамъ и задачамъ Россіи въ Манчжуріи.

«Нельзя также не принять во вниманіе, что нѣкоторыя права, сохраняемыя въ Манчжуріи военными властями, вредно отражаются и на интересахъ русскихъ людей въ этой странѣ. Все находящіяся тамъ русскіе считаются слѣдующими за арміей и поэтому подчиненными военному начальству, которое считаетъ себя въ правѣ арестовывать ихъ и даже высылать изъ предѣловъ Манчжуріи. Были случаи, когда мѣстная гражданская власть разрѣшала русскому торговать въ извѣстномъ пунктѣ, а военныя власти выслали его. При подобныхъ условіяхъ для солидныхъ русскихъ торговцевъ рискованно, конечно, начинать въ странѣ сколько-нибудь серьезное дѣло.

«Изложивъ въ общихъ чертахъ настоящее положеніе вещей въ Манчжуріи на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ какъ китайскими чиновниками, такъ и нашимъ дипломатическимъ агентомъ и инженерами, я не могу обойти молчаніемъ еще одного вопроса, имѣющаго для насъ особое значеніе.

«Выше уже было упомянуто, что отношенія нашихъ военныхъ властей къ чинамъ китайской администраціи лишаютъ ихъ иногда въ глазахъ населенія необходимаго авторитета. Между тѣмъ, китайской администраціи и безъ того крайне трудно справиться съ постоянно существующимъ въ Манчжуріи серьезнымъ источникомъ беспорядковъ въ лицѣ хунхузовъ. Подъ этимъ названіемъ въ Манчжуріи извѣстенъ многочисленный контингентъ разбойниковъ, имѣющихъ свою вполне правильную организацію. До боксер-

скихъ волненій китайское правительство держало ихъ въ опредѣленныхъ границахъ частью безпощадными казнями, частью добровольными соглашениями, которыми устанавливались предѣлы и способы дѣйствій хунхузовъ. Бывшіе безпорядки существенно измѣнили такое положеніе дѣла. Въ ряды хунхузовъ стали прежніе китайскіе солдаты, которыхъ мы запретили держать въ Манчжуріи, и вслѣдствіе этого число хунхузовъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ, сильно увеличилось. Принимавшіяся русскими военными властями мѣры для борьбы съ этимъ зломъ отчасти даже усилили его, такъ какъ нерѣдко населеніе разоренныхъ нашими экспедиціями деревень вынуждено было присоединяться къ хунхузскимъ шайкамъ. Китайскія власти, быть можетъ, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ мы, справились бы съ этою задачею, или, по крайней мѣрѣ, ввели бы хунхузскую организацію въ норму, существовавшую до боксерскихъ безпорядковъ, но означенныя власти лишены для такой борьбы необходимыхъ средствъ. Полицейской стражи, находящейся въ распоряженіи китайской администраціи въ опредѣленномъ числѣ, едва хватаетъ, какъ свидѣтельствуемъ гиринскій цзянь-цзюнь, для несенія службы въ мѣстахъ ея расположенія; о преслѣдованіи же хунхузовъ, быстро передвигающихся по странѣ, не можетъ быть и рѣчи. Недавній примѣръ занятія небольшою шайкою хунхузовъ города Бодунэ, являющагося крупнымъ административнымъ и торговымъ центромъ Манчжуріи, показываетъ, что и охрана отдѣльных пунктовъ, имѣющихъ гарнизоны, не можетъ считаться достаточною. Въ настоящее время въ распоряженіи гиринскаго цзянь-цзюня имѣется около десяти тысячъ человѣкъ полицейской стражи, тогда какъ до 1910 года ея было до двадцати тысячъ человѣкъ; между тѣмъ численность хунхузскихъ шаекъ, бродящихъ по Гиринской провинціи, уже нынѣ исчисляется цзянь-цзюнемъ въ восемь—девять тысячъ человѣкъ. Такъ какъ къ хунхузамъ перешло оружіе распущенныхъ китайскихъ войскъ, а оружіе, принадлежавшее китайскому правительству, конфисковано нашими военными властями, то въ общемъ хунхузы вооружены гораздо лучше, нежели стража цзянь-цзюней; орудія же въ вооруженіи этой стражи нами не допускаются вовсе. При такихъ условіяхъ борьба съ подвижными хунхузскими шайками для стражи, охраняющей болѣе важные населенные пункты и потому обреченной на неподвижность, немислима. Мирное населеніе равнымъ образомъ лишено возможности бороться съ разбойниками, такъ какъ у него отобрано нашими войсками оружіе. Поэтому въ будущемъ возможны значительныя осложненія. Съ одной стороны, мы наносимъ ударъ авторитету тѣхъ мѣстныхъ властей, которыя однѣ, послѣ эвакуаціи нами страны, должны будутъ поддерживать въ ней порядокъ; съ другой стороны, мы же лишаемъ ихъ и средствъ для поддержанія этого авторитета.

«Такое положеніе вещей въ Манчжуріи требуетъ, казалось бы, опредѣленнаго рѣшенія относительно нашего дальнѣйшаго образа дѣйствій въ странѣ. По моему мнѣнію, рѣшеніе это поддается недавнимъ соглашеніемъ нашимъ съ Китаемъ. До этого соглашенія могъ возникать вопросъ, слѣдуетъ ли вернуть Манчжурію, или же присоединить ее къ Россіи, но въ настоящее время, когда мы формально обязались предъ Китаемъ очистить страну къ условленному сроку, колебаніе въ исполненіи принятаго рѣшенія послужило бы только къ нашей невыгодѣ. Дѣйствительно, если мы фактически не возвратимъ администраціи страны китайскимъ властямъ и, являясь тамъ лишь временными хозяевами, по праву сильного будемъ продолжать держаться образа дѣйствій, который не даетъ этимъ властямъ необходимаго авторитета и надлежащихъ средствъ для поддержанія въ странѣ спокойствія, то отвѣтственность за безпорядки ляжетъ всецѣло на насъ. Наоборотъ, эвакуаціей Манчжуріи, произведенной на точномъ основаніи соглашенія съ Китаемъ, мы развяжемъ себѣ руки на будущее время: если впоследствии въ возвращенной нами Манчжуріи возникнутъ серьезныя осложненія, мы будемъ имѣть полное основаніе заявить, что китайское правительство не въ силахъ поддерживать законный порядокъ въ странѣ, и, введя въ нее свои войска, приступимъ уже къ устройству тамъ нормальнаго русскаго управленія. При этомъ вторичное занятіе нашими военными силами Манчжуріи едва ли представитъ для насъ особыя затрудненія: Китайская Восточная желѣзная дорога упрочитъ наше стратегическое положеніе, а Срединная имперія въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій, навѣрно, не преуспѣетъ настолько, чтобы оказаться въ силахъ, безъ помощи другихъ державъ, воспрепятствовать движенію нашему въ Манчжурію. Во всякомъ случаѣ разрѣшеніе манчжурскаго вопроса въ смыслѣ точнаго исполненія принятаго нами на себя обязательства предъ Китаемъ, несомнѣнно, будетъ способствовать возстановленію того яснаго политическаго положенія Россіи по отношенію къ Китайской имперіи, которое столь необходимо для дальнѣйшаго упроченія нашего на крайнемъ Востокѣ.

«Кромѣ манчжурскаго вопроса, темной точкой на современномъ горизонтѣ русской политики на Дальнемъ Востокѣ выдѣляются наши отношенія къ Японской имперіи.

«Для Японіи преобладаніе въ Манчжуріи и Корей, или хотя бы только въ Корей, въ послѣднее время стало однимъ изъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ. Правительству Японіи, при большой плотности населенія Японскихъ острововъ, безусловно необходимо обезпечить какой-нибудь выходъ для избытковъ послѣдняго. Такъ какъ на югѣ, за Формозой, движеніе японскихъ переселенцевъ встрѣчаетъ непреодолимую преграду въ видѣ пе-

реполненного народомъ южнаго и средняго Китая и иностранныхъ колониальныхъ владѣній, то единственную возможность удовлетворенія этой насущной государственной потребности японское правительство усматриваетъ, если не въ окончательномъ присоединеніи Кореи, то во всякомъ случаѣ въ полученіи для себя въ этой странѣ возможно большей свободы дѣйствій. Добиваться этой послѣдней цѣли правительство Японіи вынуждено, кромѣ того, и въ силу необходимости отыскивать все новые и новые рынки для издѣлій японской обрабатывающей промышленности, нѣкоторыя отрасли которой получили въ позднѣйшее время значительное развитіе. Прежде, до занятія Россіей Портъ-Артура и проведенія Южно-Манчжурской вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги, Японія могла рассчитывать на распространеніе своего вліянія также и на Манчжурію, и послѣ побѣдоносной войны 1894 года съ Китайской имперіей, дѣйствительно, сдѣлала попытку въ указанномъ направленіи. Въ виду этого утвержденіе Россіи въ Манчжуріи въ 1898 году было, конечно, далеко не безразлично для правительства микадо, а, напротивъ, явилось сильнымъ ударомъ для насущныхъ интересовъ японской націи, которая теперь должна считать Манчжурію для себя безусловно и навсегда потерянной.

«Естественно, что при такихъ условіяхъ японское правительство вынуждено весьма ревниво и серьезно относиться ко всему тому, что такъ или иначе затрагиваетъ положеніе дѣлъ на Корейскомъ полуостровѣ. Оно готово прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы во что бы то ни стало сохранить за собою здѣсь преобладаніе. Но Россія также имѣетъ интересы въ Корей, и ею еще въ 1897 году была сдѣлана удачная попытка къ утвержденію здѣсь своего вліянія. Зная это, японское правительство, естественно, не можетъ относиться дружелюбно къ усиленію русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ, ибо чѣмъ сильнѣе будетъ здѣсь Россія, тѣмъ опаснѣе она будетъ для Японіи въ Корей. А потому, пока мы, хотя бы на время, не откажемся опредѣленно отъ притязаній на Корейскій полуостровъ, Японія изъ чувства самосохраненія будетъ неизмѣннымъ противникомъ всѣхъ нашихъ начинаній не только въ Корей, но и вообще на Дальнемъ Востокѣ. Пока Японія не перестанетъ считать Россію своей главной соперницей въ корейскихъ дѣлахъ, пока Корея будетъ оставаться яблокомъ раздора между сосѣдними имперіями, нельзя предвидѣть конца и тому крайнему недовѣрью и раздраженію, которыми характеризуются въ настоящее время взаимныя отношенія Россіи и Японской имперіи, и которыя особенно бросаются въ глаза на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ дѣло доходитъ до того, что наши мѣстныя власти склонны видѣть шпиона японскаго правительства въ каждомъ фотографѣ и парикмахерѣ-японцѣ, пріѣзжающемъ для снисканія себѣ своимъ промысломъ пропитанія въ Манчжуріи или въ Пріамурскомъ краѣ.

«Многими высказывается взглядъ, что Россія не должна дѣлать Японіи въ корейскомъ вопросѣ никакихъ уступокъ, хотя бы и временныхъ, что война съ Японіей во всякомъ случаѣ рано или поздно для нея неизбежна, и что поэтому лучше всего для Россіи, теперь же объявивъ Японіи войну, разгромить и уничтожить ее, пока она еще не успѣла особенно усилить своего боевого флота.

«Къ такому взгляду я, съ своей стороны, не могу присоединиться. Возможно, что, благодаря проведенію Китайской Восточной желѣзной дороги, въ недалекомъ будущемъ должно произойти сближеніе Россіи съ Японіей на почвѣ торгово-промышленныхъ интересовъ, а тѣсное сближеніе народовъ въ этой области является однимъ изъ наиболѣе могучихъ факторовъ въ дѣлѣ устранения вооруженныхъ международныхъ конфликтовъ. Есть, поэтому, нѣкоторое основаніе надѣяться, что и намъ удастся въ будущемъ найти на этой почвѣ мирное разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, на которыхъ въ настоящее время сталкиваются интересы Россіи и Японіи на Дальнемъ Востока. Но если бы эта надежда въ дѣйствительности оказалась ложной и правы тѣ, кто утверждаетъ противное, то во всякомъ случаѣ неизбежное столкновеніе необходимо отсрочить и постараться найти хотя временный выходъ въ какомъ-либо компромиссѣ, удовлетворяющемъ желанія Японіи относительно Кореи.

«По моему мнѣнію, вооруженная борьба съ Японіей въ ближайшіе годы была бы для насъ большимъ бѣдствіемъ. Я не сомнѣваюсь, что изъ этой борьбы Россія вышла бы побѣдительницей, но побѣда при настоящемъ положеніи досталась бы ей цѣною большихъ жертвъ и тяжело отразилась бы на ея экономическомъ положеніи. Чтобы умалить значеніе этихъ неблагоприятныхъ послѣдствій столкновенія, Россіи необходимо предварительно серьезно подготовиться. Должно помнить, что, при настоящихъ отношеніяхъ къ намъ правительства богдыхана, въ случаѣ войны съ Японіей, правительство это едва ли останется празднымъ зрителемъ происходящаго. Поэтому, прежде, чѣмъ попытаться счастья въ вооруженной борьбѣ съ имперіей микадо, Россіи необходимо уладить свои отношенія съ Срединной имперіей. Существенно важно также для Россіи, чтобы она была лучше подготовлена въ стратегическомъ отношеніи, начиная войну съ такимъ сравнительно сильнымъ противникомъ. Съ этой точки зрѣнія было бы желательнымъ до столкновенія съ Японіей окончательно оборудовать Китайскую Восточную желѣзную дорогу, организовать ея эксплуатацію, ввести администрацію въ полосу отчужденія и вообще урегулировать множество связанныхъ съ этою желѣзною дорогою вопросовъ; далѣе, было бы необходимо усилить Средне-Сибирскую и достроить Кругобайкальскую желѣзныя дороги, закончить оборудование Портъ-Артура, рассчитанное морскимъ министерствомъ еще на десять лѣтъ, и улучшить въ военномъ отношеніи Влади-

востокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ флотъ нашъ будетъ лишень одного изъ важныхъ условій успѣха въ морской войнѣ—возможности быстрой починки поврежденныхъ судовъ.

«Я далеко отъ мысли, что предполагаемый мною компромиссъ съ Японіей долженъ быть купленъ безусловно лишь цѣною полного отказа съ нашей стороны отъ Корейскаго полуострова. Весьма возможно, что Японія, страдающая, несомнѣнно, не менѣе Россіи отъ настоящей неопредѣленности положенія, готова будетъ удовлетвориться и меньшей уступкой. Но, придавая при настоящихъ обстоятельствахъ нашимъ мирнымъ отношеніямъ къ Японіи исключительцо важное значеніе, я полагаю бы, что въ крайнемъ случаѣ намъ можно было бы временно даже и совсѣмъ поступиться Кореею, если только Японія предоставитъ намъ за это соотвѣтствующія компенсаціи. Лично для меня нѣтъ сомнѣнія, что изъ двухъ золъ—вооруженнаго столкновенія съ Японіей и полной уступки ей Кореи—въ ближайшемъ будущемъ для Россіи является меньшимъ второе. Нельзя забывать, что война съ Японіей не только будетъ тяжела сама по себѣ, но и ослабитъ насъ на Западѣ и на ближнемъ Востокѣ, поставивъ въ трудное положеніе въ отношеніи другихъ державъ. У Россіи много враговъ и недоброжелателей, которые завидуютъ ей, но боятся ея могущества. Прекрасно понимая всю опасность для насъ войны на два фронта, эти недоброжелатели станутъ все смѣлѣе и смѣлѣе ставить свои требованія и заявлять такія притязанія, о которыхъ никогда не осмѣлились бы думать, если бы у Россіи не были связаны руки вооруженной борьбой на Дальнемъ Востокѣ.

«Напротивъ, поступаясь въ извѣстной степени Кореей, мы устранимъ на довольно долгое время предметъ постоянныхъ недоразумѣній съ Японіей, и изъ врага, вѣчно грозящаго нападеніемъ, превратимъ ее если не въ союзника, то въ сосѣда, стремящагося сохранить добрыя съ нами отношенія изъ опасенія вновь лишиться съ такимъ трудомъ-пріобрѣтенной территоріи. Несомнѣнно также, что громадныя затраты, необходимыя на устройство новыхъ владѣній въ Корее, на ихъ охрану и организацію въ нихъ управленія, тяжело отразятся на финансовомъ положеніи Японіи, и безъ того не блестящемъ, и въ значительной мѣрѣ ее обезсилить. Между Россіей и мало доступной для насъ теперь съ моря Японіей создастся новая сухопутная граница; съ этой границы мы постоянно будемъ угрожать Японіи, теперь для насъ трудно уязвимой.

«На основаніи изложенныхъ соображеній позволяю себѣ утверждать, что скорѣйшее устраненіе, на мирной почвѣ взаимныхъ уступокъ, недоразумѣній по корейскимъ дѣламъ, усложняющихъ наши отношенія съ Японіей, представляетъ собою, по моему глубокому убѣжденію, одну изъ важнѣйшихъ, стоящихъ на очереди,

задачъ русской политики на Дальнемъ Востокѣ. Достиженіе этой цѣли, то-есть соглашения, которое успокоило бы Японию на счетъ замысловъ Россіи на Корейскомъ полуостровѣ, примирило бы ее съ нашимъ положеніемъ въ сѣверномъ Китаѣ и тѣмъ устранило бы одинъ изъ опасныхъ поводовъ для возможной кровавой распри на Дальнемъ Востокѣ,—явилось бы, на ряду съ улаженіемъ нашихъ отношеній съ имперіей богдыхана, новымъ блестящимъ успѣхомъ въ дѣлѣ мирнаго разрѣшенія задачъ, возложенныхъ исторією на Россійскую державу.

XXXIII.

«Охрана линіи Китайской Восточной желѣзной дороги и наблюденіе за порядкомъ и безопасностью въ ея районѣ возложены на Заамурскій округъ ввѣреннаго мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. При проѣздѣ моемъ чрезъ Манчжурію я имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ части этого округа и ознакомиться на мѣстѣ съ условіями ихъ быта.

«Большинство частей округа размѣщается еще во временныхъ зданіяхъ, деревянныхъ или глинобитныхъ баракахъ, приспособленныхъ для жилья въ зимнее время; лишь незначительное сравнительно число нижнихъ чиновъ и большинство офицеровъ переведены на постоянное жительство въ каменные казармы. Къ сооруженію такихъ казармъ для всѣхъ частей округа, съ офицерскими квартирами и всѣми необходимыми хозяйственными постройками, приступлено повсемѣстно, но такъ какъ для предстоящаго открытія правильнаго движенія по всей линіи Китайской дороги было необходимо спѣшить прежде всего съ окончаніемъ станціонныхъ построекъ, а въ работахъ произошло временное замедленіе, вызванное холерной эпидеміей, то строительное управленіе дороги не могло закончить намѣченныхъ казарменныхъ постройки къ зимѣ наступающаго года. Впрочемъ, всѣ временныя постройки, послѣ надлежащаго ихъ ремонта и приспособленія по даннымъ мною на мѣстѣ указаніямъ, будутъ пригодны для жилья нижнихъ чиновъ въ теченіе наступающей зимы. Весною же будущаго года всѣ части округа, по мѣрѣ окончанія построекъ, будутъ переведены на жительство въ каменные казармы, при возведеніи которыхъ, какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться, приняты во вниманіе требованія гигиены, а также удобства размѣщенія и обученія нижнихъ чиновъ.

«По свидѣтельству сопровождавшаго меня въ поѣздкѣ начальника штаба отдѣльнаго корпуса пограничной стражи генераль-майора Веймарна, организація Заамурскаго округа, соотвѣтственно настоящей его численности, закончена. Части округа распределены по линіи желѣзной дороги, въ видахъ наилучшей ея охраны, согласно дислокаціи, детально разработанной штабомъ округа.

Роты, сотни и батареи сформированы из запасно-отпускных чинов бывшей охранной стражи Китайской Восточной желѣзной дороги и из срочнотружущихъ нижнихъ чиновъ пограничной стражи. По засвидѣтельствованію генераль-майора Веймарна, части, составленныя изъ чиновъ бывшей охраны, получившихъ исполнѣ законченное обученіе за время службы въ войскахъ и имѣвшихъ въ 1900 году достаточный боевой опытъ, слѣдуетъ признать надежными и подготовленными. Что же касается частей, сформированныхъ изъ срочно-служащихъ нижнихъ чиновъ, свыше двухъ третей состава которыхъ приходится на молодыхъ солдатъ послѣдняго призыва, то подготовка ихъ весьма разнообразна, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ личныхъ качествъ и энергіи командировъ частей: на ряду съ ротами и сотнями, недостаточно подготовленными, встрѣчаются части, отлично обученныя и исполнѣ способныя ко всякаго рода служебной дѣятельности, не исключая и чисто боевой. Для обезпеченія здоровья, продовольствія и обмундированія людей начальникомъ округа приняты самыя заботливыя мѣры, и санитарное состояніе всѣхъ частей исполнѣ хорошее.

«Кромѣ бывшихъ уже случаевъ исполнѣ успѣшныхъ дѣйствій противъ хунхузовъ частей, составленныхъ почти исключительно изъ молодыхъ солдатъ, укажу на дѣйствія 19-й сотни, вновь сформированной изъ срочно-служащихъ нижнихъ чиновъ. Сотня эта съ двумя конно-горными орудіями шестой батареи вечеромъ 9-го минувшаго октября была выслана по моему приказанію со станціи Ло-ша-гоу, подѣ начальствомъ командира сотни штабс-ротмистра Кнаута, къ расположенному въ восьмидесяти верстахъ отъ станціи китайскому городу Бодунэ, который въ то время былъ захваченъ хунхузами и ими разграбленъ. По полученнымъ мною затѣмъ телеграфнымъ донесеніямъ, этотъ отрядъ 11-го октября взялъ городъ Бодунэ съ бою, прогналъ находившихся въ немъ хунхузовъ и освободилъ изъ-подѣ стражи фу-ду-туна, при чемъ было убито 110 хунхузовъ и захвачено въ плѣнъ семь русскихъ бѣглыхъ черкесовъ и пятнадцать хунхузовъ, безъ всякихъ потерь съ нашей стороны.

«Численный составъ Заамурскаго округа пограничной стражи достигаетъ нынѣ почти семнадцати тысячъ человѣкъ; къ 1-му января будущаго года онъ пополнится семью тысячами новобранцевъ, при чемъ одновременно будетъ освобождена отъ службы тысяча человѣкъ. Такимъ образомъ, численность пограничной стражи Заамурскаго округа въ мартѣ будущаго года, ко времени предполагаемаго вывода нашихъ войскъ изъ Мукденской и Гиринской провинцій Манчжуріи, составитъ около 23-хъ тысячъ человѣкъ, а къ будущему маю, т. е. еще до эвакуаціи послѣдней Хэй-лун-цзянской провинціи, достигнетъ 24½ тысячъ человѣкъ. Такой составъ округа будетъ достаточенъ, по моему мнѣнію, для обезпеченія бе-

зопасности Китайской дороги отъ мѣстныхъ безпорядковъ и въ частности для огражденія ея отъ шаекъ хунхузвъ; въ случаѣ же серьезныхъ военныхъ дѣйствій представится возможнымъ подвести по желѣзной дорогѣ войска изъ Пріамурскаго края въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Это мнѣніе вполне раздѣляется лицами, съ которыми я совѣщался по вопросу объ охранѣ Китайской дороги, а именно начальникомъ Заамурскаго округа пограничной стражи генераль-лейтенантомъ Дитерихсомъ, военнымъ губернаторомъ Приморской области генераль-лейтенантомъ Чичаговымъ, начальникомъ штаба отдѣльнаго корпуса пограничной стражи генераль-майоромъ Веймарномъ, начальникомъ штаба Пріамурскаго военного округа генераль-майоромъ Холщевниковымъ и начальникомъ штаба Заамурскаго округа подполковникомъ Богдановичемъ.

«Однако, если настоящее политическое положеніе позволяеть считать достаточнымъ для охраны Китайской Восточной желѣзной дороги усиленіе состава Заамурскаго округа пограничной стражи, то этимъ не исключается желательность принятія всѣхъ доступныхъ мѣръ для полного обезпеченія безопасности дороги на случай политическихъ осложненій въ будущемъ. Поэтому я находилъ бы необходимымъ нижеслѣдующія мѣропріятія, которыя могутъ способствовать безопасности дороги.

«Вооруженная охрана, представляющая сама по себѣ весьма внушительную силу, являлась бы еще болѣе дѣйствительною, если бы находила для себя прочную опору въ окружающемъ дорогу населеніи. Съ этой точки зрѣнія скорѣйшее заселеніе прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей русскими весьма важно въ смыслѣ обезпеченія безопасности дороги. Государственное значеніе этой мѣры имѣлось въ виду уже въ самомъ началѣ сооруженія Китайской Восточной желѣзной дороги, и тогда уже мною было сдѣлано распоряженіе, чтобы отчужденіе подъ дорогу земель совершалось въ размѣрѣ, вдвое превышающемъ тѣ нормы, по которымъ производятся подобныя отчужденія въ предѣлахъ Россіи. Засимъ, въ ноябрѣ 1900 года я предложилъ правленію общества Китайской Восточной желѣзной дороги и главному инженеру по сооруженію ея принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы полоса отчужденія была возможно болѣе уширена, съ доведеніемъ ея, гдѣ можно, до пяти верстъ въ каждую сторону. Далѣе, въ мартѣ настоящаго года мною вновь подтверждено о необходимости пріобрѣтенія въ возможно широкихъ размѣрахъ земельныхъ участковъ вблизи важнѣйшихъ станцій дороги. Наконецъ, въ бытность мою на линіи дороги я счелъ необходимымъ немедленно сдѣлать распоряженіе объ отчужденіи при станціяхъ и развѣздахъ желѣзной дороги участковъ земли отъ 500 до 2.000 десятинъ для заселенія ихъ русскимъ элементомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, я пришелъ къ заключенію, что сплошное заселеніе линіи

русскими представляется дѣломъ, требующимъ огромныхъ затратъ, практически едва ли осуществимымъ и по существу мало цѣлесообразнымъ. Русское населеніе, раскинутое узкой полосой на тысячи верстъ дороги, не только не послужитъ защитой для края, но само будетъ нуждаться въ охранѣ отъ нападенія хунхузовъ. Оно тогда только явится серьезнымъ оплотомъ, когда будетъ сгруппировано въ болѣе или менѣе значительные поселки, расположенные въ важнѣйшихъ пунктахъ и преимущественно около желѣзнодорожныхъ станцій.

«Во исполненіе этихъ распоряженій обществомъ отчуждены вблизи нѣкоторыхъ станцій довольно значительныя пространства. Но уже второе мое распоряженіе о расширеніи отчужденія вызвало серьезное неудовольствіе со стороны мѣстнаго населенія и китайскихъ властей, особенно на южной вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги. По условіямъ, въ которыхъ находится дѣло отчужденія, сѣверная или магистральная линія этой дороги весьма существенно отличается отъ южной ея вѣтви. Первая проходитъ на весьма значительномъ разстояніи по пустыннымъ малонаселеннымъ пространствамъ, составляющимъ собственность государства. Поэтому здѣсь отчужденіе не встрѣчаетъ особыхъ затрудненій и, касаясь главнымъ образомъ государственныхъ земель, могло бы быть произведено въ необходимомъ размѣрѣ за незначительную сравнительно плату, примѣрно около пятнадцати рублей за десятину. Совершенно иначе обстоитъ дѣло на южной вѣтви, которая почти на всемъ своемъ протяженіи прорѣзываетъ страну, весьма густо населенную, гдѣ вся сколько-нибудь годная для обработки земля занята съ давнихъ поръ громаднымъ количествомъ мелкихъ китайскихъ землевладѣльцевъ. На этой линіи, въ виду высокой стоимости частныхъ земель, отчужденіе должно обойтись очень дорого и, кромѣ того, по сдѣланному мнѣ лично гиринымъ и мукденскимъ цзянь-цзюнями заявленію, населеніе ихъ провинцій относится весьма недружелюбно къ попыткамъ отчужденія. Тѣмъ не менѣе, названные цзянь-цзюни, въ случаѣ необходимости, обѣщали свое содѣйствіе, и я имѣю основаніе думать, что отчужденіе потребнаго количества земель будетъ произведено безъ особыхъ препятствій.

«Предположенное дополнительное отчужденіе земель по линіи Китайской Восточной желѣзной дороги не предусматрѣно расцѣпочными вѣдомостями, и осуществленіе его потребуетъ значительныхъ новыхъ ассигнованій. Вслѣдствіе сего я считаю долгомъ просить о высочайшемъ утвержденіи сдѣланнаго мною распоряженія о дополнительномъ отчужденіи земли подъ станціи Китайской Восточной желѣзной дороги.

«Первый и наиболѣе важный вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію въ связи съ рѣшеніемъ о заселеніи полосы отчужденія, состоитъ

въ томъ, какой элементъ долженъ быть признанъ при этомъ наиболѣе подходящимъ для цѣлей охраны дороги. Принадлежащее обществу, въ силу пункта шестого договора его съ китайскимъ правительствомъ, «безусловное и исключительное право управленія» въ районѣ отчужденія открываетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторую свободу выбора и позволяетъ устранить, по возможности, всѣ нежелательные элементы. Останавливаясь прежде всего на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли допускать въ полосу отчужденія иностранцевъ, надлежитъ признать, что послѣдніе преслѣдуютъ въ Китаѣ свои самостоятельные, по большей части противоположные нашимъ, интересы и потому не должны быть допускаемы вовсе къ пріобрѣтенію осѣдлости въ районѣ дороги. Но провести этотъ принципъ съ безусловною послѣдовательностью едва ли удастся, такъ какъ даже въ Портъ-Артурѣ, гдѣ мы для этого располагаемъ гораздо большими средствами и гдѣ самое поселеніе иностранцевъ представляется еще менѣе желательнымъ, чѣмъ въ районѣ дороги, пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу допущенія иностранцевъ, и въ настоящее время тамъ уже до двѣнадцати участковъ предоставлено иностраннымъ подданнымъ. Что касается китайцевъ, то безусловное воспрещеніе имъ селиться вблизи дороги, проходящей въ предѣлахъ Китая, совершенно изолировало бы дорогу отъ того района, который она должна обслуживать, и который долженъ снабжать ее грузомъ. Наоборотъ, безусловно въ интересахъ дороги укрѣпить связи съ нею тѣхъ изъ китайцевъ, которые уже и нынѣ находятся къ ней въ томъ или иномъ отношеніи, въ качествѣ подрядчиковъ, торговцевъ или ремесленниковъ. Несомнѣнно, что эти китайцы, осѣвъ на дорогѣ и подчинившись вѣдѣнію нашей администраціи, могутъ оказать существенное вліяніе на развитіе торговли и желѣзнодорожнаго движенія, какъ непосредственно, такъ и въ качествѣ преданныхъ дѣлу дороги посредниковъ между нею и остальнымъ китайскимъ міромъ, и, кромѣ того, явятся небезполезными и съ точки зрѣнія интересовъ охраны дороги, какъ противоявіемъ враждебнымъ дорогѣ элементамъ китайскаго населенія. Указаніе на примѣръ 1900 года, когда китайцы, подрядчики и служащіе на дорогѣ, массами покидали дорогу, едва ли опровергаетъ сказанное; такъ какъ въ то время, до начала правильной эксплуатаціи дороги, китайцы не могли еще оцѣнить должнымъ образомъ экономическаго ея значенія и не пріобрѣли на ней осѣдлости или иныхъ прочныхъ съ нею связей. Подтвержденіемъ того, въ какой мѣрѣ китайское населеніе можетъ являться оплотомъ спокойствія, служитъ примѣръ Шанхая, гдѣ именно это населеніе обеспечиваетъ городъ отъ всякихъ случайностей.

«Переходя засимъ къ условіямъ русской колонизаціи въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги, слѣдуетъ сказать, что эти условія совершенно исключительныя, не имѣющія

ничего общаго съ тѣми, въ которыхъ происходятъ переселенія внутри имперіи, а потому и начала, положенныя въ основу переселенческаго дѣла въ Россіи, не могутъ быть распространены на колонизацію въ районѣ Китайской дороги.

«Прежде всего крестьяне-земледѣльцы, составляющіе главный переселенческій матеріалъ внутри имперіи, были бы здѣсь совершенно непригоднымъ для колонизаціи элементомъ. Ожидать отъ водворенія земледѣльческаго населенія плодотворныхъ результатовъ можно было бы въ томъ случаѣ, если бы этому населенію обезпечивалось здѣсь занятіе его основнымъ промысломъ—земледѣліемъ. Но именно для этого и не имѣется никакихъ данныхъ, вопервыхъ, за недостаткомъ вдоль линіи земель, свободныхъ и удобныхъ для земледѣльской культуры, а во-вторыхъ—въ виду совершенной и очевидной невозможности для нашихъ крестьянъ конкурировать въ этой отрасли труда съ китайцами. Послѣдніе опытомъ многихъ вѣковъ достигли въ этомъ отношеніи такого приспособленія къ условіямъ почвы и климата Манчжуріи, выработали такіе усовершенствованныя приемы культуры, которые совершенно не могутъ быть усвоены крестьянами съ ихъ привычкою къ способамъ экстенсивнаго веденія хозяйства. Съ другой стороны, совершенно непримѣнимою къ мѣстнымъ условіямъ является и вообще система вызова переселенцевъ при непосредственномъ, открытомъ участіи и руководствѣ переселеніемъ со стороны правительства, практикуемая при заселеніи сибирскихъ областей. При этой системѣ на линію дороги могутъ явиться лица, пришедшія издалека исключительно въ надеждѣ на помощь и поддержку правительства и совершенно не способныя примѣниться къ суровымъ условіямъ жизни въ Манчжуріи. Эти лица окажутся тяжелымъ бременемъ для дороги и, въ случаѣ беспорядковъ, не только не послужатъ ей оплотомъ, но сами потребуютъ защиты и попеченія. Вслѣдствіе этого наиболѣе цѣлесообразнымъ представлялось бы прежде всего предоставить дѣло заселенія Манчжуріи русскими частной инициативѣ. Тогда сюда придутъ лица, вполне желательныя для колонизаціи,—наиболѣе энергичныя, стойкія, умѣющія приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Таковы лица торгово-промышленнаго класса, ищущія обогащенія за свой собственный страхъ и рискъ. Лица этой категоріи и сейчасъ имѣются на линіи—инженеры, подрядчики, мелкіе торговцы, ремесленники всякаго рода и т. п.

«Другимъ пригоднымъ для заселенія полосы отчужденія элементомъ являются тѣ изъ русскихъ, которые по той или иной причинѣ имѣютъ уже въ Манчжуріи временное пребываніе, успѣли ознакомиться и освоиться съ нею. Выражая желаніе пріобрѣсти здѣсь осѣдлость, такія лица, очевидно, будутъ дѣйствовать вполне сознательно, руководствуясь опредѣленнымъ расчетомъ, и не явятся тягостью для дороги. Для привлеченія на постоянное жительство

людей этой категоріи надлежало бы предпринять мѣры нѣкотораго поощренія. Къ числу этихъ лицъ принадлежатъ прежде всего чины желѣзнодорожной охраны. Имъ можно было бы предоставить, соотвѣтственно тому, какъ это принято для войскъ Уссурійскаго края, извѣстныя льготы по переселенію семействъ и, въ случаѣ выраженія желанія приобрѣсти осѣдность, отводить участки земли на льготныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы участки эти оставались собственностью дороги. Такимъ образомъ вдоль линіи могутъ образоваться цѣлыя солдатскіе поселки. Въ указанномъ отношеніи уже и приняты нѣкоторыя подготовительныя мѣры. Такъ, согласно высочайшему повелѣнію 20-го марта сего года, нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ запасъ изъ войскъ, расположенныхъ въ Манчжуріи, предоставлено оставаться тамъ на временномъ жительствѣ, съ правомъ возвращенія на родину на казенный счетъ въ теченіе пяти лѣтъ со дня увольненія. Та же льгота предоставлена также нижнимъ чинамъ Заамурскаго округа пограничной стражи и бывшей охранной стражи съ ихъ семьями. Засимъ, согласно утвержденнымъ мною правиламъ отдачи въ аренду частнымъ лицамъ земли на отчужденной подъ Китайскую Восточную желѣзную дорогу полосѣ, участки, расположенные вблизи мастерскихъ на пристани Сунгари I, не сдаются съ торговъ, но сохраняются съ цѣлью предоставленія ихъ на льготныхъ условіяхъ тѣмъ изъ мастеровыхъ и рабочихъ дороги, которые пожелали бы поселить тамъ свои семьи.

«Наконецъ, третьимъ полезнымъ для русской колонизаціи элементомъ могутъ явиться раскольники и сектанты. Они испытаны уже, какъ выдающіеся колонизаторы, стойкіе въ охранѣ своей народности и способные преодолѣть самыя трудныя условія водворенія. Лица эти могли бы быть привлечены въ край обезпеченіемъ для нихъ полной свободы исповѣданія ихъ вѣроученія и нѣкоторыми льготами по воинской повинности. Само собою разумѣется, однако, что поощрительныя мѣры не слѣдовало бы распространять на представителей сектъ, религіозное ученіе которыхъ запрещаетъ употребленіе оружія даже для самообороны, такъ какъ лица эти въ минуту опасности едва ли могли бы явиться полезными защитниками дороги.

«Если бы удостоились высочайшаго одобренія изложенныя основанія заселенія полосы, отчужденной подъ Китайскую Восточную желѣзную дорогу, то на сихъ основаніяхъ будутъ выработаны и представлены на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ подробныя правила.

XXXIV.

«Одновременно съ Китайскою Восточною желѣзною дорогою возводятся два громадныя сооруженія—новые города Харбинъ и Дальній, послѣдній съ морскимъ портомъ.

«Харбинъ, являющійся почти съ самаго начала сооруженія русскими желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи главнымъ желѣзнодорожнымъ административнымъ центромъ, возникъ на правомъ берегу рѣки Сунгари въ томъ пунктѣ главной линіи, въ которомъ отъ нея отдѣляется вѣтвь къ Портъ-Артуру и Дальнему. Положеніе этого города исключительно удобное и благопріятное— въ центрѣ Манчжуріи, гдѣ развѣтвляются желѣзнодорожныя линіи, прорѣзывающія всю страну, и пересекаютъ ея жизненную артерію—судоходную рѣку Сунгари, орошающую большую часть манчжурской территоріи. Предвидя возникновеніе здѣсь важнаго торгово-промышленнаго пункта, желѣзнодорожная администрація съ самаго начала приняла мѣры къ отчужденію возможно большаго количества земли, и въ настоящее время площадь Харбина съ его будущими пригородами занимаетъ 3.500 десятинъ, т. е. свыше 33 квадратныхъ верстъ. На этой площади, представлявшей собою еще пять лѣтъ тому назадъ совершенно глухую мѣстность, строительною администраціе Китайской Восточной желѣзной дороги былъ возведенъ рядъ зданій для желѣзнодорожныхъ надобностей, а также для помѣщеній служащихъ и рабочихъ. Сюда же устремилось множество торговцевъ, промышленниковъ и лицъ разныхъ профессій, которые слѣшили устроиться на постоянное мѣстожителство въ новомъ городѣ съ большою будущностью. При такихъ условіяхъ въ Харбинѣ въ короткое время возникло три довольно значительныхъ поселенія: Старый Харбинъ, Новый Харбинъ и Пристань.

«Старый Харбинъ состоитъ почти исключительно изъ временныхъ глинобитныхъ домовъ, сгруппированныхъ вокругъ бывшаго ханшиннаго (водочнаго) завода. Этотъ поселокъ служилъ первымъ пріютомъ для строителей дороги: въ немъ помѣщается и теперь часть управленія главнаго инженера по сооруженію Китайской Восточной желѣзной дороги, расположенъ штабъ начальника Заамурскаго округа пограничной стражи, живутъ служащіе и размѣщены во временныхъ пока казармахъ чины означеннаго округа; здѣсь же построено мѣстными торговыми фирмами нѣсколько частныхъ домовъ. Въ этой части Харбина имѣется временная церковь на сто пятьдесятъ человѣкъ, которую предположено замѣнить постоянною, для чего мною дано указаніе отвести бесплатно необходимый участокъ земли.

«Второй поселокъ, получившій, въ виду своего болѣе поздняго возникновенія, названіе «Новаго Харбина», предназначенъ служить центромъ всего городского поселенія. Подъ него избрана не заливаемая рѣкою возвышенная площадь съ пологимъ скатомъ въ двѣ стороны, на которой и распланированы по опредѣленному проекту городскія сооруженія, имѣющія занять участокъ длиною около четырехъ верстъ и шириною отъ одной до полуторы

версты; при планировкѣ предусмтрѣна возможность значительнаго расширенія этой части города въ будущемъ. Здѣсь уже построено свыше трехсотъ каменныхъ домовъ, общеою площадью до 10.000 квадратныхъ сажень, и идетъ очень оживленная дальнѣйшая постройка разнаго рода служебныхъ зданій, которыхъ заложено и возводится общей площадью еще около 15.000 квадратныхъ сажень. Въ этихъ зданіяхъ предположено размѣстить управление дороги, штабъ округа пограничной стражи, почтово-телеграфную контору, судебныя учрежденія, больницу, школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, общественное собраніе, гостиницу, квартиры для служащихъ на желѣзной дорогѣ и въ разныхъ другихъ учрежденіяхъ, сосредоточенныхъ въ городѣ. Для удовлетворенія духовныхъ потребностей русскаго населенія Харбина въ этой части послѣдняго построена въ 1900 году постоянная церковь на пятьсотъ человекъ въ древне-вологодскомъ стилѣ. Кромѣ того, въ Новомъ Харбинѣ предполагается постройка зданій для коммерческихъ училищъ, мужского и женскаго, по типу полныхъ восьмиклассныхъ гимназій.

«Третій поселокъ, носящій названіе «Пристани», сгруппировался вокругъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и складовъ у самаго берега рѣки Сунгари на довольно низкомъ мѣстѣ, заливаемомъ иногда водою при особенно высокомъ подъемѣ ея горизонта. Вслѣдствіе такого обстоятельства это мѣсто не было выбрано для будущаго городского центра, но силою вещей, какъ мѣсто причала судовъ и пароходовъ, оно въ настоящее время представляетъ собою наиболѣе оживленный пунктъ Харбина; здѣсь сосредоточилась торговля, возникъ рядъ промышленныхъ заведеній и много частныхъ построекъ. Временно на Пристани помѣщается полиція и пожарная часть. Управленіемъ дороги выстроено и строится здѣсь свыше 2.000 квадратныхъ сажень домовъ для административныхъ надобностей, въ томъ числѣ и зданіе для школы на девяносто учениковъ. Въ этой же части города находятся временныя желѣзнодорожныя мастерскія и здѣсь же предположено построить постоянныя главныя мастерскія. Благодаря этому, главный контингентъ населенія Пристани будетъ составлять рабочій людъ, находящій себѣ занятія въ этихъ мастерскихъ.

«Во всѣхъ поселкахъ Харбина въ настоящее время проживаетъ свыше 20.000 человекъ.

«Такой быстрый ростъ города представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что до недавняго времени, въ виду невыясненности потребностей въ землѣ самаго общества Китайской Восточной желѣзной дороги, частнымъ лицамъ не дозволялось приобрѣтать въ полосѣ отчужденія земельную собственность, и постройки возводились тамъ ими, съ разрѣшенія строительной администраціи,

только подъ условіемъ сноса ихъ по первому требованію администраціи. Такъ какъ, однако, этимъ значительно задерживалось созданіе въ Харбинѣ правильнаго городского поселенія, а равно возникновеніе тамъ солидныхъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий, то въ текущемъ году строительною администраціею было приступлено къ отдачѣ съ торговъ участковъ отчужденной земли во владѣніе частнымъ лицамъ, согласно утвержденнымъ мною и доложеннымъ комитету Сибирской желѣзной дороги особымъ правиламъ, причемъ въ виду того, что по договору съ китайскимъ правительствомъ обществу Китайской Восточной желѣзной дороги желѣзнодорожная концессія предоставлена только на восемьдесятъ лѣтъ, рѣшено было ограничиться лишь отдачею въ аренду земельныхъ участковъ на срокъ, одинаковый со срокомъ концессіи, т. е. на восемьдесятъ лѣтъ.

«На состоявшихся въ іюнѣ текущаго года торгахъ было отдано въ аренду частнымъ лицамъ 255 участковъ, общою площадью въ 93.000 кв. саж., при чемъ выручено около 370.000 рублей. Изъ этого числа наибольшее число участковъ (а именно 194 участка, площадью до 69.000 кв. саж.) пришлось на Пристань, гдѣ нынѣ, какъ сказано выше, по преимуществу сосредоточивается коммерческая жизнь Харбина; въ Старомъ и Новомъ городахъ продано почти одинаковое количество земли (около 12.000 кв. саж. въ каждомъ).

«По ознакомленіи во время пребыванія въ Харбинѣ съ жизнью этого города, мною было признано необходимымъ установить въ дѣлѣ отдачи земельныхъ участковъ въ аренду частнымъ лицамъ порядокъ, который бы болѣе прочно обезпечивалъ правильное развитіе этого важнаго коммерческаго центра, сохраняя за нимъ характеръ исключительно русскаго поселенія.

«Данныя мною въ этомъ отношеніи указанія сводятся къ слѣдующему.

«Въ видахъ поощренія въ Харбинѣ русскихъ промышленныхъ заведеній разрѣшено отдавать подъ нихъ участки земли, въ отступленіе отъ вышеупомянутыхъ правилъ, безъ торговъ, но подъ условіемъ, чтобы такая отдача производилась лишь въ опредѣленныхъ районахъ на окраинахъ городской территоріи, и чтобы предварительно были установлены правленіемъ общества Китайской Восточной дороги минимальныя нормы цѣнъ, по которымъ будутъ отдаваться указанные участки.

«Въ виду крайней важности, чтобы въ Харбинѣ основывались преимущественно солидныя торговыя и промышленныя фирмы и надежныя частныя лица, мною указано допускать разсрочку уплаты денегъ за участки, отдаваемые въ аренду, только на короткіе сроки, не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, и вообще отдавать предпочтеніе лицамъ, вносящимъ деньги единовременно.

«Для сохраненія за Харбиномъ характера исключительно русскаго поселенія я разрѣшилъ сдавать въ аренду, согласно установленнымъ правиламъ, участки земли только русскимъ подданнымъ и китайцамъ, и призналъ необходимымъ, чтобы въ каждый арендный договоръ включалось условіе, что арендаторъ не долженъ уступать своихъ правъ на участки и сдавать строенія на нихъ полностью въ наемъ подданнымъ другихъ національностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною дано указаніе ликвидировать права по владѣнію земельными участками тѣхъ иностранцевъ, которымъ такіе участки временно отведены были желѣзнодорожной администраціей, и путемъ административныхъ мѣропріятій по возможности не допускать иностранной торговли въ Харбинѣ.

«Такъ какъ въ настоящее время въ Харбинѣ нѣтъ правильно организованнаго городского хозяйства, то на устройство улицъ и другія работы, которыя окажутся необходимыми для благоустройства этого города, предположено обращать, каждый разъ съ разрѣшенія министра финансовъ, часть денегъ, вырученныхъ отъ отдачи земель въ аренду, при чемъ проекты и смѣты указанныхъ работъ должны быть представляемы предварительно на утвержденіе правленія общества Китайской Восточной желѣзной дороги.

«Благодаря своему исключительно выгодному положенію, Харбинъ быстро разовьется въ крупный торгово-промышленный центръ, явится большимъ русскимъ городомъ въ самомъ сердцѣ Манчуріи и будетъ имѣть выдающееся значеніе въ дѣлѣ упроченія нашего экономическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическаго преобладанія въ этой странѣ.

«Конечнымъ пунктомъ Китайской Восточной желѣзной дороги или, вѣрнѣе, южной ея вѣтви является Дальній. Высочайшею волею этому городу предначертано занять мѣсто первостепеннаго русскаго торговаго пункта на Дальнемъ Востокѣ. Плодотворная мысль создать здѣсь—на оконечности величайшей въ свѣтѣ желѣзнодорожной линіи и при томъ на берегу незамерзающаго Желтаго моря—первоклассный коммерческій портъ возникла еще при заключеніи въ 1898 году съ китайскимъ правительствомъ договора относительно уступки намъ въ арендное пользованіе Квантунской области и нашла себѣ выраженіе въ самомъ текстѣ договора, гдѣ точно указано, что между тѣмъ, какъ Портъ-Артуръ будетъ открытъ лишь для военныхъ судовъ Россіи и Китая, въ заливѣ Да-лянъ-вань, за исключеніемъ одной изъ внутреннихъ его бухтъ, наравнѣ съ Портъ-Артуромъ назначенной исключительно для нуждъ русскаго и китайскаго военныхъ флотовъ, все остальное пространство будетъ считаться открытымъ для иностранной торговли, и свободный доступъ въ него будетъ предоставленъ коммерческимъ судамъ всѣхъ націй. Въ то же время русское правительство объявило черезъ «Правительственный Вѣстникъ» во всеобщее свѣ-

дѣніе о своемъ намѣреніи сдѣлать изъ Да-лянь-ваня обширный портъ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій иностранныхъ державъ на Дальнемъ Востокѣ. Съ особенною же силою, ясностью и опредѣленностью та же мысль была высказана въ именномъ высочайшемъ указѣ 30-го іюня 1899 года, въ которомъ признано за благо возвѣститъ міру о сооруженіи города Дальняго и о представленіи этому новому городу правъ порто-франко, возложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ на министра финансовъ ближайшее попеченіе о постройкѣ города и коммерческаго его порта.

«При посѣщеніи этого города я обращалъ главное вниманіе на то, чтобы выяснить положеніе и нужды его съ точки зрѣнія возможно лучшаго выполненія этихъ указаній.

«Мѣсто для города Дальняго и его порта выбрано весьма удачно на берегу обширнаго, но достаточно закрытаго отъ вѣтровъ и волненія Да-лянь-ванскаго залива. Окружающія заливъ горы служатъ прекрасной защитой отъ вѣтровъ и дѣлаютъ мѣстоположеніе города весьма живописнымъ. Отведенная подъ городскую территорию площадь, хотя и имѣетъ нѣсколько неровную волнистую поверхность, но не представляетъ особыхъ затрудненій для проложенія улицъ, проектированныхъ съ довольно пологими уклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ по размѣрамъ своимъ вполне достаточно для вѣроятнаго въ будущемъ дальнѣйшаго расширенія городского поселенія. Территорія будущаго города подраздѣлена на три части: административную и двѣ торговыхъ—европейскую и китайскую. Административный городокъ въ настоящее время совершенно уже отстроенъ. Въ немъ находятся: дома управленія по сооруженію порта и города, помѣщеніе морского пароходства Китайской Восточной желѣзной дороги, помѣщеніе градоначальства, жилые дома для служащихъ въ порту, на желѣзной дорогѣ и въ морскомъ пароходствѣ, а также для русскихъ и китайскихъ рабочихъ; здѣсь имѣются также церковь-школа, больница, гостиница, общественное собраніе и временное помѣщеніе Русско-Китайскаго банка. Улицы шоссированы, вокругъ домовъ разведены садики, устроены сплавная канализація, электрическое освѣщеніе и временный водопроводъ. Дома всѣ каменные, преимущественно двухъэтажные, построенные въ разнообразныхъ стиляхъ. Въ общемъ эта часть имѣетъ уже видъ вполне благоустроеннаго города.

«Въ торговыхъ частяхъ города, какъ въ европейской, такъ и китайской, распоряженіемъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги предположено только построить общественныя зданія и проложить улицы. Къ прибытію моему въ Дальній эта послѣднія уже были всѣ распланированы, а также сдѣлана съемка и насыпка земли подъ размежеванные кварталы. Въ европейской части во время моего пребыванія избрано, по моему указанію, мѣсто для православнаго храма, къ возведенію котораго присту-

плено. Начата также постройка коммерческаго училища того же типа; какъ въ Харбинѣ, и сооружается гостиница. Европейская часть города ограничивается съ запада большимъ паркомъ, который отчасти образованъ изъ рощи, окружавшей бывшую на этомъ мѣстѣ китайскую деревню, отчасти засаживается теперь; въ этомъ паркѣ устроены питомникъ и небольшая оранжерея. За паркомъ отведена площадь подъ китайскіе кварталы. Здѣсь русскимъ поданнымъ изъ китайцевъ Тифонтаемъ строится уже большой каменный китайскій театр. Для привлеченія въ Дальній крайне необходимаго здѣсь китайскаго рабочаго и ремесленнаго люда важно предоставить ему возможность пользоваться привычными ему удовольствіями, а въ числѣ послѣднихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимають у китайцевъ театральныя представленія.

«Но едва ли не важнѣйшими изъ возводимыхъ въ Дальнемъ сооруженій, съ точки зрѣнія его будущаго торговаго развитія, являются его портовыя устройства, въ виду чего на надлежащее оборудованіе послѣднихъ мною съ самаго начала обращено особое вниманіе. Въ крупныхъ чертахъ работы по этой части находятся нынѣ въ слѣдующемъ положеніи.

«Портъ Дальній по окончаніи всѣхъ работъ представитъ собою ограниченную искусственными загражденіями (молами и волноломомъ) часть бухты Викторія, общою водною площадью въ 430.000 кв. саж., что соотвѣтствуетъ приблизительно размѣрамъ гавани въ Одессѣ. Въ большей части своей этотъ водный бассейнъ имѣетъ быть углубленъ посредствомъ землечерпанія до 28 футовъ въ низкій отливъ, что вполне достаточно для самыхъ большихъ океанскихъ пароходовъ, въ меньшей части — до 18 футовъ, соотвѣтствующей осадкѣ каботажныхъ судовъ. Ко времени моего пріѣзда уже было вычерпано до 250.000 куб. саж. земли и такимъ образомъ закончено около половины означенной дноуглубительной работы. Выдвинутые въ море молы отдѣляются каменными набережными, общее протяженіе которыхъ составляетъ до 1.200 сажень, такъ что у нихъ можно будетъ одновременно ошвартоваться до восьми океанскимъ и до двѣнадцати каботажнымъ судамъ. На двухъ большихъ изъ этихъ моловъ къ пріѣзду моему оказалась сдѣланной половина работъ, преимущественно подводныхъ, а также сложена набережная, къ которой могли свободно причаливать суда. Совершенно законченною я засталъ часть гавани, такъ называемую рабочую гавань, въ которую коммерческіе пароходы заходятъ еще съ минувшаго года. Вполнѣ готовъ также сухой докъ, предназначенный главнымъ образомъ для ремонта судовъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги, но могущій служить также и для другихъ судовъ осадкою не болѣе восемнадцати футовъ. Для большихъ океанскихъ судовъ предполагено соорудить второй докъ большихъ размѣровъ, причемъ уже и приступлено къ работѣ;

«истор. вѣстн.», июнь 1914 г., т. сxxxvi.

20

постройка этого дока имѣетъ для насъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что освободитъ наши крупные океанскіе пароходы отъ необходимости ходить чиниться въ японскіе порты.

«Судя по нынѣшнему положенію работъ, можно ожидать окончательнаго оборудованія Дальнянскаго порта приблизительно черезъ годъ. Закончить къ этому времени также и всѣ необходимыя городскія устройства не представляется возможнымъ, но въ этомъ нѣтъ и особенной надобности. Оборудованіе этихъ устройствъ можно будетъ безъ всякаго ущерба для развитія Дальняго, какъ зарождающагося пункта всемірной торговли, вести исподволь, параллельно съ постепеннымъ заселеніемъ городской территоріи.

«Такимъ образомъ, приблизительно черезъ годъ въ Дальнемъ будутъ имѣться налицо необходимыя условія, при которыхъ можетъ начаться здѣсь правильная портовая и городская жизнь. Но, само собою разумѣется, наличности однихъ этихъ условій было бы далеко недостаточно, чтобы вызвать къ жизни тотъ перво-классный морской торговый пунктъ, который имѣетъ здѣсь возникнуть. Для достиженія этой цѣли остается осуществить еще рядъ болѣе или менѣе сложныхъ задачъ, на важнѣйшихъ изъ коихъ я позволю себѣ остановиться.

«Будущее Дальняго, какъ торговаго города, во многомъ будетъ зависѣть отъ количества грузовъ, которые удастся направить къ нему по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ изъ Манчжуріи. Изъ числа этихъ грузовъ вниманія заслуживаетъ каменный уголь. Существованіе въ морскомъ портѣ запасовъ этого послѣдняго можетъ считаться однимъ изъ залоговъ развитія въ немъ пароходнаго движенія. Въ виду этого весьма важно обратить вниманіе на организацію ввоза въ Дальній угля изъ залежей, имѣющихся во многихъ мѣстахъ Южной Манчжуріи. Правда, въ настоящее время нельзя сказать съ увѣренностью, насколько это предположеніе окажется выполнимымъ на дѣлѣ, ибо еще далеко не для всѣхъ мѣсторожденій Южной Манчжуріи выяснены качества и богатства залегающаго въ нихъ угля. Болѣе или менѣе опредѣленные результаты достигнуты въ этомъ отношеніи лишь для расположенныхъ близъ Мукдена Янтайскихъ копей, осмотрѣнныхъ мною при объѣздѣ желѣзнодорожной линіи. Разработка ихъ начата обществомъ Китайской Восточной желѣзной дороги для собственныхъ нуждъ. Но такъ какъ потребности желѣзной дороги въ минеральномъ топливѣ, вѣроятно, будутъ въ значительной степени удовлетворяться добычею угля въ Янтайскомъ и расположенномъ на сѣверѣ близъ границы Забайкалья Далай-Норскомъ мѣсторожденіяхъ, то есть основаніе рассчитывать, что изъ ряда другихъ залегающихъ вдоль южно-манчжурской линіи мѣсторожденій добытый уголь можно будетъ направлять для продажи въ Даль-

ній. Придавая подлежащей постановкѣ этого дѣла большую важность, я поручилъ учрежденному недавно, съ высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, манчжурскому горнопромышленному товариществу принять самыя энергичныя мѣры къ сосредоточенію въ свѣтлѣхъ рукахъ концессій на всѣ сколько-нибудь цѣнныя мѣсторожденія угля въ районѣ Китайской Восточной желѣзной дороги, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя будутъ эксплуатироваться распоряженіемъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги для нуждъ самой дороги. По полученіи отъ китайскаго правительства необходимыхъ концессій названное товарищество должно будетъ приступить къ ихъ эксплуатациі, имѣя въ виду главнымъ образомъ направленіе угля въ Дальній въ цѣляхъ образованія изъ послѣдняго угольной станціи, которая не только посѣщалась бы судами русскаго флота, принужденными нынѣ запасаться углемъ даже въ Японіи, но привлекала бы къ себѣ и иностранныя пароходы, плавающіе въ водахъ крайняго Востока.

«Независимо отъ изложеннаго, для достиженія намѣченной цѣли—обращенія Дальняго въ оживленный центръ международной торговли—по моему мнѣнію, существенно необходимо, чтобы въ немъ были установлены такія нормы гражданской, торговой и вообще культурной жизни, которыя, насколько возможно, были бы сходны съ порядками, привычными для населенія въ наиболѣе благоустроенныхъ центрахъ Дальняго Востока, отнюдь не стѣсняли бы торговой и промышленной дѣятельности и возможно менѣе ограничивали бы свободу пребыванія и поселенія въ Дальнемъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ подданныхъ. Главное въ этомъ отношеніи для Дальняго уже сдѣлано введеніемъ здѣсь, по высочайше утвержденному Его Величествомъ положенію объ управленіи Квантунской области, особаго устройства городского общественнаго управленія примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и дарованіемъ Дальнему правъ порто-франко. Важно вести дѣло дальше въ томъ же направленіи, строго проводя это направленіе во всѣхъ частныхъ случаяхъ.

«Въ соотвѣтствіи съ этимъ, по ознакомленіи съ положеніемъ дѣла въ Дальнемъ, я счелъ своимъ долгомъ дать нѣсколько указаній, касающихся администраціи города и привлеченія въ него коммерческаго населенія.

«Въ отношеніи администраціи Дальняго мною сдѣлано распоряженіе о возможно скорѣйшей окончательной организаціи его общественнаго управленія. По временному положенію объ управленіи Квантунской области для завѣдыванія хозяйствомъ и благоустройствомъ Дальняго при мѣстномъ градоначальникѣ имѣетъ состоять городской совѣтъ, образуемый, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, изъ шести выборныхъ членовъ и одного члена по назначенію общества Китайской Восточной желѣзной дороги. Этого

совѣта до настоящаго времени въ Дальнемъ не существуетъ и, съ высочайшаго соизволенія отъ 17-го мая текущаго года, права и обязанности его, впредь до учрежденія совѣта, временно возложены на главнаго инженера по сооруженію города и порта. Но такъ какъ общество Китайской Восточной желѣзной дороги нынѣ уже приступило къ продажѣ земельныхъ участковъ въ Дальнемъ въ частныя руки, и потому, въ близкомъ будущемъ здѣсь начнетъ развиваться городская жизнь, то представляется необходимымъ озаботиться скорѣйшей замѣной этой временной мѣры нормальнымъ, предусмотрѣннымъ закономъ порядкомъ. Полагая въ виду этого войти, согласно положенію объ управленіи Квантунской области, въ соглашеніе съ главнымъ начальникомъ этой послѣдней относительно утвержденія надлежащихъ правилъ для выборовъ въ дальнинскій городской совѣтъ и предметовъ вѣдомства этого послѣдняго, я сдѣлалъ распоряженіе по ввѣренному мнѣ вѣдомству о немедленномъ приступѣ къ выработкѣ этихъ правилъ.

«Засимъ, въ видахъ привлеченія въ Дальній русскихъ коммерческихъ силъ я озаботился возможнымъ облегченіемъ для солидныхъ отечественныхъ фирмъ пріобрѣтенія въ Дальнемъ недвижимой собственности. Въ положеніи объ управленіи Квантунской области упоминается только о продажѣ земли въ Дальнемъ въ частныя руки съ публичнаго торга. Хотя изъ этого и не слѣдуетъ, чтобы названнымъ положеніемъ совершенно была исключена возможность продажи участковъ и безъ торговъ, но такъ какъ въ положеніи продажа съ торговъ указана, какъ основной способъ отчужденія земли въ частныя руки, то и предположено, что общество Китайской Восточной желѣзной дороги вообще будетъ примѣнять при отчужденіи этотъ способъ, къ продажѣ же безъ торговъ будетъ прибѣгать лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ. Полагая, что обезпеченіе Дальняго серьезнымъ русскимъ коммерческимъ элементомъ вполне оправдываетъ примѣненіе этого послѣдняго исключительнаго порядка, я изъявилъ согласіе на продажу солиднымъ русскимъ предпринимателямъ безъ торговъ участковъ въ Дальнемъ для организаціи торговыхъ и промышленныхъ заведеній, причемъ, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предварительно заключенія сдѣлки между предпринимателемъ и обществомъ Китайской Восточной желѣзной дороги, должно послѣдовать особое разрѣшеніе министра финансовъ. Цѣны на такіе участки будутъ опредѣляться соотвѣтственно цѣнамъ, которыя будутъ установлены на предшествовавшихъ торгахъ.

«Но, конечно, принимая мѣры къ привлеченію русскаго купечества, нельзя забывать, что Дальнему предстоитъ быть пунктомъ не внутренней русской, а международной торговли, и что именно въ широкомъ участіи его въ этой послѣдней и заключается главный залогъ его будущности. Существенно важно поэтому, на ряду съ

поощреніемъ русскаго купечества, устранять, насколько это возможно, все то, что могло бы тормозить установленіе возможно тѣсныхъ торговыхъ сношеній Дальняго съ коммерческими странами крайняго Востока. Этимъ соображеніемъ было вызвано распоряженіе, сдѣланное мною въ Дальнемъ относительно допущенія японцевъ, какъ представителей самой дѣятельной коммерческой націи крайняго Востока, къ долгосрочной арендѣ земельныхъ участковъ. Дѣло въ томъ, что, согласно положенію объ управленіи Квантунской области, въ этой послѣдней относительно пріобрѣтенія земли иностранцами соблюдается принципъ взаимности, согласно дѣйствующимъ трактатамъ, и такъ какъ дѣйствующій договоръ нашъ съ Японіею не предоставляетъ русскимъ права пріобрѣтать въ этой странѣ землю въ собственность, а разрѣшаетъ имъ только аренду, то и японцы на основаніи упомянутаго положенія могутъ лишь арендовать землю въ предѣлахъ Квантуна и въ частности въ Дальнемъ. Принимая же во вниманіе, что, въ силу изданнаго въ минувшемъ году японскимъ правительствомъ закона, русскіе пользуются въ Японіи правомъ безсрочной аренды, я распорядился, чтобы, по окончаніи предстоявшихъ въ началѣ текущаго мѣсяца торговъ на объявленные къ продажѣ 49 участковъ земли, благонадежнымъ японцамъ были предоставлены въ сосѣднемъ съ означенными участками кварталѣ шесть другихъ участковъ въ арендное пользованіе на девяносто девять лѣтъ, изъ 5%, считая стоимость квадратной сажени сообразно цѣнамъ, опредѣлившимся на упомянутыхъ торгахъ.

«Къ числу мѣръ, безъ осуществленія которыхъ трудно ожидать широкаго развитія торговыхъ оборотовъ Дальняго, относится также обезпеченіе за послѣднимъ преобладающаго положенія въ торговлѣ южной Манчжуріи. Въ послѣднее время въ мѣстномъ обществѣ, въ особенности въ Портѣ-Артурѣ, стали раздаваться голоса, высказывающіеся за полное уравненіе правъ Портѣ-Артура и Дальняго въ торговомъ отношеніи. Но, по моему мнѣнію, не только осуществленіе этого крайняго предположенія, сводящагося къ созданію Дальнему конкурента всего въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ него, но и вообще всякая попытка съ нашей стороны къ расширенію коммерческой дѣятельности Портѣ-Артура за предѣлы удовлетворенія ея потребности населенія самаго города должна быть признана большою ошибкою. Въ самомъ дѣлѣ, отнюдь не вызываясь необходимостью съ точки зрѣнія интересовъ Портѣ-Артура, какъ военно-морской твердыни и административнаго центра края, участіе его въ однихъ съ Дальнимъ отрасляхъ торговли будетъ, очевидно, имѣть послѣдствіемъ своимъ отвлеченіе отъ Дальняго грузовъ, чѣмъ будетъ тормозиться коммерческое развитіе этого послѣдняго. Мало того, и независимо отъ соображенія о послѣдствіяхъ подобной мѣры для Дальняго, едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ созданіе коммерческаго порта бокъ-о-бокъ съ

крѣпостью, въ одной гавани съ портомъ военнымъ. Опытъ достаточно уже показалъ, что подобное совмѣщеніе невозможно. Для примѣра достаточно вспомнить, что изъ Севастополя съ громадными затратами казны, съ разореніемъ города и мѣстнаго купечества пришлось вывести торговый портъ въ Феодосію, что морское вѣдомство постоянно указываетъ на неудобства совмѣщенія, испытываемыя имъ отъ существованія въ Кронштадтѣ торговой гавани, что рядомъ съ портомъ въ Либавѣ строится коммерческій портъ въ Виндавѣ. Поэтому вполне естественно ожидать, что и въ Портъ-Артурѣ созданная нынѣ при крупныхъ жертвахъ казны коммерческая жизнь въ будущемъ, при другихъ политическихъ обстоятельствахъ, могла бы оказаться неудобной, и тогда пришлось бы перенести ее въ какое-либо другое мѣсто, а это было бы сопряжено не только съ новыми расходами для казны, но и съ убытками для обосновавшихся въ Портъ-Артурѣ торговыхъ предпріятій.

«Говоря о Дальнемъ, необходимо, хотя въ краткихъ чертахъ, коснуться отношеній его къ Владивостоку. Послѣдній такъ же, какъ и первый, является оконечностью Сибирской желѣзной дороги и потому наравнѣ съ нимъ заинтересованъ въ привлеченіи къ себѣ какъ транзитныхъ грузовъ, слѣдующихъ по этой дорогѣ, такъ и товарообмѣна Манчжуріи съ другими странами. Сооруженіе Дальняго, несомнѣнно, нанесло громадный ущербъ Владивостоку, и со стороны купечества послѣдняго постоянно теперь слышатся жалобы, что Дальній убьетъ торговлю Владивостока, и что для сохраненія за этимъ наиболѣе крупнымъ торговымъ центромъ нашей Пріамурской окраины его значенія необходимо тарифами и другими мѣрами поставить торговлю Дальняго въ болѣе стѣснительныя условія.

«Приведенный взглядъ необходимо считать основаннымъ на недоразумѣніи. Послѣ того, какъ занятіе Квантуна стало совершившимся фактомъ и сооружена желѣзная дорога, соединяющая центръ Желтаго моря съ русскою желѣзнодорожною сѣтью, было бы прямо ущербомъ насущнымъ интересамъ Россіи отказываться отъ созданія коммерческаго порта на оконечности этой дороги, на берегу теплаго незамерзающаго моря, къ которому исторически неудержимо стремилась Россія. Владивостокъ не можетъ имѣть преимущества предъ Дальнимъ, открытымъ для навигаціи круглый годъ и лежащимъ ближе къ торговымъ центрамъ Китая. Дать старому Владивостоку перевѣсъ надъ вновь возникающимъ Дальнимъ нельзя и искусственной регуляціей провозныхъ платъ (тарифовъ). Нельзя этого сдѣлать потому, что около самаго Ляо-дунскаго полуострова, къ сѣверу отъ Дальняго, а слѣдовательно и ближе къ населенному району Манчжуріи, расположенъ портъ Инкоу, отъ котораго по рѣкѣ Ляо-хе или Мукденскому тракту товары поднимаются на китайскихъ джонкахъ или гужомъ внутрь Манчжуріи

до Телина или Мукдена. Поэтому, при установленіи тарифовъ для Дальняго, ставки провозной платы необходимо разсчитывать такъ, чтобы устранить конкуренцію Инкоу, вслѣдствіе чего нельзя, желая дать перевѣсъ Владивостоку передъ Дальнимъ, установить провозную плату отъ послѣдняго выше, чѣмъ отъ Владивостока, такъ какъ, возвысивъ плату для Дальняго, мы тѣмъ самымъ убьемъ и Владивостокъ и Дальній въ пользу Инкоу. Кромѣ того, нельзя забывать, что Дальній теперь такой же русскій городъ, какъ и Владивостокъ, и, съ точки зрѣнія основныхъ задачъ Россіи на крайнемъ Востокѣ, принесеніе Дальняго въ жертву интересамъ Владивостока представляется едва ли допустимымъ. Примиреніе интересовъ этихъ двухъ городовъ нужно искать не въ подавленіи одного въ пользу другого, а въ разграниченіи сферъ ихъ торговаго вліянія, въ устраненіи между ними ненужной конкуренціи. Владивостоку долженъ быть предоставленъ естественно тяготящій къ нему районъ Пріамурскаго края и сѣверо-восточной Манчжуріи, Дальнему—Манчжурія южная. Въ этихъ видахъ, въ бытность мою на Дальнемъ Востокѣ, мною даны были указанія относительно установленія транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Владивостокъ въ Манчжурію и для обезпеченія торговли этого порта приняты нѣкоторыя мѣры.

«Наконецъ, необходимо коснуться размѣра затратъ, понесенныхъ на постройку Дальняго. Тѣ, кто признаетъ сооруженіе его лишнимъ, не вызваннымъ необходимостью, указываютъ обыкновенно на громадную его стоимость и на непроизводительность расхода.

«Въ общемъ затраты на Дальній исчисляются въ настоящее время въ 18.850.000 рублей, но, вѣроятно, значительно превысятъ эту сумму. Тѣмъ не менѣе, можно съ увѣренностью разсчитывать, что при свободномъ развитіи въ Дальнемъ торговой жизни весь этотъ расходъ легко можно будетъ возмѣстить государству изъ выручки отъ продажи земли въ частныя руки. Это видно изъ слѣдующаго приблизительнаго расчѣта. На происходившихъ въ первыхъ числахъ сего ноября въ Дальнемъ торгахъ было продано всего 16.843 кв. саж. земли за 425.027 рублей, что составляетъ, въ среднемъ, около 25 рублей за кв. саж. Цѣна эта въ будущемъ, несомнѣнно, должна повыситься по мѣрѣ заселенія города и развитія его торговыхъ оборотовъ. Тѣмъ не менѣе, если принять даже эту расцѣнку для всѣхъ участковъ, намѣченныхъ къ отчужденію въ частныя руки только въ первую очередь, площадью приблизительно въ 600.000 кв. саж., то выручка общества Китайской Восточной желѣзной дороги отъ продажи одной этой земли должна опредѣлиться въ 15 милліоновъ рублей. Между тѣмъ площадь участковъ, намѣченныхъ къ продажѣ въ первую очередь, составляетъ лишь приблизительно $\frac{1}{4}$ долю всей территоріи, предназначенной въ Дальнемъ для отчужденія въ частныя руки. Для бѣльшаго же

обезпеченія интересовъ казны въ этомъ отношеніи и устраненія возможной конкуренціи въ будущемъ со стороны земель, расположенныхъ на другой сторонѣ бухты Викторія, мною, въ бытность мою въ Дальнемъ, сдѣлано распоряженіе объ отчужденіи и этихъ земель подъ городъ Дальній.

XXXV.

«Въ заключеніе настоящаго моего доклада считаю долгомъ остановиться на тѣхъ рельефно выразившихся уже измѣненіяхъ, которыя внесло въ экономическую жизнь нашей далекой восточной окраины проведеніе Великаго Сибирскаго пути и, какъ послѣдняго звена его, Китайской Восточной желѣзной дороги. До этого времени и Забайкалье, и Пріамурскій край жили своей совершенно обособленной отъ торгово-промышленныхъ интересовъ Россіи жизнью, жили внѣ общей установленной для имперіи таможенной черты. Малонаселенность ихъ и отсутствіе какихъ-либо зачатковъ обрабатывающей промышленности дѣлали совершенно непроезжей и безцѣльной какъ въ фискальномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи таможенную охрану границы огромнаго протяженія. Сами же безконечныя, трудно проходимыя пространства Забайкалья служили лучшей оградой отъ проникновенія съ Востока въ Сибирь и далѣе въ Европейскую Россію заграничныхъ товаровъ. Единственный путь, по которому могло еще направляться торговое движеніе съ Дальняго Востока, шель черезъ Байкаль и, въ обходъ его, съ юга. Еще же южнѣе и къ сѣверу отъ этого озера съ его малодоступными берегами тянутся непроходимыя горы и дебри.

«Поэтому до проведенія Сибирской дороги картина торговаго положенія края была слѣдующая.

«Порты нашего Тихоокеанскаго побережья, въ томъ числѣ и главнѣйшіе изъ нихъ—Владивостокъ и Николаевскъ—объявлены были порто-франко. Черезъ нихъ русскія поселенія, ютившіяся главнымъ образомъ по морскому побережью, Амуру и нѣкоторымъ изъ его притоковъ, снабжались товарами иностраннаго происхожденія. Разсѣянное внутри края малочисленное и полудикое туземное населеніе ни въ какихъ товарахъ иностраннаго привоза не нуждалось, а по сухопутной границѣ съ Китаемъ предметомъ ввоза были исключительно китайскія произведенія, главнымъ образомъ чай и шелкъ. По правиламъ сухопутной торговли съ Китаемъ 1862 году, подтвержденнымъ петербургскимъ договоромъ 1881 года, эту торговлю разрѣшено было производить беспошлинно на пятьдесятъ верстъ въ обѣ стороны отъ границы, а такъ какъ такая пятидесятиверстная полоса ничѣмъ не ограждалась и не охранялась, то никѣмъ и не соблюдалась, и, слѣдовательно, фактически весь Пріамурскій край и все Забай-

калье были царствомъ свободной торговли. Таможенной границей являлся Байкаль, и таможенный надзоръ за немногими бухтами его совершенно удовлетворялъ своему назначенію, а иркутская и кяхтинская таможи служили тѣми воротами, черезъ которые проходили товары изъ Китая въ Россію. Европейскія и японскія издѣлія, привозимыя въ порты Тихаго океана, черезъ эти ворота не шли, ибо при путяхъ сообщенія того времени перевозка ихъ стоила слишкомъ дорого; изъ произведеній же самаго Китая, съ его слабо развитой обрабатывающей промышленностью, интересъ, и то лишь въ фискальномъ отношеніи, представлялъ для насъ одинъ только чай. Поэтому статью 1370 устава таможенного былъ установленъ беспошлинный ввозъ по сухопутной границѣ всѣхъ китайскихъ произведеній, за исключеніемъ чая, серебра и запрещенныхъ къ привозу хлѣбныхъ вина и водки.

«Проведеніе Сибирской желѣзной дороги сразу измѣнило такое положеніе вещей. Каждая верста желѣзнодорожнаго пути сближала нашъ Дальній Востокъ съ Сибирью и Европейской Россією, дѣлала все болѣе и болѣе возможнымъ доступъ иностранныхъ товаровъ черезъ восточную границу на нашъ внутренній рынокъ. Когда желѣзнодорожная линія дошла до Иркутска, перешла за Байкаль и дошла до Срѣтенска, то установившійся по ней и Амуру сплошной паровой путь до побережья Тихаго океана совершенно открылъ нашу восточную границу для всѣхъ иностранныхъ товаровъ и грозилъ подорвать всю нашу охранительную таможенную систему. Требовалось принять немедленно рѣшительныя мѣры, и тогда, съ высочайшаго соизволенія, закономъ 10-го іюня 1900 года было закрыто порто-франко во Владивостокѣ и Николаевскѣ, а также воспрещенъ былъ беспошлинный ввозъ товаровъ въ Примурскій край и по сухопутной границѣ, за исключеніемъ товаровъ китайскихъ. Къ большинству товаровъ, привозимыхъ черезъ вышеупомянутые порты, за немногими исключеніями, стали примѣняться общій таможенный тарифъ. Это распоряженіе въ то время совершенно достигало своей цѣли. Указанные два порта представляли собою въ сущности единственные пункты, черезъ которые иностранные товары могли проникать на Амуръ и далѣе на желѣзную дорогу, ибо съ юга весь нашъ вновь созданный паровой путь былъ огражденъ трудно проходимыми бездорожными пространствами сѣверной Манчжуріи и Монголіи и запрещеніемъ плаванія по Сунгари. Доведенная вслѣдъ засимъ до Владивостока магистральная линія Китайской Восточной желѣзной дороги также не открыла Примурскаго края съ юга для иностранныхъ товаровъ, будучи, какъ и Амуръ, отдѣлена отъ портовъ и населенныхъ мѣстностей Китая пустынными, трудно проходимыми пространствами.

«Уничтоженіе порто-франко въ двухъ главныхъ, чтобы не сказать единственныхъ, портахъ нашего Тихоокеанскаго побережья и проложеніе магистрали Китайской Восточной желѣзной дороги существенно измѣнили условія экономической жизни Пріамурскаго края, но не нанесли ни краю этому, ни даже самимъ выше-названнымъ портамъ сколько-нибудь серьезнаго ущерба. Паровымъ путемъ наша восточная окраина приблизилась къ Россіи, и для нея явилась возможность и быстрого заселенія, и удобнаго сбыта своихъ произведеній, а запрещеніе ввоза иностранныхъ товаровъ открывало виды на вѣроятное развитіе въ краѣ обрабатывающей промышленности. Что же касается въ частности Владивостока, то онъ долженъ былъ стать исходнымъ пунктомъ Великаго Сибирскаго пути, черезъ него должно было развиваться значительное транзитное движеніе (главнымъ образомъ чайныхъ грузовъ) и черезъ посредство его должны были снабжаться ввозимыми изъ-за границы товарами вся Восточная Сибирь и значительная часть Манчжуріи.

«Въ расчетѣ на будущее свое торговое значеніе Владивостокъ сталъ быстро развиваться и обстраиваться. Первое время по сооруженіи Китайской Восточной желѣзной дороги было періодомъ наибольшаго оживленія Владивостока, наибольшаго развитія его торговыхъ оборотовъ: цѣна на землю поднялась до небывалыхъ размѣровъ, городъ жилъ надеждами на блестящее будущее. Въ нѣсколько лѣтъ онъ преобразился и украсился.

«Но начавшемуся развитію города и края дало крутой поворотъ сооруженіе южной вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги, явившееся послѣдствіемъ занятія нами Ляо-дунскаго полуострова. Вѣтвь эта, въ связи съ рѣкою Сунгари, по которой разрѣшено было плаваніе русскихъ судовъ, соединила и магистраль Китайской Восточной желѣзной дороги и самый Амуръ съ населенными частями Китая и, въ частности, съ портомъ Инкоу. Вслѣдствіе этого не только для китайскихъ, но фактически и для другихъ заграничныхъ товаровъ, привозимыхъ черезъ этотъ послѣдній портъ, открылся совершенно свободный, удобный и дешевый путь черезъ нашу сухопутную границу съ Китаемъ, черезъ ея никѣмъ не охраняемую пятидесятиверстную полосу безошлинной торговли. Эти не имѣвшіяся въ виду при занятіи вами Порть-Артура послѣдствія проведенія южной вѣтви прежде всего невыгодно отразились на морской торговлѣ Владивостока. Торговля эта оказалась въ критическомъ положеніи. Привозимые моремъ иностранные товары оплачиваются пошлиною, а сухимъ путемъ тѣ же товары могутъ пройти безъ всякаго таможеннаго обложенія. Не говоря уже о японскихъ и европейскихъ товарахъ, привозъ моремъ даже товаровъ китайскихъ долженъ былъ сильно сократиться, ибо по сухопутной границѣ всѣ китайскіе товары, кромѣ чая, серебра и запрещенныхъ вовсе къ привозу хлѣбнаго вина и водки, беспрепятственно пропу-

скались въ Приамурскій край и далѣе въ Россію, между тѣмъ какъ владивостокская и николаевская таможи требовали съ нихъ пошлину. Это послѣднее обстоятельство являлось настолько несправедливымъ и грозило столь быстро поколебать торговлю Владивостока и Николаевска съ Китаемъ, что въ бытность мою во Владивостокъ я счелъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы, впредь до высочайшаго разрѣшенія общаго вопроса о дальнѣйшемъ направленіи нашей таможенной политики на Дальнемъ Востокѣ, пошлина съ китайскихъ товаровъ, ввозимыхъ моремъ черезъ названные порты, взималась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и съ товаровъ того же происхожденія, привозимыхъ по сухопутной границѣ.

«Но развитіе движенія по южной вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги грозитъ серьезными послѣдствіями не одному Владивостоку, а всей нашей таможенной и торговой политикѣ на Дальнемъ Востокѣ. Съ развитіемъ западно-европейскаго вліянія въ Китаѣ можно ожидать возникновенія въ этой странѣ значительнаго числа иностранныхъ промышленныхъ предпріятій. Произведенія ихъ не только наводнятъ собою Приамурскій край черезъ совершенно открытую пятидесятиверстную полосу беспошлинной торговли, но могутъ проникнуть и далѣе за Байкаль. Подъ видомъ товаровъ китайскаго происхожденія, въ Россію стануть ввозиться беспошлинно произведенія англійскихъ и японскихъ фабрикъ, хотя и выработанныя въ Китаѣ, но ничего общаго съ настоящими китайскими товарами не имѣющія, или даже товары, изготовленные въ Европѣ и Японіи, но съ клеймомъ китайскихъ фабрикъ.

«Очевидно, что и для поддержанія торговли Владивостока и для огражденія нашей восточной окраины отъ порабоженія ея иностраннымъ рынкомъ должны быть приняты серьезныя мѣры.

«Владивостоку, по моему мнѣнію, прежде всего необходимо облегчить переходъ отъ стараго положенія, когда онъ былъ порто-франко и когда товары ввозились и вывозились беспошлинно и пропускались свободно въ Манчжурію, къ настоящему положенію его, какъ порта съ таможенной охраной, при которой, по общему правилу, пришедшій товаръ долженъ быть немедленно очищенъ пошлиною и не можетъ быть вывезенъ обратно съ возвратомъ послѣдней. Для указанной цѣли надлежало бы учредить во Владивостокѣ такъ называемую вольную гавань, т. е. отдѣлить особую часть портовой территоріи, за предѣлы которой во внутрь края товаръ не пропускаться бы безъ оплаты пошлиной, но въ предѣлахъ коей онъ былъ бы свободенъ отъ всякихъ таможенныхъ формальностей, считался бы не перешедшимъ еще границы и свободно могъ бы вывозиться обратно за границу. Учрежденіе такой гавани можетъ имѣть серьезное значеніе. Владивостокъ является прежде всего привознымъ портомъ для товаровъ, направляемыхъ въ При-

амурскій край и сѣверо-восточную Манчжурію. Торговля же этого района представляется далеко не установившейся; купецъ лишень возможности выписывать товаръ съ твердымъ расчетомъ на его продажу; кромѣ того, выписанныя партіи обыкновенно находятъ себѣ сбытъ медленно и постепенно. При этихъ условіяхъ выписывать партію товара и немедленно оплачивать ее пошлиной является дѣломъ невыгоднымъ и часто рискованнымъ, при существованіи же вольной гавани товаръ будетъ выпускаться изъ нея и оплачиваться пошлиною по мѣрѣ надобности, а не проданный будетъ свободно вывозиться обратно.

«Далѣе, не только въ интересахъ Владивостока, но и для огражденія всей вообще торговли нашей на Дальнемъ Востокѣ, желательна отмѣна соглашенія съ Китаемъ о беспошлинномъ ввозѣ по сухопутной границѣ китайскихъ товаровъ, ибо, какъ выше указано, при существующемъ положеніи легко можетъ начаться водвореніе, подъ видомъ китайскихъ, товаровъ японскаго и даже европейскаго происхожденія.

«Нельзя, однако, упускать изъ виду, что въ отвѣтъ на обложеніе нами пошлиною китайскихъ товаровъ Китай, съ своей стороны, установитъ обложеніе товаровъ русскихъ, а это, несомнѣнно, вредно отразится на нашемъ торговомъ балансѣ.

«Затѣмъ возникаетъ не менѣе серьезный вопросъ, что дѣлать съ установленной договорами пятидесятиверстной полосой беспошлинной торговли. Оставить дѣло въ томъ положеніи, какъ оно находится нынѣ, очевидно, нельзя. При взглядѣ на карту Пріамурскаго края ясно, что все населеніе его сосредоточено именно въ указанной пятидесятиверстной полосѣ. Кромѣ того, никакого надзора за тѣмъ, чтобы товаръ не переходилъ этой полосы, не существуетъ, а при такихъ условіяхъ дальнѣйшее сохраненіе означенной льготы равносильно было бы полному установленію беспошлинной торговли для всего Пріамурскаго края и дѣлало бы совершенно излишнимъ существованіе таможенъ во Владивостокѣ и Николаевскѣ. Между тѣмъ, вся будущность Пріамурскаго края зависитъ отъ развитія въ немъ своей промышленности и своего земледѣлія, а для этого необходимо оградить его таможенной чертой и надлежащей пошлиной отъ конкуренціи иностранныхъ товаровъ, въ будущемъ же, съ развитіемъ въ этотъ край переселенческаго движенія и увеличеніемъ посѣвной площади, быть можетъ, и отъ конкуренціи дешеваго манчжурскаго хлѣба, которымъ уже въ настоящее время онъ начинаетъ пользоваться. Если вернуться къ старому положенію и оставить весь Пріамурскій край и все Забайкалье на правахъ порто-франко, то такая мѣра будетъ равносильна тому, что надолго, а, вѣрнѣе, даже навсегда, эта огромная окраина въ промышленномъ отношеніи останется оторванной отъ Россіи и никогда не разовьетъ ни своей собственной промышлен-

ности, которую будетъ убивать дешевый японскій и вообще иностранный товаръ, ни даже своей сельскохозяйственной культуры, которой трудно будетъ конкурировать съ дешевыми продуктами земледѣлія и скотоводства Манчжуріи. Но, съ другой стороны, вопросъ объ огражденіи Пріамурскаго края таможенной чертой отъ Китая—вопросъ болѣе чѣмъ сложный. Охрана чинами пограничной стражи границы огромнаго протяженія будетъ стоить весьма дорого и, конечно, даже въ малой части не покроется возможнымъ доходомъ отъ таможенъ края. Если, оставивъ мысль о полной охранѣ границы, удовлетвориться надзоромъ за наиболѣе важными путями и наиболѣе населенными пунктами, то надо предвидѣть, что въ обходъ этихъ путей и пунктовъ широкой волной черезъ Пріамурскій край двинется контрабанда, и для того, чтобы не допустить ее въ предѣлы Сибири, потребуется усилить таможенный надзоръ на Байкалѣ, съ таможеню въ Иркутскѣ. Но сохраненіе подобной второй таможенной границы поставитъ въ тяжелое положеніе Забайкалье и Пріамурскій край и затруднитъ развитіе ихъ торговыхъ сношеній съ Западной Сибирью, ибо мѣстные товары, прибывающіе изъ-за Байкала, будутъ досматриваться иркутской таможеней, которая для безошлиннаго пропуска ихъ будетъ требовать доказательства русскаго ихъ происхожденія.

«Вообще всѣ вопросы о постановкѣ таможенной части на Дальнемъ Востокѣ и о дальнѣйшемъ направленіи тамъ нашей торговой и таможенной политики представляются нынѣ настолько сложными и запутанными, затрогиваютъ и договорныя отношенія наши съ Китаемъ, и столь существенные интересы нашей внутренней торговли и промышленности, что, предварительно представленія ихъ на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ установленій и окончательное затѣмъ высочайшее разрѣшеніе, я полагаю бы подвергнуть ихъ всестороннему обсужденію въ особой комиссіи при министерствѣ финансовъ, подъ предѣдательствомъ товарища министра финансовъ тайнаго совѣтника Романова, изъ чиновъ министерства финансовъ и представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ.

«Но какъ бы ни были велики тѣ затрудненія, которыя возникаютъ на нашей далекой восточной окраинѣ отъ проведенія южной вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги, какъ бы тяжело ни отразилось на Владивостокѣ сооруженіе Дальняго,—нельзя забывать, что затрудненія эти временныя, и что Пріамурскій край и главнѣйшій центръ его, Владивостокъ, въ концѣ концовъ отъ положенія Китайской Восточной желѣзной дороги выиграютъ больше, чѣмъ проиграютъ. Въ чемъ выразятся благотѣльные послѣдствія проведенія дороги въ жизни края, пока говорить еще трудно, но несомнѣнно, что далекая, бывшая долго совершенно забытою окраина, приблизившаяся теперь къ центру Россіи на 12—15 дней разстоянія и прорѣзанная великимъ транзитнымъ путемъ, не мо-

жетъ заглохнуть, а должна начать быстро развиваться. Исторія измѣряется не годами, а вѣками, и съ этой точки зрѣнія проложениемъ Китайской Восточной желѣзной дороги и сооружеиіемъ Портъ-Артура и Дальняго совершенно великое дѣло—выполнена историческая задача, сдѣланъ одинъ изъ послѣднихъ шаговъ въ поступательномъ движеніи Россіи на Дальній Востокъ, въ ея стремленіи найти выходъ къ открытому морю, къ незамерзающимъ берегамъ Тихаго океана. Распространеніе нашего вліянія на Манчжурію начато было не путемъ завоеванія, а мирнымъ дѣломъ постройки дороги. Мирнымъ путемъ слѣдуетъ и закрѣпить его окончательно. Это закрѣпленіе есть, несомнѣнно, только вопросъ времени, и не должно, безъ неизбѣжной необходимости, силой оружія ускорять его разрѣшеніе. Надо предоставить все дѣло своему естественному мирному теченію и той великой колонизаторской способности русскаго народа, благодаря которой народъ этотъ прошелъ всю Сибирь отъ Урала до Тихаго океана, подчиняя себѣ ея народности, но не возбуждая въ нихъ вражды, а собирая въ одну общую семью народовъ Россіи. На перевалѣ Сибирскаго тракта черезъ Уралъ и теперь еще стоитъ столбъ, на одной сторонѣ котораго написано «Европа», а на другой—«Азія». Въ настоящее время для каждаго русскаго, переѣзжающаго Уралъ, черта, обозначенная этимъ столбомъ, не болѣе, какъ отвлеченное географическое понятіе. Для него и за восточнымъ склономъ Урала тянется все та же необъятная Россія—Сибирь, въ которой русская народность является геперь преобладающей, гдѣ она сильнѣе даже, чѣмъ во многихъ мѣстахъ Россіи Европейской. Для русскихъ людей пограничный столбъ, отдѣляющій ихъ, какъ европейскую расу, отъ народовъ Азіи, давно уже перенесенъ за Байкаль—въ степи Монголіи. Со временемъ мѣсто его будетъ на конечномъ пунктѣ Китайской Восточной желѣзной дороги».

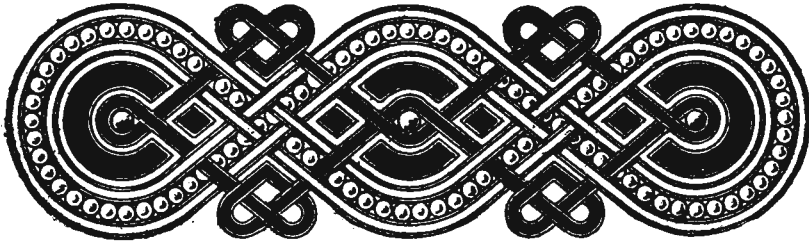
Докладъ министра финансовъ и мысли, въ немъ изложенныя, не получили какого-нибудь реального осуществленія. С. Ю. Витте вернулся изъ своей поѣздки въ Китай прямо въ Ялту, гдѣ состоялись совѣщанія по предмету заселенія Манчжуріи, въ коихъ принимали участіе, кромѣ него, гр. Ламздорфъ, В. Плеве и генералъ Куропаткинъ. На этихъ засѣданіяхъ военный министръ усиленно проводилъ свои идеи о захватахъ въ Манчжуріи.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖЕМЧУЖИНА ФИНСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Гунгербургъ.

В КАЖДЫМЪ годоу курортъ Гунгербургъ, расположенный при самомъ впаденіи въ море многоводной рѣки Наровы, привлекаетъ къ себѣ все больше и больше вниманіе петербуржцевъ и даже москвичей, полюбившихъ живописный дачный уголокъ у вратъ Нарвы, города, какъ извѣстно, съ большимъ историческимъ прошлымъ. Теперь, когда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ о соединеніи Усть-Наровы ¹⁾ съ Балтійской линіею Сѣверо-Западной желѣзной дороги, чрезъ станцію Нарва, принципиально рѣшенъ и желѣзнодорожныя изысканія вѣтки Нарва—Гунгербургъ уже вполне закончены, нашъ морской курортъ, войдя въ звено желѣзнодорожной сѣти, несомнѣнно, въ ближайшемъ же времени займетъ доминирующее положеніе среди другихъ дачныхъ поселковъ Финскаго залива.

Съ окончаніемъ же постройки чрезъ рѣку Лугу у города Ямбурга новаго желѣзнодорожнаго моста, движеніе поѣздовъ по которому откроется еще въ текущемъ году, явится возможность увеличить скорость поѣздовъ отъ столицы до Нарвы, на 150-верстномъ разстояніи, а подобное положеніе вещей поведетъ къ экономіи на три часа времени въ проѣздѣ отъ Петербурга до курорта; при этомъ, само собой, устранится пересадка на станціи Нарва съ

¹⁾ Официальное названіе Гунгербурга.

железной дороги на пароходъ, кстати сказать, довольно обременительная для многосемейныхъ дачниковъ, а эти новыя условія въ удобствѣ и скорости передвиженія, очевидно, послужатъ большимъ плюсомъ для процвѣтанія нашего отечественнаго курорта.

Что же такое представляетъ собою Гунгербургъ? Какова исторія его прошлаго? И въ чемъ именно заключаются достоинства этого курорта, какъ дачнаго поселка, при современномъ его положеніи. Отвѣты на эти вопросы мы постараемся дать въ настоящемъ очеркѣ, на основаніи десятилѣтнихъ личныхъ, безпристрастныхъ наблюдений, изученія условій дачной жизни и ознакомленія съ существующей литературой, главнымъ образомъ съ изслѣдованіями врача И. А. Зальцмана въ брошюрѣ его «Курортъ Усть-Нарова» (Гунгербургъ) въ историческомъ, топографическомъ и санитарно-медицинскомъ отношеніяхъ» изданія 1897 г.

Кому изъ столичныхъ обывателей съ наступленіемъ весны не приходится задуматься надъ альтернативой: гдѣ можно на сѣверѣ за лѣто отдохнуть душой и тѣломъ отъ сутолоки городской жизни, подышать здоровымъ, насыщеннымъ озономъ морскимъ воздухомъ, освѣжиться купаньемъ въ пѣнистыхъ соленоватыхъ волнахъ моря и затѣмъ принять солнечную ванну на серебристомъ эластичномъ пескѣ морского пляжа, при условіи доступности на мѣстѣ дачнаго поселка всѣхъ привычныхъ культурной жизни удобствъ и комфорта? Такому искателю счастливой Аркадіи грѣшно было бы не указать на Гунгербургъ.

I.

Въ 1845 году, по изслѣдованіямъ Козакевича, автора интересной книги «Городъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкой Наровой», Усть-Нарова (Портъ-Нарва) представляла весьма маленькую деревушку вдоль южнаго берега Финскаго залива, съ востока ограниченную рѣкой Наровой, а съ запада и съ южной сторонъ окруженную сплошнымъ сосновымъ лѣсомъ.

Обитателей этой жалкой деревни, состоявшихъ преимущественно изъ лопмановъ и рыбаковъ, сплошь да рядомъ, при вѣтрѣ съ моря, заносило за ночь пескомъ до такой степени, что жителямъ стоило непомѣрныхъ усилій выбраться утромъ изъ своихъ жилищъ, изъподъ груды песчаныхъ заваловъ-баррикадъ, поднимавшихся нерѣдко до уровня крышъ ихъ мизерныхъ лачугъ.

Въ то время никакихъ лавокъ здѣсь не существовало, каждый запасалъ провіантъ изъ Нарвы только для себя и своей семьи, такъ что часто здѣсь даже нельзя было найти стакана молока, не говоря уже о покупкѣ самой примитивной провизіи.

При этихъ условіяхъ неудивительно, что даже Петръ Великій, побывавшій здѣсь предъ осадой Нарвы, не могъ найти на мѣстѣ ни-

чего съѣдобнаго, чтобы утолить свой голодь. И вотъ, по преданію съѣдой старины, покоритель Нарвы самолично окрестилъ эту негостепріимную мѣстность названіемъ, сохранившимся до настоящаго времени: «Гунгербургъ», то есть голодный городъ.

Въ такомъ жалкомъ прозябаніи текла жизнь коренныхъ обывателей «Голоднаго города», когда въ семидесятыхъ годахъ неожиданно-негаданно появился на горизонтѣ унылой деревушки «Колумбъ» въ лицѣ почтеннаго, нынѣ здравствующаго почетнаго гражданина города Нарвы А. Ѳ. Гана, и для Усть-Наровы наступила новая эра.

Наблюдательный умъ этого незауряднаго общественнаго дѣятеля сразу оцѣнилъ достоинства приморскаго поселка при устьѣ

Православная церковь св. князя Владимира.

Наровы, въ предвидѣніи будущей его роли, какъ первокласснаго курорта на побережьѣ Финскаго залива. Съ громадной энергіей А. Ѳ. Ганъ принялся за культивизацію дикаго приморскаго уголка, составляющаго часть имѣнія Куттеркюль, принадлежащаго городу Нарвѣ. Стоя въ семидесятыхъ годахъ во главѣ нарвскаго городского управленія въ должности городского головы, А. Ѳ. Ганъ словомъ и дѣломъ сумѣлъ внушить своимъ согражданамъ мысль, что Гунгербургъ представляетъ собою «золотое дно» для города.

Правда, уже въ то время существовали въ зародышѣ дачныя мѣста Меррекулемъ и Шмецке ¹⁾, пограничныя съ Гунгербургомъ, но

¹⁾ Шмецке входитъ въ составъ того же городского имѣнія Куттеркюль, расположено между Меррекулемъ и Гунгербургомъ; начало заселенія положено было въ 1832 г. явившимся изъ Бреслава кузнецомъ Шмецке, построившимъ на городскомъ грунтѣ первую дачу; его примѣру послѣдовали и другіе.

«истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. сxxxvi.

они не могли вполне удовлетворить всѣмъ требованіямъ здороваго морского курорта вслѣдствіе относительной сырости и, главное, неблагоустроенности, а также неудобства сообщенія отъ станціи Корфъ или отъ Нарвы на извозчикахъ по тяжелой песчаной дорогѣ.

Между тѣмъ благопріятное топографическое расположеніе Гунгербурга у самаго устья многоводной рѣки, въ связи съ песчаной почвой и роскошной растительностью, давали ему громадное преимущество, какъ дачнаго поселка, передъ его соперниками— Меррекулемъ и Шмецке. Съ другой стороны, отсутствіе близъ нашей столицы благоустроенныхъ дачныхъ мѣстностей съ удобными морскими купаніями,—такъ что для пользованія послѣдними петербуржцамъ приходилось отправляться на далекое рижское побережье въ Ревель или Гапсаль,—служило мощнымъ залогомъ къ привлеченію въ Гунгербургъ столичныхъ дачниковъ, не говоря уже объ аборигенахъ Нарвы, разъ только благоустройство и культура коснутся этого многообѣщающаго приморскаго живописнаго поселка.

Прежде всего надо было заинтересовать Гунгербургомъ тѣхъ, отъ кого зависѣла его дальнѣйшая судьба—наровжанъ. Въ этихъ цѣляхъ будущій преобразователь Гунгербурга А. Ѳ. Ганъ совмѣстно съ небольшимъ кружкомъ своихъ согражданъ, послѣдователей его идеи, заводитъ легкій пассажирскій пароходикъ «Алертъ» и устанавливаетъ правильное пассажирское движеніе по рѣкѣ Наровѣ—между центромъ и периферіей. Инициаторы этого предпріятія не ошиблись въ своихъ расчетахъ: широкой волной хлынули нарвскіе жители въ Гунгербургъ, пользуясь возможностью совершать туда пріятныя прогулки на пароходѣ, съ затратой съ обратнымъ проѣздомъ въ Нарву всего лишь двухъ съ половиной часовъ времени.

Благодаря этимъ поѣздкамъ, мало извѣстное для горожанъ имѣніе Куттеркуль (въ Эстляндской губерніи) пріобрѣтаетъ, по ознакомленію съ нимъ на мѣстѣ, живой интересъ, а природныя красоты Гунгербурга приковываютъ къ себѣ общее вниманіе, дѣлая его любимымъ центральнымъ мѣстомъ для прогулокъ наровжанъ.

Подготовивъ почву въ умахъ и сердцахъ своихъ согражданъ, А. Ѳ. Ганъ съ лихорадочной поспѣшностью сталъ окрылять свое любимое дѣтище. Происшедшій 13-го іюля 1872 года пожаръ въ Усть-Наровѣ, истребившій 28 домовъ, ничуть не остановилъ культивизаціи морского поселка, а, напротивъ, скажемъ словами Скалозуба, способствовалъ его украшенію.

Чтобы не допустить прежней скученности построекъ на берегу моря, между Гунгербургомъ и Шмецке, ставшими жертвой огня, нарвскимъ городскимъ управленіемъ были здѣсь отмежеваны подъ постройки значительно большіе, чѣмъ ранѣе, земельные участки,

въ неограниченное срокомъ пользованіе, на крайне льготныхъ условіяхъ—за ежегодную плату всего три четверти копейки съ квадратной сажени. Хотя съ 1874 года арендная плата въ три четверти копейки за квадратную сажень грунта была и повышена до полуторы копейки, но эта сама по себѣ мизерная плата не остановила поступательнаго движенія на приобрѣтеніе земельныхъ участковъ подъ незатѣйливыя постройки для постояннаго жилья.

Въ томъ же году было положено начало постройкѣ благоустроенныхъ дачъ; не трудно догадаться, что первымъ пионеромъ дачнаго строительства въ Гунгербургѣ былъ тотъ же А. О. Ганъ. Съ легкой руки нарвскаго городского головы колонизація Гунгербурга пошла впередъ быстрыми шагами, и приобрѣтеніе у города участка въ Усть-

Башня въ гор. Нарвѣ.

Наровѣ подѣ постройку дачъ сдѣлалось желательной мечтой почти каждаго нарвскаго гражданина. Гунгербургъ входилъ въ моду, и вѣра въ его будущность раздѣлялась въ широкихъ слояхъ мѣстнаго городского населенія.

Давъ импульсъ къ жизни заброшенному судьбой одинокому рыбацему поселку, А. О. Ганъ, окрыленный первоначальнымъ успѣхомъ и поддержкой своихъ согражданъ, приступилъ къ проведенію ряда общественныхъ мѣропріятій по благоустройству и санитаріи. «Отцы города», видя, что съ 1873 года ежегодные доходы съ Гунгербурга увеличились почти въ 10 разъ, охотно шли на ассигнованіе денежныхъ кредитовъ на работы по культивизаціи Усть-Наровы, да и А. О. былъ не такого склада человекъ, чтобы останавливаться на

полпути. Продолжительный опытъ строительства и серьезная техническая подготовка по званію инженеръ-технолога, а, главное, идейная сторона и живой интересъ къ любимому дѣлу служили лучшимъ ручательствомъ въ цѣлесообразности и планомѣрности проводимыхъ имъ въ жизнь мѣропріятій по части благоустройства Усть-Наровы.

Планировка Гунгербурга, какъ подъ дачные участки, такъ и подъ общественные парки, купальни и лечебныя заведенія, устройство и замощеніе дорогъ съ главной магистралію на Меррекулъ, проведеніе водопровода, осушка болотистыхъ мѣстъ, заселеніе на весьма льготныхъ условіяхъ жилыми постройками грунтовъ у берега моря, между маякомъ и спасательной станціею, для укрѣпленія песчаныхъ береговъ, наконецъ, открытіе аптеки и почтовой конторы для принятія простой корреспонденціи,—все это и многое другое по благоустройству будущаго курорта—сдѣлано въ какія-нибудь 7—8 лѣтъ, въ промежутокъ между 1876 и 1882 годами.

И вотъ, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, унылое, заспанное вѣковой спячкой, неумытое лицо «Голоднаго города» подъ напоромъ культуры пріобрѣтаетъ привѣтливое выраженіе, морщины разглаживаются, гримасы «голода» исчезаютъ подъ проблесками жизнеспособности и довольства; жемчужины еще не видно, но свѣтлый, лучистый образъ ея уже просвѣчивается. Само собой разумеется, по мѣрѣ приближенія Гунгербурга къ благоустроенному поселку увеличивался съ каждымъ годомъ приростъ коренного населенія и дачниковъ. Еще въ 1876 году число постоянныхъ жителей и дачниковъ лѣтомъ не превышало 1.300 человекъ, тогда какъ, четыре года спустя, число жителей уже приблизилось къ трехтысячной нормѣ.

Съ наплывомъ дачниковъ явилась потребность озаботиться о разумномъ ихъ развлеченіи, на семейныхъ началахъ, и предоставленіи комфортабельнаго прибѣжища для лицъ, пріѣзжающихъ въ Гунгербургъ для отдыха и леченія, на кратковременный срокъ. Подмѣтивъ столь естественное общественное стремленіе, кружокъ постоянныхъ дачниковъ, во главѣ съ А. Ө., принялъ дѣятельное участіе въ сооруженіи кургауза въ центральной части Гунгербурга. Съ 1882 года кургаузъ (сгорѣвшій въ 1910 г.) уже функционировалъ, и въ немъ стали устраиваться семейные танцевальныя вечера, а въ саду при кургаузѣ, а также на морскомъ пляжѣ, дачники ежедневно слушали оркестръ военной музыки. Такимъ путемъ, дикая чухонская деревушка эволюціонировала, превратившись въ культурный поселокъ, а затѣмъ, съ постройкой кургауза, въ морской курортъ.

Сдѣлано было много, но далеко не все. Возникали все новыя и новыя потребности по благоустройству курорта въ связи съ лихорадочной постройкой дачъ и приливомъ дачниковъ, преимуществен-

но изъ петербуржцевъ. При подобныхъ условіяхъ, являлось уже не подѣлу одному лицу, по горло занятому службой и личными дѣлами, нести всѣ заботы по управленію курортомъ даже съ такой колоссальной работоспособностью, какой обладалъ А. Ѡ. Ганъ.

Повторившійся въ 1886 году пожаръ въ приморской части Гунгербурга, истребившій 97 домовъ, благодаря скученности здѣсь построекъ, служилъ краснорѣчивымъ показателемъ, насколько старая, дореформенная планировка Гунгербурга, безъ системы и плана, подѣлу жилищъ постройки—не отвѣчаетъ безопасности въ пожарномъ отношеніи для всего курорта. Всѣ эти вмѣстѣ взятые факторы повели къ учрежденію въ 1886 году особой изъ состава гласныхъ нарвской думы постоянной комиссіи по благоустрой-

Пристань и бастіонъ въ гор. Нарвѣ.

ству Гунгербурга, въ число членовъ которой вошли: А. Ѡ. Ганъ, А. Д. Зиновьевъ (бывшій с.-петербургскій губернаторъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта), П. А. Кочневъ, В. П. Цвѣтаевъ и городской архитекторъ Новицкій.

На очереди стоялъ весьма серьезный вопросъ: приходилось считаться съ фактомъ отсутствія на мѣстѣ православнаго храма, на что горько жаловались многіе изъ дачниковъ, и въ особенности изъ дачницъ. Подойти къ рѣшенію этого вопроса съ пустыми руками, конечно, было нельзя, а съ другой стороны, надежды на позаймствование соотвѣтствующей денежной суммы изъ городской кассы теряли почву, такъ какъ городскіе финансы были уже значительно подорваны весьма высокими затратами по благоустройству курорта. Оставался единственный путь—прибѣгнуть къ благотворительности,

памятуя, что «лиха бѣда—начало»,—лишь бы заложить фундаментъ, а тамъ дальше—что Богъ дастъ... Исходя, вѣроятно, изъ этого положенія, кружокъ дачниковъ во главѣ со своимъ «комендантомъ» Степанидой Ѳедоровной Лебедевой, нынѣ покойной, собравъ между собой на Божье дѣло небольшой денежный фондъ, въ 1890 году приступилъ къ осуществленію завѣтной мечты—къ постройкѣ храма во имя св. князя Владимира на гористомъ берегу Наровы, вблизи рыночной площади, на рубежѣ стараго и новаго Гунгербурга.

При закладкѣ Владимирской церкви, 5-го августа, курортъ былъ осчастливленъ личнымъ присутствіемъ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра III и императрицы Маріи Ѳедоровны, пожертвовавшихъ 5,000 рублей на сооруженіе православнаго храма. Какъ и слѣдовало ожидать, великодушный даръ монарха нашелъ подражателей среди мѣстныхъ благотворителей и пріѣзжающихъ на лѣто дачниковъ, а благодаря этому единенію, а также энергіи инициаторовъ дачнаго кружка, въ особенности С. Ѳ. Лебедевой, постройка каменнаго пятиглаваго храма въ византійскомъ стилѣ закончилась вполнѣ въ 1893 году, и, съ назначеніемъ постоянного церковнаго причта, православіе, подъ сѣнью св. Владимира, отмежевало себѣ еще новый уголокъ въ Прибалтійскомъ краѣ, содѣйствуя этимъ актомъ еще большей симпатіи къ Гунгербургу со стороны пріѣзжающихъ сюда дачниковъ православнаго вѣроисповѣданія. Вслѣдъ за постройкой православнаго храма завершилось, стараніями А. Ѳ. Гаана, сооруженіе евангелическо-лютеранской каменной церкви на Кирочной улицѣ, такъ какъ издавна построенная на Луговомъ проспектѣ деревянная киркамоделельня являлась уже тѣсной для преобладающаго по численности (66 проц.) мѣстнаго кореннаго населенія эстонцевъ, преимущественно лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Подведя итоги двадцатилѣтней (1873—1893) культурной работы надъ Гунгербургомъ, нельзя не подивиться поразительнымъ результатамъ, достигнутымъ по благоустройству этой нѣкогда жалкой унылой деревушки—нынѣ пышно распустившася въ цвѣтущей зелени приморскаго поселка, притягивающаго къ себѣ магнитной силой все больше и больше разборчивыхъ въ отношеніи удобствъ и преимуществъ дачной жизни горожанъ сѣверной Пальмиры.

Дѣйствительно, языкъ цифръ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ ростъ Усть-Наровы: 500 благоустроенныхъ дачъ, при коренномъ населеніи въ 2,000 человекъ и ежегодномъ наплывѣ до 4,000 тысячъ дачниковъ: вѣдь это уже населеніе уѣзднаго города, чуть не Гдова или Новой Ладogi!

Остается указать еще на циклъ такихъ мѣропріятій по благоустройству курорта, какъ: постройка новой водокачки на берегу Наровы для расширенія водопроводной сѣти и сооруженіе

взамѣнъ сгорѣвшаго въ 1910 году новаго двухъэтажнаго каменнаго кургауза, обошедшагося городу до 150,000 рублей, чтобы, покоячивъ съ прошлымъ Гунгербурга, перейти къ современному фазису расцвѣта нашего морского курорта.

II.

Какъ попасть въ Гунгербургъ?—спросить, конечно, прежде всего читатель, еще не посѣтившій этого живописнаго уголка на побережьѣ Нарвской губы. Болѣе удобныхъ путей сообщенія два: первый непосредственно изъ Петербурга (8 линія Васильевскаго острова) на морскихъ товаро-пассажирскихъ пароходахъ «Гунгер-

Нарвскій водопадъ.

бургъ» или «Инкерманъ», отправляющихся четыре раза въ недѣлю въ Усть-Нарову, съ затратой 11 часовъ времени на эту поѣздку; безспорно, прогулка пріятная, но при условіи, когда море спокойно и вамъ не предстоитъ выдержать качки, всегда почти сопровождающейся для большинства пассажировъ морской болѣзнью.

Второй способъ передвиженія болѣе спокойный, по Балтійской линіи желѣзной дороги до станціи Нарва (въ 150 верстахъ отъ Петербурга), оттуда на извозчикѣ до пароходной пристани пароходства Кочнева у нарвскаго городского моста, гдѣ, пересѣвъ на комфортабельный рѣчной пароходъ «Усть-Наровскъ» или «Павель», вы, послѣ 45-минутнаго плаванія по спокойнымъ водамъ широкой рѣки Наровы, у цѣли вашего путешествія.

Труся на извозчикѣ, съ любопытствомъ вглядывается въ узкія улицы города, конусоидальныя черепичныя крыши старинныхъ плитныхъ домовъ, съ таинственными высокими подвалами, гдѣ въ далекомъ прошломъ, подсказываетъ ваше воображеніе, ливонскіе рыцари замуравливали своихъ плѣнниковъ.

Подѣзжая къ самой пристани, невольно приковываете вашъ взглядъ къ рѣдкой по красотѣ панорамѣ причудливо расположенныхъ террасами на противоположномъ гористомъ берегу рѣки домиковъ, утопающихъ въ зелени садовъ. Этотъ пейзажъ уноситъ ваше воображеніе въ далекую Швейцарію. По крутому спуску угрюмый эстонецъ осторожно спускается къ пристани; не пробуйте съ нимъ завязывать разговоръ,—толку все равно не добьетесь, болтливость и сообщительность не въ характерѣ эстовъ.

Сидя ужъ на пароходѣ, вы наблюдаете за очень интереснымъ явленіемъ на водѣ: на пароходъ мчатся широкой лавиной бревна въ розсыпномъ сплавѣ отъ нарвскаго водопада; вотъ-вотъ эта громада врѣжется въ пароходъ... но опасенія напрасныя, широкая поперечная запань во всю рѣку, у самой пароходной пристани, служитъ надежнымъ оплотомъ для удержанія лѣса отъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ судоходную часть рѣки.

Съ третьимъ звонкомъ пароходъ мѣрно дѣлаетъ оборотъ въ 180 проц. вокругъ своей оси и отходитъ отъ пристани. По мѣрѣ приближенія къ серединѣ рѣки обрисовывается, подавляя своею мощностью, каменная крѣпостная стѣна, въ восемь сажень вышины, бастиона «Викторія», обхватывающая кольцомъ городъ со стороны рѣки.

При осадѣ въ 1704 году Петромъ Великимъ Нарвы, послѣ ожесточенной блокады города, удалось, наконецъ, ядрами пробить брешь на бастионѣ «Викторія», что противъ пароходной пристани, и русскія войска 9-го августа штурмомъ взяли городъ. На самой, такъ сказать, маковкѣ этой стѣны расположена бесѣдка, въ разстояніи всего двухъ сажень отъ урѣза вертикальной стѣны, являющаяся, по фактамъ недалекаго прошлаго, соблазнительной приманкой для неудачниковъ въ жизни, рѣшающихся покончить всѣ жизненные расчеты однимъ прыжкомъ внизъ къ подножію стѣны, съ зеленого остроконечнаго мыска противъ бесѣдки. Любуясь окрестными видами, гористой «Смолкой», поросшей густымъ сосновымъ лѣсомъ, закрывающимъ, какъ пеленой, рядъ пріютившихся въ сосновомъ бору дачъ, вы незамѣтно приближаетесь къ Гунгербургу; лишь слабая пріятная качка указываетъ на близость моря.

На лѣвомъ берегу показались ужъ первыя дачи—это, такъ сказать, новый Гунгербургъ—«Пески», продуктъ культурной работы восьмидесятыхъ годовъ, планомѣрной нарѣзки участковъ, застроенныхъ дорогими комфортабельными дачами съ обширными садами; мѣстность высокая, песчаная, сухая, о сырости здѣсь не можетъ

быть и рѣчи, да и вѣтеръ съ моря мало чувствителенъ. Послѣ минутной остановки для выпуска части пассажировъ пароходъ продолжаетъ свой рейсъ еще примѣрно на полверсты къ послѣдней, низовой пристани у преддверья моря.

Первое впечатлѣніе далеко не въ пользу Гунгербурга; лѣсная биржа В. Кочнева, непосредственно примыкающая къ пароходной пристани и ничѣмъ не задрапированная со стороны рѣки, засоренная обрѣзками досокъ, рейками для топлива, является тусклымъ бѣльмомъ на дачномъ фонѣ Усть-Наровы. Пройдя небольшую аллею отъ пароходной пристани, мы вступаемъ на Большую Лоцманскую улицу, а отсюда ужъ, послѣ поворота налево, попадаемъ на главную улицу, Меррекуюльскую, идущую съ востока на западъ почти параллельно морскому берегу.

Первые шаги по этой магистральной Усть-Наровы тоже не веселятъ сердце прїѣзжаго: гостиница «Франція», рынокъ, вереница лавокъ,

Новый кургаузъ.

магазиновъ, колбасныхъ, булочныхъ,—не ласкаютъ взгляда горожанина, жаждущаго другихъ перспективъ.

И вотъ, минуя двѣ узкихъ боковыхъ улицы, Новую и Старую, мы на пересѣченіи Меррекуюльской съ Губернаторской улицей, служащей естественной границей между старымъ Гунгербургомъ и новымъ, дачнымъ, курортомъ, пустившимъ побѣги отсюда къ западу, по побережью моря почти на пять верстъ, до Меррекуюля, а въ другомъ направленіи къ югу, параллельно рѣкѣ Наровѣ, версты на три по прямолинейному направленію, съ развитіемъ на западъ.

Такимъ образомъ, Губернаторская улица, упирающаяся сѣвернымъ своимъ концомъ въ морской пляжъ, является на рубежѣ стараго и новаго Гунгербурга соединительной артеріею между морской и рѣчной частями курорта; въ южномъ ея концѣ намѣчена желѣзнодорожными изысканіями постройка вокзала, что вполне рачіонально. Попадъ теперь на территорію курорта, вы увидите утопа-

ющія въ зелени садовъ дачи, живописно прячущіяся за высокими соснами; вы услышите слабый прибой волнъ, и безконечная ширь моря успокоительно дѣйствуетъ на ваши развинченные нервы,—чистый, густой морской воздухъ вентилируетъ запыленные городской гарью и пылью легкія, поднимаетъ бодрость духа.

Нагулявшись по широкому морскому пляжу и выпивъ стаканъ ароматнаго кофе на террасѣ въ кофейной Нымтакъ, выходящей на море, гдѣ полуденное солнце своими отвѣсными лучами уже начинаетъ васъ припекать, вы находите тѣнь и прохладу въ окружающихъ кургаузъ паркахъ съ живописными пригорками и лощинами.

Кто отдаетъ предпочтеніе лѣснымъ прогулкамъ передъ флиансованіемъ по паркамъ, гдѣ природа какъ бы причесана и припозажена прихотью культуры, тому стоитъ только завернуть за кургаузъ, пересѣчь садъ послѣдняго, и заповѣдный боръ къ его услугамъ. Лѣсъ тянется на нѣсколько верстъ и, по мѣрѣ углубленія въ чащу, хвойныя породы смѣняются лиственными, преимущественно березой, разнообразя тѣмъ нѣсколько угрюмый ландшафтъ сосноваго бора.

Но гдѣ же найти все удобства комфортабельной жизни, лѣтнее помѣщеніе, спортъ, театр и музыку?

Для семейныхъ горожанъ съ дѣтвoroй жизнь въ пансіонѣ или въ самомъ кургаузѣ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ едва ли кто можетъ рекомендовать,—слишкомъ дорогое удовольствіе, а, главное, пансіонный режимъ, связанный съ соблюденіемъ порядка и тишины, несовмѣстимъ съ житейскимъ укладомъ средней буржуазной семьи дачника. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ искать отдѣльное лѣтнее прибрѣжище—дачу. Желаете жить какъ можно ближе къ морю, загляните въ старый Гунгербургъ и далѣе къ западу на побережье, съ тяготящими къ послѣдному Песочной, Заводской, Садовой и другими улицами, расположенными по правую сторону Меррекюльской; если итти по направленію послѣдней отъ старой пароходной пристани къ Меррекюлю. Для избѣгающихъ близкаго сосѣдства моря и порой заунывнаго шума вѣтра съ методическимъ прибоемъ волнъ рекомендуется направить поиски въ противоположное направленіе, по курсу на юго-западъ отъ Меррекюльской улицы. Здѣсь песчаная высокая мѣстность и близость сосноваго лѣса вполне гарантируютъ отъ малѣйшей сырости и вліянія подчасъ холоднаго вѣтра съ моря.

Дачу среднихъ размѣровъ, комнатъ на пять, на шесть, съ полной обстановкой и посудой, также съ обширнымъ садомъ, можно нанять за 200—350 руб. за сезонъ (съ 1-го мая по 1-е сентября); въ такую цѣну дачи встрѣчаются чаще всего, хотя и большія дачи въ десять комнатъ и болѣе, цѣной за сезонъ въ тысячу рублей и дороже, попадаютъ сплошь да рядомъ, особенно на Садовой, Гу-

бернаторской и Меррекулской улицахъ. Для одинокихъ или малосемейныхъ дачниковъ, безъ мелкой дѣтвора, лучше всего использовать лѣтній отдыхъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ, отравляющихъ жизнь горожанина, а въ особенности горожанки зимой, что достижимо лишь при условіи пансіоннаго режима.

Пансіоны раскиданы по всему Гунгербургу; съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается, въ прошлый сезонъ функционировало около двадцати: «Викторія», «Отрада», «Комфортъ», «Ирень» и пр.; цѣна въ нихъ за комнату отъ 30 до 250 рублей за сезонъ, посуточно отъ рубля до пяти; за столъ же 45—60 рублей съ персоны въ мѣсяць; съ дѣтей взимается половина платы. Можно, конечно, поселиться и въ новомъ кургаузѣ, но цѣна на столъ и комнату въ послѣднемъ нѣсколько повышенная противъ пансіонскихъ.

Топографическое положеніе кургауза, большого двухэтажнаго каменнаго зданія съ 60 номерами и громаднымъ въ два свѣта танцевальнымъ заломъ, въ высшей степени удачное: съ террасы лицевого фасада открывается прекрасный видъ на море, до котораго отсюда ходьбы по Морскому проспекту всего пять минутъ, а съ задняго фасада, примыкающаго къ саду кургауза, взглядъ упирается въ сосновый лѣсъ; рядъ лучшихъ улицъ: Луговой проспектъ, Куттеркулская, Пушкинская, Лѣсная и др.—сходятся и перекрещиваются у кургауза. Подобное центральное положеніе еще болѣе говоритъ въ пользу выбора этого кардинальнаго пункта между лѣсомъ и моремъ подъ общественное собраніе дачниковъ и противъ идеи сторонниковъ постройки, послѣ пожара 1910 г., новаго кургауза на самомъ берегу моря.

Чѣмъ же развлекаются дачники? Эта сторона курортной жизни въ Гунгербургѣ имѣетъ самое широкое развѣтвленіе: два раза въ недѣлю семейно-танцевальные вечера въ залѣ кургауза для взрослыхъ и дѣтей; ежедневно утромъ и вечеромъ полковая музыка: въ паркѣ утромъ и вечеромъ въ саду кургауза или на пляжѣ; въ обѣденное и вечернее время (отъ восьми до часу ночи) слухъ вашъ ласкаетъ игра струннаго, салоннаго оркестра на террасѣ кургауза; электротеатръ, кинематографъ и рядъ концертовъ извѣстныхъ пѣвцовъ, пріѣзжающихъ сюда на гастроли, и всякаго рода благотворительные вокально-танцевальные вечера, бенефисы, съ блестящими фейерверками на морѣ дополняютъ программу дачныхъ увеселеній.

Кто не поклонникъ шумныхъ развлеченій толпы, не всегда гармонирующихъ съ настроеніемъ скромнаго дачника (а такихъ живеть здѣсь по лѣтамъ не мало), избѣгающаго, для лучшаго отдыха, всякихъ возбуждающихъ нервы общественныхъ увеселеній, многимъ пріѣзжихъ за зимній сезонъ, тотъ найдетъ полное эстетическое удовлетвореніе въ разнообразіи болѣе здоровыхъ удоволь-

ствій, ближе стоящихъ къ самой природѣ, въ обзорѣ живописныхъ окрестностей Гунгербурга: небольшого курорта (въ триста дачъ) Меррекуля со слабо развитой общественно-увеселительной жизнью, ближайшей сосѣдки послѣдняго, мѣстечка на берегу моря Удриасъ (Кочневой), расположеннаго въ расщелинѣ отвѣсно спускающихся къ морю крутыхъ скаль, попутно осмотрѣвъ по близости «Удриасъ», дачный поселокъ Mon Plaisir, въ живописной мѣстности и съ чудной панорамой на море. Этотъ райскій уголокъ надолго остается въ памяти туриста.

Поѣздки на яликахъ или моторныхъ лодкахъ по рѣкѣ Россони (впадающей противъ Гунгербурга въ Нарову) на Тихое озеро и на мельницу у деревни Венкуль, гдѣ имѣется образцовая пасѣка, эти экскурсіи входятъ въ программу каждаго почти дачника, любящаго природу въ ея дѣвственномъ видѣ, въ сочетаніи красотъ моря съ густой чащей дремучаго лѣса. «Быть въ Римѣ и не повидать папы»—это извѣстное всѣмъ изреченіе можетъ быть отнесено и къ тому изъ дачниковъ Гунгербурга, который за четырехмѣсячный сезонъ не выберетъ свободныхъ двухъ-трехъ часовъ времени, чтобы, пользуясь удобствомъ пароходнаго сообщенія и близостью (двѣнадцать верстъ), не осмотрѣть историческихъ достопримѣчательностей Нарвы: Германовской, Ивангородской крѣпостныхъ башенъ времянь шведскаго засилія, дворца императора Петра I и музея при немъ, городской ратуши, построенной въ 1671 году при Карлѣ XI, и, въ заключеніе, величественнаго Нарвскаго водопада (три версты отъ Нарвы), при- посредствомъ водяной энергіи котораго работаютъ три громадныя фабрики: Кренгольмская (съ лѣвой стороны водопада), суконная и льнопрядильная (съ правой стороны водопада) мануфактуры.

Гунгербургъ представляетъ широкую арену для всякаго рода спорта: велосипедныя состязанія по гладкому пляжу, игра въ лаунъ-теннисъ и гонки на яхтахъ подъ парусами по морю привлекаютъ къ себѣ многихъ сторонниковъ изъ дачниковъ, преимущественно молодежь, въ особенности послѣ объединенія спортсменовъ между собой въ кружки, положившаго начало учрежденію лаунъ-тенниснаго клуба, а затѣмъ яхтъ-клуба.

Но главная притягательная сила Гунгербурга, конечно, не въ характерѣ и программѣ развлеченій для праздныхъ дачниковъ, а въ лечебныхъ его качествахъ—это альфа и омега курорта, его главный жизненный нервъ.

Правда, здѣсь нѣтъ натуральныхъ чудодѣйственныхъ источниковъ, но зато дары природы, яркій солнечный свѣтъ, чистый, густой морской воздухъ, смѣшанный съ ароматомъ сосноваго лѣса, вливаютъ щедрою рукою въ вашу изношенный городской жизнью организмъ живительный эликсиръ обновленія и подъема жизненной энергіи.

Если и эти могучія лечебныя средства самой природы не въ состояніи сами по себѣ возстановить душевное равновѣсіе, укрѣпить дряблую мускулатуру вашего тѣла и усилить обмѣнъ веществъ, то въ помощь природѣ въ распоряженіи хилаго дачника всякаго рода естественныя методы леченія, въ видѣ ваннъ изъ соленой или прѣсной воды, лечебныхъ грязей, душей высокаго давленія Шарко, массажа, электротерапіи, солнечныхъ ваннъ и пр., практикуемыя при двухъ образцово поставленныхъ водолечебныхъ (докторовъ Круга и Зальдмана) заведеніяхъ. Для согласованія режима въ питаніи съ соотвѣтствующимъ способомъ леченія имѣется особая санаторія съ пансіономъ (на Садовой улицѣ, д. 6). Важное

Курзаль.

лечебное значеніе Гунгербурга, какъ климатической станціи, признается и медицинскими авторитетами.

Съ постройкой же желѣзнодорожной вѣтки на Нарву петербуржцы будутъ имѣть подъ рукой, всего въ пятчасовомъ разстояніи, прекрасную и вполне удобную здѣсь климатическую станцію на круглый годъ. Вотъ почему страдающіе неправильнымъ обмѣномъ веществъ (ожирѣніемъ, малокровіемъ, подагрой, вялостью кишечника и пр.) или переутомленіемъ нервной системы въ Гунгербургъ быстро поправляются; но для хворающихъ ревматизмомъ, почками и туберкулезомъ легкихъ нельзя рекомендовать Усть-Нарову, какъ лѣтнее лечебное прибѣжище. Особенно же благотѣльное вліяніе оказываетъ Гунгербургъ на рахитичныхъ, золотушныхъ и малокровныхъ дѣтей. За два-три мѣсяца ихъ пре-

быванія здѣсь здоровье будущихъ гражданъ вполне возстанавливается, желтыя и блѣдныя лица розовѣютъ, покрываются здоровымъ загаромъ, вялые, какъ у мертваго судака, глаза юныхъ классиковъ загораются энергіею и самонадѣянностью, организмъ крѣпнетъ и развивается подъ благотворнымъ вліяніемъ солнца, моря и лѣса.

Достаточно въ полуденный часъ заглянуть на море, и вы скажете: Гунгербургъ—это царство дѣтей,—весь пляжъ какъ бы засѣянъ дѣтвораю: полуголенькія, а многія и безъ всякаго костюма зарываются въ теплый песокъ, а другія полощутся въ морѣ, всюду слышенъ серебристый смѣхъ, восторженные возгласы близкихъ къ самой природѣ малышей, счастливыхъ и веселыхъ отъ горячихъ лучей солнца и пѣнистаго мягкаго прибоя моря, пріятно щекощущаго брызгами хрупкія ножки дѣтишекъ, храбро подвигающихся по мелкому побережью впередъ, навстрѣчу пѣнистой волнѣ... Неудивительно, что при этихъ благодарныхъ климатическихъ условіяхъ ростъ Гунгербурга, какъ курорта, прогрессируетъ все болѣе и болѣе; число постоянныхъ жителей дошло ужъ до трехъ съ половиной, а дачниковъ до десяти тысячъ, и, несмотря на 814 дачъ и функционированіе до двадцати обширныхъ пансіоновъ, запоздавшіе переѣздомъ на дачу до второй половины іюня рискуютъ не только не найти въ курортѣ свободной дачи, но даже и пустой комнаты въ пансіонахъ.

III.

Можно ли теперь почить на лаврахъ, въ сознаніи права за Гунгербургомъ занять амплуа первокласснаго курорта? Отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ значило бы не видѣть лѣса изъ-за деревьевъ. Творческая работа надъ благоустройствомъ курорта не доведена до зенита: на жемчужинѣ еще много нагара... Санитарное состояніе Гунгербурга далеко не безупречно, улицы даже въ центральной части засорены мусоромъ, благодаря излюбленной дачевладѣльцами системѣ выкидывать рано утромъ со дворовъ дачъ всякіе твердые отбросы на дорогу, а послѣднюю мести лишь разъ въ недѣлю. Отсутствіе и городского санитарнаго обоза способствуетъ наслоенію грязи на улицахъ, да и сточныя канавы не очищаются какъ слѣдуетъ, почему не отвѣчаютъ своему прямому назначенію. Выгребы и помойныя ямы устроены самымъ примитивнымъ образомъ, отчего нечистоты свободно проникаютъ въ почву и ее загрязняютъ; торговыя заведенія, особенно на Меррекуольской улицѣ, нуждаются въ періодическихъ санитарныхъ осмотрахъ: стоитъ только послѣ дождика вечеркомъ пройти по этой магистралі, специфическій «амбре» подскажетъ вамъ, что не все здѣсь благополучно въ отношеніи санитаріи. Большую пользу могли бы

принести санитарные попечители, но къ сожалѣнію, послѣднихъ въ курортѣ не существуетъ. Этотъ пробѣлъ скорѣе слѣдуетъ заполнить. Чудный по красотѣ морской пляжъ нуждается въ болѣе опрятномъ содержаніи; водопроводная сѣтъ распространена не на всю территорію курорта. Деревянные пѣшеходные мостки поистинѣ являются больнымъ мѣстомъ курорта; даже на главныхъ улицахъ, Губернаторской, Обводной, Средней и др., рискуешь сломать себѣ ногу, попавъ въ зіяющія расщелины гнилыхъ досокъ съ предательски приподнятыми головками гвоздей, портящими обувь; уличное освѣщеніе курорта, кромѣ кургауза, крайне жалкое, полутемное, особенно это чувствительно въ августовскіе безлунныя ночи; для ночныхъ ревизоровъ ледниковъ весьма на руку

Морской пляжъ.

этотъ «мракъ таинственный кругомъ», а для дачниковъ игра въ жмурки не по вкусу. Не видно хозяйскаго глаза, особенно съ тѣхъ поръ, какъ А. О. Ганъ, за преклоннымъ возрастомъ и болѣзнію, уклонился отъ активной дѣятельности по наблюденію за благоустройствомъ курорта.

Устраненіе всѣхъ этихъ дефектовъ и въ особенности устройство рациональной канализаціи нечистотъ и расширеніе водопроводной сѣти на весь курортъ не слѣдовало бы откладывать въ долгій ящикъ изъ опасенія затормозить дальнѣйшій ростъ Усть-Наровы. Красавица, у которой подъ ногтями трауръ, теряетъ много своей привлекательности... то же, пожалуй, можно сказать и про нашъ курортъ.

Я далеко отъ мысли кидать въ чужой огородъ камешки, винить комиссію по благоустройству курорта, въ составѣ семи-восьми дачевладѣльцевъ, въ инертности, такъ какъ приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что циклъ всякихъ хозяйственныхъ операцій комиссіи обусловленъ рамками кредита, отпускаемаго городомъ; а съ другой стороны, трудно и ожидать интенсивной дѣятельности отъ этихъ лицъ, прїѣзжающихъ сюда на лѣтній сезонъ для полного отдыха, лишь попутно удѣляющихъ свой трудъ и время на общественное дѣло ради только его идеи. Склоненъ, однако, думать, что для пользы дѣла отъ подобнаго способа веденія хозяйства и надзора за благоустройствомъ курорта слѣдуетъ разъ навсегда отрѣшиться. Болѣе рациональной мѣрой было бы возложеніе всѣхъ хозяйственныхъ распорядительныхъ функцій на одно лицо—курортъ-директора (желательно съ медицинскимъ образованіемъ), не связаннаго никакими нитями съ мѣстными лечебными заведениями и отвѣтственнаго за свои дѣйствія лишь предъ владѣльцемъ курорта—городомъ, въ лицѣ городской управы.

Само собой разумѣется, управляющій курортомъ долженъ пользоваться отъ города самыми широкими директивами. Со своей стороны, онъ обязанъ съ начала весны до осени имѣть постоянное мѣстопребываніе въ курортѣ для планомѣрной работы по его благоустройству.

Ближайшей задачей курортъ-директора, по нашему убѣжденію, должно служить привлеченіе самихъ дачевладѣльцевъ къ участию въ расходахъ по улучшенію санитарнаго состоянія курорта, въ интенсивномъ его освѣщеніи и въ болѣе исправномъ содержаніи тротуаровъ.

Предвижу возраженіе съ финансовой точки зрѣнія. Скажутъ сторонники городской экономіи о затруднительности для города, обремененнаго долгами, выдѣлять изъ ресурсовъ четырехпроцентнаго сбора, взимаемаго съ дачниковъ, съ наемной суммы за дачу, полторы-двѣ тысячи жалованья курортъ-директору.

Но «лучше дорого, да мило». Зачѣмъ, спрашивается, тратить три тысячи на содержаніе въ мѣсячный сезонъ полного полкового оркестра, пожалуй, ради только дѣтей и ихъ нянекъ, составляющихъ главный контингентъ слушателей бравурныхъ маршей увертюры «1812 годъ», съ оглушительнымъ трескомъ, звономъ колоколовъ и неумолкаемымъ барабаннымъ боемъ. Замѣните полковой оркестръ небольшимъ струннымъ и, въ крайнемъ случаѣ, духовымъ, въ десять-двѣнадцать человѣкъ, вотъ и лишнія деньги найдутся, да и барабанная перепонка ушей не будетъ страдать отъ іерихонской музыки. Правда, отъ старыхъ традицій не такъ легко отказаться. Ограничусь лишь этимъ однимъ примѣромъ, такъ какъ финансовая сторона дѣла не входитъ въ программу настоящей статьи. Но, я думаю, многіе со мной согласятся, что санитарное

дѣло въ лечебномъ курортѣ должно стоять на правомъ планѣ, а отнюдь не музыкально-увеселительная часть. Кстати сказать, за послѣднее десятилѣтіе жажда всякаго рода увеселеній приняла въ курортѣ острый характеръ; не мѣшало бы въ этомъ направленіи сдѣлать шагъ назадъ, лѣтъ на десять, вернуться къ недалекому еще прошлому, когда общественная жизнь дачниковъ укладывалась въ болѣе скромныя рамки, на чисто семейныхъ началахъ, чуждыхъ современной пестротѣ разнообразнаго пошиба увеселительныхъ зрѣлищъ, отъ безконечныхъ по числу концертовъ и музыкальныхъ вечеровъ до сногшибательныхъ cabarets.

Къ сожалѣнію, не подъ тѣмъ угломъ зрѣнія смотреть комиссія по благоустройству на свои задачи популяризаціи курорта, всячески поощряя развитіе увеселительнаго репертуара въ самомъ кургаузѣ (гдѣ, напримѣръ, струнный оркестръ играетъ до часу ночи, а буфетъ торгуетъ до двухъ) и тѣмъ подрывая симпатію къ курорту тѣхъ многихъ дачниковъ, которые, по старой памяти, дорожатъ Гунгербургомъ, какъ мѣстомъ отдыха при здоровой культурной обстановкѣ, близкой къ природѣ, а не къ увеселительному эльдорадо. Отъ подобнаго уклоненія нормальной дачной жизни въ Гунгербургѣ въ сторону шумнаго веселья, непрерывно смѣняющихся музыкальныхъ вечеровъ, концертовъ и баловъ съ крикливыми нарядами дамъ, съ султанами вмѣсто шляпъ, ощутительно вздорожала жизнь въ курортѣ, по крайней мѣрѣ на 50% противъ прошлаго десятилѣтія.

Всѣ эти факторы, вмѣстѣ взятые, повторяю, съ достаточной яркостью подтверждаютъ непригодность современнаго режима управленія курортомъ при посредствѣ курортной комиссіи. Невольно думается, что у семи нянекъ всегда дитя будетъ безъ глаза, жемчужина финскаго побережья мало-по-малу затянется дымкой людскаго равнодушія, куротъ не достигнетъ апогея своего развитія, какъ крупный лечебный центръ приморской дачной, здоровой жизни.

IV.

Природа, одаривъ Гунгербургъ всѣми качествами, способными укрѣпить больной организмъ, а здоровому дать благотворный отдыхъ и новый запасъ силъ, въ то же время намѣтила этотъ уголокъ при слияніи многоводнаго потока съ моремъ и для другой роли: въ качествѣ соединительнаго звена въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Прибалтійскимъ краемъ, рѣчнымъ и озернымъ бассейнами Лужскаго, Ямбургскаго и Гдовскаго уѣздовъ, богатыхъ лѣсомъ, при посредствѣ доступной для входа морскихъ пароходовъ гавани нарвскаго порта Усть-Наровы; съ проведеніемъ же на Гунгербургъ изъ Нарвы желѣзнодорожной вѣтки и съ завершеніемъ дноуглубительныхъ работъ въ портѣ, намѣченныхъ пра-

вительствомъ въ первую очередь, откроются для этого торговаго пункта на южномъ побережьѣ Финскаго залива болѣе широкія перспективы, въ смыслѣ расширенія масштаба коммерческихъ операцій по экспорту лѣса и импорту хлопка, джута и пр. сырья для фабричной промышленности нарвскаго района.

Въ стратегическомъ отношеніи значеніе Гунгербурга, какъ операціонной базы для заслона противъ движенія непріятельскаго флота на Кронштадтъ и десанта въ Усть-Наровѣ, не нуждается въ подтвержденіи какими-либо аргументами: бѣглый взглядъ на карту вполне ярко, какъ на ладони, иллюстрируетъ кардинальное положеніе Усть-Наровы и ея ближайшія задачи въ дѣлѣ обороны.

К. Пугилинъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Глухіе годы царствованія императора Николая I.

ВЪ ИСХОДѢ прошлаго года въ Берлинѣ у Реймера вышелъ третій томъ обширнаго труда проф. Шимана, посвященнаго исторіи императора Николая Павловича ¹⁾. Третій томъ охватываетъ десятилѣтіе съ 1830 по 1840 гг., начинаясь какъ разъ тамъ, гдѣ останавливается извѣстный трудъ Шильдера. Періодъ этотъ не богатъ крупными историческими фактами, особенно во внутренней жизни Россіи. Зато нравственная личность Николая Павловича, его убѣжденія и политическіе принципы, которымъ онъ оставался вѣренъ до конца жизни, опредѣлились вполне явственно. Не останавливаясь на фактахъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и освѣщенныхъ въ русской литературѣ, мы даемъ здѣсь бѣглый обзоръ этого періода, выдвигая впередъ то, что Шиману удалось извлечь изъ источниковъ, не всегда или вовсе недоступныхъ публикѣ, въ родѣ нѣкоторыхъ документовъ собственной Его Величества библіотеки, прусскихъ архивовъ и т. п.

Послѣ тяжелыхъ событій, послѣдовавшихъ за смертью императора Александра Павловича, новый 1830 годъ сулилъ быть безоблачнымъ. Дворъ и высшее петербургское общество встрѣтили его роскошнымъ баломъ у гр. Потоцкаго, стоявшимъ болѣе восем-

¹⁾ Theodor Schieman. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band III. Berlin. 1913.

надцати тысячъ рублей. За этимъ баломъ послѣдовали другіе, и Дивовъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Такъ проходитъ день за днемъ въ танцахъ и удовольствіяхъ. Императрица отдается имъ всей душой; государь, изъ любви къ ней, также увлекается».

То была какая-то полоса повсемѣстныхъ празднествъ, такъ что Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, отправлявшійся съ ученой экспедиціей на Уралъ, говорилъ впоследствии, что онъ проѣхалъ тысячи верстъ, буквально не разставаясь съ фраккомъ и бѣлымъ галстукомъ. Но уже въ срединѣ года на политическомъ горизонтѣ Европы показались сильныя тучи. Въ августѣ Карлъ X издалъ свои знаменитые ордонансы, вызвавшіе революцію. Прочитавъ текстъ этихъ ордонансовъ въ «Hamburger Börsenhalle», Николай Павловичъ пришелъ въ негодованіе по поводу нарушенія королемъ конституціи. Вспыхнувшая революція испугала его. Онъ приказалъ не пропускать въ публику свѣдѣнія о парижскихъ событіяхъ и запретилъ всѣ иностранныя газеты, даже такія, какъ «Preussische Staatsanzeiger». Тѣмъ не менѣе, зарубежныя извѣстія доходили до русскаго общества и вызывали въ немъ значительныя симпатіи къ новому перевороту во Франціи.

Сверженіе Карла X и появленіе на французскомъ престолѣ Людовика-Филиппа не могло, конечно, не произвести самаго раздражающаго впечатлѣнія на Николая Павловича, строго придерживавшагося принциповъ легитимизма. Онъ зналъ герцога лично, въ 1815 году провелъ у него въ Нейльи цѣлый день и считалъ его образцовымъ семьяниномъ. «Но когда онъ отнялъ тронъ у своего племянника,—писалъ императоръ гр. Киселеву,—которому онъ долженъ былъ бы стать защитникомъ, мои хорошія отношенія къ этому человѣку съ этой минуты не могли продолжаться».

Военному губернатору Кронштадта было приказано не допускать въ гавань французскихъ кораблей, если они шли подъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Всѣмъ живущимъ въ Россіи французамъ было запрещено употреблять новыя національныя цвѣта. Запрещено имъ было даже разговаривать о дѣламъ своего отечества, если вблизи были русскіе. Русскій посланникъ въ Парижѣ Поццо-ди-Борго получилъ приказаніе выѣхать со всѣмъ персоналомъ посольства изъ Парижа. Но хитрый корсиканецъ, на свой страхъ, рѣшился не исполнять этого приказанія, считая его слишкомъ поспѣшнымъ, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе Николая Павловича. Не ограничившись этими мѣрами, императоръ отправилъ графа Чернышева къ французскому послу Бургуэну, которому графъ долженъ былъ вручить паспортъ. Бургуэнъ потребовалъ объясненій, и между нимъ и Николаемъ I произошла довольно бурная сцена. Тщетно французскій посланникъ доказывалъ право Франціи самой распоряжаться своей судьбой. Николай Павловичъ видѣлъ въ воцареніи Людовика-Филиппа пограніе своихъ принциповъ,

и принималъ это, какъ личную обиду. Онъ сталъ дѣятельно готовиться къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла Франціи, побуждалъ къ тому же своихъ союзниковъ—Австрію и Пруссію, предлагая послѣдней занять вмѣстѣ съ Англіей Бельгію, чтобы не дать вспыхнуть революціи и тамъ. Но союзники не проявляли особаго желанія вмѣшиваться ради сохраненія принциповъ легитимизма въ чужія дѣла. Къ тому же и Нессельроде продолжалъ убѣждать императора, что если бъ даже удалось убрать Людовика-Филиппа, то его нехѣмъ замѣнить. «Присоединяюсь къ вашимъ соображеніямъ,—писалъ Николай Павловичъ на одномъ изъ докладовъ Нессельроде.—Но Богъ свидѣтель, что я дѣлаю это противъ своей совѣсти. Это самое тяжкое самопожертвованіе, на которое я когда-либо рѣшался».

Тѣмъ не менѣе въ официальныхъ сношеніяхъ онъ продолжалъ именовать Людовика-Филиппа не *mon frère*, какъ принято, а *Sire*, что, конечно, не могло не обидѣть французовъ. 8-го сентября Бургунъ получилъ изъ Парижа инструкцію, переданную нарочно не въ шифрованномъ видѣ, въ которой говорилось, что основнымъ правиломъ французской политики будетъ невмѣшательство въ чужія дѣла. Инструкція эта, какъ и рассчитывали, попала въ руки императора, который увидѣлъ въ ней намекъ на себя и угрозу общему политическому положенію. Только благодаря Канкрину, указывавшему на страшную стоимость ненужной для Россіи войны, удалось предотвратить окончательный разрывъ между обоими правительствами.

Воинственные планы Николая Павловича встрѣчали сопротивление даже со стороны его брата Константина Павловича, а великая княгиня Елена Павловна смѣло спрашивала его, къ чему могутъ привести его враждебные выпады противъ Франціи.

7-го декабря (по нов. стилю) вечеромъ изъ Варшавы пришла эстафета, извѣщавшая, что тамъ вспыхнула революція. «Я нашла его блѣднымъ, съ измѣнившимся лицомъ,—записала въ своемъ дневникѣ императрица.—Въ рукѣ онъ держалъ эстафету. Страхъ и оцѣпенѣніе. Къ тому же не было извѣстій».

Не вдаваясь здѣсь въ подробности польскаго возстанія 1830 г., замѣтимъ только, что оно имѣло несомнѣнную связь съ іюльской революціей во Франціи. Идеинный центръ его былъ не въ Варшавѣ, а въ прусскомъ Позенѣ. Извѣстно, что въ іюльскіе дни въ Парижѣ было очень много поляковъ. 28-го и 29-го іюля ихъ принималъ Лафайеттъ. Двое изъ нихъ, Ходзько и Мирецкій, стали настоящими героями баррикадъ. Особенно пользовался популярностью послѣдній. Изъ благодарности за оказанныя инсургентамъ услуги, одинъ французъ уплатилъ всѣ долги Мирецкаго. Настроеніе было таково, что еще въ октябрѣ въ Варшавѣ ожидали неминуемаго возстанія. Но прусскія власти сумѣли во время принять мѣры, и бунтъ раз-

разился на русской территоріи, несмотря на нѣкоторые зловѣщіе признаки: еще задолго до возстанія на воротахъ Бельведерскаго дворца, гдѣ жилъ Константинъ Павловичъ, появился билетикъ съ надписью: съ 1-го января 1831 г. отдается внаймы.

Вспыхнувшая на югѣ, а затѣмъ въ Москвѣ холера и польское возстаніе отвлекли временно вниманіе Николая Павловича отъ внѣшней политики. Съ водвореніемъ въ странѣ относительнаго спокойствія онъ еще усиленнѣе сталъ хлопотать о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ трехъ консервативныхъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. 3-го сентября онъ просилъ своихъ союзниковъ о свиданіи, но тѣ не спѣшили исполнить его желаніе. Это свиданіе было ему дано только черезъ два года.

Принципъ невмѣшательства, заявленный Франціей, вызвалъ формальный протестъ Россіи. Самая форма правленія—конституціонная монархія,—окончательно установившаяся при Людовикѣ-Филиппѣ, была ненавистна и непонятна Николаю Павловичу. «Она изобрѣтена для жонглеровъ и интригановъ,—сказалъ онъ какъ-то гр. Киселеву.—Я могу понять монархическій и республиканскій образъ правленія, но конституціонный для меня непонятенъ. Это фокусничество. Если бѣ мнѣ, въ качествѣ частнаго человѣка, приходилось выбирать мѣстожителство, то я предпочелъ бы республику, ибо этотъ образъ правленія лучше всего гарантируетъ права гражданъ. Но онъ подходит не для всѣхъ странъ. Нужно держаться того, что освящено временемъ».

Эта антипатія къ конституціонному образу правленія зародилась у Николая Павловича, повидимому, съ того времени, когда, по совѣту Новосильцева, онъ принужденъ былъ подкупить шестьдесятъ депутатовъ польскаго сейма, чтобы провести желательные ему законы.

Помимо личной антипатіи, правительство Людовика-Филиппа продолжало беспокоить Зимній дворецъ. Разразилось возстаніе бельгійцевъ, потребовавшихъ отдѣленія ихъ отъ Голландіи и образованія самостоятельнаго государства. Дѣло грозило вызвать вооруженное вмѣшательство Франціи, а за ней и ея союзницы Англіи. Николай Павловичъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы разъединить обѣ западныя державы. Съ этою цѣлью онъ осыпалъ милостями англійскаго посла при русскомъ дворѣ лорда Дургама. Съ этой же цѣлью онъ выступилъ съ предложеніемъ, вызвавшимъ общее удивленіе: поручить прусскому королю Фридриху-Вильгельму занять цитадель Антверпена съ тѣмъ, чтобы передать ее потомъ англичанамъ. Но усилія эти не дали желательныхъ результатовъ. Въ маѣ 1833 г. между Англіей и Франціей съ одной стороны и Голландіей съ другой было подписано соглашеніе, передававшее весь вопросъ въ руки лондонской конференціи. Николай Павловичъ сначала не хотѣлъ принимать въ ней никакого участія, но потомъ, подъ давленіемъ

ніем своихъ союзниковъ, согласился. Дѣло съ разными осложненіями тянулось до 1839 г. и кончилось, какъ извѣстно, отложеніемъ Бельгіи отъ Нидерландовъ.

Между тѣмъ выдвигался вопросъ о принсканіи короля для освобожденной Греціи. Каподистрія, правившій страной, былъ убитъ, его братъ Августинъ принужденъ былъ покинуть страну. Сначала выборъ Николая Павловича палъ на принца Леопольда Кобургскаго, который, впрочемъ, не желая переходить въ православіе, отказался отъ греческаго престола. Вторымъ кандидатомъ державъ былъ принцъ Оттонъ Баварскій, за котораго усиленно хлопоталъ въ Петербургѣ его отецъ, согласившійся на перемѣну сыномъ религіи. Въ маѣ 1832 г. принцъ Оттонъ, которому не исполнилось еще совершеннолѣтія, былъ избранъ греческимъ королемъ. При королѣ было назначено регентство, члены котораго были избраны баварскимъ королемъ крайне неудачно. Во главѣ правленія стали гр. Арманшпергъ, генералъ Гейдеггеръ и извѣстный историкъ-экономистъ Мауреръ. Прибывъ въ Грецію, эти нѣмецкіе правители перессорились между собою. Мауреръ и Гейдеггеръ вернулись вскорѣ обратно, а Арманшпергъ, оставшись одинъ, не сумѣлъ ни приобрести довѣріе императора Николая, ни водворить въ странѣ порядокъ. Къ этому присоединилось еще прямое неудовольствіе Россіи вслѣдствіе двусмысленнаго поведенія самого короля Оттона: разсчитывая унаслѣдовать баварскій престолъ послѣ своего бездѣтнаго брата Максимилиана, онъ подъ разными предлогами медлил переходить въ православіе. Подъ вліяніемъ русскаго посланника греческое духовенство отказалось короновать Оттона, и даже церемонія объявленія его совершеннолѣтнимъ прошла безъ участія духовенства. Оттонъ, какъ извѣстно, не долго пробылъ на греческомъ престолѣ и былъ замѣненъ сыномъ датскаго короля, недавно убитымъ королемъ Георгомъ.

Между тѣмъ въ самой Россіи Николаю Павловичу предстояло сложное дѣло ликвидировать польское возстаніе. Польскіе офицеры, сенаторы, чиновники, оставшіеся въ предѣлахъ Россіи, были большею частью переведены въ Москву и Петербургъ. Однако огромное большинство офицеровъ скрылось въ предѣлы Австріи и Пруссіи, гдѣ сдѣлались центромъ политической агитаціи противъ Россіи. Въ выдачѣ ихъ Николаю Павловичу было отказано. Мало того: Пруссія и Австрія потребовали, чтобы Россія уплатила имъ за содержаніе этихъ бѣглецовъ. 20-го октября была объявлена амнистія всѣмъ принимавшимъ участіе въ возстаніи. Вслѣдствіе этого много солдатъ вернулись въ предѣлы Россіи и были размѣщены большею частью въ русскій флотъ. Изъ офицеровъ вернулось около пятисотъ человекъ. Офицеры, произведенные въ это званіе во время возстанія, были отправлены на пять лѣтъ въ качествѣ рядовыхъ въ Сибирскій и Оренбургскій полки. Въ тѣ же полки

были отданы на десять лѣтъ рядовые и унтеръ-офицеры, добровольно примкнувшіе къ повстанцамъ. Дворяне, замѣшанные въ возстаніи, были лишены дворянскаго званія и отданы въ солдаты на всю жизнь.

14-го (26-го) февраля 1832 г. былъ изданъ для Польши такъ называемый органическій статутъ. Составленный подъ сильнымъ вліяніемъ Англій и Франціи, вступившихъ за Польшу, статутъ этотъ оказался гораздо либеральнѣе, чѣмъ ожидалъ даже статсъ-секретарь по дѣламъ Польши гр. Грабовскій. Новый законъ подтверждалъ свободы, дарованныя польскому народу императоромъ Александромъ I. Никто не могъ быть лишень свободы и отданъ подъ судъ иначе, какъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ и съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей. Всякій арестованный долженъ быть представленъ на судъ не позднѣе трехъ дней со дня ареста. Если его арестъ признавался неосновательнымъ, арестованный тутъ же освобождался. Собственность считалась неприкосновенной.

Въ Петербургѣ былъ образованъ особый комитетъ по дѣламъ Польши, во главѣ котораго долженъ былъ стоять кн. Паскевичъ, а въ случаѣ его отсутствія изъ Петербурга т. с. Энгель. Въ составъ этого комитета кромѣ того входили: Новосильцевъ, гр. Замойскій, гр. Красинскій, Рожнецкій, гр. Грабовскій и кн. Любецкій.

1-го мая въ Петербургѣ явилась официальная депутація отъ Польши съ цѣлью благодарить императора за дарованныя милости. Депутація была торжественно принята въ Зимнемъ дворцѣ, но встрѣтила здѣсь сухой, холодный пріемъ и не достигла улучшенія отношеній: «Сознаюсь,—писалъ Николай Павловичъ кн. Паскевичу:—что я глубоко презираю ихъ, и ихъ благодарность не имѣетъ для меня никакой цѣны. Я стремлюсь къ тому, чтобы заслужить благодарность Россіи,—вотъ моя постоянная мысль».

Съ другой стороны, и мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ, не способствовали успокоенію польскаго общества. Желая прійти на помощь польскимъ дѣтямъ, осиротѣвшимъ или брошеннымъ бѣжавшими родителями, Николай Павловичъ приказалъ забирать ихъ въ кантонисты. Проявляя излишнее усердіе, русскіе чиновники стали забирать въ каждомъ воеводствѣ какъ можно больше ребятъ, хотя бы и имѣвшихъ родственниковъ. Наборы эти сопровождались, конечно, плачемъ женщинъ и озлобленіемъ мужчинъ. Такихъ случаевъ отобранія дѣтей русскія власти насчитывали до восьмисотъ, въ польскомъ же обществѣ говорили о двухъ тысячахъ.

Въ мартѣ 1832 года послѣдовалъ наборъ рекрутовъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые принимали участіе въ возстаніи и по-тому подлежали удаленію изъ предѣловъ Польши. Велѣно было

этихъ рекрутовъ женить для того, чтобы ихъ будущія семьи оставались въ Россіи. Съ этою цѣлью въ опредѣленные дни въ казармы допускались дѣвицы, желавшія вступить въ бракъ, обходили ряды новобранцевъ и выбирали себѣ мужей. Находившійся тутъ же католическій священникъ долженъ былъ немедленно совершать обрядъ бракосочетанія. Охотницъ получить мужей нашлось немало, тѣмъ болѣе, что ихъ не предупредили, что имъ придется слѣдовать за своими мужьями въ Россію.

Такія мѣры не могли, конечно, примирить поляковъ съ ихъ участью. Опять началась усиленная агитація польскихъ эмигрантовъ въ предѣлахъ Пруссіи, а въ особенности во Франціи, гдѣ образовался даже подъ предѣдательствомъ Лелевеля особый національный комитетъ, съ филиальными отдѣленіями въ двадцати двухъ провинціальныхъ городахъ. Поляковъ во Франціи было такъ много, что Людовикъ-Филиппъ хотѣлъ было даже образовать изъ нихъ особый легіонъ. Когда вѣсть объ этой затѣѣ дошла до Петербурга, русское правительство объявило черезъ своего посланника Поццо-ди-Борго, что сформированіе польскаго легіона оно будетъ разсматривать, какъ поводъ къ войнѣ. Планъ пришлось оставить.

Зарубежные поляки дѣятельно продолжали готовиться къ новому возстанію. Польша, Литва и Малороссія были раздѣлены на восемнадцать участковъ, куда предполагалось послать восемнадцать эмиссаровъ. За ними явились и другіе. Колеблющихся обманывали, увѣряя, что Польша будетъ дѣйствовать не одна, а въ союзѣ со всей революціонной Европой, и что въ русскихъ войскахъ готовится возстаніе, которое неминуемо вспыхнетъ мѣсяца черезъ три-четыре. Снабженные фальшивыми паспортами отъ французскихъ префектовъ, польскіе революціонеры явились въ Дрезденъ, получили тамъ отъ графини Клавдіи Потоцкой деньги и черезъ Позенъ и Галицію проникли въ русскіе предѣлы. Но дѣла ихъ вскорѣ приняли весьма печальный оборотъ. Тѣснимые русскими отрядами, нѣкоторые изъ нихъ погибли въ стычкахъ, нѣкоторые кончили самоубійствомъ, а нѣкоторые были изрублены своими собственными повстанцами. Одинъ изъ этихъ эмиссаровъ, Заливскій, успѣлъ пробраться въ Австрію, основалъ тамъ общество польскихъ карбонаріевъ, имѣвшихъ цѣлью возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 г., но былъ впоследствии схваченъ австрійской полиціей и заключенъ въ крѣпость Куфштейнъ. Революція 1848 года освободила въ числѣ другихъ и Заливскаго, но онъ былъ уже разбитъ тѣломъ и душой.

Не мало тревогъ доставилъ Николаю Павловичу Египетъ. Египетскій хедивъ, значившійся вассаломъ турецкаго султана, рѣшилъ сбросить съ себя послѣднюю тѣнь зависимости. Онъ объявилъ султану войну и одержалъ надъ нимъ рядъ побѣдъ. Его

полководецъ Ибрагимъ-паша побѣдоносно двигался по Малой Азіи, овладѣлъ Смирной и ежечасно могъ появиться подъ стѣнами самаго Константинополя. Николай Павловичъ, боявшійся съ одной стороны движенія татаръ въ Крыму, а съ другой—возмущенный возстаніемъ вассала противъ своего сюзерена, рѣшительно сталъ на сторону султана. Въ Константинополь былъ посланъ Муравьевъ, въ сопровожденіи полковника Дюгамеля, которому было предписано ѣхать безотлагательно къ Ибрагимъ-пашѣ въ Александрію и потребовать отъ него пріостановки дальнѣйшаго движенія. «Ошибаются тѣ, которые представляютъ себѣ Ибрагимъ-пашу, какъ обыкновеннаго человѣка,—писалъ Дюгамель послѣ перваго свиданія съ египетскимъ полководцемъ.—Рѣдко приходилось мнѣ видѣть турка, охваченнаго европейскими идеями до такой степени, какъ онъ. Онъ отлично знаетъ политическія отношенія державъ. Онъ средняго роста, и его рѣдкая борода начинаетъ уже сѣдѣть, хотя ему всего сорокъ лѣтъ. Его лицо худоцаво, въ его глазахъ свѣтится что-то острое, и онъ быстро умѣетъ дать отвѣтъ. Каждый разъ, какъ я бывалъ у него, я заставалъ его сидѣвшимъ на диванѣ со скрещенными ногами. Онъ не курить и довольствуется однимъ слугой».

Несмотря на посылку Дюгамеля, 2-го февраля Порты получила неожиданное извѣстіе, что Ибрагимъ-паша продвинулся до Бруссы и намѣренъ итти на Константинополь. Перепуганный диванъ обратился за помощью черезъ русскаго посланника Бутенева къ императору Николаю Павловичу. Новороссійскому генералу-губернатору графу Воронцову было приказано немедленно отправить русскую эскадру къ турецкой столицѣ. 29-го марта передъ Буюкъ-Дере стало на якорь двадцать русскихъ военныхъ судовъ, высадившихъ десять тысячъ русской пѣхоты. Отрядъ этотъ расположился подъ Ункіаръ-Скелесси, на азіатскомъ берегу Босфора.

Между Россіей и Турціей былъ заключенъ оборонительный союзъ, причемъ договоръ былъ подписанъ съ турецкой стороны такими старинными недоброжелателями Россіи, какъ сераскиръ Хозревъ-Мехмедъ-паша и Персневъ-эффенди, редактировавшій въ 1827 году фирманъ, вызвавшій со стороны Россіи объявленіе войны.

Въ августѣ 1833 года Николай Павловичъ собрался навѣстить своего тестя, прусскаго короля. Поѣздка предполагалась моремъ черезъ Шведтъ. Корабль «Ижора», вышедшій изъ Кронштадта, по дорогѣ былъ застигнутъ такой бурей, что капитанъ принужденъ былъ укрыться въ одну изъ бухтъ вблизи Ревеля. Такъ какъ все время дулъ противный вѣтеръ, то Николай Павловичъ приказалъ вернуться въ Кронштадтъ, откуда двинулся въ Пруссію по сухому пути. Инкогнито, въ качествѣ адъютанта Бенкендорфа, онъ прибылъ 5-го сентября въ Шведтъ, гдѣ былъ встрѣченъ королемъ, принцемъ

Мекленбургъ-Стрелицкимъ, герцогомъ Кумберландскимъ, которые уже нѣсколько дней дожидались его.

Напрасно заговаривалъ Николай Павловичъ съ своимъ тестемъ о нѣкоторыхъ волновавшихъ его политическихъ вопросахъ. Прусскій король, видимо, избѣгалъ бесѣдовать съ нимъ на эту тему. Николай Павловичъ, страшно вспыльчивый и нервный, но привыкшій сдерживать себя, гдѣ надо, даже заболѣлъ отъ досады, и придворный врачъ короля объявилъ, что онъ въ опасности. Диагнозъ этотъ, однако, не оправдался, и Николай Павловичъ, вѣчно стремившійся къ образованію прочнаго союза между Австріей, Пруссіей и Россіей, чтобы такимъ образомъ обуздать Францію и Англію и положить конецъ либеральному движенію въ Европѣ, двинулся въ Вѣну. Переговоры о союзѣ съ Австріей уже начались раньше и велись черезъ русскаго посланника въ Вѣнѣ Татищева и австрійскаго посланника въ Петербургѣ Фикельмонта. Свиданіе между русскимъ монархомъ и душою европейской реакціи кн. Меттернихомъ состоялось на второй день по пріѣздѣ въ Вѣну. «Я сидѣлъ за работой въ моей комнатѣ,—писалъ Николай Павловичъ императрицѣ,—когда явился Меттернихъ. Все, что онъ говорилъ, совершенно вѣрно, кромѣ его словъ о войнѣ, въ которую онъ не вѣритъ. Между прочимъ онъ сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Прошу васъ вѣрить, что я не интригую». На что я просто сказалъ: «Князь, я васъ знаю...» Вчера я сдѣлалъ визитъ графинѣ Меттернихъ. Онъ также былъ при этомъ. Меня приняли отлично, и оба старались быть какъ можно любезнѣе. Она очень занята, но я не могу переносить ея голоса. Онъ болтунъ, иногда очень забавный». Это неприятное впечатлѣніе скоро впрочемъ изгладилось, однако австрійскій «болтунъ» такъ и не сумѣлъ пріобрѣсти расположенія русскаго императора. По крайней мѣрѣ Николай Павловичъ писалъ въ послѣдствіи, что онъ незамѣтно крестится всякій разъ, какъ къ нему приближается Меттернихъ.

Зная слабость Николая Павловича ко всякаго рода военнымъ парадамъ, австрійскій императоръ устроилъ большой смотръ войскамъ и даже назначилъ его шефомъ гусарскаго полка. Графиня Меттернихъ, которую онъ считалъ только занятой, ехидно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что это привело его, словно ребенка, въ такой восторгъ, что онъ бросился на шею императору Францу и расцѣловалъ его.

Со своей стороны, императоръ Францъ, въ благодарность за то, что Николай Павловичъ такъ «самоотверженно печется о благѣ Австрійской имперіи», старался исполнять всѣ желанія своего высокаго гостя и даже заявилъ, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ оставитъ своимъ сыновьямъ завѣтъ—быть въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Россіей и ничего не предпринимать безъ ея совѣта.

6-го (18-го) сентября между Россіей и Австріей была заключена конвенція, въ силу которой обѣ державы обязывались сохранять цѣлость Турецкой имперіи и поддерживать султана противъ египетскаго паши. Имѣлись въ конвенціи и нѣкоторыя тайныя статьи, направленные противъ Франціи и Англіи, которую такъ недолюбливалъ Николай Павловичъ. Когда изъ Лондона ему сообщили въ 1834 году о томъ, что старинное зданіе парламента сдѣлалось жертвою пламени, онъ положилъ на докладѣ слѣдующую резолюцію: «Это персть Божій, указующій, что они недостойны тамъ сидѣть».

Къ конвенціи, заключенной съ Австріей, Николай Павловичъ хотѣлъ непременно привлечь и своего тестя, прусскаго короля. Однако послѣдній, какъ болѣе реальный политикъ, старался уклониться отъ обязательствъ, не обѣщавшихъ Пруссіи особыхъ выгодъ. Такая позиція короля вызвала неудовольствіе Николая Павловича, которое онъ не замедлилъ проявить самымъ демонстративнымъ образомъ. 4-го октября, по случаю дня рожденія брата императрицы Александры Ѳеодоровны, принца Альбрехта прусскаго, въ Царскомъ Селѣ былъ парадный обѣдъ. За обѣдомъ, какъ водится, были провозглашены тосты, и между прочимъ за здоровье принца. Николай Павловичъ, отвернувшись къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ генералу Орлову, громко сказалъ:

— Пью за ваше здоровье, генераль.

11-го (23) октября императрица отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера Никсъ получилъ изъ Берлина хорошія вѣсти. Конвенцію подписали и въ Берлинѣ».

Теперь Николаю Павловичу оставалось только распредѣлить роли своихъ союзниковъ. Пруссія должна была стоять противъ Франціи и преграждать распространеніе изъ нея прогрессивныхъ идей. Австріи было поручено наблюдать за Италіей и Швейцаріей.

Чтобы легче осуществлять свою задачу—бороться съ либеральными идеями, Россія прибѣгла къ содѣйствію наиболѣе крупныхъ нѣмецкихъ газетъ. Одну изъ нихъ Шиманъ называетъ. Это «Ausburger Allgemeine Zeitung». Названіе другой ему не удалось обнаружить. По всей вѣроятности, это была «Kreuz-Zeitung».

Съ декабря 1833 года въ Петербургѣ опять наступила полоса празднествъ и баловъ, продолжавшаяся до мая слѣдующаго года. Въ концертахъ отличалась знаменитая пѣвица Гейнефеттеръ; билеты на ея концерты доходили до неслыханной въ то время цѣны—сто рублей за ложу. Императоръ, появленіе котораго въ первый разъ было встрѣчено новымъ народнымъ гимномъ, приказалъ, чтобы на придворные балы дамы являлись въ русскомъ платьѣ. Балъ слѣдовалъ за баломъ, какъ вдругъ разразилось событіе, которое могло имѣть для многихъ весьма плачевныя послѣдствія. Великій князь Михаилъ Павловичъ, явившись однажды

ночью въ караульную комнату дворца, засталъ тамъ нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, расположившихся совершенно по домашнему. Въ глазахъ Михаила Павловича это было ужасное преступленіе, и онъ потребовалъ, чтобы виновные въ нарушенія устава караульной службы были преданы военному суду. Николаю Павловичу пришлось потратить не мало усилій, чтобы успокоить брата и свести все дѣло къ нѣсколькимъ днямъ ареста на гауптвахтѣ. Суровость великаго князя произвела самое непріятное впечатлѣніе на общество, и императрица занесла въ свой дневникъ: «Какъ и всѣ благоразумные люди, я нахожу, что великій князь ведетъ себя тираномъ».

«Великій князь,—сказалъ про него кто-то,—дѣлаетъ больше зла своимъ поведеніемъ, чѣмъ любой карбонарій, ибо онъ удаляетъ сердца отъ государя и раздражаетъ общественное мнѣніе».

Дѣйствительно, когда передъ пріѣздомъ Николая Павловича въ Тулу сгорѣли отъ неизвѣстной причины обширные казенные тульскіе ружейные заводы, а также произошли пожары въ Москвѣ, общественное мнѣніе усмотрѣло въ этомъ своего рода протестъ, который приписывали, впрочемъ, мести поляковъ. Подобнаго рода слухи получили новую пищу послѣ того, какъ въ Ярославлѣ обрушился мостъ, по которому долженъ былъ ѣхать императоръ, и Николаю Павловичу пришлось переправляться черезъ Волгу на лодкѣ. Такой же случай произошелъ съ нимъ потомъ во время путешествія въ Пруссію, куда императорская чета отправлялась очень часто для свиданія съ престарѣлымъ прусскимъ королемъ. Въ Торнѣ загорѣлся мостъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда по немъ проѣзжалъ Николай Павловичъ. Многие увидѣли въ этомъ прямое покушеніе на жизнь императора.

Въ сентябрѣ 1835 года въ Теплицѣ состоялось одно изъ нерѣдкихъ свиданій двухъ императоровъ и прусскаго короля. На этомъ свиданіи рѣшено было уничтожить послѣдній остатокъ самостоятельной Польши. По тайному протоколу, Краковская республика присоединялась къ Австріи, Пруссія же добилась «исправленія границъ» въ Силезіи.

Покончивъ съ дѣловой частью свиданія, Николай Павловичъ 8-го октября совершенно неожиданно обратился къ австрійскому императору Фердинанду съ вопросомъ, не будетъ ли отъ него какихъ-либо порученій въ Вѣну. Онъ любилъ пріѣзжать сюрпризомъ, и однажды явился въ Берлинъ въ то время, когда король сидѣлъ у себя во дворцѣ и даже не подозрѣвалъ о пріѣздѣ своего зятя. Такъ онъ поступилъ и на этотъ разъ. Даже сопровождавшій императора Бенкендорфъ былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ намѣреніемъ. Нашъ посоль при вѣнскомъ дворѣ Татищевъ, также бывшій въ это время въ Теплицѣ, едва успѣлъ передать ему ключи отъ комнатъ посольства. Императоръ ѣхалъ инкогнито въ качествѣ

адъютанта Бенкендорфа и, какъ всегда, двигался впередъ съ такой быстротой, что черезъ сутки былъ уже въ Вѣнѣ. Ворота русскаго посольства были заперты. Испуганный внезапнымъ появленіемъ Бенкендорфа и его мнимаго адъютанта, швейцаръ поднялъ тревогу и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось эта исторія, если бъ не оказавшійся при этомъ случайно совѣтникъ посольства будущій канцлеръ, князь Горчаковъ. Николай Павловичъ въ этотъ пріѣздъ посѣтилъ дважды княгиню Меланію Меттернихъ, сдѣлалъ визитъ императрицѣ Каролинѣ-Августѣ въ Шенбруннѣ и пробылъ въ Вѣнѣ до 12-го октября, когда, въ полночь—это былъ его обычный часъ для отъѣзда, выѣхалъ изъ австрійской столицы: «Новый австрійскій императоръ,—записала въ своемъ дневникѣ со словъ супруга императрица Александра Θεодоровна,—такъ жалокъ и тѣломъ, и духомъ, что его можно считать куклой, сидящей на тронѣ. Настоящими же правителями являются Меттернихъ, графъ Коловратъ и графъ Кламъ-Галласъ».

Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ особенно обострились наши отношенія съ Англіей. Причиной послужило прежде всего появленіе въ Константинополѣ прусскихъ офицеровъ во главѣ съ Мольтке, которымъ было поручено укрѣпить Дарданеллы. Англійскій посланникъ лордъ Понсонби считалъ, что эта мѣра направлена прямо противъ англійскаго флота, сильно протестовалъ, но не былъ поддержанъ британскимъ премьеромъ, лордомъ Пальмерстономъ, не желавшимъ ссориться съ Россіей, державшей всегда сторону пруссаковъ. Второй случай, внесшій острогу въ отношенія между Россіей и Англіей, произошелъ въ декабрѣ 1835 года съ англійскимъ пароходомъ «Vixen», который пытался выгрузить у нашихъ кавказскихъ береговъ грузъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ пороха. Такъ какъ доставка пороха на кавказскій берегъ была воспрещена русскимъ правительствомъ, то «Vixen» былъ задержанъ русскимъ военнымъ бригадомъ «Аяксъ» и отведенъ въ Севастополь.

Николай Павловичъ приказалъ произвести по этому дѣлу подробное дознаніе, которое и было напечатано затѣмъ въ «Journal de St. Pétersbourg». Несмотря на то, что англійское общественное мнѣніе, разжигаемое польскими эмигрантами, было сильно возбуждено, лордъ Пальмерстонъ удовлетворился объясненіями русскаго правительства, а полякамъ заявилъ, что онъ знаетъ только ту Польшу, которая была опредѣлена Вѣнскимъ конгрессомъ.

17-го (29) декабря 1837 года, какъ извѣстно, сгорѣлъ Зимній дворецъ. Государь съ супругой былъ въ театрѣ, когда вспыхнулъ пожаръ. Не сказавъ ни слова императрицѣ о начавшемся пожарѣ, Николай Павловичъ сейчасъ же прибылъ ко дворцу и принялъ на себя общее руководство по борьбѣ съ разбушевавшейся стихіей. Пожаръ Зимняго дворца имѣлъ весьма печальныя послѣдствія для

императорской семьи. Онъ такъ испугалъ императрицу, что съ этого времени она стала страдать припадками сердцебіенія. Николай Павловичъ никакъ не хотѣлъ свыкнуться съ мыслью, что его супруга серьезна больна и нуждается въ леченіи за границей. Онъ привыкъ, чтобы она принимала участіе во всѣхъ придворныхъ празднествахъ, балахъ, парадахъ и маневрахъ. Развивавшееся сердцебіеніе заставляло ее уклоняться отъ всего этого, а Николай Павловичъ принималъ это за нежеланіе сообразоваться съ его вкусами и желаніями. Это непониманіе нерѣдко приводило супруговъ къ бурнымъ сценамъ, отъ которыхъ они оба потомъ сильно страдали.

Съ теченіемъ времени здоровье Александры Ѳеодоровны настолько пошатнулось, что въ маѣ 1838 года ей пришлось ѣхать за границу. Съ ней вмѣстѣ поѣхалъ и наслѣдникъ цесаревичъ, также утомленный вѣчными разъѣздами, въ которыхъ онъ долженъ былъ сопровождать отца. Предполагалось, что Александръ Николаевичъ объѣдетъ всѣ европейскіе дворы, кромѣ Франціи, причемъ на нѣсколько мѣсяцевъ останется въ Англіи. Помимо образовательныхъ цѣлей, имѣлось въ виду прискаты ему невѣсту, что было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Петербургѣ юный наслѣдникъ сталъ проявлять признаки особой привязанности къ одной изъ фрейлинъ своей матери, Ольгѣ Колиновской.

Съ другой стороны поѣздка императрицы Александры Ѳеодоровны должна была уладить вопросъ о бракѣ великой княжны Маріи Николаевны, для которой былъ намѣченъ въ женихи герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда императрицы, 19-го мая пріѣхалъ въ Берлинъ Николай Павловичъ. По обыкновенію начался цѣлый рядъ баловъ, празднествъ, маневры, но отъ разговора о предстоящемъ заключеніи торговаго договора прусскій король рѣшительно уклонялся. Точно также встрѣтили русскіе взгляды сопротивленіе и въ средѣ его министровъ. 11-го іюня Николай Павловичъ, не желавшій пропустить большихъ маневровъ въ Красномъ Селѣ, выѣхалъ въ Россію черезъ Штеттинъ. Его сопровождалъ наслѣдникъ-цесаревичъ, который потомъ отдѣлился отъ него и направился въ Швецію, чтобы сдѣлать визитъ престарѣлому королю Карлу XIV. 10-го іюня императорскій пароходъ, имѣя на борту наслѣдника цесаревича, бросилъ якорь въ Стокгольмѣ.

Между тѣмъ Николай Павловичъ, желая, по обыкновенію, сдѣлать сюрпризъ шведскому королю, сѣлъ съ графомъ Сухтеленъ на простую шхуну, высадился на шведскомъ берегу близъ Слотстраппена и совершенно неожиданно явился въ королевскій замокъ въ Легарденѣ. Внезапное появленіе русскаго императора вызвало въ замкѣ цѣлый переполохъ: пришлось спѣшно составлять ритуаль, устраивать празднества и парады и т. д. Шведы усмотрѣли

въ этомъ внезапномъ появленіи пренебреженіе къ своему королю. Въ обществѣ поднялось недовольство, и не успѣлъ Николай Павловичъ покинуть шведскую территорію, какъ въ Стокгольмѣ произошли враждебныя Россіи демонстраціи, несмотря на то, что наслѣдникъ цесаревичъ былъ еще гостемъ короля. Волненія эти достигли такихъ размѣровъ, что Карль XIV призвалъ войска и даже приказалъ двинуть на улицы артиллерію.

Несмотря на то, что Николай Павловичъ рѣдкій годъ не ѣздилъ въ Пруссію, отношенія между Россіей и этимъ нѣмецкимъ государствомъ продолжали въ этотъ періодъ портиться. Не были улажены таможенные споры. Къ этому присоединились еще семейные раздоры. Фридрихъ-Вильгельмъ, опасаясь возрастающаго вліянія Россіи среди мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, рѣшительно противодействовалъ матримоніальнымъ планамъ императора Николая, задумавшаго выдать великую княжну Ольгу Николаевну за виртембергскаго наслѣднаго принца. Короля въ его борьбѣ противъ этого брака его внуки поддерживали и нѣкоторые другіе государи, тяготѣвшіе къ Пруссіи. Въ концѣ концовъ Фридрихъ-Вильгельмъ вынужденъ былъ, однако, дать свое согласіе на этотъ бракъ, но въ отношеніяхъ тестя и зятя появилось взаимное неудовольствіе. Внѣшнимъ выраженіемъ этого неудовольствія со стороны Николая Павловича былъ курьезный указъ, запрещавшій нашимъ щеголямъ подражать берлинскимъ модамъ и носить, какъ это дѣлалось въ Берлинѣ, цвѣтные жилеты и галстуки и трости.

Между тѣмъ наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ продолжалъ свой объѣздъ европейскихъ дворовъ. Сопровождавшій его графъ Орловъ привезъ его сначала въ Вѣну, оттуда въ Штутгартъ, Карлсруэ и Дармштадтъ. Изъ Дармштадта предполагалось ѣхать въ Англію, но русскій посланникъ въ Парижѣ Поццо-ди-Борго увѣдомилъ Орлова, что настроеніе въ Лондонѣ настолько враждебно Россіи, что возможно даже оскорбленіе высокаго гостя. Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ распорядился, чтобы наслѣдникъ безотлагательно ѣхалъ въ Англію и пробылъ тамъ три недѣли. Императоръ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы кто-нибудь посмѣлъ оскорбить наслѣдника русскаго престола.

И дѣйствительно, все обошлось болѣе чѣмъ благополучно. Цесаревичъ прибылъ въ Лондонъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пало министерство Мельбурна. Съ большимъ тактомъ цесаревичъ, въ числѣ прочихъ официальныхъ визитовъ, сдѣлалъ визитъ и всѣмъ министрамъ, только что вышедшимъ въ отставку. Это произвело большое впечатлѣніе. Съ другой стороны, дипломатическая ловкость графа Орлова, умѣвшаго, когда нужно, плѣнять людей, быстро повернула общественное мнѣніе Англіи въ благоприятную для Россіи сторону, такъ что ко времени отъѣзда цесаревича враждебная намъ волна въ Англіи сильно упала.

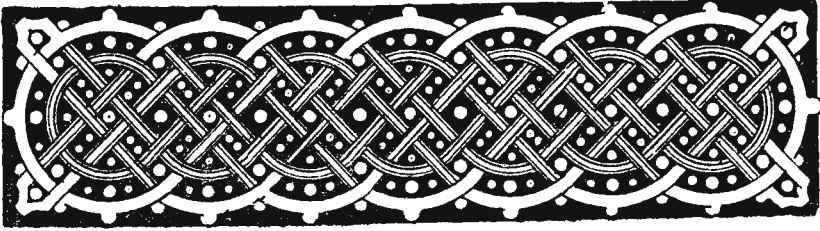
Помимо политическихъ цѣлей, поѣздка цесаревича была сопряжена и съ матримоніальными видами. Николай Павловичъ уже намѣтилъ для сына невѣсту въ лицѣ принцессы гессенской Маріи, которой въ это время было только пятнадцать лѣтъ. На этой почвѣ между царственнымъ отцомъ и его юнымъ сыномъ происходили крупныя непріятности. Цесаревичъ сознался отцу въ своемъ юношескомъ увлеченіи и заявилъ, что онъ не въ силахъ разстаться съ фрейлиной Колиновской. Упорство сына вывело изъ себя Николая Павловича. Отражая мнѣнія своего супруга, императрица Александра Ѳеодоровна занесла въ свой дневникъ: «Что будетъ съ Россіей въ рукахъ человѣка, который не умѣетъ побѣждать себя и позволяеть страстямъ увлекать себя».

Планъ императора Николая выдать Ольгу Колиновскую замужъ за графа Апраксина потерпѣлъ крушеніе, и натянутыя отношенія при дворѣ продолжались. «Саха,—пишетъ Николай Павловичъ своей супругѣ съ Бородинскаго поля въ 1837 году, гдѣ, по случаю исполненной четверти вѣка со дня знаменитаго сраженія былъ большой парадъ,—взялъ привычку курить, и я, къ сожалѣнію, вижу, что онъ ни къ чему не можетъ отнестись серьезно, предпочитаетъ быть со своими адъютантами и нѣкоторыми другими лицами, а по вечерамъ играетъ съ ними и съ Микулинымъ въ вистъ. Все это, конечно, можно извинить, но я не нахожу въ немъ ни малѣйшей склонности заняться собою. Я не говорю съ нимъ, ибо замѣчаю, что на мои совѣты онъ смотритъ не какъ на совѣты друга, а какъ на совѣты человѣка, который хочетъ его угнетать. Я молчу, желая посмотрѣть, куда все это приведетъ».

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ Николая Павловича, отношенія между нимъ и наслѣдникомъ продолжали ухудшаться. Черезъ два года послѣ цитированнаго письма, въ сентябрѣ 1839 г. изъ Москвы онъ пишетъ императрицѣ еще болѣе гнѣвное письмо: «Я боюсь, что въ скоромъ времени, вмѣсто друга и помощника, около меня окажется человѣкъ, который будетъ дѣлать противоположное тому, что я дѣлаю и о чемъ я думаю. Поистинѣ, я дрожу отъ этого. Но для меня на первомъ планѣ государство и, какъ ни люблю я своихъ дѣтей, отечество я люблю еще больше и, если нужно будетъ, то примѣръ Петра Великаго укажетъ мнѣ на мою обязанность, которую я не поколеблюсь исполнить. Печально, что я принужденъ говорить объ этомъ, но я предпочитаю все предвидѣть, чѣмъ жить иллюзіями».

Царевичъ исполнилъ, однако, волю отца, и книга Шимана заканчивается обрученіемъ Александра Николаевича съ принцессой гессенской, будущей императрицей Маріей Александровной, незаурядная личность которой ждетъ еще своего историка.

Ал. Бѣловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Валишевскій, К., Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствованіе и смерть. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1914. Съ иллюстраціями. Стр. 662 Ц. 6 р.

СЫНЪ ЕКАТЕРИНЫ съ его трагической судьбой одна изъ самыхъ загадочныхъ фигуръ исторіи, одна изъ самыхъ спорныхъ тоже». Такъ начинается свою книгу о Павлѣ г. Валишевскій. Указавъ на то, что имъ использованъ не только «богатый матеріалъ» въ видѣ монографій, записокъ и документальныхъ данныхъ, «разсѣянныхъ по безчисленнымъ журналамъ», но также собранъ значительный архивный матеріалъ, авторъ съ увѣренностью говоритъ: «Мнѣ кажется, я достаточно приблизился къ исторической истинѣ, оставивъ возможнымъ заблужденіямъ лишь неширокое поле».

Какова же та историческая истина и то пониманіе Павла, которое дано г. Валишевскимъ? «Какъ ни тщательно, — читаемъ у него въ предисловіи, — были изучены другими изслѣдователями умъ и нравъ Павла въ ихъ природномъ складѣ или въ ихъ эволюціи, безусловно, не всѣ данныя были приняты ими въ соображеніе. Помимо наслѣдственности, воспитанія и окружающей среды, другія не менѣе рѣшающія вліянія ускользнули отъ ихъ вниманія. Держась противоположныхъ своей матери взглядовъ, Павелъ въ теченіе двадцати лѣтъ былъ рѣзкимъ противникомъ ея политики и царствованія». «Онъ задумалъ, подготовилъ и хотѣлъ произвести полный переворотъ того правленія, которое дало Россіи могущество, блескъ и обаяніе... Вступивъ, наконецъ, на время въ противореволюціонную

лигу, онъ затѣмъ вышелъ изъ нея, чтобы сойтись съ героемъ 18 брюмера и вмѣстѣ съ нимъ мечтать о разрушеніи стараго порядка въ Европѣ и о раздѣленіи міра между ними двоими... Онъ былъ, конечно, подлиннымъ сыномъ революціи, которую онъ такъ пламенно ненавидѣлъ и противъ кото рой боролся. Его нельзя назвать, поэтому, ни сумасшедшимъ въ патологическомъ значеніи этого слова, ни даже слабоумнымъ, хотя онъ и былъ способенъ на явное безразсудство и на послѣднія глупости: просто, какъ человѣкъ посредственнаго ума, онъ не могъ устоять противъ общаго умственнаго кризиса, заставлявшаго бредить даже самыхъ сильныхъ».

Таковъ основной взглядъ г. Валишевскаго на императора Павла I. На фонѣ этого взгляда и развертывается подробный рассказъ автора о жизни, царствованіи и смерти Павла. Съ внѣшней стороны книга г. Валишевскаго дѣлится на три части: въ первой (стр. 1—98) изображается Павелъ отъ его дѣтскихъ лѣтъ до момента вступленія на престолъ, во второй, центральной части (99—502) излагается царствованіе Павла по такимъ отдѣламъ: вступленіе на престолъ, правительственная программа и образъ дѣйствій императора, его приближенные, внутреннее управленіе, военная реформа, внѣшняя политика и отношеніе Павла къ Бонапарту; третья часть (стр. 503—634) посвящена «катастрофѣ», изложенію окончательнаго кризиса, заговора и событія ночи 11 марта и краткому заключенію ко всей книгѣ.

Переходя къ разбору книги г. Валишевскаго, я долженъ прежде всего отмѣтить странное отношеніе автора къ предшествовавшимъ изслѣдователямъ эпохи Павла I. Такъ, г. Валишевскій заявляетъ, что «за послѣдніе годы» произошелъ «полный переворотъ въ установившихся взглядахъ на характеръ и умъ Павла I, такъ же, какъ и на значеніе его царствованія». Не называя именъ, г. Валишевскій пишетъ: «Въ глазахъ новѣйшихъ русскихъ біографовъ Павелъ не только пересталъ быть сумасшедшимъ, но превратился почти въ великаго человѣка»; «они склонны признать его гениемъ»; «его царствованіе будто бы... было періодомъ дѣятельности, особенно благодѣтельной и плодотворной». «Новые защитники» отводятъ Павлу мѣсто «въ пантеонѣ великихъ государей».

Вся эта тирада г. Валишевскому нужна для того, чтобы, указавъ на ошибки предшественниковъ, самому дать, по его мнѣнію, болѣе вѣрное изображеніе Павла и павловскаго царствованія. Но я долженъ сказать, что такихъ «новѣйшихъ русскихъ біографовъ Павла», мнѣніе которыхъ излагаетъ г. Валишевскій, не существуетъ. Что въ исторической литературѣ въ настоящее время происходитъ пересмотръ прежнихъ взглядовъ на Павла, это вѣрно, но этотъ пересмотръ «весьма далеко отъ тѣхъ крайнихъ и невѣроятныхъ мнѣній, которыя излагаются г. Валишевскимъ отъ имени неизвѣстныхъ «новѣйшихъ русскихъ біографовъ Павла».

Затѣмъ г. Валишевскій прежнія изслѣдованія о павловскомъ времени (стр. XXII) называетъ «отрывочными и неполными», чѣмъ уменьшаетъ ихъ значеніе. Насколько вѣрна эта характеристика, можно видѣть изъ того, что о Павлѣ до восшествія на престолъ въ литературѣ существуетъ двѣ работы: Д. Θ. Кобеко и г. Морана; также двѣ работы—Н. К. Шильдера и Е. Шумигорскаго—охватываютъ цѣликомъ жизнь Павла до 1796 г. и его царствованіе.

Кромѣ того, отдѣльныя стороны павловскаго времени захвачены въ изслѣдованіяхъ бар. А. Э. Нольде (о сенатѣ), Градовскаго (о ген.-прокурорѣ), бар. Корфа и Романовича-Славатинскаго (о дворянствѣ), В. И. Семевскаго и Трифильева (о крестьянахъ), Петрушевскаго и Панчулидзева (объ арміи) и т. д. Какъ видитъ читатель, литература о Павлѣ довольно обширна и богата и жаловаться на ея «отрывочность» и «неполноту» никакимъ образомъ нельзя.

Что касается матеріаловъ, на которыхъ построена книга, то въ заслугу г. Валишевскому нужно поставить весьма широкую начитанность его въ мемуарахъ, запискахъ, дневникахъ и письмахъ современниковъ не только на русскомъ, но и иностранныхъ языкахъ. Автору удалось извлечь даже имена малоизвѣстныхъ мемуаристовъ и использовать ихъ хотя бы нѣсколькими строками. Въ этой части я не замѣтилъ ссылокъ только на Болотова, Гульдара, княгиню Долгорукую и Толубѣева. Г. Валишевскій, кромѣ печатнаго матеріала, воспользовался и архивными данными, взятыми какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иностранныхъ архивовъ. Но, къ сожалѣнію, освѣдомленность автора въ русскихъ архивахъ весьма невелика, иначе онъ не написалъ бы того, что архивные документы «недоступны, даже въ государственныхъ хранилищахъ, за отсутствіемъ каталога и классификаціи, необходимыхъ для пользованія этими сокровищами (стр. XXII). На самомъ же дѣлѣ къ документамъ и дѣламъ этого періода во всѣхъ главныхъ архивахъ имѣются описи и указатели, а въ нѣкоторыхъ архивахъ (какъ въ сенатскомъ, военно-ученомъ, морского министерства и архивѣ государственнаго совѣта) описи даже напечатаны.

Впрочемъ, объ архивныхъ данныхъ г. Валишевскій того мнѣнія, что «напрасно искать въ нихъ какихъ-либо откровеній, которыя могли бы измѣнить нашъ взглядъ на личность Павла и на событія его времени», такъ какъ «главный документъ для исторіи его царствованія—это Полное Собраніе Законовъ и статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Павелъ сказался тутъ весь, со всѣми даже своими чудачествами и запальчивостью». На это позволю себѣ замѣтить, что въ Полномъ Собраніи Законовъ напечатано указовъ и распоряженій правительства 2.249 номеровъ, тогда какъ въ сенатскомъ, напимѣрь, архивѣ однихъ высочайшихъ указовъ, повелѣній и резолюцій—около 12.000. Какъ же г. Валишевскій воспользовался документами Полнаго Собранія Законовъ? Въ сожалѣнію, нужно признать, что его знакомство съ этимъ «главнымъ документомъ царствованія» весьма отдаленное; по моему подсчету, онъ дѣлаетъ ссылку изъ 2.249 номеровъ лишь на 36.

Итакъ, не архивы русскіе и не законодательство и распоряженія правительства даютъ автору основной матеріалъ для его книги, а мемуарная литература въ широкомъ смыслѣ этого слова. Каково же отношеніе автора къ его главнымъ источникамъ? По моему мнѣнію, въ достоинство книги нужно поставить то, что въ ней замѣтно нѣкоторое критическое отношеніе къ мемуаристамъ, и въ этомъ рецензируемая книга выше книги Н. К. Шильдера о Павлѣ, почти сплошь наполненной выписками изъ мемуаровъ безъ какой бы то ни было критической оцѣнки ихъ. Но, къ сожалѣнію, г. Валишевскій еще далекъ отъ вполне правильнаго пользованія мемуарами. Такъ, онъ, видимо, въ интересахъ яркости и занятости изложенія, не довѣряя разказу, сообщаемому

мемуаристами, тѣмъ не менѣе приводитъ его и готовъ анекдоту придать значеніе факта.

Г. Валишевскій, напримѣръ, передаетъ анекдотъ о Храповицкомъ, котораго Павелъ будто бы приказалъ разстрѣлять (стр. 143), хотя и добавляетъ, что это приключеніе «оказалось простымъ недоразумѣніемъ, въ дѣйствительности не подвергшимъ, кажется, ничьей жизни серьезной опасности» (144), тогда какъ можно было бы и не рассказывать объ этомъ анекдотѣ, такъ какъ никакого «приключенія» и приказа Павла о разстрѣляніи Храповицкаго въ дѣйствительности не было.

Кромѣ явно анекдотическихъ извѣстій, г. Валишевскій довѣряетъ нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, несмотря на опроверженіе ихъ современными болѣе точными сообщеніями. Такъ, напримѣръ, онъ приводитъ рассказъ о поѣздкѣ Павла на мельницу наканунѣ смерти Екатерины, о появленіи тамъ Зубова и объ испугѣ Павла (стр. 102). Этотъ рассказъ въ нѣкоторыхъ частяхъ опровергается гофъ-фурьерскимъ журналомъ, Ростовчинымъ и де-Сангленомъ; тѣмъ не менѣе г. Валишевскій сообщаетъ его, какъ «рассказъ, приведенный свидѣтелемъ-очевидцемъ». Но послѣднее указаніе автора невѣрно, такъ какъ этотъ рассказъ напечатанъ въ 60-хъ годахъ Ханенкомъ («Русскій Арх.», 1866, стр. 1301 и сл.; ср. 1868 г., 1070—1080) лишь по памяти со словъ генерала Котлубицкаго, отъ котораго Ханенко слышалъ его въ ряду другихъ сообщеній о времени Павла.

Недостаточно критическое отношеніе автора къ своимъ матеріаламъ особенно ярко сказалось на слѣдующемъ. Г. Валишевскій довѣрился Державину въ его сообщеніи о томъ, что Павелъ надъ тремя разнорѣчивыми мнѣніями о внутреннемъ судоходствѣ и постройкѣ судовъ подписалъ: «Быть по сему» (Сочиненія, 2-ое изд., VI т., 695). Это сообщеніе авторъ усиливаетъ. Державинъ говоритъ: «надъ всѣми тѣми мнѣніями» Павелъ написалъ: быть «по сему». Г. Валишевскій къ этому отъ себя прибавляетъ и излагаетъ дѣло такъ: не прочтя мнѣнія или не понявъ, Павелъ написалъ «подъ каждымъ изъ нихъ обычныя слова одобренія: быть по сему, и велѣлъ всѣ опубликовать» (стр. 144).

Но, во-первыхъ, эти прибавки искажаютъ дѣло: резолюцій было написано не три, подъ каждымъ мнѣніемъ въ отдѣльности, а одна, надъ мнѣніями, изложенными въ докладѣ; во-вторыхъ, резолюція обозначала, вопреки указанію Державина, а за нимъ и г. Валишевскаго, не конфирмацію трехъ разнорѣчивыхъ мнѣній, а утвержденіе мнѣнія коммерць-коллегіи, отъ имени которой подносился на высочайшее утвержденіе докладъ. Въ этомъ убѣждаетъ не только подлинная рукопись доклада, но и текстъ его, напечатанный въ «П. С. З.», подъ № 19.624, куда г. Валишевскій не потрудился заглянуть. Тамъ же онъ увидѣлъ бы, что не адмиралтейская коллегія, а коммерць-коллегія представляла государю проектъ, и Павелъ не могъ его подписать, «не прочтя» или «не понявъ», какъ произвольно объясняетъ г. Валишевскій, такъ какъ сверхъ краткой конфирмаціи на поляхъ доклада противъ 6 пункта рукою Павла была написано: «Сей 6 пунктъ правительству себѣ предоставляетъ въ распоряженіе, смотря по обстоятельствамъ».

Не могу не отмѣтить и того, что книга г. Валишевскаго, хотя имѣетъ цѣлью дать пониманіе всего царствованія въ его цѣломъ, этого представленія дать не

можетъ. Въ ней вниманіе автора сосредоточено преимущественно на личности Павла и на внѣшней политикѣ, которой въ пяти главахъ отводится около 200 стр., тогда какъ внутренняя политика во всей ея совокупности занимаетъ всего около 60 стр., причемъ автору остается непонятной реформа учреждений мѣстнаго управления, а частью и сословная политика Павла.

Да и въ характеристикѣ Павла, несмотря на ея обширность и разносторонность, трудно найти цѣльность и возможное единство. Отмѣтивъ въ Павлѣ стремленіе къ подражательности, г. Валишевскій на стр. 39 заявляетъ, что Павелъ рѣшилъ «слѣдовать по стопамъ Петра В.» и «продолжать работу Петра II»; тутъ же онъ сообщаетъ, что больше всего Павелъ «подражалъ» Фридриху II, и это авторъ повторяетъ нѣсколько разъ (стр. 135, 157); а ниже оказывается, что Павелъ подражалъ и Людовику XIV (стр. 136), и Ивану Грозному (153), и французскимъ республиканцамъ (150) эпохи революціи, съ которыми имѣлъ несомнѣнное сходство, а въ концѣ концовъ имѣлъ «иногда нѣкоторое сходство съ Донъ-Кихотомъ» (166). Читатель въ недоумѣніи: кому же, наконецъ, подражалъ Павелъ и на кого онъ находилъ своими дѣйствіями?

Заканчивая свой разборъ, я долженъ сказать: ни по матеріалу, обширному, по довольно одностороннему, ни по манеру обращенія съ матеріаломъ, ни по основнымъ выводамъ книга г. Валишевскаго не можетъ претендовать на научное значеніе, она является лишь историческимъ повѣствованіемъ о Павлѣ I и его времени, и въ этомъ смыслѣ она заслуживаетъ вниманія. Прежде всего, книга эта—едва ли не самый подробный рассказъ о Павлѣ I и его царствованіи, съ многочисленными литературными (библиографическими) указаніями. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія изложеніе событій международной политики за павловское время. Въ этомъ отношеніи авторъ превосходитъ своихъ предшественниковъ. Въ характеристикѣ Павла ярко подчеркнуты нѣкоторыя черты его характера и очень умѣло оттънено то, что Павелъ былъ претендентомъ и соперникомъ матери, мечталъ и готовился къ реформаторской дѣятельности, на которой существеннымъ образомъ позднѣе отразилась его борьба съ революціей.

Не могу умолчать объ изложеніи автора. Съ внѣшней стороны книга написана блестяще, читается съ живымъ интересомъ.

Въ умѣнїи г. Валишевскаго ярко и образно передать событія или свои мысли—самая сильная сторона книги. Повышаетъ цѣнность книги и то, что она богато иллюстрирована цѣлымъ рядомъ интересныхъ портретовъ, картинъ и рисунковъ.

М. Клочковъ.

М. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. Спб. 1913. Стр. 414. Ц. 2 р. 50 к.

Диссертацию М. Д. Приселкова приходится назвать фантастической. Онъ руководствуется больше воображеніемъ, чѣмъ изученіемъ источниковъ. Во второй половинѣ его труда высказаны нѣкоторыя предположенія, которыя могутъ быть приняты во вниманіе, но первая часть наполнена безпочвенными гипотезами. Такъ, напримѣръ, въ высшей степени неправдоподобна и ни на

какомъ документѣ не основана догадка автора, будто кievскій митрополитъ Иларіонъ и монахъ Никонъ, написавшій разсказъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ, одно и то же лицо. Митрополитъ превратился въ простого монаха, слѣда отъ тако го страннаго превращенія не осталось, и оно попросту придумано г. Приселковымъ.

Воображеніе очень цѣнное свойство, когда оно помогаетъ историку возсоздать картину прошлаго. Но воображеніе должно быть построено на историческихъ началахъ. А г. Приселковъ переноситъ въ отдаленное прошлое современные идеи и понятія и заставляетъ князей X вѣка думать такъ, какъ думаютъ люди XX вѣка. Онъ воображаетъ, будто княгиня Ольга занималась вопросомъ объ установленіи церковной іерархіи въ такой формѣ, чтобы она не посягала на политическую самостоятельность Кіевской державы и была приемлема для національнаго самолюбія Руси. На основаніи подобныхъ соображеній авторъ увѣряетъ, будто Владимиръ Святой обратился къ охридской болгарской патриархіи и оттуда получилъ митрополита. Предположеніе въ высшей степени неправдоподобное, не оправдываемое никакими документальными свидѣтельствами. Охридская патриархія существовала; очень недолго во время такъ называемой Самуиловой державы. Это было время страшнаго царя Василія Болгаробойцы, уже сокрушившаго половину Болгарии. Самуиль держался еще въ западной части; несомнѣнно, доступъ къ нему и его патриарху былъ чрезвычайно затрудненъ. Въ источникахъ мы не находимъ никакихъ намековъ, чтобы велись какіе-нибудь переговоры Руси съ Болгаріей по вопросу объ установленіи церковной іерархіи.

Къ гипотезамъ г. Приселковъ прибѣгаетъ, очевидно, потому, что ему хотѣлось бы сказать нѣчто новое о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, о которомъ такъ трудно сказать что-нибудь новое. Тѣмъ не менѣе и въ этой области можно сдѣлать нѣкоторыя открытія. Авторъ говоритъ объ одномъ произведеніи, приписываемомъ митрополиту Иларіону, и дѣлаетъ совершенно неосновательное предположеніе, будто подъ ветхозавѣтными іудеями разумѣются болгары. Хотя это произведение достаточно извѣстно, изслѣдователи, повидимому, не замѣтили, что оно состоитъ изъ двухъ половинъ, не имѣющихъ между собой ничего общаго. Въ первой части—слово о законѣ и благодати, во второй похвала Владимиру. Обѣ половины носятъ на себѣ явные слѣды византійскаго вліянія, нѣкоторыя фразы, по всей вѣроятности, переведены съ греческаго. Найти византійскіе образцы для древнѣйшей нашей литературы задача новая и благодарная.

П. В.

Проходцевъ, И. И. Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ быто-вой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны. Часть I. Изданіе рязанской губернской ученой архивной комиссіи. Стр. 636. Цѣна не обозначена.

Обширный трудъ г. Проходцева представляетъ собою глубоко интересный матеріалъ для исторіи Отечественной войны. Авторомъ собрано много подробныхъ цифровыхъ и документальныхъ данныхъ, относящихся къ эпохѣ 1812 года, и даже историкъ дворянскихъ родовъ найдутъ въ этой книгѣ полезныя для

себя данныя. Какъ и значится въ заголовкѣ книги, матеріалъ интересенъ «преимущественно съ бытовой стороны». Документальныя данныя показываютъ, какъ Рязанская губернія подготавлилась къ войнѣ съ Наполеономъ, рассказывается и о томъ, какъ власти того времени скрывали отъ населенія опасности приближенія непріятеля, а втайнѣ подготавливали оборону. Интересны и главы, въ которыхъ повѣствуется о томъ, какъ производился рекрутскій наборъ въ 1812 году и составлялись отряды ополченцевъ, ихъ обмундированіе и довольствіе, снабженіе лошадьми и т. п. Другіе историки свидѣтельствуютъ, напримѣръ, о томъ чувствѣ патриотизма, которымъ будто бы было охвачено населеніе въ періодъ нашествія «дванадцать языкъ». Въ книгѣ г. Проходцева имѣются данныя, какъ разъ свидѣтельствующія о томъ, что это чувство патриотизма не вездѣ проявлялось въ одинаковой степени.

«Въ Москвѣ и то были шероховатости,—пишетъ г. Проходцевъ:—для даннаго случая достаточно припомнить знаменитую сценку, разыгравшуюся 12-го іюля въ Кремль, вовсе не свидѣтельствующую о всеобщемъ желаніи итти въ ряды арміи. По случаю молебствія, Кремль былъ набитъ народомъ. Вдругъ по толпѣ пронесся слухъ, что запирають ворота и будутъ брать каждого силою въ солдаты. Въ нѣсколько минутъ, рассказываетъ очевидецъ, ростовскій городской голова Маракуевъ, Кремль опустѣлъ. А 12-го іюля знаменательное число. Государь былъ въ Москвѣ. Въ это время былъ уже извѣстенъ и манифестъ 6-го іюля о созывѣ ополченія. «Рассказывается и о неудачной попыткѣ стараго помѣщика Свербеева собрать ополченцевъ-охотниковъ изъ числа своихъ крѣпостныхъ: охотникъ нашелся только одинъ». Крестьяне же поголовно говорили: изъ чего же намъ итти въ охотники? кто похочетъ, тотъ и пойдетъ, когда будутъ набирать, а то, пожалуй, охочіе найдутся, а положенныхъ возьмутъ безъ замѣну». Въ книгѣ есть указанія и на то, какъ силою созывались въ ополченскія войска чиновники и запасные офицеры, избѣгавшіе призыва ссылками на «выдуманная» болѣзни. Командующій рязанскимъ ополченіемъ, генераль-майоръ Измайловъ, писалъ раненбургскому предводителю дворянства Ладыгину:

«М. Г. Петръ Николаевичъ! Послѣ многихъ требованій моихъ изъ Раненбургскаго уѣзда чиновниковъ въ полки, донинѣ не явившихся, прилагаю о нихъ именный списокъ, по которому и прошу васъ, м. г. мой, скорѣйшимъ содѣйствіемъ вашимъ и настоятельнымъ понужденіемъ, приказать означенныхъ чиновниковъ выслать сюда (въ с. Дѣдиново) непременно, не пріемля отъ нихъ никакихъ отговорокъ: ибо очевидно уклоненіе отъ службы самымъ временемъ поясняется, а между тѣмъ ополченіе не укомплектовано чиновниками, чрезъ что самое и затрудняется достигнуть цѣли желаемой благоуспѣшности и устройства». Далѣе слѣдуетъ именной списокъ уклонявшихся: одинъ штабъ-ротмистръ и пятеро штабъ-капитановъ.

Въ книгѣ имѣются еще и указанія на злоупотребленія со стороны крупныхъ воинскихъ и чиновъ и губернаторовъ, причастныхъ къ сформированію ополченскихъ полковъ и рекрутовъ. Въ Тамбовской губерніи, напримѣръ, за неправильность при рекрутскихъ наборахъ былъ смѣщенъ гражданскій губернаторъ Ниловъ. Владимирскій губернаторъ князь Долгоруковъ и другіе чины обвинялись во взяточничествѣ и взиманіи неумѣренной цѣны за рекрутскую одежду.

Да почти и всѣ губернаторы оказались повинными въ тѣхъ или иныхъ упущеніяхъ.

Въ наше время жалуются на вырожденіе русскаго народа и указываютъ на процентъ забракованныхъ рекрутовъ, какъ на показатель этого вырожденія. Негодные рекруты были и въ періодъ Отечественной войны. Всего было въ Рязанской губерніи на приемъ въ 81 пунктахъ 768 рекрутовъ, а принято лишь 392 и забраковано—376. Пришлось взять 40 церковниковъ, брались также осужденные за преступленія, бродяги и лица безъ письменнаго вида. Кромѣ того, половина забранныхъ рекрутовъ возвращалась обратно, какъ негодные къ военной службѣ.

Есть, разумѣется, въ книгѣ г. Проходцева указанія и на факты дѣйствительной любви населенія къ своему отечеству, но факты эти тонуть въ сообщеніяхъ, сходныхъ съ приведенными нами.

В. В. В.

Московскій митрополитъ Платонъ (1757—1812 г.). Составилъ магистръ богословія Н. П. Розановъ. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1913. Стр. 90. Съ портретами. Цѣна 40 коп.

«Что вы нашли въ Москвѣ особенно достопримѣчательнаго?» спросила императрица Екатерина II только что посѣтившаго въ 1780 году нашу древнюю столицу императора Юсифа II. «Платона», отвѣтилъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ монарховъ, разумѣя подъ этимъ сына бѣднаго дьячка московскаго уѣзда Георгія Данилова, родившагося въ 1737 г. Позднѣе, при своемъ вступленіи въ московскую духовную академію юноша по имени Петръ, получилъ фамилію Левшинъ, при постриженіи своемъ въ 1758 году былъ названъ Платономъ и приобрѣлъ большую извѣстность какъ богословъ и церковный писатель и высшій церковный администраторъ, будучи долгое время митрополитомъ московскимъ (съ 1787 года по день своей кончины 11-го ноября 1812 г.). Великая личность митрополита Платона обратила на себя вниманіе нашихъ историковъ, благодаря которымъ имѣются обширныя біографіи его, какъ-то: И. М. Снегирева, Н. П. Розанова, Надеждина, Смирнова, Бѣляева и т. д. Но всѣ эти обширные труды не всегда могутъ быть прочитаны простымъ любознательнымъ читателемъ, интересующимся отечественными дѣятелями, а потому нельзя не поблагодарить г. Н. П. Розанова, принявшаго на себя трудъ составить и для обыденнаго читателя, на основаніи предшествовавшихъ изслѣдованій о митрополитѣ Платонѣ, небольшую, всего въ 90 страницъ, но очень обстоятельную брошюру, въ которой живо и наглядно изображена личность и дѣятельность одного изъ величайшихъ іерарховъ православной церкви. Брошюра эта, кромѣ предисловія и заключенія, состоитъ изъ восьми отдѣловъ, причѣмъ въ первомъ сообщаются общія свѣдѣнія о жизни и служебномъ движеніи скромнаго ученика семинаріи до высшаго духовнаго сана въ Россіи. Затѣмъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ сообщаются данныя о митрополитѣ Платонѣ, какъ администраторѣ, проповѣдникѣ, богословѣ, а также отношеніи

его къ расколу, въ духовно-учебнымъ заведеніямъ и къ высочайшимъ особамъ. Мы узнаемъ, что митрополитъ Платонъ, сознавая огромное значеніе, какое могло имѣть русское *образованное* духовенство не только среди простаго народа, но и въ образованномъ обществѣ, очень заботился о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не мало жертвовалъ своихъ денегъ на содержаніе недостаточныхъ студентовъ академіи, внесъ даже особый капиталъ на содержаніе пяти лучшихъ студентовъ, которые къ своей фамиліи должны были по выходѣ изъ академіи прибавлять прозвище Платоновы,—что онъ очень заботился объ учрежденной имъ Виѳанской семинаріи, весьма часто ее посѣщалъ, обходился съ учениками совсѣмъ просто и т. д. Равнымъ образомъ въ дѣлахъ о расколѣ онъ проявилъ совершенно новый для того времени пріемъ. Сожалѣя о заблуждающихся, онъ находилъ необходимымъ дѣйствовать на нихъ не суровыми мѣрами строгости, а увѣщаніемъ, составилъ извѣстное «Увѣщаніе къ раскольникамъ» и, кромѣ того, содѣйствовалъ много учрежденію такъ называемаго единовѣрія, т. е. соединенія старообрядцевъ съ церковью при соблюденіи ими старыхъ обрядовъ, изъ-за которыхъ, по его мнѣнію, никто не въ правѣ отдѣляться отъ церкви. По его взглядамъ, слѣдуетъ хранить неизмѣнными только догматы вѣры, а самые обряды могутъ измѣняться и т. д. Изъ этихъ небольшихъ выдержекъ можно видѣть, насколько интересна составленная Розановымъ брошюра о московскомъ митрополитѣ Платонѣ, и можно пожелать составленія подобныхъ же біографій и другихъ выдающихся іерарховъ нашей церкви.

П. Майковъ.

Е. А. Сабанѣва. Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники. 1770—1838. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914. Стр. XIII+172. Ц. 1 р.

Вышедшія нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ воспоминанія Екатерины Алексѣевны Сабанѣвой первоначально были помѣщены на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1900 годъ. Авторъ этихъ любопытныхъ записокъ провелъ дѣтство среди старой дворянской семьи Прончищевыхъ въ родовой вотчинѣ Калужской губерніи, близко знаетъ старинный помѣщичій бытъ, съ дѣтства входилъ въ тѣсное непосредственное соприкосновеніе съ крѣпостными-крестьянами, имѣлъ многочисленныя родственныя связи съ типичными дворянскими родами Кашкиныхъ и князей Оболенскихъ, хорошо помнитъ бывшія московскіе гостиныя, салоны и ихъ посѣтителей и отсюда беретъ обширный матеріалъ для своихъ мемуаровъ. Особенно увеличивается научное и историческое значеніе этихъ «Воспоминаній о быломъ» тѣмъ, что Е. А. Сабанѣва, писавшая ихъ уже на склонѣ своихъ лѣтъ, когда потухающая старческая память можетъ кое въ чемъ измѣнить, пользовалась старыми семейными письмами, записками и пр. Послѣ потери горячо любимаго мужа Е. А. Сабанѣва, получивъ сердечное соболѣзнованіе въ постигшемъ ее несчастіи отъ стариннаго знакомаго, впослѣдствіи архимандрита о. Пимена (Благово), вступила съ нимъ въ переписку, гдѣ они невольно стали вспоминать далекое былое изъ ихъ прошедшей московской жизни, и вотъ подъ вліяніемъ этой переписки у автора возникла мысль

о составленіи мемуаровъ, и эта работа заставила Сабанъеву нѣсколько забыть ея свѣжую тяжелую утрату—смерть мужа.

По своему содержанию «Воспоминанія» Сабанъевой раздѣляются на три части. Сообщивъ во вступленіи краткія свѣдѣнія о Калужской и отчасти Тульской губерніяхъ, необходимыя для болѣе отчетливаго пониманія послѣдующаго повѣствованія, она рассказываетъ въ первой части о своей родной семьѣ Прончищевыхъ. Несмотря на незначительность въ историческомъ и служебномъ смыслѣ этихъ лицъ, Е. А. Сабанъева заинтересовываетъ читателя чисто бытовымъ описаніемъ того далекаго прошлаго и рисуетъ любопытныя картинки, типы и характеры помѣщичьей провинціальной жизни той эпохи. Затѣмъ она рассказываетъ о семействѣ князей Оболенскихъ, о братьяхъ Кашкиныхъ, незаурядныхъ московскихъ аристократахъ, попутно сообщаетъ много интересныхъ и колоритныхъ свѣдѣній и о прочихъ дворянскихъ семействахъ, захудалыхъ, обнищавшихъ и влачившихъ жалкое существованіе вѣчныхъ гостей и странниковъ, напримѣръ, Бартевыхъ. Сочно и рельефно описана фигура бабушки—старой фрейлины А. Е. Кашкиной, типичной представительницы былой московской аристократіи, доживавшей въ почетной отставкѣ свой вѣкъ.

Наибольшій интересъ представляетъ третья часть воспоминаній, состоящая изъ рассказовъ матушки Е. А. Сабанъевой объ ея московской жизни въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Очень любопытна характеристика тогдашней великосвѣтской молодежи, а особенно представительницъ прекраснаго пола, умственное развитіе и степень образованія которыхъ достаточно ярко выступаютъ хотя бы изъ слѣдующаго случая. «Разъ гдѣ-то княжна Урусова разговаривала со своимъ кавалеромъ въ кадрили или мазуркѣ,—онъ и спросилъ ее, что она читаетъ. Она отвѣтила: «розовенькую книжку, а сестра моя голубую». А вотъ еще курьезъ въ томъ же родѣ. «Князь Мещерскій былъ безумно влюбленъ въ княжну Урусову; онъ считался между интеллигентной молодежью замѣчательнымъ по уму и образованію и тоже началъ съ ней рѣчь о литературѣ, о чтеніи, о поэзіи. Она долго его слушала и, наконецъ, перебила его рѣчь вопросомъ: «*Mon prince, avec quelle savon faites-vous votre barbe?*» Замѣтимъ, что изъ этой среды вышла и Наталья Николаевна Гончарова, будущая супруга А. С. Пушкина. Далѣе особенно любопытны воспоминанія Е. А. Сабанъевой о князѣ Е. П. Оболенскомъ (декабристѣ), объ его семьѣ и родственникахъ.

Не представляя чего-либо особенно новаго и не сообщая какихъ-либо свѣдѣній о лицахъ и событіяхъ исторической важности, «Воспоминанія о быломъ» даютъ широкую бытовую картину далекаго историческаго прошлаго, правдиво и безыскусственно рисуютъ типы и характеры русскаго общества, тогдашняго уклада жизни, обстановки и, написанныя съ большимъ одушевленіемъ и мастерствомъ, читаются съ интересомъ и не ослабѣвающимъ вниманіемъ.

Издана настоящая книга весьма изящно, украшена хорошо выполненными портретами, снабжена именнымъ указателемъ и тщательно проредактирована В. Л. Модзалевскимъ, который сдѣлалъ много дополнительныхъ примѣчаній касательно генеалогіи и поправилъ нѣкоторые промахи автора. Стоимость книги слѣдуетъ признать очень невысокой.

Д. М—ко.

Полоцко-витебская старина. Изданіе витебской ученой архивной комиссіи. Выпускъ II. Витебскъ. 1913 г. Стр. 367. Цѣна не обозначена.

Книга эта представляет собой собраніе статей, посвященных исторіи Бѣлоруссіи и открывается большой работой И. Я. Митрошенка—«Иезуиты въ восточной части Бѣлоруссіи съ 1579—по 1772 годъ», повѣствующей о водвореніи иезуитовъ въ Полоцкѣ съ момента покоренія этого города Стефаномъ Баторіемъ и о пропагандѣ ими латинства среди мѣстнаго населенія. Первая часть статьи заключаетъ въ себѣ описаніе постепеннаго роста иезуитскаго могущества въ Полоцкѣ и различныхъ способовъ, коими имъ удается окончательно и прочно утвердиться въ этомъ городѣ: прибрѣтеніе костела, имѣній, устройство школъ и т. п. Во второй части содержится описаніе культурно-просвѣтительной и миссіонерской дѣятельности иезуитовъ при преемникѣ Баторія, Сигизмундѣ III, когда число латинскихъ церквей здѣсь особенно возрастаетъ и иезуитское иго становится все тяжелѣе для мѣстнаго населенія, и вплоть до 1772 года, то есть до момента окончательнаго освобожденія отъ этого ига.

Другая крупная статья сборника—«Полоцкій князь Всеславъ и его время» Д. С. Леонардова—посвящена тому князю, котораго народная молва рисуетъ чародѣемъ, «рожденнымъ отъ волхованія», какъ гласятъ лѣтописи. Всеславъ былъ сыномъ Бронислава, сына Изяслава и внука Владимира, и княжилъ въ Полоцкѣ съ 1044 до 1101 года. Для характеристики этого князя, весьма воинственнаго, «не милостиваго на кровопролитъ», совершавшаго даже нападенія на Псковъ и Новгородъ, авторъ разбираетъ лѣтописныя повѣствованія и рассказъ о немъ «Слова о полку Игоревѣ» и доказываетъ, что, помимо военныхъ подвиговъ, Всеславъ заботился и о культурныхъ начинаніяхъ въ своемъ княжествѣ, чему примѣромъ можетъ служить церковь св. Софіи, построенная въ Полоцкѣ, по мнѣнію автора, именно этимъ княземъ. Весьма любопытны старанія автора доказать смѣшеніе въ народномъ представленіи образа полоцкаго князя съ образомъ былиннаго богатыря Волха Всеславьевича. Статья г. Леонардова не окончена.

Среди прочихъ статей заслуживаютъ вниманія докладъ Е. П. Николаева въ собраніи витебской ученой архивной комиссіи—«Памяти героевъ Отечественной войны, участниковъ сраженій подъ Витебскомъ», а также рисунки крѣпостей, построенныхъ Грознымъ послѣ завоеванія Полоцка въ 1563 году, съ соотвѣтствующимъ описаніемъ.

А. О. В.

Юрій Николаевъ. Въ поискахъ за Божествомъ. Спб. 1913. Цѣна 3 р.

Книга г. Ю. Николаева касается сложнаго вопроса, который изъ вѣка тревожитъ мысль человѣка, мучительной болью отзывается въ его совѣсти: откуда зло? Какъ примирить существованіе его съ христіанскимъ сознаніемъ? Авторъ воспроизводитъ попытки найти этотъ отвѣтъ и рассматриваетъ цѣлый рядъ религіозныхъ системъ. Въ началѣ своей книги г. Николаевъ даетъ краткій очеркъ мистическихъ теченій въ религіозномъ сознаніи человѣчества за много вѣковъ до Христа. Тогда и появились тѣ символы и понятія, какіе впоследствии

были впитаны въ себя христіанствомъ. Змѣй и чаша, символическая жертва и причащеніе, враждебность духа и плоти, жажда не власти надъ матеріей, но полнаго отрѣшенія отъ нея, образъ страдающаго божества, идеалы аскетизма,— все это было создано религіознымъ сознаніемъ древняго Востока и греческаго міра. Но эти «христіанскія» прозрѣнія среди язычества оставались тайнами мистерій, сурово скрывались отъ толпы, отъ непосвященныхъ. Христіанство дало міру не новую идею,—оно принесло съ собой новую личность—Сына Божія; на широкій просторъ, подъ вольное небо вынесло оно бывшія тайны ученія. По словамъ г. Николаева, христіанство покорило міръ не своей моральной проповѣдью,—подобныя этическія требованія были высказаны задолго до него,—не обѣщаніемъ божественной помощи «труждающимся и обремененнымъ»,—въ этой помощи нуждались слабѣйшіе,—но мистическимъ сліяніемъ человѣческой души, жаждущей и истомленной, съ полнотою божественной сущности.

Пока на землѣ былъ Христосъ, пока жили либо Его современники, либо дѣти тѣхъ, кто лично видѣлъ и слышалъ Его, свѣтлое обаяніе учителя защищало отъ тревожныхъ вопросовъ и думъ. Духовная высота первыхъ христіанскихъ общинъ дѣлала возможной полную свободу совѣсти. Но мало-по-малу къ христіанству потянулись слабые, порочные, общій уровень понизился настолько, что о свободѣ не могло быть больше и рѣчи, только сильная организація и общепризнанный авторитетъ могли удержать общины отъ полнаго нравственнаго распада. И въ этотъ моментъ—моментъ зарожденія исторической церкви,—виѣ ея оказались именно «искатели глубочайшей истины, хотѣвшіе вліть навсегда въ христіанское міросозерцаніе тоску неутолимаго и ненасытнаго богоискательства». Свою вѣру эти искатели высшаго озаренія не могли выразить простымъ исполненіемъ предписаній обыденной морали, не могли они удовлетвориться далекимъ образомъ Бога Творца и Промыслителя вселенной; ихъ вѣра «вылилась въ страстномъ порывѣ къ Неизреченному, Невмѣстимому сознаніемъ». И они, искатели-гностики, пошли путемъ свободнаго религіознаго творчества, отвернувшись отъ церкви и сами отвергнутые ею. При всѣхъ различіяхъ въ системахъ, при сложности и запутанности своихъ религіозныхъ концепцій, гностицизмъ въ своемъ цѣломъ есть греза падшаго, темнаго, земнаго начала о «мірахъ иныхъ», борьбу свѣта и тьмы мы встрѣчаемъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Форма гностическихъ системъ неприятно поражаетъ насъ нагроможденностью своихъ основныхъ началъ, запутанностью своихъ символовъ, своей чисто восточной безудержной фантастикой; но какъ близко намъ само ядро этого могучаго религіознаго теченія, показываютъ слѣдующія слова Василида (II вѣкъ н. эры): «Когда частицы Божества, вернувшись къ первобытному источнику, будутъ освобождены отъ мучительныхъ искаженій... когда все сознаніе очистится отъ гнета хотѣнія и воли... тогда наступитъ конецъ міровой драмы. На мѣстѣ страдающаго бытія воцарится великое невѣдѣніе». Подъ этими словами могъ бы подписаться Шопенгауэръ. Всѣ гностическія системы проникнуты презрѣніемъ къ плоти, жаждой ея искупленія, которая достигается сліяніемъ съ божественнымъ началомъ. Самъ Христосъ благословилъ «алчущихъ и жаждущихъ правды»,—а такими «жаждущими» и были гностики, и въ этомъ ихъ великое значеніе въ религіозномъ творествѣ человѣчества.

Книга г. Николаева систематически и ясно излагает исторію и развитіе языческихъ тайныхъ культовъ, первоначальную исторію христіанской церкви и ея отношенія къ гностицистическимъ системамъ. Книга читается легко, съ интересомъ; факты и явленія отчетливо группируются вокругъ основныхъ мыслей автора. Правда, въ отдѣлѣ о гностицизмѣ чувствуется нѣкоторая нагроможденность,—авторъ слишкомъ старательно приводитъ незначительныя, часто мало оригинальныя религіозныя системы, о которыхъ смѣло можно было упомянуть въ примѣчаніи. Этотъ маленькій недочетъ не нарушаетъ хорошаго впечатлѣнія, которое настоящая книга производитъ на читателя. Мы, русскіе, такъ бѣдны книгами, касающимися исторіи религіозныхъ движеній и религіозныхъ исканій, что трудъ г. Николаева можно только горячо привѣтствовать.

Н. Вальманъ.

Историческая комиссія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстѣ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. М. 1913. Стр. 477. Цѣна 2 р. 25 к. Ч. II. Римъ—республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстѣ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. М. 1913. Стр. 331. Цѣна 1 р. 60 к.

Настоящая «Книга для чтенія» затрагиваетъ одинъ изъ весьма острыхъ педагогическихъ вопросовъ, а именно способствуетъ ли усвоенію историческихъ свѣдѣній беллетристическое изложеніе предмета. Разумѣется, подобныя конкретныя, живыя и драматическія статьи могутъ сильно пріохотить учащихся къ чтенію, но, съ другой стороны, увлеченный интереснымъ рассказомъ, мальчикъ легко можетъ не обратить должнаго вниманія на существенныя подробности той исторической обстановки, въ которой происходитъ дѣйствіе рассказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторы подобной исторической беллетристики берутъ на себя огромную отвѣтственность за свое изложеніе, такъ какъ извѣстно, что впечатлѣнія отроческаго возраста, который будетъ читать эти рассказы, оставляютъ у многихъ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Вотъ почему мы не рѣшились бы допустить беллетристическій матеріалъ, какъ пособіе для изученія исторіи, въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ примѣняютъ его почтенные редакторы «Книги для чтенія». Въ общемъ же входящія въ нее статьи составлены весьма старательно и хорошо продуманы ихъ авторами примѣнительно къ педагогической точкѣ зрѣнія. Изложеніе книги таково, что оно можетъ заинтересовать и воспитанниковъ старшихъ классовъ. Шрифтъ и иллюстраціи выбраны въ общемъ удачно; пріятно видѣть, что дано нѣсколько рисунковъ античныхъ древностей, найденныхъ въ южной Россіи. Первая часть, посвященная Востоку и Греціи, намъ понравилась нѣсколько болѣе второй, гдѣ при внимательномъ просмотрѣ можно найти и нѣсколько неточностей, какъ, напримеръ стр. 20), царь «возсѣдаетъ на снабженномъ колесами (?) креслѣ», или

упоминаніе на стр. 47 бога Лимента вмѣсто Лиментина; неудачно также на стр. 44 сказано о праздникѣ амбарвалій, что онъ справлялся «въ серединѣ лѣта», такъ какъ май считается обычно, особенно у насъ, весеннимъ мѣсяцемъ. Рис. 18, конечно, ничего общаго съ храмомъ Весты, бывшимъ на форумѣ, не имѣетъ; если даже считать его «такъ называемымъ» храмомъ Весты, то и это будетъ лишь подражаніе языку римскихъ гидовъ.

А. М.—нъ.

Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. М. 1914. Стр. 600. Цѣна 2 р. 75 к.

Книга профессора Петрушевскаго даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Публика можетъ подумать, что цѣлое сочиненіе посвящено какому-то мало-извѣстному возстанію. Въ дѣйствительности возстаніе 1381 года имѣло большое значеніе. Оно являлось протестомъ англійскаго крестьянства противъ главныхъ устоевъ феодальнаго порядка. Крестьянская масса принесла въ возстаніе опредѣленную социальную программу, была воодушевлена опредѣленными социальными идеями. Выяснить возникновеніе этой программы, понять генезисъ этихъ идей значитъ изучить тотъ сложный хозяйственный и социальный процессъ, который развивался въ средневѣковомъ англійскомъ обществѣ и, разрушая его старыя хозяйственныя и социальныя формы, тѣмъ самымъ вводилъ его въ новыя формы и общественнаго бытія и общественнаго сознанія. Авторъ широко поставилъ свою задачу, и его книга является существеннымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ работамъ по англійскому землевладѣнію профессора Виноградова. Изслѣдованіе Д. М. Петрушевскаго, написанное съ большимъ знаніемъ дѣла и талантомъ, знакомитъ насъ съ особенностями англійскаго феодализма, съ хозяйственнымъ строемъ англійскаго феодальнаго помѣстья, съ развитіемъ денежнаго хозяйства въ средневѣковой Англій, съ рабочимъ законодательствомъ.

П. В.

Сочиненія графа А. Голенищева-Кутузова. Томъ первый. Стр. 344. Томъ второй. Стр. 224. Томъ третій. Стр. 275. Томъ четвертый. Стр. 508. Цѣна за всѣ четыре тома 7 руб. Спб. 1914.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Первая годовщина», посвященной памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова, сообщалось между прочимъ о заканчивающемся печатаніемъ полномъ собраніи сочиненій этого крупнаго поэта и изящнаго писателя, не оставившаго себѣ преемника, какъ талантливый и ревностный хранитель традицій Пушкинской школы. Сейчасъ это изданіе уже передъ нами и составляетъ четыре объемистыхъ, уютныхъ на видъ тома, отпечатанныхъ на прекрасной бумагѣ, живымъ и четкимъ шрифтомъ.

Первому тому предпосланъ краткій біографическій очеркъ, содержащій рядъ новыхъ данныхъ о жизни поэта, главнымъ образомъ о его дѣтствѣ и юности, и начинающійся тѣми двумя страничками, которыя Голенищевъ

успѣлъ написать, предпринявъ за нѣсколько недѣль до смерти, по настойчивой просьбѣ своей единственной дочери, составленіе своей автобіографіи.

Очень интересны первыя строки этой не оконченной автобіографіи: «Я родился въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ Крамера, 26-го мая 1848 года, т. е. въ сорокъ девятую годовщину рожденія Пушкина и въ самый день смерти Бѣлинскаго. Такимъ образомъ, согласно ученію астрологовъ и древнихъ составителей гороскоповъ, вѣрившихъ въ таинственную связь между временемъ появленія человѣка на свѣтъ и дальнѣйшей его судьбой, я съ рожденія предназначенъ былъ для литературной дѣятельности». Этотъ юмористическій тонъ почти накануне смерти и подсчетъ годовщинамъ рожденія Пушкина, несомнѣнно, весьма характеренъ для личности покойнаго поэта.

Послѣ біографическаго очерка на протяженіи трехсотъ страницъ идутъ стихотворенія, изъ которыхъ два послѣднія въ собраніяхъ сочиненій Голенищева не появлялись до сихъ поръ и были приведены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» авторомъ вышеупомянутой статьи «Первая годовщина». Второй и третій томы содержатъ поэмы, легенды, сказки и драматическія произведенія—все въ стихахъ.

Четвертый и послѣдній томъ отведенъ подъ прозу. Здѣсь—рядъ страницъ, не включавшихся въ прежнія книги Голенищева. Впервые напечатанный рассказъ «Дядя Прокофій и Валетка» написанъ въ чисто тургеневскихъ тонахъ и читается съ большимъ удовольствіемъ. Новой является также изящная вещь «Жизнь зоветъ», къ сожалѣнію, не законченная. Большой интересъ представляютъ академическія статьи Кутузова, также впервые публикуемыя и обнаруживающія въ авторѣ замѣчательное критическое чутье и художественный вкусъ. Изъ этихъ статей, между прочимъ, видно, что покойный поэтъ не только посодѣйствовалъ присужденію Надсону Пушкинской академической преміи, но явился главнымъ факторомъ того обстоятельства, что этой же преміей былъ награжденъ И. Бунинъ, теперь также академикъ.

Вообще настоящее собраніе сочиненій Голенищева является отраднымъ явленіемъ на книжномъ рынкѣ. Собранное въ одномъ изданіи, литературное наслѣдіе поэта и писателя даетъ возможность читателю не только наслаждаться истинно-поэтическими произведеніями, но и составить себѣ полное понятіе о душевной красотѣ ихъ творца. Читаться же въ этихъ четырехъ объемистыхъ томахъ, надо полагать, будетъ рѣшительно все. Не говоря уже о болѣе или менѣе мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя никогда не могутъ потерять своей прелести, не говоря о поэмахъ, представляющихъ огромный интересъ, какъ содержаніемъ своимъ, такъ и формой,—увлекутъ читателя и прозаическія произведенія Голенищева, въ томъ числѣ и его критическія статьи. На что русская публика равнодушна теперь къ афоризмамъ и сентенціямъ, но она не сможетъ пройти мимо тѣхъ случайныхъ мыслей, впечатлѣній и замѣтокъ, собранныхъ въ отдѣлѣ «На летучихъ листкахъ». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно оставаться глухимъ къ такимъ прекраснымъ строкамъ, какъ, наприимѣръ, слѣдующія:

«Мудрая старость не огорчается, а участливо любитъ себялюбіемъ молодого счастья, которое не хочеть и не можетъ омрачаться зрѣлицемъ старческихъ

печалей и недуговъ. Гдѣ ему—этому лучезарному счастью—найти времени, чтобы страдать со страждущими, плакать съ плачущими и утирать ихъ слезы, когда у него по горло собственного неотложнаго дѣла: сіять, пѣть и радоваться».

«Въ дѣвственные лѣса какой-то отдаленной страны пришли чуждые завоеватели и истребили до послѣдняго человѣка жившее тамъ коренное племя. Языкъ его исчезъ съ лица земли навсегда; лишь уцѣлѣвшій въ лѣсу старый попугай, не сознавая своего одиночества, продолжалъ выкрикивать отрывочные звуки когда-то затверженной и никому уже непонятной рѣчи... Старцы, пережившіе свое поколѣніе! Не походите ли наша съ вами судьба на судьбу этого несчастнаго попугая?..»

Сколько въ этихъ строкахъ души и красоты!

Въ заключеніе слѣдуетъ задать нѣсколько вопросовъ издателю. Почему изданіе не носитъ заглавіе: «полное собраніе сочиненій», а просто «сочиненія», разъ сюда включено все, что осталось послѣ автора? Почему отсутствуютъ хронологическія помѣтки, имѣвшіяся въ прежнихъ изданіяхъ? Послѣднее между тѣмъ очень важно было бы для тѣхъ, кто интересуется развитіемъ творчества поэта и писателя. Въ отдѣлѣ статей, появившихся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, также почему-то не отмѣчено, гдѣ именно статьи появились въ свое время. Вотъ что слѣдуетъ поставить на видъ редакторамъ или издателямъ изданія, въ общемъ прекраснаго, снабженнаго нѣсколькими автографами и портретами Голенничева и сравнительно недорогого.

И. Гурвичъ.

В. Евгеньевъ. Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Спб. 1914. Стр. 128. Ц. 75 коп.

Есть мотивы въ русской литературѣ, о которыхъ нельзя иначе говорить, какъ только съ «душой колѣнопреклоненной», выражаясь словами А. С. Хомякова. И больше всего къ нимъ относится тотъ мотивъ, о которомъ Некрасовъ сказалъ: «Въ отвѣтъ стenanіямъ народа мысль русская стонала въ полутонъ». Это мотивъ о состояніи крѣпостнаго крестьянина. Ничто не могло заглушить стона о немъ русскихъ писателей, какое бы юридическое безвременье ни переживала наша литература. Этому вопросу и посвященъ этуюдъ г. Евгеньева. Привѣтствуя его литературную идею, мы, однако, сильно разочаровались въ его книгѣ, познакомившись съ нею. Это не историко-литературная монографія человѣка, близко знакомаго съ исторіею русской литературы, въ авторѣ не видно специалиста; это очень популярно написанная книжка объ общеизвѣстныхъ литературныхъ фактахъ. Такимъ образомъ, его очеркъ можетъ быть только пригоднымъ для начинающей развиваться молодежи, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы быть написанъ совершенно иначе.

Авторъ почти совсѣмъ не останавливается на образахъ и сюжетахъ изъ крѣпостной жизни, ограничиваясь часто одними заглавіями. Говоря о журналахъ Новикова, онъ лишь замѣчаетъ: «см. статейки о Безразсудѣ, Злорадѣ и Недоумѣ»; пьеса Княжнина «Несчастіе отъ кареты» только называется безъ

указанія содержания, причѣмъ дѣлается совершенно ложное предположеніе, что она написана подъ вліяніемъ «Трутня» Новикова: Княжнинъ во всей своей дѣятельности былъ передовымъ писателемъ. Точно такъ же и для XIX вѣка по отношенію къ менѣе извѣстнымъ произведеніямъ авторъ ограничился заглавіями, напримѣръ, «Юмора», «Деревни» Огарева, «Старого слуги» Никитина и т. д.

Но зато г. Евгеньевъ останавливается на фактахъ, находящихъ мѣсто даже въ учебномъ курсѣ средней школы, какъ на «Горѣ отъ ума», «Запискахъ охотника», «Деревнѣ» Пушкина и проч.

Сущности многихъ явленій русской литературы авторъ просто не уясняетъ себѣ. Сумарокова, напримѣръ, онъ причисляетъ къ «очень консервативнымъ» писателямъ. Здѣсь глубокое недоразумѣніе. Достаточно указать на его «Хоръ къ превратному свѣту», гдѣ говорится и о сдираніи кожи съ крестьянъ, и о торговлѣ людьми, чтобы не согласиться съ г. Евгеньевымъ. Сумароковъ изъ себя выходилъ, когда при немъ простой народъ называли «подлымъ»; его трагедіи были проводниками политическихъ гуманныхъ идей. Новиковъ преклонялся передъ Сумароковымъ, изъ его притчей поставилъ многозначительный эпиграфъ на своемъ «Трутнѣ»: «Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите», и издалъ полное собраніе сочиненій Сумарокова, конечно, потому, что во всемъ его литературномъ обликѣ видѣлъ нѣчто близкое себѣ.

Совершенно невѣрно освѣщеніе авторомъ комической оперы XVIII вѣка, ни на чемъ не основано предположеніе, что Новиковъ отрицалъ въ цѣломъ крѣпостное право, но все это относится къ литературѣ XVIII вѣка, которую не специалисту позволительно не знать. Но съ недоумѣніемъ встрѣчаешь въ книгѣ г. Евгеньева ложное освѣщеніе «Деревни» и «Антонъ Горемыки» Григоровича. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что Григоровичъ фактъ насильственной женитьбы парня Григорія на забитой сиротѣ Акулинѣ «не ставитъ помѣщику въ вину», изображая послѣдняго «добрымъ» и «благодѣтельнымъ». Надо прочесть сцену, во время которой помѣщику приходитъ эта мысль, чтобы видѣть явное намѣреніе Григоровича подчеркнуть самодурное отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, основанное на одномъ легкомысліи, что имѣло опредѣленное общественное значеніе. Что же касается того, что Григоровичъ называетъ помѣщиковъ въ «Деревнѣ» и «Антонѣ Горемыкѣ» добрыми, то въ этомъ была опредѣленная тенденція: при такомъ положеніи было ясно, что угнетенное состояніе крестьянъ зависѣло не отъ нравственныхъ свойствъ помѣщика, но отъ самой системы. Вѣдь даже Новиковъ постоянно говорилъ, что у хорошихъ помѣщиковъ крѣпостные благоденствуютъ.

Много очень цѣннаго для книги матеріала авторомъ совсѣмъ не указано, напримѣръ, повѣсти Погодина: «Какъ аукнется, такъ и откликнется», комедіи К. Аксакова: «Князь Луповицкій», изданія Н. А. Полевого: «Новый Живописецъ», стихотворенія Н. М. Языкова: «Свободы гордой вдохновенье, тебя не чувствуетъ народъ» и пр.

Расположеніе матеріала въ книгѣ произвольное. О Некрасовѣ авторъ говоритъ раньше, чѣмъ о Герценѣ, какъ беллетристѣ, о Григоровичѣ позже, чѣмъ о Тургеневѣ.

В. Даниловъ.

С. К. Эфронъ (Литвинъ). Язычница. (Борьба іудаизма съ язычествомъ). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1913. Стр. 65. Цѣна 1 р.

Сюжетъ драмы г. Эфрона заимствованъ изъ послѣднихъ главъ III книги Царствъ, гдѣ изображены слабавольный царь Ахавъ и властная супруга его Іезавель. Авторъ превосходно отгѣняетъ постоянныя колебанія Ахава между служеніемъ Іеговъ и Ашеръ. Хорошо удался ему также и типъ Іезавели, постоянно чарующей царя своими прелестями и заставляющей его отмѣнять принятыя уже рѣшенія. Поразительной выдержанностью отличается также стиль драмы, показывающій, что г. Эфронъ прекрасно изучилъ ветхозавѣтную библию. Помимо того, по всему произведенію разлитъ подлинный древневосточный колоритъ, особенно ярко проявляющійся въ живописномъ изображеніи сладострастнаго культа Ашеры и яростномъ антагонизмѣ іудеевъ и язычниковъ. Драма г. Эфрона, производящая сильное впечатлѣніе и при обыкновенномъ чтеніи, должна имѣть значительный успѣхъ на сценѣ въ соотвѣтствующей театральной обстановкѣ.

А. М.—нъ.

Педагогическая библіотека подъ редакціей Д. Н. Королькова. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва.

Адольфъ Дистервегъ. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Перев. съ нѣм. А. Ѳ. Гретманъ. Стр. 321. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

Джіованни Антоніо Райнери. Педагогика въ пяти книгахъ. Перев. проф. прот. Дружинина. Стр. VI+558, т. I. Ц. въ пер. 3 р.

Фридрихъ Фребель. Педаг. соч. Т. I. Перев. Городецаго. Изд. 2-ое. Стр. 359. Ц. 2 р. Томъ II. Перев. Н. Н. Соколова. Стр. 581. Ц. 3 руб.

Фенелонъ. О воспитаніи дѣвиць. Пер. съ франц. Недачина. Изд. 2-ое. Стр. 101. Ц. въ пер. 90 к.

М. М. Рубинштейнъ. Очеркъ педагогич. психологіи въ связи съ общей педагогикой. Стр. 594. Ц. 3 р.

Всѣ вышеназванныя книги выпущены въ свѣтъ почтеннымъ издательствомъ въ минувшемъ 1913 году. Для развитія нашей педагогической литературы это огромная работа, за которую русскій читатель обязанъ большою благодарностью неутомимому редактору «Педагогической библіотеки» Д. Н. Королькову. Первый томъ Фребеля и трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвиць дождались уже втораго изданія и потому въ рекомендаціи не нуждаются. Весьма важно, что теперь мы получили въ хорошемъ изданіи и главный трудъ Фребеля—его «Дѣтскій садъ». Переводъ представляетъ большія затрудненія, и редакторъ гарантировалъ вѣрность пониманія и передачи указаніями цѣлаго ряда знатоковъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Между прочимъ въ этомъ томѣ весьма видное мѣсто занимаютъ дѣтскія пѣсни. Русскій стихотворный переводъ ихъ сдѣланъ А. А. Коринфскимъ, а музыка редактирована А. Ѳ. Кенеманомъ. Очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу педагогическую литературу является

и русскій переводъ «Руководства для нѣмецкихъ учителей» Дистервега. Нѣтъ нужды раздѣлять «дидактическій формализмъ» нѣмецкаго педагога, но нельзя не рекомендовать достаточно горячо его благородныхъ и возвышенныхъ взглядовъ на работу учителя и его образовательнаго идеала: «самодѣятельность въ духѣ истины, красоты и добра».

Заслуженный переводчикъ двутомной дидактики Вильманна, протоіерей Дружининъ, задался цѣлью познакомить русскую публику съ «Педагогикой въ пяти книгахъ» профессора туринскаго университета Джіованни Антоніо Райнери. Первый томъ содержитъ первую книгу сочиненія Райнери «О педагогикѣ вообще» и вторую «Объ интеллектуальномъ воспитаніи», второй томъ дастъ остальные книги оригинала.

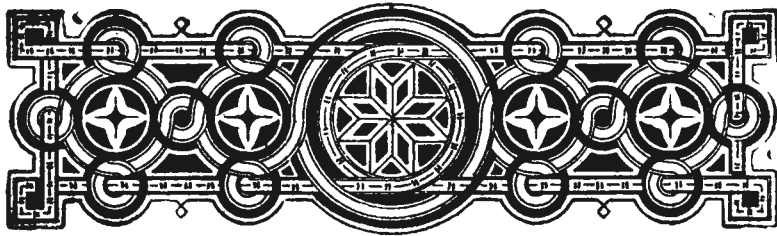
Если статья на точку зрѣнія профессора Дружинина и признать трудъ итальянскаго ученаго заслуживающимъ русскаго перевода, то приходится во всякомъ случаѣ пожалѣть, что переводъ этотъ сдѣланъ не съ оригинала, а съ нѣмецкаго перевода. Кстати о переводѣ: на стр. 483 въ примѣчаніи говорится о переводѣ Одиссеи и Илиады Фоссена. Не Johann Heinrich Voss ли это—извѣстный нѣмецкій поэтъ и переводчикъ безсмертныхъ поэмъ Гомера?

Наконецъ, полного вниманія заслуживаетъ оригинальный трудъ русскаго ученаго М. М. Рубинштейна. Его «Очеркъ педагогической психологіи» прочтутъ съ пользою для себя всѣ интересующіеся воспитаніемъ нашего подрастающаго поколѣнія и современными педагогическими проблемами. Солидная научная основа, общедоступное изложеніе и живой откликъ на всѣ волнующіе въ настоящую минуту педагога вопросы—составляютъ характерныя черты этой талантливой работы нашего соотечественника, съ взглядами котораго мы имѣли случай познакомиться уже раньше по его статьямъ въ «Вѣстникѣ Воспитанія», гдѣ читатели найдутъ въ первыхъ двухъ книжкахъ за текущій годъ интересныя мысли того же автора объ эстетическомъ воспитаніи.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ выразить надежду, что «Педагогическая бібліотека» будетъ продолжать развиваться, несмотря на смерть ея издателя Ксенофонта Ивановича Тихомирова, послѣдовавшую въ 1913 году. На трактатъ Фенелона и трудъ Рубинштейна мы не нашли имени редактора. Значить ли это, что Д. Н. Корольковъ сложилъ съ себя свои обязанности? Объ этомъ можно было бы только пожалѣть.

Г. Зоргенфрей.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Какъ Петръ Великій участвовалъ въ хиротоніи.—Чтеніе въ сердцахъ русской мандармеріи.—Славянофилъ Аксаковъ о вожакѣхъ крамолы.—Комедія дворянскихъ выборовъ при матушкѣ Екатеринѣ по запискамъ князя Долгорукова.—Валтасаровъ ширь екатерининскаго дворянства.—Крѣпостной театръ Долгорукова.—Левъ Толстой и Влад. Соловьевъ въ характеристикѣ К. Леонтьева.

ОВЕРШЕННО неизвѣстный и не ожидаемый случай, очень небезынтересный для характеристики Петра Великаго, оглашается въ малораспространенномъ, издаваемомъ въ Берлинѣ, русскомъ журналѣ «Церковная Правда». Ни больше, ни меньше, здѣсь разсказывается о томъ, какъ Петръ Великій участвовалъ... въ рукоположеніи однажды датскаго пастора. Случай настолько анекдотическій, что ему трудно было бы повѣрить, если бы авторъ не выискалъ его изъ датскихъ журналовъ сто лѣтъ тому назадъ. Случилось это въ копенгагенскомъ соборѣ въ октябрѣ 1716 года, когда Петръ жилъ въ Даніи, гостя у датскаго короля Фридерика IV.

Однажды, разсказываетъ датскій журналъ, Петръ Великій попросилъ датскаго короля показать, какъ совершается въ Даніи хиротонія. Король охотно согласился исполнить желаніе царственнаго гостя и приказалъ немедля выбрать какого-нибудь ставленника на пасторское мѣсто и посвятить его.

«Приказаніе было отдано въ четвергъ. Въ тотъ же день магистръ Муусъ, давно искавшій мѣста, получилъ назначеніе на пасторатъ въ приходѣ Селяндіи съ тѣмъ, чтобы рукоположеніе совершенно было въ ближайшее воскресенье въ присутствіи Петра.

«Въ канунъ 25-го октября королевскія кресла въ церкви Vor Frue Kirke

были обтянуты новою матерією и покрыты драгоцѣнными коврами. По всей церкви были разставлены стулья съ мягкими подушками.

«Петръ явился въ своемъ обычномъ костюмѣ, «въ сѣрыхъ чулкахъ, не лучше тѣхъ, что носятъ наши ютландскіе крестьяне», вмѣстѣ съ королемъ, его министрами и знатными лицами по приглашенію.

Король подвелъ Петра въ королевскимъ мѣстамъ, но Петръ отказался занять предназначенное ему кресло, поднялся на солею, подошелъ къ алтарю и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ходомъ церемоніи.

Когда епископъ показался, Петръ вслухъ высказалъ свое изумленіе благолѣпному величію, съ какимъ онъ сумѣлъ выйти изъ-за стѣны алтаря. Когда присутствовавшіе пасторы приступили къ самому дѣйствию рукоположенія, — а по датскому обычаю на ставленника возлагаютъ руки всѣ присутствующіе пасторы, — Петръ приблизился и... тоже возложилъ руки на поставляемаго. Вслѣдъ за тѣмъ магистръ Муусъ сталъ принимать рукопожатія духовенства, — русскій царь тоже протянулъ ему руку. Муусъ не рѣшился принять ее и вѣжливо извинился.

По окончаніи торжества Петръ направился къ выходу, гдѣ двѣнадцать стражниковъ и двое приходскихъ попечителей съ трудомъ удерживали напоръ любопытной толпы. При выходѣ русскій царь спросилъ короля:

— Наизусть ли говорилъ епископъ такое длинное поученіе?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Петръ сказалъ:

— Когда я вернусь въ Россію, я также научу своего патріарха говорить проповѣдь наизусть.

Спустя два дня царственный гость покинулъ Копенгагенъ.

Современная датская газета совершенно умалчиваетъ о впечатлѣніи, какое произвело на датчанъ непрощенное участіе русскаго гостя въ ихъ священнодѣйствіи. Съ своей стороны, журналъ воздерживается отъ всякаго комментарія фантазіи русскаго государя, а между тѣмъ это очень интересно.

Смотрѣлъ ли Петръ въ самомъ дѣлѣ такъ возвышенно на свое «помазанничество», что считалъ себя въ правѣ участвовать вмѣстѣ съ іереями въ рукоположеніи, или—вѣрнѣе—въ немъ говорилъ тотъ деспотическій произволъ, въ которомъ ясно слышались отзвуки недавней некультурной Руси и за примѣрами котораго недалеко ходить въ петровской біографіи. Такъ или иначе, одно несомнѣнно, что пасторы и очевидцы факта встрѣтили его съ великимъ недоумѣніемъ и едва ли безъ желанія опротестовать его, хотя онъ исходилъ и отъ столь высокой особы.

Съ какихъ поръ русской жандармеріи было официально вмѣнено въ обязанность чтеніе въ сердцахъ и угадываніе преступныхъ мыслей?—на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ Н. Хитрово въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины».

«Въ 1871 году Хитрово сдѣлано было предложеніе прочитать нѣсколько лекцій по общему уголовному праву и судопроизводству въ штабѣ корпуса жандармовъ офицерамъ, желающимъ перейти на службу въ корпусъ. Авторъ, бывшій тогда всего лишь слушателемъ выпускнаго класса военно-юридической

академіи (!), не безъ удивленія принялъ роль преподавателя и прочелъ въ самомъ дѣлѣ до тридцати лекцій. Въ руководство молодому лектору дана была особая секретная инструкція тогдашняго шефа жандармовъ гр. Шувалова.

Именно въ день ея полученія Хитрово встрѣтился на одной изъ петербургскихъ улицъ съ извѣстнымъ писателемъ славянофиломъ Аксаковымъ, съ которымъ уже былъ знакомъ.

— Откуда и куда грядеши?—спросилъ Аксаковъ юношу. Тотъ отвѣтилъ, что идетъ изъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ домой. Удивленный отвѣтомъ, Аксаковъ сказалъ:

— Какое же отношеніе вы имѣете къ нашей жандармеріи?

Послѣдовало подробное объясненіе той роли, которую Хитрово взялъ на себя.

— Труды ваши бесполезны,—сказалъ Аксаковъ:—въ средѣ нашей жандармеріи трудно привить основы правовыхъ понятій.

Узнавъ, что Хитрово получилъ секретную инструкцію для жандармскихъ офицеровъ, Аксаковъ пожелалъ познакомиться съ нею и предложилъ спутнику зайти въ кафе-ресторанъ позавтракать.

— Когда,—разсказываетъ Хитрово,—въ кафе-ресторанѣ въ Пассаждѣ на Невскомъ намъ подали кофе, Аксаковъ получилъ отъ меня инструкцію. Содержаніе ея не отличалось сложностью и заключало въ себѣ только шесть печатныхъ страницъ. Во время чтенія Аксаковъ то улыбался, то хмурился, а передавая мнѣ обратно инструкцію, сказалъ:—Эту замѣчательную инструкцію составлялъ, конечно, самъ шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ... Чтобы создать такую инструкцію, надо обладать нешуточною фантазіею и, отрѣшившись отъ міра дѣйствительности, допустить сверхъестественное, т. е. что всѣ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ имѣютъ болѣе чѣмъ солидное энциклопедическое образованіе въ сферѣ всѣхъ научныхъ знаній, не исключая даже торговаго дѣла.

— Ну, да,—въ заключеніе пояснилъ Аксаковъ,—можно какую угодно грамотку написать, но кто же ее будетъ выполнять, когда пѣтъ для того пригодныхъ людей? Поручить офицерамъ—это будетъ равносильно создавать преступленіе тамъ, гдѣ нѣтъ даже намека и на проступокъ».

Прощаясь со мною, Аксаковъ сказалъ: «Вчера я встрѣтился съ генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ (тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ) и на его вопросъ, гдѣ, по моему мнѣнію, находятся вожаки революціоннаго броженія, шутя отвѣтилъ: въ третьемъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, а теперь, прочтя инструкцію, думаю, что моя шутка близка къ правдѣ».

«Изъ дальнѣйшаго разсказа Хитрово явствуетъ, насколько былъ правъ писатель-славянофилъ. Ни много, ни мало инструкція рекомендовала жандармскимъ офицерамъ лично собирать свѣдѣнія о дѣятельности государственныхъ, административныхъ и судебныхъ учреждений, а также банковъ, биржъ и учебныхъ заведеній отъ низшихъ до высшихъ. Главнымъ образомъ офицеры обязывались разузнавать о зарожденіи въ средѣ общества «вредныхъ идей» и по всякому подозрѣнію секретно производить дознаніе».

«Жандармамъ такимъ образомъ, предоставлялось контролировать правительственные и общественные органы, до губернаторовъ включительно. Для

этого, конечно, необходимо было солидное образованіе, котораго у офицеровъ не было и быть не могло.

«Въ томъ же 1871 году состоялся экзамень офицерамъ. На немъ присутствовалъ самъ гр. Шуваловъ и остался отвѣтами доволенъ. Необычайно характерно что среди молодежи нашелся человекъ, который со все́мъ благородствомъ молодости, хотя и съ большимъ для своей карьеры рискомъ, позволилъ себѣ честную критику начальственнаго наказа «чтенія въ сердцахъ», притомъ прямо въ лицо шефу. Поручику Боровитинову былъ предложенъ самимъ Шуваловымъ вопросъ, какъ онъ понимаетъ секретную инструкцію въ смыслѣ обнаруженія зарожденія преступныхъ революціонныхъ идей. Боровитиновъ безъ обиняковъ отвѣчалъ:

— Только съ внѣшней стороны, ваше сіятельство, т. е. когда мною будетъ обнаружено явное сборище революціонеровъ для совершенія какого-либо преступнаго дѣла, такъ какъ отдѣлить безвредное убѣжденіе отъ преступныхъ, при отсутствіи внѣшней оболочки, я лишень всякой возможности по недостаточности моего соціально-научнаго образованія.

Отвѣтъ какъ бы озадачилъ графа, и онъ поинтересовался, объяснялъ ли лекторъ слушателямъ его секретную инструкцію, явно выдавая сокровенное желаніе, чтобы молодые офицеры были «ловцами» сердець человѣческихъ на основаніи кусочковъ юридическихъ знаній, усвоенныхъ отъ человѣка даже безъ официальнаго диплома!..

«Русскій Вибліофилъ» печатаетъ характерныя «Записки» князя Ивана Долгорукова, небезызвѣстнаго поэта конца XVIII и начала XIX вѣка, автора извѣстнаго «Капица моего сердца»—мемуаровъ, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ данъ разсказъ о все́хъ людяхъ, когда-либо встрѣтившихся на жизненномъ пути князя, отъ Потемкина и тогдашнихъ архіереевъ до безвѣстныхъ помѣщицъ и помѣщичьихъ дочекъ, бывшихъ случайными героинями многочисленныхъ романовъ некрасиваго, но умнаго и интереснаго князя-писателя.

Въ послѣдней книжкѣ колоритно описана комедія дворянскихъ выборовъ при Екатеринѣ, живымъ свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ князь. Это была стинная оперетка, главнымъ режиссеромъ которой былъ губернаторъ, по тому времени всесильный. Въ Пензѣ, гдѣ жилъ Долгоруковъ, конечно, происходило точно то же, что и по всему лицу русской земли. Съхавшіеся дворяне были покорными пѣшками въ рукахъ блюдущаго свою политику начальника края и клали свои шары туда, куда они были намѣчены хозяиномъ губерніи.

«Губернскіе стряпчіе,—разсказываетъ Долгоруковъ,—подходя къ каждому дворянину, шептали на ухо, на которую сторону ящика при наименованіи избираемаго бросать раздаваемые имъ шары. Воля начальника, такимъ образомъ сообщаемая, невидимо въ выборахъ содѣйствовала. Если же кто дерзалъ имѣть свою собственную волю, то таковой притѣснялся, назывался преступникомъ закона и подверженъ былъ за упорство нерѣдко несчастью».

Въ Пензѣ все это было разыграно, какъ по нотамъ, а исполнителемъ губерна-торской воли являлся стряпчій уголовныхъ дѣлъ нѣкій Полдомасовъ.

«Выборы,—смѣется разсказчикъ,—въ три часа утра кончились и безъ затрудненія, ибо за мѣсяць до оныхъ уже по алфавиту именъ Полдомасовъ на-

значилъ мысленно, кому гдѣ быть. Оставалось только дворянамъ ранехонько вставать, столпиться въ антресоляхъ губернаторскихъ и намѣтить зря кое-куды положенное число шаровъ, а уже при разсортировкѣ ихъ вѣдалъ про то суфлеръ всей этой комедіи Полдомасовъ, по скольку бѣлыхъ и черныхъ на чей счетъ попадать надлежало.

«Вотъ какъ иногда государи выборомъ мѣстоначальниковъ въ государствѣ своемъ подвергаютъ наилучшее свое узаконеніе не только недоразумѣнію и отъ того вреду, но даже и посмѣянію людей просвѣщенныхъ!.. Такъ какъ всякое дѣло на Руси обыкновенно оканчивается брагой, то и послѣ сихъ выборовъ протекли двѣ недѣли въ праздникахъ и обѣдахъ. Толпа пензенскихъ патриотовъ на всѣ обѣды и ужины приглашалась, вообще всѣ ложились спать въ четыре часа, вставали поздно и ничего никто не дѣлалъ, однако журналы по всѣмъ мѣстамъ непрерывно выходили. Ихъ составляли изъ чего хотѣли секретари, а судьи подписывали».

Былые дворянскіе пиры, вознаграждавшіе дворянъ за ихъ манекенство на выборахъ, Долгоруковъ описываетъ такъ живописно, что они положительно просятся на полотно мастера-жаприста.

«Между прочими потѣхами давалъ обѣдъ и откупщикъ, пензенскій купецъ Печеринъ. Сей мнимый откупщикъ,—ибо настоящій подъ именемъ его былъ князь Куракинъ, разсудилъ насъ поить до смерти, не безъ соизволенія, но паче съ побужденія къ тому самого князя Куракина».

«По несчастной необходимости былъ и я приглашенъ на пиршество. Съели мы за столъ въ два часа пополудни, а пили до шести часовъ вечера, и я истинно думалъ, что заплачу за сіе животою (жизнью), но сошло съ рукъ удачно. А дабы коротко показать, какъ искусно мы всѣ подражали обычаямъ старинныхъ нашихъ русскихъ бояръ, скажу, что до тѣхъ поръ пили, что князь Куракинъ подъ гусли плясалъ съ купцами во всѣхъ своихъ орденахъ «бычка» (!), что иные прикладывались съ крестнымъ знакомъ къ его орденамъ. Губернатора безъ чувствъ расцѣловалъ межевой пьяный судейка, прижавъ въ уголь и что... но гдѣ все упомянуть!..»

«Князь Куракинъ среди всѣхъ насъ былъ такъ крѣпокъ, что въ этотъ же вечеръ и немного спустя въ состояніи былъ въ другомъ домѣ играть очень трезво въ карты, и дивился, видя, что я еще не могъ привести гораздо около ночи походки въ порядокъ, а онъ готовъ былъ и повторить утреннюю попойку. Умѣли мы перенять недостатки предковъ, а добродѣтелей ихъ не заняли!..»

Немало любопытныхъ подробностей передано у Долгорукова и о крѣпостномъ нашемъ театрѣ. У него самого былъ, между прочимъ, такой театръ, гдѣ въ главныхъ роляхъ не брезговали иногда выступать и самъ князь съ женою. Трагикомична исторія, когда въ самый день спектакля, послѣ сѣзда всѣхъ гостей, одинъ изъ волонтеровъ-актеровъ, учитель народной школы, напившись пьянъ, отказался играть. Какъ ни умолялъ его Долгоруковъ, какъ ни грозилъ ему «цѣпью и колодкой» самъ губернаторъ,—актеръ забастовалъ окончательно, и одинъ изъ пріятелей князя долженъ былъ прочитать «ролю» его по тетрадкѣ.

Еще занимательнѣе другой, тоже театральнй анекдотъ, повлекшій для князя большія непріятности. Въ его домѣ должна была итти комедія собственнаго его сочиненія подъ названіемъ «Трагилирогаффія»...

«Хотѣлось мнѣ,—разсказываетъ Долгоруковъ,—узнать сперва, сколько помѣстится у меня людей въ театрѣ, и для того, не приглашая никого изъ благородныхъ особъ, раздалъ я въ мои именины билетовъ до сорока купечеству и приказнымъ, а играли человѣка съ три изъ живущихъ у меня, но никто изъ насъ самихъ.

«Въ провинціальномъ городѣ нѣтъ секретовъ. Тамъ все знаетъ тотчасъ. Губернаторъ, узнавъ о моемъ театрѣ, убѣдительношимъ образомъ выпросилъ у насъ,—а паче жена его,—для себя два билета. Мы не могли отговориться, и такъ во всей упомянутой сходкѣ были они только двое наши гости. По окончаніи спектакля дали мы имъ ужинъ и не прежде посадили лучшихъ изъ купечества людей за столъ, какъ съ ихъ позволенія.

«Со временемъ все это обратилось мнѣ же въ нареканіе, и когда мы рассорились, то поджигатели умѣли ему внушить и увѣрить его, что все это происходило ему на смѣхъ, что приглашеніе его съ помянутымъ людей сбродомъ выдуманно мною было на смѣхъ ему. Не самъ ли я съ нимъ былъ во всемя тогда соучастникомъ?..»

Какъ все это характерно для русской провинціальной аристократіи, увы! оставшейся, кажется, и по сей часъ на той же точкѣ сословнаго чванства и мѣстничества, на какой стояло въ дни блаженной памяти матушки Екатерины!..

А. Александровъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» огласилъ небезынтересную переписку съ нимъ извѣстнаго К. Н. Леонтьева, писателя, кончившаго тайнымъ постригомъ. Человѣкъ оригинальнаго, но желчнаго ума, Леонтьевъ и въ письмахъ бросаетъ иногда мѣткое слово, даетъ почти всегда страстныя и пристрастныя характеристики, но онѣ любопытны, какъ голосъ человѣка, открыто разрывающаго съ интеллигенціей, припявшаго монастырскій идеалъ (Леонтьевъ и пишетъ изъ Оптиной пустыни) и безъ церемоніи высказывающаго то, что онъ думаетъ. Особенно любопытны отзывы его о Толстомъ, котораго, какъ мыслителя, Леонтьевъ явно не любилъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда біографію Толстого едва начинали разрабатывать и когда этотъ удивительный человѣкъ для всѣхъ былъ еще психологически полною загадкою, Леонтьевъ сказалъ о немъ слово, выдающее извѣстную проникновенность. По нынѣшнимъ временамъ въ этой характеристикѣ нѣтъ ничего новаго,—для 1888 года это свѣжо и ново.

«Не вѣрьте, голубчикъ, ему, не поддавайтесь,—предостерегаетъ Леонтьевъ своего молодого друга отъ воздѣйствія Толстого:—замѣйте это, у него была всегда страсть противорѣчить теченію передовой мысли. Пока господствовалъ либерализмъ, онъ былъ почти реакціонеръ во многомъ. Теперь, когда почти всѣ лучшіе умы обращаются такъ или иначе къ народнымъ историческимъ началамъ, ему не терпится, чтобъ не итти противу этого. Я самъ недавно это сталъ въ немъ угадывать. Пока это не касается святыни, оно оригинально и даже полезно. Но, если только хоть на минуту повѣрить и подумать, что за гробомъ—вѣчность блаженства или вѣчность муки, то каковъ же будетъ судъ Божій надъ людьми, играющими изъ духа противорѣчія чужою вѣрой! Не скрою,

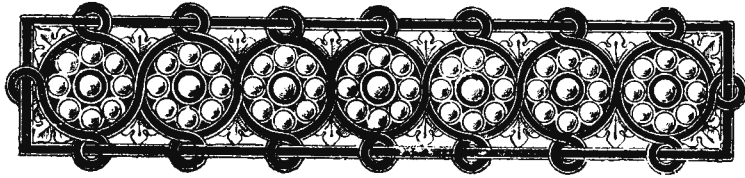
что я все-таки боюсь за васъ, зная, что вы съ нимъ видаетесь. Это не Феть, котораго атеизмъ никогда не жаждетъ пропаганды. «Клинь клиномъ надо выбивать», и если меня, грѣшнаго, вамъ мало, если вы почувствуете отъ его (Толстого) устарѣлыхъ фразъ XVIII вѣка малѣйшее колебаніе,—послушайтесь меня: познакомьтесь съ Владиміромъ Соловьевымъ и, подавивши въ себѣ всѣ движенія самолюбиваго стыда и скрытности, говорите съ нимъ откровенно о вашихъ сомнѣніяхъ, о Толстомъ и т. д. Это человѣкъ благороднѣйшій, въ области мышленія гениальнѣе Толстого, отличающійся отъ него, какъ небо отъ земли, и видѣть, что вы прибѣгаете къ нему, неприятно ему не будетъ».

Иногда непріязненное чувство Леонтьева, оскорбленнаго религіознымъ разномысліемъ Льва Николаевича и его рѣзкими выпадами противъ обрядностей религіи, принимаетъ формы прямой брани, почти неудобной для цитаты. Но мѣстами возникаютъ и интересныя фактическія детали, напр., отношеній къ Толстому Вл. Соловьева, какъ извѣстно, нисколько не увлекавшагося Толстымъ и просто тактично избѣгавшаго личныхъ и литературныхъ столкновеній съ знаменитымъ художникомъ.

«Льву Толстому въ статьяхъ моихъ достается,—пишетъ Леонтьевъ,—да и всѣмъ почти литераторамъ нашимъ, но ему, какъ проповѣднику и человѣку, а не какъ творцу. Мнѣ любопытно, какъ вы познакомились съ нимъ. Не вы ли это «поднимали» Иверскую (случай этотъ дѣйствительно былъ съ А. Александровымъ)? Кристи рассказываетъ, что онъ, Левъ Николаевичъ, пришелъ къ Влад. Соловьеву и съ негодованіемъ и изумленіемъ говорилъ: «одинъ студентъ, кандидатъ поднимаетъ Иверскую!» И началъ говорить Соловьеву такую старую дѣтскую рѣчь, что Соловьевъ хотѣлъ было отвѣтить ему: «да, и я въ четырнадцать лѣтъ такъ думалъ, какъ вы теперь». Но воздержался, чтобы не вышло ссоры. А они только что примирились. По-моему, Левъ Николаевичъ съ этой стороны просто глупъ сталъ. Онъ вовсе вѣдь и нехорошо говоритъ. Такія вещи бывають: напримѣръ, Фридрихъ II не понималъ, что въ Гете хорошаго, Наполеонъ не вѣрилъ въ возможность пароходства и т. д.»

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 апрѣля
по 15 мая для отзыва слѣдующія книги.

П. Ершовъ. Конекъ-Горбунокъ. Русская сказка. Изданіе 24-е. Спб. 1914. Стр. 126. Ц. 1 р.

Я. Няжининъ. Вадимъ Новгородскій. Трагедія. Съ предисловіемъ В. Саводника. Москва. 1914. Стр. XXIII+64. Ц. 1 р.

Гангутская побѣда и другіе подвиги моряковъ и судовъ родного флота. Изданіе комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. Спб. 1914. Стр. 147. Цѣна не обозначена.

А. Ѳ. Радченко. Къ свѣту. Сборникъ стихотвореній. (1908—1913). Кіевъ. 1914. Стр. 128. Ц. 1 р.

Д-ръ Е. П. Радинъ. Футуризмъ и безуміе. Параллели творчества и аналогіи новаго языка кубо-футуристовъ. Изданіе Н. П. Карбасникова. Спб. 1914. Стр. 48. Ц. 50 к.

А. Mercereau. La paix armée et le problème d'Alsace dans l'opinion des nouvelles générations françaises. Paris. 1914. P. 130+VI. Prix 2 fr. 50.

Гр. Ф. де-Ла-Бартъ. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. I. Люди сумеречной поры. II. Романтическій синтезъ. (1780—1830). Лекція. М. 1914. Стр. X+245. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности нижегородской ученой архивной комиссіи за двадцать шестой годъ ея существованія съ 22-го сентября 1912 года по 22-е октября 1914 года. Н.-Новгородъ. Стр. 30. Цѣна не обозначена.

Ф. С. Фарфоровскій. Фольклоръ калмыковъ въ связи съ ихъ современной культурой и бытомъ. Спб. 1913. Стр. 8. Цѣна не обозначена.

Настоящая брошюра С. Фарфоровскаго представляетъ собою отдѣльный оттискъ изъ второго выпуска трудовъ ставропольскаго общества изученія Сѣвернаго Кавказа за 1912 годъ.

Н. Г. Высоцкій. Матеріалы изъ исторіи духоборческой секты. Москва. 1914. Стр. 56. Ц. 75 к.

Работа Н. Г. Высоцкаго интересна тѣмъ, что въ его распоряженіи были любопытные архивные матеріалы по исторіи духоборчества, относящіяся къ первой четверти XVIII столѣтія, въ то время какъ другіе изслѣдователи русскаго сектантства считали возникновеніе духоборчества только около половины XVIII вѣка. Матеріалы эти касаются Тамбовской и Воронежской губерній и даютъ яркую картину отношеній къ духоборамъ духовныхъ и гражданскихъ властей, обрисовываютъ главнымъ образомъ этой секты и ея послѣдователей, сообщаютъ о мѣрахъ борьбы съ духоборчествомъ, со способами его распространенія и проч.

В. фонъ-Дрейеръ. Разгромъ Болгаріи. Вторая Балканская война 1913 года. Спб. 1914. Стр. 190. Ц. 1 р. 65 к.

Т. А. Сухаревъ. Развитие національнаго самосознанія въ древней Руси. Краткій

научно-популярный очеркъ. Раенбургъ. 1914. Стр. VIII+150. Ц. 1 р.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Княжна Мара. Романъ. Спб. 1914. Стр. 295. Ц. 1 р. 25 к.

Согласно опредѣленію петербургскаго окружнаго суда въ романѣ сдѣланы нѣкоторыя исключенія.

Мих. Новаленскій. Хрестоматія по русской исторіи. Т. I. Изданіе т-ва «Міръ». Москва. 1914. Стр. VIII+160. Ц. 75 к.

Поль Бертрамъ. Тѣнь власти. Историческій романъ. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. Спб. 1914. Изданіе т-ва А. С. Суворина—Новое Время». Стр. 411. Ц. 1 р. 50 к.

Романъ печатался въ 1913 г. на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и имѣлъ такой успѣхъ, что понадобилось отдѣльное его изданіе. Талантливый писатель выбираетъ для своихъ романовъ такія эпохи, когда рѣзче всего проявляется столкновение какихъ-нибудь социальныхъ силъ—въ данномъ случаѣ политическаго гнета герцога Альбы и стремленія челоуѣческаго духа къ свободѣ и справедливости—и умѣетъ представить это столкновение въ рядѣ такихъ событій, за которыми читатель слѣдитъ съ начала до конца съ возрастающимъ интересомъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1913—1914. Томъ 143. Стр. XVI+643+X. Ц. 3 р. Томъ 144. Стр. X+481+II+X. Ц. 3 р.

Русскій биографическій словарь. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Москва. 1914. «Гаагъ—Гербель», стр. 494. Ц. 3 р. и «Нааке-Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій». Стр. 388. Ц. 3 р.

Гр. Тулинъ. Цѣпи города. Стихи. Спб. 1914. Стр. 14. Цѣна не обозначена.

А. Ю. Куполовъ. Литературные конспекты. Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Достоевскій, Левъ Толстой. Полтава. 1914. Стр. VI+179. Ц. 90 к.

Библиографическая лѣтопись. Вып. I. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1914. Стр. VII+147. Ц. 1 р.

Проф. И. А. Линниченко. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и биографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914. Стр. 319. Ц. 2 р. 25 к.

Памятная книжка Воронежской губерніи. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей Д. Г. Тюмсева. Воронежъ. 1914. Стр. 681. Ц. 1 р. 75 к.

В. В. Быховскій. Личныя и имущественныя отношенія супруговъ между собою и къ дѣтямъ при раздѣльномъ жителъствѣ по новому закону 12-го марта 1914 года. Изданіе «Правовѣдніе». М. 1914. Стр. 117. Ц. 75 к.

Толково составленная книжка г. Быховскаго можетъ служить хорошимъ практическимъ руководствомъ и справочникомъ при веденіи дѣлъ о раздѣльномъ жителъствѣ супруговъ. Полезны для широкой публики приведенные составителемъ образцы дѣловыхъ бумагъ. Книга снабжена алфавитнымъ указателемъ.

С. Доброумовъ. Донской монастырь въ Москвѣ. Москва. 1914. Стр. 40. Цѣна не обозначена.

Названный историческій очеркъ рассказываетъ объ основаніи и постепенномъ развитіи монастыря, объ отношеніи его къ духовному просвѣщенію, останавливается на разсмотрѣніи значенія этого монастыря для упорядоченія церковнаго пѣнія и заканчивается описаніемъ достопамятныхъ историческихъ событій, имѣвшихъ здѣсь мѣсто (убіеніе архіепископа Амвросія, постой французовъ въ 1812 году).

С. Д. Донская икона Божьей Матери. Ея явленіе; значеніе ея въ русской исторіи и частной жизни; крестный ходъ въ Москвѣ въ празднованія ей и распространенность почитанія ея въ русскомъ народѣ. Изданіе Донскаго монастыря. М. 1911. Стр. 50. Цѣна не обозначена.

Мэй Уиннъ. Генрихъ Наварскій. Историческій романъ. Пер. Д. Ф. Журавлева. Спб. 1914. Изданіе Тамары Полиловой. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Нѣкоторыя общія соображенія по вопросу о задачахъ низшаго, средняго и высшаго образованія. Спб. 1914. Стр. 28. Ц. 30 к.

А. Павловъ. Вѣщія птицы. Эпизодъ изъ жизни донскаго атамана Платова. Тифлисъ. 1914. Стр. 4. Цѣна не обозначена.

Конст. Флугъ. Стихотворенія. Спб. 1914. Стр. 51. Цѣна не обозначена.

М. О. Новалевскій. Исторія Греціи и Рима. Курсъ третьяго класса мужскихъ гимназій по учебнымъ планамъ 1913 г. Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева. Казань. 1914. Стр. 124. Ц. 65 к.

Бенедиктъ (Н. Юрьинъ). Дѣвичій романъ. Октавы. Спб. 1914. Стр. 30. Ц. 30 к.

Г. С. Винскій. Мое время. Записки. Редакція и вступительная статья П. Е. Шеголева. Издательство «Огни». Спб. 1914. Стр. XII+159. Ц. 1 р. 25 к.

Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Издательство «Огни». Спб. 1914. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстія вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Вып. I. Вологда. 1914. Стр. VI+96. Ц. 50 к.

Ант. Гинкенъ. О чтеніи и книгахъ. Вып. III. Спб. 1914. Стр. 168. Ц. 80 к.

Третій выпускъ интересной работы покойнаго А. Гинкена содержитъ въ себѣ очень любопытную статью объ «облагораживающемъ чтеніи», о великихъ книгахъ и великихъ читателяхъ; особенно интересны здѣсь свѣдѣнія о бібліотекахъ и отношеніи къ книгамъ Пушкина, Тургенева, Целевако и др. Съ большимъ злободневнымъ интересомъ читается глава о современной заграничной и русской прессѣ. Заканчивается книга сердечно написаннымъ біографическимъ очеркомъ Н. О. Федорова, московскаго «идеальнаго бібліотекаря».

Федоръ Сологубъ. Собраніе сочиненій. Т. XVII, XVIII, XIX. Изданіе «Сиринъ». Спб. 1914. Стр. 276, 302, 412. Ц. 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р.

И. Бальмонтъ. Бѣлый зодчій. Таинство четырехъ свѣтильниковъ. Изданіе «Сиринъ». Спб. 1914. Стр. 324. Ц. 2 р.

Д. Найгородовъ. Наши лѣтніе цвѣты. Популярныя очерки. Серія II. 16 акварелей съ натуры Т. Д. Маресевой. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. 62. Ц. 1 р.

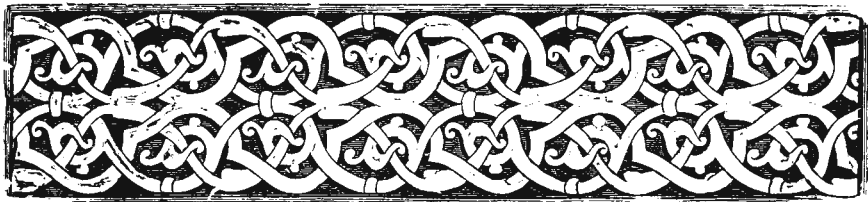
С. Н. Запорожцевъ. Руководство по естествовѣдѣнію. Спб. 1914. Стр. 360. Ц. 1 р. 70 к.

Д. И. Багалъй. Русская исторія съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Пособіе къ лекціямъ для высшей школы и руководство для учителей и самообразованія. Т. I. Княжеская Русь. Москва. 1914. Стр. VIII+513. Ц. 2 р.

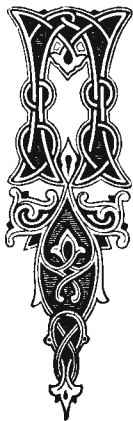
Л. Г. Ульяницкій. Албазинъ и албазинцы. Хабаровскъ. 1913. Стр. 25. Цѣна не обозначена.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕРВЫЙ крестовый походъ. ¹⁾—Въ апрѣльской книжкѣ «Revue hebdomadaire» извѣстный ученый византистъ Гюставъ Шлюмберже даетъ историческій очеркъ перваго крестоваго похода и взятія Іерусалима крестоносцами.

Выдающимися чертами этого обще-христіанскаго движенія были необычайный религіозный порывъ и энергія его инициатора и такое же страстное желаніе крестоносцевъ достигъ намѣченной цѣли. Этимъ инициаторомъ былъ, какъ теперь доказано, папа Урбанъ II. Своею проповѣдью онъ поднялъ всю Францію и 18-го ноября 1095 года созвалъ знаменитый Клермонскій соборъ, на который явились рыцари и духовенство.

Страстной и пылкой проповѣдью онъ призывалъ всѣхъ христіанъ къ завоеванію Святой Земли и Святого Гроба и къ освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига. Его рѣчь возбудила въ христіанахъ такое воодушевленіе, что они всѣ, какъ одинъ человекъ, откликнулись на этотъ призывъ.

Различные христіанскіе народы составили безчисленные отряды подъ предводительствомъ Петра Отшельника, Готье, прозваннаго Неимущимъ, нѣмецкаго патера Готшалка, графа Эмиго и многихъ другихъ. Всѣ эти отряды соединились вмѣстѣ, составили четыре арміи и двинулись черезъ Европу, грабя и убивая евреевъ. Переходъ черезъ Малую Азію былъ для христіанъ чрезвычайно труденъ.

Наконецъ, 20-го октября 1097 года они приблизились къ Антиохіи и послѣ упорной и продолжительной осады 2-го іюля 1098 года вступили въ сирійскую

¹⁾ «La prise de Jérusalem par les guerriers de la première Croisade le 15 Juillet 1099. Par Gustave Schlumberger. «La Revue hebdomadaire» 18 avril 1914.

столицу, но и то благодаря измѣнѣ. На помощь туркамъ прибылъ эмиръ Кербога, знаменитый мусульманскій Атабекъ съ двумястами тысячами воиновъ. Произошло кровавое сраженіе. Христіане, воодушевленные именемъ Христа, заставили 28-го іюня банды эмира отступить. Путь къ Святой Землѣ теперь былъ открытъ.

Оставивъ въ Антиохіи принца Боэмонта, крестоносцы въ апрѣлѣ 1099 г. двинулись къ священному городу, который годъ тому назадъ перешелъ во владѣніе калифа Фатемида.

Переходъ черезъ Палестину былъ относительно легкій, но христіанская армія все-таки значительно уменьшилась. Наконецъ, въ іюлѣ 1099 года христіане съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ увидѣли стѣны Іерусалима. Это былъ одинъ изъ самыхъ потрясающихъ моментовъ въ исторіи. Закаленные въ бою воины, проливая радостныя слезы, бросались на колѣни предъ своей святыней, протягивая руки къ тому, что составляло цѣль ихъ стремленій. Съ этого момента для нихъ не существовало никакихъ трудностей. Путь уже не казался имъ тяжелымъ, и они легко достигли стѣнъ Іерусалима.

Въ этомъ христіанскомъ движеніи было много горячей вѣры и мало стратегическихъ соображеній. Передъ стѣнами Іерусалима стоялъ лишь остатокъ прежней громадной арміи всего въ сорокъ тысячъ человекъ, изъ которыхъ сражаться могли только двадцать. Не досчитывались многихъ видныхъ вождей. Одни были убиты, другіе въ качествѣ побѣдителей остались въ завоеванныхъ городахъ. И такая незначительная армія стояла предъ сильно укрѣпленнымъ городомъ съ гарнизономъ въ сорокъ тысячъ человекъ. Большая часть ихъ были солдаты египетскаго калифа, изгнавшіе изъ Іерусалима патріарха и христіанъ.

Вѣрующіе христіане были такъ убѣждены въ своей побѣдѣ, что мало заботились о средствахъ, съ помощью которыхъ производилась осада. Вскорѣ они убѣдились, однако, въ невозможности взять городъ. По совѣту епископовъ и духовенства вожди крестоносцевъ отправились къ одному старцу, жившему на горѣ Фаворѣ. Къ ихъ большой радости старецъ предрекъ имъ, что они овладѣютъ городомъ на другой же день, но для этого они должны молиться и соблюдать постъ.

Ихъ вѣра была такъ горяча, что они съ дѣтской наивностью рѣшили произвести штурмъ на другой же день. Сраженіе продолжалось съ самой зари до шести часовъ вечера, причемъ было убито значительное число воиновъ.

На другой день крестоносцы возобновили атаку, и тоже неудачно. Только тогда они догадались, что одной вѣры для взятія сильно укрѣпленнаго города недостаточно, и принялись съ лихорадочной поспѣшностью строить лѣстницы и разныя осадныя сооруженія.

Къ довершенію неудачи крестоносцы, особенно сѣверяне, страдали отъ сирийской жары, жажды и голода. Знаменитый Силоамскій источникъ не могъ удовлетворить жажды такой массы людей и животныхъ. Вскорѣ его такъ загрязнили, что онъ сталъ распространять зловоніе. Вина также не хватало. Въ концѣ іюня и въ началѣ іюля положеніе еще болѣе ухудшилось и воду приходилось приносить даже изъ Іордана. За ней ходили верстъ за шесть и

приносили въ шкурахъ быковъ и барановъ. Впослѣдствіи крестоносцы доставали и вино, но платили за него страшно дорого.

Осада, однако, не подвигалась впередъ, за недостаткомъ строительнаго матеріала, необходимаго для постройки лѣстницъ. 15-го іюля состоялся военный совѣтъ, и вожди, наконецъ, рѣшили, во что бы то ни стало, построить для осады гигантскія передвижныя деревянныя сооруженія съ башнями, которыя были бы выше непріятельскихъ укрѣпленій. Одинъ сирійскій христіанинъ указалъ имъ, гдѣ можно получать необходимый матеріалъ. Постройка этихъ колоссальныхъ сооруженій длилась четыре недѣли. Особенно энергично двинулась работа, когда 20-го іюня прибыли генуэзцы. Женщины, старики и дѣти участвовали въ работахъ въ Вилеемской долинѣ. Они шивали шкуры верблюдовъ, лошадей и коровъ для предохраненія машинъ отъ огня и камней.

Наконецъ крестоносцы получили извѣщеніе о прибытіи 17-го іюня въ Яффу генуэзскаго флота. Генуэзцы привезли съ собой много провіанта, но прибытіе сильнаго египетскаго флота заставило ихъ бросить всѣ свои корабли и присоединиться къ крестоносцамъ, осаждавшимъ Іерусалимъ.

Несмотря на горячую вѣру, большинство крестоносцевъ вело себя недостойно своей высокой роли. Они бѣгали купаться въ Іорданъ и срѣзали тамъ пальмовыя вѣтви, желая этимъ показать, что ихъ миссія окончилась и они могутъ отправиться въ Яффу для отплытія въ Европу.

Постройка осадныхъ сооруженій пошла у крестоносцевъ довольно быстро. Но и противники старались усилить средства защиты. Среди христіанъ распространился слухъ, что въ лагерѣ было чудесное видѣніе, въ которомъ духъ одного умершаго папскаго легата далъ христіанамъ совѣтъ, какъ смягчить гнѣвъ Божій и добиться успѣха. Однако крестоносцы не повѣрили этому видѣнію. Тогда духъ легата снова явился священнику Петру Дезидерію и приказалъ крестоносцамъ наложить на себя постъ и обойти босыми ногами въ торжественной церемоніи вокругъ Іерусалима. Тогда, сказалъ духъ, городъ будетъ взятъ. Это произвело на крестоносцевъ сильное впечатлѣніе, и 6-го іюля состоялся совѣтъ вождей, на которомъ было рѣшено привести этотъ совѣтъ въ исполненіе.

Послѣ трехдневнаго поста состоялась церемонія. Босоногіе воины, предшествуемые священниками въ бѣлыхъ облаченіяхъ, обошли вокругъ стѣнъ города подъ градомъ стрѣлъ непріятели. Турки размѣстили на стѣнахъ кресты и распятія головою внизъ и били ихъ розгами, произнося при этомъ ругательства, угрозы.

Взятіе Іерусалима авторъ описываетъ со всѣми подробностями. Несмотря на невыносимую жару, сыпавшіяся стрѣлы и мучительную жажду, осадныя работы 12-го іюля ночью были окончены. Гигантское сооруженіе съ башнями передвигалось посредствомъ цѣлой системы канатовъ и было прикрыто шкурами животныхъ для защиты отъ непріятельскаго огня. Оно состояло изъ трехъ этажей и было выше непріятельскихъ укрѣпленій. Въ верхнемъ этажѣ помѣстился герцогъ Годефруа съ братомъ. Въ среднемъ этажѣ Лейтбольдъ и Энгельбертъ Турней, и въ нижнемъ завѣдывавшій передвиженіемъ этого сооруженія. На этомъ сооруженіи красовался золотой крестъ, служившій мишенью для непріятельскихъ стрѣлъ.

Турки защищались съ храбростью отчаянія. Цѣлый день длилась жестокая борьба, и не разъ осадное сооруженіе приходилось чинить и мѣнять канаты, на которыхъ оно передвигалось.

Турки, видя, что всѣ ихъ попытки потерпѣли неудачу, а греческій огонь не повредилъ башнѣ, втащили на стѣну громадный стволъ дерева, начиненный всякаго рода воспламеняющимися веществами. Они помѣстили его между стѣнами и башней и подожгли его. Но христіане погасили начавшійся пожаръ, обливъ горящій стволъ уксусомъ.

Наконецъ, въ девять часовъ—время, когда Христосъ былъ распятъ, крестоносцы съ крикомъ: «Помоги, Боже», бросились къ укрѣпленію по подъемному мосту, который имъ удалось построить на площадкѣ своего сооруженія, и проникли въ городъ съ сѣверной стороны.

При этой осадѣ погибло много христіанъ, мусульмане же истреблялись безпощадно. Кровь лилась рѣкою, и христіане унесли много добычи.

На южной сторонѣ укрѣпленій происходила такая же страшная борьба, подъ руководствомъ графа Раймонда Тулузскаго. Здѣсь сарацины выставили лучшія свои войска и сооруженія. На гребняхъ укрѣпленій и на крышахъ домовъ появились страшнаго вида колдуньи, и христіане были этимъ весьма утрашены.

Былъ моментъ, когда крестоносцы потеряли надежду на успѣхъ. Одно изъ ихъ сооруженій было охвачено пламенемъ, другое повреждено. Но вдругъ произошло чудо. Набожные солдаты графа Тулузскаго увидѣли на горизонтѣ силуэтъ рыцаря, дѣлавшаго какіе-то знаки. Съ вершины горы Фавора онъ махалъ своимъ бѣлымъ щитомъ, чтобы воины двигались впередъ безъ страха. Ободренные этимъ сверхъестественнымъ видѣніемъ, которое, по замѣчанію автора, вѣроятно, было подстроено заранѣе предусмотрительными вождями, они снова бросились на штурмъ укрѣпленія.

Крестоносцы дрались ожесточенно. Во всемъ городѣ продолжала литься кровь. Въ храмѣ Соломона произошла настоящая бойня. Многіе бѣглецы забрались на крышу храма изъ листоваго свинца. Свинца было такъ много, что графъ Бодуэнъ заплатилъ имъ свои долги. Побѣдители нашли въ городѣ много золота, серебра и всякаго рода провизіи. Особенно разбогатѣлъ Танкредъ Сицилійскій, разграбившій богатую мечеть Омара. Готфридъ Бульонскій нагрузилъ добычею шесть верблюдовъ. Онъ заставилъ евреевъ убирать трупы съ улицы. Затѣмъ онъ сталъ продавать евреевъ въ рабство за одну золотую монету тридцать человѣкъ. Многіе изъ нихъ были утоплены въ морѣ или убиты. По словамъ арабскаго историка, множество евреевъ погибло при сожженіи синагоги. Эти жестокости длились до тѣхъ поръ, пока христіане не пресытились кровью. Послѣ этого состоялась грандіозная религіозная процессія, а на другой день опять вспыхнула кое-гдѣ рѣзня. Крестоносцы забрались на крышу храма, гдѣ находились бѣглецы, и, несмотря на мольбы сарацинъ, принялись убивать даже дѣтей и женщинъ. Многіе изъ нихъ предпочли самоубійство и бросились съ крыши внизъ.

Такъ святое дѣло освобожденія Святой Земли и святого гроба было осквернено кровью и грабежами.

— Подлинный Людовик XV ¹⁾.—Версальскій дворець, какъ извѣстно, представляетъ чудо красоты и изящества. Тѣмъ разительнѣе противоположность между его внѣшностью и нравственными качествами перваго короля, который прожилъ въ немъ всю жизнь, т. е. Людовика XV. До насъ дошло немало медалей и портретовъ отъ времени регентства, на которыхъ изображенъ десятилѣтній король-ребенокъ съ длинными волосами, съ милымъ, привѣтливымъ лицомъ, съ глазами, полными огня и жизни. Не слѣдуетъ, однако, вѣрить этимъ изображеніямъ Людовика XV. Всѣ они прикрашены и искажены официальной льстивостью и угодничествомъ художниковъ. На самомъ дѣлѣ Людовикъ XV росъ угрюмымъ, «молчаливымъ и злобнымъ мальчикомъ». Уже съ шести лѣтъ онъ страдалъ «вапёрами», какъ тогда говорили, т. е. мигренью. Это дѣлало его раздражительнымъ и несдержаннымъ. Любимымъ его удовольствіемъ было сказать кому-нибудь дерзость. Однажды, напримѣръ, королю представлялся всѣми уважаемый, но некрасивый епископъ мецскій.

— Боже, какой уродъ!—воскликнулъ король.

Епископъ повернулся къ нему спиной и, уходя, громко сказалъ:

— Какъ этотъ мальчикъ дурно воспитанъ!

Съ раннихъ лѣтъ Людовику внушали, что ему надо быть скрытнымъ, что это качество настоящаго короля. Чтобы угодить королю, раболѣпная академія писала особыя похвальныя статьи этому качеству, а иностраннымъ посламъ рекомендовалось какъ можно чаще говорить о немъ въ своихъ депешахъ, чтобы снискать себѣ расположеніе короля. Такое воспитаніе сдѣлало Людовика робкимъ и застѣнчивымъ: онъ чувствовалъ себя хорошо только въ обществѣ своихъ лакеевъ и животныхъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, ему не приходилось сдерживаться.

Развлеченія юнаго короля были довольно странны. Иногда его возили въ Булонскій лѣсъ и показывали, какъ нужно убивать кроликовъ, не употребляя ножа. Однажды ему пришло въ голову предательски убить прирученную козу, которая ласкалась къ королю и ѣла изъ его рукъ. Года черезъ три послѣ этого звѣрскаго поступка придворные, чтобы позабавить короля, достали ему лукъ и стрѣлы. Въ залы дворца въ Фонтенбло пустили серну, которая и должна была служить его величеству цѣлью. Во время этой охоты король увидалъ одного изъ важныхъ придворныхъ чиновниковъ, нѣкоего Сурена, который, ничего не подозрѣвая, хотѣлъ выйти изъ дворца въ паркъ.

— Я хочу его попугать,—сказалъ король.

И Суренъ получаетъ стрѣлу прямо въ животъ и остается въ живыхъ только чудомъ.

Достигши шестнадцати лѣтъ, Людовикъ продолжаетъ выкидывать самыя пошлыя шутки: обрѣзываетъ у окружающихъ галстуки, срываетъ парики и награждаетъ затрещинами неосторожныхъ придворныхъ, которые приближаются къ нему слишкомъ близко. Любимымъ его удовольствіемъ было обрывать рукава камзоловъ своихъ приближенныхъ и срывать съ нихъ пряжки.

¹⁾ «Le Temps», № 19298.

Чтобы показать ему все неудобство таких шуток, герцог де-Ноайль как-то замѣтилъ Людовику:

— Ваше величество, безъ сомнѣнія, срываете эти некрасивыя пряжки, чтобы на мѣсто ихъ послать въ подарокъ ихъ владѣльцамъ брилліантовыя.

Но король не понялъ его намѣренія и только съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Людовикъ XV билъ по щекамъ своихъ лакеевъ, бросалъ въ прелатовъ корками сыра... Троице конюшимъ онъ однажды обрѣзалъ брови. «Это человѣкъ, лишенный ума и сердца», сказалъ про него одинъ изъ его министровъ.

Выросши, Людовикъ XV не отсталъ отъ своихъ привычекъ и попрежнему любилъ сказать каждому что-нибудь оскорбительное или непріятное. Представлявшемуся ему кардиналу Люинъ онъ замѣтилъ:

— Вашъ предокъ умеръ отъ удара. Вашъ отецъ и дядя тоже умерли отъ удара. Мнѣ кажется, что и вы скоро должны умереть отъ удара.

— На мое счастье, ваше величество, мы живемъ уже не во времени царей-пророковъ,—отвѣчалъ находчивый кардиналъ.

Другой разъ заболѣлъ одинъ изъ оберъ-егермейстеровъ, изъ числа наиболѣе приближенныхъ къ королю. Узнавъ по выздоровленіи, что король во время его болѣзни каждый день присылалъ справляться о его здоровьѣ, растроганный сановникъ, едва держась отъ слабости на ногахъ, отправился благодарить короля за столь милостивое вниманіе къ нему.

— Сказать по правдѣ,—отвѣчалъ Людовикъ, выслушавъ его благодарность,—меня интересовало только то, когда вы умрете. Мнѣ хотѣлось, чтобы васъ вскрыли и посмотрѣли, кто изъ докторовъ вѣрнѣ опредѣлитъ причину вашей болѣзни.

Когда королю приходилось выступать публично, онъ дѣлался робкимъ до болѣзненности. Если ему нужно было что-нибудь сказать, онъ не находилъ словъ. Его подбородокъ тряса такъ, что всѣ это замѣчали. Онъ не интересовался рѣшительно ничѣмъ, и только еженедѣльные доклады полиціи о происшедшихъ въ столицѣ скандалахъ нѣсколько развлекали его. Въ совѣтѣ своихъ министровъ онъ не слушаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, и сидитъ съ надменнымъ, скучающимъ видомъ. О дѣлахъ государства онъ говоритъ, какъ о чемъ-то постороннемъ.

— Моей швейцарской гвардіи дали новую форму. Очень красиво, но дорого. Не знаю, какъ они расплатятся за все это,—говорилъ онъ кому-то изъ придворныхъ.

«Странный человѣкъ этотъ король,—замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ.—Онъ не можетъ ни на что рѣшиться и предпочитаетъ, чтобы его ни о чемъ не освѣдомляли».

Только охота могла на нѣкоторое время вывести его изъ этого болѣзненнаго состоянія безволія, но и тутъ онъ показывалъ больше нѣжности къ своимъ собакамъ и лошадямъ, чѣмъ къ своимъ друзьямъ. Однажды одинъ изъ нихъ, Шовлэнъ, вдругъ упалъ мертвымъ почти къ самымъ ногамъ короля, игравшаго съ нимъ въ карты. Людовикъ былъ очень взволнованъ и огорченъ, но не тѣмъ, что скончался его приближенный, а тѣмъ, что разстроилась игра. Черезъ

нѣсколько дней пала загнанная кородемъ лошадь. Но этотъ разъ Людовикъ выказалъ признаки настоящей скорби. «Бѣдная, совѣмъ, какъ Шовлэнтъ», промолвилъ онъ. Во дворцѣ въ залѣ рядомъ съ своей столовой отъ приказалъ помѣстить своихъ собакъ и устроить имъ банкетъ. Любовницы же его помѣщались въ подвалахъ или въ мансардахъ.

Когда его величеству приходило желаніе поразвлечься, онъ выкидывалъ разныя штучки, въ родѣ слѣдующей. Однажды къ маркизѣ Помпадуръ зашелъ ся знакомый по имени Дарбулэнъ. Чтобы осчастливить гостя, фаворитка вздумала показать ему короля. Дѣйствительно, Людовикъ скоро явился къ ней и завелъ разговоръ съ окружающими. На свое несчастье, Дарбулэнъ кому-то разсказалъ, что онъ страдаетъ сильной подагрой въ большихъ пальцахъ обѣихъ ногъ. Сдѣлавъ видъ, что онъ ничего не слыхалъ, король оборачивается къ нему спиной и какъ будто нечаянно наступаетъ ему каблуками на обѣ ноги. Несчастный едва не упалъ въ обморокъ отъ страшной боли, и маркиза Помпадуръ поспѣшила спровадить своего августѣйшаго покровителя.

Судьбѣ было угодно, чтобы за жестокосердіе къ людямъ и презрѣніе къ дѣламъ государственнымъ поплатился не этотъ тестъ польскаго короля Лещинскаго, а его внукъ, добрый, но безвольный Людовикъ XVI.

— Столица и дворъ въ царствованіе Луи-Филиппа.— Интересныя выдержки изъ дневника австро-венгерскаго дипломата графа Рудольфа Аппоньи напечатаны на страницахъ «Revue des deux mondes». Они обнимаютъ только одинъ годъ, но, несмотря на это, въ нихъ не мало любопытныхъ анекдотовъ, касающихся представителей дипломатическаго міра европейскіхъ державъ.

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка положеніе иностранныхъ дипломатовъ при французскомъ дворѣ было довольно шекотливо. Имъ приходилось угождать двумъ господамъ—королю и карлистамъ. Жена бывшаго англійскаго посланника лэди Грэнвилль сумѣла, благодаря своему такту, приспособиться къ этому положенію и завоевать симпатію парижскаго общества. Жена вновь назначеннаго посланника лэди Коули, хотя и считалась достойной женщиной съ прекрасными манерами, но не отличалась такой любезностью и предупредительностью, какъ ея предшественница. Въ бесѣдѣ съ графомъ Аппоньи графиня Дино высказала мнѣніе, что Англія поступила бы лучше, если бы прислала въ Парижъ холостого посланника, для котораго пріемы были бы не обязательны. По ея словамъ, парижское общество было чрезвычайно невѣжественно и недоброжелательно къ иностранцамъ, и понравиться ему было очень трудно. Несмотря на то, что графиня Дино жила въ Парижѣ двадцать лѣтъ, ее продолжали считать иностранкой.

Не менѣ волненія въ парижскомъ дипломатическомъ обществѣ вызвало назначеніе русскаго посланника Поццо-ди-Борго на постъ посланника при англійскомъ дворѣ. Онъ такъ привыкъ къ Парижу, что былъ сильно огорченъ, когда баронъ Медемъ, русскій уполномоченный въ Лондонѣ, сообщилъ ему эту новость. Французское правительство считало эту перемену несчастьемъ для себя. Людовикъ-Филиппъ думалъ, что безъ Поццо ему не удастся завоевать расположенія русскаго императора. Поццо уходить, а между тѣмъ королю еще остается разрѣшить немало вопросовъ.

Парижане, кромѣ того, были недовольны тѣмъ, что на его мѣсто назначается баронъ Медемъ. Въ отсутствіе Поццо баронъ Медемъ оставался въ качествѣ русскаго уполномоченнаго при французскомъ дворѣ, и общество не любило его. Оно находило барона несговорчивымъ и не по положенію высококомѣрнымъ. Всѣ надѣялись, что вскорѣ его замѣнятъ Орловымъ или Татищевымъ. Послѣдній въ это время собирался жениться въ Польшѣ на одной богатой особѣ. Вообще всѣ находили, что съ нѣкотораго времени отношенія между Россіей и Франціей значительно измѣнились къ худшему для тюльерійскаго двора.

Касаясь королевской семьи, графъ Аппоньи отмѣчаетъ разницу между дочерьми короля. Принцесса Климентина была красива, граціозна, чрезвычайно воспитана и, главное, очень образована. Принцесса Марія была оригинальнѣе ея. Ея разговоръ отличался пикантностью, и она, несомнѣнно, была талантливѣе сестры. Но зато принцесса Климентина была нѣжнѣе и обаятельнѣе ея и поражала она своимъ знаніемъ всего, что дѣлалось въ политической жизни.

У принцессы были свои воспитательницы, руководившія различными системами воспитанія. Принцесса Луиза была менѣе сдержанна, не обладала въ достаточной степени свѣтскими манерами. Во время прогулокъ она вмѣшивалась на бульварахъ въ толпу, когда весь Парижъ находился на улицѣ. На замѣчаніе графа Аппоньи, что и герцогиня Беррійская также прогуливалась по улицамъ Парижа и даже разговаривала съ нимъ, воспитательница пришла въ ужасъ и воскликнула, что она умерла бы отъ огорченія, если бы ея воспитанница держала себя такимъ образомъ.

— Когда находишься между двумя противоположными партіями, то принцы всегда подвергаются опасности въ толпѣ. Впрочемъ, вы сами видѣли, чѣмъ окончила герцогиня Беррійская.

Эта бесѣда велась во дворцѣ, куда былъ приглашенъ на обѣдъ графъ Аппоньи вмѣстѣ съ другими дипломатами. Послѣ обѣда онъ бесѣдовалъ съ королемъ. Людовикъ-Филиппъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что въ настроеніи, особенно молодежи, произошла перемѣна къ лучшему.

— Я всегда смотрю людямъ въ глаза,—замѣтилъ король:—и теперь, когда я проѣзжаю въ каретѣ по улицамъ Парижа или дѣлаю смотръ войскамъ, то вижу, что у молодежи совсѣмъ другое выраженіе въ глазахъ, чѣмъ было два года тому назадъ. Я болѣе не вижу этихъ озлобленныхъ, ужасныхъ лицъ, какія мы встрѣчали въ другія времена. Помните, графъ Рудольфъ, когда я былъ въ Пале-Рояль?...

— Да, государь, я помню этотъ знаменитый концертъ, когда мы проходили среди страшнаго мятежа.

— Я никогда не забуду этого дня,—продолжалъ король:—но я не забуду также и вашей храбрости, когда вы, несмотря на этотъ мятежъ, все-таки явились.

Далѣе король сознавался, что ему труднѣе всего справиться съ прессой.

— Только вотъ пресса еще агрессивна, но и она уходится, желаю ей этого, такъ какъ противъ нея мы почти безоружны. Однако намъ удалось склонить на свою сторону судей, и журналистовъ ежедневно приговариваютъ къ суровымъ наказаніямъ и крупнымъ штрафамъ. Много еще остается мнѣ сдѣ-

латъ, и это мнѣ удастся, благодаря моему принципу—нападать только при послѣдней крайности. Я часто объ этомъ говорилъ Карлу X въ этихъ комнатахъ: защищайтесь, но не нападайте, а если надо издать какой-нибудь указъ, то прежде, чѣмъ его издавать, имѣйте подъ рукою вѣрное и хорошо дисциплинированное войско. Если бы Карлъ X сохранилъ парижскую національную гвардію и далъ отставку Полиньяку, то онъ и теперь еще сидѣлъ бы въ этихъ аппаратахъ, а я жилъ бы гораздо счастливѣе и, главное, спокойнѣе въ своемъ Пале-Роялѣ.

На замѣчаніе графа Аппоньи, что не было причинъ давать Полиньяку отставку, какъ не было причинъ его назначать, король отвѣчалъ:

— Вы правы, я только хочу сказать, что Карлъ X могъ бы избѣжать многихъ осложненій для Франціи и Европы, если бы слѣдовалъ моимъ совѣтамъ. Отвѣтственность за все то, что теперь происходитъ, не можетъ пасть на меня.

Король говорилъ, что нельзя дѣйствовать круто, и привелъ примѣръ, что разумная мягкость можетъ устранить многія опасности. Онъ разсказалъ одинъ случай, произошедшій съ нимъ въ послѣднее его посѣщеніе Версаля, жители котораго были къ нему расположены. Онъ оставался въ каретѣ и сидѣлъ, надвинувъ низко на глаза шляпу. Вдругъ къ экипажу подошли два молодые человѣка и посмотрѣли на него съ недоброжелательнымъ видомъ. Тогда король взялся за шляпу и сдѣлалъ жестъ, какъ бы привѣтствуя ихъ. Они съ удивленіемъ переглянулись и стали улыбаться, а затѣмъ принялись отвѣшивать низкіе поклоны и вѣжливо удалились.

— Рѣзкость съ моей стороны раздражила бы ихъ,—замѣтилъ король:—тогда какъ, доказавъ смѣшную сторону ихъ поведенія и выказавъ привѣтливость, я далъ почувствовать ихъ, что они несправедливы ко мнѣ, и они ушли, сконфуженные.

Австрійскій посланникъ князь Шенбургъ старался вездѣ заводить знакомства и познакомился какъ-то съ Бальзакомъ. Онъ съ трудомъ его отыскалъ, справляясь о немъ чуть не въ каждомъ домѣ. Бальзакъ въ то время скрывался отъ полиціи на окраинѣ города въ какомъ-то мрачномъ домишкѣ. Онъ не явился на призывъ новобранцевъ, и военное начальство возбудило противъ него процессъ. Бальзакъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Но ему хотѣлось окончить свое сочиненіе, послѣ чего онъ не прочь былъ отбыть наказаніе. Съ этою цѣлью онъ рѣшился прибѣгнуть къ маскараду и укрыться гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Князь Шенбургъ засталъ его въ монашескомъ одѣяніи, подпоясаннымъ веревкою.

Замѣтивъ удивленіе князя, онъ объяснилъ ему свой маскарадъ. Князь нашелъ, что у писателя громадныя умъ, живое воображеніе, талантъ интереснаго собесѣдника, но въ то же время непослѣдовательность образа мыслей и дѣйствій, много тщеславія и мало практическаго смысла.

Спустя нѣкоторое время, Бальзакъ сдѣлалъ отвѣтныя визиты князю и подарилъ ему рукопись одного своего романа съ собственноручными корректурными поправками. Эта рукопись была переплетена въ роскошный переплетъ, съ гербомъ князя.

Передавая подробности о покушеніи Фіеско на жизнь короля, графъ Ап-

поньи говорить, что королева совершенно перестала владѣть собою и кричала: «Мы окружены убійцами! Какой ужасный народъ! Какая противная страна. Они убили моего мужа и моихъ дѣтей! Чудовища!» Напрасно г-жа Персиль увѣряла королеву, что всѣ остались живы и невредимы: королева продолжала рыдать.

— Король умеръ или смертельно раненъ; вы отъ меня это скрываете, но преступленіе совершено, я вижу это на лицахъ всѣхъ окружающихъ, которые смотрять на меня съ сожалѣніемъ.

Лицо королевы приняло такое жестокое выраженіе, что г-жа Тьеръ сказала г-жѣ Персиль:

— Неужели это та самая женщина, которая была такъ нѣжна и сдержанна?

Дѣйствительно, лицо королевы было красно, какъ обивка стѣнъ въ этомъ салонѣ, говорила г-жа Персиль. На немъ выражались негодованіе и отчаяніе.

Когда ее спросили, не желаетъ ли она дать депешу бельгійской королевѣ о томъ, что король благополучно избѣгнулъ опасности, она отвѣтила:

— Нѣтъ, вашихъ словъ недостаточно. Не посылайте моей дочери никакихъ извѣстій, пока я не увижу своими глазами короля.

Стѣснительныя мѣры, принятыя послѣ этого покушенія противъ прессы, возбуждали негодованіе не только республиканской партіи, но и центра. Король съ ужасомъ говорилъ о томъ времени, вспоминая о Лафайеттѣ. Людовикъ-Филиппъ говорилъ, что только со дня смерти этого человѣка онъ можетъ свободно дышать.

— Однажды онъ пришелъ ко мнѣ,—передавалъ король автору воспоминаній, принялся осыпать меня горькими упреками и кончилъ тѣмъ, что сталъ угрожать мнѣ отъѣздомъ въ свой замокъ Лагранжъ. Я сказалъ ему, что если у него есть это намѣреніе, то я не имѣю права его удерживать.

— А что вы будете дѣлать, если я останусь дома?

— Я предоставлю вамъ жить у себя.

— Неужели вы воображаете, что можете царствовать безъ меня?

— Да, я убѣжденъ въ этомъ,—отвѣтилъ король.

Графъ Аннонъ посвящаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько страницъ нашей соотечественницѣ княгинѣ Ливенъ. Въ это время она потеряла двухъ своихъ сыновей и была въ большомъ горѣ. Съ цѣлью разсѣяться отъ своего горя она пріѣхала въ Баденъ. У нея была странная манера переживать свое горе. Прежде всего, она не хотѣла, чтобы съ нею объ этомъ разговаривали, а затѣмъ она стремилась къ обществу, избѣгая одиночества.

По пріѣздѣ въ Баденъ, она поселилась въ томъ же домѣ, гдѣ жила графиня Нессельроде. Она не хотѣла оставаться одна и думала воспользоваться обществомъ русскихъ, которые повсюду ѣздили съ графиней Нессельроде. Всѣмъ было замѣтно, что послѣдняя съ трудомъ проводила съ этой Ливенъ даже полчаса въ день. Когда же она замѣтила, что княгиня стала оставаться въ ея салонѣ цѣлый день, то, не предупредивъ никого, бросила свою квартиру и на няла на другомъ концѣ города цѣлый домъ-особнякъ, чтобы не имѣть по сосѣдству жильцовъ. Княгиня Ливенъ узнала объ ея переездѣ значительно позже.

На счастье княгини Ливенъ въ Баденѣ оказалась въ это время леди Россель, «самая оригинальная, самая остроумная и самая образованная женщина».

Леди Россель сама давала своим дѣтямъ уроки латинскаго, греческаго, итальянскаго, нѣмецкаго и даже еврейскаго языковъ. Она сжалилась надъ бѣдной Ливенъ, съ которой была дружна еще въ Лондонѣ, и стала проводить съ нею цѣлые дни. Но, несмотря на свое образованіе, леди Россель съ трудомъ могла ее занимать. Г-жа Ливенъ любила бесѣдовать только о политикѣ, а леди Россель ею не интересовалась.

Въ концѣ года княгиня Ливенъ пришлось разстаться съ своей ролью послѣ перемѣны русскаго посланника. Она съ трудомъ мирилась съ потерей своего положенія, не хотѣла бывать въ свѣтѣ, но требовала, чтобы всѣ являлись къ ней. Попрежнему любимой темой для разговоровъ была политика. Она старалась привлечь въ свой салонъ особенно дипломатовъ и министровъ. Въ числѣ ихъ бывали Гизо и Тьеръ. Брольи «не имѣлъ счастья» ей нравиться. Она находила его слишкомъ сдержаннымъ и жаловалась, что онъ ничего ей не рассказываетъ. Талейранъ бывалъ каждый вечеръ, но большею частью отмалчивался.

— Гете и Христина Вульпіусъ¹⁾.—Если нѣкоторые біографы Гете находили громадную умственную разницу между нимъ и платонически обожаемой имъ Шарлоттой фонъ-Штейнъ, то ихъ еще болѣе поразила та глубокая пропасть, которая лежала между гениальнымъ поэтомъ и предметомъ его земной любви—Христиной Вудъшюсъ. Гете съ своего пьедестала гениальнаго поэта долженъ былъ только немного склониться къ Шарлоттѣ; для Христины же онъ былъ принужденъ сойти съ него.

Обѣ женщины представляли собою полную противоположность. Общее между ними было только одно—ненормальность ихъ отцовъ. Отецъ баронессы фонъ-Штейнъ былъ большимъ оригиналомъ, отецъ Христины Вудъшюсъ—алкоголикомъ. Первая, изящная, блестящая свѣтская женщина, проявляла порою проблески ума и таланта, вторая, вульгарная гризетка, обладала только однимъ качествомъ—молодостью, когда на ея пути встрѣтился Гете. Но и это единственное качество убивалось унаслѣдованной ею отъ отца страстью къ алкоголю.

Переходъ отъ аристократки къ гризеткѣ произошелъ по возвращеніи Гете изъ Рима, куда онъ бѣжалъ, спасаясь отъ охватившаго его земного чувства къ Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ. Это путешествіе, поразившее ее своей внезапностью, было переломомъ въ жизни поэта. Своимъ отъѣздомъ онъ хотѣлъ положить конецъ своимъ ненормальнымъ отношеніямъ къ Шарлоттѣ. Толчкомъ къ разрыву между ними послужило одно ничтожное обстоятельство.

Согласно этикету при веймарскомъ дворѣ, баронъ фонъ-Штейнъ завтракалъ и обѣдалъ за столомъ герцога. Но съ 1785 г. этикетъ этотъ былъ измѣненъ: баронъ сталъ завтракать и обѣдать дома. Гете не могъ выносить присутствія мужа: онъ оказался «человѣкомъ, а не ангеломъ». А Шарлотта, по словамъ жены Шиллера, считавшей ее какъ бы своей второй матерью, «желая любить ангела, любила между тѣмъ человѣка».

Это мнѣніе подтверждаютъ письма Гете изъ Богеміи. Поэтъ писалъ, что до сихъ поръ онъ молча переносилъ многое, но ничего онъ такъ не желалъ, какъ видѣть упорядоченными ихъ отношенія такимъ образомъ, чтобы никакая

¹⁾ Gothe et Christine Vulpius. Par E. Scillière. «La Revue des deux Mondes», 15 Mars 1914.

человѣческая власть не могла бы ихъ нарушить. Онъ требовалъ законнаго развода, чтобы имѣть возможность жениться на Шарлоттѣ. «Иначе я не хочу жить возлѣ тебя; скорѣе я буду жить вдали отъ свѣта, куда я теперь направляюсь, писалъ онъ Шарлоттѣ. На другой день онъ послалъ ей еще письмо, въ которомъ банально съ нею прощался.

Человѣческое одержало верхъ надъ божественнымъ. «Путь добродѣтели вскорѣ показался ему неудобнымъ,—говоритъ Шарлотта въ своей трагикомедіи «Дидона»:—онъ покинулъ его для болѣе цвѣтущихъ тропинокъ».

Нѣкоторые біографы Гете настаиваютъ на томъ, что онъ бѣжалъ не отъ любви къ баронессѣ, а его заставила сдѣлать этотъ шагъ сама природа. Но строгій образъ жизни Гете въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда за границу вполне этому противорѣчилъ.

Дѣйствительно, въ Италіи онъ измѣнилъ свою жизнь, но это было позже. На путь земныхъ наслажденій его подталкивалъ герцогъ Карль-Августъ. Гете послушался его совѣтовъ только черезъ годъ. Въ февралѣ 1787 года онъ прислалъ герцогу подробное письмо, сообщая, что наконецъ онъ послѣдовалъ совѣту опытнаго «доктора».

Моментъ отъѣзда Гете въ Италію совпалъ съ эпохой его разочарованій. Быть можетъ, и это побуждало его уѣхать. Во-первыхъ, герцогъ веймарскій сталъ ускользать изъ-подъ его вліянія и переходилъ на сторону воинствующей Пруссіи. Во-вторыхъ, Гете опасался, что бездѣйствіе однообразной жизни убьетъ его поэтическое творчество. Богатый надеждами въ 1775 году по отъѣздѣ изъ Франкфурта, онъ теперь представлялъ, по выраженію біографа Бьелшевскаго, «обширное поле развалинъ».

Планъ своей поѣздки въ Италію Гете скрылъ отъ Шарлотты. Онъ сдѣлалъ изъ этого, по ея выраженію, «безполезный секретъ» подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, какъ онъ признался Эккерману. Такое поведеніе еще болѣе способствовало разрыву между ними. Когда 18-го іюня 1738 году онъ возвратился изъ Рима въ Веймаръ, то былъ неузнаваемъ. «Никто болѣе не понималъ меня,—говорилъ онъ,—даже и сама Шарлотта».

Въ это время произошло знакомство Гете съ Христиной Вульпусъ. Ея братъ, вполнѣ прославившійся романистъ, хлопоталъ о мѣстѣ въ министерствѣ. Съ этой цѣлью Христина обратилась съ просьбой къ министру Гете. Ея свѣжее личико привлекло его вниманіе. Черезъ шесть недѣль по его возвращеніи изъ Италіи Христина сдѣлалась его любовницей. Шарлотта узнала объ этомъ послѣдней только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Христина Вульпусъ была дочерью мелкаго канцелярскаго служителя. Ея отецъ умеръ отъ пьянства, оставивъ семью въ нищетѣ. Молодая дѣвушка зарабатывала гроши въ мастерской искусственныхъ цвѣтовъ. Страстно любя танцевать, Христина сохранила эту слабость на всю жизнь. Гете не могъ удовлетворить ея вкусу. Его геній давилъ ее. Ей необходимъ былъ человѣкъ вульгарный, какой была она сама. Попрежнему ее тянуло на публичныя балы, на пирушки студентовъ и актеровъ. Здѣсь она дышала свободно въ атмосферѣ вина и самыхъ неопозволительныхъ вольностей, которыя допускала по отношенію къ ней подпившая молодежь.

Христина была очень вульгарна, и это особенно бросалось въ глаза, когда она стала старше. Графиня Рейнгардъ, хотя и признавала въ ней хорошую хозяйку, но по манерамъ сравнивала ее съ горничной изъ хорошаго дома. Главнымъ ея недостаткомъ была унаслѣдованная отъ отца страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Гете часто попадалъ изъ-за нея въ непріятное и унижительное положеніе. Сынъ Шарлотты, Фрицъ, писалъ 22-го марта 1803 года, что Гете рѣдко показывается въ обществѣ. Лѣсничій при веймарскомъ дворѣ Штейнъ-Нордгеймъ обращался съ нею до странности вольно. На костюмированномъ балу онъ напоилъ виномъ Христину и, увидя Гете, сказалъ ему: «Отправь свою тварь домой: я подпоилъ ее». И Гете отправилъ ее домой.

Въ сорокъ пять лѣтъ Христина Гете, уже ставшая женою поэта, такъ же веселилась, какъ двадцатилѣтняя Христина Вульпіусъ на іенскихъ балахъ. Только теперь ее сопровождалъ двадцатидвухлѣтній сынъ. Ея поведеніе было такъ легкомысленно, что, несмотря на свой безличный характеръ, даже онъ стыдился сопровождать мать въ такое мѣсто. На его глазахъ юные товарищи позволяли себѣ обращаться съ нею болѣе чѣмъ вольно. Изъ одного памфлета того времени видно, что даже студенты возмущались поведеніемъ жены величайшаго изъ поэтовъ Германіи. Наконецъ они сговорились ее проучить и однажды собрались проводить ее по веймарской дорогѣ верхомъ на ослахъ. Она едва спаслась отъ этого скандала, немедленно выѣхавъ черезъ другія городскія ворота, противоположныя тѣмъ, гдѣ ее поджидали манифестанты.

Плоды земной любви Гете, по счастью, ограничились однимъ сыномъ Августомъ. Остальныя четверо дѣтей жили только нѣсколько часовъ послѣ появленія на свѣтъ. Это было для Гете истиннымъ счастіемъ. Роковая страсть къ алкоголю перешла отъ матери къ оставшемуся въ живыхъ сыну Августу.

Гете, конечно, не могъ любить подобное существо. Его родители изъ любви къ нему принимали Христину и, когда умерла его мать, онъ послалъ во Франкфуртъ устраивать дѣла свою жену. Но она дурно вліяла на его душевное состояніе, и Шиллеръ говорилъ Кернеру, что Гете теперь слишкомъ мало пишетъ. «У него нѣтъ душевнаго спокойствія. Его несчастное домашнее положеніе, которое онъ не можетъ измѣнить, настолько онъ слабъ въ этомъ отношеніи, наполняетъ его горечью». На это Кернеръ отвѣтилъ, что нельзя безнаказанно оскорблять природу. У женскаго пола есть миссія гораздо возвышеннѣе, чѣмъ быть орудіемъ для удовольствія мужчины.

Свою жизнь Христина окончила очень печально. Страсть къ вину въ критическую для женщинъ эпоху способствовала развитію у нея эпилепсіи. Во время болѣзни она была совершенно одинока. «Ни одна дружеская рука не закрыла ей глаза,—писала г-жа Шопенгауэръ.—Ея смерть была для Гете освобожденіемъ».

Ихъ сынъ Августъ такъ же печально окончилъ свое существованіе, какъ и мать, въ полномъ одиночествѣ. Онъ умеръ въ расцвѣтъ лѣтъ. Женатый на очень привлекательной особѣ, но съ причудливымъ характеромъ, Оттилиі Погвицъ, онъ оставилъ несчастное потомство изъ двухъ сыновей, наслѣдовавшихъ пороки своего родителя.

Предметъ небесной любви Гете Шарлотта фонъ-Штейнъ долго не могла ему простить измѣны и его бавальнаго прощанія послѣ одиннадцатилѣтней любви.

Ее также очень огорчило, что, принявъ ее горе за дурное настроеніе, онъ посовѣтовалъ ей не злоупотреблять кофе. Въ минуту горькаго разочарованія она написала трагикомедію «Дидона», гдѣ вывела Гете подѣ псевдонимъ поэта Огона и себя подѣ именемъ Элиссы. Это была сатира на Гете. Намекая на его привязанность къ вульгарной Христинѣ, она, между прочимъ, говорить: «Твоя нравственность зависитъ отъ твоей кухни».

Примиреніе произошло черезъ двѣнадцать лѣтъ. И какъ ни странно, но виновникомъ примиренія былъ сынъ Гете, Августъ. Онъ былъ товарищемъ сына Шиллера, а жена послѣдняго считалась самымъ близкимъ другомъ Шарлотты. Черезъ нихъ Августъ попалъ къ Шарлоттѣ, у которой часто бывалъ со своимъ товарищемъ, а потомъ сталъ посѣщать и самъ поэтъ. Сначала отношенія были натянуты, но затѣмъ прежнія огорченія сгладились. Впрочемъ, Гете еще разъ нанесъ ударъ Шарлоттѣ. Это было въ день его рожденія. Баронесса фонъ-Штейнъ хотѣла преподнести ему въ видѣ сюрприза ананасъ. Поздно вечеромъ въ сопровожденіи своей горничной она отправилась въ садъ и увидѣла Гете въ обществѣ пѣвицы Энгель—одной изъ львицъ того времени. Молодая женщина распѣвала ему романсы подѣ аккомпанементъ гитары. Эта сцена возмутила Шарлотту, и она рѣшила удалиться, не показываясь Гете. Гете такъ былъ поглощенъ пѣніемъ пѣвицы, что не замѣтилъ Шарлотты. Но это было тоже земное увлеченіе. Сердце же Гете до послѣдней минуты сохраняло Шарлотта.

— Судьба Дантона ¹⁾.—Долгое время Дантонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ личностей, которымъ историками смѣло выдавался аттестатъ въ геніальности. Но, какъ показываютъ новѣйшія работы въ области біографіи этого протагониста французской революціи, такая оцѣнка является слишкомъ преувеличенной.

Жоржъ-Жакъ Дантонъ родился въ октябрѣ 1759 года въ Арси сюръ-Объ, изучалъ право и въ то время, когда разразилась революція, находился въ Парижѣ. М-ше Роланъ въ своихъ мемуарахъ называетъ его адвокатомъ безъ практики, не отличавшимся особой щепетильностью относительно своихъ кліентовъ. Другой его современникъ, Луве, именуетъ его «подпольнымъ адвокатомъ», который вслѣдствіе отвращенія ко всякой постоянной работѣ и безграничной распушенности быстро проматывалъ всякій заработокъ. «Этотъ человекъ могъ сразу развить огромную энергію, а затѣмъ опять впасть въ сонливость».

Попавъ въ Парижъ, Дантонъ принялъ самое дѣятельное участіе въ революціи. Онъ вступилъ въ клубъ якобинцевъ и, всюду выступая съ рѣчами, быстро завоевалъ себѣ популярность. Въ это же время онъ женился на дочери содержателя маленькаго кафе «Café de l'école» и въ то время, какъ тестъ съ салфеткой подѣ мышкой бѣгалъ отъ одного столика къ другому, зять въ пламенныхъ рѣчахъ тутъ же громилъ тирановъ. Дѣла молодой четы были, однако, такъ плохи, что тестъ долженъ былъ удѣлять имъ для поддержанія хозяйства по лудюру въ недѣлю. Но скромное семейное существованіе было не по вкусу Дантону—ему нуженъ былъ шумъ и толкотня толпы.

Наружность Дантона была въ высшей степени некрасива. то былъ настоя-

¹⁾ «Deutsche Rundschau». April 1914.

щій Мирабо черни. Огромнаго роста, крупный, съ лицомъ, изрытымъ оспой, съ взъерошенными волосами, огромными зубами и толстыми губами, онъ походилъ, по словамъ Редерера, на рычащаго бульдога. Дантонъ былъ пророжденный ораторъ для толпы. Чуждый риторики и морализованія, чѣмъ грѣшили обыкновенно якобинцы, онъ умѣлъ увлекать за собой толпу. Не былъ онъ и такимъ полупомѣшаннымъ фанатикомъ, какъ Маратъ и Калло д'Эрбуа. Въ конвентѣ онъ обыкновенно говорилъ сдержанно, держась фактовъ. Но стоило ему впасть въ гнѣвъ, какъ рѣчь его гремѣла, словно громъ, а грубыя шутки, которыми она была пересыпана, воспаляли слушателей еще болѣе. Онъ былъ способенъ превратить спокойную толпу въ стадо разъяренныхъ звѣрей. Но Дантону недоставало характера. Генераль-прокуроръ Редереръ называлъ его «продажнымъ при монархіи и грабителемъ при республикѣ». Равнодушный къ власти и къ свободѣ, онъ не скрывалъ своихъ пороковъ и видѣлъ характеръ въ томъ, чтобы быть безхарактернымъ.

Осенью 1790 году образовался самый радикальный изъ клубовъ—клубъ кордильеровъ. Вліяніе крайнихъ лѣвыхъ, сплотившихся около Дантона, стало все сильнѣе. Въ ноябрѣ 1790 года Дантонъ является во главѣ депутаціи отъ парижской коммуны въ національное собраніе и требуетъ отставки министерства. Послѣ неудачнаго бѣгства короля Дантонъ возлагаетъ на алтарь отечества на Марсовомъ полѣ адресъ, требующій низложенія короля. За мятежныя рѣчи, которыя онъ держалъ при этомъ, его хотѣли арестовать, но онъ бѣжалъ изъ Парижа. Скоро, однако, онъ вернулся, рассчитывая, что кулаки кордильеровъ защитятъ его отъ правительства. Не успѣлъ онъ выпутаться изъ этого дѣла, какъ его назначили замѣстителемъ синдика парижской коммуны. Съ этого момента и начинается его политическая роль.

Подъ вліяніемъ общей анархіи, парижская коммуна стала третьимъ и могучимъ правительствомъ въ государствѣ. Она удалила войска, стоявшія лагеремъ около Парижа, и стала отмѣнять постановленія національнаго собранія. Съ другой стороны, Лафайеттъ увѣщевалъ народныхъ представителей оставаться вѣрными престолу. Положеніе осложнялось еще появленіемъ внѣшнихъ враговъ—пруссакъ, которые продвинулись уже къ Мозелю. Въ самомъ обществѣ стала замѣчаться реакція въ пользу плѣннаго и приниженаго короля. Тогда городской совѣтъ рѣшилъ поднять новое возстаніе. День и ночь обдумывали его планъ лѣвые, собиравшіеся въ тавернѣ подъ вывѣскою «*Cadran Bleu*». Душою этого возстанія былъ Дантонъ. Въ ночь съ 9-го на 10-ое августа раздался набатный звонъ и началась уличная рѣзня. Дантонъ самъ не принималъ въ ней участія, но его домъ былъ главной квартирой бунтовщиковъ. Королевскій дворецъ горитъ, дворъ залитъ кровью и заваленъ трупами швейцарской гвардіи, чернь справляетъ дикую оргію въ залахъ Тюльерійскаго дворца—терроръ вступаетъ въ Парижъ въ полной силѣ. Власть короля отмѣняется. вмѣсто національнаго собранія долженъ быть созданъ конвентъ. Составляется новый кабинетъ министровъ, и Дантонъ получаетъ постъ министра юстиціи. Освободившееся послѣ него мѣсто въ городской коммунѣ занимаетъ челоувѣкъ съ зеленоватымъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ, холоднымъ взглядомъ и нервно подергивающимися щеками—тоже мелкій адвокатъ изъ Арра, Максимилианъ Робеспьеръ,

Люди из таверны «*Cadran Bleu*» являются теперь истинными хозяевами страны. Могущество Дантона не знает предѣловъ. Стоит произнести: «это ска- залъ Дантонъ», и всякое сопротивленіе было бесполезно. Чтобы упрочить завоеваніе власти, лейбъ-журналистъ новаго правительства Марать требуетъ въ своемъ «*Ami du peuple*» казни тридцати—пятидесяти тысячъ человѣкъ, которые могутъ быть опасны правительству людей изъ таверны «*Cadran Bleu*». Чѣмъ дальше продвигаются пруссаки, тѣмъ громче кричала уличная чернь: «*il faut faire peur*», тѣмъ настойчивѣе требовала истребленія «подозрительныхъ».

Важнѣйшимъ вопросомъ въ биографіи Дантона является вопросъ о томъ участіи, какое онъ принималъ въ сентябрьскихъ убійствахъ 1792 года. Одни историки, какъ, напримѣръ, Оларъ, видятъ въ этой бойнѣ взрывъ народного негодованія и страха, вызваннаго занятіемъ пруссаками Лонгви. Другіе, въ родѣ Мортиме Терно, готовы считать сентябрьскія событія «задолго обдуманномъ преступленіемъ». Третьи, наконецъ, какъ Гейссеръ и Зибель, винятъ въ сентябрьскихъ убійствахъ всецѣло одного Дантона.

Война началась съ того, что толпа убійць, человѣкъ въ триста, бросилась на арестованныхъ—большею частью священниковъ, не принявшихъ присяги на вѣрность республикѣ, которыхъ изъ мэріи надо было перевезти въ тюрьму Аббатства. Ихъ били палками, бросали въ нихъ камнями, кололи пиками, такъ что кровь лилась изъ экипажей ручьями. Всѣ эти 24 арестанта погибли. Послѣ этого принялись за убійства «добровольцы изъ Марселя». Они врываются въ тюрьмы и частные дома, выволакивали ихъ обитателей на улицы и убивали, не обращая вниманіе на то, что тутъ были женщины, дѣти и старцы. Шесть дней продолжался этотъ ужасъ. Убито было всего 1.368 человѣкъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Парижское городское самоуправленіе отрицало свою прикосновенность къ этому дѣлу, однако теперь доказано, что оно укрывало и всячески помогало озвѣрѣвшимъ убійцамъ.

Производившіеся при такихъ ужасахъ выборы въ конвентъ доставили полное торжество парижской коммунѣ. Отъ Парижа 5-го и 6-го сентября были избраны огромнымъ большинствомъ Марать, Демулэнъ, Робеспьеръ, Калло д'Эрбуа и Дантонъ. Но провинція желала, чтобы наступила наконецъ настоящая республика, безъ ужасовъ постоянной анархіи. Поэтому провинція прислала пятьсотъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ т. н. «болоту», т. е. людей съ очень умѣренными политическими взглядами; полтора ста мѣсть досталось жирондистамъ, монтаньяровъ же было всего пятьдесятъ.

При такомъ составѣ конвента Дантонъ счелъ необходимымъ нѣсколько «поправѣтъ». Онъ ищетъ сближенія съ жирондой, еще защищаетъ Робеспьера, котораго новое законодательное собраніе, возмущенное сентябрьскими убійствами, обвиняетъ въ стремленіи къ диктатурѣ, но уже отказывается отъ защиты Марата. Въ его рѣчахъ проводится теперь постоянно одна мысль: партіи должны примириться для спасенія страны отъ внѣшняго врага. Дантонъ принадлежалъ къ числу немногихъ французовъ, владѣвшихъ англійскимъ языкомъ. Съ цѣлью обезпечить Франціи поддержку Америки онъ вошелъ въ сношеніе съ знаменитымъ американскимъ дѣятелемъ Томасомъ Пеномъ (по имени котораго названъ штатъ Пенсильванія), авторомъ «Декларациіи правъ

человѣка», съ которой скопирована была и французская «Декларация правъ человѣка и гражданина». Съ тою же цѣлью Дантонъ завязалъ сношенія и съ Англіей и, безъ сомнѣнія, добился бы если не поддержки, то доброжелательнаго отношенія англійскаго общественнаго мнѣнія, если бы не крайности разнуданныхъ лѣвыхъ.

Такая политика не замедлила навлечь на Дантона ненависть и Робеспьера, и Марата.

Когда въ конвентѣ разразилась борьба между демагогами и жирондистами, Дантонъ находился въ качествѣ комиссара конвента въ Бельгїи, куда его послали разслѣдовать жалобы генерала Дюмурье на злоупотребленія по поставкамъ для арміи. Несмотря на сопротивленіе главнокомандующаго, Дантонъ вытянулъ изъ покоренной Бельгїи огромныя суммы, перешедшія потомъ въ карманы парижскихъ крикуновъ и демагоговъ, и настойчиво совѣтовалъ присоединить Бельгїю къ французскимъ владѣніямъ. Въ Парижъ онъ вернулся въ то время, когда конвентъ рѣшалъ судьбу короля. Въ послѣднемъ засѣданіи Дантонъ голосовалъ за казнь короля съ оговоркой, что онъ дѣлаетъ это ради спасенія страны.

Вернувшись послѣ вторичной поѣздки въ Бельгїю, Дантонъ все болѣе и болѣе сближался съ «болотомъ», какъ вдругъ одно неожиданное событіе разрушило всѣ его планы. Генералъ Дюмурье потерпѣлъ пораженіе отъ герцога Кобургскаго и, зная, что въ Парижѣ ему не будетъ пощады, бѣжалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ въ австрійскій лагерь. Вѣсть объ измѣнѣ Дюмурье вызвала въ конвентѣ цѣлую бурю. Жирондистъ Ласурсъ первый сталъ обвинять во всемъ Дантона. Защищаясь, тотъ предложилъ избрать комитетъ общественнаго спасенія съ диктаторскими полномочіями. Войдя въ него, онъ все лѣто и осень 1793 г. былъ настоящимъ верховнымъ правителемъ Франціи. Ища сближенія съ умѣренными элементами и стараясь провести полную амнистию во внутренней политикѣ, Дантонъ во внѣшней принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы разъединить Австрію и Пруссїю и заключить союзъ со Швеціей, дабы создать для нѣмцевъ врага съ тылу. Къ сожалѣнію, всѣ эти ловкіе планы разбились о борьбу партій. Для жирондистовъ Дантонъ былъ *septembriseur*, т. е. человѣкъ, причастный къ сентябрьскимъ убійствамъ, для Робеспьера—опасный политическій соперникъ, а для улицы и трактировъ—завнавшійся и разжившійся ренегатъ. Прежде всего Дантонъ неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ жирондой, и это столкновеніе кончилось гибелью этой партіи. Поддерживаемый «горой», Дантонъ съ такою яростью требовалъ очистки страны отъ измѣнниковъ республикѣ, собравшася передъ Тюльерійскимъ дворцомъ толпа ревѣла такъ грозно, что испуганное «болото» выдало своихъ вождей. По всей странѣ началось кроваваго истребленіе людей озвѣрѣвшими демагогами. Разстрѣливали сотнями, топили въ Луарѣ цѣлыми барками, убивали безъ счета. Обезглавленное «болото» не играло теперь въ конвентѣ никакой роли, и разрушительные инстинкты якобинцевъ направились на самихъ себя: они раскололись на двѣ партіи: *enragés* (бѣшеныхъ), во главѣ которыхъ сталъ Робеспьеръ, и *indulgents* (умѣренныхъ), руководимыхъ Дантономъ. Въ этотъ періодъ рѣшительной борьбы Дантонъ вмѣсто того, чтобы дѣйстви-

вать, началъ удаляться отъ политической дѣятельности. Онъ уѣхалъ въ свой родной городъ и женился тамъ во второй разъ на молодой хорошенькой дѣвушкѣ. Въ конвентѣ Робеспьеръ уже требовалъ головы Дантона, но послѣдній продолжалъ держать себя пассивно, утверждая, что они «не посмѣютъ его тронуть». Въ мартѣ 1794 года столкновение между enragés и indulgens дошло до вооруженной борьбы. Геберъ поднялъ было уличное возстаніе, но былъ разбитъ и гильотинированъ. Вслѣдъ за нимъ въ мартѣ же былъ арестованъ и Дантонъ. Его обвинили въ томъ, что онъ замышлялъ посадить на престолъ короля, а самому сдѣлаться его правой рукой.

Представъ передъ революціоннымъ трибуналомъ, Дантонъ защищался съ большимъ достоинствомъ. На вопросъ, гдѣ онъ живетъ и какъ его имя, онъ отвѣчалъ: «Моимъ жилищемъ скоро будетъ ничто, а мое имя вы найдете въ пантеонѣ исторіи». Онъ велъ свою защиту съ такой ловкостью и яростью, что исходъ процесса становился сомнительнымъ. Поэтому Сень-Жюсть успѣшилъ провести въ терроризованномъ конвентѣ декретъ, въ силу котораго обвиняемому было воспрещено произносить рѣчи. Дантонъ впалъ въ ярость, но сдѣлать ничего не могъ, приговоръ былъ, конечно, предрѣшенъ.

5-го апрѣля 1794 года его повезли на эшафотъ. Проѣзжая мимо дома Робеспьера, онъ пророчески воскликнулъ: «Робеспьеръ, черезъ три мѣсяца мы увидимся». Тутъ на него нашла минута слабости. «Жена моя», прошепталъ онъ, но тутъ же оправился и овладѣлъ собой. «Дантонъ не можетъ поддаваться слабости». Когда онъ появился на эшафотѣ, толпа разразилась радостными криками. Это привело Дантона въ ярость. «Молчать, подлое отродье», крикнулъ онъ такимъ громовымъ голосомъ, что на минуту на площади настала полная тишина. Онъ хотѣлъ обнять своего друга Геро де-Сешель, котораго должны были казнить передъ нимъ, но палачъ не позволилъ этого: «Хорошо,—сказалъ Дантонъ.—Наши головы поцѣлуются въ мѣшкѣ».

Такъ умеръ человѣкъ, которому, чтобы стать великимъ, не хватило одного: характера.

— Скорбный путь Наполеона ¹⁾. —Простившись со своей гвардіей, Наполеонъ утромъ 20-го марта 1814 года выѣхалъ изъ Фонтенбло въ свою почетную ссылку, на островъ Эльбу. Вечеромъ онъ былъ уже въ Бриарфъ, а на другой день ночевалъ въ Неверфъ. 23-го въ одиннадцать часовъ вечера онъ проѣхалъ Лионъ.

Сверженный императоръ ѣхалъ въ дормезѣ, запряженномъ шестеркой лошадей. За нимъ слѣдовало тринадцать экипажей, въ которыхъ сидѣли маршалъ Бертранъ, польскій генералъ Ертмановскій, казначей Пейрюссъ, врачъ, аптекаръ, секретарь, два гофъ-фурьера, два лакея, два повара, съ полдюжины всякаго рода слугъ и четыре уполномоченныхъ отъ державъ, которые должны были доставить Наполеона на островъ Эльбу: австрійскій фельдмаршалъ Коллеръ, графъ Шуваловъ, прусскій генералъ Вальдбургъ и англійскій генералъ сэръ Нейль Кемпбелль. За повозками слѣдовалъ эскортъ въ числѣ полторы сотни всадниковъ. Но этотъ отрядъ сопровождалъ Наполеона только

¹⁾ «Le Temps», № 19277.

до Невера. Отъ Роанна его замѣнилъ сначала австрійскій отрядъ, а потомъ русскіе казаки. Это не понравилось Наполеону, и онъ заявилъ, что онъ отказывается отъ всякаго конвоя. Ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и онъ самъ назначалъ мѣста остановки и часъ отправленія. Во время остановокъ онъ принималъ всѣхъ, кого желалъ. Встрѣчавшіяся на пути войска отдавали ему честь. Его приближеніе возвѣщалось обывателямъ барабаннымъ боемъ, и окрестные жители спѣшили прятать свои бѣллыя кокарды, чтобы не огорчать бывшего императора.

За Лиономъ все перемѣнилось. По мѣрѣ того, какъ кортежъ подвигался въ глубь Прованса, все болѣе и болѣе росла враждебность къ Наполеону. Въ Авиньонѣ на зарѣ собралась цѣлая вооруженная толпа, чтобы преградить ему дорогу. «Долой тирана! Довольно смертей!» кричали яростные голоса. Когда въ восемь часовъ утра 24-го марта Наполеонъ прибылъ въ Оргонъ, тамъ было вздернуто на висѣлицу его изображеніе: на площади городка болтался на длинной веревкѣ манекень, измазанный кровью, купленной у мѣстнаго мясника. Надпись на немъ гласила, что повѣшенный—Вонапартъ. Дормезъ Наполеона былъ осыпанъ градомъ камней. Его принудили выйти изъ экипажа, и мѣстныя мегеры бросились на него съ кулаками, съ него сорвали орденъ, плевали ему въ лицо, а какой-то дюжій малый схватилъ его за воротъ и сталъ трясти, крича: «Да здравствуетъ король!» Наполеонъ освѣдомился объ имени этого героя: его звали Дюрелемъ. По отъѣздѣ Наполеона онъ страшно хвастался своимъ подвигомъ и... исчезъ безслѣдно вмѣстѣ со многими другими обитателями городка, когда пришла вѣсть, что Наполеонъ возвращается съ Эльбы.

Возмущенные этой сценой комиссары державъ спѣшили скорѣй перемѣнить лошадей. Верстахъ въ четырехъ отъ Оргона находится такъ называемый Королевскій мостъ, черезъ который надо было ѣхать. Опасаясь новыхъ насилій при перемѣнѣ здѣсь лошадей, Наполеонъ снялъ свой мундиръ съ бѣлымъ жилетомъ и хорошо знакомую всѣмъ шляпу и надѣлъ широкій голубой плащъ и шляпу съ бѣлой кокардой. Вмѣсто него въ дормезъ сѣлъ маршалъ Бертранъ, а Наполеонъ усѣлся въ почтовую телѣжку рядомъ съ почтальономъ и двинулся въ дальнѣйшій путь, разыгрывая собственнаго своего курьера.

Онъ оставилъ станцію «Королевскій мостъ» около десяти часовъ утра. Дулъ сильный южный вѣтеръ, или мистраль, поднимавшій тучи пыли. Давно не приходилось императору путешествовать въ такой обстановкѣ, безъ своихъ мамелюковъ, безъ почетнаго эскорта, безъ свиты изъ королей, князей и маршаловъ. Онъ двигался теперь по той самой дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ давно, когда былъ еще простымъ артиллерійскимъ капитаномъ. По этой извивающейся между камнями и соснами дорогѣ, то спускающейся, то поднимающейся на холмы, возвращался онъ побѣдителемъ изъ Египта. Люди, которые смотрятъ на этого сгорбленнаго, съ опущенной головой, запыленнаго курьера, не догадываются, конечно, что передъ ними императоръ Наполеонъ, тотъ самый, который еще сравнительно недавно въѣзжалъ сюда черезъ триумфальныя арки, подъ звуки трубъ и фанфаръ.

Несмотря на крайнюю усталость, Наполеонъ безпрестанно подгонялъ лошадей и останавливается только въ маленькой деревушкѣ Каладѣ у большой

гостиницы на правой сторонѣ шоссе, возлѣ которой раскинулся развѣсистый тополь.

Сопровождавшій его почтальонъ отвелъ лошадей въ конюшню—очень длинную, съ колодцемъ по срединѣ. Фасадъ дома тянется метровъ на пятьдесятъ и заканчивается кверху высокой голубятней. Въ обширной столовой, которая одновременно служить и кухней, надъ огнемъ устроенъ вертелъ. Наполеонъ направляется прямо сюда, подходитъ къ хозяйкѣ и рекомендуется ей, какъ сэръ Нейль Кемпбелль. Онъ требуетъ комнату. Но въ распоряженіи хозяйки есть только одна комната, низкая и темная. Она не безъ колебанія показываетъ ее путешественнику, но тотъ объявляетъ, что съ него этого совершенно довольно. Прибирая комнату, хозяйка, по обычаю всѣхъ хозяекъ, вступаетъ въ разговоръ съ новымъ постояльцемъ и между прочимъ спрашиваетъ его, не встрѣтилъ ли онъ по дорогѣ Бонапарта, о прибытіи котораго ихъ извѣстили, на что незнакомецъ лаконически отвѣчаетъ: «нѣтъ». Хозяйка начинаетъ горячиться, возмущается тѣмъ, что такое чудовище отпустили живымъ на его островъ, и высказываетъ надежду, что, хотя ему и удалось проскочить черезъ Королевскій мостъ, но что его непременно выбросятъ въ море во время переѣзда до острова.

Эта сцена въ Каладѣ и разговоръ между трактирщицей и переодѣтымъ императоромъ впослѣдствіи была сильно разукрашена. Рассказывали, будто трактирщица, узнавъ отъ своего постояльца о предстоящемъ скоромъ прибытіи въ ея гостиницу Наполеона, заявила, что она откажется готовить обѣдъ такому извергу. Увѣряютъ, что та же трактирщица, наточивъ на точильномъ колесѣ большой ножъ, явилась къ Наполеону, котораго принимала за курьера императора, и сказала ему: «Вотъ ножъ, отлично наточенный. Онъ пригодится, когда тотъ явится сюда». Прибавляютъ, будто Наполеонъ спросилъ трактирщицу: «Итакъ, вы сильно ненавидите императора? За что же?»—«Какъ за что?—воскликнула хозяйка.—Онъ отнял у меня сына, племянника и погубилъ столько молодыхъ людей!»

Услышавъ, что окружающіе, обращаясь къ этому курьеру, называютъ его «ваше величество», бѣдная хозяйка едва не упала въ обморокъ отъ страха.

Когда подали обѣдъ, Наполеонъ не притронулся къ нему. Блѣдный отъ гнѣва, онъ бросилъ на полъ поданный ему стаканъ вина. Между тѣмъ на дорогѣ стала собираться толпа, привлеченная къ гостиницѣ вѣстью о прибытіи бывшего императора. Волей-неволей пришлось провести въ этой гостиницѣ цѣлый день и часть ночи. Опасаясь враждебности населенія, Наполеонъ выѣхалъ лишь въ часъ ночи, переодѣвшись въ иностранный костюмъ. У австрійскаго генерала онъ взялъ шинель, у прусскаго каску и въ такомъ костюмѣ сѣлъ въ свой дормезъ и на развѣта пробѣжалъ черезъ Э. 26-го вечеромъ Наполеонъ достигъ замка Буйльду, недалеко отъ Люка, гдѣ онъ встрѣтился со своей сестрой Полиной. Дальше путешествіе продолжалось уже моремъ, гдѣ нельзя было опасаться какихъ бы то ни было демонстрацій.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. 27-го апрѣля состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда, подъ предсѣдательствомъ В. Д. Набокова. Секретарь комитета В. П. Крайнихфельдъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности фонда съ 1-го ноября 1913 г. по 1-ое апрѣля 1914 г. За отчетное время было рассмотрѣно 505 дѣлъ о нуждахъ писателей, о сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами по литературнымъ дѣламъ, было удовлетворено 293 ходатайства о выдачѣ пособій, двумъ литераторамъ назначены пенсіи въ 360 и 240 рублей въ годъ, на обученіе и воспитаніе дѣтей нуждающихся писателей ассигновано 1,972 р. 75 к. 48 лицамъ, продолжительныхъ пособій выдано 61 лицу на сумму 11,005 руб., ссудъ назначено на 2,530 руб. Кромѣ того, выдано единовременныхъ пособій 108 литераторамъ на сумму 2,871 руб. 25 коп. На похороны 4 умершихъ литераторовъ выдано 200 руб. Въ общемъ выдано 19,179 руб. Были назначены стипендіи изъ капиталовъ имени Бунакова, Ковалевскаго, «Русскихъ Вѣдомостей» на сумму 1,294 руб. По ходатайству комитета фонда освобождены отъ платы на высшихъ женскихъ курсахъ и въ психоневрологическомъ институтѣ двѣ дочери писателей. Средства фонда были усилены устройствомъ двухъ вечеровъ въ память Л. Н. Толстого и Н. К. Михайловскаго. Образованы двѣ комиссіи: одна для завѣдыванія стипендіями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и другая для завѣдыванія усадьбой въ Ермоловкѣ, пожертвованной литературному фонду инж. М. С. Малкіелемъ. Денежный отчетъ, доложенный А. В. Пъшехоновымъ, констатируетъ, что поступленій было на сумму 43,008 р. 59 к. Общая сумма расходовъ за отчетный періодъ со-

ставляетъ 55,075 р. 37 к. Общее собраніе почтило вставаніемъ память умершаго члена фонда П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Полуторастолѣтіе Смольнаго института. Первый разсадникъ женскаго образованія въ Россіи—Смольный институтъ, т.-е. воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, праздновалъ 5-го мая полтора ста лѣтъ своего существованія. Наканунѣ юбилея смолянки старыхъ выпусковъ ѣздили въ Петропавловскій соборъ и тамъ вмѣстѣ съ старшимъ выпускомъ учащіяся смолянокъ служили панихиду по основательницѣ института императрицѣ Екатеринѣ II и возложили на ея гробницу серебряный вѣнокъ, а оканчивающія курсъ смолянки возложили вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ на гробницы трехъ почившихъ императрицъ, покровительницъ института. Изъ Петропавловскаго собора старыя смолянки поѣхали въ Казанскій соборъ и тамъ служили панихиды по Бецкомъ, по всѣмъ усопшимъ начальствующимъ лицамъ, по князьямъ черногорскимъ Зоркѣ и Маринѣ и по всѣмъ бывшимъ и скончавшимся питомицамъ института. 5-го мая съ утра зданія института были украшены флагами. Въ институтской церкви, наполненной учащимися и старыми питомицами института, торжественно совершалъ литургію высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ петербургскій, въ сослуженіи съ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ гдовскимъ, благочиннымъ и законоучителями института. Послѣ литургіи совершено благодарственное молебствіе. Передъ нимъ митрополитъ Владимиръ произнесъ поучительное слово, нарисовавъ въ немъ идеалы женщины, супруги-помощницы мужа, хранительницы семьи, матери-воспитательницы дѣтей и русскихъ гражданокъ. По окончаніи богослуженія состоялся актъ. Эстраду заполнилъ хоръ пѣвчихъ воспитанницъ; по срединѣ за столомъ заняли мѣста: начальница свѣтлѣйшая княжна Ливень, главноуправляющій статсъ-секретарь Булыгинъ и почетный опекунъ Ермоловъ. Шпалерами по сторонамъ эстрады стояли институтки, а передъ эстрадой—море головъ въ рядахъ кресель; впереди заняли мѣста великая княгиня Милица Николаевна, высокопреосвященный митрополитъ и викарный епископъ, итальянскій посолъ маркизъ Карлотти, почетные опекуны и начальствующія лица. Актъ начался пѣніемъ институтками «Христосъ воскресе» и привѣтствіемъ митрополиту «Испола эти, деспота». Статсъ-секретарь Булыгинъ прочиталъ Высочайшую грамоту. Высочайше учреждено двадцать бесплатныхъ вакансій имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Хоръ спѣлъ «Боже, Царя храни». Высокопреосвященный митрополитъ сказалъ привѣтствіе институту и въ благословеніе ему вручилъ начальницѣ святую икону Богоматери. Статсъ-секретарь Булыгинъ прочиталъ высочайшій рескриптъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя начальницы свѣтлѣйшей княжны Ливень съ пожалованіемъ княжнѣ портрета Государыни Императрицы, украшеннаго драгоцѣнными камнями. Членъ совѣта института и почетный опекунъ А. С. Ермоловъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ исторію возникновенія и развитія императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и указалъ, что, благодаря широкой поддержкѣ августѣйшей покровительницы, не оставлена смолянка и по окончаніи курса: на землѣ Смольнаго института возникаетъ «общекитіе бывшихъ смолянокъ»

имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ дѣвушка, оторванная суровой необходимостью отъ родной семьи, при первомъ вступленіи въ жизнь находитъ обстановку тихаго семейнаго уюта, а въ недалекомъ будущемъ должна осуществиться благодѣтельная задача созданія «дома отдыха» для утомленныхъ воспитательницъ и учительницъ. Затѣмъ начался пріемъ адресовъ и депутацій. Отъ императорскаго патріотическаго общества читала адресъ фрейлина Джунковская, княгиня Мурузи, баронесса Мейендорфъ; отъ императорскаго челобѣколюбиваго общества; отъ императорскихъ: академіи художествъ (ректоръ проф. Л. Н. Бенуа и графъ П. Ю. Сюзоръ), Александровскаго лицея—директоръ ген.-лейт. Шильдеръ и училища правовѣднія—директоръ ген.-майоръ Мицкевичъ; отъ женскаго педагогическаго института (начальница г-жа Панкова), и петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, женскаго медицинскаго института, петербургскаго дворянства (контръ-адм. де-Ливронъ, И. Г. Вальцъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ), московскаго (губернскій предводитель егермейстеръ Самаринъ); московскаго дѣтскаго попечительства о бѣдныхъ—г-жа Глѣбова, отъ губернскихъ дворянствъ—членъ государственнаго совѣта князь Лобановъ-Ростовскій и другіе. Въ заключеніе слѣдовало личное привѣтствіе начальницъ свѣтлѣйшей княжнѣ Ливенъ отъ большой группы бывшихъ воспитанницъ выпускныхъ 1895—1913 годовъ. Въ горячемъ адресѣ было высказано княжнѣ, что ея образъ неразрывно связанъ со всѣми высокими завѣтами, со всѣми свѣтлыми воспоминаніями, вынесенными изъ институтскихъ стѣнъ. Прочитаны были телеграммы изъ Рима отъ ея величества итальянской королевы Елены и отъ великой княгини Анастасіи Николаевны, бывшихъ воспитанницъ Смольнаго института. Отъ имени присутствовавшихъ статсъ-секретаремъ Булыгинымъ послана вѣрноподданническая телеграмма Его Величеству. Гимнъ «Боже, Царя храни» закончилъ актъ. Въ класныхъ залахъ былъ устроенъ отъ высочайшаго двора завтракъ à la fourchette. 8-го мая въ институтѣ состоялся балъ.

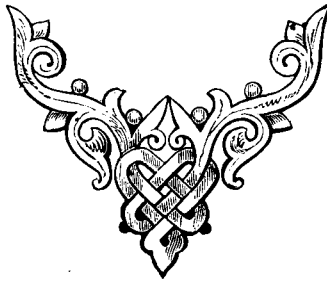
Двухсотлѣтній юбилей петербургскаго арсенала. 21-го апрѣля петербургскій арсеналъ торжественно праздновалъ двухсотлѣтіе своего существованія. Главное зданіе арсенала и всѣ мастерскія съ утра разукрасились флагами и вензелями. Около одиннадцати часовъ утра на Симбирской улицѣ, противъ главнаго входа въ арсеналъ, собрались многочисленныя воинскія депутаціи и начальствующія лица: помощникъ военнаго министра генераль А. П. Вернадеръ, начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія генераль Д. Д. Кузьминъ-Караваевъ, начальникъ арсенала ген. М. Д. Гедеоновъ, помощники его, служащіе арсенала, рабочіе и друг. Около двѣнадцати часовъ дня изъ Спасо-Бочаринской церкви къ мѣсту открытія памятника основателю арсенала Петру Великому прибылъ крестный ходъ во главѣ съ помощникомъ протопресвитера военнаго и морскаго духовенства о. Моревымъ. Послѣ совершенія богослуженія было возглашено царское многолѣтіе и многолѣтіе генераль-инспектору артиллеріи великому князю Сергѣю Михайловичу. Затѣмъ была возглашена вѣчная память въ Возѣ почивающему императору Петру Великому. При возглашеніи вѣчной памяти завѣса съ памя-

ника спала, и взорамъ всѣхъ открылся памятникъ Петру Великому. Новый памятникъ установленъ на Симбирской улицѣ, противъ входа въ арсеналъ. Памятникъ изготовленъ по проекту скульптора Лишева и представляетъ Петра опирающимся одной рукой на орудіе, а другой указывающимъ на зданіе арсенала. Затѣмъ состоялся парадъ юнкерамъ и воспитанникамъ технической школы артиллерійскаго вѣдомства. Послѣ парада всѣ начальствующія лица и депутаціи отправились въ собраніе арміи и флота, гдѣ состоялся торжественный актъ празднованія юбилея. Актъ открылся краткой рѣчью ген. В. А. Якимовича, послѣ чего полк. В. М. Родзевичъ прочелъ историческій очеркъ арсенала, и затѣмъ началось чтеніе адресовъ депутаціями главнаго артиллерійскаго управленія, артиллерійскаго историческаго музея, Михайловской артиллерійской академіи, Михайловскаго артиллерійскаго училища, русскаго техническаго общества, редакцій военныхъ журналовъ, казенныхъ заводовъ и т. д. Явилось въ общемъ около пятнадцати депутацій. Далѣе были оглашены многочисленныя привѣтственные телеграммы отъ разныхъ техническихъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ. Юбилейный праздникъ закончился завтракомъ начальствующихъ лицъ. Въ тотъ же день для рабочихъ и низшихъ служащихъ арсенала, собравшихся въ зрительномъ залѣ Народнаго дома императора Николая II въ количествѣ около тысячи человекъ, была поставлена оперной труппой попечительства о народной трезвости опера «Царь-Плотникъ», по окончаніи которой зрителямъ былъ предложенъ обѣдъ.

Памяти М. Е. Салтыкова. 28-го апрѣля, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня кончины М. Е. Салтыкова на могилѣ покойнаго на Волковомъ кладбищѣ, по инициативѣ городского общественнаго управленія, была отслужена панихида. Могила была убрана живыми цвѣтами и тропическими растениями. Къ началу панихиды, начавшейся въ часть дня, собрались представители города, литературнаго фонда, всероссійскаго литературнаго общества, Александровскаго лицея и друг. Среди присутствовавшихъ были: городской голова гр. И. И. Толстой, членъ городской управы В. Н. Новиковъ, гласные Н. П. Зеленко, Г. А. Фальборкъ и В. А. Тройницкій. академикъ Н. А. Котляревскій, В. Д. Набоковъ, С. А. Венгеровъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, В. А. Мякотинъ, А. В. Пѣшехоновъ, А. Г. Горнфельдъ, М. В. Новорусскій, М. В. Ватсонъ, А. С. Изгоевъ, Т. А. Богдановичъ и друг. Среди присутствовавшихъ также находились: дочь покойнаго писателя Е. М. де-Пассано съ супругомъ и дѣтьми и внукъ покойнаго Н. В. Салтыковъ. На могилу М. Е. были возложены вѣнки отъ редакціи «Русскаго Богатства» и отъ императорскаго Александровскаго лицея. Вѣнокъ отъ лицея съ надписью: «Лицеисту XIII выпуска М. Е. Салтыкову», возложила депутація въ составѣ преподавателя лицея А. А. Нератова и двухъ лицеистовъ. Въ три часа дня состоялось освященіе мраморной доски, прибитой, по инициативѣ городского управленія, на домъ № 60 по Литейному проспекту. Послѣ молебствія городской голова гр. И. И. Толстой сорвалъ завѣсу съ доски, прибитой между вторымъ и третьимъ окномъ бельэтажа, считая отъ Невскаго проспекта. На доскѣ имѣется надпись: «Въ этомъ домѣ жилъ и 28-го

апрѣля 1889 года скончался М. Е. Салтыковъ». Кромѣ того, одинъ изъ городскихъ школьныхъ домовъ именовывается школьнымъ домомъ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина съ постановкой наружнаго памятника почившему писателю; одной изъ городскихъ высшихъ начальныхъ школъ (четыреклассному училищу) и городской библиотекѣ-читальнѣ присваивается имя М. Е. Салтыкова-Щедрина; содержаніе могилы его принимается на счетъ города, если на то послѣдуетъ согласіе наслѣдниковъ писателя.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНІЙ, архієпископъ. 28-го апрѣля въ Харьковѣ скончался старѣйшій по времени архіерейства іерархъ русской церкви архієпископъ харьковскій и ахтырскій Арсеній. Почившій святитель, въ мѣръ Александръ Дмитріевичъ Брянцевъ, родился 27-го августа 1839 года въ бѣдной семьѣ сельскаго причетника Смоленской губерніи и воспитывался въ мѣстной семинаріи, а затѣмъ въ кievской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса вторымъ магистромъ богословія (въ іюлѣ 1867 года) онъ принялъ священство и состоялъ законоучителемъ при бѣлоцерковской гимназіи, потомъ—при кievо-подольской прогимназіи и Владимирской военной гимназіи въ Кіевѣ, а также при кievскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія и кievскомъ женскомъ институтѣ (1867—1872 гг.). Овдовѣвъ и принявъ назначеніе на должность ректора таврической духовной семинаріи (1873 г.), покойный былъ постриженъ въ монашество въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ скиту (1875 г. и возведенъ въ санъ архимандрита. Черезъ семь лѣтъ началось его архіерейское служеніе. Хиротонисанный во епископа ладожскаго (17-го мая 1882 г.), онъ состоялъ викаріемъ петербургской митрополіи, а съ 13-го октября 1883 года и ректоромъ петербургской духовной академіи; съ 28-го марта 1887 года переведенъ на рижскую епископскую кафедру, гдѣ затѣмъ получилъ санъ архієпископа (15-го мая 1893 года), потомъ—въ Казань (съ 4-го октября 1897 года) и, наконецъ, съ 8-го февраля 1903 года—въ Харьковъ, гдѣ и служилъ до дня кончины. Покойный архієпископъ Арсеній извѣстенъ и какъ духовный писатель. Ему принадлежали: магистерская диссертация—«Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви» (Спб. 1870 г.), «Путеводитель къ святынямъ Кіево-Печерской лавры», «Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи», «О миссіонерствѣ вообще и въ рижской епархіи особенно» («Церковныя Вѣдомости» 1897 г., № 3), «Весѣда съ отцами

благочинными харьковской епархіи» (Харьковъ, 1903 г., 52 стр.) и «Собрание словъ и рѣчей» (Харьковъ, 1908—1909 гг., четыре тома). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 100).

† **Боргманъ, И. И., профессоръ.** 9-го мая, въ восемь часовъ вечера, на шестьдесятъ пятый годъ скончался отъ паралича сердца бывший ректоръ петербургскаго университета, извѣстный ученый физикъ, профессоръ И. И. Боргманъ. Въ лицѣ И. И. Боргмана сошелъ въ могилу выдающийся ученый, учитель и общественный дѣятель. И. И. родился въ Петербургѣ въ 1849 году; получивъ среднее образование во второй гимназій, онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ петербургскаго университета, который окончилъ съ отличіемъ, и былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ кафедрѣ по физикѣ. Въ 1873 году И. И. отправился въ Гейдельбергъ для научнаго усовершенствованія и слушалъ тамъ лекціи знаменитаго Кирхгофа. Возвратившись въ 1875 году въ Россію, покойный былъ назначенъ лаборантомъ, а затѣмъ съ 1877 года началъ въ петербургскомъ университетѣ чтеніе лекцій въ качествѣ приватъ-доцента. Степень доктора физики покойный И. И. получилъ въ 1882 году по защитѣ диссертациі «О нагрѣваніи желѣза при прерывчатомъ намагничиваніи». Съ этого времени до послѣднихъ дней своей жизни И. И. читалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ по всѣмъ отдѣламъ физики. Лекціи покойнаго пользовались большою популярностію и привлекали многочисленныхъ слушателей. Кромѣ университета, И. И. читалъ физику еще на высшихъ женскихъ курсахъ (въ 1877 году), на педагогическихъ курсахъ и въ электротехническомъ институтѣ, который преподнесъ ему почетное званіе инженера-электрика. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1883—1886 гг.) И. И. былъ призванъ преподавать физику Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, а затѣмъ и покойному великому князю Георгію Александровичу. Главнѣйшія научныя работы И. И., извѣстныя не только среди русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ, относятся къ области электричества и магнетизма. И. И. былъ первый выборный ректоръ петербургскаго университета и покинулъ этотъ постъ, когда министерство народнаго просвѣщенія начало урѣзывать университетскую автономію. И. И. жилъ въ зданіи университета при физическомъ институтѣ, директоромъ котораго онъ состоялъ и которому посвятилъ свои силы. Покойный получилъ степень доктора физики *honoris causa* одного изъ англійскихъ университетовъ. Онъ былъ также извѣстенъ, какъ общественный дѣятель, какъ гласный петербургской городской думы, какъ видный представитель партіи народной свободы, которая неоднократно выставляла его выборщикомъ въ государственную думу отъ Петербурга, какъ предсѣдатель комиссіи по устройству курсовъ для народныхъ учителей, какъ основатель общества физическихъ знаній и т. д. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1914 г., № 125).

† **Гавриленко, А. П., проф.** Императорское техническое училище въ Москвѣ понесло тяжелую и неожиданную потерю. 10-го мая, въ три часа утра, скончался отъ воспаленія легкихъ, при слабости сердца, оказавшей роковое влияние, послѣ двухдневной недолгой болѣзни директоръ училища, инженеръ-

механикъ Александръ Павловичъ Гавриленко. Вся дѣятельность покойнаго была тѣсно связана съ дорогимъ ему императорскимъ техническимъ училищемъ. Окончивъ въ немъ курсъ въ 1882 году, А. П. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ практиковался въ Америкѣ, какъ простой рабочій, и затѣмъ, вернувшись въ Россію, въ 1888 году поступилъ преподавателемъ въ императорское техническое училище, гдѣ прошелъ всю служебную лѣстницу, будучи послѣдовательно преподавателемъ, адъюнктъ-профессоромъ, профессоромъ и, наконецъ, съ 1905 года безсмѣнно избираемый единогласно директоромъ училища. Начавъ преподаваніе въ училищѣ въ 1888 году, въ пору блестящаго расцвѣта техники, въ пору зарожденія и необычайно быстрого развитія новыхъ важныхъ отраслей ея, А. П. принималъ дѣятельное участіе въ постоянномъ совершенствованіи и развитіи преподаванія въ училищѣ машиностроенія. Неся на себѣ преподаваніе нѣсколькихъ курсовъ, покойный неоднократно перерабатывалъ и издавалъ эти курсы. Его курсы «Технологія металловъ» и «Паровые котлы» пользуются всеобщей извѣстностью. При основаніи въ училищѣ механическихъ лабораторій А. П. принималъ въ этомъ самое дѣятельное участіе. Избранный въ 1905 году директоромъ училища, покойный въ самую трудную и тяжелую пору въ жизни училища сумѣлъ сохранить училище въ цѣлости и пріобрѣсти симпатіи и студентовъ, и сослуживцевъ, которыми неизмѣнно пользовался до своей неожиданной кончины. Принимая участіе и въ промышленной дѣятельности страны и не теряя связи съ практической жизнью, покойный не считалъ возможнымъ отказаться отъ предложенной ему въ послѣдніе годы чести взять на себя преподаваніе прикладной механики въ народившемся въ Москвѣ трудами общества новымъ учебномъ заведеніи—московскомъ коммерческомъ институтѣ—и тамъ также въ короткое время завоевалъ себѣ всеобщее уваженіе и симпатіи. Но покойный несъ и еще колоссальный трудъ, будучи предсѣдателемъ политехническаго общества, тѣсно связаннаго съ императорскимъ техническимъ училищемъ, такъ какъ членами общества состоятъ только инженеры императорскаго технического училища. Состоя болѣе 10 лѣтъ преподавателемъ общества, А. П. одинъ несъ на себѣ всю огромную работу по изданію журнала общества и по дѣламъ общества, которыя за послѣднія десять лѣтъ сильно разрослись. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1914 г., № 108).

† **Гринева, С. А.** 25-го апрѣля скончался на пятьдесятъ восьмомъ году командиръ роты дворцовыхъ Его Величества гренадеръ гвардейскій полковникъ Сергій Аполлоновичъ Гринева. Покойный принадлежалъ къ числу ветерановъ, пережившихъ главные моменты нашей боевой исторіи, участвуя въ Освободительной войнѣ и впослѣдствіи служа подъ начальствомъ «Блага генерала». Начавъ службу въ 1876 году вольноопредѣляющимся въ лейбъ-гвардіи Саперномъ батальонѣ, съ которымъ и участвовалъ въ кампаніи 1877—1878 гг., онъ, за отличіе при постановкѣ минныхъ загражденій на Дунаѣ у острова Мечки, награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена четвертой степени и произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Въ ахаль-текинской экспедиціи покойный получилъ новое отличіе: за продолженіе «тихой сапы» впереди Ширванскаго редута послѣ вылазки текинцевъ и укрѣпленіе минной бреши при взятіи штур-

момъ крѣпости Геокъ-Тепе съ награжденіемъ орденомъ святаго Георгія четвертой степени въ сентябрѣ 1882 г. назначается ординарцемъ, а затѣмъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Николаевичу Старшему. Въ кампанію 1904—1905 годахъ С. А. участвовалъ въ составѣ 6-го Восточно-Сибирскаго батальона. По окончаніи кампаніи С. А. былъ назначенъ на постъ командира дворцовыхъ Его Величества гренадеръ. Всецѣло отдаваясь, до самаго дня кончины, заботамъ о нуждахъ ввѣренной ему части, покойный въ то же время въ началѣ 1911 года приступилъ къ разработкѣ и составленію «Исторіи роты», каковую и имѣлъ счастье поднести Государю Императору, а также положилъ начало организациі ротнаго мѹзея. Покойнымъ была также составлена «Памятка дворцоваго гренадера», поднесенная Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу вмѣстѣ съ собственноручной работой—двумя акварелями, изображающими гренадеръ въ формѣ 1827—1914 гг. Кромѣ того имъ издано изслѣдованіе «Была ли конница у древнихъ Руссовъ» и воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ, текинскомъ походѣ и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13695).

† **Демченко, В. Г. профессоръ.** Въ Кіевѣ 26-го апрѣля скончался профессоръ университета святаго Владимира Василій Григорьевичъ Демченко. Покойный, по происхожденію дворянинъ, родился 5-го марта 1831 года въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и послѣ ученья въ нѣжинской гимназіи поступилъ на юридическій факультетъ кіевского университета, а по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата и съ золотой медалью (1855 г.) незадолго служилъ въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената. Съ 1858 года ему было поручено въ родномъ университетѣ преподаваніе гражданскихъ и межевыхъ законовъ; послѣ же полученія степеней магистра и доктора онъ занялъ тамъ же каѳедру гражданского права и состоялъ профессоромъ до послѣдняго времени, соединяя вмѣстѣ съ тѣмъ званіе почетнаго предсѣдателя кіевского юридическаго общества. Къ научнымъ трудамъ покойнаго принадлежали: «Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, какъ доказательствѣ по дѣламъ судебнымъ, по русскому праву до Петра Великаго», магистерская диссертация (Кіевъ, 1859 г.), «Разборъ» сочиненія Гладкова: «О вліяніи общественнаго состоянія лицъ на права поземельной собственности въ Россіи» («Библіотека для чтенія», 1856 г., кн. 8), «О перемѣнахъ въ дѣйствующемъ судопроизводствѣ» (Кіевлянинъ» 1865 г., №№ 126 и 131), «Универсальное и партикулярное наслѣдованіе» («Юридическій Вѣстникъ», 1875 г., №№ 6—8), «Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію, по русскому праву», сочиненіе на степень доктора юридическихъ наукъ (Кіевъ, 1877 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 99).

† **Ждановъ, А. М.** 23-го апрѣля отъ кровоизліянія въ мозгъ скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Александръ Маркелловичъ Ждановъ. Покойный родился въ 1858 году и, получивъ первоначальное образованіе въ симбирской и третьей московской гимназіяхъ, поступилъ въ 1877 году на физико-математическій факультетъ петербургскаго университета, по окончаніи котораго въ 1881 году былъ причисленъ къ Пулковской обсерваторіи для дальнѣйшаго изученія астрономіи и

подготовки къ профессорской дѣятельности. По полученіи ученой степени магистра астрономіи за сочиненіе «Способъ Гюльдена для опредѣленія частныхъ возмущеній малыхъ планетъ» покойный былъ командированъ съ научной цѣлью на два года за границу, гдѣ онъ работалъ у профессора Гюльдена въ Стокгольмѣ. Въ 1888 году покойный получилъ степень доктора астрономіи и геодезіи и въ 1890 году былъ назначенъ профессоромъ по кафедрѣ астрономіи въ петербургскій университетъ. Покойнымъ было написано много статей въ ученыхъ журналахъ и капитальный трудъ по астрономіи подъ названіемъ: «Recherches sur le mouvement de la Lune autour de la Terre» (издано въ Стокгольмѣ въ 1885 году). Покойный принималъ дѣятельное участіе въ ученой обработкѣ русскихъ градусныхъ измѣреній, предпринятой главнымъ штабомъ, и, между прочимъ, вывелъ изъ нихъ размѣры земного сфероида. Помимо чисто ученой дѣятельности, А. М. извѣстенъ какъ выдающійся учебно-административный дѣятель. Въ годы освободительнаго движенія А. М. былъ ректоромъ петербургскаго университета и выполнилъ эту трудную задачу администратора настолько удачно, что министерство народнаго просвѣщенія назначило его на постъ попечителя московскаго учебнаго округа. Тяжелая непосильная работа сломила силы покойнаго, и 23-го апрѣля, въ восемь часовъ утра не стало профессора А. М. (Некрологъ его: «Голосъ Руси», 1914 г., № 109).

† **Крачковскій, І. Е.** Въ Каденаббѣ, на озерѣ Комо въ Италіи, 18-го апрѣля скончался академикъ живописи Юсифъ Евстафьевичъ Крачковскій. І. Е. родился въ Петербургѣ въ 1854 г. Въ 1871 г. онъ вступилъ въ академію художествъ, гдѣ главнымъ руководителемъ молодого художника явился извѣстнѣйшій пейзажистъ профессоръ баронъ М. К. Клодтъ. Крачковскій своими успѣхами очень скоро обратилъ на себя вниманіе, такъ что уже въ 1873 г. удостоился награжденія большой и малой серебряными медалями. Въ 1876 г. снова награжденъ малой серебряной медалью, а въ 1878 г. получилъ малую золотую медаль за картину «Утро». На слѣдующій годъ Крачковскій получилъ большую золотую медаль и званіе класснаго художника 1-й степени за картину «Вечеръ». Въ 1880 году онъ отправился за границу на казенный счетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, побывалъ въ Берлинѣ, Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ, Миланѣ и Мадридѣ, послѣ чего поселился въ Парижѣ, этомъ міровомъ центрѣ художественной культуры и вкуса, вліянія котораго на развитіе живописныхъ идей не можетъ избѣжать ни одинъ художникъ, стремящійся къ расширенію своего міросозерцанія. Въ 1884 году І. Е. вернулся въ Петербургъ и здѣсь, за работы, исполненныя во время пребыванія за границей, удостоился званія академика. Съ этого времени покойный художникъ большей частью жилъ и работалъ въ Петербургѣ и здѣсь же въ 1901 году устроилъ въ обществѣ поощренія художествъ свою первую отдѣльную выставку работъ. Писалъ онъ чрезвычайно много, картины его появлялись на разныхъ выставкахъ, въ послѣднее время— въ товариществѣ художниковъ, гдѣ какъ разъ на недавно закрывшейся выставкѣ въ бывшемъ дворцѣ великаго князя Алексѣя Александровича онъ экспонировалъ восемь своихъ новыхъ картинъ, среди которыхъ самой пріятной было «Весеннее утро» на озерѣ Лугано. Картины Крачковскаго имѣются

въ разныхъ галереяхъ. Такъ, въ Третьяковской галереѣ находится одна изъ раннихъ его работъ, помѣченная 1875 г., «Рѣчка Смѣдова», близъ деревни Дулебово, Д. В. Григоровича. Въ музеѣ императора Александра III—четыре картины: «Крымскій видъ», «Пейзажъ», «Весна въ Крыму» и «Передъ грозой». Изъ нихъ лучшая—«Пейзажъ», гдѣ прекрасно передано сумрачное освѣщеніе, тяжелыя свинцовыя облака, застилающія небо, и движеніе воздуха, подъ дѣйствіемъ котораго низко пригнулись къ землѣ кусты и трава. Въ музеѣ академіи художествъ находится его «Въ концѣ лѣта». Затѣмъ множество картинъ І. Е. разсѣяно по частнымъ владѣльцамъ, ибо покойный художникъ былъ плодовитъ и картины его охотно покупались. Не представляя собою особенно крупнаго явленія въ исторіи русской живописи, І. Е. все же замѣтно выдвигался изъ ряда пейзажистовъ одного съ нимъ художественнаго толка. Его краски порою бывали очень пріятны, и отъ многихъ картинъ вѣяло скромной поэзіей. Особенно онъ любилъ писать природу въ пору ея весенняго цвѣтенія, и его многочисленныя «весны», крымскія и итальянскія, хотя онъ подчасъ и сильно въ нихъ повторялся, все же запоминались по какой-то интимной ласковой нотѣ, въ нихъ звучавшей. Умеръ І. Е. въ пору, когда талантъ его еще нисколько не ослабѣлъ, въ чемъ наглядно убѣждали послѣднія его картины на выставкѣ «Товарищества художниковъ». (Некрологъ его: «Петербургскій Курьеръ», 1914 г., № 89).

† **Некрасовъ, Н. П.** 30-го апрѣля въ Петербургѣ скончался тайный совѣтникъ Николай Петровичъ Некрасовъ. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу старѣйшій питомецъ московскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ многолѣтній русскій филологъ, болѣе полувѣка потрудившійся на поприщѣ народнаго Просвѣщенія. Онъ родился въ 1828 году и, послѣ домашняго воспитанія, учился въ первой московской гимназіи, изъ которой, по окончаніи курса съ золотою медалью (1848 г.), поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Удостоенный степени третьяго кандидата (1852 г.), Н. П. сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по русской и славянской филологіи, чего и достигъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Онъ состоялъ профессоромъ при римско-католической духовной академіи и на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, профессоромъ и инспекторомъ въ петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ до 1903 года, когда былъ назначенъ членомъ совѣта при министрѣ народнаго просвѣщенія (1903—1914 г. г.). Къ главнымъ трудамъ покойнаго относились: «О значеніи формъ русскаго глагола» (Спб. 1865 г.), «Краледевская рукопись» со словаремъ (Спб. 1872 г.), «Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка» (Спб. 1889 г.) и «Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку лѣтописи» (Спб. 1897 г.). Кромѣ того, ему же принадлежали ученые и педагогическія статьи въ «Атенеѣ», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», въ «Извѣстіяхъ императорской академіи наукъ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ самая ранняя статья его—«О преподаваніи русской грамматики» (1857 г., № 14), а самая послѣдняя—«Необходимы иные приемы относительно гимназическаго курса» (1908 г., №№ 226 и 229). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 104).

† **Поповъ, Л. В.** 8-го мая въ гор. Оренбургѣ скончался молодой талантливый художникъ, участникъ передвижныхъ выставокъ, ученикъ профессора Вл. Е. Маковского Лукіанъ Васильевичъ Поповъ; родился онъ въ крестьянской семьѣ Оренбургской губ. и до тринадцати лѣтъ исполнялъ крестьянскія работы, затѣмъ мальчика опредѣлили въ писчебумажный магазинъ Курниковъ въ гор. Оренбургѣ; здѣсь впервые Л. В. познакомился съ искусствомъ; увидѣвъ въ магазинѣ картинки, рисунки, сталъ самъ рисовать. Хозяинъ магазина поощрялъ мальчика и давалъ ему книги по искусству; пробывъ пять лѣтъ въ магазинѣ и заработавъ 60 рублей, Л. В. рѣшилъ ѣхать учиться въ Петербургъ; здѣсь онъ поступилъ въ рисовальную школу императорскаго общества поощренія художествъ и, пробывъ въ ней три года, перешелъ вольнослушателемъ въ мастерскую профессора Вл. Егор. Маковского; черезъ годъ за блестящіе успѣхи былъ зачисленъ ученикомъ императорской академіи художествъ. Первые эскизы Л. В., выставленные на конкурсѣ въ императорской академіи художествъ, были премированы: «Затопило», «На новыя мѣста», «Встрѣча чудотворной иконы» и др. Первые картины свои Л. В. Поповъ выставилъ на передвижной выставкѣ: «Встрѣча», «Дѣти» (приобрѣтены въ музей академіи художествъ). За картину «Тихо» получилъ заграничную командировку и послѣ отчета первой поѣздки получилъ еще двѣ командировки за границу. За этотъ періодъ Л. В. написалъ картины: «Защита», «До зари», «Гдѣ же истина?», «Ходоки на новыя мѣста», «Своя компанія» и много другихъ. Въ этомъ году на выставкѣ передвижниковъ не было картинъ Л. В.—онъ переживалъ горе потери единственной дочери своей и написалъ ее въ гробу; картина эта была такъ реально и сильно написана, что на выставку ее не рѣшились поставить. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13706).

† **Рѣдкинъ, А. П.** Въ Петербургѣ скончался Алексѣй Платоновичъ Рѣдкинъ. Писательская дѣятельность покойнаго началась въ бытность его студентомъ петербургскаго университета и продолжалась до самой смерти. Онъ сотрудничалъ еще у В. С. Курочкина въ его «Искрѣ» и въ Степановскомъ «Будильникѣ»; велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльный политическій обзоръ въ «Русскомъ Инвалидѣ»; работалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (Родзевича), «Міровыхъ Отголоскахъ», «Образованіи» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ; выступалъ съ публицистическими замѣтками, рецензіями и фельетонами; написалъ легкую пятиактную пьесу, до сихъ поръ ставящуюся на провинціальныхъ сценахъ, и перевелъ на русскій языкъ не мало статей и книжекъ. Владѣя въ совершенствѣ тремя важнѣйшими иностранными языками, А. П. послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни отдалъ составленію самоучителей этихъ языковъ для взрослыхъ по методу извѣстныхъ филологовъ—Туссэна и Лангеншейдта. Сравнительно дорогіе «самоучители» Рѣдкина выдержали уже нѣсколько изданій. Примѣнительно также къ Туссэну-Лангеншейдтской методѣ покойный составилъ: «Краткій самоучитель нѣмецкаго языка для военныхъ», «Начальный учебникъ французскаго языка для семьи и школы», обширный француско-русскій словарь и, по предложенію лейпцигскаго библиографическаго института Мейера, «Russischer Sprachführer». Въ какой бы степени ни оправдались денежные расчеты издателей всѣхъ этихъ трудовъ покойнаго,—самъ онъ, очень

скромно жившій исключительно на свои литературные заработки, умеръ бѣднякомъ. Смерть настгла его въ преклонномъ возрастѣ: ему было шестьдесятъ девять лѣтъ; она прервала начатую имъ работу по составленію такого заново переработаннаго нѣмецкаго самоучителя, который по способу усвоенія предмета былъ бы болѣе доступенъ широкому кругу желающихъ обстоятельно научиться этому языку. По внѣшности сухо-сдержанный, съ лицомъ стараго ученаго, человѣкъ рѣдкой доброты и удивительной деликатности, А. П. пользовался искренними симпатіями знавшихъ его. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914 г., № 108).

† **Яковлева-Ланская, Н. В.** Администраціей дома литераторовъ получена 9-го мая, въ 6 часовъ утра, телеграмма изъ Пушкинскаго пріюта въ селѣ Михайловскомъ, извѣщающая о кончинѣ проживавшей тамъ писательницы Надежды Владимировны Яковлевой-Ланской. Покойная происходила изъ богатой помѣщичьей семьи и выступила на литературное порище въ 1871 году, въ журналѣ «Недѣля». Изъ многочисленныхъ беллетрическихъ произведеній ея наибольшій успѣхъ имѣли: романъ «Человѣкъ и баринъ», «Петербургскіе эскизы», «Туда и обратно» и другія. За романъ изъ русско-турецкой войны «Лавры и терніи» покойная лишена была пенсіи, оставшейся ей послѣ смерти мужа. За романы «Обрусители» и «Какъ живется въ провинціи» покойная привлечена была къ судебной отвѣтственности. Н. В. Яковлева очень много работала и въ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ «Недѣли», она печатала свои произведенія въ «Сѣверной Пчелѣ», «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Спб. Вѣдомостяхъ», «Руси» Гайдубурова и «Руси» Суворина, «Вѣстникѣ Европѣ», «Смоленскомъ Вѣстникѣ». «Калужскомъ Вѣстникѣ» и многихъ другихъ. До послѣднихъ дней жизни покойная была очень живой и бодрой старушкой, всѣмъ интересующеюся. Умерла она на семьдесятъ третьемъ году. (Некрологъ ея: «Вечернее Время», 1914 г., № 759).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Изъ записной книжки историка» Е. С. Шумигорскаго.

На стр. 688 «Историческаго Вѣстника» (май 1914 г.) Е. С. Шумигорскій упоминаетъ о моемъ трудѣ объ Александрѣ I. Вполнѣ понятно, что приведенное въ русскомъ переводѣ заключеніе о католическомъ настроеніи Александра I показалось ему неожиданнымъ. Дѣло въ томъ, что русскій текстъ: «Въ душѣ онъ (Александръ I), очевидно, принадлежалъ къ истинной церкви нѣточно передаетъ французскій подлинникъ: «I (Alexandre I) appartenait évidemment à l'âme de la vraie Eglise». Смысл выходитъ другой.

Я имѣлъ въ виду богословское ученіе о тѣлѣ и душѣ церкви, въ силу котораго каждый человѣкъ, хотя формально не католикъ, но искренно и добросовѣстно стремящійся къ познанію истины, тѣмъ самымъ принадлежитъ къ душѣ единой церкви Христа.

Къ вопросу о преобладаніи политики въ замыслахъ Александра I придется, пожалуй, еще вернуться. Намекну здѣсь только на заявленія любляницкаго епископа Грубера, у котораго помѣщался императоръ во время конгресса, на депешу парижскаго нунція Lambuschini отъ 19-го февраля 1830 г. съ сообщеніями графини Caumont La Forge, рожденной Голицыной, на отвѣтную депешу кардинала Maschi. Всѣ эти свидѣтельства должно подвергнуть строгому критическому разбору, но пренебрегать ими нельзя.

Пирлингъ.

III.

Отвѣтъ г. Фомину.

Мы весьма признательны г. Фомину за разъясненія, что «въ имѣющихся у него подлинныхъ рукописяхъ Никитина текстъ двухъ вызвавшихъ сомнѣніе стихотвореній читается такъ, какъ напечатано въ изданіи. Но вѣдь рѣчь-то идетъ не совсѣмъ о томъ. Когда у читателя передъ глазами два выпущенныхъ почти въ одно время, хотя и различныхъ, но добросовѣстныхъ изданія, одно подъ редакціей г. Фомина, другое, скажемъ, подъ редакціей С. М. Городецкаго, и оба, одновременно, даютъ разный текстъ нѣкоторыхъ тождественныхъ произведеній, позволительно читателю спросить: откуда сіе? И вотъ, въ то время, какъ у С. М. Городецкаго болѣе или менѣе ясно видно, какими источниками онъ пользовался, у г. Фомина этого нѣтъ. Никто не обязанъ знать, что «имѣется» у редактора дома на его квартирѣ, ежели онъ этого имѣющагося у него не показываетъ въ томъ самомъ томѣ, который выпускаетъ на вольный свѣтъ.

Мы не противъ начитанности г. Фомина въ Никитинѣ выступали. Мы въ ней не сомнѣвались. На примѣрахъ стихотвореній, текстъ которыхъ, казалось бы, долженъ быть установленъ окончательно, мы старались показать, къ какимъ недоразумѣніямъ можетъ привести откладываніе съ одного тома на другой, слѣдующій, такъ называемаго «аппарата», т.-е. объяснительныхъ примѣчаній къ произведеніямъ даннаго тома. Мы указывали на это неудобство еще при выходѣ перваго тома. Согласитесь же, наконецъ, что нельзя читать одинъ томъ, а объясненій искать въ другомъ. Вѣдь у г. Фомина не снабжено объяснительными примѣчаніями ни одно стихотвореніе втораго тома во второмъ томѣ. Это ли не неудобство для читателя? Можетъ быть, это удобство издателя: купивъ первый томъ, невольно купишь второй для полноты картины. Не смѣемъ спорить. Ну, зато ужъ неудобствъ и недоразумѣній всегда будетъ куча.

Мы нарочно въ рецензіи старались, путемъ приведенія своихъ сомнѣній, указать на недопустимость подобнаго рода манеры. Г. Фомина задѣли за живое наши придирки. Но, быть можетъ, при выпускѣ слѣдующаго тома, онъ, увидѣвъ, къ какимъ печальнымъ недоразумѣніямъ приводятъ удобства дѣленія однороднаго матеріала по разнымъ томамъ, постарается властью редактора, ему данною, хотя бы до извѣстной степени избѣгнуть этого дробленія.

Влад. Княжнинъ.

партийной борьбы. Уже теперь кричать на всѣхъ перекресткахъ, что я чуть ли не кулакъ или ростовщикъ, сосущій кровь бѣдноты.

Лобзиковъ (*спокойно*). И пусть кричать. Никто съ ихъ мнѣніемъ не считается. Обо мнѣ больше кричать. (*Съ улыбкой*). На всю Россію ославили мое выступленіе по дѣлу Звягирева. И что же? Все-таки я пройду и во вторую думу.

Тумарскій. Тебѣ хорошо, ты адвокатъ. Закрылся, какъ щитомъ, профессиональными обязанностями,—и все тутъ.

Лобзиковъ. А ты домовладѣлецъ и капиталистъ. Только развѣ сумасшедшему придетъ въ голову требовать, чтобы ты былъ какимъ-то благотворителемъ. Ясно, какъ утро. (*Внимательно осматриваетъ сигару и осторожно сбрасываетъ пепель*). Жаль. Свалился.

Продолжаетъ курить.

Тумарскій (*останавливаясь передъ нимъ*). Я рѣшилъ предложить Богоявленскому взять на себя управленіе моими домами въ Щемилковкѣ и всѣми операціями по ссудамъ. Такимъ образомъ, я буду имѣть возможность устранить себя отъ всякихъ переговоровъ и непріятныхъ сценъ съ этой мелюзгой. Официально все это будетъ дѣломъ Богоявленскаго.

Лобзиковъ. Мысль недурная, но не лучше ли тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, продать эти дома? Когда капиталъ лежитъ въ банкахъ, то онъ незамѣтенъ даже для самаго остраго взгляда. (*Смѣется*). Тогда ты, пожалуй, сможешь поддерживать обѣ наши программы: и для горожанъ и для крестьянъ. Я лично страшно доволенъ, что рассчитался съ имѣніемъ. Все-таки при посредствѣ крестьянскаго банка и еще кое-какихъ комбинацій я получилъ по 300 рублей за десятину, и, полагаю, ничего не потерялъ. А въ государственной думѣ никто не могъ кольнуть меня тѣмъ, что вы, молъ, сами землевладѣлецъ.

Тумарскій (*задумчиво*). Я думалъ объ этомъ. Но продажа была бы крайне убыточна для меня. Положимъ, я дома сумѣю продать очень хорошо. А дальше? Вѣдь, я буду имѣть съ капитала максимумъ двѣнадцать процентовъ, тогда какъ теперь съ этой мелюзги (*показываетъ на счета*) я получаю около тридцати процентовъ. Вотъ и посчитай.

Лобзиковъ. Да, это дѣло другое.

Тумарскій. Самъ видишь. Приходится остановиться на моей комбинаціи съ Богоявленскимъ. Какъ ты думаешь, онъ эту роль проведетъ?

Лобзиковъ (*смѣется*). Отца родного возьметъ за горло! Твердый мальчикъ. Изъ него выйдетъ отличный адвокатъ.

Тумарскій. Я потому на немъ и остановился. Тѣмъ болѣе, что по всѣмъ моимъ мелкимъ искамъ онъ у меня состоитъ повѣреннымъ съ первыхъ же шаговъ его адвокатской карьеры. Толковый пареньъ.

Лобзиковъ. Словомъ, ты, я вижу, склоненъ къ тому, чтобы успокоиться. Не я ли правъ, говоря, что ты переоцѣниваешь факты? Впрочемъ, я самъ сперва волновался, когда возлѣ моего имени поднялась эта черносотенная свистопляска по поводу Звягирева.

Тумарскій (*съ улыбкой*). Видѣлъ сегодня твою отвѣдь въ «Рѣчи». Прочелъ съ удовольствіемъ. Хорошо ты ихъ отдѣлалъ.

Лобзиковъ (*самодовольно улыбаясь и откинувшись на спинку кресла*). Да, я не поцеремонился. Такъ и написалъ, что приговоръ явно неправосуденъ, почему тѣ, кто пытался укрыться за спиной этого правосудія, похожъ на страуса, спрятавшего голову подъ собственное крыло. А насчетъ гонорара дѣло еще проще. Ну, взялъ 10.000 рублей съ Звягирева. Такъ что же тутъ? Не можетъ же членъ государственной думы, занятый серьезнѣйшими государственными дѣлами и получающій за это нищенское вознагражденіе отъ нашего милѣйшаго правительства и, вдобавокъ, почти лишенный возможности заниматься практикой, оцѣнивать свои выступленія, какъ маленькій заурядный адвокатъ. Только черносотенное тупоуміе могло подсказать дикую мысль упрекать меня въ неумѣренномъ гонорарѣ. Глупо.

Тумарскій (*смѣясь*). Курьезнѣе всего, что Звягиревъ самъ черный изъ черныхъ. А обратился къ тебѣ. Выручайте, ради Создателя, политическаго противника!

Лобзиковъ (*вѣско*). Другъ мой, передъ профессиональнымъ лицомъ адвоката нѣтъ ни правыхъ, ни лѣвыхъ. Только кліенты, нуждающіеся въ законной защитѣ своихъ правъ. Поэтому я ни минуты не колебался принять дѣло Звягирева, хотя онъ негодяй самаго высокаго разбора.

Тумарскій. Кстати, ты мнѣ не рассказывалъ деталей дѣла. Дѣйствительно ли онъ истязалъ эту женщину? Въ газетахъ Богъ знаетъ что писали.

Лобзиковъ. Между нами говоря, несомнѣнно. Онъ мнѣ этого и не скрывалъ. (*Дѣлаетъ широкій жестъ*). Но это надо (*съ удареніемъ*) доказать фактически. А факты можно толковать въ ту или иную сторону. Обвиненіе факты толковало неправильно. Значитъ, судъ не имѣлъ права выносить ему обвинительный вердиктъ, и я правъ, назвавъ такой приговоръ неправосуднымъ.

Тумарскій. Во второй инстанціи ты ведешь дѣло?

Лобзиковъ. Разумѣется.

Тумарскій. И снова 10.000?

Лобзиковъ (*смѣется*). Нѣтъ. Всего пять.

Тумарскій. Знаешь, Владиміръ Александровичъ, это, право, лучше моихъ домовъ!

Горничная. Баринъ, господниъ Богоявленскій желаетъ васъ видѣть.

Тумарскій. Проси, проси.

Лобзиковъ. Я пошелъ. Побуду съ Марьей Петровной. Она сегодня страшно разстроена послѣ этой газетной корреспонденціи изъ Севастополя. Бойтся, какъ бы и Нелли не участвовала въ этомъ покушеніи.

Тумарскій (*сумрачно*). Да, ужасно тяжелая исторія съ Нелли. Какъ вспомню ее...

Богоявленскій. Добрый вечеръ!

Здоровается съ обонми. Лобзиковъ выходитъ.

Тумарскій (*сидя за столъ. Богоявленскій садится на мѣсто Лобзикова*). Ну, Николай Степановичъ, что вы предприняли?

Богоявленскій (*рѣшительно*). Я, Николай Ивановичъ, хоть и не получилъ отъ васъ согласія, но всѣхъ неплательщиковъ выдворилъ сегодня съ полиціей. Описали ихъ хламъ, разумѣется. Не понимаю, чего вы съ ними церемонились, извините меня!

Тумарскій (*съ улыбкой*). Вы предвосхитили мою мысль. Я рѣшилъ дѣйствовать энергично. Откровенно говоря, меня смущалъ этотъ черносотенный шумъ.

Богоявленскій. Въ высокой степени наплевать.

Тумарскій. Совершенно вѣрно. Знаете, я рѣшилъ предложить вамъ принять на себя все управленіе этимъ дѣломъ. Официально я ничего не знаю. Распоряжайтесь съ ними, какъ хотите. По всей строгости закона, понимаете?

Богоявленскій. Будьте спокойны. Я распоряжусь. На меня, знаете, эти пресловутыя вдовы и сироты и прочая миндальная канитель очень мало оказываютъ дѣйствія.

Смѣется.

Тумарскій. Я могу вамъ предложить 200 рублей въ мѣсяцъ. Конечно, опредѣленный процентъ отъ исковъ въ видѣ судебныхъ издержекъ.

Богоявленскій. Это какъ водится. А пятьдесятъ рублишекъ слѣдовало бы накинуть. (*Съ улыбкой*). Въ виду вдовъ и сиротъ.

Тумарскій (*съ кислой улыбкой*). Двадцать пять? А?

Богоявленскій. Да вы не торгуйтесь! Все-таки—я понимаю—вамъ такъ много удобнѣй будетъ. А мнѣ на черносотенцевъ въ высокой степени наплевать. Я вѣдь въ думу не собираюсь.

Тумарскій (*подумавъ*). Ну, хорошо. Довѣренность завтра.

Богоявленскій (*вставая*). Съ вашего разрѣшенія я пойду. У меня завтра дѣло въ нашемъ милѣйшемъ судѣ. Литературная защита. (*Со смѣломъ*). А пріятно теперь разговаривать съ бывшимъ на-

чальствомъ! На прокурора—наплевать и на всѣхъ вообще наплевать. И много сытнѣе.

Прощается и выходитъ. Тумарскій снова садится за столъ и просматриваетъ бумаги.

Входятъ Тумарская, Лобзиковъ, Бруве и Першининъ. Тумарская сильно осунулась, похудѣла. Лицо болѣзненное, въ волосахъ серебрятся сѣдые нити. Бруве такъ же изящно одѣтъ, держится съ прежней самоувѣренностью.

Тумарская. Какъ ты долго, Николай Ивановичъ! Почему не идешь къ намъ? Скоро пора ужинать.

Садится въ сторонѣ на турецкомъ диванѣ.

Тумарскій (*не отрываясь отъ бумагъ*). Нѣсколько минутъ, господа. (*Щелкаетъ на счетахъ*). Надо окончить.

Бруве. Мы не мѣшаемъ?

Тумарскій. Ради Бога! Я могу и говорить и дѣло дѣлать. Господа, сигары на столикѣ.

Бруве (*подходитъ, вынимаетъ сигару. Внимательно смотритъ на нее, нюхаетъ. Съ видомъ знатока*). Упманъ. Хорошая вещь.

Обрѣзываетъ сигару и закуриваетъ. Потомъ садится на качалку и изящно выпускаетъ дымъ, бережно охраняя пепель.

Лобзиковъ. Скоро ѣдете, Фридрихъ Конрадовичъ?

Садится возлѣ Тумарской. Першининъ медленно ходитъ по комнатѣ и разсматриваетъ висящія на стѣнахъ картины и фотографіи.

Бруве. Думаю, недѣли черезъ двѣ. Съ удовольствіемъ покидаю этотъ градъ. Жаль только добрыхъ друзей.

Тумарскій. А намъ давно.

Щелкаетъ на счетахъ и что-то записываетъ.

Першининъ. Скоро и я двинусь. Пріятно!

Лобзиковъ (*сметется*). Разъѣзжается наша милая компанія! Какъ-то на новыхъ мѣстахъ будете? Свысока станете смотрѣть на насъ грѣшныхъ!

Бруве. Вы, вѣдь, большее повышеніе получили, чѣмъ мы. Что мы? Я—юрисконсультъ государственнаго банка, Владимиръ Ивановичъ—членъ суда. Все-таки чиновники. Неважное кушанье. А вы—членъ государственной думы. Это не шутка.

Лобзиковъ (*съ дѣланной застычивостью*). Будущій, будущій! И то, какъ Богъ дастъ. Неизвѣстно еще.

Першининъ (*влюбленно*). Кого же и выбирать, какъ не васъ, дорогой? Вѣдь вы у насъ думскій Аристидъ.

Бруве (*хлопая въ ладоши*). Bravo, bravo! Красиво сказано.

Лобзиковъ (*шутливо раскланивается*). Тронуть.

Бруве. Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Петербургъ отъ васъ безъ ума. Именно Аристидомъ васъ тамъ считаютъ. Когда мнѣ въ качествѣ почетнаго мирового судьи пришлось ѣздить туда объясняться съ сенатомъ (*морщится*) по этимъ глупѣйшимъ прокурорскимъ доносамъ насчетъ моей политической дѣятельности, то я слышалъ о васъ самые восторженные отзывы. Да.

Лобзиковъ улыбается съ дѣланной скромностью.

Першининъ. Меня, слава Богу, не трогали. Не любитель я объясняться съ нашими судебными генералами, чортъ бы ихъ взялъ! (*Смѣется*). Меня перевели членомъ суда и безъ предварительной дисциплинарки въ сенатъ.

Бруве (*съ усмѣшкой*). Конечно, неприятно вспоминать объ этой комедіи, но въ ней столько заложено, въ сущности, юмористическаго элемента. Помилуйте, меня, судью (*гордо выпрямляется въ качалкѣ*), допрашиваютъ самымъ серьезнымъ образомъ:—а скажите, почему вы думаете не такъ, какъ нравится вашему участковому околоточному надзирателю? Почему вы приписались къ партіи, которая сплошь состоитъ изъ лучшихъ людей государства, но не въ фаворѣ у полиціи? И т. д. Удивительное время!

Смѣется презрительно.

Лобзиковъ. Возмутительная вещь! Это называется дѣйствовать въ духѣ судебныхъ уставовъ. Какое же уваженіе можетъ питать народъ къ суду, когда лучшихъ дѣятелей его таскаютъ на нелѣпые допросы, какъ какихъ-то мальчишекъ? Богъ знаетъ что.

Тумарскій (*щелкая на счетахъ*). А то и просить честью пожаловать въ охранное отдѣленіе. Тоже не плохо.

Бруве (*съ пренебрежительной усмѣшкой*). Мнѣ физически противно воспоминаніе объ этомъ вынужденномъ визитѣ. (*Снова принимаетъ гордую осанку*). Я объ одномъ жалѣю, что никого не было тамъ во время моего такъ называемаго допроса. (*Смѣется*). Какъ я ихъ отдѣлалъ, этихъ наглецовъ, жандарма и нашего милѣйшаго товарища прокурора! Любо было поглядѣть. Артемьевъ было сунулся ко мнѣ съ какимъ-то — вообразите — замѣчаніемъ. Удивительно нахальный былъ мальчишка! Ну, я не стерпѣлъ. (*Энергично встаетъ*). Потрудитесь, — говорю ему, — молодой человекъ, не забывать, съ кѣмъ вы говорите: я самъ бывший товарищъ прокурора, почетный судья и членъ мѣстнаго комитета глубоко уважаемой всѣми партіи и никому не позволю дѣлать мнѣ указаній! Тотъ только поперхнулся и язычекъ прикусилъ. Такъ то-съ.

Дѣлаетъ широкій жестъ и садится въ небрежной позѣ.

Лобзиковъ и Першининъ. Bravo! Такъ съ этими господами и слѣдуетъ объясняться. Другого языка они не понимаютъ.

Бруве (*смѣется*). А ротмистръ-то? Безъ смѣха не могу припомнить его смущенной рожи! Все время вертѣлся передо мной, знаете, какъ эти ученые собачки на тонкихъ лапкахъ. Пришлось бѣдному ротмистру испытать нѣсколько не особенно пріятныхъ для его самолюбія минутъ.

Смѣется и, откинувъ голову, кольцами выпускаетъ дымъ.

Лобзиковъ. Все-таки надо признаться, что, благодаря вашему такту и умѣнью держать себя, вы, Фридрихъ Конрадовичъ, на рѣдкость поддержали престижъ нашей партіи въ глазахъ какъ сената и общества, такъ даже и самихъ охранителей. Это очень важно. И ваша полная реабилитация, конечно, болѣе чѣмъ пріятный моментъ для партіи.

Бруве (*скромно*). Ну, какой же тамъ особенный тактъ. Я думаю, что каждый изъ насъ точно такъ же поступилъ бы на моемъ мѣстѣ. Надо просто умѣть осадить этихъ господъ. Такая скотина, какъ Гредеръ, привыкшій издѣваться надъ низшими себя и низкопоклонничать передъ высшими, всегда теряется, когда встрѣтитъ надлежащій отпоръ. Или этотъ мальчишка Артемьевъ...

Тумарская (*перебивая его, тоскливо*). Фридрихъ Конрадовичъ, оставьте Артемьева. Я же просила васъ... Мнѣ страшно жаль его... Когда я вспомню его и мою бѣдняжку Нелли...

Внезапно отворачивается и быстро закрываетъ лицо платкомъ. Слышно всхлипываніе.

Бруве (*смущенный*). Страшно извиняюсь, Марья Петровна! Простите, ради Бога.

Тумарская (*тихо, сквозь слезы*). Иногда онъ какъ живой стоитъ у меня передъ глазами, какъ живой... Нелличка писала мнѣ изъ тюрьмы, что передъ смертью онъ послалъ ей какое-то письмо... Хорошее письмо... Она его чѣмъ-то обидѣла на допросѣ, и онъ не перенесъ этого... Нелличка...

Плачетъ.

Тумарскій (*рѣзко отодвигаетъ счета и подходитъ къ женѣ. Разстроено*). Ну, Маруся, успокойся! Сдѣланнаго, вѣдь, не воротишь...

Садится возлѣ нея и обнимаетъ ее, бросивъ недовольный взглядъ на Бруве. Тотъ смущенно отводитъ глаза.

Тумарская (*плачетъ*). Коля, какъ я измучена! Гдѣ она, моя бѣдная дѣвочка? Что съ ней? Вѣдь, послѣ того, какъ она бѣжала изъ тюрьмы съ этимъ... этимъ негодяемъ, я не знаю, гдѣ она и что съ ней...

А теперь это ужасное сообщеніе изъ Севастополя... Мнѣ все кажется, что это ихъ группа тамъ бросила бомбу...

Лобзиковъ (*увѣренно*). Ну, Марья Петровна! Нельзя же, дорогая, такъ разстраиваться. Нелли давно уже за границей и Виленкинъ тамъ же. Трудно даже допустить, чтобы на всю Россію дѣйствовала одна боевая организація. А Виленкина вы напрасно браните. Это въ высокой степени порядочный и честный человѣкъ.

Тумарская (*не открывая лица*). А что вы говорите! Негодяй... Онъ погубилъ мою дѣвочку... Мою бѣленькую, кроткую Нелличку... Боже мой, Боже мой!

Плачетъ.

Тумарскій (*кусая губы*). Маруся, голубчикъ мой, успокойся! Ну, что же дѣлать... Не мы одни... Это такой кошмаръ русской дѣйствительности. Молодежь смѣлѣе насъ, она всегда увлекается, и мы можемъ гордиться нашими дѣтьми...

Першининъ (*увѣренно, съ убѣжденіемъ*). Именно гордиться! Такіе герои, какъ Виленкинъ и ваша Нелли...

Тумарская (*нервно, открывая лицо*). Оставьте! Герои! Что мнѣ съ этого героизма? Что? (*Встаетъ. Съ дрожью въ голосъ*). Что мнѣ съ этого героизма, когда моя дѣвочка...

Закрываетъ лицо и плачетъ.

Тумарскій. Маруся, милая, успокойся! Я, вѣдь, самъ страдаю не меньше тебя... Но надо же быть мужественной... Что же дѣлать?... Развѣ мы виноваты въ этомъ кошмарѣ?

Тумарская (*тихо*). Да... Развѣ мы... (*Садится на диванъ и подтираетъ лицо руками. Устало*). Поговоримъ о другомъ, господа. Николай Ивановичъ, ты скоро?

Тумарскій (*цѣлуя жену въ лобъ. Нѣжно*). Сейчасъ, моя дорогая! Успокоилась? Береги себя, хотя бы для меня. Теперь такъ много отвѣтственной работы, такъ много...

Идетъ къ столу.

Лобзиковъ (*съ искусственной веселостью, подходя къ Тумарской и цѣлуя ей руку*). Бодритесь, дорогая Марья Петровна! Я глубоко убѣжденъ, что скоро окончится эта печальная полоса. Мы возродимъ Россію къ новой жизни, и тогда ваша Нелли снова возвратится къ вамъ, какъ свѣтлая героиня, съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ.

Бруве (*также подходя къ Тумарской*). Вѣрно, вѣрно, Марья Петровна. Такъ и будетъ. А Николая Ивановича мы проведемъ въ государственную думу, онъ много добра принесетъ нашей изстрадавшейся родинѣ...

Тумарская (*съ глубокимъ вздохомъ*). Ахъ, господа, господа! Что мнѣ въ этой думѣ? Если бы только возвратилась моя дѣвочка, моя дѣвочка...

Глубоко задумывается.

Тумарскій (*съ шумомъ отодвигаетъ счеты*). Не могу больше работать! (*Встаетъ*). Марусечка, я теперь къ твоимъ услугамъ. Идемъ, дорогая.

Подходить къ жегѣ. Всѣ встаютъ.

Тумарская (*устало*). Пойдемъ ужинать, господа.

Всѣ направляются къ двери, но сталкиваются съ Екатериной Гулянкиной. Она сильно взволнована, видъ растерянный. Въ шляпѣ, сбившейся на бокъ, и распахнувшемся пальто.

Гулянкина (*взволнованно, почти крича*). Слава Богу, нашла, наконецъ! Но это, вѣдь, ужасъ! Богъ знаетъ что!

Всѣ (*удивленно, съ испугомъ*). Что случилось? Екатерина Никаноровна, что съ вами?

Гулянкина (*размахивая руками*). Я только что отъ губернатора... Владимиръ Александровичъ, я искала васъ по всему городу... Да надо же, наконецъ, что-нибудь дѣлать! Такъ невозможно! Это разбой,—хуже, хуже разбой!

Тумарская (*испуганно*). Да что случилось?

Гулянкина. Я говорю—разбой! Эти мерзавцы начали самовольно распахать мою землю, угнали скотъ... Дѣйствуютъ сплоченной массой... (*Мечется по комнатѣ*). Да что же это, что это?

Бруве и Лобзиковъ (*серьезно*). О, это не шутки.

Тумарскій. Надо немедленно же принять мѣры. Немедленно.

Першининъ. Вы дали знать полиціи?

Гулянкина. Полиціи? Конечно, дала... (*Истерически*). Да развѣ куда-нибудь годится наша полиція? Болванъ становой и урядникъ со стражникомъ, которые сами боятся этихъ негодяевъ! Да, боятся... Они лебезятъ передъ ними!

Лобзиковъ. Вы были у губернатора? Что же онъ?

Гулянкина (*кричитъ*). Губернаторъ? Заставилъ меня ждать чуть ли не полчаса. Помилуйте, у меня въ имѣніи разбой, а онъ прохлаждается себѣ! «Просять подождать». Подождать! Не угодно ли вамъ?

Тумарскій. Ну, а потомъ?

Гулянкина. Конечно, послалъ казаковъ. Они уже поскакали ко мнѣ,—это вѣдь недалеко отъ города, всего тридцать верстъ. Но что казаки, я спрашиваю васъ? Что они могутъ сдѣлать? Вотъ у Замецкаго та же исторія, даже хуже. Его подождли.

Бруве и Лобзиковъ (*испуганно*). Что вы говорите? Егора Ильича жгутъ? Вѣдь это ужасъ!

Гулянкина. Да, да, сожгли амбаръ съ зерномъ, молотилки... Замецкій также былъ у губернатора...

Лобзиковъ (*озабоченно*). Надо принять самыя рѣшительныя мѣры! Это ни на что не похоже. Слава Богу, что я расквитался съ этимъ землевладѣніемъ, слава Богу.

Крестится.

Першининъ. Надо все-таки дать знать и въ жандармское управленіе. Несомнѣнно, движенію предшествовала агитація...

Гулянкина (*возмущенно*). Я была тамъ! Была! И, можете себѣ представить, эти господа еще позволяютъ себѣ иронизировать! Да, да. Полковникъ прямо сказалъ мнѣ, что это, молъ, вполне послѣдовательно съ моей точки зрѣнія.

Въ изнеможеніи падаетъ на стулъ.

Бруве (*негодующе*). Это называется представитель законной власти. Хорошо!

Лобзиковъ. Но они же обязаны ограждать мирныхъ гражданъ отъ посягательствъ невѣжественной толпы! Непремѣнно надо подать на него жалобу. Такъ этого оставить нельзя.

Взволнованно ходитъ по комнатѣ.

Гулянкина (*вскакиваетъ*). Ограждать! Знаете ли, какъ эти господа ограждаютъ? Я говорю ему, что надо сейчасъ же арестовать этихъ мерзавцевъ Сасько, Кухарева и Горнова, какъ главнѣйшихъ коноводовъ, а онъ мнѣ заявляетъ: уликъ нѣтъ. Уликъ нѣтъ! Да я ему русскимъ языкомъ сказала, что это главнѣйшіе коноводы! Кому же лучше знать, какъ не мнѣ? Меня грабятъ, — они со своими дурацкими уликами...

Плачетъ.

Тумарскій (*серьезно*). Надо принять рѣшительныя мѣры. Придется телеграфировать въ Петербургъ.

Гулянкина (*къ Лобзикову плачущимъ голосомъ*). Ради Бога, Владимиръ Александровичъ, помогите мнѣ! Я совсѣмъ, совсѣмъ потеряла голову!

Лобзиковъ. Завтра же поѣдемъ вмѣстѣ къ этому жандарму. Я къ вашимъ услугамъ. Это, дѣйствительно, ужасно.

Тумарскій. Вы побудете у насъ, Екатерина Никаноровна? Успокойтесь, все будетъ сдѣлано.

Гулянкина (*упавшимъ голосомъ*). Нѣтъ, спасибо. Я поѣду къ себѣ. Я такъ измучена... (*Встаетъ*). Вы только представьте, во сколько это все мнѣ обойдется? Развѣ съ этой рвани что-нибудь

потомъ взыщешь? (*Злобно*). Пулеметы надо поставить, да, пулеметы! Перестрѣлять ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ! А они—улики!

Бруве (*сочувственно*). Типичное отношеніе органовъ нашего правительства. Типичное.

Гулянкина (*направляясь къ выходу*). Ради Бога, Владимиръ Александровичъ, пріѣзжайте ко мнѣ пораньше! Умоляю васъ!

Лобзиковъ. Непремѣнно, непременно, дорогая Екатерина Никаноровна!

Гулянкина выходитъ. Тумарскіе идутъ проводить ее. Горничная вноситъ на подносикѣ двѣ газеты и письмо. Кладетъ на письменный столъ.

Лобзиковъ. Что такъ поздно почта сегодня, Паша?

Паша (*кокетливо оправляетъ передникъ*). Почтальонъ второй разъ пришелъ. Извинялся, говорить, что утромъ по ошибкѣ не сдалъ.

Выходитъ.

Бруве (*разсѣянно подходитъ къ столу, смотритъ на газеты*). А, «Новое Время!» Интересно поглядѣть на очередныя инсинуаціи.

Разворачиваетъ газету. Тумарскіе входятъ. Она держится за голову.

Тумарская (*съ слабой улыбкой*). Разволновалась наша Екатерина Никаноровна. Однако, милости прошу, господа.

Бруве. Господа, новость! (*Показываетъ газету*).

Тумарскій (*удивленно*). Почта пришла?

Подходитъ къ столу.

Лобзиковъ. Да, Паша только что принесла. Тебѣ и письмо.

Тумарскій (*протягивая руку, беретъ письмо*). Интересно... (*Взглядываетъ на конвертъ, испуганно*). Маруся! Почеркъ Нелли!

Тумарская (*съ крикомъ бросается къ нему*). Отъ Нелли? Отъ Нелли? Боже мой, давай скорѣй, давай скорѣй! (*Дрожащими руками выхватываетъ письмо и порывисто разрываетъ конвертъ*). Она жива, моя дѣвочка! Голубка моя, откликнулась... (*Давясь отъ слезъ, начинаетъ читать письмо*). «Дорогая моя мамулечка... Прости, что все время молчала. Мнѣ невозможно было писать тебѣ изъ простыхъ соображеній, чтобы за вами не было теперь слѣжки. Да и Александръ Львовичъ запретилъ мнѣ это. Говорить, что переписка...» (*Въ изнеможении садится въ стулъ. Дрожащимъ голосомъ*). Коля, прочти ты. У меня темно въ глазахъ, не разбираю строкъ... Дѣвочка моя, бѣдная дѣвочка...

Тихо плачетъ.

Лобзиковъ (*весело*). Не моя правда? Вотъ и откликнулась наша милая барышня! Интересно, что она пишетъ...

Бруве. Надѣюсь, Николай Ивановичъ, намъ, какъ твоимъ близкимъ друзьямъ, можно послушать? Мы всѣ такъ любимъ эту чудную дѣвушку.

Тумарская (*нервно*). Ахъ, конечно, можно! Читай, Коля, читай же...

Тумарскій (*читаетъ взволнованнымъ голосомъ, стоя у лампы*). «... Александръ Львовичъ запретилъ мнѣ это. Говорить, что переписка съ родными противорѣчить требованіямъ строгой конспираціи...»

Тумарская (*гнѣвно*). Видите, какой негодяй! О, какъ я его ненавижу!

Тумарскій (*продолжаетъ*). «... Я согласна съ нимъ. Онъ такой умный, такой смѣлый. За нимъ всѣ наши идутъ, какъ за пророкомъ. Если бы ты знала, мамулечка, какой это исключительный человекъ! Дай Богъ побольше такихъ нашей изстрадавшейся родни, только они могутъ возродить ее и сдѣлать счастливой...»

Лобзиковъ (*къ Тумарской*). Слышите? Молодецъ Нелли!

Тумарскій (*продолжаетъ*). «... Я не могу писать тебѣ, гдѣ и какъ мы живемъ. Скажу одно, жизнь наша полна самыхъ непредвидѣнныхъ неожиданностей и очень трудна. Но я не падаю духомъ, вѣрю, что работаю на великое дѣло освобожденія Россіи...»

Тумарская (*тихо плачетъ*). Бѣдная моя дѣвочка, мое чистое дитя...

Тумарскій (*дрожащимъ голосомъ*). «Что бы ни случилось со мной, моя дорогая мамочка, ты не грусти и не горюй. Правда, временами мнѣ бываетъ очень тяжело. Такъ хочется къ тебѣ приласкаться, прижаться къ тебѣ...»

Тумарская (*вскакивая и вырывая письмо. Съ крикомъ*). Дѣточка моя, дѣточка! Что они съ тобой сдѣлали? Боже, верни мнѣ мою дѣвочку, верни!

Прижимаетъ письмо къ губамъ, безумно цѣлуетъ и, упавъ вмѣстѣ съ письмомъ лицомъ на диванъ, истерически плачетъ.

Всѣ (*испуганно*). Успокойтесь, Марья Петровна! Нельзя же такъ...

Тумарскій (*самъ со слезами въ голосъ*). Марусечка, не волнуйся, дорогая! Не надо же... (*Осторожно приподнимаетъ жену и, обнявъ ее, уводитъ изъ кабинета*). Нельзя же такъ, родная! Ну, слава Богу, наша дѣвочка отозвалась... Можетъ быть, скоро и вернется къ намъ... Надо же быть мужественной...

Входитъ Борисъ, взволнованный, съ газетой въ рукахъ. Видя плачущую Тумарскую.

Борисъ. Что случилось, Николай? Магіе, что съ тобой?

Тумарскій (*машетъ рукой, тихо*). Письмо отъ Нелли. (*Показываетъ глазами на Бруве и другихъ*). Побудь здѣсь, я сейчасъ.

Выходитъ съ женой.

Борисъ (*сумрачно глянувъ на присутствующихъ*). А, письмо...

Проходить къ дивану и беретъ письмо. Молча читаетъ. Пауза. Бруве закуриваетъ сигару.

Борисъ (*тихо*). Вѣдное дитя...

Прячетъ письмо и подходитъ къ столу.

Лобзиковъ (*живо*). Интересно, откуда пишеть Елена Николаевна? Навѣрно, изъ-за границы?

Борисъ (*угрюмо*). На письмѣ не обозначено.

Бруве (*беретъ со стола конвертъ. Внимательно смотритъ на штемпель*). Бахчисарай, почтовый вагонъ.

Протягиваетъ конвертъ Борису.

Борисъ (*вздрагиваетъ*). Бахчисарай? Боже мой, тогда возможно... Ужась, ужась!

Нервно пожимаетъ плечами.

Бруве и Першининъ (*удивленно*). Что же тутъ ужаснаго? Не понимаю.

Борисъ (*рѣзко*). Не понимаю? Бахчисарай одна изъ станцій (*съ удареніемъ*)—возлѣ Севастополя.

Лобзиковъ. Ну, и что изъ этого?

Борисъ (*почти кричитъ*). То, что возможно... что весь сева-стопольскій ужась дѣло рукъ этого негодяя Виленкина, съ кото-рымъ наша дѣвочка! Вотъ что-сь!

Бруве (*холодно*). Я не понимаю, почему вы такъ волнуетесь, Борисъ Ивановичъ.

Лобзиковъ (*мягко*). Конечно, случай страшный, но что же дѣ-лать? Этотъ кошмаръ русской дѣйствительности...

Борисъ (*гнѣвно*). Кошмаръ русской дѣйствительности! От-чего волнуетесь! А-а... Да вы-то понимаете, что вы говорите? По-нимаете? Вы знаете, что тамъ произошло?

Дѣлаетъ шагъ по направленію къ нимъ.

Бруве (*обиженно*). Я думаю, что, говоря съ порядочными людьми, можно, прежде всего, не кричать. А что было въ Севастополѣ, я знаю. Не удавшееся покушеніе на генераль-губернатора.

Лобзиковъ (*съ сочувственной миной*). Конечно, тяжелая вещь, что пострадали невинныя жертвы...

Борисъ (*едва сдерживаясь*). Крокодилово сожалѣніе! Да вы прочтите подробности! Брошена бомба возлѣ собора въ толпѣ молящихся. Убито и искалѣчено множество дѣтей,—понимаете, дѣтей!

Лобзиковъ (*смущенно*). Виноватъ, Борисъ Ивановичъ, но вы...

Борисъ (*съ ужасомъ всплескивая руками*). И, быть можетъ, къ этому безпримѣрному злодѣянію причастна Нелли... Эта хорошая, чистая дѣвочка!

Бруве (*холодно*). Вы такъ это говорите, милостивый государь, что можно подумать, мы въ этомъ виноваты.

Пожимаетъ плечами и отходитъ въ сторону.

Борисъ (*гнѣвно*). Да, вы! Вы и никто другой! Да-съ.

Бруве, Лобзиковъ, Першининъ (*вмѣстѣ, возмущенно*). Ну, это уже слишкомъ! Вы не отдаете себѣ отчета въ своихъ словахъ.

Борисъ (*съ возрастающимъ гнѣвомъ*). Не отдаю? Извините-съ. Прекрасно отдаю! Развѣ не вы кричали во всѣ уши и на всѣхъ перекресткахъ, что этотъ мерзавецъ, который вовлекъ дѣвочку въ подпольную шайку воровъ и убійць, герой, народный вождь? Не вы? Вы посмѣете отрицать это?

Бруве и Першининъ (*вмѣстѣ*). Вздорное обвиненіе! Нелли не ребенокъ. А Виленкинъ, дѣйствительно, выдающаяся личность, и это былъ общій голосъ всѣхъ интеллигентовъ...

Борисъ (*кричитъ, наступая на нихъ*). Онъ только для васъ выдающаяся личность и вашей партіи подстрекателей, науськивателей!

Лобзиковъ (*угрожающе*). Милостивый государь, всему есть мѣра! Партію по крайней мѣрѣ можно бы и оставить въ покоѣ!

Бруве (*злбно*). Оставьте, Владимиръ Александровичъ! Г. Тумарскій сегодня въ слишкомъ повышенномъ нервномъ состояніи...

Лобзиковъ и Першининъ. Однако это не даетъ права оскорблять представителей лучшей части интеллигенціи и клеветать на нихъ...

Борисъ (*внѣ себя*). Клевета? Это клевета? А не вы ли сами, г. Лобзиковъ, и мой братецъ присутствовали на собраніи членовъ вашей партіи, когда была получена телеграмма объ убійствѣ генерала Свербеева? Не вы? А, помните...

Лобзиковъ (*смущенно*). Такъ нельзя оцѣнивать движенія большаго собранія, переживавшаго исключительный политическій моментъ...

Борисъ. Ха-ха-ха! Хороши движенія! Звѣрски убили человека, и ваша партія встрѣтила это извѣстіе рукоплесканіями! Развѣ это не подстрекательство?

Наступаетъ на него.

Лобзиковъ (*пятится, волнуясь*). Это... это невозможно... Я отказываюсь вести дальнѣйшій споръ...

Борись. А въ думѣ вы что кричали въ отвѣтъ на сообщенія о безчисленныхъ убійствахъ, совершенныхъ дѣятелими подполья? Не кричали «мало»? Нѣтъ?

Бруве (*рѣзко*). Вы, очевидно, забываете, милостивый государь, о военно-полевыхъ судахъ и разстрѣлахъ. Да-съ.

Борись (*не обращая на него никакого вниманія*). Именно вы посылаете на висѣлицы и подъ разстрѣлы людей! А сами прячетесь за уголъ и обдѣлываете ваши дѣлишки. Бѣдите на «лѣвомъ ослѣ», подстрекаете народныя массы къ бунту! О, лицемѣры!

Першининъ и **Лобзиковъ** (*кричатъ*). Это, наконецъ, невозможно! Это клевета, инсинуація! Чортъ знаетъ что!

Борись. Когда васъ выгнали изъ Таврическаго дворца, то не вы ли пытались поднять народъ призывомъ къ бунту? Нѣтъ? Только народъ за вами не пошелъ и не пойдетъ-съ. Пойдутъ только «лѣвые ослы», которыхъ вы толкаете на висѣлицы и которые швыряютъ бомбы въ дѣтей!

Бруве (*негодующе*). Уйдемъ, господа! Я не понимаю поведения г. Тумарскаго. Это просто неприличіе!

Поворачивается и идетъ къ двери. За нимъ направляются Лобзиковъ и Першининъ, гнѣвно размахивающіи руками.

Борись (*имъ вслѣдъ*). Не понимаютъ, они не понимаютъ! Имъ не понятенъ даже ужасъ бомбы, брошенной въ толпу женщинъ и дѣтей! Конечно, это все пустяки, пустяки...

Нервно комкаетъ и бросаетъ на полъ газету.

Бруве (*оборачиваясь, рѣзко*). Жертвы всегда бываютъ, нужны и ненужныя. Съ этимъ считается исторія всякаго народнаго строительства, милостивый государь.

Борись (*бѣшено*). Такъ вамъ непременно нужны жертвы? Нужны разорванныя въ клочья человѣческія тѣла? И для вашего строительства дѣтская кровь, въ видѣ цемента, что ли?! (*Бросается къ нимъ. Они отшатываются испуганно. Сильно, съ рыданіемъ въ голосъ*). Да вы понимаете, что значить, когда дѣтской кровью и мозгомъ были забрызганы стѣны собора и крыши домовъ? Понимаете вы это?.. (*Весь дрожитъ, закрываетъ лицо руками*). Дѣтской кровью и мозгомъ...

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Конспиративная квартира боевой организаціи. Небольшая, бѣдно обставленная комната. У окна маленькій письменный столъ, на немъ много длинныхъ листовъ бумаги. Въ углу швейная машина, около которой безпорядочной грудой набросаны легкія платья, корсеты, матеріи. Одна изъ стѣнъ заставлена картонками изъ-подъ шляпъ и платьевъ. Въ отдаленномъ углу видна небольшая типографская машина. Возлѣ нея банка съ краской и принадлежностями для печатанія. Двѣ разорванныхъ стоны бумаги.

Нелли въ глубокой задумчивости сидитъ у письменнаго стола, опустивъ голову на руки. Она въ скромномъ черномъ платьѣ съ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ, который отгѣняетъ шею. Сильно похудѣла. Глаза запали, смотреть строго и пристально. Подъ глазами синіе круги. Волосы зачесаны въ одну косу, что придаетъ **Нелли** видъ скорѣй подростка, чѣмъ взрослой дѣвушки. Видъ у нея вообще болѣзненный. Разговариваетъ она негромкимъ голосомъ, часто беретъ рукою за лобъ.

Дверь въ сосѣдную комнату открыта. Тамъ видна узкая кровать, покрытая бѣлымъ одѣяломъ. Въ первой комнатѣ два окна. Потолокъ низкій, почему комната похожа на плоскую коробку.

Осторожный стукъ въ дверь.

Нелли (*вздрагиваетъ и поднимаетъ голову. Тихо*). Кто тамъ?

Голосъ (*за дверью*). Семнадцать и три.

Нелли. Двадцать и одинъ. Войдите.

Внимательно смотреть на дверь. Руку положила на револьверъ, лежащій на письменномъ столѣ. Дверь открывается. Входитъ Мотель. Одѣтъ уличнымъ разносчикомъ фруктовъ и зелени. На немъ бѣлый фартукъ, въ рукахъ большая корзина съ зеленью. Останавливается на порогѣ и пристально смотреть на Нелли.

Мотель. Здравствуйте. Зинаида Николаевна просила узнать, чи вы можете принять заказъ?

Нелли (*также смотря на него*). Барыня прѣдетъ, когда будетъ нужно.

Мотель (*облегченно вздохнувъ*). Значить, благополучно. Вы товарищъ Елена?

Нелли. Товарищъ Мотель? Я ждала васъ. (*Идетъ къ нему. Протягивая руку*). Здравствуйте, товарищъ. (*Мотель пожмаетъ ей руку*). Доставили благополучно?

Мотель (*осторожно ставитъ корзину на полъ и плотно притворяетъ за собою дверь*). Да, удалось. Хотя одинъ моментъ я думалъ, что вже пропалъ.

Отходить и садится на стулъ.

Нелли. Что вы? Шпикъ?

Мотель (*живаетъ головой*). Я ужасно боялся. И что вы себѣ можете думать, если мнѣ пришлось прыгать два раза на конке и съ конке вотъ съ этой штукой? (*Указываетъ на корзину. Покачивая головой*). Хорошего шѣткесь.

Нелли. Особыхъ инструкцій отъ Александра Львовича не имѣете?

Мотель. Нѣтъ. Онъ приказалъ вамъ, товарищъ, принять снаряды. Входной и повѣрочный пароль тѣ же.

Нелли. Да, я знаю.

Подходить къ корзинкѣ.

Мотель. Тутъ на всѣхъ трехъ метальщиковъ. Вынимать надо осторожно. Янкелевичъ предупредилъ, что стекло на трубкахъ очень тонкое.

Нелли (*спокойно*). Я знаю, товарищъ.

Вмѣстѣ съ Мотелемъ снимаетъ зелень, вынимаетъ свернутый холстъ и достаетъ со дна корзины три снаряда, имѣющихъ видъ плоскихъ жестянокъ, края которыхъ обмотаны черной проволокой.

Мотель. Въ Бѣлостокѣ у насъ иначе дѣлалось. Былъ фитиль. Надо было поджечь, а потомъ скоро бросать.

Нелли (*держитъ въ рукахъ два снаряда, третій у Мотеля*). Это сложно. Можно опоздать.

Осторожно ставитъ снаряды на письменный столъ и идетъ къ картонкамъ, снимаетъ ихъ. За картонками въ стѣнѣ ниша, завѣшанная старымъ платьемъ.

Мотель. Нѣтъ, ничего. Хорошо работали и тѣ. Съ этими страшно. Вы знали товарища Зяму?

Нелли (*задумчиво*). Да, знала. Онъ погибъ въ Лодзи.

Осторожно несетъ снаряды и прячетъ въ нишу. Мотель несетъ за ней свой снарядъ, передаетъ ей. Она укладываетъ снарядъ, аккуратно занавѣшиваетъ и ставитъ корбки на мѣсто.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжные Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

ВАРОЛОМЕЙ, іеромонахъ. Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 2 р.	МАНСИККА, В. Житіе Александра Невского. Разборъ редакцій и текста. Сиб. 1913. Ц. 2 р.
ВИНОГРАДОВЪ, В. Уставныя чтенія. (Проповѣдь книги). Историко-гомилетическое изслѣдованіе. Вып. I. Уставная регламентація чтеній въ греческой церкви. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.	СМІРНОВЪ, С., проф. Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе съ приложеніемъ: матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. М. 1914. Ц. 5 р.
«ЗАПИСКА О РИТУАЛЬНЫХЪ УБИЙСТВАХЪ» и ея источники. Сиб. 1914. Ц. 40 к.	ТУРЧАНИНОВЪ, В. Бесѣды о личности Иисуса Христа. Харьковъ. 1914. Ц. 1 р. 70 к.

Философія, психологія, логика.

БЕРГСОНЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 2. Непосредственныя данныя сознанія. Ц. 1 р. 50 к.	ПОСТАВЕЛЬСКІЙ, Л. Богъ или природа? Т. I, в. 2. Духъ и тѣло. М. Ц. 20 к.
БЪЛЪЯЕВЪ, В. Лейбницъ и Спиноза. Сиб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.	РАХМАНОВЪ, В. Психологія какъ наука о личности. Сиб. Ц. 80 к.
ВИВЕКАНАНДЪ, С. Бхакти-Йога. Сиб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.	РУФФИНИ, Ф., проф. Религіозная свобода. Исторія идеи. В. I. Сиб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
ВИНОГРАДОВЪ, С. Логика. М. 1914. Ц. 80 к.	СОКОЛОВЪ, П. Въ поискахъ правды жизни. Сиб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
ГАННЕКЕНЪ, А. Введеніе въ изученіе психологіи. М. 1914. Ц. 75 к.	СПАССКІЙ, А., проф. Эллинизмъ и христіанство. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 2 р.
ГЛАГОЛЕВЪ, С., проф. Естественнаучные вопросы въ ихъ отношеніи къ христіанскому міропониманію. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 1 р. 30 к.	ЯГОДИНСКІЙ, И., проф. Философія Лейбница. Процессъ образованія системы. Первый періодъ 1659—1672 гг. Казань. 1914. Ц. 3 р.
НИКОЛАЕВЪ, П. Духовно-мистическое пониманіе міра. М. 1914. Ц. 60 к.	

«Истор. вѣстн.», июль 1914 г., т. СХХХVI.

1/27

Словесность, история литературы, критика и библиография.

АБРАМОВИЧЪ, Д. Къ литературной дѣятельности Мнха Камянчанина Исаян. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ГУДЗІЙ, Н. Литература «Слова о Полку Игоревѣ» за послѣднее двадцатилѣтіе (1894—1913 гг.). (Критико-библиографическій обзоръ). Спб. 1914. Ц. 45 к.

ДАРСКІЙ, Д. «Чудесные вымыслы» о космическомъ сознаниі въ лирикѣ Тютчева. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

КОВАЛЕНСКІЙ, М. Московская политическая литература XVI вѣка. Спб. 1914. Ц. 85 к.

КРАНИХФЕЛЬДЪ, В. Т. Г. Шевченко-пѣвецъ Украйны. Критико-библиографическій очеркъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ПОТЕБНЯ, А. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Харьковъ. 1914. Ц. 2 р.

СИСТАМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1913 ГОДЪ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ. Вып. 5. Аксаковъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ТУРЧИНОВИЧЪ, А. Великій романтикъ Викторъ Гюго, его жизнь и труды. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ХАВКИНА, Л. Нью-іоркская публичная библиотека. М. 1914. Ц. 50 к.

ЧУКОВСКІЙ, К. Книга о современныхъ писателяхъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

— Лица и маски. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ШЕГЛОВА, С. Вирши праздничныя и обличительныя на Аріана конца XVI—начала XVII в. Спб. 1913. Ц. 75 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Забытый смѣхъ. «Поморная муза». Сборникъ первый. Беранжеровцы. М. Ц. 1 р. 50 к.

АРБУЗОВЪ, Л. Морскія миниатюры. Одесса. Ц. 60 к.

АРЕФИНЪ, С. Первые шаги. Повѣсть. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЧЪ, Р. Артистка. Романъ. М. 1914. Ц. 1 р. 10 к.

БЕРТМАНЪ, Т. Первые пѣсни. Сборникъ стиховъ. Спб. 1914. Ц. 60 к.

БОГОЛЮБОВА, О. Стихи. Спб. Ц. 1 р.

БОГОМОЛОВЪ, Б. Стихи. Спб. 1913. Ц. 50 к.

БУДИЩЕВЪ, А. Хата съ краю. Рассказы. М. Ц. 1 р. 25 к.

БЪЛЯЕВЪ, Ю. Псиша. Пьеса. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВАРНЪ, Л. Муза Барковская. Романъ. Новгородъ. 1914. Ц. 1 р. 10 к.

ВЕЛЬСОВСКІЙ, М. Передъ лицомъ смерти и др. рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ВЕРХОУСТИНСКІЙ, Б. Во лѣсахъ. Рассказы. Поэмы. Апокрифъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

«ВЕШНІЯ ВОДЫ». Сборникъ научно-литер. кружка русскихъ студентовъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ВОЛИНЪ, Ю. Лицо человека. Рассказы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ГАМСУНЪ, К. Дѣти времени. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, А., гр. Сочиненія. 4 тома. Спб. 1914. Ц. за всѣ 4 тома 7 р.

ДИТРИХШТЕЙНЪ, В. Блелкый вѣнокъ. Вторая книжка стиховъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Драматическія сочиненія. Т. II. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ЕЛЛИНСКІЙ, И. Грозное время на Руси 1606—1613 гг. Повѣсть. Спб. Ц. 2 р.

ЖДАНОВЪ, Л. Собраніе сочиненій. Т. V. Послѣдній фаворитъ (Екатерина и Зубовъ). Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

«ЗЕМЛЯ». Сборникъ 14-й. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

КАМЕИ. Новеллы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

КАРГРЭМЪ, Г. Конташинская республика. Повѣсть. Спб. 1914. Ц. 1 р.

КАЧІОНИ, С. Райскія ягоды и др. рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

КУПРИНЪ, А. Бѣлый пудель. Рассказъ. М. 1914. Ц. 40 к.

— Дѣтскіе рассказы. М. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

— Слозь. Рассказъ. М. Ц. 25 к.

МИХАЙЛОВЪ, К. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ въ воспоминаніяхъ, очеркахъ и анекдотахъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, ВАС. Наши женщины. М. Ц. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, В. Вздохи и Холмщицъ. Стихотворенія. Холмъ. 1914. Ц. 60 к.

РАЗНОЦВѢТНЫЕ КАМЕНЬЯ. Сборникъ I. Подъ ред. В. Брюсова. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

РАПАПОРТЪ, В. Старинная пословица во вѣкъ не сломится. Фантазія. Спб. Ц. 60 к.

РЕННИКОВЪ, А. Самостійные украинцы. Сатирическіе очерки украинскаго движенія. Спб. 1914. Ц. 60 к.

САДОВСКІЙ, Б. Самоваръ. М. 1914. Ц. 75 к.

САМБУРГСКІЙ, А. Рассказы кавалериста. Спб. 1914. Ц. 1 р.

СЕСТРЫ ЕКАТЕРИНЫ (Е. О. А.). Съ Богомъ. Изъ жизни. Очерки, стихотворенія, картинки. Царское Село. 1913. Ц. 35 к.

СИБИРЯКЪ, А. Стихи. Спб. 1914. Ц. 25 к.

«СЛОВО». Сборникъ третій. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

СУХОТИНЪ, П. Стихотворенія. М. 1914. Ц. 75 к.

ТОЛСТОЙ, Л. Полное собраніе сочиненій. Подъ редак. П. И. Бирюкова. 24 т. М. 1913. Ц. за всѣ 24 т. 10 р.

ФИШЕРЪ, М. (М. МАРОВСКІЙ). Замигатель. Повѣсть изъ жизни дѣйствительной жизни. Спб. 1914. Ц. 90 к.

ЧАЙКИНЪ, В. Падшая. Романъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.

ЧИРИКОВЪ, Е. Марья изъ ямъ. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ШАДРИНЪ, И. Сильнѣе смерти и другіе рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АНДРІАНОВЪ, Н. Война 1814 года. Отъ Рейна до Парижа. 1814—1914 гг. Одесса. 1914. Ц. 40 к.
- АРХИВЪ В. А. ГОЛЫЦЕВА. Т. I. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 гг.). Спб. 1914. Ц. 2 р.
- БОРИСОВЪ, В., ген.-майоръ. Карта Сарматіи (нынѣшней Россіи) во II в. по Р. Хр. по греческому географу Птоломею. Вып. I. Ковна. Ц. 75 к.
- Карта Сарматіи (нынѣшней Россіи) во II в. по Р. Хр. по греческому географу Птоломею. Вып. II. Ковна. Ц. 1 р. 25 к.
- Карта Сарматіи (нынѣшней Россіи) во II в. по Р. Хр. по греческому географу Птоломею. Вып. III. Ц. 3 р.
- БЪЛИНСКІЙ. Письма. Т. III (1843—1848 гг.). Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ВРЕМЕННИКЪ ПУШКИНСКАГО ДОМА. 1913. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЕРШЕНЗОНЪ, М. Грѣбовская Москва. М. 1914. Ц. 1 р.
- ГЕРШЕНЗОНЪ, М. Декабристы. Кривцовъ и его братья. М. 1914. Ц. 2 р.
- GORAINOW, S. Lettres Interprétes par les Russes durant la campagne de 1812. Paris. 1913. Ц. 4 р. 80 к.
- ГОТЕРО, Г. Франкъ-масонство. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 40 к.
- ДИЛЬ, Ш. Византійскіе портреты. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ДУЛЬСКІЙ, П. Памятники казанской старины. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ЗОГРАФСКІЙ ТРИФОЛОГІИ. Со статьями А. И. Соболевскаго, протоіер. М. Лисыцина, протоіер. В. Металлова и А. В. Преображенскаго. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- КАРАМЗИНЪ, Н. Записка о древней и новой Россіи. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- КАРЪЕВЪ, Н. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1914. Ц. 3 р.
- КОЗЛОВСКІЙ, Л. Герцень-публицистъ. Спб. 1914. Ц. 90 к.
- КОЛЕСНИКОВЪ, Н., шт.-кап. Великіе полководцы міра. В. I. Александръ Великій. Казань. 1914. Ц. 2 р.
- КУЗМИНСКАЯ, Т. Мои воспоминанія о графинѣ М. Н. Толстой. Спб. 1914. Ц. 45 к.
- КУЛАКОВСКІЙ, Ю. Императоръ Фока. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к.
- Къ вопросу о датѣ возвращенія креста Господня въ Іерусалимъ изъ персидскаго плѣна. Харьковъ. 1913. Ц. 25 к.
- КУШНЫРЬ-КУШНАРЕВЪ, І. Историческій очеркъ возникновенія и развитія академическихъ организацій въ Россіи. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- ЛЯСКОРОНСКІЙ, В. Сѣверскіе князья и половцы передъ нашествіемъ на Русь монголо-татаръ. Казань. Ц. 25 к.
- MEMOIRES DU ROI STANISLAS-AUGUSTE PONIATOWSKI. T. I. Спб. 1914 г. Ц. 5 р.
- МИХНЕВИЧЪ, А. Алескій человекъ Боякій. Средневѣковая легенда. Спб. 1914. Ц. 70 к.
- Основаніе Петербурга. Историческая хроника. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- NOVIKOFF, O. Le général Alexandre Kiréeff. Berne. 1914 г. Ц. 2 р.
- ПРЫЖОВЪ, И. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань. Ц. 2 р.
- СИВКОВЪ, К. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1914. Ц. 85 к.
- СМИРНОВЪ, М. И. Нижегородскіе казенные кабаки и кружечные дворы XVII столѣтія. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 2 р.
- «СТАРИНА И НОВИЗНА». Историческій сборникъ. Кн. 18. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- ТОЛСТОВСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ 1913 ГОДА. М. Ц. 3 р.
- ТОЛСТОВСКІЙ МУЗЕЙ. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ (1870—1894). Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ШЕРЕМЕТЕВЪ, П., графъ. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737 гг. 2 тома. М. 1914. Ц. за оба тома 5 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АВДЪЕВЪ, В. Къ проекту на Кавказѣ. Ц. 20 к.
- АННИНЪ, М. Упраздненіе крестьянскихъ сервитутовъ въ Западномъ краѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 40 к.
- БАГАЛЪИ, Д., проф. Экономическое положеніе русскихъ университетовъ. Спб. 1914. Ц. 30 к.
- БОЙЛЬ, Н. Торговля женщинами. Спб. 1914. Ц. 15 к.
- БРЮНЕЛЛИ, П. «Адвокатъ рабочаго». Наст. книга для прис. пов., ведущихъ дѣла рабочихъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- ВИТТЕ, С. Конспектъ лекцій о государственномъ хозяйствѣ, читанныхъ вел. кн. Михаилу Александровичу въ 1900—1902 гг. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ГОЙХБАРГЪ, А. Источники договорнаго страхового права. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- ГОРЕНБЕРГЪ, М. Къ толкованію основныхъ законовъ. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- ГРАММАТЧИКОВЪ, С. Міровой строй труда. М. 1914. Ц. 1 р. 40 к.
- ДУХОВНЫЯ ЗАВѣЩАНІЯ. Утвержденіе въ правахъ наследства. Вводъ во владѣніе. Спб. Ц. 50 к.
- ЗАКРЖЕВСКІЙ, А. Рыцари безумія (футуристы). Кіевъ. 1914. Ц. 1 р.
- ЗАКЪ, А. Нѣмцы и нѣмецкіе капиталисты въ русской промышленности. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- КАЛИНИНЪ, Н. Очеркъ русскаго гражданскаго права. Спб. Ц. 30 к.
- КОТВИЧЪ, В. Краткій обзоръ исторіи и современнаго политическаго положенія Монголіи. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ЛЕОНТЬЕВЪ, А. Крестьянское право. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- МАКСИМѢЙКО, Н. Опытъ критическаго изслѣдованія Русской Правды. Вып. I. Харьковъ. 1914. Ц. 2 р.
- МАКШЕЕВЪ, Н. Домашній адвокатъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- МАРТЫНОВЪ, Е. Манчжурскіе порядки. Вып. I. Снабженіе войскъ недоброкачественными продуктами. М. 1913. Ц. 50 к.
- Тоже. Вып. II. Выдача китайцамъ чертежей желѣзнодорожныхъ мостовъ. М. 1913. Ц. 50 к.
- МИХАЙЛОВСКІЙ, І., проф. Очерки философіи права. Т. I. Томскъ. 1914. Ц. 4 р.
- НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЗЕМ-

СТВАХЪ. Подъ ред. Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Сврополако и Н. В. Чехова. М. 1914. Ц. 3 р.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ СОЦІОЛОГИИ. Сборникъ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. № 4. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ, Н. Судебные уставы императора Александра II. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ПАЙКИНЪ, А. Больничная касса. Руководство по организации и дѣятельности больничныхъ кассъ. Казань. 1913. Ц. въ перепл. 3 р. 75 к.

ПЕСОЧИНСКІЙ, К. Домашній адвокатъ. Справочникъ необходимыхъ юридическихъ свѣдѣній. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ПЛОХОТЕНКО, А. Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному, матеріальному и процессуальному праву. Спб. 1914. Ц. 4 р. 50 к.

РОГОВИНЪ, Л. Таможенные тарифы по европейской торговлѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

СВОДЪ нѣкоторыхъ данныхъ по стати стико-экономическому описанію Киевской губерніи въ связи съ желѣзнодорожными грузовыми переводами. Киевъ. Ц. 10 р.

ТАЛЬБЕРГЪ, Г., проф. Правительствующій Сенатъ и самодержавная власть въ началѣ XIX вѣка. М. 1914. Ц. 1 р.

ТРУДЫ ПЕРВАГО ВСЕРОССИЙСКАГО СЪѢЗДА представителей городовъ по вопросамъ улучшения городскихъ финансовъ въ гор. Киевѣ. Киевъ. 1914. Ц. 4 р.

ТЮТРИМОВЪ, И. Практика Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ. Спб. 1914. Ц. 7 р. 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

ЩЕГОЛЕВЪ, С. Современное украинство. Киевъ. 1914. Ц. 70 к.

Искусство.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ. Сборникъ. Перев. съ итальянск. I. А. Маевского. М. 1914. Ц. 4 р.

ЛАЗАРЕВСКІЙ, И. Среди коллекционеровъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ПЕРЕПИСКА МИКЕЛЬ - АНДЖЕЛО БУОНАРОТИ и жизнь мастера, написанная его ученикомъ Асканіо Фондиви. Спб. 1914. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

БАЕВЪ, К. и ВЫСОТСКІЙ, А. Атласъ картинъ по астрономіи. М. 1914. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

БОРГМАНЪ, И., проф. Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ. Ч. I. Электростатика и электрический токъ. Спб. 1914. Ц. 5 р.

БУДИЛОВСКІЙ, И., полк. Атмосферный потенциалъ, дифференціальный барометръ и космическая метеорологія. Спб. Ц. 3 р.

ГРЕБНЕРЪ, П. Географія растений. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ДУВЯГО, Д., проф. Основы теоретической астрономіи. Казань. 1914. Ц. 2 руб.

ЗАПИСКИ КРЫМСКАГО ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ. Подъ редакціей С. А. Мокржецаго. Т. III. Симферополь. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Черная семья. (Птицы вороньяго рода). Спб. 1914. Ц. 20 к.

КАЛИТИНЪ, Н. и др. Руководство къ любительскимъ наблюденіямъ во время полного солнечнаго затменія. Спб. 1914. Ц. 35 к.

КУЗНЕЦОВЪ, Н., проф. Переходъ отъ тайнобрачныхъ къ явнобрачнымъ. Юрьевъ. 1914. Ц. 75 к.

МИГЕ, Г., проф. Ученіе о клѣткахъ и анатоміи растений. Рига. Ц. 65 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ АСТРОНОМИИ. Сборникъ подъ редакц. проф. А. А. Иванова. № 6. Спб. 1914. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ. Сборникъ подъ редакц. проф. А. В. Васильева. № 9. Спб. 1914. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМИИ. Сборникъ, подъ редакц. проф. Л. А. Чугаева. № 6. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ПАРКЕРЪ, Т., проф. и ГАСВЕЛЛЪ, В., проф. Руководство къ зоологіи. Т. I (вторая половина). М. 1914. Ц. 3 р.

ПАСКАЛЬ, П. Магнето-химія. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ПОЛЯКОВЪ, С. О значеніи математики, какъ основы мышленія и общаго образованія. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 25 к.

ЮНГЕРЪ, Ф. проф. Высшій анализъ. Ч. I. Дифференціальное исчисленіе. Рига. Ц. 65 к.

ЯКОВЛЕВЪ, К. Специальный практикумъ по радиоактивности. М. 1913. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

БАГРОВЪ, Л. Списокъ библиографическихъ указателей по общей географіи и этнографіи Россіи. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ АМУРСКАГО КРАЯ Владивостокскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Т. XIII. Спб. Ц. 75 к.

ЗЕНЗИНОВЪ, В. Старинные люди у холоднаго океана. Русское устье Якутской области Верхняго округа. М. 1914. Ц. 75 к.

НАЦВАЛОВЪ, Л. Разсказъ о путешествіи по Западной Европѣ, Египту и Палестинѣ въ концѣ 1912 г. Тифлисъ. 1913. Ц. 90 к.

Языковѣдніе.

ПОРЖЕЗИНСКІЙ, В., проф. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. В. I. М. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- ВАСИЛЬЕВЪ, Н. Какъ получать хороше урожай озимой ржи. М. 1914. Ц. 40 к.
- ЕЖЕГОДНИКЪ Главн. Управл. Землеустройства и Земледѣлія по департам. земледѣлія. 1912 г. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- ЗАРИНА, М. Учебникъ кулипарин. М. 1914. Ц. 1 р.
- ИВАШКЕВИЧЪ, О. Молочный скотъ. М. 1914. Ц. 2 р.
- КАВЕЛИНЪ, С. Межеваніе и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- КАРЦОВЪ, А. Огородничество въ Россіи. Вып. IV. Огородныя растенія. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- КИПЕНЪ, А. Виноградные гибриды. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- КИРШТЕЙНЪ, Г., проф. Указанія для проектированія коровника, конюшни, свинарни и овчарни. Рига. 1914. Ц. 2 р.
- КЛИНГЕНЪ, И. Костеръ безостый (мопография). Спб. 1914. Ц. 40 к.
- ЛУГОВОЙ, М. Краткій очеркъ наводненія въ Крыму и его послѣдствія въ плодовыхъ садахъ. (Съ указаніемъ мѣръ борьбы). Кіевъ. 1914. Ц. 65 к.
- МАСЛОВЪ, С. О сбытѣ льна. М. 1914. Ц. 8 к.
- ФЕРИНГЕРЪ, А. Плодоводство (примѣнительно къ средней полосѣ Россіи). М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АВТОМОБИЛИ 1913 ГОДА. IV международная автомобильная выставка. 2 ч. Спб. 1913. Ц. за обѣ части 5 р.
- АЛЕКСАНДРОВЪ, В., инж. Наглядный электротехнической задачникъ. Ч. I. Постоянный токъ. М. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.
- АРЦИШЪ, В., инж. Порча и ремонтъ паровоза. Вып. 2. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ВТОРОЙ СЪѢЗДЪ ИНЖЕНЕРЪ-ГИДРОТЕХНИКОВЪ 8—15 января 1913 г. Т. I—II—III. Спб. 1913. Ц. 5 р.
- ГАУБЕРЪ, В., проф. Сопротивленіе матеріаловъ. Рига. Ц. 65 к.
- ФОНЪ - ЗАВАЦКІЙ, С. Расчетъ круглыхъ водопроводныхъ трубъ съ тонкими стѣнками. Спб. 1914. Ц. 1 р. 30 к.
- ЭДЗЯРСКІЙ, А., инж. Безопасность построекъ въ мѣстностяхъ, подверженныхъ землетрясеніямъ. (Антисейсмическія постройки). Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ИВАНОВЪ, В., проф. Матеріалы для составленія смѣтъ по канализации населенныхъ мѣстъ. Кіевъ. 1914. Ц. 80 к.
- КЕСНЕРЪ, К., проф. Автоматическая сѣвка вагоновъ. М. 1913. Ц. 75 к.
- КЛИНГЕ, А. Сборникъ техно-химическихъ рецептовъ. В. II. Покрытіе поверхности металловъ, дерева и друг. матеріаловъ; лаки, политуры, замазки, клеи, славы, пластическія массы, зеркала. Спб. 1914. Ц. 1 р. 40 к.
- КОКУШИНЪ, Н., инж.-техн. Учебникъ электротехники вмѣстѣ съ ученіемъ объ электричествѣ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- КРИТСКІЙ, М. Техника беспроводного телеграфа. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ПОЛЕТАЕВЪ, Я., инж. Подсчетъ земляныхъ работъ для грунтовыхъ и шоссеиныхъ дорогъ, сооружаемыхъ мин. пут. сообщ., воен. вѣдом., переселенч. управл. и земствами. Благовѣщенскъ. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- РАТНОВСКІЙ, Л., инж. Расчетъ и конструкция мостового электрическаго крана. В. II. Спб. 1914. Ц. 4 р. 50 к.
- РОСТОВЦЕВЪ, В. Охрана земляныхъ плотинъ во время прохода весеннихъ воль. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- РУКОВОДСТВО ПО ТОВАРОВЪДѢНІЮ съ необходимыми свѣд. изъ техно-
- логій. Сборникъ, подъ редакц. проф. Я. Я. Никитинскаго и П. П. Петрова. Ч. III. М. 1914. Ц. 4 р.
- РЮМИНЪ, В., инж. Настольный справочникъ электротехника-любителя. Николаевъ. 1913. Ц. 3 р.
- СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ ПО ТАБАЧНОМУ ДѢЛУ. Подъ редакц. С. А. Эгива. Годъ 1-ый. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- СМИРНОВЪ, М. Т. Расчѣнка строительныхъ работъ на 1914 г. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- 150 ЛѢТЪ. Никольско-Бехметьевскаго хрустального завода князя А. Д. Оболенскаго. Спб. 1914. Ц. 6 р.
- ТЕОДОРЪ, М. Курсъ парижской кройки. Ч. I. Спб. Ц. 2 р.
- ФАРМАКОВСКІЙ, В., проф. Курсъ по отдѣлу подвижного состава и тяги. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧЕРМАКЪ, Л., инж.-техн. Универсальный фрезерный станокъ завода Броунъ и Шарпа и работы на немъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ШАБЛЫГИНЪ, Ф., инж. Таблица для упрошенія и облегченія гидравлическихъ расчетовъ при проектированіи и опредѣленіи размѣровъ осушительныхъ и оросительныхъ каналовъ трапециoidalнаго сѣченія съ относими. 1 : 1 и 1 : 1¹/₂. Житомиръ. 1913. Ц. 1 р.
- ЩЕГЛОВИТОВЪ, В., инж. Вліяніе пассажирныхъ поѣздовъ на скорость хода товарныхъ поѣздовъ и пропускную способность жел. дор. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- Къ вопросу объ памѣненіи техническихъ условий проектированія жел. дор. первостепеннаго значенія. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- Къ вопросу объ опредѣленіи себѣстоимости пудо-версты. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- Къ вопросу о наивыгоднѣйшихъ составахъ товарныхъ поѣздовъ. Варшава. Ц. 1 р. 50 к.
- Теорія графика движенія поѣздовъ въ связи съ вопросомъ о составахъ. Ч. I. Основныя свойства коммерческаго графика. Варшава. Ц. 6 р.

Медицина, гигиѣна, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- ВОДИНЪ, Я. Записки по гинекологіи. Казань. 1913. Ц. 1 р. 75 к.
- БРАУНЕРЪ, Л., д-ръ. Лечение плодами и виноградомъ. Берлинъ. Ц. 25 к.

- ВЕЛЬША, К., д-ръ. Курортъ Мюнстеръ на Штайнѣ. Берлинъ. Ц. 35 к.
- ВИЛЛИГЕРЪ, К., д-ръ мед. Головной и спинной мозгъ. М. 1914. Ц. 3 р. 75 к., въ перепл. 4 р. 20 к.
- ВОЛЬФГЕЙМЪ, М., д-ръ. Лечебныя средства Наугейма. Берлинъ. Ц. 50 к.
- ВУЛЬПИУСЪ, О., проф. Лечение спинно-мозгового дѣтскаго паралича. Казань. 1913. Ц. 3 р.
- ГАГЕРЪ, К., д-ръ. Курортъ Гастейнъ. Берлинъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЕРОВСКІЙ, Р., д-ръ. Карлсбадъ. Берлинъ. Ц. 50 к.
- ГУЛЯЕВЪ, А. Очерки кумысолечебныхъ заведеній Самарской и Оренбургской губерній. Уфа. 1914. Ц. 50 к.
- ГУРСКИЙ, д-ръ. Зальцбруннъ и его лечебныя средства. Берлинъ. Ц. 30 к.
- ЛАМПЪ, Э., д-ръ. Лечение овсянкой при сахарномъ мочеизнуреніи. Берлинъ. Ц. 40 к.
- ЛАПИНСКИЙ, М., проф. Схемы: 1) кровообращенія въ головномъ мозгу и 2) разстройство рѣчи. Кіевъ. 1914. Ц. 55 к.
- МОДРАКОВСКИЙ, Г., д-ръ. Лечебныя средства Киссингена. Берлинъ. Ц. 50 к.
- ОЛЬБЕРТЪ, Д., д-ръ. Мариенбадъ. Берлинъ. Ц. 50 к.
- РИХЕЛЬМАНЪ, В., д-ръ. Цѣлебныя средства курорта Гомбурга. Берлинъ. Ц. 50 к.
- СЛЕТОВЪ, Н., д-ръ. Косметическ. недостатки ножи. М. 1914. Ц. 2 р.
- СОВОЛЕВЪ, Л., д-ръ. Болотная лихорадка. (Малярія). Спб. 1914. Ц. 30 к.
- СОШЕСТВЕНСКИЙ, Н. Краткій курсъ патологической гистологии. В. 1-й. Казань. 1914. Ц. 60 к.
- СТРОГАНОВЪ, В., проф. Сборникъ акушерскихъ задачъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ФРИКГЕФЕРЪ, К., д-ръ. Курортъ Лагненшвальбахъ. Берлинъ. Ц. 50 к.
- ШТЕЙНИЦЪ, В., д-ръ. Гигиеническіе совѣты сердечнымъ больнымъ. Берлинъ. Ц. 50 к.
- ЭНГЕЛЬМАНЪ, В., д-ръ. Лечебныя средства Крейпнаха. Берлинъ. Ц. 35 к.
- ЭНСБРУННЕРЪ, Г., д-ръ. Курортъ Глейхенбергъ. Берлинъ. Ц. 40 к.

Военное и морское дѣло.

- ДАШКЕВИЧЪ-ГОРБАЦКІЙ, Н. Краткій военно-морской справочникъ. Вып. I. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- ПОЛЯНСКОЙ, В. Борьба за Адриано-поль въ войнѣ союзниковъ съ Турціей на Балканскомъ полуостровѣ въ 1912—13 гг. Спб. 1914. Ц. 1 р. 80 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АГУРА, А., пр.-доц. Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Одесса. 1914. Ц. 75 к.
- ВАГНЕРЪ, М. Методика руководствъ. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ГОРАЦІЙ. Оды и эподы. Съ примѣчаніями Л. Миллера. 2 ч. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ДОБРЫНИНЪ, К. Новая исторія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1914. Ц. 1 р.
- ЕВСЪЕВЪ, К. Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогической литературѣ. Спб. 1914. Ц. 40 к.
- ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ВЪ ШКОЛѢ. Сборникъ подъ редакц. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. № 6. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- КАПЕЛЬКИНЪ, В. Краткій учебникъ природовѣдѣнія. Ч. I. Неживая природа. М. 1914. Ц. 25 к.
- Тоже. Ч. II. Строеніе и жизнь растенія. М. 1914. Ц. 30 к.
- Тоже. Ч. III. Строеніе человѣческаго тѣла и его отправленія. М. 1914. Ц. 15 к.
- Тоже. Ч. IV. Животныя и ихъ жизнь. М. 1914. Ц. 40 к.
- КОЛОКОЛОВЪ, Х. Практическое руководство для подготовки дѣтей къ экзамену въ 1-й классъ гимназій. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 60 к.
- КОЧУРОВЪ, Д. Русская исторія для начальныхъ училищъ. Рига. 1914. Ц. 12 к.
- КУЛЬБАКИНЪ, С., проф. Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній. Харьковъ. Ц. 60 к.
- ЛИПСКИЙ, Н., святи. Курсъ православно-христіанскаго правоученія. Харьковъ. 1914. Ц. 75 к.
- ЛИСИЦЫНЪ, А. Алгебра. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННЫХЪ МУЗЕЕВЪ. Сборникъ статей по вопросамъ художественнаго воспитанія народныхъ массъ и дѣтей подъ редакц. Л. Г. Оршанскаго. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- ОГЕНКО, И. Русское литературное удареніе. Кіевъ. 1914. Ц. 50 к.
- ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ военно-учебныхъ заведеній 1864—1914 гг. Историч. очеркъ подъ редакц. Я. Л. Барскова. Спб. 1914. Ц. 5 р.
- РАХМАНОВЪ, В. Учебникъ школьной гигиены. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- РАУДЭ, О. Таблица для повторенія синтаксиса простаго предложенія. Кіевъ. Ц. 5 к.
- СНАРСКИЙ, А., д-ръ. Курсъ гигиены. Ч. II. Тифлисъ. 1914. Ц. 60 к.
- ТЕРЪ-СТЕПАНОВЪ, И., инж. Опытъ графическихъ упражненій на дробяхъ. (Курсъ пропедевтической). Спб. 1914. Ц. 45 к.
- ШАЛЫГИНЪ, А. Дополнительный курсъ теории словесности. Очерки и разборъ произведеній всемірной литературы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- АНДЕРСЕНЪ, Г. Сказки. Новое платье короля и др. Спб. Ц. 20 к.
- ГАУФЪ, В. Сказки. Харчевня въ Спесартѣ. Спб. Ц. 30 к.
- КИПЛИНГЪ, Р. Смѣлые мореплаватели. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- МОХНАЧЕВА, В. Дѣтскій сборникъ русскихъ поговѣй. Т. I. Юрьевъ. 1914. Ц. 75 к. въ перепл. 1 р.
- СМИРНОВЪ, Е. Юный астрономъ. М. 1914. Ц. 30 к.

Спортъ, охота и игры.

ДИЗЕКЪ, А. XXV. Юбилейный очеркъ конскихъ состязаній «Concours-Hippique» съ 1889 года по 1914 г. Спб. 1914. Ц. въ перепл. 10 р.

ТРУСОВЪ, Г. О. спортъ вообще и о бѣгѣ, какъ рациональномъ спортѣ. Ковна. 1914. Ц. 30 к.

Справочныя книги.

ВОЙНО - ОРАНСКІЙ, М. и ЭНГЕЛЬ-МАНЪ, Л. Практическій путеводитель по кавказской Ривьерѣ. М. 1914. Ц. 80 к.
 ДЕРЮГИНЪ, А. Руководство для городскихъ общественныхъ банковъ. Спб. Ц. 3 р.
 ИССЕРЛИНЪ, М., д-ръ. Путеводитель по Садену на Таунусѣ. Берлинъ. Ц. 50 к.
 МАКАРОВЪ, А. Банковый и торговый календарь на 1914 г. Спб. Ц. 1 р.
 — Банки и кредитныя учрежденія. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
 МОСКВИЧЪ, Г. Путеводитель по Крыму. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

РАЧИНСКІЙ ВОРОТЫНСКІЙ, Э. Практическое пособие по расчету и проверкѣ учета грузовыхъ отправокъ прямого сообщения, для агентовъ службъ и контролей сборовъ на жел. дор. Спб. 1914. Ц. 40 к.
 РУССКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВИСВАДЕНУ. Берлинъ. Ц. 50 к.
 ТАРАНЕЦЪ, А. Образцы и формы дѣлопроизводства у военныхъ слѣдователей и въ военно-прокурорскомъ надзорѣ примѣнительно къ новому Положенію о письмоводствѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
 ФРИЦЪ, д-ръ. Путеводитель по Вильдунгену. Спб. Ц. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая книга

Б. Б. Глинскаго

**„Среди литераторовъ
 и ученыхъ“**

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

НОВАЯ КНИГА:**ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ КЛЮЧЕВСКІЙ.**

Издание Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Біографическій очеркъ, рѣчи, произнесенныя въ чрезвычайномъ засѣданіи 12 ноября 1912 г., и матеріалы для его біографіи.

Съ 1 гравюрой проф. В. В. Матэ, 1 фотогравюрой, 5 фототипическими таблицами и 14 цинкографіями.

Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЬ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ и ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

